КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 Января 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVIII, 1895 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

стр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

ПАМЯТИ

Александра Федоровича

КИСТЯКОВСКАГО.

(Род. 14 марта 1833 г., ум. 13 янв. 1885 г.).

ОТДѢЛЪ I.

А. Кистяковский

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КИСТЯКОВСКІЙ.

(Біографическій очеркъ, съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его).

Приступая къ изложенію фактовъ изъ біографіи *Александра Федоровича Кистяковскаго*, мы считаемъ самымъ умѣстнымъ начать съ его автобіографической записки, любезно предоставленной въ наше распоряженіе вдовой покойнаго. Эта записка была приготовляема Александромъ Федоровичемъ въ 1884 году для Біографическаго словаря, вышедшаго въ свѣтъ ко дню пятидесятилѣтняго юбилея Университета св. Владиміра. Но начавъ свою автобіографію въ довольно пространномъ изложеніи, А. Ф—чъ измѣнилъ потомъ свое намѣреніе и ограничился только краткой біографической справкой, которая и напечатана въ этомъ словарѣ; начатая-же рукопись, къ сожалѣнію, такъ и осталась незаконченною. Этою цѣлью составленія автобіографіи объясняется и форма ея: идетъ рѣчь вездѣ не отъ перваго лица, а говорится объ А. Ф. Кистяковскомъ, какъ о третьемъ лицѣ, составляющемъ только предметъ изложенія. Помимо того интереса, который можетъ представить этотъ автобіографическій отрывокъ со стороны своего содержанія, затрогивающаго особенно подробно семинарскій періодъ въ жизни А. Ф—ча, мы печатаемъ его еще и потому, что считаемъ невидавшее печати слово незабвеннаго Александра Федоровича Кистяковскаго украшеніемъ страницъ той книги, которая посвящается его памяти.

Автобіографическій отрывокъ.

Кистяковскій Александръ Федоровичъ, докторъ уголовнаго права, ординарный профессоръ по каѳедрѣ уголовнаго права, родился 14 марта 1833 г. Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, въ селѣ Городищѣ. Отецъ его былъ священникомъ въ этой деревнѣ, а съ 1843 по 1868 г. и благочиннымъ одного изъ округовъ Сосницкаго уѣзда. Образованіе получилъ: низшее въ Черниговскомъ духовномъ училищѣ; среднее въ Черниговской духовной семинаріи, въ которую онъ поступилъ въ 1847 г. Въ семинаріи съ шестого класса онъ получалъ средства содержаніемъ ученической квартиры и обученіемъ учениковъ низшихъ классовъ. Въ Черниговской семинаріи, старѣйшей изъ всѣхъ семинарій Россіи послѣ духовныхъ академій, основанной въ 1702 г. архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, изстари повелся обычай, въ силу котораго ученики духовнаго училища ввѣрялись надзору и обученію учениковъ старшихъ классовъ семинаріи—шестого класса или философіи, и седмого класса или богословія, выражаясь семинарскою терминологіею. Лучшіе и благонадежнѣйшіе ученики этихъ двухъ классовъ, получивъ разрѣшеніе отъ смотрителя духовныхъ училищъ на право обученія учениковъ, нанимали квартиру въ частномъ домѣ для помѣщенія, содержанія и обученія учениковъ. Такіе содержатели и репетиторы учениковъ носили званіе инспекторовъ. Ежегодно въ концѣ августа и началѣ сентября, когда съѣзжались ученики, родители ихъ являлись къ такимъ инспекторамъ, осматривали квартиру, договаривались на счетъ денежнаго и натуральнаго довольствія и платы за инспекцію и обученіе. Ходячія условія такого содержанія и довольствія были въ тѣ времена таковы: доставлялось натурою 12 пуд. муки ржаной, пудъ муки гречневой, пудъ гречневыхъ крупъ или пшена, 20 или 25 фунтовъ сала, 5 фун. масла, 5 фун. свѣчей, нѣсколько квартъ коноплянаго масла. Деньгами платилось въ годъ: отъ 5 до 7 руб. за квартиру, отъ 5 до 7 руб. на приварокъ, какъ то: говядину, картофель, капусту и прочее, и отъ 5 до 7 руб. за инспекцію и обученіе. Такой инспекторъ былъ хозяиномъ квартиры, рас-

порядителемъ хозяйственной части, надзирателемъ за поведеніемъ учениковъ и репетиторомъ ихъ. Съ вечера онъ дѣлалъ съ ними переводы съ латинскаго и греческаго, передѣлывалъ ариѳметическія задачи. Утромъ очень рано отправлялся съ корзиною на рынокъ за покупкою продуктовъ. Возвратившись съ рынка, выслушивалъ и повѣрялъ уроки учениковъ. Выправивши ихъ въ классы, онъ отправлялся въ амбаръ, бывшій подъ его замкомъ, выдавалъ провизію, какъ купленную, такъ и доставленную въ запасъ родителями учениковъ. Послѣ сего самъ отправлялся въ классъ. Послѣ обѣда ученикамъ самыхъ низшихъ классовъ разлинеивалъ тетради и чинилъ перья, такъ какъ послѣобѣденные классы въ уѣздномъ училищѣ посвящались исключительно урокамъ чистописанія и диктовкѣ. Услуженіе во время обѣда и ужина лежало на ученикахъ, которые исполняли эту обязанность по очереди: на каждый день былъ свой дежурный. За такой трудъ инспекторъ воспользовался безплатною квартирою, даровымъ содержаніемъ и получалъ за каждаго ученика отъ 5 до 7 руб. въ годъ. Пріобрѣтшіе хорошую репутацію инспектора имѣли на своемъ попеченіи отъ 12 до 18 учениковъ; родители охотно, на перебой, поручали ихъ надзору своихъ дѣтей. Нельзя сказать, чтобы подобныя занятія были особенно благопріятны для собственныхъ занятій такихъ инспекторовъ. Но нужда и обычай заставляли молодыхъ семинаристовъ браться за эти занятія. Выходило, однакожъ, на дѣлѣ, что эти инспектора большею частію были и лучшими, и даровитѣйшими воспитанниками въ семинаріи. Кистяковскій въ теченіе четырехъ лѣтъ занимался такимъ инспекторствомъ.

Въ 1845 г. послѣ архимандрита Адріана, крайне слабаго и малоспособнаго педагога и учителя, ректоромъ Черниговской семинаріи былъ назначенъ архимандритъ Аѳанасій Борисовичъ, одинъ изъ выдающихся воспитанниковъ Кіевской Академіи, товарищъ по курсу Дмитрія Муретова, бывшій баккалавромъ и потомъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Кіевской академіи. Онъ оживилъ и усилилъ занятія учениковъ, улучшилъ дисциплину, открылъ доступъ ученикамъ въ семинарскую библіотеку, установивши регулярную выдачу книгъ для чтенія. Этому по-

чтенному педагогу не долго суждено было занимать постъ ректора Черниговской семинаріи. Въ 1847 г. онъ умеръ отъ холеры, унесшей много жертвъ. Преемникъ его, архимандритъ Симеонъ, слывшій за свѣтскаго человѣка и вращавшійся среди свѣтскаго общества, не долго оставался на этомъ посту, будучи переведенъ настоятелемъ Донского монастыря въ Москвѣ. Назначенъ былъ ректоромъ въ Черниговской семинаріи ректоръ Казанской семинаріи Климентъ* Можаровъ, изъ воспитанниковъ С.-Петербургской академіи, бывшій баккалавръ ея и игравшій нѣкоторую роль въ той академіи. Пріѣзду его въ Черниговъ предшествовала слава замѣчательнаго проповѣдника и христіанскаго апостола среди татаръ. Дѣйствительность скоро оправдала молву. Служеніе Климента отличалось торжественностью; каждую обѣдню онъ говорилъ проповѣди, нѣкоторыя изъ нихъ не лишены были жизненности и оригинальности. Въ Черниговѣ онъ посвятилъ свою дѣятельность на обращеніе евреевъ въ христіанство. Онъ повелъ это дѣло довольно рѣшительно. Скоро число обращенныхъ стали считать десятками. Въ этомъ дѣлѣ помогала ему одна дама, которая, какъ гласила молва, изъ Казани послѣдовала за нимъ съ своимъ мужемъ въ Черниговъ изъ уваженія къ его проповѣдническому таланту, величественному отправленію богослуженія и апостольской дѣятельности.

Архимандритъ Климентъ, кромѣ ректорской обязанности, былъ преподавателемъ догматическаго богословія. Послѣ вакаціи, молодые богословы, только что перешедшіе въ высшій классъ, въ числѣ коихъ былъ и Кистяковскій, ждали ректора на первую лекцію догматическаго богословія. Величественный и важный, пріѣхавшій въ каретѣ, запряженной четверкою цугомъ памятныхъ для семинаристовъ лошадей, архимандритъ явился въ классъ въ сопровожденіи молодого человѣка, лѣтъ 14—15, еврейскаго происхожденія. Усѣвшись на каѳедру, онъ началъ рѣчь свою объ обязанности каждаго посвятившаго себя служенію церкви православной стремиться къ распространенію вѣры христіанской православной среди иновѣровъ, и въ особенности инородцевъ. Рѣчь свою онъ заключилъ формулою: тотъ у меня не будетъ считаться богословомъ, кто не обратитъ мнѣ въ право-

славную вѣру по крайней мѣрѣ одного еврея. Обращаясь затѣмъ къ первому ученику, онъ сказалъ: „этого молодого еврея (онъ назвалъ его по имени), котораго коснулся лучъ христіанской вѣры, я поручаю твоему попеченію и обученію. Онъ нынѣ еще оглашенный, доведи его до состоянія вѣрующаго“. Дѣятельность нашихъ молодыхъ богослововъ по части обращенія ничѣмъ не обнаружилась. Самъ архимандритъ Климентъ потерпѣлъ на этомъ пути крушеніе. Скоро пошли на него жалобы: его упрекали въ томъ, что онъ употреблялъ для обращенія, особенно малолѣтковъ, неодобрительные способы, при помощи своихъ подручниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность его не была открытою проповѣдью среди евреевъ, которая, будучи теоретически дозволительна, практически, конечно, была невозможна, а была рядомъ частныхъ темныхъ усилій, которыя во всякомъ случаѣ недозволительны. Архимандритъ Климентъ, вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ, былъ переведенъ ректоромъ Тверской семинаріи и настоятелемъ Отроча монастыря второго класса. Это считалось для него пониженіемъ, такъ какъ онъ до тѣхъ поръ состоялъ настоятелемъ Черниговскаго Елецкаго монастыря перваго класса. Съ огорченнымъ сердцемъ онъ оставилъ Черниговъ, хотя по-своему онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что наканунѣ его отъѣзда былъ привезенъ ему похищенный изъ новообращенныхъ, долго считавшійся погибшимъ. Прощаясь послѣ богослуженія съ паствою, онъ вывелъ этого очень милаго и изящнаго мальчика, покрытаго эпитрахилью, предъ народъ, указывая на его внезапное возвращеніе, какъ на указаніе перста Божія, оправдывающаго его дѣятельность въ сторону обращенія иновѣрцевъ.

Подъ вліяніемъ богословскаго курса, Кистяковскій въ первый годъ пребыванія въ богословскомъ классѣ былъ въ особенно религіозномъ настроеніи. Кромѣ установленныхъ постовъ, онъ въ одинъ изъ дней недѣли совершенно воздерживался отъ пищи. Въ Черниговѣ существуетъ древнѣйшій соборъ, постройки XI столѣтія, гдѣ лежатъ мощи Θеодосія Углицкаго. Въ четыре часа ночи совершалась тамъ заутреня, среди обширнаго собора, въ которомъ присутствовали одиночные богомольцы. Ту-

да-то, подъ живымъ религіознымъ настроеніемъ, приходилъ онъ слушать заутреню и поклониться гробу Θеодосія Углицкаго. Это было не формальное исполненіе религіозныхъ обязанностей, а проявленіе религіознаго экстаза, полнаго религіозныхъ грезъ, слезъ умиленія и молитвы. Въ это время онъ проникнутъ былъ твердою рѣшимостью посвятить себя духовному званію и поступить въ академію. Въ концѣ перваго года исполнявшій должность ректора предложилъ отправить его на казенный счетъ въ Московскую академію, къ округу которой Черниговская семинарія не принадлежитъ. Это предложеніе не осуществилось, такъ какъ изъ той академіи не послѣдовало требованіе, которое повторялось не каждый курсъ, а изрѣдка. Во второй годъ богословскаго класса Кистяковскій посвященъ былъ въ стихарь, дававшій право занимать низшую церковную должность. Въ этотъ же годъ онъ, по назначенію семинарскаго начальства, произнесъ въ Черниговскомъ соборѣ двѣ проповѣди, написанныя на заданныя темы и процензурованные профессоромъ богословія.

Въ 1853 г. весной обнаружилась въ Черниговѣ холера. Ученики духовной семинаріи отпущены были по домамъ очень рано, до экзаменовъ. Предположено было произвесть экзамены послѣ вакацій. Это было въ особенности неблагопріятно для тѣхъ, которые предполагали поступать въ высшія учебныя заведенія—въ духовную академію и университетъ. Эти ждали особаго распоряженія. Около двадцатаго августа послѣдовалъ вызовъ двухъ учениковъ на экзаменъ, чтобы послать ихъ въ Кіевскую духовную академію, но въ числѣ ихъ не значился Кистяковскій. Тѣмъ не менѣе онъ пріѣхалъ въ Черниговъ и просилъ семинарское начальство допустить его къ экзамену съ тѣмъ, чтобы поступить въ Кіевскую академію по своему желанію. Въ этомъ ему было отказано по причинамъ, которыя пока не время разъяснять. Тогда онъ просилъ допустить его къ экзамену для поступленія въ университетъ наравнѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, который уже былъ допущенъ. Отказать въ этомъ было безъ лицепріятія не возможно. Экзаменъ выдержанъ. Черезъ день Кистяковскій вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ отправился на долгихъ въ Кіевъ и прибылъ туда 26 августа 1853 года.

При обыкновенномъ теченіи университетской жизни такое позднее прибытіе въ Кіевъ было бы полнымъ пропущеніемъ срока, назначеннаго для пріема въ студенты. Поздній пріѣздъ былъ и пропущеніемъ времени повѣрочныхъ экзаменовъ, обязательныхъ для каждаго поступающаго. Но тутъ помогло одно исключительное обстоятельство: въ Кіевъ ждали императора Николая. Университетъ мылся, чистился и красился: вся учебная дѣятельность была пріостановлена. Поздно пріѣхавшимъ дозволено было подавать прошенія о поступленіи. Въ число немногихъ попалъ и Кистяковскій. Патріархальное было еще то время. Кистяковскій пріѣхалъ въ Кіевъ, не имѣя ни одного документа. Аттестатъ не могъ быть еще изготовленъ, вслѣдствіе спѣшности отъѣзда послѣ экзамена. Объ увольненіи изъ духовнаго званія не могло быть и рѣчи, такъ какъ о свѣтскомъ званіи до 20 августа не было и мысли. О званіи Кистяковскаго было упомянуто только въ бумагѣ, выданной его товарищу отъ полиціи на проѣздъ. Онъ явился безъ документовъ въ канцелярію попечителя, который тогда завѣдывалъ пріемомъ въ студенты. Правитель канцеляріи Лазовъ сказалъ, что въ допущеніи къ экзамену препятствія не будетъ, но окончательное принятіе въ студенты послѣдуетъ по представленіи документовъ.

Время съ 27 августа по 11-е сентября было употреблено на скорую руку на приготовленіе къ экзамену. Поступленіе въ университетъ не имѣлось въ виду. Необходимо было пополнить нѣкоторые пробѣлы. Въ семинаріи преподавалась риторика и піитика, логика и психологія, но словесность не входила въ курсъ преподаванія. Этотъ пробѣлъ былъ нѣсколько восполненъ чтеніемъ, но отрывочныя знанія необходимо было привесть въ систему. 11-го, 12-го и 13-го сентября произведены были экзамены запоздавшимъ. Экзаменаціонная коммиссія состояла подъ предсѣдательствомъ ректора Р. Э. Траутфетера. Въ отсутствіе его замѣнялъ его покойный А. И. Селинъ, экзаменовавшій по русскому языку и словесности, по исторіи экзаменовалъ В. Я. Шульгинъ, по географіи Н. Х. Бунге, по математикѣ И. И. Рахманиновъ, по физикѣ профессоръ Кнорръ, по латинскому языку С. С. Гогоцкій, по греческому покойный доцентъ Страш-

кевичъ, по богословію протоіерей Н. М. Скворцевъ, по французскому языку лекторъ. Экзаменъ для Кистяковскаго оказался вполнѣ удовлетворительнымъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ поступленія въ студенты, Кистяковскій принятъ былъ въ квартиру недостаточныхъ студентовъ, или въ такъ называемый *штрафгаузъ*, который помѣщался въ домѣ Березовскаго, гдѣ нынѣ управленіе Лыбедской части. Квартиры недостаточныхъ студентовъ были учреждены Генералъ-Губернаторомъ Бибиковымъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Штрафгаузомъ они назывались потому, что генералъ Бибиковъ принудительно помѣщалъ туда провинившихся студентовъ изъ богатыхъ фамилій, преимущественно польскаго происхожденія. Отсюда проистекало то, что они не пользовались въ свое время расположеніемъ студентовъ. Дурная репутація сохранилась за ними и въ 1853 г., когда уже настало управленіе кроткаго и благорасположеннаго къ человѣчеству Генералъ-Губернатора князя И. И. Васильчикова, который также, по примѣру своего предшественника, былъ до 1856 г. и попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Товарищи Кистяковскаго не совѣтовали ему поступать въ штрафгаузъ. Дешевизна содержанія, удобства помѣщенія и близость университета склонили его послѣдовать своей рѣшимости. Въ то время, подъ вліяніемъ накопившагося предубѣжденія, эти квартиры были заняты менѣе, чѣмъ на половину: было всего 16 человѣкъ. Къ концу года они переполнились; число студентовъ, въ нихъ живущихъ, достигло 45, и желающіе поступить уже стали ожидать очереди. Не смотря на бывшую тогда дешевизну вообще въ сравненіи съ нынѣшнимъ, не смотря на то, что студенты за 3 руб. имѣли хорошій обѣдъ у хозяекъ, содержаніе въ квартирѣ недостаточныхъ студентовъ, очень хорошее и очень удобное, было дешевле содержанія на самой бѣдной квартирѣ. За 6 руб. студентъ имѣлъ отличное помѣщеніе, чай утромъ и вечеромъ, очень хорошій обѣдъ, прислугу, мойку бѣлья и баню. Жители штрафгауза имѣли чай въ самомъ помѣщеніи, а обѣдъ вмѣстѣ съ казеннокоштными студентами въ главномъ зданіи университета. При штрафгаузѣ состояли: особый буфетчикъ, гарде-

робщикъ и нѣсколько служителей. Комнаты для занятій, за исключеніемъ маленькой, гдѣ помѣщались слабогрудые, находились наверху, дортуары, или спальни внизу. Въ этомъ-же зданіи жилъ инспекторъ студентовъ, который имѣлъ пріемный кабинетъ для студентовъ наверху.

Въ концѣ перваго года Кистяковскій выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ, каковымъ оставался до окончанія курса, въ послѣднее время съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ раздѣлялся на двѣ половины: медицинскую, занимавшую лѣвую сторону или южную четвертаго этажа, и историко-юридическую, помѣщавшуюся на правой сторонѣ или сѣверной четвертаго этажа главнаго корпуса. Слабогрудые жили на второмъ этажѣ, гдѣ теперь помѣщается казначейская и канцелярія медицинскаго факультета. Комнаты для занятій отдѣлены были отъ общихъ дортуаровъ или спаленъ. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, равно какъ и квартиры недостаточныхъ студентовъ, были въ высшей степени полезнымъ учрежденіемъ. Они доставляли возможность бѣднѣйшимъ студентамъ получать въ организованномъ и благородномъ видѣ общественное содержаніе и предупреждали развитіе нищеты и нищенства. Они давали возможность и правильнаго надзора за жизнію студентовъ. Многія поколѣнія прошли чрезъ этотъ институтъ. Кіевскій университетъ считаетъ многихъ лучшихъ изъ своихъ воспитанниковъ въ числѣ получавшихъ содержаніе въ этомъ институтѣ. Казеннокоштный студентъ былъ вполнѣ обезпеченъ; ему нечего было думать о завтрашнемъ днѣ; онъ могъ весь предаться занятіямъ наукою. Такъ зачастую и было. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ возникло предубѣжденіе противъ этого института,—и онъ былъ упраздненъ въ 1858 г. Въ наше время опять возникла мысль о студенческихъ общежитіяхъ. Для студента время пребыванія въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ было лучшимъ временемъ жизни вообще и студенческой въ частности.

Время поступленія и пребыванія въ университетѣ Кистяковскаго непосредственно слѣдовало за временемъ управленія генерала Бибикова Кіевскимъ учебнымъ округомъ. О строго-

стяхъ этого управленія ходили свѣжіе разсказы. Исключенія навсегда изъ университета были рѣдки; чаще практиковались временныя высылки студентовъ медицинскаго факультета на должность фельдшера, а студентовъ другихъ факультетовъ на должность приходского учителя. Заключеніе въ карцеръ было ежедневнымъ явленіемъ: при каждой половинѣ института казенно-коштныхъ студентовъ, на четвертомъ этажѣ главнаго зданія университета, былъ свой карцеръ, состоящій изъ маленькой, свѣтлой и теплой комнаты съ лавкою, безъ постели. Студенты носили форменную одежду. Генералъ Бибиковъ былъ строгій блюститель формы и внѣшней дисциплины.

Въ 1856 г., по переходѣ на четвертый курсъ, осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Кистяковскій, за нарушеніе, выражавшееся въ словахъ, дисциплины по отношенію къ лицамъ университетской инспекціи, былъ удаленъ на время изъ университета и назначенъ учителемъ сначала приходского, а затѣмъ, благодаря заступничеству товарищей, уѣзднаго училища въ г. Козелецъ. Въ Козельцѣ онъ пробылъ до декабря мѣсяца, получая четырнадцать рублей ежемѣсячно жалованья. Изъ Козельца онъ переведенъ былъ въ Кіевъ въ Кіевское дворянское училище съ окладомъ 18 руб., которое въ то время помѣщалось на Нижне-Владимірской улицѣ въ домѣ бывшемъ Делатомбель. Въ обоихъ училищахъ онъ преподавалъ исторію и географію. Въ генварѣ 1857 г. онъ возвращенъ былъ въ число студентовъ, но не въ институтъ казенно-коштныхъ студентовъ, а съ выдачею ему денежнаго содержанія по 14 руб. въ мѣсяцъ. Эта почетная ссылка служитъ характеристичною чертою того патріархальнаго добраго стараго, хотя и не очень, времени, которое прошло безвозвратно: были другія настроенія, другіе нравы и обычаи. Эта ссылка въ данномъ случаѣ была подражаніемъ ссылкамъ временъ Бибикова: Кистяковскій засталъ въ Козельцѣ еще довольно свѣжія преданія о пребываніи въ близкомъ къ Козельцу Острѣ въ званіи приходского учителя М. А. Тулова, бывшаго потомъ помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Покойный Туловъ, будучи студентомъ, тоже былъ ссылаемъ, за двадцать примѣрно лѣтъ предъ 1856 г., въ видѣ взысканія приходскимъ

учителемъ. Кистяковскій былъ сосланъ въ Козелецъ по рѣшенію благороднаго А. Р. Ребиндера, перваго, послѣ попечителей Генералъ-Губернаторовъ, Кіевскаго попечителя, бывшаго потомъ директоромъ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, умершаго въ званіи сенатора въ Москвѣ.

Весной 1857 г. въ апрѣлѣ случилось крупное происшествіе въ Кіевѣ, и главнымъ образомъ въ средѣ студентовъ Кіевскаго университета: студенты совершили въ театрѣ насиліе надъ личностію полковника Б. [1]), нанесши ему жестокіе побои. За годъ предъ тѣмъ начались столкновенія между военными, которыхъ тогда въ Кіевѣ было очень много послѣ возвращенія ихъ съ театра войны, и студентами. Какой духъ вызывалъ эти столкновенія,—это вопросъ пока неразрѣшенный. Почему же частныя столкновенія между нѣсколькими военными и нѣсколькими студентами волновали все кіевское студенчество, это слѣдуетъ приписать корпоративному духу, господствовавшему тогда между студентами: въ особенности тѣсно сплочены были студенты польскаго происхожденія; казеннокоштные студенты были также близки другъ къ другу. Уже столкновеніе, бывшее за годъ предъ тѣмъ и кончившееся смертію студента, довело взволнованное состояніе до значительной степени: были приняты мѣры, чтобы смягчить враждебное настроеніе. Говорили, что самъ князь Васильчиковъ посѣтилъ больного студента, лежавшаго въ клиникѣ. Тѣмъ не менѣе настроеніе студентовъ было таково, что новое столкновеніе, и меньшей важности, могло поднять бурю. Такъ оно и случилось. Казеннокоштные студенты пятаго курса переселялись въ особо нанятую для нихъ на Печерскѣ квартиру съ тѣмъ, чтобы приблизить ихъ помѣщеніе къ госпиталю, который они должны были ежедневно посѣщать не одинъ разъ. Одинъ изъ этихъ студентовъ, по имени Яроцкій, шелъ по улицѣ. На встрѣчу ему бѣжала собака, которую онъ ударилъ, безъ вины или по винѣ ея—неизвѣстно. Шедшій вслѣдъ за нею полковникъ Б. набросился на студента Яроцкаго съ бранью, позвалъ недалеко стоявшихъ около его квартиры дворниковъ и служителей,

---

[1]) Бринкена.

которые его схватили, тащили и вообще учинили надъ нимъ насиліе. Студенчество взволновалось. Утромъ явился одинъ изъ студентовъ пятаго курса къ Кистяковскому, приглашая прійти на Печерскъ, для совѣщанія. На совѣщаніи довольно немногочисленнаго кружка студентовъ Кистяковскій настаивалъ на легальномъ способѣ веденія дѣла, на подачѣ жалобы своему начальству о заступничествѣ и удовлетвореніи за обиды. Кружокъ согласился и поручилъ ему написать жалобу, которая того же дня была готова. Но въ ней не оказалось нужды: черезъ день совершено было насиліе—нанесены были полковнику Б. побои въ театрѣ. Собралось около 300 студентовъ вокругъ театра; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, почти исключительно студенты медики пятаго курса, ближайшіе товарищи оскорбленнаго, явились исполнителями этого насилія. Это событіе было совершенно неожиданно для Кистяковскаго. Въ ту же ночь очень поздно попечитель Ребиндеръ посѣтилъ помѣщенія казеннокоштныхъ студентовъ, большинство которыхъ находилось уже въ спальняхъ. На другой день пошли розыски и аресты: главные дѣятели были всѣ арестованы. Скоро по Высочайшему повелѣнію присланъ былъ спеціальный слѣдователь, молодой флигель-адъютантъ, графъ Бобринскій. Замѣчательно, что общественное мнѣніе отнеслось очень снисходительно, если не къ поступку студентовъ, то къ нимъ самимъ: арестованнымъ былъ произведенъ окончательный экзаменъ въ казематахъ крѣпости. Это не могло бы произойти при другой настроенности умовъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ правящихъ сферахъ. По приговору коммиссіи исполнители насилія были приговорены къ отдачѣ въ солдаты. Приговоръ ожидалъ конфирмаціи государя. 7 октября пріѣхалъ покойный Императоръ Александръ II вмѣстѣ съ Императрицею въ Кіевъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ посѣтилъ университетъ. Студенты собраны были въ торжественной залѣ. Покойный Государь, бывшій тогда во цвѣтѣ лѣтъ, по приходѣ въ залу обратился къ студентамъ съ словомъ. Это было слово милостиваго монарха, который, строго осудивъ поступокъ студентовъ, призывалъ ихъ на честное и самоотверженное служеніе Россіи. Тогда же сдѣлалось извѣстно, что Государь простилъ виновныхъ: повелѣно

было виновныхъ, которые уже имѣли званіе лекаря, послать на службу въ отдаленныя губерніи.

Перипетіи этой исторіи въ студенческомъ мірѣ не могли не отразиться на душевномъ состояніи Кистяковскаго. Къ осени того года состояніе его здоровья очень упало: нуженъ былъ отдыхъ, успокоеніе и даже удаленіе на нѣкоторое время изъ среды, намозолившей душу. Но тутъ наступило время приготовленія къ экзамену. Настала пора усидчивыхъ занятій. Двѣнадцатичасовая работа, однакожъ, оставалась долго безъ малѣйшихъ результатовъ: больной духъ, какъ и больное тѣло, не въ состояніи переваривать пищи, первый—духовной, второе—вещественной. Только за мѣсяцъ предъ экзаменомъ нѣсколько оживились силы, занятія пошли живѣе и спорнѣе. Начались экзамены; шли они вообще удовлетворительно и даже очень.

На этомъ обрывается автобіографія Александра Федоровича. Не разсчитывая дать полнаго біографическаго очерка въ томъ видѣ и объемѣ, какихъ заслужила личность А. Ф—ча, мы постараемся, насколько позволяютъ намъ источники, дополнить тѣ страницы, которыя или совсѣмъ опущены, или только мелькомъ затронуты въ автобіографіи.

Прежде всего интересно было-бы установить хоть какія-нибудь черты изъ дѣтскаго періода жизни А. Ф—ча, о чемъ автобіографическій отрывокъ совсѣмъ не говоритъ. Къ сожалѣнію, для выполненія этой задачи мы имѣемъ въ рукахъ слишкомъ немного, да и то не прямыхъ свидѣтельствъ, а только косвенныхъ, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Какъ въ приведенной выше автобіографіи А. Ф—ча, такъ и во всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ біографическихъ справкахъ о немъ мы находимъ указаніе, что онъ былъ сынъ сельскаго священника, т. е. принадлежалъ къ духовному званію; но собственно говоря исконный родъ его—крестьянскій, и при томъ очень недавно обратившійся въ духовный. У насъ имѣются въ распоряженіи рукописныя воспоминанія отца А. Ф. (которыя мы начинаемъ печатать въ этой-же книжкѣ нашего

журнала), гдѣ сказано, что дѣдъ Александра Федоровича, Емельянъ Васильевичъ, былъ крестьяниномъ гр. Ильи Андреевича Безбородка и состоялъ управляющимъ имѣніемъ его въ м. Стольномъ (сосницк. у., черниг. губ.). Будучи близкимъ и любимымъ человѣкомъ, Емельянъ Васильевичъ Кистяковскій въ 1808 году со всѣмъ семействомъ получилъ вольную отъ графа и, состоя по прежнему управляющимъ у него, имѣлъ возможность теперь на правахъ свободнаго человѣка устраивать семью по своему усмотрѣнію. Случай помогъ одного изъ сыновей, Федора, пристроить совсѣмъ неожиданнымъ способомъ.

Дѣти Емельяна Васильевича, вмѣстѣ съ матерью, имѣли доступъ въ графскіе покои, и даже самъ графъ дарилъ имъ игрушки, давалъ конфекты и вообще обходился съ ними ласково, вслѣдствіе чего, когда однажды въ 1809 году въ м. Стольное съѣхалось много знатныхъ гостей и среди нихъ Преосвященнѣйшій Михаилъ, Архіепископъ Черниговскій, то потребована была въ комнаты жена Емельяна Васильевича съ совсѣмъ еще маленькимъ сыномъ Федоромъ (2-хъ лѣтъ отъ роду), и тутъ Преосв. Михаилъ благословилъ ихъ и объявилъ свое архипастырское благоволеніе, а именно—что мальчикъ Федоръ принимается въ духовное званіе и, кромѣ того, будетъ воспитываться въ духовномъ училищѣ на счетъ Владыки. Конечно, сдѣлано это было въ угоду графу Безбородку.

Когда въ 1810 году умеръ Емельянъ Васильевичъ, жизнь вдовы измѣнилась къ худшему, хотя все-таки оказывалось ей, какъ со стороны семьи графа, такъ и его служащихъ, всякое вниманіе и давалась матеріальная поддержка. Это дало возможность ей понемногу подготовлять сына Федора къ поступленію въ Черниговское духовное уѣздное училище, а затѣмъ въ Черниговскую семинарію. Здѣсь, въ семинаріи, по переходѣ его въ философскій классъ, едва не случилась съ нимъ крупная перемѣна въ ходѣ дальнѣйшаго ученія, а затѣмъ и всей жизни. Дѣло въ томъ, что, несмотря на обѣщаніе Преосвящ. Михаила, воспитывался Федоръ Кистяковскій и въ училищѣ, и въ семинаріи на свой счетъ, на томъ, будто-бы, основаніи, что нигдѣ никакого указа Преосв. Михаила семинарское

правленіе не нашло. Случилось-же такъ, что, кажется въ 1817 году, среди семинаристовъ разошелся слухъ, будто-бы въ С.-Петербургскую медицинскую академію требуется много учащихся, вслѣдствіе чего стали подавать прошенія о пріемѣ туда многіе воспитанники другихъ учебныхъ заведеній. Подали прошенія и нѣкоторые черниговскіе семинаристы, а въ томъ числѣ и Федоръ Кистяковскій. Вскорѣ въ семинаріи началъ ходить слухъ, будто прошенія эти, поданныя семинаристами безъ вѣдома начальства, возвращены назадъ и что виновные будутъ наказаны за самовольный поступокъ.

Дѣйствительно, слухъ этотъ оправдался, и семинаристы были наказаны, обреченные въ теченіе недѣли быть на хлѣбѣ и водѣ во время обѣда, а во время уроковъ—стоять у печки, не садясь на партіи; кромѣ того, съ нихъ взята была подписка о томъ, чтобы они не смѣли утруждать высшее начальство никакими просьбами.

Впрочемъ, вскорѣ пришло требованіе выслать въ медицинскую академію четырехъ учениковъ по назначенію самого начальства академіи; въ то число попалъ и Федоръ Кистяковскій. Но академическое начальство не желало его посылать, а потому убѣдило мать Федора, что его не слѣдуетъ отправлять въ Петербургъ, такъ-какъ онъ слабъ здоровьемъ; кромѣ того, найденъ теперь указъ, причисляющій его къ духовному званію, вслѣдствіе чего его зачислятъ теперь впредь до окончанія курса на казенный счетъ, и черезъ три года онъ будетъ уже священникомъ. Все это было причиной того, что мать согласилась съ ихъ доводами, и „этимъ кончается судьба моего поступленія въ свѣтское званіе“—такъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Федоръ.

Впрочемъ, окончивши семинарію въ 1827 г., онъ опять начинаетъ мечтать о свѣтскомъ званіи, и все о той-же медицинской академіи, разсчитывая еще годъ прожить въ Черниговѣ, занимаясь частнымъ преподаваніемъ, и этимъ путемъ заработать денегъ для поѣздки въ Петербургъ. Но судьба опять распорядилась иначе: простудившись на охотѣ, Федоръ Емельяновичъ проболѣлъ довольно долго и отправился въ Стольное

къ матери для поправленія здоровья. Тутъ-то, по настоянію матери, онъ окончательно простился съ мыслію объ академіи медицинской, женившись на дочери священника с. Городища Федора Эсманскаго, Иринѣ. Послѣ этого онъ принялъ священническій санъ и занялъ мѣсто сельскаго священника въ с. Городищѣ, уступленное ему тестемъ о. Федоромъ, порѣшившимъ принять монашество и поступить въ Домницкій монастырь.

Остановились мы подробнѣе на этомъ фактѣ колебанія Федора Емельяновича Кистяковскаго между свѣтскимъ и духовнымъ званіемъ потому, что видимъ здѣсь нѣкоторое объясненіе тому явленію въ семьѣ Кистяковскихъ, которое можетъ показаться на первый разъ страннымъ, а именно: изъ пяти сыновей о. Федора Кистяковскаго только одинъ избралъ себѣ дорогу духовнаго служенія, да и то по усиленнымъ настояніямъ отца, а всѣ остальные прошли черезъ университетскій курсъ. Явленіе это, рѣдкое въ семьѣ сельскаго священника вообще, а въ тѣ годы тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, можно сопоставить съ только-что отмѣченнымъ фактомъ случайнаго поступленія Федора Кистяковскаго въ духовное званіе, а слѣдовательно—не существовало въ семьѣ не только родовыхъ традицій въ этомъ направленіи, но даже—весьма правдоподобно—могли установиться иные вкусы, направившіе. между прочимъ и Александра Федоровича по окончаніи семинаріи не въ Духовную Академію, а въ университетъ.

У этого-то, волею судебъ очутившагося въ священникахъ, о. Ѳедора и жены его Ирины въ 1833 году 14 марта родился сынъ Александръ, третій ребенокъ въ семьѣ, но ставшій сразу старшимъ сыномъ, т. к. прежде него родившійся сынъ Михаилъ не долго жилъ на свѣтѣ, а перворожденной была сестра его Меланія. Въ запискахъ отца такъ отмѣчено рожденіе сына Александра: „Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына, нареченнаго Александромъ, благодатнымъ для насъ; съ самаго малолѣтства онъ насъ радовалъ своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ“. Многосемейный о. Ѳедоръ, состоя сельскимъ священникомъ и, слѣдовательно, имѣя очень скудныя средства, долженъ

былъ добывать себѣ возможность сводить концы съ концами путемъ хозяйства, которымъ онъ и занимался усиленно, какъ самъ онъ говоритъ намъ въ своихъ запискахъ. Впрочемъ, эти хозяйственныя заботы не устранили его отъ необходимости лично обучать подроставшихъ старшихъ дѣтей (Маланію, Александра и Федора), при чемъ въ запискахъ его мелькомъ сказано, что „благодаря Богу, Александръ съ самаго начала имѣлъ охоту къ наукѣ“. Какъ шелъ самый процессъ обученія, мы можемъ догадываться, прочитавъ въ запискахъ о. Ѳеодора нѣсколько строкъ, знакомящихъ насъ съ господствовавшимъ у него методомъ. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ женитьбы о. Ѳеодоръ, для добыванія средствъ къ жизни, устроилъ у себя въ домѣ школку, какъ для пансіонеровъ, такъ и для приходящихъ; тутъ то намъ и указываетъ онъ, какъ велись занятія. Начало ученія въ школѣ по древнему обычаю приходилось на 1-е декабря, въ день Пророка Наума; начиналось ученіе „по церковной грамотѣ съ *аза* и продолжалось нѣсколько лѣтъ сряду, пока не выучитъ Граматки, Часловца и Псалтиря, читать на крилосѣ Часы, а посреди церкви Псалтирь, Каѳизмы; болѣе-же изучившіеся читали предъ Евангеліемъ Апостола, приспособляясь къ звуку и разстановкѣ словъ своего учителя, что́ уже радуетъ родителей, говорящихъ „уже и Апостола читае такъ, якъ и дьячокъ“. Въ то время былъ обычай года два писать на деревянной табличкѣ, покрытой черной краской; сначала выводились на этой табличкѣ гусинымъ перомъ, обмакиваемымъ въ какія-то бѣлила изъ крейды, прописныя буквы, а затѣмъ уже писались „малыми складами“ фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Учитесь, дѣти, во младыя лѣты; когда придетъ старость, тогда будетъ радость“. Наконецъ, учитель объявлялъ родителямъ дѣтей, что „пора переводить писать на паперѣ“. Этотъ *переводъ на паперъ* сопровождался приличнымъ угощеніемъ учителя въ собственномъ его домѣ, „большою попойкою и объяденіемъ, что доставлялось родителями дѣтей“.

Конечно, не по иному способу прошли первые шаги науки и для Александра Федоровича, когда, какъ было сказано, наступила пора ученія его вмѣстѣ съ братомъ и сестрою. Эта

домашняя наука прошла, очевидно, вполнѣ благополучно, т. к. въ запискахъ о. Ѳеодора находимъ такое мѣсто: „всѣ сыновья росли благополучно и въ маломъ возрастѣ подавали надежды, что изъ нихъ выйдетъ что нибудь доброе, путное“.

Но вотъ наступила пора и школьнаго ученія, при иной обстановкѣ, или—какъ говоритъ о. Ѳеодоръ—„нужно было уже подумать и о Черниговѣ, чтобы замѣстить старшаго сына Александра въ уѣздное училище“ (конечно—духовное). Объ этомъ періодѣ ученія мы знаемъ тоже немного: автобіографическій очеркъ, какъ мы видѣли, ничего не говоритъ; пробовали мы обращаться къ товарищамъ Александра Федоровича, и одинъ изъ нихъ, о. Іоаннъ Доброгаевъ, любезно подѣлился съ нами своими воспоминаніями, но и онъ объ этомъ времени помнитъ мало, написавъ намъ только слѣдующія слова: „Знакомство мое съ А. Ф. Кистяковскимъ началось съ низшаго отдѣленія Черниговскаго духовнаго училища. Знакомство это въ училищѣ мало мнѣ оставило воспоминаній. Какъ теперь представляю его: онъ былъ высокаго роста, русявый, лицо нѣсколько сѣрое. Ничѣмъ не выдавался и ничѣмъ не отличался онъ отъ прочихъ товарищей“. Поэтому, и тутъ единственнымъ источникомъ для насъ являются все тѣ же записки о. Ѳеодора. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ началѣ учебнаго года (къ сожалѣнію—нельзя точно сказать какого) Александръ Федоровичъ отвезенъ былъ въ Черниговъ, гдѣ и помѣщенъ на квартирѣ нѣкоего Мелейши, неподалеку отъ зданія семинаріи, при чемъ надзоръ за нимъ порученъ былъ односельчанину, сыну дьячка, бывшему уже въ высшихъ классахъ семинаріи. „Ученіе шло хорошо; я радовался, и мать тоже не пропускала случая, чтобы не послать какихъ нибудь домашнихъ гостинцевъ, а я злота или двугривеннаго“. Черезъ годъ отвезенъ былъ туда же и младшій братъ, Федоръ, и „благодаря Бога они въ наукахъ не отставали отъ прочихъ, а еще болѣе преуспѣвали, а равно въ поведеніи дурныхъ никакихъ привычекъ не имѣли“.

Впрочемъ, хотя о. Ѳеодоръ и сказалъ, что „ученіе шло хорошо“, однако нѣсколько дальше вотъ какъ характеризуетъ онъ тогдашнюю науку въ этой школѣ. „Ученіе въ уѣздномъ учи-

лищѣ было устарѣлое. Монахъ Платонъ заправлялъ всѣмъ: назначалъ квартиры, репетиторовъ, посѣщалъ квартиры, а въ методѣ ученія мало было толку. Кто хотѣлъ прилежно учиться, тотъ понемногу понималъ, а другіе проходили классы или *на серебряныхъ колесахъ*, или по протекціи. Такъ иногда оканчивали и полные курсы семинаріи. За то хорошіе ученики нерѣдко за самые малые проступки были вовсе выгоняемы по капризамъ смотрителя, инспектора, или кого-нибудь изъ учителей". Какъ ни непригляднны эти картинки, однако мы видѣли, что Александръ Федоровичъ ни словомъ не заикнулся въ своей автобіографической запискѣ о той тяготѣ, которая сопровождала его учебную колею и которая, впрочемъ, главнымъ образомъ пришлась на долю его семинарскаго ученія.

Семинарскій періодъ съ такою подробностью описанъ въ автобіографіи, что намъ нѣтъ надобности останавливаться на немъ; прибавимъ развѣ только то, что опущено о себѣ самимъ Александромъ Федоровичемъ по разнымъ причинамъ.

Прежде всего дополнимъ свѣдѣнія о немъ, какъ воспитанникѣ семинаріи, со словъ товарища его ѳ. Іоанна Доброгаева, очень мѣтко указывающаго намъ, какіе вкусы научные начали у Александра Федоровича слагаться здѣсь, въ тотъ возрастъ, въ который, обыкновенно, послѣ ряда колебаній, юноша прочно останавливается на чемъ-нибудь одномъ, задатки для чего можно при внимательномъ наблюденіи замѣтить и раньше. Но приведемъ полностію свидѣтельство о немъ о. Іоанна Доброгаева.

„Съ класса *словесности* (семинарія раздѣлялась тогда на три класса: 1—словесность, 2—философія, 3—богословіе) Ал. Фед. сталъ замѣтенъ болѣе, чѣмъ въ духовномъ училищѣ, и не по чему другому, а по своимъ трудамъ. Бывало всегда увидишь его, и въ квартирѣ, и въ классѣ, за книгою, или прочетною, или учебникомъ; но что̀ особенно было замѣтно: у насъ читали гражданскую исторію по Ширенку (?), а онъ только одинъ училъ по Смарагдову. Послѣдній былъ гораздо пространнѣе и основательнѣе перваго, потому и отвѣты его по исторіи были пространнѣе, основательнѣе и лучше всѣхъ учениковъ въ классѣ".

„Въ философскомъ классѣ семинаріи А. Ф. особенно занятъ былъ логикою, психологіею и физикою. Очень хорошо и увлекательно читали ихъ преподаватели магистры Шкляревичъ и Бѣлоусовичъ. Слушалъ ихъ лекціи весь классъ съ величайшимъ вниманіемъ. Я недалеко около него сидѣлъ въ классѣ; когда бывало выходили преподаватели, окончивши лекціи, изъ класса, онъ часто говорилъ: „я бы слушалъ ихъ весь день не ѣвши; при нихъ проходитъ два часа, какъ двѣ минуты,—какъ они славно читаютъ свои предметы!“ Хотя онъ былъ не первый ученикъ (его по спискамъ ставили 3-мъ или 4-мъ), но по мнѣнію товарищей онъ долженъ быть первымъ. Про нашего *примуса* П—го, котораго преподаватели хвалили за его глубокомысленныя сочиненія, онъ откровенно говорилъ, что сочиненія его не философскія, а богословскія; что всякая мысль, всякая истина у него основана на текстѣ Св. Писанія, а не на законахъ разума. Онъ часто говорилъ, что П—ій хорошій толкователь Библіи, а не философъ. Въ философскомъ классѣ мы стали другъ другу очень близки, стали жить по-дружески; онъ все мнѣ открывалъ, что было у него на душѣ“.

„Кромѣ братьевъ, у него были на квартирѣ другіе меньшіе ученики, которыхъ онъ репетировалъ. Какъ старшій и завѣдующій квартирою, онъ былъ въ уваженіи у своей хозяйки. У нея была сестра, дѣвица лѣтъ 20, стройная, высокая и красивая. Однажды онъ, пришедши въ классъ, говоритъ: „я чуть не влюбился въ сестру хозяйскую; сведу глаза, чтобы заснуть—она будто стоитъ въ головахъ.“ Я, посмѣявшись, совѣтовалъ все это бросить, не всматриваться въ нее, не бесѣдовать и не думать о ней, иначе разстроятся всѣ его планы. Дѣйствительно, вскорѣ все это миновало: молодая, воспріимчивая, живая натура какъ скоро воспринимаетъ, такъ скоро все и забываетъ“.

„Въ богословскомъ классѣ намъ читали науки собственно богословскія. Обличительное богословіе читалъ помощникъ ректора, магистръ Озеровъ. Записки и объясненія его въ классѣ были очень занимательны. Бывало придешь на квартиру Ал. Фед., или онъ ко мнѣ,—обо всемъ приходилось толковать, и между прочимъ о

разныхъ религіяхъ. Онъ тутъ признавался, что ему магометанство нравится; эта религія была-бы единственная, но въ ней одно скверно: нѣтъ спасающей благодати, доказывающей ея божественность. Но Магометъ, по его мнѣнію, это геній своего времени: поставить себя выше невѣжественной толпы, завлечь ее, владѣть ея волею, дать ей свою вѣру и что хотѣть, то и сдѣлать изъ нея—нуженъ великій умъ, твердая воля, необыкновенная хитрость и самоотверженіе. Часто говорилъ онъ, какъбы хотѣлось ему прочитать Алкоранъ да и посудить о немъ. Въ семинарской библіотекѣ онъ былъ въ переводѣ, но ученикамъ не давали его читать. Впрочемъ, это не мѣшало ему быть искренно-религіознымъ человѣкомъ и молиться Богу. Человѣкъ онъ былъ скромный, внимательный къ товарищамъ, и чего, бывало, кто ни попроситъ, онъ никогда не отказывалъ. Изъ 45 душъ учениковъ всего класса это была выдающаяся, свѣтлая личность по добротѣ души, трудолюбію и откровенности".

„Въ богословскомъ классѣ онъ, бывало, часто заговаривалъ въ послѣднее время, что въ академію не придется ему поступить, не умѣя кланяться, ласкаться около суроваго Никодима (тогдашняго ректора семинаріи), а между тѣмъ очень-бы хотѣлось. Ну, постараюсь—говорилъ онъ—поступить хотя въ университетъ. Отецъ мой не въ состояніи будетъ воспитывать меня въ университетѣ, но я непремѣнно поступлю, буду слугою, рабомъ у того, кто мнѣ въ Кіевѣ дастъ уголокъ и кусокъ хлѣба, пріютитъ меня и согрѣетъ".

„Въ концѣ іюня мѣсяца въ семинаріи начались экзамены изъ словесности. Вдругъ внезапно появилась страшная, губительная холера, и насъ безъ экзаменовъ распустили. Это было въ 1853 году, и мы передъ отъѣздомъ по домамъ разстались съ Ал. Фед., попрощались, поклялись одинъ другому не забывать, на какомъ-бы поприщѣ ни были, „но я—сказалъ онъ—все таки буду добиваться университетскаго образованія". Послѣ этого мы переписывались съ нимъ, но, къ несчастью, ни разу не случилось видѣться. Сильно поразила меня вѣсть о его кончинѣ. Отправилъ я по немъ вселенскую панихиду, поплакалъ и те-

перь считаю долгомъ молиться объ упокоеніи великой души его у Престола Божія, пока буду самъ жить. Вѣчная тебѣ память, труженикъ науки! Не случилось видѣться съ тобою въ послѣднее время, но за то недавно, бывши въ Кіевѣ, видѣлъ, другъ, твою могилу, твой памятникъ, твой бюстъ, и молился объ упокоеніи тебя въ селеніяхъ праведныхъ".

Такъ сердечно заканчиваетъ свои воспоминанія о. Іоаннъ Доброгаевъ, которому приносимъ искреннее спасибо за то, что отозвался онъ на нашу просьбу, давши нѣсколько новыхъ черточекъ изъ семинарскаго періода жизни Алекс. Фед-ча.

Какъ изъ автобіографическаго очерка, такъ и изъ только-что приведеннаго воспоминанія о. Іоанна Доброгаева, прежде всего бросается въ глаза нѣсколько невыясненный вопросъ о томъ, какъ и почему не состоялось поступленіе Алекс. Фед-ча послѣ окончанія семинаріи въ духовную академію; зависѣло-ли это отъ его личнаго желанія, или такъ сложились случайныя обстоятельства? Въ оффиціальной біографіи (Біограф. Слов. профессоровъ и препод. Импер. Унив. св. Владим. Кіевъ 1884 г.) сказано только, что онъ, *вопреки первоначальному намѣренію* продолжать образованіе въ духовной академіи, поступилъ въ Кіевскій университетъ. Въ напечатанномъ выше автобіографическомъ очеркѣ указывается, что въ первый годъ пребыванія его въ богословскомъ классѣ онъ былъ въ особенно религіозномъ настроеніи и проникнутъ былъ твердою рѣшимостью посвятить себя духовному званію и поступить въ академію, но въ первый годъ это не состоялось, т. к. Московская академія не прислала на этотъ разъ требованія, а въ концѣ 2-го года, не попавъ въ число двухъ воспитанниковъ, посылавшихся на казенный счетъ въ Кіевскую академію, (при чемъ, какъ извѣстно, это нисколько не зависѣло отъ причинъ учебнаго свойства, а отъ какихъ именно—мы не знаемъ), онъ изъявилъ желаніе держать экзаменъ для поступленія въ академію на свой счетъ, но, по тѣмъ-же невѣдомымъ намъ причинамъ, и въ этомъ ему было отказано. Тогда онъ подаетъ заявленіе о желаніи держать экзаменъ для поступленія въ университетъ. Маленькое объясненіе этого находимъ въъ намекѣ, даваемомъ о. Іоанномъ Доброгаевымъ, а

именно: въ богословскомъ классѣ онъ часто заговаривалъ съ сожалѣніемъ о томъ, что ему не придется поступить въ академію, не умѣя кланяться, ласкаться около стараго Никодима", и что ему по неволѣ надо поступать въ университетъ. Нужно думать, что прямая, честная натура Алекс. Федор., составлявшая до самой смерти отличительную черту его характера, породила недоразумѣнія съ семинарскимъ начальствомъ, что и было причиной несправедливой оцѣнки его со стороны ректора семинаріи; возрастъ-же его въ это время былъ тотъ (20 лѣтъ), въ который переломы нравственные могутъ совершиться быстро подъ вліяніемъ минутныхъ увлеченій или раздраженій. И такъ, искренно религіозный юноша, какъ носится фамильное преданіе—мечтавшій даже о монашествѣ, подъ вліяніемъ минуты сначала порвалъ связи съ мечтами о духовной карьерѣ, а затѣмъ, очутившись въ иной обстановкѣ, постепенно сталъ формировать въ себѣ иные идеалы, иные научные вкусы и, наконецъ, иной складъ философскаго мышленія. При этомъ нельзя не отмѣтить того общаго явленія въ 50-хъ годахъ, которое обнаруживалось у юношества семинарскаго въ колебаніяхъ между духовной и свѣтской дальнѣйшей карьерой, въ колебаніяхъ, иногда сопровождавшихся сильной душевной борьбой. Намъ лично извѣстенъ фактъ, какъ одинъ изъ современниковъ Александра Федоровича, будущій его сокашникъ по студентской камерѣ, тоже явился въ Кіевъ пѣшкомъ, безъ всякихъ документовъ, съ намѣреніемъ принять монашество, и черезъ нѣсколько дней хожденія по городу очутился въ университетѣ съ прошеніемъ о допущеніи его къ экзамену. Прибавимъ ко всему сказанному отмѣченный нами выше фактъ отсутствія въ семьѣ Кистяковскихъ родовыхъ традицій духовнаго званія; вспомнимъ, что и отецъ Александра Федоровича, будучи въ семинаріи, колебался, не поступить-ли ему въ медико-хирургическую академію,—и намъ станетъ болѣе или менѣе ясно, какъ и почему мы находимъ А. Ф. въ университетской средѣ съ начала сентября 1853 года.

Поступленіе въ университетъ Алекс. Федоровича было тѣмъ шагомъ въ семьѣ ихней, который открылъ дорогу и прочимъ

братьямъ идти по стопамъ старшаго; какъ было уже сказано, только одинъ изъ братьевъ остался въ духовномъ званіи, чтобы окончательно не огорчить отца, желавшаго свой приходъ, какъ это всегда водилось въ духовенствѣ, передать одному изъ сыновей. Огорченіе это было тѣмъ чувствительнѣе, что средствъ для содержанія дѣтей въ университетѣ не было, а слѣдовательно—имъ самимъ приходилось заботиться о себѣ.

Въ автобіографическомъ отрывкѣ подробно разсказано о томъ, какъ устроилъ свой матеріальный бытъ Алекс. Федор-чъ, помѣстившись сначала въ такъ называемомъ штрафгаузѣ, а черезъ годъ поступивши въ число казеннокоштныхъ студентовъ; довольно подробно разсказано и о томъ бытѣ, въ какомъ приходилось жить студентамъ на развалинахъ Бибиковскихъ традицій о внѣшней дисциплинѣ; кратко, но мѣтко охарактеризованы героическія столкновенія студентовъ съ гражданами и разными лицами другихъ вѣдомствъ,—но ничего не сказано о томъ, какъ вырабатывался умственный и нравственный кругъ понятій у самого Алекс. Федор.; какъ слагались у него общественныя убѣжденія и настроенія. Дополнить это мы можемъ со словъ родныхъ его, свидѣтельствующихъ, что въ первые годы своего пребыванія въ университетѣ онъ увлекался современной журналистикой и посылалъ своимъ младшимъ братьямъ, находившимся еще въ семинаріи, новыя книжки „Современника". Эта справка намъ совершенно опредѣляетъ то теченіе, которому сталъ слѣдовать Алекс. Федор. въ установленіи своихъ міровоззрѣній, никогда и впослѣдствіи не отличавшихся пылкостью и порывистостью, но за то всегда обозначавшихся стойкостью и твердостью убѣжденій. Товарищи его по университету передаютъ, что въ это время онъ отличался прямолинейностью во взглядахъ и большою неуступчивостью въ своихъ мнѣніяхъ; онъ шелъ всегда напроломъ, вслѣдствіе чего ему дана кличка, „клинообразный" за его свойство клиномъ врѣзываться во всѣ вопросы.

Вѣроятно, эта „клинообразность" была, какъ мы видѣли, поводомъ дурныхъ мнѣній о немъ семинарскаго начальства, а теперь несомнѣнно эта-же „клинообразность" заставила его въ 1856 году прервать университетскій курсъ и отправиться въ

качествѣ учителя уѣзднаго училища въ Козелецъ (Черниг. губ.). Объ этомъ происшествіи всѣ до сихъ поръ напечатанныя біографіи Алекс. Федор. молчатъ, называя его или *неизвѣстнымъ* или *мало выясненнымъ*; въ автобіографіи глухо сказано только, что онъ „за нарушеніе дисциплины, выразившееся въ словахъ по отношенію къ лицамъ университетской инспекціи, былъ удаленъ на время изъ университета". Мы имѣемъ возможность теперь, со словъ университетскаго товарища Алекс. Федор., очевидца этого происшествія, разсказать нѣсколько подробнѣе это дѣло, тѣмъ болѣе, что оно отошло уже давно въ область исторіи, т. к. обоихъ причастныхъ къ дѣлу лицъ уже нѣтъ въ живыхъ, да сверхъ того, и самое-то дѣло носитъ характеръ совсѣмъ не политическаго свойства.

Студента С. за какую-то провинность посадили въ карцеръ. Карцеръ въ 1856—57 гг. уже потерялъ силу строгаго заключенія: къ заключенному свободно входили товарищи, а онъ свободно выходилъ, куда ему было нужно. Благодаря такимъ порядкамъ, посаженный въ карцеръ С. вышелъ погулять. Въ это время, какъ нарочно, субъ-инспекторъ зашелъ въ карцеръ и, не заставши тамъ заключеннаго, отправился прямо въ камеру, грубо, громкимъ голосомъ закричавъ: гдѣ такой-то С? ушелъ?— Александръ Федоровичъ одѣвался въ это время и, пріостановившись съ одѣваньемъ, серьезнымъ тономъ возразилъ субъ-инспектору: „какъ Вы смѣете такъ выражаться? развѣ студентъ арестантъ или солдатъ?" Смущенный такимъ выраженіемъ, субъ-инспекторъ ушелъ и доложилъ инспектору. Началось слѣдствіе. На другой или на третій день распространились всякіе толки, крайне неблагопріятные для дерзкаго студента: говорили, будто-бы студентъ вскрикнулъ „вонъ отсюда"; будто-бы схватилъ полѣно и швырнулъ имъ. Все это была клевета, но для провинившагося она имѣла громадное значеніе, т. к., сверхъ того, пущены были въ ходъ и другіе слухи, посерьезнѣе нѣсколько, а именно: начали толковать о кощунствѣ и безбожіи Кистяковскаго, при томъ въ такихъ формахъ, что ровно никакой вѣры не слѣдовало придавать всей этой болтовнѣ. Товарищи сознавали всю гнусность такой клеветы и рѣшили отправить депутацію къ Попе-

чителю Округа. Попечителемъ былъ Ребиндеръ, человѣкъ открытый, правдивый и снисходительный къ ошибкамъ молодежи. Депутація изъ трехъ человѣкъ спокойно отправилась къ Попечителю. Имѣла-ли значеніе передъ Попечителемъ депутація—мы не знаемъ; извѣстно только, что наказаніе послѣдовало сравнительно легкое: послали Александра Федоровича въ Козелецкое уѣздное училище преподавать исторію и географію.

Хотя и непродолжительно было пребываніе тамъ, однако не легко оно пришлось для Александра Федоровича. Достаточно сказать, что въ Козельцѣ онъ засталъ смотрителя, человѣка недалекаго, находившагося подъ башмакомъ у какой-то особы женскаго пола, которая считала себя вправѣ распоряжаться всѣмъ. Такъ, однажды Алекс. Федоровичъ заикнулся смотрителю о необходимости имѣть карты для преподаванія; но отвѣтъ онъ получилъ отъ этой самой особы женскаго пола: „и безъ цёго можно обійтысь“!

Выкрѣпивъ кое-какъ это положеніе, Алекс. Федоровичъ, какъ мы уже знаемъ изъ автобіографіи, черезъ полгода опять очутился въ Кіевѣ, сначала въ качествѣ учителя дворянскаго училища, а затѣмъ—въ качествѣ студента университета. Какъ закончились эти студентскіе годы, разсказала намъ автобіографія, на чемъ, какъ мы видѣли, и обрывается эта записка.

Каковъ былъ душевный складъ Ал. Фед. въ этотъ періодъ, мы уже видѣли изъ его автобіографіи. Что-же касается собственно научныхъ запасовъ и взглядовъ по юриспруденціи и особенно по уголовному праву, съ которыми вышелъ Ал. Фед-чъ изъ университета, то все добытое имъ получено было личнымъ трудомъ, т. к. руководителемъ его по уголовному праву былъ С. О. Богородскій, оставившій только одно печатное сочиненіе, да и то компилятивнаго характера. Самъ Ал. Фед., вообще очень сдержанный и мягкій въ своихъ отзывахъ о другихъ, давалъ такую оцѣнку университетскаго курса своего профессора: „онъ добросовѣстно преподавалъ тонкости нѣмецкой науки, но его слушатели не могли получить отъ него отвѣта даже на такіе вопросы: насколько необходимо удержать въ законахъ и жизни тѣлесныя наказанія, или какой смыслъ имѣютъ позорное клейменіе или пытка слѣд-

ственнаго процесса; его собственныя добавленія къ нѣмецкимъ учебникамъ состояли въ томъ, что онъ не признавалъ полезными такія учрежденія, какъ гласность и публичность суда присяжныхъ, не признавалъ упорно и самобытно, даже и тогда, когда за нихъ стали ратовать его учители-нѣмцы [1])".

Изъ этого видно, что вліяніе С. О. Богородскаго на складъ научныхъ воззрѣній Ал. Фед. могло быть только отрицательное, т. к. онъ со студентской скамьи успѣлъ выработать въ себѣ совершенно противоположные принципы, опиравшіеся какъ на началахъ гуманно-философскихъ ученій, легшихъ впослѣдствіи въ основу всѣхъ его выдающихся трудовъ, такъ и на томъ, новомъ въ концѣ 50-хъ годовъ, общественномъ движеніи у насъ, которое служило зарей новой жизни и влекло къ созданію свободныхъ учрежденій, направлявшихся къ торжеству началъ права и справедливости.

Съ этимъ-то знаменемъ вступаетъ Ал. Федор. въ жизнь, какъ самостоятельный гражданинъ, по окончаніи университета въ 1857 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, но далеко не удовлетворенный тѣмъ аттестатомъ, который у него былъ въ рукахъ и который только давалъ ему званіе дѣйствительнаго студента, а не кандидата, что для дальнѣйшей научной дороги имѣло большое значеніе.

Окончаніе университетскаго курса, не доставивъ Ал. Фед-чу нравственнаго удовлетворенія, ничѣмъ не обезпечивало его сразу матеріально; и вотъ онъ, чтобы имѣть хоть какой-нибудь заработокъ, отправляется на полгода въ деревню Восковцы (прилуц. уѣзд.) въ качествѣ домашняго учителя въ домъ М. А. Маркевича. Объ этомъ кратковременномъ пребываніи его здѣсь у насъ не имѣется, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что пробылъ онъ у Маркевича до августа мѣсяца 1858 года, послѣ чего отправился въ Петербургъ вмѣстѣ со своимъ питомцемъ, опредѣлившимся въ какое-то учебное заведеніе. Надо думать, что эти нѣсколько мѣсяцевъ обречены были имъ исключительно на пріобрѣтеніе средствъ для заранѣе сложившагося плана о дальнѣйшей жизни въ столицѣ.

[1]) Журн. Мин. Юст. 1863 г., № 9. Стат. С. О. Богородскій и его ученая дѣятельность.

Не особенно красна была жизнь его и здѣсь, въ Петербургѣ, особенно въ первые мѣсяцы до поступленія на службу, т. к. онъ не имѣлъ никакихъ средствъ изъ дому и не получалъ никакого жалованья; да и позже, послѣ полученія перваго мѣста младшаго помощника секретаря въ канцеляріи межевого департамента Правительствующаго Сената, матеріальный бытъ его не особенно улучшился, т. к., по разсказамъ родныхъ, онъ именно въ этотъ періодъ бѣдствовалъ, какъ никогда; одно время онъ даже принужденъ былъ жить „въ углу", гдѣ и предпринялъ свою первую работу—переводъ сочиненія Блюнчли „Allgemeines Staatsrecht", оставшійся ненапечатаннымъ; чтобы собрать деньги на покупку этого сочиненія, онъ въ теченіе шести недѣль не обѣдалъ, а питался хлѣбомъ и чаемъ, о чемъ онъ самъ разсказалъ мимоходомъ въ письмѣ къ отцу, когда въ 1871 году, во время заграничной поѣздки, ему пришлось быть въ Гейдельбергѣ на лекціи Блюнчли. Впрочемъ, „уголъ" его считался аристократическимъ, т. к. къ нему примыкало окно, на которомъ онъ могъ писать вмѣсто стола, а сокзартирантами его были—какой-то отставной чиновникъ и ветеранъ-солдатъ, занимавшіе вполнѣ уже демократическіе углы.

При такой бѣдности, конечно, постепенно ослабѣвавшей по мѣрѣ движенія по службѣ (въ іюлѣ 1859 г. перешелъ въ канцелярію общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи Правительствующаго Сената—все еще въ роли младшаго помощника секретаря, а съ ноября 1860 года перемѣщенъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія), онъ не только не бросаетъ книжной жизни, отдавшись всецѣло практическимъ заботамъ, но все съ большимъ рвеніемъ погружается въ научную работу. Въ свободные отъ службы часы, т. е. по вечерамъ, а сначала отъ 3 до 8 часовъ вечера, проводитъ онъ въ публичныхъ библіотекахъ, такъ-что вскорѣ результаты этихъ работъ стали появляться на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи, а также и Журнала Мин. Народ. Просв., гдѣ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ. Какими науками и какимъ направленіемъ въ нихъ болѣе всего интересовался Алекс. Федоров., видно изъ

этихъ-же работъ, а именно: гуманные философы прошлаго столѣтія во главѣ съ Беккаріа и Монтескьё, равно какъ и нѣмецкіе юристы, Миттермайеръ и Блюнчли, составляли теперь главное основаніе всѣхъ научныхъ пріемовъ и положеній молодого ученаго. Какъ было сказано, первый трудъ его (ненапечатанный, при чемъ и рукопись не сохранилась)—переводъ сочиненія Блюнчли „Общее государственное право", а первая напечатанная работа составлена по сочиненію Миттермайера („Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса", Журн. Мин. Юст. 1860 г., № 6). Да и всѣ послѣдующіе труды его и статьи въ разныхъ изданіяхъ всегда опирались на ученіи этихъ и однородныхъ съ ними философовъ гуманистовъ 18-го вѣка.

Не только не въ разрѣзъ съ этимъ направленіемъ, но прямо согласуясь съ нимъ, обнаружилась у Ал. Фед. въ этотъ періодъ петербургской жизни фактически та вполнѣ сознательная любовь къ своей родинѣ и всему родному, которая осталась до конца дней его неизмѣнною и которая, конечно, стихійно выработалась въ періодъ дѣтства и юности, а стала укладываться въ опредѣленныя идейныя рамки въ годъ студенчества, подъ вліяніемъ начавшаго тогда оживляться національно-малорусскаго вопроса. Мы имѣемъ въ виду сотрудничество Алекс. Федоров. въ „Основѣ", ежемѣсячномъ журналѣ, издававшемся въ Петербургѣ въ 1861—62 гг. В. М. Бѣлозерскимъ. Этотъ въ свое время очень извѣстный журналъ, но составляющій теперь почти библіографическую рѣдкость, посвященъ былъ разработкѣ научныхъ и общественныхъ вопросовъ, касающихся Украины, а также развитію малорусской письменности, за все время существованія своего шедшей не ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, а принимавшей волнообразное теченіе, при чемъ конецъ 60-хъ годовъ и былъ однимъ изъ наиболѣе могучихъ приливовъ этихъ волнъ. Въ виду этого, журналъ „Основа" велся, удовлетворяя потребностямъ эпохи, такъ, что долженъ былъ давать отвѣты на всѣ текущіе вопросы дня; между прочимъ нужно было отвѣчать и по вопросамъ юридическаго характера въ примѣненіи ихъ къ нуждамъ Юга Россіи. По свидѣтельству лицъ, стоявшихъ у этого журнала, Ал. Федор. вступилъ въ половинѣ 1861 г.

въ составъ редакціи въ качествѣ помощника главнаго редактора, и съ этого времени начинается его литературная и редакторская работа, выразившаяся какъ въ писаніи статей (безъ подписи автора), какъ напр. статья его „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи“ (Основа, 1862 г. № 1, стр. 1—27), статья, почему-то непопавшая въ указатель статей его, помѣщенный въ „Біографическомъ словарѣ профес. и препод. Унив. Св. Влад.“,—такъ и въ веденіи отдѣла современной южнорусской лѣтописи, посвященнаго обозрѣнію фактовъ и явленій общественной жизни.

Ступивши разъ на дорогу научнаго и литературнаго труда, Алекс. Федоров. не могъ уже помириться съ положеніемъ канцелярскаго работника, а потому началъ мечтать объ опредѣленномъ положеніи научнаго дѣятеля, иначе говоря—объ университетской каѳедрѣ. Съ этой цѣлью онъ, когда произведена была реформа въ департаментѣ Минист. Народн. Просвѣщ., въ 1863 году устроилъ свои дѣла такъ, что оставленъ былъ за штатомъ, чтобы имѣть возможность, въ теченіе года получая содержаніе, готовиться къ кандидатскому экзамену, что и было имъ достигнуто въ декабрѣ 1863 года. Затѣмъ онъ приготовилъ сочиненіе pro venia legendi на тему „О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, по дѣйствовавшему до судебной реформы уголовному судопроизводству“. Диссертацію эту онъ защищалъ въ сентябрѣ 1864 года, послѣ чего прочелъ двѣ пробныя лекціи и былъ допущенъ къ чтенію лекцій по уголовному праву въ качествѣ приватъ-доцента. Въ этомъ званіи онъ былъ три года, съ 1864—1867 г., получая вознагражденіе отъ 600 до 1200 руб. въ годъ. Въ этотъ періодъ Ал. Федор. женился, что однако, при сравнительно небольшихъ средствахъ къ жизни, не помѣшало ему продолжать ученую дорогу и готовиться къ магистерскому экзамену, который былъ законченъ въ 1866 году, а диссертація, доставившая ему положительную извѣстность въ ученомъ мірѣ, написана была и защищена въ 1867 году. Диссертація эта—„Изслѣдованіе о смертной казни“. Чѣмъ-же такъ обратила на себя вниманіе эта диссертація? Вѣдь ранѣе его

этому вопросу посвящены были труды такихъ ученыхъ, какъ Беккарія и Миттермайеръ; что можно было новаго сказать послѣ нихъ? Новымъ явился тотъ методъ изслѣдованія этого вопроса, который примѣненъ былъ Александромъ Федоровичемъ впервые среди не только русскихъ ученыхъ, но и европейскихъ; методъ этотъ философски-историческій, или какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи: „взявшись за изслѣдованіе этого предмета, я обратилъ большую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка". И дѣйствительно, онъ слѣдитъ развитіе вопроса о смертной казни, начиная съ низшихъ стадій жизни народовъ-дикарей и послѣдовательно переходя къ высшимъ, вслѣдствіе чего становится совершенно ясною основная идея автора, что изучать законоположенія въ прошломъ только и можно съ научно-исторической точки зрѣнія, т. е. нельзя ограничиваться одними лишь писанными законами, но необходимо знать обычаи и нравы первобытной культуры.

Не будучи спеціалистомъ въ области юридической науки и не задаваясь въ данномъ случаѣ цѣлью производить оцѣнку научнымъ трудамъ Александра Федоровича, мы указали только на общую идею въ этой его работѣ, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта-же идея легла въ основу и всѣхъ послѣдующихъ его работъ и навела на мысль о работахъ по обычному праву, чему посвящается въ этой-же книгѣ нѣсколько страницъ въ особой статьѣ. Не будемъ мы также перечислять и этихъ дальнѣйшихъ работъ Алекс. Федоровича, такъ какъ въ концѣ прилагаемъ подробный библіографическій указатель всѣхъ ихъ, насколько намъ удалось ихъ установить. Скажемъ теперь еще коротко о томъ, какъ прошла дальнѣйшая ученая, служебная и общественная колея въ жизни Александра Федоровича, напередъ оговариваясь, что передавать подробности изъ этого періода жизни его еще не наступила пора: слишкомъ свѣжи еще тѣ событія, которыя переживались, слишкомъ еще остры тѣ вопросы, которыхъ касалась дѣятельность его, и слишкомъ болѣзненны тѣ раны, которыя приходилось переносить ему, а потому—оставимъ пока все это въ сто-

ронѣ и ограничимся указаніемъ самыхъ главныхъ фактовъ, безпристрастная оцѣнка которыхъ дана будетъ еще, можетъ быть, не такъ скоро.

И такъ, изслѣдованіе о смертной казни, доставившее Александру Федоровичу прочное положеніе въ наукѣ, доставило вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе прочное положеніе служебное: съ іюня мѣсяца того же 1867 года онъ утверждается въ должности штатнаго доцента по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства, согласно избранію факультета и совѣта. Но лекцій читать въ теченіе слѣдующаго 1867—68 учебнаго года ему не пришлось, такъ какъ съ августа 1867 г. до конца апрѣля 1868 года онъ былъ въ ученой командировкѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ тогда только что начали дѣйствовать преобразованные суды по уставу 1864 г. Во время этой командировки Александръ Федоровичъ не только работалъ теоретически, но и практически, изучая примѣненіе судебныхъ уставовъ къ текущей жизни; но, конечно, это послѣднее занимало самое ничтожное мѣсто въ ряду его прочихъ трудовъ, чисто научнаго характера. Главнымъ результатомъ его командировки была докторская диссертація „Историко-догматическое изслѣдованіе по русскому праву о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда"; диссертацію эту онъ защищалъ въ концѣ 1868 года, а въ началѣ слѣдующаго уже онъ былъ избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, а еще черезъ годъ—и ординарнымъ, по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства.

Эта-же поѣздка въ Москву и Петербургъ дала Александру Федоровичу, изучившему и въ теоріи, и на практикѣ новые судебные уставы, матеріалъ для актовой рѣчи въ университетѣ (9 ноября 1869 г.)—„О значеніи судебной реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія". Рѣчь эта, можно сказать, открывала у Александра Федоровича ту общественную стезю, на которой онъ потомъ стоялъ почти до конца дней своихъ. Дѣло въ томъ, что въ Кіевѣ въ то время только что ждали введенія новыхъ судовъ,—и вотъ, публичная актовая рѣчь профессора съ ясностью и простотой указывала обществу основы новаго судебнаго строя и его преимущества предъ старымъ. Значеніе по-

добнаго рода рѣчей, безусловно, громадное, такъ какъ ими общество подготовляется къ сознательному принятію тѣхъ новыхъ формъ жизни, которыя устанавливаются правительствомъ; ими—такъ сказать—съ высоты академической каѳедры освѣщается и освящается извѣстный жизненный вопросъ, находящій себѣ въ публикѣ болѣе довѣрія послѣ того, какъ онъ подкрѣпленъ наукою. Александръ Федоровичъ этой рѣчью, повторяемъ, открылъ свое участіе въ общественной жизни Кіева, сохраняя, впрочемъ, всегда и вездѣ свою безупречную чистоту и высоко держа знамя ученаго профессора. Интересы науки и профессорская каѳедра всегда были первыми его заботами, что прекрасно видно изъ одного того, какъ онъ, достигши уже званія ординарнаго профессора, не почилъ на лаврахъ, отдаваясь практическому кумирослуженію, но считалъ обязательнымъ для себя продолжать свое личное образованіе: съ сентября 1871 года до 15-го апрѣля 1873 года онъ находился въ ученой командировкѣ, слушая лекціи и посѣщая практическія занятія профессоровъ Вѣнскаго, Гейдельбергскаго, Берлинскаго, Неаполитанскаго и Римскаго университетовъ; при чемъ особенно много работалъ онъ въ Гейдельбергѣ и Неаполѣ, съ цѣлью ближе и обстоятельнѣе познакомиться со способами и механизмомъ преподаванія и практическихъ занятій со студентами въ Германіи и Италіи. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что Александръ Федоровичъ очень хорошо владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ. Такія поѣздки заграницу, только на короткій срокъ, повторены были имъ еще четыре раза: въ 1875, 1879, 1880 и 1882 гг., каждый разъ въ вакаціонный періодъ. Но тутъ нужно дать печальную справку, что эти послѣднія поѣздки вызывались не столько научными потребностями, сколько тѣмъ недугомъ, который сталъ обнаруживаться у него съ 1871 года, какъ результатъ тяжелой пережитой жизни, исполненной сначала лишеній, а затѣмъ заботъ, хлопотъ и особенно непріятностей, какъ служебнаго, такъ и общественнаго характера. Поѣздки заграницу очень оживляли его духъ и укрѣпляли тѣло, такъ что каждый разъ по возвращеніи изъ заграницы можно было видѣть его наново бодрымъ, исполненнымъ энергіи, не падав-

шимъ духомъ; но неустанная работа и всяческія душевныя потрясенія вскорѣ опять возвращали приступы этого недуга. Недугъ-же этотъ—желчные камни. Около 10 лѣтъ не обнаруживали они себя въ особо-рѣзкой формѣ, хотя уже съ 1875 года Александръ Федоровичъ началъ ѣздить въ Карлсбадъ, пользуясь водами; и только въ 1881 году, когда онъ, по совѣту врачей, предпринялъ поѣздку въ Одессу, гдѣ началъ лѣченіе морскими теплыми ваннами, показались у него сильные припадки желчной колики, закончившіеся выхожденіемъ камня. Съ тѣхъ поръ припадки эти повторялись ежегодно. Въ 1883 году, по совѣту С. П. Боткина, А. Ф—чъ пользовался молочнымъ лѣченіемъ и, казалось, значительно поправился; но 1884-й годъ, особенно тяжелый для него по многимъ причинамъ общественнаго характера, грозившимъ отразиться и на его служебномъ положеніи, повліялъ на его здоровье такъ дурно, что съ 7 января 1885 года онъ почувствовалъ себя опять очень нехорошо, 9-го уже слегъ въ постель, 10-го обнаружены были слѣды эксудата въ брюшной полости, 12-го вечеромъ уже было объявлено консиліумомъ докторовъ-товарищей, что положеніе его безнадежно, а въ 1 часъ ночи съ 12-го на 13-е января его уже не стало, при чемъ сознаніе онъ потерялъ только за 5 минутъ до смерти. Чтобы понять, какой это былъ высокій духъ, стоитъ припомнить свидѣтельство проф. В. Б. Антоновича, бывшаго при кончинѣ Александра Федоровича: „за часъ до смерти, въ разговорѣ съ однимъ изъ друзей онъ съ большимъ вниманіемъ разспрашивалъ о ходѣ дѣлъ въ текущей сессіи окружного суда и, услыхавъ характеристику нѣкоторыхъ дѣлъ и отношеніе къ нимъ суда присяжныхъ, онъ въ послѣдній разъ оживился, привсталъ на постели и громко произнесъ: я всегда утверждалъ, что институтъ присяжныхъ святое дѣло въ нашемъ отечествѣ!—Затѣмъ онъ тихо склонилъ голову на подушку, и голосъ его сталъ все болѣе и болѣе ослабѣвать. Послѣднее слово, слышанное нами отъ покойнаго, это признаніе святости человѣколюбиваго учрежденія,—послѣднее воспоминаніе о немъ будетъ сознаніе высокой, святой нравственности человѣка, который, переступая порогъ вѣчности, въ состояніи забыть и свои страданія, и свое поло-

женіе, и увлечься интересомъ общественной пользы и общественнаго блага". (Заря, 1885 г., прилож. къ № 11).

Закончивъ обзоръ жизни и дѣятельности Александра Федоровича Кистяковскаго, обзоръ, естественно все сокращавшійся, по мѣрѣ приближенія къ послѣднимъ событіямъ, мы хотимъ теперь, минуя всѣ фактическія справки, хотя и могущія освѣтить личность Алекс. Федоров., но еще не имѣющія возможности быть обнародованными, сказать о немъ еще нѣсколько словъ, чтобы лучше обрисовался образъ этого безвременно покинувшаго насъ труженника науки и святого человѣка въ общественной своей роли.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о заслугахъ Ал. Федоров. предъ наукой, такъ-какъ это сдѣлано уже отчасти и, конечно, будетъ еще сдѣлано впереди спеціалистами въ этой области,—напомнимъ только, что заслуги эти, помимо всего прочаго, выразились въ фактѣ разновременнаго избранія его членомъ корреспондентомъ Русскаго Географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при московскомъ университетѣ, почетнымъ членомъ московскаго Юридическаго Общества, предсѣдателемъ кіевскаго, а также почетнымъ членомъ московскаго и петербургскаго университетовъ. Мы не будемъ также характеризовать личности его, какъ профессора, съ университетской каѳедры учившаго живымъ словомъ и руководившаго занятіями многихъ студентскихъ выпусковъ, такъ-какъ объ этомъ, смѣемъ думать, со временемъ скажутъ свое правдивое и благодарное слово его ученики,—мы напомнимъ только что, не обладая краснорѣчіемъ, онъ умѣлъ, какъ профессоръ, вліять на своихъ слушателей, пробуждать въ нихъ любовь къ наукѣ и располагать ихъ въ свою пользу не мѣрами заигрыванія, но исключительно своимъ авторитетнымъ видомъ и словомъ. На себя мы теперь возьмемъ только исполненіе небольшой задачи—нарисовать образъ Александра Федоровича, какъ человѣка и гражданина, представителя общественной мысли, да и тутъ мы будемъ больше опираться на печатные отзывы о немъ, нежели на личныя впечатлѣнія, желая по возможности сохранить объективный тонъ.

„Немало людей получаетъ университетское образованіе, достигаетъ высшихъ ученыхъ степеней, преподаетъ въ университетѣ, печатаетъ ученыя сочиненія и даже дѣлается членами ученыхъ обществъ,—но рѣдкіе между ними достигаютъ такого высокаго значенія для общества, какимъ, безспорно обладалъ покойный Кистяковскій“. Такъ писалъ о немъ вскорѣ послѣ его смерти профессоръ В. И. Модестовъ (Новь, 1885 г. № 8), хотя и другъ Алекс. Федоровича, но далеко не принадлежавшій къ одному съ нимъ лагерю, а по нѣкоторымъ вопросамъ даже и совсѣмъ въ иную сторону направленный. Гдѣ-же ключъ къ этому высокому значенію человѣческой личности въ обществѣ? Конечно, ключъ этотъ—въ томъ нравственномъ обликѣ человѣка, какъ гражданина, въ той возвышенной, правдивой и чуткой душѣ, которыми надѣлена была натура Александра Федоровича. Кто зналъ его, часто видѣлъ и имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ, тотъ согласится съ нами, что какъ внѣшній видъ Алекс. Федор., всегда благодушно-величественный, такъ и внутренній міръ души его, всегда производившій впечатлѣніе чего-то серьезнаго, высокаго, но въ тоже время исполненнаго самыхъ тонкихъ человѣколюбивыхъ наклонностей,—однимъ словомъ, все его существо невольно притягивало васъ къ себѣ. Если, по словамъ проф. Колоколова, физически-прекрасный образъ его могъ служить для художника моделью святого, то мы думаемъ, что и нравственный обликъ его не уйдетъ далеко отъ этого оригинала.

Проф. В. И. Модестовъ, характеризуя этотъ нравственный обликъ Алекс. Федор., на первый планъ ставитъ его серьезное отношеніе ко всѣмъ вопросамъ жизни, какъ научнымъ, такъ политическимъ, общественнымъ и даже частнымъ. У него серьезность эта была не напускная, а неотъемлемое свойство души, видѣвшей въ жизни нелегкую задачу; вслѣдствіе этого отъ серьезности Алекс. Федор-ча не вѣяло холодомъ надутости, но напротивъ—тѣмъ горячимъ духомъ правды, которая одна только всегда была главной пружиной всѣхъ его поступковъ. Особенно замѣтно это было въ тѣхъ случаяхъ университетской жизни, которые наталкивали его на факты колебательнаго достоинства. „Лицамъ, знавшимъ его близко, либо дѣйствовавшимъ вмѣстѣ

съ нимъ —говоритъ проф. И. В. Лучицкій („Кіев. Стар. 1885 г. № 2")—не разъ приходилось видѣть, какъ горячо отстаивалъ онъ то, что считалъ справедливымъ, съ какою энергіею, а иногда и забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ, заступался онъ за тѣхъ, кто представлялся несправедливо-обиженнымъ или оскорбленнымъ, защищалъ тѣхъ, чьи труды подвергались несправедливымъ нападкамъ, злобной и, по его мнѣнію, несправедливой критикѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о его друзьяхъ..."

Не менѣе замѣтна была эта черта въ Алекс. Федоровичѣ, когда шло дѣло о вопросахъ политики и общественности. Всякій, кто имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ, могъ замѣтить, что это былъ человѣкъ, глубоко и серьезно интересовавшійся всѣми дѣлами текущей общественной жизни и всегда дававшій свой отзывъ, спокойный, безпристрастный, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ этими дѣлами связывалась его личность. Намъ не разъ приходилось разговаривать съ нимъ въ моменты свѣжеполученныхъ имъ уколовъ по своему адресу, и насъ поражало то самообладаніе, съ которымъ онъ оказывался способнымъ обсуждать фактъ ровнымъ, размѣреннымъ тономъ своей рѣчи, утѣшая себя тѣмъ, что „съ этими интриганами, бездарностями и дѣльцами разсудитъ его исторія" (Модестовъ, Новь 1885 г., № 8); но въ то-же время нельзя было не видѣть, какія тяжелыя нравственныя страданія переносилъ онъ въ эти минуты. Въ одну изъ такихъ минутъ—говоритъ проф. В. И. Модестовъ—за два года до смерти онъ писалъ мнѣ: „Я съ твердостію переношу невзгоды моего положенія. Жизнь моя—трудъ, непріятности и болѣзнь. Но я привыкъ къ этому отъ юности моея. Съ спокойною совѣстью готовъ принять новые удары судьбы. Бѣда отовсюду. Такъ человѣку на роду написано. Эти мысли даютъ мнѣ мужество переносить непріятности жизни". (Новь, 1885 г., № 8).

Будучи такимъ отзывчивымъ на всѣ вопросы общественности, Александръ Федоровичъ, былъ также горячимъ патріотомъ. Въ этомъ отношеніи онъ является такимъ-же честноубѣжденнымъ человѣкомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ своихъ

дѣлахъ; и тутъ онъ глубоко вѣрилъ, что отечество обязательно вызываетъ въ насъ, и по инстинкту, и по философскому размышленію, то чувство любви, въ силу котораго мы, какъ должники его обязаны удѣлять труды и заботы свои для поддержанія и развитія заслуживающихъ уваженія самобытныхъ чертъ своей народности. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ отошелъ въ иной міръ; это-же убѣжденіе оставилъ онъ и намъ, какъ часть своего богатаго духовнаго наслѣдства.

В. Науменко.

Библіографическій указатель трудовъ А. Ф. Кистяковскаго.

1) Переводъ сочиненія Блюнчли, «Allgemeines Staatsrecht», оставшійся ненапечатаннымъ, при чемъ и рукопись не сохранилась (1859—60 гг.).

2) Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса по Миттермайеру (Журналъ Мин. Юстиц. 1860, № 6).

3) Конференція парижскихъ адвокатовъ (Ibid. 1861, № 2).

4) Степень достовѣрности телеграфическихъ депешъ въ сношеніяхъ судебныхъ мѣстъ между собою (Ibid. 1861, № 3).

5) Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи. (Основа, 1862 г., № 1—27, стр. 1—27). Статья эта имѣетъ подпись —*кій*»; она не помѣщена въ указателѣ ученыхъ трудовъ А. Ф. Кистяковскаго въ «Біографическомъ словарѣ» и пр,, но достовѣрно извѣстно, что она принадлежитъ ему.

6) Международное общество для развитія общественныхъ наукъ и первый его конгрессъ въ Брюсселѣ. (Ibid. 1863, № 10).

7) Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи (Ibid. 1863, № 8).

8) С. О. Богородскій и его ученая дѣятельность (Ibid. 1863, № 9).

9) Полицейскіе суды въ Лондонѣ. Псевдонимъ: *Городисскій* (Ibid. 1864, № 9).

10) Вліяніе Беккаріи на русское Уголовное право. Псевдонимъ: *А. Городисскій* (Ibid. 1864, № 9).

11) Рецензія на «Учебникъ уголовнаго права» В. Спасовича (Жур. Мин. Нар. Просв. 1863, № 7, перепечатано въ Журн. Мин. Юстиц., 1863, № 7).

12) Амвросій Рандю и французскій университетъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, № 5 и 6).

13) Рецензія на сочиненіе Валетта: «Guide pédagogique et manuel administratif à l'usaqe des instituteurs, des institutrices et principalement des élèves-maîtres» 1862. (Ibid. 1863).

14) Чему и какъ учить народъ. 1863.

15) О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по дѣйствовавшему до судебной реформы уголовному судопроизводству, въ особенности о предварительномъ тюремномъ заключеніи, диссертація pro venia leqendi (Унив. Изв. 1864, № 5 и 6, и отдѣльно, Кіевъ, 1864).

16) Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу Императрицы Екатерины II (Унив. Изв, 1864, № 10).

17) Изслѣдованіе о смертной казни, магистерская диссертація (Унив. Изв. 1866, №№ 11 и 12, 1867, № 1—4, и отдѣльное изданіе Кіевъ, 1867, стр. I—VI, 1—281).

18) О порядкѣ и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовнаго завѣщанія, объявленному при предъявленіи духовнаго завѣщанія къ засвидѣтельствованію (Журн. Мин. Юстиц. 1867, № 9).

19) Историко-догматическое изслѣдованіе о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, докторская диссертація (Жур. Мин. Юстиц. 1868, № 2, 3, 7, 8, 9, 10 и 11, и отдѣльное изданіе, СПБ. 1868, стр. 1—194).

20) О значеніи судебной реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ университета св. Владиміра 9 ноября 1869 г. (Унив. Изв. 1870, № 5 и 6, и отдѣльное изданіе, Кіевъ 1870).

21) О подсудности по закону 11 октября 1865 г.

22) Объ отношеніи судебной реформы къ теоретическому образованію вообще и представителямъ его—профессорамъ юридическихъ наукъ. (Обѣ эти статьи напечатаны въ Судебн. Вѣстн. за 1866 и 1867 гг.).

23) Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и нынѣшнее ихъ положеніе (Труды этногр. Статист. Экспедиціи въ

Западно-Русскій край, снаряжен. Имп. Геогр. Общ., Юго-Западн. Отдѣлъ, т. VI, 1872).

24) Уголовное право Италіи. Профессоръ Пессина и современное движеніе италіанскаго права и науки. (Судебн. Журн. 1873, № 3 и 4).

25) Италіанскіе университеты (Журн. Мин. Нар. Просв. 1874).

26) О преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи (Ibid. 1874).

27) Главнѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовнаго права (Унив. Изв. 1873, № 12, 1874, № 1).

28) Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Часть общая. (Унив. Изв. 1874, № 1—3, 5, 7, 8 и 12, 1875 № 1—5, и отдѣльное изданіе, 1875, Кіевъ, стр. 1—413).

29) Разборъ сочиненія Сокольскаго: «Beiträge zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der Уложеніе des Zsaren Alexei Michailowitsch.» (Унив. Изв. 1870, № 10).

30) Разборъ сочиненій Духовскаго: «Задача науки уголовнаго права», 1872; »Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ» 1873, (Ibid. 1873, № 12).

31) Труды Дю-Буа по исторіи уголовнаго права Франціи сравнительно съ уголовнымъ правомъ Италіи, Германіи и Англіи. (Ibid. 1884, № 10).

32) Рецензія на сочиненіе проф. Самоквасова «Древніе города Россіи» (Судебн. Журн. 1874, № 1—2).

33) Разборъ сочиненія Сокольскаго: О нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ» (Журн. Гр. и Уг. Пр. 1873, кн. 6. ноябрь, Унив. Изв. 1873, № 11).

34) Отвѣтъ Сокольскому по поводу этого сочиненія (Ibid. 1874, № 2).

35) Разборъ сочиненія проф. Тарасова: «Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности» (Журн. Гр. и Уг. Пр. 1875, кн. 5, сентябрь и октябрь).

36) О преступленіи: «недозволенное оставленіе отечества» (Судеб. Вѣстн. 1875, № 230).

37) Къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеніи его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. (Ibid., № 231).

38) О наказуемости изъявленія умысла по русскому праву (Ibid., 1876).

39) Возможно-ли у насъ отдѣлить экзамены юристовъ отъ времени преподаванія и ввести государственные экзамены (Ibid., 1876, № 40).

40) О трудахъ проф. Тонисена по исторіи уголовнаго права (Унив. Изв. 1876, № 4)

41) Собраніе и разработка матеріаловъ по обычному праву (Ibid. 1876, № 6).

42) Обозрѣніе работъ по обычному праву въ послѣдніе 5 лѣтъ 1873—1878 (Ibid, 1878, № 4).

43) Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву. (Ibid, 1874).

44) Второе исправленное и дополненное изданіе этой программы съ предисловіемъ о методѣ собиранія матеріаловъ по обычному праву (Ibid. 1878, и отдѣльное изданіе, Кіевъ 1878, стр. 1—51)

45) Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. VIII).

46) Воспоминаніе объ ученой дѣятельности покойнаго профессора А. П. Чебышева-Дмитріева (Унив. Изв. 1877, № 5).

47) Профессоръ Н. Д. Иванишевъ и его сочиненія (Юрид. Вѣст. 1877, № 7).

48) Судъ шефеновъ въ русской юридической литературѣ (Унив. Изв. 1877, № 11).

49) Разработка вопроса о предрѣшеніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, возникающихъ при производствѣ уголовнаго суда. (Ibid. 1877, № 12).

50) Разборъ сочиненія проф. Неклюдова: «Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права» (Сборн. Государств. знаній, т. VII).

51) Главные моменты исторіи смертной казни въ Россіи (Чтенія въ Общ. Нѣстора Лѣтописца).

52) Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы (Журналъ Гражд. и Уголовн. Пр. 1879, № 2, 3).

53) Разборъ сочиненій: а) переводы Соболева сочиненія Беккаріи «о преступленіи и наказаніи» съ предисловіемъ переводчика (Критическое Обозрѣніе, 1879, № 10); b) Слонимскаго: «Умственное разстройство въ гражданскомъ и уголовномъ отношеніи», c) Розенгейма: «Очеркъ исторіи военно-судебныхъ учрежденій при Петрѣ Великомъ», d) проф. Таганцева: «Курсъ русскаго уголовнаго права», e) Заруднаго: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ

въ сравненіи съ X главой Наказа Имп. Екатерины II и съ современными русскими (Журн. Гражд. и Уголовн. Права, 1880, кн. I, январь—февраль).

54) Очеркъ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законѣ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. (Унив. Изв. 1878, № 11 и 12).

55) О незаконнорожденныхъ (Журн. Гр. и Угол. Права, 1880, кн. 1, январь—февраль, кн. 2, мартъ—апрѣль).

56) О задачахъ и цѣляхъ нашихъ юридическихъ обществъ и отношеніи ихъ къ судебной реформѣ (Ibid. 1881, кн. 1, январь—февраль).

57) Біографическія свѣдѣнія объ умершихъ нѣмецкихъ юристахъ: Геффтерѣ, Вальтерѣ и Вехтерѣ (Ibid. 1881).

58) Къ вопросу о вліяніи инородческаго права на русское (Юрид. Вѣст. 1880).

39) Постановленія русскаго уголовнаго права о молодомъ возрастѣ по отношенію къ вмѣненію (Ibid. 1880).

60) О самоубійствѣ по дѣйствующей системѣ уголовныхъ законовъ (Журн. Гр. и Угол. Права, 1882, кн. 3, мартъ).

61) Права, по которымъ судится малороссійскій народъ съ приложеніемъ изслѣдованія о семъ сводѣ и о законахъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи (Унив. Изв. 1875, № 6, 7, 8, 9, 10, 11; 1876, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1877, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12; 1878, № 11 и 12 и отдѣльное изданіе, Кіевъ 1879: изслѣдованіе, стр. 1—114, текстъ, стр. 1—844, реестръ, стр. 1—73, оглавленіе, стр. 1—27).

62) Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія съ обозрѣніемъ русскихъ учрежденій (Унив. Изв. 1878, № 4, 5, 6, 7, и отдѣльное изд., Кіевъ, 1878, пред. I—III, 1—213, I—X).

63) Докладъ объ ученыхъ трудахъ профессора Тарасова (Журн. Гр. и Уг. Права 1882, № 5).

64) О преступленіяхъ противъ вѣры (Наблюдатель, 1882, октябрь).

65) Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣленныхъ по суду? (Сборн. Госуд. Знаній. подъ ред. Безобразова, 1887, т. IV).

66) Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства 2-е испр. и значительно дополнен. (Кіевъ, 1882. I—IV, 1—19, 1—930, 1—7, 1—8). Тоже. 3-е изданіе безъ измѣненій. Кіевъ, 1891 г.

67) Термины, выражавшіе въ старину понятіе наказанія вообще и смертной казни въ особенности (Лѣтоп. Занятій Археол. коммиссіи 1881. Кн. I, стр. 56—84).

68) Рецензія на соч. Л. Бѣлогрицъ-Котляревскаго «О воровствѣ-кражѣ по русскому праву». (Унив. Изв. 1881, № 2)

69) Программа чтеній по уголовному праву (Унив. Изв. 1883, № 1).

70) Новыя ученія о преступленіи и наказаніи (по поводу соч. Д. Дриля «Малолѣтніе преступники») («Заря» 1885, №№ 10 и 12).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.)

Вдовой, братьями и дѣтьми покойнаго Александра Федоровича Кистяковскаго намъ предоставлено было право разсмотрѣть воспоминанія отца его, писанныя по личной просьбѣ Александра Федоровича и имѣвшія первоначальное назначеніе только фамильное. Разсмотрѣвъ эти воспоминанія, мы пришли къ выводу, что они, кромѣ личнаго, имѣютъ и общественное значеніе, не только потому, что всякія замѣтки о картинкахъ жизни прошедшей есть достояніе исторіи, но и потому, что въ нихъ затрогиваются нѣкоторыя стороны жизни окружающаго общества, иногда очень рельефно выступающія въ разсказахъ старика священника. Рѣшивъ въ виду этого ихъ напечатать, мы обратились за разрѣшеніемъ къ родственникамъ автора, которые и дали намъ на это свое согласіе, за что позволяемъ себѣ принести имъ нашу глубокую благодарность.

Удобнѣе всего, конечно, начать печатаніе этихъ воспоминаній въ той книжкѣ нашего журнала, которая посвящается памяти сына автора ихъ, при чемъ самыя воспоминанія эти, какъ было сказано, появились на свѣтъ, благодаря просьбѣ этого сына, думавшаго о возможности сдѣлать ихъ гласными, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ собственноручная надпись Александра Федоровича на поляхъ рукописи. Вотъ эта надпись: „Воспоминанія отца моего, написанныя имъ по моей просьбѣ въ 1876—79 гг. Записки эти, къ сожалѣнію, не кончены. Воспоминанія доведены до посѣщенія отцемъ города Кіева въ то время, когда братъ Федоръ по-

ступилъ въ университетъ. Отецъ еще живъ, но онъ такъ дряхлъ, что съ трудомъ въ состояніи написать письмо. Записки эти для меня лично представляютъ большой интересъ. Онѣ не лишены также и общаго интереса. Современемъ онѣ составятъ нѣкоторый матеріалъ для исторической характеристики жизни того сословія, къ которому принадлежалъ мой отецъ и среди котораго онъ жилъ. Жаль, что онѣ слишкомъ кратки. Кіевъ. 1879 г. 12 октября. А. Ѳ. Кистяковскій".

Такъ какъ записки эти въ большинствѣ представляютъ картинки бытового характера и, слѣдовательно, говорятъ сами за себя, то мы не считаемъ нужнымъ говорить что-нибудь еще и отъ себя въ разъясненіе ихъ въ видѣ предисловія. Единственно, что намъ кажется необходимымъ—это дать читателю справку о личности графа Ильи Андреевича Безбородка, о которомъ въ этихъ запискахъ (въ первой части ихъ) говорится довольно много.

Графъ И. А. Безбородко (1756—1816)—младшій братъ знаменитаго князя А. А. Безбородка, благодаря значенію послѣдняго, быстро подвигался по служебной лѣстницѣ и въ сорокалѣтнемъ возрастѣ имѣлъ уже высшій гражданскій чинъ и титулъ графа римской имперіи. Смерть бездѣтнаго князя Безбородка доставила этому его единственному брату огромныя богатства. Найденная въ бумагахъ умершаго А. А. Б—ка записка послѣдняго съ выраженнымъ въ ней желаніемъ, чтобы наслѣдникъ вносилъ въ первые пять лѣтъ послѣ смерти наслѣдодателя, по 10 тысячъ рублей въ годъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, а затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ—по 20 тысячъ рублей, подала мысль И. А. Безбородку учредить въ Нѣжинѣ училище высшихъ наукъ (впослѣдствіи—лицей, а еще позже—институтъ), при чемъ благородный наслѣдникъ прибавилъ еще отъ себя на содержаніе этого училища, кромѣ завѣщанныхъ братомъ, 210 тысячъ рублей ас., по 15 тысячъ руб. ас. ежегодно, на вѣчныя времена. Такимъ образомъ Нѣжинское училище своимъ учрежденіемъ обязано главнымъ образомъ гр. И. А. Безбородку, за что память о немъ въ Малороссіи должна быть сохранена на долгія времена..... Современники этого богача отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ очень добромъ и

доступномъ. По смерти гр. И. А. Б—ка богатства его унаслѣдовали двѣ дочери [1]), бывшія замужемъ: одна—за адмираломъ Г. Т. Кушелевымъ, а другая—за кн. А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ. Старшій сынъ Кушелева получилъ позволеніе присоединить къ своей фамиліи и фамилію дѣда—Безбородка.

Родился я въ 1807 году 20 дня апрѣля мѣсяца Черниговской губерніи Сосницкаго уѣзда въ мѣстечкѣ Стольномъ. Отецъ мой былъ крестьянинъ графа Ильи Андреевича Безбородка, Емеліанъ Васильевъ Кистяковскій. Мать моя Мароа Софронова дочь. Отецъ былъ средняго роста, довольно грамотный, отчего и занималъ мѣсто управляющаго. Мать, высокая, полная и красивая женщина, завѣдывала всѣми кладовыми, вмѣщавшими въ себѣ продовольственныя вещи для графской кухни, дессерта и всѣ лакомства. Помню, что, когда я уже подросъ, постоянно являлись къ моей матери за сливками, масломъ, сахаромъ, вареньемъ, изюмомъ, миндалемъ и прочими принадлежностями для закусокъ. Мы, дѣти, нерѣдко бѣгали въ кладовую за подачкою. Насъ было трое: я и еще двѣ сестры: Анастасія и Мавра; съ послѣднею я былъ въ большой дружбѣ и нерѣдко дрался. Рожденіе мое было ознаменовано: бабкою была у меня попадья Дарья Василіева дочь Воронкевичева, славившаяся въ то время богатствомъ и почестями. Графъ подарилъ ей 50 руб., а матери на угощеніе гостей два ведра ренскаго вина съ дозволеніемъ брать все нужное изъ его кладовой. По сказанію матери, изъ вина варили вареную съ изюмомъ и другими ягодами и пряностями, бывшую тогда въ большомъ употребленіи. Нѣсколько дней гуляли, и бабка съ гостями являлась къ графу и получала подарки и изъ графскаго погреба вино бутылками, наливки и медъ.

Воспитаніе мое въ младенчествѣ было самое счастливое на рукахъ няньки, но мать кормила меня сама, хотя по желанію графа и была мамка. Въ полгода я сильно заболѣлъ; мать дала обѣтъ ѣхать въ Рыхлы поклониться Святителю Христову Ни-

---

[1]) Былъ у гр. И. А. Б—ка и сынъ, но умеръ молодымъ.

колаю и испросила крытый экипажъ у графа. Въ дорогѣ не бралъ я уже груди матери и мамки. По прибытіи въ обитель Рыхловскую мать заказала заздравную литургію. Она сама говѣла, и меня пріобщили Св. Таинъ. Я видимо сталъ поправляться. Мать сдѣлала вкладъ денежный въ обитель. Строитель игуменъ Амвросій благословилъ меня образомъ Святителя Христова, спискомъ съ чудотворнаго образа, и предсказалъ моей матери, что она въ позднихъ лѣтахъ будетъ утѣшена моимъ благосостояніемъ [1]). Когда я сталъ подростать, меня нянька носила часто въ графскія комнаты, гдѣ я получалъ разныя дѣтскія игрушки. Отецъ мой Емеліанъ рѣдко проживалъ въ Стольномъ: ему дѣлались наряды по Малороссійскимъ графскимъ экономіямъ Черниговской и Полтавской губерній. По отзывамъ старожиловъ, отецъ мой былъ очень добрый и мягкій человѣкъ, строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы пригонщики не обижали женщинъ и дѣтей; онъ самъ нерѣдко привозилъ мѣшками бублики изъ Березного и раздавалъ для кормленія дѣтей, приказывая устраивать имъ шалашики въ лѣтнее время и приставляя нѣсколько женщинъ для присмотра дѣтей. Сюда пригонялись люди изъ другихъ близкихъ экономій, Дримайловки, Куликовки и др. На огородахъ и въ садахъ работало болѣе ста душъ. Здѣсь, въ Стольномъ, кромѣ садовъ были огромныя оранжереи и теплицы близъ самаго пруда, занимавшія болѣе четверти версты. Здѣсь, въ теплицахъ, росло множество ананасовъ и разнаго рода цвѣтовъ, не встрѣчающихся уже теперь, лимоновъ, апельсиновъ, цитроновъ, винныхъ ягодъ, миндалю, персиковъ, абрикосовъ и шпанскихъ вишенъ рѣдкой величины и вкуса. А сколько было плодовъ лимона около оранжерей, росшихъ на воздухѣ и искусственно сохраняемыхъ! Они были необыкновенной величины, и я такихъ больше нигдѣ не видѣлъ, даже въ Кіевѣ въ продажѣ. Употреблялись они на варенье и для стола. Нынѣ уже только нѣкоторые роды уцѣлѣли, и отъ оранжерей осталась едва десятая часть. Есть еще до полсотни лимонныхъ деревьевъ, нѣсколько апельсинъ, цитроновъ; абрикосовыхъ и персиковыхъ бо-

[1]) Она умерла въ 50-хъ годахъ въ нашемъ домѣ и погребена въ селѣ Городищѣ около храма Святителя Христова Николая.

лѣе, но не въ томъ уже видѣ и порядкѣ. Всѣ нѣжные цвѣты и лучшіе сорта исчезли, а теплицъ вовсе нѣтъ. Вездѣ намъ дѣтямъ, т. е. мнѣ и сестрамъ, можно было ходить и пользоваться плодами, хотя тогда сторожей было безъ числа и строго воспрещалось входить кому-либо изъ посторонних, кромѣ гостей, коихъ сторожа на каждомъ шагу просили не ломать цвѣтовъ; сорванные же плоды садовникъ или ихъ помощники предлагали во время проходки.

Въ 1808-мъ году графъ далъ вольную отцу моему и матери со всѣмъ семействомъ, купилъ мѣсто въ Стольномъ на Зубрѣевской улицѣ и приказалъ экономіи построить домъ въ четыре комнаты, амбары, хлѣвы и клуню, развесть садъ. У матери моей довольно было собственнаго скота. По устроеніи она наняла надежнаго человѣка, козака Трофима Присѣвка, сдѣлала его полнымъ хозяиномъ; между тѣмъ онъ торговалъ рыбою, солью, чабаками. Въ *Дѣвицѣ* покупалось нѣсколько мажъ чабаковъ, соли. Барышъ дѣлился пополамъ, скотъ лишній и овцы на весну продавались въ пользу одной матери. Лошадь онъ имѣлъ отъ себя для своихъ поѣздокъ и потребъ. Насъ лѣтомъ водили въ свой домъ, хотя очень рѣдко, а зимою по праздникамъ возили. Когда я началъ уже подростать и ходить, меня и сестру мою Мавру, бывшую на годъ старше меня, часто водили въ графскіе покои, вмѣщавшіе въ себѣ большое количество комнатъ, украшенныхъ дорогими въ золотыхъ рамахъ картинами и дорогою мебелью, обитою штофомъ, водили насъ и въ его кабинетъ, гдѣ были золотые обои [1]); здѣсь находился портретъ Императора Павла во весь ростъ. Графъ давалъ намъ дѣтскія игрушки, послѣ чего насъ посылали въ дѣтскія комнаты, гдѣ насъ кормили и давали конфекты и разныя сласти. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ насъ одѣвали прилично и водили въ домовую придворную церковь во имя св. Маріи Магдалины, находящуюся при комнатахъ. Служителемъ сей церкви сначала былъ протопопъ Лаврентій. Онъ былъ искусный рѣзчикъ по дереву. Кресты кипарисные напрестольные его ра-

[1]) Кушелевъ вывезъ оные обои изъ Петербурга. Сказываютъ, что это подарокъ Имп. Екатерины Свѣтлѣйшему Александру Андреевичу.

боты находятся въ Стольнинскихъ приходскихъ церквяхъ, оправленные въ серебряные позолоченные окладцы, какъ рѣдкость. По сказанію матери, онъ былъ умный и весьма отличный служитель, но заболѣлъ и выѣхалъ на родину, въ Стародубскій уѣздъ. Я его чуть помню. Послѣ него переведенъ придворнымъ священникомъ изъ Андреевской церкви свящ. Даніилъ Игнатовичъ, тоже глубокій старикъ, бѣлый, какъ лунь. Сего я очень помню: онъ былъ большой крикунъ, въ церкви постоянно кричалъ на дьячковъ и пѣвчихъ и до того накаживалъ въ церкви, что она была какъ будто вся въ облакахъ. Для графа и его семейства входъ въ церковь былъ сдѣланъ изъ комнатъ, для дворовыхъ же и прочихъ—снаружи, гдѣ при входѣ находилась платформа, на которой висѣли четыре колокола; самый большой изъ нихъ былъ пудовъ въ десять. Въ самой церкви было небольшое помѣщеніе, но при входѣ было сдѣлано что-то въ родѣ придѣла, гдѣ помѣщались дворовые, а ихъ тамъ было болѣе ста душъ мужскаго пола; въ самой же церкви стояли благородные или близкіе къ графскому семейству его люди. И со стороны графскаго входа находилась также комната съ большими стеклянными дверями. Въ церкви былъ только одинъ клиросъ; надъ нимъ висѣла большая икона въ золотой рамѣ, академической работы, изображавшая Благовѣщеніе. Здѣсь же въ углу прибита была благословенная икона Святителя Христова Николая Рыхловскаго, предъ которою всегда теплилась лампада и горѣла восковая свѣча во время каждаго богослуженія; это доставлялось моей матерью, строго исполнявшей сей обѣтъ. На другой сторонѣ, на стѣнѣ, висѣла икона Рождества Христова—поклоненіе царей рождшемуся Спасителю, тоже академической работы. Здѣсь всегда стоялъ графъ во время богослуженія. Помню, онъ пріобщался Св. Таинъ на первый день св. Христова Воскресенія, послѣ коего всѣ дворовые во входной предъ церковью комнатѣ подходили къ нему христосоваться по чину, и камердинеръ и нарочитые ближніе получали изъ рукъ его пару красныхъ яицъ, а послѣ прочимъ самъ камердинеръ раздавалъ яйца и христосовался. Наша же семья входила въ столовую и разговлялась съ графомъ и его ближними. Тогда же послѣ за-

куски получали мы денежную награду изъ рукъ графа, цѣлуя его въ руку: намъ, дѣтямъ, онъ давалъ по пятирублевой ассигнаціи, отцу и матери—по 25 рублей. Графъ жилъ въ сіе время оттого самъ, что устраивалъ своимъ коштомъ Домницкій монастырь. Графское семейство жило въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1809 года графъ выѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлавъ всѣ распоряженія къ весеннему его пріѣзду со всѣмъ семействомъ. Мать разсказывала, что еще до его пріѣзда наѣхало изъ Петербурга и разныхъ экономій много людей, искуссныхъ въ разныхъ приготовленіяхъ закусокъ, и цѣлыя облавы охотниковъ. Все время шло копченье, приливанье, соленье; работали медовары, пивовары и составители разныхъ ликеровъ и наливокъ. Постомъ прибыли цѣлые караваны съ винами и прочими принадлежностями къ столу. Распространилась молва, что скоро прієдетъ графъ со всѣмъ семействомъ. Много всѣмъ было дѣла. Наконецъ, въ началѣ мая прибыла часть его обоза. Вскорѣ засуетилась вся дворня: начали вывозить кареты, разные экипажи; изъ другихъ экономій выслали много лошадей, экипажныхъ и верховыхъ. Наконецъ, высланы лошади на нѣсколько станцій, поскакали гайдуки изъ Стольнаго, вся дворня всполошилась. Съ полудня появились впереди кареты, штукъ до шести, послѣ разные экипажи. Когда кареты въѣзжали на парадный, дворъ, то послѣдніе экипажи были только въ началѣ въѣзда. Для насъ, дѣтей, памятно, какъ гайдуки скакали предъ каретами, кучера и форейторы хлопали бичами, колокольчики звенѣли; все это съ послѣдней станціи одѣто въ ливреи, въ золотыхъ позументахъ и шляпахъ съ позументами. Изъ Петербурга и другой какой-то экономіи пріѣхало два оркестра музыки: одинъ духовой, а другой—инструментальный. Въ обѣдъ играла инструментальная музыка, а по вечерамъ—духовая. Помню, что огромныя трубы лежали на подмосткахъ въ саду около большого крыльца.

На другой день рано являлись съ визитомъ: первый—генералъ Бобиръ съ семействомъ, Даниловичи-Городинскіе, священникъ Василій Воронкевичъ съ матерью, моей бабкою, затѣмъ исправникъ и засѣдатель. Они всегда были оставляемы отобѣдать. Матери моей и отцу ни днемъ, ни ночью не было покоя:

всѣ пріѣзжіе являлись на поклонъ. Затѣмъ безпрерывныя требованія для кухни за провизіей, а тутъ постоянно прибѣгали за сливками, сливочнымъ масломъ, за вареньемъ и разными пряностями. Все питье находилось на рукахъ дворецкаго. Вина и ликеры печатные помѣщались въ погребѣ подъ комнатами, а пиво, медъ, кислощи и наливки—въ отдѣльномъ каменномъ погребѣ. У дворецкаго былъ помощникъ, выдававшій изъ другого погреба, и все выданное ими записывалось. Въ конторѣ было пять писарей съ главнымъ конторщикомъ. Можно судить, сколько расходилось. Всего было 25 коровъ, да къ пріѣзду графа пригнано было изъ степныхъ экономій столько же дойныхъ. 12 душъ коровницъ утромъ и вечеромъ надаивали шесть носатокъ, каждая ведеръ въ 7. Каждая пара коровницъ несла такую носатку на жерди, лежащей на плечахъ, самая же носатка висѣла на срединѣ. Приходили къ ледовнѣ и здѣсь разливали въ гладыжки, коихъ было несмѣтное количество; здѣсь снимали сливки, молоко раздавали дворнѣ, потомъ снимали сметану и здѣсь же вливали въ колотушки для битья масла. Большое количество отсылалось на кухню.

Нерѣдко мы ходили съ коровницами на большую леваду находящуюся надъ озеромъ, а это не близко. Тамъ былъ птичій дворъ; больше тысячи было тамъ домашней птицы—индюковъ, гусей, утокъ, куръ. Тутъ же былъ винокуренный заводъ, хлѣбные сараи и клуни, стояло большое количество скирдъ ржаного хлѣба и сѣна. Тамъ была построена цѣлая колонія хатъ для рабочаго народа.

Вскорѣ по пріѣздѣ графа съ семействомъ [1]) начали съѣзжаться гости изъ Чернигова. Шли приготовленія къ освященію Домницкой обители. Прибыли изъ Чернигова губернаторъ Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а затѣмъ за день или болѣе преосвященный Михаилъ, архіепископъ Черниговскій.

Здѣсь исполнилось неожиданное назначеніе всей моей будущей судьбы. Мать потребовали со мною въ графскія комнаты. Преосвященный благословилъ мать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня,

[1]) Ибо двѣ дочери уже были въ замужествѣ: первая, Клеопатра, за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, а другая за Кушелевымъ, дѣдомъ нынѣшней Пушкиной.

стоявшаго съ матерью; затѣмъ онъ объявилъ свое архипастырское благоволеніе, что я принимаюсь въ духовное званіе, водилъ меня по парадной комнатѣ и говорилъ: „ты будешь получать содержаніе въ духовномъ училищѣ отъ меня“. Слѣдовательно, я долженъ былъ носить другую еще фамилію Михайловъ, которую усваивали въ Черниговской семинаріи получающіе таковое пособіе. Но объ этомъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

За день большимъ обозомъ отправилась кухня въ Домницкій монастырь. Данъ былъ приказъ ловить рыбу во всѣхъ возможныхъ озерахъ. Рано съ разсвѣтомъ тронулся весь кортежъ каретъ и прочихъ экипажей съ гостями и со всей ливрейной прислугой. Много каретъ и экипажей возвратилось вечеромъ, а другая часть—на слѣдующій день. Готовились опять къ балу, заготовляли плошки, разные фонари, фейерверки; нѣсколько фалконетовъ выставлено или, какъ именовали ихъ, мощирей, на площадкѣ въ саду. Опять прибыло много гостей. Дня три это продолжалось. Отъ насъ позабрали всю, какая была лучшая, постель и отъ прочихъ дворовыхъ, кто имѣлъ таковую получшую. По окончаніи баловъ стали разъѣзжаться; вскорѣ уѣхали и петербургскіе гости и зятья. Говорятъ, они были на должностяхъ.

Остался графъ и графиня съ сыномъ, да докторъ Мисинадо, французъ; музыка почти вся была отправлена: остались одни турбанисты, танцующіе съ турбаномъ и пѣніемъ. Все вошло въ прежнюю колею. Мать говорила, что она до того была истомлена, что болѣе недѣли проболѣла. Молодой графъ часто приходилъ съ докторомъ Мисинадо къ намъ въ домъ; они удалялись въ угловую комнату еще съ какимъ-то господиномъ и моимъ отцомъ. Здѣсь они играли въ карты и шашки; дворецкій приносилъ имъ попойку, бутылки вина и наливки. Молодой графъ любилъ погулять; впрочемъ, онъ былъ больной и полуидіотъ. Онъ очень уважалъ мою мать и нерѣдко называлъ ее мамашей и боялся, если мать когда-либо останется чѣмъ-либо недовольна.

Въ сіе время я уже начиналъ ходить гулять, хотя и съ нянькой. Товарищемъ моимъ былъ Петръ Дайнека, сынъ булочницы; она же пекла просфоры для домашней дворовой церкви

и для приходской Спасопреображенской. Дружба наша продолжалась и тогда, когда насъ начали учить и посылать въ школу къ пономарю, очень сердитому и любившему выпивку.

Графа-владѣтеля я никогда не видѣлъ въ нашемъ домѣ. Мать постоянно требовали въ комнаты. Иногда по вечерамъ и утрамъ сестру Мавру и меня туда водили, давали намъ пить чай съ разными булками, сухарями и прочими сластями. Входилъ графъ, и мы подходили цѣловать его руку. Онъ приказывалъ принесть намъ разныхъ конфектъ и сластей, и мы выходили съ наполненными салфетками. По приходѣ мать отъ насъ отбирала принесенное и давала малую только часть, за что мы иногда ссорились до драки.

Сестра Анастасія не участвовала въ нашихъ гуляньяхъ: она уходила учиться къ какой-то графской швейной мастерицѣ.

Особенно намъ нравилось, когда собирались у насъ гости— всѣ приближенные графскіе, мужья съ женами и дѣвушками. Угощеніе шло на славу: вареная малороссійская играла главную роль, наливка и вино лились въ изобиліи, закуски были найлучшія. Здѣсь участвовалъ и главный поваръ Антонъ, пузатый мужчина, одѣвавшійся очень прилично; въ кухнѣ же во время приготовленія обѣда онъ былъ весь въ бѣломъ, какъ снѣгъ.

Эти угощенія бывали больше тогда, когда графы отъѣзжали куда-либо въ гости. Приходившіе намъ всегда приносили много разныхъ гостинцевъ и подарковъ. Главный садовникъ, участвовавшій въ этихъ пирушкахъ, приносилъ разные оранжерейные плоды, какихъ нынѣ уже и видѣть не приходится. Призывали турбанистовъ; они одѣвались въ избранное имъ платье и плясали подъ напѣвъ и игру удивительнымъ и искуснымъ образомъ, подобно паяцамъ.

Въ 1810-мъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ умеръ нашъ отецъ Емеліанъ, оплаканный всѣмъ семействомъ и дворовыми людьми: онъ былъ мягкій человѣкъ и любимый всѣми. Болѣзнь его была простудная—чахотка. Онъ болѣлъ всю зиму, и докторъ французъ Мисинадо поддерживалъ его, но сказалъ матери, что никакія лѣкарства не помогутъ и что весною или въ началѣ лѣта онъ умретъ.

Мать не жалѣла ничего для погребенія, сдѣлала склепъ просторный, чтобы когда-нибудь по смерти быть погребенной и ей [1]). Похороны были великолѣпныя: были священники съ причтами изъ трехъ церквей.

Его погребли близъ Андреевской церкви въ паперти. Здѣсь въ церкви погребена мать графовъ, Евдокія, на лѣвой сторонѣ, гдѣ въ стѣнѣ находится позлащенная таблица съ означеніемъ времени рожденія, службы и смерти. Она была статсъ-дама, имѣла орденъ св. Екатерины и служила при дворѣ при трехъ монархахъ. Въ послѣднее время она и жила здѣсь при церкви, въ домѣ изъ нѣсколькихъ комнатъ для нея и для ея прислуги.

Она вела жизнь отшельническую, удаливъ отъ себя всякую роскошь и суету міра. Она не ѣздила даже въ графскій дворецъ, а самъ графъ часто пріѣзжалъ къ ней; да она вообще никуда не выѣзжала, кромѣ Домницкаго монастыря къ своему духовнику, архимандриту и настоятелю Іерофею Малицкому. Благодаря ея ходатайству предъ сыномъ, свѣтлѣйшимъ, онъ хиротонисованъ въ архіереи, а послѣ въ митрополиты кіевскіе.

Мать устроила каменный памятникъ надъ могилой отца, который и нынѣ существуетъ. Въ 1849 году, въ бытность священника Аделфинскаго, я его подправилъ и отщекатурилъ. Въ то время я былъ благочиннымъ.

Здѣсь было много памятниковъ деревянныхъ, но они разрушились и не существуютъ, кромѣ одного, каменнаго, надъ могилой генералъ-маіора Степана Бобира и другого, поставленнаго бывшимъ управляющимъ Петромъ Тузовымъ на могилѣ единственнаго сына. Послѣдній памятникъ былъ что-то въ родѣ малой церкви и стоилъ болѣе тысячи рублей. Этотъ мальчикъ подавалъ большія недежды. Въ памятникѣ стоятъ его механическія мельницы и прочія модели, сдѣланныя имъ собственнымъ рукодѣліемъ на 13-мъ году жизни.

Въ 1811-мъ году графъ со всѣмъ семействомъ выѣхалъ въ Петербургъ. При отъѣздѣ была призвана мать для проща-

[1]) Ей не суждено тамъ быть погребенной, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

нья; графъ предложилъ ей свою енотовую шубу, немного только ношенную; мать отказалась, и онъ тутъ же подарилъ ее дворецкому Ѳомѣ Бойку, сказавъ при этомъ: „Марфа, Марфа! Придетъ тебѣ темная ночь!“ Слова его сбылись въ послѣдующей жизни моей матери.

Послѣ отъѣзда графа произошли большія перемѣны: управляющій Дмитрій Петровъ Рсговичъ переселилъ мать мою въ домъ за дворомъ, гдѣ проживали впослѣдствіи сахаровары нѣмцы, а нынѣ садовникъ Кохъ.

Правда, домъ былъ помѣстительный.

Меня стали учить: сначала пономарь дворовой церкви ходилъ къ намъ на домъ, а послѣ я и сестра Мавра стали ходить къ нему въ школу, дворовъ черезъ шесть, по большой улицѣ. Мы ходили больше съ Петромъ Дайнекою: онъ заходилъ за мною. Конечно, наше хожденіе было не безъ штукъ и шалостей: мы заходили на цвинтарь драть воробьевъ, а въ лѣтнее и осеннее время забирались въ графскій садъ, гдѣ лакомились ягодами, грушами, яблоками, сливами, нерѣдко зелеными. Насъ, какъ привиллегированныхъ, не наказывали розгами, а ставили на колѣна и грозили подсыпать гречки. За то, когда нашъ учитель приходилъ жаловаться матерямъ, не обходилось безъ потасовки. Прочихъ онъ升 дралъ, можетъ быть для внушенія намъ страха, и при отпускѣ въ субботу давалъ такъ называемыя „субботки“. Въ это время онъ всегда бывалъ пьянъ.

Діомедъ Афанасьевичъ Скриба (такъ звали нашего учителя) величался своимъ знаніемъ, силою и разгонялъ всю свою семью. Но лѣтомъ онъ заболѣлъ и умеръ на паперти дворовой церкви, подъ колоколами; онъ тамъ болѣе мѣсяца болѣлъ, не ходилъ въ домъ, хотя около церкви прогуливался съ трудомъ. Его занимали пчелы, которыхъ нѣсколько пней стояло тутъ-же въ саду; онъ за ними смотрѣлъ, потому что съ паперти былъ ходъ въ садъ.

Мы часто ему приносили по распоряженію матери лучшую, какая была, пищу. Мать моя была вообще человѣколюбивая женщина и никогда не отказывала бѣднымъ, въ чемъ могла, за что отъ дворовыхъ и знавшихъ ее прочихъ людей заслужила добрую память. Когда онъ умеръ, мать приняла въ

домъ въ качествѣ учителя какого-то странника Демьяна, который болѣе занимался молитвой, чѣмъ нашимъ обученіемъ: заберется на гору и тамъ на колѣняхъ съ плачемъ молится. Сестра Мавра не давала ему покоя, постоянно издѣвалась надъ нимъ, и онъ часто уходилъ въ графскій садъ въ какую-нибудь гущу, глушь, собственно для молитвы. Впрочемъ, онъ былъ строгъ, постоянно держалъ розги, часто наказывалъ по одеждѣ, легко нами одѣтой. За это сестра Мавра ломала часто его розги и ругала его самыми неприличными словами. Едва ли онъ насъ училъ больше года, послѣ чего удалился, не знаю куда.

Въ 1811 году мать моя получила по ея просьбѣ позволеніе поѣхать съ семействомъ въ Кіевъ на поклоненіе св. угодникамъ, а оттуда въ Переяславскій уѣздъ Полтавской губерніи, въ селеніе Богданы для свиданія съ родною сестрою Пелагіею, бывшею тамъ въ замужествѣ тоже за управляющимъ. Экономія дала матери новую крытую бричку, тройку конюшенныхъ лошадей и кучера Герасима, прежде ѣздившаго съ графомъ, но по старости лѣтъ замѣненнаго для графскихъ выѣздовъ сыномъ его Емельяномъ. Насъ съ матерью было четверо, да пятой была воспитанница, дѣвка Ирина, выданная впослѣдствіи замужъ за садовника Марка Цыбу, съ приличнымъ вознагражденіемъ. Дорогою насъ ужасно удивляли, особенно подъ Кіевомъ, дремучіе тогда, высокіе сосновые лѣса. Разсказы кучера о томъ, что въ этихъ лѣсахъ обитаютъ разбойники, ужасно насъ страшили, но мы ночью, какъ помню, не ѣхали и рано останавливались ночевать.

По пріѣздѣ въ Кіевъ мы остановились въ графскомъ дворцѣ на Печерскѣ.

Здѣшній управляющій, а нынѣ дворецкій, принялъ насъ найлучше, помѣстилъ насъ въ домѣ, занимаемомъ имъ и его семействомъ; домъ былъ довольно обширный. Намъ здѣсь было очень удобно и вполнѣ прилично: столъ мы имѣли совмѣстный съ семействомъ управляющаго, чай и прочее—тоже. При домѣ находился садъ съ ужасными байраками, гдѣ мы съ дѣтьми управляющаго постоянно бѣгали, гуляли и рвали плоды; помню,

виноградъ еще былъ зеленый и кислый, такъ какъ это было, вѣроятно, въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Дѣти управляющаго ходили въ классъ.

Иногда мальчики доводили меня до плача. Послѣ обѣда мы пускались въ запуски гулять, и это оканчивалось миромъ.

Помню, какъ насъ возили въ церкви, особенно Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ водили насъ по всѣмъ пещерамъ для поклоненія и цѣлованія святыхъ угодниковъ. Особенно запечатлѣлись въ моей памяти мощи Іоанна многострадальнаго въ землѣ, съ главы коего снимали шапочку и надѣвали мнѣ на голову, а также помазаніе елеемъ или мѵромъ съ мѵроточивыхъ главъ св. угодниковъ. По выходѣ изъ пещеръ давали намъ по большой просвирѣ и водили насъ по всему монастырю.

Сильно запечатлѣлось въ моей памяти и то, какъ показывали намъ, когда водили по пещерамъ, въ желѣзные граточки, гдѣ лежали 12 братьевъ, замурованныхъ по смерти и строившихъ Лаврскую колокольню. Помню, какъ намъ показывали и маленькія церкви пещерскія, гдѣ мать нанимала обѣдню, послѣ которой намъ давали красное вино и крохи просвиры. Я вынесъ оттуда впечатлѣніе, которое роилось долго у меня въ головѣ, а по пріѣздѣ домой я передавалъ мальчикамъ все видѣнное на разные лады, какъ понималъ. Послѣ того возили насъ и по другимъ церквамъ, напр.: въ Михайловскій соборъ, гдѣ почиваютъ мощи св. Великомученницы Варвары.

Тамъ, помню, купили и Акафистникъ св. Варвары, изъ котораго сестра Анастасія разсказывала впослѣдствіи намъ изъ картинокъ, тамъ напечатанныхъ, ея, св. Варвары, великія мученія и страданія отъ отца ея Діоскора. Возили насъ въ Софійскій монастырь, гдѣ покоятся мощи св. Макарія, въ Андреевскій, Десятинную церковь и пр.

Проживъ въ полномъ довольствѣ въ Кіевѣ [1]) около недѣли, мы простились съ семействомъ дворецкаго и поѣхали на Перея-

[1]) Помнится, что когда въ 1856 году, въ январѣ мѣсяцѣ, я былъ въ Кіевѣ при поступленіи въ университетъ сына Ѳеодора, я просилъ старшаго сына Александра повезти меня на Печерскъ, не узнаю ли я мѣста графскаго, гдѣ мы квартировали, и я указалъ. Сынъ Александръ сказалъ, что это мѣсто продано Компаніи дилижансовъ.

славъ, въ которомъ тоже останавливались у какой-то лѣкарки, вѣроятно акушерки. Сестра Анастасія заболѣла какими-то лишаями на локтяхъ руки и изгибахъ колѣнъ.

Хозяйка наша, немолодая крупная женщина, была хорошо знакома нашей матери. У нея мы и квартировали. Помню, сестра Анастасія больно плакала, когда ее вытирали какими-то мазями, что дѣлалось въ отдѣльной комнатѣ. Мы здѣсь прожили дня три. Насъ тоже водили, не знаю, въ соборъ, или монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Макарія, но все это помнится мнѣ, какъ въ сновидѣніи. Изъ Переяслава мы отправились уже въ Богданы, экономію графа. Прибыли мы туда днемъ. Насъ встрѣтили радушно. Родные отвели намъ домикъ посреди экономическаго двора, выстроенный для пріѣзда главноуправляющаго. Онъ былъ невеликъ, но красивъ и довольно помѣстителенъ. Здѣсь прожили мы въ полномъ довольствѣ. Помню, по утрамъ приходилъ кучеръ и говорилъ: „ну, панюшка Марфа Софроновна, здѣсь лошади откормятся, овса никогда не поѣдаютъ, сѣно посѣвное, какого онѣ не видали во всю дорогу.“ Оно косится для „шліонскихъ“ овецъ, коихъ тутъ большой заводъ.

Пирушки и попойки были ежедневныя. Насъ водили и по прочимъ дворамъ лучшихъ людей и вездѣ насъ кормили сластями. Во дворѣ было безчисленное множество всякой птицы, а голубей столько, что мы удивлялись ихъ множеству. Кромѣ помѣщеній на кровляхъ, по срединѣ двора была устроена на четырехъ столбахъ огромная голубятня, гдѣ помѣщались сотни голубей.

Помню, что тамъ было безчисленное количество арбузовъ и дынь и какихъ-то тыквъ, какихъ я теперь не вижу. Садовъ въ селѣ не видно, кромѣ небольшого графскаго. Здѣсь было много рогатаго скота, много воловъ съ большими рогами, какихъ я послѣ мало гдѣ видѣлъ.

Отсюда, проживши съ недѣлю, мы поѣхали уже домой; по дорогѣ заѣзжали еще въ графскую экономію, Оржицу, гдѣ тоже ночевали при всемъ довольствіи экономическомъ. Затѣмъ мы пріѣхали въ Нѣжинъ, гдѣ только отдыхали на Лицейскомъ

дворѣ. Мать ѣздила въ лавки и покупала то, что ей было нужно. На ночь мы отправились въ Веркіевку, главное управленіе. Здѣсь управлялъ помѣщикъ Богунъ, имѣвшій самъ душъ двѣсти крестьянъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ. Когда ему было доложено о пріѣздѣ матери съ семействомъ, онъ распорядился, чтобы намъ отвели помѣщеніе въ отдѣльномъ флигелѣ, а мать скоро потребовали къ главноуправляющему. Насъ лакеи его угощали чаемъ, а когда пришла мать, то подали ужинъ. Мать была сильно встревожена объявленіемъ Богуна о большомъ наборѣ рекрутъ и о томъ, что графъ скоро пріѣдетъ изъ Петербурга, при чемъ онъ объявилъ, что молодой графъ отправился въ Польшу съ козачьимъ полкомъ, коего онъ назначенъ полковымъ командиромъ.

Поутру опять мать звали къ Богуну, который далъ ей разныя бумаги въ экономію и распоряженія относительно пріѣзда графа, который долженъ прибыть ненадолго и безъ семейства. Здѣсь намъ перемѣнили третью лошадь, которая оказалась закривѣвшею. Послѣ обѣда мы отправились и ночевали въ какой-то тоже богатой экономіи. Это было сдѣлано уже по желанію кучера Герасима, т. к. у него здѣсь были родичи. Здѣсь громадное винокуреніе, и, кажется, у тамошняго приказчика разгулы продолжались за полночь. На другой день мы рано выѣхали изъ этой экономіи и къ позднему обѣду прибыли въ Стольное.

Занятія матери пошли своимъ порядкомъ, а Демьянъ нашъ возвратился и опять сталъ насъ учить. Я уже выучилъ граматику и часловецъ, началъ учить псалтырь и писать по деревянной длинной таблицѣ, разведенной крейдою, перомъ. Вскорѣ опять нашъ Демьянъ покинулъ насъ и удалился въ Домницкій монастырь, гдѣ, говорятъ, онъ прожилъ болѣе года и удалился неизвѣстно куда.

Осенью прибылъ графъ безъ всякаго семейства, и безъ всегдашней его петербургской прислуги, а съ однимъ только поваромъ, въ дорогѣ нужнымъ потому, что здѣсь лакеевъ, истопниковъ и прочей прислуги было довольно. Помню, стали сгонять изъ разныхъ экономій молодыхъ и лѣтныхъ молодцовъ

для отвозки въ рекруты. Мать уже не завѣдывала кладовыми. Ими завѣдывалъ кондиторъ и его жена, а на рукахъ матери была только молочная и ледовня, теперь еще существующія въ видѣ башенъ съ флюгерами на верхнихъ куполахъ, на которые мы съ удовольствіемъ смотрѣли, когда они во время вѣтра вертѣлись.

Во время своего пребыванія въ Стольномъ, графъ часто выѣзжалъ въ разныя экономіи, въ Черниговъ и Нѣжинъ.

Сюда прибылъ изъ Чернигова Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а также пріѣзжали болѣе извѣстные помѣщики изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Музыки не было, кромѣ турбанистовъ и придворной пѣвчей. Въ церкви настоятелемъ по прежнему былъ тотъ же священникъ Даніилъ Игнатовичъ.

Для болѣе скораго полученія писемъ изъ Чернигова была устроена постоянная домашняя почта до Чернигова.

По воскресеньямъ въ Стольномъ установился торгъ, на которомъ фигурировали большею частью березнинскіе торгаши или, какъ ихъ называли тогда, крамари. Большая часть ихъ состояла изъ женщинъ, занимающихся мелкимъ крамомъ—продажей лентъ, мониста, серегъ, личмановъ и проч. мелочи. Были крамари съ платками, ситцами, демикотонами, разною пестрядью, пряниками, орѣхами, изюмомъ, сахаромъ и проч. бакалеею. Все это было неизысканно, но болѣе всего удобно для продажи поселянамъ и дворянамъ, которые, за исключеніемъ графа, Бобыра и Даниловича, жили тоже неизысканно. На базаръ пріѣзжали также крамари съ сапогами и горшечники съ простою и поливяною посудой, бывшею тогда въ большомъ употребленіи. Графъ, дабы привлечь крамарей, нерѣдко покупалъ весь товаръ и въ присутствіи своихъ раздавалъ его своимъ дворовымъ людямъ, начиная отъ ситцовъ, платковъ, демикотоновъ и проч., а молодымъ дѣвкамъ, парнямъ и молодицамъ бросали очипки, мелкіе платки, дѣвкамъ—ленты, мониста, серьги, личманы и всякую мелочь, мальчикамъ и дѣвочкамъ—пряники, бублики, булки, сайки и прочую бакалейную мелочь. Здѣсь сидѣли графъ и прочіе гости, если таковые были, и съ интере-

сомъ смотрѣли, съ какимъ удовольствіемъ народъ все схватывалъ. Писаря сначала записывали по здѣшней оцѣнкѣ товары, предназначенные для раздѣла, пользуясь при этомъ всѣмъ лучшимъ, хотя тутъ же управляющій Роговичъ повѣрялъ. Сапоги и башмаки также раздавались писарями, войтами и прикащиками.

Затѣмъ графъ приказывалъ отпустить нѣсколько ведеръ горѣлки и пива, которымъ присутствовавшіе угощались до поздней ночи, послѣ чего составлялись хороводы и пляски.

Все это дѣлалось для того, чтобы привлечь крамарей къ наибольшему торгу и заинтересовать людей оборотами. Всѣ продававшіе шли въ контору и получали расплатку или забирали въ счетъ изъ экономіи товаръ, толстые холсты, сыръ, ненужное масло, сало свиное, свѣчное, кожи и проч., благодаря чему многіе оставались до другого дня по своимъ выгодамъ, но торгъ уже не производился, и товары почти всѣ разобраны бывали экономіей или сельскими покупателями. По разсказамъ матери, по тогдашней дешевизнѣ, это не восходило выше полутораста рублей ассигнаціями: еще тогда имѣли цѣну денежки и полушки, а копѣйки мѣдныя—уже былъ счетъ болѣе значительный.

Въ концѣ 1811-го года начали выбирать ратниковъ для ополченія. Графъ все еще жилъ въ Стольномъ. Почти все время у него жилъ Милорадовичъ, а также очень часто изъ Березной пріѣзжалъ лѣкарь Самарскій, весьма извѣстный въ то время. Онъ былъ графскимъ и экономическимъ врачемъ. Въ экономіи было два фельдшера, одинъ изъ которыхъ, наиболѣе славившійся, Шульцъ, снабжалъ еще меня лѣкарствами, когда я уже кончалъ курсъ наукъ и хворалъ въ домѣ.

Въ началѣ 1812-го года мать просила у графа увольненія отъ возложенныхъ на нее обязанностей, съ тѣмъ, чтобы поселиться въ домѣ и заняться по хозяйству. Графъ согласился и сдѣлалъ распоряженіе экономіи выдавать полную провизію ей и дѣтямъ, какую получали дворовые, занимавшіе близкія мѣста къ графу. Кромѣ того, онъ приказалъ выдавать по пятьдесятъ рублей въ годъ. Въ случаѣ выхода замужъ, выдача провизіи

прекращается, а дѣти получають до совершеннолѣтія, и деньги также передаются на дѣтей.

Затѣмъ графъ лично пожелалъ видѣть устройство дома матери. Все было приготовлено для встрѣчи и пріема, все вычищено, выбѣлено. Графъ пріѣхалъ въ крытыхъ дрожкахъ, ходилъ вездѣ и все разсматривалъ. По предложенію матери онъ пилъ кофе. Онъ подарилъ на обзаведеніе сто рублей, а экономіи велѣлъ выдать изъ столярной всю нужную мебель; кромѣ того, онъ велѣлъ дать пару коровъ и всякаго мелкаго скота, овецъ, свиней, даже всякой птицы, чѣмъ завѣдывала мать.

Къ тому же онъ велѣлъ давать ежегодно двѣ прислуги—женщину и дѣвку—для присмотра за дѣтьми. Все, что мать могла получить тогда же, было получено исправно, что же было предоставлено времени, вовсе намъ не досталось.

Графъ получалъ постоянно бумаги изъ Петербурга, и къ нему являлось много чиновниковъ, т. к. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ милицій малороссійскихъ губерній. Въ то время онъ уже имѣлъ мундиръ и все убранство милиційское, сдѣланное въ Петербургѣ. Бывши уже священникомъ, я видѣлъ этотъ мундиръ съ бѣлымъ воротникомъ, залитымъ шитьемъ. Тутъ же были орденскія ленты, красная и голубая, и прочія принадлежности. Мундиръ висѣлъ на верху, во второмъ этажѣ, на большомъ вольтеровскомъ креслѣ; здѣсь же находились орденскія ленты, ботфорты и проч. Впослѣдствіи все это было отправлено въ Петербургъ.

Графъ собирался выѣхать въ Петербургъ и вскорѣ выѣхалъ. Это было его послѣднее пребываніе въ Стольномъ.

Въ это время насъ постоянно запугивали французами, увѣряя, что французы придутъ и сюда, будутъ мучить и рѣзать людей, а малыхъ дѣтей давить и прищемлять лавками. Этотъ разсказъ такъ подѣйствовалъ на насъ, что при упоминаніи о приближеніи французовъ мы не знали, гдѣ дѣваться. Каждый почти день весною и лѣтомъ мы видѣли проходящихъ москалей, какъ мы ихъ тогда называли, а также козаковъ на лошадяхъ съ пиками. Проходъ ихъ чрезъ Стольное всегда сопровождался пѣніемъ съ барабанами и дудками. Они иногда останавливались

на базарной плащади, и солдаты были угощаемы водкой и съѣстными припасами, офицеровъ же управляющій Роговичъ приглашалъ въ одинъ изъ графскихъ флигелей, гдѣ имъ также предлагалось угощеніе. На площадь сгонялись подводы для подъема амуниціи и прочаго офицерскаго и солдатскаго имущества. На веснѣ или въ началѣ лѣта шли Костромцы, народъ довольно крупный. Мы, какъ дѣти, ихъ тоже боялись. Помню, все шли разсказы о томъ, что французы жгутъ села и города и добираются до Москвы. Безпрестанно шли ратники, выгонялись подводы съ сухарями, выдавался хлѣбъ изъ магазиновъ, который сушили, мололи и пекли сухари. По раскладкѣ наряжались изъ дворянъ защитники для сопровожденія и доставки сухарей въ Польшу и близъ лежащія мѣста. Плачъ въ семействахъ, по разсказамъ, былъ великій.

Прошло лѣто, не было уже видно солдатъ, а зимою стали говорить, что французы всѣ померзли и вездѣ ихъ бьютъ, что большая часть ихъ *повтекали* и самъ Бонапартъ утекъ. Послѣ народъ сталъ радоваться, когда въ церквяхъ стали читать манифесты и реляціи о пораженіи враговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Труды А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права.

Десять лѣтъ прошло со дня смерти А. Ф. Кистяковскаго, и теперь, думается намъ, наступило время спокойной, чуждой интересовъ и страстей минуты, оцѣнки по крайней мѣрѣ его *ученой* дѣятельности, наступило время опредѣлить то мѣсто, какое занималъ онъ въ общей *научной* работѣ, роль и значеніе его изслѣдованій въ сферѣ *науки*.

Само собою разумѣется, что здѣсь, на страницахъ журнала, посвященнаго вопросамъ исторіи, рѣчь можетъ идти далеко не о всей совокупности работъ и изслѣдованій А. Ф. Кистяковскаго: юристъ по занятіямъ и по профессіи, спеціалистъ по уголовному праву,—главнѣйшую и наибольшую долю своего вниманія онъ, естественно, долженъ былъ посвящать и посвящалъ вопросамъ уголовнаго права, его разработкѣ. Каковы значеніе и роль его трудовъ въ этой области,—рѣшить этотъ вопросъ дѣло юриста, и рѣшеніе такое можетъ найти свое мѣсто на страницахъ спеціальнаго юридическаго журнала.

Но дѣло въ томъ, что А. Ф. не принадлежалъ по числу юристовъ-спеціалистовъ, замыкающихся всецѣло и исключительно въ изученіе „свода“, въ его научное и практическое изученіе и объясненіе, да по складу своего ума, по своимъ наклонностямъ и не могъ принадлежать къ нимъ. Тѣмъ, кто, подобно пишущему настоящія строки, стоялъ близко къ нему,—хорошо извѣстны и тотъ глубокій интересъ, съ какимъ онъ слѣдилъ всегда за всѣмъ, касающимся вопросовъ исторіи и исторической на-

уки, и то вниманіе, съ какимъ онъ изучалъ научные пріемы, вырабатываемые въ исторической наукѣ, съ какимъ старался онъ примѣнять ихъ къ явленіямъ исторической общественной жизни и Европы, и родной ему страны. Еще въ 1864 году, когда я впервые познакомился съ нимъ, затѣмъ вплоть до послѣднихъ почти минутъ его жизни, не разъ въ минуты увлеченія, въ бесѣдѣ то о новыхъ работахъ въ области исторіи, то о новыхъ путяхъ и методахъ, создаваемыхъ европейской исторической наукой, выражалъ онъ сожалѣніе, что не можетъ отдаться всецѣло историческимъ работамъ, изслѣдованіямъ по вопросамъ о развитіи общественнаго строя, общественныхъ отношеній, въ которыхъ онъ видѣлъ главное основаніе научнаго настроенія исторіи, не можетъ сосредоточиться исключительно на разработкѣ и мѣстной исторіи, интересовавшей его по преимуществу. Излюбленной мечтой его, о которой нерѣдко онъ говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ, было составленіе такой работы, которая дала бы,—насколько то было возможно,—ясное *научное* освѣщеніе прошлому, и всѣ свои досуги, всѣ свободныя минуты онъ отдавалъ собиранію данныхъ для этой цѣли, собиранію матеріаловъ, на недостатокъ и необработанность которыхъ онъ нерѣдко указывалъ. Но обладая умомъ яснымъ и широкимъ, неспособнымъ къ метафизическимъ построеніямъ, но за то вполнѣ позитивнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ не могъ и не былъ склоненъ съузиться въ какой нибудь одной области, ограничиться изученіемъ только одного какого либо явленія, не довольствовался также и изученіемъ его, лишь самого по себѣ и въ самомъ себѣ, изученіемъ, ведущимъ только къ простому констатированію его... Знакомство,—и знакомство, долженъ я замѣтить, весьма глубокое и обширное,—и съ западно-европейской исторіей, и съ западно-европейской жизнью и общественными отношеніями, какъ они складывались въ прошломъ, и съ методами историческаго изслѣдованія, методами, касавшимися и изученія матеріала, и,—главное,—обработки этого матеріала, давало ему въ руки одно изъ тѣхъ могущественныхъ и безусловно-необходимыхъ орудій, обладаніе которыми одно, главнымъ

образомъ, и можетъ привести къ плодотворнымъ изслѣдованіямъ, къ работамъ, оставляющимъ слѣдъ въ наукѣ.

Въ двухъ направленіяхъ старался онъ примѣнить выработанный имъ методъ и сложившіяся у него воззрѣнія: къ изученію какъ мѣстной исторической жизни, такъ и мѣстныхъ проявленій народной жизни въ сферѣ обычаевъ, нравовъ, воззрѣній, отношеній и т. п., т. е. въ сферѣ того, что у насъ принято называть обычнымъ правомъ. И въ обоихъ этихъ направленіяхъ на явленія, подлежавшія изученію, онъ смотрѣлъ не только какъ на имѣющія значеніе сами по себѣ, но и какъ на такія, которыя въ свою очередь могутъ служить матеріаломъ для пониманія и объясненія явленій подобнаго же рода у другихъ народовъ и затѣмъ сами выясняться помощью этихъ послѣднихъ. Этими то работами и ихъ значеніемъ мы и займемся въ настоящей небольшой замѣткѣ.

Начнемъ съ работъ А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи Малороссіи.

I.

Еще въ молодые годы, подъ вліяніемъ великаго акта 19 февраля, приступилъ А. Ф. Кистяковскій къ выполненію перваго своего историческаго труда. То была небольшая по объему, на половину публицистическая, на половину серьезно-научная статья, касавшаяся интересовавшаго тогда всѣхъ вопроса, вопроса о крѣпостномъ правѣ, его возникновеніи и развитіи. Написана она была въ маѣ 1861 г., и появилась въ генварьской книжкѣ журнала „Основа" 1862 г. подъ заглавіемъ: „*Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи*" [1]).

То былъ не болѣе какъ общій очеркъ развитія крѣпостной зависимости въ Малороссіи, очеркъ, написанный еще моло-

---

[1]) Статья эта подписана: „—кій" и не отмѣчена въ спискѣ работъ К—аго, помѣщенныхъ имъ въ „біографическомъ словарѣ проф. кіевскаго университета". О томъ, но она принадлежала К., я узналъ изъ его словъ: онъ говорилъ мнѣ о ней много лѣтъ назадъ.

дымъ ученымъ, едва начинавшимъ подготовляться къ научной работѣ. Въ исторической литературѣ вопросъ о томъ не былъ почти и затронутъ, да вдобавокъ и матеріалъ для изученія его былъ болѣе, чѣмъ скуденъ. Кромѣ полнаго собранія законовъ и документовъ, изданныхъ Судіенкомъ (Матеріалы для отечественной исторіи) или помѣщенныхъ въ „Запискахъ о Южной Руси“ г. Кулиша, подъ руками у автора не было рѣшительно ничего, да и изданій иныхъ документовъ не было и они не были ему извѣстны. Тѣмъ не менѣе, и теперь, когда прочитываешь эту статью, спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ ея появленія, нельзя не удивляться остроумію и проницательности ея автора, способности его на основаніи небольшого количества данныхъ выяснить основныя черты развитія крѣпостного права въ Малороссіи. Любопытная и въ публицистическомъ отношеніи (какъ таковая, она, безспорно, можетъ служить не лишенной интереса характеристикой настроенія умовъ и воззрѣній въ началѣ 60 годовъ), она въ смыслѣ научномъ является первою серьезною попыткою разъясненія процесса развитія крѣпостного права въ Малороссіи, попыткою, не потерявшею цѣны и значенія и въ настоящее время и представляющею собою крупный толчокъ, данный изслѣдователямъ... Вопреки господствовавшему мнѣнію, что крѣпостная зависимость въ Малороссіи создалась лишь въ концѣ XVIII в., А. Ф. К—ій пытался показать, что почва для закрѣпощенія была подготовлена гораздо раньше и создана слагавшимися уже издавна въ Малороссіи внутренними отношеніями. „Крѣпостное право въ Малороссіи, писалъ К—ій, косвенно признано русскимъ правительствомъ только во второй половинѣ XVIII в., но крѣпостная зависимость, *паны* и *подданные* существовали на дѣлѣ еще задолго до изданія тѣхъ указовъ, которыми ограничено и отнято у посполитыхъ право перехода“ (стр. 5—6). По мнѣнію К—аго эта зависимость установливалась путемъ обычая, пережившаго политическій переворотъ временъ Богдана Хмельницкаго, и являлась результатомъ „своекорыстнаго стремленія Малороссійскихъ старшинъ къ проіобрѣтенію и неразборчивости ихъ въ средствахъ, которыя они употребляли при захватѣ войсковыхъ земель“ (7). И онъ показываетъ, какъ уста-

навливалась эта зависимость постепенно и послѣдовательно въ странѣ; какъ, посредствомъ отдачи въ „послушенство безъ всякой противности", устранялось, „по началамъ польскаго права", право на землю посполитыхъ и какъ затѣмъ и опредѣленіе повинностей посполитыхъ поставлялось въ зависимость не отъ свободнаго договора ихъ съ владѣльцемъ земли, на которой они сидѣли, а отъ обычая и возможности произвольнаго нарушенія его со стороны сильныхъ. Отсюда, при такомъ стѣсненіи правъ посполитыхъ, и естественное, по мнѣнію К., стремленіе со стороны старшины XVIII в. отнять и право перехода, жалобы на существованіе котораго слышатся еще при Мазепѣ (въ стихотвореніяхъ Климентія). Мимоходомъ К—ій указываетъ и на въ высшей степени важное явленіе, оставляя его безъ объясненія, на поступленіе козаковъ въ *протекцію* къ сильному человѣку... Уже на подготовляемую, такимъ образомъ, почву и пали мѣры правительства, которое, по словамъ К., „рѣшенія свои по частнымъ дѣламъ, касавшимся всего края, основывало частію на постановленіяхъ Литовскаго Статута, частію на соборномъ уложеніи и новыхъ указахъ" (стр. 21). Указомъ 1763 г. переходъ былъ ограниченъ въ видахъ „предохраненія народа отъ разоренія и нищенства", указомъ 3 мая 1783 г.—окончательно воспрещенъ съ финансовыми цѣлями. Оба эти указа не касались прямо „существа юридическихъ отношеній между старшиной и посполитыми, но, не смотря на это, ими вполнѣ распространены на Малороссію великороссійскіе законы о крѣпостномъ правѣ, выраженные главнымъ образомъ въ жалованной дворянству грамотѣ 1785 г. и дополненные указами, которые содержали въ себѣ, какъ общіе законы для всей Имперіи, такъ и мѣстные" (стр. 21—22).

Таковы были выводы, къ которымъ пришелъ К—ій въ первомъ своемъ историческомъ трудѣ. Онъ далъ впервые общее описаніе процесса закрѣпощенія, нарисовалъ общими штрихами его картину, но не коснулся коренныхъ *причинъ*, и экономическихъ, и общественныхъ, создавшихъ въ Малороссіи почву для крѣпостнаго права. Въ то время, при той суммѣ данныхъ, какими онъ располагалъ, сдѣлать этого было невозможно, какъ въ силу

все еще малаго количества имѣющихся данныхъ, такъ и слабой разработки ихъ, отсутствія разысканій въ иноземныхъ архивахъ, какъ данцигскій, бреславльскій и др., да врядъ ли можно *серьезно* думать о томъ еще и теперь.

Но насколько, тѣмъ не менѣе, вѣрно были схвачены общія черты процесса, видно изъ того, что два наиболѣе полныя изслѣдованія по тому же вопросу, принадлежащія одно г. Лазаревскому, другое г. Мякотину, увеличившія, правда, и въ громадной степени сумму данныхъ, характеризующихъ процессъ закрѣпощенія, не измѣнили въ существѣ картины процесса, какъ ее пытался нарисовать К—ій. Вопросъ, поднятый К—имъ о „протекціи" остался, однако, также мало разъясненнымъ, какъ и вопросъ о правѣ собственности посполитыхъ, правѣ собственности, существованіе котораго, повидимому, отрицалось г. Лазаревскимъ въ его трудѣ о посполитыхъ и о которомъ умалчиваетъ г. Мякотинъ, не смотря на то, что, какъ извѣстно, право собственности сохранилось у малорусскихъ посполитыхъ, продолжало существовать еще и въ концѣ XVIII в. Даже болѣе: извѣстно, вѣдь, что земли, принадлежавшія посполитымъ, были вписываемы въ уставныя грамоты.

Подготовленіе къ экзамену на степень кандидата, затѣмъ магистра, работы по пріобрѣтенію званія приватъ-доцента и потомъ магистра, подготовленіе лекцій и, наконецъ, командировка съ ученою цѣлью заграницу, все это отняло на долгое время возможность для К. продолжать работу надъ изученіемъ исторіи Малороссіи и отношеній, формировавшихся въ ней. Только въ 1874 г., онъ уже во всеоружіи знаній, въ состояніи былъ возобновить изслѣдованія свои по исторіи Малороссіи и, какъ это всегда почти бываетъ съ лицами, занимающимися какимъ либо предметомъ, не входящимъ въ кругъ ихъ спеціальныхъ и постоянныхъ занятій, по чисто случайному поводу. Во время археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1874 г. ему удалось встрѣтить и затѣмъ ознакомиться съ рукописью, въ высшей степени цѣнною и важною для историка Малороссіи оказавшеюся не инымъ чѣмъ, какъ обширнымъ сводомъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи XVII и XVIII вв. Что сводъ такой существовалъ,—

было извѣстно и раньше, еще въ 1852 г. и затѣмъ вновь въ 1858 г., но и только: не только изданія его, но и какого либо изслѣдованія о немъ сдѣлано не было, и онъ по прежнему оставался въ полной неизвѣстности. Между тѣмъ уже хотя потому одному, что знакомство съ нимъ должно было пролить не малый свѣтъ на процессъ развитія крѣпостной завимости, какъ онъ былъ обрисованъ и К., и вслѣдъ за нимъ г. Лазаревскимъ, не говоря о многомъ другомъ,—его изданіе и изслѣдованіе являлись дѣломъ первостепенной важности и значенія. Съ своею обыкновенною ревностью А. Ф. К—ій взялся за эту тяжелую и не легкую задачу, задачу *научнаго* изданія и *научнаго* объясненія кодекса, честь новаго открытія котораго принадлежитъ ему всецѣло. Четыре года неустанныхъ розысканій и постояннаго труда посвятилъ онъ этому дѣлу, и въ 1879 году выпустилъ, наконецъ, свою книгу и свое изданіе *„правъ, по которымъ судится Малороссійскій народъ"*.

Здѣсь не мѣсто касаться самого свода, его значенія и важности для исторіи Малороссіи. Что заслуга издателя въ данномъ случаѣ является весьма и весьма значительною,—не требуетъ, я думаю, и доказательствъ. Для насъ, для цѣлей настоящей замѣтки, гораздо интереснѣе обратиться къ изслѣдованію К—аго, составляющему введеніе къ изданію, введеніе, которое онъ обработывалъ съ особенной тщательностью, передѣлывалъ нѣсколько разъ, какъ о томъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ и его частныя письма [1]).

Главною и существенно-важною частью изслѣдованія является установленіе на простыхъ и безспорныхъ основаніяхъ того положенія, что магдебургское право было не номинальнымъ только, но и дѣйствующимъ правомъ, что книги этого права служили ручными книгами въ судахъ и что въ тоже время постановленія этого права терпѣли видоизмѣненія отъ

---

[1]) „Только сію минуту, пишетъ онъ, между прочимъ, въ одномъ письмѣ отъ 11 окт. 1878 г., отослалъ въ типографію первую половину моей работы. Вопреки ожиданію, работа и затянулась, и растянулась. Думалъ вмѣстить въ два, три печатныхъ листа и отпечатать ее въ одной книжкѣ Унив. Извѣст. Вышло не такъ... Начало работы, исполненное мною въ началѣ года, нынѣ вполнѣ передѣлано"...

мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и воззрѣній, которые нерѣдко дѣйствовали на ряду съ нимъ и замѣняли его. Эти положенія доказаны были К—мъ съ большой убѣдительностью для литовско-польскаго періода и въ полную противоположность мнѣніямъ гг. Антоновича и Владимірскаго Буданова, хотя авторъ ея все еще недостаточно удовлетворенъ былъ своей аргументаціей въ пользу положенія о роли обычнаго права. Но онъ сдѣлалъ и болѣе того. Онъ указалъ, какъ традиціонно книги магдебургскаго права перешли въ Малороссію XVII и XVIII вв., послѣ отдѣленія ея отъ Польши, и какъ пользовались имъ, не только въ магистратскихъ судахъ, но и въ полковыхъ,для которыхъ постепенно создались и спеціально приспособленныя книги уже въ переводѣ или сокращеніи. То былъ процессъ послѣдовательной рецепціи этого права, рецепціи, исторія которой впервые была изложена и освѣщена К—мъ. Громадное значеніе такой рецепціи, ея вліяніе на формированіе строя въ Малороссіи, естественно, должно было быть не менѣе значительнымъ, чѣмъ и таковая же рецепція въ Германіи XVI и посл.вѣковъ римскаго права. Поэтому уже одно указаніе на нее составляетъ важный шагъ впередъ въ дѣлѣ разъясненія пути, предстоящаго изслѣдователямъ исторіи старой Малороссіи. Если К—кій не далъ въ своемъ изслѣдованіи данныхъ для опредѣленія степени размѣровъ этого вліянія, то за-то онъ облегчилъ работу будущихъ изслѣдователей подробнымъ обзоромъ тѣхъ измѣненій и трансформацій, которымъ подверглось и магдербургское право, и литовскій статутъ, пока они не получили окончательнаго выраженія въ сводѣ, т. е. „правахъ, по которымъ судится малороссійскій народъ". Взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, равно и вліяніе на нихъ обычнаго права указаны здѣсь впервые, а рядомъ выясненъ строй и характеръ суда и судебнаго устройства въ Малороссіи и затѣмъ отмѣчено и такое существенное сравнительно съ прошлымъ, крупное и обильное послѣдствіями для общественныхъ отношеній въ Малороссіи и ихъ развитія измѣненіе, какъ смѣшеніе и соединеніе власти судебной и административной, составлявшее особенность малороссійскаго строя XVII и XVIII в.

Если мы вспомнимъ, какъ мало извѣстны, мало или почти вовсе не изслѣдованы были всѣ эти явленія, то поймемъ, насколько важнымъ является открытіе и опубликованіе К—мъ документа, давшаго ему возможность бросить новый свѣтъ на порядки и характеръ и закона, и орудій примѣненія его въ старой Малороссіи. Можно смѣло сказать, что и здѣсь, какъ, въ вопросѣ о закрѣпощеніи, имъ подготовлена почва, на которой возможными становятся *точныя* изслѣдованія, уже съ помощью актовъ и домашнихъ сдѣлокъ, протоколовъ суда и т. п., на значеніе которыхъ указалъ К—ій. Изученіе и изслѣдованіе этихъ послѣднихъ пополнитъ все то, на что было указано К—мъ, какъ въ смыслѣ роли и вліянія обычнаго права и уклоненій жизни отъ нормъ права, такъ и въ отношеніи размѣровъ и степени вліянія рецепціи магдебургскаго права и литовскаго статута.

Весьма важною является и вся та часть изслѣдованія, которая посвящена, съ одной стороны, исторіи составленія свода, въ особенности же условіямъ и поводамъ его возникновенія, а съ другой, плачевной судьбѣ его, судьбѣ, могущей пролить не мало свѣта на исторію дѣятельности малороссійскихъ сословныхъ группъ въ эпоху наказовъ. Особенно интересно въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованія его замѣчаніе, которое по важности своей должно бы сдѣлаться предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, замѣчаніе относительно вліянія переворота на степень культуры и цивилизаціи въ Малороссіи въ XVII в. и затѣмъ относительно возрожденія ихъ въ періодъ составленія свода, возрожденія, выразившагося въ появленіи „многочисленныхъ компутовъ ученыхъ и грамотныхъ чиновъ и персонъ“. Въ связи съ фактомъ рецепціи магдебургскаго права и литовскаго статута, это указаніе К—аго могло бы, будучи тщательно обосновано, выяснить многое въ судьбахъ Малороссіи XVII и XVIII вв.

Я не говорю уже о томъ, какъ и съ какимъ научнымъ аппаратомъ сдѣлано самое изданіе, являющееся, безспорно, выдающимся въ научномъ отношеніи, проведеннымъ по всѣмъ правиламъ исторической критики, критики и текста, и внутренняго его содержанія. Въ ряду изданій по мѣстной исторіи оно

занимаетъ первое мѣсто и должно бы вообще служить образцомъ для серьезныхъ научныхъ изданій документовъ.

Къ сожалѣнію, двумя этими, указанными выше, работами и ограничивается то, что сдѣлано было К—мъ въ области исторіи старой Малороссіи. Болѣзнь, сведшая его въ могилу, помѣшала окончанію задуманныхъ имъ работъ, о которыхъ онъ не разъ велъ бесѣды, работъ по исторіи цеховъ въ Малороссіи, по вопросу о состояніи, положеніи и отношеніяхъ козачества и т. п. Но и того, что онъ успѣлъ сдѣлать, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отвести ему видное мѣсто въ ряду изслѣдователей исторіи Малороссіи и малороссійскаго строя въ XVII и XVIII вв., главнымъ образомъ какъ инициатору и возбудителю крупныхъ и серьезныхъ вопросовъ въ наукѣ.

Рядомъ съ этимъ необходимо указать и на другую заслугу К—аго, хотя уже совершенно иного рода и характера. Кто хоть однажды принимался за изученіе исторіи Малороссіи,—знаетъ, какъ скуденъ тотъ матеріалъ, который необходимъ для изученія какъ общественнаго, такъ и экономическаго строя старой Малороссіи, XVII и XVIII в., какъ и въ какомъ положеніи находится архивное дѣло, съ какимъ трудомъ удается,—да и то не всегда,—добыть или отыскать необходимыя данныя по тому или иному вопросу. То, что собрано въ архивы, нерѣдко разчленено, разорвано; одна часть документовъ оказывается въ одномъ пунктѣ, остальныя—въ трехъ или четырехъ, о сконцентрованіи матеріаловъ въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ архивѣ, какъ то существуетъ во Франціи, гдѣ данныя одной мѣстности обязательно находятся въ мѣстномъ же архивѣ, нѣтъ и рѣчи. Значительная масса бумагъ все еще разбросана по архивамъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ эти бумаги, какъ и документы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, нерѣдко погибаютъ безвозвратно. При такомъ положеніи дѣлъ возможность изученія даннаго или данныхъ вопросовъ зависитъ отъ возможности же для даннаго лица добыть ихъ, вѣрнѣе сказать спасти ихъ отъ гибели путемъ пріобрѣтенія ихъ и сосредоточенія въ такихъ рукахъ, которыя являются гарантіей ихъ сохраненія. Но здѣсь нужны знакомства, связи, энергія, упорство въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли. А между

тѣмъ это—пока и единственный способъ сохраненія старинныхъ актовъ, и немалой является заслуга тѣхъ, кто собралъ и спасъ такимъ путемъ необходимые матеріалы для исторіи.

Постоянно интересуясь мѣстной исторіей, К—й употреблялъ энергическія усилія, чтобы спасти отъ гибели массу самыхъ иногда драгоцѣнныхъ документовъ, гибель которыхъ была бы невозвратной потерей для науки. Долгій и упорный трудъ его въ этомъ отношеніи увѣнчался значительнымъ успѣхомъ, и ему удалось составить одну изъ весьма цѣнныхъ и богатыхъ коллекцій документовъ [1]), пользованіе которыми—необходимо для научныхъ изслѣдованій. По нѣкоторымъ вопросамъ врядъ ли можно даже обойтись безъ обращенія къ этой коллекціи. Таковы, напр., не говоря уже о собраніи документовъ, относящихся до исторіи „свода", данныя о цехахъ, начиная съ XVI в. и кончая началомъ XIX в., данныя, касающіяся цеховъ въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, Полтава, Черниговъ и Житоміръ. Правда, они далеко не полны, нерѣдко являются единичными (какъ по отношенію къ Житоміру или Чернигову). Тѣмъ не менѣе, въ связи съ копіями документовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи, и съ актами, хранящимися въ харьковскомъ архивѣ, уже и теперь они даютъ нѣкоторыя и весьма солидныя основанія для изслѣдованія и изученія любопытнаго и совершенно неизвѣстнаго вопроса въ исторіи экономической жизни Малороссіи, вопроса объ организаціи и роли цеховъ. Укажу, напр., на одинъ лишь изъ документовъ, принадлежащихъ къ коллекціи, собранной К—мъ, именно—на цеховой актъ 1722 г. по городу Полтавѣ. Это—вѣдомость нѣкоего Карташева о сборѣ денегъ съ цеховъ по показаніямъ цехмейстеровъ. Тутъ мы находимъ указаніе и на число всѣхъ членовъ каждаго цеха (кравецкій—60 чел., ковальскій—25, рѣзницкій—20, гончарный—13, бондарскій—10, ткацкій—28, шевскій—13 и т. д.), и на платежи ихъ, платежи, о которыхъ, какъ и вообще о податяхъ и финансовомъ строѣ того времени, мы имѣемъ болѣе чѣмъ скудныя свѣдѣнія. Такъ, цехи платили, во первыхъ, то по 2, то по 1,

---

[1]) Я могъ подробно ознакомиться съ этой коллекціей, благодаря любезному согласію на то А. И. Кистяковской, которой и приношу здѣсь мою благодарность.

а то и менѣе гривенъ съ двора; во вторыхъ, покупали провіантъ (отъ каждаго двора) на такое или иное количество драгунъ и лошадей, затѣмъ уплачивали на содержаніе почты, кто по 3 р., кто меньшую сумму въ годъ, на „смоленскій провіантъ“ по 8 р., 7½ р. и менѣе, и только оставшіяся деньги употребляются на церковныя свѣчи и на мелкіе цеховые расходы. Не менѣе важенъ и рядъ данныхъ другихъ рукописныхъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ массу любопытныхъ данныхъ, относящихся до положенія козачества, до исторіи винокуренъ, насѣкъ и т. д. (съ обозначеніемъ количества ихъ и количества казановъ и пней). Отмѣчу также и такіе документы, какъ: списки шляхетства переяславскаго повѣта съ указаніемъ числа принадлежавшихъ имъ крѣпостныхъ, рядъ купчихъ и запродажныхъ записей на крѣпостныхъ, великороссовъ и малороссовъ, которыхъ покупали-то всею семьею, то по одиночкѣ (начала XIX в.); росписи доходовъ и расходовъ по полтавскому полку 1726 г.; акты полковаго полтавскаго суда начала XVIII в.; рядъ бумагъ изъ семейныхъ архивовъ (Миклашевскихъ первой половины XVIII в., Максимовичей, Миничей и т. д.); наконецъ, отдѣльныя бумаги, въ родѣ любопытнаго мнѣнія помѣщика прилуцкаго уѣзда фонъ-Риттера: „отчего родилось вольнодумство, о послѣдствіяхъ отъ онаго и о мѣрахъ, коимъ сіе ужасное зло прекратить можно“ и т. д.

II.

Обращаясь къ работамъ К—аго въ области такъ называемаго обычнаго права, мы должны прежде всего отмѣтить тѣ двоякаго рода цѣли, къ выполненію которыхъ онъ стремился, когда съ 1873—74 гг. занялся собираніемъ матеріаловъ для этого права и ихъ изученіемъ. То была чисто практическая цѣль—съ одной стороны, чисто научная—съ другой. „И прежде, но въ особенности теперь, писалъ онъ въ предисловіи къ своей „программѣ для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“ (Кіевъ 1878 г.), практическія потребности, запросы и вопросы государственнаго

суда и администраціи выдвигали и выдвигаютъ необходимость изученія обычнаго права". Великая крестьянская реформа, по его мнѣнію, высказанному имъ тамъ-же, еще рѣшительнѣе и радикальнѣе требуетъ того же, какъ требуетъ его и начатый пересмотръ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, и цѣлый рядъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, напр., вопросъ о чиншевикахъ" и т. д. Изученіе обычнаго права, по его словамъ, можетъ „пріучить къ бережному обращенію съ жизнью народа, которую слѣдуетъ улучшать, а не ломать, и къ исканію въ нѣдрахъ народа того прогрессивнаго начала, котораго мы иногда ходимъ искать за море". (Протоколы засѣданій юрид. общества, 16 февр. 1879 г.).

Но, съ другой стороны, онъ писалъ, что теперь признано важное значеніе обычнаго права и для теоретическихъ цѣлей науки. Во первыхъ, „многіе институты дѣйствующаго писаннаго права, чрезъ ближайшее изученіе народнаго юридическаго быта въ его вѣрованіяхъ и въ его реальной обстановкѣ, получаютъ самое лучшее объясненіе и оправданіе; во вторыхъ, нѣкоторые институты историческіе, будучи сами по себѣ темны или недостаточно ясны, могутъ быть возстановлены въ надлежащемъ свѣтѣ по тѣмъ обломкамъ ихъ, которые сохранились среди народа".

Разсматривать то, что сдѣлалъ или что желалъ сдѣлать К—ій для первой изъ этихъ цѣлей, я говорить не буду: это завело бы меня далеко въ сторону, потребовало бы длинныхъ разсужденій и о „хожденіи за море", и о роли и значеніи волостныхъ судовъ, какъ органовъ обычнаго права, органовъ, по поводу которыхъ К—мъ написана была цѣлая статья [1]), и т. п., и вышло бы изъ предѣловъ и цѣлей настоящей замѣтки. Ограничиваюсь здѣсь только тѣмъ, что касается работъ К., имѣвшихъ въ виду исключительно *научныя* цѣли, какъ онъ формулировалъ ихъ въ своей программѣ.

Строго говоря, какой либо общей работы или даже и общихъ работъ по вопросамъ, выдвинутымъ К—мъ, работъ, ко-

[1]) Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и нынѣшнее ихъ положеніе, 1872 г.

торыя можно было бы поставить рядомъ съ изданнымъ имъ сводомъ и изслѣдованіемъ о немъ, К—ому, къ сожалѣнію, не удалось выполнить: болѣзнь прервала весьма рано (съ 1881 г.) начатыя имъ изслѣдованія, начатое изученіе скопившагося у него матеріала. Изъ всей серіи задуманныхъ имъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ обычнаго права, по которымъ ему удалось собрать необходимый матеріалъ, онъ напечаталъ лишь одно, за которое получилъ отъ русскаго географическаго общества серебрянную медаль. Я разумѣю его брошюру: „къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа“ (СПБ. 1878 г.). Но это—работа по преимущественно и почти исключительно описательная. Она касается обычаевъ только у одного народа и написана была, по мысли автора, главнымъ образомъ для того, чтобы послужить образцомъ изслѣдованія по програмнымъ вопросамъ. За то съ этой стороны и какъ описаніе она представляетъ собою въ высокой степени цѣнный вкладъ и въ науку сравнительнаго права, и въ этнографію. Изслѣдованіе произведено по обычному у автора строго научному методу, обставлено массой фактовъ, да кромѣ того является первой попыткой затронуть ту сторону обычаевъ, которой не касались до него изслѣдователи и притомъ въ такомъ именно видѣ, какъ сдѣлалъ это А. Ф. К—ій. Осторожный въ своихъ выводахъ, зная, какъ трудно и опасно приходить къ научнымъ обобщеніямъ лишь на основаніи данныхъ изъ жизни одного народа, А. Ф. К—кій ограничился лишь возбужденіемъ общаго вопроса, вопроса крупнаго въ исторіи развитія правовыхъ нормъ и отношеній, т. е. въ той области, которую называютъ эмбріологіей права. Я разумѣю формулированный имъ темный и неразъясненный вопросъ о томъ, какимъ образомъ могъ совершиться процессъ обложенія тягчайшими карами, въ томъ числѣ и смертной казнью, преступленій противъ нравственности и какимъ образомъ, далѣе, могло развиться преслѣдованіе такихъ преступленій, какъ незаконное сожительство, прелюбодѣяніе и тому под. нарушенія нравственныхъ обязанностей. Данныя, собранныя и обслѣдованныя К—мъ, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на эти вопросы; они то и возбудили ихъ, и этоже составляетъ наиболѣе важную въ данномъ случаѣ заслугу К—аго. Исключительно только такого рода труды, какъ трудъ

К—аго, составленные и обработанные съ такимъ же тщаніемъ и внимательностью, какъ у него, могутъ и объяснить строй и обликъ народа, по поводу котораго они составлены, и лечь въ основаніе солидныхъ и научно-обставленныхъ обобщеній въ области сравнительнаго права. Что въ такого рода работахъ по разнымъ сторонамъ народной жизни чувствуется недостатокъ, что они настоятельно необходимы, незачѣмъ и говорить. Но то обстоятельство, что покойный К—кій съ усиленной энергіей заботился о составленіи этихъ работъ, вызывалъ ихъ, достаточно свидѣтельствуетъ о значеніи его дѣятельности въ этой сферѣ.

Но если, такимъ образомъ, намъ приходится ограничиться указаніемъ лишь на единственный въ разсматриваемой области трудъ К—аго, то это не значитъ, чтобы этимъ однимъ исчерпывалось значеніе того, что сдѣлано имъ здѣсь. Въ работахъ такого рода, какія задуманы были К—мъ, въ работахъ по собиранію данныхъ *переживанія* учрежденій, вѣрованій, обычаевъ и т. п. у извѣстнаго народа или извѣстныхъ народовъ, въ изслѣдованіяхъ, которыя должны опираться на нихъ, громадное значеніе имѣетъ и то, какъ и въ какой формѣ, подъ руководствомъ какого принципа, совершаются они, и то, какого рода собранъ матеріалъ, въ какомъ размѣрѣ и объемѣ.

Уже въ одной изъ самыхъ раннихъ работъ К—аго, въ изслѣдованіи „о смертной казни", написанной имъ еще въ 1877 г. и, по справедливости, считающейся однимъ изъ выдающихся произведеній по этому вопросу, сознаніе необходимости при изученіи вопросовъ права слѣдовать новымъ научнымъ методамъ сказалось особенно ярко и рельефно. „Нѣтъ ничего безплоднѣе и въ научномъ отношеніи неумѣстнѣе, какъ отвлеченное—схоластическое, помимо *исторіи* и *дѣйствительной жизни* народовъ, рѣшеніе вопроса... Подобный способъ не можетъ повесть ни къ какимъ научнымъ результатамъ; онъ порождаетъ только безполезныя словопренія и игру въ слова"... Данный „вопросъ можно, продолжаетъ К—й, рѣшить только тогда, когда мы признаемъ верховнымъ судьею и рѣшителемъ совершившійся и совершающійся фактъ или, что одно и тоже,—прошедшую и

настоящую жизнь человѣчества, словомъ, если мы подчинимъ наши личные взгляды нелживому авторитету дѣйствительности". И это потому, что „человѣчество не есть организмъ неподвижный, неизмѣнно остающiйся въ одномъ и томъ же положенiи, но вѣчно живой, развивающiйся... Одно изъ видоизмѣненiй его состоитъ въ исчезанiи однихъ потребностей и учрежденiй и въ нарожденiи другихъ. Но такъ какъ и исчезанiе, и нарожденiе совершается по извѣстнымъ, неизмѣннымъ законамъ, то, очевидно, что въ одно и тоже время, объ руку съ старою потребностью и старымъ учрежденiемъ, могутъ возникнуть и существовать новыя, что по мѣрѣ разложенiя однихъ происходитъ развитiе и усиленiе другихъ, и что, наконецъ, можетъ настать время, когда новая потребность и новое учрежденiе доростутъ до полнаго вытѣсненiя старыхъ. Какъ одновременно существуютъ старыя и новыя потребности и учрежденiя, такъ же точно одновременно уживаются философскiя воззрѣнiя. Окончательная побѣда новаго можетъ закрѣпиться только событiемъ" (Изслѣдованiе о смертной казни, Кiевъ 1864, 276—7).

То, что высказано было здѣсь А. Ф. К—мъ, не было чѣмъ либо оригинальнымъ, новымъ: то было резюме общаго развитiя европейской науки, выводами которыхъ онъ вполнѣ проникся и съумѣлъ блестяще примѣнить въ своей работѣ о смертной казни, главнымъ образомъ основанной на сравнительно историческомъ методѣ и изученiи народной жизни, начиная съ народовъ, стоящихъ на низкой степени развитiя. То былъ опытъ,—не всегда можетъ быть, выдерживающiй критику,—примѣненiя къ данному вопросу новыхъ методологическихъ началъ, высказывавшихся еще въ XVIII в., но лишь съ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтiя начавшихъ получать все большее и большее развитiе и значенiе.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ у К—аго требованiя примѣненiя его, этого метода, становились все болѣе и болѣе опредѣленными. Успѣхи, сдѣланные въ европейской наукѣ въ смыслѣ примѣненiя этихъ требованiй, созданiе науки сравнительнаго права, науки, получившей права полнаго гражданства и въ наукѣ, и въ университетахъ З. Европы, не оставались, разумѣется, безъ сильнаго влiянiя на А. Ф. К—аго.

Въ статьѣ о цензурѣ нравовъ, какъ и въ предисловіи къ изданной имъ въ 1878 г. программѣ собиранія свѣдѣній по уголовному праву, равно и въ рукописныхъ замѣткахъ, сохранившихся послѣ его смерти, онъ не перестаетъ усиленно настаивать на необходимости примѣненія этихъ новыхъ пріемовъ къ изученію народной жизни. „Пока правовѣдѣніе будетъ только практической наукой,—римское и церковное право, говоритъ К—ій въ вопросѣ о цензурѣ нравовъ (стр. 11), будутъ оставаться альфой и омегой всѣхъ юридическихъ изслѣдованій. Но съ того момента какъ оно поставитъ себѣ другія задачи, оно должно признать величайшую важность изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ, не входившихъ и не вошедшихъ въ кодексы. Тогда то обратимся мы къ народнымъ вѣрованіямъ и легендамъ, къ народной пѣснѣ и сказкѣ, къ существовавшимъ прежде и уцѣлѣвшимъ донынѣ обрядамъ, какъ къ обильному источнику для черпанія и изученія матеріаловъ по разнымъ юридическимъ вопросамъ. Тогда появятся ученые, которые станутъ изслѣдовать происхожденіе извѣстнаго юридическаго института въ его настоящемъ источникѣ, въ первобытныхъ народныхъ вѣрованіяхъ, станутъ стремиться къ открытію первобытнаго пути, по которому шло развитіе его, начнутъ *изыскивать ближайшее сходство юридическихъ вѣрованій, обычаевъ и обрядовъ у разныхъ народовъ*“. Еще рѣзче и рельефнѣе высказано имъ тоже и въ одной рукописной замѣткѣ, найденной мною въ связкѣ матеріаловъ, собранныхъ имъ по обычному праву. „Незнакомство криминалистовъ съ обычнымъ правомъ первобытныхъ народовъ, съ обычнымъ правомъ раннихъ періодовъ въ развитіи человѣчества, причина тѣхъ ошибокъ, тѣхъ нелѣпостей, въ которыя впадаютъ они. Объясненія ихъ часто бываютъ или смѣшны, или фантастичны. Наука ихъ оказывается безпомощной. Образцы этого представляетъ Бернеръ. Слѣдуетъ только обратить вниманіе на его объясненіе, почему у римлянъ furtum manifestum по XII таблицамъ наказывалось рабствомъ или смертной казнью, а furtum non manifestum—взысканіемъ двойной стоимости украденной вещи. Объясненіе смѣшное! Страннымъ кажется читать у Бернера слѣд. выраженіе: „съ уничтоженіемъ уголовныхъ на-

казаній, которыя налагались въ законахъ XII таблицъ за furtum manifestum, furtum сдѣлалось у римлянъ простымъ частнымъ преступленіемъ". Это—нелѣпо. Не могло воровство, сдѣлавшись общественнымъ преступленіемъ, какимъ оно, по Бернеру, является въ XII таблицахъ, превратиться потомъ въ простое частное преступленіе. Дѣло въ томъ, что римское право, въ дошедшихъ до насъ источникахъ, представляетъ смѣсь законовъ различныхъ эпохъ. Ученые, въ родѣ Бернера, незнакомые съ правомъ первобытныхъ эпохъ, смѣшиваютъ законы разныхъ формацій. Отъ подобныхъ ошибокъ можетъ спасти изученіи обычнаго права".

Вотъ почему онъ такъ настаивалъ на изученіи этого обычнаго права, такъ много и усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы двинуть впередъ знакомство съ нимъ. Исходя изъ того принципа, что лишь путемъ сравнительнаго изученія выясняются явленія и прошлой, и настоящей жизни, что только съ помощью его мыслимо открытіе общихъ законовъ, по которымъ развивается жизнь народовъ, онъ видѣлъ между прочимъ особенную важность изученія обычнаго права у насъ, въ Россіи. „Можетъ быть, ни одинъ изыскатель обычнаго права, писалъ онъ въ своей программѣ, не поставленъ такъ благопріятно, какъ русскій изыскатель. Въ составъ Имперіи входятъ многочисленные національности, племена и народы, стоящіе на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ культуры". На Кавказѣ онъ можетъ еще и теперь „наблюдать систему уголовнаго права, главнымъ основаніемъ котораго служитъ кровавая месть, а на восточныхъ окраинахъ, у киргизовъ, калмыковъ и др. народовъ, въ высшей степени правильно организованную систему композицій или платы за убійство и другія преступленія". И онъ прибавляетъ: „болѣе внимательное изученіе быта русскаго народа и быта инородцевъ едва ли оставитъ возможность продолжать защиту тѣхъ узкихъ и одностороннихъ системъ, которыя въ родовомъ и общинномъ бытѣ хотѣли видѣть исключительную принадлежность только русскаго народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что старыя одностороннія системы родоваго и общиннаго быта должны потерять прежнее исключительное значеніе и прежнюю односторонность, но, съ другой стороны, изслѣдованіе сохранившагося до сихъ

поръ родового быта инородцевъ и общиннаго быта какъ нѣкоторыхъ русскихъ племенъ, такъ и инородцевъ, должно дать богатые результаты для теоретическаго разъясненія той и другой системы" (програма 1878 г., стр. 16—17).

Таковы были принципы, которые К—кій стремился примѣнить къ задуманной имъ работѣ по обычному праву, главнымъ образомъ уголовному, работѣ, въ основу которой должны были лечь преимущественно мѣстные матеріалы, но обработанные съ помощью сравнительнаго метода. Что они не новы—дѣло извѣстное, но далеко и далеко не мѣшаетъ повторять ихъ, настаивать на нихъ, разъ дѣло идетъ о научной разработкѣ явленій переживанія тѣхъ или иныхъ институтовъ, обычаевъ, вѣрованій и т. п. у того или иного народа. Они же, тѣже принципы, положены К—мъ и въ основаніе его „программы для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву", главнымъ образомъ той, которую въ переработанномъ и значительно расширенномъ видѣ онъ напечаталъ въ 1878 г. [1]).

Програма не была первымъ лишь опытомъ, и не А. Ф. К—ому принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ. „Мысль объ особенной важности, пользѣ и необходимости собиранія и изученія матеріаловъ по обычному праву и систематическихъ трудовъ по этой части, писалъ самъ онъ,—окончательно созрѣли въ умѣ умственно работающаго класса... въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ это время изданъ былъ рядъ программъ для собиранія и изученія матеріаловъ по обычному праву". И затѣмъ онъ прибавляетъ: „въ началѣ 60-хъ годовъ, во время движенія умовъ въ Кіевѣ, обнаружилось пламенное стремленіе къ изученію народа. Товарищъ старался возбудить въ товарищѣ охоту къ записыванію пѣсенъ, бытовыхъ особенностей народа; то была научная сторона народолюбія, если такъ можно выразиться. Тогда-же получила свое начало дѣятельность по части изученія обычнаго права нѣкоторыхъ лицъ, которыя съ тѣхъ поръ

---

[1]) Первая, краткая, программа была напечатана К—мъ въ 1874 г., но она не удовлетворила и его самого, да и была черезъ-чуръ краткой, сжатой и неполной.

не переставали идти въ одномъ научномъ направленіи и успѣли обнародовать свои работы". Тогда же, еще въ 1872 г., въ Кіевѣ, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ была опубликована первая программа собиранія свѣдѣній по обычному праву, главнымъ образомъ гражданскому. За ней быстро послѣдовалъ рядъ другихъ, какъ напр., Муллова (1872), архангельская (1874 г.), этнографическаго отдѣла географическаго общества и т. д.

То были первые опыты и, какъ таковые, далеко не могли отвѣчать все болѣе и болѣе сознаваемымъ потребностямъ научнаго характера въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ. Далеко не всѣ стороны явленій народной жизни были включены въ программы. Гражданское право, общественный строй—вотъ то, что составляло содержаніе большей ихъ части. Такая крупная и важная сторона жизни, какъ правонарушенія, преступленія и т. п., т. е. область уголовнаго права, была почти опущена, ибо лишь въ одной программѣ географическаго общества ее затронули, но въ самомъ общемъ, неопредѣленномъ еще видѣ (отведено было 15 вопросовъ)[1]).

Существованіе крупныхъ пробѣловъ программы сознавалось и чувствовалось. Вопросъ былъ поднятъ еще въ 1875 г. на съѣздѣ русскихъ юристовъ Калачовымъ, и тогда же составлена была коммиссія по изученію обычнаго права, которая и приступила къ составленію новыхъ и болѣе исчерпывающихъ программъ программъ, касавшихся всѣхъ сторонъ обычнаго права. Но еще раньше чѣмъ началась эта работа коммиссіи, К—ій выпустилъ и свою первую программу, въ 1874 г., и затѣмъ успѣлъ до появленія программъ коммиссій обработать и второе изданіе ея, въ 1878 году. Ему, такимъ образомъ, принадлежитъ безспорная честь изданія первой въ Россіи серьезной и научной программы въ области уголовнаго права, программы, остающейся и теперь лучшей изъ программъ этого рода, такъ какъ двѣ программы, одна—Майнова 1875, другая, составленная г. Фойницкимъ, 1878 г.—представляютъ обѣ лишь сколокъ

[1]) Программа П. А. Матвѣева, вышедшая въ 1872 г., была лишь передѣлкой для одного только края, Самарскаго, програмны географическаго общества.

съ програмы К—аго, 1874 г., и обѣ далеко не отличаются ни полнотой, ни обстоятельностью, ни объемомъ даже программы 1878 г. К—аго. Отмѣтимъ, какъ главное достоинство этой программы, правда, совмѣщавшей въ себѣ и указанныя выше практическую и научную цѣли, то обстоятельство, что К—ій настаиваетъ на необходимости не ограничиваться одними рѣшеніями волостныхъ судовъ. Рѣшенія эти,—замѣчаетъ онъ вполнѣ справедливо,—не дадутъ, да и не могутъ дать отвѣтовъ и на сотую долю программы. И потому то съ особенной энергіей настаиваетъ онъ на необходимости изучать и записывать народныя вѣрованія, легенды, пѣсни, сказки и т. п., такъ какъ въ нихъ то по преимуществу и особенно рельефно проявляются черты исчезающаго архаическаго строя, *переживаній* ранняго времени. Укажемъ и на другую черту программы,—на ясно и опредѣленно поставленный и указанный имъ методъ изученія и собиранія данныхъ по обычному праву. „Собиратель матеріаловъ и свѣдѣній по обычному праву... долженъ, по его словамъ, относиться съ полнымъ вниманіемъ къ тому, что услышитъ и узнаетъ. Относясь критически или даже съ порицаніемъ онъ можетъ оставить безъ вниманія какую нибудь драгоцѣнную особенность, которая, будучи въ сущности величайшей важности чертою народнаго быта, можетъ ему показаться безуміемъ или соблазномъ. Наблюдатель народнаго юридическаго быта долженъ относиться такъ-же къ объекту своего наблюденія, какъ относится къ нему естествоиспытатель, для котораго все въ мірѣ достойно изученія, вниманія и уваженія, который съ полнымъ безпристрастіемъ наблюдаетъ явленія природы, будучи убѣжденъ въ томъ, что все въ мірѣ, и самое повидимому уродливое, имѣетъ свою достаточную, если и неразумную, причину“ (программа, 20).

Первый шагъ былъ сдѣланъ съ изданіемъ программы,—вторымъ—являлось уже самое собираніе матеріаловъ, т. е. отвѣтовъ на пункты програмиы. Здѣсь все зависѣло уже не только отъ инициатора дѣла, но и отъ собирателей, работниковъ въ области обычнаго права, разбросанныхъ въ разныхъ уголкахъ.

Первое время приливъ и поступленіе матеріаловъ шло туго. Въ предисловіи ко второй своей программѣ К—ій самъ указалъ на этотъ фактъ, находящій полное подтвержденіе въ оставленныхъ имъ связкахъ рукописей по обычному праву. „Мы получили слѣдующій отвѣтъ на нашу первую программу: *самоубійство* считается дѣйствіемъ кары уголовной достойнымъ; оно совершается большею частью людьми нездравомыслящими... И таковы отвѣты на всѣ вопросы. Само собою разумѣется, что подобные отвѣты не имѣютъ никакого научнаго значенія". Поневолѣ приходилось ему уничтожать ихъ, и только съ 1877 г. онъ сталъ получать болѣе или менѣе тщательно и обстоятельно составленные отвѣты, но они поступали медленно, и далеко не въ полномъ видѣ оказываются собранными К—мъ. Лишь по весьма немногимъ вопросамъ К—му удалось сгруппировать нѣкоторыя, да и то далеко не полныя данныя.

Нѣсколько словъ объ этихъ собранныхъ имъ матеріалахъ. Всѣ они въ томъ видѣ, какъ они сохранились, заключаются въ семи связкахъ, изъ которыхъ только три представляютъ сведенный и классифицированный матеріалъ. Разматривая эти связки, можно легко замѣтить, что собранныя свѣдѣнія были двоякаго рода. Одни собирались самымъ К—мъ. Это—масса вырѣзокъ изъ замѣтокъ, извѣстій, статей, корреспонденцій и т. д. (главнымъ образомъ по югу Россіи), рядъ записанныхъ имъ свѣдѣній по обычному уголовному праву, значительное количество выписокъ изъ книгъ, касающихся обычнаго права. Эти послѣднія касаются почти исключительно Россіи; данныхъ по иноземному обычному праву встрѣчается мало. Не то, чтобы эта сторона дѣла была оставлена безъ вниманія: мнѣ лично извѣстно, что покойный К—й съ большимъ стараніемъ слѣдилъ за литературой по обычному праву и въ особенности по сравнительному праву и эмбріологіи первобытныхъ обществъ. Но онъ поставилъ своей главной задачей на первое время собрать и тщательно сгруппировать возможно большую сумму данныхъ для обычнаго уголовнаго права преимущественно на югѣ Россіи, также какъ и въ остальныхъ частяхъ ея, и ждалъ для достиженія этой цѣли и обработки мѣстнаго матеріала данныхъ отъ собирателей.

Матеріалъ другого рода составленъ изъ присланныхъ разными лицами сообщеній, относящихся къ различнымъ вопросамъ программы. Въ связкахъ, сформированныхъ Кистяковскимъ, имѣется рядъ сообщеній по обычному праву, какъ уголовному, такъ и гражданскому, главнымъ же образомъ по вопросамъ о конокрадствѣ, могоричахъ, могоричникахъ и рукобитьи, о клятвѣ, присягѣ, лжеприсягѣ и лжесвидѣтельствѣ, объ позорящихъ наказаніяхъ, какъ-то: вожденіи по селу, обрѣзываніи волосъ, обмазываніи дегтемъ, о суевѣрныхъ обрядахъ при совершеніи воровства, о ворожбѣ при открытіи вора, о молебнахъ, чтобы накликать бѣду на что нибудь, объ обрядахъ заговариванія, о наказаніяхъ за нарушеніе праздниковъ, о разрушеніяхъ дома и уничтоженіи собственности преступника и т. п., также какъ и о кровавой мести и мщеніи, объ убійствѣ дикихъ птицъ или оскорбленіи фетиша, какъ преступленіи, о выкидываніи стариковъ и дѣтей, и т. д.

Просматривая эти сообщенія, ясно видно, что К—ому удалось сдѣлать лишь первые шаги въ дѣлѣ собиранія, что нерѣдко собранное въ высшей степени цѣнно, но что дѣло осталось далеко незаконченнымъ, что далеко, напр., не для всѣхъ районовъ юга получилъ онъ необходимыя свѣдѣнія и сообщенія. Болѣе всего сообщеній было дано по Черниговской губерніи, главнымъ образомъ по Сосницкому у., отчасти по Остерскому и Кролевецкому, по Кіевской—изъ Каневскаго, по Подольской—изъ Брацлавскаго. Затѣмъ, болѣе или менѣе отрывочныя изъ Воронежской губ., Черноморья и т. д., не говоря о центральной и восточной Россіи, для которой имѣется болѣе всего сообщеній, по Самарской и Саратовской губерній. Наконецъ, сюда же могутъ быть причислены и матеріалы, присланные изъ Сибири отъ Кострова (о колдовствѣ, о присягѣ и лжеприсягѣ въ Томской губерніи, о юридическихъ обычаяхъ бурятъ и т. п.

Работа была, такимъ образомъ, начата, но, къ сожалѣнію, не закончена. Но заслуга К—аго все-же не малая: имъ дана была инціатива, имъ возбужденъ рядъ крупныхъ вопросовъ, онъ старался вызвать дѣятельность на пользу болѣе глубокаго изу-

ченія обычнаго права, пытался создать и специальное отдѣленіе для разработки обычнаго права. Не его вина, что начатое имъ дѣло пріостановилось. А между тѣмъ дѣло это, несомнѣнно, въ научномъ отношеніи являлось и является дѣломъ первостепенной важности. Народная жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ десятилѣтіемъ она измѣняется; старое право и обычаи, старыя воззрѣнія, обряды, мнѣнія и т. д., все это исчезаетъ, вытѣсняется зарождающимися новыми. Все болѣе и болѣе утрачивается возможность наблюдать и изучать обломки стараго, остатки или переживанія прежняго. Въ Европѣ изученіе этихъ переживаній, записываніе и изученіе ихъ дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все большіе и большіе успѣхи. Организованы общества для изслѣдованія этихъ переживаній, издаются специальные журналы, печатаются статьи и изслѣдованія. Собранный матеріалъ создалъ цѣлые новые отдѣлы знанія: сравнительное право, исторію первобытной культуры, общественную эмбріологію и т. д. Серьезное научное значеніе данныхъ переживаній вошло тамъ въ общее сознаніе, не возбуждаетъ ни вопросовъ, ни сомнѣній. К—имъ сознана была необходимость этого и у насъ, въ особенности по отношенію къ Югу Россіи, менѣе всего изученному въ отношеніи обычнаго права, и нынѣшнему времени предстоитъ необходимо работа продолженія уже начатаго и К—имъ, и до него *научнаго* дѣла собиранія и изученія явленій переживанія.

И. Лучицкій.

А. Ф. КИСТЯКОВСКІЙ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ.

И на чредѣ своей не забывалъ онъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!

Обширный и отзывчивый умъ создаетъ себѣ широкую сферу дѣятельности. Таковъ былъ умъ славнаго покойника, такова была и его дѣятельность. Онъ оставилъ глубокіе слѣды, какъ юристъ, публицистъ и общественный дѣятель, его имя принадлежитъ исторіи нашихъ юридическихъ обществъ, нашихъ учрежденій для несовершеннолѣтнихъ, нашего правового образованія вообще, нашей періодической печати, и весьма почтенное мѣсто занимаетъ оно тоже въ исторіи умственнаго развитія Украины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, по дѣятельности своей А. Ф. былъ криминалистъ.—Онъ занималъ каѳедру уголовнаго права въ Кіевскомъ Университетѣ съ сентября 1864 г. и вплоть до своей смерти, сперва въ званіи приватъ-доцента, затѣмъ—доцента, экстраординарнаго и ординарнаго профессора, значитъ—свыше 20 лѣтъ. Еще раньше онъ началъ помѣщать въ печати свои работы по уголовному праву и процессу, и огромная часть многочисленныхъ сочиненій А. Ф. посвящена именно этой области. Какое же положеніе занялъ онъ здѣсь, подъ какимъ знаменемъ онъ сталъ, чему и какъ служилъ онъ въ этой главной сферѣ своей дѣятельности?

Поставленными вопросами займется настоящій очеркъ, оставляя другимъ, болѣе въ томъ компетентнымъ, прочія сферы обширной дѣятельности Александра Федоровича.

I.

Научная разработка уголовнаго права распадается на экзегетическую, догматическую и историческую, причемъ въ разработкѣ догматической различаются направленія метафизическое, практически-позитивное и научно-позитивное. Экзегетическая разработка состоитъ въ истолкованіи даннаго законодательства на основаніи наличнаго его содержанія въ опредѣленную эпоху. Историческая разработка имѣетъ задачею изученіе возникновенія и развитія права, его прошлую жизнь. Наконецъ, догматическая разработка стремится къ отысканію и установленію положеній или догмъ, характеризующихъ существо изучаемыхъ правовыхъ институтовъ по данному положительному праву. Если такія положенія отыскиваются исходя изъ отвлеченныхъ и непровѣреныхъ опытомъ идей, то получается направленіе метафизическое. Если въ основаніе ихъ принимается положительное законодательство данной страны, то говорятъ (Биндингъ) о направленіи позитивно-догматическомъ или практически-позитивномъ, весьма близкомъ къ разработкѣ экзегетической. Наконецъ, направленіе научно-позитивное стремится къ уразумѣнію правовыхъ институтовъ и конструкціи ихъ путемъ выясненія ихъ дѣйствительной природы по даннымъ не только положительнаго законодательства, при томъ какого либо одного законодательства, но также исторіи и всего иного матеріала, доступнаго наукѣ.

Въ своей литературной дѣятельности А. Ф. Кистяковскій неоднократно проявлялъ себя хорошимъ толкователемъ дѣйствующаго законодательства. Въ ряду его произведеній мы встрѣчаемъ статьи „о порядкѣ и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовнаго завѣщанія“ (Ж. М. Ю. 1867 № 9), „о подсудности по закону 11 октября 1865, „о преступленіи недозволенное оставленіе отечества“ (Суд. В. 1875 № 230), „къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеніи его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ“ (тамъ же, № 23), „о наказуемости изъявленія умысла по русскому праву“ (тамъ же, 1876), „разработка вопросовъ о пред-

рѣшеніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права возникающихъ при производствѣ университетскаго суда“ (Кіев. Унив. Изв. 1877 № 12); и въ его капитальныхъ научныхъ произведеніяхъ, каковы „Элементарный учебникъ“, „о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда“, всему этому отводится не мало мѣста. Обладая значительными діалектическими способностями, А. Ф. Кистяковскій примѣнялъ ихъ и въ своей практической адвокатской дѣятельности, причемъ ему приходилось неоднократно касаться толкованія дѣйствующаго законодательства. Безспорно, такимъ образомъ, что онъ не разъ проявлялъ себя въ направленіи экзегетическомъ и отнюдь не чуждался его.

Но онъ далеко не ограничивался экзегезою и даже, прибѣгая къ ней, руководился правиломъ: scire leges non est verba earum tenere, sed etiam vim ac potestatem. Для уразумѣнія этихъ vis ac potestas законовъ толкуемыхъ, не оставаясь въ предѣлахъ ихъ грамматическаго изложенія, онъ обращается къ исторіи ихъ и сопоставленію съ другими законодательными системами. Это уже пріемы анализа догматическаго.

II.

Въ гораздо большей мѣрѣ А. Ф. Кистяковскій можетъ быть признанъ представителемъ направленія историческаго въ наукѣ уголовнаго права. Его докторская диссертація „о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда“ содержитъ въ себѣ изложеніе полной исторіи русскаго уголовнаго процесса, которое по достоинствамъ своимъ стоитъ выше всего появившагося донынѣ въ русской литературѣ. Историческому моменту онъ удѣлялъ обширное мѣсто во многихъ своихъ другихъ работахъ, и не говоря уже о его капитальномъ трудѣ „изслѣдованіе о смертной казни“, всецѣло построенномъ на опытныхъ указаніяхъ исторіи, авторъ отводитъ выдающееся мѣсто историческому моменту въ своемъ „Элементарномъ учебникѣ общаго уголовнаго права“. Обращая вниманіе читателей на предлагаемое имъ изложеніе исторіи науки уголовнаго права, авторъ въ предисловіи ко 2 изданію его замѣчаетъ:

„спеціалисты знаютъ, какъ мало разработанъ этотъ вопросъ даже въ иностранной научной литературѣ. Авторъ учебника считаетъ этотъ вопросъ однимъ изъ тѣхъ *кардинальныхъ* предметовъ науки, знакомство съ которымъ способно дать точку устоя при изученіи науки уголовнаго права".

И тѣмъ не менѣе, однако, не смотря на то огромное значеніе, которое А. Ф. Кистяковскій отводилъ историческому моменту въ наукѣ уголовнаго права, онъ не принадлежитъ историческому направленію: имя, имъ оставленное, не есть имя историка права. Такое имя принадлежитъ изслѣдователямъ временъ прошедшихъ, занимавшихся ими исключительно для опредѣленія правоваго строя прошлой правовой жизни. Прошлому всецѣло принадлежатъ ихъ труды и ихъ идеи. А. Ф. Кистяковскій не былъ историкомъ права, потому уже, что онъ занимался прошедшимъ не для прошедшаго; послѣднее интересовало его не само по себѣ, а только какъ ступень для уразумѣнія настоящаго. Взоръ его направленъ на настоящее и только для выясненія его обращается къ прошедшему, притомъ далеко не исключительно. Факты исторіи имѣютъ для него значеніе только показателя взглядовъ народа на изслѣдуемый институтъ и измѣненія ихъ. Въ предисловіи къ своей магистерской диссертаціи о смертной казни,—сочиненіе, которое по высокимъ достоинствамъ своимъ стоитъ безспорно во главѣ всѣхъ остальныхъ работъ А. Ф. Кистяковскаго,—онъ говоритъ: „на вопросъ, который каждому спеціалисту не разъ приходится слышать—каково ваше мнѣніе о смертной казни, считаете вы ее наказаніемъ справедливымъ или нѣтъ,—я отвѣчаю: спрашивайте не меня, мнѣніе котораго, какъ всякое одиночное мнѣніе, не можетъ имѣть силы и значенія, а выслушайте болѣе полновѣсное и имѣющее болѣе правъ на вниманіе мнѣніе народовъ". Весь этотъ трудъ направленъ къ выясненію, путемъ данныхъ исторіи, современнаго состоянія изслѣдуемаго вопроса. Но и на этомъ авторъ не останавливается. Какъ видно уже изъ приведенной выдержки, историческій матеріалъ служитъ для него основою не только для выясненія настоящаго, но и для отвѣта о будущемъ; изъ него онъ дѣлаетъ заключеніе не только о томъ, что есть, но и что должно быть; въ немъ онъ ищетъ, въ частности, рѣшенія о *справедливости или несправед-*

ливости изслѣдуемаго института. То же заключеніе получается изъ знакомства съ другими трудами А. Ф. Кистяковскаго. Высоко ставя исторію права, онъ служитъ ей не самой по себѣ, а какъ могучему вспомогательному средству изслѣдованія догматическаго. Она нужна ему для уразумѣнія истинной природы изслѣдуемаго института въ видахъ выясненія современнаго его состоянія и опредѣленія вѣроятныхъ судебъ его въ будущемъ. „Такъ какъ субстанція уголовнаго права есть общественнаго свойства—говоритъ А. Ф. Кистяковскій во 2 изд. своего Учебника (§ 7)—и такъ какъ общественность человѣческая видоизмѣняется по извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ, то и уголовное право, какъ одно изъ проявленій общественности, съ одной стороны бываетъ запечатлѣно характеромъ общественности, его породившей, съ другой вмѣстѣ съ нею подвержено измѣняемости, совершающейся по неизмѣннымъ законамъ". Исторія права для автора и есть матеріалъ, содѣйствующій выясненію такихъ законовъ, называемыхъ имъ законами постоянства и движенія и опредѣленію вліянія общественности на состояніе и измѣненіе права. Посвящая себя ей, онъ имѣлъ всегда предъ собою главною задачею выясненіе юридической сущности изслѣдуемаго института и общественныхъ условій, его опредѣлявшихъ. Это задача догматическаго свойства.

Нельзя при этомъ не отмѣтить отношенія А. Ф. Кистяковскаго къ смѣнѣ историческихъ явленій. Много разъ и съ настойчивымъ подчеркиваніемъ онъ высказываетъ положеніе, по которому эта смѣна совершается не безформенно и произвольно, а въ высшей степени правильно, постепенно, или, какъ выражается А. Ф., по неизмѣннымъ законамъ. Кромѣ приведенной выдержки изъ § 7 его учебника, въ подтвержденіе сказаннаго можно сослаться на §§ 22—39 того-же сочиненія; современное уголовное право Европы, говоритъ онъ, „есть неоконченная работа многихъ вѣковъ и множества поколѣній" (§ 22); „процессъ его развитія и видоизмѣненій есть процессъ органическій, т. е. совершающійся по неизмѣннымъ законамъ, присущимъ природѣ обществъ человѣческихъ" (§ 23); „въ процессѣ развитія и видоизмѣненія уголовнаго права нѣтъ ничего произвольнаго,

нѣтъ скачковъ, внезапностей и неожиданностей; все въ немъ подчинено общему, свойственнему всей природѣ, закону постепеннаго развитія, по которому одна формація явленій рождается изъ другой, по которому ближайшее послѣдующее мало чѣмъ отличается отъ послѣдняго предъидущаго, но гдѣ двѣ крайнія формаціи, не утрачивая ихъ родоваго свойства, кореннымъ образомъ между собою различаются" (§ 24). Въ развитіи уголовнаго права онъ указываетъ три постепенно другъ друга смѣняющіе уклады или формаціи: а) укладъ или формація частной мести, б) общественнаго устрашенія и в) общественнаго исправленія и предупрежденія (§ 25), при чемъ указываетъ характеристическія черты каждой изъ этихъ формацій, замѣчаетъ, что послѣдняя изъ нихъ „въ настоящее время находится только въ періодѣ своего развитія, а не полнаго осуществленія, вслѣдствіе чего третій укладъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ вполнѣ сложившійся" (§ 34), что „нынѣ дѣйствующее уголовное право хотя представляетъ начало третьей формаціи, въ сущности есть переходнаго свойства" (§ 36), и прибавляетъ: „обозрѣвая весь ходъ развитія и видоизмѣненій науки уголовнаго права, легко замѣтить, что оно является до высокой степени дѣломъ человѣка данной эпохи, нося на себѣ печать характера и качествъ этого человѣка и общественной среды, въ которой онъ живетъ", и что „дѣло науки уголовнаго права, какъ науки установившихся формъ общежитія, какъ фактора, который обладаетъ только творческою силою для пониманія и для разработки существующихъ формъ, а не для созданія новыхъ, состоитъ въ томъ, чтобы указать на зачатки новыхъ идей" (§§ 38, 39).

Приведенныя выдержки, подтверждая высказанное нами, что для А. Ф. Кистяковскаго историческое изслѣдованіе имѣло лишь характеръ служебный, на сколько оно было нужно для разрѣшенія главной задачи, имъ преслѣдуемой и по существу своему догматической, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что по вопросу объ исторической смѣнѣ правовыхъ явленій А. Ф. исходилъ изъ убѣжденія въ постоянствѣ ея, въ опредѣленіи ея извѣстными твердыми законами объективнаго свойства, въ постепенности развитія однихъ формъ правовой жизни изъ другихъ,

имъ предшествовавшихъ. Это—*доктрина эволюціонизма*, однимъ изъ самыхъ ранних представителей которой у насъ и былъ Кистяковскій.

III.

Какъ бы то ни было, А. Ф. Кистяковскій въ наукѣ уголовнаго права всецѣло служитъ разработкѣ догматической. Главная задача, которую онъ себѣ ставилъ, состояла въ выясненіи природы существующихъ правовыхъ институтовъ, и если его взглядъ останавливался на прошедшемъ ихъ или стремился проникнуть въ ихъ будущее, то лишь въ предѣлахъ, на сколько это представлялось нужнымъ и возможнымъ для уразумѣнія существующаго.

Но какъ понималъ онъ это существующее и какими путями стремился къ уразумѣнію его?

Уже изъ предыдущаго уложенія съ полною очевидностью вытекаетъ, что А. Ф. не былъ и не могъ быть догматикомъ направленія метафизическаго. Это не былъ человѣкъ съ готовыми мнѣніями на всѣ вопросы. Къ отвѣту на послѣдніе онъ приходилъ лишь послѣ старательной надъ ними работы и, уважая объективное къ нимъ отношеніе, можетъ быть даже свыше должной мѣры, онъ крайне отрицательно относился къ субъективному ихъ разрѣшенію, основанному на однихъ лишь отвлеченныхъ, эмпирически недоказанныхъ положеніяхъ и на діалектическихъ надъ ними операціяхъ. Припомнимъ, какъ рѣшительно отклоняетъ онъ отъ себя, въ предисловіи къ изслѣдованію о смертной казни, вопросъ о справедливости или несправедливости этого наказанія, направляя читателя къ мнѣнію народовъ. „Не въ моей натурѣ, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ проф. Модестову, та любовь къ догматикѣ, похожей на догматическое богословіе, которая самодержавно царствуетъ въ наукѣ уголовнаго права“. Здѣсь отрицательное отношеніе къ метафизическому направленію въ догматической разработкѣ выражено въ формѣ столь рѣзкой, что изъ нея можно даже придти къ ошибочной мысли, будто-бы А. Ф. Кистяковскій

протестуетъ вообще противъ догматической разработки уголовнаго права: въ дѣйствительности, онъ лучшій ея представитель, и протестъ его относится лишь къ тому ея направленію, которое стремится подчинить правовую жизнь неизмѣннымъ и непреложнымъ догмамъ, выводимымъ путемъ отвлеченныхъ построеній изъ непровѣренныхъ научно идей супернатуральныхъ или спиритуалистическихъ. И онъ со всею силою своей аргументаціи обрушивается на авторовъ новаго времени, которые продолжаютъ стоять на такой ненадежной почвѣ. Отмѣчая въ учебникѣ три коренныхъ вопроса, завѣщанныхъ прежней наукой девятнадцатому столѣтію, именно—вопросы о правѣ наказанія, объ основаніи вмѣненія и о подозрѣніи, онъ, говоря о второмъ изъ этихъ вопросовъ, упрекаетъ автора сочиненія „Основныя начала объ уголовномъ вмѣненіи“, проф. Бернера, въ томъ, что авторъ этотъ „представилъ изображеніе дѣятельности не дѣйствительнаго человѣка, а мифическаго, можно сказать воображаемаго. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія выраженія: „человѣкъ можетъ нарушить вѣчный законъ“, „человѣкъ пользуется высшею честью быть преступникомъ и освобождаться отъ необходимости“, „человѣкъ не управляется побужденіями“, „волю его нельзя принудить“. Вслѣдствіе такого метафизическаго метода изслѣдованія природы дѣйствій человѣка—продолжаетъ А. Ф. Кистяковскій, — преступленіе до сихъ поръ въ въ наукѣ остается какою-то загадкою, чѣмъ-то безпричиннымъ, какимъ-то зломъ, которому нѣтъ другого объясненія, кромѣ невѣдомо откуда происходящей злой воли. *Современная злая воля, это—средневѣковый діаволъ, только принявшій другую личину.* Еще Фейербахъ справедливо замѣтилъ, что по этой теоріи человѣкъ совершаетъ преступленіе только потому, что онъ хочетъ совершить его, дѣлаетъ зло для самого зла, не исполняетъ законъ безъ всякой причины, кромѣ желанія нарушить его, словомъ — дѣйствуетъ, какъ средневѣковый діаволъ. Отъ такой постановки этого вопроса происходитъ то, что въ наукѣ уголовнаго права остается въ полномъ пренебреженіи изслѣдованіе реальной природы преступленія, и что въ ней господствуетъ въ этомъ пунктѣ застой. Мало этого: всякая попытка основать

вмѣненіе *на юридическихъ основахъ, выведенныхъ изъ дѣйствительной природы преступленія*, принимается за воззваніе къ установленію безразличія между добромъ и зломъ, за призывъ къ безнаказанности. Доказательствомъ этому служитъ исторія Ансельма Фейербаха. Какъ будто теорія причинности преступленій когда нибудь могла смотрѣть на преступленіе иначе какъ на зло, какъ будто она также не озабочена охраною благосостоянія и безопасности общества. Зло останется зломъ, будемъ ли мы знать его причину, или считать его навѣяннымъ съ вѣтра. Но велико различіе между тѣмъ, когда причина дѣйствія изслѣдована, и тѣмъ положеніемъ, когда дѣйствіе является безпричиннымъ, произвольнымъ, одинокимъ. Въ первомъ случаѣ можетъ быть подыскано болѣе цѣлесообразное средство его устраненія, во второмъ—примѣняются рутинныя средства, какъ какое-нибудь знахарство въ медицинѣ" (Учебникъ, стр. 104, 105, изд. 2).

Мы нарочно привели эту довольно обширную выписку по одному изъ самыхъ важныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ слабообработанныхъ ученій общей части уголовнаго права, такъ какъ она съ особенною яркостью характеризуетъ научное направленіе А. Ф. Кистяковскаго. Въ ней онъ требуетъ, чтобы ученіе о вмѣненіи было построено на юридическихъ основахъ, выведенныхъ изъ дѣйствительной природы преступленія. Этимъ требованіемъ,—посильную попытку выполнить которое онъ далъ для многихъ уголовноправовыхъ ученій какъ въ своемъ учебникѣ, такъ и въ другихъ своихъ трудахъ,—А. Ф. Кистяковскій рѣшительно заявляетъ себя сторонникомъ догматической разработки уголовнаго права. Съ еще большею рѣшительностью высказывается имъ протестъ противъ отвлеченнаго, метафизическаго его направленія, такъ что съ этимъ вопросомъ можно считать поконченнымъ. Но, кромѣ того, въ немъ заключаются еще два драгоцѣнныя указанія, подтверждаемыя всею совокупностью трудовъ А. Ф. Кистяковскаго.

Одно изъ нихъ — отрицательнаго свойства. Заявивъ себя противникомъ метафизическаго направленія, А. Ф. весьма категорически высказывается въ немъ и противъ такъ наз. пози-

тивнаго направленія въ смыслѣ построенія науки уголовнаго права на почвѣ исключительно какого-либо конкретнаго положительнаго законодательства. Suprema lex — для него только одна изъ послѣдовательныхъ историческихъ ступеней развитія правовой идеи, и не передъ нимъ склоняется его гордая выя. Его фундаментъ гораздо болѣе широкій.

IV.

Эта почва—„дѣйствительная природа преступленія". Въ предисловіи къ 1 изданію своего учебника, который онъ называлъ учебникомъ „*общаго* уголовнаго права", А. Ф. Кистяковскій объясняетъ это названіе такъ: „подъ общимъ уголовнымъ правомъ я разумѣю изложеніе общихъ началъ, которыя выработаны совокупною жизнью всего человѣчества". Въ самомъ изложеніи какъ учебника, такъ и изслѣдованія о смертной казни, онъ говоритъ или объ общемъ уголовномъ правѣ, или объ уголовномъ правѣ Европы, подкрѣпляя свои положенія ссылками на литературу и законодательства разнообразныхъ временъ и народовъ и стремясь сдѣлать общій выводъ изъ нихъ. Всюду онъ имѣетъ въ виду не какое либо конкретное законодательство опредѣленнаго народа, а цѣлую совокупность конкретныхъ правовыхъ нормъ всѣхъ извѣстныхъ ему временъ и народовъ. Положительный законъ для него—не источникъ уголовнаго права, а только *матеріалъ* науки уголовнаго права, внѣшняя оболочка или „форма, выраженіе уголовнаго права, какъ совокупности понятій даннаго народа, въ данный періодъ его развитія, о правомъ и неправомъ. Не законъ созидаетъ уголовное право, а наоборотъ. Вообще говоря, въ созданіи уголовнаго закона не остается мѣста произволу законодателя, которому приходится только закрѣплять уже народившіяся или вызываемыя потребностями быта понятія о правомъ и неправомъ, созданныя сложившимися или слагающимися общественными отношеніями" (Учебн. § 64). „Чѣмъ объемистѣе матеріалъ, подлежащій научной обработкѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, понимая подъ матеріаломъ науки уголовнаго права уголовные законы (Учеб.

§ 8),—тѣмъ шире, глубже и ближе къ истинѣ будутъ положенія самой науки. Поэтому было бы разумно, если бы наука уголовнаго права сообщала свои ученія какъ результатъ изученія уголовныхъ законовъ всѣхъ формацій, всѣхъ періодовъ и народовъ. Только подъ этимъ условіемъ она и можетъ получить имя общаго уголовнаго права".

Какая грандіозная перспектива, какой высокій и достойный упорнаго труда научный идеалъ! Конечно, идеалъ этотъ и вообще мнѣніе А. Ф. Кистяковскаго объ *общемъ* уголовномъ правѣ не представлялись безусловно новыми и имѣли почву въ прошедшемъ, что, впрочемъ, съ точки зрѣнія самого А. Ф., служитъ имъ только въ похвалу. Уже школа естественнаго права, а затѣмъ супернатуралисты и представители различныхъ философскихъ системъ, заводили рѣчь объ общихъ для всего человѣчества началахъ права вообще и уголовнаго въ частности, но въ иномъ значеніи, такъ какъ такія начала представлялись имъ непреложными, неизмѣнными и опредѣляемыми силами, внѣ человѣка и человѣческаго общества лежащими, именно—божествомъ, или космосомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опытное, сравнительное изученіе права у разныхъ народовъ показало существованіе у нихъ общихъ чертъ, такъ что мысль о связи и даже родствѣ уголовныхъ законодательствъ и объ опредѣляемости историческаго развитія ихъ общими законами высказывалась и съ болѣе научными обоснованіями. Но въ той полнотѣ и широтѣ, въ какой она выражена А. Ф. Кистяковскимъ, она ранѣе его не высказывалась. Въ иностранной литературѣ въ такой позитивной постановкѣ мы встрѣчаемъ ее впервые въ произведеніяхъ проф. Листа, именно—главнымъ образомъ въ введеніи къ „сравнительному уголовному законодательству", изданному только въ настоящемъ 1894 году. Первенство, благодаря А. Ф., принадлежитъ русской литературѣ.

Давая уголовному праву такое широкое, и притомъ позитивное, а не отвлеченное основаніе, А. Ф. нуждался для построенія его какъ науки въ огромномъ матеріалѣ. Видя въ положительномъ законѣ только проявленіе правовыхъ убѣжденій даннаго народа въ опредѣленный моментъ его существованія,

онъ естественно и неминуемо пришелъ къ признанію высокаго значенія исторіи права: матеріалъ историческій оказался необходимымъ для построенія предположеннаго имъ зданія. Исходя отъ мысли, что право даннаго народа есть только частица права всего человѣчества, плоть отъ плоти и кость отъ кости его, онъ не могъ заключить своего изложенія въ тѣсныя рамки правоваго строя какого нибудь одного народа; настоятельно необходимымъ сталъ для него и матеріалъ сравнительный. Мы уже видѣли, какъ добросовѣстно и упорно подготовлялъ себя А. Ф. къ ознакомленію съ историческимъ матеріаломъ и пріемами историческаго изслѣдованія. Тѣже добросовѣстность и упорство проявляются у него и по отношенію къ матеріалу сравнительному. Рѣдкое явленіе уголовно-правовой жизни западныхъ народовъ его времени не останавливало на себѣ его вниманія. Въ ряду его литературныхъ произведеній, помѣщавшихся въ періодической печати, мы встрѣчаемъ: „очеркъ англійскаго уголовнаго процесса по Миттермайеру“ (Ж. М. Ю. 1860 №№ 6, 8—12), „адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи“ (тамъ же, 1863 № 8); „полицейскіе суды въ Лондонѣ‘, (1864 № 9, подъ псевдонимомъ А. Городисскій); „уголовное право Италіи, профессоръ Пессина и современное движеніе италіанскаго права и науки“ (Судеб. Жур. 1873, №№ 3 и 4); „о преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи“ (Ж. М. Нар. Просв. 1874); „главнѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовнаго права“ (Кіев. Унив. Изв. 1873 № 12); „судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы“ (Жур. гр. угол. пр. 1879 №№ 2, 3); помимо того, значительная работа этого рода выполнена имъ въ его руководящихъ трудахъ о смертной казни и въ учебникѣ.

Но и для А. Ф. Кистяковскаго, несмотря на его огромную энергію, поставленная имъ задача оказалась чрезмѣрною. Состояніе литературной разработки уголовнаго права еще далеко не достигло той высоты, которая для этого необходима. Самъ онъ вынужденъ былъ признать, что „разработка уголовнаго права посредствомъ историческаго метода представляетъ только слабыя попытки, является только въ зародышномъ состояніи“...

Еще въ меньшей степени уголовное право обработано посредствомъ сравнительнаго метода... Онъ остается непримѣненнымъ къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ уголовнаго права, тѣмъ, которыя представляютъ высокій научный интересъ. Къ нему не обращались еще для разработки уголовнаго права классическихъ народовъ. Уголовное право дикихъ и варварскихъ народовъ не тронуто, какъ нѣчто совокупное, въ одно мѣсто сопоставленное, освѣщенное путемъ сравненія". (Учеб. стр. 34. 35). Естественно, что при такомъ состояніи научныхъ знаній, предложенное А. Ф. Кистяковскимъ могло быть только попыткою рѣшенія вопроса по намѣченной программѣ. Многихъ ученій господствующей доктрины онъ совершенно не могъ коснуться, къ другимъ ему оказалось возможнымъ проявить лишь критическое отношеніе, и только весьма немногіе, каково напр. ученіе о смертной казни, переработаны имъ въ корнѣ и не только расчищены старыя развалины, но на мѣсто ихъ воздвигнуто и новое зданіе. Однако, и какъ попытка, труды А. Ф. Кистяковскаго имѣютъ высокую цѣну, и изъ намековъ, въ нихъ содержащихся, должна въ будущемъ получиться прекрасная жатва.

V.

А. Ф. Кистяковскій приходилъ къ высказываемымъ имъ положеніямъ путемъ упорной и медленной работы. Мы уже замѣтили, что онъ не принадлежалъ къ числу умовъ съ готовыми на все отвѣтами. Напротивъ, онъ какъ бы предпочиталъ вовсе не имѣть личнаго мнѣнія и не давать личнаго отвѣта по возбуждаемымъ вопросамъ. „Спрашивайте не мое мнѣніе, а мнѣніе народовъ", говоритъ онъ въ предисловіи къ изслѣдованію о смертной казни. „Самыя повидимому самостоятельныя философскія построенія, носящія на себѣ печать индивидуальности писателя-криминалиста, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (Учебникъ, стр. 55), будучи сведены къ простѣйшимъ истинамъ, въ концѣ концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ цѣломъ народѣ, или въ такъ называемомъ обществѣ".

Такое объективное направленіе, отрицающее всякое значеніе личнаго, индивидуальнаго момента, возлагающее и на писателя обязанность воздерживаться отъ всякаго проявленія своей индивидуальности въ своихъ твореніяхъ, явилась какъ естественная реакція противъ чрезмѣрнаго возвышенія личности и личнаго момента литературою XVIII и начала XIX ст., съ ея непреложною вѣрою во всемогущество личнаго разума и личной воли. Увлеченія этого направленія породили противоположное теченіе, которое пріобрѣтало болѣе и болѣе адептовъ, и наконецъ стало господствующимъ. Ему отдалъ дань и А. Ф. Кистяковскій.

Но какъ ни громко и рѣшительно требуетъ онъ отрицанія своей личности въ научныхъ трудахъ, его личность выступаетъ въ нихъ весьма импозантно. Да и можно ли ожидать иного? Можно ли утверждать, что духъ человѣческій на самой высшей ступени своей дѣятельности, творческой, научной, гдѣ все отъ него зависитъ, принизится до полнаго самоуничтоженія? Развѣ не личный геній творитъ науку? Развѣ Соловьевъ, излагая тѣже событія, которыя излагались другими историками, могъ не вложить въ это изложеніе всей своей личности, всего своего я? Развѣ не цѣлая бездна между нимъ и Карамзинымъ? Отрицаніе личнаго момента есть отрицаніе науки; провозглашеніе объективизма, какъ высшаго начала, равносильно полному застою.

Личность А. Ф. Кистяковскаго проявляется прежде всего въ выборѣ тѣхъ вопросовъ, которые онъ подвергалъ своей разработкѣ, и затѣмъ въ свойствѣ отвѣтовъ, на нихъ даваемыхъ. Это—вопросъ о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія, вопросъ, постановка котораго вызвана крайними злоупотребленіями дореформированнаго нашего процесса противъ свободы личной и на который дается отвѣтъ въ смыслѣ возможно болѣе полнаго огражденія такой свободы;—вопросъ о смертной казни, т. е. самой крайней карательной мѣрѣ, доходящей до полнаго уничтоженія личности, и даваемый отвѣтъ приходитъ къ спокойному, но рѣшительному отрицанію этой мѣры;—вопросъ о малолѣтныхъ преступникахъ и учрежденіяхъ для ихъ исправленія, т. е. о несчастныхъ, обреченныхъ на пороки и преступленія бездомностью, заброшен-

ностью или дурнымъ состояніемъ семьи, при чемъ дается энергическій отвѣтъ въ смыслѣ разумнаго общественнаго призрѣнія такихъ дѣтей;—вопросъ о юридическомъ образованіи и юридическихъ обществахъ, при чемъ и то и другое настойчиво рекомендовалось и указывалось продуманной ихъ программой въ видахъ дальнѣйшаго усовершенствованія народнаго и развитія права. Этотъ выборъ темъ и это свойство отвѣтовъ съ крайне симпатичной стороны рисуютъ личность А. Ф. Кистяковскаго въ его научныхъ трудахъ. Они дали намъ право примѣнить къ нему слова поэта:

И на чредѣ своей не забывалъ онъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!

27 декабря 1894 г. **И. Фойницкій.**

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Бытовой очеркъ).

Третій день рождественскихъ святокъ. По установившемуся издавна обычаю, въ вечеръ этого дня съѣзжаются со всѣхъ селъ родственники и знакомые въ домъ о. Луки.

Не разсылаются приглашенія: всякій знаетъ, что этотъ день издавна принадлежитъ ему, его дому. И всѣ охотнѣе заворачиваютъ въ этотъ день къ о. Лукѣ, чѣмъ даже къ сравнительно-молодому о. благочинному, который, какъ-бы въ противовѣсъ почтенному старцу, приглашаетъ и къ себѣ въ этотъ-же день окружныхъ священниковъ.

Сосѣдъ и пріятель о. Матѳей со всѣмъ своимъ семействомъ собирается къ о. Лукѣ.

Уже и двое просторныхъ саней стоятъ у крыльца. Лошадки, понуривъ головы и помахивая хвостами, терпѣливо ждутъ сѣдоковъ. Вотъ, наконецъ, они постепенно выходятъ и суетливо разсаживаются по санямъ.

Въ первыя сани, болѣе новыя и запряженныя болѣе крупными лошадьми, усаживается молодежь: двѣ почти взрослыя дѣвушки, дочери-гимназистки, одѣтыя по городски, въ изящныхъ шапочкахъ, муфточкахъ и легкихъ шубкахъ, и сынъ, студентъ-медикъ, въ форменной фуражкѣ и пальто, съ поднятымъ барашковымъ воротникомъ.

Въ другія сани, менѣе видныя (старинныя, такъ называемыя—„гренжолы“), запряженныя мохнатыми, рабочими лоша-

денгами, усаживаются старики: отецъ въ теплой шапкѣ, надвинутой на самыя уши, въ тяжелой волчьей шубѣ, подпоясанной простымъ краснымъ поясомъ, и мать, въ такой-же тяжелой, длинной, деревенской шубѣ, закутанная большимъ теплымъ платкомъ, съ тугой повязкой на лбу изъ маленькаго платка поверхъ большого.

Въ рукахъ у ней—узелокъ съ булкой, извѣстная дань малороссійскому обычаю.

И молодежь, и старики—всѣ видимо возбуждены сборами и отъѣздомъ.

— „Вы еще долго намѣрены подвергать испытанію мое терпѣніе?“ говоритъ студентъ сестрамъ, которыя и въ саняхъ заставляютъ его стоймя стоять въ ожиданіи своей очереди усѣсться противъ нихъ на неудобной, низенькой скамеечкѣ изъ-подъ ногъ.

Дѣвушки, хохоча, нервно копошатся въ саняхъ, укутываютъ себѣ ноги огромною пушистою „бараницею“.

Въ сани прислугой кладется довольно увѣсистый узелъ съ запасомъ большихъ, теплыхъ, платковъ, старыхъ драповыхъ рясъ, жесткихъ бурокъ, чемерокъ...

— „А нѣтъ-ли, мама, тамъ въ коморѣ еще какой-нибудь рухляди про запасъ? мнѣ что-то кажется, будто всей этой мало!...“ съ шутливымъ комизмомъ замѣчаетъ матери сынъ. И это замѣчаніе покрывается общимъ веселымъ смѣхомъ.

— „А въ самомъ дѣлѣ, къ чему тебѣ столько набирать? растерять лишь-бы?“ замѣчаетъ къ слову и о. Матѳей.

— „Этъ! ничого те не вадыть! Запасъ биды не чыныть! Онъ-о-но! яка хурга пидниматься: ще спасыби скажете мени впосли!“ упорно стоитъ на своемъ излишне-заботливая жена о. Матѳея, указывая рукой въ даль на несуществующую пока „хургу“.

— „Ну, съ Богомъ, трогай!“

Старики перекрестились. Сани тронулись. Остающаяся дома подъ надзоромъ бабы-Явдохи малая дѣтвора, прильнувъ къ стекламъ окошекъ, долгимъ взглядомъ провожаетъ уѣзжающихъ.

Дѣтей не взяли съ собой; но ихъ маленькія сердечки наполнены свѣтлой надеждой на полученіе обѣщаннаго „циня“ или гостинца „отъ зайчика“...

Черезъ какой-нибудь часъ пути, когда ѣхали открытыми, ровными полями, кромѣ сгущающихся вечернихъ сумерекъ, нашихъ путниковъ охватило что-то мрачистое, вродѣ мокроватаго мельчайшаго снѣжка, какъ-то пріятно-раздражающе бьющаго въ глаза, носъ, щеки... Изъ заднихъ саней послышался громкій окликъ; сани поровнялись. Мать тревожно-заботливо уговариваетъ дочерей надѣть на голову находящіеся въ запасѣ большіе, теплые платки.

— „Да мы привыкли такъ!... Ничего головамъ не станется!... Мы, право, и сами о себѣ заботимся!"... капризничаютъ молодыя дѣвушки, изъ пустой боязни показаться смѣшными либо уродливыми въ большихъ, толстыхъ платкахъ поверхъ изящныхъ шапочекъ.

— „Та хочъ и прывыклы,—цежъ вамъ не городъ!" упорно настаиваетъ мать.—„Та и одежа-жъ шось стоить!" добавляетъ къ тому.

— „То-есть, признаться откровенно, ваши собственныя заботы, право-же, болѣе сосредоточиваются на охраненіи прическъ вашихъ, чѣмъ здравія головъ!"—тихонько подтруниваетъ надъ смущенными сестрами братъ.

Дѣвушки краснѣютъ, недовольно хмурятся, надуваютъ губки,—и кончается тѣмъ, что обѣ онѣ натягиваютъ на плечи ненавистные платки, прикрывая ими отчасти и рдѣющіяся ушки.

Вотъ на пути—длинный поселокъ. Рѣдкія, низенькія хатенки буквально тонутъ въ глубокомъ снѣгу: только и видны пластообразныя крыши, нависшія, какъ шапки громадныхъ бѣлыхъ грибовъ.

Изъ дворовъ, съ ожесточеннымъ лаемъ, бросились собаки, долго напутствуя имъ проѣзжающихъ.

Вотъ снова—поле. Кругомъ все однообразно—бѣло, голо и скучно. Лошадки бодро бѣгутъ по утертой дорогѣ.

Вотъ и крестъ высокій чернѣетъ на перекресткѣ дорогъ; здѣсь—поворотъ направо, а тамъ уже рукой—подать и къ селу Т., цѣли поѣздки.

— „Господи! хоть-бы не мы первые пріѣхали!“ невольно срывается съ языка затаенная мысль бойкой дѣвушки, младшей сестры.

— „Почему это?“ освѣдомляется братъ, пристально глядя на сестру. А та уже успѣла и покраснѣть, и спохватиться, что не во время выпустила изъ рта свою плѣнницу.

— „Да потому, что такъ досадно пріѣхать *загодя* и торчать, въ ожиданіи, пока съѣдутся всѣ остальные! А папа съ мамой—ну, какъ нарочно! непремѣнно раньше всѣхъ всюду пріѣзжаютъ!“—капризно высказывается она.

— „Вотъ ужъ—напротивъ!“ также чистосердечно прерываетъ ее старшая сестра: „гораздо болѣе непріятно пріѣзжать изъ послѣднихъ, когда почти всѣ въ сборѣ и когда тебя сразу измѣряютъ глазами съ ногъ до головы, чуть-ли не высчитывая по вершкамъ твой носъ, твои уши и проч..!“

— А вы, милостивая государыня, больше всего побаиваетесь строгой критики въ этомъ именно пунктѣ?..“ шутливо-мягко и очевидно подтрунивая ловитъ ее на словѣ братъ. Та, кажется, думала было оскорбиться слишкомъ явнымъ намекомъ брата на ея нѣсколько вздернутый носикъ и широко оттопыренныя ушки, но кончила только тѣмъ, что, на минуту зардѣвшись до корня волосъ и слегка нахмурившись, тотчасъ-же и сама залпомъ расхохоталась, вторя брату и сестрѣ...

Но вотъ и село Т., и настежъ раскрытыя ворота „царыны“ съ одинокимъ, глухимъ „куринемъ“.

— „Гм! изъ-за границы мы теперь!..“ съ напускною важностью произноситъ при случаѣ братъ, чтобъ лишній разокъ посмѣшить сестеръ.

Лошадки во весь духъ понесли отсюда съ пригорка вдоль главной улицы, мимо стройнаго, темнаго силуэта Т—ской церкви, цѣлаго ряда крестьянскихъ избъ, съ постройками при нихъ, и свернули во дворъ священника. Большой, старый, приземистый домъ, подъ соломенною крышею, горѣлъ огнями; подъ навѣсомъ стариннаго крыльца висѣлъ огромный фонарь, бросая отъ себя цѣлый снопъ яркаго свѣта и предупредительно освѣщая гостямъ путь къ подъѣзду. Среди двора стояло нѣсколько

саней, около которыхъ громко возились кучера, убирая лошадей, упряжь. Въ окнахъ дома темными пятнами мелькали тѣни движущихся людей.

— „Смотри-же, Терешко, не ударь лицомъ въ грязь: возжи подбери крѣпче и лихо подкати къ подъѣзду!“ шутливо наставляетъ студентъ своего кучера. Обѣ дѣвушки ликующе смѣются.

Съ ветхаго крылечка прошли наши пріѣзжіе въ переднюю. Крохотная комнатка эта, съ прибитой къ стѣнѣ—во всю длину ея вѣшалкой, незатѣйливой работы, съ деревяннымъ, узкимъ „топчаномъ“ и довольно крупнымъ сундукомъ, уже наполовину была завалена одежей. Прямо изъ зала и направо изъ кабинета несся многоустный, веселый говоръ и оживленный смѣхъ.

— „Не вы первыя, не вы, кажется, и послѣднія...“ раздѣваясь, шепчетъ студентъ сестрамъ. Но имъ уже не до того: и высокія прически въ дорогѣ сбились на сторону, и что-то у платьевъ откололось или развязалось... и многія другія, мелкія, но все-таки не малозначущія заботы наполняютъ теперь ихъ.

Вотъ почтенный хозяинъ—о. Лука вышелъ гостямъ нашимъ на встрѣчу; троекратно и сердечно цѣлуется онъ съ о. Матѳеемъ, взаимно привѣтствуя другъ друга „зъ святымъ Риздвомъ“... Съ обѣихъ сторонъ сыплются задушевнѣйшія пожеланія...

— „Просимъ покорно!“ заключаетъ хозяинъ радушнымъ приглашеніемъ слѣдовать дальше въ залъ, или-же кабинетъ его.

Кабинетъ, въ клубахъ табачнаго дыма, наполненъ курящими мужчинами: и батюшками, и молодыми людьми. По залу, парочками, оживленно ходятъ и шушукаются межъ собой молодыя дѣвушки: гдѣ—худенькая, развязная гимназистка съ гимназисткой, гдѣ—угловатая, застѣнчивая воспитанница епархіальнаго училища съ подружкой-же, а гдѣ—и совсѣмъ взрослыя дѣвушки, покончавшія уже свои „курсы“ ученія. И молодые люди—безусые семинаристики, и „окончившіе“, т. е. уже учителя сельскихъ школъ или новоиспеченные псаломщики сельскихъ церквей, скромно стоятъ тутъ же отдѣльными группами, тихо дѣлятся между собою своими впечатлѣніями, искоса поглядывая на бойкихъ, свѣженькихъ дѣвицъ. Межъ нихъ изрѣдка

выдѣляется и темнозеленый студенческій мундиръ, и темносиній гимназическій. На стульяхъ, у стѣнъ зала, сидитъ нѣсколько пожилыхъ дамъ матушекъ, въ черныхъ тюлевыхъ чепцахъ и въ черныхъ кружевныхъ фаншонахъ, перебрасываясь между собою всякими житейскими сообщеніями и строго-критическимъ взглядомъ слѣдя, по временамъ, за своей и чужой предстоящей молодежью. Вотъ одна изъ нихъ, на видъ еще моложавая матушка, ведетъ со своими сосѣдками непринужденный разговоръ о томъ, какъ у нея—передъ самымъ праздникомъ—всѣ дѣти были въ кори, и постепенно вводитъ своихъ чуткихъ слушательницъ въ подробнѣйшее описаніе заболѣванія дѣтей, хлопотъ своихъ надъ ними и проч.

— „Такъ-такы уси тройко въ одну недилю покотомъ и поляглы",—говоритъ она, и слушательницы ея сердобольно покачиваютъ головами, а одна изъ сосѣдокъ невольно даже отодвигается отъ нея, подъ живымъ впечатлѣніемъ описанія заразительной дѣтской болѣзни и тревожной думы за своихъ собственныхъ малютокъ.

А въ другомъ концѣ того-же ряда, въ интимной бесѣдѣ матушекъ-пріятельницъ, бездѣтная, полная, представительная діаконша какъ-то особенно плавно, а вмѣстѣ весело и простодушно, разсказываетъ о томъ, какъ сейчасъ - вотъ подшутилъ было надъ нею ея мужъ, и какъ она поэтому, чуть было не осталась дома: „дывлюсь, серце,—вже мій старый мовчкы й рясу надивъ, вже и шапку бере у рукы... тай каже тоди (такъ, нибы-бъ-то самъ до себе, нибы й до мене)—„ну, оце-жъ уже йду до о. настоятеля"...

— „А-я-жъ?" пытаюсь его.

— „Хиба й ты хочешъ?" зырнувъ винъ на мене.

— „А тожъ-якъ?!" вдарыла я рукамы объ полы: „ты-жъ казавъ, що просылы"...

— „Та воно такъ,—просыть-то просылы... мене... такы объ тоби, собственно, розговору не було!.." сміеться мени въ вичи.

— „Ну, було-бъ же такъ попередъ казать! а теперъ уже, якъ соби хочъ, а пиду!... Хиба-ото я даромъ зъ пивчаса маскырувалась: й шыю обмывала, й косы зачесала, й чепець надивала?..."

— „Та ну-бо, ну! цуръ-тоби! я шуткую!..“ каже винъ тоди.

— „Гарни шуткы! це-бъ ты балювавъ десь, а я соби одна дома сумувала?!“ тихимъ, но побѣдоноснымъ тономъ заключаетъ она свое повѣствованіе и вся колышется отъ сдержаннаго, добродушнѣйшаго смѣха; а слушательницы ея усердно вторятъ ей.

И хозяйка, маленькая, сухая, подвижная старушка, на минутку подсѣла тутъ-же къ бесѣдующимъ, чтобы передохнуть возлѣ нихъ, а тамъ и опять—бѣжать суетливо, то въ столовую, то на кухню, то въ кладовую, гдѣ все нуждается въ ея личномъ присутствіи и руководительствѣ.

Вотъ хромой старичекъ лакей, (такъ называемый „общій лакей“, а также—„тонкій человѣкъ“), деликатно ковыляя, съ какой-то особенно подобострастной, сладенькой улыбкой, разноситъ гостямъ на громаднѣйшемъ подносѣ стаканы съ чаемъ.

Слѣдомъ за нимъ, съ корзинкой печенья къ чаю, ходитъ дѣвушка горничная, вся „въ квиткахъ“, „въ стричкахъ“ и прочемъ своемъ праздничномъ „убранни“. А гости все прибываютъ и прибываютъ: и убѣленные сѣдиной старцы-священники, съ распущенными по плечамъ длинными волосами, съ длинными бородами, и припудренныя тою-же почтенной сѣдиной жены ихъ старушки, скромныя, простенькія женщины, и молодые, франтоватые іереи, съ короткими волосами до плечъ лишь (a l'artiste), и молоденькія жены этихъ послѣднихъ, бойкія и модно нарядныя, какъ-то совсѣмъ уже мало подходящія къ давно извѣстному, выработавшемуся типу сельскихъ матушекъ, и, наконецъ, свѣтскіе, „заводскіе“ (изъ сосѣдняго сахарнаго завода) кавалеры... Каждый изъ прибывающихъ вноситъ съ собой въ малыя комнатки свою частицу оживленія, праздничнаго настроенія, житейской суеты... Никому никого не представляютъ, да въ этомъ и необходимости нѣтъ: тутъ все „свои“... Всюду оживленная суета, смѣхъ, говоръ, и... тѣснота, жара, духота...

Крошечный кабинетъ хозяина вплотную запруженъ: у ломбернаго столика идетъ крупная карточная игра „преферансъ“ и игроки окружены стѣной любопытныхъ, курящихъ и слѣдящихъ за ходомъ игры. Въ сосѣдней комнаткѣ (кажется спальной, въ этотъ разъ обращенной въ запасную гостинную) также

два карточныхъ столика: за однимъ идетъ мужская азартная „стуколка“, за другимъ—дамскій „ералашъ“. И тутъ-же, особо, на диванчикѣ и возлѣ него, отдѣльной группой священниковъ, не принимающихъ участія въ карточной игрѣ, ведется оживленный разговоръ о томъ, о семъ: о новостяхъ епархіальныхъ, о собственныхъ приходскихъ дѣлахъ, о посѣщеніяхъ „о. наблюдателемъ“ церковно-приходскихъ школъ, и, наконецъ, въ чисто-анекдотическомъ духѣ, о какомъ-то изумительно нерадивомъ сельскомъ учителѣ (изъ молодыхъ семинаристовъ), застигнутомъ врасплохъ самимъ „ревизоромъ“... Презабавно разсказывается, какъ тотъ однажды, блаженно почивая во время утреннихъ занятій въ своей учительской опочивальнѣ, былъ разбуженъ школьнымъ „дидомъ“, тревожно шептавшимъ: „вставайте, панычу, бо якыйсь тутечка жыдъ, чы панъ дуже васъ допытуються“...

— „Одчепысь, бо буду лаять!..“ сквозь сонъ отбивается отъ него учитель.

— „Та такы-жъ вставайте, панычу, бо требують“... несмѣло настаивалъ старичокъ сторожъ.

— „Эй, одчепысь, кажу, бо буду быть“... шутитъ сонный лѣнивецъ, переворачиваясь на другой бокъ. „Дидъ“ отсталъ. А „учителя“ тотчасъ властно поднялъ съ ложа его самъ „г. ревизоръ“.

Ученики, въ числѣ четырехъ человѣкъ, одиноко сидѣли надъ книжками въ сосѣдней комнатѣ для занятій. Читали они весьма слабо; а писали такъ, какъ говорила одна дьячиха о своемъ сынѣ, при опредѣленіи его въ уѣздное училище: „чытать, правда, що не вміе... а що пысать, то що завгодно вамъ напыше... тилькы, правда, що вже не прочытае“...

„Учитель“ ихъ былъ тутъ-же строжайше распушенъ и отрѣшенъ отъ занимаемой службы, съ воспрещеніемъ занимать ее „и впредь гдѣ-бы ни было“...

Почтенные священники дивятся разсказываемому, смѣются комизму положенія непризнаннаго педагога и волнуются порывомъ благороднаго негодованія за налагаемую имъ тѣнь на все дѣло и весь трудъ ихъ самихъ по части сельскаго народнаго образованія.

— „Не можетъ быть! Это вымыселъ! это даже пасквиль, ничего больше!“ горячится одинъ, на видъ еще моложавый, батюшка, высокій, нервный брюнетъ съ просѣдью: „у насъ еще не было и примѣра, подобнаго сему!..“

— „Та це-жъ вамъ, мабуть, саме для прымѣру“... хладнокровно и степенно, слегка лишь посмѣиваясь, замѣтилъ ему одинъ сѣдовласый старикъ священникъ.

Въ длинномъ залѣ, межъ тѣмъ, топчется юная молодежь. Тутъ и душа общества, милый весельчакъ, о. Маркъ.

— „И, Господы! якъ подывлюсь я на цю молоду челядь: не таки мы колысь булы!... Здаеться, й чого-бъ его мовчкы ото вештаться по хати?!?. Та-же можно тымъ часомъ або танцювать, або спивать, або гадать, або-що“... весело обращается онъ ко всему обществу, стоя среди комнаты и прихлебывая изъ стакана такъ называемый холостой“ чай.

— „Де вже тамъ гадать!“ отозвалась было на это одна почтенная, но бойкая матушка, обращаясь собственно и не къ о. Марку, а къ своимъ сосѣдкамъ пріятельницамъ: „теперъ шось молоди люде й не згадують про гадання! А отъ якъ було у наше времья, колы ще я дивувала, то и-и-и!..“—забавно выразительно протянула она это „и“, качнувъ головой и сверкнувъ живымъ еще огонькомъ въ притухающихъ уже, старыхъ очахъ... Сосѣдки пріятельницы сочувственно поддакнули ей.

— „Но подъ что-же танцовать?“ несмѣло отозвались, межъ тѣмъ, нѣкоторые изъ молодыхъ.

— „Пидъ що?!?. Та-же можно й „пидъ языкъ“, якъ кому до схочу и якъ бувало у наше времья!“ весело и убѣжденно говоритъ о. Маркъ.

Но „подъ языкъ“ не пришлось танцовать: хозяинъ за неимѣніемъ въ своемъ домѣ музыкальнаго инструмента распорядился послать къ о. діакону за „гармоніей“. Онъ то и „музыку“ (жидковъ, конечно), какъ потомъ объяснилось, звалъ къ себѣ въ этотъ день; да кто-то ее, видно, перехватилъ въ дорогѣ. Пришлось довольствоваться одной только гармоніей (дов. крупной, впрочемъ, величины, хорошей конструкціи и чистаго тона).

Нашелся и мастеръ сего дѣла—искусный игрокъ. Но танцы все не ладились какъ-то: и барышни скромничали, не шли танцовать, и кавалеры большинствомъ своимъ отсутствовали, ютясь преимущественно возлѣ играющихъ въ карты. А кто и находился на лицо, отказывался совершеннымъ „неумѣньемъ" танцовать.

Отецъ Маркъ, вдругъ опорожнивъ свой стаканъ съ чаемъ (чуть-ли не десятый счетомъ), живо подхватилъ за талію свою сестренку, краснощекую, стройную дѣвушку, сталъ среди зала „въ позицію", съ увлеченіемъ откинулъ назадъ голову и, подъ звуки веселой польки, громко и рѣшительно топнулъ ногой, какъ-бы пускаясь въ танецъ...

— „Та-ба!..." неожиданно сказалъ онъ совсѣмъ оживившейся, дружно захохотавшей публикѣ, такъ-же внезапно покидая сестру свою, какъ бралъ ее, и отъ души хохоча самъ.

Очевидно, своимъ маневромъ хотѣлъ онъ лишь подзадорить, воодушевить вялую молодежь.

— „Шкода! пройшла моя пора!" прибавилъ весельчакъ, безнадежно махнувъ рукой: „треба, мабудь, йты звать молодцивъ-панычивъ"...

И онъ прошелъ изъ зала въ кабинетъ вербовать танцоровъ. Слѣдомъ за нимъ двинулись и нѣкоторыя изъ барышенъ - сестеръ „вызывать" къ танцамъ братьевъ своихъ.

Танцы, такимъ образомъ, нѣсколько установились было (больше всего—усердіемъ гимназистовъ); но вскорѣ и опять расклеились...

Особенно „легкіе" танцы тяжело шли....

Протанцовавши двѣ-три кадрили, молодые люди и совсѣмъ таки бросили танцы, охотно перейдя къ различнымъ играмъ.

Молодежь понемногу расшевелилась, воодушевилась и въ играхъ уже окончательно, какъ говорится, „разошлась".

Вотъ идетъ у нея одна замысловатая игра при помощи кстати пригодившейся гармоніи: всѣ участвующіе въ игрѣ, дамы и кавалеры, усѣлись полукругомъ среди зала; лишь одна особа (по брошенному жребію) выслана изъ этой комнаты. Оставшіеся въ обществѣ, по соглашенію между собою, рѣшаютъ, какую за-

дачу (загадку) предложить той, которая вышла. Наконецъ, условившись относительно этого рѣшенія (разумѣется, тихо, чтобы вышедшая особа не подслушала какъ нибудь), приглашаютъ ее обратно въ залъ. Та входитъ, медленно движется вдоль ряда сидящихъ, постепенно подходя то къ одному, то къ другому, раздумывая и предугадывая то, что втайнѣ задумано цѣлымъ обществомъ.

Единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ ея служитъ музыка, т. е. звуки гармоніи, то повышающіеся при ея удачномъ направленіи или приближеніи къ задуманному предмету, то замѣтно понижающіеся, когда она удаляется отъ него.

Всѣ играющіе хранятъ глубокое молчаніе; допускается лишь улыбка, но отнюдь не разговоръ, жестъ и вообще все то, что могло-бы дать ей возможность тѣмъ или инымъ способомъ быстрѣе отгадать загадку.

А вотъ идетъ на смѣну этой головоломкѣ игра „въ почту“.

Въ двухъ противоположныхъ концахъ зала помѣщаются различные города и села, въ лицѣ юныхъ кавалеровъ и барышенъ. Посреди комнаты стоитъ на подобіе „витряка“ одинъ изъ играющихъ, высокій, худой, молодой человѣкъ, съ повязанными носовымъ платкомъ глазами, съ широко-растопыренными, длинными руками, готовыми схватить свою жертву—мимобѣгущую почту, такъ какъ одновременно съ этимъ во всеуслышаніе заявляется: „ѣдетъ (напримѣръ) почта изъ Звенигородки въ Нью-Іоркъ!..“ Или: „ѣдетъ почта изъ Кіева въ Парижъ“, „ѣдетъ почта со станціи Воронцовской на станцію Сновскую“... и т. п.

Оглашенныя почты, со всею своею ловкостью, стараются незамѣтно проскользнуть мимо размахивающихъ, растопыренныхъ рукъ, мѣняясь между собою мѣстами. Если-же которая изъ нихъ попадется въ разставленную ловушку, то она немедленно кладетъ себѣ повязку на глаза, и игра идетъ снова прежнимъ порядкомъ.

Вотъ въ ловушку захваченъ случайно проходившій изъ одной комнаты въ другую священникъ-старичекъ... и весь залъ мгновенно оглашается всеобщимъ громкимъ взрывомъ хохота.... Но этотъ эпизодъ, разумѣется, не идетъ въ зачетъ игры.

Вотъ смѣняется эта игра новой: „въ сосѣда“ сидячаго. Игра въ „сидячаго“ сосѣда незамѣтно перешла въ „ходячаго“. По залу задвигались ходячія пары. Придумавъ себѣ названія, подходятъ онѣ другъ къ дружкѣ, загадочно предлагая на выборъ: „лопухъ или крапива?“ „роза или лилія?“ „Отелло или Гамлетъ?“ „пятерка или единица?“ „борщъ или каша?“ и т. п. Словомъ, кто—во что гораздъ!.. Вотъ, напримѣръ, подходитъ къ одной молчаливой парѣ румяный, высокій, плечистый студентъ подъ руку съ миловидной, худенькой и блѣдненькой дѣвушкой-подросткомъ, предлагая: „будякъ чы коноплыночка?“ И на требованіе—„коноплыночку!“ добровольно отдаетъ себя въ руки изумленнаго требователя, при всеобщемъ звонкомъ хохотѣ окружающихъ. А веселѣе всѣхъ хохочетъ о. Маркъ, которому такъ пришлась по душѣ проказливая выходка студента.

— „Го, добра коноплыночка!“ замѣчаетъ онъ сквозь раскатистый смѣхъ свой: „здоровый такый, хочъ объ землю бый!..“ добавляетъ онъ, любуясь молодцомъ.

Находившись вдоволь, снова усѣлись всѣ; въ этотъ разъ—для игры „въ фанты“.

Отецъ Маркъ съ живымъ любопытствомъ прислушивается и приглядывается къ играмъ молодежи. Старичокъ-лакей снова ковыляетъ межъ гостей со своимъ объемистымъ подносомъ, въ этотъ разъ наполненнымъ всякими сластями: вареньями, орѣхами, конфектами, яблоками, апельсинами...

Вотъ сидятъ всѣ кружкомъ на стульяхъ, одновременно два пріятныхъ дѣла дѣлаютъ: и сластями угощаются, и игру ведутъ.

Одинъ бросаетъ на колѣни другого платокъ носовой, произнося начало какого-нибудь слова; напримѣръ: „ква...“ Тотъ подхватываетъ платокъ, оканчивая слово: „кушка“, либо: „соля“, „дратъ“ и т. п., лишь-бы оно, будучи окончено, выражало собою какое-нибудь опредѣленное понятіе. Удачно отвѣтивъ, тотъ другой, въ свою очередь, бросаетъ платокъ слѣдующему съ новымъ словечкомъ, и т. д. Дѣлается все это быстро, чтобы набрать съ зѣвакъ какъ можно больше фантовъ: за отвѣтъ несвоевременный или неудачный взимается „фантъ“, т. е. какая-либо ве-

щица въ залогъ—колечко, орѣхъ, клаптикъ бумажки, кусочекъ сюргуча, окурокъ папироски и проч. Когда такихъ фантовъ наберется достаточно, ихъ „разыгрываютъ", т. е., собравъ въ платокъ, берутъ изъ него въ руку одинъ фантъ (такъ, чтобы его никому не было видно), и спрашиваютъ всѣхъ: „что этому фанту желаете?" Кѣмъ-нибудь „желается" или назначается ему что-либо исполнить: пропѣть, протанцовать, поцѣловать кого, изобразить собою „зеркало", или-же „лодку", или-же „пророка"... А чей фантъ вынется, тотъ и долженъ (обязательно) исполнять предназначенное ему.

Всматриваясь въ эту игру, о. Маркъ весело замѣтилъ:

— „Эг-ге! штука велыка одгадувать за мись со... бака, та со... рока, або-що! Вы-бъ лучше загадкы отгадувалы!.."

— „Ось дайте, лышень, хусточку"... сказалъ онъ, присаживаясь къ играющимъ и энергично вдругъ кидая поданнымъ ему платочкомъ прямо въ разгорѣвшееся лицо одного юнца-гимназиста со словами:

„Круть, верть—пидъ черепочкомъ—смерть [1])... А?.. що?..."

Мальчикъ еще больше залился заревомъ пожара, какъ отъ неожиданности нападенія, такъ и отъ невозможности быстро смекнуть и отвѣтить на загадку.

Всѣ кругомъ него—молодые и старые—заливаются неудержимымъ хохотомъ, а о. Маркъ уже вынулъ изъ своего кармана „хусточку", подхватилъ гдѣ-то другую, третью... и швыряетъ ими, въ кого попало,—то въ юнаго семинаристика: „якый праведный чоловикъ бувъ соби самому и зятемъ, и тестемъ [2])?.." то—въ скромненькую воспитанницу духовнаго училища: „якъ той святый звався, що за пьяту тримався [3])?..." И дальше живо-живо сыплетъ онъ то въ одного, то въ другого: „Колы Ісусъ Хрыстосъ стоявъ на одни нози [4])?..." „Хто такій: родывся—не

---

[1]) Задвижка у крестьянской избы (родъ внутренняго замка).

[2]) Лотъ, мужъ своихъ дочерей.

[3]) Исавъ, братъ Іакова.

[4]) Когда садился на осла.

хрестывся, вмеръ—не спасся, а бувъ Богоносецъ [1])?..." „Що выще архіерея [2])?...".

— „Ось—вамъ! ось!.." то ржествуетъ онъ своимъ знаніемъ.

— „Хе! тутъ вамъ можна зробыть цилисинькій экзамынъ!.." неизмѣнно весело заключаетъ о. Маркъ, давая, наконецъ, себѣ передышку и останавливаясь въ метаніи платковъ носовыхъ и загадочныхъ вопросовъ.

А играющая юная молодежь и окружающіе ее зрители хохочутъ безъ умолку...

Долго еще послѣ этого оживленно играли и въ другія игры: „въ пастора и пасторшу", „въ цензуру", „въ шнурка", „въ гарнушка"...

Причемъ, въ цензурѣ не обошлось безъ неудовольствій, задѣтаго самолюбія, взаимныхъ колкостей; въ шнуркѣ—набили хорошенько другъ другу руки, такъ что онѣ даже повспухли, особенно—нѣжныя женскія; въ гарнушкѣ—опять задали работу—да еще какую работу!—ногамъ.....

А веселый о. Маркъ и тутъ добродушно—критически отнесся, замѣтивъ, что „въ цего гарнушка, мабуть, ще Адамови дитκы гралыся".

— „А ну", весело хлопнулъ онъ въ ладоши (любимая его манера): „вы—барышенькы, дзвоныкы тоненькы, и вы—паныча, густи трубачи! заспиваймо—лышень яку святочну писню: чы колядочку, чы щедривочку (бо й новый годъ зъ щедривкою своею вже,—якъ кажуть,—не на човни, на бережечку!...) Пославымо хозяннамъ Христа! Бачыте, вже й вечеря незабаромъ буде на столи: треба заробыть іи!.." подбиваетъ молодежь неутомимый весельчакъ, лукаво подмигивая на старушку—хозяйку, хлопотливо возящуюся, съ лакеемъ и горничной, около нѣсколькихъ, вмѣстѣ сдвинутыхъ столовъ, покрываемыхъ бѣлоснѣжными скатертями.

Отзывчивая молодежь быстро и вплотную окружила милаго руководителя и, столковавшись между собой, чинно, стройно и мѣрно запѣла колядку:

---

[1]) Оселъ.

[2]) Его митра.

„Добрый вечиръ тоби,
Пане—господарю!
Радуйся!
Ой радуйся, земле,—
Сынъ Божій народывся"... и т. д.

Затѣмъ грянули другую:

„Свитъ змысленный
Днесь народывсь,—
Що Богъ зъ неба
Къ намъ прыходывъ"... и т. д.

А за нею и щедривку:

„Васылева маты
Ходыла щедруваты;
По церковци ходыла,
Золотый хрестъ носыла"... и т. д.

Потомъ—и другую:

„Ой сивъ Хрыстосъ вечеряты...
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ.
Добрымъ людямъ
На ввесь вечиръ"!.. и т. д.

Пѣлись далѣе и еще двѣ колядки:

1) „Выдыть Богъ,
Выдыть Творецъ,
Якъ мыръ погыбае,
И Архангела Гаврііла
Въ Назаретъ посылае"... и т. д.
2) „Даръ днесь пребогатый
Одъ небесъ прыйде,
Яко капля каплющая,
На землю зыйде"... и т. д.

Молодой хоръ пѣлъ долго и охотно, смѣняя одну украинскую мелодію другой, то—грустную, торжественную и нѣжно-тягучую, то—нѣсколько болѣе живую, даже веселую, и все-таки празднично торжественную.. Поетъ молодежь, стоя среди зала, а изъ всѣхъ дверей уже глядитъ на нее сотня умиленныхъ отцовскихъ и материнскихъ глазъ...

Глядятъ отцы и матери и прислушиваются трепетнымъ сердцемъ своимъ къ священнымъ словамъ пѣсенъ, трогательно воспѣваемыхъ свѣжими, глубокими голосами ихъ нѣжно-любимыхъ дѣтей...

И не одни отцы да матери внимательно ихъ слушаютъ: кажется все, что только было живого въ домѣ—отъ мала до велика,—все высыпало къ „славящимъ Христа“, оставивъ на время и свои увлекательныя карты, и свои праздные житейскіе разговоры, и свои хлопотливыя приготовленія къ ужину...

Даже прислуга вся—съ порога передней—любознательно высунула сюда свои головы...

Немало любопытствующихъ ушей и очей (дворовой челяди, пріѣзжихъ кучеровъ) устремлялось къ поющимъ и со двора, сквозь двойныя стекла окошекъ...

Послѣ не пышнаго, но шумнаго весельемъ, обильнаго и сытнаго праздничнаго ужина, въ которомъ, по обыкновенію, играли главную роль всевозможныя колбасы домашняго приготовленія, всякая свинина и поросятина, упитанные гуси, утки, куры, вспрыснутые прекрасными домашними-же наливками, да, въ заключеніе, сладкіе „бишкофты“,—гости тотчасъ-же стали прощаться и разъѣзжаться. Особенно—кому было близко къ дому своему.

— „Эге, дывиться: свята Варвара такы ничъ увирвала!... Дальшъ—все бильше дня, а меньше ночи“... находили нѣкоторые изъ отъѣзжавшихъ.

Правда, широко-гостепріимные и безмѣрно-радушные хозяева, по обыкновенію, не мало уговаривали, да упрашивали всѣхъ своихъ гостей оставаться у нихъ „пидночовувать“... Правда, что и такихъ, легко-склонявшихся на усиленныя просьбы милыхъ стариковъ, тоже нашлось не мало,—какъ ихъ ближайшихъ родичей, такъ и тѣхъ изъ хорошихъ знакомыхъ, кому, кстати, предстоялъ дальній путь.

Наконецъ,—неоконченная до ужина карточная игра также тормозила отъѣздъ многихъ... Оставалась, такимъ образомъ,—добрая половина! И вотъ новыя хлопоты увлекаютъ не чующую подъ собою ногъ, добродушную старушку-хозяйку: она бодро и заботливо распоряжается, гдѣ кого изъ гостей уложить, какъ удобнѣе распредѣлить подъ ночлегъ комнаты между мужчинами

и женщинами, какъ снабдить всѣхъ ихъ необходимымъ постельнымъ бѣльемъ и проч. („це не то, що литомъ: тоди можна й у садку, й на току—пидъ клунею, на солoмци, й у сами клуни...) Суетится и неутомимо топчется она, собственноручно приготовляя постели слоняющимся по комнатамъ, утомленнымъ уже, гостямъ... И полусонному весельчаку о. Марку она привѣтливо указываетъ на большой диванъ въ общей мужской комнатѣ (залѣ), гдѣ приготовлена ея руками постель для него.

— „О, святый покою,—добро зъ тобою!“ благодарно и неизмѣнно весело киваетъ старушкѣ о. Маркъ и откровенно сознается ей относительно дивана: „а я уже, прызнаться, на его свои очи такъ и пасу“!...

С. П.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1]).

(изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика).

Кромѣ дѣда Кирилла Середы, разсказывавшаго намъ сказки героическія, волшебныя, мифическія и сказки новаго творчества народнаго: разсказы, были и небылицы, бытовыя и семейныя,—дополняла знакомство наше съ народнымъ міровоззрѣніемъ и баба Марця Оверчиха своими разсказами о вѣдьмахъ, вовкулакахъ, марахъ, святой Пятныцѣ-дѣвѣ, о твореніи земли и людей Богомъ и діаволомъ.

Старенькая, сгорбленная, *тихомовная*, но не шавкающая бабуня Марця Оверчиха, чуть заслышитъ звонъ колокола, плетется къ церкви, опираясь на карлючку, съ конца села и послѣ вечерни непремѣнно зайдетъ къ намъ на ночь, дастъ намъ, если дѣло бывало осенью и зимою, по румяному яблочку, а весной и лѣтомъ по пирожечку съ горохомъ, и обласкаетъ насъ, гладя по головкѣ. Мать всегда радушно принимала эту старушку на ночь.

— „Чы перелякъ выкачать дытыни, чы прыстритъ змовыты, чы бышыху спалыть порохомъ, чы зубы замовыть, то вже ни одна баба не була помищнійша одъ Марци“, сказала мнѣ мать, когда я заговорилъ съ нею объ этой бабѣ.

— „Ото тилько якъ хто запорушыть око устюкомъ съ половы, то вона не сдатна була помогты. Тутъ уже найлучше вылызувала языкомъ устюкъ зъ ока баба Шахраиха пьяныця.

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 12.

А якъ мени въ Васылевци на хрыстынахъ „данни" (отрава) далы и я чуть не вмерла на 3-й день, то нехай іи душа царствуе въ неби—идна тылько Олена Кутова одратувала мене: дала мени съ чобота напыться жаборыння, того що пидъ млыномъ на води сяе разными цвитами якъ жиръ (кажется, бодяги), а баба Марця, що ни видмовляла, не помогло".

Мать, когда уѣзжала на ярмарку съ отцемъ или же въ гости къ роднымъ, всегда приглашала бабу Марцю „постерегты хату отъ цыганъ", часто шлявшихся по селу, и присмотрѣть за нами дѣтьми. И баба знала, чѣмъ насъ занять—„забавыть". Принесетъ намъ подсолнечныхъ сѣмянъ, усадитъ насъ вокругъ себя, накинетъ на себя кожушокъ и разсказываетъ намъ чудныя исторіи.

— „А знаете, дитки, де взялыся горы крути та высоки, яры довги, та глыбоки и чого люды таки не гарни, та гришни?"

— „Розскажить, бабуню, розскажить.

— „О то идного часу зробылы Господь землю ривнесеньку, та гладесеньку, всю въ садочкахъ та въ квиточкахъ. А діяволови й соби захотилось зробыты таку землю. Але скильки винъ не мурдувавсь, ничого не мигъ зробыты. Отъ прыходыть винъ до Господа, та й просыть: Господоньку! поможить мени землю зробыты! А Господь ему й кажуть: Леты ты, сатано, на край свита, пирны ты глыбоко на дно морське, ухваты въ жменю земли съ дна, а якъ выйдешъ зъ воды, то розсій ту землю по витру тай кажи: росты земле на Божу славу. Полетивъ діаволъ на край свита, пирнувъ на дно моря, ухватывъ земли въ жменю, ще й не выйшовъ изъ воды якъ сказавъ: росты земле въ мою славу, а не въ Божу, а земля и выплывла зъ руки. Доставъ діаволъ другій разъ землю—выплывла зъ руки, доставъ винъ и третій разъ и такъ само сказавъ: росты земле въ мою славу,—земля и третій разъ выплывла зъ руки. Тогди догадався діаволъ якъ взяты землю, щобъ не выплывла. Пирнувъ ще разъ у море, доставъ самаго дна та й ухватывъ земли й писку въ ротъ. Теперь не втиче земля зъ рота. Выгулькнувъ на свитъ, та тилько що промовывъ: росты земле на славу діаволову; а земля й почала росты: набыла ему повну пащу й живитъ. Якъ

занудыло ему, то винъ раззявывъ пащеку та й давай блюваты; летыть та блюе, летыть та блюе, та й понабливувавъ оти горы высоки, а де вже дуже цуркою перло пидъ груды и винъ падавъ до земли, та качався животомъ, бывся руками й ногами, то тамъ повыбывавъ долыны и яры глыбоки. Такъ винъ всю Божу гарну землю спаскудывъ горамы та ярамы".

— „А якъ зробылы Господь небо й землю и освитылы іи сонцемъ, то взялы въ руки глыну, мисылы іи, липылы, та й вылипылы чоловика и жинку, та й положылы ихъ противъ сонця, щобъ воны обсохлы трохи, а сами пишлы въ рай трохи спочыты, а дьяволъ тынявся соби по свити, та й наткнувся на людей. Дывытся на ныхъ, аже воны таки гарни, таки гарни на уроду, якъ янголы, хоть воды зъ ныхъ напыйся. Жаль стало дьяволови отъ завысти, що воны таки гарни, а винъ такій чорный, поганый. Ажъ слезы выступылы у него. Обійшовъ винъ навкруги людей, подывывся, скрывывся, та взявъ и обблювавъ людей. А Господь якъ разъ на ту пору надійшлы до нихъ. Якъ глянулы на людей, та ажъ у долони сплеснулы. Ай! що жъ це ты наробывъ, сатано?—А нащо жъ ты ихъ такимы гарнымы дуже поробывъ?.. Ото Господь взялы та й вывернулы людей нутромъ на верхъ, а лыцемъ у середыну. Черезъ те, що вывернями то теперь люды не таки гарни, а погани, а черезъ те, що дьяволъ обблювавъ, то въ середыни въ чоловикови сморидъ есть. Ничого робыть. Взялы Господь людей, та й намочилы ихъ на симъ недиль въ помыяхъ, щобъ выкыслы зъ ныхъ грихи. Якъ выкыслы грихи, Господь просушилы ихъ противъ сонця, а потимъ дмухнулы и сталы люды живи. Ото Господь прозвалы чоловика Адамомъ, а жинку Евою и далы чоловикови заступа иципа, а жинци кужеля й веретено, щобъ воны соби жилы въ раю и працювалы. Отъ идного разу выйшлы Господь зъ Адамомъ ораты, сами сталы за плугатора, а Адама поставылы погоныченъ. Въ пивъ-дня Господь спынылы плуга и сказалы: „Адамъ, выпряжи волы съ плуга на полудень; нехай трохи попасуться, а я трошки спочину пидъ деревомъ. А ты гляды, не спы, пополуднай самъ, попасы и напій худобу и, якъ сонце зверне съ полудня, розбуды мене". Адамъ добре пополуднавъ,

походывъ трохи за худобою, потимъ прысивъ пидъ кущемъ, схылывся на руки та й заснувъ. Колы Господь прокидаются, зыркнулы на небо, ажъ сонце геть-геть надъ вечиръ опустылося; а ни Адама, ни воливъ нема. Адаме, говъ! гукають Господь. Де тамъ!? И слуху нема! Кынулысь Господь до кущивъ; а Адамъ уклався пидъ кущемъ, та й спыть, ажъ хропе. Тогди Господь его гыстыкомъ, гыстыкомъ разъ, другій ударылы та й кажуть: прокляте жъ ты створиння, спаскужане дыяволомъ, неслухляне таке, якъ и винъ, не годне ты житы зо мною въ раю, Иды жъ соби къ бису. Та й выгналы Господь зъ раю людей."

— „Отъ защо то Богъ прогналы зъ раю людей,—за непослушенство; а вашъ тато казавъ мени, що за яблучко, прибавила отъ себя бабка Марця,—неправда его".

— „Бабуню, роскажить за святу Пятныцю, якъ вона на коноплынци сыдила и писеньку спивала!"

— А вамъ, дитки, ще не надоилы мои казки? Васъ хоть хлибомъ не годуй, тилько казки кажи:

— Кажить, бабуню, кажить Пятныцю!

— Добре, мои диточки, скажу вамъ мои квиточки, тилько слухайте.

„Була у мене сосицка, стара дивка, Божиха, прошлый рикъ умерла. Нехай Богъ дае ій царство, та панство. Нездужала була, ще й калика до того—горбата. Нихто іи не сватавъ. Такъ бидна и постарилась и вмерла дивкою. Осталась вона маленькою въ брата сыротою безъ батька, безъ матеры. Горе ій, несчастній калици, було въ брата. А якъ умеръ братъ, то одъ невистки и житья ій не було: хоть беры, та умирай, та тилько Богъ смерти не дававъ. И сяка ты, и така ты, и дурна, и калика, и огыда, и ледащо, за кусокъ хлиба не варто тебе трыматы, ни якого пуття не перейдешь; чого - чого? ще й прясты не судна. А де ты въ лыху годыну выдерлась на мою голову? Чомъ тебе твоя клята маты въ купели не втопыла? Отъ, що людьске, та добре, то й умирае, а отъ-таку погань то й трымае жъ Богъ на свити на хоробу, на стогноту, та на нудьгу людьску. А Божиха, хоть бы тоби очерныла, хоть бы тоби обилыла, хоть бы пару зъ устъ пустыла, а ни пыкне; мовчыть и рота не

раздзявыть; тильки дрибными слизьми обильется. И никуды було ій обзыватысь. Було почне вона вечеру варыты, то невистка зъ неи воду варыть; то на що такого велыкого крутиня соломы вклала въ пичь, то чого въ тебе погасло въ печи, то чого въ тебе палахкотыть у печи, то чого въ тебе сбигае окрипъ, то чому не помишаешь? Зовсимъ зибье іи съ толку. Плаче бидна дивка, за слизьми свита Божого и горшкивъ не бачыть, не разъ и перекине горшки въ печи, а то и изъ рукъ пустыть, бо вже ій и свитъ не мылый и земли передъ собою не бачыть, та й зачепыть ногою и перекыне або кухлыка, або цебрыка, а то й на курча наступыть. Бида тогди, хоть заразъ лягай въ домовыну. Ото тогди тилько й свита-сонця, якъ пиде невистка на панщыну, а іи покине съ дитьми. Не було ій до кого прихылытысь, не було іи кому пожалуваты,—идна на всимъ свити. То вона було горнется серцемъ до дитокъ братовыхъ: вона ихъ поськае, головки имъ змые, поросчисуе и позаплитае ще й квиточками убере и пообтирае и пообшивае и казочку имъ скаже; и любылы дитки титку, було завше гурточкомъ коло неи труться: и титочкою, и голубочкою іи звалы. Идны дитки тилько й трымалы іи на свити. Але й за це ій життя не було одъ невистки".

„Разъ въ осены, якъ и що року, прынесла невистка зъ двора митки, щобъ напрясты тальки нытокъ пани.

— Гляды жъ мени, суко,—пряды, та ривно безъ узливъ и тонко, на двадцятку и скоро, бо якъ не напрядешь, то я тоби й твои чорни кудели зъ головы обирву и руки тоби повыкручую. И Бога не просы; не жытымешь на свити".

„Сыдила бидна калика пидъ кужелемъ що вечера и по цилымъ ночамъ пряла и окомъ не стыкала, пряла, пряла та все Богу молылась. Богъ іи знае, колы вона й спала. Вже вси жинки поодносылы до пани тальки, а вона ще не кончыла. Клыкнуть до пани осавулы братову. Кынулась братова съ кулаками до дивкы, та осавула съ кіемъ не давъ іи быты. Заскреготала зубами братова, та й повелы іи до пани. Тамъ далы іи пятнадцять ризокъ".

„Божиха сыдыть пидъ кужелемъ ни жива ни мертва: и руки іи трясуться, и веретено падае зъ рукъ, и нытки рвутся и засо-

туються, тилько губы шепчуть: Маты Божа, Матинко Пречиста! пошлы мени смерть, вырвы мене зъ-видциль".

„Колы вбигае менша небога въ хату, сплеснула въ долони и кричыть: ой, титочко, ховайтесь, ой титочки, втикайте. Маты роспатлани летять, на все село крычать: убью, убью гадыну".

„Божига и зъ миста не рушыла, тилько веретено заколило въ рукахъ, захолола вся, кругли очи зробылысь и въ двери впылысь, хоть бы тоби слизка скотылась".

„Ажъ гракнулы синни двери и съ бигуна вырвалысь. Влетила зъ репетомъ братова въ хату, косы съ пидхусткы выбылысь, осатанила. Ой сокиру, ой сокиру дайте! Ухватыла рогачи, та по голови, по голови Божиху, звалыла на землю, та ногами давай іи мисыть и пидъ груды и въ живитъ, ажъ поки сама не звалылась зъ нигъ. А потимъ взяла іи не жыву та й выволокла на дорогу, а потимъ и шмаття іи повыкидала на улыцю".

„Диты съ початку съ переляку було въ крыкъ, та въ плачъ. А маты якъ блыснула на ныхъ очима, якъ крыкнула: ой мовчить, бо поимъ и васъ, то воны поставалы въ куточкахъ, та й остовпилы и руки имъ позаклякалы".

„А на улыци диты и жинки обступылы прибыту калику и кленуть на чимъ-свитъ стоить іи братову".

„Очумалась калика, повела навкругы себе очима, на сылу пидволоклась на ноги, та й поплелась по дорози".

— „Куды ты теперь пидешь, Явдоха", пытають іи жинки, бо знають що нема до кого. Вона всимъ чужа чужаныця. Куды жъ ты йдешь? допытуются цикави. Въ тебе жъ ни батька ни матеры нема, тилько й роду й плоду, що братова".

— „До матеры, тыхо черезъ слезы обизвалась несчастна".

„Де-хто засміявся, де-кому жаль стало, а мене такъ за сердце сципыло, що й слова промовыть не можна. И я рано безъ матери осталась, мачуху мала и не разъ мовчки слезы ковтала".

„Иды до мене, Явдоню, сказала я ій. Пидняла вона на мене очи, подывылась на мою слезу, а дали якъ ухватыть мене за руку, якъ почне циловаты.

— Сестро ты моя, матинка моя, та й заголосыла; та такъ тяжко, та такъ голосно, що я и вси жинки росплакалысь.

„Осталась вона у мене. Тилько де дальше гирше каличіе и нездужае. Вона й хвылыны даромъ не посыдить, тилько спору нема въ роботи. А чоловикъ мій, а ніякъ не мае на неи добраго ока. Все исть мене, та й исть: де ты выдерла оцю прычепу, прожены іи; вона тилько дармо хлибъ псує“.

„Богъ съ тобою, кажу я, грихъ тоби це казаты; вона жъ на тыжни тилько пять днивъ исть, а въ середу и въ пятныцю и крыхотки въ ротъ не бере; робыть якъ тилько може, та середъ ночи тилько Богу молытся. Може вона й за насъ Бога умолыть“.

„Отъ давъ Богъ Велыкдень. Несу я паски святыты до церквы“.

— Моя матинка! Чого я васъ буду просыты! Вкладить межъ свои паски оцёго очкура, нехай пипъ посвятыть съ пасками.

— Семилитній? пытаю іи.

— Семилитній!

— До чого це ты такъ робышь? Видьму хочешь зловыты? Ой, не грайся зъ огнемъ.

— „Не сылуйте мене сказать, не пытайте. Взяла я того очкура, посвятыла. Якъ взяла вона того очкура, то такъ зрадила, якъ ридну матирь побачила, ажъ перехрестылась“.

Примичаемо мы съ чоловикомъ, що Явдоха противъ пятныци николы не спыть, а кужеля съ веретеномъ ставыть тамъ де пряла, протывъ викна и всю ничь голову поднимае и дывытся на кужеля, та все тыхенько Богу молытся и щось довго въ рукахъ тримае. Иднои ночи, якъ перши пивни заспивалы, прокынулась я, протерла очи, глянула на викно, а мисячна була ничь, хоть голки сбирай, та ажъ дыво мене взяло: сыдыть дивка пидъ кужелемъ, пряде, та такъ швыдко, що веретено й сокоче й гуде.

— А що це ты робышъ, безъ свитла прядешь?

— А вы й не спыте? Охъ, матинко моя, якажъ я теперь счастлыва, такъ якъ допиру на свитъ народылась.

— Це жъ чого таки така счастлыва та весела? пытаю я.

— Хиба жъ вы не чуете, хиба жъ не бачите, якъ у мене веретено въ рукахъ ходыть. Аже-жъ мене свята Пятонька научила прясты.

— Колы, якъ? дывуюсь я.

— Якъ полягалы вы спаты, то и я лягла, тилько не спала, Богу молылась, на кужель дывылась, та очкуръ на поготови трымала. Такъ мене научыла робыты стара баба Туранська передъ своею смертью. Колы, якъ вы вже добре поспалысь, ажъ захроплы, мени чогось сердце тёхнуло, ажъ духъ затаився, неначе хто дверыма злегка стукнувъ, зыркнула я на двери, а мини й духъ затаився и серце похололо: стоить дивка коло дверей, вся въ бындахъ, та въ квиткахъ та й дывытся на мене. Я прыплющыла очи, буцимъ сплю. Ажъ дивка сунется, сунется блыжче до мене та й сила на лавци коло кужеля, взяла веретено та й почала прясты. Та такъ же то пряде, швыдко, такъ гарно посукуе нытку, та такъ же то шарне долонями веретено, що воно ажъ до порога дойде, та все крутытся, а вона тилько ливою скубе ленъ, а правою посукуе. А ноги іи стоялы, якъ разъ коло моихъ рукъ. Я тыхесенько обвела очкуромъ іи ногу, та й зашморгнула на пряжку, а сама вже й не боюсь, сила. Злякалась свята Пятонька, ажъ затряслась, та й давай просыться у мене, щобъ я іи пустыла. Мени іи й жаль стало, але я держу и кажу.

— Не пущу.

— „Пусты, моя дивонько, пусты, моя пташенько, що хочешь тоби дамъ, тилько пусты мене; ажъ слезы покотылысь іи на фартухъ.

— Не хочу я одъ тебе, свята Пятинько, ничого, тилько научи мене такъ прясты, якъ сама прядешь: бо горе мени велыке, сырота я, чужа всимъ, та ще й калика. Идна мука, а не життя мени. Пожалуй мене, свята Пятинко, будь мени матинкою.

— Сидай же ты до кужеля, каже вона мени.

— Не кидаю я зъ рукъ очкура, сидаю, беру веретено въ другу руку, почала прясты, та й зъумилась: сама своихъ рукъ не пизнаю.

— Будешь же ты прясты одъ ныни и до вику, до смерты. Не народылась ще та дивка, або жинка, або й баба, котра бъ лучше одъ тебе пряла. Тилько шануй святу пятныцю, не пряды тогди.

„Сказала це, та й не знать де дилась и дверы не скрыпнулы и очкуръ у моій лывій руци зоставсяʺ.

— „А я такъ зрадила, такъ стишылась, що и сміяться и плакаты разомъ хочется и одирваться не можу одъ кужеля; отъ и говорю зъ вами, а веретено само крутытся въ рукахъ. Дывиться, отъ и незоглядилась, якъ пивъ починка напрялаʺ.

Съ того часу зовсимъ не та дивка стала. И весела, и сміется, и писеньку злегка затягне, и говорлыва стала; а вже якъ сяде за кужель, то Богъ іи знае, де въ неи той спиръ въ рукахъ берется. Не разъ посбираются сосидки, посkладають руки, тай дывлятся, забудуть зачимъ и прійшлы. И така добра була, хоть до раны іи прикладай. Якъ дочулась про це дыво Божышина братова, то ажъ въ лыци змынылась, позеленила. „Не жива я буду, каже, колы я іи не страчу зъ свита. И якъ начала та іи братова увыватысь коло мого чоловика, то мій чоловикъ заходывся коло мене, щобъ я іи прогнала зъ хаты.

— То не Пятныця іи научыла прясты, а нечыста сыла, бо вона (Божиха) видьма. То ще й тебе чымсь очаруе. И поидомъ ивъ мене, якъ иржа зализо, пока я іи, надарывши полотномъ, не одправыла. Але іи вже горя не було, бо іи, якъ незвычайну прядку, вси багачи просылы до себе иты за прядку. И вона съ хаты въ хату й переходыла прясты. И вже й грошы въ неи завелысяʺ.

Подъ вліяніемъ жизненной религіозности отца и читанныхъ имъ житій идеальныхъ святыхъ людей, подъ поэтическимъ вліяніемъ мифическихъ и героическихъ сказокъ и былей и небылицъ дѣда Кирилла Середы, сказаній и вѣрованій народныхъ бабы Марци и моей матери, при непосредственной близости съ богатою чарующею украинскою природою, въ связи съ беззаботностію и жизнерадостностію дѣтскаго возраста, строилось наше дѣтское поэтическое міровоззрѣніе и расширялся крошеч-

ный, но полный чудесъ, горизонтъ нашего вѣдѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта нетрезвая атмосфера, полная фантастическихъ грезъ, наложила печать туманности съ сильной игрой фантазіи на складъ нашего дѣтскаго мышленія. Даже и теперь моя мысль съ трудомъ прозрѣваетъ реальную правду жизни сквозь густой туманъ опьяняющей фантазіи и болѣзненныхъ мечтаній. И потому самому мнѣ приходится переживать то восторги вѣры въ кажущееся мнѣ добро, то горькія, мертвящія муки—боли разочарованій въ себѣ, какъ въ праздномъ, бездѣльномъ мечтателѣ, расходующемъ душу и сердце свое на процессы мышленія, на фантазированія, а на самомъ дѣлѣ не берущемся ни за какое дѣло. У меня вѣдь только и дѣла, что упиваться мышленіемъ о безплодности и ничтожествѣ собственнаго моего мышленія, только и дѣла, чтобы и въ другихъ людяхъ по застывшимъ складкамъ на ихъ лицахъ, печатямъ найболѣе постояннаго состоянія ихъ души, наблюдать ту же драму мысли и дѣла, ту же муку жизни. И не диво, если голова моя и до сихъ поръ страдаетъ похмѣльемъ послѣ опьянѣнія въ дѣтствѣ гашишемъ фантастическихъ воззрѣній на міръ. Вѣдь наши дѣтскія умишки не умѣли отличать реальной жизни отъ сказочной и вполнѣ вѣрили, что всѣ эти сказочныя чудеса были въ дѣйствительной жизни только немного ранѣе насъ, а именно „за царя Горошка, когда было людей трошки". Тѣмъ болѣе, что почти чрезъ все дѣтство впечатлѣнія реальной жизни, получаемыя днемъ, смѣнялись впечатлѣніями фантастической жизни, изображаемой намъ вечеромъ и ночью сказками. Такъ что, оглядываясь назадъ за 35 лѣтъ въ свое дѣтство, я вижу себя живо мальчикомъ, голова котораго полна самыхъ фантастическихъ грезъ, который вчера еще вечеромъ и ночью леталъ за тридевять земель въ тридесятое царство, боролся съ змѣемъ, освободилъ царевну, былъ царемъ, былъ мудрой дѣвкой семилѣткой, питался акридами и дивіимъ медомъ, ходилъ подъ палящими лучами солнца въ песчаныхъ пустыняхъ и скалахъ вмѣстѣ со святымъ пустынникомъ, видѣлъ видѣнія ангеловъ, бесѣдовалъ съ Богомъ и предвкушалъ райскія сладости, гдѣ-то безгранично высоко за синимъ небомъ въ новомъ Іерусалимѣ, стѣны котораго изъ до-

рогихъ самоцвѣтныхъ каменьевъ—и за стѣнами райская чудная зелень, переливающаяся всѣми цвѣтами радуги съ прозрачными, румяными съ дивнымъ ароматомъ яблоками, какія держитъ въ ручкахъ мой маленькій *билявенькій братикъ Петруне*, покоящійся на травкѣ у ногъ Божіей Матери. Такое непомѣрное преобладаніе фантазіи и сильнаго воображенія въ процессѣ мышленія въ самомъ раннемъ дѣтствѣ сдѣлало изъ меня то, что я съ 10 и до 20 лѣтъ въ училищѣ и въ первыхъ классахъ семинаріи говорилъ своимъ товарищамъ сряду по нѣсколько часовъ самыя фантастическія сказки и своихъ маленькихъ и большихъ слушателей приводилъ то въ отчаяніе, то въ дикій восторгъ подвигами своихъ импровизированныхъ героевъ. Тою же дорогою шли и братья мои. Слишкомъ большое развитіе фантазіи не помѣшало, впрочемъ, ни одному изъ моихъ братьевъ быть одними изъ первыхъ и первыми учениками въ училищѣ и горячими любителями своего дѣла и дѣятельными въ жизни.

Но за такое уродливое мышленіе, склавшееся подъ вліяніемъ такихъ деревенскихъ воспитателей и мудрецовъ, какъ мои родители и дѣдъ Кирилло съ бабой Марцей, мы не только теперь въ зрѣлой порѣ жизни, но и въ самомъ раннемъ дѣтствѣ дорого расплачивались. Бѣда намъ была ночью. Уже и дѣдъ Кирилло ушелъ отъ насъ, и отецъ уснулъ, и мать надъ „колыской" задремала, и мы давно спимъ, и казалось бы некому разсказывать сказки, а между тѣмъ наши головки разсказывали намъ по цѣлымъ ночамъ чудныя сказки, заставляли насъ сквозь сонъ смѣяться, хохотать, плакать, вставать съ постели и выбѣгать на улицу,пока мать не перехватитъ въ дверяхъ, разбудитъ и уложитъ снова спать.

Разъ, живо и до сего дня помню, осенью передъ заходомъ солнца мать оставила насъ однихъ въ хатѣ, а сама съ заступомъ и коробкою въ рукахъ пошла копать картофель на ужинъ. Въ хатѣ уже было холодно; солома для топки лежала среди хаты, и я съ братомъ постлали рядно на соломѣ, легли и укрылись кожухомъ, думая задремать, пока мама воротится съ ого-

рода. Солнце косыми лучами пробилось сквозь окно и освѣтило печь у порога. Я долго смотрѣлъ на игру солнечнаго луча между дверью и печкою и уже началъ дремать, когда мнѣ послышался скрипъ двери. Я открылъ глаза; у меня сердце отъ испуга перестало биться,—на солнечномъ отраженіи сталъ человѣкъ на курьихъ ножкахъ.

— Я твоего брата зъимъ—говоритъ онъ мнѣ.

— А не дождешь! Ось мама заразъ прыйдуть.

Ужасный человѣкъ подходитъ ближе, хватаетъ брата своими когтистыми руками, но не успѣлъ онъ поднесть брата ко рту, какъ я моментельно схватилъ его за куриную ногу, переломилъ ее и кричу:

— Кгвалтъ! Рятуйте! Рятуйте! Хто въ Бога вируе!—Мать съ испугомъ соскочила съ постели ко мнѣ, креститъ и спрашиваетъ: що тоби сыну?—Вырывайте скорише Ваня, бо чоловикъ съ курячымы ногамы зъисть его.—Богъ съ тобою, сыну! Ванё спыть. Спы й ты, сыну! И разорвала тотчасъ мать пазуху моей рубашки, „щобъ перелякъ одійшовъ одъ мене". Я пробудился, смотрю,—ночь, никакого человѣка нѣтъ въ комнатѣ, братъ и всѣ спокойно спятъ, кой-кто и храпитъ.

Это дѣтское сновидѣніе, какъ и много другихъ, память живо хранитъ съ четырехлѣтняго моего возраста и до сего дня. Кромѣ сновидѣній, какъ послѣдствій вліянія сказокъ на воспріимчивую душу дитяти, живо помню изъ того же ранняго дѣтства и нѣсколько чрезвычайныхъ случаевъ, бывшихъ со мною на 4-мъ году жизни. Такъ, помнится чрезвычайно живо моя борьба съ индѣйскимъ пѣтухомъ, окончившаяся для меня бѣлой, или нервной горячкой. Мнѣ часто приходилось вести отчаянную войну „съ поповыми гындыками". Заберутся они въ наше подворье къ корыту, и я тотчасъ выбѣгаю и кричу: здравствуйте, ребята! Гулу, гулу, гулу—моментально всѣ индюки отвѣчаютъ мнѣ разомъ, точь-въ-точь какъ на такой-же привѣтъ офицера отвѣчали солдаты, обучавшіеся въ ту пору (передъ крымскою войною) какъ разъ противъ нашего дома. Послѣ такого обоюднаго привѣта я кнутикомъ разгонялъ индюковъ, но одинъ индюкъ погнался за мною и сталъ кусать мои открытыя

ноги (а я тогда бѣгалъ еще въ одной рубашенкѣ), и между мною и индюкомъ завязалась борьба не на животъ, а на смерть: я переломилъ ногу индюку и все-таки съ неестественнымъ крикомъ и съ ужасомъ долженъ былъ бѣжать съ поля битвы, когда бросились на меня всѣ остальныя куры. Этотъ испугъ не прошелъ мнѣ даромъ. Я схватилъ нервную горячку и, какъ разсказывала мнѣ впослѣдствіи мать, въ бреду я прятался отъ индюковъ къ отцу, къ матери, подъ кровать и убѣгалъ въ дверь съ дикимъ крикомъ: „ой, гындыкъ съ кышкою догоняе". Въ безсознательномъ состояніи я пробылъ нѣсколько недѣль, пока, наконецъ, живо припоминаю теперь, показалось мнѣ, что лежу въ церкви—въ самыхъ Царскихъ вратахъ, а отецъ беретъ оливу изъ лампады, висѣвшей предъ образомъ св. Митрофана Воронежскаго и мажетъ мнѣ грудь. Въ эту минуту сознаніе воротилось ко мнѣ, и я дѣйствительно увидѣлъ отца, мазавшаго мнѣ грудь отъ той лампады, но только увидѣлъ, что я лежу не въ церкви, а дома.

Объ одномъ событіи изъ болѣе ранняго дѣтства, изъ безсознательнаго періода моей жизни на 2 году, припоминалось мнѣ только во время сна, и то только тогда, когда положеніе моего тѣла вызывало состояніе кошмара. Кошмаръ, который душитъ человѣка, какъ передавали мнѣ многіе, и заставляетъ его метаться во всѣ стороны до самаго пробужденія, представляется многимъ въ видѣ кошки, сидящей на груди человѣка и впивающейся когтями въ горло и душащей его. Но меня кошмаръ не душилъ, а преслѣдовалъ по пятамъ въ видѣ веретена, съ черными суконными нитками, бѣгущаго за мною. Я, что есть силы, убѣгалъ отъ него вокругъ дома, пока, наконецъ, не ставало силъ дышать и сердце готово было разорваться, а крикнуть—ни малѣйшей возможности; наконецъ, дошедши до крайняго напряженія силъ въ бѣгѣ, я въ полномъ изнеможеніи падалъ, веретено наскакивало на меня, и тутъ только въ смертельномъ ужасѣ я дико вскрикивалъ и пробуждался весь въ поту, съ такимъ сильнымъ и скорымъ біеніемъ сердца, что оно, кажется, готово было выскочить. Только нескоро впослѣдствіи я объяснилъ себѣ,

почему кошмаръ мучилъ меня въ видѣ преслѣдующаго меня черннаго веретена. На второмъ году жизни, какъ нерѣдко разсказывала мнѣ мать, играясь возлѣ бабы прядки, я соскочилъ съ лавки на полъ и упалъ подбородкомъ на веретено, спущенное бабою на землю и быстро крутившееся. Веретено пробило мнѣ подбородокъ и поранило языкъ. Баба, сидѣвшая у кужеля съ черною шерстью, моментально вырвала веретено изъ подбородка и брызнувшую кровь „замовыла“, какъ говоритъ мать. Я тотчасъ отъ перепугу заснулъ. Прибѣжалъ сосѣдъ, сказалъ прикладывать холодную воду къ ранкѣ; но когда я проснулся, ранку какъ рукой сняло, а на мѣстѣ ранки остался красный знакъ, какъ будто блоха укусила.

Съ той поры и до 17 лѣтъ, если только положеніе моего тѣла во снѣ было неудобно и вызывало состояніе кошмара, то послѣдній не иначе мучилъ меня, какъ въ видѣ крутящагося вокругъ себя и преслѣдующаго по пятамъ меня съ черными нитками веретена.

Заговоривъ о кошмарѣ въ дѣтствѣ, я припоминаю, что такое угнетеніе духа тѣломъ во снѣ съ 20 и до 30 лѣтъ у меня выражалось иначе. Тогда меня мучило томительное состояніе ожиданія, что вотъ-вотъ профессоръ семинаріи спроситъ меня урокъ, а я не только не выучилъ урока, но и не знаю даже, что задано на урокъ. Это ожиданіе до такой степени мучило меня, что я наконецъ во снѣ убѣждалъ себя, что я уже не семинаристъ, а священникъ и что это ожиданіе не дѣйствительность, а только сонъ. Только послѣ такого напряженія мозга во снѣ я пробуждался.

Кошмаръ въ такой формѣ я объясняю тѣмъ, что въ теченіе шести лѣтъ семинарскаго ученія я одинъ разъ только зналъ урокъ въ зубрячку *на 5*, по семинарской оцѣнкѣ, по логикѣ; а обыкновенно, къ моей искренней скорби теперь, я плохо зналъ все,потому что у меня за шесть лѣтъ не только не было своихъ книгъ, да я полтора года былъ безъ стола и цѣлыхъ три мѣсяца безъ квартиры. Только на четвертый мѣсяцъ декабрьскіе холода и слякоть заставили меня сказать правду отцу, а до той поры я утѣшалъ отца, что имѣю квартиру и мнѣ хорошо; только

снѣгъ заставилъ меня написать отцу, что я къ утру подночевываю на тумбахъ, потому что къ утру огни тушились во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ я по получасу обогрѣвался и переходилъ изъ одного въ другой, куда, впрочемъ, никому хозяева не воспрещали входа, догадываясь, что мнѣ некуда дѣваться.

Когда я припоминаю событія изъ очень ранняго дѣтства, моя память по ассоціаціи идей живо возстановляетъ предъ моимъ умственнымъ взоромъ слѣдующую картинку. Я еще ходилъ въ одной рубашенкѣ и держался за платье матери, когда она взяла меня за руку, повела на погостъ церковный и передъ надгробнымъ крестомъ, грубо вытесаннымъ изъ камня, каковыхъ теперь нигдѣ уже не дѣлаютъ, ломая руки, горько рыдала.

— Чого ты плачешь? спросилъ батюшка, проходившій въ ту пору черезъ погостъ. И ще нема Фылыпа?

— Нема. Отъ уже друга недиля мынула, якъ десь подився.

— Не журысь, вернется. Я чувъ въ Бровкахъ, що винъ пишовъ на Херсонски степы доброго прыхода шукаты.

Впослѣдствіи отъ самого отца я узналъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ одинъ изъ дьяковъ сосѣдняго бердичевскаго уѣзда, Здѣтовецкій, кажется, перешелъ въ Одессу и занялъ тамъ, благодаря громадному басу, мѣсто перводіакона въ кафедральномъ соборѣ, а затѣмъ сообщилъ отцу письменно о своей судьбѣ, что и подбило моего отца, не имѣвшаго голоса, „оставить домъ, родъ и отечество и идти въ неизвѣстную землю“ и возвратиться ни съ чѣмъ домой. Но по одному голословному приглашенію товарища отецъ не пустился бы въ такое странствованіе, если бы въ самомъ складѣ душевномъ отца не было какого-то меланхолико-мечтательнаго настроенія, при которомъ онъ не могъ довольствоваться своимъ настоящимъ,—впрочемъ не въ смыслѣ хлѣба, а стремился къ чему-то лучшему, болѣе свѣтлому и отрадному въ окружающей его общественной жизни, вѣроятно подъ вліяніемъ житій святыхъ идеальныхъ людей, о которыхъ онъ говорилъ съ большимъ оживленіемъ, страстностію и восторженностью. Уединенная жизнь въ пустынѣ среди суровыхъ, какъ суровъ самъ пустынникъ, величественныхъ скалъ и мрачныхъ ущелій, эта созерцательная поэтическая жизнь пустын-

никовъ восточныхъ, равно какъ и таковая же жизнь Русскихъ отшельниковъ, бѣжавшихъ отъ соблазновъ міра въ тихія, мирныя пущи среди прекрасныхъ дубравъ у береговъ скалистыхъ величественныхъ рѣкъ и въ дебряхъ дѣвственныхъ темныхъ лѣсовъ, эта суровая, аскетическая, созерцательная жизнь святыхъ великановъ христіанской эры, при величественной поэтической обстановкѣ, съ которою отецъ мой былъ знакомъ по Четьимъ-Минеямъ,—была главною причиною странствованій отца въ Одессу на 27 году отъ роду безъ копѣйки въ карманѣ. Сдѣлавъ 1200 верстъ безъ средствъ, онъ воротился домой измученный тѣломъ, изнывшій душой по женѣ и малымъ дѣткамъ и больше ужъ не рѣшался странствовать, хотя и до послѣднихъ дней своихъ не мирился со зломъ общественной жизни, мучился общественными непорядками, молилъ Бога „о мирѣ всего міра“ и какъ на недосягаемый, но желательный для него идеалъ, смотрѣлъ на жизнь отшельниковъ.

Этотъ мечтательный складъ мышленія моего отца унаслѣдованъ мною въ неменьшей мѣрѣ. А подъ преобладающимъ въ дѣтствѣ вліяніемъ, не реальнымъ, а по преимуществу поэтическимъ, этотъ и безъ того мечтательный мозгъ мой всю окружающую меня природу опоэтизировалъ воображаемыми мною, только въ моемъ туманномъ мышленіи существующими красотами. Несдерживаемое извнѣ реальною правдою окружающей меня жизни мое фантастическое воображеніе доводило меня до галюцинацій,

Я до сихъ поръ съ поразительною ясностію припоминаю случай моего свиданія съ двоюроднымъ братомъ во снѣ, какъ на яву. Ночь была чудная, лунная, и въ нашей хаткѣ такъ было свѣтло „хоть голки сбирай“. Я легъ спать среди хаты на соломѣ. Ясная, чарующая луна мягко, привѣтливо смотрѣла намъ прямо въ глаза, которые впились въ двухъ братьевъ: Каина, вонзающаго вилы въ грудь брата своего Авеля. Долго и напряженно смотрѣлъ я на братьевъ, пока, наконецъ, утомленные глаза не начали смежаться дремотою передъ сномъ. Только что я сомкнулъ глаза, вдругъ слышу — окно задребезжало; стучитъ кто-то и кричитъ: Мышка! Сонъ, какъ рукой, сняло; глаза какъ водой промыты. Голосъ брата Сашки. Смотрю въ окно: онъ. И чудный восторгъ охватилъ меня. Вскрикнувъ отъ радости, я моментально, въ чемъ былъ, выбѣжалъ изъ хаты, протянулъ руки

къ нему и кричу! Саша! Саша! Онъ хохочетъ, скачетъ и кричитъ: лови, лови! И побѣжалъ за ворота. Я за нимъ, онъ далѣе къ церкви; бѣжитъ, хохочетъ, оглядывается, дразнитъ меня языкомъ. Веселый, радостный,—я напрягъ всѣ мои силы, чтобы догнать его, и только что хотѣлъ схватить его за рубашку, какъ смотрю—онъ махнулъ платкомъ и передо мною стала узенькая рѣчка тамъ, гдѣ ея никогда не было, по той сторонѣ рѣчки небывалыя кучи хворосту, а на немъ стоитъ Сашко, высунулъ языкъ и дразнитъ меня: А що, зловывъ?! У меня и руки опустились, слезы брызнули изъ глазъ, и чувство восторга и пламенной братской любви смѣнилось горькими рыданіями. Я любилъ его, какъ никого еще, и во снѣ онъ мнѣ часто снился, и теперь я хотѣлъ его обнять, видѣть, дать ему рябенькаго котика, а онъ.... Саша! Сашка! рыдающимъ голосомъ кричу я, но онъ еще сильнѣе расхохотался, показалъ языкъ, да и былъ таковъ: какъ—въ воду канулъ. Хотя бы еще разъ взглянуть на него! И чувство неудачи и великой жалости сопровождало мое возвращеніе въ хату еще большими рыданіями. Въ хатѣ всѣ спятъ. Но могъ ли спать я?! Сѣвъ на лавку подъ окномъ, я закрылъ лицо руками и неудержимо рыдалъ. Мать пробудилась, успокаиваетъ, напоила холодной водой, отвела на постель; разспросила, въ чемъ дѣло, и говоритъ: то тоби сыну прыснылось. Сашко далеко за Сквирою жыве—одъ насъ 40 верстъ буде. Но такіе доводы ни мало не разубѣдили меня, и много, много лѣтъ прошло, пока я додумался, что свиданіе мое съ братомъ было во снѣ, а не на яву.

Но не только одинъ сказочный фантастическій міръ производилъ сильное впечатлѣніе на мои дѣтскіе мозги, нѣтъ—и реальный, внѣшній міръ съ его ужасами и съ его дивными красотами глубоко отпечатлѣвался въ моей дѣтской душѣ. Я съ поразительною ясностію помню и до сихъ поръ сонъ, все содержаніе котораго исчерпывалось въ созерцаніи мною обыкновеннаго восхода солнца и въ отраженіи косыхъ солнечныхъ лучей на бархатистомъ зеленомъ мху, которымъ, какъ сплошнымъ покровомъ, была покрыта крыша сосѣдняго экономическаго дома. Красота солнечнаго дня, лунной ночи, утра и вечера и величіе картины грозы живо чувствовались мною; и во время грозы, днемъ ли, ночью ли, ни мать, ни отецъ, ни ночныя страшилища въ родѣ мары не могли—завесть меня въ хату: я по цѣлымъ

часамъ простаивалъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ и, какъ зачарованный, созерцалъ величественную и страшную картину грозы. Болѣе всего я приходилъ въ ужасъ тогда, когда видѣлъ ужей, которыхъ въ нашемъ низменномъ селѣ водилось много; выводились, бывало, даже въ хатахъ подъ „прызьбами", тѣмъ не менѣе меня неудержимо влекло чаще и чаще видѣть ихъ. А видѣть было ихъ не трудно въ водостокѣ подъ старой мельницею, въ которой давнымъ давно никто не мололъ, а только, говорили люди, одни черти въ немъ „табаку мололы", отчего то мѣсто слыло страшнымъ мѣстомъ. Меня сильно влекло къ мельницѣ—увидѣть за разъ много ужей, но страхъ и наказъ родителей удерживали меня. И любопытство мое удовлетворено было только во снѣ, когда я увидѣлъ цѣлые клубки переплетшихся между собою гадовъ малыхъ, большихъ и сѣдыхъ великановъ, пищавшихъ, сычавшихъ и грозившихъ мнѣ своими раздвоенными жалами. Засмотрѣвшись на леденящее кровь зрѣлище, я почувствовалъ, что вокругъ моей ноги обвивается змѣя. Въ неописуемомъ ужасѣ я схватилъ змѣю, дико вскрикнулъ и бросилъ ее на землю. Мать перекрестила меня, разорвала пазуху сорочки и, зажегши свѣчу, показала мнѣ, что я вмѣсто ужа схватилъ котенка, спавшаго у ногъ моихъ и бросилъ его.

Ядовитыхъ змѣй, такъ называемыхъ у насъ гадюкъ, я рѣдко встрѣчалъ, и то только въ лѣсахъ и во рвахъ хуторовъ; но ужей, самой разнообразной длины и цвѣтовъ, я сотни видѣлъ и у себя въ сѣняхъ, и подъ завалинкой, откуда разъ выползъ ужъ и обвился холодный, какъ ледъ, вокругъ моей теплой ноги, такъ что я и самъ не оглядѣлся, какъ я его сорвалъ съ ноги и бросилъ, и въ огородѣ, откуда, когда мы носили гарбузы и вѣроятно неосторожно наступили ногой на него, онъ чрезвычайно быстро гнался за нами до самыхъ дверей дома, и въ садахъ, на поляхъ въ снопахъ копенъ ржи, въ хлѣвахъ, въ навозѣ, въ ставку, когда онъ плыветъ. Рѣже же всего удавалось мнѣ видѣть ужей съ золотыми надбровьями, равно и большихъ—аршина въ полтора длины и сѣдоватыхъ какъ-будто поросшихъ мхомъ. Пасъ я разъ на полѣ лошадей отца, сѣлъ на корточки и ѣлъ хлѣбъ, натирая корку хлѣба чеснокомъ. Смотрю,—ниже моихъ рукъ вершка на четыре, между ногъ, спокойно, ничего не подозрѣвая, ползетъ сѣдой ужъ аршина полтора длиною; я не шевельнулся, пока онъ не сползъ въ ровъ, тутъ же аршинахъ

въ двухъ находившійся отъ меня. Я всталъ. Ужъ выползъ на другой бокъ рва, гдѣ была нора вершка въ полтора въ разрѣзѣ, посмотрѣлъ на меня, поднявши голову, засычалъ и, когда я бросилъ на него комомъ земли, быстро спрятался въ нору. Такъ-же рѣдко, какъ и гадюкъ, я встрѣчалъ красивыхъ блестящихъ мѣдянокъ. Послѣднихъ я менѣе всего боялся. Нѣтъ у нихъ этого страшнаго утолщенія, сравнительно съ шеей, головы и этой бѣлой каймы на губахъ, какая есть у гадюки. Мѣдянка блеститъ, какъ самоварная мѣдь; головка у нея маленькая, едва толще шеи; спинка не испещрена пятнами, движенія ея легки и граціозны. Маленькія мѣдянки не имѣютъ желтаго цвѣта,— онѣ черны, съ желтоватымъ отливомъ только при блескѣ на нее солнца. Самые маленькіе куски изрубленной мѣдянки долго еще продолжаютъ конвульсивно двигаться, какъ и ящерицы, что въ меньшей степени наблюдается у ужей и у гадюкъ. О, эти гадюки и ужи ужасны! Я никогда безъ содроганія не могъ смотрѣть на толстую голову съ неподвижными глазами и ужасную пасть съ бѣлой каймой на губахъ у гадюки, какъ никогда безъ дрожи не могъ взглянуть на рябое брюхо ужа, гдѣ цвѣта черный и бѣлый, безъ всякихъ посредствующихъ тѣней, чередующіеся между собою, рѣжуще дѣйствуютъ на зрительный нервъ. Само собою разумѣется, что зрѣлище такихъ необычныхъ и страшныхъ явленій навсегда отпечатлѣвалось въ памяти, и впослѣдствіи, когда я сталъ знакомиться съ животными при посредствѣ книгъ, я съ найбольшимъ любопытствомъ прочитывалъ о своихъ старыхъ ужасныхъ знакомцахъ—змѣяхъ. Равно и въ Зоологическомъ Кабинетѣ Кіевскаго университета я наидолѣе простаивалъ передъ банками со змѣями и передъ удавами. И тогда же, во время каникулъ—дома, я обходилъ самыя недоступныя заросли болота, рвы и лѣса въ погоняхъ за змѣями, нерѣдко убивалъ ихъ, но не смотря на все убѣжденіе въ томъ, что ужъ не ядовитъ, я все таки никогда не рѣшался взять въ руки живого ужа, а носилъ съ собою только „лыновысько" ужей, т. е. кожу, которую змѣя весною сбрасываетъ съ себя, протискиваясь въ щели между двухъ сучьевъ дерева.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ II.

Документы, извѣстія и замѣтки.

„Отчетъ гласнаго отъ крестьянъ" о первомъ Черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, 1865 г. Помѣщаемыя здѣсь стихи написаны подъ впечатлѣніемъ перваго Черниговскаго губернскаго земскаго собранія (1865 г.) помѣщикомъ Василіемъ Ивановичемъ Лизогубомъ, отставнымъ уланскимъ полковникомъ. Намъ приходилось слыхать, что послѣ В. И. Лизогуба остались очень интересныя *Записки,* рисующія бытъ помѣщиковъ первой половины настоящаго вѣка. В. И. Л—бъ былъ родной братъ Андрея Ивановича Л—ба, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ къ Т. Г. Шевченку.

«Отчетъ гласнаго» полученъ нами отъ г. А. Лотоцкаго, которому и приносимъ здѣсь нашу благодарность.

Въ Черныгови, у земскій ради,
От-се и я бувъ у громади.
Чувъ я одъ дида Остапця,
Що въ Нижыни, якъ Иванця
Колысь въ гетманы выбиралы,
Такъ и шаблюкы добувалы.
А тутъ не такъ було вомо.
Теперъ вси буцимъ за одно,—
Де дилась и та пыха панська?
Отъ заразъ голова дворянська
До себе гласныхъ запросывъ,
За стилъ укупи зъ намы сивъ
Тай и обидавъ разомъ зъ намы.
Мы, опынывшысь мижъ панамы,
Булы соби ни въ тыхъ, ни въ сихъ,
Ажъ сумно стало для усихъ,—
Бо говорыть—извистне дило—
Изъ становымъ не будешъ смило!
Но тильки бачымъ, що паны

Зробылысь, наче не воны:
Сажае поровень зъ собою
И гомоныть, якъ я зъ тобою.
Що хочъ спытай, на все, якъ слидъ,
Розумный заразъ дасть отвитъ.
Винъ думку на лету хватае,
Неначе изъ очей читае,
Про що миркуе голова,
И все выводыть на слова.
Сыдилы довго за столомъ,
Пылы и йилы вси гуртомъ.
Стравъ подавалы намъ чы-мало,—
Та, бачъ,—вареныкивъ чортъ-мало,
Ни сала, ни крутыхъ яець,
Ни борщыку, ни паляныць,
Ни пинпои; стаканомъ повнымъ
Насъ гостювали все церковнымъ.
Найилысь добре, напылысь,
Ажъ захотилося кудысь!...
Проспалысь добре на соломи
У жыда въ постоялимъ доми;
Уранци проклятущый жыдъ
Прынисъ и дегтю для чобитъ.
Гарнесенько прычепурывшысь,
Навпакы сонця помолывшысь,
Вже до громады й я попхавсь
И вельмы, дуже дывовавсь.
Що и паны вже повставалы
И до громады поспивалы.
Коштовни кони и рыдванъ,—
Вже выдно, що то йиде панъ!—
А всякому, дывлюсь, звертае;
Поклонышся, такъ прывитае,
Неначе кумъ, якъ родычъ свій,—
Зовсимъ не те, що становый!
Зибралысь у дворянську хату;
Паны мижъ насъ за панибрата;
Де-що роспытують у насъ,—
Нихто й не лаявся ни разъ.
Та й хата-жъ тамъ такои миры,
Що зъ возомъ сина въиидешъ въ двери.
Зійшлысь мы, наче на майданъ;
Чого не выдумае панъ!
Тепло тамъ, а немае пичкы.
Ходыть тамъ тилькы зъ непрывычкы
Не вміе нашъ братъ, мужычокъ,

Бо ковзько, наче голощокъ.
Отъ и почалы толкуваты,
Шобъ щось-тамъ „преобразуваты“.
У хати дуже загуло,—
Чутно ничого не було;
Хотивъ и я де-що казаты,
Та не зумивъ ніякъ почати.
Къ тому я пану и пидбывсь,
Що на обиди подружывсь.
„Сей рикъ,—кажу,—изъ десятыны
Мы не взялы и половыны,
Бо вся весенняя пора
Була велыкая жара;
Мы жыто перемолотылы
И все мы вже теперъ пойилы,—
То якъ-бы тее...“—Тай замовкъ,
Тай тулюся, неначе вовкъ...
Винъ и гукнувъ, що „просыть слова“;
Затыхло все, его вся мова.
Якъ гомоныты винъ почавъ,—
Не те, щобъ дуже винъ крычавъ,—
Винъ гомонивъ такъ, що здается,
Неначе ричка буцимъ льется,
И гомонивъ все, якъ съ письма:
„Опасно,—каже,—намъ весьма;
Пры нынишнимъ неурожаи
Народу голодъ угрожае“,
Такъ щобъ отто мыныстръ оддавъ
Составывшыйся капиталъ
Изъ збора за сорокъ два года
Для продовольствія народа!
Дворянство дуже загуло,
Ажъ страшно слухаты було!
Воно, якъ справди, росходылось,—
У мене зъ ляку серце былось
Объ ребра, наче молотокъ.
Я заховався у кутокъ
И бачу, що двоихъ послалы,
Щобъ—то на дроти напысалы
Се до мыныстра въ Петербургъ.
Повивъ очыма я вокругъ,
Ось—думаю—бида, тай годи!
Колы-бъ добраться до господы,
Побигты запрягаты возъ.
А по спыни дере морозъ,
Бо той мыныстръ страшенна вова!

Напыше винъ до становего,
Мене той знайде, чортъ-зна де,
И на мотузци прыведе.
Ны, якъ се пиде за буянство,
Такъ мы вже звернемъ на дворянство.
Соби миркую такъ, а се
Изъ дрота хтось отвитъ несе.
Мыныстръ звеливъ забрать намъ гроши.
Отъ председатель-бы хорошый
Намъ выйшовъ-бы зъ того панка!
Зійшлась громада безъ дзвонка,
У поясъ пану поклонылась,
Просыла, та не допросылась.
„Нельзя!“—и въ „доказательство“
Якеесь „обстоятельство“
Винъ дуже довго намъ казавъ
Та на другыхъ и указавъ.
Мы на его и позыралы,
Якъ ихъ въ управу выбиралы.
Попавсь туды и нашъ одынъ.
Та якъ-же тилькы вражый сынъ
Теперки губу винъ копылыть!
Никому шапкы не ухылыть!
А я скажу усимъ не въ гнивъ!
Далеко нашымъ до панивъ!
Хочъ якъ нашъ братъ не вередуе,
Такъ языка не нагартуе.
Бо я дизнався, що паны
На кныжкы тіи ихъ одни
По стилькы переводятъ грошей,
Що хутиръ-бы купывъ хорошый.
А нашъ, укравшы букваря,
Походыть до паламаря,
Та вже якъ вывчытся „Жаръ-птыци“,
Такъ и берется до столыци.
Побачывшы, що тамъ уси
Байдуже-бы то о соси,—
Такъ и его на пана вадыть;
Ничого й бисъ ему не врадыть.
Забувшы ридъ свій и себе,
По панськи чубъ свій розскубе,
Та ще повыризае полы,
Щобъ пузо зоставалось голе,
И выставляе напоказъ,
Що закрывается у насъ.
Не люльку палыть, а „сыгары“,

Напне на кырпу окуляры
И черезъ сывее стекло
Прыйде дывыться на село.
Усихъ соби за дурнивъ мае,
И батька, й матирь часомъ лае,
Зове себе „передовымъ“,
Братается изъ становымъ.
Погано, якъ пороблять школы!—
То загуляе наше поле.
А сами, справди, вы скажить,
Чы жъ можна намъ безъ хлиба жить?
А вже, якъ сядемъ мы чытаты,
Не будуть и волы ораты
Було-бы латвіе воно,
Щобъ всякый знавъ соби одно:
Козакъ стріляй, чернець постысь,
Правдывый панъ пысьма учысь,
Судья узятокъ не беры,
А посполитыи—оры.

Сообщ **А. Лотоцкій.**

„Нѣчто о древнихъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Василевки, Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда [1]).

Отъ города Хорола въ 30-ти верстахъ къ югу, близъ села Василевки, принадлежащаго помѣщику Василію Николаевичу Родзянкѣ, находятся древнія развалины небольшого городища. Мѣстоположеніе городища сего на высокой равнинѣ, внизу онаго въ древности находилась рѣка, гдѣ и нынѣ можно видѣть съ высоты излучистую впадину зеленѣющаго русла; на возвышенной уже равнинѣ видны признаки каменной ограды нѣкоторыхъ строеній и каменнаго погреба. На самой же высотѣ, къ западу, находятся остатки круглаго храма, поросшаго травою.

Въ 1810 году я слегка раскапывалъ едва замѣтный фундаментъ храма сего и нашелъ тамъ карнизные кирпичи, покрытые поливкой разнаго цвѣта: иной карнизъ бѣлой, иной желтой, темнозеленой и кофейной; ребра плоскихъ кирпичей, составлявшихъ стѣны храма,

---

[1]) Съ собственноручной рукописи В. Я. Ломиковскаго, найденной въ его бумагахъ. О. Л—мъ см. предисловіе къ его „Словарю Малорусской старины“, Кіев. Стар. 1894 г., т. 46-й.—Интересно бы знать, сохранились ли слѣды этого городища до настоящаго времени? А. Л.

всѣ вообще покрыты свѣтлобирюзовой поливкой, даже и самая известь, составлявшая кирпичные швы, сплошь покрыта была подобною же бирюзовою поливкой. Я говорю поливка, судя такъ по наружному виду ея. Естли же кто возразитъ на сіе тѣмъ, что поливка производится сквозь огонь, а потому и нельзя покрыть оною огромнаго зданія; въ таковомъ случаѣ можно сказать въ отвѣтъ: приди и виждь. Можетъ быть поливка сія составлялась на подобіе китайскаго лака, коимъ китайцы покрываютъ блестящія черепицы и стѣны каменныя. Какъ бы то ни было, но прочность поливки сей достойна замѣчанія тѣмъ, что она бывъ подвержена морозамъ, зною и мокротѣ дождевой въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, осталась невредима даже и понынѣ.

Древніе остатки храма сего невольно приводятъ на мысль два вопроса: когда былъ построенъ храмъ сей? и какимъ народомъ? Въ историческихъ лѣтописяхъ о храмѣ семъ нигдѣ не упоминается. Нынѣ нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей, основываясь на словесномъ преданіи, говорятъ, что это была татарская мечеть. Но судя по событіямъ, нельзя слѣпо довѣрять преданію сему.

Случай изъ гувернерской жизни. *(Страничка изъ исторіи Переяславской Семинаріи за первую половину XVIII вѣка).* Въ первой половинѣ XVIII в., когда наши духовно-учебныя заведенія были не обезпечены въ матеріальномъ отношеніи со стороны правительства (за рѣдкими и ничтожными исключеніями), питомцамъ ихъ, въ особенности же дѣтямъ бѣдныхъ родителей и несчастнымъ сиротамъ, приходилось влачить самую горькую жизнь. Они часто не имѣли куска насущнаго хлѣба и, испытывая мучительный голодъ, должны были прибѣгать къ непривлекательному средству—ходить по улицамъ, испрашивая себѣ христіанской мылостыни. Даже взрослые студенты, и тѣ нерѣдко становились «крохоборцами», въ полномъ смыслѣ этого слова... Какими, слѣдовательно, счастливцами были тѣ учащіеся бѣдняки, которые, по рекомендаціи своего начальства, попадали къ достаточнымъ людямъ въ репетиторы или гувернеры (по тогдашнему—«въ инспекторы») и за свой трудъ бывали накормлены и одѣты! Но и такое счастье (выпадавшее, правда, лишь на долю болѣе талантливыхъ и успѣшныхъ учениковъ), видно, не всегда было въ радость его обладателямъ... Въ видѣ иллюстраціи изложимъ случай изъ

гувернерской жизни, имѣвшій мѣсто въ 1746 году. (*Извлечено изъ архивныхъ документовъ*).

Въ 1745 году войтъ Переяславскаго магистрата Кириллъ Савоновъ обратился съ прошеніемъ къ префекту Переяславской семинаріи, Григорію Гиновскому, объ опредѣленіи ученика Переяславской семинаріи, слушателя школы риторики Михаила Полонскаго «за инспектора» къ его сыну. Просьба была исполнена.

Сынъ Савонова, должно быть, былъ не блестящихъ дарованій и не отличался особеннымъ усердіемъ, а гувернеръ Полонскій, вѣроятно, зналъ внушительное двустишіе, заключавшее собою латино-польскіе букварп того времени:

„Розга, духъ свіентый, косци не пршеломіе,
А розумъ барзо въ глову выгоніе".

И вотъ 10 іюля 1746 года инспекторъ Полонскій прибѣгъ къ поощренію своего питомца, «вибылъ его розгою»... Войтъ вознегодовалъ на репетитора за его расправу и вечеромъ «приказалъ служителямъ своимъ таскать (Полонскаго) за волосы в ліохъ, гдѣ велѣлъ бить (его) до полусмерти, и далъ вдаровъ плетмы звишше какъ до двохъ сотъ». Напрасно несчастный риторъ кричалъ во все горло; защиты онъ не призвалъ никакой, а лишь еще больше взбѣсилъ войта, который началъ уже давить его такъ, что все «горло обидралъ»... Утромъ на другой день потерпѣвшій Полонскій обратился съ жалобою на войта къ своему семинарскому префекту и съ письменнымъ доношеніемъ къ Никодиму, епископу Переяславскому и Бориспольскому. Префектъ семинаріи, учитель риторики, Григорій Гиновскій принялъ близкое участіе въ несчастіи своего питомца и вмѣстѣ съ своимъ сослуживцемъ по семинаріи, учителемъ поэтики, Симеономъ Прокоповичемъ тоже написалъ прошеніе Епископу Никодиму, всенижайше прося его «сатисфакціи» съ Савонова за его безчеловѣчный поступокъ съ инспекторомъ Полонскимъ, «съ чего Переяславской семинаріи стыдъ и поношеніе воспослѣдовали». (Въ этомъ прошеніи замѣчено было, что еще «и въ прошломъ (1)745 годѣ (Савоновъ) бивъ нещадно (того же Полонскаго), а потомъ просилъ опрощенія его»).

Епископъ Никодимъ въ тотъ же день передалъ дѣло Переяславской духовной консисторіи. Консисторія немедленно учинила «обдуицію» (осмотръ, освидѣтельствованіе) ритора Михаила Полонскаго. При освидѣтельствованіи его оказалось, что «задъ на обѣихъ сторонахъ нещадно побитъ, на коемъ знаки боевые синіокривавые да на горлѣ чтири кривавые ногтми подратые» («а болѣе на немъ ничего

не явилося», замѣчала консисторія). «Съ прописаніемъ обдуиціи» такой, консисторія послала «промеморію» въ полковую Переяславскую канцелярію, требуя отъ нея «безволокитнаго по указамъ суда» надъ войтомъ Савоновымъ.

Что дѣлала по полученіи консисторской промеморіи полковая канцелярія, изъ сохранившихся въ архивахъ документовъ не видно, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла можно смѣло заключать, что она привлекла войта Савонова къ слѣдствію на 18 іюля. Савоновъ для смягченія своей вины и избѣжанія отвѣтственности прибѣгъ къ такой уловкѣ. Онъ 17 числа уложилъ своего сына въ постель, какъ тяжко больного вслѣдствіе инспекторскаго вразумленія, и пригласилъ священника градской Переяславской Троицкой церкви Симеона Прохоровича исповѣдать и причастить болящаго св. Таинъ. Этимъ путемъ на слѣдствіи надъ Савоновымъ оказалось, что болѣе потерпѣвшимъ былъ его сынъ, а не инспекторъ Полонскій. Въ такомъ смыслѣ, конечно, и было сдѣлано доношеніе изъ полковой канцеляріи въ духовную консисторію.

Консисторія рѣшила провѣрить свидѣтельства войта и привлекла къ допросу священника Прохоровича. Вотъ тутъ-то и разоблачилась уловка войта. Прохоровичъ 18 іюля «сказкою объявилъ» въ духовной консисторіи, что 17 числа «вполунощи» войтъ Кириллъ Савоновъ присылалъ къ нему своего служителя Левка Тертичника съ приглашеніемъ исповѣдать его сына. Я, говорилъ священникъ, отправился. При чтеніи молитвъ предъ исповѣдью сынъ войта лежалъ. Послѣ исповѣди войтъ сказалъ мнѣ, что сынъ его боленъ «отъ переполоху и побою». 18 же числа, во время благовѣста, войтъ прислалъ ко мнѣ «врадового» человѣка съ просьбою пріобщить его сына св. Таинъ. Когда я прибылъ съ св. Тайнами на домъ, сынъ войта «всталъ съ постелѣ, стоя слышалъ молитовъ и къ тайнамъ божественнымъ приступая безъ всякого поддержанія два поклоны положивъ». А главное священникъ добавилъ, что сынъ войта «13 числа... былъ въ Троицкой церквѣ на литургіи здоровъ на лѣвомъ крилосу пѣлъ». Это окончательно подорвало всякую вѣру въ болѣзнь сына войта отъ инспекторскаго наказанія, и Переяславская консисторія отправила другую промеморію въ полковую канцелярію, прося, чтобы «праведный и безволокитный, какъ указы Ея Императорскаго Величества и Права Малороссійскія повелѣваютъ, дать судъ» надъ войтомъ, за то, что имъ былъ посаженъ «въ ліохъ» риторъ семинаріи Полонскій, «какъ бы какой воръ или разбойникъ», и тамъ «мученъ».

Снова началось дѣло въ полковой канцеляріи, но вскорѣ и замолкло... Видя, что войтъ Савоновъ «удовольствія сдѣлать за безчестіе ни мало склонитися не хощетъ», Михаилъ Полонскій 7 января 1747 года обратился опять съ прошеніемъ къ епископу Никодиму, чтобы онъ, «не допуствивъ къ крайнему посмѣянію» его, Полонскаго, послалъ въ полковую канцелярію «повторную промеморію». На это 16 января въ консисторіи было опредѣлено: «писать къ войту Переяславскому *снисходительно*», чтобы онъ наградилъ Михаила Полонскаго за причиненное ему «увѣче и безчестіе, съ объявленіемъ, что, ежели не укотентуетъ, отправлена будетъ повторная промеморія» въ войсковую канцелярію «о дачи по указамъ суда». 18 числа войтъ Савоновъ увѣдомилъ господъ консисторовъ, что ихъ писаніе онъ получилъ «съ почтеніемъ», и отвѣчаетъ, что, какъ раньше, ученику риторики былъ намѣренъ дать въ вознагражденіе за обиду пять руб., такъ и сейчасъ отъ такого намѣренія не отказывается, потому что «побой не отъ мене, но первѣе отъ его Полонскаго надъ дитиною моею послѣдовалъ»..., «а буди оній Полонскій желаетъ съ мене по командѣ суда зискать, я потому долженъ буду отвѣтствовать»...

Сохранившіеся до нашего времени акты на этомъ обрываются, вслѣдствіе чего трудно гадать, чѣмъ окончился этотъ процессъ потерпѣвшаго репетитора съ договорившимъ его войтомъ. Но и безъ конца онъ достаточенъ, кажется, для нерѣдкой, вѣроятно, въ прошломъ вѣкѣ печальной картины гувернерской жизни...

Д. К. В—скій.

Рождественская вирша въ рукописи XVII вѣка. Въ нынѣшнемъ году въ Волынское епархіальное древлехранилище (церковно-археологическій музей) поступила изъ архива одной изъ старинныхъ церквей ровенскаго уѣзда, волынской губ., рукописная *минея общая*, писанная полууставомъ XVII ст. На листѣ 4-мъ въ ней находится «*Орація Рождеству Христову*:

Христосъ родися въ Вифлеемѣ нынѣ,
Лежитъ во яслахъ убогихъ на сѣнѣ.
Ангели „Слава во вышнихъ“ спѣваютъ,
И на колѣна бидлята впадаютъ;
Звѣзда посельство тое отправуетъ
И до Египту путь показуетъ.
Мы Христу рожденному хвалу отдадѣмо
И на колѣна предъ нимъ упадѣмо.

Христе рожденный, даждь намъ тебе зрити
. . . . [1])
Того я вашмостямъ оповѣдаю,
А Рождествомъ Христовимъ поздравляю.

Сообщилъ **О. Л.**

Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII в. По производству уголовныхъ дѣлъ въ старин. Малороссіи былъ такой порядокъ, что первый допросъ преступника производилъ «урядъ» того мѣста, гдѣ преступника задерживали или гдѣ онъ самъ находилъ нужнымъ явиться къ властямъ. Урядомъ называлось то или другое «правленіе» сотенныхъ или полковыхъ властей. Сотенный урядъ такимъ образомъ составляли: сотникъ, городовой (или мѣстечковый) атаманъ, какъ представитель козаковъ, и мѣстный войтъ какъ представитель посполыства, т. е. мѣщанъ или крестьянъ, съ присоединеніемъ бурмистровъ. Въ полковомъ урядѣ сотника замѣняли полковые чиновники (полковникъ, обозный, судья и т. д.), а остальные городовые атаманъ, воитъ и бурмистръ были тѣ-же самые. Разумѣется, и тамъ и тамъ необходимымъ членомъ уряда былъ писарь. Выслушавъ первое показаніе преступника, тотъ или другой урядъ записывалъ это показаніе въ свои книги, добавляя, что запись эта дѣлается: или «до дальшой памяти», или «до дальшой расправы», или «до уваги высшей власти», смотря потому, какую изъ этихъ формулъ урядъ находилъ наиболѣе подходящею къ данному случаю.

Данныя предъ «урядомъ» показанія обвиняемыхъ записывались большею частью очень подробно, чуть не дословно, сохраняя такимъ образомъ довольно живые разсказы о томъ или другомъ случаѣ изъ народной уголовной хроники.

Приводимъ здѣсь три такихъ разсказа, изъ которыхъ одинъ записанъ сотеннымъ, а два другіе—полковымъ урядомъ.

1. Общественная стража м. Срѣбнаго (Прилуцкаго у.) посѣщаетъ ночью домъ одной изъ мѣщанокъ, у которой собиралась молодежь, и встрѣчается тамъ съ квартировавшими въ мѣстечкѣ драгунами, которые, въ ссорѣ, сильно ранятъ одного изъ обывателей.

Року 1718, октоврія 27 дня. На урядѣ нашемъ срѣбранскомъ, передо мною Антономъ Троциною, сотникомъ сребранскимъ, при

---

[1]) Здѣсь, очевидно, пропущенъ стихъ—вѣроятно, такой:
И одесную въ день суда сидити.

Грицку Яременку, атаману городовому, при Захарцѣ Бездѣтку, войту, при Ювхиму Луценку, бурмистру, срѣбранскихъ, изъ притомностю инниxъ многихъ общихъ людяхъ, того часу згодившихся, ставши Петро майстеръ тесельскій [1]) прекладалъ, что октовріа 27 числа, ночной добы, драгуне четвертой роти, молодика его теслю, тилько що еще не до смерть, скололи; когда теды мы, урядъ, почали питать зъ якой причины тое сталося, прето Кгадзюра, сторожъ мѣскій, такъ призналъ: того часу стоялъ я подъ шопою [2]) мѣсцкою, Алексѣенко пришовши ко мнѣ, сказалъ: ходимо въ ратушу до асауловъ, пойдемъ зъ ними нецнотъ [3]) ловити. А когда пришлисмо до ратуши, такъ тилко соцкого застали, а асауловъ не было; и пошовши зъ соцкимъ; до Масѣ въ хату, засталисмо каптенармуса четвертой роты, которой разобрался (раздѣлся) и на постели спалъ; и мы ему ничего не чинили, тилько едну нецноту взявши въ хатѣ, хотѣлисмо до ратуши провадити; такъ она стала въ сѣнцяхъ кричати; каптенармусъ вихватившись зъ хати въ сѣнцѣ, сталъ соцкого и мене, поваливши на землю, бити, а Алексѣенко утѣкъ, бо на дворѣ стоялъ; а потомъ и мы утекли. Питали ми теды, где того часу теслѣ були и где драгуне взялися, поневажъ тилко каптенармусъ былъ въ Масѣ, а драгуновъ не было, зачимъ една нецнота Прикорхайлиха, сказала: драгуне уже напослѣ (якъ приходилъ сторожъ зъ Алексѣенкомъ и зъ соцкимъ) пришли до насъ въ хату и я неуглядѣвши свиты своей за столомъ, почаламъ драгунамъ жаловатися (бо каптенармусъ знова спалъ на постели), що сторожъ бувъ тутъ зъ Алексѣенкомъ и зъ соцкимъ, такъ они гдесь свиту мою взяли, прето драгуновъ два пошли до Алексѣенка, а тамъ мало забавивши, знову до насъ пришли. Прето знову питали мы, якъ туда теслѣ пришли, на що Павло тесля такъ призналъ: пили мы въ Алексѣйки, ажъ два драгуне пришли туда и стали Алексѣенка свити питати, а не опитавши свиты и за чехъ горѣлки выпивши, пошли зъ хаты; а мы трохи напотомъ посидѣвши и подпивши собѣ, пошли отъ Алексѣйки и илучи черезъ мѣсто, обачилисмо що въ Масѣ свѣтится, и подпиліи будучи, пошло насъ трохъ человѣка до Масѣ, еще и тамъ горѣлки пити и пришовши въ хату, застали драгуновъ, которые и почестовали насъ; такъ мы тамъ не-

[1]) Тесля—плотникъ.

[2]) Шопа—сарай. Здѣсь разумѣется общественное строеніе, стоявшее на мѣстной площади, въ которомъ хранились пожарныя бочки и друг. общественное имущество.

[3]) Нецнота—публ. женщина.

цнотамъ сказали: дайте и намъ горѣлки; они отказали: немашъ въ насъ горѣлки, и мы стали тимъ нецнотамъ лаяти и пошлисмо зъ хати; а ставши на дворѣ, тимъ же нецнотамъ лаялисмо, мовячи: мы вамъ окна повибиваемъ, же драгунамъ даете горѣлку, а намъ не машъ. Прето драгуне и самъ каптенармусъ, выбѣгши зъ хати, заразъ почали насъ на дворѣ бити; и въ томъ побою, незнать который зъ трехъ драгуновъ, теслю нашего скололь, тотъ же заколотый уже лежалъ, а драгуне мене (мовитъ Павло) стали и палѣчамъ[1]) бити и ногами топтати и якъ сталъ я уже кричати, такъ сторожа мѣсцкая прибѣгла; зачимъ драгуне сторожовъ обачивши, кинулися до палашивъ и погнали здовжъ мѣста, зъ голими палашами, сторожовъ; а каптенармусъ меня бючи остался; теды третій товарищъ мой, который отъ насъ утекъ билъ, обачивши, що драгунъ не машъ, кинулся мене боронити и, вхативши за грудь каптенармуса, сказалъ: за що вы насъ такъ забиваете?—иди ты до нашихъ старшихъ; а тимъ часомъ знову драгуне, которіе за сторожами гонилися, до каптенармуса прибѣгли и стали того товариша бити, же заледво вирвавшися онихъ, утѣкъ. Мы теди урядъ питали знову тоей нецноти Прикорхайлихи, которій драгунъ наперѣдъ до тесель вибѣгъ, бо которій напередъ вибѣгъ, тотъ и теслю сколовъ, прето оная нецнота сказала, що Артемъ Нагаевъ драгунъ на самый передъ съ хати вискочилъ на дворъ. А кгды Павла теслѣ питалисмо, якого власне часу оного теслю сколото, прето онъ сказалъ, якъ скоро якійсь драгунъ зъ сѣнецъ на дворъ выскочилъ, такъ заразъ тотъ тесля сколотый крикнулъ и упалъ на землю, которого еще тотъ же драгунъ и ногами сталъ топтати, а насъ другіе драгуне напали зъ каптенармусомъ зъ тоей же хати вибѣгши, бити. Якую мову такъ сторожовъ и тесель, яко и самихъ тихъ нецнотъ, выслухавши, до далшой расправы велѣлисмо записати.

2. Показаніе трехъ пойманныхъ конокрадовъ изъ запорожцевъ объ ихъ торговыхъ поѣздкахъ съ сѣчевою рыбою по Малороссіи.

Року 1722, мѣсяца іюля 18 числа. На урадѣ нашомъ такъ полковомъ, яко и городовомъ прилуцкомъ, предъ нами Михайломъ Григоріевичомъ, обознымъ полковымъ и полковникомъ наказнымъ прилуцкимъ, Григоріемъ Прокоповичемъ, атаманомъ городовимъ, Өедоромъ Малкою, войтомъ, Павломъ Шенкгирѣемъ и Михайломъ Бала-

[1]) Палѣчье—палки.

бою, бурмистрами. Были питани Семенъ Хведоренко, Процко Лисий и Матвѣй Кондратенко, которихъ по прошенію шкодуючихъ кропивянскихъ [1]) людей, козаки прилуцкіе одъ уряду посиланние зъ конми краденними въ степу, у Калинового мосту, подъ Пиратиномъ, зловивши, припроводили въ Прилуку, одкуду оніе родомъ и якъ давно почали бавитися злодѣйствомъ.—Теды впочатку, зъ межи оныхъ, Семенъ Хведоренко призналъ такъ: родился мовить въ Кобеляку и одтоль зъ роднимъ дядкомъ своимъ Иваномъ Кондратенкомъ, жителемъ мѣстечка Орла, зайшолъ до Сѣчи еще въ малихъ лѣтехъ; и мешкалъ первей въ старой Сѣчи, а потомъ въ новой, въ куренѣ Пашковскомъ, годовъ болшъ двадцати, не виходя нѣкуда, толко еденъ разъ щокгулне виходилъ зъ соллю въ тогобочніе [2]) городи, и одъ того времени доселѣ, нѣкуда не ходилъ, а сего року о святой неделѣ, вишолъ я зъ Сѣчи зъ рыбою, самопятъ. И я продалъ свою рыбу въ Березной, а товарищество не спродавши тамъ риби пошли до Погарѣ; а я изъ Березной знову назадъ повернулся и у Макошинского перевозу, злучившися зъ Процкомъ Лисимъ и Матвѣемъ Кондратенкомъ, козаками тожъ сѣчовими, пошли просто на Борзну, а изъ Борзни прибувши до Ичнѣ, вкрали коней двое, въ людей кропивенскихъ, и зъ оними въ степу, у Калинового мосту, не доездячи Пиратина, зловивши васъ козаки прилуцкіе, припроводили въ Прилуку А кромѣ того, болшъ ни въ якомъ не былъ подзорѣ.

Потомъ Процко Лисий, родимецъ Гадяцкий, призналъ: зайшолъ мовитъ, до Сѣчи еще передъ дорогимъ рокомъ [3]), зъ дядкомъ своимъ Грицкомъ Пластуномъ, куреня Щербиновскаго, и бавился тамъ ловленемъ риби, а предъ Мазепиною змѣною, вишелши съ Сѣчи зъ козаками, оженился былъ на томъ боцѣ Днѣпра, въ Жаботинѣ, и мешкалъ дотоль, нѣмъ (пока) зъ того боку зогнато людей; и въ то время перейшовши на сей бокъ, мешкалъ въ Веремѣевцѣ годовъ и съ-пять; и одтоль, пошедши за промисломъ торговимъ до Сѣчи, чому уже дѣется годовъ шесть, випросилъ въ поменутого дядка своего возъ рибы и продавши оную въ Потоцѣ, повернулся знову назадъ въ лузѣ надъ Плетенихою, одъ Сѣчи за 15 миль, 6 годовъ неисходне седячи въ пасѣцѣ, при пчолахъ; а сего року о святой недѣлѣ, кгды ватага шли изъ Сѣчи, зъ рибою, въ которой было возовъ 60 и запорожцовъ та-

---

[1]) С. Кропивное теперь—въ Конотопск. уѣздѣ.

[2]) Т. е. на правый берегъ Днѣпра.

[3]) Дорогимъ рокомъ наз. 1699 годъ.

кое жъ число, пошолъ я зъ ними наклавши возъ рибы; и перевѣзшися черезъ Днѣпръ, пошли порозно, куда которий захотѣлъ; а насъ человѣка 11, одрознившися (отдѣлившись), пошли въ едной компанѣи; и три человѣка осталося въ Хоролѣ, четвертий въ Попувцѣ, а насъ сѣмъ человѣка пошли до Березной и тамъ усего продали три вози риби, четвертий на горѣлку проштиховали, а зъ трома вози пошли человѣка три до Сосницѣ и товаришъ нашъ Иванъ пластуновского куреня купивши на два вози горѣлки, а другій Иванъ зъ тоею кухвою, якую виминялъ за рибу, пошли передомъ до берега. А я злучившися тамъ зъ Матвѣемъ Плахотнимъ, тожъ козакомъ сѣчовимъ, удержался по прошенію его черезъ килка дний того ради, что оний Матвѣй давалъ собѣ лахманини (одежду) шити; а пошивши лахманини, пошли, два насъ, одтоль, и на макошинскомъ перевозѣ прилучился къ намъ Семенъ Хведоренко, тожъ козакъ сѣчовій, и прибувши до Ичнѣ, украли подъ фолварками, у гостинныхъ людей, которіе изказовалися зъ Кропивной, коней двое; и изъ оними половивши насъ посланники прилуцкіе, у Калинового Мосту, припровадили въ Прилуку; а кромѣ того, болшъ нѣ до якой не привиненъ шкоди.—Тутъ же Матвѣй Кондратенко, сказуючійся родомъ полку миргородского, зъ Потоку, былъ допрошуванъ и въ допросѣ своемъ сказалъ такъ: дѣется уже девятий годъ, якъ одъ отца своего зъ Потоку до Сѣчи зайшовши, первей при Хведору Плахотному, козаковѣ куреня переясловского, служилъ 4 года; потомъ, въ томъ же куренѣ, при розныхъ козакахъ, два года жилъ, добуваючися на рибѣ съ-половины; а два годи, уже шканъ розгадавши тамъ, часомъ рибу, а часомъ соль, въ городы [1]) вивозячи, продавалъ; сего тежъ 1722 году, о святой неделѣ, зъ двома товаришами, именно Тишкомъ Погребненкомъ потоцкимъ и Хведоромъ Горкушею, козакомъ куреня калниболотскаго, виехавши въ городы, вивюзъ былъ вусѣмъ головъ рибы [2]), якой чтири голови у Лохвицѣ продалъ, а чтири у Варвѣ; и поехалъ зъ помянутимъ своимъ товариствомъ до берега, одкуду оніе два товариши пошли на той бокъ Днѣпра; а я знову въ Кременчуцѣ рибы пять головъ купивши, поехалъ за Десну, зъ Кременчуцкими жъ людми, которіе зъ житомъ тожъ за Десну ишли, и до Березной прибувши, на торгу тую рибу свою спродалъ; где зъ Процкомъ Лисимъ случив-

---

[1]) Запорожцы „городами“ называли гетманскую Малороссію, т. е. тѣ десять полковъ, которые составляли гетманщину.

[2]) Особый торговый счетъ рыбы.

шися, одтоль поѣхали; а въ перевозу Макошинского, еще къ намъ присталъ Семенъ Хведоренко, и до Ичнѣ прибувши, для купленя Лисому воза, мененніе два мои товариши украли двое коней, въ людей гостинних, сотнѣ кропивянской; и я хочай имъ говорилемъ, ижъ бы тихъ коней не брали, однакъ оніе не слухаючи, въ орчики [1]) позакладали; а когда одтоль поѣхавши, прибули до Калиновогo Мосту, такъ насъ тамъ зловлено и припроважено сюда, въ Прилуку. Мы теди вышеписанній урядъ вислухавши таковoго помянутихъ запорожцювъ въ злодѣйствѣ пошляхованнихъ признатя, казалисмо до уваги вишшой власти записати, въ ратушу прилуцкомъ.

3. *Разсказъ вора-троеженца о своихъ похожденіяхъ.*

Року 1723, мѣсяца априля 18 числа. На урадѣ нашомъ, такъ полковомъ, яко и городовомъ прилуцкомъ, предъ нами Иваномъ Марковичомъ судіею, Петромъ Носенкомъ хорунжимъ, Өеодоромъ Манкою, войтомъ, Павломъ Шингиріемъ и Михайломъ Балабою, бурмистрами. Билъ питанъ Левко Иванченко, родимецъ Журавскій пойманий въ семъ настоящомъ прилуцкомъ ярмарку, зъ крадеными волами, якъ давно сталъ бавится злодѣйствомъ, которій призналъ такъ: будетъ уже тому годовъ 15, якъ оставивши первую свою жену, Олену Коломійковну, въ Журавцѣ зъ двома дѣтми зъ нею спложенними, потомъ зъ Журавки и чрезъ чтири года служилъ у компанѣи въ полку пана Кгалагана [2]), одъ которой одставивши, понялъ себѣ другую жонку Гапку Бѣгуновну, увъ Ирклѣеви; и поживши зъ нею годовъ два, пошолъ на Донъ и мешкалъ тамъ годовъ пять; а пришедши зъ Дону, знов, сталъ съ помянутою Гапкою мешкать, шинкуючи въ Пѣщаной и въ килка годовъ пошедши одтоль до Журавки, вкралъ у Романа Сергѣенка коня, зъ которимъ зосталъ пойманъ въ Гадячомъ, и тамъ у него того коня одибрано. Знову у Хвеска Гриценка жителя Журавского, укралъ сѣмъ воловъ подвювши оніе до Баришовки, продалъ въ ярмарку, невѣдаетъ якому человѣку, по 10 золотихъ вола. Потомъ оставивши второбрачную жену свою въ Пѣщаной, Гапку Бѣгуновну, понялъ третую въ Городищахъ, надо Днѣпромъ и недель сколко зъ нею помешкавши, покинулъ оную и пришолъ знову до Пѣщаной икъ

[1]) Орчикъ—пристяжка.

[2]) Т. е. въ конномъ охотномъ полку, полковникомъ котораго былъ Игнатій Галаганъ.

второбрачной своей жонѣ Ганцѣ Бѣгуновнѣ, зъ которою уже и дѣтей двое маетъ. А въ семъ году предъ великимъ постомъ вкралъ въ Пиратинѣ въ нѣякогось человѣка коня и продалъ у Золотоноши за 5 копъ. У великій тежъ постъ, укравши въ Журавцѣ у Хведора, наслуговуючого пану Демяну (Якубовичу), пару воловъ продалъ тожъ у Золотоноши, рохмистру Павловскому за 9 копъ. А сихъ святъ, тамъ у Золотоноши знявшися зъ двома товариствомъ, еднимъ Василемъ Бараномъ, жителемъ . . . (?) а другимъ Назаромъ Поповичемъ, пошолъ зъ Золотоноши, и на степу подъ Сасиновскою, зъ поповичемъ, укралъ воловъ два и коня; и когда зъ тимъ пришолъ въ Прилуку на ярмарокъ, поймавши его зъ Поповичемъ люде Журавскіе привели до ратуша, а Василь Баранъ отъ нихъ утѣкъ. Потомъ Назаръ Поповичъ сказуючийся родомъ зъ-за Понарницѣ Шаповаловской такъ призналъ, что будетъ, мовитъ, годъ по Петрѣ у тиждень, якъ пошолъ зъ дому на поклоненіе и опочивалъ у Кіевѣ весъ тиждень; а пришовши по Успеніи до Нѣжина, мешкалъ въ покровской школѣ, до Рождества Христова; зъ Нѣжина пошедши зъ студентомъ Лукяномъ, святковалъ у Басанѣ; зъ Басанѣ тежъ пошедши, пошли до Переясловля и тамъ одъ мене оніи Лукянъ одставши, пошолъ на той бокъ Днѣпра; а я пошолъ до Золотоноши, куда пришолъ предъ всеидною за тиждень; и тамъ на вербной недѣлѣ обизнався зъ Левкомъ Иванченкомъ и Василемъ Бараномъ, въ корчмѣ, на подпитку, а одтоль пошедши усѣ три, въ страстную пятницу украли подъ Лазурками пару воловъ, а подъ Сасиновкою, коня, и когда съ тимъ пришли въ Прилуку, зловлено мене зъ Левкомъ и отпроважено до ратуша; а Баранъ невѣдаю куда утѣкъ. Що вишше писанний урядъ вислухавши, казалисмо про далшую память записати.

Отъ правленія Кіевскаго Общества Грамотности. Открытое въ октябрѣ 1882 г. К. О. Г., послѣ нѣкотораго временнаго затишья въ своей дѣятельности, возобновило ее созывомъ перваго въ 1892 г. общаго собранія (11 сентября), подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Андріяшева. Съ 11 сентября и по настоящій день въ немъ состоялось два общихъ собранія, шесть засѣданій совѣта и девять засѣданій правленія, при чемъ дѣятельность собранія выразилась въ слѣдующемъ.

Первыя засѣданія общаго собранія и совѣта посвящены были, какъ уже сообщалось въ свое время въ газетахъ, главнымъ образомъ обсу-

жденію вопроса о необходимости измѣненія параграфа 3 устава въ такомъ видѣ, чтобы годичный членскій взносъ былъ опредѣленъ минимумъ въ 2 руб., вмѣсто 10, а пріемъ въ члены обусловливался рекомендаціею двухъ членовъ общества. Представивъ означенное ходатайство, общество, въ виду истеченія срока службы должностныхъ лицъ его, произвело выборы послѣднихъ, при чемъ председатель общества, А. Ѳ. Андріяшевъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и семейныхъ обстоятельствъ, отказался отъ руководительства дѣлами общества. Затѣмъ общество (въ лицѣ постоянно дѣйствующихъ органовъ его, т. е. совѣта—органа распорядительнаго, и правленія—органа исполнительнаго), приступило къ обсужденію плана ближайшей своей дѣятельности при наличныхъ условіяхъ, когда касса общества опредѣлилась въ 999 р. 75 к. и составъ его увеличился избраніемъ новыхъ 69 членовъ. Рѣшивъ немедленно приступить къ сбору членскихъ взносовъ, какъ съ прежнихъ, такъ и съ новоизбранныхъ членовъ, общество намѣтило рядъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію своихъ средствъ, привлеченію новыхъ членовъ и пріисканію себѣ сотрудниковъ и корресподентовъ въ провинціи (такъ какъ дѣятельность общества, по уставу, распространяется на весь юго-западный край). Съ этою цѣлью, оно отпечатало въ 10, 000 экземплярахъ обращеніе къ разнымъ лицамъ (для разсылки почтою и чрезъ газеты) съ выясненіемъ задачъ общества и съ просьбою оказать ему посильное содѣйствіе въ его дѣятельности пожертвованіями и указаніями на мѣстныя нужды, совѣтами, рекомендаціей мѣстныхъ дѣятелей и проч. Редакціи мѣстныхъ газетъ любезно выразили согласіе разослать экземпляры этого обращенія иногороднимъ подписчикамъ безплатно, а типографія Кушнерева и Ко напечатала ихъ съ значительною уступкую. Рѣшивъ на первыхъ порахъ направить дѣятельность общества на распространеніе книгъ въ народѣ и народныхъ школахъ, общество занялось приведеніемъ въ извѣстность состава находящагося въ его распоряженіи книжнаго склада и формированіемъ библіотекъ для народныхъ училищъ, сообразуясь съ составленнымъ для этой цѣли каталогомъ М. Н. П. Правленію поручено совѣтомъ выработать требуемую уставомъ инструкцію для сношенія съ народными училищами, утверждаемую г. попечителемъ учебнаго округа. Рѣшено отпечатать и распространить въ краѣ въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ свѣдѣнія о существующихъ узаконеніяхъ относительно устройства безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ съ примѣрными проектами ихъ устава и съ практическими наставленіями по части ихъ открытія и

устройства, а также примѣрный уставъ для обществъ попеченія о народномъ образованіи; имѣющіяся у общества 650 картинъ волшебнаго фонаря безплатно выдавать на извѣстныхъ условіяхъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя приступили бы къ организаціи народныхъ чтеній въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ края. Общество вошло въ сношенія съ кіевскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, предложивъ ему возбудить ходатайство передъ г. попечителемъ учебнаго округа объ устройствѣ классовъ для взрослыхъ при нѣкоторыхъ городскихъ приходскихъ училищахъ въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ преобладаетъ малоимущее рабочее населеніе. При этомъ общество сообщило, что оно возьметъ на себя, по соглашенію съ городскимъ управленіемъ, извѣстную долю расходовъ по вознагражденію завѣдующихъ школами и сторожей, по освѣщенію, доставленію учебныхъ пособій и проч., а также и рекомендацію дополнительнаго состава учебнаго персонала. Одновременно со всѣмъ этимъ совѣтъ общества счелъ необходимымъ, въ разъясненіе дѣйствующаго устава, приступить къ разработкѣ инструкціи предсѣдателю и правленію, строго разграничивающей права и обязанности должностныхъ лицъ и органовъ, завѣдывающихъ дѣлами общества. Съ 11 сентября по настоящее время въ члены общества избраны, кромѣ лицъ, фамиліи которыхъ своевременно сообщены были уже въ газетахъ, слѣдующія лица: Александровскій, В. О., Бѣлелюбская, Ю. Л., Быковъ, В. И., Голубовскій, П. В., Гудшонъ, В. Н., Дучинская, А. Т., Дитятина, К. И., Зайончевскій, В. И., Игнатовичъ-Завилейскій, В. В., Кульженко, А. С., Комаровъ, М. Д., Кузнецкій, П. Н., Кордтъ, В. А., Левандовская, М. И., Левицкій, О. И., Матюшенко, П. Т., Макаревичъ, И. Т., Мануиловъ, П. Н., Мишина, И. Я., Морозова, А. В., Остроградскій, О. И., Перестюкъ, М. Р., Петръ, В. И., Плаховъ, П. В., Радкевичъ, Г. А., Розенъ, баронесса, А. А., Русинова, О. Ф., Рузскій, П. В., Сварчевскій, Н. Л., Синицкіе, Е. Д. и Л. Д., Солуха, В. В., Степовичъ, А. I., Стороженко, Н. В., Тарасенко В. Е., Татарскій В. Г., Трабша, К. Ѳ. и О. Ѳ., Трегубовъ С. И., Торскій, С. И., Тутковскій, П. А., Телѣжинскій, В. В., Фельдманъ, Н. А., Федоровъ, Д. С., Шмигельскій, В. Е., Шуммеръ, И. П., Чернова, Р. К., Челпановъ, Е. И., Юзефовичъ, Б. М. Правленіе общества имѣетъ честь покорнѣйше просить означенныхъ лицъ, а равно и прежнихъ членовъ общества, сообщить ему свои адреса, такъ какъ мѣстожительство многихъ изъ нихъ ему неизвѣстно. Заявленія объ адресахъ, членскіе взносы и всякія пожертвованія деньгами, книгами, учебными пособіями и т. п., могутъ быть

адресуемы предсѣдателю, Леониду Сем. Личкову, Левашевская, 20, казначею Дм. Петр. Извѣкову, въ первую гимназію, секретарю Ст. Гр. Ярославскому, въ городскую публичную библіотеку; о всѣхъ получаемыхъ обществомъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно сообщаемо въ газетахъ. По настоящее время получено пожертвованій: отъ графа Вл. Ал. Браницкаго, отъ К. М. и П. М. Панкѣевыхъ по 25 рублей, итого 75 рублей. Правленіе считаетъ долгомъ выразить означеннымъ лицамъ свою признательность.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы по археологіи Россіи издав. Импер. Археолог. Коммиссіею № 18. Древности Южной Россіи—курганъ Карагодеуашхъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальмберга. Съ табл. рисунк. и 88 политипажаии. СПБ. 1893. Цѣна 2 р.

Курганъ Карагодеуашхъ находится въ 2 верстахъ отъ станицы Крымской Земли Кубанскаго Войска и раскопанъ былъ въ 1888 году членомъ кубанскаго статистическаго комитета есауломъ Е. Д. Филицынымъ, который еще раньше того былъ извѣстенъ своими трудами по изученію кубанскаго края. Вещественные результаты раскопки были такъ богаты, и древности, открытыя при этомъ, оказались столь интересными, что изученіе ихъ Археологическая Коммиссія поручила двумъ спеціалистамъ, каждый изъ которыхъ отмежевалъ себѣ особую область. Г. Лаппо-Данилевскій взялъ на себя описаніе самой раскопки и опредѣленіе бытового и историческаго значенія древностей, открытыхъ въ курганѣ, а г. Мальмбергъ—изученіе послѣднихъ въ художественномъ отношеніи. Первому изъ нихъ принадлежитъ напечатанный имъ ранѣе трудъ «Скиѳскія древности»; и въ новомъ трудѣ г. Данилевскаго замѣчаются тѣ же достоинства, которыя отличали и прежній трудъ, а именно обстоятельное знакомство съ источниками и пособіями по скиѳскому вопросу и тщательное изученіе какъ ихъ, такъ и матеріаловъ, доставленныхъ новою раскопкою; нѣкоторыя заключенія его весьма гипотетичны, иногда даже одна гипотеза строится на основаніи не твердо установленнаго факта, а другой гипотезы, высказанной ранѣе, нѣкоторыя положенія подлежатъ спору, но въ общемъ трудъ г. Данилевскаго слѣдуетъ признать весьма поучительнымъ. Г. Мальмбергъ ранѣе издалъ въ «Матеріалахъ» Архео-

логической Коммиссіи свое изслѣдованіе о древностяхъ Херсонеса. И тамъ, и здѣсь онъ обнаруживаетъ много художественнаго вкуса и чутья, большую способность къ догадкѣ и блестящее искусство въ описаніи художественныхъ древностей.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться съ читателями главнѣйшими результатами трудовъ г. Фелицына и обоихъ названныхъ ученыхъ.

Курганъ Карагодеуашхъ имѣлъ около 5 саженъ высоты и 30 слишкомъ саженъ въ окружности у подошвы. Въ западной половинѣ кургана находилась искусно сложенная изъ камня гробница, которая имѣла до 29 аршинъ длины и состояла изъ трехъ погребальныхъ камеръ и галлереи, соединявшей вторую съ третьей. На стѣнахъ мѣстами замѣчались остатки штукатурки, со слѣдами фресокъ, но послѣднія не сохранились. Въ первой камерѣ найдены остатки погребальной колесницы и лежали въ безпорядкѣ лошадиныя кости съ слѣдами огня на нѣкоторыхъ изъ нихъ, кости домашнихъ животныхъ, амфора; здѣсь же найдены бусы, стеклянные медальоны и пр. Вдоль лѣвой боковой стѣны лежалъ остовъ женщины, головой къ в.; около ея черепа оказалась золотая пластинка съ рельефнымъ изображеніемъ царицы неизвѣстнаго варварскаго народа, съ ея свитой, тріумфа на колесницѣ и какой-то неопредѣленной женской фигуры,—вѣроятная принадлежность островерхаго головнаго убора, вродѣ того, который представленъ на самой пластинкѣ, на головѣ царицы. Около этого украшенія найдено 16 золотыхъ прорѣзныхъ пластинокъ въ видѣ птицъ и 50—съ изображеніемъ женскихъ головокъ; близъ височныхъ костей оказались двѣ золотыя серги превосходной филигранной работы, на шеѣ скелета—толстый золотой обручъ и богатое ожерелье такой же филигранной работы, съ подвязками и художественно исполненной головкой бычка посрединѣ; рядомъ лежали: золотая цѣпочка съ львиною головкою на одномъ изъ ея концовъ и изящно плетеное ожерелье; массивные золотые браслеты, съ гиппокампами на концахъ, украшали кисти рукъ умершей, а на одномъ изъ пальцевъ правой ея руки найденъ золотой перстень съ художественнымъ изображеніемъ женщины, играющей на лирѣ. Вторая камера гробницы оказалась пустою. Въ галлереѣ найдены только лошадиныя кости съ принадлежностями сбруи. Въ третьей комнатѣ найдено громадное мѣдное блюдо, на которомъ лежали крестообразно два серебряные ритона; около нихъ стояла серебряная чашка и еще одинъ серебряный же сосудъ и лежали еще два ритона, далѣе—серебряная черпательная

ложечка и серебряное ситечко съ ручками въ видѣ лебединыхъ головокъ. Параллельно лѣвой боковой стѣнѣ этой камеры покоился мужскій скелетъ, головою на в., такъ же, какъ и женскій. Рядомъ съ черепомъ оказались золотыя пластинки съ изображенными на нихъ звѣздочками и «масками», а на шеѣ скелета—золотой обручъ, оконечности котораго были украшены художественными изображеніями льва, терзающаго кабана; около черепа лежали остатки горита, украшеннаго серебряной пластинкой съ художественными изображеніями человѣческихъ фигуръ, которыя, къ сожалѣнію, плохо сохранились; у лѣваго бока скелета оказался желѣзный мечъ съ золотой рукояткою и оселокъ; наконецъ, въ головахъ и по сторонамъ скелета найдены бронзовыя и желѣзныя стрѣлы.

Численностью и расположеніемъ погребальныхъ помѣщеній карагодеуашхская гробница, по замѣчанію г. Даниловскаго, превосходитъ склепы керченскіе и болѣе приближается къ извѣстнымъ скиѳскимъ гробницамъ александровской и чертомлыцкой; по размѣрамъ она стоитъ наравнѣ съ самыми большими изъ доселѣ извѣстныхъ, а по длинѣ превосходитъ ихъ; своеобразную особенность ея представляетъ ея расположеніе аршина на 3 надъ верхоземкой, тогда какъ извѣстныя скиѳскія могилы устраивались обыкновенно глубоко подъ ней. Размѣщеніе скелетовъ мужскаго и женскаго въ особыхъ камерахъ и положеніе ихъ головами на в. сближаетъ карагодеуашхскій курганъ болѣе съ чертомлыцкимъ и александровскимъ, а размѣщеніе предметовъ—съ кульобскимъ (бл. Керчи).

Сооруженіе кургана, на основаніи художественныхъ особенностей найденныхъ въ немъ предметовъ, г. Лаппо-Данилевскій относитъ ко второй половинѣ IV, или къ началу III в. до Р.Х. (г. Мальмбергъ—къ серединѣ IV ст.). Изученіе же извѣстій древнихъ авторовъ о племенахъ, жившихъ у сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря, приводитъ г. Даниловскаго къ вѣроятному заключенію, что въ курганѣ Карагодеуашхъ похоронены царь и царица племени Синдовъ, которое онъ считаетъ возможнымъ причислить къ Меотамъ, родственнымъ съ племенами скиѳско-сарматскими.

Древности, найденныя въ курганѣ, довольно рѣзко распадаются на двѣ категоріи: на вещи туземныя, варварской работы, и на предметы греческаго издѣлья, но изъ этой смѣси различныхъ культуръ, какъ видно, не вышло соединенія.

Г. Мальмбергу удалось реставрировать форму карагодеуашхскаго горита (налучья), отъ обшивки котораго осталось только нѣсколько

жалкихъ кусковъ золотой пластинки; для этого онъ воспользовался аналогіей съ извѣстнымъ горитомъ изъ чертомлыцкаго кургана. Для характеристики художественнаго стиля горита, онъ пересматриваетъ вопросъ объ изображеніи на горитѣ чертомлыцкомъ и, отвергая объясненіе акад. Стефани, примыкаетъ къ недавно высказанному нѣмецкимъ археологомъ Робертомъ мнѣнію, что здѣсь представленъ Ахиллъ среди дочерей Ликомеда; но карагодеуашхской же пластинкѣ онъ предполагаетъ сцену изъ разрушенія Иліона.

Изображенія львовъ, терзающихъ кабановъ, на концахъ шейнаго кольца г. Мальмбергъ сопоставляетъ съ львами на гривнѣ кульобскаго кургана и, отмѣтивъ сходство между ними, отдаетъ предпочтеніе карагодеуашхскимъ львамъ по тонкости и отчетливости работы и по выразительности; «вообще, замѣчаетъ онъ, изъ всѣхъ рельефныхъ изображеній львовъ львамъ карагодеуашхской гривны принадлежитъ первое мѣсто».

Столь же высоко ставитъ г. Мальмбергъ и изображенія на карагодеуашхскихъ ритонахъ. Фризъ одного изъ нихъ съ изображеніемъ борьбы животныхъ, по композиціи, живости и увѣренности рисунка, онъ ставитъ выше всѣхъ подобныхъ, извѣстныхъ ему, художественныхъ произведеній античнаго искусства. Изъ сопоставленія сценъ этой борьбы съ весьма похожими изображеніями на чертомлыцкомъ горитѣ высокое превосходство ихъ становится очевиднымъ.

Другой ритонъ, съ изображеніемъ всадниковъ, къ сожалѣнію, сохранившійся очень плохо, въ декоративномъ отношеніи нашъ авторъ сближаетъ съ знаменитой чертомлыцкой вазой, горитомъ и блюдомъ того же кургана и съ чашею изъ Куль-Обы.

Разсматривая золотое ожерелье царицы, г. Мальмбергъ наиболѣе характерною частью его признаетъ пластинки съ пальметами и находитъ въ этой особенности отдаленное сходство съ ожерельемъ рыжановскаго кургана (кіевской губ.); кромѣ того, на карагодеуашхскомъ ожерельѣ прекрасно сохранилась тонкой работы головка бычка.

Гиппокампы на запястьяхъ сближаются авторомъ съ подобнымъ же чудовищемъ на обшивкѣ чертомлыцкихъ ноженъ, а серебряный кружокъ съ выпуклой женской головкой—съ аттическими произведеніями IV в. до Р.Х.; что же касается стеклянныхъ медальоновъ, то онъ усматриваетъ въ нихъ отпечатокъ азіатскаго ихъ происхожденія.

Золотой пластинкѣ съ изображеніемъ царицы, не смотря на указанные имъ техническіе недостатки ея, авторъ придаетъ большое значеніе, какъ единственному подобнаго рода предмету, который при

этомъ имѣющимися на немъ изображеніями способенъ привести къ болѣе точному пониманію костюмовъ и обычаевъ мѣстныхъ варваровъ.

Въ заключительной главѣ своего труда г. Мальмбергъ дѣлаетъ нѣкоторые общіе выводы, на которыхъ намъ также необходимо остановиться.

Въ противоположность господствовавшему прежде мнѣнію, что лучшія греческія издѣлія, между прочимъ и найденныя на югѣ Россіи, суть аттическаго происхожденія, онъ слѣдуетъ мнѣнію Ад. Фуртьэнглера объ іонійскомъ происхожденіи художественныхъ произведеденій юга Россіи и находитъ новыя подтвержденія этой теоріи въ древностяхъ карагодеуашхскаго кургана, между прочимъ—въ изображенныхъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ звѣряхъ.

Въ заключеніе, подробно разсмотрѣвши золотые рельефы чертомлыцкаго и карагодеушхскаго кургановъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ нихъ отразились художественныя произведенія Полигнота (V в.) и современныхъ ему живописцевъ, и усматриваетъ родство ихъ съ изображеніями Парѳенона.

Закончивъ ознакомленіе, въ существенныхъ чертахъ, съ содержаніемъ новаго выпуска «Матеріаловъ», отмѣтимъ нововведеніе во внѣшней формѣ изданія, именно: замѣну фототипіями литографій, принятыхъ прежде въ изданіяхъ Археологической Коммиссіи. Въ художественномъ отношеніи замѣна эта почти нечувствительна, хотя, можетъ быть, нѣкоторые предпочтутъ литографіи прекрасной работы Кастелли; въ отношеніи же объективности изображеній слѣдуетъ, конечно, отдать предпочтеніе фототипіи, тѣмъ болѣе, что таблицы, приложенныя къ настоящему выпуску, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

В. Ястребовъ.

Отчетъ Импер. Археологической Коммиссіи за 1892 годъ. Съ 75 политипажами. СПБ. 1804. Цѣна 2 рубля.

Въ отчетномъ году Археологическая Коммиссія продолжала раскопки въ Херсонесѣ въ Керчи и производила ихъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ юга Россіи.

Проф. Н. И. Веселовскій неустанно продолжалъ раскопки кургановъ въ таврической губерніи, при чемъ въ симферопольскомъ

уѣздѣ, въ имѣніи И. О. Пастака, напалъ на весьма интересныя погребенія. Въ насыпи одного изъ тамошнихъ кургановъ показалась впускная могила, по мнѣнію г. Веселовскаго, IX—X в. по Р.Х.; въ ней лежалъ скелетъ головой на з., при немъ находились: желѣзный наконечникъ копья, такія же ножницы, обломокъ серебрянаго украшенія: къ ю. отъ скелета лежала часть лошадинаго остова и находились кожаная уздечка съ серебрянымъ позолоченнымъ, украшеннымъ орнаментомъ и чернью, наборомъ, 2 бронзовые бубенчика, мѣдная пряжка и 2 колечка; у ногъ покойника лежали 2 желѣзныя стремени и обломки желѣзныхъ удилъ. Въ почвѣ открыта могила значительно древнѣе первой; скелетъ лежалъ головой на з., въ вытянутомъ положеніи; возлѣ головы стоялъ чешуйчатый желѣзный панцырь, на головѣ была шапка съ золотыми накладками, платье до пояса обшито было золотыми бляшками (533 экземпляра), возлѣ тазовыхъ костей лежалъ кожаный колчанъ, покрытый золотыми тиснеными пластинами съ изображеніемъ орла, держащаго въ клювѣ какого-то звѣрька,—грифоновъ и пр. и находился золотой кругъ съ чеканными изображеніями. Въ другомъ курганѣ, въ томъ же имѣньѣ, при женскомъ скелетѣ, погребенномъ, повидимому, въ сидячемъ положеніи, кромѣ глиняной посуды, найдено нѣсколько золотыхъ бляшекъ съ изображеніями зайца, сфинкса, химеры и льва.

Въ Херсонесѣ продолжалъ раскопки К. К. Косцюшко-Валюжиничъ какъ по развѣдкѣ городища, такъ и по дальнѣйшему разслѣдованію могильника у южной стѣны. Отчетъ о его раскопкахъ—весь изъ деталей и не поддается краткой передачѣ. Въ виду спорности вопроса о мѣстоположеніи древняго, языческаго Херсонеса, любопытны новыя находки, подтверждающія мнѣнія, что древній Херсонесъ находился тамъ же, гдѣ и позднѣйшій, христіанскій; такъ, въ восточномъ углу Городища, на берегу моря,обнаружены остатки стѣнъ древняго Херсонеса и два пиѳоса, кромѣ того найдены мраморная головка женщины, терракотовая женская головка, 24 амфорныя ручки съ именами астиномовъ и обломки чернолаковой посуды; на сѣверномъ берегу г. Косцюшко-Валюжиничъ обратилъ вниманіе на пространство, застроенное изслѣдованнымъ имъ небольшимъ храмомъ, которое также занято сплошнымъ культурнымъ слоемъ на глубину до 2½ арш.—Обстоятельство, которое противорѣчитъ недавно высказанному мнѣнію, что древняго Херсонеса искать негдѣ въ Херсонесѣ новомъ, по той будто-бы причинѣ, что послѣдній стоитъ весь цѣли-

комъ на скалѣ. Найденныя при раскопкѣ надписи Археологическая Коммиссія имѣетъ въ виду издать особо.

Въ Керчи производилъ работы новый директоръ тамошняго музея К. Е. Думбергъ, при чемъ найдено нѣсколько расписныхъ вазъ, мраморныхъ надгробій и разнообразныхъ украшеній, говорить о которыхъ трудно до обѣщаннаго изданія ихъ изображеній.

Въ херсонской губерніи В. Н. Ястребовъ занимался дослѣдованіемъ кургана, подвергшагося раскопкѣ еще въ 1763 году, по распоряженію генералъ-поручика Мельгунова, при чемъ открыта грунтовая гробница, состоящая изъ двухъ, соединявшихся между собою камеръ, но оказавшаяся совершенно пустою. Пользуемся случаемъ исправить небольшую неточность въ наименованіи урочища, въ которомъ находился курганъ: оно должно именоваться не Кучеровы *балки*, какъ напечатано въ «Отчетѣ», а Кучеровы *буераки*, что на мѣстномъ говорѣ далеко не одно и то же.

Въ губерніяхъ екатеринославской, кіевской и харьковской производилъ раскопки Н. Е. Бранденбургъ. Въ своихъ раскопкахъ въ первой изъ этихъ губерній онъ продолжалъ преслѣдовать поставленную имъ себѣ ранѣе цѣль изысканія надъ содержаніемъ кургановъ съ каменными бабами. На этотъ разъ онъ раскопалъ два кургана въ бахмутскомъ уѣздѣ. Въ насыпи въ грунтѣ подъ кургана открыто было при этомъ нѣсколько могилъ различнаго устройства и съ различнымъ содержаніемъ, довольно при томъ бѣднымъ. Въ раіонѣ кіевской губерніи г. Бранденбургъ раскапывалъ курганъ бл. с. Бурты каневскаго у. и около с. Липовцы кіевскаго у., при чемъ въ первомъ изъ указанныхъ пунктовъ открылъ погребеніе людей совмѣстно съ конями. На днѣ гробницы съ деревяннымъ склепомъ лежалъ женскій скелетъ, на спинѣ, головою на з.; на черепѣ его найдены остатки парчевой матеріи и небольшой конусовидный деревянный обрубокъ, у праваго бока—остатки ткани и десятокъ пронизей изъ янтаря, сердолика и бѣлой известковой массы, на правой рукѣ—бронзовое кольцо, у праваго колѣна обломокъ желѣзнаго ножа; рядомъ находился полный остовъ коня, и при немъ желѣзныя удила и небольшое желѣзное стремя. Курганы кіевскаго уѣзда, раскопанные г. Бранденбургомъ, оказались весьма бѣдны содержаніемъ. Въ харьковской губерніи г. Бранденбургъ занимался раскопками въ окрестностяхъ с. Печенѣги волчанскаго у., привлеченный названіемъ этого села, но ограничился изслѣдованіемъ одного изъ тамошнихъ кургановъ, ко-

торый не далъ ничего новаго и оказался очень обычнымъ для всего юга Россіи.

Въ минской губерніи производилъ раскопки въ 1892 году В. З. Завитневичъ. Въ бобруйскомъ уѣздѣ, въ мѣстности, расположенной между Березиной, нижнимъ теченіемъ Свислочи и Ольсы и верховьемъ Алы и входившей нѣкогда въ составъ земли дреговичей, имъ раскопано 234 кургана въ 26 могильникахъ. Обнаруженные при этомъ обряды погребенія и встрѣченные въ нихъ предметы въ общемъ оказались сходными съ тѣми, которые открыты въ области Припяти, хотя замѣчены были и нѣкоторыя мѣстныя особенности. Курганныя насыпи во вновь изслѣдованной мѣстности вообще не высоки, но здѣсь въ большемъ количествѣ встрѣчены курганы сравнительно крупныхъ размѣровъ; на основаніи новыхъ своихъ наблюденій г. Завитневичъ устанавливаетъ положительнѣе, чѣмъ прежде, что курганы эти окружены были рвами; по его словамъ, курганы никогда не поднимаются въ высоту болѣе $1^1/_2$ сажени; имъ замѣчено также, что высокія насыпи прикрываютъ чаще мужскіе скелеты; въ нѣкоторыхъ могильникахъ замѣчается стремленіе отдѣлить мужскія погребенія отъ женскихъ, въ другихъ наблюдается, повидимому, обычай погребенія по семьямъ, или родамъ. Господствующею формою погребальнаго обряда является погребеніе на поверхности земли (77%), которое г. Завитневичъ признаетъ главнымъ отличительнымъ признакомъ дреговичскихъ погребеній отъ древлянскихъ; скелеты лежали чаще головою на З.; подъ многими изъ нихъ замѣчались прослойки золы—слѣды какого-то обряда, предшествовавшаго погребенію; въ ногахъ скелетовъ часто попадались небольшіе глиняные сосуды съ загнутыми краями, иногда орнаментированные; изрѣдка наблюдались слѣды деревянныхъ гробовъ, повидимому—безъ дна и безъ крыши, и не сколоченныхъ гвоздями; во многихъ могильникахъ найдены слѣды прикрывавшихъ трупы деревянныхъ гробовъ, вродѣ тѣхъ «теремковъ», какіе и до сихъ поръ сохраняются въ погребальныхъ обычаяхъ мѣстнаго населенія. Вещевыя находки въ бобруйскихъ курганахъ не значительны. Онѣ состоятъ, кромѣ обычныхъ малыхъ височныхъ колецъ, изъ трехшипныхъ серегъ, филигранныхъ сердоликовыхъ и стеклянныхъ бусъ, медальоновъ и лунницъ, витыхъ проволочныхъ колецъ и пр. Изъ новыхъ находокъ обращаютъ на себя вниманіе: подвѣски въ видѣ коньковъ, двѣ застежки въ видѣ якоря, височныя бляшки съ ушкомъ и пр.

Изъ приношеній частныхъ лицъ и случайныхъ находокъ въ 1892 году отмѣтимъ слѣдующія: коллекція бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей изъ могильника при дер. Венжевщизнѣ лидскаго у. виленской губ.;—большая раковина, бусы, бронзовое кольцо, бляшки, трубочки и колокольчикъ, добытые при раскопкѣ кургановъ бл. сс. Липовцы и Шудовки, кіевскаго у., Д. И. Макаревичемъ; мѣдный котелокъ, 274 наконечника стрѣлъ, точильный брусокъ, обломокъ костяного черенка отъ ножа, желѣзный наконечникъ копья и желѣзная шапка изъ кургана на Чертомлыцкомъ хуторѣ екатеринослав. у.; мѣдные котлы, оловянныя тарелки, желѣзные топоры, желѣзные остроги и и кирки изъ с. Новоселицы чигирин. у. кіевской губ., орнаментированныя кафли изъ ямпольскаго у. подольской губ.; серебряныя дутыя полушарія, украшенныя выпуклыми позолоченными изображеніями животныхъ, звѣздъ и арабесковъ изъ Старобѣлька харьк, губ.; мѣдные топоры, ножи и долото изъ елисаветгр. у. херсонской губ. и старинный желѣзный топоръ, найденный въ с. Лихачевѣ козелецкаго у. черниговской губерніи.

В. Ястребовъ.

Старинна історія Галичины. Написавъ Омелянъ Партицкій. Томъ першій. (Видъ VII-го віку перед Христом до року 110 по Христи). У Львови 1894.

Не часто приходится имѣть дѣло съ болѣе удивительной и любопытной книгой, чѣмъ та, заглавіе которой выписано въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Да и какъ можетъ быть иначе, когда авторъ ея дѣлаетъ рядъ удивительнѣйшихъ и поразительныхъ открытій, о которыхъ мало кто и мечталъ изъ «ученыхъ» людей.

Не такъ давно сдѣлано было замѣчательное открытіе, долженствующее, повидимому, произвести полный переворотъ въ европейской исторической наукѣ, заставить европейскихъ историковъ прибавить новую, невѣдомую имъ до того, но крупную страницу къ исторіи Европы. Мы говоримъ о прочитанномъ нами сообщеніи, будто была пора, когда «русская земля (Галичина временъ Осмомысла?) стояла во главѣ Европы» («на чолі Европы»). Открытіе было поразительное, но, увы! оно блѣднѣетъ передъ любымъ только изъ открытій, сдѣланныхъ г. Партицкимъ, а ихъ въ книгѣ, повторяемъ, не мало.

Всѣ спеціалисты по русской исторіи вообще, по исторіи Галичины, въ частности, начинали обыкновенно исторію Галичины съ крещенія Руси, говоритъ намъ г. Партицкій, а мы прибавимъ отъ себя, что, въ добавокъ, они были убѣждены и въ томъ, что слово Галичина еще болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ время крещенія Руси. Какая грубая ошибка! Вѣдь благодаря этимъ спеціалистамъ мы не знаемъ и не знали до г. Партицкаго, «какова была судьба края до принятія христіанства, какимъ былъ этотъ край за цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія передъ Рюрикомъ». (Предисловіе). И это,—представьте себѣ, читатель,—въ то время, когда «старинныя эти времена неизмѣримо важны и поучительны для насъ»; когда «въ нихъ—возможность прослѣдить первичныя основы родной, общественной и государственной жизни Галичины и постепенное развитіе этой жизни». «Въ старинной нашей (т. е. Галицкой) исторіи, добавляетъ авторъ, мы встрѣчаемъ величественныя картины, возбуждавшія удивленіе въ старинное время, и громкую славу доставили они нашему народу» (тамъ же).

И авторъ воочію доказалъ это своей книгой, своимъ только первымъ томомъ... Да и можетъ ли быть иначе? И всѣ ученые, и публика чуть не со школьной скамьи привыкли считать Грецію и грековъ такъ сказать иниціаторами умственнаго и художественнаго развитія всѣхъ народовъ, населившихъ Европу, привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на творцовъ самобытной науки, мифологіи, искусства и т. д. Оказывается, что все это—горькое заблужденіе, крупная ошибка. Да, заблужденіе и ошибка! Прочтите, читатель, книгу г. Партицкаго, и всякія сомнѣнія на этотъ счетъ исчезнутъ, прекратятъ свое существованіе.

Съ легкой руки Нестора ученые, принявшіе на вѣру сообщеніе его, будто Иллирія была «прародиной» славянъ, внесли «великій заколотъ и хаосъ въ історію славянскоі старини» (стр. 7). Нашъ авторъ, побѣдоносно опираясь и на классическихъ произведеніяхъ, и на твореніяхъ такихъ изслѣдователей, какъ Чертковъ, Фаминцынъ и т. п., разрушаетъ и уничтожаетъ это сообщеніе нашего лѣтописца и открываетъ вслѣдъ затѣмъ новыя, невиданныя еще перспективы для науки.

Въ земляхъ, сдѣлавшихся Галицкими, жилъ, говоритъ намъ авторъ, народъ, извѣстный подъ именемъ «Траковъ». То былъ великій народъ, народъ—создатель всей послѣдующей культуры европейскаго міра. И это, читатель, знаете, еще въ какія времена? Въ XIV в. до Р. Х. Уже тогда, доказываетъ нашъ г. П—й, они стояли «на високім сте-

пени культуры» (27). Орфей, вѣдь, былъ «Тракъ», учитель его «Лінъ» былъ также «Тракъ», прославившійся тѣмъ, что «утворив був для трацкого письма азбуку и написав нею кілька митольогичных працъ». (стр. 24). Вѣдь и родина то Орфея была у устьевъ Дуная, въ мѣстности, «за русскихъ часовъ, за Ярослава Осмомисла», составлявшей «складову часть галицкого княжества». (стр. 24) Отъ Орфея Греки, вѣдь, говоритъ г. П—ій, заимствовали свою поэзію, отъ «Траковъ» же переняли они и музыку, и игру на гусляхъ, и свои музы, и свою мифологію и т. д., и т. д., ибо извѣстно, по г. П—ому, что «за приходом своімъ до Европи они, т. е. Греки, з собою мало-що принесли».

Кто же были эти «Тракі», этотъ великій народъ, создатель всей европейской культуры? Славяне, Галичане! Таково великое открытіе г. П—аго! И резоны, представленные имъ, можно сказать, всесильны! Въ самомъ дѣлѣ. Извѣстно, напр., по словамъ г. П—аго, что въ старину Греки считали «траковъ» самымъ музыкальнымъ и «спиволюбивымъ» народомъ въ мірѣ, отдавали имъ первенство передъ всѣми народами. Но, вѣдь, извѣстно также, увѣряетъ насъ г. П—й, что и «славянъ считали самымъ музыкальнымъ и спиволюбивымъ народомъ» и что, въ этомъ отношеніи, они, славяне, занимаютъ первое мѣсто». А такъ какъ то, чѣмъ «нынѣ въ области и музыки, и спиву, и поэзіи суть Славяне, тѣмъ были въ старину Фракійцы», то, отсюда, для г. Партицкаго ясно, что «Траки» и Славяне—одинъ и тотъ же народъ. Орфей, слѣд., также Славянинъ, и что это такъ, несомнѣнно слѣдуетъ изъ того, что память о немъ сохранилась у помаковъ—болгаръ Родопскихъ горъ въ изданныхъ Стефаномъ Верковичемъ помацкихъ пѣсняхъ. Въ нихъ упоминается юнакъ Урфенъ, Орфенъ т. е., по г. П—ому, несомнѣнно Орфей.

Разумѣется, это далеко не исчерпываетъ всей аргументаціи нашего автора. Онъ даетъ намъ еще цѣлый длинный рядъ столь же убѣдительныхъ доказательствъ безспорности своего положенія.

У «траковъ», говоритъ почтенный авторъ, былъ обычай, что жены умерщвляли себя на могилахъ мужей; но подобный же обычай существовалъ и у славянъ (стр. 15—16). Далѣе. «Таоки либо покупали женъ, либо брали ихъ на выставкѣ, куда родители выводили дочерей своихъ; но и у славянъ было тоже» (стр. 17—18). Похороны у «траковъ» совершались такъ: въ теченіе 3 дней по смерти выставляютъ трупъ, убиваютъ по этому случаю животныхъ всякаго рода, справляютъ «бенкеты», затѣмъ хоронятъ либо на столбѣ, либо въ землю, насыпая высокую могилу и тутъ же устраивая военныя игрища; но—у скиѳовъ, гунновъ, т. е.

славянъ по г. П—ому, какъ и у славянъ, все это равнымъ образомъ было въ обычаѣ (19—24). Далѣе—«траки славились, какъ храбрѣйшій и справедливѣйшій народъ; но—скиѳовъ называлъ такими же Страбонъ, гунновъ—Прискъ, а славянъ—Прокопій (стр. 29—31). «Траки» продавали дѣтей,—но и бойки въ Галичинѣ до нынѣ дѣлаютъ тоже (32). У «траковъ» было въ обычаѣ клеймленіе тѣла,—но тоже было, по словамъ П—аго, какъ и существуетъ и теперь еще, у французовъ, нѣмцевъ; оно было въ обыкновеніи у яподовъ, иллировъ. Значитъ, вѣроятно, и у славянъ, г. П—кій? Наконецъ, и внѣшній видъ «траковъ» и славянъ, по сообщенію г. П—аго, одинъ и тотъже. Да и возможна ли здѣсь хотя бы тѣнь сомнѣнія? «Траки» и внѣшнимъ видомъ, и окраской тѣла, и волосъ, и глазъ отличались отъ всѣхъ народовъ. Аристотель говоритъ о нихъ, что у нихъ волоса мягкіе и гладкіе и, видимо, по мнѣнію г. П—аго, приписываетъ имъ бѣлое тѣло и голубые глаза. Правда, добавляетъ г. П—ій, свидѣтельства о цвѣтѣ тѣла, волосъ и глазъ у «траковъ» можно примѣнить и къ древнимъ кельтамъ, и къ древнимъ германцамъ. Но, по г. П—ому, несомнѣнно, что и кельты и германцы выступаютъ въ исторіи отдѣльно отъ «траковъ» и на совершенно иныхъ мѣстахъ. Ясно, что указанные у «траковъ» примѣты не могутъ относиться ни къ кому другому, кромѣ славянъ, ибо, утверждаетъ г. П—ій, Гиппократъ говоритъ о скиѳахъ, что у нихъ бѣлое тѣло, становящееся отъ холода красноватымъ, Климентъ Александрійскій, что у нихъ длинные волосы, Прокопій же, что у славянъ тѣло не особенно бѣлое, волосы не очень свѣтлые, хотя и не черные, а Абу-Мансуръ, что у славянъ красноватое тѣло, а волосы русые (стр. 33—4, текстуально).

Требуется развѣ, читатель, болѣе сильныхъ аргументовъ? Но г. П—ій даетъ и ихъ. Не только мифологія «траковъ» является мифологіей и славянъ, но и большая часть греческой мифологіи—заимствованна греками у «траковъ». Блескъ аргументаціи у г. П—аго въ этомъ отношеніи, какъ это ни мало вѣроятно, превосходитъ блескъ аргументовъ, приведенныхъ выше. «Траки» были монотеисты и вѣрили въ безсмертіе души,—славяне тоже (36—37). Богъ Аресъ у «траковъ» вмѣстѣ съ двумя другими богами, былъ главнѣйшимъ божествомъ: но онъ былъ такимъ же божествомъ и у славянъ. Это славянскій—Яръ, Ярый, Ярунъ, Яровитъ, а у скиѳовъ и гунновъ, т. е. славянъ же, Аресъ. Греки переняли бога этого отъ «траковъ» и отсюда и названіе ареопага. Это—богъ войны. Далѣе идетъ Діонисій, опять богъ «траковъ», но назывался онъ Сабадій. А что же такое «Сабадій»? «И

не филологъ, торжественно заявляетъ г. П—й, легко отгадаетъ, что слово это есть славянское слово *свобода*. У русиновъ, прибавляетъ онъ, поюся пѣсни въ честь *Сабадія,* и называются они *сабадашками*» (51—52). Обрядъ купальнаго огня стоитъ въ связи съ этимъ, ибо у нѣкоторыхъ славянъ его называютъ *«собиткою»* (52). Отсюда, «Дива» славянская есть не иное что, какъ также богъ Діонисій, служители котораго назывались бесами, т. е., по г. П—ому, просто «бісами» (49). Еще одинъ богъ «траковъ» Аполлонъ, тоже, какъ съ необыкновенною «ученостью» доказываетъ г. П-й, заимствованный потомъ у фракійцевъ греками, есть не иной кто, какъ славянскій Бѣлъ-богъ, ибо въ надписяхъ значится Apollo Belenus или Belinus, а эти послѣднія названія равны Бѣлъ-богу или бѣлорусскому Бѣлуну. И это объясненіе даетъ г. П—ому ключъ къ рѣшенію вопроса и о.... о чемъ бы вы думали, читатель, о пеласгахъ. Къ названію Пельо (Бѣлъ) отношу я, пишетъ г. П—й, и названіе пеласги». (66). А то были, по г. П—му, просто фракійцы, поклонявшіеся Аполлону. Да и Пелопонесъ оказывается того же славянскаго происхожденія, ибо «нес» позднѣйшая греческая вставка, а старое названіе было Пельопія. Софоклъ называлъ Пелопонесъ—Апія, т. е. по просту богиня Апія, богиня скиѳовъ Подоліи и Украины. Культъ Пеля царилъ въ Пелопонесѣ, а отъ культа край названъ Пел-апія, Пель-опія, что «на нашемъ языкѣ значитъ «Біла (Білбожа) земля» (62, текстуально). А, вѣдь, торжественно сообщаетъ г. П—й, земля русская называлась Дажбожою землею, русины называли себя (по слову о полку Игоревомъ) «внуками Дажбога» . Развѣ, замѣчаетъ г. П—й, не ясна «тожественность и непрерывная связь религіозныхъ понятій у старинныхъ фракійцевъ и у нынѣшнихъ славянъ». (63).

Слѣдуетъ ли прибавлять намъ, что г. П—й доказалъ, что мать Аполлона называли Лето, что сначитъ наше лѣто (64), что Афродита, опять не греческая, а фракійская богиня, есть не иной кто, какъ Леда, а Артеміада (греческаго происхожденія) славянская Дивана или лужицкая «Дивица». и т. д., и т. д.

Но нельзя не привести открытія, сдѣланнаго г. П—мъ, открытія, являющагося вѣнцомъ всего построеннаго имъ зданія. Что есть «Тракъ», спрашиваетъ онъ. Ихъ называли нѣкоторые «ученые» «дракхъ», считая это названіе болѣе вѣрнымъ. Иначе думаетъ г. П—й. Греческое *Тракъ* (Θραιχ)—славянское слово. Р смѣняется буквою *Л*. греческая ϑ—славянскимъ *Ч*. Другими словами надо читать такъ:

Члаікъ. Но, далѣе, побѣдоносно сообщаетъ г. П—й, а+і замѣняется *е*, отсюда *членъ*=человѣкъ=«траку», фракійцу.

Но не довольно ли, читатель! И съ подобной аргументаціей рѣшаются съ необычайною легкостью самые трудные, самые запутанные вопросы! Авторъ не знакомъ ни въ малѣйшей степени съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается въ области сравнительной мифологіи, сравнительнаго языкознанія, сравнительнаго права и т. д.; ему чуждо малѣйшее представленіе о томъ, что такое сравнительный методъ, какъ примѣнять его. Ему, видимо, неизвѣстно, что обряды разнаго рода, похоронные, какъ и брачные и т. д., совершенно такіе же, какъ и у фракійцевъ, существовали и существуютъ у самыхъ разнородныхъ народовъ, племенъ и тихаго океана, и Африки, и Америки; что вслѣдствіе такого сходства между ними съ неменьшею убѣдительностью можно было бы доказать, что фракійцы и жители Полинезіи, напр., настолько же одинъ и тотъ же народъ, какъ однимъ и тѣмъ же народомъ являются, по мнѣнію. г. П—каго, фракійцы и славяне.

Съ такими орудіями учености, какими пользовался г. П—й, можно написать десятки томовъ, создать еще болѣе удивительныя открытія, способныя затмить открытія, уже сдѣланныя въ томъ же родѣ и по тому же методу, и лишь наводнить книжный рынокъ печатной бумагой.

Фра Моріель.

Труды съѣзда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о принятіи мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ 18$\frac{15-18}{VI.}$94. (Каменецъ-Подольскій. 1894). Стр. 137.

Въ подольской губерніи дѣйствуетъ нынѣ 45 сахарныхъ заводовъ, т. е. почти 25% общаго числа заводовъ въ имперіи. Подавляющее большинство подольскихъ заводовъ спускаютъ свои отработанныя воды въ общественныя водовмѣстилища (рѣки, рѣчки, пруды и т. д.) безъ всякой предварительной очистки. Антисанитарное состояніе этихъ заводовъ установлено уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, вопросъ объ упорядоченіи этого дѣла возникалъ неоднократно, но, къ сожалѣнію, отечественное законодательство представляетъ въ этомъ отношеніи столь значительный пробѣлъ, что всѣ попытки огра-

дить интересы народнаго здоровья отъ вреднаго вліянія заводскихъ нечистотныхъ водъ и отбросовъ не имѣли почти никакого успѣха.

Съѣздъ подольскихъ сахароваровъ состоялся въ Каменецъ-Подольскѣ 15—18 іюня 1894 года по приглашенію мѣстной администраціи. Ближайшею цѣлью было установить наилучшіе способы обезвреживанія заводскихъ отбросовъ и достичь принятія каждымъ изъ заводовъ добровольнаго обязательства ввести у себя тотъ способъ, который будетъ признанъ лучшимъ и болѣе удобнымъ по мѣстнымъ условіямъ.

Настоящая брошюра заключаетъ подробный протоколъ совѣщаній, заключенія коммиссіи по разсмотрѣнію требованій, какія можно было предъявить къ отдѣльнымъ заводамъ, и нѣкоторые другіе документы оффиціальнаго характера. Не входя въ подробности техническаго свойства [1]), отмѣтимъ лишь, что съѣздъ призналъ необходимымъ остановиться на способѣ очистки заводскихъ сточныхъ водъ посредствомъ спуска ихъ на поля орошенія. Три завода согласились перейти къ этому способу еще въ текущемъ году, пять—до начала будущаго періода сахароваренія 189$^5/_6$ гг., восемнадцать—подъ условіемъ нѣкоторой отсрочки для техническихъ изысканій. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ заводовъ не имѣютъ удобной земли для устройства полей орошенія и затруднены въ покупкѣ или арендѣ необходимыхъ участковъ, то съѣздъ постановилъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ установленіи для такихъ заводовъ права обязательнаго (т. е. принудительнаго, по терминологіи закона) отчужденія требуемаго количества земли. Представители остальныхъ шестнадцати заводовъ не примкнули къ соглашенію, и особая коммиссія выработала для каждаго завода особыя требованія, которыя съѣздомъ признаны для нихъ обязательными къ выполненію до начала будущаго производства въ 189$^5/_6$ гг. Наконецъ, три завода не прислали представителей на съѣздъ.

Въ настоящее время затруднительно входить въ оцѣнку достигнутыхъ съѣздомъ практическихъ результатовъ: опытъ покажетъ, будутъ ли выполнены условія добровольнаго соглашенія. Нельзя при этомъ не указать, что вопросъ объ упорядоченіи заводскаго дѣла въ санитарномъ отношеніи разрабатывается въ центральныхъ учрежденіяхъ съ шестидесятыхъ годовъ, но и въ настоящее время вопросъ

---

[1]) Съ ними можно ознакомиться по книгѣ д-ра К. П. Сулимы: „Сточныя воды свекло-сахарныхъ заводовъ и мѣры къ обезвреженію ихъ“, изданной въ 1894 году.

этотъ еще ожидаетъ законодательнаго разрѣшенія. Мѣстныя коммисіи (напр., кіевская и харьковская) работали еще въ 1880 г. и пришли къ весьма рѣшительнымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ «но все, какъ оказывается, осталось по прежнему, и ничего, или почти ничего, заводы не восприняли изъ работъ коммисій» (стр. 17). Безспорно, вполнѣ вѣрно заключеніе докладчика подольскаго съѣзда: «та масса жалобъ со стороны частныхъ лицъ даже цѣлыхъ обществъ, тѣ кипы и томы возникающихъ по этимъ жалобамъ дѣлъ какъ въ административныхъ, такъ и судебныхъ учрежденіяхъ, тѣ съѣзды и коммисіи, созываемые для упорядоченія этого дѣла, не только по почину мѣстныхъ административныхъ властей, но и по порученію высшаго правительства, не свидѣтельствуютъ-ли о серьезномъ государственномъ значеніи этого вопроса вообще, а въ частности о томъ, что вопросъ этотъ не могъ возникнуть на почвѣ лишь сомнительныхъ и неосновательныхъ претензій?» (стр. 29). Но должно замѣтить, что представителями нѣкоторыхъ заводовъ были заявлены на съѣздѣ мнѣнія, радикально отвергающія необходимость и пользу правительственнаго вмѣшательства въ это дѣло. «Никто и ничѣмъ не докажетъ теперь, чтобы эпидемія (холера) развивалась сильнѣе въ мѣстностяхъ, лежащихъ по берегахъ рѣкъ ниже спуска въ нихъ отработанныхъ водъ изъ сахарныхъ заводовъ» (стр. 38). Отъ заводовладѣльцевъ потребуется громадныя затраты «безъ достиженія какой-либо особенной общей пользы». Особыхъ мѣръ по отношенію къ заводамъ не требуется, такъ какъ «попытка» правительства и труды авторитетовъ науки не привели къ положительнымъ результатамъ. «Подольская губернія имѣетъ 45 сахарныхъ заводовъ, а въ смежной съ нею губерніи кіевской ихъ 66, но и тамъ пока считаютъ, вѣроятно, преждевременнымъ придавать вопросу о загрязненіи заводскими сточными водами общественныхъ водовмѣстилищъ особую важность» [1]). Лучше всего отложить вопросъ до того времени, пока онъ не будетъ вы-

---

[1]) Отмѣтимъ, что эта справка невѣрна: кіевскимъ съѣздомъ врачей выработанъ проэктъ обязательнаго постановленія для фабрикъ и заводовъ, въ томъ числѣ и свекло-сахарныхъ, для которыхъ именно и признана необходимость въ устройствѣ полей орошенія, установленъ порядокъ удаленія твердыхъ отбросовъ и т. п. См Труды перваго съѣзда врачей кіевской губерніи, происходившаго въ Кіевѣ въ 1893 году (Кіевъ, 1894), стр. 91 и сл. Съѣздомъ предположено не дозволять заводамъ производства, пока всѣ замѣченные въ нихъ недостатки въ санитарномъ отношеніи не будутъ устранены. Повидимому, труды кіевскаго съѣзда врачей еще не были извѣстны подольскому съѣзду сахароваровъ.

ясненъ вполнѣ опредѣленнымъ образомъ», а пока слѣдуетъ все предоставить частной инициативѣ заводовладѣльцевъ. Многими заводами кое-что уже достигнуто въ этомъ направленіи, «а многое, вѣроятно, еще и достигнется; въ концѣ же концовъ, Богъ дастъ, мы найдемъ, вѣроятно, какой-нибудь дѣйствительный способъ къ ослабленію указываемаго намъ зла». Необходимо «не убивать частной инициативы какими-либо постановленіями теоретическаго характера»; вѣдь и Зап. Европа еще не успѣла разрѣшить этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительно. Благія предначертанія правительства, при искренномъ сочувствіи заводовладѣльцевъ, «едва-ли могутъ достичь желаемыхъ результатовъ уже по той простой причинѣ, что у насъ, къ сожалѣнію, далеко еще не развилось сознаніе общественной пользы». Если даже заводы и перестанутъ засорять рѣки и пруды, то засорятъ крестьяне. Поэтому лучше всего «представить самимъ заводамъ сдѣлать все, что ихъ не стѣснитъ и окажется для нихъ возможнымъ», и т. д., и т. д. (стр. 39—44).

Нѣтъ сомнѣнія, что для будущаго историка нашего края настоящая брошюра, посвященная вопросу чисто практическому, дастъ драгоцѣнный матеріалъ. Будемъ надѣяться, что дѣйствительные результаты рѣшеній съѣзда будутъ своевременно опубликованы.

Н. М.

Труды перваго съѣзда врачей Кіевской губерніи, происходившаго съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ въ г. Кіевѣ въ 1893 г. (Кіевъ, 1894). Стр. 163.

Съѣздъ происходилъ съ 26 апрѣля по 2 мая 1893 г., въ составѣ 48 врачей Кіевской губерніи подъ предсѣдательствомъ врачебнаго инспектора. Задача заключалась въ «выработкѣ подробнаго плана борьбы съ могущею вновь возникнуть «холерною эпидеміею», (которая, дѣйствительно, и возникла въ 1893 и 1894 г.г.).

Излишне доказывать всю пользу и цѣлесообразность подобныхъ съѣздовъ. Свободная критика сдѣланнаго ранѣе, нестѣсняемое обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ народнаго здоровья лицами, практически знакомыми съ дѣломъ и такъ или иначе заинтересованными въ лучшей его постановкѣ, признаны необходимыми мѣстною губернскою администраціею. Нельзя не порадоваться, что благодаря изданію подробнаго и толково составленнаго протокола бывшихъ на съѣздѣ со-

вѣщаній общество имѣетъ возможность ознакомиться не только съ тѣмъ, какъ организовано дѣло на практикѣ, но и съ pia desideria людей науки и практическихъ врачей. Въ данномъ случаѣ сужденія съѣзда, конечно, строго ограничивались предѣлами поставленной ему задачи, но самая задача эта до такой степени сложна, что врачамъ неизбѣжно пришлось частью затронуть и вопросы общехозяйственные и даже законодательные, въ смыслѣ выработки необходимыхъ измѣненій для успѣха борьбы съ эпидеміею.

Въ предѣлахъ журнальной замѣтки трудно съ должнымъ вниманіемъ отмѣтить всѣ существенные результаты работъ съѣзда. Конечно, прежде всего былъ подробно обсужденъ вопросъ о недостаткахъ существовавшей въ 1892 г. организаціи для борьбы съ холерою и мѣры къ ихъ устраненію. Недостаточность врачебно санитарнаго персонала, незначительность средствъ, которыми располагаетъ мѣстная администрація для оказанія серьезной помощи населенію, слабость общественнаго содѣйствія усиліямъ властей—все это не ново, но съѣздъ, не ограничиваясь признаніемъ этихъ несовершенствъ нашей жизни, постарался выработать основанія для лучшей постановки дѣла. Затѣмъ обсуждены и разрѣшены разнообразные связанные съ этимъ вопросы, изъ которыхъ отмѣтимъ главнѣйшіе: мѣры къ обезпеченію населенія доброкачественною водою; установленіе врачебно-санитарнаго надзора въ мѣстахъ скопленія и значительнаго передвиженія рабочихъ и, въ частности, значеніе для развитія холеры наплыва богомольцевъ въ Кіевѣ; опредѣленіе размѣра необходимаго медицинскаго и санитарнаго персонала; значеніе и организація летучихъ санитарныхъ отрядовъ; предварительная подготовка санитарныхъ служителей; необходимость учрежденія особыхъ санитарныхъ врачей въ уѣздахъ; значеніе санитарныхъ попечителей; способы дезинфекціи и леченія холеры; учрежденіе столовыхъ и чайныхъ въ мѣстностяхъ, пораженныхъ холерою; регистрація заболѣваемости и смертности и т. д. Особый интересъ представляетъ выработанный съѣздомъ проектъ обязательныхъ постановленій по санитарно-врачебной части для уѣздныхъ городовъ, гдѣ не выяснено городовое положеніе, для селъ и деревень, фабрикъ и заводовъ (стр. 78—102). Безъ сомнѣнія, не всѣ проектированныя съѣздомъ мѣры войдутъ въ жизнь, такъ какъ выполненіе ихъ частью зависитъ отъ центральнаго законодательства, но уже самая постановка нѣкоторыхъ наболѣвшихъ вопросовъ по санитарной части и точное формулированіе того, что признается же-

лательнымъ мѣстными врачами, составляютъ безспорную заслугу съѣзда. Какъ извѣстно, нерѣдко самыя важныя мѣропріятія по народному здравію разрабатываются путемъ канцелярскимъ, безъ дѣйствительнаго ознакомленія съ условіями и подробностями народнаго быта. Оттого великое множество самыхъ добронамѣренныхъ предначертаній фатально осуждены на полное безсиліе. Съѣздъ 1893 года отнесся къ своей скромной задачѣ при освѣщеніи житейскаго опыта, съ вниманіемъ къ нуждамъ и темнотѣ народной массы, и мы видимъ, что будущій историкъ нашего края отмѣтитъ созваніе съѣзда, какъ дѣйствительную заслугу предъ обществомъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о помѣщенномъ предъ протоколами статистическомъ очеркѣ холерной эпидеміи въ кіевской губерніи съ 1830 по 1892 г. включительно. По сводкѣ приведенныхъ въ очеркѣ цыфръ оказывается, что въ теченіе 12 холерныхъ годовъ заболѣло 249.595 чел., умерло 55.948 чел., т. е. около 22%. Судя по даннымъ послѣднихъ лѣтъ, было-бы крайне удивительно, если-бы эти исчисленія признавались вѣрными уже приблизительно. Сколько-нибудь правильная регистрація заболѣваній и смертности есть дѣло послѣдняго времени; что же касается сѣдой старины 30-хъ и т. д. годовъ, то къ статистическимъ показаніямъ этого періода можно отнестись лишь съ улыбкою. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе жестоко свирѣпствовала эпидемія въ 1848 и 1872 гг. (150.982 забол. и 56.708 ум.), что холера обнаружила энергическую наклонность къ повторенію въ слѣдующемъ году, усиливаясь въ концѣ лѣта и осенью и иногда оставаясь и на зимніе мѣсяцы. Для г. Кіева весьма вѣроятна связь между появленіемъ или усиленіемъ холеры и наплывомъ богомольцевъ, особенно къ 15 августа (стр. 14).

Въ 1872 году заболѣло холерою 11.778 чел., умерло 4.485 или 38%, и кромѣ того въ г. Кіевѣ было 1.940 забол. и 659 ум. (34%). Всѣхъ пораженныхъ эпидеміею населенныхъ мѣстностей было: 9 городовъ (изъ 12), 65 мѣстечекъ (изъ 113) и 469 селеній и т. п. (изъ 2.835).

Н. М.

Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовскаго государства. Θ. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Спб. 1894 г. Стр. 392.

Трудъ г. Леонтовича печатался сначала въ «Жур. М-ва Нар. Просв.» въ 1893—94 г. и носитъ компилятивный характеръ по преимуществу: авторъ пользовался, главнымъ образомъ, трудами В. Б. Антоновича, Прохаски, Барбашева и др. Книга снабжена обильными библіографическими указаніями по отдѣльнымъ вопросамъ, въ общемъ, небезполезными, но невсегда, какъ уже указала критика, идущими къ дѣлу.

Авторъ интересуется литовскимъ государствомъ въ виду его особаго значенія въ области исторіи русскаго права. «Литовское государство, говоритъ онъ, обнимало собою... территорію зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси (Русской Правды). Институты эти строго хранились въ значеніи мѣстной «правды» русскихъ земель и послѣ присоединенія ихъ къ Литвѣ являлись въ XV и XVI столѣтіяхъ коренными основами литовскихъ земскихъ уставовъ, судебника, статутовъ и др.» (стр. 3). На такое значеніе литовско-русскаго права было уже указано въ 1860-хъ годахъ и съ того времени ему посвящено не мало трудовъ, но разработка его все же далеко не достигла желательной и необходимой полноты. Затрудненія къ этому заключаются въ самомъ предметѣ изслѣдованія, такъ какъ «право литовской Руси стоитъ на рубежѣ русскаго и западноевропейскаго права, представляетъ, особенно въ позднѣйшія эпохи своего развитія, такую пеструю амальгаму началъ права русскаго, литовскаго, польскаго, что необходимы долговременныя усилія со стороны историковъ и юристовъ для того, чтобы путемъ кропотливой, детальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ можно было разобраться во всей настройкѣ и разнообразіи началъ, на почвѣ которыхъ развивалось литовско-русское право». (стр. 4). Избирая на первый разъ «вопросъ объ образованіи территоріи литовско-русскаго государства и о главнѣйшихъ формахъ территоріальныхъ союзовъ, изъ кототорыхъ сложилось это государство», Θ. И. Леонтовичъ имѣетъ цѣлью «въ одно мѣсто свести то, что сдѣлано по этому вопросу въ трудахъ

русскихъ и польскихъ историковъ и, по возможности, провѣрить избранный вопросъ документальными данными по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ новѣйшее время» (стр. 6). Въ этихъ скромныхъ рамкахъ трудъ г. Леонтовича несомнѣнно очень полезенъ для всякаго, ктобы захотѣлъ хоть нѣсколько оріентироватся въ трудныхъ и запутанныхъ вопросахъ литовско-русскаго права.

Авторъ начинаетъ съ «общаго обзора образованія территоріи литовскаго государства» (стр. 13—36). Литовско-русское государство образовалось изъ двухъ племенныхъ элементовъ, литовскаго и русскаго, различавшихся между собой какъ въ этнографическомъ, такъ въ религіозномъ, бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ. Начало государству положило инородческое племя литовцы, къ которымъ впослѣдствіи примкнули русскія области. Ѳ. И. Леонтовичъ рѣшительно высказывается противъ утвержденія, что русскія области были завоеваны Литвой. «О завоеваніяхъ, говоритъ онъ, можетъ быть рѣчь въ начальную пору этого процесса (образованія территоріи лит.-рус. государства), при первыхъ литовскихъ вождяхъ, да въ концѣ этого процесса, при Витовтѣ. Прибѣгать къ завоеваніямъ не было никакой надобности тамъ, гдѣ гнетущія бытовыя условія стараго времени, volens-nolens, должны были заставлять русскія земли и русскихъ князей вступать въ союзъ, а затѣмъ и добровольно подчиняться власти смѣлыхъ и энергичныхъ литовскихъ вождей» (стр. 29). Внутреннее объединеніе территоріи начинается съ Витовта и завершается лишь въ началѣ шестого десятилѣтія XVI вѣка, причемъ литовское единодержавіе никогда не достигало того значенія, какъ единодержавіе московское: въ Литвѣ удѣлы присоединялись по праву выморочности, и только при явномъ стремленіи князя отдѣлиться отъ государства его принуждали силой (стр. 31).

Послѣ общаго обзора образованія территоріи литовско-русскаго государства идетъ разборъ «территоріальнаго состава Литвы» (стр. 36—69), а затѣмъ «территоріальный составъ русскихъ областей литовскаго государства» (69—73). Авторъ знакомитъ здѣсь съ русскими племенами, вошедшими въ составъ литовскаго государства, началами ихъ земской организаціи (стр. 70), стремленіемъ ихъ къ территоріальному объединенію, наконецъ, съ присоединеніемъ ихъ къ Литвѣ (стр. 72—73). Послѣ этого дѣлается обзоръ отдѣльныхъ русскихъ земель,

сообщается ихъ территоріальный составъ, административное дѣленіе и свѣдѣнія по управленію отдѣльными землями. Обзоръ земель идетъ въ такомъ порядкѣ: Кривичская земля (стр. 73=121); литовское Полѣсье (прежняя земля дреговичей) (стр. 121—150); Сѣверская земля (Сѣверщина) (151—182); Кіевская земля (182—202), Волынская земля (202—347) и, наконецъ, земля Подольская (347—393). При обзорѣ этихъ земель авторъ старается также указать на географическое положеніе, этнографическій составъ населенія и др. Противъ мнѣній, высказываемыхъ другими учеными, онъ нерѣдко полемизируетъ или же подкрѣпляетъ ихъ новыми соображеніями, какъ напр., въ спорномъ вопросѣ о запустѣніи южной Руси послѣ татарскаго нашествія Ѳ. И. Леонтовичъ присоединяется къ тому мнѣнію, что никакого запустѣнія не было и что запустѣніе это является не чѣмъ инымъ, какъ только «историческимъ миражемъ», (по выраженію проф. Антоновича) (стр. 169 прим. 3).

Н. В.

М. К. Любавскій. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-русскомъ государствѣ (Жур. М-ва Нар. Просв. 1894 г. августъ стр. 348—394.

Трудъ проф. Ѳ. И. Леонтовича «Очерки исторіи Литовско-русскаго права», о которымъ была рѣчь выше, вызвалъ обстоятельную критику со стороны М. К. Любавскаго, выпустившаго не такъ давно обширный трудъ по литовско-русской исторіи «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Ливовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута» (М. 1893 г.). Многія замѣчанія и поправки г. Любавскаго относительно труда г. Леонтовича безусловно справедливы. Г. Леонтовичъ, дѣйствительно, увлекся частностями, въ которыхъ и потонула его главная цѣль, «и территорія великаго княжества Литовскаго, какъ извѣстный объектъ государственнаго права, осталась въ блѣдномъ и неясномъ освѣщеніи». (350 стр.). Г. Любавскій слѣдуетъ по пятамъ за проф. Ѳ. И. Леонтовичемъ, стараясь показать многія фактическія невѣрности въ трудѣ послѣдняго; полемизируетъ г. Любавскій и противъ многихъ мнѣній и заключеній г. Леонтовича относительно образованія литов-

скаго государства, паденія удѣльной системы и пр. (стр. 377 и проч.). Заключеніе критика о трудѣ г. Леонтовича неблагопріятно: «на мой взглядъ, говоритъ онъ, книга г. Леонтовича нисколько не увеличила свѣдѣній и не усовершенствовала представленій о Литовской Руси» (стр. 394).

Н. В.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ

IV-й годъ изданія **МІРЪ БОЖІЙ.** IV-й годъ изданія

ВЫХОДИТЪ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.

въ размѣрѣ 18—20 печатныхъ листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журна «Міръ Божій»— давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ—1) оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, какъ новѣйшихъ, такъ и класическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) критическихъ и библіографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событіяхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ, конечно, не подростковъ 13—14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читалелей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботиться о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движеніемъ современной мысли, а съ другой—пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895-мъ году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же програмѣ, при чемъ для напечатанія препролагается, между прочимъ, слѣдующее:

«По новому пути», романъ Д. Мамина Сибиряка; «Исторія одной жизни», повѣсть К. Станюковича; «Изъ прошлаго», повѣсть А. Лугового;

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изящная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти разсказы, очерки, стихотворенія и т. д). 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.) 4) Воспоминанія 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библіографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣнія духовныхъ журналовъ.) 8) Вопросы церковной жизни. 9) Современные вопросы: 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 12) Иностранное обозрѣніе. 13) Иностранныя корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) Объявленія.

Содержаніе книгъ 1895 г. будетъ отличаться богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Пріобрѣтено, между прочимъ, для напечатанія неизданное произведеніе И. А. Гончарова и богатый запасъ писемъ Аксаковыхъ, Ю. Ѳ. Самарина, И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. Ѳ. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова, (Щедрина). В. М. Гаршина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—**15** руб., на полгода—**7** руб. **50** коп., на 3 мѣс.—**3** руб., **75** коп., на 1 мѣс.—**1** р. **25** коп. Съ пересылкой за границу—**18** руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—**12** руб., 6 мѣс.—**6** руб., 3 мѣс.—**3** руб., 1 мѣс.—1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Магазинамъ уступки—50 коп. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болѣе—уст. 10% съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи. Книги журнала 1890—1891 г. г. продаются въ конт. ред. по 7 руб. за годъ, 1892—1894 и. г. по 5 руб. за годъ. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словеснось; 13) Архивные документы; 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 году, если пожелаютъ получить первую часть Записокъ В. А. Инсарскаго, которая была напечатана въ 1894 году, приплачиваютъ 50 коп.

Войсковыя части могутъ выписывать „РУССКУЮ СТАРИНУ“ чрезъ редакцію „Досугъ и Дѣло“.

Редакція печатаетъ и выпуститъ въ свѣтъ въ январѣ 1895 года

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Эти записки въ видѣ извлеченій и отрывковъ появлялись уже въ печати, но никогда не были изданы въ полномъ ихъ объемѣ. Нынѣ редакція „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ пріобрѣла отъ его брата полный экземпляръ подлинной рукописи и приступила къ отдѣльному изданію безъ всякихъ пропусковъ и какихъ либо сокращеній. Такимъ образомъ въ первый разъ появится въ печати полный трудъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и патріота, дѣйствовавшаго въ трудную для Россіи эпоху Отечественной войны.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ на 1895 г., подписавшихся до 1 февраля, уступается за 1 р. 50 к.

═ Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредствено въ главную контору, въ Петербугъ, Фон-

Редакція и Контора. журн. «Русскій Вѣстникъ» помѣщаются въ Товариществѣ «Общественная Польза» СПБ., (Больш. Подъяч., 39), куда и просятъ обращаться гг. авторовъ имѣющихъ надобность до до редактора, который принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ отъ 12 до 2 час. пополудни

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книжекъ, выходящихъ каждаго, 1 числа, въ 1895 г. стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и перес. **15** р. **50** к., съ доставк. **16** р., съ перес. во всѣ города Россіи **17** р. Допускается разсрочка взносовъ только чрезъ Главную Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Больш. Подъяч. д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять руб., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручительст. казнач. со взнос. по **1** р. **50** к. въ мѣсяцъ, впредъ до уплаты всей подписной суммы. 3) Для учащихся допускается уступка и разсрочка платежа: при поъпискѣ вносятъ **2** р., а затѣмъ при полученіи каждой книги уплачив. по **1** р., т. е. всего **14** р. безъ доставки и перес. За границу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго союза— **18** р. Въ прочія мѣста загран. подписка приним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на «Руссскій Вѣстникъ» приним. въ Петербургѣ: для городск.—въ Конторѣ Журнала «Русскій Вѣстникъ» въ Товариществѣ «Общественная Польза» (Больш. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. «Новаго Времени» (Невск. 38); въ Москвѣ: въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»—на Страст. бульв., въ книжн магазинѣ «Новаго времени» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петревск. линіи). И. городскихъ и иногородныхъ просятъ покорнѣйше адресоваться прямо въ контору «Русскаго Вѣстника», Спб. Товарищество «Общественная Поля» Бвльш. Подъяч., д. 39 Статьи, присланныя въ редакцію, безъ условій, предоставляются въ полное распоряженіе ея относительно сокращеній, срока помѣщенія и оплаты. Стихотвренія и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращаются.

2—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1895 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имь по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1895 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіо Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

2—3

Тивольскаго, будутъ распредѣлены по степени трудности съ обозначеніемъ правильной аппликатуры.

Годовой экземпляръ «НУВЕЛЛИСТА составитъ обширный томъ по крайней мѣрѣ въ 400 стр. большого нотнаго формата, заключающій въ себѣ до 100 строго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ музыки.

Кромѣ огромнаго количества Музыкальныхъ пьесъ «НУВЕЛЛИСТЪ» дастъ:

ПРЕМІЮ

Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ указанныхъ редакціею.

Подписная цѣна на годъ . . . . 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой . . . . . 6 руб.

Для гг. служащихъ допускется разсрочка черезъ ихъ казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» при Музыкальномъ Магазинѣ М. Бернарда. Б. Морская, 26. Въ Москвѣ въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона, Неглинный проѣздъ 10. Въ Кіевѣ у Идзиковскаго. Въ Казани въ муз. магаз. «Восточная Лира».

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

II годъ. на 1895 годъ II годъ.

на кіевскую ежедневную, литературную, политическую и художественную газету

„ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО"

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ.

УСЛОВІЕ ПОДПИСКИ.

	На 1 годъ.	на 6 м.		на 3 м.		на 1 м.	
	руб.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Съ пересылкой и доставкой	8	5	—	3	—	1	—
Безъ доставки.	6	3	75	2	75	—	75

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., къ 1 мая—2 руб. къ 1 іюлю—2 руб., а для служащихъ въ администр., судеб. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул. № 8 А.

Издатели: *І. П. Мануковъ* и *М. Е. Краинскій.*

Редакторъ: *М. Е. Краинскій.*

2—3

чательныя зданія и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города,—ставя впереди Одессу,—помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управленія, педагогіи, науки и т. п.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ, «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Поволельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ Ѳ. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣщали свое сотрудничество нѣкоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы.

Какъ до сихъ поръ, мы впередъ будемъ неуклонно идти по пути улучшеній и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во внѣшнемъ техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія, «Одескихъ Новостей», перешли въ новое роскошное помѣщеніе, въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго на углу Ришельской и Греческой улицъ.—

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	» 3 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	» 6 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	На годъ	9 » — »

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ ОДЕССѢ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ, Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богополѣ, Бериславѣ, Болградѣ, Бобруйскѣ, Вин-

ницѣ, Вознесенскѣ, Верхеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомірѣ, Измаилѣ, Киліи, Крив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргіевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргѣевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Талькомъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Ѳеодосіи.

Редакторъ-Издатель *А. Старковъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1895** годъ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ".

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ» имѣетъ цѣлію удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ церковно-религіознаго смысла, въ томъ числѣ конечно прежде всего потребность нашего отечественнаго духовенства—знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православной восточной въ частности и нашей отечественной въ особенности, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, притомъ въ соприкосновеніи ея съ жизнью свѣтскаго общества. Въ програму его входятъ:

1) Передовыя статьи, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ разсужденія, представляющія научный богословскій матеріалъ въ общедоступной формѣ.

2) Статьи церковно-общественнаго характера, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ читателей, которые соблаговолятъ высказаться по назрѣвающимъ вопросамъ мысли и жизни.

3) Мнѣнія и отзывы—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніемъ факты и явленія церковно-религіозной мысли и жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати.

4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики.

5) Обозрѣніе журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ и всей вообще текущей литературы

6) Лѣтопись событій въ Россіи и заграницей и пр. и пр.

Программа «ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ», вступающаго въ LXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна, и разсчитана на удовлетвореніе потребностей тружениковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Въ немъ помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ «Христіанскомъ Чтеніи» будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта.

Кромѣ того съ 1895 года редакція приступаетъ къ изданію **«Полнаго собранія твореній Св. Іоанна Златоуста»** въ русскомъ переводѣ на льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возмозность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою.

б) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св Іоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ*.

2—3

гг. подписчики «Сѣвера» благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почтовыми марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи «Сѣверъ»: Екатерининская, № 4.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(6-й годъ изданія.)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1894 года въ «Русской Школѣ» помѣщены, между прочимъ слѣд. статьи: 1) Казнь Фортунки (очеркъ). Д. Мамина-Сибиряка; 2) Школьные типы 50-хъ годовъ. В. Михневича: 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаній въ Петербургѣ. (Изъ моего дневника) Н. Весселя; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Д. Семенова; 5) Изъ дневника учительницы воскресной школы. К—ой; 6) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра В. Гориневскаго; 7) О воскресномъ отдыхѣ въ средне учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. Н. Зайкевича; 8) О физическомъ образованіи въ школѣ. Проф. П. Лесгафта; 9) О назначеніи и обязанностяхъ школьнаго врача Д-ра А. Виреніуса; 10) Развитіе и разновидности дѣтскаго ума. П. Каптерева; 11) Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей Д-ра В. Якубовича; 12 Воспитаніе умственныхъ способностей (по Ножье). А. Виреніуса; 13) О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣлевича; 14) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра М. Покровскаго; 15) Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. Е. Ковалевскаго; 16) О самообразованіи учителя. М. Демкова; 17) Богатѣйшія библіотеки на земномъ шарѣ. А. Острогорскаго; 18) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франціи. Его-же. 19) Профессіональное образованіе въ Швейцаріи. Д-ра В. Святловскаго; 20) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. Его-же; 21) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В Бирюковича; 22) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. Его-же; 23) Обязательный минимумъ образованія. М. Песковскаго; 24) Воскресныя школы и повторительные курсы. В. Вахтерова; 25) По поводу педагогическихъ курсовъ. Н. Ларіонова; 26) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. Я. Абрамова; 27) Съѣзды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. А. Тютрюмова; 28) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1893 г. И. Бѣлокон-

ка, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, геліогравюрою, фототипіей, фототипіей въ краскахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей, и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова. Г. А. Мачтета. П. П. Гнѣдича. И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. Луговаго, Е. П. Гославскаго, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Басинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виліе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Далькевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, В. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, Г. Конюсъ, В. Г. Короленко. Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф П. А. Линиченко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е Маковскій, В. М. Максимовъ, Д. Н. Маминъ, (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасовъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Полѣновъ, И. К. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Рицпони. И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Саницкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ. М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихинъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

12 выкроекъ въ натуральную величину съ костюмовъ, обращающихъ вниманіе своею практичностью и изяществомъ).

12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ извѣстныхъ композиторовъ для фортепіано и пѣнія (салонныя пьесы, романсы и танцы).

4 нумера «Образцовъ для выпиливанія» разныхъ изящныхъ предметовъ полезныхъ въ хозяйствѣ.

1 стѣнной календарь (съ картой Россіи), отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ. Разсылается при первомъ нумерѣ.

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

I) „Необходимая настольная книга для всѣхъ".

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоитъ изъ большаго фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящномъ переплетѣ, содержащаго всегда, вездѣ и всѣмъ нужныя свѣдѣнія въ особенности провинціальнымъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

1) «**Возвращеніе изъ гостей**» (Оригиналы ресованы извѣстнымъ ху
2) «**Сокольничій на охотѣ**» (дожникомъ Н. Каразинымъ.
3) «**Какъ началась живопись**», Н. С. Матвѣева.
4) «**Нападеніе волковъ**», Н. Оболенского.

Кромѣ пяти безплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подпискѣ чрезъ главную контору, новую большую акварельную картину (длина: $22^1/_2$ вершка, вышина 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника С. Верещагина.

„ЖЕРТВА ВОЛГИ"

(Картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другіе за прежніе годы, уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой на скалкѣ)—

ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Им. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Өеодоровна, 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ, 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Компазиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна бюста, на выборъ, для подписчиковъ Четыре рубля, а для неподписчиковъ Пять руб. (безъ доставки).

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Ученымъ Комитетомъ). Цѣна 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія России». (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. И. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его-же. Слово, сказанное 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго.) Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна каждой части 2 р. съ перес.. кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 гг). Изданіе 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Сунодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й, изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5 й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. **В. Пѣвницкій.**

Програмна журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 іюля, слѣдующая:

1. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библіографіи вообще.

2. Хроника 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотековѣдѣніе; 4) издательское и книжноторговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка.

3. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

4. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8⁰ (19×26⁰), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ,—безплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ Кружка	**4**	р.
„ „ „ „ подписчиковъ на журналъ	**6**	р.
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	**10**	р.
„ „ „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ	**35**	р.
„ „ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	**50**	р.

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $1/4$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., домъ Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Тороповъ.*

2—3

Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Педагогическій Отдѣлъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества приступаетъ къ выработкѣ примѣрныхъ программъ для устройства въ среднеучебныхъ заведеніяхъ литературныхъ вечеровъ и къ организаціи домашняго чтенія учащихся. Въ интересахъ разносторонняго обсужденія относящихся сюда

вопросовъ желательно собрать по возможности болѣе совѣтовъ и указаній заинтересованныхъ лицъ, въ особенности г.г. педагоговъ, изъ данныхъ ихъ опыта и практики. Выборъ ограничивается, въ предѣлахъ компетентности Педагогическаго Отдѣла, небольшими художественными произведеніями, отрывками изъ большихъ, затѣмъ статьями *историко-литературными*, *культурно-историческими*, *географическими* и *этнографическими*. Цѣлью литературныхъ собраній поставляется воспитаніе эстетическаго чувства. развитіе уваженія къ дѣятелямъ науки, литературы и искусства, расширеніе и углубленіе получаемыхъ въ классѣ *историко-литературныхъ* и *культурно-историческихъ* свѣдѣній. Для удачнаго выбора стетей и группировки ихъ по однородности содержанія понадобятся мрогочисленныя справки. Въ виду этого предсѣдатель Отдѣла проситъ заинтересованныхъ лицъ сообщить какія статьи можно рекомендовать для чтенія? Желательно опредѣлить приблизительно время, затрачиваемое на прочтеніе каждой предлагаемой статьи, въ разсчетѣ, чтобы на каждое собраніе приходилось отъ 3 до 8 статей [1]) Всякого рода наглядныя пособія также должны быть приняты во вниманіе (карты, рисунки, туманныя картины). Наконецъ, желательно собрать свѣдѣнія какія мѣры могутъ быть приняты для расширенія домашняго чтенія учащихся и для провѣрки прочитаннаго. При общихъ правилахъ и пріемахъ здѣсь могутъ быть частные, въ зависимости отъ мѣстныхъ библіотечныхъ средствъ.

Всякого рода сообщенія, равно какъ указанія на печатныя пособія будутъ приняты съ живѣйшей благодарностью. Все ошибочное при разборѣ матеріала можетъ быть устранено и, весьма возможно, что частныя ошибки окажутся почвой для новыхъ полезныхъ соображеній. По провѣркѣ и обсужденіи всѣхъ сообщеній будутъ составлены примѣрныя программы, которыя затѣмъ будутъ напечатаны въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Трудовъ Педагогическаго Отдѣла. Всѣ корреспонденты Отдѣла получатъ эти программы по отпечатаніи ихъ.

Сообщенія доставлять по слѣдующему адрессу: Въ Харьковъ, университетъ, профессору Николаю Ѳеодоровичу Сумцову.

Изданія Историко-Филологическаго Общества.

Содержаніе первыхъ 7 томовъ „Сборника“.

1-й томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харковской и отчасти Курской и Воронежской губ., собранные Д. И. Багалѣемъ. Цѣна 2 р. сер.

2-й томъ содержитъ слѣдующія статьи: а) отчеты о засѣданіяхъ Общества и прочитанныхъ на нихъ рефератахъ; б) Матеріалы для исторіи колонизаціи и

---

[1]) При обозначеніи отрывковъ изъ сочиненій литературныхъ и историческихъ указывать на изданіе и страницы.

быта Хар. и сос. Курской и Воронежской губ., собранные Д. И. Багалѣемъ; в) Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурою; г) Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., собранныя П. Ивановымъ (съ предисловіемъ Н. Ѳ. Сумцова). Цѣна 4 руб. сер.

3-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ $18^{90}/_{91}$ академическомъ году, составленный секретаремъ общества Н. Ѳ. Сумцовымъ, и отчетъ объ архивѣ Общества съ 1-го октября 1889 по 1-е октября 1790 года.

В. Саввы. О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги (опытъ историко-критическаго разбора).

М. Плохинскаго. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. Бобровники. Стрѣльцы (съ приложеніемъ документовъ).

П. Иванова. Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда).

Н. Ѳ. Сумцова. Колдуны, вѣдьмы и упыри.

Д. И. Багалѣя. Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской украины (критико-библіографическій очеркъ). Выпускъ 2-й. 1885—1890 годы. Часть 1-я: обзоръ источниковъ.

В. П. Бузескула. Библіографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ.

Мелкія замѣтки: 1) Къ біографіи В. Н. Каразина (Д. И. Багалѣя).

Челобитная острогожскихъ старшинъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й (Д. И. Багалѣя).

Раскопка кургановъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ., произведенная И. М. Бичъ-Лубенскимъ (Д. И. Багалѣя).

Замѣтка о консистентахъ въ Малороссіи (Н. Н. Бакая).

О доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору (М. Плохинскаго).

Описаніе графскаго диплома гетмана Разумовскаго (М. Плохинскаго).

О гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ (М. Плохинскаго).

Письма студента Харьковскаго университета И. Я. Тросницкаго 1824—1827 года (Н. Ѳ. Сумцова).

Три письма В. М. Каразина (Н. Ѳ. Сумцова). Цѣна 2 руб.

4-й томъ. Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ.

Отчетъ о дѣятельности Общества и Историческаго Архива 1891—1892 г.

Уставъ Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго общества.

Николай Бакай. Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины въ XV—XVI в.

М. М. Плохинскій. Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика.

П. В. Ивановъ. Народные разсказы о долѣ.

А. А. Русовъ. Нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей.

А. С. Лебедевъ. Вотчинный бытъ монастырей Курско-Знаменскаго и Бѣлгородскаго-Николаевскаго, по архивнымъ документамъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и учено-литературной дѣятельности М. И. Сухомлинова.

М. Е. Халанскій. Пушкинъ и г-жа Ризничъ.

А. С. Лебедевъ. Синодскій указъ 1766 г. по поводу самовластія епископа. Бѣлгородскиго Порфирія.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Заговоры. Библіографическій указатель.

П. П. Короленко. Черноморскіе заговоры.

М. Гавриловъ. Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ).

И. А Семенцова. Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ).

М. Д. Линда и И. Ѳ. Любицкій Нѣсколько заговоровъ.

А. Н. Деревицкій. Литература по вопросу о заговорахъ, заклинаніяхъ и т. п. древней Греціи. Цѣна 3 руб.

Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ въ отдѣльной продажѣ—1 руб.

5-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко Филологическаго общества въ 1892—1893 акад. году, составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ.

Отчетъ объ историческомъ архивѣ Общества, составленный Д. И. Багалѣемъ М. М. Плохинскимъ.

Два отчета о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни.

М. М. Плохинскій. Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в.

П. В. Ивановъ. Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ.

В. И. Савва. Къ исторіи духоборцевъ Харьковской губерніи.

С. А. Чернявская. Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки Херсонской губ.

Е. И. Багалѣй. О новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской украины.

Н. Ѳ. Сумцова. Дополненіе къ библіографіи заговоровъ.

Объ изданіяхъ Общества любителей древней писменности и Русскаго историческаго общества, поступившихъ въ библіотеку Историко-Филологическаго общества.

М. М. Плохинскій Опись дѣлъ Историческаго архива.

Объявленія отъ Харьковскаго Историко Филологическаго общества.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго отдѣла за первое полугодіе.

М. С. Дриновъ, Рѣчь при открытіи Отдѣла.

Н. Ѳ. Сумцовъ Рѣчь при открытіи Отдѣла.

М. Е. Халанскій. О методѣ обученія писанію сочиненій въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Н. С. Протопоповъ. Къ вопросу о сочиненіяхъ.

С А. Новицкій. Чтенія и языкъ сочиненій.

А Г. Левандовскій. Рѣчь въ засѣданіи 13 декабря.

А. Г. Левандовскій. О класномъ чтеніи древнихъ авторовъ.

А. В. Ветуховъ. Янъ Амосъ Каменскій.

Н И. Алякритскій. А. В. Кольцовъ.

И. М. Собѣстіанскій. Отчетъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1891 годъ.

Г. Ѳ. Шульцъ. Julius Keller. Die Grenzen der Uebersetzungskuns 1892.

В. Н. Бузескулъ. По поводу новыхъ учебниковъ по всеобщей исторіи (проф. П. Виноградова и К. А. Иванова.

Н. И. Алякритскій. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой литературы 1892 г.

Н. Ѳ. Сумцовъ. М. Л. Песковскій: К. Д. Ушинскій 1892 г.

Н Ѳ. Сумцовъ. А. Д. Твердохлѣбовъ Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища 1893 л.

Б. А. Краевскій. Объяснительная замѣтка къ таблицамъ спряженія и склоненія въ нѣмецкомъ языкѣ. Цѣна 3 руб.

6-й томъ. Отчеты о дѣятельности И. Ф. Общества и Педагогич. отдѣла.

Свящ. В. Спѣсивцевъ. Случайныя археологическія находки.

Е. П. Трефильевъ. Изъ исторіи промышленности Слободской украины.

Я. П. Новицкій. Сборникъ малорус. нар. пѣсенъ, преимущ. историческихъ.

И. И. Манжура Малорус. народныя сказки.

Ф. Л. Германъ. Врачебное сословія древняго Рима..

А. С. Лебедевъ. Къ исторіи школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в.

Д. П. Миллеръ. и М. М. Плохинскій. Книга справъ поточныхъ Стародубскаго магистрата XVII в.

М. М. Плохинскій. Опись дѣлъ Историческаго архива.

Уставъ Педагогическаго Отдѣла И Ф. общества.

Д. И. Багалѣй. Объ элемантарной методикѣ исторіи.

Н. И. Алякритскій. О класномъ и внѣклассномъ чтеніи.

М. П. Знаменскій Греческій optativ (опытъ преподаванія въ IV классѣ).

В. И. Харціевъ. О преподаваніи грамматики русскаго языка въ низш. классахъ гимназіи.

М. И. Демковъ. О задачахъ серіозной педагогической литературы.

И. Н. Стефановскій. О грамотическ. разборѣ на урокахъ русск. языка.

С. А. Новицкій. Путь къ обновленію школьной грамматики.

И. М. Собѣстіанскій. «Объ отчетѣ Тифлиской 1 гимназіи 1893 г.».

А. В. Ветуховъ. О книгѣ Д. В. Аверкіева о драмѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. О лекціяхъ А. А. Потебни о баснѣ. Цѣна 3 руб.

7-й томъ. Сочиненія Г. С. Сковороды, съ приложеніемъ портрета, вида могилы, снимковъ съ почерка, біографіи, состав. его другомъ Ковалинскимъ, и критико-библіографической статьи проф. Д. И. Багалѣя Цѣна 4 руб.

Исидора, біографіи И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, статьи К. П. Побѣдоносцева, гр. М. В. Толстого, Д. М. Иловайскаго, академика Л. Н. Майкова, И. У. Полимпсестова, А. А. Чумикова, Л. М. Савелова, Л. Ѳ. Змѣева, проф. И. В. Помяловслаго, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго и др., стихотворенія С. А. Соболевскаго, графа В. А. Соллогуба, С. П. Шевырева, Ѳ. М. Дмитріева. Приложены портреты И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, М. Н. Аксаковой, Рейтерна. Предметная Роспись содержанію «Русскаго Архива» за первыя тридцать лѣтъ (1863—1892).

***

Въ 1895 году будутъ напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственнаго архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рескрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумагъ сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавріила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Подписка на «Русскій Архивъ» принимается.

1) въ *Москвѣ*, въ конторѣ «Русскаго Архива» близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

2) въ *Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

3) въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкую—*девять* рублей. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписчикамъ на 1895 годъ предоставляется пріобрѣтать по уменьшенной цѣнѣ первые 26 томовъ „Архива Князя Воронцова“, содержаніе которыхъ помѣщено на обложкѣ XI выпуска „Русскаго Архива“ 1894 г

Петръ Бартеневъ. *Юрій Бартеневъ.*

2—3

писалемъ до п. Несторовича о Демяну и до Якова Дуброви о его пріездѣ сюда, и о присилцѣ сюда 50 овецъ да 10 воловъ для роботи.

Четвер. 4. Сей день былъ похмурний, холодний, вѣтряний, а къ вечору дожчеватъ, а ночъ вся дожчевата. Сегодня рано зъ п. Михайломъ ездилемъ въ Есмань стрѣчать ясневельможного, которого тамъ и стрѣтили, а поехавши оттуду къ Глухову не обѣдаючи, пріехали въ Глуховъ о 3-мъ часу съ полъдня, при пушечномъ стрелянию. Писали въ Москву родитель до Шах. и до Кур., до егожъ и я писалъ и до Камѣнского, о куплѣ сапоговъ паръ 2-хъ и туфлей парѣ.

Пятокъ. 5. Сей день весь былъ холодний, а чрезъ увесь день и ночъ дожчъ силний ишолъ. Фурмане сегодня вийшли въ Царицинскую дорогу зъ гор. нашею и съ табакомъ, а индуктарчикъ, поневажъ съ оних претендовалъ индукти, чому указъ въ 1725 году виданний отрицаетъ, того ради далъ я ему карту, что въ то время отдается индукта, когда показанъ будетъ указъ другій, сей прежній указъ отставляючій.

Субота. 5. Сей день былъ зъ ранку мокрий, а потомъ мало випогодился, тако жъ и ночъ випогодилась. Архипъ Карповъ Сварковскій, Трохимъ Прокопіевъ Крисковскій и Андрушка Сухоносовскій, а съ нимъ отправилисмо запасъ нашъ гор. оковитой 11 куѳъ, а простой 19 куѳъ, тютюну 400 папушъ, грошей 200 р., на заплату фурманамъ—100 р., а 100 р.—для провозу, да особливе 25 р. на соль, о чомъ особливий данъ имъ во всемъ приказъ. Да черезъ ихъ же писали писма до Левашова, а чолобитніе послани о суднѣ и Уласовѣ, которій по сказкамъ Михайла Гавриленка, забравши виданного себѣ гор. 5 куѳъ, муки 70 кулей, снастей отъ судна и спродавши оніе, толко отдалъ 68 р., а остатокъ грошей у себе удержалъ. Да особливо жъ писалъ писма до Колцова, коменданта Царицинского, и до Тихона Демидова, а Левашову gданскихъ водокъ пуздерко послалъ; съ ними возокъ отправленъ и въ возку пара коней.

Неделя. 7. Сей день былъ зъ ранку дожчеватъ мало, а потомъ випогодился, также и ночъ випогодилась, однако жъ студена.

Сегодня были у пана гетмана и обѣдали, гдѣ читана грамота ея величества за подписаніемъ собственной руки, потвердителная на урядъ гетманскій, противъ данной во всемъ грамоти въ 1729-мъ году, отъ блаженной памяти его величества Петра Второго.

Понеделокъ. 8. Сей день былъ зъ ранку погодній, однако жъ похмурний, а болшъ къ вечеру дожчъ ишолъ зъ громомъ и черезъ ночъ мокротно было. Вѣжевскому на росходъ далемъ 20 р. На драль 6 р. далемъ господареви, а онъ послалъ тіе гроши въ Крискu. Швакгеръ мой п. Яковъ Полуботокъ пріехалъ и былъ у мене, тако жъ подканцел. Уріилъ, который взявши бочонокъ водки простой, поехалъ въ Кіевъ молится.

Вовтор. 9. Сей день былъ зъ ранку мокрій и холодноватъ, ночъ погоднѣйшая. Черезъ завѣдовцу Полтавского въ монастири числомъ 4, якіе въ полку тамъ имѣются, два мужескихъ а 2 женскихъ, послалисмо 40 р. на сорокоусти. Отправилисмо писмо до сестри Толстой отвѣтное объ Лизогубу, черезъ его жъ машталѣра. Панъ гетманъ переехалъ на Бѣлополовку, въ мой садъ, и сталъ наметомъ.

Середа. 10. Сей день былъ отчасти погодний, не мокрий, однако жъ частими хмурами посупленний, ночъ такова жъ была. П. Яковъ Полуботокъ, швакгеръ мой, подписалъ писмо на Крискu другимъ разомъ. Онъ же говорилъ, что бунчучному енералному Івану Борзнѣ за млинъ Загорскій далъ покойний гетманъ Скоропадскій село Семкувку и 200 р., а село Стаховичево.

Четвер. 11. Сей день былъ похмурний, а въ день билъ дожчъ, и къ вечеру ночъ випогодилась мало. Обѣдалисмо у себѣ, а по обѣдѣ ездилемъ въ Сварковъ, откуду къ вечеру повернулемся. Были у мене п. Михайло и Воліоватій (Костенецкій). Получилемъ писмо отъ брата п. Семена, что п. Павловая болна тіотка ихъ. Также получилемъ писмо отъ Несторовича о продажѣ слободки Галецкаго и ґрунта Тупичихи Русановской.

Пятокъ. 12. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ, о полднѣ мокръ зъ ґвалтовнимъ дожчемъ, къ вечеру виясенилось, а потомъ знову похмурно было. Железо пріехалъ зъ Москви и привезлъ родителеви указъ объ опредѣленіи маетностей (на рангъ енер.

подскарбѣя) Сасиновки и Линовици. А мнѣ отъ Камѣнского привезлъ 2 картуза, черний бархатний въ 6 р., да суконний въ 2 р. Отправленъ козакъ въ Роменъ, оттуду вчера пріехавшій, черезъ которого писалемъ до Якова Дуброви о прибитіи его сюда и чтобъ зъехалъ въ Роменъ и футоръ Гамалѣевскій, для устроенія порадку о волахъ въ Ѳдапскъ посилаючихся, о томъ же до Несторовича писалемъ, чтобъ онъ къ Демяну посилалъ Тараса за тимъ, къ нему жъ о слободѣ Ѳалецкого и Тупичишиномъ ґрунтѣ и о пріездѣ сюда Тарасовомъ. Получили вѣсть, что родителка брату Марку висватала дочъ Березовской, асаулки Стар(одубовской).

Субота. 13. Сей день былъ зъ ранку свѣтлій и теплій, посля полудня дожчеватъ зъ громомъ, а ночъ випогадилася, а особливо къ свѣту недалному. Брати мои, Лука и Іоанъ, пріехали съ Кіева. Ездилемъ у вечеру до п. Михайла, где съ п. Петромъ видѣлся.

Неделя. 14. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ, о полднѣ и до вечера дожчъ силний, къ вечеру випогодилось и въ ночѣ такъ же. Обѣдалисмо у себе и съ нами Федоръ Чуйкевичъ; по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола, и п. Михайло, и съ ними въ сенкилѣю игралемъ. П. Петру говорилемъ о томъ, что ясневел. гнѣвенъ на род. и мене за тое, же указъ присланъ объ определеніи маетностей на рангъ род. Сасиновки и Линовицѣ. Вѣжевскому далемъ 10 р. и въ реестрѣ записалемъ пріемномъ.

Понеделокъ. 15. Сей день былъ свѣтелъ и тепелъ, по полуднѣ мокръ зъ силнимъ дожчемъ, ночъ похмурна и холодновата. Обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ и тамъ зъ Гапкою Кондзеровскою и Александрихою посидя, повернулемся. Вѣжевскому далемъ 10 р. и въ реестрѣ его записалемъ. Вѣжевскій купилъ жита четвериковъ полъ 8 за 13 р., зъ данихъ на росходъ грошей.

Вовтор. 16. Сей день былъ зъ ранку мокрий, холодний и похмурний, до вечора и черезъ ночъ. Родителка и жена повернулись зъ Овдоколля, такъ же и братъ Марко. Да онъ же братъ пошлю-

билъ себѣ въ невѣсту дочерь п. Березовской Марфу подъ часъ сеей своей въ Стародубѣ гостини[1]).

Середа. 17. Сей день и ночъ были холодніе и вѣтряніе, и похмурніе. Рано ездилемъ до п. Михайла и по обѣдѣ, гдѣ играли у ліомбаръ, а обѣдалисмо у себе.

Четвер. 18. Сей день былъ зъ ранку мокрий и холодній, после полдня теплѣйшій и випогодился, такъ же и ночъ свѣтла. Посланъ подданний Крисковскій въ Криски и дано ему 20 р. раздавать до новиии на жито. Былемъ у бригадира, которому сестра Толстая прислала кобилъ и коровъ 8 и дани (?). Отецъ Павелъ Свѣтъ пріехалъ сватать сестри за Троцкого меншого.

Пятокъ. 19. Сей день былъ вѣтряний, холодний, однако жъ випогодилася, ночъ тепла и свѣтла. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р., що и записалемъ. Посланъ Циганокъ Сварковскій за плитами, щобъ повитягать и дать тертичникамъ рѣзать, которому далемъ 5 р. зъ тихъ же грошей.

Субота. 20. Сей день былъ зъ ранку похмурний, потомъ теплій и свѣтлій, и ночъ тепла и свѣтла. Посланъ Юско въ Ромонъ Сухоносовку и Перервинцѣ. Черезъ его писалъ до Якова Дуброви о пріездѣ его сюда. До Несторовича—объ немъ же. До Тараса—о виправѣ жъ Gданской и 12 р. ему теперъ посланнихъ на заплату казановъ и на проч. До Алексѣя—о присилкѣ сюда 50 овецъ да 10 воловъ, да корови съ телямъ, и мужика Маценка и проч., а ему Юску данъ приказъ въ 11 пунктахъ, якій велено возвратить за поворотомъ. Билемъ рано у п. Петра Апостола, обѣдали у себе.

Неделя. 21. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночъ такова жъ. Александра Левицкого сынъ крещенъ былъ, а воспріемники были п. Петро Апостолъ да матка моя. Мы тамъ на пастовнику обѣдали. Читана грамота у п. гетмана о п. Петру, чтобъ ему бить полковникомъ Лубенскимъ и тогда жъ ему пѣрначъ врученъ. По обѣдѣ была у насъ п. Петровая, п. Михайловая и братъ п. Михайло, зъ которимъ въ городъ до п. Петра ездилисмо.

[1]) Дочь Стародубск. полк. есаула Семена Березовскаго. Опис. Стар. Малорос., I, 101.

Понеделокъ. 22. Сей день былъ зъ ранку похмурний, а по обѣдѣ дожчеватъ зъ громомъ, по заходѣ слонца ночъ випогодилась. Якову експедицѣя вручена и на воли мои 22, а род. 60 далъ, да 200 таляр. бит., да 20 р. да 10 камѣнчиковъ, да кубокъ у 14 лот. и проч. Родитель говорилъ мнѣ, чтобъ мнѣ несумнитись о семъ, что всѣ ґрунта въ Глуховской сотнѣ имѣющіяся, мнѣ отдани суть.

Вовтор. 23. Сей день былъ зранку похмурний, передъ полуднемъ свѣтлий, после полдня мокрий зъ силнимъ дожчемъ и громомъ; при вечеру и чрезъ ночъ похмурно. Яковъ Дуброва сегодня въ путь свой поехалъ, черезъ которого писалемъ до „ “. Сегодня обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ били у мене п. Петръ Апостолъ съ панею, п. Михайло съ панею, и игралисмо въ кадрилѣю.

Середа. 24. Сей день былъ свѣтлий и теплій и ночъ такова жъ. Хрущовъ, Нѣжинскій полковникъ, вчора пріехавшій, видѣлся съ нами.

Четвер. 25. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночъ такова жъ, а зъ вечера хмарно. Пускалемъ кровъ зъ медіяни цилюрикомъ Максимомъ Ходецкимъ. Сестра Уляна Івановна пріехала зъ степу [1]).

Пятокъ. 26. Сей день былъ свѣтлій и теплій. Родителка и брати Лука и Іоанъ поехали въ Шабалиновъ, а былисмо у сестри. Грицку Дядѣ, Сухоносовскому подданному моему, на покупку воловъ далемъ 100 р. да черезъ его жъ послалемъ до Алексѣя 15 р., родителцѣ 15 р.

Суббота. 27. Сей день былъ свѣтлий и велми жаркій и ночъ такова жъ, и по сторонамъ хмари. Былисмо на молебствіи о полученіи вѣкторіи подъ Полтавою, а потомъ у ясневел. на водцѣ и у Мякинина, а обѣдали сами у себе. Забара въ Сварковѣ войтомъ устроенъ и явился сюда.

Неделя. 28. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и жарокъ велми, о полднѣ дожчъ, вечоръ и ночъ свѣтли. Обѣдалисмо у сестри, которая на очи захоровала была; потомъ былъ я у п. Михайла,

[1]) Т. е. изъ южныхъ полковъ.

где играли у кадрилѣю. Наняли сѣножать за Клевенею до Петропав. за 9 копъ, а Забарѣ далъ 6 р. на косарѣ туда и за сѣножать.

Понеделокъ. 29. Сей день былъ рано свѣтлий, а за полдень дожчъ зъ громомъ, вечеръ и ночъ свѣтли. Сегодня рано былисмо у п. гетмана на Бѣлополовцѣ, а незаставши его ездили до Тройци, откуду домой, где и обѣдали. По обѣдѣ была сестра у насъ, а потомъ п. Петро Апостолъ, зъ которимъ знову повернулись туда жъ, а оттуду зъ сестрою повернулися. П. Якову (Полуботку) 10 р. позичилъ, швакгру своему.

Вовтор. 30. Сей день рано свѣтелъ былъ. По полуднѣ дожчъ къ вечеру и ночъ свѣтла и тепла. Панъ Петръ Апостолъ, пол. луб., отездъ свой имѣлъ въ полкъ, которого опроважалисмо до футора моего Калюжновского, где и вечералисмо обще. Ночовалисмо у футорѣ своемъ; а обѣдали у сестри, где и полугодовое покойной тіотки моей было поминаніе. Сестра подарила мнѣ хлѣбъ, жито зъ Кучеровки вивезенное, 30 четвер.

Середа. Іюль м-ць. 1. Сей день былъ свѣтлий и теплій и погодний, и ночъ такова жъ. Сегодня рано поехалемъ съ футора своего Калюжновского до обозу, где стояла панѣ гетманова, опровожавшая п. Петра, съ которимъ простившись, поехалемъ съ п. Михайломъ до Дунайця и двора его осмотрѣвши, повернулемся назадъ въ домъ свой, въ Глуховъ, на обѣдъ. По обѣдѣ пріездила сестра и п. Михайло съ панею, и играли у карти, въ кадрилѣю, зъ проиграшомъ моихъ 2-хъ гривенъ.

Четвер. 2. Сей день былъ теплій, свѣтлий и ночъ такова жъ. Яковъ Жураховскій, Нѣжинскій, пріехалъ съ Москви и сказивалъ о скоромъ пріездѣ князя Шаховского и что ему грамоти на села не дано. Сегодня имѣли мы зъ сестрою разговоръ о содержаніи любве сродственной навсегда. Поехала сестра въ монастиръ Гамалѣевскій для поминанія покойной тіотки и дядѣ. А мы повернулись зъ п. Михайломъ и панею его, а вечерали у швакгра п. Якова.

Пятокъ. 3. Сей день былъ теплій и свѣтлий и ночъ такова жъ. Ездилисмо зъ женою до пасѣки Уздицкой, где опрочъ старой

пчоли 264, показалось роевъ до сего числа 40, а оттуду повернувшись, были у футорѣ и въ Сварковѣ, где и заночовалисмо.

Субота. 4. Сей день былъ свѣтелъ и тепелъ, и ночъ такова жъ, Рано, объ 6-мъ часу, слонце мѣнилось. Сегодня рано поехавши зъ Сваркова, пріехали въ Глуховъ на обѣдъ и обѣдали зъ род., а напередъ обѣдомъ посѣщали родителя: брегадиръ, Количовъ, Новоторжцовъ, обоз. енер., судди енер. и бунчучний. По обѣдѣ былъ Худолѣй и п. Михайло. Рубля до 6 р. придали еще на траву, что косятъ нанятую за Клевенею.

Неделя. 5. Сей день противъ прежнихъ былъ свѣтелъ и тепелъ и такова жъ ночъ. Былъ я рано у п. гетмана, а обѣдалисмо у себе зъ родителемъ и п. Яковомъ. Родитель вручилъ мнѣ крѣпости на ґрунта около Глухова имѣючіеся.

Понеделокъ. 6. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ. Сестри обѣ зъ Гамалѣевки пріехали. Ездилемъ вечоромъ до п. Михайла, отколь поворнувшись засталемъ сестру п. судіину. Составилемъ дѣло до Курѣнского степу надлежащее.

Вовтор. 7. Сей день свѣтлий былъ теплій и ночъ такова жъ. Сегодня въ сестрою о сродственной любвѣ утвержденіе по совѣсти чистой. Обѣдалемъ у сестри зъ другою сестрою.

Середа. 8. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ, по полуднѣ вѣхоръ, громъ и дожчъ. Вечеръ и ночъ холодна, однакожъ ясна. Писма отправлени черезъ Уріила въ Москву отъ сестри Уляни до князя Шаховского, до Курбатова и до Бориса Толстого, отъ мене до Камѣнского, зъ приложенннмъ реестрикомъ покупокъ, и до Курбатова привѣтъ и отъ Ели...(?) Швакгеръ мой п. Андрей Полуботокъ пріехалъ въ Глуховъ. Сестри были у насъ и п. Михайло, и игралисмо въ карти.

Четвер. 9. Сей день былъ свѣтлий и теплій, и ночъ такова жъ. Полковники—Полтавскій Василь Кочубей, Гадяцкій Грабянка были у присяги по рангамъ своимъ, на вѣрность ея величеству. Обѣдалисмо въ дому и въ насъ Березовская вдова, а сваття наша по брату Марку. Ездилисмо зъ п. Михайломъ и панею его, до швакгра

п. Андрѣя, оттоль до сестри, где и въ карти гралисмо; оттоль въ его швакгра вечералемъ зъ женою.

Пятокъ. 10. Сей день былъ свѣтлий и ночъ такова жъ. Сестра п. судіина дала мнѣ ġліобуси меншіе.

Субота. 11. Сей день былъ сперва свѣтлій, а после обѣда мокръ и дожчеватъ, къ вечеру випогодилось, ночъ свѣтла и тепла. Родитель поехалъ въ Шабалиновъ, рано, по службѣ Божой. Обѣдалисмо у себе и съ нами п. Яковъ швакгеръ. По обѣдѣ ездилемъ до брегадира и Количова, у лазнѣ милемся. Волоси зъ голови падаючіе лѣчилъ я, борщемъ змивши голову, въ якомъ жито оттоплено было толко одно зъ шалвѣемъ.

Неделя 12. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночъ такова. Былемъ у п. гетмана, а обѣдалисмо у себе и съ нами швакгровая п. Андрѣевая. По обѣдѣ была сестра у насъ, зъ которою ездилемъ до п. гетмановой.

Понеделокъ. 13. Сей день былъ свѣтлій и теплій. Тертичникамъ Пироговскимъ далемъ 8 р. и 20 а. за 200 шнуровъ, шнуръ по 4 р. и 10 а. Господареви далемъ 8 р. на росходи Крисковскіе, куда онъ и посланъ, и черезъ его посланъ пакетъ и пункта до Свѣдерского, старости Оболонского, розискать о попу, господару и подданнихъ. Швакгри мои обѣдали у мене. Тертичники Пироговскіе Андрѣй Крошенокъ да Остапъ Таранъ.

Вовтор. 14. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночъ такова жъ. Вчора преставлшегося попа ст. Михайловского, здешного Глуховского, отца Александра Волковѣцкого, погребено въ той же церквѣ. Досипалемъ антала венġерского ляġернимъ виномъ. Обѣдалемъ у сестри, заехалемъ до швакгровъ моихъ, где была п. гетманова, да тамъ же мы и вечерали. За сестрою п. судіиною ездилемъ оо брегадира и просилемъ его принять чолобитную ея о раздѣлки зъ пасинками и объ отсрочки чолобитческихъ дѣлъ на ея. Господаръ отправленъ теперъ, а не вчера, въ Криски.

Середа. 15. Сей день былъ свѣтлій и теплій, а ночъ зъ дожчемъ и громомъ, толко тмянъ (sic) день былъ. Обѣдалисмо у себе зъ швакгромъ п. Яковомъ, и по обѣдѣ били оба швакгри у насъ, отъ которихъ я поехалъ въ Уздицю и билъ въ пасѣцѣ, где било

уже роевъ около 100, оттоль возвратясь, пріехалъ домой. Швакгри написали карту до Свѣдерского, старости Оболонского, чтобъ молоть мнѣ въ ихъ млинѣ Крисковскомъ безъ мѣрки. Швакграмъ п. Андрѣю даровалемъ табакерку сребраную, а п. Якову кортикъ. Панъ гетманъ захоровалъ противъ середи на констипацѣю.

Четвер. 16. Сей день свѣтлій былъ, толко къ вечеру хмари великіе надійшли, и смеркомъ былъ громъ и блискавици жестокіе, зъ великимъ дожчемъ. Швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ отехалъ въ Чернѣговъ, котораго опровожать до Тулиголовъ жена моя поехала. Родитель п. братъ Марко пріехали сюда въ Глуховъ. Вечералемъ у сестри и позно повернулемся въ домъ свой. Гетманъ боленъ билъ зѣло, але помалу началъ ощущать отраду въ болезни своей.

Пятокъ. 17. Сей день былъ свѣтлій и жаркій, по сторонамъ хмари, ночъ свѣтла жъ и тепла. Панъ гетманъ лѣкарствомъ доктора Бока отмылся мало, але лихорадка прійшла.

Субота. 18. Сей день былъ жаркій и свѣтлий, и ночъ такова жъ. Юско послалъ въ Луб. полкъ и съ нимъ къ Несторовичу писмо и 40 р. на покупку мѣди, на казанъ пивоварний, а 10 р. Алексѣеви на сѣнокосъ да къ немужъ листъ, а Юску приказъ въ 12 пунктахъ. Братъ Марко и швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ поехали въ Чернѣговъ. Брату далемъ 20 таляр. бит. и листъ до архирея Чер. о сватанню его и обрученіи Якубовича зъ свойственною Марковой невѣстѣ. Сестра была у насъ и другая. Войтъ Кіевскій Полоцкій, пріехавшій зъ Кіева, былъ у гетмана. Дарованнихъ отъ сестри жита 30 четвериковъ отобралемъ. Принялъ я отъ Вѣжевского денегъ шинковихъ 15 зъ полтиною.

Неделя. 19, Сей день былъ теплій чили жаркій и свѣтлій и ночъ такова жъ. Рано былъ я на Бѣлополовцѣ, где видѣлъ п. Михайлову тожъ болную, и п. гетманъ въ однакомъ болезни своей состояніи. Обѣдалемъ у себе, по обѣдѣ ездилемъ до сестри, где зъ сестрою п. судіиною простился, отехавшою въ домъ свой. Зъ Якубовичемъ розговорувалъ о претенсѣи моей такой, что отдалъ Ѳуберна (?) 100 р., и Змеіову 50 р., безъ моего приказу, да въ

Демяна 400 р., давъ Гаврила 375 р., да позичить велѣлъ на 150 р., якихъ доправить на должникахъ нелзя за скудостію ихъ, через проездъ убитку на 15 р., итого 1090 р.; а что тютюн 10000 папушъ затонуло въ томъ убитку: папушу по 5 копѣекъ положивъ, на 500 р., итого всего 1590 р., Василій Жураковскій, бывшій асаулъ енералний, зъ чехотной болезни умре. Вѣжевскому далемъ 15 р. на росходъ.

Понеделокъ. 20. Сей день свѣтлій и теплій, и ночъ таковажъ, толко жъ отъ середи прошлой понинѣ, и въ день и въ ночѣ, будто туманъ якій, за кототорою мглою ни слонца, ни мѣсяца видать такъ ясно, якъ водится, невозможно. Гетманъ боленъ и пароксизмъ повседневной лихорадки дважди билъ. Жена 10 р. на ярмарковое покупки взяла. Вѣжевскому на росходи далемъ 8 р.

Вовтор. 21. Сей день таковийже былъ и ночъ. Жураковскій погребенъ зъ публѣчною церемонѣею изъ пушокъ и дробного ружжя стрелбою, при церквѣ святого Михаила, въ купѣ зъ синомъ своимъ Петромъ. Обѣдалемъ у сестри. Македонскій, служитель сестринъ, зъ 15 возами воловими ея багажу, отправленъ въ Москву, через которого писалемъ до архиерея Ѳурки о заплаченнихъ мною по его леgацѣи денгахъ на Печерскій монастиръ 140 р., а на протчіе Кіевскіе монастири 790 р, и чтобъ респектовалъ о мнѣ, для того, что такіе его денги зъ моимъ судномъ пропали и сіе я отъ своего имѣнія. Писалъ же я объ отсилцѣ сего писма до Каратаева, а до Камѣнского писалъ о дѣлѣ ему порученномъ.

Середа. 22. Сей день таковъ же былъ, якъ и другіе прежніе, и ночъ. Обѣдалисмо у себе зъ род., а передъ обѣдомъ навѣщали насъ старшина пол. Прилуцкая. По обѣдѣ сестра была у насъ. Пріехалъ Павелъ Апостолъ, Мир. пол.

Четвер. 23. Сей день былъ теплій и свѣтлій противъ прежнихъ, и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами старшина пол. Прилуцкая. Билемъ у гетманскомъ дворѣ на Бѣлополовки, и видѣлся зъ н. п. Павломъ и Петромъ, пріехавшими сюда ради болезни ихъ родителю. По обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ вечералемъ. Пересталемъ декоктъ пить.

Пятокъ. 24. Сей день былъ теплій и свѣтлій, зъ малимъ вѣтромъ. Черезъ Григорія Шаргородского писалемъ писмо до Несторовича и 10 р. на косовицю послалемъ, а относимъ Забара войтъ. Имѣлемъ поноъ, якъ разсуждаю, отъ декокту вчорайшого, зъ 15 столцовъ.

Субота. 25. Сей день былъ свѣтлий и теплий, и ночъ такова жъ. Увѣдомилемся о приключившейся брату Семену болезни горячцѣ, которому послалемъ лѣкарства черезъ Василя служителя, да ему жъ далемъ 20 р. на покупку коней робочихъ въ ярмарку Лубенскомъ. У лазнѣ милемся и кровъ банками пускалемъ.

Неделя. 26. Сей день былъ таковъ, якъ и вчорайший, толко у вечеру туманъ, ночъ тепла жъ. Обѣдалемъ у сестри, а дновалемъ у п. Михайла, п. Петра и п. Павла.

Понеделокъ. 27. Сей день былъ таковъ, якъ и прежніе, ночъ холодновата. Обѣдалемъ у себе, а передъ обѣдомъ билъ Люка, Ѳротъ и Кочубей молод. По обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и съ нимъ до Кочубея, а съ Кочубеемъ и Казѣмѣровимъ ездилисмо до Мякинина, которого зъ Новоторжцовимъ избралъ Казѣмировъ отъ своей стороны въ медіяторѣ межи имъ и Кучубеемъ, избравшимъ насъ двохъ, въ претенсѣи интерессу отъ Кочубея надъ 3081 р. за брата его, небожчика и поговоря розехались, отложивши на завтрее.

Вовтор. 28. Сей день былъ таковъ же, якъ и прежніе, и ночъ. Обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ ездилемъ до Мякинина, гдѣ съ нимъ, также зъ п. Михайломъ посидѣвши и нѣчого нездѣлавши, розехались. Повернулись Сухоносовскіе люди зъ Багмуту и за 12 р. привезли соли 115 пуд.

Середа. 29 Сей день былъ противъ прежнихъ теплій и сухій, и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами Люка, а по обѣдѣ пріехала сестра зъ братомъ п. Михайломъ и женою его, и игралисмо въ карти, а потомъ сестра у насъ и ужинала. Зъ Москви отъ Камѣнского прислани туфлѣ ко мнѣ.

Четвер. 30. Сей день былъ похмурний, после полдня вѣтеръ и дожчъ, ночъ хмурна жъ. Радиону Кролевецкому, жителеви тутейшому Глуховскому, визичилемъ 100 р. а онъ вмѣсто провизѣи,

уступилъ вѣчно двора Бѣлополовского, а въ заставу положилъ дворъ мѣскій, комору крамовую, да поле Оробеевское, на что и крѣпостей 3, на поле одна, а на двори двѣ вручилъ мнѣ черезъ подписка родителского Якова, а срокъ отдать ему тіе денги 1731-го году, октовр. 1-го числа, когда крѣпости на заставніе дворъ и поле отберетъ къ себѣ. Обѣдалисмо у сестри и тамъ вечерали. Писалъ я черезъ Мехедзѣна (?) до род. о своемъ виездѣ въ Черниговъ, до Несторовича—о козаку броварномъ, о Игнату, въ футоръ Гамалѣевскій о Тарасу и его изслѣдованіи поступковъ, до Кучарского—объ Омеляну, въ Сухоносовку. П. Павелъ и п. Петро поехали въ доми свои по полкамъ.

Пятокъ. 31. Сей день былъ мокрий, дожчеватий и мало прохладний и ночъ таковажъ. Гапка была унасъ, которой далемъ въ Кіевъ едучой, 3 р. П. Михайло былъ у насъ и простясь со мною, отехалъ.

М-ць августъ. Субота. 1. Сей день былъ свѣтлій до полдня, а потомъ дожчеватъ мало, а болше хмаренъ, въ ночъ силний дожчъ зъ громомъ и блискавицею ишолъ. Ездилъ я зъ п. Михайломъ и панею его до сестри и играли въ карти. Родитель пріехалъ въ Глуховъ зъ Ромна и обявилъ о поправѣ брата Семена.

Неделя. 2. Сей день сперва былъ холодний и похмурний, а потомъ свѣтелъ и мало тепелъ, ночъ сперва свѣтла, а потомъ похмурна. Обѣдалисмо у себе, и въ насъ отецъ Якимъ, попъ княжой церкви. Далъ приказъ Якову Карабуту до Сивалку Семену ехать въ Кіевъ для куплѣ мажи соли и воловъ волоскихъ, и вина 80 р. Далъ приказъ зятю стар. Тулиг., въ Москву едучому, зъ вовною и тютюномъ, и на покупки въ запасъ 35 р., а имъ на дорогу на вози два 3 р. Далъ же прикалъ Забарѣ и другій Вѣжевскому о правленіи дому. Виехалемъ зъ Глухова, простившись зъ родителемъ, заехалемъ до сестри и оттоль простившись, поехалемъ и прибылъ въ Тулиголови.

Понеделокъ. 3. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ, о полднѣ дожчъ зъ громомъ силний, вечеръ и ночъ погодни. Братъ Марко пріехалъ въ Тулиголови и подалъ мнѣ писмо отъ швакгра п. Якова

Зъ отцемъ Петромъ сторговался: онъ мѣетъ, по Семенѣ, поставить мнѣ цегли паленой 5000, тисяча по 7 зол., а всего приходитъ за цеглу 35 зол., таесть 7 р. Въ Тулиголовахъ пчоли всеей 35, подкопнихъ[1]) въ томъ числѣ 7. Старостѣ Тулиг. далемъ 10 р. на потребы тамошніе и на заплату будинку за 11 копъ купленного у Быстрику, а особливо рубль на вишнѣ. Поехалемъ зъ Тулиголовъ въ путь мой, а уехавши милю, пріехалъ до Дубовичъ села, а отголь до Обтова, въ трохъ миляхъ отстоящого, где зъ Іваномъ Забѣлою повидавшись, поехалемъ до Погорѣловки селця его, въ 5 верстахъ отстоящого, где въ дворѣ его и заночовалемъ. Лѣкарство на товаръ хорующій: достать отъ суки первихъ щенятъ и оніе побивши посѣкти на шматки и вложивъ въ горщокъ, налить водою чистою и накривши покришкою чили миской, обмазать тѣстомъ и поставить у волномъ духу, чтобъ такъ прѣло двое сутокъ, потомъ отставивши и простудивши заливать товаринѣ по полкварти мѣрою.

Вовтор. 4. Сей день былъ свѣтлій и погодній, такова жъ и ночъ. Поехавши зъ ночлѣгу отъ Погорѣловки и уехавши верстъ зъ двѣ, пріехалемъ до перевоза, где пореехавши черезъ Десну, уехалемъ лугомъ верстъ зъ двѣ и пріехалъ до села именуемого „ “, монастира Печерского, а оттоль зъ полтори милѣ до села Иванкова, монастира Печерского, а оттуду верстъ у 3 до Крисіокъ. У Крискахъ часовъ слухалемъ и обѣдалемъ. Передъ вечоромъ поехалемъ къ монастиру Рихловскому, отъ Крисіокъ въ 6 верстахъ отстоящему, где пріехавши, переночовалъ. У Крискахъ горѣлки болшихъ куеъ, а едная малая. Черезъ Вувдю, отпускаючуюся въ Глуховъ, писалемъ до жени о своемъ въ монастиръ отездѣ.

Середа. 5. Сей день зъ ранку былъ до полудня похмурний и мало мокръ, а после полдня къ вечеру силний дожчъ ишолъ, ночъ хмурна и холодна. Сей день пробавилемъ зде въ монастирѣ Рихловскомъ.

Четвер. 6. Сей день былъ похмуренъ и многократно дожчевать, а особливе подчасъ полдня. Ночъ была похмурна и холод-

[1]) Подкопные ульи, вслѣдствіе переполненія медомъ, ставятъ надъ *выкопаными* подъ ними ямками, чтобы дать мѣсто сотамъ.

новата. Отъ духовного воспомянено правило; постъ пятничний и параклисъ. Сегодня приобщалется Тайнамъ Святимъ и тутъ въ монастирѣ пробавилемъ. Получилемъ писмо отъ жени о приключившойся брату п. Семену рецѣдивѣ и Мануйловичу асаулѣ енер. паралѣжу.

Пятокъ. 7. Сей день былъ сперва похмуренъ, а потомъ теплъ и свѣтлий, ночъ сперва дожчевата и потомъ похмурна. Сегодня въ монастирѣ службы божой вислухавши, поехалемъ и ездилемъ до Псаровки, а оттоль повернулся въ Криски, зъ Крисокъ до монастира 6 верстъ и до Псаровки такъ же.

Субота. 8. Сей день былъ свѣтлий и теплій велми, ночъ погодна, свѣтла и ядерна. Сегодня рано зде въ Крискахъ службы божой слухалемъ, а по службѣ былъ у мене прапорщикъ Мекленбурского корпуса, зъ вахмистромъ, такъ же Ерофѣй зъ попомъ, которий ожесточившись не прийшолъ зъ людми въ примиреніе. Щиталъ я реестръ господара Крисковскій, по якомъ оказалось: 1) пріему денежного всего по мой отездъ 158 р. и копѣекъ 74, а въ росходѣ 114 р. и копѣекъ 30, 2) жита въ пріемѣ Глух. 75 и пол. Понорницк. 78 и пол., итого 150 четвер. мѣри Понорницкой; 3) гор. виробилось по сіе число носатокъ 154, въ росходѣ носат. 95, а налице 59 нос.; 4) отъ шинкара Крис. доводится за 13 нос и квартъ 55, 21 р. и копѣекъ 5. Господареви далемъ 20 р. и сіе зачислилъ межи вишеприписанний пріемъ. Далемъ ему жъ господареви приказъ въ 15 пунктахъ, которого копія при семъ. Получилемъ писмо отъ швакгра п. Якова Полуботка объ учинившомся несогласіи у его зъ п. Андрѣемъ, на которое отписалемъ, совѣтуя терпеливно зносить, да приложилемъ о Грембецкого деревняхъ и форму купчой приложилъ, да и о попу Крисковскому писалемъ же. Черезъ того жъ служителя п. Якова писалемъ до жени о себѣ, прилагая и то, чтобъ Вѣжевскій да Забара не отпускали Крисковскихъ подводъ въ порожнѣ назадъ, але давали бы жито. Поехалемъ зъ Крисіокъ по службѣ и пріехалемъ до Оболоння на обѣдъ, а ехалемъ милю до монастира Рихловского, а отъ монастира милю до Оболоння. Пообѣдавши, переехалемъ тутъ черезъ Десну, пріехалемъ

до Коропа, въ 4-хъ верстахъ отъ Оболоння отстоящого, где въ дворѣ покойной тіотки моей, гетманши Скоропадской, заночовалемъ.

Неделя. 8. Сей день былъ свѣтлій и теплій, ночъ свѣтла и холодновата. Рано отъ ночлѣга вставши, поехалемъ и уехавши 3 милѣ, пріехалемъ до Шабалинова, въ 3-хъ миляхъ отъ Коропа отстоящого, где и обѣдалемъ. Писалемъ отсюду писма: въ Глуховъ, до родителя, о себѣ и о Якубовичу, въ Чернѣговъ появившемся обявляючи. До Вѣжевского и Забари о придатку денегъ зъ шинковного збору на приказанніе имъ нужди до исправлення; о посилки жита черезъ Крисковцовъ въ Криски и объ неотпуску ихъ въ порошнѣ, о лѣкарствѣ на товаръ, чтобъ завременно предварали. До Люки комплементъ. До господара въ Криски, о намету и денгахъ сестриних отъ Іваницѣ доводящихся взять, о устроеніи 9 казановъ, о сооруженіи ями дубовой, и чтобъ зъ зборнихъ денегъ употребилъ часть на исправленіе повеленнихъ ему рѣчій, когда даннихъ денегъ не станетъ. Поехавши отъ Шабалинова, по обѣдѣ, пріехалемъ къ Новимъ Млинамъ, где зъ Иваницею видѣлся, и въ томъ что къ господару писалемъ розговорувалъ, а зъ Шабалинова до Новихъ Млиновъ около 7 верстъ; зъ Новихъ Млиновъ уехавши милю, приехалъ до села Головенки, писара енер., отъ Головенки уехавши верстъ зъ 2, сталемъ на ночлѣгъ.

Понеделокъ. 10. Сей день былъ свѣтлий и теплій, ночъ свѣтла жъ и ядрана. Отъ ночлѣга вставши, уехалемъ около 2-хъ миль и пріехалъ до Бахмача, отъ Бахмача верстъ зъ 2 уехавши, пріехалъ до Куренѣ, где и обѣдалемъ. А по обѣдѣ уехалъ 2 милѣ до Гайворона, отъ Гайворона милю до Дмитровки, тутъ и ночовалемъ. Въ Куренѣ далемъ приказъ Радкевичу и старостенку Шабалиновскому инструкцѣю тоесть протестъ и листъ до Якима Горленка, хоружого енер., до комисѣи ихъ объ разездѣ степу Курѣнского стягаючіеся [1]).

Вовтор. 11. Сей день былъ свѣтлий и теплій, и ночъ такова жъ. Отъ Дмитровки уехалъ 3 милѣ, тоесть верстъ 22, до Бубновъ, где у отца Свѣта и обѣдалемъ съ нимъ и зъ Федоромъ

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., II, 179.

Заборовскимъ и панею его. По обѣдѣ, 17 верстъ уехалъ до Ромна, а пріехавши, засталемъ родителку, брата Семена и другихъ при добромъ, слава Богу, здоровью.

Середа. 12. Сей день былъ свѣтлий и теплій, въ день маленкій дожчикъ, вечеръ и ночъ свѣтліе и тепліе. Купилемъ у Петра Воротеляка гнѣдого коня 7-ми лѣтъ, за 13 р. Пріехала жена зъ дѣтми, передъ вечернею.

Четвер. 13. Сей день былъ зранку свѣтлій, зъ полдня дожчаватъ, передъ вечеромъ випогодилось, а по заходѣ слонца знову дожчъ, ночъ похмурна, передъ свѣтомъ випогодилась. Сегодня обѣдалисмо совокупно, по обѣдѣ поехавши, уехалемъ миль 3 до Андрѣевки, а оттоль въ свой Гамалѣевскій футоръ, где и ночовалемъ. Тамъ же осмотрувалемъ пчоли своей, якой всей будетъ 80, въ томъ числѣ подлой (плохой) зъ 20. Родителцѣ 15 р. Сѣна уробленного всего скиртъ 18 тутъ въ футорѣ моемъ, а еще на 7 скиртъ покошеного сѣна будетъ.

Пьтокъ. 14. Сей день зранку холоденъ и похмуренъ, потомъ потеплѣлъ, а вѣтрянъ, ночъ свѣтла, а холодна. Сегодни тутъ у футорѣ Тараса, за показаніе отъ его безчиніе, покаралемъ, и отехавши оттуду, пріехалемъ въ Роменъ передъ вечеромъ. Ярема отвюзъ 4 пуда мѣди на казанъ броварний въ Глинскъ и знову отобралъ.

Успеніе Пр. Б. Субота. 15. Сей день былъ зранку холодноватъ, а потомъ свѣтелъ и теплъ, ночъ свѣтла и погодна. Обѣдалисмо у протопопи Савѣцкого и подпіяхомъ. Отправленъ Пиндюренко зъ Сварковцями въ Глуховъ, черезъ которого писалемъ: 1) до род., о моемъ и жени моей пріездѣ сюда въ Роменъ; 2) до Вѣжевского и Забари 10 пунктовъ. Отъ Несторовича отобралемъ назадъ 40 р., которіе были ему данни на покупку мѣди.

Неделя. 16. Сей день былъ сперва свѣтлий, потомъ дожчеватъ, къ вечеру випогодилось, ночъ свѣтла и погодна. Демянъ и Василь, служители, пріехали зъ Глухова въ Роменъ; послѣдний сказалъ, что за 20 р. даннихъ ему купилъ онъ 6 коней возовихъ робочихъ, а первий подалъ листъ отъ родителя и за свое безчиніе

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 Января 1895 года.

Любитель простоты и истинной свободы,
Безъ лести другъ прямой, довольный всѣмъ всегда
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

(ЗАПИСЬ Г. Н. ЧЕСТАХОВСКАГО [1]).

Колысь то було мы съ покойнымъ Штернбергомъ ходылы на Смоленьске кладовыще [2]) рысувать лопухи,—воно-жъ дуже прыгоже на картыни; якъ змалювать на переднимъ стани, то воно дуже гарно.—Тоди ще мы булы ученыкамы въ академіи.— Оце було, якъ настане лито, то мы повстаемо раненько, до схидъ сонечка, та-й попластаемъ на Смоленьске рысувать лопухи, та позарошуемось по трави, якъ добри рыбалки, поки набредемъ на сами гарниши и ростащуемось диломъ. Та рысуемъ, рысуемъ, поки сонечко геть-геть подибъетця. А якъ стане дуженько прыгривать, отоди вже мы зашморгнемъ дило въ капшуки, позаховуемъ въ кишени, та й гайда до дому! Та по дорози й звернемъ въ другу смугу, за велыкимъ граданомъ (проспектомъ) [3]), тамъ була невелычка деревьяна хатка, а въ тій хатыноцци жила нимкеня зъ дочкою,—ото вона було зваре кофе, а мы напьемось, подякуемо та тоди вже йдемо въ академію, въ наши майстерни, та й заходымось коло доброго заходу—мурувать Спаса та гостри верхи (?) выводыть, до годыны

[1]) Г. Н. Честаховскій былъ одинъ изъ небольшого кружка пріятелей Т. Г. Шевченка въ послѣдніе два года его жизни. Онъ провожалъ тѣло поэта изъ Петербурга до Канева.—Настоящая запись нашлась въ бумагахъ умершаго Г. Н. Ч—аго, въ настоящее время находящихся въ собраніи В. В. Тарновскаго.

[2]) Въ Петербургѣ.

[3]) На Васильевскомъ-Острову.

третёи або четвертои, поки пора обидать. А пообидавши, рысуемо часивъ до семи, а тоди напъемось чаю тай пидемъ вештатця по велыкому градану або до знакомыхъ у гости.

Дуже добре тоди жилося! Шо то за добряча, шо за щира людына бувъ отой Штернбергъ! Боже мій, якъ згадаю, якъ то гарно, якъ весело було товарышуваты зъ нымъ! Оце було гуляемъ, гуляемъ на градани, а товарыство маляри намъ назустричъ, то одынъ, то двойко, та й назбираетця чималый гуртъ. Отъ мы намовымось куды звертать, та й пидемъ—або до кого зъ товарышивъ, або въ академію, въ майстерни, пробалакать вечиръ.—Иноди було й Брюловъ опынытця середъ нашого гурту.... Та люба, та щира розмова, якъ те море грае, золотомъ горыть на сонци, гомоныть та клекотыть, такъ мы гучно та весело гайнуемъ беседою.—А якъ колы, посидаемъ на човныкы та дмухнемо було на вольни острова!—Разъ, якось намовылысь зъ Брюловымъ погулять-рысувать, захотили вже и по чароцци, на прыстани коло академіи силы въ човныкъ: Брюловъ, я, Штернбергъ и Михайловъ, и поплылы... А день—не день, а рай Божій, ясный, тыхій та веселый... Тильки чуты ритынь (sic) жайвороній!—Перевожчикъ добре гнавъ човенъ, доплылы острова, высилы, а ёму дали два карбованци и выпровадылы до дому, наказавъ ёму, шобъ прыплывъ за намы передъ вечеромъ.—Ото мы й ростаптувалысь... И шо то за день бувъ золотый!—И рысувалы й читалы, бо Брюловъ дуже любывъ читаня: оце було, якъ дома малюе, то шобъ хто небудь читавъ ёму, а винъ слуха та малюе.—Або якъ занедужа та лежитъ на лижку, то тежъ, шобъ читалы ёму.—И розмовлялы, и спивалы, и пылы по чароцци та заидалы усячиною. И дуже, дуже весели були!—Отъ уже й вечеріе, и вечиръ, а перевожчика—нема; уже й ничь, а ёго не чуть... Колы, якъ разъ упивночи, чуемо—плыскоче весламы по води, ажъ гулькъ—плыве човныкъ до нашого берега... Прыплывъ, а видтиля знялось тры чоловики, выступылы на островъ двое зъ клунками, а третій съ сапетыкомъ[1]) въ рукахъ. То наше товарыство, воны

[1]) Корзиночка.

увечери вешталысь по лису, на другимъ боци, та съ того берега розчулы нашъ галасъ, та ударылысь до Петербурга, захопылы зъ собою всякои злагоды на човныкъ та й прылаштувалысь до насъ... Отъ—ничъ ище сталась намъ яснишою, и сонъ розигнався... А въ-ранци, дывымось, ще тры човныки прыбылось до насъ зъ товарыствомъ: воны прочулы, шо мы на вольнимъ розволи зъ Брюловымъ бенкетуемъ, та цилисинькою батавою злаштувалысь додать намъ и—додалы: прывезлы зъ собою кашовара зъ усякою знадобою и самоварамы и—чого тамъ не було... И знову таку беседу зачинылы шо й доси гикаетця, якъ згадаешъ чого тамъ не переговорылы... шо ще до Адама було, то й те згадувалы!—Та отакъ мы—два дни зъ яснымъ сонечкомъ и дви ночи зъ билолыцимъ мисяцемъ, укупци, проярмаркували, а на третій, увечери, поплылы до дому спочивать.—А про перевозчика дознали, шо винъ за два карбованци упывся, а про насъ и забувъ... Боже-батьку, якъ згадаешъ оте житя вольне, молоде, веселе!—наче сонця освитъ розсвите чорну хмару, осяе мою сумну душу, сердце зрадіе, обновытця, якъ та Божа веселочка после тучи-грому, видъ ясного сонечка, и ріе въ височости! — И туманъ, хмары-думы, якъ та павутына, спадуть зъ мозгу.

А зимою частенько траплялось сыдиты безъ копійки въ холодныхъ майстерняхъ: ни въ ёго, ни въ мене нема а ни пившеляга у кишени—...

Изъ воспоминаній Н. Г. Честаховскаго о Т. Г. Шевченкѣ[1]).

Кобзарь Тарасъ Грыгоровычъ Шевченко якось дуже бидкався, що не збреде натурщыци для парсунку выду козацькои вроды.—А постривайте, батьку, я понышпорю, чи не надыбаю де гниздечка, шобъ пидодрать орлыцю, може Богъ погодыть, а хвортуна стане въ прыгоди.—„Будте ласка, сердешно васъ прошу поклопочиццян, якъ мога, бо мени дуже, дуже треба".

Я пишовъ до знакомои семьи украинськои и почавъ благать жинку Горпыну, ридну сестру украинського маляра Петра Соколенка, шобъ вона сама, а колы хоче, то ще зъ кимъ небудь, повела свою сестру Одарочку въ академію, до батька Тараса—звесты іи выдъ на папери. Горпына Соколыха не знала якъ се дило укукобыть и каже: „я не знаю, треба спытатьця братывъ, шо воны скажуть". А браты тоди пробувалы въ Украини, въ Славгороди. На велыку сылу ублагавъ іи, вымигъ слова, шо пиде зъ сестрою до Кобзаря, але жъ шобъ братамъ напысать про се, и то тильки тимъ, шо якъ ще жила на Вкраини, то перечувала про мене добре видъ братывъ, якъ було попрыиздять зъ Питинбурха, а теперъ и сама добре знала, якій я чоловикъ; а то ни въ свити не пишлабъ... Я при ній напысавъ видъ себе лыстъ и пославъ братамъ іи Соколенкамъ въ Украину, шобъ воны не жахалысь цёго дила, якъ сестра ихъ Горпына, а ще гордувалыбъ тимъ, шо ихъ Одарочка стане въ прыгоди и послуже тому, хто ставъ дуже въ великій прыгоди усій Украини.....

---

[1]) Настоящій разсказъ найденъ въ бумагахъ Н. Г. Честаховскаго и приводится здѣсь дословно.

Я навпосли дознавъ, якъ це склалось, уже безъ мене. Ось якъ було: у субботу Одарочка прыйшла до дому видъ модныци французки, де вчилась шитя; а въ недилю, зъ своею замижнёю сестрою Горпыною и родычемъ, жонатымъ чоловикомъ архитекторомъ Хижнякомъ, ранкомъ, въ десятимъ часи, чорнява симнадцятылитня Одарочка—въ билій чохлатій сороцци зъ червоною стёжкою, въ плахотци, запасци, стричкахъ, кисникахъ и головка квитамы заквичана, якъ макивка на городи, опынылась—зацвила въ кобзаревій майстерни...

У понедилокъ я навидавсь до Кобзаря,—дознать, чи прыходыла Одарочка до его?—Винъ, якъ орелъ крыламы, ухопывъ мене дужимы рукамы и прыдавывъ до своихъ дужихъ орлихъ грудей!—„Спасыби тоби, мій голубе сызый, мое серденько любе, за твою добру ласку, бодай тебе николы лыхо не знало!"—А за вищо се, батьку?—„Учора у мене бувъ велыкдень въ першій разъ писля того, якъ выгнала мене лыха доля зъ Украины... Учора я такъ зрадивъ, звеселивъ, обновывсь сердцемъ, якъ радіють вирющи, шо Хрыста дочитались на велыкдень!—наче важке тягло зъ грудей зсунулось.—Десять рикъ просыдивши въ Оренбурси, наче въ густимъ тумани, якъ кайданныкъ въ мурахъ, не бачивши сонця, ни живои людыны, а вчора несподивано—чорнява Одарочка, якъ макивъ квитъ на сонечку загорилась на моихъ очахъ, пыломъ прыпалыхъ, и якъ те сонечко ясне освитыла мои очи, просяяла туманъ зъ души заснутого сердця... Хвалыты Бога, шо не вмеръ на чужыни, оце довелось побачить, подывыцьця на макивъ квитъ зъ козацького огороду! Що за люба дивчинка ота Одарочка, якій голосочокъ, яка мова, дзвеныть краще срибла, а душа—яка славна, чиста! Ще не вспила зачумытысь смердючимъ духомъ.—Якъ пташка зъ божого раю нащебетала мени въ оцихъ мурахъ сумныхъ [1]). Наче ненька Украина тхнула мени въ сердце теплымъ, легкимъ духомъ, пахучимы нывамы, запашистымъ квитомъ вышневыхъ садочкивъ й травы зеленои, якъ побачивъ чистисиньку свою людыну, по-

---

1) Шевченко жилъ въ это время въ академіи художествъ. Разсказъ относится, повидимому, къ 1859 г.

чувъ ридну мову. Охъ, Боже мій, колыбъ скоришъ лито, помандрую на Вкраину, дуже закортило!—Де вы й выдралы оцю малёвану пташеньку?"—Я росповидавъ, шо вона крипачка, вся семья и весь ридъ іи—крипаки князивъ Голицыныхъ.—Браты наче зъ воды выuseслы, якъ одынъ хороши навроду: Хведоръ—кухаремъ, Мыкола—панькае коло князя, чисте чоботы и всяке збижжя, а Петро—маляръ-попыхачъ усякихъ одбуткивъ у княгыни.—Я росповидавъ, а Кобзарь тыхесенько ходывъ, трошки похило, вздовжъ майстерни, въ бархатныхъ чоботахъ и кобыняци козацькому. Густи бровы его осунулысь, наче темна хмара холодно насумрила очи... Промовывъ: „горе-горенько въ свити, лышенько тяжке, яке добро гине и никому ратуваты!"—Хто чувавъ, якъ було теплисенько гріе въ сердце его ясна, тепла, якъ грій сонця, мова, якъ поведе розмову про свою запашню неньку Украину и про людъ козачій... Хоть найсухше сердце ростопе и выдаве зъ его криваву слёзу... Хто чувавъ, у того й дидомъ (sic) не замре, не заниміе, щимитыме въ сердци его голосъ, щире слово и до вику райськимъ спивомъ правды на души (буде) вытаты....

Украинскій философъ Григорій Савичъ Сковорода.

ГЛАВА 1-я.

Ученіе и жизнь[1]).

Прошло сто лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды († 29 октября 1794)— и только теперь появились въ свѣтъ его сочиненія. Правда, не все то издано, что розыскано мною: кое что пришлось по необходимости отложить въ виду различныхъ обстоятельствъ—но все таки съ рукописей сдѣланы копіи, которыя хранятся въ Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ. Быть можетъ, окажется возможнымъ издать и ихъ, что было бы, конечно, самое удобное и правильное; но еслибы этого почему либо исполнить не удалось, то и тогда духовное наслѣдіе Григорія Саввича будетъ обезпечено отъ гибели и порчи, а можетъ быть, удастся отыскать и еще что нибудь изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ мы не имѣемъ въ рукахъ, но которыми пользовались прежніе изслѣдователи. Впрочемъ можно сказать, что новыя находки едва ли способны были бы *измѣнить* наше сужденіе о Г. С. Сковородѣ, какъ писателѣ, такъ какъ оно основано *на всей совокупности* его учено-литературныхъ трудовъ, какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ еще; онѣ могли бы *дополнить* наше сужденіе, но не измѣнить его. Въ этомъ отношеніи мы находимся

[1]) Настоящая работа является прямымъ продолженіемъ моего изслѣдованія о Сковородѣ, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ его сочиненіямъ, изданнымъ Харьк. Ист.-Филол. Обществомъ, гдѣ оно занимаетъ первыя 132 страницы.

въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Не смотря на то, что о Г. С. Сковородѣ существуетъ весьма значительная литература (подробно очерченная мною въ 1-й главѣ изслѣдованія, напечатаннаго передъ его сочиненіями), новѣйшіе труды—г-жи А. Я. Ефименко, Ѳ. А. Зеленогорскаго и мои—впервые пытаются освѣтить ученіе Сковороды по его первоисточникамъ, т. е. сочиненіямъ. И это понятно: только теперь, съ находкою массы его рукописей, мы, можно сказать, открыли Сковороду, какъ писателя, и получили возможность правильной оцѣнки его въ этомъ отношеніи. А оцѣнка ученія и жизни дастъ матеріалъ и для сужденія о значеніи его вообще. Мы будемъ основывать свое сужденіе на документальныхъ данныхъ и избѣгать всякихъ рискованныхъ сравненій, памятуя, что comparaison n'est pas raison, и руководствуясь тою осторожностью въ выводахъ, которая столь необходима при оцѣнкѣ всякаго историческаго дѣятеля.

Давно уже дѣлали попытки опредѣлить сущность ученія Сковороды, но давали слишкомъ общіе отвѣты, вытекавшіе изъ случайнаго сходства, а не изъ всей совокупности критически провѣренныхъ матеріаловъ. Называли Сковороду и украинскимъ Сократомъ, и украинскимъ Діогеномъ, Пиѳагоромъ, Оригеномъ, Лейбницемъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но уже самъ Сковорода запротестовалъ, если только Хиждеу даетъ вѣрное извѣстіе, противъ этихъ сравненій. „Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ... будтобы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою должно всякаго мѣрить, какъ однимъ локтемъ портной мѣритъ и золотую парчу, и шелковую тканку, и полотняную ряднину". Если Сковорода и не писалъ этихъ словъ епископу бѣлорусскому Георгію Конисскому, то онъ *могъ бы* такъ выразиться, потому что былъ человѣкомъ съ рѣзко очерченною индивидуальностью и самъ прекрасно сознавалъ это. Тоже самое вышло и съ кличкою „мистикъ". Многіе, до нашихъ дней, приклеивали ему этотъ ярлыкъ, но любопытно, что никто не поставилъ себѣ труда указать, по крайней мѣрѣ, на точки соприкосновенія между нимъ и мистиками. Не дала ключа къ разъясненію ученія этого оригинальнаго мыслителя и новая кличка, которою пытались замѣнить прежнія,—раціоналистъ puresang. Нельзя сказать, чтобы въ

Сковородѣ не было никакого сходства съ тѣми личностями, съ которыми его сравнивали; наоборотъ, сходство было и даже рѣзко бросалось въ глаза (потому то его и подмѣтили прежде всего); но это было внѣшнее сходство формы, но не содержанія, это же послѣднее оставалось неизвѣстнымъ въ той его цѣлостности и полнотѣ, какую даетъ совокупность учено-литературныхъ трудовъ писателя.

Спрашивается, каково же было міросозерцаніе Сковороды, нашедшее себѣ выраженіе въ его сочиненіяхъ, какія идеи проводилъ онъ въ своихъ трудахъ, чего хотѣлъ, какъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ?

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на содержаніи каждаго сочиненія Г. С. Сковороды въ отдѣльности (ибо сдѣлано это раньше, во 2-й главѣ нашего введенія къ изданію его сочиненій), а только постараемся предоставить его міросозерцаніе въ краткомъ, но систематическомъ видѣ.

Обращая вниманіе на темы, которыя разрабатывалъ Сковорода, вникая въ сущность ихъ содержанія, мы замѣчаемъ, что нашъ украинскій философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ мыслителемъ, т. е. другими словами—*религія была для него философіей и философія религіей.* Нельзя указать у него ни одного сочиненія, которое не было бы проникнуто религіознымъ направленіемъ. Даже такіе труды, которые отличаются преимущественно философскимъ характеромъ (напримѣръ, трактаты о душевномъ мирѣ) въ сущности имѣютъ туже основу и находятся въ тѣснѣйшей логической связи со всѣми остальными. Съ этой точки зрѣнія сочиненія Сковороды, въ общей совокупности своей, отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью: въ нихъ нѣтъ противорѣчій; есть только кажущіяся повторенія, потому что Сковорода иногда въ новыхъ трудахъ развивалъ болѣе подробно то, о чемъ говорили уже въ прежнихъ. Данное имъ опредѣленіе значенія философіи совершенно почти тождественно съ указаннымъ имъ же значеніемъ Библіи, какъ источника христіанской религіи; изъ этого видно, что онъ отождествлялъ ихъ другъ съ другомъ. На вопросъ губернатора Щербинина, о чемъ учитъ Библія—

Сковорода замѣтилъ: „О человѣческомъ сердцѣ; поваренныя книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библія учитъ, *какъ облагородствовать человѣческое сердце*".

На вопросъ одного изъ ученыхъ, *что такое философія*— Сковорода отвѣтилъ: „главная цѣль жизни человѣческой; глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякъ занимается главою жизни, иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву, иной очамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, *благородство сердцу*, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія [1])". Здѣсь, какъ мы видимъ, философія прямо опредѣляется, какъ познаніе духа въ человѣкѣ, дающее ему душевное спокойствіе, т. е. счастіе. А это познаніе собственнаго духа даетъ человѣку и познаніе Бога, который находится внутри насъ и открывается въ самопознаніи. Такимъ образомъ здѣсь, да и въ другихъ пунктахъ, кои увидимъ далѣе, философія у Сковороды соприкасается или даже, можно сказать, отождествляется съ религіей. Онъ признавалъ одну только философію Духа, а не плоти, такъ же точно, какъ и одну религію духа, но не обрядовъ. Въ предисловіи къ трактату „о древнемъ мірѣ" (въ письмѣ къ Ковалинскому) Сковорода изображаетъ смыслъ своей жизни, какъ философа, какъ человѣка, нашедшаго ея центръ—и эта философія оказывается познаніемъ Господа любовью къ Нему, исполненіемъ Его заповѣдей, т. е. христіанской религіей Сковороды. Это было духовное любомудріе, иначе *христіанская философія*, какъ ее называетъ самъ Сковорода. Она какъ нельзя лучше опредѣляется приводимымъ

---

[1]) Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. Х. 1894, 132, 352 стр. Цѣна 4 р., 1-е отд., стр. 30.

имъ текстомъ: *„блаженъ мужъ иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ своихъ уразумится“* (2-е отд. стр. 46). Философствовать, говоритъ онъ, нужно во Христѣ т. е. Духѣ, а не въ стихіяхъ. Апостолъ Павелъ „сіе мудрованіе (на плоти) мертвыхъ сердецъ называетъ пустою философіею; которая бражничаетъ по стихійной бурдѣ и препятствуетъ философствовать по Христѣ, котораго Богъ послалъ въ качествѣ Духа въ сердца наши. Такое плотское мудрованіе мѣшаетъ нашему восхожденію въ высшій перворoccоднный міръ и обращаетъ глаза наши долу (2-е отд. стр, 56). Ту же мысль онъ разъясняетъ въ письмѣ къ Тевяшову, которое служитъ предисловіемъ къ его „Израильскому змію“. Здѣсь онъ доказываетъ, что такимъ любомудріемъ должно заниматься и дворянство, какъ единственное въ то время сословіе (за исключеніемъ, конечно, духовенства), державшее въ своихъ рукахъ дѣло образованія народа. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, Сковорода оставался и истиннымъ философомъ, ибо ставилъ цѣлью человѣческой жизни разъясненіе истины. „Изъясняетъ, говоритъ онъ, боговидецъ Платонъ: *нѣтъ сладчае истины.* А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше. Пиѳагоръ, раскусивъ емблематъ треугольника и узрѣвъ въ немъ истину, съ веселіемъ вопіетъ: обрѣтохъ! обрѣтохъ! Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Сей свѣтъ услаждаетъ и старость Соломонову; а онъ и состарѣваясь каждый день нѣчто вкушаетъ отъ ядомыхъ всѣми, но не истощаемыхъ сладостей, согрѣвающихъ и питающихъ сердечныя мысли, какъ весеннее солнце каждую тварь. И какъ правильная циркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ соковъ раждаетъ благосостояніе тѣлу ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце. И не дивно, что нѣкіихъ избранныхъ человѣковъ монументы и записки сею надписью оглавлены: житіе и жизнь имярекъ. Житіе значитъ—родиться, кормиться, расти и умалятьси; а жизнь есть плодопри-

ношеніе, прозябшее отъ зерна истины, царствовавшее въ сердцѣ ихъ“ (2-е отд., стр. 252).

Но говоря о религіозномъ характерѣ міросозерцанія Г. С. Сковороды, слѣдуетъ ближайшимъ образомъ опредѣлить его основную, коренную черту. И такую черту отыскать не трудно: она проходитъ красною нитью чрезъ всѣ сочиненія Сковороды, составляетъ исходный пунктъ его воззрѣній. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Сковорода проводилъ идею о *двухъ началахъ—матеріи и формѣ, иначе тлѣнномъ и вѣчномъ, плоти и Богѣ и о господствѣ второго (невидимаго, нематеріальнаго) надъ первымъ (осязаемымъ, временнымъ); только второе должно быть признано субстанціей, первое же является ея постояннымъ аттрибутомъ.* „Весь міръ состоитъ, говоритъ Сковорода, изъ двухъ натуръ—одна видимая, другая невидимая. Видимая натура—тварь (въ другихъ мѣстахъ онъ даетъ ей множество другихъ аналогичныхъ названій), а невидимая—Богъ (котораго онъ также иначе называетъ Духъ, истина, умъ и т. п.) Сія невидимая натура или Богъ всю тварь проницаетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ; вездѣ и во всемъ онъ—основаніе, голова; вся же тварь является только тѣнью, пятою, ризою его; ей вѣчность не свойственна: она постоянно измѣняется; это и есть смерть; возставать противъ нея, стоять за тлѣнное—значитъ идти противъ Бога, обижать его. Жизнь, разсуждалъ онъ, подобна вѣнцу: начало и конецъ ея заключаются въ одной и той же точкѣ. Колосъ родится изъ зерна и снова превращается въ зерно, духъ исходитъ отъ духа и снова идетъ къ нему. Каждому существу назначено его поприще, чтобы оно могло явить, по образу Вѣчнаго, свои силы, т. е. изліяніе невидимаго во временной видимости, и за тѣмъ снова вступить въ свое начало, т. е. свое ничто. Первый и послѣдній край одно и то же—Богъ. Вся природа Его риза, орудіе: все обветшаетъ, измѣнится; одинъ Онъ пребываетъ во вѣки неизмѣннымъ (1-е отд. стр. 19—20).

Но существуетъ все таки огромная разница между всею остальною тварью и человѣкомъ: этого послѣдняго отличаетъ *свободная воля.* „Всѣ твари суть грубые служебные органы

свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее". На этомъ основано понятіе милосердія: на этомъ держатся всѣ союзы государственные, общественные, семейные и т. п. Такъ излагаетъ взглядъ Сковороды на этотъ предметъ Ковалинскій (1-е отд., стр. 23).

Весь міръ, по ученію Сковороды, состоитъ изъ трехъ міровъ—большого, малаго и символическаго; большой—это природа, космосъ, состоящій въ свою очередь изъ безчисленнаго множества другихъ; малый, иначе микрокосмъ—это человѣкъ; символическій—это Библія. Въ каждомъ изъ нихъ Сковорода видитъ два начала—Бога или Вѣчность, и матерію или тлѣнное, временное. Въ великомъ и маломъ мірѣ (т. е. человѣкѣ) вещественный видъ даетъ знать объ утаенной подъ нимъ формѣ или вѣчномъ образѣ; также точно и въ символическомъ мірѣ (т. е. Библіи), собраніе тварей составляетъ матерію; но Божье естество, куда ведетъ тварь знаменіемъ своимъ, есть форма. Творческое начало—Богъ или вѣчность. Это руль, двигающій большой корабль. Она—въ немощи сила, въ мелочи—величіе; она начиная кончаетъ и кончая начинаетъ или, по древнему философскому изреченію, unius interitus est alterius generatio, (гибель одного есть рожденіе другого). Такимъ образомъ, въ мірѣ собственно два міра—вѣчность и тлѣніе, какъ яблоня и ея тѣнь, видимый и невидимый, живой и мертвый; но между ними та разница, что древо жизни вѣчно стоитъ и пребываетъ, а тѣнь его измѣняется: то уменьшается, то увеличивается, то родится, то умираетъ. Тоже самое и въ человѣкѣ: въ немъ также два начала—ветхое и новое, временное и вѣчное, они совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ. Нашъ ветхій міръ, подобно тѣни, непрестанно измѣняется: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ; новый же міръ Господень вѣченъ; но второй отражается въ первомъ: въ немъ можно найти слѣды Божіи; такъ человѣкъ представляетъ изъ себя слабую копію, тѣнь Богочеловѣка—Христа. И мы со смертію не только не уничтожаемся, а наоборотъ измѣняемся изъ смерти въ животъ

вѣчный, изъ тлѣнія въ нетлѣніе. Въ Библіи тѣ же два начала: подъ буквальнымъ ея смысломъ скрывается высшій духовный. Она также содержитъ въ себѣ матерію и форму; въ ней таится и является, лежитъ и возстаетъ передъ нами пресвѣталя истина (самъ Богъ); она являетъ свое прекрасное око посреди безчисленнаго множества тварей. Указавши на это двойственное начало, Сковорода убѣждаетъ насъ въ рѣшительномъ преимуществѣ духовнаго надъ тѣлеснымъ, вѣчнаго надъ временнымъ, Бога надъ тварью во всѣхъ трехъ мірахъ—большомъ, маломъ и символическомъ. Во всей природѣ, говоритъ Сковорода, духъ господствуетъ надъ матеріей; „въ природѣ то сильнѣе, что не показнѣе;" въ примѣръ приводится воздухъ, который невидимъ, однако движетъ моря, топитъ корабли, ломаетъ деревья, сокрушаетъ горы, всюду проникаетъ, а самъ остается непроницаемымъ. До сихъ поръ, замѣчаетъ Сковорода, мы безплотной невидимости не считали существомъ; теперь же, поборовъ закоренѣлое мнѣніе, мы усвоили *новый взглядъ*, что все видимое есть мечта и пустошь, ничто въ сравненіи съ Вѣчностью. Въ человѣкѣ царитъ надъ тѣломъ духъ или мысль. Сковорода придавалъ огромное значеніе этой человѣческой мысли, съ ея вѣчнымъ движеніемъ; къ ней онъ сводилъ сущность жизни. Вотъ наружное изображеніе этого вѣчнаго движенія человѣческой жизни. „Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея. Огонь угасаетъ, рѣка остановится, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣтѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнійное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченніи вѣчности, милліоны безконечніи. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою; покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться какъ мертвое тѣло—живой ея натурѣ или породѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она, будто во странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства и, подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной при-

роды возносится ко вышней господствующей натурѣ, къ родному своему и безначальному началу, дабы, сіяніемъ его и огнемъ тайнаго зрѣнія очистившись, увольнитись тѣлесной земли и землянаго тѣла. И сіе то есть внійти въ покой Божій.., вылетѣвъ изъ тѣлесныхъ вещества границъ на свободу духа" (2-е отд., стр. 105). Въ 3-мъ мірѣ Библіи—также должно первенствовать духовное начало, Богъ надъ зміемъ, который хочетъ потопить людей потопомъ, т. е. буквальнымъ пониманіемъ ея. Отсюда вытекаетъ двойственный взглядъ Сковороды на Библію: она и Богъ, и змій въ одно и то же время; вслѣдъ за блаженнымъ Августиномъ, онъ повторяетъ, что кто не возвышается до духовнаго пониманія ея, тотъ подвергаетъ себя страшнымъ опасностямъ, вмѣсто пользы получаетъ вредъ. „Коль многихъ, говоритъ онъ, погубило буквальное пониманіе разсказа о Лотовомъ пьянствѣ, о Давидовомъ прелюбодѣяніи и дѣвоможствѣ и т. п. Не всякій, подобно Самсону, раздеретъ пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жесткомъ нѣжное, въ ядѣ—ядь, въ смерти—животъ. Двѣ стороны имѣетъ библейское море; на нашемъ берегу все ветхое, пустое, жалкое, на томъ, въ той горней республикѣ, все новое, новая тварь, новое твореніе; тамъ общество любви, любовь въ Богѣ, а Богъ въ обществѣ. Ветхій человѣкъ стоитъ, ходитъ, сидитъ, очи, уши, ноздри имѣетъ, чувствуетъ какъ кумиръ, мудрствуетъ какъ идолъ, осязаетъ какъ преисподній кротъ, щупаетъ, какъ безъокій, ласковъ какъ крокодилъ, постояненъ какъ море, надежный какъ ледъ, равсыпчивъ какъ прахъ, исчезаетъ какъ сонъ; это—сѣнь, сонъ тлѣнь. Духовный же человѣкъ совсѣмъ иной: безпредѣльно летитъ въ высоту, въ глубину, въ широту; не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана; очи его голубины, крылья орла, проворство оленье, смѣлость львиная, быстрота соколья, бодрость журавля, вѣрность горлицы, незлобіе агнца. Тутъ опять мы имѣемъ дѣло съ матеріей и духомъ.

Въ какомъ же отношеніи находятся эти два начала другъ къ другу? Оба они существуютъ въ одномъ и одно въ двоихъ

нераздѣльно, но и не слитно, будто яблонь и тѣнь ея, древо живое и мертвое, ложь и истина. Отсюда Сковорода выводилъ положеніе о постоянномъ существованіи матеріи во времени и пространствѣ. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значитъ мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но дерево вѣчности всегда зеленѣетъ. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: materia aeterna, вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила“. Но говоря о вѣчности матеріи, Сковорода не былъ матеріалистомъ ни въ какомъ отношеніи. Совсѣмъ наоборотъ: весь смыслъ его ученія заключается въ самой рѣшительной борьбѣ съ теоріей господства матеріи. Онъ былъ убѣжденнымъ, послѣдовательнымъ, можно даже сказать, крайнимъ, одностороннимъ *спиритуалистомъ*, ибо только за духомъ онъ признавалъ творческую силу. Не смотря на то, что онъ проповѣдовалъ два начала, его нельзя назвать представителемъ теоріи *дуализма*; онъ въ сущности проводилъ *монизмъ*, потому что признавалъ только единую субстанцію—духъ; на матерію же онъ смотрѣлъ, какъ на постоянный ея аттрибутъ.

Если бы онъ не былъ монистомъ, то онъ не отводилъ бы матеріи чисто служебнаго значенія, не считалъ бы творческимъ элементомъ одного духа. А онъ именно представлялъ себѣ ихъ взаимное отношеніе въ такомъ видѣ. „Какое, говорилъ онъ, есть первоначальное тварей основаніе? Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облекти совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы“. (1-е отд., стр. 19—20). Еще яснѣе развивается мысль о вѣчности и творчествѣ Духа въ слѣдующихъ словахъ самаго Сковороды. „Божественные мистагоги или тайноводители приписываютъ начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если

осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себе ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и исчезаетъ, такъ конечно нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концомъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть то же, что Богъ или вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде ея, ни послѣ ея. Все въ неограниченныхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не ей что-либо, но она всему началомъ и концомъ. Начало и конецъ есть по мнѣнію ихъ то же. И точно такъ есть, если разсудить. Вѣчность не начинаемое свое и послѣ всего остающееся пространство даже до того простираетъ, чтобъ ей и предварять все на все. Въ ней такъ, какъ въ кольцѣ. Первая и послѣдняя точка есть та же, и гдѣ началось, тамъ и кончилось... Сіе правдивое начало вездѣ живетъ. Посему оно не часть и не состоитъ изъ частей, но цѣлое и твердое, затѣмъ и не разоряемое; съ мѣста на мѣсто не переходящее, но единое, безмѣрное и надежное. А какъ вездѣ, такъ и всегда есть. Все предваряетъ и заключаетъ, само не предваряемое, ни заключаемое“ (2-е отд., стр. 256). И такъ, вѣчность Бога абсолютна; матерію же Сковорода называетъ вѣчною въ томъ смыслѣ, что она, будучи создана Имъ, составляетъ постоянный необходимый Его аттрибутъ.

Цѣлью человѣческой жизни является внутреннее *самопознаніе* и Богопознаніе; но оба эти процесса сводятся къ одному— Богопознанію. Познать Христа прежде всего можно въ Библіи, но не только въ новомъ, а и ветхомъ Завѣтѣ: кто знаетъ Моисея, тотъ знаетъ Христа; мало того, кто хорошо позналъ себя самого, тотъ уже узналъ и Христа; а узнавъ Его, мы и преобразимся въ него, ибо уничтожимъ въ себѣ все мертвенное, тлѣнное. Проникнувъ въ самый центръ своего сердца, мы стираемъ тамъ истиннаго Богочеловѣка. Ко внутреннему самопознанію приводитъ насъ Библія. „Страхъ Божій вводитъ во внутреннюю Библіи завѣсу, а Библія, тебе-жъ самого взявъ за руку, вводитъ въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ“. И такъ Богопознаніе приводитъ насъ къ самопознанію, и наоборотъ, исходя изъ самопознанія человѣкъ приходитъ къ Богопознанію, ибо въ каждомъ изъ насъ есть Богъ

„Богъ во плоти и плоть въ Богѣ, но не плоть Богомъ, ниже Богъ плотію“. Богопознаніе необходимо даже для міропознанія: для истиннаго познанія земнаго нужно познаніе вѣчнаго. „Начало премудрости разумѣти Господа“. Такимъ образомъ источники міропознанія, самопознанія и Богопознанія (т. е. тѣхъ трехъ міровъ, о которыхъ говорилъ выше Сковорода) сходятся другъ съ другомъ, что и понятно: они имѣютъ общую основу—начало вѣчности.

Говоря о *средствахъ познанія*, которыми пользовался Сковорода, необходимо помнить, что онъ старался сочетать разумъ и вѣру. Разумъ долженъ стремиться къ отысканію истины, которая не дана человѣку Богомъ, а постепенно открывается имъ, составляя и высшую цѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ истинное наслажденіе для всякаго человѣка. Сковорода высоко ставилъ эту человѣческую мысль, съ ея безпрерывнымъ движеніемъ, съ ея вѣчными поисками за птицей-истиной. Объ этой птицѣ-истинѣ онъ сочинилъ такую басню. „Пустынникъ обиталъ въ глубокомъ уединеніи. Онъ каждый день при восхожденіи солнца выходилъ въ пространный вертоградъ. Въ вертоградѣ жила прекрасная и черезъ-чуръ смирная птица. Онъ любопытно взиралъ на чудныя свойства оныя птицы, веселился и тѣмъ нечувствительно провождалъ время. Птица, нарочно близко садясь, куражила ловлю его и казалась 1000 разъ быть въ рукахъ, но не могъ ее никогда поймать. Не тужи о семъ, другъ мой, сказала птица, что поймать не можешь. Ты станешь вѣкъ меня ловить на то, чтобы никогда не уловить, а только забавляться. Когда то приходитъ къ нему другъ его. По привитаніи завелась дружеская бесѣда. Скажи мнѣ, спрашиваетъ гость, чѣмъ ты въ дремучей твоей пустынѣ забавляешься? Я бы въ ней умеръ отъ скуки... Но пустынникъ: скажи, де, ты прежде, что тебе веселитъ въ общежительствѣ? Я бы въ немъ умеръ отъ грусти... Моихъ забавъ три родника, гость отвѣчалъ. 1-е) Оказываю по силѣ домашнимъ моимъ и чужимъ благодѣянія; 2-е) хорошее благосостояніе здравія; 3-е) пріятность дружескаго общежительства. А я, сказалъ пустынникъ, имѣю двѣ забавы: птицу и начало. Я птицу всегда ловлю, но никогда не могу ее поймать. Я имѣю

шелковыхъ тысячу и одинъ фигурныхъ узловъ, ищу въ нихъ начала и никогда развязать не могу. Мнѣ твои забавы, говоритъ гость, кажутся дѣтскими... Но если онѣ невинны и тебе веселить сродны, я тебѣ прощаю. И оставилъ друга съ забавнымъ его началомъ". (2-е отд., стр. 255—256).

Какое глубокое пониманіе здѣсь истины, доступной человѣческому разуму съ ея *относительнымъ* характеромъ, служащимъ однако постояннымъ источникомъ ея вѣчнаго поступательнаго движенія! Какое глубокое преклоненіе передъ нею, какъ самою высокою цѣлью человѣческой жизни!

Разуму, какъ *средству* познанія, Сковорода отводилъ первенствующее мѣсто въ познаніи всѣхъ трехъ міровъ—большого или космоса, малаго или человѣка, символическаго или Библіи; въ этой послѣдней разумъ долженъ открыть болѣе глубокій, духовный смыслъ. Но на ряду съ разумомъ Сковорода отводилъ видное мѣсто и *вѣрѣ*, ибо только эта послѣдняя могла познавать невидимаго Бога-Духа. Видѣть того Богочеловѣка, котораго мы являемся тѣнью, говорилъ Сковорода, можно только вѣрою. „Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтящійся. Видитъ, любитъ и благовѣститъ его... Вѣра всю сію мимо текущую сѣнь, аки воду непостоянную, преходитъ" (2-е отд., стр. 55). Тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума, должна начаться вѣра: „если чего не понимаешь (въ Библіи), говоритъ Сковорода, закричи съ Варухомъ— какъ великъ домъ Божій! (рук. Израильскаго змія"). „Чего досягнуть не можемъ, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, не испытуймо. Понудить себе должно и дать мѣсто въ сердцѣ на томъ помянутому Божію слову. Если его благодать повѣетъ на насъ, тогда все намъ простымъ и прямымъ покажется. Часто мелочей не разумѣемъ самыхъ мелкихъ. А человѣкъ есть маленькій мірокъ и такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело во всемірной машинѣ начало сыскать. Затвердѣлое наше нечувствіе и заобыклый вкусъ причиною есть нашея бѣдности. Раскладывай предъ слѣпцомъ все, что хочешь, но все тое для него пустое. Онъ ощупать можетъ, а безъ прикосновенія ничего не понимаетъ".

(2-е отд., стр. 19—20). Эта же вѣра является необходимой спутницей любви, которая лежитъ въ основаніи всей христіанской нравственности. Грубое тѣлесное разсужденіе служитъ препятствіемъ для этой любви, а вѣра позволяетъ ему прозирать въ это блаженство вѣчности, какъ будто въ зрительную трубку. На помощь ей приходитъ также и надежда, которая удерживаетъ сердце человѣка при этой его мысли.

Спрашивается послѣ этого, можно ли Сковороду назвать раціоналистомъ pure sang?

Такова сущность умозрительной философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ религіи Сковороды. Изъ нея логически, послѣдовательно Сковорода выводитъ и свою практическую философію, и свою этику—именно *ученіе о счастіи.*

Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ или, правильнѣе, во всѣхъ мірахъ, есть Вѣчность (т. е. Богъ), Сковорода выводитъ отсюда, что и счастіе свое *всѣ* мы должны основать на этомъ началѣ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются обосновать свое благополучіе (богатство, чины, знатность, здоровье и т. п.), непрочное, неустойчивое и невсеобщее. *Счастіе нужно для всѣхъ и его не трудно достичь*—вотъ формула Сковороды, въ которой онъ развиваетъ положеніе Эпикура: благодареніе блаженной натурѣ, что нужное сдѣлала не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Эту мысль онъ доказываетъ въ нѣсколькихъ трактатахъ и даже литературныхъ произведеніяхъ. Нельзя создать счастія на тлѣнномъ, временномъ, непостоянномъ; одинъ хотѣлъ возгнѣздиться на капиталѣ и подъ старость сокрушился, другой—на плотоугодіи, третій на здоровьѣ, но и тутъ ждетъ крушеніе. „Одинъ, напримѣръ, безпокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ; другой тужитъ, что хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однакъ многіе, какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицемѣромъ; третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло-бъ ему поставить столъ, изъ десятка блюдъ состоящій, а теперь только что по шести блюдъ изволитъ кушать; четвертый мучится, ка-

кимъ бы образомъ не лишиться правда что мучительнаго, но при томъ и прибылаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею домашнею, а внутреннею душевною экономіей, т. е. узнать себя и сдѣлать порядокъ въ сердцѣ своемъ; пятый терзается, что, чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ обществу, не можетъ за множествомъ кандидатовъ продраться къ принятію должности, будто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели; шестой тревожится, что начала проявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною арміею немилосерная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ непобѣдимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, притупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцовать, не столько много и вкусно пить, ѣсть и пр. (2-е отд., стр. 106—107).

Истинное счастіе можетъ только дать мудрость въ союзѣ съ добродѣтелью: первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ человѣку достичь его. Его не слѣдуетъ искать по сторонамъ, ибо оно внутри насъ; вникнувъ въ себя, познавъ себя, мы найдемъ въ себѣ царствіе Божіе, т. е. душевное спокойствіе, сердечное веселіе. Достигать его можно только постепенно, шествуя путемъ этого душевнаго мира. А для этого нужно слить свою волю съ волей Божіей. Что тогда, спрашиваетъ Сковорода, можетъ потревожить сердце?

Все дѣлается премудро по волѣ Божіей, но я съ нею согласенъ,—и она уже моя воля. Чѣмъ больше согласія съ Богомъ, тѣмъ больше душевнаго мира, тѣмъ больше счастія. *Отдаться въ волю Божію* значитъ жить по природѣ, вѣрно подмѣтить свои склонности и способности и сообразно съ этимъ выбрать себѣ занятіе. Въ такомъ случаѣ это занятіе будетъ плодотворно и явится источникомъ душевнаго удовольствія, ибо всякій трудъ, исполняемый по влеченію, по склонности, пріятенъ. Природныя же склонности даетъ каждому изъ насъ Богъ: *царствіе Божіе внутрь насъ есть*; къ этому то внутреннему голосу и нужно прислушиваться при выборѣ себѣ занятія и

не приниматься за такое дѣло, къ какому неспособенъ. Всѣ занятія и состоянія въ обществѣ хороши, если только берутся за нихъ по сродности. Богъ никого не обижаетъ и не обдѣляетъ, вливая въ каждаго его сродность—призывая одного къ одному, другаго къ другому, сотаго къ сотому званію, и хотя бы оно было низкое, но если ему сродное, то уже и пріятное. Сковорода картинно изображаетъ это въ слѣдующихъ словахъ: „Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстности. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное всѣмъ равенство*. Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вкругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть бо́льшему, что равно есть полный". (2-е отд., стр. 133—134). Какое глубокое пониманіе возможнаго на землѣ счастія, основаннаго на внутреннемъ душевномъ равновѣсіи и разумномъ, правильномъ примѣненіи своихъ способностей, которыя никогда не могутъ быть у всѣхъ одинаковы! Такимъ образомъ, Сковорода не вооружается ни противъ какого состоянія, класса, занятія общественнаго (въ чемъ его обвиняли нѣкоторые изъ враждебно къ нему настроенныхъ современниковъ): всѣ ихъ онъ признаетъ нужными, полезными; лишь бы только каждый выбиралъ себѣ должность и состояніе по призванію. Чрезвычайно картинно Сковорода изображаетъ душевную тоску, являющуюся результатомъ недовольства избраннымъ дѣломъ. „Если отнять отъ нея (души) сродное дѣйствіе, тогда то ей смертная мука. Грустить и мятется будто пчела, запертая въ горницѣ, а солнечный, свѣтлѣйшій лучъ, окошка окружающій, зоветъ ее на цвѣтоносные луга. Сія мука лишаетъ душу здравія, разумѣй мира, отнимаетъ куражъ и приводитъ въ разслабленіе. Тогда она ничѣмъ недовольна. Мерзитъ и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны кажутся сосѣди, не вкусны забавы, постылые разговоры, непріятны горничныя стѣны, не милы всѣ домашніе, ночь скучна, а день досадный, лѣтомъ зиму, а зимою хвалитъ лѣто, нравятся прошедшія Авраамскія вѣка или Сатурновы, хотѣлось бы возвратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество, хулитъ народъ свой и своея страны

обычаи, порочитъ натуру, ропщетъ на Бога и сама на себя гнѣвается; тое одно сладкое, что невозможное; вожделѣнное, что минувшее; завидное, что отдаленное; тамъ только хорошо, гдѣ ея и когда ея нѣтъ. Больному всякая пища горька, услуга противна, а постель жестка. Жить не можетъ и умереть не хочетъ. Невидѣнъ воздухъ, пѣнящій море, не видна и скука, волнующая душу; невидна—и мучитъ, мучитъ—и невидна. Она есть духъ мучительный, мысль нечистая, буря лютая. Ломлетъ все и возмущаетъ, летаетъ и садится на позлащенныхъ крышахъ, проницаетъ сквозь свѣтлые чертоги, присѣдитъ престоломъ сильныхъ, нападаетъ на воинскіе станы, достаетъ въ корабляхъ, находитъ въ Канарскихъ островахъ, внѣдряется въ глубокую пустыню, гнѣздится въ душевной точкѣ". (2-е отд. стр. 129—130).

Проповѣдуя душевное спокойствіе, Сковорода естественно вооружается противъ сильныхъ эффектовъ, которые онъ отождествляетъ съ грѣхами. Въ человѣкѣ постоянно происходитъ борьба этихъ двухъ началъ—и Сковорода аллегорически изображаетъ ее въ своемъ произведеніи „*Борьба архистратига Михаила съ сатаною*"; подъ видомъ злыхъ духовъ здѣсь являются злыя, т. е. плотскія мысли въ человѣкѣ; подъ видомъ ангеловъ—доброе сердце и мысли; когда чистое сердце одолѣваетъ злобную бездну, тогда открывается человѣку путь на гору Господню. Мы сами себѣ устраиваемъ адъ и рай: адское царство внутри насъ бываетъ тогда, когда мы не сознаемъ, какъ необходимо и нетрудно для насъ Царство Божіе; но стоитъ человѣку освободиться отъ суетныхъ заботъ, и въ его сердцѣ воцаряется рай. Путь Царствія Божія признаютъ труднымъ только нечестивые, потому что они сами несутъ на своихъ раменахъ эти трудности; они не видятъ, что онъ легокъ и подобно слѣпымѣ и хромымъ спотыкаются на гладкой дорогѣ. Кто же виноватъ въ этомъ? Конечно, они сами, потому что Богъ далъ человѣку свободную волю для выбора того или другого пути, но они выбираютъ трудный мірской путь вмѣсто легкаго и нужнаго Божія. Изъ своей мысли о самопознаніи и о врожденности природныхъ способностей Сковорода выводитъ и *теорію воспитанія* (кото-

рая развита въ притчѣ о благодарномъ Еродіѣ). Основная мысль Сковороды заключается въ томъ, что въ сердцѣ ребенка таится нѣчто дивное и прекрасное, и оно можетъ предохранить его впослѣдствіи отъ увлеченія суетнымъ міромъ. Посѣй въ немъ такое зерно, и оно дастъ плодъ въ свое время. „Вы же съ благоговѣніемъ ждите, яко рабы чающіе Господа своего"... Узнавъ сіе домашнее благо и плѣнився прекрасною добротою его, дѣти современемъ не станутъ безобразно и бѣсновато гоняться за мірскою суетою и во всѣхъ неудачахъ будутъ утѣшаться пѣсенькою царя Давида: „*возвратися душа моя въ покой твой*". Давъ такое сердце своимъ птенцамъ, отецъ будетъ для нихъ истиннымъ воспитателемъ. Такимъ образомъ, и здѣсь Сковорода выступаетъ на защиту того *внутренняго* начала, которое онъ ставитъ „во главу угла и которое господствуетъ въ мірѣ и должно господствовать въ человѣкѣ. Только такое воспитаніе способно доставить душевный миръ, т. е. единственное прочное, счастіе. Но и здѣсь Сковорода съумѣлъ избѣжать односторонности—онъ соединяетъ науку съ этикой, отводитъ каждому изъ этихъ двухъ элементовъ подобающее мѣсто; мало того: онъ указываетъ и на третій и четвертый элементъ воспитанія, физическое и эстетическое развитіе. Ребенокъ долженъ уже родиться въ здоровой нравственной атмосферѣ, говоритъ онъ; затѣмъ такого рожденнаго на добро не трудно будетъ научить наукамъ и нравственности; тутъ главное дѣло сдѣлаетъ природа; наука сама собою спѣетъ отъ природныхъ дарованій; природа это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень; учитель—это служитель природы; учиться нужно тому, къ чему влекутъ способности; это дастъ сердечное спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ, какъ бы низко оно ни было, ибо въ сердцѣ каждаго человѣка въ этой убогой хижинкѣ, подъ этою убогою одеждою (тѣломъ)—можно найти Царя своего, домъ свой, начало вѣчности. Эта проповѣдь объ уваженіи ко всякому званію и состоянію общественному стояла въ полномъ соотвѣтствіи съ его *демократизмомъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ шла въ разрѣзъ съ

господствовавшими тогда взглядами на привиллегированное положеніе дворянства, которое и воспитываться должно было не такъ, какъ другія сословія. Сковорода же былъ противъ всякой сословной исключительности въ дѣлѣ воспитанія.

Сковорода направлялъ современное ему общество на духовную сторону христіанской религіи и въ соотвѣтствіи съ этимъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кто понималъ эту послѣднюю только внѣшнимъ образомъ, основывался не на духѣ, а на буквѣ, формѣ, обрядѣ. Онъ очень рѣзко возставалъ противъ буквальнаго толкованія Библіи, какъ источника христіанства, и его замѣчанія напоминаютъ выводы французской отрицательной философіи XVIII в. Но между этими скептиками французами и Сковородой цѣлая пропасть. Отрицаніе, иронія и сарказмъ Сковороды являлись результатомъ глубокаго увлеченія *духомъ* священнаго Писанія, его отрицаніе приводило, такимъ образомъ, къ духотворенію. Для него Библія—это болѣе даже чѣмъ священная книга, это основная, можно сказать, *единственная* книга познанія, это самъ Богъ, говорящій здѣсь къ людямъ образнымъ языкомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и здѣсь Сковорода не впалъ въ односторонность; ставя такъ высоко духовную науку, онъ не только не возстаетъ противъ свѣтскихъ книгъ, а наоборотъ отдаетъ имъ должное. „Я наукъ не хулю, говоритъ онъ, и самое послѣднее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что на ихъ надѣясь пренебрегаемъ верховнѣйшую науку о царствіи Божіемъ внутри насъ". „Свѣтскія книги, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, безспорно всякой пользы и красы суть преисполненныя. Но если бы онѣ спросили Библію; для чего сами предъ нею и десятой доли чести и цѣны не имѣютъ, для чего ей созидаются олтари и храмы,—и сама не знаю, отвѣчала бы она. Я состою изъ тѣхъ же словъ и рѣчей, что и вы, да и гораздо съ худшихъ и варварскихъ. Но въ невкусныхъ водахъ моей рѣчи, какъ въ зерцалѣ, боголѣпно сіяетъ невидимое, но пресвѣтлѣйшее око Божіе, безъ котораго вся ваша польза пуста, а краса мертва" (2-е отд., стр. 164). Сковорода выступалъ на защиту Библіи противъ идолопоклонническихъ мудрецовъ, которые думали, что она говоритъ о мертвенной стихіи, не помы-

шляя о томъ, что во тлѣнныхъ ея образахъ сокрывается животъ вѣчный. И это превосходство Библіи надъ всѣми другими книгами совершенно понятно, съ точки зрѣнія Сковороды: Библія насъ ничему другому не учитъ кромѣ Богопознанія, но это значитъ, что она учитъ главнѣйшему, безъ чего не можетъ обойтись никто. Отсюда ея универсальный характеръ; она необходима всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Отсюда естественно вытекала мысль Сковороды, что каждый долженъ быть въ этомъ смыслѣ богословомъ. Богословскую науку онъ считалъ нужною для всѣхъ. А я вспомнилъ, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ его трактатѣ „Алфавитъ мира", тѣхъ совопросниковъ вѣка сего: богословская наука къ чему она? Я де не священникъ и не монахъ". Будто душевное спасеніе не всѣмъ нужное и будто спасеніе и спокойствіе сердечное не одно и то же. Богословская наука выше всѣхъ свѣтскихъ наукъ. „Медицина, говорилъ Сковорода, врачуетъ тѣло; юриспруденція страхомъ приводитъ каждаго къ должности, а богословіе дѣлаетъ изъ рабовъ сынами и друзьями Божіими, вливая въ сердце охоту къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ". Чѣмъ больше такихъ богослововъ въ государствѣ, тѣмъ оно счастливѣе, и не напрасно пословица гласитъ: доброе братство лучше богатства (2-е отд., стр. 173). Сковорода хотѣлъ осуществленія чисто христіанскаго государства и общества. Богъ, говорилъ онъ, даетъ народамъ науки и искусства; разлившись по всему корпусу политическаго организма, онъ дѣлаетъ его прочнымъ, мирнымъ и благополучнымъ; государство, будучи основано на немъ, бываетъ домомъ Божіимъ; отдѣльный человѣкъ, основавъ на немъ свою жизнь, дѣлается благочестивымъ. Но все это относится только къ *истинной* богословіи и *инстиннымъ* богословамъ, т. е. стремившимся познать Духъ. Идеаломъ для нихъ долженъ служить самъ Величайшій богословъ Христосъ. Измученный дорогой, сидитъ онъ при источникѣ, томимый голодомъ и жаждою. Было около полудня. Не было съ кѣмъ завести ему бесѣду о царствіи Божіемъ. Пришла жена за водою—вотъ и случай. Попросилъ у нея напиться не для утоленія жажды, а для того, чтобы начать бесѣду. Вода стихійная подала ему поводъ гово-

рить о водѣ живой. Не устыдился, не поопасался мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать, въ надеждѣ, что авось либо проведетъ ее изъ суевѣрія въ истинное богочтеніе, которое не привязано ни къ полу, ни къ состоянію, ни къ мѣсту ни времени, ни къ обрядамъ, а только къ одному сердцу. Возвратились ученики Его съ пищею и, зная, что онъ ничего еще не ѣлъ, просятъ покушать. Моя пища, сказалъ имъ учитель, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жаждетъ, и не веселъ, если не дѣлаетъ и не говорить о томъ, къ чему Его предназначилъ Отецъ небесный. Въ этомъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ и вертоградахъ, на ровномъ мѣстѣ, стоя, сидя и ходя, ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учить о царствіи Божіи, отвѣчаетъ онъ одному лицу, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о наслѣдствѣ. (2-е отд., стр. 140).

Нисколько не отрицая значенія обрядности, онъ только старается показать, что самъ по себѣ обрядъ, или какъ онъ называетъ церемонія, безъ тайнаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры, недостаточенъ. Вся сила 10 заповѣдей говоритъ онъ, состоитъ въ одномъ словѣ—любовь; на ней основанъ вѣчный союзъ между Богомъ и людьми; она тотъ невидимый огонь, которымъ сердце воспаляется къ Богу и его волѣ, а посему и самъ Богъ называется любовью. Но эта Божественная любовь (т. е. Богъ) имѣетъ внѣшніе признаки; они то называются церемоніями или образами, формами благочестія. И такъ, церемонія по отношенію къ благочестію есть то, что на зернахъ шелуха. Если же сія маска лишена силы (т. е. благочестія), то остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ—гробомъ раскрашеннымъ; обрядъ можетъ выполнять самый несчастный бездѣльникъ. Существуетъ глубокая разница между обрядомъ и его смысломъ, церемонія является только тропинкою, могущею привести къ Богу, но болѣе всего нужна милость и любовь. На что намъ, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, мѣстоположенія тлѣннаго рая? На что намъ родословія историчная?

Какую пользу принесетъ душѣ изслѣдованіе о формѣ и мѣрѣ Ковчега? Къ чему исцѣленіе и воскресеніе плотское, если человѣкъ снова умираетъ? Возставая противъ бездушной внѣшности, Сковорода вооружался и противъ тѣхъ (а такихъ было не мало), которые думали, что одно монашеское одѣяніе даетъ спасеніе человѣку. Извѣстны его рѣзкія выраженія противъ современнаго ему монашества. Когда другъ Гервасій уговаривалъ его принять монашество, указывая на славу, честь и изобиліе всего, его ожидающія, онъ возревновалъ объ истинѣ и сказалъ: „развѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число Фарисеевъ? Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самого въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой". (См. еще примѣръ, въ 1-мъ отд. (на 21 стр.). Такъ это разсказываетъ Ковалинскій. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Сковорода не былъ отрицателемъ: онъ возставалъ противъ монашества не въ его идеѣ, а только въ практическомъ осуществленіи, въ тѣхъ проявленіяхъ, какія онъ видѣлъ въ современной ему дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно одно его письмо къ Ковалинскому (1-е отд., стр. 45). Въ немъ онъ выражаетъ свое глубокое уваженіе къ истинному монашеству и разъясняетъ свою мысль Ковалинскому, приводя цитаты изъ книги о монашествѣ Эвагрія, которую онъ въ то время читалъ. Народъ христіанскій дурно понимаетъ монашество, говоритъ онъ. Главою ученыхъ богослововъ былъ Христосъ; высшимъ же монахомъ ученикъ христовъ, который старается быть во всемъ подобенъ своему учителю. Ты скажешь, что апостолъ выше монаха. Сознаюсь, но вѣдь и апостолъ дѣлается изъ монаха, который пока собою управляетъ, до тѣхъ поръ онъ монахъ, а если направляетъ также и другихъ на правильный путь, то дѣлается апостоломъ. Христосъ пока былъ въ пустыни, былъ монахомъ, т. е. совершенно невещественнымъ. Такъ устанавли-

ваетъ Сковорода связь и вмѣстѣ съ тѣмъ разницу между отшельникомъ и проповѣдникомъ. Естественно, что, ставя такъ высоко монашеское званіе, предъявляя къ нему такія огромныя требованія, Сковорода сильно вооружался противъ тѣхъ, которые только надѣвали на себя монашеское платье, не отставъ отъ земного. „Хочешь ли быть Павломъ Ѳивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ или Саввою освященнымъ? Лицемѣре! Къ чему жъ тебѣ финикова епанча Павлова! Къ чему Антоніевска борода, а Савинъ монастырь, капишонъ Пахоміевъ? Сей есть одинъ только монашескій маскарадъ. Какая же польза сею маскою сокрывать тебѣ смиренное твое сердце?.. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца этихъ монаховъ-отшельниковъ (2-е отд. стр. 76). Не менѣе сильно, рѣзко вооружается Сковорода и вообще противъ ханжей и лицемѣровъ. Вотъ картинное сатирическое изображеніе этихъ послѣднихъ. „Пятерица человѣковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ на пять локтей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, а дреколіе. На шею каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшенны. Едва, едва движутся, аки быки, парохіальный колоколъ везущіи. Вотъ развѣ прямо труждающіися и обремененныи. Горе имъ, горе! Сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ, непрестанно во псалтирь барабанятъ. Строятъ козни и снабдѣваютъ. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіися зломъ сосѣднимъ, полагающіи въ прибыляхъ благочестіе, цѣлующіи всякій день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи, домашніи звѣри и внутренніи зміи, лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыры между деснымъ и шуіимъ путемъ суть ни мужскаго, ни женскаго рода. Обоимъ враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія,

десный же отвергаетъ, яко силы ихъ отвергшихся. Въ сумахъ ихъ песокъ Іорданской съ деньгами. Обвѣшенныя же книги ихъ суть типики, псалтыри, прологи и протчая. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобъ роптать на Бога и просить тлѣнностей. Вотъ останавливаются молящеся и пѣть начинаютъ. Послушаемъ безбожные ихъ пѣсни Божія.

Боже, возстаня, что спиши?
Почто насъ не радиши?
Се путь беззаконныхъ цвѣтетъ!
На путехъ ихъ бѣдностей нѣтъ.
Мы жъ Тебѣ свѣчищи ставимъ,
Всякій день молебны правимъ,
И забылъ ты всѣхъ насъ!
Два раза постимъ въ недѣлю,
Въ постъ не уживаемъ хмѣлю,
Странствуемъ по святымъ градамъ,
Молимся и дома, и тамъ,
Хоть псалтыри не внимаемъ,
Но наизустъ ее знаемъ.
И забылъ ты всѣхъ насъ!
Услыши, Боже, вопль и рыкъ!
Даждь намъ богатство всѣхъ языкъ!
Тогда то Тебе прославимъ,
Златыя свѣчи поставимъ,
И всѣ храмы позлащенны
Возшумлятъ Твоихъ шумъ пѣній—
Токмо даждь намъ вѣкъ златъ!

(2-е отд., стр. 205—206).

Таково въ общихъ чертахъ міровоззрѣніе Сковороды: въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога. Черезъ все проходитъ одна основная мысль о двухъ началахъ, проникающихъ все сущее, и объ огромномъ преимуществѣ одного изъ нихъ—начала Вѣчности или Бога. Изъ этой идеи Сковорода выводитъ и свою теорію воспитанія; отсюда же вытекаютъ его взгляды на такія явленія, какъ религіозный бытъ современнаго ему общества, монашество и т. п. Вездѣ и всегда онъ проповѣдывалъ превосходство Духа надъ матеріей, вѣчнаго надъ тлѣннымъ. Въ этомъ весь смыслъ его ученія, въ этомъ и его

историческая заслуга. Такой выводъ мы дѣлаемъ, основываясь на совокупности всѣхъ его *учено-литературныхъ трудовъ*, и это, конечно, является достаточною гарантіею, что мы вѣрно поняли и представили его міросозерцаніе.

Д. И. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ[1].

II. Алексѣй Ивановичъ Мартосъ.

(р. 1790 † 1842).

А. И. Мартосъ былъ сынъ извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса, происходившаго отъ лубенскаго полковаго обознаго Павла Мартоса. А. И. М—съ родился, повидимому, не въ Малороссіи (вѣроятно въ Петербургѣ), но семья Мартосовъ родины не забывала, такъ какъ А. И. М—съ съ юныхъ уже лѣтъ обращался къ былымъ временамъ Малороссіи, рисуя ихъ въ своемъ воображеніи героическими чертами. Очень можетъ быть впрочемъ, что мечты о „герояхъ" Малороссіи навѣяны были на М—са во время службы его въ Кіевѣ, куда онъ попалъ шестнадцатилѣтнимъ юношею. Учился М—съ въ Петербургѣ, въ инженерномъ корпусѣ, причемъ выборъ инженерной спеціальности М—съ приписывалъ самому себѣ: „*посвятивъ себя* военной службѣ, я рѣшился пріобрѣсти въ оной полнѣйшія познанія, дабы содѣлаться хорошимъ офицеромъ, почему и *избралъ* вступить въ инженерный корпусъ[2])". Изъ корпуса М—съ вышелъ въ 1806 г. юнкеромъ и осенью того-же года, по собственному желанію, былъ посланъ на инженерную службу въ Кіевъ.— „Признаться, страсть посмотрѣть незнакомыхъ мѣстъ, которая

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 12.

[2]) Русск. Архивъ 1893 г., №№ 7 и 8, „Записки инженернаго офицера (А. И.) Мартоса".

была мнѣ внушена любимыми мною путешествіями по южной Россіи Измайлова и другихъ авторовъ, и надежда въ Кіевѣ скорѣе получить военный чинъ мнѣ не давали ни на минуту покоя быть на одномъ мѣстѣ. Я былъ отправленъ въ кіевскую крѣпость, къ инженерной командѣ, въ началѣ ноября... Достигъ я до Кіева, города великолѣпнѣйшаго по наружности, величественнѣйшаго и поражающаго взоры путешественника красивостью мѣстъ, горами, огромными монастырями, массами церквей"... Первое время пребыванія своего въ Кіевѣ М—съ посвящалъ дальнѣйшему своему военному образованію.—„Я просилъ книгъ изъ Петербурга, доставленіе которыхъ сколь удовлетворило моей *страсти читать безпрестанно*, столь и послужило руководствомъ къ усовершенствованію въ сей полезной наукѣ убивать людей съ проворствомъ и искусствомъ"... Изъ инженерныхъ занятій М—са въ Кіевѣ заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе „объ укрѣпленіи дальнихъ пещеръ въ Печерской лаврѣ, которыя угрожали паденіемъ въ р. Днѣпръ". Тутъ любопытны подробности, какъ „искусство гидравлики" предохранило „паденіе (въ Днѣпръ) всѣхъ пещеръ", а еще любопытнѣе ясно сквозящее въ разсказѣ міровоззрѣніе молодого инженера... Послѣ трехлѣтней службы въ Кіевѣ, М—съ получилъ офицерскій чинъ и весною въ 1810 г. былъ отправленъ въ Молдавію, въ предѣлахъ которой сосредоточена была тогдашняя турецкая война. Здѣсь М—съ пробылъ до нач. 1812 г. и затѣмъ, по окончаніи турецкой войны, принималъ участіе въ войнѣ противъ Наполеона. М—съ продолжалъ инженерную службу до половины 1816 г., когда, въ іюнѣ, былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Аракчееву. Выборъ М—са въ адъютанты къ всесильному временщику основанъ былъ, повидимому, на пріятельствѣ послѣдняго съ близкимъ родичемъ И. А. М—са Иваномъ Романовичемъ Мартосомъ [1]), который въ это время, для отдыха послѣ петербургской службы, поѣхалъ на югъ полѣчиться на Кавказѣ и за-

[1]) Объ отношеніяхъ гр. Аракчеева къ И. Р. Мартосу см. въ Историч. Вѣстн. 1894 г., № 10, „Изъ прошлаго". А кто былъ И. Р. М—съ см. Кіевск. Стар. 1894 г., № 10, стр. 154, прим.

тѣмъ—пожить на родинѣ. Весною 1817 г. И. Р. М—съ лѣчился на кавказскихъ водахъ; сюда и написалъ ему, въ маѣ, И. А. М—съ слѣдующее письмо: „Благословляю мирнаго жителя Кавказа! тысячу разъ отъ искренняго сердца благословляю! Желаніе васъ почитающаго, почтеннѣйшій Ив. Р—чъ, солдата изъ скучнаго холоднаго сѣвера всѣхъ счастій сопутствуетъ вамъ ближе и лучше вашей собственной тѣни. Да сохранитъ промыслъ васъ въ высокомъ своемъ и достойномъ храненіи, богиня здравія васъ болѣе да не оставитъ, она милая, хотя меньшая, сестра веселости; онѣ обѣ проказницы васъ примутъ въ свои объятія и нескоро выпустятъ, ибо признаюсь вамъ отъ души, что отъ хорошихъ предметовъ почти нескоро и вырвешься; думаешь, дай брошу, но сердце тлѣетъ—влечетъ опять туда-же. Не прогнѣвайтесь, почтеннѣйшій И. Р., что я займу васъ нѣсколько строчекъ собственно о себѣ: служба бо мнѣ смѣется, бурныя облака прошли и мой графъ (Аракчеевъ) особенно благоволитъ ко мнѣ. Вчера я сюда пріѣхалъ изъ новгородской губерніи, его с—ство сказалъ, что лично будетъ говорить обо мнѣ государю; и на первый случай его величество, уже въ арміи отданнымъ приказомъ, изволилъ объявить мнѣ свое благоволеніе; мѣсяца черезъ 4 или 5 жду чина полковника. Кажется, старые векселя платятъ съ процентами и рекамбіями. Будучи холостякомъ, хотѣлъ-бы бросить одиночество, но считая всякую женитьбу за фараонъ, боюсь, чтобы карта не легла налѣво. Буду ждать вашего совѣта и только тогда съ прискорбіемъ оставлю образъ моей жизни. Я засталъ Петербургъ въ большой суматохѣ... Окончивъ мой рапортъ вашему высокоблагородію, прошу Бога да ниспошлетъ на васъ всю свою милость и, укрѣпивъ васъ своею мощною десницею, позволитъ мнѣ имѣть случай обнять васъ, почтеннѣйшій другъ человѣчества!—Батюшка здоровъ и вамъ посылаетъ свой искренній поклонъ, сестры также кланяются"... Черезъ два мѣсяца послѣ написанія этого письма, М—съ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующе: „28-го іюля. Я былъ представленъ гр. Алексѣемъ Андреевичемъ лично государю императору; его величество изволилъ меня принять въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ, что на Каменномъ-Островѣ, и

очень благосклонно благодарилъ за работы, произведенныя при военномъ поселеніи. Вотъ слова императора: *покорно благодарю васъ за принятый вами трудъ. Мнѣ это очень пріятно.* Черезъ три или четыре дня по пріѣздѣ моемъ въ деревню (т. е. въ военныя поселенія), фельдъегерь привезъ мнѣ отъ его величества брильянтовый перстень [1]". Фактъ этотъ показываетъ— какъ велико было вниманіе Аракчеева къ молодому офицеру. Въ „Запискахъ" М—съ подробно разсказалъ свою службу при Аракчеевѣ, приводя при этомъ прелюбопытные эпизоды изъ своихъ отношеній къ всесильному патрону. Случилось разъ, что военнопоселенные крестьяне одной изъ волостей послали четырехъ выборныхъ въ Петербургъ—жаловаться государынѣ на Аракчеева. Хотя выборные и были арестованы послѣднимъ въ Петербургѣ, но отъ государя нельзя было скрыть намѣренія жалобщиковъ. „Аракчееву хотѣлось найти кого нибудь виноватымъ предъ государемъ", говоритъ М—съ и тутъ же добавляетъ, что такимъ виноватымъ явился онъ, М—съ.—„И такъ положено было, что я виноватъ. Давай меня ругать, опять ругать, завтра бранить, послѣзавтра стращать, что самъ собою, безъ воли государя, разжалуетъ въ солдаты"... Затѣмъ Аракчеевъ обращается къ М—су съ такою рѣчью: „знаешь ли ты, что ты долженъ считать за честь, что служишь у меня, а Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ! Ты долженъ быть моею правою рукою, а ты хочешь быть добрымъ человѣкомъ, хочешь жить дружно съ офицерами, съ мужиками! Ты долженъ быть тамъ (въ волостныхъ поселеніяхъ) какъ собака на цѣпи! тогда будешь настоящій мой адъютантъ". Такія отношенія, конечно, не могли привязать М—са къ его начальнику, и адъютантъ подалъ просьбу объ отставкѣ. „Ее (отставку) долго волочили, говоритъ М—съ, графъ бѣсился и прислалъ мнѣ сказать, что меня отставитъ безъ чина и мундира, ежели я буду настаивать о выходѣ прочь съ столь завиднаго поста". М—съ однако не смущался и „по опыту зная мерзкій, мстительный характеръ

[1]) Маякъ 1845 г., т. XXIII, кн. 46-я, смѣсь, стр. 83, откуда мы беремъ и другія свѣдѣнія для настоящаго очерка изъ статьи Васильева, основанной на подлинныхъ бумагахъ А. И. Мартоса.

Аракчеева, настоятельно просилъ отставки по болѣзни". Въ январѣ (1818 г.) отставка была получена, и М—съ засѣлъ на свободѣ доканчивать записки о военной своей службѣ, которые началъ, повидимому, еще въ 1816 г. [1]), послѣ оставленія инженерной службы. Записки кончены были 1 августа 1818 г., а въ маѣ этого же года И. А. М—съ писалъ къ И. Р. М—су, изъ Петербурга: „не будучи долгое время въ Петербургѣ, я всегда былъ развлеченъ или службою, или тѣми непріятностями, коими часто, очень часто, бросали на меня; но въ сіи промежутки мои чувства искренности... преслѣдовали васъ всегда, какъ собственная тѣнь ваша... Мнѣ остается просить у васъ тысячи извиненій, вы ихъ вѣрно простите (sic), а я даю вамъ слово честнаго человѣка впередъ быть исправнѣе и какъ можно чаще и болѣе писать вамъ.—Вы, почтеннѣйшій Ив. Р—чъ, теперь живете въ мѣстахъ благословенныхъ, въ счастливѣйшемъ климатѣ, вамъ должно наслаждаться совершеннымъ здоровьемъ. Къ сожалѣнію, изъ вашего письма къ батюшкѣ я вижу противное, и потому, по нашимъ военнымъ законамъ, позвольте предписать вашему здоровью, дабы оно ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливалось оставлять васъ, въ противномъ случаѣ дѣлается ему и тому сыну ескулапа строжайшій выговоръ, кто васъ пользуетъ. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ гораздо полезнѣе не очень дружиться съ медициною; эта приманчивая наука, къ сожалѣнію, болѣе дѣйствуетъ на удачу; лекаря часто пробуютъ, видятъ больного, который расположенъ ихъ слушать, который охотно ввѣряетъ себя, тогда сыны хирурги, вооружившись доспѣхами фармасико-физіолого-паталого-медико-физико-чертовщиной, одѣвшись въ ризы важности, щупаютъ пульсъ, пишутъ рецептуру..... Я вижу, почтеннѣйшій И. Р., вы прочитали мои строки, сердитесь, называете меня легковѣрнымъ, даже пустомелею. Но наши предки, сыны свободной Малороссіи, наши Хмельницкіе, Скоропадскіе отъ чего доживали до глубокихъ лѣтъ, мастистой старости?—Спокойная жизнь, свобода, милая родина, прогулки верхомъ, пріятный столъ, за которымъ доб-

[1]) Русск. Арх. 1893 г., № 8, стр. 542.

рые друзья и старое вино придаютъ лучшій аппетитъ, потомъ въ садъ, смотришь наступилъ и вечеръ, солнце закатывается за горы, сама природа проситъ дѣтей своихъ посѣтить богатыя поля, нивы, роскошные луга.... Вотъ и время взять отдыхъ. Тутъ у меня и хорошая книга, она занимаетъ—и я счастливъ. Великой изъ малороссіянъ Мазепа умеръ въ глубокой старости! Я посѣтилъ его гробъ на Дунаѣ, въ городѣ Галацахъ [1]... Простите меня, почтеннѣйшій И. Р., я очень забылся, мое воображеніе совершенно отвлекло меня, что мнѣ хотѣлось писать, но дѣлать нечего—у всякаго свои страсти. Я знаю, что вы не охотникъ до новостей, а потому и умалчиваю, что дѣлается за предѣлами; въ Петербургѣ-же все довольно изрядно, особенно кто привыкъ видѣть только красивую наружность"...

Письмо это, юное по складу мыслей, интересно тѣмъ, что М—съ въ немъ упоминаетъ о Хмельницкомъ, Мазепѣ, Скоропадскомъ, которые повидимому его немало интересовали, и онъ о нихъ гдѣ-то и что-то читалъ. Въ это время М—съ занимался уже и писательствомъ: въ бумагахъ его найдено составленное въ 1818 г. „изложеніе событій со времени смерти Ивана Грознаго до царствованія Михаила Өедоровича включительно [2]". А вслѣдъ затѣмъ, онъ занялся переводомъ Квинта Курція и напечаталъ его, какъ видно изъ слѣдующаго интереснаго письма А. И. М—са къ тому-же И. Р. Мартосу.—„Зачѣмъ я не имѣю дара безподобнаго Попе, божественнаго Данте, остраго, пріятнаго Вольтера? Зачѣмъ долженъ пресмыкаться предъ геніемъ Ломоносова и только что дивиться Кострову? Зачѣмъ я не они? или хоть миліонная бы доля ихъ? Тогда два слова—и вы бы простили меня, два слова—и улыбка ободренія вашего заставила бы меня отправить въ герольдію упреки совѣсти че-

---

[1]) Въ своихъ Запискахъ М—съ упоминая о томъ, что Мазепа похороненъ въ Галацѣ (№ 7, стр. 345), приводитъ цѣлую тираду въ похвалу сему гетману, его покровительству кіевской академіи и проч. Приводимое выше письмо заключаетъ въ себѣ такую же тираду въ похвалу Мазепѣ, причемъ послѣдній сравнивается съ Вадимомъ, который, продолжаетъ М—съ, „и теперь живъ на грозныхъ башняхъ Новгорода"... Новѣйшія свѣдѣнія о могилѣ Мазепы въ Галацѣ—см. въ газетѣ *Южанинъ* 1891 г., № 263.

[2]) Маякъ 1845 г., статья Васильева.

ловѣка виноватаго и совершенно праваго. Ежели-бы вы, почтеннѣйшій И. Р., съ горъ кіевскихъ [1]) на минутку волшебствомъ переселились въ холодную столицу нашу и взглянули-бы на бѣдняка, изнемогающаго подъ ярмомъ болѣзней, бѣдняка физически отнятаго отъ свѣта, вы бы сказали, что я правъ противъ васъ, что ждалъ маленькаго облегченія правой руки, чтобъ накидать вамъ и поздно и нѣсколько несвязныхъ словъ, вы бы удостовѣрились въ той преданности вѣчной и никогда неизмѣняющейся, которую я къ вамъ чувствую, вы бы расхвалили меня и разбранили бы медиковъ петербургскихъ, коихъ здѣсь толпы, кои имѣютъ академію свою... и отправляютъ въ елисейскія поля. Я надѣюсь остаться въ семъ лейбницовомъ свѣтѣ, столь искусно описанномъ въ Кандидѣ, и потомъ сдѣлаться порядочнымъ членомъ общества, по крайней мѣрѣ воспріявъ силу богатырскую, раззнакомлюсь съ посланникомъ боговъ мифологіи... Годъ моей отставки былъ самымъ полезнѣйшимъ моей жизни, не говорю пріятнѣйшимъ, ибо есть такія струны въ человѣческомъ сердцѣ, что ненарочно тронувшись за одну, въ секунду разстраиваешъ цѣлую гармонію. Я всегда долженъ былъ ждать того и никогда не прощу себѣ, что пріѣхалъ въ П.-Бургъ; теперь со вступленіемъ на новую мнѣ дорогу, которая мнѣ льститъ въ будущемъ, удаляюсь отъ предметовъ самыхъ непріятныхъ и глупыхъ. Въ теченіи года отставки я всѣ дни посвятилъ себя изученію древнихъ авторовъ, всегда съ охотою и безъ скуки. Не удовольствуясь чтеніемъ, я перевелъ исторію Александра Великаго, Квинта Курція, которая уже печатается, съ портретомъ героя и географическою картою походовъ македонскихъ армій; половина перваго тома готова и идетъ очень исправно [2]). Не мое дѣло хвалить и автора и переводчика; первый ставится величайшимъ писателемъ изъ древнихъ,

---

[1]) И. Р. М—съ жилъ въ это время въ Кіевѣ, въ лаврѣ.

[2]) „Квинта Курція, Исторія объ Александрѣ Македонскомъ, съ дополненіями Фрейнсгейміуса. Перев. А. Мартосъ. 2 ч. Спб. Т. Академіи Наукъ. 1819. 8 д. 15 р.“ Переводъ посвященъ гр. Н. П. Румянцеву, который благодаря М—са за „таковой подарокъ“, просилъ переводчика „короткимъ знакомствомъ сблизиться“. Ст. Васильева въ Маякѣ.

или лучше сказать первѣйшимъ историкомъ; перо Кв. Курція не уступаетъ Титу Ливію, выше Тацита, Полибія, Діониса Галикарнасскаго, слѣдовательно исторія Карамзина, печатанная крупными литерами и мелкими примѣчаніями..... не годится и въ деньщики въ сравненіи Кв. Курція. О переводчикѣ и рта раззинуть не смѣю, люди просвѣщенные будутъ моими судьями, всякую здравую критику прійму съ отмѣнною благодарностью; съ педантовъ же и школьныхъ умовъ буду смѣяться, точно такъ, какъ съ толстыхъ, лѣнивыхъ кіевскихъ монаховъ . . .
. . . .
Дайте свободу мыслямъ людей, любите человѣчество, чтите церковь, это значитъ добродѣтель, и знайте, что религія есть дочь времени и что она всего должна ждать отъ отца своего.— За симъ маленькимъ отступленіемъ отъ проформы писать письма, я положу перо, дамъ отдыхъ больной рукѣ и слѣдую (sic) продолженію. Я васъ усердно благодарю за извѣщеніе о моемъ отрывкѣ—*о коммерціи народовъ.* Эта піеса написана въ три часа времени; она есть только предметъ или предметы, о чемъ можно писать томы. Но у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ расплодилось стихотворцевъ, журналистовъ и подобной сволочи, и люди молодые объявили войну терпѣнію и занятіямъ важнымъ и полезнымъ. Въ слѣдующемъ письмѣ позвольте побесѣдовать съ вами о литературѣ, о состояніи ея у насъ и о критикѣ, которую пріуготовилъ на *Исторію Суворова*, соч. Е. Б. Фукса и которую вамъ доставлю, только выйдетъ изъ печати“...

Какъ изъ „Записокъ“, такъ и изъ писемъ личность А. И. М—са вырисовывается довольно опредѣленно: одаренный живымъ воображеніемъ и любознательностью, М—съ, какъ видно, много читалъ, былъ знакомъ съ философіей к. XVIII в., много мечталъ и—долженъ былъ заслужить у старшихъ названіе „горячей головы“... Не чувствуя силъ выносить гнётъ Аракчеева [1]),

[1]) Да и трудно было вообще служить у Аркачеева человѣку, который въ дневникѣ своемъ записывалъ (1817 г., 31 мая) такіе случаи изъ жизни: „Будучи въ военномъ судѣ, подписалъ сентенцію о смертной казни нѣкоторыхъ подсудимыхъ, *первый разъ* въ моей жизни. Дай Господи, чтобы это было и *послѣдній.* Законъ правды установилъ право отнимать жизнь у равныхъ себѣ; я правъ пе-

М—съ оставилъ службу и занялся писательствомъ по разнымъ отраслямъ знаній. Разсужденіе „о коммерціи народовъ" перемѣшивались у него съ Александромъ Македонскимъ, Суворовымъ... Наконецъ остановился онъ на исторіи Малороссіи, отъ молодыхъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ „милой родинѣ", къ Хмельницкимъ и Скоропадскимъ... Рѣшеніе писать исторію Малороссіи безъ всякой къ тому подготовки указываетъ, какъ М—съ легко увлекался мыслью о какой либо литературной работѣ и спѣшно старался послѣднюю привести въ исполненіе, не соразмѣряя своихъ силъ съ задуманнымъ трудомъ... Мы не знаемъ, когда именно М—съ началъ писать свою исторію Малороссіи [1]), но къ половинѣ 1822 г. уже были готовы три ея томы, заканчивавшіеся смертью Хмельницкаго, какъ видно изъ слѣдующаго интереснаго письма тридцатилѣтняго историка своей родины къ И. Р. Мартосу: „*Очень давно*, почтеннѣйшій И. Р., я занимаюсь исторіею нашего общаго отечества, и благодаря судьбѣ, три тома, заключающіеся смертью Богдана Хмельницкаго, уже давно въ здѣшней цензурѣ; ожидая разрѣшенія сей старушки, тотчасъ примусь печатать ихъ. По плану моей исторіи, она составится изъ пяти томовъ, т. е. до уничтоженія гетманства; пятая часть со всѣми подробностями революціи Мазепиной, извлеченная изъ источниковъ вѣрныхъ, равномѣрно давно кончена, слѣдовательно только передѣлываю четвертую часть. Она чрезвычайно разнообразна и обильна, ибо содержитъ ходъ произшествій всѣхъ гетмановъ отъ Богдана, столь противоположно описанныхъ малороссіянами и хрониками польскими, но становится все занимательнѣе. Сіе зависитъ, ежели позволено выразить (sic), отъ *доброты матеріаловъ*. Я надѣюсь получить скоро сочиненіе нѣкотораго La Croix, бывшаго секретаремъ французской миссіи въ Царьградѣ въ 1660—80 годахъ, самое интересное, ибо касается до Георгія Хмельницкаго, со-

редъ своей совѣстью, ибо настоялъ смягчить наказаніе двухъ несчастныхъ, кои были менѣе виновны.—Да послужатъ сіи строки напоминаніемъ мнѣ и тѣмъ, кого люблю душею, объ обязанностяхъ честнаго человѣка"...

[1]) Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Васильевымъ, можно думать, что М—съ началъ писать свою исторію въ 1820 г. См. ниже.

держащагося плѣнникомъ у султана и послѣ возведеннаго вторично въ санъ гетманскій. Авторъ описываетъ, какъ самовидецъ, разные любопытные случаи относительно сего человѣка, непохожаго на отца своего,—и кто лучше знаетъ людей, какъ не современники? Твореніе La Croix содержитъ въ себѣ восемь томовъ in octavo, печатано при жизни автора въ Парижѣ и столь рѣдко, что его нѣтъ даже въ императорской библіотекѣ [1]). Изъ такихъ матеріаловъ можно строить зданіе исторіи, которая любитъ истину и не терпитъ вымысловъ,—вотъ причина, что люди небольшіе волокутъ (sic) за Кліо!—Съ искреннею признательностью и нетерпѣливо ожидать буду вашего манускрипта, который безъ сомнѣнія принесетъ мнѣ немалую пользу. Я знаю о трудахъ г-на Бант.-Каменскаго и радуюсь, что онъ принялъ на себя распахать дикое поле дѣеписаній Украины. Больше оратаевъ, больше имъ славы! Можетъ быть, съ нимъ удостоимся получить вѣнцы, опредѣленные мудрымъ іонтчиномъ восьмыхъ степеней мандариновъ. Будучи спокоенъ на счетъ расположенія плана исторіи, я располагаю украсить ее портретами людей великихъ: изображеніе Богдана Хмельницкаго и Мазепы уже нарисованы и литографированы. Ежели вамъ угодно будетъ имѣть ихъ прежде книгъ, я поставлю пріятнѣйшею обязанностью съ первою почтой ихъ доставить вамъ. Крайне трудно сіи вещи получать не на мѣстахъ, а въ отдаленной столицѣ, но зато они здѣсь отработываются отлично хорошо.—Сверхъ обѣщаннаго вами манускрипта, я имѣю самую наиубѣдительнѣйшую просьбу, которая занимаетъ меня слишкомъ давно. Вы уже догадываетесь, что я говорю о Сковородѣ. Мы о немъ мало знаемъ или лучше совсѣмъ не знаемъ [2]). Пріятно слышать о образѣ жизни и о правилахъ сего малороссійскаго циника; и я скорблю, что не имѣлъ здѣсь случая достать какое либо повѣствованіе о семъ удивительномъ мужѣ. Позвольте про-

---

[1]) Говорится о книгѣ Лякруа—Guerres des Turcs avec Pologne, la Moscovie et la Hongrie, изданной въ 1689 г., (Paris u La Haye), по французски, въ 1705 г.—по англійски и въ 1775 г.—по нѣмецки.

[2]) Въ это время въ русской печатной литературѣ о Сковородѣ имѣлась лишь одна статейка, напечат. въ Украин. Вѣстн. 1817 г., № 4, стр. 106—131.

сить вашихъ свѣдѣній о немъ; предметъ обильный, заслуживающій пера вашего, и я въ полной увѣренности, что ежели возмете на себя трудъ изложить о Сковородѣ что-либо, то сіе описаніе будетъ драгоцѣнный камень въ коронѣ царства исторіи украинской! Именемъ друзей просвѣщенія еще разъ прошу васъ не отказать въ сей необходимѣйшей просьбѣ. Предшественники автора Сковороды св. Дмитрій Туптало и Ѳеофанъ Прокоповичъ мною разобраны (гдѣ?) подробно; жаль упустить новѣйшаго [1])".

Въ этомъ письмѣ М—съ говоритъ, что онъ занимается исторіей Малороссіи *очень давно.* Есть указаніе, что М—съ началъ интересоваться исторіей Малороссіи съ молодыхъ лѣтъ; уже въ 1810 г., будучи въ Молдавіи, М—съ розыскивалъ у Сочавы мѣсто, гдѣ былъ убитъ Тимофей Хмельницкій, какъ видно изъ нижеприводимаго отрывка написанной М—сомъ исторіи Малороссіи; тогда же въ 1810 г., переходя Галацъ, М—съ посѣтилъ тотъ греческій монастырь, въ которомъ похороненъ Мазепа, съ цѣлью видѣть могилу послѣдняго. Изъ этихъ фактовъ можно заключить, что уже въ молодости М—съ былъ знакомъ съ подробностями женитьбы и смерти старшаго сына Богдана Хмельницкаго и зналъ, гдѣ умеръ и похороненъ Мазепа. Очень можетъ быть, что по выходѣ въ отставку М—съ еще ближе познакомился съ тогдашней печатной литературой по исторіи Малороссіи, тѣмъ болѣе, что она была вовсе не велика. До 1822 г. въ печати имѣлись: 1) Краткая лѣтопись Малыя Россіи изд. Рубана, 1777 г., 2) статьи о Малороссіи въ Географич. словарѣ Россійск. госуд., Максимовича, 1788—89 г., 2) Отрывки изъ историч. сборника Миллера, въ Новыхъ Ежемѣсячн. Соч., 1792—95 г., 4) Лѣтопись о през. брани (Грабянки), въ Россійск. Магаз., 1793—94 г., 5) Исторія о Малой Россіи М. Антоновскаго, въ IV-й кн. Георги, 1799 г. и 6) въ Словарѣ Щекатова статья „Малороссія" (ч. IV, отд. I, стр. 22—172), 1805 г.—Изъ этого коротенькаго перечня видимъ, что какой либо системати-

[1]) Подлинныя письма А. И. М—са, изъ которыхъ приведены здѣсь отрывки, находятся въ нашей б—кѣ.

ческой исторіи Малороссія въ это время не имѣла, хотя потребность въ такой исторіи уже существовала [1]). Потребность тогдашняго общества въ систематической исторіи Малороссіи видна и изъ того, что одновременно начали писать такую исторію два человѣка, принадлежавшіе къ совершенно различнымъ группамъ общества.—Лѣтомъ 1822 г. А. И. М—съ пишетъ своему родичу, что три тома его исторіи Малороссіи находятся уже въ цензурѣ, между тѣмъ какъ другая исторія Малороссіи, разрѣшенная цензурою уже въ февралѣ 1821 г., въ этотъ моментъ была уже и напечатана. Мы говоримъ объ „Исторіи Малой Россіи" Бантышъ-Каменскаго.

Не смотря на категорическое заявленіе М—са, что по полученіи изъ цензуры своей исторіи Малороссіи, онъ начнетъ ее печатать, исторія эта напечатана не была. Были напечатаны только двѣ главы изъ III-го ея тома, въ Сѣверн. Архивѣ 1822 г., (№ 13, стр. 1—18 и № 14, стр. 99—125) и 1823 г. (№ 6, стр. 461—479), причемъ одна глава заключаетъ въ себѣ описаніе сраженія подъ Берестечкомъ, а другая—женитьбы и смерти Тимофея Хмельницкаго. Знакомясь съ источниками, которыми М—съ пользовался для написанія этихъ двухъ главъ, мы видимъ здѣсь ссылки на Пасторія (Bellum Scythico-Cosacicum, изд. 1652 г.), на Шевалье (Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, изд. 1663 г.), на „Польск. лѣтоп."(?) и на „Малорос. лѣтоп.", съ указаніемъ на стр. 244 и друг. Въ послѣдней лѣтописи называется „Исторія о през. брани" (Грабянки), по печатному ея изданію Туманскаго, какъ это видно изъ приводимаго М—сомъ, при описаніи Берестечскаго сраженія, свидѣтельства Пуффендорфа, цѣликомъ взятаго изъ „Исторіи о през. брани", (по изд. 1854 г., стр. 100).—М—съ, повидимому, не же-

---

[1]) Эта потребность видна между прочимъ и изъ переписки тогдашнихъ любителей малорусской старины А. И. Чепы и В. Г. Полетики. Послѣдній пишетъ первому, въ 1809 г.: „Вездѣ стараюсь я сыскивать свѣдѣнія до малороссійской исторіи относящіяся.. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего". Чепа отвѣчаетъ: „Ежели вы пріймите великій трудъ написать славную вѣтвь россійской исторіи—исторію Малороссіи, то тѣмъ одолжите современниковъ"... Кіевск. Стар. 1892 г., № 1, стр. 52—53.

лалъ ограничиваться одними печатными источниками, но искалъ и рукописныхъ, на что указываетъ его переписка съ митрополитомъ Евгеніемъ; розыскивалъ М—съ и старопечатныя книги, въ которыхъ надѣялся найти свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ козацкой Малороссіи[1]). Но исканія М—са, какъ видно, были неуспѣшны, и ему приходилось удовлетворяться источниками болѣе или менѣе общеизвѣстными.

Написанная М—сомъ исторія не была напечатана вѣроятно вслѣдствіе появленія въ 1822 г., т. е. въ тотъ моментъ, когда М—съ собирался приступить къ печати, уже готовой „Исторіи Малой Россіи" Бант.-Каменскаго. Очень вѣроятно, что М—съ не рѣшился конкурировать съ книгою, написанной съ большимъ запасомъ архивныхъ свѣдѣній, которыхъ у него, кажется, не было вовсе, и притомъ такъ роскошно (для того времени) изданной[2])...

Имѣя теперь въ рукахъ только двѣ главы изъ всей М—совой исторіи, трудно дать о ней болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе. Но сравнивая, напр., эпизодъ о трагической кончинѣ Тимофея Хмельницкаго по изложенію М—са[3]) съ разсказомъ о томъ же предметѣ Б.—Каменскаго, мы видимъ, что М—съ описываетъ это событіе и подробнѣе, и живѣе, видно, что писательскаго мастерства у М—са было гораздо болѣе, чѣмъ у автора „Исторіи Малой Россіи". Весьма вѣроятно, что

[1]) Маякъ, указ. книга, стр. 89. Здѣсь м. Евгеній пишетъ М—су: „Письмо ваше имѣлъ я честь получить и по оному во всѣхъ кіевскихъ библіотекахъ искалъ требуемыхъ вами книгъ (рукописныхъ?), но не могъ найти. Лаврская б-ка вся сгорѣла въ 1718 г., а академическая дважды горѣла, въ 1780 и 1811 гг. А потому почти ничего уже стараго (изъ рукописей?) въ нихъ не осталось. Вирши Кассіана Саковича на погребеніе гетм. Сагайдачнаго (изд. 1622 г.) видѣлъ я въ Спб. б-кѣ пок. канцлера гр. Румянцова. Они кратки и ничего не имѣютъ историческаго, кромѣ піитическихъ похвалъ за храбрость. А панегирика на погребеніе митроп. Коссова я нигдѣ не видѣлъ".

[2]) На книгу Б.—Каменскаго была напечатана въ Сынѣ Отеч. 1823 г. (№ 3, стр 130—138) рецензія, которая по словамъ Н. Полеваго (Моск. Телегр. 1830 г. № 17, стр. 79) принадлежитъ Мартосу (конечно, А. И.) Къ сожалѣнію, мы не могли добыть указанной книжки С. О—ва, чтобы познакомиться съ этой рецензіей.

[3]) Въ виду большой рѣдкости теперь Булгаринскаго Сѣверн. Архива, мы перепечатываемъ здѣсь, въ приложеніи, главу изъ исторіи М—са, въ которой описывается женитьба и смерть Т. Хмельницкаго.

написанная М—сомъ исторія Малороссіи болѣе полюбилась бы читателю двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, чѣмъ исторія Б.—Каменскаго, но въ научномъ отношеніи послѣдняя, конечно, должна была имѣть значительный перевѣсъ... Какъ мы видимъ изъ письма М—са, писаннаго въ 1822 г., его исторія состояла изъ пяти томовъ и заканчивалась уничтоженіемъ гетманства; первые три тома, въ которыхъ исторія доведена была до смерти Хмельницкаго, были совсѣмъ окончены и отданы въ цензуру; были кончены и послѣдніе два тома, но четвертый изъ нихъ передѣлывался... Была ли окончена эта передѣлка—неизвѣстно; вѣрнѣе, что нѣтъ, такъ какъ въ сентябрѣ 1822 г. М—съ получилъ мѣсто въ Сибири, куда вслѣдъ затѣмъ и уѣхалъ [1]). Въ Сибири М—съ пробылъ до конца 1826 г.; затѣмъ, въ началѣ 1827 г. получилъ мѣсто прокурора въ Новгородѣ, пробылъ тутъ до нач. 1832 г. и вышелъ въ отставку. Черезъ годъ (въ апрѣлѣ 1833 г.) М—съ поступилъ на службу въ комиссаріатъ, а съ 1837 г. до дня смерти, 13 августа 1842 г., занималъ мѣсто управляющаго ставропольскою коммиссаріатскою коммиссіей.

Со времени возвращенія изъ Сибири и до конца своихъ дней М—съ безпрерывно занимался разными литературными работами. Въ 1827 г. онъ напечаталъ *Письма о восточной Сибири*, а въ 1841 г.—переводъ *Исторіи семилѣтней войны въ Германіи*, соч. Архенгольца. Кромѣ того, по сообщенію Васильева, М—съ оставилъ послѣ себя нѣсколько литературныхъ работъ, изъ которыхъ часть (статьи по древней и русской исторіи) была напечатана послѣ его смерти, въ Маякѣ [2]). При перечисленіи этихъ работъ М—са, Васильевъ говоритъ: „Въ 1839 г. (М—съ)

---

[1]) Хотя Васильевъ и говоритъ что М—съ получилъ мѣсто въ Сибири въ сентябрѣ 1821 г., но думается, что этотъ годъ указывается имъ ошибочно, такъ какъ въ письмѣ своемъ къ И. Р. М—су, писанномъ *20 іюня 1822 г., изъ Петербурга*, А. И. М—съ ни слова не говоритъ о полученіи мѣста въ Сибири.

[2]) Перечисляя литературныя работы М—са, Васильевъ говоритъ: „кромѣ всѣхъ поименованныхъ сочиненій имѣются многія мелкія, разнаго рода содержанія статьи, кои *по обстоятельствамъ, независящимъ отъ владѣтелей этихъ рукописей, не могутъ быть напечатаны*“. Изъ чтенія „Записокъ“ М—са, напечатанныхъ въ Русск. Арх. 1893 г., можно догадываться, что „обстоятельства“ здѣсь разумѣются цензурнаго свойства.

окончилъ *исторію Украйны*, надъ которою трудился слишкомъ девятнацать лѣтъ [1])". Изъ дальнѣйшаго сообщенія Васильева слѣдуетъ видѣть, что М—съ представилъ тогдашнему министру нар. просвѣщенія Уварову первые три тома своей исторіи (т. е. тѣ, которые были уже въ цензурѣ?) съ ходатайствомъ представить его трудъ вниманію государя Николая Павловича, причемъ вѣроятно имѣлъ въ виду получить средства на изданіе этого труда. Прежде представленія рукописи государю, Уваровъ поручилъ спеціалисту (конечно, Устрялову, къ которому онъ обыкновенно обращался въ такихъ случаяхъ)—дать заключеніе объ ученомъ значеніи сочиненія М—са. Заключеніе дано было въ пользу автора [2]), причемъ изъ этого заключенія видно, что М—съ представлялъ министру только три тома своей исторіи

---

[1]) Значитъ писать исторію Малороссіи М—съ началъ въ 1820 г.?

[2]) Заключеніе это, приведенное Васильевымъ, перепечатываемъ здѣсь, какъ единственное пока свидѣтельство о характерѣ *всей* исторіи Малороссіи Мартоса.

„Исторія Малороссіи г. Мартоса излагаетъ произшествія отъ начала сей страны до присоединенія ея къ Россіи. Авторъ хотѣлъ, повидимому, пополнить недостатокъ книги г. Бантышъ-Каменскаго, который свою исторію Малороссіи начинаетъ временами Хмельницкаго и оканчиваетъ 1803 годомъ. И дѣйствительно, соединивъ трудъ г. Мартоса съ сочиненіемъ Бантышъ-Каменскаго, мы можемъ имѣть уже довольно полную исторію Украйны. Въ этомъ отношеніи разсмотрѣнная мною рукопись заслуживаетъ полное уваженіе. Внутреннее достоинство ея заключается въ отсутствіи всякихъ произвольныхъ изъясненій; авторъ излагаетъ событія просто, не мудрствуя лукаво, излагаетъ ихъ, какъ историкъ, а не какъ умозрительный философъ, не рѣдко подчиняющій вещи и лица своимъ апріорическимъ убѣжденіямъ. Это немаловажное достоинство въ наше время, когда всякой спѣшитъ, такъ называемыми „высокими воззрѣніями", вѣкамъ и поколѣніямъ навязать такія виды и такой ходъ жизни, о какихъ эти вѣка и поколѣнія вовсе ничего не знали. У автора одна направительная идея, какъ и должно быть, не его собственная, а идея жизни и судьбы малороссійскаго народа, т. е. что народъ сей и по происхожденію, и по духу, и по вѣрѣ своей всегда былъ частію великаго цѣлого—Россіи, и силой естественнаго влеченія, долженъ былъ не смотря на временное свое отдаленіе отъ ней, опять войти въ историческую ея орбиту и составить съ ней одну душу и одну мощь.—Формы изложенія у г. Мартоса тоже просты: онъ слѣдуетъ естественному ходу событій, безъ всякого искусственнаго распредѣленія вещей. Можно было бы однакоже пожелать, чтобъ авторъ былъ нѣсколько кратче въ эпизодическихъ повѣствованіяхъ: иногда онъ слишкомъ много говоритъ о событіяхъ, выходящихъ изъ круга малороссійской исторіи и имѣющихъ къ ней весьма посредственныя отношенія. Такъ, напримѣръ, въ 1-й части онъ безъ нужды входитъ въ длинное описаніе временъ предшествовавшихъ козачеству въ нашихъ странахъ,

Малороссіи („до присоединенія ея къ Россіи"). Поэтому слѣдуетъ думать, что послѣдніе два тома этой исторіи не были окончены и послѣ сибирской службы ея автора...

О результатахъ представленія рукописи М—са государю Николаю I, въ статьѣ Васильева читаемъ: „Государь императоръ удостоилъ наградить сочинителя брильянтовымъ перстнемъ". Исторія эта, дополненная указаніемъ источниковъ (какъ то находилъ нужнымъ Устряловъ), не напечатана еще доселѣ. Изъ содержанія и изложенія этой исторіи видно, что сочинителю (ея) стоило огромныхъ трудовъ собрать необходимые матеріалы, источники, которые въ настоящемъ исправленномъ состояніи указаны всѣ безъ исключенія и тѣмъ самимъ много говорятъ въ пользу сочинителя". Вотъ и все что мы знаемъ объ исторіи Малороссіи, написанной А. И. Мартосомъ. Гдѣ находится въ настоящее время ея рукопись—неизвѣстно. Судя потому что рукопись „Записокъ" М—са куплена была, однимъ собирателемъ, въ Ярославлѣ, *на базарѣ*, (Русск. Арх. 1893 г., № 8, стр. 542),

---

тогда какъ о происхожденіи козаковъ онъ говоритъ мало и неудовлетворительно. Отъ того нѣкоторымъ частямъ его сочиненія не достаетъ стройности. Слогъ автора, хотя и не отличается художественной обработкой и мѣстами тяжелъ, однако ясенъ и что, по современному состоянію нашей литературы, составляетъ уже достоинство, не широковѣщателенъ, не напыщенъ и не пустозвученъ. Но вотъ важный и самый существенный ученый недостатокъ исторіи г. Мартоса: онъ вовсе не показываетъ источниковъ, откуда заимствовалъ факты; у него нѣтъ ни одной ссылки, ни одного указанія на матеріалы. Многіе предметы, имъ излагаемые, конечно довольно общеизвѣстны тѣмъ, которые предварительно уже знакомы съ исторіей Украйны; но эта извѣстность не освобождаетъ историка отъ обязанности утверждать ихъ цитатами. Иначе читатель въ правѣ подумать, что онъ критику подчиняетъ преданіямъ, а не преданія критикѣ. Г. Мартосъ также не обратилъ вниманія на нравы и внутренній бытъ малороссіянъ, какъ извѣстно, очень оригинальные, что лишаетъ его книгу одного изъ важнѣйшихъ историческихъ интересовъ. Хронологія не вездѣ соблюдена, а этнографическое состояніе страны совсѣмъ выпущено изъ вида. Изъ всего вышеписаннаго оказывается, что трудъ г. Мартоса не есть въ полномъ смыслѣ, художественное созданіе, не смотря на то, что, при недостаткѣ дѣльныхъ въ нашей литературѣ твореній, онъ занялъ бы у насъ, въ особенности какъ дополненіе къ исторіи г. Бантышъ-Каменскаго, весьма почетное мѣсто, если бы только авторъ соблюлъ одно изъ важнѣйшихъ условій историческаго творенія—показаніе источниковъ, чѣмъ такъ богатъ его предшественникъ г. Бантышъ-Каменскій".

можно думать что и рукопись М—совой исторіи Малороссіи тоже гдѣ нибудь затерялась, если не погибла совсѣмъ...

Какъ видимъ, авторъ этой исторіи принадлежалъ къ числу тѣхъ прямыхъ, живыхъ и образованныхъ людей, которые своими идеями всегда полезно вліяютъ на современное имъ общество. Такихъ людей исторія не должна забывать. Не долженъ быть забытъ А. И. Мартосъ и какъ одинъ изъ изыскателей малорусской старины, потому что онъ прилежно и съ любовью изучалъ эту старину, чтобы затѣмъ знакомить съ нею своихъ современниковъ.

Ал. Лазаревскій.

Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи, составляемой А. Мартосомъ. (Томъ III. Глава V. 1652—1653).

Разрывъ мира.—Заселеніе слободскихъ полковъ.—Знаменитая битва при Батовѣ.—Сынъ гетмана вступаетъ въ бракъ съ дочерью молдавскаго господаря.—Смѣлый отвѣтъ Богдана Хмельницкаго депутатамъ польскимъ.—Кончина польскаго сенатора-воеводы Киселя.—Молодой Хмельницкій убитъ въ Молдавіи.—Богунъ разбиваетъ поляковъ.—Богданъ Хмельницкій въ окружностяхъ Жванца поражаетъ всю королевскую армію.—Свиданіе Хмельницкаго съ Іоанномъ-Казимиромъ и подтвержденіе Зборовскаго трактата.

Бѣлоцерковскій миръ по существа своему не могъ быть ни проченъ, ни продолжителенъ. Польскіе полки заняли сначала зимнія квартиры въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а послѣ въ Нѣжинѣ и по всѣмъ украинскимъ городамъ, въ стародубскомъ округѣ, отъ Сулы за Мглинъ до литовской границы. Народъ роптал на миръ и на Хмельницкаго, который, всегда дѣйствуя самымъ осторожнымъ образомъ, выжидалъ удобнаго времени къ отмщенію за причиненныя ему оскорбленія. Онъ позволилъ козакамъ и крестьянамъ селиться на лѣвомъ берегу Днѣпра въ южныхъ предѣлахъ Россійскаго государства, на обширныхъ равнинахъ, принадлежавшихъ Россіи и оставшихся въ запустѣніи со времени перваго нашествія татаръ. Дворъ московскій, радуясь симъ новымъ выходцамъ, предоставилъ имъ во владѣніе тамошнія поля, гдѣ въ короткое время выстроились города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Изюмъ, Ахтырка, Острогожскъ и другіе, даже до рѣки Дона. Украинцы вмѣстѣ съ собою принесли туда и свои военныя постановленія, и такимъ образомъ положили основаніе селеніямъ славныхъ слободскихъ козаковъ: первый шагъ Хмельницкаго къ присоединенію Малороссіи къ Россійской державѣ.

Хмельницкій по окончаніи войны желалъ исполнить прежнее свое намѣреніе, женить своего сына Тимофея, на дочери молдавскаго господаря. Весною 1652 года онъ послалъ въ Яссы депутатовъ, чтобы съ угрозами напомнить сему князю объ его обѣщаніи. Но господарь, не располагая сдержать своего слова, убѣдительнѣйше просилъ короля польскаго воспрепятствовать требуемому Богданомъ бракосочетанію. Въ слѣдствіе того король выслалъ для подкрѣпленія господаря Молдавіи 10-ти тысячный польскій корпусъ, подъ начальствомъ напольнаго гетмана Калиновскаго, личнаго врага Хмельницкому.

Хмельницкій крайне огорчился столь оскорбительными дѣйствіями враговъ своихъ. Онъ писалъ къ гетману Калиновскому, жалуясь на сей поступокъ, тѣмъ болѣе для него странный, что невозможно было предвидѣть, почему республика опасается женитьбы его сына, выгодной единственно для его фамиліи, и заключалъ письмо тѣмъ, что ежели король и республика полагаютъ бракъ сей вреднымъ для нихъ, то должны отнестись прямо къ нему. Но всѣ представленія были тщетны. Калиновскій, не остановивъ движенія войскъ своихъ, избралъ позицію при урочищѣ Батовѣ, находящемся въ 20-ти верстахъ отъ Брацлавля и столь славномъ въ послѣдствіи. Онъ повелѣлъ своему брату, расположившемуся съ войскомъ въ Нѣжинѣ и по другимъ заднѣпровскимъ городамъ, выступить въ поле и стараться ударить въ тылъ козакамъ. Сіи польскіе полки на походѣ дѣлали ужасныя насилія и грабительства жителямъ. Хмельницкій, раздраженный поступками Калиновскаго, вторично остерегъ его слѣдующимъ образомъ: «чтобъ гетманъ польскій не прогнѣвался, если польскому войску случится какая нибудь непріятность отъ веселаго свадебнаго общества». Предостереженіе сіе поляки сочли покорностью, и съ веселымъ духомъ ожидали приближенія украинцевъ. Къ брату Калиновскаго, стоявшему на Днѣпрѣ и позволившему своему войску обижать козаковъ, послалъ Хмельницкій въ даръ коня, у коего обрѣзалъ и хвостъ и гриву, приказалъ изъ сихъ волосъ сплесть веревку и обвить оною коня.

Между тѣмъ Хмельницкій быстро подаваясь впередъ, скоро явился предъ непріятелемъ. Поляки, увидѣвъ козаковъ, изъявили удовольствіе и готовность сразиться съ ними и бросились впередъ на полъ мили, оставя обозы въ безпорядкѣ, и лагерь съ небольшимъ прикрытіемъ. Татары, составлявшіе передовую стражу Хмельницкаго, искусно отступая, успѣли заманить непріятеля еще далѣе. Хмельницкій воспользовался удачею своей хитрости; немедленно отрядивъ

сильный корпусъ козаковъ на лагерь, повелѣлъ, не занимаясь пустою перепалкою, броситься съ пиками на лагерную стражу и зажечь польскіе обозы. Приказаніе сіе исполнено въ точности. Непріятель, сражавшійся съ татарами, вдругъ изумился, увидя позади себя козаковъ, а вскорѣ и весь лагерь въ пламени. Оставалось одно средство, броситься черезъ рѣку Собъ, впадающую въ Бугъ; но Хмельницкій въ семъ мѣстѣ ожидалъ поляковъ. Онъ зналъ всю важность сего пункта, и еще въ началѣ сраженія занялъ оный, отразивъ оттуда легкую непріятельскую пѣхоту. Здѣсь произошла жестокая сѣча; татары и козаки, состоявшіе изъ одной только конницы, сдѣлали въ виду главнаго своего предводителя нѣсколько блистательныхъ атакъ, смяли непріятеля, врѣзались въ его ряды и никому не давали пощады.

Напольный гетманъ Калиновскій, защищаясь мужественно и уже дважды раненый, убитъ; татаринъ отсѣкъ ему голову и въ пылу сраженія принесъ ее на пикѣ Богдану [1]). Изрублены: староста Красноставскій, вторый предводитель Орживольскій, Пріемскій, Маркъ Собѣсскій, Косаковскій, Рекъ, Молчанскій, Саконскій, Шенейхъ и множество другихъ знаменитыхъ дворянъ [2]); остальные загнаны въ болото и тамъ перебиты изъ карабиновъ. Едва 10 человѣкъ спаслось отъ мщенія разъяренныхъ враговъ. Балабанъ былъ освобожденъ Карасбеемъ, Грудзенскій и Сокольницкій обязаны жизнію великодушію внука Тогай-Бея; Кальницкій, Брасипскій, Ручацкій и Корицкій почти чудеснымъ образомъ спаслись отъ смерти [3]). Юный Самуилъ, сынъ гетмана Калиновскаго, спасаясь бѣгствомъ отъ грозныхъ враговъ, упалъ съ моста въ селеніи Бубновкѣ и утонулъ. Въ Батовскомъ дѣлѣ татары успѣли захватить множество польскихъ дворянъ, кромѣ показанныхъ; но Хмельницкій приказалъ ихъ предать смерти. Здѣсь, по словамъ авторовъ, онъ желалъ отмстить за непомилованіе козаковъ въ несчастномъ сраженіи у Берестечка. За батовскою побѣдою послѣдовало умерщвленіе крестьянами всѣхъ польскихъ пановъ и старостъ, пріѣхавшихъ въ свои помѣстья на Украину. «Батовское пораженіе, пишетъ современный писатель Пасторій, будетъ вѣчнымъ пятномъ для польской республики и должно быть оплакиваемо всѣмъ королевствомъ»... Хмельницкій сопутствуемый татарами, подошелъ даже къ Каменцу, дабы съ сей стороны прикрыть границы

---

[1]) Pastorius, lib. XI, pag. 199 и 291.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

и дать время своему сыну пройти въ Молдавію. Тогда татары разсыпались по Польшѣ и наполнили оную такимъ ужасомъ, что знатные вельможи даже въ Данцигѣ готовились искать своего спасенія. Слава Батовскаго сраженія разнеслась повсюду; она сдѣлала господаря молдавскаго гораздо снисходительнѣе. Молодой Хмельницкій съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ козаковъ вступилъ въ Молдавію, достигъ Яссъ и былъ отлично принятъ. Господарь отдалъ за него въ супружество дочь свою княжну Ирину, и бракъ праздновапъ великолѣпнѣйшимъ образомъ въ присутствіи бояръ и среди шумныхъ восклицаній народа.

Послѣ сего происшествія Хмельницкій написалъ королю польскому жалобу на гетмана Калиновскаго, притворясь, будто ему вовсе неизвѣстны происки, побудившіе короля начать военныя дѣйствія, и всѣ сіи произшествія относилъ на щетъ Калиновскаго, который съ полками хотѣлъ воспрепятствовать поѣздкѣ его сына въ Молдавію. «Богъ, (писалъ Хмельницкій къ королю), не возбраняетъ своимъ тварямъ ни воды, ни пищи; но Калиновскій хотѣлъ присвоить себѣ источники лучшія, а моему сыну оставить негодныя. Сей поступокъ раздражилъ моего сына и его дружину». Письмо оканчивалось нѣкоторыми извиненіями въ происшедшемъ и покорною просьбою о прощеніи. Нѣсколько времени письмо оставалось безъ отвѣта, но гетманъ настаивалъ и получилъ отзывъ, что ему дано будетъ испрашиваемое прощеніе не иначе, какъ на условіяхъ отказаться отъ союза съ татарами и отдать своего сына Польшѣ аманатомъ.

При семъ требованіи Хмельницкій въ гнѣвѣ не владѣя собою, забылъ обыкновенную свою политику: положивъ руку на саблю, онъ сказалъ депутатамъ: «вотъ мнѣ защита отъ того, кто осмѣлится нарушить мое спокойствіе! Знаю и вижу теперь, что всѣ ваши замыслы клонятся къ моей пагубѣ. Да будетъ вамъ извѣстно, что дружбу татаръ я всегда предпочитаю вашей, и никогда сынъ мой не будетъ заложникомъ въ Польшѣ; онъ только что женился и вы своими происками ищете его гибели. Посовѣтуйте королю вѣрно соблюдать Зборовскій договоръ, утвержденный его клятвою и запечатлѣнный нашею кровію»! Симъ отвѣтомъ послы отпущены были изъ Чигрина.

Въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ скончался сенаторъ-воевода Адамъ Кисель, родомъ изъ Брусилова, благороднѣйшій посредникъ въ дѣлахъ козаковъ съ польскимъ королевствомъ и республикой. Онъ происходитъ отъ древняго рода Святольда. Лѣтописи говорятъ, что *онъ былъ мужъ благочестивъ*, *вѣры русской великій побор-*

никъ, въ словахъ сладокъ, Украинѣ пріятель. Хмельницкій горестно оплакивалъ сію потерю. Чувствительный и благородный гетманъ, желая, чтобы и соотчичи раздѣлили съ нимъ сію истинную печаль, далъ знать повсемѣстно народу о смерти воеводы. Всѣ жители украинскихъ полковъ не менѣе гетмана проливали слезы, извѣстившись о кончинѣ Киселя и возглашали: *да будетъ ему вѣчная память!* похвала лестная отъ народа враждебнаго Польшѣ. Не долго еще дѣйствовали на сеймѣ примѣры добродѣтели покойнаго сенатора. Поляки примѣтно отставали отъ своей древней умѣренности, постоянства и строгости нравовъ. Одержанная при Берестечкѣ побѣда, вселила въ магнатахъ желаніе сдѣлать козаковъ своими рабами. Неизвѣстно, тщеславіе или любовь къ отечеству побуждали Киселя стараться во всякомъ случаѣ возстановлять доброе согласіе между козаками и республикою; но только поступки его были справедливы, а дѣйствія сейма всегда насильственны. Сей сенаторъ въ послѣднія минуты своей жизни увѣрялъ согражданъ, что намѣренія его были всегда непорочны и что никто еще въ польской республикѣ не былъ столько ей преданъ [1]). Непосредственно за сею драгоцѣнною утратою, новый ударъ поразилъ сердце правителя козаковъ. Онъ получилъ роковое извѣстіе о смерти своего старшаго сына, составлявшаго всю его надежду, и убитаго вскорѣ послѣ бракосочетанія, въ Яссахъ, въ замкѣ Сочавѣ, лежащемъ при подошвѣ горъ, отдѣляющихъ Венгрію отъ Молдавіи. Несчастный отецъ, столь уважаемый за предѣлами отечества, былъ нѣсколько дней неспособенъ ни къ составленію плана военныхъ дѣйствій, ни къ начальству надъ гражданами. Украйна безмолвствовала при видѣ отчаянной его горести. Основываясь на лѣтописяхъ, скажемъ вкратцѣ о смерти Тимоѳея. Послѣ совершенія брака его съ княжною молдавскою, сіе цвѣтущее государство начало наслаждаться столь нужнымъ для него спокойствіемъ, подъ сѣнію дружбы козаковъ и мужественнаго ихъ начальника. Сей блистательный союзъ предвѣщалъ миръ и тишину; но предположенія человѣческія рѣдко исполняются. Когда новобрачные отправились въ Чигринъ къ своему родителю, новый непріятель явился предъ вратами Яссъ. То былъ неспокойный князь Рагоцій, который искалъ повсюду приключеній и страшился за свою Трансильванію. Онъ видѣлъ, что не можетъ расторгнуть столь опаснаго для его видовъ союза украин-

---

[1]) Почтенный сенаторъ имѣлъ пребываніе въ Кіевѣ, въ собственномъ домѣ на горѣ, названной отъ него Киселевкою.

скаго гетмана съ господаремъ молдавскимъ, а потому рѣшился перемѣнить образъ правленія въ Молдавіи и дать ей новаго правителя. Рагоцій соединилъ свои полки съ недовольнымъ молдаваниномъ Радуломъ, имѣвшимъ сильную партію въ княжествѣ, и изгналъ господаря Василія изъ его столицы. При первомъ извѣстіи, Тимоѳей Хмельницкій съ отрядомъ, состоявшимъ изъ семи тысячъ козаковъ, и съ полковникомъ Николаемъ Федоровичемъ быстро явился подъ стѣнами Яссъ, изрубилъ венгерскія и мятежныя молдавскія войска и посадилъ своего тестя Василія на княженіе. Но сей успѣхъ былъ непродолжителенъ; отважный Рагоцій вскорѣ снова напалъ на него и послѣ упорнаго боя, принудилъ уступить ему поле сраженія и предать жребій Молдавіи. Тимоѳей сначала удалился въ горы, а оттуда въ крѣпкій замокъ Сочаву, рѣшившись ожидать въ немъ перемѣны обстоятельствъ, и далъ знать своему родителю объ опасности своего положенія. Между тѣмъ Рагоцій, присоединивъ къ себѣ нѣкоторые отряды поляковъ и людей, преданныхъ Радулу, облегъ со всѣхъ сторонъ Сочавскій замокъ. Всѣ его нападенія были отражаемы мужественно, пока смерть не прекратила дни юнаго героя. Въ одномъ жаркомъ сраженіи ядро оторвало ногу Тимоѳею, и сей несчастный случай способствовалъ успѣху князя Трансильванскаго. Тогда все пришло въ безпорядокъ; храбрость козаковъ ослабѣла отъ горести. Одни думали тотчасъ сдать городъ венгерцамъ, другіе намѣривались защищать оный до послѣдней капли крови. Въ семъ отчаянномъ положеніи теща Тимоѳея Хмельницкаго явила твердость превыше своего пола. Она увѣщевала осажденныхъ защищаться до послѣдней крайности, отражая силу силою. Козаки поклялись повелительницѣ—иноземкѣ, умереть людьми свободными, и снова начались страшныя битвы. Но, болѣе и болѣе отовсюду стѣсняемые и отрѣзываемые, неожидая помощи отъ гетмана, они вступили въ переговоры и получили честную капитуляцію, сохранивъ оружіе свое и знамена. Козаки увезли съ собою и тѣло убитаго полководца. Твердость защищавшихся привела въ недоумѣніе князя Рагоція: онъ съ ужасомъ взиралъ на грозные ряды отступавшихъ козаковъ, кои, изъ недовѣрчивости къ непріятелю, составили твердое прикрытіе вкругъ тѣла своего военачальника.

Совершивъ половину пути отъ Сочавскаго замка къ Днѣстру, козаки были атакованы превосходнымъ числомъ поляковъ, подъ начальствомъ пана Могильницкаго. Они составили надежное прикрытіе для защиты своихъ раненыхъ и гроба военачальника, и съ отчаянною рѣшимостію ударили на непріятеля, произвели ужасное кро-

вопролитіе въ рядахъ поляковъ; заставили ихъ бѣжать въ горы и взяли въ плѣнъ самого начальника, котораго привели въ Чигринъ къ своему гетману.—Путешественникъ не можетъ теперь указать съ точностью мѣста, гдѣ убитъ Тимоѳей Хмельницкій. Тамошніе жители даже не знаютъ о семъ происшествіи. Я посѣтилъ Сочаву, спустя полтора вѣка послѣ смерти сего юнаго воина, подававшаго о себѣ великую надежду. Но все перемѣнилось: думаю, что перемѣнились и мѣста, гдѣ сыны Украины оспаривали владѣніе надъ богатою Молдавіею, а послѣ сражались за свою свободу.

При такихъ обстоятельствахъ, Польское правительство, воспользовавшись волненіемъ нѣкоторыхъ городовъ Украины, недовольныхъ строгостію своего гетмана, выслало Чарнецкаго ослабить козаковъ. Генералъ республики не успѣлъ или не хотѣлъ, содержать воинства своего въ предѣлахъ послушанія и порядка. Воины его грабили, жгли, умерщвляли все, на пути встрѣчавшееся. Славный полковникъ Богунъ (тотъ самый, который былъ избранъ полководцемъ въ критическія минуты, по удаленіи гетмана въ кровавой битвѣ при Берестечкѣ), отправленъ Хмельницкимъ встрѣтить и удержать Поляковъ. Богунъ искусными движеніями вовлекъ непріятеля въ невыгодное для него мѣсто, нечаянно напалъ на него близъ Монастырищъ, на границахъ нынѣшней Кіевской губерніи, разбилъ его и овладѣлъ всѣмъ станомъ. Въ семъ упорномъ сраженіи Чарнецкій получилъ двѣ раны пулями, и Богунъ достойно воздалъ непріятелю за зло, причиненное украинцамъ.

Уже мирный договоръ былъ нарушенъ и съ обѣихъ сторонъ надлежало приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Іоаннъ Казимиръ вознамѣрился внести войну въ сердце Украины. Онъ принялъ предводительство надъ пятнадцатитысячною регулярною арміею и пошелъ къ Жванцу, мѣстечку, лежащему на лѣвомъ берегу Днѣстра, разстояніемъ на пушечный выстрѣлъ отъ Хотинской крѣпости. Въ семъ мѣстѣ находится переправа въ Молдавію. Полагали, что Хмельницкій пойдетъ въ ту страну мстить за смерть своего сына, убитаго въ Сочавѣ. Гетманъ, проникнувъ намѣреніе короля, нарочно распустилъ слухъ, будто не знаетъ о происшествіяхъ въ Сочавѣ, и идетъ избавить сіе мѣсто отъ осады князя Рагоція и Радула. Ему хотѣлось уловить короля въ мѣстахъ, разоренныхъ войною, которыя по своему положенію и по духу тамошнихъ жителей дѣлали успѣхъ козаковъ несомнѣннымъ. Такимъ образомъ Іоаннъ Казимиръ самъ содѣйствовалъ исполненію предначертаній своего противника.

Едва Поляки заняли позицію при Жванцѣ, какъ Хмельницкій и татары явились въ виду передъ ними. Іоаннъ Казимиръ ждалъ отчаяннаго нападенія; онъ укрѣпилъ свой лагерь, поставилъ на оба крыла обозы, и лучшую пѣхоту помѣстилъ между рядами оныхъ. Но Хмельницкому нужно было выиграть время. Онъ руководствовался всегдашнимъ своимъ правиломъ, не презирать непріятеля, сколь бы онъ не былъ малочисленъ; усилилъ передовую свою стражу; часто дѣлалъ наступательныя движенія; грозилъ,—но не нападалъ. Послѣдствія оправдали его дѣйствія. За глубокою осенью наступила ранняя зима; выпалъ первый снѣгъ, и Хмельницкій съ ханомъ крѣпко облегли войско польское, прежде сего благоустроенное, а нынѣ утомленное ненастнымъ временемъ и мучительными работами. Въ польскомъ лагерѣ оказался голодъ. Хмельницкій, всегда осторожный, не хотѣлъ еще атаковать враговъ своихъ. Въ короткое время одинадцать тысячъ человѣкъ изъ арміи короля сдѣлались добычею холодной смерти. Конница его также потеряла много въ безпрестанныхъ вылазкахъ, для отраженія козаковъ, нападавшихъ на обозы.

Іоаннъ Казимиръ находился въ крайней опасности. Онъ не страшился Богдана, великодушнаго своего непріятеля, (такъ онъ называлъ его); ханъ крымскихъ татаръ отравлялъ дни сего государя печалію. Король потребовалъ свиданія съ Хмельницкимъ и предложилъ перемиріе. Военныя дѣйствія прекратились. Хмельницкій почтительно представился королю и просилъ его величество о подтвержденіи Зборовскаго трактата!...

Король далъ клятву сохранить Зборовскій миръ, и два врага сдѣлались въ сію минуту искренними друзьями. Іоаннъ Казимиръ заплатилъ свой выкупъ хану и далъ въ заложники сенаторовъ: Ланскорунскаго и Осолинскаго, подкоморія сендомирскаго.

Такъ кончилось знаменитое дѣло при Жванцѣ. Іоаннъ Казимиръ покорился необходимости, и Зиновій Богданъ, *болѣе снисходя,* нежели примиряясь, уважая въ королѣ врага, доведеннаго *до крайности,* но почтеннаго и мужественнаго, безъ потери своихъ людей возвратилъ Украинѣ независимость и надежду на лучшую будущность.

Въ сіи двѣ кампаніи Хмельницкаго, военная наука сдѣлала новые успѣхи: удостовѣрились, что не надобно упускать случая, пользоваться хотя малымъ превосходствомъ, но должно неутомимо преслѣдовать непріятеля и не давать ему опомниться, раздѣлять силы и опять соединять оныя. Такъ дѣйствовалъ козачій военачальникъ при Батовѣ, при Монастырищѣ и у Жванца.

Искусный въ хитростяхъ малой войны, онъ хотѣлъ въ послѣднемъ сраженіи сдѣлать побѣду рѣшительною, и потому слѣдовалъ медленнымъ, правильнымъ разсчетамъ, зная, что всѣ ложныя военныя предположенія и планы падаютъ всегда на несчастное человѣчество. Геній Хмельницкаго и ошибка его непріятелей сдѣлали перевѣсъ въ неровной борьбѣ двухъ народовъ. Человѣкъ не съ такимъ геніемъ, какъ Хмельницкій, могъ бы запутаться въ подробностяхъ малой войны при составленіи плана кампаніи, раздѣлявшагося на множество отраслей, сообразно съ духомъ козаковъ и союзныхъ имъ татаръ; другой бы изнемогъ отъ столь многихъ препятствій и покорился превышающимъ силамъ. Хмельницкому представлено было восторжествовать надъ всѣми сими преградами. Въ послѣднемъ походѣ онъ явилъ себя великимъ полководцемъ и великимъ политикомъ—качества столь рѣдкія въ одномъ человѣкѣ.

Строгость и подчиненность въ его полкахъ, воинское воспитаніе юношества, родъ наказаній и награжденій, внушающее мужество, осуждали слабость духа и составили изъ козаковъ непобѣдимое войско. При Богданѣ Хмельницкомъ военное дѣло у козаковъ не почиталось уже промысломъ набѣговъ, но искусствомъ людей образованныхъ, и польское правительство, взирая на военныя и политическія учрежденія козаковъ, устрашилось оныхъ, и напрягло всѣ свои силы, чтобы составить новые союзы, новыя арміи, дабы подавить и уничтожить новорождающееся на границахъ Польши государство, которое въ самомъ младенчествѣ уже осмѣлилось бороться со всѣми силами республики, и надъ оными не одинъ разъ торжествовало.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Прошло около двухъ лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ перваго выпуска „Соврем. малор. этнографіи". Одинъ изъ дѣятелей этнографіи, сочиненія которыхъ были нами разобраны, И. И. Манжура скончался. П. В. Ивановъ и Я. П. Новицкій дали новые цѣнные сборники—первый продолженіе разработаннаго нами сборника малорусскихъ легендъ (нап. въ Этногр. Обозр. 1892 и 1894 д.), второй—сборникъ малорусскихъ, преимущественно историческихъ пѣсенъ (изданъ въ VI т. Сборника харьк. истор.-фил. общ. 1894 г.). Послѣ Манжуры осталось еще три сборника: небольшой сборникъ сказокъ и присловій (нап. въ VI т. Сборн. харьк. ист.-фил. общ. 1894 г.), обширный сборникъ пѣсенъ, большею частью впрочемъ извѣстныхъ (принадлежитъ харьк. ист.-фил. обществу, предположенъ къ изданію по частямъ) и сборникъ народныхъ циничныхъ разсказовъ, неудобный для печати, мѣстонахожденіе котораго неизвѣстно.

Настоящій выпускъ составляетъ продолженіе перваго. Въ него войдутъ этнографическія статьи и сборники, русскіе и польскіе. Послѣдніе не такъ многочисленны и не такъ важны, чтобы выдѣлять ихъ въ особый выпускъ, какъ первоначально я предполагалъ. Польскіе сборники даютъ лишь сырой матеріалъ: мы посвятимъ имъ двѣ или три главы въ видѣ библіографическаго обзора.

П. И. Житецкій.

Въ III т. „Исторіи русской этнографіи“ *А. Н. Пыпина* (стр. 375—376) находится біографія Пав. Игн. Житецкаго и краткій обзоръ его историко-литературныхъ и филологическихъ трудовъ. Въ исторіи изученія малорусскаго языка сочиненія г. Ж. имѣютъ важное значеніе; но собственно къ этнографіи они не относятся. Исключеніе можно сдѣлать лишь для послѣдняго труда г. Ж. о думахъ. Этотъ трудъ прежде всего историко-литературный; но и для этнографіи онъ не лишенъ значенія.

„Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“ печатались по частямъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1892 г., причемъ трудно было услѣдить за ходомъ мысли автора, и отдѣльныя части казались безсвязными. Въ 1893 г. „Мысли“ вышли отдѣльной книгой (въ 249 стр.) съ посвященіемъ памяти А. А. Котляревскаго, и въ такомъ видѣ сочиненіе производитъ хорошее впечатлѣніе. Сочиненіе это, несомнѣнно, стоило автору многихъ лѣтъ труда и тщательныхъ размышленій, и потому, естественно, мы должны отнестись къ нему съ надлежащей внимательностью. Настоящая наша статья предупреждена цѣлымъ рядомъ краткихъ журнальныхъ критическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ наиболѣе характерными представляются слѣдующія:

Проф. *Соболевскій* во II кн. „Живой Старины“ 1893 г. напечаталъ очень краткую (въ 4 странички) и въ тоже время очень высокомѣрную по тону замѣтку, въ которой утверждаетъ, что „единственное достоинство этихъ мыслей (основное положеніе г. Ж, о связи думъ съ школьной наукой)—ихъ новизна“. Критикъ, очевидно, „новизну“ считаетъ какимъ-то недостаткомъ, точно для всякаго ученаго обязательны проторенные и избитые пути. Далѣе критикъ развязно принимаетъ думы подъ свое покровительство: „Мы надѣемся защитить отъ него думы, говоритъ г. Соболевскій, и освободить отъ возведеннаго на нихъ обвиненія въ тѣсной связи ихъ съ виршами“ (Жив. Стар. стр. 250). Г. Соболевскій напрасно беретъ на себя роль защитника въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ подсудимаго. Въ дѣйствительности, г. Житецкій даетъ думамъ важную историческую постановку

и признаетъ за ними высокое значеніе памятниковъ совмѣстнаго творчества старинной малорусской интеллигенціи и народа. Забота г. Соболевскаго объ отдѣленіи въ пѣсняхъ народности отъ литературныхъ вліяній, будто-бы принижающихъ народное творчество, отзывается чѣмъ-то ужъ слишкомъ устарѣлымъ.

Послѣ „критики" г. Соболевскаго пріятно остановиться на краткой, но достаточно содержательной рецензіи г. *Ягича* въ Archiv für. slav. Philol. XV Heft 4 стр. 613—614). Рецензентъ находитъ, что „Мысли" прекрасно написаны (das hübsch beschribene Buch) что авторъ—„основательный знатокъ малорусской исторіи и народной словесности" (gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Suzammenhange mit der Geschichte und den culturelleg Einflüssen), добавляетъ, что книга написана съ одушевленіемъ (sehr anziehend mit einem gewissen poetischen Schwung geschribenen Werke) и въ частности одобряетъ мысль г. Ж. о связи думъ со школьной наукой (ein hübscher Gedanke).

Съ Ягичемъ сходится *А. Н. Пыпинъ* въ небольшой, но мѣткой и содержательной рецензіи въ VI кн. „Вѣстника Европы" 1893 г. И г. Пыпинъ признаетъ научныя заслуги г. Ж., называетъ его изслѣдованія „замѣчательными" и въ частности о „Мысляхъ" говоритъ, что это изслѣдованіе даетъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы".

Нѣсколько спеціальныхъ замѣтокъ о малорусскихъ думахъ, по поводу сочиненія г. Житецкаго, будетъ сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящей статьѣ ограничиваемся краткими замѣтками, насколько это необходимо для полноты общаго обзора современной малорусской этнографіи.

Первая глава названа: «строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ" (стр. 1—38). Изученіе формальной стороны малорусской народной поэзіи, въ частности думъ, почти непочатое поле; одинъ Потебня (а за нимъ отчасти и г. Нейманъ) работалъ въ этой трудной области; все, что сдѣлано Потебней въ этомъ направленіи, весьма цѣнно въ науч-

номъ отношеніи; въ особенности цѣнны его обширныя замѣчанія о размѣрѣ малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ, и о запѣвахъ. Г. Житецкій выдѣлилъ для спеціальнаго изслѣдованія думы. Онъ говоритъ о неравномѣрности и подвижности стиховъ въ думахъ, обиліи глагольныхъ риѳмъ, слитныхъ предложеній и синонимическихъ глаголовъ. Выборъ темы очень удачный; къ сожалѣнію, г. Житецкій обходитъ молчаніемъ такія важныя формальныя стороны, какъ повторенія, сравненія, общія мѣста, излюбленные тропы и фигуры. При опредѣленіи формальныхъ особенностей думъ не обращено вниманія на сродныя и сходныя явленія въ славянскомъ эпосѣ [1]). Наконецъ, авторъ не выдерживаетъ формальной стороны изслѣдованія и въ концѣ главы переходитъ отъ поэтическаго стиля къ фактическому содержанію думъ. Кое-какія мелочи представляются несовсѣмъ ясными или недостаточно обоснованными въ научномъ отношеніи; такъ, примѣръ „проклятій" въ думѣ на стр. 21 мнѣ представляется неудачнымъ. Здѣсь простое порицаніе вѣры бусурманской; проклятіе имѣетъ своеобразный характеръ; встрѣчается оно изрѣдка и въ думахъ, напр., въ думѣ про вдову и трехъ ея сыновей и въ думѣ про Коновченка. Что касается до архаизмовъ въ лексическомъ составѣ думъ, то авторъ говоритъ о нихъ лишь мимоходомъ, и эта сторона думъ требуетъ спеціальной филологической разработки. Желательно видѣть болѣе цѣльный и болѣе подробный подборъ эпитетовъ; если бы малорусскіе эпитеты въ думахъ были сопоставлены и сличены съ сербскими и болгарскими, въ такомъ случаѣ они получили-бы весьма цѣнное научное освѣщеніе, и отчетливо опредѣлилось-бы, насколько они національны и насколько общенародны. Въ концѣ главы авторъ высказываетъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній о присутствіи въ думахъ книжныхъ церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи, причемъ указываетъ на признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и стилѣ думъ. Какъ бы переходомъ къ послѣдующимъ главамъ служитъ слѣдующее основательное замѣ-

---

[1]) Автору, повидимому, неизвѣстны цѣнные труды по этой части Миклошача и Зимы.

чаніе г. Житецкаго, подтверждаемое не только думами, но еще въ большей степени колядками. „Въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ и обратно; много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научные пріемы мысли и рѣчи". Авторъ допускаетъ вліяніе школьной прозы на языкъ думъ и, обратно, вліяніе поэтическаго стиля думъ на школьную рѣчь.

Гораздо интереснѣе слѣдующія двѣ главы—о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Эти двѣ главы тѣсно связаны между собой и составляютъ какъ бы цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, любопытное по основной идеѣ о взаимодѣйствіи школьныхъ виршъ и народныхъ пѣсенъ. Здѣсь много драгоцѣнныхъ фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ отчасти изъ богатыхъ матеріаловъ въ „Кіев. Старинѣ", отчасти изъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Императорской публ. библ., архивѣ Е. Н. Скаржинской, въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ и въ кіево-михайловскомъ монастырѣ.

Во II гл. г. Ж. говоритъ о главныхъ составителяхъ виршей—странствующихъ школьникахъ и мандрованныхъ дьякахъ-пиворѣзахъ, объ отношеніи ихъ къ народу и, обратно, народа къ пиворѣзамъ. Въ III обширной главѣ авторъ говоритъ о нравоучительныхъ, нравоописательныхъ и историческихъ виршахъ. Изъ виршей нравоучительнаго содержанія отмѣчены вирши о смерти, страшномъ судѣ, правдѣ и кривдѣ; въ видѣ отдѣльнаго экскурса говорится о значеніи матери въ малорусской народной словесности и приведена дума о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ; связь этой думы съ виршами представляется сомнительной. Въ отдѣлѣ виршъ нравоописательныхъ разсмотрѣны рождественскія, воскресенскія и интермедіи, съ историко-бытовыми замѣтками о роляхъ крестьянина, козака и запорожца въ вертепной драмѣ. Въ отдѣлѣ историческихъ виршей отмѣчены „острожскій ламентъ", Duma kozackaia" и нѣкот. др.

Г. Житецкій разсматриваетъ вирши, какъ памятники самостоятельные и оригинальные, и часто даетъ къ нимъ историко-

бытовое коментаріи. Многое въ книгѣ г. Ж. получитъ совсѣмъ другое освѣщеніе, если принять во вниманіе, что и для малорусскихъ виршъ были свои западные образцы и оригиналы—мистеріи, легенды, пѣсни вагантовъ.

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не сгруппировалъ всѣхъ данныхъ относительно главныхъ мотивовъ нравоучительныхъ виршъ. Подборъ извѣстныхъ варіантовъ хотя бы одного мотива, напримѣръ, о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, далъ бы точку опоры будущимъ изслѣдователямъ опредѣлить основной характеръ и частныя детали по сравненію пѣсенъ этого разряда у разныхъ народовъ.

Мнѣ представляется нѣсколько опаснымъ дѣлать бытовыя пріуроченія пѣсни „Нема въ свити правды", въ томъ смыслѣ, что „къ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей (стр. 68). Можетъ быть такъ, и можетъ быть иначе; никакіе прочные выводы не могутъ быть сдѣланы до подбора матеріала, опредѣленія литературныхъ источниковъ пѣсни, вообще до обстоятельнаго, по возможности сравнительнаго литературнаго ея изученія. Къ тому же матеріалъ въ значительномъ количествѣ уже подобранъ въ концѣ „Политичныхъ писенъ украин. народа", и изслѣдованіе поставлено на твердую почву въ трудахъ акад. *Веселовскаго* и г. *Мочульскаго* (въ диссертаціи о Голубиной книгѣ).

Сочиненіе г. Ж. должно поднять вирши въ глазахъ людей науки, не только въ научномъ отношеніи—г. Ж. даетъ для этого новую точку зрѣнія, по сближенію виршей съ народными пѣснями,—но и въ отношеніи художественномъ; г. Ж. приводитъ изъ неизданныхъ виршей весьма поэтическіе отрывки. Авторъ мѣстами называетъ вирши и псальмы „трогательными" и даже „глубоко-трогательными", по поводу одной замѣчаетъ, что ее нельзя ни слушать, ни даже читать равнодушно. Дѣйствительно, между псальмами есть художественныя, и нѣтъ ничего удивительнаго, что лучшіе люди старой Малороссіи дорожили ими. Поэты-мыслители иногда сходятся и подаютъ другъ другу руки, не смотря на вѣковые промежутки времени, на большое различіе въ національномъ положеніи. Никто не станетъ утвер-

ждать, что *Пушкинъ* изучалъ малорусскія вирши XVII в., что онъ черпалъ что-либо изъ этого схоластическаго, забытаго, давно изсякшаго литературнаго источника. Ни заимствованія, ни вліянія не было; а совпаденіе вышло, и, что въ особенности любопытно, совпаденіе вышло между лучшими виршами и лучшими Пушкинскими стихотвореніями, что, вѣроятно, обусловлено извѣстной высотой художественнаго творчества. Въ малорусской виршѣ поэтъ жалуется, что онъ, проживая на чужбинѣ, „якъ орелъ понадъ моремъ повитремъ носытся"; т. е. ему негдѣ опуститься, негдѣ отдохнуть, и гибель грозитъ при малѣйшемъ упадкѣ силъ—прекрасный образъ горемыки на чужбинѣ, безъ поддержки рода-племени. У Пушкина „вскормленный на волѣ орелъ молодой" зоветъ изъ темницы узника туда, „гдѣ синѣютъ широкіе края". Далѣе Пушкинъ вспоминалъ объ орлѣ, когда говорилъ о толпѣ холодной, которая была своего рода чужбиной, о той толпѣ, надъ которой онъ, какъ орелъ носился. Возьмемъ далѣе слѣдующій отрывокъ:

Годи вамъ шумиты, зелены луги!
Годи млиты сердцю моему съ несносной тугы!
Якъ цвиты прекрасніи скоро одцвитають,
То такъ насъ молодыи лита скоро покидають...
Віють витры въ степу—запрету не мають:
Идутъ мысли въ день и нощи—спокою не дають.

Послѣдній образъ геніальный; для созданія его требовалось большое художественное дарованіе. Сравнимъ этотъ образъ съ слѣдующимъ превосходнымъ стихомъ Пушкина:

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ подвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ. . . .
. . . .
Затѣмъ, что вѣтру (и орлу,
И сердцу дѣвы) *нѣтъ закона.*

Кромѣ художественныхъ чертъ, въ виршахъ разбросано много мѣткихъ бытовыхъ и историческихъ подробностей (см. стр. 81, 89, 97, 131—136).

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что старинная вирша о пекельномъ Маркѣ (стр. 98) представляетъ простую передѣлку

весьма распространенной сказки о томъ, какъ солдатъ (мужикъ) разогналъ чертей въ аду. Объ этомъ мотивѣ см. „*Кіев. Стар.*" 1886, VI. 445, Zbiór Wiadomosci VIII, 301, *Добровольскаго*, Смолен. сборн. I, 285, *Аѳанасьевъ* IV, 494, *Караджича* (Приповѣдки) 301, братенская сказка въ *Κρυπτάδια* II 77.

Г. Ж., отмѣчая вліяніе виршъ на думы, между прочимъ останавливается на вертепѣ, но лишь на второй, бытовой его части. На первой части вертепа авторъ не останавливается, считая ее драматизированнымъ воспроизведеніемъ рождественскихъ виршъ. Есть еще одна сторона, совсѣмъ не отмѣченная г. Житецкимъ, это обратное вліяніе драмъ на вирши, доходящее даже до вырожденія мистеріи въ вирши.

Глава IV—„отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ"—мнѣ представляется неясной. Я не нахожу никакой внутренней связи между пѣснями о матери невольницѣ и думой о Марусѣ Богуславкѣ, между думами о Ѳеодорѣ Безродномъ и думами объ Ивасѣ Коновченкѣ. Авторъ говоритъ, что творцы думъ пользовались готовымъ пѣсеннымъ матеріаломъ. Замѣчаніе это приложимо ко всѣмъ крупнымъ произведеніямъ народной словесности, напр., колядкамъ. Въ думахъ личное творчество обнаруживается сильнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой отрасли словесности, именно въ зависимости отъ сильнаго вліянія интеллигенціи, въ частности школы. Есть пѣсни (именно свадебныя), которыя всецѣло держатся на обрядовой традиціи. Авторъ говоритъ: „то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы" (138). Здѣсь пѣснямъ дано слишкомъ рѣзкое противопоставленіе думамъ. Есть пѣсни, по силѣ чувства, по яркости образовъ, ничуть не уступающія думамъ— таковы многія пѣсни балладныя и семейно-родственныя. Мнѣ кажется, что о мотивахъ можно говорить въ томъ только смыслѣ, въ какомъ говорилъ о нихъ *Потебня* во II т. „Объясн. малор. пѣсенъ", т. е. какъ объ отдѣльныхъ простѣйшихъ эле-

ментахъ, напр., похвальба, неповиновеніе матери, способы погребенія, обращенія къ коню, къ бандурѣ и т. д. Говорить же объ отраженіи пѣсенъ въ думахъ невозможно по той причинѣ, что мы ничего не знаемъ о характерѣ и составѣ малорусскихъ пѣсенъ XVI и XVII вѣковъ; въ сравненіе вводятся пѣсни, записанныя въ текущемъ столѣтіи, неизвѣстнаго происхожденія, не подвергавшіяся научному изученію. Уважаемый авторъ на стр. 143—144 ссылается, напр., на пѣсни о смерти козака и вводитъ ихъ въ разрядъ думъ о порубанныхъ козакахъ. Я позволю себѣ здѣсь сослаться на свою попытку сравнительно литературнаго изученія этихъ пѣсенъ въ 1 кн. *Этногр. Обозр. 1893 г.*, причемъ мнѣ пришлось прійти къ діаметрально противоположнымъ выводамъ, въ смыслѣ историко-бытоваго и національнаго характера этихъ пѣсенъ. На мой взглядъ, эти пѣсни стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ малорусскаго эпоса.

Пятая глава—„творцы и пѣвцы думъ" состоитъ изъ отдѣльныхъ экскурсовъ, трудно поддающихся обобщенію. По крайней мѣрѣ, первый экскурсъ—„идея матери вдовы въ виршахъ, пѣсняхъ и думахъ"—выходитъ изъ рамокъ изслѣдованія. Авторъ творцами думъ считаетъ „шпитальныхъ старцивъ". Трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ: въ думахъ столько силы, жизни, опытности, что создать ихъ не могли шпитальные старики, по свидѣтельству Загоровскаго (†1580), „особы убогіе а здоровья неспособнаго люди", какими они оставались всегда, вплоть до настоящаго времени, по даннымъ историческихъ актовъ. Иниціатива въ созданіи думъ могла принадлежать и „старцямъ", но не шпитальнымъ, а былевымъ каликамъ-перехожимъ, странствующимъ бѣднякамъ воинамъ-пѣвцамъ.

Послѣдняя глава (VI) состоитъ изъ старинной записи думъ, по рукописи начала текущаго вѣка, принадлежавшей А. А. Котляревскому, съ перечисленіемъ варіантовъ. Всѣхъ пѣсенъ въ рукописи 16; изъ нихъ три думы (атаманъ Матіашъ, вдова Ивана Сирка и разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ) ранѣе извѣстны были въ небольшихъ извлеченіяхъ Костомарова въ „Русской Мысли". Подстрочныя указанія варіантовъ несовсѣмъ полны. Такъ, оставлены въ сторонѣ варіанты думъ въ польскихъ этно-

графическихъ сборникахъ, и кое-какіе изъ русскихъ источниковъ, напр. вар. думы объ Алексѣѣ Поповичѣ въ „Кіев. Стар.“ 1885 г. II 215.

При всемъ томъ „Мысли“ г. Ж. составляютъ цѣнный вкладъ въ научную литературу о малорусскихъ думахъ.

В. П. Милорадовичъ.

Имя В. П. Милорадовича не встрѣчается въ „Ист. рус. этн.“ г. Пыпина, и это вполнѣ естественно, такъ какъ первый этнографическій трудъ г. М.—сборникъ свадебныхъ пѣсенъ—напечатанъ въ Кіев. Стар. 1890 г. подъ иниціалами В. М., и полную подпись автора мы находимъ впервые лишь въ 1893 г., притомъ въ такомъ малодоступномъ органѣ печати, какъ Полтавскія Губ. Вѣдомости. Г. Милорадовичъ принадлежитъ къ числу мѣстныхъ этнографовъ, непосредственно черпающихъ изъ народныхъ устъ; это этнографъ Лубенщины, точнѣе сѣверной части лубенскаго уѣзда. Этнографическія записи г. М. отличаются подробностью, обиліемъ интересныхъ мелочей, а изложеніе ихъ въ печати искусной группировкой. Эти достоинства обусловлены крупнымъ образовательнымъ цензомъ автора и его хорошимъ личнымъ знакомствомъ съ народомъ.

Василій Петровичъ Милорадовичъ родился въ 1845 году, дѣтство провелъ въ х. Пручаяхъ прилукскаго уѣзда, въ верстѣ отъ Сокиренецъ, подъ впечатлѣніемъ думъ Остапа Вересая, „Записокъ о южной Руси“ Кулиша и затѣмъ „Основы“. Въ 1869 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ кандидатомъ юридическихъ наукъ, былъ нѣкоторое время помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при полтавскомъ окружномъ судѣ, съ 1875 г. мировымъ судьей въ лубенскомъ уѣздѣ и оставался въ этой должности до 1890 г.—до закрытія мировыхъ учрежденій съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Что г. М. не только хорошо ознакомился съ крестьянами, но пользовался съ ихъ стороны уваженіемъ и любовью, видно изъ благодарственнаго адреса, поднесеннаго ему при выходѣ въ отставку жителями м. Лукомья. Одно время г. М. испол-

нялъ должность предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, до избранія въ послѣднюю должность М. Т. Симонова (Номиса).

„*Свадебныя пѣсни въ лубенскомъ у. полтавской губ.*“ напечатаны въ приложеніи къ 7, 8 и 9 кн. „Кіев. Стар.“ 1890 г. Всѣхъ пѣсенъ 259 №№, цифра крупная, сравнительно съ другими сборниками. Записаны пѣсни въ сѣверной части лубенскаго у., преимущественно въ м. Снѣтинѣ и въ окрестныхъ селахъ—мѣстности, неизслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи. Пѣсни распредѣлены въ порядкѣ свадебнаго ритуала: сватовство, гильце и т. д. Языкъ совершенно чистый, правильный. Есть довольно большія пѣсни (напр. №№ 39, 67, 237). Вообще, по величинѣ и художественности свадебныя пѣсни, собранныя г. М., заслуживаютъ вниманія. Весьма нѣжными и своеобразными представляются пѣсни подъ №№ 64, 66, 82, 84, 104, 105, 112, 163, 242.

Статья „*Рождественскія святки въ сѣверной части лубенскаго уѣзда*“ напечатана въ 42, 43, и 44 №№ Полтав. Губерн. Вѣдом. 1893 г. и потомъ вышла въ отдѣльныхъ оттискахъ. Описанію рождественскихъ праздниковъ въ южной части лубенскаго уѣзда по рѣкѣ Оржицѣ посвящено нѣсколько писемъ *Номиса* въ „Основѣ“ 1861 г. Статья г. М. относится къ сѣверной Лубенщинѣ и трактуетъ о святкахъ гораздо подробнѣе, чѣмъ о томъ трактовалось въ живыхъ, но слишкомъ малочисленныхъ письмахъ Номиса. Статья г. М. раздѣлена на слѣдующія небольшія главы: Святвечиръ, Риздво, Колядки, Меланки, Щедривки, Гаданія, Новый годъ, Голодный святвеверъ и Ордань. Въ главѣ о святвечерѣ отмѣчено семейное значеніе праздества и въ частности поминальный его характеръ. Кутью оставляютъ и для умершихъ. По любопытному народному вѣрованію, „на стѣнѣ бываютъ видны смутныя отраженія маленькихъ, какъ куклы, тѣней, спускающихся къ столу“. Въ силу такого повѣрья набожные люди проводятъ ночь подъ Рождество въ чтеніи молитвъ. Въ главѣ о Риздвѣ говорится о праздничныхъ кушаньяхъ и внѣшнихъ пріемахъ колядованія, въ частности 2—3 слова объ искаженіяхъ колядокъ, искаженіяхъ, любопытныхъ для изучающаго народную этимологію (вм. Назаретъ—лазаретъ);

но замѣчаніе автора, что Вифлеемъ передѣлывается въ „прекрасный клеетъ“, вѣроятно, ошибочно, въ виду того, что такому искаженію гораздо скорѣе могло подвергнуться слово Назаретъ. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 14 колядокъ на извѣстные мотивы о переписи городовъ, взятіи въ дань красной дѣвицы, о райскихъ пташкахъ, о строеніи церкви волохами (подробно разобраны во II т. „Объясненій“ *Потебни*). Авторъ указываетъ на сходныя колядки въ сб. Чубинскаго и Антоновича и Драгоманова. Вообще, всѣ колядки г. М. очень древняго склада и принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ этого рода народной словесности. Одна колядка представляетъ сокращеніе и передѣлку думы про Ивася Коновченка. Есть и новые мотивы, напр., любопытный мотивъ о дѣвицѣ и косаряхъ. Въ главѣ о Меланкѣ находится интересное сообщеніе о мѣстныхъ переряживаніяхъ и разыгрываніи фарса объ ухаживаніи стараго волокиты за дѣвицей. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 11 щедровокъ, съ своеобразной передѣлкой евангельскихъ повѣствованій; съ любопытными народно-психологическими и бытовыми подробностями (напр. о причинахъ неудовольствія дочери на родителей за подарки), между прочимъ, одинъ сравнительно не важный варіантъ стиха о грѣшной душѣ. Въ главѣ о гаданіяхъ подъ новый годъ большею частью говорится о гаданіяхъ, отличныхъ отъ описанныхъ у Чубинскаго. Въ послѣдней маленькой главѣ находится замѣтка о гаданіи по полету птицъ (о гаданіи по полету птицъ см. *Сумцова*, Культурн. переживанія § 127).

Вообще записи г. М. отличаются такими интересными въ научномъ отношеніи подробностями, что нельзя не пожелать продолженія ихъ, тѣмъ болѣе, что, судя по изданнымъ матеріаламъ, въ народной словесности малоруссовъ лубенскаго уѣзда еще хранятся любопытные отзвуки старины.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Колядки религiозно-апокрифическаго содержанiя.

Рождество Христово, а равно и другiе связанные съ нимъ религiозные сюжеты занимаютъ мысль народа въ праздникъ, посвященный этому событiю. Такiя событiя, какъ рожденiе Спасителя, поклоненiе волхвовъ, избiенiе младенцевъ, бѣгство въ Египетъ и др. воспроизводятся очень часто въ колядкахъ, но не въ точныхъ формахъ евангельскаго повѣствованiя, а видоизмѣненныя по требованiю народно-поэтическаго созерцанiя, или же подъ влiянiемъ апокрифовъ. Послѣднiе вообще очень легко и охотно воспринимаются народомъ, благодаря тому, что въ нихъ Священная исторiя пополнена фактами народнаго мiровоззрѣнiя.

Мнѣ удалось собрать нѣсколько интересныхъ колядокъ, трактующихъ религiозные сюжеты, но по даннымъ апокрифическихъ сказанiй. Въ нижеприведенныхъ колядкахъ, почти во всѣхъ, мы встрѣчаемся съ странной формой соединенiя нѣсколькихъ апокрифовъ съ примѣсью народнаго творчества.

Колядка I.

Ой учера извечера Богъ народывъ,
Шо который небо и землю сотворывъ.
Породыла Дѣва Марiя Исуса Христа;
Породывши, въ шовкови пелюшки сповыла,
Въ золоти яселка вложила.—
Десь узялось схода сонця три волы,
Вси три жъ воны одвимъ духомъ дыхалы.
Десь узялысь схода сонця три цари;
Вси три жъ воны одну раду радылы,

Чимъ це дытя дарыты.
А першій царь святымъ миромъ мирувавъ,
А другій царь златомъ-срибломъ дарувавъ,
А третій царь золотую квитку въ ручки давъ.
Тожъ не квитка, тожъ перщій день Рожество—
Всёму миру хрещеному радисно.

(С. Молодецкое, уманск. уѣзда).

Эта колядка соединила сказанія о Рождествѣ Христовомъ съ поклоненіемъ волхвовъ. Эпизодъ о появленіи трехъ волхвовъ заимствованъ изъ апокрифа, легшаго въ основаніе стариннаго малорусскаго „*Казаня на Рождество Христово*“, изданнаго Ом. Калитовскимъ, стр. 13 [1]). Поклоненіе же волхвовъ передается согласно съ „Сказаніемъ Афродитіана“ (Порфирьевъ. „Апокрифич. сказ. о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“, 151—155). „*Шовкови пелюшки*“ и „*Золоти ясельки*“—элементы народнаго творчества. „Квитка—першій день Рожество—это олицетвореніе праздника, встрѣчающееся и въ другихъ колядкахъ (Чубинск. III, 451, № 80).

Настоящая колядка полнѣе варіантовъ Чубинскаго (III, 355, № 83, 84); Головацкаго же колядка (ч. III, 23, № 40) только вначалѣ касается Рождества Х—ва, а затѣмъ переходитъ къ другому событію, нареченію имени царями.

Колядка о чудесахъ, бывшихъ при рожденіи Христа.

II.

Зъ нового нарожденя Божого Сына,
Его же днесь породыла Дѣва-Марія;
Гоже намъ Христосъ народывся зъ Дивы, зъ Панны.
Нихто же того не дознае Божой тайны;
Нихто же того не дознавъ:
Тилько два знало..
Малее дитя новорожденне
Воздухомъ крыли.
Проспивалы три ангелы зъ небесъ летячи,
Темнои ночи, ясной звизды.
Христа глядючи.

---

[1]) Сумцовъ. „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифовъ, сказаній и пѣсенъ“, стр 65.

И въ городи Іерусалыми
Тамъ дыво стало:
Малее дытя новорожденне
Свитъ осіяло.
Осіяло небо-землю, малыи диты;
Днесь показало всякее древо разныи квиты.
Ой на Архангела Гавріила рики облылы.
А въ Рождестви Христовимъ сады зацвилы. —
Ой кланяйтесь люды царю й Богу,
Вдаряйте нызькій поклонъ Ёму додолу!
(С. Молодецкое, уманск. у.)

Наша колядка послѣ 6-го стиха имѣетъ пропускъ, который пополняется варіантомъ Чубинскаго, III, 368, № 92 А.

„Нихто того не дознае
Зъ Божой тайны!
Якъ дознало два ангелы,
Зъ неба летячи
Темнои ночи, ясной звизды,
Христа глядячи“.

Чудеса, о которыхъ говорится въ концѣ колядки, могутъ быть названы чудесами только по отношенію къ нашей, русской природѣ; о такихъ именно чудесахъ въ изданной апокрифической литературѣ не упоминается. Но, пожалуй, источникомъ для этихъ колядскихъ чудесъ могло послужить слѣдующее мѣсто въ „Четьихъ-Минеяхъ“ Макарія: Сотворишася же и чудеса велія по вселенней во время Рождества Христова. Въ самый бо той часъ, въ оньже чистотою запечатлѣнная дѣвическая врата Господь нашъ пройде, абіе источникъ воды въ той же пещерѣ истече отъ камене... а въ земли іудейстѣй винограды Енгаддстіи прозябоша зимѣ сущей“ „(Чет. Мин“. Макарія, изд. Синода 1880 г. 25 дек. стр. 167 на обор.).

Колядка соединяетъ нареченіе имени съ бѣгствомъ во Египетъ

III

Ой въ Русалыми, у Вифлееми.
Грай, море, грай!
Радуйся, земле,
Сынъ Божій народывся!
Пресвята Дѣва тамъ Христа мала;
Грай, море, грай!

Радуйся, земле,
Сынъ Божій народывся!
Въ ризы его вповивала.
(Припѣвъ).
Тамъ вси святи по-за стилъ силы.
(Припѣвъ).
Взялы пысаты, взялы читаты,
(Прип.)
Далы оны (и)мя святого Петра.
(Прип.)
Пресвятая Дѣва того мя не хотѣла.
(Прип.)
Взялы читаты, взялы пысаты,
(Прип.)
Яке Ему мя даты.
(Прип.)
Далы воны мя святого Павла.
(Припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ).
Пресвята Дѣва того мя не хотила.
Взялы пысаты, взялы читаты,
Яко Ему мя дати.
Далы воны мя Исуса Христа.
Пресвята Дѣва то мя злюбыла.
До престолу прыступыла,
Прыступыла—въ ризы завыла,
Занесла Его въ церквы-косцелы.—
Ягипски сыны Христа глядилы:
„Пресвятая Дѣва, десь Христа дѣла?"
Занесла-мъ Его въ высоки горы.
Ягипски сыны горы скопалы,
Горы скопалы, Христа не взялы.
„Пресвятая Дѣва, десь Христа дила?"
Занесла-мъ Его въ скалы высоки.
Ягипски сыны скалы злупалы.
Скалы злупалы, Христа не взялы.
„Пресвятая Дѣва, десь Христа дила?"
Занесла-мъ Его въ лисы густыи.
Ягипски сыны лисы зрубалы,
Лисы зрубалы, Христа не взялы.
„Пресвятая Дѣва, десь Христа дила?"
Занесла-мъ Его въ травы шовкови.
Ягипски сыны травы скосылы,
Травы скосылы, Христа не взялы.
„Пресвята Дѣва, десь Христа дила?"
Занесла-мъ Его въ церквы-косцелы.

Ягипски сыны въ церквахъ вынайшлы,
Въ церквахъ вынайшли, на муки взялы.
(С. Рыхта, каменецкаго уѣзда).

Въ первой части просто сказалось народное творчество. По замѣчанію А. Потебни, „Святые судятъ имя Христу, какъ судится доля“. (Обз. поэтич. мотивовъ колядокъ и щедровокъ. Р. Ф. В. 1887 г. № 1, 33).

Вторая половина имѣетъ въ виду апокрифъ—бѣгство во Египетъ. Эта колядка чаще раздѣляется на двѣ: 1) на нареченіе имени и 2) преслѣдованіе Христа: варіанты ея довольно многочисленны. (См. Чубинск. Ш, 333, № 62 А; Головацк. П, 12 № 16; 13, № 19; 39, № 59; 27, № 37, Ш, 23, № 30; 102, № 2; II, 25, № 35; 26, № 36; Ш, 25, № 32; 112, № 5).

Колядка IV.

Розиграй, Давиде,
Богъ изъ тебѣ прійде,—
Отъ Сигона до Корона
Сынъ Маріинъ прійде.
Вдарте, струны, смило,
Веселыся, Диво:
Сынъ Маріинъ возлюбленный
Взялъ на себе тило.
Есынъ изумывся,
Що Богъ народывся,
Зоставывши престолъ въ неби,
На землю явывся.
Гиродъ—царъ проклятый
Ставъ барзо рыдаты;
Винъ же думавъ, що Богъ прыйшовъ царство отбераты.—
Гироде-враже,
Всяке тее скаже,
Що Ирода Виөліимъ
На викъ виковъ звяже.—
Ката выпдендрують,
Смерть дытятя готують;
На гори, на Коліи
Дитокъ презентують.
Дуки обступылы,
Бога прогнивылы,
14 тысячъ дитокъ выгубылы.
Тамъ матка стояла,

Зъ жалю умливала;
Вона своихъ чотырохъ сынивъ
Смерти дожидала.
Мы благодаримо,
Дары прыносимо,
Рожденому, безсмертному
Поклинъ ударимо!

(с. Молодецкое, уманск. у.).

Колядка V.

Шо то е въ свити за предывна новына,
Що Дива Марія сына родыла.
Она Его породыла,
Она Его увидыла Пречиста Дива.
Ёсыпъ старушикъ при жлоби стоить,
Для Исуса Христа пелены строить,
А Марія сповывае
И до себе прыгортае:
„Сусе, сыне мій!“
Ангельскіе хоры слычно заграли,
Новорожденному поклонъ отдалы
И рожденному у яслахъ
Богу едыному... есть миръ на земли.
Ишло три крулевны съ подарункамы;
Шла предъ вымы звизда облакамы.
Войшовъ Иродъ тай пытае,
Ще й до себе завертае:
— „Куды-жъ вы йдете?“
— Ой мы йдемо до Исуса Христа,
Дороги подарки мы Ёму несемо.
— „Ой прошу-жъ васъ—исходить
И до мене повернить, идучи съ пути.“
— Мы жъ тамъ булы, поклонъ отдалы,
До царя Ирода мы повертали.
Насъ ангелъ провожае,
Отъ Исуса повертае на инчую путь.
А Иродъ сомлывый дуже сумувавъ;
Взявъ свое войско стройно оготувавъ,
Казавъ дитки убываты
Кровъ невынну пролываты,
Христа шукаты.
Иродъ проклятый дитей убывае;
Несчаслыви матки плачуть и рыдають;
— „Ой, дытынко моя мыла!
Що-жъ ты злого наробыла,
Печале моя!“

(Балта, подольск. г.)

Колядки №№ 4 и 5 имѣютъ сходство съ галицко-русскимъ апокрифомъ-пѣснею, изданной Калитовскимъ, стр. 22—25.

(См. варіанты у Чубинск. III, 328, № 56, 374, № 98 А; 378, № 101, 102, 103).

Колядка VI.

На Осіяньски гори церква стоить;
Въ тыи церкви три гроба лежить.
Аллилуя, аллилуя, Господи, помылуй
Три гроба лежить.
(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).
Въ першимъ гроби самъ Господь лежить;
(Припѣвъ).
Въ другомъ гроби Дива-Марія;
Въ третимъ гроби отець Мыколай.
Надъ Господомъ свичи палають;
Надъ Дивою-Маріею ангелы поють;
Надъ Мыколаемъ кныги читають,
Кныги читають, правды шукають.
Не найшлы правды, та найшлы крывду:
Сынъ на батька руку здыймае,
А братъ на брата камень готуе;
Сусида на сусида яму копае.
Сегодня копавъ, завтра самъ упавъ.
Шо теперка есть за новына
Шо (у) Рождеству Христовому
Рожа зацвила;
Съ тои рожи пташка злетила
Та полетила по-пидъ небеса,
Взялы небеса растворылыся,
Мы Рождеству поклоныплыся!
(С. Молоденкое, уманск. у.).

Колядка VII.

Дива Марія по пидъ гору шла;
Аминь, аминь, аллилуя,
По-пидъ гору шла;
(Припѣвъ послѣ каждаго стиха).
Здыбало іи два-три жидова:
— „Дива-Марія, де Христа дила?"
— Занесла Ёго въ густыи лозы.
Лозы зрубалы, Христа не найшлы.
— „Дива-Марія, де Христа дила?"

— Занесла Его въ Чорное море.
Пишла жидова море вылывать,
Христа доставать.
Море заграло—жидивъ забрало.
А Исусъ Христось на Сіяньски гори;
На ти гори церковка стоить,
А въ ти церковци три престола стоять;
А на тыхъ престолахъ три гроба лежать
Въ первымъ гроби Иванъ Крестытель,
А въ другомъ гроби Сусъ Христосъ лежить,
А въ третимъ гроби Божа-Маты.
Надъ Иваномъ Хрестытелемъ кныги читають,
А надъ Дивою-Маріею свички палають,
А надъ Сусомъ Христомъ рожа зацвила;
А съ тои рожи вылетивъ пташокъ;
Полетивъ же той пташичокъ по-пидъ небеса.
Ему небеса растворылыся;
Ему вси святыи поклоныдыся.

(Балта)

Три гроба колядокъ, по замѣчанію проф. Сумцова, есть народная переработка апокрифическаго сказанія о трехъ крестныхъ древахъ. (Сумцовъ. „Очеркъ ю. р. ап. сказаній", 86, 87).

„Кривды" колядки VI имѣютъ сходство съ выраженіемъ апокрифа: „О горе тому, иже свадитъ дворъ з дворомъ или сусѣда с сусѣдомъ и брата з братомъ [1]".

„Пташокъ", который летитъ въ небеса, по замѣчанію галицкой колядки, есть Сынъ Божій: „Не е то пташокъ, лемъ самъ милый Господь." (Головацк. II, 7, № 9).

Колядка VIII.

На Рождество по вечери
Шовъ Господь зъ вечори;
Ишовъ Господь дорогою,
Здыбавъ дивку зъ водою.
Дай, дивко, воды пыты,
Сластны уста закропыты.
— „Не дамъ воды напытыся,
Бо це вода не чиста,
Накрапала зъ клыну лыста
Зъ клыну лысть накрапала,

---

[1]) Тихонравовъ. Памятн. отреченн. р. лит. „Епистолія о недѣлѣ", 320.

А зъ быстрыхъ рикъ настикала."
— Ты, дивко, сама нечиста:
Ця вода пречиста;
Бо ты сына породыла,
У цій води утопыла.
— Стала дивка—остовпила,
Зъ плечей видра упустыла.
— „Чикай, дивко, не лякайся,
Иды до церкви—сповидайся,
За вси грихи признавайся....
Сами звоны зазвонылысь,
Сами врата растворылысь,
Сами свичи засвитылысь,
Сами кныги розложылысь.
Тылько дивка въ храмъ вступыла,
Сыра земля розступылась.
Гришна дивка провалылась.
Святый Петро, святый Павле,
Берить ключи пекельни,
Пускайте души спасенни,
Тылько тои не пускайте,
Що въ недилю рано ила,
А въ пьятныцю писенъ пила,
А въ суботу не вмывалась,
Отцю й неньци не укоралась.

(С. Молодецкое, уманск. у.).

Эта колядка представляетъ изъ себя художественно народную переработку Евангельскаго сказанія о Самарянкѣ, и сведеніе въ одно апокрифовъ объ іерействѣ І. Христа, „Хожденія Богородицы по мукамъ" и "Листа Небеснаго".

Мотивъ изъ „Хожденія Богородицы по мукамъ" варьируется въ двухъ щедривкахъ.

Щедривка I.

Ой сивъ Христосъ та вечераты.
    Щедрый вечиръ!
    Добрый вечиръ!

(Припѣвъ послѣ кажд. стиха).

Пришла до Его та Божая Маты:
— „Отдай, Сыну, та раиськіи ключи
Одымкнуты рай и пекло,
Выпускаты грышни души;
Тилько не выпускаты идной души,

Що отця и матирь та налаяла,
Не налаяла, а подумала.

(Балта).

Щедривка II.

Ой на ричци на Ордани;
Щедрый вечирь!
Святый вечирь!
Тамъ Марія рызы прала;

(Прип.).

Суса Христа сповывала.
Прыйшовъ до Неи Сынъ Іи:
— „Ой дай, Ненько, пекельныи ключи
Выпускаты гришни души;
Тилько тои не выпустыты,
Що въ недилю рано ила,
А въ пьятныцю писни пила,
Въ суботу не вмывалась,
Рано неньци не кланялась.

(Балта).

Колядка IX.

Пасли пастыри вивци на гори.
Зобачилы Матирь-Божу на скали.
Спасы Боже!
На той скали стопку знаты,
Де стояла Божа Маты.

(Прип.).

Тамъ воду беруть,
Всимъ вирнымъ дають
Спасы, Боже!

(Волынск. г. около Почаева. Сообщила Н. И. Лашкова).

Колядка опоэтизировала появленіе извѣстнаго почаевскаго источника; а, можетъ быть, въ содержаніе ея вошло апокрифическое сказаніе о Рождествѣ Христа. „Ноги Богородицы погрузились въ камень, „яко у тѣсто; позналъ бо и камень безумный на себѣ Творца своего... И ту до днесь лежитъ той камень, а въ немъ стопи ногъ пр. Богородицы, и тамъ теперь опочивокъ страннымъ и изъ-подъ того камня истекла керныця, пречудная, и вода ея есть бѣла, яко млеко, и сладка, яко медъ... и тутъ стоитъ церковь во имя ея святое.“ (Калитовскій, 12 [1]).

---

[1]) Сумцовъ. Очеркъ ю.-р. апокриф. сказ. 65.

Колядка X.

Стоитъ береза тонка, высока,
Лыстомъ широка.
Ой, Дай-Боже!
На ти березп сывъ сокилъ сыдыть;
(Прип.)
Ой сыдыть же винъ та далеко выдыть;
Ой выдыть же винъ на мори корабля;
На тимъ корабли Панна Марія
Шила кошулю своему крулю:
Коло комира мисяць та зора;
Коло пазушки золоти ланцушки;
Коло рукавцивъ—разни пташечки;
Коло пелыны туры-гуланы.
Мисяць та зора будутъ свитыты,
Золоти ланцушки будутъ бражчаты,
Разни пташечки будутъ спиваты,
Туры-гуланы будутъ гуляты
(С. Молодецкое, уманск. у.).

Въ этой поэтической колядкѣ сочетался и апокрифъ объ искусномъ тканьѣ Богородицы (Первоевангеліе Іакова, гл. X), и сказаніе, передаваемое І. Голятовскимъ въ „Небѣ Новомъ, гл. 8, что Пр. Дѣва соткала Іисусу одежду; одежда эта росла съ возрастомъ Іисуса [1])“.

Рубашка вышита искуснымъ узоромъ, который буквально живетъ и играетъ передъ нами:

„Мисяць та зора будутъ свитыты,
Золоти ланцушки будутъ бражчаты,
Разни пташечки будутъ спиваты,
Туры-гуланы будутъ гуляты.“

Этотъ пріемъ народнаго живописанія есть остатокъ того первобытнаго времени, когда слово и возникающій изъ него образъ еще отождествлялись. Это тотъ же пріемъ, которымъ изображенъ *щитъ Ахиллеса.*

Хр. Ящуржинскій.

[1]) Сумцовъ. Очеркъ ю.-р. апокриф. ск. 160.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Въ 1813-мъ году мать, утомясь завѣдываніемъ чужимъ хозяйствомъ и благодаря притѣсненіямъ нѣкоторыхъ недоброжелателей, перешла со всѣмъ семействомъ въ свой домъ. Между тѣмъ назначенное матери графомъ за службу въ видѣ пенсіи и на половину не выполнялось. Здѣсь матери по хозяйству помогала дочь ея Настасія. Мать прикупила еще три огорода, сѣнокосъ и поля на всѣ три руки, наняла двухъ батраковъ и начала заниматься хлѣбопашествомъ. Трофимъ, ея прежній распорядитель, вышелъ на свое хозяйство. Черезъ пять лѣтъ у матери уже было обширное хозяйство, особенно много было рогатаго скота: коровъ, воловъ лучшей породы на два плуга, много овецъ, которыхъ она продавала по пятидесяти штукъ одновременно, помню, помѣщику Ивану Товстолѣсу. Когда я уже окончилъ ученіе и сдѣлался священникомъ, то, бывая у дяди по женѣ о. Трофима Эсманскаго, вмѣстѣ съ нимъ бывалъ и у его прихожанина, помѣщика Товстолѣса. Онъ между разговоромъ шутилъ: да я вашу мать очень хорошо помню; она моя овечья сваха: у нея я купилъ для развода пятьдесятъ штукъ; нѣсколько лѣтъ онѣ хорошо велись, а послѣ случилась болѣзнь, и онѣ всѣ повыгибли. Въ нашей мѣстности это періодически бываетъ; вслѣдствіе этого и крестьяне, хотя и имѣютъ боль-

[1]) См. „Кіев. Стар." 1895 г., № 1.

шую нужду въ разводѣ, часто подвергаются лишенію ихъ, а это бываетъ оттого, что годами на травѣ бываютъ пагубныя росы.

Учить насъ ходилъ на домъ одинъ изъ экономическихъ писарей, Ильинецъ, парень скромный и обладавшій хорошимъ почеркомъ. Онъ передалъ намъ, что въ экономіи получено извѣстіе, что молодой графъ Андрей Ильичъ Безбородко умеръ за границей въ Польшѣ и что, по завѣщанію, тѣло его привезутъ для погребенія въ Домницкій монастырь. Мать отправилась по дѣламъ къ управляющему, вслѣдствіе неполученія полностью провизіи и денегъ, назначенныхъ по службѣ, и тамъ узнала, что дѣйствительно молодой графъ умеръ въ чинѣ полковника, командуя козачьимъ полкомъ. Вѣроятно, онъ только числился командиромъ: по своему болѣзненному состоянію и идіотизму онъ не могъ самъ управлять, но, конечно, имѣлъ тогда право, по рангу отца. Тѣло его, не помню, какъ скоро, было перевезено, какъ говорятъ, въ оловянномъ гробѣ въ Домницу и здѣсь въ Соборной церкви Рождества Богородицы было погребено на лѣвой сторонѣ. Здѣсь вверху находится икона св. Андрея Первозваннаго, предъ которою горитъ во время богослуженія неугасаемая лампада, а внизу вдѣлана въ стѣну позлащенная таблица съ черными словами, означающими годъ рожденія, службу, чины, годъ, число и мѣсто смерти: онъ умеръ въ мѣстечкѣ Заркахъ въ Польшѣ. По предписанію изъ Петербурга, погребеніе было устроено на иждивеніе Стольнинской экономіи. Оно было великолѣпно: было приказано, чтобы при погребеніи присутствовали всѣ люди стольнинской экономіи, бывшіе близкими къ графу, а также управляющіе экономіями черниговской и полтавской губерній. Говорятъ, болѣе недѣли шло приготовленіе. Въ издержкахъ, нужныхъ на угощеніе, не было остановки. Изъ Стольнаго привозились вина, которыхъ послѣ выѣзда графа тамъ оставалось большое количество, и все, что было нужно, ибо со смертію графа кончилась и угасла фамилія Безбородка. Главными распорядителями здѣсь были Милорадовичъ, Богунъ и стольнинскій управляющій Роговичъ. Окончивши погребальную церемонію и угостивши великолѣпно все духовенство, архимандритовъ, протоіереевъ, іереевъ, монаховъ,

причты, а также дворянство и весь стекшійся по сему случаю людъ и раздавши духовенству приличные графскому достоинству подарки и награды, распорядители возвратились въ Стольное, а вмѣстѣ съ ними и большая часть высокопоставленныхъ гостей. Здѣсь Милорадовичъ объявилъ, что онъ и князь Викторъ Павловичъ Кочубей назначены графомъ Ильей Андреевичемъ опекунами надъ малороссійскими экономіями, а помощникомъ ихъ—главноуправляющій. При этомъ онъ сказалъ, что едва-ли уже графъ пріѣдетъ въ Стольное, по причинѣ разстройства здоровья, и что теперь по всѣмъ дѣламъ должно обращаться къ главноуправляющему. Когда изъ Стольнаго отбыли всѣ гости, Милорадовичъ и Богунъ стали провѣрять все имущество, и контора дня три дѣлала опись всему наличному имуществу, подъ предсѣдательствомъ Богуна и Роговича. Составлены были новыя росписанія объ оставшихся служителяхъ, объ увольненіи большей половины прежняго штата и о назначеніи имъ пособія. По приказанію Милорадовича, матери моей было назначено пособіе, въ родѣ пенсіи, состоявшее изъ достаточнаго количества провизіи для нея съ семействомъ и 50 рублей.

Въ экономіи докторомъ по прежнему остался Гаврило Васильевичъ Самарскій. За нимъ въ назначенные дни или въ экстренныхъ случаяхъ отправлялись изъ экономіи лошади.

При отъѣздѣ Милорадовичъ по секрету объявилъ моей матери, что графъ опасно боленъ и что на выздоровленіе его нѣтъ надежды.

Послѣ сего въ графскомъ домѣ послѣдовали большія перемѣны: парадныя ворота были забиты, служеніе въ дворцовой церкви прекратилось, священникъ Даніилъ Игнатовичъ умеръ; входъ въ садъ запрещенъ, всѣ фортки и ворота забиты; не стало прежнихъ франтовски одѣтыхъ камердинеровъ, лакеевъ и кучеровъ, которые теперь стали похаживать въ бекешахъ, а другіе и въ свиткахъ, изысканнѣе только пошитыхъ.

Насъ стали приготовлять къ отправкѣ въ Макошинъ къ какой-то золотошвеѣ, живущей въ прежде бывшемъ монастырѣ. Не знаю, по какимъ соображеніямъ и меня отправили вмѣстѣ съ сестрами Анастасіей и Маврой. По пріѣздѣ туда насъ по-

мѣстили въ занимаемомъ ею маленькомъ домикѣ съ маленькой кухней. Была тутъ же учителька по имени Ирина Ивановна, изъ дворянъ, поступившая сюда изъ упраздненнаго Кербитовскаго монастыря. Это была женщина лѣтъ 30, небольшаго роста, довольно приличная изъ себя, сильно нахрамывавшая на одну ногу. Мы приняты были ею съ особеннымъ благоволеніемъ. Вскорѣ еще прибыли изъ Стольнаго двѣ дѣвочки Марченковыхъ, и еще двѣ дѣвочки. Кромѣ того ходили еще двѣ макошинскія поповны, дочери свящ. Артемія Крестинскаго, дѣвочки очень красивыя, и родственникъ ихъ Троцкій. Ученіе наше было такое: поутру поучивши насъ читать, она заставляла дѣвочекъ шить сначала заполочью утиральникъ по сдѣланнымъ узорамъ, а намъ—мальчикамъ—задавала уроки читать или линеила тетради и заставляла писать, а сама уходила къ священнику Платону Иверскому, недавно посвященому, и молодой его попадьѣ, гдѣ часто оставалась обѣдать, отколь присылала прислугу, и намъ давали обѣдать. Послѣ обѣда мы бѣгали по огромному цвинтарю, ибо дворъ поповъ былъ подалѣе отъ цвинтаря, ловили мотылей, драли воробьевъ и прочихъ птицъ, сбирали подъ церковью воскъ, бѣлый, зеленый и желтый, дѣлали крестики и усыпали ихъ блестящими крылышками букашекъ. Здѣсь было нѣсколько деревъ, на которыхъ не дозрѣвало ни одно яблочко, ни одна грушка. Когда мнѣ лѣтъ черезъ пятьдесятъ пришлось священникомъ наблюдать оный приходъ Макошинскій, я нашелъ церковь почти въ томъ же состояніи; новинку составлялъ только подведенный каменный фундаментъ. Изъ прежнихъ, кажется, 20-ти деревъ стоятъ еще три большія груши, такъ что я на память рвалъ съ нихъ уцѣлѣвшіе плоды и даже натрусивши принесъ въ квартиру. Груши эти, полежавши дня три, оказались отличны.

Церковь сія знаменовалась чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, въ полъ-аршина вышиною и болѣе полторы четверти шириною, въ прекрасной серебряной ризѣ, украшенной вѣнцомъ съ алмазными каменьями. По преданію, къ ней изъ дальнихъ губерній пріѣзжали богомольцы, особенно женщины, несчастныя

въ семейной жизни отъ своихъ мужей. Еще въ то время, когда мы учились, пріѣзжали изъ курской, полтавской губерній и другихъ въ богатыхъ экипажахъ и останавливались у священника Иверскаго. Въ то время онъ жилъ богато и роскошно. Впослѣдствіи, лишившись жены, онъ распьянствовался, но по его богатству и уму онъ былъ членомъ сосницкаго духовнаго правленія. Его двѣ дочки, вышедшія замужъ, сдѣлавшись священницами, унаслѣдовали его страсть. Онѣ были весьма красивыя женщины.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, за нами присылали лошадей и брали насъ въ экономическій дворецъ. Зимою здѣсь для насъ отапливали комнаты, въ коихъ постоянно никто не жилъ, но которыя существовали только для пріѣзда управляющаго, ревизоровъ, а также для исправника или засѣдателя, если случались судныя дѣла.

Насъ поили чаемъ, готовили обѣдъ. Чего особенно обильно здѣсь было, такъ это свѣжей рыбы, т. к. вблизи Десна, свои озера, невода и крестьяне. Къ тому же и домашней птицы было довольно. Приставленная для присмотра за нами женщина водила насъ въ церковь, находившуюся близъ самаго дворца надъ Десной или, правильнѣй сказать, надъ лиманомъ, прорѣзавшимся отъ Десны. Въ этой церкви священствовалъ Артемій Крестинскій, дѣдъ нынѣшнихъ Крестинскихъ. Впослѣдствіи оставлена была одна церковь, и Крестинскій перешелъ въ Величковку, на родовой приходъ отца. Зимою, помню, въ амбарахъ стояли старыя лодки, часто наполненныя большою рыбой, наловленной для продажи. Я мало гдѣ видѣлъ крупную рыбу такой величины: лещовъ, щукъ, судаковъ, окуней и пр.

Въ понедѣльникъ насъ рано отвозили въ школу съ провизіею, и мы занимались самымъ ничтожнымъ ученіемъ; только дѣвицы постоянно шили въ пяльцахъ.

Церковь здѣшняя, Покровская, богата ризницею, собственно разными шитыми золотомъ ризами и подризниками; богата также и сосудами серебряными, собственно потому, что здѣсь былъ женскій монастырь, славившійся по чудотворному образу. Благодаря прежнему богомольному ихъ служенію и

увеличенію разсказовъ о чудодѣйственной силѣ иконы, сюда стекалась масса богомольцевъ. Видно, здѣсь были пожертвованія отъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, на одной изъ лжицъ отчеканены слова: „за упокой убіенной княгини Софіи". Тоже значится на чашѣ и дискосѣ. О какой княгинѣ здѣсь говорится, неизвѣстно. Здѣсь есть крестики около иконы съ мощами. Въ прежніе годы въ монастыряхъ было въ обычаѣ доставать св. мощи для привлеченія народа. Здѣсь невдалекѣ отъ Макошина существовалъ, ближе къ селенію Слободкѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Макошина, Макошинскій монастырь съ каменными постройками—церковью и колокольней, въ которомъ жилъ патріархъ Паисій, возвратившійся впослѣдствіи въ Грецію. Здѣсь нынѣ находятся только груды кирпичей и прочаго мусора. Мѣсто это очень живописно. Развалины эти были куплены за безцѣнокъ для строившагося въ Сосницѣ каменнаго тюремнаго замка.

Церковь Макошинская, находящаяся отъ берега Десны на разстояніи четверти версты, по архитектурѣ довольно красива, съ тремя высокими куполами, въ два яруса. Надъ женскимъ предѣломъ хоры, гдѣ во время многолюдія поютъ дьячки; напѣвъ хорошій отъ прилива лицъ, воспитывавшихся въ Мѣнскомъ училищѣ, изъ котораго чаще всего бываютъ головы, писаря и засѣдатели; а также старосты и совѣстные судьи. Другую достопримѣчательность этой Покровской церкви составляетъ картина на холстѣ во всю стѣну въ предѣлѣ женскомъ, изображающая страшный судъ или пришествіе Спасителя судить живыхъ и мертвыхъ. Подобную картину я видѣлъ въ Лаврской большой церкви, въ лѣвомъ предѣлѣ, только писанную просто на стѣнѣ. Приходящіе богомольцы часто останавливаются передъ нею, и дьячокъ или другой какой-нибудь письмакъ разсказываетъ имъ по своему, какъ понимаетъ. Здѣсь была колокольня огромная, хотя тоже деревянная. Во второмъ ярусѣ оной была небольшая церковь во имя Рождества св. Іоанна пророка Предтечи и знаменитый колоколъ болѣе ста пудовъ. Это все остатки монастыря, умѣвшаго стяжать громкую славу. Колокольня сія сгорѣла во время грозы около 30-го года сего столѣтія. Въ колокольнѣ и въ церкви тамошней все сгорѣло. Здѣсь 24-го іюня собирается

на площади близъ колокольни незначительный торгъ, къ вечеру оканчивающійся пьянствомъ и кострами, горящими ближе къ Деснѣ, гдѣ большое пространство.

Знаменательное событіе нашей школы. Учителька наша вмѣстѣ съ попадьей уѣхала въ Рыхлы на богомолье. Изъ Стольнаго намъ прислали большихъ грушъ. Вся наша школа на общемъ совѣтѣ рѣшила, что и мы будемъ говѣть; меня назначили священникомъ. Изъ грушъ, бывшихъ въ то время достаточно мягкими, надавили цѣлую сахарницу соку вмѣсто вина. Послѣ обѣда мы стали приготовляться къ исповѣди въ комнатѣ, спальнѣ учительки. Мнѣ сдѣлали эпитрахиль изъ шитыхъ рушниковъ и поочередно подходили ко мнѣ къ исповѣди. Настасія исправляла должность дьячка, зажигала и тушила свѣчи, курила ладономъ. Послѣ исповѣди уже всѣ положили не ѣсть. Это было въ концѣ августа. На завтра поутру устроили мнѣ ризы изъ платковъ, надѣли длинную рубашку вмѣсто подризника, эпитрахиль сдѣлали изъ шитаго рушника. Настасія и прочіе читали и пѣли. Во время моего приготовленія къ причастію двери были затворены или закрыты платкомъ.

Наконецъ, двери отворились, и я вышелъ съ моею чашею, произнося подсказанныя мнѣ слова: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“. Всѣ подходили по очереди, и я вливалъ имъ въ ротъ по три ложечки. Затѣмъ они запивали, а послѣ того раздѣвали меня и поздравляли другъ друга съ принятіемъ тайнъ.

Чего только дѣтство не выдумаетъ, но оно крѣпко запечатлѣвается.

Мы пробыли болѣе года въ Макошинѣ. Къ Рождеству за нами изъ экономіи прибыла кибитка зимняя, и мы на праздникъ отправились въ Стольное, вѣроятно, въ концѣ 1813 года. Пробывши праздники, я больше уже не возвращался въ Макошинъ.

Въ домъ отца Василія Воронкевича прибыли его родственники четыре мальчика Воронкевичи, сироты, бывшіе до того на воспитаніи въ деревнѣ Рогозкахъ въ домѣ тоже родственника опекуна Тимоновича. Здѣсь, въ Стольномъ, договоренъ былъ учитель изъ Березнаго, Щербацкій, не окончившій семинаріи, къ

которому и я былъ зачисленъ въ число учениковъ. Отсель уже начинается моя наука для поступленія въ уѣздное училище. Таковое ученіе происходило въ домѣ Воронкевича въ отдѣльной комнатѣ. Здѣсь приготовлены были книжки, нужныя для поступленія въ уѣздное училище, но мнѣ по нимъ весьма трудно было учиться послѣ славянскихъ книгъ. Воронкевичи то были уже нѣсколько подготовлены, особенно старшіе, Андрей и Василій. Помню, долго была темна вода во облацѣхъ воздушныхъ, пока немного не пріучился къ реформѣ и новому порядку науки, что называлось тогда „заправлять для поступленія“ въ уѣздное духовное училище. Они, Воронкевичи, воспитывались въ такомъ домѣ, гдѣ были гувернеры и гувернантки. Благодаря этому они отлично танцовали, а Андрей порядочно игралъ на скрипкѣ. Мнѣ пришлось быть съ ними года четыре неразлучнымъ по наукѣ и квартирѣ. Пробывши въ Стольномъ до каникулъ, мы выѣхали въ началѣ іюля въ Березное, въ собственный ихъ, Воронкевичей, домъ. Они были тамошніе жители. Отецъ ихъ былъ военный штабъ-лѣкарь Михаилъ Воронкевичъ, оставившій года за три предъ симъ ихъ сиротами, такъ какъ и мать ихъ вскорѣ умерла. У нихъ была еще сестра Марія Михайловна, тоже поступившая отъ Тимоновича къ о. Василію Воронкевичу и вышедшая впослѣдствіи замужъ за Николая Ивановича Симентовскаго въ Волосковцы и нынѣ уже вдова. Надобно сказать, что въ живыхъ отъ всѣхъ четырехъ Воронкевичей и ихъ сестры не осталось ни роду, ни племени, а также угасъ богатый по состоянію родъ Тимоновичей въ Рогозкахъ, и имѣніе продано съ аукціона за казенные и частные долги. Его купилъ Василенко, нынѣ умершій и оставившій капиталъ и состояніе тысячъ на сто какому-то племяннику.

По прибытіи въ Березное мы помѣстились въ домикѣ, уже довольно старомъ, состоящемъ комнатъ изъ трехъ и кухни. Тутъ уже къ намъ договоренъ былъ учитель изъ философіи, тамошній священническій сынъ Николай Петровичъ Гордіевскій, изъ хорошихъ студентовъ. Онъ перешелъ и жить къ намъ, потому что по окончаніи каникулъ онъ обязанъ былъ уже устроить въ Черниговѣ квартиру и оставаться домашнимъ нашимъ учите-

лемъ, потому что и Воронкевичи всѣ поступили въ духовное училище. Мы обязаны были поутру входить въ его спальню, гдѣ онъ, сидя или полулежа на кровати, выслушивалъ наши уроки. У него всегда былъ большой запасъ грушъ и яблокъ, и онъ при неудачномъ отвѣтѣ или повтореніи разъясненія и незнаніи бросалъ обгрызками яблока или груши въ лобъ, и это иногда продолжалось не менѣе часа, послѣ чего онъ отпускалъ насъ снѣдать или побѣгать по саду, который былъ обширенъ, но старъ. Было два сада. Когда стали поспѣвать яблоки, установился такой порядокъ, что кто раньше встанетъ, тотъ соберетъ найлучшія. Каждый складывалъ свою добычу на горѣ въ особый рядъ, готовя запасы къ Чернигову. Я имѣлъ равную часть въ сборѣ, но когда пришлось приготовлять яблоки къ отправкѣ въ Черниговъ, они изъ моей кучи взяли львиную часть, оставивъ мнѣ что похуже.

Въ этомъ году умеръ старый графъ Илья Андреевичъ. Извѣстіе это было прискорбно для матери. Экономія отказалась выдавать матери положенное графомъ жалованье, лишивъ ея и провизіи, кромѣ положенной на дѣтей, да и ту стала выдавать въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Многихъ брала зависть, что у матери идетъ хорошо хозяйство и имѣются деньги, по тогдашнему времени рѣдкія, большія. Она имѣла, по ея словамъ, около пяти тысячъ ассигнаціями. Мать успѣла уже пріобрѣсть дней 30 поля и много имѣла уже въ залогѣ: она дала (не разобрано) тысячу рублей ассигн. подъ залогъ полей; это былъ крючокъ, занимавшій у разныхъ темныхъ личностей, жилъ въ Стольномъ на широкую ногу, породнился съ одной изъ лучшихъ фамилій, женившись на дочери Ивана Ивановича Даниловича, маіора-помѣщика,—Анастасіи, славившейся добротой и красотою. Вслѣдствіе его развратной жизни, ея супружество было несчастливо; она вскорѣ умерла, оставивъ малолѣтняго сына, который оказался золотушнымъ и, будучи оставленъ безъ воспитанія, умеръ лѣтъ двадцати. Дядьки его Даниловичи, раздѣливъ имѣніе, тоже зазнавшись съ казной, позалагали имѣніе, и оно перешло въ разныя руки, особенно къ родственнику Григорію Петровичу Даниловичу, нынѣ же къ

внукамъ его по дочери—Шевелямъ. Одинъ изъ нихъ, старшій, Григорій Ивановичъ Даниловичъ удержалъ въ порядкѣ имѣніе, получивъ часть въ Степановкѣ, и, женившись въ Кисилевкѣ на Александрѣ Федоровнѣ Ковтуновой, имѣлъ двухъ сыновей и трехъ дочерей. Онъ рано умеръ, жена же его увеличила хозяйство, и сыновей по праву воспитала въ кадетскихъ корпусахъ. Одинъ изъ нихъ, младшій, Григорій, нынѣ генералъ-лейтенантъ и директоръ какого-то военнаго корпуса или училища [1]). Старшій померъ, оставивъ вдову и пять дѣтей.

Въ семъ годѣ войска возвращались изъ за границы, послѣ разгрома Наполеоновской арміи и его замысловъ.

Въ Стольномъ квартировала рота 36-го Егерскаго полка; командиръ оной штабсъ-капитанъ Евдокимъ Іовлевъ сынъ Лазаревъ сталъ ѣзжать въ домъ матери и, наконецъ, свататься. Мать по совѣту нѣкоторыхъ личностей рѣшилась выйти за него замужъ. Эта ея ошибка разстроила ея семейное счастіе. Сначала жизнь была сносна. Онъ любилъ вездѣ побывать и чаще всего въ гостяхъ, нужно было и къ себѣ почаще приглашать и угощать. Да и вообще тогдашніе Стольнинскіе паны вели въ то время жизнь разгульную, а это было на руку отчиму. Хозяйство стало приходить въ упадокъ, а расходы были не по доходамъ; деньги въ годъ, въ два улетучились и оставались только на долгахъ, особенно у пановъ, съ которыхъ почти не было надежды получить. Между тѣмъ отчимъ сталъ жестоко обращаться съ матерью, нерѣдко бить и тиранить безъ милосердія. Маленькая дѣвочка Елизавета, пріѣхавшая съ нимъ, уже двухъ лѣтъ, была почти заброшена. Порядочная прислуга отъ его жестокостей не могла удержаться. Жизнь была самая плачевная. Только тогда и миръ, когда онъ назоветъ гостей. Онъ требовалъ, чтобы всего было достаточно, особенно, чтобы хорошая была попойка, а для пунша хорошій спиртъ, въ которомъ тогда не было недостатка, такъ какъ въ Стольномъ было болѣе де-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Григорій Григорьевичъ Даниловичъ, воспитатель Императора Николая II и Наслѣдника-Цесаревича Георгія Александровича, въ то время, когда писались эти воспоминанія, состоялъ директоромъ петербургской 2-й военной гимназіи.

сяти винокуренъ. Пьянство въ селеніяхъ было въ высшей степени распространено: кварта горѣлки стоила восемь грошей, нынѣшнихъ четыре копѣйки серебромъ.

Послѣ каникулъ 1814 года изъ Березного я выѣхалъ съ Воронкевичами въ Черниговъ. Первая квартира нанята была учителемъ за мостомъ Краснымъ, съ базару, по большой улицѣ, близъ церкви Богоявленія [1]), на правой сторонѣ, въ самомъ концѣ узкой улицы, у дворянки старухи Настасіи Маляревской. Насъ всего было человѣкъ семь, а учитель восьмой: два мальчика было изъ его родни. Насъ два оставались въ квартирѣ и приготовлялись для поступленія въ инфиму. Учитель Гордіевскій поутру задавалъ намъ урокъ и, пришедши изъ класса, выслушивалъ. Затѣмъ приносили тарелки и ложки, и мы садились за обѣдъ, помнится, не скудный, потому что говядины было довольно и приготовленіе было хорошее; въ постные дни—рыба, а вечеромъ борщъ и гречневая каша съ саломъ или масломъ. Учитель нашъ былъ уже послѣдній годъ въ „философіи", лѣтъ 25-ти. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и занимался съ учениками старательно. Я, помню, тамъ былъ меньше всѣхъ, и потому нерѣдко случалось терпѣть обиды отъ всѣхъ; притомъ я былъ слабаго здоровья, отъ чего сдѣлался боязливъ и трусливъ, а это имѣло вліяніе на мое дальнѣйшее развитіе, хотя, къ счастію, я еще находился подъ лучшею защитою учителя, какъ скромный и боязливый мальчикъ.—Цѣлый годъ прошелъ въ квартирномъ ученіи. По обычаю мы ѣздили на Рождество и Воскресеніе домой, и я изъ Березного отправлялся въ Стольное. Меня очень всѣ жалѣли, даже отчимъ дѣлался тихимъ человѣкомъ. Онъ былъ толковый человѣкъ, хотя изъ сдаточныхъ, но былъ грамотенъ, писалъ хорошимъ почеркомъ, умѣлъ разсказывать повѣсти и сказки весьма отчетливо. Вообще въ бытность мою дома онъ дѣлался сноснымъ заставлялъ дѣлать меня ариѳметическія задачи или читать книгу и, правда, никогда пальцемъ меня не тронулъ.—Надобно сказать, что тогда весьма много поженилося изъ сего полка, почти

---

[1]) Нынѣ здѣсь церковь каменная во имя Николая.

во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ войска имѣли квартированіе. Всѣ они были люди разгульные. Многіе изъ нихъ пріѣзжали гостить, и дня по три, по четыре гостили у насъ и по Стольнинскимъ дворянамъ. Потомъ отчимъ съ матерью отправлялись взаимно гостить, а мы съ сестрами хозяйствовали, какъ умѣли. Иногда приходили къ сестрамъ ихъ подруги и приглашали насъ. Мы тогда отправлялись гостить. Самое угощеніе состояло изъ чая, всегда зеленаго, въ родѣ желтенькой водицы, чуть-чуть сладкаго, котораго давали по чашечкѣ, много по двѣ; затѣмъ угощали орѣхами собственнаго сбора, правда, спѣлыми и хорошо высушенными, не уступающими каленымъ, а также пряничными орѣшками, медовымъ вареньемъ, пастилой медовой. О сахарѣ тогда и рѣчи не было: угощеніе составляли варенный медъ и пиво, имѣвшіе тогда цѣну шесть гривенъ, нынѣшнія 15 копѣекъ сер., за двойное ведро, а кварта восемь копѣекъ, нынѣшнія двѣ копѣйки, а часто и хорошая наливка. О винѣ и помину не было.

Играли въ жмурки, въ жгута, иногда плясали, кто какъ умѣлъ.

Хожденіе въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ было безусловное, необходимое; впрочемъ, я нерѣдко освобождался по слабости здоровья; а когда и бывалъ, то для этого запрягали лошадь, которая привозила и отвозила меня изъ церкви.

Съ крещенія отправляли насъ въ Черниговъ съ нагруженною разными харчами повозкою. Мнѣ давали, кромѣ харчевыхъ, денегъ на мой расходъ, но я боялся держать у себя деньги, а всѣ отдавалъ учителю, а онъ покупалъ поутру сбитень, стаканъ или два, самъ расплачивался. Если же у меня были деньги, то ихъ непремѣнно уворовывали.

Такъ цѣлый годъ до каникулъ продолжалось мое ученіе въ квартирѣ. Погостивши во время каникулъ недѣлю въ Стольномъ, я опять пріѣзжалъ къ Воронкевичамъ въ Березное, гдѣ тотъ же учитель занимался съ нами. Въ это время всѣмъ распоряжалась сестра ихъ Марія, а учитель уже не жилъ въ домѣ, а только приходилъ каждое утро изъ дому своего. Домъ его былъ за базаромъ, возлѣ моста на Черниговъ, близъ Золо-

таря. Здѣсь онъ обѣдалъ, а послѣ обѣда заставлялъ писать и дѣлать латинскія сочиненія, т. е., написавши цѣлую рѣчь и поставивши на верху слова въ именительномъ падежѣ, заставлялъ составлять рѣчь латинскую, согласно русской.

Дома въ Стольномъ я нашелъ большую перемѣну. Клуня, наполнявшаяся прежде хлѣбомъ, теперь на половину была пуста, въ хозяйствѣ всего уменьшилось, скота рабочаго почти на половину. Жизнь семейная была въ сильномъ разстройствѣ. Одно только удовольствіе и было погулять въ своемъ саду или же отправиться въ графскій садъ, гдѣ иногда я проводилъ цѣлый день, часто заходилъ къ Страховскому, который былъ старше меня года на три. Съ нимъ мы гуляли въ саду, гдѣ ловили удками рыбу въ тамошней рѣкѣ. Рыба шибко хваталась на крючки. Попадались на крючки караси, небольшіе: самые большіе были въ ладонь. Во время купанья на берегу мы ловили руками карасей, въ печерахъ же линовъ въ полфунта, фунтъ и болѣе и тогда отправлялись къ намъ въ домъ, гдѣ въ саду готовили уху и жаркое изъ пойманной рыбы. Вечеромъ составляли совѣтъ и на другой день съ разсвѣтомъ отправлялись въ лѣсъ его же, Страховскаго, за орѣхами и грибами, которыхъ много приносили домой и тамъ жарили. Компанія наша состояла изъ его, Страховскаго, сестры его Стефаниды Федоровны, двухъ моихъ сестеръ и меня. Здѣсь невдалекѣ былъ и нашъ хуторъ, именуемый Лазебный. Впослѣдствіи онъ былъ проданъ, такъ какъ изъ него пользы никакой не получалось. Эти лѣса находились верстахъ въ шести отъ Стольнаго по блистовской дорогѣ. При заходѣ солнца мы возвращались домой и заходили въ домъ Страховскихъ, такъ какъ они жили по дорогѣ; отъ нихъ же до нашего дома было еще съ версту. Здѣсь мы были угощаемы. Они были довольно богатые люди и имѣли семей десять крестьянъ. Изъ ихъ семейства дѣвица Стефанида была очень добрая дѣвка, очень набожная и бывшая въ большой дружбѣ съ моей сестрой Анастасіей. Онѣ съ каждою весной отправлялись пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ и другіе тамошніе пограничные монастыри, проходили по мѣсяцу и болѣе, а на другое лѣто отправлялись въ Рыхловскій монастырь, а

оттоль въ курскую губернію, въ Софроніеву пустынь и Ильинскую, заходили въ Петропавловскій глуховскій монастырь. Таковое путешествіе продолжалось до двухъ мѣсяцевъ.

Стефанида Страховская умерла дѣвицею лѣтъ 23-хъ. Она была очень добронравна. Ея братъ былъ характера немного развратнаго, очень даровитъ, но рано пристрастился къ горячимъ напиткамъ и вольной жизни. Онъ впослѣдствіи женился значительно позже меня въ Березномъ, но не отличался доброю жизнію и умеръ въ раннихъ лѣтахъ, оставивъ сына и дочь. Первый убитъ въ нижнемъ чинѣ подъ Севастополемъ, а дочь вышла замужъ за чиновника. Братъ же его Михаилъ, совершенно похожій на умершую сестру Стефаниду, не окончилъ гимназіи, а изъ третьяго класса поступилъ въ Черниговѣ на службу въ губернское правленіе. Вскорѣ онъ отправился въ Петербургъ, а нынѣ служитъ вице-губернаторомъ въ Петрозаводскѣ, куда вызвалъ на службу и зятя своего года два назадъ. Неизвѣстно, какъ онъ тамъ служитъ, но здѣсь онъ, бывши становымъ, сильно пьянствовалъ.—Михайло Федоровичъ Страховскій человѣкъ семейный, но семья его живетъ здѣсь. Когда онъ пишетъ въ Стольное, то всегда передаетъ мнѣ поклонъ. Я съ нимъ больше сошелся, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга. Онъ имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника и два ордена. Онъ изъ Стольнаго пріѣзжалъ во время проѣзда преосвящ. Павла. Преосвященный пригласилъ его въ свою карету. Послѣ обѣда у меня и выѣзда Преосвященнаго онъ прожилъ еще дня два.

Послѣ каникулъ, вѣроятно въ 1816 году, я отправился прежнимъ порядкомъ на Березное, откуда вмѣстѣ съ Воронкевичами и учителемъ Гордіевскимъ отправились въ Черниговъ на прежнюю квартиру къ Маляревской, въ уличкѣ близъ церкви Богоявленія, нынѣ каменной Николаевской съ училищнымъ церковнымъ каменнымъ домомъ и прочими службами. Прежде это была убогая деревянная церковь; нынѣшняя же церковь составилась изъ двухъ приходовъ, Николая и Богоявленія. Въ сію церковь по близости мы ходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на богослуженіе. Весьма припоминается мнѣ здѣшній причтъ—священникъ Василій Яроцкій, жившій на углу противъ

церкви, гдѣ нынѣ домъ и аптека Завурвальда; діаконъ Перевозчиковъ, сосѣдъ нашъ по квартирѣ, оба слабенькіе: первый гнусилъ, а второй козлегласовалъ. Изъ прихожанъ помню учителя гимназіи, впослѣдствіи директора оной, Василія Гавриловича Самарскаго. Онъ былъ высокаго роста, уже не молодыхъ лѣтъ, и всегда ходилъ съ большою тростью. Жена его была подобна ему по росту. Онъ любилъ въ каждое служеніе читать изъ книги поученія, въ которыя мы вслушивались не столько для наученія, сколько для скопировки его произношенія и жестовъ. Помню, онъ читалъ проповѣдь въ недѣлю разслабленнаго человѣка: „не имамъ человѣка да ввержетъ мя во купель и инъ прежде меня слазитъ въ оную“... Мы же копировали у себя на квартирѣ: „чловѣчицу имамъ подобную мнѣ по тѣлу и душѣ, съ апетитомъ слушающую мои поученія и чуть не плачущую отъ умиленія“.

Онъ былъ родной братъ березнинского доктора Самарскаго; впослѣдствіи онъ былъ мнѣ полезенъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

При поступленіи моемъ въ черниговское духовное уѣздное училище учителемъ латинскаго языка и русской грамматики былъ у насъ Василій Григорьевичъ Левчаковскій, впослѣдствіи родственникъ. Моя теща, Есманская Параскевья Яковлевна, урожденная Левчаковская, синявскаго священника дочь. Яковъ и Григорій Левчаковскіе были ея родные братья. Послѣдній былъ священникомъ въ Носовкѣ. Не знаю, какъ они попали въ священники; отецъ ихъ былъ крестьянинъ Скоропадскаго, и они урожевцы и жители его селенія Чепелева, сосницкаго уѣзда. Третій братъ, меньшій, Стефанъ остался въ крестьянствѣ. Въ то время, какъ я уже былъ священникомъ, онъ, бывая въ торгу въ Синявкѣ, постоянно заѣзжалъ къ отцу Петру Прокоповичу, а послѣ сталъ и у насъ бывать. Онъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, полагаю, лѣтъ семидесяти, но здороваго сложенія. Уже послѣ его смерти заѣзжалъ иногда его сынъ и привозилъ свои деревянныя издѣлія: ведра, дижки, боченки. Онъ совсѣмъ не былъ похожъ на отца по крѣпости и тѣлосложенію. Они были люди очень бѣдные, жили только рукодѣліемъ, чѣмъ и кормились.—

Помню, что я старался учиться, но былъ хилаго здоровья, запуганъ семейною обстановкою вслѣдствіе отчима и непорядочной его жизни.—При поступленіи Левчаковскій замѣтилъ мое стараніе и въ одно время, когда послѣ обѣда мы въ его присутствіи въ классѣ дѣлали упражненія, онъ, просмотрѣвши мое упражненіе, приказалъ переписать почище и поразборчивѣе, самъ мнѣ починилъ перо и полинеилъ; когда же я подалъ, онъ сверху написалъ: „de loco et eratis Domini Shelechovsky“, а посмотрѣвши его задачу или упражненіе, написалъ: „Cura melius“, меня же посадилъ на его мѣсто девятымъ на первой партіи и отдалъ мнѣ erat'у. По греческому языку и прочимъ предметамъ былъ у насъ Янчевскій. Они оба послѣ преобразованія поѣхали въ кіевскую духовную академію. Янчевскій уже послѣ выбытія моего былъ профессоромъ въ Черниговѣ, а Левчаковскій выбылъ изъ духовнаго званія и былъ при Кишиневскомъ главномъ начальникѣ правителемъ канцеляріи. Впослѣдствіи женился на дворянской дочери Каменицкой въ с. Мринахъ нѣжинскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ порядочное состояніе. Онъ тамъ умеръ въ чинѣ коллежскаго асессора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ЮЖНОРУССКИМЪ ПѢСНЯМЪ.

(МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ ЮЖНОРУССОВЪ).

Пѣсни народа составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, въ которыхъ проявляются заразъ и творческія способности народнаго духа, и его самосознаніе. Высказанный въ пѣсняхъ взглядъ на извѣстную историческую личность или событіе, на отношеніе своего народа къ другимъ народамъ, на свое собственное положеніе въ семьѣ, въ обществѣ, на свои собственныя чувства и т. п., обнаруживаетъ предъ нами глубочайшіе извивы и движенія народнаго самосознанія въ данный періодъ времени. Форма пѣсни, ея слогъ, слова, выраженія, обороты, ея голосъ—то размашистый, широкій, свободный, игривый, то скомканный, утлый, какъ бы болѣзненный,—такое или иное сочетаніе голоса со словами—обнаруживаютъ творческій духъ народа. Отсюда слѣдуетъ, что для этнографа содержаніе пѣсни и выраженіе ея въ словахъ, какъ свидѣтельствующія и о самосознаніи и творчествѣ народа, несравненно важнѣе ея голоса, свидѣтельствующаго только о творческихъ способностяхъ народнаго духа. Истина эта—сознательно или безсознательно, неизвѣстно—повліяла на нашу этнографію въ томъ смыслѣ, что она и при собираніи пѣсеннаго матеріала, и при его обработкѣ почти все свое вниманіе обратила на содержаніе и словесную форму пѣсни; голосъ же пѣсенъ какъ-бы игнорировался ею. Взамѣнъ этого голосъ народныхъ пѣсенъ отнесенъ былъ къ области музыки, а эта послѣдняя если и оперировала его, то, ра-

зумѣется, оперировала съ точки зрѣнія музыки, а не этнографіи. Но, само собою понятно, такое отдѣленіе голоса отъ словъ, во-первыхъ, неестественно. Голосъ составляетъ нѣчто такое тѣсное со словами, что самое названіе *пѣсня* получила отъ *пѣнія*. Отнимите вы отъ пѣсни голосъ, то есть ея пѣніе, и вы не будете имѣть права назвать ее пѣснею: это будетъ стихотвореніе. А много ли намъ извѣстно *народныхъ* стихотвореній? Гомеръ, начиная свои безсмертныя поэмы (которыя въ сущности суть то же, что и наши былины или думы), обращается къ Музѣ съ словомъ *воспой*, чѣмъ ясно выражена мысль, что эти поэмы пѣлись, что онѣ собственно говоря—пѣсни. Не то же ли и у насъ на Руси? Наши великорусскія были и духовные стихи, которые въ дѣтствѣ представлялись намъ какъ простыя, мертвыя народныя стихотворенія, впослѣдствіи оказались живыми пѣснями, и какими дивными! А малорусскую думу можно ли представить себѣ безъ пѣнія?

Во-вторыхъ, игнорированіе голоса пѣсенъ этнографомъ и ненаучно. Устраняя цѣлую область предметовъ (голосъ) отъ своего изслѣдованія, этнографъ лишается цѣлаго ряда фактовъ, могущихъ такъ или иначе способствовать разъясненію даннаго вопроса. Возьмемъ, напримѣръ, сличеніе варіантовъ извѣстной пѣсни (съ голосомъ), записанной въ одномъ и томъ же племени, съ варіантами сосѣднихъ племенъ, сосѣднихъ народовъ, сосѣднихъ расъ. Сличеніе можетъ обнаружить фактъ самостоятельности или зависимости въ области поэзіи и пѣнія, а въ случаѣ зависимости укажетъ степень ея и посредство въ передачѣ; сличеніе можетъ обнаружить фактъ сходства или различія въ выраженіи впечатлѣнія по поводу одного и того же событія у различныхъ народовъ; можетъ обнаружить фактъ высокой даровитости или убожества даннаго народа: его мощь, широту, свободу, мягкость, нѣжность, или противоположныя качества и т. д. Иногда одно слово, одинъ голосовой переливъ можетъ раскрыть предъ этнографомъ цѣлую картину изъ физіономіи даннаго народа.—Кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ статей по народной русской музыкѣ, у насъ существуетъ, какъ извѣстно, капитальное изслѣдованіе *П. Сокальскаго: Русская народная музыка* (ве-

ликорусская и малорусская). Въ этомъ трудѣ авторъ касается нѣкоторыхъ изъ указанныхъ сейчасъ нами вопросовъ: напр. изученіе мелодіи русской народной пѣсни даетъ ему возможность видѣть, что въ отношеніи музыкальнаго творчества русскій народъ стоитъ въ весьма близкой и, можно сказать, непосредственной связи съ тѣмъ „азіатскимъ востокомъ, который служилъ колыбелью арійскаго племени" (индоперсы) [1]) и т. п. Тѣмъ не менѣе и этотъ авторъ, имѣя въ виду русскую музыку собственно въ ея *мелодическомъ* и *ритмическомъ* строеніи, этнографическихъ вопросовъ касается только слегка, мимоходомъ. „Разъясненіе такихъ вопросовъ подвинется впередъ только тогда, говоритъ онъ, когда начнетъ разрабатываться сравнительная музыкальная этнографія... Но такой науки пока еще нѣтъ, да и матеріалы для нея пока еще находятся въ зародышѣ, ибо они не подвергались научной критикѣ и часто не отличаются достовѣрностію [2])". Но если такой науки и вообще не существуетъ, то тѣмъ труднѣе ея происхожденіе у насъ, въ Россіи, гдѣ такъ рѣдко встрѣчаются и просто музыканты, а музыканты-этнографы и подавно.

Указанное выше игнорированіе голоса нашихъ пѣсенъ, очевидно, происходило не по другимъ причинамъ, а именно по отсутствію у нашихъ этнографовъ спеціальной музыкальной подготовки. Послѣднее обстоятельство сказалось даже въ накопленіи сырого пѣсеннаго матеріала. Если сравнить количество изданнаго текста пѣсенъ съ количествомъ записанныхъ напѣвовъ ихъ, то—не смотря даже на довольно увеличившійся въ послѣдніе годы притокъ нотныхъ изданій (имѣемъ въ виду главнымъ образомъ южнорусскія пѣсни)—окажется между ними громадная разница. Да и изъ обнародованнаго голосоваго матеріала многое, издаваясь не съ научными цѣлями и познаніями, подвергалось въ угоду „красотѣ", законченности формы, арранжировкѣ и т. п., различнаго рода „исправленіямъ"; а посему и не всегда можетъ служить надлежащимъ матеріаломъ для этно-

---

[1]) Глава XVI.

[2]) Страница 158.

графа. Съ этой точки зрѣнія всякая точная и буквальная запись пѣсенъ съ напѣвами, или однихъ напѣвовъ на прежде собранныя пѣсни, (какъ напр. *А. Рубца: 216 народныхъ украинскихъ пѣсенъ*), несравненно желательнѣе и цѣннѣе въ научномъ отношеніи, чѣмъ различныя роскошныя 3 и 4-хъ голосныя изданія съ аккомпаниментомъ (въ родѣ: *В. Соколовъ. 25 малорусск. пѣсенъ на 4 голоса.* Москва). Съ этой же точки зрѣнія, полагаемъ, не лишними окажутся и наши записи, приводимыя ниже.

Но прежде чѣмъ приводить самыя пѣсни, сдѣлаемъ нѣсколько техническихъ замѣчаній относительно выраженія напѣва пѣсенъ въ нотахъ. Дѣло касается *размѣра* и *такта* въ народныхъ пѣсняхъ. Кому приходилось транспонировать русскую народную пѣсню (великорусскую или южнорусскую) съ голоса на ноты, тотъ не могъ не замѣтить, что она не поддается тому симметричному расчисленію на такты, какое мы видимъ въ европейской музыкѣ. Въ то время какъ въ послѣдней разъ опредѣлившійся размѣръ выдерживается до конца и такты выдѣляются сами собою, въ русской народной пѣснѣ не только предполагаемый размѣръ часто не выдерживается и такты спутываются, но и опредѣлить-то самый размѣръ и выдѣлить такты иногда бываетъ очень трудно, а иногда просто не возможно. Не взирая на это, наши музыканты (даже нѣкоторые изъ записныхъ), укладывая напѣвъ на ноты, стремились во что бы то ни стало одѣть его въ формы нѣмецкаго покроя. Но такъ какъ это не легко было сдѣлать, ибо пѣсня не поддавалась добровольно, то нерѣдко приходилось насильно въ одномъ мѣстѣ вырѣзывать, въ другомъ прибавлять, въ третьемъ разглаживать и т. п. Наконецъ, пѣсня была одѣта. Что же оказалось? Оказалось, что форма, въ которую облекли нашу пѣсню, пришлась ей не по нутру, что... мы сами себя не познали.

Дѣло въ томъ, что позднѣйшіе самостоятельные труды надъ нашей пѣсней (Сѣровъ, Арнольдъ, Ларошъ, Сокальскій) показали, что народная русская музыка создалась внѣ вліянія эллино-римской цивилизаціи, что она—самостоятельный стволъ отъ общаго корня, колыбели человѣчества въ Азіи, что она еще только на пути развитія (Сокальскій „Русская музыка)". Посему то, что

свойственно европейской музыкѣ, нельзя примѣнять (по крайней мѣрѣ всегда) къ русской народной музыкѣ. Такъ точно и въ данномъ случаѣ. Сопоставляя замѣчаніе Потебни, что „единственный народный метръ есть полустишіе", съ своими изслѣдованіями, Сокальскій находитъ, что и „истинный *народный тактъ* есть *полустихъ*" (ibid, стр. 280). Отсюда „самое правильное было бы укладывать пѣсню въ ноты и тактъ, отдѣляя тактовыми черточками одно полустишіе отъ другого. Никогда не слѣдуетъ забывать, что внося въ русскую пѣсню наши тактовыя черточки, мы вносили въ народную пѣсню и наши, ей чуждые, акценты" (ibid).

Вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ, мы постарались примѣнить его къ нашимъ записямъ пѣсенъ. При этомъ обнаружилось два явленія: а) и великорусская и южнорусская пѣсня не всегда чужды формъ современной европейской музыки въ видѣ размѣра и такта; б) южнорусская пѣсня чаще приближается къ нимъ, чѣмъ великорусская. Первое, очевидно, объясняется тѣмъ, что русская музыка не только древнѣе такта, но и современна ему (Сокальскій. Ibid.); слѣдовательно, если пѣсни болѣе древняго происхожденія должны имѣть по преимуществу тактъ въ видѣ полустишія, то въ пѣсняхъ болѣе поздняго происхожденія естественно встрѣтить размѣръ и тактъ въ современномъ европейскомъ смыслѣ. Второе явленіе объясняется вообще изъ большаго (сравнительно съ великорусской) сходства южнорусской музыки съ западноевропейской (достаточно указать на *вводный тонъ*, *хроматизмъ* и *мажоръ* въ народной малорусской музыкѣ).

Изъ приводимыхъ ниже пѣсенъ № 1 раздѣленъ у насъ оп полустишію, хотя въ немъ ясно проглядываетъ обычный размѣръ въ $^3/_4$. Точно также № 3 можно легко уложить въ размѣръ $^2/_4$, № 4—въ размѣръ $^3/_8$, № 5 (если первыя три ноты вынести за тактъ)—въ $^5/_4$, № 6 (если вынести за тактъ первыя двѣ ноты)—въ $^7/_4$. Въ №№ 9 и 10 дѣленіе на полустишіе не примѣнимо. Что касается №№ 2, 7, 8 и 11-го, то они не укладываются ни въ одинъ изъ извѣстныхъ намъ размѣровъ обычной европейской музыки и могутъ быть раздѣлены только по полустишіямъ.

1. Дума про Савву Чалаго.

Чы бачышъ ты, старый сидый, а що Сава робыть?
Де піймае козаченька, та въ кандалахъ водыть!
Чы не можешъ ты, старый сидый, Савы препыныты
Щобъ переставъ козаченькивъ въ кандалахъ водыты?
Чы не можешъ ты, старый сидый, Сави що сказаты,
Щобъ переставъ Сава панокъ козакивъ грабуваты?
Ой бувъ Сава въ Немырови *въ царя на обиди*,
Та й не знавъ же козакъ Сава объ своей обиди.
Прыихавъ а панъ Сава одъ царя до дому,
Та пытается челяденькивъ, чы все добре въ дому?
— Усе добре, усе добре, тилько одно страшно:
Выглядаютъ гайдамаки изъ-за горы часто.
— Нехай воны выглядають,—я ихъ не боюся:
Есть у мене ясна зброя—одъ ихъ одыбъюся.
Сыдыть Сава конець стола, та й лыстоньки пыше,
А Савыха у лыжечку дытыну колыше.
Сыдыть Сава конецъ стола, та й лысты чытае,
А вже Гнатко зъ Кравчыною двери одчыняе.
— Здоровъ, Сава, здоровъ, пане! Якъ ты прожываешъ?
Издалека гóстей маешъ—чымъ ты ихъ вытаешъ?
— А чымъ же васъ, мылы браття, буду угощаты?
Жена сына породыла—буду въ кумы браты.
Не прійшлы мы, пане Саво, до тебе кумоваты,
А прійшлы мы до тебе съ плечъ голову зняты!
— Ой пиды, хлопче, пиды, малый, та вточи горилки:

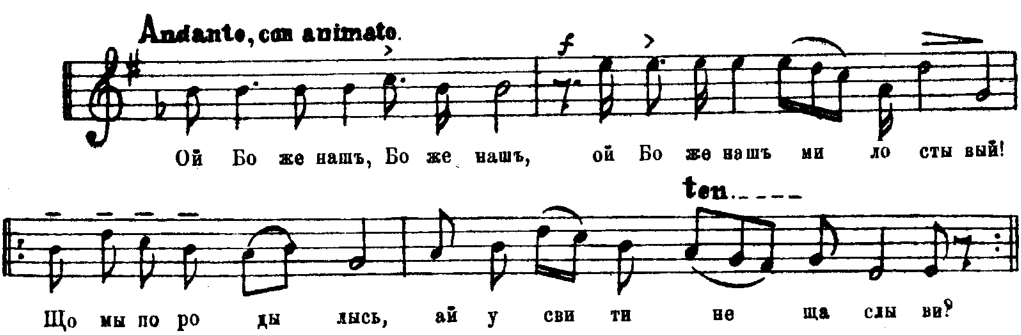
Нехай выпью за здоровья до своеи жинки.
Иды, хлопче, иды малый, та накопай меду
Тяжко мени на серденьку, мабудь я не буду:
Якъ кынувсь а панъ Сава до своеи зброи,—
Оглянулысь—а головка доли.
Сыдыть Савыха у лыжечку, сыльно проклинае:
Бодай же вы, гайдамаки, на вики пропалы!
Що вы мого пана Саву изъ свита зогналы!

Дума про Савву Чалаго, судя по количеству существующихъ варіантовъ ея, принадлежитъ къ наиболѣе любимымъ и распространеннымъ въ народѣ думамъ. Намъ извѣстны, кромѣ приведеннаго сейчасъ, слѣдующіе варіанты ея: Максимовичъ, Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ. Москв. 1834 г. стр. 90 № 14; Закревскій, Избранныя малор. и галицк. пѣсни и думы. М. 1860 г.; Чубинскій, Труды этн. эксп. V, Ш, № 53; Головацкій, Галицкія пѣсни. Ш, I, стр. 9—10 №№ 7 и 8; Головацк. I, стр. 18 № 14; Лисенко, Украинскія пѣсни, вып. II, № 3 стр. 8; Коципинскій, Писни думки etc. Кіевъ. 1885 г. ч. II, стр. 24 № 61; Рубецъ, Сборникъ малорусскихъ пѣсенъ въ количествѣ 100 (пять выпусковъ=1 томъ), стр. 140 № 89. Напѣвъ думы помѣщенъ у гг. Лисенко (ibid.), Коципинскаго (ibid.), Рубца (ibid. и въ Сборник. „216 украинскихъ напѣвовъ“, № 73). Чтобы выяснить взаимоотношеніе этихъ варіантовъ, намъ кажется, слѣдуетъ сопоставить ихъ содержаніе съ дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ. Какъ извѣстно, Савва Чаленко или Чалый, малороссъ, родомъ изъ села Молопишъ (надъ Днѣстромъ), служилъ сначала поручикомъ милиціи мѣст. Рашкова въ отрядѣ Верлана, дѣйствовавшемъ въ духѣ народнаго возстанія противъ поляковъ. Затѣмъ онъ измѣнилъ народу, принявъ въ 1736 г. присягу на вѣрность рѣчи посполитой, сдѣланъ былъ затѣмъ полковникомъ и сталъ, уже обратно, нападать, грабить и вѣшать народъ. Эта измѣна вызвала протестъ и месть въ народѣ, хотя долго не находилось достойнаго храбреца для выполненія послѣдней. Наконецъ вызвался „Медвѣдовскаго куреня козакъ“ Игнатъ Голый. Захвативши съ собой Кравчину и другихъ товарищей, онъ, въ ночь подъ Рождество 1741 г., ворвался въ

собственное село Саввы—Степашки и умертвилъ его [1]). Тоже самое приблизительно передаютъ и указанные нами варіанты думы о Саввѣ. Общія черты почти всѣхъ варіантовъ это—дружба Саввы съ ляхами и пиръ („обидъ") въ Немировѣ, „обдираніе" и „разбиваніе" имъ церквей и „козаченькивъ" и, наконецъ, съ различнаго рода подробностями, смерть его отъ Игната Голаго „зъ Кравчиною". Какой изъ этихъ варіантовъ послужилъ прототипомъ для прочихъ, рѣшать не беремся, такъ какъ это дѣло требуетъ спеціальнаго изслѣдователя. Мы только замѣтимъ, что въ варіантѣ г. Максимовича находится и довольно большой прологъ, который въ другихъ варіантахъ или сокращается (какъ и въ нашемъ), или совершенно отсутствуетъ. Нашъ варіантъ—сжатый, но достаточно содержательный. „Ой бувъ Сава въ Немырови *въ царя* на обиди" (ст. 9. У Чубинск.: въ „ляховъ". Ср. также ст. 11)—очевидно, анахронизмъ. Мелодія нашего варіанта, имѣя нѣкоторое сходство въ общемъ съ мелодіею, помѣщенною у Рубца („100 пѣсенъ") и Лисенко, отличается эпическою величавостью и чисто народнымъ характеромъ. И текстъ и мелодія записаны нами въ Добруджѣ отъ „бабки" X.

---

2. Ой Боже нашъ, Боже нашъ (Черноморская).

3. А що мы служилы и въ поли и на мори,
Теперъ осталыся пиши й наги, босы й голы!
5. Та мы-жъ думалы, щобъ намъ земли заслужыты,
А щобъ у вольности та хочъ вика дожыты.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 87 г. № 11: Савва Чаленко, д-ра Антонія I. См. также Кіевск. Стар. 91 г. № 10: С. Чаленко и Игнатъ Голый, Щербины.

Дарувавъ намъ *царь* землю одъ Днистра та до Богу,
А гряныцею по Бендерську дорогу.
Дарувавъ намъ *царь* землю, а теперъ одбырае,
А насъ, запорожцивъ, на Кубань высылае.
Ой ходимо, братьця, на Кубань ричку жыты,
Та будемо жыты, та Бога хвалыты;
Тамъ будемо жыты и рыбу ловыты,
Черкесына, якъ зайця, по горамъ гоныты.

---

3. Ой тысяча симсотъ (Черноморская).

4. Бувай же здорова, Днипръ рика мутная!
Пидемо въ Кубань, кращои напъемся [1]);
Бувайте здорови, вси курини наши—
Тутъ вамъ безъ насъ повалыться!
8. Тамъ будемо пыты, тамъ будемъ гуляты
И рыбу ловыты [2]);
А старого черкаса, превражого сына,
Будемъ по скалахъ гоныты.

---

[1]) 5-й стихъ поется такъ:

[2]) 9-й стихъ поется такъ:

Указанныя двѣ пѣсни одна другую дополняютъ. Послѣ разоренія Новой Сѣчи (въ 1775 г.) генер. Текеліемъ, запорожцы, оставшись въ неопредѣленномъ положеніи, разсѣялись по селеніямъ и городамъ Малороссіи. Между тѣмъ новообразованная Потемкинымъ Новороссійская провинція требовала охраны со стороны татаръ и турокъ, особенно въ виду приближавшейся войны съ послѣдними (1787—91 гг.). Въ виду этого Потемкинъ поручилъ запорожскимъ вожакамъ (Сидору Бѣлому, Антону Головатому, Захарію Чепѣгѣ и др.) организовать новое запорожское войско, которое и было скомплектовано въ 1787 г. подъ названіемъ „войска вѣрныхъ козаковъ [1]“. Въ награду за отличную храбрость, обнаруженную запорожцами въ открывшейся русско-турецкой войнѣ, Потемкинъ (пожалованный въ это время „гетманомъ черноморскихъ екатеринославскихъ козачьихъ войскъ“) назначилъ имъ, съ разрѣшенія Императрицы, въ 1790 г. для поселенія „привольныя мѣста“ между рр. Бугомъ и Днѣстромъ и отъ себя подарилъ еще болѣе привольную (главнымъ образомъ рыбной ловлей) „округу Еникольскую съ Таманомъ“. Не смотря на военное время, запорожцы въ томъ же 1790 г. стали селиться между рр. Днѣстромъ и Бугомъ и за два года успѣли образовать вокругъ Слободзеи до 25 селеній [2]). Объ этомъ именно фактѣ назначенія земли и поселенія на ней запорожцевъ говоритъ первая половина пѣсни „Ой Боже нашъ“. Но положеніе запорожцевъ на этой землѣ было тягостно и непрочно, особенно послѣ смерти Потемкина (1791 г.), и они отправили къ Императрицѣ депутацію съ просьбой поселиться на пожалованныхъ имъ Потемкинымъ земляхъ на Тамани. Отвѣтомъ на это прошеніе были двѣ Высочайшія грамоты—отъ 30 іюня и 1 іюля 1792 г., разрѣшившія запорожцамъ перебираться на Кубань [3]). Въ томъ же году запорожцы стали селиться,

---

[1]) Щербина. Кубанское козач. войско. Вор. 88. Стр. 37. См. также Исторію Самоуправл. у Кубанск. коз. Егоже. Кіевск. Стар. 1884, 1—4.

[2]) Щербина. Куб. коз. войско стр. 45—46. См. также: Задунайская сѣчь Кондратовича, Кіев. Стар. 1883, 1.

[3]) Щербина. Куб. коз. войско. Стр. 49. См. также: Матеріалы для историч. Запорож., Кіев Стар. 1882 г. № 8.

и вскорѣ окончательно устроились, въ мѣстахъ, въ которыхъ они когда-то жили, гораздо раньше „руйнования Сичи" (какъ это видно изъ указа Елизаветы Петровны отъ 11-го іюля 1745 г. [1]).

Эти грамоты Императрицы Екатерины II и послѣдующее затѣмъ переселеніе запорожцевъ на Кубань изображаетъ пѣсня „Ой тысяча симсотъ" и конецъ пѣсни „Ой Боже нашъ". Какъ видно, наши варіанты заключаютъ въ себѣ нѣкоторые анахронизмы. Прежде всего грѣшитъ противъ истины выраженіе пѣсни „Ой Боже нашъ"—„дарувавъ намъ царь землю" (ст. 7): естественнѣе было бы ожидать „царыця" (какъ въ пѣснѣ „про Руйнования Сичи) или „батько", „гетьманъ" (Потемкинъ). Въ приводимомъ г. Кондратовичемъ въ „Кіевск. Стар." 1883 г. 1 кн. варіантѣ разсматриваемой пѣсни, этотъ вопросъ обходится употребленіемъ безличнаго выраженія: „дарувалы жъ намъ землю". Подобный же анахронизмъ составляетъ 1-й стихъ второй пѣсни: „указъ одъ царыци" вышелъ, какъ мы замѣтили, не „1795 г.", а 1792 г. Записанный г. Кондратовичемъ варіантъ ея (Кіевск. Стар. 83 г. № 1) ошибается только на одинъ годъ („1791 г.").

Кромѣ варіанта къ пѣснѣ „Ой Боже нашъ", записаннаго г. Кондратовичемъ, мы нашли еще одинъ варіантъ у Чубинск. V, Ш, № 6. Замѣчательно, что послѣдній имѣетъ чисто бытовой характеръ, безъ всякихъ историческихъ указаній. Это даетъ намъ возможность заключить, что варіантъ Чубинскаго—самый древній, и что онъ послужилъ канвой, которой воспользовались Черноморцы для своего настоящаго положенія. Равнымъ образомъ, думается намъ, какъ нашъ, такъ и г. Кондратовича варіантъ пѣсни „Ой 1795 року"—не первичной формаціи. Можно полагать, что прецедентомъ обоихъ этихъ варіантовъ послужила пѣсня, составленная, на тотъ же случай, Антономъ Головатымъ: *Ой годи намъ журытыся, пора перестаты* [2]). Мелодіи обѣихъ пѣсенъ „Ой Боже нашъ" и „Ой 1795 року" (голосовыхъ варіантовъ къ нимъ мы не нашли) полны глубокой гру-

[1]) Эварницкій. Истор. Запор. коз. 1892 г. стр. 20.

[2]) См. Максимовичъ. Сборн. Укр. пѣсенъ 1834 г. стр. 133 № 50. См. также: Закревскій. Избранн. малор. и гал. п. 1860 г. стр. 22 № 16 („Черноморця").

сти и лиризма. Текстъ и напѣвъ первой пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ „бабки“ X.; а текстъ и мелодія второй—отъ знатока-собирателя пѣсенъ и т. п. произведеній старины, Л. С. Мацѣевича, преподавателя Одесской дух. семинаріи, который слыхалъ эту пѣсню въ Кіевской губерніи.

---

4. Ой у лузи при березi („**Про голоту**“. Козацкая, бытовая):

Ой и пье винъ горилочку и солодкый медъ;—
Позволь, батьку отамане, известы наметъ. (2).
Якъ извелы козаченькы голубый наметъ,
Посидалы у намети, пьють солодкый медъ. (2).
Которыи богатіи, то у намети силы;
А убоги сиромахы та не посмилы.
А убоги сиромахы та не посмилы [1]):
Взялы кварту, а другу жарту, та й на дощи силы.
А багачъ иде, а дукарь иде, тай посмихаеться:
За що цяя голотонька напываеться?
Ой якъ гукнувъ панъ отаманъ на козакы:
Берыть, берыть цего багача тай на кулакы!
Одынъ бере, та за чубъ веде, а другый дула бье:
Не йды, не йды ты, багачу, де голота пье!

Пѣсня эта представляетъ характерную бытовую картину изъ древней украинской козацкой жизни. Мы нашли три варіанта ея у Чубинск. (Труды, V, стр, 955 № 41) и два у г. Лисенко (Украин. п. вып. IV № 6, А и Аа, съ напѣвомъ), начи-

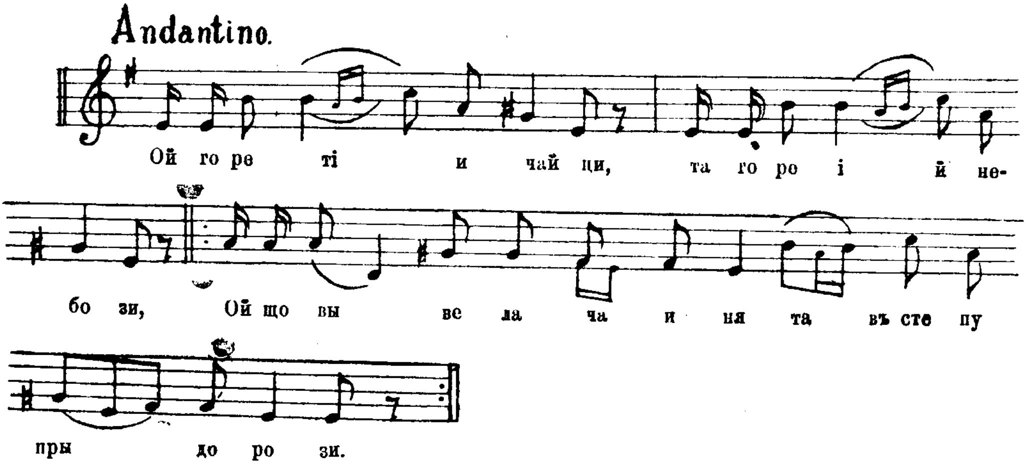
---

[1]) Это повтореніе вызвано напѣвомъ пѣсни.

нающихся приблизительно такъ: „темна хмара наступыла, ставъ дощыкъ иты“. Мелодія варіанта г. Лисенко (А, Аа и Б) имѣетъ сходство съ нашей только въ общемъ узорѣ. И текстъ и напѣвъ нашей пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ упомянутой „бабки“.

---

5. Писня про Чайку. (Чумацкая).

А тамъ чумаки ишлы, та чаичку зигналы,
А маленькіи чаинята зъ собою забралы.
А прылетила чайка зъ далекого краю,
Та травыченьку прогортае, чаинятъ шукае.
Та траву прогортае, чаинятъ шукае:
Ой тутъ булы чаинята, а теперъ немае.
И траву прогортае, и въ дорогу бьеться,
А сыдыть чумакъ на важныци, зъ чаичкы сміеться.
Ой вы, чумаченькы, та вирне товарыство!
Та возьмить мене изъ собою: буду вамъ слугою.
Та буду волы пасты, та буду прыгоняты,
Та вернить мои чаинята, бо я ихня маты.
— Та годи тоби, чайко, та шукать дитей въ роси,
Бо чумакы чаинята поварылы въ каши.
— Та бодай тіи чумакы та въ Крымъ не сходылы,
Що воны жъ мои чаинята въ каши поварылы!
Та бодай тіи чумакы на викы пропалы,
Що воны жъ мои чаинята изъ свита зогналы!

Эта прекрасная высокохудожественная народная пѣсня чрезвычайно распространена среди живущихъ въ Добруджѣ малороссовъ (гдѣ мы и записали ее отъ той же старушки X.). Можно сказать, ни одна „вечеринка“, въ которой участвуютъ женщины, не проходитъ безъ того, чтобы эта пѣсня не исполнялась хоромъ (въ унисонъ), вызывая слезы у присутствующихъ. Довольно полные и близкіе къ нашему варіанты (два) ея помѣщены въ Сборникѣ Чумацкихъ пѣсенъ г. Рудченко (Кіевъ 1874 г.) и (одинъ—отдаленный и не полный) у г. Лисенко (Сборн. пѣсенъ ч. Ш, № 8). Мелодія пѣсни, кромѣ записанной нами, приведена еще у г. Лисенко (ibid.); но сходства между ними нѣтъ, если не считать общей канвы. Настоящую пѣсню про чайку, народную и чисто бытовую, не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это приходилось встрѣчать, съ другою, болѣе распространенною въ Южной Руси, пѣснею про Чайку же (*Ой бида бида чайци небози... Кыгы, кыгы...*), которая (пѣсня) будто бы изображаетъ, подъ видомъ чайки, Малороссію, и сочиненіе которой приписывается различнымъ лицамъ [1]).

---

6. Ой по морю по сынему (про Мыхайла?.)

Чы бувъ ты, орле, на Вкраини,
Чы чувъ ты, орле, объ *новыни?* (2)
Чы чувъ, орле, ту новыну,

---

[1]) A propos. Въ виду тѣхъ недоумѣній, которыя возбуждаетъ эта послѣдняя пѣсня (см. Кіевск. Стар. 1891, № 12 стр. 482), считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь о ней нѣсколько словъ. Закревскій (Избран. малор. и гал. п. и д. 1860 г. стр. 37 № 37) въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ говоритъ слѣдующее. „Наивно изображаемая въ этой пѣснѣ участь бѣдной чайки... есть аллегорическое подобіе Украины, нахо-

Що йдуть ляшкы та на войну? (2).
Ой не чувъ я, тилько бачывъ,
Що йдуть ляшкы на тры шляшкы,
А *гусары* на чотыри,
А москали степы вкрылы,
А козакы уси горы, (2).
А козаченькы горы вкрылы,
Шабелькамы заяснылы,
Шапочкамы закрасылы.
А попереду кинь турецькый,
На конику сынъ отецькый: (2).
Въ правомъ боци свича горыть,
А зъ ливого ричка бижыть; (2).
Горыть свича восковая,
Бижыть ричка кровавая, (2).
А по тій ричци орда скаче,
А по сынови маты плаче. (2).
Та не плачъ, маты, не журыся,
Бо вже твій сынъ оженывся, (2).

дившейся въ XVI и XVII стол. такъ сказать на распутіи между тремя сильными державами - Россіей, Польшею и Турціей... Князь Цертелевъ, а за нимъ и г. Максимовичъ приписываютъ сочиненіе ея Хмельницкому. Но это едва ли справедливо: доказательствъ нѣтъ, а на одно увѣреніе полагаться нельзя... Знаменитый панъ Конисскій въ своей Исторіи Руссовъ (стр. 201) приписываетъ ее Гетм. Мазепѣ...; но онъ объ этомъ обстоятельствѣ повѣствуетъ только съ разсказовъ. Трудолюбивый Бантышъ-Каменскій говоритъ, что пѣсня о Чайкѣ сочинена послѣднимъ кошевымъ Запорожскимъ Петромъ Кальнашемъ. Но ссылки тоже нѣтъ. Впрочемъ, сіе указаніе, судя по слогу пѣсни, есть самое вѣроятное". — Коцапинскій въ своемъ сборникѣ (Писни, думки etc. Кіев. 85 г.) дѣлаетъ такое примѣчаніе къ разсматриваемой пѣснѣ: „старожилы въ Батуринѣ приписываютъ ее Мазепѣ". Наконецъ, Н. Костомаровъ въ монографіи „Богданъ Хмельницкій" опять приписываетъ ее Богдану Хмельницкому, хотя и не категорически. „Вѣроятно въ эти грустныя минуты, говоритъ онъ, гетманъ поэтъ создалъ ту печальную аллегорическую пѣсню, въ которой подъ видомъ бѣдной чайки, обижаемой двумя птенцами, плачущей за дѣтей своихъ, выражена такъ поэтически судьба современной Южной Руси, если только правда, что эта пѣсня сочинена лицомъ, а не создана народомъ" (т. III, стр. 241). — Въ виду такого разногласія мнѣній относительно происхожденія разсматриваемой пѣсни, мнѣній и бездоказательныхъ, и другъ друга взаимно уничтожающихъ, слѣдуетъ — за отсутствіемъ болѣе точныхъ данныхъ — или согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ Закревскаго, или признать ее произведеніемъ неизвѣстнаго творца.

Та взявъ соби паняночку—
Въ чистомъ поли земляночку (2).
Безъ дверець и безъ виконця.
Лежыть твій сынъ проты сонця, (2)
Та на кублынку головою,
Прыкрывъ лычко муравою. (2).

Варіантовъ этой пѣсни обнародовано уже довольно много. Укажемъ извѣстные намъ: Максимовичъ, сборн. 1834 г. стр. 149 № 14; Закревскій, Избран. думы стр. 85 № 121; Чубинскій, V, III стр. 22; Головацкій, III, I стр. 7 № 5; I, стр. 98; II, стр. 600; Метлинскій, стр. 447; Лисенко, вып. IV, стр. 12 № 4; Рубецъ, Сбор. 100 пѣс. (5 вып. 1 т.) стр. 22 № 11. Одни изъ этихъ варіантовъ начинаются, подобно нашему, словами: „Ой по морю" (Чубинск.); другіе—словами: *Вôдкôль ѣдешь* [1]) (Максимов., Закревскій, Головац. и друг.). Одни изъ нихъ, подобно нашему, сохраняютъ неопредѣленный характеръ, т. е. представляютъ одну изъ картинъ украинской жизни эпохи Богдана Хмельницкаго или послѣдующей за нимъ (Чубин.); другіе же пріурочиваются къ имени *Михайла* (Максим. Закревск., Головацк. и др.) Въ послѣднемъ случаѣ козакомъ убитымъ является Михайло (ст. 6), все дѣйствіе совершается *на Дунаи* (ст. 4) и (въ ст. 10) участвуютъ въ дѣлѣ, кромѣ другихъ, и *татары*. Какой варіантъ лежитъ въ основѣ всѣхъ варіантовъ этой пѣсни—тотъ ли, который представляетъ общую картину козацкой жизни и который затѣмъ былъ пріуроченъ къ частному событію? или обратно: пѣсня про Михайла съ теченіемъ времени обратилась въ общую пѣсню? Кого нужно разумѣть здѣсь подъ именемъ Михайла? Имѣетъ ли разсматриваемая пѣсня какое-либо историческое значеніе? Рѣшить всѣ эти вопросы на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя у насъ подъ руками, мы не въ состояніи.—Пѣсня (съ напѣвомъ) записана въ Добруджѣ отъ той же старушки.

---

[1]) Въ данномъ случаѣ Закревскій и Головацкій слѣдуютъ орфографіи Максимовича, у котораго, ê, и, ô, ѣ=и (i).

7. У Одеси на базари. (Семейная-шуточная).

А чы ёго та продаты,
А чы ёго проминяты?
Чы за волы половіи,
Чы за кони вороніи,
Чы за тіи червоньчыкы
Золотіи?

Изъ волыкамы—гоныться,
А зъ коныкамы—водыться,
А зъ червоньчыкамы—носыться:
А мій мылый
Чорнобрывый
Мини знадобыться!

Винъ набре, винъ насіе,
Винъ намеле, напетлюе,
Обернуться й поцилуе,
Винъ намеле, напетлюе,
Обернуться й поцилуе,—
Такъ годыться!

Только одинъ варіантъ этой пѣсни (текста) мы нашли у Чубинск. V, II, стр. 529 № 130, при чемъ вмѣсто „у Одеси“ тамъ стоитъ „у Кыеви“. Очевидно Украинская пѣсня занесена была на югъ и здѣсь подверглась измѣненію. Мелодія ея ги-

рива и не лишена изящества. Записана пѣсня въ Добруджѣ отъ той же старушки.

---

8. Де бъ я, де бъ я.

Ой пиду я у зеленый садъ гулять,—
Слышу й выжу, про мня люды говорять.
Полно, полно, зли ворогы, говорыть:
Сама знаю, що въ досади треба жыть.
Ночъ прыходыть—я слезамы пролежу;
День наступыть—я въ досади прохожу.
Полно, полно, зли ворогы, досаждать:
Сама знаю, що зъ досады помирать.
Ой пиду я на ярмарокъ на торжокъ,
Та й куплю а бумажечкы лыстокъ.
Та куплю я лыстъ бумагу гербову,
Та й спышу я всю досадоньку свою, (2)
Та й одышлю у *Россію* у *Москву*.
Ой хто цїи дрибны лысты прочыта,
Той усю мою досадоньку узна.

Эта пѣсня—если судить по ея содержанію—принадлежитъ къ числу пѣсенъ позднѣйшей формаціи: фабричный (или солдатскій) духъ такъ и вѣетъ отъ нея. Если же разсматривать ее со стороны языка, то она, несомнѣнно, пѣсня русская; и малороссы, значитъ, недавно переняли ее, если не успѣли вполнѣ переработать ея языкъ. Тоже нужно сказать и относительно мелодіи ея (характерный хроматизмъ вначалѣ II періода—не намъ принадлежитъ: старушка иногда пѣла съ хроматизмомъ и первый тактъ).

На основаніи 15-го стиха пѣсни можно заключать, что украинскіе жители Добруджи (гдѣ записана эта пѣсня отъ упомянутой старухи) переняли ее или отъ живущихъ тамъ русскихъ раскольниковъ, или отъ русскихъ солдатъ въ войну 1877—78 г.г.

---

9. Гандзю моя, Гандзю. (Гаевка).

Гандзю моя, Гандзю,
Щебетушычко!
Повѣдзь ми правды, (2)
Моя душычко: (2)
А що въ тебе та безъ мене
Гости илы? (2)
Иванъ ивъ—свынылу
Кучерявый Мар(ы)ко—курятыну.

А Мыхайло-Прыдыбайло,
Мое серце сподобало,
Изо мною, молодою,—
Рыбу лыныну (2)
Гандзю моя и т. д.
А що въ тебе та безъ мене
Гости пылы? (2)
Иванъ пывъ—пывыще,
Кучерявый Марко—горилыще,
А Мыхайло-Прыдыбайло,
Мое серце сподобало,
Изо мною, молодою,
Медъ-вино пывъ (2).
— Гандзю моя и т. д.
А де-жъ въ тебе та безъ мене
Гости спалы? (2)
— Иванъ спавъ—на земли,
Кучерявый Марко—въ соломи,
А Мыхайло-Прыдыбайло,
Мое серце сподобало,
Изо мною, молодою,—
Въ перыни. (2).
— Гандзю моя и т. д.
Якъ видъ тебе та безъ мене
Гости пишлы? (2)
— Иванъ шовъ граючы,
Кучерявый Марко—скачучы,
А Мыхайло-Црыдыбайло,
Мое серце сподобало,
А видъ мене, молодои,—
Плачучы. (2).

Мы нашли только одинъ варіантъ настоящей пѣсни (текста) у Головацкаго (III, II стр. 179), въ числѣ собранныхъ имъ гаевокъ (веснянокъ) жолновск. уѣзда (Ср. также сходную съ ней по идеѣ у Булгаковскаго: Записки Импер. Р. Географ. общ. по отд. этногр. т. XIII, вып. II, Пинчуки. Этногр. сборн., стр. 123 № 24). Можно полагать, что вар. Гловацкаго и есть основной вар. этой пѣсни, а нашъ—представляетъ малорусскую

передѣлку ея. Мелодія ея оч. оригинальна и не лишена извѣстнаго рода элегантности. И текстъ и мелодія записаны нами отъ упоминавшагося уже Л. С. Мацѣевича, который слыхалъ ее въ 1868 г. въ Кіевск. губ., въ селѣ Кашперовкѣ, отъ 80 лѣтняго старика.

---

10. Коло млына. (Веснянка).

Задумала въ саду спаты
Помежъ яблунькамы,
Всю ниченьку розмовляты
Съ тымы паннычамы.

***

Ой дай мини, моя маты,
Вышыту сорочку:
Грають хлопци на дудочку
Въ вышневимъ садочку.

***

Ой дай мини, моя маты,
Ружевую бынду,
Не зачиняй, мамцю, двери,
Бо я скоро прыйду.

***

Чужа дочка невисточка
Сыдыть на лавонци:
Ой не пускай, маты, дочкы:
Дочка любыть хлопцивъ.

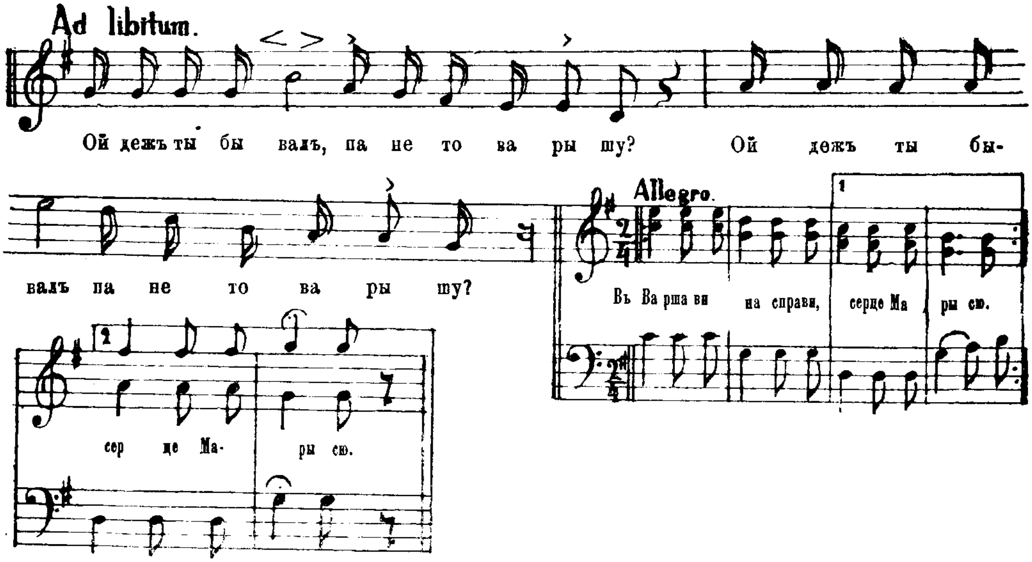
***

Ой бодай ты, невисточко,
Зъ лавоньки не встала,
Шо на мою дытыноньку
Неславоньку склала.

Варіантовъ этой пѣсни мы не встрѣчали. Судя по содержанію и напѣву ея—она принадлежитъ къ числу веснянокъ. Она любезно была передана намъ г. Т. С. Вышинскимъ, учителемъ пѣнія въ Одессѣ, который записалъ ее въ уманскомъ уѣздѣ.

---

11. Ой дежъ ты бывалъ? (Шутливая).

А що ты тамъ робывъ, пане товарышу? (2).
— Пывъ, гулявъ, въ карты гравъ, серце Марысю. (2).
— Може тебе тамъ былы, пане товарышу? (2).
— Охъ былы, охъ былы, серце Марысю! (2)
— А чымъ же тебе былы, пане товарышу? (2)
— Кулакамы пидъ бокамы, серце Марысю! (2)
— А може ты боленъ, пане товарышу?
— Ой боленъ, ой боленъ, серце Марысю!

— А може ты помрешъ, пане товарышу?
— Ой помру, ой помру, серце Марысю!
— Якъ по тоби дзвоныть, пане товарышу?
— Дзинь-дзинь дзинь! бомъ-бомъ-бомъ! серце Марысю.
— Якъ по тоби плакать, пане товарышу?
— Ой-ой-ой! охъ-охъ-охъ! серце Марысю!
— А дежъ тебе поховать, пане товарышу?
— У костели подъ престоломъ, серце Марысю.
— Якъ же тебе помынать, пане товарышу?
Стаканамы, бутылкамы, серце Марысю?

Варіанты этой пѣсни (текста) помѣщены у Шейна (Матеріалы для изуч. быт. и яз. р. н. СЗ. кр. т. I, ч. I № 628. См. въ Сборн. русск. яз. и слов. Импер. ак. н. т. 41) и Головацкаго (т. I, стр. 83 № 39 и т. III, I стр. 491 № 23). Полагаемъ, что относительнымъ прототипомъ указаннаго вар. послужилъ варіантъ Шейна, записанный въ Изабелинской волости Гродненской губ. Нашъ вар. представляетъ пѣсню въ бѣглой малорусской передачѣ, съ удержаніемъ многихъ бѣлорусскихъ выраженій и оборотовъ. И текстъ и мелодія пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ псаломщика Т. Мелодію ея мы часто встрѣчали въ солдатскихъ пѣсняхъ; но такъ какъ въ тоже время намъ удалось слышать эту пѣсню съ подобнымъ же напѣвомъ отъ бѣлорусса, то полагаемъ, что приведенная здѣсь нами мелодія составляетъ оригинальный напѣвъ пѣсни.

В. Быстровъ.

Памяти Георгія Конисскаго.

(1717—1795).

Въ столѣтнюю годовщину смерти Георгія Конисскаго (13-го февраля настоящаго года) мы считаемъ найболѣе умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о нравственномъ складѣ его понятій, насколько они выразились въ литературныхъ произведеніяхъ его.

Въ тотъ самый годъ, когда поступилъ онъ въ кіевскую академію (1728), появилась въ ней драма подъ заглавіемъ: „Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“. Въ драмѣ этой Хмельницкій говоритъ длинную рѣчь, въ которой изображаетъ идеальныя черты козака. По его мнѣнію, козакъ долженъ искать не богатства, а славы, долженъ вести жизнь умѣренную и простую, долженъ любить свою-же младшую братію, не отнимая у нея хуторовъ, млиновъ, лѣсовъ и т. п. Безъ сомнѣнія, автору драмы были очень хорошо из-

вѣстны всѣ эти уклоненія отъ идеала, и онъ хотѣлъ-бы удалить ихъ изъ дѣйствительной жизни авторитетнымъ именемъ Богдана Хмельницкаго.

Но время брало свое...

Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе старшина козацкая „выдирала“ земли у посполитыхъ и козаковъ, добиваясь всѣми правдами или, лучше сказать, неправдами закрѣпощенія, какъ посполитаго люда, такъ и низшихъ слоевъ козачества. Сидя на своихъ „урядахъ“, т. е. занимая извѣстныя должности, она имѣла въ своихъ рукахъ всѣ средства производить на эти слои рѣшительное давленіе, которое часто доводило болѣе бѣдныхъ козаковъ до того, что они отказывались отъ всѣхъ козацкихъ правъ, предпочитая имъ положеніе *подданныхъ*. Съ другой стороны, еще со временъ Петра Великаго все козацкое сословіе обременено было многими тягостями: козаковъ отправ-

ляли тысячами на *канальскія работы*, употребляли ихъ для постройки крѣпостей, для проведенія линій, при чемъ они должны были своимъ порядкомъ нести военную службу, участвовать въ военныхъ походахъ, которые не всегда имѣли прямое отношеніе къ непосредственнымъ нуждамъ страны. Не удивительно, что въ средѣ самихъ козаковъ явилось охлажденіе къ военной службѣ; бывали даже случаи уклоненія отъ нея посредствомъ продажи грунтовъ и приписки въ подданство къ „державцамъ". Все это указывало на близость того момента, который неизбѣжно долженъ былъ наступить, т. е. полнаго закрѣпощенія посполитыхъ при Екатеринѣ Второй (1783 г.). Такъ мало по малу перестраивалась жизнь малорусскаго народа на новый ладъ. Старые идеалы ея, которые связаны были съ именемъ козака, борца за народную свободу, утрачивали свою притягательную силу, становились просто непонятными для новыхъ поколѣній, и это ощутительнымъ образомъ обнаружилось въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей къ концу первой половины XVIII в. Такъ, въ интерлюдіяхъ, приписываемыхъ Конисскому, вовсе нѣтъ запорожскаго козака, играющаго важную роль въ Вертепной драмѣ,—нѣтъ даже вообще козака, занимающаго не послѣднюю роль въ интерлюдіяхъ Довгалевскаго. Ни Конисскій, ни литературные современники его не указываютъ на нравственныя требованія козацкаго долга, который въ сознаніи козацкой старшины казался уже чѣмъ-то устарѣлымъ и простонароднымъ.

Тѣмъ не менѣе, малорусскіе писатели не отказывались, стоя на почвѣ религіознаго міровоззрѣнія, затрогивать щекотливые вопросы современной имъ жизни. Это мы и видимъ въ драмѣ Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ", написанной имъ, когда онъ въ санѣ іеромонаха былъ уже преподавателемъ піитики въ кіевской академіи (1745—1747 г.)[1].

---

[1]) Драма напечатана въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова кн. VI по рукописи Императ. публичной библіотеки № XIV О. 2.—Время появленія пьесы здѣсь обозначено 1747-мъ годомъ,—въ рукописи же Кіевской Духовной Академіи № 3, 58 пьеса помѣчена 1746-мъ годомъ.

Дидактическая основа драмы заключается въ мысли о вѣчности или, точнѣе говоря, о вѣчномъ воздаяніи въ будущей жизни, но эта мысль развивается въ примѣненіи къ малорусской дѣйствительности. Это любимая тема Георгія Конисскаго. Къ ней нерѣдко обращается онъ и въ лирическихъ произведеніяхъ своихъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ, написанномъ тоже въ молодые годы его жизни, онъ говоритъ:

„Пойди на поле, что можешь узрѣти:
всѣ сѣмена суть землею покриты
влажной и теплой, ради перемѣни
лежатъ разтлѣнни.
Смотри жъ весною, когда солнце блеснетъ,
все тое, аки отъ гроба, воскреснетъ,
стебль, листъ, цвѣтъ и духъ явятся повсюду
невѣстъ откуду.
А какъ будуща вѣна весна станетъ,
все наше племя отъ гроба возстанетъ
невѣстъ откуду, и въ плоть превратится,
и духъ вселится.
И единъ убо вознесется въ славу,
другій на многихъ восприметъ державу,
инымъ хочъ менша да неисказанна
честь будетъ данна.
Будетъ и Лазаръ, лежавій въ гною,
лежать на ложи вѣчнаго покою,
обступятъ его ангели поющи,
не пси гризущи.
Явятся жъ тогда и грѣшници скверни,
смрадни, безличпи, какъ головня черне,
явятся токмо и тотъ часъ исчезнутъ
въ адову бездну [1]).

Въ этомъ стихотвореніи обрисованъ, можно сказать, весь планъ драмы Конисскаго, въ которой встрѣчаются тѣ же поэтическіе символы вѣчности, какъ и въ стихотвореніи. Начинается она размышленіемъ земледѣльца, который выходитъ на свое поле осматривать вешніе всходы.

„Слава Богу", говоритъ онъ, „не дармо весну праціовали,
И долини и горби пашнѣ поровняли,
Не умерло, знать, въ земли зерно анѣмало,
Ба умерло все, да всежъ и поожнвало".

[1]) Рукопись Кіевской Духовной Академія № J. Ш. 83. 3.

Возвращаясь домой, онъ вспоминаетъ слова священника, сказанныя въ церкви, что

и тѣло наше хочай гноемъ станетъ.
но по смерти, якъ зерно, на страшній судъ встанетъ".

Онъ только затрудняется понять,

„где бъ тое тѣло
взялося, которое на порохъ истлѣло".

Встрѣчаетъ онъ на дорогѣ священника и высказываетъ ему свое сомнѣніе. Священникъ поучаетъ его о праведномъ воздаяніи Божіемъ въ будущей жизни добрымъ и злымъ людямъ. Дѣйствіе заканчивается кантомъ, въ которомъ выражается увѣренность, что настанетъ часъ,

„когда всякъ отъ насъ
восприметъ награду
муки чи отраду".

Во второмъ дѣйствіи выступаетъ на сцену нѣкій Гипоменъ, ограбленный Діоктитомъ. Жалуясь въ судѣ на Діоктита, Гипоменъ не нашелъ тамъ правды. Въ очаяніи отъ преслѣдованій Діоктита онъ не знаетъ, гдѣ ему „подѣтись". Діоктитъ приказываетъ слугамъ своимъ бросить Гипомена въ темницу.

„Гвалтъ, панове" ,кричитъ несчастный Гипоменъ, „люде,
виноватъ ли въ чемъ тебѣ, судъ на тое буде!"

На это Діоктитъ ему отвѣчаетъ,

что „на судѣ и самъ онъ засѣдаетъ".
что „будетъ онъ отъ должности отрѣшенній.
Да будутъ судить его единомысленни.
А буди бы сталъ на мене апеллевать вишше,
И въ вишшемъ судѣ маю патроновъ излишше.
Нехай толко кто схощетъ правду защищати,
А сей мой Юда малой (при этомъ Діоктитъ „капшукомъ трусить")
можетъ доказати:
Ослѣплю очи дарми, руци плѣню мздою".

Не желая однако жъ „съ харпакомъ" судиться, Діоктитъ рѣшается избрать простѣйшій путь для уничтоженія своего безсильнаго противника.

„Лучше", говоритъ онъ, „прибію его въ смерть,
а тое самое
За голову заплачу а хочай и вдвое".

Въ третьемъ дѣйствіи „Терпѣніе" проситъ Бога Гипомену „отъ бѣдъ освобожденія", Діоктиту-же „отмщенія", а „Отрада"

обѣщаетъ, что то и другое наступить для нихъ въ будущей жизни. Тамъ, говоритъ она, Богъ

„За лѣсокъ воздастъ прекрасній рай цѣлій,
За млинокъ превисиреняя круги со свѣтили,
За пляцикъ узкій, за домокъ убогій
Отведетъ въ небесній жилища чертоги".

Въ четвертомъ дѣйствіи избитый и измученный Гипоменъ умираетъ. Хоронятъ его нищіе и, въ благодарность за его щедролюбіе, когда онъ былъ въ счастіи и въ довольствѣ, „высыпаютъ" надъ нимъ „большую могилу". Между тѣмъ, и дни Діоктита уже сочтены. Заболѣлъ онъ отъ пьянства, при чемъ ему кажется, что онъ

„не лишнее выпилъ, по гавсту въ началѣ
водки сердечной з другомъ испили, а далѣй
вина може съ полу ведра, наконецъ сливянки
росхожой не болшъ было какъ по чтири склянки
да се жъ не первина пить и поболшъ пивалось,
теперь мнѣ не вѣдаю что такое сталось:
дайте мнѣ толко водки и мякое ложе,
какъ випю, а осъ (sic) мнѣ поможе".

Не помогла водка и мягкое ложе. Умеръ Діоктитъ въ страшныхъ мукахъ.

Въ пятомъ дѣйствіи оба противника, подобно Лазарямъ—богатому и убогому, о которыхъ поетъ народная пѣсня, встрѣчаются на томъ свѣтѣ. Горько жалуется Діоктитъ на свою печальную участь:

„Поплывутъ лѣта, аки краткіе година,
а грѣшникамъ не будетъ въ мукахъ перемѣни.
Протекутъ тисящами и тмами темъ вѣки,
а грѣшніи пребудутъ въ адѣ человѣки.
Не станетъ числа далѣй, забудемъ начатку,
а и тогда не дождемъ мученій остатку".

Въ прологѣ къ своей драмѣ авторъ говоритъ:

„Комѣковъ свойственна должность сицевая,
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя".

И дѣйствительно, въ драмѣ Конисскаго мы узнаемъ нравы того времени, когда на всемъ пространствѣ Малороссіи выступили низменныя рабовладѣльческія страсти, не сдерживаемыя судомъ общественнаго мнѣнія, подорваннаго многими годами политическихъ тревогъ и всякаго рода случайностей. Конечно,

съ современной точки зрѣнія можно было бы многаго пожелать отъ драматическаго произведенія, которое „нравы представляетъ“, но мы не должны забывать, что это была духовная драма псевдоклассическаго строя, предназначенная для представленія въ стѣнахъ школы, которая, впрочемъ, какъ оказывается, вовсе не чуждалась жизни. Говоримъ это въ виду ходячихъ и, сказать правду, одностороннихъ и не продуманныхъ мнѣній о томъ, что въ стариной нашей школѣ господствовала непроглядная тьма схоластики, мѣшавшая ей видѣть то, что происходило въ жизни...

Тѣ же реальныя картины жизни мы видимъ и въ поученіяхъ Конисскаго, написанныхъ тридцать лѣтъ спустя, когда онъ былъ уже архіепископомъ Могилевскимъ. По обыкновенію, онъ связываетъ эти картины съ идеею воскресенія нашего въ будущей жизни. Такъ, въ одномъ изъ поученій въ день Воскресенія Христова (1787 г.) онъ говоритъ: „воскресеніе Христово есть воскресеніе наше... о чемъ, хотя я уже не однажды говорилъ въ радостнѣйшій праздникъ сей, однако и теперь хлѣбъ сей вамъ предложу [1])“. Пересматривая сборникъ поученій Конисскаго, писанныхъ его собственною рукою, мы нашли, что не въ одинъ „радостнѣйшій праздникъ“ Воскресенія Христова онъ является предъ слушателями своими съ хлѣбомъ этимъ „не скучливымъ на всякій день ядущему“. Такъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ день Новаго года (1788 г.), онъ снова возвращается къ развитію мысли о вѣчности, „числа лѣтъ не имѣющей“. Это одно изъ прекрасныхъ поученій, въ которомъ высказаны тѣ самыя мысли, что и въ драмѣ „Воскресеніе Христово“. „Къ вѣчности, говоритъ проповѣдникъ, я рожденъ есмь. Какъ-же стану имѣніе собирать, домы огромные безъ потребы созидать, владѣнія распространять, не имѣя въ томъ нужды убѣдительной, особливо, естли тіе домы созидаю на развалинахъ нищихъ и сиротъ, естли владѣнія мои тягость неудобосносная и разореніе подданнымъ моимъ: принуждаю ихъ мякинами давитися, дабы самъ, продавши хлѣбъ ихъ, пресыщался и упивался въ шумныхъ на всякій день компаніяхъ; пять сотъ у мене собакъ гончихъ, да пять сотъ же и крестьянъ моихъ отъ

[1]) Рукопись Кіевской духовной академіи № J, I, 31.

глада померло. И се ли пріуготовленіе мое къ вѣчности?... Не помышляю о томъ, что въ вѣчности мнѣ будетъ дѣло не съ собаками, но съ подданными моими, что они будутъ мнѣ и судіи и мстители". Въ томъ-же поученіи Конисскій изобличаетъ тѣхъ людей, которые говорятъ: „я другого корени есмь отъ простолюдиновъ", —которые, „сдѣлавшись судьями, защитниками обижденныхъ, пособляютъ обидчикамъ ихъ,—сдѣлавшись воровъ и мошенниковъ истребителями, одно влагалище, одинъ мѣшецъ имѣютъ съ ними".

Таковъ былъ нравственный образъ одного изъ лучшихъ представителей стариннаго образованія нашего. Какъ въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, такъ и подъ конецъ ея, онъ остался вѣренъ самому себѣ, вооружаясь противъ неправды и насилія, защищая обиженныхъ и угнетенныхъ. Не задолго до своей смерти, оглядываясь на свою прошлую жизнь, онъ самъ для себя составилъ надгробную эпитафію, въ которой съ грустною ироніей, свойственной душевному складу украинца, говоритъ о себѣ такъ:

„Градъ Нѣжинъ—колыбель, градъ Кіевъ—мой учитель,
А въ тридцать восемь лѣтъ я сдѣлался святитель.
Георгій имя мнѣ, я изъ Конисскихъ дому
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому:
Сея-то падали закрывъ здѣсь грѣшны кости,
Седьмъ сотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый".

П. Житецкій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два неизданныя письма Т. Г. Шевченка.

(Съ сохраненіемъ правописанія подлинника и съ примѣчаніями М. К. Чалаго).

I.

Къ И. М. Сошенку.

Посылаю тоби мій искренный друже де що моеи никчемнои работы. А любій панночци Ганнуси [1]) замисъ мазурокъ Шопена наши писни. Нехай грае та веспивуе, та нерадыця съ панною валентиною, вона іи доброму не научить [2]).

Напиши мини свій адресъ, и напиши якъ зовуть пани и пана Красковскихъ [3]) и якъ зовуть Чалого и Чалыху. Андріевскому [4]) самъ занесы рисунокъ и гарненько поклонысь йому одъ мене.

Незабувай искренняго твого друга Т. Шевченка.

Адресъ. Въ С.-Петербургъ въ большой морской въ домѣ графа Уварова Его Высокоблагородію Михайлу Матвѣевичу Лазаревскому.

---

[1]) Ганнуся—младшая племянница Сошенка, съ которою Т. Г—чъ познакомился въ Кіевѣ въ августѣ 1859 г.

[2]) „Валентиной" названа знакомая Сошенкамъ дѣвица Леонтина, которую поэтъ случайно засталъ у нихъ и много съ нею шутилъ, говоря все время по польски. Панская рѣчь въ устахъ плебея Шевченка полькѣ не понравилась: „pan Szewczenko nie źle mówie popolsku, ale w jego mowie zawszejest coś chłopskiego"—выразилась она о немъ. Т. Г—чъ составилъ о ней мнѣніе, какъ о вѣтренной и пустой дѣвицѣ.

[3]) Иванъ Даниловичъ Юскевичъ-Красковскій—учитель 1-й кіевск. гимн. Наканунѣ выѣзда Ш—ка изъ Кіева въ 1859 г. г-жа Красковская весь вечеръ услаждала слухъ его пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ.

[4]) Маркъ Александровичъ Андріевскій—чиновникъ канцеляріи генералъ губернатора. По ходатайству его поэтъ былъ оправданъ отъ гнуснаго доноса черкасскаго исправника Табачникова.

II.

Къ М. К. Чалому [1]).

2 декабря (1860)

Во имя Господа вибачайте мини за те що я вамъ пишу теперь коротенько ей богу николе. Передайте пидъ росписку Книгареви 100 экз. Кобзаря нехай винъ продае його по 1—50 копі съ вичатомъ 20 процентовъ за комисію—и нехай заплатыть за транспортъ. Низенько кланяюсь вашій жинци, а купно и вамъ. Якъ зайде до васъ братъ варфоломей то привитайте и порадьте що йому зробить съ Присею и Ганнусею [2]).

До мене що день приходыть Орловскій [3]), здаеця зъ його будуть люди. Бувайте здорови нехай вамъ богъ помога на все добре. Щирій вашъ Т. Шевченко.

Чомъ ота сука соха не обизвиця до мене [4])?

Письмо Т. Г. Шевченка. Въ бумагахъ покойнаго одесскаго книгопродавца-издателя Василія Ивановича Бѣлаго встрѣтилось намъ письмо Т. Г. Шевченка, которое В. И. предполагалъ, вѣроятно, напечатать въ

---

[1]) Изъ пяти писемъ, полученныхъ мною въ 1859—61 годахъ отъ покойнаго Т. Г—ча, четыре помѣщены въ іюньской книжкѣ „Основы" за 1862 годъ, пятое нынѣ помѣщаемое въ „Старинѣ" оставалось по сіе время ненапечатаннымъ.

[2]) Дочери В. Г. Шевченка воспитывались сперва въ частномъ пансіонѣ Г—жи Сааръ; а затѣмъ младшая Ганнуся цѣлый годъ училась у жены И. М. Сошенка.

[3]) Упоминаемый здѣсь Орловскій—нашъ кіевскій художникъ—возсоздатель красотъ украинской природы В. Д. Орловскій, бывшій ученикъ 2-й кіевской гимназіи. При отправленіи его въ академію я снабдилъ его письмомъ ко Т. Г—чу. 16 октября 1860 года писалъ я ему: „Рекомендую вамъ, уважаемый Т. Г—чъ, будущаго дѣятеля на поприщѣ русскаго искусства. Желая посвятить всего себя исключительно одной живописи, Орловскій, оставивъ гимназическую нашу премудрость, намѣренъ поступить въ Академію Художествъ. Судя по его работамъ за послѣдніе два года, подъ руководствомъ вашего общаго друга И. М. Сошенка, и по той страсти, съ какою онъ предавался любимымъ занятіямъ, можно надѣяться, что изъ него современемъ выйдетъ замѣчательный художникъ. Соха присоединяетъ и свою просьбу къ моей.

Примите же, дорогой землякъ, этого симпатичнаго юношу подъ свое покровительство, укажите ему дорогу, по которой онъ долженъ идти... и проч.

[4]) Тутъ дѣло идетъ о Сошенкѣ. Въ другомъ письмѣ отъ 4 Января 1861 года, Т. Гр—ичъ увѣдомляетъ меня, что „старе ледащо таки спромоглося на аркушъ паперу та вже такъ його змережавъ що й курци нема де клюнуть. Та такъ по письменному, що я насылу второпавъ.

задуманномъ имъ малорусскомъ сборникѣ; по крайней мѣрѣ, письмо это найдено нами въ числѣ прочихъ матеріаловъ, собранныхъ для этого сборника. Писано оно на листѣ почтовой бумаги большого формата; подпись изображаетъ иниціалы имени и фамиліи поэта, но кому именно адресовано, когда и откуда писано—изъ письма не видно. Въ бумагахъ покойнаго В. И. Бѣлаго сохранилась только маленькая замѣтка карандашемъ, что письмо это писано къ другу поэта, Федору Матвѣевичу Лазаревскому. Это отчасти подтверждается и самымъ содержаніемъ письма, въ которомъ поэтъ вспоминаетъ близкихъ адресату «Васыля и Михайла»—по всей вѣроятности, братьевъ его Василія и Михаила Матвѣевичей Лазаревскихъ, упоминаетъ объ Оренбургѣ, гдѣ именно служилъ Ф. М. Лазаревскій, занимая во время ссылки Шевченка довольно видный постъ, и объ оренбургскихъ знакомыхъ и пріятеляхъ: Залецкомъ—вѣроятно Брониславѣ Залѣсскомъ, съ которымъ познакомился и сдружился Т. Г. во время ссылки, и Поспѣловѣ—прапорщикѣ корпуса флотскихъ штурмановъ, участникѣ Аральской экспедиціи подъ начальствомъ лейтенанта Бутакова («Кіев. Ст.» 1893 г. кн. 2 ст. 246), передаетъ поклонъ К. И. Г.—по всей вѣроятности, генералу Карлу Ивановичу Герну, у котораго Т. Г. жилъ въ Оренбургѣ на слободкѣ по возвращеніи съ Аральской экспедиціи. (Чалый—Жизнь Шевченка, ст. 74 и 80), и Костромитинову—также оренбургскому пріятелю. Кто именно упоминаемый въ письмѣ «Старый Татарынъ», съ которымъ въ Малороссіи случилось непріятное приключеніе,—догадаться не можемъ.

Содержаніе письма отчасти указываетъ и на то, когда и откуда писано письмо. Несомнѣнно, что оно писано послѣ 1-й Аральской экспедиціи, въ которой участвовалъ Т. Г., т. е. послѣ 1849 года, такъ какъ поэтъ вспоминаетъ объ Аральскомъ морѣ, какъ объ извѣстномъ ему (погане А. море), а изъ біографіи Шевченка (Чалый, ст. 75) извѣстно, что по возвращеніи Шевченка изъ экспедиціи въ Оренбургъ, онъ вскорѣ сосланъ былъ въ Новопетровское укрѣпленіе, такъ что, по всей вѣроятности, письмо это послано изъ Новопетровска, тѣмъ болѣе, что Т. Г. рекомендуетъ въ письмѣ подателя сотника Ханрова, служившаго именно въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Установивъ такимъ образомъ, хотя приблизительно, время и мѣсто, когда и откуда было послано это письмо, полагаемъ, что оно не лишено нѣкотораго значенія для біографіи незабвеннаго Кобзаря, ибо, не смотря на нѣсколько шутливый тонъ, свойственный поэту даже въ такое злополучное время, какъ во время ареста (Чалый ст. 63 и

65), письмо это содержитъ однакожъ указаніе на то, что поэтъ нашъ во время пребыванія въ Новопетровскомъ укрѣпленіи очень нуждался (обнищахъ до зіла) и жаловался на свою тяжкую жизнь (як бы я сказавъ, що мини тутъ добре, то тяжко збрехавъ бы). Приводимъ это письмо съ сохраненіемъ въ точности орфографіи подлинника.

Г. Одесса. **М. Комаровъ.**

„Что ефто значитъ, что я сегодня имениница? я тебя ждала! ждала! Варила щеколадъ на цельномъ молокѣ, а ты не пришелъ!“

Изъ частнаго письма.

Это значитъ (спричъ эпиграфъ сей) что я прошедшаго года ждалъ отъ васъ, не то чтобы письма по крайней мѣрѣ добраго слова, и вельми ошибся. Спрашиваю L и Z не видали ли такого и такого? нѣтъ говорятъ, а я было уже и руку протянулъ за письмомъ. Не только не видали и не слыхали! Шо за недобра мати думаю? Чи не вмеръ винъ тамъ думаю. Такъ же ни, бо въ осени вторикъ питаюся у Костромитенова, де кажу такій и такій? Чи не вмеръ кажу часомъ. Та ни! живисинькій и здоровисинькій. Такъ думаю певно розсердывся, а сердиця здаеця нема за що? Та напиши до мене хочъ слово. А тимъ часомъ привитай оцего доброго и благородного сотника Хаирова. Мы знимъ укупи жили два года и не разу не лаялись, а це я думаю притча во языцихъ. Та ще скажи мени чи не бачивъ ты Поспѣлова. Якъ винъ вернувся изъ Раима, и хто такій поихавъ съ пароходами на те погане А. море. Та ще скажи будь ласковъ Залецкому, якъ верниця винъ въ Оренбургъ что все посланное имъ мнѣ, получено съ благодарностью, та якъ побачишъ Костромитенова то поклонись ему гарненько. И старому тому Татаринови шо въ Малороссіи якась наймичка вихтемъ його умыла, за те шо винъ ні хотив тее... помацать. Та ще отъ що. Якъ будешъ писать до Василя и Михайла то кланяйся имъ, и спитай у Михайла чи пославъ винъ те шо я просивъ до Лизогуба въ Ч. губернію бо я й доси ничогисинько не знаю, а обнищахъ до зіла. Про себе якбы я сказавъ шо мини тутъ добре, то тяжко збрехавъ бы. Нехай тоби оцей добрый чоловикъ про мене роскаже; винъ мене добре знае. Кланяйся доброму К. И. Г. и всимъ хто мене тамъ знае, оставайся здоровъ. Нехай тоби Богъ помогае на все добре. Не забудь написать до Михайла.—Аминь.

2 августа. III.

Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Въ 1886 г., въ Одессѣ, при посредствѣ одесскаго старожила и литератора *Николая Григор. Тройницкаго*, познакомился я съ *Петромъ Алексѣевичемъ Поповымъ*. П. А. Поповъ кончилъ лицей въ 1830 г. (5 вып.). По выходѣ изъ лицея Поповъ былъ секретаремъ сперва въ одесскомъ цензурномъ комитетѣ, а потомъ въ одесскомъ строительномъ комитетѣ. Вышедши въ отставку, жилъ себѣ на югѣ—то въ Одессѣ, то въ Кишиневѣ, то въ Аккерманѣ. Живъ-ли доселѣ—не знаю; но въ Одессѣ его теперь нѣтъ. Бесѣдуя съ П. А. Поповымъ, я узналъ, что онъ знакомъ былъ съ Т. Г. Шевченкомъ, и попросилъ его разсказать, какъ произошло это знакомство. П. А. Поповъ съ удовольствіемъ согласился. По окончаніи нашей бесѣды и свиданія, я поспѣшилъ записать, что у меня осталось въ памяти изъ разсказа Попова о Шевченкѣ—и эту тогдашнюю мою запись считаю не лишнимъ теперь сообщить; авось она пригодится для *біографіи* Шевченка.

«Познакомился я съ Т. Г. Шевченкомъ въ Москвѣ, въ августѣ 1860 г. у *Пурлевскаго*. Пурлевскій былъ агентомъ *Платона Семеренка*—по сахарному заводу, а Шевченко, какъ извѣстно, имѣлъ связи съ Семеренкомъ. Понятно, почему въ Москвѣ Шевченко знакомъ былъ съ Пурлевскимъ и часто ходилъ къ нему.

Я тоже близко знакомъ былъ съ Пурлевскимъ еще изъ Одессы—разсказывалъ П. А. Поповъ—и, будучи въ Москвѣ, частенько навѣщалъ его. Вотъ однажды Пурлевскій и говоритъ мнѣ: приходите завтра обѣдать,—у меня будетъ Шевченко. Я, конечно, былъ радъ этому. Прихожу. Застаю Шевченка. Онъ одѣтъ былъ во что-то въ родѣ пиджака. Мы обѣдали. Въ разговорѣ я между прочимъ сказалъ Шевченку, что едва-ли правдоподобенъ фактъ въ его повѣсти *«Катерина»*,—что будто отецъ и мать прогнали Катерину. Но Шевченко утверждалъ: это—такъ; это—такой былъ случай.—Показывалъ Пурлевскій мнѣ данный ему Шевченкомъ рисунокъ изъ его подневольной жизни: стоитъ Шевченко съ связанными вверху руками, раздѣтый по животъ, а—сзади солдаты бьютъ его розгами съ обѣихъ сторонъ. Подпись: *оттакъ мы, оттакъ насъ!*[1]).

Говорилъ Шевченко, что выраженіе въ концѣ поэмы его *Кавказъ*: «Мій Якове любый»! относится къ *Якову Яковлевичу*[2]) *де-Баль-*

[1]) Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ правдивости этого извѣстія, такъ-какъ по всѣмъ даннымъ можно смѣло утверждать, что Шевченко никогда наказываемъ тѣлесно не былъ. Интересно было бы установить, былъ-ли вообще подобный рисунокъ писанъ Шевченкомъ. Ред.

[2]) Вѣрнѣе—*Петровичу*.

мену. Это былъ молодой человѣкъ, сынъ эмигранта, вышедшаго еще при Александрѣ I. У нихъ было имѣніе въ полтавской губерніи близъ *Сенжаръ*. Въ этомъ семействѣ бывалъ Шевченко. Они его очень любили. «И я горячо любилъ это семейство,—говорилъ Шевченко;—а они считали раемъ, что я у нихъ бываю; живи съ нами постоянно, неразлучно—говорили они. Такъ этотъ молодой человѣкъ де-Бальменъ погибъ на Кавказѣ во время извѣстнаго Воронцовскаго похода на *дарго* въ 1845 г. Шевченко горько оплакивалъ гибель своего молодого друга»....

Больше ничего нѣтъ въ моей записи изъ разсказа П. А. Попова о Шевченкѣ. Объ одномъ жалѣю,—что я всего *одинъ разъ* видѣлся и бесѣдовалъ съ П. А. Поповымъ и поэтому не могъ пополнить и провѣрить записанныхъ мною его воспоминаній о Шевченкѣ дальнѣйшими разспросами...

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ**.

Письмо въ редакцію.

Много лѣтъ назадъ Т. Гр. Шевченко продиктовалъ мнѣ стихотвореніе, заставилъ выучить его наизусть и научилъ, какъ его декламировать. Не помню, называлъ ли онъ автора стихотворенія, но, кажется, нѣтъ; одно помню, что своимъ онъ его не называлъ, да и языкъ, слогъ, стихъ, самая манера, которой написано стихотвореніе, конечно, не его. Однако, чье же оно? Какъ я ни старался узнать это, какъ ни розыскивалъ, было ли оно напечатано, не достигъ никакихъ результатовъ. Можетъ быть, Вы сочли бы полезнымъ его напечатать и тѣмъ вызвать указанія со стороны лицъ болѣе чѣмъ я, свѣдущихъ въ малорусской литературѣ. Стихотвореніе по содержанію заимствовано изъ цикла разсказовъ о Ѳомѣ и Яремѣ, о которомъ была спеціальная статья проф. Аристова.

Хома та Ерема.

Хома зъ Еремою йдучи
Найшовъ часы;
У рукы ихъ тыхенько взявъ
И промовлявъ:
И що воно за штука,
Що стукае та й стука?
Дывыся, пане-бра,
Отце хиба мара?
Та й цокае жъ та й цока,
Побый его морока:
На що воно здалось
И видкиля взялось?

Кому воно въ прыгоди?
Кумедія тай годи!
Визьму тай розибью
Врагову манію.
Хомо, Хомо, дурный есы!
Не бый, а лучше продасы,
Бо то часы.
Це тее, щобъ ты, брате, знавъ,
Що, якъ живитъ и пивень намъ,
Росказуе панамъ,
Колы пора трапезовать,
Колы лягать,
Колы вставать,
Або колы гулять.
Поповичъ нашъ, ученый страхъ!
Росказувавъ, що въ сихъ часахъ,
Якъ у млынахъ,
Або ще й бильше е колисъ—
Не знаю вже, який ихъ бисъ
Туды занисъ!
Часы си срибны, такъ за ныхъ
И грошыкы узять не грихъ
Зъ панивъ дурныхъ
Ходимъ же, братику Хомо,
Отци дзыгары продамо,
А гроши пропьемо!

Ал. Маркевичъ.

Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 году. Въ лѣтописи Самовидца записано: «Свѣтл. кн. Александръ Меншиковъ въ 1719 г. былъ на Украинѣ и въ слободахъ, *со всѣмъ домомъ своимъ*, до которого первѣе въ Шептаки за Десну, зимою, а потомъ въ Гадячъ, по Воскресеніи Господнемъ, ѣздилъ гетманъ Скоропадскій»... Въ другой лѣтописи значится подъ тѣмъ годомъ: «Кн. Ал. Меншиковъ былъ на Украинѣ въ постъ великій, которого гетм. Скоропадскій съ старшиною встрѣчалъ въ Шептакахъ и тамъ пріймовалъ соленнитеръ; оный же Меншиковъ *гостилъ въ Гадячемъ и на многіе его вымысловъ требованія* отвѣтствовалъ гетманъ письменно».... (Сборн. Лѣтоп., изд. Кіевск. Арх. Ком., стр. 54). Бант.-Каменскій (III, 134), указывая тотъ же 1719-й годъ, говоритъ: «*Страсть къ обогащенію привлекла кн. Меншикова въ Малороссію*. Для совѣщанія съ нимъ о драгунскихъ полкахъ, расположенныхъ около Стародуба, Скоропадскій ѣздилъ въ Шептаки и въ

Гадячъ». Эти отрывочныя свѣдѣнія говорятъ, что Меншиковъ пріѣзжалъ въ Малороссію и прожилъ тутъ съ конца 1719 г. до полов. 1720 г., а м. б. и дольше; пріѣзжалъ онъ въ Малороссію, судя по этимъ замѣткамъ, будто бы для разговоровъ о расквартированіи драгунскихъ полковъ, хотя Б.-Каменскій вскользь и называетъ главный мотивъ пріѣзда.—Свѣдѣнія эти требуютъ поясненія, сущность которыхъ заключается въ томъ, что Меншиковъ пріѣхалъ въ Малороссію въ к. 1719 г., потому что весною слѣдующаго года должно было быть начато, согласно царскому указу, «обмежеваніе» отданной Скоропадскимъ Меншикову Почепской волости—дьякомъ Лосевымъ. При этомъ Меншиковъ имѣлъ въ виду, при помощи своихъ прислужниковъ, въ родѣ Гудовича, примежевать къ Почепской волости—сотни Мглинскую и Бакланскую и часть Стародубской... (Опис. Стар. Малор., I, 279). Для исполненія этого намѣренія нужно было на Скоропадскаго оказать извѣстное давленіе, чтобы предупредить мѣстные протесты. Вотъ съ этою то цѣлью и пріѣхалъ въ к. 1719 г. въ Малороссію Меншиковъ, *со всѣмъ домомъ своимъ*; пріѣхалъ онъ сначала въ Шептаки (около Н. Сѣверска), гдѣ былъ встрѣченъ «солленѣтеръ» гетманомъ; за симъ отправился въ Нѣжинъ, гдѣ прожилъ до ѳоминой недѣли 1720 г., когда отправился въ Гадячъ для того, (какъ можно догадываться) чтобы отвлечь сюда гетмана съ старшиной на то время, когда Лосевъ будетъ «обмежовывать» Почепщину.... А въ какой обстановкѣ пріѣхалъ по этому случаю въ Малороссію Меншиковъ, объ этомъ говорятъ слѣдующія свѣдѣнія.

Когда Меншиковъ собрался переѣзжать изъ Нѣжина въ Гадячъ, то объ этомъ былъ извѣщенъ «господарь Гадяцкого замку», которымъ тогда былъ Михайло Турковскій (впослѣдствіи генер. писарь), для приготовленій. Въ чемъ зеключались между прочимъ эти приготовленія, показываетъ слѣдующее письмо Турковскаго къ гетману.

«Ясневелможний премилостивѣйшій мой добродѣю. Прибывши недавно зъ Нѣжина отъ свѣтлѣйшого князя его мил. г. енерала фелтъ маршала и кавалера Александра Даниловича Меншикова г. примеръ маіоръ Володимерского полку Александеръ Тимофѣевичъ Ржевскій обявилъ мнѣ, же его княжая свѣтлость наступающій свѣтлого Христова воскресенья праздникъ въ Нѣжинѣ отправовати мѣетъ, отколь ѳоминой недѣлѣ намѣренъ прибити зо всѣмъ своимъ штапомъ въ Гадячъ, где по указу велможности вашой на штапъ при его свѣтлости будучій квартери определены суть, также провіанту и фуражу зъ потребу приуготовлено, а особне для квартированя его княжой свѣтлости

дворъ его мил. пана судіи войскового енералного (Чарныша) належите есть очищенный. Зъ нимъ же г. примеръ маіоромъ отправленный передомъ въ Гадячъ, для вареня пива и полпива, двору его свѣтлости пивоваръ прекладалъ такъ пану полковникови (Милорадовичу), яко тежъ и мнѣ, же мѣетъ его свѣтлости указъ приуготовити тридцать варовъ пива и якъ належитъ въ ліодовняхъ спратати, для чего поневажъ солоду приспособити належитъ, того ради по совѣту и согласію зъ паномъ полковникомъ расположилисмо по сотняхъ потребные солоды, хмѣль и бочки пивные собрати. Его жъ княжой свѣтлости указомъ прекладалъ мененный г. маіоръ, жебы всѣ улицы въ Гадячомъ належите были вымощени, на що приуготовленые для оправленя опалого города дубовые палѣ употреблены суть, зъ якихъ немалымъ числомъ людей войсковихъ, яко тежъ и посполитихъ мосты (замощеніе) по улицахъ дѣлаются. О семъ служебничо доносячи велможности вашой, премилостивѣйшого моего пана патрона и добродѣя найнизший подножокъ Михайло Турковский. Зъ замку Гадяцкого. 30 апрѣля, 1720 року».

При этомъ интересномъ письмѣ, показывающемъ, какъ могъ властно распоряжаться въ Малороссіи Меншиковъ, приложенъ слѣдующій за симъ поименный списокъ «штаба» и разнаго рода служителей, которые, въ количествѣ почти ста, сопровождали Меншикова, получая при этомъ «порціоны и раціоны».

Сообщаемые здѣсь документы, въ новѣйшихъ копіяхъ, принадлежатъ къ числу бумагъ М. О. Судьенка.

А. Л.

«Реестръ обрѣтающимся при генералу фелтъ-маршалу, кавалеру, свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову штапу и другимъ служителямъ, а именно:

Флигель адъютанты. Федоръ Щербаковъ, Степанъ Несторовъ, порутчикъ Федоръ Коржавинъ, прапорщики—Алексѣй и Семенъ Полчанниковы. *Докторъ.* Балтазаръ Виль. *Лѣкаръ.* Яганъ Шулцъ. *Секретари.* Яковъ Веселовскій. Яганъ Гардвикъ. *Нотаріусъ.* Федоръ Зеленой. *Регистраторъ.* Евдокимъ Ададуровъ. *Канцеляристы.* Данилъ Евстафіевъ. Петръ Барановъ. Андрей Яковлевъ. Дмитрій Карповъ. Дмитрій Спировъ. *Денщики.* Петръ Мизиринъ. Андрей Михайловъ. Терентій Давыдовъ. Андрей Звѣрковъ. Глѣбъ Веревкинъ. Михайло Лодыжинской. Ерофей Самсоновъ. Ларіонъ Выходцовъ. Евтихъ Подчерковъ. Василій Веселовъ. Марта 21 дня 1720 году. Адъютантъ Федоръ Щербаковъ.

Сіи вышеписанніи всѣ получаютъ подлугъ уставу царского величества указанніе порціони по своимъ рангамъ. А сверхъ сихъ офицерскихъ раціоновъ свѣтлѣйшого самого князя его милости прибуло дарованнихъ коней десять зъ лишкомъ, на которихъ указаніи получаютъ раціони.

1720 году, марта 23. Роспись гофъ шквадрона капраломъ и рядовымъ драгунамъ, которіе при его свѣтлости обрѣтаются въ Нѣжинѣ.

Капрали. Іванъ Новогородовъ, Алексѣй Белковъ. *Драгуни.* Никифоръ Козловъ, Андрей Чумичевъ, Никифоръ Константиновъ, Прокофій Кнютинъ, Ефимъ Гриновъ, Ісай Ишинъ, Андрей Ишинъ, Прокофій Помогаевъ, Гаврило Романовъ, Семенъ Малонѣевъ, Володимеръ Кириловъ, Филимонъ Денюкинъ, Савелій Кириловъ, Павелъ Непашевъ, Мина Котящевъ, Василій Поповъ.

Сіи вишеписанніи сами порціони получаютъ безъ раціоновъ.

Імена служителемъ дому его свѣтлости, которіи изобрѣтаются въ походѣ.

При его сѣтлости. Сава Василіевъ, Іванъ Набоковъ, Михайло Тарицынъ, Гаврило Лукинъ, Тихонъ Поляковъ, Иванъ да Евстратъ Копіевы. *При канцеляріи.* Іванъ Соболевскій, Артемій Дубасовъ. *Сторожъ* Емеліанъ Івановъ. *Пѣвчіе.* Іванъ Бориславской, Данило Ежовскій, Астанъ Вороновскій, Григорій Коновецъ, Семенъ Димитріевъ, Яковъ Фоминъ, Петръ Фоминъ, Филипъ Івановъ. *При сребрѣ.* Михайло Ивинской, Дорофей Сирковской. *Пажи.* Давидъ Михайловъ, Іванъ Хвостовъ, Александръ Пробишевской, Михаилъ Хомяковъ, Василій Дурной, Сергѣй Яковлевъ. *Бандуристъ* Кондиревскій. *Хлопци.* Крестьянъ, Яганъ, Гаврилъ. *Французъ* Морель, *танцмейстеръ* Петръ Калмикъ. *Гайдуки.* Василій Оглоблинъ, Трофимъ Малиновъ, Іванъ Восиковъ. *При казенной.* Іванъ Мазай, Федоръ Изволовъ. *Мушики* (мундшенки?) Петръ Струнинъ, Евтихій Подчартковъ. *Портніе.* Антонъ Каширевъ, Фома Сапожниковъ, Михайло Трединъ, Яковъ Гороховъ, Никифоръ Коптевъ, Федоръ Лобиревъ. *При конюшнѣ.* Федоръ Ушковъ, *каретникъ* Федотъ Пахомовъ, *шорникъ* Ефимъ Емельяновъ, Якубъ Турчаниновъ, Фотинъ Шивникъ, Фридрихъ Гантъ, Юрій Боличъ, Семенъ Кривцовъ, Іванъ Хохолъ, Алексѣй Петровъ, Филимонъ Константиновъ, Ларіонъ Быковъ. *Повара. Кухмистръ* Яганъ Мрадишъ, Василій Облоушенокъ, Іванъ Прокофьевъ, Герасимъ Андреевъ, Кузма Борисовъ, Матвѣй Потакинъ, Ілія Федосьевъ, Никита Ісаевъ, Герасимъ Морозовъ, Тихонъ Ладожниковъ, Василій Конюшевъ. *Хлѣбники.* Макаръ Родіоновъ, Алексѣевъ Гуляевъ, Гаврило Садовниковъ.

Скатертники. Денисъ Михайловъ, Никита Васильевъ, Юрій Карелъ, Емельянъ Юріевъ. *Рѣзникъ.* Войцехъ Жижленскій. *Пивовары.* Борисъ Садовниковъ, Обросимъ Семеновъ. *Конфектній майстеръ* Мотисъ Холмъ, при немъ изъ гребціовъ Иванъ Поповъ. *Гребци.* Тимофей Емельяновъ, Василій Тентяковъ, Гаврило Грицкой, Григорій Конищевъ, Алексѣй Цыганъ, Іванъ Круковъ, Иванъ Зубчаниновъ, Прокофій Оковъ, Осипъ Алексѣевичъ Балберъ, Карлъ Бекеръ. *Парукъмахиръ.* Николай зъ учениками.

При г. полковнику Колтовскому два человѣка служителей. Всего 93 человѣка.

Марта 23 дня, 1720 году.

А еще сверхъ сихъ прибуваютъ часто и порціоновъ всѣ требуютъ. Сіи вышписанніи безъ раціоновъ получаютъ».

„Листъ" печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на сборъ милостыни для выкупа у татаръ плѣнника. «Всѣмъ вобецъ и кождому зособна, хотячому видѣти, албо чтомое слишати, якъ въ духовъномъ чину, преосвящрннимъ архиепископомъ, боголюбивимъ епископомъ, преосвященнѣйшимъ архимандритомъ, всечестнымъ игуменомъ и монастырей строителемъ, пречестнимъ протопопомъ, чернимъ іереомъ, парохіалнимъ и всякой годности церковънимъ особамъ, яко и въ мирскомъ, ясневелможности, велможнимъ, благороднимъ, славетънимъ, его царского пресвѣтлого величества бояромъ, околничимъ, вождамъ войскъ, воеводамъ, столникомъ, полковъникомъ, головамъ, сотникомъ, асауломъ, атаманомъ, такъ же войтомъ, бурмистромъ и всякой кондиціи, титули и годности, такъ стану рицерского, яко и посполитого людемъ, повсюду знайдуючимся, побожнимъ хрестіаномъ, моимъ велце милостивимъ паномъ, стосуючися до листу свѣдочного и причинного святѣйшого господина отца и пастиря нашего Іякова, Божіею милостію архіепископа Константинополского и вселенского патріархи, за нижей менованною особою и я, Іннокентій Гизіель, милостію Божіею архимандрита святія великія чудотворнія Лаври Кіево-Печерскія, молитвы мои и поволнія услуги залецивъши, вношу покорную прозбу мою за оказателкою сего писмени моего учтивою Анною Григорпевою, котрая доставъшися при збуреню Канева въ неволю бѣсурманскую зъ сыномъ и сама, зъ волѣ Бога Вседержителя и милосердія побожнихъ православнихъ хрестіанъ, выкуп-

лена одъ оныхъ зоставши на свободѣ и сына подняла на окупъ, которого не маючи отколъ узяти, удается до людскихъ всякихъ милостей, жебручи милосердія и политованія..... кого. Рачъте теди, милость ваша, зичачи собѣ кождий милости у Всемилостивого Творца получити и сію просящую милостынею святою, що кому Господь Богъ подасть до сердца, для высвобоженя неволника сына ласкаве вспомогати. Святобливый той учинокъ свободою вѣчною небесною Царъ неба и землѣ милостямъ вашимъ ногородитъ и я узнаную важность причини моей милостивими и поволними услугами моими весполъ зъ дознаваючими милосердія вашего завдячати готовъ естемъ, а для тимъ лѣпшой вѣри рукою власною подписуюся, при звиклой печати монастирской. Писанъ въ монастирѣ Печерскомъ Кіевскомъ, року 1681, сентеврия 27. Іннокентій Гизіель, архимандритъ Печерскій». *(Съ подлинника, наход. въ бумагахъ М. О. Судьенка).*

Сообщ. **А. Л.**

Свидѣтельство современника о Наливайкѣ. Печатаемый ниже отрывокъ заимствованъ изъ историческаго очерка царствованія Сигизмунда III, кн. Станислава-Альбрехта Радзивилла, канцлера вел. кн. Литовскаго, очерка, изданнаго въ переводѣ съ латинскаго Ѳ. Котлубаемъ (Ateneum, 1848 г., № 3). Въ виду скудости и недостовѣрности свѣдѣній о Наливайкѣ, этотъ разсказъ современника имѣетъ немалое значеніе.

«*О козакѣ Наливайкѣ.* Во время отсутствія короля [1]) изъ Польши произошло возстаніе козаковъ. Вождь ихъ назывался Наливайко. Онъ съ собранной чернью разорялъ города, замки и села, вымогая деньги. Пришелъ онъ также и къ Олыкѣ, къ моему отцу. Съ нимъ вели переговоры въ мѣстечкѣ, внѣ замка. Онъ желалъ узнать, почему его не пустили въ замокъ, и когда одинъ изъ дворянъ приводилъ различныя причины, по которымъ это было невозможно, отвѣчалъ: «Вы думаете, что я не былъ въ замкѣ? былъ и даже переодѣтымъ слугой. Вѣдь когда недавно вы возвратились изъ обоза, то отдали подержать верхового коня мужику, несшему дрова въ кухню. Это былъ я, и потому и знаю, что тамъ дѣлается». Всѣ остолбенѣли, пораженные смѣлостью этого человѣка».

«Замойскій поручилъ гетману Жолкѣвскому, въ то время каштеляну Львовскому, собрать войско и усмирить бунтовщиковъ. Узнавъ

---

[1]) Сигизмундъ III.

объ этомъ, Наливайко возвратился на Русь, гдѣ въ ожесточенномъ сраженіи долго и упорно бился съ нашими, пока наконецъ Жолкѣвскій не побѣдилъ и не захватилъ бунтовщика (подъ Дубнами въ 1596 г.), который былъ мученъ въ Варшавѣ разными пытками. Осужденъ онъ былъ также на лишеніе сна, и это наказаніе, какъ онъ признавался, было для него самымъ тяжкимъ. Наконецъ ему была отрублена мечемъ голова, а также и другимъ, сражавшимся подъ его знаменами. Это было началомъ того, что мы видимъ теперь—предвѣстіемъ будущей измѣны козаковъ. И справедливо Рѣчь Посполитая наградила великими почестями Жолкѣвскаго за то, что онъ съ великимъ мужествомъ, при Божьей помощи, покончилъ съ этимъ дѣломъ».

Сообщ. **Е. К.**

Святочная народная драма „Тронъ“ (въ херсонской губ.). Народная драма о царѣ Максимиліанѣ и непокорномъ сынѣ его Адольфѣ широко распространена по всей Россіи и пользуется популярностью болѣе всего, если не ошибаемся, въ военной средѣ. «Царя Максимиліана» представляли матросы во время кругосвѣтнаго путешествія нынѣ царствующаго Государя Императора (о чемъ разсказываетъ кн. Ухтомскій въ I т. своего описанія этого путешествія). Проф. кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ сообщаетъ намъ, что «Максимиліана» на его памяти представляли въ началѣ 50-хъ годовъ солдаты въ Макарьевѣ костромской губ. въ казармѣ, а отъ солдатъ переняли ученики тамошняго духовнаго училища. Пьеса эта извѣстна и на югѣ Россіи. Въ «Кіевской Стар.» (1887 года № 12, стр. 798—799) помѣщена была замѣтка о «Царѣ Максимиліанѣ» въ Ковлѣ (волынской губ.); въ ней находимъ свѣдѣніе, что названная пьеса бытуетъ, на ряду съ колядованьемъ и святочнымъ переряживаніемъ, въ средѣ мѣщанъ-парней, что она занесена въ этотъ городъ пришлымъ солдатомъ, и что языкъ ея смѣшанный: великорусско-малорусско-польскій. Н. И. Петровъ обязательно предоставилъ въ наше распоряженіе списокъ «Максимиліана», сдѣланный въ 1864—5 учебн. году студентомъ кіевской академіи Ю. И. Татаровымъ въ черкасскомъ у. кіевск. губ. По этой записи (въ ней воспроизведена и бытовая обстановка, при которой авторъ узналъ о пьесѣ) «Царя Максимиліана» пропагандируетъ въ малорусской средѣ какой-то великороссъ Микифоръ, который при этомъ трунитъ надъ нелѣпымъ, по мнѣнію его,

обычаемъ колядованья у малороссовъ. Вслѣдствіе того, что пьеса передается здѣсь со словъ этого Микифора, она лишена всякаго мѣстнаго колорита, характерныя, по замѣчанію г. Татарова, рѣчи гробокопателя списаны не были по причинѣ быстроты рѣчи при устной ихъ передачѣ. Званіе Микиты по записи неизвѣстно.

Мы имѣли въ своихъ рукахъ послѣдовательно три списка «Царя Максимиліана» изъ херсонской губ.,—два изъ александрійскаго и одинъ изъ елисаветградскаго уѣзда. Сходство ихъ по составу дѣйствующихъ лицъ по сюжету и по языку, который всего лучше можно назвать солдатскимъ, съ великорусскими, извѣстными намъ, варіантами, а въ томъ числѣ и съ варіантомъ г. Татарова, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ нашихъ мѣстахъ «Царь Максимиліанъ»—явленіе заносное изъ Великороссіи, по всей видимости—при посредствѣ солдата. Но, подобно тому, какъ и въ Кіевѣ (если судить по замѣчанію о языкѣ тамошняго «Максимиліана»), и въ херсонской губ. «Царь Максимиліанъ» въ нѣкоторой степени подвергся усвоенію господствующей малорусской средой. Въ нашихъ мѣстахъ пьеса эта извѣстна подъ именемъ «Тронъ»; разыгрывается она сельскими парубками на святкахъ въ панскихъ и крестьянскихъ домахъ; мы лично присутствовали на одномъ изъ такихъ представленій въ с. Онофрѣевкѣ александрійскаго у., но внѣшнія подробности его достаточно извѣстны. Въ настоящее время мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи полный списокъ «Трона» изъ м. Ровнаго елисаветгр. у. (запис. со словъ Тихона Веретенникова). Назовемъ дѣйствующихъ лицъ пьесы по нашему списку. Дѣйствіе открываетъ козакъ слѣдующей рѣчью: «Здраствуйте, господа, и послушайте, что я буду говорить про себя. Когда я былъ маленькимъ младенцемъ, я видѣлъ большое чудо: когда ангелы летѣли, слава въ Вышнихъ Богу пѣли, то я этого страху сильно испугался, ото сырой земли на воздухъ приподнялся, и тамъ мене дарили сребромъ и златомъ, но я этого сребра и злата не принимаю,—васъ, господа, всѣхъ съ Рождествомъ Христовымъ поздравляю». Хоръ поетъ: «Рождество Твое Христе Боже». Затѣмъ послѣдовательно, хотя нерѣдко и безъ видимой внутренней связи, въ пьесѣ выступаютъ: царь Иродъ, воинъ, смерть, король Мамай, царь Максимиліанъ, стражъ, царскій сынъ Адольфъ, барышня, пажъ, гробокопатель, еврей Аврумъ, арапъ, лѣкарь и гетманъ. Пьеса не представляетъ собою послѣдовательнаго развитія одной темы, и по этой причинѣ затруднительно передать ея содержаніе; она является рядомъ различныхъ сценъ, связанныхъ часто механически. Сначала центромъ дѣйствія является избіеніе Иродомъ

младенцевъ и его трагическая смерть. Потомъ дѣйствіе сосредоточивается на царѣ Максимиліанѣ (который, къ слову сказать, тотчасъ за смертью Ирода, занимаетъ его престолъ) и на мученической смерти за христіанскую вѣру сына его Адольфа, мужественно отказывающагося поклониться «камерическимъ богамъ» (кумирамъ); при этомъ случаѣ въ качествѣ вводнаго персонала, выступаетъ нѣкая «барышня», которая распѣваемыми ею романсами («Смутны пташки канарейки» и «Прощаюсь ангелъ мой, съ тобою») выражаетъ сочувствіе свое принцу и падаетъ подъ мечемъ Максимиліана. Слѣдуютъ комическія сцены при участіи гробокопателя и жида, о которыхъ подробнѣе скажемъ послѣ; затѣмъ — появленіе арапа, взаимная перебранка между нимъ и Максимиліаномъ; появленіе Мамая, который рекомендуется присутствующей публикѣ слѣдующимъ образомъ: «я не есть русской, я не есть хранцузской, я есть король Мамай; ежели у моемъ царствѣ нѣтъ хлѣба, то мнѣ присылаютъ съ Молдавіи, съ Валахіи Малой, а я съ этого Цареграда сдѣлаю прахъ». Онъ пришелъ на Максимиліана войной и грозно требуетъ даровъ, но также складываетъ свою голову отъ руки Максимиліана. Далѣе—снова комическія сцены между лѣкаремъ и гробокопателемъ; первый изъ нихъ самъ о себѣ говоритъ слѣдующимъ образомъ: «... я есть лѣкарь, всѣми дѣлами аптекарь, лѣчить лѣчу, кровь мечу, чири вырѣзаю и болячки вставляю, ко мнѣ присылаютъ на ногахъ, а я отсылаю на костыляхъ, на тотъ свѣтъ поземски (?!) отсылаю, а съ того свѣта благодарность получаю». Выходъ гетмана и комическіе сцены съ участіемъ царя Максимиліана, жида и старика заканчиваютъ пьесу.

Покончивъ общее ознакомленіе съ содержаніемъ «Трона», обращаемся къ тѣмъ чертамъ, которыя составляютъ мѣстную особенность нашего варіанта и сообщаютъ ему нѣкоторый интересъ. Первая изъ этихъ чертъ—вводныя лица: дидъ-гробокопатель и жидъ, разыгрывающіе сцены, которыя напоминаютъ собою не то подобныя же сцены въ вертепной драмѣ, не то пасхальную кукольную комедію. Они говорятъ уже не солдатской рѣчью, которой изъясняются остальные персонажи «Трона», а малороссійской. Слѣдуетъ сказать правду, что комизмъ этихъ сценъ не высокаго достоинства,—площадной, плоскій и поверхностный. Приведемъ лишь нѣкоторые образцики. Собираясь къ царю, дидъ обращается къ смерти съ просьбой: «стара, давай грибинця причисацця, бо треба до чаря являцця»; смерть отвѣчаетъ: «та на, иды къ бисовому батькови, шобъ тебе перва куля не мынула». Изрѣдка въ рѣчахъ слышатся поговорки, или приказки». Такъ, дидъ

обращается къ Авруму: а иды сюды, табаку змелемъ, понюхаемъ, та раду послухаемъ;» или еще—дидъ говоритъ: «туруру, туруру, натурурукавъ царь три мишки гречанои вовны, та вси три не повны, и завязать ныльзя». Дѣдъ: какъ говорится,—«недочува», да и изъ ума выжилъ, должно быть: царь приказываетъ ему похоронить мертвыя тѣла несчастныхъ жертвъ его жестокости, а дѣдъ плететъ ему нескладицу о пчелахъ и о плугѣ; но дидъ—охотникъ выпить и закусить: «якъ бы чарь бувъ добрый, то давъ бы крючочокъ горилочки а вареничокъ на закуску». Онъ и видомъ подгулялъ немного. Царь говоритъ ему: «Воява, ты старинушка, хорошъ, такъ чего же у тебя на бокъ носъ скривился?» Дидъ, «Та це, чарю, дивчата любылы, та на бикъ носа скрывылы!» Жидъ рекомендуется публикѣ такъ: «я не есть русской, не есть французской, я есть Нусько корсуньскый»; желая сказать «Ваше Высокоблагородіе», онъ говоритъ «Ваше Полубородіе»; царь Максимиліанъ, въ угоду гетману, вымогаетъ у жида деньги, водку, коней, жену его Хайку и заставляетъ танцовать въ шабашъ; это подаетъ поводъ вывести его скупость и трусливость. Жидъ говоритъ прибаутками: «яки у жида гроши, говоритъ онъ, бувъ одынъ пятакъ, та й той оддавъ Хайци на табакъ», а когда угрожаютъ ему смертью, онъ кричитъ: ой веймиръ... якъ маете жида убывать, мае винъ вамъ уси гроши оддать, у жида грошей... три шкатулкы: въ однiй пусто, въ другiй густо, въ третiй ныма ничого»; когда требуютъ коней, онъ отговаривается такъ: «якы у жида кони? у мого брата Морхы-Лейбы одынъ бувъ кинь, Хайка вела за повидъ, а мiй братъ Морхы-Лейба за ребра, а я дыржався за хвистъ, щобъ ны впавъ пидъ мистъ»; нѣсколько ниже онъ говоритъ, что его кони «сами навколишки йиздять»; свою жену жидъ изображаетъ слѣдующими чертами: «яка въ жида Хайка? Хайка вошива, паршива, подъ припечкомъ воши бье» (била?); потомъ напуганный снова, говоритъ о ней иначе: «у жида Хайка хороша, пригожа, убирить iи,—барышня буде». Нѣкоторыя шутки въ пьесѣ непристойны.

Въ «Тронѣ» находимъ не одни романсы, а также нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ. Слабый, едва замѣтный отголосокъ колядокъ или, скорѣе, рождественскихъ виршей слышится въ пѣснѣ, заполняющей промежутокъ времени между приказаніемъ Ирода объ избіеніи младенцевъ и возвращеніемъ посланнаго для этого воина: «Днесь поюще, купно играить (sic) Царь нарожденъ, славы выхвалянить, поюще и суще, слава въ вышнихъ глаголюще (bis), когда Іосифъ обрученъ былъ Дѣвѣ, тогда услышалъ отъ ангела слова: возьми От-

роча и Матерь Его, бѣги во Египетъ отъ проклятого. Царь на осляти во Египетъ подступаетъ, Иродъ войско свое разсылаетъ. Былъ бы убіенъ Царь нарожденъ, отъ Маріи Дѣвы днесь воплощенъ». Въ сценѣ дида съ лѣкаремъ поется уже завѣдомо малороссійская пѣсня: «Гай, гай зелененькій, тимъ я тебе полюбила, що ты молоденькій» и пр., впрочемъ, безъ всякой связи съ ходомъ дѣйствія. Сцена между Максимиліаномъ и жидомъ начинается также малороссійской въ мѣстномъ херсонскомъ смыслѣ пѣсней: «Я въ пана гетмана цвѣты сорывала. Собирался панъ гетманъ до жида на шабашъ. «Здоровъ, здоровъ, жиде, здоровъ, скурвый сыне, мы слыхалы про жида,— у жида денегъ много». Наконецъ, въ концѣ пьесы, передъ тѣмъ, какъ жидъ усаживается на тронѣ, поется извѣстная малороссійская пѣсня «Ой хотила вража баба та й забогатиты».

Было бы очень интересно узнать, какъ усваивается «Максимиліанъ» въ другихъ мѣстностяхъ юга Россіи, и не входитъ ли эта пьеса въ соотношенія съ колядками, виршами, остатками вертепной драмы и тому подобными произведеніями южно-русскаго народного творчества.

В. Ястребовъ.

Сказка о котофеѣ. «Бувъ соби чоловикъ зъ бабою, и бувъ у ныхъ еденъ сынъ Иванъ да и той дурный. Отъ и тыи старыи померлы. Остався Иванъ еденъ на свити, сырота и китъ зъ нымъ. Иванъ бувъ дуже ледащій, не згодлывый ни до якой роботы. Винъ все лежавъ на печи. Въ хати не топляно килька днивъ, холодно.. то винъ въ пичъ влизе тай седыть, гріется... И все за его робывъ китъ: де що достане для его, накормыть, бо китъ бувъ розумнійшій за Ивана.

— Може-бъ ты, Иване, чого небудь зъивъ? пытае китъ.

— Чому? може-бъ и зъивъ, колыбъ-то було що исты, каже Иванъ. Той принесе ему хлиба, сала.

— А може-бъ ты, Иване, чого небудь напывся?

— Чому? може-бъ и напывся, колыбъ-то було що пыты

И такъ у ныхъ все...

Отъ едного разу нагодовавъ китъ Ивана, накормывъ его, напоивъ тай пытае:

— Може-бы ты женывся, Иване?

— Чому, каже Иванъ... Може-бы я и женывся, колыбъ-то хто высватавъ мини яку панну—гарну, та богату.

— Добре, каже кить, я тоби высватаю.

Кить наготовывъ Ивану богато всякои ижи и пытья, поки винъ зъ сватывъ вернется... Отъ винъ побигъ дорогою и забигъ до злотника... Забигъ по дорози до злотника и,—звыняйте за це слово,—взявъ та позолотывъ соби хвостыка. Прыбигае винъ въ таку страну, де нема котивъ. Якъ побачилы люде, що таке до ныхъ прыбигло,—маленьке, хвостате зъ усами, а хвостыкъ позолочепый,—тай сталы бигаты за котомъ, дывытыся на ёго... Дывуються люде, що винъ такій цикавый.

-- Хто ты такій? пытають его.

— Я Котофей, каже китъ.

— Ще мы не чулы, кажуть люде, щобъ такій бувъ на свити.

— Ось якъ бачите.

— А за чимъ-же ты, Котофей, прышовъ до насъ?

— Хочу высвататы для свого Ивана гарну та богату панну. Кажить но вы мини тепера, де у васъ тутъ есть богатый панъ и щобъ у ёго була соби гарна дочка?

— Тыи ему показалы на такого пана, богатаго... (такъ якъ нибы королыкъ, що колысь бувалы... теперъ вже воны по троху переведыся). Пришовъ Котофей до пана тай каже:

— Я, проше пана, пришовъ до васъ въ сваты, до вашои панны. Выдайте вы свою панну за моего пана Ивана.

— А хто-жъ буде твій панъ?

— Винъ сырота, оставсяна свити еденъ—безъ батька и матери. Треба ему теперь женытьcя, то винъ пославъ тепера мене въ сваты.

— А чому жъ винъ самъ не прышовъ?

— Бо винъ дуже важный панъ, то винъ не хоче.

— А чи богатый твій панъ?

— Занадто богатый... такій, що и не прыведы Господы.

— Нехай-же винъ мини гостынця якого ныбудь прешле, колы винъ такій богатый.

— Добре... пождить трохи, ось незабаромъ прышле вамъ такого гостынця, що вы ще и не чулы.

-- Добре, будемо ждать, що то за гостынець такій.

Отъ воны поговорылы обо всему и китъ збирается до дому.

— А колыжъ буде весилье? пытае той панъ.

— Я, каже китъ, дамъ знаты, якъ мы прыготовымося.

Отправляеться китъ до дому, бижить соби лисомъ и встричается зъ вовкомъ на дорози.

— А де ты бувъ, Котофей, пытае вовкъ. Хто тоби хвостыка позолотывъ?

— Злотникъ, каже китъ.

— Може-бъ и мини позолотывъ?

— Едному тоби не позолотыть; а якъ-бы зобралось васъ хоть копа, то може-бъ и позолотывъ, а едному-то не буде, бо для его малый зарибокъ.

Отъ той вовкъ якъ почавъ ревты, то набигло ихъ бильшъ якъ копа, а китъ дожидае, поки воны зберуться, щобъ до злотника повесты. Отъ воны зибралыся и пишли до злотника, а китъ попереду дорогу показуе да тыльки хвостыкомъ помахуе. А вовки ничого не знають, идуть соби да утишаються. Приводыть винъ ихъ до свого свата на дзидинокъ крозь браму... а огорожа кругомъ... нигде не вылизуть... Заразъ казавъ браму зачиныты и до пана пришовъ. Каже свату:

— Зять прислав вамъ гостынця, що вы ждалы.

— А дежъ винъ?

— А тамъ на двори.

Панъ вышовъ, подывывся тай охолонувъ, що стыльки вовкивъ. Винъ казавъ слугамъ браты ружа и давай ихъ быты та стреляты и такъ ихъ выбылы до единого и сталы шкуры здыматы, а Котофей побигъ до дому. Бижить винъ, стричае на дорози въ лиси тамъ само зайця. Каже на его:

— А де ты, Котофей, бувъ? Хто тоби хвостыка позолотывъ?

— У злотника. Винъ всимъ може позолотыты.

— Може-бъ и мини позолотывъ?

— Не буде едному золотыты, якъ бы васъ съ копа, то можебъ и позолотывъ.

Допиро ставъ заяць кумавкаты, кричаты... то назбигалося ихъ бильшъ, якъ копа, и винъ ихъ повивъ зновъ до свата. Загнавъ зайцивъ на двиръ, казавъ зачиныты браму и пишовъ до свата знаты даваты, що зять прислав гостынцивъ на весилье. Побачивъ сватъ, що стильки зайцивъ, зраднійшавъ, що буде печенья и шубы; казавъ, щобъ выбыты вси зайци, а Котофей вже зновъ побигъ до дому. (И такимъ образомъ Котофей много всякаго звѣрья доставилъ своему свату).

Прыбигае Котофей до дому и застае Ивана Печерецького—тыльки що живъ. Каже:

— А що ты ще живъ, Иване Печерецькій?

— Чуть живый... Якъ не дасы исты, то вже хутко умру.

Побигъ заразъ китъ до хатъ, доставъ хлиба, прынисъ и давъ ему исты, и скоромного также доставъ ему—сала и всякого. Подавъ ему въ пичь, той поивъ ..

— А що тоби лучше стало, Иване Печерецькій? пытае Котофей.

— Трошки полегшало, але не зовсимъ.

Той ще прынисъ сала и наварывъ галушокъ и ставъ его цангомъ кормыты цилый мисяць.

— А якъ тоби, Иване Печерецькій?

— Нещо, теперъ дужшій ставъ. Ну, що? нашовъ мини жинку?

— Нашовъ?

— А дежъ вона? Чому не прывивъ сюды?

— Якій ты дуже розумный... Щей хочешь щобъ сюды привесты. Збирайся но ты, Иване Печерецькій, до ней, въ дорогу.

— Може далеко? то я лучше не пойду.

— Ни, недалечко...

— Добре, каже, може я якъ небудь и вылизу зъ печи.

Побигъ китъ до свата и каже пану, що—

— Мы вже зовсимъ прыготовылыся весилье робыты...

Панъ сказавъ, щобъ воны чрезъ тры дни прыготовылыся вже йты въ церкву.

Китъ заразъ побигъ назадъ и заставъ Ивана Печерецького ще дужимъ, бо винъ ще не вси харчи зъивъ, що булы для его наготовляны отъ Котофея, и винъ мавъ ще чимъ живытыся.

— Гей, Иване Печерецькій, вылазь но зъ печи, бо вже тоби наставъ часъ женытыся, то тоби треба въ церкву иты.

— Ой, каже, може-бъ другимъ колы часомъ, бо нехочется вылазыты зъ печи. Змылуйся, каже, нехай завтра буде весилье.

— Ну, нехай завтра.

На другій день зновъ не хоче Иванъ вылазыты зъ печи, спо добалося ему дуже тамъ лежаты.

— Чи не можна, каже, ще отложиты на день.

Отложивъ ему Котофей и еще день. На третій день прыставъ до его, щобъ винъ безпреминно вылизавъ зъ печи, бо треба до шлюбу. А Иванъ все не хоче. Отъ вытащивъ Котофей Ивана тай

нема ему въ що одягнутыся. Надивъ винъ на себе якуюсь дранную одежу и отправылыся до свата. Думае Котофей: «не гарно що у Ивана Печерецького одежины людьской нема»... Тай прыдумавъ. Прышлы воны до рики и наказавъ Котофей Ивану, щобъ винъ, якъ тыльки забачить, що будуть до его бигты люде, то щобъ роздягнувся упавъ въ воду, одежину кинувъ въ воду и крычавъ «ой, ратуйте, топыться Иванъ Печерецькій!» Зостався Иванъ на мости, а Котофей побигъ до палацу и сказавъ свату; що женыхъ топыться, щобъ люде ратовалы. Сватъ казавъ слугамъ кони свои запрягаты и ихаты ратоваты зятя скоро, скоро, щобъ застаты живого. Заразъ запряглы кони, поихалы и досталы зятя зъ рики. Повезлы его заразъ въ баню, тамъ обмылы, обчистылы и нарядылы въ паньску одежу. Отъ посадылы вже его за столомъ якъ нибы пана якого, тай ставъ Иванъ дрематы, бо то пришла сама та пора, що винъ дремавъ на печи. Сватъ каже до Котофея:

— Чого-то нашъ зять такій смутный?

— То винъ зажурывся, каже Котофей, що на ему нема вже тои одежи, що була на ему та водою поплыла.

Заразъ казавъ сватъ даты ему саму яко найлучшу одежу. Потымъ поблагословылы молодыхъ и повинчалы. Отъ воны попылы, поилы трохи и пора вже выбиратыся до дому въ дорогу.

— А що въ тебе въ дома е? пытае молода жинка своего чоловика.

Иванъ хотивъ сказаты, що закутокъ... а Котофей каже:

— Все есть: и палацъ, и волы, и кони, и все, що тильки потрибно для хозяйства. Тильки жинки не було, тай та теперь есть.

Отъ повкладалыся, позбиралысь вже, тай поихалы, а Котофей каже:

— А я побижу напередъ, щобъ вамъ все прыготовыты.

Отъ бижить винъ тай бачить пасеться стадо коней. Пытае:

— А чіи то кони?

— Ажежь пана Дубецького, кажуть ему пастухи.

— Не кажить вы що пана Дубецького, бо васъ будуть дубасыть дубынкою. По сій дороги буде хутко ихаты король, то винъ дуже не любыть пана Дубецького. Якъ винъ спытае: «чіи то кони», то вы лучше скажить, що пана Печерецького. Буде лучше... Може винъ вамъ ще и награду дасть за те...

Бижить винъ дальше—ажъ пасеться гуртъ овечокъ.

— А чіи то овечки?

Кажуть, що пана Дубецького, а Котофей имъ сказавъ, що панъ Дубецькій зовсимъ здуривъ и заказавъ вси свои овци пану Печерецькому. И т. д.

(Такимъ же образомъ онъ научилъ, что говорить пастухамъ воловъ, коровъ, свиней, гусей, утокъ и пр.).

Отъ прыбигае вже Котофей ажъ до палацу пана Дубецького, тай каже, що иде король зъ свого весилья и певне заиде до васъ на полудень, то вы прыготовьтесь... а самы де небудь сховайтесь, бо король новый дуже сердытый щось, то щобъ часомъ не втрапылось вамъ одъ его. Котофей заразъ накрычавъ на кухаривъ и сталы воны прыготовлятыся. Прыготовылысь, понастановлялы исты и пыты и вже тыльки дожидають весилья. Котофей пытае пана Дубецького и пани Дубецькую:

— Чому вы не поставылы на стилъ печерецкіи рыбы?

— Такои рыбы у насъ нема, кажуть тыи.

— А якъ нема, то ховайтеся-же вы прытнійше, бо король дуже любыть печерецьку рыбу, то винъ вамъ задасть...

— А куды-жъ мы сховаемося? пытае Дубецькій.

— Ось лизьте въ ту дуплынасту лыпу, то може не найде.

Отъ сховався панъ зъ панію въ дуплынасту лыпу и наказалы слугамъ, щобъ неказалы де воны, щобъ имъ ще бильшъ не втрапылося. Иде король и доизжае до пастухивъ и пытае, «чій се товаръ»?

— Ажъ же-пана Печерецького, кажуть ему.

И давъ винъ каждому награду по рублю. А Котофей все мотается коло палацу. Пріихало вже и весилье, расположилыся: кони — на стайни, а самы пишлы въ палацы и сталы тамъ исты и закусоваты; а музыка грае...

Котофей казавъ, щобъ напоиты слугъ и поставыты имъ богато горилки, такъ щобъ воны перепылыся. Отъ якъ попьянилы слуги зовсимъ, винъ казавъ, щобъ салютъ робыты молодымъ. Побралы слуги ружа и давай палыты. А Котофей каже:

— Не такъ вы стреляете. Треба стреляты не вверхъ, а въ лыпу, то буде голоснійше.

Сталы воны въ лыпу стреляты тай забылы пана съ панею и зхоронылы Допиро Иванъ Печерецькій зъ жинкою и Котофеемъ восталыся тамъ пановаты и доси поживаютъ и насъ до себе прызываютъ».

(Записана сказка въ с. Боровичахъ, луцкаго уѣзда, волынской губерніи).

Ѳ. Кудринскій.

Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ.

Къ свѣдѣніямъ, уже сообщеннымъ о кіевскомъ полковникѣ Танскомъ [1]), слѣдуетъ добавить, что по смерти Палѣя бѣлоцерковскіе полчане обратились къ кн. Дм. Голицыну съ слѣдующимъ ходатайствомъ о назначеніи на мѣсто умершаго—зятя его Танскаго.—«Мы, полковые особы, яко тежъ сотники и товариство полку бѣлоцерковского... просимъ донести до царского величества... ижъ мы осталися отъ своего полководцы, небожчика блаженной памяти Симеона Палѣя, который еще за живота своего казалъ, намъ, сотникамъ, атаманамъ и знатному товариству зъѣхатися до Хвастова, который то небожчикъ видячи себе близше къ смерти анежели живымъ быти, вручаетъ при всѣхъ насъ началныхъ клейноты осударевы: пѣрпачъ и знаменіе царского величества, наданніе на полковництво сыну своему пану Антонію Танскому. Теди и мы ведлугъ желанія небожчика славной памяти Симеона Палѣя, полковника бившого, всѣ единимъ голосомъ призволяемся, жебы намъ панъ Танскій былъ за полковника бѣлоцерковского, которого мы добре свѣдоми, якъ у разумѣ его, такъ и рицерскомъ дѣлу, по указу его царского величества бодрость (бодро?) громлячи не разъ непріятелей на пляцу марсовомъ, и жебы Михайло, бывшій за измѣнника Мазепы, полковникомъ не знайдовался въ нашемъ полку бѣлоцерковскомъ [2])»...

Назначенный кіевскимъ полковникомъ въ 1712 г., Танскій, не смотря на жалобы Скоропадскаго, писавшаго царю, что кіевскій полковникъ его не слушаетъ, пользовался однакожъ въ Петербургѣ такою репутаціей, что, когда А. И. Румянцевъ пріѣхалъ въ 1723 г. въ Малороссію на слѣдствіе по Полуботковому дѣлу, то хотѣлъ было «подчинить» генеральную канцелярію «въ вѣдомство» Танскаго, т. е. передать послѣднему власть наказнаго гетмана... Намѣреніе Румянцева не осуществилось только случайно, какъ видно изъ слѣдующаго его письма къ Танскому. «Благородный и почтенный господинъ полковникъ. Ваше благопріятное письмо чрезъ посланнаго отъ васъ есаула исправно получилъ, за которое благодарствую, токмо сердечно сожалѣю о вашемъ приключившемся несчастіи и о болѣзни вашей.

---

[1]) „Кіевск. Старина" 1894 г., № 4.

[2]) Изъ бумагъ М. О. Судьенка, поступившихъ въ б—ку кіевскаго университета. Прошеніе подписано полковою старшиною и сотниками, причемъ въ числѣ послѣднихъ значится и Карпъ Чеснокъ, сотникъ мотовиловскій и будущій, довольно извѣстный, полковникъ компанейскій.

Я напередъ сего до васъ писалъ, чтобъ сюди немедленно были не для чего иного, какъ токмо хотѣлъ подчинить въ вѣдомство ваше здѣшную генеральную войсковую канцелярію, о чемъ я и до его импер. величества писалъ, а нынѣ, какъ я увѣдомился о болѣзни вашей изъ письма, отъ того правленія васъ освобождаю, изволите ѣхать въ домъ свой и имѣть отъ болѣзни своей пользу. За благопріятнѣйшій отъ васъ присланный ко мнѣ презентъ попремногу вашей милости благодарствую. Вашей милости зичливый слуга А. Румянцовъ. Февраля 17 дня 1724 г.[1])».

Наконецъ, говоря о женѣ Палѣя, мы упустили привести свидѣтельство о ней изъ записокъ старца Лукьянова, отрывки изъ ко-рыхъ когда-то напечатали въ Черниг. листкѣ (1862 г.). Въ этихъ запискахъ Лукьяновъ разсказываетъ, какъ, возвращаясь изъ Іерусалима въ сообществѣ московскихъ купцовъ, остановились они на отдыхъ «въ Хвастовѣ, за городомъ, въ полѣ; а Палея въ тѣ поры дома не было... И Палеева жена прислала намъ въ таборы яловицу и калачей, и вина. И тутъ стояли мы весь день; а Палеева жена брала купцовъ къ себѣ обѣдать и зѣло угостила; и говорила—для чего де до насъ турокъ не довели (провожавшихъ Лукьянова и его товарищей до Паволочи, а отсюда вернувшихся отъ страха передъ «палеевщиною»),—я бы де 500 (козаковъ) дала имъ провожатыхъ также ихъ проводить (обратно) чрезъ лядскую землю»... Изъ этого разсказа видно, что «Федосья Палѣева» была такою же властною *полковницею* въ отсутствіе мужа, какою за полстолѣтія передъ тѣмъ была властною гетманшею Анна Хмельницкая (третья жена Богдана), выдававшая въ отсутствіе мужа универсалы...

А. Л.

---

[1]) Изъ дѣла Черниг. двор. архива о родѣ Танскихъ.

Библіографія.

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Спб. 1890. Т. II. Власти. вып. 1-й. Вѣче и князь. Спб. 1893 г.

Трудъ проф. В. И. Сергѣевича, безъ сомнѣнія, составляетъ самый цѣнный вкладъ въ науку исторіи русскаго государственнаго права за послѣдніе 2—3 года. Масса затронутыхъ вопросовъ, критическое отношеніе къ мнѣніямъ ученыхъ, высказывавшихся по тому или другому изъ нихъ, кропотливо-детальное изслѣдованіе источниковъ, осторожность въ выводахъ и пр. составляютъ неоспоримое достоинство труда почтеннаго профессора. Авторъ, правда, не задается ни обобщеніями, ни широкими выводами, онъ стремится дать «древности», т. е. то, что у нѣмцевъ называется «Alterthümer», детальное излѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи права, быта и пр. расположенное въ извѣстномъ порядкѣ, могущемъ дать болѣе или менѣе полную картину старой жизни въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ. У проф. Сергѣевича имѣется въ виду юридическая сторона этой жизни.

Первый томъ «Юридическихъ древностей», распадается на двѣ книги, изъ которыхъ первая трактуетъ о государственной территоріи, вторая—о населеніи. «Наша древность, говоритъ проф. В. И. Сергѣевичъ, не знаетъ единаго «государства Россійскаго»: она имѣетъ дѣло со множествомъ единовременно существующихъ небольшихъ государствъ. Эти небольшія государства называются: волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами князей, уѣздами: всего позднѣе возникаетъ для нихъ наименованіе «государство» (I). Волости состояли изъ городовъ и пригородовъ, при чемъ городъ являлся центромъ, «вокругъ котораго образуется окружность волости. Центральному пункту, натурально, принадлежитъ характеръ старшин-

ства: его жители старѣйшіе въ волости. Населеніе же пригородовъ молодшіе» (I, 5) Города составляютъ потребность мѣстнаго населенія и воздвигаются имъ въ видахъ защиты отъ нападеній безпокойныхъ сосѣдей». (I, 6).

Какъ образовались древнѣйшія волости государства? Проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ возраженія противъ мнѣнія ученыхъ (Соловьева и М. Ф. Владимірскаго-Буданова), предполагавшихъ племенное происхожденіе волостей, т. е. что каждое отдѣльное племя составляло особую волость. Авторъ, напротивъ, думаетъ, что «скрытый отъ глазъ историка процессъ возникновенія первоначальныхъ волостей совершался медленно, но не мирно, а съ оружіемъ въ рукахъ. Города строились не цѣлымъ племенемъ, а группами предпріимчивыхъ людей, которые нуждались въ нихъ, какъ и въ XVI вѣкѣ для «береженья». Въ составъ этихъ группъ могли входить и люди разныхъ славянскихъ племенъ и даже иноплеменники: со славянами могли соединится чудь и меря. Жители такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли стремиться къ расширенію своихъ владѣній и съ этою цѣлью захватывать чужія земли и подчинять себѣ разрозненное населеніе этихъ земель. Для «береженья» своихъ пріобрѣтеній имъ приходилось ставить пригороды. Такой способъ возникновенія волостей проглядываетъ и въ ихъ организаціи. Центръ волости—городъ, къ нему тянетъ земля, огражденная пригородами. Сила, создавшая такую волость, должна была выйти изъ города» (I, 10). Таково было первоначальное возникновеніе волостей. Дальнѣйшее же возникновеніе ихъ и выдѣленіе изъ старыхъ областей обусловлено цѣлымъ рядомъ причинъ, главныя изъ которыхъ были: ростъ пригородовъ и стремленіе князей дѣлить волости на удѣлы, при чемъ князья удѣльные нерѣдко стремятся къ полному обособленію отъ волости старшаго князя (I, 11, и слѣд.). «Каждая волость, говоритъ проф. Сергѣевичъ, имѣла, такимъ образомъ, свою исторію; но по скудости нашихъ источниковъ полная исторія волостей едва-ли можетъ быть когда-либо написана. Что волости имѣли свою исторію и что дѣятелями ея были не только князья, но и населеніе, въ этомъ не можетъ быть, однако, ни малѣйшаго сомнѣнія (I, 14). «Волости-княженія составляли самостоятельныя государства. Все, что находилось въ предѣлахъ территоріи каждаго такого государства, подлежало дѣйствію мѣстной власти, она производила на своей территоріи судъ и управленіе, давала указы и пр.» (I, 34). «Полная политическая особность волостей есть наша древность. Эта древность была нашимъ дѣйствующимъ

правомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, во все то время, пока продолжали существовать отдѣльныя княженія. А отдѣльныя княженія существуютъ у насъ еще въ XVI вѣкѣ» (I, 37).

Мы не будемъ слѣдить дальше за мнѣніями проф. Сергѣевича относительно раннихъ попытокъ къ объединенію русской земли и о возникновеніи московскаго государства, хотя мнѣнія эти и представляютъ много любопытнаго. Отмѣтимъ только соображенія автора относительно происхожденія названія *русскаго* государства. Отмѣчая тотъ фактъ, что «древность продолжаетъ жить и въ Москвѣ» (I, 78), проф. Сергѣевичъ говоритъ: «живучесть старины видна и въ томъ, что новорожденное государство очень долго, безъ малаго въ теченіе 200 лѣтъ, не имѣло своего собственнаго имени, а обозначалось перечисленіемъ составныхъ частей своихъ» (I 79). Первый Иванъ Грозный употребляетъ названіе царства *русскаго*. Откуда же произошло это названіе? Первоначально «русская земля есть земля Полянъ; она совпадаетъ съ Кіевской волостью» (стр. 84). «Изъ Кіева наименованіе русью стало распространяться и на другія славянскія племена». «Причины этого распространенія заключается въ единствѣ языка и вѣры» (стр. 88). Сначала, впрочемъ, имя руси распространяется, какъ чисто народное наименованіе. У Полянъ первыхъ зародилось книжное просвѣщеніе и возникла литература, «остальныя племена, знакомясь съ содержаніемъ кіевской литературы, не могли не усмотрѣть своего племеннаго единства съ кіевскою русью и тоже стали причислять себя къ руси». Такое же значеніе имѣло и то обстоятельство, что во главѣ русской церкви стоялъ митрополитъ кіевскій (I, 88—89).

Вторая книга перваго тома «Юридическихъ древностей» посвящена вопросу о населеніи древней Руси. Въ рецензіи нѣтъ, конечно, возможности останавливаться не только на разборѣ, но даже на простомъ пересказѣ всѣхъ мнѣній, которыхъ касается или которыя высказываетъ профессоръ Сергѣевичъ. Мы только въ общихъ чертахъ перечислимъ нѣкоторые вопросы, которыхъ касается авторъ въ своемъ отдѣлѣ объ юридическомъ положеніи населенія древней Руси. Обзоръ племенного состава населенія въ «Юридическія древности» войти, конечно, не могъ.

Сообразно дѣленію въ древней Руси населенія на несвободныхъ и свободныхъ, дѣлитъ проф. Сергѣевичъ и свой обзоръ. Къ несвободнымъ онъ относитъ полныхъ и кабальныхъ холоповъ. Вопросъ о происхожденіи холоповъ и ихъ юридическихъ правахъ — одинъ

изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ въ историко-юридической литературѣ, тѣмъ болѣе, что источники, изъ которыхъ черпаемъ мы свѣдѣнія, подвергаются самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Конечный выводъ проф. Сергѣевича о положеніи холоповъ таковъ: «надо думать, говоритъ онъ, что первоначально права господина не подлежали никакимъ ограниченіямъ. Ограниченія появляются, надо думать, очень рано. Они существуютъ уже въ XII вѣкѣ, слѣдовательно, въ эпоху Русской Правды, которая о нихъ, однако, ничего не знаетъ. Но наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ чрезвычайно отрывочны и скудны. Не подлежитъ сомнѣнію, что улучшеніе быта рабовъ происходитъ подъ вліяніемъ церкви» (I, 111—112) Кабальное холопство возникло гораздо позже, въ эпоху уже государства московскаго.

Что касается лицъ свободныхъ, то проф. Сергѣевичъ разсматриваетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) смерды, 2) закупы, 3) крестьяне, 4) изгои, 5) числяки, ордынцы и делюи, 6) закладни, 7) купцы, гости, посадскіе делюи, 8) бояре, вольные слуги, дѣти боярскія, путные бояре. Но это не были сословія. «Древняя Россія не знала сословій. Они народились только въ Московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши. До образованія единаго Московскаго государства все населеніе русскихъ княженій, съ точки зрѣнія права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами и обязанностями. Сословныхъ различій, привязывающихъ извѣстные классы общества къ извѣстнымъ занятіямъ, еще не было: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій могъ быть воиномъ, чиновникомъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлею, промыслами и т. д. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, а потому онъ и выдѣлялся, какъ человѣкъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «младшаго» человѣка. Такимъ образомъ, возникла цѣлая лѣстница качественныхъ различій одного и того же рода свободныхъ людей. Ступени этой лѣстницы не были замкнуты: по мѣрѣ улучшенія фактической обстановки, человѣкъ самъ собою поднимается на слѣдующую ступень и наоборотъ. Но возвышеніе «меньшихъ» не было дѣломъ легкимъ. Экономическія условія большинства «меньшихъ людей» были до того тяжелы, что ему не только никогда не удавалось подняться въ среднiй и высшій слой, а наоборотъ, многіе изъ этого большинства, чрезъ посредствующую ступень най-

митовъ, спускались въ разрядъ рабовъ. Наши древніе памятники обозначаютъ однимъ словомъ все свободное населеніе со всѣми его подраздѣленіями. Такихъ всеобъемлющихъ словъ у насъ два: *людіе и мужи*». «Изъ этого первоначальнаго безразличія свободныхъ людей прежде всего начинаютъ выдѣляться люди, поступавшіе на службу князя. Подъ именемъ «дружины» и «княжихъ мужей» они начинаютъ противополагается «людямъ» вообще (стр. 161—165).

Третья глава «Населенія» посвящена обзору «дворовыхъ чиновъ», а четвертая и послѣдняя исторіи положенія дьяковъ, игравшихъ большую роль въ Московскомъ государствѣ.

Первый выпускъ второго тома обнимаетъ судьбу «вѣча и князя» въ древней Руси. По словамъ самого автора, выпускаемый имъ трудъ не является простой перепечаткой прежней его монографіи подъ тѣмъ же заглавіемъ. Напротивъ, «нынѣ издаваемый трудъ представляетъ лишь небольшую часть прежняго, и эта небольшая часть вся написана вновь, а нѣкоторые ея отдѣлы и по новому плану, и на новыя темы» (предисловіе). Тѣмъ большій интересъ, понятное дѣло, пріобрѣтаетъ трудъ проф. Сергѣевича.

Монографія проф. Сергѣевича, «Вѣче и князь», вышедшая въ 1867 году, вызвала, какъ извѣстно, самое разнообразное отношеніе къ ней среди двухъ лагерей—славянофиловъ и западниковъ. Причиной этого было то, что монографія затрогивала цѣлый рядъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ строю древней Руси. Этимъ, между прочимъ, при всѣхъ научныхъ достоинствахъ труда, и объясняется громадное значеніе монографіи проф. Сергѣевича въ литературѣ исторіи русскаго права. Сущность взглядовъ проф. Сергѣевича, высказанныхъ въ монографіи «Вѣче и Князь», не измѣнилась и теперь въ «Юридическихъ древностяхъ».

«Гдѣ и когда было вѣче?»—таковъ заголовокъ первой главы. «Вѣча собираются во всѣхъ волостяхъ, отвѣчаетъ авторъ. Они составляютъ душу волости. Рѣшенія принятыя на вѣчѣ главными представителями волости, старшими городами, по общему правилу, принимаются къ исполненію и пригородами» (II, 2). Въ XII вѣкѣ вѣчевыя думы дѣйствуютъ повсемѣстно. Когда же возникли они? «Вѣче не есть продуктъ указа какого либо князя, а явленіе обычной народной жизни, вызванное условіями тогдашняго быта древнихъ волостей» (II, 32).

«Въ началѣ исторіи, когда военное ремесло не обособилось еще отъ другихъ занятій и весь народъ входилъ въ составъ войска,

весьма натурально, что ему должно было принадлежать совсѣмъ иное значеніе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, чѣмъ это сдѣлалось возможно позднѣе, когда образовалась отдѣльная отъ народа военная сила. Гдѣ сила, тамъ и власть; а въ началѣ исторіи народныя массы составляли силу. Вѣче, какъ явленіе обычнаго права, существуетъ съ незапамятныхъ временъ» (II, 33) и, какъ бытовое явленіе, существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ условія, вызвавшія его къ жизни (II, 34). Въ числѣ главнѣйшихъ причинъ, способствовавшихъ уничтоженію вѣча, проф. Сергѣевичъ называетъ татарское завоеваніе, которое создало первую централизованную силу на русской территоріи и притомъ силу такую, съ которой нельзя было входить въ договоръ, а которой приходилось подчиняться безусловно. Опираясь на татаръ, возвышались и русскіе князья (II, 34—38). «Что именно, говоритъ проф. Сергѣевичъ, татарское завоеваніе, перенеся центръ тяжести политической жизни въ Орду и обезсиливъ населеніе поборами и грабежомъ, подорвало въ корнѣ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, видно еще изъ того, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ нашествіе не коснулось, вѣчевые порядки сохраняются въ XIV и XV вѣкахъ; таковы новгородская и полоцкая волости» (II, 38).

Вторая причина исчезновенія вѣчевого строя лежала въ измѣненіи всего строя древней общественной жизни. Какъ учрежденіе городовое, вѣче предполагаетъ самостоятельность города, а теперь Москва поглотила города—волости. Измѣнился также и характеръ поземельной собственности. Явились большія владѣнія землей въ рукахъ царя, а съ этимъ вмѣстѣ выросла его денежная и военная сила. «Обладая такой силой, они не имѣютъ уже надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они могутъ приказывать" (II, 41). Такъ какъ территорія московскаго государства увеличилась, то вѣче дѣлалось уже не пригоднымъ въ томъ случаѣ, если бы царь пожелалъ посовѣтоваться съ народомъ. Явилась новая организація—земскіе соборы.

Вторая глава у проф. Сергѣевича посвящена изложенію вѣчевого устройства. Она касается состава вѣча, времени и порядка созыва его собраній, мѣста этихъ собраній, порядка совѣщаній и вѣчевыхъ рѣшеній, ихъ исполненія, наконецъ, предметовъ вѣдомства вѣча: избранія князя, ряда съ нимъ, управленія и суда Въ заключеніе главы, авторъ останавливается на разборѣ нѣкоторыхъ спорныхъ мнѣній, касающихся вѣча. Проф. Сергѣевичъ не соглашается, напр., съ мнѣніями Неволина и проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, дѣлившихъ

вѣча на законныя и незаконныя. Такое дѣленіе, говоритъ проф. Сергѣевичъ, «есть продуктъ нашего времени. Оно совершенно чуждо сознанію древней жизни, несогласно съ существомъ дѣла» (II, 98). Не было также, по его мнѣнію, и «историко-юридическаго» различія между вѣчевыми правами жителей старшихъ и младшихъ городовъ (II, 102). Что касается мнѣнія Неволина, расширеннаго Бѣляевымъ, будто вѣче было верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ, то проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «мы не замѣтили ни одного мѣста, на основаніи котораго можно было бы утверждать, что вѣче было обыкновеннымъ апелляціоннымъ судомъ» (II, 102).

Третья глава третьей книги (о вѣчѣ) излагаетъ вѣчевую жизнь пригородовъ.

Четвертая книга «Юридическихъ древностей» посвящена князю. Глава первая трактуетъ о «владѣтельныхъ князьяхъ», при чемъ авторъ разсматриваетъ договорное право при занятіи престоловъ и практическое значеніе этого права; княжескіе съѣзды и прекращеніе договорнаго права. Глава вторая занимается распредѣленіемъ волостей между князьями. Общій выводъ проф. Сергѣевича по этому вопросу таковъ: «условія нашей древней жизни очень мало благопріятствовали тому, чтобы возникъ и устроился опредѣленный порядокъ... Распредѣленіе столовъ происходило подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ и интересовъ, изъ которыхъ ни одинъ не пользовался безспорнымъ признаніемъ и относительное значеніе и историческая важность которыхъ были очень различны и весьма непостоянны... На распредѣленіе столовъ вліяли: интересы народа, выражавшіеся въ его правѣ избранія князей; начало отчины; интересы царствующаго князя и его семьи, проявившіеся въ договорахъ и завѣщаніяхъ, начало старшинства князей. Но ни одинъ изъ этихъ интересовъ не имѣлъ силы самъ по себѣ» (II, 230—231). Въ дальнѣйшемъ авторъ разсматриваетъ распредѣленіе волостей между князьями въ такомъ порядкѣ: избраніе князей народомъ, начало отчины, распоряженія владѣтельныхъ князей, начало старшинства.

Послѣдняя, третья, глава разсматриваетъ служебныхъ князей, ихъ различные виды; князей, владѣвшихъ отчинами и неимѣвшихъ послѣднихъ.

«Глава дополнительная» озаглавлена такъ: «Княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ съ точки зрѣнія теоріи родового быта». Проф. Сергѣевичъ приводитъ цѣлый рядъ солидныхъ

возраженій противъ родовой теоріи. «Корень ошибочнаго толкованія источниковъ родовой теоріи, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что она отправлялась отъ предположенія наличности строго выработаннаго и притомъ чрезвычайно сложнаго порядка преемства для такого времени, когда люди дѣйствовали не столько по правиламъ, сколько въ мѣру своей силы. Родовая теорія заплатила этимъ дань своему времени. Мы понимаемъ пользу правового порядка. Мы говоримъ: всякій законъ лучше произвола. Мы думаемъ, что безъ закона нельзя жить. Родовая теорія перенесла эти воззрѣнія въ отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизни безъ точныхъ правилъ, а наша древность не была еще въ силахъ выработать эти правила» (II, 336).

«Юридическія древности» проф. В. И. Сергѣевича вызвали обширную рецензію *Н. Н. Дебольскаго* въ «Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія» (августъ и сентябрь 1894 г.). Рецензія эта заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, пересказъ труда проф. Сергѣевича и частичныя замѣчанія и дополненія, большей частью, по мелкимъ вопросамъ. Замѣчаній этихъ, впрочемъ, очень немного, и они существеннаго значенія не имѣютъ.

Н. В.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. №№ 20 и 21. Симферополь. 1894. 8°. Въ №-рѣ 20-мъ.—III + 394 стр., а въ 21-мъ—140 стр.

Выпускъ 20-й Извѣстій заключаетъ въ себѣ опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и таврической губерніи вообще (Taurica), составленный правителемъ дѣлъ Арс. Маркевичемъ. Въ предисловіи къ указателю составитель его говоритъ, что «главный изъ недостатковъ его труда заключается въ недостаточной полнотѣ, которая объясняется составленіемъ указателя въ Симферополѣ, вдали отъ столичныхъ библіотекъ, и невозможностью пользоваться необходимыми справочными изданіями и пособіями. Въ Симферополѣ съ трудомъ можно найти даже мѣстныя изданія за прежніе годы и нѣтъ полнаго экземпляра Таврическихъ губернскихъ вѣдомостей. Не имѣлъ составитель подъ руками и многихъ каталоговъ Межова, не имѣлъ въ распоря

женіи и многихъ періодическихъ изданій, особенно за прежніе годы. Второй недостатокъ указателя—отсутствіе оглавленій книгъ и во многихъ случаяхъ обозначенія касающихся до Крыма и Тавриды мѣстъ въ обширныхъ, многотомныхъ изданіяхъ... Во всякомъ случаѣ, говоритъ составитель, громадное большинство книгъ и статей, обозначенныхъ въ указателѣ, было разсмотрѣно имъ лично, а указанія дѣлались съ возможною точностью». Библіографическія работы—дѣло вообще очень копотливое, а при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ говоритъ г. Маркевичъ, дѣло и трудное, такъ какъ при неимѣніи подъ руками книгъ—неточности неизбѣжны. Ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что составитель часто списывалъ заглавія книгъ, не имѣя послѣднихъ подъ руками, а пользуясь указаніями другихъ лицъ и работъ, слѣдуетъ объяснить крайне ошибочныя свѣдѣнія указателя, напр., о лѣтописи Величка, о которой сказано, что она напечатана въ Кіевѣ, *будто бы въ 1720 г., въ двухъ томахъ, 2-е изд. напечатано въ 1848 г...* Извѣстно, что лѣтопись Величка издана въ четырехъ томахъ, причемъ первый томъ напечатанъ въ 1848 г., а послѣдній въ 1864 г. Наконецъ, вторыхъ изданій ни одного изъ томовъ не было.

Нѣкоторыя книги указаны безъ всякихъ поясненій въ то время, когда заглавія тоже ничего не говорятъ о ихъ принадлежности къ матеріалу по исторіи Тавриды. Напр., Кирило-Меѳодіевскій Сборникъ. М. 1865.—Тоже и подъ № 418.—Указатель Порѣцкаго музея гр. Уварова. М. 1853.—Памятники, изд. Коммис. для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кіевск. ген.-губернаторѣ—и только; ни года изданія, ни числа томовъ, а между тѣмъ изданіе состоитъ изъ четырехъ внушительныхъ томовъ... Затѣмъ многое можно было бы сказать о планѣ самой работы. Трудны и неблагодарны планы *систематическихъ указателей*; гораздо удобнѣе указатели *хронологическіе* съ присоединеніемъ къ нимъ затѣмъ указателей предметовъ и авторовъ. Впрочемъ, относительно указателя г. Маркевича объ этомъ говорить теперь поздно, а слѣдуетъ пожелать этому труду лишь исправленій, поясненій, дополненій и его продолженія.

Выпускъ 21-й Извѣстій заключаетъ въ себѣ продолженіе прежде начатыхъ статей—ордера кн. Пл. Зубова и описаніе дѣлъ таврич. истор. архива—и затѣмъ новыя статьи: 1) древнѣйшая книга Крымскихъ посольскихъ дѣлъ, М. Н. Бережкова, 2) нѣсколько словъ о мѣстности, прилегающей къ развалинамъ замка въ Гурзуфѣ, гр. А. А. Бобринскаго, 3) историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія, Ф. Ф. Лашкова, 4) слово при погребеніи кн. В. М. Долго-

рукаго-Крымскаго, 1782 г. и 5) письмо А. Я. Фабра къ Х. Х. Стевену, 1815 г.—Изъ этихъ статей обращаетъ на себя вниманіе начало работы г. Лашкова о Крымско-татарскомъ землевладѣніи. Какъ видно, авторъ близко знакомъ съ литературою предмета, не только печатнаго, но и архивнаго; тотъ и другой матеріалъ авторъ перечисляетъ довольно обстоятельно и даетъ читателю право ожидать отъ своего труда работы болѣе или менѣе обстоятельной, не смотря на трудность вопроса, которую вполнѣ сознаетъ и самъ авторъ, говоря: «время, въ продолженіе котораго развивается взятый для изученія вопросъ, обнимаетъ нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ протекла цѣлая историческая жизнь народа. Прослѣдить во весь этотъ періодъ обстоятельства, послужившія причиною образованія и уклада той или другой поземельной формы, весьма трудно, тѣмъ болѣе, что таковыхъ причинъ оказалось нѣсколько и притомъ самыхъ разнородныхъ... Кромѣ того, при изслѣдованіи вопроса необходимо разграниченіе сферы частно-хозяйственнаго права на землю отъ общественно-политическаго. Вотъ почему задача оказывается настолько сложной, что невозможно преодолѣть всѣ затрудненія»... О трудѣ г. Лашкова скажемъ подробнѣе, когда онъ будетъ оконченъ. Письмо Фабра къ Стевену заключаетъ въ себѣ тѣмъ болѣе любопытныя свѣдѣнія о древностяхъ Тамани, что они записаны восемьдесятъ лѣтъ назадъ.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Приложеніе къ біографіи князя А. К. Разумовскаго. Спб. 1894. 8° VI + 398 стр. Съ портретомъ Н. К. Загряжской.

Пятый томъ столь извѣстной книги «Семейство Разумовскихъ» изданъ подъ редакціей бывшаго профессора юрьевскаго университета Брикнера и заключаетъ въ себѣ дополненія къ біографіи кн. Андрея К—ча Разумовскаго. Дополненія состоятъ главнымъ образомъ изъ писемъ къ послѣднему разныхъ лицъ, между которыми письма гр. В. П. Кочубея представляютъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія для біографіи этого любимца кн. Безбородка и фортуны. Коротенькая біографія Н. К. Загряжской, одной изъ дочерей послѣдняго гетмана, даетъ лишь блѣдный очеркъ этой и умной, и остроумной женщины.

Кіево-Братскій училищный монастырь. Историческій очеркъ. Н. Мухина Кіевъ. 1893 г. ц. 2 р. 50 к.

Братскій монастырь въ историческомъ отношеніи занимаетъ исключительное мѣсто въ средѣ другихъ кіевскихъ монастырей. Онъ не имѣетъ за собою и такой древности, какою можетъ похвалиться большинство другихъ кіевскихъ монастырей; не обладаетъ онъ и такимъ обиліемъ святынь, какими славились и нынѣ славятся другія обители нашего «русскаго Іерусалима». Значеніе Кіево-Братскаго монастыря совсѣмъ особое. Основанный въ эпоху величайшаго религіозно-нравственнаго возбужденія среди южно-русскаго православнаго общества, Кіево-Братскій монастырь съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія былъ призванъ стать во главѣ ревнителей православія вообще и православнаго духовнаго просвѣщенія въ частности. Служеніе этой высокой идеѣ составляло долгое время индивидуальную особенность исторической жизни Кіево-Братскаго монастыря, съ чѣмъ соглашается и на что нарочито указываетъ и авторъ разсматриваемаго нами сочиненія (см. стр. 1—2, 23—25). Естественно, поэтому, ожидать, что авторъ «историческаго очерка» о Кіево-Братскомъ монастырѣ обратитъ особенное вниманіе на индивидуальную особенность предмета своего изслѣдованія. Но, къ сожалѣнію, въ разсматриваемомъ сочиненіи этого нѣтъ.

Сочиненіе состоитъ изъ вступленія, пяти главъ и 25 приложеній. Въ краткомъ вступленіи (стр. 1—8) говорится о современномъ и прежнемъ значеніи Кіево-Братскаго монастыря, намѣчаются періоды въ его исторіи и указываются источники и пособія, которыми пользовался авторъ. Въ первой затѣмъ главѣ (стр. 9—60) описываются обстоятельства основанія монастыря и его исторіи въ первый періодъ его существованія 1615—1631 г., когда монастырь устроялся; во второй главѣ (стр. 61—142) излагается исторія монастыря въ періодъ постепеннаго его роста (1632—1720 г.) въ союзѣ съ кіево-могилянскою коллегіею, къ концу этого періода получившею названіе Академіи; въ третьей главѣ (стр. 143—149) обозрѣвается судьба монастыря въ періодъ его постепеннаго упадка въ матеріальномъ отношеніи, заканчивающійся даже временнымъ закрытіемъ монастыря (1720—1786—1799 г.); въ четвертой главѣ (стр. 200—271) изображается судьба монастыря въ теченіе настоящаго вѣка, когда монастырь жилъ самостоятельно отъ академіи, хотя и подъ общею съ нею властію и управленіемъ настоятеля и вмѣстѣ ректора; наконецъ,

въ заключительной—пятой главѣ (стр. 272—307) описывается современное состояніе Кіево-Братскаго монастыря, а въ приложеніяхъ (стр. 311—407) помѣщено нѣсколько болѣе или менѣе древнихъ документовъ, касающихся исторіи монастыря и *не появившихся еще въ печати*. Таковъ планъ сочиненія, который безспорно долженъ быть признанъ естественнымъ и хорошимъ.

По содержанію же своему, сочиненіе представляетъ преимущественно собраніе біографій всѣхъ настоятелей Кіево-Братскаго монастыря и подробный указатель всѣхъ измѣненій относительно имуществъ и вообще матеріальныхъ средствъ его содержанія. Отсюда и самая конструкція сочиненія выходитъ нѣсколько однообразной. Сдѣлавъ краткую характеристику извѣстнаго періода, авторъ затѣмъ перечисляетъ всѣхъ настоятелей монастыря, перемѣнившихся въ теченіе этого періода, и здѣсь же указываетъ всѣ тѣ имѣнія и угодья, какія были пріобрѣтены монастыремъ при томъ или другомъ настоятелѣ. Такимъ образомъ, сочиненіе даетъ одну только внѣшнюю исторію монастыря и почти вовсе не касается внутренней его исторіи. Понятно, что такая точка зрѣнія непримѣнима ко всякому вообще монастырю и тѣмъ болѣе къ *Кіево Братскому училищному монастырю*. Подъ сѣнію этого монастыря существовало Богоявленское братство, равно какъ этотъ же монастырь, можно сказать, вскормилъ и выростилъ не менѣе славную кіевскую академію. Очень жаль, что авторъ мало обращаетъ вниманія на братство и академію, которыя были тѣсно связаны въ своей дѣятельности съ Кіево-Братскимъ монастыремъ и во всякомъ случаѣ были много обязаны ему, и вообще мало останавливается на внутренней жизни монастыря. Авторъ и самъ сознаетъ это и въ свое оправданіе ссылается на то, что «написать исторію Братскаго монастыря, которая обнимала бы и указанную (т. е. внутреннюю) сторону жизни его, за крайнею скудостію необходимыхъ для сего данныхъ—дѣло очень не легкое, пока почти невозможное». Однако же авторъ не воспользовался надлежащимъ образомъ даже тѣми источниками, какіе у него были подъ руками. Разумѣемъ «ламентаціи Кіево-Братскихъ монаховъ» и письмо Θеофана Прокоповича. Продуктивность автора въ отношеніи къ нимъ выразилась лишь въ томъ, что онъ приводитъ ихъ въ своемъ сочиненіи или цѣликомъ, или въ выдержкахъ, но не старается на основаніи ихъ нарисовать болѣе или менѣе полную картину внутренней жизни монастыря.

Кстати о выдержкахъ. Онѣ занимаютъ едва не четверть обширнаго труда и приводятся не всегда удачно авторомъ. Во 1) иногда вмѣсто нѣсколькихъ предложеній, которыхъ было бы вполнѣ достаточно для поясненія извѣстной мысли, приводятся цѣлые трактаты (см. стр. 29—30), а во 2) приведеніе обширныхъ выдержекъ въ текстѣ иногда является совершенно излишнимъ въ виду того, что онѣ заимствуются изъ документовъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ (см. стр. 48—49; 70—71 и др.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ вдается въ совершенно излишнія розысканія (напр., касательно имени основательницы монастыря, стр. 10, 11), или же въ совершенно ненужныя подробности (напр. о любви архим. Иннокентія къ природѣ стр. 234—238). Сами по себѣ нѣкоторыя изъ этихъ розысканій и подробностей весьма интересны, но въ исторіи Кіево-Братскаго монастыря имъ не мѣсто: здѣсь можно было-бы ограничиваться простыми ссылками.

Въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніи разсматриваемое сочиненіе не вполнѣ безукоризненно. Встрѣчаются неправильныя предложенія (напр., стр. 87 первыя 2 строки сверху и слѣд.; стр. 254 прил. 2 и 255 первыя строки сверху, стр. 172 и др.) и неловкія выраженія (напр., стр. 3: «союзная съ нимъ, т. е. монастыремъ, академія»; стр. 14: «имѣя средства къ дѣламъ благотворительности»; стр. 42: «побѣдоносная сила Богдана Хмельницкаго была мечемъ», «въ своемъ разъярѣніи на Украйну и др.»).

Относительно приложеній замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, вопреки обѣщанію автора помѣщать здѣсь документы *непоявившіеся въ печати* (стр. 4), взяты авторомъ изъ печатныхъ изданій (напр., первые два документа).

Указанные нами недостатки нисколько не умаляютъ достоинствъ сочиненія, являющагося первымъ опытомъ въ своемъ родѣ. Мы отмѣтили всѣ замѣченные нами недостатки на случай могущаго быть второго изданія книги. Изданіе это весьма желательно. Достоинства разсмотрѣннаго нами сочиненія безспорно значительны. Авторъ работалъ преимущественно на основаніи сырого архивнаго матеріала. Сочиненіе въ общемъ читается легко и съ большимъ непрерывающимся интересомъ. Его можно рекомендовать всякому образованному читателю.

Ѳ. Титовъ.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, издаваемыя Импер. Московскимъ Археологич. Обществомъ подъ ред. дѣйств. чл. А. В. Орѣшникова. №№ 1—12-й. Москва. 1894.

Періодическое изданіе Московскаго Археологическаго Общества въ 1894 г. издавалось безъ замѣтныхъ перемѣнъ противъ прошлаго года. Поэтому ограничимся указаніемъ въ немъ статей и извѣстій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ югу Россіи. Изъ статей мы остановимся на слѣдующихъ.

И. Е. Забѣлина «Замѣтка объ одномъ темномъ мѣстѣ въ Словѣ о Полку Игоревомъ» (№ 10). «Мѣсто это въ «Словѣ» читается такъ: «Рекъ Боянъ *и ходы на* Святославля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова *Коганя хоти:* тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Русской Земли безъ Игоря». Маститый московскій археологъ полагаетъ, что въ словахъ *«и ходы на»* заключается собственное имя пѣснотворца *Ходына*; что же касается слова *коганъ*, то онъ придаетъ ему значеніе, болѣе обширное, чѣмъ слово *князь*, и считаетъ возможнымъ, что оно могло обозначать также и *отца;* слово *хоть* въ лѣтописномъ языкѣ могло значить *любимецъ* (собственно любовникъ); въ результатѣ все приведенное мѣсто «Слова», по толкованію г. Забѣлина, получаетъ слѣдующій смыслъ: «Рекъ Боянъ, и Ходына, Святославовы пѣснотворцы, (пѣснотворцы) стараго времени Ярославова, Ольгова когана—отца любимцы». «Что же они, пѣснотворцы, рекли»,—спрашиваетъ авторъ: «Они рекли свои припѣвки. Одинъ, Боянъ, когда-то сказалъ припѣвку: «Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю». Вторя Бояну, другой пѣснотворецъ Ходына примолвилъ: «Зло ти тѣлу, кромѣ головы». А третій—пѣвецъ Игоревъ—припомнилъ и привелъ къ мѣсту ихъ старыя словесы именно для того, чтобы сказать: «А русской землѣ (тѣлу) тяжко и зло безъ (головы)—Игоря». Въ житіи св. Ѳеодосія печерскаго г. Забѣлинъ указываетъ подтвержденіе, что Святославъ дѣйствительно любилъ пѣснотворчество; имена же, созвучныя Ходынѣ, онъ находитъ у Вятичей и у западныхъ славянъ, и даже въ греческихъ надписяхъ черноморскаго побережья, а отголоски подобныхъ же именъ отыскиваетъ въ мѣстныхъ названіяхъ.

Въ томъ же, десятомъ, номерѣ «Арх. Изв.» напечатана статья *А. О.* «Новые матеріалы по вопросу о загадочныхъ фигурахъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ». Таинственные значки, замѣчаемые на монетахъ, относимыхъ къ св. Владиміру святому, Святополку и

Ярославу, возбуждали до послѣдняго времени недоумѣніе изслѣдователей; одни изъ послѣднихъ видѣли въ этой фигурѣ трезубецъ, другіе—свѣтильникъ или паникадило, третьи—хоругвь (labarum) и пр. Академикъ А. А. Куникъ усматривалъ въ ней родовой знакъ собственности.

Авторъ разсматриваемой статьи, *А. О.*, реферируетъ докладъ, присланный Московскому Археологич. Обществу статистикомъ вятскаго губернскаго земства *П. М. Сорокинымъ*. Въ докладѣ этомъ привлекаются къ изученію данныя этнографіи, именно—знаки собственности у вотяковъ; эти знаки имѣютъ родовой характеръ и въ нисходящихъ поколѣніяхъ подвергаются послѣдовательнымъ измѣненіямъ; соотвѣтственно этому и въ подтвержденіе мнѣнія Куника, разсматриваются и знаки на древнихъ русскихъ монетахъ, при чемъ авторъ даетъ небольшой экскурсъ объ извѣстныхъ дрогичинскихъ пломбахъ, которыя онъ признаетъ тоже знаками собственности, и воспроизводитъ любопытное изображеніе на одномъ древнемъ перстнѣ, аналогичное съ фигурой на монетахъ и съ нѣкоторыми изъ дрогичинскихъ значковъ.

Статья И. А. Линниченка «Ново-открытое свидѣтельство о времени в. кн. Изяслава Ярославича» (№ 11) вызвана замѣткой краковскаго профессора Анатолія Левицкаго «Надпись на палліумѣ XI в.» помѣщенной въ журналѣ «Kwartalnyk Historyczny», и представляетъ собою историческій комментарій къ любопытной записи въ одной рукописи XV в., хранящейся въ Курницкой библіотекѣ гр. Рачинскихъ и заключающей копіи разныхъ документовъ. Въ русскомъ переводѣ запись эта гласитъ слѣдующее: «Списокъ надписи на палліумѣ св. Адальберта. Молитвами св. Димитрія подаждь Боже всемогущій многая лѣта рабу Твоему Изяславу, князю Русскому, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, аминь. Господи, да будетъ во имя Твое». Проф. Левицкій пришелъ къ заключенію, что палліумъ, съ котораго была скопирована приведенная надпись, не принадлежалъ св. Адальберту (Войцѣху), ибо послѣдній не былъ архіепископомъ, а слѣдовательно и не могъ носить палліума; имя русскаго князя, по его мнѣнію, могло явиться на палліумѣ только потому, что Изяславъ приподнесъ его какому-нибудь архіепископу; краковскій ученый видитъ въ этомъ доказательство, что Изяславъ принялъ католичество. Это послѣднее заключеніе г. Линниченко оспариваетъ посредствомъ анализа современныхъ Изяславу политическихъ событій и отношеній, полагая, что палліумъ привезенъ былъ изъ Рима гнѣзненскому архіепископу Богумилу, а Изяславъ далъ только драгоцѣнную матерію

на облаченіе съ вышеприведенной надписью, которая въ XV вѣкѣ была переведена на латинскій языкъ; къ тому же на католическихъ палліумахъ не извѣстно надписей.

Н. Ф. Романченко въ статьѣ «Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи» (№ 1), основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ, сдѣланныхъ въ 1893 году, склоняется къ мнѣнію, что въ окрестностяхъ названнаго города находился греческій городъ Керкинитида.

А. Н. Шварцъ въ замѣткѣ «По поводу одной Керченской вазы» (№№ 3—4) даетъ художественное толкованіе изображенію на вазѣ, открытой въ Керчи гр. А. А. Бобринскимъ. Послѣдній отвѣчалъ г. Шварцу и давалъ свои объясненія (№№ 6—7).

Изъ мелкихъ замѣтокъ имѣютъ отношеніе къ Югу Россіи извѣстія о поѣздкахъ на о-ва Березань и Каменоватый, о раскопкахъ В. И. Гошкевича въ херсонск. губ., объ археологическихъ находкахъ въ Керчи, Θеодосіи, Кіевѣ и кіевской губ. (бар. де Бай), въ Аккерманѣ, о коллекціяхъ древностей д-ра Ролле въ Каменецъ-Подольскѣ, гр. Тышкевича въ Парижѣ, церковно-археологическомъ музеѣ въ Кіевѣ (пожертвованіе г. Леонардова), объ открытомъ г. Бѣляшевскимъ въ Варшавѣ описаніи Кіева XVII в. и др. древнихъ документахъ.

Въ журналѣ даются отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и отзывы о новостяхъ археологической литературы, къ сожалѣнію, очень краткіе.

Съ новаго года журналъ будетъ выходить подъ новой редакціей И. А. Линниченко и В. М. Михайловскаго, при участіи прежняго редактора. Пожелаемъ ему освободиться изъ-подъ зависимости газетныхъ репортеровъ, войдя въ ближайшія сношенія съ провинціальными членами Археол. Общества и приступить къ разработкѣ богатыхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ послѣдняго.

В. Ястребовъ.

О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. И. Слѣпушкина. Изданіе 4-е Коммиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ. Кіевъ 1894 г.

Изъ вышеизложеннаго видно, что книжка эта не новая и выдерживаетъ уже четвертое изданіе; впервые она появилась четверть вѣка назадъ, еще при жизни ея почтеннаго автора, имя котораго памятно кіевлянамъ, и особенно дорого воспитанникамъ кіевской 2-й

гимназіи, какъ лучшаго педагога, какъ добраго начальника, какъ безукоризненно честнаго человѣка; она появилась въ періодъ наибольшаго развитія интереса къ родной старинѣ, когда кіевская археографическая коммиссія стала издавать лѣтописи и акты по исторіи козачества, когда и С.-Петербургская коммиссія предприняла печатаніе «актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи», продолжая тѣмъ дѣло, начатое обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ, когда эти серьезныя изданія изучалась не только спеціалистами, но и вообще весьма многими образованными людьми, когда даже преподаватели гимназій читали ученикамъ въ классѣ лѣтописи Самовидца, Величка, Грабянки и сообщали хотя краткія свѣдѣнія по исторіи южно-русской литературы, а между тѣмъ, для народнаго чтенія не было ни одной книги, чтобы ознакомить грамотныхъ людей съ важнѣйшимъ моментомъ въ исторіи южной Руси. Въ это то именно время доброй памяти И. И. Слѣпушкинъ сдѣлалъ попытку удовлетворить этой назрѣвшей потребности. Этотъ трудъ автора отличается твердостью и опредѣленностью взгляда, обстоятельностью и полностью разсказа; при этомъ отъ начала до конца разсказъ согрѣтъ любовью автора и къ своему народу, и къ его герою и оканчивается трогательной картиной послѣдняго года жизни Хмельницкаго. Могутъ, конечно, сказать, что въ протекшую четверть вѣка не мало вышло въ свѣтъ новыхъ матеріаловъ, появилось нѣсколько новыхъ работъ, намѣчаются новыя точки зрѣнія на козачество и на самого Хмельницкаго и что, слѣдовательно, работа И. И. Слѣпушкина пожалуй уже и поотстала. Да, отвѣтимъ мы, дѣйствительно, исторія козачества начинаетъ перерабатываться, новое направленіе чувствуется уже; но все это такъ неопредѣленно, такъ трудно предвидѣть тотъ окончательный выводъ, къ которому прійдетъ историческая наука, что заносить всѣ эти толки о козачествѣ и Хмельницкомъ въ книгу для народнаго чтенія едва-ли было бы благоразумно, ибо они препятствовали бы только ясному представленію въ народѣ о дѣлѣ Хмельницкаго. Поэтому, мы думаемъ, книга не потеряла еще своего значенія и сохранитъ его до тѣхъ поръ, пока не выяснится рѣшительно новая точка зрѣнія на событія того времени на основаніи безпристрастнаго изученія историческаго матеріала и строго научной оцѣнки дѣятельности героевъ.

Настоящее четвертое изданіе сочиненія И. И. Слѣпушкина сдѣлано Коммиссіей народныхъ чтеній въ Кіевѣ, такъ какъ сочиненіе составляетъ собственность коммиссіи (оно уступлено ей родственни-

ками и наслѣдниками автора); это изданіе имѣетъ предъ прежними то преимущество, что снабжено портретомъ Богдана Хмельницкаго по гравюрѣ Гондіуса 1651 г., которая, какъ самая древняя и современная оригиналу, считается и самой вѣрной; снимокъ сдѣланъ превосходно; подъ нимъ находится факсимиле подписи гетмана, взятое коммиссіей изъ извѣстной книги «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ [1])». Брошюра одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Остается пожелать, чтобы и настоящее четвертое изданіе ея также быстро разошлось, какъ и три предшествовавшія, тѣмъ болѣе, что деньги, вырученныя отъ продажи изданія, идутъ на благое дѣло сооруженія народной аудиторіи.

И. Каманинъ.

Dr. G. Radde und E. König. Das Ostufer des Pontus und seine culturelle Entwickelung im Verlaufe der letzten dreissig Jahre. Gotha, 1894. (Petermanns Mittheilungen, Ergänzungsheft, № 112).

Заглавіе книги мало соотвѣтствуетъ ея содержанію: изъ 120 страницъ текста развѣ шестая часть относится къ культурному развитію восточнаго берега Чернаго моря за послѣднее тридцатилѣтіе. Въ сущности это выдержки изъ записной книжки ботаника, причемъ по случайнымъ поводамъ заносятся и личныя впечатлѣнія, вызванныя встрѣчами съ людьми. Колонизація и вообще культура черноморскаго побережья и Кубанской области затронуты авторами лишь попутно, приводится нѣсколько отрывочныхъ цифръ, напр. о торговлѣ новороссійскаго порта въ 1885 и 1892 гг., нѣсколько случайныхъ замѣчаній объ отдаленныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, все это безъ внутренней связи и безъ дѣйствительнаго знакомства съ экономической жизнью края. Нѣсколько подробнѣе свѣдѣнія, сообщаемыя авторами объ Анапскомъ округѣ и въ частности о нѣмецкихъ колоніяхъ, а также о государевомъ имѣніи Абрау (къ западу отъ Новороссійска). Не лишены интереса, хотя и не новы, наблюденія авторовъ о хищническомъ истребленіи вѣковыхъ лѣсовъ по дорогѣ изъ Туапсе въ Майкопъ и печальномъ положеніи переселенцевъ на Кубань.

---

[1]) Составили проф. В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ 1885 г.

Приложенныя къ книгѣ карты показываютъ распространеніе на Кавказѣ зубра и маршрутъ нашихъ путешественниковъ. Языкъ сочиненія заставляетъ желать лучшаго, а транскрипція именъ собственныхъ довольно неудовлетворительна. Прибавимъ, что г. Радде—директоръ тифлисскаго музея для естествознанія, этнографіи и археологіи Кавказа. **В. Ц.**

Живописная Украйна.

(Указатель рисунковъ изъ малорусскаго быта въ иллюстрированныхъ журналахъ за 1894 годъ).

По мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ искусства увеличивается число художественныхъ силъ и расширяется ихъ дѣятельность, а въ удовлетвореніе возростающей въ обществѣ потребности въ художественно-литературныхъ изданіяхъ увеличивается число иллюстрированныхъ журналовъ,—южнорусскій край, въ его видахъ и типахъ, больше и больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе художниковъ и даетъ содержаніе для ихъ произведеній, появляющихся какъ на художественныхъ выставкахъ, такъ и на страницахъ иллюстрированныхъ изданій. Каково бы ни было достоинство этихъ произведеній, они также, какъ и статьи, посвященныя южнорусскому краю, представляютъ собою матеріалъ для его изученія, рисуя (болѣе или менѣе удачно) въ образахъ то, что̀ другіе дѣятели описываютъ въ своихъ статьяхъ. Въ виду этого, въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ предъидущихъ книгахъ «Кіевской Старины», обозрѣніямъ журнальныхъ статей, относящихся къ южнорусскому краю, мы сочли не лишнимъ перечислить относящіеся къ тому же краю рисунки, помѣщенные въ журналахъ за истекшій 1894 годъ, причемъ не претендуемъ на полноту этаго указателя, такъ какъ мы не могли читать всѣ иллюстрированные журналы, а имѣли въ виду лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ такого рода рисунки помѣщались въ наибольшемъ количествѣ. Для удобства въ справкахъ, какъ названія журналовъ, такъ и фамиліи художниковъ располагаемъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Артистъ.

Снимки съ картинъ:

а) *Куинджи А. И.*—Чумацкій трактъ, № 3.

б) *Пимоненко Н. К.*—Паробки, № 6.

Портретъ: А. А. Переверзева (малорусская актриса, ум. въ 1894 г.) № 4.

Всемірная Иллюстрація.

Снимокъ съ картины Костенко С. — Передъ звѣринцемъ (въ южно-русскомъ городкѣ), № 1329.

Оригинальные рисунки:

а) *Ижакевича И.* — Странствующій философъ Сковорода на пути № 1350.

б) *Менка В. В.*—Уголокъ Малороссіи, № 1324.

в) *Рѣпина И. Е.*—1) Хата въ Новороссіи. — 2) Типъ козака-пластуна (изъ книги «Русскіе художники. И. Е. Рѣпинъ»), № 1337.

г) *Скиргелло А.*—Ярмарочныя сцены въ Малороссіи, № 1341.

д) *Ткаченко Н.*—Святочные гуляки въ Малороссіи, № 1301.

е) *Трутовскаго К. А.*—Малороссы на Ярмаркѣ, № 1303.

Портреты и виды: Г. С. Сковорода, украинскій философъ (съ портрета, изд. П. Бекетовымъ). № 1350.—Столѣтіе Одессы (девять портретовъ и 27 видовъ), № 1337 и приложеніе къ № 1345.—Открытіе памятника на могилѣ I. Г. Наумовича въ Кіевѣ, № 1343.—Борки, харьковской губерніи (три вида) №№ 1325 и 3727.

Живописное Обозрѣніе.

Снимки съ картинъ:

а) *Брандта I.*—Напали на слѣдъ, № 50.

б) *Козановской М. А.*—Сборъ свеклы, № 33.

в) *Маковскаго В. Е.*—Соперница, № 8.

Портреты и виды: Столѣтіе Одессы (четыре портрета и 16 видовъ), приложеніе къ № 35 и № 37.—Борки (видъ церкви), № 26.

Жизнь и Искусство.

Снимки съ картинъ:

а) *Генюка И. В.*—1) Нагулялся, № 151.—2) Спортсмены, № 172.

б) *Жлудкина Г. Г.*—Задумалась, № 151.

Оригинальные рисунки:

а) *Селезнева И. Ѳ.*—1) Запорожецъ, № 51.—2) На Волыни, № 69.

д) *Эртеля А.*—Украинская ночь, № 172.

Портреты: Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, № 83.—М. К. Заньковецкая, № 125.—Н. К. Садовскій, № 125.—Профессоръ В. Бецъ, № 305.—Должностныя лица Кіевскаго городскаго управленія, №№ 51 и 111.

Виды: Кіевъ (четыре вида), №№ 4 и 211.—Одесса, № 248.—Борки, № 234.

Звѣзда.

Рисунки:

а) *Дейнеки.*—Возвращеніе съ поля, № 33.

б) *Козачинскаго Ѳ.*—На припекѣ, № 31.

в) *Молдавскаго В.*— Дьякъ и Солоха, № 25.

г) *Оболенскаго Н.*—Изъ поэмы «Полтава» А. С. Пушкина, № 27.

д) *Скиргелло А.*—Пасха въ Малороссіи, № 16.

Портреты и виды: Г. С. Сковорода, № 47.—Столѣтіе Одессы (одинъ портретъ и шесть видовъ).

Модный Свѣтъ.

Снимокъ съ картины Пимоненка Н. К. — Свадьба въ кіевской губ., № 26.

Рисунокъ Приходько И.—За прялкой, № 6.

Мозаика (приложеніе къ журналу «Новь»).

Снимки съ картинъ Рѣпина И. Е.—1) Запорожецъ.—2) Смѣющійся запорожецъ.—3) Запорожецъ въ степи.—4) Малороссійская дѣвушка, № 2.

Нива.

Снимки съ картинъ:

а) *Брандта I.*—Козакъ-бандуристъ, № 25.

б) *Васильковскаго С. И.*—Козачья левада, № 17.

в) *Горонoвича В.*—Дѣдова хата, № 49.

Оригинальные рисунки:

а) *Дмитріева-Оренбургскаго Н.*—Карлъ XII на Днѣпрѣ, № 3.

б) *Ижакевича.*—1) Рѣдкій гостинецъ, № 1.—2) По мягкому снѣгу, № 5.—3) «Закуримъ», № 6.—4) Послѣ битвы, № 7—5) Маленькая говѣльщица, №12.—6) Говѣльщики, записывающіеся при исповѣди, № 15.—7) Зарываніе на нивѣ костей, оставшихся отъ разговѣнья въ свѣтлый праздникъ, № 16.—8) Украинскій кобзарь, № 23.—9) Водяная мельница, № 27.—10) У корчмы, № 29.—11) Въ засадѣ, № 31.—12 Приготовленія запорожцевъ къ походу, № 34.—13) Веселая компанія, № 35.—14) Рисунокъ къ роману Сенкевича «Огнемъ и мечомъ». № 36.—15) У кузницы, № 37.—16) Любопытный, № 40.—17) Доморощенный механикъ, № 42.—18) Маленькій плѣнникъ, № 44.—19) «Причинна» Шевченка, № 50.—20) Промывка овчинъ зимой въ Малороссіи, № 51.

в) *Кравченко Н.*—Въ степи, № 39.

г) *Крижицкаго К.*—На берегу Днѣпра № 12.

д) *Лебедева Н.*—1) Папскій нунцій подноситъ князю Даніилу Галицкому королевскую корону, № 7.—2) Владиміръ Мономахъ, пришедшій въ Кіевъ, чтобъ наказать Святополка, выслушиваетъ моленія митрополита Кіевскаго и мачихи своей; № 9.

е) *Храброва И.*—Сорочинская ярмарка Гоголя (восемь рисунковъ, перепечатанныхъ изъ изданной Марксомъ книги) № 18.

Портреты: Григорій Саввичъ Сковорода, № 41.—Гоголь, читающій «Ревизора», № 1.

Виды: Одесса (18 видовъ), №№ 35 и 39.—Борки (два вида), № 24.—Памятникъ на могилѣ Наумовича въ Кіевѣ, № 42—Преображенскій дѣвичій монастырь (Кіевской губ.), № 31.

Новь.

Снимки съ картинъ:

а) *Нитцша* - сына Э.—Карлъ XII въ битвѣ подъ Полтавой № 20.

б) *Рейшана М.* — Концертъ у проѣзжей дороги въ Малороссіи, № 13.

в) *Портретъ* И. П. Котляревскаго и *видъ* его могилы, №. 22.

По морю и сушѣ.

Портреты. М. К. Заньковецкая, № 45.— М. И. Драгомировъ, № 53.—Одесскіе городскіе головы (два портрета), №№ 67 и 69.

Виды: Одесса (30 видовъ), №№ 43, 48, 50, 51, 54, 55, 57, 66, 67, 69, 70 и 71.—Окрестности Одессы (шесть видовъ), №№ 47, 56 и 68.

Родина.

Снимокъ съ картины Рѣпина И. Я.—Отвѣтъ Султану, № 9.

Рисунки:

а) *Кузнецова Н.*—Отъ грозы, № 28.

б) *Микѣшина М. О.*—Базаръ въ Малороссіи, № 5.

в) *Пилотти Г.*—Еврейскій шабашъ въ городкѣ юго-западной Россіи, № 42.

г) *Полякова В.*—Иллюстраціи къ сочиненіямъ Н. В. Гоголя: «Ночь подъ Рождество» (четыре рисунка), №№ 1 и 2.—«Майская ночь или утопленница» (четыре рисунка), №№ 3—5.—«Страшная месть (шесть рисунковъ), №№ 6—9.—«Пропавшая грамота (три рисунка), №№ 11—11.—«Остраница» (три рисунка), №№ 16—18.—«Тарасъ Бульба» (десять рисунковъ), №№ 41—50.

д) *Ризниченко Ѳ.*—По сосѣдямъ, № 6.

е) *Сапъги А.*—На покосѣ, № 24.

ж) *Скиргелло А.*—Егорьевъ день въ Малороссіи, № 17.

Виды: Одесса, № 39.—Борки, № 44.—Святогорская Успенская общежительная пустынь, № 17.

Сѣверъ.

Снимки съ картинъ:

а) *Казановской—Классъ М. А.*—Сборъ бураковъ, № 19.

б) *Маковскаго В. Е.*—Малороссійскій пейзажъ, № 19.

Рисунки:

а) *Валуйскаго Р.*—«Тарасъ Бульба» Гоголя.

б) *Дмитріева - Оренбургскаго Н. Д.*—Запорожецъ на сторожевомъ посту въ XVII столѣтіи, № 25.

в) *Козачинскаго Ѳ.*—1) Парубокъ, № 26. 2) Старый помѣщикъ, № 31.

г) *Матасова В. В.*—Мщеніе Ольги древлянамъ, № 50.

д) *Ткаченко Н.*—На ярмаркѣ, № 13.

е) *Шкарева*—«Утоплена» Т. Г. Шевченко, № 9.

Портреты и виды: Т. Г. Шевченко. № 9.—Къ столѣтію Одессы (два портрета и три вида), № 35.—Борки (три вида), № 27.

Иностранные журналы.

Относительно иностранныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, которыхъ мы видѣли лишь незначительную часть, мы вслѣдствіе этого можемъ сдѣлать очень немногія указанія.

Польскій журналъ «*Tygodnik Jllustrowany*», въ которомъ когда-то помѣщалось много рисунковъ изъ малорусскаго быта, въ истекшемъ году далъ лишь снимки съ двухъ картинъ Юлія Зубера изъ галиційскаго быта: «W tańcu» (№ 237) и «Zakochana» (№ 255) три вида м. Славуты, Волынской губ. (№ 230) и виды Львовской выставки (№№ 235, 239, 244 и 250).

Въ чешскихъ журналахъ «Světozor» и «Zlata Praha» были помѣщены снимки съ картины Іосифа Брандта «Powitanie stepu», и кромѣ того въ первомъ изъ нихъ помѣщались хорошіе фототипическіе снимки по фотографіямъ съ натуры къ статьѣ Fr. Řehoř'a «Z cest po Haličské' Rusi», изображающіе виды разныхъ мѣстъ, постройки, типы, сцены, и т. п., въ количествѣ 48, въ №№ 21—23, 38—40 и 49—52.

Изъ нѣмецкихъ журналовъ въ *«Die Graphischen Künste»* были помѣщены превосходно исполненные снимки съ картинъир и сунковъ И. Е. Рѣпина, въ томъ числѣ нѣсколько изъ малорусскаго быта: Запорожцы, козакъ-пластунъ, Типъ козака, Деревенскій скрипачъ, Хата въ Новороссіи, Запорожскія пушки.

По сообщенію журнала «Новь», снимки съ произведеній Рѣпина помѣщались также и во многихъ Американскихъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Н. Ш.

Журнальное обозрѣніе [1]).

Въ **Трудахъ Кіев. Дух. Академіи** (№ 12-й 1894) помѣщено произведеніе южнорусскаго духовнаго писателя Θеодосія Сафоновича—«мученіе св. великомученницы Варвары и повѣсть о преславныхъ чудесахъ «ея (стр. 598—614). Произведеніе это написано въ 1669 г., когда Сафоновичъ былъ игуменомъ Михайловскаго монастыря (1655—1676). «Повѣсть о преславныхъ чудесахъ» заключаетъ въ себѣ нѣсколько небезъинтересныхъ чертъ изъ религіозно-нравственнаго быта южнорусскаго народа въ XVII в.

Въ **Восходѣ** (№ 12-й 1894) помѣщены: 1) С. М. Дубнова—свѣдѣнія объ областныхъ кагально-раввинскихъ съѣздахъ въ провинціяхъ Малопольской, Великопольской, Подоліи и Волыни въ XVII—XVIII в. в. (стр. 139—150). Тутъ же авторъ сообщаетъ свѣдѣніе о древнемъ еврейскомъ молитвенникѣ, заключающемъ въ себѣ между прочимъ молитвы—«о убіенныхъ на Руси и Украйнѣ въ 1648—49 г.» и «о Жертвахъ рѣзни и войнъ въ Польшѣ въ 1654—60 г.» и 2) Ис. Блюменфельда—По колоніямъ Херсонскаго уѣзда (стр. 1—18). Здѣсь сообщаются небезъинтересныя свѣдѣнія объ успѣшныхъ занятіяхъ евреевъ земледѣліемъ...

Въ **Русск. Архивѣ** (№ 12-й 1894) въ небольшой статейкѣ о гр. П. А. Клейнмихелѣ (стр. 590—591), написанной по поводу столѣтія со дня рожденія послѣдняго, авторъ г. П. Б. упоминая «о трудолюбіи и покорливости гр. К—ля во время его службы при его благодѣтелѣ графѣ Аракчеевѣ», говоритъ, что впослѣдствіи «имя гр. К—ля было грозно на всю Россію. Когда онъ пріѣзжалъ отдыхать къ себѣ въ Почепъ [2]) (Мглинск. уѣзда, Черниг. губерніи), то и губернаторъ мѣстный, и правители сосѣднихъ губерній по цѣлымъ часамъ дожидались въ его саду (?), пока онъ удостоитъ ихъ приглашенія къ себѣ».

---

[1]) См. „Кіевская Старина" 1894 г. № 12.

[2]) Почепъ купленъ гр. К—лемъ у наслѣдниковъ гр. А. К. Разумовскаго, послѣ чего дочь послѣдняго княгиня В. А. Репнина перевезла прахъ родителя своего изъ Почепа въ Н. Сѣверскій монастырь. См. Кіевск. Стар. 1894 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Книжные Магазины Н. Я. ОГЛОБЛИНА

въ Кіевѣ и С.-Петербургѣ въ **теченіе 1894 года** поступили въ продажу слѣдующія книги **по Исторіи:**

Акты Холмогорской и Устюжеской епархій. Кн. II СПБ. 1895г. ц. 2 р.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній (1742—1767). Од. 1893 ц. 1 р. 50 к.

Архивъ Сенатскій. VI. Журналы и опредѣленія Прав. Сената 1744—1746 г. СПБ. 1893 ц. 2 р. 25 к.

Архивъ Юго Западной Россіи ч. 8-я Т. II.—Матеріалы для исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ исторіею сословной организаціи Акты Барскаго старов. XVII—XVIII в. К, 1894 ц. 2 р.

Бантышъ-Каменскій Н. Н. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ) ч. 1-я (Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія Испанія) М. 1894 ц. 2 р.

Барсуковъ Н Жизнь и труды М. П. Погодина кн. VIII-я СПБ. 1894 ц 2. р. 50 к. (за всѣ 8 кн. ц. 20 р.)

Бильдерлингъ А. Просвѣтители Россіи. Съ фототипіями. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Бобринскій Ал. Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. Т. 2 й Дневники раскопокъ 1887—1889 г. и о курганахъ Звенигородскаго и Роменскаго уѣздовъ. СПБ. 1894 ц. 8 р.

Бороздинъ К. А. Россійскій царственный домъ Романовыхъ. Подписн. цѣна за 10 портр. СПБ. 1893 ц. 1 р. 75 к.

Бузескулъ В. Научная литература по Греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главныхъ явленіяхъ. I. Общія сочиненія по исторіи Греціи, М. 1893 ц. 40 к. Отт. изъ IV т. «Филологич. Обозр» 1893 г.

Бумаги князя Гр. Ал. Потемкина Таврическаго 1788—1789 гг. Напечат. подъ ред. Н. Ѳ. Дубравина. СПБ. 1894 ц. Изд. Военно-Учен. Комит. Главн. Шт. Сборникъ В. Истор. матеріаловъ Вып. VII. 2 р. 25 к.

Буцинскій П. Н. Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 г. Харьк. 1893 ц. 80 к.

Бѣлокуровъ С. Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе ч. 1-я.—Біографія. (Съ 3 фототип. снимками) М. 1891 ц 3 р. Часть II.—Сочиненія (съ 2 фотозип. снимками изд. 2-е) М. 1894 ц. 2 р.

Бѣляевъ Д. Ѳ. Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по Византійскимъ древностямъ. Кн. II. Съ табл. и планами, СПБ. 1893 ц. 4 р.

Васильчиковъ А. А. Семейство Разумовскихъ Т. V. Приложенія къ біографіи князя А. К. Разумовскаго, Изд. А. Брикнера СПБ. 1894 ц. 2 р. 50 к. за 5 т. 12 р. 50 к.

фонъ Винклеръ П. Русская Геральдика. Исторія и описаніе Русскихъ гербовъ съ изображеніемъ всѣхъ дворянскихъ гербовъ, внесенныхъ въ общій гербовникъ Всеросс. Имперіи, Вып. 3 (Съ 326 рис) СПБ. 1894 ц. 3 р. Вып. 1 и 2 по 3 р.

Виноградовъ П. Учебникъ всеобщей исторіи ч. II. Средніе вѣка. М. 1894 ц. 90 к. Изд. Кн. Маг. Дейбнера.

Випперъ Р. Вліяніе Кальвина и кальвинизма на политическія ученія и движенія XVI. вѣка. Церковь и Государство въ Женевѣ XVI в. въ эпоху кальвинизма. М. 1894. ц. 3 р. 50 к.

Владимірскій Будановъ М. Матеріалы для біографіи В. Стефановича (1607—1773) К. 1893 г. ц. 20 коп.

Волховской М. Г. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ (съ рис) СПБ. 1894. ц. 50 к. Жизнеописанія русскихъ государей и замѣчательныхъ въ исторіи людей (съ рис.) СПБ. 1894 ц. Изд. Кузина Т. Ѳ. (Книгопродавца.)

Вышеславцевъ А. В. Рафаэль. Посмертное изд. съ 53 рис. СПБ. 1894 ц. 8 р.

Вѣнокъ на гробъ возлюбленнаго Государя—Императора Александра III. М. 1894 ц. 10 коп.

Грегуаръ Л. Исторія Франціи въ XIXВ. Т. II. Іюльская монархія съ 1832 г. по 1848 г. Февральская революція. М. 1894 ц. 4 р. Изд. Солдатенкова.

Гротъ К. Я. Мадьяры и Славяне въ прошломъ. Историческія справки о Славизмѣ въ государствен, жизни Угріи Варш. 1893 ц. 25 к.

Грушевскій М. Дополнительныя главы къ изслѣдованію «Барское Старовство, Истор. очерки» К. 1894 ц. 50 к.

Гуревичъ Я. Г. Исторія Греціи и Рима. Изд. 6 е испр. СПБ. 1894 ц. 1 р.

Давидъ Царевичъ Грузинскій Краткая исторія Грузіи. Съ предисловіемъ К. Н. Бѣгичева Тифлисъ 1893 ц. 80 к.

Діонисій Архим. Можайскіе акты 1505—1775. СПБ. 1892 ц 3 р. Изд. Общ. Древн. Письм. С. II.

Дмитріевъ А. Пермская старина Вып. V Покореніе Угорскихъ земель и Сибири. Пермь 1894 ц. 1 р.

Елецъ Ю. Русская эскадра во Франціи Въ Октябрѣ 1893 ц. 60 к.

Иловайскій Д. Смутное время Московскаго Государства. Окончаніе исторіи Россіи при первой династіи. М. 1894 ц. 2 р.

Іегеръ Оск. Всеобщая исторія. СПБ. 1894 ц. за 4 т. 14 р.

Каманинъ И. Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмѣльницкаго К. 1994 ъ. 90 к. Отт. изъ VIII кн. «Чтеній въ Истор. Общ. Нест. Лѣт.»

Карѣевъ Н. Историко философскіе очерки и соціологическіе этюды. СПБ, 1895 ц. 1 р. 25 к. Изд. Пооповой О. Н.

Каталогъ Моск. Отдѣл Общ. Архива Главн. Штаба, Опись дѣлъ воинской комиссіи и кабинета. Вып. II (121 и 119 описи) Подъ ред Масловскаго. (Съ предисл. и объясн. запискою) СПБ. 1891 ц. тоже Вып. III (193 и 194 Описи) 1892 г. ц. за 3. вып. 1—50

Кондратьевъ И. К. Сѣдая старина Москвы. Историч. обзоръ и полный указатель ея достопамятностей. М. 1893 ц. 2 р. Изд. Морозова.

Коршъ М. Кр. словарь миѳологіи и древностей. СПБ. 1894 ц. 50 к.

Кояловичъ М. О. Исторія русскаго самосознанія по историч. памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Изд. 2-е СПБ. 1893 ц. 2 р. 35 въ перепл.

Куторга М. С. Собраніе сочиненій. Съ портр. авт. Т. I СПБ. 1895 ц. по подпискѣ 9 р. Изд. Пантелѣева.

Лабандъ Государственный строй Германской имперіи. Од. 1894 ц. 15 к. Изд. «Бейленсона и Юровскаго «Междунар. Библ.» № 19

Лакуръ—Гайе Ж. Историческія чтенія. Исторія новаго времени 1610—1789. Перев. съ франц. съ 76 рис. въ т. СПБ. 1894 ц. 2 р. 50 к. Изд. Пантелѣева Л. Ф.

Лампрехтъ К. Исторія Германскаго народа Т. I. Части 1 и 2. Перев. сй нѣм. П. Николаева. М. 1894 ц. 4 р. Изд. Солдатенкова.

Лаппо-Данилевскій А. и Мальбергъ В. Древности Южной Россіи. Курганъ карагодеуашхъ. Съ IX табл. рис. и 88 политип. СПБ. 1894 ц. Матеріалы по Археологіи Россіи Изд. Импер. Археологич. коммиссію № 13.

Линниченко И. А. Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV в. М. 1894 ц. 2 р.

Липпертъ Ю. Исторія культуры въ 3 отд. съ 83 рис. въ т. Перев. съ нѣм. Острогорскій А. и Струве П. СПБ. 1894 ц 1 р. 60 к.

Лихачевъ Н. Библіотека и архивъ Московскихъ Государей въ XVI. стол. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Ломиковскій В. Я. Словарь малорусской старины, составл. въ 1808 г. Подъ ред. и съ примѣч. Лазаревскаго. К. 1894 ц. 25 к.

Майковъ Л. Къ вопросу объ «Исторіи Русовъ». 30 к.

Масливскій Д. О. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. II. Царствованіе Екатерины Великой. 1762—1794 г (Съ планами, чертежами и схемами) СПБ. 1894 ц. 6 р. за 2 кн.

Миклашевскій И. Н. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго Государства ч. 1-я. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. М. 1894 ц. 2 р. 25 к.

Мищенко Ѳ. Г. Изученіе античнаго міра въ зависимости отъ успѣховъ науки и просвѣщенія. Каз. 1893 ц. 50 к.

Москва, ея святыни и памятники. М. 1894 ц. 30 к.

Мостовскій М. С. Исторія Храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд 4-е дополн. описаніемъ главн. корридоръ Храма, какъ историч. памятника отечественой войны 1812 г. М. 1891 ц. 75 к.

Нагуевскій Д. И. Труды Московскаго нумизматическаго Общества (I. полутомъ) Рецензія. Каз. 1894 ц. 30 к. Отт. изъ «Учен. Зап. Каз. Универс.» 1894 г.

Нибуръ Бартольдъ, его жизнь и дѣятельность Перев. съ нѣм. Л. О. Вейнберга. Съ прилож. письма Нибуракъ филологу. М. 1894 ц 60 к.

Обозрѣніе историческое. Сборникъ изд. подъ ред. Н. И. Карѣева (1894 г.) Т. VII. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Никитскій А. И. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. М. 1893 ц. 2 р. Изъ «Чтеній вп Импер. Общ. Ист. и древн. Росс.»

Обозрѣніе Слявянское годъ II Сборникъ статей по Славяновѣдѣнію подъ ред. И. С. Пальмова. СПБ 2894 ц. Изд. СПБ. Славян. Благотворит. Общества.

Окольскій А. Ѳома Карляйль и Англійское Общество въ XIX стол. Варш. 1893 ц.

Опись дѣлъ секретнаго повытья Моск. Отд Общ. Архива Гл. штаба (47-я опись) подъ ред. и съ предислов. Масловскаго М. 1890 ц. за 3. в. 1 р. 50 к.

Орловъ Н. А. Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 г. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Очеркъ историческій Смоленска. СПБ. 1894 ц. 1 р.

Павловскій И. Ф. и Старковскій В. М. Полтавская битва и ея памятники. (Съ рис. планомъ города и картами военныхъ дѣйствій) Полтава 1894 ц. 1 р.

Пискорскій В. Очерки по исторіи Западной Европы К. 1894 ц. 50 к.

Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Т. Ш. (1704—1705) СПБ. 1893 ц. 4 р.

Покотиловъ Д. Исторія восточныхъ Монголовъ въ періодъ династіи Минъ 1368—1634 (По Китайскимъ источникамъ) СПБ. 1893 ц. 3 р.

Пресняковъ А. Е. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. СПБ. 1893 ц. Отт. изъ 31-го Т. Зап. Истор. филог. Факультет. СПБ. Унив.

Регель В. источники Византійской исторіи Т. 1-й. вып. 1-й СПБ. 1892 ц. 1 р. 30 к. Regel W. Fontes rerum Byzantinarum. Petrop 1892 г.

Роланъ Личные мемуары. Перев. съ фр. Н. Г. Вернадской. СПБ. 1893 ц. 1 р. Изд. Истор. Общ. при Импер. СПБ. Унив.

Ростовцевъ М. И. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ. СПБ. 1804 ц. 60 к. Отт. изъ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. Январь и Февраль 94 г.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т 83-й. Политическая переписка Генерала Савари во время пребыванія его въ СПБургѣ въ 1807 г. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. Т. 86-й Дипломатическая переписка изъ Парижскаго архива М—ства Иностр. Дѣлъ 1738, 1739, 1740 гг. СПБ 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 87-й Политическая переписка Императрицы Екатерины II ч. 5-я 1768—1769. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ Р. И. Общ. т. 88-й Дипломатическая переписка Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Подъ ред. А. Трачевскаго IV—1807—1808. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 89 Посольство графа П. А. Толстаго въ Парижѣ въ въ 1807—1808 гг. Отъ Тильзита до Эрфурта. Изд. подъ ред. Шильдера Н. К. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ Импер. Р. Ист. Общ. Т. 90,—Бумаги Комитета Учрежденнаго Высоч. рескриптомъ 6 Декабря 1826 г. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборн. И. Р. Ист. Общ. т. 91. Дипломатическая переписка Англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ Дворѣ 1741—1842 г. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборн. Импер. Р. Ист. Общ. т. 92. Депеши марказа де-ла Шетарди и отвѣты на нихъ Франц. Короля и М—ства съ Ноября 1740 по Іюнь 1741 г. СПБ. 1794 ц. 3 р.

Сборн. Импер Р. Ист. Общ. т. 93. Депутатскіе наказы отъ дворянъ XV Оренбургской губ. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива М—ства Иностранныхъ Дѣлъ. Вып. 5. М. 1893 ц. 1 р.

Семеновъ Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II.—Выводы и заключеніе. СПБ. 1894 ц. 80 к.

Сенигов І. Как воевал Петр Великій со Шведами. СПБ. 1893 ц. 20 к. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе»

Скворцов И. В. Русская исторія ч. 1-я СПБ. 1895 ц. 1 в. 35 к.

Слезскинск:й А. Бунт военных поселян в холеру 1831 г. (По неизд. конфирмаціям) Новгород. 1894 ц. 1 р.

Смит Томас. Путешествіе и пребываніе в Россіи. Перев. введеніе и примѣчанія Болдакова СПБ. 1893 ц. 3 р. Изд. Гр. Шереметьева С. Д.

Собко Н. П. Словарь русских художников с древнѣйших времен до наших дней (XI—XIX в.в.) Т. I. вып. 1-й А. (500 имен) СПБ. 1893 ц. 3 р.

Старина Костромская. Сборник, издав. Костромск. губернск. ученой архивн. Коммиссіею. Кострома 1894 ц. 1 р. 50 к.

Тардиф А. Основы исторической критики. Перев. с франц. М. Агѣев. Воронеж. 1893 ц. 30

Торнау Н. Н. Учебный историческій атлас 72 карты по всеобщей исторіи. СПБ. 1893 ц. 1 р. 50. к. тоже. с объяснительным текстом и указателем 2 р. СПБ.

Турцевич Ар. Русская исторія (в связи с исторіей Вел. Княж. Литовскаго) Вильна 1894 ц. 50 к.

Турцевич Ив. О важности изученія Римской государственности в главнѣйш. характеристических чертах ея. Нѣжин 1894 ц. 50 к.

Устимович М. П Ловичь древняя ризиденція и владѣніе примасов Польши (Историч. замѣтка) Варш. 1894 ц. 60 к.

Форстен Г. В. Балтійскій вопрос в XVI и XVII стол. (1544—1648) Т. I: Борьба из за Ливаніи. Т. II. Борьба Швеціи с Польшей и Габсбургским домом. Изслѣдованія СПБ. 1894 ц. 6 р.

Царствованіе Императора Александра III. Царя—Миротворца СПБ. 1894 ц. 20 Изд. Щепанскаго Ф. В.

Цыбульскій С. Греческія монеты. Нумизматическій атлас для школы и любителей греч. древностей СПБ. 1894 ц 3 р. Изд. Фену и К°.

Чешихин Е. В. Кр. исторія Прибалтійскаго края. Изд. 2-е просмотр. и пополн. с біографич. свѣдѣніями о Е. В. Чешихинѣ. Рига 1894 ц. 35 к.

Шарапов С. Франція и Славянство. Рѣчь СПБ. 1894 ц. 30 к. Изд. Ледерле и К°.

Шеффер В. Аѳинское гражданство и народное собраніе. ч. 1. Основы Государства и дѣленіе граждан в Аѳинах. М. 1891 ц. 2 р. 75 к.

Шимко И. И. Патріаршій казенный приказъ его внѣшняя исторія, устройство и дѣятельность. М. 1884 ц. 1 р. М. Дѣвичье поле, Архивъ М—ства Юстиціи у автора.

Эварницкій Д. И. Иванъ Дмитріевичъ Сирко славный кошевой атаманъ войска Запорожскихъ низовыхъ казаковъ. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Эрбе. Французы и Русскіе въ Крыму. Письма Франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны 1853—1856 гг. Перев. съ франц. С. Л. Халютинъ. Минскъ. 1894 ц. 1 р.

Юрьевъ М. Спорные вопросы Западно-Европейской историч. науки. М. 1894 ц. 1 р. 50 к. Изд. Кн. Маг. Гросманъ и Кнебель.

Ясинскій М. Н. Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической Коммиссіи (Акты издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею т. XI—XVIII. Вильна, 1880—1891 гг.) К. 1893 г. ц. 30 к.

1—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1895 годъ.

Съ октябрской книжки 1894 г. право изданія журнала «Русскій Вѣстникъ» перешло въ Товарищество «Обществ Польза». Въ журналѣ примутъ участіе всѣ бывшіе сотрудники и редакторъ Ф. Н. Бергъ, и кромѣ того возобновлены приглашенія выдающихся сотрудниковъ, которые изъявили готовность принять дѣятельное участіе; изъ нихъ талантливый С. С. Татищевъ возобновляетъ имѣвшія такой успѣхъ ежемѣсячныя «Политическія Обозрѣнія» и дастъ рядъ историческихъ этюдовъ. На 1895 годъ. намъ обѣщаны: Д. В. Григоровичемъ его новое произведеніе. П. П. Гнѣдичемъ,—повѣсть и новый романъ Ѳ. Головина (Орловскаго), который начатъ печатаніемъ съ Ноябрской книжки 1894 г. и новые подписчики на 1895 г. могутъ получить начало романа безплатно, при заявленіи своемъ. Академикомъ, непр. секр. Ак. Наукъ Н. Ѳ. Дубровинымъ—новый историческій этюдъ «Наполеонъ I въ современномъ. ему обществѣ и въ русской Литературѣ». Проф. Н. Любимовъ дастъ рядъ статей. Вице президентъ. Ак. Наукъ, Л. Н. Майковъ—продолженіе его литературныхъ этюдовъ. Будутъ помѣщены: повѣсть «Перемелится мука будетъ» Д. М. Позняка, новый романъ. Вс. С. Соловьева, повѣсть «Покинутый» Пронскаго и много другихъ произведеній.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п

Университетскія Извѣстія въ 1895 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер, а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіо Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—3

чательныя зданія и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города,—ставя впереди Одессу,—помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управленія, педагогіи, науки и т. п.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ, «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Повосельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ Ѳ. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣщали свое сотрудничество нѣкоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своервеменно опубликованы.

Какъ до сихъ поръ, мы впередъ будемъ неуклонно идти по пути улучшеній и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во внѣшнемъ техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія, «Одескихъ Новостей», перешли въ новое роскошное помѣщеніе, въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго на углу Ришельской и Греческой улицъ.—

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	» 3 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	» 6 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	На годъ	9 » — »

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ ОДЕССѢ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ, Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богополѣ, Бериславѣ, Болградѣ, Бобруйскѣ, Ви-н

4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики.

5) Обозрѣніе журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ и всей вообще текущей литературы.

6) Лѣтопись событій въ Россіи и заграницей и пр. и пр.

Программа «ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ», вступающаго въ LXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна, и разсчитана на удовлетвореніе потребностей тружениковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Въ немъ помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ «Христіанскомъ Чтеніи» будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта.

Кромѣ того съ 1895 года редакція приступаетъ къ изданію **«Полнаго собранія твореній Св. Іоанна Златоуста»** въ русскомъ переводѣ на льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возмозность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою.

б) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св Іоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

3—3

скаго; 29) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 30) Чему и какъ учить на урокахъ ариѳметики. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) О наглядности при начальномъ обученіи. С. Бобровскаго; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 33) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ М. Евсѣева.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ вышедшихъ книжкахъ журнала «Русская Школа» за 1894 г. помѣщенно около ста рецензій, а также печатались ежемѣсячная хроника народнаго образованія Я. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности и т. п.

Подписка на «Русскую Школу» принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени» и Карбасникова. Подписная цѣна за годъ—въ Петербургѣ безъ доставки шесть руб.; для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб.; за границу—девять рублей. Учители-же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892 и 1893 годъ по вышеозначенной цѣнѣ. За всѣ эти годы журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народн. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

АРТИСТЪ

(годъ 7-й).

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «Артистъ» будетъ по прежнему выходить *ежемѣсячно* по *той-же программѣ*

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, кореспонденціи, хрони-

ка, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, геліогравюрою, фототипіей, фототипіей въ красхахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей, и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова. Г. А. Мачтета. II. П. Гнѣдича. И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. Луговаго, Е. П. Гославского, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Басвинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виліе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Далькевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М Жемчужниковъ, В. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, Г. Конюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф П. А. Линиченко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е Маковскій, В М. Максимовъ, Д. Н. Маминъ, (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасовъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Полѣновъ, И. К. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Риццони. И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Саницкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихинъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Ученымъ Комитетомъ). Цѣна 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи». (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. И. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его-же. Слово, сказанное 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго.) Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» Сборникъ статей изъ «Воскренаго Чтенія» за 1837—1868 гг). Изданіе 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Сvнодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й, изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц 3 р. и т. 5 й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. В. Пѣвницкій.

2) 52 нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала: гдѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.
3) сорокъ нумеровъ: «романы и повѣсти» (русскихъ и иностранныхъ писателей), что составитъ въ теченіе года нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
4) двѣнадцать нумеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняютъ «модный журналъ».
5) стѣнной календарь (съ картою Россіи). Разсылаются при первомъ нумерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ доставкою по Имперіи):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

Новость для читателей: Съ 1 января 1893 г. при газетѣ «Сынъ Отечества», будетъ выходить новое ежемѣсячное изданіе, въ видѣ большаго литературнаго журнала:

„ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА“ (12 БОЛЬШИХЪ КНИГЪ)

гдѣ будутъ печататься новые романы и повѣсти (русскихъ и иностранныхъ писателей). Книжки будутъ выходить ежемѣсячно, въ форматѣ «Вѣстника Европы», отъ 20 до 25 листовъ, что составитъ въ годъ до 4,000 страницъ интереснаго чтенія.

4 Р. Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ» (съ доставкою): **4 Р.**
(На годъ (за 12 большихъ книгъ)—4 р. На полгода (за 6 книгъ)—2 р. 50 к.

Гг. годовые подписчики могутъ получить при подпискѣ новыя художественныя изданія: 1) «**ЖЕРТВА ВОЛГИ**» (историческій эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина» Воспроизведена въ 23 краски съ картины извѣстнаго художника С. Верещагина. Размѣръ картины: длина $23^1/_2$ вершка, вышина 16 вершковъ). 2) «Бурлаки на Волгѣ», профес. И. Рѣпина, а также другія картины за прежніе годы, уплачивая за каждый экземпляръ картины (съ пересылкою на скалкѣ)—одинъ рубль.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

3—3

МОСКОВСКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

Открыта подписка на 1895 годъ.

Съ Января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библіографическій журналъ, органъ Московскаго Библіографическаго Кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“.

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Повѣсть И. А. Солова.—IV. Стихотвореніе. А. Монастырскаго.—V. Молодая любовь. Идиллія. Генриха Понтоппидана. Пер. съ датскаго В. М. С.—VI. Хлѣбъ. Романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.—VII. Маленькій приходъ. Романъ Альфонса Доде. Пер. съ французскаго М. Н. Р. Продолженіе.—VIII. Сравнительное обозрѣніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда. Вс. Н. Даневскаго.—IX. Нѣсколько словъ въ память Николая Михайловича Ядринцева. В. И. Семевскаго.—X. Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени. В. О. Ключевскаго.—XI. Мое научное и литературное скитальчество. М. М. Ковалевскаго.—XII. Памяти А. М. Иванцова-Платонова. М. С. Корелина.—XIII. Александръ Константиновичъ Шеллеръ. А. М. Скабичевскаго.—XIV. Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Г. Б. Іоллоса.—XV. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова.—XVI. Внутреннее обозрѣніе.—XVII. 1894 годъ въ политическомъ отношеніи. В. А. Гольцева.—XVIII. Современное искусство.—XIX. Библіографическій отдѣлъ. Объявленія.

Принимается подписка на 1895 годъ. (Шестнадцатый годъ изданія)

	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р. 50 к.	3 р. 50 к.	1 р. 25

Допускается разсрочка при подпискѣ, къ 1 апр., къ 1 іюля и 1 окт. по 3 руб. Книгопродавцамъ делается уступка 50 к. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ не допускается. Принимается подписка: въ Москвѣ.—въ конторѣ журнала, уг. Леонтьевскаго пер. и Б.-Никитинской, д. 2—24. Въ Петербургѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°. Невскій пр. д. Армянской церкви. Въ Кіевѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ А. Идзиковскаго. **г. Генрикъ Сенкевичъ** предоставилъ В. М. Лаврову право перевода своего новаго историческаго романа изъ первыхъ вѣковъ христіанства «Камо грядеши?» («Quo vadis?»). Начало этого романа появится въ первыхъ книжкахъ журнала «Русская Мысль» 1895 года. Первыя главы реманс Додэ «Маленькій приходъ» разсылаются новымъ подписчикамъ на 1895 годъ.

При редакціи открытъ.

Магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ.

Съ пріемомъ подписки на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

1—1

маны, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Текстъ будетъ иллюстрироваться портретами и др. рисунками. При журналѣ періодически будутъ выпускаться приложенія.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ" съ приложеніями

(Съ пересылкой и доставкой):

На годъ . . **4** руб. — На полгода . **2** руб.

Для старыхъ подписчиковъ, недополучившихъ №№ за Декабрь мѣсяцъ въ 1894 г., подписная цѣна на 1895 годъ 3 р. 70 к., а на полгода 1 р. 85 к.; старые подписчики, не подписавшіеся на 1895 г., получатъ четыре №№, не досланные имъ въ Декабрѣ 1894 г.

№ 1-й будетъ изданъ къ 15 Января с. г.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ въ Редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (Софіевская ул., д. № 18, кв. № 19).

1—2

Годъ тридцать третій (XXXIII).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
РУССКІЙ АРХИВЪ
1895 годъ.

Русскій Архивъ въ 1895 году будетъ издаваться по прежнему

ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1894 годъ были напечатаны, между прочимъ: Клушинская битва Д. И. Иловайскаго, памятныя записи XV вѣка Арх. Леонида, новооткрытыя челобитныя Патріарху Никону, бумаги относящіяся къ Булавинскому бунту, мученическая кончина іеромонаха Константина, взятіе Берлина русскими войсками (1760), семейныя бумаги А. Н. Корсакова, указы Павла Перваго, переписка гр. П. С. Потемкина съ гр. Самойловымъ, бумаги А. Г. Тройницкаго, записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (1828—1835), письма братьевъ Кирѣевскихъ изъ за границы, исторія Евреевъ въ Россіи М. Ѳ. Шугурова, памятныя тетради С. М. Сухотина, письма и бумаги Пальмера, письма м. Иннокентія, м. Филарета, Иннокентія Борисова, ар. Антонія, арх. Гурія, митр. Леонтія, Платона

Исидора, біографія И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, статьи К. П. Побѣдоносцева, гр. М. В. Толстого, Д. М. Иловайскаго, академика Л. Н. Майкова, И. У. Полимпсестова, А. А. Чумикова, Л. М. Савелова, Л. Ѳ. Змѣева, проф. И. В. Помяловскаго, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго и др., стихотворенія С. А. Соболевскаго, графа В. А. Соллогуба, С. П. Шевырева, Ѳ. М. Дмитріева. Приложены портреты И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, М. Н. Аксаковой, Рейтерна. Предметная Роспись содержанію «Русскаго Архива» за первыя тридцать лѣтъ (1863—1892).

***

Въ 1895 году будутъ напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственнаго архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рескрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумагъ сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавріила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Подписка на «Русскій Архивъ» принимается.

1) въ *Москвѣ*, въ конторѣ «Русскаго Архива» близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

2) въ *Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

3) въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкую—*девять* рублей. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписчикамъ на 1895 годъ предоставляется пріобрѣтать по уменьшенной цѣнѣ первые 26 томовъ „Архива Князя Воронцова", содержаніе которыхъ помѣщено на обложкѣ XI выпуска „Русскаго Архива" 1894 г

Петръ Бартеневъ. *Юрій Бартеневъ.*

3—3

скаранъ зосталъ. Въ розговорѣ о Кримскомъ купечествѣ сказивалъ запорожецъ: 1) башликъ кримскій 5 денегъ Кримскихъ да ихъ же 3 копѣйки, въ талярѣ Кримскомъ 20 башликовъ, а денегъ 100; 2) рубль нашъ тамъ въ Криму идетъ въ 6 зол. зъ двома, а иногда зъ 3-ма башликами; на талярь нашъ наддаютъ гривню, а иногда и 4 башлики; 3) червоній идетъ по 4 таляри, а часомъ и по 5 копъ; 4) таляри бит. по 1 р. зъ 5 копѣйками 5) вино дешевшее не биваетъ якъ око по 2 денги, а дорогше не биваетъ якъ по башлику. Сегодни у вечеру зговорена сестра моя Олеся за п. Якима Троцкого и хустки дани.

Понеделокъ. 17. Сей день теплій и свѣтлий, и ночъ таковажъ была. Отправилисмо въ Глуховъ маштальра Матвѣя зъ обявленіемъ вчерайшей сватби до родителя, да писалемъ до Вѣжевского и Забари о розданню коней 6 Сварковцямъ. Обѣдалисмо обще всѣ и съ нами Троцкій зъ сестрою своею.

Вовтор. 18. Сей день былъ свѣтлий и теплій, и ночъ такова жъ. Демяну далемъ 80 р. на покупку вина у Кримъ, о чомъ отъ его и дана пріемная карта. Мѣди далемъ на казанъ броварний котляру Роменскому 5 пуд. Несоору. Отъ Демяна принялемъ облѣковъ 3 и оніе Тарасу отдалемъ, а именно: Василя Дейнеки Засулского на 4 р., Романчука Хмѣловского—на 4 р., Камѣнскихъ козаковъ—на 2 р. Да особливо жъ отобралемъ у его облѣки на Переясловского, на Кіевского, на Зазѣрского и на Лукомского должниковъ и на Іосифа Сироту.

Середа. 19. Сей день былъ свѣтлій и теплій, передъ вечеромъ хмурно, ночъ свѣтла и тепла. Получила родителка и я отвѣтний листъ отъ родителя съ Каменя писанний, въ которомъ зговоръ сестри Олесѣ зъ п. Якимомъ Троцкимъ благословитъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами Троцкій п. Якимъ зъ сестрою Глинскою. По обѣдѣ я у его билемъ и доволно гостилемъ. Зчислялисмо зъ п. Несторовичемъ пріемъ Тарасовъ, яко всего вийшло 259 р., въ якомъ числѣ на покупку воловъ пойшло 158 р. 25 к., а на футорное строеніе 98 р., недочоту 13 р.

Четвер. 20. Сей день былъ похмурний, такова жъ и ночъ, и холодновати. Обѣдали зде, въ дому родителскомъ, многіе гости зъ здешнихъ Роменскихъ жителей, да у столу жъ сидѣлъ п. Якимъ Троцкій зъ сестрою моею Олесею и свадби ихъ публѣкованне таковимъ способомъ учинилося.

Пятокъ. 21. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночъ такова жъ, толко ядрана. Купилемъ рибы Запорожской вялой у Івана Запорожця, 15 головъ, по 7 гривенъ голова, въ томъ числѣ щукъ „ “ лящовъ „ “, которихъ въ голову по 100 идетъ, да дробной „ “, якой въ голову идетъ по 500; и за то далъ 10 р. зъ полтиною; и съ того числа Несторовичу далъ голову дробной. Тарасу приказъ оставилемъ въ 12 пунктахъ и на нужди футорніе далемъ ему 7 р., а недочоту 3 р., итого 10 р., а зъ облѣками данними ему, о которихъ висше, 20 р. Господареви Юскови далемъ 1 р. для хорихъ людей нашихъ остаючихся, а сами поехалисмо обое зъ женою зъ Ромна и пріехали позно въ Лохвицю, и стали за городомъ въ гаю, у тіотки п. Павловой, (Имшонецкой), которую поехавшую въ Ромонъ стрѣтилисмо.

Субота. 22. Сей день зъ ранку свѣтелъ, въ день малий дожчъ и громъ, въ ночѣ дожчевато. *(Выписка изъ бл. Августина).* Поехавши зъ гаю, пріехали въ Сухоносовку на обѣдъ, где и ночовалисмо. Тутъ застали Омеляна Іванова, новоустроенного старосту. Смотрѣлемъ пчоли, которой всеей на зиму оставляется 87, а вся добра.

Неделя. 23. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ велми, а у вечеру дожчикъ показался. Въ ночѣ великій громъ былъ и дожчъ малий. Посѣщалъ мене протопопъ отецъ Ѳома, зъ которимъ и обѣдалисмо.

Понеделокъ. 24. Сей день былъ зранку мокрий, дожчеватий, о полднѣ вияснилось до вечора и въ вечерѣ; такъже и ночъ была свѣтла и ядрана. Въ Сухоносовцѣ новоустроенному старостѣ Сухоносовскому Омеляну Іванову далемъ приказъ въ 24 пунктахъ, которого копія за его рукою, чили вмѣсто его дяка Сухонос., имѣется здесь. Емужъ на росходи всякіе далемъ 10 р., а за млинокъ на

церковъ 5 р. Демяну до даннихъ на вино въ Кримъ 80 р. и еще далемъ въ запасъ 7 червоннихъ. Отобѣдавши тутъ, пріехалемъ до Оробювъ за милю, а оттоль до Лазурокъ за 2 милѣ, где и ночовалъ.

Вовтор. 25. Сей день былъ сперва мокроватъ, потомъ свѣтелъ и вѣтрянъ, къ вечеру тихъ, холоденъ, ночи половина таковажъ, другая похмурна. Отъ ночлѣга вчорайшого вставши и рушивши, уехалисмо 2 милѣ и пріехали до Яблунева въ полмилѣ до футорця сотницкого, а отъ футорця сотницкого полтори милѣ до Перервинець, куда пріехавши, тутъ обѣдали и ночовали. Ездилемъ по обѣдѣ смотрѣть сѣна Романомъ за гроши уробленного, якого всего скиртъ 29, а на тое витратилъ денегъ 35 р. и 57 к.

Середа. 26. Сей день былъ зранку мокрій и холодній, по обѣдѣ мало вияснился къ вечеру, але вѣтряний былъ, ночъ погодна и холодна. Обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ передъ вечеромъ виехавши оттуду, уехали милю до Бѣлоусовки, а оттоль верстъ зъ 5 до футора Сухомузского, где и ночовалисмо. Туда на ночлѣгъ пріѣхалъ Кучарскій и обявилъ о резолюціи п. Петра Апостола, пол. Луб., состоявшойся на прошенія родителскіе. Въ Перервинцяхъ имѣючогося теперъ на лицу статку: вололъ робочихъ старихъ 8, воловъ робочихъ молодихъ 12, воловъ молодихъ неученнихъ 10, третяковъ зъ Кривой Руди пригнаннихъ 7, бугай молодий 1, а старий бугайже 1, овець старихъ 169, ягнятъ сеголѣтнихъ 36, свиней стар. съ подсвинками 20, малихъ 11. Мѣотся сѣно укоситись отъ людей бравшихъ денги, а именно: по шинкарскому реестру 6 съ полтиною, а за тое возовъ сѣна 130, по реестру дворника Перер. 20 р. съ полтиною жъ, а за тое сѣна скиртъ 20 и пол. А за недодачу денегъ, за кони данніе отъ Демяна, 70 воз.

Четвер. 27. Сей день былъ вѣтрянъ и дожчеватъ, ночъ тиха, однакожъ хмурна и холодновата. Кучарскому вручивши листъ до п. пол. Луб. Апостола писанний отъ родителя, поехалемъ и пріехавши до Денисовки, за 2 мил., тутъ обѣдалисмо зъ Константіемъ и женою его, тутейшими жилцями. По обѣдѣ поехавши, уехали болшъ 2-хъ миль до перевозу, до перевозу съ полъ милѣ до Горошина, отъ Го-

рошина съ полтори миль до футора моего Криворудского, где и ночовалисмо.

Пятокъ. 28. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ, у вечеру дожчъ зъ громомъ и холодъ, такова жъ и ночъ холодна была. Увѣдомился я, что Кодинецъ сотникъ зъ людей моихъ въ турмѣ Лукомской бывшихъ, висвободивши бичкара моего Юрка, послалъ въ Кримъ по соль въ юлѣ, да коровникъ Іванъ Чепѣга робитъ у сотника за паробка дворового, тогожъ числа. Въ Криворудскомъ футорѣ воловъ робочихъ 15, бугаевъ 7.

Субота. 29. Сей день былъ то свѣтелъ, то дожчеватъ, ночъ похмурна и дожчевата. Рано поехалисмо съ футора, а передомъ старости Омелянови далемъ приказъ въ 12 пунктахъ, о футорѣ до устроенія и на нужди футорніе 10 р. Уехавши миль около 4-хъ, стали въ селѣ Березнякахъ, у козака Івана Шолудка, где и обѣдалисмо; а оттуду поехавши, уехалисмо миль зъ 2 до греблѣ у Лисой гори обрѣтаючойся черночой, тутъ черезъ Сулу переехавши, пріехали въ Лубнѣ и стали въ дворѣ сваттѣ нашой Троцкой (?).

Неделя. 30. Сей день былъ мокроватъ и дожчеватъ. Обѣдалемъ сегодня у п. Петра Апостола, полковника Луб., а по обѣдѣ былемъ у Троцкой и Петра Кулябки и пожеgнавшись, поехалемъ назадъ черезъ Сулу мостомъ и уехавши верстъ зъ 4, пріехали до села Пѣсокъ черночого, тутъ и ночовалисмо.

Понеделокъ. 31. Сей день былъ мокрий холодний и вѣтряний, таковажъ и половина ночи, а другая свѣтла. Поехалисмо рано зъ Пѣсокъ и уехали верстъ зъ 16, минули село черночое монастира Мгарского зовемое Вовчокъ и оттуду уехавши верстъ зъ 10, шляхомъ все Комишанскимъ, пріехали до футора Якуба Новѣцкого противъ Снѣтина, недалече шляху Ромодановского стоячого, где и обѣдъ имѣлисмо. А по обѣдѣ зехавши на шляхъ Ромодановскій, ехалисмо онимъ зъ полтори милѣ и пріехали къ футору Корсуна, хоружого пол. Луб., а оттоль уехавши такъже полтори милѣ, стали на ночлѣзѣ у степу, при байраку, на правой руцѣ.

М-ць септеврій. Вовтор. 1. Сей день былъ свѣтлій зранку и тихий, але холодній, передъ полуднемъ сталъ вѣтрянъ, ночъ тиха и

погодна. Уставши отъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 4 и пріехали до рѣчки Бодакви, которую переехавши, уехали шляхомъ же Ромадановскимъ миль болше двохъ и пріехали у футоръ нашъ Гамалѣевскій, где и обѣдалисмо. Тутъ я получилъ отъ Івана Несторовича зъ приложенною калкуляціею реестровъ Тарасовихъ, по которой показуется заведшихся на немъ грошей 18 р., а не 3 р. Въ Гамалѣевскомъ футорѣ пчоли 80, а останется на зиму около 70. По обѣдѣ, передъ вечоромъ, поехалисмо и пріехали въ Андрѣевку, где и ночовалисмо.

Середа. 2. Сей день былъ погодний и свѣтлий, ночъ похмурна мало, а мало свѣтла, але тепла. Игнатъ устроенъ старостою Перервинскимъ, которому и приказъ данъ въ 23-хъ пунктахъ, и денегъ 10 р. на споражение потребностей тамъ, а онъ росписку далъ въ томъ за подписаніемъ попа Orановского. Нагорода ему въ годъ 7 р. и сукно. Черезъ егожъ писалемъ до Кучарского и вѣденіе о сѣнѣ мѣючомъ въ Перервинцяхъ поставитись послалемъ, а писалъ, чтобъ онъ щиталъ въ Сухонос. дверника, въ Кривой Рудѣ такожъ и въ Перервинцяхъ. Да черезъ егожъ писалъ до стар. Сухонос. о присилки у футоръ Гамалѣевскій 2-хъ воловъ, сала и бочки горѣлки. Поехавши отъ Андрѣевки, пріехали на обѣдъ въ Роменъ, где застали родителку, братовъ здравихъ. Кухтикъ мой Іванецъ умре. Попу Орановскому около 2 р. давши, отпустилемъ въ домъ его въ Коровинцѣ. Отъ Вѣжевского получена зъ Глух. вѣдомость: I—mo, что въ Москву послали 2 вози воловихъ, а на тѣхъ возахъ тютюну пуд. 40, а папушъ въ нихъ 1975, вовни бранки немитой пуд. 15 фунт. 2, а въ нихъ рунъ 200, да вовни жъ бранки митой пудовъ 16, фунт. 25, а въ нихъ рунъ 420, да еще митой же пуд. 3, фунт. 35, и того немитой пуд. 15, фунт. 2, митой пуд. 20, фунтъ 20, всей пуд. 35, фунт. 22 и денегъ 35 р. и гор. барило. *2-do*, Карабутъ и Сивакъ за соллю и волами посланы въ Кіевъ и имъ дани денги 80 р *3-tio*, коней 6 роздали Сварковцямъ на вѣру до прійдучого 1731-го году, сент. 1-го числа, 5 коней по 4 р., а одинъ за 3 р. и 5 копѣекъ. *4-to* въ пасѣцѣ Уздицкой оставили на точкахъ пчоли 357 на зиму.

Четвер. 3. Сей день былъ погодний и свѣтлий, ночъ похмурна и къ свѣту дожчевата. П. Якимъ Троцкій, женихъ сестри моей, пріехалъ сюда зъ Лубенъ. У лазнѣ милемся.

Пятокъ. 4. Сей день былъ вѣтряний и холодній. Іванъ Максимовичъ, запорожецъ, перехристъ, посланъ въ Кролевецъ на ярмарокъ, которому на покупки разніе далемъ 80 р., а онъ поехалъ зъ п. Петромъ Троцкимъ, черезъ которого писалемъ до родителя о своемъ обращеніи, а до Вѣжевского о его пріездѣ въ Кролевецъ на исправленіе покупокъ и проч. Принималемъ vomitorium и операцѣй вишнихъ было 9, нижнихъ 6. Родителка поехала и братъ п. Семенъ въ Андрѣевку. Послалемъ Омеляну Іванову, стар. Сухонос., на сѣно въ Кривой Рудѣ 8 р., черезъ Сухонос. мужика Маценка.

Субота. 5. Сей день былъ вѣтряний и холодноватъ, однакожъ сухъ, ночъ похмурна. Писма отъ родителя до родителки и Кучарского привезени черезъ козака Быстрицкого, черезъ которого отписалемъ до родителя, да тогдажъ и до Вѣжевского о покупцѣ чайника, мѣди, цѣни и соломоняку (?)

Неделя. 6. Сей день былъ мало не ввесь дожчеватъ, ночъ похмурна и къ свѣту дожчевата. Обѣдалисмо сами у Ромнѣ у себе и съ нами протопопъ и Несторовичъ, а по обѣдѣ поехалисмо въ Андрѣевку, куда позно вже пріехали.

Понеделокъ. 7. Сей день былъ зранку свѣтелъ и погодний, толко вѣтрянъ, после полдня дожчеватъ отъ перебѣгаючихъ хмаръ, а потомъ самий вечоръ и ночъ погодніе и свѣтліе. Обѣдалисмо въ Андрѣевцѣ зъ родителкою и братами, по обѣдѣ ездилемъ до своего Гамалѣевского футора, где Тараса болного велми видѣлемъ и повернулемся завидно назадъ. Въ футорѣ Гамалѣевскомъ витрусилъ пасѣчникъ пчоли 11, а осталось 69 на зиму. Братъ п. Семенъ послалъ своего слугу до Лубенъ, черезъ которого писалемъ до Кучарского.

Вовтор. 8. Сей день отъ поранку туманний и дожчеватъ, съ полдня свѣтелъ и тепелъ, толко вѣтрянъ, ночъ тиха, свѣтла и погодна. Получилемъ писмо отъ Архипа первое, зъ Царицина писанное юл. 30-го, въ которомъ обявляетъ, что гор. куѳу по 23 р. (?) и по

2 а. (?) повезено на суднѣ въ Астрахань, а табаку пудъ по 3 а. и что горѣлку досипалъ зъ 2-хъ бочекъ, да что въ Царицинѣ съ вина и съ табаку взято пошлини съ пуда по 4 гривни. Писалемъ до Кучарского о бытіи его въ Лубняхъ и нарочно послани писма къ ему.

Середа. 9. Сей день былъ свѣтлій, теплій и велми погодній, и ночъ таковажъ. Обѣдалисмо зде въ Андрѣевцѣ и дновали и подпивали при собраніи пріеждяжихъ п. Павловой и другихъ женъ, и поповъ болшъ 10.

Четвер. 10. Сей день былъ свѣтлій барзо и теплій толко вѣтряний, ночъ свѣтла и тепла. Сегодня тутъ продновалисмо, попи по обѣдѣ отпущенни и поехали. Тіотка моя п. Павлова розговаривала о заборѣ имѣнія его отъ генер. Девейзбаха, о якомъ вѣдаетъ Назаръ мужикъ Андрѣяшевскій, бывшій тогда старостою, а теперъ войтомъ Андрѣяшевскимъ, и другіе, яко то: стадникъ Гладкій и Мисникъ, стар. Андрѣяшев., умерли. Тотъ же Назаръ и дру гихъ показать можетъ. Брату п. Семену 6 р., а родителцѣ на роздачу попамъ 4 р. Тарасу до прежде данних 7 р. теперъ далемъ на футоръ 6 р., итого 13 р. после ревизѣи.

Пятокъ. 11. Сей день былъ противъ вчорайшого погодний, ночъ половиною тиха и свѣтла, а потомъ мокра. По службѣ Божой поехалъ я зъ женою и дѣтми и передъ вечоромъ пріехали въ Роменъ. Писалемъ до стар. Сухонос. о присилцѣ Дяденка въ Глух. по скуплѣ воловъ, о присилцѣ рѣчий прежде писанних къ Тарасу и листъ до Худолѣя приложенъ о коняхъ.

Субота. 12. Сей день былъ зранку холодноватъ и похмуренъ, потомъ вскорѣ сталъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ погодна велми, свѣтла и ядрана. Родителка пріехала зъ Андрѣевки, а п. Якимъ Троцкій зъ Кролевца, Иванъ Запорожецъ и Мощанскій и писмо отъ родителя ко мнѣ о надѣяніи скорого пріезду въ Глуховъ князя Шаховского. Отецъ протопопъ Савѣцкій песѣщалъ мене и посидя и поговоря, отойшолъ.

Неделя. 13. Сей день былъ зранку свѣтелъ и тепелъ до самого вачора, а у вечерѣ похмурно и черезъ всю ночъ было похмурно жъ и тепло, однакъ безъ дожчу. Обѣдалисмо въ дому род.,

где приехавшій п. Яким Троцкій, отець протопоп Ромен. и мы зъ братами были и Несторович.

Понеделок. 14. Сей день был свѣтлій и теплій, и ноч товажъ. Обѣдалисмо вкупѣ, а у вечеру виехалисмо зъ женою, опроважали нас родителка, брати, Троцкій и Несторович до яру, съ которими простившись, пріехалисмо до Борзенки, где и ночовалисмо. Несторовичеви подарилем коня гнѣдого отъ четвернѣ.

Вовтор. 15. Сей день был до пол 11-го часа пред полуднем ясен и тепел, а потом прійшла жестокая туча зъ ужасним громом и ґвалтовним дожчем и за килка часов пройшли, а другая у вечеру надойшла и тривала через ноч съ дожчем мѣрним, переходом. Поехавши зъ Борзенки, уехали миль зъ двѣ до Смѣлого, а оттуду съ пол милѣ доброй до Сухого Ромна, где и обѣдали, а по обѣдѣ от Сухого Ромна уехали миль зъ 3, недоежджаючи Грузкой, ночовали.

Середа. 16. Сей день был туманний зъ ранку, потом около полдня и по полднѣ свѣтел и тепел, потом хмурен до вечора, вечор и ноч вся дожчевата. От ночлѣга вставши, поехали и проехали Грузкую, а мимо Козацкую пріехали до Хижок, оттоль лугом до Каменя и доехавши Сейму, за прорвою становиско имѣли и обѣдали, а по обѣдѣ переправивши возки човнами через Сейм, пріехали въ Каменскій родителскій дворец, где и заночовалисмо. Юско да Василь, служители, знову похоровались.

Четвер. 17. Сей день был зранку мокрий, а потом вѣтряний и ясний, ноч тиха, хмурна. Неосторовичка явилась въ Каменѣ, едучи зъ Глухова до Ромна, съ которою простившись и обоих молодиков хорих, Юска и Василя остановивши, поехалисмо и пріехали на обѣд въ Тулиголови, где застали 3 куѳи гор.

Пяток. 18. Сей день был зранку похмурний, а потом мало мокрий, потом ясний и похмурний пополам, ноч ясна и холодна. Пчоли 7 подрѣзовали зде въ Тулиг., а 2 убили, осталось 33, въ том числѣ 3 худих. Поехалисмо после полдня зъ Тулиг. и пріехали перед вечором въ Глухов, где зъ род., швакгром п. Яковом и сестрою п. судіиною видѣлись. Там въ Тулиг. видѣ-

лемъ карбъ Бутурлимовского мѣрочника, въ якомъ мѣрокъ жита накарбованнихъ отъ початку мѣрочництва его 450, а ярини 188.

Субота. 19. Сей день былъ сперва похмуренъ, а потомъ сильний дожчъ ишолъ, ночъ вѣтряна. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ; у вечеру билъ у лазнѣ и кровъ банками пускалъ.

Неделя. 20. Сей день былъ вѣтряний безъ дожчу, ночъ вѣтряна жъ велми и холодна. Ездилемъ до п. гетмана и тамъ зъ братомъ п. Михайломъ увидѣвшись, по службѣ повернулемся и ездили до сестри на пастовникъ обое, где и обѣдали. Братъ п. Марко пріехалъ зъ Стародуба.

Понеделокъ. 21. Сей день былъ вѣтряний и холодний, и похмурний, въ ночъ ģвалтовний дожчъ зъ градомъ. Рано билъ я на Бѣлополовцѣ у п. Михайла, а обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ ездилемъ до ģрафа Гврила Ракгозѣнского и розговорували о футору Гамалѣевскомъ, которого степу половину спряли Розбимовци и приговорили писать до самого Сави Рогозѣнского въ Москву. Родителеви на нужди веселніе брата Марка далемъ денегъ 200 р. и 70 ефимковъ.

Вовтор. 22. Сей день былъ вѣтряний и холодний, и похмурний, и ночъ таковажъ, толко безъ вѣтру. Ездилемъ на пастовникъ и обѣдалемъ у сестри и до вечора позабавившись, заездилемъ до швакгра п. Якова и оттуду въ домъ свой. Братъ Марко поехалъ въ Роменъ, которому далемъ на 8 р. и баранокъ, да меншимъ братамъ пославъ 3 баранки, да себѣ тутъ велѣлъ шить шапку баранковую и соболюю.

Середа. 23. Сей день былъ похмурний и ночъ Обѣдалисмо у себе и съ нами швакгеръ п. Яковъ. Сегодня захоровалемъ видомъ, яко на фебру, а въ самой рѣчи на горячку, и всю ночъ былъ въ огнѣ.

Четвер. 24. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночъ. Сего ранку зъ медіяни кровъ пускалемъ 2 талѣрки и въ жару у весь день пробавилемъ.

Пятокъ. 25. Сей день... Ѳрота употребилемъ и весь день лежалемъ въ жару великомъ.

Субота. 26. Сей день... Сегодня жадной отради не было, въ жару безъпереривно.

Неделя. 27. Сей день... Жаръ во мнѣ и слабость еще що горшій умножился.

Понедел. 28. Сей день... Жаръ еще що разъ свою силу во мнѣ показиваетъ, а я безмѣрно слабъ; холоденъ сталъ я съ понеделка на вовторокъ, зъ великимъ холоднимъ потомъ.

Вовтор. 29. Сей день похмурний былъ зъ снѣгомъ и ночъ похмурна. Кондзеровскій пріехавши ко мнѣ, теплою горѣлкою мои груди, серветку умочивши, обкдадалъ, разовъ зъ десять, чимъ потъ мой порушилъ во мнѣ зъ премѣненіемъ жара. Потомъ въ день прийшла мнѣ слабость безмѣрная зъ отчаяніемъ живота моего, потомъ стихъ мало, а потомъ потъ силний прийшолъ мнѣ. Люка поехалъ до доктора Бока и привезлъ мнѣ кордіяліе микстуру, якую началъ я употреблять.

Середа. 30. Сей день билъ похмурний. Протопопъ зъ отцемъ Никифоромъ были и крестъ зъ мощами далъ мнѣ, а отъ вчорайшого дня сталъ мнѣ жаръ утолятись. Черезъ Люку послалемъ Боку 16 р.

М-ць Октовр. Четвер. 1. Сей день былъ похмурний и мокрий и ночъ такова. Были сестра полковница (Толстая), п. Михайлова и Люка, а мнѣ полегше стало.

Пятокъ. 2. Сей день былъ похмурний и мокрий, и ночъ такова. Снѣгъ випалъ на суботу. Еще отраднѣе мнѣ показалось. П. Михайло зъ Люкою рано были.

Субота. 3. Сей день былъ похмурний зъ дожчемъ, зъ крупами. Александеръ билъ у мене, а мнѣ мало легше еще показалось.

Неделя. 4. Сей день былъ увесь дожчеватъ, ночъ похмурна и темна. Рубчиха била зъ зятемъ, рано, зъ дочкою, а мнѣ легше стало.

Понеделокъ. 5. Сей день рано былъ дожчеватъ, по обѣдѣ и великій дожчъ ишолъ, ажъ до самого вечора, ноччю такожъ дожчъ ишолъ ґвалтовний.

Вовтор. 6. Сей день былъ увесь дожчеватъ, а ночъ около полночи визвѣздилась зъ морозомъ. Была у мене сестра п. Чернишева, а швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ пріехалъ зъ Новгородка.

Середа. 7. Сей день былъ погожій, къ вечеру хмуренъ и ночъ таковажъ, толко суха безъ дожчу. Обѣдалъ со мною п. Яковъ швакгеръ и мнѣ ослаба противъ прежнего, а по обѣдѣ посѣщалъ мене Люка. Да пріездила сестра п. Чарнишева, за тимъ что пасинки еи розоездятся, да сегожъ дня и розехались.

Четвер. 8. Сей день былъ вѣтряний, сухий, а холодний и ночъ таковажъ. Посѣщали мене швакгеръ мой п. Яковъ, Иванъ Мировичъ, который при генералу Генѣну, а пріехалъ сюда на время, Добронѣзскій, а потомъ обѣ сестри.

Пятокъ. 9. Сей день былъ холодній, вѣтряній, снѣгъ ишолъ сухий, ночъ сперва вѣтряна, потомъ тиха да холодна. До Пѣщанского въ Криски отписалемъ на писмо его. Сегодня тезоименитство мое было, родитель подарилъ атласъ, сестра Уляна Івановна рубашку и 2 хустки, сестра п. судіиная—хустку.

Субота. 10. Сей день былъ таковий, яковий и вчора, такъже и ночъ, снѣгъ велми ишолъ. Посѣщали мене по обѣдѣ швакгри оба Полуботки и посидя отехали позно.

Неделя. 11. Сей день былъ сухій холодний, снѣгъ малий ишолъ, ночъ холоднажъ, ставъ стався. Обѣдали у насъ швакгри и Мировичъ Іванъ, а по обѣдѣ были п. Михайло зъ панею, сестри обѣ, и Астровскій пяний. П. Михайло роскazивалъ, что по ревизѣямъ въ Малой Россіи поспоəства 101000. Тертичникамъ далемъ 12 р. съ полтиною, Пироговскимъ.

Понеделокъ. 12. Сей день былъ сухий, толко снѣгъ ишолъ малий, такъ же и въ ночѣ, ишолъ снѣгъ болший. Ставъ здешній ꙁоразто стявся и покритъ сквозь снѣгомъ. Посѣщали мене п. Андрей швакгеръ, Іванъ Гамалѣя, сотникъ Воронѣжскій, Люка и Дмитрашко и обѣдали у мене, а по обѣдѣ забавилисмося зъ собою картами, я, п. Андрѣй, жена и Астровскій. Усмотрѣлъ я, что у вечеру приходитъ алтерацѣя.

Вовтор. 13. Сей день снѣгъ болшій ишолъ, и въ ночѣ морозъ сталъ, и снѣгъ ишолъ же. Обѣдали у насъ швакгри оба, а по обѣдѣ игралисмо въ карти. Дворника нового въ Калюжновскомъ футорѣ устроилемъ Уласа.

Середа. 14. Сей день былъ холодний, снѣгъ ишолъ сухій, ночъ холоднажъ. Князь Шаховскій Алексей Івановичъ пріехалъ въ Глуховъ, а потомъ у вечеру былъ въ банѣ у насъ, и я его видѣлъ и поздравлялъ. Обѣдали со мною швакгри мои, и по обѣдѣ въ карти забавлялисмовя.

Четвер. 15. Получилемъ писмо Камѣнского, 28-го сент. писанное, зъ приложеннимъ реестромъ покупокъ, черезъ мужиковъ отправленнихъ. Сей день былъ сперва погодний, а потомъ черезъ у весь день дожчъ ишолъ, въ ночъ перестал былъ, однакъ воздухъ мокрий, отчого снѣгъ истаялъ; громъ въ ночѣ. Родитель обѣдалъ у князя, а у насъ швакгри, Мировичъ и Чарниши.

Пятокъ. 16. Сей день былъ мокрий и ночъ, для того что дожчъ ишолъ безъ перерывки. Грамота къ гетману писанная и черезъ князя Шаховскаго привезенная, читана публѣчно въ церквѣ Иліи пророка, въ якой написано, чтобъ не брать въ скарбъ войсковий пчоляной и табачной десятинъ, такожъ зъ мостовъ и съ перевозовъ, а по публѣкацѣи молебствіе и съ пушекъ троекратное стреляние. Обѣдали у насъ швакгри п. Яковъ и Мировичъ Иванъ, а п. Андрей посля пріехалъ.

Субота. 17. Сей день былъ мокроватъ, дожчъ маленкий ишолъ, также и въ ночѣ, къ свѣту малий морозъ. Обѣдалемъ вкупѣ зъ родителемъ для его тезоименитства, который по обѣдѣ, стехалъ въ Роменъ для акту весслного брату Марку чинячого. 2 письма послалемъ въ Роменъ, одно до матки, а другое до братовъ о себѣ.

Неделя. 18. Сей день былъ зранку мало погоденъ и сухъ и морозецъ показался, однакъ передъ полуднемъ, якъ началъ дожчъ густий ити, то ажъ до самой ночи ишолъ, а въ ночѣ и дожчъ и снѣгъ, поки къ свѣту, самий уже снѣгъ покрилъ землю. Банкетъ билъ у пана гетмана, где князь зъ протчшими и старшина генер. кушали, а у насъ обѣдали швакгри оба, по обѣдѣ забавлялисмося домашніе картами.

Понеделокъ. 19. Сей день былъ мокроватъ, снѣгъ отъ ночи шедшій къ свѣту покрылъ землю знову и такъ увесь день тривало и въ ночѣ. Обѣдалисмо сами и съ нами Семенъ Заруцкій и Карпъ

Огіевскій. Василь молодикъ отправленъ зъ двома Сварковцями противъ подводъ зъ Москви идучихъ, съ нимъ 5 коней, которому на дорогу далемъ 3 р. Въ Михайловцѣ дворовъ 216, въ Василювцѣ—81, въ Грунѣ—38, въ Цацѣ—13, въ Гутахъ—6, итого 350. Михайловская стаднина: кобилъ зъ лошат, 11, а яловихъ 32, лошаковъ 18, стрижатъ 15, лошатъ 12 дриg. 2 булан... товару рогатого 61, коровъ 31, воловъ 30.

Вовторникъ. 20. Сей день былъ вѣлgотний, похмурний и ночъ такова жъ, толко къ свѣту противъ середи дожчъ. Обѣдалъ съ нами Семенъ Заруцкій, а вечерали швакгри, и въ карти играли. Грамоту къ государинѣ отъ гетмана и всего войска Запор. составили благодарственную о показанной милости въ отставки десятинъ тютюнной и пчолной и збору зъ мостовъ и перевозовъ, на якой старшина и бунчуковіе подписывались.

Середа. 21. Сей день зранку дожчеватъ былъ, чего ради и снѣгъ увесь пропалъ, а потомъ пересталъ дожчъ, толко воздухъ былъ вѣлgодний черезъ увесь день и ночъ, а въ ночѣ блискавиця и громъ былъ. Обѣдалисмо зъ Чуйкевичемъ Федоромъ и Кутневскимъ, а вечерали зъ швакграми. П. Войцеховичева зъ старшимъ сыномъ пріехала и стала въ дворѣ нашемъ. Вѣжевскій повернулся зъ Туліголовъ и привезлъ меду 2 мѣрницѣ, а гор. 2 куѳи.

Четвер. 22. Сей день былъ зъ воздухомъ мокроватимъ и ночъ такова жъ. Швакгри мои обѣдали съ нами и Войцеховичка и вечерали. П. Адрѣй швакгеръ повечеравши, отехалъ въ Чернѣговъ. У Вѣжевского принялемъ шинковихъ грошей 14 р. и 22 а., что у его и записалемъ, да на должникахъ доправленнихъ 6 р., зъ лишкомъ 40 а. недоправленныхъ; всѣхъ принятинъ отъ Вѣжевского 21 р. Въ полковники Стародубскіе присланъ Александеръ Івановъ Дуровъ, маіоръ бывшій въ полкахъ.

Пятокъ. 23. Сей день былъ зъ воздухемъ мокроватимъ и ночъ такова жъ, однако жъ безъ дожчу. Былъ у насъ Македонскій, служитель сестринъ, который сказивалъ, что обехалъ мои подводы у Болховѣ прошлого четверга, которій ямщика за 6 р. наняли. Онъ же сказивалъ, что архіерей Кіевскій зъ консисторомъ

въ Москвѣ подъ арестомъ, якобы за нечиненное ими вначалѣ молелствіе о государинѣ. Сестра прислала папѣръ чаю. Рѣка здѣшняя Ясмань 12-го сего октовр. замарзшая, разтаяла сего дня противъ завтрейшого, совсѣмъ, отъ дожчей частихъ бывшихъ.

Субота. 24. Сей день былъ погодний и мало былъ виясниллся, а потомъ хмурами закритъ, однакъ зъ сухимъ воздухомъ у весь день былъ и ночъ, а вночѣ вѣтеръ великій былъ. Обѣдалисмо зъ п. Яковомъ швакгромъ и Войцеховичевою. Жена заболѣла на колку. Семенъ Шохъ устроенъ старочтою Крисковкимъ и приказъ ему данъ въ 14 пунктахъ, которого копія зде приложена.

Неделя. 25. Сей день былъ мокроватъ, бо дожчикъ переривцемъ проривался, ночъ темна и хмурна. Сегодня въ первое я зъ дому своего віехалъ и былъ у князя Шаховскаго, а обѣдалисмо у себе зъ п. Яковомъ швакорамъ, Іваномъ Гамалѣею, (котόрий подписался на уступной Крисковской) Соснѣцкимъ и Войцеховичемъ, а князь и проч. у обозного енер. Женѣ зъ медіяни кровъ пускалъ Ходецкій ради болю ей. Доктору Боку 8 р. послалемъ вчорайшого дня черезъ Вѣжевского.

Понеделокъ. 26. Сей день былъ надъ всѣ осѣнніе погодній, свѣтлий, тихий и тепловатъ, а ночъ мокровата, поневажъ зъ вечора снѣгъ, а потомъ дожчъ малий ишолъ. П. Михайло братъ былъ рано у мене, а мы зъ швакгромъ п. Яковомъ и Войцеховичкою обѣдали. Михайло Гавриленко привюзъ зъ Чернѣгова доводячихся отъ должниковъ 60 р.

Вовтор. 27. Сей день былъ похмурний, после полдня и черезъ всю ночъ вѣтренъ збытъ. Роману, стар. Тул., дали 2 р. кожухъ сѣрой и киндякъ. Гроту лѣкару далемъ 5 р. Обѣдалисмо вкупѣ зъ п. Войцеховичевою. Получилемъ писмо зъ Ромна отъ род. о виправѣ брата Марка сего окт. 22-го въ Стародубъ, а зъ Перервинецъ о продаемихъ 2-хъ стѣнкахъ, одной за 5 р., а другой за 8 р.

Серед. 28. Сей день былъ похмурний, тихий, а тепловатъ, ночъ пахмурна. Обѣдалисмо зъ швакгромъ п. Яковомъ, который и отехалъ въ Новгородъ. Попу п. Григоріевой отцу Петру на ея

потребу визичилемъ 5 р. Ѳедорець брата Марка отправленъ зъ листомъ моимъ къ нему и зъ 10 р. Козакъ Перервинскій отправленъ Артемъ, синъ козакъ Костѣ, черезъ которого отвѣтовалемъ до старости Перер. о куплѣ стѣнокъ продажнихъ Шинкарской и Тараненковой, на чмо и 10 р. послалемъ теперъ, а футоръ Кохна доволнѣй осмотрѣтить и мене увѣдомить, о Свѣтличномъ описать до Кучарского. *2-до*, род. въ Роменъ писалемъ. *3-tio*, до стар. Сухонос. о его молчаніи зъ упомненнемъ о виправѣ сюда и о Дядѣ. Молодикъ Василь повернулся зъ людми зъ Москви отправленними безъ возовъ и безъ покупокъ, якіе поскладали на семъ боку Болхова въ деревнѣ. (*Слѣдуетъ богословская статья „о разнствіи закона и евангелія)*".

Четвер. 29. Сей день былъ сперва съ туманомъ, потомъ зъ хмарою и воздухомъ мокроватимъ, холоднимъ, такова жъ и ночъ, толко къ свѣту морозъ прійшолъ. Жена ездила въ городъ до церкви ст. Анастасіи, а я въ дому обѣдалъ.

Пятокъ. 30. Сей день зъ ранку зъ морозомъ и зъ хорошею погодою, а потомъ хмуренъ сталъ, такова жъ и ночъ, толко зъ морозомъ студенимъ. Купилемъ 2 книжки латинскихъ у поляка Грифского-Concilium Tridentium за 60 а, другую Regn. de vib. cygan. (?), за 2 гривни.

Суббота. 31. Сей день былъ передъ полуднемъ свѣтлий, потомъ холодний и похмурний и вѣтряний, таково жъ и ночъ, толко зъ силнымъ вѣтромъ, передъ свѣтомъ дожчъ. Посѣщалъ мене отецъ протопопъ Глух. и обѣдалъ у насъ, и Голубиха.

М-ць Ноевр. Неделя. 1. Сей день былъ похмурний дожчеватий, такова жъ и ночъ. Рано ездилемъ до князя, где и обѣдалемъ и дновалемъ въ посидѣннѣ. Пазѣ дочери кристеръ (клистиръ) приложили зъ тихъ мѣръ, что цѣлий тиждень въ констипацѣи была, и ажъ теперъ за кристерію оную пронесло. Мякининъ простился у князя съ нами, а имѣлъ ехать умершого сына своего провозить на погребеніе до Софроніевой пустини.

Понеделокъ. 2. Сей день былъ похмурний и зранку съ туманомъ а потомъ мокроватъ и ночъ зъ дожчемъ. Іванъ Манджула

отправленъ самъ треть и дани ему 10 р. на дорогу. Алексѣй Полуденскій пріехалъ и писма привезлъ отъ род. и стар. Сухонос., которій пишетъ 1) что слобожане футора Криворудского послушенство сотнику Кодинцу отдаютъ; 2) а футоръ строится; 3) где посѣяли жита, четвер. Луб. мѣри 6, а на зябль орутъ, 4) подъ Сухонос. посѣялъ жита 20 чет. и еще мѣлъ сѣять; 5) Луб. дворъ шинковний устроенъ; 6) у Горла вѣтряний млинокъ купленъ; 7), за 13 зол купилъ лѣса до футора, на вирубъ. Обѣдалисмо сами въ дому, а у вечеру до князя ездилемъ и забавилемъ.

Вовтор. 3. Сей день сперва былъ похмурний, а потомъ до самого вечора, и мало не чрезъ всю ночъ, сильний дожчъ ишолъ, после дожчу вѣтеръ, потомъ къ свѣту вияснилось. Ездилемъ, впервое по хоробѣ, въ городъ и не заставши самого ясневел., самой панеи гетмановой кланялся и посидя у ея довольно, зъ женою возвратились.

Середа. 4. Сей день былъ погодний и ясний, такова жъ и ночъ зъ морозомъ. Обѣдалисмо обое зъ женою у сестри Уляни Івановни, а потомъ пріехалъ п. Михайло, братъ, съ панею своею, зъ которымъ тамъ же у сестри ночовалемъ, а жена въ дому, где черниця старица умерла. Черезъ Івана Алексенка, мужика Сухоносовского, писалемо до стар. Сухонос. Омеляна о припровоженню сюда виправи по первой дорозѣ, такъ же лою 10 пуд. и чтобъ усмотрѣлъ, где бъ оного болше, также и масла достать можно. Да черезъ его жъ послалемъ Грицку Дядѣ Сухонос. 30 таляр. бит. на воли, да чрезъ его жъ писалемъ до Тараса, чтобъ онъ объ маю увѣдомилъ.

Четвер. 5. Сей день былъ погодний такъ же, а при вечерѣ похмурѣло и ночъ хмурна и мокра была для того, что у ночѣ дожчъ силний ишолъ. Родитель пріехалъ рано зъ Ромна, долго по степу бѣдствовавши за утекшими кони, которихъ заледво обискали, а я повернулся зъ пастовника и свидѣлся зъ Валкевичемъ, уже отсюду отездившимъ, который теперъ и отехалъ въ Стар., а по обѣдѣ былъ у насъ протопопъ Савѣцкій; по отходѣ его ездилемъ до князя и посидѣвши доволно, повернулемся назадъ.

ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА Г. А. МИЛОРАДОВИЧА.

Подъ этимъ заглавіемъ съ настоящей книги „Кіевск. Старины“ будетъ печататься въ приложеніи Сборникъ историческихъ документовъ изъ Любецкаго архива графа Г. А. Милорадовича.

Предисловіе къ сему приложенію и нужныя объясненія будутъ напечатаны въ концѣ года.

А. Л.

I. Бумаги Чарнышей.

1. Запись гадяцкаго полковника Ивана Чарныша второбрачной своей женѣ Евдокіи Голубовнѣ. 1710 г., 9 ноября.

Року 1710, мѣсяця ноеврія 9 дня. Вѣдомо чиню симъ моимъ доброволнимъ писаніемъ теперъ и въ потомніе часи всякому таковому, хто бы потребовалъ зъ близкихъ, далнихъ, кревнихъ моихъ и изъ звѣрхностя на тотъ часъ быти маючой о семъ, же Содѣтеля судбами при его жъ благословеніи Бозскомъ и родителскомъ, поймуючи я въ доживотное сожителство еи мосцѣ благородную панну Евдокію Константиновну Голубовну зъ дому висоцеповажного рейментарского ясневелможного его милости пана Иоана Скоропадского, войскъ его царского пресвѣтлого величества запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, ясневелможной еи мосцѣ панеи Анастасіи Марковни гетмановой родителского, вручаю въ вѣчную опеку двохъ синовъ моихъ съ первобрачною блаженной памяти панею малжонкою моею Еленою Гречановною спложенныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матерѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи Голубовнѣ. При той засъ опецѣ дѣтей моихъ, записую всѣ добра власнимъ коштомъ зъ праци моей и заслугъ войсковыхъ набутіе, тоесть: дворѣ, въ злотѣ, въ среблѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ сукняхъ, въ млинахъ, ставахъ, пасѣкахъ, лѣсахъ, степахъ, хуторахъ, бидлѣ и протчіихъ угодіяхъ господарскихъ, подъ именемъ моимъ теперъ въ мене обрѣтаючіеся и впредь сполне, подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи набути, сподѣваючіеся (уховай Боже на мене термѣну смертного безвременного или въ состарѣлости временно, аще би и безпотомне пришлося оста-

вити) за преречоними двома синами моими, все отъ мала до велика благородной панеи Евдокіи ровнымъ дѣломъ по половинѣ. Если жъ вседаровитій Господь подасть сполное имѣти потомство, теди при особѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи заховавши половину, зъ половини Ивана и Петра, синовъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованнимъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечне половина бити, симъ рукоданнимъ писаніемъ моимъ, зъ притѣсненіемъ власной печати сегнетовой, во вѣчніе роди стверждаю. Данъ въ Глуховѣ. Року и дня вышеописанного. На подлѣнномъ подписано: Іванъ Чарнышъ, полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского Гадяцкій рукою власною подписуюся.

Его царского пресвѣтлого величества министръ и кавалеръ Андрей Измайловъ.

Року 1729, сентеврія 30 дня. Сіе вышеписанное писмо отъ велможной ея милости панѣи Анастасіи Марковни Иоанновой гетмановой Скоропадской, дочери еи велможности панѣи Евдокіи Константиновой Голубовни отъ покойнаго малжонка еи пана Ивана Чарниша, полковника Гадяцкого, данное, въ ратушу Глуховскомъ при доношеніи презентовано и въ книги мѣскіе вписано, а дня увѣренія въ потомніе часи на семъ же писмѣ руками своими при печати врядовой подписуемся. Року и дня вишеспецѣкованнихъ. Ѳедоръ Омеляновичъ, сотникъ Глуховскій. Стефанъ Уманецъ, атаманъ Глуховскій. Іосифъ Ивановичъ, войтъ. *(Съ копіи)*.

2. Запись вдовы генеральнаго судьи Ивана Чарныша Евдокіи Константиновны дѣтямъ своимъ, на недвижимыя имѣнія. 1733 г.

Року 1733, іюня ‹ › дня. Я Евдокія Константиновна Голубовна, Іванова Чарнишева, судѣна енералная, вдова, на всякомъ судѣ и урядѣ и на всякомъ правѣ, кому колвекъ о семъ теперь и въ потомніе часы вѣдати потреба укажетъ, симъ моимъ доброволнымъ уступнымъ записомъ чиню вѣдомо, ижъ 1724 року, по указу блаженной и вѣчнодостойной памяти Петра Первого, императора и самодержца всероссійского, его императорского величества, мужъ май Іванъ Чарнишъ, судія войсковый енер., отехавши зъ Малой Россіи, зъ дому своего въ Санктпитербурхъ, оставилъ мене при малыхъ дѣтяхъ безпомощну во всякихъ турбаціяхъ и клопотахъ отъ многихъ турбато-

ровъ и претендентовъ на имя его мужа моего вщатихъ, зъ которихъ я иніе судомъ, а иніе рада не рада миромъ, зъ урономъ здоровя моего и зъ знатнимъ коштомъ, сократила. А по смерти его, (который въ 1728 року, декабра 11, жизнь свою въ Москвѣ окончилъ), и болшіе що разъ непрестанніе напасти отъ турбаторовъ чрезъ позви уставичне несучи, пришла уже во всеконечное изнеможеніе въ здоровю, а въ субстанціи въ крайнюю скудость и разореніе. Того ради завременно, хочай при остатку здоровя моего, однакъ при полномъ разумѣ, чрезъ сей мой доброволный записъ, вливаю право мое, уступаю, записую и вовся во вѣчное и неотзовніе часы даю, дарую и во владѣніе пущаю дѣтамъ моимъ: тромъ сынамъ Івану, Семену и Якову Чарнишамъ, да тремъ дочерамъ Анастасіи, Аннѣ и Еленѣ Чарнишовнамъ половину всѣхъ добръ въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи отцемъ ихъ Іваномъ Чарнишемъ, судіею войсковымъ енер., зъ праци и зъ заслугъ войсковыхъ, такъ до понятя моего имъ въ малженстио, яко и въ малженствѣ со мною купно общими трудами его и моею працею, нажитомъ и всякимъ способомъ набутомъ, яко то въ селахъ Боркахъ, Митченкахъ, Сарахъ, Цѣпкахъ, Сваткахъ, Круткахъ и во всѣхъ къ тимъ селамъ приналежныхъ угодіяхъ, хуторахъ, поляхъ, пахотныхъ и сѣнокосныхъ, пасѣкахъ, степахъ, лукахъ, байракахъ, левадахъ, гаяхъ, лѣсахъ, пущахъ, борахъ, дворахъ, млинахъ, ставахъ, гребляхъ, озерахъ и во всѣхъ другихъ, въ броварахъ, солодовняхъ, винокурняхъ и всякимъ именемъ и прозваніемъ зовемихъ дворахъ недвижимыхъ, и въ движимомъ имѣніи, въ злотѣ, срѣбрѣ, клейнотахъ, перлахъ, сукняхъ, въ бидлѣхъ и въ пчелахъ, и во всѣхъ рухомостяхъ, що колвекъ тилко движимимъ имѣніемъ назватись можетъ, во всемъ томъ едностойне, такъ въ недвижимомъ, яко движимомъ имѣніи, подлугъ запису вѣчистого мнѣ отъ отца ихъ, а мужа моего въ 1710 року, нояб. 9 дня, за подписаніемъ власной руки его и при печати, предъ государевымъ министромъ и кавалеромъ Андреемъ Измайловымъ, въ той часъ въ Малой Россіи при гетману Скоропадскомъ минѣстерскими дѣлами правившомъ, и за подписаніемъ руки его минѣстерской данного, належную записанную и опредѣляемую; и по силѣ контентовъ того запису, имъ дѣтямъ моимъ шестомъ тую половину мою во всемъ вижеписанномъ имѣніи позволяю раздѣлно и нераздѣлно держать и владѣть вѣчными часи и якъ хотя на свой пожитокъ употребляти, и волно имъ есть и будетъ датъ, даровать, замѣнять и во всякіе крѣпости утвердить, однакъ въ чужіе руки не упущать, чтобъ отческій ихъ домъ не звелся. Но еслибъ ко-

торому или которой и нужда была свою часть и жеребъ збути, то никому иному, токмо братъ брату, сестра сестрѣ, или братъ сестрѣ, сестра брату волни суть и будуть дать, даровать, замѣнять, продать и во всякіе крѣпости утвердить и записать вѣчными часи. А понеже въ томъ же записѣ покойного мужа моего зверхъ помянутой на мене опредѣленной половини, зъ другой половины одна половина на пасынковъ моихъ Івана и небожчика Петра, а другая половина на дѣтей моихъ вижемененныхъ опредѣленна и записанна, теды и оную половину зъ другой половини имъ же дѣтямъ моимъ во вѣчность тутъ же при мененной моей половинѣ подтвержаю и уступаю, и записую вѣчними часи, а себе отъ всего того отдаляю вѣчними часи. А для лучшого и твердѣйшого имъ въ потомніе часи, имъ шестомъ дѣтямъ моимъ, всѣхъ вижписанныхъ добръ владѣнія при семъ моемъ записѣ вручаю и отдаю имъ же дѣтямъ моимъ всѣ крѣпости къ онымъ добрамъ стягаючіеся, яко-то: високомонаршую жалованную грамоту, гетманскіе унѣверсалы и многие купчіе записи и мунѣменты, которимъ всѣмъ особливый реестръ при семъ записѣ уступномъ моемъ отъ мене сообщенъ. Если жъ якіе въ тыхъ добрахъ, мною уступленныхъ, отъ кого произишли бъ въ чомъ претенсіи и якіе суть въ судѣ енер. на мое имя и на мужа моего вщатіе, то уже мимо мене онымъ всѣмъ дѣтямъ моимъ настоящіе и будучіе претенсіи отправлять и обстоювать, и всякіе здѣлки чинить по разсмотренію и по совѣту кревныхъ моихъ. Внесенне же мое и отчистіе мои добра Подоловскіе, такожъ отъ покойной матки моей ясневелможной г-жи гетмановой Анастасіи Марковны Скоропадской купленіе дли мене грунта и мнѣ данніе, и потому теперь въ моемъ владѣніи зостаючіе, при себѣ оставляю до смерти моей, а по смерти моей тимъ же вишписаннимъ дѣтямъ моимъ тромъ синомъ и тромъ дочерамъ и тое все въ ровный дѣлъ принять и вѣчными часи, якъ хотя, по волѣ и подобаню своемъ, раздѣлно или нераздѣлно, владѣть по сему жъ моему запису. О которомъ то внесеню и объ отчистихъ моихъ добрахъ Подоловскихъ, тако жъ покойною маткою моею купленныхъ и мнѣ во владѣніе данныхъ (если Богъ мнѣ время на то узичитъ) при помочи его Божеской именное завѣщаніе учинить не оставляю. Сей же записъ уступный и права моего вливокъ чиню дѣтямъ моимъ по силѣ пререченного запису мужемъ моимъ мнѣ данного, для того, что оный записъ мужа моего и въ немъ вираженіе контента зъ 1710 нояб. 9 по 1728, по смерть мужа его, имъ же мужемъ моимъ нѣгде не отмѣненъ и нѣ въ чомъ не премѣненъ во все его житіе, а по смерти его

отнюдь нѣякимъ и жаднимъ судомъ зъ оного 1710 году, чрезъ 23 лѣта по сейчасъ, не скассованъ и не отставленъ, но и паче всего смертію покойного мужа моего потвержденъ. И того ради я оному запису мужа моего согласуя, контента въ немъ вираженніе цѣло и ненарушно дѣтямъ моимъ вездѣ и завше содержать и вовся хранить, и иле волю отца своего остаточную со всякимъ усердіемъ, обстояніемъ и заступленіемъ исполнять, оберегать, боронить и защищать всячески материнско приказую, ибо тотъ записъ мужа моего, если взглядомъ опеки дѣтей моихъ внушить, теди до возрасту совершенныхъ лѣтъ мененныхъ пасинковъ моихъ я привела общею отца ихъ и моею працею, а моихъ дѣтей тожъ въ добромъ воспитаніи содержала я, въ наученіе школъ латинскихъ кіевскихъ давала и на нихъ належніе добра волею моею не роспорошила и подданныхъ въ маетностахъ лишними чиншами не отягчила и не розгнала. Сего ради взглядомъ опеки оный записъ мужа моего нѣгдѣ кассованъ быти не можетъ. Взглядомъ половини въ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, на мене отъ мужа моего опредѣленной, если разсудить, то не толко тогда наличное мужъ мой имѣніе свое мнѣ записалъ, но и чаемое, почитай тое, которое имѣлось набути общою его мужа моего и моею працею, и потому онъ, мужъ мой, что до понятія моего зъ набутого имъ мнѣ половину записалъ, то внѣсто того зъ набутого зъ нимъ працею моею первобрачнымъ дѣтямъ своимъ сынамъ зъ половины половину жъ записалъ, а другую половину зъ половины дѣтямъ зъ нимъ прижитымъ опредѣлилъ тимъ же записомъ. Зъ чего видно, что въ семъ контентѣ запису мужа моего не объ одной мнѣ рѣчь, но и о дѣтяхъ а дѣтей родителемъ роспоражать, якъ хотя волно и сылно по своей волѣ ку подобаню и по своему разсмотрѣнію. Зачимъ и взглядомъ опредѣленія на мене и на дѣтей въ томъ записѣ мужа моего воля вираженная неповинна по праведному разсмотрѣнію быть въ премѣненіи, ибо свое имѣніе зъ праци и заслугъ войсковыхъ набутое, воленъ былъ онъ, покойный мужъ мой, не токмо мнѣ женѣ своей и дѣтямъ своимъ, но мимо мене и дѣтей моихъ, кому чужому и не токмо часть или половину, но и все записать и вѣчне отдалить. А паче всего понеже тотъ записъ учиненъ и данъ мнѣ мужемъ моимъ предъ особливѣйшимъ урядомъ малороссійскимъ, то есть предъ государевымъ министромъ въ Малой Россій минѣстерскіе дѣла въ ту пору содержавшимъ и для совѣту при гетману бывшимъ и рукою его минѣстерскою закрѣпленъ, потомъ и предъ ординарнымъ ратушнымъ урядомъ сотнѣ Глуховской, вскорѣ по смерти мужа моего презенто-

ванъ. Теди оныхъ и вышнамененыхъ ради причинъ записъ оный мужа моего во исполненіе приводячи, я учинила сей мой уступный вѣчистий дѣтямъ моимъ власнымъ записъ, за совѣтомъ кревныхъ моихъ зъ прошенія моего зде подписавшихся. А я, яко, неграмотная къ сему моему запису печать мою приложила. *(Настоящій актъ никѣмъ не подписанъ, изъ чего можно думать, что онъ былъ только проектомъ).*

3. Полюбовный раздѣлъ между вдовою генер. судьи Ивана Чарныша Евдокіею Константиновною и ея пасынкомъ Иваномъ Чарнышемъ. 1735 г., 4 іюня.

Я нижеименованная, зъ сынами моими нижеименованными жъ, даю сію мою доброволную росписку пасинку моему пану Ивану Чарнишу въ томъ, что я въ позосталихъ матки его, а мужа моего первой жени, такожъ въ оставшихся мужа моего, а его отца движимихъ и недвижимихъ имѣніяхъ, поговоря между собою, полюбовно помѣрились и подѣлились нижей слѣдуючимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленними и жалованними, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ болшій дворъ съ прочіими дворами имѣючимися, уступила я ему пасинку моему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нинѣ отъ Гречанихъ, которій споръ долженъ онъ, пасинокъ мой, самъ очищать, а ежелибъ какимъ нибудь случаемъ оное село Борки по спору зъ Гречаними не оправдилось и отъ него пасинка моего взято имѣло быть, то тогда взять ему, пасинку моему, и дѣтямъ его въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ ровную часть зъ братами его, а моими синами, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадяцкомъ полку имѣющихся Гадяцкихъ грунтовъ, ибо оніе Гадяцкіе грунты имѣютъ быть при ему, пасинку, и дѣтяхъ его противъ оставленнихъ на мою часть зъ синами въ Лубенскомъ, Стародубовскомъ и другихъ полкахъ. А противъ того приняла я собѣ зъ синами моими въ Нѣжинскомъ полку село Митченки, со всѣми къ нему принадлежащими и купленними и жалованними, и съ тѣми, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ ґрунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій въ вѣчное жъ владѣніе, а движимое приданное и данное зъ дому Захаревского, что имѣлось у мене и дѣтей моихъ, все безъ остатку, ему, пасинку моему, отдала, движимое же имѣніе мужа моего Ивана Чарниша, бывшого судіи енералного, алмазніе вещи, денги и протчое, что надлежитъ до женска полу, тое я удержала при себѣ

зъ дѣтми моими, на часть мою и для видачи дочерей, а зъ движимого надлежащого до мужска полу мужнего имѣнія, платя, часовъ, ружья и конского убору и протчего всего равную часть ему, пасинку моему зъ братами его, а моими сынами, я уступила и все безъ остатку принадлежащое на часть его ему пасинку моему отдала, и зъ сребраной, оловяной и мѣдной посуди равную часть со мною и зъ синами моими и зъ дочерми онъ, пасинокъ мой, безъ остатку приналъ. Сторони же долговъ, какъ внѣ имѣется Кропоткиново исканіе о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредь которіе покажутъся на мужа моего, то оніе долги, если по указу и по суду доведетъся платить, якъ сини мои, такъ и онъ, пасинокъ мой, равномѣрно платить равную часть должны безъ всякого между собою спору. А о ґрунтахъ, которіе зъ насъ кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очищать и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякіе крѣпости на тѣ ґрунта, кому чимъ въ сей раздѣлки, показанно владѣть, между собою разобрали, владѣть. Объ отнятихъ маетностяхъ, которіе по жалованной грамотѣ достались были мужу моему во владѣніе, онъ, пасинокъ мой, зъ синами моими таковую между собою полюбовную постановили раздѣлку: ему, пасинку моему, съ отнятихъ маетностей искать и старатъся объ Сарахъ и Круткахъ своимъ собственнимъ трудомъ и коштомъ, и буде получитъ, то ему и наслѣдію безраздѣлно обоима оними селами съ принадлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а синамъ моимъ доискиватся другихъ отнятыхъ же маетностей, а именно: Сватковъ и Цѣпковъ своимъ собственнымъ коштомъ и буде получатъ, то имъ синамъ моимъ оними владѣть вѣчно жъ со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи; жалованная грамота на маетности хотя по силѣ полюбовного нашего договору остается при мнѣ и синахъ моихъ, однако жъ я копію за рукою моею и синовъ моихъ дать должна ему, пасинку моему, съ такимъ обовязателствомъ, что когда пасинокъ мой и дѣти его востребуютъ подлиной, то я, и по мнѣ сини мои должни будутъ оную подлинную по первой присылки безъ всякой отговорки дать подъ опасеніемъ за неприсилку штрафа. А онъ, пасинокъ мой, и по немъ дѣти его должны за оною грамотою писать ко мнѣ, а по мнѣ, до синовъ моихъ и присылать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаніемъ того именно, что ему въ дачи оной грамоти можно вѣрить и тотъ би въ пріемѣ оной росписовался, которую онъ, пасинокъ мой, и дѣти его знову должны возвратно ко мнѣ присылать и до синовъ моихъ, а я, и по мнѣ сини мои, въ полученіи оной

росписку дать присланному повинни. И впредь намъ, мнѣ, дѣтямъ моимъ, такожъ пасинку моему и дѣтямъ его вишеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватись вѣчно безъ всякого спору и намъ на него ни въ чемъ вишеписанномъ ни въ которого суда нинѣ ни впредь ни бить челомъ.

Въ подлѣнной подписанно тако: Къ сей полюбовной раздѣлочной росписѣ вомѣсто Евдокіи Константиновой дочери, Ивана Чарниша жени, по ея прошенію бунчуковій товаришъ Михайло Скоропадскій руку приложилъ. Къ полюбовной раздѣлочной росписѣ Иванъ Чарнишъ руку приложилъ. Къ сей полюбовной роздѣлочной росписѣ Семенъ Чарнишъ за себе и за брата своего родного малолѣтного Якова Чарниша руку приложилъ. Къ сей полюбовной раздѣлкѣ я генералній подскарбій Андрей Марковичъ свѣдителемъ былъ и руку приложилъ. *Засимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе, что актъ сей по просьбѣ бунч. тов. Ивана Чарныша въ книги мѣскія Глуховскія вписанъ, 1736 г., 6 сентября, при чемъ засвидѣтельствованіе подписами: Даміанъ Туранскій, атаманъ Глуховскій. Значк. полку Нѣжинского товаришъ и правящій за войта ратуши Глуховской Романъ Яновичъ. Бурмистръ Глуховскій Матвѣй Дмитріевъ. Сотенній Глуховскій писарь Василь Жураховскій. (Съ копіи).*

4. Подписка бунч. товарища Ивина Чарныша, выданная мачихѣ своей о миролюбномъ окончаніи споровъ за наслѣдство генер. судьи Ивана Чарныша и первой его жены Елены Гречановны. 1735 г., 4 іюня.

1735 г. іюня 4 дня. Я нижеименованный даю сію мою доброволную росписку мачихи моей панеи Евдоки Костянтиновой дочери Івановой Чарнишевой, вдовствующей судиной енералной, тако жъ синамъ ея, а моимъ братамъ Ивану, Семену и Якову Чарнишамъ да дочерямъ ея, а моимъ сестрамъ, Анастасіи, Аннѣ и Еленѣ, въ томъ, что я въ позосталыхъ матки моей, таковожъ въ оставшихся отца моего Івана Чарныша, бывшого суди енералного, движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, поговора межъ собою полюбовно съ нею, мачихою моею, братями и сестрами моими, помирились и подѣлились нижеслѣдуючимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленными и жалованными, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ Гадячи болшимъ дворомъ и протчими дворами имѣючимися, принялъ я во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нынѣ отъ Гречаныхъ,

который споръ я долженъ самъ очищать, а ежели бы какимъ нибудь случаемъ оное село Борки, по спору зъ Гречаными неоправдилось и отъ мене взято имѣло быть, то тогда взять мнѣ и дѣтямъ моимъ въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ равную часть зъ братами моими, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадацкомъ полку имѣючихся грунтовъ, ибо оные Гадяцкіе грунта имѣютъ быть при мнѣ и дѣтяхъ моихъ противъ оставленныхъ на часть ея мачихи моей и братовъ моихъ въ Лубенскомъ и Стародубовскомъ и другихъ полкахъ имѣючихся грунтовъ, а противъ того приняла она, мачиха моя, зъ сынами своими, а моими братами, себѣ въ Нѣжинскомъ полку село Митченки со всѣми къ нему принадлежащими, купленными и жалованными и съ тими, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ грунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій, въ вѣчное жъ владѣніе. А движимое приданное и данное зъ дому Захаревскаго [1]) что имѣлось у ея, мачихи моей, и въ дѣтей ея, тое все мнѣ она, мачиха моя, отдала. Движимое же имѣніе отца моего Івана Чарныша, алмазныя вещи, денги и протчее что надлежитъ до женска полу, тое она, мачиха моя, удержала при себѣ зъ дочерми своими, а сестрали моими, на часть свою и для выдачи дочери, а изъ движимого надлежащаго до мужска полу отца моего имѣнія, а именно: платя, часовъ, ружья и конского убору и протчего всего равную часть мнѣ изъ сынами ея, а моими братями она, мачиха моя уступила и все принадлежащее на часть мою мнѣ безъ остатку отдала, а изъ сребряной, оловяной и мѣдной посуды равную часть съ нею мачихою моею, зъ братями и зъ сестрами моими я безъ остатку принялъ. Стороны же долговъ, какъ нинѣ имѣется Кропоткиново искание о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредъ которые покажутца на отца моего, то оные долги, ежели по указу и по суду доведется платить, якъ браты мои, а ея мачихи моей сыны равномѣрно платить равную часть со мною должны, безъ всякого между собою спору, а о грунтахъ, которые зъ насъ кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очистки и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякие крѣпости на тѣ грунты, кому чимъ въ сей раздѣлки показано владѣть, между собою розобрали. Объ отнятыхъ маетностяхъ, которые по жалованной грамотѣ достались были отцу моему во владѣніе я и вышепомянутые братя мои таковую полюбовную между собою постановили роздѣлку:

[1]) Мать бунч. тов. Чарныша Елена Степановна Гречаная была родною племянницею Харьковскаго полковника Федора Захаржевскаго.

мнѣ зъ отнятыхъ маетностей искать и старатся объ Сарахъ и Круткахъ, моимъ собственнымъ трудомъ и коштомъ, и буде получу, то мнѣ и наслѣдию моему безраздѣлно обоима оними селами съ принадлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а имъ братамъ моимъ доискиватся другихъ отнятыхъ же маетностей, а именно: Сватковъ и Цѣпковъ, своимъ собственнымъ коштомъ и буде получатъ, то имъ братамъ моимъ владѣть оными жъ вѣчно со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи. Жалованная грамота на маетности, хочай по силѣ полюбовного нашего договору и остается при ней мачихѣ моей и сынахъ ея, однакожъ она, мачиха моя, за руками своею и сыновъ своихъ, копію дать мнѣ должна съ такимъ обовязателствомъ, что когда я и по мнѣ дѣти мои возтребуютъ подлинной, то она мачиха моя и по ней сыны ея, а мои браты должны будутъ оную подлинную отдавать по первой присылкѣ безъ всякой отговорки, подъ опасениемъ за неприсылку штрафа, а я и по мнѣ дѣти мои должны за оною грамотою писать къ ней мачихе моей и по ней до сыновъ ея и присылать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаниемъ его и того именно, что оному человѣку въ дачи той грамоты можно вѣрить и тотъ бы въ пріемѣ оной расписывался, которую грамоту я и по мнѣ дѣти мои знову должны возвратно къ ней, мачихѣ моей, и къ сынамъ еи присылать, и она и по ней сыны ея въ полученіи оной росписку дать присланному повинны. И впредь намъ, мнѣ и дѣтямъ моимъ, такожъ ея мачихѣ моей и дѣтямъ ея вышеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватися вѣчно безъ всякого спору и мнѣ на еи мачиху мою, а еи на мене, ни въ чомъ вышесказанномъ ни въ которого суда нинѣ и впредь не бить челомъ. Къ сей полюбовной роздѣлочной росписѣ бунчуковый товаришъ Іванъ Чарнышъ руку приложилъ. При семъ раздѣлочномъ писмѣ секундъ маэоръ Іванъ Семеновъ сынъ Неплюевъ свидетель былъ и руку приложилъ. Объ уплатки долговъ, что здѣсь написано со мною значитъ тое, якъ брати мои всякъ отъ себе по части, такъ и я отъ себе равную часть долженъ платить Іванъ Чарнышъ. По прошенію бунчукового товарища Івана Чарныша на полюбовномъ обополной сторони писменномъ ихъ опредѣленію во свѣдителство Іванъ Холодовичъ, сотникъ Воронѣжской, своеручно подписался. *(Съ подлинника).*

5 Вѣновая запись бунч. товарища Якова Чарныша женѣ своей Марфѣ Шираевнѣ. 1755 г., 25 февраля.

Року 1745, февраля 25-го дня. Я ниже подписанній обявляю симъ моимъ записомъ, кому вѣдать подлежатиметъ, что женившись

въ 1744-мъ году на сестрѣ бунчукового товарища Федора Шрая Марфѣ Стефановой дочѣри, дѣвицѣ, взялъ за нею доволній посагъ въ клейнотахъ, золотѣ, сребрѣ, готовихъ денгахъ, сукняхъ, платьи бѣломъ и въ протчемъ, на что все зъ яснимъ показаніемъ, что именно взято и зъ надлежащою, по силѣ правъ малороссійскихъ, денгамъ, золоту, сребру, жемчугу и другимъ клейнотамъ оцѣнкою совито, то есть у двое, а сукнямъ, платю бѣлому, лошадямъ и протчому безъ совитости, далъ я реченному брату жени моей надлежащій записъ, которого посагу всего по исщисленію вишло на три тисячи восѣмсотъ сѣмъ рублей сорокъ копѣекъ. Напротивъ же того жени моей посагу, записать ей, по силѣ тѣхъ же правъ малороссійскихъ, вѣна на третей части недвижимого имѣнія моего не успѣлъ, затимъ что по смерти матки моей, которая недавно умре, не возмоглъ еще тогда усмотрѣть совершенно всего своего недвижимого имѣнія, съ которого нѣкоторое опустѣло, и увѣдать можетъ ли третая часть оного моего имѣнія противъ посагу помянутой жени моей стоять и для того тотъ записъ и на урядѣ сознать не возмоглъ. Нинѣ же разсмотра совершенно всѣ свои недвижиміе имѣнія, то есть маетности, мелници, хутори, поля пахотніе и сѣнокосніе, лѣси и протчіе всякіе угодія и смякая цѣну ихъ, чего стоять могутъ и уразумѣвши третую часть тихъ имѣній быть доволную противъ означенного жени моей посагу, съ тихъ имѣній, владѣемихъ мною раздѣлно зъ братомъ моимъ роднимъ по отцу бунчуковимъ товарищемъ Іваномъ Чарнишемъ, третую часть, а именно: слободу Подоловъ, въ сотнѣ Кролевецкой обрѣтаючуюся, на купленнихъ матки моей ґрунтахъ поселенную, зъ полемъ пахотнимъ и сѣнокоснимъ, зъ мелницами, гаями, лѣсами и зъ пасѣкою, и со всѣми надлежащими угодями, утвержденную височайшою жалованною грамотою, да въ городѣ Кролевцѣ комори и два двори зъ подсусѣдками, записую въ вѣно помянутой женѣ моей Марфѣ Стефановой дочерѣ и утверждаю еи въ вѣчное владѣніе, ценою въ 3807 рубл. 40 коп., въ какой суммѣ и посагъ оной жени моей состоитъ, какъ висше показано. Хотя же о помянутомъ посагу жени моей далъ уже я записъ предписанному жени моей брату Ѳедору Шраю, о чемъ вишше виражено, однаково понеже тотъ записъ еще на урадѣ за висшепоказаннимъ резономъ мною не сознанъ, для того и нинѣ тотъ же посагъ для лучшой впредъ твердости потверждаю и изясняю, что оній состоитъ въ слѣдующомъ: готовихъ денегъ четириста рублей, жемчугу болшого шесть шнуровъ, цѣна оному 150 рубл., жемчугу средного девять шнуровъ, цѣна оному 170

рубл., жемчугу малого одинадцять шнуровъ, цѣна оному 80 р., крестъ алмазній, цѣна оному 70 р., ланцужокъ ǵрошковій у сороку червонних, цѣна оному 108 р., перстенковъ алмазнихъ два, цѣна имъ 47 р., третій перстень шафѣровій, цѣна оному 34 р., серги алмазніе цѣна онимъ 13 р., другіе серги рубѣновіе, цѣна онимъ 15 р. Серебраной посуди: два пугари болшихъ, пивнихъ, зъ кришками, подносъ и дванадцять кубковъ медовихъ, цѣна онимъ 90 р., чарокъ водчанихъ восѣмнадцать, цѣна онимъ 27 р., ложокъ дванадцять, цѣна онимъ 26 р., итого клейнотамъ, золоту и сребру, полагаючи по силѣ правъ малороссійскихъ цѣну вдвое, виходитъ 2458 р. Сукнѣ, а именно: еденъ парчевій, сутій, локоть тринадцять, а локоть парчи по 8 р., пузументомъ широкимъ обложенній, цѣною у 10 р., подшитій хутромъ куничнимъ, ценою у 50 р., итого цѣна оному 154 р., другій кунтушъ парчевій, блакитній, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 12 р., подшитій хутромъ сибѣрковимъ, чорнимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу девятдесятъ сѣмъ рублей; третій кунтушъ парчевій, зеленій, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 80 р., итого цѣна оному кунтушу 157 р., четвертій кунтушъ парчевій, красній, локоть парчи по 2 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 10 р., подшитій хутромъ сѣбѣрковимъ бѣлимъ, цѣною у 16 р., итого цѣна оному кунтушу 52 р., пятій кунтушъ штофовій, красній, легкій, локоть по рублю, шырокою сѣткою обложеній, цѣною у 15 р., итого цѣна оному кунтушу 28 р., шестій кунтушъ штофовій, жолтій, легкій, локоть по рублю и по 20 коп., зъ карункою сребраною, цѣна 8 р., итого цѣна оному кунтушу 23 р. 60 к., семій кунтушъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, легкій, локоть по осми золотихъ зъ пузументомъ карунчастимъ, у 10 р., зъ лиштвами парчевими у 5 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р., 80 к.; осмій кунтушъ штофовій, зеленій, разноцвѣтній, легкій, локоть по семи золотихъ зъ пузументомъ золотимъ у 10 р., зъ лиштвами бархотними у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 30 р., 20 коп.; девятій кунтушъ штофовій, жолтій, разноцвѣтній, локоть по шесть золотихъ, зъ карункою нестрозолотою, цѣною 8 р., подшитій хутромъ сѣбирковимъ бѣлимъ, цѣною у 12 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р. 60 к.; десятій кунтушъ конавацовій, зеленій, локоть по 80 к., зъ карункою нестрозолотою, цѣною у 8 р., подшитій хуторомъ песковимъ, бѣлимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу 38 р., 40 к.; одинадцятій кунтушъ ǵранѣтуровій зеленій, локоть по 60 к.; подшитій хутромъ

рисѣмъ хрпбтовимъ, цѣною у 27 р. 80 к.; дванадцятій кунтушъ ꙃолевій, жолтій, легкій, локоть девять, а локоть по рублю, лиштви бархатніе цѣною у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 11 р. Сподници, а именно: первая, парчевая, бѣлая, локоть 12, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., другая, парчевая, блакитная, локоть по 2 р., зъ сѣткою сребраною, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., третая красная, штофовая, разноцвѣтная, локоть по рублю, зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., четвертая, табинова, зеленая, локоть шесть, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., пятая ꙃранѣтуровая, красная, локоть у 5 р., итого цѣна ей 12 р. 20 к. Шнуровки, а именно: первая, парчевая, сутая, зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 10 р., другая, парчевая, блакитная зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 8 р., третая, бархатная, красная зъ сѣткою сребраною, цѣна 4 р., четвертая, штофова, бѣла, зъ карункою нестрозолотою, цѣна 2 р., 50 к.; пятая, штофова, жолта, зъ сѣткою сребраною, цѣна 2 р., 50 к. Запаски, а именно: перва, парчевая, сутая, цѣна 25 р. 50 к., другая, парчевая, бѣла, цѣна 8 р. 50 к., третая, штофова, жолта, разноцвѣтна, цѣна 6 р. 40 к., четвертая, штофова, бѣла, разноцвѣтна, цѣна 8 р., пятая, штофова, красная, разноцвѣтная, цѣна 4 р., шестая, штофова, бѣла, разноцвѣтная, цѣна 6 р., семая, табинова, зелена, цѣна четири рубли. Запони, а именно: первая, штофова, красная, разноцвѣтная, локоть двадцять, а локоть по рублю, итого цѣна ей 20 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастая, локоть пятнадцять, а локоть по таляру, итого цѣна ей 9 р. Колдри, первая, штофова, красная, разноцвѣтная, локотъ четирнадцять, а локоть по рублю, итого цѣна ей 14 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастся, локоть девять, а локоть по таляру, итого цѣна 5 р. 40 к. Постѣль полутабинкова, блакитная, локоть двадцять, а локоть по рублю, сѣтка золота у 20 р., итого цѣна ей 40 р. Постелей бѣлихъ, зъ простирами, пять, а всякая по 5 р., итого цѣна имъ 25 р. Сорочокъ голанского и швабского полотна 60, зъ которихъ у двохъ рукава шитіе золотомъ, всякую кладучи за полтора рубля, цѣна имъ 90 р. Ручниковъ шитихъ заполоччу 15, кладучи всякій по рублю, цѣна имъ 15 р., ручниковъ московского полотна дванадцять, кладучи всякій по полтинѣ, цѣна имъ 6 р. Скатертей шленскихъ штука, а сервѣтокъ шленскихъ же двѣ штуки, цѣна имъ 20 р., скатертей простихъ 10; всякая по рублю, итого цѣна имъ 10 р., сервѣтокъ простихъ 60, всякая по гривнѣ, итого цѣна имъ 6 р. Шапка куничпа, вершокъ

бархатній, цѣна ей 6 р., вершокъ шитій золотомъ, цѣна оному 6 р., шапка легка, бархатна, зъ вершкомъ нарчевимъ, цѣна ей 3 р. Карета новая, цѣна ей 50 р. Цуgъ лошадей, цѣна имъ 100 р., цугъ шоръ зъ лѣнцями и кантарами, цѣна имъ 30 р. Итого всего безъ совитости кладучи 1349 р. 40 к. А всей суммы виходитъ 3807 р. 40 к. Зъ движимого же моего имѣнія записую ей же, женѣ моей, вѣчно какіе у мене имѣются клейноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки, крестики, сребранную посуду, сукнѣ, хутра дорогіе, оловяніе и мѣдніе посуди, все безъ остатка, зъ доброй моей волѣ, понеже и права малороссійскіе записивать движиміе вещи женѣ, такъ какъ кому посторонному, позволяютъ. Во утвержденіе же сего моего запису, оній рукою моею подписую и печать прилагаю. Яковъ Чарнишъ собственною своею рукою подписался и печать свою приложилъ.

Въ сему запису по прошенію бунч. тов. Якова Чарниша, полковникъ Переяславскій Семенъ Сулима подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію Якова Чарниша, бунчукового товарища, обозный полковий Лубенскій Іванъ Кулябка подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію бунч. товар. Якова Чарниша полку Переясловского Золотоноскій сотникъ Костантъ Леонтовичъ подписался и печать приложилъ.

Засимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе (22 марта, 1745 г.). *сего акта въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи, со вписаніемъ его въ «книги мѣскіе Глуховскіе». Засвидѣтельствованіе подписали. «Іванъ Стожко, атаманъ Глуховскій, войтъ Глуховскій Борисъ Даниловъ, бурмистръ Глуховскій Тимофѣй Стефановъ, бурмистръ Глуховскій Яковъ Ивановъ». (Съ подлинника).*

6. Дополненіе къ вѣновой записи, выданной бунч. товарищемъ Яковомъ Чарнышемъ женѣ его Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г. 4 іюня.

Року 1745, мѣсяца іюля 4 дня. Я нижейподписавшійся во всякомъ судѣ и правѣ, комубъ того теперь и въ предъ будущое время вѣдать подлежало, обявляю симъ моимъ доброволнымъ записомъ въ томъ, что я сего году, въ прошломъ ѳевралѣ мѣсяци, женѣ своей Марѳѣ Степановой дочерѣ Шираевнѣ за унесенне еи въ домъ мой, которое я по реестру, съ показаніемъ всякой вещы цены, принялъ, и въ приемѣ далъ я отъ себе шваgру моему, а еи жены моей брату родному бунчуковому товаришу Ѳедору Шираю росписку, якъ въ денгахъ 400 рубляхъ, такъ доволныхъ разныхъ клейнотахъ, въ жем-

чугу, золотѣ, сребрѣ, цинѣ, мидѣ, сукняхъ парчовыхъ, материалнихъ, въ хутрахъ дорогихъ и другихъ убіорахъ, въ плати бѣломъ, въ поездѣ, въ лошадяхъ и въ протчемъ, какъ то въ прежнемъ сего данномъ записѣ одъ мене и въ помянутомъ реестрѣ именно показано, всего на 3807 р. 40 к., и чтобъ столко было противъ онаго посагу зъ недвижимихъ отческихъ и материнскихъ по раздѣлу зъ братомъ моимъ бунчуковимъ товаришемъ Іваномъ Чарнишемъ, мнѣ во владѣніе доставшихъся добръ, по правамъ малороссійскимъ, треттюю часть записалъ, которій мой записъ на урядѣ и записанъ, а именно слободу Подоловъ со всѣми при ней имѣючимися угодіи, зъ дворомъ жилимъ, подданними, съ купленними грунтами, гаями, зъ полемъ пахатиимъ со всѣмм околичностми, и зъ мелницами, которіе суть слѣдующіе: 1) греблю съ двома клѣтками о четирохъ колахъ, на рекѣ Ретѣ, въ 1717 году купленіе въ жителей и козаковъ Кролевецкихъ Тихона и Павла Дейнеченковъ, зъ двома гайками, ланомъ и нивою обрѣтаючимися, боръ, купленній отъ Івана Вакуленка и Павла Огіенка, при урочищи Мошкахъ, по великій Воронѣжскій шляхъ стоячій и протчіе грунта, хуторъ Менковскій зъ пасѣкою, зъ полями пахотними и сѣнокосними, зъ гаемъ и сѣножатми, близъ которого положенія еще хуторъ зъ полемъ пахатнимъ и сѣнокоснмъ зъ гаями, и лѣсами, прозиваемій Подолщицскій; 2) на той рекѣ Ретѣ мелница, прозиваемая Семенковская, о двохъ колахъ мучныхъ, со всякими угодіи, которою владѣла мать моя по отцевѣ своему Константию Голубу; 3) Дулевскіе мелници о четирохъ колахъ мучныхъ да пятомъ ступномъ, на рекѣ Ретѣ, купленніе у Михаила Василевича Дулѣ, обывателя Кролевецкого, въ 1668-мъ году; 4) мелница, прозиваемая Горишняя, о двохъ колахъ мучныхъ; 5) мелница въ ономъ же селѣ Подоловѣ, на рекѣ Свиднѣ, о двохъ колахъ мучныхъ, купленная у козака Кролевецкого Григорія Григоріевича Дейнеки и кромѣ оныхъ Корма-гай зъ лѣсомъ и зъ сѣнокосами, близъ Подолова стоящіе, да въ городѣ Кролевци коморъ пять и два двори съ подсусѣдками, а отъ кого что куплено, о томъ имѣются у мене разніе крѣпости, въ коихъ обстоятелно показано за вѣно помянутой женѣ моей Маров Степановой дочерѣ и утвердилъ ей въ вѣчное владѣніе, цѣною въ 3807 р. 40 к., въ какой суммѣ и посагъ оной жени моей состоитъ, какъ выше показано. Да сверхъ того, какіе, мене имѣются зъ движимого моего имѣнія клейноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки и крестики, сребряную посуду, суквѣ, хутра дорогіе, оловянніе и медніе посуди,

все безъ остатка записалъ реченной женѣ моей вѣчно, зъ доброй моей волѣ, по правамъ малороссійскимъ. А понеже нинѣ я извѣстился, что по челомъбитью бунчукового товарища Ѳедора Чуйкевича, а по рѣшенію суда войскового генералного зъ тѣхъ записанныхъ женѣ моеѣ Мареѣ Шираевнѣ недвижимыхъ добръ, мелницы прозиваеміе Дулевскіе отходятъ съ подъ владѣнія и тако противъ помянутого посагу записанная мною недвижимихъ добръ треттяя часть противъ означенной суммы за отшедшими мелницами виходить не будетъ, того ради въ награжденіе вишеписаннихъ отшедшихъ мелницъ оной женѣ моей Мареѣ Шираевнѣ, а въ дополненіе записанной предъ симъ треттой части моихъ недвижимихъ добръ, записую въ городѣ Батуринѣ, на рекѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповци, дворъ шинковный, въ мелницахъ на рекѣ Веровци, два кола мучныхъ, а треттое ступное, кромѣ отшедшого кола мучного съ подъ владѣнія моего, по челобитню попади Конотопской Мигалевской, а по рѣшенію суда войскового енералного и по конфѣрмаціи войсковой енералной канцеляріи, да въ сотнѣ Воронѣжской, Красній хуторъ, зъ мелницами сѣнокосами, зъ пущею и полемъ пахатнимъ, утверждаю ей въ вѣчное владѣніе и и сей мой запись, и прежный въ 1745-мъ году февраля 25-го данный, конфѣрмую зъ доброй своей волѣ, дабы во всякого суда таковіе отъ мене данніе записѣ были ненарушимы, яко оніе правамъ малороссійскимъ нѣ въ чемъ непротивны, и оная записанная женѣ моей Мареѣ Шираевнѣ съ недвижимихъ моихъ добръ треттяя часть, яко-то слобода Подоловъ со всѣми при ней имѣюшимися угодіи, зъ дворомъ жилымъ, подданними, съ купленними грунтами, зъ полями пахотними, зъ гаями и со всѣми околичностми и мелницами на рекѣ Ретѣ, купленными у Павла и Тихона Дейнеченковъ, тако жъ мелницами Семенковскою, Горишанскою, да на рекѣ Свиднѣ мелницею и въ городѣ Батуринѣ, на рѣкѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, дворъ шинковный, мелница на рекѣ Веровци, о двохъ колахъ мучнихъ, и треттее ступное, кромѣ отшедшого кола мучного, Корму-гай, хуторъ Менковщину, Подолщицкій, зъ пасѣкою, зъ пущами, зъ сѣнокосами, полями пахотнними, да въ сотнѣ Воронѣжской хуторъ Красный зъ мелницами и со всѣми угодіи и протчіе вишеписанніе всѣ пахатніе и сѣнокосніе и лѣсовіе угодіи, къ тому жъ движимое все мое имѣніе, какъ въ прежнемъ моемъ записѣ именно показано, за силу прежняго жъ и сего моего запису быть въ жены моей Мареы Шираевни въ вѣчномъ и безпо-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й

1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 Марта 1895 года.

Украинскій философъ Григорій Савичъ Сковорода[1]).

ГЛАВА 1-я.

Ученіе Сковороды, по основнымъ чертамъ своимъ, должно быть названо *идеалистическимъ*. Хотя самъ Сковорода и училъ, что Царствіе Божіе, которое онъ проповѣдывалъ, не трудно, но на дѣлѣ достичь его было, конечно, очень не легко; для этого человѣку нужно было по возможности отрѣшиться отъ житейскихъ интересовъ и поставить главною цѣлью своей жизни внутреннее усовершенствованіе. Но чѣмъ большихъ жертвъ требовало оно отъ человѣка съ житейской, практической точки зрѣнія, тѣмъ больше и давало ему самаго важнаго въ жизни—счастія. Высшее же счастіе состояло въ полной побѣдѣ духа, дававшей и полный душевный миръ. Но являлся вопросъ, возможно ли было осуществить въ жизни эти *самыя высшія* требованія нравственнаго идеала Сковороды; являлась необходимость живого личнаго примѣра, который бы доказалъ возможность осуществленія его на дѣлѣ. И эту миссію принялъ на себя самъ Сковорода. Такимъ образомъ, въ немъ мы видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей гармоніи между ученіемъ и жизнью; онъ жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. И это обстоятельство пріобрѣтаетъ особую важность, во 1-хъ, въ силу высокихъ требованій его нравственнаго идеала, а во 2-хъ, вслѣдствіе того, что Сковорода *сознательно, по принципу*, съ полнымъ убѣжденіемъ, избралъ себѣ свой путь жизни и шелъ по

[1]) См. „Кіев. Стар." 1895 г., № 2.

немъ до конца, до самой своей смерти, не сворачивая ни направо, ни налѣво, и даже умеръ такъ, какъ долженъ былъ умереть человѣкъ съ его взглядами на смерть. При своемъ широкомъ образованіи, умѣ, краснорѣчіи, онъ, какъ извѣстно, выбралъ себѣ самое низкое званіе—нищаго странника, но сдѣлалъ это не въ силу необходимости: наоборотъ, его таланты открывали ему возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней, особенно въ духовной іерархіи,—*а совершенно сознательно*, желая такимъ образомъ сохранить внутреннюю свободу и быть учителемъ всего народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. „Духъ его отдалялъ, говоритъ біографъ Ковалинскій, отъ всякихъ привязанностей и, дѣлая его пришельцемъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій природы, простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго" (1-е отд. стр. 5—6). Извѣстно, что много разъ Сковородѣ дѣлали весьма заманчивыя съ точки зрѣнія житейской предложенія: убѣждали его принять монашество, которое доставило бы ему вполнѣ обезпеченное положеніе, честь и славу; губернаторъ Щербининъ представлялъ ему на выборъ любое занятіе—но онъ опять отказался. „Милостивый Государь!—отвѣтилъ онъ ему—свѣтъ подобенъ театру; чтобы представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ, дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что я не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простого, безпечнаго, уединеннаго: я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ... Еслибы я почувствовалъ сегодня, что могу безъ робости рубить турковъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности есть удовольствіе" (1-е отд., стр. 22). Самъ Ковалинскій дѣлаетъ по этому поводу еще нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, указывая, что Сковородѣ пришлось выдер-

жать здѣсь нѣкоторую внутреннюю борьбу. „Лѣта, дарованія душевныя, склонности природныя, житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ, удалявшемся отъ начала своего, видѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву. Не тѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостяжанія, всѣ трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ любомудрію“ (1-е отд., стр. 6—7). И если мы припомнимъ ученіе Сковороды о счастіи, то увидимъ, что онъ шелъ по тому пути, который указывалъ другимъ, взявъ на себя роль какъ бы праведника и руководителя болѣе слабыхъ. Онъ не разъ при этомъ сознавался, что нашелъ на этомъ пути то, чего искалъ, т. е. счастіе, хотя многіе склонны были считать его жизнь преисполненной всяческихъ бѣдствій и страданій. „Признаюсь, друзи мои, предъ Богомъ и предъ вами, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ трактатовъ, что въ самую сію минуту, въ которую съ вами бесѣдую, брошу нынѣшнее мое счастье, хотя въ немъ состарѣлся, и стану послѣднѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что доселѣ находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ во сто разъ и веселѣе, и удачнѣе лѣпить одни глиняныя сковороды (намекъ на свою фамилію), нежели писать безъ натуры. Но доселѣ чувствую, что удерживаетъ меня въ семъ состояніи нетлѣнная рука Вѣчнаго. Лобызаю оную и ей послѣдую. Презираю всѣхъ постороннихъ совѣтниковъ безсовѣтіе. И если бы я ихъ слушалъ, давно бы сдѣлался врагомъ Господеви моему. А

нынѣ рабъ Его есмь“ (2-е отд., стр. 119—120). Нѣкоторые (въ родѣ губернатора Щербинина) пускали въ ходъ доброжелательные совѣты; другіе же прямо осуждали ту жизнь, какую велъ Сковорода (говорили, что онъ ничего не дѣлаетъ и т. п.). И вотъ для опроверженія ихъ онъ выступаетъ съ двумя письмами, гдѣ развиваетъ свою *теорію „недѣланія“*, состоящую въ безпрерывномъ умственномъ трудѣ и внутренней работѣ сердца. „Мнози глаголютъ, пишетъ онъ Ковалинскому, что ли дѣлаетъ въ жизни Сковорода? Чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся. Веселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Забава, (увеселеніе) римски oblectatio, еллински діатриба, словенски глумъ или глумленіе есть кориѳа и верхъ и цвѣтъ, и зерно человѣческія жизни. Она есть центръ каждыя жизни. Всѣ дѣла коеяжды жизни сюда текутъ, будто стебліе преобразуясь въ зерно. Суть нѣкіе безъ центра живущіи, будьто безъ гавани плывущіи. А я о растлѣнныхъ не бесѣдую. Своя коемуждо вѣдь забава мила. Азъ же поглумлюся въ заповѣдяхъ Вѣчнаго. Ты вѣси, яко люблю Его и яко онъ возлюбилъ мя есть. Речеши, како 10 заповѣдей довлѣютъ въ долголѣтнюю забаву! Тфу! Аще бы и сугубый Маѳусаиловъ вѣкъ, и тогда довлѣютъ. Ахъ! все омерзѣніемъ и во омерзѣніе исходитъ развѣ святыни. Ахъ! Не всуе Давидъ: *дивна* (де) *свидѣнія твоя*. Все предваряютъ, все печатлѣютъ, всякой кончины суть концомъ и останкомъ безъ мерзости. Вѣчная мати святыня кормитъ мою страсть. Я во вѣки буду съ нею, а она со мною. Вся бо преходятъ, любезная же любовь—ни! Кратко рещи, се есть діатриба и типикъ моей жизни. (2-е отд., стр. 46).

Въ письмѣ къ какому-то Артему Дорофеевичу Сковорода еще подробнѣе развиваетъ эту теорію (1779 г.). „Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ, пишетъ онъ: скажите мнѣ—что онъ тамъ (въ пустынѣ) дѣлаетъ?“ Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ Кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка, продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягать-

ся, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда?.. Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы самихъ себя, за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущеся. Похожи на щоголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Коликая жъ намъ отсюду тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ коліосъ, одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкорбутика или подагрика ноги или матрозскій алтына не стоющій козырекъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдная, точно такая, какъ паціэнтъ изъ лазарета. Такая душа если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей?.. Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ. О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и нощь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ паче всего. Далъ бы по одному блину и всему Израилю, если бы былъ Давидомъ, какъ пишется въ книгахъ царствъ, но и для себе скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустынѣ [1]". Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о внутренней работѣ сердца, о такомъ самопознаніи, какому училъ въ своихъ трактатахъ Сковорода. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ въ письмѣ къ Ковалинскому Сковорода пишетъ: „Не орю убо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что! *Всегда благословяще Господа, поемъ Воскресеніе его.* Далѣе объяснивъ, что Воскресеніе—это Библія, Сковорода продолжаетъ: „тамо и самъ я покоюся, наслаждаюся, веселюся. Пою съ Марономъ: Deus nobis haec otia fecit—Богъ нашъ сіе

[1]) Рук. бк—и Имп. Харьк. Университета.

празднество даровалъ... (2-е отд., стр. 193). Сковорода такъ стремился къ внутреннему созерцанію и самопознанію, до такой степени отвлекался отъ всего земного и погружался въ духовное, что приходилъ въ состояніе глубокой радости, когда начиналъ говорить объ избранномъ имъ пути жизни. „Бесѣда двое“ заканчивается такимъ именно сильнымъ лирическимъ заключеніемъ; это—радостная пѣснь души, страстно искавшей правды и нашедшей наконецъ высокую цѣль своего существованія. „Прощайте на вѣки дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены, съ вашими тлѣнными очами, съ вашею старѣющеюся младостью, съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашего рыданія исполненною гаванью. Пойте ваши пѣсни людямъ вашего рода! Не прикасается Израиль гергесеямъ. Свои ему поютъ пророки. Самъ Господь ему яко левъ возреветъ и яко вихрь духа возсвищетъ въ крылехъ своихъ и ужаснутся чади водъ... Радуйся кефо моя, Петре мой, гавань моя, гавань вѣры, любви и надежды! Вѣмъ тя, яко не плоть и кровь, но свыше рожденъ еси. Ты мнѣ отверзаеши врата во блаженное царство свѣтлыя страны. Пятьдесятое лѣто плаваю по морю сему и сего достигохъ ко пристанищу тихому въ землю святую, юже открылъ Господь Богъ мой. Радуйся градо-мати! Цѣлую тя, престоле любезныя страны, не имущія на путехъ своихъ бѣдности и сокрушенія, печали и воздыханія. Се тебѣ приношу благій даръ отъ твоихъ же вертоградовъ—кошницу гроздія и смоквей и орѣховъ, со хлѣбомъ Пасхи, въ свидѣтельство, яко путемъ праотцевъ моихъ внійдохъ въ обѣтованную землю“ (2-е отд., стр. 80).

Извѣстно, что Сковорода остановилъ свой выборъ на страннической жизни, совершенно свободной отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, только по оставленіи харьковскаго коллегіума въ 1766 году, когда и занялся составленіемъ своихъ философскихъ трудовъ, которые окончательно убѣдили его въ томъ, что онъ избралъ себѣ вѣрный путь. Тогда наступила полная гармонія слова и жизни. Но эта жизнь требовала подъема духа, ибо была постояннымъ, безпрерывнымъ *подвигомъ,* сама осуществляла ту борьбу плоти съ духомъ, о которой проповѣдывалъ Сковорода. Она приводила подъ часъ Сковороду въ со-

стояніе религіознаго экстаза, возбужденія; отсюда вытекали его сны и видѣнія. И тѣ, и другія имѣютъ чисто психологическое объясненіе; они свидѣтельствуютъ не о мистицизмѣ его (который можетъ быть разсудочнаго происхожденія и примиряться съ холодностью чувства), а съ искреннимъ, глубокимъ экстазомъ на религіозной почвѣ. Въ такомъ состояніи духа онъ создалъ между прочими и свою „Борьбу архистратига Михаила съ сатаною", гдѣ внутренняя борьба въ человѣкѣ двухъ теченій жизненнаго пути (спасительнаго и мірскаго) воплотилась въ образахъ и фигурахъ, имѣющихъ исключительно аллегорическое значеніе. И вотъ здѣсь то Сковорода изобразилъ и самого себя, какъ человѣка, избравшаго правый, истинный путь. Это путь душевнаго *мира,* которымъ, говоритъ здѣсь Рафаилъ, пошелъ и Варсава (такъ называлъ себя Григорій Саввичъ). „Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Симъ путемъ Енохъ, Илія, Аввакумъ и Филиппъ восхищены, не обрѣтошася въ мірѣ. Симъ путемъ вошелъ на гору Авраамъ вознести въ жертву Исаака и пріялъ отъ Бога печать вѣры. Симъ путемъ возшелъ на гору Фасга Моисей и упокоился. Симъ путемъ шествуетъ весь Израиль во обѣтованную землю. Симъ путемъ возшелъ въ Сіонъ Давидъ, насытился священныхъ хлѣбовъ, раздавъ и сущимъ съ нимъ по сковрадному блину. Симъ путемъ восходитъ въ горняя Маріамъ, цѣлуетъ Елисавету и ублажается. Симъ путемъ восходятъ на гору Галилейскую апостолы и видятъ свѣтъ Воскресенія. Сей есть путь субботный, разумный, мирный... Сей путь есть радостенъ, но пустъ, пустъ, но радостенъ и внѣ его нѣсть спасенія; пустъ же, яко людемъ избраннымъ точно отверстъ міръ мнитъ его быти пустымъ, сирѣчь, суетнымъ. Сіе есть клевета. Мнитъ же его паки быти горнимъ, сирѣчь, горькимъ. И сіе клевета. Гора значитъ превосходство, не трудъ и горесть. Горе глаголющимъ сладкое горькое и вопреки (2-е отд., стр. 202—203). Нѣсколько раньше мы находимъ изображеніе жизни и душевнаго состоянія этого путника—Варсавы, т. е. Сковороды. „Любезная моя братія! говоритъ архангелъ Гавріилъ ангеламъ. Отвратите отъ содомлянъ ангельскія очи ваши и призрите на грядущаго предъ вами странника сего на землѣ. Онъ шествуетъ

со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ; пришлецъ азъ есмь на землѣ... Воспѣвая обращаетъ очи то на десно, то налѣво, то на весь горизонтъ, почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленой, вкушаетъ пищу безприправную, но самъ онъ ей, какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно и тѣми же Божіими видѣніями во снѣ и внѣ сна наслаждается. Возстаетъ заутра свѣжъ и исполненъ надежды, воспѣвая Исаіевскую пѣснь: *взалчутъ юнѣйшіе и утрудятся юноты и избранныи не крѣпцы будутъ; терпящіи же Господа обновлятъ крѣпость, окрылатѣютъ, яко орлы, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ и не взалчутъ.* День его вѣкъ ему и есть яко тысяща лѣтъ и за тысящу лѣтъ нечестивыхъ не продастъ его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ человѣку, жезлъ его есть Господь страстей и вожделѣній его и радости его никтоже возьметъ отъ его. Досталъ онъ сей миръ, не яко же міръ доставать обыче. Онъ возлюбилъ путь и славу Божію. Сей есть истинный миръ и животъ вѣчный, а вѣсть его благовѣстіе. *Да слышитъ земля глаголы устъ моихъ!* Сей странникъ бродитъ ногами по землѣ; сердце же его съ нами обращается на небесѣхъ и наслаждается. *Праведныхъ души въ руцѣ Божіей*, у безумныхъ почитаются погибшими и заблудшими; *оны же суть въ мирѣ.* Хотя тѣлесныя наличности досаждая безпокоятъ, но сей уронъ со излишкомъ награждаетъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено и воцарившійся Господь въ нихъ во вѣки. Не слышите ли, что сей пѣшеходецъ поетъ? Какъ не слышать, воскликнули архангелы. Онъ руками машетъ и поетъ пѣснь сію; *на пути свидѣній твоихъ насладихся, яко во всякомъ богатствѣ.* Онъ единъ намъ есть милѣйшій *позоръ* паче всѣхъ содомлянъ. Мы же его познали. Сей есть другъ нашъ: Даніилъ Варсава" (2-е отд., 200—201). Здѣсь мы находимъ чрезвычайно важное признаніе Сковороды о томъ, какое счастіе доставлялъ ему сознательно избранный имъ путь матеріальныхъ лишеній, бѣдности, простоты, странничества.

О томъ, какъ произошелъ въ немъ этотъ внутренній переломъ, этотъ окончательный и безповоротный выходъ на новую

дорогу, самъ Сковорода разсказывалъ своему ученику и другу Ковалинскому такъ: избѣжавши моровой язвы въ Кіевѣ и поселившись послѣ этого въ ахтырскомъ монастырѣ, имѣя разженныя мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, вставъ рано пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я въ сердцѣ моемъ, была нѣкая развязность, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутрь себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя моя возгорѣлась огнемъ и, казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкіимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ исчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонію во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе Духу Божію". Ковалинскій отъ себя прибавляетъ, что до этого момента сердце Сковороды почитало Бога, аки рабъ; съ этихъ же поръ возлюбило его, аки другъ (1-е отд., стр. 28). Здѣсь, въ этомъ признаніи, мы имѣемъ исторію душевнаго переворота въ Сковородѣ, причемъ точно указывается и моментъ событія (дѣло происходило въ 1770 г.), и ближайшій поводъ къ нему (перстъ Божій, спасшій его отъ кіевской чумы). По прошествіи 24 лѣтъ (въ годъ своей смерти въ 1794 г.) Сковорода передавалъ этотъ разсказъ Ковалинскому съ особеннымъ чувствомъ, давая понять, какъ близокъ къ намъ Богъ, какъ Онъ заботится о насъ, хранитъ насъ, подобно тому какъ кокотъ своихъ птенцовъ, собравъ ихъ подъ свои крылья, если только мы не удаляемся отъ него во мрачныя желанія нашей растлѣнной воли. Ковалинскій, съ своей стороны, въ объясненіе этого явленія, вспоминаетъ разсказы Ксенофонта и Пла-

тона о геніѣ Сократовомъ, т. е. внутреннемъ тайномъ, необъяснимомъ побужденіи, которому онъ слѣдовалъ. Сковорода также вѣрилъ въ такого генія или Минерву. Онъ пріучалъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизъясняемаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди чувствуя втайнѣ и послѣдуя движенію его ублажаются, не повинуясь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ притчахъ къ сему святилищу внутреннія силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего прорицалища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко судіи, въ непокорливыхъ, яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ Св. Писаніе: нетлѣнный Духъ Твой есть во всѣхъ... Онъ утверждалъ, что Сей былъ тотъ самый геній, которому послѣдуя во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго". (1-е отд., стр. 16—17). Ковалинскій къ этому прибавляетъ, что Геній—это разумная внутренняя сила человѣка; другіе подразумѣваютъ подъ нимъ изощренное чувствованіе добра и зла. У Сковороды это было соединеніе того и другого. Создавъ своимъ разумомъ себѣ міровоззрѣніе, Сковорода окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ, обратилъ его въ религію, которою весь проникся и которую сдѣлалъ единственною цѣлью своей жизни. На ней сосредоточились всѣ его душевныя силы—воображеніе, мысль, чувство и воля. И такъ какъ все это было направлено къ внутреннему самопознанію, къ отысканію внутри себя Верховной Силы, съ волей которой онъ хотѣлъ совершенно слить свою собственную, то естественно, что онъ, подобно Сократу, пріобрѣлъ привычку постоянно прислушиваться къ голосу своей совѣсти, особенно въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ самомъ происходила борьба побужденій, стремленій и желаній. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій разсказъ о Сократѣ, когда его осудили на

смерть и друзья совѣтовали, чтобы онъ написалъ оправдательную рѣчь, онъ отвѣтилъ: „я нѣсколько разъ принимался ее писать, но Геній всегда мнѣ въ томъ препятствовалъ. Можетъ быть угодно Богу, чтобы я умеръ нынѣ легкою смертью, пока не прійду въ многоболѣзненную и немощную старость“ (1-е отд., стр. 28).

Жизнь Сковороды представляетъ, можно сказать, идеальное соотвѣтствіе съ требованіями его ученія безъ малѣйшихъ отступленій отъ него даже въ самыхъ незначительныхъ неважныхъ подробностяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сдѣлаемъ систематическія сопоставленія его ученія и жизни. *Общій смыслъ жизни* Сковороды, какъ это мы только что видѣли, вполнѣ сходится съ сущностью его ученія. Тоже самое нужно сказать относительно отдѣльныхъ сторонъ его міросозерцанія. Намъ извѣстно уже, что онъ отвелъ Библіи первое мѣсто среди источниковъ познанія. И въ жизни онъ также не разставался съ этою книгой никогда, зналъ ее изумительно (и при томъ въ подлинникѣ); она была для него главнѣйшимъ основнымъ источникомъ, предметомъ постояннаго изученія и размышленія; онъ вникалъ во всѣ тонкости ея текста, толковалъ ихъ и заявлялъ, что въ самомъ простомъ на видъ ея изреченіи скрывается часто глубокій смыслъ. „Библія, говоритъ онъ, есть нашъ верховнѣйшій другъ и ближній, приводя насъ къ тому, что есть единое дражайшее и любезнѣйшее. Она есть для насъ предками нашими оставленный завѣтъ, хранящій сокровище Боговидѣнія. Боговидѣніе, вѣра, страхъ Божій, премудрость есть одно и тоже. Все это истинная премудрость“. „Простите, други мои, говоритъ Сковорода въ своемъ трактатѣ о душевномъ мирѣ, чрезмѣрной моей склонности къ сей книгѣ (т. е. Библіи). Признаю мою горячую страсть. Правда, что изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и маніе влечетъ меня къ нравоучительнымъ книгамъ и я ихъ паче всѣхъ люблю; они врачуютъ и веселятъ мое сердце, а Библію началъ читать около 30 лѣтъ рожденія моего, но сія прекраснѣйшая для меня книга надъ всѣми моими полюбовницами (т. е. другими любимыми книгами) верхъ одержала, утоливъ мою долговременную алчбу и жажду хлѣбомъ и

водою, сладшайшей меда и сота Божіей правды и истины, и чувствую особливую мою къ ней природу. Убѣгалъ, убѣгаю и убѣжалъ, за предводительствомъ Господа моего, всѣхъ житейскихъ препятствій и плотскихъ вожделѣній, дабы могъ спокойно наслаждатись въ пречистыхъ объятіяхъ краснѣйшей паче всѣхъ дщерей человѣческихъ Сей Божіей дщери. Она мнѣ изъ непорочныхъ ложеснъ своихъ родила того чуднаго Адама, кой, какъ учитъ Павелъ, *созданный по Бозѣ, въ правдѣ и преподобіи истины*, и о коемъ Исайя говоритъ: *родъ же его кто исповѣсть?* Никогда не могу надивиться пророческой премудрости. Самые праздные въ ней тонкости для меня кажутся очень важными. Такъ всегда думаетъ влюбившійся. Премногіе никакого вкуса не находятъ въ сихъ словахъ—*Веніаминъ волкъ хищникъ: рано ястъ еще и на вечеръ даетъ пищу*; *очи твои на исполненіяхъ водъ*—а мнѣ они несказанную въ сердце вливаютъ сладость и веселіе, чѣмъ чаще ихъ отрыгая жваніе жую. Чѣмъ было глубочае и безлюднѣе уединеніе мое, тѣмъ счастливѣе мое сожительство съ сею возлюбленною въ женахъ, и симъ Господнимъ жребіемъ я доволенъ. Родился мнѣ мужескъ полъ, совершенный и истинный человѣкъ, умираю не безчаденъ. И въ семъ человѣкѣ похвалюся, дерзая съ Павломъ: *не всуе текохъ*. Се то тотъ Господенъ человѣкъ, о коемъ писано: *не отемнѣютъ очи его*" (2-е отд., стр. 110—111). И дѣйствительно, занятія Библіей были для Скороводы умственной работой всей его жизни; къ ней направлялось все его философское любомудріе; она въ тоже самое время была для него и единственнымъ источникомъ познанія, ибо это послѣднее онъ отождествлялъ съ Богопознаніемъ, она была и цѣлью, и средствомъ познанія, она была сама истина, которую человѣкъ долженъ въ ней познавать посредствомъ разума и вѣры.

Выше мы познакомились съ ученіемъ Сковороды о счастіи а указавъ, какой жизненный путь онъ сознательно выбралъ себѣ самъ, могли убѣдиться, что и тутъ было полнѣйшее соотвѣтствіе: Сковорода основалъ *свое* счастіе на внутреннемъ самопознаніи, на своемъ душевномъ мирѣ; и тутъ на немъ самомъ оправдалась (по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени) справедливость

его теоріи, которая съ перваго взгляда кажется только афоризмомъ (что истинное счастіе не трудно, ибо оно нужно всякому). Говоримъ „оправдалось", потому что онъ несъ бремя жизни легко, никогда не отступая въ сторону отъ своего пути, и не только не жаловался на свою судьбу, но, наоборотъ, постоянно до глубокой старости и смерти былъ доволенъ и счастливъ, живя съ сознаніемъ, что избранный имъ путь былъ для него единственно правильный. Это былъ путь бѣдности и всяческихъ матеріальныхъ лишеній. Сковорода проповѣдывалъ необходимость освобожденія отъ тѣхъ путъ, которыя всецѣло захватываютъ человѣка и дѣлаютъ его рабомъ своимъ (богатство, почести, знатность рода), и самъ буквально все это примѣнилъ къ себѣ: его не соблазнили ни перспектива виднаго общественнаго положенія, ни даже тѣ обычныя удобства житейской обстановки, которыя могутъ быть оправданы какою угодно системою нравственности, между тѣмъ отказъ отъ нихъ очень труденъ и даетъ себя безпрерывно чувствовать. Всякій человѣкъ имѣетъ право на свой домашній уголъ, на семью, на необходимыя средства для своего пропитанія. Сковорода, нисколько не возставая противъ всего этого, самъ добровольно отказался отъ нихъ, чтобы лучше сохранить необходимую свободу духа и дѣятельности. Такимъ образомъ, и здѣсь онъ шелъ не обычнымъ путемъ, а путемъ тяжелого, съ нашей точки зрѣнія, подвига. Отставъ отъ учительской должности въ Переяславѣ, онъ скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно переносилъ недостатки, „имѣя тогда только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотовый кафтанъ, одни башмаки, одни черные гарусные чулки" (1-е отд. стр. 4). Получивъ мѣсто учителя въ харьковскомъ коллегіумѣ (въ 1759 г.), Сковорода „одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ, состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ воздержанъ,

цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести" (Ib. стр. 10-я). Въ этихъ словахъ ученика Сковороды Ковалинскаго онъ выступаетъ передъ нами, какъ живой. Здѣсь всякая фраза, всякое слово рисуетъ намъ или образъ жизни его, или нравственную физіономію, или характеръ. Въ своемъ образѣ жизни онъ не былъ аскетомъ; его вегетаріанство (употребляемъ современный терминъ) не было ни результатами суевѣрія, ни внѣшнимъ флагомъ его ученія; онъ относился къ этому дѣлу просто, здраво, разумно, безъ фанатизма: „не ѣлъ рыбы и мяса по внутреннему расположенію", говоритъ Ковалинскій, и этимъ сказано все; т. е. самъ не чувствовалъ къ нимъ вкуса, но не считалъ ихъ вредными для всѣхъ, какъ это проповѣдуютъ современные вегетаріанцы. Еще вступая въ должность учителя харьковскаго коллегіума, онъ не захотѣлъ брать причитающагося ему жалованья, полагая, что удовольствіе, которое онъ находитъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду; сдѣлавшись же странникомъ, онъ окончательно отказался отъ денегъ, и такимъ безсребренникомъ оставался до конца дней своихъ. Когда въ 1794 г. ученикъ и другъ его Ковалинскій, у котораго онъ гостилъ нѣкоторое время, провожалъ его въ Украйну и хотѣлъ дать ему на дорогу денегъ (а предстоялъ ему, 74 лѣтнему больному старцу, не малый путь изъ Орловской губерніи въ Харьковскую [1]), Сковорода рѣшительно отказался. „Напутствуя его

[1]) Обыкновенно Григорій Саввичъ ходилъ пѣшкомъ; но тутъ путь былъ слишкомъ великъ—и онъ поѣхалъ, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ себя нездоровымъ. О его страсти къ пѣшему хожденію свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ. Въ одно время по большой дорогѣ возвращался изъ Воронежа помѣщикъ Тевяшовъ (пріятель Григорія Саввича, у котораго тотъ подолгу проживалъ) въ свое имѣніе въ каретѣ и видитъ по дорогѣ пѣшеходца, въ которомъ, къ удовольствію своему, узнаетъ Григорія Саввича, идущаго съ своей вѣчной котомкой и палкой, къ нему въ

всѣмъ потребнымъ, разсказываетъ Ковалинскій, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря: „возьмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться, то нужно будетъ заплатить"... „Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ. Неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное во благовременность?" Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ. (1-е отд., стр. 38). Но и здѣсь опять таки не было отрицанія общественной необходимости денегъ, какъ видно изъ объясненія самого Сковороды (на которомъ мы остановимся далѣе при разборѣ обвиненій его въ Манихейской ереси); онъ только примѣнялъ это требованіе къ себѣ, потому что выбралъ роль бѣдняка голыша нищаго. Но подобно тому, какъ Сковорода не былъ проповѣдникомъ аскетизма, такъ и въ своей личной жизни онъ не былъ аскетомъ. Онъ, правда, ѣлъ умѣренно и по большей части простую крестьянскую пищу, но не изнурялъ себя голодомъ; онъ былъ противъ пьянства, какъ излишества, но, какъ въ письмѣ къ Тевяшову, хвалилъ древне-римскія пирушки, приправленныя мудрой бесѣдой, такъ и самъ не отказывался отъ нихъ, когда его приглашали къ себѣ добрые друзья и знакомые по случаю различныхъ радостныхъ событій своей жизни—именинъ, свадебъ и т. п. Мало того: тѣже близкіе къ нему люди постоянно доставляли ему подарки, выражая этимъ свое расположеніе къ

гости. Добрый помѣщикъ несказанно обрадовался этой встрѣчѣ и хотѣлъ усадить Сковороду съ собой въ карету, чтобъ ѣхать вмѣстѣ, но никакъ не могъ его въ томъ убѣдить. „Ни пане, не треба мени прывыкать къ сему, се—мое, а то—твое изжай соби зъ Богомъ, я ще може дожену тебе—онъ тамъ на горци". Между тѣмъ въ это время наступала грозная туча съ бурей, обѣщавшая проливной дождь, и дѣйствительно Сковорода догналъ Тевяшова и, къ удивленію послѣдняго, былъ весь сухъ, тогда какъ небыло по дорогѣ мѣста, гдѣбы укрыться отъ дождя. Какъ это ты, Григоріи Саввичъ, ухитрился укрыться отъ дождя, спросилъ его Тевяшовъ? Эге! Я жъ знявъ зъ себе жупанъ и черевыкы и шапку и все те въ суму заховавъ, а якъ перейшовъ дожжичокъ, я и надивъ все сухе и, якъ казавъ, догнавъ тебе; не дурно пословыця каже: *„швыдко поидешь, недалеко уидешъ"* (Григорій Саввичъ Сковорода. Біографическій очеркъ—въ Ворон. Литерат. Сборникѣ, изд. Н. Гардениньмъ. Подъ редакціей П. Малыхина; вып. I-й Вор. 1861 г., стр. 252—253).

нему; такъ, Ковалинскій и жена его посылали ему музыкальные инструменты, очки, книги и трубку (значитъ, Сковорода курилъ), сыръ, рыбу, платочки; харьковскій купецъ (бывшій потомъ городскимъ головою), Е. Е. Урюпинъ, принималъ его у себя въ домѣ, сдѣлалъ пиръ, а потомъ снабдилъ его на дорогу виномъ въ бочоночкѣ (другой бочоночекъ далъ ему Дубравинъ [1]); свящ. Іакова Правицкаго Григорій Саввичъ просилъ о присылкѣ ему Бабаевскаго (домашняго) пива, очковъ, зимнихъ сапогъ (котовъ) и, наконецъ, лимоновъ и ягоднаго соку; въ этомъ послѣднемъ онъ нуждался по случаю болѣзни (горячки), остатки которой мучили его въ это время [2]). Чистымъ источникомъ неизсякаемыхъ радостей была для Г. С. Сковороды природа, на лонѣ которой онъ проводилъ большую часть своего времени. Онъ не любилъ, какъ мы видѣли, городовъ и предпочиталъ имъ села, но и въ этихъ послѣднихъ выбиралъ „пустыни", т. е. самыя уединенныя мѣста—лѣса, сады, пасѣки и т. п. Вотъ стихотвореніе несомнѣнно автобіографическаго характера; въ немъ Сковорода изображаетъ собственную жизнь въ обычной деревенской обстановкѣ: „о селянскій, милій, любый мой покою, всякій печали лишенный! О источниковъ шумъ журчащихъ водою, о лѣсъ земный, прохлажденный, о шумящи кудри волосовъ древесныхъ, о на лукахъ зелень красна, о самота-мати ради душъ небесныхъ, о сумна тихость ужасна, гдѣ развѣ гласъ только птичое даетъ волѣ да сопѣлка пастухова, какъ вигонитъ овцы въ благовонне поле или въ домъ пригонитъ знова! О мой столикъ малій, ни скупъ ни излишній стравами (кушаньями) селскими набратій! Ни тѣ, чтобъ господскій раздражнить вкусъ пишній, кухарь присмачилъ (сдѣлалъ вкуснѣе) нанятій, но что синамъ зъ батькомъ, наспѣвшимъ зъ орання сама варитъ мати въ домѣ! О библіотеко ты моя избранна, о немногимъ книги чтомы"! (2-е отд., стр. 289—290). Практика *воспитанія* Сковороды находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его теоріей. Въ такомъ духѣ онъ воспитывалъ своего питомца Василія Томару и особенно Мих. Ковалинскаго,

---

[1]) Эти бочоночки подали потомъ поводъ къ превратнымъ толкованіямъ.

[2]) Письма Г. С. Сковороды къ свящ. Правицкому, стр. 13, 21, 10.

въ такомъ духѣ онъ велъ преподаваніе и въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. „Сковорода, поселившись у Тамары, началъ раньше воздѣлывать сердце воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіи легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвременно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію“ (1-е отд., стр. 4—5). Къ Ковалинскому онъ всецѣло примѣнилъ свою педагогическую теорію: заботился и объ его здоровьѣ[1]), обращалъ вниманіе на эстетическую сторону его развитія, но главное, дѣйствовалъ развивающимъ образомъ на его умъ и сердце. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Ковалинскій: „Григорій (Саввичъ) часто началъ посѣщать его и, по склонности молодого человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговору и нравоученію, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, какого желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа“ (1-е отд., стр. 12). Сковорода хотѣлъ сдѣлать изъ Ковалинскаго своего ученика и послѣдователя—и достигъ этого. Объ этомъ категорически свидѣтельствуютъ съ одной стороны самъ Ковалинскій, а съ другой—письма къ нему Сковороды, раскрывающія передъ нами во всѣхъ подробностяхъ этотъ процессъ нравственнаго перерожденія ученика подъ вліяніемъ учителя (на этомъ мы еще остановимся ниже). Ковалинскій былъ не только ученикомъ Сковороды по Харьковскому Коллегіуму, но и его интимнымъ питомцемъ, котораго онъ полюбилъ сразу, и эта любовь, съ теченіемъ времени, только усиливалась; другіе ученики Сковороды по Коллегіуму, конечно, стояли отъ него несравненно дальше, но и къ нимъ онъ примѣнялъ свою систему нравственнаго воспитанія, открывъ для нихъ курсъ христіанскаго добронравія, въ которомъ кратко изложилъ сущность своего христіанско-философскаго міросозерцанія. Наконецъ, тѣже идеи онъ проповѣдывалъ и впослѣдствіи, оставивъ педагоги-

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ писемъ его къ Ковалинскому; 1-е отд., стр. 76—78, ср. также 70.

ческую дѣятельность въ Коллегіумѣ и сдѣлавшись странствующимъ народнымъ учителемъ въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. И здѣсь онъ оставался наставникомъ, учителемъ съ тою только разницею, что наставлялъ не дѣтей, не юношей, а взрослыхъ. Характерною особенностью его педагогическихъ пріемовъ было то, что онъ не подлаживался подъ вкусы и привычки своихъ слушателей, а, наоборотъ, всѣмъ, всегда и вездѣ, прямо и открыто излагалъ свои мнѣнія, изобличалъ заблужденія и предразсудки. И понятно, почему швейцарцу Вернету такая прямая откровенность рѣзкая проповѣдь истины представлялась неудобной; по его мнѣнію, истина должна быть всегда прикрыта пріятною завѣсою.

Но Сковорода, со своимъ прямодушіемъ и чистосердечіемъ, былъ далекъ отъ всякой искусственности и фальши. Онъ говорилъ и дѣлалъ то, что думалъ и чувствовалъ. Такъ онъ поступалъ и въ самомъ святомъ дѣлѣ своей жизни—*религіи*. Здѣсь опять онъ жилъ такъ, какъ училъ. Въ ученіи своемъ онъ, какъ мы знаемъ, постоянно обращалъ вниманіе на внутреннюю сторону христіанства, указывалъ и здѣсь, какъ вездѣ, на превосходство духа надъ внѣшностью, обрядомъ, церемоніей. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова духовнымъ христіаниномъ, постоянно всѣмъ сердцемъ своимъ стремившимся къ Богу. „Въ лишеніяхъ своихъ, говоритъ Ковалинскій, призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи самопроизволенія духа, т. е. побужденій отъ себя происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ. Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности“ (1-е отд., стр. 11). Ночью онъ отдыхалъ отъ своихъ глубокихъ размышленій; легкій, тихій сонъ укрѣплялъ его силы, изнуренныя дневными подвигами. Полунощное время онъ всегда посвящалъ молитвѣ, которая протекала въ глубокомъ сосредоточеніи чувствъ и безмолвіи природы и потому сопровождалась богомысліемъ. Ковалинскій очень картин-

но рисуетъ внутреннюю борьбу, происходившую при этомъ въ Сковородѣ. „Тогда онъ, говоритъ К., собравъ всѣ чувства и помышленія въ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: возстаните лѣнивіи и всегда низу поникшіи ума моего помыслы! Возьмитеся и возвыситеся на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка—свѣтскимъ разумомъ, собственными бренности человѣческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее, возстать на престолѣ свободы ея и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездесущему, вся исполняющему и заставляю его облещись во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу match кознемъ лжемудрія. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятешася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако за полунощные часы провождалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою. Сей былъ образъ жизни его“. Таково было недѣланіе Сковороды. „Можно было жизнь Сковороды назвать жизнію“. Такимъ характеромъ отличалось пустынножительство, отшельничество, монашество Сковороды.

Но это была только одна половина его жизни, посвященная внутреннему самопознанію и созерцанію, непосредственному обращенію къ Богу. Другая была направлена къ общенію съ людьми и проповѣди имъ тогоже вѣчнаго духа, Бога, къ которому стремился онъ самъ. Тамъ Сковорода исполнялъ заповѣдь любви къ Богу, тутъ другую заповѣдь—любви къ ближнему. Этимъ чувствомъ руководился онъ, посѣщая больныхъ, обращая на путь правды и добра заблудившихся. Отшельникъ въ немъ соединялся съ проповѣдникомъ нравственности. Сосредоточившись исключительно на такомъ чисто духовномъ Бого-

познаній, возбудивъ всѣ свои чувства и помышленія къ служенію этому невидимому Духу, по себѣ только считая обряды формою, подъ которою должна скрывать ея внутренняя сила, Сковорода лично самъ не придерживался ихъ, и это потому что усвоилъ себѣ другой путь—прямого внутренняго непосредственнаго общенія съ Богомъ. Конечно, онъ не удовлетворялъ въ данномъ случаѣ требованіямъ обычной православной ортодоксальности. „Сковорода думалъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительны къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ или въ дѣлѣ. (1-е отд., стр. 13—14). Стараясь подъ буквальнымъ смысломъ вездѣ открыть высшій духовный, Сковорода вносилъ это аллегорическое толкованіе въ объясненіе таинствъ и разныхъ библейскихъ повѣствованій; съ этой точки зрѣнія онъ объяснялъ таинство евхаристіи, воскресеніе мертвыхъ, судъ Божій, адъ, рай. Вотъ какъ понималъ онъ воскресеніе и судъ Божій. Грядетъ часъ и *нынѣ есть,* егда мертвіи услышатъ гласъ сына Божія и слышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ часъ есть, то почто на утріе на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ Сына Божія? Нося уже въ себѣ огнь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго якоже слышитъ онъ сердце наше?“ (1-е отд., стр. 20). „Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы мѣру и число дѣла человѣческія и судъ Божій. Другъ мой! Величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огнь—тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои, возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели—тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огнь,—тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію:

се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него? Нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огнь и жупелъ, духъ будетъ, часть чаши ихъ“ (1-е отд., стр. 36—37). Аллегорическому толкованію Преображенія и Воскресенія Господня Сковорода посвятилъ двѣ проповѣди, которыя цѣликомъ вошли въ его „Потопъ зміинъ“. Злые духи, съ сатаною во главѣ,—это, по мнѣнію Сковороды, злыя, т. е. плотскія наши мысли, и онъ картинно изобразилъ борьбу въ человѣкѣ этихъ добрыхъ и злыхъ мыслей, ангельскаго и діавольскаго сердца въ своемъ произведеніи „Борьба архистратига Михаила съ сатаною“. Грѣхи—это наши страсти; чистосердечіе и спокойствіе—это добродѣтели. (2-е отд., стр. 192). Въ письмѣ къ нѣкоему Кириллу[1]) онъ говоритъ: все оставляю и оставилъ и въ теченіе всей своей жизни намѣренъ только стремиться къ тому, чтобы уразумѣть, что такое смерть Христова, что означаетъ воскресеніе, ибо никто не можетъ возстать со Христомъ, если раньше не умретъ съ нимъ. Намъ снится, что мы постигли высоту священнаго писанія, между тѣмъ, какъ мы не знаемъ, что такое крещеніе и причащеніе[2]), хотя эти таинства и считаются понятными для всякаго. Не слѣдуетъ искать Господа только въ храмѣ: онъ близъ насъ, съ нами, внутри насъ; Духъ святой внутри насъ, будучи стражемъ всего добраго и дурнаго; нѣтъ добраго человѣка, у котораго не было бы Бога въ сердцѣ.

Въ церковь Сковорода обыкновенно не ходилъ, но молился всякую ночь въ глубокомъ уединеніи, устремляя свои помыслы къ невидимому Богу. Это отрицаніе обрядовъ и таинствъ сближаетъ какъ бы Сковороду съ сектантами; но, на самомъ дѣлѣ онъ чувствовалъ глубокое внутреннее нерасположеніе ко всякому сектанству и при томъ даже въ его *идеѣ*, ибо оно ско-

---

[1]) 1-е отдѣленіе, стр. 54—55.

[2]) См. объ этомъ латинское стихотвореніе Сковороды, сущность котораго заключается въ слѣдующихъ стихахъ. „Frustra corpus edit, qui in corpore sistit edendo, qui nec ut ad mentem progrediatur edit,... sume mihi cum Carne Animum, Carissime, Christi et sic cum Domino Spiritus unus eris. (Ibidem. 79, 80); ср. также 58-е письмо, стр. 93.

вывало человѣка опредѣленными формами, противъ которыхъ онъ боролся всю свою жизнь. Въ этомъ отношеніи между нимъ и основателями русскаго раскола цѣлая пропасть. Тѣ готовы были душу свою положить за единую букву *азъ*, между тѣмъ какъ Сковорода доказывалъ, что познаніе Бога и правды доступно не только всѣмъ безъ различія христіанамъ, но и нѣкоторымъ лучшимъ представителямъ стараго классическаго язычества. У Сковороды вовсе не было религіозной нетерпимости, фанатизма и исключительности: наоборотъ онъ вооружался противъ нихъ чрезвычайно горячо и рѣзко въ своихъ сочиненіяхъ; онъ ихъ отождествлялъ съ суевѣріемъ и считалъ не менѣе вреднымъ явленіемъ, чѣмъ и безвѣріе. „Благочестивое сердце, по его словамъ, между высыпанными курганами буйнаго безбожія и между подлыми болотами рабострастнаго суевѣрія, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво, прямо течетъ на гору Божію". Секты, по его словамъ, происходятъ изъ суевѣрій. „Изъ суевѣрій, говоритъ онъ, родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи пр." (2-е отд., стр. 252—253). Сковорода, можно сказать, не отрицалъ таинствъ и обрядовъ въ ихъ сущности, а только старался найти въ нихъ высшій смыслъ и значеніе, понималъ ихъ духовно, аллегорически, т. е. относился къ нимъ такъ, какъ и къ Библіи вообще. Это не было, такимъ образомъ, настоящее принципіальное отрицаніе или разореніе закона, а только пополненіе его. Такъ онъ самъ смотрѣлъ на это дѣло. „Многіе, говорилъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клевещутъ, якобы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдую въ оной духовный разумъ, чувствую Богописанный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю, ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и священное писаніе безъ вѣры; вѣра же есть невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то симъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слова сей исторіи есть духъ воина, дѣла его... Но историческіе хрис-

тіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человѣки, духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ" (1-е отд., стр. 34, 36). Правда лично для себя онъ не считалъ необходимымъ внѣшнихъ формъ Богопочитанія; но это потому, что онъ всецѣло предался, посвятилъ себя внутреннему непосредственному общенію съ Божествомъ, что, конечно, было доступно только такимъ исключительно релизіознымъ людямъ, какимъ былъ онъ. Но и въ этомъ *личномъ* отрицаніи обрядности была огромная разница между Сковородой и сектантами: онъ не увлекался духомъ отрицанія и не дѣлалъ изъ него *сущности* своей религіозной системы или даже знамени его, какъ это мы видимъ у многихъ изъ нихъ. И тутъ онъ оставался въ высокой степени послѣдовательнымъ: еслибы отрицаніе обрядности онъ возвелъ въ своего рода культъ, онъ бы этимъ самимъ придалъ ей такое важное значеніе, какого она отнюдь не имѣла въ его глазахъ, онъ бы сталъ въ противорѣчіе съ основами своего міросозерцанія. Но онъ этого не сдѣлалъ и остался вѣренъ себѣ и въ данномъ случаѣ также точно, какъ былъ послѣдователенъ въ отношеніи къ вегетаріанству. Прекрасной иллюстраціей къ этому могутъ послужить три случая изъ его жизни, которые отнюдь не являются доказательствомъ его непослѣдовательности или слабости характера, а наоборотъ ярко рисуютъ его высоко нравственную личность и свидѣтельствуютъ о полномъ отсутствіи въ немъ религіознаго фанатизма, исключительности. „Нѣкогда, разсказываетъ Баталинъ, Григорій Саввичъ Сковорода жилъ въ Острогожскѣ. Въ это время прибылъ туда преосвященный Тихонъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, Г. С. всячески избѣгалъ случая встрѣтиться съ нимъ; но преосвященный непремѣнно желалъ видѣть этого необыкновеннаго человѣка и упросилъ хозяина дома, гдѣ жилъ малороссійскій философъ, доставить ему случай къ этому. Случай вскорѣ и представился, не смотря на все нежеланіе Г. С. Сковороды. Послѣ обычныхъ привѣтствій завязался разговоръ. Между прочимъ преосвященный спросилъ у Г. С., до чего онъ болѣе охотникъ. „До пчелъ", отвѣчалъ тотъ. За этимъ, разумѣется, пошли разсказы о пчелиномъ государствѣ, о примѣрномъ благоустройствѣ этихъ насѣкомыхъ

и пр. Незамѣтно собесѣдники коснулись и религіи. „Почему вы не ходите никогда въ церковь“?, спросилъ преосвященный у Г. С. „Если вамъ угодно, я завтра же пойду“, отвѣчалъ философъ—и дѣйствительно, на другой же день сдержалъ свое слово. Преосвященный никакъ не могъ надивиться такой противоположности между сочиненіями и поступками знаменитаго любомудра Малороссіи [1])“ А секретъ заключается въ томъ, что такого противорѣчія и не было: оно явилось результатомъ слабаго, поверхностнаго знакомства съ трудами и воззрѣніями нашего украинскаго мудреца. Сковорода, не впадая въ противорѣчіе съ собою, могъ, дѣйствительно, явиться въ церковь, на зовъ архипастыря, хотя обыкновенно предпочиталъ молиться въ полномъ и глубокомъ уединеніи. Другой случай передаетъ извѣстный К. С. Аксаковъ. „Однажды въ церкви въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ: „со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“, Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошолъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося (вѣроятно, Сковорода не исповѣдывался у него), спросилъ его: „Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить, не приготовавшись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству? „Знаю и готовъ!“, отвѣчалъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ, пріобщилъ его охотно [2])“. Третій случай относится уже къ къ послѣднимъ часамъ его жизни, когда онъ проживалъ у своего друга помѣщика Анд. Ковалевскаго. Этотъ послѣдній, „видя его крайнее изнеможеніе, предложилъ ему нѣкоторые обряды для приуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостолъ (посланіе къ Римл., гл. 3-я, стр. 28), почитая обряды обрѣзанія ненужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрядствующимъ. Но, *представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался.*“ (1-е отд. стр. 39). Ка-

---

[1]) Москвитянинъ, 1849, № 24, стр. 68.

[2]) Украинская старина, стр. 68.

кое глубокое пониманіе заповѣди любви! Какая чуткость и уваженіе къ убѣжденіямъ ближнихъ! Какая терпимость! Сковорода не боялся смерти, былъ готовъ къ ней и умеръ, какъ подобало умереть истинному философу, всю свою жизнь проповѣдывавшему безсмертіе. Онъ часто бесѣдовалъ о смерти со своимъ ученикомъ и другомъ М. И. Ковалинскимъ. „Страхъ смерти, говорилъ онъ ему, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями—они суть не дѣйствительны—но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ волѣ Творца. Такой душевный миръ пріуготовляется издали, тихо въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ сдѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего къ кругу, занимаемому нами. Сіе чувстіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ, преходитъ образъ міра сего и, яко соніе возстающаго, уничтожается"... Жизнь наша, продолжалъ онъ далѣе, это сонъ мыслящей силы нашей. „Прійдетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи временности сей исчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится". (1-е отд., стр. 36). И если принять во вниманіе тотъ внутренній душевный миръ, который давно уже создалъ себѣ Сковорода, если присоединить къ нему сознаніе сдѣланнаго имъ добра и глубокое убѣжденіе въ безсмертіи человѣческаго духа, то для насъ станетъ вполнѣ яснымъ, почему онъ не только безбоязненно, а даже съ радостію уходилъ изъ этого временнаго жилища въ предѣлы вѣчности. Вотъ описаніе его смерти. „Въ деревнѣ (Панъ-Ивановнѣ) у помѣщика А. Ковалевскаго небольшая „кимнатка" окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую. Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду

было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило, послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую, длинную могилу. „Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?"—сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. „Пора, другъ, кончить странствіе!"—отвѣтилъ Сковорода: и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! Пора успокоиться!"—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!" „Иду! Но я буду провить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила"... И пошли въ домъ. Сковорода не надолго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ „кимнатку", перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, положивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую „свитку", легъ, сложивши накрестъ руки. Долго его ждали къ ужину, Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его, но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый [1])". Ковалинскій прибавляетъ, что передъ кончиною онъ завѣщалъ похоронить себя на возвышенномъ мѣстѣ близь рощи и написать слѣдующую эпитафію: „Міръ ловилъ меня, но не поймалъ".

Эта эпитафія дѣйствительно выражаетъ *смыслъ его жизни*, и онъ имѣлъ полное право выразиться о себѣ такимъ образомъ, не по тщеславію или самомнѣнію, а по глубокому сознанію въ истинѣ пройденнаго имъ жизненнаго пути, которымъ онъ шелъ прямо, ни разу не свернувъ въ сторону. Къ нему какъ нельзя болѣе подходитъ стихъ Кобзаря Украйны: „мы просто йшлы—

---

[1]) Утренняя звѣзда, 1833, стр. 89—91.

у насъ нема зерна неправды за собою". „Міръ меня ловилъ, но не поймалъ". Это не значитъ, чтобы Г. С. Сковорода считалъ себя какимъ-нибудь анахоретомъ, вполнѣ отрѣшившимся отъ жизни и ея интересовъ. Онъ и не былъ, и не считалъ себя такимъ отшельникомъ, такимъ *мертвымъ* членомъ общества. Наоборотъ и въ ученіи, и въ жизни онъ стремился къ *живой* общественной дѣятельности, понимая ее очень широко, вводя сюда и умственный прогрессъ, и нравственное усовершенствованіе. Онъ только не хотѣлъ быть *рабомъ* міра, или иначе, рабомъ господствовавшихъ въ немъ мнѣній (съ его точки зрѣнія ложныхъ), закоренѣлыхъ и вредныхъ для общаго блага предразсудковъ. Онъ хотѣлъ неприкосновенно сохранить яркую *индивидуальность* своего ума и жизни, провести ихъ благополучно среди безчисленнаго множества подводныхъ камней и мелей, которыми преисполненъ былъ „міръ", и ввести въ тихую гавань и пристанище внутренняго душевнаго нашего храма Божія. И это ему вполнѣ удалось. Яркимъ пламенемъ горѣлъ этотъ свѣтильникъ истины и добра въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, окружающей его тьмы суевѣрій, невѣжества, схоластики, лицемѣрія, ханжества. Приходилось ему держать нерѣдко фонарь для слѣпыхъ, быть звонаремъ для глухихъ; но это его не останавливало; его искреннее, откровенное слово раздавалось и въ послѣдніе годы жизни такъ же точно, какъ и въ началѣ его общественной дѣятельности; остались неизмѣнными даже вкусы и привычки, характеръ; онъ сохранилъ до конца дней своихъ простоту, добродушіе, любовь къ тихимъ назидательнымъ бесѣдамъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу. Сюжетомъ этихъ бесѣдъ являлся все тотъ же основной вопросъ—господство духа надъ плотью. Уѣзжая отъ Ковалинскаго и обнимая его въ послѣдній разъ, собираясь переселиться въ новый міръ Вѣчности, онъ обратился къ нему съ слѣдующимъ послѣднимъ напоминаніемъ: „можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время" (1-е отд., стр. 38). И Ковалинскій оставилъ намъ краткую, но чрезвычайно мѣткую характеристику

своего учителя въ сочиненной имъ эпитафіи. Здѣсь каждое слово имѣетъ глубокій смыслъ и оправдывается всею совокупностью извѣстныхъ намъ документальныхъ данныхъ о Сковородѣ. Вотъ эта превосходная эпитафія, свидѣтельствующая не только объ огромномъ уваженіи, правильнѣе, благоговѣніи Ковалинскаго къ Сковородѣ, но и о необыкновенно тонкомъ пониманіи его личности и характера.

„Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода".
„Ревнитель истины".

Да, это былъ постоянный искатель и смѣлый поборникъ правды, всю жизнь свою ловившій птицу—истину, видѣвшій въ этомъ смыслѣ своей жизни и чистый родникъ неизсякаемыхъ радостей бытія; это былъ правдолюбецъ, какъ въ ученіи, такъ и въ жизни не допускавшій и не знавшій никогда никакихъ компромиссовъ съ житейскими требованіями и правилами узко понятой морали. „*Духовный богочтецъ*"... Можно ли было короче и вмѣстѣ съ тѣмъ точнѣе выразить другую не менѣе характерную черту міросозерцанія Сковороды—его внутреннюю духовную религію, столь тѣсно связанную съ истинно философскимъ стремленіемъ къ истинѣ? „*И словомъ, и умомъ и жизнію мудрецъ*". Здѣсь ближайшимъ образомъ опредѣляется характеръ мудрости Сковороды и вмѣстѣ съ тѣмъ типичная особенность его какъ философа: слово у него не расходилась, а тѣсно сливалось съ мыслью, а жизнь вполнѣ соотвѣтствовала слову; онъ училъ такъ, какъ думалъ, и жилъ такъ, какъ училъ. „*Любитель простоты и отъ суетъ свободы*"... Болѣе всего онъ любилъ простоту въ жизни и ненавидилъ суету міра, который дѣлаетъ человѣка своимъ рабомъ; онъ стремился къ внутренней свободѣ и полной независимости духа, которая одна равно въ состояніи дать *всякому* человѣку счастіе. „*Безъ лести другъ прямой*"... Да, это былъ дѣйствительно не льстивый истинный другъ, цѣнившій дружбу, какъ одно изъ самыхъ высокихъ благъ

жизни; онъ предъявлялъ къ ней очень большія требованія, но и самъ въ полной мѣрѣ имъ удовлетворялъ, дружба замѣняла ему бездомному страннику личныя привязанности—родныхъ, жену, дѣтей; неудивительно, поэтому, что въ нее онъ вкладывалъ всѣ силы своего горячаго, преданнаго, открытаго, бьющагося любовью къ человѣчеству сердца. Сердечно любя и *уважая* своихъ друзей, онъ не только никогда не льстилъ ихъ слабостямъ, а, наоборотъ, всегда отмѣчалъ таковыя и не скрывалъ передъ ними своихъ задушевныхъ убѣжденій, хотя бы они были имъ непріятны и могли вызвать временное или даже полное охлажденіе; къ этому влекла его искренность и прямота его натуры, не выносившей никакой фальши и сдѣлокъ. „*Доволенъ всѣмъ всегда*"... Это довольство собой было результатомъ душевнаго мира, идею котораго проповѣдывалъ Сковорода и который царилъ въ его собственномъ сердцѣ; онъ слилъ свою волю съ волей Божіей и вслѣдствіе этого достигъ оптимистическаго, жизнерадостнаго настроенія, которое сопровождало его до самой смерти, съ которымъ онъ ушелъ и въ могилу, побѣдивъ въ себѣ страхъ этого неизбѣжнаго конца, бывшаго въ его глазахъ только давно желанною гаванью и покоемъ. „*Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы*"... Сковорода не былъ только начетчикомъ, какъ многіе изъ древне-русскихъ писателей; это былъ настоящій глубокомысленный ученый, достигшій научныхъ вершинъ, работавшій самостоятельно въ избранномъ имъ родѣ знаній и значительно подвинувшій рѣшеніе многихъ спеціальныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ широко образованный человѣкъ, воспитавшій свой умъ на классической литературѣ и философіи; природныя способности въ соединеніи съ духомъ научной пытливости и съ общимъ образованіемъ, которое онъ старался повернуть изъ его западно-европейскаго первоисточника, помогли ему создать цѣльное, свободное отъ противорѣчій міросозерцаніе, которое онъ проводилъ всю свою жизнь. Его ученіе было посвящено высшимъ вопросамъ духа и касалось съ одной стороны человѣка, а съ другой природы, этого большаго міра, который, по его мнѣнію. состоялъ изъ безчисленнаго множества другихъ меньшихъ міровъ. „*Достойный для*

сердецъ примѣръ Сковорода"... Жизнь Сковороды, стоявшая въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ, посвященная исключительно *дѣятельной* любви къ Богу и ближнему, является высокимъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Но особенно поучительна его общественная работа надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ; она дѣйствуетъ уже не на умъ, а на наше чувство; она не поражаетъ, не удивляетъ, а трогаетъ насъ, заставляетъ биться наше сердце горячимъ сочувствіемъ къ пылкому любвеобильному сердцу этого человѣка, котораго нѣкоторые, однако, называли мизантропомъ и пессимистомъ!

Д. Багалѣй.

Старинный проектъ заселенія Украины (1590 г.).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Памятникъ, предлагаемый вниманію читателей „Кіевской Старины“ въ переводѣ на современный русскій языкъ, представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ образцовъ польской публицистики по украинскимъ вопросамъ въ концѣ XVI-го вѣка[1]). Онъ принадлежитъ перу тогдашняго Кіевскаго бискупа Іосифа Верещинскаго, біографія котораго была уже изложена на страницахъ „Кіевской Старины“ (см. 1894 г., февраль, стр. 204—230). Брошюра in 4° изъ 2 ненумерованныхъ и 56 нумерованныхъ страницъ, въ видѣ которой появилось въ свѣтъ разсужденіе Верещинскаго, является въ настоящее время величайшею библіографическою рѣдкостью, такъ какъ всего только *одинъ экземпляръ* ея уцѣлѣлъ отъ разрушительнаго потока времени, хранящійся въ библіотекѣ графа Сигизмунда Чарнецкаго въ имѣніи его *Руско*, расположенномъ въ Плѣшевскомъ уѣздѣ Великаго Княжества Познанскаго въ Пруссіи. Переводъ сдѣланъ съ рукописной копіи, изготовленной для насъ по спеціальному заказу при помощи любезнаго посредничества профессора Варшавскаго университета Ѳ. Ф. Вержбовскаго, которому приносимъ за это самую искреннюю благодарность.

Литературный обликъ автора этой брошюры, бискупа Верещинскаго, до сихъ поръ очень мало выясненъ. Мы знаемъ

---

[1]) На значеніе этого памятника для малорусской исторіи первый указалъ П. А. Кулишъ въ своихъ Запискахъ о Южной Руси, т. II, 1857, стр. 340.

только, что литературная дѣятельность его имѣла два рѣзко разграниченныхъ между собою періода: проповѣдническій и публицистическій, соотвѣтственно съ тѣми условіями, въ которыхъ проходила его жизнь.

Въ бытность его ксендзомъ при соборномъ костелѣ въ г. Красноставѣ и членомъ совѣта мѣстнаго бискупа, и потомъ въ бытность аббатомъ Сѣцѣховскаго кляштора, его умъ былъ направленъ на изученіе священнаго писанія и богослуженія католической церкви, и онъ стремился передать свои познанія обыкновеннымъ мірянамъ въ формѣ проповѣдей. Какъ служитель церкви, онъ училъ своихъ духовныхъ дѣтей—презирать смерть и суету этого свѣта и готовиться къ переходу въ вѣчное и блаженное царство небесное, молиться за усопшихъ, чистосердечно каяться во грѣхахъ, не предаваться пьянству и обжорству, сохранять супружескую вѣрность; онъ пояснялъ имъ высокую важность мученій и крестной смерти Христа Спасителя, значеніе праздниковъ и праздничныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, смыслъ литургіи и таинствъ; наконецъ, онъ изложилъ въ формѣ проповѣдей полный комментарій ко всѣмъ двѣнадцати членамъ Символа Вѣры. Въ особомъ сочиненіи онъ обращался къ евреямъ и стремился доказать имъ, что они заблуждаются, ожидая Мессію, такъ какъ обѣщанный Мессія пришелъ уже въ міръ въ лицѣ Господа Іисуса Христа. Когда умеръ Стефанъ Баторій (въ Гроднѣ 2—12 декабря 1586 г.) и Польша готовилась къ избранію новаго короля, онъ убѣждалъ магнатовъ, шляхту и духовенство, оставивъ распри,—отнестись серьезно къ своимъ избирательнымъ обязанностямъ, а затѣмъ обратился съ поученіемъ къ будущему королю и въ пространномъ трактатѣ изложилъ весь кодексъ нравственныхъ правилъ, коимъ долженъ слѣдовать христіанскій государь[1]).

---

[1]) Мы имѣли въ виду при обзорѣ литературной дѣятельности Верещинскаго исключительно *печатные* труды его. Современникъ и другъ Верещинскаго Клёновичъ перечисляетъ еще цѣлый рядъ его трудовъ, также проповѣдническаго характера, которые не появились въ печати, а погибли при разграбленіи Фастовскаго дома Верещинскаго княземъ Ружинскимъ въ 1596 г. См. „Кіев. Стар". 1894 г., № 2, стр. 223 и 227.

Въ этихъ сочиненіяхъ мысль Верещинскаго не была свободной: она была связана самимъ предметомъ сочиненій—догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ церкви, которое онъ только излагалъ и разъяснялъ, преклоняясь какъ и подобаетъ не только лицу духовному, служителю алтаря, но и всякому доброму христіанину,—передъ его авторитетомъ. Вслѣдствіе этого онъ не былъ самостоятельнымъ и въ изложеніи проповѣдей, постоянно заимствуя слова и обороты изъ священнаго писанія, богослужебныхъ книгъ и отцовъ церкви. Кромѣ того, не выработавши въ себѣ умѣнія пользоваться всѣмъ богатствомъ польскаго языка для выраженія мысли, онъ подчинился вліянію одного изъ выдающихся предшественниковъ своихъ на литературномъ поприщѣ,—Николая Рея изъ Нагловицъ. Извѣстный изслѣдователь польской литературы г. Пташицкій въ своей брошюрѣ: „Mikołaj Rej z Nagłowic i Ks. Józef Wereszczyński. Ustęp z większéj całości". (Wilno 1880 г.)—подробно доказалъ, что въ сочиненіяхъ „Поведеніе христіанскаго короля", „О презрѣніи смерти" и „Вѣрный путь неумѣреннымъ пьяницамъ" Верещинскій не ограничился однимъ заимствованіемъ мыслей изъ сочиненія Рея „Поведеніе почтеннаго человѣка", но даже буквально переписалъ изъ него цѣлыя страницы.

Гораздо болѣе самостоятельнымъ является Верещинскій въ сочиненіяхъ публицистическихъ, гдѣ онъ обсуждаетъ современные ему вопросы государственной и общественной жизни и пытается найти для нихъ такія рѣшенія, которыя кажутся ему найболѣе соотвѣтствующими нуждамъ и пользамъ государства и общества въ данныхъ обстоятельствахъ. Публицистическихъ сочиненій Верещинскимъ напечатано было шесть. Вотъ ихъ точныя заглавія:

1) 1590 года. Droga pewna do prędszego y snádnieyszego osadzenia w Ruskich kráinách pustyń Krolewstwá Polskiego, jáko też względem drożnieyszey obrony wszystkiego ukráinnego położenia od nieprzyiacioł Krzyżą świętego. Pokazána Przez Księdzá Iozepha Wereszczynskiego z Wereszczyná, z łáski Bożey Nominatá Biskupstwá Kiiowskiego, á Opátá Sieciechowskiego. W Krákowie. W

Drukárniey Andrzeiá Piotrkowczyká [1]). Имѣется только въ библіотекѣ графа Сигизмунда Чарнецкаго въ Руско.

2) 1592 года. Excytarz Xiędza Iozepha Wereszczynskiego z Wereszczyna, z Łaski Bożey Nominatá Biskupstwá Kijowskiego á Opátá Sieciechowskiego. Do podniesienia Woyny S. przeciwko Turkom i Tatarom, jáko głównym nieprzyiaćielom wszystkiego Chrześćijáństwá. Z Drukárni Andrzejá Piotrkowczyká [2]). Имѣется только въ Варшавской университетской библіотекѣ.

3) 1594 года. Pobudka Ná Jego Cesárską Miłość wszystkiego Chrześćijáństwá: Iáko też ná Iego K. M. Krołá Polskiego: Tudźież też ná Iásnie Oświeconego Kniáziá Wielkiego Moskiewskiego: do podnieśienia Woyny świętey spolną ręką przećiw Turkom y Tátárom. Trąbiona Przez X. Iozepha Wereszczynskiego, z Wereszczyna, z láski Bozey Biskupá Kijowskiego, á Opátá Sieciechowskiego. W Krákowie, Z Drukárni Andrzeiá Piotrkowczyká [3]). Имѣется въ библіотекахъ: графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ [4]), графа Замойскаго въ Курникѣ близь Познани и Института Оссолинскихъ во Львовѣ.

4) Того-же 1594 года. Publika Xiędza Iozephá Wereszczyńskiego z Wereszczyná, z łáski Bożey Biskupá Kiiowskiego, á Opátá Siećiechowskiego: Ich M. Rzeczyposp: ná Seymiki przez list obiáśniona, ták z strony fundowánia Szkoły Rycerskiey synom Koronnym ná Ukráinie, iáko też Krzyżakow według Reguły Málteńskiey, w sąśiedztwie z Pogány y z Moskwą na wszystkim Zadnieprzu, dla snádnieyszego ochronienia Koronnego, od niebeśpieczeństwá wszelákiego. W Krákowie, Z Drukárni Andrzeiá Piotrkowczyká [5]). Имѣется въ библіотекахъ: въ Петербургской публичной, графа Еммерика Гутенъ-Чапскаго въ Станковѣ Минской губ., графовъ Замойскихъ въ Варшавѣ, въ Краковской университетской, графа Замойскаго въ Курникѣ близь Познани и института Оссолинскихъ во Львовѣ. Перепечатано Туровскимъ

---

1) См. Wierzbowski. Bibliographia Polonica. Vol. III, № 2879.

2) См. L. c. Vol. I, № 583.

3) См. L. c. Vol. II, № 1790.

4) Въ этомъ экземплярѣ не достаетъ двухъ послѣднихъ листовъ.

5) См. L. c. Vol. II, № 1791.

въ изданіи „Pisma polityczne ks. Iózefa Wereszczyńskiego". Kraków 1858

5) 1595 года. Sposób osady nowego Kijowa i ochrony niegdy stolice księstwa Kijowskiego od niebiezpieczeństwa wszelkiego bez nakładu I. K. M. i kosztu koronnego: Ich. M. panom posłom na sejmie Krakowskim przyszłym podany. Przez ks. Iózepha Wereszczyńskiego z Wereszczyna, z łaski Bożej biskupa Kijowskiego a opata Sieciechowskiego. Профессоръ Вержбовскій не нашелъ ни одного экземпляра этого сочиненія въ осмотрѣнныхъ имъ библіотекахъ. Неизвѣстно гдѣ дѣлся и тотъ экземпляръ, съ котораго перепечатывалъ его Туровскій въ своемъ изданіи. Переводъ этого сочиненія на русскій языкъ съ изданія Туровскаго напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ" 1894, № 3, мартъ, стр. 403—425.

6) Votum X. Iozepha Wereszczyńskiego, z łáski Bożey Biskupá Kijowskiego, á Opátá Siećiechowskiego, z strony podniesienia Woyny potężney przećiwko cesárzowi Tureckiemu bez ruszenia pospolitego: á iżby káżdy Gospodarz zostawszy w domu swoim, mogł beśpiecżnie záżywáć gospodárstwá swego. Ich M. Pánom Posłom ná seymie Wárszáwskim w roku 1597 ná pismie podáne. Drukowano w Nowym Wereszczynie [1]). Имѣется въ библіотекахъ: графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ, Общества любителей наукъ въ Познани, г. Павла Попеля въ Краковѣ и Института Оссолинскихъ во Львовѣ. Перепечатано Туровскимъ.

Позднѣйшіе издатели нѣкоторыхъ сочиненій Верещинскаго Головинскій и Туровскій, въ предисловіяхъ къ своимъ изданіямъ, при перечисленіи литературныхъ трудовъ Верещинскаго, приводятъ заглавія еще двухъ яко-бы изданныхъ Верещинскимъ брошюръ публицистическаго характера, а именно:

1) Pobudka z strony fundowania szkoły rycerskiéj na Ukrainie, jako też Krzyżaków na Zadnieprzu. Kraków, 1594.—и

2) Pobudka z strony podniesienia wojny potężnéj przeciw cesarzowi tureckiemu, bez ruszenia pospolitego, a iżby każdy gospodarz, zostawszy w domu, mógł zażywać bezpiecznie gospo-

---

[1]) См. l. c. Vol. II, № 1855.

darstwa swego. Posłom na sejmie Warszawskim podane. W Nowym Wereszczynie, 1598 [1]).

Въ біографіи Верещинскаго (Кіев. Стар. 1894 г., февраль, стр. 228) вслѣдъ за Головинскимъ и Туровскимъ и мы помѣстили эти брошюры въ списокъ сочиненій Верещинскаго (№№ 5 и 8); но послѣ тщательныхъ библіографическихъ изысканій проф. Вержбовскаго можно съ увѣренностью утверждать, что сочиненій съ такими заглавіями Верещинскій никогда не издавалъ. Туровскій, какъ кажется, просто переписывалъ въ этомъ случаѣ Головинскаго. Ошибку же Головинскаго можно объяснить такимъ образомъ: кромѣ полныхъ экземпляровъ изданныхъ Верещинскимъ брошюръ, онъ имѣлъ подъ руками экземпляры дефектные (безъ заглавныхъ листовъ) сочиненій *Publika* и *Votum*, которые онъ принялъ за особыя сочиненія, и примѣнительно къ ихъ содержанію далъ имъ приведенныя выше, видимо не точныя, заглавія. Ошибка Головинскаго подтверждается еще и тѣмъ, что о подобныхъ сочиненіяхъ умалчиваютъ и современный Верещинскому Клёновичъ (1545—1602), когда онъ перечисляетъ литературные труды Верещинскаго въ посвященіи ему переведеннаго на польскій языкъ устава св. Бенедикта (см. изд. Тур. стр. 180), и самъ Верещинскій, упоминающій въ послѣсловіи къ своему сочиненію *Votum* о всѣхъ ранѣе изданныхъ имъ публицистическихъ брошюрахъ (см. изд. Тур. стр. 74).

Всѣ публицистическія сочиненія Верещинскаго появились изъ-подъ его пера въ тотъ девятилѣтній періодъ времени (1589—1598 [2]), когда онъ въ качествѣ Кіевскаго католическаго бискупа переселился на Украину и долженъ былъ играть здѣсь роль не только высшаго представителя духовной власти католической церкви, но и государственнаго сановника, сенатора Рѣчи—

---

[1]) См. Kazania J. Wereszczyńskiego. Pet. i Moh. 1854, стр. XVIII, №№ 2 и 3, а также Pisma polityczne Wereszczyńskiego, Kr 1858, стр. XIV, №№ 11 и 14.

[2]) До сихъ поръ большинство историковъ польской литературы полагало, что Верещинскій умеръ 1 го февраля 1599 г. Теперь слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что если онъ и умеръ 1-го февраля, то не 1599 г., а 1598 г., такъ какъ въ декретѣ Люблинскаго трибунала отъ 17 іюля 1598 г. по дѣлу его съ Михайломъ Макаревичемъ—Иваншенчевичемъ онъ названъ уже покойнымъ (zeszły). См. Źródła dziejowe. Tom XXI., 1894, стр. 26.

Посполитой. Онъ смотрѣлъ крайне серьезно на свою публицистическую дѣятельность и видѣлъ въ ней не только способъ передать другимъ свои мнѣнія, но долгъ, возложенный на него его положеніемъ. Въ брошюрѣ „Способъ заселенія Новаго Кіева“ (Кіев. Стар. 1894, мартъ, стр. 403) онъ прямо говоритъ: „Имѣя въ виду свою присягу, которою я присягнулъ моему Государю совѣтовать и препираться при каждой бѣдѣ, угрожающей Рѣчи-Посполитой, и не желая быть клятвопреступникомъ, я счелъ нужнымъ и умѣстнымъ, *по обязанности сенатора*, сообщить вамъ о громадной опасности“... и проч.

Мнѣнія, высказанныя Верещинскимъ въ переведенной брошюрѣ, не пріобрѣли, какъ видно, сочувствія среди пословъ, собравшихся въ Варшаву сеймовать въ мартѣ 1590-го года [1]). Хотя на сеймѣ состоялись постановленія и относительно устройства „Низовцевъ и Украины“ (Porządek z strony Nizowcow y Ukrainy) [2]), и относительно колонизаціи украинскихъ „пустынь“ (Danina pustyń za Białą Cerkwią leżących [3]), но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ дѣлѣ Верещинскому не была предоставлена сеймомъ та дѣятельная роль, о которой онъ мечталъ въ своей брошюрѣ. Но нельзя сказать того-же самого о польскомъ обществѣ вообще: на него какъ эта первая, такъ и послѣдующія брошюры Верещинскаго—произвели извѣстное впечатлѣніе, какъ это видно, напримѣръ, изъ словъ неизвѣстнаго по имени шляхтича, писавшаго въ 1606 году. „Czytałem Kśiąszke Biskupa pogranicznego Kśiędza Wereszczyńskiego... Zaprawdę znaydźie tam jako w saydaku wiele rzeczy dobrych y R. P. pożytecznych...“ (Я читалъ книжки пограничнаго бискупа Верещинскаго... Правду сказать, въ нихъ, какъ въ колчанѣ, можно найти много вещей справедливыхъ и полезныхъ для Рѣчи—Посполитой [4])...).

Переводъ сдѣланъ нами возможно близко къ подлиннику и можетъ замѣнить послѣдній при изслѣдованіяхъ истори-

---

[1]) Сеймъ продолжался съ 7 марта по 21 апрѣля нов. ст. 1590 г.

[2]) См. Volumina Legum, изданіе Огрызки, СПБ. 1859, томъ II, стр. 310.

[3]) Тамъ-же, стр. 318.

[4]) См. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси. Москва, 1877, стр. 44—45.

ческихъ и литературныхъ; подлинникъ окажется необходимымъ только для изслѣдователя исторіи польскаго языка и слога.

Нѣкоторые необходимые комментаріи къ отдѣльнымъ мѣстамъ памятника изложены нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

А. С.

Вѣрная дорога къ болѣе быстрому и легкому заселенію пустынь въ русскихъ областяхъ Польскаго королевства, равно какъ къ болѣе разумной защитѣ всей украинской стороны отъ непріятелей святаго креста;

показана ксендзомъ Іосифомъ Верещинскимъ, по милости Господней нареченнымъ бискупомъ Кіевскимъ, аббатомъ Сѣцѣховскимъ. Въ Краковѣ, въ типографіи Андрея Піотроковчика, года Господня 1590.

Предисловіе автора къ книжкѣ, при прощаніи съ нею.

Иди же отъ меня, моя милая, очаровательная книжечка и весело привѣтствуй отъ моего имени каждаго брата. Передай ему благословеніе Господне, и моли, проси его, чтобы онъ не предавался чрезмѣрному сну. Видя, что сонливость и небрежность овладѣли имъ, Турокъ съ Татариномъ участили къ намъ. Это не сходитъ съ моего сердца и я проторилъ себѣ дорогу къ братьямъ, чтобы навѣстить ихъ и узнать о здоровьи, а за тѣмъ, чтобы пробудить ихъ отъ сонливости и небрежности. Можетъ быть, найдется кто-нибудь настолько осмотрительный, что поблагодаритъ меня за мой трудъ и за мое предостереженіе. Будешь ты, книжечка, очень счастлива и унаслѣдуешь безсмертную славу, если Рѣчь-Посполитая предастся заботѣ, между тѣмъ какъ другіе спятъ и небрежничаютъ. Иди-же спокойно, моя милая книжечка, и пусть трудъ твой не будетъ тяжелымъ. Пріобрѣтай мнѣ у братіи добрую славу и милость, а ей передай мою искреннюю и сердечную преданность. Да не смущаешься ты, если какой Зоилъ отнесется къ тебѣ съ презрѣніемъ.

Ихъ милостямъ сенаторамъ коронньмъ, рыцарству и всѣмъ сословіямъ Короны Польской и Литвы, а также всѣмъ областямъ русскимъ и инымъ, входящимъ въ составъ Короны, Іосифъ Верещинскій изъ Верещина, по милости Господней нареченный бискупъ Кіевскій и аббатъ Сѣцѣховскій, желаетъ всякаго добра.

Содержаніе[1]): *Какой свободой пользуются теперь Греки подъ турецкимъ владычествомъ вслѣдствіе дурныхъ порядковъ, у нихъ существовавшихъ? Перемиріе съ Турками всегда безплодно. Гнѣвъ Господень почти уже у порога. Вѣрный признакъ гнѣва Господня. Два обстоятельства, изъ-за которыхъ мы погибаемъ. Первая причина нашей погибели. Самый надежный соглядатай нашихъ порядковъ—это наши грѣхи и проступки. Вторая причина нашей погибели. Почему Украина*[2]) *съ давнихъ временъ уже опустошена? Русская земля—это житница другихъ странъ, какою былъ Египетъ. Поля тамъ превосходныя и урожайныя; скота, звѣрей, птицъ множество; меда—достаточно. Виноградъ и вино можно было-бы добывать въ изобиліи. Не малое число рыбныхъ рѣкъ, между которыми Днѣпръ—самая главная. Итальянскихъ*[3]) *орѣховъ безчисленное множество. Рыбныхъ озеръ—тьма. Украина—это какъ-бы обѣтованная земля. Украина имѣетъ свойство магнита: она каждаго притягиваетъ къ себѣ. Небрежность и сонливость наши по отношенію къ такому богатству, какъ Украина,—удивительны. Если-бы мы заселили пустыни, то это очень помогло-бы намъ улучшить защиту края. Что Украина нѣкогда изобиловала богатствами, видно лучше всего по*

---

[1]) Въ подлинникѣ краткія резюме содержанія напечатаны на поляхъ, но для удобства при печатаніи перевода въ журналѣ мы собрали ихъ здѣсь вмѣстѣ.

[2]) Верещинскій употребляетъ слово „*Ukrainá*" въ двухъ смыслахъ: широкомъ,—въ значеніи окраинной области, пограничья вообще; и въ тѣсномъ,—въ значеніи именно извѣстной области съ столичнымъ городомъ Кіевомъ во главѣ. Мы переводимъ это слово такъ или иначе, соображаясь со смысломъ его въ подлинникѣ. Въ *Volumina legum* (II, 310, изд. 1859 г.) для обозначенія пограничной области употребляется еще слово *ugranicze*.

[3]) Эти орѣхи и до сихъ поръ называются въ Малороссіи *волошскими*, между тѣмъ какъ *włoski* по-польски значитъ: итальянскій. Въ русскомъ литературномъ языкѣ имъ усвоили названіе *грецкихъ* орѣховъ.

опустѣлымъ церквамъ. Замки или, вѣрнѣе, городища—такъ крѣпки, что если-бы укрѣпить ихъ башнями, то они сдѣлались-бы неприступными. Вслѣдствіе неизмѣримыхъ богатствъ Украины мы должны обращать на нее вниманіе. Первый способъ къ болѣе легкому заселенію пустынь. Нигдѣ Его Королевское Величество не можетъ содержать своего двора съ большею выгодою, какъ на Украинѣ. Второй способъ къ заселенію пустынь. Какимъ способомъ слѣдуетъ заселить Низъ? Какое жалованье должны получать козаки или наемники[1]*? Въ какое время козаки или наемники должны будутъ заниматься военными упражненіями и подъ чьимъ руководствомъ? Жалованье козакамъ или наемникамъ должно идти изъ кварты или изъ русскихъ десятинъ. Самая надежная школа рыцарскихъ людей можетъ быть устроена на счетъ кварты и готовность ея къ войнѣ—самая быстрая. Какъ жалки люди, взятые въ плѣнъ, вслѣдствіе нашей небрежной обороны! Сколько дохода приноситъ кварта? Такъ какъ десятины по всей русской землѣ не идутъ на содержаніе церквей, то полезно было-бы обратить ихъ цѣликомъ на оборону Рѣчи—Посполитой и ввѣрить расходованіе ихъ въ руки Кіевскаго бискупа. Какую жалкую долю терпитъ русская Украина отъ жолнера или отъ козака! Если опредѣлить десятину на оборону, то какой опасности можно избѣгнуть. Нѣтъ такого могущества, которое не нуждалось-бы въ помощи Господней. Какъ бискупъ долженъ распоряжаться десятинами? Какимъ образомъ десятины должны быть доставляемы въ Кіевъ? Какимъ образомъ десятины могутъ быть отправляемы изъ Кіева на Пороги или въ войско? Что слѣдуетъ дѣлать съ остаткомъ отъ десятинъ? Пребываніе въ войскѣ Кіевскаго бискупа съ ксендзами и съ мудрыми проповѣдниками очень необходимо; бискупу также слѣдуетъ поручить распоряженіе какъ квартой, такъ и десятинами. Что дѣлать съ остаткомъ отъ десятинъ, если-бы таковой оказался по уплатѣ жалованья козакамъ или наемникамъ? Къ какому удовольствію и веселію можетъ повести своевременно внесенная*

---

[1]) Словомъ *наемникъ* мы переводимъ польское: *służebny*, которое именно обозначало воина, отдающаго свои услуги за деньги. Въ Конституціи сейма 1590 г. рядовой козакъ обозначается терминомъ *pachołek*.

десятина? Хотя казначейскія занятія несносны для бискупа, но не должны казаться тяжкими ради любви къ Рѣчи-Посполитой. Откуда Кіевскій бискупъ съ своими слугами и писарями долженъ получать содержаніе, если онъ будетъ казначеемъ? Какъ вредятъ намъ Армяне у чужихъ народовъ! Козаки или наемники, получая жалованье, не должны тратить его внѣ войска. Необходимо настроить амбаровъ для козаковъ или наемниковъ возможно больше и обильно снабдить ихъ всевозможными предметами необходимости. Какимъ образомъ можно легче всего снабдить амбары припасами? На какія деньги слѣдуетъ закупать припасы для амбаровъ? Какимъ образомъ казначеи должны продавать козакамъ или наемникамъ съѣстные припасы и другіе предметы необходимости, заготовленные въ амбарахъ? Причина этого. Почему козаки съ наемниками не должны обижаться этимъ? Саламаха, которую козаки считаютъ исключительнымъ лакомствомъ, это особенное кушанье Серба—это супъ, сваренный изъ костей. Примѣръ. Дѣйствительный патріотъ долженъ все переносить терпѣливо ради отечества. Любовь къ отечеству должна превосходить любовь ко всѣмъ другимъ вещамъ на землѣ. Средства къ возвышенію Рѣчи-Посполитой. Необходимо снабжать козаковъ или наемниковъ сукномъ. Откуда доставать сукно на козаковъ или на наемниковъ? Какой верхъ берутъ въ Польшѣ жиды? Насколько жиды враждебны христіанамъ, можно понять изъ ихъ Талмуда. Жиды три раза въ день проклинаютъ христіанъ и ихъ королей. Какой гетманъ долженъ начальствовать на Украйнѣ надъ войскомъ изъ козаковъ или наемниковъ? Откуда и какое содержаніе долженъ получать гетманъ? Откуда должены удовлетворяться жалованьемъ ротмистры или сотники и десятники? Какъ долго долженъ гетманъ стоять съ войскомъ лагеремъ на одномъ урочищѣ? Третій способъ того, какъ пустыни могутъ быть безъ затрудненія заселены. Здравый совѣтъ каждому шляхтичу, даже очень бѣдному, чтобы онъ не былъ причиною потери его потомствомъ не имъ заслуженнаго шляхетства. Бискупъ каждые два года долженъ отдавать отчетъ Сейму по своей кассѣ, какъ относительно ея приходовъ, такъ и расходовъ. Отъ кого онъ будетъ получать квитанціи? Какой сво-

бодой и достаткомъ будетъ пользоваться каждый изъ насъ съ благословенія Господня, если пустыни будутъ заселены. Если Господь поможетъ намъ заселить пустыни, то какимъ образомъ мы избѣгаемъ всякихъ злыхъ случайностей. Какъ мы неприлично зазнаемся, если только достигаемъ богатства или счастья! Какъ мы можемъ помочь себѣ, если захотимъ? Мы не можемъ сомнѣваться въ Промыслѣ Господнемъ.

Милостивые государи и братья! Размышляя исподоволь и внимательно присматриваясь къ приближающимся опасностямъ, которыя понемногу собираются надъ нашимъ отечествомъ и надъ милой Польской Короной; видя къ тому-же величайшую сонливость не только въ тѣхъ, что присягнули своему Государю и всей Рѣчи-Посполитой совѣтовать и препираться при каждой угрожающей Рѣчи-Посполитой бѣдѣ, но также и въ тѣхъ, что глубоко проникаютъ въ будущее и могли-бы дать благоразумный совѣтъ и указать путь къ болѣе легкому способу спасенія нашего отечества; боясь, чтобы и меня не зачислили въ число подобныхъ-же; не желая нарушить свою обязанность, но желая поддержать доброе мнѣніе обо мнѣ моего Государя, назначившаго меня съ соизволенія Господня на должность Кіевскаго бискупа;—я рѣшился своимъ сочиненіемъ пробудить Васъ отъ сна:—оно написано если не краснорѣчиво, если не витіевато, то за то искренне.

Вы читали, милостивые государи братья, о Греціи и ея благородныхъ королевскихъ домахъ, изъ которыхъ произошли всѣ эти славные герои, всѣ эти Гекторы, Геркулесы; посмотрите теперь, подъ какими правами сидятъ Греки, благодаря своимъ дурнымъ порядкамъ, какими свободами пользуются;—а такими, что добровольно должны подставлять свои головы подъ жестокую басурманскую саблю, какъ только имъ это прикажутъ. Нѣтъ у нихъ никакой защиты, никакого оружія, никакого собственнаго своего имущества; одинъ только поломанный ножъ могутъ они сберегать въ домѣ; и вотъ эти герои должны довольствоваться посохами. А у насъ ничего не видятъ впередъ, да утѣшаются ка-

кимъ-то ни къ чему не ведущимъ перемиріемъ съ Турками, которое они поддерживаютъ до поры до времени не изъ миролюбія, а изъ разсчета покончить сначала съ другими народами, противъ которыхъ они разставили сѣти.

Итакъ, милостивые государи братья, камни должны вопіять, если сыны Авраамовы молчатъ [1]). Почему вы спите и не думаете о грядущихъ неотвратимыхъ рѣшеніяхъ Господнихъ, которыя мгновенно васъ уничтожатъ, если вы не проснетесь и своевременно не опомнитесь? Господь давно обѣщалъ отдавать въ неволю народъ, сонный по отношенію къ самооборонѣ и небрежный въ общественныхъ дѣлахъ, такъ какъ поступать подобнымъ образомъ—гнусно и постыдно. Мѣста такихъ народовъ онъ обѣщалъ передавать другимъ народамъ [2]). Говоря по правдѣ, Господь и такъ долго ждетъ нашего пробужденія и сверхъ ожиданія долго покровительствуетъ намъ [3]).

Но кто захочетъ осмотрѣться, тотъ пойметъ, что гнѣвъ Его стоитъ почти-что у нашихъ воротъ, такъ какъ Онъ давно уже громко къ намъ взываетъ. Онъ говоритъ: „Если вы не будете подчиняться Моимъ совѣтамъ, желаніямъ и распоряженіямъ, то Я отворю ваши ворота дикимъ звѣрямъ и позволю суровому мечу погребсти васъ и уничтожить васъ за ваше легкомысліе [4])". Почти тѣми-же самыми словами грозитъ Мойсей каждому изъ насъ, когда говоритъ [5]): „Если вы не будете слушать гласа Господа, Бога вашего, и не будете стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его; то Господь пошлетъ на васъ народъ издалека, отъ края земли: какъ орелъ налетитъ народъ, котораго языка вы не разумѣете, народъ наглый, который не уважитъ старца и не пощадитъ юноши. И будетъ ѣсть онъ плодъ скота вашего и плодъ земли вашей, доколѣ не разоритъ васъ, такъ-что не оставитъ вамъ ни хлѣба, ни вина, ни елея, ни плода воловъ вашихъ, доколѣ не погубитъ

[1]) Ев. Матѳ. гл. 3.

[2]) Прор. Іерем. гл. 17.

[3]) Пр. Варух. гл. 4.

[4]) Пр. Исаіи гл. 1.

[5]) Второзак. гл. 28.

васъ. И будетъ тѣснить васъ во всѣхъ жилищахъ вашихъ, доколѣ во всей землѣ вашей не разрушитъ высокихъ и крѣпкихъ стѣнъ вашихъ, на которыя вы надѣетесь; и будетъ тѣснить васъ во всѣхъ жилищахъ вашихъ, во всей землѣ вашей“.

Пусть же каждый изъ васъ, милостивые государи братья, осмотрится: развѣ мало этихъ звѣрей видимъ мы и въ нашихъ хлѣвахъ, и около нашихъ плетней? Вѣдь басурманы почти-что знаютъ уже, чтó варится на кухнѣ у Его Величества Короля и у каждаго изъ насъ. Но и этого мало; къ прискорбію начинаетъ литься кровь около границъ нашихъ и въ границахъ нашихъ; какъ Господь угрожалъ жестокимъ жителямъ Іерусалима, не радовавшимся его прибытію, что враги обложатъ ихъ окопами и крѣпкими стѣнами, а затѣмъ уничтожатъ ихъ [1]), такъ все это начинаетъ сбываться на насъ: наши враги со всѣхъ сторонъ окружили насъ крѣпкими окопами и мощными стѣнами и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе распространяется этотъ жестокій огонь вокругъ нашихъ границъ.

Посмотри-же каждый: развѣ это не наказаніе Господне? Взгляни на всѣ наши дѣла: развѣ есть кто-либо между нами, кто объ этомъ обстоятельно говорилъ-бы, кто думалъ-бы, кто старался бы предупредить надвигающуюся опасность своими совѣтами. А между тѣмъ каждый отчетливо видитъ и слышитъ, что дѣлается на глазахъ нашихъ на Подоліи, въ границахъ областей русскихъ и даже литовскихъ; какъ вездѣ льется невинная кровь, раздаются плачъ и крики; какую великую и ужасную неволю терпятъ христіанство и народъ Господень по справедливому и дивному приговору Господню; какъ невинные притѣсняются жестокими. Не только люди рыцарскіе или военные, но даже невинныя дѣтки, и невинныя женщины, и люди преклоннаго возраста—подвергаются безъ милосердія притѣсненіямъ и мукамъ: ихъ натыкаютъ на колья такъ, какъ поросятъ на вертелы. Страшно и ужасно говорить и писать объ этомъ. А развѣ не печально смотрѣть на милое отечество, какъ оно дымится подобно Содому, какъ падаютъ крѣпкіе города и замки, какъ

[1]) Ев. Луки гл. 19.

разрушаются жилища, какъ басурманы разсѣиваютъ богатства, какъ предметы наслажденія людей передъ очами ихъ разсыпаются въ прахъ! Но всего тяжелѣе смотрѣть на басурмана въ то время, какъ онъ передъ твоими глазами учиняетъ насиліе надъ женою твоею и надъ семействомъ твоимъ; а тебя самого на величайшій позоръ ведетъ басурманъ на цѣпи, словно пса, съ боку своего коня и наноситъ постоянные удары твоей почтенной главѣ. Увы, милый мой господинъ, какъ скорбятъ въ это время душа и сердце твои!

А отчего все это происходитъ, милостивые мои государи братья? Каждый изъ васъ долженъ сознаться, что происходитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ:

Во-первыхъ, мы очень часто нашими грѣхами оскорбляемъ Господа Бога и Его святое величіе.

Во-вторыхъ, нашими небрежностью и сонливостью и даже болѣе того: пренебреженіемъ къ милому отечеству—мы подвергаемъ громадной опасности весь пограничный христіанскій народъ.

Грѣхи наши—главная причина того, почему басурманскій народъ развернулъ знамена надъ милымъ отечествомъ нашимъ и надъ нами, его обитателями; Господь Богъ грозилъ этимъ каждому народу, который изъ злобы и несправедливости передвигаетъ царства съ мѣста на мѣсто и одни народы обращаетъ въ другіе[1]). Каждый можетъ также легко убѣдиться въ этомъ изъ слѣдующихъ непогрѣшимыхъ словъ Его, которыя, какъ молотъ, должны постоянно ударять въ уши каждому народу, чтобы каждый, какъ громомъ, устрашенъ былъ этими словами[2]): „Если вы будете ходить въ послушаніи у меня и будете исполнять волю Мою, то Я благословлю всѣ дѣла ваши, и ваши непріятели будутъ страшиться васъ и будутъ трусливо бѣжать передъ вами, такъ что передъ пятью изъ васъ будетъ ихъ убѣгать сто, а передъ сотней вашихъ—ихнихъ десять тысячъ". Тамъ-же Онъ потомъ добавляетъ: „Если вы оставите безъ вниманія приказаніе Мое, гласъ Мой

[1]) Еккдес. гл. 10.

[2]) Второзак. гл. 28.

и заповѣдь Мою, тогда навсегда будутъ прокляты всѣ дѣла ваши, и страхъ появится въ очахъ вашихъ передъ самымъ слабымъ непріятелемъ, и лицо Мое обращу противъ васъ, такъ-что вы падете отъ меча непріятелей вашихъ и очутитесь въ рабствѣ у народа невѣдомаго, который будетъ чувствовать къ вамъ омерзѣніе. И вы будете спасаться бѣгствомъ, хотя никто не будетъ гнаться за вами. Наконецъ, вы будете страшиться древеснаго листа, колеблемаго вѣтромъ". Вотъ вамъ, милостивые государи братья, по-истинѣ суровое рѣшеніе и суровый приговоръ, но въ тоже время непогрѣшимый, исходящій отъ Господа Бога; онъ долженъ постоянно раздаваться въ ушахъ нашихъ.

Что за несчастіе, Милостивый Боже,—эта наша безмѣрная сонливость! Хотя мы явно видимъ, что мы оскорбляемъ и безчестимъ святое имя Господне, тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ безпечно спать и даже явно предаемся излишествамъ въ нашемъ ожесточеніи. Развѣ нуженъ лучшій соглядатай нашему непріятелю или бóльшій предатель, который сообщалъ-бы о всѣхъ нашихъ дѣлахъ, когда имѣется на лицо самый ужасный соглядатай и предатель—нашъ грѣхъ вмѣстѣ съ нашими преступленіями? По-истинѣ мы должны сознаться, что мы сами являемся добровольными соблазнителями и грабителями нашего отечества и всѣхъ нашихъ богатствъ; Господь, какъ Онъ и грозилъ, надѣляетъ нашихъ непріятелей смѣлымъ сердцемъ и свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ дѣлахъ, а намъ внушаетъ страхъ, такъ что мы легко пугаемся древеснаго листа, колеблемаго вѣтромъ; такимъ образомъ мы никогда не соберемся ни на какой доблестный подвигъ.

Поэтому, милостивые государи братья, издавна всюду славные и достойные Поляки!—если мы хотимъ быть страшными каждому нашему непріятелю, если мы хотимъ обезопасить себя отъ всѣхъ самыхъ ужасныхъ несчастій, если мы хотимъ, чтобы всѣ дѣла и предпріятія наши всегда были славными и цвѣтущими во всѣхъ отношеніяхъ, то мы должны поступать согласно предостереженію святаго Павла: „Доколѣ есть время, будемъ дѣлать добро [1])". Мы должны также поступать согласно поуче-

[1]) Посл. къ Галат. гл. 6.

нію пророка Господня Исаіи, который обращается къ намъ съ слѣдующими словами: „перестаньте дѣлать зло, научитесь дѣлать добро [1]". Вотъ ваше оружіе, вотъ ваши пушки, вотъ ваши самые крѣпкіе панцыри! Обратитесь, совѣтую вамъ, милостивые государи братья, къ этому святому оружію, къ этому крѣпкому щиту; это оружіе—самое мощное, оно освободитъ васъ отъ вашихъ несчастій. Самый мощный щитъ это упованіе на Господа Бога; вооруженный такимъ оружіемъ ничего не бойся, никакого противника твоего, никакого твоего несчастія!

Вѣдь если Господь по заповѣдямъ своимъ будетъ съ тобою, то каждый противникъ твой долженъ падать и дрожать предъ тобою и не будетъ для тебя никакой опасности. Глаза твои будутъ внушать такой страхъ, что отъ одного взгляда твоего множество враговъ твоихъ должно убѣгать; Гогъ и Магогъ [2]), т. е. твои самые злѣйшіе враги Турокъ съ Татариномъ, не устоятъ на одномъ мѣстѣ, ибо, по заповѣди Господней, они должны быть уничтожены и стерты со всѣми своими войсками, они должны впасть въ ничтожество со всею своею силою, такъ что псы и степные звѣри не будутъ въ состояніи пожрать ихъ трупы, а твои кони по косточки будутъ бродить въ крови воителей.

Если-бы мы по нашей сонливости и небрежности или даже по вѣроломству вздумали-бы обманывать милое отечество, самихъ себя и весь христіанскій пограничный народъ, то въ такомъ случаѣ каждый легко можетъ убѣдиться въ милости къ намъ Господней изъ того, что Господь Богъ отвелъ намъ въ обладаніе Королевство Польское, громадное вдоль и впоперекъ. Какъ въ ширину, такъ и въ длину не малое пространство захватываетъ оно со всѣми своими угодьями; но если гдѣ оно могло-бы имѣть мѣсто для своихъ колоній, то только на Украинѣ! Какъ легко могла-бы осуществиться эта колонизація, если-бы не препятствовали ей—наши небрежность и сонливость. Хотя Господь Богъ былъ разгнѣванъ и сильно оскорбленъ несносными и жестокими поступками украинскихъ обитателей, которыми

[1]) Пр. Исаіи гл. 1.

[2]) Пр. Іезек. гл. 39.

они и ранѣе раздражали Его святую милость, тѣмъ не менѣе я смѣло могу сказать, что причиною этому, какъ въ Содомѣ и Гоморрѣ, было исключительно чрезмѣрное изобиліе хлѣба, въ которомъ они плавали точно какъ-будто въ салѣ. Сдѣлавшись тучными, жирными, они вздумали противиться Господу [1]). За это Господь Богъ, воспылавъ противъ нихъ страшнымъ гнѣвомъ, уничтожилъ ихъ роскошныя царства, ихъ самихъ отдалъ въ неволю въ басурманскія руки, а Украину вотъ ужъ нѣсколько сотъ лѣтъ какъ обратилъ въ голую пустыню. А между тѣмъ эта Украина, какъ я говорю, можетъ быть житницей другихъ странъ, какъ нѣкогда былъ Египетъ. Поля ея такъ прекрасны, какъ Елисейскія поля у Вергилія; то они тянутся равниною, то пересѣкаются горами, борами и лѣсами; характеръ ихъ веселый и урожайный. Въ Украинѣ такое изобиліе скота, звѣрей, различныхъ птицъ, рыбъ и другихъ вещей, служащихъ для пропитанія людей, что можно подумать, будто она была родиною Цереры и Діаны. Меда столько добывается въ ея бортяхъ и пасѣкахъ, что забываются и сицилійская Гилла, и аттическій Гиметъ. Виноградная лоза произрастаетъ тамъ и легко можно было-бы устроить добываніе вина. Огромное число въ Украинѣ рыбныхъ рѣкъ, отцемъ которыхъ является Днѣпръ, шириною, какъ Висла во время половодья; онъ беретъ начало въ предѣлахъ Московскаго государства, течетъ мимо Кіева и затѣмъ впадаетъ въ море. Итальянскихъ орѣховъ такое множество въ Украинѣ, какъ будто она была ранѣе итальянской землей. Трудно перечислить, сколько въ ней рыбныхъ озеръ. Но къ чему тратить напыщенныя слова, когда можно однимъ словомъ опредѣлить, что Украина—это все равно, что та обѣтованная земля, которую Господь Богъ обѣщалъ народу еврейскому,—текущая молокомъ и медомъ [2]). Я смѣло могу примѣнить къ этой Украинѣ слова, заимствованныя святымъ апостоломъ Павломъ [3]) у Исаіи [4]): „Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не при-

---

[1]) Прор. Іерем. гл. 5.

[2]) Исходъ гл. 13.

[3]) 1 посл. къ Кор. гл. 2.

[4]) Пр. Исаіи гл. 64.

ходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его". Итакъ я говорю, что эта прелестная Украина была наказана за свои грѣхи, и по нашей сонливости и небрежности обращена почти въ пустыню. Теперь мы не заботимся о томъ, чтобы эту пустыню и эту привлекательную Украину вновь заселить людьми и при томъ такими людьми, за спинами которыхъ мы, какъ-бы за стѣной, были укрыты отъ непріятелей св. Креста. А между тѣмъ это легко можно было-бы осуществить, такъ какъ каждый, кто только попробуетъ Украины, долженъ въ ней и остаться: она притягиваетъ къ себѣ человѣка, изъ какого-бы народа онъ ни происходилъ, какъ магнитъ желѣзо. А происходитъ это отъ свойствъ страны: небо Украины веселое, климатъ здоровый, земля плодородная. Украина манитъ насъ и громко призываетъ пріидите ко мнѣ всѣ, которые боретесь съ песками и съ трудомъ добываете пропитаніе, и я надѣлю васъ землями, щедро дающими урожай. Справедливо призываетъ она тѣхъ бѣдняковъ, которые предпочитаютъ здѣсь терпѣть нужду и недостатокъ, нежели на Украинѣ плавать въ изобиліи и воздавать честь и хвалу Господу Богу за неизрѣченные дары его. Лѣнивцы и сонливцы предпочитаютъ, чтобы непріятель развертывалъ въ ихъ отечествѣ свои знамена и наслаждался, нежели, чтобы сами они совмѣстно съ своимъ милымъ и достойнымъ потомствомъ пользовались дарами Божіими въ честь и хвалу Господу Богу. Лѣнивый землякъ мой предпочитаетъ, чтобы тамъ напрасно горѣли пожары, выли волки, блаженствовали дикіе кони вмѣстѣ съ медвѣдями и сернами, нежели, чтобы онъ самъ, разумное твореніе Господне,—былъ обладателемъ всего этого. Этимъ путемъ можно было-бы отразить и тѣ татарскіе загоны, которымъ очень понравилось пребываніе тамъ. Если оставить это дѣло безъ вниманія теперь, то потомъ, дѣйствительно, оно принесетъ не малый вредъ. Хотя люди считаютъ это—мелочью, но тѣмъ не менѣе вредное это владѣніе, и трудно придумать, какъ потомъ выгнать давно владѣющаго злаго сосѣда. О если-бы они опомнились и раскаялись въ своемъ легкомысліи! Если не теперь, то потомъ они будутъ жалѣть объ этомъ! И скоро они сознаютъ, если не

опомнятся, что они должны сожалѣть объ этомъ. Вѣдь если-бы эти пустыни прочно заселились, то прославилась-бы этимъ Корона, да и людей прибавилось-бы не мало для защиты. Я смѣло могу сказать, что прибавилось-бы столько, сколько собирается изъ Малой и Великой Польши. Увеличился-бы по крайней мѣрѣ вдвое и доходъ Короны Польской соотвѣтствовенно съ тѣмъ доходомъ, который давала эта Украина раньше, въ былыя времена. Изъ многихъ данныхъ видно, что раньше тамъ корцами мѣрили деньги; видно это также по церквамъ и по немалымъ расходамъ, которые производились въ честь и похвалу Господу Богу; просто лопатами валили деньги на стѣны и крыши церквей, украшая ихъ довольно замысловатыми художествами. Обратимся также къ опустѣлымъ замкамъ или, какъ ихъ называютъ въ томъ краѣ, городищамъ, насыпаннымъ изъ земли, очень прочнымъ и внушительнымъ; ихъ нельзя взять никакой силой (развѣ выморить городомъ гарнизонъ) и нельзя разрушить, даже если свезти пушки со всего свѣта; они могутъ существовать безъ всякаго разрушенія, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ; если ихъ укрѣпить нѣсколько башнями, и призвать на помощь Господа Бога, то я не знаю, кто можетъ выступить противъ насъ [1]), ибо въ нихъ можно упорно отбиваться нетолько отъ турецкой и татарской силы, но даже отъ всѣхъ силъ цѣлаго свѣта. Кто этому не вѣритъ, пусть самъ осмотритъ и легко и безошибочно убѣдится въ справедливости моего мнѣнія.

Видя Украину, столь богатую даже на первый взглядъ, во всѣхъ отношеніяхъ выгодную и легко обороняемую, будемъ-ли мы и далѣе небрежными и сонливыми въ отношеніи къ населенію этой пріятной, милой, роскошной и изобильной окраины нашего отечества? Будемъ-ли мы—ради Бога живаго!—и далѣе такъ мало желать добра себѣ самимъ, братьямъ и сестрамъ нашимъ? Будемъ-ли мы и далѣе отдавать не только самихъ себя, но и достойныхъ братьевъ нашихъ въ мясныя лавки непріятелю Святаго Креста вмѣсто того, чтобы помагать имъ устроить болѣе

---

[1]) Посл. къ Римл. гл. 8.

спокойный и безопасный быть? А между тѣмъ есть нѣсколько способовъ устроить такъ, что непріятель не будетъ вторгаться такъ далеко и не будетъ распускать своихъ знаменъ, разгуливая по роскошнымъ, милымъ, очаровательнымъ елисейскимъ полямъ.

Для того, чтобы вы, мои милостивые государи братья, узнали наиболѣе легкій и быстрый способъ заселенія этихъ пустынь къ величайшей выгодѣ и къ удивленію всей Польской Короны, я подамъ вамъ нѣсколько совѣтовъ, весьма практичныхъ и удобоисполнимыхъ.

Прежде всего вы должны уговорить Его Величество Короля, чтобы онъ со всѣмъ дворомъ своимъ проводилъ какъ можно болѣе времени (если дѣла дозволятъ это) на Украинѣ или даже въ самомъ Кіевѣ. Люди, которые часто будутъ проѣзжать къ Королю и отъ него обратно, будутъ присматриваться къ плодороднымъ краямъ, къ роскошнымъ мѣстамъ, къ очаровательному мѣстоположенію; сначала будутъ любоваться, а затѣмъ вздумаютъ и поселиться. Также и тѣ, которые будутъ находиться въ составѣ двора Его Королевскаго Величества, сами по себѣ будутъ заселять эти пустыни, такъ какъ давно уже сложилась справедливая поговорка: гдѣ хорошо, тамъ и отечество. Издержки на содержаніе Его Величества Короля со всѣмъ дворомъ его будутъ далеко меньшими, потому-что на Украинѣ Его Величество за два года не истратитъ того, что онъ истратитъ за годъ, живя въ Польшѣ. Его Величество Король въ первый-же годъ убѣдится въ этомъ и согласится со мною, что это—такъ, а не иначе. Не на руку будетъ басурману слышать, что подъ бокомъ у него находится Король Польскій и Помазанникъ Божій съ многолюдной свитой придворныхъ; басурманъ ежечасно будетъ бояться опасности, которая можетъ угрожать ему, а между тѣмъ все живое въ Польшѣ будетъ стремиться подъ крылья своего Государя на заселеніе этихъ пустынь, набираясь силы и смѣлости для борьбы съ безстыдными бусурманами, врагами Святаго Креста. Безсмертная слава Его Величества Короля будетъ отъ этого возрастать, а радость, веселье и выгоды

Короны Польской будутъ умножаться. Но что не только не менѣе, но еще болѣе важно, такъ—это то, что истинная вѣра въ Бога, ранѣе засыпанная пепломъ и почти погребенная, снова начнетъ тамъ распространяться и засіяетъ, какъ самая блестящая заря.

Другой удобный способъ для заселенія этихъ пустынь заключается въ томъ, чтобы Его Величество Король озаботился построить на самыхъ шляхахъ, ведущихъ со стороны Татаръ и Волоховъ, четыре замка; чтобы онъ озаботился содержать въ постоянной наличности на Низу за самыми Порогами по крайней мѣрѣ пять тысячъ народа козацкаго или, иначе, наемниковъ [1])—съ такимъ условіемъ, чтобы они не грабили болѣе во время своихъ стоянокъ областей нашего Короля, чтобы не учиняли никакихъ притѣсненій людямъ и чтобы не нарушали перемирій съ Туркомъ и съ иными монархами [2]). Держа ихъ такимъ образомъ на возжахъ и подъ начальствомъ дѣльнаго Гетмана, чтобы они не выходили за предѣлы дозволеннаго, слѣдуетъ ихъ, согласно поученію апостола Павла, снабдить пропитаніемъ и одеждой [3]). Способъ для этого слѣдующій.

Прежде всего что касается пропитанія, то каждому изъ нихъ въ отдѣльности слѣдуетъ давать ежемѣсячно по четыре злотыхъ (принимая при этомъ въ разсчетъ и ихъ жалованье). А такъ какъ деньги имъ будутъ выдаваться ежемѣсячно, то ежемѣсячно при выдачѣ денегъ всѣ наемники будутъ маневрировать и подвергаться переписи передъ гетманомъ или передъ его намѣстникомъ, принесшимъ присягу на вѣрность службѣ. Между тѣмъ писаря и казначеи, назначенные кіевскимъ бискупомъ и также присягнувшіе, обязаны тщательно наблюдать, чтобы при этомъ не вышло какого-нибудь недоразумѣнія и чтобы Рѣчь-

---

[1]) Конституція сейма 1590 г. не опредѣляетъ впередъ числа Низовцевъ или Запорожцевъ (термина *козаки* она не употребляетъ), но установляетъ, чтобы имъ велся точный поименный списокъ и чтобы Низовскій или Запорожскій *старшій* постоянно увѣдомлялъ Короннаго Гетмана о перемѣнахъ въ личномъ составѣ войска.

[2]) Такими-же условіями обставлено существованіе войска и въ Конституціи сейма.

[3]) 1 посл. къ Тим. гл. 6.

Посполитая не была при этомъ въ чемъ-нибудь обманута или введена въ убытокъ. И тутъ-же тотчасъ вышеупомянутые казначеи при писаряхъ должны будутъ выдавать деньги людямъ, годнымъ къ службѣ, вручая ихъ лично, а ротмистрамъ должны также давать въ руки назначенное имъ жалованье для того, чтобы какъ старшій, такъ и младшій не были обижены при полученіи ими жалованья. А деньги эти должны собираться ни изъ какого иного источника, но только изъ русскихъ десятинъ и изъ кварты, тѣмъ болѣе, что кварта еще предками нашими опредѣлена была ни на что иное, какъ только на оборону Рѣчи-Посполитой[1]. Этого не слѣдуетъ ломать, а въ особенности намъ, истиннымъ сынамъ нашихъ милыхъ отцовъ, не слѣдуетъ ломать такого здраваго установленія и такого разумнаго рѣшенія ихъ. Напротивъ, эту кварту слѣдуетъ обращать ни на что иное, а только на одну оборону нашу и нашихъ милыхъ братьевъ, которые живутъ на Украинѣ, и, пребывая въ величайшей опасности, постоянно взываютъ къ намъ словами святаго Іова: „Помилуйте меня, помилуйте меня, вы, друзья мои[2]“.

О какая счастливая была-бы эта кварта, еслибы она могла постоянно получать надлежащее назначеніе! А между тѣмъ необходимо нужно, чтобы она его получала, такъ какъ, благодаря этой квартѣ, не только устроился-бы непрерывный способъ защиты Рѣчи-Посполитой въ видѣ готоваго войска, но и открылось-бы поприще для развитія воинственности въ благородномъ рыцарскомъ сословіи Короны Польской. Здѣсь потомъ образовывались-бы ротмистры, а изъ ротмистровъ—гетманы. Кромѣ того, благодаря этой квартѣ, при такомъ порядкѣ мы скорѣе моглибы изготовиться къ отпору въ случаѣ внезапнаго нападенія, каковое мы неоднократно испытывали на своемъ вѣку, нежели при порядкѣ нашихъ медленныхъ *вици*. Вѣдь прежде чѣмъ ты выберешься изъ дому вслѣдъ за вицями и прежде чѣмъ ты соберешь слугъ для отпора внезапному нападенію и спасенія твоихъ братій, какъ тутъ ужъ, благодаря быстротѣ ужаснаго непріятеля, братъ твой на веревкѣ, привязанъ, какъ какой-нибудь

[1] Законъ Сигизмунда Августа, изданный въ Піотроковѣ въ 1562 г.

[2] Іова, гл 19.

злодѣй, и скачетъ невинный бѣдняга съ боку у коня жестокаго басурмана. А вотъ уже жена его, которая, какъ винная лоза, давала плоды въ домѣ милаго супруга[1]), служитъ предметомъ наслажденія развратнаго басурмана, къ сожалѣнію и стыду для твоего брата. Милыя его дѣтки не вьются уже, какъ молодые побѣги, вокругъ стола своего милаго отца, но какъ щенки воютъ, выглядывая изъ мѣшка у басурмана,—ему на потѣху, а родителямъ своимъ милымъ на великую жалость. Уже дымъ вслѣдъ за непріятелемъ вновь курится, а тутъ на глазахъ твоего брата тлѣютъ—его достояніе и его жилище.

Пусть же каждый изъ васъ подумаетъ, мои милостивые государи и братья, какъ озлобляется противъ васъ облитое кровью сердце милаго брата вашего за ваше медленное снаряженіе; пусть каждый изъ васъ подумаетъ, какъ братъ вашъ будетъ плакать, какъ онъ будетъ нарекать предъ Великимъ Господомъ вашимъ за то, что вы могли его спасать и не спасали, могли подумать раньше о болѣе дѣйствительной защитѣ его и не думали и, наконецъ, имѣя уже кварту, предназначенную для его обороны, обратили ее на что-либо иное. Поэтому я прошу васъ ради Господа Бога живаго, чтобы по крайней мѣрѣ кварта была обращена на пограничное войско, а не на что-либо иное,—въ виду возможности внезапнаго нападенія; и это вы сдѣлаете, если не хотите болѣе вмѣстѣ съ вашими братьями испытывать ужасныя опасности отъ жестокаго тирана, если не хотите чтобы братья ваши по заслугамъ проклинали васъ за вашу непомѣрную косность.

А такъ какъ съ одной стороны на содержаніе пяти тысячъ наемниковъ требуется 240.000 злотыхъ, а кварта не можетъ дать болѣе 120.000 злотыхъ; съ другой—нельзя истощать другихъ источниковъ доходовъ Рѣчи-Посполитой, ибо королевству приходится оглядываться на всѣ стороны; съ третьей—Русская Украина должна быть увѣрена въ своей безопасности;—то было-бы самымъ цѣлесообразнымъ, чтобы всѣ рѣшительно жители Русской земли, безъ всякаго исключенія, начиная съ того года, когда организуется содержаніе войска, отдавали-бы на руки

---

[1]) Псал. 127.

Кіевскому бискупу десятую копу своего урожая на предметъ обороны края. Это должно дѣлаться изъ любви къ намъ самимъ, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло болѣе всего о насъ самихъ, а также изъ любви ко всей Рѣчи-Посполитой, и, кромѣ того, по доброй волѣ и желанію каждаго. Вѣдь какъ всякая душа требуетъ защиты, мира, такъ тѣмъ болѣе Русская земля. Поэтому нужно похлопотать, чтобы каждый на вѣчныя времена жертвовалъ на это часть своего заработка и не ужасался-бы этого, потому что это добрая и счастливая копа, которая стережетъ девять остальныхъ и охраняетъ даже здоровье и свободу вашу. Вѣдь вы испытывали уже и хорошо знаете, какъ вы были не разъ ограбляемы врагомъ Святаго Креста, какъ не разъ пришлый суровый непріятель вторгался съ огромной силой въ вашъ домъ, какъ онъ не разъ сжигалъ жестокимъ огнемъ вашъ домъ и всѣ предметы вашего наслажденія, какъ не разъ онъ отрубывалъ головы вашимъ дѣткамъ на вашихъ глазахъ, какъ не разъ онъ насиловалъ почтенныхъ супругъ вашихъ, и потомство ваше, и даже васъ самихъ, какъ не разъ случалось, что онъ водилъ васъ на цѣпяхъ, какъ псовъ, съ боку у коней своихъ, нанося вамъ удары по головамъ, какъ не разъ уже захватывалъ и расточалъ имущество ваше! Право не разъ уже исполнялась надъ Руской землей та жалоба Вергилія, которую онъ выражаетъ слѣдующими словами:

„Наша работа пошла въ пользу чужимъ, а намъ на долю достались—сожалѣніе съ проклятою нуждою; мы не вольны въ своемъ, а въ наши края входитъ пришлый народъ, угнетая насъ безъ причины. Несогласіе тому причиной, домашнія распри; какое разореніе отъ этиго, едва-ли кто въ состояніи выразить [1])".

Не менѣе достойно сожалѣнія также и то, что если тебя не ограбилъ и до конца не разорилъ твой пришлый непріятель и если онъ не поймалъ тебя, какъ птичку на яйцахъ, то тогда едва-ли не ужаснѣе грабитъ тебя и разоряетъ твой теперешній защитникъ. Вѣдь развѣ жолнеръ или козакъ, когда находится въ твоемъ домѣ, не стоитъ самаго суроваго турка или самаго

---

[1]) Такъ Верещинскій передѣлываетъ двустишіе Вергилія: Barbarus has segetes, En quo discordia cives Perduxit miseros. En queis consevimusagros? Buc Egl. I.

гадкаго татарина? Ты не разъ убѣждался, что тогда ты, къ несчастью, уже не распоряжаешься своей женой, своими дѣтьми, своими слугами, не распоряжаешься своимъ домомъ и всѣмъ своимъ хозяйствомъ. А что еще тяжелѣе, такъ это то, что подобный постоялецъ не уважаетъ въ тебѣ своего хозяина, а считаетъ какъ-бы своимъ невольникомъ; уже не ты являешься владыкой дома, а твой неотвязчивый гость; ужъ не ты распоряжаешься своимъ добромъ, а, напротивъ, жолнеръ или козакъ выдаетъ тебѣ пропитаніе и помыкаетъ тобою, какъ невольникомъ: чести тебѣ ни на грошъ не оказываетъ, домъ твой позоритъ, тебя изъ дому твоего собственнаго выталкиваетъ и палкой бьетъ. Дѣйствительно, съ каждымъ изъ васъ дѣлаетъ то, что пишетъ Вергилій о жолнерахъ и о козакахъ въ одномъ изъ своихъ стиховъ:

„Безбожные жолнеры съ козаками подвергли жестокому грабежу наши осѣдлости, безъ всякаго сожалѣнія [1])“.

Видя и испытавши не разъ на себѣ все это, будешь-ли ты противиться отдачѣ десятины? Вѣдь она предохранитъ тебя отъ всякаго гнета и утѣсненія т. е. отъ плѣна и всяческой обиды и даже отъ всякой опасности; она защититъ тебя какъ отъ пришлаго непріятеля, такъ и отъ присутствующаго жолнера или козака. Къ тому-же я хорошо знаю, что вы не даете никакихъ десятинъ въ пользу вашихъ церквей, между тѣмъ какъ отъ нихъ не освобождены ни Его Величество Король, ни бискупы и аббаты, ни всякіе иные жители Короны Польской. И вотъ теперь если вы согласитесь на это, то каждый Кіевскій бискупъ за эти десятины ваши обязанъ будетъ на будущее время умножать хвалу Господню. Въ этомъ важнѣйшій щитъ и оружье противъ каждаго непріятеля Святаго Креста и объ этомъ напоминаетъ каждому Господь Богъ своими словами: „Ищите прежде царства Божія и это все приложится вамъ [2])“. Получивши въ свое распоряженіе эти десятины, бискупъ будетъ заботиться, чтобы возмѣщать изъ нихъ всю ту сумму, какая убудетъ или недоста-

---

[1]) Передѣлка стиха: Impius haec tam culta novalia miles habebit. Buc. Egl. I.

[2]) Ев. Матѳ. гл. 6.

нетъ изъ кварты на содержаніе наемнаго пограничнаго войска. Каждый обыватель на пространствѣ двадцати миль вдоль и впоперекъ долженъ будетъ, вымолотивши эту десятину, доставить ее зимою въ Кіевъ, а бискупъ долженъ будетъ на заготовленныхъ для этого судахъ сплавить ее весною до Пороговъ и затѣмъ сухимъ путемъ доставить ее въ войско, устроивши все это возможно практичнѣе. Остальную же часть десятинъ, въ виду далекой доставки ея въ Кіевъ, слѣдуетъ не отвозить туда, а обратить въ деньги съ соблюденіемъ возможной выгоды.

Какъ каждый сеймъ безъ духовнаго сословія ничего не стоитъ, какъ каждый трибуналъ не можетъ обойтись безъ духовнаго сословія, такъ тѣмъ болѣе каждое войско безъ духовнаго сословія—все равно, что тѣло безъ души, что армія безъ гетмана, что овцы безъ пастыря. Такъ какъ для каждаго Кіевскаго бискупа, какъ для украинскаго сенатора, весьма важно пребываніе его при войскѣ вмѣстѣ съ капелланами и мудрыми проповѣдниками, то, по моему мнѣнію, болѣе всего прилично ему и отправленіе казначейскихъ обязанностей безъ всякаго за это вознагражденія. Мнѣ кажется весьма разумнымъ возложить эту обязанность на вѣчныя времена на Кіевскаго бискупа, чтобы онъ не только выполнялъ въ войскѣ свой пастырскій долгъ, но чтобы также по обязанности казначея заботливо наблюдалъ, дабы сумма, предназначенная на оборону Рѣчи-Посполитой, во вѣки вѣковъ не убывала; а если-бы и убыла на сколько-нибудь, то чтобы онъ пополнялъ ее изъ вышеуказанныхъ десятинъ, а не изъ казны Рѣчи-Посполитой.

Быть не можетъ, чтобы при честности каждаго Кіевскаго бискупа не оставалось отъ упомянутыхъ десятинъ какихъ-либо обрѣзковъ. Тогда обязанностью каждаго Кіевскаго бискупа будетъ озаботиться, чтобы насчетъ остатковъ отъ десятинъ былъ основанъ въ самомъ Кіевѣ Іезуитскій коллегіумъ для образованія всего молодаго поколѣнія Русскихъ краевъ [1]). Тогда люди

[1]) Іезуиты впервые появились въ Польшѣ въ 1552 г. Въ 1564 г. они основали первые коллегіумы въ Брунсбергѣ и Пултускѣ. Въ 1569 г. они поселились въ Вильнѣ. Затѣмъ постепенно они основываются въ Краковѣ (1579), въ Плоцкѣ (1580), въ Ригѣ (1582), во Львовѣ (1590).

не будутъ входить въ большіе расходы на отправленіе дѣтей въ далекіе края для обученія свободнымъ наукамъ, но, имѣя здѣсь-же передъ глазами достойную школу, тѣмъ болѣе будутъ спѣшить въ нее. Такимъ путемъ юноши не только будутъ привыкать къ домашней жизни или готовиться къ поступленію въ рыцарскую школу, но потомъ, благодаря изученію свободныхъ наукъ, все болѣе и болѣе будутъ дѣлаться полезными всей Рѣчи-Посполитой. Теперь-же всякій какъ изъ высшаго, такъ и изъ низшаго сословія подумай, къ какому наслажденію и веселію поведутъ тебя эти десятины, когда ты увидишь, что твой милый сынъ мудрѣе тебя самого и болѣе тебя способенъ къ спасенію Рѣчи-Посполитой. Какое утѣшеніе будешь ты получать и отъ того, что во время ученія и образованія твоего милаго потомка ты часто будешь видѣть его, а потомъ онъ, сдѣлавшись бискупомъ, воеводой, каштеляномъ или какимъ-либо инымъ сановникомъ, будетъ засѣдать въ столицѣ при боку у своего Государя. Счастливая твоя десятина, милый отецъ, если она уродитъ самъ-тысяча и принесетъ безсмертную пользу! По истинѣ счастливая твоя десятина, если она охраняетъ тебя отъ опасности со стороны турокъ и татаръ, если она защищаетъ отъ утѣсненія жолнерскаго и козацкаго, если она обезпечиваетъ, чтобы никогда не было недостатка въ суммѣ, предназначенной для твоей обороны, и чтобы постоянно на вѣчныя времена стояло въ готовности войско противъ каждаго твоего непріятеля. Вотъ какіе результаты даетъ тебѣ твоя десятина.

Нужно сказать правду, что трудъ, возлагаемый при этомъ на бискупа, крайне великъ и черезъ-чуръ обременителенъ, но за то каждый бискупъ долженъ помнить, что онъ „изъ человѣковъ избираемый, для человѣковъ поставляется [1])“. Кромѣ того онъ долженъ имѣть передъ глазами своими мнѣніе Платона [2]), выраженное въ письмѣ къ Архиту (Цицеронъ также заимствуетъ его [3])); въ немъ Платонъ совѣтуетъ послѣднему по-

[1]) Посл. къ Евр. гл. 5.

[2]) Plato de Republ.

[3]) Cicer Tuscul. Quaest lib. 2.

мнить, что человѣкъ родился не самъ для себя, а частью для отечества, частью для родныхъ, частью для пріятелей и потомства. Если каждый Кіевскій бискупъ будетъ придерживаться мнѣнія этого дѣльнаго писателя, то онъ долженъ будетъ согласиться, что онъ обязанъ во всякое время давать помощь и поддержку своему отечеству, принимая во вниманіе тѣ благодѣянія, которыя онъ отъ отечества получаетъ. Еще Цицеронъ сказалъ[1]): „Самый неблагодарный, нечестивый и лишенный всякой человѣчности тотъ человѣкъ, который не полюбитъ отечества болѣе, чѣмъ самого себя, послѣ того, какъ дастъ себѣ трудъ обсудить всѣ его блага". Поэтому отъ этого труда, хотя онъ и не малъ, бискупъ не долженъ отказываться, потому-что такимъ образомъ онъ не только будетъ оказывать услуги Его Величеству Королю, но и обезпечитъ за собою навсегда молитвы и пріязнь всей Рѣчи-Посполитой. А это—самое важное, если повѣримъ Цицерону[2]); къ тому же за столь почтенный и дѣльный трудъ свой онъ получитъ вѣчный вѣнецъ на небесахъ.

Не говорю уже о томъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи исправныхъ и, что самое главное, вѣрныхъ слугъ и казначеевъ, онъ самъ лично можетъ нести на себѣ мало тягости и труда.

Но всетаки для того, чтобы этотъ трудъ исполнялся старательнѣе, необходимо вамъ, милостивые государи, обратить вниманіе и на то, чтобы онъ чѣмъ-либо вознаграждался. Вѣдь написано у святаго Павла[3]): „Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его"? Поэтому необходимо озаботиться, чтобъ Кіевскій бискупъ зналъ, за что онъ работаетъ вмѣстѣ со своими слугами и писарями. Но только это вознагражденіе можно назначить не изъ казны Рѣчи-Посполитой, а отъ Армянъ, которыхъ слѣдуетъ обязать платить бискупу ежегодно на вѣчныя времена по 4.000 злотыхъ, такъ какъ трудъ бискупа потребуетъ немалыхъ расходовъ и большихъ издержекъ. И не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ ихъ жалѣть, такъ какъ эти негодяи мало необходимы нашей Коронѣ. И даже мы имѣемъ извѣстіе отъ тѣхъ, которые

---

[1]) Cicer. in vatin.

[2]) Cicer. de Republ.

[3]) 1 Посл. къ Коринѳ. гл. 9.

недавно возвратились изъ посольства къ Туркамъ, что они приносятъ намъ немалый вредъ у чужихъ народовъ и въ томъ числѣ у Турокъ. Ибо какъ Цыгане являются у насъ ворами и шпіонами, какъ Жиды являются самыми явными измѣнниками, такъ Армяне являются самыми вѣрными вѣстовщиками о насъ для чужихъ народовъ. Вѣдь у всѣхъ этихъ людей такая природа, что на чьемъ возу они ѣдутъ, того пѣсенку поютъ.

Для того, чтобы наемники или козаки, получая ежемѣсячное жалованье, не расточали по-пустому этихъ денегъ, то на этотъ предметъ слѣдуетъ установить въ войскѣ такой порядокъ: Гетманъ вмѣстѣ съ казначеями долженъ старательно наблюдать, чтобы всѣ наемники или козаки безъ всякаго исключенія не тратили своего жалованья ни на какой предметъ внѣ своего лагеря. Всякіе съѣстные припасы они должны пріобрѣтать и всякіе иные предметы необходимости, какимъ-бы именемъ послѣдніе ни назывались, они должны покупать только въ амбарахъ Его Королевскаго Величества; и это подъ угрозой исключенія изъ службы. Однако, чтобы это дѣло скорѣе могло войти въ свою колею, то необходимо сейчасъ-же устроить на Украинѣ складочные амбары Его Королевскаго Величества, въ которыхъ каждый изъ нихъ, смотря по своей надобности, могъ-бы достать всякіе съѣстные припасы, какъ по части ѣды, такъ и по части напитковъ, а также всякіе иные предметы обихода отъ малаго до большаго. Для того, чтобы эти амбары скорѣе могли наполниться таковыми запасами, необходимо объявить по всему Подолію, по всей Волыни, а также вообще по всей Руси, чтобы обыватели этихъ странъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою снабжали эти амбары за наличныя деньги всякаго рода пищевыми продуктами, напитками и вообще всевозможными предметами обихода; такимъ образомъ эти амбары замѣнятъ для Украины Гданскъ[1]). На пріобрѣтеніе этихъ запасовъ не могутъ быть обращены никакія иныя деньги, кромѣ половины изъ той-же суммы, предназначенной для уплаты жалованья наемникамъ. Казначеи

[1]) Нужно понимать въ томъ смыслѣ, что жители Украины будутъ сбывать продукты своего хозяйства не въ Данцигъ (Гданскъ), который былъ главнымъ отпускнымъ портомъ Старой Польши, а въ королевскіе склады.

должны скупать эти съѣстные припасы и предметы необходимости въ амбары какъ можно сходнѣе и дешевле, а наемникамъ или козакамъ за заслуженныя ими деньги должны продавать ихъ уже не примѣнительно къ украинской дешевизнѣ, а примѣнительно къ дороговизнѣ, существующей въ мѣстѣ пребыванія Его Величества Короля. Это на тотъ конецъ, чтобы на эти прибыли можно было выстроить амбары, пополнить нѣкоторые недостатки и удовлетворить инымъ потребностямъ военнаго времени.

Козаки не должны этимъ обижаться, памятуя о своемъ кушаньѣ саламахѣ[1]) и о своемъ напиткѣ сёрбѣ[2]), а также и иные служащіе, если они считаютъ себя дѣйствительно любящими сынами своего отечества. Этотъ порядокъ не долженъ ихъ возмущать, такъ какъ они имѣютъ примѣръ въ служащихъ при Его Величествѣ Королѣ. Эти послѣдніе, служа при особѣ Его Величества Короля, также получаютъ по 4 злота въ мѣсяцъ, а между тѣмъ они должны постоянно жить съ базара, прозябать въ будкахъ при Его Величествѣ Королѣ, испытывать страшное утомленіе, какъ будто служба ихъ проходила-бы на самой Украинѣ, постоянно быть настороже и въ готовности на случай нападенія. Тѣмъ не менѣе они никогда не жалуются на свою судьбу, хотя между ними состоитъ на службѣ болѣе иностранцевъ, нежели нашихъ подданныхъ. И если иностранцы терпятъ „тягость дня и зной[3])", то тѣмъ болѣе наши земляки обязаны выносить самыя сильныя невзгоды ради милаго отечества, которое ихъ воспитало и даже выкормило, какъ родная мать своихъ дѣтей. Вѣдь если сынъ не исполняетъ своихъ обязан-

---

[1]) Саламаха, какъ спеціально козацкое кушанье, упоминается и въ народной пѣсни:

Дивують Ляхи, вражиі сини,
Що ті козаки вживають:
Вживають вони щуку-рибаху,
Ще й *саломаху* зъ водою.

Зап. о Южн. Руси Кулиша, т. II, 1857, стр. 253.

[2]) *Сёрба́* или *щерба́*—такъ и до сихъ поръ называютъ въ Малороссіи родъ супа изъ крупъ. Отсюда глаголъ *сёрба́ти*=хлебать. См. Левченко, Опытъ русско-украинскаго словаря, Кіевъ 1874, стр. 159 и 173.

[3]) Ев. Матѳ. гл. 20.

ностей по отношенію къ родителямъ, то за это онъ подвергается упрекамъ и становится ненавистнымъ для людей. Тѣмъ большаго порицанія отъ всѣхъ и униженія заслуживаетъ тотъ, кто, получивши воспитаніе на лонѣ отечества и воспользовавшись отъ него всѣми правами и преимуществами, платитъ ему за это неблагодарностью. Каждый человѣкъ, который полезенъ только самому себѣ, а не отечеству (которое всѣхъ насъ въ себѣ объединяетъ), не можетъ считаться въ числѣ добрыхъ сыновъ его. Такой неблагодарности не обнаруживаютъ и нѣмые звѣри, напримѣръ, муравьи и пчелы, которые сообща работаютъ, сообща собираютъ, сообща отражаютъ угрожающія имъ опасности, сообща пользуются своими трудами и пріучаютъ къ нимъ свое потомство. Хотя природный инстинктъ толкаетъ и побуждаетъ насъ къ оказанію помощи другимъ, но тотъ только исполняетъ свой долгъ, чья приверженность къ Рѣчи-Посполитой проявляется въ ясныхъ и видимыхъ чертахъ. Между всѣми человѣческими общественными союзами нѣтъ ни одного, который для каждаго человѣка былъ-бы милѣе и притягательнѣе *Государства*. Ибо хотя отецъ, мать, дѣти, родственники и пріятели—милы каждому, но всѣ эти виды любви объединяются и сосредоточиваются въ любви къ отечеству. Поэтому Рѣчь-Посполитая должна считаться кораблемъ, который требуетъ работы отъ всѣхъ на немъ плавающихъ, и каждый, находящійся на немъ, долженъ стараться, чтобы корабль не утонулъ, но добрался до безопаснаго порта; всѣ на кораблѣ исполняютъ различныя работы, имѣя въ виду только одно: спасти корабль и вмѣстѣ съ нимъ себя. Также точно и всѣ подданные Рѣчи-Посполитой должны стремиться къ тому, чтобы служить ей и помагать то совѣтомъ, то ревностью, бдительностью и стараніемъ при исполненіи обязанностей; только при этомъ условіи Рѣчь-Посполитая не только будетъ сбережена отъ угрожающихъ опасностей, но и разовьется на будущія времена; подобная заботливость о ней обезпечитъ безопасность не только теперешнимъ ея обитателямъ, но и ихъ потомству. И какъ заслуживаетъ порицанія и пренебреженія тотъ, кто, плавая на кораблѣ, болѣе заботится о себѣ, нежели о кораблѣ и о другихъ,

въ немъ находящихся, такъ точно заслуживаетъ презрѣнія и изгнанія изъ человѣческаго общества тотъ, кто въ часы опасности для Рѣчи-Посполитой сосредоточиваетъ мысль болѣе на личномъ своемъ благополучіи, нежели на общественномъ. Если обыватели, вооружившись такимъ мнѣніемъ и намѣреніемъ, будутъ съ легкимъ сердцемъ переносить всѣ несчастія, постигающія ихъ изъ-за достоинства, свободы и спасенія отечества, то они по-праву заслужатъ имя добрыхъ и полезныхъ сыновъ отечества; если всѣ ихъ поступки будутъ направлены не къ преслѣдованію частныхъ выгодъ, а къ спасенію отечества, то этимъ путемъ они пріобрѣтутъ себѣ безсмертную славу.

Что касается одежды козаковъ, то необходимо дать каждому изъ нихъ въ отдѣльности по 10 локтей лунскаго сукна. За это сукно причиталось-бы уплатить 50.000 злотыхъ, но чтобы это бремя не легло тягостью на казну Рѣчи-Посполитой, то необходимо возложить его на Жидовъ. Они на вѣчныя времена обязаны будутъ на свой собственный счетъ доставлять 5.000-амъ козаковъ 50.000 локтей сукна ежегодно и сдавать его на руки казначею Кіевскаго бискупа для равномѣрнаго распредѣленія между козаками. Они скорѣе добудутъ лучшій сортъ сукна и навѣрное купятъ все количество дешевле, нежели за 50.000 злотыхъ, въ виду ихъ извѣстной изворотливости. Сравнительно съ ихъ многолюдствомъ это не тяжелое для нихъ бремя, такъ какъ они очень тягостны намъ и нашимъ подданнымъ. Почти всѣ наши имѣнія выцѣжены ими и они, вѣрно, околдовали насъ, какъ Цыгане, и заразили своимъ дыханіемъ, какъ волки, потому-что они разоряютъ насъ въ Польшѣ, какъ хотятъ, и всѣхъ насъ отъ низшаго сословія и до высшаго къ стыду нашему водятъ за собою за носъ. Развѣ не Жиды черезъ руки Армянъ перетащили всѣ сокровища Рѣчи-Посполитой къ Туркамъ и Волохамъ? Развѣ не Жиды черезъ посредство Армянъ передаютъ чужимъ народамъ тайныя свѣдѣнія о дѣлахъ всего Королевства Польскаго? Вѣдь на это направляетъ ихъ Талмудъ, въ которомъ (въ порядкѣ 2 въ трактатѣ 1 въ раздѣлѣ 5 на листахъ 11 и 15) можно прочесть слѣдующія слова: „Евреи должны больше гнушаться христіанскимъ господствомъ, нежели языче-

скимъ. Меньше грѣха служить язычнику, нежели христіанину". Въ другомъ мѣстѣ написано въ Талмудѣ (читай это въ порядкѣ 8): „Если Еврей увидитъ христіанина на опасномъ мѣстѣ, то даже, если-бы могъ его спасти, не долженъ этого дѣлать, а, напротивъ, долженъ толкнуть его въ шею". Объ этомъ-же пишетъ нѣкій докторъ Рафальфесъ въ раздѣлѣ 2 на листѣ 355 тѣхъ книгъ, которыя озаглавлены: Арба Туримъ и проч. Но пойдемъ далѣе. Развѣ Жиды вопреки государственному праву не захватываютъ въ свои руки лучшія аренды? Законъ[1]) запрещаетъ имъ занимать общественныя и государственныя должности, на которыхъ они могли-бы раздавать приказанія христіанамъ, а между тѣмъ, владѣя арендами, они не только повелѣваютъ христіанами, но и продѣлываютъ съ ними все, что вздумается, къ величайшей для насъ обидѣ. Развѣ Жиды вопреки государственному праву[2]) не держатъ на откупѣ таможенъ, пошлинъ и чоповаго? Развѣ они вопреки государственному праву[3]) не держатъ у себя христіанской прислуги? Развѣ они не настроили моделенъ почти при каждомъ жилищѣ своемъ вопреки данной имъ привиллегіи и даже вопреки ихъ стародавнему обычаю?[4]) Вѣдь даже въ то время, когда государство ихъ процвѣтало, они не имѣли такого преимущества, ибо мы читаемъ, что они имѣли только одинъ храмъ Соломоновъ въ Іерусалимѣ[5]), въ который они всѣ въ опредѣленныя времена съѣзжались и сходились на богослуженіе,—даже изъ отдаленныхъ краевъ. Развѣ не противорѣчитъ государственному праву также и то[6]), что Жиды не хотятъ ходить въ желтыхъ шапкахъ? Не на руку намъ и то отвратительное жидовское проклятіе, которое можно прочитать въ ихъ ежедневныхъ молитвахъ, произносимыхъ ихъ жидовскими раввинами трижды въ день въ мольняхъ, которыхъ они настроили втрое болѣе, чѣмъ нужно. Звучитъ оно по

---

[1]) Законъ Сигизмунда I, изданный въ Піотроковѣ въ 1538 г.

[2]) Законъ Сигизмунда-Августа, изданный въ Піотроковѣ въ 1565 г.

[3]) Законъ того же короля, изданный въ 1567 г.

[4]) Законъ того же короля, изданный въ 1565 г.

[5]) 3 кн. Царствъ, гл. 5.

[6]) Законъ Сигизмунда I, изданный въ Піотроковѣ въ 1538 г.

еврейски такъ: „Шувохъ Хеймосхо ель хагоимъ ейншаръ леу іейдухо веіаль Мамлехесъ ейншаръ бейшымхо леукороу"; а по-нашему значитъ: „Разлей, о Боже, свой гнѣвъ на всѣхъ христіанъ и на всѣхъ ихъ королей, которые не хотятъ перейти въ нашу вѣру". Мы читаемъ объ этомъ жидовскомъ ядѣ и въ Талмудѣ ихъ въ порядкѣ 1 въ трактатѣ 1 въ раздѣлѣ 4: „Мы приказываемъ каждому Еврею три раза на день проклинать всю христіанскую церковь и просить Господа Бога, чтобы Онъ разгромилъ, раздавилъ и съ корнемъ уничтожилъ всѣхъ христіанъ вмѣстѣ съ ихъ королями, князьями и господами". Въ особенности это должны исполнять жидовскіе раввины, когда они трижды въ день молятся въ синагогахъ или молельняхъ, въ оскорбленіе Іисусу Назарейскому. Подтверждаютъ нашъ взглядъ и ихъ слова, которыя мы читаемъ въ Талмудѣ въ томъ-же, указанномъ выше, мѣстѣ: „Богъ повелѣлъ Евреямъ, чтобы они присваивали себѣ христіанскія имущества всѣми возможными способами: подлостью, насиліемъ, ростовщичествомъ, даже воровствомъ". А ну-ка, каждый христіанинъ, провѣрь на себѣ, развѣ Жиды не исполняютъ надъ нами повелѣнія своего Талмуда? Въ виду этого, такъ какъ они не только намъ непріязненны, но и нарушаютъ наши законы, и къ тому-же поступаютъ съ нами все равно, какъ хищные волки, то было-бы странно съ нашей стороны дѣлать имъ какія-либо поблажки и не возлагать на нихъ на вѣчныя времена поставки сукна для козаковъ; все равно они своимъ мошенничествомъ сорвутъ и сдерутъ съ насъ всѣ свои затраты. Даже защитники ихъ (изъ христіанъ) сознаются, что не разъ испытывали это на себѣ, а между тѣмъ, благодаря ихъ ходатайствамъ, дѣла жидовскія процвѣтаютъ, а мы прочіе и они сами—даемъ себя обманывать.

Такому войску, о какомъ упомянуто выше, нуженъ гетманъ [1])—человѣкъ, украшенный доблестью, дѣльный и опытный

[1]) Сеймъ 1590 г. принялъ это мнѣніе Верещинскаго и предоставилъ коронному Гетману назначать для командованія Низовцами или Запорожцами (ludzi, ktorzy się na Nizie y za Porohy bawią) старшаго или начальника изъ шляхтичей (Starszego или przełożonego człowieka szlacheckiego naroda). Термина *гетманъ* Конституція сейма не употребляетъ для обозначенія будущаго командующаго козаками.

въ рыцарскихъ дѣлахъ, такъ какъ по старой, но справедливой поговоркѣ: лучше войско оленей, если имъ предводительствуетъ левъ, нежели войско львовъ, надъ которымъ гетманомъ сдѣлался-бы глупый и тупой олень. Поэтому вы, милостивые государи братья, должны старательно заботиться, чтобы гетманомъ надъ украинскимъ войскомъ не былъ назначенъ такой человѣкъ, который былъ-бы привязанъ къ своимъ прихотямъ, къ изящнымъ тарелкамъ, къ роскошнымъ бархатамъ и къ инымъ женскимъ изящно-изысканнымъ затѣямъ. Такими личностями всѣ военные люди, а въ особенности украинскіе,—гнушаются. Да и Корона Польская отъ прихотей подобнаго человѣка легко могла-бы пострадать (чего Боже упаси!), такъ какъ послѣ Господа Бога благополучіе государства болѣе всего зависитъ отъ гетмана. Поэтому, милостивые государи, выберите на этотъ постъ человѣка доблестнаго, который съумѣлъ-бы явиться для всѣхъ образцомъ доблестей, благодаря беззавѣтной храбрости, безсмертной славѣ и основательному разуму; выберите человѣка дѣльнаго, на котораго можно было-бы положиться рыцарскимъ людямъ, и къ тому-же опытнаго въ военномъ дѣлѣ, чтобы войско въ годину невзгоды смѣло могло подчиниться его мудрымъ распоряженіямъ и могло найти въ немъ твердую опору; выберите человѣка, близкаго Украинѣ по мѣсту своего жительства, такъ какъ не можетъ устроиться хорошій порядокъ, если гетманъ не будетъ жить на Украинѣ,—въ особенности въ виду быстроты набѣговъ непріятеля. Необходимо также (и это можно сдѣлать безъ обремененія королевской казны!) дать на содержаніе гетману или одно очень богатое староство, или даже нѣсколько староствъ, потому-что при достаткахъ все легко идетъ, и разума прибываетъ, и трудъ не кажется тягостнымъ. Справедлива въ этомъ случаѣ поговорка; Тотъ трудъ тяжелъ, за которымъ не слѣдуетъ вознагражденіе. Святой Павелъ также подтверждаетъ это словами[1]): „какой воинъ служитъ когда-либо на своемъ содержаніи? Кто, пася стадо, неѣстъ молока отъ стада“?

---

[1]) 1 посл. къ Коринѳ. гл. 9.

Тоже самое сохраняетъ силу и по отношенію къ ротмистрамъ или, какъ ихъ называютъ въ томъ краю, къ сотникамъ, а также и къ десятникамъ. Если вы, милостивые государи, хотите, чтобы они были полезными, то необходимо не только снабдить ихъ продовольствіемъ и одеждой, но также удовлетворить ихъ и жалованьемъ—по заслугамъ и достоинству каждаго. А удовлетвореніе это можно безъ ущерба для Рѣчи-Посполитой устроить на слѣдующемъ основаніи: мы хорошо знаемъ, что существуетъ сеймовое узаконеніе [1]), на основаніи котораго жиды не смѣютъ брать къ себѣ для услугъ христіанъ обоего пола, какъ мужескаго, такъ и женскаго. Но съ одной стороны упрямство жидовъ, а съ другой—величайшее неповиновеніе христіанъ обусловили то, что сеймовыя узаконенія не соблюдаются. За это слѣдуетъ наказать какъ жида, такъ и христіанина. Если кто изъ христіанъ, какого бы то пола ни было, служитъ или хочетъ служить у жида, то долженъ тотчасъ-же внести отъ своей особы одинъ злотый въ городскую кассу, а если онъ живетъ въ селѣ, то войту этого села. Эти деньги въ каждомъ повѣтѣ должны быть въ цѣлости доставлены въ день святаго Мартина, или въ главный городъ повѣта, гдѣ имѣется королевскій замокъ, или въ королевское имѣніе, находящееся въ предѣлахъ повѣта, съ отобраніемъ отъ доставляющихъ присяги въ честной сдачѣ денегъ. Затѣмъ всѣ эти суммы должны быть отправлены въ Кіевъ и сданы на руки кіевскому бискупу, чтобы онъ, по соглашенію съ гетманомъ, въ предѣлахъ собранной суммы, удовлетворилъ жалованьемъ каждаго ротмистра и десятника сообразно съ его заслугами и достоинствами.

Если-бы все это съ Божьею помощью вошло въ свою колею, то тогда господину гетману вмѣстѣ со всѣмъ его войскомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы располагать свой лагерь [2]) въ

---

[1]) Законъ Сигизмунда Августа, изданный въ Піотроковѣ въ 1565 г.

[2]) Въ такомъ смыслѣ употребляетъ здѣсь Верещинскій слово *kosz*. Изъ дальнѣйшихъ словъ его видно, какъ въ представленіи тогдашнихъ людей *kosz* въ смыслѣ лагеря, стоянки—долженъ былъ мало по малу превратиться въ постоянное поселеніе, защищенное нарочито выстроенными укрѣпленіями. Отсюда понятно, почему и стоянка козаковъ за Порогами (козацкій *kosz*) превратилась съ теченіемъ времени въ укрѣпленное поселеніе—Запорожскую Сѣчь.

такихъ мѣстахъ, гдѣ удобнѣе всего можно было-бы основаться и обороняться отъ непріятелей Святаго Креста (за этимъ долженъ также старательно слѣдить кіевскій бискупъ какъ лично, такъ и черезъ своихъ казначеевъ). Они (т. е. войско и гетманъ) должны возможно долѣе стоять лагеремъ на одномъ урочищѣ и не мыкаться поспѣшно съ мѣста на мѣсто, чтобы поселеніе это получило прочность вмѣстѣ съ крѣпостью при немъ, хорошо укрѣпленною и снабженною достаточнымъ количествомъ пушекъ; это будетъ содѣйствовать большей безопасности въ будущемъ.

Чтобы таковые расходы всей Рѣчи-Посполитой не были напрасными и чтобы не мѣрить воды даромъ или по-пустому, но чтобы эти пустыни какъ можно скорѣе, за нѣсколько лѣтъ, могли заселиться подъ прикрытіемъ дорого стоющей фортификаціи, то для этого существуетъ самый подходящій третій способъ, заключающійся въ слѣдующемъ. По постановленію Его Величества Короля и всей Рѣчи-Посполитой слѣдуетъ опубликовать посредствомъ Универсала, что каждый шляхтичъ, не имѣющій въ своемъ владѣніи цѣлаго лана, и каждый кметъ его, не имѣющій во владѣніи половины лана,—должны двинуться на Украину для ея заселенія; за эти лоскутки земли долженъ заплатить шляхтичу или его родственникъ по стоимости ихъ, или онъ можетъ продать ихъ кому-либо другому. Вѣдь я вижу, что почтенный шляхетскій народъ, бывшій благороднымъ отъ предковъ своихъ, приходитъ вслѣдствіе размноженія въ величайшее убожество и затѣмъ (что вызываетъ особенное сожалѣніе) обращается въ грубое хлопство, не памятуя и мало заботясь о томъ, что онъ въ лицѣ своихъ предковъ получилъ дорогіе клейноты шляхетства за доблестныя заслуги, сопряженныя съ опасностью дляжизни и что онъ запечатлѣлъ кровью это шляхетство; между тѣмъ легкомысленный потомокъ относится съ пренебреженіемъ къ доблестнымъ и славнымъ боевымъ подвигамъ своего предка и мало цѣнитъ въ себѣ ту честную и славную кровь, которую тотъ проливалъ, добиваясь клейнота безцѣннаго шляхетства. Поэтому обращаюсь къ подобному вѣтреннику: опомнись, пожалѣй утерять столь дорогой и неоцѣненный клей-

нотъ, котораго ты не скоро добьешься вновь, если уронишь его по винѣ своего поведенія; чтобы поддержать свве достоинство, ударь низко челомъ Его Величеству Королю, своему Государю, и проси его, чтобы онъ поддержалъ твое шляхетство и надѣлилъ-бы тебя по твоему состоянію пустынею на окраинѣ своего государства; тамъ ты не только сохранишь свое шляхетство, добытое твоими предками, но еще ей-Богу! украсишь его доблестными заслугами; но что еще важнѣе:—тамъ не только ты съ своимъ милымъ потомствомъ будешь жить и плавать во всякомъ изобиліи, но также можетъ, благодаря тебѣ, размножиться хвала Господня на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ранѣе жили медвѣди, волки и свиньи, да ширилось и роскошничало грубое басурманство [1]).

Теперь открытъ уже надлежащій путь, коимъ могутъ получаться доходы, чтобы безъ ущерба для Рѣчи-Посполитой уплачивать жалованіе и удовлетворять иныя потребности пяти тысячъ козаковъ или людей военныхъ, которые будутъ содержаться на Украинѣ. Затѣмъ еще необходимо, чтобы Кіевскій бискупъ каждые два года отдавалъ на сеймѣ отчетъ въ исполненіи своихъ казначейскихъ обязанностей и въ расходованіи денегъ. И тогдаже сеймъ долженъ выдавать ему росписку въ принятіи отчета [2]).

И такъ, милостивые государи братья, издавна славные Поляки,—какая утѣха вамъ будетъ, когда все это войдетъ въ свою колею и дастъ съ помощью Господа Бога свои результаты! Какую радость и веселіе испытаете вы, когда, благодаря заселенію

---

[1]) Сеймъ не раздѣлилъ мнѣнія Верещинскаго въ этомъ случаѣ, но предоставилъ королю право раздавать украинскія пустыни въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго сословія, которыя оказали услуги Королю и Рѣчи-Посполитой.

[2]) Сеймъ 1590 г. не предоставилъ Кіевскому бискупу той дѣятельной роли въ устройствѣ порядка на Украинѣ, о какой мечталъ Верещинскій. Для надзора за приведеніемъ въ исполненіе своихъ постановленій Сеймъ избралъ изъ числа осѣдлыхъ на Украинѣ шляхтичей двухъ наблюдателей (dozorców), которые были подчинены коронному гетману и имѣли своей задачей слѣдить за всѣми нарушеніями вновь вводимаго закона и виновныхъ въ нарушеніяхъ привлекать къ судебной отвѣтственности. Имъ полагалось по 300 злотыхъ жалованья каждому. Уплата жалованья служащимъ въ Украинскомъ войскѣ и исполненіе другихъ казначейскихъ обязанностей возлагалось на существовавшихъ чиновниковъ польскаго финансоваго управленія, такъ называемыхъ *провизоровъ*.

пустынь, еще при вашей жизни образуется какъ-бы второе Королевство Польское! Какая опора будетъ у васъ при защитѣ отъ какого-либо непріятеля! Какъ, благодаря большой предусмотрительности съ вашей стороны, разстроятся планы непріятеля, который раньше раскрывалъ очи на ваши роскошныя пустыни, желая ихъ раньше васъ захватить и заселить! Непріятель не будетъ уже засматривать въ ваши горшки, чтобы узнать, что въ нихъ варится. Вы будете пользоваться въ большей степени свободою, роскошью, вольностью, весельемъ и радостью, нежели было это доселѣ; къ тому-же не только иноземные непріятели, но и здѣшніе: жолнеръ да козакъ—не будутъ уже заостривать кольевъ на вашей головѣ, ни расточать ваше добро. Они не будутъ болѣе глумиться надъ вами и надъ вашимъ добромъ и не будутъ тяготить васъ своимъ присутствіемъ. О какъ будутъ увеличиваться и умножаться въ васъ радость и веселіе! Какъ будутъ веселиться ваши сердца, когда язычникъ будетъ издалека напѣвать языческіе стихи, взятые у Вергилія [1]).

„Мы, по ненависти къ намъ Русскихъ, лишились нашихъ роскошныхъ и пріятныхъ осѣдлостей, и рады—не рады, а должны были съѣхать съ нихъ, а вы на нихъ усѣлись, чтобы роскошничать“. А вы будете отвѣчать имъ также словами, взятыми у Вергилія [2]):

„О безбожные язычники, противные Господу Богу! Мы поселились здѣсь во святую славу Господню. Онъ всегда Самъ будетъ пектись о насъ, а мы за то будемъ воздавать Ему честь и хвалу. Мы поставили въ честь Его святой алтарь и послѣ побѣды будемъ приносить Ему въ жертву барашка“.

Дабы Господь Богъ позволилъ намъ дождаться всего этого, необходимо горячо взывать къ Его святой милости; достигши всѣхъ этихъ радостныхъ утѣхъ, необходимо намъ оказывать Ему

---

¹) Вольная передѣлка двустишія Вергилія:

Nos patriae fines et dulcia linquimus arva,

Nos patriam fugimus, tu, Tityre, lentus in umbra. Buc. Egl. I.

²) Также передѣлка стиховъ Вергилія:

O Meliboee, Deus nobis haec otia fecit,

Namque erit ille mihi semper Deus, illius aram

Saepe tener nostris ab ovilibus imbuit agnus. Buc. Egl. I.

непрерывно честь и хвалу и сильно стараться, чтобы мы не осквернили Его святое величіе нашими грязными грѣхами; надо остерегаться, чтобы потомъ мы опять не попали въ такую неволю и такой гнетъ, какими теперь душатъ насъ грубые язычники, да отчасти и наши домашніе враги; надо имѣть въ виду также и то, что и эта безлюдная пустыня была нѣкогда полна богатырями и такими доблестными людьми, что ихъ по мужеству и доблести можно сравнивать съ Самсономъ, Гекторомъ, Геркулесомъ и Ахиллесомъ; теперь-же, взглянувши на эти безлюдныя пустыни, болѣе хочется плакать, нежели плясать. А такая судьба постигла ихъ навѣрное отъ того, что они часто оскорбляли величіе Господне и, плавая въ достаткѣ и въ изобиліи, въ поступкахъ и въ обычаяхъ своихъ уподоблялись Содому и Гоморрѣ, а также отъ того, что, полагаясь черезъ-чуръ на свои силы и неизмѣримыя богатства, они рѣдко прибѣгали къ Господу Богу въ несчастіяхъ своихъ.

Мы къ прискорбію, Милостивый Боже! идемъ почти-что ихъже дорогою. Вѣдь если Господь мало-мальски поблагопріятствуетъ намъ и побалуетъ насъ счастьемъ, то мы только и умѣемъ, что играть на дудкахъ да на скрипкахъ, ударять въ бубны, плясать, печь, варить да жарить днемъ и ночью, а о будущей судьбѣ нашей, о томъ, чѣмъ можно умилостивить Господа Бога за злыя поступки наши или какими наказаніями можно устранить злодѣянія, такъ какъ извѣстно, что злодѣи только подъ страхомъ наказанія перестаютъ грѣшить,—обо всемъ этомъ не услышишь и словца. А Господь Богъ хотя долго терпитъ, какъ Духъ милосердный, но за то потомъ, какъ пишетъ о немъ Священное Писаніе, возмѣщаетъ свое долготерпѣніе усиленной строгостью. Вѣдь хотя надъ нами Богъ христіанскій, Богъ милосердный, но трудно Ему терпѣть наши злодѣянія и въ своихъ приговорахъ Онъ обращается въ Бога языческаго, въ Бога немилосерднаго. И трудно намъ укорять Его за Его святую справедливость. Такимъ образомъ не Богъ насъ обижаетъ, не язычникъ, не жолнеръ, не козакъ, не армянинъ, не жидъ, не цыганъ, а мы сами себя обижаемъ, потому-что добровольно навлекаемъ на себя суровые приговоры Господни; въ часы мира, въ

часы нашихъ наслажденій мы нисколько ихъ не боимся, а напротивъ еще усерднѣе вызываемъ ихъ противъ себя.

Поэтому, мои милостивые государи братья, если мы хотимъ избѣжать строгихъ приговоровъ Господа Бога, если мы хотимъ избѣжать невыносимыхъ бѣдствій, которыя часто постигаютъ насъ за наши грязные грѣхи,—то мы должны смиловаться надъ нами самими, надъ нашими домами, надъ нашими дѣтками, надъ нашимъ славнымъ отечествомъ, надъ всѣмъ нашимъ народомъ, и не должны быть предателями и измѣнниками относительно самихъ себя, разорителями своего славнаго отечества и своего имущества; напротивъ, мы должны во всѣхъ отношеніяхъ исправить свою жизнь и поднять руки свои къ Господу Богу, набожно моля вмѣстѣ съ Моисеемъ[1]) о святой Его помощи; мы должны ежедневно съ Самуиломъ[2]) приносить Ему въ жертву благодарственнаго барашка, вѣруя въ Сына Его, Милостиваго Господа Іисуса Христа, Господа и Спасителя нашего. Будемъ возлагать все наше упованіе на Господа Бога и тогда навѣрное всѣ наши дѣла и всѣ наши домашніе планы относительно быстраго заселенія русскихъ пустынь и относительно болѣе удобной обороны—пойдутъ такъ, какъ вѣнки вьются, по словамъ старой поговорки. Наши мысли и сердца поднимутся на страхъ и на ужасъ непріятелямъ нашимъ; эти басурманы будутъ устрашены не полчищами и не пушкаминашими, а могуществомъ и милостью къ намъ Господа Бога нашего.

Итакъ если съ помощью Всемогущаго Господа Бога и по милости Его Величества Короля ты приступишь къ заселенію этихъ пустынь, то пусть басурманъ грозитъ тебѣ, какъ хочетъ, а ты не пугайся при исполненіи своего предпріятія и нисколько не тревожься, помня слѣдующія слова:

„Не уступай злымъ, смѣло иди впередъ, самъ милый Господь Богъ стелетъ тебѣ дорогу“.

Если ты будешь тревожиться, то смотри, чтобы Господь не сказалъ тебѣ, какъ Петру[3]): „мало вѣры у тебя, несчаст-

---

[1]) Бытіе, гл. 17, Второза.. гл. 17.

[2]) 1 кн. Царствъ, гл. 7.

[3]) Ев. Матѳ. гл. 8.

ный! почему ты усомнился?"—Если мы будемъ съ вѣрою уповать на него, то Господь навѣрное будетъ опорой нашей въ упроченіи предпринятой нами колонизаціи и безъ труда укажетъ намъ пути въ почтенныхъ дѣлахъ и поступкахъ нашихъ, какъ теперь озаботился Онъ черезъ меня показать вамъ удобную дорогу къ вѣчной безопасности и быстрому заселенію этихъ пустынь. Найдется еще и Гедеонъ [1]) для избавленія земли нашей, найдется еще и Мойсей [2]) для всѣхъ добрыхъ и почтенныхъ дѣлъ нашихъ, найдется еще и Іисусъ Навинъ [3]), который будетъ нашимъ Гетманомъ. Всегда, когда захочетъ и какъ только захочетъ, легко найдетъ Господь путь для спасенія отъ угрожающей опасности народа, который съ вѣрою полагается на Него. Вѣдь Онъ совершалъ это и черезъ женщинъ: какъ, напримѣръ, совершилъ черезъ Іудиѳь, которая отсѣкла голову жестокому Олоферну [4]) и освободила вѣрный народъ отъ осады; Онъ совершилъ это черезъ Эсѳирь [5]), которая избавила еврейскій народъ отъ великой опасности и отправила на висѣлицу самаго главнаго врага Амана. Онъ можетъ творить это и черезъ иныхъ, показывая дивное могущество божественности своей, благодаря которому Онъ можетъ совершить все, что только захочетъ. Поэтому Онъ и намъ будетъ помагать въ заселеніи пустыхъ мѣстъ и въ защитѣ ихъ, если только мы съ вѣрою будемъ уповать на Его святое милосердіе и на вспомоществованіе съ Его стороны. Прибудетъ къ намъ и тотъ ангелъ, который побилъ войско жестокаго Сеннахериба [6]). Найдется еще и Давидъ, который убъетъ Голіаѳа [7]), а намъ можно будетъ вмѣстѣ съ названнымъ Давидомъ сказать жестокимъ Голіаѳамъ, а иначе басурманамъ, врагамъ нашимъ, то самое, что тотъ сказалъ хорошо вооруженному и жестокому великану Голіаѳу: „Вы, жестокіе басурманы, идете противъ насъ съ различными оружіями, а мы будемъ

---

[1]) Судей, гл. 6.

[2]) Исходъ, гл. 3.

[3]) Кн. Іис. Нав. гл. 1.

[4]) Іудиѳь, гл. 8.

[5]) Есѳирь, гл. 5.

[6]) 2 кн. Паралип. гл. 32.

[7]) 1 кн. Царствъ, гл. 17.

бить васъ во имя Господа Бога нашего". А потомъ въ святомъ костелѣ мы съ веселымъ сердцемъ будемъ пѣть вмѣстѣ съ тѣмъже Давидомъ [1]) тѣ благодарственныя пѣснопѣнія его, которыя онъ пѣлъ послѣ пережитыхъ ужасовъ,—благодаря Господа Бога нашего за то, что Онъ стеръ и разгромилъ всѣхъ противниковъ нашихъ и выламалъ имъ, какъ львамъ, тѣ жалкіе зубы ихъ, которыми они хотѣли насъ искусать. А затѣмъ, мои милостивые государи братья, я желаю вамъ отъ чистаго сердца, чтобы вамъ всѣмъ покровительствовалъ Господь, предъ рукой Котораго дрожатъ всѣ силы земныя, небесныя и адскія.

Плачъ автора этой книги, который не могъ найти ни одного костела въ своемъ бискупствѣ и ни одного дома для жительства своего, въ виду опустошенія русскихъ областей грубыми басурманами: Турками и Татарами,—заимствованъ изъ псалма 79-го.

„Боже! Язычники пришли въ наслѣдіе Твое".

О Боже живый! язычники опустошаютъ войной твое наслѣдіе; они осквернили твой храмъ; они разрушили до основанія города.

Грудами лежатъ на землѣ трупы слугъ Твоихъ и ими кормятся отвратительныя птицы и хищные звѣри.

Кровь льется по дорогамъ, какъ будто послѣ проливнаго дождя, и нѣтъ никого, кто изъ жалости прикрылъ-бы пескомъ бѣдныя кости.

Завистливый сосѣдъ, видя постигшее насъ несчастіе, услаждаетъ свой взоръ, тѣшится душею, усмѣхается къ себѣ и къ своимъ друзьямъ.

Когда-же, вѣковѣчный Боже, прекратится гнѣвъ Твой противъ насъ? Гнѣвъ Твой подобенъ жестокому пожару, котораго не удается потушить.

Прояви свою строгость на тѣхъ, которые, о Боже, не имѣютъ о Тебѣ никакого понятія и не взываютъ къ Тебѣ въ печаляхъ.

---

[1]) Псал. 3.

Они-то огнемъ и жестокимъ мечомъ уничтожили Твой убогій народъ; города и замки сравняли съ землею.

Не памятуй, о Боже! о нашихъ злодѣяніяхъ, прояви свою жалость надъ нами, Твоими обездоленныци слугами.

Обойдись съ нами ласково и это подыметъ Твою славу; мы будемъ призывать имя Твое, а Ты примирись съ нами.

Не допусти, чтобы молва пошла между язычниками: Гдѣже теперь ихъ славный Богъ, ихъ защитникъ и исконный стражъ?

Прояви на очахъ нашихъ месть Твою надъ тѣми, которые пролили кровь слугъ Твоихъ и мучили невинныхъ.

Услыши стонъ убогихъ невольниковъ и избавь ихъ отъ жестокихъ оковъ; отдали отъ нихъ близкую смерть, которую они видятъ уже—надъ своими головами.

Заплати седмерицею нашимъ сосѣдямъ, которые глумились не столько надъ нами, сколько надъ Тобою, Господи, и давали намъ щелчки по носу.

А мы, люди Тобой покровительствуемые, будемъ славить Тебя во вѣки; мы не умолкнемъ о Твоей славѣ, пока небеса стоятъ.

Предисловіе, обращенное къ Его Милости, автору этой книги.

Сама признательность искренняго сердца вынуждаетъ меня къ тому, почтенный бискупъ Кіевскій, чтобы воспѣть въ стихахъ пріятныя мѣста твоей бискупской столицы, недосягаемыя въ своей знаменитой славѣ.

Ты, Амфіонъ, долженъ наигрывать на своей лютнѣ давносложенныя сочетанія звуковъ, тонъ которыхъ подымается подъ небеса; долженъ помагать тебѣ и Орфей на своей голосистой лютнѣ; ты будешь украшать его звуки, а онъ—твои.

Ты, Минерва, прійди съ другими такими богинями, какъ ты сама, и начни подтягивать имъ; пусть твое искусство пріятно выводитъ на скрипкѣ дискантовыя ноты; увеселяйте отъ всего сердца почитаемаго бискупа.

Улиссъ и Пріамъ, Гекторъ и Ахиллъ (почтенные все люди и притомъ воины) посылаютъ тебѣ черезъ своихъ богинь вѣнки, свитыя изъ виноградной лозы, и ими тебя привѣтствуютъ.

Лѣсное эхо съ нимфами и съ людьми славныхъ странъ привѣтствуютъ тебя согласно съ различными ихъ обычаями; привѣтствуютъ тебя веселыя небеса, лѣса, прелестныя поля Бѣлоцерковскія, а также текущая въ ложбинѣ Унава [1]).

Но еще лучше славитъ тебя вновь отстроенный городъ, названный по твоей фамиліи Верещиномъ; онъ надѣется, что еще умножитъ и выше подниметъ твою славу.

Твоя бискупская столица [2]) въ тѣхъ краяхъ, которая долгое время, какъ горлица, была осиротѣлой, теперь встрѣтила тебя, какъ ненагляднаго супруга.

Ты избралъ своимъ удѣломъ расширять виноградникъ Божій среди дикаго поля и разсаживать лозу среди людей [3]); ты избралъ этотъ удѣлъ, оставивши въ сторонѣ роскошь, и тебя, навѣрное, онъ не испугаетъ.

Вокругъ виноградника ты хочешь насадить новыя прелестныя деревья, сладостно-пріятныя Господу,—пахучіе кедры; я говорю о іезуитахъ, которыхъ ты хочешь призвать, чтобы они были мощными подпорами тебѣ и вырывали-бы изъ твоего виноградника бурьяны [4]).

Эти бурьяны вкусомъ своихъ гроздей похожи на виноградъ, но каждый, кто питается ими,—хитеръ, какъ воронъ; пусть

---

[1]) Унава—рѣчка въ кіевской губ., притокъ Ирпени. На ней было расположено имѣніе кіевскихъ бискуповъ Фастовъ, переименованное Верещинскимъ въ Новый Верещинъ. Не имѣя усадьбы въ Кіевѣ, Верещинскій проживалъ главнымъ образомъ въ Фастовѣ. Здѣсь у него былъ домъ, здѣсь устроилъ онъ типографію, здѣсь навѣщалъ его въ 1594 г. (1—4 мая) посолъ Рудольфа II Эрихъ Лассота. См. Путевыя Записки Э. Лассоты, Одесса, 1873, стр. 16.

[2]) Кіевъ.

[3]) Подъ *расширеніемъ* виноградника и *разсаживаніемъ* лозы понимается распространеніе католической вѣры среди православныхъ.

[4]) Подъ „*бурьянами*“ разумѣются здѣсь православные, которые будутъ упорно сохранять преданность вѣрѣ своихъ предковъ. Іезуиты должны уничтожать таковыхъ, чтобы они своею вѣрностью православію не подавали бы примѣра устойчивости убѣжденій колеблющимся, готовымъ измѣнить своей вѣрѣ изъ-за житейскихъ разсчетовъ.

стражи уничтожаютъ ихъ, чтобы они не плелись среди новыхъ благородныхъ кустовъ, будь то зимою, или лѣтомъ.

Господь привелъ тебя къ людямъ простымъ, чтобы ты былъ посредникомъ между ними и Господомъ и чтобы словомъ Его искоренялъ ихъ упорное суевѣріе; и вотъ ты стараешься, чтобы добросовѣстно насадить пріятный Господу виноградникъ и возрастить его—чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше.

Я увѣренъ, что ты не стараешься для себяи не ищешь чего-либо въ свою пользу, но гонишься за тѣмъ, что пріятно твоему Христу; ты безъ сожалѣнія издерживаешь гораздо болѣе, нежели приносятъ тебѣ доходныя статьи, только чтобы поддержать существованіе убогихъ.

Самъ Богъ поставилъ тебя тамъ и хочетъ тебя благословить вмѣстѣ съ тѣми, которые желаютъ воспользоваться съ тобою тамошними благами; видя это, басурманъ смутится въ своемъ сердцѣ, а Коронѣ твои предпріятія принесутъ великую честь.

Кто-же, ради Бога! будетъ такимъ глупымъ, что не захочетъ переселяться изъ коронныхъ краевъ въ украинскія мѣста? Вѣдь тамъ изобильная роскошь растекается изо всѣхъ угодій, а на опасности никто не долженъ обращать вниманія.

Я упомянулъ въ своихъ стихахъ объ этихъ прелестныхъ мѣстахъ не потому, что состою слугою твоимъ, почтенный мой господинъ; но я потому описалъ ихъ людямъ въ привлекательныхъ чертахъ, что самъ хорошо присмотрѣлся къ нимъ.

Пусть-же твоя *Дорога*[1]) ведетъ всѣхъ туда, на эти пріятныя роскоши; братья наши съ радостью предпочтутъ селиться тамъ, среди величайшаго на все изобилія, нежели оставаться здѣсь въ Коронѣ, которая переполнена всякой нуждой.

Конецъ этой книги.

---

[1]) Намекъ на заглавіе брошюры.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ 1812-мъ ГОДУ[1].

Въ губернскій городъ N, по случаю губернскихъ выборовъ, собрались дворяне изо всѣхъ уѣздовъ губерніи, чтобы избрать, изъ среды себя, людей, способныхъ соотвѣтствовать новымъ началамъ, сложившимся въ душѣ новаго поколѣнія. Умные старики ясно выразумѣли, что пришла другая пора, что убѣжденія измѣнились и что имъ нужно уступить мѣсто новымъ нуждамъ новаго поколѣнія. Отрадно было видѣть въ старикахъ такое разумное пожертвованіе, во имя общей пользы; еще отраднѣе было смотрѣть на новое поколѣніе, озаренное свѣтомъ науки, стремящееся къ лучшимъ цѣлямъ. Это было слишкомъ за тридцать лѣтъ тому назадъ, а тридцать лѣтъ много значатъ!... Выборы въ провинціи, какъ водится, сопровождаются разнаго рода препровожденіемъ времени. Утромъ всѣ вмѣстѣ въ залѣ собранія обѣдаютъ, кто гдѣ хочетъ или куда кто приглашенъ; вечеромъ собираются побесѣдовать, поиграть въ карты, а иногда и потанцовать на балѣ у какого-

---

[1]) Происшествіе, разсказанное въ предлагаемой вниманію читателей „Кіевской Старины" повѣсти, писанной, судя по отмѣткѣ на рукописи, въ 1854 мъ году, не есть вымыселъ, а основано на дѣйствительномъ событіи, случившемся въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Героиней его была дочь мѣстнаго помѣщика Анна Григорьевна Иваненко. Первымъ мужемъ ея былъ подполковникъ Владиміръ Милорадовичъ, а вторымъ Степанъ Самойловъ. Послѣ развода ея съ обоими мужьями дѣти ея отъ Самойлова были признаны незаконными (ихъ было пять сыновей и одна дочь) и имъ присвоена была материнская фамилія Иваненко. На прошеніи матери на Высочайшее имя объ оставленіи за дѣтьми званія законнорожденныхъ императоръ Николай I, говорятъ, надписалъ: „Для незаконныхъ нѣтъ закона". Въ настоящее время всѣ сыновья Анны Григорьевны Иваненко умерли, не оставивъ потомства.

нибудь богатаго барина. Городъ принимаетъ столичный видъ, экипажи снуютъ взадъ и впередъ, вездѣ людно, шумно. На это время появляются и фокусники, и артисты, и бродячіе актеры, которые, устроивъ наскоро театръ, если нѣтъ готоваго зданія, потѣшаютъ публику своею уморительною игрою. Однимъ словомъ весело, и все веселится отъ души, ставя ребромъ послѣднюю копѣйку. Понятно, что, во время выборовъ, пріобрѣтается много знакомствъ, и часто одинаковость мнѣній, цѣлей и желаній сближаетъ людей и сближаетъ иногда на всю жизнь.

Помню я, что мы какъ-то собрались вечеромъ къ одному изъ лучшихъ людей, какихъ когда либо удавалось мнѣ встрѣчать въ жизни. Послѣ обычныхъ привѣтствій, начались толки о разныхъ предметахъ, относящихся къ службѣ по выборамъ. Много было высказано прекрасныхъ мнѣній, въ которыхъ общее дѣло составляло весь интересъ бесѣдующаго небольшаго общества людей умныхъ, дѣльныхъ и образованныхъ. Нѣкоторые, по приглашенію милаго хозяина, сѣли и играли въ бастонъ—тогда эта умная игра была въ употребленіи,—а остальные, составивъ кружокъ въ той-же комнатѣ, начали толковать объ избраніи въ должности чиновниковъ, которые могли-бы уничтожить продажность и взяточничество, такъ глубоко укоренившіяся на родной почвѣ. Много было разсказано разныхъ происшествій, въ которыхъ вся гнусность порочныхъ наклонностей стараго подъяческаго племени выказывалась во всей наготѣ своей. При этомъ случаѣ одинъ изъ собесѣдниковъ Андрей Ивановичъ С. разсказалъ исторію товарища своего по военной службѣ, Владиміра Николаевича М., который былъ въ числѣ игравшихъ въ карты, и который такъ много выстрадалъ, во имя злоупотребленій, гнѣздившихся въ то время въ нашей администраціи.

„Ну что тебѣ за охота разсказывать мою непріятную исторію?“ сказалъ Владиміръ Николаевичъ Андрею Ивановичу. „Нѣтъ, нѣтъ“, закричали всѣ мы въ одинъ голосъ, „ради Бога, незапрещайте“. „Ужъ какъ ты хочешь, а я непослушаюсь тебя“, сказалъ Андрей Ивановичъ. „Надъ тобою разразилась вся гадость нашей администраціи и юриспруденціи, имъ ты обязанъ, что увя-

даешь, не составивъ семейнаго счастія, для котораго столько задатковъ въ прекрасной душѣ твоей".

Передаемъ это грустное происшествіе въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ нашей памяти.

Въ незабвенный для всѣхъ 1812-й годъ. Владиміръ Николаевичъ, служа ротмистромъ въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, стоялъ съ своимъ эскадрономъ въ селѣ Радищѣ [1]), Переяславскаго повѣта, Полтавской губерніи, въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ, С. Холмами, вдовы бунчуковаго товарища Екатерины Семеновны И. [2]) у которой была единственная дочь, Марья Андреевна, наслѣдница всего ея состоянія, состоявшаго изъ 800 душъ. Владиміръ Николаевичъ былъ не такъ богатъ, какъ счастливъ въ картахъ, а потому денегъ у него было всегда много, и жилъ онъ настоящимъ бариномъ. Съ прекрасною наружностью онъ соединялъ очень хорошее образованіе и отличныя манеры.

Посѣщая богатую вдову, Владиміръ Николаевичъ очаровалъ ее, не произведя, казалось, особеннаго впечатлѣнія на молоденькую 17-ти—лѣтнюю дочь хозяйки, на которую смотрѣлъ онъ, какъ на прекрасное созданіе, никогда для него недосягаемое.

Такъ шли мѣсяцы, а между тѣмъ гроза подымалась съ запада, и все предчувствовало страшную, отчаянную борьбу съ великаномъ, успѣвшимъ положить къ ногамъ своимъ всю Европу.

Надобно сказать, что Екатерина Семеновна была женщина, склонявшаяся уже къ старости, характера самаго суроваго, самовластнаго и жестокаго, при безграничномъ самолюбіи. Владиміръ Николаевичъ принадлежалъ къ одной изъ лучшихъ фамилій, которая была въ родственныхъ связяхъ и съ графомъ К. и съ графомъ Б. и со всѣми фамиліями, занимавшими тогда почетнѣйшія мѣста въ правительствѣ.

Отдать свою дочку замужъ за такого прекраснаго молодаго человѣка, какъ Владиміръ Николаевичъ, было непреложнымъ желаніемъ Екатерины Семеновны. Дочь была въ безусловномъ повиновеніи у матери, но никакъ не подозрѣвала, что

---

[1]) Дѣйствительное названіе этого села—Селище.

[2]) Анна Григорьевна Иваненко проживала съ матерью въ с. Остролучьи.

мать ея съ цѣлью принимаетъ такъ ласково молодаго гусара, на котораго она, юная малороссіянка, смотрѣла, какъ на какого-то вельможу, никогда не могущаго обратить вниманія на нее, деревенскую необразованную барышню, хотя, по совѣсти сказать, онъ ей очень нравился.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда нагрянулъ на Святую Русь величайшій полководецъ съ несмѣтною арміею.

Наступила малороссійская весна, т. е. апрѣль мѣсяцъ. Небольшіе снѣга исчезли съ весеннимъ вѣтромъ. Легкіе утренники смѣняли довольно теплые дни; показалась уже на пригрѣвахъ зеленая травка, молодая крапива, которая такъ хороша въ малороссійскомъ борщѣ. Проѣзды сдѣлались трудны; но политическія событія не ждутъ до просухи. Съ приближеніемъ полчищъ Наполеона къ предѣламъ русскимъ, нельзя было откладывать далѣе, и войска наши двинулись на защиту родины. Въ ночь на 29-е апрѣля Владиміръ Николаевичъ получилъ приказаніе выступить въ походъ въ 24 часа. Повинуясь долгу, онъ отдалъ всѣ нужныя приказанія, а самъ отправился къ сосѣдкѣ Екатеринѣ Семеновнѣ—проститься съ нею и ея дочерью. Борзый конь, на котораго вскочилъ Владиміръ Николаевичъ, быстро донесъ его до С. Холмовъ, отстоявшаго въ $1^1/_2$ верстѣ отъ его квартиры[1]), и молодой гусаръ, не безъ грусти въ сердцѣ, явился въ гостинную гордой пани съ вѣстію о выступленіи въ походъ, на войну.

Эта новость смутила и мать и дочь. Не взирая на всю любезность хозяйки и ея дочери, Владиміръ Николаевичъ не могъ остаться обѣдать: ему слѣдовало выступить въ 7 часовъ утра 29-го апрѣля, а дѣла было еще много. Простясь съ хозяйками, опять скажу не безъ грусти, Владиміръ Николаевичъ, сопровождаемый желаніями, самыми пламенными, пустился обратно, чтобы сдѣлать окончательныя распоряженія. Цѣлый день онъ прохлопоталъ съ своими товарищами и ввечеру приказалъ молодцу вахмистру Харченку, чтобы эскадронъ былъ собранъ въ

[1]) С. Селище находится, дѣйствительно, въ разстояніи $^1/_2$ версты отъ с. Остролучья.

7 часовъ слѣдующаго утра возлѣ церкви, чтобы съ молитвою выступить въ походъ. Тутъ, когда Владиміръ Николаевичъ остался одинъ, запала тоска въ его душу; ему было чего-то жаль, не взирая на усердное желаніе сразиться съ врагомъ отечества. Долго онъ мечталъ, мечталъ, и, наконецъ, мечты сдѣлались неясными, темными, и сонъ унесъ ихъ въ неизмѣримую даль. Въ 5 часовъ утра, вскочилъ съ постели бодрый гусаръ и приказалъ просить къ себѣ всѣхъ своихъ товарищей, чтобы вмѣстѣ напиться чаю. Всѣ собрались, усѣлись, стаканы налиты, трубки закурены, и началась веселая болтовня молодежи.

Въ самомъ разгарѣ этой болтовни вошелъ Степанъ—такъ звали слугу Владиміра Николаевича—и шепнулъ ему на ухо: „Дочь барыни, у которой Вы часто бывали, пришли къ намъ на дворъ“.

„Что? что ты врешь“? вскрикнулъ Владиміръ Николаевичъ; „какая дочь“?—„Да изъ Холмовъ, сударь“, отвѣтилъ Степанъ громко.—Владиміръ Николаевичъ вышелъ и, дѣйствительно, увидѣлъ милую Машеньку, которая бросилась къ нему со слезами. „Что съ Вами, Марья Андреевна? войдите ко мнѣ въ хату; тамъ мои товарищи, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣлится оскорбить Васъ даже взглядомъ“. Молодая, неопытная дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ и отъ холода и отъ внутренняго волненія, при всей своей стыдливости, рѣшилась войти въ хату, предшествуемая Владиміромъ Николаевичемъ. Веселые гусары съ уваженіемъ поклонились Маріи Андреевнѣ и вышли въ сѣни. Владиміръ Николаевичъ ободрилъ ее, просилъ объяснить, что все это означаетъ, и Марья Андреевна со всею наивностію разсказала ему, что мать ея, не говоря сначала ни слова о своей цѣли, когда она оказывала столько ласкъ Владиміру Николаевичу, вчера, когда онъ простился съ ними, призвала ее къ себѣ, разбранила, называя ее негодною дурою за то, что не умѣла понравиться такому достойному человѣку, и, въ заключеніе, выгнала ее вонъ изъ дому и приказала никогда не показываться къ себѣ на глаза. Пораженная, оскорбленная Марья Андреевна не знала что предпринять и, наконецъ, рѣшилась идти сюда, прибѣгнуть къ великодушію Владиміра Николаевича. „Что же Вамъ угодно“?

Марья Андреевна не отвѣтила ни слова, а только плакала. „Угодно Вамъ, чтобъ я на Васъ женился“?—Она схватила руку Владиміра Николаевича и поцѣловала.

„Все кончено“! вскрикнулъ онъ. „Господа! Господа“! Товарищи его взошли, и Владиміръ Николаевичъ представилъ имъ свою невѣсту. „Ну“, сказалъ онъ, обращаясь къ ней, „ты ужъ теперь моя, Машенька! Ничто и никто не можетъ расторгнуть нашихъ узъ“.

Наканунѣ Владиміръ Николаевичъ просилъ священника, чтобы онъ отслужилъ молебенъ, по случаю выступленія въ походъ. Эскадронъ былъ уже въ сборѣ возлѣ церкви. Офицеры, а вмѣстѣ съ ними Марья Андреевна подъ руку съ своимъ женихомъ, пошли въ церковь. Владиміръ Николаевичъ, передавъ все происшествіе священнику, просилъ обвѣнчать его съ Марьею Андреевной И., которую очень хорошо зналъ и любилъ отецъ Ѳеодоръ. Боясь, чтобы не попасть подъ отвѣтственность, священникъ сначала не хотѣлъ было совершать таинство брака, но убѣждаемый Владиміромъ Николаевичемъ, который успѣлъ заслужить любовь и уваженіе его, и всѣми офицерами, и самою Марьею Андреевною, наконецъ, рѣшился, сказавъ: „Ну, буди воля Божья“. Владиміръ Николаевичъ и Марья Андреевна сдѣлались супругами; молебенъ отслуженъ, и Владиміръ Николаевичъ, поручивъ эскадронъ старшему по себѣ офицеру, возвратился съ супругою въ свою хату, тотчасъ приказалъ заложить коляску, снабдилъ жену деньгами и отправилъ ее къ матери, при слѣдующемъ письмѣ:

„Милостивая государыня Екатерина Семеновна! Осчастливленный выборомъ Вашимъ и милой дочери Вашей, я обвѣнчался съ прекрасною Марьею Андреевною сегодня, въ 7 часовъ утра; но, не имѣя возможности оставаться долѣе, будучи призываемъ обязанностями службы въ годину испытанія отечества, я имѣю честь увѣдомить Васъ, что высоко цѣню мое счастіе, которымъ вполнѣ воспользуюсь, когда сподобитъ меня Богъ возвратиться съ поля брани.

Поручая жену мою Вашей материнской нѣжности, покорнѣйше прошу любить меня, какъ сына, преданнаго Вамъ всѣми

чувствами. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. 29-го апрѣля 1812 года. С. Радище".

Не для чего описывать радости и горя молодыхъ супруговъ. Это выше всякаго описанія; скажу только, что объятіямъ и попѣлуямъ не было счета. Надежда, какъ путеводная звѣзда, наполнила ихъ души, и они разстались..., но разстались навсегда...

Разставшись съ женою въ силу глубокаго чувства долга, Владиміръ Николаевичъ отправился за своимъ эскадрономъ и, догнавъ товарищей, потянулся къ назначенному мѣсту сбора всего полка. Тутъ онъ объяснился съ своимъ полковымъ командиромъ, генераломъ В., на счетъ внезапной своей женитьбы безъ предварительнаго дозволенія, и просилъ его ходатайства передъ высшимъ начальствомъ. Генералъ, какъ человѣкъ умный, честный и добрый, разспросивъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями при женитьбѣ Владиміра Николаевича, и удостовѣрясь, что въ поступкѣ его нѣтъ ничего предосудительнаго, доложилъ обо всемъ прямо корпусному командиру, который въ то время былъ въ мѣстѣ сбора полка; Владиміръ Николаевичъ не только не получилъ никакого выговора за несоблюденіе формальности, но корпусный командиръ пожелалъ его видѣть и наговорилъ ему кучу вѣжливостей. Въ формулярномъ спискѣ Владиміра Николаевича было написано: женатъ на дочери бунчуковаго товарища Маріи Андреевнѣ.

Не стану разсказывать, прибавилъ Андрей Ивановичъ, какъ мы воевали, какъ и гдѣ былъ раненъ Владиміръ Николаевичъ и за что навѣшали ему орденовъ на шею. Скажу только, что всѣ мы и всѣ, кто зналъ его, любили его, какъ славнаго товарища, храбраго, умнаго, распорядительнаго. Вездѣ онъ былъ молодецъ—и на полѣ брани, и за ломбернымъ столомъ. Играя въ карты всегда честно, благородно, Владиміръ Николаевичъ обыгрывалъ всѣхъ, кто не станетъ бывало играть съ нимъ, и я очень хорошо помню, когда мы пришли въ Варшаву, какъ онъ озадачилъ поляковъ, поставивъ на карту 200 т. злотыхъ. Денегъ у него была бездна, и всякій изъ товарищей, кто имѣлъ нужду, прямо шелъ въ его ящикъ, оставляя въ немъ записку, что та-

кой-то взялъ столько-то. За границею его считали несмѣтнымъ богачемъ, и нѣмцы величали его принцемъ, потому что онъ безъ счета бросалъ деньги. За то онъ игрывалъ и съ настоящими принцами и обыгрывалъ ихъ до-нельзя. На возвратномъ пути изъ Парижа, онъ зажился въ одномъ германскомъ городѣ, по случаю открытія ранъ, и тамъ обыгралъ какого-то молодого принца. Батюшкѣ этого принца не понравилось это, и онъ далъ знать нашему правительству, что подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка М. обыгралъ въ банкъ сына его. Этого было довольно, чтобы Владиміру Николаевичу лишиться службы и за азартную игру попасть подъ надзоръ полиціи. Лишь только вступилъ онъ на русскую землю, ему объявлена была отставка и приказано ѣхать на безвыѣздное житье въ городъ К. Во все время войны Владиміръ Николаевичъ аккуратно писалъ къ женѣ своей и посылалъ ей, почти изъ каждаго города, какой-нибудь подарокъ; но въ послѣднее время въ теченіе цѣлаго года не получалъ отъ жены ни слова, и это крѣпко возмущало его добрую душу.

Проѣзжая черезъ Гродно въ концѣ 1814 года, Владиміръ Николаевичъ встрѣтился съ землякомъ своимъ Василіемъ Ивановичемъ К., давнишнимъ знакомымъ и пріятелемъ, который возвращался изъ командировки въ полкъ, расположенный въ гродненской губерніи.

Исполняя возложенное на него порученіе, Василій Ивановичъ былъ въ полтавской губ. и къ прискорбію своему узналъ, что Владиміръ Николаевичъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, а жена его вышла замужъ за земскаго комиссара (такъ тогда называли исправниковъ) П. уѣзда С—ва, человѣка плѣшиваго, стараго, безобразнаго и наружностію и душею. Каково-же было изумленіе Василія Ивановича, когда онъ въ Гродно, въ трактирѣ встрѣтился съ Владиміромъ Николаевичемъ, котораго считалъ давно умершимъ.

„Что я вижу!“ вскрикнулъ Василій Ивановичъ. „Какъ? ты живъ Володя? а тебя давно уже похоронили и вдова твоя вышла замужъ“.

— „Что? жена моя вышла замужъ?“—спросилъ Владиміръ Николаевичъ, перемѣнившись въ лицѣ, которое покрылось смертною блѣдностію: „Что ты говоришь? Возможно-ли это?“

„Да, братъ Володя, это достовѣрно, и если не родила Марья Андреевна, то должна скоро родить. Я былъ въ П. и самъ видѣлъ бывшую жену твою, теперь уже С—ву“.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ нѣсколько минутъ Владиміръ Николаевичъ, не произнося ни слова. Наконецъ съ отчаяніемъ вскрикнулъ: „Такъ вотъ что приготовила мнѣ жестокая судьба! А я, лишась службы и отправляясь по распоряженію правительства на житье въ городъ К., мечталъ о счастіи соединиться съ моею Машенькою и на груди ея вкусить блаженство семейной жизни“! Потомъ, обратясь къ Василію Ивановичу и схвативъ его за обѣ руки, сказалъ: клянись, что ты меня не обманываешь. Знаешь, ты заплатишь жизнью, если сказанное тобою неправда. „Успокойся, Володя“, сказалъ Василій Ивановичъ; „ради Бога, успокойся! Сказанное мною совершенная правда. Если жена твоя такъ скоро могла забыть тебя, то стоитъ-ли она, чтобы такъ тревожиться“?—„Правда, правда, Вася! Эта женщина... но кто знаетъ? Можетъ быть, она и невинна“... Съ этими словами, крѣпко пожавъ руку Василію Ивановичу, Владиміръ Николаевичъ ушелъ и болѣе не возвращался. Черезъ часъ онъ скакалъ уже на почтовыхъ и на пятый день пріѣхалъ въ городъ К., гдѣ комендантъ ожидалъ его прибытія. Поселясь и устроивъ свое жилище, онъ выписалъ изъ имѣнія, отстоящаго отъ К. въ 120 верстахъ, своего управляющаго, который былъ вмѣстѣ и повѣреннымъ его, сколько для того, чтобы сдѣлать всѣ распоряженія касательно жизни своей въ К., столько и для того, чтобы поручить ему узнать всѣ подробности, касающіяся до замужества Марьи Андреевны. Потапъ Ивановичъ, изъ бѣдныхъ дворянъ Ч. губерніи, преданный всею душею Владиміру Николаевичу, не заставилъ ожидать себя. Черезъ недѣлю онъ явился съ отчетами и деньгами къ своему довѣрителю. Радость Потапа Ивановича была неподдѣльная; онъ плакалъ, смотря на Владиміра Николаевича, который и отъ ранъ, и отъ душевнаго страданія сдѣлался худъ и блѣденъ. Поздоровавшись и

разспросивъ кое о чемъ, Владиміръ Николаевичъ сказалъ: „Ну, Потапъ Ивановичъ, теперь тебѣ предстоитъ большая работа. Ты, конечно, уже слышалъ, что я не имѣю жены; у меня ее отняли,“— прибавилъ Владиміръ Николаевичъ съ глубокимъ вздохомъ. „Теперь нужно употребить всѣ средства, чтобы скорѣе развели меня съ нею“. Потапъ Ивановичъ всё зналъ, но не сказалъ ни слова. „Отдохни хорошенько, помолись св. угодникамъ, и потомъ маршъ! я тебя отправлю“.—

На другой день, ввечеру, Владиміръ Николаевичъ призвалъ къ себѣ Потапа Ивановича, снабдилъ его нужнымъ кушемъ денегъ и приказалъ, не теряя времени, отправиться въ П. уѣздъ, гдѣ онъ долженъ былъ вывѣдать со всею подробностію всѣ обстоятельства, которыя предшествовали и сопровождали замужество Марьи Андреевны. „Побывай въ с. Радищѣ, прибавилъ Владиміръ Николаевичъ, гдѣ я вѣнчался, у священника отца Ѳеодора; если онъ живъ, кланяйся ему отъ меня, вручи на молитву 100 р. и возьми отъ него свидѣтельство о моемъ бракѣ; тамъ же въ 1½ верстѣ имѣніе матери Марьи Андреевны; съѣзди къ старухѣ, чтобы объявить ей, что я живъ и здоровъ. Ты вѣдь мастеръ обдѣлывать всякаго рода дѣла; у тебя чутье, какъ у хорошей гончей собаки, такъ я надѣюсь, что ты вывѣдаешь всю подноготную. Постарайся увидѣть Марью Андреевну; узнай, что съ нею, какъ она живетъ, счастлива ли? Однимъ словомъ, ты долженъ до тѣхъ поръ не возвращаться, пока не соберешь самыхъ положительныхъ свѣдѣній для начала дѣла, которое такъ сильно тяготитъ мою душу. Ну, Христосъ съ тобою! Не теряй времени и дѣйствуй, какъ всегда: честно, умно, осторожно“.—Отпустивъ вѣрнаго своего Потапа Ивановича, Владиміръ Николаевичъ вздохнулъ глубоко и сказалъ: „Все кончено!“ То же самое сказалъ онъ въ день своей женитьбы, 29 апрѣля 1812 года, но въ голосѣ его слышалось что-то другое.

Жизнь Владиміра Николаевича въ К. въ первые мѣсяцы была однообразна, грустна, одинока. На него смотрѣли какъ на человѣка опальнаго, и ему трудно было, да и не хотѣлось сближаться съ обществомъ, которое его дичилось. Скоро однакожъ исторія его сдѣлалась извѣстною; на него стали смотрѣть съ

участіемъ, и не одни хорошенькіе глазки засматривались на красиваго мужчину, у котораго просѣдь появилась въ черныхъ кудряхъ, не взирая на то, что Владиміру Николаевичу было тогда не болѣе 35 лѣтъ. Еще мѣсяцъ томленія—и Потапъ Ивановичъ явился къ нему со всѣми собранными свѣдѣніями, необходимыми для того, чтобы Владиміръ Николаевичъ могъ начать небывалую тяжбу. Вотъ что привезъ ему усердный его повѣренный. Разставшись съ Владиміромъ Николаевичемъ, Потапъ Ивановичъ отправился прямо въ г. Переяславъ и, пріѣхавъ туда подъ предлогомъ закупки хлѣба, старался сблизиться съ подъячими нижняго земскаго суда, которымъ всегда извѣстны всѣ плутни комиссара и засѣдателей (тогда еще не было становыхъ приставовъ).

Секретарь суда Тарасъ Денисовичъ былъ заклятый врагъ комиссара, но боялся его, какъ огня, потому что комиссаръ имѣлъ много вѣса у всѣхъ губернскихъ властей, которыхъ снабжалъ и деньгами, и продуктами. Всѣ факты, обличающіе гнусныя продѣлки Комисара, были очень тщательно сберегаемы Тарасомъ Денисовичемъ, и когда онъ, сблизясь съ Потапомъ Ивановичемъ, который не жалѣлъ ни денегъ, ни водки, чтобы приласкать своего новаго знакомца, узналъ о цѣли его пріѣзда, то и сообщилъ ему подъ страшною клятвою всю подноготную дѣла, вслѣдствіе котораго Марья Андреевна вынуждена была выйти замужъ за С—ва. Вотъ въ чемъ оно заключалось.

Екатерина Семеновна, какъ женщина жестокая, дозволяла себѣ всякаго рода истязанія надъ крѣпостными людьми своими. Однажды она приказала при себѣ наказать розгами одну изъ дворовыхъ женщинъ за проступокъ, нестоившій даже и строгаго выговора, не принимая во вниманіе, что несчастная жертва была уже въ положеніи близкомъ къ родамъ. Послѣ наказанія госпожа велѣла посадить ее въ погребъ, гдѣ была устроена тюрьма, и несчастную, умирающую женщину, отнесли въ мѣсто заключенія. Черезъ два или три часа послѣ экзекуціи, госпожа посылаетъ узнать, очнулась-ли Настя—такъ звали страдалицу,—но увы! никакія пособія не могли уже возвратить ее къ жизни,—она умерла. Это случилось весною 1813 года, и, какъ нарочно,

въ то время, когда комиссаръ былъ въ сосѣдствѣ на слѣдствіи. Узнавъ о происшедшемъ въ Холмахъ, налетѣлъ Сидоръ Демьяновичъ (такъ звали комиссара) на имѣніе Екатерины Семеновны, какъ воронъ, жаждущій крови. Зная жестокость Екатерины Семеновны, примѣры которой уже не разъ попадались въ руки его и всегда оставались безъ преслѣдованія, за деньги, которыхъ Екатерина Семеновна не жалѣла, онъ тщательно слѣдилъ за ея поступками, имѣя въ виду при первомъ важномъ происшествіи не иначе избавить ее отъ ссылки, какъ цѣною руки ея дочери Марьи Андреевны. Сидоръ Демьяновичъ С—въ былъ небогатъ, безобразенъ и уже очень немолодъ. Женитьбою на Маріи Андреевнѣ онъ ставилъ себя въ положеніе богатаго помѣщика и роднился съ лучшими семействами уѣзда.

Пріѣхавъ въ с. Холмы и не являясь въ домъ помѣщицы, онъ, по указанію встрѣтившагося съ нимъ кучера, прямо прошелъ въ избу, гдѣ вся дворня суетилась подлѣ трупа жертвы, а несчастный мужъ ея и дѣти обливались горькими слезами. Появленіе земскаго комиссара, среди этого плача и воплей, смутило всю дворню. Онъ сдѣлалъ осмотръ тѣла, на которомъ совершено было два убійства, спросилъ обо всемъ собравшихся въ избѣ людей и приказалъ своему письмоводителю писать отношеніе къ повѣтовому лѣкарю и стряпчему о немедленномъ прибытіи ихъ на слѣдствіе, а самъ отправился въ домъ къ Екатеринѣ Семеновнѣ, чтобы полюбоваться ея положеніемъ. Она уже знала о пріѣздѣ земскаго комиссара и съ появленіемъ его бросилась къ ногамъ его, умоляя не погубить ея.

„Удивляюсь, сударыня“, сказалъ комиссаръ, „какъ вы имѣете духъ просить о пощадѣ. Вы—убійца и убійца двухъ жертвъ. Для васъ мѣсто въ острогѣ, жизнь въ каторжной работѣ.“—Екатерина Семеновна, обливаясь слезами, обнимала ноги комиссара, который никакъ не могъ вырваться изъ рукъ ея и послѣ многихъ усилій сказалъ ей: „Встаньте, сударыня, не лучше-ли выйти въ особую, уединенную комнату, да переговорить по секрету“. Екатерина Семеновна, какъ бы воскресшая, быстро встала, проводила комиссара въ свой кабинетъ, заперла дверь на ключъ и съ трепетомъ ожидала рѣшенія своей участи.—„Вы убійца“, по-

вторилъ комиссаръ, „спасти Васъ есть одно средство“.—„Какое“? съ видимымъ нетерпѣніемъ спросила Екатерина Семеновна.—„Вы должны уговорить дочь Вашу, Марью Андреевну, выйти за меня замужъ; вотъ цѣна, которая можетъ выкупить васъ изъ каторжной работы.—„Что вы говорите?“ вскрикнула съ ужасомъ Екатерина Семеновна, „дочь моя замужемъ, я не могу располагать ею“.—„Какъ вамъ угодно“, сказалъ хладнокровно безчеловѣчный извергъ: „или Марья Андреевна жена С—ва, или Екатерина Семеновна въ каторжной работѣ,—то или другое“,—прибавилъ онъ рѣшительно. Жестокая женщина, изумленная сначала предложеніемъ Сидора Демьяновича, вдругъ опомнилась, взяла его за руку и спросила: „да какъ-же можетъ Машенька сдѣлаться Вашею женою, когда она замужемъ и мужъ ея живъ“?—„Это не Ваше дѣло. Я слышалъ, что Владиміръ Николаевичъ умеръ отъ ранъ; приготовьте дочь Вашу къ этой вѣсти, а остальное я беру на себя. Я произведу слѣдствіе и буду ожидать исполненія или неисполненія моего требованія, судя по чему дамъ дѣлу ходъ къ спасенію или погибели Вашей. Согласны-ли Вы“?—спросилъ комиссаръ значительно и строго. Возвратясь къ чувствамъ жестокости, которыя было уступили мѣсто материнской нѣжности, Екатерина Семеновна отвѣтила: „Дѣлайте, я Ваша“.

Марья Андреевна, удаленная, отъ всего въ домѣ, хотя и видѣла, съ какою жестокостью обращалась мать ея съ людьми, но никогда не позволяла себѣ разспрашивать о поступкахъ ея и, живя въ совершенномъ уединеніи, находила всю отраду въ письмахъ великодушнаго своего мужа Владиміра Николаевича. Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Знала ли Марья Андреевна о послѣднемъ поступкѣ матери своей или нѣтъ,—неизвѣстно. Ей сказали, что Настя умерла, и она горько плакала. Между тѣмъ вопли въ домѣ, пріѣздъ комиссара, отчаяніе матери—все это встревожило бѣдную молодую женщину, и она съ ужасомъ сошла внизъ, когда ее позвали кушать. Въ гостинной нашла она мать свою въ слезахъ и комиссара съ видомъ очень серьезнымъ и угрюмымъ. О Настѣ не было ни слова, какъ будто ничего не случилось въ домѣ. За обѣдомъ Екатерина

Семеновна съ какою-то нѣжностію, къ которой не привыкла Марья Андреевна, обращается къ ней и говоритъ: „Бѣдная Машенька! какъ мнѣ жаль тебя! При этихъ словахъ лицо Марьи Андреевны покрылось смертельною блѣдностью, голова закружилась, сердце сжалось, и она едва внятнымъ голосомъ спросила: „Что такое маменька“?—Говорятъ, сказывалъ Сидоръ Демьяновичъ, что Владиміръ Николаевичъ тяжело раненъ и отчаянно боленъ.— Съ этими словами Марья Андреевна лишилась чувствъ. Мать и люди бросились къ ней, чтобы привести ее къ сознанію, а комиссаръ въ это время клалъ кусокъ жаренаго въ ротъ и примолвилъ: „ничего, пройдетъ“ Съ этого роковаго дня Марья Андреевна не получала уже болѣе писемъ отъ своего мужа,—ихъ перехватывали и уничтожали. Проходившіе и проѣзжавшіе офицеры изъ арміи, напрашиваемые комиссаромъ, увѣряли каждый по своему—иной, что видѣлъ, какъ несли раненаго Владиміра Николаевича, другой, что лежалъ съ нимъ въ госпиталѣ и слышалъ, что рана его смертельна, а нѣкоторые, что видѣли даже, какъ его хоронили; однимъ словомъ, все подтверждало роковую вѣсть, а къ тому же Марья Андреевна не получала писемъ. Убѣдясь, что она лишилась мужа, не испытавъ супружеской жизни, Марья Андреевна покорилась своей участи, а какъ нѣтъ горя, котораго бы не излѣчивало неумолимое время, то черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она сдѣлалась покойнѣе и нѣсколько веселѣе.

Между тѣмъ, хотя тѣло бѣдной Насти и было предано землѣ, но слѣдствіе, начатое съ перваго дня, все тянулось и тянулось. Сидоръ Демьяновичъ часто наѣзжалъ въ Холмы для разныхъ перепросовъ и дополненій и всякій разъ старался оказывать Маріи Андреевнѣ какъ можно болѣе уваженія и участія, которое крайне ей не нравилось. Въ одинъ прекрасный осенній вечеръ Екатерина Семеновна, гуляя по саду съ своею дочерью, мнимою вдовою, говоритъ ей: „Машенька, если бы, для спасенія жизни и чести твоей матери, потребовалось съ твоей стороны самопожертвованіе, согласилась ли бы ты принести себя въ жертву“?—„Ахъ! маменька, можете ли Вы меня объ этомъ спрашивать? съ смертію Вольдемара, нѣтъ ничего, что бы могло оста-

новить меня пожертвовать собою для Вашего благополучія".—„Если такъ, то цѣною руки твоей ты можешь купить мое спасеніе. Тебя ищетъ Сидоръ Демьяновичъ, а въ рукахъ его моя погибель. Ты не могла не замѣтить, что онъ тебя любитъ; ты свободна и отъ тебя зависитъ его счастіе и мое спасеніе". Съ ужасомъ выслушала Марья Андреевна эти слова. Мысль принадлежать С—ву, называть его своимъ мужемъ, заставила ее содрогнуться. Мать внимательно посмотрѣла на дочь свою и сказала: Вижу, Машенька, что позоръ матери тебя не ужасаетъ; я не требую отъ тебя этой жертвы, но знай, что черезъ недѣлю, много двѣ, мать твою поведутъ въ цѣпяхъ"... Она не успѣла докончить, какъ бѣдная Марья Андреевна бросилась къ ней на шею, зарыдала и задыхающимся голосомъ сказала: „Довольно! довольно! я отдаю свою руку".

Узнавъ всѣ подробности несчастной исторіи Марьи Андреевны, Потапъ Ивановичъ, чтобы совершенно скрыть цѣль своего пребыванія, усердно хлопоталъ, чтобы купить хлѣба для винокуреннаго завода, и, узнавъ, что въ с. Радищѣ живетъ жидъ Берко, скупающій рожь въ большомъ количествѣ, отправился туда, надѣясь повѣрить на мѣстѣ и самое происшествіе, и получить отъ священника выписку изъ метрической книги о бракѣ своего довѣрителя.

Село Радище отъ города П. въ 40 верстахъ. Отдохнувшія лошади скоро домчали Потапа Ивановича до этого селенія. Остановясь на улицѣ, онъ спросилъ мужиковъ, гдѣ живетъ священникъ отецъ Ѳеодоръ, и ему указали на небольшой домъ подлѣ церкви. Потапъ Ивановичъ подъѣхалъ къ нему, вышелъ изъ своей брыки и пошелъ на дворъ, гдѣ былъ встрѣченъ священникомъ, которому передалъ поклонъ Владиміра Николаевича М. „Какъ"? спросилъ отецъ Ѳеодоръ, развѣ Владиміръ Николаевичъ живъ"?—„Слава Богу"! отвѣчалъ Потапъ Ивановичъ, „онъ теперь живетъ въ К. и присылаетъ Вамъ гостинецъ на молитвы", который тутъ же и вручилъ.—„Спаси его Христосъ"! сказалъ священникъ. Съ этими словами онъ пригласилъ Потапа Ивановича

въ свой домъ. Въ удостовѣреніе того, что Владиміръ Николаевичъ живъ, Потапъ Ивановичъ показалъ священнику открытый вѣрющій листъ, сознанный въ К. земскомъ повѣтовомъ судѣ, подписанный Владиміромъ Николаевичемъ. „Слава Богу! Слава Богу! я очень полюбилъ Владиміра Николаевича, славный онъ человѣкъ! не одну уже панникиду отслужилъ я по усопшемъ, но это не бѣда; молитва была о душѣ, стало быть не пропала даромъ. Жаль бѣдную Марью Андреевну! Попала она, добрая пташечка въ зубы лютаго кота. Вы чай знаете, что она замужемъ за пакостнымъ человѣкомъ С—мъ, который въ корень разоряетъ бѣдныхъ мужичковъ с. Холмовъ? А все безпутная матка“!—„Я пріѣхалъ сюда“, сказалъ Потапъ Ивановичъ, „чтобы просить Васъ выдать выписку, изъ метрической книги, о бракѣ Владиміра Николаевича съ Марьею Андреевною; это ему нужно, чтобы просить о разводѣ“.—„Ну, конечно“, сказалъ священникъ, „нельзя же ему оставаться связаннымъ“. Долго просидѣли и протолковали отецъ Ѳеодоръ съ Потапомъ Ивановичемъ о дѣлѣ Владиміра Николаевича, и разсказъ священника подтвердилъ все намъ извѣстное. Поужинавъ и помолясь Богу, и хозяинъ и Потапъ Ивановичъ уснули крѣпкимъ сномъ. На другой день поутру, напившись чаю съ добрымъ отцемъ Ѳеодоромъ, Потапъ Ивановичъ отправился въ с. Холмы, гдѣ на ту пору былъ С—въ съ своимъ семействомъ. При въѣздѣ его въ селеніе, множество ребятишекъ, въ оборванныхъ рубашенкахъ, стали просить милостыню и бѣжали за брыкою во всю длину улицы, по обѣимъ сторонамъ которой стояли избы съ неогороженными дворами. Вездѣ видна нищета, нужда, а между тѣмъ прекрасныя, тучныя земли окружаютъ селеніе. Подъѣхавъ къ шинку Потапъ Ивановичъ оставилъ свой экипажъ и самъ пошелъ пѣшкомъ въ господскій дворъ, находящійся въ виду шинка. Было 10-ть часовъ утра. Прекрасный старинный дворъ, на покатости къ чистому, какъ зеркало, пруду, окруженный обширнымъ садомъ, стоялъ насупротивъ каменнаго храма во имя Андрея Первозваннаго. Видно, что усадьба эта принадлежала богатому малороссійскому пану. Войдя на дворъ и встрѣтивъ оборваннаго лакея, Потапъ

Ивановичъ попросилъ его, чтобы онъ провелъ его въ домъ и доложилъ панамъ, что пріѣхалъ губернскій секретарь Цыбуля, отъ стараго знакомаго Екатерины Семеновны, и хочетъ съ нею повидаться. Тотчасъ попросили Потапа Ивановича пожаловать. Войдя въ гостинную, онъ нашелъ тамъ старуху Екатерину Семеновну и дочь ея Марью Андреевну, а возлѣ нихъ на коврѣ, окруженный подушками, сидѣлъ малютка—сынъ Марьи Андреевны и возлѣ него няня. „Добро пожаловать“, сказала старуха, вставая съ своего мѣста. Потапъ Ивановичъ, какъ водится, поцѣловалъ руку старухи, поклонился и сказалъ: „Владиміръ Николаевичъ М., котораго я повѣренный, приказалъ Вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе“. Съ этими словами, глаза у старухи покосились, она вскрикнула и упала безъ чувствъ. Марья Андреевна, не обративъ никакого вниманія на мать, какъ сумасшедшая бросилась къ Потапу Ивановичу. „Что? онъ живъ? Ахъ я несчастная“... и выбѣжала вонъ... На этотъ шумъ вошелъ самъ С—въ. Потапъ Ивановичъ не зналъ, что ему дѣлать, бѣжать ли или оставаться? Заставъ тещу безъ чувствъ и жену, выбѣжавшую вонъ съ воплями, С—въ обратился къ Потапу Ивановичу и нагло спросилъ его: „Что Вамъ нужно? Кто Вы? За чѣмъ сюда явились“? „Я губернскій секретарь Цыбуля“,—отвѣтилъ твердо Потапъ Ивановичъ, повѣренный Владиміра Николаевича М., у котораго Вы отняли жену“. Лицо С—ва вытянулось, онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ вымолвить ни одного слова. Воспользовавшись этою минутою, Потапъ Ивановичъ вышелъ изъ дома, пробрался къ шинку и ускакалъ въ с. Радище. Старуха Екатерина Семеновна не пришла въ чувство: она умерла, не успѣвъ очистить душу свою, обремененную безчисленнымъ множествомъ преступленій, христіанскимъ покаяніемъ. Часа въ три по полудни, когда Потапъ Ивановичъ, воротясь изъ Холмовъ, сидѣлъ съ отцомъ Ѳеодоромъ и разсказывалъ ему о поѣздкѣ своей къ Екатеринѣ Семеновнѣ и какое впечатлѣніе произвела на нее, дочь ея и зятя вѣсть о возвращеніи Владиміра Николаевича изъ похода, вошелъ кучеръ съ запискою отъ С—ва, въ которой онъ извѣщалъ священника о внезапной смерти Екатерины Семеновны, приглашалъ его на

похороны и прислалъ деньги на позвонное по умершей своей тещѣ. Отецъ Өеодоръ и Потапъ Ивановичъ перекрестились, и священникъ промолвилъ „Не удостоилъ Господь грѣшницу очистить душу свою покаяніемъ“.

Получивъ отъ священника свидѣтельство о бракѣ Владиміра Николаевича съ Марьею Андреевною, Потапъ Ивановичъ простился съ добрымъ отцомъ Өеодоромъ и уѣхалъ въ К., не заѣзжая въ П., гдѣ ему не осталось уже никакого дѣла.

Такимъ образомъ, вся несчастная исторія бѣдной Марьи Андреевны, сдѣлалась извѣстною Владиміру Николаевичу; ему не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ правительству, чтобы, обнаруживъ всю гнусность поступковъ С—ва, просить о разводѣ съ Марьею Андреевною. Крѣпко сжалось сердце Владиміра Николаевича, когда онъ узналъ всѣ подробности этого дѣла; ему было жаль несчастную жертву, чувства къ которой не совсѣмъ еще угасли въ душѣ его; но что было ему дѣлать? Марья Андреевна была уже мать; и если не была счастлива въ супружествѣ, не могла питать привязанности къ своему мужу— этому извергу, для котораго висѣлица была бы самой приличной наградой за гнусные его поступки, то все таки не могла не питать нѣжной привязанности къ несчастному ребенку, невинному существу, требующему ея попеченій. Положеніе Владиміра Николаевича было очень тягостно; онъ боролся съ разными ощущеніями души своей; ему было жаль Марью Андреевну, которая, какъ видно, сохранила къ нему чувство любви, сдѣлавшись искупительною жертвою для своей матери; а между тѣмъ чувство мести къ злодѣю, вырвавшему изъ объятій его жену, и оскорбленная честь—возбуждали въ немъ справедливое негодованіе и указывали ему на долгъ преслѣдовать человѣка, который данную ему закономъ власть направилъ къ такому гнусному, неслыханному поступку. Надобно было на что нибудь рѣшиться, и Владиміръ Николаевичъ послѣ долгаго размышленія, затая въ душѣ своей голосъ еще не совсѣмъ угасшей любви къ Марьѣ Андреевнѣ, принялъ намѣреніе, во чтобы то ни стало, погубить злодѣя. Но какъ приступить къ дѣлу? какъ дѣйствовать? Не будучи знакомъ съ формами и правилами, существующими въ

судопроизводствѣ, онъ рѣшился прибѣгнуть прямо къ милосердію и справедливости Монарха, на котораго вся Европа смотрѣла съ благоговѣніемъ. Въ письмѣ, исполненномъ самыхъ сильныхъ выраженій, Владиміръ Николаевичъ объяснилъ Государю Императору свое положеніе и, приложивъ свидѣтельство, выданное священникомъ села Радища о его бракѣ съ Марьею Андреевною, всеподданнѣйше просилъ повелѣть произвести строгое разслѣдованіе. Не скоро было объявлено Владиміру Николаевичу, что, не утруждая Монарха, онъ долженъ былъ обратиться съ просьбою къ мѣстному начальству, которое обязано тотчасъ сдѣлать надлежащее разслѣдованіе; вмѣстѣ съ объявленіемъ возвращено было и свидѣтельство, приложенное къ всеподданнѣйшей просьбѣ. Владиміръ Николаевичъ, не зная, какъ поступить, обратился къ К. прокурору—человѣку честному и дѣльному, съ которымъ успѣлъ хорошо познакомиться, и просилъ наставить его въ настоящемъ случаѣ. Сообразивъ всѣ обстоятельства, прокуроръ сказалъ Владиміру Николаевичу, что дѣло его имѣетъ двѣ стороны, а потому онъ долженъ вести его уголовнымъ порядкомъ и путемъ духовнымъ. Гражданскія власти должны раскрыть злоупотребленія С—ва, а духовныя—расторгнуть бракъ, сообразно съ законами церкви. Вслѣдствіе того Владиміръ Николаевичъ долженъ былъ подать двѣ просьбы: одну начальнику губерніи, а другую епархіальному архіерею. Отъ времени подачи всеподданнѣйшей просьбы протекло уже $1^1/_2$ года, и Владиміръ Николаевичъ, помолясь св. угодникамъ, подалъ просьбы по совѣту прокурора, которыя и возъимѣли свое дѣйствіе. По совѣщанію губернатора съ архіереемъ, назначено было строгое разслѣдованіе, для чего была составлена коммиссія изъ гражданскихъ чиновниковъ и депутата отъ духовнаго начальства. Между тѣмъ С—въ, чуя неминучую бѣду, бросился въ духовное правленіе и консисторію и, силою значительныхъ пожертвованій, успѣлъ перемѣнить листы въ метрическихъ книгахъ, гдѣ появилась статья, въ январѣ 1812 года, о бракѣ С—ва съ Марьею Андреевною, а статья о бракѣ Владиміра Николаевича была уничтожена. Какъ ни старался С—въ, чтобы сдѣлать тоже измѣненіе въ метрической книгѣ церкви села

Радища, но почтенный священникъ, отецъ Ѳеодоръ, не уступилъ ни просьбамъ его, ни угрозамъ секретаря духовнаго правленія и консисторіи. Такимъ образомъ, все дѣло спасено добрымъ и честнымъ священникомъ села Радища.

Въ 1815 году началось слѣдствіе. Назначенные чиновники съѣхались въ Переяславъ. Задаренные С—мъ, они старались всячески запутать дѣло, и такимъ образомъ слѣдствіе потянулось и потянулось надолго. Выпущены были повѣстки Марьѣ Андреевнѣ, мужу ея и Владиміру Николаевичу о явкѣ къ слѣдствію, дѣлали разные пустые розыски, писали много, и слѣдствіе все болѣе и болѣе затягивалось. Во все это время, пока тянулось дѣло, С—въ убѣждалъ Марью Андреевну подписать лживую бумагу, обвинявшую Владиміра Николаевича, будто бы онъ увезъ ее отъ С—ва и обвѣнчался съ нею. Не взирая на всю нѣжность къ дѣтямъ, Марья Андреевна не могла рѣшиться на такой поступокъ противъ великодушнаго человѣка, направленный къ его безвинной отвѣтственности, а между тѣмъ, чтобы окончить слѣдствіе, и безъ того тянувшееся въ безплодныхъ перепискахъ около двухъ лѣтъ, необходимо было явиться Марьѣ Андреевнѣ передъ слѣдственной коммиссіей и дать отвѣтъ. Ввечеру, за день до отъѣзда изъ Холмовъ въ П—въ, С—въ вошелъ въ комнату жены своей, гдѣ она сидѣла въ задумчивости, держа на рукахъ меньшаго изъ дѣтей своихъ. Въ лицѣ его выражались самые преступные замыслы, на которые онъ рѣшился, чтобы положить конецъ томленію, мучившему его въ теченіе болѣе $1^1/_2$ года.

Когда С—въ вошелъ въ комнату, то, подойдя къ Марьѣ Андреевнѣ, взялъ ее за руку и съ нѣжностію сказалъ: „Машенька, въ послѣдній разъ рѣшаюсь говорить съ тобою объ участи, которая насъ ожидаетъ, если ты не послушаешь голоса разсудка и не пожертвуешь своею совѣстью для спасенія несчастныхъ дѣтей нашихъ“. Она взглянула на него и содрогнулась. „Оставьте меня, Сидоръ Демьяновичъ“, сказала Марья Андреевна, „скорѣе соглашусь я умереть самою мучительною смертію, нежели рѣшусь поступить противъ совѣсти и тѣмъ накликать на себя и дѣтей моихъ кару небесную“.—„Нѣтъ! это невозможно! Безумная

женщина"! возразилъ С—въ, отступая нѣсколько шаговъ. „Знаешь ли ты, что упорство твое ведетъ меня въ Сибирь, тебя въ монастырь; а бѣдныя дѣти, лишась отца и матери, будутъ признаны незаконнорожденными, потеряютъ и имя, и права, которыя принадлежатъ имъ по рожденію".—„Что такое? дѣти мои будутъ лишены и имени и правъ? Нѣтъ! ты лжешь, такой неправды люди не могутъ сдѣлать".—„Повторяю тебѣ", сказалъ Сидоръ Демьяновичъ, „что дѣти, рожденныя въ незаконномъ бракѣ (а бракъ нашъ незаконный), лишаются всего".—Марья Андреевна горько улыбнулась и сказала: „Если это дѣйствительно такъ, то видно такова воля Господа, противъ которой я возставать не смѣю".—„Какъ? что ты сказала? на что ты рѣшаешься? Нѣтъ, этого не будетъ! я не допущу, чтобы дѣти мои дошли до такого позора".—Съ этими словами онъ вырвалъ изъ рукъ матери ребенка и, взмахивая имъ, закричалъ страшнымъ голосомъ: „Я убью его и трупомъ этого ребенка убью прочихъ дѣтей нашихъ". Пѣна выступила у него изо рта; онъ вышелъ изъ комнаты. Несчастная мать, какъ сумасшедшая, бросилась за жестокимъ своимъ мужемъ, забѣжала впередъ, загородила ему дорогу и умоляющимъ голосомъ просила его пощадить дѣтей. Я все, все готова сдѣлать! пощади! пощади! Испуганный ребенокъ, не понимая, что онъ обреченъ быть орудіемъ для умерщвленія его братьевъ, кричалъ изо всѣхъ силъ. На этотъ крикъ люди сбѣжались. „Прочь"! завопилъ злодѣй, и всѣ скрылись.—„Возьми свое дитя", сказалъ С—въ, отдавая его на руки матери, „но знай, я исполню свое намѣреніе, если ты окажешь малѣйшее упорство". Съ этими словами онъ потащилъ жену въ кабинетъ и заставилъ ее подписать бумагу, въ которой Марья Андреевна сознавалась, что, увлеченная страстью къ Владиміру Николаевичу, рѣшилась бѣжать съ нимъ отъ законнаго своего мужа С—ва и обвѣнчалась съ Владиміромъ Николаевичемъ, но гдѣ именно, того сказать не можетъ, потому-что не знаетъ, гдѣ то селеніе, куда привезъ ее ея похититель. На другой день послѣ этой ужасной сцены Сидоръ Демьяновичъ и Марья Андреевна поѣхали въ П—въ, чтобы явиться къ отвѣту. При личныхъ допросахъ Марья Андреевна подтвердила все, что было въ бумагѣ, и слѣдственная

коммиссія сдѣлала заключеніе, чтобы отправить списокъ съ поданной Марьею Андреевною бумаги въ К., для истребованія объясненія, по содержанію оной, отъ подполковника М., слѣдствіе закрыть и донести о томъ начальнику губерніи, а самое дѣло передать судебному разсмотрѣнію. На свидѣтельство, приложенное къ просьбѣ, поданной Владиміромъ Николаевичемъ, удостовѣряющее о бракѣ его съ Марьею Андреевною, не было обращено никакого вниманія, какъ на документъ, не имѣющій законной силы; объясненіе же Владиміра Николаевича, что онъ не можетъ оставить свое мѣстожительство и явиться къ отвѣту, признано уклоненіемъ отъ исполненія законныхъ требованій слѣдователей. Такимъ обратомъ окончилось слѣдствіе, продолжавшееся болѣе двухъ лѣтъ.

Въ одно утро постучался въ дверь дома, занимаемаго Владиміромъ Николаевичемъ М., полицейскій офицеръ. Было 8 часовъ утра. Не только баринъ, но и вѣрный слуга его, Степанъ, не думалъ еще вставать, уложивъ барина своего въ 3 часа утра, по возвращеніи его съ бала. Услышавъ стукъ, который никогда не возмущалъ спокойствія живущаго въ домѣ отставнаго гусара, Степанъ, накинувъ на себя что-то въ родѣ халата, съ досадою отворилъ дверь и спросилъ стучавшагося господина: „Что Вамъ нужно“?—„Здѣсь живетъ подполковникъ М.“?—„Здѣсь“.—„Доложи барину, что полицейскій офицеръ имѣетъ къ нему нужду“.—„Важная штука“—пробормоталъ съ просонья Степанъ. „Баринъ изволили лечь почивать въ 3 часа, такъ какъ же я стану будить ихъ. Приходите часовъ въ 12“.—„Ты очень глупъ“, сказалъ Степану полицейскій офицеръ. „Ступай и разбуди своего барина, если не хочешь, чтобы и тебѣ и барину твоему было худо“. Слова эти были сказаны съ достоинствомъ, и Степанъ пошелъ молча въ спальную своего господина. „Кто тамъ“? вскрикнулъ Владиміръ Николаевичъ. „Это я; сударь“, отвѣчалъ Степанъ. „Какой-то полицейскій офицеръ приказалъ разбудить Васъ“.—„Проси его, сейчасъ выйду“. Дѣйствительно, Владиміръ Николаевичъ не заставилъ ожидать себя и когда вышелъ въ залу, то былъ изу-

мленъ неожиданною встрѣчею. „Какъ? это ты, Харченко“? сказалъ Владиміръ Николаевичъ, обращаясь къ полицейскому офицеру и обнимая его. „Точно такъ“, отвѣчалъ Прокофій Ильичъ (такъ звали Харченка); „изъ гусарскихъ вахмистровъ, какъ изволите видѣть, полицейскій чиновникъ. Я счастливъ, что имѣю удовольствіе Васъ видѣть, и ужъ признаюсь никакъ не ожидалъ я этого благополучія. Идучи къ Вамъ, по порученію полиціи, подумалъ я самъ себѣ: ну, какъ это Владиміръ Николаевичъ? Слава Богу, что я Васъ вижу, моего благодѣтеля и бывшаго начальника“.—„Какое же ты имѣешь ко мнѣ порученіе“? спросилъ Владиміръ Николаевичъ.—„Да вотъ бумаги изъ слѣдственной коммиссіи по Вашему дѣлу“.—„Ладно, оставь бумаги у меня, да напьемся вмѣстѣ чаю и потолкуемъ о старинѣ“.—„Нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ, этого нельзя, я долженъ исполнить еще нѣсколько приказаній“.—„Ну, какъ знаешь; по крайней мѣрѣ“, прибавилъ Владиміръ Николаевичъ, „когда будешь свободенъ, заходи ко мнѣ, я буду тебѣ радъ“.—„Да вотъ Вы извольте разсмотрѣть бумаги и написать, что нужно, а я денька этакъ черезъ два зайду къ Вамъ, чтобы получить ихъ“, сказалъ Харченко и раскланялся съ бывшимъ своимъ начальникомъ.

Когда вышелъ Харченко, Владиміръ Николаевичъ взялъ со стола бумаги. „Посмотримъ, что пишутъ эти плуты“? Прочитавъ отзывъ Марьи Андреевны, онъ сбезумѣлъ. „Какъ?“ вскричалъ онъ. „Эта женщина способна такъ безсовѣстно лгать“! Онъ сдѣлался мраченъ, скученъ и на всѣ вопросы, которые сдѣлалъ ему въ это время Степанъ: „прикажете-ли подать Вамъ бриться? Какое платье приготовить? Изволите-ли дома кушать? онъ отвѣчалъ: да. Степанъ посмотрѣлъ на барина и вышелъ. Вскорѣ Владиміръ Николаевичъ оправился, умылся, одѣлся, напился чаю и вышелъ со двора, взявъ съ собою принесенныя Харченкомъ бумаги. Съ часъ спустя послѣ того какъ вышелъ Владиміръ Николаевичъ, пріѣхалъ Потапъ Ивановичъ съ отчетами и деньгами. „Ну что, Степка, здоровъ баринъ?“—„Да, были здоровы“— отвѣчалъ Степанъ, а сегодня поутру какой-то чертъ, прости Господи, былъ у барина съ бумагами, да что-то знать не ладное принесъ“.—„Гдѣ же баринъ?“—„Ушли и взяли съ собою

эти проклятыя бумаги".—Понимаю, подумалъ Потапъ Ивановичъ, вѣрно что нибудь по дѣлу.—„Степка! а Степка"? закричалъ Потапъ Ивановичъ: „есть у тебя этакъ горячая водица? съ холоду не худо бы чайку напиться". Степанъ распорядился, и Потапъ Ивановичъ началъ себя накачивать чайкомъ въ прикусочку. Въ то время какъ Потапъ Ивановичъ вливалъ въ себя седьмую чашку, воротился домой Владиміръ Николаевичъ и весьма обрадовался, когда увидѣлъ Потапа Ивановича. „Спасибо тебѣ, что ты такой проворный, не заставилъ себя ожидать долго", сказалъ Владиміръ Николаевичъ.—„Да вѣдь наше дѣло такое, Владиміръ Николаевичъ, приказано, такъ не зѣвай".—„Угадай, какъ дѣло мое кончено? Ну-ка, дока, угадай"?—„Не берусь, отвѣчалъ Потапъ Ивановичъ. „На Руси, говорятъ, можно и такъ и этакъ".—„То-то такъ и этакъ; вотъ такъ-то и вышло по слѣдствію, что я укралъ жену у С—ва. Прочитай, вотъ тебѣ бумаги".—„Что Вы это, Владиміръ Николаевичъ, возможно-ли, чтобы ужъ дошли до такого безстыдства"?—„Ну, да тамъ увидишь".—Потапъ Ивановичъ началъ читать бумаги, а Владиміръ Никол. вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы просмотрѣть привезенные отчеты и, по совѣту знакомаго прокурора, написать просьбу къ министру на неправильныя дѣйствія губернатора и назначенной имъ коммиссіи. Окончивъ свои занятія, Владиміръ Никол. вышелъ въ залъ, гдѣ Потапъ Ивановичъ, прочитавъ уже бумаги, покрякивалъ и понюхивалъ табачекъ. „Ну что"? сказалъ Владиміръ Николаевичъ: „какова Марья Андреевна"?—„А что? баба, да и только, сосудъ скудельный! Вотъ, хотя бы моя жена, Дарья Ивановна. Попробуй-ка, она не подписать бумагу, которую я ей велю, такъ я ей задамъ такого трезвона, что ну"!—„Послушай, Потапъ Ивановичъ, мнѣ нельзя ни куда выѣхать, ты это знаешь, а дѣло требуетъ личнаго ходатайства. Я хочу отправить тебя въ Питеръ съ просьбою къ министру. Ты ее подашь вмѣстѣ съ запискою, да и похлопочешь, чтобы посмотрѣли добросовѣстно и правдиво на мое дѣло. Вѣдь у насъ и правду надо купить".—„Что касается до меня", сказалъ Потапъ Ивановичъ, „то я готовъ за Васъ и въ огонь и въ воду, лишь бы только достало умѣнья".—Потапъ Ивановичъ принадлежалъ къ числу

такихъ управляющихъ и повѣренныхъ, которые, однажды посвятивъ себя своимъ довѣрителямъ, оставались навсегда вѣрными своему долгу и сростались, такъ сказать, съ жизнью и положеніемъ людей, ввѣрившихъ имъ свои дѣла и состояніе. Такіе повѣренные составляютъ въ настоящее время исключеніе и въ Малороссіи, и въ Россіи. Духъ продажности, измѣны долгу отразился во всѣхъ слояхъ общества. Большая часть управляющихъ и повѣренныхъ (стряпчихъ) заботятся о томъ, чтобы скорѣе нажить деньги на счетъ незнанія, лѣни и безпечности своихъ довѣрителей, часто людей честныхъ и добросовѣстныхъ. За то рѣдко теперь встрѣтишь повѣреннаго, который бы занимался у кого нибудь дѣлами въ теченіе десятковъ лѣтъ. Годъ, два— и повѣреннаго гонятъ со двора, какъ негодяя, безчестнаго, продажнаго. Не клиномъ сошлась Россія, утѣшаетъ себя прогнанная каналья, и посмотришь, опять кого нибудь обираетъ. Не таковъ былъ Потапъ Ивановичъ. Глубоко проникнутый религіознымъ чувствомъ, хотя и безъ образованія, онъ понималъ свою обязанность и былъ строгимъ блюстителемъ выгодъ и пользъ Владиміра Николаевича, который съ своей стороны любилъ его, какъ родного брата и вѣрилъ ему, какъ только можно вѣрить самому близкому человѣку.

Черезъ нѣсколько дней катилъ уже въ Петербургъ Потапъ Ивановичъ, снабженный всѣмъ нужнымъ и письмами къ лицамъ, родственнымъ Владиміру Николаевичу, занимавшимъ въ то время видныя мѣста по службѣ.

Какъ дѣйствовалъ, у кого былъ и съ кѣмъ переговаривалъ Потапъ Ивановичъ въ сѣверной столицѣ, это осталось неизвѣстнымъ; извѣстно только то, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мучительнаго ожиданія былъ присланъ изъ Петербурга чиновникъ для произведенія слѣдствія по дѣлу Владиміра Николаевича и такъ какъ выборъ палъ на человѣка правдиваго и знающаго, то всѣ пути къ подкупу сдѣлались невозможны. Гаврило Андреевичъ (такъ звали чиновника), облеченный довѣріемъ министра, открылъ всѣ злоупотребленія губернскихъ властей, слѣдственной комиссіи и земскаго комиссара С—ва.

По обстоятельствамъ слѣдствія необходимо было дать очную ставку Марьѣ Андреевнѣ съ Владиміромъ Николаевичемъ. Гаврило Андреевичъ, зная, что подполковникъ М. безъ особеннаго требованія не могъ явиться къ слѣдствію, отнесся къ К-ому гражданскому губернатору, чтобы онъ сдѣлалъ законное распоряженіе для прибытія Владиміра Николаевича въ г. П—въ къ 23 іюня 1818 г., сроку, назначенному для явки на очную ставку.

Основываясь на томъ, что Владиміръ Николаевичъ находится подъ надзоромъ полиціи, губернаторъ не рѣшился отпустить своего узника безъ надзора и назначилъ знакомаго уже намъ квартальнаго Харченка—сопровождать Владиміра Николаевича въ П—въ и привезти его оттуда обратно. Какъ ни отрадно было Владиміру Николаевичу, что старый подчиненный его назначенъ сопровождать его персону, но сердце его сжалось отъ такого недовѣрія губернатора къ слову благороднаго человѣка; это заставило его просить правительство о дозволеніи ему жить въ имѣніи его, что и было въ скоромъ времени разрѣшено безъ всякихъ затрудненій.

Что перечувствовалъ Владиміръ Николаевичъ въ шесть дней, которые онъ провелъ въ дорогѣ по пути изъ К. въ П—въ! Добрый Прокофій Ильичъ, сопровождавшій Владиміра Николаевича, во всю дорогу старался служить ему со всею заботливостію и, сколько могъ, утѣшалъ его воспоминаніями о войнѣ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Ввечеру 22 іюня прибылъ Владиміръ Николаевичъ въ П—въ и тотчасъ явился къ слѣдователю, умному и пожилому человѣку, который встрѣтилъ его съ особенною любезностію. „Завтра", сказалъ онъ, „Владиміръ Николаевичъ, будетъ для васъ тягостное свиданіе съ женщиною, которую у васъ отняли". „Мнѣ жаль ея, но законъ неумолимъ. Находясь подъ властію своего мужа, этого изверга рода человѣческаго, она упорно стоитъ въ томъ, что Вы женились на ней, когда она была уже женою С—ва, не взирая на то, что метрическая книга с. Радища, сохраненная въ цѣлости священникомъ, и показанія сего послѣдняго ясно доказываютъ, что она была дѣвицею".—Не отвѣчая ничего на все, сказанное слѣдо-

вателемъ, Владиміръ Николаевичъ простился съ нимъ, передавая участь свою справедливости Гаврилы Андреевича.

На другой день часовъ въ 11-ть утра къ крыльцу нижняго земскаго суда подъѣхала карета. Гаврило Андреевичъ уже былъ въ судѣ, гдѣ были стряпчій и члены суда; тутъ же находился и Владиміръ Николаевичъ, сопровождаемый Прокофіемъ Ильичемъ. Земскій комиссаръ, завидѣвъ, что карета подъѣзжаетъ, вышелъ на крыльцо и, высаживая свою жену, сказалъ ей: „Помни-же! я выполню давнишнее мое намѣреніе, если ты не устоишь въ своемъ показаніи".

Когда она вошла въ присутственную камеру, Гаврило Андреевичъ приказалъ выйти ея мужу. Оглянувшись на всѣ стороны, она увидѣла Владиміра Николаевича, силы ея оставили—ей сдѣлалось дурно. Немного спустя, когда она оправилась, Гаврило Андреевичъ, обращаясь къ ней, сказалъ: „Сударыня, вотъ человѣкъ", при этомъ онъ указалъ на Владиміра Николаевича, „который по показанію Вашему, увезъ Васъ отъ мужа и обвѣнчался съ Вами. Онъ это отрицаетъ. Не угодно ли Вамъ уличить его". Она привстала, хотѣла что-то сказать, но силы ее опять оставили, она зарыдала и задыхающимся голосомъ сказала: „Нѣтъ! нѣтъ! все показанное мною гнусная клевета... Я виновата! я преступна"!—и съ этими словами лишилась чувствъ. Въ эту минуту вошелъ ея мужъ. „Она умерла", сказалъ онъ равнодушно. „Нѣтъ, оставьте ее въ покоѣ", отвѣчалъ Гаврило Андреевичъ, который хлопоталъ возлѣ Маріи Андреевны, „и извольте выйти отсюда".—„Я мужъ ея"! дерзко сказалъ С—въ и вышелъ.—„Мужъ! и этотъ человѣкъ смѣетъ называть себя ея мужемъ",—примолвилъ Гаврило Андреевичъ. Марья Андреевна пришла въ чувство, и пока она совершенно очнулась, написана была очная ставка. Когда она возвратилась къ полному сознанію, Гаврило Андреевичъ прочиталъ ей отвѣтъ ея, и она, перекрестясь, съ твердостію подписала. Такъ кончилась эта тягостная сцена, а вмѣстѣ съ нею и слѣдствіе.

Что въ это время было съ Владиміромъ Николаевичемъ? Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ... онъ хотѣлъ... но чувство собственнаго достоинства удержало его.

„Все кончено"! сказалъ Владиміръ Николаевичъ, выходя изъ суда, опираясь на руку Прокофія Ильича.

На другой день Владиміръ Николаевичъ уѣхалъ. Гаврило Андреевичъ, закончивъ слѣдствіе, передалъ дѣло на законное рѣшеніе въ повѣтовый судъ и также уѣхалъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ К. получено было, по просьбѣ Владиміра Николаевича, разрѣшеніе ему ѣхать къ себѣ въ деревню, куда онъ и отправился на безвыѣздное пребываніе.

Возвращеніе на родину, гдѣ онъ не былъ 15-ть лѣтъ и гдѣ не нашелъ никого изъ своихъ близкихъ, наполнило его невыразимою тоскою. Тотъ-же домъ, таже мебель, поддержанные заботливостію Потапа Ивановича, тотъ-же садъ съ крытыми липовыми аллеями, но все это вызывало одни лишь воспоминанія объ утратахъ, которыя понесъ Владиміръ Николаевичъ въ продолжительный промежутокъ времени. Могилы отца и матери возлѣ храма Божія, содержимаго въ большомъ порядкѣ, напоминали ему давно минувшее, но не могли дать отвѣта на задушевные его вопросы.

Оставаясь одинокимъ, пока законы расторгнутъ бракъ его, онъ предался сельскимъ занятіямъ, попеченіямъ объ участи крестьянъ, ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ. Между тѣмъ дѣло, переданное слѣдователемъ судебному разсмотрѣнію, двигалось медленно, безъ личнаго ходатайства Владиміра Николаевича, а С—въ, продолжавшій службу и покровительствуемый высшею властію края, злобно смѣялся въ душѣ надъ своимъ противникомъ. Посылаемыя жалобы на медленность оставались безъ отвѣта.

Наконецъ, по участію, принятому въ судьбѣ Владиміра Николаевича однимъ изъ родственниковъ его, имѣвшимъ значеніе, процессъ принялъ быстрый ходъ. Дѣло дошло до высшихъ судебныхъ и духовныхъ инстанцій, и рѣшеніе прислано къ исполненію. Марья Андреевна разведена съ обоими мужьями, дѣти, прижитыя съ С—мъ, признаны незаконнорожденными, а отецъ ихъ преданъ суду, съ немедленнымъ отрѣшеніемъ отъ службы. Приговоръ этотъ, присланный къ исполненію, въ теченіе многихъ лѣтъ не былъ объявленъ, хотя и былъ извѣстенъ част-

нымъ образомъ Владиміру Николаевичу, которому изъ-подъ руки, было сказано отъ лица, управлявшаго краемъ, человѣка въ высшей степени благороднаго и правдиваго, но окруженнаго самыми безчестными людьми, что всякое настояніе со стороны его къ исполненію приговора повлечетъ за собою самое неумолимое преслѣдованіе. Въ этотъ промежутокъ времени С—въ умеръ, оставивъ Марью Андреевну съ 6-ю дѣтьми.

Рѣшеніемъ суда онъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ. Черезъ годъ послѣ смерти С—ва исполненъ указъ Святѣйшаго Синода.

Давши подписку, что содержаніе указа ему объявлено, Владиміръ Николаевичъ удалился въ свой кабинетъ и глубоко вздохнулъ...

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1].

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

На шестомъ году отецъ началъ учить меня грамотѣ.

Первая учебная книга моя называлась „Грама́тка". Въ ней заглавныя буквы были отпечатаны киноварью, толсто, аляповато, съ большими промежутками и между буквами и между строками. Видно, въ старину не жалѣли бумаги, хотя тогда она цѣнилась во много разъ дороже, чѣмъ теперь. Хотя теперь печатаютъ букварй изящнымъ, не разгонистымъ, а убористымъ шрифтомъ, тѣмъ не менѣе мои симпатіи все таки на сторонѣ старинной граматки и, если въ кои годы встрѣтишь ее, то въ сердцѣ затеплится какое-то особенное чувство, подобное тому, которое бываетъ при встрѣчѣ съ дорогимъ товарищемъ дѣтства, этихъ радужныхъ дней въ жизни человѣка.

Какъ я учился азъ, буки, вѣди—не помню. Память возобновляетъ мнѣ только слѣдующую картину. Въ кухнѣ—она же и столовая, и гостинная, и спальня, а зимою и помѣщеніе для маленькихъ ягнятъ,—въ кухнѣ, за столомъ сидитъ нѣсколько мальчиковъ за книгами, между ними сижу и я и, указывая красною, съ молодаго побѣга сливы, „стымбулкою" (теперь называется указкою) на склады буквъ, читаю: тьма, мна, здо, тло, тлю, тля, тыю, ныю" и за каждымъ словомъ поднимаю голову вверхъ—къ потолку, гдѣ за „сволокомъ" на гвоздяхъ лежитъ колючая розга изъ дерезы, называемой также повоемъ. Колючіе

[1]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., № 1.

шипы розги сильно страшатъ меня и, вмѣсто того чтобы заставить меня внимательнѣе читать и не отвлекаться, дѣйствуютъ на меня какъ разъ наоборотъ, заставляя меня додумываться, какъ больно было бы тому, кого ею посѣкли бы. Такое впечатлѣніе отъ розги мѣшало мнѣ сосредоточиться на урокѣ „тьмы, мны". Урокъ тяжелъ, а колючки розги страшны... Чтобы освободить себя отъ того и отъ другой, я ждалъ только, чтобы мать вошла въ комнату, и тотчасъ принялся охать и стонать отъ несуществующей головной боли. Мама (не была-бы она мать)! вполнѣ убѣдилась моими доводами и положила меня въ постель. Вошелъ отецъ.

— „А що, сынку, болыть у тебе: головка, чы животыкъ"?!

Но у меня былъ прекрасный адвокатъ—мать. На рѣчь матери отецъ только покачалъ головою и сказалъ:

— „Ну, ну, ну маты! гляды, якъ не скоро выличышъ слабого, то достанеться отъ мене и слабому, и ликарови"!

Но не легко было и лежать въ постели здоровому. Потребность порѣзвиться брала верхъ надъ страхомъ испробовать на себѣ колючки розги, сѣченіе которыми, понятно само собой, не практиковалось. Колючая розга существовала только для устрашенія; „березовую кашу"-розгу нерѣдко приходилось намъ школярамъ отвѣдывать.

Помню, рядомъ со мною сидѣлъ мой ровесникъ и тезка Мыхалко Свистюкъ; назывался онъ у насъ въ школѣ Патранчикомъ по отцу—Патрану, и теперь, будучи сельскимъ фельдшеромъ, онъ извѣстенъ подъ этимъ школьнымъ именемъ. Пришлось этого Патранчика за что-то сѣчь. Отецъ мой застлалъ полотенцемъ табуретъ и велѣлъ ему лечь.

— „Дядю, якъ тилько будете мене быты, то, ей Богу, скажу батькови, щобы не давалы Вамъ перистенького кабанчика, того, що обищалы Вамъ даты".

Но ему все таки дали три розги.

— „Чортового батька зъисте теперъ, а не кабанчика. Не дамъ. Батькови скажу, що былы".

Окончивъ у отца ученіе чтенію и письму, этотъ Патранчикъ сталъ правою рукою отца на клиросѣ, какъ чтецъ и пѣ-

вецъ, и управлялъ отцовскимъ хоромъ, когда мой отецъ, ставши діакономъ, служилъ литургію въ алтарѣ съ священникомъ. Впослѣдствіи, отбывъ военную службу и возвратившись домой, онъ раньше встрѣчи съ своею матерью зашелъ къ моему отцу и упалъ ему въ ноги.

— „Благодарю Васъ, дядю, за науку! Теперь я старшый военный фельдшеръ и кусокъ хлиба назавжды маю".

И съ той поры и до смерти моего отца онъ всегда помогалъ отцу и замѣнялъ его на клиросѣ и, какъ фельдшеръ, всегда безмездно и усердно лечилъ отца, а передъ смертью послѣдняго дни и ночи просидѣлъ у постели умирающаго своего учителя и закрылъ ему глаза.

Кромѣ воспоминанія о *тмъ, мнъ*, память отказывается припомнить, какъ я училъ: Ангелъ, Архангелъ съ титлами, оксія, варія, звательцо... и утреннія молитвы; но живо помню, что когда я училъ вечернія молитвы, пришелъ нашъ батюшка, отецъ Григорій Мотылевичъ, и засталъ меня за книгою.

— „А ну, прочитай мени, Мыша"!

Я боялся батюшки, но, читая „Слава въ вышнихъ Богу", я самъ сознавалъ, что читаю хорошо.

— „Гарно, гарно читаешь. Богъ тебе благословыть! Учись, Миша, будешь людьми"!

И далъ онъ мнѣ серебряный двугривенный. Въ ту пору это были большія деньги. Понятное дѣло, что такой гостинецъ и теплое слово батюшки и до сихъ поръ живы въ моей памяти.

Послѣ такого поощренія я съ увлеченіемъ оканчивалъ граматку. И особенно радостное чувство наполняло мою душу, когда я училъ: „День прешедъ, благодарю тя Господи": это потому, что вслѣдъ за этою молитвою слѣдовали заповѣди и конецъ граматкѣ. Я безъ отдыха, заткнувъ уши пальцами и громко выкрикивая каждое слово молитвы, читалъ, чтобы скорѣе окончить граматку и принесть своимъ коллегамъ „кашу зъ макомъ".

Обрядъ школьнаго праздника—принесенія „каши зъ макомъ" граматныкомъ (часловныки и псалтырныки не приносили кашу) и до сихъ поръ (мнѣ 44 года) живъ до мельчайшихъ подробностей въ моей памяти. Доброе чувство удовольствія, радости и

подъема школярскаго духа и до сихъ поръ не выдохлось въ моемъ сердцѣ.

Утромъ, въ день „каши зъ макомъ“ меня принарядили въ чистое бѣлье, сказали надѣть сапоги, которые я надѣвалъ только тогда, когда въ церковь шелъ или когда ѣздилъ съ отцемъ въ гости къ его сосѣдямъ дьячкамъ, затѣмъ обильно намазали мнѣ волосы „смальцемъ“, топленнымъ саломъ, такъ что и лобъ лоснился, потомъ велѣли мнѣ стать на молитву и читать молитвы по граматкѣ, вслухъ, да иначе мы дѣти никогда не молились, а только громко, на распѣвъ. И я въ то утро усердно, восторженно молился, хотя и не понималъ смысла молитвъ; послѣ молитвы, по заведенному обычаю, далъ „чоломъ“ „татови“ и мами, т. е. поцѣловалъ ихъ руки. Когда же послѣ обѣда (а мы обѣдали въ 7 или въ 8 часовъ утра) посходились школяры, я сѣлъ съ ними за учебный (онъ же и обѣденный) столъ, перекрестился, поцѣловалъ иконку въ часословѣ и, произнося вслѣдъ за отцомъ: „Господы благословы“, началъ читать первый псаломъ съ неослабѣвавшимъ увлеченіемъ и столько разъ, что къ полудню задолбилъ „какъ сорока наизусть“. Но чѣмъ долѣе читалъ, тѣмъ больше нетерпѣніе одолѣвало меня: когда бы скорѣе полудень былъ—кашу бы ѣли! Наконецъ объявляетъ отецъ:

— „Закрывайте, диты, кныжки, читайте Отче нашъ и полуднайте“!

Глаза всѣхъ школярей уже давнымъ давно и очень часто поглядывали на заслонку, скрывающую отъ нашихъ взоровъ въ варистой печи „кашу зъ макомъ“. Но вотъ заслонка снята, мать достаетъ изъ печи громаднѣйшій горшокъ съ кашею. Всѣ школяры повынимали изъ-за пазухи, а кто изъ-за голенища свои деревянныя ложки, и тѣ изъ нихъ, у которыхъ живое воображеніе и развитое обоняніе и вкусъ, начали шевелить губами, смакуя напередъ вкусную кашу. По командѣ отца всѣ школяры съ крикомъ радости усѣлись среди хаты на земляномъ полу въ кружокъ, держа на поготовѣ ложки въ рукахъ.

— „Ну, дитки, каша горяча, не хапайтесь, стережиться, бо опечетесь; вона крута и сыпка, глядить, не набирайте повну ложку, бо розсыплете кашу, а который зъ васъ даръ Божій не

пошанує, розсыпле, той попробує ще й березовои каши отъ граматыка,—сказалъ отецъ.

— А ты, Мыша, гляды! Который розсыпле кашу зъ ложки, того хворосты ризкою, щобъ не розсыпавъ Божого дару".

Дѣти мигомъ бросились къ горшку, неистово копали ложками крутую, разсыпчатую, пшенную съ макомъ кашу и запихали себѣ ею полные рты, давились, кашляли, поперхнувшись сухою кашею, другъ друга толкали локтями по рукѣ съ ложкою, такъ что каша уже у самаго рта вываливались съ ложки и разсыпалась на полъ. Я же, быстро оббѣгая кружокъ кашеѣдовъ, билъ розгою по спинѣ того изъ нихъ, кто разсыпалъ кашу. А тѣ, морщась и смѣясь и защищая лѣвой рукою спину, правою рукою проворно уплетали кашу и успѣвали выбить ложку изъ рукъ сосѣда. Хохотъ неудержимый, общій, радость и веселье заразительные, подмывающіе на смѣхъ и стариковъ, зрителей каши.

Каша съѣдена. Но мнѣ и попробовать не дали этой каши. Таковъ законъ каши. Затѣмъ поставили тотъ порожній горшокъ среди хаты на полу, завязали мнѣ глаза платкомъ крѣпко накрѣпко, дали въ руки макогонъ, обкрутили меня на мѣстѣ три раза и сказали мнѣ попадать макогономъ въ горшокъ. Я постоялъ, сообразилъ, въ которомъ мѣстѣ стоитъ горшокъ, размахнулся и ударилъ объ печку. Всѣ дружно, неудержимо расхохотались. Мнѣ и самому стало смѣшно. Я поправился и хватилъ макогономъ прямо о землю—полъ. Хохотъ еще сильнѣе. Досада начала уже разбирать меня. Я еще крѣпче размахнулся,—хвать!—попалъ по скамьѣ. Товарищи завыли отъ хохота, затопали ногами. У меня же отъ досады слезы готовы были ринуться изъ глазъ. Озлившись на ускользавшій отъ макогона горшокъ, я, наконецъ, въ сильномъ гнѣвѣ случайно такъ хватилъ по горшку, что послѣдній въ дребезги разлетѣлся. Взрывъ хохота, дикій, неудержимый крикъ, стукъ, топанье ногами—восторгъ неописанный, всеобщій. Я моментально сорвалъ повязку съ глазъ, которые блестѣли слезами и сіяли необычайнымъ восторгомъ, схватилъ розгу и сталъ „погонять" товарищей на водопой къ рѣчкѣ, отстававшихъ догонялъ и подгонялъ розгой.

Но вотъ, добѣжавъ до рѣчки, товарищи поворотили оглобли назадъ и погнались за мною. Я во мгновеніе ока забросилъ розгу черезъ ровъ въ чужой огородъ, и давай Богъ ноги. Но нашлись охотники, которые съ быстротою зайца перепрыгнули ровъ, и одинъ изъ нихъ схватилъ розгу, догналъ и стегалъ меня тою же розгою, пока я не вбѣжалъ въ комнату.

И долго еще до самаго вечера личики школярей сіяли улыбкою удовольствія и веселья. А мнѣ и во снѣ снилась каша. И вотъ уже 36 лѣтъ минуло съ той поры, а память живо и тепло рисуетъ мнѣ картину этого школьнаго праздника.

Въ описываемое время, въ 50-хъ годахъ, открытіе школъ и учительствованіе въ нихъ не было обязательно для духовенства. Только въ началѣ 60-хъ годовъ митрополитъ кіевскій Арсеній настоятельно потребовалъ отъ каждаго священника своей епархіи—подъ угрозою лишенія прихода, открыть въ приходѣ школу. Отецъ же мой еще съ 1847 года содержалъ школу въ своей квартирѣ не обязательно, а изъ-за куска хлѣба, по частной просьбѣ прихожанъ, додумавшихся до желанія сдѣлать своихъ дѣтей чтецами и пѣвцами на клиросѣ. Желаній же, чтобы дѣти научились быть писарями въ волости или же „адукатами“, быть панами, а не мужиками—таковыхъ желаній у крестьянъ того времени не могло еще быть, потому что ни крестьянскаго самоуправленія съ писарями, ни гласныхъ судовъ съ адвокатами еще и въ поминѣ не было. Для крѣпостныхъ крестьянъ судъ и правда чинились экономами и комиссарами, управлявшими помѣщичьими имѣніями, на мѣстѣ въ каждомъ селѣ; другія сословія судились въ канцеляріяхъ уѣздныхъ судовъ и палатъ, гдѣ съ уничтоженіемъ Литовскаго Статута уничтожилась и публичность и гласность суда и гдѣ царствовала непроницаемая канцелярская тайна съ безграничною подкупностію судей.

Школа конца 60-хъ годовъ, да и въ послѣднее время, нерѣдко отрывала отъ почвы крестьянскихъ дѣтей, выбивала ихъ изъ колеи честнаго традиціоннаго труда хлибороба и дѣлала ихъ паразитами, выжимающими послѣдніе соки изъ тѣхъ же крестьянъ, на средство которыхъ они воспитались, но отъ которыхъ

теперь они открещивались, отплевывались, ставши панами писарями или господами урядниками и уже ни за что не желая быть хлиборобомъ или же ремесленникомъ, а лелѣя въ душѣ мечту стать настоящимъ паномъ посессоромъ имѣнія, что и удавалось нѣкоторымъ изъ нихъ, если только они не распивались.

Содержа домашнюю школу, отецъ мой соглашался научить школяровъ только читать, писать, немного считать и пѣть въ церкви, да больше онъ и самъ ничего не умѣлъ, если не считать еще того, что онъ умѣлъ говорить и писать по польски. Плату онъ получалъ отъ книжки, и то различную. Кто платилъ за изученіе молиться по „Граматкѣ“ мѣрку проса, кто за ту же книгу давалъ поросенка, или ягненка, кто деньгами платилъ полъ рубля, а иной зато огородъ вспашетъ. Почти тоже платили за обученіе Часослову и Псалтыри. Письмо и пѣніе не входило въ статьи договора,—оно само собою разумѣлось; и отецъ никогда не бралъ плату за обученіе этимъ предметамъ.

Ранѣе декабря школа не открывалась. Только въ день св. пророка Наума, а то и послѣ „зимняго Мыколы“, когда уже снѣгъ заляжетъ на полѣ и прекращается время подножнаго корма для скота и время пастушеской жизни деревенскихъ мальчиковъ, когда для послѣднихъ, какъ для малолѣтокъ, и дома нѣтъ никакой работы, — только тогда и сходились школяры въ школу.

По изстари установившемуся обычаю родители съ хлѣбомъ, „дробкомъ“ соли и бутылкой водки приводили въ школу новичковъ, одѣтыхъ не *по буденному*, а убранныхъ въ новый набѣленный мѣломъ снаружи кожушокъ, въ отцовскую шапку и въ материны сапоги. Сапожники въ ту пору не умѣли шить дѣтской обуви, не имѣя спроса на нее; да и теперь деревенскіе сапожники шьютъ сапоги безъ мѣрки, а „на око“. Тогда чаще всего на всю семью была одна, много если двѣ и не болѣе трехъ паръ сапогъ, обыкновенно же дѣти босые бѣгали зимою по улицамъ. Приводя сына въ школу „до науки“, иной изъ родителей приносилъ еще и свою розгу на него. Выпивши могаричъ и прощаясь съ моимъ отцомъ, отецъ новичка, указывая на своего сына, обыкновенно приговаривалъ:

— „Та добре жъ быйте, папе реенцій, мого сучого сына ризкою, щобъ байдыкивъ не бывъ, гавъ не ловывъ, на двори не грався, а щобъ учывся и читавъ у церкви“.

И начиналось обученіе грамотѣ обычнымъ въ тѣ времена заучиваньемъ названій буквъ славянскаго алфавита. Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро и. т. д. вслѣдъ за учителемъ, произносящимъ и указывающимъ пальцемъ каждую букву, указывалъ на неё своею „стымбулкою“ и произносилъ названія и ученикъ въ слухъ, громко. Старшіе школяры еще болѣе громко читали по Часослову и по Псалтыри, и этотъ крикъ и гамъ далеко разносился по улицѣ. Ничего подобнаго этому крикливому чтенію въ нынѣшнихъ школахъ уже нѣтъ; только въ текущемъ году, проѣзжая въ Сквирѣ мимо еврейскаго хедера—училища, я былъ какъ-то странно изумленъ невообразимымъ крикомъ учениковъ, по командѣ вторившихъ каждое слово меламеда по нѣсколько разъ, точь въ точь, какъ я съ своими коллегами произносилъ вслѣдъ за отцомъ: буки и рцы азъ ра—бра, вѣди и рцы азъ ра—вра. Безсмысленно насъ учили. Воистину корень ученія горекъ былъ намъ. И все таки, не смотря на неосмысленный способъ обученія чтенію, мы въ теченіе зимы, считая отъ 1-го декабря до Пасхи, выучивали букварь съ утренними и вечерними молитвами и съ заповѣдями, хотя, нужно сказать, что не всякій, выучившій свой букварь, могъ читать по букварю другаго изданія однѣ и тѣже молитвы. Только по изученіи Часослова и Псалтыря школяръ могъ прочесть по всякой славянской книгѣ. Мнѣ же, по изученіи складовъ и словъ подъ титлами разнаго вида, легко удалось выучиться читать, такъ что я даже поразилъ пріятно отца, когда въ одинъ воскресный вечеръ раскрылъ библію съ очень мелкимъ шрифтомъ и прочелъ полъ-главы, не подозрѣвая, что меня слушаетъ отецъ съ матерью, сидя на заваленкѣ подъ тѣмъ окномъ, у котораго я читалъ. Переставъ читать, я услышалъ разговоръ отца съ матерью о моемъ чтеніи и о радостныхъ ихъ надеждахъ на меня. Это еще болѣе окрылило меня и дало мнѣ вѣру въ самого себя. Вѣдь это рѣдкій, славный подвигъ: не успѣлъ еще граматки выучить, а я уже могу даже самую библію читать! какой я умница! мысленно говорилъ я тогда самъ себѣ. На цѣ-

ломъ свѣтѣ нѣтъ книги труднѣе и больше библіи, а я вотъ и по ней могу читать. Я даже чуть не возмнилъ, что мнѣ уже больше нечему учиться, что я уже все знаю, но отецъ въ пору подмѣтилъ во мнѣ такое настроеніе и смирилъ дѣтскую гордыню моего духа, показавъ мнѣ греческія и латинскія книги, которыя нарочно для того и принесъ отъ отца Григорія. На другую зиму, выучивъ изъ Часослова только утреню, я уже читалъ въ церкви и утреннее шестопсалміе, и даже то, чего не училъ еще: часы и вечерню, по очереди съ тѣми школярами, которые уже окончили Часословъ и учили Псалтирь. И хотя я свободно могъ читать всякую славянскую книгу, тѣмъ не менѣе училъ въ теченіе второй зимы и Часословъ, и Псалтиръ чуть-ли не всю на память.

Отецъ мой заставлялъ меня читать Часословъ и Псалтирь не только въ церкви, но и въ домахъ прихожанъ надъ покойниками. Но чтеніе Псалтири надъ умершими было мнѣ далеко не по сердцу, и по многимъ причинамъ. Хотя меня, какъ маленькаго мальчика и какъ сына уважаемаго и любимаго прихожанами дьячка, и ласкали теплымъ словомъ родные умершихъ и гладили по головкѣ шерсткою рукою и баловали меня изысканною пищею—яичницею, пампушками съ чеснокомъ, варениками, сметаною, яблоками, грушами и всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ, тѣмъ не менѣе я неохотно соглашался идти читать Псалтирь надъ покойниками. Одно уже то отбивало охоту: какъ мнѣ просидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ вблизи „мерця“ цѣлый день, когда въ окно такъ заманчиво глядитъ Божій день и такъ страстно хочется побѣгать съ тѣми мальчиками, что на свободѣ за воротами бѣгаютъ въ перегонку по улицѣ. Другое то, что тяжело, непріятно, невыносимо дышать воздухомъ, испорченнымъ разлагающимся трупомъ, когда тамъ, за окномъ, подъ вишнями, такъ чудно благоухаютъ цвѣты василька, мяты, настурцивъ, повнякивъ, чорнобрывцивъ, моихъ любимцевъ и до сего дня, любыстка и др. А главное неудобство—душно; душно до того, что пòтомъ обливаешься, рубца сухого нѣтъ—весь, какъ въ водѣ; вѣдь въ этой же, единственной въ домѣ комнатѣ, гдѣ покойникъ, т. е. въ кухнѣ цѣлый день пекутъ хлѣбы, пампушки, блины,

куры, варятъ борщъ, горохъ, вареники, лапшу и кашу на похоронный обѣдъ. Жарко въ комнатѣ до того, что и я, какъ разваренный, сижу и млѣю; а оставить чтеніе и пойти на рѣчку покупаться ни подъ какимъ видомъ нельзя. Что тогда подумаютъ обо мнѣ и скажутъ эти добрые, такъ ласкавшіе меня люди?! Кромѣ того, вѣдь за чтеніе Псалтири отцу дадутъ цѣлый злотый, такъ нужно отработать. И читаешь, читаешь полчаса, часъ, монотонно, безъ смысла, съ ужасною тоскою, обезсилѣвъ отъ духоты и жара. А тутъ еще мухи надоѣдаютъ: отгонишь рукой мухъ разъ, другой и забудешь, на какой строчкѣ остановился, и читаешь уже безъ всякаго смысла; тутъ уже не до запятыхъ, не до точекъ, въ особенности, когда старуха бабка пучкомъ васильковъ отгоняетъ мухъ съ лица мертвеца и они всѣ роемъ устремятся на меня и назойливо пробираются и въ глаза, и въ носъ и тѣмъ же самимъ хоботкомъ, какимъ сосали трупный ядъ мертвеца, сосутъ и мои нервы до крайняго нетерпѣнія, до слезъ. Бросилъ бы все и опрометью со всѣхъ ногъ убѣжалъ изъ этой хаты, но... нельзя. Меня только что такъ сладко накормили и такъ нѣжно ласкали; да и отецъ, еслибы я убѣжалъ домой, не по головкѣ бы меня погладилъ... и съ тоскою безвыходности и чуть ли не черезъ плачъ опять продолжаешь читать Псалтирь, съ единственнымъ желаніемъ поскорѣе дочитаться до картины Чермнаго моря съ Мойсеемъ и колесницами Фараоновыми, которая помѣщалась въ концѣ Псалтири, послѣ послѣдняго 150-го псалма. Но пока до моря дочитаешься, много разъ толкнешься носомъ о псалтирь, и тогда только воспрянешь отъ дремоты и съ новымъ напряженіемъ читаешь съ тѣмъ, что черезъ минутъ 15—20 опять толкнешься носомъ то объ горы Ермонскія и Ѳаворскія, то объ кедры Ливанскіе. Наконецъ, и совѣстно становится передъ людьми, что дремлю, и не въ мочь стаетъ долѣе мучить себя, и вотъ, посмотрѣвъ вокругъ себя и видя, что никто не смотритъ на меня, перебрасываю сразу нѣсколько листковъ и читаю далѣе; и такъ частенько сокращаю Псалтирь, благо никто не видитъ и всѣ неграмотные. Но разъ на одномъ похоронѣ случилось и такъ, что хотя и никто не видѣлъ, что я перебрасываю сразу нѣсколько листовъ, за то

80-лѣтній старикъ—дѣдъ Левко Колосюкъ, лежавшій на печи, привелъ меня въ такое душевное состояніе, что я радъ былъ бы лучше сквозь землю провалиться, нежели услышать отъ него слѣдующее:

— Хлопче, хлоооопче! Не бреши! Пяте черезъ десяте не читай, по пять лыстккивъ не перекидай, вернысь мени назадъ, бо буду быты; читай: „Вонми ми и услыши мя, возскорбѣхъ печалію моею и смятехся отъ гласа вражія и отъ стуженія грѣшнича, яко уклониша на мя беззаконіе и во гнѣвѣ враждоваху ми“.—Ото быты, ото быты, щобъ ажъ пирья сыпалось! Чого жъ тоби зацпыло? Читай дальше, та гляды, не брешы, бо заверну тебе до першои каѳизмы“.

Уничтоженный старикомъ, въ крайнемъ смущеніи, я продолжалъ читать уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ медленно: „сердце мое смятеся во мнѣ и боязнь смерти нападе на мя: страхъ и трепетъ пріиде на мя и покры мя тма. И рѣхъ: кто дастъ ми крылѣ, яко голубинѣ, и полещу и почію. Се удалихся, бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури“. Не скоро послѣ этого случая я согласился читать Псалтирь надъ покойниками, и то только въ тѣхъ домахъ, гдѣ я зналъ, что дѣда Левка не будетъ.

Грамматниковъ отецъ не училъ писать, а писали только „Часловники“ и „Псалтырники“. Ученіе письму въ ту пору было дѣломъ далеко не легкимъ. Бумагу мы видѣли только въ тѣхъ книгахъ, которые учили, да церковныхъ богослужебныхъ. Бумагу въ тѣ времена не легко было и въ мѣстечкахъ найти, и то въ небольшомъ количествѣ „аркушовъ“, т. е. листовъ. Чернилъ, называвшихся также атраментомъ, также негдѣ было купить. А потому отецъ мой, по передававшемуся устно изъ рода въ родъ рецепту, дѣлалъ самъ прекрасное чернило изъ купороса, галяса и изъ дубовыхъ не желудей, а орѣшковъ,—кругленькихъ шариковъ, образовавшихся на дубовыхъ листьяхъ отъ кладки яицъ насѣкомыми. Чернило выходило прочное и очень черное. Отецъ славился своимъ черниломъ и поставлялъ таковое благочинному.

Вмѣсто бумаги, которая была не по нашему карману, отецъ дѣлалъ березовыя черныя таблицы, выдавливалъ на нихъ постоянныя графы, затѣмъ закуривалъ ихъ дымомъ березовой смолистой коры до полнаго, чернаго, лоснящагося цвѣта, сверлилъ дырочку въ верху доски, заволокалъ въ нее шнурочекъ для вѣшанья доски на стѣнѣ, и черная таблица была совершенно готова къ писанью на ней. Такихъ таблицъ было нѣсколько, по числу учащихся письму. И каждый ученикъ ревниво берегъ свою таблицу и отъ другаго ученика, и отъ царапинъ. Чернило къ такимъ таблицамъ употреблялось бѣлое изъ „крейды", растворенной въ водѣ. Мѣлъ съ чернильницы быстро осѣдалъ на дно, и потому каждый разъ при омоканіи пера нужно было взбалтывать мѣлъ въ чернильницѣ. Прописей у насъ и въ поминѣ не было. Такая роскошь не по силамъ была такой школѣ, какую содержалъ отецъ. Онъ самъ надписывалъ на каждой таблицѣ верхнюю строчку вмѣсто прописи.

Перья въ ту пору были гусиныя; о стальныхъ перьяхъ и въ самомъ Кіевѣ не слышно было еще; даже много лѣтъ спустя, когда я уже учился въ Кіевѣ, и тогда я долженъ былъ ежегодно привозить съ села гусиныя перья. Припоминаю, что въ Кіевѣ на Подолѣ на дверяхъ каждой бакалейной лавочки висѣли пучки гусиныхъ перьевъ, а теперь такихъ вывѣсокъ на дверяхъ бакалейныхъ лавокъ уже нигдѣ ни видно.

Послѣ писанья на черныхъ доскахъ „крейдою", отецъ училъ насъ писать и на бумагѣ черниломъ. Но, какъ я выше замѣтилъ, бумагу трудно было достать, и притомъ она очень дорога; поэтому отецъ ухитрялся, по примѣру своихъ отцовъ и праотцевъ, дѣлать такъ, что одинъ и тотъ же листъ исписывался до сотни разъ и былъ чистъ. Дѣлалось это такъ. Разлинеивъ листъ бумаги черниломъ и исписавъ его съ одной стороны, отецъ вощилъ бумагу жидко расплавленнымъ воскомъ, такъ что все написанное было ясно видно сквозь прозрачный слой воску. И на такой—прочной, хотя и легко ломающейся бумагѣ мы опять писали „крейдой", наводя по чернымъ буквамъ, видимымъ изъ-подъ слоя воску. Исписанный крейдою, вощенный листъ бумаги легко смывался водою и опять былъ чистымъ. Такой

листъ бумаги, при самомъ бережномъ обращеніи съ нимъ, а иного обращенія не допускалось, служилъ мѣсяца два—три. За писанье намъ нерѣдко доставались и „пали“—удары линейкою по ладони лѣвой, неиишущей руки.

Не лишнимъ считаю упомянуть и о томъ, что мы—школяри, въ видахъ скорѣйшаго обученія чтенію по складамъ,—и говорили по складамъ между собою. Такъ напр., мнѣ нужно спросить товарища: „чи можно на леду сковзаться?“ И я говорилъ ему этотъ вопросъ такъ: „*Черъ еры чи, мыслѣте онъ—мо, живѣте намъ онъ—но, нашъ азъ—на, люди есть—ле, добро укъ—ду, слово како онъ—ко, вѣди земля азъ—за, твердо ерь—ть, слово я—ся*“?. Такой способъ рѣчи видимо нравился шклярамъ, и они охотно болтали этою тарабарщиной и дома, желая блеснуть своею диковинною ученостью, а то и выругать домашнихъ на своемъ непонятномъ языкѣ.

Неграмотные домашніе, не желая остаться въ долгу передъ грамотѣями и издѣваясь надъ тарабарщиною послѣднихъ, коверкали ихъ рѣчь такими фразами,—какъ напр..

— Ракомъ комъ мурмулю! Що я жинко говорю? Чыръ еры—чи! подай жинко постолы и онучи! Приведенныя фразы циркулируютъ не въ одномъ селѣ Ярешкахъ, но и во многихъ селахъ и тѣмъ указываютъ на общность ихъ происхожденія.

Рядомъ съ обученіемъ чтенію и письму днемъ, отецъ велъ обученіе пѣнію послѣ ужина, вечеромъ, до поздней ночи. Церковное пѣніе отецъ любилъ до слезъ и всѣмъ почти своимъ питомцамъ передалъ свое страстное отношеніе къ церковному пѣнію. Давненько уже отецъ мой умеръ, а его старые „пѣвчуки“, теперь уже имѣющіе и внуковъ, вопреки обычаю, дозволяющему „колядовать на Риздво“ только „парубкамъ“, и теперь ежегодно въ день Рождества Христова собираются хоромъ и ходятъ по домамъ прихожанъ пѣть на четыре голоса колядки, каковыхъ теперь нигдѣ не услышите, развѣ только прочтете въ Богогласникѣ Уніатскомъ-Почаевскомъ. И при пѣніи колядокъ, какъ передавалъ мнѣ въ нынѣшнемъ году одинъ изъ тѣхъ пѣвцовъ—фельдшеръ Свистюкъ, и поющіе, и слушающіе и прослезятся отъ религіозной отрады и умиленія и теплымъ словомъ поминаютъ своего незабвеннаго старца учителя небожчика діакона.

Зимою школяри оканчивали свои занятія и расходились по домамъ ежедневно часа въ три по полудни, потому что въ школѣ (она же и квартира отца, его семьи и молодыхъ домашнихъ животныхъ) послѣ трехъ часовъ становилось темно и читать нельзя было. Свѣтъ снаружи проникалъ въ комнату двумя окнами. Одно изъ нихъ, что у стола—называлось большимъ, имѣя шесть вершковъ высоты, и состояло изъ четырехъ стеколъ въ рамѣ, другое же, противъ варистой печи, круглое,—было вдвое меньше перваго—вершка три въ діаметрѣ безъ рамы, а сдѣлано изъ одного куска стекла, вмазаннаго въ оконную дыру въ стѣнѣ. Само собою понятно, что при такомъ освѣщеніи извнѣ послѣ двухъ часовъ по полудни начинало темнѣть въ комнатѣ и читать можно было въ ней только съ трудомъ, и то только молодымъ дѣтскимъ глазамъ, а потому въ три часа, когда уже немыслимо разобрать что либо въ книгѣ, одни изъ школярей расходились по домамъ, другіе же голосистые оставались у насъ „вечерять“ и пѣть.

Въ ожиданіи ужина и пѣнія пѣвчіе помогали отцу въ его хозяйствѣ. Одинъ поведетъ лошадь къ водопою, захвативши съ собою топоръ, чтобы прорубить на льду полынью для водопоя; другой занесетъ околоченные ржаные снопы на „коморѣ“ для овецъ; тотъ загонитъ свиней въ хлѣвъ, иной сходитъ въ погребъ—набрать картофель для ужина, а кто, схвативъ деревянныя ведра (жестяныхъ тогда не было), принесетъ воды для моей матери. Когда совсѣмъ стемнѣетъ на дворѣ, мы всѣ соберемся въ хатѣ. Мать давно уже затопила варистую печь, занимавшую четверть комнаты—школы, и готовитъ „вечеру“—ужинъ. Я, или который-нибудь изъ школярей топитъ въ малой печкѣ, или такъ называемой грубкѣ; послѣднее названіе вполнѣ соотвѣтствовало формѣ печки, отверстіе которой закрывалось не дверцой жестяной, а замазывалась каждый разъ по окончаніи топки полотномъ, омоченнымъ въ жидкую глину; остальные школяры занимались фабрикаціею березовыхъ свѣчей—лучины. **М. Щ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы для біографіи графа П. А. Румянцова-Задунайскаго.

Не смотря на то, что черезъ годъ будетъ сто лѣтъ со времени смерти Румянцова-Задунайскаго († 1796 г.), мы до сихъ поръ не имѣемъ хотя сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Нѣсколько обслѣдована военная дѣятельность Румянцова, особенно въ турецкихъ войнахъ (работы Саковича, „Историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцова-Задунайскаго съ 1775 по 1780 годъ“ и позднѣйшая—Д. Масловскаго, „Ларго-кагульская операція гр. П. А. Румянцова“), но объ управленіи имъ Малороссіей, послѣ упраздненія гетманства, свѣдѣній очень мало собрано. Будущій біографъ Задунайскаго встрѣтитъ немало препятствій къ обстоятельному изслѣдованію его жизни по той главной причинѣ, что домашній архивъ Румянцовыхъ, кажется, погибъ. Послѣдніе годы жизни Р.-З. провелъ въ своемъ переяславскомъ имѣніи, м. Ташанѣ, гдѣ и умеръ. Тамъ, повидимому, хранились и бумаги его. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что когда одинъ изъ позднѣйшихъ наслѣдниковъ Р.-З. кн. Н. П. Голицынъ (сынъ Варвары Сергѣевны Кагульской) продавалъ въ шестидесятыхъ годахъ м. Ташань кн. Горчакову, то вывозилъ оттуда книги и бумаги своего знаменитаго прадѣда. Далъ онъ и намъ тогда связку бумагъ, собственноручно исписанныхъ Р.-З., но что заключается въ этихъ бумагахъ, мы и до настоящаго времени не добились: почеркъ Р.-З. до такой степени нераз-

борчивъ, что *буквально нельзя прочесть двухъ словъ сряду* [1]). Н. П. Голицынъ умеръ, и наслѣдство его перешло къ его брату кн. С. Н. Голицыну (бывшему черниговскому губернатору, умершему въ 1888 г.); послѣдняго мы разспрашивали о бумагахъ Р.-З., но, по его словамъ, никакихъ важныхъ бумагъ онъ не нашелъ. Впрочемъ все, что осталось послѣ кн. Н. П. Голицына, должно храниться въ подмосковномъ имѣніи его племянника, кн. С. Н. Голицына, называемомъ Кагулъ. Зная нѣсколько Р.-З., какъ военачальника и отчасти какъ гражданскаго устроителя Малороссіи, мы почти вовсе не знаемъ его, какъ частнаго человѣка, какъ владѣльца 30000 душъ крестьянъ. А между тѣмъ характеръ у этого человѣка былъ сложный, какъ то обыкновенно видимъ у людей богато одаренныхъ отъ Бога.—Недавно мы разсматривали бумаги Ал. М. Марковича (р. 1790 † 1865) [2]), и въ числѣ ихъ нашли немало литературныхъ его работъ, которыми онъ занимался, какъ оказывается, съ ранней молодости. Большинство этихъ работъ такъ и осталось въ рукописяхъ, повидимому вслѣдствіе чрезвычайной скромности ихъ автора. Изъ работъ этихъ видно, что А. М. М—чъ былъ человѣкъ и умный, и образованный. Изъ числа очень юныхъ его работъ сохранилось „похвальное слово графу Румянцову-Задунайскому", написанное по шаблону тогдашнихъ подобныхъ „словъ", какъ видно изъ его начала („Граждане! вы конечно не преставали удивляться тому, что въ теченіи двадцати лѣтъ не явился ни одинъ ораторъ для повѣствованія о дѣлахъ Румянцова" и т. д.). Въ заголовкѣ этого слова авторъ сдѣлалъ такую приписку: „начато сочиненіемъ 1811 года, переписано четыре раза до генваря 6-го 1813. Сіе же переписано въ пятый разъ 1820 г., генваря 7 дня." Начавъ сочинять „слово" въ двадцать лѣтъ отъ роду, юный авторъ потомъ еще десять лѣтъ возился съ нимъ, обративъ, какъ видно, на эту свою работу особое вниманіе. Но затѣмъ, въ январѣ 1821 г., М—чъ дѣлаетъ на этой своей работѣ такую надпись: „Разсмотрѣвъ безпристрастно дѣла и свойства Румянцова, я удосто-

---

[1]) Часть этихъ бумагъ мы передали въ архивъ Кіевской Археографической Коммиссіи.

[2]) См. о немъ Кіевск. Старина 1884 г., № 1.

вѣрился, что Румянцовъ былъ искусный и великій полководецъ, но не великій человѣкъ, что онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомѣренъ, любострастенъ, льстецъ, скупъ и корыстолюбивъ—слѣдовательно, плѣнникъ страстей самихъ низкихъ, слѣдовательно малый душею. Одинъ же великій человѣкъ заслуживаетъ похвальнаго слова. Не нужно мнѣ доказывать сихъ обвиненій, потому что я не говорю передъ публикою; для меня же одного довольно сердечнаго удостовѣренія. Надпись же сія сдѣлана для того, чтобы тотъ, кто по случаю, по смерти моей, найдетъ сію рукопись, не думалъ, что я навсегда остался въ заблужденіи или рабски хвалилъ человѣка, не заслужившаго того. 1821 г., генваря 13. С. Сварковъ. Александръ Марковичъ." Къ этому нужно добавить, что А. М. М—чъ былъ человѣкъ исключительный по своимъ высоконравственнымъ идеаламъ; у этого человѣка слова съ дѣлами, повидимому, не расходились; былъ онъ исполненъ любви къ человѣчеству и эту любовь прежде всего онъ проявлялъ къ своимъ крестьянамъ, что между прочимъ видно и изъ того, что онъ предлагалъ правительству освободить своихъ крестьянъ еще въ сороковыхъ годахъ. Говоримъ все это для того, чтобы показать, что сдѣланная М—чемъ характеристика Румянцова сдѣлана не слегка, а послѣ того, какъ онъ *удостовѣрился*, что это былъ человѣкъ „малый душею." А удостовѣриться въ особенностяхъ личнаго характера Р.-З. Марковичъ имѣлъ достаточную возможность, потому что родился и росъ почти что въ Глуховѣ (с. Сварковъ, имѣніе М—ча, находится въ семи верстахъ отъ этого города), а слѣдовательно среди людей, которые лично знали знаменитаго правителя Малороссіи, при чемъ знали его, и какъ правителя, и какъ частнаго человѣка, тутъ же около Глухова ведшаго собственное большое хозяйство, (Кочеровка, Литвиновичи и друг.). Такимъ образомъ въ приведенной характеристикѣ Р.-З. мы должны видѣть свидѣтельство, сдѣланное на основаніи показаній хорошо знавшихъ его современниковъ, и поэтому отзывъ Марковича о Р—вѣ можетъ имѣть значеніе свидѣтельства болѣе или менѣе достовѣрнаго. Но разумѣется—познается человѣкъ отъ дѣлъ его, нужны и факты....

Марковичъ обвиняетъ Румянцова въ скупости и корыстолюбіи. Обвиненіе это можетъ быть и справедливо, судя по той необыденной для русскаго помѣщика прошлаго вѣка регламентаціи экономическаго управленія, слѣды котораго сохранились въ напечатанномъ когда то (Черниг. Губ. Вѣд. 1853 г., №№ 7, 8 и 9) „Учрежденіи домовомъ", написанномъ для „генеральнаго управленія домовъ и вотчинъ" Р—ва. Это очень любопытный вообще документъ для исторіи помѣщичьяго домоводства, а по отношенію къ Р—ву онъ представляетъ несомнѣнное доказательство выходившей изъ общаго уровня заботливости о томъ, чтобъ все было цѣло, чтобъ ничего пропасть не могло....—Въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ „Учрежденія домового" читаемъ: — „Въ разсужденіи моего частаго и отдаленнаго отсутствія (изъ вотчинъ) за верхъ всему я поставляю: пристойный во всякомъ моемъ дѣлѣ порядокъ *и вѣрный всему щотъ*, и для того, чтобъ всякой (изъ служащихъ) и по всѣмъ дѣламъ, по востребованію моему, мнѣ могъ обстоятельное и доказательное оправданіе принесть....". Въ другомъ пунктѣ значится: „При отправленіи прикащиковъ въ вотчины, дать отъ домовой конторы инвентаріумы, за подписаніемъ и скрѣпою, всему въ тѣхъ (вотчинахъ) моему домовому строенію до послѣдняго хлѣва и въ тѣхъ всякому подвижному (?) и посудѣ, числу скота—въ лѣты, шерстми и примѣты, птицъ же по сортамъ, числомъ, о немолотенномъ всякаго званія хлѣбѣ—по скирдамъ и въ тихъ числомъ копенъ—впредь для вѣдома и потомъ взысканія."—„Изъ моихъ доходовъ ни единой копѣйки и зерна, кромѣ того, что дѣйствительно отъ меня для выдачи людямъ по окладамъ и на прочіе расходы опредѣлено, безъ моего точнаго расположенія не употреблять.... [1])".

Изъ этихъ отрывковъ видно, что, какъ хозяинъ, Р. считалъ всякую копѣйку, не смотря на громадное свое богатство....

---

[1]) „Учрежденіе домовое" печатаніемъ почему то не кончено, а то, что напечатано — наполнено множествомъ ошибокъ, явившихся, какъ видно, отъ невѣрно прочитаннаго оригинала. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ „домовое учрежденіе" или, какъ его звали малорусскія экономіи Р—ва, „артикулы", были составлены въ 1776 г. Рукопись „Учрежденія" хранится въ бумагахъ Судьенка.

Имѣются у насъ и другія свѣдѣнія, что отзывъ Марковича о скупости Р—ва, повидимому, вѣренъ. Какъ бы то ни было, но матеріаловъ для ближайшаго знакомства съ личностью этого замѣчательнаго военачальника и администратора такъ мало, что о собраніи этихъ матеріаловъ давно пора позаботиться. Имѣя въ виду значеніе Р—ва въ исторіи управленія Малороссіи, мы начинаемъ здѣсь печатаніемъ разнаго рода свѣдѣнія о его жизни, какъ частной, такъ и общественной.

А. Л.

1. Отрывочныя свѣдѣнія изъ жизни графа П. А. Румянцова по разсказу Арк. Ал. Ригельмана[1]).

Вы желали имѣть на бумагѣ тѣ расказы, которые я вамъ передавалъ со всею точностію. Они касаются не столько общихъ дѣлъ и происшествій въ Россіи, сколько лицъ, бывшихъ въ то время на первомъ планѣ государственнаго служенія, слѣдственно имѣютъ нѣкоторую связь съ отечественною исторіею; а потому не чужды интереса, какъ и вы думаете.

Есть люди, подобные тѣмъ листамъ лѣтописи, которые будучи оторваны теряются невозвратно; а вмѣстѣ съ ними невозвратно погибаютъ и драгоцѣнные историческіе матеріалы. Такіе люди, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ, или по недовѣрчивости къ перу своему, проходя долговременное поприще служебной жизни, не оставляютъ намъ никакихъ свѣдѣній на бумагѣ о тѣхъ великихъ людяхъ и событіяхъ отечественныхъ, которыхъ они были свидѣтелями, или участвовали по своимъ обязанностямъ. Это въ особенности можно замѣтить у насъ въ Россіи, гдѣ писать и печатать почитается правомъ, принадлежащимъ привелигированному классу литераторовъ. Страхъ быть осужденнымъ и освистаннымъ, не смотря на цѣль, нашими журналами, часто останавливаетъ перо тѣхъ, которые не могутъ

---

[1]) Сына А. И. Ригельмана, написавшаго „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи", изд. въ 1847 г. Бодянскимъ.

Настоящій отрывокъ и слѣдующіе два (Гоголева и Лѣсницкаго) взяты изъ бумагъ М. О. Судьенка.

передать исторіи свои свѣдѣнія въ надлежащемъ видѣ. Къ числу такихъ людей принадлежатъ:

1) Дворянинъ черниговской губерніи Даніилъ Емельяновичъ Ясновскій, начавшій свое служеніе у фельдмаршала графа Румянцова съ перваго офицерскаго чина, находившійся при немъ неотлучно въ званіи весьма довѣреннаго адъютанта, управляющаго военною канцеляріею, и за всѣмъ тѣмъ достигшій только маіорскаго ранга и ордена 4-й степени св. Владиміра, въ продолженіи 30-ти лѣтней безпорочной службы[1]). Такъ былъ скупъ къ наградамъ его начальникъ, повторявшій часто, особенно во время Потемкина, когда награды болѣе зависѣли отъ случая и протекціи, нежели отъ заслугъ; онъ говорилъ: „что въ Россіи вашъ адъютантъ обгонитъ васъ незамѣтнымъ образомъ и сдѣлается вашимъ начальникомъ; между тѣмъ какъ въ прусской службѣ...“ и тутъ шло уже длинное разсужденіе о пользѣ медленнаго производства и бережливости въ наградахъ. Но этотъ достойнѣйшій, обиженный по теперешнему нашему понятію, адъютантъ фельдмаршала никогда о томъ не упоминалъ самъ, не жаловался и сохранилъ къ нему глубокое уваженіе, даже и послѣ его кончины. Будучи въ отставкѣ, онъ много разъ и много лѣтъ былъ избираемъ въ разныя губернскія почетныя должности, а потомъ былъ директоромъ Нѣжинскаго Безбородковскаго лицея. Будучи воспитанъ по обычаю прежняго времени въ духовной академіи, зналъ латинскій языкъ и умѣлъ хорошо писать по русски.

Во время служенія его въ черниговской губерніи по выборамъ, я былъ съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ; видѣлъ общее къ нему уваженіе, зналъ высокое достоинство его правилъ, скромный характеръ, чуждый всякаго притязанія на искательство. Привожу все это для того, чтобы поселить въ васъ вѣру къ его расказамъ, которые по своей ясности, точности и быстротѣ всегда увлекали слушателей.

2) Другой источникъ свѣдѣній о гражданскомъ служеніи и домашней жизни фельдмаршала Румянцова былъ статскій со-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Ясновскимъ († 1840 г.) см. въ книгѣ Гербеля—Лицей князя Безбородко (изд. второе, Спб. 1881), стр. 206—200. *Прим. А. Л.*

вѣтникъ Чепа, служившій въ его канцеляріи по гражданской части. Человѣкъ начитанный, достигшій посредствомъ упражненія искусства писать превосходно, и даже опередившій въ томъ свое время. Человѣкъ тяжелый, вялый, отъ котораго трудно было добыть что-нибудь для свѣдѣнія. Онъ дожилъ свой вѣкъ въ деревнѣ, въ полтавской губерніи и былъ не единожды призываемъ малороссійскими генералъ-губернаторами въ правители канцеляріи, но безъ успѣха.

3) Третій источникъ расказовъ, которые я вамъ передаю, былъ отставной полковникъ П. Г. Корицкій, служившій старшимъ адъютантомъ у Суворова, бывшій свидѣтелемъ его отставки и удаленія въ деревню, а потому скоро (въ 1797 году) раздѣлившій участь многихъ своихъ сослуживцевъ въ кіевской крѣпости. Этотъ человѣкъ принадлежалъ исключительно фельдмаршалу Суворову, въ послѣднее время до Италіанскаго похода.

Я могъ бы еще присоединить здѣсь моего отца и зятя вицъ-адмирала Пустошкина, изъ коихъ первый, находясь по службѣ въ крѣпости Св. Дмитрія на Дону, имъ построенной, имѣлъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянную связь съ Суворовымъ, котораго супруга оставалась тамъ во время отлучекъ его для обозрѣнія своего корпуса, расположеннаго на Кубани. Тамъ родился, въ семидесятыхъ годахъ, и сынъ его Аркадій, въ одно время со мною, получившій то же имя отъ того же греческаго архимандрита, какъ и я.

Зять мой Пустошкинъ, служа въ Черноморскомъ флотѣ и будучи еще въ чинѣ капитана 1-го ранга, имѣлъ приказаніе отъ князя Потемкина каждый вечеръ являться къ нему. Это было въ Яссахъ, гдѣ великолѣпный князь Потемкинъ, лежа на диванѣ, думалъ о постройкѣ гребной флотиліи на Дунаѣ. На эти вечера постоянно былъ призванъ вицъ-адмиралъ Ушаковъ, тотъ счастливецъ, которому повиновались вѣтры, какъ тогда говорили; потому что при началѣ сраженія вѣтеръ перемѣнялся всегда въ его пользу,—который въ понедѣльникъ ничего не предпринималъ важнаго: старый, опытный, храбрый морякъ. Третій, переименованный изъ пѣхотныхъ генералъ-маіоровъ въ контръ-ад-

миралы, Дерибасъ, о которомъ говорилъ Суворовъ, что Кутузова и Дерибасъ не обманетъ. Цѣль этихъ вечернихъ бесѣдъ была та же, чтобы заставить ихъ разсуждать о морской службѣ и сооруженіи флота. Разсужденія сіи оканчивались часто жаркимъ споромъ, къ чему былъ всегда готовъ Ушаковъ, по своему пылкому характеру.

Вотъ источники тѣхъ расказовъ, которые я обѣщалъ передать Вамъ. Жалѣю, что могучее время взяло свое и многое уничтожило въ моей памяти; но все то, что сохранилось, можетъ еще занять мѣсто въ жизнеописаніи тѣхъ лицъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Здѣсь нѣтъ послѣдовательности; но смѣю думать, что все сказанное не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію; тутъ истина преобладаетъ надъ всѣмъ.

Многіе писатели утверждаютъ, что никакая черта характера, никакая строка, или слово, великаго человѣка не должны быть потеряны для исторіи, и что самая домашняя жизнь его принадлежитъ ей. Одинъ только извѣстный писатель де Ламбертъ въ запискахъ своихъ о Христинѣ, королевѣ шведской, говоритъ, что исторіи принадлежатъ дѣла великихъ людей только публичныя, офиціальныя; но домашнія происшествія и образъ ихъ жизни не подлежитъ общей извѣстности, и что о великихъ людяхъ должно судить по ихъ публичнымъ дѣламъ, а не по домашнимъ, въ которыхъ они не обязаны давать никому отчета. Кажется, де Ламбертъ былъ въ той степени снисходителенъ къ королевѣ, что и казнь ея оберъ-шталмейстера, въ чужомъ столичномъ городѣ совершенную безъ суда и права, считалъ домашнимъ дѣломъ; хотя самъ былъ въ сообществѣ съ другимъ великимъ поборникомъ народныхъ правъ.

Какъ бы то ни было, но я остаюсь на сторонѣ первыхъ, дозволяющихъ мнѣ сообщить вамъ все, что знаю отъ другихъ о великихъ людяхъ Россіи, находя и собственное удовольствіе передать вамъ черты характера домашней и служебной жизни ихъ; надѣюсь, что въ свое время, можетъ быть, онѣ найдутъ себѣ мѣсто въ отечественной исторіи, или въ исторіи сихъ самыхъ лицъ, весьма уже оскудѣвшихъ матеріалами.

Нѣчто о характерѣ фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго и о домашней его жизни.

Нельзя не пожалѣть, что жизнь и дѣянія на поприщѣ военномъ и гражданскомъ толь великаго человѣка, не внесены въ исторію. Я имѣлъ случай часто повторять Дан. Емельян. Ясновскому, что эта обязанность лежитъ на немъ, чего онъ не отрицалъ и говорилъ, что у него заготовлено было много бумагъ по этому предмету; но время и обстоятельства обезсилили его, а пожаръ въ деревянномъ домѣ окончательно отнялъ къ тому средства.

И такъ мой разсказъ долженъ быть ограниченъ изображеніемъ характера графа Румянцова, нѣкоторыми дѣлами по должности намѣстника Малороссіи и домашней его жизни, которую онъ исключительно проводилъ въ послѣднее время въ своихъ малороссійскихъ деревняхъ, построивши тамъ дома, окруженные садами, въ чемъ имѣлъ вкусъ. Но великолѣпнѣйшее зданіе было въ мѣстечкѣ Гомелѣ, на границѣ Бѣлоруссіи и Малороссіи, гдѣ онъ однакожъ рѣдко жилъ, пожалованное ему Екатериною, нынѣ принадлежащее фельдмаршалу князю Паскевичу.

Фельдмаршалъ Румянцовъ имѣлъ тяжкія испытанія на поприщѣ своего служенія. Великая Екатерина, понимавшая его, возвысившая и щедро наградившая всѣми возможными знаками отличій, не могла какъ будто защитить его отъ соперниковъ и завистниковъ. Первое пораженіе нанесъ ему князь Потемкинъ еще во время пребыванія государыни въ Кіевѣ, гдѣ присутствовалъ и графъ Румянцовъ, какъ генералъ-губернаторъ, и гдѣ былъ въ то же время назначенъ сенаторъ, для ревизіи кіевской губерніи. На это время фельдмаршалъ сказался больнымъ и не являлся до отъѣзда Государыни. Потомъ, какъ извѣстно, онъ долженъ былъ отказаться по болѣзни и отъ командованія молдавскою арміею. Переѣхавъ въ Молдавскую деревню, въ 7-ми верстахъ отъ Яссъ, онъ оставался тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, велъ жизнь уединенную, не выходилъ изъ своей комнаты никуда, но принималъ всѣхъ къ нему пріѣзжавшихъ, которые считали обязанностію отдавать ему тѣмъ уваженіе,

какъ бывшему начальнику, къ чему близость Яссъ, какъ главной квартиры, много способствовала и была причиною переписки съ нимъ императрицы, посредствомъ которой она настоятельно понуждала его выѣхать оттуда, утверждая, что неприлично ему быть въ такъ близкомъ разстояніи отъ главной квартиры, и что иностранныя державы выводятъ изъ того разныя заключенія, невыгодныя для дѣлъ ея. Разумѣется, это было дѣйствіе могучаго временщика Потемкина, смотрѣвшаго неравнодушно и невеликодушно на то высокое уваженіе, которое сохраняли къ старому фельдмаршалу многіе, служившіе подъ его начальствомъ. Онъ отвѣчалъ императрицѣ, прося позволенія остаться до весны, когда время позволитъ ему предпринять путешествіе за границу, для поправленія своего разстроеннаго здоровья; но что впрочемъ нигдѣ пребываніе его не можетъ быть не полезнымъ для дѣлъ Россіи.

Вынужденный отправиться въ свои малороссійскія деревни, Румянцовъ имѣлъ твердость отказаться отъ всякаго движенія, и 7 лѣтъ, считая отъ начала въ Молдавіи, не измѣнилъ своего образа жизни. Пользуясь совершеннымъ здоровьемъ, онъ не выходилъ никогда изъ комнаты, и только изъ кровати переходилъ на кресло, а изъ кресла на кровать, жалуясь на слабость ногъ. Это одно уже означаетъ власть нравственную надъ собою. Каковы бы ни были причины, но покорить имъ себя въ такой степени, надо имѣть много твердости. Эта черта великаго характера. Онъ не могъ перенести мысли о уничиженіи своемъ, пожертвовалъ всѣми удовольствіями жизни и сократилъ самую жизнь.

Извѣстно, что императрица Екатерина, послѣ варшавской революціи, приступая къ военнымъ дѣйствіямъ въ Польшѣ, узнала о разстроенномъ состояніи арміи, и милостивѣйшимъ рескриптомъ пригласила Румянцова принять на себя начальство надъ оною, по внутреннему ея составу, а для исполненія его распоряженій и военныхъ дѣйствій, назначенъ былъ Суворовъ. Въ короткое время Румянцовъ своими предписаніями успѣлъ снабдить армію всѣмъ нужнымъ и привесть въ надлежащую исправность. Суворовъ, ѣдучи изъ Петербурга, по приказанію Ека-

терины, явился къ фельдмаршалу, въ деревню Ташань, полтавской губерніи, гдѣ жилъ фельдмаршалъ тогда. По краткомъ совѣщаніи, на которомъ Суворовъ получилъ отъ него планъ Праги, сей послѣдній уѣхалъ. Чрезъ нѣсколько времени стало замѣтно у фельдмаршала нетерпѣливое чего то ожиданіе. При появленіи каждаго пріѣзжаго у подъѣзда канцеляріи, который былъ видѣнъ изъ окна кабинета, онъ посылалъ узнавать, кто и откуда?—Въ одинъ день доложили ему, что прибылъ курьеръ отъ Суворова, котораго немедленно представили. По прочтеніи короткаго донесенія Суворова о взятіи Праги, отдавая его адъютанту своему Ясновскому, онъ сказалъ: „По чести, счастье само лѣзетъ въ окно графу Александру Васильевичу“.

При вступленіи императора Павла на престолъ, генералъ маіоръ Розенбергъ, жившій безъ команды въ Крыму, немедленно поѣхалъ въ Петербургъ. На пути онъ заѣзжалъ къ Румянцову въ деревню Ташань, о чемъ при представленіи сказалъ и императору. На вопросъ каковъ въ здоровьи фельдмаршалъ? Розенбергъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ и бодръ. Тогда Государь спросилъ его: „Какъ ты думаешь, пріѣдетъ ли фельдмаршалъ, если я его позову?“ „Непремѣнно явится“—былъ отвѣтъ. „Не думаю“, сказалъ Государь, „онъ и матери моей не слушалъ“.— Тогда было правленіе женское, теперь другое,—замѣтилъ Розенбергъ; и вслѣдствіе того милостивый рескриптъ, съ приглашеніемъ прибыть немедленно въ Петербургъ, былъ посланъ графу. Полученіе его не имѣло, казалось, никакого очевиднаго дѣйствія на Румянцова, и все въ образѣ его жизни оставалось въ прежнемъ порядкѣ. Камердинеръ поутру являлся и переводилъ его по обыкновенію изъ кровати на кресло, потомъ по призыву, давалъ сидящему умываться. Въ одинъ день, вскорѣ по полученіи упомянутаго рескрипта, графъ, сидя на креслѣ, не звалъ долго своего камердинера, который, наконецъ, самъ рѣшился войти и спросить его приказанія. Но увидѣвъ графа безгласнаго, съ открытыми глазами, неподвижно сидящаго, началъ сзывать всѣхъ. Домашній медикъ не рѣшился самъ ни на какое пособіе, а просилъ пригласить другихъ. Больной положенъ былъ въ постель, и всѣ случившіеся поблизу медики были призваны. Ему

поднесено было въ ложкѣ какое-то лекарство, но онъ, сдѣлавъ презрительную мину, стиснулъ зубы и не принялъ его; потомъ, по общему совѣту, призванъ былъ священникъ съ запасными дарами, по приближеніи котораго больной открылъ ротъ, и принялъ св. Тайны; въ ту же минуту выкатилась слеза изъ одного глаза, со стороны, не пораженной ударомъ. Пролежавъ еще нѣсколько сутокъ спокойно, безмолвно и безъ всякаго пособія (потому что никого изъ ближнихъ и людей, готовыхъ на испытаніе всѣхъ средствъ къ пособію, не было) онъ скончался. Первый по кончинѣ его явился тутъ князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ, молодой полковникъ, котораго фельдмаршалъ любилъ, какъ сына, а тотъ уважалъ его, какъ отца. Онъ похоронилъ его въ Печерской Лаврѣ, въ Кіевѣ, показавъ искреннюю печаль о кончинѣ сего великаго человѣка. Два сына покойнаго, Николай и Сергѣй, были гдѣ-то въ отсутствіи. Сыновья великихъ людей никогда не идутъ по слѣдамъ своихъ отцовъ и ихъ знаютъ только нѣкоторое время, по ихъ ничтожности, по ихъ странностямъ и распутству, не смотря на возвышеніе, доставленное имъ заслугами отца, сравненіе съ которыми уничтожаетъ ихъ совершенно.

Примѣчанія. 1) Переписку эту доставилъ мнѣ Чепа, а мною она передана издателямъ Москвитянина и напечатана въ 1849 году. Она находится въ собраніи рукописей г. Чепы, подаренныхъ мнѣ его наслѣдниками. Тамъ можно видѣть и письмо, писанное великолѣпнымъ слогомъ, будто бы фельдмаршаломъ къ императрицѣ, по случаю пожалованія ему меча, украшеннаго драгоцѣнными каменьями, на которомъ отмѣчено рукою Чепы—*небывалое;* а его современникъ Д. Е. Ясновскій утверждаетъ, что копія этого письма прислана была еще въ то время фельдмаршалу, и что онъ прочтя отдалъ ему, сказавъ: „Смотри, что дѣлаютъ люди“. Настоящее писано было самимъ Ясновскимъ въ простыхъ выраженіяхъ, съ изъявленіемъ благодарности императрицѣ (слогъ фельдмаршала былъ тяжелый, поправляя написанное въ канцеляріи его, онъ обыкновенно переставлялъ слова). Подложное же не безъ достоинствъ, слогъ высокопарный, но въ немъ много силы, гордости и истины. Думаютъ, что оно было сочинено Лесницкимъ, служившимъ предъ тѣмъ маіоромъ у

графа, въ военной канцеляріи, а потомъ поступившимъ на службу къ графу Платону Александровичу Зубову. Въ собственно-ручномъ его письмѣ къ Чепѣ, у меня имѣющемся, сказано: „Новая служба моя доставляетъ мнѣ множество выгодъ и обѣщаетъ еще болѣе въ будущемъ; но я сожалѣю о прежней: когда я служилъ у фельдмаршала, тогда меня уважали, а здѣсь меня только боятся. Этотъ величайшій человѣкъ въ Европѣ, будучи недоволенъ мною, за то, что я его оставилъ, оказалъ мнѣ, не смотря на то, всю справедливость, и по его представленію я получилъ чинъ подполковника.

Не лишнее можетъ быть будетъ объяснить, по какимъ причинамъ подполк. Лесницкій приглашенъ былъ на службу въ штатъ гр. Зубова, который его не зналъ, что почиталось тогда величайшимъ отличіемъ и чего никакими заслугами нельзя было достигнуть. Такіе случаи изображаютъ духъ времени.

Въ Петербургѣ жилъ отставной маіоръ Искра, долго и безуспѣшно ожидая окончанія дѣла своего въ сенатѣ, по поводу поданнаго прошенія на высочайшее имя о возвращеніи ему хотя части имѣнія предка его, казненнаго вмѣстѣ съ Кочубеемъ за доносъ на Мазепу. Высочайшею резолюціею на его прошеніе велѣно было сенату—„разсмотрѣть и доложить“. Въ это время Лесницкій, тоже праздно проживавшій въ Петербургѣ, познакомился съ Искрою и, узнавъ его положеніе, сказалъ, что есть одно только средство для успѣха—написать графу П. А. Зубову такое письмо, какого онъ никогда еще не получалъ, и полушутя предложилъ Искрѣ, въ случаѣ успѣха раздѣлить пополамъ полученное. Письмо это еще и теперь не потеряло своей цѣны, по успѣху и по оригинальности [1]). Сочинитель зналъ, что только чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ можно пробудить вниманіе человѣка, стоящаго на высотѣ, недосягаемой для просителя.

Письмо принято, увѣреніе о докладѣ сената государынѣ сдѣлано, и на вопросъ, кто сочинитель? Искра указалъ на Лесницкаго, который былъ позванъ къ Зубову, предложившему ему мѣсто у себя въ штатѣ, а потомъ давшему ему порученіе ѣхать въ Ригу и Митаву, продавать хлѣбъ тамошней его экономіи.

---

[1]) Письмо его напечатано въ „Кіевск. Стар.“. 1883 г., № 11, стр. 519.

Изъ письма Лесницкаго къ Чепѣ видно, что графъ былъ весьма стяжателенъ, но способами позволительными; никто не могъ упрекнуть его въ вымогательствѣ и въ пріобрѣтеніи чужой собственности, какъ дѣлали прочіе временщики.

Когда получилъ Искра 300 душъ по его просьбѣ, т. е. часть взятаго въ казну достоянія его предка, погибшаго за вѣру и вѣрность, Лесницкій напомнилъ ему условіе, но Искра отвѣчалъ: „если я получилъ посредствомъ твоего письма 300 душъ, за то ты получилъ мѣсто, которое стоитъ болѣе половины этого имѣнія“.

Касательно графа П. А. Зубова, современники, знавшіе его, утверждаютъ, что это „былъ человѣкъ обширнаго ума. Извѣстно, что императоръ Александръ, во время отечественной войны имѣлъ съ нимъ условленное свиданіе на границѣ Пруссіи: одни утверждаютъ для совѣта, другіе—для займа денегъ, которыхъ у Зубова были огромнѣйшія суммы. Человѣкъ этотъ, служа офицеромъ въ конной гвардіи, никогда не сближался съ товарищами (это утверждалъ его сослуживецъ Ник. Посниковъ); стоя на высотѣ, былъ недоступенъ и держалъ себя въ приличной позиціи, соотвѣтственно своему положенію и времени. Послѣднее появленіе его на мрачной сценѣ будетъ судить исторія, а мы заключимъ этотъ эпизодъ тѣмъ, что онъ, обогатившись щедротами Екатерины и своими хозяйственными оборотами, влюбился въ старости въ одну курляндку и женившись скоро умеръ, оставивъ ее беременною.

2) Письмо о томъ, доставленное мною издателямъ Москвитянина, напечатано въ 1849 году, изъ собранія рукописей Чепы, подлинность котораго подтверждена г. Ясновскимъ, служившимъ въ то время у графа.

3) По окончаніи польской войны Суворовъ уже фельдмаршаломъ заѣзжалъ къ Румянцеву въ деревню Ташань, который встрѣтилъ его поздравленіемъ и черезъ два часа бесѣды въ кабинетѣ, отправился въ Петербургъ.

4) Не знаю какія права, или причины имѣлъ онъ на то, но изъ послѣдствій видно, что онъ ихъ имѣлъ, потому что вскорѣ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, а

потомъ посланъ къ Суворову въ итальянскую компанію, гдѣ и пріобрѣлъ мѣсто въ военной исторіи, безъ прямыхъ впрочемъ военныхъ талантовъ. Будучи военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ, занимался у себя въ залѣ ученіемъ взводнаго захожденія, вѣроятно, угождая тогдашнему времени, для чего разчерчены были мѣломъ на паркетѣ треугольники, и требовались команды изъ двухъ гренадерскихъ полковъ, тамъ расположенныхъ, малороссійскаго и кіевскаго. Я былъ очевидцемъ этихъ занятій, служа шефскимъ адъютантомъ.

2. Поясненія къ жизни графа П. А. Румянцова, собранныя Гоголевымъ.

1) О мѣстрожденіи графа Петра Александровича едвали найдется другое извѣстіе, кромѣ нижеслѣдующаго. Данило Емельяновичъ Яновскій, служившій при немъ адъютантомъ, сказывалъ, что во время проѣзда его съ фельдмаршаломъ чрезъ одно селеніе на молдавскихъ границахъ, графъ, указывая ему на домъ тамошняго священника, сказалъ, что онъ въ этомъ домѣ родился; что это случилось, тогда, когда мать его выѣзжала встрѣчать графа Александра Ивановича, бывшаго тогда посломъ въ Константинополѣ, что здѣсь, ожидая возвращенія отца его около полу-года, наконецъ имъ разрѣшилась. Названіе этого села Строенцы. Изъ описанія дороги изъ Кіева до Царяграда, помѣщенномъ въ Академическихъ Извѣстіяхъ 1781 года, значится, что это селеніе, съ церковью архистратига Михаила, находится близъ Днѣстра, между Рашковымъ и Егорлыкомъ. Время же этого событія объясняется письмомъ импер. Екатерины 1-й, писаннымъ ею къ графу А. И. въ Константинополь. Такъ какъ царствованія ея были 1725 и 1726 годы, то послѣдній годъ съ полною увѣренностію и можетъ быть принятъ временемъ рожденія графа Петра Александровича.

3) Первая служба при посольствѣ барона Бракеля; по бумагамъ именованъ просто дворяниномъ Петромъ Румянцовымъ. Послѣ переведенъ былъ къ Миниху, находившемуся тогда въ Пруссіи. Изъ двухъ его донесеній, писанныхъ имъ ко двору,

оказывается, что смолоду графъ П. А. поведенія былъ не очень похвальнаго. Минихъ жаловался на него, что молодой Румянцовъ не слушается, часто буянитъ и, бѣгая въ ночное время по улицамъ Берлина, бьетъ окошки и заводитъ драки, и что онъ не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Природныя ли то въ немъ были склонности или заимствованныя,—остается рѣшить его біографамъ.

3) Семилѣтняя прусская кампанія, безсомнѣнія была началомъ военныхъ подвиговъ графа Петра Александровича. Сказываютъ, что король Фридрихъ, глядя на движенія нашихъ корпусныхъ начальниковъ и угадывая способности каждаго изъ нихъ, сказалъ своимъ генераламъ: „остерегайтесь сколь можно этого собаки Румянцова; прочіе для насъ неопасны".—Послѣдствія доказали, что Фридрихъ въ Румянцовѣ не ошибся.

4) Графъ П. А. въ то время, какъ получилъ извѣстіе о кончинѣ императора Петра III-го, находился съ арміею во владѣніяхъ союзнаго намъ тогда прусскаго короля; но извѣстившись о томъ, онъ тотчасъ выѣхалъ въ Данцигъ, гдѣ и пробылъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ послѣдствій. Когда же по вызовамъ принужденъ былъ явиться въ Петербургъ, то по высочайшему повелѣнію былъ арестованъ за то, что безъ позволенія отлучился и армію оставилъ безъ начальника. Однакожъ на другой день, бывъ позванъ къ императрицѣ, получилъ шпагу изъ собственныхъ ея рукъ.

5) Во время путешествія великаго князя Павла Петровича заграницу, въ числѣ сопровождавшихъ его особъ находился и графъ Петръ Александровичъ. Почести, оказанныя Фридрихомъ нашему фельдмаршалу, довольно показали, какое имѣлъ онъ уваженіе къ кагульскому побѣдителю. Къ этому мы можемъ еще прибавить, что во время прогулокъ Павла Петровича со своею свитою по улицамъ Берлина, и самый народъ, сбираясь къ нимъ толпами, кричалъ: „покажите намъ Румянцова! Мы хочемъ видѣть Румянцова"! Такъ что Павелъ Петровичъ принужденъ былъ графу, сидѣвшему съ нимъ въ каретѣ, сказать: „пересядьте, Петръ Александровичъ, въ коляску; пускай они на васъ полюбуются"!—Послѣ столь блистательнаго сознанія всѣхъ

превосходныхъ его достоинствъ, слова Суворова—ему равнаго нѣтъ,—могутъ быть также справедливы, какъ и девизъ—non solum armis—не однимъ оружіемъ,—присвоенный герольдіею, данъ по заслугамъ. *(Собрано изъ достовѣрныхъ извѣстій бывшимъ письмоводителемъ при графѣ Сергѣѣ Петровичѣ Румянцовѣ Гоголевымъ.*

3. Отрывки изъ біографическаго очерка графа П. А. Румянцова Н. Лѣсницкаго.

Въ бумагахъ М. О. Судьенка находится еще біографическій очеркъ графа П. Румянцова, на которомъ значится—„начертаніе благодарной очевидности *питомца его и секретаря Н. Лѣсницкаго*“. Записка Лѣсницкаго написана на девяти листахъ разгонистаго письма и раздѣлена на 12-ть главъ; въ ней больше риторики, чѣмъ фактическихъ свѣдѣній, почему здѣсь приводимъ изъ этой записки лишь нѣсколько отрывковъ, могущихъ служить нѣкоторымъ матеріаломъ для біографіи Румянцова. Начинается записка такъ: „XVIII-й вѣкъ произвелъ героя Задунайскаго, XIX-й укажетъ того, кто изъ славныхъ дѣлъ сего великаго мужа извлечетъ и во всемъ величіи изобразитъ его свойства, а я движимый благодарностію покушаюсь только по одной очевидности“...

... Съ начальствомъ соединялъ онъ уваженіе къ подчиненнымъ въ войскѣ и землѣ вообще. Въ гражданскомъ управленіи удерживалъ всемѣрно правила общежитія. Въ жизни домашней хранилъ гостепріимство. Со всѣми и всякимъ обхожденіе его одушевляла ласкавость. Но сколько утѣшался посѣщеніями, столько отягощался поклонами. Дворянство любилъ и поддерживалъ всегда,—имя дворянинъ, офицеръ—свято было въ глазахъ и устахъ его. Къ сему послѣднему званію привязанность и уваженіе до того были сильны, что онъ самъ всегда носилъ простой офицерской, большею частію пѣхотной, мундиръ, гдѣ присутствіе свое во ономъ приличнымъ быть судилъ...

... Въ своей землѣ свиты при себѣ большой никогда не терпѣлъ, карауловъ—не имѣлъ. Вездѣ въ хижинѣ поселянина

жилъ покойнѣе, нежели въ каменныхъ палатахъ. Въ дорогѣ большіе домы обыкновенно объѣзжалъ мимо. Доступъ былъ къ нему всякому свободенъ, потому что онъ всякаго прежде находилъ, по крайности глазами. Окны кабинета его всегда были зеркаломъ, въ кои видѣлъ онъ всѣхъ приходящихъ;—часто бывалъ тамъ, гдѣ вовсе его не ожидали...

... Быстрѣйшій имѣлъ бѣгъ мыслей и даръ слова пространнѣйшій. Если приказывалъ писать что-либо, то конечно сказалъ три раза содержаніе объ одной матеріи и всякой разъ одно другаго превосходнѣе, а самъ писалъ и того скорѣе и отборнѣе. Зрѣніе и память имѣлъ удивительные. Въ поздыхъ лѣтахъ уже ни очковъ, ни стекла не употреблялъ. Самъ читалъ всѣ получаемыя и подносимыя дѣла, и никогда никто оныхъ предъ нимъ чтеніемъ не докладывалъ. Читалъ однимъ взглядомъ не строки, но періоды и цѣлыя страницы и вдругъ содержаніе ихъ и резолюцію сказывалъ или своею рукою надписывалъ...

... Все, что содержало обыкновенное теченіе канцеляріи, было на отвѣтѣ секретаря, и въ сихъ дѣлахъ нерѣдко формы установлялъ онъ же самъ. Весьма часто: попросите №№, чтобы приказать (лъ?) написать, и покуда тотъ пришелъ, онъ уже своею рукою написалъ. Писалъ весьма связно, охотно пояснялъ, если чего не прочелъ секретарь, но диктовать никогда не любилъ. Иногда, приказывая какъ перемѣнить содержаніе какого либо изъ подносимыхъ отпуска, тутъ же на немъ то самое и писалъ, и такъ скоро какъ говорилъ. Законы отечественные всѣ проходилъ и помнилъ ихъ совершенно, малороссійское же право читалъ всегда на польскомъ языкѣ. Обыкновенно говорилъ онъ: я мало понимаю законы, но весьма твердо знаю свой долгъ.

... Зналъ всѣ фамиліи дворянскія въ Россіи, Лифляндіи, Малой Россіи, Польшѣ и проч., всѣхъ генераловъ знатныхъ службъ и отличныхъ офицеровъ, нашей турецкихъ, знатнѣйшее купечество, превосходныхъ художниковъ и всѣхъ сихъ происхожденіе, а первыхъ связи, родства и проч.—Кто впервое въ жизни его увидѣлъ, онъ уже тому коротко знакомъ по отцѣ

или по случаю какому либо: не спрашивая, но взглянувъ только на лицо: скажите не сынъ ли, или не братъ ли вы такого то или спрося о фамиліи, разсказывалъ ему его отличности или примѣчанія достойныя произшествія или неизвѣстныя тому дѣлалъ откровенія...

... Всѣхъ важныхъ духовныхъ и ученыхъ имѣлъ въ отличномъ почтеніи, и даже среднихъ въ семъ званіи, тоже сосѣдей своихъ и дѣтей ихъ, простой народъ и крестьянъ своихъ многихъ зналъ по именамъ, при случаѣ спрашивалъ, расказывалъ или разговаривалъ съ ними и объ нихъ...

... Пріятелями располагалъ къ себѣ всѣхъ и каждаго, а друзей избиралъ по опытамъ. Извѣстный изъ ближайшихъ его друзей былъ одинъ гр. П. В. Завадовскій. Кротость и чувствительность души гр. П. В. были драгоцѣннымъ залогомъ въ дружбѣ покойнаго. Всякой разъ, кто изъ своихъ, возвращаясь изъ Петербурга, не привезъ къ нему отъ гр. П. В. письма, былъ причиною нѣкоторой заботливости,—безпрестанно спрашивалъ, какъ это могло случиться?—Рѣчь его о графѣ Петрѣ Васильевичѣ всегда заключала что либо особенно утвердительное, наприм., „онъ въ дружбѣ никогда не перемѣнялся—точно“, или „онъ никогда не былъ причиною несогласія—точно“ и проч. Въ довѣренность ихъ взаимную никто вліянія не имѣлъ. По кончинѣ графини Маріи Андреевны Румянцовой, родительницы покойнаго фельдмаршала, гр. П. В. живѣйшее принялъ участіе, приславъ къ нему нарочнаго (изъ молодыхъ графовъ не былъ тогда ни одинъ въ С.П.Бургѣ). Получа печальное сіе извѣстіе, покойный облился слезами и въ сословіи своемъ сказалъ: „прискорбна душа моя даже дозѣла. Теперь я вижу, что у меня, ни родныхъ, ни друзей, кромѣ гр. Петра Васильевича, нѣтъ.

... Связи были для него нѣчто неизвѣстное. Пышности ненавидѣлъ, шуму и жизни городской удалялся. Углубленіе въ задумчивость неприступно къ нему было, нигдѣ не одолѣвался скукою. Рѣчь прекращалъ только тогда, когда наединѣ занимался чтеніемъ. Въ образѣ жизни весьма умѣренъ. Вкусъ въ одѣяніи входилъ въ совершенство того, которой имѣлъ онъ во

всемъ и вообще. Чистоту и бережливость одобрялъ. Ссужалъ многихъ и долговъ не имѣлъ, никому не подражалъ и ни отъ кого не заимствовалъ, во всемъ имѣлъ свои правила. Никогда не божился, что утверждалъ, говорилъ: *точно и было такъ*, или же: *какъ честной человѣкъ* и—*аминь*.

Матеріалы для исторіи дворянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи.

(изъ яготинскаго архива князя Н. В. Репнина).

Въ январской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1894 годъ были помѣщены нами краткія біографическія свѣдѣнія объ интересной личности перваго полтавскаго губернскаго маршала Семена Михайловича Кочубея. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность пополнить эти свѣдѣнія сообщеніемъ весьма любопытной дѣловой переписки между нимъ, княземъ Н. Г. Репнинымъ и М. В. Могилянскимъ, выясняющей его матеріальное положеніе и представляющей собою въ высшей степени драматическую страницу изъ исторіи дворянскаго оскудѣнія.

I.

Письмо М. В. Могилянскаго къ князю Н. Г. Репнину.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! Стеченіе несчастныхъ для меня обстоятельствъ, лишающихъ между прочимъ всего почти состоянія и повергающихъ въ горестное съ семействомъ положеніе, заставляетъ меня прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству со слѣдующею всепокорнѣйшею просьбой.

Вашему Сіятельству, конечно, небезъизвѣстно настоящее положеніе дѣлъ Семена Михайловича Кочубея, который между прочимъ долженъ по крѣпостнымъ заемнымъ письмамъ 50 т. рублей и женѣ моей, довѣрившей мнѣ взысканіе сихъ денегъ. Г. Кочубей, раззорившись, какъ извѣстно, въ конецъ, вошедши въ неоплатные долги и

нѣсколько лѣтъ уже не платя никому процентовъ не только по обязательствамъ безъ залога, но и по закладнымъ, а особливо, данной надворному совѣтнику Варвацію, котораго капиталъ обезпеченъ, на основаніи Банкротскаго Устава, послѣднимъ остающимся у него имѣніемъ Демидовкою и Жуками, и на который не плачены проценты около восьми лѣтъ уже, получаетъ между тѣмъ съ означеннаго имѣнія всѣ доходы и проживаетъ ихъ спокойно, нимало не заботясь болѣе ни о долгахъ своихъ, ни о платежѣ процентовъ, ни о самихъ кредиторахъ, которыхъ и знать, наконецъ, не хочетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Кочубей ничего столько не желаетъ, какъ продолжить подобное дѣлъ своихъ положеніе, находя въ томъ единственное средство къ безбѣдному себя содержанію, ибо ежели то имѣніе будетъ продано съ публичнаго торга, какъ по законамъ слѣдуетъ, то у него ничего не останется, да и что очистится изъ вырученныхъ отъ продажи денегъ, за уплатою по закладной, должно обратиться на удовлетвореніе кредиторовъ по обязательствамъ безъ залога.

Изъ прилагаемой при семъ записки, гдѣ изложено въ подробности разстроенное состояніе г. Кочубея и долги его, отъ накопленія процентовъ годъ отъ году увеличивающіеся, Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что кредиторы его по обязательствамъ безъ залога, ежели еще и далѣе терпимо будетъ отклоненіе продажи онаго имѣнія, неминуемо вовсе потеряютъ капиталы свои, и тогда я, несчастнѣйшій изъ всѣхъ ихъ, долженъ лишиться послѣдняго, такъ сказать, куска хлѣба.

Удостойте, сіятельнѣйшій князь, милостиваго вниманія своего всѣ сіи обстоятельства и благоволите по надлежащемъ, ежели угодно, въ истинѣ оныхъ удостовѣреніи, приказать кому слѣдуетъ учинить надлежащее распоряженіе о немедленномъ выполненіи остающагося безъ дѣйствія по сему случаю закона, по которому вышеозначенное, заложенное Варвацію, имѣніе давно должно быть продано съ публичнаго торгу. Сею мѣрою Ваше Сіятельство изволите оказать не мнѣ одному, но и всѣмъ кредиторамъ существенное благодѣяніе, ибо они другой надежды имѣть не могутъ получить хотя нѣкоторую часть капиталовъ своихъ, какъ отъ продажи того имѣнія, предполагая, что за уплатою по закладной останется что нибудь на удовлетвореніе и ихъ обязательствъ. Это одно также можетъ нѣкоторымъ образомъ спасти даже отъ предстоящихъ непріятностей и самаго г. Кочубея, который, предоставивъ имѣніе свое законному для уплаты долговъ распорядку, избѣгнетъ тѣмъ справедливыхъ упрековъ и преслѣдова-

вій, а кредиторы, получивъ, наконецъ, что нибудь изъ своихъ капиталовъ, принуждены будутъ безропотно подвергнуться необходимости потерять остальное и оставить его въ покоѣ.

Простите мнѣ, Ваше Сіятельство, изъясненія сіи. Я осмѣлился безпокоить ими въ надеждѣ на благоволеніе Вашего Сіятельства къ участію во мнѣ Михайла Михайловича Сперанскаго, нѣкогда лично имъ Вашему Сіятельству по дѣлу моему съ Оболонскимъ изъявленному. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю пребыть, милостивый государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга М. Могилянскій. 13 декабря 1831 г. Г. Кіевъ.

II.

Записка о разстроенномъ состояніи и неоплатныхъ долгахъ помѣщика Полтавской губерніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Семена Михайловича Кочубея. 13 декабря 1831 г.

Кредиторы означеннаго помѣщика, замѣтивъ давно замѣшательство въ его дѣлахъ и непреодолимыя затрудненія въ платежѣ не только занятыхъ имъ капиталовъ, но даже и процентовъ на оные, которыхъ многіе нѣсколько уже лѣтъ не получаютъ, принужденными нашлись узнать обстоятельно о положеніи его дѣлъ, что до количества долговъ особливо касается и до способовъ, какіе онъ имѣетъ къ уплатѣ ихъ. Вслѣдствіе чего, по собраннымъ, гдѣ нужно было, свѣдѣніямъ, ни малѣйшему сомнѣнію въ истинѣ неподверженнымъ, открылось:

1) Что изъ всего, во владѣніи его съ лишкомъ въ семи тысячахъ душахъ состоявшаго имѣнія съ наипрекраснѣйшими угодіями и съ преизобильнымъ количествомъ земли по двумъ наслѣдствамъ, то есть отъ отца и тетки къ нему дошедшаго, осталось теперь у него полтавскаго повѣта въ селѣ Жукахъ и Демидовкѣ съ небольшимъ тысяча душъ, да переяславскаго повѣта въ селѣ Рудяковѣ около 370 душъ;

2) Что остающіяся еще у него во владѣніи имѣнія находятся давно уже въ залогѣ: Жуки и Демидовка у умершаго надворнаго совѣтника Варваціа слишкомъ въ 450 т. рубляхъ, включая тутъ и накопившіеся за нѣсколько лѣтъ проценты, да у отставного чиновника 4 го класса Семенюты въ первомъ изъ упомянутыхъ селъ 123 души въ 40 т. рубляхъ; переяславскаго повѣта село Рудяковъ, въ которомъ

около 370 душъ, у тамошняго помѣщика Каневскаго въ 150 т. рубляхъ, а съ процентами нѣсколько лѣтъ неплаченными около 200 т. рублей—и сіи послѣднія двѣ закладныя писаны на упадъ. Слѣдовательно все, остающееся еще во владѣніи г. Кочубея имѣніе въ числѣ 1400 душъ, или около того, находится въ залогѣ въ 690 т. рубляхъ, то есть, каждая душа безъ малаго въ 500 рубляхъ.

По первой изъ вышеозначенныхъ закладныхъ, писанной на основаніи Банкротскаго Устава, заложенное имѣніе, по невыкупу онаго, давно подлежитъ продажѣ съ публичнаго торгу, тѣмъ болѣе, что г. Кочубей около восьми лѣтъ уже не платитъ вовсе и процентовъ на занятую 300 т.—сумму. Но опекунъ надъ имѣніемъ Варвація, нѣкто Бозо, житель Таганрогскій, бывъ убѣжденъ съ одной стороны просьбами г. Кочубея, и съ другой—родственнымъ участіемъ въ немъ графа Виктора Павловича Кочубея, изъявленнымъ лично ему Бозо въ бытность его въ Петербургѣ, какъ онъ самъ разсказывалъ, не требуетъ до сего времени уплаты по закладной, къ каковому столь предосудительному, и по одному уже накопленію процентовъ, для пользъ другихъ кредиторовъ вредному снисхожденію предстоитъ ему вся удобность потому, что капиталъ сей принадлежитъ не наслѣдникамъ Варвація, частнымъ людямъ, а предназначенъ отъ него на училища, отчего и остается доселѣ безгласнымъ почти и невзысканнымъ;

3) Что сверхъ вышеозначенныхъ подъ залогъ имѣнія долговъ г. Кочубей, сколько доселѣ достовѣрно извѣстно, состоитъ еще должнымъ по крѣпостнымъ закладнымъ письмамъ: статскому совѣтнику Ш—ву 175 т. р., статской совѣтницѣ М—ской 50 т. р., на взысканіе коихъ дана отъ нея довѣренность мужу своему, помѣщикамъ—харьковской губерніи полковнику К—ому 100 т. р., полтавской — маіору С—му—40 т. р., полковнику М—ку—30 т. р, капитану З—му—10 т. р. и полтавскому купцу З—му 50 т. Всего-же 455 т. р., одной капитальной суммы безъ процентовъ, которые, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ уже никому не платятся. Всѣ сіи суммы денегъ, исключая должной г. Ш—ву, получены г. Кочубеемъ наличными деньгами, Ш—ву же даны обязательства отчасти за неоказавшуюся по описи въ проданномъ ему Лучковскомъ имѣніи наличность и отчасти за неполученіе съ сего имѣнія въ первые три года десяти-процентнаго дохода съ заплаченнаго за оное капитала по какому-то словесному ихъ между собою условію.

Изъ сихъ долговъ слѣдуемый купцу Зеленскому обезпеченъ, какъ сказываютъ, впослѣдствіи времени какою-то купленною близь Жуковъ въ урочищѣ Колодезяхъ землею и пересланными на оную изъ заложенныхъ имѣній, какъ-то изъ Жуковъ и проч., крестьянами. Скоропадскій же хотя и представилъ ко взысканію свое обязательство и требовалъ по законамъ обезпеченія на должную ему сумму, но когда г. Кочубей показалъ, что другого отъ залога свободнаго имѣнія у него нѣтъ, кромѣ селитреннаго въ городѣ Переяславѣ завода, изъ старой хаты и нѣсколькихъ разсыпавшихся кадокъ, какъ извѣстно, состоящаго, то дѣло о взысканіи съ него сего долгу на томъ и остановилось;

4) Что все вышеупомянутое, остающееся во владѣніи г. Кочубея и заложенное имѣніе находится въ самомъ ничтожномъ и бѣдственномъ состояніи. Строенія господскія, экономическія и крестьянскія ветхи; господскіе сады и огороды запущены, крестьянскіе же или опустѣли, или и вовсе истреблены; во всемъ имѣніи по самому вредному и противному правиламъ благоразумнаго хозяйства распорядку нѣтъ нигдѣ ни скотоводства, ни другихъ какихъ-либо полезныхъ деревенскихъ занятій и ремеслъ, а всѣ способы отъ земли и людей обращены на однѣ лишь винокурни, единственный предметъ и вниманія и заботливости хозяина, и которыя со всѣмъ тѣмъ огромностію своею далеко не соотвѣтствуютъ ни собираемому количеству хлѣба, ни числу крестьянъ, ни всѣмъ другимъ средствамъ къ выкуркѣ предполагаемаго непомѣрнаго количества вина, отчего и произошло, что крестьяне во всемъ имѣніи г. Кочубея совершенно разорены, незная давно уже никакихъ предѣловъ ни повинностямъ своимъ, ни побужденіямъ отъ экономіи къ онымъ, что, непрестанно работая на своего господина, едва-ли имѣютъ и столько времени, чтобъ пріобрѣсти себѣ необходимое съ семействомъ прокормленіе, что они лишены всякаго самаго обыкновеннаго въ крестьянскомъ быту имущества и что изъ нихъ двадцатый развѣ хозяинъ имѣетъ достаточно скота и другихъ земледѣльческихъ принадлежностей соразмѣрно количеству земли, остающейся по большей части невоздѣланною за употребленіемъ всѣхъ рукъ на винокурняхъ въ продолженіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ въ году

и 5) Что въ таковомъ разстройствѣ дѣлъ своихъ г. Кочубей старался до сего времени всячески и личными и безчисленными письменными своими многословными объясненіями увѣрить докучливѣйшихъ изъ своихъ кредиторовъ, что онъ, будучи самыхъ строгихъ честныхъ правилъ, никакими случаями неизмѣняемыхъ, имѣетъ чи-

стѣйшія намѣренія со всѣми расплатиться, къ чему, какъ онъ увѣрялъ, огромныя его винокуренныя заведенія доставляютъ ему всѣ способы. Увѣренія сіи однако мало имѣли успѣха, ибо извѣстно стало всѣмъ, что огромныя тѣ въ переяславскомъ особенно повѣтѣ заведенія по неимѣнію ни собственной своей муки, ни денегъ на покупку оной, не приносятъ не только никакого дохода, но нѣсколько уже лѣтъ сряду находятся въ совершенномъ бездѣйствіи, и что всѣ другіе со всего имѣнія доходы вовсе недостаточны на платежъ процентовъ на должные капиталы, да и тѣ не только вполнѣ издерживаются всѣ самимъ г. Кочубеемъ извѣстнымъ ему образомъ, но что онъ сверхъ того входитъ еще въ новые долги, тщательно стараясь скрывать между тѣмъ отъ всѣхъ обстоятельства свои и тѣ неприличныя средства, къ которымъ онъ въ непріятномъ положеніи своемъ рѣшается наконецъ прибѣгнуть. Доказательствомъ сему между прочимъ можетъ служить предосудительный поступокъ его вышеупомянутымъ Куликовскимъ, которому онъ, перепродавая Лучковское имѣніе съ согласія г. Шіянова, на основаніи состоявшагося между ними при продажѣ онаго условія, успѣлъ выманить въ родѣ задатка сто тысячъ рублей, между тѣмъ какъ на перепродажу ту Шіяновъ послѣ не согласился, и Куликовскій, бывъ такимъ образомъ обманутъ, не знаетъ теперь что дѣлать. Сверхъ того изъ заложенныхъ съ вышеупомянутыхъ имѣній попереселялъ иныхъ крестьянъ своихъ на купленныя кой-какія земли и вновь позакладывалъ ихъ, а инымъ подавалъ чрезъ повѣтовые суды отпускныя, получивъ за то деньги, сколько кто въ состояніи былъ заплатить и проч. Самъ же, наконецъ, удалившись изъ своего такимъ образомъ разореннаго имѣнія, проживаетъ теперь, какъ говорятъ, въ купленномъ близь Полтавы же на имя побочной сестры своей, нѣкоей г-жи Тернавской, подтверждая настоящимъ положеніемъ своимъ ту прискорбную истину, что подобное разстройство нерѣдко влечетъ за собою измѣненіе правилъ человѣка съ хорошими иногда качествами ума и сердца и подвергаетъ его всѣмъ нещастіямъ, какія только отъ потерянія добраго имени и уваженія произойти могутъ.

Подобное изображеніе настоящаго положенія дѣлъ г. Кочубея во всѣхъ частяхъ истинное не могло не удивить и не встревожить его кредиторовъ, и особливо нижеподписавшагося, лишающагося по неполученію отъ г. Кочубея ни капитала, ни процентовъ, единственнаго своего имущества, дома въ Кіевѣ, за казенный долгъ описываемаго, и для котораго, по стеченію несчастныхъ его обстоятельствъ,

въ ономъ должномъ женѣ его капиталѣ заключается наконецъ все почти состояніе семейства его. Почему, не видя инаго средства къ спасенію хотя нѣкоторой части онаго, кромѣ надежды на продажу по Банкротскому Уставу съ публичнаго торга вышеозначеннаго имѣнія его въ полтавскомъ повѣтѣ, Варвацію заложеннаго, отъ каковой продажи могло-бы остаться еще что нибудь, по удовлетвореніи закладной, и на уплату по обязательствамъ безъ залога, онъ вмѣстѣ со всѣми другими кредиторами Кочубея покорнѣйше проситъ, примѣнявъ законныя мѣры къ прекращенію умноженія долговъ, обременяющихъ оное въ полтавскомъ повѣтѣ имѣніе, ибо къ заложенному въ переяславскомъ на упадъ никакія другія претензіи относиться не могутъ, учинить падлежащее распоряженіе къ немедленной продажѣ того имѣнія съ публичнаго торга и тѣмъ положить преграду съ одной стороны дальнѣйшему раззоренію онаго, отъ чего весьма много можетъ оно потерять въ цѣнѣ своей, а съ другой накопленію процентовъ на капиталъ по закладной, раззорительному для другихъ кредиторовъ и продолжающемуся столько времени послабленіемъ лишь, какъ выше объяснено, самаго надъ имѣніемъ Варвація опекуна Бозо. Хотя-же теперь, какъ слышно, дѣло о семъ капиталѣ состоитъ подъ разсмотрѣніемъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ по Азіатскому Депар(„таменту, по случаю имѣющаго послѣдовать якобы по требованію перевода онаго въ Грецію на тамошнія училища, сообразно съ волею завѣщателя, но обстоятельство сіе не можетъ препятствовать предписываемой законами продажѣ имѣнія, а напротивъ дѣлаетъ таковую продажу необходимою для выручки капитала, о которомъ идетъ дѣло, куда бы онъ обращенъ ни былъ. Статскій совѣтникъ Могилянскій.

III.

Письмо С. М. Кочубея къ князю Н. Г. Репнину.

Милостивый Государь, князь Николай Григорьевичъ!

На принесенную Вашему Сіятельству на меня жалобу г. статскимъ совѣтникомъ Могилянскимъ за неплатежъ мною ему моего долга къ его раззоренію и прочее, честь имѣю симъ Вашему Сіятельству доложить, что, зная съ самаго моего младенчества его, г. Могилянскаго, пользовавшимся нѣсколько лѣтъ, въ его безпріютномъ и неимущемъ положеніи, единственнымъ пристанищемъ и жизненными пособіями въ домѣ родной тетки моей, Потемкиной, въ ея деревнѣ Демидовкѣ, и доставившей ему всѣ способы свои отбыть въ

Петербургъ, для опредѣленія его вновь тамъ на службу, непреставалъ я съ того же времени питать, какъ бы наслѣдственно, всѣ чувства усердія и моей къ нему, г. Могилянскому, привязанности. По симъ чувствамъ своимъ удѣлялъ я ему въ столицѣ, во время его тамъ бѣдности, изъ собственныхъ моихъ учебныхъ денегъ, потомъ отдалъ ему также всѣ мои наличныя деньги для опредѣленія его къ фельдмаршалу графу Салтыкову, безъ чего, по словамъ его, онъ терялъ счастливый случай, который дѣйствительно основалъ его благосостояніе съ 1797 года. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ, г. Могилянскій, увольнясь отъ службы, прибылъ въ Полтаву, гдѣ я ему подарилъ домъ, гдѣ нынѣ живетъ князь Баратовъ, и за который, по выѣздѣ его въ Кіевъ съ его семействомъ, по желанію его, заплатилъ ему до 5 т. рублей, деньги тогда важныя, ибо ассигнаціонные 1 р. 25 к. равнялись цѣлковому сребрянному рублю, когда, принявъ отъ него ассигнаціями предложенныя имъ мнѣ отъ 20 т. до 25 т. р., написалъ обязательство мое сребрянными рублями изъ моего постояннаго расположенія ему истиннаго добра. За сей заемъ, посредствомъ князя В. П. Кочубея, уплатилъ я ему сребрянныхъ 25 т. р., или ассигнаціями до 100 т. рублей. Наконецъ, неупоминая о весьма многихъ случаяхъ, между коими и подарокъ важной собственности въ Стайкахъ Кіевской губерніи, за которую получилъ онъ отъ г. Фурмана 20 т. р., въ коихъ всегда я старался сдѣлать ему полезное, принялъ я переводъ 100 т. р., мною г-жѣ Пламенцовой должныхъ, и признаюсь Вашему Сіятельству, что имѣлъ я великія старанія здѣсь и въ столицѣ, склонивъ и Михайла Михайловича Сперанскаго на пособіе удержать за г. Могилянскимъ переводъ сей, казавшійся сомнительнымъ, что видно и изъ самаго рѣшенія сената, утверждающаго тогда лишь переводъ сей, ежели я уже заплатилъ по оному деньги г. Могилянскому. Во всѣхъ случаяхъ, изъ изъясненнаго моего чувства, платилъ я ему 12-й и 10-й проценты, каковой послѣдній получилъ и по изъясненному переводу, на что имѣю его руки счетъ и свидѣтелей, и по коему осталось 50 т. р. капитала, кои недоумѣваю кому долженъ я платить, по силѣ сенатскаго указа, ему-ли г. Могилянскому, или же въ сторону г-жи Пламенцовой, но, невзирая на сіе, я пріемлю всѣ рѣшительныя мѣры о составленіи сей суммы и просилъ даже я г. Шіянова объ уплатѣ оной г. Могилянскому за меня.

Докладывая все сіе на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства какъ лучшее доказательство моей невинности, съ высокопочитаніемъ имѣю

честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою, Семенъ Кочубей. Полтава, января 9-го 1832 г.

IV.

Письмо М. В. Могилянскаго къ князю Н. Г. Реппину.

Сіятельнѣйшій князь, Милостивый Государь! Имѣвъ честь получить благосклоннѣйшій Вашего Сіятельства отвѣтъ на покорнѣйшую просьбу свою, вмѣняю себѣ въ непреложную обязанность принести Вашему Сіятельству почтительнѣйшую мою благодарность, сколько бы, впрочемъ, причины неудовлетворенія самой просьбы ни были для меня прискорбны по своей противоположности тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ смѣлъ надѣяться отъ благодѣтельнаго Вашего Сіятельства посредства.

Бывъ вынужденъ безпокоить Ваше Сіятельство покорнѣйшею своею просьбою, я основывался не на соображеніяхъ приказнаго обряда и примѣненія къ дѣлу какихъ-нибудь сенатскихъ указовъ, но на точномъ разумѣ законовъ, ограждающихъ право собственности и опредѣляющихъ истинныя обязанности Высшаго Начальства, въ какомъ бы видѣ и какими бы путями ни доходили до него основательныя жалобы и проч., а потому и ожидалъ, что, по удостовѣреніи въ справедливости изложенныхъ мною обстоятельствъ, Вашему Сіятельству угодно будетъ дать подъ рукою замѣтить г. Кочубею, что дальнѣйшее продолженіе настоящаго положенія дѣлъ его, какіе бы случаи въ жизни ни были причиною подобнаго его несчастія, ни съ порядкомъ, ни съ собственною честію его несообразно, и что для отвращенія могущихъ послѣдовать непріятностей ничего другого не остается ему дѣлать, какъ согласиться предоставить заложенное Варваціо имѣніе законному для уплаты долговъ распорядку, то есть поступить безъ отлагательства по 54-му пункту второй части устава о банкротахъ, требуя продажи онаго съ публичнаго торгу и проч. по смыслу узаконенія сего, предоставляющаго равное въ томъ право и закладчику имѣнія и другимъ кредиторамъ его. Въ семъ могла бы состоять надежда послѣднихъ получить что-нибудь изъ своихъ капиталовъ и г. Кочубей, продолжая послѣ таковаго замѣчанія уклоняться отъ предстоящей для него необходимости, обнаружилъ бы тогда неблагонамѣреніе свое, заслуживающее другихъ уже мѣръ. Что всѣ кредиторы его желаютъ сей послѣдней развязки, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но не всѣ они готовы войти съ формальными по

предмету сему прошеніями, ибо изъ важнѣйшихъ по капиталу между нами, одного, можетъ быть, удерживаетъ покудова отъ сей мѣры признательность за пріобрѣтенное имѣніе, или какіе-нибудь еще новые безошибочные расчеты, а другого предложенное пустое впрочемъ поручительство какой-то доброй родственницы, до нѣкотораго времени его успокоившее. Для чего же вмѣстѣ съ ними должны и другіе кредиторы потерять капиталы свои, и особливо я, по истинѣ бѣднѣйшій изъ всѣхъ ихъ и имѣющій слѣдовательно наиболѣе причинъ опасаться продолженія подобнаго дѣлъ г. Кочубея безпорядка?

Что же касается до объясненныхъ мною предосудительныхъ г. Кочубея поступковъ и въ разсужденіи крестьянъ своихъ, которыхъ усугубляющаяся годъ-отъ-году нищета должна естественно уменьшить стоимость имѣнія,—и кредиторовъ, подвергающихся неминуемой потерѣ своихъ капиталовъ, по причинѣ непомѣрнаго накопленія долговъ отъ неплатежа процентовъ и новыхъ займовъ, то они слишкомъ извѣстны уже, чтобъ пришло кому-нибудь въ голову, для напраснаго впрочемъ удостовѣренія, марать себя средствами, и для одного уже слуха ненавистными! Ежели подобныя средства потребны еще для доказательства правости дѣла и полученія кокого-либо удовлетворенія, въ такомъ случаѣ я смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что г. Кочубей, подъ сѣнію особливо непотизма, не въ одномъ Римѣ лишь извѣстнаго благотворительнымъ своимъ вліяніемъ, спокойно можетъ продолжать настоящія дѣла свои и тѣмъ довершить несчастія мои, столь неожиданно меня постигшія. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ честь имѣю пребыть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга М. Могилянскій. 10 января 1832 г. Кіевъ.

V.

Письмо князя Н. Г. Репнина къ М. В. Могилянскому.

Милостивый Государь Михаилъ Васильевичъ! Ожиданіе Вашего Высокородія, что я буду убѣждать Семена Михайловича Кочубея объ успокоеніи кредиторовъ его было самое безошибочное. Зная, сколь много терпитъ онъ и чему еще можетъ подвергнуться чрезъ неразвязку долговыхъ дѣлъ, я, по полученіи перваго письма Вашего, не умедлилъ пригласить его къ себѣ и дѣлалъ совѣты и убѣжденія, желанію Вашему соотвѣтственныя, не показывая впрочемъ письма Вашего по оскорбительнымъ для него выраженіямъ. Онъ далъ мнѣ слово принять къ тому всѣ мѣры отъ него зависящія и навѣрное все испол-

нитъ, отзываясь при томъ, что изъ всѣхъ его кредиторовъ Вы первый, котораго онъ съ избыткомъ давно уже удовлетворилъ по займу, не касаясь разныхъ одолженій и пожертвованій, какія въ счастливыя времена своей жизни многократно для Васъ дѣлалъ, питая къ Вамъ усердіе и не предвидя послѣдствій.

Что же касается до продажи имѣнія Варвацію заложеннаго, я не могу скрыть отъ Васъ моего соображенія, что едвали оная принесетъ какую-либо пользу кредиторамъ безъ залога, ибо претензія Варвація дошла до 350 руб. на каждую ревизскую душу, теперь же имѣнія въ Малороссіи такъ малоцѣнны въ разсужденіи недостатка въ денежныхъ капиталахъ, что не предвидится совершенно никакой надежды, чтобы при торгахъ за сіе имѣніе дали болѣе суммы, нежели сколько слѣдуетъ наслѣдникамъ Варвація для очистки закладной, тѣмъ паче когда оное не имѣетъ тѣхъ хозяйственныхъ устройствъ и заведеній, отъ которыхъ главнѣе доходъ извлекается.

Но не взирая на сіе, ежели о продажѣ поступятъ требованія на основаніи законовъ, повторяю Вамъ, я не премину наблюсти за удовлетвореніемъ оныхъ и, отвѣтствуя симъ на вторичное письмо Ваше отъ 10-го января сего года, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью, Милостивый Государь, Вашимъ покорнымъ слугою, князь Репнинъ. Полтава, 15 января 1832.

VI.

Письмо С. М. Кочубея къ князю Н. Г. Репнину.

Милостивый Государь, князь Николай Григорьевичъ!

Имѣвъ честь получить требованіе Вашего Сіятельства на счетъ долговаго моего положенія въ отношеніи къ статскому совѣтнику г. Могилянскому, долгомъ почитаю симъ доложить, что нынѣ остается у него одно мое крѣпостное обязательство на сумму 50 т. руб., коихъ всего на имя его супруги г. статскимъ совѣтникомъ Шіяновымъ было на 100 т. р. переведено и кои я на имя сего послѣдняго было написалъ, по случаю перешедшаго въ руки г. Могилянскаго моего на 97 т. руб. долга отъ г-жи Пламенцовой, каковаго всего долга, 97 т. р., онъ Могилянскій отъ меня на имя свое написанными обязательствами принять сомнѣвался, по причинѣ жалобъ г-жи Пламенцовой за неправильное полученіе г. Могилянскимъ моихъ отъ ея уполномоченнаго на оную сумму 97 т. р. векселей. Со времени полученія означенныхъ моихъ г. Могилянскимъ отъ г-жи

Пламенцевой векселей на 97 т. р., т. е. съ 1825 года, имѣлъ отъ меня г. Могилянскій значительные платежи, произведенные мною ему частію лично, а болѣе того при посредствѣ г. Шіянова черезъ переяславскаго имѣнія моего управителя Дудникова (что нынѣ кременчугкій купецъ), и наконецъ, посредствомъ полтавскаго 1-ой гильдіи купца г. Зеленскаго, дѣлавшаго съ г. Могилянскимъ послѣдній счетъ, послѣ коего остались у него на имя супруги его вышеупомянутыя обязательства мои на 50 т. руб.

За неимѣніемъ мною нынѣ при себѣ всѣхъ надлежащихъ по симъ платежамъ видовъ и справокъ, отнесся я къ означеннымъ лицамъ съ просьбою моею о скоромъ доставленіи мнѣ оныхъ, дабы я могъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства вѣрнѣйшій счетъ сего моего г. Могилянскому долга, по которому, сколько я могъ нынѣ вспомнить, и по наличнымъ у меня его счетамъ видѣть, уплачено отъ меня ему болѣе 90 т. р., сверхъ остающихся у него моихъ на 50 т. р. обязательствъ, а именно: сочтено 97 т. р. капитала по 3-е сентября 1825 года съ процентными деньгами, (коихъ въ последнее время, по причинамъ моихъ различныхъ съ г-жею Пламенцовою предложеній, не могъ я ей надлежаще уплатить), всего около 102 т. р., коихъ тогда же 2 т. р. г. Могилянскій отъ меня принялъ, а на 100 т. р. получалъ онъ платежи, считая оные онъ въ процентъ, изъ его собственныхъ счетовъ и записокъ видный, а потомъ и при послѣднемъ счетѣ, имъ съ г. Зеленскимъ свершенномъ отъ 3-го февраля 1827 г. по 3-е сентября 1829 года отъ 100 т. р. въ 25,833 р. сочтенный и къ сему капиталу имъ причтенный; изъ всего сего явственно, что по оный срокъ получилъ г. Могилянскій съ 1825 года 3-го сентября съ 2 т. рублями и съ процентами за годъ и 5 мѣсяцевъ по 3-е февраля 1827 года отъ 100 т. р. всего болѣе 16 т. р. Въ 1829 году счелъ онъ, дѣлая счетъ съ г. Зеленскимъ, изъ 125,833 р.—76 т. р., что составитъ до того въ полученіи имъ 92 т. р., вычтя-же онъ, г. Могилянскій, изъ 125,833 р.—76 т. р., назначилъ себѣ получить, въ счетъ оставшихся тогда за симъ 49,833 р., 5 т. р. изъ моего переяславскаго имѣнія, кои, если онъ тамъ оныя получилъ, составятъ съ прежними 92 т. р., въ полученіи имъ 97 т. р. Продолжая тогда-же счетъ г. Могилянскій съ г. Зеленскимъ, означилъ онъ сіи 5 т. р. вычтенными изъ 49,833 р., и, сочтя за годъ и пять мѣсяцевъ изъ остающихся 44833 р. капитала 6351 р. процента, составилъ 51184 р., изъ коего счета, наконецъ, вычтя 910 руб. (каковой вычетъ долженъ быть г. Зеленскому извѣстенъ), оставалось

капитала 50274 р., на который удержалъ г. Могилянскій, на имя супруги его, мои векселя на 50 т. р., а изъ переяславскаго имѣнія моего назначено по тому же счету въ концѣ онаго уплатить г. Могилянскому не ровно 5 т. р., а 5274 рубля.

Изъ сего на сей разъ краткаго, но вѣрнаго изложенія, изволите Ваше Сіятельство увидѣть, что г. Могилянскій на перешедшій ему отъ г-жи Пламенцевой долгъ мой, 97 т. р. капитала, получилъ онъ отъ меня съ 1825 г. 3-го сентября по 1831 годъ 3-е февраля, т. е. аа 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ полный капиталъ и имѣетъ у себя еще сверхъ сего на 50 т. р. моихъ обязательствъ.

Представляя все сіе нынѣ на благоуваженіе Вашего Сіятельства, смѣю надѣяться, что Вы изволите по всей справедливости заключить, можетъ-ли г. Могилянскій приносить жалобы и за себя, а и столько еще заботиться и о другихъ моихъ кредиторахъ, не имѣя отъ нихъ на то уполномочія, и кои, конечно, получаютъ возможное слѣдуемое отъ меня удовлетвореніе. Конечно, я въ прошломъ году, невзирая ни на какіе счеты, уплатилъ бы г. Могилянскому и 50 т. р. по векселямъ моимъ, но сему воспрепятствовало мнѣ общественное бѣдствіе, болѣзнь, остановившее всеобщее дѣйствіе до того, что и самыя казенныя кредитныя мѣста отсрочили потому свои требованія.

Въ заключеніе же позвольте мнѣ, Ваше Сіятельство, доложить въ огражденіе меня отъ подобныхъ г. Могилянскаго жалобъ, если бы онѣ могли быть, чего я не ожидаю безъ особенной чьей-либо напряженной несправедливости, что если бы я могъ видѣть теряющимся балансъ моихъ долговъ противу стоимости собственности моей, надѣясь я, что сіе не воспослѣдуетъ, имѣя при прошедшихъ общихъ бѣдствіяхъ, неурожаяхъ, болѣзняхъ и проч., надлежащее вниманіе, то я тогда же прежде всѣхъ непреминулъ бы просить Вашего Сіятельства, какъ начальника края сего, оцѣнить все мое имущество, обезпечить онымъ моихъ кредиторовъ и разчесть меня съ тѣми изъ нихъ, кои могли бы на меня жаловаться.

Наконецъ, позвольте мнѣ, изложивъ всѣ вещественныя обязанности мои, обратиться къ Вашему Сіятельству и съ нравственнымъ докладомъ моего душевнаго сокрушенія, что г. Могилянскій, коего я и по нынѣшнему его начатому дѣлу съ г-жею Пламенцовою поддержалъ, имѣвъ я право ему въ неправильно сдѣланномъ имъ переводѣ отказать, но неисполнивъ сего по моему къ нему съ 12-лѣтняго возраста моего усердія, коимъ смѣю сказать впослѣдствіи былъ я ему совершенно полезнымъ, устраивая его неоднократно и составивъ ему

лучшую часть его всего состоянія, свыше 100 т. р. простирающуюся, рѣшается на оскорбленія меня, въ коихъ его никто и ничто оправдать не можетъ.

Съ должнымъ моимъ высокопочитаніемъ и совершенной преданностью имѣетъ честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Семенъ Кочубей. Полтава, 18 января 1832 г.

Сообщ. Н. С.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Молитва въ память уманской рѣзни и письмо, касающееся того-же событія. Нижеслѣдующая молитва установлена въ память печальнаго событія—страшной уманской рѣзни 1768 г., и ежегодно, въ годовщину катастрофы, 5-го Тамуза [1]), при громадномъ стеченіи народа, читается она въ уманскихъ синагогахъ заунывнымъ напѣвомъ, подобно Плачамъ Іереміи; въ этотъ день уманскіе евреи соблюдаютъ безусловный постъ. Молитва эта сохраняется въ главной уманской еврейской синагогѣ; написана она на пергаментѣ древне-еврейскимъ языкомъ и состоитъ изъ ряда риемованныхъ четырехстишій, при чемъ начало каждаго четырехстишія начинается одной изъ буквъ еврейскаго алфавита по порядку.

Въ этой молитвѣ описываются за сердце хватающія сцены кровавой драмы, разыгравшейся на Украинѣ въ 1768 г. Происхожденіе молитвы и ея автора нельзя съ точностью опредѣлить. Несомнѣнно, однако, то, что она была составлена во время болѣе и менѣе близкое къ моменту украинской рѣзни, такъ какъ авторъ говоритъ о послѣдней, какъ о событіи свѣжей памяти, современномъ; при чемъ упоминаются многія мѣста, гдѣ совершались злодѣйства гайдамакъ и приводятся подробныя обстоятельства, ихъ сопровождавшія. Я постараюсь дать, насколько это окажется возможнымъ, буквальный и вмѣстѣ съ тѣмъ литературный переводъ этой своебразной молитвы, которая навсегда останется печальнымъ памятникомъ знаменитой уманской рѣзни.

«Господи всемилосердный, Сущій въ небесахъ, Внимающій воплямъ скорбящихъ! Дай безмятежный покой и прими подъ сѣнь Тво-

[1]) Дата по христіанскому лѣтосчисленію не обозначена; приблизительно начало іюня.

ей обители души праведниковъ и святыхъ, сіявшихъ подобно свѣту небесному. Это души нашихъ собратьевъ израильтянъ, людей именитыхъ, мужей благочестивыхъ; души Божьяго народа, священной уманской общины, павшихъ отъ руки проклятыхъ негодяевъ; великъ и малъ, старъ и младъ».

«Великіе среди израиля, богобоязненные и совершенные, охранявшіе законъ Твой,—ниспосланый имъ Тобою — увы!—гибель и истребленіе, горе и умерщвленіе. Они (гайдамаки) отдали трупы рабовъ Твоихъ на съѣденіе птицамъ небеснымъ, тѣла благочестивыхъ Твоихъ—полевымъ звѣрямъ».

«Слезы безпрестанно проливаютъ очи наши. Горе намъ переживать такое несчастіе. При одной вѣсти объ этомъ изнываетъ душа наша. Мы уподобляемся овцамъ, ведомымъ на закланіе. Погибаемъ, всѣ мы, погибаемъ».

«Согласіе изъявили всѣ, старцы и юноши, принять кару Божію: иные пронзены были копьями, многіе поражены ножами; кровь отцовъ и дѣтей смѣшалась. Кто услышитъ это, будетъ горько плакать и рыдать».

«Увы, вопили они съ сокрушеннымъ сердцемъ, видя, что несчастіе обрушивается. Доблестные и благородные въ синагогу сошлись, и вопль ихъ, исходившій изъ сокрушеннаго и наболѣвшаго сердца, достигъ Бога. Они увидали нечестивцевъ, вошедшихъ въ ихъ святилище съ ожесточенными сердцами».

«Отъ ужаса содрагается сердце мое, слыша, что негодяи дерзнули войти и поражать праведный народъ Твой. Тамъ, въ синагогѣ, они воздвигли предъ Тобою большой жертвенникъ: домъ, наполненный трупами, павшими отъ руки нечестивцевъ.»

«Краса израиля, вѣнцы народа и его украшенія, облеченныя въ Талисы [1]) стояли въ синагогѣ, прижавъ къ груди свитки закона Твоего. Благочестивые евреи въ страхѣ и ужасѣ (вѣроятно за будущее въ загробной жизни) предостерегаютъ собратьевъ своихъ не измѣнять насильственно вѣрѣ предковъ. Всѣ съ любовью предпочитаютъ царствіе небесное земной жизни; души же свои они поручаютъ Всевышнему ихъ Создавшему; и всѣ они ведомы были на закланіе. Горько вскричали они: «слушай израиль» и, произнося слова «Богъ единъ», всѣ пали они мертвыми».

---

[1]) Шерстяное облаченіе, которое евреи надѣваютъ во время утренней молитвы.

«Подобно хищнымъ звѣрямъ рыскали они по улицамъ города. Закалывали и подбрасывали пронзенныхъ. Кровь убитыхъ евреевъ смѣшалась съ кровью магнатовъ и вельможъ, и потекла за черту города, какъ текущія воды. По истеченіи нѣсколькихъ дней зловоніе служило препятствіемъ путь державшимъ, и начальникъ (?) велѣлъ выбросить ихъ въ поле. Они оставлены были на съѣденіе хищнымъ птицамъ и полевымъ звѣрямъ».

«Ужасный былъ тотъ день, въ который уцѣлѣвшимъ отъ меча и стекавшимся со всѣхъ сторонъ евреямъ представилось страшное зрѣлище—долина, усѣянная костями и нѣсколькими тысячами отрубленныхъ головъ. Въ большія кучи сгребли они ихъ и всѣхъ въ одну могилу похоронили: Можешь ли Ты при этомъ удержаться, о Господи»?

«Утомились глаза наши отъ ожиданія Бога: Доколѣ Ты будешь подобно сильному, немогущему избавлять? Воочію намъ отомсти за пролитую кровь рабовъ Твоихъ. О мстящій Боже, Богъ возмездій, возсіяй»!

«Зачѣмъ, о Боже, на вѣки Ты отвергъ насъ? Ты видишь беззаконія, намъ причиняемыя, а заступаться не заступаешься. Смотри на беззащитныхъ овецъ, ведомыхъ на закланіе, и отомсти за насъ. Не будь глухимъ къ нашимъ слезамъ и мольбамъ; не скрывайся отъ моленія нашего о нашемъ освобожденіи».

«Ангелы небесные горько плачутъ о нашемъ томленіи. Взгляните и увидите, есть ли страданіе, подобно моему страданію. Я содрогаюсь при одномъ воспоминаніи о томъ, что многія тысячи доблестныхъ и благородныхъ пали отъ руки негодяевъ. Доколѣ, о Господи, нечестивцамъ торжествовать»?

«Женщины праведницы, дщери драгоцѣнныя, взлелѣянныя и изнѣженныя, чрева ихъ распарывали, а плодъ выбрасывали; прекрасные юноши и дѣвушки, раздѣтые до нага, были разсѣчены и брошены; собаки таскали внутренности ихъ; юные агнцы — младенцы и взлелѣянныя дѣти на лонѣ матерей своихъ лежали пронзенныя и разсѣченныя. Да будутъ они милостиво приняты Богомъ, какъ огненная и благоухающая жертва».

«Священныя книги божественнаго закона были разорваны руками нечестивцевъ; нѣсколько сотъ расколотыхъ Тефилинъ [1]) были

---

[1]) Нѣчто въ родѣ филакторій, надѣваемыхъ евреями въ будни при утренней молитвой.

подбрасываемы и ногами попираемы. Взгляни, о Господи, и посмотри на позоръ, которому подвергается Твоя священная Тора, данная на Синаѣ при огненномъ пламени».

«Объ этомъ я плачу, вспоминаю о Богѣ и рыдаю; вспоминаю гибель столькихъ праведниковъ, чѣмъ увеличились скорбь и плачъ Іудеи».

«Потоки слезъ изольютъ глаза наши. Да будетъ эта печальная повѣсть записана на память послѣдующимъ поколѣніямъ; да будетъ горькій плачъ установленъ въ годовщину гибели согнанныхъ безсловесныхъ овецъ, невинныхъ и безгрѣшныхъ дѣтей предъ грознымъ и страшнымъ врагомъ. Ницъ пали они передъ разбойниками, умоляя ихъ подарить имъ жизнь. Негодяи ожесточили сердца свои, схватывали дѣтей и вверхъ подбрасывали; головы ихъ расшиблись и окровавленные падали они, обагряя кровью свои одежды; слѣды крови виднѣлись даже на стѣнахъ храма (синагоги, вѣроятно). Богъ, взыскивающій за невинную кровь, да вспомнитъ Онъ объ этихъ несчастныхъ жертвахъ, вспоминая о закланіи патріарха Исаака».

«Несчастья одно за другимъ насъ постигаютъ. Рука Божія карала также и другія священныя общины: Голта, Балта, Рашковичи, Тульчинъ и Павловичи,—внезапно погибли они отъ руки враговъ. Безчисленное множество и другихъ общинъ также погибло. Вскорѣ Богъ прибавилъ печаль къ печали нашей: въ городѣ Лисянкѣ и въ селѣ Медичнѣ, куда преслѣдуемые Израильтяне стеклись изъ различныхъ селъ и городовъ, напали на нихъ негодяи и умертвили мужей, женъ и дѣтей самымъ ужаснымъ и жестокимъ образомъ».

«Да будутъ святы предъ Богомъ купцы, развозившіе товаръ, и нищіе, странствовавшіе по городамъ за подаяніемъ,—внезапно подверглись они самой страшной и мучительной смерти. По всей Украйнѣ пораженныхъ мечами бросали; умерщвленные валялись въ оврагахъ и пещерахъ, а также среди дороги, хоронить ихъ не хоронили. Дѣти ихъ остались несчастными сиротами, а жены—вѣчными агунотъ [1])».

«Сжалься, о Господи, надъ остаткомъ Твоего несчастнаго народа. Вѣдь за Тебя насъ безпрестанно убиваютъ. Спасай насъ отъ руки нечестивцевъ. Да разсѣются враги Твои передъ лицемъ Твоимъ».

Стража Іерусалима (т. е. радѣющіе о благѣ израиля), вспоминающая имя Бога, да не будетъ конца вашему плачу, не переставайте

---

[1]) По еврейски подъ этимъ словомъ разумѣютъ женщину, мужъ которой пропалъ безъ вѣсти, и этимъ она лишается возможности вступать вторично въ бракъ

вспоминать о душахъ этихъ святыхъ праведниковъ. Потеря ихъ для насъ такъ чувствительна, какъ сожженіе и гибель нашей святыни (авторъ молитвы напоминаетъ, несомнѣнно, этимъ на сожженіе Титомъ Іерусалимскаго храма). Почему, милосердный Богъ, пріюти ихъ подъ сѣнью Твоихъ крыльевъ и дай имъ насладиться миромъ хотя послѣ смерти».

«Начало нападенія на Умань было въ понедѣльникъ 5-го Тамуза. Въ этотъ день истребили и умертвили расположившихся за городомъ на полѣ и стекавшихся туда изъ различныхъ селъ и деревень нѣсколько сотъ мущинъ, женщинъ и дѣтей. Къ вечеру гор. Умань былъ взятъ, и началась страшная рѣзня, продолжавшаяся цѣлыя сутки. Въ среду они (гайдамаки) тщательно отыскивали въ городѣ жертвъ. Всѣхъ погибшихъ въ тотъ день, однихъ евреевъ, было 30,000 человѣкъ (гипербола вѣроятно)[1]).

Въ числѣ источниковъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ печальной эпохѣ коліивщины и знаменитой уманской рѣзни, можетъ быть отнесено приводимое ниже въ русскомъ переводѣ письмо, извлеченное мною изъ одного еврейскаго сочиненія подъ именемъ Пардесъ, напечатаннаго въ 1769 г., т. е. черезъ годъ послѣ страшной уманской катастрофы. Въ этомъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ рядъ моральныхъ проповѣдей, находится между прочимъ масса документальныхъ данныхъ по исторіи гайдамацкихъ волненій на Украйнѣ. На первыхъ порахъ я даю переводъ одного жаргоннаго письма, принадежащаго перу очевидца движенія коліевъ.

Письмо это писано изъ города Староконстантинова Кенигсбергскому духовному раввину, рабби Арьѣ-Лейбу. Вотъ его содержаніе:

«Собратья мои израильтяне, пребывающіе въ изгнаніи! Во имя Бога и ради израиля прошу передать настоящее письмо раввину, великому свѣтилу, знаменитому ученому, рабби Лейбѣ изъ Кенигсберга, а этотъ послѣдній сдѣлаетъ всѣмъ извѣстнымъ горе, постигшее многихъ. Въ особенности онъ сообщитъ это многимъ родственникамъ, которыхъ онъ знаетъ. Это будетъ великимъ благодѣяніемъ съ вашей стороны, Богъ по заслугамъ воздастъ вамъ.

Воскресенье, 17-е Аба, 1768.

---

[1]) Этотъ послѣдній отрывокъ молитвы въ сущности ничего молитвеннаго въ себѣ не заключаетъ, а носитъ исключительно повѣствовательный характеръ. Заканчиваетъ онъ собою молитву только потому, что въ еврейскомъ текстѣ отрывокъ этотъ начинается послѣдней буквой еврейскаго алфавита, и этимъ, значитъ заканчивается алфавитъ въ молитвѣ.

Сообщаю вамъ, дорогой другъ мой, о великомъ несчастьи, постигшемъ Украйну. Вамъ, вѣроятно, это уже извѣстно, такъ какъ я самъ писалъ объ этомъ въ письмѣ моемъ, посланномъ вамъ посредствомъ дубровенскихъ (?) не-евреевъ. Но я не знаю, попало ли письмо въ ваши руки. Теперь же я посылаю вамъ настоящее письмо черезъ солдатъ его величества короля прусскаго [1]). Бунтъ измѣнниковъ, извѣстный подъ именемъ гайдамачины, начался въ селѣ Жаботинѣ, гдѣ жилъ рабби Авремелъ (Авраамъ), извѣстный вамъ. Въ томъ селѣ умерщвлено было 70 человѣкъ, въ томъ числѣ и жена упомянутаго Авраама.

Распороли животъ, а плодъ вынули живымъ.

Затѣмъ опустошительное движеніе гайдамакъ распространилось по всей Украйнѣ. Кто повѣритъ, что произошло такое необыкновенное происшествіе?!

Горе глазамъ видящимъ и ушамъ слышащимъ это!

Въ общинахъ: Тетіевѣ, Погребищѣ и др. погибли многія тысячи евреевъ. Многіе—о, грѣхи наши!—измѣнили вѣрѣ предковъ своихъ. Этихъ послѣднихъ принуждали собственными руками зарѣзать своихъ женъ и дѣтей, что служило искушеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ, что они дѣйствительно отреклись отъ своей религіи. Но принося такія жертвы, они все-таки не избѣгли своей печальной участи: ихъ тоже гайдамаки умертвили. Въ общинахъ: Балтѣ, Умани, Лисянкѣ, Смѣлѣ и др. погибло 50,000, а быть можетъ, 60,000 человѣкъ (преувеличено конечно). Безчисленное множество людей измѣнило своему закону; въ близь лежащихъ городахъ больше 2,000 человѣкъ нарушили субботу. Мы бѣжали въ субботу и нарушили всѣ почти главныя субботнія постановленія. Мы бѣжали и потеряли всякія вѣсти одинъ о другомъ. Мы лишились всего нашего состоянія. Стыдно намъ сознаться, до чего мы дошли: многіе умирали отъ голода и жажды. Нѣсколько тысячъ убитыхъ евреевъ не были даже погребены, а дѣлались добычей свиней и собакъ. Избави насъ, о, Господи! Отъ великаго горя я не могу писать вамъ. Я не знаю, какъ мнѣ прибыть къ вамъ. Словомъ, кто Бога въ сердцѣ имѣетъ, тотъ долженъ горько плакать и рыдать объ этомъ великомъ бѣдствіи... Я прошу, я умоляю своихъ друзей не оставить многихъ несчастныхъ дѣтокъ, пока я придумаю что нибудь дать (?) Такой-то.

---

[1]) О томъ, что въ Украйнѣ находились прусскіе солдаты, свидѣтельствуютъ и другіе писатели. Скальковскій. Исторія новой Сѣчи. Муравьевъ. Гайдамачина 315.

Послѣ этого [1]) ко мнѣ пришелъ одинъ очень почтенный старикъ (это было предъ праздникомъ пятидесятницы 1769 г.) и разсказалъ мнѣ, что онъ прибылъ сюда изъ Украйны и между прочимъ разсказалъ обо всемъ, случившемся тамъ. По его словамъ, въ Украйнѣ находился въ то время одинъ старикъ, благочестивый и знаменитый ученый, и какъ только онъ узналъ о страшныхъ ужасахъ, происходившихъ въ Жаботинѣ, онъ предупредилъ объ этомъ жителей Техіева. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ посланныхъ въ другія общины предостерегать ихъ объ угрожающихъ бѣдствіяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ имъ, что сейчасъ послѣ рѣзни Хмельницкаго порѣшили тогда польскіе, литовскіе и турецкіе евреи и обязали всѣхъ клятвою подъ страхомъ анаѳемы не селиться больше въ Украйнѣ (слѣдуетъ на основаніи Библіи доказательство и подтвержденіе своему запрещенію). Почему, присовокупилъ тотъ старецъ, вамъ запрещается взять что нибудь съ собою изъ заклятаго имущества. Итакъ, если вы послушаетесь меня и, убѣгая, не возьмете съ собою своихъ достатковъ, вы спасетесь отъ угрожающаго вамъ несчастья; кто же пожалѣетъ своего имущества, тотъ погибнетъ.

И какъ этотъ старецъ предсказывалъ, такъ и сбылось: послушавшіеся совѣта старца уцѣлѣли, а кто захватилъ съ собою пожитки, даже самые незначительные, умерщвлены были и подверглись самой страшной и мучительной смерти: многіе были удушены; нѣкоторые сожжены, а другіе заброшены камнями. Все это передалъ человѣкъ, заслуживающій полнаго довѣрія.

И. Галантъ.

Угроза генералъ губернатора кн. Я. И. Лобанова-Ростовскаго жителямъ м. Смѣлого (роменск. у.) за ослушаніе 1811 г. [2]).

Ордеръ господину роменскому земскому комисару.

За полученіемъ донесенія вашего о безпорядкахъ, наглости и совершеннаго ослушанія, оказанныхъ козаками мѣстечка Смѣлого, при исполненіи Вами указа губернскаго правленія, по предложенію моему состоявшагося къ предохраненію въ казенныхъ селеніяхъ казеннаго откупа взятьемъ съ общества подписокъ, дабы каждый производилъ водку по состоянію своему, какъ въ Указѣ Правитель-

[1]) Это добавляетъ уже отъ себя издатель Парадесъ.

[2]) Изъ Яготинскаго Архива кн. Н. В. Репнина.

ствующаго Сената 1783 года сказано, и не въ подрывъ откупа, имѣющаго контрактъ на великороссійскихъ правахъ, воспрещающихъ всякому продажу и единой капли вина въ томъ мѣстѣ, гдѣ казенный питейный домъ состоитъ, получилъ я вслѣдъ за тѣмъ и отъ того общества прошеніе, наполненное глупыми выраженіями и выносками статей, кои за состояніемъ новаго на казенные откупы законоположенія не подлежатъ быть внемлемы, что и они сами знаютъ, но вѣдать не хотятъ. Чего ради я предписываю Вамъ, являсь въ то селеніе, немедленно объявить все вышеписанное, добавя, что простить я могу недѣльную ихъ просьбу, но не въ правѣ я простить имъ ослушаніе выдачи требованной подписки, о чемъ они и сами признаются, также и пропустить всѣ дерзостныя ихъ при томъ случаѣ произношенія, ибо именемъ вышняго начальства всякое требованіе должны они прежде выполнить, а потомъ, есть ли чѣмъ отягощаются или обременяются, просить, чего они не разсудили здѣлать по разпутству своему, пьяной жизни и недостатка въ точномъ повиновеніи законной власти. Я къ осужденію ихъ беру на первый часъ слѣдующія мѣры, кои смягчить или усилить рѣшитъ меня ихъ собственное поведеніе: 1-е, имѣете Вы объявить имъ требованіе мое, дабы тотъ часъ подписки были даны, и 2-е, общество представило бы Вамъ всѣхъ тѣхъ, кои замѣчены были Вами при семъ случаѣ въ азартныхъ и грубыхъ изреченіяхъ. Неисполненіе сихъ двухъ статей разрѣшитъ меня предать огню и полому всего того общества селенія, какъ о томъ-же мѣры и взяты, дабы успѣть до площаднаго наказанія дать каждому лучше возчувствовать мѣру преступленія. О послѣдствіяхъ имѣете мнѣ чрезъ нарочнаго рапортовать. Князь Лобановъ-Ростовскій. № 9160, 24 іюня 1811 г. Полтава.

Сообщ. Н. С.

Численность податныхъ сословій въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской въ 1835 году [1]. Вслѣдствіе полнаго неурожая, постигшаго Малороссію въ 1833 году, въ слѣдующемъ году произошло большое накопленіе недоимокъ. Чтобы подвинуть всѣ сословія къ уплатѣ слѣдуемыхъ съ нихъ недоимокъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ приказалъ своей канцеляріи со-

[1]) Изъ Яготинскаго архива кн. Н. В. Репнина.

брать предварительно всѣ необходимыя по этому вопросу свѣдѣнія. Канцелярія, отзывомъ отъ 9 іюня 1834 г. за подписью правителя канцеляріи Максимовича, просила Полтавскую казенную палату немедленно доставить свѣдѣнія, сколько числится въ полтавской губерніи помѣщичьихъ крестьянъ за такими помѣщиками, у которыхъ состоитъ во владѣніи болѣе 20 душъ. Въ отвѣтъ на это палата сообщила слѣдующую интересную справку:

«На 1834 г. изчислено Казенною Палатой по полтавской губерніи ревизскихъ душъ для платежа податей: козаковъ—160,750, однодворцевъ—3, государственныхъ поселянъ—67,871, удѣльныхъ поселянъ 1,191, иностранныхъ поселенцовъ: колонистовъ—532, менонистовъ—112, евреевъ земледѣльцевъ—2, поселянъ, городамъ принадлежавшихъ—2,046, свободныхъ хлѣбопашцевъ—3, помѣщичьихъ крестьянъ во владѣніи тѣхъ помѣщиковъ, кои имѣютъ менѣе 20 душъ—24,534, во владѣніи имѣющихъ болѣе 20 душъ—238,158.

На сей же 1834 годъ, за исключеніемъ вошедшихъ въ казенный питейный откупъ, изчислено по черниговской губерніи платящихъ винокуренную пошлину по 2 р. съ души: козаковъ—149,339, свободныхъ хлѣбопашцевъ—3, мѣщанъ, живущихъ по селеніямъ 422, помѣщичьихъ крестьянъ—256,891, итого 406,655 душъ. Съ нихъ дохода пошлиннаго за винокуреніе и продажу вина 310,323 р. 22 к. Изъ годоваго пошлиннаго оклада за 1833 годъ осталось въ недоимкѣ къ 1 января 1834 г.—198,365 р. 33³/₄ к.

Сообщ. **Н. С.**

Гдѣ изготовлялись для малороссійскихъ козаковъ ружья въ полов. XVIII в. Это видно изъ слѣдующаго указа малороссійской войсковой канцеляріи: «Всеподданнѣйшее намъ доносилъ окружной канцеляріи совѣтникъ Беръ отъ 20 минувшаго ноября, что за козацкія ручницы, которыя дѣлаются для малороссійскихъ козаковъ на Тулскихъ оружейныхъ заводахъ, недослано отъ малороссійской канцеляріи досталныхъ задѣльныхъ денегъ 16,575 рублевъ, отчего въ деле оныхъ ручницъ чинится остановка, ибо мастеровымъ людемъ на дѣло ружья деньги даются всегда напередъ. Того ради чрезъ сіе малороссійской войсковой канцеляріи подтверждаемъ, чтобъ оныя недосланныя деньги въ Тулу къ помянутому совѣтнику Беру немедленно отправлены были, дабы въ деле ручницъ остановки не было и повелѣваемъ нашей малороссійской канцеляріи учинить по сему нашему

указу». Декабря 29 дня 1739 года. Указъ подписали: Андрей Остерманъ, кн. Алексѣй Черкаскій и Артемій Волынскій. (*Изъ бумагъ М. О. Судьенка).*

По поводу стихотворенія „Хома та Ярема“ Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ профес. А. И. Маркевичъ помѣстилъ стихотвореніе «Хома та Ярема», продиктованное ему давно когда-то Т. Г. Шевченкомъ. Помѣщая это стихотвореніе, почтенный профессоръ въ письмѣ въ редакцію объясняетъ, что онъ не могъ узнать—было ли это стихотвореніе напечатано и кто его авторъ. Въ виду того, что стихотвореніе это, продиктованное Т. Г. Шевченкомъ, можетъ быть поэтому ошибочно отнесено къ его произведеніямъ, хотя, какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ авторъ письма, оно не имѣетъ ничего общаго съ музою незабвеннаго Кобзаря, считаю не безполезнымъ отвѣтить на поставленные авторомъ письма вопросы. Стихотвореніе это, благодаря легкой формѣ и юмору, довольно популярно въ Малороссіи, по крайней мѣрѣ мнѣ не разъ приходилось встрѣчать его въ рукописяхъ и слышать отъ разныхъ лицъ, но, по собраннымъ мною тщательнымъ библіографическимъ справкамъ, до появленія въ «Кіевской Старинѣ» оно дѣйствительно нигдѣ напечано не было. Авторомъ этого стихотворенія оказывается К. Д. Думитрашко, писавшій подъ псевдонимомъ К. Копытько, свѣдѣнія о которомъ сообщены мною въ замѣткѣ къ двумъ его стихотвореніямъ, относящимся къ исторіи г. Одессы и напечатаннымъ мною въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1894 годъ. Объ этомъ мнѣ приходилось слышать въ Кіевѣ, между прочимъ отъ Л. В. Ильницкаго, лично знавшаго К. Д. Думитрашка; по формѣ и содержанію, оно дѣйствительно имѣетъ много общаго съ другими извѣстными мнѣ стихотвореніями К. Думитрашка, въ которыхъ нельзя не видѣть подражанія болѣе талантливымъ его предшественникамъ И. Котляревскому и Гулаку-Артемовскому, и наконецъ стихотвореніе это находится въ числѣ другихъ въ имѣющемся у меня рукописномъ сборникѣ, о которомъ я сообщилъ въ указанной выше моей замѣткѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Копытькови вирши». Здѣсь оно помѣщено на страницахъ 41 и 42 подъ заглавіемъ «Часы», причемъ первый куплетъ записанъ нѣсколько въ иной редакціи, т. е. собственно полнѣе, чѣмъ при письмѣ А. Маркевича, а именно:

Хома зъ Яремою йдучи,
Найшовъ на улыци часы,
У рукы ихъ тыхенько взявъ
И такъ зневевья промовлявъ.

Въ остальныхъ же куплетахъ сообщенное стихотвореніе представляетъ буквальное повтореніе того, которое помѣщено въ моей рукописи, безъ малѣйшаго измѣненія до послѣдняго слова. К. Думитрашко писалъ малорусскія стихотворенія въ сороковыхъ годахъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Т. Г. Шевченко, внимательно относившійся вообще ко всему, что было писано по-малорусски, могъ знать это стихотвореніе.

г. Одесса. **М. Комаровъ.**

Труды студентовъ Кіевской духовной академіи по южнорусской исторіи за 1893—94 годъ. Изъ академическаго отчета за прошлый учебный годъ видно, что въ числѣ сочиненій, написанныхъ студентами выпускнаго курса, слѣдующія касались южнорусской исторіи и литературы:

— «Обличеніе раціоналистическихъ заблужденій въ произведеніяхъ южнорусскихъ писателей конца XVI и первой полов. XVII в.» *Николая Александрова.*

— «Іоанникій Голятовскій и его Ключъ разумѣнія». *Николая Бочковскаго.*

— «Учительное евангеліе Кирилла Транквилліона Ставровецкаго». *Іеромон. Іоны Вуколова.*

— «Значеніе Кіевскихъ митрополитовъ, какъ охранителей и защитниковъ православія въ западно-русскихъ областяхъ съ конца XVII до конца XVIII вѣка». *Флора Малеванскаго.*

— «Кіевскій женскій Вознесенскій (Флоровскій) монастырь». *Николая Малиженовскаго.*

— «Супрасльскій монастырь и его значеніе въ исторіи Западно-русской церкви». *Владиміра Недѣльскаго.*

— «Святые угодники Божіи юго-западной и сѣверо-западной Руси». *Свящ. Іакова Немоловскаго.*

— «Религіозный бытъ Запорожскаго козачества». *Павла Петрушевскаго.*

— «Кіевская академія съ полов. XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г.». *Василія Серебреникова.*

— «Слѣды флорентійской уніи въ юго-западной Руси въ законодательствѣ, жизни и литературѣ». *Іустина Юзефовича.*

Поправки къ ст. Н. Ѳ. Сумцова „Соврем. этнографія“ въ № 2.

Напеч.: «Предисловіе ко второму *изданію*». *Должно быть*: «Предисловіе ко второму *выпуску*».

Напеч. «*разработаннаго* нами сборника». *Должно быть*: «*разобраннаго* нами сборника».

Нап. «*братенская* сказка». *Должно быть*: «*бретонская* сказка».

Библіографія.

1) Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 8, т. I. Матеріалы для исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ исторіею сословной организаціи. Акты Барскаго староства XV—XVI в. (Кіевъ, 1893). Стр. II+126+372.

2) — Часть 8, т. II. Акты Барскаго староства XVII—XVIII в. (Кіевъ, 1894). Стр. 274+497 (съ картой юго-восточнаго Подолья XV—XVIII в. и указателями именъ личныхъ и географическихъ).

3) М. Грушевскій. Барское староство. Историческіе очерки. (Кіевъ, 1894). Стр. VI+400. Съ картой.

Изданные Кіевскою коммисіею акты по исторіи Барскаго староства на Подоліи собраны и обработаны г. Грушевскимъ. Предисловія его къ указаннымъ въ заголовкѣ двумъ томамъ Архива соединены въ особую книгу и лишь дополнены нѣкоторыми предварительными объясненіями автора по поводу выбора темы и способа ея обработки.

Съ своей стороны и г. главный редакторъ Архива, въ предисловіи къ т. I ч. 8, даетъ любопытныя указанія о характерѣ начатой нынѣ новой серіи изданій, посвященной актамъ юридическимъ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію г. редактора, основныя задачи коммисіи уже выполнены въ существенныхъ чертахъ, особенно по исторіи церкви, козачества и крестьянъ; намѣчены также главные моменты въ исторіи колонизаціи, городовъ, шляхетскихъ родовъ, провинціальныхъ сеймовъ, хотя многое предстоитъ еще дополнить. «Отъ вопросовъ національныхъ, политическихъ и вѣроисповѣдныхъ коммисія можетъ перейти къ той болѣе спокойной сферѣ исторіи, въ которой созидаются и живутъ учрежденія государственныя и институты

частнаго права и судопроизводства». Подъ именемъ актовъ юридическихъ г. редакторъ разумѣетъ документы для исторіи управленія, преимущественно мѣстнаго и финансоваго, сословій, семейнаго права и права наслѣдства, землевладѣнія, уголовнаго права, судопроизводства, законодательства и высшихъ государственныхъ учрежденій. Конечно, и ранѣе изданные документы нерѣдко имѣютъ юридическій характеръ, «но цѣли, имѣвшіяся въ виду прежде, и точка зрѣнія, сообразная съ этими цѣлями, были иныя: тогда (въ теченіи 50 лѣтъ) коммисію интересовали не учрежденія и институты, а жизнь людей, дѣйствовавшихъ въ этихъ учрежденіяхъ и институтахъ». «Приступая къ исполненію своей новой задачи, коммисія начинаетъ нынѣ съ изданія тома по исторіи мѣстнаго управленія, именно старостствъ, въ частномъ примѣненіи этого общаго вопроса къ исторіи Барскаго староства. А такъ какъ исторія мѣстнаго управленія, по мнѣнію авторитетныхъ знатоковъ дѣла, (напр., проф. Градовскаго), не отдѣлима отъ исторіи классовъ общества, подчиненныхъ этому управленію, то въ настоящемъ томѣ одинаково преслѣдуются обѣ названныя задачи». Далѣе предполагается издать томы о семейныхъ отношеніяхъ, панскихъ иколныхъ судахъ и о землевладѣніи.

Мы думаемъ, что въ объясненіяхъ г. редактора кроется доля недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое, напр., Барское староство, исторіи котораго посвящены два новые тома Архива? Конечно, не субстратъ староства вообще, какъ типа мѣстнаго управленія, а живая территоріальная единица. Староство, какъ общій вопросъ, разчленяемый по отношенію къ той или другой мѣстности, представляетъ простую игру понятій. По счастью, факты исторической жизни—нѣчто упругое и неподдающееся втискиванію въ искусственныя рамки, такъ что для нихъ вовсе не требуется содѣйствія со стороны проф. Градовскаго. Конечно, мы далеки отъ мысли отрицать необходимость въ распредѣленіи матеріала по отдѣламъ и подборѣ ихъ сообразно съ планомъ. Думается лишь, что составленіе схемъ, въ родѣ приведенной выше, едва-ли поможетъ дѣлу и что едва-ли требуетъ особаго оправданія мысль издать и объяснить документы по исторіи Барскаго староства. Мы убѣждены, что коммисія, учрежденная для разбора древнихъ актовъ нашего края, никогда и не встрѣтится съ печальною перспективою издавать документы чисто юридическаго характера, такъ какъ подобныхъ документовъ и не можетъ быть въ ея распоряженіи. Ошибочною въ самой основѣ кажется намъ и мысль о «болѣе спокойной сферѣ исторіи», въ которой предполагается изслѣ-

довать институты общественнаго и частнаго права, да и самая постановка вопроса объ институтахъ. На самомъ дѣлѣ изслѣдованіе всегда будетъ идти въ противоположномъ направленіи, отнюдь не исходя изъ идеи института, а лишь приводя къ ней въ нѣкоторыхъ случаяхъ; что же касается «спокойствія» этой сферы изслѣдованій, то оно можетъ быть развѣ воображаемымъ.

Для исторіи Барскаго староства собрано г. Грушевскимъ и издано нынѣ до 600 документовъ, большею частью совершенно новыхъ. Извлечены они преимущественно изъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, Варшавскаго главнаго Архива и Московскаго Архива Мин. Юст. и Иностр. Дѣлъ. Собраніе этихъ актовъ, требовавшее массы кропотливаго труда, составляетъ крупную заслугу г. Грушевскаго въ исторіи нашего края, такъ какъ они даютъ довольно обстоятельную картину колонизаціи и движенія землевладѣнія въ опредѣленной территоріи Подолья. Несомнѣнно, что авторомъ взято изъ помянутыхъ архивовъ все болѣе важное и существенное для предмета изслѣдованія, но необходимо отмѣтить, что главный источникъ—книги Барской юрисдикціи—обнимаютъ лишь нѣсколько десятилѣтій XVIII в., который и послужилъ исходной точкой для изслѣдованія. Многочисленныя данныя, занесенныя въ другія книги подольскія (каменецкія и особенно летичевскія) и въ акты коронной метрики, представляютъ богатый матеріалъ собственно для исторіи землевладѣнія, но драгоцѣнную особенность барскихъ книгъ составляютъ бытовыя подробности, почти цѣликомъ отсутствующія въ другихъ первоисточникахъ. Отмѣтимъ еще, что въ изданіяхъ г. Яблоновскаго (Źródła Dziejowe t. V и XIX) и въ Архивѣ Ю. З. Р. также приведенъ основной матеріалъ для общей характеристики землевладѣнія въ Барщинѣ, но по сравненію съ изданными г. Грушевскимъ актами матеріалъ этотъ оказывается далеко недостаточнымъ.

Въ «Кіевской Старинѣ» 1892 г., кн. II, въ статьѣ «Барская околичная шляхта до конца XVIII в. Этнографическій очеркъ», г. Грушевскій представилъ въ живомъ и интересномъ очеркѣ взглядъ свой на причины, останавливающія вниманіе историка на этомъ уголкѣ исторической Подоліи. Въ предисловіи къ настоящему изслѣдованію авторъ подробнѣе развиваетъ высказанныя въ 1892 г. мысли. Южнорусская исторія, обрисованная уже въ общихъ контурахъ трудами прежнихъ историковъ, требуетъ для провѣрки и болѣе прочнаго обоснованія многихъ своихъ положеній возможно-детальныхъ изслѣдованій, которыя, на ряду съ широкимъ примѣне-

ніемъ сравнительнаго метода, одни могутъ удовлетворительно объяснить многіе весьма важные вопросы, доселѣ рѣшаемые совершенно различно, смотря по тому, подъ какимъ угломъ зрѣнія разсматриваются. Для дальнѣйшей работы необходимы новые запасы фактовъ, провѣренныхъ, очищенныхъ, систематизированныхъ для болѣе широкихъ обобщеній. Детальное изученіе явленій внутренней исторіи въ ихъ территоріальной связи имѣютъ при этомъ особо важное значеніе: «это будутъ какъ-бы пробныя скважины, дающія возможность прослѣдить въ почвѣ расположеніе пластовъ». Оригинальныя особенности бытоваго уклада барской околичной шляхты, по мнѣнію автора, восходятъ своимъ началомъ къ весьма отдаленнымъ временамъ, временамъ до распространенія польской культуры и польскаго права, покрывшихъ своимъ налетомъ туземное прошлое. Заинтересовавшись барской околичной шляхтой XVIII в., авторъ пришелъ къ изученію колонизаціи, организаціи землевладѣнія, сословныхъ отношеній и мѣстнаго управленія въ этомъ краѣ отъ начала введенія польскаго права. Но главною задачею автора была систематическая обработка документальнаго матеріала, частью изданнаго нынѣ, которая, по мысли изслѣдователя, должна дать новый запасъ фактовъ для изученія вопроса о воздѣйствіи польскаго государства и общества на общественную жизнь Южной Руси (предисловіе, I—III. Цитируемъ по отдѣльному изданію).

Очерку внутренней исторіи барскаго староства XVIII в. посвящены двѣ послѣднія главы изслѣдованія г. Грушевскаго (стр. 309—398). Предыдущія главы касаются колонизаціи юго-восточнаго Подолья въ XV—XVI в., исторіи туземныхъ шляхетскихъ родовъ, организаціи служилаго землевладѣнія, сословнаго строя и мѣстнаго управленія до обращенія староства въ частное владѣніе въ XVII в. Главы I и IV—вводнаго характера: цѣль ихъ—представить судьбу колонизаціи и общественнаго строя на Подольи до польскаго занятія и сравнительную характеристику управленія и служилаго землевладѣнія въ Галичинѣ и Подольи XIV—XV в.

Нельзя не признать, что задача поставлена авторомъ достаточно широко и что удовлетворительное разрѣшеніе ея представляетъ затрудненія чрезвычайныя при наличномъ запасѣ данныхъ для древнѣйшей внутренней исторіи Подолья. Выясненіе органической связи явленій на протяженіи пяти вѣковъ—такова если не главная, то существенная задача, которою задается трудолюбивый изыскатель. Остановимся поэтому нѣсколько подробнѣе на двухъ

объяснительныхъ экскурсахъ автора въ область древнѣйшей исторіи (стр. 1—31 и 126—169).

Объясняющее значеніе могутъ имѣть, конечно, лишь данныя и отношенія строго установленныя, провѣренныя и систематизированныя. Между тѣмъ, относительно, напр., этнографическаго состава древнѣйшаго населенія Подолья мы донынѣ бродимъ въ потемкахъ, и выдвинутая авторомъ теорія отдѣльности ульцевъ отъ улучей (стр. 9) едва-ли можетъ помочь дѣлу. Весьма гадательны и предположенія о причинахъ вѣроятнаго соединенія Подолья съ Понизьемъ подъ татарскимъ захватомъ (стр. 17), сомнительны и догадки о добровольномъ подчиненіи татарамъ и о томъ, что населеніе видѣло въ переходѣ къ «зверхности татарской» прямую выгоду для себя (стр. 18). Автора очевидно смущаютъ таинственные болоховцы, но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что этнографическій составъ ихъ—вопросъ темный въ исторической наукѣ. Мы сильно опасаемся за вѣрность предположенія автора, будто-бы «стремленіе населенія къ широкой общинной автономіи, побудившее его къ подчиненію татарскому верховенству, нашло себѣ, надо думать, полное удовлетвореніе» и что татарскіе дѣдичи Подолья, въ своихъ интересахъ, могли только покровительствовать этому теченію. Если-бы это было такъ, то нелегко понять роль князей Корятовичей послѣ пораженія татаръ на Синей Водѣ. Соображенія автора о тюркскомъ этнографическомъ вліяніи крайне неопредѣленны и ничего объяснить не могутъ. Впрочемъ, на стр. 20 авторъ не замедлилъ разрушить татарскую идиллію, и весь экскурсъ въ эту область не даетъ ничего осязательнаго въ смыслѣ объясненія внутренняго уклада Подолья въ XIV в. Не менѣе неясностей представляетъ и очеркъ литовскаго занятія. По мнѣнію автора, мѣстное самоуправленіе должно было по прежнему остаться въ вѣдѣніи общинъ и ихъ представителей, но новая военно-административная организація неминуемо вносила нѣкоторыя измѣненія и въ строй общинъ (стр. 21). Въ сущности, это не болѣе, какъ заключеніе отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному. Существовала-ли на Подоліи укрѣпленные замки до Корьятовичей? Авторъ готовъ признать извѣстіе лѣтописи о постройкѣ этихъ замковъ князьями тенденціознымъ и въ послѣдующемъ изложеніи неоднократно высказываетъ предположеніе, что замковыя повинности установились на Подольи еще до литовскаго занятія, но въ подтвержденіе этой догадки никакихъ данныхъ не приводится и едва-ли ихъ и удастся добыть когда нибудь. Не вполнѣ вразумительно для насъ, почему

правленіе Корьятовичей должно было имѣть консервативный характеръ и въ чемъ заключалось усиленіе ими задатковъ сословности. Въ концѣ концовъ, въ первой объяснительной главѣ представляется цѣннымъ лишь то, что въ ней ново, а именно—нѣкоторыя данныя о раздачѣ земель при Витовтѣ. Не знаемъ, почему Czarnigrad акта 1442 г. отождествляется съ Аккерманомъ (стр. 25). Думаемъ, что глава I могла бы не войти въ настоящее изслѣдованіе безъ ущерба для послѣдняго.

Не менѣе неудовлетворительною по изложенію и непригодною для поставленной авторомъ цѣли представляется намъ и IV глава: «мѣстное управленіе и шляхетское землевладѣніе въ польской Украинѣ въ XIV—XV в.» По справедливому заявленію автора, для XV в. данныя по этимъ вопросамъ относительно Ровщины очень скудны, почти совершенно отсутствуютъ. Между тѣмъ, изученіе устройства болѣе ранняго времени существенно необходимо для уразумѣнія данныхъ, представляемыхъ XVI вѣкомъ. По мысли автора, недостатокъ этотъ до нѣкоторой степени можетъ быть возмѣщенъ изученіемъ данныхъ о Подольи вообще, а также о Галичинѣ, въ виду того, что «къ этой области раньше были приложены принципы польскаго государственнаго права, и выработанныя нормы здѣсь прилагались затѣмъ къ Подолью» (стр. 127).

Выводимое авторомъ изъ грамотъ князей Корьятовичей сочетаніе воеводскихъ урядовъ со старостинскимъ даетъ изслѣдователю поводъ искать разъясненій и аналогій по этому вопросу въ Галичинѣ, гдѣ подобный порядокъ, будто-бы, устанавливался уже съ половины XIV в. Намъ представляется ошибочною мысль, что аналогій и объясненій этому явленію должно искать только въ современной Галичинѣ. Разъ мы имѣемъ дѣло съ литовскимъ феодальнымъ строемъ, началами котораго должны были руководствоваться первые подольскіе князья, то изслѣдованіе и поиски аналогій должны обнимать прежде и главнѣе всего какъ исконныя литовскія земли, такъ и бывшія русскія княжества, завоеванныя литовцами. Подробное развитіе этой мысли завело-бы насъ далеко; для краткости сошлемся хотя-бы на изслѣдованіе г. Любавскаго «Областное дѣленіе лит.-русскаго государства», гл. II и IV. Подобное расширеніе круга аналогій, быть можетъ, и представляетъ нѣкоторыя затрудненія въ методологическомъ смыслѣ, но оно способно дать большую устойчивость сужденіямъ, нежели ограниченіе этого круга Галичиной. Въ самомъ дѣлѣ, для объясненія особенностей галицкаго управленія на-

шему изслѣдователю приходится излагать схему чисто-польскаго управленія и суда, но и для этого свѣдѣнія оказываются скудными и недостаточными: неизвѣстно, существовалъ-ли повсемѣстно судья замковый, невыяснены предѣлы каштелянской юрисдикціи и ея отношенія къ суду князя въ ранній періодъ, неясно происхожденіе старостинской власти, замѣчается двойственность въ гродской и земской юрисдикціи, неясны предѣлы юрисдикцій. Переходя къ Галичинѣ, оказывается, что отношенія старостъ земель и повѣтовъ къ старостѣ генеральному въ XV в. неясны, неясна градація и воеводскихъ урядовъ, неясно отношеніе суда воеводы къ суду старосты. Выдѣлить въ этомъ процессѣ непрерывнаго развитія элементы польскаго и русскаго правосознанія оказывается невозможнымъ. Какую же пользу могутъ принести эти «аналогіи» для объясненія подольскаго администативно-судебнаго уклада? Авторъ, напр., не рѣшается разрѣшить вопросъ, былъ-ли введенъ Корьятовичами новый строй по образцу Галичины, или основывался онъ на прежнихъ мѣстныхъ традиціяхъ (стр. 142). Изъ того обстоятельства, что въ каменецкой грамотѣ 1374 г. подольскій староста не упомянутъ, авторъ выводитъ предположеніе, что старостинскій урядъ, быть можетъ, составлялъ нововведеніе Корьятовичей, а раньше высшими представителями власти были воеводы (стр. 143). При этомъ упущено изъ виду, что въ грамотѣ 1375 г. староста уже упомянутъ, что одновременное существованіе въ Каменцѣ старостъ и воеводъ въ этомъ періодѣ ничѣмъ не установлено и что сами Корьятовичи имѣли пребываніе въ Каменцѣ. Весьма возможно поэтому, что въ этомъ періодѣ подольскій воевода именовался безразлично и воеводой и старостой. Повторяемъ, все это—гаданія, ничего не объясняющія. На основаніи этого внѣшняго сходства названій урядниковъ, авторъ находитъ возможнымъ предложить «нѣкоторыя реконструкціи подольскаго устройства по модели галицкой». «Староста каменецкій, стоявшій во главѣ края, соединялъ въ рукахъ своихъ функціи административно-военныя съ широкою юрисдикціею, простиравшеюся на всѣ классы мѣстнаго населенія». Реконструкція ошибочная, потому что въ грамотѣ 1374 г., подлинность которой не отвергаетъ авторъ, именно предусмотрѣнъ случай ограниченія воеводской юрисдикціи. (Такое же ограниченіе можно видѣть и въ грамотѣ 1392 г.). Далѣе въ зависимости отъ старосты находились воеводы, а въ Каменцѣ воевода перешелъ въ положеніе старостинскаго намѣстника. Въ составъ старостинскаго и воеводскаго судовъ входилъ, вѣроятно,

и судья, и т. п. Намъ кажется, что для подобной реконструкціи in partibus не было нужды обращаться въ Галичину, гдѣ въ то время еще и не выработался опредѣленный типъ административно-судебной организаціи. Невѣроятнымъ является и предположеніе автора объ одновременномъ введеніи польскихъ учрежденій и польскаго права на Подольи и въ Галичинѣ, невѣрно и утвержденіе, что каменецкій повѣтъ въ грамотахъ иногда обозначаетъ тоже, что и подольская земля (стр. 146). Какъ бы то ни было, мы вращаемся здѣсь въ заколдованномъ кругѣ гаданій, рѣшительно непригодныхъ для поставленной авторомъ задачи.

Такимъ же гадательнымъ и неопредѣленнымъ характеромъ отличаются и соображенія автора о происхожденіи шляхты привилегированной и непривилегированной (стр. 150 см.) Аналогія съ Галицкой Русью опять ничего не уясняетъ, и автору волей-неволей приходится лишь констатировать данныя актовъ. Кажется намъ, что и въ настоящемъ случаѣ автору слѣдовало-бы искать аналогій не только въ Галичинѣ, но и въ Литовской Руси. Безусловно ошибочною представляется догадка автора, что обязательное пребываніе въ дарованныхъ земляхъ имѣетъ цѣлью «установленіе правительственнаго контроля, въ политическихъ видахъ, надъ составомъ населенія», т. е. «преслѣдуетъ не просто колонизаціонныя цѣли, а сословно-національный подборъ населенія» (стр. 161). Дѣло въ томъ, что колонизація польскаго Подолья преслѣдовала въ раннее время прежде всего военныя цѣли, отсюда и всѣ ея особенности, вполнѣ удовлетворительно объясняемыя съ этой точки зрѣнія. Далѣе, въ изданныхъ авторомъ актахъ и въ актахъ, извѣстныхъ ранѣе, мы не встрѣтили для даннаго періода указаній на залоговыя сдѣлки, подъ видомъ записей in tenutam, выручавшія королей изъ денежныхъ затрудненій. Намъ кажется, что въ изложеніи данныхъ актовъ слѣдуетъ строго держаться прямого ихъ смысла, не прибѣгая къ толкованіямъ произвольнымъ и тѣмъ болѣе къ анахронистическимъ.

Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что формы условнаго держанія земель въ польской Украинѣ были, вѣроятно, выработаны текущими нуждами польской политики, а не заимствованы съ запада (стр. 165). Намъ кажется, что отрицать заимствованіе феодальныхъ формъ съ запада едва-ли возможно и что точно также нельзя отвергать вліянія галицкой практики на отношенія зап. Подолья, но ходъ этого вліянія требуетъ строгаго изученія, котораго не даетъ настоящее изслѣдованіе. Аналогіи ни мало не по-

могли нашему автору и въ изложеніи генезиса шляхетскаго землевладѣнія: грань между землевладѣніемъ привилегированнымъ и непривилегированнымъ осталась непроведенною даже въ общихъ чертахъ; украинная шляхта, по словамъ автора, осталась въ неопредѣленной позиціи, приближаясь къ положенію полупривилегированныхъ землевладѣльцевъ, въ родѣ войтовъ, волоскихъ князей, замковыхъ служекъ и т. п. (стр. 169). Все это достаточно неопредѣленно и ничего не объясняетъ.

Съ гораздо большимъ интересомъ и пользою читаются прочія главы обширнаго изслѣдованія г. Грушевскаго, посвященныя заселенію Барщины въ XV и началѣ XVI в., дѣятельности королевы Боны, исторіи шляхетскихъ родовъ, исчисленію и характеристикѣ населенія староства и, наконецъ, измѣненіямъ во внутреннемъ устройствѣ послѣдняго до конца XVIII в. Сводка актовыхъ данныхъ въ связи съ общими историческими указаніями требовала отъ автора бездны труда и времени и, въ общемъ, поставленная имъ непосредственная задача описательнаго характера выполнена удовлетворительно. Тѣмъ не менѣе и здѣсь нельзя не отмѣтить значительнаго недостатка въ изложеніи: авторъ охотно выставляетъ положенія, для которыхъ нѣтъ достаточныхъ основаній въ документальномъ матеріалѣ (таковы, напр., категорическія, но вполнѣ неправдоподобныя утвержденія его о тенденціозномъ характерѣ польской правительственной колонизаціи—стр. 59 сл.); съ другой стороны, много вредитъ ясности эклектическая манера разработки вопросовъ затруднительныхъ или неясныхъ. Желаніе разъяснить вопросъ возможно обстоятельнѣе приводитъ иногда къ результатамъ прямо противоположнымъ: за положеніемъ слѣдуютъ оговорки и смягченія, все это снабжается догадками, въ подтвержденіе которыхъ выдвигаются данныя неполныя или двусмысленныя, и читатель остается въ недоумѣніи, какого же собственно мнѣнія держится авторъ. Намъ кажется, что въ работѣ по существу описательной, легко избѣжать подобныхъ досадныхъ недостатковъ, поступившись желательной полнотой и прямо оставляя пробѣлы въ пунктахъ сомнительныхъ. Но всѣ эти недостатки не могутъ имѣть вреднаго значенія въ научномъ смыслѣ, такъ какъ внимательный читатель благодаря автору можетъ провѣрить всѣ контроверсіи по актамъ, поистинѣ драгоцѣннымъ, и составить собственное понятіе по интересующему его вопросу.

Приведенныя частныя замѣчанія по поводу книги г. Грушевскаго отнюдь не умаляютъ значенія сдѣланнаго имъ цѣннаго вклада

въ сокровищницу нашей южно-русской исторіи. Безъ сомнѣнія, автору предстоитъ много еще потрудиться на этомъ поприщѣ. Поэтому то мы и позволимъ себѣ выразить искреннее пожеланіе молодому ученому въ будущихъ его работахъ избѣгать эклектической манеры изложенія, способной реальные факты дѣйствительности превратить въ неосязательный и ни для кого неубѣдительный домыселъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ львовскомъ журналѣ «Przewodnik naukowy i literacki» за текущій годъ начато печатаніемъ изслѣдованіе г. Михаила Ролле: «Okręg Rowski—Starostwo Barskie. Przyczynek do geografii historycznej Podola.» Повидимому, при составленіи напечатанныхъ уже первыхъ трехъ главъ авторъ еще не былъ знакомъ съ трудомъ г. Грушевскаго, о чемъ должно пожалѣть.

Н. М.

„Русская фабрично-заводская промышленность". Н. А. Карышева. (Русск. Богат. 1894 г. № 11 и 12).

Въ 80-хъ годахъ статистико-экономическая публицистика наша выдвинула на видное мѣсто еще одного представителя въ лицѣ дерптскаго профессора (съ 1891 г.) *Н. А. Карышева.* Капитальное изслѣдованіе послѣдняго: «*Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель въ Зап. Европѣ*», вышедшее въ 1885 г.; затѣмъ позднѣйшія работы его въ покойномъ «*Юридическомъ Вѣстникѣ*» о *внѣнадѣльныхъ арендахъ* (вышедшія отдѣльной книгой) и о нашей *фабрично-заводской промышленности* за 20-лѣтіе 1865—1884 г. сдѣлали имя его достаточно популярнымъ въ средѣ читающей публики, интересующейся экономическими судьбами русскаго народа.—Въ послѣдніе годы почтенный профессоръ работы свои помѣщаетъ въ журналѣ: «Русское Богатство», на страницахъ котораго (помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ очерковъ) напечатанъ цѣлый рядъ его статистико-экономическихъ изслѣдованій подъ общимъ скромнымъ заглавіемъ: «*Народно-хозяйственные наброски*». Съ одной (XVI) изъ главъ этихъ «*набросковъ*» о «*русской фабрично-заводской промышленности въ 1885—1891 г.*», составленной по даннымъ издаваемаго ежегодно департаментомъ торговли и мануфактуръ «*Свода данныхъ о фабрично-заводской промышленности*» [1]) и напечатанной въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ Р. Бог.» за истекшій годъ, мы позволимъ себѣ

---

[1]) „Сводъ" за 1891 г. вышелъ только въ половинѣ 1894 года.

познакомить нашихъ читателей, извлекая преимущественно тѣ любопытныя данныя, которыя касаются Малороссіи, Новороссіи и Юго-Западнаго Края.

Въ 1891 г. во всей Россійской Имперіи (за исключеніемъ Финляндіи) промышленныхъ единицъ насчитывалось 126.029 съ общимъ числомъ рабочихъ въ 1.022.441 чел. Одна такая единица, стало быть, приходится на 878 человѣкъ, а весь фабрично-заводскій людъ составляетъ $0,_{92}$ % населенія Россіи, простиравшагося въ 1890 г. (безъ Финляндіи) до 110.628,676 челов.

Само собой разумѣется, въ разныхъ раіонахъ Россійской Имперіи индустрія распредѣлена далеко не равномѣрно. 1-е мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ *Царство Польское*, гдѣ одна промышленная единица приходится на 480 челов., а фабрично-заводскіе рабочіе составляютъ $1,_{6}$ % населенія; 2-е мѣсто принадлежитъ *Европ. Россіи*, гдѣ одна и таже единица приходится на 831 челов., а контингентъ фабрично-заводскихъ рабочихъ составляетъ 1 % населенія. Значительно слабѣе развита промышленность на *Кавказѣ*, въ *Сибири* и въ *Туркестанскомъ* краѣ: здѣсь одна пром. единица приходится: на 2512, на 3132 и 4228 чел,, а фабрично-заводскіе рабочіе составляютъ: $0,_{22}$ %,—$0,_{19}$ % и $0,_{07}$ % населенія.

Въ вышеуказанный общій итогъ 126.029 промышленныхъ единицъ входятъ: 22669 «*крупныхъ*» единицъ, къ каковымъ авторъ относитъ фабрики и заводы съ годовою производительностью болѣе 1000 руб., и 103.360 «*мелкихъ*» единицъ съ годовою производительностью менѣе 1000 руб.—Изъ общаго вышеприведеннаго числа рабочихъ приходится: на долю «*крупныхъ*» единицъ 878580 чел. ($85,_{9}$ %), или въ среднемъ на одну крупн. единицу $38,_{7}$ рабочихъ; на долю же «*мелкихъ*» единицъ остается 143861 рабочій ($14,_{1}$ %) или, въ среднемъ, на одну мелк. единицу $1,_{4}$ чел.

Понятно, что «крупныя» и «мелкія» промышленныя единицы распредѣлены по разнымъ раіонамъ неравномѣрно. Въ 50-ти внутреннихъ губерніяхъ Евр. Россіи находимъ *относительно* большее число мелкихъ пром. единицъ, чѣмъ крупныхъ (первыхъ $83,_{2}$ % общаго ихъ числа по Имперіи, вторыхъ же $73,_{8}$ % этого числа); въ *Царствѣ Польскомъ*, на *Кавказѣ*, въ *Сибири* и въ *Туркестанѣ относительное* число кр. единицъ больше соотвѣтственнаго количества мелкихъ. Другими словами, «на окраинахъ приложеніе болѣе круп-

ныхъ капиталовъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ центрѣ».—По числу рабочихъ и по высотѣ годовой производительности кр. пром. единицы въ *Евр. Россіи* значительно крупнѣе, чѣмъ въ остальныхъ полосахъ, какъ наглядно показываетъ слѣдующая табличка:

Районы.	Среднее число рабочихъ на фабрикахъ. крупныхъ.	мелкихъ.	Средняя годовая производительность на крупныхъ фабрикахъ
Въ 50 вн. губерніяхъ Европ. Россіи	44,6	1,4	66100 руб.
Привислянскій край	32,2	1,2	54500 „
Кавказъ	10,6	1,3	24100 „
Сибирь	12,2	1,7	15400 „
Туркестанъ	8,2	1,3	25700 „
Среднее	38,8	1,4	59800 „

Для лучшей оріентировки авторъ бросаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое нашей фабрично-завод. промышленности, при чемъ оказывается, что не только абсолютный, но и относительный ростъ числа фабрикъ у насъ составлялъ явленіе постоянное съ начала царствованія Екатерины II вплоть до 1865 года. Такъ, изъ данныхъ *Военно-Статистическаго Сборника* видно, что число нашихъ фабрикъ возросло: за 43 года (1762—1804 г.) на 2222 (въ среднемъ въ годъ на 52); за 21 годъ (1805—1825) на 2838 (въ средн. на 136 въ годъ); за 25 лѣтъ (1826—1850) на 4582 (въ сред. на 183 въ годъ), а за 3 послѣднихъ года этого періода (1863—1865) на 6355 (въ средн. въ годъ на 2118).—Что же касается средняго числа рабочихъ на одну фабрику, то (оставляя въ сторонѣ начальный періодъ, данныя за который сомнительны) можно сказать, что оно оставалось безъ измѣненія, а въ послѣднее время даже уменьшалось. А средняя годовая производительность каждой промышленной единицы втеченіе всего столѣтія *систематически падала*: въ 1765 г. она составляла 21 тыс. р., въ 1804 г.—19 тыс., въ 1825 г.—17 т. р., въ 1850 г.—21 т. р., въ 1863 г.—18 т. р.—Но если въ теченіе этого продолжительнаго періода средніе размѣры промышленныхъ предпріятій сокращались, то за 20-лѣтіе 1865—1884 г. замѣчалось какъ-разъ обратное явленіе: въ этотъ сравнительно небольшой періодъ размѣры пром. предпріятій, благодаря введенію

въ работу машинъ, расширялись; хотя число фабрикъ увеличилось за это время всего на 2% (съ 82.004 до 83.567), но число занятыхъ на нихъ рабочихъ возрасло на 25% (съ 906,578 до 1.136,656), а годовая производительность—на 107% (съ 640,2 мил. р. до 1.322 мил.). За неимѣніемъ данныхъ для размѣровъ годовой производительности мелкихъ пром. единицъ для семилѣтія 1885—1891 г., составляющаго предметъ послѣдняго изслѣдованія автора, такого вывода сдѣлать нельзя; но относительно роста *числа* пром. единицъ и рабочихъ можно сказать, что онъ и въ это время продолжался безпрерывно: число первыхъ возросло съ 60993 до 126039, а число послѣднихъ—съ 782395 до 1.022451. Стало быть, въ то время какъ въ предшествовавшее 20-лѣтіе число рабочихъ возросло въ 12½ разъ больше, чѣмъ число пром. единицъ, въ послѣднее семилѣтіе число промышленныхъ единицъ возросло больше, чѣмъ число рабочихъ; это значитъ, что среднее число рабочихъ на одну промышл. единицу за это время уменьшилось: въ 1885 на нее приходилось 12,8 рабочихъ, а въ 1891 г.—8,1. Рядомъ съ этимъ въ это семилѣтіе въ крупной нашей индустріи (за исключеніемъ *Туркестана*) сокращались размѣры предпріятій, а въ мелкой индустріи происходило дальнѣйшее ея размельчаніе. И такъ, не взирая на всяческое покровительство и всевозможныя поощренія, оказывавшіяся въ то время нашей фабрично-заводской промышленности (учрежденіемъ мануфактуръ коллегіи, охранительнымъ тарифомъ 1822 г., всевозможной покровительственной пошлиной, золотой пошлиной и т. п.), *относительное* количество крупныхъ промышленныхъ единицъ у насъ, въ среднемъ, поднято, а *относительное* количество мелкихъ возрастаетъ, при чемъ,—какъ видно изъ данныхъ, касающихся средней годовой производительности и средняго числа рабочихъ на 1 пром. единицу въ разныхъ отрасляхъ промышленности,—послѣднія мельчаютъ въ это семилѣтіе *больше прежняго*.

Такъ какъ въ матеріалѣ, которымъ пользовался авторъ, данныя для мелкой промышленности отсутствуютъ, то въ дальнѣйшемъ анализѣ нашей фабрично-завод. промышленности онъ ограничивается одной лишь *крупной* промышленностью.—Изъ таблицы, составленной имъ (въ алфавитномъ порядкѣ) для 60 губерній *Евр. Россіи*, мы видимъ, что особенно интересующія насъ губерніи занимаютъ въ ней отнюдь не послѣднія мѣста. Выражая годовую производительность въ милліонахъ рублей, движеніе средней годовой производительности

этихъ губерній, расположенныхъ нами въ порядкѣ *убывающаго* размѣра этой производительности, представляется въ такомъ видѣ:

Губерніи.	Годы. 1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	Среднее за 7 л.	Мѣсто, занимаемое по размѣру средней годовой производительности.
Херсонская	30,9	28,6	30,7	29,6	38,5	32,7	31,6	31,8	6
Кіевская	30,1	26,4	25,3	32,3	33,8	33,3	32,0	30,0	8
Харьковская	17,9	16,2	17,8	20,4	19,5	21,0	21,9	19,3	13
Екатеринославская	12,5	12,9	15,4	10,5	10,9	18,3	21,1	14,5	18
Черниговская	12,3	10,4	12,5	11,4	12,0	12,1	13,0	12,0	21
Подольская	12,3	11,7	11,5	9,6	9,9	10,5	16,0	11,5	23
Донская	0,4	1,4	1,5	20,6	23,3	14,7	13,5	10,9	24
Волынская	4,5	5,2	4,0	5,6	9,9	6,6	8,1	6,3	33
Полтавская	4,4	4,0	5,0	4,3	5,6	7,3	7,2	5,4	38
Бессарабская	4,1	4,0	4,0	6,8	4,0	5,0	5,6	4,8	40
Таврическая	2,6	3,0	3,1	4,1	5,5	3,5	4,4	3,9	43

Соединивъ эти губерніи въ 3 района, мы получаемъ слѣдующую табличку:

Новороссія (6, 18, 24, 40 и 43)	50,5	49,8	54,7	71,6	82,2	74,1	76,2	65,8
Юго-Запад. (8, 23 и 33)	46,9	43,3	40,7	47,4	53,6	50,4	56,1	47,8
Малороссія (13, 21 и 38)	34,6	30,6	35,1	36,1	37,1	40,4	42,1	36,7
Итого	132,0	123,7	130,7	155,1	172,9	164,9	174,4	150,3

Если мы выдѣлимъ губерніи *Московскую*, *С.-Петербургскую*, *Владимірскую* и *Петроковскую*, въ истекшее семилѣтіе въ общей сложности выпускавшія въ среднемъ въ годъ на 572,7 мил. руб. или 50,0% общей средней производительности всѣхъ 60 губерній [1]), то средняя годовая производительность остальныхъ 56 губерній составитъ 555,7 мил. р., т. е. средняя годовая производительность приведенныхъ 11 губерній составляетъ 27% ср. год. производительности всѣхъ 56 губерній. А такъ какъ средняя годовая производительность каждой изъ этихъ 56 губерній, при общей сложности, составляетъ 9,9 мил. р., то стало быть средняя год. производ. 7 изъ приведенныхъ 11 губерній значительно превышаетъ эту среднюю, да и изъ остальныхъ 4 губерній ни въ одной ср. год. производительность не падаетъ ниже 3,9

[1]) Изъ этихъ 572,7 мил. руб. почти 2/5 (228,3 м.) приходится на одну *Московскую* губ. да слишкомъ 1/4 (148,7 м.) на *Петербургскую* губ.

мил. р. между тѣмъ какъ колебанія въ этихъ 56 губерніяхъ *вообще* имѣютъ мѣсто въ предѣлахъ между 48,6 мил. р. (*Варшавская* губ.) и 0,8 м. р. (*Сувалкская* губ.), а болѣе *трехъ пятыхъ* этихъ губерній (35 изъ 60) имѣютъ среднюю годовую производительность ниже 9,9 милл. руб.

Детальный анализъ статистическихъ данныхъ приводитъ автора къ выводу, что наше фабрично-заводское дѣло имѣетъ *8 „гнѣздъ“*: *первое* (и самое главное) сосредоточивается вокругъ *Москвы*[1]) съ средней годовой производительностью въ 404,4 мил. р.; *второе*—тяготѣетъ къ *Петербургу* и средняя годовая производительность трехъ охватываемыхъ имъ губерній[2]) составляетъ 191,9 мил. р.; *третье*—находится въ *Привислянскихъ* губерніяхъ[3]) и имѣетъ ср. год. производительность въ 144,7 милл. р.; *четвертое*—на Югѣ[4]) съ ср. г. произв. въ 81,4 милл. р.; *пятое*[5]) съ производствомъ въ 31,5; *шестое*[6])—22,6 м. р.; *седьмое*[7])—16,4 милл. р. и *восьмое*[8])—14,5 мил. р.—Въ этихъ „гнѣздахъ“ господствуютъ слѣдующія производства: въ I, обраб. волокн. веществъ; во II, обработка хлопка, производства металлическія, водочное, лѣсопильное и мукомольное; въ III, обраб. волокн. вещ., производства металлическія, сахаро-рафинадное и водочное; въ IV, сахаро-раф., машиностроительное, шерстомойное и мукомольное; въ V, металлическія, сахаро-рафинадное, и муком.; въ VI, металлическія и муком.; въ VII, обраб. питательныхъ продуктовъ, и въ VIII желѣзодѣлат., машиностр. и муком.

Анализируя движеніе цифръ стоимости продуктовъ въ каждой губерніи по годамъ, авторъ приходитъ къ такому выводу: только въ 20 (изъ 60) замѣтно болѣе или менѣе *безостановочное развитіе* крупной индустріи; въ 22—послѣдняя оставалась въ *застоѣ*, а въ остальныхъ 18 губ. «прогрессъ, регрессъ и застой фабрично-завод-

---

1) Губерніи: *Московская*, *Владимірская*, *Тверская*, *Ярославская* и *Костромская*.

2) *Петербургской*, *Лифляндской* и *Эстляндской*.

3) Губерніи: *Петроковская* и *Варшавская*.

4) Губерніи: *Кіевская*, *Харьковская* и *Херсонская*.

5) Губерніи: *Тульская* и *Орловская*.

6) Губернія *Пермская*.

7) Губернія *Саратовская*.

8) *Екатеринославская* губернія.

скаго дѣла сочетались въ весьма прихотливыхъ комбинаціяхъ».—Изъ выше-выдѣленныхъ нами 11 губерній, какъ видитъ читатель изъ приведенной таблички, къ числу *прогрессирующихъ* губерній принадлежатъ *Екатеринославская* и *Харьковская*, увеличившія за разсматриваемый періодъ свою производительность—первая на $68{,}_8\%$ и послѣдняя—на $22{,}_2\%$; къ группѣ *застоя*: *Бессарабская*, *Волынская*, *Херсонская* и *Черниговская*; изъ остальныхъ 5 губерній, которыя д. б. отнесены къ III группѣ, *Полтавская* принадлежитъ къ той подгруппѣ губерній, въ которыхъ замѣчается сначала застой, а затѣмъ расширеніе крупной промышленности; *Таврическая*—наоборотъ—къ той, въ которой наблюдалось оживленіе, а затѣмъ застой; *Подольская*—къ той подгруппѣ губерній, въ которыхъ сначала появлялся упадокъ, а потомъ развитіе; *Донская* область—къ той, въ которой замѣтно было въ началѣ развитіе, а потомъ—упадокъ; наконецъ, *Кіевская*—къ тѣмъ, въ которыхъ въ началѣ проявлялся упадокъ, а потомъ застой.

Изъ дальнѣйшаго анализа заводско-фабричной промышленности нашей по тѣмъ 8 основнымъ группамъ, на которыя она подраздѣляется [1]), оказывается, что какъ въ предшествовавшее 20-лѣтіе, такъ и въ періодъ 1885—1891 г. число фабрикъ продолжало *безпрерывно возрастать*. Нѣкоторое исключеніе составляютъ лишь группа V, представляющая за 4-лѣтіе 1887—1890 г. уменьшающійся рядъ, и гр. VI, не обнаруживающая никакой *опредѣленной* тенденціи ни въ ту, ни въ другую сторону.—Что касается другихъ двухъ элементовъ, характеризующихъ размѣры производства (годовая производительность и число рабочихъ), то, значительно отличаясь въ колебаніяхъ своихъ отъ колебанія числа промышленныхъ единицъ, они между собою представляютъ сходныя колебанія. Въ тѣхъ трехъ группахъ, роль которыхъ въ русской промышленности наименѣе важная (VI, VII и VIII), *послѣдовательно увеличивается* производство; остальныя же пять группъ, значеніе которыхъ въ нашей промышленности наиболѣе

---

[1]) Группы эти—слѣдующія: I. Обработка волокнистыхъ веществъ (сюда причисляется и бумажное производство); II. Металлическое производство; III. Обработка питательныхъ продуктовъ; IV. Керамическое производство; V. Обработка животныхъ продуктовъ; VI. Обработка дерева; VII. Химическое производство и VIII. Прочія производства (экипажное, резиновыхъ издѣлій, минеральныхъ маслъ, асфальта и толя, карандашныя и др.).

существенно, во 2-ю половину разсматриваемаго періода въ *общемъ уменьшаютъ* и годовую производительность, и число рабочихъ.

Наиболѣе существенными группами нашей индустріи въ періодъ 1885—1891 г. являются I, III и II, охватывающія $84,_2$% годовой производительности всей нашей крупной промышленности. Но и эти три группы, по размѣрамъ производства, имѣютъ далеко не одинаковое значеніе: цѣлая половина общей ихъ производительности приходится на одну первую группу, въ составъ которой входитъ 25 различныхъ производствъ, изъ числа коихъ три производства: *бумагопрядильное* (съ бумаготкацкимъ), *красильное и набивное*, да *шерстоткацкое и суконное* поглощаютъ подавляющую часть годовой производительности всей группы—$380,_2$ милл. р. изъ $503,_9$ милл. ($75,_4$%). Изъ этихъ трехъ производствъ опять таки одно—бумагопрядильное (съ бумаготкацкимъ) поглощаетъ $233,_7$ милл. р., оставляя на долю красильнаго и набивного $73,_8$ милл., а шерстоткацкаго и суконнаго $72,_7$ милл. руб.

Изъ 16 производствъ, входящихъ въ составъ группы III, также три производства поглощаютъ $83,_8$% производительности всей группы: изъ средней годовой производительности всей группы въ $366,_5$ милл. р. приходится: на производство *мукомольное*—$155,_8$ милл. р., *сахарорафинадное*—$85,_5$ милл. и *водочное*—$64,_7$ милл, р.

Обращаясь къ групѣ *металлическихъ* производствъ (II), мы видимъ, что изъ входящихъ въ ея составъ 8 производствъ по высотѣ годовой производительности выдѣляются два: *машиностроительное* и *желѣзодѣлательное* (со сталелитейнымъ и рельсовымъ): изъ средней годовой производительности всей группы въ 136 милл. руб. на ихъ долю приходится $93,_4$ милл. р. ($68,_7$%)—на первое $59,_8$ милл. р. и на второе—$33,_6$ милл. р.

Присоединивъ еще къ указаннымъ производствамъ и относящееся къ V гр. *кожевенное* производство, средняя годовая производительность котораго составляетъ $57,_0$% произв. всей группы ($37,_3$ милл. р.), мы этимъ исчерпаемъ всѣ существеннѣйшія и крупнѣйшія наши производства.

Степень важности перечисленныхъ 9 крупнѣйшихъ производствъ наглядно формулируется въ слѣдующей табличкѣ:

Производства:	Средняя типичная годовая производительность за 7 лѣтъ въ милл. руб.	Процентное отношеніе этой производительности къ общей средней производительности крупной индустріи страны.
1) Бумагопрядильное и бумаготкацкое.	233,7	19,5%
2) Мукомольное	158,8	13,1%
3) Сахаро-рафинадное . . .	85,5	7,1%
4) Красильное и набивное. .	73,8	6,2%
5) Шерстоткацкое	72,7	6,1%
6) Водочное	64,7	5,4%
7) Машиностроительное . . .	59,5	4,9%
8) Кожевенное.	37,2	3,4%
9) Желѣзодѣлательное съ сталелитейнымъ и рельсовымъ .	33,9	2,8%
Итого. .	817,9	68,4%
Всѣ остальныя 87 производствъ.	377,6	31,6%
	1195,5	100,%

Въ предшествовавшее 20-лѣтіе выдающуюся роль играли производства: *бумагопрядильное, сахароваренное, винокуренное и мукомольное.* Таблица показываетъ, что эти производства не потеряли своего значенія и въ послѣднее семилѣтіе; къ нимъ присоединилось только еще 5 новыхъ производствъ, значеніе которыхъ прежде было невелико, да водочное производство заняло уже лишь 6-е мѣсто, уступивъ 4-е и 5-е красильно-набивному и шерсто-ткацкому производствамъ, а мукомольное, занимавшее прежде 4-е мѣсто, передвинулось на второе мѣсто. Въ виду этого авторъ, констатировавшій въ 1889 г., что наша промышленность развивается въ *неправильномъ* направленіи, относительно періода 1885—1891 г. дѣлаетъ предположительный выводъ [1]), что *«въ послѣднее время обрабатывающая промышленность эволюціонировала въ томъ смыслѣ, что въ нѣкоторой степени пошла на встрѣчу добывающей и начала понемногу развивать работу на русскомъ же сырьѣ»*, такъ какъ «естественныя богатства страны и продукты сельскаго хозяйства въ изслѣдуемый періодъ обработывались

[1]) Съ осторожностью истиннаго ученаго авторъ считаетъ всѣ свои выводы *предположительными* въ виду незначительности періода и недостаточной полноты тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался.

крупными фабриками и заводами больше, чѣмъ въ предшествующій»;... «продукты сельскаго хозяйства, въ частности животноводства, и желѣзо стали видными предметами обработки нашей крупной индустріи, мукомольное дѣло развивалось быстрѣе другихъ видовъ производствъ», да и чуждое намъ бумагопрядильное дѣло «не обнаруживало признаковъ постояннаго возрастанія во вторую часть нашего семилѣтія, а сахарно-рафинадное (въ силу искусственныхъ причинъ) развивало свою годовую производительность лишь въ слабой степени.» —Вся совокупность данныхъ, рисующихъ положеніе крупной промышленности въ періодъ 1885—1891 г., заставляетъ автора думать, что «съ одной стороны, вѣроятно, крупная индустрія выполняетъ мелкое домашнее ремесленное производство, привлекаетъ къ себѣ продукты добывающей промышленности и *потому* развиваются однѣ отросли производства; а съ другой они пользуются увеличеніемъ добычи сырыхъ матеріаловъ и *потому* развиваются другія».

Таковы общіе выводы. Обратимся къ нѣкоторымъ изъ болѣе интересныхъ частныхъ итоговъ.

Бумагопрядильное производство (съ бумаготкацкимъ), будучи сконцентрированнымъ въ 20 губерніяхъ, сильно развито лишь въ четырехъ изъ нихъ[1]), Интересно то, что въ то время, какъ изъ общей суммы производительности въ $250_{,8}$ милл. руб. на *Петербургскій* и *Московскій* районы приходится $212_{,7}$ милл. р. ($84_{,8}$%), на *Привислянскій* районъ приходится $37_{,19}$ милл. р. ($14_{,9}$%[2]): не имѣлъ ли авторъ права замѣтить, въ виду этихъ данныхъ, что «шумъ, поднятый фабрикантами Московскаго района о конкурренціи Лодзи и Сосновицъ, и прежде былъ значительно увеличенъ, а теперь долженъ бы и совсѣмъ стихнуть».

Въ только-что указанномъ выдающемся по размѣрамъ крупномъ производствѣ Новороссія, Малороссія и Юго-Западный край вовсе не участвовали. За то участіе ихъ въ *мукомольномъ* производствѣ, не чуждомъ намъ, какъ бумагопрядильное, было довольно замѣтное. — Это производство въ разсматриваемый періодъ имѣло мѣсто въ 75 губерніяхъ, при чемъ максимальный его размѣръ не превышалъ $10_{,9}$ милл. р., и то въ одной лишь *Пермской* губерніи, изъ остальныхъ 74-хъ губерній—въ 12 губ. размѣры его простира-

---

[1]) *Владимірской, Московской, Петроковской и С.-Петербургской.*

[2]) Остальныя $0_{,32}$ милл. р. (0,3%) приходятся на разныя внѣ-районовыя губерніи.

лись отъ 10 до 5 милл. р.,—въ томъ числѣ въ губерніяхъ: *Херсонской*—$6,_6$ милл. р., *Кіевской*—$6,_2$ милл. р., *Бессарабской*—$5,_0$ милл. и *Подольской*—$5,_0$ м.; въ 29 губерніяхъ—отъ 5 до 1 милліона р.,—въ томъ числѣ въ губерніяхъ: *Екатеринославской*—$3,_3$ милл. р., *Таврической*—$2,_3$ м. и *Харьковской*—$2,_0$ милл. р., и—наконецъ, въ 33 губерніяхъ—менѣе 1 милл. р.—Мы видимъ такимъ образомъ, что въ мукомольномъ производствѣ, доставляющемъ сбытъ продуктамъ земледѣлія, *Новороссія* участвуетъ $17,_2$ милл. р., *Юго-Зап. край*—$11,_2$ милл. р. и *Малороссія*—$7,_9$ милл. р.,—а всѣ вмѣстѣ $38,_3$ милл. р. (около $23,_9$% общей производительности).—Географическое распредѣленіе мукомольнаго производства указываетъ на то, что губерніи съ наибольшей годовой производительностью расположены вдоль бассейновъ крупныхъ рѣкъ: *Волги*, *Днѣпра*, *Днѣстра* и др., такъ что на губерніи разныхъ бассейновъ [1]) приходится $89._9$% всего общерусскаго мукомольнаго производства. Это явленіе, имѣвшее мѣсто и въ предшествовавшее 20-лѣтіе, указываетъ на то, что въ мукомольномъ дѣлѣ вліяніе паровой силы слабѣе водяного двигателя; но, по вѣрному замѣчанію автора, разъ производство это приняло характеръ капиталистическаго предпріятія, «массовая замѣна» водяного двигателя паромъ «становится неизбѣжною для безпрерывнаго обращенія вложеннаго въ дѣло капитала».

Выдающееся значеніе для южныхъ губерній имѣетъ *сахаро-рафинадное* производство, сконцентрированное въ 19 губерніяхъ.—Кромѣ столичныхъ губерній, производство это, въ крупной формѣ своей, сконцентрировано въ семи юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ и въ семи привислянскихъ: изъ $88,_8$ милл. р. всего производства на долю первыхъ приходится $52,_4$ милл. р. и на долю послѣднихъ—$18,_8$ милл.; на столичныя губерніи—$18,_8$ милл., а на губерніи съ разбросаннымъ географич. положеніемъ остается $4,_3$ милл. р.—Въ Юго-Западныхъ и Южныхъ губерніяхъ сахаро-рафинадное производство распредѣляется такъ:

---

[1]) Первое мѣсто занимаетъ бассейнъ *Волги и Камы* $=55,_0$ милл. р. $=35$%

Второе	„	„	„	*Днѣпра*	$=24,_3$	„ „	$=15,_3$%
Третье	„	„	„	*Дона и Сѣв. Донца*	$=16,_2$	„ „	$=10,_2$%
Четв.	„	„	„	*Оки*	$=10,_8$	„ „	$=7,_0$%
Пятое	„	„	„	*Днѣстра и Буга*	$=10,_0$	„ „	$=6,_4$%

Далѣе слѣдуютъ болѣе мелкіе бассейны (*Вислы*, *Сейма*, *Волхова*, *Куры* и др.).

Кіевская	губ.	14,6	м.	р.	27,8%	произв.	района	16,5%	общерусской пр.
Харьковская	„	11,2	„	„	21,4%	„	„	12,7%	„ „
Херсонская	„	10,2	„	„	19,5%	„	„	11,6%	„ „
Черниговская	„	7,8	„	„	14,9%	„	„	8,8%	„ „
Подольская	„	5,9	„	„	11,3%	„	„	6,7%	„ „
Волынская	„	2,2	„	„	4,2%	„	„	2,5%	„ „
Екатериносл.	„	0,5	„	„	0,9%	„	„	0,7%	„ „
	Итого	52,4	„	„	100,0%	„	„	59,5%	„ „

Первое мѣсто здѣсь, очевидно, занимаютъ: одна Юго-Западная губернія (*Кіевская*), одна малороссійская (*Харьковская*) и одна Новороссійская (*Херсонская*): эти три губерніи, вмѣстѣ взятыя, имѣютъ годовую производительность въ 36 милл. р. (68,7% производит. всего района и 40,8% обще-русскаго производства).—Печально то, что производство сахаро-рафинадное представляетъ небольшой лишь сбытъ продуктамъ мѣстнаго производства, такъ какъ значительная часть сахарныхъ заводовъ имѣютъ собственныя свекловичныя плантаціи [1]).

Хотя *красильно-набивное* крупное производство, находящееся въ тѣсной географической и технической связи съ бумагопряд. и шерсто-ткацкимъ производствами, охватываетъ 31 губернію, но оно сконцентрировано больше даже, чѣмъ бумаго-прядильное и сахаро-рафинадное производства: изъ общей производительности въ 105,7 милл. р.—89,2 милл. (84,4%) приходится на одинъ *Московскій* районъ [2]); изъ остальныхъ же 27,7 милл. р. 9,04 м. приходится на 5 губ. *Привислянскаго* края,—6,48 м. на 4 губ. *С.-Петербургскаго* района,—0,39 милл. р. на 6 восточныхъ губерній,—0,41 м. на 3 губ. внѣ-район. и, наконецъ, на 6 губерній интересующаго насъ района (*Херсонскую*, *Екатеринославскую*, *Таврическую*, *Харьковскую*, *Кіевскую* и *Подольскую*) приходится всего 0,18 милл. р. или 0,1% всего общерусскаго производства, при чемъ каждая изъ этихъ губерній въ отдѣльности доставляетъ отъ 0,105 до 0,007 милл. рублей.

Можно было бы ожидать, что болѣе благопріятно въ южномъ районѣ положеніе *шерстоткацкаго* производства. Оказывается, однако, не то. Производство это сконцентрировано лишь въ 4 губерніяхъ:

---

[1]) Во второй половинѣ 70-хъ годовъ только около 1/3 продуктовъ доставлялась заводамъ со стороны; съ половины же 80-хъ годовъ величина эта поднялась до 57—58% всей площади (въ среднемъ).

[2]) Да и изъ семи губерній *Московскаго* района *Московская* и *Владимірская* губерніи доставляютъ около 4/5 обще-русскаго производства—85,4 милл. р.

Московской, *Петроковской*, *С.-Петербургской* и *Гродненской*, на долю которыхъ изъ общей производительности въ 72,4 милл. р. приходится 57,4 милл. (79,4%), а затѣмъ уже мелкими долями оно распространено въ большемъ количествѣ губерній; въ числѣ послѣднихъ приходится: на 2 малоросс. губерніи (*Харьковскую* и *Черниговскую*) 1,63 милл., 3 Юго-Зап. (*Кіевскую*, *Волынскую* и *Подольскую*) 0,65 м. на 2 Новоросс. губ. (*Екатеринославскую* и *Бессарабскую*) 0,035 милл. р. Въ такомъ распредѣленіи производства авторъ справедливо находитъ указаніе на то, что развитіе его происходитъ не въ тѣхъ мѣстностяхъ страны, въ которыхъ то представлялось бы ему наиболѣе удобнымъ по условіямъ производства сырья».

Къ сожалѣнію, въ болѣе благопріятномъ положеніи южныя губерніи оказываются по отношенію къ *водочному* производству. Изъ общей суммы производительности въ 83.6 милл., распредѣленной по 64 губерніямъ, на этотъ районъ приходится 11,5 милл. р. (13,8%), а именно: на 3 Юго-Зап. губерніи 7,6 милл. р., на 4 Новоросс. губ. [1])—2,2 милл. и на 2 Малоросс. губ. [2])—1,7 м.

Крупное *машиностроительное* дѣло, замѣтно развивающееся у насъ лишь съ недавняго времени, распространено въ 69 губерніяхъ; главнымъ же «гнѣздомъ» его являются 3 губерніи: *С.-Петербургская*, *Московская* и *Варшавская*, поглощающія изъ общей суммы годовой производительности въ 52,7 милл. р. 31,1 милл. (59%). Изъ остальныхъ 21,6 милл. р., распредѣляемыхъ по 66 губерніямъ, приходится: на *Кіевскую* губ.—2,5 милл. р. на 3 Новоросс. губ. [3])—3,9 м., на *Бессарабскую* и *Таврическую* губерніи—0,8 милл. р. и на Малороссію—0,5 милл. р.—Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что при экстраординарномъ «покровительствѣ», оказываемомъ у насъ машиностроенію, обширная сѣть нашихъ жел. дорогъ развила его всего на 12,6 милл. р., а машиностроеніе пароходства—на 12,7 м. р., сельско-хозяйственное же машиностроеніе нашей обширной земледѣльческой страны поглощаетъ всего 4.7 милл. р.! Интересно, что 1,6 милл. р. или $^1/_8$ всего желѣзнодорожнаго машиностроенія приходится на *Кіевскую* губернію, да больше $^1/_{10}$ машиностроенія пароходства—на 2 Новоросс. губерніи [4]); на Новороссійскій край приходится около $^3/_5$ сельско-хозяйственнаго машиностроенія.

---

[1]) *Донскую*, *Екатеринославскую*, *Херсонскую* и *Таврическую*.

[2]) *Харьковскую* и *Черниговскую*.

[3]) *Херсонскую*—1,7 м. р. *Екатеринославскую*—1,2 м. р. и *Донскую*—1,0 м. р.

[4]) *Херсонскую* и *Донскую*.

Цѣлая четверть *кожевеннаго* производства, распространеннаго въ 79 губерніяхъ, сосредоточена въ *Петербургѣ* и *Варшавѣ*; эти 2 центра вмѣстѣ съ занимающими слѣдующее за ними мѣсто *Вяткой* и *Москвой* изъ 32 милл. р. всего производства поглощаютъ $13,_7$ м. р., оставляя лишь $19,_2$ милл. р. на остальныя 75 губерній, выдающееся мѣсто (2-е) между которыми занимаетъ *Херсонская* губернія съ производствомъ въ $1,_5$ милл. р. и *Кіевская*—съ производствомъ въ 1 милл. р.

Обращаясь, наконецъ, къ производству *желѣзодѣлательному* (со сталелитейнымъ и рельсовымъ), мы видимъ, что послѣ *Урала*, три губерніи котораго поглощаютъ изъ всей производительности въ $74,_6$ милл. р. $21,_9$ милл. ($29,_3$%), *второе* мѣсто занимаетъ *Екатеринославская* губернія, на долю которой приходится $13,_6$ милл. р. ($18,_2$%), и что Пріуралье и Новороссія доставляютъ половину продукта, обработ. во всей странѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не резюмировать выводовъ автора относительно того, какъ *администрируется* наша крупная промышленность.—Оказывается прежде всего, что иностранцы-завѣдующіе отнюдь не преобладаютъ: они въ общемъ составляютъ отъ $17,_4$% до $1,_8$% общаго числа завѣдующихъ. Далѣе мы видимъ, что пресловутая «практическая смѣтка» стушевываетъ «теорію» и знаніе, оттѣсняя ихъ на задній планъ, а отъ завѣдующихъ фабриками и заводами рѣдко требуется техническая подготовка. Лицъ съ такой подготовкой мы находимъ больше всего въ группѣ металлическихъ производствъ, гдѣ они составляютъ $28,_6$% всего числа завѣдующихъ, а въ группѣ химическихъ производствъ—$27,_5$%, затѣмъ въ группѣ обраб. волокн. веществъ они составляютъ $10,_8$%, въ гр. обраб. дерева—$8,_8$%, въ гр. керамич. производствъ—$4,_8$%, обраб. питат. продуктовъ—$3,_1$%, а обраб. животныхъ продуктовъ—$1,_1$%.!—Назидательно далѣе и то, что число лицъ съ технической подготовкой между завѣдующими-русскими гораздо меньше, чѣмъ между завѣдующими-иностранцами, и что чѣмъ больше какое производство нуждается въ технически подготовленной администраціи, тѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ иностранцы. Въ общемъ, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что «значеніе иностранцевъ въ нашей индустріи возрастаетъ и падаетъ при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ происходятъ совершенно тѣ же колебанія въ значеніи русскихъ, имѣющихъ спеціальную подготовку».

С. Ч—ій.

Этнографическое Обозрѣніе. Изд. этногр. отд. Импер. общ. любит. естеств., антроп. и этнографіи подъ ред. Н. А. Янчука. Москва. 1894 г. № 1—4 (книги XX—XXIII).

Изъ статей и матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, въ московскомъ этнографическомъ журналѣ за прошлый годъ необходимо указать слѣдующіе:

Изслѣдованіе *Н. Ѳ. Сумцова* «Сказки и легенды о Маркѣ Богатомъ» (№ 1). Сказка о Маркѣ Богатомъ и Василіѣ Безсчастномъ широко распространена не только въ Малороссіи, но и по всей Россіи, записана во многихъ варіантахъ, проникла въ пословицы и поговорки и подверглась литературной обработкѣ. Ѳ. И. Буслаевъ высказалъ мнѣніе, что источникомъ для нея послужило одно слово изъ Патерика, помѣщенное въ прологахъ; Афанасьевъ относилъ происхожденіе легенды къ глубокой доисторической древности, но основывалъ это мнѣніе на однихъ миѳологическихъ гаданіяхъ. Въ своемъ изслѣдованіи проф. Сумцовъ, разсмотрѣвъ отысканные имъ многочисленные варіанты сказки на востокѣ и въ западной Европѣ, пришелъ къ заключенію, что древнѣйшимъ источникомъ ихъ была индійская повѣсть, восходящая къ VI вѣку. «Въ очень давнее время, говоритъ онъ, индійская повѣсть получила популярность на мусульманскомъ Востокѣ, была даже пріурочена къ личности Магомета, и затѣмъ съ Востока многими путями пошла въ Европу, гдѣ получила самостоятельную разработку, въ западной Европѣ—въ видѣ чрезвычайно популярной легенды, въ восточной—преимущественно въ видѣ народной сказки, въ зависимости, можетъ быть, отъ того, что въ западной Европѣ главнымъ разсадникомъ легенды была письменность, а въ восточной устная передача». Изъ западной Европы легенда въ свою очередь проникла въ Россію обратно. Въ № 2. «Этногр. Обозр.» авторъ напечаталъ дополненія и поправки къ настоящей статьѣ.

Въ томъ-же № 2 *П. И.* снова выступаетъ съ своимъ интереснымъ собраніемъ матеріаловъ изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ, собранныхъ въ купянскомъ у. харьковск. губерніи. «Въ напечатанной здѣсь седьмой части собранія, почтенный этнографъ знакомитъ читателя съ народными представленіями о странствованіяхъ души по мытарствамъ, о посѣщеніи ею живыхъ родственниковъ, о значеніи молитвы и милостыни для облегченія мученій умершихъ (при чемъ сообщаетъ разсказъ о видѣніи одной женщины, которая «замирала»),

о значеніи «родильныхъ» сорочекъ и поминальныхъ обѣдовъ; далѣе приводитъ разсказы о винѣ, какъ источникѣ грѣха, объ ангелѣ-хранителѣ, о томъ, почему не годится на пасху брать онучею горшки изъ печи (въ этомъ послѣднемъ разсказѣ фигурируетъ птичка съ человѣчьей головою), о томъ, какъ человѣкъ, втеченіе семи лѣтъ не пропустившій ни одной церковной службы, увидѣлъ Бога, въ видѣ старца, попросившаго его поставить передъ иконой свѣчку, о смерти людей, знавшихся съ чортомъ, о несчастіяхъ, постигающихъ людей, въ чемъ либо отступившихъ отъ установившагося кодекса сельской жизни; среди разсказовъ на эту послѣднюю тему мы нашли разсказъ о томъ, какъ сыновья приросли къ матери за недостатокъ любви къ ней; разсказъ этотъ мы слышали лѣтомъ 1892 года въ с. Михайловкѣ александрійскаго у., херсонск. г., какъ о случаѣ недавнемъ; въ концѣ статьи рѣчь идетъ о хожденіи антихриста и св. Петра по землѣ передъ концомъ свѣта и о страшномъ судѣ. Собраніе почтеннаго купянскаго этнографа заключаетъ въ себѣ, по обыкновенію, много новаго интереснаго, такъ что замѣчаніе его объ «относительной бѣдности и кажущейся общеизвѣстности сущности» приводимыхъ имъ разсказовъ кажется намъ напраснымъ.

В. Ѳ. Миллеръ продолжаетъ печатать свои «Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ». Помѣщенная въ № 3 «Этн. Обозр.». XV глава имѣетъ предметомъ преданія объ исцѣленіи Ильи Муромца. Разсмотрѣвъ извѣстные былинные пересказы этого мотива, проф. Миллеръ сдѣлалъ наблюденіе, что они либо лишены метрическаго склада, либо отличаются путанностью содержанія. Затѣмъ онъ изучаетъ многочисленные (болѣе 20) варіанты сказокъ объ Ильѣ, между прочимъ три малороссійскіе; эти послѣдніе онъ считаетъ продуктомъ заноса изъ Великороссіи и не придаетъ имъ никакого значенія въ вопросѣ о южномъ происхожденіи Ильи; одна изъ нихъ, по его замѣчанію, уснащена мотивами сказки о Еруланѣ, другая содержитъ лишь змѣеборство (очень распространенный сказочный мотивъ), третья—Илью разбойника, спасающагося покаяніемъ. Изученіе сказокъ объ Ильѣ приводитъ автора къ заключенію, что сказки не передѣланы изъ былинъ, а, напротивъ, въ былины эпизодъ объ исцѣленіи Ильи проникъ изъ сказокъ, и въ устахъ сказителей подвергся поверхностной былинной окраскѣ. Мотивъ полученія силы черезъ чудесное питье, безъ пріурочиванія къ Ильѣ, широко распространенъ въ сказкахъ не только въ Россіи, но и въ западной

Европѣ, и въ Азіи. Къ имени національнаго богатыря онъ пріуроченъ, по предположенію автора, не ранѣе XVII в.

Въ томъ же № 3 *Н. Ѳ. Сумцовъ* помѣстилъ статью «Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской (Матеріалы для библіографіи сказокъ»). Въ ней онъ разсматриваетъ IV томъ «Pokucia» Кольберга и сборникъ Мошинской «Bajki i zagadki ludu ukraińskiego», который содержитъ матеріалы, записанные въ таращанскомъ и васильковскомъ у. Сказочные мотивы, встрѣчающіеся въ этихъ книгахъ, авторъ прослѣживаетъ въ другихъ сборникахъ.

Проф. *А. А. Кирпичниковъ* имѣетъ похвальное обыкновеніе дѣлать вырѣзки изъ газетныхъ сообщеній, имѣющихъ предметомъ суевѣрія не только въ народной массѣ, но среди образованнаго общества. На основаніи этихъ сообщеній лѣтъ десять назадъ онъ составилъ статью «Далеко ли мы ушли отъ миѳологическаго міросозерцанія»? («Новь», № 1). Въ № 4 «Этн. Обозр.», на основаніи вновь накопившагося такимъ путемъ матеріала, почерпнутаго преимущественно изъ южно-русскихъ газетъ, онъ напечаталъ новую статью «Очерки по миѳологіи XIX вѣка». Здѣсь рѣчь идетъ о вѣрѣ въ волшебные способы лѣченія въ силу чаръ и въ гадалокъ, какъ о пережиткахъ языческой старины, о чертяхъ, о кончинѣ міра и объ антихристѣ, о явленіяхъ Богоматери и прочихъ остаткахъ средневѣковыхъ понятій, о случаяхъ, когда суевѣріе принимаетъ повальный, массовый характеръ: войнахъ кончинахъ государей, эпидемическихъ болѣзняхъ; въ заключеніе авторъ говоритъ о вѣрѣ въ сны и предсказанія, въ способность видѣть съ закрытыми глазами и пр. Иногда онъ прибѣгаетъ къ литературнымъ сближеніямъ, охотнѣе съ памятниками византійской литературы.

Изъ мелкихъ замѣтокъ, касающихся юга Россіи, можемъ отмѣтить: «Преданія о Кармелюкѣ» *А. Малинки* (№ 1) и некрологъ Ом. Огоновскаго, написанный *А. Крымскимъ*.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ, по обыкновенію можно найти довольно отзывовъ о книгахъ по югу Россіи и отчетовъ о южно-русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Не можемъ, однако, не пожалѣть о томъ, что съ нѣкотораго времени отчеты о газетахъ и журналахъ сдѣлались замѣтно короче прежняго, и содержаніе газетныхъ статей стало передаваться рѣже.

В. Ястребовъ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. VIII. Спб. 1894. 8°.

Въ восьмой книгѣ неустанно продолжающагося труда г. Н. Барсукова есть нѣсколько, свѣдѣній небезынтересныхъ и для «Кіевской Старины». Къ числу подобныхъ принадлежитъ, напр., разсказъ, какъ Погодинъ оставилъ секретарство въ Обществѣ Ист. и Др. Российск. и какъ вмѣсто его былъ избранъ Бодянскій (стр. 149). — «Какъ іслѣдовало ожидать, говоритъ біографъ Погодина, отношенія между старымъ и новымъ секретарями образовались самыя враждебныя. Первымъ поводомъ къ тому была *малороссійская лѣтопись.* По этому поводу въ дневникѣ П—на записано: «представилъ я Обществу Ист. и Др. Р. малороссійскую лѣтопись Велички и предложилъ ее напечатать, поруча изданіе, по взаимному согласію, Бодянскому. Когда предложеніе было принято, я объявилъ своимъ условіемъ предоставленіе въ мою пользу сотъ двухъ экземпляровъ. Графъ С. Г. Строгоновъ, какъ предсѣдатель, никакъ не хотѣлъ согласиться, говоря, что эти экземпляры повредятъ экземплярамъ издателя. Напрасно я возражалъ ему, что этого не можетъ быть, ибо если изданіе пойдетъ, то, какъ мои, такъ и его экземпляры продадутся одинаково; если же не пойдутъ, то останутся въ нашихъ рукахъ одинаково. Спросите самого Бодянскаго, а *плутъ хохолъ* Бодянскій молчалъ»... Далѣе приводится прелюбопытный разговоръ П—на съ гр. Строгоновымъ, какъ послѣдній отказалъ первому возвратить лѣтопись Величка, какъ П—нъ грозилъ, что онъ запишетъ въ своемъ дневникѣ, что гр. Строгоновъ среди бѣлаго дня отнялъ у него, П—на, его рукопись и какъ Строгоновъ, «крутя свой усъ», замѣчаетъ, что онъ, какъ попечитель, не совѣтуетъ П-ну этого дѣлать. Однакожъ Величко былъ возвращенъ П—ну. Въ 1846 г. Бодянскій снова предлагалъ послѣднему издать эту лѣтопись, обѣщая собственнику рукописи уже триста экземпляровъ книги (стр. 399), но дѣло почему то не сложилось и на этотъ разъ. Лѣтопись Величка, какъ извѣстно, была напечатана въ Кіевѣ здѣшней Археогр. Коммиссіей, причемъ П—нъ, не получивъ и одного экземпляра изданнаго перваго тома лѣтописи, писалъ въ 1848 г. Максимовичу: «Рукопись (Величка) моя, а мнѣ ее (напечанной книги) не присылаютъ, и увидѣлъ (книгу) нынѣ нечаянно въ книжной лавкѣ. Хорошо! А въ

предисловіи хоть бы плюнули мнѣ! [1]). Такимъ образомъ никакой пользы съ изданія Величка П—нъ не извлекъ... Лѣтопись эту П—нъ пріобрѣлъ въ 1840 г. и тогда же хвалился своею находкою Максимовичу [2]). Еще до изданія Величка, имъ уже пользовался г. Кулишъ, какъ видно изъ Погодинскаго дневника. «Пріѣхалъ (6 ноября 1846 г.) Кулѣшъ и просилъ малороссійской лѣтописи (т. е. Величка). Пригласилъ остановиться у себя, чтобы разсмотрѣть ее. Нашелъ онъ тамъ прекрасныя вещи. Не хотѣлось мнѣ, чтобы онъ (Кулишъ) легъ спать въ кабинетѣ, какъ будто для того, чтобы непомѣшать явленію Лизы, которую я всегда, ожидаю [3]). Но въ другой комнатѣ холодно»... Погодинъ воспользовался посѣщеніемъ г. Кулиша, получивъ отъ него обѣщаніе сдѣлать вкладъ въ *Москвитянинъ*, которое однакожъ не было исполнено, какъ это видно изъ слѣд. письма бывшаго гостя къ П—ну: «Мнѣ очень совѣстно передъ вами, что я не могъ доставить вамъ для *Москвитянина* письма Грабовскаго (Михаила) [4]) о Гоголѣ; а не могъ я доставить вамъ его потому, что лишь только перевелъ и показалъ Петру Александровичу (Плетневу), П. А—чъ послалъ его въ типографію и велѣлъ набирать; послѣ уже онъ хоть и узналъ, что это письмо обѣщано мною вамъ, но брать назадъ изъ типографіи было неловко. Въ замѣну того посылаю отрывокъ изъ моего романа (конечно—«Черная Рада»), замѣчательный въ томъ отношеніи, что представляетъ картину старинныхъ украинскихъ обычаевъ, основанную на прилежномъ изученіи старины. Покорнѣйше прошу васъ не выпускать ни одного примѣчанія. Пусть меня упрекаютъ въ педантизмѣ, но я имѣю свои резоны. Будьте такъ добры, М. П., велите переписать означенныя мною изъ лѣтописи Величка мѣста и сообщите мнѣ. Это послужитъ мнѣ и для романа, и для многихъ другихъ занятій. Если хотите, я напишу статью объ украинскихъ лѣтописяхъ для *Москвитянина*»... Затѣмъ, по напечатаніи «Исторіи Русовъ» въ Чтеніяхъ Бодянскимъ, г. Кулишъ пишетъ П—ну: Видѣлъ я *Чтенія* вашего Общества Исторіи. Не понимаю только, зачѣмъ историческіе малороссійскіе источники начаты съ лѣтописи

---

[1]) Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу. Изд. Акад. Наукъ Спб. 1882. Стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 24.

[3]) Говорится о первой женѣ Погодина, умершей за годъ передъ тѣмъ..

[4]) Автора книжекъ Literatura i krytyka, изд. въ Вильнѣ, 1837—408 г.

Конисскаго, тогда какъ мы имѣемъ источники въ болѣе строгомъ значеніи этого слова, т. е. сочиненія не прагматическія. Нельзя ли мнѣ какъ нибудь примкнуть къ вашему историческому обществу? Я приготовилъ бы для печати одинъ украинскій современный мемуаръ о войнахъ Хмельницкаго и о междоубіяхъ, бывшихъ въ Украинѣ по его смерти. Эта лѣтопись, напечатанная въ слѣдъ за Конисскимъ, была бы лучшимъ объясненіемъ *Исторіи Руссовъ*. На основаніи этихъ двухъ сочиненій можно будетъ многое сказать не только о фактахъ исторіи Украйны, но и о направленіи, принятомъ этою исторіею въ смыслѣ науки». Познакомившись съ *Исторіей Русовъ*, самъ П—нъ записалъ въ дневникѣ: «Прочелъ съ удовольствіемъ Конисского, что за ужасы дѣлали тамъ наши герои и Петръ». (Стр. 401).

А. Л.

Какъ высохла наша степь. А. А. Измаильскаго. Полтава. 1893. 8° 68 стр.

Содержаніе этой интересной брошюры видно изъ слѣдующихъ выписокъ. «Исторія свидѣтельствуетъ, что сравнительно еще недавно южнорусская степь была покрыта гигантскою растительностью, въ которой могъ скрываться всадникъ, а по свидѣтельству знатока нашихъ южныхъ степей, И. Палимпсестова, мѣстные старожилы еще помнятъ, когда сырая земля лежала не глубже одного аршина, а грунтовыя воды находились на глубинѣ отъ 6 до 9 аршинъ. Теперь же, въ тѣхъ же херсонскихъ степяхъ—вода находится на глубинѣ отъ 15 до 20 саженей, при чемъ она нерѣдко соленая. Многія литературныя указанія подтверждаютъ, что изсушеніе степи произошло чуть не на глазахъ мѣстныхъ старожилъ. Этотъ фактъ сравнительно недавняго обѣднѣнія грунтовыми водами нашихъ степей можно считать вполнѣ установленнымъ, и разногласіе является лишь въ объясненіи причинъ этого явленія. Какъ на главную причину, нѣкоторые указываютъ на происшедшее будто-бы измѣненіе климата въ этихъ мѣстностяхъ, которое стоитъ въ связи, по ихъ мнѣнію, съ уничтоженіемъ лѣсовъ. Вполнѣ согласенъ, что лѣса имѣютъ громадное вліяніе на климатъ; но до сихъ поръ мы еще не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, что степи южной Россіи изобиловали лѣсами, и что, наконецъ, климатъ этой мѣстности дѣйствительно измѣнился».

Авторъ брошюры производилъ многочисленныя изслѣдованія надъ влажностью почвы въ херсонской и полтавской губерніяхъ. Сводъ добытыхъ такимъ образомъ свѣдѣній далъ возможность ему сдѣлать нѣкоторыя любопытныя заключенія.— «Еще въ 1882 году, говоритъ г. Изм—кій на основаніи своихъ изслѣдованій влажности почвъ въ херсонской грберніи, въ своей статьѣ «Влажность почвы въ связи съ культурнымъ ея состояніемъ», я высказалъ слѣдующее предположеніе: «Прежняя степь со своею гигантскою растительностью должна была имѣть для края не меньшее значеніе, чѣмъ то, которое признается теперь за лѣсами. Въ настоящее время, по прошествіи 10-ти лѣтъ, въ теченіи которыхъ я почти непрерывно продолжалъ заниматься изслѣдованіями влажности почвъ, я долженъ сказать, что высказанное мною предположеніе вполнѣ подтвердилось послѣдними моими изслѣдованіями. Очевидно, что степь, покрытая сплошь непролазными ковылями, а мѣстами обширными зарослями бобовника, дерезы и степной вишни, совершенно иначе относилась къ выпадающимъ атмосфернымъ осадкамъ, въ какой бы сферѣ эти осадки ни являлись, чѣмъ настоящая степь. Ливни, столь разрушительные для настоящихъ степей, въ прежнее время не только не вредили имъ, но, напротивъ, обогащали ихъ почву влагою на значительную глубину. Мнѣ приходилось бывать весною въ такихъ дѣвственныхъ ковыльныхъ степяхъ и, несмотря на то что я уже былъ, такъ сказать, подготовленъ встрѣтить въ такой степи могущественнаго фактора обводненія почвы, видѣнное мною превзошло всѣ мои ожиданія. Въ то время, когда рѣки уже прошли, по дорогамъ уже неслась пыль, а въ полѣ торопились посѣвомъ, чтобы захватить дорогую весеннюю влагу, въ ковыльной степи еще мѣстами бѣлѣлъ снѣгъ, а почва въ этой гигантской заросли была настолько сыра, что проѣздъ по ней становился совершенно невозможнымъ».

«По увѣренію мѣстныхъ жителей, ковыльная степь даже въ малоснѣжныя зимы набита снѣгомъ, но видѣнная мною степь еще не могла быть названа дѣвственною степью, такъ какъ въ значительной степени была сбита скотомъ. Настоящую же дѣвственную степь, чтобы воспользоваться ею, какъ пастбищемъ, приходится предварительно выжигать.. Дѣвственная степь, продолжаетъ авторъ, обладала совершенно иными свойствами сравнительно съ теперешними. Она была не менѣе приспособлена къ использованію выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ, независимо отъ характера этихъ осадковъ, чѣмъ лѣсная почва. Въ дѣв-

ственной степи всѣ условія благопріятствовали, какъ и въ лѣсу, задержанію влаги и сохраненію ея отъ испаренія. Для хозяина такая степь представляла многія неудобства: въ ея гигантской растительности трудно было наблюдать за животными, а эти послѣднія въ старыхъ заросляхъ ковыля съ трудомъ добирались до мягкаго нѣжнаго травянаго подсѣда, наконецъ, обработка такой степи требовала большихъ усилій отъ хозяина, а полезныя свойства этихъ первобытныхъ степей хозяиномъ не сознавались; поэтому немудрено, что хозяинъ какъ бы торопился освободиться отъ столь неудобныхъ пространствъ: онъ палилъ степь, выбивалъ ее скотомъ, а затѣмъ распахивалъ; снявши нѣсколько урожаевъ, вновь оставлялъ ее заростать дикою растительностью, которую выбивалъ своимъ скотомъ, не давши достаточно окрѣпнуть».

Совершенно понятно, что чѣмъ чаще и чаще повторялись подобныя операціи надъ степью, тѣмъ труднѣе и труднѣе она послѣ нихъ оправлялась, и тѣмъ болѣе ослабѣвала ея растительность, не достигая уже прежнихъ гигантскихъ размѣровъ. Сначала исчезли кустики, а затѣмъ ослабѣли заросли ковыля, вытѣсняемыя другими растеніями, покрывающими теперешнюю степь... Рисуя такую картину воспитанія южнорусской степи, авторъ какъ бы упускаетъ изъ виду главную причину исчезновенія ковыльной степи — ея заселеніе человѣкомъ...

А. Л.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга VIII. Изд. подъ ред. П. В. Владимірова. К. 1894.

Крупнымъ событіемъ въ жизни Общества Нестора Лѣтописца было утвержденіе въ концѣ 1893 г. новаго устава, который и приложенъ къ настоящей книжкѣ. Уставъ этотъ расширилъ права общества и внесъ много измѣненій въ его организацію. Общество пріобрѣло право открывать платныя публичныя чтенія по программамъ, утвержденнымъ совѣтомъ общества, и право учреждать особыя отдѣленія по спеціальностямъ. Нужно надѣяться, что общество не за-

Въ послѣднемъ отдѣлѣ библіографіи В. И. Щербина разсматриваетъ «Archiwum domu Sapiehów,» изданный подъ редакціей А. Прохаски, а П. А. Ивановъ разбираетъ книгу г. Лонгинова «Князь Өедоръ-Любартъ Ольгердовичъ».

Е. К

ОБЪЯВЛЕНІЯ

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVIII, 1895 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

Пятокъ. 6. Сей день былъ дожчеватий, такова жъ и ночъ, къ свѣту стало перебиратись. Атамана Верегинскаго братъ Ситниченко послалъ курiеромъ въ Москву и черезъ оного писалемъ до Курбатова, до Камѣнского, упоминаючи его, а до Каратаева, чтобъ щиталъ его и денги къ себѣ принялъ. Да до Каратаева въ другое, чтобъ конфектъ пурgуючихъ syrop.... soluf.... купивши, присылалъ; такъже и стекло до часовъ, для чего пуделко черезъ его жъ послалемъ и денегъ 2 р., что самъ ему курiеру отдалемъ. Θедору Дорошенку, мужику села Погаричъ, за прийшлий 1731 годъ, за сѣножать 3 р.

Субота. 7. Сей день былъ похмурний, а ночъ похмурна, а потомъ дожчевата зъ силнимъ дожчемъ; къ свѣту вѣтеръ восточний зъ метелицею снѣжною и холодъ. Сегодня рано ездилемъ въ городъ и былъ у ясневел., оттуду зъ п. Михайломъ, братомъ, у Михайла Iвановича Жураховского, подполковника сего полку, и обѣдали, а по обѣдѣ повернулемся позно домой.

Неделя. 8 Сего ранку сталъ вѣтеръ силний, межи полноччю и востокомъ, и метель снѣжная, которая черезъ у весь день и ночъ тривала зъ силнимъ морозомъ, отъ котораго рѣка стала. Обѣдалисмо въ князя и продновали, и подпивали, что братъ его Михайло имениникъ.

Понеделокъ. 9. Сей день былъ свѣтлий, але зъ морозомъ жестокимъ и снѣгъ малий проривался, такова жъ и ночъ. Сегодня обѣдалемъ у себе и со мною Василь Думитрашко. Позичилемъ Василю Думитрашку 5 червонних, 3 gаланскихъ, а 2 цесарскихъ.

Вовтор. 10. Сей день былъ холодний велми и ночъ, а свѣтлiе и погоднiе. У князя былъ банкетъ, где гетманъ и протчiе били для того, что въ такомъ днѣ женился онъ на княгинѣ, чему теперъ годовъ 9. Гетманъ промовалъ мене въ комиссари енералнiе и милостивъ оказался.

Середа. 11. Сей день и ночь также свѣтлiе и збитъ холоднiе били, якъ и прежнiе. Обѣдалисмо оба зъ родителемъ у князя, а по обѣдѣ билъ у мене Славуй; потомъ ходилемъ черезъ лiодъ, пѣшо, въ городъ до п. Михайла.

Четвер. 12. Сей день былъ такъ же студений къ вечеру и ночъ мало отлигла. Обѣдалисмо у себе, а родитель у князя; вечералисмо у сестри на пастовнику. Несторовичъ пріехалъ зъ Подолова отъ компанѣи веселной брата Марка, простуючого въ Роменъ зъ новобрачною своею женою, которому послалемъ 5 талярь бит. Несторовичу далемъ 2.

Пятокъ. 13. Сей день погодний, а особливо ясний, къ вечору толко морозъ не таковъ. Ночъ погодна жъ, а къ свѣту вѣтеръ, съ полудня и снѣгъ. Билемъ рано въ городѣ и у п. Михайла, где жиду Палѣевскому говорили, чтобъ бунчучний призвалъ его спросить его о претенсѣи, якую онъ сказивалъ на 800 р.

Субота. 14 Сей день былъ снѣжний почитать увесь, зъ отлигою, такова жъ и ночъ, и снѣгъ випалъ такий, что безъ нужди можно ехать. Обѣдалемъ у ясневел., а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ пріехали до князя, где застали родителя, сестру Уляну и жену, тамъ обѣдавшихъ.

Неделя. 15. Сей день былъ снѣжний, къ вечеру вѣтеръ зъ силнимъ зъ жестокимъ морозомъ, и черезъ ночъ оний тривалъ до другого дня. Обѣдалемъ у ясневел., а по обѣдѣ ездилемъ до сестри на пастовникъ, где и п. Михайло зъ панею своею и Люка пріехавшій игралисмо вси въ карти, въ сенкилѣю, тутъ же вечерали и ночовали. Юско посланъ въ поля и въ Роменъ, и данъ ему приказъ въ 11 пунктахъ.

Понеделокъ. 16. Сей день билъ вѣтряний зъ морозомъ жестокимъ и ночъ холодна и тиха. Обѣдалисмо у сестри, а по обѣдѣ играли у карти зъ проиграшомъ Люки, и потомъ розехались по домамъ.

Вовтор. 17. Сей день былъ студений, але безъ великого вѣтра, ночъ тиха. Обѣдалисмо сами, а род. у князя. Призивали жида Лейбу въ Палѣевскомъ дѣлѣ, миръ хотячи учинить, который опрочъ 800 р. меншъ не хочетъ.

Середа. 18. Сей день былъ и ночъ противъ вчорайшого. Князь Шаховскій мирилъ жида Лейбу отъ нашей сторони и давалъ ему 500 р., однакожъ онъ не схотѣлъ, а просилъ 600 р. Обѣдали

мы зъ род. у князя, а по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло, потомъ я пойшовши оттоль, виправилъ жену, поехавшую въ Новгородокъ до сестри болѣзнуючой п. Григоріевой и поехалъ самъ до брегадира, где мало посидѣвши, повернулся назадъ. Манджула повернулся изъ Москви, отпущенніе рѣчи отъ Камѣнского привезлъ, а именно: цугъ шоръ въ 40 р., чаю фунтъ, 6 пуд. и 15 фунт. штар. (?) перцю и имберу по полпуда, вина красного 10 бутилокъ, стуловъ 6, а семий зъ поренчами, штани старіе, гвоздя желѣзного 4000, замковъ 5, полумисковъ 3 и талѣрка 1, лѣхтаровъ мосіенжнихъ 2, крашенини разнихъ цвѣтовъ 24 конца, а въ нихъ аршинъ 152.

Четвер. 19. Сей день и ночъ были студеніе и мало вѣтраніе, по вчорайшому. Обѣдалемъ сегодня у себе и со мною Александеръ, а у вечеру ездилемъ до сестри, где и вечералемъ и доволно посидѣли зъ нею и тіоткою Кондзеровскою.

Пятокъ. 20. Сей день былъ холоденъ же, да снѣгъ ишолъ, такъ же и ночъ снѣжна была. Никуда зъ дому не ездилемъ, а пріездилемъ ко мнѣ братъ п. Мих. и сестра.

Субота. 21. Сей день былъ теплѣйший противъ прежнихъ, такъ же и ночъ. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ зъ Люкою до п. Михайла, где играли въ карти зъ проиграшомъ Лючинимъ.

Неделя. 22. Сей день былъ теплого, мокрого и дожчеватого воздуха, а въ вечеру и въ ночѣ и къ свѣту—дожчъ ишолъ переривцемъ. Обѣдалемъ у ясневел., а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ и панею его и Люкою ездилемъ до сестри и тамъ играли въ карти долго, а потомъ и заночовали.

Понеделокъ. 23. Сей день былъ теплій, заперва свѣтлій, а потомъ мокрий, ночъ едва не вся дожчевата, къ свѣту морозъ. Обѣдалемъ сегодня у себе, и нигде не былемъ.

Вовтор. 24. Сей день былъ холодноватъ почасти, толко жъ воздухъ мокръ, такова и ночъ. Былемъ рано у князя на молебнѣ и у гетмана, обѣдалемъ въ дому. У вечеру такожъ былемъ у князя. Ярема посланъ знову въ Новгородокъ зъ листомъ до жени и до п. Якова швакгра, писанними отъ мене.

Середа. 25. Сей день былъ тепломокрий, такова жъ и ночъ, толко къ свѣту морозецъ и снѣгъ. Обѣдалъ родитель со мною, а у вечеру была сестра Уляна Івановна и п. Мих. Присланъ зъ Крисіокъ утекшій отсюду ключникъ.

Четвер. 26. Сей день былъ зъ снѣгомъ сперва и зъ морозцемъ, ночъ тиха безъ снѣгу. Обѣдалемъ въ дому и со мною Люка, а по обѣдѣ поехалемъ до п. Михайла, брата, где пріехала и сестра, и играли въ карти въ сенкилѣю, а по отездѣ ея, сестри, ночовалемъ тамъ же.

Пятокъ. 27. Сей день сперва тихъ, а потомъ зъ снѣгомъ и черезъ ночъ снѣгъ же ишолъ, такъ что знову дорога санная стала добрая уже, въ третій разъ. Не ездилемъ никуда, но всегда въ дому билемъ.

Субота. 28. Сей день былъ снѣжний, ночъ свѣтла и снѣжна, и холодна. Обѣдалисмо зъ родителемъ въ дому и Александеръ тутъ же, зъ которимъ и въ банѣ мился.

Неделя. 29. Сей день былъ снѣжний и холодний, ночъ безъ снѣгу. Обѣдалемъ у ясневел., а оттоль ездилемъ до сестри, отколь зъ п. Михайломъ до князя пріездили за дѣломъ Палѣовскимъ и назадъ ко мнѣ прийшли.

Понеделокъ. 30. Сей день былъ холодний, а ночъ холоднѣйша и погодна. Обѣдали у насъ князь и проч. великороссійскіе и подпіяхомъ ради именинъ родителскихъ. Братъ пянъ пріехалъ.

М-цъ Декаврій. Вовтор. 1. Сей день былъ погодний, але холодний, ночъ холоднѣйша и свѣтла. Обѣдалисмо зъ родителемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ смотрѣть яли (?) своей и оттоль заездилемъ до п. Михайла, по вчорайшомъ питтю лежавшого.

Середа. 2. Сей день былъ студений крѣпко, а свѣтлий, и ночъ такова жъ. Обѣдалемъ у себе зъ родителемъ и Заруцкимъ старимъ и женою моею, сегодня зъ Новгородка пріехавшою. У вечеру былъ я у князя. Юско молодикъ пріехалъ зъ Ромна мой зъ писмами.

Четвер. 3. Сей день былъ во всемъ таковъ, яковъ и минувшій вчорайшій и ночъ. Обѣдалисмо зъ родителемъ у князя, где

и трубку Радиону Кузмичу Арсеніеву подарилемъ; по обѣдѣ у вечеру билемъ у брегадира и Количова. Сегодня Юско молодикъ за свое пянство наказанъ. Іванъ Бузинскій пріехалъ въ Глуховъ на господарство.

Пятокъ. 4. Сей день и ночъ во всемъ подобніе вчорайшему дню, въ ночѣ отлигло. Рано виписовалемъ зъ статуту права служачіе до дѣла Палѣевского и билемъ у князя, а потомъ посѣщали мене Люка и п. Михайло. Зъ Люкою за брата Івана въ наученіи французжского язика уговорилемся за 60 р. на годъ. Посланъ Алексѣй Полуденскій въ Роменъ, а далъ ему 20 р. на покупку пшона, да данъ ему облѣкъ Ілка Важниченка на 40 р., да данъ ему приказъ въ 9 пунктахъ. Хлопцѣ въ Сварковѣ къ дѣлу способніе: 1, Оврущенокъ, 2, Ступакъ до саду, 3, вдови Десятниковой, 4, у Заики меншій, 5, Карабутенокъ жонатий. Зъ березовцями уговорились возить имъ дерево зъ Пироговки сюда, а цена за всякое по 7 шагъ. Уговорили паробка у футоръ, сина Плетюнчиного, и задатку дали 1 р.

Субота. 5. Сей день отлигъ, а барзѣй ночъ, въ день снѣгъ проривался и въ ночѣ, зъ полудня насталъ вѣтеръ. Рано былемъ у ясневел. Обѣдалисмо зъ род. у себе, по обѣдѣ ездилемъ къ сестрѣ и повернулся назадъ; князь зъ княгинею у банѣ зде, въ насъ, милися. Климъ Пѣщанскій пріехалъ зъ Крисіокъ и привезлъ 5 куѳъ оковит. гор. да улліовъ.

Неделя. 6. Сей день вѣтрянъ холоденъ и снѣженъ, ночъ тиха безъ снѣгу. Обѣдали многіе персони, гетманъ и великоросcійскіе и я у князя, потому что синъ его именинникъ.

Понеделокъ. 7. Сей день былъ мало снѣженъ и отлиглий, такъ же и въ ночѣ отлигло. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а у вечеру ездилемъ до сестри, где князя засталемъ, по отездѣ его играли въ карти.

Вовтвр. 8 Сей день былъ холоднѣйшій вчорайшого, такъ же и ночъ холодна. Обѣдалемъ въ дому, а родитель у князя. По обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и простилемся зъ нимъ, отехавшимъ после сего жъ дня въ свои деревнѣ полку Чернѣговского; потомъ

билемъ у князя. Костенецкій пріехалъ зъ Gданска и сказивалъ, что мои воли продани по 10 таляр. курантовъ. (?)

Середа. 9. Сей день былъ студеній и мало снѣжний, также и ночъ холодна. Обѣдалисмо зъ родителемъ у князя, откуду повернулемся назадъ. Яковъ Дуброва повернулся зъ Gданска и привезлъ рѣчи.

Четвер. 10. Сей день былъ студений и ночъ такова жъ. Обѣдалемъ въ дому и никуда не ездилемъ. Князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ, фелтмаршалъ и кавалеръ, умре въ Москвѣ.

Пятокъ. 11. Сей день былъ студений мѣрно и снѣжний, ночъ такова жъ. Былемъ рано у князя, а потомъ въ дому; у вечеру посѣщала сестра и п. Михайлова. Составили роспиську и мировую челобитную отъ жида въ Палѣевскомъ дѣлѣ. Якова Дуброву щитали и покупки отобрали въ Gданску купленніе: ножовъ сребранихъ паръ 6, а семая великая, 161 зол. и 12 а., гривенъ 6 и пол.... ваги, сукна саети портищъ на 2, локоть по полъ 7 зол., сукна французжского портищъ на 2, локоть по полъ 5 зол., атласу червоного локоть по полъ 5 зол., а локоть 28, жолтого локоть по 4 зол., а локоть 13, за пуздерко зъ горѣлкою 41 зол., за курокъ 10 а., за вожки тинфъ 2., въ аптекѣ gданской: *(слѣдуетъ списокъ лѣкарствъ.)* Въ аптекѣ водка: карбункуловая 4 фляш., зол. 18, елексѣръ цитри фляшъ 3, зол. 11, амбри..... зол. 10, алкермесовой полъ 2 штоф., 8 зол. 12 грош., персиковой полъ 4 штоф., 4 зол. 6 гр., цинамоновой полъ 4 шт., 3 зол., 6 гр., анишковой полъ 4 шт., 3 зол. 6 гр. Книги: Dictionaire royal., par Pomai, 12 зол., Avantures de Thelemac; 3 зол., 18 грош., Lettres de Bussi Rabutin, 10 зол., Buddei, Theologia dogmat. 12 зол., Moralis—6, Hymna Eclesiast., 2 vol., 11 зол. De Atheismo, 2 зол., 15 grош. Philosophia, 3 vol., 3 зол. 18 грош. Huctii, Demonstrat. Evangel. 7 зол. Concordia latrenis 3 зол. 24 грош. Capelli cunca, 24 зол. Да на немъ, Якову, доводится еще за сукна саети червон. 4 безъ гривни и алмазковъ 10, на 9 зол. отъ пріему, да отъ взятихъ воловъ 90 зол., червон. 2.

Субота. 12. Сей день былъ студений, а туманний, такъ же и ночъ. Обѣдалемъ въ дому, а у вечеру ездилемъ къ сестрѣ. Яковъ Дуброва отпущенъ въ домъ свой. Составлялъ отъ сестри писма до графа (Головкина) и Курбатова, о дворѣ ея Моск.

Неделя. 13. Сей день былъ холодний, а ночъ холоднѣйшая. Рано передъ свѣтомъ отправленъ въ Москву зъ Кумичемъ Іванъ Желязо, а съ нимъ писалъ я до архіерея Новогор. и книгу Бу-д деєву послалъ. Да писалъ до Каратаева о щотѣ Камѣнского и моихъ покупкахъ мѣючихъ Желязою отправитись, зъ его совѣту. О послушаніи писалъ до Камѣнского. Ему, Желязѣ, далъ приказъ въ 12-и пунктахъ, его жъ копія зде. Ему же далъ для направи двое штановъ лосиныхъ, часи боевие; на дорогу далемъ 5 р. Обѣдалемъ въ дому, а у вечеру былъ у князя, потомъ съ Тамарою прийшолъ въ домъ, где и сестру засталъ. Зъ Сухонос. привезли 15 дѣжечокъ масла, кухва сира, 4 кухви вишневой, 1 вишняку, 1 дулевой.

Понеделокъ. 14. Сей день былъ холодний, похмурний, и ночъ такова жъ. Сегодня роздѣлались зъ жидомъ Лейбою Лазаревичемъ, жителемъ Илскимъ, повѣту Мозирского, челобитствовавшимъ за убійство сина его зъ женою и работникомъ жидовиномъ же, который за все про все взялъ 600 р. и росписку далъ на имя сестри Уляни Івановни. Обѣдалемъ у сестри Уляни Івановни, у вечеру былемъ у князя.

Вовтор. 15. Сей день отлиглъ противъ другихъ, такова жъ и ночъ была безснѣжна. Былемъ рано у брегадира и у суда, где отложилъ челобитствовать на Якубовича за денги... п. Стефана Миклашевского. Обѣдалемъ у себе; по обѣдѣ былъ у князя, где зъ Томарою отездившимъ простился, и потомъ ездилемъ до брегадира и Количова; тамъ у Количова нога мнѣ заболѣла лѣвая зъ всею кулшею и черезъ всю ночъ болѣла. Уведомилемся, что игумена Петропавловского въ другое паралѣжъ заразилъ. Вѣсть носится, что архиерей Киевскій Варлаамъ Ванатовичъ посланъ зъ Москви въ силку, сказивалъ Астровскій.

Середа. 16. Сей день таковъ же былъ, якъ и вчорайшій, такъ же и ночъ. Зъ Комарицкими мужиками, привезшими мнѣ дерево дубовое, брусовъ 100, роздѣлался, до прежде данныхъ 10 р. еще теперъ далемъ 5 р. Сухоносовскій Федоръ Дядя, мужикъ, съ подводами отправленъ, а черезъ его послалемъ 15 р. до Алексѣя въ Роменъ на ганишъ и писмо Івана Запорожца о принятихъ отъ мене 80 р. на покупку въ Кролевецъ приложилемъ. Демяновичъ повернулся зъ Москви зъ указомъ до архиерея Чернѣговского о взяттю и окованню писарчика его Германа и запровоженню въ Москву, а ему Демяновичу въ бракъ его дочери зъ Скрицкимъ дано разрешеніе, а велено ему тамъ стать, когда дѣло начнется.

Четвер. 17. Сей день таковъ же и былъ, якъ и вчорайший, также и ночъ. Сегодня у ясневел. обѣдалисмо и подпіяли злегка, ради именинъ его.

Пятокъ. 18. Сей день былъ холоднѣйшій отъ вчорайшого, зъ снѣгомъ, ночъ безъ снѣгу холоднѣйшая. Далемъ на росходъ женѣ 4 р. Вѣжевскому въ позику 3 р. до прежнихъ 3-хъ, Гапцѣ 3 р. Князь Михайло Михайловичъ Голѣцинъ, генералъ-фелтмаршалъ россійскій и кавалеръ славний, умре 10-го декабря, а теперъ вѣдомо зде учинилось. Андрей Тесля посланъ зъ подводами въ Кролевець за кривулями (?) да ему жъ въ запасъ данъ 1 р. купить такихъ кривуль. Уговоръ здѣлалемъ зъ кирпичнимъ майстеромъ, чтобъ ему робить за моею харчею, а ему давать отъ мене по полтинѣ отъ тисячи, и карту онъ далъ... а зовется Данило Івановъ сынъ Тарасовъ, житель Путивскій.

Субота. 19. Сей день былъ мало снѣженъ, холоденъ и ночъ такова жъ. Рано сегодня поехалисмо въ Гамалѣевскій монастиръ, князь и съ нимъ я, родитель, братъ п. Михайло, брегадиръ Арсеніевъ, Количовъ и Мякининъ, и пріехали на службу и на панахиду по покойной тіотцѣ моей отправовавшуюся. После у сестри обѣдали и подпивали.

Неделя. 20. Сей день былъ такожде, якъ и вчера, и ночъ такожде. Сегодня службы Божой въ монастирѣ отслухали гостѣ, а пообѣдавши, розехались, першей они, а потомъ я зъ п. Михайловою.

У вечеру пріехалъ въ Глуховъ. Каменскій съ Москви прислалъ осятра 41 фунтъ, цѣна по 1 а., лосося 28 фунт., цѣна по 7 коп., икри фунтъ 10, по гриввѣ. Да зъ Ромна получилемъ писма отъ Несторовича, что ганишъ въ Ромнѣ по 8 гривенъ, табака по 10 а. до двохъ золотихъ.

Понеделокъ. 21. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночъ такова жъ. Рано подалемъ челобитную князеви о Кодинцевомъ дѣлѣ зъ мною, якую онъ же и помѣтилъ, чтобъ справится зъ указомъ. Поехалемъ оттуду въ городъ, где у ясневел. обѣдалемъ, а по обѣдѣ у вечеру повернулемся назадъ. Пріехали Омелянъ, стар. Сухонос., и Алексѣецъ и привезли писмо отъ Якова Дуброви и 10 камѣнчиковъ алмазнихъ, которіе давани были въ Gданскъ для оправи на серги.

Вовтор. 22. Сей день былъ равномѣрного зъ прежними состоянія, такова жъ и ночъ, толко безъ снѣгу, а къ свѣту вияснилось. Обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ былемъ у банѣ. Климъ Пѣщанскій сочтенъ во всемъ пріемѣ и росходѣ денежномъ и оправданъ, а толко долженъ доправить на шинкарахъ и на людяхъ за напой... и конѣ 257 р. и 65 коп., въ чомъ и карту далъ, а я его квѣтовалъ. Рецептъ прошку на пянство *(слѣдуетъ рецептъ)*. Сего прошку по маленкой ложечцѣ принимать у водцѣ рожевой, албо цѣномоновой; рожевая такъ дѣлается: рожи накласть мало придавши соли въ алембикъ да влить води рѣчной и перегнать, а цѣмоновая такъ: воду рѣчную переварить и вложить въ нея цинамону золотникъ толчоного на кварту води. Заживать по кушанню. Рецептъ на олѣекъ, которимъ мазать спини середину, тѣмя и виски, для бодрости. *(Слѣдуетъ рецептъ)*.

Середа. 23. Сей день зъ ранку оказался свѣтелъ и ясенъ, але холоденъ, ночъ такожъ и похмурна, и холодна крепко. Сегодня рано былемъ у князя, а по службѣ у протопопа отца Gаляховского, которого болного посѣщалемъ. Купилемъ два сади каменій до млиновъ за 8 р.

Четвер. 24. Сей день былъ похмурний, але збитъ студений. Отправленъ староста Сухонос. Омелянъ, а черезъ его Грицку Дядѣ на воли ипослалемъ 36 р., да 20 таляр. бит. да прежде посланніе

15 р. до Алексѣя, через Дяденкого другого казалемъ ему жъ отдать, итого денегъ опрочъ прежнихъ въ лѣтѣ ему данних 100 р., да 30 таляр., теперъ далось 50 р., да 20 таляр.; ему жъ данъ указъ въ 6 пун. о присилцѣ пшона, сторгованню масла, о куплѣ воловъ, о присилцѣ куѳъ 2-хъ гор. и человѣка на низъ. Да ему жъ дано 5 р. для знатнѣйшого чего пораженния, ему жъ сукно дано вмѣсто зимной барми. Алексѣй посланъ въ Роменъ, а ету данъ облѣкъ Якова, да приказъ въ 3-хъ пунктахъ, о куплѣ бокуну, о присілцѣ броварного казана и риби вялой. До стар. Перервин. писалемъ о ґрунтѣ Ворони, что если подешевле можемъ купить, о Свѣтличномъ, чтобъ ему зъ двора вийтить, а уплатить що завелось, о шинку Яблуновскомъ, о куплѣ лою, объ облѣку Івана Цигана, чтобъ по силѣ оного доправить.

Рождество. Пятокъ. 25. Сей день былъ зранку безмерно холоденъ, а къ вечеру и въ ночъ отлигло. Противъ сегодня пріехалъ въ Москви полковникъ Переяславскій Танскій, чили рачей висланъ, зъ указомъ до князя Шаховского о слѣдованіи зде челобитнихъ на его подданнихъ. Рано были у князя, у ясневел., а обѣдалемъ у себе, родитель у князя, вечоромъ ездили до сестри и тамъ ужинали зъ родителемъ.

Субота. 26. Сей день былъ студений же, якъ и вчорайшій и ночъ такова жъ. Обѣдалемъ у ясневелможного, а у вечеру была сестра зъ Кондзеровскою. Пріехалъ курієръ зъ Москви до ясневел., который обявилъ, что Горленко и Максимовичъ якоби получили отпускъ зъ Москви, да писано до Люки, чтобъ генералъ порутчикъ Шверинъ буде сюда знову въ корпусъ Украинскій и что ему красная дана лента.

Неделя. 27. Сей день былъ противъ вчорайшого и студенѣйшій, ночъ такова жъ. Обѣдалемъ у сестри, куда потомъ п. Михайло пріехалъ зъ панею, Люка и Бокъ, который и кровъ зъ ноги пускалъ, потомъ пріехалъ князь Шаховскій, брегадиръ и родитель мой и погодя отехали, а мы играли въ сенкилѣю зъ моимъ и Лючинимъ проиграшомъ.

Понеделокъ. 28. Сей день былъ студений же и ночъ такова жъ, толко зъ вѣтромъ. Обѣдали ясневел. у князя и протчія, и мы зъ родителемъ, а по банкетѣ ездилисмо до сестри зъ п. Михайломъ и Люкою, где играли въ карти. Сестра женѣ моей подарила кунтушъ покойной тіотки отласовий.

Вовтор. 29. Сей день былъ вѣтряний велми, ночъ тихайшая, холодніе. Обѣдали гетманъ, князь и проч. и я у Мануйловича, асаула енер. Родителка пріехала въ Глуховъ зъ братами.

Середа. 30. Сей день былъ теплѣйшій отъ вчорайшого и ночъ такожде, а въ ночѣ снѣгъ и дожчъ. Сегодня обѣдали гетманъ, князь Шаховскій и протчіе, родитель и я у брегадира Арсеніева, а у вечеру ездилъ князь, родитель и я къ сестрѣ на пастовникъ, и оттуду посидя мало, отехали.

Четвер. 31. Сей день былъ велми вѣтрянъ зъ жестокою метелицею, толко не холоденъ, ночъ такова жъ, а тихшая мало. Сегодня обѣдали у насъ гетманъ, князь, брегадиръ зъ женами и протч., и подпіяли отчасти.

1731 годъ. Януарій мѣсяць.

Пятокъ. 1. Сей день былъ теплій и мокрий и снѣжний, ночъ такова жъ была. Рано зъ родителемъ былисмо у князя Шаховского, котoрий отъ его величества родителеви подарилъ коляску зъ Почепа привезенную, подобно Мазепианскую еще. Банкетъ былъ у ясневел., где многіе кушали, а потомъ пріехали въ домъ уже вечоромъ.

Субота. 2. Сей день былъ холоднѣйшій, такова жъ и ночъ. Сегодня обѣдалемъ у сестри, на пастовнику, зъ Грабянкою Гад. и Миклашевскимъ Стефаномъ и панею его, а повернувшись.... знову ездилемъ въ городъ до п. Михайла, где зъ нимъ и п. Павломъ, Миргородскимъ пол., и Люкою игралемъ въ карти въ кадрилью. Коляску дарованную отъ имени его величества родителеви.... при брегадиру Арсеніеву, при Батурину и при Стефановичу, сот. Лохвицкомъ, прислалъ сегодня князь въ дворъ нашъ.... Лисенко, асаулъ енер. пріехалъ въ Глуховъ зъ женою своею судится. (?)

Неделя. 3. Сей день былъ и ночъ одного состоянія безъ.... зъ вчорайшимъ. Сегодня рано былемъ у князя, куда пріехалъ брегадиръ Батуринъ, п. Петро, Луб. пол., и Грабянка Гадяцкій. Обѣдали гетманъ, князь, брегадиръ и протчіе у сестри, на пастовнику и подпіяхомъ. Князь давалъ мнѣ читать вѣдомости ясневел—го, зъ которихъ показуетъ по конектурамъ и сказкамъ, татаръ и турковъ къ войнѣ якоби на насъ намѣреніе.

Понеделокъ. 4. Сей день и ночъ были помѣрно холодніе и похмурніе. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ, а матка и жена у ясневелможной, а по обѣдѣ ездилемъ до п.п. Павла и Петра Апостоловъ, и съ ними и панѣями ихъ повернувшись, играли у мене въ сенкилѣю долго, зъ моимъ малимъ проиграшомъ и п. Павловимъ. Сестра Толстая зъ другою сестрою Чарнишевою били у мене у вечеру жъ и первой князь Шаховскій подарилъ табакеръ сребраную.

Вовтор. 5. Сей день былъ похмурний и ночъ, однако жъ помѣрно холодновати. На водосвятіи, въ навечеріи былъ у Анастасіевской церквѣ, зайшолъ къ гетману, где чарку водки випивши, повернулемся въ домъ, где дядка пана Федора засталемъ и вечералисмо вкупѣ всѣ.

Крещеніе. Середа. 6. Сей день былъ похмурний и ночъ, але холодновати. Служби слухалемъ у с. Николая въ церквѣ; по службѣ пріехалемъ домой, где засталемъ сестеръ обоихъ, Толстую и Чарнишеву, пріехавшихъ, потомъ они и я поехали на пастовникъ и тамъ обѣдали. У вечеру ездилемъ до п. Михайла, где съ нимъ и п. Петромъ и панѣями ихъ игралемъ въ карти, въ сенкилѣю, зъ проиграшомъ. Полковникъ Вишневскій пріехалъ въ Глуховъ и при немъ вина венгерскіе многимъ числомъ для ея величества вивезеніе зъ Венгеръ. Отъ тютюнника Калюжновского отобралъ Вѣжовскій зъ господаремъ тютюну 43 пуда и фунт. 20, а лѣка 1972 папуши.

Четвер. 7. Сей день былъ сперва пахмурний, а потомъ випогодился, ночъ ясна, да очинь холодна. Увѣдомилемся сего ранку, что принесена грамота ехать въ Москву пану гетману, а у вечеру указъ присланъ ехать туда князю Шаховскому. Обѣдалемъ въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ, где и долго просидѣвши после вечори повернулемся назадъ. Полковника вси и

старшина позездились въ Глуховъ. Грамота принесена объ осторожности зъ турецкой сторони. У Количова дочь родилась.

Пятокъ. 8. Сей день и ночъ были ясніе и холодніе. Принималемъ тинктуру проносную, 100 капель въ винѣ, и имѣлимъ столцовъ зъ 19. У вечеру сестра Толстая пріехала къ намъ и розохотившись подпіяхомъ.

Субота. 9. День и ночъ такіе жъ были, якъ и вчора. На Сварковъ зъ грамоти данной мнѣ послалъ копію до сотника Глуховского черезъ Пѣщанского, такъ же до п. пол. Луб. другіе крѣпости на Сухонос. и Перервинцѣ. Обѣдалисмо у себе зъ родителми, п. Яковомъ швакгромъ, п. Федоромъ дядкомъ. У вечеру ездилемъ до Количова поздравлять его дочерю, которого жевѣ и ефимкомъ почтимъ. У вечеру былъ у мене п. Михайло и посидя отехалъ.

Неделя. 10. Сей день былъ холодний и похмурний, ночъ холодна и снѣжна. Рано былемъ у князя и у гетмана, обѣдалъ у Количова, где было крещеніе новорожденной его дочерѣ. У вечеру заехалъ къ сестрѣ.

Понеделокъ. 11. День и ночъ были свѣтліе и холодніе. Обѣдали у насъ зъ родителми п. Федоръ дядко, Петро Троцкій, п. Яковъ швакгеръ, а по обѣдѣ матка поехала въ Роменъ. Купилемъ штофу 12 локоть по 30 а. локоть у Юрія Grека. Слѣдовали енералная старшина и полковники полкъ лубенскій и приговорили Сухоносовцѣ, Токарамъ, Кулажинцямъ быть по 8-му пункту рѣшителному, а о Перервинцяхъ ничего не упомянуто, для того, что о семъ велено князю Шаховскому слѣдовать [1]).

Вовтор. 12. День былъ холодний и свѣтлій, ночъ похмурна мало. Обѣдалисмо у князя и также гетманъ, гетманова и протч. для того, что імениница жена его Татяна Дмитровна. Сестра Толстая прислала мнѣ на шлафрокъ штофу блакитнаго 14 локоть и сама была у вечеру.

---

[1]) Рѣчь идетъ о „генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ“.

Середа. 13. День холодний и похмурний, и ночъ такова жъ. Рано былемъ у князя, у гетмана, а обѣдалемъ у сестри, по обѣдѣ заехалемъ до брегадира и тамъ посидѣлемъ, а князь, родитель и дядко г. Федоръ до сестри ездили и подпивали. Повернулся господаръ Бузинскій зъ Пироговки и обявилъ, что тамъ еще по нынѣшній день имѣется дерева—колодъ четверосаженнихъ 50, а тресажен. 8, давнихъ колодъ тресаженнихъ 37, бруссяя 101.

Четвер. 14. День сперва теплій и похмурний, потомъ свѣтлій и холодний, и ночъ таковажъ. Князь Шаховскій пріехалъ до гетмана, где при собраніи всѣхъ читали слѣдствіе здѣлавшееся полку Нѣжинского. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ, а въ вечеру были у князя. Князь у лазнѣ мился у насъ зъ княгинею. Купилемъ у Грека цепочку до часовъ сребраную за 2 р., да пару хустотъ бавелняныхъ за рубль,

Пятокъ. 15. Сей день былъ похмурний, а потомъ свѣтлий и ночъ такожъ, свѣтла помѣрво, холодніе. Позичилемъ Івановнѣ Авдоттѣ, тутейшой купецкой женѣ, 200 р. и 20 червонних, иностранних, а имѣетъ тѣ денги отдать въ пріидучий 1732 годъ, въ семъ числѣ, и карту отъ ея взялъ взялъ. За пузамента и за пѣтли заплатилемъ ей же 22 р., да Греку Юрію за матерію 10 р. и 8 гривенъ, да давнихъ заплатилемъ 8 р. Гетманъ Данило Апостолъ и внязь Шаховский поехали въ Москву и при гетману Турковскій, Лисенко и Борозна. У вечору былъ я у сестри, где Семенъ Лизогубъ билъ же и обѣщалъ ей, сестрѣ, подарить зъ своихъ дѣдовскихъ маетностей деревню. Оттоль заехавши до п. Михайла, игралемъ съ нимъ и п. Петровою въ кадрилѣю. До архиерея Чернѣговского послалемъ Василя, молодика, зъ писмомъ, скаржачимъ на попа Крисковского.

Субота. 16. День похмурний и помѣрной холодомъ, ночъ похмурна жъ и еще теплѣйшая. У Худолѣя купилемъ пару коней за 30 р. Трощинскій былъ у мене и позиченнихъ давно 20 р. отдалъ. Зъ Крисіокъ привезено куѳу горѣлки въ 10 носат. и 6 кварт. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ и п. Федоръ дядко, п. Яковомъ швакгромъ, Галенковскимъ, писаремъ полк. Прилуц., а

жена обѣдала у сестри на пастовнику. Офонка и Анна, имѣючие завтра брачитись, были зде и просили на свою сватбу.

Неделя. 17. День сей былъ вѣтряний, потомъ снѣжний зъ метелицею и ночъ такова жъ. У сестри Толстой была сватба, девка ея Анна отдана за Афонку, служителя ея, и друга сватба—крепосніе ея брачились; мы обѣдали тамъ зъ женою, также родитель и п. Михайло зъ панею. У вечеру былемъ у обозного енер. и посидѣвши отехалемъ.

Понеделокъ. 18. День сей былъ помѣрний холодомъ и ночъ такова жъ, а потомъ стала ясна и погодна. Обѣдалемъ у сестри и снималъ зъ Анни, сестриной девки бившой, по обичаю веселного батка, бавелницу и подарилъ имъ коня. Полкъ Чернѣговскій читанъ, причемъ Богдановъ, полковникъ Чернѣговскій, спорилъ, претендуючи себѣ маетностей швакгровъ моихъ Полубот. Полѣтовичъ, чернець, явился у сестри зъ Москви. У вечеру билъ я знову у сестри и играли въ карти 5 насъ, до полночи.

Вовтор. 19. день былъ мокротеплій, ночъ такова жъ зъ вѣтромъ полуденнимъ. Рано былемъ у гетмановой, а потомъ зъ родителемъ у брегадира, где ради вчерайшого его тезоименитства многіе кушали и мы; у вечеру былъ я у п. Михайла, где у кадрилѣю играли, съ нимъ, панею его, п. Петровою.

Середа. 20. Сей день былъ похмурний и ночъ холодомъ средніе. Молебствіе было соборное въ церквѣ Іліи, при пушечной стрелбѣ, для того, что сегодне произведеніе было на престолъ ея величества. Сегодня слѣдствіе енералною старшиною и полковниками по силѣ пунктовъ рѣшителнихъ чинившееся, окончено. Обѣдали у насъ дядко п. Федоръ, Ханенко, судди Стародуб., и Василий Танскій, полк. Переясловскій. По обѣдѣ поехавши до п. Михайла, игралемъ тамъ въ карти до полночи и после полночи повернулемся домой, а играли я, п. Михайло и панѣ его и п. Петровая, полковница Луб. Зъ Крисіокъ другую куѳу горѣлки простой въ 9 носат. прислалъ староста тамошний.

Четвер. 21. День былъ вѣтряний и холодний, похмурний, ночъ випогодилася была сперва, потимъ похмурна жъ стала, а хо-

лодна. Обѣдалисмо у себе зъ п. Федоромъ дядкомъ, по обѣдѣ пріехалъ Каневскій, судця Чернѣговскій, а потомъ п. Михайло, по отездѣ же его, Борковскій и п. Войцеховичова. Панѣ гетманова поехала въ Кучеровку, п. Петрова въ Лубенскій полкъ. Составилемъ виписку зъ розиску о степу Куренскомъ (с. Курень Конотопск. у.) прошлого 1730-го году сент. 2-го дня, хоружимъ енер. Якимомъ Горленкомъ чинившогося, для посилки въ Москву до п. гетмана.

Пятокъ. 22. День сей похмурний, однакъ холодний, и ночъ такова жъ. Сватба была въ квартерѣ князя Шаховского: князь Іванъ Понкратіевичъ Шаховскій женился на Гавриловой Милорадовичевой [1]), где многіе били и кушали. Женѣ далемъ для росходу ея дорожного 5 р. Въ пріемѣ у Вѣжевского было всего по сей день воску 25 пуд. и 14 фунт., зъ которого въ росходѣ по сей же день полтора пуд. и 2 фунт. Решти зась всего воску 23 пуда и 32 фунт. Сестра пріехала зъ Гамалѣевки, до которой ездила жена и простилась, она жъ дала женѣ постѣль.

Субота. 23. День былъ вѣтряний и ясний и тепловѣлѕотний, ночъ зъ болшиимъ вѣтромъ, толко холоднѣйшая. Обѣдалисмо зъ род. у князя Шаховского Понкратіева, ради сватби его. Жена поехала зъ Роменъ. У вечеру заездилемъ до п. Михайла и сестри.

Неделя. 24. День похмурний зъ сухимъ морозомъ, чего ради серенъ сталъ, такъже и ночъ. На службѣ у церквѣ княжой билемъ. Обѣдалемъ у п. Михайла, зъ которимъ ездилемъ до сестри играть въ карти, играли и виграломъ. Комедиянти полского короля, которимъ жалованне годовое по 40000 р., поехали въ Москву, и Глуховъ проехали. У сестри били родитель, п. обозний енер. и посидя поехали.

Понеделокъ. 25. День и ночъ такови, якъ и вчорайшіе. Алексѣй и слуга пріехалъ и привезлъ риби 1140 поголовя и щукъ 80 вялой, да тютюну бокуну 4050 папушъ, а облѣкъ Яковъ Тарасу далъ доправлять. Обѣдалисмо дома, а у вечеру били у сестри зъ род., которая мнѣ вибрать 8 книгъ позволила, два атляси,

---

[1]) Гаврило Милорадовичъ—бывшій Гадяцкій полковникъ.

воротномъ владѣніи. Во утвержденіе же сего моего запису, при нижеподписавшихся отъ мене персоналне упрошенныхъ свидѣтеляхъ, своею оній рукою подписую и печать прилагаю. Къ сему запису подписался Яковъ Чарнишъ. По прошенію устному бунч. товариша Яково Чарниша, къ сему вѣчистому запису во свѣдителство полковый Черниговскій хоружій Іванъ Булавкинъ руку и печать приложилъ. Къ сему вѣчистому запису, по устному бунч. тов. п. Якова Чарниша прошенію, во свѣдителство полковый Черниговскій сотникъ Ѳедоръ Посудевскій руку и печать приложилъ. По прошенію устному б. т. Якова Чарниша къ сему вѣч. запису во свѣдителство бунч. товаришъ Григорій Стаховичъ руку и печать приложилъ. По прошенію словесному б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному запису полку Переяславского сотникъ Березанскій Василій Думитрашко Райча руку и печать приложилъ во свѣдителство. На прошеніе словесное б. т. п. Якова Чарниша къ сему вѣчному (sic) запису полку Нѣжинского сотникъ Батуринскій руку и печать приложилъ Алексѣй Демидовскій.

Року 1745, мѣс. июля 5 дня. Сей вишеписанній записъ войсковимъ канцеляристомъ Яковомъ Чарнишомъ о опредѣленіи въ посагу женѣ своей Марѳѣ Степановой дочери Шираевнѣ въ награжденіе, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ дополненіе записанной предъ симъ третой части недвижимихъ добръ, а именно, въ городѣ Батуринѣ, на реки Сеймѣ, двохъ колъ мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, двора шинкового, двохъ колъ мучныхъ и третого ступного, да въ сотнѣ Воронежской Красного хутора зъ мелницею, сѣнокосами, зъ пущею, зъ полемъ пахотнимъ, учиненній, при доношеніи его, Чарниша, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи персоналне презентованъ и даби оной записъ въ предъслѣдуючіе времена при своей силѣ и крѣпости ненарушимъ былъ, по прошенію его Чарниша, мы нижевиряженній урядъ мѣскій Глуховскій оній записъ урядовне, съ подписомъ рукъ нашихъ и приложеніемъ урядовой обикновенной печати, сконфирноваіъ, въ книги мѣскіе Глуховскіе точно вписать и по уписаню, яко по требуючой сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи видать приказали року и дня вишеписанныхъ. Сотникъ Глуховскій Демянъ Туранскій. Григорій Кологривий, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Юрій Даниловъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандзокъ (?). Писарь Ѳедоръ Вилчикъ. Ратуша Глуховского содержащій протоколъ Романъ Курбатскій.

1745 году, іюля 15 дня. Сей вишеписанний записъ войск. канцеляристомъ Яковомъ Чарнишемъ о опредѣленіи въ посагу женѣ свой Марѳѣ Стефановой дочери Шираевнѣ, во мѣсто отшедшихъ мелницъ, а въ дополненіе записанной предъ симъ третой части недвижимихъ добръ, а именно; въ городѣ Батуринѣ, на реки Сейму, двохъ колъ мучнихъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповкѣ двора шинкового (*и т. д. слѣдуетъ перечень, какъ и выше*) учиненний, которой на урядѣ сотенномъ Глуховскомъ конфѣрмованъ и при доношеніи его, Чарниша, въ сотенной Кролевецкой канцеляріи презентованъ, и дабы оный записъ въ предъслѣдуючіе времена при своей силѣ и крѣпости ненарушимъ былъ, по прошенію его, Чарниша, ми нижевираженный урядъ мѣскій Кролевецкій оний записъ урядовне съ подписомъ рукъ нашихъ и приложнннемъ урядовой обикновенной печати конфѣрмовавъ, въ книгу мѣскую Кролевецкую точно вписать и по вписанію, яко потребуючой сторонѣ, ему, Якову Чарнишу, зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи видати приказали, року и дня вишшеписаннихъ. Атаманъ сотенный Кролевецкій Іванъ Зубаха. Писарь сотенный Кролевецкій Климъ Мосцѣпановъ. Хоружій сотенній Ігнатъ Герасименко. Вишшеизображенная записъ на урядѣ сотенномъ Кролевецкомъ записанна въ книгу на л.л. 38, 39, 40, 41 и 42. (М. П.) (*Съ подлинника*).

7. Духовное завѣщаніе войск. канцеляриста Якова Чарныша. 1745 г., 27 декабря.

Во имя Пресвятия, Единосущнія и Нераздѣлимія Тройцы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Понеже Создатель мой Христосъ Господь даровалъ мнѣ скалѣченемъ ноги моея немалую болѣзнь, которою я ізъ 1744 году, отъ августа мѣсяця по мѣсяць декабръ сего 1745 года, былъ одержимъ, а декабра мѣсяця не ощущая здоровья и не уповая болше жить, но еще и въ болшой чехотной отъ кашлю болѣзни будучи, однакъ имѣючи добрую памятъ, і здравый мой разумъ, симъ остатной волѣ моей тестаментомъ учинилъ нижеслѣдующее: 1) Душу мою, грѣхами окаляннную, кровиею же Христа Спасителя моего искупленную, вручаю въ руцѣ его Спасителевы. Тѣло же мое по христіанскому обычаю погребсти въ мѣстечку Кролевцѣ, близъ костей матки моей и учинить подлежащее помяновеніе женѣ моей, Марфѣ Шираевнѣ, завѣщеваю. 2) Хотя нѣкоторіе деньги по смерти покойной матки моей оста-

лись были и содержались въ Даніила, священника протопопіи Кролевецкой села Подолова, и которіе денги взяти мною за проданній, состоящій на предмѣстѣ города Глухова, на Веригинѣ, дворъ, у его велможности ассаула войскового генералного пана Петра Валкевича, тѣ всѣ денги за аккуроване мене и за лѣчбу скалѣченной ноги іздержанны, такъ что и нѣчего ізъ денегъ не осталось, въ чемъ вѣсть Христосъ Господь. 3) Каковіе добра прежде сего, зъ доброй моей волѣ, записанни мною женѣ моей, реченной Марфѣ Шираевнѣ, тому запису моему буть при своей силѣ ненарушимо всегда, яко она за собою принесла вношеня денгами и другихъ добръ не на малую сумму. 4) Понеже по исчисленію моему зъ упомянутою женою моею явилось тое, что уже тому назадъ мѣсяцей ісъ четире, какъ оная жена моя отъ мене стала обремененна, для того всѣмъ добрамъ по природному наслѣдію на мене спадаючимъ (зверхъ записѣ отъ мене женѣ моей опредѣленнимъ) буть за нею жъ женою моею Мареою Шираевною и за наслѣднемъ отъ мене понесшимъ, а ею родячимся, вѣчно; ежели жъ бы тое наше наслѣдіе по волѣ Божіей умерло, то самой женѣ моей предпоказанной оними добрами (не щитая въ то число, что ей записомъ отъ мене опредѣленно), если она пребудетъ во удовстве, владѣть безъ препятствия, такъ какъ о удовствующихъ женахъ по правамъ Малороссійскимъ дозволено; если жъ бы она имѣла посягнуть замужъ, то оние добра должни спасти во владѣніе ближнему моему родственнику, а онъ долженъ женѣ моей то наградить, что она зъ своего імѣнія на помяновеніе души моей істераетъ. 5) Сей вишшеписанній, зъ доброй памяти моей учинений, тестаментъ утверждаю буть вѣчно при своей силѣ и для того на немъ своеручно подписуюсь и о подписъ свѣдителей нижеподписавшихся, тако жъ по написаню сего тестаменту стороннего человѣка упросилъ. 1745 году, декабря двадцять семого дня. Сей мой тестаментъ подписомъ руки моей я утверждаю войсковій канцеляристъ Яковъ Чарнишъ. У сего тестаменту свѣдителемъ билъ ґенералний подскарбій Михайло Скоропадскій и по прошенію пана Якова Чарниша наономъ подписался и печать свою приложилъ. У сего тестаменту свѣдитель билъ войсковий товаришъ Іванъ Пуховичъ и по прошенію пана Якова Черниша на ономъ подписался и печать свою приложилъ. Сего тестамента будучи отъ пана Якова Чарниша призваннимъ, оній тестаментъ зъ волѣ его пана Чарниша писалъ и въ томъ подписался Глуховской ратуши писарь Семенъ Евсѣевъ.

Року 1745, декабря 27 числа. Сей вишеписанній тестаментъ отъ войскового канцеляриста Якова Чарниша при писмѣ въ Глуховскомъ сотенномъ правленіи презентованъ и по прошенію его, Чарниша, чтобъ оной тестаментъ при своей силѣ былъ, мы нижевиряженний урядъ мѣскій Глуховскій оній тестаментъ подписомъ своихъ рукъ и приложенемъ урадовой печати сконфѣрмовавъ, въ книги мѣскпе Глуховскпе точно вписавъ и обратно ему Чарнишу, яко потребуючей сторонѣ, отдать въ сотенномъ Глуховсломъ правленіи приказали. Року и числа вишеписаннихъ. Сотникъ Глуховскій Дамянъ Туранскій. Григорій Кологривий, атаманъ Глуховскій. Войтъ Глуховскій Гаврило Яковлевъ. Бурмистръ Глуховскій Іосифъ Мандз.. Бурмистръ Глуховскій Іванъ Красовскій. (М. П.) *(Съ подлинника).*

8. Опись движимости, оставшейся послѣ смерти Марфы Степановны (по второму мужу) Скоропадской, въ Подоловскомъ домѣ. 1764 г., 4 марта.

Въ сотенную Кролевецкую канцелярію. Доношеніе.

Сего 1764 году, минувшого февраля 29 д., мать моя родная Марѳа Стефанова дочь, по первому мужу, а моему отцу, Чарнишева, волею Божиею, оставя імѣние недвижимое и движимое, (до которыхъ я законная наслѣдница), безъ всякого писменного роспредѣленія, умре, а яко нынѣ дядя мой родной повету Стародубовского подкоморій Михайло Ширай, тако жъ і тетка родная, удовствуючая сотникова Новгородская Параскевия Судденкова, (коимъ я отъ матки въ опеку поручена) і находятся на лицо зде въ деревнѣ Подоловѣ и въ присудствіи ихъ и другихъ родственниковъ, для знания моего впредь отъ уряду сотенного нарочнихъ старшинъ определить для переписки техъ прописаннихъ наличностей, того ради сотенной Кролевецкой канцеляріи прошу намѣненнихъ нарочнихъ, въ силѣ правъ Малороссскихъ, для переписѣ недвижимихъ, а паче движимихъ імѣній всякую вешь порознь, прислать і о томъ учинить въ силѣ указовъ и правъ, Малороссійскихъ определение. Въ подленной подписъ—Анна Чернишева. 1764 г., марта 4 д. *(Съ копіи).*

По поданному умершой подскарбіевой генералной Марфы Скоропадской, по первому мужу Чарнышевой, отъ дочери ея Анны Яковлевны Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію доношенію і получѐнному наономъ определенію, я нижеподписавшійся, съехавши въ село Подоловъ, въ жилой ея Чарнишевни домъ, въ

прысудствіи самой ея і родного ея дядѣ повѣту Стародубовского подкоморого Мыхайла Ширая да тіотушки удовствующой сотниковой Новгородской Параскевіи Судденковой і на тотъ часъ случившихся двоюродныхъ братей ея, бунч. товарыша Івана Федоровича Ширая, да повету Стародубовского коморника Івана Василіевича Заводовского, учинилъ описаніе наличныхъ движимыхъ ея Чарнишевны, въ наслѣдие по смерти матки ея оставшихся вещей, якіе ниже сего іменно показанны. 1764 году, марта 4 дня.

Скрынка сребная стронозолоченная. Подносъ болшой зъ двома ушкамы, другой подносъ зъ трома ножкамы, третий подносъ на седесѣ, четвертый подносъ « ». Конва болшая, вызолоченная, зверху орелъ Ковшъ старосвѣцкій, зъ колцемъ. Чашка полоскателная зъ двома ушкамы. Коновочка визолоченная зъ середины и зверху, коновочка зъ гербомъ, вызолоченная. Чайникъ. Лѣхтарыкъ. Двѣ солянки. Стаканъ зъ крышкою, вызолоченній, зъ трома ножкамы; стакановъ два, зъ двома крышкамы. На чай фляжка зъ крышечкою. Сахарница гладкая, болшая, другая меншая, гладкая жъ. Кофейникъ гладкій, болшій, кофейникъ другий, гладкій, меншый, кофейникъ третій, болшой, на трехъ ножкахъ. Кубковъ рысованыхъ 12, чарокъ рысованыхъ 12. Лыхтаръ зъ трома кружкамы. Чайникъ зъ ланцужкомъ сребнымъ. Пукалъ на старыку, зъ выноградною ценкою, пукалъ другій, пестро визолоченный. Ложокъ 10, пестро позолоченные, да 4 ложкы суто вызолоченныхъ; ложокъ 2, подъ смалцемъ, складныхъ, ложокъ сребныхъ гладкыхъ 16, ложка болшая столовая. Рѣпокъ 6 вызолоченныхъ. Подносъ зъ трома лѣхтарыкамы, каламаремъ і пѣсочницею. Чарокъ 12, зъ ушками. Двѣ солянкы на трехъ ножкахъ, вызолоченние. Чайныхъ ложечокъ 6, щипцѣ шандалние, а другие сахарные. Ножей сребныхъ 13 паръ, въ пуделку зеленомъ состоящихъ, тамъ же дье пары малыхъ і вылкы едны зъ четырма зубцамы, два обухы, сребромъ оправленніе. Пѣрначъ сребный, позлочыстій. Шабля подъ сребромъ, старынная, смаху (?) переломлена. Ладунка сребная зъ тесемкою пестрою. Сагайдакъ зъ ланцужкамы срѣбнимы пятма, сагайдакъ другий, зъ ланцужкамы срѣбными осма позлочыстимы. Ножовъ 12, безъ вѣделокъ, вновъ зделанныхъ. Рондъ на сафянѣ красномъ, сутопозлоцаный, рондъ на срѣбномъ пузументу, рондъ еще на сафянѣ красномъ, суто позлоцаній, рондъ на сафянѣ, старій, зъ ланцужкамы і чесыками, рондъ зъ пудламы срѣбными, рондъ съ пудламы позлоченними, рондикъ порванній зъ пудламы сребнимы, ронзыкъ старынній, на чорномъ ремнѣ, съ пудлыками, двохъ ронзыковъ прыголовя

зъ пудлыкамы. Подносецъ сребной до щипцовъ. Въ шкатулкы, красною байкою выбитій, флядъ домынажъ, сребной, въ коемъ вѣсу 10 фунтовъ, кромѣ двохъ фляшокъ, на коихъ мало сребра. Ларчыкъ сребной подъ стекломъ, зъ персонкамы. Вееръ въ чорномъ пуделочку. Золотыхъ ланцужковъ шесть, вѣсомъ два фунты. Жемчужныхъ 8 нетлыцъ, съ протчимъ разнымъ жемчугомъ два фунты і семъ золотныковъ. Еще въ четырохъ ланцужкахъ золотихъ 22 лота. Серги золотие, рубыновие, серги золотие подъ смалцомъ, серги золотие съ перлынамы, серги золотие зъ бреліянтамы, серги золотие зъ высяцимы камушкамы, серги белие, болшие, алмазние. Перстніовъ два бреліянтовыхъ, еще перстневъ золотыхъ зъ разними камушкамы 18, да обручыковъ золотихъ два. Бантъ алмазній. Крестъ рубыновій, въ срединѣ шафѣръ. Складня старынная, позлоцанная, зъ разнимы простими камушкамы, на чорной лентѣ, складня золотая зъ краснимы і зеленимы камушками. Цепка золотая отъ часовъ. Коначковъ золотыхъ 11, зъ разнимы камушками. Запонокъ 3, позолоченныхъ. Трейзовка зъ краснымы камушкамы. Запонка сребная, зъ фіялетовимъ камушкомъ. Ѳузѣковъ 6 золотыхъ, зъ блакытными цветками. Восемъ золотниковъ разныхъ маленкыхъ вещей золотихъ. Часы золотие зъ репетиціямы, безъ цепкы, часы другие золотие, зъ цепкою, безъ репетицѣи, зъ ключикомъ. Лакончикъ парломотной на мушки и румяна. Камушковъ болшихъ одинъ шафѣръ, а маленкихъ съ 30, да красних мелкихъ съ 30, скалокъ рубиновъ 40, еще меншихъ до 30.

Платя і уборовъ. Ѳрадынаполю 30 аршинъ. Перевелѣ злосатой 30 аршинъ. Штофу французского 4 локтя. Перевелнее плате зъ золотымъ ꙁазомъ. Голубовой парчевой ребронъ, обложенъ сребною сѣткою. *Въ платейной скрынѣ.* Два платкы белие, шитие, таѳяніе, платокъ шитой белой золотомъ, платокъ таѳяной, красній на столикъ, зъ сѣткою, платковъ два красныхъ, шитыхъ золотомъ, таѳяныхъ. Шнуровка среброглавная, зъ сѣткою сребною, (отдана сотнику Огіевскому). Карцетъ сребной, новой, незшиваной. Юпка кофейная, канавацова, золотомъ шитая, юпка бѣлая, ꙁрезетная, шитая сребромъ зъ блостками, юпка блакитная, канавацовая, шитая сребромъ. Карсетъ красной, шитой золотомъ. Шуба парчевая, жолтая, подъ куницями. Ѳарцетъ белой, крезетной, шитой серебромъ. Кунтушъ понсовой, зъ золотимъ ꙁазомъ. Кунтушъ парчевой, среброглавной, зъ карункою сребною. Ѳарцетъ жолтий, крезетной, ꙁарцетъ бѣлій, люстрынній, шитій сребромъ, ꙁарцетъ голубой, крезетной, шитой сребромъ, ꙁарцетъ жолтій, крезетной, шитій сребромъ. Юбка парчевая,

корычная, зъ сребнимъ gазомъ. Кунтушъ канавацовой, блакитной, зъ сѣткою gазовою, кунтушъ жолтой, люстриннiй, зъ срѣбною сѣткою, кунтушъ рытого бархату, кривавой, зъ сребною сеткою, кунтушъ бѣлiй, парчевiй зъ сѣткою сребною, кунтушъ бѣлiй, парчевiй, зъ золотимъ gазомъ, кунтушъ зеленiй, парчевiй, зъ срѣбною сѣткою. Семъ бритъ (?) шитыхъ сребромъ. Gрезеты алой на юпку. Павилiонъ красной, разноцвѣтной, павилiонъ таѳти полоцатой. Запаска парчевая, фиялетова, запаска парчевая, блакитная, запаска парчевая, среброглавная, понсовая, запаска парчевая попелястая. Парчѣ шматъ алой трохъ локоть. Юпка парчевая, разноцвѣтная, зъ срѣбною сѣткою, юпка зеленая парчевая, безъ сѣткы. Кофтъ парчевой, зеленой, старiй, кофтъ парчевой дибчатой, старой. Запонъ две, китайской парчѣ. Парчѣ сутой золотой, въ двохъ шматкахъ, чтири локтѣ. Двѣ мантилѣ парчевие, золотие. Шуба парчевая, голубой землѣ, на черевемъ лысемъ футрѣ. Латъцкини два, одинъ золотой фондишпанѣи, а другой сребной фондишпанѣи жъ. Юпка красная, gрезетная, зъ сребною gазною сѣткою, юпка тафтовая жолтая, на баволнѣ. Башмаковъ натерыялнихъ пять паръ. Кофтъ камчатой, зъ юпкою такою жъ. Ребронъ моря белого и юпка, разноцвѣтние. Два латцкини чорние, сребние. Ребронъ і юпка gрезетние, красние, зъ сребною сѣткою, ребронъ і юпка, таѳты полосатой; ребронъ, юпка, кофтъ і gрезетъ таѳты кофейной, полосатой. Кружевние блонды. Флiоровие манжеты зъ кружевомъ. Кофтъ бѣлой, gрезетной зъ копѣшономъ. Въ футлярику пара ножиковъ сребныхъ, а зъ другого боку партретъ.

Покоевъ жылыхъ девять, зъ залею, во всѣхъ оныхъ обои бомажные, пры каждихъ дверахъ замки жолтие тулскiе, зъ желѣзнимы засовками; въ ныхъ зеркаловъ болшихъ 11, а меншихъ зъ визолоченнимы рямамы, и пры оныхъ меншыхъ присѣнние лѣхтарѣ. Канапе тры. Стулловъ красныхъ, матерыялныхъ, 6. Уборныкъ съ зеркаломъ краснимъ. Кроватей желѣзныхъ тулскихъ зъ павилiонами, двомѣстна одна, а две одиночкы. Столикъ старiй, подъ лакомъ, а въ срединѣ виложенъ фiянцомъ, столикъ черной, круглiй, на одной ножкы, столыкъ краснiй, четиреуголнiй, на чтирохъ ножкахъ, столыковъ простыхъ семъ. Кабынетъ сандалной, красной, зъ четирма шуфлядкамы, кабинетъ красной, зъ чтирма жъ шуфлядкамы, кабынетъ темнокрасной, зъ осма шуфлядкамы, и въ ономъ печать сребная покойного Чернища, да образы панагiи, тройнiе, въ сребрѣ позолоченные; кабынетъ такой же, темно красный, зъ чтирма шуфлядкамы. Образовъ подъ сребромъ два, фырма и шафа болшая въ сѣняхъ. Ковдра штофная

на красномъ полю, квѣтъ бѣлій. Перынъ болшихъ двѣ, а меншихъ двѣ, подушокъ болшихъ чтири, а меншихъ разнихъ 11. *Фарфуру три креденсъ и въ имбару.* Полоскателныхъ двѣ чашкы, молочникъ одынъ, чашокъ саксонскихъ зъ ушкамы, 14 паръ, а простыхъ 10 паръ, чайниковъ финифтовихъ саксонскихъ 4, а каменный, простій, одинъ, чашка чайная зъ мисочкою и кришкою, талѣрокъ саксонскихъ 2, подносъ фынифтовой и чтири чаркы, каменныхъ талѣрокъ 34. *Фрушталю тры креденсъ и въ амбаръ.* Румокъ водчанихъ 13, румокъ виновыхъ 36, чайникъ, молочникъ, кофейникъ, подносовъ два, съ онихъ еденъ позлоченій съ краевъ, чашокъ чайнихъ две пари, стакановъ 26, мисочокъ заедныхъ 11, глечичковъ лымоннихъ тры, чарокъ зъ золотимы краямы, маленкыхъ 5, лямпъ болшихъ две. *Въ амбаръ кладовомъ зъ'ценъ.* Чашъ круглыхъ, зъ крышкамы, оловяныхъ 6, блюдъ одинарнихъ болшихъ и малыхъ 32, талѣрокъ зубчастихъ четире дюжини безъ одной, талѣрокъ простыхъ 64, фляшка круглая медная болшая, мортировъ меднихъ 8, три пушки медніе. Сѣдло гаптованное, зъ красною подушечкою. Ларчикъ красній, порожнѣй, скринечка жестяная зъ сахарницямы. *Въ первой скрынѣ красной.* Женскихъ рубашокъ 128, полотна 48 штучокъ. *Въ другой скринѣ белой, дубовой.* Рубашокъ швабскыхъ 102, баволницъ штукъ две, а третая начатая, обрусовъ швабскихъ 4, семъ швабскихъ же обрусовъ, серветъ швабскихъ штукъ 8, обрусъ маленкій, швабскій одынъ, ручниковъ швабскихъ 6, серветъ швабскихъ дюжиновъ пять, батисту полотна штука, постелей тры фарбованыхъ, ручниковъ шитыхъ 30, а тканихъ 10, ручниковъ гладкихъ 2. *Въ третой скринѣ бѣлой.* Скатертей штукъ 25, салфетъ штукъ 12. *Въ четвертой скринѣ.* Коверъ постриганой, дамчатой, коверъ постриганой, красной, коверъ постриганой, голубой, разноцвѣтной, коверъ постриганой, разноцвѣтной же, коверъ постриганой, красной, столбовой, коверъ бѣлой, постриганой, болшой, старой, килимъ старій, разноцвѣтній, по красномъ полю, килимъ новий, разноцвѣтній по зеленомъ полю, килимъ полосатій, килимъ другій полосатій, килимъ третій, полосатій же, неболшой, килимъ четвертий, полосатий же, коверъ постригатій весма старий. Зеркало болшое съ полотенкомъ, зеркало другое въ ящику озолоченномъ, а третое, меншее, въ ящики такимъ же. *Въ пятой скрынѣ бѣлой.* Уборъ на канапе, тканой, волосяній, павиліонъ красний полутабенковой, старий, зъ сребнимъ позументомъ, павиліонъ сытцевій со всемъ уборомъ, кришка штофная, красная, зъ белымъ, на столикъ, скатертей штука една, серветъ четири штуки, скатерть еще одна, полотна на-

битого штука, коверъ еще постриганой разноцвѣтной, по красномъ полю. *Въ шестой скрынѣ жолтой.* Платя лакейского, нѣмецкого, василкового сукна, швабскихъ нешитихъ рубашокъ 4, павиліоновъ 3, скатертей штукъ 3 тканихъ, а 6 шитыхъ, простиръ 5, между коимы одна швабская, наволочокъ белыхъ 9. *Въ семой скрынѣ белой, дубовой.* Сѣдло по зеленомъ бархату гаптованное, зъ платомъ, подъ ящуромъ, а другое сѣдло красное, гаптованое. Крышокъ красныхъ отъ хамутовъ суконныхъ 6. *Въ осмой скрынѣ белой.* Плахотъ простихъ 9. *Въ девятой скрынѣ.* Килимъ разноцвѣтній, фартуховъ до саней тры. *Въ десятой скрынѣ* положенно книжокъ разнихъ 30, а *другая скрыня, менщая*, вся полна рускихъ и латинскихъ книгъ. Три полы футра соболіого старого, на лошадей верховыхъ поповъ барсовихъ 3, балдахынъ тафтофій зеленій. Китайской кабинетчикъ. Кухва меду бытого. Доска аспѣсовая чорная. Погребецъ медной, въ немъ фляшъ 8, погребецъ ґданской, въ коемъ пляшокъ болшихъ 4 и малыхъ 4, а двѣ лежачіе. Пуздерко простое, пляшъ 6 болшихъ, пуздерко шліонское, пляшъ болшихъ 3, а меншихъ 4, пуздерко простое, пляшъ 5, пуздерко красное, пляшъ 4 болшихъ, а малихъ 3 визолоченнихъ. Шандаловъ меднихъ 9 жолтихъ, старинныхъ, болшихъ 3, а меншихъ 6. Судно сѣдалное красного дерева, зъ лоханею медною. Сѣбѣрокъ шматъ. Сахару голова. Замковъ тулскихъ 7 меднихъ, комнатнихъ. Оружына турецкая. Лакейскихъ чоботъ двѣ пари. Ковдра великой постелы, атласная красная, новая. Велыкой чайныкъ медной, чайныковъ медныхъ жолтыхъ 3, а красной медѣ 2, кофейникъ одинъ. Сукна простого бѣлого три круги, а два чорного. Два фанарѣ болшие, жестяние. Тры кухвы вышніовки. Соли полтретѣ кухви, кримкы. Павиліонъ полосатій, старій. Красныхъ дергъ (?) три. Скриня обоевъ разноцвѣтныхъ 20 кусковъ. Кофе куліокъ. Балахонъ тафяній, красній зъ висѣчкою, и зъ капѣшономъ. Мантилія сребная, зеленая, опушеная горностаями. Башмаки парчевие, а другие перелевие. Лохань меднихъ жолтихъ—една болшая, а другая меншая. *Въ другомъ амбарѣ*, въ которомъ імѣется горѣлкы куховъ 47, а въ другомъ 6, да въ Красномъ Хуторѣ 3 кухвы. Пшеницѣ двѣ скрыне и двѣ кухве. Лембикъ медной съ кришкою. Вовни кудель скрыня. Коструль 8 меднихъ. Двадцять паръ веіщины. На горѣ, казановъ винокурныхъ 4, ленбиковъ два, смушковъ черныхъ малыхъ 5. Палатка зеленая одна. Салъ девять. Съ вынокурнѣ Подоловской казановъ робочихъ 6, трубъ 18. Карета зъ чахломъ, семостекелная, фрушталная, выбитая алимъ трипомъ. Берлинъ краснимъ

сукномъ вибитой, спереду окно; берлинъ старой, такой же, спалня роскошная, краснимъ сукномъ вибитая, козирковъ два, еденъ краснимъ, а другой блакитнимъ сукномъ вибитие. Хамутовъ уборныхъ 6, зъ красними клѣщамы, другой цуды хамутовъ 6 съ красними клѣщами, еще хамутовъ поездних, зъ маліованими клѣщами, старихъ 4, а палубнихъ тры хамута, старихъ. Бляшнихъ кантеровъ 6, лѣйцовъ ременихъ двое, шоръ старинних, лошадейнихъ, зъ бляхамы медними 6, а 8 безъ бляхъ, кантаровъ семъ безъ бляхъ, уздечокъ московскихъ простихъ 12. Лошадей цуговыхъ гнѣдыхъ 6, а темногнѣдыхъ тройка Грыгоровскихъ, да старихъ такихъ же особливо тройка, робочыхъ лошадей 8, трохъ воронихъ, чалая, рижихъ двое, половая, и клячъ сивая, да муковозской еденъ конь половой. *При дворѣ Подоловскомъ* коровъ 4, телятъ двое, воловъ робочихъ 7 паръ, свыней надворнихъ при винницѣ 33, въ сажѣ свиней 14, и подсвинковъ столко жъ. *Въ хуторѣ Красномъ.* Винокурныхъ котловъ 3, трубъ 9, воловъ одна пара, въ сажѣ свиней 12, надворнихъ 28, поросятъ пятеро. *Въ хуторѣ Менскомъ.* Пчолъ пней сто двое уставлено въ імшаникъ, овецъ старыхъ 93, козъ 4 и козловъ два, рогатого скота двадцятеро поголовя толко и кобила една въ хуторного.

Крѣпости на всѣ грунта недвижиміе и облѣки при сребрѣ, за печатю сотника Огіевского, въ наволочки, въ скрынѣ положенны при сребрѣ жъ. Вышепрописменованного сначала описѣ сребра явилось по перевѣсу одинъ пудъ семнадцять фунтовъ съ половиною и съ четтю; въ новыхъ ножахъ, безъ вѣделокъ, зъ железомъ, полчварта фунта, въ ножахъ всѣхъ, что въ пуделку зъ вилкамы, полдевята фунта, въ рондахъ зъ ремнями и удилами, 30 фунтовъ, въ сагайдакахъ 8 фунтовъ съ походомъ.

Сотникъ Кролевецкій Григорій Огневскій. Бунчуковій товаришъ Іванъ Ширай подписался и печать приложилъ.

Коморникъ повету Стародубовского Іванъ Завадовскій подписался и печать приложилъ.

Сія выпись по доношенію умершой подскарбіиной генералной Марѳи Степановни Скоропадской отъ дочери ея Анни Яковлевни Чарнишевни въ сотенную Кролевецкую канцелярію персонално поданному, наличныхъ движимихъ ен, Чарнишевни, въ наслѣдіе оставшихъся вещей въ селѣ Подоловѣ, въ домѣ жиломъ и въ футорахъ, сотникомъ Кролевецкимъ Григоріемъ Огіевскимъ въ присутствіи двоюроднихъ браттей ен, Чарнишевни, бунч. тов. Івана Ширая да коморника полку Стародубовского Івана Завадовского учинена, и по

особливому доношенію опекуна оной наслѣдници дядѣ еи родного, подкоморого полку Стародубовского Михаила Ширая, точно отъ слова до слова въ мѣскую крепостную книгу вписанна, и при сей виписѣ зъ сотенной Кролевецкой канцеляріи, при печати сотенной, въ силѣ права Малороссійского права книги Статута, роздѣла 6, артикула 4 означенному, опекуну виданна. 1764 года, марта 6 дня. Писарь сотенній Кролевецкій Іванъ Сердюковъ. *(Съ подлинника).*

9. Протестъ дочери Якова Чарныша, Анны, противъ насилій тетки ея Прасковьи Судьенковой. 1765 г., 26 марта.

По указу ея императорского величества самодержицы всероссійской, изъ полкового Нѣжинского суда г. подкоморого повѣту Менского Григория Фридрикевича женѣ Аннѣ Фридрикевичевой дана сия выпись для того: Сего 1765 году, марта 26 д., она, Фридрикевичева, въ судѣ полковомъ Нѣжинскомъ, чрезъ повѣренного канцеляриста суда земского Михаила Губаревского, протестнимъ доношениемъ представила, что въ прошломъ 1764-мъ году, февраля 28 д., по смерти матери еи, Фридрикевичевой, Марфи Степановой, по второму мужу подскарбиевой генералной Скоропадской, оставшаясь она, Фридрикевичева, въ сущемъ сиротствѣ, взята въ содержание и опекунство родними еи дядею г. подкоморимъ Стародубовскимъ Михайломъ Шираемъ и теткою, удовствующею сотниковою Новгородскою Параскевиею Степановою дочерю Судденковою, (въ которой Судденковой домѣ съ прошедшого 764 году, марта « » до 765 году, февраля по 18 число, до виходу еи, Фридрикевичевой, въ замуже за подкоморого повѣту Менского Григория Фридрикевича, безотлучно жила), а имѣние, по смерти оной еи, Фридрикевичевой, матери, оставшоесь, недвижимое и движимое, единствено на еи Фридрикевичеву спадаючое, по еи Фридрикевичевой доношению въ сотеную Кролевецкую канцелярию, прошедшого 1764 года, марта 4 д., поданному, отъ оной сотенной канцелярии описано и за оною описю тое имѣние показанной дядя еи Ширай и тетка Суденкова въ безутратное содержание приняли, съ какого имѣния болшая часть въ движимостяхъ, зъ сундуками, оною теткою еи взяти и отвезени въ домъ еи, въ Новгородокъ, къ цѣлому сохранению, чтобъ же и она Фридрикевичева съ тѣхъ своихъ имѣний чего либо и малѣйшого до виходу своего въ замуже неутратила, о томъ съ нихъ еи, Фридрикевичевой, опекуновъ, предъ упомянутимъ дядею еи взята у неи, Фридрикевичевой, подписка,

которая де отъ еи, Фридрикевичевой, для того и дана, даби де оною могла она, Фридрикевичева, свое имѣние въ случаю отъ насилныхъ вимагателствъ защитить. Но напротиву де того предреченная тетка еи Судденкова и синъ еи Иванъ Судденковъ, когда привезли еи, Фридрикевичеву, въ свой домъ, то зачали съ угрозами разними досадами и многими устрашениями принуждать еи, Фридрикевичеву, продать имъ хуторъ свой, имѣючийся въ сотнѣ Воронѣжской, прозиваемой Красной, сказивая, что мать еи, Фридрикевичевой, при своемъ скончании, говорила, даби она, Фридрикевичева, тотъ хуторъ продала еи, Судденковой, или сину еи Ивану Судденкову, неотмѣно, и денги за оной употребленни бъ били на поминовение оной умершой матери еи, Фридрикевичевой, о чемъ де она, Фридрикевичева, не толко не знаетъ, но и отъ другого никого, кромѣ ихъ, не слихала, чтобъ мать еи, Фридрикевичевой, когда либо о продажи имъ того хутора говорила; да и матери де еи, Фридрикевичевой, никакой нужды ни имѣлося ради поминовения о продажи имъ оного хутора думать или говорить, ибо де по смерти еи наличние денги, какъ на поминовение еи, такъ и для еи, Фридрикевичевой, остались, да и когда отъ сотеной Кролевецкой канцелярии, по прописаному еи, Фридрикевичевой, доношению чинена опись наслѣдственнимъ еи, Фридрикевичевой имѣниямъ, (при которой описѣ показанная тетка еи, Судденкова, зъ синомъ своимъ Иваномъ находилась), то о продажи имъ онаго хутора ни отъ оной тетки своей и ни отъ кого другого никаковаго упоминку не било да и упоминатся де ни къ чему и никому било ни изъ чего, якожде мать еи, Фридрикевичевой, умре безъ всякого о движимихъ и недвижимихъ имѣнияхъ распредѣления, какъ де о томъ и въ вишеобявленомъ еи, Фридрикевичевой, доношении въ Кролевецкую сотеную канцелярию поданому скоро по смерти матери еи, Фридрикевичевой, имено прописано. Когда же де по тѣмъ предизображенимъ правилнымъ обстоятелствамъ отъ насилной продажи оной тетки еи, Фридрикевичевой, и сину еи Ивану Судденкову она, Фридрикевичева, крайне отказивалась, то за сие самое, ожесточась, бранили еи, Фридрикевичеву, безпремѣно устрашая, что она, Фридрикевичева, всѣми людьми будетъ за проклятую признана, естли не сохранитъ матернего якоби въ продажи имъ хутора приказания, именуя оное якоби приказание, или сказание рѣчи, нѣякимсь важнимъ завѣщаниемъ. Однажо жъ де она, Фридрикевичева, съ нихъ сину тетки еи, Фридрикевичевой, упомянутому Ивану Судденкову осмѣлилась сказать, что хотя неволею они принудятъ еи подписатся на

продажи хутора еи, Фридрикевичевой, но за еи, Фридрикевичевой, виходомъ въ замуже тотъ хуторъ она, Фридрикевичева, отобрать имѣетъ, которой де Судденковъ за то осердясь, съ бр ню еи, Фридрикевичевой, говорилъ: когда де такъ думаетъ, то еи, Фридрикевичевой, по смерть въ замуже не отдадуть, а какъ она, Фридрикевичева, въ отвѣтъ виговорила, что она уже имѣетъ жениха и безъ ихъ видачи пойдетъ за него, то онъ зъ немалими укорителствами бранилъ еи, Фридрикевичеву, и ругалъ, стращая разними бѣдствиями, отъ какихъ де нападений и угрожений она, Фридрикевичева, занемогла и чуть било не умерла. Не бивши никогда въ таковихъ напастехъ и бѣдствияхъ, воображая себѣ свое безпомощное сиротство, съ которимъ они еи, Фридрикевичеву, у себя содержали въ такомъ строгомъ бережении, что никуди еи, Фридрикевичевой, не випускали, и не имѣла она ни одного такого случая, чтобъ съ кимъ либо о семъ посовѣтоватся, словомъ сказать чрезъ все то время оная тетка и синъ еи Иванъ безъ себя никуди еи, Фридрикевичевой, не пущали и когда случалось одному съ нихъ куди отлучится, то другимъ безотступно она, Фридрикевичева, бережена. А между тѣмъ де упоминаемая тетка еи, Фридрикевичевой, и синъ еи Иванъ Судденковъ вздумали и сами написали писмо, которого за обявлениемъ еи, Фридрикевичевой, яко оное написано о продажи имъ нею, Фридрикевичевою, показаного хутора, хотя де она, Фридрикевичева, отъ таковой насилной продажи, какъ и прежде того, вовся отказивалась, но оние де Суденкова и синъ еи удостовѣрая, а притомъ и оболщая еи, Фридрикевичеву, разними обнадеживаниями, сказивали, что оное писмо о продажи того еи имъ хутора въ немалую и весма въ нужную матери еи ползу здѣлано, а напослѣдокъ долговремено отказивавшуюсь еи, какъ безпомощную и беззащитную сироту, единственними своими грозними устрашениями и зъ подъ неволѣ на ономъ писмѣ принудили подписатся и просили о подписъ рукъ разновремено приезжавшихъ въ домъ оной тетки еи, Фридрикевичевой, Николая Юркевича, да сотника Случановскаго, что де она, Фридрикевичева, и исполнять за страхъ и неволю принуждена била. А послѣ, подъ видомъ разглашеного ими виезду въ еи, Фридрикевичевой, маетность Подоловъ, собравшись, показаная тетка еи, Фридрикевичевой, и синъ еи Иванъ Судденковъ взяли еи въ собою и поехали будто въ Подоловъ, не взявъ нарочно съ еи людей, при ней находившихся, ни одного слуги и ни одной дѣвки, кромѣ двохъ конюховъ, и нагло, не смотря на тогдашнюю превеликую стужу, въ откритихъ саняхъ повезли еи,

Фридрикевичеву, не въ Подоловъ, но прямо въ Глуховъ, куда и привезши позно въ вечеру, зъ жесточайшими надъ прежние устрашениями, изневоляли еи, Фридрикевичеву, во всю ночъ ихать съ ними, поутру, до суди земского повѣту Глуховского г. Дергуна и все что имъ угодно и отъ нихъ еи, Фридрикевичевой, приказано о продажи имъ оного хутора, говорить велѣли, сказивая, когда ихъ волѣ согласно будетъ чинить, то счасливою, а въ отмѣнномъ надъ ихъ волю случаи, нещасливою могутъ еи, Фридрикевичеву, вѣчно здѣлать, и не спуская еи зъ глазъ, даби она ни съ кимъ не могла видѣтся и о своей такой крайней бѣдности пожаловатся, поутру, какъ напраные разбудивъ еи, Фридрикевичеву, приказали одѣтся и, посадивъ въ сани, Иванъ Суденковъ привезъ еи въ домъ къ показаному судии Дергуну, знать съ такимъ намѣрениемъ, чтобъ она зъ своихъ рукъ персоналне подала оное писмо, на которомъ, какъ више значится, принудили еи подписатся. Однако она, Фридрикевичева, ни того писма и никакого, какъ оному судии Дергуну въ его домѣ, такъ и нигдѣ на урадѣ, никому сама персонално не подавала, а за поворотомъ еи, Фридрикевичевой, на квартеру, оной Иванъ Суденковъ написавъ въ судъ земскій повѣту Глуховского доношение и принудивъ еи, Фридрикевичеву, на ономъ подписатся, строго еи, Фридрикевичевой, какъ тетка, такъ и онъ запретили, чтобъ никому она, Фридрикевичева, не сказивала того, что онъ, Суденковъ, возилъ еи въ домъ къ прописанному судии Дергуну и того, что тамъ говорили, а потомъ онъ Суденковъ взялъ тое доношение, имѣвъ у себя упоминаемое насилно ими отъ еи, Фридрикевичевой, прежде взятое писмо, самъ, безъ еи персоналной подачи и сознатія, ствердилъ, какъ она, Фридрикевичева, увѣдомилась въ земскомъ судѣ и яко все тое тетка еи, яко опекунка, надъ долгъ и совѣсть, въ отмѣнность законовъ, учинила, содержа еи, Фридрикевичеву, въ опеки въ своемъ домѣ съ крайнѣйшою еи, Фридрикевичевой, обидою и разорениемъ и такимъ тайнимъ образомъ, что и первѣйший по правамъ опекунъ дядя еи Ширай ничего вѣдать не могъ о сей затѣенной, единствено для полви оной тетки ей, здѣлки, а безъ его согласия оной тетки еи равнаго, но первѣйшого опекуна, не токмо такого неправилного дѣла затѣвать и вимагателствъ еи, Фридрикевичевой, наслѣдниxъ имѣний дѣлать, имѣя еи, Фридрикевичеву, въ полной своей волѣ, но и правилного чего либо начинать она тетка еи, Фридрикевичевой, не должна била, такъ де по тому писму, даби она тетка сама или еи наслѣдники до обявленого Красного хутора не возжелали касатся, которой еи, Фридрикевичевой,

урядово отъ дядѣ еи, Ширая, яко первѣйшого опекуна съ протчими недвижимими еи, Фридрикевичевой, добрами при виходѣ еи, Фридрикевичевой, зъ ихъ опеки въ наслѣдное владѣние еи, Фридрикевичевой, съ наличностми отданъ, а для того де нинѣ, вишедши изъ опеки отъ оной тетки своей въ замуже, не пропуская правного времени, о всемъ предизображеномъ впредь для видѣния суду полковому Нѣжинскому претестуя и предпоказание писмо, тако жъ и доношение, яко изъ подъ неволѣ и въ отмѣность правъ отъ неи, Фридрикевичевой, взятое, которое писмо и доношение, какъ више значится, безъ персоналного еи, Фридрикевичевой, на урадѣ земского Глуховского суда признатя и подачи помянутой тетки еи Судденковой съ синомъ Иваномъ Суденкомъ въ ономъ судѣ подано, во всякомъ судѣ и правѣ вѣчними часи уничтожаетъ и опровергаетъ. При томъ же, ради предимѣючого бить отъ еи, Фридрикевичевой, на комъ подлежитъ иску, и о ниже слѣдующомъ представляетъ: первое, по виходѣ де еи, Фридрикевичевой, въ замуже, когда отъ опекуна дядѣ своего Ширая по вишенамѣненной отъ сотеной Кролевецкой канцелярии здѣланой описѣ отдача еи, Фридрикевичевой, имѣний, (съ которихъ въ недвижимие имѣния она дѣйствително во владѣние вступила), то зъ движимихъ де имѣний, въ оной описѣ написанихъ, хотя иние получила, но многихъ вещей не явилось и ей, Фридрикевичевой, не отдано, о которихъ неявившихся вещахъ при ономъ протестномъ доношении приложила реестръ. А сверхъ де того, по примѣчанию еи, Фридрикевичевой, нѣкоторие вещи въ клейнотахъ и въ протчиихъ вещахъ перемѣнени, съ которихъ де иние, о коихъ еи, Фридрикевичевой, заходитъ сумнителство, при отдачи еи, Фридрикевичевой, запечатани урядникомъ хоружимъ сотенимъ Новгородскимъ Григориемъ Налягакою, а другие изъ своихъ местъ совсѣмъ винути, такъ что толко пустие мѣста остались, гдѣ находилось серебро, какъ то: въ нахтишномъ сундучке, да особливой ящикъ, въ которомъ умивалница и кувшинъ серебрание били, пустой найденъ, и нинѣ имѣется; второе, въ упомянутой урядовой еи, Фридрикевичевой, наслѣдственихъ имѣний описѣ, между протчимъ, написано тако: крѣпости на всѣ грунта недвижимие и облики, при сребрѣ, за печатю сотника Огиевского, въ наволочке, въ скринѣ положени при сребрѣ жъ, а при отдачи еи, Фридрикевичевой, по оной описѣ, при протчихъ движимихъ еи, Фридрикевичевой, имѣниахъ содержанихъ, въ сундукахъ показиваемою теткою Судденковою, въ домѣ еи въ Новгородку, на оной наволочки печати уже не било, которую роспечатаную наволочку издатчикъ

онихъ имѣний войск. канцеляристъ Петръ Василиевичъ Заводовскій да хоружий сотенний Новгородскій Григорий Налягака свидѣтелствовали, при битности Ивана Суденкова, и она, Фридрикевичева, роспечатаную оную наволочку приняла, а после того онъ, Суденковъ, чрезъ показаного Заводовского, прислалъ къ ней, Фридрикевичевой, обликъ матери еи, Фридрикевичевой, данной отъ Забѣли, зъ чего де явствено, что онъ, Суденковъ, что хотѣлъ съ оной наволочки винулъ изъ обликовъ или крѣпостей еи, Фридрикевичевой, когда тотъ обликъ не въ наволочки билъ, но онъ Судденковъ изъ своихъ рукъ видалъ. И яко де въ оной наволочки положенимъ обликамъ и крѣпостямъ еи, Фридрикевичевой, реестри или описѣ по пересмотру тогда жъ обявленимъ Заводовскимъ не искалось, такъ и узнать нинѣ еи, Фридрикевичевой нѣ изъ чего, что съ онихъ обликовъ и крѣпостей цѣло, а чево нѣтъ. Третее, движимие имѣния тожъ единствено на еи, Фридрикевичеву, спадаючие въ разнихъ вещахъ состоящие, за умертвиемъ матери еи, Фридрикевичевой, до приезду дядѣ еи и опекуна показаного Ширая въ Подоловъ и до учинення по оному, поданому отъ отъ еи, Фридрикевичевой, доношенню отъ Кролевецкой сотеной канцелярии имѣниямъ еи, Фридрикевичевой, описѣ, чрезъ нѣсколко дней били, какъ и ввесь домъ, въ единственомъ тетки еи, Фридрикевичевой, оной Суденковой и сина еи Ивана Суденкова завѣдовании, яко прежде смерти матери еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ приехавшихъ, которими самими скоро по смерти матери еи, Фридрикевичевой, и ключи отъ всѣхъ сундуковъ и отъ всего, что въ домѣ било, въ ихъ руки забрати, и въ тихъ дняхъ по смерти матери еи, Фридрикевичевой, пока опись сочинена и пока оной опекунъ Ширай приихалъ, многие вещи расхищени и что отъ расхищения остатся могло, то все ли показано тѣмъ отъ уряду опредѣленимъ для введения въ опись, или что, какъ вишепоказано отъ всего ключи били у тетки еи, Фридрикевичевой, да и она, Фридрикевичева, въ тѣ пори, за еи несносною печалію, немогла ни во што вникать, и затѣмъ о предпоказаномъ расхищении, яко и не введении всего въ опись изъ еи, Фридрикевичевой, имѣний, имѣетъ она, Фридрикевичева, причину сумнѣватися такъ съ вишепрописанихъ обстоятелствъ, такъ и по нижеслѣдующему: 1, что въ сундуки, которие отъ матери еи, Фридрикевичевой, въ сохраненію тетки еи Судденковой въ Новгородку, въ домѣ, еи поставлени били, (за коими по совѣту г. маіора Якова Михайловича Скоропадского мать еи, Фридрикевичевой, передъ своею кончиною, посилала въ Новгородокъ для

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5 Апрѣля 1895 года.

ПАМЯТИ

Николая Ивановича

КОСТОМАРОВА.

(† 7 апрѣля 1885 г.).

Н. И. Костомаровъ.
(1860 г.).

Послѣдніе дни жизни Николая Ивановича Костомарова[1]).

Еще въ концѣ 1882 года появились у Николая Ивановича симптомы болѣзни, которая въ 1885 свела его въ могилу: открылось кровохарканье. Докторъ Кошлаковъ, въ числѣ прочихъ средствъ, предписалъ пріостановить прогулки пѣшкомъ. Это было большое лишеніе для Николая Ивановича, такъ какъ движеніе на свѣжемъ воздухѣ живительно дѣйствовало на здоровье и расположеніе духа труженика, обреченнаго на сидячую кабинетную жизнь. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ заперти, онъ наотрѣзъ отказался измѣнить своей привычкѣ выходить на воздухъ ежедневно и не могъ помириться съ просьбами поберечь себя. Восхожденіе на высокую лѣстницу усиливало кровохарканіе: необходимо было перейти на такую квартиру, гдѣ бы лѣстница состояла изъ нѣсколькихъ ступеней. Весною 1883 года это было исполнено. Пребываніе лѣтомъ въ деревнѣ принесло большую пользу здоровью Николая Ивановича. Онъ возвратился осенью въ Петербургъ изъ любимаго сельца Дѣдовцы[2]) на

---

[1]) М. Г. Г. Редакторъ! Препровождаю Вамъ описаніе послѣднихъ дней жизни Николая Ивановича. Оно сдѣлано тотчасъ послѣ его погребенія и не предназначалось для печати, особено пока нахожусь въ живыхъ.

Въ виду предстоящаго десятилѣтія смерти Николая Ивановича и желанія Вашего напомнить по этому поводу читателямъ „Кіевской Старины" объ усопшемъ ея сотрудникѣ, уступаю просьбамъ Вашей и нѣсколькихъ почитателей покойнаго и, не безъ смущенія, соглашаюсь передать гласности воспоминанія, которыя желала хранить лишь для своихъ семейныхъ.

Примите увѣреніе въ уваженіи къ Вамъ.

2 марта 1895 года, Петербургъ. А. Костомарова.

[2]) Прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи.

столько бодрымъ, что съ удвоенною энергіею принялся за обычныя свои занятія по русской исторіи и съ Васильевскаго острова сталъ ходить на Дворцовую площадь въ Государственный архивъ. Проработавши тамъ до сумерекъ, Николай Ивановичъ возвращался пѣшкомъ домой и чувствовалъ себя прекрасно, но въ день 25 января 1884 года, едва успѣлъ выйти изъ зданія, гдѣ помѣщается архивъ, какъ былъ сшибленъ съ ногъ и измятъ парою лошадей, запряженныхъ въ дышловыя сани, которыя поволокли его, безчувственнаго, чуть не черезъ всю площадь, пока, наконецъ, онъ не былъ поднятъ городовыми и отвезенъ въ полицейскій участокъ. Немного оправившись отъ общаго потрясенія и обморока, Николай Ивановичъ возвратился домой, обезсилѣвшій до такой степени, что не могъ самъ выйти изъ саней; изъ горла и уха сочилась кровь.

Съ тѣхъ поръ болѣзнь быстрѣе начала разрушать богатый организмъ Николая Ивановича, а лишеніе прогулокъ и строгая діэта возбуждали нервное раздраженіе, тѣмъ еще болѣе, что болѣзнь мѣшала усиленно работать. Лѣто 1884 года, снова проведенное въ Дѣдовцахъ, не принесло уже улучшенія; кровохарканье усиливалось, слабость увеличивалась. По возвращеніи осенью въ Петербургъ, къ прежнимъ страданіямъ присоединилось разстройство пищеваренія. Тутъ ужъ никакіе медикаменты не помогали. Нашъ больной, постепенно ослабѣвая, все еще продолжалъ работать—писалъ и диктовалъ съ большимъ надъ собой усиліемъ, но изо дня въ день сталъ чаще ложиться на диванъ въ своемъ кабинетѣ и тогда слушалъ чтеніе. Въ февралѣ 1885 года приглашенъ былъ на консультацію докторъ Боткинъ; онъ вполнѣ одобрилъ лѣченіе проф. Кошлакова. Молчаніе Боткина при прощаньѣ со мной давало понять, что положеніе больного онъ признаетъ безнадежнымъ.

16 марта, въ день вербной субботы, происходили у насъ хлопоты по приглашенію на консультацію докторовъ: Здекауера, Чудновскаго и Кошлакова. Никакой пользы отъ консультаціи уже не ожидалось; она была нужна для успокоенія больного. Николай Ивановичъбылъ очень слабъ, но еще держался на ногахъ и, одѣтый въ свое обычное платье, то лежалъ въ полу-дремотѣ

на своемъ уютномъ диванчикѣ, то вставалъ съ блестящими глазами и зловѣщимъ румянцемъ на исхудаломъ лицѣ, тихо проходилъ въ свою спальную къ умывальнику и освѣжалъ себѣ лицо и всю голову холодной водой. Это придавало ему нѣсколько бодрый видъ. Возвращаясь въ кабинетъ, онъ садился въ боковое мягкое кресло у письменнаго стола, бралъ въ руки Исторію академіи наукъ Пекарскаго и перелистовывалъ; онъ думалъ продиктовать краткое жизнеописаніе Ломоносова, которое должно было войти въ седьмой выпускъ „Русской Исторіи въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей", вмѣстѣ съ біографіями Миниха, Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, уже написаными для седьмого выпуска. Но книгу Пекарскаго, по ея вѣсу и размѣру, трудно было держать больному долго въ рукахъ, и часто приходилось видѣть ихъ опущенными съ книгою на колѣни; послѣ краткаго отдыха, Николай Ивановичъ подымалъ ее снова, а плохое зрѣніе его вынуждало держать книгу очень близко къ лицу. Въ минуты отдыха или, вѣрнѣе, борьбы съ приближающеюся смертью, мысль его все таки работала, лицо было спокойно, глаза смотрѣли въ пространство... Иногда онъ бралъ перо и писалъ что-то на листкахъ почтовой бумаги. Я спросила о предметѣ, его занимающемъ, онъ отвѣтилъ: „Это я отдыхаю".—„О чемъ же пишешь"?—„А вотъ увидите"!—Это былъ разсказъ изъ жизни фельдмаршала Миниха [1]). Но страданія и общій упадокъ силъ не дозволяли продолжительнаго сидѣнья съ перомъ въ рукахъ: больно и досадно было сознавать необходимость разстаться съ этими любимѣйшими товарищами его жизни.

Во весь день и вечеръ Николай Ивановичъ былъ особенно грустенъ и раздражителенъ; не было возможности его успокоить. Онъ замѣтилъ, наконецъ, что я смущена состояніемъ его духа, и сказалъ: „вы измучились при мнѣ, барыня [2])! Я попрошу завтра врачей прежде всего позаботиться о моей доброй барынѣ".

---

[1]) Разсказъ этотъ остался неоконченнымъ и впослѣдствіи напечатанъ въ книгѣ „Литературное наслѣдіе Н. И. Костомарова" подъ заглавіемъ: „Послѣдняя работа".

[2]) Такое названіе сложилось какъ-то нечаянно.

Въ вербное воскресенье Николай Ивановичъ заволновался съ ранняго утра, вспомнивши, что, по болѣзни, не былъ наканунѣ въ церкви и не принесъ вербы. Я принесла ему большую вѣтвь освященной вербы и, шутя, пригрозила ею, приговаривая по малорусскому обычаю: „не я бью, верба бье, за тыждень великдень"!

— А я не дожду великодня—сказалъ съ грустью мой больной; я умру, какъ мнѣ кажется, въ страстную субботу!

— „А консиліумъ для чего же будетъ у насъ сегодня, какъ не для того, чтобы „великдень" былъ для насъ радостнымъ днемъ"—возразила я.

На лицѣ у больного мелькнула улыбка.

Къ 12 часамъ дня съѣхались врачи. Они были опечалены состояніемъ Николая Ивановича и невозможностью спасти его. Совѣщанія ихъ въ отдѣльной комнатѣ были продолжительны и вращались по преимуществу на томъ, чтобы облегчить страданія и поддержать у больного надежду на исцѣленіе. Назначили ему употребленіе кумыса въ Самарѣ, гдѣ устроено особое лечебное заведеніе. Старѣйшій изъ врачей, Здекауеръ, держалъ рѣчь къ больному, лежавшему на своемъ диванчикѣ, доказывалъ чудодѣйственную силу кумыса; Кошлаковъ курилъ сигару и какъ бы занятъ былъ тѣмъ, что она туго курится; Чудновскій сидѣлъ неподвижно, опустивши глаза на паркетъ... Было ясно, что спасенья нѣтъ!

Бѣдный больной слушалъ, стараясь вѣрить словамъ Здекауера, но въ концѣ его рѣчи произнесъ: „Вы говорите, что на кумысъ нужно ѣхать въ половинѣ мая, а теперь половина марта. Неужели я выдержу еще два мѣсяца, не околѣвши отъ моей ужасной болѣзни?"

Ему отвѣтили, что до этого времени, до мая, найдется и здѣсь, въ Петербургѣ, кумысъ, хотя и не такого высокаго достоинства, какъ самарскій, но все же достаточно способный поддержать силы больного до той поры, когда нужно будетъ ѣхать въ Самару. Николай Ивановичъ какъ будто успокоился, а д-ръ Кошлаковъ обѣщалъ пригласить къ нему немедля молодого

врача Штанге, спеціально занимающагося каждое лѣто завѣдываніемъ кумысной лечебницей въ Самарѣ

Вскорѣ пріѣхалъ д-ръ Штанге и привезъ небольшую бутылку кефира, которую предложилъ нашему больному выпить вмѣсто кумыса, за невозможностью найти въ Петербургѣ кумысъ хорошаго качества. Рѣшено было продолжать леченіе употребленіемъ кефира.

Къ обѣду пріѣхалъ Д. Л. М—въ и тотчасъ послѣ обѣда принялся, по обыкновенію, читать вслухъ. Больной то слушалъ, то спалъ. Для того, чтобъ не разбудить его, нужно было читать безъ перерыва и лишь постепенно понижать голосъ: такое монотонное чтеніе, словно псаломщика при покойникѣ, наводило уныніе, но убаюкивало страдальца.

Докторъ Штанге занялся обстоятельнымъ изслѣдованіемъ отправленій Николая Ивановича и нашелъ въ нихъ присутствіе коховскихъ бациллъ. Это показывало, что у нашего больного бугорчатка на легкихъ и на кишкахъ.

Въ понедѣльникъ страстной недѣли, 18 марта, Николай Ивановичъ изъявилъ желаніе проѣхаться въ коляскѣ. Былъ ясный день. Больной былъ такъ слабъ, что только съ помощью швейцара и дворника удалось усадить его въ коляску. Мы проѣхали по набережной Васильевскаго Острова, черезъ дворцовый мостъ, мимо зимняго дворца, по площади, гдѣ 25 января 1884 года, у зданія главнаго штаба, подъ аркой, Николай Ивановичъ былъ сшибленъ съ ногъ лошадьми. Онъ вспомнилъ объ этомъ и указалъ мнѣ, до какого мѣста протащили его сани и гдѣ онъ былъ поднятъ городовыми. Мы проѣхали по Большой Морской. Коляска плавно катилась по торцовой мостовой, а бѣдный больной жаловался на толчки и на боль въ груди. Мы поспѣшили домой.

На слѣдующій день мы снова поѣхали „хлебнуть“ свѣжаго весенняго воздуха, какъ имѣлъ обыкновеніе выражаться Николай Ивановичъ. Солнце ярко свѣтило, но Нева была скована льдомъ, дулъ сѣверный вѣтеръ; больной тихо стоналъ. Поѣздки эти все таки развлекали его.

Въ остальные дни страстной недѣли небо было пасмурное, холодный вѣтеръ дулъ сильнѣе, и докторъ совѣтовалъ пере-

ждать—не ѣздить на воздухъ. Николай Ивановичъ сердился и допрашивалъ, навсегда ли ужъ ему опредѣлено „прѣть“ въ комнатной атмосферѣ. Леченіе кефиромъ не только не удавалось, но приносило вредъ: врачи нашли, что лучше покинуть кефиръ и придерживаться прежнихъ лекарствъ. Настроеніе духа у больного было тоскливое, а у друзей его еще тѣмъ болѣе, что на заявленіе о тяжкомъ сознаніи больного въ его безпомощности, д-ръ Штанге отвѣтилъ: „что дѣлать! страдать уже недолго: съ прохожденіемъ льда на Невѣ, все будетъ кончено!“ Д. Л. М—въ проводилъ цѣлые вечера, а часто и дни возлѣ больного; навѣщали и другіе близкіе, преданные люди. Одинъ изъ такихъ, Ю. Ю. Ц—ій, просидѣвши часа два у изголовья того диванчика, на которомъ томился угасавшій Николай Ивановичъ, старался развлекать его своей живою рѣчью, но затѣмъ у него самого не хватило силъ скрывать печаль и сдерживать набѣгавшія слезы: припавши къ рукѣ больного, онъ горячо поцѣловалъ ее нѣсколько разъ и торопливо проговорилъ: „простите, простите! я такъ глубоко уважаю васъ... мнѣ такъ больно видѣть васъ недугующимъ; я не смѣю дальше безпокоить васъ моимъ присутствіемъ... Богъ дастъ!... простите! до свиданія!“ Онъ быстро ушелъ домой. Николай Ивановичъ былъ очень тронутъ: обращенный ко мнѣ взглядъ его, слегка затуманенный слезою, ясно выражалъ это безъ словъ.

Еще 1 марта приглашена была къ намъ въ помощь для ухода за больнымъ опытная въ такомъ дѣлѣ Эмма Христіановна Введенская [1]). Она являлась черезъ день, приходила въ 7 часовъ вечера и оставалась до 10 часовъ утра слѣдующаго дня, давая мнѣ такимъ образомъ возможность отдыхать въ своей комнатѣ черезъ одну ночь, чтобы запастись силами для бодрствованія въ другую. Живая и умная Эмма Христіановна, при отличномъ умѣньи оказать больному всякаго рода помощь, обладала притомъ замѣчательной физической силой. Она сразу

[1]) Въ минувшую турецкую войну, бывши еще дѣвицей (по фамиліи Тоде), она, состояла сестрой милосердія, заразилась тифомъ и о ея тяжкомъ положеніи докторъ Боткинъ сообщилъ своей супругѣ въ одномъ изъ писемъ, печатавшихся впослѣдствіи въ „Вѣстникѣ Европы“.

стала для Николая Ивановича пріятнымъ и необходимымъ человѣкомъ и внушала видѣвшимъ уходъ ея за страдальцемъ чувство благоговѣйной къ ней признательности.

За нѣсколько дней до послѣдняго консиліума, нашъ больной заявилъ желаніе посмотрѣть на выставкѣ вторично картину Рѣпина „Іоаннъ Грозный при убитомъ имъ сынѣ".—Что же? сказала Эмма Христіановна:—я свезу васъ въ саняхъ—и прибавила:—а наша барыня съ барышней поѣдутъ въ другихъ саняхъ вслѣдъ за нами. Больной былъ очень доволенъ. Мы съ дочерью поѣхали, однако, первыми: нужно было разыскать швейцара и иныхъ служителей при выставкѣ (бывшей на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Бенардаки), чтобы они помогли больному подняться изъ саней и по высокой лѣстницѣ. Время избрано было раннее, пока нѣтъ наплыва публики на выставкѣ. Пріѣхали, втащили изнеможеннаго посѣтителя, ввели и усадили передъ картиной Рѣпина. Николай Ивановичъ сталъ закрывать отъ себя сбоку свѣтъ, чтобы лучше вглядѣться: зрѣніе давно уже ему измѣняло. Въ это время кто-то проговорилъ позади насъ: „посадите Николая Ивановича правѣе"—и, замѣтивши, что онъ слабъ, помогъ передвинуть его. „Какого мнѣнія вы объ этой картинѣ, Николай Ивановичъ?"—спросилъ тотъ же господинъ, не выставляясь впередъ.

— Да вотъ такого, что не хотѣлъ умереть, не взглянувши еще разъ! А я ужъ былъ здѣсь недавно.—

„Какая высокая похвала! и какъ я высоко цѣню ее! Это несравненная оцѣнка для меня! Я авторъ картины; вы не узнали меня, Николай Ивановичъ, а я имѣлъ честь быть у васъ года три назадъ или четыре"!

Нашъ больной былъ очень радъ, что, не подозрѣвая такъ близко возлѣ себя присутствія автора картины, могъ выразить ему свой восторгъ о его художественномъ произведеніи. Затѣмъ Рѣпинъ сопровождалъ Николая Ивановича въ его медленномъ движеніи изъ одного зала въ другой, гдѣ съ особеннымъ интересомъ осматривали они этюды В. Маковскаго изъ украинской народной жизни. При этомъ добрый Рѣпинъ, желая развлечь больного, представилъ ему своего сына—мальчика лѣтъ восьми

и, выдернувши у ребенка прядь волосъ изъ за праваго уха, сказалъ: „а вотъ оселедецъ“! Николай Ивановичъ смѣялся и, прощаясь съ Рѣпинымъ, сказалъ:

— Я очень боленъ, чуть живъ, но не былъ бы спокоенъ, еслибъ не видѣлъ вашей картины вторично; теперь я доволенъ, прощайте!

Знаменитый художникъ былъ видимо тронутъ.

Мы поѣхали домой уже безъ Эммы Христіановны, которая ушла на отдыхъ; дочь моя, Софія [1]), взялась сѣсть съ Николаемъ Ивановичемъ въ сани и поддерживать его. Онъ воротился домой довольный и на время успокоенный. Я возвратилась ранѣе, чтобы вновь подготовить больному помощниковъ для передвиженія изъ саней въ комнаты, и ожидала его съ кипящимъ самоваромъ на столѣ. За чаемъ оживленный впечатлѣніями поѣздки, нашъ больной, предлагая мнѣ свѣжій калачъ, сказалъ: „проѣзжая по Невскому мимо Филиппова, я заявилъ желаніе купить калачей: барышня выскочила изъ саней, сбѣгала за калачами и привезла ихъ еще горячими“.

Великій праздникъ Воскресенья Христова мы встрѣтили не радостно. Въ страстную субботу Николай Ивановичъ спросилъ меня, куплю ли я, какъ прежде водилось, нѣсколько вазоновъ цвѣтущихъ азалій, розъ и рододендроновъ для украшенія пасхальнаго стола? Я отвѣтила, что намъ съ нимъ теперь не до цвѣточковъ: нейдутъ они на умъ при его болѣзни!..

„Правда, барыня! не до поросятъ, колы свыню смалять! Свезите меня лучше въ церковь: я не стану принимать пищи, пока не приложусь къ плащаницѣ! Вы что-то, барыня, молчите, но знайте, я никогда не прощу вамъ, если вы лишите меня этого духовнаго успокоенія“!

Мы переглянулись съ Эммой Христіановной отъ недоумѣнья—какимъ образомъ довезти такого слабаго больного до церкви. Отклонять его отъ такого желанія не хватало смѣлости и силъ. Нанята была четырехмѣстная коляска, такъ какъ Нико-

---

[1]) Впослѣдствіи, по мужу, Котельникова, умершая спустя два года послѣ кончины Николая Ивановича.

лай Ивановичъ не любилъ ѣздить въ каретѣ. У подъѣзда намъ повстрѣчался знакомый юноша; онъ помогъ швейцару усадить больного въ коляску и самъ сѣлъ съ нами. Мы поѣхали въ церковь св. Андрея на углу 6-й линіи и большого проспекта Васильевскаго острова. У входа въ церковь, мы всѣ трое, при необычайной силѣ Эммы Христіановны, не могли вынести больного изъ коляски. Въ отчаяніи я оглянулась вокругъ и увидѣла нѣсколькихъ мужиковъ-рабочихъ, глазѣвшихъ на возню съ больнымъ старикомъ. Я поклонилась имъ и сказала: „добрые люди! помогите Христа ради болящему старику выйти изъ коляски! желаетъ приложиться къ плащаницѣ". Мгновенно мужички вынесли Николая Ивановича изъ коляски и внесли въ церковь, гдѣ уже онъ самъ, съ нашей помощью, подошелъ къ плащаницѣ. Народъ толпился къ ней; дошла очередь и до насъ. Съ видимымъ волненіемъ припалъ нашъ страдалецъ къ изображенію Божественнаго Страдальца и, какъ будто укрѣпленный особой силой, бодро сошелъ со ступенекъ и прошелъ вдоль всего храма. У входа онъ остановился и сталъ разспрашивать—скоро ли начнется богослуженіе.

— Черезъ полтора часа, былъ отвѣтъ причетника.

— „Что жъ, барыня, подождемъ служенія?"

— Ты и теперь утомленъ, отвѣтила я: нельзя поручиться за твои силы. Желаніе твое исполнено, къ плащаницѣ мы приложились,—поѣдемъ поскорѣе домой!

Николай Ивановичъ согласился безъ возраженія, и мы тѣмъ же порядкомъ, т. е. опять съ помощью прохожихъ мужичковъ, усадили его въ коляску. По пути встрѣчались знакомые, кланялись и привѣтливо улыбались, какъ бы выражая радость, что видятъ его выѣзжающимъ на свѣжій воздухъ. То былъ послѣдній его выѣздъ.

Возвратились домой, онъ протянулъ мнѣ свою исхудалую руку и сказалъ: „вотъ спасибо моей барынѣ, что не перечила, свезла меня къ плащаницѣ! Я такъ горячо молился, съ такою вѣрою приложился, и мнѣ стало какъ-то легко, отрадно, какая-то надежда освѣжила меня".

Вечеромъ пріѣхалъ духовникъ Николая Ивановича, священникъ Стефанъ Ивановичъ Опатовичъ, освятить пасхальныя яства. Зажгли свѣчи, священникъ надѣлъ епитрахиль, взялъ въ руки крестъ и началъ читать молитву. Нашъ больной пришелъ въ столовую, но не могъ держаться на ногахъ и присѣлъ, перекрестясь и глубоко вздохнувши. По окончаніи обряда освященія, отецъ Стефанъ обратился съ торжественнымъ „Христосъ воскресе" къ хозяину дома. Николай Ивановичъ привсталъ, приложился ко кресту, похристосовался съ своимъ духовникомъ и со всѣми домашними. Онъ вспомнилъ обыкновеніе свое порадовать своихъ слугъ денежнымъ гостинцемъ независимо отъ того, что они получали къ празднику отъ хозяйки—и съ привѣтливою улыбкою поздравляя ихъ, похристосовавшись, раздавалъ деньги. Но тутъ же онъ затосковалъ о томъ, что его „не пустятъ" въ церковь къ ночному богослуженію.

— „Барыня! неужели нельзя мнѣ къ всенощной"?

Священникъ, Эмма Хр. и Д. Л. М—въ всѣ единогласно убѣждали больного не истощать своихъ силъ и представляли немыслимымъ присутствіе его въ церкви ночью, гдѣ будетъ давка и губительная атмосфера отъ множества горящихъ свѣчей. У Николая Ивановича навернулись слезы, и онъ произнесъ съ волненіемъ:

„Три раза въ жизни я былъ лишенъ возможности присутствовать на богослуженіи въ эту великую ночь: первый разъ въ Петропавловской крѣпости въ 1848 году, когда, заключенный въ Алексѣевскомъ равелинѣ, я рыдалъ, слушаючи гулъ колоколовъ и пушечную пальбу, возвѣщавшіе о великомъ торжествѣ; второй разъ—въ 1883 году, вслѣдствіе кровохарканья, и теперь—послѣдній разъ сегодня, здѣсь, прикованный болѣзнью къ этому диванчику"!

Общими силами стали мы отвлекать Николая Ивановича отъ горькихъ думъ и слезъ. Д. Л. принялся громко читать.

Въ день Святаго Воскресенія врачи разрѣшили предложить больному разговѣться небольшимъ кусочкомъ кулича или яичкомъ. Онъ былъ доволенъ, воображая, что положеніе его не считаютъ опаснымъ, если при обычной строгой діэтѣ, разрѣ-

шили и сливки къ чаю, и кусокъ кулича. Въ виду безнадежнаго состоянія больного, врачи сочли за лучшее не лишать его такихъ мелкихъ привычекъ, которыя соединялись съ празднованіемъ Пасхи. Но куличи показались невкусными; Николай Ивановичъ сказалъ, что народныя „паски“ съ инбиремъ у малороссіянокъ гораздо вкуснѣе всѣхъ другихъ печеній. Вообще замѣчалось, что аппетитъ окончательно измѣнилъ больному. Стали появляться легкіе припадки удушья по утрамъ. Употребляли вдыханіе кислорода. Съ каждымъ днемъ все болѣе замѣчался упадокъ силъ, и больной, опираясь на кого либо изъ помогавшихъ ему встать или сѣсть, такъ трудно опускался, что являлась опасность упасть вмѣстѣ съ нимъ. Какъ на горе, наша добрая и преданнѣйшая слуга Ульяна, уже десять лѣтъ оказывавшая самую искреннюю заботу о его здоровьи, заболѣла въ концѣ февраля и, не желая покидать Николая Ивановича при его послѣднихъ дняхъ, вынесла плевритъ на ногахъ. Теперь она не могла двигаться. Оказалось недостаточнымъ присутствіе Эммы Хр. черезъ ночь: каждую вторую ночь и во всѣ дни приходилось больному довольствоваться только моею помощью, а я, къ несчастію, не обладаю физической силой и, подъ страхомъ ожиданія роковой минуты, такъ ослабѣла, что, случалось, не удержу своего страдальца — и онъ чуть не опрокинется вмѣсто того, чтобы сѣсть исподволь. Кромѣ того, болѣзнь нашей Ульяны ставила меня въ необходимость часто покидать его, чтобы принести то новую грѣлку, то питье, и больному было неудобно оставаться одному, пока я возвращусь съ тѣмъ или другимъ. Ему самому стало ясно, что необходима помощь другой сидѣлки, которая бы черезъ сутки приходила на цѣлыя сутки, а не на ночь только. Однако едва я сказала, что думаю, впредь до выздоровленія Ульяны, воспользоваться помощью рекомендуемой Эммой Хр. фельдшерицы, Николай Ивановичъ воскликнулъ:

— „Какъ! стало быть вы, барыня, не будете ночевать здѣсь, а оставите меня въ одну ночь на попеченіе Эммы Хр. и въ другую--этой незнакомой дѣвицы“?

— Все будетъ по прежнему, отвѣчала я: когда Эмма Хр. ночуетъ здѣсь, я буду отдыхать въ своей комнатѣ, а вторую

ночь я буду при тебѣ, только не одна, а съ помощницей, пока наша Ульяна не поправится.

Больной успокоился. Въ то время были у насъ посѣтители, навѣщавшіе больного, и, слыша все это изъ другой комнаты, предложили моей дочери устроить между болѣе близкими знакомыми и почитателями Николая Ивановича поочередное дежурство при немъ, какъ это было въ 1875 году, во время его тифозной болѣзни. Такимъ образомъ устраивалась очень сильная мнѣ помощь, которой, при всемъ желаніи, дочь моя не могла мнѣ оказывать въ личномъ уходѣ за больнымъ, такъ какъ, при своей обычной скромности, онъ не позволялъ ей входить къ нему въ такое время, когда онъ былъ раздѣтъ: вторая же наша горничная была постоянно на посылкахъ то за кислородомъ въ аптеку, то за другими дѣлами.

Оставалось предупредить больного о предпринимаемомъ дежурствѣ и получить на него согласіе.

— „О чемъ въ гостинной идутъ такіе оживленные толки"? спросилъ въ это время Николай Ивановичъ.

— Добрые знакомые желаютъ оказать тебѣ уходъ во время болѣзни, какъ это дѣлалось во время твоей тифозной болѣзни; хотятъ и поразвлечь тебя днемъ и вечеромъ: утромъ придетъ одинъ, вечеромъ другой, на ночь третій, завтра съ утра четвертый и т. д.: при частой смѣнѣ, никто не будетъ стѣсненъ, и у насъ постоянно будетъ кто либо изъ близкихъ. Согласенъ?— Я назвала желающихъ устроить дежурство.

„Я очень, очень благодаренъ, и очень дорого мнѣ такое попеченіе, а видѣть возлѣ себя такихъ людей, какъ В—чъ, Ц—ій, Б—мъ, К—въ и другихъ, которыхъ вы сейчасъ назвали, я всегда очень радъ", отвѣтилъ растроганный больной.

Составили списокъ лицъ и опредѣлили смѣны. Всѣ, какъ будто условившись, принимали при входѣ къ больному спокойный видъ, занимали его чтеніемъ вслухъ, бесѣдой, одѣвали его въ шубу и шапку, усаживали въ кресло при открытомъ окнѣ, когда больному хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ. Съ сигарою въ рукѣ, онъ просиживалъ такимъ образомъ ежедневно часъ, другой у открытаго настежь окна, и это какъ будто замѣ-

няло ему прогулку на улицѣ. Съ каждымъ днемъ и куренье табаку становилось для него затруднительнѣе, но, отъ тоски ли, или по дѣйствительному желанію, онъ частенько просилъ меня дать ему сигару. Если случалось мнѣ уйти изъ кабинета, нашъ бѣдный больной обращался къ присутствующимъ съ просьбой позвать „барыню“. Прихожу и слышу: „дайте мнѣ сигарочку, барыня“! Это вызывало добродушную улыбку у присутствовавшихъ, такъ какъ сигары лежали передъ больнымъ на столѣ. Едва сигара закуривалась, тотчасъ и покидалась, а проходилъ часъ или того менѣе—снова повторялось: „барыня, дайте сигарочку“. Повидимому, это развлекало больного, хотя и не надолго.

Д. Л. М—въ и другіе близкіе люди продолжали посѣщать его и развлекать то чтеніемъ вслухъ, то бесѣдой о новостяхъ дня. Его занималъ и афганскій вопросъ, и малорусскій переводъ изъ классиковъ, который онъ слушалъ съ вниманіемъ; хоть на нѣсколько минутъ принимался онъ то за свое писаніе о Минихѣ, то за Пекарскаго. Такъ проходила Свѣтлая недѣля. Съ трудомъ обмакивая перо въ чернильницу, Николай Ивановичъ склонялся надъ писаннымъ вкривь и вкось листкомъ, охалъ, стоналъ, а иногда, прерываемый сильною болью, успѣвалъ поставить только точку—и бросая перо, ложился на свой диванчикъ. Проходило нѣсколько времени, боль ослабѣвала—и нашъ больной изнеможенный плелся къ своему любимому мѣсту—къ письменному столу, гдѣ столько лѣтъ работалъ днемъ и ночью, отдыхая только три-четыре часа въ сутки, необходимые для сна.

Въ Ѳомино воскресенье, 31 марта, Николай Ивановичъ, вставши утромъ съ постели, не могъ простоять то короткое время, въ которое поспѣшно одѣвали его въ обычное платье. Онъ никогда не употреблялъ халата и не имѣлъ его. Пріѣхалъ на цѣлый день Д. Л. Онъ увидѣлъ, какъ трудно давалось больному передвиженіе изъ спальной въ кабинетъ и обратно: одышка мучила его. Д. Л. предложилъ перевозить его въ креслѣ, подъ которымъ были мѣдныя колесца, усаживалъ и каталъ его. Проѣзжая такимъ образомъ мимо бюста своего стараго пріятеля Шевченка, больной сказалъ: „Чи бачишъ, Тарасе, якъ Мыкола

йиздыть"! Въ это-же воскресенье онъ въ послѣдній разъ принималъ пищу и ужъ больше не вспоминалъ о ней, а лишь изрѣдка спрашивалъ чашку „теплоты": питье это, состоявшее изъ согрѣтаго краснаго вина, разбавленнаго кипяткомъ, и подслащенное сахаромъ, согрѣвало и какъ будто подкрѣпляло больного.

Въ понедѣльникъ, 1 апрѣля, Николай Ивановичъ не могъ уже встать съ постели и одѣться: малѣйшее движеніе и усиліе вызывало удушье. Съ отчаяніемъ откинулся онъ на подушки и закричалъ: „прѣть, прѣть въ постели до могилы! Пропащій я человѣкъ"! Посѣтившему его д-ру Кошлакову онъ сказалъ: „бросьте, Димитрій Ивановичъ, лечить меня! вѣдь я ужъ въ постель слегъ, и не вставать мнѣ болѣе"!

— Мы никогда не бросаемъ больныхъ, боремся съ болѣзнью, не покладая рукъ, да и такія ли болѣзни приходилось излечивать! Моя дочка три мѣсяца лежала почти недвижимо, не открывала глазъ, жила искусственнымъ питаніемъ—и теперь здорова! Вотъ и у васъ сегодня нѣтъ аппетита и можетъ его не быть впродолженіе нѣкотораго времени,—мы и для васъ назначимъ искусственное питаніе, дадимъ пептонъ-бульонъ, пока придетъ къ лучшему.

Николай Ивановичъ успокоился, ничего ужъ не соображая: у дочери доктора былъ расцвѣтъ жизни, а не угасаніе ея!

Спустя нѣсколько минутъ, нашъ больной вспомнилъ, что былъ день 1 апрѣля и спросилъ—принесена ли апрѣльская книга „Вѣстника Европы", гдѣ должна была появиться его статья по поводу книги Кояловича „Исторія русскаго самосознанія". Я поднесла свѣжій нумеръ „Вѣстника Европы" и открыла передъ Николаемъ Ивановичемъ его статью. Онъ спокойно и медлено произнесъ: „пусть *сочиняетъ*"! я все сказалъ"...

Припадки удушья усиливались, вдыханіе кислорода мало облегчало больного, и онъ сталъ просить „воздуха"—открыть окно. На дворѣ было около 3-хъ градусовъ мороза, но отказывать страдальцу въ чемъ бы то ни было—не приходилось. Врачи разрѣшили открывать окна по очереди, то въ кабинетѣ, то въ спальной, и мы постоянно переносили нашего бѣднаго больного съ кроватью въ ту изъ комнатъ, гдѣ, просвѣживши воздухъ, за-

крывали окно. Усиленные пріемы опіума и другихъ лекарствъ притупляли боли и повергали страдальца въ какое-то оцѣпенѣніе. Отъ времени до времени, какъ бы просыпаясь, онъ разговаривалъ съ окружающими. Въ числѣ лицъ, устроившихъ дежурство при Николаѣ Ивановичѣ, были три молодые врача В—ій, Г—нъ и Т—ій. Первый изъ нихъ провелъ ночь у постели нашего больного. Просыпаясь, Николай Ивановичъ бесѣдовалъ съ нимъ и очень спокойно разспрашивалъ—какъ начинается агонія и чѣмъ она распознается.

Такъ прошелъ и слѣдующій день.

Въ среду, 3-го апрѣля, удушье усилилось, и передъ его приступомъ было у больного замѣтное безпокойство и раздражительность. Едва я ушла въ свою комнату, чтобы умыться послѣ проведенной тяжело ночи при своемъ страдальцѣ, какъ онъ сталъ звать меня съ особеннымъ нетерпѣньемъ.

„Зачѣмъ уходите, барыня! не уходите! не уходите отсюда! Я хочу умереть на вашихъ рукахъ! Я окруженъ попеченіями многихъ добрыхъ людей, спасибо всѣмъ, но я хочу, чтобы только вы закрыли мнѣ глаза“.

Я попросила прощенія за отлучку: раздраженіе скоро улеглось; онъ протянулъ мнѣ руку. Къ двумъ часамъ дня сдѣлался болѣе сильный припадокъ удушья. Николай Ивановичъ метался, вскакивалъ съ постели, кричалъ: пустите меня, Бога ради пустите на улицу! воздуху! воздуху“! Докторъ Штанге далъ пріемъ морфія. Когда больной притихъ и лежалъ съ полуоткрытыми глазами, докторъ спросилъ его:

— Какъ вы себя чувствуете теперь, Николай Ивановичъ? Лучше ли?

Усиливаясь превозмочь одолѣвавшее его оцѣпенѣніе, страдалецъ отвѣчалъ угнетеннымъ голосомъ: „все бы ничего,—да вѣдь *пять* частей свѣта! куда же я ихъ дѣну“! Онъ былъ въ забытьи. Съ этого времени онъ сталъ замѣтно ослабѣвать не только тѣломъ, но и памятью: онъ пересталъ звать по именамъ, а для изъявленія какого либо желанія говорилъ: „слушайте, слушайте“! Для меня, вслѣдствіе десятилѣтней привычки, все еще оставалось названіе „барыни“.

Въ четвергъ, 4-го апрѣля, Николай Ивановичъ сказалъ: „я бы желалъ причаститься Св. Таинъ. Что̀ вы на это скажете, барыня“?

— Сейчасъ пошлю за отцомъ Стефаномъ—отвѣтила я.

Тутъ вошла наша больная Ульяна: ей хотѣлось взглянуть на угасавшаго Николая Ивановича. Увидавши его, изнеможеннаго, на смертномъ одрѣ, она съ трудомъ сдерживала слезы. Я указала въ сторону дверей, гдѣ у косяка стояла прислонившись Ульяна, и сказала: „а посмотри, кто пришелъ тебя провѣдать“!

— Ахъ, это ты, бѣдная Ульяна! обратился онъ къ Ульянѣ.—Ты все еще больна, бѣдная! А все оттого, что не слушаешься барыни—бросаешься служить, когда еще не окрѣпла послѣ болѣзни. Вотъ и я не слушался, когда барыня остерегала меня и во̀-время упрашивала не ѣсть или не пить того или другого, или не выходить изъ дому—и вотъ до чего дошелъ! И съ тобой тоже будетъ, если не будешь слушаться барыни“!

Ульяна поспѣшила уйти: рыданіе вырывалось изъ ея больной въ то время груди.

Многіе знакомые и незнакомые приходили справляться о положеніи Николая Ивановича; для всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: безнадеженъ, умираетъ. Страшный припадокъ удушья въ этотъ день продолжался съ полудня до 6-ти часовъ вечера. Снова порывался страдалецъ идти на воздухъ, подымался съ постели, раздвигалъ окружащихъ руками и, задыхаясь, кричалъ: „пустите; пустите! пустить мене“! Громкое клокотаніе въ груди, при невозможности откашливаться, затрудняло дыханіе; казалось, наступалъ послѣдній часъ...

Прибылъ священникъ и причастилъ Николая Ивановича Св. Таинъ. Когда возбужденіе начало стихать и удушье ослабѣло, наступила дремота и тяжелый бредъ, продолжавшійся не долго; ночь прошла сравнительно спокойно.

Во весь день 5-го апрѣля происходило у насъ передвиженіе съ постелью изъ спальной въ кабинетъ и обратно. Умирающій все дремалъ, изрѣдка стоналъ и произносилъ неясныя слова, но въ большинствѣ было у него полное сознаніе, тер-

пѣніе и бдагодушіе. Сидя у его постели, я услыхала: „добра моя жинка! доглядила мене до смерти, заплющить мени очи!.. Что? 80 лѣтъ прожилъ? Нѣтъ! Мало прожилъ“! Жалобъ не было. Кто переживалъ такіе дни или даже минуты въ своей семьѣ, тотъ пойметъ, что приходилось испытывать, не находя словъ утѣшенія для умиравшаго, чтобы поддержать въ немъ надежду на жизнь.

При видимомъ сознаніи своего отчаяннаго положенія, Николай Ивановичъ однако же спросилъ у доктора Кошлакова при прощаньи: „а завтра пожалуете“? Быть можетъ, онъ ожидалъ отъ искуснаго врача облегченія страданіямъ...

На слѣдующій день не было уже острыхъ припадковъ удушья, но для успокоенія умиравшаго нужно было, не смотря на морозъ, держать окна открытыми. Я стала кашлять. Чувствуя невозможность сдержать кашель, которымъ бы я могла разбудить дремавшаго страдальца, я отошла отъ его постели къ окну, у котораго сидѣла молодая фельдшерица, помогавшая въ уходѣ за Николаемъ Ивановичемъ. Вдругъ онъ открылъ глаза и, не увидавши никого у своей постели, жалобно сказалъ: „покинутъ я всѣми“!

— Господь съ тобой! отвѣтила я, быстро приблизившись къ нему. Ты не можешь быть покинутымъ! всѣ здѣсь при тебѣ!

„Добрая, дорогая жена“! проговорилъ мой несчастный мужъ—и протянулъ мнѣ руку. „А кто же еще здѣсь“?

— Сейчасъ В. Г. здѣсь при тебѣ, дѣвица-сидѣлка здѣсь... Многіе были и ушли, другіе приходятъ вслѣдъ,—двери не закрываются: столько посѣтителей, справляющихся о твоемъ здоровьѣ! Какъ можно тебѣ думать, дорогой нашъ, что ты всѣми покинутъ! Онъ отвѣтилъ:

„Добра моя жинка! Поздно сошлись мы съ тобой, рано расходимся, мало прожили вмѣстѣ“! И полузакрывши глаза, вѣроятно въ полусознаніи добавилъ: „Черезъ четыре года!.. Но скоро кашель разбудилъ страдальца, а молодая наша помощница, [illegible], что онъ глядитъ сознательно, проговорила: „мы вамъ надѣ[illegible]ье, Николай Ивановичъ“.

— Не нужно, простоналъ онъ: надѣнете послѣ смерти, завтра!

Сконфуженная и огорченная отошла наша фельдшерица къ окну; я осталась у постели одна.

Тихо и протяжно говорилъ Николай Ивановичъ: „Озабоченъ я многими думами“!

— Какими? другъ мой!

„Многими... выразить не могу, сказать не умѣю“... Онъ потиралъ рукою свой лобъ... „Художникъ и поэтъ прости! Прощайте всѣ! Пустите, пустите, Бога ради! На улицу, на крыльцо пустите“!

— Но вѣдь на улицѣ движеніе публики и морозъ: какъ же нести тебя больного съ кроватью на улицу, на морозъ!

„Ну хоть на-полъ пустите“! Доктору Кошлакову онъ подалъ руку. Добрый докторъ при прощаніи отозвался:—А завтра я снова навѣщу васъ, Николай Ивановичъ.—Отвѣта не было.

Зашелъ къ намъ въ это время Ю. Ю. Ц—ій, умѣвшій занимать страдальца своей бесѣдой въ предшествовавшіе дни Святой недѣли, и теперь сказалъ:

„А я съ праздника! Чествуется сегодня тысячелѣтняя память свв. Кирилла и Меѳодія“. Отвѣта тоже не было: Николай Ивановичъ впалъ въ забытье... Такъ пролежалъ онъ во весь вечеръ и во всю послѣднюю свою ночь.

Еще съ вечера пріѣхала на смѣну фельдшерица Эмма Христіановна; на смѣну одного изъ дежурныхъ явился В. Л. Б—мъ, и мы всѣ сидѣли у смертнаго одра Николая Ивановича. Движеніемъ губъ онъ иногда показывалъ, что у него жажда. Подавали ему чайную ложку воды.

Передъ разсвѣтомъ дня 7-го апрѣля, умирающій сталъ сильно потягиваться. Лежавшая у его ногъ грѣлка упала и произвела стукъ. Слабымъ голосомъ онъ спросилъ: „что это“? Я отвѣтила:—грѣлка упала, я положу ее обратно къ ногамъ,— и въ это время я прикоснулась къ его ногамъ. „Не трогай“! простоналъ Николай Ивановичъ. Это показало, что онъ въ памяти. Иногда слабымъ движеніемъ тѣла онъ выражалъ желаніе перемѣнить мѣсто и повернуться. Эмма Хр. поднимала его и

поворачивала. Чуть слышно онъ сказалъ: „больно“ и указалъ на бедро, гдѣ уже были пролежни. Ему подложили мягкую подушку моей дочери, которая принесла ее, застлавши своимъ мягкимъ, бѣлымъ шелковымъ платкомъ.

Съ 6-ти часовъ утра, въ воскресенье, было уже видно, что умирающій вотъ-вотъ скончается. Яркіе весенніе лучи солнца озарили страдальческое лицо. Я встала со своего стула отъ постели, подошла къ окну и опустила стору. Въ это время Эмма Хр. схватила меня за руку и прошептала: „кончается“!

Николай Ивановичъ хотѣлъ приподняться, облокачиваясь на локтѣ лѣвой руки, но мгновенно опустился на подушки, откинувши голову. Глаза его широко раскрылись, по лицу смѣнялись тѣни, одна другой блѣднѣе, изъ груди вырывались вздохи съ хрипѣньемъ... Быстро потухали глаза—и за третьимъ глубокимъ вздохомъ потухли на всегда!

Я исполнила желаніе моего друга: закрыла ему глаза...

А. Костомарова.

ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ.

(ВОСПОМИНАНІЕ О Н. И. КОСТОМАРОВѢ).

Впервые я встрѣтился и познакомился съ Ник. Ив. Костомаровымъ въ С.-Петербургѣ, въ концѣ 1859 г., у одного изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ, Н. Г. Ч., саратовскаго уроженца, недавно сошедшаго въ могилу въ своемъ родномъ Саратовѣ, гдѣ между нимъ и Костомаровымъ съ конца сороковыхъ годовъ установились весьма близкія, пріятельскія отношенія. Не смотря на 2-й часъ пополуд., когда у Н. Г., принимавшаго тогда очень дѣятельное участіе въ редакціи двухъ большихъ, да притомъ еще разнородныхъ, журналовъ, почти всегда можно было встрѣтить не мало посѣтителей, на этотъ разъ, кромѣ Н. И. Костомарова, не было никого. Не помню, о чемъ мы бесѣдовали, но помню, что бесѣда наша, часто сопровождавшаяся взрывами общаго смѣха, вызываемаго комическо-юмористическими замѣтками какъ Ч., такъ и Н. Иван., незамѣтно затянулась до 4-хъ часовъ.—Пора было уходить. Мы взялись за шапки.

— Я удержалъ-бы васъ, г. г., обѣдать,—началъ, улыбаясь, Ч., да не могу. Васъ—онъ указалъ на меня—потому, что у меня сегодня, кромѣ супа и жареной курицы, ничего не готовлено и я боюсь васъ оставить голоднымъ, а Ник. Иван. потому, что не могу представить ему удостовѣренія, что бык и курица, пошедшіе на приготовленіе моего больничнаго обѣда,

погибли сегодня и при томъ не своею, естественною смертію, а отъ рукъ мясника...

— Какъ это такъ?—съ удивленіемъ спросилъ я, оглядываясь на Ч. и Костомарова.

— А вы развѣ еще не знаете,—со смѣхомъ продолжалъ Ч.—что безъ такого удостовѣренія Ник. Ив. кушать, вѣдь, не станетъ.

— Мясо могу, но птицу, или рыбу иначе ѣсть не буду,—серьезнѣйшимъ тономъ подтверждалъ Ник. Иван.—Съ чего я буду подвергать себя риску отравленія, ѣвши, быть можетъ падаль?!..

— Мы вновь разразились смѣхомъ, съ которымъ и вышли.

— А вы гдѣ-же обѣдаете?—спросилъ меня Н. Ив., когда мы были уже на улицѣ.

— Да въ ресторанахъ,—отвѣчалъ я,—а для разнообразія, въ какомъ Богъ приведетъ...

Ну, такъ пойдемъ обѣдать вмѣстѣ въ гостиницу, гдѣ я живу и гдѣ я васъ угощу не тонкимъ, но, повѣрьте, здоровымъ, легкимъ и хорошимъ обѣдомъ.

Я охотно принялъ приглашеніе, доставлявшее мнѣ случай поближе познакомиться съ Ник. Ив., съ произведеніями котораго я былъ уже ознакомленъ хорошо и своеобразная личность котораго не только сразу-же заинтересовала меня, но возбудила во мнѣ ту симпатію, съ какою я впослѣдствіи проводилъ его на Волково кладбище, да неизмѣнно храню и по сей день.

Ник. Иван. проживалъ тогда въ гостинницѣ,—теперь уже не существующей,—помѣщавшейся въ д. Балабина, противъ Гостиннаго двора. Гостинница эта, съ пошибомъ Московскихъ гостинницъ, была не изъ модныхъ, но усерднѣйше посѣщалась массами чиновничества и вообще средняго петербурскаго люда, зачастую пировавшаго здѣсь не только днемъ, но и по ночамъ, что, понятно, дѣлало ее шумною и очень безпокойною для лицъ, жившихъ въ нумерахъ,—правда, не особенно дорогихъ по цѣнѣ, но не отличающихся за то ни особенными удобствами, ни даже убранствомъ и чистотой. Ник. Ив. не столько, впрочемъ, жаловался на послѣднія обстоятельства, сколько на шумъ и

органъ, который дѣйствительно гремѣлъ, почти не умолкая, по цѣлымъ суткамъ, лишая его всякаго покоя.

Да почему—же вы не пріищите себѣ особой квартиры?—невольно спросилъ я его.

А потому, отвѣчалъ Ник. Иван.,—что, занимаясь ежедневно, съ утра до вечера, въ Публичной библіотекѣ, находящейся,—замѣтьте это!—рядомъ съ этою гостинницею, я положительно не имѣю времени на пріисканіе себѣ квартиры, а затѣмъ еще и потому, что здѣсь, въ гостинницѣ, ко мнѣ привыкли и вообще порядочно меня кормятъ, что при болѣзненномъ состояніи моего желудка не мало значитъ...

Что къ Ник. Ив. въ гостинницѣ уже привыкли, легко было убѣдиться изъ того, какъ на требованіе его подать обѣдать, тотчасъ-же явился самъ буфетчикъ съ живою рыбою въ рукахъ и только-что зарѣзанною какою-то птицею. Обѣдъ-же дѣйствительно былъ не прихотливый, но хорошо изготовленный...

Попутно здѣсь можно замѣтить, что Ник. Ив., никогда не отличавшійся особенно большимъ аппетитомъ, никогда не былъ и гастрономомъ; но, бывши по натурѣ крайне мнительнымъ и при томъ очень брезгливымъ, онъ всегда съ большими опасливостью и разборчивостью относился къ пищѣ, доводя не рѣдко свои требованія относительно свѣжести припасовъ, изъ которыхъ приготовлялась послѣдняя, до чисто комическихъ преувеличеній!..

Со времени этой первой встрѣчи съ Ник. Ив. прошло около двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ мнѣ часто приходилось видѣться и бесѣдовать съ нимъ въ разныхъ обществахъ, изрѣдка видѣть его у себя, а чаще заходить къ нему какъ въ нумеръ, занимаемый имъ въ гостинницѣ, такъ и въ новую квартиру, пріисканную имъ,—не помню уже хорошо, въ 60-мъ или 61-мъ году,—на Васильевскомъ островѣ, въ 9-й линіи, въ д. Карманова, въ которой онъ прожилъ впослѣдствіи болѣе 20-ти лѣтъ.

Я едвали ошибусь, если назову тѣ годы, когда мнѣ довелось свести знакомство съ Ник. Ивановичемъ, самою лучшею, жизнерадостною порою въ жизни его. Слава его, и какъ историка, и какъ профессора, росла тогда не по днямъ, а по часамъ. Число слушателей его лекцій разрослось, наконецъ, до

того, что ему пришлось ихъ читать въ актовомъ университетскомъ залѣ. Мнѣ неоднократно пришлось быть слушателемъ этихъ лекцій, на которыхъ, не смотря на весьма внушительные размѣры зала, не только трудно было найти себѣ мѣсто, но трудно было даже дышать отъ массы публики, не только, какъ говорится, *биткомъ* наполнявшей залъ, но заполнявшей даже всѣ оконныя амбразуры.

Какъ сейчасъ вижу предъ собою Ник. Ив., стоящаго на кафедрѣ, съ нѣсколько поднятою вверхъ головою. Какъ сейчасъ слышу его рѣчь—не громкую, но очень явственную, не торопливую, спокойную, безъ малѣйшей претензіи на афектацію, но содержаніемъ своимъ завладѣвающую вниманіемъ, а живостью изложенія глубоко затрогивающую сердца слушателей. Случалось, бывало, что въ рѣчи Ник. Ив. проглянетъ иногда и юморъ, но это какъ-то какъ-бы нечаянно,—ну, вотъ, къ слову пришлось, и при томъ тотъ особый, тонкій юморъ, который способенъ только ярче освѣтить рисуемую говорящимъ картину,—вызвать улыбку на устахъ слушателя, но не разсмѣшить его до умору. Но никогда онъ на своихъ лекціяхъ не прибѣгалъ къ тѣмъ, soit disant, удалымъ намекамъ или сближеніямъ, къ которымъ въ ту пору прибѣгали подчасъ иные лекторы и которые могли мгновенно вызвать въ тогдашней не одной, впрочемъ, молодежи бурныя проявленія сочувствія въ формѣ восторженныхъ криковъ и бѣшенныхъ рукоплесканій. Ник. Ив., мало того что не любилъ такихъ своего рода „выходокъ", но прямо не одобрялъ ихъ, находя ихъ по меньшей мѣрѣ, неумѣстными... „Съ огнемъ,—говорилъ онъ,—играть не годится"...

Довелось между прочимъ мнѣ присутствовать, въ 1860 г., и на диспутѣ Ник. Ив. съ приснопамятнымъ М. П. Погодинымъ, отъ чего,—замѣчу мимоходомъ,—настойчиво отговаривали его многіе его пріятели, а въ числѣ ихъ и Н. Г. Ч., предсказывая, что изъ диспута этого ничего не выйдетъ, кромѣ плохонькой своего рода комедіи, участвовать въ которой Ник. Ив. было совсѣмъ неподходящимъ дѣломъ. Но, вѣдь, Ник. Ив. былъ человѣкъ, склонный иногда къ какимъ-то непонятнымъ, какъ бы спорадически проявлявшимся въ немъ увлеченіямъ. Уже

куда, бывало, въ минуты подобныхъ увлеченій, онъ пошелъ, то, пока не остановится самъ, его не остановишь... Такъ было и въ данномъ случаѣ. Что друзья предусматривали, то изъ диспута этого и вышло, т. е. какая-то плохенькая, чтобы не сказать болѣе, комедія, за участіе въ которой Ник. Ив. сначала сердился на самого себя, а затѣмъ—зло смѣялся самъ надъ собою, охотно, на память, отъ строки до строки цитируя всѣ остроумно-юмористическія стихотворенія Н. А. Добролюбова, появившіяся тогда въ „Современникѣ", въ отдѣлѣ, носившемъ названіе: „Свистокъ".—„Ахъ, какой это былъ даровитый молодой человѣкъ,—теперь ужъ такихъ нѣтъ, нѣтъ"...—говаривалъ, было, при воспоминаніи о томъ времени, Ник. Ив., до самой смерти обладавшій поразительною, феноменальною памятью.

Много кой-чего можно было бы припомнить и о Ник. Ивановичѣ, и о людяхъ, болѣе или менѣе близко соприкасавшихся съ нимъ, и объ обществѣ, и о разныхъ событіяхъ, и инцидентахъ, говоря объ эпохѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, но... но, не смотря на 33 года, утекшихъ съ той поры, мы поговоримъ о всемъ этомъ когда-нибудь уже въ другой разъ...

Въ 1861 году служба далеко угнала меня изъ Петербурга и, съ тѣхъ поръ, въ теченіе семнадцати слишкомъ лѣтъ, мнѣ ни разу не довелось свидѣться съ Ник. Ив.—Былъ я за это долгое время три раза въ Петербургѣ, но какъ-будто-бы нарочно всякій пріѣздъ мой совпадалъ съ его отсутствіемъ. И только уже въ 1878 г., когда я перемѣстился въ Петербургъ на временное жительство, мнѣ довелось повидаться съ нимъ, затѣмъ въ теченіе почти семи лѣтъ, за нѣкоторымъ впрочемъ перерывомъ, часто и бывать у него и у себя его видѣть.

Стоялъ уже ноябрь. Было уже около 9 час. вечера, когда я, не безъ нѣкотораго волненія, подымался по плохо освѣщенной и крутой лѣстницѣ дома Карманова, по которой подымался къ Ник. Ив—чу семнадцать лѣтъ назадъ.—Образа св. Георгія, висѣвшаго когда-то надъ входною дверью его квартиры, уже не было.—Я позвонилъ.—Дверь отворилъ уже не старый слуга Ник. Ив—ча, а дѣвушка: Ник. Ив. былъ уже третій годъ же-

натъ. Онъ сразу-же узналъ меня. Мы крѣпко обнялись и незамѣтно пробесѣдовали до часу ночи, толкуя не столько о настоящемъ, сколько о быломъ, да о тѣхъ, кого уже нѣтъ, или кто далеко-далеко... Да-съ! Семнадцать лѣтъ, казалось-бы, и не Богъ еще знаетъ, что за долгое время, а сколько, сколько уже воды утекло!....

Въ обстановкѣ квартиры Н. Ив., если не считать нѣсколько большаго убранства ея да книгъ, преувеличившихъ его библіотеку, особыхъ перемѣнъ я не замѣтилъ. Самъ онъ даже сидѣлъ на томъ мѣстѣ у себя въ кабинетѣ, гдѣ любилъ сиживать и прежде. Старушки-матушки, дышавшей на своего сынка и простиравшей свои заботы до удовлетворенія самыхъ даже мелочныхъ его привычекъ и желаній,—до приготовленія *мёду* по рецепту Олеарія, на свѣтѣ уже не было. Но ее возмѣщала теперь жена,—женщина, мало того что окружавшая его всяческимъ вниманіемъ и самою деликатною предусмотрительностью, но по уму и образованію облегчавшая даже его труды!... Какъ прежде, такъ и теперь Ник. Ив. жилъ одной своей наукой, изолированный отъ всякихъ обыденныхъ жизненныхъ мелочныхъ заботъ,—такъ что, съ этой стороны, никакой также перемѣны не произошло. За утрату матери, вполнѣ, впрочемъ, и естественную для человѣка, достигшаго 60-ти лѣтъ, добрая фея наградила его достойнѣйшею женою, какъ-бы передавъ его изъ однихъ любящихъ рукъ въ другія, да еще, несомнѣнно, въ болѣе умѣлыя и къ личности его приспособленныя, вотъ—и все тутъ. А для Ник. Ив., какъ для человѣка, по непривычности положительно утратившаго всякую способность къ одинокой жизни холостяка, обстоятельство это было величайшимъ счастіемъ. Безъ обиняковъ утверждаю, что безъ этого обстоятельства ему, послѣ смерти матери, не прожить-бы и трехъ лѣтъ!...

Но если въ общей обстановкѣ все, или почти все, осталось по прежнему, то самъ Ник. Ив. очень, очень много перемѣнился. Предо мной стоялъ не тотъ,—не скажу вполнѣ свѣжій, здоровый, но бодрый, нервно-живой и больше воображаемо, чѣмъ дѣйствительно хворый человѣкъ, какимъ я зналъ Ник. Иван. семнадцать лѣтъ назадъ, а просто — старецъ, выглядѣвшій

гораздо старѣе своихъ лѣтъ. А общая худоба, морщины на лицѣ и длинная, сѣдая борода, которой онъ прежде никогда не носилъ, придавали ему видъ какого-то аскета. Всѣ движенія, походка его стали медленными, неувѣренными. Только голосъ да искры, вдругъ иногда вспыхивающія въ его глазахъ въ минуты оживленія въ разговорѣ, напоминали въ немъ что-то былое... Жалобы на здоровье теперь,—увы!—видимо уже исходили не изъ одной его мнительности. Но въ жалобахъ на глаза свойственная ему мнительность, по прежнему, не переставала играть извѣстную роль. Что зрѣніе его, никогда не отличавшееся силою, какъ это доказывается исконнымъ ношеніемъ имъ очковъ, постепенно ослаблялось, то было вполнѣ естественно какъ по его лѣтамъ, такъ особенно по тѣмъ жестоко-форсированнымъ занятіямъ, которымъ онъ безъ мѣры и разбору предавался всю свою жизнь, почти до кануна смерти. Но не только до слѣпоты, которой онъ такъ боялся, не рѣдко, бывало, вскрикивая: „я слѣпну, совсѣмъ слѣпну! я скоро слѣпцомъ стану, никуда негоднымъ человѣкомъ"!.. но даже до сильнаго упадка зрѣнія,—можно сказать: къ удивленію!—было далеко, какъ то часто доказывалось фактами. Такъ, бывало, онъ вдругъ почему-либо начинаетъ волноваться и увѣрять, что онъ ничего уже почти не видитъ; но, вотъ, проходитъ часъ, другой, начинается какой нибудь разговоръ, а особенно споръ; по Ник. Ив. пробѣгаетъ, какъ-бы, электричество: онъ схватывается съ своего мѣста, быстро отыскиваетъ въ своей библіотекѣ потребную книгу, напечатанную самымъ мелкимъ шрифтомъ, и, забывая про увѣренія въ слѣпотѣ, тутъ-же бѣгло начинаетъ ее читать, да еще и не при особо-яркомъ освѣщеніи. Никогда также не забуду я нашего съ нимъ посѣщенія выставки картинъ извѣстнаго нашего художника, В. В. Верещагина.

Высокодаровитый художникъ этотъ, по знакомству нашему, простеръ свою любезность до того, что предложилъ намъ самолично дать объясненіе къ его крайне разнообразнымъ и богатымъ по содержанію произведеніямъ, для чего просилъ только пріѣхать часа за два до открытія выставки для публики. Мы, въ обществѣ человѣкъ шести или семи, въ томъ числѣ и Ник.

Ив., такъ и сдѣлали.—Пока вышелъ къ намъ художникъ, мы начали ходить по заламъ, любуясь на картины. Но тутъ-то и случилась бѣда.—„Зачѣмъ я пріѣхалъ сюда"?! вдругъ взволновался Ник. Иванов.,—„чего вы привезли сюда меня, слѣпца, который не видитъ, кромѣ стѣнъ, ничего, ничего!!.."— Но, вотъ, приходитъ Василій Висильевичъ и начинаетъ давать намъ свои въ высокой мѣрѣ интересныя объясненія. Ник. Ив. успокаивается, все внимательнѣе и внимательнѣе вслушивается въ объясненія художника и все пристальнѣе и пристальнѣе вглядывается въ картины его и, наконецъ, начинаетъ восхищаться картинами, указывая даже на самыя тонкія детали ихъ, комментируя ихъ колоритъ и проч.—Мы еле удерживались при этомъ отъ смѣха!...—„А знаете-ли. Ник. Ив. что"?—обратился я къ нему, когда, выходя съ выставки, мы продолжали еще разговоръ о ней.—„А что?—по обыкновенію отрывисто спросилъ онъ меня.—„Да то, что мнѣ кажется, что надъ зрѣніемъ вашимъ потѣшается *бѣсъ*, *„пакоститъ"* вамъ, какъ вы,—помните?!—въ 1860 году непочтительно выражались о немъ въ вашихъ лекціяхъ о демонологіи. Вѣдь, бѣсъ злопамятенъ!"...— „А вѣрно, вѣрно,—хохоча и оживляясь заговорилъ Ник. Ив.,— это именно *бѣсовское пакостничество*: то вижу—то ничего не вижу!"...

За послѣднія семь лѣтъ жизни онъ продолжалъ ревностно посѣщать архивы; былъ на археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ, сопровождаемый, впрочемъ, своею милѣйшею, нынѣ уже покойною, падчерицею; ѣздилъ на лѣто, кажется, раза два въ деревню своей жены, Дѣдовцы (прилукск. уѣз.); посѣщалъ изрѣдка знакомыхъ и пріятелей; охотно посѣщалъ церковное служеніе и любилъ утреннія прогулки по городу. Но, вообще говоря, онъ больше сидѣлъ у себя дома, зимой—на Васильевск. островѣ, а лѣтомъ—на дачѣ, въ Павловкѣ. Всѣ эти выѣзды и выходы, а особенно прогулки, предпринимаемыя имъ, по преимуществу, въ одиночествѣ да еще на разсвѣтѣ (онъ очень рано вставалъ), не мало безпокоили даже друзей Ник. Ив., а уже особенно его добрѣйшую и искреннелюбящую его жену. Да и какъ было не безпокоиться! Не говоря уже про ослабленность зрѣнія и

про общую слабость, что заставляло его двигаться какою-то мелкою и неустойчивою походкою, но одной задумчивости и разсѣянности, съ какими онъ ходилъ, бывало, по улицамъ, было вполнѣ достаточно, чтобы опасаться возможности какого-либо несчастнаго приключенія съ нимъ. А между тѣмъ, не смотря ни на какіе доводы, онъ ни за что не желалъ прогуливаться ни въ сопровожденіи Ульяны, славной и здоровой дѣвушки-малороссіянки, воспитанницы его жены, ни нанять особаго себѣ провожатаго. И факты не замедлили доказать основательность опасеній за него. Такъ, разъ—въ Маріинскомъ театрѣ, а другой—въ Андреевскомъ соборѣ, мазурики вырвали у него изъ рукъ бобровую шапку, такъ что бѣдному старику пришлось возвращаться домой, по морозу, покрывъ голову носовымъ платкомъ; а два раза его сшибали съ ногъ проѣзжіе. Разъ, кажется въ 1884 г., не подалеку отъ его квартиры, его сшибъ съ ногъ возъ съ дровами: при чемъ, какъ разсказывалъ въ тотъ-же вечеръ самъ Ник. Ив., извозчикъ и обругалъ его: „ишъ,—говоритъ—старая пьянюга!—подъ самыя оглобли лѣзетъ"!—Но на этотъ разъ дѣло, говоря относительно, обошлось еще благополучно: Ник. Ив. поплатился лишь очками да легкими ссадинами на лицѣ. Не то было въ другой разъ, кажется, за годъ до его кончины, когда, по выходѣ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, на Большой Морской, онъ былъ сшибленъ съ ногъ кучеромъ г-жи Дорожинской. Расшибленнаго, въ полузабытьи лежащаго на снѣгу старика городовые подняли, усадили въ сани и, принимая его за пьянаго, потащили не домой, даже не въ больницу, а прямо въ участокъ.—„Взвели меня,—разсказывалъ мнѣ потомъ Ник. Ив.,—по крутой лѣстницѣ, ввели въ комнату, гдѣ предо мной за столомъ засѣдалъ какой-то господинъ, которому привезшіе меня разсказали приключившійся со мною случай"...—„Кто вы такой"?—спрашиваетъ меня неизвѣстный мнѣ господинъ.—„Говорю: дѣйствительный статск. совѣтникъ, членъ Импер. Археолог. Общества, Н. И. Костомаровъ".—„Ну,—говоритъ,—мы разберемъ дѣло, а теперь можете ѣхать".—Я пошелъ къ двери.—„Ваше благородіе, не погубите"!—начинаетъ меня въ передней упра-

шивать какой-то старикъ съ бѣлой бородой.—Да кто-же вы такой будете?—спрашиваю его.—„Да тотъ, В. Бл., кого Богъ попуталъ зашибить васъ"...—Ну, да Богъ же васъ и прости, а я прощаю...—Какъ я сползъ съ лѣстницы, какъ я затѣмъ доѣхалъ до дому, ужъ и самъ въ толкъ не возьму"...—Ушибъ этотъ долго заставилъ страдать тогда уже очень, очень немощнаго Ник. Ив.—Разумѣется, нельзя утверждать, что несчастный случай этотъ былъ причиною смерти его, которая обусловливалась неизлѣчимою болѣзнью, гнѣздившеюся въ его организмѣ, какъ то было констатировано лучшими врачами, но едва-ли можно усумниться, что случай этотъ никакъ уже не могъ способствовать продленію его жизни, а особенно при томъ состояніи, въ которомъ онъ находился въ то время.

Собранія по вторникамъ, начавшіяся еще въ 60-хъ годахъ, продолжались у Ник. Ив. неизмѣнно почти до послѣднихъ его дней. Онъ не только любилъ, чтобы посѣщали его въ этотъ день, сдѣлавшійся для него, такъ сказать, урочнымъ днемъ, но бывалъ даже не совсѣмъ доволенъ, когда почему-либо не зайдешь къ нему. Бывали у него на этихъ „вторникахъ", хотя не особенно часто, болѣе или менѣе извѣстные писатели и заслуженно-ученые какъ петербургскіе, такъ и пріѣзжіе изъ провинціальныхъ университетскихъ городовъ, но больше бывали старые пріятели и знакомые со своими семьями. Случалось, и даже не въ рѣдкость, встрѣчать однако у него на вторникахъ и такого сорта людей, съ которыми, казалось, Ник. Ив. не только не имѣлъ, но и не могъ даже имѣть ничего общаго,—такъ что при этомъ невольно, бывало, даже задаешься вопросомъ: что нужно здѣсь этимъ людямъ?!.. Въ зависимости отъ состава вторничныхъ посѣтителей Ник. Ив., вообще не особенно однохарактернаго, случалось, что общій разговоръ, постепенно оживляясь, становился очень и даже очень занимательнымъ и серьезнымъ. Но того оживленія, которое когда-то царило на этихъ вторникахъ, не было уже и тѣни!—Другія времена, видимо, настали, другія птицы, другія пѣсни... Да и самъ Н. Ив., видимо, дѣлался уже не тотъ: огонекъ еще тлѣлся, иногда даже вспыхивалъ, но топливо-то уже изсякало...

„Плохой я наблюдатель *современной* жизни: я привыкъ изучать *прошлое*, въ *немъ* жить, *имъ* всецѣло заниматься“,— говорилъ Н. Ив., по словамъ издателя „Литературнаго наслѣдія“. И такая самохарактеристика дѣйствительно могла быть вполнѣ примѣнена къ нему на склонѣ лѣтъ. Но по крайнему моему убѣжденію, она была-бы далека отъ истины по отношенію къ Н. Ив. 59-го и 60-хъ годовъ. Правда, въ ту пору, какъ и теперь, онъ также *изучалъ прошлое*, также *любилъ жить* въ немъ, но... но тогда, утверждаю, онъ не былъ ни *плохимъ*, ни холоднымъ и безучастнымъ наблюдателемъ *современной* жизни, пульсъ которой напряженно бился въ немъ, какъ онъ бился, впрочемъ, тогда у всякаго, у кого только хотя немного было ума и сердца за душой. А ихъ-ли было мало за душой его даровитой, страстной, впечатлительной натуры?!.. Я не видалъ Ник. Ив. во время нашей послѣдней (1877—78 гг.) войны съ Турціею; но люди, которымъ я не смѣю не вѣрить, говорили, что онъ тогда, не смотря даже на только-что перенесенный тифъ, вдругъ какъ-бы ожилъ, встрепенулся.

Какъ бы то ни было, но характеристика, которую дѣлалъ самому себѣ покойный Ник. Ив. и которая выше приведена, была вѣрна по отношенію къ нему за время съ 1878 по 1885 года. За это время дѣйствительно онъ только и изучалъ прошлое, только и жилъ въ немъ, относясь почти безучастно ко всему, что совершалось тогда въ жизни, окружавшей его. И чѣмъ крупнѣе, чѣмъ импозантнѣе были событія и явленія,— а ихъ-ли было мало съ конца 70-хъ по начало 80-хъ годовъ?!— тѣмъ упорнѣе Ник. Ив. углублялся въ изученіе прошлаго своей страны, какъ-бы полагая (такъ мнѣ, по крайности, казалось), что, не уразумѣвъ настоящимъ образомъ этого прошлаго, нельзя уразумѣть и настоящаго, а значитъ—нечего ни близко принимать его къ сердцу, ни особенно радоваться, ни печалиться...— Но Боже, какимъ захватывающимъ образомъ вліяло на него все прошлое, все—даже мало-мальски къ прошлому относящееся! Помнится, какъ-то мы поѣхали въ „интендантскій музей“, представляющій одно изъ интереснѣйшихъ и богатѣйшихъ собраній предметовъ обмундированія и снаряженія войскъ, начи-

ная съ конца XVII вѣка.—Тогда Н. Ив. писалъ своего Миниха. Надо было видѣть, съ какимъ всепожирающимъ любопытствомъ онъ разглядывалъ разные старинные мундиры, кивера, шляпы, кирасы и проч., начиная съ одежды, бывшей на Петрѣ Вел. въ Полтавскомъ бою,—съ какимъ жаромъ сталъ онъ, постепенно преображаясь какъ-бы въ какого баяна или барда, рисовать предъ нами воиновъ и вождей временъ Полтавы, Хотина, Ставучанъ, Кагула... Почти уже совсѣмъ стемнѣло. Пора была закрывать музей, а Н. Ив., забывъ объ устали, все продолжалъ ходить отъ предмета къ предмету, разсматривать, разспрашивать и говорить, поражая присутствующихъ въ музеѣ и силою своего воображенія, и могуществомъ памяти, сохранявшимися въ такомъ уже, повидимому, хиломъ, полуразрушившемся человѣкѣ, какимъ онъ тогда былъ. А секретъ этого былъ простъ: въ эти часы онъ *жилъ* въ своемъ излюбленномъ и животворившемъ его *прошломъ*, въ своей средѣ!—Въ немъ-же, въ этомъ прошломъ, несомнѣнно, онъ почерпалъ и тѣ невѣроятныя силы, съ которыми работалъ, писалъ, диктовалъ чуть-чуть не до-послѣдняго вздоха...

Когда въ 1883 г. я вернулся изъ временной моей отлучки изъ Петербурга, длившейся однако около двухъ лѣтъ, то засталъ Ник. Ив. уже на новой квартирѣ, въ 1-й линіи Васильев. острова, въ домѣ Бруни, гдѣ онъ и скончался. По случайности, мнѣ пришлось занять квартиру въ домѣ, находящемся рядомъ съ д. Бруни, что, понятно, очень участило наши свиданія. На этотъ разъ я засталъ Ник. Ив. въ очень грустномъ положеніи: здоровье и силы его, видимо, шли на убыль. Онъ таялъ, какъ свѣчка, хотя держался еще на ногахъ на столько, что, хотя и не ходилъ, но перемогался еще изрѣдка съѣздить въ архивы министерства иностранныхъ дѣлъ, въ Андреевскій соборъ, откуда одинъ разъ его привезли домой еле-живаго, а работать, работать все таки продолжалъ по прежнему, т. е. безпощадно. Всякая попытка, какъ со стороны друзей, такъ и жены, удержать его отъ такихъ занятій была не только безполезна, но положительно вредна, ибо только раздражала его. Да гдѣ тутъ было воздержать намъ или его женѣ, когда его не могли воздержать отъ

того даже такія медицинскія свѣтила, какъ Кошлаковъ и Боткинъ, которыхъ онъ очень уважалъ, съ которыми любилъ побесѣдовать, но совѣтамъ которыхъ не очень-то внималъ. Такъ, напр., они требовали, чтобы онъ на лѣто поѣхалъ въ Дѣдовцы, въ Малороссію, такъ—куда тутъ!—„Я,—говоритъ,—въ Дѣдовцахъ погибну отъ *бездѣлья*, тогда какъ, живя въ Павловкѣ, на дачѣ, вблизи петербургскихъ архивовъ и публичн. библіотекъ, могу *отлично продолжать свои работы!*"...—И это, замѣтьте, серьезнѣйше говорилъ человѣкъ, буквально уже дышавшій на ладонъ.

Въ началѣ 1885 г. ему стало совсѣмъ ужъ плохо. Чтобы не тревожить его своими посѣщеніями, мы посылали уже людей на его квартиру для освѣдомленія о положеніи больного. Но за два дня до кончины его я зашелъ къ нему.—Ник. Ив., въ бобровой шапкѣ, въ шубѣ и теплыхъ калошахъ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ противу отвореннаго окна. Погода стояла варварски-холодная. Но доктора, во вниманіе къ жалобамъ его на недостатокъ воздуха, разрѣшили ему уже поступать такъ.

— Ну, вотъ, наконецъ-то вспомнили меня, зашли,—заговорилъ онъ, увидѣвъ меня.

— Да я и не думалъ забывать васъ. Вотъ, дастъ Богъ, поправитесь,—опять будемъ вашими гостями.

Нѣтъ, гдѣ уже тутъ поправиться!!—Дайте-ка мнѣ лучше вашу папироску: у васъ онѣ всегда превкусныя... А мнѣ, вѣдь, дома уже не даютъ ни сигаръ, ни папиросъ. Говорятъ: нельзя, вредно...

Зная, что перечить ему безполезно, я зажегъ папироску и подалъ ему. Но, какъ и слѣдовало ожидать, лишь только онъ взялъ папиросу въ ротъ, какъ конвульсивно раскашлялся и въ изнеможеніи выронилъ ее изъ рукъ, шепча: „не могу, не могу"...

— Да лучше теперь не курите, Ник. Ив. Вотъ ужо поправитесь...

— Нѣтъ! Умираю, чувствую, что умираю... да какой гнусной отвратительной еще болѣзнью!—Хотя-бы затвердѣніе желудка произошло!!.

— Ну, Ник. Ив.,—сказалъ я, невольно улыбаясь,—нашли чего желать: перемѣны кукушки на ястреба!..

— Какъ можно, что вы это?!.. Скажите ,,развѣ исторія представляетъ примѣры, чтобы арміи вымирали отъ ,,запора“?— а отъ ,,поносовъ“—сколько угодно“!..—И Ник. Ив. сталъ перечислять въ хронологическомъ порядкѣ, указывая даже годы и мѣсяцы, примѣры послѣдняго, начиная съ древнихъ временъ до новѣйшихъ; при чемъ съ особою подробностью говорилъ объ осадѣ Рима Аттилою, о Венгерской войнѣ 1849 г. и о русско-турецкой 1828—29 и 1853—56 годовъ. Я только глядѣлъ на этого совсѣмъ уже умирающаго человѣка и дивился!..

7-го апрѣля, часовъ въ 11-ть утра, мнѣ пришли сказать, что Ник. Ив. скончался. Когда около часу пополудни я зашелъ къ его высокопочтенной и добрѣйшей Алинѣ Леонтьевнѣ, тѣло Ник. Ив., вполнѣ уже убранное, лежало въ его кабинетѣ на столѣ, а извѣстный нашъ художникъ, Рѣпинъ начиналъ писать съ покойнаго портретъ, который къ вечерней панихидѣ былъ уже законченъ,—портретъ, изумительный и по сходству, и по технической отдѣлкѣ!..

И, вотъ, незамѣтно промелькнули уже *десять* лѣтъ, какъ мы опустили въ могилу нашего Н. И. Костомарова,—этого высоко-даровитаго, глубоко-ученаго историка,—не только историка народолюбца, правдолюбца, но и историка художника, научившаго изучать и любить не сантиментально, а глубокою любовью прошлое нашего отечества, видѣть въ этомъ прошломъ не приманку, влекущую насъ назадъ, ,,домой“, а залогъ и фундаментъ свѣтлаго и великаго будущаго великія и малыя Руси.— А между тѣмъ, грустно подумать, по сію пору нѣтъ не только настоящей оцѣнки его произведеній, указанія мѣста, какое безспорно принадлежитъ ему въ русской исторіографіи, но нѣтъ даже солидной біографіи его!...

Село Поддубье, херс. губ. **Н. Подорожный**

Изъ воспоминанiй о Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ.

Десять лѣтъ тому назадъ, 11 апрѣля 1885 года, на полукруглой площадкѣ противъ главнаго подъѣзда Петербургскаго университета, мнѣ пришлось толкаться въ толпѣ людей, ожидавшихъ выноса тѣла Николая Ивановича Костомарова изъ университетской церкви, гдѣ происходило его отпѣванiе. Обширная швейцарская, лѣстница, ведущая на второй этажъ, площадка передъ церковью и сама церковь были наполнены тѣснившимся народомъ. Опоздавшiе и невыносящiе духоты и давки поневолѣ должны были остаться на улицѣ, не смотря на довольно свѣжее апрѣльское утро. Изъ толпы одинъ за другимъ выдѣлились въ небольшой кружокъ нѣсколько старыхъ слушателей Николая Ивановича, студентовъ начала шестидесятыхъ годовъ. Я былъ въ ихъ числѣ. Нѣкоторые изъ насъ не встрѣчались уже по многу лѣтъ и теперь, сведенные здѣсь единою цѣлью и единою мыслью, горячо пожимали другъ другу руки. Обычные при подобныхъ встрѣчахъ разговоры о невозвратно минувшей молодости связывались теперь съ воспоминанiемъ о любимомъ профессорѣ. Помнится, кто-то замѣтилъ по поводу происходившаго вокругъ насъ, что никакое на свѣтѣ наслѣдство не можетъ вызвать такой горячей любви и искренней признательности со стороны наслѣдниковъ, какъ зароненная въ душу человѣческая мысль и пробужденное человѣческое чувство. Въ ожиданiи выноса тѣла покойнаго, намъ невольно пришло на память другое торжество, когда въ стѣнахъ этого же универси-

тета, двадцать пять лѣтъ назадъ, восторженная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ университетскаго юношества несла на рукахъ профессора Костомарова послѣ вступительной его лекціи. Это было въ концѣ ноября 1859 года.

Уже около мѣсяца между студентами ходилъ слухъ о разрѣшеніи Костомарову занять каѳедру въ нашемъ университетѣ. Всѣмъ хорошо извѣстны были причины оставленія имъ Кіевскаго университета въ сороковыхъ годахъ и пребыванія въ Саратовѣ. Какъ ученаго, Костомарова знали по его сочиненіямъ. „Стенька Разинъ" и „Богданъ Хмельницкій", печатавшіеся въ „Отеч. Зап." въ 1857 и 1858 годахъ, выходили тогда отдѣльнымъ изданіемъ и были у всѣхъ на языкѣ. Приглашеніе Н. И. Костомарова въ Петербургскій университетъ на каѳедру Русской Исторіи, по ходившимъ тогда между студентами слухамъ, состоялось благодаря вліянію К. Д. Кавелина, который пользовался тогда большимъ авторитетомъ въ университетѣ вообще и между студентами въ особенности. Наканунѣ вступительной лекціи, К. Д. Кавелинъ говорилъ студентамъ о Костомаровѣ и старался убѣдить ихъ, что шумныя выраженія симпатій, которыхъ естественно было ожидать со стороны студентовъ послѣ вступительной лекціи Николая Ивановича, могутъ принести ему существенный вредъ. Всѣ это очень хорошо понимали, и между студентами было условлено строго держаться совѣта любимаго тогда профессора. На дѣлѣ вышло нѣчто совсѣмъ противоположное: у толпы своя психологія. Толпа всегда безусловно искренна и въ своихъ дѣйствіяхъ не способна руководствоваться соображеніями, посторонними овладѣвшему ею чувству.

На лекціи дѣло шло о сущности исторіи и о цѣляхъ университетскаго ея преподаванія. По ученію незабвеннаго профессора, основное начало формъ общественной и политической жизни, изученіемъ которыхъ занимается исторія, есть народъ. Внѣшнія формы общежитія относятся къ народу, къ его духовно-нравственному бытію, какъ явленія къ ихъ сущности. Эти формы только тогда станутъ понятными, когда будетъ выяснено, какъ относится къ нимъ народъ и насколько онъ участвовалъ въ ихъ творчествѣ. Исторія народа состоитъ въ изученіи его

духовной жизни. Н. И. Костомаровъ съ ранней юности весь отдавался изученію народа. Это было далеко не легкимъ дѣломъ въ тѣ времена, когда даже Бѣлинскій не признавалъ научнаго и художественнаго значенія народной поэзіи, а люди, стоявшіе тогда во главѣ университетскаго преподаванія, видѣли въ Н. И. Костомаровѣ, благодаря его увлеченію народною поэзіей, какого-то чудака, по современной терминологіи—психопата. Для слушателей, знавшихъ, сколько времени и энергіи профессоръ посвятилъ изученію народа, опредѣленіе сущности исторіи звучало въ его устахъ чѣмъ-то очень вѣскимъ и глубокимъ.

Отъ университетскаго преподаванія Николай Ивановичъ требовалъ изученія внутренняго смысла историческихъ явленій и уясненія метода разработки научнаго матеріала. Впослѣдствіи, по закрытіи Петербургскаго университета въ 1861 году, онъ подробно разработалъ свой взглядъ на университетъ и университетское преподаваніе въ рядѣ писемъ, помѣщенныхъ въ „С.-Петер. Вѣд.“, въ концѣ 1861 года.

Лекція мирно продолжалась. Николай Ивановичъ, по обыкновенію, читалъ стоя, скрестивъ на груди руки, безъ малѣйшей тѣни ораторскихъ пріемовъ, совершенно спокойно и медленно, точно диктуя. Большой университетскій залъ, служившій аудиторіей для нѣкоторыхъ Костомаровскихъ лекцій, всегда, а теперь въ особенности, былъ биткомъ набитъ слушателями. Не смотря на это, въ аудиторіи стояла безусловная тишина. Слова лектора чутко раздавались по залу, такъ что, слушая изъ сосѣдней комнаты, можно было бы подумать, что голосъ его раздается въ пустой аудиторіи. Конечно, никто изъ этихъ внимательныхъ, горячо слѣдящихъ за нитью мыслей профессора слушателей не заботился о томъ, во что превратится эта нѣмая аудиторія черезъ минуту. Я не берусь передать впечатлѣнія дружнаго взрыва энтузіазма, раздавшагося въ аудиторіи, какъ только прозвучало заключительное слово профессора. При оглушительныхъ аплодисментахъ и восторженныхъ крикахъ всѣ шумно оставили свои мѣста, и тѣсной толпой окружили Николая Ивановича. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ очутился надъ головами толпы сидящимъ, точно на щитѣ, на высоко поднятыхъ

рукахъ. При непрерывномъ громѣ аплодисментовъ и крикахъ нѣсколькихъ сотенъ голосовъ, толпа двинулась изъ зала по длинному корридору, чрезъ всѣ двѣнадцать Петровскихъ коллегій, къ Невскому подъѣзду, который тогда служилъ главнымъ для профессоровъ и студентовъ. Я стоялъ близко къ профессору и, разъ взглянувъ на его лицо, не могъ оторвать отъ него глазъ. Возбужденное, съ выраженіемъ глубокаго страданія, не мало не напоминавшее лицо тріумфатора, оно и теперь стоитъ передо мною, какъ живое. Все время, пока я могъ его наблюдать, оно не теряло этого выраженія. Съ половины корридора, отброшенный толпой, я могъ только издали слѣдить за фигурой профессора, виднѣвшейся все на той-же высотѣ, пока она не скрылась, вмѣстѣ съ первыми рядами толпы, спускавшимися по лѣстницѣ на первый этажъ, къ выходу. Какъ разстался Николай Ивановичъ съ своими восторженными слушателями и уѣхалъ домой, не знаю; хорошо помню, что на всѣ привѣтственные крики студентовъ онъ отвѣчалъ полнѣйшимъ молчаніемъ.

Никакихъ непріятныхъ послѣдствій для Н. И. Костомарова это буйное проявленіе симпатій къ нему со стороны слушателей не имѣло. Съ ноября 1859 года, лекціи его шли правильно, привлекая огромное число слушателей разныхъ возрастовъ, половъ и общественныхъ положеній. Въ короткій срокъ профессорской дѣятельности Николая Ивановича университетъ гостепріимно открывалъ свои двери для всѣхъ, желающихъ чему нибудь учиться. Съ ними попадали, конечно, и люди, ничего общаго съ наукой не имѣющіе, посѣщающіе университетъ ради моды, но это не мѣшало дѣлу. Студенты-филологи и вообще всѣ обязательные и необязательные слушатели выдѣлялись въ особую группу и записывали рѣчь Николая Ивановича, какъ и всякаго другого профессора, не смущаясь окружающей ихъ толпой.

Между университетскимъ юношествомъ Николай Ивановичъ пользовался безпредѣльнымъ сочувствіемъ, которое вызывалось не только его талантомъ и знаніями, но главнымъ образомъ искренностью, звучащею въ каждомъ его словѣ. Юность на этотъ счетъ очень отзывчива и строга. За одинъ ложный шагъ

въ этомъ отношеніи профессоръ неизбѣжно и навсегда теряетъ симпатію своей аудиторіи. Такіе случаи можетъ десятками указать всякій, знакомый съ нравами университетской молодежи. Николай Ивановичъ иногда ссорился съ своими слушателями, какъ это было, напримѣръ, на извѣстной послѣдней его публичной лекціи въ залѣ думы, о которой будетъ сказано ниже, но это не мѣшало ему до самой смерти сохранить привязанность учащагося юношества, которое пользовалось всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ выразить ему свои симпатіи шумными оваціями.

Говоря о профессорскомъ періодѣ жизни Николая Ивановича, нельзя пройти молчаніемъ надѣлавшаго тогда много шуму въ печати его диспута съ Погодинымъ по вопросу о началѣ Руси. Я могу коснуться здѣсь только внѣшней стороны диспута и отношенія къ нему Николая Ивановича. Въ мартѣ 1860 года, въ „Петерб. Вѣд." Н. И. Костомаровъ напечаталъ письмо къ нему Погодина, въ которомъ московскій ученый требовалъ или отреченія Костомарова отъ Жмуди, или полнаго отраженія приводимыхъ имъ аргументовъ на публичномъ диспутѣ. Шутя, но съ пѣной у рта, Погодинъ предлагалъ Н. И. Костомарову взять себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей *свистопляски* и сборъ съ диспута предоставлялъ въ пользу неимущей Жмуди. Диспутъ состоялся со сборомъ въ пользу студентовъ и далъ въ кассу „неимущей Жмуди" три тысячи рублей. Этотъ сборъ показываетъ, до какой степени былъ переполненъ большой университетскій залъ, гдѣ происходилъ диспутъ. Двѣ каѳедры, поставленныя на разстояніи 10—15 аршинъ одна противъ другой, заранѣе были окружены сочувственными группами. Возлѣ каѳедры Погодина стояли пріѣхавшіе изъ Москвы ученые, журналисты и нѣсколько человѣкъ московскихъ студентовъ, а каѳедру пр. Костомарова густою толпой окружили его слушатели, „облягли, мовъ бжолы матку",—сказалъ бы малорусскій крестьянинъ. Въ московской печати говорили тогда о враждебномъ настроеніи этихъ двухъ группъ. Ничего подобнаго не было. Конечно, значительное большинство было на сторонѣ Костомарова; но едва ли не тоже случилось бы, еслибъ диспутъ проис-

ходилъ въ Москвѣ. Погодинъ и въ Москвѣ не пользовался тогда популярностію. Въ толпѣ я слышалъ добродушныя замѣчанія по адресу „Московской Татьяны", поскупившейся удѣлить болѣе обширную свиту своему ученому, но раздраженіе противъ московскихъ гостей или недружелюбное отношеніе къ нимъ ничѣмъ не проявилось, да его и не было. Диспутъ прошелъ мирно. Въ голосѣ Погодина слышалось сдержанное раздраженіе, а его оппонентъ обнаруживалъ полнѣйшее спокойствіе. Кромѣ диспутантовъ, въ залѣ едва ли можно было насчитать десять человѣкъ, понимавшихъ всю тонкость аргументаціи обоихъ оппонентовъ, которая въ большинствѣ случаевъ представляла филологическія экскурсіи въ область литовскаго языка и его грамматики. Публика ловила общій смыслъ и аплодировала удачнымъ выраженіямъ.

Къ своей гипотезѣ Николай Ивановичъ, конечно, относился серьезно, но на форму ея публичной защиты, на сколько можно судить по его отзывамъ о ней впослѣдствіи, онъ смотрѣлъ съ своимъ обычнымъ юморомъ. Нѣсколько дней спустя послѣ диспута, въ „Искрѣ" появилась по поводу его карикатура, которая, какъ я потомъ слышалъ отъ Николая Ивановича, приводила его въ восторгъ по своей мѣткости. Помнится, она носила заглавіе „Непомнящіе родства передъ судомъ исторіи". Передъ засѣдающими за столами судьями стояли въ нормандскихъ шлемахъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ дружиною. На вопросы суда объ ихъ имени, званіи, происхожденіи и проч., они давали одинъ отвѣтъ: „Варяги-Русь". Не находя достаточныхъ основаній для окончательнаго приговора о происхожденіи подсудимыхъ, судъ постановилъ отложить дѣло и просилъ подсудимыхъ и публику пожаловать для выслушанія приговора въ этотъ-же залъ черезъ тысячу лѣтъ. Такой именно отвѣтъ „Варяги-Русь", по словамъ Н. И. Костомарова, даютъ на подобные вопросы лѣтописи.

Н. И. Костомаровъ оставилъ университетъ послѣ закрытія его, въ 1861 году, по случаю безпорядковъ, вызванныхъ введеніемъ новаго устава; но званіе профессора онъ сохранилъ до 1862 года. Закрытіе университета не прекратило его профес-

сорской дѣятельности Въ концѣ 1861 и въ началѣ 1862 года, рядомъ съ закрытымъ университетомъ, по почину выбраннаго студентами съ этою цѣлью комитета, въ залахъ городской думы, въ училищахъ св. Петра и св. Анны, въ Морскомъ училищѣ (Чебышевъ) были открыты систематическія публичныя чтенія профессоровъ: Костомарова, Павлова, Стасюлевича, Андріевскаго, Горлова, Кавелина, Лохвицкаго, Спасовича, Утина, Годолина, Бекетова, Менделѣева, Совѣтова, Соколова, Сѣченова, Пузыревскаго, Благовѣщенскаго, Ивановскаго, Калиновскаго, Штейнмана и Петрушевскаго. Проф. Костомаровъ читалъ въ александровскомъ залѣ думы древнюю русскую исторію (введеніе въ исторію цивилизаціи), по четвергамъ, отъ $10^3/_4$ до $11^3/_4$ утра. Значеніе этого, какъ именовала его тогда печать, подвижнаго и свободнаго университета не понятно безъ связи съ крайне интересными и, съ нынѣшней точки зрѣнія, крайне своеобразными явленіями университетской и общественной жизни этого періода времени. Все, что касается движенія университетской жизни, обстоятельно и довольно точно изложено въ интересной статьѣ г. Спасовича „Пятидесятилѣтіе С.-Петербургскаго университета".

Огромное, хотя нѣсколько искусственно построенное зданіе подвижнаго университета рухнуло, какъ карточный домикъ, отъ прикосновенія слѣдующаго, повидимому, посторонняго ему событія. 2-го марта 1862 года извѣстный проф. Петербурскаго (прежде Кіевскаго) университета Павловъ на публичной лекціи въ пользу литературнаго фонда читалъ свою статью „О тысячелѣтіи Россіи", напечатанную ранѣе въ календарѣ (кажется, академическомъ). Къ напечатанному, слѣдовательно дозволенному цензурой, пр. Павловъ прибавилъ только заключительныя слова: „имѣяй уши слышати да слышитъ". Чтеніе и обаятельная личность лектора вызвали со стороны публики очень шумныя выраженія сочувствія. На другой день Петербургъ узналъ, что Павлову запрещено публичное чтеніе и сдѣлано распоряженіе объ административной высылкѣ его въ Ветлугу. Въ видѣ протеста противъ этого нарушенія свободы преподаванія предполагалось, по слухамъ, закрыть всѣ публичныя чтенія. Это предположеніе скоро превратилось въ рѣшеніе комитета

по устройству публичныхъ чтеній, состоявшагося подъ вліяніемъ близкихъ къ комитету профессоровъ. Всѣ покорились этому рѣшенію и прекратили чтеніе, за исключеніемъ проф. Костомарова. Сколько ни посылали къ нему депутацій, сколько ни убѣждали его отдѣльные уполномоченные студенты и не студенты, сколько, наконецъ, ни угрожали ему въ анонимныхъ письмахъ свистками, гнилыми яблоками, апельсинами, печенымъ картофелемъ и т. под., ничто не помогало,—Николай Ивановичъ стоялъ на своемъ. Лекція его приходилась на 8 марта. Аудиторія далеко не представляла того вида возбужденнаго, но молчаливаго ожиданія, какъ два года назадъ, передъ вступительной лекціей въ ноябрѣ 1859 года. Теперь слушатели, въ ожиданіи профессора, разбились на отдѣльныя группы ожесточенно спорящихъ между собою людей. Въ залѣ стоялъ невообразимый шумъ, мгновенно смолкшій при появленіи профессора. Скоро шумъ снова возобновился и мѣшалъ чтенію, на что онъ очевидно и былъ разсчитанъ. Многіе встали съ своихъ мѣстъ, заслоняя каѳедру отъ заднихъ рядовъ, которые, поэтому стали на сулья и столы. Вообще въ тотъ день думской мебели не поздоровилось. На крики враждебные и даже свисты отвѣчали яростные аплодисменты и крики доброжелательные. О яблокахъ, картофели и т. п., конечно, не было и помину, но и безъ нихъ стоялъ изрядный содомъ. Не помню, началось ли все это при первыхъ словахъ профессора, или часть лекціи была прочитана, но окончить ее, я помню хорошо, не пришлось. Какъ только замѣтили, что профессоръ желаетъ обратиться къ аудиторіи съ словами, не относящимися къ лекціи, тишина мгновенно возстановилась. Не могу передать дословно рѣчи, съ которою Николай Ивановичъ обратился къ своей буйной аудиторіи, но я какъ теперь вижу его возбужденное блѣдное лицо и слышу, какъ взволнованнымъ голосомъ, гнѣвно отчеканивая слова, онъ упрекалъ расходившееся юношество за неуваженіе къ наукѣ, сравнилъ съ Репетиловымъ за легкость, съ какою интересы знанія приносились въ жертву охотѣ пошумѣть, и, наконецъ, объявилъ, что прекращать лекціи онъ не намѣренъ. Аудиторія притихла, не знаю, потому ли, что воздѣйствовали слова профессора, или

потому, что дѣло было сдѣлано—профессоръ сходилъ съ каѳедры, и волноваться не было уже причины ни противникамъ, ни сторонникамъ. Теперь обсуждали вопросъ о цѣляхъ закрытія публичныхъ чтеній, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше было шансовъ на его благополучное разрѣшеніе. Профессоръ Костомаровъ виновенъ въ томъ, что не пошелъ за всѣми. Его принудили идти. Но что-жъ потомъ?

Слѣдующая лекція профес. Костомарова не могла состояться, вслѣдствіе отказа думы въ помѣщеніи. Затѣмъ 13 марта, профессоръ объявилъ печатно, что чтеніе курса исторіи Московской Руси XVI в., прерванное 8 марта, будетъ возобновлено по пріисканіи помѣщенія. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ посыпались новыя угрозы по адресу Николая Ивановича, которыя усиливали его рѣшимость отстаивать свое намѣреніе, но чтеніе не возобновилось по распоряженію администраціи. Такъ кончилась профессорская дѣятельность Н. И. Костомарова.

Упрямая настойчивость въ преслѣдованіи до конца дѣла, основаннаго на убѣжденіи въ его справедливости—коренная черта характера Николая Ивановича. Не имѣя ни малѣйшей тѣни цеховой заносчивости, съ одинаковымъ интересомъ и вниманіемъ выслушивалъ онъ всякое мнѣніе по предмету его спеціальности и по всякому другому предмету. Никто терпимѣе его не относился къ возраженію и никто легче не сознавался въ ошибкѣ; но убѣдить его отказаться отъ дѣла или мнѣнія ради какихъ-нибудь постороннихъ соображеній не было никакой возможности. Житейскій тактъ очень мало уживался съ натурой Николая Ивановича. Помню, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ подоспѣли какъ разъ ко времени польскихъ волненій. Всѣ друзья Николая Ивановича находили, что издавать эту книгу въ такое время—крайняя безтактность, что она можетъ послужить такимъ цѣлямъ, какимъ онъ не можетъ сочувствовать, что книгу могутъ принять, какъ ловкій маневръ, съ цѣлью заслужить милость, что онъ пріобрѣтетъ себѣ враговъ тамъ, гдѣ онъ не желалъ бы ихъ имѣть, и проч., и проч. Никто однако же не брался доказывать, что его точка зрѣнія на причины паденія Рѣчи Посполитой не вѣрна. При существовавшихъ

тогда обстоятельствахъ изданіе такого сочиненія, какъ „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой", дѣйствительно представлялось чѣмъ то рискованнымъ. Николай Ивановичъ настоялъ, однако, на своемъ, и сочиненіе вышло въ свѣтъ.

Въ началѣ 1866 года, Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій, близкій другъ и душеприкащикъ Т. Г. Шевченка, предпринялъ изданіе сборника сочиненій поэта „Кобзарь". По условію съ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ, изданіе должно было редактироваться Н. И. Костомаровымъ, а работы по приготовленію сборника къ печати и надзоръ за типографскими работами поручены были мнѣ. Этому счастливому случаю я обязанъ личнымъ знакомствомъ съ Николаемъ Ивановичемъ. Въ первый разъ я отправлялся къ нему съ Михаиломъ Матвѣевичемъ Лазаревскимъ, старымъ пріятелемъ Костомарова. Это было часовъ въ 5 мартовскаго вечера. Николай Ивановичъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Онъ прилегъ въ гостинной на диванѣ, въ лѣтнемъ верхнемъ пальто, надѣтомъ прямо на жилетъ, съ классической трубкой на длинномъ чубукѣ съ янтарнымъ мундштукомъ. Возлѣ дивана сидѣлъ Максимовъ, извѣстный авторъ „Годъ на сѣверѣ". Наше появленіе только на минуту прервало ихъ бесѣду. Я видѣлъ, что на меня никто не обращаетъ вниманія, какъ на давно знакомаго, такъ сказать своего человѣка, и чувствовалъ себя очень хорошо. Рѣчь шла о церковномъ богослуженіи. Собесѣдники припоминали мѣста особенно поэтическія и красивыя по напѣву, и Максимовъ въ полголоса исполнялъ ихъ хорошимъ голосомъ и умѣло. До поздняго вечера слышались восклицанія: „А помните, въ такой то день, въ заутренѣ, послѣ такого то возгласа, такое то мѣсто"! И затѣмъ слѣдовала или длинная цитата Николая Ивановича или пѣніе Максимова. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Бесѣда шла съ возрастающимъ одушевленіемъ. Николай Ивановичъ забылъ о своемъ недомоганіи, всталъ съ дивана и быстро ходилъ по комнатѣ, останавливался передъ гостемъ, когда онъ исполнялъ особенно интересное мѣсто. Какъ только зажгли лампы, Максимовъ откланялся и ушелъ, мы послѣдовали его примѣру. О Шевченкѣ, противъ моего ожиданія, не было и помину. Да и о чемъ тутъ толко-

вать? Мы знали, что цѣль, ради которой мы шли къ Костомарову, достигнута,—оставалось приниматься за работу.

Между моими пріятелями было нѣсколько хорошихъ знакомыхъ Н. И. Костомарова. Съ однимъ изъ нихъ мы вмѣстѣ жили, въ томъ же домѣ Карманова, на 9 линіи, гдѣ жилъ и Костомаровъ, такъ что задолго до личнаго знакомства я хорошо зналъ Николая Ивановича и весь его домашній обиходъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать о феноменальной памяти Николая Ивановича, о томъ, что онъ на память знаетъ церковное богослуженіе на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Мнѣ было извѣстно, что онъ очень любилъ богослуженіе вообще и церковное пѣніе въ особенности и увлекается тѣмъ и другимъ иногда до чудачества. Въ это памятное для меня первое посѣщеніе Николая Ивановича, услышавъ, о чемъ идетъ рѣчь, я, грѣшнымъ дѣломъ, приготовился быть свидѣтелемъ чего нибудь курьезнаго, чуднаго. Но ничего подобнаго не произошло. Бесѣда шла серьезно о томъ, что глубоко интересовало собесѣдниковъ. Оба до тонкости понимали поэзію и красоту того, о чемъ держали рѣчь, и я, слушая ихъ, понималъ, что цитируемыя ими мѣста Священнаго Писанія и напѣвы молитвъ дѣйствительно прекрасны, хотя прежде не замѣчалъ этого, не смотря на то, что многое изъ слышаннаго мною здѣсь было мнѣ давно извѣстно.

Событіе 4 апр. 1866 годя мѣсяца на четыре задержало изданіе „Кобзаря". Наслѣдство, оставленное намъ Т. Г. Шевченкомъ, состояло, кромѣ напечатаннаго до 1848, т. е. до его ссылки, изъ такъ называемой „маленькой книжечки" и изъ переплетенной въ желтую папку тетради изъ разноцвѣтной почтовой бумаги, въ листъ малаго формата, съ подписью на оборотѣ: „Поэзіи Т. Шевченка". Въ „маленькую книжечку" было переплетено все, написанное поэтомъ въ ссылкѣ, на листикахъ въ $^1/_{16}$ долю обыкновеннаго большого листа почтовой бумаги, которые поэтъ носилъ за голенищей изъ опасенія обнаружить нарушеніе имъ строгаго запрещенія ему писать и рисовать. Желтую книжечку составляли стихотворенія, перенесенныя изъ маленькой книжечки въ обработанномъ видѣ, и все

написанное поэтомъ послѣ ссылки. Значительная часть стихотвореній, содержащихся въ этихъ книжкахъ, была напечатана въ издававшемся въ 1861—62 году малороссійскомъ журналѣ „Основа"; но по крайней мѣрѣ третья ихъ часть не была издана и предназначалась для помѣщенія въ первый разъ въ приготовляемомъ къ печати Кожанчиковскомъ изданіи „Кобзаря". Понятно, до какой степени безпокоила Николая Ивановича мысль, что по какой нибудь случайности, а о нихъ ходили самые чудовищные разсказы, эти рукописи попадутъ въ водоворотъ широко развернувшейся тогда дѣятельности Муравьева Виленскаго. По этому поводу шли длинные переговоры на обычныя у насъ въ подобныхъ случаяхъ темы: „нельзя ли отложить, да нельзя ли подождать". Кончилось, однако, тѣмъ, что работы по изданію „Кобзаря" были прекращены и рукописи переданы на храненіе г. Кожанчикову.

Взглядъ Н. И. Костомарова на литературное значеніе Т. Г. Шевченка выраженъ имъ въ предисловіи къ Кожанчиковскому изданію „Кобзаря". Поэтическое творчество Шевченка, по мнѣнію нашего историка, составляетъ прямое продолженіе народнаго творчества. Онъ пѣлъ такъ, какъ, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, запѣлъ бы самъ народъ. Въ устахъ Н. И. Костомарова, при его взглядѣ на значеніе народной поэзіи, это найвысшая похвала. Изъ произведеній Шевченка наибольшею, по крайней мѣрѣ очень большою его симпатіей пользовался „Чернець". Онъ часто его декламировалъ, конечно, наизустъ. Онъ зналъ наизустъ всего Шевченка. Также очень ему нравилось: „Наймычка", баллады изъ юношескихъ произведеній поэта и лирическія мѣста изъ поэмы „Сонъ". „До мертвыхъ и живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ моихъ мое дружнее посланіе", не смотря на неподражаемый блескъ языка и высоту чувствъ любви къ родинѣ, которымъ проникнуто каждое слово „Посланія", очень мало привлекало вниманіе историка. Онъ находилъ въ немъ всѣ достоинства ораторской рѣчи, но мало поэзіи. Не удивительно послѣ этого, что онъ не признавалъ поэзіи въ стихотвореніяхъ Некрасова, какъ не признавалъ ее и Тургеневъ. Особенно не по душѣ приходилось Николаю Ивановичу стихо-

твореніе „Убогая и Нарядная“. По его выраженію, оно звучало для него холодною реторикой прокурорскаго обвиненія. Точно также не раздѣлялъ онъ общаго восторга по отношенію къ художественной сторонѣ произведеній Щедрина. Онъ признавалъ за ними огромное значеніе публицистическое, но не могъ помириться съ неясностью и неопредѣленностью художественныхъ образовъ въ сатирахъ и признать законность „рабьяго языка“. Этотъ еретическій взглядъ Николай Ивановичъ не любилъ защищать вѣроятно потому, что художественная сторона въ этихъ случаяхъ всегда отодвигалась на задній планъ многими другими сторонами дѣла, противъ которыхъ онъ не имѣлъ возраженій. Когда къ нему обращались съ такого рода рѣчами, онъ отвѣчалъ полусловами или отмалчивался. По этому вопросу Костомаровъ, кажется, тоже сходился съ Тургеневымъ. Такъ же, какъ и Тургеневъ, Николай Ивановичъ ставилъ неизмѣримо высоко Пушкина. Изъ малороссійскихъ беллетристовъ наибольшею его любовью пользовался Квитка-Основьяненко. Его разсказы онъ находилъ поэтическими, очень цѣнилъ въ нихъ неподдѣльный украинскій юморъ и типичность отдѣльныхъ характеровъ и народныхъ группъ. При воспоминаніи объ украинской ярмаркѣ, онъ всегда цитировалъ ту сцену изъ „Солдацького патрета“, когда городскіе парубки, щеголяя передъ пріѣзжими селянами, заложивъ руки за спины, важно запѣвали *московськои писни*: „При данылушци стояла“. Въ особенности онъ ставилъ высоко языкъ Квитки и часто ставилъ его, какъ примѣръ, молодымъ писателямъ, надъ которыми часто шутилъ, по поводу введенія новыхъ, несвойственныхъ языку словъ, называя такія слова кованными, а авторовъ ихъ ковалями. „Баба Параска“ Левицкаго приводила его въ восторгъ.

Музыку Николай Ивановичъ любилъ до увлеченія. Изъ русскихъ композиторовъ особенною его симпатіей пользовался Глинка. „Жизнь за Царя“, въ продолженіе цѣлаго ряда зимъ, Николай Ивановичъ слушалъ столько разъ, сколько эта опера ставилась на сценѣ Маріинскаго театра. Н. В. Лысенка онъ высоко цѣнилъ, какъ исполнителя. Изъ его сочиненій ему очень нравились нѣкоторыя вещи изъ написанныхъ на слова Шев-

ченка. Кромѣ „Ой чого ты почорнило зеленее поле", я не могу припомнить, какія именно. Съ большою похвалою оно отзывается также о „Закувала та сыза созуля" Нищенскаго. Понятно, я называю здѣсь тѣ произведенія, о которыхъ мнѣ приходилось слышать отзывы изъ устъ Николая Ивановича непосредственно.

Какъ ни мало я могу привести фактовъ для характеристики художественнаго вкуса нашего историка, все же, мнѣ кажется, и на основаніи приведеннаго здѣсь матеріала можно составить себѣ довольно опредѣленное понятіе по этому предмету.

Съ 1871 по 1874 годъ мнѣ пришлось, по порученію Николая Ивановича и подъ его руководствомъ, заниматься приготовленіемъ къ изданію части огромнаго этнографическаго матеріала, собраннаго этнографическо-статистическою экспедиціей въ Юго-Западный край, именно томы III, IV и V „Трудовъ Экспедиціи", обработка которыхъ была возложена на Н. И. Костомарова Им. Рус. Географич. Обществомъ, а въ 1874 г. XVI т. Сборника Им. Историч. Общества, содержащаго переписку князя Николая Васильевича Репнина, относящуюся до эпохи перваго раздѣла Польши. Живое чувство поэзіи и необыкновенная воспріимчивость къ художественнымъ впечатлѣніямъ, составляющія коренныя черты нравственнаго облика Николая Ивановича, въ общемъ мнѣ были уже извѣстны. Работы по изданію „Трудовъ Экспедиціи" дали мнѣ случай познакомиться съ этими свойствами его характера съ особой точки зрѣнія. Поэтическая красота народной пѣсни для меня понятна была съ дѣтства, и встрѣтить пониманіе и чувство этой красоты, много разъ превосходившее мое собственное, въ ученомъ, посвятившемъ лучшую часть своей жизни изученію народной поэзіи, не казалось мнѣ дивомъ. Красоту и поэзію обряда я понималъ гораздо менѣе. Относительно нѣкоторыхъ обрядовъ я сталъ бы скорѣе на сторону, совсѣмъ ихъ отрицающую. Николай Ивановичъ видѣлъ въ обрядахъ, независимо отъ историческаго ихъ значенія, особую красоту и поэзію, и когда двумя-тремя образами онъ помогалъ мнѣ связать данный обрядъ съ его миѳологическимъ первоисточникомъ, мертвыя формы

обряда получали жизнь, и я также понималъ его красоту. Тогда мнѣ уже не могло казаться ни страннымъ, ни непонятнымъ, почему ученый, глубоко ихъ изучившій и обладающій рѣдкою способностью ихъ образнаго воспроизведенія, не только ихъ понимаетъ, но до такой степени живо ихъ чувствуетъ, можно сказать переживаетъ, что, кажется, еще шагъ въ этомъ направленіи—и онъ начнетъ ихъ исполнять. Я убѣжденъ, еслибы Николаю Ивановичу случилось захворать въ какой нибудь захолустной малороссійской деревушкѣ и ему предложили бы позвать ворожку, онъ охотно согласился бы. Это сдѣлалъ бы онъ, конечно, не для медицинскихъ и даже, можетъ быть, не для этнографическихъ цѣлей. Фактъ ворожбы, сопровождающіе ее обряды и самый текстъ заклинаній проникнутъ такимъ искреннимъ и наивнымъ чувствомъ единства человѣка съ природою, а, слѣдовательно, съ поэзіею, а отсюда и съ красотою, что такому знатоку этого дѣла, какъ Николай Ивановичъ, было слишкомъ много достаточныхъ причинъ интересоваться ворожбой, оставя въ сторонѣ даже научныя цѣли. Религіозные обряды Николай Ивановичъ также приводилъ къ ихъ первоначальному источнику и, можетъ быть, поэтому такъ глубоко понималъ ихъ смыслъ и торжественную красоту. Для него пасхальная заутреня, напримѣръ, представляла нѣчто необычайно великое, торжественное и прекрасное. Красотой религіознаго обряда онъ также любовался до увлеченія, но этого рода увлеченіе легко подводится подъ готовую категорію понятій, и никто не находитъ его страннымъ, какъ многіе считали страннымъ его увлеченіе сохранившимися въ народной памяти обломками языческой старины. Если кто скажетъ, что Николай Ивановичъ былъ глубоко религіозенъ, онъ скажетъ правду; но скажетъ слишкомъ мало. Всякій обыкновенный смертный относится къ религіознымъ вопросамъ по своему, а Николай Ивановичъ понималъ ихъ и совсѣмъ по своему. Конечно, начиная съ пасхальной заутрени до паникадила и лампадки въ его спальнѣ, всѣ церковные обряды говорили ему совсѣмъ не то, что намъ, современнымъ среднимъ людямъ, а тѣмъ болѣе не то, что они говорятъ какой нибудь помѣщицѣ Коробочкѣ или старообрядческой начетчицѣ.

Вообще по своей сложной, своеобразной и многосторонне одаренной натурѣ, Николай Ивановичъ, со стороны своей нравственной физіономіи, не подходилъ подъ общепринятые шаблоны. Одинъ изъ друзей его юности назвалъ его въ своихъ воспоминаніяхъ скупымъ. Но развѣ можно наклеить такой ярлыкъ на Н. И. Костомарова только потому, что онъ не любилъ давать взаймы денегъ и книгъ? Къ заработку онъ относился серьезно, какъ смотритъ на него солидный крестьянинъ, а книги онъ любилъ и каждую изъ нихъ считалъ большою драгоцѣнностью, не справляясь съ оцѣнкой ея по прейсъ-куранту книготорговца. У насъ рѣдко можно встрѣтить даже книжныхъ людей, раздѣляющихъ такой взглядъ. Почти съ каждымъ просителемъ Николаю Ивановичу приходилось говорить на разныхъ языкахъ. Онъ долженъ былъ отдать просителю драгоцѣнность, а проситель получалъ отъ Николая Ивановича совсѣмъ незначительную вещь. Всѣ свои наличныя деньги Николай Ивановичъ, какъ извѣстно, отдалъ на устройство школы въ своемъ родномъ селѣ и очень заботился, чтобы ихъ не оказалось мало. Аккуратный въ этихъ отношеніяхъ, Николай Ивановичъ совсѣмъ неразсчетливо устраивалъ изданія своихъ сочиненій, предоставляя большой барышъ книгопродавцамъ; за работы своимъ помощникамъ онъ платилъ очень щедро, отличался гостепріимствомъ, не отказывалъ себѣ въ нѣкоторой изысканности по части стола и особенно бѣлья. За эту послѣднюю привычку тотъ же другъ называетъ Николая Ивановича бариномъ, не замѣчая, что барство и скупость трудно совмѣстимыя качества.

Николай Ивановичъ жилъ со своею матушкой до 1875 года, т. е. до ея кончины. Татьяна Петровна до послѣднихъ своихъ дней была совсѣмъ бодрой и сильной старухой, не дряхлѣе во всякомъ случаѣ своего сына, съ серьезнымъ и очень красивымъ лицомъ. Портретъ, писанный художникомъ Ге, прекрасно передаетъ черты и характеръ этого лица. Николай Ивановичъ былъ единственною ея привязанностью, а домашнее хозяйство—единственнымъ занятіемъ. Она баловала сына разными тонкостями кухни и вообще заботливостью ухода, но болѣе слож-

ной душевной связи между матерью и сыномъ не могло быть. Татьяна Петровна не получила образованія и потому умственные и общественные интересы, волновавшіе сына и приводившіе его въ былое время къ большой бѣдѣ, были ей чужды, хотя эта бѣда не легко отражалась и на ея собственной судьбѣ. Недаромъ соузникъ Николая Ивановича, поэтъ Шевченко, былъ такъ пораженъ ея видомъ, когда изъ окна крѣпости увидѣлъ ее идущею провѣдать своего, тамъ же заключеннаго сына, что сталъ благословлять свое сиротство и одиночество.

„Дывлюсь... твоя, мій брате, маты,
Чорниша чорнои земли,
Иде, съ креста неначе знята...
Молюся! Господы молюсь!
Хвалыть тебе не перестану,
Що я ни зъ кимъ не подилю
Мою тюрьму, мои кайданы.

Для постороннихъ людей отношенія между сыномъ и матерью могли показаться нѣсколько сухими и формальными. Можетъ быть, здѣсь играли нѣкоторую роль нравы старой и современной крестьянской Малороссіи, недопускающіе внѣшняго проявленія нѣжности между родителями и дѣтьми, особенно взрослыми. Когда Николаю Ивановичу случалось уѣзжать куда нибудь надолго, материнская нѣжность и сыновняя привязанность сейчасъ давали себя чувствовать. Потомъ, послѣ усиленной взаимной внимательности въ первые дни свиданія, все возвращалось къ обычному порядку. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ сцены незначительной и обычной въ иной средѣ, которая обнаружила для меня такую пустоту между сыномъ и матерью, которую ничѣмъ нельзя было наполнить. Утромъ, когда Николай Ивановичъ сидѣлъ за работой (послѣдніе годы онъ работалъ только утромъ и не любилъ, когда ему мѣшали), входитъ изъ кухни Татьяна Петровна, взволнованная, съ жалобой на кухарку, которая становится невыносимо груба, не терпитъ вмѣшательства хозяйки въ кухонное хозяйство и т. п., и проситъ это прекратить, потому что дальше терпѣть такой порядокъ она не можетъ.

Николай Ивановичъ молчалъ, но нервное подергиваніе щеки обнаруживало, что это молчаніе происходитъ не отъ равнодушія къ заявленной жалобѣ. Выслушавъ повторенныя доказательства упрямства и грубости кухарки, Николай Ивановичъ чуть не плачущимъ голосомъ обратился къ матери:

„Да не могу же я, маменька....

— Ты всегда такъ, не могу. Я одна должна переносить всѣ эти дрязги. Тебѣ какое до этого дѣло!

— „Вы откажите ей, маменька“.

— Не могу я ее прогнать, гдѣ мнѣ искать другую и т. д.

Послѣ обмѣна нѣсколькими подобнаго рода фразами, дѣло кончилось тѣмъ, что Татьяна Петровна ушла обиженная, съ упреками: „ты генералъ, а позволяешь всякой кухаркѣ оскорблять твою мать“ и т. п., а Николай Ивановичъ бросилъ перо, нервно забѣгалъ по комнатѣ и скрылся въ своей спальнѣ. Мнѣ передавали, что иногда послѣ такой сцены Николай Ивановичъ схватывалъ себя за голову и выбѣгалъ на площадку лѣстницы, крича что есть силы одну высокую ноту до тѣхъ поръ, пока его не уводили и не укладывали въ постель. Подобныя сцены, сколько мнѣ извѣстно, случались рѣдко и впечатлѣніе оставляли не надолго. Татьяна Петровна никакой злобы въ нихъ не вносила, слѣдовательно, при безконечной незлобивости Николая Ивановича и при его способности признавать свой промахъ и прощать причиненную ему обиду, иначе и быть не могло.

Какъ образецъ незлобивости Николая Ивановича, не могу отказать себѣ въ удовольствіи разсказать слѣдующую совсѣмъ незначительную, но очень характерную сценку. Любимый котъ Николая Ивановича, извѣстный Василій (кажется) Ивановичъ Міофаговъ, въ чемъ то сильно проштрафился,—канарейку загрызъ или что то въ этомъ родѣ. Пойманный en flagrant délit, Міофаговъ не успѣлъ улизнуть. Николай Ивановичъ, взбѣшенный наглостью преступленія, схватилъ Василія Ивановича и стремительно направился къ открытому окошку, чтобы бросить его съ третьяго этажа. У самаго подоконника онъ остановился, бережно поставилъ Міофагова на полъ и сталъ гладить его между ушами, чтобы извиниться за невольную вспышку.

Совершенно такимъ же образомъ онъ поступалъ и въ дѣлахъ болѣе важныхъ. Послѣ лекціи 8 марта 1862 года въ думѣ, студенты, устроившіе ему дебошъ и не скрывавшіе этого, мирно и дружелюбно съ нимъ бесѣдовали въ его же кабинетѣ по поводу этого же дебоша. Такое незлобіе нельзя объяснить равнодушіемъ къ предмету распри. Напротивъ, прекращеніе публичныхъ чтеній, и при томъ съ грубымъ противъ него насиліемъ, Николай Ивановичъ считалъ нападеніемъ на дѣло, которому онъ служитъ, и защищалъ его до послѣдней возможности. Но интересы дѣла онъ не смѣшивалъ съ личнымъ самолюбіемъ, и въ этомъ, я думаю, заключается тайна его незлобія въ подобныхъ случаяхъ. Можетъ быть, изъ этого же источника происходитъ и его неизмѣнное безпристрастіе, подавшее тогда поводъ къ обвиненію его въ сухости и равнодушіи къ нуждамъ ближняго. Мнѣ пришлось слышать, приблизительно, такое обвиненіе по адресу Николая Ивановича: „Помилуйте, онъ со мною былъ всегда внимателенъ и кротокъ, выслушивалъ охотно всякія интимныя вещи, а попросилъ его похлопотать о помѣщеніи статьи въ „Вѣстникѣ Европы“,—наотрѣзъ отказалъ: онъ мягко стелетъ“. Это свойство характера Николая Ивановича и вытекающая изъ нея терпимость—дѣло большого ума и образованія, дѣло весьма почтенное и понятное; но то забвеніе обиды, безъ малѣйшихъ слѣдовъ остатка какой-нибудь горечи на душѣ, которое Николай Ивановичъ проявлялъ къ своимъ литературнымъ противникамъ, сознаюсь, для меня совсѣмъ не понятно, я не могу представить въ себѣ самомъ такое чувство, вообразивъ себя на его мѣстѣ. Изъ многихъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ такого незлобія, приведу слѣдующій: Е. Бѣловъ, старинный, еще саратовскій, пріятель Николая Ивановича, неизмѣнный посѣтитель его вторниковъ, сталъ печатать статьи, полныя злыхъ нападокъ на Николая Ивановича, далеко выходящихъ за предѣлы ученой и литературной критики, намекая на разныя преступленія противъ того особаго патріотизма, который тогда проповѣдывался на страницахъ „Московск. Вѣдомостей“, „Виленскаго Вѣстника“ и т. п. Не понимая, откуда такое озлобленіе со стороны Е. Бѣлова, всегда сочувствовавшаго Николаю

Ивановичу, какъ человѣку неученому, я обратился за разрѣшеніемъ недоразумѣнія къ самому Николаю Ивановичу.

„Не знаю“! Недоумѣвалъ и самъ Николай Ивановичъ. „Чортъ на него какой-то насѣлъ. Съ моей стороны не было никакихъ поводовъ. Пересталъ ходить и вотъ... пишетъ“...

Года два спустя, на мой звонокъ мнѣ отворилъ дверь самъ Николай Ивановичъ. Изъ передней я увидалъ сидящаго въ гостинной Е. Бѣлова и, конечно, снова, шопотомъ и знаками, обратился къ хозяину за объясненіями по поводу его блуднаго гостя.

„Да, это Бѣловъ“, подтвердилъ Николай Ивановичъ и, замѣчая, что я неудовлетворенъ его отвѣтомъ, коротко пояснилъ: „Онъ сказалъ, что ошибался“.

Между самыми близкими друзьями послѣ ссоры, кончившейся миромъ, всегда остается какой-то пробѣлъ, неловкость котораго чувствуется всю жизнь, который всегда мѣшаетъ возвратить прежнюю простоту и естественность отношеній. Ничего подобнаго не замѣчалось въ отношеніяхъ Н. И. Костомарова къ г. Бѣлову.

Такое же безслѣдное забвеніе обиды было у Николая Ивановича по отношенію къ другому его литературному противнику послѣ того, какъ, нечаянно встрѣтившись въ Московскомъ Архивѣ, онъ подошелъ къ Николаю Ивановичу и, на вопросъ: „что мя гониши“? отвѣтилъ шутливой славянской фразой, сваливая весь грѣхъ на проказы діавола. Этотъ противникъ былъ въ юности крѣпкимъ соратникомъ Николая Ивановича на одномъ и томъ же полѣ и преслѣдовалъ одну съ нимъ цѣль.

Прощеніе такого рода грѣховъ, грѣховъ противъ Духа Святаго, гдѣ идетъ дѣло объ измѣнѣ общимъ идеаламъ, общимъ цѣлямъ, я, какъ сказалъ уже, не понимаю; но такъ какъ мнѣ навѣрное извѣстно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ равнодушіе и пассивность не имѣютъ мѣста, то разгадку непонятнаго явленія слѣдуетъ, мнѣ кажется, искать или въ болѣе широкомъ пониманіи Николаемъ Ивановичемъ идеаловъ и цѣли общихъ стремленій, или вообще въ необычайной его нравственной высотѣ.

Говоря все это, я далекъ отъ желанія представить Николая Ивановича лишеннымъ всякихъ личныхъ интересовъ, „чело-

вѣкомъ не отъ міра сего". Это было бы большою ошибкой съ моей стороны. Напротивъ, онъ былъ живой и мірской человѣкъ въ самомъ широкомъ смылѣ слова. Онъ интересовался и даже увлекался оперой, драмой, хоровой пѣсней, сказкой, остроумнымъ анекдотомъ, могъ хохотать по поводу мѣткаго слова и разсказа молодого пріятеля надъ неудачами его собственнаго романа. Словомъ, „ничто человѣческое не было ему чуждо". Всѣ чувствовали себя съ нимъ легко и хорошо. Поэтому, онъ имѣлъ множество преданныхъ друзей между людьми разныхъ слоевъ общества и разныхъ степеней образованія.

Зимою 1875 года, Николай Ивановичъ перенесъ тяжкую болѣзнь и потерялъ мать. О его болѣзни я узналъ отъ Н. А. Бѣлозерской. По городской почтѣ она пригласила меня побывать у нея по очень важному дѣлу. Я засталъ ее въ постели, только что начинающей поправляться послѣ тяжелаго тифа. Она была очень удивлена, что я ничего не знаю о томъ, что случилось у Костомаровыхъ, и разсказала мнѣ ужасающія вещи. Николай Ивановичъ уже нѣсколько дней безъ сознанія: у него тифъ. Татьяна Петровна, захворавшая еще до болѣзни Николая Ивановича воспаленіемъ легкихъ, умерла, когда Николай Ивановичъ былъ уже въ безсознательномъ состояніи и похоронена. Н. И. Катеневъ, родственникъ Н. А. Бѣлозерской и старый другъ Костомаровыхъ, позаботился устроить похороны покойной и наблюдать за больнымъ. (Онъ жилъ въ одномъ этажѣ съ Костомаровыми, двери ихъ квартиръ выходили на одну и туже площадку лѣстницы). Теперь ему предстояло уѣхать изъ Петербурга по дѣламъ, и надзоръ за больнымъ необходимо было передать въ другія руки.

На квартирѣ Николая Ивановича, куда я тотчасъ отправился, была глубокая тишина. Въ спальнѣ лежалъ больной Николай Ивановичъ, а возлѣ него дремала сидѣлка. Отъ Н. И. Катенева, который, повидимому, поджидалъ меня и вслѣдъ за мною вошелъ къ Костомаровымъ, я узналъ, что прислуга—кухарка и старый слуга Николая Ивановича Миронъ—имъ от-

пущена. Оставшись безъ хозяйки и, значитъ, безъ надзора, они связали въ узелъ все бѣлье своихъ господъ и вообще все, что удобно было увезти, наняли уже извощика и совсѣмъ собрались уѣхать; Н. И. Катеневу только случайно удалось помѣшать ихъ намѣренію. Въ квартирѣ, такимъ образомъ, никого не оставалось. Необходимо было завести порядокъ по хозяйству и устроить уходъ за больнымъ; послѣднее было необходимо уже потому, что сидѣлка не могла одна справиться съ больнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого требовалась мужская сила. Знакомыхъ и почитателей Николая Ивановича между молодежью было немало и организовать что нибудь въ родѣ дежурства было весьма легко. Въ тотъ же вечеръ я отправился къ Николаю Витальевичу Лысенку и нашелъ тамъ цѣлое общество земляковъ, праздновавшихъ именины хозяина. Это было 6 декабря. Въ нѣсколько минутъ составилось дежурство, въ которомъ приняли участіе, кромѣ меня, Н. В. Лысенко, А. А. Русовъ и, кажется, еще кто-то четвертый, не помню кто. Отсюда я возвратился къ Николаю Ивановичу, чтобъ начать дежурство съ этой ночи.

Первые дни больной не обнаруживалъ никакихъ признаковъ сознанія, и врачъ, въ виду его 58-ми лѣтъ, не разсчитывалъ на выздоровленіе. На мой вопросъ о состояніи больного врачъ громко отвѣтилъ:

„Ну, батенька, нашъ Николай Ивановичъ едва ли выскочитъ". Приговоръ этотъ, произнесенный въ присутствіи больного громко, безъ опасенія причинить преждевременное горе членамъ семьи, прозвучалъ полной безнадежностью. Больной казался еще больше заброшеннымъ и осиротѣлымъ. Тяжелое впечатлѣніе этой минуты и теперь въ моей памяти.

Дня три, четыре спустя, температура стала падать и сознаніе возвращалось. Больной сталъ узнавать окружающихъ, меньше бредилъ и немножко капризничалъ, какъ всѣ выздоравливающіе. Его наболѣвшее тѣло очень безпокоили частыя смѣны бѣлья, особенно постельнаго. Чтобы упростить эту операцію, поставили рядомъ двѣ кровати. Это дало возможность поднимать его съ постели когда новая уже готова, не заставляя ждать. Помню, когда Николай Ивановичъ былъ уже совсѣмъ въ

сознаніи, я, приготовясь переложить больного въ свѣжую постель, держалъ его на рукахъ, закутаннаго въ простыню почти такъ-же, какъ это дѣлаютъ съ грудными дѣтьми. Взлянувъ случайно въ зеркало, я увидѣлъ пресмѣшную группу: бородатую няньку съ такимъ же бородатымъ младенцемъ на рукахъ. Трудно было отказать себѣ въ удовольствіи позабавить такою оригинальною картиной моего больного. Я придалъ ему положеніе, еще больше напоминающее ребенка на рукахъ няньки, и, напѣвая колыбельную пѣсню, поднесъ его къ зеркалу. У Николая Ивановича, всегда чуткаго къ шуткѣ, лицо освѣтилось давно уже невиданною улыбкою. На слѣдующее мое дежурство онъ самъ назвался на повтореніе этой шутки. Впослѣдствіи, онъ часто объ этомъ вспоминалъ и вообще всегда нѣжно относился къ своимъ тремъ бородатымъ нянькамъ.

Въ одинъ изъ тяжкихъ дней болѣзни Николая Ивановича приходила навѣстить его Алина Леонтьевна Кисель. Когда ей сказали, что врачи находятъ посѣщеніе больного и особенно разговоры съ нимъ вредными для него, она ушла, не видавъ больного. Мы тогда уже знали, что Алина Леонтьевна Кисель, рожд. Крагельская, бывшая невѣста Николая Ивановича, свадьба съ которою разстроилась по случаю ареста жениха наканунѣ вѣнчанія.

Силы Николая Ивановича возстановлялись очень медленно. Первыя сознательныя слова его, обращенныя къ окружающимъ, были, конечно, вопросы о матери. Онъ припомнилъ, что Татьяна Петровна была очень больна, и потому не трудно было успокоить Николая Ивановича, сказавъ, что ее, какъ выздоравливающую, ради необходимаго покоя, на время переселили къ знакомымъ. О кончинѣ Татьяны Петровны ему сообщили гораздо позже. Николай Ивановичъ былъ искренне и глубоко опечаленъ потерею матери. Свою скорбь онъ выразилъ въ оригинальной и трогательной эпитафіи на памятникѣ надъ ея могилой. Татьяна Петровна Костомарова похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ, на краю главной дороги, почти противъ церкви.

Ранней весною Николай Ивановичъ уѣхалъ въ имѣніе Алины Леонтьевны, близь города Прилуки, полтавской губерніи.

Осенью онъ вернулся въ Петербургъ вмѣстѣ съ Алиной Леонтьевной, уже его женою.

Не помню, при какихъ обстоятельствахъ Николай Ивановичъ, говоря мнѣ о своей женитьбѣ, замѣтилъ, что въ его жизни ничто важное не давалось ему сразу: диссертацію пришлось писать два раза[1]), кафедру онъ занялъ тоже со второго раза[2]), а вотъ и жениться пришлось на бывшей своей невѣстѣ.

Послѣ женитьбы Костомаровы поселились на той же квартирѣ, гдѣ и прежде жилъ Николай Ивановичъ съ своей матушкой. По прежнему тамъ можно было встрѣтить по вторникамъ тѣхъ же старыхъ знакомыхъ; но теперь эти вечера стали посѣщать дамы, что придало вторникамъ совсѣмъ иной характеръ. Трудно себѣ представить, какъ могъ бы существовать Николай Ивановичъ, при своей совершенной неумѣлости по части мелочей домашняго обихода, если бы не устроилась его семейная жизнь. Семья давала ему заботливый уходъ, необходимый при его пошатнувшемся здоровьѣ, а также составляла для него и общество, безъ котораго ему трудно было бы обойтись въ послѣдніе годы, когда слабость зрѣнія не позволяла ему читать и писать по вечерамъ.

Послѣ перенесенія имъ болѣзни, Николай Ивановичъ прожилъ 10 лѣтъ, но прежнія силы не возвратились къ нему вполнѣ. Въ этотъ періодъ жизни Николая Ивановича, мнѣ не часто приходилось его видѣть, и, можетъ быть, поэтому яснѣе замѣчались побѣды надъ нимъ старости. Онъ замѣтно дряхлѣлъ: скоро уставалъ и часто засыпалъ въ креслѣ, когда вокругъ него шла бесѣда. Можетъ быть, поэтому усвоилась привычка обходить его въ бесѣдѣ, говорить при немъ, какъ бы не замѣчая его присутствія. Это бросалось въ глаза каждому новому

---

[1]) Первая дессертація Н. И. Костомарова „О значеніи уніи въ западной Руси“ была запрещена и по распоряженію графа Уварова (Министра Нар. Пр.). сожжена. Вторая его диссертація носила заглавіе „Объ историческомъ значеніи Русской народной поэзіи“.

[2]) Избранный на каѳедру Русской Исторіи въ Кіевскомъ университетѣ въ 1844 г., онъ потерялъ ее вслѣдствіе ареста, весною 1847 года, по подозрѣнію въ намѣреніи составить украинско-славянское общество. На каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ онъ избранъ въ 1859 году.

посѣтителю и заставляло его подумать: „какъ однако одряхлѣлъ Николай Ивановичъ“. Не смотря на ослабленіе здоровья и потерю физической бодрости, душевныя способности Николая Ивановича сохранились и по временамъ проявлялись почти съ прежнею силою и свѣжестью.

Въ моей памяти сохранился одинъ вечеръ въ послѣдній уже годъ жизни Николая Ивановича. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, у письменнаго стола, въ глубокомъ мягкомъ креслѣ, опустивъ голову и согнувшись комочкомъ, точно ему отказывался служить спинной хребетъ. Въ углу кабинета, на диванѣ, передъ круглымъ столомъ помѣстились нѣсколько человѣкъ гостей, обычныхъ посѣтителей Николая Ивановича, привыкшихъ къ безучастному отношенію хозяина къ окружающему и мало обращавшихъ на него вниманія. Здѣсь шелъ оживленный разговоръ. По временамъ Николай Ивановичъ приподнималъ голову и вставлялъ свое слово—цитату, хронологическую справку, и разговоръ долженъ былъ перемѣнить направленіе или обратиться, послѣ паузы, къ новой темѣ.

По поводу невѣрно приведенной кѣмъ то изъ гостей ссылки, онъ замѣтилъ, что это стихъ изъ Данте, который читается такъ— и продекламировалъ десятка два стиховъ изъ „Божественной комедіи“ на языкѣ подлинника.

Въ послѣдніе годы жизни маститый историкъ напоминалъ руину, по каждому обломку которой можно было угадать, что она представляла когда то огромное, свѣтлое, искусно возведенное зданіе, высотою котораго пользовались, чтобы оріентироваться въ незнакомой странѣ, а гармонія его частей служила молодымъ художникамъ образцомъ строительнаго искусства. Зданіе обветшало. Добрые сосѣди стали потаскивать изъ него понемножку изразцы, карнизы и колонны для украшенія собственныхъ жилищъ. Литературные друзья и враги питались его идеями, пользовались сокровищами его феноменальной памяти; по счастливому выраженію одного изъ друзей Николая Ивановича, пили съ одной съ нимъ чарки, часто однако забывая, что эта чарка всегда была Костомаровская чарка. Между ученіемъ историковъ-государственниковъ и современными тече-

ніями монизма и государственнаго матеріализма лежитъ обширнымъ цвѣтущимъ полемъ школа, которая въ основу историческихъ явленій ставила психологію народа и въ основаніе изученія этихъ явленій этнографію. Трудовъ этой школы не смоютъ никакія послѣдующія теченія, которыя обязаны будутъ строить свое зданіе на нихъ, а не вмѣсто нихъ. Этнографія установила чуждое старой наукѣ, самостоятельное и неудобовыражаемое на чужихъ языкахъ понятіе—народъ. Она показала огромную силу его творчества, создавшую ему самостоятельные идеалы, обширную написанную поэзію и музыку, вѣрованія, нравы, юридическіе обычаи и т. под., безъ особенной заботы о томъ, что объ этомъ думаетъ и по какой дорогѣ желаетъ идти почти сверху его лежащій культурный слой. Оба слоя не могли вліять другъ на друга, потому что другъ друга не знали. Этнографія дала это знаніе, которымъ могъ овладѣть только культурный слой, и въ немъ слѣдовательно, только и могло зародиться движеніе къ общей цѣли. Это движеніе перешло уже за границы исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, и теперь едва-ли можно указать культурное движеніе въ какой бы то ни было области нашей общественной жизни, которое бы шло въ иномъ направленіи.

Таковы результаты дѣятельности народнической школы. Рожденіе ея не было признано въ сороковыхъ годахъ цеховыми учеными Харьковскаго университета, отклонившими избраніе Николая Ивановича на кафедру исторіи на томъ основаніи, что онъ, точно какой то „блаженный“, ходитъ по хатамъ и кабакамъ для собиранія народныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. под. пустяковъ. Точно также цехъ ученыхъ не призналъ расцвѣта школы, присвоивъ профессору Костомарову титулъ историка-беллетриста. Нарождающаяся наука народовѣдѣнія вспомнитъ Костомарова: его слава еще впереди.

Весною 1885 года, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ первой болѣзни и женитьбы Николая Ивановича, его постигла снова тяжкая болѣзнь, изъ которой онъ уже „не выскочилъ“. Теперь его окружала самая нѣжная заботливость и самый тщательный

уходъ, но у него лежалъ теперь на плечахъ 68 лѣтній возрастъ. Все же, даже въ самые послѣдніе дни его жизни, когда онъ уже не могъ двигаться безъ посторонней помощи, его не переставали интересовать всѣ вопросы дня. Онъ желалъ знать, о чемъ говорятъ въ газетахъ, что дѣлается въ Петербургѣ, и просилъ читать ему и разсказывать. Услыхавъ оживленные толки о выставленной тогда художественной картинѣ Рѣпина „Іоаннъ Грозный", Николай Ивановичъ пожелалъ ее видѣть, и желаніе его было исполнено. Его внесли на рукахъ и, минуя всѣ картины выставки, помѣстили на креслѣ передъ „Іоанномъ Грознымъ". Николай Ивановичъ любовался картиной около двадцати минутъ. Дома Николай Ивановичъ, на вопросы о томъ, какъ онъ находилъ новую картину Рѣпина, сказалъ, что Іоаннъ, изображенный въ глубокомъ ужасѣ отъ совершеннаго имъ же самимъ кроваваго дѣла, на его взглядъ, болѣе похожъ на человѣка, чѣмъ всѣ извѣстныя ему художественныя воспроизведенія грознаго царя.

Дней за 6—7 до смерти, Николай Ивановичъ, протестуя противъ стѣсненія его свободы, всталъ съ постели, сѣлъ у письменнаго стола и сталъ писать. Въ четверть часа онъ написалъ почти половину маленькаго почтоваго листа. Это была живая и сжатая характеристика—если не измѣняетъ мнѣ память—идеалиста, котораго собирались казнить, принимая за еретика, и котораго спасъ отъ смерти фельдмаршалъ Минихъ. Минихомъ Николай Ивановичъ занимался наканунѣ болѣзни и встрѣченный въ бумагахъ Миниха эпизодъ о сектантѣ, намѣревался обработать въ формѣ беллетристическаго разсказа.

Больной ожидалъ смерти совершенно спокойно и всякую попытку утѣшать его, подавать надежду останавливалъ строгимъ укоряющимъ взглядомъ. Одинъ разъ въ глазахъ его блеснула надежда вотъ по какому случаю. Изъ Малороссіи получили съ почты адресованный Н. И. Костомарову небольшой бумажный мѣшечекъ съ какой то мелко изрубленной травкой и письмо, въ которомъ неизвѣстный корреспондентъ Николая Ивановича умолялъ его испытать посылаемое лекарство и клялся всѣми святыми, что оно поставитъ его на ноги. На это лекарство въ

общей суетѣ не обратили вниманія. Какъ то оно попало въ мои руки, и мнѣ пришло на мысль: чѣмъ эта травка хуже всякаго другого медицинскаго снадобья, которыя въ данномъ случаѣ были такъ-же слѣпы, какъ и это народное? Отчего его не попробовать, если медицина вполнѣ опредѣленно высказывается за совершенную безнадежность больнаго? Признаюсь, я подѣлился этою мыслью съ больнымъ, онъ замѣтно оживился и пожелалъ его испробовать. Достаточно было сказать, что это лекарство народное, чтобы расположить Николая Ивановича въ его пользу. Травку послали для опредѣленія къ профессору Бекетову. Оказалось, что это очень извѣстная *гусиная травка,* по малорусски *спорышъ*. Докторъ (Николая Ивановича лечилъ профессоръ Кошлаковъ) сначала сказалъ, что онъ противъ нашего эксперимента ничего не имѣетъ, а потомъ прислалъ письмо, въ которомъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ отказывался его допустить. Сказали объ этомъ Николаю Ивановичу, и онъ очень покорно принялъ рѣшеніе доктора.

Онъ скончался ночью 7 апрѣля. Обстоятельства, сопровождавшія его кончину, разсказаны уже давно и лучше, чѣмъ могъ бы это сдѣлать я. Погребальная процессія съ множествомъ вѣнковъ, крестовъ и хоругвей отъ разныхъ корпорацій тянулась не менѣе, какъ на версту. Похоронили Николая Ивановича на Волковомъ кладбищѣ, у извѣстныхъ „литературныхъ мостковъ".

Послѣ похоронъ, возвращаясь съ кладбища цѣлыми толпами, мы принуждены были выслушать рѣзкія выраженія неудовольствій по поводу того, что похороны Костомарова захватили въ свои руки разныя бараньи шапки, преобладавшія въ толпѣ, какъ будто Костомаровъ не общерусскій ученый, какъ будто придавать ему значеніе только украинскаго дѣятеля не значитъ унижать его достоинство, и проч., и проч. Что на это возражать? Конечно, ограничивать значеніе ученой и литературной дѣятельности Н. И. Костомарова одною Малороссіей—болѣе, чѣмъ странно; но тысячи людей, явившіяся провожать его до могилы, никѣмъ не сортировались, и вся процессія сложилась безъ заранѣе обдуманнаго плана, за часъ до похоронъ. Кто хотѣлъ предъявлять къ ней какія-нибудь требованія, тотъ долженъ

былъ подумать объ этомъ заранѣе. Черезъ мѣсяцъ, на похоронахъ К. Д. Кавелина я имѣлъ удовольствіе обратить вниманіе антагониста бараньихъ шапокъ на ихъ преобладаніе и на похоронахъ ученаго, на котораго они уже никакъ не могли заявлять какихъ нибудь исключительныхъ притязаній; я спросилъ его о причинахъ этого явленія, но на мой вопросъ отвѣта не послѣдовало.

Г. Вашкевичъ.

КЪ БІОГРАФІИ Н. И. КОСТОМАРОВА[1].

Какъ извѣстно, родиною Николая Ивановича Костомарова была слобода Юрасовка, острогожскаго уѣзда, воронежской губерніи. Нѣсколько дней тому назадъ, вслѣдъ за дошедшею до насъ вѣстью о смерти нашего высокоталантливаго историка, намъ пришлось производить подворную перепись въ этой именно слободкѣ. Изслѣдуя экономическій бытъ юрасовцевъ, пишущій эти строки считалъ себя нравственно обязаннымъ разспросить послѣднихъ о человѣкѣ, имя котораго особенно дорого имъ и, безъ всякаго сомнѣнія, навсегда останется цѣннымъ для русскаго народа и науки.

Мѣстоположеніе Юрасовки ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется изъ ряда другихъ мѣстностей уѣзда. Въ широкомъ оврагѣ, вдоль незначительной рѣченки Ольховатки, растянулась по двумъ направленіямъ, съ изломомъ подъ прямымъ угломъ, длинная вереница убогихъ малорусскихъ усадьбъ. Съ запада окаймляютъ Юрасовку крутые скаты, переходящіе сѣвернѣе въ бѣлые, мѣловые обрывы, съ востока тянется отлогая глинисто-черноземная покатость, на сѣверъ двоятся и расходятся овраги Ольховатки. Вокругъ взоръ какъ то стѣсняютъ и путаютъ голыя, холмистыя возвышенія, рѣка теряется въ зеленыхъ покровахъ вербъ и лозы, а самыя строенія тамъ и сямъ чередуются съ традиціонными малорусскими садочками. Глядя, однимъ словомъ, на Юрасовку, вы получаете впечатлѣніе хотя и оживленной природою и людьми, но ординарной мѣстности, и только мѣловые обрывы своимъ рѣзкимъ контрастомъ придаютъ нѣсколько своебразный видъ окрестностямъ этой слободы.

[1]) Съ разрѣшенія автора перепечатываемъ эту статью изъ „Русск. Вѣдом.“ 1885 г., № 144, чтобы сохранить этотъ очень цѣнный матеріалъ для біографіи Н. И. Костомарова.—Ред.

Въ самомъ углу селенія, вблизи церкви, уцѣлѣлъ еще домъ „старого Костомара“, какъ называютъ крестьяне отца Николая Ивановича. Это также самый заурядный, помѣщичій домъ, одноэтажный, квадратный, съ зеленою крышею и съ небольшимъ балкономъ или „крыльцомъ“, обращеннымъ на востокъ. Съ запада къ дому примыкаетъ маленькій садикъ, съ естественнымъ, образуемымъ самою Ольховаткою прудомъ, заросшимъ по окраинамъ ветлами и затянутымъ тиною. Въ этомъ самомъ домѣ родился Николай Ивановичъ и провелъ первые годы своего дѣтства. Позже, послѣ несчастнаго случая съ отцомъ, Николай Ивановичъ жилъ съ матерью на концѣ слободы, въ другомъ еще болѣе скромномъ помѣщеніи, „подъ защитою“ дѣда по матери и ея родни.

Вотъ и все, что осталось въ Юрасовкѣ отъ прошлаго, какъ свидѣтель тѣхъ первыхъ впечатлѣній на юную душу будущаго историка, о которыхъ можно теперь лишь предполагать и догадываться. Повидимому, окружающая природа не могла имѣть особаго, подавляющаго вліянія на складъ характера Николая Ивановича въ дѣтствѣ. Мальчикъ и юноша Костомаровъ всегда долженъ былъ стоять ближе къ людямъ, чѣмъ къ природѣ. „Любилъ ли Николай Ивановичъ охоту? ѣздилъ ли онъ на лошадяхъ“? спрашивалъ я одного изъ стариковъ, помнившихъ Николая Ивановича.—„Нѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ,—только разъ, когда Николай Ивановичъ былъ уже „парубкомъ“ (взрослымъ парнемъ), онъ сдѣлалъ, помнится мнѣ, „бѣгунку“ и ѣздилъ на ней по полямъ и вдоль рѣки. А больше онъ любилъ возиться съ людьми. Гдѣ, бывало, соберется кучка молодежи—вотъ туда навѣрное затешется и онъ“... Люди и люди, живые люди и ихъ прошлое, какъ выражалось оно въ пѣсняхъ и сказаніяхъ, очень рано, съ дѣтства начали поглощать вниманіе и способности Николая Ивановича. Таковы, по крайней мѣрѣ, указанія юрасовцевъ на этотъ счетъ.

По пріѣздѣ въ Юрасовку мы совершенно случайно попали на квартиру, хозяйка которой доводилась отдаленною роднею Н. И. Костомарову по матери. Первыя свѣдѣнія о Николаѣ Ивановичѣ или, точнѣе, объ его отцѣ и матери, поэтому, были

переданы намъ этою женщиною. Она же указала и на своего дядю, Максима Степановича Мыльника [1]), семидесяти трехълѣтняго старика, троюроднаго брата Н. И. по матери, какъ на человѣка, помнившаго Костомарова съ дѣтства. Но наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія сообщилъ намъ Фома Степановичъ Ткачевъ или Ткачъ, семидесяти-семи лѣтній старикъ, сторожъ мѣстной церкви. Другіе изъ жителей Юрасовки большею частію лишь повторяли переданное этими тремя лицами. Въ общемъ оказалось, что юрасовцы помнили болѣе отца Костомарова, чѣмъ сына.

Юрасовцы не могли разсказать, какъ и когда поселились въ Юрасовкѣ Костомаровы, но у нихъ сохранилось преданіе, что раньше Костомаровыхъ здѣсь жилъ какой-то помѣщикъ Уразовъ или Юрасовъ, отъ котораго получила свое названіе и самая слобода. Помѣщикъ этотъ „выкликалъ на свои земли охотниковъ", и поселенцы приходили сюда съ разныхъ сторонъ. Впослѣдствіи Юрасовка перешла къ Костомаровымъ, и Николаю Ивановичу повидимому предстояло быть помѣщикомъ, но судьба распорядилась совершенно иначе—отцовское имѣніе попало въ другія руки.

Но перейдемъ къ самымъ разсказамъ юрасовцевъ о семьѣ Костомарова. Вотъ что сообщили намъ юрасовцы о матери Николая Ивановича.

„Жили тутъ у насъ Петренки, дѣти Петра Мыльника, и была между ними дѣвочка Татьяна. Старый Костомаръ взялъ ее въ горничныя во дворъ, а потомъ она ему понравилась—и онъ отвезъ ее въ Москву обучать разнымъ языкамъ. Когда французъ бралъ Москву, то Костомаръ загналъ тройку лошадей, и какъ только подъѣхалъ къ дому, въ которомъ жила Татьяна Петровна, и взялъ ее съ собою, такъ французъ и выстрѣлилъ сейчасъ же въ тотъ домъ и разбилъ его вдребезги". Такими красками юрасовцы описываютъ превращеніе простой

---

[1]) На вопросъ: какъ старикъ произноситъ свою фамилію—Мыльникъ или Мельникъ, Мельниковъ, по выговору юрасевцевъ—старикъ назвалъ себя Мыльниковымъ. Такъ мы и записали его фамилію.

крестьянки изъ ихъ среды въ барыню Костомариху. Симпатичная личность этой барыни-крестьянки и теперь еще съ любовью вспоминается стариками. По словамъ ихъ, родня помѣщика Костомарова была противъ женитьбы его на крестьянкѣ. Костомаровъ даже вѣнчался гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Старый Костомаръ любилъ свою жену, какъ красавицу и очень умную женщину, хотя и держалъ ее, какъ и всѣхъ вообще въ домѣ, въ почтительномъ отдаленіи. Николай Ивановичъ былъ рожденъ „до вѣнца“, но старый Костомаровъ любилъ его едва-ли не болѣе жены, а послѣдняя, какъ говорится, души въ сынѣ не чаяла. Вообще въ воспоминаніяхъ юрасовцевъ все свѣтлое концентрируется около двухъ личностей—Николая Ивановича и его матери.

Не таковъ былъ для юрасовцевъ старый Костомаръ. По разсказамъ, это былъ крутой помѣщикъ, безсердечный и жестокій, какими такъ изобиловали крѣпостныя времена. Самое убійство Костомарова крѣпостными людьми объясняется его чрезмѣрными жестокостями. Но передадимъ этотъ печальный фактъ въ той его формѣ, какъ разсказываютъ юрасовцы.

Какъ то вечеромъ старый Костомаръ уѣхалъ на пасѣку, которая была въ „Рахминовскомъ лѣсу“. Онъ любилъ ѣздить ночью и такъ убиралъ лошадей серебромъ, что, бывало, упряжь даже въ темнотѣ блеститъ, а бубенчиковъ столько навѣшивалъ на лошадей, что было слышно за нѣсколько верстъ, какъ они гремятъ. И въ тотъ вечеръ, когда Костомаровъ ѣхалъ съ пасѣки, юрасовцы слышали, какъ гремѣли и дребезжали бубенцы и колокольчики вдали и какъ потомъ сразу оборвалось ихъ дребезжаніе. Въ ту же минуту такъ страшно завыли собаки на господскомъ подворьѣ, что даже юрасовцы повыскочили изъ своихъ хатъ. Спустя нѣсколько времени прибѣжалъ кучеръ Костомарова Савка, рослый мужчина-силачъ, съ крикомъ: „ой! ой! ой! руку кони выбылы и пана вбылы“! Но, увидавши его, ключникъ Барданъ въ свою очередь закричалъ: „закуйте его, закуйте! винъ бреше“! Кучера заковали въ кандалы. Родня и крестьяне бросились на мѣсто самаго происшествія, и вотъ-что представилось ихъ глазамъ. Лошади съ эки-

пажемъ были загнаны въ болото, у Костомарова оказались замотанными въ вожжи руки съ выкрученными пальцами, а на льбу зіяла рана отъ лошадиной подковы. Все повидимому было обставлено такимъ образомъ, чтобы показать, что перепугавшіяся лошади убили помѣщика. Но родня Петровны не повѣрила этому, тѣмъ болѣе, что и подкова оказалась на лбу „на выворотъ", не въ томъ положеніи, въ какомъ она должна бы быть, если бы лошадь ударила Костомарова заднею ногою, а вверхъ шипами. По ходу дѣла каждому сразу же стало яснымъ, что убійство было совершено частію изъ мести, а частію изъ-за грабежа. Въ то время, когда всѣ бросились на мѣсто происшествія, костомаровскій домъ былъ ограбленъ—было взято много денегъ, которыя Костомаровъ будто-бы собралъ для поѣздки въ Петербургъ и „узаконенія сына". Завязалось дѣло. Заподозрѣнные въ убійствѣ крестьяне сорили деньгами и всюду замазывали щели, гдѣ онѣ оказывались. Такъ было и кануло въ вѣчность убійство помѣщика. Но чрезъ 7 лѣтъ, послѣ новаго покушенія на домъ Петровны и ея родни, одинъ изъ участниковъ въ убійствѣ Костомарова самъ проговорился въ кабакѣ слишкомъ ужъ открыто, а за дѣло въ это время взялся энергичный слѣдователь Граниковъ. Убійцы при новомъ веденіи дѣла сознались. Они разсказали, что первый ударъ нанесъ помѣщику кучеръ Савка желѣзнымъ ключемъ отъ экипажа, отчего Костомаровъ сразу свалился, что, убивши помѣщика, они выкрутили ему пальцы, обмотали ихъ вожжами, приложили ко лбу подкову и вогнали ее въ лобъ ключемъ. Виновные получили кару и пошли въ Сибирь, но народная молва до сихъ поръ упорно утверждаетъ, что наказаны были не всѣ. Юрасовцы крайне неодобрительно отзываются о вымершихъ уже теперь наслѣдникахъ старика Костомарова, къ которымъ перешли земли и имущество послѣдняго, которыхъ и не любилъ самъ Костомаровъ, отецъ не пускалъ ихъ дальше кухни, запирался отъ нихъ въ комнатахъ и пр.

Какъ бы тамъ ни было, но тотъ фактъ, что Костомаровъ-отецъ былъ убитъ своими же крѣпостными, во всякомъ случаѣ остается фактомъ. Что послужило причиною убійства—деньги ли, подговоръ или еще что-нибудь—неизвѣстно, но тутъ много

значилъ и личный характеръ суроваго помѣщика. „Когда, по разсказамъ стариковъ, убили Костомарова, то вся Юрасовка твердила: „слава Богу! Теперь буде хоть и гиршый та инший“!— Что же это былъ за ужасный помѣщикъ?

„Когда, бывало, идешь мимо паньской усадьбы,—разсказывалъ одинъ изъ стариковъ,—то вотъ такъ и катится у тебя по ребрамъ, не знаешь, бывало, какъ ступить, куда смотрѣть— и только молишь Господа Бога о томъ, чтобы панъ не увидѣлъ тебя. Вѣрите-ли, что и теперь даже, проходя мимо панской горницы, шапку снимаю и все мнѣ чудится, что вотъ-вотъ тамъ изъ окна увидитъ меня старый Костомаръ и закричитъ на меня“.

Среди барскаго двора была большущая деревянная колода, которую крестьяне называли „Катериной“. Здѣсь разгнѣванный помѣщикъ „сажалъ на цѣпь“ провинившихся, т. е. по-просту надѣвалъ на шею виновному цѣпь, прикрѣпленную къ колодѣ, и оставлялъ его въ такомъ положеніи на день на два, а то и на цѣлую недѣлю. Но сажанія эти, производившіяся большею частію за попойки, считались крестьянами не особенно еще страшными. Они носили опредѣленный характеръ и все-таки слѣдовали вслѣдъ за видимою виною. Гораздо страшнѣе для крестьянъ были вспышки барскаго гнѣва, вспышки внезапныя и часто совершенно непонятныя, за которыми неминуемо слѣдовала самая жестокая расправа.

„Разъ,—разсказывалъ старикъ,—панъ всталъ рано утромъ, сѣлъ на крыльцо и сталъ смотрѣть на проѣзжающихъ мимо двора крестьянъ. „Куда ѣдешь“?—спрашиваетъ каждаго. „На поле, пане“, отвѣчаетъ ему всякій хозяинъ.—„Ну, молодецъ! Ступай съ Богомъ“!—И такъ всѣхъ переспросилъ. Только чрезъ часъ или два этакъ поднялось уже солнце, ѣдетъ на степь одинъ мужикъ,—тутъ коваль[1]) у насъ былъ. „Стой! кричитъ панъ. Ты куда это ѣдешь“?—„На поле“—отвѣчалъ перетрусившій коваль.—„На поле! Ахъ, ты сякой-такой! Такъ-то ты работаешь? Самъ панъ давно уже не спитъ, а онъ вылеживается возлѣ жены. Плетей“! И такъ его, несчастнаго, отсте-

[1]) Кузнецъ.

галъ, что сѣсть человѣку нельзя было. И хотя бы тебѣ разспросилъ, отчего человѣкъ запоздалъ"!

„Въ другой разъ панъ вышелъ на крыльцо съ вечера, послѣ ужина, позвалъ ночнаго сторожа и говоритъ ему: „ну, что возятъ крестьяне снопы"?—„Возятъ, пане",—отвѣчаетъ тотъ.—„Всю ночь"?—„Всю ночь, пане".—„Брешешь! Брешешь"! Затопоталъ на него панъ ногами. „Огдуть тебя, подлеца, надо! Ступай сейчасъ по дворамъ и кого найдешь дома, пусть запряжетъ воловъ и пріѣдетъ ко мнѣ на дворъ. Пошелъ сторожъ по дворамъ и началъ гнать крестьянъ на панску усадьбу. А въ это время люди только-что поужинали и, передохнувши, ладились ѣхать вновь за снопами. Страшно каждому показалось, отчего это пану вздумалось ко двору всѣхъ крестьянъ собирать? Пріѣхало насъ къ панской усадьбѣ хозяевъ тридцать. Стоимъ мы и совѣтуемся шепотомъ на счетъ того, чтобы говорили за всѣхъ старики. Когда глядь на крыльцо,—панъ показался, присматриваемся, во что панъ одѣтъ—„душа разомъ похолонула". Бѣда! Панъ вышелъ въ свиткѣ съ капелюхами, а когда онъ выходилъ на дворъ въ свиткѣ съ капелюхами—это означало, что онъ людей будетъ сѣчь. „За что, Господи Боже нашъ"? думаемъ мы и ждемъ, что наши старики скажутъ. И только-что заикнулся было одинъ дѣдъ говорить, такъ сейчасъ панъ и закричалъ: „Молчи, стара собако! Плетей! Валяйте его"! Повалили нашего старика; одинъ изъ дворни на одну руку сѣлъ, другой—на другую, третій—повалился на ноги, а четвертый—какъ ужаритъ тройчаткою—не своимъ голосомъ закричалъ дѣдъ: „Ой, паночку! Ей Богу, не буду"! а чего не будетъ и самъ, сердечный, не зналъ. Просто морозъ по кожѣ подралъ, а тутъ женщины, услыхавши, что сѣкутъ мужчинъ, прибѣжали на панское подворье, да какъ заголосятъ: „Ой, Боже-жъ нашъ милостивый, Боже праведный, и шо-жъ намъ съ такимъ паномъ робыть"! Какъ услышалъ это панъ, затрясся даже весь, а все-таки крикнулъ: „довольно! ѣзжайте, мерзавцы, за снопами"! Тогда мы скорѣе на воловъ: „гей, гей, волыки"! да подальше отъ усадьбы, а старикъ нашъ держитъ въ рукахъ штаны и, шатаясь, плетется къ своимъ воламъ, а кровь такъ и течетъ съ

него. „Я казавъ,—говоритъ,—що мени первому за заступничество буде, такъ воно и выйшло“. Тогда всѣ мы бухъ ему въ ноги. „Прости насъ, диду! ты самъ знаешь, шо мы не выноватиʺ. Уложили его на возъ и повезли на поле; оставлять дома—побоялись пана. „А гдѣ твои, дѣдъ, копны“?—спросили мы его на полѣ, и когда дѣдъ указалъ намъ свой хлѣбъ, то мы вразъ перевезли его на усадьбу и говоримъ: „ну, лѣчись, дѣдъ, да не сердись на насъ“! И только послѣ уже толкомъ разузнали, за что панъ такъ больно высѣкъ дѣда а насъ хотѣлъ сѣчь“.

Мы ограничиваемся этими фактами, полагая ихъ совершенно достаточными для того, чтобы судить объ отношеніяхъ старика Костомарова къ своимъ крестьянамъ, объ отношеніяхъ, имѣвшихъ несомнѣнно вліяніе на самое убійство крѣпостными своего барина. Поневолѣ какъ-то приходятъ на память слова: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“! Всего обиднѣе, по словамъ стариковъ, было то, что самъ Костомаровъ-отецъ не велъ своего хозяйства и наказывалъ ихъ совсѣмъ „не за провинности противъ барскаго добра“, а такъ себѣ „мѣшался не въ свое дѣло“. Крестьяне Костомарова были на оброкѣ, который и платили исправнымъ образомъ. Всѣ они жили богато, косили не менѣе 6 стоговъ сѣна на дворъ, имѣли достаточно скота и хлѣба, „однимъ словомъ были настоящими чумаками“, по выраженію теперешнихъ стариковъ, видящихъ въ чумачествѣ идеалъ экономическаго благосостоянія крестьянина. И при всемъ томъ „старый Костомаръ“ мѣшался въ ихъ хозяйство и часто наказывалъ ни за-что, ни про-что тѣхъ крестьянъ, которые во всякомъ случаѣ пеклись о своемъ добрѣ не меньше барина. „Лютый,—пояснялъ старикъ-сторожъ,—по временамъ панъ былъ: точно находило на него“.

Какъ отражались подобные факты на впечатлительномъ мальчикѣ-Костомаровѣ, крестьяне не могли сказать. Когда убили Костомарова-отца, Николаю Ивановичу было всего 11 лѣтъ. Одинъ изъ стариковъ однако указывалъ на то, что Николай Ивановичъ, придя въ возрастъ, „утикъ“, убѣжалъ съ матерью изъ Юрасовки, и убѣжалъ потому, что ему непріятно было

жить тамъ, гдѣ убили его отца. Проще, впрочемъ, этотъ уходъ, съ родины объясняется какъ склонностью Н. И. къ ученой карьерѣ, такъ, можетъ быть, и тѣмъ обстоятельствомъ, что имѣніе Костомарова-отца, состоявшее изъ 5,000 дес. земли, перешло послѣ неожиданной смерти хозяина къ его двоюроднымъ братьямъ[1]), Ровневымъ, и что только незначительная доля этого имѣнія или, точнѣе, деньги за причитавшуюся часть были выданы матери Костомарова, которая и купила себѣ небольшой клочекъ земли съ крестьянами. Впослѣдствіи былъ проданъ и этотъ клочекъ. Такимъ образомъ, Н. И. Костомаровъ, какъ помѣщикъ, не имѣлъ почти никакой связи съ родиною. Онъ долженъ былъ просить, по словамъ крестьянъ, наслѣдниковъ о томъ, чтобы они отпустили на волю родню матери Костомарова что и удалось ему сдѣлать по отношенію къ двумъ дядямъ, Ивану и Захару, и къ теткѣ съ семьями[2]).

Съ самаго ранняго дѣтства Николай Ивановичъ, по разсказамъ юрасовцевъ, обнаружилъ такіе поступки и черты, которые казались крестьянамъ малопонятными и несвойственными панскимъ дѣтямъ въ тѣ жестокія времена. И мальчикъ, и юноша Костомаровъ „пальцемъ никого не тронулъ и со всѣми былъ, какъ товарищъ, чему крестьяне не мало дивились и были серьезно убѣждены „въ юродствѣ panыча". Вотъ что передаютъ юрасовцы на этотъ счетъ.

„Посмотришь, бывало,—разсказывалъ старикъ сторожъ,—на Николая Ивановича—со взгляда настоящій старый Костомаръ, точь въ точь, какъ двѣ капли воды въ него вышелъ, строгій такой съ виду, а души столь добрѣйшей былъ, что я и не видывалъ подобныхъ людей. Со всякимъ могъ говорить и ко всякому относился съ пріятствомъ: съ господами—онъ господинъ, съ духовными—другъ, а съ крестьянами—все одно, что

---

[1]) По словамъ крестьянъ.

[2]) Старый Иванъ Петровичъ Мыльникъ или Мельниковъ приписался къ Обществу государственныхъ крестьянъ сл. Новой Калитвы, острогожскаго уѣзда, а младшій Захаръ Петровичъ къ Обществу с. Ивановки, той же волости. Послѣдній какъ намъ передали, и теперь еще живъ. Мы были, въ Новокалитвенской волости, въ то время, когда намъ были неизвѣстны эти факты.

нашъ братъ—мужикъ. Странно намъ казалось, что панычъ, а такъ „панибратски“ обращался съ нами. Нечего грѣха таить, всѣ мы думали, что онъ „немного дурненькій (юродивый) бувъ“, потому посудите сами: хозяйствомъ, какъ помѣщики, онъ не занимался, никого не обижалъ, ни передъ кѣмъ не величался, съ нами, какъ съ роднею, обходился, всюду безъ дѣла ходилъ, ко всему какъ-то чудно присматривался—странно, очень странно все это намъ казалось! А все таки начнетъ онъ, бывало, говорить о чемъ-нибудь, каждый изъ насъ видѣлъ, что много-много въ головѣ у нашего паныча было. „Нѣтъ, говоримъ мы бывало,—онъ притворяется: на самомъ дѣлѣ онъ не такой, потому что очень ужъ разумно говоритъ—всякое слово съ толкомъ у него выходитъ“!

Удивительныя времена, странныя человѣческія отношенія! Крестьяне, послѣ недавнихъ жестокостей отца, не могли понять гуманныхъ отношеній къ нимъ его сына. И почему же? Потому, что вокругъ все иначе было, потому, что самъ молодой помѣщикъ пальцемъ никого не тронулъ, не любилъ попоекъ, не заглядывалъ на свадьбы и нескромныя игрища и, ведя дружбу съ парнями, „бѣгалъ отъ дивчатъ и страсть какъ не любилъ всякаго баловства“! Просто баснями кажутся теперь всѣ эти разсказы, а между тѣмъ все это передавали намъ тѣ лица, которыя пережили тяжелую годину крѣпостнаго произвола и насилій!

Николай Ивановичъ жилъ мало въ Юрасовкѣ, и поэтому воспоминанія крестьянъ о немъ довольно ограничены. Юрасовцы хорошо помнятъ его доброту, религіозность и пытливость. Этими тремя чертами и исчерпываются собственно ихъ воспоминанія.

„Бывало,—разсказывалъ старикъ-сторожъ,—увидитъ молодый Костомаръ бѣднаго человѣка, и сейчасъ же самъ, безъ всякой просьбы поможетъ ему въ нуждѣ. Такъ, зря никому ничего не давалъ, а помогать всегда помогалъ. Идетъ теперь кто нибудь, свой-ли мужикъ, или чужой человѣкъ, но если Н. И. увидитъ, что прохожій босой или безъ свитки, то непремѣнно спроситъ: „а шо у тебе и чобитъ нема“?—„Нема, паничу“.—„Ну, на, каже, грошей и купи“. Вынетъ деньги и дастъ, сколько нужно,

но непремѣнно потребуетъ, чтобы купилъ. Такимъ образомъ, по разсказамъ тѣхъ же удивлявшихся крестьянъ, Николай Ивановичъ помогалъ имъ въ нуждѣ разумно и осмотрительно, не смотря на казавшіяся имъ чудачества.

Церковь Николай Ивановичъ посѣщалъ самымъ исправнымъ образомъ и здѣсь опять таки поражалъ крестьянъ своими странностями. „Войдетъ, бывало нашъ панычъ въ церковь—и сейчасъ же „зиркъ-зиркъ“ по сторонамъ, „якъ тотъ звирочекъ“, всѣхъ осмотритъ, а потомъ какъ станетъ на одномъ мѣстѣ, какъ подниметъ очи на иконы, такъ и стоитъ уже „до конца службы“, какъ вкопанный, и все на Бога смотритъ или, можетъ быть, молится. Только, бывало, когда ктиторъ возьметъ колокольчикъ и пойдетъ по церкви деньги собирать, Н. И. взглянетъ на него, а ктиторъ уже зналъ его привычку, шелъ къ нему. Тогда Н. И вынетъ, бывало, изъ кармана рубль и положитъ его въ церковный кошелекъ, а самъ возьметъ у ктитора колокольчикъ, пойдетъ къ Егоровнѣ (такая помѣщица у насъ была), станетъ передъ нею и звонитъ, звонитъ и звонитъ, пока она не положитъ рубля въ кошелекъ,. затѣмъ такимъ манеромъ перейдетъ къ Николайченку (тоже помѣщикъ у насъ былъ) и передъ нимъ звонитъ, а когда обойдетъ помѣщиковъ, снова отдастъ кошель ктитору, который потомъ и ходитъ уже по церкви“.

Но особенно поражалъ крестьянъ Николай Ивановичъ своею простотою и безпритязательностью, о чемъ мы говорили уже выше. По словамъ юрасовцевъ, Н. И. любилъ больше всего вращаться въ средѣ „парубковъ“, холостой молодежи, сверстниковъ по лѣтамъ. Съ ними онъ проводилъ цѣлые часы и дни и „потому, должно быть, пояснялъ намъ одинъ старикъ, что самъ молодымъ былъ“. Когда Н. И. жилъ уже внѣ Юрасовки и „настоящимъ паномъ былъ“, то пріѣзжалъ (вѣроятно, въ періодъ особенно горячаго собиранія народныхъ пѣсенъ и сказаній), въ Юрасовку на нѣсколько дней. „И какъ только онъ пріѣхалъ къ намъ, разсказывалъ старикъ-сторожъ, такъ мы сейчасъ и подумали: „оце винъ до насъ; мабудь, нашимъ паномъ буде; отъ якъ бы Господь Богъ давъ—добре намъ було-бъ“! А онъ между тѣмъ собралъ всѣхъ парубковъ къ себѣ и заставилъ ихъ пѣть

всякія пѣсни. Пропоютъ одну пѣсню, дастъ имъ по стакану водки, и опять: „спивайте другу"! а самъ только черкъ-черкъ, такъ и пишетъ, такъ и выводитъ, какъ поютъ. Такимъ способомъ четыре дня собиралъ парубковъ и все заставлялъ ихъ пѣть пѣсни. Всѣ пѣсни, какія знали ребята, переписалъ. А мы и говоримъ между собою: „и на что ему тѣ пѣсни? Или онъ куда-нибудь будетъ представлять? Или ему такъ приказано"? А видимъ, хорошо видимъ, что дѣло не спроста: такой человѣкъ—и пѣсни записываетъ, значитъ—нужно! И какъ только записалъ пѣсни Николай Ивановичъ, такъ сейчасъ же отъ насъ и укатилъ. Только и видѣли мы его".

Впослѣдствіи Н. И. Костомаровъ время отъ времени „подавалъ, по выраженію юрасовцевъ, вѣсточки въ Юрасовку", присылая въ разное время въ мѣстную церковь то Евангеліе, то плащаницу, то подсвѣчники, то книги и т. п. Старики съ удовольствіемъ разсказывали объ этомъ и видимо всегда съ интересомъ слѣдили за тѣмъ, гдѣ и что дѣлалось съ ихъ любимымъ паномъ.

„Да, говорилъ намъ одинъ изъ этихъ стариковъ, нашъ Николай Ивановичъ, когда былъ молодымъ, все „шкилювавъ", т. е. шутилъ, чудачилъ, а на дѣлѣ-то вышло, что онъ умнѣйшимъ человѣкомъ былъ, всѣхъ могъ обучать, разные языки зналъ, писалъ книги и у самого царя, говорятъ, вторымъ совѣтникомъ былъ"! Откуда и какъ почерпнули юрасовцы всѣ эти свѣдѣнія, сами они не могли намъ толкомъ разсказать. „Такъ всѣ люди говорятъ", твердили они. Одно несомнѣннымъ было для юрасовцевъ, что Николай Ивановичъ былъ „великій чоловикъ" и свѣтлая личность этого человѣка даже теперь уже начинаетъ пріобрѣтать нѣсколько легендарную окраску. „Не удостоились-ли вы говорить съ нашимъ Николаемъ Ивановичемъ?—спрашивалъ меня сѣдобородый старикъ. Правда-ли, что „молодый Костомаръ" самымъ ученымъ человѣкомъ въ Россіи былъ"? И каждый разъ, когда я въ отвѣтъ на эти вопросы поминалъ Николая Ивановича добрымъ словомъ, самодовольная улыбка освѣщала старческое лицо моего собесѣдника.

Объ одномъ сожалѣли и продолжаютъ сожалѣть юрасовцы, что Николаю Ивановичу въ свое время „не досталось надъ ними попанувать“. Странными казались эти сожалѣнія съ перваго разу, но за ними очень ясно просвѣчивало убѣжденіе въ томъ, что будь Н. И. Костомаровъ помѣщикомъ у юрасовцевъ—имъ и теперь жилось бы лучше. И конечно, крестьяне по своему правы; попади въ руки Костомарова имѣнія, навѣрное не было бы теперь ни дарственныхъ надѣловъ, ни малоземелья въ Юрасовкѣ. Разсчетъ совершенно вѣрный и практическій.

Заканчивая эти бѣглыя замѣтки, касающіяся родины и прошлаго Н. И. Костомарова, мы позволимъ себѣ здѣсь высказать сожалѣніе о томъ, что ни время, ни лежавшія на насъ прямыя обязанности не позволили намъ пожить въ Юрасовкѣ столько, сколько хотѣлось бы, и собрать болѣе подробныя свѣдѣнія... сравнительно съ тѣмъ, что сказали мы. Подѣлиться же сказаннымъ съ читателями мы считали необходимымъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, мы передали то, что говоритъ о нашемъ незабвенномъ историкѣ самъ народъ, и старались быть при этомъ возможно точнымъ пересказчикомъ, а во 2-хъ, и сами по себѣ факты настолько характерны, что было бы грѣшно молчать о нихъ. Позволитъ время, укажутъ обстоятельства—и мы пополнимъ недосказанное, исправимъ упущенное или спутанное въ памяти стариковъ-крестьянъ.

Ф. Щербина.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УРАИНЫ[1].

По J. Ролле.

IV. Передъ паденіемъ Польши.

Въ началѣ 18-го вѣка, первыя два его десятилѣтія, Украина на-ново переживаетъ то, что уже переживала когда-то, послѣ Люблинской уніи—усиленную польскую колонизацію. Но какъ различны были условія тогда и теперь! Тогда польскій элементъ, привлекаемый просторомъ и непочатыми природными богатствами Украины, шелъ сюда бодро и радостно, полный вѣры въ свою культурную миссію, полный надежды на свѣтлое будущее, и на первыхъ порахъ не наталкивался здѣсь ни на вражду, ни на отпоръ, въ худшемъ случаѣ лишь на выжидающее недоумѣніе. И теперь Украина была по-прежнему прекрасна и изобильна, по-прежнему зеленѣли и благоухали ея безбрежныя степи, но ея роскошная растительность укрывала пепелища и бѣлѣющія кости; а безобразныя развалины, которыя еще не успѣла спрятать мать-земля, разсказывали безконечныя легенды объ ужасахъ братоубійства. Атмосфера была насыщена воспоминаніемъ недавняго кроваваго прошлаго. И людскія души питали въ себѣ это воспоминаніе, какъ свое дорогое наслѣдство. Скудное населеніе Украины встрѣчало пришельцевъ съ чувствомъ безсильной и глубоко затаенной злобы. Тѣ являлись съ смѣшанными чувствами страха, ненависти и злораднаго торжества. На такой нездоровой психологической почвѣ предстояло создавать на-ново общественную жизнь.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 11.

Поляки начали возвращаться на Украину тотчасъ „post hosticum", т. е. послѣ удаленія турокъ. Но движеніе это было задержано новыми волненіями, о которыхъ была рѣчь выше. Только послѣ 1711—13 гг., т. е. послѣ Прутскаго мира и новаго массоваго выселенія жителей Украины на лѣвобережье, край сдѣлался польскимъ: русское государство окончательно отказалось отъ всякихъ на него притязаній. Украина была открыта не только для польской политики, но и для польскаго права: слабое, кое-гдѣ разбросанное населеніе уже не представляло никакого сопротивленія. Шляхетство могло устраиваться по своему.

Не надо забывать, что уже больше полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ украинскіе владѣльцы покинули свои имѣнія. Огромное большинство ихъ умерло, не дождавшись возвращенія на родину; и только дѣти и внуки изгнанниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ уголкамъ Рѣчи-Посполитой, вскормленные мечтами о благословенной Украинѣ, текущей медомъ и млекомъ, могли увидѣть обѣтованную землю. Конечно, это относится не къ магнатамъ, а къ рядовой шляхтѣ. Какіе-нибудь Конецпольскіе могли совсѣмъ не интересоваться своими заброшенными и пустынными украинскими латифундіями. Но шляхетская масса, вытолкнутая изъ Украины народными волненіями, не имѣла владѣній въ глубинѣ Литвы или Польши; а какъ-нибудь устроиться такому беземельному шляхтичу на территоріи, и безъ того переполненной шляхтой, конечно, могло быть лишь дѣломъ исключительнаго счастливаго случая: всякій трудъ, кромѣ войны и хозяйства, считался для шляхтича позоромъ, который могъ лишить человѣка даже шляхетскаго достоинства со всѣми его огромными прерогативами. Не мудренно поэтому, что возвращеніе на Украину было для огромнаго большинства изгнанниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратомъ къ прочному общественному положенію, обезпеченному завтрашнему дню, благосостоянію, и все это къ тому же облеченное въ таинственную и заманчивую неизвѣстность, гдѣ въ неопредѣленныхъ и фантастическихъ образахъ и краскахъ рисовалась роскошная Украина. Да и въ самомъ дѣлѣ она была неисчерпаемо богата со своею плодородной почвой,

отдохнувшей цѣлые полвѣка отъ плуга, куда достаточно было бросить беззаботной рукой горсть зерна, чтобъ получить богатый урожай, съ лѣсами фруктовыхъ деревьевъ, съ изобиліемъ всякой дичи—и звѣря, и птицы, и рыбы, которая безпрепятственно размножалась все это долгое время. Естественно, что изгнанники тосковали за своей Палестиной и рвались къ ней. Но на встрѣчу этимъ радужнымъ надеждамъ шли тяжелыя разочарованія. Конечно, каждый возвращающійся думалъ прежде всего о своемъ родовомъ гнѣздѣ. Онъ не могъ не предполагать, что оно запущено, разорено; но мысль, что оно существуетъ въ какомъ бы то ни было видѣ была большой отрадой для бездомнаго скитальца. Каково же бывало пораженіе, когда возвращающіеся не только не находили гнѣзда или его остатковъ, но часто не находили слѣда того, что оно существовало когда-нибудь на свѣтѣ. На мѣстѣ защищеннаго и благоустроеннаго панскаго двора, окруженнаго бѣлыми хатами, разукрашенный образъ котораго крѣпко держался въ семейной традиціи, была холмистая поляна или лѣсъ, выросшій изъ запущеннаго сада, и только деревья привѣтствовали бѣднаго пришельца, отыскивающаго свой родной уголъ. Цѣлыя большія поселенія исчезли такъ, что не осталось отъ нихъ камня на камнѣ, и, случалось, даже самое имя пропадало, а вмѣстѣ съ нимъ и всецѣло воспоминаніе о томъ, что было когда-то на данномъ мѣстѣ. Но главная бѣда была не въ огорченіяхъ и разочарованіяхъ, а въ тѣхъ безконечныхъ юридическихъ затрудненіяхъ, какія вытекали изъ указаннаго положенія вещей. Чѣмъ и какъ было доказывать свои владѣльческія права? Настоящихъ магнатовъ эти затрудненія опять-таки не касались. Ихъ территоріи, захватывавшія по нѣсколько уѣздовъ, легко поддавались опредѣленію: какія затрудненія могли встрѣтить, напр., Потоцкіе, которымъ прямо и просто принадлежало Поднѣстровье отъ Смотрича за Могилевъ? Совсѣмъ иное было положеніе рядовой шляхты, которая владѣла, на правахъ-ли собственности, или заставнаго державства, небольшими имѣніями. У многихъ пропали документы: извѣстно, съ какой ожесточенной ненавистью истреблялъ украинскій народъ всѣ шляхетскія бумаги. Но чѣмъ могли помочь

и документы, если не было фактической опоры для утвержденія владѣльческихъ правъ на опредѣленный участокъ: не было старожиловъ, на показаніяхъ которыхъ можно было основаться, не было межевыхъ или граничныхъ знаковъ, не сохранилось, случалось, даже старыхъ названій урочищъ. Отсюда вышло то, что и должно было выйти—безконечный правовой хаосъ. Часто возвращающійся шляхтичъ совсѣмъ не могъ найти своего наслѣдства; иногда онъ его заставалъ уже захваченнымъ другимъ лицомъ, какимъ-нибудь сосѣдомъ, расширившимъ не въ мѣру свои границы, или заставнымъ державцей, который яко-бы получилъ землю подъ капиталъ отъ третьяго лица—и нечѣмъ было отстранить этихъ фактическихъ владѣльцевъ. На каждый земельный кусокъ являлось нѣсколько, а, случалось, и нѣсколько десятковъ претендентовъ; безспорныхъ владѣльцевъ, можно сказать, не было вовсе. Сыпались безконечныя жалобы, манифесты, дѣлались заѣзды; сутяжничество развилось до самой высокой степени. Жалкіе украинскіе „гроды", только что начавшіе оправляться отъ разоренія, были полны юристами-сутягами, кормившимися этой безурядицей, и наслѣдниками, которые рады были отступиться отъ всѣхъ своихъ правъ, лишь бы получить за нихъ хоть что-нибудь наличными деньгами.

Не лучше было возвратившейся шляхтѣ и въ экономическомъ отношеніи. Шляхетское благосостояніе опиралось исключительно на трудъ зависимаго населенія, подданныхъ. А между тѣмъ населеніе на владѣльческихъ земляхъ Кіевщины, Брацлавщины и Подолья было крайне скудно. Напр., въ Кіевщинѣ „Хвастовъ, Черногородка и деревни, принадлежащія къ Хвастову, такъ опустошены, что нѣтъ ни одного человѣка, кромѣ 8 подданныхъ въ Черногородкѣ"; или на Подольѣ, въ Могилевскомъ ключѣ, состоящемъ изъ большого мѣстечка и 4 селъ, оказалось по счисленію коммиссара Потоцкихъ, всего на-все 178 душъ обоего пола, „хозяевъ, женъ ихъ, вдовъ, паробковъ и дѣвокъ". Трудно было приняться за хозяйство при такомъ состояніи „живаго реманента". Да и это скудное населеніе надо было эксплуатировать осторожно, такъ какъ ему, при данномъ пустынномъ положеніи края, очень легко было уйти отъ владѣльца,

которымъ оно было недовольно. Быть или не быть украинской шляхтѣ стало въ зависимость отъ того, успѣетъ-ли она привлечь и удержать хлопа.

Магнаты, располагавшіе большими средствами, не зависѣли отъ своихъ украинскихъ имѣній и здѣсь нашли выходъ изъ затрудненія. Они стали привлекать населеніе изъ другихъ областей Польскаго государства и даже изъ-за границы. Замойскіе вывели себѣ подданныхъ съ надъ Вислы; Сѣнявскіе, Ржевусскіе и иные подольскіе паны вызывали людей изъ Галиціи, съ территоріи Пшемысла и Санока, такъ что цѣлыя деревни на Подгорьѣ запустѣли; Любомірскій привлекъ въ свои Шаргородскія имѣнія мазуровъ, а на Побережье волоховъ, которые очень охотно стали переселяться на лѣвый берегъ Днѣстра; призывали выходцевъ изъ-за Днѣпра, не забывшихъ своей правобережной родины, даже великорусскихъ раскольниковъ, такъ-называемыхъ филипоновъ. Но все это поглощалось панскими латифундіями, да и тамъ составляло каплю въ морѣ: громадныя пространства земли все-таки лежали пустыми. А заурядному шляхтичу ничего не оставалось, какъ заманивать къ себѣ какими-нибудь способами простого украинскаго хлопа или отъ своихъ собственныхъ сосѣдей, или изъ ближайшихъ мѣстностей болѣе густаго заселенія. Такими мѣстностями были по отношенію къ собственной Украинѣ Волынское, Русское, Бельзское воеводства и сѣверная часть Подольскаго.

Всѣ способы заманиванія группировались около одного главнѣйшаго—„слободы“. Владѣльцы, желавшіе имѣть свои земли заселенными, должны были приманивать населеніе обѣщаніемъ свободы отъ обязательствъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Сроки эти обращались между 15 и 30-ю годами, при чемъ кратчайшіе сроки были на Подольѣ, и, все удлинняясь по направленію къ востоку, они въ Кіевщинѣ достигали своего максимума. На все это время владѣлецъ ограничивался нѣсколькими злотыми годоваго чинша и нѣсколькими днями лѣтней работы; бывала и полная свобода отъ обязательствъ, но, повидимому, лишь какъ исключеніе.

Надо было во чтобы то ни стало приманивать хлопа, удерживать его въ сладкой надеждѣ, что хоть и длиненъ срокъ свободы, а все таки онъ кончится, и изъ полувольнаго слобожанина вылупится подданный, предоставленный польскимъ правомъ на полный произволъ его пана. Не могъ не знать грозящей ему участи и украинскій народъ, но онъ, закрывая глаза, шелъ ей на встрѣчу. Да что-же бы, впрочемъ, ему оставалось дѣлать? Вѣдь въ силу господствующаго теперь права посполитый не могъ быть владѣльцемъ земли, а долженъ былъ садиться на чужую землю и тѣмъ поступать въ подданство землевладѣльца. Исторія дала украинскому хлопу небольшую отсрочку, и онъ старался воспользоваться ею возможно шире. Изъ всего этого создались на Украинѣ на цѣлые полвѣка, пока истекли сроки послѣднихъ „слободъ“—что имѣло мѣсто лишь въ началѣ второй половины столѣтія—особыя условія.

Шляхтичъ, желавшій призвать людей на свою пустующую землю, поручалъ обыкновенно это дѣло опытному человѣку, какому-нибудь заслуженному дворянину (служащему при панскомъ дворѣ) простонароднаго происхожденія или мелкому оффиціалисту изъ тѣхъ, кому приходилось, по обязанностямъ своего званія, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ. Необходимымъ условіемъ успѣха было то, чтобы агентъ хорошо зналъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло, и всѣ способы ихъ уловленія. Такой вербовщикъ набиралъ съ собой запасъ хлѣба и горѣлки и ѣхалъ въ мѣстечко на ярмарку, на престольный праздникъ—туда, гдѣ можно было встрѣтить много народа. Тамъ, на людномъ пунктѣ, онъ вбивалъ жердь съ дощечкой, на которой написаны были условія предлагаемой „слободы“, а самъ, стоя подъ жердью, приглашалъ всѣхъ желающихъ на хлѣбъ и горѣлку. Прохожіе останавливались; кто-нибудь, чаще всего дьячекъ, читалъ написанное; начинались разговоры, вербовщикъ не жалѣлъ красокъ, чтобы представить въ соблазнительномъ видѣ богатство земли, всѣ ея необычайныя удобства для поселенія, исключительную доброту пана. И разстояніе-то до мѣста рукой подать, и топлива сколько угодно—цѣлые дубовые лѣса, и водопой въ самой деревнѣ, громадный какъ озеро ставъ, гдѣ и рыбы, сколько хо-

чешь, и мельницъ на немъ можно устроить хоть нѣсколько. Однимъ словомъ, все являлось въ описаніяхъ вербовщика фантастически окрашеннымъ въ самые идеальные цвѣта; а обильное угощеніе располагало умы къ довѣрію. Впрочемъ, являлся обыкновенно на сцену и достовѣрный свидѣтель, какой-нибудь подготовленный Иванъ или Петръ, который собственными глазами видѣлъ этотъ земной рай и готовъ былъ расписывать его красоту. Не бѣда, если вмѣсто лѣса оказывался корявый кустарникъ въ буеракѣ на голой степи, а вмѣсто рыбнаго става болото: главное дѣло было сдѣлано, условія написаны писаремъ, который былъ у вербовщика на готовѣ, и народъ двигался на условленное мѣсто. Положимъ, что, обманутый и разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ часто кидалъ мѣсто своей новой осѣдлости; но это было съ его стороны уже противозаконнымъ дѣйствіемъ.

Но такое свободное зазываніе на „слободы“ могло практиковаться лишь первое время, пока еще были люди, не имѣвшіе осѣдлости на панскихъ земляхъ, и пока еще не подвергалось такимъ строгимъ преслѣдованіямъ переманиваніе хлоповъ отъ сосѣдей. Но мало-по-малу это переманиваніе „живаго реманента“ приняло характеръ злостнаго противообщественнаго преступленія, возбуждавшаго усиленное преслѣдованіе со стороны закона и общественное негодованіе. Но часто экономическая необходимость все-таки заставляла его совершать, хотя и кондрабанднымъ способомъ. Вотъ тогда-то и появились на свѣтѣ тѣ контрабандные торговцы запретнымъ живымъ товаромъ, которые назывались „выкотцами“.

„Выкотца“—это беззастѣнчивый человѣкъ, который брался за извѣстное вознагражденіе доставить владѣльцу пустыхъ земель столько-то кметей, способныхъ къ работѣ. Занимались этимъ непочетнымъ и небезопаснымъ дѣломъ бѣдные шляхтичи и евреи. Шляхтичъ пріѣзжалъ въ намѣченную деревню верхомъ, яко-бы отыскивая себѣ службу; еврей притаскивался въ корчму на возу подъ предлогомъ скупки чего-нибудь, напр.—овчинокъ. Переходя изъ хаты въ хату, выкотца уговаривалъ крестьянъ оставить свою осѣдлость и перейти на новую, обѣщая всякія блага.

Сама по себѣ соблазнительна была уже мысль начать свой срокъ слободы съ начала, если онъ на старомъ мѣстѣ былъ въ значительной долѣ выжитъ. Если выкотца добивался согласія, то условливались, когда приступать къ опасному предпріятію: конечно, крестьянамъ надо было нѣкоторое время, чтобъ ликвидировать свои дѣла. Въ означенной срокъ выкотца являлся съ подводами, забиралъ охотниковъ и съ большою осторожностью, окольными дорогами, велъ ихъ въ назначенное мѣсто. Ремесло выкотца было несомнѣнно выгоднымъ ремесломъ: за доставку семьи изъ Гусятина до Ходоркова шляхтичъ уплатилъ, въ извѣстномъ случаѣ, напр., 120 злотыхъ; за крестьянскую чету, выведенную отъ Брацлавля подъ Бердичевъ, другой предлагалъ 70 злотыхъ: очень вліяло на увеличеніе платы количество дѣтей. Но за то жъ приходилось и тяжело расплачиваться за эти выгоды, если случай отдавалъ выкотцу въ руки обиженнаго имъ владѣльца. До суда обыкновенно не доводили дѣла: владѣльцы расправлялись сами. Слава Богу, если выкотца отдѣлывался побоями, могло быть и хуже—до висѣлицы, включительно. Въ одномъ случаѣ шляхтичъ, поймавши двухъ такихъ выкотцевъ, которые увели у него цѣлый поселокъ, распорядился такъ: взыскать съ нихъ всѣ свои убытки, а чтобы принудить ихъ къ выполненію, кромѣ лишенія соободы, присудилъ одного изъ нихъ, шляхтича, получать каждую пятницу по двадцать ударовъ—на коврѣ, чтобы не нанести ущерба шляхетскому достоинству, а другого, еврея, запрягалъ вмѣстѣ съ клячей въ соху и борону и заставлялъ пахать. Таковъ былъ самосудъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ между землевладѣльцами и хлопами шла неустанная партизанская война. Шляхтичи пускали въ ходъ всякія хитрости, чтобъ словить уходящихъ хлоповъ; тѣ, съ своей стороны, употребляли еще болѣе усилій, чтобы выскользнуть изъ разставленныхъ имъ силковъ. Конечно, это говорится о гуртовомъ выселеніи, цѣлыми партіями. Въ одиночку хлопу уйти было не трудно: окольными дорогами, минуя деревни и мѣстечки, проводя ночи въ лѣсахъ или бурьянахъ,—конечно, терпя и холодъ и голодъ, держалъ онъ путь на полдень и обыкновенно

не обманывался въ разсчетѣ на пріютъ, который на первое время всегда оказывался гостепріимнымъ. Иное дѣло, если приходилось уходить таборомъ. Тутъ шляхтичи поднимались въ погоню съ надворными отрядами и выслѣживали бѣглецовъ съ тѣми пріемами, съ какими плантаторы выслѣживали бѣглыхъ негровъ. Когда догоняли, дѣло нерѣдко доходило до кровопролитной стычки. Но на одной сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, а на другой только палки и колья, и дѣло обыкновенно принимало невыгодный для этой другой стороны оборотъ. Бѣглецамъ приходилось тяжко выкупать свою предпріимчивость: ихъ били, лишали всѣхъ льготъ и сажали на тяжкую панщину, а изувѣченныхъ въ битвѣ отсылали въ замки, гдѣ они должны были работать при тачкахъ. Но если хлопскій таборъ достигалъ назначеннаго мѣста, тутъ уже выходило иначе: шляхтичъ, на землѣ котораго садились бѣглецы, самъ выступалъ на ихъ защиту противъ преслѣдователей, и начиналась битва по всѣмъ правиламъ искусства.

А рядомъ съ войной изъ-за хлопа возникла и охота на хлопа. Бѣдный шляхтичъ, у котораго была земля, а не было денегъ, чтобы ее заселить, находилъ такой выходъ изъ затрудненія: конно, самъ-другъ или самъ-третей, отправлялся онъ выслѣживать краснаго звѣря, т. е. хлопа, мѣняющаго осѣдлость. Укрываясь за придорожной могилой или въ лѣсу, выжидалъ такой шляхтичъ бѣглеца, нападалъ на него неожиданно, захватывалъ и подъ угрозой пули велъ его къ себѣ, чтобъ поселить на своей землѣ. Бывало и еще хуже. Шляхетская застѣнковая бѣднота сбиралась партіями и устраивала облавы на переселяющихся хлоповъ съ простой цѣлью грабежа, чтобъ поживиться добромъ, которое тѣ несли съ собой на мѣсто новой осѣдлости. Все это если и не считалось въ шляхетской средѣ рыцарскимъ и почетнымъ дѣломъ, то сходило все-таки за дозволенное: вѣдь бѣглый хлопъ былъ, по польскому праву, persona vagabunda, лицо внѣ закона, отданное тѣмъ самымъ на произволъ перваго встрѣчнаго, достаточно сильнаго, чтобъ имъ овладѣть. Жестокіе нравы и нелюдскія отношенія выростали на почвѣ Украины, отравленной потоками пролитой крови. Украинскій шляхтичъ ди-

чалъ и деморализировался въ этой безславной борьбѣ, въ которой и тѣни не было идеальныхъ мотивовъ, въ видѣ ли защиты христіанства отъ басурманъ, или культуры и государственности отъ варварства и анархій. Украинскій крестьянинъ утрачивалъ то, на чемъ держится въ осѣдлой земледѣльческой массѣ ея нравственная крѣпость: привязанность къ своей землѣ, къ родному углу. Страхъ передъ крѣпостнымъ подданствомъ, въ которое попадалъ крестьянинъ, какъ только кончался договорный срокъ, гналъ его изъ одной мѣстности въ другую, по преимуществу въ юго-восточномъ направленіи. Обитатели сѣверныхъ частей Украины тянулись на Подолье, подольскіе поселенцы двигались въ Брацлавщину, брацлавскихъ точно выпирала какая-то сила въ кіевскія степи... Трудъ дѣлался постылымъ земледѣльцу, который вѣчно мечталъ о какомъ-то отдаленномъ земномъ раѣ, его ожидающемъ, если у него хватитъ отваги и счастья порвать связывающія его узы; осѣдлое населеніе развивало вновь утраченные было имъ кочевые инстинкты.

Такъ прошло полвѣка. Въ періодъ между 1715 и 1730 гг. движеніе достигло своего апогея; затѣмъ начало слабѣть, хотя не прекращалось почти все столѣтіе, въ концѣ его выливаясь уже за предѣлы Рѣчи посполитой, въ новороссійскія степи.

Какъ бы то ни было, Украина заселялась. Ея населеніе было неустойчиво, непрочно, но оно было, и на роскошной украинской почвѣ быстро размножалось. Съ прекращеніемъ сроковъ слободъ земля стала усиленно повышаться въ своей цѣнности. То, что въ началѣ столѣтія переуступалось за безцѣнокъ, въ половинѣ его уже составляло часто значительное имущество. Янъ-Александръ Конецпольскій въ завѣщаніи, писанномъ въ 1702 г., оцѣнилъ свои огромныя украинскія пустыни всего лишь въ 50,000 злотыхъ; лѣтъ 20—30 спустя эти пустыни перешли къ Любомірскимъ уже за милліонъ злотыхъ; въ концѣ же столѣтія Любомірскіе продали одну лишь четвертую ихъ часть за 60 милліоновъ, но это были уже, конечно, не пустыни.

Магнаты въ первый періодъ новаго заселенія края совсѣмъ пренебрегали своими украинскими имѣніями. Всѣ эти Сѣнявскіе, наслѣдниками которыхъ были Чарторижскіе, Потоцкіе, Любо-

мірскіе, Яблоновскіе, Замойскіе—жили въ столицѣ или въ другихъ своихъ имѣніяхъ въ глубинѣ Рѣчи-Посполитой, все предоставляя своимъ оффиціалистамъ. Оффиціалисты того или другого магнатскаго дома, напр. дома Потоцкихъ, были такъ многочисленны, что составляли своего рода обособленную группу среди украинской шляхты. Во главѣ оффиціалистовъ стояли губернаторы, которые держали себя по образцу своихъ вельможныхъ принципаловъ. Они жили въ укрѣпленныхъ дворахъ, или замкахъ, имѣли въ своемъ распоряженіи артиллерію, состоящую изъ нѣскольких пушекъ, и надворную милицію, пѣшую и конную, а, главное, владѣльцы передавали имъ всѣ свои огромныя права надъ подданными до права жизни и смерти включительно. Въ особенности велики были полномочія губернаторовъ болѣе отдаленныхъ и угрожаемыхъ юго-восточныхъ окраинъ. Но по мѣрѣ того, какъ край заселялся и имѣнія пріобрѣтали прочную, и притомъ съ страшной быстротой возрастающую, цѣнность, и магнаты начали все больше и больше удѣлять вниманія своимъ украинскимъ латифундіямъ. Въ концѣ-концовъ, украинское магнатство, опираясь на эти латифундіи, сдѣлалось главной руководящей силой Рѣчи-Посполитой, рѣшительницей ея судебъ. Здѣсь, на украинской территоріи, и были окончательно рѣшены эти судьбы.

Пышнымъ экзотическимъ цвѣткомъ со всѣмъ его блескомъ и дурманомъ развернулась на Украинѣ панская жизнь.

Прежде всего надо сказать, что украинское панство было теперь уже сплошь польскимъ и католическимъ. Еще въ началѣ описываемаго періода можно было встрѣтить кое-гдѣ, въ особенности на Волыни, дворянина православнаго, а слѣдовательно—и помнящаго свою національность. Это уже не магнатъ, но еще и не какой-нибудь захудалый обыватель шляхетской околицы: случалось, хотя какъ большая рѣдкость, попадался даже и на сеймѣ православный посолъ. Въ качествѣ анахронизма можно встрѣтить волынскаго православнаго дворянина еще и во второмъ десятилѣтіи описываемаго вѣка. Но логика исторіи дѣлаетъ свое жестокое дѣло, неумолимо разворачивая дальше и дальше цѣпь причинъ и слѣдствій. Еще немного—и православный дво-

рянинъ дѣлается уже невозможностью, соціальной нелѣпостью. Православіе, какъ и прочіе аттрибуты русской національности, соединяются неразрывно съ низшимъ, зависимымъ, презираемымъ общественнымъ положеніемъ. Русскіе дворянскіе роды, въ своемъ стремленіи возможно скорѣе и цѣльнѣе забыть свои старыя связи, не стѣсняясь ни здравымъ смысломъ, ни историческими фактами, фабрикуютъ самыя нелѣпыя генеалогіи. Фабрикаціей этой занимаются обыкновенно ученые спеціалисты изъ монаховъ, напр.— бердичевскіе кармелиты. Эти генеалогіи возводятъ родословныя дерева обыкновенно не ближе, какъ къ Попелю, миѳическому польскому королю, а то къ какому-нибудь еще болѣе миѳическому Литталеову, правителю Литвы, который жилъ чуть-чуть что не до Рождества Христова; переселеніе же протопластовъ рода на Русь никакъ не предполагалось позже 12—13 в.в.

Украина представляла собой теперь нѣсколько самодержавныхъ магнатскихъ государствъ, въ промежуткахъ между которыми были разсѣяны владѣнія простой шляхты. На первый планъ между украинскими магнатами выдвигались, конечно, Потоцкіе и Чарторижскіе, съ именами которыхъ такъ неразрывно связана вся послѣдняя эпоха исторіи Польши,—представители и главы двухъ лагерей, двухъ политическихъ теченій, своимъ антагонизмомъ подготовившихъ окончательную гибель государства. Украинскія имѣнія Потоцкихъ занимали большую часть Брацлавскаго воеводства; они разбросаны были въ треугольникѣ, углы котораго отмѣчаются Тарговицей, Могилевомъ, Тульчиномъ. Впрочемъ, эти земельныя богатства долго были раздроблены между отдѣльными вѣтвями дома Потоцкихъ, и только во второй половинѣ столѣтія соединились въ рукахъ кіевскаго воеводы Франциска Салезія, котораго современники не даромъ звали „русскимъ королькомъ“, а затѣмъ сына его Щенснаго-Потоцкаго, сыгравшаго такую большую и неудачную роль въ послѣднихъ судьбахъ Рѣчи-Посполитой. Съ Чарторижскими могли равняться во всемъ Польскомъ королевствѣ развѣ одни только Радзивиллы. Колыбелью рода Чарторижскихъ была Клевань на Волыни. Извѣстный Адамъ-Казиміръ, генералъ земель подольскихъ,—который былъ подготовленъ въ преемники къ Августу

III—кромѣ огромныхъ литовскихъ имѣній, земель въ Коронѣ и Русскомъ воеводствѣ, родовой Клеванщины, владѣлъ еще Грановщиной въ воеводствѣ Брацлавскомъ и большими имѣніями на Подольѣ: Межибожемъ съ его территоріей и гродовыми староствами Каменецкимъ и Литичевскимъ. На Волыни никто, конечно, не могъ потягаться земельнымъ богатствомъ съ наслѣдникомъ князей Острожскихъ, княземъ Сангушкой; но этотъ ничтожный человѣкъ, въ половинѣ столѣтія, раздарилъ или распродалъ, словомъ, разбросалъ свои громадныя богатства, хотя и не имѣлъ на это права, и ихъ разобрали украинскіе магнаты и ихъ кліенты, во главѣ съ Чарторижскими: такимъ образомъ Чарторижскимъ достались еще и Старо-Константиновскія волости князей Острожскихъ. Немногимъ уступало владѣніямъ Потоцкихъ и Чарторижскихъ по величинѣ территоріи, хотя и уступало по доходности, Побережское государство Любомірскихъ, занимавшее огромныя пространства между Бугомъ и Днѣстромъ, такъ-называемые Бужскій и Днѣстровый тракты: земли Любомірскихъ начинались подъ Винницей и кончались подъ Ягорлыкомъ и Конецполемъ. Надо, впрочемъ, сказать, что имѣніе Любомірскихъ, какъ пріобрѣтенное куплей, а не наслѣдствомъ или вѣномъ, не могло сообщить своимъ обладателямъ, въ глазахъ современниковъ, всего должнаго престижа. Если къ этому счету присоединить еще Ржевусскихъ и Яблоновскихъ—огромныя имѣнія тѣхъ и другихъ разбросаны были по всей Украинѣ, то вотъ почти и всѣ магнатскіе роды, дѣлившіе между собой господство надъ Украиной. Изрѣдка случалось, что достигалъ магнатскаго значенія и не магнатъ по происхожденію: такимъ значеніемъ пользовался, напр., одно время кіевскій воевода Стемпковскій.

Владѣнія магнатовъ дѣлились, въ административныхъ и экономическихъ видахъ, на ключи, размѣры которыхъ были различны, смотря по особенностямъ территоріи, густотѣ населенія и типу поселеній, характеру хозяйства. Одно дѣло сѣверная Волынь съ ея тѣсными старыми поселеніями и лѣснымъ хозяйствомъ, другое—безконечный степной просторъ заселяющейся южной Украины. Клеванскій ключъ Чарторижскихъ,

со всѣми его неисчерпаемыми лѣсными богатствами, состоялъ всего изъ одного мѣстечка и десяти деревень,—а въ Грановскомъ, степномъ, ключѣ считалось 26 большихъ поселеній, хотя главный доходъ ключа составляли не эти поселенія, а степи, гдѣ свободно гуляло стадо изъ 700 кобылицъ, а волы выпасались тысячами. Побережское государство князей Любомірскихъ состояло изъ 11 ключей: къ Немировскому ключу, напр., относился Немировъ и пятьдесятъ деревень.

Въ каждомъ магнатскомъ государствѣ была, конечно, столица; случалось, и не одна. По крайней мѣрѣ, резиденцій у болѣе притязательныхъ пановъ, тянувшихся за тѣмъ, чтобъ воспроизводить образъ жизни владѣтельныхъ особъ, бывало до четырехъ, и между ними распредѣлялъ такой панъ свой годъ по сезонамъ. Въ главной резиденціи былъ, само собой разумѣется, дворецъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій магнатскому достоинству. Правда, все это пришлось возводить на ново, но богатая Украина легко доставляла средства, а панъ не жалѣлъ ихъ для такой цѣли.

Теперь панскому дворцу не зачѣмъ было представлять собою феодальный замокъ; ничто не угрожало безопасности его обитателей, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ края. Но искусственная традиція не легко уступала свое мѣсто. Немудрено, что старый дворецъ степнаго Тульчина, позднѣйшей главной резиденціи Потоцкихъ, былъ защищенъ валами и бастіонами, у которыхъ стояли огромныя гранатныя бомбы, съ висѣлицей у воротъ. Но и дворецъ Яблоновскихъ въ тихихъ и безопасныхъ Ляховцахъ надъ Горынью, выстроенный въ половинѣ столѣтія, имѣлъ тотъ же феодальный видъ. Стѣны и глубокіе рвы, окружающіе массивный, неуклюжій пятиугольникъ, были сверхъ всего защищены огромнымъ прудомъ, воды котораго разливались вокругъ замка въ болота и топи. Подъемный мостъ, въѣздная брама съ башнями и стрѣльницами, бастіоны, снабженные пушками, все было разсчитано на средневѣковый замокъ,—кромѣ необходимости и цѣлесообразности всѣхъ этихъ приспособленій. Впрочемъ, иные магнатскіе дворцы позднѣйшаго сооруженія уже свободны отъ этихъ феодальныхъ затѣй. Новый великолѣп-

ный Тульчинскій дворецъ Потоцкихъ, на которомъ была знаменательная надпись: „чтобъ всегда былъ жилищемъ вольныхъ и честныхъ“, поражалъ современниковъ роскошной мебелью, хрусталемъ, бронзами, картинной галлереей, заключавшей въ себѣ драгоцѣнные оригиналы, нумизматическимъ кабинетомъ, обширной библіотекой, изящнымъ театромъ, садомъ съ руинами, прудами и водопадами, съ померанцевыми и ананасными оранжереями. Въ изящномъ Лабуньскомъ дворцѣ Стемпковскаго вниманіе останавливалось, прежде всего, на роскошной бальной залѣ и искусно разбитомъ садѣ, полномъ клумбъ и газоновъ, рощицъ и бесѣдокъ—идиллическихъ уголковъ, разсчитанныхъ на „амуретки“. Движимость Подгорецкаго дворца Ржевусскихъ оцѣнивалась ни больше, ни меньше, какъ въ 2800000 золотыхъ. Главная резиденція Чарторижскихъ была не на Украинѣ, а въ Коронѣ: когда русскіе сожгли ихъ дворецъ въ Пулавахъ, то вмѣстѣ съ ественно-историческимъ музеемъ погибла и ихъ библіотека, состоявшая изъ 40,000 томовъ. Вообще можно сказать, что въ дворцахъ украинскихъ пановъ была собрана масса произведеній искусства и наукъ, остатки которыхъ пошли потомъ на украшеніе перворазрядныхъ музеевъ и галлерей въ столицахъ.

Образъ жизни магнатовъ соотвѣтствовалъ ихъ обстановкѣ. Магнатъ—человѣкъ не изъ дюжины; въ немъ самомъ и въ окужающихъ жило сознаніе этой его недюжинности, какъ бы лучъ величія, почивающаго на главахъ избранниковъ и помазанниковъ; онъ чувствовалъ себя призваннымъ выражать каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ шагомъ, что онъ есть монархъ въ миніатюрѣ, король in partibus.

Двора магнатовъ по многолюдству, богатству, этикету, конечно не уступали дворамъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. При дворѣ тульчинскаго самодержца было больше четырехсотъ придворныхъ слугъ и дворянъ. Сорокъ солдатъ постоянно держали стражу при замковой брамѣ; по мѣстечку то и дѣло сновали придворные козаки, разбѣгаясь въ разныя стороны съ порученіями отъ центральнаго управленія—двѣ сотни козаковъ исполняло эту службу поочередно; собственные уланы пана

Потоцкаго охраняли порядокъ. Все указывало на пребываніе владѣтельнаго лица. А внутри замка, въ магнатскихъ покояхъ, толпилась одѣтая въ цвѣтныя ливреи куча слугъ, цѣлый легіонъ дворянъ ждалъ панскаго кивка, чтобы летѣть сломя голову, другой легіонъ прибывшихъ по какому-нибудь дѣлу или просто на поклонъ жилъ при дворѣ въ терпѣливомъ ожиданіи, пока магнатъ удостоитъ аудіенціи или вообще какого-нибудь знака вниманія. И придворные дворяне, и пріѣзжая шляхта садились за панскій столъ, проводили время, какъ хотѣли, забавлялись музыкой въ постные дни, танцами въ разрѣшенное церковью время: многочисленный женскій штатъ ясновельможной пани, ея „фрауцимеръ", доставлялъ въ изобиліи дамъ. Такимъ образомъ, при магнатскомъ дворѣ шелъ вѣчный пиръ: будни ничѣмъ не отличались отъ праздничныхъ дней. Магнатъ и его супруга могли по цѣлымъ недѣлямъ не показывать своихъ ясныхъ очей ни дворянамъ, ни гостямъ. Охоцкій въ своихъ скандалезныхъ, но тѣмъ не менѣе крайне интересныхъ, мемуарахъ разсказываетъ, что двѣ недѣли прожилъ при дворѣ прежде, чѣмъ ему удалось увидѣть тульчинскаго монарха и робко изложить свою просьбу. Но такъ какъ магнату, въ его политическихъ видахъ, нельзя было слишкомъ открыто третировать шляхту, то онъ держалъ при своемъ дворѣ ловкихъ и умныхъ людей, чтобъ принимать и занимать гостей, подслащая всякими способами горькую пилюлю, преподносимую шляхтетскому достоинству магнатскимъ высокомѣріемъ. Вообще, магнаты старались украшать свои дворы резидентами, или „вѣчными гостями" изъ людей, интересныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи: хорошими разсказщиками и балагурами, артистами, учеными, въ особенности— поэтами: почти всѣ настоящіе магнатскіе дворы имѣли своихъ „бардовъ". Надо сказать, что, при общихъ чертахъ, жизнь каждаго магнатскаго двора имѣла и свой индивидуальный характеръ, зависѣвшій отъ личности самого монарха. При Тульчинскомъ дворѣ все было широко и пышно, но чинно и однообразно. Въ то же время при Лабуньскомъ дворѣ у воеводы кіевскаго Стемпковскаго шелъ уже не пиръ, а просто разгулъ, непрерывная вакханалія. Не „бардъ" былъ здѣсь предметомъ вни-

манія, а пьяница, который могъ выпить разомъ кубокъ въ восемь бутылокъ; охота смѣнялась картежной игрой и танцами, а рядомъ, въ отдаленныхъ комнатахъ, въ тѣни лимонныхъ и апельсинныхъ дверевьевъ, въ бесѣдкахъ, увитыхъ плющемъ, завязывались и развязывались нескромные романы. Въ Чудновскомъ дворцѣ кн. Адама Понинскаго, сосѣда воеводы—тоже одного изъ украинскихъ магнатовъ—шла самая отчаянная азартная игра, и жизнь прожигалась такъ, что въ концѣ-концовъ оказалось, что на имѣніяхъ князя лежитъ ни больше, ни меньше, какъ 83 милліона злотыхъ долгу. А въ скучномъ Ляховецкомъ дворцѣ кн. Яблоновскаго, между тѣмъ, царствовала невыносимая натянутость и этикетъ, доходившій до высокаго комизма. Каждый шагъ былъ точно опредѣленъ и тонко разсчитанъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ не произошло какого-нибудь ущерба княжескому достоинству владѣльца. Пріемъ вассаловъ—такъ называлась зависимая шляхта—былъ точной копіей съ пріемовъ при настоящихъ дворахъ коронованныхъ особъ: князь сидѣлъ на тронѣ въ горностаевой мантіи, вассалы, являясь на торжественную аудіенцію, должны были три раза преклонить колѣно и и потомъ цѣловать руку; самымъ тяжелымъ наказаніемъ для вассала было недопущеніе къ панскому лицезрѣнію втеченіе такого-то времени. Соотвѣтственно была устроена и вся жизнь князя. Впрочемъ, надо сказать, что подобная утрировка магнатскаго положенія возбуждала уже въ современникахъ порицаніе и насмѣшки.

Такъ жили магнаты дома. Конечно, когда они появлялись въ Варшавѣ, они держали себя иначе: даже Щенсный-Потоцкій оставлялъ дома свою угрюмость и высокомѣріе и дѣлался доступнымъ и привѣтливымъ. Магнаты были прежде всего люди политики, а политика требуетъ приспособленія. Но путешествія ихъ, а особенно по своимъ владѣніямъ, были обставлены тѣмъ же церемоніаломъ и пышностью. Когда кн. Адамъ Чарторижскій дѣлалъ въ 1782—3 гг. осмотръ своихъ украинскихъ имѣній, онъ имѣлъ при себѣ дворъ изъ 200 человѣкъ, а обозъ его везло 400 лошадей и еще нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ походными шатрами. Вообще, подобный панъ

никуда не выѣзжалъ безъ вооруженной стражи и множества слугъ, безъ того, чтобъ за его тяжелой каретой еще не слѣдовала какая-нибудь брика съ кухней, погребомъ, съѣстными припасами, всѣми принадлежностями домашняго комфорта.

Такой образъ жизни обусловилъ собой огромные расходы. Расходы предполагали соотвѣтственные доходы. Доходы съ земельныхъ имуществъ, о размѣрахъ которыхъ было сказано выше, тоже не могли не быть огромными. Правда, Щенсный-Потоцкій получалъ съ 3 милліоновъ морговъ и 130,000 крестьянскихъ хозяйствъ всего-на-все два милліона злотыхъ годового дохода; но не здѣсь находился главный источникъ доходности его имѣнія, а въ торговлѣ водкой. Кромѣ того, каждое украинское панское хозяйство отправляло на сѣверъ, главнымъ образомъ въ Данцигъ, стада рогатаго скота и огромныя партіи разнаго хлѣба, особенно пшеницы. Доходы Любомірскихъ съ ихъ $2^1/_2$ милліоновъ морговъ были не такъ значительны. Но доходы Чарторижскихъ во всякомъ случаѣ равнялись, если не превышали, доходы Потоцкихъ, хотя количество крестьянскихъ хозяйствъ на ихъ земляхъ было нѣсколько меньше. За то въ ихъ имѣніяхъ господствовалъ образцовый порядокъ, и хозяйство шло, какъ машина. Главнымъ рычагомъ этой машины была строгая отчетность и точная хозяйственная статистика, для веденія которой былъ знающій, опытный и добросовѣстный люстраторъ. До сихъ поръ сохранилось до 60 фоліантовъ, заключающихъ подробныя люстраціи имѣній Чарторижскихъ втеченіе 30 лѣтъ. Въ нихъ мы находимъ описаніе хозяйственныхъ построекъ и инвентаря, перечисленіе дохода съ арендъ, млиновъ и ставовъ, затѣмъ реестры подданныхъ съ ихъ повинностями и въ заключеніе множество замѣтокъ экономическаго и историческаго характера. Имѣя всегда подъ рукой столь точный матеріалъ, хозяйственная администрація могла легко и свободно направлять движеніе хозяйственнаго механизма. Славился хозяйственностью и Щенсный-Потоцкій, но его заботы были направлены на другое: на разнаго рода хозяйственныя амеліораціи. Онъ заботился о сохраненіи лѣсовъ, о заведеніи садовъ, распространялъ въ краѣ фруктовыя деревья, выписалъ изъ Молдавіи милліоны тополей, забо-

тился также объ улучшеніи рогатаго скота, дѣлалъ опыты скрещиванія венгерской породы съ молдавской, выписывалъ дорогихъ мериносовъ, довелъ до высокой степени совершенства лошадей своихъ заводовъ. Такимъ образомъ, его дѣятельность отражалась на хозяйственной культурѣ края. Вообще, можно сказать, что украинскіе магнаты,—по крайней мѣрѣ, лучшіе ихъ представители,—понимали, что они не свободны отъ извѣстной нравственной отвѣтственности за всѣ тѣ огромныя прерогативы, которыми они пользовались, благодаря своему соціальному положенію. Надо замѣтить, что магнаты стояли, въ общемъ, значительно выше рядовой шляхты по своему образованію, къ которому прилагались большія заботы. Магнаты добровольно брали на себя починъ въ такихъ общественныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, какія обыкновенно лежатъ на государствѣ.

И то сказать, впрочемъ: вѣдь значительный процентъ въ массѣ ихъ земельной собственности составляли королевщины, староства, державства, т. е. государственныя имущества, въ которыхъ они были, по настоящему, лишь распорядителями, и только путемъ узурпаціи и принадлежащихъ имъ правъ выступали собственниками. Какъ бы то ни было, Щенсный-Потоцкій былъ не единственнымъ образцомъ магната, который думаетъ и заботится о вещахъ, полезныхъ и нужныхъ не только ему, но и окружающему обществу, краю. Типографіи на Украинѣ были лишь въ панскихъ имѣніяхъ; ученыя изслѣдованія дѣлались только магнатами, по ихъ почину и на ихъ средства: такъ, Дзѣдушицкій—частью подольскій, но главнымъ образомъ галицкій магнатъ—взялъ на себя, и не только расходами, но и личнымъ трудомъ и рискомъ, нелегкое дѣло изслѣдованія Днѣстра въ цѣляхъ пользованія имъ для навигаціи; на счетъ Ржевускихъ предпринято было изслѣдованіе флоры Подолья. Но не на это направлены были, главнымъ образомъ, средства и силы магнатовъ, а на политику. Политика заслоняла собой все. Можно-ли видѣть въ этомъ одно лишь стремленіе каждаго магната стать у того источника благъ, откуда изливались всѣ эти староства, державства, широкое пользованіе которыми такъ питало магнатское могущество? Надо полагать, что было частью

и такъ. Но при этомъ нельзя отрицать, что лучшіе представители магнатства безкорыстно полагали, что на нихъ лежитъ нравственная отвѣтственность за направленіе государственнаго корабля, и что потому они имѣютъ не только право, но и обязанность вести политику за собственный страхъ и рискъ. Сколько всяческихъ стараній прилагаемо было, чтобы усилить политическое значеніе своего рода путемъ установленія связей съ коронованными особами, съ другими сильными родами; какихъ жертвъ стоило это иногда; какія трагедіи разыгрывались на этой почвѣ за толстыми стѣнами магнатскихъ замковъ: самъ Щенсный-Потоцкій всю жизнь носилъ на себѣ отпечатокъ угрюмости и меланхоліи, вынесенный имъ изъ впечатлѣній молодости, отравленной трагической смертью его первой любимой жены, которая пала жертвой политическихъ разсчетовъ его отца, гордаго „королька Руси“.

По строю польскаго государственнаго механизма, политическія права принадлежали всему польскому народу, подразумѣвая, конечно, лишь народъ шляхетскій, шляхту. Роль магнатовъ заключалась въ томъ, чтобъ направлять слѣпую силу этой шляхты въ тѣхъ или иныхъ, своихъ, политическихъ видахъ.

Конечно, магнаты сдѣланы были изъ того же тѣста, что и остальная шляхта. Они были плоть отъ плоти и кость отъ кости всей массы шляхетскаго народа, насквозь пропитаннаго сознаніемъ своей чрезвычайной привиллегированности, возносящей ея голову чуть-что не на высоту коронованныхъ головъ, свободно, весело и открыто попирающей право, особенно здѣсь, на Украинѣ, легкомысленной и буйной, своевольной и заносчивой. Были, какъ это всегда водится въ каждомъ обществѣ, многочисленныя промежуточныя ступени, которыя вязали первѣйшаго изъ магнатовъ съ послѣдними представителями шляхетской бѣдноты, съ какимъ-нибудь ходачковымъ или загоновымъ шляхтичемъ, который развѣ только тѣмъ напоминалъ о своей привиллегированности, что неохотно брался за плугъ и предпочиталъ, бросивши свой клочекъ, пристроится куда-нибудь на службу, а то и просто промышлять чужимъ добромъ, по большимъ дорогамъ. Какіе-нибудь Чацкіе или Велегорскіе,

Гижицкіе, Ильинскіе, Мнишки могли не имѣть ни богатствъ, ни политическаго вѣса Потоцкихъ или Чарторижскихъ, но, тѣмъ не менѣе, могли не только равняться съ ними, но и превосходить роскошью своихъ баловъ и пріемовъ, изысканностью кухни, качествомъ художественныхъ произведеній, украшающихъ ихъ дворцы. Но и небогатая шляхта тянулась изъ послѣдняго, чтобъ обставить себя сообразно своему достоинству.

Вотъ, напр., передъ нами захудалый княжескій родъ князей Четвертинскихъ на Волыни. Обширное жилище надъ живописной Горынью все-таки напоминаетъ замокъ, и замкомъ зоветъ его окрестное населеніе: дворъ обнесенъ квадратной стѣной, по угламъ неуклюжіе приземистые бастіоны со стрѣльницами. Большую залу украшали турецкіе ковры, козацкіе бунчуки, какъ военные трофеи, шлемы и проч.; между окнами висѣли фамильные портреты, а колонны, поддерживающія тяжелые своды, обвѣшены были кругомъ небольшими венеціанскими зеркалами въ тяжелыхъ бронзовыхъ рамахъ. По стѣнамъ лавки, обтянутыя коврами, посреди дубовый столъ, вокругъ него тяжелыя кресла, украшенныя вырѣзанными гербами, на столѣ громадный пергаментовый свитокъ съ генеалогіей рода. Но последній грошъ изъ скудныхъ доходовъ тратился на содержаніе приличной по количеству службы, которая могла бы въ случаѣ нужды быть надворнымъ войскомъ: такимъ образомъ, человѣкъ тридцать толкалось по дому и двору. Во главѣ этой службы стояло нѣсколько человѣкъ резидентовъ съ военными титулами неизвѣстнаго происхожденія; правда, все это было одѣто въ потертое платье, выѣзжало въ полѣ на очень скромныхъ и скромно убранныхъ лошадяхъ, но за то было буйно и крикливо, вѣчно готово какъ ухватиться за саблю, такъ и выпить добрую чарку.

Къ той же „кармазиновой"—въ противоположность сѣрой, ходачковой, или загоновой—шляхтѣ принадлежала еще и масса „одновеськовыхъ" (весь—деревня), „двувеськовыхъ" владѣльцевъ, всюду въ изобиліи разсѣянныхъ по Украинѣ. Они не могли содержать „службы", а жены ихъ „фрауцимера"; они личнымъ трудомъ должны были участвовать въ веденіи своего маленькаго хозяйства; но они все-таки носили, вмѣстѣ съ сознаніемъ

своей шляхетской привиллегированности сознаніе своей личной независимости. Конечно, они должны были въ общественныхъ дѣлахъ примыкать къ тому или другому магнату, но это было дѣломъ ихъ свободнаго выбора. Магнатъ долженъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, заискивать передъ ними, склоняя ихъ на свою сторону, привлекать ихъ „czapką и papką, trunkiem i pocałunkiem“ (шапкой и хлѣбомъ, напиткомъ и поцѣлуемъ).

И такъ, вся эта шляхта разныхъ степеней богатства и знанія добровольно группировалась около того или другого магната, поддерживала его на сеймикахъ, сеймахъ и въ трибуналѣ, а за то получала его вліятельное содѣйствіе въ пріобрѣтеніи должностей, званій, знаковъ отличія. Но на ряду съ этой независимой шляхтой стоялъ огромный контингентъ шляхты зависимой, тѣсно связавшей свою судьбу узами подчиненія или денежныхъ интересовъ съ тѣмъ или другимъ магнатскимъ домомъ, такъ что для нея уже не было свободы выбора. Отношенія, связавшія эту шляхту съ магнатами, разнообразны.

Каждый магнатскій дворъ былъ полонъ шляхтой. Большая часть этой шляхты состояла просто на положеніи слугъ и получала жалованье: такой шляхтичъ ѣлъ за панскимъ столомъ, хоть и на нижнемъ концѣ, а за провинность могъ потерпѣть и тѣлесное наказаніе, правда, не на голомъ полу, а на диванѣ или коврѣ. Выше этихъ слугъ стояли „пріятели“ магнатскаго дома: это шляхтичи, не лишенные самостоятельнаго матеріальнаго обезпеченія, но предпочитавшіе проводить весело и привольно жизнь при дворѣ магната, которому они умѣли быть чѣмъ-нибудь полезными или пріятными. Постоянные „резиденты“ имѣли вблизи панскаго двора отведенные имъ самостоятельные дворики, гдѣ они могли проживать даже съ семьей. Затѣмъ панскій дворъ былъ окруженъ цѣлымъ роемъ оффиціалистовъ, т. е. шляхтичей, отправлявшихъ тѣ или другія обязанности въ громадныхъ магнатскихъ имѣніяхъ: губернаторы, подстаросты, лѣсничіе, ловчіе, люстраторы, скарбники и т. д. и т. д. Оффиціалисты дома Потоцкихъ или Чарторижскихъ составляли на Украинѣ силу, и много значительныхъ панскихъ домовъ выросло изъ ихъ среды. И, наконецъ, еще была одна группа

шляхты, зависящей вполнѣ отъ того или другого магнатскаго дома: это такъ называемые „державцы“, своего рода арендаторы. Шляхта съ разныхъ концевъ Рѣчи Посполитой въ цѣляхъ наживы являлась на Украину, чтобъ „ходить державцами“. Такой шляхтичъ продавалъ свою тощую, выпаханную родовую землю, пріѣзжалъ на Украину и помѣщалъ свой капиталецъ у магната, получая за то кусокъ земли. Не смотря на страшный ростъ колонизаціи, свободныхъ земель было все-таки много, такъ что магнаты даже сами разыскивали подобныхъ державцевъ. Щенсный-Потоцкій каждой своей поѣздкой въ Варшаву пользовался, чтобъ разыскать ихъ тамъ человѣкъ до десяти и больше. Иногда онъ не требовалъ даже и внесенія капитала, замѣняя это обезпеченіе рекомендаціей извѣстнаго ему лица. Кромѣ этихъ „заставныхъ державцевъ“, были еще и безплатные державцы, которые получали отъ магнатовъ землю, случалось, и заселенную, какъ выраженіе магнатскаго благоволенія за какую-нибудь услугу. Въ заключеніе укажемъ еще на способъ, какимъ независимые по положенію шляхтичи привязывали свои утлыя ладьи къ магнатскимъ кораблямъ. Если у шляхтича появлялся капиталъ, то онъ не зналъ другого способа дать ему вѣрное и доходное помѣщеніе, какъ внести „на провизію“ въ кассу того или другого магната. Такимъ образомъ, всѣ эти „интерессанты“, державцы—полноправные осѣдлые земяне—составляли главную политическую силу магната на сеймикахъ, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ пословъ на сеймъ или депутатовъ въ трибуналъ.

Но что же представлялъ собой этотъ шляхетскій народъ, оттѣснившій и подтоптавшій себѣ подъ ноги тотъ настоящій народъ, который дѣлалъ до сихъ поръ украинскую исторію?

Украинская шляхта первыхъ десятилѣтій 18-го в. была очень груба и невѣжественна, особенно на отдаленныхъ окраинахъ, брацлавскихъ, кіевскихъ и подольскихъ. Одичаніе было естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, о которыхъ была рѣчь выше. Даже мѣстное духовенство, этотъ всегдашній носитель просвѣщенія, раздѣляло съ паствой ея темноту: преоры, префекты школъ, пробощи, уніатскіе попы, монахини, на обязан-

ности которыхъ лежало образованіе шляхетскихъ дочерей,—все это едва умѣло подписать свое имя. Одни іезуиты составляли въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Съ теченіемъ времени положеніе стало мѣняться. Съ ростомъ колонизаціи и упорядоченіемъ отношеній на Украинѣ появились магнаты, и магнатскіе дворы сдѣлались источниками просвѣщенія для окружающей шляхты. Положимъ, просвѣщеніе это не захватывало глубоко: оно касалось больше смягченія формъ жизни, лоска и утонченности въ обстановкѣ и взаимныхъ отношеніяхъ. Дѣло шляхетскаго образованія пошло успѣшнѣе, когда за него взялись піаре и базиліане, которые вытѣснили изъ Украины іезуитовъ. Параллельно замѣчается идущее crescendo развитіе французскаго вліянія. Къ концу столѣтія вліяніе это проникло до самыхъ отдаленныхъ окраинъ, изгоняя изъ шляхетской среды національный обычай. Распространилась игра на цитрѣ, арфѣ или гитарѣ, танцы, мода начала забирать свою неограниченную власть надъ внѣшними формами жизни. Румяна и бѣлила, духи и пудра вошли въ общее употребленіе въ самыхъ отдаленныхъ шляхетскихъ деревушкахъ. Мѣсто четокъ и молитвенника замѣнили сочиненія г-жи Жанлисъ. Литература, печатная и писанная, въ видѣ стиховъ разнообразнаго содержанія, сатиръ, газетъ, заграничныхъ и варшавскихъ, начала входить въ обыденный обиходъ у самой захолустной шляхты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли, конечно, полный доступъ въ шляхетскую среду и французскія идеи, служившія ферментомъ для жизни и мысли всей Европы. Но имѣя полный доступъ, онѣ, эти идеи, не имѣли тѣмъ не менѣе никакого вліянія. Ни liberté, ни egalité не были для шляхтича какими-нибудь новыми понятіями: онъ самъ постоянно кричалъ на сеймикахъ въ защиту „золотой вольности“ шляхетскаго народа, и послѣдній шляхтичъ на огородѣ зналъ, по пословицѣ, что онъ равенъ воеводѣ. Но не смотря на это, а, можетъ-быть, именно поэтому, истинный гуманный смыслъ французскихъ идей былъ совершенно чуждъ украинскому шляхтичу. Мало того: тѣ гражданскія чувства, въ которыхъ мы не можемъ отказать шляхтѣ стараго времени, какъ-бы вымираютъ въ шляхтѣ 18-го в.. Въ политическихъ

вопросахъ украинскіе шляхтичи слѣпо слѣдуютъ указаніямъ магнатовъ, которые группируютъ ихъ около себя приманками разныхъ выгодъ. Такой шляхтичъ, въ интересахъ того или другого лица, свободно беретъ на себя презрѣнную роль тормаза общественной жизни, „срывача" сеймиковъ; выбранный въ послы, готовъ онъ нести на сеймѣ, въ угоду своему магнату, безконечно длинныя, безмѣрно скучныя рѣчи; безъ всякой критики, безъ всякаго обращенія къ своей совѣсти и своему личному убѣжденію, поворачиваетъ онъ за всѣми поворотами магнатскаго корабля. Однако корыстный разсчетъ могъ побудить шляхтича и отцѣпиться отъ своего магната: извѣстно, какъ много украинской шляхты всѣхъ партій перешло на сторону политическихъ русскихъ симпатій, руководствуясь стремленіемъ получить свою долю въ выгодахъ отъ подрядовъ по поставкѣ провіанта и фуража для русскихъ войскъ. На такой нездоровой почвѣ ложно направленной общественной жизни развилось въ средѣ украинской шляхты мелочное честолюбіе, стремленіе къ титуламъ, званіямъ, знакамъ отличія. Стемпковскій, пользуясь исключительной благосклонностью короля Понятовскаго, держалъ при помощи этой приманки въ своихъ рукахъ всю шляхту кіевскаго воеводства. Онъ не способенъ былъ указывать другимъ дорогъ чести и патріотизма, такъ какъ самъ не зналъ ихъ, но шляхта тѣмъ не менѣе готова была идти за нимъ куда угодно: за то же около Стемпковскаго не было шляхтича, хотя бы изъ одновеськовыхъ, который бы не былъ украшенъ какой-нибудь ленточкой.

Чувство привиллегированности выродилось въ шляхетской массѣ въ чудовищный сословный эгоизмъ. Отечество есть каста гербовныхъ, осыпанная съ головы до ногъ привиллегіями; свѣтъ созданъ на то, чтобъ доставлять шляхтичу возможно больше всякихъ удобствъ, которыми онъ имѣетъ право пользоваться, не давая себѣ труда двинуть пальцемъ; никто не въ правѣ требовать у него ни малѣйшей жертвы, хотя бы отъ этого зависѣло спасеніе отечества: таковъ былъ общепринятый кодексъ шляхетскихъ понятій. Шляхтѣ принадлежитъ только легкая, веселая и выгодная сторона жизни. Однако, можетъ-ли пра-

вильно двигаться общественная жизнь, если руководящія его единицы кладутъ въ основаніе своихъ дѣйствій подобные принципы? Очевидно, нѣтъ; это было слишкомъ ясно. Но здѣсь на выручку явилась оригинальная формула: Polska stoi nierządem (т. е. Польша держится безпорядкомъ), слѣд.—поведеніе, неумѣстное и пагубное въ иныхъ мѣстахъ, въ шляхетской Польшѣ какъ разъ правильно и спасительно. Жизнь разбила эту иллюзію, выросшую на почвѣ грубаго сословнаго эгоизма.

А. Ефименко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ г. Кобелякахъ полтавской губ. и надъ рѣкой Высью на границѣ кіевской и херсонской губ.

(въ связи съ нѣкоторыми данными о колонизаціи полтавщины).

Лѣтомъ въ 1890 г. въ г. Кобелякахъ, на Юрьевкѣ, мнѣ пришлось произвести небольшую раскопку съ цѣлью прослѣдить положеніе и направленіе заложенныхъ въ грунтѣ „глиняныхъ трубъ", о существованіи которыхъ въ этой мѣстности узналъ я отъ мѣстныхъ жителей. Послѣ недолгихъ неудачныхъ попытокъ опредѣлить мѣстонахожденіе этихъ трубъ, на слѣдъ ихъ пришлось попасть въ огородѣ козака Мелентія Ткаченка. Трубы изъ красной глины, довольно слабаго обжога, представлявшія собою небольшіе, однообразные по конструкціи, рукава вершковъ въ 6 длиною и отъ $1^1/_4$ до 2 вершковъ шириною въ узкой части рукавовъ; въ болѣе же широкой ихъ части ширина достигала $2^1/_2$—$3^1/_2$ вершковъ (приблизительно). Толщина стѣнокъ рукавовъ около $^1/_2$ дюйма.

Трубы заложены были въ грунтѣ на глубинѣ $^3/_4$ аршина отъ поверхности. Рукава трубы узкими своими сторонами были вставлены въ болѣе широкія отверстія, при чемъ черезъ 5—6 рукавовъ направленіе узкихъ и широкихъ отверстій обратно измѣнялось. Обнаруженная водопроводная труба шла по направленію отъ запада къ востоку, отъ небольшой рѣчки Кобелячка по направленію къ сравнительно возвышенной площади, занятой въ настоящее время выгономъ и застроенной вѣтряками, почти въ центрѣ современной городской черты. Направленіе водопро-

водной трубы можно опредѣлять и обратно, смотря потому, для водопровода ли, въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, или для дренажа заложена была въ грунтѣ водопроводная труба.

Мѣстность, гдѣ найдены отмѣченные слѣды водопроводной трубы, представляетъ низменную, съ самымъ незначительнымъ склономъ, долину рѣчки Кобелячка. Мѣсто нашей находки (огородъ козака Мелентія Ткаченка) по прямой улицѣ отъ отмѣченнаго выше выгона съ вѣтряками прямо на западъ къ рѣчкѣ Кобелячку лежитъ приблизительно на $^1/_3$ разстоянія къ этому послѣднему, что составляетъ до 300 погонныхъ саженей. Мнѣ, въ сотрудничествѣ мѣстнаго псаломщика С. Л. Сысоева, удалось найти только часть водопроводной трубы, занимавшей около 2 саженъ въ длину и состоявшей изъ двухъ съ лишнимъ десятковъ рукавовъ различной толщины. Довольно продолжительныя попытки наши найти продолженіе этой трубы какъ по направленію къ возвышенному выгону, такъ и по направленію къ рѣчкѣ были безуспѣшны. Но необходимо замѣтить, что, по свѣдѣніямъ мѣстныхъ жителей, части, повидимому, этой же водопроводной трубы найдены были однимъ изъ учителей мѣстной прогимназіи до 1890 года и еще какими-то пріѣзжими любителями мѣстной старины послѣ этого времени. Было-бы весьма желательно, чтобы и объ этихъ находкахъ появилось въ печати извѣщеніе съ фактическими подробностями.

Одинъ изъ рукавовъ водопроводной трубы, найденныхъ въ одной изъ этихъ послѣднихъ находокъ, доставленъ между прочимъ въ полтавскій земскій естественно-историческій музей. Свыше десятка рукавовъ водопроводной трубы изъ нашей экскурсіи хранится пока у С. Л. Сысоева [1]).

Переходя къ выясненію вопросовъ о томъ, къ какому времени и къ какому сооруженію слѣдуетъ отнести несомнѣнно существовавшую въ отмѣченной нами мѣстности водопроводную трубу, необходимо замѣтить, что для рѣшенія этихъ вопросовъ нѣтъ точныхъ данныхъ. Допуская болѣе или менѣе вѣро-

---

[1]) Если этотъ остатокъ старины возбудитъ у какого либо изслѣдователя особый интересъ, то мы съ полною готовностью передадимъ ему нашу находку.

ятныя предположенія въ данномъ случаѣ, мы обращаемъ вниманіе прежде всего на ту характерную черту, что въ памяти мѣстныхъ старожиловъ, ни на Юрьевкѣ, ни вообще въ городѣ Кобелякахъ, ни въ окрестности не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ воспоминаній о какомъ-либо сооруженіи или о какихъ-нибудь приспособленіяхъ, къ которымъ можно бы было пріурочить водопроводную трубу. Обстоятельство это побуждаетъ насъ отодвинуть возможность какого-либо сооруженія въ этой мѣстности по крайней мѣрѣ на 150—200 лѣтъ отъ нашего времени. Если мы обратимся къ тому времени, то передъ нами будетъ послѣдняя пора гетманщины въ лѣвобережной Украинѣ. Существовавшая въ то время система хозяйства и вообще бытовая культура на Украинѣ, въ одной изъ наименѣе культурныхъ мѣстностей вслѣдствіе близости къ татарской границѣ, не допускаютъ возможности существованія ни усовершенствованнаго дренажа въ цѣляхъ осушенія мѣстности, ни тѣмъ болѣе водопровода въ цѣляхъ снабженія рѣчной водой поселеній на прирѣчной возвышенности. Хозяйство на Украинѣ лѣтъ 150—200 назадъ, какъ свидѣтельствуетъ относящійся къ этому времени дневникъ генеральнаго подскарбія Марковича, велось самое примитивное, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ сравнительнаго избытка земель, представлявшихъ въ то время весьма незначительную цѣнность, почему и интенсивная культура, обычно сопровождающая густое населеніе въ предѣлахъ тѣсной территоріи, не могло имѣть мѣста въ то время, и допускать въ данномъ случаѣ примѣненіе дренажа, излишняго при многоземельи, было бы неосновательно. Еще менѣе основательнымъ явилось бы предположеніе о существованіи на мѣстѣ Кобелякъ за время гетманщины поселенія, пользующагося искусственнымъ и сравнительно дорого стоющимъ водопроводнымъ сооруженіемъ.

Многочисленныя документальныя данныя приведенныя въ „Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“ Д. И. Багалѣя, а также во 2 томѣ „Исторіи Запорожскихъ козаковъ“ Д. И. Эварницкаго, свидѣтельствуютъ, что во второй половинѣ 17 столѣтія мѣстность по Ворсклѣ въ предѣлахъ нынѣшняго Кобелякскаго уѣзда пред-

ставляла такую окраину, гдѣ только начиналъ возникать культурный бытъ, при чемъ устраивавшіеся въ ту пору укрѣпленные города носятъ опредѣленные признаки несложныхъ земляныхъ укрѣпленій и созидаются обычно на мѣстахъ, не представляющихъ затрудненій по водоснабженію. Относящаяся еще къ болѣе раннему времени (ко второй четв. 17 столѣтія) обстоятельная карта поселеній на Украинѣ, составленная Бопланомъ, также даетъ прямыя указанія на почти пустынный характеръ мѣстностей по Ворсклѣ, ниже г. Полтавы и до впаденія этой рѣчки въ Днѣпръ. На всемъ этомъ протяженіи ниже Полтавы мы находимъ только Терешки, Старки и Новые Сенжары, представлявшія тогда незначительныя поселенія (на картѣ знакъ рація—деревня), Бѣликовъ бродъ и городъ Кобилакъ. (Kobilak). Укрѣпленіе этого города отмѣчено на Боплановской картѣ такимъ же знакомъ, какимъ отмѣчены и укрѣпленія Полтавы, Гадяча, Миргорода, Лохвицы и другихъ нынѣшнихъ уѣздныхъ городовъ полтавской губерніи, за исключеніемъ Зѣнькова и Пирятина, которыхъ, судя по картѣ Боплана, еще не существовало въ то время, даже въ видѣ незначительныхъ поселеній. Допускать сооруженіе въ эту пору водопровода на мѣстѣ нынѣшняго города Кобелякъ не представляется основательнымъ уже по одному тому, что какъ въ чертѣ этого города, даже въ самыхъ высокихъ его пунктахъ, такъ и вообще во всей этой мѣстности не представляется никакихъ затрудненій пользоваться водою изъ колодцевъ. Въ такое близкое къ намъ, въ геологическомъ отношеніи, время въ этой мѣстности уровень почвенной воды былъ, разумѣется, такой же, какъ и въ настоящее время, и колонизующіе въ ту пору приворсклянскую мѣстность южнорусскіе козаки могли вполнѣ удовлетвориться водою изъ колодцевъ. О какой либо интенсивной культурѣ за время Боплана на мѣстѣ Кобелякъ также не можетъ быть рѣчи въ виду того, что, какъ видно на названной картѣ, вся мѣстность между рѣчками Ворсклою и Псломъ представляла „чистое поле“, при чемъ весьма характерно то обстоятельство, что на лѣвомъ берегу этой рѣки не было ни одного поселенія на протяженіи всего теченія ея въ границахъ нынѣшней полтавской губерніи,

тогда какъ правый берегъ осаженъ былъ сравнительно частыми поселеніями, начиная отъ литовскаго рубежа, близь Гадяча, и до впаденія въ Пселъ рѣки Голтвы, при устьи которой на мѣстѣ нынѣшняго мѣстечка Голтвы былъ старый укрѣпленный городъ этого же имени. Таковъ былъ характеръ занимающей насъ мѣстности въ 2-ой четверти XVII вѣка.

Акты о заселеніи Юго-Западной Россіи [1]), заключающіе между прочимъ въ нѣкоторомъ родѣ статистическія описанія приднѣпровскихъ замковъ, съ опредѣленными указаніями относительно большей половины территоріи нынѣшней полтавской губерніи, представляютъ весьма убѣдительныя доказательства того, что въ началѣ второй половины XVI вѣка очень значительная часть Полтавщины только начинала заселяться. Акты эти указываютъ, что Полтавщина въ ту пору не только не имѣла самостоятельныхъ культурныхъ центровъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи непосредственно тяготѣла къ днѣпровскимъ укрѣпленнымъ городамъ: къ Кіеву, Каневу и къ Черкассамъ. Мѣщане и козаки этихъ „замковъ" пользовались уходами по р. Трубежу (Кіевск. замокъ), по нижнему и среднему теченію р. Сулы, по Оржицѣ, Удаѣ, Сулицѣ, по Хоролу, по нижнему и среднему теченію Псла (уходы Каневскаго замка); къ Черкасскому замку на территоріи нынѣшней полтавской губ. тянули „Бѣлобережье" при Днѣпрѣ (гдѣ-то между устьями Супоя и Сулы), „станъ" при устьи Сулы, „станъ" при горѣ „Пива близъ Градижска" и уходы по Ворсклѣ и Орели; весьма интересно, что остальные уходы Черкасскаго замка лежали внизъ по Днѣпру, на значительномъ разстояніи отъ предѣловъ нынѣшней полтавской губ. по Самарѣ, Протовчѣ, обоихъ Ингулахъ на Днѣпровскихъ порогахъ, по р. Базавлуку, по р. Томаковкѣ, даже—до Тавани. На этихъ уходахъ ухожаи ловили рыбу, бобровъ, устраивали ловы на звѣрей, добывали медъ (борты и свепеты); хлѣбопашествомъ занимались только въ „селахъ" (на поляхъ) близъ замковъ. Весьма характерно, что въ значительную часть этихъ уходовъ для промысловъ приходили

---

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I, стр. 77—122.

не только жители названныхъ замковъ, но и Чернобыльцы, Мозырцы, Петриковцы, Быховцы, Могилевцы и иные чужегородцы, уплачивая въ пользу старосты частью деньгами и различнымъ товаромъ, частью натурою изъ предметовъ добычи.

Въ названныхъ актахъ отмѣчены какъ отдѣльные уходы, между прочимъ земля „Лубъни" по Сулѣ, земля Пирятинская на „Удои". О такихъ „земляхъ" въ актахъ говорится, что по нимъ *ходятъ:* или такой-то отчитъ, или половиники—козаки; или говорится безлично „ходятъ на замокъ". Очевидно, что мы видимъ территорію, только начинавшую заселяться, послѣ того какъ новгородъ-сѣверское, переяславское княжества прекратили свое существованіе.

Существенно важное значеніе имѣетъ указаніе актовъ на то, что въ то время, какъ различные отчичи, мѣщане, драбы и чужегородцы приходили въ эти уходы только временно, козаки, по записи люстратора со словъ опрашиваемыхъ имъ современниковъ, начинали „уставичне (т. е. постоянно) тамъ жить на мясе, на рыбе, на меду зъ пасекъ, зъ свенетовъ... сытятъ тамъ собе медъ, яко дома". Въ этомъ свидѣтельствѣ, какъ намъ кажется, заключается ключъ къ выясненію дальнѣйшей колонизаціи полтавщины. Не менѣе важною въ этомъ же смыслѣ является запись, приводимая въ актахъ „о початку (началѣ) Черкассъ и Канева" [1]). Въ этой записи, передающей намъ, вѣроятно, частію мѣстное преданіе, частію историческія свѣдѣнія люстратора о времени сравнительно къ нему близкомъ, говорится, что уходы по рѣкамъ (изъ которыхъ названы выше только главнѣйшіе, тянувшіе къ Каневу) доступны были каневцамъ съ самаго начала существованія Черкассъ и Канева въ силу того, что каневцы всѣ тѣ рѣки также и другія рѣчки „Севирскія" считали прежней своей отчизной, и все время съ основанія Канева ходили туда для промысловъ въ качествѣ ухожаевъ. Передвинуты были каневцы изъ своей отчизны великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ (котораго люстраторъ по ошибкѣ или обмолвкѣ называлъ Гедиминомъ) послѣ его завоевательныхъ походовъ противъ

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I, стр. 103.

крымскихъ татаръ и кавказскихъ горцевъ. Набравъ плѣнниковъ на Кавказѣ, Витовтъ поселилъ часть ихъ надъ Днѣпромъ въ основанномъ тогда же городѣ Черкассахъ, а другую часть осадилъ по р. Слѣпороду, въ предѣлахъ нынѣшнихъ пирятинскаго и лубенскаго уѣздовъ; коренные же жители этой мѣстности, „слѣпорожане“ поселены были Витовтомъ въ Каневѣ. Вотъ откуда возникло право каневцевъ на уходы. Запись люстратора въ той части, которая касается основанія города Черкассъ, подтверждается данными и изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ [1]). Что касается части о переселеніи слѣпорожанъ въ Каневъ, то и эта подробность вполнѣ вѣроятна при отмѣченныхъ нами выше соображеніяхъ объ источникахъ этой записи. Подробность эта подтверждается, по нашему мнѣнію, также другимъ довольно вѣскимъ источникомъ, а именно—картой распространенія говоровъ малорусскаго языка П. Чубинскаго. На этой картѣ отмѣченный выше Путивльскій рубежъ, проходящій подъ Княжей горой по р. Сулицѣ, поразительно совпадаетъ съ границей по одну ея сторону каневско-полтавскаго говора, по другую—говора сѣверско-полѣшскаго. Совпаденіе врядъ-ли случайное. Во всякомъ случаѣ приведенныя данныя о заселеніи Черкассъ и Канева проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на начало колонизаціи нынѣшней Полтавщины въ періодъ Литовской Руси [2]). Въ этотъ періодъ, весьма вѣроятно, мѣстность при впаденіи Кобелячка въ Ворсклу лежала пустою, точно такъ же, какъ пустовали различныя земли по Сулѣ, Удаѣ Хоролу и Пслу.

Углубляясь постепенно въ болѣе давнія времена, не представляется основанія допускать сооруженія водопроводной трубы на мѣстѣ Кобелякъ въ теченіе всего періода со времени татарскаго нашествія. Весь XII и конецъ XV вѣка наполнены чрезвычайно частыми и разрушительными набѣгами какъ на Литовскую, такъ и на Московскую Русь, а до этого времени, съ самаго начала татарскаго нашествія, занимающая насъ мѣст-

---

[1]) Антоновичъ В. Б., Исторія Руси до Монголовъ.

[2]) П. Чубинскій. III ч., VII т. Малоруссы Юго-Западнаго края.

ность находилась подъ безраздѣльнымъ владычествомъ татаръ. Трудно допустить, чтобы въ эту пору могъ существовать затерявшійся въ степи при впаденіи р. Кобелячка въ Ворсклу какой-то безвѣстный городъ съ водопроводнымъ сооруженіемъ.

Уходя еще въ болѣе далекое прошлое, въ при-Днѣпровскихъ степяхъ мы видимъ кочевниковъ тюркскаго корня: половцевъ, торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ, обитавшихъ здѣсь частью послѣдовательно, начиная съ печенѣговъ, частью въ неясной для насъ путаницѣ, со времени выступленія древней кіевской Руси на историческую сцену. И эти кочевыя племена, не строившія городовъ, какъ доказано въ трудѣ г. Голубовскаго „О южнорусскихъ степяхъ", не могли оставить послѣ себя слѣда въ видѣ водопроводной трубы на мѣстѣ Кобелякъ.

Далѣе двигаться въ глубь исторіи занимающей насъ мѣстности мы не компетентны. Кобелякская водопроводная труба, имѣющая, повидимому, значеніе весьма серьезнаго вещественнаго памятника исторіи для данной мѣстности, принадлежитъ культурѣ народа жившаго здѣсь, правдоподобно, до эпохи великаго переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу,—быть можетъ, того самаго народа, который строилъ водопроводныя сооруженія въ Крыму и на Кавказѣ, гдѣ они сохранились, какъ свидѣтель глубоко интереснаго прошлаго, до нашего времени.

Остановиться на высказанномъ предположеніи побуждаютъ насъ также данныя, относящіяся къ другому слѣду, повидимому, точно также водопроводной трубы, на границѣ кіевской и херсонской губерніи, при впаденіи рѣки Липянки въ р. Высь, на правомъ берегу этой послѣдней, близъ д. Арсеньевки. Данныя, относящіяся къ этому слѣду, къ сожалѣнію очень скудны. Узнавъ по слухамъ о существованіи вещественныхъ признаковъ какой-то загадочной трубы въ земляномъ грунтѣ на берегу р. Выси, я посѣтилъ эту мѣстность лѣтъ 8 назадъ. Данная мѣстность, верстахъ въ 2 отъ д. Арсеньевки, представляетъ слѣдующія особенности. Противъ низкаго лѣваго берега р. Выси (Елисаветградская сторона) возвышается на 2 — 3 сажени правый холмистый ея берегъ, круто спускающійся къ рѣкѣ на разстояніи 10—15 саженей отъ современнаго ея русла, дости-

гающаго, впрочемъ, и въ наше время до подъема праваго берега при значительныхъ весеннихъ разливахъ. Высокій берегъ незначительной въ настоящее время рѣчки Выси представляетъ въ этомъ мѣстѣ небольшой выступъ. Въ этомъ-то выступѣ, аршина на 2 ниже поверхности праваго берега, слегка поднимающагося въ глубину звенигородскаго у. (кіевской губ.) и заложена водопроводная труба. Въ экскурсіи, предпринятой не съ археологической цѣлью, мнѣ не удалось здѣсь произвести раскопку, а пришлось ограничиться наблюденіемъ цѣлой кучи свѣже-разбитыхъ черепковъ, отъ смыканія которыхъ, дѣйствительно, получались рукава трубы шириною около 3—3½ вершковъ въ діаметрѣ (опредѣлить длину рукавовъ по смыканію черепковъ намъ не удалось). Матеріаломъ для выдѣлки этой трубы послужила мѣстная красная глина съ значительной примѣсью желѣзной руды, вслѣдствіе чего стѣнки рукавовъ трубы при сильномъ обжогѣ получили темноватый цвѣтъ съ свинцовымъ отливомъ, при чемъ на значительную примѣсь въ глинѣ желѣзной руды указываютъ довольно частыя блестки, наблюдаемыя при разламываніи черепковъ. Мой спутникъ по экскурсіи въ эту мѣстность, свящ. села Копанокъ елисаветградскаго у., объяснилъ, что масса битыхъ черепковъ при разрытомъ въ небольшую пещеру отверстіи, указывавшемъ на мѣсто нахожденія трубы, образовалась въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ однимъ пастухомъ случайно открытъ былъ крайній рукавъ трубы; по разсказамъ пастуха въ сосѣднихъ поселкахъ разнеслась молва, что въ этомъ мѣстѣ открытъ ходъ въ какой-то загадочный погребъ, вслѣдствіе чего найболѣе любопытные и предпріимчивые крестьяне изъ сосѣднихъ деревень приходили сюда, ломали головы по поводу незначительности отверстія и изумлялись, находя, что отверстіе это сплошь заложено диковинными для нихъ рукавами глиняной трубы. Однимъ изъ первыхъ посѣтителей этого мѣста былъ и сопровождавшій меня священникъ с. Копанокъ, встрѣча съ которымъ и привела меня сюда. Теперь я узналъ отъ моего спутника, что крестьяне, расковыривая заступами мѣсто выхода трубы въ сторону рѣки и доставая ненужные и неинтересные для нихъ рукава ея,

обыкновенно здѣсь же и разбивали ихъ, пробуя крѣпость матеріала, изъ котораго сдѣланы трубы. Этимъ и ограничиваются фактическія данныя, относящіяся непосредственно къ водопроводной трубѣ при впаденіи рѣчки Липянки въ р. Высь. Мѣстность по небольшой рѣчкѣ Выси, впадающей въ Синюху (историческая рѣка Синія-воды), представляетъ слегка холмистую поверхность какъ по правую, такъ и по лѣвую сторону этой рѣчки. Характерна рѣчка Высь многочисленными притоками, вливающимися въ нее какъ съ кіевской, такъ и особенно съ херсонской стороны [1]). Окрестности р. Выси отличаются живописнымъ характеромъ, о чемъ между прочимъ свидѣтельствуютъ и такія названія примыкающихъ къ мѣсту закладки водопроводной трубы мѣстностей, какъ Краснополье, Красногорка. На ряду съ этими явно славянскими названіями встрѣчаются въ окрестности и названія, свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь чуждыхъ славянамъ народовъ. Таковы названія: Калигорка (рѣчка и поселеніе) Кильтень (рѣчка и поселеніе) Тикичъ (рѣка), Ятрань (рѣка, воспѣтая въ южнорусскомъ пѣсенномъ творчествѣ за свои живописные берега); верстахъ въ 50 по прямому направленію отъ занимающаго насъ мѣста находится и знаменательный для изслѣдователя историческаго прошлаго Южной Руси г. Ольвіополь (Орликъ—тожъ), при впаденіи Синюхи въ Бугъ.

Отмѣченныя топографическія данныя приведены здѣсь не для того, чтобы изъ нихъ сдѣлать какой-либо выводъ по занимающему насъ вопросу, а для того, чтобы отчетливѣе охарактеризовать мѣстность, для которой въ смыслѣ выясненія ея прошлаго есть достаточно прямыхъ и косвенныхъ указаній какъ въ различныхъ изданіяхъ историческихъ актовъ, такъ и въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, относящихся къ южной Россіи. Отмѣченные источники представляютъ эту мѣстность почти совершенно пустынною, по крайней мѣрѣ съ XV вѣка. За Синюхой и Высью, служившими границей Запорожскихъ владѣній въ

---

[1]) Названія этихъ незначительныхъ рѣчекъ не обозначены на картѣ, которою мы пользуемся; эти названія извѣстны б. ч. только мѣстнымъ жителямъ.

сторону степи, начиналось „Дикое поле", гдѣ пролетали лишь время отъ времени татарскіе чамбулы, направлявшіеся для добычи въ правобережную Украину и возвращавшіеся оттуда съ ясыремъ по боковымъ сакмамъ Чернаго шляха; или проносились запорожскіе сторожевые отряды, оберегавшіе границы Запорожскаго войска отъ хищныхъ сосѣдей.

Невозможно и надъ Высью представить существованія какого-либо поселенія, какъ за время татарскаго владычества въ черноморскихъ степяхъ, такъ равно и за время обитанія здѣсь названныхъ выше кочевыхъ тюркскихъ племенъ. Время сооруженія водопроводной трубы надъ р. Высью еще съ большимъ основаніемъ, чѣмъ при впаденіи Кобелячка въ Ворсклу, приходится отодвинуть до эпохи, предшествующей великому переселенію народовъ.

Мы останавливаемся передъ исторической гипотезой о распространеніи племени греческой культуры не только по Нижнему Днѣпру, изумляющему изслѣдователя дивными остатками старины, но въ области средняго Днѣпра до Кіева. Отвергать эту гипотезу мы не имѣемъ данныхъ, но и въ подтвержденіе ея къ извѣстнымъ въ исторической литературѣ соображеніямъ по данному вопросу съ своей стороны почти ничего не можемъ прибавить.

Нелишеннымъ извѣстнаго значенія, быть можетъ, окажется въ свое время фактъ находки хранящейся у меня маленькой урны очень тонкой, изящной, по всѣмъ признакамъ греческой работы. Урна найдена въ чертѣ крестьянскаго надѣла с. Мироновки александрійскаго уѣзда, херсонской губ. въ курганѣ, раскопанномъ крестьянами въ надеждѣ на отысканіе чего-либо цѣннаго. Въ курганѣ, кромѣ названной урны, найдены крестьянами также каменныя и стекляныя бусы и серьги изъ зубовъ какого-то животнаго. Бусы и серьги въ настоящее время хранятся въ археологической коллекціи елисаветградскаго реальнаго училища [1]):

---

[1]) Сообщенныя подробности раскопки нѣсколькихъ кургановъ Мироновскими крестьянами изложены въ работѣ В. Н. Ястребова о раскопкахъ въ херсонской губ. въ XIII т. „Древностей".

Не лишены фактическаго значенія по затронутому вопросу также находки на Днѣпровскомъ о—вѣ Каменоватомъ противъ м. Лоцманской Каменки, близъ Екатеринослава [1]). Лѣтомъ 1884 г. на этомъ о—вѣ, на половину разрушенномъ Днѣпромъ на памяти мѣстныхъ старожиловъ, найденъ мною въ ряду другихъ предметовъ далекой старины остатокъ маленькаго сосуда матоваго стекла, искусной работы, и оловянныя пломбы съ оттиснутыми на нихъ довольно отчетливыми иниціалами. Нижняя часть маленькаго сосуда признана В. Б. Антоновичемъ за остатокъ слезницы греческаго типа, а пломбы, по опредѣленію этого же почтеннаго историка и археолога, носятъ слѣды также греческой культуры временъ Имперіи. Тотъ и другой предметы вмѣстѣ съ другими моими находками на Каменоватомъ о—вѣ хранятся также въ коллекціи при Реальномъ училищѣ въ Елисаветградѣ.

Левъ Падалка.

---

[1]) Островъ Каменоватый при Бопланѣ носилъ названіе Князева о—ва, съ каковымъ названіемъ вошелъ онъ и въ „Описаніе Украины".

1 отд.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Весьма часто мнѣ припоминаются рекреаціи тогдашняго времени. Ученики собираются 1-го мая въ классъ, потомъ, посовѣтовавшись и переговоривши, выходятъ и становятся въ шеренги въ нѣсколько рядовъ возлѣ окошекъ инспекторскаго дома и вдругъ вскрикиваютъ всѣ въ одинъ тактъ. На крыльцо съ веселымъ видомъ выходитъ инспекторъ, привѣтствуетъ съ первымъ мая и отпускаетъ погулять на весь день, по заведенному тогда порядку, въ Еловщину, приказываетъ не шумѣть, не драться и не ссориться, говоря, что и онъ самъ туда прибудетъ съ учителями.

Семинаристы же отправляются въ Елецкій монастырь къ ректору, гдѣ также получаютъ отпускъ.

Богословы дѣлаютъ складчину, заблаговременно закупаютъ вино и закуски, которыя хранилъ въ моемъ большомъ сундукѣ нашъ учитель Гордіевскій, бывшій распорядителемъ и казначеемъ. Вслѣдствіе этого все приготовленное и хранилось въ его квартирѣ. Въ моемъ сундукѣ хранились также и деньги мѣдныя, какъ расхожія, такъ и харчевыя. Ключъ иногда находился у меня, но я большею частію отдавалъ его учителю, боясь, чтобы его у меня не стащили и не поворовали хранящагося тамъ.

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 2.

По прибытіи на квартиру снѣдали блины или хлѣбъ съ саломъ и, не дожидаясь обѣда, отправлялись въ Еловщину, запасшись провизіей для полудня. Обыкновенно накупалось побольше говядины, которая наскоро зажаривалась и забиралась, и больше всего хлѣба и сала. Учитель нашъ Гордіевскій съ нѣсколькими товарищами нагруживалъ нанятую повозку заготовленной провизіей: боченками съ виномъ, квартъ по пять, штофами съ пуншевкой, а также закусками: икрой, балыкомъ, копчеными колбасами, селедками и пр. Въ повозку же укладывали нѣсколько самоваровъ и сундукъ, еще раньше нагруженный посудой чайной и для закуски.—Изъ богослововъ здѣсь присутствовало два товарища-дружка Зосимовичъ и Прозоровъ, очень часто посѣщавшіе и безъ того квартиру нашу. (Бесѣда всегда оканчивалась нѣсколькими крючками водки и закуской изъ сала или, если случались колбасы, то тутъ же въ грубкѣ зажаривались съ яйцами, въ которыхъ, особенно весною, недостатка не было). Другая партія богослововъ также припасала все нужное, отвозила столъ и стулья. Дня за два или за три избиралось мѣсто, очищалось, дѣлались искусственныя земляныя канапе, кресла. Мѣсто это обсаживалось кругомъ молодыми сосночками, вырубленными по дозволенію владѣтеля Глѣбова и по указанію лѣсничаго. Симъ занимались избранные риторики и философы и прикомандированные изъ третьяго класса синтаксимы. 1-го мая часамъ къ 12-ти почти все было готово: въ избранномъ мѣстѣ поставлены столъ и стулья, въ отгороженномъ мѣстѣ стояли самовары, вся нужная посуда, бутылки, графины, штофы и боченки съ водкой, которая отпускалась на половину дешевле отъ откупа, чтобы не было только поднесенной понапрасну отъ какого-то Игнашка, жившаго верстахъ въ 4-хъ отъ Еловщины и искусно приготовлявшаго разные пуншевые напитки; водка приготовлялась по вольнымъ цѣнамъ; запасъ оной въ потребномъ количествѣ производился риторами и философами, которые искусно исправляли свою должность, никогда не боясь объѣздчиковъ; напротивъ, объѣздчики ихъ боялись, потому что имъ случалось при нападеніи претерпѣвать страшныя потасовки и мордобитія. Это была партія удаль-

цовъ, услуживавшая богословамъ, особенно во время говоренія проповѣдей. По заведенному порядку такой проповѣдникъ угощалъ товарищей водкой, закуской, чаепитіемъ и пуншаціей; для проформы только бралось кварты двѣ откупной водки и штофа два пуншевой, а между тѣмъ не меньше ведра и нѣсколько штофовъ спирта для пунша—вольной. Часу во второмъ начинали сходиться семинарскіе и уѣздные учителя и пріѣзжали префектъ и прочіе начальствующіе, а потомъ приглашенные гости. Здѣсь приготовлена была эстрада и закрытое простынями мѣсто и выпрошенный шалашъ, гдѣ приготовлялись къ представленію комедій и трагедій. Декораціонная одежда была приготовлена. Я помню, какъ представлялась трагедія „Дмитрій Самозванецъ“ [1]). Участвовали въ представленіи одни только богословы и философы, но женскія лица были изъ риторовъ. Коррекція до того дѣлалась въ самомъ большомъ классѣ, въ Риторикѣ. Въ воскресный день послѣ обѣда каждый исправно заучивалъ свою роль, и здѣсь, въ Еловщинѣ, заученное и уже коректованное представлялось. Помню, нашъ учитель и Затворницкій были стражами и стояли съ алебардами въ рукахъ при входѣ въ загородь. На срединѣ стояли 12 человѣкъ воиновъ съ обнаженными саблями, по 6 душъ на каждой сторонѣ. Началось представленіе... На тронѣ сидитъ Димитрій, возлѣ него жена его Марина. Тамъ идутъ сцены изъ трагедіи, и вдругъ вбѣгаютъ новые воины, бьются на шпагахъ... Два воина приступаютъ къ Димитрію, одинъ хватаетъ его сзади, а другой пронзаетъ... Кровь льется изъ приготовленнаго пузыря съ налитымъ бураковымъ квасомъ. Падая, Димитрій успѣваетъ еще произнесть:

Иди, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!..
О, еслибы со мной погибла вся вселенна“!

Марина лежитъ въ обморокѣ. Во время сего сраженія одному богослову отрубили кончикъ носа. Сцена оканчивается тѣмъ, что Марину уносятъ. Своя избранная музыка играетъ печальный маршъ. Въ этомъ оркестрѣ было нѣсколько и город-

---

[1]) Трагедія А. П. Сумарокова.

скихъ музыкантовъ, съ охотой сюда присоединившихся ради попойки. Оркестръ составляли скрипки, басъ, кларнеты, флейты и бубны...

Послѣ этого начинается винопитіе стаканами. Впрочемъ, для дамъ были заготовлены рюмки. Далѣе идетъ чаепитіе, пуншъ, водки, закуски и разные конфекты, начались пѣсни и пляски разныхъ сортовъ. Гости и начальство часу въ первомъ расходятся и разъѣзжаются, а семинаристы остаются допивать и догуливать. На другой день въ классъ почти никто не приходитъ. На мѣстѣ гулянія никто изъ уѣздниковъ не имѣетъ права оставаться, и въ 10 часовъ вечера всѣ группами отправляются въ свои квартиры. Такъ какъ все нужно привести въ порядокъ и взятое доставить въ цѣлости обратно, то по назначенію учителей на мѣстѣ гулянія оставлялось нѣсколько душъ для присмотра за посудою и прочимъ имуществомъ и для сопровожденія онаго. Здѣсь были разбиты лавочки съ пряностями и прочими сладостями. Уѣздники бросали (*пропущено*), и если застрянетъ на верху шалаша, значитъ—выигралъ, а упадетъ—проигралъ. Во многихъ кучкахъ шли игры въ свайку, въ мячъ... Вообще время проводили съ большимъ наслажденіемъ.

15-го и 30-го мая, хотя и были рекреаціи, но уже не было прогулокъ въ Еловщину. Учителя играли въ кегли, а мальчики на лугу въ мячъ, въ бабки, ходили на Десну, купались, а охотники удили рыбу, иногда съ большой удачей.

Наступалъ іюнь мѣсяцъ, и всѣ усердно принимались за книги, т. к. приближались экзамены, а съ ними вмѣстѣ и участь переводовъ въ высшіе классы. Большая часть учениковъ ревностно занималась приготовленіемъ къ сдачѣ экзаменовъ, и только лѣнивцы погуливали. Едва придешь изъ класса, не успѣешь пообѣдать, а уже книга въ рукахъ, а тутъ нужно опять идти въ классъ, пришедши изъ коего, до сумерекъ опять сидишь за книгою.

Вставши рано, готовишься сдать домашнему учителю уроки и выслушать поясненія, что иногда не обходится безъ сѣкуцій розгами; а сколько придется на долю каждаго *паль*! Послѣ этого готовится завтракъ: у богатыхъ часто или почти каждо-

дневно блины, у бѣднѣйшихъ—хлѣбъ, сало, а въ постные дни—какая-нибудь соленая рыба, или просто нальютъ въ миску воды, всыплютъ побольше олеи, накрошатъ хлѣба и ложками хлебаютъ, послѣ чего идутъ въ классъ. Авдиторы выслушиваютъ учениковъ, записываютъ въ эраты „знавъ", „не знавъ", кладутъ эраты на кафедрѣ... Приходитъ учитель, беретъ эраты и пересматриваетъ, затѣмъ незнавшихъ посылаетъ къ порогу, а тамъ prorsus nescit начинается сѣкуція; подымается съ парты центоръ, беретъ съ печки пукъ длинныхъ березовыхъ розогъ... Крикъ, просьбы... а учитель кричитъ: „дери его каналію"! Потомъ все замолкаетъ: слышно, какъ муха пролетитъ.

Учитель начинаетъ повѣрять сомнительныхъ авдиторовъ, потомъ поясняетъ, дѣлаетъ устныя задачи или заставляетъ переводить изъ латинской христоматіи. Потомъ слѣдуетъ урокъ латинскаго и русскаго языковъ, иногда и ариѳметики. Затѣмъ приходитъ учитель греческаго языка Дорошенко, человѣкъ болѣе мягкій, простоватый, рѣдко наказывающій. Начинается переводъ Новаго Завѣта съ греческаго языка на русскій. Просиживаетъ онъ два часа, а тутъ съ нетерпѣніемъ ждутъ колокольчика. Наконецъ, въ 12 часовъ раздается звонокъ. Занятія кончаются... Всѣ берутся за шапки; первый ученикъ читаетъ молитву „Достойно есть", и всѣ за учителемъ выходятъ. Въ два часа послѣ обѣда очередной учитель приходитъ, задаетъ упражненія или переводы. Кто успѣлъ, скорѣе подаетъ тетрадь, учитель тутъ же подписываетъ. Къ пяти часамъ почти всѣ кончаютъ. Учитель, просмотрѣвши, подчеркиваетъ ошибки и даетъ иногда столько паль, сколько ошибокъ, такъ что иногда приходится очень страдать. Въ иные дни послѣ обѣда назначается нотное пѣніе, а иногда ариѳметика и русская грамматика.

Такъ со дня на день шла наука уѣзднаго училища. Въ субботу послѣобѣденныхъ классовъ не бывало, а всѣ должны были приходить на вечерню и заутреню, совершаемыя съ вечера въ зимнее время въ классѣ словесности, потому что церковь въ то время не отапливалась; по утру же на литургію позволялось уѣздникамъ по близости ходить въ приходскія церкви, за чѣмъ наблюдали старшіе.

Такъ проходятъ два года.

Въ низшемъ отдѣленіи учитель Гордіевскій тоже оканчивалъ Богословіе: онъ былъ изъ студентовъ и говорилъ хорошо проповѣди, но только былъ неаккуратный человѣкъ. Помню, какъ онъ однажды послѣ произнесенія проповѣди въ послѣдній годъ на веснѣ пригласилъ сотоварищей на водку. Одѣтъ онъ былъ съ иголочки, въ новое платье—фракъ, брюки, сапоги съ шелковыми китицами, и залилъ платье соусомъ изъ-подъ жаркого. Тогда онъ позвалъ жида портного и отдалъ ему для перешитья. Это платье было уже приготовлено для женитьбы. Онъ вскорѣ по окончаніи курса женился на Кушакевичевой въ Нѣжинѣ, гдѣ былъ священникомъ и членомъ Духовнаго Правленія. Въ бытность мою уже священникомъ, лѣтъ черезъ десять послѣ постриженія, я посѣщалъ его въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ имѣлъ собственный домъ. Онъ жаловался, что у него одинъ сынъ, да и тотъ не захотѣлъ учиться; онъ воспитывалъ его въ гимназіи. Теперь онъ почти что бродяжничаетъ. Дочь же онъ выдалъ за священника въ томъ же уѣздѣ.

Хотя мой бывшій учитель и жилъ въ небогатой обстановкѣ, но принялъ меня радушно: мы выпили по два пунша съ ромомъ, затѣмъ водки и хорошо закусили. Онъ далъ мнѣ въ проводники пономаря, потому что была уже ночь, и я могъ не найти своей квартиры и заблудиться. (Въ Нѣжинѣ я обыкновенно останавливался у рѣзчика и позолотчика, который взялся позолотить въ нашей церкви царскія врата и сдѣлать кіотъ съ рѣзьбой, иконописью и позолотой). Теперь Гордіевскій, вѣроятно, уже умеръ, такъ какъ почти ослѣпъ и бросилъ службу. Онъ окончилъ семинарію, вѣроятно, не раньше 30 лѣтъ отъ роду. Я ему много благодаренъ: онъ первый направилъ меня къ наукамъ и вобще отличался добрымъ характеромъ.

При поступленіи въ уѣздное училище вмѣсто инспектора былъ префектъ Александръ Власіевичъ Огіевскій. Впослѣдствіи онъ былъ учителемъ риторики, а по выходѣ изъ семинаріи—каѳедральнымъ протоіереемъ. Онъ долго былъ экономомъ надъ казеннокоштными, и отъ него непосредственно зависѣла покупка дровъ и вообще всего содержанія казеннокоштныхъ. Онъ былъ очень

дѣятеленъ: лично самъ закупалъ все необходимое, часто слѣдомъ провожалъ подводы и присутствовалъ при пріемѣ. Однако же, видно, онъ не былъ настолько жаденъ и корыстолюбивъ, чтобъ нажить огромное состояніе: бывши въ сей должности около 30 лѣтъ, онъ оставилъ состояніе тысячъ въ 15. Правда, въ семейной жизни онъ былъ несчастливъ и жалокъ: жена его была идіотка, почти помѣшанная. У него былъ одинъ сынъ, да и тотъ не захотѣлъ учиться и рано умеръ, а изъ двухъ дочерей одна очень рано вышла замужъ за профессора Давидовскаго, сотоварища дяди Павла Есманскаго. Онъ свое учебное поприще окончилъ въ Могилевской губерніи, а теперь живетъ въ отставкѣ въ Черниговѣ, получая по старому окладу небольшой пенсіонъ. Другая дочь вышла тоже за профессора Кучеровскаго. Эта послѣдняя съ семействомъ имѣетъ хорошія средства живя въ домѣ отца, впрочемъ раздѣленномъ съ семействомъ Давидовскаго.

Въ сіе время ректоромъ семинаріи былъ архимандритъ Ѳеофилъ. Я только и помню его, когда онъ ходилъ по всѣмъ классамъ и прощался съ учениками: онъ уѣзжалъ на очередь въ Синодъ. Это былъ высокій господинъ, брюнетъ, долголицый, съ высокою тростью. Онъ останавливался среди класса и говорилъ прощальное слово, такъ что, говорятъ, во всѣхъ классахъ доводилъ учителей и учениковъ до слезъ. Впослѣдствіи онъ былъ преосвященнымъ въ какой-то епархіи. Вообще о немъ сохранилось воспоминаніе, какъ о добромъ начальникѣ. О немъ уже умершій архимандритъ Илларіонъ разсказывалъ такой анекдотъ: въ одно время ему захотѣлось французской водки и хорошей икры. Онъ далъ своему келейнику потребныя на покупку деньги и послалъ его пѣшкомъ въ Нѣжинъ. Келейникъ все это исправно ему доставилъ. Вѣроятно, тогда въ Черниговѣ этого нельзя было достать, а въ Нѣжинѣ тогда была широкая греческая торговля. Впослѣдствіи почти всѣ купцы переселились въ Одессу, Николаевъ и Таганрогъ, оставивъ однако же по себѣ память въ Нѣжинѣ постройкою греческаго монастыря и другихъ благотворительныхъ заведеній, которыя поддерживаются горстью оставшихся небогатыхъ греческихъ семействъ.

Ректоръ выѣхалъ изъ Чернигова въ послѣдній годъ моего пребыванія въ низшемъ отдѣленіи. Помню, послѣ Рождества, вѣроятно въ 17-мъ году, по окончаніи ученія и экзамена я былъ назначенъ къ переводу въ высшее отдѣленіе. А тутъ наступила и реформа: прибыли послѣ каникулъ изъ С.-Петербургской академіи три профессора: Никольскій, Доброзраковъ и Образцовъ.—Я перешелъ въ высшее отдѣленіе во второмъ разрядѣ высоко. Здѣсь уже были новые учителя по латинскому языку: Иванъ Ивановичъ Силятицкій, уже женатый человѣкъ, имѣвшій свой домъ на валу, гдѣ была впослѣдствіи почтовая контора или почтамтъ. Это былъ мужчина высокаго роста, блондинъ, немного даже рыжеватый. Онъ, кажется, былъ въ тогдашней Кіевской Духовной Коллегіи, отлично зналъ французскій языкъ, который и преподавалъ въ семинаріи, говорилъ хорошія проповѣди, но любилъ выпивку. Когда онъ приходилъ въ классъ покраснѣвшимъ, особенно около шеи, тогда приходилось ученикамъ нерѣдко быть сѣченными и притомъ жестоко. Его боялись, какъ демона. Однако въ иные дни онъ до того былъ тихъ и скроменъ, что даже никого не поставитъ на колѣна у порога. Впослѣдствіи онъ былъ соборнымъ священникомъ, но въ концѣ концовъ распился въ высшей степени, былъ переведенъ въ Сосницу въ соборъ. Впослѣдствіи онъ былъ лишенъ сана и сданъ въ военную службу, гдѣ былъ воспитателемъ дѣтей у полкового командира, и послѣ вскорѣ умеръ.

Онъ преподавалъ въ этомъ классѣ и другіе предметы: русскую грамматику, ариөметику, географію.—Другой учитель былъ священникъ о. Дмитрій Стефановскій, настоятель Срѣтенской церкви, близъ коей имѣлъ собственный домъ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, слащавенькій, бѣленькій, съ острою бородкой. Онъ обладалъ весьма перемѣнчивымъ характеромъ. Преподавалъ онъ греческій языкъ. Занятія состояли въ переводѣ изъ христоматіи или Новаго Завѣта. Послѣ обѣда преподавалъ нотное пѣніе, а въ другихъ классахъ—греческія упражненія или переводъ съ греческаго на русскій. Характера онъ былъ мягкаго, но взбалмошный, придирчивый и безрезонный, за что часто подвергался насмѣшкамъ учениковъ, коихъ въ выс-

шемъ отдѣленіи было болѣе ста душъ. Меня онъ постоянно звалъ шалуномъ и безъ всякой, иногда, съ моей стороны шалости кричалъ: „Кистяковскій шалитъ"! Онъ часто заставлялъ меня отвѣчать ему: „Ваше Высокопреподобіе, смотрите—я занимаюсь усердно книгою". Въ отвѣтъ раздавалось: „шалунъ, ступай до порога! Нужно повиноваться". Впрочемъ, этимъ дѣло и кончалось, но все же это нерѣдко повторялось, чѣмъ онъ учениковъ доводилъ до смѣха. Часто ученики вставали и говорили: „уже второй колокольчикъ пробилъ; Ваше Высокопреподобіе, пойдемъ изъ класса"! Онъ отвѣчаетъ: „я не слышалъ", а между тѣмъ заставляетъ читать выходную молитву. Въ то самое время бьетъ колокольчикъ, и ему говорятъ, что это вѣрно звонятъ, чтобы онъ скорѣе отпустилъ учениковъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ соборнымъ ключаремъ и протоіереемъ. Въ сей годъ прибылъ новый ректоръ, архимандритъ Мелетій Носковъ, изъ западнаго края, съ круглою большою рыжей бородою, роста средняго. Это былъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый: чтобы у него заслужить прощеніе всякой вины или получить какую-нибудь милость, стоило только упасть ему въ ноги, и онъ все сдѣлаетъ по желанію.—У него совершенно было польское обхожденіе и даже акцентъ.—Преосвященный Михаилъ былъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Новгородскимъ; его до сего времени года три не было въ Черниговѣ: онъ былъ членомъ Сvнода, и консисторія или дикастерія вела дѣло, сносясь письменно съ своимъ архипастыремъ. Рукополагались въ Кіевѣ въ священники и діаконы, а причетниковъ рукополагалъ ректоръ семинаріи.

Такъ шло ученіе въ высшемъ отдѣленіи. Квартира уже находилась не у Муляревской, а у Кострицы, ближе къ Красному мосту, на той же Богоявленской улицѣ. Домашнимъ учителемъ былъ Филиппъ Ивановичъ Виноградскій, самый слабенькій богословъ, такъ что переводъ изъ Корнелія Непота имѣлъ онъ подъ рукою русскій, и вообще мало способствовалъ улучшенію познаній.—На другой годъ въ высшемъ отдѣленіи мы перешли тоже вмѣстѣ съ Воронкевичами за Красный мостъ къ В (*не разобрано*), гдѣ я проквартировалъ почти до богословія, а

съ оной поступилъ на кондицію къ Веприцкому и прочимъ, съ которой уже и поступилъ въ домъ по окончаніи наукъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Здѣсь, на другой годъ уже, у меня былъ домашнимъ учителемъ Иванъ Григорьевичъ Кульжинскій, изъ первыхъ учениковъ богословія. Онъ только поутру выслушивалъ мои уроки, дѣлалъ толковыя поясненія, въ прочее же время до него не было доступа. До Рождества я сдѣлалъ большіе успѣхи и пріобрѣлъ солидныя знанія, но, отправившись на Рождество домой, помню, возомъ въ сильный морозъ, такъ сильно простудился, что послѣ горячки проболѣлъ всю треть, долго не ходилъ ногами, такъ что меня носили на простынѣ, и только въ половинѣ поста, при усердномъ пользованіи березнинскаго доктора Гавріила Васильевича Самарскаго, началъ ходить по комнатѣ. Докторъ усердно пользовалъ меня, помня прежнюю благодарность матери, когда она снабжала его всякою провизіею изъ экономіи, какъ экономическаго доктора. Онъ черезъ недѣлю пріѣзжалъ навѣщать и бралъ только за выписываемыя лѣкарства, не требуя особеннаго вознагражденія, между тѣмъ, какъ говорятъ, онъ порядочно бралъ за визиты, нажилъ хорошее состояніе, имѣлъ много полей, сѣнокосовъ и лѣсовъ. Сынъ все это продалъ за половину стоимости.

Къ этому времени прибылъ на паству преосвященный Симеонъ. Говорятъ, онъ былъ изъ дворянъ, готовясь быть пастыремъ, но послѣ слушалъ еще монахомъ въ С.-Петербургской Академіи Богословіе и хиротонисованъ въ архіереи. Говорятъ, онъ былъ весьма ученый мужъ, но характера пылкаго: при одѣваніи его для служенія въ архіерейскія облаченія поддіаконамъ и прочимъ приходилось получать порядочные „стусаны". Онъ былъ роста средняго, съ продолговатымъ лицомъ, острымъ носомъ и небольшою бородкою, блондинъ, даже нѣсколько рыжеватый; на лицѣ замѣтны веснушки. На экзаменъ онъ являлся и въ нашъ классъ, въ высшее отдѣленіе Уѣзднаго Училища, вызывалъ самъ учениковъ къ столику, дѣлалъ вопросы и отвѣты принималъ благосклонно. Если кто не зналъ, онъ велѣлъ отвѣчать то, что ученикъ зналъ изъ сего предмета, заставлялъ переводить съ греческаго языка священное писаніе,

Часто обращаясь къ учителямъ, онъ говорилъ: „методъ вашего преподаванія требуетъ улучшенія". Всѣ съ трепетомъ боялись промолвить слово.

Къ ученикамъ вообще онъ былъ снисходителенъ, но къ наставникамъ строгъ и внушителенъ. Съ учениками онъ занимался безъ утомленія и далеко дольше просиживалъ послѣ колокольчика. Чаще всего онъ обращался къ инспектору архимандриту Іерониму, своему постриженнику, говоря: „я Вамъ предоставляю полное право въ переводѣ учениковъ въ словесность, какъ здѣшнихъ, такъ и изъ Новгородъ-Сѣверска, а потому рекомендую Вамъ самимъ раньше отправиться туда, чтобы не стѣснять тамошнее училище ожиданіемъ". Слова преосвященнаго имѣли большое вліяніе на переводъ учениковъ, что будетъ видно ниже изъ моего перевода въ словесность.—Архимандритъ Іеронимъ былъ очень красивый мужчина, лѣтъ 28, роста средняго, бѣлъ лицомъ, съ каштановыми волосами, съ весьма правильнымъ носомъ, губами и голубыми глазами. Монашеская одежда удивительно шла къ его лицу, и молодыя женщины просто влюблялись въ него, да онъ и самъ не прочь былъ. Монашеская ряса его скоро сгубила. Онъ жилъ здѣсь въ семинаріи, иногда служилъ обѣдню, и тогда бывало полно народу, особенно женщинъ высшаго черниговскаго круга. Нерѣдко онъ зазывалъ своихъ знакомыхъ изъ церкви на чай, и любимый его келейникъ подходилъ къ назначеннымъ лицамъ и передавалъ приглашенія. За то его постоянно обсылали то сдобными хлѣбами, то вареньемъ, пастилами и пр. Онъ часто ѣздилъ на вечера къ знакомымъ, и даже часто за нимъ присылались кареты отъ Милорадовича, Шафонскаго, губернатора и прочихъ. Онъ былъ очень любимъ, вслѣдствіе чего было очень много нелѣпыхъ наговоровъ на счетъ его жизни.

Въ сіе время прибылъ еще новый профессоръ изъ С.-Петербургской духовной академіи, Михаилъ Андреевичъ Максимовичъ, сынъ Тобольскаго преосвященнаго. Онъ былъ мужчина высокаго роста, очень красивый, лѣтъ 30, блондинъ, всегда съ розовымъ лицомъ. Онъ одѣвался зимою въ бобровую шинель, какой одежды никто не имѣлъ въ Черниговѣ, сюртукъ тоже

носилъ на дорогомъ мѣху. Онъ имѣлъ слабость выпивать, отчего уклонялся отъ общества. Онъ недолго пробылъ въ семинаріи, года полтора, и выѣхалъ на службу въ Петербургъ и впослѣдствіи былъ большимъ чиновникомъ въ какомъ-то министерствѣ, по крайней мѣрѣ по слухамъ.

Вышеописанная болѣзнь моя имѣла послѣдствіемъ то, что я не былъ назначенъ къ переводу въ словесность, хотя я, прибывши изъ воскресенья, послѣднюю треть усердно занимался и многимъ назначеннымъ къ переводу не только не уступалъ, но даже превосходилъ. Однако, оба мои учителя даже не обратили на меня вниманія, только что не назначивъ меня къ исключенію. Но Промыселъ Вышняго совсѣмъ иначе устроилъ мой бытъ: по прибытіи на вакаціи я былъ все все скученъ, не хотѣлъ начать заниматься, особенно науками, говоря часто матери, что меня не переведутъ, а это мое несчастіе. Мать моя хотя и была простая женщина, но понимала дѣло, знала, что причиною всего была моя болѣзнь, заставившая меня пропустить цѣлую треть, и начала меня утѣшать, что она вмѣстѣ со мною поѣдетъ въ Черниговъ. Я обрадовался и посовѣтовалъ матери пригласить садовника Марка, который почиталъ ее, какъ мать, женившись уже вдовцомъ на воспитанницѣ матери, дѣвкѣ Иринѣ, которая и въ Кіевъ съ нами ѣздила, и имѣла почти одинъ столъ съ нами безъ гостей, и вообще была всѣми нами любима. Мать позвала садовника Марка, угостила его наилучшимъ образомъ и просила его къ 28-му августа приготовить наилучшихъ плодовъ изъ оранжерей, упаковать ихъ и доставить въ цѣлости въ Черниговъ. Онъ согласился съ большимъ удовольствіемъ, сказавъ, что будетъ приготовлена сотня наилучшихъ абрикосовъ, такихъ же полсотни персиковъ и двѣ пары ананасовъ, потому что ихъ немного осталось: главноуправляющій Богунъ забралъ полсотни для варенья и для отсылки въ Петербургъ, да десятокъ для себя. Наканунѣ 28-го числа все это было принесено имъ самимъ вмѣстѣ со сторожемъ оранжерей, уложено наилучшимъ образомъ, а 28-го августа мы отправились въ Черниговъ, пріѣхавъ просто на квартиру къ Высокоцкой, гдѣ я прожилъ до „Богословія“, пока не поступилъ на кондицію сперва къ Дебрянскому, а потомъ къ

купцу Веприцкому, гдѣ я имѣлъ постоянную квартиру до окончанія курса. 29-го августа, въ день Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, мы явились рано къ инспектору Іерониму. Онъ готовился идти на литургію въ церковь св. Варвары, такъ какъ въ семинарской церкви служенія не было.—Два большія блюда, взятыя нами у хозяйки, наполнены были привезенными плодами и завязаны въ бѣлыя, какъ снѣгъ, салфетки. Мать моя была довольно прилично одѣта, въ шелковое платье цвѣта вороньяго крыла съ такимъ же чернымъ платкомъ на шеѣ. Голова была повязана такимъ же шелковымъ, по тогдашней цѣнѣ дорогимъ, платкомъ. Пришедши въ переднюю, мы просили келейника доложить о нашемъ приходѣ отцу архимандриту, и на стоявшемъ въ углу столѣ мы поставили плоды въ развязанныхъ и раскрытыхъ салфеткахъ. О. архимандритъ вышелъ изъ своихъ покоевъ въ шелковой рясѣ съ наперснымъ крестомъ, сперва обратилъ вниманіе на насъ, потомъ на плоды, и видимо былъ восхищенъ. Затѣмъ онъ спросилъ мою мать: „Вы, вѣрно, священница, а это вашъ сынъ". Мать отвѣчала: „по несчастію, капитанша 2-мъ бракомъ, а сынъ мой изъ принятыхъ въ духовное званіе и обучается подъ Вашимъ вѣдѣніемъ въ черниговскомъ уѣздномъ училищѣ. Онъ внимательно разспросилъ насъ, прося пожаловать въ первую комнату и присѣсть. Мать сѣла, а меня онъ заставлялъ сѣсть, но я не сѣлъ. Онъ замѣтилъ у меня слезы и тутъ же сказалъ: „не безпокойся: по желанію твоей родительницы и твоему все будетъ сдѣлано мною". Затѣмъ онъ нѣсколько разъ благодарилъ мать за принесенные плоды, т. к. они представляли рѣдкость, какой онъ и не думалъ найти въ Черниговѣ. Послѣ этого онъ сказалъ: „я иду въ церковь св. Варвары за брамою, пожалуйте и вы туда же, а послѣ служенія ко мнѣ откушать чай; тогда мы поговоримъ, и все, что нужно вашему сыну, я сдѣлаю". И замѣтивъ слезы и у матери, прибавилъ: „не безпокойтесь, матушка". Тогда же онъ велѣлъ своему келейнику внести плоды въ его спальню, сказавъ: „послѣ чаю вы получите свои блюда". Мы отблагодарили его и вышли, а онъ догналъ насъ почти на паперти церковной. Мать и я

поклонились, на что онъ отвѣтилъ. По выходѣ изъ церкви, послѣ литургіи, мы стояли въ сторонѣ, и только что онъ вышелъ, какъ вскорѣ прибѣжалъ въ церковь его келейникъ и, отыскавши насъ, передалъ отъ архимандрита приглашеніе пожаловать сейчасъ же на чай. Мы вмѣстѣ отправились. Іеронимъ поднесъ матери большую просфору, просилъ мать сѣсть и, когда я не осмѣливался сѣсть, онъ насильно усадилъ меня. Келейникъ поставилъ стулъ къ столу. Подали ароматическій чай, за коимъ онъ вошелъ во всѣ подробности, затѣмъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, переведенъ ли я въ „словесность". Я, вставши, началъ говорить, что я предпослѣднюю треть былъ боленъ и, хотя послѣ Воскресенія старался наверстать все пройденное, но не знаю, почему меня ни одинъ учитель, особенно Силятицкій, не спросилъ, а потому, вѣроятно, не переведенъ. Онъ тотчасъ же взялъ списки, лежавшіе на угловомъ столикѣ, спросилъ еще мою фамилію и съ довольною улыбкою сказалъ: „далеко, братишко, тебя затаскали: предпослѣднимъ въ третьемъ разрядѣ ученикомъ, остающимся за неуспѣшность и болѣзнь въ теченіе цѣлой трети, поведенія же хорошаго; но такъ не будетъ". Онъ тотчасъ же присѣлъ къ столику, вытеръ или зачеркнулъ мою фамилію и перенесъ во второй разрядъ, высоко, къ переводу, гдѣ на маринесѣ отмѣтилъ: „по испытаніи моемъ удостоивается къ переводу". Онъ велѣлъ подойти къ нему и прочитать; я хотѣлъ упасть въ ноги, но онъ подхватилъ меня, и я поцѣловалъ его благословенную руку, а онъ поздравилъ меня словесникомъ со словами: „дай Богъ, съ моей руки, чтобы ты благополучно окончилъ курсъ наукъ, а на утѣшеніе твоей пекущейся родительницы былъ добрымъ священникомъ". Затѣмъ онъ обратился къ матери: „изъ словъ Вашихъ я вижу, что Вамъ недобро живется съ Вашимъ мужемъ. Если Вы желаете, я замѣщу Вашего сына на полное казенное содержаніе, но моя просьба къ Вамъ, не можете ли мнѣ доставить горшковъ пять цвѣтовъ окошечныхъ изъ оранжерей? за доставку я заплачу". Мать отвѣтила, что исполнитъ это съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ ей это ничего не будетъ стоить". Онъ благодарилъ, и мы, взявши бла-

госклонное его благословеніе, отправились въ квартиру, получивши обратно блюда и салфетки. Мать дорогой замѣтила, что она давно не пила такого душистаго чаю. Мы пришли на квартиру съ большимъ удовольствіемъ и спокойствіемъ. Я былъ внѣ себя отъ радости и будущей надежды, какую во мнѣ поселилъ архимандритъ своимъ вниманіемъ и обѣщаніемъ. При отпускѣ онъ сказалъ матери: „пришлите мнѣ указъ о принятіи Вашего сына въ духовное званіе: я, что могу, все сдѣлаю для него на пользу Вашу". Но судьбы Божіи неисповѣдимы, предопредѣленію Его всѣ повинуются. Въ половинѣ сентября онъ заболѣлъ сперва лихорадкою, причиной которой, полагаютъ, были частыя ночныя прогулки; онъ сильно былъ привязанъ къ дому купца К (*не разобрано*), нынѣ принадлежащему Дорошевскому, возлѣ Краснаго моста. У него была дочь, молодая, здоровая и красивая дѣвушка. Вотъ здѣсь то онъ и засиживался. Вскорѣ лихорадка превратилась въ горячку.—Когда къ концу сентября былъ доставленъ цѣлый возъ цвѣтовъ въ горшкахъ и при оныхъ указъ, я настолько былъ простъ, что не удержалъ его при себѣ, а отдалъ на руки, не помню, какому-то изъ учителей; впрочемъ, доставившему вынесено было двѣ рюмки водки и полная жменя мѣдныхъ, при чемъ я отдалъ еще 10 лимоновъ и 10 апельсиновъ, за которые очень меня благодарили, потому что въ Черниговѣ не было вовсе еще въ продажѣ.—Самый же мой переводъ не остался безъ злостныхъ послѣдствій.

2-го сентября учитель Силятицкій читалъ переводные списки; онъ и помощникъ инспектора, читая, не упомянулъ моей фамиліи. Ученики тотчасъ же бросились почти бѣгомъ со второго этажа внизъ, въ словесность. Я остаюсь и плачу, а между тѣмъ вбѣгаетъ архимандритъ, сначала обращается къ Силятицкому, потомъ, завидѣвши меня, вдругъ съ досадой спросилъ: „зачѣмъ ты не идешь въ назначенный тебѣ классъ"? Я сказалъ: „г. учитель не читалъ моего имени и фамиліи". Онъ съ азартомъ вскричалъ: „какое вы имѣете право распоряжаться моими поста-

новленіями"? Тотчасъ подойдя ко мнѣ, онъ велѣлъ мнѣ за собой идти, а учителю сказалъ: „берегитесь и будьте впредь осторожнѣе!" Онъ ввелъ меня въ „словесность", обратился къ ученикамъ со своими наставленіями, упомянувъ при семъ, что по испытаніи его удостоенъ перевода и Кистяковскій. „Я надѣюсь, — прибавилъ онъ, что онъ будетъ стараться и успѣвать по силѣ своихъ способностей". Вышедши, онъ пошелъ въ другой классъ уѣзднаго училища.—Переводъ мой имѣлъ большое вліяніе на весь ходъ моей науки и ея послѣдствія. Не знаю, что было-бы, еслибы архимандритъ прожилъ по крайней мѣрѣ до окончанія мною семинаріи; но иначе устроилось съ его жизнію: въ началѣ октября горячка усилилась и превратилась въ бѣлую горячку. Сначала его пользовалъ семинарскій докторъ Шигринъ, старикашка нѣмецъ, послѣ Гинтеръ и прочіе, тоже не отличавшіеся большими познаніям. Онъ въ припадкѣ бѣлой горячки зарѣзался. Вся семинарія съ горестью услышала о его смерти.

Настали похороны. Архіерей Симеонъ и два архимандрита, ректоръ Мелетій и архимандритъ Іовъ Домницкій (онъ былъ и экономъ Троицкаго архіерейскаго дома), служили еще съ тремя священниками обѣдню въ семинарской церкви, а профессоръ Максимовичъ сказалъ надгробное слово изъ псалма Давидова на текстъ: „блаженъ путь, въ онь же идетъ душа твоя, зане уготовася тебѣ мѣсто упокоенія". Это слово вызвало плачъ, даже навзрыдъ. Тѣло несли богословы-философы и даже словесники, потому что у насъ ихъ было душъ двадцать довольно лѣтнихъ. Они почти всѣ не окончили и не пошли далѣе „философіи" по тогдашнему времени, но почти всѣ достигли священническаго сана. Преосвященный ѣхалъ въ каретѣ и ректоръ въ своей; они останавливались и выходили изъ кареты, когда читалось Евангеліе. Тѣло несли въ Елецкій монастырь, гдѣ оно и погребено близъ церкви. Тамъ былъ въ ректорскихъ комнатахъ приготовленъ и обѣдъ. Ученики отправились по домамъ, потому что и уѣздники всѣхъ классовъ должны были провожать. Я настолько

былъ опечаленъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ простъ и беззаботенъ, что не похлопоталъ тогда же о своемъ указѣ, чтобы получить его обратно и отправить въ свой домъ, а это причинило большія непріятности и хлопоты впослѣдствіи, какъ это будетъ ниже видно.

(Продолженіе будетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Нѣсколько словъ къ портрету Н. И. Костомарова. Прилагаемый къ настоящей книгѣ «Кіевской Старины» портретъ Н. И. Костомарова, изображающій его въ самую цвѣтущую и дѣятельную пору его жизни, снятъ съ портрета, помѣщеннаго въ альбомѣ, который въ настоящее время составляетъ большую библіографическую рѣдкость и который былъ выпущенъ въ 1861—1862 годахъ подъ названіемъ: «Портреты украинскихъ писателей, изданные Д. Каменецкимъ». Это—тотъ Данило Семеновичъ Каменецкій, который первый сталъ издавать малорусскія книжечки крошечныхъ размѣровъ, получившія названіе «метеликовъ», и выпустилъ ихъ въ теченіе 1860—1862 годовъ около 40, давши имъ общее названіе «Сильска Библіотека». Тогда же имъ былъ изданъ маленькій сборничекъ украинскихъ пѣсенъ съ мотивами, котораго вышелъ только первый выпускъ, заключающій въ себя десятокъ пѣсенъ. Кромѣ того, ему принадлежитъ напечатанная въ Москвитянинѣ 1855 года (№ 11) статья: «О народныхъ южно-русскихъ пѣсняхъ, изданныхъ А. Л. Метлинскимъ, и о рецензіи на эту книгу Отечественныхъ Записокъ».

Альбомъ, о которомъ мы говоримъ, вышелъ въ двухъ выпускахъ, изъ которыхъ первый былъ изданъ роскошнѣе и заключалъ въ себѣ литографированные въ Парижѣ портреты Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и Т. Г. Шевченка; во второмъ же выпускѣ, изданномъ болѣе скромно, были помѣщены литографированные у А. Червякова въ Петербургѣ портреты Е. П. Гребенки, Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка и И. П. Котляревскаго.

Настоящій снимокъ портрета Н. И. Костомарова снятъ съ экземпляра, принадлежавшаго Т. Г. Шевченку, которому былъ пода-

ренъ самимъ Н. И. Костомаровымъ, и представляющаго то достоинство, что онъ принадлежитъ къ первымъ, самымъ лучшимъ оттискамъ, которые, обыкновенно, печатаются безъ всякой подписи.

Библіотека и собраніе рукописей Н. И. Костомарова. Еще въ прошломъ году вдова Н. И. Костомарова, А. Л. Костомарова, выразила желаніе пожертвовать библіотеку своего покойнаго мужа университету Св. Владиміра, въ которомъ Н. И., какъ извѣстно, началъ свою профессорскую дѣятельность. Передача библіотеки состоялась въ февралѣ текущаго года, и въ настоящее время библіотека уже доставлена въ Кіевъ. Самая библіотека еще не разобрана, разобрано только собраніе рукописей, но судить о составѣ библіотеки можно по довольно обстоятельному ея каталогу.

Всѣхъ книгъ въ библіотекѣ около 1500 названій различнаго содержанія, на языкахъ русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, италіянскомъ, чешскомъ, сербскомъ, болгарскомъ, латинскомъ, англійскомъ и малорусскомъ (на послѣднемъ только 5 книгъ). Около $^2/_3$ книгъ на русскомъ языкѣ. По содержанію болѣе половины книгъ относится къ русской исторіи, и изъ нихъ около 140 названій касаются исторіи южной и западной Россіи. По исторіи русскаго языка и литературы около 200 названій, изъ которыхъ 23 сочиненія касаются малорусской словесности. По исторіи Польши болѣе 100 сочиненій, по всеобщей исторіи около 200, періодическихъ изданій 28 названій. Наконецъ, болѣе 200 сочиненій принадлежитъ къ прочимъ самымъ разнообразнымъ отраслямъ литературы.

Самымъ цѣннымъ отдѣломъ является, конечно, отдѣлъ русской исторіи. Особенно цѣнны изданія ученыхъ учрежденій. Здѣсь есть почти полныя коллекціи изданій Археографической Коммиссіи (до 1884 г.), Московскаго Общества Исторіи и Древностей, Археографическихъ Коммиссій Кіевской и Виленской, Императорскаго Географическаго Общества, Русскаго Историч. Общества. Не мало изданій Академіи Наукъ, Имп. Археологическаго Общества, Загребской Юго-Славянской Академіи. Изъ періодическихъ изданій есть полные экземпляры «Вѣстника Европы», историческихъ журналовъ, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости за 1862—74 г.г. и др. Имѣются сочиненія Татищева, Щербатова, Карамзина, Бантыша-Каменскаго, митроп. Евгенія, Арцыбашева, Голикова, Погодина, Устрялова, Соловьева, Филарета Черниговскаго, преосв. Макарія, Забѣлина, Бѣляева, Иловайскаго, Кояловича и

др. Довольно полна коллекція малорусскихъ пѣсенныхъ сборниковъ: Максимовича (Пѣсни 1827 и Думы 1834 г.), Метлинскаго (Сборникъ 1848 и Пѣсни 1834), Лукашевича (1836 г.) и друг. Изъ старопечатныхъ книгъ имѣются: Мессія Правдивый Голятовскаго, Ариѳметика Магницкаго (1704 г.), рядъ изданій XVIII в. На иностранныхъ языкахъ также довольно много старинныхъ изданій.

По всеобщей исторіи въ библіотекѣ К—ва имѣются почти всѣ сочиненія болѣе крупныхъ историковъ. Особенно многочисленны книги по исторіи французской революціи и по исторіи итальянскихъ республикъ. Сравнительно мало книгъ по исторіи Византіи, хотя сюжетъ единственной статьи покойнаго по всеобщей исторіи былъ взятъ изъ исторіи византійской (о патріархѣ Фотіи).

Древнѣйшая изъ рукописей, принадлежавшихъ Н. И. Костомарову, восходитъ къ самому началу XVI в., это—«Новгородскаго, Копорскаго, Ладожскаго, Ореховскаго и Корельскаго уѣздовъ перепись погостамъ, селамъ и деревнямъ и находящимся въ нихъ крестьянамъ, помѣщичьимъ и монастырскимъ. Вторая половина»—1500 г. Прочія рукописи относятся къ XVII и XVIII вв. Четыре изъ нихъ представляютъ сборники, а именно: «Златы Бисеръ», родъ космографіи, переписанный въ 1715 г.; сборникъ поучительныхъ разсказовъ съ картинками, иногда нескромнаго содержанія, XVIII в.; сборникъ разсказовъ о чудесахъ Пресв. Богородицы, явленныхъ преимущественно въ г. Тихвинѣ; въ этомъ же сборникѣ житіе Алексія, человѣка Божія, повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ, о низложеніи патр. Никона, списокъ Соловецкой Челобитной, «Слово» о путешествіи архіеп. Іоанна Новгородскаго въ Іерусалимъ и обратно въ теченіе одной ночи, сказаніе о рожденіи и отрочествѣ св. Онуфрія, житіе Онуфрія Великаго и рядъ поучительныхъ разсказовъ, на одномъ изъ листовъ помѣта 1768 г.; «Сказаніе о дивномъ милосердіи Божіи и о святомъ Григоріи, папѣ римскомъ». Одна изъ рукописей содержитъ акафистъ, житіе, сказаніе о чудесахъ и служба царевичу Димитрію; въ этой же рукописи служба св. князю Роману Владиміровичу Углицкому и сказаніе объ его чудесахъ. Великолѣпно написанная и украшенная рисунками киноварью рукопись XVI или начала XVII в. заключаетъ житіе св. Стефана Пермскаго, житіе св. апостоловъ Петра и Павла и житіе св. Варлаама Хутынскаго. Интересны надписи на этой рукописи; одна изъ нихъ, писанная киноварью и находящаяся подъ заглавіемъ, гласитъ: «Сия кніга Оустюга великаго губнаго діяка Африкана Каріонова купленьная за грівну светславлю златую», другая на листѣ предъ заглавнымъ:

«Устюжскаго пермскаго бывшаго княжескаго постельничя Ефима Едрилы отъ лѣта ҂ѕѿчд до лѣта ҂зке пописахъ». Вся рукопись испещрена помѣтками на поляхъ киноварью, чернилами и карандашемъ.

Нѣсколько рукописей заключаютъ въ себѣ раскольничьи сочиненія, изъ нихъ одна озаглавлена: «Показательная исторія нѣкоего поповщины учителя, имиже христіаны потязалъ бяше и вопросомъ его отвѣты», два сборника поученій, «Повѣсть о житіи и подвизехъ и страданіи раба Божія Мемнона, пострадавшего за древле-церковное благочестіе и сожженнаго на Холмогорахъ въ лѣто ҂зсѕ (7206) 1698», «Уставъ о Крещеніи».

Три рукописи представляютъ хронографы, доведенные до XVII в. Особенно интересна рукопись въ листъ, озаглавленная «Лѣтописецъ Великія Россіи, продолжающійся по 1652 годъ» «изъ библіотеки Волынскаго 1736 года списанъ». Лѣтописью этой пользовался Татищевъ. Рукописный сборникъ in-4 содержитъ: «лѣтописецъ блаженные памети о благочестивейшемъ великомъ государе царе и великомъ князе Иоанне Васильевиче и о предкахъ его и о взятіи имъ царствующаго града Казани и злочестиваго царя Едигера и о побиении казанскихъ татаръ и о прочемъ», «Повѣсть цесаревича Диоклетиана о дву слугахъ цесарскихъ о Александре и о Лодвике», краткій перечень событій русской исторіи отъ взятія Василіемъ Іоанновичемъ Смоленска до смерти императрицы Екатерины I (1727). На рукописи помѣтки 1738 и 1734 г.г. Одна рукопись содержитъ извѣстія о походахъ и о назначеніяхъ воеводъ и др. должностныхъ лицъ съ 1492 по 1602 годъ.

Къ эпохѣ Петра В. относятся три рукописи: 1) «Исторія о зачатіи и рожденіи императора Петра перваго и о блаженной кончине государя царя и великаго князя Алексія Михайловича»; въ концѣ рукописи хронологическій перечень событій въ царствованіе Петра I съ указаніемъ возраста его во время событія». 2) «Житіе Петра Великаго», сочиненное Стефаномъ Писаревымъ». Сочиненіе это было издано дважды въ С.-Петербургѣ въ 1772 г. и въ Москвѣ въ 1788 г. Это собственно переводъ сочиненія греческаго монаха Антонія Катифора. Отъ печатнаго изданія рукопись отличается посвященіемъ им. Елизаветѣ Петровнѣ (въ печати «Житіе» посвящено вел. кн. Павлу Петровичу), предисловіемъ и отсутствіемъ дополненій о китайскомъ государствѣ. 3-я рукопись есть списокъ съ печатнаго описанія погребенія Петра I.

Одна рукопись на бумагѣ съ клеймомъ 1780 г. заключаетъ выписки статей изъ русскихъ уголовныхъ законовъ.

Сборникъ актовъ Максаковскаго монастыря начинается съ документовъ, выданныхъ м-рю Адамомъ Киселемъ, далѣе слѣдуютъ выписи изъ гродскихъ книгъ кіевскихъ и новгородъ-сѣверскихъ, универсалы на монастырскія владѣнія гетмановъ (съ Богдана Хмельницкаго) и нѣжинскихъ полковниковъ и, наконецъ, купчія на пріобрѣтенныя монастыремъ земли.

Сборникъ подъ заглавіемъ «Kollekcya starozytnośćiów» содержитъ большею частью рѣчи, произнесенныя по разнымъ случаямъ.

Въ небольшой тетрадкѣ in-4 заключается проповѣдь на текстъ къ Солун. IV, 13—14.

Въ собраніи Н. И. Костомарова есть и отдѣльные документы. Столбцы, числомъ 8, отчасти плохо сохранившіеся, относятся къ XVII и началу XVIII в. и представляютъ проѣзжія памяти, жалованныя грамоты и т. п. (Столбцы были разобраны И. М. Каманинымъ). Рядъ писемъ, относящихся большею частью къ 1759 и слѣд. годамъ, писанъ разными лицами къ гетману Браницкому. Наконецъ, нѣсколько документовъ относятся къ Суворову; это—записка его, запись плѣнныхъ (польскихъ) безъ даты, маршрутъ похода въ Польшу (съ замѣтками на поляхъ, кажется, самого Суворова), Наставленіе, какъ поступать при встрѣчѣ съ непріятелемъ, «Военное обученіе» и «Обозрѣніе Румеліи и Булгаріи и какъ вести въ оную изъ Молдавіи и Валахіи армію, состоящую изъ разныхъ корпусовъ, которые бы соединенными силами дѣйствовали противъ Константинополя».

Е. К.

Нѣсколько словъ о писанкахъ. Орнаментика малорусскихъ писанокъ, какъ и вообще малорусская орнаментика, едва затронута въ наукѣ. Желающій заниматься этимъ дѣломъ встрѣчаетъ на пути своемъ съ трудомъ преоборимыя препятствія. Коллекцій писанокъ не много, всѣ онѣ разбросаны въ частныхъ рукахъ; изданіе ихъ въ краскахъ, при настоящихъ условіяхъ печатнаго дѣла, стоитъ очень дорого, и потому рисунковъ, дающихъ удовлетворительное понятіе о нихъ, крайне мало; для сравнительнаго изученія узоровъ писанокъ также нигдѣ не собрано матеріала въ достаточной полнотѣ. Гдѣ можно, напр., изучить узоры вышивокъ, ковровъ и пр..? И это еще не все. Писанки не составляютъ исключительной принадлежности ма-

лороссійскаго быта, а про узоры на нихъ и говорить нечего; поэтому изслѣдователю необходимо ознакомиться съ разбросанной по всевозможнымъ иностраннымъ изданіямъ спеціальной литературой орнамента—особенно у южныхъ славянъ и у румынъ, а у нихъ то она, повидимому, и не богата къ тому же. Само собою разумѣется, въ настоящей замѣткѣ мы не задаемся такими широкими задачами. Мы хотимъ только подѣлиться нѣкоторыми наблюденіями, пользуясь собраніемъ писанокъ, которое находится въ нашемъ распоряженіи. Собраніе это, составившееся изъ приношеній учениковъ въ историко-географическій музей елисаветградскаго реальнаго училища (херсон. г.), заключаетъ до 400 экземпляровъ писанокъ изъ губерній херсонской, кіевской, подольской, черниговской и бессарабской; но главное ядро коллекціи составляютъ писанки херсонской губерніи, преимущественно елисаветградскаго и александрійскаго, затѣмъ—ананьевскаго и отчасти одесскаго уѣзда (изъ Бейкуша, предмѣстья Очакова). Особенность нашей коллекціи заключается въ томъ, что наряду съ преобладающими по числу писанками малороссійскими въ ней есть также болгарскія и молдаванскія, что даетъ нѣкоторую возможность судить о взаимномъ вліяніи живущихъ здѣсь народностей. Къ сожалѣнію, о большинствѣ экземпляровъ мы не имѣемъ пояснительныхъ свѣдѣній, а именно—названій узоровъ и свѣдѣній національности лицъ, отъ которыхъ писанки получены, что, безъ сомнѣнія, лишаетъ насъ возможности сдѣлать заключенія болѣе широкія и прочныя.

Займемся главнымъ образомъ названіями узоровъ. На сѣверѣ херсонской губ. въ средѣ малороссовъ господствуетъ большинство узоровъ, извѣстныхъ на писанкахъ коренной Малороссіи и Галиціи, а именно: бараньи рижки, безконечникъ, бесаги, бокова рожа, бочка, виноградъ, витушка, гвоздыки, гребенци, гусячи лапкы, дубовый лыстъ, заступци, зирочки (или звѣздочки), калыткы, съ крапинками, крутые рожки, крыльци, курячи лапки, ластовины хвостыкы, листьячка (колотки), ломаный крестъ, огиркове вудыння, паукъ (паучки), повна рожа, собача рожа, сорококлынци (косоклынья, клынья), сорочa лапка, хрестъ. Кромѣ того, среди названій малорусскихъ писанокъ нашей коллекціи мы нашли нѣсколько такихъ, какихъ намъ неизвѣстно на писанкахъ собственно украинскихъ:[1]) вазончикъ, перерва, сапожки, тюльпаны, углушки, христата рожа и шесть квитокъ. Изъ названій

[1]) Мы имѣли въ виду статью „Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской“ въ Кіев. Стар. XXXI и ст. Н. Ѳ. Сумцова о писанкахъ въ Кіев. Ст. XXXIII.

молдаванскихъ писанокъ многія тождественны съ малороссійскими или представляютъ буквальный переводъ послѣднихъ, какъ-то: бараньи роги, талпа кгыскый (гусяча лапка), косычата рожа, ломаный крестъ, повна рожа, патруцешь ди клинъ (сорококлынци), сосенка, хрестъ, шелудыва рожа; для двухъ только писанокъ мы не нашли соотвѣтствующихъ названій въ малороссійской терминологіи, но самыя названія—малороссійскія: дивокъ и зализо до плуга (*молд.* шеруплугулуй). Изъ болгарскихъ названій слѣдующія равнозначущи съ малороссійскими: празя рокгъ (бараній рогъ), бокова рожа, баклаже (баклажекъ), велчи зэби-тя (волчьи зубы, у г. Сумцова, стр. 379), гребенче (гребинци), зори, капанки (съ крапинками), ластовишка унашка (ластовины хвостыки), сливки, чупенъ крестъ (ломаный крестъ), паязе (паукъ), пэлна ружа (повна рожа), четырейсе—клинцы (сорококлинцы), юрдана и крестовца (крестъ); наконецъ, для слѣдующихъ четырехъ не находится идентичныхъ въ малороссійской терминологіи: бабины зэби-тя (бабьи зубы), кгирлига, камшица ружа, флаги.

Такимъ образомъ, большинство названій писанокъ молдаванскихъ и болгарскихъ совпадаютъ съ малороссійскими. Мѣстные болгары утверждаютъ, что какъ обычай дѣлать писанки, такъ и названія ихъ у нихъ исконные и ни у кого не заимствованы, и подтвержденіемъ этого можетъ служить та изолированность, которая отличаетъ ихъ по отношенію къ другимъ окружающимъ ихъ народностямъ. Поэтому является вопросъ: не произошло ли въ данномъ случаѣ заимствованія малороссами и молдаванами у болгаръ, быть можетъ еще гораздо ранѣе XVIII столѣтія, когда болгары начали селиться въ Новороссіи? Что касается молдаванъ, то въ нашихъ мѣстахъ общеніе ихъ съ малороссами, а въ частности брачные союзы—вещь хорошо извѣстная, такъ что мы склоняемся къ предположенію, что молдаване заимствуютъ названія писанокъ у малороссовъ, особенно имѣя въ виду,—что у нихъ онѣ большею частію сохраняютъ малороссійскую форму, тогда какъ у болгаръ всѣ названія—болгарскія.

Среди малороссійскихъ названій узоровъ у насъ бытуетъ одно, котораго мы не нашли ни на писанкахъ лубенскаго музея г-жи Скаржинской, ни въ изслѣдованіи проф. Сумцова; названіе это—тюльпаны; но въ статьѣ г. Сумцова мы нашли указаніе, что писанки съ этимъ узоромъ извѣстны у сербовъ [1]). Можетъ быть, этотъ узоръ есть остатокъ Новой Сербіи прошлаго вѣка, расположенной какъ разъ въ районѣ нашихъ наблюденій.

---

[1]) „Кіев. Стар.“ т. XXXIII, стр. 376.

Узоры писанокъ среди узоровъ на другихъ предметахъ не стоятъ вполнѣ изолированно. Разумѣется, самая форма предмета въ значительной степени обусловливаетъ содержаніе орнамента. Но въ то же время, среди узоровъ на писанкахъ возможно указать такіе, которые пользуются популярностью, напр. на вышивкахъ. Таковы: вазончикъ, виноградъ, гвоздыкы, зирочка, крутые рожки, повна рожа, собача рожа, сосенка, крестъ [1]). Лица, заслуживающія довѣрія, передавали намъ, что узоры для писанокъ заимствуются также съ килимовъ.

Фонъ писанокъ въ нашихъ мѣстахъ по большей части черный, рыже-красный, а иногда бѣлый; рисунокъ исполняется чаще всего тремя красками: красной, желтой и бѣлой, рѣже двумя или четырьмя красками; кромѣ помянутыхъ, употребляются также зеленая и черная краска. Красный цвѣтъ употребляется разныхъ оттѣнковъ: розовый, кармазинный, малиновый. Разницы въ окрашиваніи писанокъ у малороссовъ, молдаванъ и болгаръ не замѣчается. Имѣющіяся въ нашемъ собраніи молдаванскія писанки изъ Бессарабіи почти всѣ одноцвѣтныя—розовыя, рѣже—кармазинныя, съ бѣлымъ узоромъ, совершенно оригинальнымъ по рисунку.

В. Ястребовъ.

Разбойникъ Добрушъ (*изъ народныхъ устъ*). Въ пограничной съ Австріей части каменецкаго уѣзда, подольской губерніи, наряду съ живыми разсказами о Кармелюкѣ, среди народа ходятъ еще болѣе живые разсказы о разбойникѣ Добрушѣ (въ другихъ разсказахъ онъ называется Довбушемъ). Что личность разбойника Добруша не вымышленная, не фантастическая—это подтверждается массой разсказовъ о немъ, слышанныхъ мною отъ стариковъ-крестьянъ во многихъ селахъ уѣзда. Дѣйствительно, здѣсь когда-то гулялъ какой-то разбойникъ, носившій кличку «Добруша». Я старался добиться отъ крестьянъ, въ какихъ именно годахъ, сколько лѣтъ назадъ былъ этотъ разбойникъ Добрушъ; но добиться установленія времени, даты извѣстнаго событія отъ крестьянъ труднѣе всего. Разсказчики, обыкновенно старики подъ или даже за 70 лѣтъ, о времени извѣстнаго событія выражаются такъ; «то було, якъ я ще бувъ малый и грався

---

[1]) Труды Кіев. Археолог. съѣзда т. II, стр. 321—322 и рисунки 28, 30, 73, 76 и др.

въ пороси», или еще лучше: «це розсказувавъ мени мій батько, и казавъ, що то діялось тоди, якъ винъ ходывъ ще безъ штанивъ» и т. д. въ этомъ родѣ; такъ обыкновенно разсказчиками крестьянами всегда опредѣляется дата извѣстнаго событія.

Приходится высчитывать время, дату самому,—но рѣдко и это возможно, такъ какъ для этого необходимо знать лѣта разсказчика; на вопросъ же: «скилько вамъ, диду, литъ?»—дидъ отвѣтитъ: «або я знаю! Богъ его святый знае, може е вже зъ девядесятъ». Потомъ узнаешь, что разсказчику всего на всего 70 съ чѣмъ нибудь лѣтъ, или скажетъ: «може е вже з симь десятнивъ»; начнешь наводить справки и узнаешь, что разсказчику диду уже подъ 90 лѣтъ.

—«Або колысь тіи рокы такъ считалы, якъ теперъ мужыкы считаютъ, тай малы хиба часъ колысь мужыкы свои рокы личыты; забувавъ, якъ тебе зваты, якый день,—не то, що скилько тоби литъ,—якъ почнуть тебе быты», обыкновенно говорятъ въ свое оправданіе о незнаніи своихъ лѣтъ разсказчики-дѣды.

Такъ и не удалось установить мнѣ даты, когда именно былъ разбойникъ «Добрушъ»,—но изъ разсказовъ явствуетъ, что онъ былъ вскорѣ послѣ Кармалюка.

Разсказы о Добрушѣ и его 11 товарищахъ—всѣ въ одномъ родѣ и смыслѣ, а потому не буду приводить всѣхъ, а изъ многихъ слышанныхъ приведу лишь одинъ, характеризующій поступки и личность этого разбойника.

«То колысь дуже давно,—ще не за мени памяты,—бо це розсказувавъ мени мій небожчыкъ батько,—нехай тамъ ему легенько згадаеця,—бувъ въ нашихъ сторонахъ велыкый розбійныкъ, звалы его Добрушъ,—такъ разсказывалъ мнѣ въ 1891 году крест. пограничнаго с. Кудринецъ, каменецкаго уѣзда, б. въ то время волостной старшина Иванъ Присяжнюкъ (нынѣ покойникъ).

«Той Добрушъ бувъ молодый, здоровый, страшенне сыльный, а зъ лыця дуже гарный, и пидибравъ винъ, мавъ соби одынацять товарышивъ—якъ иденъ въ иденъ—такихъ самихъ, якъ и ихъ отаманъ, молодыхъ, здоровыхъ, сыльныхъ и гарныхъ.—Жылы воны въ лиси, въ такихъ пущахъ-нетрахъ, що туды нихто не заизжавъ и не заходывъ, и звидтель нападалы на панивъ, жыдивъ и грабылы ихъ.—Найбильше Добрушъ робывъ такъ: якъ тилько прочувавъ про якого богача, що у него е багато грошей, то,—якъ той богатырь бувъ купець,—Добрушъ перебирався и соби купцемъ, якъ панъ обы-

ватель, то и Добрушъ робывся паномъ-обывателемъ и йихавъ четвернею, або шестернею зъ локаемъ, козачкомъ (то все булы передиты его товарыши) до того богача або нибы то прямо познаемытысь, або нибы по якому дили.—Обдывывшысь вси входы и выходы, зобачывшы вси порядкы, обычаи и звычаи у богатыря,—винъ часомъ йихавъ соби до дому, а на другу, або третю ничь нападавъ зъ своими товарышами и грабывъ; а часомъ пидъ якимъ-небудь выдомъ оставався у богатыра ночуваты, въ ночи, якъ вси вспляця, встававъ, одчынявъ двери и пускавъ своихъ товарыщивъ. Винъ навить до ксендзивъ йиздывъ въ гости, перебравшысь ксендзомъ и обдывывшись все, потимъ нападавъ съ товарышами и грабывъ ихъ. Винъ умивъ дуже добре, якъ вгодно и чымъ вгодно перебиратысь—жыдомъ, паномъ, ксендзомъ; и якъ переберецця то нихто его не мигъ пизнаты, навить товарыши.

Той Добрушъ бувъ дуже ласый до дивчатъ; якъ тилько чувъ, що у якого пана, або купця е дуже гарна дочка, заразъ перебирався такъ, щобъ нихто его не пизнавъ, алежъ, щобъ и не тераты своеи красы--заразъ йихавъ до того пана, або купця въ гости, нибы то кавалеромъ сватат ысь. Часомъ такъ въ йидне мисце йиздывъ килька разъ и старався влюбыты въ себе панну: и якъ винъ бувъ дуже гарный, то ему це часто вдавалось; тоди, выманывшы еи якъ небудь въ лисъ, або въ огрудъ, хватавъ, видвозывъ до себе и, пожывшы зъ нею 3 дни найбильше тыждень, стынавъ еи голову; а ни жаднои жывои не пустывъ. А якъ панна влюбытысь въ себе не давалась, або выманыты еи зъ дому въ лисъ, або огрудъ также не вдавалось—то тоди Добрушъ въ ночи съ своими товарышами нападавъ на димъ; и его хлопци грабылы димъ, гроши, а Добрушъ бравъ соби тылько панну; алежъ черезъ килька днивъ и та була вже безъ головы.

Багато такъ Добрушъ звивъ зо свита дивчатъ и паннивъ.

Другой разсказчикъ, крестьянинъ с. Наирянъ Карпъ Чорный, разсказавъ о Добрушѣ и его 11 товарищахъ почти тоже, что и Присяжнюкъ, съ нѣкоторыми лишь варіаціями о похожденіяхъ Добруша, такъ разсказалъ о поимкѣ Добруша и его молодцевъ.—

— Довбушъ (въ разсказѣ Чернаго Добрушъ вездѣ зовется Довбушемъ) бувъ дуже велыкый охотныкъ до паненокъ, багато винъ ихъ погубывъ; алежъ черезъ ныхъ и винъ самъ попався и пропавъ: нашлась така, що й его зловыла и погубыла.

Якъ сталы Довбуша и его шайку войско и начальство шукаты и ловыты,—то Довбушъ зъ своимы хлопцямы перейшовъ въ другый лисъ и знову сталы грабыты.

А недалеко того лису, куды перейшовъ Довбушъ, бувъ маентокъ, село; въ тому маентку жыла дидычка его, пани, дуже богата, дуже зъ лыця гарна, та й ще молоденька, и була вона вдовыця. Отъ прочувъ Довбушъ про ту пани и заразъ зибрався до неи въ гости: йидного свого хлопця одивъ хурманомъ, другого локаемъ, третего форысемъ, казавъ запрягты соби шестерню коней и пойихавъ. Пройизжае; назвався грабьемъ, выдумавъ соби назвысько; отакъ щось два, чы тры разы йиздывъ до теи вдовы; на решти ему надокучыло йиздыты; винъ не любывъ зъ бабамы довго жартуваты и гаяты часу.

А та пани вдова ще раньше чула про Довбуша и зразу догадалась, що то винъ до неи йиздыть,—алежъ прыкынулась, що ничого не знае, и буцимъ той грабья—нибы то Довбушъ—дуже ій сподобався: прыкынулась,—що залюбылась въ него. А въ теи пани було дуже багато разнои прыслугы. Отъ той грабья,—себѣ то Довбушъ,—килька разъ все просыть паню пройтысь, то въ огрудъ, то въ поле, то въ лисъ, а она все то тимъ, то другимъ видмовляеця и нейде зъ нымъ. Нарешти разъ Довбушъ прыйизжае до теи пани и просыть еи, щобъ вона прыйихала до него въ гости завтра; що у него нибы то е старенька маты. Пани обицяла на завтра прыйихаты, тай пытае его: дежъ винъ жыве. А винъ и каже, що тамъ то и тамъ то въ лиси; она й пытае его, черезъ що винъ жыве въ лиси, а не въ сели, винъ и каже, що винъ недавно прыйихавъ зъ города и слабый—болыть у грудяхъ—то дохтори казалы ему, щобъ винъ жывъ де якый часъ у лиси; винъ построивъ хату въ лиси, тай жыве. Пани вдала, що ни бы то повирыла ему.

Алежъ на другый день пани не йиде въ гости, хоць и обицяла; а пойихала допиро на другый день писля того, взявшы зъ собою на всякый случай кинжала и пистоли; пидъихала до лиса, злизла зъ повоза и сказала хурману: якъ мене до завтра не буде, не вернусь, то йидь до дому, не чыкай на мене, а сама пишла пишкомъ въ лисъ, якъ ій розсказовалы: перше прямо, потимъ направо, потимъ наливо, выйшла на галяву, а на тіи галяви гарный димъ; она війшла въ середыну—обійшла кругомъ и весь димъ—ниде а ни души; а въ доми все дорогее, богатее; бачыть пидъ домомъ—лехъ, вона и туды війшла,—війшла та злякалась: тамъ трупивъ прямо купамы; а все найбильше паненокъ; идна другои краща, идна другои молодша, и вси безъ голивъ; головы особлыво, якъ гарбузы, валяюця. Допиру та пани скорійше зъ того леху: треба, думае, втикаты, а то й мени такъ буде, алежъ тилько що выйшла зъ леху—чуе—

тупотъ;—догадалась, що то вернувся Довбушъ зъ своею шайкою десь зъ охоты, та й не мала куды, сховалась скорише пидъ идну постиль.

А то було вже вечеромъ; вже смеркалось. Війшовъ Довбушъ, а за нымъ его хлопци. Отъ Довбушъ и каже до своихъ товаришивъ: «щось не прыихала до мене въ гости моя пани; не хотила прыихаты до мене,—то я завтра поиду до неи остатній разъ; вечеромъ щобъ остатыся у неи ночуваты,—буцимъ заслабну; а въ ночи впущу васъ—и тоди моя пани, а ваше все, що найдете въ доми». А пани лежыть пидъ постелью того самого Довбуша, ни жыва—ни мертва, и все то чуе. Повечеравъ Довбушъ зъ своимы хлопцямы, та й ляглы спаты, и скоро поснулы, ажъ сталы храпиты. Тоди пани тыхенько вылизла зъ пидъ постили, тыхенько выбралась зъ дому,—та давай Богъ ногы зъ лису; добигла до повоза, та скорише до дому, та й заразъ послала запыску въ городъ,—«прышлитъ роту москаливъ, бо въ мене цеи ночи буде Довбушъ зъ своею шайкою». Прыслалы ій роту москаливъ; она ихъ попрятала, де могла: а тутъ прыизжае и Довбушъ—все тимъ же грабьею зъ козачкомъ, локаемъ, форысемъ и хурманомъ. Вечеромъ графъ заболивъ и зостався у пани ночуваты; а въ ночи тилько що Довбушъ одчынывъ двери и впустывъ своихъ 11 товаришивъ,—якъ зо всихъ сторонъ повыходылы москали и всихъ ихъ половылы и повязалы,—а черезъ короткый часъ Довбушу и его 11 товаришамъ видтялы головы.—

Совершенно такой же, подобный вышеприведенному, разсказъ мнѣ разсказывалъ кр. с. Рыхты Алексѣй Гнатышинъ, съ той лишь варіацией, что вдовушка не знала, что ея гость Довбушъ, а поѣхала къ нему въ гости, потому что дѣйствительно безумно влюбилась въ него. Это, можетъ быть, вѣроятнѣе и ближе къ правдѣ.

Вообще разсказы о Добрушѣ или Довбушѣ мнѣ приходилось слыхать отъ крестьянъ въ селахъ 3 волостей: Гавриловецкой, Рыхтецкой и Должецкой, каменецкаго уѣзда.

И. Вѣньковскій.

Стоянка и мастерская каменнаго вѣка въ могилевской губерніи, изслѣдованная лѣтомъ 1893 года. Въ началѣ іюля 1893 г. прибылъ въ с. Кистени, рогачевскаго уѣзда, могилевской губерніи, профессоръ университета св. Владиміра П. Я. Армашевскій, производившій геологическія изысканія въ могилевской губерніи. Въ числѣ прочихъ вещей, доставлявшихся г. профессору для опредѣленія, учи-

тель сувалкской женской гимназіи П. М. Цитовичъ принесъ фрагментъ орнаментированнаго сосуда съ просьбой опредѣлить степень его древности, при чемъ сообщилъ, что на мѣстѣ находки онъ оставилъ нѣсколько подобныхъ фрагментовъ, такъ какъ всѣ они одинаковы, и число ихъ весьма незначительно. При внимательномъ осмотрѣ принесеннаго г. Цитовичемъ фрагмента я убѣдился, что онъ относится къ каменному вѣку, а потому на другой-же день отправился въ сопровожденіи г. Цитовича осмотрѣть мѣсто находки. Находка была сдѣлана г. Цитовичемъ въ урочищѣ «Залозье», находящемся на 3 версты выше с. Кистеней, на томъ-же правомъ берегу Днѣпра. Мѣстность представляетъ собою наносное образованіе (дюна) и тянется сажени на 3—4 по берегу, оканчиваясь обрывистой горой, на которой расположена усадьба А. Н. Молчанова. У подножья горы берегъ сплошь усѣянъ валунами, высыпавшимися при спалзываніяхъ горы; по мѣрѣ приближенія къ подошвѣ горы число валуновъ уменьшается, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ гора понижается до уровня остальной мѣстности, валуны сразу прекращаются, но за то здѣсь берегъ покрытъ фрагментами сосудовъ, кремнями и кухонными остатками, которые идутъ вплоть до ручья, вытекающаго изъ-за горы, и занимаютъ собою около 15 квадратныхъ саженей. Такимъ образомъ нельзя было сомнѣваться, что здѣсь была стоянка каменнаго вѣка. Распредѣленіе предметовъ на стоянкѣ было довольно неравномѣрно: между тѣмъ какъ фрагменты сосудовъ попадались на всемъ пространствѣ стоянки, кремни и кости встрѣчались ближе къ рѣкѣ, а раковины сосредоточились главнымъ образомъ въ серединѣ стоянки. Такимъ образомъ наша находка распредѣляется на слѣдующія 3 группы: 1) кремневыя орудія, 2) керамика и 3) кухонные остатки [1]).

Кремневыя издѣлія встрѣтились намъ въ небольшомъ количествѣ, именно 20 предметовъ, и распредѣляются по типамъ слѣдующимъ образомъ: 7 ножей, 5 острій, 5 скребковъ и 3 ядрища. На изготовленіе всѣхъ этихъ предметовъ употреблялся или темно-сѣрый или свѣтло-лиловый кремень. Ножи ограничены 3 плоскостями и отбиты мелкими ударами; всѣ средняго размѣра; изъ нихъ 4 ножа сохранились въ цѣломъ видѣ, отъ трехъ-же остались только половинки. Острія (pointes de dards, Pfeilspitzen) ограничены 3 плоскостями и

---

[1]) Большая часть найденныхъ здѣсь предметовъ хранится въ археологическомъ кабинетѣ университета св. Владиміра за №№ 5893—5910, остальные же поступили въ мою коллекцію.

отбиты мелкими ударами; всѣ небольшого размѣра. Скребки или скребла (grattoir, racloir) отбиты мелкими ударами и весьма невелики. Нуклеусы (nucleus) не велики и легки.

Кухонные остатки (kjockkenmoedding) состояли главнымъ образомъ изъ обломковъ раковины Uniopictorum; только у рѣки намъ попались одна цѣлая кость, зубъ и нѣсколько осколковъ кости какого-то, вѣроятно, домашняго животнаго. Къ сожалѣнію, цѣлая кость и зубъ были утеряны, и такимъ образомъ мы не можемъ дать болѣе точнаго опредѣленія, какому животному они принадлежали.

Керамика [1]) выразилась въ огромномъ количествѣ фрагментовъ сосудовъ, изъ которыхъ только немногіе не имѣютъ орнаментики. Среди этого огромнаго количества фрагментовъ намъ встрѣтились только 2 днища и нѣсколько обломковъ верхняго края сосуда; остальную-же массу фрагментовъ трудно отнести къ какой-либо опредѣленной части сосуда. Сосуды были сдѣланы безъ гончарнаго круга, поэтому внутри они довольно шероховаты; днища имѣли или острыя, или круглыя; верхній край мало выдавался. Обжигъ сосудовъ не одинаковъ: между тѣмъ какъ одни сосуды обожжены и внутри и снаружи очень хорошо, въ другихъ наружный слой хорошо обожженъ, внутренній-же почти не обожженъ, поэтому такіе сосуды внутри черного цвѣта и сильно зубчаты. Вслѣдствіе различія въ обжигѣ сосуды и снаружи не одинаковаго цвѣта: одни довольно свѣтлы, между тѣмъ какъ другіе имѣютъ темно-бурый цвѣтъ.

Несомнѣнно, что керамика составляетъ самую важную часть нашей находки, какъ по большому количеству ея представителей, такъ и по разнообразію орнаментовъ, представляющихъ собою первыя произведенія искусства доисторическаго человѣка. Сначала человѣкъ, поставленный лицомъ къ лицу съ враждебной ему природой, долженъ былъ заботиться о томъ, какъ-бы лучше устроиться, поэтому все его вниманіе обращено на усовершенствованіе средствъ, служившихъ ему для защиты и для добыванія пищи, на отысканіе болѣе или менѣе сноснаго жилья и т. д. Только ознакомившись съ природой и устроившись среди нея, онъ сталъ замѣчать различіе между предметами по степени ихъ красоты. Такимъ образомъ у доисторическаго человѣка возникло эстетическое чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность удовлетворить ему. Памятниками этого являются немного-

---

[1]) Керамика помѣчена въ университетскомъ каталогѣ однимъ общимъ № 5910.

численные рисунки на кости [1]) и на камнѣ [2]). Но этотъ видъ искусства не могъ достигнуть высокой степени развитія, такъ какъ доисторическій человѣкъ обладалъ весьма несовершенными орудіями. Появленіе и развитіе гончарства дало человѣку болѣе удобный для его эстетическихъ занятій матеріалъ. «Въ археологіи, особенно первобытной», говоритъ гр. Уваровъ [3]), «всѣ эти памятники гончарства, сдѣланные еще неумѣлою рукою, пріобрѣтаютъ для наблюдателя особое значеніе. Понятно, что гончарныя издѣлія, приготовленныя изъ дурной смѣси глины, при незнаніи условій хорошаго обжига, имѣли такую хрупкость, что не допускали даже мысли о перевозкѣ ихъ на дальнее разстояніе. Но намъ не приходится жалѣть объ этой чрезвычайной хрупкости, которая, вслѣдствіе именно такого недостатка, и служитъ удостовѣреніемъ, что всѣ издѣлія изготовлялись на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ мы ихъ теперь находимъ. Такимъ образомъ, гончарный памятникъ прежде всего является, какъ мѣстное произведеніе. Затѣмъ, на немъ отражается вполнѣ умѣніе или неумѣніе гончара, что кладетъ на самое издѣліе особый, личный отпечатокъ. При этомъ гончаръ придаетъ ему форму, которая была общепринята въ извѣстной мѣстности и украшаетъ его такъ, какъ понимали украшенія другіе члены того-же поселенія. Вообще личный отпечатокъ гончара, въ древнѣйшія времена, могъ выказаться вполнѣ ясно, такъ какъ не было тогда тѣхъ фабричныхъ инструментовъ, которые механически подводятъ всякія издѣлія подъ одинъ общій, безцвѣтный образецъ. Въ первобытныя времена, напротивъ того, инструменты, которыми пользовался гончаръ, были такіе простые, такіе незатѣйливые, что никакъ не могли изгладить личное вліяніе мастера на издѣліе. Однимъ словомъ, гончарство въ первобытныя времена развилось у всѣхъ народовъ какъ мѣстное ремесло, весьма даже своеобразное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служившее вещественнымъ отпечаткомъ культурнаго развитія этихъ народовъ». Къ сожалѣнію, въ русской археологіи мало обращали вниманія на гончарство каменнаго вѣка, особенно-же печальна участь орнаментики этой эпохи. Орнаменты

---

[1]) Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ. I. М. 1881, стр. 226, № 30.

[2]) Ibid, II, таб. 27, № 250; таб. 48, № 2835 и т. д.

[3]) Ibid, I, стр. 253.

сосудовъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Россіи, до сихъ поръ не были описаны и классифицированы по типамъ, по способу производства и по степени древности ихъ; поэтому мы не имѣемъ даже строго установившихся терминовъ для опредѣленія того или другого типа орнамента, и способъ описанія ихъ еще не выработанъ. Между тѣмъ изученіе орнамента каменнаго вѣка, по справедливому замѣчанію кн. Путятина [1]), составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ доисторической археологіи, а также, по нашему крайнему убѣжденію, исторіи искусствъ. Изученіе-же только одной стороны быта доисторическаго человѣка,—развитія, практическихъ знаній у него, при совершенномъ игнорированіи другой столь-же важной стороны быта,—развитія эстетическихъ стремленій, стоящихъ въ прямой связи съ появленіемъ первыхъ зародышей пластическихъ искусствъ, является сильнымъ пробѣломъ въ нашей археологіи [2]).

Встрѣтившіеся на нашей стоянкѣ орнаменты, по способу производства, раздѣляются на 3 группы: орнаментъ ямочный, нарѣзами и наколами; при чемъ каждая изъ этихъ группъ имѣетъ нѣсколько разныхъ типовъ, а каждый типъ—массу варіантовъ. *Ямочный орнаментъ* встрѣтился намъ на большей части фрагментовъ; онъ производился или орудіемъ съ гладкимъ концемъ, или орудіемъ съ слегка закругленнымъ концемъ. Въ первомъ случаѣ, ямочки очень глубоки, имѣютъ видъ полаго цилиндра, разстояніе между ямочками велико, и онѣ идутъ только въ одинъ рядъ [3]). Этотъ типъ орнамента встрѣтился намъ только на 5 фрагментахъ верхняго края сосуда, при чемъ на 2 изъ нихъ замѣтны слѣды какого-то другого болѣе мелкаго орнамента. На одномъ фрагментѣ такая ямочка идетъ насквозь, но въ этомъ случаѣ она сдѣлана скорѣе для подвѣшиванія сосуда, чѣмъ для украшенія. Во второмъ случаѣ ямочки довольно мелки, суживаются ко дну и густыми рядами покрываютъ весь сосудъ; онѣ бываютъ почти круглыя и сильно продолговатыя, при чемъ всѣ 3 типа

---

[1]) Орнаментація древняго гончарства (Труды VI Археол. съѣзда. Т. I. Одесса. 1886, стр. 85).

[2]) Въ нашей замѣткѣ мы опредѣляемъ типы орнаментовъ тѣми терминами, какіе употребляетъ кн. Путятинъ въ упомянутой выше замѣткѣ.

[3]) Ср. Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. II, таб. 18. №№ 4006, 4007, 4009, 4010 и т. д; таб. 20, № 4034а и т. д.

представляютъ еще и варіанты по величинѣ ямочекъ [1]). Этотъ видъ орнамента встрѣтился намъ на громадномъ количествѣ фрагментовъ. Орнаментированіе *нарѣзами* производилось или крупнымъ, вѣроятно, кремневымъ орудіемъ, или мелкимъ орудіемъ и, вѣроятнѣе всего, рыбьей костью. Въ первомъ случаѣ, нарѣзы мелки и коротки, идутъ густо другъ подлѣ друга и въ нѣсколько рядовъ опоясываютъ сосудъ. Орнаментъ второго типа встрѣтился намъ только на 3 очень небольшихъ фрагментахъ; онъ узокъ, глубокъ и въ 2 ряда тянется во всю длину фрагментовъ. Къ этому же типу можно отнести, по способу производства, очень изящный, ромбовидный орнаментъ, встрѣтившійся на одномъ только фрагментѣ. На одномъ фрагментѣ часть покрыта ямочками, а часть—нарѣзами. Орнаментъ *наколами* встрѣтился на значительномъ количествѣ фрагментовъ и представляетъ массу типовъ. Иногда наколы группируются по 4—6 въ рядъ, при чемъ эти ряды наколовъ идутъ въ 5—7 рядовъ; на плохо сохранившихся фрагментахъ наколы такъ сливаются, что могутъ быть приняты за нарѣзы. Такими-же наколами произведенъ и такъ называемый елочный орнаментъ, который представляетъ 2 варіанта: 1) линіи, образующія елочку, не сходятся въ вершинѣ, и такимъ образомъ остается пустое пространство и 2) черезъ вершину елочки проведена углубленная черта. Совершенно похожъ на елочный орнаментъ, такъ называемый, діагональный орнаментъ; различіе его съ елочнымъ состоитъ въ томъ, что линіи елочекъ сходятся другъ съ другомъ и образуютъ такимъ образомъ зигзаги. На нѣкоторыхъ фрагментахъ наколы идутъ густо въ 3—5 рядовъ и образуютъ треугольники, и т. д. Наконецъ, на нѣсколькихъ фрагментахъ намъ встрѣтился мелкій, густой, сплошь покрывающій фрагменты наколъ.

Общій выводъ, къ которому можно прійти, на основаніи представленнаго нами выше описанія обстоятельствъ находки и найденныхъ предметовъ, заключается въ слѣдующемъ: хорошая отдѣлка орудій и присутствіе изящно орнаментированныхъ фрагментовъ сосудовъ показываютъ, что наша находка относится къ такъ называемой неолитической эпохѣ; присутствіе ядрищъ позволяетъ намъ заключить, что здѣсь была не только стоянка, но и мастерская кремневыхъ орудій; наше мнѣніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что тутъ

---

[1]) Ibid, таб. 23, № 4286; таб. 35, №№ 495 и 499 и т. д.; З.О. Оссовскій. Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка въ Россіи (Труды VI Археол. С. Т. I), таб. 6, №№ 1, 3 и 14.

на берегу попадается много кремня; такимъ образомъ доисторическій человѣкъ имѣлъ нужный ему матеріалъ подъ рукою; значительная степень развитія гончарства показываетъ, что культура людей, посѣщавшихъ эту мѣстность, была довольно высока [1]).

Кіевъ, 1894 г. **В. Е. Данилевичъ.**

Женитьба разбойника Гаркуши послѣ бѣгства его съ каторги. Слѣдующее распоряженіе графа П. А. Румянцова говоритъ объ этой женитьбѣ знаменитаго разбойника [2]).

«Преосвященнѣйшій господинъ Епископъ Переяславскій и Бориспольскій, мой милостивый архипастырь!

Наблюденіе общаго покоя и безопасности есть одно изъ славныхъ артикуловъ моей должности, а потому и главнымъ же предметомъ моихъ стараній быть должно, и кои не могутъ имѣть своего надлежащаго дѣйствія, если издаваемыя на то установленія не повсемѣстно наблюдатся, а кольми паче пренебрегатся будутъ тѣми, коихъ непосредственной есть долгъ не только самимъ наблюдать, но и иныхъ въ томъ поучать и наставлять. Въ томъ разсужденіи принужденъ я его преосвященства г. архіепископа митрополита Кіевскаго и Галицкаго Самуила просить, чтобъ онъ по изслѣдованіи благоволилъ съ священникомъ слободы Ромодановки [3]) владѣнія г. генералъ маіора Шамшевича приказать поступить по законамъ, который, какъ представляетъ мнѣ лубенскій земскій исправникъ, въ той слободѣ въ воровской шайкѣ бывшаго, бѣжавшаго съ каторги и имѣющаго на лицѣ знаки, дѣлаемые на казнь осужденнымъ, явнаго разбойника Семена Горкушу, и о поимкѣ котораго не разъ, но многажды притверждаемо было, съ крестьянскою дѣвкою Меланіею Чвиркаловною обвѣнчалъ, а ваше преосвященство покорнѣйше прошу всѣмъ епархіи вашей духовнымъ, а особливо парохіалнымъ священникамъ предписать, дабы они что къ свѣдѣнію, наблюденію и исполненію народа надле-

---

[1]) Обращаемъ вниманіе гг. археологовъ, что предметы каменнаго вѣка часто встрѣчаются въ окрестностяхъ нашей стоянки, напр., въ с. Кистеняхъ, въ д. Мадорѣ, въ с. Нижней Тощицѣ, въ с. Шапчичахъ и т. д.

[2]) О Гаркушѣ наиболѣе полныя свѣдѣнія собраны въ статьѣ Н. А. Маркевича, напечат. въ Русск. Словѣ 1859 г., № 9, стр. 138—244.

[3]) Теперь никакой слободы Ромодановки не существуетъ, а есть лишь хуторъ Ромодановскій, въ лохвицкомъ уѣздѣ.

житъ, какъ я о томъ вашему пр—ву отъ 26 апрѣля 1779 г. сообщилъ, при собраніи въ церквахъ, по окончаніи божественной литургіи, читали и парохіянъ ихъ всячески къ благоправію и благочинію наставляли.

Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего преосвященства покорнѣйшій слуга (Румянцовъ). 9 генваря 1784 года. *(Съ черновика въ бумагахъ М. О. Судьенка).*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости (Прибавленія) 1885—1894 г.

Десять лѣтъ назадъ въ «Кіев. Старинѣ» мы дали библіографическій обзоръ матеріаловъ по географіи и исторіи южной Россіи въ «Прибавленіяхъ» къ Херсонск. Епарх. Вѣд. за первые 25 лѣтъ изданія послѣднихъ [1]). Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду продолжить этотъ обзоръ, познакомивъ читателей съ новыми матеріалами, напечатанными въ «Прибавленіяхъ» съ того времени.

Нельзя не отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ обыкновенію духовенства составлять и печатать историческія записки о церквахъ и ихъ приходахъ. Сколько намъ извѣстно, въ херсонской епархіи иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ епархіальному начальству. Но пріятно убѣдиться, что распоряженіе епархіальнаго архіерея вызываетъ нерѣдко живое сочувствіе исполнителей, которые, не ограничиваясь сухой, канцелярской отпиской, относятся съ интересомъ и вниманіемъ къ своему труду, описываютъ памятники, роются въ архивахъ, записываютъ преданія и тщательно сопоставляютъ собранныя разными путями, иногда съ немалымъ трудомъ, крохи. Этотъ родъ литературы въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ самый интересный; съ него мы и начнемъ нашъ обзоръ.

«Историческая записка объ Очаковскомъ Николаевскомъ соборѣ» прот. *Гр. Судковскаго* (1885 г. №№ 20 и 22) составлена по документамъ церковнаго архива. Соборъ перестроенъ изъ турецкой мечети; 12 праздничныхъ иконъ перенесены сюда изъ старой греческой церкви, существовавшей въ Очаковѣ во времена турецкаго владычества; иконы: Воскресеніе Лазаря (на правой стѣнѣ) и Благословеніе дѣтей (на

---

1) „Кіев. Ст.“ 1885 г., октябрь.

лѣвой)—работы покойнаго академика Р. Г. Судковскаго, бывшаго тогда воспитанникомъ Академіи художествъ (похороненъ въ оградѣ собора); въ церковно-приходской школѣ Очакова (съ 1812 г.) первымъ учителемъ былъ Гонта, братъ извѣстнаго въ исторіи уманской рѣзни Гонты.

«Историч. записка о Грушевской церкви и ея приходѣ» свящ. *П. Торскаго* (1886 г. №№ 17 и 18). Село Грушевка лежитъ при р. Базавлукѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ послѣднимъ кошемъ Запорожской Сѣчи, нынѣ селомъ Покровскимъ екатериносл. губ. По преданію, первыми поселенцами Грушевки были бродяги, а отчасти запорожцы; по замѣчанію автора, здѣсь и теперь есть много лицъ, носящихъ извѣстныя запорожскія фамиліи, какъ то Куликъ, Головатый, Глоба, Довбышъ; при этомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ старожилы положительно утверждаютъ, что они происходятъ отъ лично извѣстныхъ имъ запорожцевъ; близъ села сохранились два намогильныхъ креста, съ надписями—на одномъ: «зде опочива рабъ Божии Семенъ Бѣлій козакъ вѣска запорожскаго ку...ню коренѣвъ», на другомъ: «зде погребенъ славнаго войска запорожскаго... куреню. . войск.. Григорія Никитов... братъ рабъ Божи 1748 г. 9 августа»; часть праваго берега Базавлука у самой Грушевки и теперь носитъ названіе *гряда Колнашиха*, по имени послѣдняго кошевого Калнышевскаго; село Грушевка получило названіе отъ грушевыхъ деревьевъ, въ изобиліи росшихъ здѣсь; часть ихъ сохранилась и до настоящаго времени.

«Историч. записка о свято-Покровской церкви с. Возсіятскаго и ея приходѣ» свящ. *П. Поручика* (1887 г. № 19). С. Возсіятское расположено на югѣ елисаветград. у.. По преданію, первымъ поселенцемъ въ этой мѣстности былъ выходецъ изъ Молдавіи Розмарица [1]); позднѣе сюда стали переселяться жители изъ курской и полтавской губ., въ составъ возсіятскаго прихода входитъ д. Васильевка, названная по имени перваго ея владѣльца Василія Хмельницкаго, который будто бы былъ потомкомъ знаменитаго Богдана Хмельницкаго. Въ 1827 г. Возсіятское обращено въ военное поселеніе. Весьма любопытны простодушные разсказы старожиловъ о ихъ пострижении въ поселянъ: «Когда по требованію военнаго начальства безотлагательно должны были всѣ крестьяне скинуть съ головъ длинные волосы и брить запущенныя бороды, то горе и отчаяніе ихъ не знало

---

1) Въ елисаветгр. уѣздѣ есть нѣсколько деревень, носящихъ названіе Розмарицина.

предѣловъ. Между тѣмъ по требованію начальства идутъ они въ комитетъ, но идутъ, точно на смерть; плачутъ старики, какъ дѣти, а ихъ стригутъ, какъ овецъ. Выпустятъ—бѣгутъ домой, и свѣтъ Божій не тотъ. Прячутъ головы и лица; страшно, стыдно, и сами не знаютъ, куда дѣваться. Вотъ добрели до своей хатенки, а тутъ жена въ плачъ, дѣти въ крикъ, не узнаютъ своего отца родного, бѣгутъ отъ него, прячутся. Горе отца еще болѣе усиливается; горше и онъ заливается слезами»...

«Лѣтопись прихода с. Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви» свящ. *Вл. Лобачевскаго* (1888 г. №№ 13, 18, 23; 1891 г. №№ 10, 11, 12, 13, 14; 1892 г. №№ 17, 18, 19) по своей разносторонности и обстоятельности принадлежитъ къ выдающимся произведеніямъ этого рода. Въ свое время мы познакомили читателей «Кіев. Стар». съ рукописью «Лѣтописи» о. Лобачевскаго въ извлеченіи [1]), а потому здѣсь было бы излишнимъ вдаваться въ подробности о ней. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться съ читателями нѣкоторыми чертами изъ пастырско-просвѣтительной дѣятельности почтеннаго автора. «Когда мнѣ пришлось ближе познакомиться съ своими прихожанами, какъ пастырю съ пасомыми, и узнать ихъ религіозное состояніе, говоритъ о. Владиміръ, то я изумился, нашедши ихъ совершенными младенцами въ вѣрѣ. Большинство изъ нихъ не умѣло вовсе Богу помолиться, ибо не знало первѣйшихъ молитвъ, о заповѣдяхъ понятія не имѣли, а о происхожденіи міра, человѣка, его назначеніи, загробной жизни существовали какія то легендарныя отрывочныя сказанія до христіанской эпохи... На всѣ мои... вопросы они обыкновенно отвѣчали мнѣ: «а Богъ его знаетъ! мы люди темные, за поселенія намъ не до этого было, отъ насъ требовали службы, работы»... Опыты церковнаго проповѣдничества не приводили ни къ чему и даже служили поводомъ для созданія новыхъ легендарныхъ сказаній, будто бы выслушанныхъ изъ церковныхъ проповѣдей. «Однажды, напр., разсказываетъ о. Лобачевскій, возникла молва въ приходѣ, будто батюшка говорилъ въ церкви, что чрезъ двѣ недѣли наступитъ конецъ міра, будетъ страшный судъ, каждый долженъ приготовиться къ смерти и приготовить для себя чистую бѣлую рубаху, о чемъ меня затѣмъ въ приходѣ неоднократно осаждали вопросами. Въ другое время циркулировалъ слухъ въ приходѣ, будто батюшка объяснялъ въ церкви, что лѣтомъ будетъ большой моръ на людей,

---

[1]) Бугское казначейство и военныя поселенія. „Кіев. Ст". 1887 г. № 12.

что будетъ большой урожай хлѣба, но некому будетъ убирать его, много народу вымретъ». Прихожане о. Лобачевскаго были болгары, но, правду сказать, и при другихъ условіяхъ проповѣдникъ могъ оказаться точно въ такомъ же положеніи. Добрый пастырь, однако, не опустилъ рукъ; онъ утѣшался евангельскимъ изреченіемъ: «иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть». Онъ начинаетъ по праздникамъ посѣщать дома своихъ прихожанъ и бесѣдовать съ ними запросто, на болгарскомъ языкѣ; бесѣды эти имѣли успѣхъ; когда стало увеличиваться количество желавшихъ участвовать въ бесѣдѣ съ батюшкой, то онъ назначилъ для того особый просторный домъ, въ которомъ по праздничнымъ вечерамъ и велъ продолжительныя собесѣдованія, названныя его прихожанами «свето горо» (священное собраніе). «Часто случалось, говоритъ онъ, что я, послѣ 2—3 часовъ бесѣды въ домѣ, въ которомъ и на печи, и въ сѣняхъ было биткомъ набито слушателей, уставалъ и заканчивалъ собесѣдованіе; тогда слушатели, не подозрѣвая, что мнѣ тяжело уже, наивно и искренно обращались ко мнѣ съ просьбой: «батюшка, посидите еще съ нами, разскажите намъ, темнымъ, еще что-нибудь»! Уступая просьбамъ, я оставался еще, еще увлекался бесѣдою, до того, что уже силъ не доставало, и читать становилось невозможнымъ отъ темноты, ибо свѣчи, которыхъ зажигали по нѣсколько штукъ, отъ тѣсноты народа и скопленія углекислоты, совершенно тухли. Тогда мы, часовъ около 10—11 зимней ночи расходились по домамъ». Впослѣдствіи, при содѣйствіи организованнаго о. Лобачевскимъ приходскаго братства, выстроено новое зданіе для школы; въ немъ изъ двухъ классныхъ комнатъ, раздѣленныхъ деревянною раздвижною стѣною, на время народныхъ собесѣдованій составляется одна большая зала; «теперь, говоритъ о. Лобачевскій, въ школу собирается на собесѣдованія слушателей.. до 500 и болѣе душъ»; собесѣдованія сопровождаются общимъ пѣніемъ молитвъ и псалмовъ и демонстрируются тѣневыми картинами при собственномъ братскомъ фонарѣ.

«Краткія свѣдѣнія о Шамовской Рождество-Богородичной церкви (ко дню столѣтія этой)» свящ. *В. Иващенко* (1888 г. № 17). Церковь выстроена въ 1788 г. стараніями и средствами подполковника Самуила Хорвата, основателя села Шамовки (1760 г.)—нынѣ александрійскаго уѣзда.

«Краткая записка о Елисаветградскомъ Успенскомъ соборѣ» прот. *Ѳ. Еленевскаго* (1888 г. № 22).

«Историческая записка о городѣ Очаковѣ и Очаковскомъ Николаевскомъ соборѣ (1889 г., №№ 2, 6, 9, 10 и 11). Статья юбилейная. Глава о завоеваніи Очакова составлена главнымъ образомъ по Соловьеву; глава о соборѣ есть перепечатка статьи, напечатанной ранѣе (въ 1885 г.); послѣдняя глава: «старый и новый городъ» написана, повидимому, по личнымъ наблюденіямъ автора.

«Мѣстечко Дмитровка александрійскаго уѣзда» свящ. *Г. Сорокина* (1891 г. №№ 17, 21 и 23). Сообщаются довольно подробныя свѣдѣнія по топографіи, исторіи, этнографіи и статистикѣ названнаго мѣстечка, при чемъ авторъ пользуется документами церковнаго архива и личными наблюденіями. По преданію, которое онъ считаетъ достовѣрнымъ, въ 1736 г. въ Дмитровкѣ татары сожгли церковь, что можетъ служить свидѣтельствомъ сравнительно древняго существованія мѣстечка. Народонаселеніе—малороссы и великоросы; они живутъ отдѣльно, не смѣшиваясь ни въ семейной, ни въ хозяйственной жизни. Изъ упоминаемыхъ и описываемыхъ авторомъ обрядовъ, укажемъ на существованіе обычая побратимства и посестримства—какъ у великороссовъ, такъ и у малороссовъ.

«Церковно-историческая лѣтопись объ Ананьевскомъ Свято-Николаевскомъ соборѣ и его приходѣ» свящ. *Ѳ. Тимковскаго* (1892 г. №№ 13 и 15).

Столѣтіе первой въ Одессѣ церкви, нынѣ каѳедральнаго собора» *А. Л.* (1892 г. № 18). Перепечатка изъ «Новор. Телегр.».

«Къ описанію приходовъ заштатнаго города Новогеоргіевска» александрійскаго у.» свящ. *В. Шахова* (1893 г. №№ 13, 15, 17, 18, 24; 1894 г. № 19; статья пока не закончена). Трудъ въ высшей степени обстоятельный и исполненный съ большимъ вниманіемъ и умѣло. Въ немъ читатель прежде всего найдетъ подробныя свѣдѣнія по топографіи города, при чемъ сообщается довольно мѣстныхъ названій; затѣмъ слѣдуютъ историческія данныя. Прежнее названіе Новогеоргіевска—Крыловъ; съ 1615 года это—укрѣпленное мѣсто, въ эпоху руины уничтожено, но скоро снова стало заселяться выходцами съ кіевской стороны и раскольниками; много народа переселилось сюда изъ кіевскаго (польскаго) Крылова, лежащаго напротивъ херсонскаго, на лѣвой сторонѣ Тясьмина. Послѣ сообщенія общихъ свѣдѣній, авторъ переходитъ къ частному обозрѣнію церквей и ихъ приходовъ. Первая, Покровская церковь, перенесена сюда изъ польскаго Крылова; на перестройку ея переялавскій епископъ Гервасій выдалъ въ 1767 году просительную грамоту и книгу для сбора по-

жертвованій въ Сѣчи Запорожской (приведена въ статьѣ цѣликомъ); конецъ церкви былъ не совсѣмъ обыкновенный: по преданію, окружной командиръ военныхъ поселеній полковникъ Антоновъ устроилъ изъ обветшавшей церкви винокуренный заводъ около Глинска... При церкви была пасѣка и садъ; въ день храмового праздника на церковныя средства варили медъ, покупали мясо и водку и угощали народъ; расходы эти, впрочемъ, дополнялись прихожанами; изъ церковныхъ доходовъ въ прошломъ столѣтіи обращаютъ на себя вниманіе «любочное» и «съ мертваго за сукно». Успенская церковь гор. Новогеоргіевска первоначально также перенесена изъ кіевскаго Крылова; въ инвентарѣ ея находится нѣсколько церковныхъ книгъ, напечатанныхъ въ концѣ XVII и въ XVIII в., и колоколъ съ слѣдующей надписью: «сдѣланъ сей звонъ въ Россійскій Крыловъ до храму Успенія Пресвятыя Богородицы стараніемъ протопопа Симеона Петрова и брата его іерея Димитрія, а коштомъ бывшихъ запорожскихъ козаковъ Кошоваго Григорія Лантуха, Деміана Платнеревскаго, Ивана Похола и протчихъ доброхотныхъ дателей 1767 г. по разбитіи въ Кіевѣ перелитъ въ 42 пуды 29 ф. 1772 г. мая 14».

Покончивъ этимъ съ историческими описаніями церквей и приходовъ, укажемъ на статьи *о штундизмѣ*, какъ извѣстно, появившемся ранѣе всего въ херсонской епархіи и здѣсь свившемъ себѣ гнѣздо.

«Происхожденіе малорусскаго штундизма и его сущность» *П. Л.* (1885 № 5). Перепечатано изъ «Кіевлянина». «Въ мірѣ штундистовъ» свящ. *И. Зубова* (1887 г. №№ 3 и 4). «Новыя свѣдѣнія о штундизмѣ» *П. Петрова* (№№ 13 и 16). «О прошедшемъ и настоящемъ положеніи штундизма въ Елисаветградскомъ миссіонерскомъ районѣ» свящ. *И. Зубова* (№ 18). «Краткія свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ штундизма въ Любомирскомъ приходѣ Елисаветгр. у.» свящ. *П. Автономова* (№ 20) (въ Любомиркѣ живетъ извѣстный Рябошапка). «О положеніи штундизма въ Елисаветградскомъ миссіонерскомъ округѣ въ 1887 году» свящ. *П. Зубова* (№ 21). «Свѣдѣнія о положеніи штундизма въ с. Андріановкѣ тирасpол. у.» свящ. *А. Шостака* (1891 г. № 20). Въ томъ же номерѣ свящ. *І. Филипповичъ* сообщаетъ о молоканахъ с. Катериновки ананьевск. у.

Біографическія свѣдѣнія о лицахъ церковной іерархіи находимъ въ слѣдующихъ статьяхъ:

«Пятидесятилѣтіе священства прот. М. Павловскаго» (1886 г. №№ 1 и 2). Протоіерей Павловскій—мѣстный уроженецъ, заслуженный

профессоръ и почетный членъ Новороссійскаго университета. «Изъ воспоминаній бывшаго уніатскаго іеромонаха» архим. *Владим. Терлецкаго* (1887 г. №№ 7 и 8; 1888 г. №№ 18, 24). «Мнѣніе архіеп. Иннокентія о кн. М. С. Воронцовѣ» *И. Палимсестова* (№ 12). «Изъ воспоминаній о почившемъ въ Бозѣ архіепископѣ Димитріѣ и знаменательный сонъ» (№ 24). «Слова и рѣчи, произнесенныя у гроба въ Бозѣ почившаго архіеп. Никанора» (1891 г. № 1). «Гр. А. Г. Строгановъ» (№ 17). «Черты изъ жизни въ Бозѣ почившаго митроп. Платона, бывшаго архіепископомъ въ Одессѣ» (1892 г. № 12). «Изъ исторіи церковной іерархіи и духовнаго просвѣщенія въ Новоросс. краѣ и Одессѣ» *Евг. Логинова* (1894 г. № 18)—читано 23 авг. 1894 г. въ залѣ Одесскаго епарх. женск. училища. «Письма А. С. Стурдзы къ архіеп. Иннокентію» сообщ. *Н. Барсовъ* (№№ 20, 21, 23 и 24). Стурдза, оставивъ государственную службу и поселившись въ Одессѣ, отдался духовно-литературной дѣятельности и благотворительности; къ этимъ двумъ сферамъ его дѣятельности относится содержаніе писемъ, напечатанныхъ здѣсь и извлеченныхъ изъ собранія бумагъ преосв. Иннокентія, принесенныхъ въ даръ Импер. Публ. Библіотекѣ Н. Х. Палаузовымъ.

Духовно учебныхъ заведеній касаются статьи *А. Полницкаго* «Историч. записка объ открытіи елисаветградскихъ духовныхъ училищъ (1889 г. №№ 20, 21, 22, 23, 24 и 1890 г. №№ 1, 2, 5, 6, 10, 11, 19) и *Л. Мацѣевича* «Историч. замѣтки объ одесской духовной семинаріи» (1894 г. №№ 10 и 11, пока не кончена). О первой изъ нихъ въ свое время данъ былъ отзывъ въ «Кіев. Стар.»[1]).

Исполнившійся въ прошломъ году *юбилей гор. Одессы* отмѣченъ въ «Епарх. Вѣдомостяхъ» также нѣсколькими статьями, а именно:

«Одесса въ первыя эпохи ея существованія» прот. *А. Л.* (изъ «Новор. Тел.»; 1894 г. № 1). Авторъ полемизируетъ съ проф. Надлеромъ (отчетъ о книгѣ послѣдняго см. въ «Кіев. Ст.» за прошлый годъ): ссылаясь на оффиціальный документъ, напечатанный въ исторіи Одессы Смольянинова, онъ утверждаетъ, что основаніе города состоялось дѣйствительно 22 августа; однако мнѣніе прот. *А. Л.*, что того же числа былъ заложенъ одесскій соборъ, не доказано имъ въ окончательномъ видѣ. Далѣе укажемъ статьи. «Празднованіе столѣтней жизни Одессы», «О сочиненіяхъ и брошюрахъ, вышедшихъ въ свѣтъ по случаю столѣтія Одессы» (№ 17) и «О сочиненіяхъ свящ.

[1]) 1891 г. № 2.

С. Петровскаго къ столѣтнему юбилею Одессы». Сочиненія о. Петровскаго носятъ слѣдующія заглавія: 1) «Одесскій каѳедральный Преображенскій соборъ» и 2) «Семь херсонскихъ архіепископовъ». Объ обоихъ рецензентъ отзывается съ большой похвалой.

Изъ другихъ событій въ краѣ отмѣчено открытіе памятника проф. В. И. Григоровичу на могилѣ его въ Елисаветградѣ описаніемъ торжества и рѣчами, сопровождавшими его (1892 г. № 21 и 22).

В. Ястребовъ.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. М. 1895.

Мы уже имѣли случай на страницахъ «Кіевской Старины» (1892, № 4 и 1893, № 3) говорить о двухъ первыхъ томахъ капитальнаго труда г. Шенрока о Гоголѣ. Если принять въ соображеніе ту добросовѣстность, съ которой относится авторъ къ своей задачѣ, и ту массу труда, которую онъ полагаетъ на ея выполненіе, то должно признать, что «матеріалы для біографіи Гоголя подвигаются довольно быстро (I томъ вышелъ въ 1892 году, а II—въ 1893-мъ). Вновь вышедшій III томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе жизни и литературной дѣятельности Гоголя за шесть лѣтъ, съ 1836 по 1842 годъ, т. е. двѣ его поѣздки за-границу, когда были имъ написаны «Мертвыя Души», и затѣмъ—пребываніе въ Москвѣ, во время котораго Гоголь былъ занятъ печатаніемъ своей великой «поэмы», а также обработкой нѣкоторыхъ другихъ, болѣе мелкихъ трудовъ, задуманныхъ и частію набросанныхъ имъ за границей. Большая часть содержанія этого тома, по принятому авторомъ порядку, уже была напечатана, въ два послѣдніе года, въ «Вѣстникѣ Европы» и «Артистѣ», но независимо отъ того въ вышедшій томъ введено и немало новаго и чрезвычайно интереснаго матеріала. Подобно двумъ первымъ, третій томъ «матеріаловъ» г. Шенрока очень богатъ фактическимъ содержаніемъ; можно сказать, что въ этомъ отношеніи авторъ даже идетъ впередъ, углубляясь въ изученіе своего предмета и овладѣвая все болѣе и болѣе обширными средствами для его всесторонняго разслѣдованія и освѣщенія; впрочемъ, тутъ помогали автору и нѣкоторыя независѣвшія отъ него обстоятельства: источники для указанной поры жизни и дѣятельности Гоголя получаютъ значительную полноту, дающую автору возможность слѣдовать за нимъ дѣйстви-

тельно почти «по пятамъ»; кромѣ того, ко времени III-го тома «матеріаловъ» г. Шенрока въ самое послѣднее время опубликовано было нѣсколько важныхъ историко-литературныхъ мемуаровъ, оказавшихъ большую услугу автору въ уясненіи той обстановки, среди которой жилъ Гоголь въ періодъ созданія и печатанія «Мертвыхъ Душъ»; самъ г. Шенрокъ особенную цѣну въ этомъ отношеніи даетъ «Запискамъ» А. О. Смирновой. Впрочемъ, говоря о матеріалахъ, которыми пользовался нашъ авторъ для своего изложенія, нельзя забывать, что весьма значительная доля этихъ матеріаловъ впервые пущена въ литературный оборотъ самимъ же г. Шенрокомъ, или будучи ранѣе опубликована имъ въ рядѣ другихъ матеріаловъ, или употребленная лишь для настоящаго третьяго тома его труда: тутъ въ особенности должно назвать письма Гололя къ А. С. Данилевскому и изустные разсказы послѣдняго о Гоголѣ, письма Гоголя къ матери, къ В. А. Жуковскому, къ Аксаковымъ, письма Н. М. Языкова и М. П. Погодина, письма къ г. Шенроку А. В. Гоголь, сестры поэта, семейныя преданія Вьельгорскихъ, рукописныя воспоминанія С. М. Соллогубъ (рожд. Вьельгорской) и проч. Эти важныя, большею частію документальныя данныя придаютъ многимъ страницамъ «матеріаловъ» г. Шенрока цѣнный характеръ первоисточника и, независимо отъ изложенія автора, навсегда обезпечиваютъ ихъ литературное значеніе и авторитетъ. Вообще, читая «Матеріалы для біографіи Гоголя», чувствуешь на каждомъ шагу увлеченіе автора своимъ предметомъ, педантическое желаніе собрать возможно больше данныхъ, провѣрить ихъ посредствомъ сопоставленія другъ съ другомъ, освѣтить по возможности всѣмъ подходящимъ къ данному случаю матеріаломъ и дать т. о. возможно подробную исторію жизни великаго писателя.

При тѣхъ условіяхъ, которыми г. Шенрокъ обставилъ свою работу, зачастую являясь въ роли добывателя совершенно новыхъ данныхъ и усердно занося ихъ на страницы своихъ «Матеріаловъ», трудно поставить ему въ упрекъ тѣ неровности изложенія, которыми страдаетъ его книга, какъ научное сочиненіе. Съ этой послѣдней точки зрѣнія иное нужно бы сократить, многое вынести изъ текста въ примѣчанія, устранить встрѣчающіяся кое-гдѣ повторенія; мы думаемъ, однако, что авторъ очень хорошо понимаетъ эту сторону своего труда, выразивъ это въ названіи его «Матеріалами» и предупредивъ тѣмъ многія возраженія, которыя безъ этого можно было бы противъ него выставить. Это свойство труда г. Шенрока, отнимая

у него нѣкоторую долю привлекательности въ глазахъ обыкновеннаго читателя со среднимъ интересомъ къ предмету, дѣлаетъ его для спеціалиста историка литературы нашей тѣмъ болѣе цѣннымъ: тутъ находятъ себѣ оправданіе и непомѣрно длинныя выписки изъ «Записокъ» А. О. Смирновой (стр. 16—22), и новыя письма Гоголя къ А. С. Данилевскому (стр. 229 и сл.), и даже вставки пропущенныхъ мѣстъ въ тѣхъ изъ этихъ писемъ, которыя не въ цѣльномъ видѣ были ранѣе напечатаны (стр. 203—205). Относясь строже къ характеру своего изложенія, касательно котораго цѣль «Матеріаловъ» давала автору очень большую свободу, г. Шенрокъ, по всей вѣроятности, не внесъ бы въ настоящій томъ (стр. 23—24) разсказа о чтеніи Гоголемъ «Женитьбы» въ домѣ И. И. Дмитріева, переданнаго со словъ г. Пашкова, такъ какъ такой разсказъ былъ бы умѣстнѣе въ II томѣ, гдѣ (стр. 324 и сл.) шла рѣчь объ упомянутой комедіи.

Къ числу положительныхъ достоинствъ третьяго тома «Матеріаловъ» мы склонны отнести ту болѣе широкую постановку біографическаго разсказа, въ которой нуждалось начало труда г. Шенрока; этому плодотворному пріему обязаны мы, между прочимъ, прекраснымъ очеркомъ вліянія Пушкина на Гоголя и вообще отношеній между ними (стр. 51—75). Вполнѣ подобающее мѣсто отведено въ настоящемъ томѣ авторомъ изученію собственно сочиненій Гоголя: на стр. 413 и сл. данъ прекрасный сводъ наблюденій надъ «Мертвыми Душами» съ точки зрѣнія цѣлей біографа; но отчего г. Шенрокъ, печатая критическіе отзывы современниковъ о «Ревизорѣ» (стр. 479 и сл.), не помѣстилъ также въ своей книгѣ и свода отзывовъ о I томѣ «Мертвыхъ Душъ», который былъ уже опубликованъ имъ въ «Русской Старинѣ» 1894 № 10, тѣмъ болѣе, что главное литературное содержаніе III-го тома «Матеріаловъ» составляютъ именно «Мертвыя Души»?

Должно съ удовольствіемъ отмѣтить также въ III-мъ томѣ отсутствіе того преувеличеннаго полемическаго тона, который такъ невыгодно отразился на второмъ томѣ «Матеріаловъ» г. Шенрока; но мы все таки отказались бы, на мѣстѣ автора, отъ столь сильныхъ выраженій порицательнаго свойства, какъ «литературные негодяи» (стр. 91) и т. п., безъ которыхъ изложеніе столь цѣнныхъ и важныхъ въ историческомъ отношеніи «Матеріаловъ» только бы выиграло.

Еще одно замѣчаніе. Въ разныхъ мѣстахъ своей книги г. Шенрокъ говоритъ о томъ «страшномъ фіаско» (стр. 36), о той «неу-

дачѣ» (стр. 39) и пр., которыя постигли «Ревизора» при постановкѣ этой комедіи на сценѣ; но факты, представляемые самимъ г. Шенрокомъ, не оправдываютъ въ полной мѣрѣ этого заключенія. Онъ приводитъ выдержку изъ «Хроники Спб. театровъ» Вольфа (стр. 29) и изъ воспоминаній И. И. Панаева (стр. 30), гдѣ успѣхъ перваго представленія піесы названъ «колоссальнымъ»; на представленіи былъ самъ Государь и остался очень доволенъ; лучшіе представители литературы должнымъ образомъ отнеслись къ комедіи, и она сдѣлалась репертуарной. Гдѣ же тутъ фіаско? Правда, самъ Гоголь въ письмѣ М. С. Щепкину (стр. 44) жалуется на непріятности отъ «Ревизора» въ Петербургѣ; правда, что нѣкоторые журналы отозвались о комедіи Гоголя крайне несправедливо и пристрастно (стр. 479—485), но эти и кое-какія другія данныя, представленныя г. Шенрокомъ въ оправданіе своей мысли, не могутъ, какъ намъ кажется, перевѣсить благопріятнаго отношенія къ «Ревизору», съ другой стороны, несомнѣнно заслуживавшаго, и въ глазахъ самого Гоголя, наибольшаго уваженія (ср. стр. 24—32 и др.). Мы вынесли изъ чтенія этого мѣста книги такое впечатлѣніе, что авторъ своимъ заключеніемъ какъ бы становится въ противорѣчіе съ фактами, которые самъ онъ приводитъ, какъ точный и добросовѣстный біографъ. Не слишкомъ ли положился въ данномъ случаѣ г. Шенрокъ на тотъ болѣзненный субъективизмъ Гоголя, благодаря которому онъ принималъ вещи обратно дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, сильно ихъ преувеличивая, и не слѣдуетъ ли объяснять недовольство Гоголя успѣхомъ «Ревизора» именно этими его крайне повышенными требованіями къ себѣ, къ публикѣ и къ литературѣ? Вѣдь самъ г. Шенрокъ говоритъ о дающемъ уже себя знать въ это время «психическомъ (или нравственномъ) изнеможеніи» Гоголя (стр. 50, 447).

Мы не излагаемъ здѣсь содержанія книги г. Шенрока, заслуживающей цѣликомъ внимательнаго чтенія и изученія. Описанный въ ней періодъ изъ жизни Гоголя полонъ высокаго біографическаго и литературнаго интереса. Въ это время въ Гоголѣ подготовляется, во всѣхъ своихъ частяхъ, тотъ печальный психическій процессъ, которымъ отмѣчено послѣднее десятилѣтіе его жизни: «если вспомнить—говоритъ г. Шенрокъ—всю горечь неудачно сложившейся жизни и эти тоскливыя сумерки преждевременнаго ея угасанія; если вспомнить болѣе, чѣмъ десятилѣтнюю упорную борьбу съ безпощаднымъ процессомъ разрушенія и временами сознаваемое роковое несоотвѣтствіе между взятой на себя колоссальной задачей и невозможностью

исполнить ее, то трудно сказать, найдется ли не только въ русской, но и во всемірной литературѣ еще писатель, личная судьба котораго была бы такъ безпредѣльно несчастна. Въ ужасномъ увяданіи Гоголя въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, по нашему мнѣнію, нисколько не менѣе трагизма, нежели въ его эффектномъ, сильно дѣйствующемъ на воображеніе истребленіи трудовъ многихъ лѣтъ въ порывѣ отчаянія, охватившаго его въ предсмертный часъ» (стр. 416). Этому-то крайне интересному періоду «увяданія» Гоголя, имѣвшему мѣсто въ послѣднее десятилѣтіе его жизни г. Шенрокъ и обѣщаетъ (стр. 353) главнымъ образомъ посвятить четвертый томъ своего труда, который онъ продолжаетъ вести съ такой настойчивостью, умѣньемъ и знаніемъ дѣла.

Е. Пѣтуховъ.

Русскіе художники. Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Спб. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. 1894.

Уроженецъ Малороссіи (г. Чугуева), одинъ изъ талантливѣйшихъ художниковъ нашего времени, Илья Ефимовичъ Рѣпинъ частью своей художественной дѣятельности также принадлежитъ Малороссіи, будучи авторомъ нѣсколькихъ картинъ и многихъ этюдовъ и рисунковъ изъ малорусскаго быта, какъ современнаго, такъ и ушедшаго въ область исторіи; почему и нельзя на страницахъ «Кіевской Старины» не отмѣтить появленія изданія, названіе котораго мы выписали.

Мысль этого изданія, какъ видно изъ краткаго предисловія къ книгѣ, своимъ возникновеніемъ обязана случайнымъ обстоятельствамъ. Редакція вѣнскаго журнала «Die Graphischen Künste», извѣстнаго своими изящными иллюстраціями, обратилась къ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ предложеніемъ принять на себя приготовленіе клише для воспроизведенія въ этомъ журналѣ работъ одного изъ наиболѣе выдающихся русскихъ художниковъ, по выбору Экспедиціи. Принявъ заказъ и остановивъ свой выборъ на И. Е. Рѣпинѣ, Экспедиція предоставила себѣ право воспользоваться этою работою для самостоятельнаго изданія, которое нынѣ и вышло въ свѣтъ, являясь такимъ образомъ послѣдствіемъ заказа, сдѣланнаго Экспедиціи редакціею вѣнскаго журнала.

Экспедиція объясняетъ, что она выбрала творенія И. Е. Рѣпина не потому только, что онъ считается однимъ изъ наиболѣе вы-

дающихся и своеобразныхъ современныхъ русскихъ художниковъ, но и потому еще, что, находясь съ Рѣпинымъ въ довольно частыхъ сношеніяхъ, Экспедиція могла разсчитывать получить отъ него богатый матеріалъ рисунковъ и этюдовъ, воспроизведеніе которыхъ представляетъ особый интересъ,—каковыя ожиданія И. Е. Рѣпинъ вполнѣ оправдалъ, предоставивъ въ распоряженіе Экспедиціи всѣ свои богатые портфели и помогая совѣтами при исполненіи работъ. Какъ бы ни случилось, но едва ли можно было сдѣлать удачнѣе выборъ, чтобъ познакомить европейскую публику съ произведеніями одного изъ наиболѣе выдающихся и своеобразныхъ художниковъ.

Съ внѣшней стороны изданіе Экспедиціи не оставляетъ желать ничего лучшаго; бумага (формата большого in-quarto), шрифтъ и въ особенности снимки съ произведеній художника представляются на столько безукоризненными, что по изящной внѣшности это изданіе ни въ чемъ не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ. Для воспроизведенія снимковъ употреблены самые разнообразные пріемы, смотря по характеру передаваемыхъ оригиналовъ; здѣсь можно найти почти всѣ способы репродукціи оригиналовъ: гравюру рѣзцомъ, офортъ, ксилографію, фотогравюру, фототипію и литографію, какъ въ одинъ, такъ и въ нѣсколько цвѣтовъ.

Кому именно принадлежитъ текстъ изданія—неизвѣстно: никакой подписи нѣтъ; въ предисловіи же къ очерку «Илья Ефимовичъ Рѣпинъ», помѣщенномъ вслѣдъ за предисловіемъ отъ Экспедиціи, неизвѣстный авторъ его, заявляя: «прежде чѣмъ говорить о творчествѣ Рѣпина, мы постараемся вкратцѣ описать его жизнь»,—вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «свѣдѣнія для этого разсказа заимствованы нами изъ интересной статьи г. Нордена, помѣщенной въ журналѣ «Die Graphischen Künste». Какъ бы статья г. Нордена ни была интересна, но составлять въ Петербургѣ біографію выдающагося русскаго художника для русскаго изданія, спеціально ему посвященнаго, исключительно по одной только статьѣ, напечатанной въ какомъ либо изъ нѣмецкихъ журналовъ, мы не находимъ цѣлесообразнымъ. Еще болѣе страннымъ это кажется послѣ сдѣланнаго въ предисловіи заявленія о частыхъ сношеніяхъ Экспедиціи съ Рѣпинымъ, который, казалось-бы, могъ предоставить въ распоряженіе Экспедиціи не одни только богатые портфели рисунковъ своихъ, а и интересный біографическій матеріалъ, и послѣ выраженной въ томъ же предисловіи благодарности, за живое участіе въ изданіи, В. В. Стасову, который не одинъ разъ писалъ о Рѣпинѣ, велъ съ нимъ пе-

реписку и, вѣроятно, обладаетъ гораздо болѣе богатымъ матеріаломъ для біографіи Рѣпина, чѣмъ тотъ, какимъ могъ располагать какой либо изъ сотрудниковъ вѣнскаго журнала. Самыя отношенія Стасова къ Рѣпину, по тому вліянію, какое онъ имѣлъ на послѣдняго, со-составляютъ интересный фактъ въ жизни художника; но объ этихъ отношеніяхъ въ біографическомъ очеркѣ вовсе не упоминается. Вообще, какъ и слѣдовало ожидать при тѣхъ скудныхъ источникахъ, которые послужили матеріаломъ для біографіи и которые заключаются въ одной нѣмецкой статейкѣ, біографія эта во многихъ отношенія представляется неполною.

Заключающееся въ томъ же очеркѣ обозрѣніе художественной дѣятельности Рѣпина составлено преимущественно въ отношеніи къ тѣмъ его произведеніямъ, снимки съ которыхъ помѣщены въ изданіи, и такъ же, какъ и разсказъ о жизни художника, не отличается полнотою. Притомъ, оно имѣетъ характеръ компилятивный и не обнаруживаетъ въ авторѣ его самостоятельности во взглядахъ какъ на искусство вообще, такъ и на произведенія Рѣпина въ частности. Существеннымъ недостаткомъ изданія слѣдуетъ признать то, что въ немъ нѣтъ полнаго списка произведеній Рѣпина, многія изъ которыхъ вовсе не упомянуты, а также нѣтъ никакихъ библіографическихъ указаній. Изъ изложеннаго видно, что, если къ изготовленію снимковъ съ работъ Рѣпина были приложены всевозможныя заботы о томъ, чтобъ эти снимки отличались наибольшимъ совершенствомъ, то относительно текста изданія далеко нельзя сказать то же самое.

Впрочемъ, справедливость требуетъ прибавить, что изданіе подробной и обстоятельной біографіи Рѣпина не могло входить въ задачи Экспедиціи и что, воспользовавшись сдѣланнымъ редакціею вѣнскаго журнала заказомъ для того, чтобъ дать русской публикѣ коллекцію снимкомъ съ произведеній Рѣпина, Экспедиція главнымъ предметомъ своихъ заботъ имѣла эти снимки, а на литературный очеркъ, которымъ она снабдила свою коллекцію и который имѣетъ значеніе лишь объяснительнаго текста къ снимкамъ, почему къ нему нельзя и предъявлять большихъ требованій. Имѣя это въ виду, нельзя не быть благодарнымъ Экспедиціи за выпущенное ею изданіе, и можно пожелать каждому русскому художнику такого же изящнаго изданія коллекціи снимковъ съ его произведеній. Общее названіе, которое дала Экспедиція своему изданію («Русскіе художники»), какъ будто бы указываетъ на то, что однимъ Рѣпинымъ Экспе-

диція не думаетъ ограничиться и что вслѣдъ за этимъ выпускомъ будутъ такимъ же образомъ изданы снимки съ произведеній другихъ русскихъ художниковъ, но мало надеждъ на это даетъ предисловіе, въ которомъ Экспедиція заявляетъ, что «возможность приступить къ подобному труду зависитъ не только отъ степени сочувствія, которое встрѣтитъ въ публикѣ настоящее изданіе [1]), но и отъ того, найдетъ ли Экспедиція, преслѣдующая на первомъ планѣ другія цѣли, достаточно свободнаго времени для исполненія подобной работы».

Изъ помѣщенныхъ въ изданіи снимковъ съ произведеній Рѣпина слѣдующіе имѣютъ отношеніе къ южнорусскому краю. 1. Запорожцы, картина писанная масляными красками (фотогравюра),—2, Казакъ-пластунъ, акварель (хромолитографія),—3, Деревенскій скрипачъ, рисунокъ карандашомъ съ натуры для картины «Вечерницы» (фотогравюра),—4, Хата въ Новороссіи, рисунокъ карандашомъ (ксилографія),—5, Типъ козака (пластуна), этюдъ съ натуры (въ Пашковской станицѣ), рисунокъ карандашомъ (фотогравюра),—6, Другой типъ козака, этюдъ съ натуры (въ Кочановкѣ), рисунокъ карандашомъ (фотогравюра),—7, Запорожскія пушки, рисунокъ карандашомъ (цинкографія) и 8, Портретъ М. И. Драгомирова, писанный масляными красками (фотогравюра).—Пожалѣли мы, что въ числѣ помѣщенныхъ въ изданіи снимковъ не нашли себѣ мѣста другія картины и этюды Рѣпина, относящіеся къ южно-русскому краю, какъ напримѣръ: Вечерницы, Малороссіянка, Волостной судъ въ Чугуевѣ, разные пейзажные этюды (Бокша, въ окрестностяхъ Кременчуга, Донецъ въ Чугуевѣ, святыя горы на Донцѣ, Порогъ Ненасытецъ, Остатки Запорожскихъ укрѣпленій въ Покровскомъ, Могилы козаковъ тамъ-же и др.), нѣкоторыя портреты, какъ Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченка, Н. И. Костомарова, М. С. Щепкина, А. И. Рубца и въ особенности умѣстный для приложенія къ біографіи портретъ матери художника, старушки-малороссіянки, о которомъ писалъ Стасовъ въ «Пчелѣ» 1875 года, сравнивая его съ Рембрандтовскими портретами.

---

[1]) Это заявленіе объ ожидаемой отъ публики степени сочувствія изданію, обусловливающей возможность его продолженія, не совсѣмъ ладится съ тѣмъ фактомъ, что изданіе выпущено въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ, почему, какъ заявляютъ въ своихъ объявленіяхъ П. Шибановъ и нѣкоторые другіе книгопродавцы, вслѣдъ за своимъ появленіемъ оно быстро исчезло изъ продажи; вслѣдствіе этого публикѣ, сочувствующей сему изданію, упомянутые книгопродавцы предлагаютъ теперь, вмѣсто этого изданія, нѣмецкое изданіе вѣнскаго общества поощренія искусствъ, издающаго журналъ „Die Graphischen Künste“, съ текстомъ Нордена.

Изъ помѣщеннаго въ изданіи литературнаго очерка мы узнали, что, въ настоящее время Рѣпинъ, работая надъ повтореніемъ прежней темы, снова пишетъ «Запорожцевъ», дѣлая въ этой картинѣ существенныя измѣненія.

Н. Ш.

„Сельскій кредитъ въ Полтавской губ.“, выпускъ I. „Статистическое бюро Полтавскаго Губернскаго Земства“. Полтава 1894 г.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла помѣченная 1894 г., но только что полученная нами книжка о положеніи сельскаго кредита въ Полтавскомъ краѣ, имѣющая своимъ предметомъ мелкій организованный кредитъ: ссудосберегательныя товарищества, волостныя кассы и сельскіе банки. Книжка эта составляетъ только первый выпускъ работы полтавскаго земскаго статистическаго бюро по изслѣдованію сельскаго кредита въ Полтавщинѣ. Бюро обѣщаетъ дать по этому вопросу еще два выпуска настоящаго изданія, посвятивъ ихъ изслѣдованію частнаго неорганизованнаго мелкаго кредита (второй выпускъ) и изслѣдованію ипотечнаго кредита въ губерніи (выпускъ третій).

Цитируемая брошюра, включающая въ себѣ 160 стр. съ приложеніемъ особыхъ таблицъ, разсматриваетъ положеніе сельскаго кредита въ Полтавской губерніи весьма обстоятельно; составлена она очень добросовѣстно и съ очевиднымъ желаніемъ уяснить для читателя положеніе сельскаго кредита во всѣхъ деталяхъ, но въ тоже время она страдаетъ и нѣкоторыми недостатками.

Прежде всего надо сказать, что она составлена не на основаніи данныхъ мѣстнаго изслѣдованія, а почти исключительно на матеріалахъ, полученныхъ, путемъ переписки, почтою, отъ ссудосберегательныхъ товариществъ и волостныхъ правленій. Благодаря этому брошюра, можно сказать, переполнена «сожалѣніями» о недостаточности и недостовѣрности положеннаго въ основу ея выводовъ матеріала. Не дальше, какъ на стр. 10 при самомъ началѣ изслѣдованія о положеніи полтавскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ, говорится уже, что «къ сожалѣнію, матеріалъ, которымъ мы могли воспользоваться, оказался *съ большими дефектами*».

То и дѣло встрѣчаются фразы, въ родѣ: «къ сожалѣнію, мы будемъ поставлены здѣсь въ затрудненіе по неимѣнію достаточныхъ данныхъ», (стр. 42) или: сюда не вошли свѣдѣнія о такомъ то товариществѣ, «за неимѣніемъ данныхъ» (стр. 27, 35, 42, 62 и т. д.), а въ заключеніи главы о ссудосберегательныхъ товариществахъ говорится: «что же касается внутренней стороны организаціи и дѣятельности ихъ, то для заключенія объ этомъ и вообще для выясненія вопроса о значеніи этихъ кредитныхъ учрежденій у насъ *не имѣлось матеріала*: для этого пришлось бы сдѣлать спеціальное изслѣдованіе каждаго товарищества».

Послѣ такого заявленія, идущаго, такъ сказать, отъ самаго статистическаго бюро, намъ, въ свою очередь, остается только пожалѣть, что бюро, сознавая необходимость спеціальнаго изслѣдованія ссудосберегательныхъ товариществъ для предпринятаго имъ (въ трехъ помянутыхъ выпускахъ) спеціальнаго изслѣдованія сельскаго кредита, все таки не произвело этого изслѣдованія. Это—совсѣмъ не въ духѣ земскихъ статистическихъ бюро, которыя обыкновенно дѣлаютъ свои описанія и выводы исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, на основаніи данныхъ *мѣстнаго* изслѣдованія. Въ данномъ случаѣ такое мѣстное изслѣдованіе ссудосберегательныхъ товариществъ, которыхъ, по увѣренію самаго бюро, всего 19, считая и «неосуществившіяся» (стр. 11—12) представлялось бы весьма доступнымъ и легко осуществимымъ.

Приблизительно тоже самое приходится сказать и относительно главы о волостныхъ кассахъ. Въ началѣ этой главы сказано, что «предположенія губернской управы, выраженныя въ докладѣ земскому собранію очередной сессіи 1893 г. объ организаціи статистико-экономическаго бюро, заслужившія одобренія собранія, между прочимъ коснулись и вопроса о лучшей постановкѣ народнаго кредита. Въ этихъ цѣляхъ статистическое бюро, собирая данныя о настоящемъ положеніи этого дѣла, *благодаря любезному участію губернскаго присутствія,* получило матеріалъ о положеніи волостныхъ кассъ *отъ волостныхъ правленій*». Указавъ на происхожденіе матеріала, статистическое бюро сейчасъ же считаетъ нужнымъ оговориться, что «само собою разумѣется, разсчитывать получить особенно обстоятельныя данныя отъ этихъ учрежденій было нельзя, а потому пришлось ограничиться minimum'омъ вопросовъ».... «тѣмъ не менѣе, и такой ограниченный матеріалъ имѣетъ свое значеніе»... «Напередъ можно было ожидать, что даже и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, ко-

торые поставило себѣ статистическое бюро, нельзя было разсчитывать на вполнѣ удовлетворительный матеріалъ"... «Къ сожалѣнію, свѣдѣнія оказались въ дѣйствительности не вполнѣ удовлетворительными»... «оказались явныя ошибки въ подсчетахъ процентовъ, ошибки въ подведеніи итоговъ, нѣсколько счетовъ оказалось вовсе никуда не годными»... И въ заключеніе: «вообще на полученіе и разработку нашего матеріала нужно смотрѣть, какъ на несовершенный опытъ, несовершенство котораго объясняется вышеуказанными условіями»... и т. д. и т. д., а затѣмъ опять рядъ: «*къ сожалѣнію*, матеріялъ не отличается полнотой и однообразіемъ» (125) «*къ сожалѣнію*, по нашимъ даннымъ нельзя выяснить» (131) «*къ сожалѣнію*, достоинство этого матеріала не позволяетъ разсчитывать»... «а потому эта работа имѣетъ значеніе опыта и опыта, по фактическимъ условіямъ, очень не совершеннаго» (150) и рядъ новыхъ и новыхъ указаній на недостовѣрность положенныхъ въ основу изслѣдованія матеріаловъ (стр. 137, 138, 147, 148 и т. д.).

Все это выходитъ очень откровенно и правдиво и, съ этой точки зрѣнія, большое спасибо статистическому бюро, что оно ни мало не утаиваетъ недостатковъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала (благо, не оно его собирало), но въ тоже время все это производитъ довольно странное впечатлѣніе. Страннымъ кажется это настойчивое увѣреніе въ недоброкачественности матеріала, не рѣдко безъ особой нужды повторяющееся страница за страницей (тогда какъ въ предисловіи можно бы было разомъ указать степень достовѣрности или недостовѣрности матеріала въ главнѣйшихъ изъ отдѣльныхъ его частей), и параллельно съ этимъ еще болѣе страннымъ кажется это настойчивое пользованіе негоднымъ матеріаломъ: «къ сожалѣнію, по нашимъ даннымъ, *нельзя* выяснить этой стороны дѣятельности кассъ съ опредѣленностью. *Все таки* раздѣлимъ наши кассы на двѣ группы» (131)... и слѣдовательно (сказали бы мы) посмотримъ, что выйдетъ изъ негоднаго матеріала, изъ котораго ничего «нельзя» выяснить!.. По меньшей мѣрѣ удивительно, право, почему это бюро, имѣя, какъ таковое, полную возможность командировать своихъ членовъ для мѣстнаго изслѣдованія кредита, остановилось все таки на его изслѣдованіи по завѣдомо для него самого невѣрнымъ даннымъ, а если наличный составъ бюро былъ нынѣ занятъ другими срочными работами, то почему оно не выждало болѣе свободнаго времени и сочло все-таки нужнымъ такъ спѣшно приняться за разработку вопроса о кредитѣ по «несовер-

шеннымъ», «неоднообразнымъ», «никуда негоднымъ» даннымъ для составленія «*очень несовершеннаго* опыта»?

Другой недостатокъ этого опыта заключается въ значительной растянутости изложенія, въ повтореніи не только «сожалѣній», но и разныхъ выводовъ и объясненій (ср., напр., стр. 94, 102 и 139), въ излишне длинныхъ, мало разъясненныхъ и въ данномъ случаѣ не совсѣмъ идущихъ къ дѣлу отклоненіяхъ въ область *исторіи кредитныхъ учрежденій вообще въ Россіи,* когда брошюра имѣетъ цѣлью изслѣдованіе этихъ учрежденій по одной только полтавской губ.

Кромѣ того самый слогъ брошюры не отличается живостью и легкостью; встрѣчаются, напр., неудобочитаемыя фразы въ родѣ: «гдѣ отмѣченъ большой наплывъ кандидатовъ, замѣчается (и ?) большее количество *и* забаллотировокъ»; «мы извлекали кое что и о функціонированіи нашихъ кассъ для того, чтобы судить о значеніи ихъ въ жизни деревни»; «мы выше, въ началѣ этого обозрѣнія, говорили, но для большинствъ (?) заемщиковъ не имѣющихъ пая»; «такое неудобство бываетъ лишь при возвращеніи крупныхъ вкладовъ, такъ какъ наши кассы обыкновенно все же (не ?) остаются *не* безъ денегъ»; «это приводитъ къ тому на практикѣ, что»... и т. п., при чемъ чуть не половина періодовъ начинается въ брошюрѣ съ излюбленныхъ словъ «посмотримъ», «посмотрѣвши», «просматривая», при разсмотрѣніи», и «обращаясь къ разсмотрѣнію», «остановимся».

Благодаря недоброкачественности матеріала, очевидно, и выводы изъ данной работы не имѣютъ достаточно твердой почвы, вслѣдствіе чего къ нимъ надлежитъ относиться съ осторожностью. Тѣмъ не менѣе, по интересу своему, нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія, и потому, сдѣлавъ только что приведенную оговорку, мы считаемъ себя вправѣ указать на нѣкоторые изъ нихъ читателю.

Въ общемъ, положеніе ссудосберегательныхъ товариществъ полтавской губ. немного ниже средняго уровня положенія ихъ въ въ остальныхъ частяхъ Россіи; лучше поставленными въ губерніи оказываются городскія товарищества и тѣ изъ сельскихъ, существованіе и развитіе которыхъ обязано внимательному отношенію учредителей и попечителей, являющихся, конечно, людьми болѣе интеллегентными, чѣмъ остальная масса. Съ другой стороны, замѣчается, что болѣе удовлетворительно ведущими свои дѣла являются тѣ товарищества, члены которыхъ обязаны болѣе крупными паевыми

взносами, т. е. товарищества, составленныя изъ людей болѣе состоятельныхъ. Оба эти обстоятельства имѣютъ серіозное значеніе въ вопросѣ объ организаціи кредита для маломощной, умственно малоразвитой массы населенія, которой, вслѣдствіе своей темноты и бѣдности, трудно вести это дѣло самостоятельно и на болѣе или менѣе солидныхъ основаніяхъ.

Оказываемый товариществами кредитъ является непомѣрно дорогимъ и малодоступнымъ; пользуется имъ сравнительно болѣе состоятельная часть сельскаго населенія,—наименѣе же состоятельная этого рода кредитомъ не пользуется. Число членовъ товариществъ не имѣетъ неизмѣнной тенденціи возрастать, а во многихъ и притомъ болѣе солидныхъ товариществахъ оно даже уменьшается, между прочимъ вслѣдствіе болѣе строгаго выбора членовъ при баллотировкѣ и существующей во многихъ товариществахъ «естестенной ихъ тенденціи ограничиться небольшимъ кругомъ участниковъ». Условія кредитованія въ ссудосбрегательныхъ товариществахъ являются наиболѣе тяжелыми какъ разъ для наименѣе состоятельныхъ заемщиковъ (не могущихъ составить пая въ достаточномъ размѣрѣ). Словомъ, выходитъ то, на что, основываясь между прочимъ на фактахъ, приведенныхъ въ книгѣ И. М. Ревы «Кіевскій крестьянинъ и его хозяйство», говорили мы въ отзывѣ объ этой работѣ (Кіевская Старина, 1894, № 5): подобнаго рода помощь крестьянству, идущая главнымъ образомъ на пользу средне-и болѣе состоятельныхъ только способствуетъ происходящей на нашихъ глазахъ дифференціаціи, на существованіе которой указываетъ и цитируемая работа полтавскаго бюро (88).

Что касается волостныхъ кассъ, то, по заключенію брошюры, «безъ всякаго сомнѣнія, значеніе ихъ для деревни, въ смыслѣ удовлетворенія потребностей населенія въ кредитѣ, и несравненно значительнѣе (?) ссудосберегательныхъ товариществъ, но, съ другой стороны, оказывается, что волостныя кассы, распространяя свою дѣятельность и относительно и абсолютно на большое количество населенія, (вол. кассы имѣются въ большей части волостей полтавской губ.), обезпечиваютъ его кредитъ въ меньшей степени, чѣмъ товарищества своихъ членовъ». Кредитъ въ товариществахъ обходится населенію гораздо дороже, чѣмъ въ кассахъ; число кассъ ростетъ, и волостныя кассы являются повидимому учрежденіями, болѣе приспособленными къ условіямъ и требованіямъ крестьянской жизни, чѣмъ ссудосберегательныя товарищества.

Изъ 262 волостей губерніи волостныя кассы имѣются въ 249, т. е. въ 13 волостяхъ кассъ не существуетъ; въ свою очередь ссудосберегательныхъ товариществъ, если не считать городскихъ, имѣется въ полтавской губерніи тоже 13, въ 13 различныхъ волостяхъ губерніи. Интересно было бы знать, тѣ ли это волости, въ которыхъ нѣтъ волостныхъ кассъ и существуетъ ли вообще какая нибудь зависимость между учрежденіемъ тѣхъ и другихъ въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ; устраиваются ли товарищества тамъ, гдѣ уже имѣются кассы, или, наоборотъ, кассы учреждаются тамъ, гдѣ уже есть товарищества; одни ли и тѣ же лица являются болѣе или менѣе постоянными фактическими участниками тѣхъ и другихъ, или разные? Интересно было бы также сравнить и экономическую состоятельность заемщиковъ кассъ и заемщиковъ товариществъ; впрочемъ это возможно было бы только при спеціальномъ мѣстномъ изслѣдованіи, котораго, къ сожалѣнію, не сдѣлано. Благодаря этому, многіе изъ выводовъ критикуемой книжки о достоинствахъ и недостаткахъ ссудосберегательныхъ товариществъ и волостныхъ кассъ представляются малообоснованными, до извѣстной степени голословными.

Во второй выпускъ работы «О сельскомъ кредитѣ полтавской губ.» войдетъ, какъ сказано въ предисловіи къ первому выпуску, «изслѣдованіе частнаго неорганизованнаго мелкаго кредита, для чего въ распоряженіи земства имѣется разнообразный матеріалъ, собранный при экспедиціонномъ изученіи экономическаго положенія всѣхъ уѣздовъ губерніи въ 1881—1889 гг. и полученный отъ корресподентовъ статистическаго бюро въ 1886 — 1894 гг., а также болѣе 500 отвѣтовъ частныхъ лицъ на запросъ статистическаго бюро объ условіяхъ частнаго сельскаго кредита въ разныхъ мѣстахъ губерніи». Если это такъ, если неорганизованный кредитъ уже былъ изслѣдованъ на мѣстахъ, то для статистическаго бюро не такъ ужь много было бы труда произвести и мѣстное изслѣдованіе кредита организованнаго, устроивъ для этого даже спеціальныя поѣздки по волостнымъ правленіямъ. Если же для бюро необходимо было начать разработку кредита немедленно, то почему было не начать ее именно съ кредита неорганизованнаго, по которому матеріалъ не только вполнѣ готовъ, но начинаетъ уже и старѣться (данныя 1881—1889 г.), отложивъ изслѣдованіе организованнаго кредита до времени, когда можно будетъ произвести его спеціальное изслѣдованіе?

Л. С. Л.

Живописная Украйна.

(Дополненіе) [1].

Помѣстивъ въ февральской книгѣ «Кіевской Старины» указатель рисунковъ изъ малорусскаго быта въ иллюстрированныхъ журналахъ за 1894 годъ и указавъ въ немъ на рисунки въ чешскомъ журналѣ «Světozor» на основаніи свѣдѣній, найденныхъ нами въ другихъ журналахъ, мы по разсмотрѣніи этого журнала, котораго не могли видѣть раньше, считаемъ нужнымъ, въ дополненіе къ нашему указателю, привесть здѣсь полный списокъ рисунковъ изъ малорусскаго быта, помѣщенныхъ въ журналѣ «Světozor» за 1894 годъ.

Рисунки эти слѣдующіе:

А. Снимки съ картинъ: 1. Vernyhora, věštec ukrajinský, prorokuje osud Polsky. Ryto dle obrazu *Jana Matejky* (№ 1).—2. Na stopě. Ryto dle obrazu *Józefa Brandta* (№ 20). 3. Taras Ševčenko nad Dněprem. Dle obrazu *Kosta Trutovského* (№ 21).—4. Před zvěřincem. Maloval *S. Kostenko* (№ 28).—5. Kozacký ataman. Studie *Ilje Rěpina* (№ 48).

Б. Рисунки къ статьѣ Fr. Rechoř'а *«Z cest po Halicskié Rusi»*: 1. Dřevěna cerkov rusinska v Jsidorovce (okr. stryjský).—2. Rusinské deti z Dydušic (okr. stryjský).—3. Ručni obilni mlýnky vystavene na týdennim trhu v městečku (Židačově).—4. Zděna cerkov rusinska v Lesenicich (okr. lvovský).—5. Rusinska škola starsiho razu v Jvanovcich (okr. Židačovský).—6. Maloměstka selska chata starsiho razu v Židačově.—7. Rusinska škola moderni v Turadach (okr. židačovský).—8. Naměsti v Židačově.—9. Maloměstke měšt'anske domky (v Židačově.—10. Rusinska divka v kroji narodnim.—11. Hrnčiřy na tydennim trhu v Židačově.—12. Mlýn v Berežnici Kralovskie.—13. Fara v Jvanovcich.—14. Selský kroj v Volčňova.—15. Stohovani sena v Uniži u Horodenky.—16. Strašak v jecmeni u Berežnice Kralovske.—17. Hrabani sena v Zabolotcich u Židačova.—18. Selka ze Židačova jdouci na plevel.—19. Stahovani sennych kup do stohu (ze Zarohizny u Židačova).—20. Omajený křiž z Kulinek u Kaluše.—21. Křiž před Tejsarovem u Stryje.—22. Křiž při silnici u Žuravna.—23. Zahorodnykova chata v Zabolotcich.—24. Partie z navsi v Dydušicich.—25. Rusini od Stanislavova.—26. Na pastvě u Židačova.—27. Hřbitov

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., № 2.

v Melnyči u Žuravna.—28. Nadvoži statku v Tyškovcich u Horodenky.—29. Šatlava v Turadach.—30 и 31. Rusinšti branci na cestě.—32 и 33. Most v Zabołotcich —34. Rusini z okoli Kołomyje.—35. Selský statek v Kosově.—36. Chuda selska chata v Kosově.—37. Poulični partie z Kosova.—38. Navrat z lesniho pychu.—39. Cerkov v Kosově.—40. Naměsti v Kalomyji.—41. Prodavačka papriky na trhu v Kosově.—42. Rusinsky sitar na trhu v Kosově.—43. Vzory rusinské ornamentiky z nadob kosovského hrnčire.—44. Rusinšti manžele na tržisti.—45 и 46. Židovský kramec.—47. Stanky s bůstkami a cetkami toaletnimi pro Rusinny.—48. Z týdenniho trhu v Kosově (№№ 21—23, 38—40 и 49—52).

В. Виды: 1. Votivni chram Spasitelův u stanice Borek na draze kursko-charkovsko-azovskie (№ 38).—2. Z haličske zemské výstavy ve Lvově (14 видовъ, №№ 33 и 34).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЖИНСКАГО ЕШИБОТА. Очерки съ натуры. М. Рывкина.—XVIII. МНИМЫЙ УЧЕНЫЙ О МНИМЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ. (Д-ръ *К. В. Орловъ.* Основы діегновстики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ и солдатъ; съ приложеніемъ описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. Спб. 1894 г.). Д-ра С. О. Грузенберга.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. XIX. ОХРАНИТЕЛИ СТАРИНЫ. *Исторія евреевъ въ Россіи. Посмертное сочиненіе М. Ѳ. Шугурова («Русскій Архивъ» 1894 г., №№ 1—5).* Критикуса.—XX. В. В. СТАСОВЪ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ИСКУССТВУ *(Собраніе сочиненій В. В. Стасова 1847—1866 съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса, въ 3 томахъ in 4⁰. Спб. 1894 г.).* Барона Д. Г. Гинцбурга.—XXI. БИБЛІОГРАФІЯ. *Эфраимъ Ку. Еврейскій переводъ романа «о-., этъ и Купецъ» Б. Ауэрбахъ, сдѣланный И. Х. Тавьевымъ Изданіе «Ахіасафа», въ 2 хъ частяхъ. Варшава, 1893—94 г.* С. М.—XIV. ЗАПРОШЛЫЙ ГОДЪ. Ретроспективный взглядъ на положеніе еврейскаго вопроса въ прошлое царствованіе.—Комиссіи графа Палена и фонъ Плеве.—Ограничительный характеръ постановленій о евреяхъ.—Раввинская комиссія, ея дѣятельность и результаты.—Толкованіе администраціей постановленій о правѣ жительства.—Выселенія и ходатайства объ ихъ пріостановкѣ.—Экономическое положеніе евреевъ и ограниченіе разныхъ отраслей труда. Эмиграція и ея значеніе.—Участіе евреевъ въ земледѣльческомъ трудѣ въ качествѣ рабочихъ.—Порождаемый этимъ вопросъ.—Заключеніе. Л. З.—XXII. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Знаменіе времени: «Новое Время» и проповѣдь доброты.—Мечтанія литературнаго Чичикова и «Маленькія письма» А. Суворова.—Теорія и практика доброжелательства.—Можетъ ли «Новое Время» держаться программы своего редактора?—Доброжелательство въ публицистикѣ и беллетристикѣ.—Новый романъ І. Ясинскаго «Юрьева могила». Ос. Гр.—XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и гезеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1 Марта 3 р., и къ 1-му Іюля 3 рубля.

себѣ болѣе обширные труды, какъ-то: дисертаціи, курсы, каталоги, описи музеевъ, архивовъ и пр.

Подписная цѣна 4 руб. безъ пересылки, 5 руб. съ пересылкою въ годъ; для студентовъ Харьковскаго Университета 2 руб. въ годъ.

Редакторъ *Д. Овсянико-Куликовскій.*

3—3

Cornelii alapides. in 12 prophetas... Żywoty (?) oyc. Historia europea и проч. мелкія. У Шовкуна, козака Сварковского, купилемъ гродъ (?) и поле и заплатилемъ 26 р. съ полтиною. Остапу Свѣтаку далемъ 42 р. съ полтиною на заплатку его долгу кредитору его Кролевецкому. Зъ Тулиголовъ кухва гор. привезена простой, посатка и пол... Молявка Чернѣговскій у Москву отъ п. обозного енер. зъ вѣдомостми о маетностяхъ и екстрактами зъ слѣдствія старшиною енералной и полковниками чиненного.

Вовтор. 26. День былъ холодноватъ и ночъ серенъ билъ Рано ездилемъ до Батурина просить о пропускъ виправи моей въ Царицинъ, оттуду заехалемъ до п. Михайла. Леону Іванову, подрадчику Сѣвскому, за жито далемъ 100 р., за 300 четвертей моихъ, а четверть всякая по 7 гривенъ и по 2 копейки. У вечеру били у сестри и играли въ карти, зъ виграшомъ моимъ. Тѣлний пріехалъ зъ Москви, служитель сестринъ.

Середа. 27. День былъ вѣтрянъ, вѣлgотний, ночь зъ жесточайшимъ вѣтромъ, мокра. Рано билемъ у брегадира, п. Михайла, обѣдалемъ у сестри. Далемъ господареви да Климу на доплатку жита 200 р. Остапу Свѣтаку далемъ на заплатку фурманамъ другіе 20 р., итого 40 р., да на дорогу для потребностей ему 5 р. По обѣдѣ ездилемъ до Количова и п. обозного енер. и простилемся. Тутъ отъ его увѣдомилемся, что идутъ 3 полка пѣхотнихъ съ Москви въ Кіевъ, для оправки города. Да у его жъ видѣлъ инструкцѣю, данную нѣкоторому Хрущову Алексѣеви, въ Малой Россіи описать заводи селѣтряніе, желѣзніе и другихъ мѣнераловъ, зъ бергъколегіи. Подрадилемся зъ преждереченнимъ посадскимъ Сѣвскимъ Леономъ еще на 200 четвертей, четверть по 23 а. безъ денежки. У вечери, въ дому отправившись, поехалемъ къ сестрѣ, где она подарила перстень, и позно поехалемъ отъ неи въ Тулиголови. Повернулся Василь молодикъ отъ архиерея Чер. зъ отвѣтомъ, что будетъ розискъ о попу Крисковскомъ. Приказъ далемъ на писмѣ, господару, Климу и Вѣжевскому.

Четвер. 28. День вѣтрянъ зъ дожчомъ, ночъ безъ дожчу, мокровата, а къ свѣту морозъ. Роману, старостѣ, далемъ 60 р.

для отдачѣ господареви и Климу Пѣщанскому, за жито подрядчикови 53 р., а 7 р. на ячмѣнь. Поехалемъ зъ Тулиголовъ и пріехалемъ въ Камень после полдня, где пообѣдавши, поехаломъ и и пріехалемъ въ Козацкее, и тутъ у попа Козацкого ночовалемъ.

Пятокъ. 29. День холоднѣйшій зъ сухимъ морозомъ и ночъ такова жъ. Зъ Козацкой рано поехавши, пріехалемъ у Корсаковъ объ 8-мъ часу, а знову оттуду отехалемъ о полъ 10 часа, пріехахалемъ до Чернецкой слободи о 12-го часу и 30 мѣнутъ; оттоль знову поехавши, пріехалемъ до Смѣлой о полъ 4 часа по полудни; зъ Смѣлого виехалемъ о полъ 7-го часа и пріехалъ въ Роменъ 11 часу, въ самую полночъ. У жени было теченіе крови излишнее.

Субота. 30. День и ночъ похмурніе и тепліе, зъ дожчемъ. Обѣдалисмо приватно зъ родителми, а у вечеру пріехалъ молодій Якимъ Троцкій зъ веселними зъ Лубень, да на веселле жъ пріехали Кролевчане свойственики наши, Чуйкевичъ, Бутовичъ и проч.

Неделя. 31. День былъ зъ силнимъ дожчемъ, ночъ такъ же мокра. Сестра моя Олеся зъ Якимомъ Троцкимъ вѣнчана зде въ Ромнѣ, протопопою Роменскимъ Василіемъ Савѣцкимъ. П. Яковъ Полуботокъ, швакгеръ мой, пріехалъ въ Роменъ. У жени знову излишнее кровотеченіе. Веселле сестри моей кончилось. Дядя п. Федоръ зъ панею пріехалъ.

Февруар. м-ць. Понеделокъ. 1. День мокроватъ зъ малимъ дожчемъ, ночъ зъ морозомъ, къ свѣту силнимъ. П. Якову позичилемъ 5 таляр. бит. Сестрѣ подарилемъ пукалъ сребраний, позолочуваний, и 10 таляр. бит. Женѣ кровъ зъ медіяни пускалъ Ходецкій, а теченіе било жъ.

Вовтор. 2. День свѣтлій, холодній и ночъ такова жъ, а къ свѣту снѣгъ и морозъ. Сватба началась Івана Максимовича, запорожца, зъ Олесею, унукою г-жѣ Михайловой Воронѣжской; свати попи, Савѣцкій протопопъ да отецъ намѣсникъ, дружки Несторовичъ да Огіевскій Григорій.

Середа. 3. День былъ свѣтлій и холодній, и ночъ такова жъ. Банкетъ примѣромъ прежнихъ дней. Сватба Івана окончилась. Молебствіе о тезоименитствѣ імператрицѣ праздновано.

Четвер. 4. День свѣтлій, холодній и сухій, ночъ такова жъ зъ снѣгомъ. Банкетъ, примѣромъ прежнихъ же дней. Сестра Олеся зъ мужемъ своимъ Якимомъ Троцкимъ и свати Лубенскіе отехали зъ Ромна къ Лубнямъ, и ночовали на Засуллю. А мы зъ женою на квартерѣ п. Якота швакгра, зъ дядкомъ п. Федоромъ и панею его вечералисмо и долго просидѣли, да тамъ же и зъ п. Стефановою Миклашевскою. Марку брату подарилемъ 10 таляр. бит. Зъ Глухова писма принесени, между которими ко мнѣ отъ господаря, старости Крисковского и Пѣщанского. Да при томъ же получени писма отъ Желязи и щотъ отъ Камѣнского. Івана новоодружившогось дарили, въ коемъ числѣ и я 15 овецъ. П. Яковъ уступилъ намъ шинкъ свой Коровинскій. По листу старости Сухоносовского показано, что въ генвар. 25-го числа послалъ онъ въ Глуховъ горѣлки куфу у 6 носат., табаки сеголѣтной 1000, тогорочного табаку 940 попушъ, маку четверть четверика Роменского, курей рѣзаних 32, яблукъ сушенихъ.

Пятокъ. 5. День былъ холодний, ночъ мало теплѣйшая, къ свѣту снѣжокъ. Ярема посланъ въ Глуховъ зъ писмами до Бузинского и Пѣщанского, о пріездѣ сюда Свѣтаковомъ. Веселная компанѣя зъ Засулля поехала далѣй въ путь свой, такъ же и гостѣ порозъездились и банкетамъ конецъ. Я поехалъ въ футоръ Гамалѣевскій и пріехалъ за полъ 4 часа, шляхомъ Ромадановского, а ночовалъ въ Андрѣевцѣ. Тамъ, у футорѣ осмотрувалемъ воловъ купленнихъ 22, а тамошнихъ рабочихъ 16.

Субота. 6. День былъ похмурний отчасти холодноватъ, ночъ такова жъ да свѣтла. Пріехалемъ зъ Андрѣевки на обѣдъ въ Роменъ, и обѣдалисмо зъ родителми. У жени боль превеликій былъ у череслахъ и въ крижу, потомъ теченіе крове, после жестокій боль и рѣзь, а посемъ випало уровище и мѣстцище, и после сего ускромился боль. Сватба у сотника Роменского Семена Остапенка дочери его зъ Черняковимъ синомъ, на якую насъ запрошувалъ. Староста Сухонос. и Грицко Дядя пріехали въ Роменъ и привезли куфу гор. у полъ 6 носатки. Писма зъ Глухова отъ п. Михайла

брата и зъ Москви отъ Люки получилемъ о нѣкоторихъ моихъ потребахъ писанніе.

Неделя. 7. День свѣтлій и холодній, и ночъ такова жъ, къ свѣту снѣгъ. Сухоносовскому Грицку Дядѣ на воли далемъ 50 р. Писалемъ писма въ Глуховъ до п. Михайли, тако жъ и до Люки, въ Москву, о покупкѣ медикаменту, апологіи Будеевой и двохъ книгъ Морерѣ. До стар. Крисковского о присилцѣ людей по прежнему въ Глуховъ, 10 человѣкъ, и 3-хъ варахъ пива Коронского. Родитель поехалъ рано въ Глуховъ. У сотника здешнего Роменского сватба была, на которой родителка и я были, а жена болна въ дому оставалась.

Понеделокъ. 8. День тепловатъ, снѣгъ малий ишолъ, ночъ холоднѣйшая. Женѣ тяхше боль у боку сталъ докучать правомъ. Обѣдалисмо дома. Получилемъ писмо отъ Лоренцова, прикажчика Хоружевского, въ якомъ проситъ нашего туда прибитія для имѣючого отправоватись дочери его Катеринѣ зъ синомъ сотника полк. Старод., Семена Галецкого, завтрійшнего дня обрученія. Былъ у мене Данило Савоско зъ атаманомъ Роменскимъ Войтенченкомъ и говорили о взятихъ деньгахъ еще въ 1723-мъ году, 350 зол., на покупку горѣлки, якая послана была въ Сулакъ на подарки. Василь Дѣня зъ Сизономъ били, чтобъ Ілку Важниченку поноровить въ доправляючомся долгу отъ его 40 р., мнѣ доводячихся. Отъ швакгра п. Якова зъ Коровинецъ пріехалъ Войцеховичъ Іванъ. Василь молодикъ пріехалъ зъ Глухова зъ тимъ, что виправа задержана.

Вовторникъ. 9. Сей день холодноватъ и похмуренъ, ночь свѣтла съ жестокимъ морозомъ. П. Яковъ швакгеръ пріехалъ и обѣдалъ съ нами. Женѣ легше. У вечеру былъ я у п. Якова и позно прійшолъ въ домъ. Василь молодикъ посланъ зъ листомъ до Якубовича, упоминаючимся о долгъ мнѣ доводячійся 900 р. зъ неболшимъ, да черезъ его жъ писано и до п. Федора, дядка, о присилки водки рожевой. Протопопъ билъ у мене у вечеру и припомянулъ, что тіе денги, о якихъ вчора упомянулось, употреблени на куплю гор. въ даръ Кропотову и протчимъ. Ярема да Остапъ пріехали, молодики, и по обѣдѣ Остапъ знову отправленъ къ виправѣ зъ листами.

Середа. 10. День и ночь таковіе жъ были, якъ и вчора. П. Яковъ вчора пріехавшій, у вечеру сегодня, а не вчора, обѣдалъ, и Василь слуга до Якубовича отправленъ. Купилемъ 2 кухви гор. Коропской, пѣнной, за 20 р.

Четвер. 11. День и ночь свѣтліе зъ жестокимъ морозомъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ п. Яковомъ, который по обѣдѣ и отехалъ. Въ лазнѣ кровъ пускалемъ и милемся. Братъ Марко и проч., ездившіе за сестрою въ Лубнѣ, повернулись оттуду. Подводчики зъ запасомъ моимъ, въ Астрахань нараженнимъ, прійшли на ночъ въ Роменъ. Кухву гор. простой позикою взялемъ у Павла Бабака, чтобъ ему тую жъ кухву отдать и придатъ гор. вѣдерко.

Пятокъ. 12. День и ночь свѣтліе и холодніе велми, въ ночѣ вѣтеръ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ братами и родителкою. Писма отправилемъ въ Глуховъ, черезъ Петра Воротеляка, 2 писма до родителя, до господаря объ исполненіи приказовъ, до п. Михайла о пересилкѣ пакета въ Москву, до Люки о куплѣ книгъ Морерѣ и апологіи Буддеевой, и взяттю па то денегъ 20 р. зъ неболшимъ у людей моихъ, албо у сестри, до Желяза—о продажѣ вина, спораженню покупокъ и отобранню 2-хъ кух. гор. у Донского архим. Камѣнскимъ положенной и до архим. того о семъ же, чтобъ видалъ. Тамъ же и до сестри Уляни Ів. Толстой. Остапъ Свѣтакъ, служитель, да Гаврило Оксененко, мужикъ Сухоносовскій, отправлени въ дорогу низовую съ запасомъ; дано имъ на дорогу денегъ на всякіе експенса 125 р., да ефимковъ 45, борошна всякого сани, да запасу гор. двойной 8 кух., вѣдеръ на 320, одна простой, вѣдеръ 43, тютюну и бокуну 180 пуд., папушъ на 9000, и данъ имъ приказъ, якого копія оставленна. Родителка кунтушъ златоглавний ґранит. подарила женѣ. На покупку бокуну въ дорогу зъ Остапомъ далемъ Алексѣеви 11 ефимковъ и пол. Алексѣеви о должникахъ, що зъ ними дѣлать, а Тарасови о куплѣ соли, на якую далемъ 2 р. на волю. О звваренню меду, объ отдачѣ гор. куфи Павлу Бабаку далемъ приказы. Осталось гор. на 2 корхи у бочцѣ тоей, якую позичили. По обѣдѣ, поехалисмо у вечеру зъ Ромна, я жена, братъ

Семенъ и Несторовичъ заблудили были до Родинецъ, а около 10-го часу прівхали въ Бубни, где и ночовали у отца Павла Свѣта.

Субота. 13. День былъ холодній, вѣтряний, ночь теплѣйшая зъ отлигою, якбы на снѣгъ. По службѣ Божой поехалисмо зъ Бубновъ и ехали ліодомъ, поузъ Липовое и Красний Колядинъ, и пріехали на обѣдъ до Дмитровки, отстоящой отъ Бубновъ миль за 3. По обѣдѣ поехавши, уехали милю до Гайворонона, отъ Гайворона верстъ 5 уехавши до Григоровки, тутъ и ночовали.

Неделя. 14. День зъ отлигою и зъ дожчикомъ и туманомъ, и ночъ такова жъ. Рано зъ Григоровки вставши, уехали верстъ зъ 15 и пріехали до Куренѣ, где и служби Божой слухали; по службѣ уехали съ полтори миль до Стрѣлниковъ, зъ Стрѣлниковъ съ полъ мил. до Миколаевки, зъ Миколаевки до Борзни добрую милю, где и обѣдалисмо. Отъ Борзни по обѣдѣ уехали милю до Оленовки, отъ Оленовки до Комаровки милю, где и ночовали у попа отца Федора.

Понеделокъ. 15. День сперва съ туманомъ и до конца, ночь съ полночи вияснилась была, а къ свѣту знову стала похмурна зъ туманомъ. Зъ Комаровки до Британовки верстъ 5 уехали, зъ Британовки до Кладковки верстъ 8, отъ Кладковки до Хибайловки верстъ 14, где и обѣдали у козака Гарбуза, близъ греблѣ. По обѣдѣ зъ Хибайловки до Вересочи верстъ 4, отъ Вересочи до Берестовецъ верстъ зъ 4, отъ Берестовецъ до Муравейки верстъ зъ 6 уехавши, тамъ и ночовали.

Вовтор. 16. День сперва зъ мокримъ туманомъ и малимъ дожчомъ, ночь такова жъ. Отъ Муравейки уехали до Вибель верстъ 25, зъ Вибель до Чернѣгова верстъ зъ 10 уехавши, пріехали до швакгровъ Полуботковъ, которихъ обоихъ не застали, кромѣ п. Андрѣевой. У лазнѣ милися мы зъ братомъ и Докторовичемъ; тогда п. Яковъ швакгеръ зъ деревнѣ своей Жукотокъ пріехалъ.

Середа. 17. День былъ безъ морозу, однако жъ и безъ отлиги, свѣтлий воздуха сухого, а ночъ была зъ морозомъ, частю свѣтла, а частю похмурна. Обѣдалисмо зде, въ Чернѣговѣ, у п. Якова и съ нами судія Черн. Каневскій, и подпіяхомъ.

Четвер. 18. Морозъ въ день зъ сухимъ воздухомъ, похмурно, такъ же и вночѣ было. Рано передъ обѣдомъ поехалисмо обще всѣ зъ п. Яковомъ швакгромъ въ село его Жукотки, где онъ зъ дѣтми своими и жилле имѣетъ. А пріехали туда за полъ 3 часа, ехавшіе: я съ женою, братъ п. Семенъ и Несторовичъ, застали тамъ сина п. Яковового Семена и дочь Агафѣю и пріехавши туда, тамъ обѣдали и ночовали.

Пятокъ. 19. День зъ ранку холоденъ зъ морозцемъ, а по обѣдѣ стало роставать, а ночь едва не черезъ всю дожчъ ишолъ. Обѣдалисмо у Жукоткахъ, а по обѣдѣ пріехалисмо въ Чернѣговъ, припозниввшись за зопсованнемъ дороги. Тамъ, въ Жукоткахъ, отездного далемъ синови швакгровому 2, а дочерѣ 1 червонн., а п. Яковъ дарилъ мене сребранимъ пукаломъ. Василь, молодикъ, посиланній до Якубовича, повернулся ко мнѣ въ Чернѣговъ и привезлъ отвѣтъ его, по якомъ видно, что отбитись мислитъ отъ долгу; онъ же привезлъ отвѣтъ отъ п. Федоровой и бутилку водки рожевой, отъ родителя и п. Михайла зъ Глух. писма, въ якихъ не совѣтуютъ мнѣ ехать въ Чернѣговъ теперь.

Субота. 20. День сей былъ мокрий сперва, поневажъ дожчъ до самого полудня ишолъ густий, и отъ полудня снѣгъ съ метелицею и вѣтромъ холоднимъ, который чрезъ всю ночъ тривалъ, для сего померзло. Былъ я зъ братомъ п. Семеномъ у архиерея здешнего Чернѣговского, который насъ ласкаве принималъ. Повернувшись, обѣдалисмо у п. Андрѣевой, куда и п. Яковъ пріехавши зъ Жукотокъ, прійшолъ, и подпияхомъ. Несторовичъ посланъ въ Седневъ зъ предложеннемъ до обозной енер., взглядомъ брата и ея сыновой Корсаковой [1]).

Неделя. 21. День похмурний зъ вѣтромъ сухимъ и велми холоднимъ, ночъ свѣтла, тиха, однакъ збитъ холодна, отчего все на дворѣ крѣпко померзло. Рано ездилисмо зъ швакгромъ п. Яковомъ и братомъ п. Семеномъ до монастира Троецкого, на службу

---

[1]) Рѣчь идетъ о сватовствѣ брата Марковича на вдовѣ Ивана Яковлевича Лизогуба, Аннѣ Михайловнѣ Корсакъ.

и въ келіи архимандрита Германа, а повернувшись обѣдалисмо у п. Якова. По обѣдѣ Несторовичъ повернулся зъ Седнева зъ тимъ извѣстіемъ, что оная Корсаковна положила себѣ намѣреніе во вдовствѣ жить. Былъ у вечеру писаръ полк. Янушевичъ. Вечералисмо вкупѣ всѣ, толко п. Андрѣева и обѣдала, и вечерала у себе.

Понеделокъ. 22. День свѣтлій и холодній очинь, ночъ такъже холодна, однакъ пополамъ свѣтла. Черезъ Несторовича въ Троецкій монастиръ на молебствіе за усопшихъ 4 р. Обѣдалисмо всѣ обще у п. Якова и писаръ пол. Чер.; по обѣдѣ простившись зъ п. Андрѣевою, такъже зъ п. Яковомъ, братомъ, и Несторовичомъ, опроважавшими мене, поехалемъ зъ женою и дѣтми и пріехалъ въ Седневъ, за 4 години, а далекости 4 миль отъ Чернѣгова въ Седневъ мѣрнихъ.

Вовтор. 23. День свѣтлий сперва и холодній, потомъ, въ серединѣ дня и къ вечору стало таяти, у вечеру и въ ночѣ сильный морозъ, а ночъ свѣтла и тиха. Зъ Седнева рано поехали до Руднинскихъ млиновъ миль 2, оттоль до Руднѣ миль 1, где рѣку Смячъ переехали черезъ греблю, оттоль до Петровой слободи верстъ зъ 4, отъ Петровой слободи до села Хотуничъ, судейского жъ Чернѣг., отъ Хотуничъ до Боровичъ верстъ зъ 7, где и ночовали.

Середа. 24. День свѣтлій сперва и велми холодній, потомъ вѣтряний зъ полудня, а потомъ знову тихъ и зъ малою отлигою до полночи, а зъ полночи снѣгъ ишолъ до свѣта хорошій, якій покрилъ землю, и отъ сеей ночи стала вновъ дорога снѣжная, добрая вновъ. Зъ Боровичъ до Илкучи, швакровъ моихъ слободки, верстъ зъ 3, до Тури, ихъ же, верстъ зъ 3, до Лозовой, брата п. Михайла, верстъ зъ 3, до Чепелюва, Антоновиччиного села, миль 1, до Наумовки верстъ зъ 4, уехавши, тутъ обѣдали у попа. По обѣдѣ уехавши миль зъ полтретѣ до Гути швакровъ моихъ Полуботковъ, тамъ ночовали.

Четвер. 25. Зъ ранку до полудня ишолъ снѣгъ густий, который добре покрилъ землю и отлига стала, а къ вечеру морозъ, ночъ холодна и ясна отчасти, а къ свѣту снова снѣгъ густий. Отъ Гути до другой Гути Гурковского, зовемой Олешня, верстъ зъ 6,

зъ Олешнѣ до села чернецкого, Рихловскихъ законниковъ, верстъ зъ 4, до Жуклѣ, футора гетманского, верстъ зъ 5, до Овдѣевки миль 1 великую уехавши, тамъ обѣдали у дворѣ п. Михайла. По обѣдѣ отъ Овдѣевки до Шабалтасовки верстъ зъ 3, зъ Шабалтасовки до Крисіокъ верстъ зъ 6, где уехавши, тутъ у своемъ дворѣ ночовалисмо.

Пятокъ. 26. День былъ мѣрно холодний сперва, але зъ густимъ снѣгомъ и метелицею, а по полуднѣ, въ 4 часа вияснилось и випогодилось, къ вечору зъ жестокимъ морозомъ, который тривалъ и черезъ всю ночъ. Зъ Крисіокъ до Иванкова, Печерского монастира села, верстъ зъ 3, до Розлетовъ, канцелярийского села, зъ полтори мил., оттоль черезъ Десну, до Погорѣловки, верстъ зъ 3, до Обтова верстъ зъ 4 уехавши, тамъ обѣдали у дворѣ Івана Забѣли. Тудажъ, въ Обтовъ, пріехалъ протопопъ Стародубовскій Подgурскій, привезлъ дѣвчатъ сиротъ, по смерти отца своего Прокопа Березовского и матки Забѣловни, оставшисхся. Зъ Обтова до Дубовичъ миль 3, год. зъ 3 ехали, а оттоль до Тулиголовъ верстъ зъ 4 уехавши, тамъ въ своемъ дворцѣ ночовали.

Субота. 27. День былъ холодний велми и сперва до полудня тихій и свѣтлий, а по полуднѣ до вечора и черезъ ночь вѣтрянъ велми, полудневимъ вѣтромъ, передъ свѣтомъ утихлъ. Писалемъ зъ Тулиг. до Крисковского стар. о зробленню 20 куѳъ по 13 носат. и о висланномъ Черн. архиерея, чтобъ мнѣ далъ анать. Рано зъ Тулиг. поехавши, уехалъ 3 миль, за полъ 3 часа, и пріехалъ въ Глуховъ, где застали родителя и брата Івана, где и обѣдали. Билъ у вечеру у п. Михайла, отъ которого отобралъ писмо Люкино и Epistola apologetica Buddei на Камень Вѣрѣ. Получилемъ писмо отъ стар. Сухонос. и Перервинского. Увѣдомился, что ясневел. дано красную ленту Александра Невского.

Неделя 28. День вѣтрянъ отъ полночи, а къ вечеру тихъ и очипь холоденъ. Ночь хочай пасмурна, однакъ холодна, а къ свѣту вѣтеръ и снѣжокъ малий. Рано ездилемъ зъ род. до брегадира, княгинѣ, п. гетмановой, а обѣдалисмо у себе, зъ попами Астровскимъ и Василіемъ. У день я ездилъ до Бока, доктора, отъ которого при-

нялъ я лекарства, прошлого году декавр. 22-го приписанніе, прошокъ absorbens и oleum cephalicu, за 2 р. и 5 копѣекъ купленніе. Уговорилемъ коня заносатѣвшого вновъ лѣчить, а коновалу за то 2 р. У вечеру билъ я у п. Михайла, а вечерали у себе зъ родителемъ и тими жъ попами. Отдано зъ Москви присланной рибы: осятеръ пудъ 1 и полъ 12 фунта, пуду цена 75 копѣекъ, лосось 1, фунтъ 18 и пол., по алтину, сіомga 1, фунтъ 12, по 1 а., икри полпуда 1 р. безъ 5 копѣекъ, судно 5 копѣекъ, за провозъ 50 копѣекъ, а сее отъ Желязи, и 2 штановъ давнихъ моихъ лосинихъ.

Постъ вел. М-ць мартъ. Понеделокъ. 1. День сперва зъ снѣгомъ и вѣтромъ полунощнимъ, потомъ свѣтлий и холодний, ночъ тожъ свѣтла, але еще холоднѣйшая. Рано былъ у мене Александеръ Левицкій и отойшолъ, а мы все въ дому были. О заборѣ п. Павловой Девейзбахомъ учиненномъ вѣдаетъ Назаръ, мужикъ и староста Андріяшовскій, войтъ Мисникъ, бывшій староста Андріяшов. умре, стадникъ Гладкій, который умре.

Вовтор. 2. День былъ свѣтлий, тихій, но велми холодний, ночъ тожъ тиха, холодна. Козакъ Перервинскій, отчимъ кучеровъ, отправленъ въ домъ, а чрезъ него писалъ я до Несторовича и родителки. Такъ же до Сухоносовского стар. о Лукомскомъ сотнику, чтобъ не сумнился о пригнаттю въ Гамал. футоръ 50 валаховъ, 200 овецъ и 10 коровъ, о мужикахъ, чтобъ gрунтовъ не продавали; о содержаніи винницѣ безъ упущенія, о соли, что излишній оной росходъ, о олію, которого зъ Перер. въ Сух. послано 3 пуда безъ 4-хъ фунт., а онъ послалъ полъ 3, а тутъ заважили полъ 2 пуда, о видачѣ гор. стар. Перер. за роспискою, объ умноженіи левадъ тютюннихъ; о присилкѣ пшона всего сюда, о бившомъ дворнику Василю, чтобъ виправить що доводится, о роздачѣ грошей на сѣно до 50 скиртъ, по 150 копицъ, и послани ему на нужди 10 р. А до Перервинского старости —о куплѣ стѣнки Івана Жили, на що и на сѣно роздавать послалъ 40 р. да 10 ефимковъ, о витертю винних на сѣно жъ зъ реестра шинкарского [1]), о тор-

[1]) Говорится, чтобы шинковые долги были употреблены на сѣно и чтобы затѣмъ должники были вычеркнуты изъ долговыхъ списковъ шинкарей.

ѓовлѣ стѣнки Ворониной, дешевѣй, о сѣнѣ сколко было за его и есть теперъ, въ Яблуновъ—человѣка искать, пріежджимъ не шинковать, о коняхъ ему на поездку впредь, на Свѣтличномъ ему доправить, що доводится. Купчой форма послана до его жъ. П. Кондзеровскій былъ рано и Якимъ маляръ, котрий отобралъ на свои руки золота битого книжокъ 193, а семи не достаетъ, и росписался, что порожнихъ книжокъ 100 долженъ возвратить. Черезъ тогожъ Якима писалъ я въ Стародубъ, до Валкевича, о куплѣ мѣноȣовъ и вина лаȣонского, на що далемъ 10 ефимковъ [1]). Тертичнику далемъ до крайней рахуби 3 р. Алексѣй Полуденскій пріехалъ зъ Ромна и привезлъ зъ собою задолжившогося котляра, а отъ другого мѣди отобралъ 85 фунт., якую теперъ привезлъ же. Да онъ же Алексѣй виправивши у Ілка 20 р., отдалъ Тарасу въ Ромнѣ, да отъ Романчука 4 р. онъ же взялъ на сѣно. Алексѣй докупилъ табаку чили бокуну Остапу Свѣтаку 1800 папушъ.

Середа. 3. День былъ свѣтлій зъ жестокимъ морозомъ, ночъ похмурна зъ отлигою. Зборщики Глуховскіе явились, которимъ за 3 казани заплатилемъ 3 таляр. На службу зъ женою ездилемъ до до ст. Анастасіи, а по службѣ у Гапки были.

Четвер 4. День былъ похмурний и вѣлȣотний, для чего снѣгъ сегодня началъ таяти, у вечеру примерзло, а къ свѣту мокро и ночъ похмурна. Въ дому были, обѣдалемъ зъ род. и дѣтми, и у лазнѣ мились. Василь Вел., молодикъ, посланъ въ Ямполь пиво варить, на що ему дано 2 р. и писмо до Карпова, прикажчика житамошнего. До Крисіокъ послано, черезъ подводи отправленіе зъ житомъ, о пивѣ, брусахъ, улляхъ, бочкахъ и объ исполненю всего того, что еще прежде приказано. Зъ Астраханѣ отъ Архипа писмо генвар. 4-го отпущенное, въ якомъ пишетъ, что онъ въ Астраханѣ и весь запасъ съ нимъ въ цѣлости и что отъ 4-хъ бугровъ указомъ назадъ завернемъ онъ сталъ.

Пятокъ. 5. Сей день былъ вѣтряний, похмурний и сперва снѣгъ густий ишолъ, а потомъ стала таяти велми, ночъ также была

[1]) На Стародубской ярмаркѣ

похмура зъ вѣтромъ полуденнимъ, а къ свѣту морозецъ и вѣтеръ холодний. На службу ездилемъ въ городъ до церкви ст. Михаила. Купилемъ дровъ 60 воз. за 3 р., по 5 копѣекъ возъ, да гречки два четверики, по 8 зол. зъ 4 коп.

Субота. 6. День былъ вѣтряний велми зъ ранку, безъ морозу, а къ полудню стало таяти, къ вечору морозъ и чрезъ всю ночъ примерзло добре, день билъ похмурний, къ вечору вияснилось и чрезъ всю ночъ. Были зъ родителемъ на службѣ у княжой церквѣ, где и коммунѣковались, а по коммунѣи заходили до княгинѣ, которая сказала вѣдомость, что панъ гетманъ віехалъ зъ Москви февр. 26, а князь, ея супругъ, марта 2-го. Обѣдалисмо у себе и никуда зъ дому не ездили.

Неделя. 7. День былъ рано зъ морозомъ, около полудня и после стало велми растовать. Такъже было чрезъ всю ночъ похмурно да мокровато. У брегадира былисмо рано, оттоль на службѣ у ст. Анастасіи, после у п. гетмановой, где и п. Петра, полк. Луб., пріехавшого зъ Москви видѣлъ. Тамъже я и обѣдалъ, а по обѣдѣ зъ п. Петромъ, отехавшимъ въ Лубнѣ, простился, а по отездѣ его долго у брата п. Михайла сидѣлъ зъ Рощаковскимъ. Ясневелможний гетманъ Данило Павловичъ Апостолъ повернулся зъ Москви передъ вечоромъ, а на немъ красная лента, тоесть кавалерія святого Александра Невского, отъ ея величества данная.

Понеделокъ. 8. День былъ похмурний, вѣтряний, мокроватий зъ дожчемъ, ночъ свѣтла и къ свѣту морозъ. Обѣдалисмо у себе и не ездили никуда. Новий приказъ далемъ Вѣжевскому ведлугъ шинковъ, и отъ того часу мѣетъ отдача напитку шинкарамъ и пріемъ грошей отъ шинкарей у его записоватись впредъ.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій зъ ранку, зъ морозомъ, тихій, къ полудню стало роставать и похмурно, снѣгъ ишолъ, къ вечору морозъ, вѣтеръ по полудневомъ полунощний насталъ, випогодило у вечеру и чрезъ всю ночъ. На службѣ былисмо у ст. Анастасіи и у ясневел. на водцѣ, а у себе обѣдали. Князь Алексей Івановичъ Шаховскій, генералъ-маіоръ, пріехалъ въ Глуховъ, 10-го часа, передъ полноччю.

Середа. 10. День былъ холодний зъ морозомъ, и чрезъ весь день и ночъ такъ было, вѣтряніе и похмурніе были. Рано были у князя зъ поздравленіемъ и обѣдалисмо тамъ, род. и я, братъ п. Михайло, брегадиръ, Количовъ и Жураковскій. Росказивалъ князь о послахъ китайскихъ, въ Москву присланнихъ: 1) своего государя називаютъ булдуханомъ, 2) якъ были на авдіенцѣи, то идучи къ государинѣ, трижди въ землю кланялись; 3) одѣяніе, шапки, волоси и физіогномѣя во всемъ подобни колмикамъ, понеже они не суть праміе китайци, но мансурѣ, завоевавшіе китайцовъ. Желязо пріехалъ съ Москви и привезлъ рибы: осятровъ двохъ, бѣлорибицю и лосося, да отъ Люки—Max. le grand dictionaire за 20 р. Отъ сестри через Федора Гайдука писмо зъ Москви получилъ и бочонокъ мѣноговъ. Вимѣрали вино кримское, Демяномъ привезенное, якого намѣрали окъ 1282. Мякининъ пріехалъ съ Москви.

Четвер. 11. День былъ холодноватъ, зъ малою отлигою, и похмуренъ, у вечеру болше того отлигло, въ началѣ ночи снѣгъ якъ сталъ ити, то черезъ всю ночъ ишолъ зъ силнимъ вѣтромъ, и потому знову зимняя дерога стала. Обѣдалъ я дома, а родитель у князя, писалемъ по предложенню княжомъ до сестри п. Чарнишевой, чтобъ пріездила сюда въ Глуховъ миритись съ пасинкомъ своимъ Петромъ Чарнишомъ, и пославемъ съ тимъ молодика Гаврила къ ней въ Подоловъ. Окончилемъ Вѣжевского щотъ, и що показалось на особливомъ есть патерѣ описано. Поляка Янѣшевского принялемъ на службу.

Пятокъ. 12. День зъ ранку до вечора зъ силнимъ вѣтромъ и метелицею былъ, зъ чего снѣгъ прибавился, ночъ вѣтрана жъ, але безъ снѣгу, зъ силнимъ морозомъ, свѣтла и къ свѣту тиха. Былемъ на службѣ у церквѣ ст. Михаила, оттоль у склепу. Отъ брата п. Семена получилемъ листъ, въ якомъ проситъ резолюціи моей на отозвъ Глинского сотника, бывшій къ нему о поятіи дочери ихъ въ жену ему, брату [1]). Демянъ перелѣчилъ дерево все, зде въ Глуховѣ обрѣтаючееся, которого реестрикъ приложенъ тутъ.

[1]) Глинскимъ сотникомъ въ это время былъ Жуковскій.

Субота. 13. День былъ зранку свѣтелъ и холоденъ, и до вечора такъ, ночъ тихажъ, свѣтла и холодна. Обѣдалисмо зъ род. у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до брата п. Михайла и былъ у князя. Савѣ, писареви артилерійному, далемъ на медъ въ доплатку 4 р. до далшого порахунку, понеже взятого меду не виважили. Климъ посланъ въ Чернѣговъ до шважгровъ за денгами, да черезъ егожъ послалемъ въ Криски, на роздачу на жито до новини, 40 р. Писалемъ черезъ его до обоихъ шважгровъ о видачѣ денегъ; до п. Якова особливо и чаю послалъ, и ему далъ приказъ. Сестра п. Чарнишева пріехала.

Неделя. 14. День былъ зранку холоденъ и похмуренъ, къ полудню и после полудня вѣтеръ и тепло, для чего снѣгъ знатне роставалъ, ночъ тепла также и хмурна, къ свѣту випогодилось зъ морозомъ. У церквѣ ст. Анастасіи, оттоль у ясневел., при которомъ ездилемъ до генерала аншефа Вейзбаха, теперъ пріехавшого въ Глуховъ, а простуючись зъ Варшави въ Москву. Обѣдалемъ въ дому у сестри п. судіиной, а родитель у княгинѣ, где билъ у дворецкого дитяти кумомъ, зъ Вассою, асаулкою генералною [1]). Получилемъ писма отъ п. Якова шважгра и отъ архиерея Чернѣг. объ отправленнихъ розищикахъ въ Криски, Мануйловичу и намѣстнику Рихловскомъ.

Понеделокъ. 15. День былъ свѣтелъ, зъ ранку зъ морозцемъ, тихъ, въ день теплъ отъ слонца, ночъ теплажъ и ясна, къ свѣту похмурно зъ маленкимъ снѣжкомъ. Рано билъ у мене Петро Чарнишъ и розговорували о мирѣ зъ мачехою его Билъ же п. Федоръ Савичъ и п. Кондзеровскій. Обѣдалисмо у себе, а род. у князя. Боку масла дѣжечку послалъ. П. Михийло билъ у вечеру. Писмо до архиерея Чернѣговского отписалемъ, чтобъ намѣстникъ Рихловскій не билъ въ розищикахъ и въ листѣ до п. Якова отослалъ.

Вовтор. 16. День былъ похмурний зъ снѣгомъ и холоденъ, и съ метелицею. Ночъ свѣтла, зъ жестокимъ морозомъ. Івану Осипову,

---

[1]) Женою Мануйловича.

жителеви батуринскому, сестренцеви сотника Батуринского Стожка, заплатилемъ за лавку въ Кролевцю, помѣжъ зъ моею ложачою, 30 р., а онъ мнѣ купчую зъ ураду Кролевецкого привюзъ. Сестра, п. судіина, била у насъ и обѣдала, а по обѣдѣ споражали вѣдомости ея імѣнія, зъ которими билисмо, зъ братомъ п. Михайломъ, у князя у вечеру.

Середа. 17. День былъ зранку свѣтелъ и холодноватъ, потомъ похмуренъ, ночъ похмурна жъ, зъ морозцемъ хорошимъ. Рано былемъ у ясневел., а для тезоименитства княжого обѣдали многіе и я у князя, и подпіяхомъ. Писма къ сестрѣ Толстой отправилемъ къ Ладинскому, едучому въ Москву, а писалемъ, даруючи ей горѣлку мою въ Москвѣ имѣючуюся, а именно: двойной двѣ куѳи, 82 ведра, простой куѳу, а другую кухву Курбатову, чтобъ переслала До Люки также писалемъ, дякуючи за присланніе Moreri. О видачи однихъ двохъ куѳъ простой гор. писалемъ до архимандрити Донского Іларіона Роgалевского. По сказкѣ Демяна и Алексѣя, имѣется въ Ромнѣ бокуну купленного 21 пуд. да зъ Гамалѣевского футора 27 пуд.

Четвер. 18. День сей былъ сперва свѣтелъ и холоденъ до вечора, ночъ свѣтла и холодна была. Рано былемъ у князя, а обѣдалемъ у себе зъ женою. Ясневелможний по вчорайшомъ банкетѣ княжомъ шуменъ будучи, тогда въ себе упалъ на землю и забилъ себѣ правий бокъ, отъ чего заболѣлъ. Ходилемъ до переводчиковъ права и посѣщалъ ихъ въ дворѣ Бѣлополоп. гетм. Ефимковъ 10 даннихъ Якову маляру, отобралемъ. Демянъ Кузмѣнскій посланъ въ Роменъ и далѣй за денгами и проч., о чомъ приказъ.

Пятокъ. 19. День сей сперва билъ свѣтлій отчасти, а поболшому похмурний, а до самого вечора хмуренъ, ночъ хмурнажъ, а отъ полночи снѣгъ великій зъ вѣтромъ и зъ силною метелицею ишолъ ажъ до свѣта, съ чего много снѣгу стало. Жена поехала въ Тулиголови зъ дѣтми меду варить. У Сави, писара артилерійного, купилемъ меду пудовъ 7 и 14 фунт., которому до ращоту далемъ 6 р., понеже медъ безъ дерева купили, а пудъ меду по 40 а.

безъ шага. У день билемъ у князя, где засталемъ пріехавшого Хрущова, полковника Нѣжинского.

Субста. 20. День сей отъ ночи былъ похмуренъ, снѣгъ великій ишолъ зъ вѣтромъ и зъ великою метелицою, зъ ранку до вечора. Такъже и черезъ всю ночъ до свѣта ишолъ, зъ чего снѣгу много стало и санная дорога показалась. Івановнѣ, московцѣ, далемъ 80 ефимковъ на покупкѣ въ Борзнѣ, которимъ и реестрикъ написанний вручилемъ ей же. Оболонскій Демянъ обѣдалъ у мене, а призванъ билъ взглядомъ дѣла Заруцкого, о млинѣ Ясманскомъ, якіе читалисмо оба зъ п. Михайломъ. Князь зъ княгинею мился у лазнѣ нашой, а Хрущовъ такъ сидѣлъ. П. Михайлу брату отосланемъ 40 ефимковъ, якіе я рублями позичилъ билъ у походѣ низовомъ у его, а еще 10 р. осталемся емужъ виноватъ. Петру кухару на росходъ столовий 2 р. вновъ и первимъ разомъ далемъ.

Неделя. 21. Рано снѣгъ ишолъ, день похмуренъ, однакъ холодноватъ, къ вечеру и черезъ ночъ випогодилось, зъ морозомъ среднимъ. Обѣдалиемо у князя зъ род., оттоль ездилемъ къ сестрѣ п. Чарнишевой на пастовникъ, а оттуду до п. обозного енералного, у которого доволно посидѣвши, позно пріехалемъ у домъ свой.

Понеделокъ. 22. День былъ сперва зъ снѣгомъ, а потомъ вияснился зъ морозомъ. Ночъ такъже ясна была и велми холодна. Купилемъ дровъ 43 возн, 2 вози сѣна за 2 р. и 19 а., а въ Сварковѣ сторжили скирту сѣна за 2 р. Сестра п. Чарнишева и Петро Чарнишъ были у меня и посидя и поговоря, ведлугъ миру своего, розехались. Былъ и п. Михайло. Отъ п. Григорієвой (Журавковой) зъ Новгородка получилемъ вѣдомость о ея великой слабости. Юрченку за четверикъ жита по полтора четворика брать казалъ зъ людей руских.

Вовтор. 23. День былъ похмурний и ночъ такова жъ до половини, метелица до свѣта зъ вѣтромъ. Рано былемъ у князя, где и Чарнишъ былъ. Отъ князя писаръ Печерскій ко мнѣ зайшолъ. Въ дому обѣдали зъ род. и женою, пріехавшою зъ Тулиголовъ, которая по обѣдѣ знову поехала въ Новгородокъ до п. Григорієвой болной. Мануйловичъ, чернець Чернѣговскій, опредѣленний на ро-

взятя онихъ въ Подоловъ), съ Новгородка уже по смерти матери еи, Фридрикевичевой, къ ней тетки еи, Фридрикевичевой, сундуковъ да и безъ сундуковъ, какихъ вещей и протчего разновремено послано или дано, и все ли то, что било у ней, привезено по смерти матери еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, она, Фридрикевичева, неизвѣстна и знать ей тогда нѣпочему било, яко про все то мать еи, Фридрикевичевой, вѣдала; 2, по смерти матери еи, Фридрикевичевой, какъ упоминаемою теткою взята она, Фридрикевичева, въ опеку въ еи домъ, въ Новгородокъ, изъ Подолова, куда опять нею и сундуки еи, Фридрикевичевой, взяти, то она тетка еи зъ синомъ своимъ разновремено слюсаровъ сискивая, (по причинѣ той, что у дядѣ еи, Фридрикевичевой, прописаного Ширая, ключи отъ сундуковъ содержались) сундуки отпирала, а одна баула, гдѣ серебро содержалось, къ описѣ, когда отдачу еи, Фридрикевичевой, дѣлано, чрезъ показаного Заводовского, принесена была отъ показаной тетки незамкнутая и замка при оной не било и сие де, какъ оной Заводовский, такъ и хоружий Налягака и прописаной Иванъ Суденковъ видѣли и знаютъ; 3, неменшимъ сумнительствомъ состоитъ и сие, что тетка еи, Фридрикевичевой, Суденкова и синъ еи Иванъ Суденковъ вскормленого въ домѣ матери еи Фридрикевичевой, малого, именемъ Карпа, при еи, Фридрикевичевой, въ еи домѣ бившого по виходѣ еи, Фридрикевичевой, въ замуже, ей, Фридрикевичевой, неотдала и при виездѣ еи, Фридрикевичевой, съ мужемъ своимъ изъ еи дому, зъ Новгородка, прошедшого февраля 18 д., оного малого оковала въ зелѣзи и не випустила изъ своего дому, которой де малой, яко съ младенчества воспитанъ и безотлучно жилъ при матери еи, Фридрикевичевой, то знать можетъ о многихъ съ еи, Фридрикевичевой, имѣний вещахъ, за коимъ малимъ мужъ еи, Фридрикевичевой, къ тетки еи, Фридрикевичевой, объ отдачи его хотя и писалъ, но оная не отдала и писменого отвѣту не учинила, а чрезъ посланого де отъ 6 февраля къ мужу еи, Фридрикевичевой, въ Подоловъ, Андрея Ярошевича, велѣла сказать, что тотъ малой Карпъ посланъ уже въ Питербурхъ къ сину еи и отданъ не будетъ, а сверхъ де того подданого еи, Фридрикеричевой, Савку Шпачка означеная тетка еи отъ неи, Фридрикевичевой, насилно взяла и въ Питербургъ, въ прошедшомъ 764 году, въ декабрѣ м-цѣ, отправила. А въ сообщеномъ при ономъ протестномъ доношении реестрѣ написано, что по доношению еи, Фридрикевичевой, 1764 году, марта 4 д., поданому отъ сотенной Кро-

ловецкой канцелярии съ описнихъ наслѣдних ъеи движимихъ имѣний, въ сохранение опекунами ей, Фридрикевичевой, взятихъ, при здачи еи, Фридрикевичевой, за виходомъ еи въ замуже, не явилось вещей, а имено: подноса сребряного малого, обуха сребромъ оправленого, въ сребрѣ вѣсу три фунта съ половиною и четью недостаетъ, въ ланцюжкахъ золотихъ недостаетъ десяти лотовъ двохъ золотниковъ съ половиною, перевѣнѣ полосатой тридцяти аршинъ, грезети алой на юпку, приставки ценованой, мартировъ двохъ, рубашекъ кужелнихъ пяти, кроватѣ однакой железной съ занавѣсками трема, одною тафтяною, полосатою, другою полотняною шитою, а третою серпанковою, совсѣмъ съ подушками четирма и пуховикомъ, плахотъ девяти, ручниковъ шитихъ пяти, ручниковъ тканихъ двохъ, рубашекъ галанскихъ четирохъ, швабскихъ скатертей штуки, скатертей простихъ трохъ штукъ, сѣдла зеленого бархатного, гаптованого, зъ платкомъ такимъ же, подъ ящуромъ, хомутовихъ кришокъ краснихъ суконнихъ шести, попони одной барсовой, соболевого хутра поли одной, сѣдла красного гаптованого, погребца Гданского, часовъ золотихъ, козирка сукномъ синѣмъ вибитого, запаски бѣлой грезетовой, шитой серебромъ, отъ юпки такой же, которую у портного Подоловского нашли своровaную, и взята теткою Суденковою, ронда одного дорогого, а сверхъ того двохъ рондовъ позолоченихъ и двохъ сагайдаковъ, подъ сомнениемъ тутъ означаются до надлежащой виправки. О чемъ всѣмъ предизображеномъ суду полковому Нѣжинскому чрезъ сие протестное доношение заявивъ, просила она, Фридрикевичева, оной протестъ принявъ, отъ слова до слова уписать въ протоколную книгу, а еи, Фридрикевичевой, съ оного видать, въ силѣ правъ Малороссійскихъ, урядовую випись, о чемъ де отъ еи, Фридрикевичевой, и въ ровной силѣ въ суда войсковий генералний и въ земский Глуховский заявлено. Того ради опредѣления полкового Нѣжинского суда оной протестъ зъ реестромъ въ полковомъ Нѣжинскомъ суде въ протоколную книгу, подъ № 160, вписанъ, съ которого протеста и реестра отъ слова до слова въ засвидѣтелствование таковой еи, Фридрикевичевой, протестаціи, за подписомъ рукъ и за печатю урядовою, изъ полкового Нѣжинского суда сия випись и дана, 1765 году марта 26 дня. Полковникъ Петръ Разумовскій. Судия полковий Василь Кулаковскій. Писаръ суда полкового Нѣжинского Іванъ Стасевичъ. Полков. Нѣжинск. суда подканцеляристъ Александеръ Скибовскій. *(Съ подлинника).*

10. Дарственная запись жены Григорія Фридрикевича, Анны Яковлевны, на всѣ ея имѣнія, бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу. 1769 г., 16 мая.

Въ земскій повѣту Батуринского судъ доношеніе. Каковъ вѣчистой записъ на всѣ наслѣдственніе моя недвижиміи и движиміи добра, со влитьемъ и права, за подписомъ моимъ и за печатю, такъ же за подписомъ очевисто отъ мене во свѣдителство упрошенныхъ г.г. шляхтичовъ, которіе на ономъ записѣ, пры своихъ печатехъ, руки прыложили, зъ доброй моей волѣ бунч. тов. Ивану Стефановичу Леонтовичу мною данъ, оной подлинной вичистой запысъ земскому повѣту Батуринского суду очевысто жъ сознаю и при семъ моемъ доношеніи въ тотъ судъ самоперсонално представляя, прошу оного земского суда тотъ мой вѣчистій записъ ему, Леонтовичу, доброволно отъ мене на всѣ мои недвыжиміи и двыжиміи добра данній, въ земскій оного суда повѣтовіи книги вписать и изъ оныхъ обыкновенную по правамъ Малороссійскимъ изъ того моего вѣчыстого запису выдать ему Іоану Степановичу Леонтовичу урядовую выпись. На подлѣнномъ доношеніи подписъ таковъ: надворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Фридрикевичева.

Помѣта: 1769 году, мая 18 д., прынявъ записать, а представленной самоперсонално отъ прописанной г-жи Фридрикевичевой въ судъ земскій при семъ доношеніи уступной вѣчистой записъ, яко по разсмотренію суда земского является по точности правъ Малороссійскихъ исправленій, вписавъ въ земскіе повѣту Батуринского книги, видать пры урядовой обыкновенной выписѣ потребуючой сторонѣ, упомянутому г. бунч. тов. Леонтовичу, на вѣчное и спокойное ему значащимись по тому запису движимими и недвижимими добрами владѣніе. На ономъ опредѣленіи подписались: Петръ Забѣла, Самойло Гриценко.

Въ данномъ же отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой уступномъ записѣ написанно тако:

1769 г., мая 16 числа. Я нижеподписавшаясь всѣмъ, кому о семъ вѣдать надлежить и всякому суду и праву, симъ моимъ доброволнимъ вѣчистимъ записомъ обявляю, что во вѣчное и потомственное владѣніе уступила я бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу наслѣдственно мною владѣеміи недъвижимін имѣнія, а именно: въ полку Нѣжынскомъ, село Митченкы, съ подданнимы, съ пріезжимъ дворомъ, съ мелницямы въ ономъ же селѣ состоящимы, съ шынками, пахотнимы и сѣнокосними землямы, съ лѣсамы, съ озерамы съ ху-

торомъ прозиваемимъ Сѣжковскимъ и съ протчимы всѣмы прыналежностмы, подъ городомъ Батурыномъ, на Сеймовой плотинѣ, два кола мучніи съ имѣючимись тамо, въ Батуринѣ, пустимы плецамы, въ селѣ Поповкы, мелниця и сукновалня, на рѣчки Веровки состоящая, съ дворомъ пры оной находящымся; полку Прылуцкого, подъ с. Гайворономъ и за Куренею, степніи землѣ, въ трехъ мѣстахъ состоящіи, изъ коихъ на едномъ и хуторъ издавна былъ устроенъ, да въ полку жъ Нѣжынскомъ, с. Подоловъ зъ слободкою Голубовкою, съ подданнимы, съ жиллимъ дворомъ и всѣмы въ томъ дворѣ имѣющимись вещамы, разнимы уборамы, меблямы и всякимы наличностямы, съ мелницямы на рѣчкѣ Ретѣ, Дейнековскою, Аверковскою и Горишнею, да на рѣчки Свиднѣ состоящимы, съ пашеннимы сѣнокоснимы и лѣснимы землямы до онихъ прынадлежащимы, съ хуторомъ Падалковскимъ, съ пасѣкою близь оного находящоюсь, съ лесамы, сѣннимы и пашеннимы землямы, до тогожъ хутора прынадлежащимы, въ г. Кролевцѣ двори, лавки, комори и пустіе пляцы, хуторъ прозиваемій Красный, съ мелницями, на рѣчки Османѣ состоящимы, съ имѣющимся тамо пріезжимъ дворомъ и всякими въ ономъ находящимися наличностями, съ подсусѣдскими хатамы, съ борами, лѣсамы, съ пашенною и сѣнокосною землею и другими до оного приналежитостями, въ г. Глуховѣ, на болшой проезжой дорогѣ, двѣ крамніи лавкы, да на Усовкы пастовникъ, и въ околичности Глухова, въ разныхъ местахъ, пашенниии и сѣнокосніи земли, и въ полку Стародубовскомъ два хуторци, прозиваеміи Голота и Ягодное, съ мелницями, съ имѣющимися пры онихъ дворами и всѣмы къ нимъ прынадлежитостями. А сверхъ всего вышеприписанного, ему жъ Леонтовичу уступила я во вѣчное и потомственное владѣніе и всѣ мои движимости, сколко онихъ имено. И тѣмы всѣмы вишше сего выраженними наслѣдственно мною владѣемимы недвижимимы добрами и всякимы вещми и наличностямы ему, Леонтовичу, даю волю, какъ своимъ добромъ, вѣчно владѣты, користоватись и кому хотя дать, продать, даровать и записать, родственниковъ же моихъ близкыхъ и далекихъ отъ техъ имѣній вѣчне отдаляю. И ради вѣчного и спокойного ему Ивану Степановичу Леонтовичу тѣмъ всѣмъ по его волѣ владѣнія, сей мой вѣчыстій записъ ему, Леонтовичу, даю, тутъ же и то докладаю, что по имѣвшомусь въ судѣ генералномъ между синамы умершого бунч. тов. Ивана Чарниша умершими жъ Иваномъ, Даниломъ и Александромъ Чарнишамы и между маткою моею, умершою Марфою Степановною Чарнишевою, а по второму мужу Скоро-

падскою, дѣлу о раздѣленіи добръ Чарнишовскихъ заводному, которое въ ономъ генералномъ судѣ 1755 году, апрыля 14-го, рѣшенно, искать или ответствовать о надлежащомъ въ правный дѣлъ оныхъ добръ Чарнишевскихъ раздѣленіи и о протчемъ гдѣ надлѣжитъ, а раздѣлясь на вѣчно всемъ темъ, что на мою часть по оному раздѣлу прынадлежыть, владѣть и корыстоватись за силу права Малороссійского въ книгѣ Статутѣ, въ розд. 7, арт. 4 напечатанному, ему, Леонтовичу, влила мое право, въ чемъ пры упрошенныхъ отъ мене свѣдытелехъ, своеручно подписуюсь и печать прылагаю. На подлѣнномъ тако: надворного совѣтника Григорія Фридрикевича жена Анна Яковлева дочь Чарнишева Фридрикевичева. Къ сему вѣчистому запису, по очевыстому прошенію, г. надв. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича жены Анни Яковлевни изъ Чернишовъ Фридрикевичевой, пры моей печати руку прыложилъ бунч. тов. Прохоръ Забѣла. Возній сотнѣ Батуринской Степанъ Бойченковъ къ сему вѣчистому запису.... руку прыложилъ. Повѣта Батуринского, сотнѣ Второ-Борзенской возній Александъ Комашынскій. Значк. полку Лубенского тов. Павелъ Веспертинскій. А понеже въ правѣ Малороссійскомъ, книги Статутъ, розд. 1, арт. 1-мъ, узаконенно, яко волно всякому имѣнія свои отчистіе, матерыстіе, выслуженніе, купленніе и якимъ нибудь способомъ набитіе и названніе всѣ или часть съ нихъ, недвижиміе, что хотя, по своей мисли и воли, отдать, продать, даровать записать, заставить, отцаливши отъ онихъ дѣтей и близкыхъ своихъ сродственниковъ, кто запись утвердыть, сознавшы оную на урядѣ земскомъ и подлежащую выпись взявшы, по якому праву, тако жъ и розд. 3, по арт. 41, что оной ей г-жи Анни Яковлевни Фридрикивичевой вѣчыстой тихъ движимыхъ и недвижимихъ добръ записъ по разсмотренію суда земского прызнается во всемъ за дѣйствителной, такъ и быть ему въ своей силѣ вѣчне ненарушымо; того ради вышеписанной уступной записъ такъ же и поданое самоперсонално отъ упомянутой г-жи Фридрикевичевой съ представленіемъ оного доношенія въ земскіе повѣту Батурынского книги, подъ номеромъ 7-мъ, сего 1769 году, мая 19 д., на стр. 15, 16, 17, 18, 19 и 20, за силу показанныхъ Малороссійскихъ правъ и вышеписаного суда земского на ономъ г-жи Фридрикевичевой доношеніи состоявшогось определенія, точно отъ слова до слова вписанны, и изъ онихъ книгъ земскихъ за требованіемъ ея г-жи Фридрикевичевой предписанному г. бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, ведлугъ онихъ же правъ арт. 1 и 2 7-го розд. да розд 4 артык. 13 и 103 пункта, сія выпись

за урядовымъ суда земского подписомъ и печатми утвержденіемъ, на спокойное и вѣчное ему г. Леонтовичу или кому отъ него достатся имѣеть, всѣми вышеписанными уступными отъ реченой г-жи Фридрикевичевой движимимы и недвижимикы добрами владѣніе, выданъ году, м-ця и числа вышеписанних. Судия земскій повѣту Батуринского Петръ Забѣла. Подсудокъ земскій повѣту Батуринского Самойло Гриценко. Писаръ земскій Федоръ Порохонскій. Канцеляристъ Иванъ Несторовычъ. *(Съ копіи).*

11. Духовное завѣщаніе дѣйств. статск. совѣтника Григорія Григорьевича Фридрикевича. 1797 г., 28 апрѣля.

1797 года, апрѣля 28 дня. Я нижеподписавшійся во всякомъ правителствѣ и судѣ и кому о семъ впредь вѣдать надобность укажетъ, сымъ моимъ духовнимъ распредѣлителнимъ тестаментомъ объявляю: болѣзнь, которою я часто страдаю, заставляетъ мислить о кончинѣ жизни моей, я чувствую и то, что приобрѣтши доволное по состоянію моему недвижимое и движимое имѣніе, не оставляю однофамилного по мнѣ наслѣдника, но имѣю по законамъ полную волю и свободу распредѣлить оное ближайшимъ родственныкамъ моимъ и указать имъ прянадлежитость ихъ, тако жъ дать въ ономъ участіе и тѣмъ, кого я, по истинному усердію мнѣ оказиваемому, признаю достойнимъ, къ чему приступая, за нужное почитаю обяснить въ имѣніи, какъ оное досталось во владѣніе мое и кто ближайшіе къ оному наслѣдники.

1. Умершая жена моя Анна Яковлева дочь Чарниша, за жизни своей, вѣчистимъ записомъ 1769 года, мая 16 дня учиненнымъ, недвижимое и движимое имѣніе, какъ-то Новгородско-Сѣверского намѣстничества уѣзда Короповского село Митченки съ принадлежитостьми, да Кролсвецкого уѣзда село Подоловъ съ слободкою Голубовкою, съ мелницами въ разнихъ мѣстахъ и хуторомъ Подоловскимъ, жилой домъ въ селѣ жъ Подоловѣ, со всѣми въ томъ домѣ имѣющимись вещами, разними уборами, меблями и всякими наличностьми, въ городѣ Кролевцѣ двори, лавки, комори и пустіе пляцы, въ городѣ Глуховѣ, при болшой проѣжжей дороги, двѣ крамніе лавки, да на Усовки пастовникъ, и въ околичности Глухова, въ разнихъ мѣстахъ, пашенные и сѣнокосніе земли, и прочое все недвижимое и движимое имѣніе въ томъ записѣ поименованное, уступила родному по матери брату моему бунч. тов. Ивану Степановичу Леонтовичу, которій онымъ

и владѣлъ по смерть свою, а потомъ братья его и мои, полковникъ Степанъ и бунч. тов. Василій Леонтовичи, и я тѣмъ имѣніемъ владѣли. Когда жъ и сіи оба братья мои померли и съ нихъ послѣдній Василій Леонтовичъ, предъ кончиною своею, духовнимъ тестаментомъ 1791 года, августа 19 дня, сочиненнымъ, какъ вышепрописанное имѣніе, такъ и прочое имъ приобрѣтенное и ему по отцу его, а моему отчиму хоружому полковому Степану Леонтовичу наслѣдственное, имъ отчимомъ и матерью моими, а къ тому и братомъ моимъ же Иваномъ Леонтовичемъ приобрѣтенное и купленное, именно: Кіевского намѣстничества, Переяславского уѣзда, деревня Золотоношка, населенная и составленная изъ хуторовъ, купленныхъ онымъ отчимомъ моимъ Степаномъ Леонтовичемъ, съ принадлежащими до той деревнѣ разними угодіями, по купчимъ крѣпостямъ значащимися, хуторъ прозиваемой Трактирпій, въ мѣстечки Глемязовѣ, на рекѣ Супои, мелница о трехъ колахъ матери моей Феодосіи Леонтовичевой, отъ брата ея бунч. тов. Василія Томари уступленные, и прочіе хуторы всѣ, земли пахотные, сѣнокосные и разныя угодія, отчимомъ и матерью моими къ вышеизясненному имѣнію куплею приобрѣтенные, село Нехайки и хуторъ Криштоповскій у бунч. тов. Степана Томары братомъ моимъ Иваномъ Степановичемъ Леонтовичемъ обополно со мною купленные, и къ сему селу и хутору, такъ и къ вышеписаннымъ хуторамъ, имъ самимъ, братомъ моимъ, обополно же со мною купленные земли и разніи угодіи, какъ по купчимъ крѣпостямъ явствуетъ. Все сіе имѣніе, что только наслѣдственно оному брату моему Василію Степановичу Леонтовичу приналлежало и собственно имъ приобрѣтенное, тако жъ и денегъ въ кредитѣ по разнимъ обязателствамъ десять тысячъ восѣмъ сотъ сорокъ пять рублей, о которыхъ реестръ подписанный имъ же братомъ моимъ явствуетъ, онымъ духовнымъ тестаментомъ предоставилъ мнѣ въ полное владѣніе и распредѣленіе, которымъ я и донынѣ владѣю.

2. Къ оному вышеозначенному, отчимомъ и матерью моими, тако жъ и братьями моими жъ приобрѣтенному недвижимому и движимому имѣнію, по законамъ признаю я правними наслѣдниками родныхъ по матери сестеръ моихъ, ихъ дѣтей и потомкомъ, какъ-то: умершаго бунч. тов. Семена Полуботка жену Настасію Степановну Полуботкову, маіора Лаврентія Андреевича Раковича жену Пелагію Степановну Раковичеву, дѣтей умершихъ сестеръ моихъ, надв. сов. Василія Ивановича Силича жены Катерины Степановны Силичевой и бунч. тов. Павла Ивановича Лисенка жены Анны Степановны Ли-

сенковой, а потому и усердію моему къ нимъ все оное имѣніе, тако жъ и собственно мною приобрѣтенное къ тому же имѣнию присоединенное, всѣ заводы лошадиные и скотскіе и всѣ всякого рода и названія движимости, каковы толко въ ономъ имѣніи по смерти моей останутся, за исключеніемъ изъ оныхъ имѣній и движимостей ниже сего показанныхъ, предоставляю и утверждаю въ вѣчное и потомственное владѣніе онымъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ и потомкамъ, которыхъ таковымъ моимъ къ нимъ расположеніемъ обязиваю ненарушимо сохранить и исполнить слѣдуемое за сымъ завѣщаніе мое.

3. Обнадеживаясь чувствителнимъ усердіемъ ко мнѣ, добродушіемъ и правотою сестри моей Настасіи Степановны Полуботковой, поручаю ей во избереженіе всѣ крѣпости на вышеописанное имѣніе служащіе, ввѣраю ей полное право по смерти моей принять въ свое содержаніе, какъ оное все имѣніе, недвижимое и движимое, такъ наличніе и въ кредитѣ по обязателствамъ мнѣ принадлежащіе денги, сколко ихъ по мнѣ же въ жиломъ домѣ моемъ Смяцкомъ останется, а къ тому и разніе вещи изъ дому Подоловского принадлежавшіе, по запису жены моей брату моему Ивану Степановичу Леонтовичу и въ домъ Смяцкій ввезенные, каковы по реестру, отъ меня сочиненному и подписанному, мною показанны будутъ, съ означеніемъ, кому что съ нихъ определю я дать, а до того все то въ волѣ моей и моемъ домѣ оставляю, что же затѣмъ въ остаткѣ будетъ къ общему раздѣлу, то все оное завѣщеваю безъ и малѣйшаго отъ кого препятствія, съ помощію вышепрописанныхъ сего имѣнія участниковъ, оная сестра моя принявъ исполнить должна распредѣленіе, волю и желаніи мои ниже изъясненыя.

4. Извѣстно оной сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ, что по смерти брата ея и моего полковника Степана Степановича Леонтовича, оставшаясь во удовствѣ жена его Софія Василіевна, урожденная Дунинова Борковская, не получила по мужу своему никакова имѣнія и оного, по усердію своему ко мнѣ и снисхожденію, доселе не требуетъ, но я обязаннымъ себя почитаю доставить ей принадлежащое, определяю по согласію ея, во мѣсто слѣдуемой ей части изъ вышепрописанного недвижимого имѣнія, оставляемого мною въ дѣлежъ однимъ сестрамъ моимъ и ихъ дѣтямъ, удовлетворить ея единожди навсегда и безъповоротно денгами сѣмь тысячъ рублей съ наличной суммы, и въ займы мною розданной, по обязательствамъ числимой, сколко оной по мнѣ останется; буди жъ сей суммы недостанетъ, то дополнить число денегъ мною определяемое должны оные сестри мои

и ихъ дѣтя, приемлющіе недвижимое имѣніе, а къ тому виділить ей же, братовой моей, изъ заводовъ лошадиного и рогатого скота, въ томъ недвижимомъ имѣніи находящихся, пятую часть и такову жъ часть отдѣлить и со всѣхъ движимостей въ ономъ же имѣніи держащихся, но таково удовлетвореніе денгами и означенную видѣлку обязанни сестри мои и ихъ дѣти, не приступая къ общему дѣлежу недвижимого и движимого имѣнія, непремѣнно виполнить, ибо въ подтвержденіе въ семъ воли моей я прошу во всѣхъ урядахъ, въ каковы по принадлежности того имѣнія представлены были би дѣлчіе реестри, онихъ не принимать и за дѣйствителніе не признавать, поколь сознаетъ братовая моя въ совершенномъ еи удовлетвореніи; въ противномъ же случаи, (чего я и не ожидаю), кто съ нихъ сестеръ моихъ и ихъ дѣтей оказался бы столь неблагодарнимъ въ моемъ имъ пособіи и изъяснилъ каковы оспариванія въ вышеозначенномъ удовлетвореніи оной братовой моей, то тогда предоставляю и утверждаю ей, братовой моей, полное право во всемъ ономъ недвижимомъ и движимомъ имѣніи получить во вѣчное и потомственное ея владѣніе пятую часть и тогда уже совершить по законамъ дѣлежъ тому имѣнію, изъ которого изъключаю я: уезда Кролевецкого, при селѣ Подоловѣ состоящую на рекѣ Ретѣ плотину, називаемую Оверковскую съ мелницами мучними, о трехъ колахъ, и всею къ онимъ принадлежитостію, да въ деревнѣ Дулевкѣ шинковой и для вынокуренія устроенные дворы, на купленныхъ мною и братьями моими земляхъ, и каковы только въ той деревнѣ Дулевкѣ во владѣніи моемъ находятся, которія такъ и вышеприсанную плотину Оверковскую съ мелницаки, опредѣляю въ вѣчное и потомственное владѣніе родственнику моему г. кол. ассесору Антону Андреевичу Войцеховичу, за его ко мнѣ отличныя усердія, на что все и право мое утверждаю.

5. За предпоказаннымъ удовлетвореніемъ братовой моей Софіи Василіевни Леонтовичевой, я признаю законымъ порядкомъ и завѣщеваю оной старшей сестрѣ моей Настасіи Степановнѣ Полуботковой все вышеизъясненное недвижимое и движимое имѣніе, за исключеніемъ Оверковской плотини съ мелницами и дворами Дулевскими, означенныхъ Антону Андреевичу, раздѣлить на равные части съ соблюденіемъ всей справедливости, согласія и спокойствія, которое, какъ первѣйшое основаніе къ благоденствію, дабы ненарушимо утвердить, симъ лишаю въ томъ имѣніи части того участника, которой бы суднымъ процесомъ поискивалъ болше ему принадлежащаго и тѣмъ разривалъ общественное спокойствіе.

6. Учинивъ распредѣленіе вышепрописанному имѣнію, за нужное признаю сказать тутъ и о другомъ мною владѣемомъ недвижимомъ имѣніи моемъ Черниговскаго намѣстничества, уездовъ Городницкаго и Березинскаго состоящемъ, въ селѣ Смячи, деревнѣ Конотопѣ, мѣстечки Седневѣ, слободѣ Грязной и слободѣ Богородицкой да въ селѣ Хрипковкѣ, что къ сему имѣнію вышеупоминаеміе отчимъ мой, мать, братья мои и самъ я многіе куплею приобрѣли земли и угодія, о которихъ купчія крѣпости доказиваютъ, такъ и о томъ, что онымъ приобрѣтеніемъ сіе имѣніе доволно распространенно, но я всѣхъ оныхъ приобрѣтеніи отъ сего жъ имѣнія не отдаляю, но какъ ихъ, такъ жилой домъ мой въ селѣ Смячи со всѣмъ движимимъ имѣніемъ и прочими многими хозяйственными заведеніями, по кончинѣ моей, предоставляю во владѣніе наслѣдницѣ, право къ тому по законамъ имѣющей двоюродной сестрѣ моей Ульянѣ Константиновнѣ г-жѣ Енковой, ея дѣтямъ и потомкамъ, а изключаю толко изъ сего имѣнія въ селѣ Хрипковкѣ 52 душѣ мужескаго пола, по послѣдней ревизіи за мною записанные, съ ихъ семействами и жилими дворами, пахотними и сѣнокосними землями, мелницѣ о трехъ колахъ на плотинѣ тамошней, купленной отчимомъ моимъ, устроенные шинковой и приказчичой дворы, со всѣми ихъ хозяйственными заведеніями, всѣ земли пахотніе и сѣнокосные на дворъ мой служащіе и протчія угодія, что толко въономъ и при ономъ селѣ Хрипковкѣ владѣніи моемъ находится, все то. . . . . оного и что многіе земли въ срединѣ дачъ деревнѣ Пѣвневщинѣ, владѣнія родственника моего кол. ас. Антона Андреевича Войцеховича, находятся, по разнимъ сосѣдственнимъ зъдѣлкамъ моимъ съ нимъ и по моей къ нему особливой обязанности, уступаю и поручаю заразъ ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе, что все и крѣпостью утвердить имѣю, а во обнадеживаніе сего моего непремѣнного положенія, далъ я ему г. Войцеховичу отъ себя правный обликъ на сумму шесть тысячъ рублей денегъ, съ тѣмъ, что когда я не устою совершить оной крѣпости, то приемники прописанного имѣнія моего, безъ малѣйшаго прекословія, обязанны такову крѣпость ему, г. Войцеховичу, въ замѣну вышепоказанныхъ въ семъ 6-мъ пунктѣ отчима моего и братьевъ моихъ и собственно моихъ приобрѣтеній отъ себя дать, а въ случаи какова противу сей моей воли сопротивленія, то предоставляю ему г. Войцеховичу право—възыскивать изъ имѣнія моего села Смячи, по вышепоказаному обязателству, значащіесь денги, тако жъ и всѣ

оныя приобрѣтенныя угодія, исъключивъ по крѣпостямъ, отдать ему г. Войцеховичу во вѣчное и потомственное владѣніе.

7. Въ заключеніе сего моего тестамента, по собственной воли моей и здравому разсудку, на основаніи правъ книги Статутъ раздѣла 3-го, артикула 41 го и раздѣла 8 го, артикула 2-го, сочиненного, въ ненарушимое предохраненіе всѣхъ изъясненныхъ распредѣленій моихъ, я долженъ напомянуть всѣмъ участвующимъ въ ономъ, что имѣніе я приобрѣлъ, сохранилъ и доволно распространилъ, не по обязанности моей какой интересующей къ оному и не на тотъ конецъ, чтобы съ онымъ оставить или чрезъ оное произвесть ссоры, процессы и разорителные тяжбы, но для того, чтобы всякъ участникъ по мѣри распредѣленія моего онымъ ползовался, продолжалъ его императорскому величеству службу и полезенъ былъ отечеству. Буди же кто изъ участниковъ онихъ противо тому поступитъ, окажетъ себя неблагодарнымъ въ такомъ пособіи моемъ, дерзнетъ въ чемъ оспаривать сей духовній тестаментъ мой и по оному завѣщаній моихъ не исполнивъ, заводитъ процесы, разривать спокойствіе и поискивать чего болше отъ опредѣленного мною, таковоro во всѣхъ судебнихъ урядахъ прошу признавъ неблагодарнимъ, неспокойнимъ и завистливимъ, отдѣлить изъ имѣній часть ему принадлежащую, и поручить во всегдашное содержаніе Малороссійскому приказу общественного призрѣнія для благополезного употребленія, въ чемъ предоставляю право мое оному жъ приказу. А дабы совершенно предохранить отъ всѣхъ нечаянныхъ споровъ и тяжбъ, то въ таковомъ случаи сіе распредѣленіе предоставляю повинующимся волѣ моей наслѣдникамъ поднесть оное его императорскому величеству, всемилостивѣйшему нашему монарху, и всеподданнѣйше просить во уваженіе продолжителной службы моей и полезного расположенія къ наслѣдникамъ моимъ, высочойшаго подтвержденія сего духовного тестамента моего, которій подписомъ руки моей при печаты удостовѣраю. Подлѣнной подписалъ дѣйствителный статскій совѣтникъ Григорій Григоріевичъ сынъ Фридрикевичъ.

1797 года, апреля 28-го дня, уѣздный Городницкій судъ, по поданному въ оной отъ его пр-ства г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, чрезъ уполномоченного порутчика Василія Силича прошенію и по учиненному онимъ судомъ сего числа опредѣленію, съѣхавъ Городницкого уезда въ село Смявь, въ домъ сочинителя сего тестамента оного г. Фридрикевича......

По узаконенію въ правѣ Статута розд. 8, арт. 2-мъ, находился при сочиненіи оного тестамента и что сей духовной распредѣлителной тестаментъ, по волѣ и по словамъ его г. Фридрикевича, въ здравой его памяти и совершенномъ смислѣ сочиненъ и собственноручно имъ, Фридрикевичемъ, съ приложеніемъ его печати, подписанъ и за прочетомъ предъ нижеподписавшимись присутствующими, во всей точности утвержденъ, въ томъ уездній Городницкій судъ подписомъ присутствующихъ въ ономъ и судовою печатю свидѣтельствуетъ. Подлѣнное подписали: судья титул. сов. Иванъ Лисенко. Засѣдатель поручникъ Иванъ Максимовичъ. Секретарь Андрей Глинскій.

1797 года, июля 3-го дня, по сему духовному тестаменту определенное мнѣ завѣщателемъ г. дѣйст. ст. сов. Григоріемъ Григорієвичепъ Фридрикевичемъ недвижимое имѣніе бывшого Городницкаго уѣзда, а нынѣ Черниговского повѣта, въ селѣ Хрипковки, 52 души мужеск. п. да Кролевецкого уѣзда, а нынѣ Глуховского повѣта, въ деревнѣ Дулевки, мелныцы, называеміе Аверковскіе оставляю я въ прежнемъ владѣніи и кому оніе по завѣщателѣ слѣдуетъ, возвращаю при томъ и облѣкъ въ семъ же духовномъ тестаментѣ прописанный, съ тѣмъ, что я до всего оного имѣнія впредь ни по чему и никакой претенсіи имѣть не буду, что утверждаю подписомъ руки моей, при печати и подписомъ упрошенихъ мною свидѣтелей. Подлѣнную подписалъ: подкоморій повѣта Черниговского Антонъ Войцеховичъ. Во свидѣтелство сего при печатехъ подписались: кол. ас. Иванъ Медведевъ. Коллежскій протоколистъ Яковъ Рославецъ. *(Съ копіи.)*.

12. Условія дѣлежа наслѣдства, оставшагося послѣ Ивана, Василія и Степана Степановичей Леонтовичей. 1799 г., 9 сетября.

1799 г., сентября 9 дня. Мы нижеподписавшіеся, имѣя наслѣдственно спадшія намъ и въ общей между нами раздѣлъ подлежащіе недвижиміе и движиміе разніе имѣнія, находящіесь губ. Чернѣговской, въ повѣтахъ: Глуховскомъ, село Подоловъ, Конотопскомъ, село Митченки и въ Золотоношскомъ, деревня Золотоношка, съ принадлежащими къ нимъ угодіи, футорами, разными строеніями и грунтами, водяніе и вѣтренніе мелници, вынокурной заводъ, пахатніе и сѣнокосніе земли, лѣсы, денги, въ разныхъ вещахъ, золото и серебро, жемчугъ, дорогое камѣнья, пчелніе пасѣки съ пчелами, лошадиные, рогатого и другого скота заводы, поѣздніе экипажи и приборы и протчіе разніе и подъ разнимъ названіемъ движимости, оставшіесь по

умершомъ безъ наслѣдно съ насъ Анастасіи Полуботковой и Пелагіи Раковичевой, родныхъ по отцу и матки нашихъ братьяхъ, а прочіихъ участниковъ родныхъ по матерямъ дядяхъ, бунч. товарищахъ Ивану, Василію, полковнику Стефану и ротмистру Николаю Стефановыхъ синахъ Леонтовичахъ (бывшіе предъ симъ, по волѣ и согласію нашему, въ сохраненіи и избереженіи у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, до времени приключившейся ему неизлѣчимой паралѣческой болѣзни, которою онъ и теперъ одержимъ, лишась совершенного смисла и памяты, къ немалому и чувствителнѣйшему нашему сожалѣнію), какъ оные между нами по надлежащему въ равніе части состоять нераздѣленны, то чтобъ за нераздѣлкою ихъ, будучи въ нашемъ общемъ владѣныи, въ случаи чрезъ какіе-либо участниковъ могущіе быть безпорядки и неустройства, не могли прийты недвижимости и крестьяне въ разореніе, а движимости въ расхищеніе и чрезъ то бъ участники одинъ предъ другимъ не претерпѣли обиды и лишняго затруднѣнія, а затѣмъ не вошли бъ въ судебніе тяжбы, волокиты и напрасніе невозвратніе убытки, по общему нашему согласію и условію, сего сентября 10-го числа, съѣхавсь повѣта Чернѣговского въ село Боровичи, въ домъ съ насъ участниковъ Анастасіи Полуботковой, гдѣ всѣ вообщи поговоря между собой дружески, согласились раздѣлить оное недвижимое и все движимое до наймалѣйшей вещи, со крестьянами обоего пола, имѣніе на четыре части.

До начатья таковой раздѣлки, въ твердость оной, здѣлали сіе постановленіе съ таковимъ непреложнимъ обовязателствомъ, что 1-е, между нами участниками хто именно точно и дѣйствително съ показанного Леонтовичевского въ общій роздѣлъ подлежащого имѣнія въ Подоловѣ, въ с. Митченкахъ, въ д. Золотоношки или гдѣ индѣ, самъ мимо другихъ участниковъ, безъ согласія ихъ, какія движимости, какъ-то денги, сребро, золото, жемчугъ, дорогое каменія, разнія мебели, домовія уборы, лошади, рогатой и другой скотъ, поѣздніе екипажи и приборы, разной хлѣбъ, горячое выно, вынокурную, мѣдную, деревяную и оловяную разную посуду и протчіе разніе вещи и подъ разнымъ названіемъ всякіе движимости, словомъ сказать, что бы то ни было, забралъ, тотъ все оное забратое до и наймалѣйшей вещи, безъ всякой утайки, обязанъ и долженъ есть, не извиняясь ничѣмъ, представить въ общій подѣлъ къ уравненію всякого участника, въ то мѣсто, отколь что имено взято, слѣдующого октября на 10-е число сего года, а недалѣе, а затѣмъ все оное представленное должны мы, участники, между собой дружески, безъобидно, раздѣлить на четыре

части. 2-е) Естли кто съ насъ участниковъ всего забратого движимого имѣнія къ общей раздѣлки въ назначенное мѣсто не представитъ, по неимѣнію въ него налице, то зачитать ему на его часть самими тѣми вещми или по стойной ценѣ за оніе денгами. 3) Буди жъ кто изъ забратыхъ движимостей всего до инаймалѣйшей вещи по упорству не представитъ или утаитъ, а посля по реестрамъ и забратымъ справкамъ окажется то на немъ явственно, тотъ участникъ другимъ съ насъ долженъ пополнить изъ собственной своей части денгами или недвижимимъ имѣніемъ, которое до заплати нимъ и оставатся должно въ участниковъ, обиду отъ него въ томъ имѣющихъ. 4) За розлѣлкою всѣхъ движимостей, имѣніе недвижимое какъ-то: показанніе селенія, футори съ крестьянами, ихъ строеніями и грунтами, водяніе съ прудами и вѣтренніе мелници, лѣсы, пахатніе и сѣнокосніе земли, мелници и все до послѣдка въ господскихъ домахъ строеніе, на всякую часть достались числомъ по равной долѣ, что и росписать вѣрно и обстоятельно ко всякой части по способности, для таково же росписанія и уравненія всѣхъ четырехъ частей, обще всѣ мы, участники, должны собрать и уполномочить знающаго надежного и способного къ сему человѣка, а за росписаніемъ и уравненіемъ всѣхъ четырехъ частей, мы участники должны принимать части по жребіямъ безъпрекословно и кроме всякой ссоры и роптанія, гдѣ что кому доведется и принявши оніе части, всякъ въ свое владѣніе, въпредъ одинъ другому во владѣніи помѣшателства, убитка и никаково безъпокойствія дѣлать не должны, въ противномъ случаи за неустойку посему обще всѣ мы между себя полагаемъ на выновного заруку подъ платежемъ обидимой сторонѣ десяты тысячъ рублей денегъ. Наконецъ 5), если жъ бы кто съ насъ участниковъ, послѣ учиненія сего нашего постановленія, могъ поступить не по предписанному, т. е. забратого и захваченного всего денегъ сребра и протчего въ общій роздѣлъ надлежащого въ назначенное мѣсто недоставилъ и недоставленного нымъ въ зачотъ на свою часть принять, въ роздѣлку вступить и уравнится зъ другими на похотѣлъ, либо вступивши въ роздѣлку, учинилъ какое упорство, азартность, всякую неблагопристойность, помѣшательство и остановку въ роздѣлки и притомъ причинилъ бы какову кому обиду, безчестіе и ругателство, тотъ обязанъ и долженъ будетъ непремѣнно заплатить обидимому заруку, столко, сколко четвертая часть Леонтовичевского имѣнія по оцѣнки денегъ стоятиметъ. Для лучшей же и непоколебимой таково нашего постановленіемъ заключенія ненарушимости, утверждаемъ сіе собствен-

ными нашими и свидѣтелскими, при печатехъ, подписами и представляемъ уряду къ надлежащей правной конфирмаціи. Подлѣнное подписанно: къ сему постановленію участникъ выштисанного имѣнія, съ согласія всѣхъ моихъ соучастниковъ, при печати подписался надворный совѣтникъ Александръ Павловъ синъ Лисенко. Къ сему постановленію по уполномочію участници вишеписанного имѣнія, жени моей Пелагіи Степановой дочери Леонтовичевни Раковичевой, при печати подписался примеръ маіоръ Лаврентій Андреевъ синъ Раковичъ. Къ сему постановленію участникъ вышеписанного имѣнія при печати подписался капитанъ Григорій Василіевъ синъ Силичъ. При учиненіи сего постановленія били и во свидѣтелство персоналной прозби гг. участниковъ вишписаного имѣнія, при печатехъ подписались: въ отставки порутчикъ Василій Тишецкинъ. Сенатскій регистраторъ Семенъ Политковскій. (*Съ копіи*).

13. „Выписка изъ реестра имѣнію и разнымъ вещамъ, принятымъ въ опеку Ульяною Константиновною Еньковою, оставшимся по Григорію Григоріевичу Фридрикевичу". 1799 г.

Денегъ наличныхъ, въ мѣдной монетѣ—138 р. 77 к. Писменные обязательства разныхъ должниковъ въ занятыхъ ими у г. дѣйств. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича деньгахъ, взятые въ сохраненіе Ульяною Константиновною Еньковою 1798 года, декабря « » дня. 1) Обликъ ассессора Ивана Латышова 1782 г., декабря 24 дня писанный, безъсрочный, на—25 р. 2) Обликъ Черниговскаго мѣщанина Максима Бѣлавскаго, писанный 1789 г., марта 15 дня, съ срокомъ того же 1789 г., июня по 28 ч., на 25 р. 3) Обликъ Черниговского уѣзда изъ села Зайцовъ дворянина Ивана Доброгорскаго, писанный 1789 г., ноября 10 дня, съ срокомъ по 10 декабря того же 789 г., на 50 р. 4) Вексель Добрянского посада купца Алексѣя Семенова сына Образцова, писанный 1791 г., марта 10 ч., съ срокомъ на 12 мѣсяцей, на 636 р. Сей вексель за уплатою 327 р., переписанъ 1799 г., маія 18 ч., суммою на 309 р. 35 к., съ срокомъ въ 7 мѣсяцей. 5) Вексель Черниговскаго купца Григорія Яковлева сына Здора, писанный 1792 г., маія 29 дня, съ срокомъ въ 12 мѣсяцей, съ протестомъ на 105 р. 6) Обликъ войск. тов. сына Ивана Войцеховича, написанный 1793 г., сентября 1 дня, зъ срокомъ на одинъ годъ, на 60 р. 7) Обликъ секундъ маіора Фомы Андреевича Туманскаго, писанный 1797 г., апреля 1 ч., съ срокомъ 799 г., апреля

по 1 ч., на 1150 р. 8) Обликъ умершаго тит. сов. Василія Петровича Лизогуба жены Анны Михайловой дочеры Лизогубовой, писанный 1796 г., декабря 5 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 1800 р., въ сіе число уплачено 1798 г., сентября 15 ч., управителемъ упомянутаго Лизогуба села Буровки порутчикомъ Григоріемъ Нѣговскимъ 200 р., а остается 1600 р. 9) Обликъ умершаго генерала маіора князя Петра Александровича Прозоровскаго супруги княгини Софіи Ивановны Прозоровской, урожденной Скоропадской, писанный 1798 г., маія 1 ч., съ срокомъ по 1806 г., маія по 1 ч., на 1700 р. 10) Обликъ Черниговскаго жителя Демяна Гриба жены Евдокіи Павловой дочеры Грибовой, писанный 1798 г., сентября 1 ч., съ срокомъ на одинъ годъ, на 100 р. 11) Обликъ Черниг. мѣщ. Степана Иванова сына Макотрина, писанный 1798 г., октября 1 дня, съ срокомъ на одинъ годъ на 100 р. 12) Обликъ губ. секр. Якова Оболонского, писанный 1796 г., октября 1 ч., съ срокомъ на 4 года, на 1000 р.; по сему облику Григорій Григоріевичъ 250 р. оставилъ безъ взысканія, а осталось на немъ 750 р. 13) Росписка карнѣта Андрея Васильева сына Силича, писанная 1798 г., февраля 3 д., съ срокомъ того жъ 798 г., мая по 1 ч., на 2000 р. Итого—7974 р. 35 к.—Сверхъ сего, найденъ реестръ, при обликахъ и векселяхъ, наличнымъ деньгамъ, содержащимся въ красномъ сундукѣ, въ разной монетѣ, писанный 1798 г. марта 1 д. *Въ золотѣ*: имперіяловъ—160, еще одинъ имперіялъ изъ кошелька 1; полуимперіяловъ—22, червонцовъ галандскихъ—97; *въ сребрѣ*: старихъ рублей—120, новыхъ рублей—944, *четвертьми*—15 р. 75 к., *двадцати копѣечниками*—35 р. 80 к., *пятнадцати копѣечниками*—21 р. 15 к., *въ кошелькѣ* разною монетою—9 р., *ассигнаціею*— 5 р. Часы англинскіе золотые, съ золотою печатью Григорія Григоріевича и мѣдною цѣпочкою. О сихъ золотыхъ и сребренныхъ деньгахъ бунч. тов. жена Настасія Степановна г-жа Полуботкова мнѣ сего 799 сентября 5 ч., будучи въ г. Фридрикевича домѣ, объявила, что оной сундучокъ съ прописанными деньгами и золотыми часами она, прошлаго 1798 года, къ себѣ взяла для заплаты лѣкарямъ, ползующимъ г. Фридрикевича и на покупку лѣкарствъ.

На этой же запискѣ приведенъ слѣдующій родословникъ Фридрикевичей.

1. Фридрикевичъ Христофоръ Самойловъ сынъ, бунчук. товарищъ [1]).

[1]) Христофоръ Фридрикевичъ былъ пасынокъ гетмана Мазепы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

МАЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-5.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 Мая 1895 года.

ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО[1].

Пережитыя пятьдесятъ лѣтъ даютъ мнѣ нѣкоторое право оглянуться назадъ и вспомнить мое давнопрошедшее. Было бы странно писать мнѣ автобіографію, такъ какъ въ ней не нашлось бы ничего сколько нибудь интереснаго и поучительнаго. Въ моей памяти и въ моемъ портфелѣ сохранились кое-какія свѣдѣнія о прошлыхъ явленіяхъ и о сошедшихъ уже со сцены людяхъ, имѣющія историческій и бытовой интересъ. Этими то свѣдѣніями я и хотѣлъ бы подѣлиться съ моими земляками, я и хотѣлъ бы сохранить ихъ для нарождающагося поколѣнія, ожидающаго уже вакансіи на мѣста, отсиживаемыя еще пока нами—стариками.

Оканчивая въ первой половинѣ 60-хъ годовъ кіевскій университетъ, я помѣстилъ въ длинномъ рядѣ номеровъ „Кіевлянина", издававшагося покойнымъ историкомъ В. Я. Шульгинымъ, „Записки объ университетской жизни", которыя составлялись мною при участіи „незабутняго" моего друга, а затѣмъ профессора В. Б. А—ча. Когда я просматриваю эти всѣми давно забытыя записки, въ памяти моей воскресаютъ годы юности, лучшіе въ человѣческой жизни годы. Затѣмъ, въ теченіе 20 лѣтъ я исписалъ массу тетрадей, живя въ Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, замѣтками о текущихъ дняхъ. Тетради эти не

[1]) Авторъ этихъ воспоминаній, Даніилъ Константиновичъ Морозъ, служившій въ послѣднее время на Кавказѣ, умеръ около года тому назадъ. Изъ напечатанныхъ имъ сочиненій, кромѣ отмѣченныхъ въ этихъ запискахъ, намъ извѣстны слѣдующія: 1) Арихметика, або щотниця. Кіевъ 1862; 2) Безталанна; оповидання (Основа, 1862, 8); 3) Букъ кинь та зъиздывся; комедія въ 3-хъ діяхъ. Кіевъ 1864. Подпись: *Данило Костянтиновичъ*, т. е. имя и отчество автора; 4) Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани (Кіев. Стар. 1883, 1); 5) Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Подпись *Д. К. М.* (Кіев. Стар. 1891, 7).

имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ содержаніе ихъ лишено общественнаго интереса и отличается субъективностью, могущею интересовать только составителя замѣтокъ. Единственная цѣль ихъ ограничивалась желаніемъ сохранить память о лучшихъ людяхъ и о тѣхъ явленіяхъ, которыя представляли собою, по тѣмъ или инымъ поводамъ, личный интересъ. Поэтому-то, приготовивъ одну изъ тетрадей для внесенія замѣтокъ, я и написалъ на ней такой mot d'ordre:

Оттакъ, якъ ничого робыты,
Згребаю все зъ своїй души,
До купы складую... читаты
Колысь-то прыйдется,
Якъ получу отставку чисту
Видъ дилъ громадськихъ.
Мо слёзы радощивъ
Зъ очей моихъ поллютця,
Або нудьгой охоныть душу прошле,
Що вже не вернется николы...

О всѣхъ сошедшихъ уже въ могилу лицахъ въ моемъ давнопрошедшемъ я сохраняю самую наилучшую память, а поэтому позволяю себѣ называть ихъ полными именами, или полными прозвищами (неоффиціальными именами, по-уличному). Наши старики любили прозвища и не оскорблялись ими. Одного изъ нихъ называли Базарнимъ, другого—Таракономъ, третьяго—Бабіемъ и пр. Я не боюсь потревожить имъ заброшенныя и давно позабытыя могилы, сознавая вполнѣ, что надъ трупами ихъ, выражаясь ихъ собственнымъ языкомъ, „земля перомъ лежыть“.

Кто были мои предки—сказать я „не скажу“, а не скажу потому, что и самъ не знаю. Покойный нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, встрѣчая меня въ своей квартирѣ, на 11 линіи Васильевскаго острова, въ д. Корманова, всегда привѣтствовалъ словами нараспѣвъ одной народной думы, увѣряя, будто бы воспѣваемый ею народный герой является моимъ предкомъ. Мнѣ же кажется, что ни сошедшій въ могилу историкъ, ни достойнѣйшій его преемникъ А. М. Лазаревскій не смогутъ возсоздать моего родословнаго древа, хотя бы оно и могло за-

интересовать ихъ. Я живо помню изъ моего дѣтства, что у родителей моихъ сохранялась доставшаяся отъ бабушки Софіи Федоровны „скрынька“ съ „бомагами“, запиравшаяся двумя замками. Безъ сомнѣнія, въ ней были богатыя данныя для составленія никому ненужнаго нынѣ моего древа. Гдѣ дѣлась эта „скрынька“, гдѣ дѣлись изъ нея „бомаги“, одному Богу вѣдомо. Изъ нея дошли ко мнѣ и нынѣ благополучно сохраняются только четыре бумаги, т. е. какая-нибудь сотая частица.

Прадѣдъ мой Иванъ Морозъ умеръ до 1783 года въ гор. Березномъ [1]) въ чинѣ значковаго товарища, оставивъ по себѣ двухъ сыновей: Матвѣя (моего дѣда) и Ивана. Оба они были уже женаты, и жены ихъ носили имя Софіи.

Изъ сохранившейся у меня „добровольной раздѣлки“ 8-го декабря 1783 года „движимаго и недвижимаго имѣнія, оставшагося по умершому значковому товарищу Ивану Морозу“, оказывается, что таковое раздѣлено было по реестрамъ на 3 части, „по согласію всѣхъ трехъ сторонъ“, т. е. „колежскаго канцеляриста Матвѣя, жены его Софіи (Федоровны) и брата его войсковаго товарища Ивана“, именемъ котораго дѣйствовала жена его Софія.

Иванъ Морозъ и жена его не оставили послѣ смерти наслѣдниковъ, и такимъ образомъ все имущество Ивана досталось сыну его Матвѣю, моему дѣду. Изъ сохранившихся документовъ видно, что мѣстожительство его было въ городѣ Березномъ, а земли лежали при хуторахъ Рогозки и сел. Сахновкѣ, а также въ дачахъ селеній Дирчина, Локниста, Гусавки и Горици и при Домницкомъ мужскомъ монастырѣ.

Въ записной книжкѣ отца моего „о родословной Константина Мороза (его самого), жены и дѣтей его“ рукою моей покойной матери отмѣчено такъ: „Матвѣй Ивановичъ Морозъ скончался 1795 года 29 марта, отъ роду 49 лѣтъ“, т. е. 12 лѣтъ спустя послѣ раздѣла имѣнія.

Изъ сохранившагося у меня аттестата, выданнаго „въ Малой Россіи, въ городѣ Глуховѣ, октября 20-го дня 1787 года, дѣду моему, видно, что онъ, Матвѣй М—зъ, „бывшаго войска

[1]) Нынѣ м. Березно, черниговскаго уѣзда.

малороссійскаго Черниговскаго полку изъ войсковыхъ товарищей его сіятельствомъ, высоко-повелительнымъ господиномъ генераломъ-фелдмаршаломъ, сенаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, по силе Всевысочайшаго Имяннаго Ея Императорскаго Величества указа 783 года іюня въ 28 день состоявшагося, отъставленъ отъ службы съ награжденіемъ порутчикомъ". За симъ 20-го іюня 1785 г. ему была выдана на пергаментѣ „грамота уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ". „Разсмотрѣвъ предъявленныя отъ него М—за о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства... онъ и родъ (его) внесенъ въ дворянскую родословную черниговской губерніи книгу во вторую ея часть".

У дѣда моего было два сына—Даніилъ и Константинъ и двѣ дочери—Марія, по мужу Шендюхъ, и умершая дѣвицею 5-го ноября 1869 г. 85-ти лѣтъ отъ роду Анна.

Когда родился мой дядя, свѣдѣній у меня не имѣется, во всякомъ случаѣ раньше моего отца. Сколько помню, онъ окончилъ съ отличіемъ Харьковскій университетъ, женился въ Москвѣ на очень богатой дѣвушкѣ, отдалъ свою родовую часть моему отцу и умеръ сенаторомъ въ 1848 г. Какъ человѣкъ свѣтски-образованный и богатый, онъ вращался въ высшемъ московскомъ обществѣ и побѣждалъ сердца дамъ и дѣвицъ.

Тетка Анна, или какъ всѣ ее называли „Ганна", жила постоянно при моемъ отцѣ. Она отличалась, сколько я припомню, необыкновенною кротостью и смиреніемъ. Она жила въ „старомъ бабушкиномъ" дворѣ со своею старою служанкою-другомъ Килиною Давидихою.

1811-го года декабря 10-го дня Софія Федоровна, „имѣя у себя двухъ сыновей, находившихся на службѣ въ Санктпетербургѣ, коллежскаго совѣтника и кавалѣра Даніила, и подпорутчика Константина, отъ которыхъ чувствуя всю ихъ сыновнюю приверженность и уваженіе и желая за то вознаградить матернимъ къ нимъ благословеніемъ, и въ знакъ того, будучи въ здравомъ смыслѣ и разсудкѣ, учинила распредѣленіе въ части имѣнія, владѣемаго ею черниговскаго повѣту въ селѣ Сахновкѣ".

Списокъ крестьянъ въ этомъ завѣщанiи указываетъ ясно, что у бабушки было собственное имѣнiе въ сел. Сахновкѣ, независимо отъ имѣнiй, перешедшихъ въ ея пользованiе отъ свекора. Какъ кажется, она сама была родомъ изъ с. Сахновки, отстоящей отъ Березнаго верстъ на 7 и отъ ближайшихъ хуторовъ въ Рогозкахъ—верстъ на 6. Если я не ошибаюсь, она была изъ роду Ячного или Ячницкаго.

Въ духовной своей она позволяетъ сыновьямъ записать крестьянъ „за собою въ сочиняемую нынѣ на 1812-й годъ ревизскую сказку и владѣть ими со всѣмъ правомъ въ хозяйственномъ распоряженiи съ тѣмъ, что отнюдь до моей (ея) смерти они не вправѣ ни продать, ни заложить". Бабушка оставила за собою „право и перемѣнить оное" (дух. зав.), „но когда сего не учиню", говоритъ она, „по смерти же моей оны, сыны мои, усмотрятъ части своей одни противу другой неровною, то могутъ оны между собою обѣ сiи части уравномѣрить на законномъ основанiи такъ, чтобы одна противу другой были безъобидны".

Похоронивъ мужа, бабушка почему то переселилась въ Рогозки, отстоящiе отъ Березнаго на 8 верстъ. Возможно предполагать, что перемѣна мѣста жительства вызвана была воспрещенiемъ „гнать горилку" въ городахъ.

Рогозки во времена моего дѣтства, лѣтъ 40—45 тому назадъ, изображали собою „сорокопановку" покойнаго Г. П. Данилевскаго. Они тянулись въ то время верстъ на 8—10. Въ составъ ихъ входило 12 панскихъ хуторовъ, при чемъ каждый хуторъ именовался фамилiею пана. Вокругъ панской усадьбы утопали въ „вишневыхъ садкахъ" крестьянскiя хаты, а за ними „горòды", лѣсъ, нивы, сѣнокосы, левады, болота, а тамъ снова панскiй хуторъ и опять „вышневiи садочки", лѣсъ и пр.

Ничего подобнаго теперь не существуетъ: панскiе роды сошли со сцены, хутора исчезли, „мовъ корова языкомъ злызала", лѣса вырублены, крестьяне скучились въ центрѣ и собираются строить свою церковь, жидовскiе шинки перемежаются съ крестьянскими хатами, нѣтъ и „вышневыхъ садковъ".

Хуторъ моего отца былъ самый большой, самый уютный. Нѣтъ и слѣда его теперь: старый домъ съ постройками былъ нѣкогда разобранъ, а новый дворъ сгорѣлъ...

Оглядываясь на это давнопрошедшее, невольно скажешь о немъ словами Семена Палія у Т. Шевченка:

Загине все, ты й самъ загинешь
И не згадають, щобъ ты знавъ...

Бабушка моя устроила въ Рогозкахъ большой панскій дворъ. Въ глубинѣ двора она построила фасадомъ къ проѣзжей дорогѣ домъ въ 9 комнатъ съ сѣнями по срединѣ. Поодаль отъ него сбоку—пекарня, людская, стайня (конюшня), сарай, колодецъ и пр. и пр. Задняя часть дома выходила въ громадный (десятинъ въ 6) тѣнистый фруктовый и цвѣточный садъ. Лѣтъ 40 тому назадъ въ концѣ этого сада шла аллея старыхъ липовыхъ деревьевъ, и за нею тянулся дубовый лѣсъ, молодой, чистый, большой... куда ходила Килина „по губы“, т. е. за бѣлыми грибами. Сбоку сада стоялъ „амшеникъ“ для пчелъ, а поодаль его шли клуни и „кошары“ съ колодцемъ по срединѣ. Панська оселя, т. е. дворъ, садъ и горо́ды, окружена была съ трехъ сторонъ строевыми сосновыми, съ одной стороны, а лиственными, съ другой, лѣсами. Только къ западу, въ сторону ровчака, горизонтъ былъ открытъ, и тутъ же проглядывали „мужичи“ хатки „зъ вышняку“. Къ сторонѣ же крестьянскихъ усадьбъ, не доходя ровчака, стояла „вынныця“.

Устроивши хуторъ, бабушка жила въ немъ вдовою со своею кроткою Ганнусею, тихо, въ полномъ удовольствіи. Въ ея рукахъ находились большія имѣнія, недостатку не было ни въ чемъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, и даже больше, „стара Давыдыха“, т. е. Килина, говорила мнѣ, мальчику, посадивши на свои колѣни:

— „Отто була пани, такъ пани!.. Мижъ панями була найбильша пани. Що недили запряжуть ій рыдванъ, понасидають у него ажъ зверхомъ, та й йидуть до Сахновки молытысь Богу. Батюшка й службы не починають правыть, поки мы не прыйидемо. А якъ прыйидымо, выходять зъ крестомъ назустричъ... У двохъ було скучно имъ, хочъ и челяди було богато, отъ

воны й гостей збирають коло себе. Иноди гости такъ и живуть и тыждень, и другый. Усе було свое — и мнясце, и птыця, и горилка, и рыба, и чого схочете. Добре життя було колысь за бабушку!..

А я сижу и слушаю, пока не засну на колѣняхъ у Килины, а старуха-тетка сидитъ тутъ же, молча плететъ мнѣ носки и иногда вставитъ въ разсказы Дубинихи:

— И чого жъ то згадуваты старее?..

— Иноди прыйидутъ зъ Черныгова Маша Матвіевна зъ дитьми... Такъ зъ саду й не выходють... Сусиды зберутся на беседу и бенкетують...

Нужно думать, дни шли у бабушки за днями тихо, богобоязненно, безмятежно... Но на горизонтѣ показалась туча, нависла надъ головою, грянулъ громъ, и полились... горькія слезы.

Живя вдвоемъ съ Ганнусею, бабушка постоянно переносилась мысленно то къ своему Данилку, то къ Костюку, витавшимъ гдѣ-то далеко, далеко... чуть ли не тамъ, гдѣ земля съ небомъ сходится...

Въ записной книгѣ красивымъ почеркомъ рукою моего отца написано: „Родился я 1793 года марта 6-го дня и именины мои въ тотъ же день. Отданъ во второй кадетскій корпусъ 1805-го года марта 20-го дня, выпущенъ изъ корпуса въ офицери 1811-го года августа 4-го дня въ Нижегородской пѣхотной полкъ и изъ онаго переведенъ въ Нѣжинской конно-егерской въ 1814-мъ году“. Судя по цвѣту чернилъ, необходимо допустить, что родословную отецъ завелъ только въ 1832 году, а поэтому запись его о самомъ себѣ недостаточно полная. Изъ сохраняющагося у меня, какъ святыня, аттестата объ отставкѣ отца, выданнаго ему въ Кіевѣ 23 іюля 1834 года за подписями главнокомандовавшаго 1-ю арміею князя Сакена и дежурнаго генерала, генералъ-маіора Карпова, видно, что онъ въ военную службу поступилъ „изъ кадетъ инженернаго корпуса прапорщикомъ 1810 года, августа 4 съ состояніемъ по арміи и съ оставленіемъ при томъ же корпусѣ, произведенъ въ подпоручики 1812 г. февраля 1 съ опредѣленіемъ въ Нижегородскій пѣхотный полкъ, въ коемъ поручикомъ іюня 14, штабсъ-капитаномъ

сентября 26 тогожъ года. Переведенъ въ бывшій Нѣжинскій конно-егерскій полкъ 1814 декабря 30 и въ ономъ капитаномъ 1816 іюля 22. Въ 1809 и 1810 годахъ былъ въ практическомъ походѣ во время нахожденія въ инженерномъ корпусѣ, и за оказанное въ ономъ отличіе по службѣ произведенъ въ прапорщики; тогожъ 1810 года октября 10 и 11-го—въ Сербіи въ сраженіи противъ вылазки непріятеля изъ г. Рущука подъ начальствомъ Муллы-Паши; 1812—въ Россійскихъ предѣлахъ противъ французскихъ войскъ при переправѣ чрезъ рѣку Неманъ; у г. Николаева—подъ миромъ (?); іюля 11—при с. Дашковкѣ, отколь командированъ для удержанія пункта Малороссіи въ м. Чечерскѣ, и былъ въ сраженіи: августа 4 и сентября 26 подъ м. Гайсеномъ, Пропойскомъ, Кормою и г. Рогачевымъ, гдѣ раненъ пулею въ лѣвую ногу на вылетъ и штыкомъ въ лѣвую руку; тамъ-же былъ въ стрѣлкахъ за отличіе произведенъ въ штабсъ-капитаны; потомъ въ преслѣдованіи непріятеля; въ 1813 и 1814 годахъ—за границею и тамъ при блокадѣ кр. Майнца; по переправѣ же черезъ рѣку Рейнъ—въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ подъ г. Кейзенштейномъ, въ ночной коммуникаціи подъ г. Нанси, Бріенъ, Ле-Шато, м. Лаономъ, Дисомъ, Мо и при взятіи г. Парижа, оттуда обратно чрезъ Баварію, Саксонію, Силезію и Царство Польское въ предѣлы Россіи, а 1815 іюля съ 27 по 16-е сентября—за границею въ Царствѣ Польскомъ и Силезіи. Имѣетъ серебряныя медали: за участіе въ кампаніи 1812 года и установленную въ память вступленія арміи 19 марта 1814 года въ Парижъ. Въ отпуску былъ 1819 года августа съ 2 къ минеральнымъ водамъ для излеченія ранъ".

Мы пока остановимся на этой выпискѣ изъ аттестата, заключающей въ себѣ періодъ съ 4-го августа 1810 г. по 2 августа 1819 года.

Не трудно понять изъ этой выписки душевное состояніе бабушки. И дни, и ночи она переносилась думкою куда-то далеко, далеко, гдѣ былъ ея Костя. Данилко былъ у нея на второмъ планѣ. Какъ старшаго сына, она его цѣнила выше, нежели младшаго, но этотъ послѣдній былъ еще отрокъ, „дитя

молодее“, требовалъ и большихъ заботъ, и болѣе строгаго руководства. По понятіямъ бабушки, онъ состоялъ еще „въ среднемъ родѣ“, не достигъ еще полной зрѣлости. Бабушка не привыкла еще относится къ нему, какъ ко взрослому: „воно молодее ще“!

Данилка она ставила на второмъ планѣ и потому еще, что онъ пошелъ по гражданской, а Костя былъ воиномъ и при томъ находился въ пороховомъ дыму. Помимо того, Данилко, по понятіямъ бабушки, жилъ подъ счастливою звѣздою.

— „Бувало, лепечетъ мнѣ беззубая Килина со словъ „старои пани“, якъ пійдемо у гай по губы, нихто не знайде й червывого, а у него повна шапка, та яки ще—хочъ самому гетьману! И усякихъ надере винъ: и сыроижокъ, и пиддубныкивъ, и маслюкивъ, и опенекъ. Щасливе у мене дитя Данилко“!..

Бабушка успокаивалась письмами отъ младшаго сына. Я отлично помню, что у матери моей въ „кованій скрыньци“ сохранялась порядочная связка писемъ отца моего къ своей матери.

— Это военныя письма твоего отца, говорила мнѣ мать, когда я заглядывалъ бывало, къ ней въ отпертую скрыньку съ „бомагами“. Она раскрывалась очень рѣдко, только по какому либо особому событію.

Понятно, бабушка не могла удовлетвориться только однимъ прочтеніемъ письма. Она скликала „сусидивъ“ и читала имъ, они возили ихъ читать своимъ знакомымъ. Она знала каждое письмо наизусть, прочитывая ихъ сотни разъ.

Но одни письма не могли облегчить душевныя страданія. У бабушки:

„За думою дума роемъ вылитае,
Одна давыть сердце, друга роздырае,
А третяя тыхо-тыхесенько плаче
У самому серцци, щобъ нихто не бачивъ [1]).

Нужны ей были утѣшенія конкретныя, извнѣ. Лучшее утѣшеніе у нашихъ прадѣдовъ и дѣдовъ представляла „Церковъ Божа“. Бабушка молилась предъ десятками образовъ въ ея

[1]) Т. Г. Шевченко, Кобзарь.

спальнѣ, угловой комнатѣ на востокъ, выходившей окнами въ садъ. Предъ семейнымъ образомъ, который я свято сохраняю у себя, теплилася неугасаемая лампада. Подъ толстою серебряною „ризою“ съ золотыми вѣнками и съ дорогими камнями нарисованы святые, у коихъ виднѣются только лики и руки. По срединѣ въ архіерейскомъ облаченіи—св. Николай (патронъ семьи), съ одной стороны—св. Матвѣй и царица Софія, а съ другой—пророкъ Даніилъ и царь Константинъ. Но одного моленія передъ образами было для нашихъ бабушекъ недостаточно: Софія Федоровна ѣздила съ Ганною до Сахновки въ церковь слушать литургію и „править молебны“. Если была ненастная погода, или нездоровилось, она посылала за батюшкою бричку.

Но.... нужно было искать еще гдѣ-нибудь облегченій. Бабушки наши угадывали будущее по явленіямъ природы: „солнце закатилось за тучи—вѣтеръ будетъ, вокругъ полнаго мѣсяца кругъ появился—одна бѣда, а на звѣздномъ небѣ „метелка“ [1]) появилась—другая бѣда, а тутъ „курка пивнемъ заспивала“—новое несчастье и т. д. Донесеніямъ не было конца, вслѣдствіе многочисленной челяди.

— „Бувало прыйде зъ Сахновки Левко (Реусъ) капоты, чи що инше, шить, та почне брехаты, то бабушка ажъ голосомъ заголосять“. А винъ бувъ такій, куды хочъ: и швець, и кравець, куды хочешь мытець. Отце почне про війну розсказувать, то и киньця не знайты: то билый царь бье чорного, то чорный билого... И чого винъ не бачывъ на своему вику: и безголовыхъ людей, и птыць зъ чоловичою мовою, и чорныхъ людей, и жовтыхъ, и усякихъ.

Безъ сомнѣнія, бабушку осаждали своими предложеніями и „ворожки“: одна ворожила днемъ, а другая въ полночь, одна—на водѣ, а другая—на огнѣ. Вѣроятно и воскъ выливали на „непочатую“ [2]) воду, и „пивня зъ сидала здыймалы и йисты ему давалы“.

---

[1]) Т. е. комета, метеоръ.

[2]) Т. е. первую съ утра вынутую изъ колодца.

Словомъ, бабушка приняла всѣ имѣвшіяся нѣкогда въ Малороссіи средства для выясненія какъ невидимаго настоящаго, такъ и будущаго. Одни средства облегчали ея душевное горе, а другія—„вылывали слезы зъ очей", гнали сонъ, тревожили и днемъ, и ночью, или, говоря современнымъ языкомъ, разстраивали нервную систему. Нервы у нашихъ бабушекъ были крѣпкіе, крѣпче даже, нежели у Тарасова Кобзаря, который

Засипвае веселои,
А на журбу зверне.

Бабушка то радовалась, то „нудылась". Но война 12-го года счастливо окончилась. „Двунадесять языковъ" разбиты, русскія войска прошли по бульварамъ Парижа и возвращались домой съ музыкою и пѣніемъ. Бабушка все время „вытырала окошечко, вызирала сына"... Конечно, сынъ пріѣхалъ живымъ, здоровымъ, хотя пуля его не минула и штыкъ кольнулъ. Онъ живъ и здоровъ, только благодаря „матерынымъ молытвамъ"!

Бабушка глядѣла на сына—не наглядывалась, радовалась имъ—не нарадывалася... О немъ уже она говорила „винъ", а не „воно", онъ уже былъ штабсъ-капитаномъ и чуть-чуть не капитаномъ!.. У меня сохранился образцово-вышитый самымъ мелкимъ бисеромъ чехолъ отъ чубука, изъ котораго мой отецъ постоянно курилъ табакъ чуть ли не единственной въ то время фирмы Василія Ивановича Жукова. За работу этого чехла дали бы 1-й призъ на любой художественной выставкѣ, это—chef-d'oeuvre!.. Безпорно, это—работа бабушки, ей было тогда 51 годъ, а это небольшіе годы для того времени, когда крѣпкіе люди зачастую доживали „свій викъ", т. е. свои 100 лѣтъ.

Подъ теплымъ крыломъ у матери отецъ мой гостилъ, нужно допустить, не мало времени, а потомъ, отслужили „напутствіе", т. е. напутственный молебенъ, она благословила „штабсъ-капитана" въ дорогу. Молебенъ служилъ батюшка изъ Сахновки, дѣдъ или отецъ батюшки „отця Васыля" Ячницкаго, который меня крестилъ. Слушать напутствіе собрана была вся челядь и скорѣе даже—„уси зъ хутора", и старые и малые. По этому случаю наканунѣ были убиты: „теличка и третячокъ [1]),

[1]) Бычокъ по второму году.

свинка и кабанчикъ". Пока пріѣхалъ изъ Сахновки батюшка, во дворѣ передъ домомъ „столъ готували", т. е. клали доски и „обаполки" [1]). Можетъ быть, старуха пригласила по этому случаю батюшекъ изъ с. Кучиновки, къ приходу церкви которой принадлежала большая часть хуторовъ, и изъ самого Березна. Конечно, „попрощатысь зъ капитаномъ" пріѣхали и сосѣди: вдовецъ Левъ Андреевичъ Спицкій, Хведоръ Пилиповичъ съ Клавдіею Миколаевною, Юрій Степановичъ зъ Наталей Прокиповной, Аристархъ" и остальные.

По благочестію своему, бабушка, конечно, своевременно ѣздила „зъ Константиномъ" „у Домницю до Божои Матери, у Городище" [2]), гдѣ икона спускается на лентѣ и вдѣлана въ середину деревяннаго орла, „до Святого Миколая у Рыхлы" и пр.

Послѣ „напутствія" пошелъ пиръ горой, „гармидеръ и у покояхъ, и на двори". Прежде нежели выпить „по чарци", батюшка благословилъ „брашно и питіе". Главный предметъ „беседи" вращался возлѣ „капитана". Молодой, 22-хъ лѣтній герой разсказывалъ своимъ многочисленнымъ слушателямъ о Варшавѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ и о всякихъ диковинкахъ Западной Европы. Слушатели молчали, ловили каждое слово и только болѣе почетные иногда издавали звуки удивленія. Бабушка сіяла отъ радости. Уже поѣли и малороссійскій борщъ со сметаною, и караси въ сметанѣ, и телятину. Обѣдъ длился уже два часа. Погода стояла превосходная. Обѣдающіе во дворѣ выпили уже и „другу, щобъ прогнаты тугу, выпылы пъяту за пьятныцю прокляту". Шумъ между ними усиливается больше и больше. „Молодыи" уже начали хмѣлѣть и „заводыты писень". Левко Реусъ показываетъ „якъ чорта зъ горилки выгнаты", или разсказываетъ „про жонатого чорта".

У „пански будынки" несли „заморожене". Характеръ разговора тамъ быстро смѣнялся. Капитанъ разсказывалъ о своихъ ранахъ. Фантазія его расширяла невольно предѣлы дѣйствительности.

---

[1]) Крайніе обрѣзки бревна. Изъ бревна—4 обаполка.

[2]) Сосницкаго уѣзда.

Отце, Боже мій мылый, ажъ слухаты страшно!—воскликнетъ то одна старушка, то другая.

Старый „козарлюга—сусидъ" съ подбитыми висками охлаждаетъ слушателей разсказами „якъ винъ самъ воювавъ и якъ ему ребра поламано". Бабушка его укрощаетъ, сдерживаетъ. Для нея нѣтъ никого и ничего кромѣ Коли.

Принесли „запиканку й варенуху" собственнаго издѣлія бабушки. Ужасный шумъ во дворѣ сразу замолкъ.

— Подывысь, Горпынко, чого се воны такъ замовклы? спрашиваетъ бабушка у своей горничной.

— „Та се Терешко зъ бандурой прыйшовъ. Отъ воны его й годують, щобъ то заспивавъ краще...

— „Сюды Терешку, сюды его! кричитъ Филаретъ Городицкій".

За нимъ потребовали Терешку и другіе гости. Слѣпого Терешку вводятъ и садятъ на „килымку" [1]), лежащемъ близъ „канапки" [2]) Онъ настраиваетъ бандуру и заводитъ думы: „про Мороза, про трохъ бративъ, про Саву Чалого и пр.". Торжественные мотивы козацкихъ думъ замолкли. Терешку угощаютъ „и запиканкою, и варенухою". Онъ не выдержалъ и весело запѣлъ „про чечитку, про попадью и т. д.".

-- Ще про попадью! кричатъ ему сосѣди батюшки.

Терешко выпилъ „ще солоденькой" и началъ:

Журилася попаддя,
Що пивъ зъ бородою:
— Видно моя головонько,
Загину зъ тобою!..

Смѣхъ, шумъ, безпорядокъ.

А время идетъ. Уже „чотыре прокукало", нужно собираться въ дорогу. Рыдванъ, запряженный четверкою откормленныхъ лошадей, давно уже стоитъ, „биля рундука" [3]). Молодой

[1]) Коврикѣ.
[2]) Диванъ.
[3]) Крыльца.

капитанъ суетится, перечисляетъ всѣ вещи, идущія въ дорогу. Бабушка укладываетъ съѣстное, изготовленное и уложенное по плану, давно уже ею составленному.

— Мовчить, мовчить!.. кричатъ съ „рундука“ на подгулявшую компанію.

Все смолкло! Настала торжественная минута прощанія.

— Сидайте, гости мылы, щобъ усе добре у хати сидало... сказала бабушка.

Всѣ сѣли, кто на чемъ смогъ. Ганнуся прижимается къ брату. Глаза ея переполнились слезами. Первымъ всталъ батюшка и, обратясь къ повѣшеннымъ въ углу образамъ въ серебряныхъ „шатахъ“ [1]), провозгласилъ напутствіе. Всѣ усердно стали креститься, а кроткая Ганнуся положила земной поклонъ, чтобы „выщечкомъ вытерты слёзы долонею“. Костя обратился къ бабушкѣ, поцѣловалъ ей пухлую руку, обнялъ ее и сталъ цѣловать. Бабушка крестила его:

— Огради тебе сыла честна и Твій крестъ животворный отъ усякой напасти, отъ усего злого,—сквозь слезы проговорила Софья Федоровна.

Къ капитану стали подходить для цѣлованія всѣ по очереди. Сперва бросилась ему на шею сестра, бросилась и зарыдала. Затѣмъ подошелъ батюшка и, перекрестивъ путника и трижды облобызавъ, проговорилъ:

— Не иды по пути нечестывыхъ и на сидалищѣ грѣшныхъ не сиды.

За гостьми прощалась дворня, хуторяне. На рундукѣ бабушка снова благословляла „свое молодое дитя“, снова его цѣловала и милувала. Приказчикъ Пилипъ подсадилъ панича въ рыдванъ, и четверня рванулась со двора и выѣхала на большую дорогу черезъ хуторъ, мимо крестьянскихъ хатъ, откуда всѣ вышли на улицу поклониться молодому паничу.

Бабушка долго стояла на крыльцѣ, все время осѣняя крестомъ уѣзжавшаго сына.

---

[1]) Окладахъ.

Начался разъѣздъ гостей. Въ воздухѣ стояла тишина, и пѣвчія птицы приступили допѣвать въ саду свои пѣсни. Солнце склонялось уже къ западу. У бабушки чувство гордости смѣнялось чувствомъ печали. Всѣ старались ее утѣшить, пророчествуя сыну ея въ близкомъ будущемъ генеральскій чинъ. Панскіе покои мало по малу пустѣли. А Ганнуся, проводивши брата, убѣжала въ липовую аллею „выливать слезы".

Съ отъѣздомъ молодого воина въ полкъ жизнь въ Рогозкахъ на бабушкиномъ хуторѣ вошла въ старую колею и потекла тихо, мирно. Тревоги за жизнь любимаго сына смѣнялись гордостью и разсчетами на быстрое повышеніе его въ чинахъ.

Все описанное выше въ 3-хъ частяхъ реестра имѣніе находилось въ рукахъ бабушки. О какой-нибудь нуждѣ не могло быть и рѣчи: бабушка жила „панею на всю губу". Не разъ къ ней пріѣзжали сваты по Ганнусю, но Ганнуся „ручалась", она была далека отъ семейной жизни. Бабушкѣ и самой не хотѣлось оставаться одной, „на самоти, сыротыною". Ганнуся боялась выйти изъ-подъ теплаго материнскаго крыла. Всѣ ея помыслы укладывались въ рамкахъ желаній ея матери. Она по цѣлымъ днямъ шила, вышивала, мережала, ходила по садочку, пѣла пѣсни съ Акулиною. Придетъ „свято", работать грѣшно— она молится Богу, читаетъ церковныя книги. Бабушка не разъ замѣчала ей, что пора пришла и проходитъ уже замужъ идти, что ей уже скоро „стукне три десятка".

— На що мени замижъ йити? Хиба мени тутъ погано, чи що? отвѣчаетъ стыдливо дочка.

— А старисть прыйде, до кого ты прыхилышься, хто тебе боронытыме видъ лыхои годыны?..

— Браты заборонять, неувѣренно отвѣчаетъ она.

— А колы золовкы грызты тебе почнуть?

— У черныци пійду... рѣшительно отвѣчаетъ Анна Матвѣевна.

Противъ такого аргумента бабушка не можетъ найти возраженія: она сама была глубоко набожная

— Уже чого-чого не робылы, говорила мнѣ-мальчугану старуха Килина, щобъ тётиньку замижъ выдать, ничого не зробылы...

— Такій вже мій таланъ несчастный, про себя замѣчаетъ тетушка, вертя спицами съ начатымъ чулкомъ.

Она была крайне молчалива, даже безразлична, сколько я могу припомнить изъ моего давнопрошедшаго.

Вѣроятно, живя съ бабушкою, она была ниже травы, тише воды, была во всемъ покорна волѣ матери. А воля у бабушки была твердая. Она привыкла, чтобы ей всѣ поклонялись, сторонились съ пути, Она чуяла и сознавала, что довела своихъ „сынивъ-соколивъ до розуму". Старшій изъ нихъ блистательно окончилъ университетъ и служилъ въ Москвѣ въ сенатѣ, а „меньшенькій буде генераломъ".

Каждый праздникъ бабушка ѣздила въ Сахновку обѣдню слушать и помолиться на могилѣ Матвѣя Ивановича. Его тѣло лежитъ подъ самою церковью, а памятникъ—большой камень съ желѣзнымъ крестомъ на немъ,—пріютился въ уголку между „бабинцемъ" [1]) и церковью. Съ нею, конечно, ѣздила всегда и Ганнуся. Въ церкви она имѣла свое мѣсто, на „килимку" [2]). Послѣ обѣдни батюшка выносилъ бабушкѣ большую просфору съ вынутыми частичками. Она стояла передъ своимъ большимъ, въ серебро оправленнымъ образомъ. Ей одной подносился священникомъ крестъ, а затѣмъ онъ становился снова въ царскихъ вратахъ. Сахновскіе и рогозинскіе паны, пани и панночки отъ креста шли привѣтствовать бабушку. Въ ненастную погоду она молилась Богу дома, при чемъ каждый разъ батюшка присылалъ ей просфору, или большею частью привозилъ самъ и оставался со своею семьею обѣдать на хуторѣ.

Какъ кажется, съ Березномъ она не имѣла особыхъ сношеній. Если тамъ и остались дальніе „родичи" мужа, то она ихъ игнорировала, вслѣдствіе ихъ невысокаго происхожденія. Въ Березно она посылала приказчика на базаръ за покупками, на

---

[1]) Сѣверное и южное крылья (пристройки) крестообразной церкви, въ которыхъ стоять бабы-старухи въ „намиткахъ".

[2]) Коврикѣ.

почту „за лыстамы“; земныя произведенія, какъ то: хлѣбъ, „худобу“, кабановъ и пр. она продавала на мѣстѣ скупщикамъ.

Бабушка любила общество и была постоянно окружена приживалками. Понятно, онѣ предъ нею раболѣпствовали, разсказывали „про старовину“, отгадывали сны, гадали, „звеселялы“ и „разгонялы тугу“. Въ праздничные дни къ ней съѣзжались сосѣди изъ хуторовъ на „бенкеты“.

— Бувало, якъ зберутся гости, то нигде ихъ и розмистыты, разсказывала мнѣ „стара Давыдыха“.

Жизнь шла тихо, мирно, безмятежно. Въ извѣстные сроки бабушка получала письма отъ сыновей „зъ Москвы и зъ полку“. Она ихъ читала, перечитывала, прочитывала своимъ сосѣдямъ, и, вдоволь начитавшись, складывала съ ранѣе полученными, перевязывала тесьмою и запирала въ „ковану скрыньку“.

Но чорная туча появлялась на ея горизонтѣ; она надвигалась ближе и ближе, угрожала и ливнемъ, и грозою... Бабушка это чуяла материнскимъ чутьемъ, инстинктомъ. У нея „за думою дума роемъ вылитала“, она томилась, ночи не спала. Она испытывала такое состояніе, какое испытываютъ нервные субъекты предъ наступленіемъ грозы.

Основаніе чутья было осязательно: „немае тры мисяци лысту“.

— Може й вмеръ мій голубъ сызый, говоритъ бабушка сосѣдкѣ.

— А вы отщо зробить, добродійко. Скажить батюшци, щобъ по нему панихиду одправывъ: заразъ звистка прыйде, чы винъ жывъ, чы ни.

У бабушки и сонъ пропалъ, а заснетъ—страхи снятся. Являются гадальщицы, а за ними и ворожеи. Она уже приказывала „старцивъ [1]) на обидъ склыкать“. Явилось человѣкъ пятьдесятъ „старцивъ и старчихъ“. Слѣпой Терешко атамановалъ за обѣдомъ, а послѣ обѣда пѣлъ „божественне: Исуса Прелюбезного, про Почаевску Божу Матирь, про Иржавецьку, що голосыла [2]), про той свитъ и др. Бабушка посылала на часточку и у Домницу, и у Городище, и у Рыхлы. А письма нѣтъ и нѣтъ.

[1]) Нищихъ.

[2]) Плакала.

Насталъ и 1819-й годъ. Зима была холодная, снѣжная. Въ серединѣ марта проглянуло солнышко и своими лучами немного согрѣло холодный воздухъ. Пришелъ воскресный день, и бабушка поѣхала съ Ганнусею въ Сахновку къ обѣднѣ. Изъ Сахновки она пріѣхала домой къ обѣду безъ гостей, хотя изъ Березна привезено было много свѣжей рыбы, такъ какъ шелъ великій постъ. Въ одно время съ нею возвратился съ рыбой и посланецъ ея.

— А що нема лыста?

— Немае, пани, отвѣчалъ посолъ.

Она сѣла за обѣдъ съ Ганнусею, но ничего не могла ѣсть: мрачныя думы овладѣли всѣмъ ея существомъ.

Послѣ обѣда Ганнуся ушла въ свою комнату, а бабушка сѣла раскладывать пасьянсъ—„колодезя". Карты складывались уже къ старой и счастливой развязкѣ пасьянса, какъ къ ней стрѣлою влетѣла Килина.

— Якись руськи прыйихали зъ хурамы и богато-богато чогось прывезлы. Кажуть, що видъ Константина Матвіевича.

Бабушка смѣшала карты, велѣла позвать руськихъ, а сама стала поправлять на головѣ „очипокъ" [1]).

Фуры въѣхали во дворъ. Ихъ сопровождало нѣсколько подводъ съ женщинами и дѣтьми. Физіономіи и костюмы пріѣхавшихъ были непривычными для бабушки. Вошли 2—3 мужика въ полушубкахъ, а съ ними и дворня бабушкина. Старшій мужикъ выступилъ впередъ, отвѣсилъ поклонъ старухѣ и проговорилъ:

— Молодой король вашъ и молодая королева челомъ бьютъ вамъ, сударыня.

Бабушка строго посматрѣла на него, выпрямившись.

— Якій тамъ король зъ королевою?

— Константинъ Матвѣевичъ, послѣдовалъ отвѣтъ.

— Се мій сынъ меньшій. Може прыйихавъ винъ?

— Никакъ нѣтъ, сударыня.

Бабушка остолбенѣла. Кровь то приливала къ ея лицу, то отливала.

[1]) Чепчикъ или правильнѣе—повязка, головной уборъ.

— Що це таке: никакнитъ?

Обѣ стороны съ трудомъ понимали другъ друга. Наконецъ выяснилось, что отецъ мой женился безъ родительскаго благословенія, женился въ воронежской губерніи и прислалъ приданое своей молодой жены съ десятками крѣпостныхъ. Такое извѣстіе возмутило бабушку до глубины души. Она бросилась въ комнату къ Ганнусѣ и вдвоемъ съ нею горько зарыдала. Ея материнская гордыня была поругана, опозорена. Ея сынъ, ея „дытына“ рѣшился жениться безъ ея „порады“, безъ ея „матерыного“ благословенія. Она рѣшилась не признавать этого брака и рѣшила твердо. Нѣжная материнская любовь у ней уступила свое мѣсто чувству негодованія, злобѣ, мести. Привезенное богатство, по приказанію бабушки, было свалено въ сарай (возовню).

— Хай воны згніють тамъ, у мене й свого добра довольно, такъ рѣшила бабушка.

Переселенцы разбрелись съ лошадьми и повозками по хутору.

Событіе это приблизительно такъ разсказывала мнѣ и покойная моя матушка, и прислуга. Въ записной книгѣ моего отца событіе это отмѣчено такъ: „женился 1819-мъ году февраля 5-го дня въ воронежской губерніи на дочери маіора Василія Елисѣевича М—ева, Прасковьѣ Васильевнѣ. Именины ея 26-го іюля“.

Материнское сердце переполнилось желчью. Громовой ударъ вызвалъ горячія слезы, которыя текли ручьями по ея морщинистому покрытому холоднымъ потомъ лицу. Она не могла объяснить себѣ поступокъ Кости, она не могла вѣрить ни пришлымъ „руськимъ“, ни привезеннымъ богатствамъ. Ей трудно было мириться съ мыслью, что всѣ ея разсчеты стерты въ одинъ мигъ. А какіе же были ея разсчеты? Она ожидала, что сынъ ея пріѣдетъ генераломъ и съ нею поѣдетъ „на поглядыны“ въ извѣстныя богатыя мѣстныя семьи, съ молодыми дѣвушками: „до Лизогубивъ, Тарновскихъ, до Скоропадскихъ, до Ханенкивъ, до Борковскихъ и пр.“ Таковы были ея мечты, ея разсчеты. Бабушка рѣшила не признавать брака; ей каза-

лось, что бракъ сына безъ разрѣшенія родителей не можетъ быть признанъ законнымъ, что это не бракъ, что жена ея Кости не жена его, а „полюбовныця“.

Всепрощающая Ганнуся мирилась съ фактомъ брака ея брата, не анализировала его, не вступала въ пререканія съ матерью. Ее интересовали другіе вопросы: „яка іи братова“? не злая ли она? не сварливая ли? „чи чорнява, чи русява? Чи высока, чи нызенька?... Словомъ, ее интересовали будущія отношенія къ ней ея новой родственницы.

Бабушка никого не принимала къ себѣ изъ сосѣдей и сосѣдокъ, ссылаясь на нездоровье. Она заключилась въ самое себя. Она приготовилась ко встрѣчѣ съ сыномъ, съ его молодою женою.

Но дни шли за днями. Снѣгъ сошелъ, деревья стали зеленѣть, покрылись бѣлымъ душистымъ цвѣтомъ. Пришла весна:

Идетъ, гудетъ зе еный шумъ,
Зеленый шумъ, весенній шумъ!..

Со всѣхъ сторонъ до бабушки доносится весенняя пѣсня:

Люби, покуда любится,
Прощай, пока прощается,
И Богъ тебѣ судья!..

Бабушка любила сына, любила больше прежняго, но не хватало у ней силъ простить ему. Она не обращала вниманія даже и на то, что за ея невѣсткою дали 60 тысячъ рублей ассигнаціями, не считая драгоцѣнностей.

Солнце уже закатывалось къ западу. Въ воздухѣ разносился ароматъ изъ сада, гдѣ цвѣли и „стокротки“, и васильки, и кануперъ, и роза, и „братки“, и „барвинокъ, и усяки-всяки квитки“. Бабушка сѣла на „рундуку одпочиваты“. Она стала поджидать „товару зъ паши“, смотрѣла, какъ таскали изъ колодца „журавлемъ“ воду въ корыта для питья скоту и овцамъ, разглядывала проходившихъ и проѣзжавшихъ по большой дорогѣ мимо двора. Вокругъ нея разливался такой благодатный

миръ, такая тишина, что старуха отрѣшилась отъ самой себя и обратилась въ частицу окружавшей ее природы, стала инертнымъ существомъ. Но она очнулась вдругъ, услышавъ доносившіеся издали голоса и завидѣвши поднявшуюся за хуторомъ пыль столбомъ. Она стала ловить голоса, начинала разбирать звуки:

— „Трогай, голубчики, трогай!..

На хуторѣ показался тяжелый большой экипажъ восьмерикомъ, съ двумя, „хвалеторами". Тяжко забилось у ней сердце, сперлось дыханіе. Она вскочила, какъ ужаленная змѣею, съ „дзыглыка" [1]) и ускользнула въ покои, когда дорожній дормезъ заворачивалъ къ ней во дворъ.

Наступила потрясающая сцена...

Я не въ силахъ передать эту сцену со словъ моей покойной матери. Изъ ея разсказа въ моей дѣтской головѣ остались одни обрывки. Нужно имѣть особый даръ воспроизвести эту сцену, имѣвшую мѣсто 72 года тому назадъ...

Бабушка не допустила къ себѣ на глаза молоденькую жену любимца сына.

— „Вона московка, я й не зрозумію іи", рѣшительно заявила она сыну.

Молодой четѣ отведены были три комнаты въ домѣ справа, зала, кабинетъ и гостинная съ выходомъ въ садъ. Мать моя рыдаетъ, бабушка рыдаетъ, Ганнуся рыдаетъ, а отецъ то утѣшаетъ и ласкаетъ молодую жену, то обнимаетъ и цѣлуетъ старуху мать.

Проходитъ день за днемъ, но все остается по старому. Бабушкинъ дворъ принялъ характеръ зачумленнаго мѣста: никто не рѣшается завернуть въ него, никто не рѣшается громко сказать въ немъ. Все въ немъ словно замерло, покрылось чернымъ саваномъ. Даже проголодавшіеся любимцы—псы бабушкины, Кундель и Лисичка, перестали лаять и бросаться на прохожихъ и проѣзжихъ.

Но съ фактомъ нужно мириться, нужно было искать выхода...

---

[1]) Стула.

Выходъ былъ найденъ. Бабушка согласилась вырубить сосновый боръ отъ кошаръ по „ривчакъ“, дорогу и до самаго хутора, т. е. на площади около десяти десятинъ. Она благословила устроить „новый двиръ“. Она взяла даже на себя постройку дома и службъ, а также разведеніе фруктоваго сада. Рѣшено было построить на каменномъ фундаментѣ домъ изъ 8-ми комнатъ съ двумя сѣнями, лакейскою и кладовою и съ „выходомъ“ [1]) подъ домомъ; поварскую съ комнатою для повара и хозяйскою; кухню съ людскою для челяди; красную кладовую; четыре амбара въ саду съ четырьмя надъ ними комнатами (т. е. горницею); черный дворъ съ амбарами, ледникомъ, каретнымъ сараемъ, конюшнею, колодцемъ, „повитками“ для телѣгъ и орудій, хлѣбнымъ магазиномъ и колодцемъ. Въ саду избрано было мѣсто для бани съ предбанникомъ. Короче сказать, бабушка не жалѣла ничего для своего сына.

Отецъ мой повелъ, секретно отъ матери, Ганнусю къ своей молодой женѣ. Ганнуся бросилась къ ней на шею, обняла ее, прижала къ своей груди, согрѣла своимъ поцѣлуями сиротку на чужой дальней сторонѣ. Мать моя, женщина 15—16-ти лѣтъ, плакала и день и ночь. Ее не могъ утѣшить любимецъ ея мужъ и отецъ будущаго ея ребенка. Она очутилась въ роли затворницы, преступнаго существа. Ее согрѣла только Ганнуся, за что она отплатила ей первою своей улыбкою въ домѣ свекрови.

Все, все разбивалось о козацкую твердую волю моей бабушки, все покорялось ея волѣ!

Жить у свекрови лишній день было не подъ силу больной молоденькой женщинѣ. Снова подъ крыльцо подъѣхалъ восьмерикъ и унесъ съ собою молодую чету. Бабушка обняла своего любимца, цѣловала его, обливала слезами, но... не хотѣла видѣть „московку“.

Проводивши сына въ полкъ, бабушка взгрустнула, а затѣмъ энергически принялась рубить до самаго „ривчака“ старый сосновый боръ, чтобы очистить мѣсто подъ „селитьбу“ [2]),

---

[1]) Подваломъ.

[2]) Усадьбу.

т. е. подъ дворъ, и садъ. Все у ней было свое: „и майстри [1]), и деревня [2]), и цегла [3]). Пильщиковъ она выписала изъ Добрянки [4]). Пошла заготовка бревенъ, досокъ, шелевки, выкорчевка пней. Бабушка цѣлые дни проводила на новомъ дворѣ, направляла каждую работу, присутствовала во время „снидання [5]), обида и вечери" [6]) рабочихъ. Ѣда безъ чарки не обходилась: пили рабочіе за ея здоровье, за здоровье молодого пана, молодой пани. Бабушка стала примиряться мало-по-малу съ мыслью о женитьбѣ сына. Она благодарила рабочихъ за тосты, шутила.

— Побачите ще, яка буде молода пани. Може така выйде зъ неи злюща, що усихъ зъисть, шутила она. До мене прывыклы, а до неи ще прывыкать треба.

Къ работѣ были привлечены и крѣпостные матери. Имъ въ Рогозкахъ было лучше, нежели въ Россошкахъ [7]). Они сошлись съ крѣпостными бабушки. Они получили уже новыя прозвища: Голубятникова уже называли Голубомъ, молодого парня Романова—Романченкомъ и пр.

Отецъ мой ѣздилъ въ августѣ мѣсяцѣ къ минеральнымъ водамъ для излѣченія ранъ, конечно за границу. Онъ показывалъ чужія страны своей молодой женѣ. Они посѣтили европейскія столицы. Въ родословной рукою моего отца записано: „Родилась дочь Софія 1819-го года ноября 27-го дня; именины ея 17-го сентября" [8]).

Съ наступленіемъ весны 1820-го года бабушка „заходылась сыну будынки будоваты, сады садыты, городы городыты". Съ восходомъ солнца она была уже на работахъ. Она была польщена, что внучкѣ дали ея имя. Она торопилась постройками, чтобы

---

[1]) Мастера.

[2]) Лѣсной матеріалъ.

[3]) Кирпичъ.

[4]) Слоб. Добрянки, городнянскаго уѣзда, населенная старовѣрами.

[5]) Завтрака.

[6]) Ужина.

[7]) Сел. Россожки, нижне-дѣвицкаго у., воронежской губ.

[8]) Нынѣ благополучно здравствуетъ съ правнуками въ Казани вдовою Дороховой.

„осадить сына зъ унучкою". Она рисовала въ своемъ воображеніи портретъ малютки: „русява—въ мене и втишна, якою я була маленькою. Моя у неи кривъ, мое тило, моя душа". Бабушка тосковала за внучкою и, посылая въ церковь на часточку, писала въ заздравіи свое имя первымъ, а на концѣ писала „младенца Софіи". Ради этого младенца, она увеличила и приношенія на церковь и вознагражденіе священнику, „щобъ краще молывся".

Къ зимѣ постройка новаго дома со всѣми службами была окончена. Бабушка торопила сына выйти въ отставку, ссылалась въ письмахъ къ нему на лѣта, на недуги, опасалась за здоровье своей маленькой внучки, въ которой сосредоточивались всѣ ея радости и надежды, вся ея любовь, вся вѣра: Ганнуся обрекла себя на роль няньки:

— Буду сама пеленать и пестыть [1]), никому не дамъ и подывытысь на дытыну, заявляла она.

Въ аттестатѣ отца значится: „Въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ. Женатъ на дочери отставнаго маіора М—ева, Прасковьѣ. Къ повышенію чиномъ аттестованъ достойнымъ.— 1821-го года генваря въ 23 день по Высочайшему приказу уволенъ отъ службы за ранами маіоромъ съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованія".

Возможно предполагать, что отецъ мой, подавши прошеніе объ оставкѣ, тотчасъ же двинулся въ путь къ себѣ на родину съ красавицей женой и годовымъ ребенкомъ, тезкою бабушки. Путь былъ далекій изъ Россошекъ въ Рогозки, хотя и не особенно трудный—санный. Бабушка въ окошечко вызирала внучку, обставляла новый домъ мебелью, снабжала всякою утварью. Все въ домѣ бросалось въ глаза своею новизною и только въ углу въ спальнѣ, гдѣ она устроила „Божницу" [2]), выдѣлялся старый фамильный образъ пяти святыхъ подъ серебряною ризою. Передъ нимъ и день и ночь теплилась лампадка. Только по осмотрѣ ею закрывались вьюшками печи, изъ опасенія угару.

---

[1]) Пяньчить.

[2]) Мѣсто, гдѣ висятъ образа.

Домъ стоялъ въ глубинѣ двора; на срединѣ его было большое широкое крыльцо съ навѣсомъ на четырехъ столбахъ; входная дверь вела въ сѣни, направо—лакейская, а за нею—большая зала; изъ залы шла дверь въ прихожую, а изъ нея направо въ кабинетъ, а налѣво—въ гостинную. Изъ гостинной выходъ былъ въ садъ на балконъ и въ спальню; изъ спальни одна дверь вела въ угловую комнату—дѣтскую, выходящую окнами въ садъ, а другая—въ столовую, глядѣвшую во дворъ; рядомъ со столовой по фасаду и дѣтской по разрѣзу была „дивоча“ [1]), а изъ нея—выходъ въ сѣни, рядомъ съ которыми находилась кладовая. Часть сѣней была отгорожена толстыми досками, закрывавшими ходъ на „гору“ [2]) и тѣсный уголокъ—для нуждъ хозяевъ.

Молодая чета должна была ѣхать чрезъ Березно, гдѣ уже находился нѣсколько дней конный „вартовый“ [3]), обязанный заранѣе сообщить бабушкѣ о выѣздѣ молодого пана изъ этого крайняго пункта. Челядь новаго двора была уже на своихъ мѣстахъ. Она организована была изъ крѣпостныхъ матери. Бабушка ожидала молодыхъ, или точнѣе—внучки, къ обѣду. Ее стѣсняла нѣсколько первая встрѣча съ „московкой“, но въ представленіи ея „московка“ была на послѣднемъ планѣ. Вартовый прискакалъ и заявилъ, что „молоди“ переѣхали уже „царскій шляхъ“ [4]). Бабушка вышла на крыльцо встрѣчать гостей въ дорогомъ шелковомъ „шушунѣ“ и въ „капурѣ“ на головѣ. Ганнуся раньше еще стояла на крыльцѣ и „млила“ отъ нетерпѣнія.

День былъ тихій, морозный. Послышался на хуторѣ звонокъ, и крытый возокъ тройкою съ выносными въѣхалъ въ новый дворъ. Вся челядь выскочила на встрѣчу.

Возокъ подъѣхалъ къ крыльцу. Настали трогательныя минуты встрѣчи. Ганнуся выхватила у матери изъ возка малень-

---

[1]) Для дѣвушекъ.

[2]) Чердакъ.

[3]) Сторожъ.

[4]) Обсаженная деревьями широкая дорога на полпути между м. Березномъ и м. Рогозками.

кое существо и стремглавъ направилась съ нимъ въ покои. Бабушка цѣловала сына и съ неохотою дала поцѣловать себя моей матери. Она приняла ее сухо, не проронивъ ни звука. Когда всѣ вещи были положены на свои мѣста, старуха приказала пригласить изъ стараго двора пріѣхавшаго еще спозаранку сахновскаго священника съ причтомъ. За нимъ ввалилась въ залу вся челядь обоихъ дворовъ. Сперва совершено было освященіе дома и окропленіе его святою водою, а затѣмъ молебенъ о здравіи. Молились о здравіи „Софіи, воина Константина, Параскевы и младенца Софіи“.

Послѣ молебствія сѣли всѣ за обѣдъ. Въ тоже время сѣли за импровизированный возлѣ кухни обѣдъ вся дворня и хуторяне. Распорядитель „людского обиду“ былъ старый войтъ (приказчикъ) Пилипъ Евхименко.

Ганнуси не было за обѣдомъ: она возилась съ Сонею въ дѣтской, укладывала ее въ маленькой липовой кроваткѣ, сдѣланной по указанію бабушки, на каткахъ подъ ножками. Она кормила Соню манною кашкою на молокѣ. Бабушка была въ восторгѣ отъ Сони.

— Така-жъ русява, якъ и я була колысь.

Она воображала самое себя въ своемъ дѣтствѣ, она переносилась въ свое далекое прошлое, въ свое давнопрошедшее.

Обѣдъ прошелъ скоро. „Отецъ батюшка“ разсказывалъ семейную хронику рода М—въ, про жизнь въ Березномъ. Одной только матери моей было не по-себѣ. Она видѣла вокругъ себя все чужое, она чувствовала крайнюю усталость. Ссылаясь на нездоровье, она ушла послѣ третьяго блюда изъ-за стола въ свою комнату.

— Ты бережы іи, сказала бабушка сыну, вона молода ще, до розуму не дошла, та ще й послидни дни ходыть.

Мать моя дѣйствительно переживала послѣдній мѣсяцъ беременности. Еще наканунѣ была приглашена по этому поводу мать войта „бабкою“ [1]).

Дальность пути, тревожныя ожиданія встрѣчи, разлука съ родными въ Россошкахъ, все это тяжело отражалось на моло-

---

[1]) Акушеркою.

дой женщинѣ. Она слегла въ постель и заперши́сь толковала долго вдвоемъ съ старою „войтыхою"! О Сонѣ она не безпокоилась, зная, что при ней находится новая мать—Ганнуся. Въ ночь на 1-е февраля у матери появились сильныя боли въ крестцѣ. Войтыха ни на шагъ отъ нея не отходила. Въ теченіе дня къ больной нѣсколько разъ приходила бабушка, сидѣла возлѣ нея, брала за руку, цѣловала въ голову. Отца не впускали въ спальню, „бо це бабське дило". Къ вечеру страданія усилились, больная металась, кричала. Выходя отъ нея, бабушка объявила сыну, чтобы не называть, если родится мальчикъ „Матвійкомъ", такъ какъ онъ сильно мучитъ мать свою. Она предоставила Костѣ дать имя мальчику, какое захочетъ „Параска", т. е. сама мать. Войтыха примѣняла уже многія средства, но страданія не уменьшались. Она подкурила больную „яловцемъ" [1]), разорвала у больной рубаху черезъ ноги; заставляла отца снять свою сорочку черезъ ноги; по ея требованію, отецъ пролазилъ подъ кроватью больной. Къ ночи боли усилились. Войтыха зажгла „родовныцю" [2]) передъ образами, приказала растворить всѣ двери въ домѣ, посылала за ворота узнать имя перваго „старца", чтобы дать его новорожденному. Ничего не помогало. Рано утромъ 2-го февраля была послана въ Сахновку за священникомъ „ниточанка" [3]).

Вслѣдъ за пріѣздомъ священника настали роды; минуту спустя, появился на свѣтъ Божій слабый мальчикъ. Въ родословной моего отца записано такъ: „Родился сынъ Василій 1821-го года февраля 2-го дня и умре, поживъ только 3 часа и окрещенъ".

Матушка начала скоро оправляться. Недѣли черезъ двѣ войтыха позволила ей оставить постель. Отецъ мой не отходилъ отъ нея ни на шагъ, ласкалъ свою Парашу, цѣловалъ. Съ выздоровленіемъ матери складывалась мало по малу новая жизнь въ новомъ дворѣ. Въ первыхъ числахъ марта мать моя отпра-

---

[1]) Можжевеловыя ягоды.

[2]) Вербная свѣча. Ее зажигаютъ, надѣясь, что младенецъ явится на свѣтъ такъ легко, какъ Іисусъ Христосъ вошелъ въ Іерусалимъ.

[3]) Плетеная изъ прутьевъ бричка.

вилась въ первый разъ въ старый домъ. Бабушка встрѣтила ее непривѣтливо, сухо. Весь разговоръ ихъ ограничивался отрывочными фразами. Главною темою разговора служила маленькая Соня, проводившая большую часть дня въ старомъ домѣ возлѣ Ганнуси, которая обрекла себя добровольно на роль ея няни.

Наступила ранняя, теплая украинская весна, принесшая новый запасъ силъ разслабленной матери моей. Отецъ познакомилъ жену со всѣми хуторными панами; ѣздилъ съ нею къ окрестнымъ дворянамъ, въ Черниговъ—къ замужней сестрѣ своей. Съ наступленіемъ лѣта сложилась вполнѣ жизнь обособленныхъ двухъ дворовъ, стараго и новаго. Бабушка не желала вмѣшиваться въ жизнь сына, выдѣлила ему часть пахоти, лѣса, сѣнокоса, пастбищъ. Близъ усадебъ лежали два огорода—старый и новый. На старомъ огородѣ была „сажалка“ [1]), огороженная частоколомъ; на новомъ—двѣ копанки. И тамъ, и тамъ водились въ большомъ количествѣ караси, лины, вьюны, раки и пьявки. Вокругъ сажалки росли кусты малины, были грядки съ клубникой, съ черною смородиною. Усадьбы матери и сына были отгорожены плетнемъ, черезъ который устроенъ былъ перелазъ. Чтобы попасть изъ стараго въ новый дворъ, нужно было сперва выйти на проѣзжую дорогу. Мать моя скоро сроднилась съ новою ея родиною и нисколько не тяготилась недружелюбнымъ отношеніемъ къ ней свекрови. Проходили мѣсяцы, а бабушка и ногой не ступила въ новый дворъ. Появленіе ея у сына связывалось только съ появленіемъ на свѣтъ внука или внучки. Мать мою она признавала если не вполнѣ чужою, то разбившею ея завѣтныя мечты имѣть свою невѣстку изъ важнаго малороссійскаго рода. Отецъ мой часто посѣщалъ свою мать, ходилъ къ ней за „порадою“ [2]), за разрѣшеніями. Сознавая свое первенство, она жила прежнею жизнью. Всѣ старые знакомые ее по прежнему посѣщали, пользовались ея гостепріимствомъ, ея помощью. Молодое поколѣніе тянуло больше на новый дворъ, гдѣ чувствовалась молодая жизнь, гдѣ больше было раз-

---

[1]) Прудъ.

[2]) Совѣтомъ.

влеченій, больше шуму и смѣха. На Рождество и на Пасху пріѣзжали съ поздравленіемъ сперва къ бабушкѣ, а потомъ уже къ отцу моему. Бабушка выѣзжала изъ дому очень рѣдко и, главнымъ образомъ, въ Сахновку помолиться въ церкви, или „отправить панихвиду“ на могилѣ „старого“, т. е. моего дѣдушки. Она служила панихиды на его могилѣ въ день его рожденія, въ день именинъ и въ день смерти. Ее сопровождала всегда въ поѣздкахъ Ганнуся, проводившая всѣ дни съ утра до вечера у брата возлѣ Сони. Соня росла „якъ утятко на води“, болтала, слушала „казки“.

Господь Богъ благословилъ моихъ родителей дѣтьми. Въ родословной книгѣ отцемъ написано: „Родилась дочъ Варвара [1]) 1822-го года генваря 2-го дня, именины ея 4-го декабря“. Вслѣдъ за этою записью слѣдуетъ: „Родилась дочъ Надежда [2]) 1823 го года октября 27-го дня, именины ея 17-го сентября“. Далѣе, записано: Родилась дочь Вѣра 1825-го года апрѣля 14-го дня, именины ея 17-го сентября“. За Вѣрою показано: „Родился сынъ Василій [3]) 1826 года іюня 30-го дня, именины его 12-го апрѣля“. Послѣ Василія „родился сынъ Матвѣй 1828-го года апрѣля 23-го дня; 1829-го марта умре“.

Смерть послѣдняго сына вызвала много слезъ и въ новомъ домѣ, и въ старомъ. Въ лицѣ его бабушка видѣла портретъ своего покойнаго мужа.

— Отце и батькивъ синъ, и дида, и прадида, говорила она, по словамъ моей покойной матери.

Въ лицѣ старшаго своего внука она не находила знакомыхъ и дорогихъ ей чертъ своего мужа.

— „То матчинъ сынъ“, отзывалась она о немъ. „У него уся матчина врода“.

Въ слѣдующемъ году родились двойни. Въ родословной о нихъ записано такъ: „Родилась дочь Любовь [4]) 1831-го года

---

[1]) Нынѣ вдова доктора Лучинская.

[2]) Умерла дѣвицею.

[3]) Нынѣ здравствующій.

[4]) Умерла 22 іюля 1853 года, въ замужествѣ Тищенко.

февраля 15-го; того же числа родился сынъ мертвой, коего нарекли Константиномъ".

Такимъ образомъ, въ первые двѣнадцать лѣтъ супружества у родителей моихъ было девять душъ дѣтей, а на лицо шестеро: пять дочерей и сынъ. Забота о дѣтяхъ была не подъ силу одной теткѣ; къ дѣтямъ были приставлены старуха-няня изъ хутора, изъ крѣпостныхъ сахновцевъ. Бабушка видимо стала дряхлѣть. О выѣздахъ ея не могло быть и рѣчи. Она жаловалась на боли въ ногахъ и съ трудомъ переходила изъ комнаты въ комнату. Дѣтскій шумъ раздражалъ ея нервы, почему дѣтей приводили только въ большіе праздники къ ручкѣ бабушки. Она не отпускала отъ себя Ганнусю. Такимъ образомъ, жизнь двухъ семей болѣе и болѣе обособлялась. Завѣдываніе всѣми землями, лѣсами и лугами бабушка передала въ руки сына. Хозяйственныя заботы ея ограничились одною только усадьбою.

Съ наступленіемъ новаго 1832 года боли въ ногахъ у бабушки увеличивались, при чемъ проявились признаки водяной. Изъ Березна привозили къ ней подлѣкаря, по совѣту котораго больная пила отваръ яловцю. Съ наступленіемъ великаго поста она уже не оставляла постели. Ее навѣщали старухи-сосѣдки, разсказывали ей случаи тяжкихъ заболѣваній и выздоровленій. Бабушка не вѣрила въ возможность выздоровленія и спокойно заявляла.

— Ни, вже мени не топтаты земли, це моя до мене прыйшла.

Всю ночь съ 21-го на 22-е апрѣля 1832 г. не тушили въ старомъ домѣ свѣчей; лампадки теплились уже около недѣли во всѣхъ комнатахъ передъ образами. Отецъ не отходилъ отъ постели умирающей матери. Рано утромъ 22-го апрѣля посланы были въ Сахновку экипажи за священникомъ и причтомъ. Вслѣдъ за пріѣздомъ священника она пригласила къ себѣ всѣхъ членовъ семьи для благословенія. Сперва упалъ на колѣни передъ нею мой отецъ и горько рыдалъ. Бабушка твердымъ голосомъ дала ему нѣсколько наставленій. За отцемъ стала на колѣни мать. Она завѣщала ей любить ея сына:

— Воно у мене хороша дытына и добра людына. Дывысь за нымъ, доглядай дитокъ маленькихъ, доводь ихъ до розуму.

Благословила бабушка Ганнусю, благословила внучекъ и внука, за ними прислугу, дворню. Каждому она давала наставленіе. Всѣ окружавшіе ее стояли молча, хотя у каждаго слезы лились ручьями. Прощанье съ близкими истомило бабушку, довело до обморока. Она откинула на подушку голову, закрыла глаза, изъ которыхъ выкатились двѣ крупныя капли. Обморочное состояніе продолжалось минутъ пятнадцать. Передъ семейнымъ образомъ горѣла „четвергова" [1]) свѣча. Въ комнатѣ умирающей стояла мертвая тишина, каждый затаилъ дыханіе, боялся шелохнуться. Многіе думали, что бабушка испустила уже духъ свой, но румянецъ игралъ на морщинистомъ лицѣ ея, а грудь тихо колебалась отъ медленнаго и неровнаго дыханія. Когда она очнулась, то тотчасъ выразила желаніе исповѣдаться и причаститься. Всѣ были удалены изъ спальни; остался при умирающей только священникъ. Послѣ исповѣди снова наполнилась комната близкими, въ присутствіи которыхъ бабушка причастилась. Послѣ причастія начался обрядъ соборованія. Казалось, бабушка стала свободнѣе дышать, и тусклыя глаза ея просвѣтлѣли. Но она больше не говорила и только нѣжно гладила голову стоявшему на колѣняхъ у ея изголовья отцу моему. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ не сходили съ закрытыхъ глазъ старухи. Лицо ея было полно покоя, полно довольства; на блѣдныхъ губахъ ея выражалась улыбка. Нервно она отбросила свою руку на грудь отъ головы сына, вытянулась и тяжело вздохнула... То былъ ея послѣдній на землѣ вздохъ.

Похоронили ее въ Сахновкѣ близъ церкви, рядомъ съ могилою ея мужа. Похоронный обрядъ совершали нѣсколько священниковъ. Тѣло ея провожали всѣ рогозинскіе хутора въ нѣсколько сотъ душъ. Крестьяне и большинство сосѣдей-помѣщиковъ шли всю дорогу пѣшкомъ.

Она похоронена въ дубовомъ выдолбленномъ гробѣ, приготовленномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ головахъ въ могилѣ положили съ одной стороны жбаночокъ жита, а съ другой—„сулію горилки, щобъ душечка помершой не голодна була" [2]).

[1]) Зажигаемая во время чтенія 12-ти евангелій.

[2]) Жито и водка найдены были 12 мая 1850 г. при копаніи могилы моему отцу.

Въ родословной рукою моей матери записано по этому поводу такъ: „Умерла Софія Федоровна М—зъ 1832 года 22-го апрѣля, имѣя отъ рожденія 69 лѣтъ".

Само собою разумѣется, оба двора, и старый и новый, были разгорожены другъ отъ друга. Въ старомъ дворѣ на доскахъ отправлялись „ховтуры" [1]), на которыхъ участвовало человѣкъ свыше двухъ сотъ. Изъ винницы была выкачена бочка водки. Въ старомъ домѣ поминальный обѣдъ совершали въ залѣ и столовой. Особенно много собралось во дворѣ со всѣхъ сторонъ „старцивъ". Для нихъ былъ приготовленъ особый столъ, за которымъ „атаманувавъ" Терешко. Передъ обѣдомъ „старци" пропѣли хоромъ „псальму". Обѣдъ продолжался до поздняго вечера. День былъ свѣтлый и теплый. „Частовали" хуторянъ и нищихъ нѣсколько человѣкъ, и женщинъ и мужчинъ. Послѣ первой „стравы" [2]), за столами во дворѣ началось пѣніе вѣчной памяти, а затѣмъ многая лѣта. Пѣніе одного и другаго тоста повторялось много разъ. Старцн пѣли хоромъ „Про святу пятницу", „про царицу Софію" и др. Имя покойной бабушки занесено было священникомъ въ поминальную книжку и исключено изъ перваго ея отдѣла „за здравіе". Послѣ обѣда послѣдовало распоряженіе родителей моихъ пригласить крестьянъ „на сорокоустъ" [3]). Смерть бабушки вызвала глубокій трауръ во всемъ домѣ. Ганнуся дала завѣтъ носить все черное до самой смерти. Она заявила съ большею настойчивостью о своемъ желаніи поступить въ монастырь „у черныци". Отцу моему стоило много труда убѣдить ее отказаться отъ этого намѣренія. Ганнуся заперлась въ старомъ домѣ со своею Килиною и придала этому дому характеръ монастыря. Первое время она вовсе не выходила изъ этого монастыря: ей носили туда и „снуданне" [4]), и обѣдъ, и „вечерю" [5]). Она жила мыслью о покойной матери", ее не при-

[1]) Поминальный обѣдъ.

[2]) Кушанья.

[3]) Обѣдъ поминальный на 40-й день.

[4]) Завтракъ.

[5]) Ужинъ.

тягивали уже къ себѣ ни Соня, ни другія племянницы. Смерть матери до того сильно потрясла ея духовный міръ, что она обратилась мало-по-малу въ молчальницу, прервала всѣ знакомства, сдѣлалась нелюдимою и даже психически больною въ глазахъ простыхъ людей, не способныхъ различать духовный міръ человѣка отъ физическаго.

Въ родословной книгѣ далѣе слѣдуютъ записи: „Родилась дочь Пелагея 1832-го года июля 27-го дня", а ниже: „Родилась дочь Анна 1834-го года июня 10-го въ 7 часовъ вечера". Къ послѣдней записи рукою моей матери сдѣлана приписка: „Померла 1835-го года августа 12-го дня". За симъ идутъ слѣдующія записи: „1835-го года октября 10-го родилася дочь Евлампія [1]) въ четвергъ въ вечеру 10 половинѣ"; „1837-го года генваря 26-го дня родился сынъ Митрофанъ [2]) по утру въ 11 съ половиною часовъ, во вторникъ"; „1838 году декабря 8 дня родилась въ четвергъ противъ пятницы ночью 3-мъ часу дочь Анна" [3]), „1840 года генваря 28 дня родилась дочь Клеопатра"; „1841 года августа 23-го дня въ 3 часа по полудни родился сынъ Даніилъ". Послѣдними дѣтьми у моихъ родителей были двѣ дочери, изъ коихъ Софія „родилась 1844 года марта 18 дня въ 10 часу вечера" и Аграфена—1847 года іюля 16 дня.

Такимъ образомъ, у моихъ родителей было 18 дѣтей, а въ томъ числѣ 6 сыновей и 12 дочерей. Мать моя заявляла постоянно, что у нея было 22-е дѣтей, изъ коихъ четверо, незаписанныхъ въ родословную книгу, были мертворожденными, появившимися на свѣтъ двойнями. Послѣ выхода замужъ старшей дочери, у матери было нѣсколько еще дѣтей, почему иногда случалось, что она кормила своимъ молокомъ внука, а старшая сестра—младшую свою сестру. Замужняя сестра моя съ мужемъ и дѣтьми переѣхала въ концѣ тридцатыхъ годовъ изъ Малороссіи въ г. Казань, т. е., по тому времени, чуть ли не на тотъ свѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ послѣднимъ дѣ-

---

[1]) Нынѣ вдова Страховская.

[2]) Умеръ въ возрастѣ 10—12 лѣтъ.

[3]) Умерла въ замужествѣ за докторомъ Вишневскимъ.

тямъ моихъ родителей не пришлось всю жизнь видѣть своей старшей сестры. Переселеніе за три-девять земель побудило моихъ родителей назвать родившуюся затѣмъ дочь именемъ ея старшей сестры, какъ бы въ воспоминаніе о ней.

Д. Морозъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ[1].

По J. Ролле.

(*Окончаніе*).

Что же дѣлалъ между тѣмъ народъ, не благородный шляхетско-польскій, католическій народъ, а тотъ украинскій гминъ, закостенѣло-упрямый въ преданности къ своему хлопскому языку и своей хлопской вѣрѣ? Конечно, онъ былъ лишь подстилкой подъ шляхетскими ногами, той сѣрою почвой, которая предназначена была свыше питать и взращивать радужный цвѣтъ шляхетской культуры. Но—увы! онъ слишкомъ часто принималъ въ глазахъ шляхты и ея легко воспламеняющемся воображеніи образъ огненнаго дракона, рыкающаго льва... Гербовные, правда, безпечно ѣздили на этомъ чудовищѣ; но лишь только дикій звѣрь показывалъ зубы,—что случалось время отъ времени—паническій ужасъ смѣнялъ вчерашнюю веселую беззаботность.

О правовомъ положеніи украинскаго народа не можетъ быть серьезной и рѣчи: удѣломъ его было полное безправіе, граничащее съ безправіемъ раба въ любомъ варварскомъ обществѣ. „Крестьяне едва смѣютъ дышать безъ воли своихъ пановъ, они не имѣютъ никакого права, они не могутъ никоимъ способомъ уклониться отъ притѣсненій или жестокости, уже не говоря о несправедливостяхъ, которыя они терпятъ постоянно“.. Такъ пишетъ изъ Украины Костюшко, этотъ великій патріотъ, недосягаемо высоко поднимавшій свою благородную голову надъ

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1895 г., № 4.

шляхетскою массой. Польское право во всемъ отказывало украинскому хлопу; но жизнь вырывала у этого права нѣкоторыя смягченія и уступки, правда, ограниченныя мѣстомъ и временемъ: въ общемъ, конечно, фактическое положеніе тяготѣло къ правовому, какъ къ своему естественному предѣлу.

Главнѣйшія данныя для характеристики фактическаго, собственно экономическаго, положенія украинскаго народа уже даны выше, при описаніи новаго заселенія Украины. Только въ началѣ второй половины столѣтія истекли послѣдніе сроки слободъ; слѣдовательно, до тѣхъ поръ были подданные—правда, во все убывающемъ по направленію съ сѣверозапада на юго-востокъ количествѣ—которые пользовались почти полной свободой отъ экономическихъ обязательствъ. Затѣмъ, конечно, тяготы панщины наступали не вдругъ: паны имѣли осторожность наблюдать нѣкоторую постепенность. Такимъ образомъ, въ каждый данный моментъ можно было наблюдать на территоріи Украины много различій въ экономическомъ положеніи населенія: въ то время, какъ на отдаленныхъ юго-восточныхъ окраинахъ богатые крестьяне Щенснаго-Потоцкаго благоденствовали, на Подольи и Волыни мы встрѣчаемъ такія степени обремененія, которыя заставляютъ уже задумываться о физическихъ предѣлахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ грубыхъ мотивовъ разсчета и страха могло удерживать заурядняго шляхтича въ его стремленіи выжимать изъ подданныхъ возможно больше средствъ, такъ необходимыхъ ему на удовлетвореніе его все возрастающихъ жизненныхъ потребностей? Общій шляхетскій взглядъ на подданнаго находилъ себѣ на Украинѣ поддержку и какъ бы оправданіе въ той обоюдной враждебности, которую воспитала недавняя кровавая исторія, въ взаимной ненависти „кателыка“ и „схизматика“, постоянно поддерживаемой политикой прозелитизма, враждой темнаго духовенства. Не мудрено поэтому, что масса шляхты, особенно темной шляхты первой половины вѣка, искренно не могла видѣть въ украинскомъ хлопѣ человѣка, точно такъ, какъ не видѣлъ его американскій плантаторъ въ негрѣ.

„Инвентари имѣній“ даютъ намъ очень вѣрныя, точныя описанія и очень краснорѣчивыя въ своей сухой безыскусствен-

ности свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи украинскаго подданнаго. Подданные дѣлились на очиншованныхъ и неочиншованныхъ, т. е. оброчныхъ и барщинныхъ, по русской терминологіи; всѣ, кромѣ того, по размѣру живаго инвентаря, подраздѣлялись на паровыхъ, поединковъ и пѣшихъ.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ инвентарь 1760 г. положеніе чиншеваго крестьянина подъ Каменцомъ Подольскимъ. Паровой крестьянинъ вносилъ, вмѣсто повинностей работой и натурой, въ панскую казну 46 злотыхъ 68 грошей; кромѣ того десятину отъ пасѣки, 2 куръ, 20 яицъ, 20 пасомъ прядива. Въ переводѣ на рабочіе дни, по тогдашнимъ цѣнамъ рабочаго дня, принятаго инвентаремъ, это составляетъ 218 годовыхъ дней. Положеніе нечиншеваго крестьянина такъ опредѣляется инвентаремъ того же времени и той же Подольской территоріи, а именно одного имѣнія около Шаргорода: паровой крестьянинъ отрабатывалъ ежегодно 104 дня панщины, давалъ, сверхъ того, одного каплуна, 2 куръ, 12 яицъ, мотокъ пряжи, что все въ совокупности составляло 111 дней. А сверхъ всего шли всѣ эти безчисленные „заорки, объорки, закоски, обкоски, зажинки, обжинки, заграбки, ограбки, завозки, обвозки"—отдѣльные рабочіе дни, яко-бы въ силу экстренной необходимости вырываемые панской властью у хлопской беззащитности. Въ маленькихъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльческій контроль, а, слѣдовательно, и вымогательство были легче, владѣльцы заставляли хлопа платить за всякую мелочь: четвертый кошъ грибовъ, третью кварту земляники, орѣховъ и т. д.

Это были середнія цифры для такой середней территоріи, какой было Подольское воеводство, и для половины столѣтія, серединнаго пункта описываемой эпохи. Отсюда видно, какими гигантскими шагами шелъ процессъ обращенія крестьянъ въ рабочее „быдло": еще на кіевской Украинѣ не выжиты были окончательно сроки слободъ, какъ на Подольѣ уже экономическое отягощеніе приближалось къ своимъ крайнимъ предѣламъ.

Но было еще одно условіе, которое чрезвычайно ухудшало матеріальное положеніе украинскаго народа: это посредничество евреевъ.

Какое-то естественное сродство, какъ-бы законъ роковой внутренней необходимости, дѣлалъ для польскаго шляхтича вообще, для украинскаго въ частности, помощь еврея совершенно неизбѣжной. И евреи тянулись на Украину упорно, постоянно забывая, что они всегда дѣлались первыми жертвами народной ненависти. Они заполняли мѣстечка, захватывали въ свои руки всю мелкую торговлю, развозили спиртные напитки, спаивая народъ, часто на свою собственную гибель. Неутолимая страсть къ наживѣ дѣлала изъ трусливаго еврея отчаянную голову, которая не отступала даже передъ ножемъ. Въ описываемую эпоху евреи затянули всю Украину сплошной сѣтью арендъ. Дѣло въ томъ, что всюду на Украинѣ былъ обычай отдавать въ аренду извѣстные виды доходовъ съ имѣнія. Къ такимъ по обычаю арендуемымъ доходамъ принадлежали продажа водки, „мита", т. е. пошлина отъ проѣзда или провоза товаровъ, помолъ, разные виды попаса. Никто, кромѣ еврея, не могъ и не умѣлъ пользоваться этими арендами, извлекая изъ нихъ большіе доходы для пана, еще большіе для себя. Но для народа эти аренды являлись самымъ тяжелымъ и несноснымъ обдирательствомъ. Назойливый еврей совалъ свой носъ въ каждый возъ, въѣзжающій въ городъ, считалъ каждую штуку скота, выведеннаго на продажу, разбрасывалъ сухую рыбу, сторожилъ при вѣсахъ, чтобы ни одинъ гарнецъ хлѣба не проскользнулъ безъ оплаты; а притѣсненія при помолѣ? Всякое выраженіе неудовольствія еврей зажималъ угрозой пожаловаться въ замокъ; а наготовѣ всегда былъ и доносъ о бунтѣ: онъ не стѣснялся извлекать доходы и изъ политики.

Больше всего выгоды для пана и еврея, больше всего разоренія и всяческаго зла для подданнаго вытекало, конечно, изъ питейной аренды. Жидовская корчма, ненавистная и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимо привлекательная, была самымъ яркимъ и типическимъ явленіемъ, выражающимъ собою весь ужасъ положенія, созданнаго исторіей для несчастнаго украинскаго народа. Евреи и панскій дворъ обнаруживали самую трогательную солидарность въ извлеченіи доходовъ изъ спаиванія народа. Всѣ взаимныя отношенія по этому предмету оговаривались и обу-

словливались. Разумѣется, всякое стремленіе крестьянина какъ-нибудь обойти своего арендатора преслѣдовалось очень жестоко. Если у крестьянина не было денегъ на-пропой, опять-таки арендаторъ не долженъ былъ страдать отъ этого: онъ могъ смѣло давать пить въ долгъ, дворъ гарантировалъ ему уплату до извѣстной цифры, напр. отъ 16 злотыхъ для пароваго до 4 злотыхъ для пѣшаго. Но это не значило, что дворъ уплачивалъ уговоренную сумму за должниковъ, беря на себя разсчетъ съ нами; это значило только, что дворъ обязывался назначить „экзекуцію для выплаты долговъ". „Экзекуціей же называлось слѣдующее: дворъ высылалъ на неисправныхъ должниковъ своихъ слугъ, которые должны были жить на счетъ этихъ должниковъ до уплаты долга, при чемъ допускались разные вымыслы", по выраженію документовъ, т. е. вымогательства. Въ силу арендваго договора арендаторъ не имѣлъ права брать въ уплату долга скотъ—куда бы годился крестьянинъ безъ инвентаря,—но за то могъ свободно брать все остальное: хлѣбъ, живность, одежду и пр. Точно также въ силу договора крестьянинъ имѣлъ право пить „могаричъ" только въ корчмѣ: если припомнить, что такое могаричъ въ крестьянскомъ быту, то понятно, какимъ это отзывалось лишнимъ и тяжелымъ стѣсненіемъ. И этому-то ненавистному притѣснителю, жиду, крестьянинъ долженъ былъ то давать по полѣну съ каждаго воза дровъ, вывезеннаго изъ лѣсу, то поставлять пахолка въ его корчму, то, наконецъ, даже давать ночную сторожу, особенно въ безпокойное время. Мудрено-ли, что сторожа эти, случалось, грабили корчму, сваливая потомъ вину на неизвѣстныхъ разбойниковъ, которые яко-бы успѣли скрыться; но еще не успѣвали очистить стѣнъ корчмы отъ еврейской крови, которою онѣ были забрызганы, какъ уже водворялся въ ней новый арендаторъ, и все шло по-старому. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ оскорбленій для украинской женщины было назвать ее „жидовской наймычкой"; однимъ изъ самыхъ энергическихъ проклятій: „о, щобъ ты жидамъ воду носыла"!—такъ глубоко назрѣла въ народной душѣ ненависть къ этому племени.

Едва ли не единственнымъ исключеніемъ изъ среды украинскаго дворянства былъ Щенсный-Потоцкій: онъ уничтожилъ въ своихъ имѣніяхъ еврейскія аренды, желая уменьшить среди подданныхъ пьянство. Впрочемъ, этимъ не ограничивались его заботы о народѣ: онъ уменьшилъ панщину и потомъ совсѣмъ уничтожилъ ее, замѣнивъ очень легкимъ чиншомъ; устроилъ администрацію, простую и удобную по отношенію къ контролю надъ притѣсненіями подданныхъ со стороны панскихъ оффиціалистовъ. Конечно, изъ всего этого едва-ли выходила арендная идиллія, описанная Хржонщевскимъ, который увѣряетъ, что подданные Потоцкаго сами рвались къ работѣ, а дивчата платили надсмотрщикамъ, чтобъ тѣ выгоняли ихъ на панщину. Однако традиція о благожелательствѣ магната къ подданнымъ до сихъ поръ живетъ въ средѣ мѣстнаго населенія. На матеріальномъ благосостояніи не останавливался Потоцкій, по крайней мѣрѣ въ идеалахъ и планахъ: онъ думалъ, что благосостояніе вызываетъ потребность въ просвѣщеніи, а просвѣщеніе неизбѣжно приведетъ къ ополяченію. На лицо были и историческія доказательства въ томъ процессѣ, коимъ русскія земли обратились въ польскую шляхту. Иначе не умѣли думать и благороднѣйшіе изъ польскаго шляхетства.

Несомнѣнно, положеніе украинскаго народа въ описываемую эпоху не было въ общемъ хорошо, а, главное, оно ухудшалось съ чрезвычайною быстротой. Но и независимо отъ этого, могъ-ли народъ такъ скоро забыть свою исторію и безропотно тянуть накинутое на него ярмо? Положимъ, что населеніе было сплошь сдвинуто съ своихъ мѣстъ; но богатый запасъ словеснаго народнаго творчества и въ особенности пѣсни и думы, съ ихъ носителями кобзарями и лирниками, легко поддерживали въ воспріимчивой народной душѣ живую нить исторической традиціи.

Козачество въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой было уничтожено. Въ силу указа Петра Вел. 1711 г. часть козаковъ выселилась на лѣвобережье, часть сбѣжала на Запорожье; но осталась горсть, разсѣянная по всѣмъ воеводствамъ, которая не захотѣла покинуть родину, но не захотѣла и перейти на неза-

видное положеніе панскихъ подданныхъ. Это былъ первый ферментъ для того длительнаго явленія, которое подъ названіемъ гайдамачества характеризуетъ собою украинскую жизнь втеченіе всего столѣтія.

Несомнѣнно, гайдамачество не могло бы существовать—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало—еслибъ Украина не имѣла подъ бокомъ политически-самостоятельнаго Запорожья и его дикихъ и раздольныхъ степей. Запорожскія паланки съ ихъ многочисленными, разбросанными въ степяхъ хуторами-зимовниками, пасѣками и другими пристанищами доставляли въ изобиліи предпріимчивыхъ людей, которые составляли ядро каждаго гайдамацкаго отряда. Какъ только наступала весна, эти степныя пристанища высылали или рыболовныя ватаги на Бужскій, Днѣпровскій и Тилигульскій лиманы, или военные отряды на сѣверъ, на разоренье и гибель ляхамъ и жидамъ. Въ предѣлахъ Польши отрядъ подкрѣплялся мѣстными жителями, и въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ шелъ пускать дымомъ села и панскія усадьбы, убивать, грабить добро ненавистныхъ притѣснителей. Не было деревни, которая не имѣла бы воспоминаній объ этихъ кровавыхъ посѣщеніяхъ; не было въ краѣ католической святыни, которая бы не подверглась ограбленію. Въ особенности привлекали гайдамаковъ костелы, славившіеся чудотворными иконами, которыхъ было особенно много на Подольѣ, и ни одна изъ этихъ святынь не миновала гайдамацкаго нападенія и грабежа. Съ награбленной добычей, навьюченной на лошадяхъ, „батовней", съ стадами отогнаннаго панскаго скота, поспѣшно скрывались гайдамаки въ запорожскую степь и тамъ паевали добычу. Край жилъ подъ вѣчной угрозой гайдамацкаго нападенія. Какъ только наступалъ, такъ сказать, гайдамацкій сезонъ, всѣ, кто имѣлъ основаніе опасаться гайдамаковъ, т. е. не русское и не православное населеніе края, приходило въ тревогу. Кто не могъ спасаться подъ военной охраной, тотъ выискивалъ какихъ-нибудъ иныхъ способовъ: напр., на ночь уходили изъ домовъ въ степь, попрятавши цѣнное имущество и скрываясь другъ отъ

друга, по одиночкѣ, изъ опасенія, чтобы другой, хотя и близкій, человѣкъ не выдалъ гайдамакамъ въ мукахъ пытки.

Въ меморіалѣ кн. Чарторижскаго русскому послу убытокъ отъ гайдамакъ для десятилѣтія 1750—60 гг. вычисляется въ 4 милліона, такъ какъ за это, относительно спокойное, время было разорено 80 деревень, 14 мѣстечекъ и убито 600 человѣкъ.

Въ иные годы, когда въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ и бужскихъ очеретахъ накопилось слишкомъ много бродячаго населенія, которое нуждалось въ пищѣ и одеждѣ, гайдамацкое нападеніе принимало видъ татарскаго набѣга. Гайдамаки разбѣгались по краю небольшими, но многочисленными партіями, загонами: слѣдуя традиціонной хищнической тактикѣ, загоны эти не дѣлали нападеній вблизи границъ, а пробирались въ глубь края, широко пользуясь покровительствомъ и содѣйствіемъ мѣстнаго населенія. Если было въ виду трудное предпріятіе, напр. надо было овладѣть богатымъ мѣстечкомъ, маленькія партіи соединялись въ одну. Но такія предпріятія предполагали организацію. Во главѣ ихъ долженъ былъ стоять опытный и вліятельный ватажокъ, который долженъ былъ составлять планъ кампаніи. Онъ могъ и не принимать личнаго участія въ предпріятіи, а сидѣлъ гдѣ-нибудь въ Черномъ лѣсѣ: тамъ устраивалась засѣка, а то закладывался настоящій копъ, куда сбѣгались загоны и сносилась добыча. Типическимъ ватажкомъ гайдамацкимъ былъ, напр., запорожецъ Медвѣдевскаго куреня Игнатъ, который прозванъ былъ Голымъ за то, что при дѣлежѣ добычи оставлялъ себѣ лишь ничтожную часть, ни въ чемъ не нуждаясь: куртка изъ телячьей кожи, баранья шапка, на цѣлый годъ одна рубаха, вымоченная въ дегтю, самопалъ, немного свинцу, тютюнъ и люлька—вотъ и всѣ его потребности. Иванъ Голый дѣйствовалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ и пользовался большой популярностью между гайдамаками и народомъ, который много разсказывалъ о его смѣлости и жестокости. Вообще, гайдамацкимъ ватажкомъ могъ быть только человѣкъ отчаянной храбрости, ловкій въ разныхъ тонкостяхъ степныхъ фиглей и фортелей, знающій, какъ свои пять пальцевъ, всѣ яры, очерета и пущи.

Что же дѣлало Польское государство, чтобы побороть это хроническое зло, подтачивавшее жизнь ея окраинъ? Да почти ничего, или очень мало. „Украинская партія“ постояннаго войска съ регментаремъ во главѣ должна была держаться на Украинѣ; но силы эти были слишкомъ ничтожны по сравненію съ огромной линіей открытой для набѣговъ границы. Главная забота предоставлена была панамъ. Правда, магнаты дѣйствовали не только какъ частные собственники, но въ качествѣ старостъ и какъ органы государственной власти: въ ихъ рукахъ находилась цѣпь староствъ—Хмельницкое, Чигиринское, Бѣлоцерковское, Богуславское и Черкасское, — которая обхватывала Украину съ юго-востока.

Первое мѣсто по организаціи защиты занимали Потоцкіе и Любомирскіе, какъ могущественные владѣльцы самыхъ опасныхъ окраинъ. Но и мелкій владѣлецъ нѣсколькихъ деревушекъ не могъ не содержать на свой счетъ хоть нѣсколько десятковъ вооруженныхъ людей: таково было положеніе.

Типъ организаціи былъ приблизительно одинаковъ. Панская милиція состояла изъ пѣхоты и конницы. Пѣхота служила гарнизономъ для замковъ и мѣстечекъ и состояла почти всегда изъ поляковъ или нѣмцевъ. Конница состояла изъ надворныхъ козаковъ, которые набирались изъ мѣстныхъ жителей, тѣхъ же самыхъ подданныхъ. Пѣхота была немногочисленна: 60—100 человѣкъ для укрѣпленія. Исключенія составляли лишь большіе замки, напр.—Баръ, гдѣ Любомирскіе держали 200 человѣкъ инфантеріи, или Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ Потоцкіе имѣли гарнизонъ даже въ 500 челов.

Многочисленнѣе и важнѣе по своему значенію, въ силу мѣстныхъ условій, была козацкая конница. Извѣстное число дымовъ, т. е. податныхъ единицъ, должно было поставлять на козацкую службу одного человѣка: этотъ человѣкъ освобождался отъ панщины и другихъ обязательствъ, получалъ отъ панскаго двора обмундировку, оружіе, состоявшее изъ копья, рушницы и пистолетовъ, коня, а иногда еще, сверхъ того, небольшое жалованье. Но важнѣе жалованья была добыча, отнятая отъ гайдамакъ, которая предоставлялась въ пользу такого надворнаго

козака. Козаки эти дѣлились на сотни: во главѣ отряда стоялъ непремѣнно полякъ, шляхтичъ, но сотники и поручики (начальники полсотенъ) выбирались изъ самихъ же козаковъ. Заслуженнымъ козакамъ магнаты давали, случалось, въ державу деревушку—двѣ, и такимъ образомъ они получали сами какъ-бы значеніе шляхтичей: бывали случаи и настоящей нобилитаціи, по ходатайству магнатовъ. Подобнымъ шляхетскимъ положеніемъ пользовался на службѣ у Любомирскихъ извѣстный Савва Чалый, который палъ жертвою преданности долгу своей службы отъ руки упомянутаго выше Игната Голаго; также и злосчастный Гонта, еще болѣе извѣстный уманскій сотникъ. Кіевскій воевода Салезій Потоцкій обратилъ цѣлую уманскую волость въ своего рода военное поселеніе: съ ней обыкновенно выбиралось для военной службы больше трехъ тысячъ человѣкъ; Грановщина князей Чарторижскихъ тоже отбывала только козацкую службу. Для охраны Побережскаго государства князей Любомирскихъ служило около трехъ тысячъ козаковъ, кромѣ маленькой польской хоругви, предназначенной собственно для наблюденія за этими козаками, и волошскихъ отрядовъ, набираемыхъ изъ волоховъ, поселенныхъ вдоль Днѣстра.

Надворные козаки были главной силой въ преслѣдованіи гайдамакъ. Никто другой не могъ такъ хорошо выслѣдить загонъ въ степяхъ, предусмотрѣть какой-нибудь фортель, отбить батовню, захватить гайдамаковъ врасплохъ при дѣлежѣ добычи. Только такой козацкій отрядъ могъ рѣшиться разыскивать гайдамаковъ даже въ глубинѣ запорожской степи, „разгонять шершней въ самомъ ихъ гнѣздѣ“, какъ это дѣлалъ, напр., Савва Чалый. Но эти же козацкія милиціи были, съ другой стороны, и Ахиллесовой пятой въ системѣ панской военной обороны края.

Въ самомъ дѣлѣ, надворные козаки, соблазняемые выгодами своего привиллегированнаго положенія, могли преслѣдовать гайдамаковъ, ревностно сторожить захваченныхъ, спокойно глядѣть, какъ болтались на шибеницѣ передъ стѣнами замка трупы казненныхъ, забывая, что все это братья по крови и вѣрѣ. Такъ было въ обыкновенное, спокойное время. Но насту-

пилъ моментъ возбужденія, когда народная масса поднималась, обхваченная общей идеей, общимъ чувствомъ,—и это искусственное козачество разомъ забывало и о выгодахъ своего положенія, и о долгѣ службы, вязавшемъ его съ панскимъ дворомъ, и тогда наступала катастрофа, ужасный образчикъ которой мы видимъ въ Уманской рѣзнѣ.

Не одинъ разъ въ теченіе столѣтія поднимался украинскій народъ. Волненія эти всегда примыкали къ гайдамачеству, имѣли его своимъ базисомъ; но обнаруживали въ своемъ развитіи и нѣкоторыя особенности. Самое главное то, что народъ поднимался лишь тогда, когда получалъ толчки со стороны политическихъ событій и непремѣнно съ увѣренностью въ сочувствіи и помощи со стороны Россіи. Что-то фатальное было въ этомъ отношеніи въ его судьбахъ.

Въ 1734 г. русскія войска вступили на Украину, чтобъ поддерживать избраніе Августа III: между украинской шляхтой было много противниковъ „Саса", сторонниковъ Станислава Лещинскаго. Русскій полковникъ Поляновскій расположился квартирой въ Умани и сдѣлалъ обращеніе къ надворнымъ козакамъ, чтобъ они организовались въ полки и дѣйствовали противъ сторонниковъ Лещинскаго. Обращеніе это было принято украинскимъ народомъ, какъ лозунгъ въ такомъ смыслѣ: „дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ". Всѣ три украинскихъ воеводства сразу были охвачены волненіемъ. Къ надворнымъ козакамъ и волошскимъ отрядамъ, которые тоже поднялись, руководимые жаждой добычи, присоединились подданные въ надеждѣ на свободу. Главнымъ вождемъ возстанія былъ Верланъ, волошскій полковникъ службы князей Любомирскихъ. Возставшій народъ, разумѣется, нисколько не думалъ о сторонникахъ Лещинскаго или Саксонскаго курфирста: для него существовали только паны вообще, и какъ ихъ дополненіе, евреи. Въ одномъ брацлавскомъ воеводствѣ было убито девяносто владѣльцевъ. Масса цѣнной движимости и денегъ перешла въ руки бунтовщиковъ. Одни изъ нихъ обращали преимущественное вниманіе на костелы и вообще католическія святыни; другіе на имущества крупныхъ пановъ; третьи занимались тѣмъ, что грабили и крестили

евреевъ; наконецъ были и такіе, какъ напр. наказный атаманъ Грива, которые всю свою ненависть обращали на шляхетскія бумаги. Множество мелкихъ загоновъ разбѣжалось по краю; на Подольѣ собралось и настоящее войско бунтовщиковъ въ количествѣ десяти тысячъ. Вообще, это волненіе, очень широкое по захваченной территоріи, не отмѣчено большими жестокостями, тѣми кровопролитіями и всяческими ужасами, какими такъ часто отмѣчалъ свои вспышки украинскій народъ. Больше всего отличались жестокостью не украинцы, а волохи. Въ самый разгаръ движенія появилось распоряженіе начальника русскихъ войскъ, расположенныхъ на Украйнѣ, въ томъ смыслѣ, что всѣ войска, какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя, т. е. поднявшіеся козаки, обязаны охранять шляхту, такъ какъ она признала власть Августа III. Волненіе было подавлено при дѣятельномъ содѣйствіи русскихъ войскъ. Цѣлый край покрылся сѣтью шибеницъ и палей. Спеціальные суды boni ordinis или causarum exorbitantiarum такъ же, какъ и всѣ гродскіе суды, были завалены работой. А сколько виновныхъ было просто повѣшено безъ всякаго суда на первой попавшейся вѣткѣ; если же жаль было веревки, то такого несчастнаго просто кидали въ степи съ переломанными ребрами, чтобъ издыхалъ себѣ понемножку... Но страхъ потери „живого ремапента" превозмогалъ иногда въ шляхетской душѣ даже и мстительное чувство. Когда подольскій воевода Гумецкій вытѣснилъ изъ яровъ между Рашковымъ и Смотричанскимъ Устьемъ засѣвшую тамъ вольницу, которая отдалась на его произволъ, и хотѣлъ приступить къ экзекуціи, къ нему явилась шляхта съ просьбой отдать ей виновныхъ. Шляхтичи просили воеводу „знаковать" преступниковъ, пообрѣзать имъ уши; но тотъ, человѣкъ добраго сердца, рѣшилъ такъ отпустить плѣнниковъ, предоставивъ панамъ самимъ расправляться съ своими подданными. Такимъ образомъ на этотъ разъ дѣло обошлось безъ палей, четвертованій, шибеницъ,— одними батогами, да и то не черезмѣрными, такъ какъ ремапентъ требовалъ вниманія: зато уже было покончено разомъ и навсегда съ свободами и иными льготами.

Значительно меньше по району захваченной территоріи, но несравненно сильнѣе по размѣрамъ было народное волненіе 1768 г., такъ называемая коліивщина, кульминаціонный пунктъ которой извѣстенъ подъ именемъ Уманской рѣзни: оно захватило лишь Кіевщину и Брацлавщину, почти не тронувъ Волыни и Подолья.

Въ началѣ 1766 г. выступила Барская конфедерація съ своимъ вооруженнымъ протестомъ противъ короля Понятовскаго и его русской политики, въ результатѣ которой была сеймовая конституція, возвратившая права диссидентамъ, слѣдовательно, и православнымъ. Всѣ польскія военныя силы Украины стянуты были подъ Баръ. Туда же двигались и русскія войска на помощь войскамъ королевскимъ. А между тѣмъ на Украинѣ, предупреждая открытіе военныхъ дѣйствій, ходила вѣсть, что русская царица намѣрена дать волю украинскимъ хлопамъ, и, слѣдовательно, они должны рѣзать жидовъ и ляховъ. Богуславскій сотникъ Шелестъ, точныя показанія котораго дошли до насъ, обстоятельно разсказываетъ, какъ еще за четыре мѣсяца до разыгравшейся катастрофы вѣсти эти ему сообщили запорожцы, предлагая участвовать въ военной экспедиціи противъ жидовъ и ляховъ. Шелестъ, человѣкъ положительный, долго раздумывалъ, какъ ему быть, и наконецъ надумался: если правда, что царица хочетъ дать свободу польскимъ хлопамъ, то объ этомъ долженъ знать кіевскій намѣстникъ. До Кіева рукой подать, разомъ можно и мощамъ святымъ поклониться: и вотъ Шелестъ идетъ въ Кіевъ и прямо направляется за разъясненіями къ генералъ-губернатору Воейкову. Тотъ похвалилъ козака за его предусмотрительность и сказалъ, что „монархиня россійская очень далека отъ того, чтобы покровительствовать преступникамъ“. Шелестъ вернулся домой и во время волненія твердо стоялъ на польской сторонѣ. Но такіе благоразумные люди были рѣдки даже и между старшиной надворныхъ козацкихъ отрядовъ.

Располагалъ къ довѣрію и источникъ, изъ котораго выходили слухи на этотъ разъ.

На югѣ Кіевской Украины, выходя за ея предѣлы и примыкая къ Днѣпру, начинался и тянулся рядъ лѣсовъ. Всѣ эти

лѣса, мотренинскій, лебединскій, смилянскій, лисянскій, звенигородскій, уманскій, корсунскій, каневскій, таращанскій, соединяющіеся между собой цѣпью зарослей, подходили подъ Кіевъ. Здѣсь лежалъ тотъ путь или „гайдамацкое окно“, черезъ которое можно было совсѣмъ незамѣтно проникать изъ запорожскихъ степей въ глубину края. Лѣса эти кишѣли людомъ, которому не было мѣста подъ польскимъ правовымъ строемъ. Надъ обрывистымъ же берегомъ Днѣпра или на его островахъ были разбросаны небольшіе православные монастырьки, скиты: въ скитахъ этихъ, а въ особенности на укромныхъ хуторахъ и мельницахъ по днѣпровскимъ притокамъ, гдѣ жили монастырскіе подданные, также былъ свободный пріютъ этому люду. Вотъ отсюда-то, изъ этихъ скитовъ, какъ бы освященная благословеніемъ церкви, и пошла по Украинѣ пагубная вѣсть.

Игумену монастыря, расположеннаго въ мотренинскомъ лѣсу, Мельхиседеку Значко-Яворскому приписываютъ большую роль въ появленіи и распространеніи этой вѣсти. Вѣроятно, въ этомъ есть своя доля правды. Мельхиседекъ былъ человѣкъ образованный, предпріимчиваго характера, какъ правитель украинскихъ церквей, глубоко заинтересованный въ торжествѣ православія на Украинѣ, возбужденный столкновеніями съ темнымъ уніатскимъ духовенствомъ, которое съ своей стороны предпринимало разныя наступательныя дѣйствія на „шизму“, отражая на себѣ толчки отъ высшей политики, взволнованной диссидентскимъ вопросомъ. Но могъ-ли Мельхиседекъ благословлять толпу на рѣзню? поддѣлывалъ-ли золотую грамоту, якобы манифестъ Екатерины, однимъ словомъ какой-то документъ, который былъ несомнѣнно въ рукахъ у вожаковъ возстанія? Повидимому, ничто подобное не могло имѣть мѣста уже по одному тому, что Мельхиседекъ былъ въ то время, когда разыгривалась буря, не въ своемъ монастырѣ, а въ Переяславлѣ. Яростная вспышка народнаго гнѣва о мести, извѣстная подъ названіемъ коліивщины, такъ поразила умы, что дала поводъ для множества всяческихъ вымысловъ, наряду съ массой и точно константированныхъ фактовъ. Кто не писалъ о ней въ свое время? И темные монахи, и мѣщане, и оффиціалисты, и даже женщины; пи-

сали не только прозой, но и стихами: нѣсколько томовъ составилось бы изъ этихъ разсказовъ современниковъ, обнародованныхъ и необнародованныхъ. Но тѣмъ не менѣе полнаго изслѣдованія этого событія, изслѣдованія, удовлетворяющаго требованіямъ исторической безпристрастности, до сихъ поръ нѣтъ.

Весь этотъ ужасный эпизодъ разыгрался съ необычной быстротой. Ничтожный гайдамацкій отрядъ, напавшій на Жаботинъ, по пути въ Смѣлу выросъ до 300 человѣкъ; по дорогѣ къ Лисянкѣ въ немъ насчитывали уже больше тысячи. Толпа росла, какъ катящаяся съ горы лавина, росла не только съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ. Подъ Уманемъ было уже двадцать тысячъ народу; а въ то же время мелкіе загоны разсыпались по Украинѣ, на сѣверъ до Кіевскаго Полѣсья, на югъ до Дашева, Кальника, Балты. Сопротивленіе оказывала только надворная пѣхота. Козацкія милиціи почти всѣ безъ исключенія покинули свои польскія знамена. Шляхта не проявила ни малѣйшей готовности къ отпору, никакой энергіи. То-ли, что лучшіе ея представители были въ войскахъ конфедераціи, то-ли, что вообще въ ея средѣ мужество шло на убыль, только она ничего не съумѣла сдѣлать лучшаго, какъ попрятаться за укрѣпленіями Умани или бѣжать вмѣстѣ съ евреями, сломя голову. На всемъ захваченномъ волненіемъ пространствѣ нашелся только одинъ шляхтичъ на Волыни, гродскій судья Дубровскій, который собралъ горсть охотниковъ и оказалъ съ ними противодѣйствіе бунту: онъ охранилъ Житоміръ, Бердичевъ и цѣлый Овручскій повѣтъ, а потомъ съ Полѣсья двинулся и въ степь; наряду съ нимъ дѣйствовали для усмиренія волненія не шляхтичи, а нѣсколько человѣкъ надворныхъ козаковъ, въ ихъ числѣ упомянутый выше сотникъ Шелестъ.

Нечего останавливаться на тяжелыхъ подробностяхъ Уманской рѣзни, которая воспроизводитъ собою ужаснѣйшіе изъ эпизодовъ хмельнищины. Она была описана много разъ. Исторія возлагаетъ отвѣтственность за всѣ эти потоки пролитой крови на головы Желѣзняка и Гонты, справедливо-ли это? Не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло просто съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, извѣстныхъ исторіи, случаевъ коллективнаго безу-

мія, когда человѣческія души моментально обхватываются неутолимой жаждой мукъ и крови? Рядомъ съ этими, далеко не ясными, фигурами яко-бы главныхъ вождей возстанія, стоятъ Швачка и Неживый, страшные, облитые кровью фантомы—въ польскихъ изображеніяхъ, мужественные и самоотверженные борцы и защитники угнетеннаго православнаго люда—по украинскимъ думамъ и преданіямъ, на самомъ дѣлѣ, конечно, лишь минутные герои своей увлеченной толпы.

Укрощеніе волненія опять таки выпало на долю русскихъ войскъ: извѣстно, какъ дѣйствовалъ подъ Уманью генералъ Кречетниковъ. Ловчій коронный Браницкій, исполнявшій обязанности региментаря, стоялъ на Днѣстрѣ; его помощникъ, коронный обозный Стемпковскій, дѣлалъ видъ, что занятъ усмиреніемъ, но на самомъ дѣлѣ лишь таскался то съ отрядами Кречетникова, то Апраксина. И тотъ и другой представитель польской военной силы нашли болѣе удобнымъ все предоставить русскимъ, на себя же взяли болѣе легкое дѣло вершителей правосудія. Оба эти человѣка были настоящія дѣти своего времени, времени упадка, безнравственные эпикурейцы, для которыхъ въ жизни было только два дѣйствительныхъ побужденія, успѣхъ и чувственное наслажденіе. Они предпочитали, сидя спокойно на мѣстѣ, „гасить украинскій пламень въ хлопской крови“...

Кречетниковъ прислалъ изъ-подъ Умани семьсотъ человѣкъ болѣе виновныхъ, и въ томъ числѣ Гонту, въ деревню Сербы, недалеко отъ Могилева. Браницкій отправился наблюдать за исполненіемъ казни надъ этими виновными. Они были сброшены въ огромныя ямы: до сихъ поръ можно еще видѣть среди поля слѣды этихъ ямъ въ нѣсколько десятковъ сажень длины. Конная стража и полкъ пѣхоты стерегли эти ямы. Дальше шли длиннымъ рядомъ висѣлицы, единичныя для болѣе важныхъ преступниковъ, и общія для менѣе важныхъ. Посреди висѣлицъ былъ остроконечный, тонкій и высокій столбъ, паля, на которой долженъ былъ кончить свою жизнь Гонта. За висѣлицами подъ лѣсомъ бѣлѣлись шатры, гдѣ расположился панъ ловчій съ порядочной свитой войсковыхъ чиновъ. Здѣсь онъ задавалъ скром-

ные обѣды и вечеринки, на которые приглашалась шляхта изъ окрестностей. Все это ѣло и очень много пило, слушая вопль несчастныхъ... Милое развлеченіе продолжалось двѣ недѣли.

Казалось-бы, какой еще надо мести? Но для шляхты этого было слишкомъ мало. Ея традиціонная ненависть, скрытый страхъ передъ дикимъ звѣремъ, страхъ, отъ котораго она никогда не могла отдѣлаться,—все вырвалось теперь въ слѣпомъ порывѣ неутолимой мстительной злобы. „Всѣ сосѣди", пишетъ тотъ-же Браницкій королю по этому поводу, „шляхта, жиды бѣгутъ ко мнѣ; одни совѣтуютъ четвертовать ихъ, другіе жечь, вбивать на колъ, вѣшать безъ милосердія... Возьми, распни!" Только нѣсколько позже, когда чувства поостыли, выступила на сцену старая забота о живомъ ремантѣ.

На другомъ концѣ края, на сѣверѣ его, въ Житомірѣ засѣдалъ родъ экстренной судебной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ упомянутаго выше Дубровскаго, который вмѣстѣ съ Браницкимъ и Стемпковскимъ имѣлъ дарованное отъ короля jus gladii, право меча. Дубровскій былъ человѣкъ отважной души, неумолимый судья для виновнаго хлопа, но все-таки судья: онъ отсылалъ осужденныхъ въ Кодню, мѣстечко, лежащее въ трехъ миляхъ отъ Житоміра, гдѣ ихъ принималъ для экзекуціи Стемпковскій, которому больше нравилась роль палача.

Но Стемпковскій не могъ ограничиться только исполненіемъ судебныхъ приговоровъ; онъ хотѣлъ и самостоятельно воспользоваться своимъ правомъ меча для пользы края и его благородныхъ „обывателей". Какъ ангелъ-истребитель прошелъ онъ по Полѣсью. Путь свой онъ обозначалъ висѣлицами; хлопъ шелъ на висѣлицу по самому ничтожному подозрѣнію. У него не было рѣчи о судѣ, о томъ, чтобы разбирать степени виновности: стоилъ-ли хлопъ, чтобъ утруждать себя такими мелочами? Всѣ его подначальные заняты были тѣмъ, что разыскивали подозрительныхъ людей по Полѣсью. Всякій, кто укрывался, былъ подозрителенъ, слѣдовательно, преступникъ, слѣдовательно, достоенъ смертной казни.

Такимъ образомъ, въ Коднѣ набралось нѣсколько тысячъ людей, частью присланныхъ изъ Житоміра, т. е. осужденныхъ,

частью нахватанныхъ безъ всякаго слѣдствія и суда. Никого изъ важныхъ преступниковъ, изъ козацкой старшины, изъ вожаковъ возстанія здѣсь не было; наоборотъ, было не мало стариковъ, дѣтей, даже женщинъ. Все это подъ рядъ шло подъ топоръ. Палачи смѣняли одинъ другого, щербились топоры на хлопскихъ шеяхъ, наблюдающіе за казнью теряли счетъ отрубленнымъ головамъ, а панъ обозный все сидѣлъ на удобномъ креслѣ надъ ямой, куда бросались отрубленныя головы, и курилъ свою трубку. Цѣлый курганъ высится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ падали эти несчастныя головы. Нѣсколько дней тянулась экзекуція. Сколько головъ пало тамъ? Противные лагери разно опредѣляютъ эту утрату: польскіе писатели принимаютъ ихъ въ 1000—2000, русскіе—въ 4000; первая цифра, повидимому, слишкомъ мала, другая слишкомъ велика. Шляхта сама пошла просить обознаго о пощадѣ, по крайней мѣрѣ такъ заявилъ Стемпковскій, да и не мудрено: эти казни происходили уже въ сентябрѣ, т. е. три мѣсяца спустя послѣ совершеннаго преступленія: можно было поостыть и обдуматься. Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ принесть въ жертву Немезидѣ весь реманентъ, то сами гербовные, сотворенные для короны и сабли, должны будутъ ходить за плугомъ: перспектива печальная... И шляхта умоляла Стемпковскаго вложить въ ножны свой грозный мечъ правосудія. Стемпковскій пріостановилъ казни; но уцѣлѣвшихъ онъ все-таки приказалъ „значковать“ десятаго. Значковать не такъ, какъ значковали когда-то въ началѣ столѣтія,—нѣтъ: отрѣзали не ухо, а руку и ногу, при чемъ если шла на отрубленіе правая рука, то вмѣстѣ съ ней лѣвая нога, и обратно. Трудно повѣрить такой ужасной и безцѣльной жестокости, но все это несомнѣнные факты, никѣмъ не оспариваемые. Долго Кодня и страшный Іосифъ, который рубилъ головы невиннымъ людямъ, какъ маковки, жили въ потрясенномъ воображеніи мѣстнаго народа. Уже заросли травой и могилы казненныхъ въ Коднѣ, одно поколѣніе вымерло, а другое и третье все еще повторяло, какъ проклятіе недоброму человѣку, „колыбъ тебе не минула святая Кодня“! Надо замѣтить, что общественное мнѣніе Польши было противъ Стемпковскаго и его возмутитель-

ной жестокости. Чарторижскіе, Замойскіе, Любомирскіе, даже самъ Салезій Потоцкій, наиболѣе пострадавшій матеріально во время этихъ волненій,—всѣ высказывались съ громкимъ порицаніемъ. И король, вообще очень благосклонный къ коронному обозному, охладѣлъ къ нему на нѣкоторое время.

Результаты коліивщины и ея усмиренія въ окончательномъ, хотя неточномъ, подсчетѣ даютъ такія приблизительныя цифры. Подверглось разоренію около 230 населенныхъ мѣстъ и погибло до 200 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ шляхтичей и евреевъ вырѣзано шестьдесятъ тысячъ. Да кромѣ того, отъ чумы, которая страшно разыгралась тотчасъ же послѣ катастрофы, погибло приблизительно еще столько же народу.

Что сказать о „хлопскихъ бунтахъ“ 1789 г.? Мы знаемъ, что украинская шляхта снова была обхвачена тревогой; что въ одной Лабуни подъ крыломъ у коденскаго героя укрывалось четыре мѣсяца до 200 человѣкъ шляхты; что были учреждены военные суды и наставлены висѣлицы, однимъ словомъ, было все... кромѣ самихъ бунтовъ, повидимому. Вѣдь нельзя же считать за хлопскіе бунты убійство шляхтича Вылежиньскаго съ семьей, тѣмъ болѣе, что судебнымъ слѣдствіемъ было уяснено это убійство, какъ обыкновенный случай разбойническаго нападенія; или тѣ бумажные ножи громадныхъ размѣровъ, которые появлялись неизвѣстно откуда на вечеринкахъ у Стемпковскаго, при чемъ дамы падали въ обморокъ, а кавалеры усиленно угощались старымъ венгерскимъ; или, наконецъ, тѣ темные слухи о какихъ-то указахъ, когда-то, гдѣ-то, кѣмъ-то подхваченные... Все дѣло было явно дутое; самъ король смотрѣлъ на него, какъ на выдумку, какъ на интригу своихъ политическихъ враговъ, которымъ выгодно было смятеніе въ качествѣ нѣкоторой диверсіи. Но хлопы были все-таки виноваты тѣмъ, что пугаютъ пановъ, хотя и безъ своего вѣдома: вѣчное повтореніе въ лицахъ басни о волкѣ и ягненкѣ. А потому только и нашелся на всемъ пространствѣ Рѣчи - Посполитой одинъ шляхтичъ, Игнатій Потоцкій, который протестовалъ на сеймѣ противъ ненужныхъ висѣлицъ; да еще Костюшко, изъ своихъ

американскихъ принциповъ, громко высказывался противъ произвола устроенныхъ на этотъ случай военныхъ судовъ.

Украинскій народъ уже не могъ больше подниматься: Сѣчь не существовала, и не было у него старой опоры въ степной вольницѣ.

Польша, а вмѣстѣ съ нею и Украина, преобразованная ею по своему образу и подобію, быстро приближалась къ завершенію послѣдняго цикла своихъ историческихъ судебъ. Правда, идея о необходимости основныхъ измѣненій въ государственомъ и общественномъ строѣ уже зародилась въ сознаніи лучшихъ людей польскаго общества; появилась на свѣтъ и партія „реформы", въ главѣ которой стояли Чарторижскіе. Но пагубныя историческія привычки и эгоизмъ, сословный и личный, стояли на стражѣ, всегда готовые выбросить столь привлекательное для шляхетской массы знамя „золотой вольности" поперекъ дороги всякому серьезному реорганизаціонному стремленію. Много должно было пройти времени, чтобъ подготовительный процессъ внутренней работы пересоздали настроенія. Можетъ быть, все это и совершилось бы; но исторія не хотѣла ждать.

Какъ Барская, такъ и Тарговицкая конфедерація—эти двѣ ступеньки, черезъ которыя Польское государство валилось въ пропасть,—по какой то роковой ироніи судьбы обѣ возникали на почвѣ Украины, на ней разворачивали свои силы, питались ея соками. Казалось-бы, глубокое различіе отдѣляетъ эти два проявленія шляхетскаго автократизма: различны были мотивы возникновенія этихъ конфедерацій, различны программы, различны цѣли. А въ томъ впечатлѣніи, какимъ отразились онѣ на душахъ современниковъ и потомства, это различіе выростаетъ въ полярную противоположность. Дѣятели Барской конфедераціи, эти поэтическіе „рыцари Маріи" съ ихъ ксендзомъ Маркомъ, героическая фигура котораго какъ-бы перенесена въ 18-ый вѣкъ изъ сѣдой средневѣковой древности, въ яркомъ и горячемъ свѣтѣ симпатіи являются великодушными патріотами, самоотверженными борцами за національное дѣло. Дѣятели

конфедераціи Тарговицкой выступаютъ, какъ мрачные злодѣи, измѣнники, обремененные проклятіями погубленной ими родины, преслѣдуемые этими проклятіями даже въ своихъ чадахъ. Но безпристрастный судъ исторіи долженъ дать иной приговоръ. Приговоръ этотъ предвосхищенъ въ нѣкоторомъ смыслѣ региментаремъ подольскимъ Тадеушомъ Дзѣдушицкимъ, который такъ высказывался одному изъ „барщанъ“: „Только на легальной дорогѣ можетъ Рѣчь Посполитая достигнуть улучшенія, а вы дѣйствуете нелегально; безправье васъ сгубитъ: все очарованіе героизма спадетъ съ васъ, какъ внѣшняя оболочка, и вы предстанете передъ судомъ внуковъ ничтожными эгоистами“! Правда, между дѣятелями Барской конфедераціи были люди высокихъ достоинствъ сердца и характера; но вѣдь и Щенснаго Потоцкаго, вождя Тарговицкой, никто не упрекаетъ въ томъ, что онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ мотивами личныхъ выгодъ: въ иномъ положеніи и иномъ освѣщеніи онъ могъ бы легко занять мѣсто въ пантеонѣ самоотверженныхъ патріотовъ. Тотъ же духъ разложенія проникалъ собою дѣйствія и Барской конфедераціи: каждый повѣтовый маршалекъ былъ королькомъ своего повѣта, предводитель каждаго отряда—гетманомъ, а каждый повѣтъ представлялъ собою Рѣчь-Посполитую въ миніатюрѣ: сколько повѣтовъ, столько враждебныхъ партій... Нѣтъ, не здѣсь лежалъ путь къ спасенію. Молодежь, воспитанная Барской конфедераціей, четверть вѣка спустя оказалась въ рядахъ Тарговицкой; не будь первой, не было бы, вѣроятно, мѣста и второй.

Результатомъ Барской конфедераціи былъ первый раздѣлъ Польши; результатомъ Тарговицкой—второй раздѣлъ, то есть присоединеніе Украины къ Россіи.

А. Ефименко.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ [1].

В. Н. Ястребовъ.

18 октября 1892 г. въ Елисаветградѣ былъ открытъ памятникъ на могилѣ похороненнаго тамъ извѣстнаго слависта В. И. Григоровича. На открытіи присутствовали и говорили рѣчи профессоры Новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковъ и Ѳ. И. Успенскій. Высокая личность и дѣятельность покойнаго В. И. Григоровича, какъ широко образованнаго и талантливаго профессора, какъ ученаго ветерана-слависта, византиниста и южнорусскаго этнографа и археолога, разносторонне оцѣнены его собратьями по наукѣ и преемниками по университету. Тогда же преподаватель мѣстнаго реальнаго училища В. Н. Ястребовъ сказалъ рѣчь „о значеніи памятника для мѣстнаго общества". „Когда, по окончаніи курса въ одной отдаленной гимназіи, говорилъ г. Я., я пришелъ проститься къ учителю словесности и сказалъ ему, что ѣду въ одесскій университетъ, онъ, просіявъ лицомъ, сказалъ мнѣ: „тамъ Григоровичъ"! Когда потомъ я за тѣмъ же пришелъ къ учителю исторіи, онъ повторилъ: „тамъ Григоровичъ"!—Я замѣтилъ, что онъ завидовалъ мнѣ. Оба они были слушателями покойнаго въ Казанскомъ университетѣ. И вотъ я, духовный внукъ его, въ свою очередь имѣлъ счастье сдѣлаться его ученикомъ. Быстро пролетѣли короткіе четыре года. Я кончилъ курсъ въ университетѣ и пріѣхалъ учительствовать въ Елисаветградъ—и Викторъ Ивановичъ въ томъ же

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." № 2. 1895 г.

году вышелъ въ отставку и поселился тоже въ Елисаветградѣ. И я былъ у него здѣсь на окраинѣ города, въ его маленькой, болѣе чѣмъ скромной квартирѣ, переполненной книгами, видѣлъ его совершенно, повидимому, здоровымъ, слушалъ его, по обыкновенію, оживленную бесѣду, а черезъ короткое время помогалъ нести гробъ его на мѣсто послѣдняго упокоенія...

Памятникъ знаменитому ученому открытъ, освященъ и сдѣлался достояніемъ города; кладбище опустѣло; торжество наше близится къ концу; дорогіе гости скоро покинутъ насъ, и жизнь нашего города снова пойдетъ своимъ чередомъ... Позволю себѣ откровенно высказать опасеніе: не прійдутъ ли кому либо изъ отъѣзжающихъ гостей такія мысли: зачѣмъ Елисаветграду достался этотъ прекрасный памятникъ? не лучше ли было бы этому памятнику находиться въ какомъ-нибудь центрѣ? Для кого здѣсь будетъ онъ выполнять свое назначеніе и не будетъ ли онъ забытъ и самъ, и забытъ очень скоро?

Мнѣ пріятно думать, что открытый нынѣ памятникъ выполнитъ свое назначеніе и для нашей ближайшей округи, и я полагаю, что имѣю достаточныя основанія для такого ожиданія. Вотъ они.

Во вновь открытый Новороссійскій университетъ покойнаго привлекла, главнымъ образомъ, разноплеменность нашего края, въ связи съ географической и исторической близостью его къ Византіи и Славянамъ. Въ зависимости отъ общаго направленія его трудовъ, въ Одессѣ онъ началъ усердно заниматься мѣстной этнографіей и исторіей: ставилъ новые вопросы, открывалъ новыя перспективы, объѣхалъ лично нашъ югъ отъ Днѣстра до Азовскаго моря, осматривалъ церкви и архивы, прислушивался къ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ, записывалъ названія урочищъ,—рекомендовалъ и студентамъ темы по этнографіи для сочиненій. Самое переселеніе его въ нашъ городъ было дѣломъ обдуманнаго выбора. Не на покой пріѣхалъ къ намъ отставной профессоръ, а для новыхъ трудовъ. Сюда влекли его воспоминанія о Новой Сербіи, которая была колонизаціоннымъ ядромъ для Новороссійскаго края, сюда манила его перспектива знакомства съ вѣрными хранителями старины—

старообрядцами, владѣющими здѣсь драгоцѣннымъ лицевымъ евангеліемъ и другими рукописными старопечатными книгами, Елисаветградъ представлялся ему городомъ, въ меньшей степени, нежели многіе другіе города Новороссіи, поглощеннымъ меркантильными интересами. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда онъ собирался предпринимать, если даже и не предпринималъ на дѣлѣ, поѣздки по селамъ, съ цѣлью личныхъ опросовъ мѣстныхъ жителей, и настойчиво призывалъ къ тому же встрѣтившихъ его здѣсь учениковъ. Онъ дѣятельно искалъ помощника въ собираніи свѣжаго метеріала, какъ будто хотѣлъ начать жизнь сначала. Древній мудрецъ, Викторъ Ивановичъ, всегда носилъ въ себѣ искру Божію и тоже искалъ,—искалъ коренного новороссійскаго туземца, хранителя старины и производителя въ великомъ дѣлѣ народнаго самосознанія,—искалъ—и не одинъ разъ находилъ такихъ туземцевъ. Какою свѣтлою радостію блестѣли его глаза, когда говорилъ онъ намъ о трудѣ одного мѣстнаго священика по географіи и исторіи края, трудѣ, изобилующемъ фактическими свѣдѣніями, старательно и съ любовью собранными!

Съ тѣхъ поръ прошло всего 16 лѣтъ, но и въ этотъ незначительный промежутокъ времени мы можемъ насчитать цѣлый рядъ такихъ скромныхъ, но полезныхъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей и убѣдиться, что пытливость къ родной старинѣ и къ современному быту растетъ въ мѣстномъ населеніи, хотя и тихо, но неизмѣнно. Правда, въ большихъ городахъ, научныхъ центрахъ, работниковъ науки больше, чѣмъ въ нашей глуши, но тамъ есть для нихъ руководство и совѣтъ живыхъ людей, тамъ есть университеты, ученыя общества. У насъ ничего этого нѣтъ. Такъ не жалѣйте же, что, въ замѣнъ всего этого, у насъ останется одна дорогая могила!

Не забудетъ ея, прійдетъ къ этой могилѣ туземецъ, обнажитъ голову и помолится объ упокоеніи души покойнаго. У подножія этого памятника почерпнетъ онъ уваженіе къ знанію, интересъ къ окружающему населенію и къ его прошлому и, какъ тяглый работникъ, по выраженію покойнаго, примкнетъ

къ общей дружной работѣ на пользу народнаго самосознанія" [1]).

Рѣчь В. Н. Ястребова мы привели почти цѣликомъ, для обрисовки нравственныхъ и научныхъ симпатій самого г. Ястребова. Въ теченіе многихъ лѣтъ г. Ястребовъ въ скромномъ положеніи преподавателя въ Елисаветградскомъ реальномъ училищѣ продолжаетъ дѣло Григоровича. Онъ работаетъ для науки, для народнаго самосознанія и просвѣщенія, и въ итогѣ получается такая сумма дѣятельности, что мы имѣемъ полное основаніе считать г. Ястребова не только „тяглымъ работникомъ", но „собратомъ по наукѣ". По разнообразію и достоинству научныхъ трудовъ г. Ястребовъ является прямымъ продолжателемъ своего достойнаго учителя-профессора. Г. Ястребовъ поддерживаетъ живыя связи съ наиболѣе дѣятельными учеными обществами, работаетъ далѣе, какъ практикъ педагогъ, не забывая простого народа, для духовныхъ потребностей котораго г. Ястребовъ составилъ недавно популярную книжку о дѣтствѣ Петра Великаго.

Почтенная научная дѣятельность В. Н. Ястребова служитъ живымъ опроверженіемъ мнѣнія о невозможности работать въ провинціи. Работать можно, хотя, разумѣется, провинціальному ученому приходится затрачивать на научныя изслѣдованія болѣе энергіи, болѣе труда, при недостаткѣ пособій, и потому такая дѣятельность заслуживаетъ особеннаго общественнаго одобренія и признанія. Научное достоинство трудовъ г. Ястребова въ достаточной мѣрѣ опредѣляется уже тѣмъ, что археологическія его изслѣдованія изданы петербургскимъ и московскимъ археологическими обществами, а этнографическія— историко-филологическимъ обществомъ при Новороссійскомъ университетѣ. Наиболѣе крупныя изслѣдованія г. Ястребова посвящены археологіи; здѣсь мы не будемъ на нихъ останавливаться. Отмѣтимъ только обширное изслѣдованіе *о Лядинскомъ и Томниковскомъ могильникахъ* тамбовской губ., изданное петербургской археологической комиссіей въ 1893 г. съ 15 таб-

---

[1]) Оттискъ изъ III-го тома „Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ".

лицами рисунковъ и съ 51 политипажемъ въ текстѣ, и весьма цѣнный „*Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи*, нап. въ XVII т. „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей" 1894 г. Нельзя не пожелать, чтобы и въ другихъ „губерніяхъ" оказались такіе „Опыты". Трудъ г. Ястребова можетъ служить образцомъ и руководствомъ. Книга составлена отчасти по мате, іаламъ, бывшимъ уже въ печати, большей частью, по свѣже-собраннымъ матеріаламъ, доставленнымъ 56 корреспондентами изъ сельской интеллигенціи. Кромѣ того, авторъ собралъ много новыхъ свѣдѣній путемъ личнаго опроса мѣстныхъ жителей. Собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія г. Ястребовъ расположилъ въ такомъ ясномъ и систематическомъ порядкѣ: 1) находка оружія и орудій, 2) находки монетъ, 3) менгиры, изображенія и надписи на камняхъ, каменныя бабы, 4) находки древностей разнаго рода, 5) мастерскія и копи, 6) находки костей и могилъ, 7) пещеры и подземные ходы, 8) дольмены, 9) земляные валы, 10) городища и селища и 11) курганы. Детальное распредѣленіе матеріала идетъ по уѣздамъ и селамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Вообще книга эта имѣетъ значеніе настольной справочной книги при изученіи южно-русской археологіи, въ особенности археологіи херсонскаго края.

Небольшія статьи по археологіи напечатаны въ „Кіев. Стар." (большей частью рецензіи) и въ Археол. Изв. и Зам. Особенно интересны статья *о Херсонесѣ Таврическомъ* въ Кіев. Стар. 1883 г. № 5 и ст. „*Поѣздка на островъ Каменоватый*" (на Днѣпрѣ) въ Археол. Изв. и Зам. 1894 № 5.

Этнографическій матеріалъ собранъ г. Ястребовымъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи въ теченіе десяти лѣтъ. Херсонская губернія, какъ видно изъ изданныхъ описаній ея уѣздовъ, отдѣльныхъ селеній (Балай одесскаго уѣзда, Дмитровка александровскаго) и волостей (Евтеньевская, Щербановская волости) отличается разнообразіемъ этнографическаго состава населенія, большинство котораго составляютъ малоруссы; здѣсь рядомъ съ послѣдними живутъ и бѣлоруссы, и великоруссы, и молдаване, и нѣмцы, и поляки, и евреи, и греки, и болгаре.

Переселившись изъ разныхъ концовъ Россіи и Европы (напримѣръ—изъ пензенской, харьковской, кіевской и могилевской губерніи, изъ Виртемберга, Пруссіи, острова Даго, изъ Турціи, Македоніи, Румыніи и т. п.), въ теченіе послѣдняго столѣтія они сжились одни съ другими и вошли въ болѣе или менѣе близкія отношенія, смотря по большей или меньшей общественности народнаго характера. Одни изъ народовъ обнаруживаютъ склонность къ обмалоруссиванію (напр. молдаване, болгары, отчасти поляки изъ Галичины и Юго-западнаго края), другіе (какъ нѣмцы, евреи) удерживаютъ извѣстныя черты своей національиости; но всѣ уже почти умѣютъ говорить по малорусски, и языкъ малорусскій сталъ для нихъ какъ бы международнымъ, въ родѣ того, какъ на Кавказѣ такимъ языкомъ для сношеній между собой разныхъ народностей сталъ языкъ татарскій. Смѣшанный характеръ населенія отразился въ языкѣ и содержаніи малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ въ смыслѣ привнесенія новыхъ элементовъ и порчи старыхъ.

Въ 1893 г. вышла весьма интересная статья г. Ястребова „*Малорусскія прозвища Херсонской губерніи*“. Тема эта едва была ранѣе затронута въ печати. Матеріалъ приходится собирать по крохамъ. Г. Ястребовъ въ елисаветградскомъ и александрійскомъ уѣздѣ собралъ до 400 прозвищъ съ объясненіями и расположилъ ихъ по внутренней связи ихъ съ разными проявленіями крестьянской жизни, личной и общественной. Въ статьѣ разобрано много любопытныхъ замѣтокъ о значеніи прозвищъ для изученія языка, о томъ, когда, кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ они даются, объ отраженіи въ прозвищахъ представленій о физическихъ и духовныхъ свойствахъ, народныхъ порокахъ, религіозно-нравственныхъ понятіяхъ, о переходѣ личныхъ прозвищъ въ топографическія названія, о превращеніи прозвищъ въ поговорки, пословицы, дѣтскія пѣсенки и пѣсенныя перебранки. Въ статьѣ 17 страницъ, но при мелочности отдѣльныхъ фактовъ статья въ 17 стр. представляется большой и содержательной.

Вышедшіе въ 1894 г. „*Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края*“ состоятъ изъ 2 частей: въ 1-ю вошли „суе-

вѣрія и обряды“, во 2-ю „легенды, сказки и разсказы“. Въ совокупности это книжка въ 202 стр. довольно разнообразнаго содержанія. Оріентироваться въ книгѣ при справкахъ довольно легко, благодаря приложенному въ концѣ предметному указателю. Матеріалъ распредѣленъ въ такомъ порядкѣ: представленія о внѣшнемъ мірѣ (сюда вошелъ и народный календарь); представленія о человѣкѣ (народная медицина, демонологія, свадьба и пр.), легенды, сказки и топографическія названія съ мѣстными объясненіями. Кое-гдѣ, преимущественно въ сказкахъ, сдѣланы ссылки на другіе сборники малорусскихъ сказокъ. Вообще, въ сборникѣ видна редакторская рука, заботливость о распорядкѣ и системѣ, внимательное отношеніе къ интересамъ науки и читателя. „Изъ того сырья (говоритъ г. Ястребовъ въ краткомъ предисловіи), которое накопилось у насъ за десять лѣтъ, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варіанты, разнящіеся въ подробностяхъ. Отъ такой осторожности сборникъ лишь выигралъ. Затѣмъ, по части языка записей, г. Ястребовъ высказываетъ мнѣніе, на мой взглядъ весьма основательное, которое и я высказалъ немного ранѣе въ печати (въ рецензіи на Бѣлор. Сборникъ Романова), что „записи, ставящія себѣ цѣлью изученіе діалектовъ, должны быть производимы особо отъ этнографическихъ въ собственномъ смыслѣ, спеціально къ тому подготовленными и особенно въ этомъ заинтересованными лицами“. Какъ трудно записывать образцы діалектовъ съ спеціально филологическими цѣлями и какъ мало тутъ значитъ количество записей передъ качествомъ ихъ, можно наглядно убѣдиться на записяхъ спеціалистовъ филологовъ *М. Е. Халанскаго* и *А. В. Ветухова* въ „Рус. Фил. Вѣстникѣ“ и г. *Будде* въ XXI кн. „Этногр. Обозрѣнія“.

Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ частностяхъ:

На стр. 9 находится нѣсколько сообщеній объ антидемоническомъ значеніи мартовскаго щенка, что подтверждаетъ предположеніе, что и названіе такой собаки „*Ярчукъ*“ должно быть произошло изъ „*марчукъ*“. О ярчукахъ кое-что уже было въ сборникахъ Аѳананасьева, Чубинскаго, Садовникова, Иванова. Спе-

ціальное изслѣдованіе о противодемоническомъ значеніи собаки принадлежитъ проф. В. Ѳ. Миллеру (преимущественно объ иранскихъ повѣрьяхъ); кое-что любопытное въ этомъ отношеніи было въ Revue d. trad. populaires 1890 г.

На стр. 11 попала *нисенитныця*, „отчего зайцы куцы“, которой умѣстнѣе быть въ концѣ книги, на стр. 178—180, въ ряду съ двумя другими нисенитныцями. Объ этомъ своеобразномъ видѣ народной словесности мы вкратцѣ упоминали въ ст. о Д. И. Эварницкомъ въ 1 ч. „Современ. Малор. Этн“. Нисенитныця или небылица—панизываніе глупостей встрѣчается въ словесности славянскихъ, романскихъ и германскихъ народовъ, причемъ даже въ этой области обнаруживаются любопытныя черты совпаденія и сходства.

На стр. 19 находится любопытный разсказъ о выборѣ птицами царя, о полетѣ маленькой птички выше большой (сидѣла на спинѣ большой), что частями напоминаетъ малорусскую сказку про кукушку у *Чубин.* I, 763 и монгольскую сказку про то, какъ журавль несъ на спинѣ маленькую птичку богоргоно, у *Потанина* въ Очерк. сѣв.-зап. Монг. IV 629.

Сказаніе о полозѣ на стр. 19 можно пополнить тѣмъ, что ранѣе сообщено о полозахъ у *Манжуры*, *Новицкаго и г. Каллаша* (упом. въ 1 ч. Соврем. малор. этногр.).

Небезынтересны краткія сообщенія о писанкахъ на стр. 28—29, какъ дополненіе къ моей ст. о писанкахъ въ Кіев. Стар. Болгарскія названія писанокъ на стр. 29, повидимому, заимствованы у малоруссовъ.

Въ сборникъ вошло нѣсколько любопытныхъ заговоровъ; но они слишкомъ разбросаны (стр. 11, 14, 45 и др.).

Г. Ястребовъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя подробности народнаго быта, ранѣе упускавшіяся изъ виду, напр., на проклятія и брань (стр. 41), освященіе колодцевъ (63), дѣтскія игрушки (88), дѣтскія шутки-шалости (89), народныя карточныя игры (106).

Сказанія объ одноглазыхъ людоѣдахъ песиголовцахъ на стр. 80—83 болѣе относятся ко второму отдѣлу, чѣмъ къ первому. Здѣсь довольно близко воспроизводятся сказки о Лихѣ одногла-

зомъ, извѣстныя по болѣе раннимъ сборникамъ, причемъ обнаруживается большое сходство съ гомеровскимъ сказаніемъ о Полифемѣ.

Всѣхъ сказокъ, легендъ и анекдотовъ 41; содержаніе большей частью извѣстное; по формѣ варіанты слабые и малозначительные, съ краткими и невыдержанными мотивами. На новороссійской почвѣ сказки, повидимому, упрощаются и сокращаются. Легенды о дружбѣ бога съ чортомъ, о женскомъ господствѣ и др. (№№ 1—5) изъ общеизвѣстныхъ о сотвореніи міра Богомъ и сатаной, о томъ, какъ злая жена побила апостола на ночлегѣ. Малорусскіе варіанты указаны самимъ издателемъ.

Сказка про баранчика (№ 6) и про царильника (№ 22) представляютъ краткіе пересказы широко распространенной сказки, малор. варіанты которой указаны г. Ястребовымъ, а болѣе полные западно-европейскіе въ большомъ числѣ собраны у *Cosquin*, Contes popul. de Lorraine §§ 4, 39, 42, 56, 59, 71 и въ сборникѣ франц. легендъ *Luzel* см. по указателю въ концѣ III т. подъ сл. baguette. Добавимъ здѣсь еще бѣлорусскую у *Добровольскаго* I 693 и польскія въ сборникахъ *Хэльховскаго* №№ 24, 38 и *Цишевскаго* 168.

Сказка о чортахъ (№ 10) представляетъ варіантъ любопытнаго цикла сказокъ о мученіи хлѣба, съ замѣной хлѣба прядивомъ. Мнѣ извѣстны сходныя сказки бѣлорусская (въ Бѣлор. сб. Романова) и румынская (въ сб. Кремнитцъ).

Сказка „Зализный вовкъ" (№ 13), повѣствующая о помощи, оказанной герою чудесными собаками Чутко и Важко, хорошо извѣстна и западно-европейскимъ народамъ, какъ видно изъ сборника *Коскена*.

Въ сказкѣ подъ № 15 „про змія" воспроизводится широкораспространенный мотивъ о запрещенной комнатѣ, о чемъ см. подробности у *Cosquin* № 38.

Сказка про двохъ братывъ (№ 27) говоритъ о переносѣ трупа, чрезвычайно популярная тема, о чемъ подробно у *Cosguin* подъ № 80 и кромѣ того у *Аѳанасьева* Рус. нар. сказки IV 502, *Bedier* Les fabliaux (Le cristain du Cluny), *Kolberg* Pokucie IV 252, *Zbiór wiadomosci* VIII 301.

Сказка подъ № 33 про лихую жинку—отзвукъ западнаго фабльо о притворномъ мертвецѣ, о чемъ подробно мы говорили въ Кіев. Стар. 1894 г.

Сказка подъ № 34 („Дѣдъ и баба") относится къ весьма популярной темѣ о бабахъ до неба и мѣнѣ съ пониженіемъ предметовъ; обширная литература отчасти указана намъ въ академич. рецензіи на Бѣлор. сб. Романова.

Анекдотъ о литвинѣ, которому медвѣдь откусилъ голову (подъ № 41), встрѣчается въ Бѣлоруссіи (во 2 т. Матеріаловъ П. В. Шеина) и у болгаръ (въ VIII т. Сборника Шапкарева).

Въ сборникѣ г. Ястребова встрѣчается нѣсколько оригинальныхъ сказокъ и анекдотовъ, повидимому, впервые записанныхъ изъ народныхъ устъ; такова юмористическая сказка про Чепурыся (№ 26), или о томъ, какъ глупый мужикъ отдалъ своего бычка дьячку въ обученіе и потомъ повѣрилъ, что его бычекъ сдѣлался человѣкомъ и сталъ губернаторомъ, затѣмъ анекдотъ про лѣнивыхъ мужа и жену (№ 30), и двѣ или три другихъ малозначительныхъ. Вообще, сборникъ г. Я., на ряду съ другими сборниками, свидѣтельствуетъ, что народъ живетъ традиціонными запасами народнаго творчества, почти ничего не прибавляя къ нимъ.

Изъ небольшихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Ястребова, разбросанныхъ въ Кіевской Старинѣ, отмѣтимъ здѣсь, какъ наиболѣе интересныя, пѣсню о сербѣ въ „Кіев. Стар." 1884, XII (сербъ обрисованъ щеголемъ и бездомнымъ кутилой), гайдамацкую пѣсню о лѣсѣ Чутѣ въ „Кіев. Стар." 1885 XII, варіанты сказки о невѣрной женѣ въ „Кіев. Стар." 1884 IV, и народныя пѣсни Херсонскаго края въ „Кіев. Стар." 1894 III (колыбельныя и свадебныя), святочныя пѣсни ib. 1894 II.

Въ небольшой замѣткѣ г. *Вейсенберга* о малорусскихъ писанкахъ, напечатанной въ Zeitschrift für Ethnologie 1894 V стр. 340, находится интересное сообщеніе, что В Н. Ястребовъ собралъ большую коллекцію писанокъ и готовитъ о нихъ спеціальное изслѣдованіе.

С. А. Чернявская.

Въ то время, какъ этнографическіе труды г. Ястребова знакомятъ насъ съ сѣверной частью херсонщины, Софья Андреевна Чернявская даетъ любопытный матеріалъ для ознакомленія съ крайнимъ югомъ херсонской губерніи, съ бытомъ, повѣрьями и пѣснями малоруссовъ села Бѣлозерки херсонскаго уѣзда. Сборникъ г-жи Чернявской, объемомъ около 3 печ. листовъ, изданъ въ 1893 г. въ V т. Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Матеріалъ собранъ въ 1888 –1889 годахъ, по этнографической программѣ Русскаго Географическаго Общества, и, согласно съ этой программой, распадается на календарь народный и сборникъ пѣсенъ; въ началѣ сборника находится краткое описаніе села.

Дневникъ мало интересенъ, такъ какъ эта сторона весьма подробно ранѣе была представлена у Чубинскаго, Терещенка и Калинскаго. Въ дневникъ вошла популярная легенда о воскресшемъ пѣтухѣ (обширнѣйшая литература приведена у *Child*, The english and scot. ballads въ 1 т. подъ № 23) и повѣрья о вѣдьмахъ.

Гораздо болѣе интересны пѣсни, снабженныя со стороны редакціи библіографическими ссылками на сборники Максимовича, Антоновича и Лысенка. Сюда вошли 112 пѣсенъ свадебныхъ въ порядкѣ весильнаго ритуала, краткія, большей частью уже извѣстныя по сборникамъ Чубинскаго, г-жи Марковой въ альманахѣ „Степь", Николайчика въ „Кіев. Старинѣ", Головацкаго и др. Далѣе слѣдуютъ 9 сухихъ колядокъ школьнаго происхожденія, 7 щедривокъ, 3 веснянки, 1 обжинковая, десять историческихъ (про Савву Чалаго, про Нечая, о паденьѣ Запорожья, о Джемберѣ, о Платонѣ, т. е. Платовѣ). Мѣстами въ историческихъ пѣсняхъ попадаются любопытныя мелочи, напр.: въ думѣ про Нечая сказочный мотивъ о полетѣ Нечая выше дерева, взятый изъ сказокъ о вѣдьмахъ. Далѣе идутъ 82 пѣсни рекрутскія, солдатскія, чумацкія и семейно-родственныя, причемъ нѣкоторыя очень слабыя и искаженныя. Отмѣтимъ балладную пѣсню на стр. 150 „И по той бикъ гора" въ двухъ варі-

антахъ объ уводѣ дѣвицы. Редакція (А. А. Русовъ) указала на варіантъ у *Чубинскаго* и *Коципинскаго*. Встрѣчается эта пѣсня въ Pokucie *Кольберга* II 84, *Купчанки* (подъ редакц. *Лоначевскаго*) стр. 407 № 61, „*Кіевск. Стар.*“ 1892 VI 407, *Омельченка* подъ № 1, *Головацкаго* I 130, *Zbior Wiadomosci* VIII. Всѣ эти варіанты идутъ отъ польскихъ пѣсенъ, а послѣднія отъ западноевропейскихъ, которыя подробно указаны въ The english ballads *Child*'a.

Если не считать небольшого сборника пѣсенъ г-жи Марковой въ „Степи“, то сборникъ г-жи Чернявской представляется первымъ крупнымъ женскимъ вкладомъ въ этнографію; по полнотѣ и содержательности сборникъ г-жи Ч. уступаетъ лишь сборникамъ г-жи Мошинской на польскомъ языкѣ. Нѣсколько странно, что русская женщина, столь блестяще заявившая о себѣ на трудныхъ поприщахъ филантропіи, медицины и педагогіи, сторонилась до сихъ поръ отъ этнографіи, т. е. такой области знаній, гдѣ женскій трудъ можетъ быть въ особенности замѣтенъ. Женщина можетъ ближе подойти къ народу, чѣмъ мужчина, въ особенности къ крестьянкѣ—этой главной хранительницѣ традицій пѣсенъ и обрядовъ. Въ польской этнографіи женскіе труды занимаютъ очень видное мѣсто, и въ частности собираніемъ малорусскихъ пѣсенъ занимались г-жи Мошинская, Томашевская, Рокасовская, Малиновская. Остается только пожелать, чтобы примѣръ г-жъ Марковой и Чернявской въ дѣлѣ собиранія памятниковъ народнаго словеснаго творчества не остался безъ подражанія.

М. Ф. Комаровъ.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Ист. рус. этн. (стр. 411) замѣчаетъ: „упомянемъ еще о трудахъ М. Комарова, который въ альманахѣ М. Старицкаго „Рада“ (Кіевъ 1889) помѣстилъ весьма полезный „Покажчикъ“ т. е. указатель новой украинской литературы, участвовалъ своими трудами въ „Кіев. Стар.“ и издалъ новое собраніе малорусскихъ пословицъ, загадокъ и заговоровъ: „Нова збирка etc.“ (Одесса 1891), гдѣ въ послѣ-

словіи читатель найдетъ подробный указатель литературы предмета, начиная съ 1829". Къ этому добавимъ слѣдующее:

Михаилъ Феодоровичъ Комаровъ родился въ м. Дмитровкѣ павлоградскаго уѣзда екатериносл. губ., воспитывался въ екатеринославской гимназіи, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1867 г., служилъ при острогожскомъ окружномъ судѣ, потомъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Острогожскѣ и затѣмъ въ Кіевѣ, съ 1883 г. нотаріусомъ въ Умани и въ послѣднее время состоитъ нотаріусомъ въ Одессѣ. Въ 60-хъ годахъ во время студенчества, г. Комаровъ былъ учителемъ сельской школы въ с. Гавриловкѣ изюмскаго у. харьк. губ., и здѣсь началъ собирать произведенія устнаго народнаго творчества, что продолжалъ въ Нимещинѣ ново-московск. уѣзда екатериносл. губ. Изъ этого собранія два варіанта думы про Савву Чалаго (съ замѣткой) напечатаны въ № 22 Екатериносл. Губ. Вѣдом. 1865 г. Сборникъ пѣсенъ былъ переданъ въ распоряженіе Юго-Зап. Отдѣла Геор. Общества, что значится во II т. Записокъ Ю. З. Геогр. Общ.; но вкорѣ отдѣлъ былъ закрытъ, и сборникъ г. К. въ числѣ другихъ матеріаловъ исчезъ безслѣдно [1]). Часть матеріаловъ, сохранившихся у г. К., издана въ 1891 г. въ „Новой Збиркѣ". Сохранились значительные матеріалы для русско-украинскаго словаря, которые въ полѣднее время и печатаются по частямъ въ видѣ приложенія къ галицкой „Зорѣ" подъ заглавіемъ „Россійско-украинскій словарь, зибралы и впорядкувалы М. Уманець и О. Спилка". Небольшія статьи г. К. въ Кіев. Стар. (см. по указателю 1893 г.) относятся къ исторіи литературы. Были мелкія статьи въ період. изданіяхъ „Дило", „Зоря" и „Правда". Г. К. напечаталъ нѣсколько хорошихъ книгъ для народнаго чтенія („Розмова про небо та землю", „Розмова про земни сылы", изд. въ Кіевѣ 1874—1875 г.). Рецензію г. *Степовича* на „Нову Збирку" см. въ „Кіев. Стар." 1890 № 11. **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

(Продолженіе слѣдуеть).

---

[1]) Недурно было бы разъяснить эту „безслѣдную" пропажу этнографическихъ матеріаловъ. Прим. Н. С.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1]).

(изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика).

Въ тѣ времена, недалекія отъ насъ по лѣтамъ, но отдаленнѣйшія по первобытному строю удобствъ жизни,—въ тѣ времена у крестьянъ свѣчей не было. Свѣчи были только у пановъ, и то сальныя, а о керосинѣ въ ту пору еще и не снилось сельскому люду, какъ не приснится нынѣшнему крестьянину скалка-лучина или „каганецъ". Тогда мы кололи изъ березоваго, высушеннаго на печкѣ полѣна „скалки"—лучину, зажигали её, вставивъ предварительно вмѣсто подсвѣчника въ дырки, проткнутыя пальцемъ въ глиняномъ комкѣ, называемомъ „бабкою", и такъ освѣщали комнату, ежеминутно зажигая новую скалку. А Рождественскими праздниками, если только къ празднику отецъ кололъ кабана, мы свѣтили „каганцемъ"—плошкою, налитою свинымъ саломъ. Сѣрныя спички въ ту пору еще не были въ употребленіи у крестьянъ. Огонь добывали „кресаломъ", огнивомъ. „Кресало" состояло изъ стальной четырехгранной пластинки, толщиною въ $^1/_4$ дюйма, длиною около $3^1/_2$ дюймовъ, изъ тонкаго острограннаго кусочка кремня и изъ трута, который приготовлялся изъ особой породы грибовъ, называемыхъ губками, растущихъ, на стволахъ старыхъ фруктовыхъ деревьевъ. Эти губки толклись обухомъ топора, долго вываривались въ кипячей водѣ, въ которой предварительно вымывалась овечья шерсть отъ сѣры, затѣмъ сушились и дѣлались такимъ обра-

[1]) См. „Кіев. Стар." № 3 1895 г.

зомъ чрезвычайно легкими, мягкими и легко воспламеняемыми. Вытопивши варистую печь, хозяйка никогда не оставляла въ ней пепелъ съ огнемъ, чтобы огонь не угасъ, а выгортывала изъ печи горящій пепелъ въ „кубашку"—печурку, находившуюся при устьѣ каждой варистой печи, плотно сбивала пепелъ, нарочно для того, чтобы не угасалъ огонь въ теченіе сутокъ, дабы имѣть готовый огонь подъ рукою во всякую пору дня и ночи и на всякую потребу. Бѣда хозяйкѣ, если огонь въ ея „кубашкѣ" погасъ, а „кресало" взялъ хозяинъ съ собою въ поле. Тогда она, скрѣпя сердце, шла къ сосѣдкѣ „позычать" огня. Благо ей, если у сосѣдки не отелилась корова, не окотылась овечка ягненкомъ, не лупятся цыплята подъ насѣдкою; тогда она получала отъ сосѣдки ложку тлѣющаго пепла, прятала пепелъ въ паклю конопляную, а паклю въ „крутинь" (скрученный жмутъ) соломы и несла черезъ улицу къ себѣ въ домъ. Но если у сосѣдки на ту пору вылупливаются изъ яицъ цыплята, то она вмѣсто огня получитъ еще выговоръ:

— „А хиба жъ вы не знаете, що у мене курка на яйцяхъ сыдыть и курчата уже лупляться? Аже позапикаются яйця пидъ куркою, якъ тилько я позычу вамъ огню, и прыйдется повыкидать яйця собакамъ".

Пошла съ досадою хозяйка въ другую хату до кумы позычать огня.

— „Съ дорогои души, кумцю, далабъ огню, та Богъ мени давъ, що отелылась корова и окотылась овечка, то боюсь, що теля и ягня не будуть до дому ходыты съ череды", якъ тилько я дамъ вамъ огню.

Но несчастнѣе всѣхъ та хозяйка, у которой въ домѣ нестанетъ огня въ великіе праздники Рождества Христова, Новаго года и Велыкодня. Въ томъ домѣ непремѣнно будетъ „мрець". Да кромѣ этого горя, еще такая хозяйка и не достанетъ огня ни у кого изъ сосѣдей и прослыветъ навсегда вѣдьмою въ мнѣніи своихъ селянъ, потому что только „однѣ вѣдьмы позычають огонь на Велыкъ-день, на Риздво и на Новый-рикъ". Да и вообще небезопасно одолжать какія бы то ни было вещи другому человѣку. Иной злой человѣкъ „зъ мухами въ носи"

(знахарь), если захочетъ, чтобы его сосѣдъ „звився хозяйства", т. е. разорился, обнищалъ, то нарочно на „молодыку" приходитъ къ нему позычать, кажется пустую вещь, но если сосѣдъ одолжитъ ему ту вещь, то у него все добро его за тою вещью мимо его „прахомъ пиде", „росповзется". Равно и сѣмена огородныхъ растеній хорошая хозяйка ни за что „не позычить" никому, пока сама не обсѣетъ и не засадитъ огородъ, а иначе у нея самой „зведется" то растеніе съ огорода. Кстати замѣчу при этомъ, что до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда хлѣба было вволю, но копѣйку добыть трудно было, когда ремесла были въ зачаточномъ состояніи и торговля скорѣе была мѣновая, чѣмъ при посредствѣ денежныхъ знаковъ и производилась только періодически—въ ярмарки, бывавшія черезъ двѣ недѣли,—тогда народъ болѣе, чѣмъ теперь, нуждался въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ и волей-неволей дѣлился всѣмъ, что у него было, съ своими сосѣдями, такъ какъ у каждаго изъ нихъ не все было то, что имѣлъ сосѣдъ. Горшокъ-ли разбился, сито, или рѣшето порвалось, буравъ или долото поломалось, сапоги порвались или что иное, каждый день необходимое, все это можно было купить только въ ярмаркѣ и то чрезъ 2 недѣли, а та вещь сейчасъ нужна; поневолѣ приходилось идти къ сосѣду и просить; равнымъ образомъ не приходилось отказывать и тому сосѣду, если онъ взаимно у него что либо проситъ. Необходимость такой взаимопомощи свидѣтельствуется даже существованіемъ специальной поговорки: „Кывъ кывъ ручка, паньска сучка, хто дасть, то пання, а хто не дасть, то свыня". Дѣлились даже одеждою и обувью, въ особенности дѣтскою. Нерѣдко бывало, что въ однихъ и тѣхъ же дѣтскихъ сапожкахъ всѣ дѣти одной улицы ходили въ церковь исповѣдываться, поочередно одолжая у счастливца, обладателя сапожковъ. Нерѣдко бывало, что даже хозяинъ-бѣднякъ въ чужой „позычаной" свиткѣ ходилъ въ церковь отговѣться. Дѣлились, или правильнѣе одолжали, сосѣдки одна у другой почти еженедѣльно и печеный хлѣбъ, но это уже вызывалось не недостаткомъ хлѣба, а отсутствіемъ мельницы въ селѣ Ярешкахъ, вслѣдствіе каковаго отсутствія почти каждый крестьянинъ имѣлъ у

себя въ сѣняхъ жерновъ и ступу. И мнѣ приходилось частенько молоть муку въ жернахъ и „товкты“ просо въ ступѣ на пшено. „Позычанье“ было настолько нормальное условіе крестьянской жизни того времени, что никому и въ голову не приходило осудить за него сосѣда или придать ему значеніе попрошайства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вошло въ привычку народа добровольно, любя, дѣлиться съ сосѣдями тѣмъ, что у кого было добраго. Такъ напримѣръ: хозяйка „напарила кваши“, и если только послѣдняя удалась, то она долгомъ своимъ считаетъ подѣлиться квашею со всѣми сосѣдями, для чего и паритъ квашу въ количествѣ не менѣе двухъ ведеръ и затѣмъ разноситъ квашу и сама, и дѣтьми разсылаетъ. Такъ же поступали хозяева, заколовши кабана къ празднику и обѣлувавши барана осенью. А кто имѣлъ пасѣку, то на „Спаса“, 6-го августа, посылалъ сосѣдямъ по „стилнычку мёду“ „на посвячинье“. Пироговъ ли напечетъ съ горохомъ, или такъ — одинъ только горохъ, намоченный предварительно, сжаритъ на сковородѣ, вареники-ль съ грушами сваритъ, всѣмъ этимъ подѣлиться съ сосѣдями хозяйка считала своимъ долгомъ: „такъ годытся“. А если ужъ сосѣдкѣ далъ Богъ „родыны“, то всякая сосѣдка шла съ хлѣбомъ къ ней и приносила ей на родыны пшена горшечекъ, или варенныя сухія груши, или муки пшеничной, а кто бѣдный, тотъ несъ хустку зерна пшеничнаго; а уже если кто принесетъ на родины миску варениковъ со сметаною, то таковой была великая честь отъ хозяевъ. Къ матушкѣ на родины шли всѣ хозяйки, какія были въ селѣ, съ хлѣбомъ, съ курицей и яйцами и получали угощеніе отъ батюшки. Такъ въ ту пору сельская нищета дѣлилась своими убогими достатками и поддерживала и скрашивала свое жалкое прозябаніе взаимною отзывчивостью и любовью. „Не красна была изба углами, да красна пирогами“.

Лучше-ли теперь въ 90-хъ годахъ живется крестьянину? Сравнивая нынѣшній наружный видъ села Ярешекъ съ наружнымъ видомъ того же села въ панщинное время, приходится сказать: да, теперь лучше живется крестьянину, только... только въ одномъ, но зато въ самомъ существенномъ теперь ему жи-

вется хуже—теперь крестьянинъ живетъ впроголодь, и то только растительною пищею.

Прежде у крестьянъ строились избы шириною maximum въ 5½ аршинъ и длиною maximum въ 12 аршинъ и дѣлились по длинѣ такъ: 5½ аршинъ подъ жилую комнату, 2½ подъ сквозныя сѣни съ двумя дверьми—одной на улицу, другой сзади на огородъ, и 3 или 4 аршина подъ „комору“—кладовую. Теперь крестьяне ставятъ избы шириною не менѣе 6 аршинъ и до 12 аршинъ, длиною отъ 16 до 22 арш. и дѣлятъ по длинѣ также на три части: жилую половину комнаты, сѣни и кладовую, но съ тою разницею, что жилыхъ комнатъ дѣлаютъ уже двѣ или даже три и сѣни перебиваютъ стѣною по длинѣ дома на-двое, выгадывая такимъ способомъ еще одну небольшую комнату или же кладовку. Въ „панщанно“ время только жилая половина дома строилась изъ бревенъ, а сѣни и комора дѣлались изъ лозоваго плетня, теперь же весь домъ дѣлаютъ изъ дубовыхъ или сосновыхъ брусьевъ. Въ избахъ панщиннаго времени двери не дѣлались выше 2¼ аршинъ, а самыя большія окна имѣли въ высоту 8 вершковъ, въ ширину 7 вершковъ; въ настоящее время не дѣлаютъ дверей ниже 2¾ аршин. и окошекъ меньше 1-го арш. въ высоту. Въ старыхъ домахъ надъ сѣньми никогда не дѣлали потолка, и куры свободно взлетали на чердакъ на ночь, садясь на перекладинахъ стропилъ и образуя подъ собою на потолку цѣлыя горы гуано; равно и ласточки, свободно влетая двумя дверьми сѣнными на чердакъ, дѣлали десятки гнѣздъ тамъ. Теперь надъ сѣньми всюду лежитъ потолокъ, и ни курица, ни ласточка уже не кладутъ своихъ гнѣздъ на чердакѣ, тамъ уже складъ разныхъ хозяйственныхъ вещей, и на чердакъ можно взойти, только отворивъ ляду—дверцу. Въ домахъ панщаннаго времени печь съ грубкой занимала чуть ли не 3-ю часть, или даже ½ всей жилой комнаты; въ домахъ настоящаго времени печь варистая съ печкою занимаетъ не болѣе ⅕ части жилой комнаты. Въ старыхъ домахъ вмѣсто стульевъ вдоль стѣнъ ложились „лавки“, доски толщиною въ 2 вершка на сваяхъ, вкопанныхъ въ земляной полъ; теперь эти лавки во всю длину стѣны дѣлаются со спинками; въ прежнихъ домахъ никогда не

встрѣчались кровати, а дѣлались нары изъ 4 или 5 досокъ, теперь же встрѣчаются не рѣдко кровати, но за то въ старину на постели въ каждомъ домѣ были подушки, а теперь очень нерѣдко вмѣсто подушки сложены кожухи и свиты, служащіе возглавіемъ. Въ панщинныхъ домахъ иконъ было не много, но за то онѣ писались масляными красками на деревянныхъ доскахъ, а въ теперешнихъ домахъ—иконы, печатанныя на бумагѣ заграничнаго изданія и рисунка, дешевыя, и потому въ иномъ домѣ зажиточнаго крестьянина такихъ иконъ будетъ 20 и болѣе, расположенныхъ въ два ряда по обѣимъ сторонамъ отъ краснаго угла. Въ старину иконы убирались цвѣтами васильковъ, а теперь убираются и васильками и цвѣтами георгины, и покупными полотенцами бумажнаго холста съ фигурами фантастическихъ птицъ, вытканныхъ красною заполочью. Въ старину, за исключеніемъ иконъ, никакихъ другихъ изображеній не было на стѣнкахъ; теперь нерѣдко попадаются портреты царской фамиліи, Скобелева, Гурка и ярко раскрашенныя картины на тему: „была жинка мужика", картины страшнаго суда. Прежде зеркаломъ служилъ кусочекъ зеркальнаго стекла, вмазанный въ глину стѣны; теперь попадаются зеркала въ рамахъ до полуаршина. Прежде были полицы вдоль стѣны надъ входною дверью и вдоль стѣны надъ окнами у потолка для складыванія на нихъ горшковъ, мисокъ, печеннаго хлѣба и всякой другой посуды; теперь дѣлаютъ вмѣсто полицъ „мысныки"—шкафы безъ дверецъ для посуды. О вилкахъ и тарелкахъ въ прошлое время крестьяне и понятія не имѣли, теперь же попадаются у крестьянъ и тарелки, и вилки, и столовые ножи, рядомъ съ „кисками"—ножами, сдѣланными изъ негодной къ своему назначенію косы. „Жертки"—жерди для складыванія повседневной верхней одежды надъ постелью у потолка, какъ раньше были, такъ и теперь есть. Кромѣ того, теперь въ рѣдкомъ селѣ не увидите одного или двухъ крестьянскихъ домовъ, крытыхъ желѣзомъ, чего никогда не встрѣчалось въ крѣпостное время. Хозяйственныя постройки: клуни, „коморы", хлѣбные амбары, кладовыя и хлѣвы для скота прежде были также меньшихъ размѣровъ, сравнительно съ теперишними, и стѣны дѣлались или плетеныя изъ лозы и „лищины"—орѣшника; или обшивались соломенными

снопами или „очеретяными дидами“ (камышевыми снопами); теперь же тѣже хозяйственныя постройки дѣлаются большихъ размѣровъ съ досчатыми стѣнками въ заметъ, или же со стѣнками изъ нетолстыхъ бревенъ, обмазанныхъ вальками глины съ соломою,—точь въ точь такія же стѣны, какъ и въ домѣ. Теперь увеличилось число отдѣльныхъ хозяевъ, увеличилось и число домашняго скота, за исключеніемъ овецъ, которыхъ теперь далеко меньше. Священники въ прежнее время держали сотнями, а теперь почти никто изъ нихъ не держитъ овецъ по трудности корма и догляда за маленькими ягнятами. Прежде крестьяне держали больше воловъ, незамѣнимыхъ въ „чумацтвѣ“ и въ обработкѣ земли, а также благодаря отсутствію извощичьяго промысла, а теперь крестьяне больше держатъ лошадей, предпочитая ихъ воламъ главнымъ образомъ потому, что съ открытіемъ желѣзной дороги открылся новый промыслъ: извозный для доставки хлѣба на жел. дорогу и разныхъ товаровъ съ желѣзной дороги въ окружающіе мѣстечка и города; равнымъ образомъ, съ открытіемъ свеклосахарныхъ заводовъ, имѣющихъ свекловичныя плантаціи почти въ каждомъ селѣ, потребовался каждую осень громадный спросъ на подводы для перевозки свеклы въ заводы; въ каждомъ селѣ среднимъ числомъ было свеклы на три тысячи подводъ, которая и перевозится мѣстными крестьянами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сентября и октября, но часто мѣстные крестьяне не въ состояніи были въ такой срокъ доставить свеклу,—тогда сахарозаводчики пріискивали извощиковъ изъ далекихъ уѣздовъ, напр.—уманскаго. Доставка свеклы скорѣе производится на лошадяхъ, а потому крестьяне охотнѣе держатъ лошадей; кромѣ того, для лошади всегда есть подножный кормъ, такъ какъ лошадь зубами сгрызаетъ траву подъ ногами, при самомъ корнѣ травы, какъ бы ни была она коротка и низка, а для вола требуется трава не ниже вершка, такъ какъ волъ не зубами схватываетъ траву, а языкомъ и губами, и что окажется уже во рту, то онъ и откусываетъ. Въ панщинное время земледѣльческія орудія состояли изъ тяжелаго на шесть воловъ деревяннаго плуга, рала и бороны, теперь же нерѣдко попадаются фабричные желѣзные плуги и экстирпаторы—Крумера. Въ панщинное время

ремесла не были распространены въ народѣ въ видѣ отдѣльныхъ ремесленниковъ, исключительно ремесломъ живущихъ, за исключеніемъ дворовыхъ: сапожниковъ, кузнецовъ, рымаровъ, печниковъ, столяровъ, которыхъ помѣщики спеціально для себя отдавали въ науку кіевскимъ нѣмцамъ ремесленникамъ, остальные же каждый самъ себѣ дѣлалъ сапоги и шилъ свиту, кожухъ, упряжь, дѣлалъ печь, мастерилъ столъ, возъ и сани по первобытному образцу и способу. Я живо помню, какъ мой отецъ самъ чинилъ себѣ и всей семьѣ своей сапоги и заставлялъ меня дѣлать „дратву" (сапожные нитки), самъ дѣлалъ возъ и сани конныя, самъ дѣлалъ себѣ печку, грубку. Теперь же въ каждомъ селѣ есть крестьяне-ремесленники, которымъ уже некогда заниматься земледѣліемъ; въ каждомъ селѣ есть двѣ или три кузни, десятокъ или болѣе „шевцивъ"—сапожниковъ, кравцивъ портныхъ, шьющихъ по модному „лейбы" или ,гвалты"—куртки изъ бумажныхъ матерій, названные „гвалтами" отъ того, что зимою въ нихъ такъ холодно, что приходится кричать: гвалтъ! (караулъ!); шьющихъ суконныя свиты до стану (таліи) и гуньки и набѣленные снаружи кожухи. Кравци—портные переходятъ изъ дома въ домъ и шьютъ одежды въ домѣ заказчика, а не въ своемъ домѣ, потому что заказчикъ ни за что не рѣшится дать сукно, или бумажную матерію, или овечьи кожи на домъ портному, боясь, что портной украдетъ часть сукна или шкуру, но портные ухитряются украсть часть матеріала даже въ домѣ заказчика и пришивая украденныя части сукна къ изнанкѣ своей свитки или рубашки, о чемъ ходитъ въ народѣ не мало смѣшныхъ анекдотовъ. Въ каждомъ селѣ есть паръ десять и болѣе плотниковъ, три или четыре столяра, умѣющихъ дѣлать столы, длинныя скамьи съ спинками на ножкахъ, сундуки, шкафы для посуды, двери, окна и рамы для иконъ—ни на какія другія столярныя издѣлія нѣтъ спроса отъ крестьянъ. Въ каждомъ селѣ найдется одинъ и не болѣе двухъ рымарей-шорниковъ. Они умѣютъ дѣлать только уздечку, недоуздокъ, полушорки—и только, и то по старой формѣ. Есть еще и спеціальные мастера возовъ, санокъ, есть спеціалисты „бондаря". Отсутствіе ремесленниковъ изъ крестьянъ въ панщинное время объясняется тѣмъ, что никто изъ крестьянъ не

имѣлъ свободнаго ввемени—все время крестьянина, какъ и самъ онъ, принадлежало пану. Если и были тогда ремесленники, то они принадлежали къ свободному классу крестьянъ однодворцевъ или къ отставнымъ Николаевскимъ солдатамъ, а таковыхъ, т. е. однодворцевъ и солдатъ, было мало. Изъ промышленныхъ производствъ (заведеній) въ панщинное время были только однѣ маслобойни, по мѣстному ,,олійныци", а также и станки съ кругами, гдѣ мяли кожи для выдѣлки конской упряжи; въ настоящее же время, кромѣ ,,олійныць" и станковъ кожемяцкихъ, есть еще у крестьянъ ,,сѣчкарни", гдѣ рѣжутъ мелко солому для корма скота, есть и драчки—мельницы, для приготовленія изъ проса пшена, съ коннымъ приводомъ, есть теперь у крестьянъ, хотя очень рѣдко (на нѣсколько селъ одна), чухральни, гдѣ расчесывается овечья шерсть.

Въ одеждѣ и обуви крестьянъ панщиннаго времени и нынѣшняго тоже большая разница. Мужскія рубашки давняго времени не были вышиты узорами, и воротники на нихъ имѣли двоякую форму, стоячіе узенькіе, въ полъ вершка ширины, а широкіе въ полтора вершка, отложные; пазуха длинная была, такъ что грудь была вполнѣ открыта и для солнца, и для дождя, рукава широкіе, немного меньше рукавовъ въ священническихъ рясахъ; въ настоящее же время почти у каждаго крестьянина рубашка съ узенькимъ стоячимъ воротникомъ, вышитымъ узоромъ, грудь также вышита узо́ромъ, пазуха короче, рукава съ ,,чохлами",—узенькими манжетами; въ панщинное время рубахи дѣлались изъ толстаго—,,дванадцатки", ,,штырнадцатки", а у богача и ,,двадцатки"—полотна собственнаго издѣлія, а теперь носятъ и изъ покупного тонкаго бумажнаго коленкора, ради тонкости рубашки и дешевизны ея. Штаны въ старину дѣлались широчайшіе: ,,мотня", связывающая „колошни" штановъ, была такъ длинна, что только на одну пядь не хватала до земли; въ верхней части своей, гдѣ поясъ, штаны не имѣли паска, а собирались въ морщины и стягивались и растягивались „очкуромъ"—ремешкомъ, затянутымъ въ морщины. Теперь штаны шьются у́же, клинья, связывающія колошни—малыя, вмѣсто сборокъ съ очку-

ромъ, встрѣчающихся теперь рѣдко, дѣлаются паски на пуговицахъ. Свитки въ старину имѣли двѣ формы—короткую съ обхватомъ въ таліи, удобную для работъ—домашнюю, и длинную до пятъ также съ перехватомъ въ таліи („до стану") съ „каптуромъ"—башлыкомъ на спинѣ. Въ этихъ свиткахъ, такъ сказать форменныхъ, крестьяне ходили въ церковь, являлись передъ очи „ясневельможнаго пана" и зимою надѣвали сверхъ „кожуха"—тулупа, а каптуръ надѣвали на шапку, какъ башлыкъ. Теперь этихъ длинныхъ свитокъ съ каптурами уже нигдѣ не видно, остались только свитки короткія до стану, со сборомъ въ таліи. Кожухи (длинные) и кожушки (короткіе) и тогда, и теперь шьются по одинаковой модѣ. Шапки въ старину были съ „зеленымъ дномъ"—верхушкою изъ зеленаго плису съ *распорѣхою* на затылкѣ, а у паробковъ распорѣха на затылкѣ связывалась красною „бындою", концы которой для красоты опускались на шею; теперь такихъ шапокъ уже нигдѣ нѣтъ. Лѣтъ восемь назадъ я видалъ такую шапку на ярмаркѣ на крестьянинѣ изъ Галиціи. Лѣтомъ крестьяне крѣпостнаго времени носили капелюши собственнаго издѣлія изъ стеблей житней и пшеничной соломы, картузовъ же никогда не носили. Картузы составляли привилегію пановъ, священниковъ (съ уродливо широкими козырьками), однодворцевъ, именовавшихся шляхтою, и жидовъ. Теперь капелюши соломенные носятъ только старики крестьяне, всѣ же среднихъ лѣтъ мужчины и парубки носятъ лѣтомъ только картузы, зимою же шапки черныя, а кто побагаче, щеголяетъ въ сивыхъ шапкахъ.

Обувь въ старое время состояла изъ „постоловъ" для лѣта и сапогъ зимою; сапоги съ низко откоченными голенищами, на одной подошвѣ, безъ подметокъ, были съ круглыми носами, очень вмѣстительные. Зимою въ сапогъ вкладывалась устилка изъ мятой соломы, толщиною въ полъ дюйма, затѣмъ уже входила нога, обернутая онучкою суконною, имѣвшая аршинъ въ квадратѣ. Подборы на сапогахъ состояли изъ трехъ листковъ кожи. Теперь же крестьяне носятъ сапоги съ высокими голенищами охотничьими—бутылками, узенькими ради красоты, на двухъ подошвахъ съ высокими подборами до $1^1/_2$ вершка, съ

задниками, разукрашенными рисункомъ изъ маленькихъ мѣдныхъ гвоздей, лѣтомъ же носятъ и постолы, и ботинки, хотя послѣдніе рѣдки еще. Въ панщинное время за пошитье сапоговъ сапожникъ получалъ двадцать грошей—10 коп., а если заказывались сапоги до подковъ, то сапожникъ получалъ „пивъ золотого“ $7^1/_2$ коп., а кузнецъ за подковы получалъ три гроша ($1^1/_2$ коп. с.). Въ настоящее время сапожникъ получаетъ за пошитье сапоговъ новыхъ $2^1/_2$ рубля и за пошитье „прышитковъ“, головокъ, не менѣе $1^1/_2$ рубля. За сапожный товаръ закащикъ сапогъ платилъ отдѣльно разныя цѣны, смотря по достоинству кожъ. Готовые же новые сапоги въ ярмаркѣ продаются отъ $3^1/_2$ рублей до 6 руб.[1]) Такимъ образомъ вся одежда панщиннаго крестьянина состояла изъ рубашки и штановъ толстаго домашняго полотна, двухъ свитокъ: короткой куртки и длинной съ каптуромъ свитки, кожушка и кожуха, капелюша соломеннаго и шапки; обувь же изъ постоловъ и сапогъ. Одежда же нынѣшняго крестьянина разнообразна и состоитъ изъ вышитой узорами рубашки изъ своего домашняго холста и изъ покупного каленкора, штаны изъ домашняго толстаго холста, изъ различныхъ фабричныхъ бумажныхъ, прочныхъ издѣлій разныхъ цвѣтовъ, и теплые изъ домашняго, только не валеннаго, сукна сѣраго и краснаго цвѣтовъ. Верхняя одежда для лѣта состоитъ изъ лейбика, гвалта, изъ пиджака, сдѣланныхъ безъ подкладки изъ фабричныхъ бумажныхъ матерій; коротенькой суконной куртки, суконнаго пиджака; для зимы—лейбикъ изъ фабричной бумажной матеріи, теплый съ паклею, вмѣсто ваты, на подкладкѣ, свита домашняго сукна, на 1 вершокъ ниже колѣнъ; и бѣлые кожушки для работъ и кожухи длинные съ сывымъ воротникомъ съ красивою отдѣлкою изъ красной и зеленой кожи на верхней полѣ кожуха отъ шеи до ногъ и вдоль подола, равно и въ таліи. А крестьяне болѣе богатые носятъ кожухи той же формы, но крытые еще фабричнымъ сукномъ сѣраго и чернаго цвѣтовъ.

---

[1]) Въ крѣпостное время сапожники не умѣли дѣлать дѣтской обуви, потому что на нее и спроса не было. Дѣти и взрослые зимою по снѣгу перебѣгали черезъ улицу къ сосѣдямъ босые. Въ каждомъ домѣ было не болѣе двухъ-трехъ паръ сапоговъ на семью, состоящую изъ 6—8 человѣкъ.

Шапки у нынѣшнихъ крестьянъ различной формы изъ черныхъ и сывыхъ—подкрашенныхъ смушковъ—(шкуръ маленькихъ ягнатъ), лѣтомъ же картузы изъ чернаго, синяго или голубого сукна; соломенные капелюши выводятся изъ употребленія и замѣняются шляпами битой валенной шерсти и старыми шляпами городскихъ разныхъ фасоновъ. Обувь же лѣтомъ состоитъ изъ постоловъ, башмаковъ, ботинокъ, а зимою изъ сапогъ, съ длинными голенищами разной формы и неширокихъ въ копылѣ, съ высокими подборами, а также начинаютъ входить въ употребленіе валенки изъ битой—валеной бѣлой и черной шерсти. Вспомнилось еще, что мальчики и дѣвочки въ крѣпостное время почти до десяти лѣтъ ходили въ однихъ рубашкахъ: мальчики безъ штановъ, а дѣвочки безъ юпокъ, а теперь нѣтъ ни одного мальчика на селѣ, который бы, имѣя два года отъ роду, не щеголялъ на Велыкдень въ „крамныхъ" штанахъ, и нѣтъ дѣвочки тѣхъ же лѣтъ, которая бы не красовалась „червоною" юпкою и черевычками. При этомъ не лишнимъ нахожу сказать и о томъ, что въ селѣ Ярешкахъ и окружающихъ его селахъ къ сѣверу женщины никогда не носили обуви желтаго или краснаго сафьяну, обувь такихъ цвѣтовъ носятъ женщины болѣе южныхъ селъ сквирскаго уѣзда за мѣст. Ружиномъ и въ другихъ южныхъ уѣздахъ.

Въ одеждѣ женщинъ минувшаго и настоящаго времени также большая разница. Въ крѣпостное время женщины строго держались старинной простой одежды изъ тканей собственнаго домашняго издѣлія; теперь женщины сельскія охотно разстаются съ одеждою старинною и еще охотнѣе перенимаютъ новыя моды отъ мѣщанъ и всѣ верхнія одежды дѣлаютъ изъ покупныхъ фабричныхъ тканей. Вотъ одежда женщинъ стараго времени: рубашка домашняго холста съ отложнымъ воротникомъ, не вышитая узорами, съ пидтычкою (до пояса изъ тонкаго холста, ниже отъ пояса доточена грубымъ холстомъ); другая рубашка съ узенькимъ, вышитымъ узоромъ, воротникомъ и съ полыками—вышитыми узоромъ рукавами. „Спидныця"—юпка грубо домашняго бѣлаго холста и другая изъ домашняго же холста, но тканнаго въ двѣ полоски изъ бѣлыхъ и свѣтло синихъ нитокъ. Затѣмъ изъ шерстяной

матеріи въ полоскахъ разныхъ цвѣтовъ домашняго тканья и окраски дѣлались „литныкъ"—юпка, и запаска—фартухъ. Свитка бѣлаго сукна (мужчина никогда не носитъ свиты бѣлаго сукна, а всегда изъ чернаго) и кожухъ съ „видлогимъ", лежачимъ, воротникомъ, почти одинаковаго покроя съ мужескимъ кожухомъ. Головной уборъ. „Каптуръ"—„очипокъ" родъ коробки, изъ матеріи съ крупными желтыми и красными цвѣтами, каптуръ плотно прикрывалъ остриженную голову женщины и тщательно закрывался платкомъ или намиткою. Сверхъ „каптура" въ будніе дни надѣвалась „хустка"—платокъ изъ бѣлаго полотна домашняго тканья, съ узенькими, въ $^1/_8$ дюйма, каймами краснаго или синяго цвѣта; фабричныхъ платковъ въ ту пору не покупали. Сверхъ того же каптура въ воскресные и праздничные дни женщины надѣвали „намитку". Намитка дѣлалась изъ цѣльнаго куска марли, длиною въ 5 аршинъ, плотно обвязывала голову съ каптуромъ, цвѣты котораго просвѣчивались сквозь прозрачную ткань марли, обходила подъ подбородокъ и обратно къ затылку и оттуда спускалась двумя концами ниже колѣнъ и даже до пятъ. Жесткая обувь того времени состояла изъ простыхъ сапогъ. Вотъ и весь уборъ женщины: рубашка, спидныця, литныкъ, запаска, свитка, кожухъ, бѣлый платокъ и намитка. Лѣтомъ женщины и дѣти приходили въ церковь босые. Дѣвушки того времени носили тѣ же одежды; головы же убирали лѣтомъ (въ праздники) живыми цѣтами „повняка", „чернобривцивъ", „рожи"—мальвы и „шовковою травою"; на затылкѣ же къ косѣ пришпиливали до десяти и болѣе разноцвѣтныхъ бындъ—лентъ, спускавшихся до пятъ; зимою же въ тѣ же дни украшали голову, за неимѣніемъ живыхъ цвѣтовъ, покупными вѣнками искусственныхъ цвѣтовъ и тѣми же лентами. Въ будніе дни не носили ни лентъ, ни цвѣтовъ, а только „кисныки"—шнурочки изъ красныхъ шерстяныхъ нитокъ домашняго издѣлія, называемыхъ „торочками".

Одежда же женщинъ нынѣшняго времени много разнообразнѣе и богаче. Женскія рубашки всегда вышиты узорами. У иной женщины почти во всю длину рукава вышиты прекрасными узорами, узенькій воротничекъ и манькеты вышиты

узоромъ, соотвѣтственнымъ узору рукавовъ, хотя, нужно сказать, матеріалъ рубашки не стоитъ такой вышивки, потому что онъ—бумажный каленкоръ самаго дешеваго разбора; рубашки же изъ тонкаго холста домашняго издѣлія бываютъ у рѣдкой хозяйки, такъ какъ рѣдкая хозяйка умѣетъ прясть тонкую нитку; въ крѣпостное время для помѣщика и для себя пряли нитку на „двадцятку"—очень тонкое полотно. Юпокъ бѣлыхъ теперь нѣтъ, „литныки" и „запаски" можно видѣть на старухахъ, и то очень рѣдко. „Молодыци" и „дивчата" имѣютъ теперь не менѣе шести, а нѣкоторыя и сверхъ десяти юпокъ бумажныхъ и шерстяныхъ лѣтнихъ и теплыхъ изъ бумажной байки разнообразныхъ яркихъ цвѣтовъ. Каждая юпка внизу обложена каймою изъ дешеваго чорнаго плюша, а у нѣкоторыхъ и каймою изъ парчеваго посеребреннаго или позолоченнаго галуна. Затѣмъ теперь у каждой женщины есть кофта, которой не было вовсе въ панщинное время; кофты по преимуществу шьются изъ бумазеи темнаго рисунка, шьются также изъ чернаго шерстяного рипсу; кромѣ того, носятъ теперь курточки, пальто длинныя—кулемъ, какія раньше носила одна шляхта—однодворцы, изъ черной шерстяной матеріи, люстрина и рипсу на паклѣ вмѣсто ваты, съ подкладкою. Свита, бѣлая и чаще черная, и кожухъ на зиму также носятся женщинами, но кожухи женскіе нерѣдко бываютъ покрыты чорнымъ или синимъ сукномъ. Стариннаго головнаго убора—бѣлой намитки—теперь совсѣмъ не носятъ женщины, и если гдѣ въ какомъ селѣ увидятъ на женщинахъ намитки, то насмѣхаются надъ тѣми женщинами и надъ тѣмъ селомъ; да и въ селахъ, удаленныхъ отъ такихъ цивилизующихъ центровъ, какъ желѣзная дорога и сахарные заводы, женщины, и то стахрухи, надѣваютъ намитки, только идя въ церковь говѣть, и завѣщаютъ, чтобы въ „домовыну" не ложили ее въ „хустци", а убрали бы ее въ намитку. „Ніяково передъ Богомъ статы въ чырвони хустци". Теперь сверхъ „каптура", придающаго желанную форму головѣ, надѣваютъ только платки, рѣдко бумажные, обыкновенно же „терновые", чисто шерстяные, яркихъ цвѣтовъ, и шелковые, таковыхъ же цвѣтовъ. Такихъ платковъ у иной хозяйки набе-

рется до десятка и болѣе. Бѣлыхъ же холщевыхъ платковъ головныхъ теперь не только не носятъ женщины, но даже и не ткутъ ихъ.

Въ старину поясомъ служилъ часто „рушныкъ"—утиральникъ полотняный, кромѣ шерстяного пояса, сдѣланнаго руками изъ разноцвѣтной яркой шерсти, такъ что яркія полоски цвѣтныя идутъ длинными скрученными нитками по длинѣ пояса; теперь же, кромѣ этого шерстяного, своего издѣлія, пояса, носятъ еще и покупные шерстяные въ одинъ цвѣтъ—красный, или синій, или зеленый. Шею крестьяне въ старину ничѣмъ не повязывали, теперь же не увидите ни одного парубка, у котораго не была бы повязана шея шерстянымъ разноцвѣтнымъ шарфомъ не только зимою, но даже и въ жнива, среди самаго жаркаго лѣта.

Женщины же молодыя и дѣвушки, какъ въ старину, такъ и теперь, украшаютъ шею „кораллями"—коралловымъ ожерельемъ и „намыстами"—стекляными бусами, съ тою только разницею, что въ старину ожерелье было изъ крупныхъ коралловъ, а теперь болѣе въ ходу изъ такъ называемой коралловой сѣчки.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ИЗДАННЫХЪ НЕ ДЛЯ ПУБЛИКИ.

(„Pro domo sua. Кіевъ 1893 г.“ 8°, 122 стр.).

Если жизнь не только каждаго общественнаго дѣятеля, но и частнаго человѣка, разсказанная обстоятельно и правдиво, представляя собою то, что съ легкой руки Золя получило названіе „человѣческихъ документовъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ давая матеріалы для исторіи того общества, къ которому принадлежала личность,—можетъ заинтересовать любознательнаго читателя, то тѣмъ больше интереса можетъ представить жизнь семьи, захватывающая нѣсколько поколѣній, и тѣмъ болѣе матеріаловъ для исторіи данной мѣстности и общества она можетъ заключать въ себѣ. Еслибы наши дѣды и прадѣды оставили по себѣ болѣе или менѣе подробные разсказы о своей семейной жизни, еслибъ отъ прошлаго времени сохранилось побольше семейныхъ хроникъ, намъ было бы гораздо легче понять это прошлое и живѣе представить себѣ, какъ жили въ старину; эти хроники могли бы послужить драгоцѣннымъ матеріаломъ для бытовой исторіи края.

Эти мысли пришли намъ въ голову при чтеніи книжки, названіе которой мы выписали и которая, по содержанію своему, представляетъ собою семейную хронику одной малорусской фамиліи.

Хотя эта книга, напечатанная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и не поступавшая въ продажу, составлялась и издана не для публики, но, кромѣ свѣдѣній, имѣющихъ особый инте-

ресъ для лицъ, близкихъ упомянутой фамиліи, которымъ книга эта и предназначена, она заключаетъ въ себѣ немало общеинтересныхъ свѣдѣній, съ которыми мы и считаемъ нужнымъ познакомить читателей „Кіевской Старины", причемъ въ виду того, что они не могутъ пользоваться самою книгою, позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея пространныя извлеченія.

Эти свѣдѣнія заключаются главнымъ образомъ во второй части книги, въ воспоминаніяхъ М. И. Л. (род. 1788 † 1857 г.) къ сожалѣнію не оконченныхъ за смертью автора, прервавшею составленіе его записокъ. Занимая скромное общественное положеніе, авторъ жилъ и дѣйствовалъ въ предѣлахъ черниговской губерніи, къ которой преимущественно и относятся его воспоминанія. Писалъ онъ не для печати, будучи побужденъ къ этому просьбою одного изъ своихъ сыновей.

Не мудрствуя лукаво, авторъ, симпатичный характеръ котораго всего яснѣе рисуется изъ помѣщеннаго въ концѣ книжки завѣщанія, представляющаго по своей оригинальной формѣ и содержанію одинъ изъ рѣдкихъ документовъ этого рода когда-либо нами видѣнныхъ, просто и правдиво разсказываетъ о томъ, что ему было извѣстно по личнымъ впечатлѣніямъ или по разсказамъ другихъ лицъ; и прежде, чѣмъ начать излагать свои воспоминанія, считаетъ нужнымъ бросить легкій взглядъ на родной край, о которомъ такъ выражается: „страдалица по преданіямъ, но славная и благословенная Малая Россія". Опуская факты общеизвѣстные и не касаясь тѣхъ частей книги, которыя имѣютъ характеръ интимный или исключительно семейный, постараемся извлечь изъ нея побольше свѣдѣній, которыя могутъ быть интересны читателямъ историческаго журнала.

Такъ какъ разсказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ автора начинается съ м. Батурина, о которомъ мы недавно помѣстили статью въ „Кіевской Старинѣ [1])", то прежде всего, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, изложеннымъ нами въ этой статьѣ, приведемъ изъ названной книги свѣдѣнія о прежнемъ состояніи Батурина, какъ его рисуетъ авторъ.—„Батуринъ", говоритъ онъ, „красо-

[1]) 1894 г., № 9.

вался въ свое время гетманскими обширными дворцами, домами, садами, искусственными рыбными прудами, каменными мостами, оградами, оранжереями. Остатки еще и теперь существуютъ, или въ запустѣломъ видѣ, или въ развалинахъ, подъ названіемъ: 1) графскій садъ, гдѣ былъ жилой домъ Разумовскаго,—2) Кочубейскій дворецъ и садъ, здѣсь древнее каменное строеніе о 6-ти небольшихъ комнатахъ, занимаемыхъ экономическою канцеляріею. Въ этомъ домѣ по преданію жилъ, за гетмана Мазепы, генеральный судья Кочубей, пострадавшій невинно смертною казнью за доносъ на Мазепу, оправдавшійся впослѣдствіи измѣною сего послѣдняго.—3) Тепловскій каменный домъ обширный о 3-хъ этажахъ, съ флигелями, нѣкогда богато украшенный, но всегда впустѣ бывшій.—4) Апраксинскій домъ, вовсе разрушившійся; въ немъ жила племянница Разумовскаго графиня Апраксина, распоряжавшаяся во всемъ по дому Разумовскаго и имѣвшая большое вліяніе на самого его.—5) Названный издревле Мазепинскій замокъ возлѣ Батурина, на противоположной сторонѣ отъ р. Сейму, по дорогѣ къ Конотопу, влѣво; мѣсто сіе заключаетъ нѣсколько десятинъ земли, обрытой кругомъ глубокимъ землянымъ валомъ, въ правильномъ четвероугольникѣ, съ четырьмя по угламъ высокими бастіонами; внутри примѣтны остатки каменныхъ погребовъ. Въ теперешнее время здѣсь разнородная лѣсная заросль и фруктовыя деревья.—6) На правой сторонѣ сказанной Конотопской дороги, на песчаномъ грунтѣ, сосновая роща, насаженная отъ Разумовскаго, прямыми аллеями на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ, надъ рѣчкою Шелковицею, черезъ которую сдѣлана каменная плотина.—7) Лѣтъ слишкомъ за 40 передъ этимъ, видѣлъ я въ имѣніи Разумовскаго, за м. Бахмачемъ, близъ х. Поросючки, въ березовомъ лѣсу, деревянный домикъ весьма древній и ветхій. Его называли бывшею увеселительною дачею гетмана Мазепы, куда онъ ѣзжалъ изъ Батурина для прогулокъ. По преданію, въ этой Мазепинской дачѣ, гетманскомъ Бахмацкомъ замку, имѣла пребываніе несчастная дочь Кочубея, увезенная отъ родителей соблазнителемъ Мазепою; но ни мѣстность, ни

сказанный домикъ ничего замѣчательнаго или отличительнаго тогда не представляли".

Описавъ прежній Батуринъ, авторъ говоритъ о Разумовскихъ, память о которыхъ соединяется съ Батуриномъ, причемъ кромѣ того, что уже извѣстно изъ книги Васильчикова „Семейство Разумовскихъ", даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сынѣ гетмана Андреѣ Кир. Разумовскомъ и продажѣ имѣній его въ конотопскомъ уѣздѣ. Отличившись, какъ разсказываетъ авторъ, еще въ молодости тѣмъ, что, когда однажды петербургскій портной подалъ счетъ на 20 тыс. руб. и графъ Кириллъ Григорьевичъ, замѣтивъ сыну, что онъ слишкомъ много тратитъ на гардеробъ, велѣлъ показать свой, то Андрей Кирилл. отвѣтилъ отцу: „между нами есть разница, вы сынъ пастуха, а я сынъ фельдмаршала",—этотъ сынъ фельдмаршала и гетмана, какъ извѣстно, построилъ на свой счетъ въ Вѣнѣ великолѣпный мостъ черезъ рѣку, стоившій ему огромныхъ суммъ[1]); такъ вотъ для этого вѣнскаго дорогого сооруженія въ конотопскомъ уѣздѣ въ 1811—1813 годахъ производилась продажа значительной части обширныхъ имѣній Разумовскаго. По разсказу автора, при совершеніи въ повѣтовомъ судѣ купчихъ крѣпостей на эти продажи, покупщики щедро вносили въ доходъ судей и за труды канцелярскимъ положенную въ статутѣ „акциденцію"; спѣшно и охотно трудились всѣ и усердно желали продолженія, но изъ гетманской худобы на послѣднія лучшія поселенія—въ двухъ Самборахъ, Корибутовѣ и значительныя заведенія, фабрики и заводы въ Батуринѣ,—не нашлось покупщиковъ съ требовавшимися капиталами, почему они остались непроданными, къ сожалѣнію чиновъ повѣтоваго суда, пользовавшихся этимъ рѣдкимъ случаемъ. Однако многія деревни были куплены и очень выгодно, потому больше, что имѣнія Разумовскаго состояли въ залогѣ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе чего долгъ переводился на новыхъ владѣльцевъ и, слѣдовательно, покупщики

---

[1]) Упомянувъ объ этихъ деньгахъ, брошенныхъ Разумовскимъ на постройку моста въ Вѣнѣ, авторъ говоритъ: „замѣчательно, что Разумовскіе, обладавшіе недвижимыми имуществами весьма въ большихъ размѣрахъ, не оставили по себѣ никакихъ памятныхъ заведеній въ Русскомъ царствѣ".

доплачивали наличными деньгами только нѣкоторую часть цѣны купленнаго имѣнія. Такимъ образомъ нѣкоторые мелкопомѣстные дворяне кролевецкаго уѣзда, подъ названіемъ „Коропчанъ", наживъ капиталецъ мелочными, но прибыльными винокуренными заводами, сдѣлались впослѣдствіи отъ покупки имѣній Разумовскаго помѣщиками въ конотопскомъ уѣздѣ. Въ числѣ пріобрѣтшихъ населенныя имѣнія изъ маетностей княжескихъ были: Тарнавскій—въ с. Кошарахъ и д. Юрьевкѣ, Кромида—въ д. Рубанкѣ, Чернявскій—въ м. Бахмачѣ и д. Поросючкѣ, Кулябка—въ с. Подлипномъ, Острянскій—въ с. Поповкѣ и х. Сарановкѣ, Лихошерстовъ—въ с. Митченкахъ, Соломки—въ с. Красномъ, Грановскій—въ с. Гутахъ, Заики—въ с. Голенкѣ, Костырка—въ х. Маріенталь, Езучевскій—въ с. Старой и хут. Степномъ и Песочномъ. Даже нѣкоторые изъ крестьянъ Разумовскаго, бывшіе приказчиками, управителями, наживши деньги и будучи отпущены на волю, пріобрѣли изъ его имѣній значительныя осѣдлости и сдѣлались богатыми мѣщанами, купцами, а другіе—и личными дворянами черезъ полученные разными изворотами гражданіе чины. Такъ вышли въ новыя званія: Новохацкіе, Бодилевскіе, Очатенки, Бойковы, Потураевы, Заводки и др. Словомъ, продажа Разумовщины осчастливила многихъ. Авторъ удивляется, что коренные конотопскіе помѣщики, какъ Кандибы, Скоропадскіе, Гамалѣи, Костенецкіе и другіе, ничего не пріобрѣли изъ имѣній Разумовского, и говоритъ, что въ объясненіе причины, дѣлавшей помѣщиковъ равнодушными къ случайному пріобрѣтенію смежныхъ имуществъ, едва-ли не можно указать на малороссійское невниманіе къ извлеченію доходовъ изъ своихъ помѣстій, ставившее старинныхъ пановъ въ невозможность имѣть въ запасѣ копѣйку, или—на прямое пренебреженіе къ расширенію „дѣдизныхъ" своихъ вотчинъ.

Послѣ описанной продажи значительной части своихъ имѣній Андрей К. Разумовскій въ 1819 году пріѣзжалъ изъ Вѣны въ Батуринъ вмѣстѣ съ молодой супругой, принцессой Австрійскаго дома, и осматривалъ свои деревни въ предположеніи передать въ собственность супругѣ лучшія изъ оставшихся непроданными имѣнія и фабрики, причемъ, желая озна-

комить свою жену съ малоросіянами, давалъ для сосѣднихъ дворянъ и чиновниковъ званный обѣдъ, на который и авторъ былъ приглашенъ. При всей своей старости Разумовскій казался еще бодрымъ и красивымъ и имѣлъ привлекательное обращеніе; онъ угощалъ гостей добрымъ и рѣдкимъ въ Малороссіи заграничнымъ виномъ, любопытствовалъ о доходахъ съ имѣній малороссійскихъ и другихъ предметахъ, касавшихся этого края. Остававшееся негласнымъ намѣреніе передать имѣнія въ собственность жены, вслѣдствіе-ли казеннаго долга[1]) или по другимъ причинамъ, не осуществилось, а въ 1836 году вдова Разумовскаго отказалась отъ обремененныхъ долгомъ мужниныхъ имѣній, которыя затѣмъ поступили въ опекунское управленіе и были предназначены къ публичной продажѣ, но въ виду того, что объявленная покупщиками цѣна не покрывала увеличившагося долга, обращены въ 1855 году въ число государственныхъ имуществъ, и названіе гетманщины, Разумовщины—изгладилось.

Покончивъ на Разумовскихъ съ гетманщиною, авторъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о малороссійскихъ генералъ-губернаторахъ, изъ которыхъ памятнѣе другихъ былъ графъ Румянцевъ-Задунайскій. По отзыву автора, этотъ полководецъ-вельможа, имѣя благодѣтельное попеченіе объ ввѣренномъ ему краѣ, старался измѣнить существовавшіе изстари и вводить новые порядки, совмѣстные съ духомъ русскаго правительства, и искоренять вкравшіяся злоупотребленія.

Бывая въ малороссійской коллегіи и замѣтивъ, что канцелярскіе чиновники ходили по городу въ нетрезвомъ видѣ, Румянцевъ далъ коллегіи предписаніе о воздержаніи отъ предосудительныхъ поступковъ. Чиновники обидѣлись этимъ, и одинъ изъ нихъ, шедши въ коллегію и увидѣвъ ѣхавшаго туда-же Румянцева, поспѣшно подошелъ къ корпусу коллегіи и у подъѣзда обхватилъ обѣими руками одну изъ колоннъ; на вопросъ замѣтившаго это Румянцева, онъ смѣло и рѣзко, какъ бы въ упрекъ графу, отвѣтилъ: „воздерживаюсь, ваше сіятельство, отъ

---

[1]) Изъ государственнаго казначейства Разумовскому было выдано 450 тыс. руб. сер. въ видѣ займа, но съ тѣмъ, чтобы по жизнь его не требовать ни процентовъ, ни капитала.

пьянства". Упомянувъ о канцелярскихъ чиновникахъ коллегіи, авторъ говоритъ, что они издревле выказывали свою удаль, и въ подтвержденіе этого разсказываетъ такой случай: когда въ царствованіе Анны Іоанновны [1]) армейскій пѣхотный полкъ церемоніально переходилъ черезъ полковой городъ Нѣжинъ и ему не было сдѣлано никакой встрѣчи со стороны мѣстнаго начальства, то по жалобѣ обидѣвшагося такимъ невниманіемъ полкового командира, въ малороссійскую коллегію было прислано съ курьеромъ повелѣніе о присылкѣ объясненія, причемъ въ этомъ повелѣніи были помѣщены по адресу членовъ коллегіи такія выраженія: „какъ вы можете о сю пору жить на свѣтѣ, когда у васъ такія безчинія дѣлаются"? Президентъ коллегіи, получивъ это грозное велѣніе и поспѣшая исполнить его, приказалъ написать Нѣжинскому полковнику указъ съ требованіемъ донесенія о томъ, какъ и почему допущенъ такой случай, и *попенять его.* Секретарь поручилъ это повытчику Соболевскому, а этотъ послѣдній, принявъ приказаніе и понимая выраженіе „попенять" по своему, включилъ въ указъ бранныя площадныя слова до с. с—на. При чрезвычайной поспѣшности, указъ подписали и отправили, не читавши. Полковникъ, исполнивши предписанное, обратилъ указъ къ президенту, спрашивая съ удивленіемъ о сказанныхъ бранныхъ словахъ. Президентъ, увидѣвъ это, вспылилъ и приказалъ позвать писавшаго и, по существовавшему порядку, посадить на пушку. Соболевскій, представъ предъ президента со страхомъ и принимая притворно взысканіе будто бы за то, что онъ мало написалъ бранныхъ словъ, убѣдительно просилъ простить его, поставляя въ извиненіе, что какія могъ вспомнить бранныя слова, всѣ помѣстилъ въ указъ, а другихъ не зналъ. Выслушавъ это изворотливое оправданіе, президентъ разсмѣялся, простилъ Соболевскаго и освободилъ его отъ пушки.

Канцеляріею Румянцева управлялъ секретарь Дубовикъ, который, пользуясь довѣріемъ вельможи, между другими неблаго-

---

[1]) Въ царствованіе Анны Іоанновны коллегіи, какъ извѣстно, не существовало; быть можетъ, здѣсь слѣдуетъ разумѣть генер. канцелярію или же время Екатерины Второй. Н. Ш.

видными изъ корыстныхъ видовъ дѣйствіями имѣлъ спекуляцію такого рода: кто изъ малороссійскихъ козаковъ могъ внести ему сто серебряныхъ цѣлковыхъ, тому давалъ онъ (разумѣется за подписью Румянцева) патентъ на чинъ корнета [1]). Хотя деньги были тогда дороги и трудно было собрать простому козаку такую сумму отъ землепашества, но нѣкоторые изъ козачества не упускали благопріятнаго случая получить внѣ службы оберъ-офицерскій чинъ. Въ числѣ ихъ козакъ сотеннаго с. Поповки, въ конотопскомъ уѣздѣ, по прозванію Забіяка, собравъ сто рублей, отправился къ Дубовику въ д. Вишеньки [2]) и, вручивъ благодѣтелю-секретарю положенную дань, имѣлъ счастье быть обнадеженнымъ въ полученіи желаемаго. Но для нѣкоторыхъ видовъ Забіякѣ нужно было представиться Румянцеву, или, лучше сказать, быть въ извѣстное время въ пріемной графа, куда онъ утромъ другого дня и явился съ прочими просителями, какъ соискатель чина за вѣрную службу, заключавшуюся въ многозаботливыхъ трудахъ по земледѣлію; и когда графъ въ отсутствіи Дубовика, по дошедшей очереди, спросилъ Забіяку о его надобности, онъ, не обинуясь, заявилъ требованіе о томъ, чтобы ему былъ данъ чинъ корнета. Разсердившись на это требованіе, Румянцевъ сказалъ ему: „поди вонъ, с--нъ сынъ“! Забіяка удалился изъ фельдмаршалскихъ палатъ, но на переходѣ многосложныхъ лѣстницъ раздумалъ и, возвратившись къ графу, еще не ушедшему изъ пріемной, рѣшилъ сдѣлать слѣдующій вопросъ: „ваше сіятельство, въ какомъ классѣ с—нъ сынъ“? Этотъ повидимому дерзкій вопросъ разсмѣшилъ Румянцева, и онъ пожаловалъ Забіяку въ корнеты.

Къ преданіямъ Румянцевскаго генералъ-губернаторства относится еще слѣдующее: жители м. Смѣлаго, въ роменскомъ уѣздѣ, изстари были извѣстны своею буйной жизнью и своевольными проступками; заботясь объ искорененіи этого зла

---

[1]) Румянцеву предоставлена была власть производить въ малороссійскихъ козачьихъ полкахъ въ оберъ-офицерскіе чины; потомки Румянцевскихъ корнетовъ есть еще и теперь и носятъ званіе дворянъ.

[2]) Мѣстопребываніе, главная квартира и вотчина Румянцева, въ кролевецкомъ уѣздѣ.

чрезъ мѣстныхъ сотниковъ, которые по недобросовѣстности своей потворствовали смѣлянамъ, Румянцевъ напослѣдокъ назначилъ сотникомъ въ Смѣлое самаго благонадежнаго чиновника изъ своего штата, но этотъ послѣдовалъ примѣру своихъ предмѣстниковъ, и, когда графъ, вызвавъ его къ себѣ, сказалъ: „какъ же и ты, на котораго я столько надѣялся, сдѣлался бездѣльникомъ?" то онъ отвѣтилъ: „ваше сіятельство, тамъ такая земелька, что хоть святыхъ посѣй, то чорты уродятся". Фактически извѣстно, что въ Смѣломъ, а еще болѣе въ хуторахъ Смѣлянскихъ, существовали притоны для бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ. Тамъ долгое время передерживался и укрывался страшный въ Малороссіи (въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія) разбойникъ Гаркуша, по преданію уроженецъ с. Алтыновки, кролевецкаго уѣзда, а по собственному его показанію (ложному) быдто-бы вывезенный въ малолѣтствѣ изъ Польши въ Черноморію и тамъ взросшій. Онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ производилъ въ Малороссіи разбойническіе грабежи. Изъ нихъ авторъ помнитъ такой случай, разсказанный при допросѣ самимъ Гаркушею: лѣтомъ 1787 г., сдѣлавъ нападеніе на домъ городничаго Базилевича въ Конотопѣ, Гаркуша перевязалъ кухонную прислугу и двухъ инвалидныхъ солдатъ, которые, исполняя обязанности часовыхъ у крыльца, заснули, и отнялъ у Базилевича богатую движимость, причемъ велѣлъ хлопцу (такому же разбойнику, какъ и самъ) шморгнуть (ударить) нѣсколько разъ нагайкою жену городничаго за то, чтобы по средамъ и пятницамъ скоромнаго не ѣла [1]), а затѣмъ отправился по Глуховской дорогѣ. По сдѣлавшейся немедленно тревогѣ конотопскіе жители погнались за разбойниками и настигли ихъ верстахъ въ 10-ти отъ Конотопа въ лѣсныхъ мѣстахъ; но здѣсь Гаркуша и товарищи его скрылись въ болотѣ, въ камышахъ. Только одного изъ нихъ догналъ конотопскій козак Зимовецъ

---

[1]) По разсказу автора, эта городничиха отличалась такою дородностью и красотою, что когда она была въ Москвѣ и показывалась тамъ въ малороссійскомъ костюмѣ, то москвичи засматривались на нее, какъ на чудо. Послѣ того, какъ Базилевичъ съ испуга, вызваннаго нападеніемъ Гаркушки, заболѣлъ и вскорѣ умеръ, она вторично вышла замужъ за Парпуру и была извѣстна своимъ богатствомъ.

и, не могши взять его, рѣшился застрѣлить; сомнѣваясь однакожъ по народному повѣрью въ томъ, чтобы пуля могла убить разбойника (ибо они, какъ кудесники, могутъ заговаривать обыкновенныя пули), зарядилъ ружье серебрянною пуговицею, которую тутъ-же священникъ Бялопольскій далъ отъ своей рясы, и этимъ зарядомъ убилъ разбойника, за что, по приговору суда, понесъ церковное покаяніе. О поимкѣ Гаркуши были сдѣланы повсемѣстныя распоряженія, но земскія и городскія полиціи, при всемъ стараніи, долго не могли поймать его; наконецъ, по указанію одной Роменской торговки-булочницы, онъ былъ схваченъ въ Ромнѣ, наказанъ кнутомъ въ нѣскольких мѣстахъ, въ которыхъ производилъ разбои, и сосланъ въ каторжныя работы. Интересно, что, давая при допросахъ показанія о своихъ многосложныхъ, долголѣтнихъ злодѣяніяхъ, онъ опредѣлялъ время совершенія ихъ по мясоѣдамъ, постамъ, праздникамъ и т. п.; такъ напримѣръ говорилъ: въ „недѣлю“ былъ тамъ-то, въ понедѣльникъ и вторникъ ѣхалъ туда-то, въ среду производилъ разбои въ такомъ то мѣстѣ и т. д.

Изъ преемниковъ Румянцева авторъ говоритъ о Куракинѣ, Лобановѣ-Ростовскомъ и Репнинѣ. При Куракинѣ была открыта вторая малороссійская губернія въ Полтавѣ и сооружены въ этомъ городѣ значительныя строенія, а также монументъ Петру Великому. По отзыву автора, князь Куракинъ благодѣтельно дѣйствовалъ въ видахъ полезныхъ учрежденій въ малороссійскихъ губерніяхъ и между прочимъ заботился объ улучшеніи г. Ромна, а въ особенности существовавшей въ немъ Ильинской ярмарки. Цѣня его благотворительно-полезныя дѣйствія, дворяне черниговской губерніи поднесли ему, чрезъ губернскаго маршала Н. М. Стороженка, золотую вазу. Свидѣтельствуя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ свою признательность и благодарность дворянамъ, Куракинъ въ письмѣ къ Стороженку отъ 4 февраля 1809 г. изъявилъ желаніе воспитывать на своемъ иждивеніи 20 дѣтей недостаточныхъ дворянъ въ домѣ воспитанія бѣдныхъ, по избранію и назначенію дворянства черниговской губерніи, причемъ прибавилъ, что „благосклоннымъ принятіемъ сего усерднаго пожертвованія дворянство вновь удо-

стовѣритъ его въ благорасположеніи къ нему". Въ бытность Куракина въ Конотопѣ произошелъ такой курьезный случай, характеризующій нравы того времени: замѣтивъ на площади между конотопскими зрителями пригожую дѣвицу, опрятно одѣтую въ малороссійскомъ вкусѣ, и узнавъ, что она дочь соборнаго діакона („и нынѣ въ живыхъ сущая"—прибавляетъ авторъ), Куракинъ пожелалъ дать ей десятирублевку на ленты; діаконовна была въ восторгѣ отъ этого, но злые языки распустили изъ-за этого слухъ, обидный для честной дѣвушки.

Лобановъ-Ростовскій, дѣйствуя къ повсемѣстному неослабному исполненію правительственныхъ распоряженій, отличался такой чрезвычайной строгостью, какую могли проявлять только всевластные вельможи того времени. Напримѣръ, по одному случаю, вовсе не заключавшему въ себѣ важнаго преступленія, онъ велѣлъ истребить огнемъ цѣлое село. Поводомъ къ этому было донесеніе Роменскаго комисара о томъ, что жители м. Смѣлаго уклоняются отъ исполненія новаго постановленія, воспрещавшаго оптовую продажу горячаго вина на скатной площади внѣ ярмарочнаго времени. Получивши этотъ рапортъ, Лобановъ въ пылу горячности написалъ Роменскому комисару бумагу, въ которой идетъ рѣчь о сожженіи всего мѣстечка при неисполненіи жителями его упомянутаго требованія, хотя изъ этихъ жителей едва десятая часть могла быть виновата, да и она не подлежала лишенію жилищъ и имуществъ чрезъ нарочитое сожженіе [1]). Будучи вспыльчивымъ, Лобановъ съ подчиненными чиновниками обращался рѣзко и бранилъ ихъ самыми грубыми словами. За однимъ изъ нихъ гонялсь по комнатѣ вокругъ стола, онъ въ догонку давалъ ему удары собственнымъ нижнимъ платьемъ, которое тутъ же схватилъ; а въ Конотопѣ, высказывая чиновникамъ свое неудовольствіе по поводу разныхъ непорядковъ, онъ обратился къ стряпчему съ такимъ вопросомъ: „а ты чего смотришь, поросенокъ?", что дало поводъ этому стряпчему, по отъѣздѣ Лобанова сказать: „свинья

---

[1]) Относящійся къ этому случаю ордеръ Лобонова-Ростовскаго напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ" 1895 г. № 3, стр: 97.

поѣхала, а поросенокъ остался". Ходили слухи, что, получивъ присланную изъ столицы записку о его неблаговидныхъ, дѣйствіяхъ, Лобановъ самъ на этой же запискѣ прибавилъ, что сверхъ того дѣлаю то и то, и возвратилъ ее. Отличаясь строгостью въ отношеніи кь подчиненнымъ, Лобановъ по отношенію къ наступавшему въ 1812 году непріятелю придумалъ такую мѣру: когда Наполеоновскими полчищами были заняты губерніи, смежныя съ черниговскою, и распространились опасенія, что и малорусскій край подвергнется такому же бѣдствію, то Лобановъ въ предупрежденіе ожидаемаго общаго несчастія, предписалъ городскимъ полиціямъ, чтобы всѣ города черниговской губерніи были вокругъ своего населенія обойдены и заораны плугами, воображая, что эта мѣра можетъ остановить нашествіе непріятеля. Въ заключеніе авторъ приводитъ любопытный образчикъ оффиціальныхъ сношеній Лобанова, выписывая его подлинныя выраженія изъ бумаги, которая была послана маршалу суражскаго повѣта по дѣлу дѣвицы Покорской-Журавко, о ненадлежащемъ учрежденіи опеки надъ ея имѣніемъ, слѣдующаго содержанія: „На запросъ мой я чаялъ видѣть признаніе ваше въ ошибкѣ, нежели подобно навращенный оборотъ къ оправданію просьба. Просители тѣмъ болѣе даютъ поводъ мыслить о вашемъ пристрастіи, поелику въ толико неосновательномъ требованіи оставалось вамъ образумить ихъ и сократить насильственное употребленіе артикуловъ изъ статута; я рѣшилъ ожидать, что вы, руководствуясь духомъ истины, признаете неосторожность и прегрѣшеніе свое, цѣль же равномѣрнаго повторенія вашего къ оправданію будетъ мнѣ невольный способъ предать поступокъ сей разбору уголовнаго суда".

Князь Репнинъ въ званіи военнаго губернатора управлялъ малороссійскими губерніями гораздо долѣе своихъ предмѣстниковъ и преемниковъ. Въ первые годы своего управленія Репнинъ въ дѣйствіяхъ своихъ выказывалъ жестокость и самовластіе, что во многихъ случаяхъ объясняли вліяніемъ правителя княжеской канцеляріи Новикова, человѣка весьма неблагонамѣреннаго, чрезъ котораго могли достигать важныхъ должностей люди, недостойные того, а нѣкоторые получали ордена безъ

всякихъ заслугъ, лишь потому, что имѣли женъ красавицъ. Поступки этого правителя готовили ему заслуженную кару; но смерть его освободила отъ нея. Впослѣдствіи, когда Новикова не стало, когда Репнинъ ближе узналъ Малороссію и самъ сдѣлался мѣстнымъ помѣщикомъ, по имѣніямъ супруги своей изъ фамиліи Разумовскихъ, тогда управленіе его высказалось благодѣтельнымъ; онъ входилъ въ положеніе края, защищалъ его предъ высшими властями и ходатайствовалъ за него.

При производствѣ въ сенатѣ дѣла по отзыву министра финансовъ отъ 15 мая 1821 г. о земляхъ малороссійскихъ козаковъ, Репнинъ представлялъ сенату исторически изложенные доводы о правахъ малороссійскихъ козаковъ и въ тоже время писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, убѣждая его „принять во уваженіе и то вліяніе, которое измѣненіе правъ, существующихъ нѣсколько вѣковъ, можетъ сдѣлать на народъ малообразованный, воинственный и сильно привязанный къ своей собственности". Этотъ отзывъ къ Кочубею Репнинъ оканчивалъ слѣдующими словами: „я не скрою, что молва о семъ запрещеніи уже возродила глупые толки между козаками, конечно, въ сильномъ государствѣ, каково наше, съ приверженностью къ вѣрѣ и царю, всякія послѣдствія могутъ быть отвращены, но пріятно ли сердцу государя употреблять силу и укрощеніе противъ его подданныхъ? Тяжко для меня столь часто возражать мужамъ, призваннымъ Государемъ быть у кормила государственнаго управленія [1]), но измѣнилъ бы я вѣрности Государю, чести имени моего и долгу службы, еслибъ не огласилъ смѣло то, что почиталъ правдой".

Старательно занимаясь дѣлами по управленію малороссійскими губерніями, Репнинъ велъ обширную переписку съ губернскими и повѣтовыми судебными и административными мѣстами и въ тѣхъ случаяхъ, когда видѣлъ нарушеніе порядковъ или поползновеніе къ недобросовѣстнымъ дѣйствіямъ, исправлялъ неправильное, причемъ иногда писалъ чиновникамъ повѣтовыхъ мѣстъ довольно щекотливыя бумаги. Авторъ даетъ нѣкоторые

---

[1]) Намекъ на министра Гурьева.

образчики такихъ бумагъ. Переяславскаму маршалу, по поводу обмѣренія городской дистанціи, Репнинъ писалъ: „Не подлежало бы мнѣ вразумѣвать васъ, но, уважая званіе ваше, а съ другой стороны опасаясь, чтобы за рѣшеніемъ уголовнаго суда не довелось бы вамъ встрѣтить и внѣ городской дистанціи непріятность важнѣе той, коею нынѣ оскорбляетесь, рѣшился напомнить вамъ поступокъ вашъ слѣдующими замѣчаніями: ваше высокоблагородіе обязаны вѣдать и имѣть объявляемые отъ губернскаго правленія указы; слѣдовательно, что не прочли вы тотъ, коимъ двуверстное обмѣреніе объявляется—есть ваше собственная вина; во вторыхъ, донесу вамъ, что вы сказали въ бумагѣ своей, будто не вѣдаете, почему чинится обмѣръ, не уваживъ, что въ семъ случаѣ никакой судья не затруднится обрѣсть ложный поступокъ и прописать, что о томъ въ законѣ касательно дворянъ сказано; въ третьихъ, сказать вамъ имѣю, что въ 36-ти городахъ, подъ вѣдѣніемъ моимъ по высочайшей волѣ состоящихъ, вы одни, который поняли дѣло хуже всѣхъ и не удержались написать бумагу, коя ничто иное есть, какъ безчинія образецъ. Маршалу—ль отличаться онымъ? И мнѣ ли въ томъ случаѣ останавливаться безъ дѣйствія. Предоставляю соображенію вашему и одолжаюсь убѣждать васъ—удалиться отъ должности; въ противномъ случаѣ вынужденъ буду предать то уголовному суду, чего не желаю я по снисхожденію моему къ вамъ самимъ и по уваженію къ избравшимъ васъ; малѣйшее упорство почту новымъ нарушеніемъ довѣренности, вамъ сдѣланной, и поспѣшу исполнить долгъ свой“.—Другому маршалу—конотопскаго повѣта, по дѣлу двухъ братьевъ дворянъ Прасоловъ, о поведеніи которыхъ предписано было произвестъ повальный обыскъ по поводу разныхъ жалобъ и доносовъ, Репнинъ писалъ: „Маршалъ, чувствующій важность своего званья, долженъ быть первый помощникъ главному въ губерніи начальнику; онъ облегчаетъ труды его, говоря ему во всемъ правду, открывая злоупотребленія, безпорядки, развратные поступки и т. п. безъ всякаго лицепріятія и боязни; скрывая же что-нибудь, онъ не только не исполняетъ долга своего, но и измѣняетъ Богу и государю. Обращаюсь теперь къ г.г. дворянамъ, отказавшимся

подписать повальный обыскъ, который вы дѣлали о Прасолахъ; поступокъ ихъ и вашъ требуютъ строгаго со стороны моей посужденія и принуждаютъ меня не послѣдовать на нѣкоторое время тѣмъ правиламъ, которыя я наблюдаю во всѣхъ отношеніяхъ къ почтенному малороссійскому дворянству прочихъ повѣтовъ".

Помѣщикъ конотопскаго уѣзда извѣстный генералъ XII-го года Костенецкій, имѣя многія тяжебныя дѣла, тяготилъ разныхъ лицъ своими неправильными притязаніями на сосѣднія земли, по поводу чего и автору воспоминаній пришлось просить у Репнина, черезъ своего повѣтового маршала Демчинскаго, защиты отъ разорительныхъ дѣйствій Костенецкаго. Репнинъ, внимательно выслушавъ личную жалобу автора, потребовалъ отъ него докладную записку, а Демчинскому сказалъ: „а вы вотъ что сдѣлайте—при предстоящихъ выборахь, когда генералъ явится въ собраніе, не допустите его участвовать и постановите о семъ опредѣленіе съ дворянствомъ; вѣдь не важно не допустить какого-нибудь простого дворянина,—нѣтъ, вы не допустите генерала, какъ неблагонамѣреннаго и неспокойнаго въ общежитіи человѣка, а я поддержу васъ!"—Однако, хотя Костенецкій и былъ въ Черниговѣ во время выборовъ, но въ собраніе дворянъ не явился.

При Репнинѣ же, во время дворянскихъ выборовъ 1829 года въ Черниговѣ, случилось такое происшествіе: въ послѣдній день занятій дворяне, торопясь окончить свои дѣла, не разъѣзжались для обѣда изъ дома собранія и закусывали въ особыхъ комнатахъ, а въ губернской залѣ оставались дворяне городницкаго повѣта. Въ это время къ маршалу этого повѣта Тризнѣ пришелъ братъ его, чиновникъ губернскаго правленія, одѣтый непарадно, почему часовой воспретилъ ему входъ, что подтвердилъ и церемоніймейстеръ Глѣбовъ. За это чиновникъ и братъ его маршалъ обидѣлись на церемоніймейстера, поднялся шумъ; сошлись въ залу дворяне другихъ повѣтовъ и, претендуя на церемоніймейстера за обидное для дворянина непозволеніе, рѣшились выгнать его самого изъ залы, закричавъ: „вонъ его, вонъ!".—вслѣдствіе чего церемоніймейстеръ долженъ былъ

удалиться. По донесеніи объ этомъ Репнину, который тогда находился въ Черниговѣ, онъ распорядился арестовать маршаловъ тѣхъ повѣтовъ, которыхъ дворяне принимали участіе въ происшествіи. По докладѣ Государю донесенія объ этомъ Репнина, послѣдовало къ нему высочайшее повелѣніе: созвать въ Черниговѣ повѣтовыхъ маршаловъ и сдѣлать въ присутствіи всѣхъ внушеніе тѣмъ, вѣдомства которыхъ дворяне оказались виновными въ описанномъ поступкѣ, чтобъ они смотрѣли за молодыми дворянами; а Бенкендорфъ особо писалъ Репнину, что хотя эти маршалы и другіе дворяне заслуживали примѣрнаго посужденія, но какъ князь поспѣшилъ предварительно о взысканіи наложеніемъ на нихъ домашняго ареста (чѣмъ Государь остался недоволенъ), то и ограничиться повелѣннымъ внушеніемъ. Кажется, этотъ случай, говоритъ авторъ, далъ поводъ къ состоявшемуся впослѣдствіи новому постановленію о порядкѣ дворянскихъ выборовъ, по которому личное участіе въ выборахъ стали принимать только владѣющіе не менѣе, чѣмъ стали душами крестьянъ, мелкопомѣстные же участвуютъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ.

Послѣ изложенныхъ свѣдѣній о малороссійскихъ губернаторахъ авторъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о черниговскихъ гражданскихъ губернаторахъ. Изъ нихъ баронъ Ив. Вас. Френсдорфъ былъ памятенъ своею трагическою кончиною. Въ 1812 или 1813 году, возвратившись ночью изъ Глухова, онъ утромъ слѣдующаго дня скончался, получивъ 18 сабельныхъ ударовъ отъ неизвѣстнаго убійцы. Происшествіе это совершилось среди губернскаго города, днемъ, въ виду часовыхъ губернаторской квартиры, но убійца не былъ открытъ. Подозрѣніе пало на дворянина конотопскаго уѣзда С. О. Купчинскаго. Генералъ-губернаторъ Лобановъ, поспѣшившій по поводу этого событія въ Черниговъ, самъ производилъ слѣдствіе и строго допрашивалъ Купчинскаго, который, утверждая свою невиновность, объяснялъ, что, имѣя надобность получить подорожную, онъ шелъ тогда къ губернатору, но не успѣлъ еще войти во дворъ, какъ на улицѣ, у калитки, его схватили. Купчинскій въ тюрьмѣ и умеръ, прежде окончанія дѣла объ этомъ убійствѣ. Френсдорфъ былъ безсе-

мейный, но у него жила какая то племянница—нѣмка и учитель полякъ. Оба они, по смерти губернатора, уѣхали изъ Чернигова вмѣстѣ и дали поводъ къ подозрѣнію въ совершеніи тяжкаго преступленія изъ корыстныхъ или любовныхъ видовъ. Надо добавить, что на другой или третій день послѣ описаннаго происшествія часовой солдатъ повѣсился, а вслѣдъ затѣмъ губернаторскій кучеръ утопился.

Губернаторъ, впослѣдствіи сенаторъ, Фроловъ-Багрѣевъ постоянно, каждый годъ ревизовалъ, и весьма строго, повѣтовыя присутственныя мѣста; но въ послѣднее время своего губернаторства, женившись на дочери Сперанскаго, онъ большею частію жилъ въ Петербургѣ. Однажды, проѣзжая съ молодою женою изъ своего имѣнія въ полтавской губерніи въ Петербургъ черезъ Конотопъ, онъ при перемѣнѣ лошадей не выходилъ изъ кареты. Въ это время Конотопскій купецъ Нефедьевъ подалъ ему жалобу на городничаго, о которомъ и прежде этого губернаторъ имѣлъ невыгодное представленіе. Разсердившись на городничаго, тутъ же бывшаго, Фроловъ-Багрѣевъ, по обыкновенію, хотѣлъ было громко кричать, но, вспомнилъ, что сидящая рядомъ съ нимъ жена его спитъ въ каретѣ, чтобъ не разбудить ее, сталъ шопотомъ и жестами дѣлать внушеніе городничему, послѣ чего видѣвшіе это конотопцы долго вспоминали смѣшное затрудненіе губернатора.

Вступившій на мѣсто Фролова-Багрѣева Шереметьевъ, впослѣдствіи министръ, очень не любилъ неисправныхъ по службѣ чиновниковъ, а въ особенности такихъ, которые дѣйствовали съ корыстными видами, и строго преслѣдовалъ ихъ. По его распоряженіямъ, нѣкоторые изъ чиновниковъ были отданы подъ судъ, но почти всѣ оправданы съ выѣздомъ Шереметева въ Петербургъ. Онъ два раза ревизовалъ присутственныя мѣста черниговской губерніи, причемъ обращалъ большое вниманіе на принятые въ нихъ порядки и правильность производства дѣлъ. Авторъ разсказываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ ревизіи конотопскихъ присутственныхъ мѣстъ. Наиболѣе характерные изъ нихъ слѣдующіе: будучи предваренъ съ невыгодной стороны относительно дѣйствій предводителя П. П. Скоропадскаго по опекѣ

надъ имѣніемъ князя Разумовскаго, Шереметевъ, когда по пріѣздѣ его въ Конотопъ предводитель прежде всѣхъ явился къ нему на квартиру, не принялъ его и заставилъ ожидать въ передней до прибытія другихъ чиновниковъ, чего прежде никогда не бывало; затѣмъ, ревизуя дѣла дворянской опеки, онъ потребовалъ дѣло объ имѣніи Разумовскаго и приказалъ найти послѣдній отчетъ опекуновъ. Письмоводитель предводителя, перелистывая дѣло, второпяхъ не находилъ требуемаго отчета, почему губернаторъ, потерявъ терпѣніе, закричалъ на письмоводителя: „тебѣ отчетъ этотъ долженъ быть весьма примѣтенъ и ты не отыщешь его!" и схвативши у него дѣло, самъ началъ искать, спрашивая предводителя: „гдѣ вы взяли такого колпака?" Получая затѣмъ неудовлетворительныя объясненія на свои вопросы, онъ наконецъ вскрикнулъ: „что жъ мнѣ дѣлать? предводитель молчитъ, а письмоводитель ничего не разумѣетъ отвѣчать!"—Въ уѣздномъ судѣ, считая наличныя денежныя суммы и сдѣлавъ ошибку, губернаторъ нашелъ лишнихъ 50 рублей и, узнавъ, что счетъ ведетъ секретарь, обратился къ послѣднему съ вопросомъ; секретарь объяснилъ, будто онъ, записавъ въ расходъ свое жалованье за послѣднее время, не вынулъ этихъ денегъ изъ сундука. Отдавая секретарю 50 рублей, Шереметевъ сказалъ: „вотъ какой милліонеръ! я сотнями тысячъ получаю, да знаю счетъ деньгамъ". Послѣ вторичнаго перечета тѣхъ же денегъ, оказалось недостача 50 рублей, изъ чего стало ясно, что сумма денегъ была показана вѣрно и что секретарь совралъ, почему, требуя отъ него возвращенія отданныхъ ему 50 рублей, губернаторъ поздравилъ его мошенникомъ, а автору, служившему тогда уѣзднымъ судьею, сказалъ: „онъ у васъ молодой мошенникъ, но, если вы не будете за нимъ смотрѣть строго, то впослѣдствіи сдѣлается старымъ мошенникомъ". Авторъ прибавляетъ, что это предсказаніе вполнѣ оправдалось.

Очень интересны сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія о жизни прежнихъ чиновниковъ, относящіяся къ тому времени, когда авторъ начиналъ свою службу. Тогда члены и канцелярскіе служители повѣтовыхъ судовъ не получали жалованья; даже на канцелярскіе матеріалы казна не отпускала содержанія. Потреб-

ность на эти матеріалы, по принятому порядку пополняли отъ тяжущихся лицъ, которыя обязывались представлять писчую бумагу, сургучъ и другіе матеріалы на производство своего дѣла, причемъ каждый разъ взималось больше, чѣмъ слѣдуетъ, и этими излишками удовлетворялась отписка по дѣламъ уголовнымъ и и казеннымъ. Такими средствами, теперь странными и невѣроятными, повѣтовые суды долгое время существовали, и нельзя сказать, чтобъ неисправно, не смотря на большое число дѣлъ, умножившихся отъ изобилія „писателей" изъ отставныхъ коллежскихъ регистраторовъ, вовлекавшихъ простыхъ людей въ тяжбы по ничтожнымъ спорамъ объ имуществѣ или по поводу драки въ шинкахъ. Члены и канцелярскіе повѣтовыхъ судовъ, вмѣсто жалованья, пользовались доходомъ отъ дѣлъ тяжебныхъ и крѣпостныхъ, подъ наименованіемъ *пересудовыхъ*. Доходъ этотъ былъ установленъ въ статутовомъ законѣ, и притомъ весьма неопредѣлительно, вслѣдствіе чего приходилось относительно количества его условливаться или просто торговаться съ лицами, обязанными вносить этотъ сборъ.

Члены подкоморскихъ судовъ также не получали жалованья, а пользовались правнымъ доходомъ—такъ называемыми *концевыми* съ виновной стороны. Размѣръ этихъ денегъ опредѣлялся слѣдующимъ образомъ: при снятіи спорныхъ дачъ на планъ дѣлались, чрезъ извѣстное число концевъ землемѣрской цѣпи, земляные концы, прямые по линіи и угловатые на поворотахъ, причемъ взималось: за первые по 24, а за послѣдніе по 48 копѣекъ. Подкоморскіе суды часто дѣлали выѣзды на спорныя между тяжущимися земли для установленія границъ, возобновленія старыхъ и постановки новыхъ межевыхъ знаковъ, причемъ соблюдался такой порядокъ: подкоморій (межевой судья), коморникъ (засѣдатель), возный и землемѣръ, выѣхавъ въ назначенный пунктъ, составляли присутствіе подъ открытымъ небомъ, засѣдая за столомъ подъ краснымъ сукномъ съ судовымъ зерцаломъ, и разбирали споры лицъ участвующихъ въ дѣлѣ, по которому выѣздъ состоялся, при этомъ отбирали у присяжныхъ понятыхъ показанія и осматривали межи, землемѣръ снималъ плоскость земли на планъ; тутъ же дѣло рѣшали

и объявляли приговоръ тяжущимся. Эти полевыя присутствія подкоморскихъ судовъ имѣли своего рода важность.

Не смотря на то, что жалованья не полагалось, а установленные вмѣсто него сборы были незначительны по количеству, при тогдашней дешевизнѣ на жизненныя потребности служащіе могли жить безъ крайней нужды, особенно члены дѣловые (т. е. тѣ, которые дѣйствительно служили, а не числились только на службѣ), секретари и повытчики. Содержаніе тогда стоило очень недорого, напримѣръ: годовая квартира въ повѣтовомъ городѣ—отъ 15 до 25-ти рублей ассигнаціями, обыкновенно на хозяйскихъ харчахъ, причемъ на обѣдъ давались: борщъ, каша, изрѣдка жаркое, по праздникамъ—пироги, поляницы съ сыромъ и сметаною; чай пили только въ высшихъ слояхъ. Одѣяніе составляли: сюртукъ, пара нижнихъ, пара жилетовъ, чуйка (лѣтняя шинель или верхній зипунъ), славянка въ видѣ теплой шинели или тулупа на барашковомъ мѣху; бѣлье носили изъ домашняго холста. Высшіе чиновники съ лучшими средствами имѣли лучшее платье, и даже фраки, но послѣдніе были рѣдкостью въ повѣтѣ. Члены судовъ засѣдали въ присутствіяхъ въ обыкновенныхъ домашнихъ сюртукахъ, а въ мундиры наряжались только по необходимости, при проѣздахъ начальниковъ, причемъ неимѣвшіе своего мундира (что случалось часто) старались достать его у другихъ, необязанныхъ представляться начальству или уже исполнившихъ это.

Въ повѣтовыхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ состояло очень значительное число канцелярскихъ служителей—отъ 30 до 60-ти человѣкъ. Многіе пристраивались на службу единственно для полученія чиновъ, а вмѣстѣ съ ними и дворянства, ибо имѣвшіе классные чины уже считались дворянами. Изъ числившихся въ спискахъ канцелярскихъ едва половина исполняла дѣйствительную службу, но и изъ этихъ нѣкоторые лѣтнею порою имѣли отъ членовъ или секретарей словесныя разрѣшенія отлучаться отъ служебныхъ обязанностей домой для хозяйственныхъ занятій, нерѣдко на продолжительное время, безъ всякихъ отпусковъ. Другая же часть канцелярскихъ, т. е. только числившіеся на службѣ, постоянно находились въ домахъ при

своихъ обычныхъ дѣлахъ, за что обязывались вещественною благодарностью членамъ, секретарямъ, повытчикамъ и повѣтовымъ стряпчимъ. Они являлись въ судъ только для подачи прошеній объ определеніи на службу и для присяги; затѣмъ необходимость заставляла ихъ быть при ревизіяхъ губернаторскихъ. Для этого они призывались неоффиціально, а въ спискахъ дѣлались установленныя отмѣтки о томъ, чѣмъ каждый изъ нихъ занимается по службѣ. Послѣднее обстоятельство ставило членовъ и секретарей въ довольно затруднительное положеніе: затруднялись именно въ томъ, какія занятія назначать нѣсколькимъ десяткамъ этихъ лицъ, не имѣвшихъ и понятія о тѣхъ предметахъ, которые были обозначены противъ ихъ фамилій въ спискахъ; отмѣтки эти были такого рода: въ перепискѣ журналовъ, протоколовъ, отпусковъ, въ подшивкѣ бумагъ къ дѣламъ, въ разборѣ архивныхъ дѣлъ и т. п. Тѣхъ же, которые, при первомъ взглядѣ на нихъ, казались вовсе непохожими на канцелярскихъ служителей, по лѣтамъ своимъ или наружному виду, показывали отсутствующими: въ отпускъ на мѣсяцъ, или по случаю смерти отца на восемь дней, или по болѣзни. Черезъ три года они получали чинъ коллежскаго регистратора и впослѣдствіи пріѣзжали въ повѣтовый городъ для милостивой отставки и полученія за вѣрную службу аттестата. Пріѣзды ихъ ознаменовывались подарками, пирушками и составляли событія для сослуживцевъ, несшихъ за нихъ службу. Объ этихъ получателяхъ чиновъ безъ службы знали частнымъ образомъ чиновники губернскихъ правленій, но ничего не дѣлали для того, чтобъ прекратить это.

Въ то время въ Малороссіи многіе зажиточные козаки и другія податныхъ сословій лица какъ бы за правило приняли: выучивъ сынка мужичка въ сельской дьячковской школѣ читать и писать, пристроивать его въ судъ для полученія безъ службы чина коллежскаго регистратора, а иногда губернскаго секретаря и выше. Вышедшіе такимъ образомъ въ чины, равно какъ и потомство ихъ, уже навсегда освобождались отъ податныхъ, рекрутскихъ и другихъ повинностей, женились на дочеряхъ дворянскихъ и священническихъ съ болѣе или менѣе значи-

тельнымъ приданымъ и послѣ жили припѣваючи между своими селянами на правѣ дворянъ.

При такомъ, охватившемъ населеніе стремленіи достигать чиновъ безъ дѣйствительныхъ заслугъ, многіе члены, секретари и другіе чиновники повѣтовыхъ мѣстъ старались выводить своихъ сыновей въ чины въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, показывая, при опредѣленіи на службу, возрастъ ихъ по своему произволу (метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи тогда не требовалось при опредѣленіи на службу), вслѣдствіе чего сыновья такихъ чиновниковъ или ихъ близкихъ родственниковъ почти во младенчествѣ были уже коллежскими регистраторами. Авторъ зналъ одного титулярнаго совѣтника въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ едва могла начинаться дѣйствительная служба; а одинъ секретарь (земскаго суда Тарасевичъ), имѣя жену въ интересномъ положеніи и полагая, что она родитъ сына, опредѣлилъ его, чрезъ губернское правленіе, на службу въ земскомъ судѣ, но вышла неудача—родилась дочь, и пришлось употребить новую ложь, заявляя, что будто бы новоопредѣленный на службу умеръ.

Воспитаніе тогда было преимущественно домашнее, такъ какъ въ большей части городовъ не было никакихъ училищъ. Въ Конотопѣ проживалъ тогда нѣмецъ Гроссъ, бывшій прежде домашнимъ учителемъ у богатаго мѣстнаго помѣщика Кандибы. У этого Гросса получали образованіе Драгомировы, Коропчевскіе и другіе мѣстные дворяне. Многіе священники воспитывали своихъ сыновей также дома, послѣ чего они дѣлались дьячками, изъ дьячковъ посвящались въ діаконы и затѣмъ—въ священники. Тогда не обращали большого вниманія на то, удовлетворительно ли они обучены, а требовали лишь (подвергавшіе ихъ предварительному испытанію), чтобъ они знали изъ ермолоя и другихъ церковныхъ постановленій тѣ относящіяся къ священнодѣйствію правила, о которыхъ обыкновенно предлагалъ вопросы архіерей при испытаніи способностей. Такимъ образомъ, успѣхъ въ достиженіи желаемаго часто зависѣлъ не отъ познаній и нравственныхъ достоинствъ, а отъ качества и количества приношеній. Достигши такимъ путемъ священнослу-

жительскихъ званій, эти поповичи и дьяконенки старались въ сельскихъ приходахъ вознаградить свои издержки предосудительными вымогательствами отъ прихожанъ церковныхъ требъ, а въ особенности при бракосочетаніяхъ, такъ что не имѣвшіе въ наличности требуемаго количества денегъ, чтобъ уплатить за вѣнчаніе, бывали принуждены продавать часть земли или рабочій скотъ.

За то и священники въ свою очередь порядочно отплачивались въ губернскомъ городѣ, такъ какъ секретари декастерій (прежнія консисторіи) умѣли хорошо оббирать ихъ. Эти секретари играли тогда не малую роль, благодаря тому, что члены декастеріи или слабо или вовсе не занимались разсмотрѣніемъ производившихся въ ней дѣлъ, обыкновенно предоставляя секретарю дѣйствовать по своему усмотрѣнію. И они дѣйствовали такъ, что многіе изъ нихъ въ короткое время составили себѣ на этой должности значительные капиталы. Сельскіе священники на столько страшились попасть по какимъ-либо преткновеніямъ въ руки дѣйствовавшаго самовластно секретаря декастеріи, что когда одинъ священникъ конотопскаго уѣзда, обвинявшійся въ томъ, что похоронилъ дворовую женщину съ знаками побоевъ, получивъ за то мзду въ видѣ рябой свиньи отъ лица, причинившаго эти побои,—узналъ, что дѣло объ немъ, находившееся въ уѣздномъ судѣ, подлежитъ передачѣ духовной власти для рѣшенія, то со слезами сталъ умолять судить его свѣтскимъ судомъ, не предавая въ руки секретаря декастеріи. Входъ просителей священниковъ въ домъ декастерійскихъ секретарей былъ такъ частъ и интересенъ, что у одного изъ нихъ (Василевскаго) евреи откупали калитку у двора съ порядочнымъ платежомъ, и эта аренда была не безвыгодна для евреевъ, взимавшихъ отъ священниковъ, которые имѣли частыя надобности къ секретарю, пошлину за входъ черезъ калитку. Конечно, отъ тѣхъ священниковъ, которые за какія нибудь провинности подлежали духовному суду, секретари получали весьма значительную дань, за что и избавляли ихъ отъ отвѣтственности. И на столько сильны были власть и вліяніе секретарей декастеріи, что бывали случаи почти невѣроятныхъ оправданій свя-

шениковъ, несомнѣнно виновныхъ, но не скупившихся на приношенія. Напримѣръ, въ конотопскомъ уѣздѣ одинъ изъ двухъ священниковъ, состоявшихъ при одной сельской церкви и враждовавшихъ между собою, наканунѣ великой пятницы тайно унесъ или похитилъ изъ церкви плащаницу, желая этимъ повредитъ своему собрату, который тогда служилъ; а въ другомъ селеніи того-же уѣзда три приходскихъ священника, состоявшихъ при одной церкви, раздѣляя между собою принесенные прихожанами на Ѳоминой недѣлѣ для поминокъ съѣстные припасы, въ томъ числѣ и крашенныя яйца, не сошлись въ дѣлежѣ и, заспоривъ, стали бросать другъ въ друга яйцами, часть которыхъ, не попадая въ лица противниковъ, ударялась въ церковныя стѣны, оставляя на нихъ видимыя пятна. Какъ о святотатственномъ похищеніи плащаницы, такъ и о дракѣ, происшедшей между священниками, были произведены духовной властью слѣдствія, но виновные не подверглись никакимъ взысканіямъ по милосердному покровительству и защитѣ секретаря декастеріи. Характернымъ также представляется слѣдующій случай: помѣщикъ конотопскаго уѣзда П. П. Скоропадскій, вознамѣрившись жениться на любимой дѣвушкѣ при несогласіи на то ея родителей, рѣшилъ обвѣнчаться съ нею тайно, а предварительно этого, для лучшаго успѣха, счелъ нужнымъ запастись отъ секретаря декастеріи (упомянутаго выше Василевскаго), за хорошую дань, позволительною запискою, удостовѣрявшею, что священникъ, который обвѣнчаетъ Скоропадскаго, не подвергнется за это отвѣтственности чрезъ посредство его, секретаря. И такое большое значеніе имѣла эта записка, что первый же священникъ, къ которому обратился Скоропадскій, увезя невѣсту изъ дома родителей и убѣгая отъ гнавшихся за нимъ людей, поспѣшилъ немедленно обвѣнчать его. Затѣмъ при всѣхъ усиліяхъ родителей невѣсты подвергнуть священника, совершившаго тайное бракосочетаніе, отвѣтственности, они не успѣли въ томъ— благодаря заступничеству мѣстнаго секретаря.

Интересный разсказъ о декастеріяхъ добраго стараго времени занимаетъ послѣднія страницы записокъ, составленіе ко-

торыхъ, какъ мы упоминали выше, было прервано болѣзнью и смертью автора. Еще разъ пожалѣемъ, что эта смерть помѣшала автору окончить начатый трудъ и поразсказать о другихъ временахъ, болѣе къ намъ близкихъ.

Н. Ш.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. [1]

(1750—1784 г.).

96) Георгія Кониссваго, архіепископа Могилевскаго, изъ Могилева, 1782 г., 3 іюня.

Высокородный господинъ, коллежскій совѣтникъ! Милостивый государь и благодѣтель мой! Сегодня имѣлъ я честь получить почтеннѣйшее писаніе ваше и въ любезнейшихъ вашихъ сыновьяхъ, какъ самаго васъ видя, радовался. Annales Rudawscy прошу принять въ число книгъ вашихъ, при коемъ еще посылаются Piasecy Chronicon и Starowolscy, Tractatus tres, по требованію вашему, да сверхъ того два томы Длугоша, съ коихъ въ послѣднемъ приданы старые польскіи писатели, какъ то: Кадлубко, Sarnicius, Orechowius etc., и еще посилаются жъ Regenwolscy, Systema Chronologicus, и Pastory, Historia Polona plenior. Kojalowicza и Коберживцкаго, какъ и Старовольскаго, Eques Polonus, не находится у мене. Равно жъ къ благоденствію вашему не могутъ (sic) услужить вамъ ни однимъ гербаромъ, понеже самъ не имѣю. Въ слѣдующемъ сентябрѣ нужда будетъ мнѣ посилать нарочно въ Варшаву. Какія вамъ надобны книги, извольте прислать мнѣ реестръ. Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно. Если не думаете дѣтей посылать туда, откуду дворянство, для ученія, то совѣтовалъ бы я напредъ послать ихъ въ Вилню,—

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." № 10, 1894 г.

тамъ сего году открылся новый университетъ и академія новымъ порядкомъ ученій и весма похвальнымъ; жалко, что не имѣю при себѣ печатныхъ о томъ рѣчей и расположенія, послалъ преосв. Смоленскому, а получа обратно, пришлю вамъ; а тамъ можно бъ дѣтямъ и въ монастирѣ нашемъ квартиру имѣть. Не пишу больше, не хотя удерживать птенцовъ любезнѣйшихъ, спѣшащихъ въ гнѣздечко свое. И такъ, желая вамъ со всѣмъ домовствомъ истиннаго благоденствія, остаюсь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и усердіемъ високородія вашего, милостиваго государя и благодѣтеля моего, покорнѣйшій слуга Е. Георгій [1]).

97) Брата Андрея Андреевича, изъ Оксютинецъ, 1782 г., 1 августа.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Исполняя данное мною вамъ слово, сего числа трактовалъ я о дѣлахъ зъ братомъ Иваномъ Андрѣевичемъ; чтобы за оними ездить поочереди, никакъ не соглашается, представляя всякіе по должности его неудобства, съ тѣмъ чтобъ естли ездить, то я охотно ихъ радъ потерять, а чтобы совмѣстно имѣть повѣреннаго и другія издержки,—на то соглашается. Нѣмецкимъ дворянствомъ весма недоволенъ по причинѣ платежа до четырехъ сотъ рублей денегъ. Обявивъ, пребываю зъ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашъ, м—аго г—ря моего братца, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

98) Григорія Ивановича Полетика, изъ Вѣны, 1782 г., 10/21 августа.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Требованіе ваше, учененое мнѣ писмомъ отъ 20-го марта, которое получилъ я маія 27 числа, безъ сумнѣнія казалось вамъ такимъ, которое нетрудно исполнить; я и самъ не токмо съ перваго взору, но и тогда, когда уже началъ освѣдомляться о предмѣтахъ онаго, принялъ его точно въ такомъ же видѣ и разумѣ; спустя жъ нѣсколько времени, а имянно недѣль около трехъ послѣ того

[1]) Это письмо было уже разъ напечатано въ „Кіевск. Стар.“ (1891 г., № 4); здѣсь оно перепечатывается для полноты.

уже, какъ я далъ мои вопросы на бумагѣ одному изъ секретарей, находящихся здѣсь при имперской канцеляріи, изъ которой выдаются всѣ дипломы, неожиданнымъ образомъ нашелъ я въ полученіи отвѣта на оные вопросы великія затрудненія, кои произошли отъ того, что въ помянутой канцеляріи разныя были воображенія о моемъ любопытствѣ, и не зная точныхъ онаго причинъ и обстоятельствъ, долго колебалися въ въ томъ, чтобы меня въ немъ удовольствовать; а наконецъ, по неоднократныхъ моихъ домогательствъ убѣжденіяхъ, довелъ я до того, что самъ оной канцеляріи референдарь (или оберъ секретарь) баронъ Лассоль,—тотъ самый, котораго подпись находится въ отправленныхъ мною, сими днями, для Ивана Андреевича и для Андрея Андреевича императорскихъ дипломахъ на дворянство римской имперіи, здѣлалъ своеручный отвѣтъ на каждый изъ часто реченныхъ моихъ вопросъ, кои мною по вышеозначенному вашему письму составлены, и которые купно съ оригинальнымъ на онные отвѣтомъ, найдете вы на приложенной при семъ бумагѣ.

Теперь слѣдуетъ мнѣ сказать вамъ, м. г. мой братецъ. въ отвѣтъ на послѣднее письмо ваше отъ 2-го числа прошедшаго маія, что я не токмо въ писмѣ моемъ отъ 7-го февраля нынѣшняго года изъяснилъ вамъ, сколь мало имѣлъ я тогда надежды къ доставленію дѣтямъ вашимъ иностранныхъ офицерскихъ чиновъ, но уже и за два, если не за три года, предъ симъ писалъ я къ вамъ о томъ же; и что съ того времени не оставалося мнѣ ничего иного думать, кромѣ того, что вы приняли другія мѣры къ попеченію о дѣтяхъ вашихъ;—ибо мнѣ помнится, что около трехъ лѣтъ вы уже болѣе ничего не писали ко мнѣ о семъ дѣлѣ.—Какъ бы то ни было, я вскорѣ по отправленіи вышеозначеннаго моего къ вамъ письма, отъ 7-го числа прошедшаго февраля, вновь освѣдомился въ Варшавѣ, у нашего резидента барона Аша, не можно ли родственникамъ моимъ получить польскіе офицерскіе чины, въ доказательство чего прилагаю при семъ, подъ нумеромъ 2-мъ, экстрактъ изъ моего къ нему письма, а къ оному присовокупляю, подъ нумеромъ 3-мъ, оригинальный его ко мнѣ отвѣтъ. Сего не довольно;

я дѣлалъ попытку и въ Копенгагенѣ, чрезъ находящагося здѣсь дацкаго секретаря посольства, у одного изъ членовъ тамошней военной коллегіи генерала графа Алефельда, который, въ последнюю мою бытность въ Сактпетербургѣ, находился тамо дацкимъ посланникомъ; какой же полученъ отъ него помянутымъ секретаремъ посольства отвѣтъ, оный при семъ найдете вы подъ нумеромъ 4-мъ. Равнымъ образомъ, не имѣлъ я, м. г. мой братецъ, удачи въ тѣхъ попыткахъ, которыя мною вновь же сдѣланы были со стороны прусской и саксонской; напротивъ чего, не безъ успѣха адресовался я наконецъ къ находящемуся здѣсь герцогскому Виртембергскому резиденту г. Бюллеру, ибо полученный имъ изъ Стутгарда отвѣтъ подаетъ намъ надежду къ достиженію желаемаго, какъ то усмотрите вы изъ приложеной при семъ бумаги подъ нумеромъ 5-мъ. Теперь остается мнѣ еще получить отъ него увѣдомленіе о потребныхъ къ сей моей коммиссіи издержкахъ, а потомъ васъ объ оныхъ увѣдомить и просить васъ о переводѣ ко мнѣ денегъ, дабы я, имѣя оныя въ рукахъ моихъ, могъ уже смѣло адресоваться съ собственнымъ моимъ прошеніемъ къ самому герцогу, которому въ бытность его свѣтлости въ здѣшнемъ городѣ, что было въ началѣ нынѣшняго лѣта, я представленъ былъ отъ князя Дмитрія Михайловича, отъ чего можетъ быть происхожденіе свое имѣютъ тѣ ласкательныя для меня герцогскія слова, о которыхъ въ вышереченномъ Стутгардскомъ отвѣтѣ упоминается.

Объ извѣстной рѣчи я не оставилъ въ свое время сказать князю Куракину, что она сочинена вами; и онъ хвалилъ, такъ, какъ и другіе, кому я имѣлъ случай показать или прочесть оную. Я не премину стараться о полученіи учрежденій, касающахся до Стутгардскихъ училищъ и о доставленіи вамъ оныхъ, пребывая впрочемъ съ совершеннымъ, и къ вамъ самимъ и къ м. г—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ, почтеніемъ и съ непремѣнною къ обоимъ вамъ преданностью, братъ и слуга Григорій Полетика.

P. S. При семъ случаѣ г. Кудрявскій (о пожалованіи котораго въ переводчики я уже, помнится, давно писалъ вамъ) просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ, м. г. мой братецъ,

также и м. г—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ, должное его почтеніе, а притомъ рекомендовать въ милость вашу и его самого, и сожительницу, и дѣтей его, которыхъ уже двое имѣетъ онъ, а третіе чрезъ нѣсколько дней намѣрено въ свѣтъ явиться. О сей перемѣнѣ состоянія его я не могъ прежде увѣдомить васъ потому, что онъ нѣсколько лѣтъ содержалъ ее въ разсужденіи князя, а по просьбѣ его и я принужденъ былъ содержать въ великой тайнѣ, которую наконецъ, по моему совѣту, открылъ онъ здѣсь, въ недавнемъ времени, и теперь живетъ съ семьею на своей квартирѣ. Жена его изъ здѣшняго мѣщанства, закона католицкаго, женщина весьма добрая; а впрочемъ по смерти матери своей имѣетъ она получить до трехъ тысячъ рублей на наши деньги.

NB. Получа уже нѣсколько писемъ изъ Чернигова чрезъ Могилевъ, и изъ Ромна чрезъ Черниговъ, и усмотря, что оныя гораздо скорѣе сею дорогою, нежели чрезъ Петербургъ, доходятъ, я вздумалъ отвѣдать ее и для моей съ вами переписки, и здѣлать теперь начало сему опыту, адресуя сіе письмо въ Черниговъ, къ бывшему здѣсь нѣсколько разъ по купеческимъ дѣламъ и потому мнѣ знакомому, тамошнему жителю и войсковому товарищу Андрею Михайловичу Еньку, къ которому, кажется, и вы, м. г. мой братецъ, можете адресовать ваши ко мнѣ письма, если заблагоразсудите и если не найдете въ томъ никакого помѣшательства или какой-либо неудобности [1]).

99) Брата Андрея Андреевича, изъ Борзенки [2]), 1782 г., 13 августа.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Я весьма много трактовалъ съ братомъ Иваномъ Андреевичемъ о дѣлахъ, но болѣе онъ мнѣ въ отвѣтъ не сказалъ, какъ то, о чемъ я писалъ к вамъ; вы же меня пеняте, будто бы незная его нрава; развѣ было score поматерно съ нимъ ссорится; совсѣмъ тѣмъ, до убитку, какой бы онъ ни былъ, онъ соглашается, а я беру на себя весть

---

[1]) Упоминаемыя въ этомъ письмѣ приложенія не сохранились.

[2]) Хуторъ около Ромна.

счети и полагать на его двѣ доли, а намъ по одной, вразсужденіи, что онъ своею персоною трудится не будетъ. Пенковъ на стоянкы (для пчелъ) въ меня, въ Борзенки, сискалось пятдесятъ, кои я дозволилъ и викопать. Пребываю впротчемъ зъ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашъ м. г—ря моего братца и покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

P. S. М. г—нѣ моей сестрицѣ Еленѣ Ивановнѣ свидѣтелствую нижайшое мое почтеніе и сердечно сожалѣю, что я не угодилъ виборомъ въ Николаевку приказчика, поелику не имѣю за собою ангелскаго знанія узнавать людей со взгляду; совсѣмъ тѣмъ, я еще не ошибся, что рекомендовалъ такого человѣка, который старается въ деревняхъ вашихъ болѣе умножить родъ человѣческій, нежели искоренить, коего ради пострадала коровниковна [1]), вмѣсто того, что у меня бы за то получила ординъ. Нинѣ время настало старатся умножить людей, и за умноженіе людей в семъ искусниxъ награждать всячески, нежели немилосердно наказивать; я услишавши весма о бѣдной коровниковнѣ, сожалѣлъ, но такъ и быть, когда барыня сего не терпитъ; впредь не осмѣлюсь рекомендовать человѣка, слишачи неудоволствіе.

100) Кондоиди Николая Павловича, изъ Петербурга, 1782 г., 22 августа.

М. г. мой Григорей Андреевичъ! Послѣднее благопріятнейшее письмо ваше отъ 20-го минувшаго июля мѣсяца, имѣлъ я честь получить и со вложенными въ ономъ ассигнаціями на 125 рублей, слѣдовавшіе мнѣ въ уплату денегъ, издержанныхъ на надобности ваши. Здѣсь же изволите вы, м. г. мой, найти новой щетъ, изъ коего усмотрите, какія припасы для васъ уже куплены и по какой цѣнѣ. Протчія вѣщи, какъ то вино и аглинское пиво, я вовсе не куплю, ибо они, какъ вы весьма справедливо въ письмѣ вашемъ примѣчаетѣ, во всякое время въ одной цѣнѣ состоятъ, а потому вы никакого убытка не потерпите, когда сами ихъ купите будущею зимою, въ вашу здѣсь

[1]) Дочь коровника.

бытность. По дѣлу шурина вашего г. ассессора Михайла Гамалѣи, здѣлавъ неукоснительно подробную и достаточную выписку изъ писма вашего, послалъ ея къ извѣстному вамъ человѣку, которой возвратилъ ея ко мнѣ съ слѣдующими своеручно написанными строками: „На сіе отвѣтствовать имѣю, что изъ изъясненнаго дѣла екстрактъ не сочиненъ, да и повѣреннаго нѣтъ, а потому и скораго рѣшенія оному ожидать не можно". Вотъ весь отвѣтъ, который я получилъ и который я вамъ сообщаю безъ всякой потери времяни. Согласно съ волею вашею, отдалъ я уже человѣка вашего, по нынѣ въ смирительномъ домѣ содержавшагося, мужескому сапожнику, которой кажется быть человѣкъ честной и надежной, и далъ ему паспортъ срокомъ по 1-е число генваря мѣсяца будущаго 1783-го года, а какъ въ приложенномъ къ сему письму щѣтѣ сказано, что за содержаніе его въ вышепомянутомъ домѣ заплачено по 5-е сентября, почему можетъ показатся, что издержка сія здѣлана напрасно, то въ объясненіе долженъ я вамъ сказать, что денги за каждый мѣсяцъ платятся напередъ и не возвращаются, хотя бы отданной человѣкъ цѣлаго мѣсяца въ смирительномъ домѣ не выжилъ. Сіе самое случилось и съ сапожникомъ вашимъ. Месяцъ его въ смирительномъ домѣ начинался 5-мъ числомъ, почему и принужденъ былъ я 5-го нынѣшняго августа мѣсяца вновь отдать на его пищу за мѣсяцъ вънередъ, то есть по 5-е будущаго сентября мѣсяца. Письмо же ваше, въ коемъ вы изволите писать, чтобъ его отъ смирительнаго дома избавить, дошло ко мне только 7-го августа, слѣдовательно не могъ я предузнать намѣренія вашего и не здѣлать издержку, которая по обстоятельствамъ здѣлалася теперь всеконечно вовсе лишнею.

Письма ваши къ г. г. Шарапову и Вильковскому разнесены на другой день, по полученіи ихъ отъ васъ. Сестра, братъ, жена его и Ульяна Феодоровна, которая отъ сюда въ непродолжительномъ времени отправится намѣрена, свидетельствуютъ искреннѣе почтеніе свое вамъ и любезнейшей супруге вашей м. г—нѣ моей Елене Ивановнѣ, которую прошу васъ также уверить о непоколѣбимой моей къ ней преданности, съ

которою я по гробъ мой пребуду вашимъ, м. г. мой, покорнѣйшимъ слугою Н. Кондоиди [1]).

101) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1782 г., $^{2}/_{13}$ ноября.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Какъ ни старался я чрезъ того жъ самаго Виртембергскаго резидента, о которомъ я писалъ къ вамъ прошедшаго августа $^{10}/_{21}$ числа, узнать сколько будетъ коштовать каждый патентъ на офицерскіе чины для сыновей вашихъ, но не могъ я получить такого увѣдомленія по той причинѣ, что, по объявленію помянутаго резидента, никогда еще не было у нихъ подобнаго пожалованія офицерскихъ чиновъ такимъ людямъ, которые не въ дѣйствительной ихъ службѣ находятся, и что потому или отъ самаго герцога или отъ генералитета его зависѣть будетъ опредѣленіе денежнаго платежа за патенты, кои сыновьямъ вашимъ дани будутъ. Итакъ, теперь главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ вы, м. г., мой братецъ, безъ упущенія времени увѣдомили меня объ именахъ и лѣтахъ кандидатовъ нашихъ, о томъ мѣстѣ жительства вашего, о которомъ вы желаете, дабы оно въ помянутыхъ патентахъ означено было, такъ, какъ и объ уѣздѣ, въ которомъ то мѣсто щитается, о чемъ я и самъ долженъ упомянуть въ прошеніи, которое надобно мнѣ будетъ послать къ герцогу Виртембергскому чрезъ резидента его г. Бюллера, и чтобы при томъ взяли вы у жительствующаго въ Черниговѣ войсковаго товарища Андрея Михайловича Енька и ко мнѣ бы наискорѣе прислали кредитивное къ которому нибудь изъ знакомыхъ ему здѣшнихъ банкировъ или купцовъ писмо, по которому тотъ банкиръ или купецъ далъ бы мнѣ столько денегъ, сколько мнѣ понадобится на комиссію вашу, за которую (не обинуясь признаюсь предъ вами) я не могу безъ того и приняться, не имѣя такихъ собственныхъ денегъ, кои бы можно мнѣ было на оную употребить безъ ве-

---

[1]) Сынъ грека Кондоиди, Павла Захаровича, бывшаго при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ придворнымъ лейбъ медикомъ.

личайшей тягости. Впрочемъ, я долженъ вамъ, м. г. мой братецъ, примѣтить, что Виртембергскій герцогъ по обявленію находящагося здѣсь резидента его свѣтлости, говорилъ только о капитанскомъ и поруччискомъ чинахъ, и что по мнѣнію тогожъ резидента, или лучше сказать по рѣчамъ самого герцога, надлежитъ вамъ сими двумя чинами довольствоваться, и изъ онихъ одинъ для одного или для двухъ сыновей вашихъ выбрать.— Давно уже хотѣлъ я сообщить вамъ ту самую копію съ отвѣтнаго писма г. генерала прокурора къ князю Александру Борисовичу Куракину, которую сей послѣдній прислалъ ко мнѣ изъ Италіи, но все позабывалося мнѣ послать ее къ вамъ, и хотя она теперь уже совсѣмъ для васъ не нужна, однако я не хотѣлъ скрыть ее отъ васъ, и потому при семъ ее посылаю, а къ ней присовокупляю копію съ записки, какова вручена мною г. лейбъ-медику Карлу Федоровичу Крузу о Тимофѣе Ивановичѣ (Полетикѣ), которому онъ, по прозьбѣ моей, обѣщалъ помогать въ нужныхъ случаяхъ, и который потому можетъ къ нему адресоваться, естьли ему въ чемъ случится нужда, о чемъ прошу васъ, м. г., мой братецъ, увѣдомить его и доставить ему ту самую записку, которая къ вамъ отъ меня для того и посылается.—Съ княземъ Куракинымъ я вновь довольно говорилъ объ васъ и далъ ему копію съ извѣстной вашей рѣчи, которую обѣщалъ онъ показать великому князю; напротивъ чего не имѣлъ я нималѣйшаго случая что либо сказать объ васъ его императорскому высочеству во время послѣдней его бытности въ здѣшнемъ городѣ.—Впрочемъ, пребуду всегда съ истиннымъ и совершеннымъ къ вамъ и къ м. г—нѣ моей Еленѣ Ивановнѣ почтеніемъ и съ непремѣнною преданностью... Григорій Полетика.

P. S. Прилагая при семъ, подъ открытою печатью, писмо къ Велико-Бубновскому старостѣ Роману Жеребецкому, я покорно прошу васъ, м. г. мой братецъ, употребить стараніе, дабы оно вѣрно и скоро могло до него дойти посредствомъ Андрея Андреевича, который прочтя и припечатавъ, можетъ оное отослать къ нему, Жеребецкому, или призвать его къ себѣ, какъ

для отдачи ему того писма, такъ и для того, чтобъ онъ въ непродолжительномъ времени отписалъ ко мнѣ въ отвѣтъ на оное.—Я не помню, писалъ ли я къ вамъ или нѣтъ, что г. Кохъ взятъ отсюда въ коллегію, гдѣ уже онъ съ прошедшаго апрѣля мѣсяца находится на мѣстѣ статскаго канцеляріи совѣтника, и получаетъ жалованья по двѣ тысячи рублей на годъ.

102) Николая Мотониса, изъ Липова-Рога [1]*), 1782 г., 11 ноября.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ! Пріѣхавъ я изъ Глухова, тотъ же часъ далъ я знать женѣ моей, что я условился съ вами о принятіи любезныхъ вашихъ дѣтей въ науку купно съ нашими дѣтьми. Она не только въ семъ согласна, но и весма рада, что будутъ наши дѣти вмѣстѣ съ дѣтьми такихъ друзей, которыхъ мы между рѣдкими почитаемъ. Учителя я спрашивать—будетъ ли онъ доволенъ отъ каждой дочери вашей полученіемъ въ годъ по сту рублей, причинъ не имѣю, ибо я съ нимъ договорился, кромѣ моихъ, чтобъ онъ обучалъ еще двоихъ, коихъ я ему препоручу. Слѣдовательно ему до сего дѣла нѣтъ, а я симъ доволенъ. Онъ учитъ читать, писать, исторіи, географіи, ариѳметики, а жена его разнымъ женскому полу приличнымъ рукодѣліямъ. Приятное ваше писмо писано изъ Глухова 3-го октября, которое я получилъ сего дня, по чему поздно и отвѣчаю. При семъ покорно прошу пожаловать спросить Иванъ Андреевича Войцеховича получилъ ли онъ мое писмо 4 октября, съ приложеніемъ двухъсотъ рублевъ ассигнаціями, а другое, писанное къ нему въ началѣ сего мѣсяца, съ прошеніемъ, чтобъ онъ меня о семъ увѣдомилъ, но я и по сіе время остаюся въ невѣдѣніи, и что онъ вамъ скажетъ, прошу меня увѣдомить. Въпрочемъ, свидѣтельствуя вамъ и м. г-нѣ Еленѣ Ивановнѣ усерднѣйше наше почтеніе, со всегдашнею преданностію, есмь м. г. мой вашъ покорнѣйшій слуга Николай Мотонисъ. Прошу пожаловать увѣдомить меня, въ которой деревнѣ будетъ зиму проводить Иванъ Михайловичъ Скоропадскій.

---

[1]) См. Опис. Стар. Малорос., II, 83.

103). Кондоиди Наколая Павловича, изъ Петербурга, 1782 г., 21 ноября.

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Дружеское письмо ваше отъ 29-го октября имѣлъ я честь получить исправно съ приложенными къ оному ассигнаціями на 150 рублей, въ уплату издержанныхъ мною на вашъ щетъ денегъ, изъ коихъ на васъ осталось теперь только 4 р. 46 коп., какъ вы сами о томъ въ помянутомъ письмѣ вашемъ изволите отзываться. Будьтѣ увѣрены, м. г. мой, что я потщусь исполнить все, что вы мнѣ предписываетѣ въ рассужденіи сапожника вашего и по дѣлу съ шуриномъ вашимъ, и есть ли касательно до сего послѣдьняго узнаю что нибудь такое, что можетъ заслужить вниманіе ваше, то непремѣну васъ о томъ увѣдомить безъ потери времяни. Теперь же спѣшу сообщить вамъ, что требованной паспортъ для любезнѣйшихъ дѣтей вашихъ я никоимъ образомъ вамъ доставить не могу, ибо по силѣ имяннаго ея императорскаго величества указа, состоявшагося въ 4 день марта мѣсяца нынѣшнаго года, коллегія иностанныхъ дѣлъ не имѣетъ болѣе права давать паспорты для выѣзда за границу въ чужіе краи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ случаевъ. Все сіе увидитѣ вы пространно изъ приложенной здѣсь статьи помянутаго имяннаго указа, а въ добавокъ долженъ я вамъ сказать, что хотя въ оной упоминается только о двухъ губерніяхъ Московской и Санктпетербугской, однакожъ право давать паспорты присвоено всѣмъ губерніямъ вообще, и есть уже примѣры, что малороссіянѣ, имѣвшіе желаніе выѣхать въ чужіе краи, получили паспорты изъ своихъ намѣстничествъ, почему и вамъ, м. г-рю моему, должно стараться достать въ губернскомъ правленіи намѣстничества вашего нужной паспортъ для дражайшихъ дѣтей вашихъ. Я крайнѣ жалею, что въ семъ случаѣ не могу вамъ служить и вы сами видитѣ невозможность, которая мнѣ въ томъ препятствуется. Вся семья моя свидѣтельствуетъ вамъ и любезнѣйшей супругѣ вашей м. г-нѣ моей Елене Ивановнѣ искреннее почтеніе, о которомъ увѣряю я ея также отъ себя и пребываю на всегда съ непоколѣбимою и истинною дружбою, вашъ, м. г. мой, покорнѣйшій слуга А. Кондоиди.

104) Максима Васильевича Дунинъ-Борковскаго[1]*), изъ с. Вормина, 1783 г., 13 января.*

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Получивъ вчерашняго дня благопріятное ваше письмо, на которое симъ моимъ отвѣтомъ васъ трудить осмѣливаюсь. Вы изволите, м. г. мой, отъ меня увѣдомленія требовать, какія вещи, изъ покупки моей, которою я васъ прежде сего трудилъ, съ нижайшимъ моимъ прошеніемъ, ее въ Санктпетербургѣ соблаговолить исправить, нужнѣе протчой покупки, то смѣю вамъ чрезъ сіе донесть, что скрыпичныя струны мнѣ всего нужнѣе, ибо мои уже сошли, и не имѣю нынѣ чѣмъ времени скучнаго проводить; для того прошу покорнѣйше мнѣ ихъ чрезъ вашихъ людей потрудиться переслать. Что же до чашекъ, чайнаго фарфурнаго прибора и протчой моей въ реестрику моемъ означенномъ покупки принадлежитъ, то естьлибъ вамъ не въ трудъ было меня изъ С.-Пбурга увѣдомить, сколько она вся станетъ, я бы вамъ осмѣлился въ Спб. достальную сумму денегъ почтою доставить. За присылку денегъ мѣдныхъ покорнѣйше благодарствую; за серебренными же я уже за нѣсколько дней въ Борковку[2]) послалъ, но не уповаю, чтобъ они васъ застать могли, ибо прежде десяти дней я ихъ получить не надѣюсь. Прикащика же вашего увѣрьте пожалуйте, что онъ неотмѣнно попомъ будетъ, по вашей рекомендаціи, въ Ворминѣ,[3]) буди только послѣдныхъ чиселъ сего мѣсяца или слѣдующаго пятаго числа у меня явится, чтобъ мнѣ ему здѣсь презента можно было дать, ибо послѣ означеннаго срока не могу знать какъ долго забавлюсь. Притомъ прошу покорнѣйше быть увѣренными, что давши кому слово въ чѣмъ, никогда не перемѣняю; хотя же я и уговорилъ было, черезъ Илію Афанасіевича, нѣкоторого студента на попы въ Орминъ, изъ Кіева, однакъ уже много времени пройшло послѣ срока, на который ему у меня явиться надлежало было,

---

[1]) Въ актахъ Максимъ Д.-Б. именуется „польской короны подполковникомъ". См. Опис. Стар. Малор., I, 469.

[2]) Село въ Суражскомъ уѣздѣ.

[3]) Село въ Мглинскомъ уѣздѣ, принадлежавшее Максиму Дун.-Буорковскому.

и по сей то причинѣ не прійму я уже его ни за что къ себѣ въ попы. Не погнѣвайтесь, пожалуйте, что я вамъ въ реестрику, въ нѣкоторыхъ мѣстамъ моей покупки, цѣну предписалъ. Ето я здѣлалъ для того, чтобъ вамъ дать знать, что я на тѣ вещи больше денегъ употребить не намѣренъ. Чашекъ же, пожалуйте, потрудитесь двенадцать для меня купить. Я бы весьма доволенъ и радъ былъ, естьли бы соизволеніе было отъ Бога быть Иліи Афанасіевичу мужемъ Софіи Василіевны, сестры моей, и особливо щастливымъ себя почиталъ бы, но что же дѣлать, когда Богу не угодно было [1]). Весьма много одолжили обѣщаніемъ меня въ такомъ же степенѣ вашей дружбы имѣть, какъ и моего покойнаго отца имѣли, и буду стараться всегда заслуживать такого вашаго одолженія, и себя достойнымъ онаго здѣлать. Въ ожиданіи присылки вашего прикащика, препоручивъ себя вашей дружбѣ, имѣю честь съ всякимъ почтеніемъ навсегда пребывать м. г-ря моего покорнѣйшій слуга Максимъ Дунинъ Борковски.

105) Степана Ивановича (?) Шешковскаго [2]), изъ Петербурга, 1783 г., 28 февраля.

М. г. мой Григорей Андрѣевичъ. За приятнѣйшѣе ваше писмо, кое я чрезъ подателя сего получилъ, такъ и за присланное варенье, покорно благодарствую. Для меня весма много удовольствія, что я вами припамятованъ, а потому ласкаю себѣ надеждою, что вы и впредь мое увѣдомленіемъ о вашемъ здоровье оставить не изволите. Въ протчемъ пожелавъ вамъ всякого благополучія и покорно прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонной дружбы, пребываю съ искреннымъ почтеніемъ навсегда вашъ, м. г-ря моего, покорный и вѣрный слуга Степанъ Шешковскій.

---

[1]) Софья Васил. Д.-Борковская, унаслѣдовавшая всѣми имѣніями безсемейнаго брата своего Максима, была замужемъ за Ст. Ст. Леонтовичемъ. См. Опис. Стар. Малорос., I, 469.

[2]) Извѣстнаго сыщика.

106) Ивана Смирнаго (?), изъ Петербурга, 1783 г., 1 марта.

М. г. Григорій Андрѣевичъ. Пріятное мнѣ писмо ваше я получилъ, благодарю за оное. За великое удоволствіе почитаю, что вы съ любезнымъ вашимъ товарищемъ и всемъ семѣйствомъ находитесь въ вожделенномъ здравіи. Благодарю васъ и милостивую государыню Аліону Ивановичу за присылку масла и сухихъ фруктовъ. Чемъ же мнѣ прикажите служить? Я весма бы радъ былъ, но не знаю, что вамъ угодно, и на сей случай кромѣ благодарности не имѣю. Вы намѣрены построить баню, которую совѣтую вамъ строить погодить, доколѣ вы въ Петербургъ не пожалуете. Мнѣ есть знакомой архитекторъ, онъ вамъ сдѣлаетъ планъ очень хорошей; а какъ человѣкъ вашъ сказывалъ, что оная будетъ на рѣкѣ, то можно будетъ придумать, чтобъ была покойна и не уступала бы пышностію азіатскимъ. Княгиня Катерина Романовна Дашкова, по высочайшему соизволенію, (назначена?) директоромъ по Академіи Наукъ, вмѣсто Сергѣя Герасимовича Домашнева. Ею всѣ довольны и благодарятъ. Симъ неожидаемымъ случаемъ общій нашъ пріятель Семенъ Кириловичъ и прочія освободились отъ сильнаго г. Домашневымъ угнѣтенія, которымъ велено жалованье производить по ихъ окладамъ и быть при ихъ должностяхъ. Господина же Домашнева дѣла изслѣдовать. Вотъ вамъ новизна. Потомъ свидѣтельствуя вамъ, м. г-нѣ Аліонѣ Ивановнѣ и любезнымъ вашимъ дѣтямъ, отъ себя, жены и дѣтей моихъ должное почтеніе, остаюсь, м. г., вашъ покорный слуга Иванъ Смирной.

107) Василія Александровича Шарапова, изъ Москвы, 1783 г., 18 марта.

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Вчерась ѣздя съ женою для осмотра одной квартиры, встрѣтили мы нечаянно человѣка вашего и отъ него узнали, что имѣетъ отъ доставить намъ два письма отъ васъ, м. г-рь. Сіи письма получилъ я сегодня и приносимъ нижайшую благодарность за поздравленіе новымъ годомъ и за гостинцы. Изъ моего сюда переселенья вы видите, м. г., что я съ новымъ годомъ получилъ отставку. Мое намѣ-

реніе, прося объ оной, было переѣхать куда либо потеплее, для возстановленія здоровья жены моей, и для сего выбралъ было я полуденныя провинціи Франціи, ея родину. Здѣланныя мнѣ при семъ случаѣ вашимъ нечестивымъ землякомъ (Безбородкомъ) пакости, заставили насъ перемѣнить наше намѣреніе. Жена моя особливо уважа всѣ обстоятельства, убѣдила меня избрать лучше сей городъ мѣстомъ нашего пребыванія. И хотя наконецъ и дано намъ дозволеніе ѣхать во Францію и малую на то и заплату долговъ—помочь, мы пріѣхали до времяни сюда. Здѣсь всѣ ухищреніи двухъ злыхъ друзей будутъ тщетны; а тамъ много бы выдумали они небылицы. Итакъ, теперь, м. г., просимъ васъ употреблять насъ къ услугамъ вашимъ во всемъ, что для васъ здѣсь нужно быть можетъ. Мы крайне сожалѣемъ о случающихся вамъ болѣзняхъ и безпокойствахъ, и сердечно желаемъ, чтобъ впредь отъ нихъ чужды были. Новое ваше дѣло произошло, безсумнѣнія, отъ перваго: имъ нужно завязать васъ большими хлопотами. Я сожалѣю, что не могу служить по вашему желанію г. Комаровскому. Дѣло ваше по мой отъѣздъ было спокойно, и я не слыхалъ никакихъ движеній; да и думаю, что съ ихъ стороны его не пошевелятъ. Человѣкъ вашъ донесетъ о томъ обстоятельнее. О себѣ донесъ я вамъ, м. г., въ началѣ сего письма; а къ тому осталость присовокупить, что мы оба нездоровы и въ хлопотахъ, необходимыхъ при переселеніи. Мы уже здѣсь съ мѣсяцъ, и все еще у Василья Ивановича Баженова, не возмогши основать себѣ покойнаго уголка. Современемъ же, уповаемъ, мы здѣсь и здоровее и благополучнее будемъ тамошняго. По отъѣздѣ моемъ, безсумнѣнія, случалось уже много новаго, а потому я и ничего уже не могу съ основаніемъ сказать вамъ о дѣлахъ міра сего. Миръ между Франціи, Гишпаніи и Англіи вамъ извѣстенъ, и кажется ускоренъ, сколько по собственнымъ обстоятельствамъ, столько же и по вооруженіямъ здѣсь и у австрійцовъ. Что они значатъ, Богъ вѣдаетъ. Турки спокойны, и соглашаются на все, что имъ ни скажутъ. Но теперь другія замирясь могутъ уже мѣшаться. К. Гр. Ал. (Потемкинъ) ѣдетъ въ Херсонъ. Слуховъ здѣсь очень много, но много жъ, думаю, и пустыхъ.

Весна покажетъ ихъ яснее. Наши дѣла всѣ почти таковыжъ. Помянутая свѣтлость по своимъ дѣламъ, кажется, столь же сильна, какъ и прежде; но очень же силенъ и вашъ нечестивый (Безбородко). Все чрезъ его руки идетъ, а другія новыя и старыя ничто. Его италіанка, родня и любимцы продаютъ свои у него старанія по дѣламъ почти явно. Мимо сихъ двухъ дорогъ, равномѣрно трудныхъ и дурныхъ, едва что-либо здѣлать можно. Сей землякъ вашъ не таковъ уже съ своимъ другомъ, но наружно и въ общихъ видахъ еще хороши. Гр. Никита Ивановичъ потерялъ себя вездѣ. Путешественники съ своего возвращенія уже съ нимъ не таковы, каковы были прежде. Онъ рѣшился наконецъ ѣхать въ деревню. Давно бы пора; и лучше и почотнее для него былобъ. Что касается до помѣщенія племянниковъ вашихъ въ инженерной корпусъ, я отпишу съ первою почтою къ Афонасью Федоровичу, и объ отвѣтѣ его вамъ донесу. Я не могу сказать, можетъ ли онъ что нибудь теперь въ ономъ, не зная, кто имъ правитъ. Григорій Григорьевичъ (Орловъ) здѣсь и болѣнъ ослабленіемъ—и тѣла, и духа. Нѣтъ по сю пору надежды къ его исцѣленію. Мордвиновъ умеръ. Тотъ же, кто правитъ теперь, можетъ быть и некоротко знакомъ г. Балѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ, м. г—нѣ Оленѣ Ивановнѣ и любезнымъ дѣтямъ вашимъ нижайшее, вмѣстѣ со мною, почтеніе. О мытье шелковыхъ цвѣтныхъ и бѣлыхъ матерій поручила мнѣ донесть вамъ слѣдующее: надобно взять нѣсколько мѣшечковъ говяжей жолчи, распустить въ корытѣ теплой воды и мѣшать, чтобъ она вспѣнилась, какъ мыльная; она будетъ зеленовата и пахнуть мускусомъ, въ сей водѣ должно мыть все что надобно будетъ; а тѣ пятны, кои симъ мытьемъ не сойдутъ, натирать и мыломъ можно; и смывъ въ сей водѣ, полоскать въ чистой водѣ, и провѣсить, не давъ высушить совершенно, а проваливъ только, надобно выутюжить мытое, положа на тонкое полотно съ изнанки; тонкое полотно нужно, чтобъ отъ толстаго на утюженомъ ряды не отпечатались, а утюженье съ изнанки для того, чтобъ не заатласить. Симъ мытьемъ всѣ цвѣты оживляются, а бѣлое будетъ чище и ярче. Бумажное особливо надобно мыть съ жолчью, потому что въ обыкновенномъ мытье

желтѣетъ. Съ жолчью можно мыть все шелковое и бумажное, не исключая тафты и платковъ; атласы выходятъ удачнее всего. Григорій Ивановичъ (Полетика) прислалъ ко мнѣ предъ моимъ отъѣздомъ два пакета къ вамъ, м. г., кои имѣю честь при семъ приложить. Я получилъ отъ него и здѣсь письмо отъ 13 февраля. Онъ здоровъ и жалуется недосугами. Оканчивая сіе, прошу васъ вѣрить, что я всегда пребуду съ истиннымъ и совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, м. г., вашъ покорнѣйшій слуга Василей Шараповъ.

108) Якова Александровича Гамалѣи, изъ Пирятина, 1783 г., 24 іюля[1]).

М. г. мой Григорій Андреевичъ. Почтеннѣйшое и благоприятнѣйшое писмо ваше отъ 14 д. сего мѣсяца пущенное, имѣлъ я честь, съ чувствительнымъ для меня удовольствіемъ, получить вѣчерашняго числа, за неоставленіе коимъ и за присилку копій грамотъ признателнѣйше вамъ, м. г., благодаря, въ отвѣтъ доношу: при подачи доказательства на дворянство или шляхетство мое въ описаніи рода Гамалѣевъ, во всемъ имѣю послѣдовать наставленію вашему, и надѣюсь ктому склонить и братей моимъ родного Федора и двоюроднихъ Ивана и Михайла Осиповичовъ Гамалѣй. Чтожъ касается до рода Гамалѣй, произшедшаго отъ дѣда моего асаула генералного Михайла Гамалѣи, то у него било синовъ пять: 1) Иванъ, 2) Степанъ, третій отецъ мой Александръ, 4) Осипъ, 5) Федоръ, исъ коихъ у Ивана било синовъ два, Иванъ и Андрей, кои оба померли, первій оставя сина по себѣ Дмитрія, а другій безнаслѣдія; у Степана было синовъ два, Василей и Степанъ, и оба безнаслѣдія померли, у отъца моего: умершій братъ Семенъ, я и Федоръ; у брата Семена остался синъ Михайло, а у меня шесть синовъ: Юрій, Алексѣй, Данило, Платонъ, Петръ и Елесей. Братъ же Федоръ холостъ; у Осипа—Иванъ и Михайло, съ коихъ у первого синъ Яковъ у другого Дмитрій; у Федора жъ билъ синъ Михайло, но малолѣтнимъ умеръ. Вотъ увесь родъ отъ дѣда

---

[1]) См. выше письмо № 40.

моего Михайла происшедшій. А какъ и мнѣ надобно въ родословіе помѣстить господъ Гамалѣй Хлопецкихъ—Лаврентія, Василия и брата ихъ меншего, коего имени я незнаю, и Юдиновскихъ—Николая и Михайла, то о ихъ наслѣдіи описание мнѣ доставить всепокорнѣйше васъ, м. г., прошу! И къ Михайлу Ивановичу (Гамалѣѣ) попитаюсь написать, просячи у него копіи грамоты и чтобъ онъ единогласно съ нами родословную роспись къ доказателству шляхетства подалъ, и что потому послѣдуетъ, донесть вамъ не промину. Я бъ вседушне радъ съ вами выдѣтся и персоналное о семъ наставление отъ васъ получить, но должность моя (городничаго), не позволяетъ мнѣ изъ города отълучится, а какъ отъ меня обуволненіи отъ городничества до сего мѣсяцовъ за два поданна въ намѣстническое правленіе челобитна, и отъ тудова къ графу представленна, то сколь скоро получу уволненіе, такъ и радѣтиму всемѣрно персонално вамъ засвидѣтелствовать въ Ромнѣ или Николаевкѣ (когда въ сихъ мѣстахъ бить изъволите) должнѣйшое мое высокопочитаніе, съ коимъ и непремѣнною преданностію во всю жизнь пребуду и есмъ вашего высокоблагородія, м. г—ря, моего всепокорнѣйшій слуга Яковъ Гамалѣя.

P.S. М. г—нѣ Еленѣ Ивановнѣ мое почтеніе засвѣдителствовать, пожалуйте, не оставте.

109) Ивана Ивановича Борозды, отставн. генеральнаго бунчучнаго, изъ с. Медведова, 1783 г., 13 октября.

М. г. Григорій Андреевичъ. Какъ я васъ, м. г—ря, персоналне просилъ, такъ теперъ и писменно нижайше прошу сождать тѣхъ денегъ, которихъ вы изволите отъ мене требовать, хотя бы я вамъ и теперъ за благодареніемъ моглъ отъдать, но вѣрте, что ей крайняя нужда мнѣ и самому теперъ въ онихъ состоитъ; ежели вамъ теперъ отдать, то развѣ надобно въ кого другого занять, а какъ я на васъ надежду полагаю и отъ другихъ ни въ кого не хочу брать, то и прошу покорнѣйше чрезъ четири мѣсяца онихъ денегъ сождать, а въ генварѣ, среднихъ числъ, за благодареніемъ вашей дражайшей сожителницѣ имѣю отъдать; въ протчемъ какъ вамъ, такъ равно и всей почтенной

фамиліи вашей свидѣтельствую мое нижайшое почтеніе, съ которимъ пребываю навсегда м. г., вашего высокородія покорній слуга Іоанъ Борозднa[1]).

110) Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1783 г., $^{8}/_{19}$ апрѣля.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Писмо ваше отъ 28-го декабря и присовокупленный ко оному постскриптъ отъ 27-го генваря съ маленькою цыдулкою, получилъ я минувшаго марта 27-го числа, по нашему календарю, и теперь пользуясь отправленіемъ въ Санктпетербургъ находящагося здѣсь при князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ въ куріерской должности актуаріуса г. Ермолаева, принужденъ я съ одной стороны просить васъ, м. г. мой, братецъ, чтобъ вы, безъ дальнѣйшаго продолженія времени, приняли одно или другое намѣреніе о сыновьяхъ вашихъ, а съ другой объявить вамъ, что отнюдь не можетъ сіе здѣлаться, чтобъ они получили такіе чины, какихъ вы желаете, ибо сколько ни старался я уговорить Виртембергскаго резидента, чтобъ онъ попытался не можно ли выпросить для дѣтей вашихъ чиновъ, согласныхъ съ вашимъ желаніемъ, но онъ отъ того уклонился, объявляя, что мы можемъ испортить все дѣло новымъ, а притомъ такимъ требованіемъ, которое отъ герцога съ самаго начала предъупреждено даннымъ отъ его свѣтлости отвѣтомъ на учиненное ему внушеніе о моемъ намѣреніи, какъ то могли вы усмотрѣть изъ сообщеннаго вамъ отъ меня экстракта изъ писма, каково здѣсь изъ Стутгарда получено было въ свое время. Онъ же еще и тѣмъ доказывалъ невозможность успѣха въ новомъ вашемъ требованіи, что герцогъ въ прошедшемъ году принялъ въ свою службу двухъ имперскихъ принцовъ неинако, какъ подполковниками, изъ которыхъ одинъ родной его племянникъ и братъ великой княгини нашей, и что первые еще будутъ ваши сыновья, кои получатъ виртембергскіе чины, не будучи въ тамошней службѣ. Впрочемъ разсуждалъ онъ, что гораздо легче имъ будетъ получить вышшіе чины,

---

[1]) Объ этомъ Бороздпѣ см. „Кіевск. Стар." 1887 г., іюнь—іюль, стр. 393.

когда они пріѣдутъ въ Стутгардъ, и тамо нѣсколько времени послужатъ. Но какъ бы то ни было, пора вамъ, м. г. мой братецъ, рѣшиться и вывесть меня изъ стыда, въ который попался я чрезъ то, что здѣлавши Виртембергскому герцогу чрезъ резидента его предварительное внушеніе о намѣреніи моемъ къ предложенію его свѣтлости моей прозьбы, понынѣ я не произвелъ въ дѣйство сего моего намѣренія. Князя Адама Чарторижскаго здѣсь давно нѣтъ, да хотя бы онъ и былъ, то я не будучи ему знакомъ, не могу исполнить вашего твебованія. Содержаніе цидулки вашей, о которой въ началѣ сего писма упомянуто мною, подало мнѣ поводъ сообщить вамъ при семъ случаѣ копію съ полученнаго, въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ, княземъ моимъ отъ посла графа Стакельберга отвѣтнаго писма; посему и прилагаю при семъ оную копію, какъ для любопытства вашего, такъ и для того, чтобы посредствомъ ея найбольше еще доказать вамъ давно уже воспослѣдовавшее пресѣченіе раздачи королевскихъ патентовъ. При семъ же посылаю списанныя у меня для Ивана Андреевича и для Андрея Андреевича двѣ копіи съ прошенія, которое подавалъ я здѣсь его величеству императору о пожалованіи ихъ дворянами Римской имперіи, и прошу васъ, м. г. мой братецъ, доставить вѣрнымъ образомъ каждому изъ нихъ по одной изъ тѣхъ копій, которыя имъ у себя имѣть, кажется, не худо и неизлишно будетъ. Скажите, пожалуйте, имѣетъ ли дворянство Черниговской губерніи мундиръ свой по примѣру прочихъ губерній? Естьли имѣетъ (о чемъ намъ сказано здѣсь отъ проѣхавшаго предъ нѣсколькими днями въ Венецію совѣтника посольства г. Брайна), то пожалуйте увѣдомте меня, или лучше сказать, пришлите мнѣ обстоятельное о цвѣтахъ онаго мундира описаніе, такожъ и о прочемъ, въ чемъ онъ состоитъ? Носите ли вы его? Правда ли, что тотъ только дворянинъ, по силѣ учиненнаго отъ государыни генералу прокурору письменнаго объявленія, можетъ носить мундиръ своей губерніи, который имѣетъ въ ней помѣстье? и не можно ли достать и ко мнѣ прислать копію съ онаго объявленія. Бога ради! старайтесь, м. г. мой братецъ, окончить ваши дѣла и обезпечить имѣніе ваше такимъ

образомъ, чтобы уже ни вамъ, ни потомкамъ вашимъ не имѣть дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ тяжебныхъ, и чтобы хотя при старости пожить вамъ въ покоѣ, чего я вамъ отъ всего сердца желаю, не менше какъ и совершеннаго и долголѣтнаго здоровья, а притомъ и того удовольствія, чтобъ вы могли въ хорошемъ возрастѣ и состояніи видѣть вашихъ внуковъ и внучекъ, пребывая впрочемъ съ непремѣнною и ненарушимою къ вамъ преданностью, вашъ, м. г-ря... братъ и слуга Григорій Полетика,

P. S. Другъ нашъ Василій Александровичъ Шараповъ благую часть избралъ, но я крайне сожалѣю для васъ и для себя, что онъ не въ Санктпетербургѣ, ибо чрезъ сіе его удаленіе мы оба много теряемъ. Пожалуйте, м. г. мой братецъ, рѣшите сумнѣніе наше и изъясните намъ, сколько чиновныхъ классовъ по военнымъ рангамъ щитается у насъ, и какимъ образомъ? а имянно: составляетъ ли капитанъ порутчискій рангъ особливый классъ, или нѣтъ? и не щитается ли сержантскій чинъ въ какомъ либо послѣднемъ классѣ, то-есть въ четвертомнадесять, или въ пятомнадесять? Въ заключеніи всего сего я еще прошу увѣдомить меня, освѣдомясь вѣрнымъ образомъ, сколько лѣтъ всего навсе былъ въ службѣ Василій Александровичъ или въ которомъ году вступилъ онъ въ службу?

111) Ивана Николаевича Ханенка [1], *(изъ Погара?), 1783 г., 3 мая.*

Высокоблагородный и достойнопочтенный господинъ коллежскій совѣтникъ, Григорій Андреевичъ. Повторяя прежнее мое и дворянъ уѣзда Погарскаго внесенное къ вамъ прошеніе о безъотрицателномъ принятіи на себя той депутацыи, въ которую на основаніи всевысочайшаго соизволенія дворянское уезда Погарскаго общество избрать васъ честь имело, при ономъ за нужно изъяснить нахожу, что по резону объявленного вашимъ высокоблагородіемъ чаянія могущаго быть отъ другова

[1]) См. Опис. Смар. Марлор., I, 80

уезда такова жъ на васъ выбора, хотя дворяне здешние согласились было на такой случай избрать въ депутацію г. уезднаго здѣшняго судію Петра Косача, но какъ по репорту моему г. губернскій предводитель въ резолюцыю предлагаетъ, что занятого должностию избирать въ сию депутацыю дело есть сомнителное, притомже и выборъ отъ другова уезда можетъ статся палъ на иного, то въ сѣмъ разсужденіи дворяне уезда Погарского оставшись при первомъ своемъ на васъ утвержденномъ выборе и находя въ особѣ вашего высокоблагородія те достоинстра, съ коими по силѣ высочайшаго соизволения въ комисіи о разборѣ дворянства депутату быть надлежитъ, темъ самимъ дали мнѣ право и повторить вышеписанное къ вамъ о безъотрицательномъ приемѣ на себя сей депутацыи прошеніе, которое я именемъ всего общества дворянского уезда Погарского усугубляю къ вамъ и въ той надеждѣ, что ваше высокоблагородіе общей прозьбы сей отрынутою не оставите. Репортовалъ уже о семъ и г. губернскому предводителю. Съ каковымъ прошеніемъ, при должномъ моемъ почтеніи, и пребыть честь имею, м. г., вашъ всепокорнѣйшій слуга Иванъ Ханенко.

112) Катерины Павловны Краминой, изъ с. Федоровки, 1783 г., 19 мая.

М. г. мой Григорей Андреевичъ! Чрезъ сію аказію не премину я вамъ донесть, што я оставшись после покойнова мужа моего Кондратья Петровича Битяговского с малыми сиротами, вышла замужъ за Абшеронсково пехотново полку подполковника Матвея Ильича Крамина, и неимѣя никакова сведения о деле съ господами Корсаками, а какъ вы тутъ же интересованы, то я покорно прошу меня чрезъ сево моево человѣка уведомить, какой успехъ вы имеете и решено ли оно и в вашу ли ползу и прислано ли уже в наместничество, штобъ васъ удоволствовать. Я еду в августе в Петербурхъ по другимъ моимъ деламъ, то нужно мне и о етомъ совершенное иметь сведение.

Впрочемъ с почтениемъ навсегда останусь вамъ, м. г—рю моему, пакорная услужница Катерина Крамина[1]). (*Собственноручное*).

113) Василія Ивановича Скоропадскаго, изъ Глухова, 1783 г., 16 іюня.

М. г. Григорій Андреевичъ. Между нѣкими сгорѣвшими облигами, тотъ который по справедливости мение меня тревожитъ, есть конечно вашъ, и въ сихъ мысляхъ пребывая, не посылалъ до сего времени утруждать васъ, твердо увѣренъ будучи, что лишеніе его ничему меня не подвергаетъ. Естлижъ сіе теперь творю, то единственно для того, что долженъ въ скоромъ времени отправится въ полкъ, что и побуждаетъ меня послать вамъ сего человѣка, имѣющаго всю мою довѣренность, коему прошу поручить его на извѣстную вами сумму и быть увѣренну, что всегда буду съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ, м. г., вашимъ покорнымъ слугою Василій Скоропадскій[2]).

114) Василія Ивановича Скоропадскю, изъ с. Локни (Кролевецк. у.), 1783 г. 30 іюня

М. г. Григорій Андреевичъ! Приятное письмо ваше, которое я имѣлъ честь получить 26 числа текущаго мѣсяца, тѣмъ больше для меня лестно, что происходитъ отъ такого человѣка, къ которому фамилья наша имѣла особливое почтеніе, и я нахожу себя щастливымъ, что сей случай открывши путь къ вашему знакомству, являетъ мнѣ, что удостоиваете меня тою любовію, опыты которой будучи извѣстны, побуждали искать вашего дружества, которое потщусь пріобрѣсть и учинится онаго достойнымъ. А между тѣмъ увѣдомляю васъ, что хотя по учиненому между нами договору, достался облигъ вашъ сестрѣ

---

[1]) Катерина Крамина—внучка старшаго сына гетмана Апостола Ивана и дочь прапорщика Семеновскаго полка Павла Ивановича Апостола. Иванъ Даниловичъ Апостолъ былъ женатъ на Еленѣ Михайловнѣ Корсакъ, почему Крамина и была участницею въ процесѣ съ Корсаками за наслѣдство своей бабки.

[2]) О В. И. Скоропадскомъ см. Опис. Ст. Малор., I, 109.

моей, однако за особливое удовольствіе поставитъ она себѣ угождать вамъ во всякихъ случаяхъ, тѣмъ же охотнѣе теперь, что будетъ въ состояніи доказать вамъ, что нещастныя наши приключеніи не истребили того усердія, которое имѣла къ вамъ фамилья наша и съ коимъ пребуду всегда вашимъ покорнымъ слуга Василій Скоропадскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ библіографіи малорусскихъ сказокъ. Въ № 3 «Этногр. Обозр.» за 1893 годъ напечатанъ этюдъ Н. Ѳ. Сумцова «Малорусскія сказки по сборникамъ Кольберга и Мошинской». Въ настоящей нашей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду дополнить статью г. Сумцова, указаніемъ на нѣкоторые печатные варіанты, опущенные имъ, и познакомить читателей съ нѣкоторыми новыми варіантами на затронутыя имъ темы, находящимися въ нашемъ рукописномъ собраніи и записанными въ елисаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи.

Въ экскурсѣ *о завистливой женѣ купца* (№ 8) г. Сумцовымъ не указанъ варіантъ Чубинскаго, стр. 71 № 17 («Царевичъ—на потылыци звизда, а на лоби мисяць»). Въ нашемъ собраніи имѣется любопытный варіантъ, который находимъ нужнымъ привести цѣликомъ.

Про брата и сестру. Въ однимъ городи живъ купець со своею жинкою. Булы у ныхъ дыты, хлопець и дивчина. Купець бувъ такый богатый, що въ городи тимъ ны було такого чоловика, щобъ винъ богачимъ бувъ за нёго. Купець бувъ всимъ счаслывый, тилько одна въ нёго була обида, що бувъ слабый. И де винъ не бувъ, кажного ликаря одвидавъ, а все таки вмеръ, а ёго жинка за нымъ затужила и худко умерла-жъ. Писля смерти купця и ёго жинки прышлы городски паны, все добро спысалы и подъ опеку виддалы, а дитей, поки выростуть, добри люды розибралы. Не дуже гарно було дитямъ безъ батька и матери, но воны вырослы, взялы отъ опеки все свое добро и сталы торговать, якъ ихъ батько. Братъ любывъ свою сестру, якъ душу, а якъ прышла та годына, що треба брату женыцця, то винъ ны хотивъ и женыцця, щобъ не розійтысь съ сестрою. Братъ часто йиздывъ по базарахъ и торгувавъ

всякымъ товаромъ, а сестра ёго дома робыла, що треба. Разъ прыйихавъ братъ зъ базару и сестри все росказавъ, що чувъ й бачывъ, и скилько грошый втурговавъ, а потимъ сказавъ: «выходь, сестро, замижъ, або я буду женыцця». Сестри заразъ не наишовся молодый, а въ брата вже була молода,—и скоро було весилля. Зразу жилось сестри зъ братомъ и нывисткою добре, а черезъ рикъ стала нывистка обижать сестру, та словамы побрихала и задумала, щобъ чоловикъ іи прогнавъ зъ двору. Братъ не слухавъ жинкы и сыстру все-таки любывъ. Разъ пишовъ братъ до одного чоловика въ гости, а жинка пишла въ хливъ и зарубала найлуччого коня, и якъ винъ прыйшовъ додому, то вона чоловикови сказала, що его сестра зарубала коня. Винъ и за це сестру не лаявъ. Баче жинка, що нуякъ ны може россердыть чоловика, и стала прыдумувать таку брехню, щобъ поставыть по своему. Пойихавъ винъ по базарамъ и съ пивъ-року не бувъ дома. Ажъ прыйихавъ до дому—его жинка мала дытыну, заризала іи и на стилъ положыла. Входе чоловикъ въ хату и дывыцця; на столи заризана дытына! «А це що, жинко?» —А це наша дытына, що твоя сестра заризала!—Россердывся братъ на сестру и заразъ завизъ іи въ лисъ и отрубавъ іи рукы. Наробыла крыку вона и на іи крыкъ заразъ прыбигъ сторожъ и, чымъ знавъ тымъ личывъ іи, поки не загоивъ рукы. Не довго сторожъ державъ безруку дивку у себе; давъ іи въ торбу хлиба и прогнавъ съ хаты. Пишла безрука дивка по свиту и добры люды іи годувалы и дальше посылалы, и такъ вона съ села въ село ходыла, поки дошла до того города, де живъ царь. На степу коло того города бувъ садокъ царскій, и безрука дивка зашла въ него и тамъ проживала. Въ тимъ садку було всякихъ ягодъ доволи,—вона ротомъ яблокы и груши доставала и богацько половынокъ оставляла. Прыйихавъ разъ въ садокъ царскый сынъ и дывыцця, що яблокы и груши попсованы;—заразъ пишовъ по садку и найшовъ безруку—дивку. Довго роспытувавъ винъ іи, видкиль вона и хто іи отрубавъ рукы,—вона правды ему не сказала. А якъ йихавъ винъ до дому, взявъ съ собою безруку и такъ іи полюбивъ, що женывся на неи. Скоро писля висилля була война и винъ съ солдатами пойихавъ на войну и довго тамъ бувъ. Черезъ рикъ его жинка близнятъ мала и обыдва хлопци, и таки гарны, що такихъ и на свити ны було. Заразъ послала безручка москаля до царя извистыть, що вона пародыла сынивъ, и, що знала, то въ письми напысала. Москаль съ письмомъ пойихавъ до царя и йихавъ черезъ той городъ, де безручкинъ братъ

живе. Йиде москаль по городу и ставъ пытаты, де можно переночуваты, бо бувъ уже вечеръ. Якъ разъ попавъ винъ въ той двиръ, де живъ безручкинъ братъ. Москаля ночуваты ны пускалы, а якъ росказавъ, куда йиде, и видъ кого письмо везе, то заразъ его горилкою напоилы и спать уложилы. Спавъ москаль, ажъ хропивъ, а безручкинъ братъ и жинка его взялы письмо, прочитилы, а друге написалы, що его жинка родыла двухъ цуцынятъ. Прокынувсь москаль и того ничого ны знавъ, и пойихавъ до царя. Царь письмо получивъ и якъ прочитавъ; то ны знавъ, що ему робыты съ такою жинкою. Довго туживъ царь и письмо таке написавъ: «до мого прыйизду нычего іи ны робить». Йиде москаль съ письмомъ до дому и зновъ заихавъ до брата безручкы,—такъ его добре горилкою тамъ угостылы и просылы, щобъ, якъ буде назадъ йихать, то зайихавъ бы до нихъ. Прыйизжае москаль до безручкина брата; его зновъ угостылы горилкою, ще лучче, якъ той разъ, и колы винъ заснувъ, письмо въ него взялы и друге написалы: «до мого прыйизду щобъ ны було іи духу,—або вбыйте, або повишайте!» Письмо министры получилы и прочыталы, но пожалилы іи вбиты, а зробылы дви торбынкы, повисылы на шыю и іи сынивъ въ ныхъ положилы. Пишла безручка зъ двору, гирко заплакала и нызнала, за що іи такъ Богъ покаравъ. Выйшла вона зъ города и пишла дорогою. Попадалысь іи люде добры и не добры,—вона все терпила и Богу усердно молылась. Прыйшлось іи разъ переходыть черезъ ричку, и нагнулась вона воды напыцця, а диты у ней съ торбы и попадалы въ воду. Скочыла вона въ воду и думала ихъ словиты, а чимъ, якъ нема рукъ? Но всякый знае, що Богъ мылосердный, то вона стала Бога просыты и іи Богъ давъ, що зновъ вырослы рукы и вона половыла своихъ дитей, та й пишла въ той городъ, де живъ іи братъ, и нанялась у него. Кончилась война, царь съ військомъ вертався додому, и на счастя остановився въ тимъ городи, де жила его жинка, и въ ти хати ночувавъ. Ему не хотилось спаты и винъ спытавъ хозяина, хто въ него живе, и чи нема такого хлопця, щобъ вмивъ сказки говорить? Хозяинъ прывивъ хлопця своеи роботныци, царь подывывся на хлопця и каже; «ну, роскажи що ныбудь!» — «Я вамъ роскажу, тильки хто мене перебье, то съ того сто рублывъ!» (Хлопецъ, въ присутствіи хозяина и хозяйки, разсказываетъ судьбу своей матери; тѣ перебиваютъ его словомъ «брешешь» и платятъ штрафъ. Въ заключеніе они были повѣшены и царь снова соединился съ

своей женой). Запис. Ал. Школа въ пос. Новоархангельскѣ елисаветградскаго у.

По другому варіанту (запис. А. Янковскимъ въ д. Красноглазовой, бл. Елисаветграда), жена возненавидѣла сестру мужа за исключительное вниманіе, которое онъ оказывалъ послѣдней: «бо кажинъ разъ іи чоловикъ, якъ уходывъ у лавку, то прежъ сестри казавъ «прощай», а якъ приходывъ, то опьять сестри казавъ прежъ «здрастуй». Злая жена дѣйствуетъ по внушенію волшебницы. Убивъ дитя, она вложила сестрѣ въ руку ножъ. Въ царскій садъ безручка проникаетъ ночью, черезъ водомоину подъ заборомъ; ее подстерегли и поймали сторожа. Солдата, везущаго письмо, отправляютъ въ баню, чтобы выкрасть письмо. Безрукой привязали спереди дитя и прогнали ее, согласно подложному распоряженію мужа. Она нанимается къ брату кучеромъ и, подъ видомъ кучера разсказываетъ царевичу исторію его жены.

На тему «*Три загадки* (№ 49) въ нашемъ собраніи имѣется слѣдующая *сказка-загадка.*

Мене маты ны родыла, ны поила, ны кормыла, и я іи ны почитаю, бо я іи на рукахъ маю.

Отгадка: Бувъ соби одынъ помѣщикъ и була у его жинка, та померла, и остався винъ вдовець, та ны довго горювавъ: найшовъ соби горнышну, и та горнышна у его служила, и до того дослужилась, що ны сегодня-завтра мае родыты, та ны родыла вона ему ничого, бо померла, и вздумавъ той помѣщикъ іи поховать; та якъ побачивъ, що вона така гарна, що неначе спыть, то здумавъ заховать іи въ погреби; засвитывъ надъ нею лампадку и заперъ двери, а ключъ узявъ соби. Прыходе винъ одного дня подывыцця на покойныцю, а вона ище лучча! И каже вона ему: «возьми ножъ, разрѣжь мнѣ грудь и возьми твоего ребенка!» А якъ винъ любывъ іи, то такъ и зробывъ,—вынувъ дытыну, зашивъ іи груды, а тимъ часомъ его сынъ выросъ на три сажени вгору и каже: «поѣзжай въ тридесятое царство, тамъ моя невѣста, ты сдѣлай условіе, когда за ней пріѣзжать». Батько сказавъ: «хорошо», и оддавъ ключи сыну, а ключъ отъ погриба, де була его маты, схововавъ у себе пидъ пырыну. Якъ уйихавъ батько, то сынъ ходывъ по хозяйству и глядивъ, що тамъ е; та ны найшовъ ключа отъ одного погреба, и пишовъ винъ шукать ключъ по кимнатахъ, и найшовъ его у спальни пидъ пырыною. Оччыняе погребъ и баче: горить лампадка; винъ злякався, одначе ввійшовъ у погрибъ, чуе, що хтось говорыть у погриби

«мылое и драгоцѣнное мое чадо, иды до мене, я хочу тебѣ что-то сказать: я сейчасъ должна умереть». Винъ пидійшовъ до неи, а вона каже: «отрѣжь мою грудь, оддай чинцю, пускай вычинить и здѣлай изъ нихъ (sic) перчатки, потому что, когда пойдешь сватать невѣсту, то вона загадае тебѣ загадку: «йихало добро, сострило зло и зло со зломъ начало битця, вынуто зло и разбороныло зло со злымъ», ты же скажешь: мнѣ самому это случилось,—я ѣхалъ дорогою и увидѣлъ—змѣя дралась съ лягушкой, я вынулъ саблю и разрубалъ лягушку и змѣю», а теперь, скажи, послушайте мою загадку: мене маты ны родыла, ны кормыла, ны поила, и я іи ны почитаю, бо я іи на рукахъ маю». (Запис. В. Лутковскій, въ д. Алексѣевкѣ елисав. у.).

О *брехачѣ и побрехачѣ* (№ 52) не указанъ варіантъ Манжуры 81. У насъ имѣется три варіанта, но всѣ не важные.

Удачная продажа (№ 60). Опущены вар. Чубинскаго, 495 Драг. 332.

Мужъ и три любовника его жены (№ 65). Не указанъ варіантъ, напечатанный нами въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Стар.» за 1894 г.; тамъ даны нѣкоторыя литературныя указанія.

Про дѣдовы козы (№ 70). Можемъ указать слѣдующіе варіанты: Рудченко I, 43 № 25, Мордовцевъ, Малор. лит. сб. стр. 361 № 9 Закревскій, Стар. банд. I, 35 № 34, Антоновичъ и Драг. I, 138 № 37, 134 № 36; у Чубинскаго, на котораго у г. Сумцова есть общее указаніе, можемъ указать №№ 128 и № 26 на стр. 947.

При разсмотрѣніи сборника Мошинской въ экскурсѣ № 6 «*Про милосерного хлопця*» опущенъ обширный вар. Чубинскаго. 52 № 14.

На тему о *мачихѣ и ея дочкѣ* (№ 9) у насъ имѣется варіантъ который считаемъ нужнымъ привести цѣликомъ, такъ какъ, кромѣ сборника Мошинской, мало извѣстнаго русскимъ этнографамъ, другого малороссійскаго варіанта въ печати намъ неизвѣстно.

Дидъ и баба. Жилы соби дидъ и баба, и у ихъ була дочка. Якъ було уже доцци восемнаццять годъ, то іи маты умерла. Дидъ жинывся на другый жинци, и въ тыи жинки була дочка тоже. Мачиха ны любыла дидовой дочкы, вона же надоидала дидови, щобъ винъ выгнавъ дочку. Дидъ поклыкавъ до себе дочку и сказавъ «іи; твоя матиръ тебе ны любе и каже мини, щобъ я тебе выгнавъ; иды куда ныбудь служить!» Тоди дочка дидова попрощалась за батькомъ и пишла соби. Иде вона по полю, а передъ нею стоить обвалена пичь. Пичь та и просе іи: «поправъ мене, я тоби у пригоди стану!»

Тогда дивка взяла, поправила пичь и пишла дальше. Иде вона, а передъ нею стоитъ обвалена крыныця и каже іи: «поправъ мене, поставъ на мисто доскы, я тоби колысь въ пригоди стану!» Та дочка взяла, поправила крыныцю и пишла соби прямо въ городъ и нанялась служить у одныеи барыни. Служыть вона у неи годъ, другый; на другый годъ барыня сказала іи: «пошукай у мене въ голови!» Та взяла грибинець и начала ськать. Въ то времня у дивкы съ ока упала здорова горяча слеза, прямо барыни на лыце. Барыня тоди встала и пыта іи: «за кимъ ты скучила, за батькомъ, чи за матерью!» — «За батькомъ».—Барыня тоди іи сказала: «ну, колы ты скучила, то иды въ коморю, выбери соби якый ты хочишь сундукъ и иды до дому». Якъ пишла вона въ коморю, то побачила, що тамъ есть багато разныхъ сундукивъ—ловкихъ и поганыхъ. Дивчина взяла найпаганійшій сундукъ и пошла соби до дому. Иде вона додому, а іи навстрѣчу попалась крыныця, така ловка, шо та ажъ злякалась, а наверхъ воды плавае золотая чашка. Дивка тоди взяла чашку, напылась воды, поблагодарила крыныци и пишла въ путь. Иде вона, а іи навстричу попадаицця пичь,—вымазана, така брава, а въ іи лежать калачи и разны кушанья. Дивка тоди выняла все съ печи, наилась, поблагодарыла и пишла додому. Якъ прійшла вона додому, то показала батькови сундукъ. Батько оччынывъ сундукъ и побачывъ, шо въ ему есть золото та серебро. Мачихина дочка позавыдовала дидовой доцци и сказала матери своей: «я пиду служить, може и мини Богъ поможе достать золото!» Пишла вона въ той самый городъ служить. На дорози попалась іи та сама пичь и каже іи: «поправъ мене, бачъ, яка я упять разваляна!» А та іи сказала: «вишь яка! буду для неи батькови та материны руки марать!» Та пичь ничого іи не сказала, а дочка мачихина пишла дальше. Иде вона, іи попадаицця на встрѣчу крыныця и каже: «подчыны мене, бачъ, яка я разваляна!» Та сказала іи: «убирайся соби изъ своею поправкою! шо я для тебе буду руки марать!»—сказала и пишла дальши. Прійшла вона въ городъ и нанялась къ тои самои барыни. Разъ барыня въ недилю пишла въ церкву, и роботници приказала сварыть обидъ. Та роботныця взяла у іи дитей поодризувала у одного палыць, а у другого ногу, наварила обиду и поставила на стилъ; тоди выйшла съ хаты, пишла въ коморю, выбрала самый луччый сундукъ и утикла. На дорози іи попадаицця крыныця, уже прибрана, ловка, и поверхъ воды плавае золота чашичка. Та хотила взять, напыцця воды, но тики простягне руку, чашка заразъ потоне. Довго вона морочилась, но не

могла піймать, такъ и пишла дальше. Иде, а навстричу іи пичь, а въ іи лежать брави булки. Вона хотила достать, но заслонка заразъ закрылась, такъ вона и тутъ ны могла достать и пишла до дому. Якъ прійшла вона до дому, то війшла швыдче у хату и показала матери сундукъ. Мать роскрыла сундукъ, а въ сундуку булы тики мыши, жабы, крысы. То дивчина розызлилась, но ничого було робыть. Взяла, въ своей коморци выкопала крыныцю и выкынула все туда изъ сундука. Въ те время якъ прійшла вона до дому, дидова дочка уже выйшла замижъ. Мачихина дочка була уже зла на дидову, узяла іи до себе въ хату и зробыла ласточкою, а сама пишла до іи чоловика и стала жинкою замѣсто неи. У тыеи дочкы уже була дытына, и роботныця цилу ничь коло неи сыдила. Якъ прійде ничь, то ластивочка заразъ прылетыть до дверей и просыцця у роботныци въ хату покормыть дытыну. Іи чоловикъ це замитывъ и якъ вона прылетила у хату, винъ схватывъ іи и додержавъ до свита, а днемъ роспытавъ іи все, и вона ему росказала усе, якъ було. Тоди винъ россердывся на мачухину дочку и убывъ іи, а самъ живъ та поживавъ, та добра наживавъ. (Запис. отъ крест. мальчика изъ м. Плетеный Ташлынъ елисав. у.).

Про сучича (№ 10). Не указаны варр. Рудченко II, № 23. Манжуры 24); у Чубинскаго можемъ указать въ II т. № 68 на стр. 252 и № 99 на стр. 256 и въ I т. 312; конецъ сказки у Максимовича II, 487. Въ нашемъ собраніи есть варіантъ изъ д. Красноглазовой, запис. А. Янковскимъ, изъ котораго приводимъ оригинальное начало сказки.

Чабанъ Картоусовъ. Живъ-бувъ царь, захотивъ винъ найнять до свого стада овець чабана, пидъ тымъ условіемъ, щобъ у стади ни було ни убытку, ни прибытку, и щобъ винъ пасъ симь литъ. Обозвался одинъ Чабанъ Картоусовъ: «я выпасу». Выйшовъ у поле зъ вивцями и каже: «гей, штыри, быри, семь сотъ и чотыри, семь годъ попасу, царя съ царьства ссадю!» Почулы це цареви слуги и донесли до царя. Выгоныть чабанъ на другій день вивци, и царь выславъ своихъ слугъ. Опьять чабанъ каже: «гей, штыри, быри, семь сотъ и чотыри, семь годъ попасу, царя съ царьства ссадю.» Слуги опьять донесли до царя. На третій день вже самъ царь выйшовъ послухать, чи правда тому, що ему казалы его слуги. А чабанъ, якъ выгнавъ вивци, та й каже опьять и при царю: «гей, штыри, быри, семь сотъ и чотыри, семь годъ попасу, царя съ царьства ссадю!» А царь и говорить: «ни, чабанъ Картаусовъ, ты мене

ни ссадышь съ царства». Чабанъ на це саме и каже царю: «дайте мини дванадцять совдатъ и двинадцять колодивъ картъ». Царь ему давъ то, чого винъ просывъ. Чабанъ узявъ исъ собою совдатъ и карти и пійшовъ до змія (Дальше слѣдуетъ разсказъ о борьбѣ со зміями съ общеизвѣстными подробностями, въ концѣ концовъ царь уступаетъ чабану царство). Въ приведенномъ варіантѣ, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе имя героя, которое не извѣстно печатнымъ варіантамъ. Въ другомъ, имѣющемся у насъ, варіантѣ фигурируетъ это же имя, въ нѣсколько измѣненной формѣ и въ приложеніи не къ чабану, а къ царю: «бувъ царь Картаусъ, безъ бороды и безъ вусъ, и не мавъ дитей»; далѣе слѣдуютъ извѣстныя подробности о чудесномъ зачатіи отъ съѣденной рыбы и о подвигахъ Ивана царевича, кобылевича и сучкевича.

В. Ястребовъ.

Собраніе древностей Ч. В. Хвойки въ Кіевѣ. Благодаря любезности владѣльца, намъ недавно удалось осмотрѣть его коллекцію мѣстныхъ древностей. Ч. В. Хвойка, чехъ по національности, задался цѣлью собрать все, болѣе или менѣе характеризующее прошлое древнѣйшей русской области. Результатомъ пятилѣтнихъ усилій явилась небольшая, но, во многихъ отношеніяхъ, очень цѣнная коллекція. Мы не намѣрены входить здѣсь въ детальное описаніе всѣхъ предметовъ, составляющихъ эту коллекцію, ограничимся лишь общимъ обозрѣніемъ съ цѣлью главнымъ образомъ показать, что можно сдѣлать даже единичными усиліями и при сравнительно небольшихъ средствахъ, умѣло и толково относясь къ дѣлу. Начнемъ съ первобытнѣйшихъ древностей. Два года тому назадъ, на Кирилловской улицѣ, случайно были открыты слѣды человѣка палеолитической эпохи; они подробно обслѣдованы профессорами Антоновичемъ и Армашевскимъ, и находку эту можно считать самой древней среди немногочисленныхъ другихъ такого рода, обнаруженныхъ до сихъ поръ въ Россіи. Умѣстнымъ будетъ здѣсь замѣтить, что благодаря именно г. Хвойкѣ, впервые обратившему вниманіе на эти рѣдкіе остатки первобытной культуры, и было возможно изслѣдовать ихъ на мѣстѣ, въ нетронутомъ еще видѣ, что является необходимымъ для опредѣленія эпохи, такъ какъ въ подобнаго рода находкахъ громадное значеніе имѣетъ точное опредѣленіе геологическаго ихъ положенія; предметовъ изъ этой находки въ собраніи г. Хвойки немного—нѣсколько отбив-

ныхъ кремней, куски костей мамонта, вмѣстѣ съ которыми найдены кремни; самый цѣнный экземпляръ—кремневое ядрище со слѣдами отколотыхъ орудій, ясно показывающее, что въ данномъ случаѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ искусственной обработкой кремня. Гораздо полнѣе и разнообразнѣе, какъ и слѣдовало ожидать, представлена неолитическая эпоха.

Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ найдены предметы палеолитическаго періода, только въ болѣе высшихъ слояхъ, г. Хвойкой собранъ довольно полный подборъ орнаментированныхъ черепковъ, кремневыхъ орудій и два очень интересныхъ экземпляра костяныхъ долотъ; изъ другихъ такъ называемыхъ стоянокъ неолитической эпохи, есть коллекція изъ песчаныхъ бугровъ, лежащихъ между м. Трипольемъ и с. Злодіевкой; стоянка эта открыта нами въ 1888 году [1]) и, по массѣ находимыхъ тамъ предметовъ, является одной изъ самыхъ богатыхъ среди другихъ приднѣпровскихъ. Сходныя по содержанію небольшія коллекціи есть также и изъ овруцкаго у. волынской губ. Превосходный образецъ посуды каменнаго вѣка представляетъ большой горшокъ, найденный на стоянкѣ, также открытой нами на берегу Днѣпра между Кіевомъ и Вышгородомъ. Предметовъ изъ стоянокъ въ общемъ немного, но они вполнѣ достаточны для характеристики, такъ какъ вообще такого рода стоянки по составу даютъ все одни и тѣ-же типы. Въ гораздо большемъ числѣ собрана коллекція шлифованныхъ каменныхъ орудій; здѣсь можно встрѣтить всѣхъ представителей, начиная съ кремневыхъ клиньевъ (по большей части изъ овруцкаго у.), кончая превосходно сработанными топорами, молотами, украшенными иногда гравированнымъ или обронным орнаментомъ; отмѣтимъ тутъ выдающіеся по величинѣ топоры-клинья изъ кіевск. губ., нѣсколько недоконченныхъ орудій и очень рѣдкій экземпляръ шлифовальнаго камня, на которомъ отдѣлывались оружія; повторяемъ—коллекція шлифованныхъ, спорадически найденныхъ орудій, по количеству и типамъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нашъ край не богатъ бронзой,—это отразилось и на собраніи г. Хвойки; предметовъ этого періода всего нѣсколько штукъ, между ними заслуживаютъ вниманія часть широкаго бронзоваго браслета со спиральнымъ орнаментомъ и бронзовая булава; въ собраніи было также

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1890 г., апрѣль—„Первобытный человѣкъ на берегахъ р. Днѣпра вблизи Кіева“.

два бронзовыхъ ножа, что представляетъ для нашей мѣстности положительную рѣдкость, но они поступили въ Имп. Археологич. Коммиссію. Не останавливаясь на скифскомъ періодѣ,—предметовъ этого періода въ собраніи почти нѣтъ, и объясняется это тѣмъ, что г. Хвойка раскопками кургановъ не занимается (по той-же причинѣ отсутствуютъ и предметы языческаго славянства), переходимъ къ великокняжеской эпохѣ. Усложнившаяся жизнь, культура, сдѣлавшая большіе шаги впередъ, имѣли результатомъ увеличеніе числа и формъ тѣхъ предметовъ домашняго обихода, которые являются выразителями внѣшней стороны этой культуры; собрать все, такъ или иначе характеризующее эту эпоху, конечно не подъ силу не только частному лицу, но даже и общественному учрежденію,—г. Хвойка и не имѣлъ въ виду такихъ широкихъ цѣлей; ограничившись однимъ только видомъ предметовъ, онъ достигъ въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ, предметы эти—гончарство великокняжеской эпохи, главнымъ образомъ въ мелкихъ его представителяхъ; подборъ ихъ составляетъ очень цѣнную и, можно сказать, единственную въ своемъ родѣ коллекцію; особенно интересны тѣ фабричныя клейма, которыми снабжали сосуды, они ждутъ подробнаго и тщательнаго изслѣдованія. Довольно многочисленъ также отдѣлъ желѣзныхъ предметовъ—разнаго рода орудія, вооруженія; есть также нѣсколько представителей типичныхъ для этого періода украшеній, достигшихъ уже въ то время высокой художественности и изящества. Обращаемъ вниманіе на предметы, найденные на Флоровской горѣ (Киселевкѣ); ихъ много—костяные, бронзовые, глиняные; многочисленны и своеобразны костяныя издѣлія,—несомнѣнно, что на Флоровской горѣ существовало производство ихъ, на что указываютъ начатые отдѣлкой, недоконченные экземпляры, замѣчательную по рѣдкости вещь представляетъ небольшая рѣзная изъ кости фигурка человѣка, играющаго на инструментѣ вродѣ балалайки; къ сожалѣнію, голова этой фигурки не сохранилась; другой рядъ предметовъ говоритъ о томъ, что тутъ же изготовлялись и металлическіе предметы—крестики, украшенія и т. д., въ собраніи г. Хвойки есть нѣсколько формъ для отливки ихъ; формъ, найденныхъ на горѣ Киселевкѣ и пріобрѣтенныхъ г. Хвойкой, было гораздо больше, но большинство ихъ поступило въ Имп. Археол. Коммиссію. Въ 1888 году, при осмотрѣ мѣстности, лежащей за оградой Флоровскаго монастыря, въ рытвинахъ и обвалахъ нами было подобрано нѣсколько мелкихъ вещичекъ великокняжеской эпохи; впо-

слѣдствіи число ихъ увеличилось, и въ свое время [1]) я высказалъ предположеніе, что гора Киселевка входила въ составъ древняго Кіева,—предположеніе это теперь подтверждается; мѣстность эта заслуживаетъ особаго вниманія, тамъ необходимо произвесть правильныя раскопки и сохранить такимъ обр. ее отъ тѣхъ хищническихъ набѣговъ разныхъ промышленниковъ, которымъ она теперь подвергается. Великокняжеской эпохой и заканчивается собраніе г. Хвойки. Изъ болѣе поздняго времени г. Хвойкой была собрана прекрасная коллекція малорусскихъ вышивокъ, представляющихъ верхъ совершенства какъ по узорамъ, такъ и по выполненію; вышивки эти относятся по прошлому столѣтію; сдѣланы шелкомъ на холстѣ и употреблялись обыкновенно для обшивки подрizниковъ. 60 штукъ ихъ передано въ Пражскій музей. Г. Хвойка обратилъ вниманіе и на малорусскіе ковры, очень интересные по орнаменту, нѣсколько штукъ ихъ также отослано въ Прагу.

Для нашего края собраніе древностей г. Хвойки представляетъ большой интересъ; ограничиваясь пространствомъ древностей кіевской земли, собраніе даетъ богатый матеріалъ для характеристики тѣхъ ступеней культуры, которыя прошла данная мѣстность; помимо этого, оно вызываетъ также и спеціальный интересъ, заключая въ себѣ рѣдкіе и даже единственные въ своемъ родѣ предметы. Цѣнность собранія увеличивается еще и тѣмъ, что составлялось оно съ полнымъ знаніемъ дѣла,—фальшивыя вещи почти совершенно отсутствуютъ (чѣмъ не могутъ похвалиться другія частныя кіевскія коллекціи), ведется точная регистрація поступаемымъ предметамъ, обозначается мѣсто ихъ находки (въ чемъ также можно упрекнуть нѣкоторыхъ кіевскихъ собирателей древностей), болѣе выдающіеся изъ нихъ зарисовываются.

Мы не знаемъ, какое назначеніе думаетъ дать своему собранію г. Хвойка; очень возможно, что предназначилъ онъ его для богатѣйшаго по содержанію музея родной ему Праги. Но во всякомъ случаѣ, мы должны быть очень благодарны ему за то, что своими усиліями и энергіей онъ сберегъ отъ гибели, сберегъ для науки тѣ дорогіе остатки былой жизни нашего края, беречь которые мы сами еще не умѣемъ.

Ник. Бѣляшевскій.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1888 г. № 8,—„Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ"; а также „Кіевск. Стар." 1888 г. № 9.

Запорожецъ Константинъ Вира. Въ 1874 году, хорошо помню, въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ помѣщено было извѣстіе о смерти козака Константина Виры, умершаго въ томъ году, на 105 году отъ рожденія. О немъ сообщалось не только какъ о человѣкѣ, достигшемъ глубокой старости, но и какъ объ одномъ изъ послѣднихъ запорожцевъ. Послѣднее, конечно, не вѣрно, такъ какъ если К. Вира умеръ въ 1874 году на 105 году отъ рожденія, то родился онъ, слѣдовательно, въ 1769 году, т. е. всего за 6 лѣтъ до «зруйнованвя Сичи» (3 іюня 1775 г.), а, слѣдовательно, не могъ быть не только въ составѣ запорожскаго «товариства», но даже и такъ называемымъ «молодыкомъ при боку» какого либо запорожца. Но, по всей вѣроятности, происхожденіе его было запорожское, дѣтскіе годы проведены имъ были среди запорожской обстановки, и, оставаясь послѣ «зруйнованoccupied Сичи» на Запорожьи, гдѣ долго еще жили запорожскія традиціи и воспоминанія, онъ могъ многое помнить и разсказать о Запорожьи. Это, быть можетъ, и подало поводъ назвать его однимъ изъ послѣднихъ запорожцевъ. Къ сожалѣнію, въ тѣхъ газетныхъ извѣстіяхъ, на сколько я помню, не было никакихъ другихъ о немъ свѣдѣній, кромѣ указанныхъ выше. Разбирая недавно бумаги покойнаго одесскаго книгопродавца и издателя В. И. Бѣлаго, главнымъ образомъ матеріалы, предназначенные имъ для предполагавшагося къ изданію малорусскаго литературнаго сборника, я между прочимъ встрѣтилъ письмо отъ 5 апрѣля 1874 года, съ стихотворнымъ при немъ посланіемъ, писанное на листѣ сѣрой бумаги старинным почеркомъ, подписанное: «Запорожецъ Константинъ Вира. Губернскій секретарь», съ собственноручною надписью В. И. Бѣлаго: «Останній Запорожець». Никакихъ замѣтокъ о происхожденіи этого письма и объ авторѣ его въ бумагахъ В. И. Бѣлаго не оказалось, какъ равно и въ печатныхъ источникахъ, кромѣ указаннаго газетнаго сообщенія о смерти К. Виры, никакихъ свѣдѣній о немъ я не нашелъ. Но сопоставленіе содержанія письма и посланія съ газетнымъ сообщеніемъ, мнѣ кажется, даетъ достаточно основаній къ догадкѣ, что авторъ письма и есть именно тотъ самый Константинъ Вира, о смерти котораго сообщалось въ газетахъ, такъ какъ самъ онъ называетъ себя запорожцемъ и жалуется на свою дряхлость. Къ сожалѣнью, разспросы мои о немъ въ Одессѣ не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. По слухамъ однакожъ передавали мнѣ, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ дѣйствительно появлялся иногда въ Одессѣ старый Запорожецъ, жившій гдѣ-то недалеко отъ Одессы. Онъ бывалъ у

товарища Н. И. Костомарова—Н. Савича, умершаго въ Одессѣ въ 1892, и у другихъ одесскихъ старожиловъ, любителей мѣстной старины, которые помогали ему. Былъ онъ человѣкъ довольно грамотный, разсказывалъ о Запорожьи, но по всей вѣроятности, въ разсказахъ его ничего особенно интереснаго не было, вслѣдствіе чего они никѣмъ и не записаны или, по крайней мѣрѣ, не опубликованы; по его разсказамъ, онъ дѣйствительно былъ козакъ, но конечно не запорожскій, а, вѣроятно, былъ въ составѣ такъ называемыхъ «вѣрныхъ козаковъ», организованныхъ княземъ Потемкинымъ изъ запорожскихъ «недобыткивъ» въ 1788 г., изъ которыхъ впослѣдствіи образовано было Черноморское (нынѣ Кубанское) козачье войско; потомъ перешелъ въ гражданскую службу и служилъ въ какой-то палатѣ, гдѣ и дослужился до чина. Эти отрывочныя свѣдѣнія находятъ подтвержденіе въ приводимомъ ниже письмѣ К. Виры и особенно въ стихотворномъ его посланіи, гдѣ онъ сообщаетъ нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія и жалуется на свою тяжкую долю, замѣчая не безъ ироніи, что «губернського заслужывъ, а на хлибъ не заробывъ» и что «голодный не заснешъ—погана натура». Посланіе это, какъ видно, и было для него средствомъ обращенія къ благотворительности разныхъ лицъ и такимъ образомъ могло попасть къ В. И. Бѣлому или непосредственно отъ самого К. Виры, или же добыто имъ отъ кого либо изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ К. Вира обращался за помощью. Судя по тому, что въ бумагахъ В. И. Бѣлаго вмѣстѣ съ оригиналомъ этого документа имѣется и копія, писанная такимъ же почеркомъ, коимъ списаны всѣ матеріалы для упомянутаго, неосуществившагося малорусскаго сборника, документъ этотъ предназначался для помѣщенія въ томъ сборникѣ, но повидимому безъ всякихъ объясненій, кромѣ приведеннаго заглавія: «Останній Запорожець», надписаннаго рукою В. И. Бѣлаго. Печатаемъ этотъ, во всякомъ случаѣ любопытный, документъ съ точнымъ сохраненіемъ правописанія подлинника.

М. Комаровъ.

Милостивій Государь

Имя вашего иотечества незнаю, а прошу васъ всепокорнѣйше подательницею сего объявиге имя ваше потчество инеоставтѣ моей прозьби пособитѣ моему бѣдному состоянію, жертвуйтѣ вчемъ только будетъ милость ваша на меня безъ помощного инемощного и пригла-

ситѣ еще богомислящихъ господъ неокажетъ ли кто милости инапишитѣ имена родителей вашихъ, тоя буду читать псалтиръ за усобшихъ какъ иза протчихъ, ибо тѣмъ только и питаюсь. (*Далѣе въ письмѣ написано*):

Чувъ я вчора отъ панивъ
дають хлибъ голоднимъ,
а я три дни якъ неивъ
хоть и благороднiй
кого просить я незнаю
А голодъ все мутить
Куска хлиба я немаю
мене бида жучить
колись було хоть християни
мене поживляли
теперъ сами скотъ, жупани,
на хлибъ позбували.
Заробити нема сили
просити стидюся,
дуже старiй и ставъ хилый
въ дугу изогнувся.
бо голоднiй не заснешъ,
погана натура.
съ горемъ викъ увесь живешъ
и ста́ра нездужа.
нема кому заробити
на кусокъ святого,
добри люди пособите,
подайте старому.
служивъ колись у козака́хъ
посли у палати,
бувъ я часто на бувакахъ
якъ у теплiй хати,
тоди бувъ я молодiй
усе переносивъ
а теперъ я ставъ старiй
не бачу пидъ носомъ.
Губернскаго заслуживъ,
медальку на груди,
а на хлибъ инезаробивъ
хоть би на тры пуди.
пособите добри люди
подайте хто зможе,
завасъ Бога молить буду,
помилуй васъ Боже

Вашъ покорній слуга
Запорожецъ, Константинъ Вира.
Губернскій Секретарь

Апреля 5-го дня
1874 Года.

Утѣсненіе кіевскихъ мѣщанъ военнымъ постоемъ въ 1763—64 г.г. Военные постои представляли въ прошлое время одну изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей для обывателей вообще. Но тяжесть эта была особенно чувствительна въ Кіевѣ, потому что кіевскіе мѣщане признавали эти постои нарушеніемъ правъ и привилегій города. Законнымъ признавалось лишь предоставленіе отъ города квартиръ «проѣзжающимъ» черезъ городъ чинамъ, посылаемымъ отъ высшаго правительства; затѣмъ мирились съ «переходящими» командами, но когда таковыя оставались въ городѣ долго— мѣщанство роптало, а когда такихъ «командъ» собиралось много— являлись и враждебныя съ ними столкновенія магистрата и всего мѣщанскаго населенія. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія эти тягости военныхъ постоевъ чувствуются особенно рѣзко.

Наибольшею непріязненностію отличались отношенія кіевскаго магистрата и всего Подольскаго населенія къ пребывавшимъ довольно долго въ Кіевѣ гусарамъ, при самомъ расквартированіи которыхъ въ городѣ возникли большія затрудненія, при чемъ обнаружилось не малое самовольство гусарскаго начальства и явная по отношенію къ нему слабость власти кіевскаго генералъ-губернатора.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1763 г. Молдавскій гусарскій полкъ потребовалъ отъ кіевскаго магистрата отвода 1489 квартиръ. Ожидая въ то же время вступленія въ городъ и коннаго полка и заботясь о томъ, чтобы при этомъ размѣщеніи полковъ «бѣдному народу напрасной обиды и утѣсненія не было», магистратъ распорядился произвести предварительно «вѣрную опись дворовъ вѣдомства магистратскаго». Опись эту произвели три магистратскіе урядника совмѣстно съ полковыми квартермистрами. Оказалось всѣхъ такихъ дворовъ 1947, изъ которыхъ и отведено было 878 для размѣщенія Молд. гус. полка. Квартиры были распредѣлены такъ: «артил. канон. полку, начавъ отъ Рождественской башни, лѣвою стороною по мостовую Притиско-Николаевскую улицу, а Молд. гус. полку отъ той же башни правою стороною по тую жъ улицу, выключая токмо улицу ту, ко-

торая оставлена для имѣючого возвратитись съ турецкой области посланника князя Долгорукова». Но военные люди, нарушивъ установленный магистратомъ порядокъ, сами занимали многія квартиры, почему и оказалось, что на квартирахъ, предназначенныхъ для гусаръ, стали артилеристы и обратно. Гусары самовольно заняли, между прочимъ, и нѣсколько такихъ домовъ, которые, принадлежа магистратскимъ урядникамъ, освобождались отъ постоя. Жалобы магистрата по этому поводу оставались безъ всякихъ послѣдствій. Не помогали и предписанія генералъ-губернатора объ освобожденіи занятыхъ гусарами домовъ магистратскихъ чиновниковъ. Чтобы выжить гусарскаго маіора Бедрягу изъ самовольно занятаго имъ дома, магистратъ отвелъ этотъ домъ подъ помѣщеніе ожидавшагося тогда чрезвычайнаго посла и увѣдомилъ объ этомъ генералъ-губернатора, который уже съ своей стороны предписалъ полковому командиру бригадиру Подгоричани очистить занятую Бедрягой квартиру. Но бр. Подгоричани вмѣсто немедленнаго исполненія этого предписанія представилъ въ своемъ доношеніи такое затрудненіе: квартира де маіору Бедрягѣ была отведена письменнымъ генералъ-аншефа Олица ордеромъ, «а въ которую ему нынѣ войти, въ повелѣніи В. В. П--ва не приказано». Испрашивая по этому вопросу особой резолюціи, бр. Подгоричани указалъ на нѣсколько домовъ не занятыхъ, въ которыхъ по его мнѣнію, какъ въ болѣе удобныхъ, и слѣдуетъ отвести помѣщеніе для ожидаемыхъ пословъ, россійскаго и турецкаго, если же генералъ-губернаторъ найдетъ это почему-либо невозможнымъ и желаетъ отвести именно то помѣщеніе, которое занялъ маіоръ Бедряга, то пусть этому послѣднему самъ же укажетъ квартиру въ одномъ изъ поименованныхъ домовъ [1]).

Если вмѣсто точнаго и немедленнаго исполненія приказанія генералъ-губернатора бр. Подгоричани позволялъ себѣ дѣлать подобнаго рода представленія, то какъ онъ могъ относиться къ распоряженіямъ магистрата?

Весною 1764 г., уже по распоряженію генералъ-губернатора, была сдѣлана новая обстоятельная опись домовъ и въ нихъ жилыхъ покоевъ на Подолѣ и въ его предмѣстьяхъ. Опись эта была сдѣлана

---

[1]) „Изъ лутчихъ квартиръ, сказано въ донесеніи Подгоричани,—порожжими стоятъ: 1) каменный домъ директора Карасева въ лутчихъ покояхъ, 2) купцовъ Степана Андреева и 3) Ивана Андреева, 4) мѣщанина Доброгорскаго, 5) Капитянскаго, 6) войта Сычовскаго“.

секундъ-маіоромъ Ромадинымъ вмѣстѣ съ опредѣленными отъ магистрата урядниками съ тою же цѣлью—упорядочить расквартированіе ожидавшихся въ Кіевъ войскъ. По этой описи оказалось на Подолѣ 2139 дворовъ, въ Сырцѣ 28, въ Преоркѣ 148 и въ Куреневщинѣ 94, а всего 2454 двора, въ которыхъ можно было назначать постои [1]).

Генералъ-губернаторъ предписалъ оставить сто дворовъ въ запасѣ для пріѣзжающихъ въ Кіевъ по разнымъ дѣламъ чиновъ, не отводя ихъ для прибывшихъ въ городъ полковъ—перваго канонирскаго и Молдавскаго гусарскаго. Послѣдній, какъ видно, былъ особенно неумѣренъ и привередливъ въ своихъ требованіяхъ. Такъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1764 г. командиръ Подгоричани представилъ генералъ-губернатору вѣдомость о числѣ необходимыхъ для его полка квартиръ. Генералъ-губернаторъ нашелъ его требованія черезмѣрными, а отводъ квартиръ для «партикулярныхъ оного Молдав. гус. полка офицерскихъ служителей» незаконнымъ и предписалъ «довольствоваться тѣмъ строеніемъ, какое у обывателей найтиться можетъ, не чиня при томъ имъ никакова утѣсненія и отягощенія; что жъ принадлежитъ до рядовыхъ, то оные долженствуютъ разставлены быть на квартиры по толикому числу, по коликому въ которой домъ *кіевскій магистратъ по свѣдѣнію своему, смотря по состоянію жилья, назначитъ*».

Въ этомъ распоряженіи нельзя не видѣть нѣкоторой защиты магистрата и его правъ по отношенію къ отводу квартиръ, правъ, которыя такъ безцеремонно нарушались такими квартирантами, какъ гусары.

Нѣкоторые изъ кіевскихъ обывателей, имѣя въ виду указъ Пр. Сената отъ 19-го генваря 1764 г. [2]) и желая защитить собственное жилье отъ всякихъ постояльцевъ, строили въ своихъ дворахъ особыя для солдатъ квартиры; но и это, какъ видно, не всегда избавляло ихъ отъ вторженія въ собственное ихъ жилье. Такъ, мѣща-

---

[1]) Эта опись показала на Подолѣ значительно больше дворовъ, чѣмъ прошлогодняя (на 192 двора), что объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что въ последнюю опись могли войти не только „домовѣдомства магистратскаго", но и принадлежавшіе лицамъ не магистратскаго вѣдомства, каковыхъ было на Подолѣ не мало, а кромѣ того вошли и дома, освобожденные отъ постоя.

[2]) „Буде кто изъ обывателей пожелаетъ для постою солдатъ особыя квартиры построить, въ томъ имъ позволить съ тѣмъ, что въ домахъ, гдѣ жительство они имѣютъ, постою никогда ставлено не будетъ".

нинъ Петръ Дубровскій и мѣщанка Новицкая жаловались генералъ-губерантору на то, что, не смотря на построенныя ими въ своихъ дворахъ особыя квартиры для солдатъ, и собственное ихъ жилье занято было гусарами самовольно. Кромѣ того, гусары разобрали во дворѣ Новицкой новую избу и большой амбаръ, подъ которымъ отецъ Новицкой лилъ колокола, и построили на ея дворѣ для всего эскадрона конюшни, вымостивъ ихъ досками изъ разобраннаго забора. Генералъ-губернаторъ послалъ ордеръ о неутѣсненіи Новицкихъ, но какъ это было выполнено—неизвѣстно.

Тогда же жаловался и магистратскій инстигаторъ Гавріилъ Ядрило на самовольное и насильное занятіе его дома канон. полка поручикомъ Татищевымъ, не смотря на то что домъ этотъ былъ оставленъ для пріѣзжающихъ чиновъ. Когда унтеръ-офицеры, доставивши во дворъ Ядрила сѣно и лошадей поручика Татищева, сказали послѣднему, что де Ядрило не хочетъ пускать къ себѣ постою безъ магистратскаго квартермистра, то Татищевъ «слѣзъ съ лошади и, браня матерно его, Ядрилу, и беручи въ руки трость, сказывалъ: вотъ де ему, сукину сыну, дамъ знать магистратскаго квартермистра». Боясь насилія со стороны команды Татищева, Ядрило нѣсколько ночей не ночевалъ дома, пока не послѣдовалъ, по его жалобѣ, ордеръ генералъ-губернатора въ защиту его отъ такого утѣсненія.

Нѣкоторые изъ гусаръ, расположившись на квартирахъ въ мѣщанскихъ домахъ, завели у себя шинки, что и вызвало цѣлый рядъ жалобъ со стороны магистрата не только къ мѣстному начальству, но и Пр. Сенату.

Одинъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, нѣкто Чернявскій, задолжавшись своимъ землякамъ, бѣжалъ за границу, а затѣмъ появился въ Кіевѣ уже въ качествѣ гусара. Опознавшіе его кредитофы представили его въ магистратъ, гдѣ онъ и былъ арестованъ, «незавѣдомо, что онъ состоитъ въ гусарахъ». Подъ арестомъ же Чернявскій «по своимъ шалостямъ и непостоянству» причинилъ сторожу побои и обрѣзалъ ему ножомъ руку, почему и былъ, по жалобѣ сторожа, «въ страхъ другимъ, дабы и прочіе, смотря на его, того учинить не дерзали, легкимъ наказаніемъ наказанъ». Этотъ случай подалъ поводъ бр. Подгоричани жаловаться на самоуправство магистрата по отношенію къ гусарамъ, нѣсколько жалобъ которыхъ и препровождено было къ генералъ-губернатору. Важнѣйшею изъ нихъ была жалоба поручика Лешкевича на райцу Іосифа Гудиму, въ домѣ котораго онъ квартировалъ.

Видя, что поручикъ Лешкевичъ занялъ весь дворъ своимъ сѣномъ, Гудимъ, находясь яко бы въ «безчувственномъ весьма пьяномъ образѣ», сталъ выражать по этому поводу свое неудовольствіе «съ немалою суровостію и съ великимъ крикомъ и съ поношеніемъ чести, не снимая съ своей головы шапки, употребляя поносныя и грубыя рѣчи»; а на вопросъ офицера,—гдѣ же ему сложить сѣно, Гудимъ отвѣчалъ: «въ пазуху себѣ положи, а на моей бы землѣ не было». Поручикъ, «избѣгая худыхъ слѣдствъ, съ немалымъ сожалительнымъ прискорбнымъ огорченіемъ троекратно принужденъ былъ отъ него отходить», при чемъ жена Гудима, по словамъ поручика, была на его, поручика, сторонѣ: «видя мою во всемъ предъ нимъ правость, а его въ нападеніе на меня напрасно винность, къ прекращенію почти со слезами его отзывала, но онъ не токмо отъ меня или отъ той суровости и отъ поношенія чести моей себя воздержать, усматривая мою предъ нимъ смиренность, склонность и терпѣливое молчаніе, но и у вящую ярость впалъ, съ многократнымъ ко мнѣ порываніемъ прибѣгать началъ, пріуготовляя руки, чтобъ взять меня за грудь, сказывая сурово: ты де порутчикъ противъ меня не великъ человѣкъ, а я де магистратскій членъ, и никто мнѣ здѣсь не судья». Когда же поручикъ погрозилъ жалобой, Гудимъ «великимъ и суровымъ голосомъ кричалъ: что мнѣ вашъ аншефъ сдѣлаетъ»? Тогда поручикъ пошелъ къ секундъ-маіору Бедрягѣ съ жалобой, а Гудимъ напустился на жену его, «чтобъ она болѣе по двору на земли его не ходила,—тотчасъ де, уграживая боемъ, себя покажу, почему бъ де вы знали въ Кіевѣ Гудима и какъ на его землѣ сѣно класть [1])». Ссылаясь въ своей жалобѣ на жену Гудима и другихъ свидѣтелей, поручикъ просилъ за такое «поношеніе чести» офицерской поступить съ обидчикомъ по законамъ, «почему бъ онъ впредь, да и другіе на то смотря и вящихъ отважностей и непостоянствъ сдѣлать не вознамѣрились».

Еще чаще и грубѣе столкновенія происходили между рядовыми солдатами и мѣщанами. По жалобамъ послѣднихъ магистратъ, какъ видно, добивался иногда назначенія генералъ-губернаторомъ слѣд-

---

[1]) Этотъ Іосифъ *Ивановичъ* Гудимъ былъ позже бургомистромъ одновременно съ Іосифомъ *Васильевичемъ* Гудимомъ („Ист. мат. изъ арх. К. Г. Пр." вып. 7-й стр. 74) и имѣлъ, кромѣ дома на Подолѣ, сгорѣвшаго въ 1766 г. во время частыхъ пожаровъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (см. Ibid, стр. 81), значительный хуторъ на Куреневкѣ съ прудомъ, мельницей и винокурней и березовою рощей (Ibid, вып. 3 стр. 75).

ствій, которыя и обнаруживали дѣйствительно крайнее стѣсненіе кіевскихъ мѣщанъ военными постоями, особенно тяжелыми въ 60-тые годы. Результатомъ этихъ слѣдствій бывало иногда и наказаніе военныхъ чиновъ не только низшихъ, но и офицерскихъ [1]). Слѣдствія эти производились при депутатѣ со стороны магистрата, который въ генералъ-губернаторѣ Воейковѣ нерѣдко находилъ поддержку и защиту.

Обычаи и повѣрья, пріуроченные къ „Велыкоднюˮ. Дни бѣгутъ за днями. Прошло уже «Сритене», на которое, по мнѣнію народа, зима съ весной должны встрѣтиться; прошли: Евдокій, Сорокъ Святыхъ, на которые каждая хозяйка обязательно должна спечь сорокъ пироговъ и на которые «сорокъ птахъ прилетаютъ изъ-за моря». Минуло и «Теплого Олексы». Наконецъ, вотъ и «благовищеня»,—по мнѣнію народа такой же важный и великій праздникъ, какъ и Пасха, и на который—по тому же народному вѣрованію—можно разговѣться и ѣсть скоромное,—«але невартъ на иденъ день паскудытысь» (подол. губ.).

Благовѣщенье—такое «велыке свято», что въ этотъ день птица гнѣзда не вьетъ, а если которая и завьетъ, то все равно дѣтей въ немъ не выведетъ. (Подол. губ.). Народъ примѣчаетъ, что какова погода на благовѣщенье; такова должна быть и на «Велыкдень»—(волын. и подол. губ.) и если на Благовѣщенье дождь, будетъ урожай ржи. У пчеловодовъ малороссовъ есть старинный обычай—на Благовѣщеніе выставлять пасѣку изъ зимовниковъ и первый разъ закармливать ихъ «сытой» съ мелко, въ порошокъ истолченной благовѣщенской просфорой (т. е. просфорой, изъ которой на благовѣщеніе вынимались частицы), отъ этого пчелы будутъ хорошо роиться и вестись (вол. и подол. губ.) Всѣ недѣли великаго поста у нашего народа имѣютъ каждая свое особое названіе: четвертая—«середопистя» или «середописна», пятая—«билый тыждень», шестая—вербная или «вербныця», седмая—какъ и вездѣ—«страстная».

---

[1]) Послѣ одного слѣдствія въ концѣ 1767 года-подпоручикъ Новосильцевъ былъ переведенъ изъ самовольно занятой имъ квартиры „съ крѣпкимъ ему о чемъ надлежало подтвержденіемъ, подпор. Соколовъ, за непристойное его ночнымъ временемъ въ магистратскую почтовую избу хожденіе и неприличные поступки, пристойнымъ образомъ штрафованъ, а за битье магистратскаго шинкаря и жены его канониръ Филиповъ наказанъ батоги, а впредь нижнимъ чинамъ ссоръ и дракъ чинить накрѣпко запрещеноˮ. (Ист. мат. изъ арх. К. Г. Пр. вып. 8, стр. 205).

На пятой недѣлѣ или «билимъ тыждни», хозяйки обыкновенно бѣлятъ избы,—отсюда получилось и названіе недѣли. Также въ обычаѣ у хозяекъ на «билимъ тыждни» сѣять разсаду капустную: капуста будетъ «билая», большая и твердая (волын. губ.).

Напротивъ, на вербной недѣлѣ нельзя ничего ни садить, ни сѣять въ огородѣ, такъ какъ все посѣянное и посаженное на этой недѣлѣ, поростетъ «буйне и дыке, якъ верба» (волын. губ.).

Хозяйки двумя субботами раньше подсыпаютъ куръ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы цыплята выходили какъ разъ въ вербную субботу: изъ этихъ цыплятъ выйдутъ носкія и выносливыя куры (волын. и подол. губ.).

Страстной четвергъ зовется еще и «чистымъ» (во всей Волыни и Подоліи) потому, что въ этотъ день заведено въ обычаѣ «чистить» (кастрировать) жеребцовъ и свиней. Въ чистый четвергъ есть обычай—до восхода солнца искупаться въ рѣкѣ, вѣря, что такое купаніе въ этотъ день очищаетъ не только тѣло, но и душу отъ грѣховъ (волын. губ.).

Чтобы узнать, кто въ селѣ вѣдьма, нужно въ чистый четвергъ до восхода солнца принести воды изъ колодца, налить въ горшокъ и положить въ него «цѣдилку» (холстинка, чрезъ которую хозяйки-крестьянки цѣдятъ молоко), всю, или какъ можно больше, утыканную иголками и булавками, и поставить въ печь на медленный огонь варить. Вѣдьма не замедлитъ прибѣжать къ продѣлавшей это хозяйкѣ и все будетъ допытываться, спрашивать, что та варитъ; совѣтовать, уговаривать, наконецъ, просить перестать варить «цидылку», такъ какъ иголки и булавки, натыканныя въ «цидылку» будутъ страшно колоть вѣдьму (волын. губ.).

Вечеромъ въ страстной четвергъ всякъ—и старъ, и младъ—спѣшитъ въ церковь—«на страсть», а «послѣ страсти», каждый хозяинъ старается принести домой горящую страстную свѣчу, не потушивъ ее, и выжигаетъ на дверяхъ или потолкѣ дома крестъ, вѣруя, что отъ этого благодать Господня будетъ въ домѣ, а злой духъ уже не войдетъ въ домъ. Эта же страстная свѣча берется еще въ церковь и зажигается на всенощную и обѣдню подъ первый день Пасхи, затѣмъ прячется, сохраняется и бережется, какъ величайшая святыня, и потомъ въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни свѣча эта, какъ святыня или священный предметъ, играетъ важное значеніе. Такъ, напр., страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами при приближеніи лѣтомъ грозовой тучи, вѣруя, что въ такомъ случаѣ

грозовая туча благополучно пройдетъ мимо и не разразится ливнемъ или градомъ.

Если человѣкъ долго и мучительно умираетъ и не можетъ умереть, то ему даютъ тоже горящую страсную свѣчу въ руки и кладутъ его среди хаты на полу, на бѣлой простынѣ. Въ такомъ случаѣ человѣкъ скоро «пиде, куды наставывся иты: або сюды, оба туды», и мучиться перестанетъ. Воскъ страстной свѣчи пьютъ и ѣдятъ небольшими пилюльками отъ лихорадки. Ею же накуриваются отъ той же лихорадки и отъ «бешыхы» (рожи), при чемъ зелья, коими накуриваются, зажигаются страстной свѣчей. Когда кто-нибудь умираетъ тихо — страстную свѣчу зажигаютъ предъ иконами.

Страстная свѣча нашимъ народомъ называется еще заимствованнымъ у католиковъ словомъ «громница», какъ предохраняющая и спасающая отъ грома (т. е. громовой тучи—ливня и града) и пожара отъ молніи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волыни (ковельск. у.) въ обычаѣ: возвратясь со страсти, вся семья при свѣтѣ страстной свѣчи, поставленной у иконъ, садится за «вечеру», спеціально, лучше и изысканнѣе, чѣмъ въ другіе дни, приготовленную, и на которой обязательно бываетъ рыба. Эта «вечера» устраивается въ память и воспоминаніе Тайной Вечери Спасителя.

Нѣкоторые религіозные старики-постники, поужинавъ въ страстной четвергъ, ѣдятъ, только лишь разговляясь на первый день Пасхи.

Еще есть одинъ обычай у крестьянъ: когда вынутъ изъ печи паску, то сейчасъ сыплютъ въ печь «цыбулю на пиддымку, щобы не постреляла», т. е. не пошла въ стрѣлки или сѣмена (волын. губ.).

Въ велыкодную субботу принято подсыпать домашнюю птицу: гусей, утокъ, куръ,—цыплята выйдутъ хорошіе и здоровые. (вол. губ.).

Подъ Свѣтлое Воскресенье не принято, и даже грѣхъ, спать, потому что «хто не спытъ, тому Богъ дасть щасте, а кто спытъ, той свое щасте проспытъ» (вол. и под. губ.). Есть также повѣрье, что кто не спитъ подъ Свѣтлое Воскресенье, тотъ деньги найдетъ (вол. губ.).

Такъ или иначе, по той или другой причинѣ, но у нашего народа въ эту ночь спятъ только дѣти, а взрослые бодрствуютъ; равно всю ночь не тушатъ въ хатѣ огня,—грѣшно (волын. и подол. губ.).

Съ вечера въ субботу обыкновенно старики идутъ въ церковь на «одыяніе» (чтеніе дѣяній апостола); молодежь приходитъ только къ полуночи—на «всюношну».

О ночи подъ Свѣтлое Воскресенье у крестьянъ есть нѣсколько повѣрій. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. На «велыкдень», на «всюношну» нечистая сила и вѣдьмы не шатаются и не дѣлаютъ вреда и пакости людямъ; онѣ въ эту ночь безсильны. На великопостныя заговѣны, ложась спать, надо взять подъ языкъ или за щеку кусочекъ сыру и такъ уснуть, и проспать до перваго дня великаго поста, — понедѣльника; тогда, вставши, этотъ сыръ вынуть изо рта и спрятать. Затѣмъ въ теченіе всего поста по праздникамъ дѣлать небольшой «стильчикъ» (табуретку); идя подъ Свѣтлое Воскресенье въ церьковь, — взять съ собою туда этотъ «стильчикъ» и спрятанный сыръ и, когда священникъ скажетъ первый разъ «Христосъ Воскресъ», нужно стать на эту табуретку и взять сыръ въ ротъ,—то можно видѣть всѣхъ находящихся въ церкви вѣдьмъ: надъ головой каждой изъ нихъ будетъ какъ бы доёнка. Продѣлавшему это человѣку, на обратномъ пути изъ церкви, явится нечистый и предложитъ ему деньги, богатства и свои услуги (вол. губ. староконст. уѣздъ, с. Молчаны).

Также есть повѣрье, что если, идя ко всенощной подъ Свѣтлое Воскресенье, взять съ собою—если охотникъ—то ружье, револьверъ или пистолетъ, если портной или швея—то шитье, если сапожникъ, то сапогъ или башмакъ, если игрокъ—то колоду картъ и т. п.—и когда священникъ возгласитъ первый разъ трижды «Христосъ Воскресъ», то вмѣсто «Воистину Воскресъ» охотникъ долженъ трижды отвѣтить: «а я стрѣляю,» а портной, швея и сапожникъ должны трижды сказать; «а я шыю», и при этомъ шить, а игрокъ: «а я въ карты играю» и тасовать карты. Послѣ этого охотникъ будетъ безъ промаха стрѣлять, бить дичь, и таковая вездѣ и на каждомъ шагу будетъ попадаться, портной или сапожникъ будутъ постоянно имѣть массу работы, заказовъ и быстро шить, а игрокъ въ карты постоянно будетъ выигрывать; всѣ такія лица скоро разбогатѣютъ, потому что всѣмъ такимъ будетъ помогать нечистая сила (волын. губ., староконст. у., д. Григоровка).

По другому дополненію того же повѣрія, продѣлавшему это человѣку, на обратномъ пути изъ церкви явится нечистая сила, предложитъ свои услуги, будетъ во всемъ помогать ему.

Въ пограничной части Подолія (каменец. у., Рыхтецкая волость) принято, что, какъ бы до церкви близко ни было, даже если всего шаговъ пять, всѣ имѣющіе лошадей пасху къ церкви святить не несутъ, а везутъ на вымощенныхъ чистою соломою возахъ въ ночвахъ, или по тамошнему «корытахъ», выстланныхъ бѣлой, чистой скатертью. Этимъ самимъ выражается уваженіе и почтеніе нашего народа къ Пасхѣ. Весь первый день Пасхи обыкновенно всѣ сидятъ дома, спятъ послѣ безсонной ночи и ни въ сельскій клубъ—кабакъ, ни другъ къ другу не ходятъ. На второй день Пасхи мальчики ходятъ по домамъ «хрыстоваты»; придя въ домъ, мальчики или говорятъ, или, если умѣютъ пѣть, трижды поютъ «Христосъ Воскресъ» и поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ. Хозяева благодарятъ и одаряютъ мальчиковъ по одной или по парѣ крашанокъ (подол. и кіевск. губерн.).

Взрослые ходятъ особо «хрыстоваты» или поздравлять съ праздникомъ. Подойдя къ какому-нибудь дому, «хрыстовальщики» остановятся передъ окнами въ слѣдующемъ порядкѣ: на плечи четыремъ или цѣлой группѣ становится три, на плечи коихъ тоже въ свою очередь взлазитъ два, крѣпко держась другъ за друга; образуется такимъ образомъ живая, движущаяся башня изъ людей. Въ такомъ положеніи трижды поютъ или просто хоромъ дружно прокричатъ «Хр. Воскр», затѣмъ башня разрушается, всѣ входятъ въ домъ и поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ (подол. губ., погран. полоса каменец. у.)

На второй день Пасхи дѣвушки платятъ долгъ парнямъ за угощеніе на великопостные заговѣны. Дѣлается это такъ: на великопостные заговѣны собирается число парней, равное числу дѣвушекъ, такъ что каждая дѣвушка имѣетъ своего кавалера, а каждый парень свою дѣвушку; парни угощаютъ дѣвушекъ водкой, виномъ, пивомъ, сладостями,—а въ отплату за это каждая дѣвушка должна на второй день Пасхи приподнести своему кавалеру куличъ и полкопы (30 шт.) крашанокъ и писанокъ (волын. и подол. губ.), при этомъ случается, что если дѣвушка приподнесетъ парню писанки сырые, не доваренные, онъ ее осканцалитъ: или пришлетъ ея гостинецъ ей назадъ, или еще хуже: при встрѣчѣ всю ее обрызгаетъ присланными ею сырыми яйцами.

Обычай «обливанія» существуетъ и въ Малороссіи, особенно въ подольской губерніи; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Подоліи обливаютъ другъ друга, въ однихъ мѣстахъ на первый день Пасхи, а въ другихъ на второй. Въ пограничной же чертѣ ходятъ лишь парни на

второй день Пасхи по домамъ и обливаютъ дѣвушекъ: послѣднія должны откупиться отъ нихъ извѣстнымъ числомъ крашанокъ и писанокъ.

На второй и третій день обыкновенно возлѣ сельскихъ клубовъ—кабаковъ играетъ музыка, и за эти два дня все село перебываетъ здѣсь, а особенно сельская молодежь, которая оба дня здѣсь до глубокой ночи веселится и пляшетъ.

Остатки свяченаго отъ Пасхи—кости и проч.—закапываются на межахъ и границахъ полей, чтобы предохранить ихъ отъ градобитія; куски свяченой пасхи засушиваются и потомъ даются въ пойлѣ коровамъ послѣ отеленія, (волын. и подол. губ.).

Для того, чтобы вѣдьма не могла подступить къ коровѣ и отнять у нея молоко, въ рогу коровы продѣлываютъ отверстіе и туда вкладываютъ косточку отъ свяченнаго на Пасху—тогда вѣдьма уже ни за что не подступитъ къ коровѣ (волын. губ.).

Скорлупа свяченыхъ яицъ сохраняется какъ средство для накуриванія больныхъ лихорадкою (волын. губ.).

Въ волынской губерніи есть также обычай, практикуемый преимущественно дѣвушками, умываться на первый день Пасхи въ водѣ, въ которую ложатъ крашанки, чтобы быть «красной», т. е. румяной. И такъ какъ краска отъ яицъ водой обмывается, то умывающаяся въ такой водѣ дѣлается дѣйствительно «красной.»

Одна изъ любимыхъ забавъ на «великдень» нашихъ крестьянъ это—по-малорусски—«цокане» или по-русски битье яицъ. Особенно эту забаву любитъ и занимается ею молодежь. Забава эта состоитъ въ слѣдующемъ: двое выбираютъ изъ своихъ крашанокъ по самому крѣпкому яйцу, а крѣпость ихъ узнаютъ легкимъ стукомъ о зубы; и затѣмъ бьютъ слегка другъ другу яйцо о яйцо, сначала носками; если носокъ разобьется, тогда разбитое яйцо поворачивается другой стороной «гузкой»; если и гузка разобьется, то владѣлецъ крѣпкой крашанки, разбившій крашанку другому, беретъ себѣ битку, какъ знакъ, трофей побѣды, а потерявшій крашанку выбираетъ другую покрѣпче и бой или состязаніе вновь продолжается. Въ этой забавѣ, или правильнѣе—для этой забавы особенно дорого цѣнятся крѣпкія, съ твердой крѣпкой скорлупой яйца. Чѣмъ крѣпче яйцо—тѣмъ лучше, тѣмъ дороже оно; нѣкоторые нарочно для «цоканья» покупаютъ цесаркины яйца, которыя, какъ извѣстно, самыя крѣпкія, платя по 10—15 коп. за одно. Другіе для той же цѣли покупаютъ въ ґородѣ «гипсянки» или сами себѣ дѣлаютъ «вощанки», т. е.

налитыя воскомъ яйца, выпустивъ предварительно изъ нихъ содержимое: бѣлокъ и желтокъ. Но при обнаруженіи обмана,—яйца отъ обманщиковъ отбираются и уничтожаются, а обманщикамъ отъ обманутыхъ достается на орѣхи: здорово ихъ за это колотятъ. Нѣкоторые, имѣющіе крѣпкія крашанки, такимъ образомъ въ эту забаву выигрываютъ по 45 и 60 «битокъ», которыя потомъ продаютъ на десятки желающимъ.

Во время этой игры или забавы бываетъ «минька не до зубивъ»,—т. е. мѣна крашанками на удалую, безъ предварительной пробы или испытанія крѣпости ихъ о зубы,—и тогда, обмѣнявшись яйцами, «цокаются ими.»

Кромѣ «великодня», наши крестьяне празднуютъ еще одинъ «велыкдень»—это рахманскій велыкдень» котораго не найдете ни въ одномъ календарѣ, но который существуетъ у нашего народа во всей Волыни и Подоліи и свято празднуется имъ. «Рахманскій велыкдень»—это праздникъ Преполовенья. Я долго доискивался, докапывался причины, почему Преполовенье у нашего народа называется «Рахманскимъ велыкоднемъ; наконецъ, нѣсколько стариковъ на Волыни и на Подоліи разсказали мнѣ слѣдующее: десь дуже далеко за моремъ, на другимъ кинци свита есть царство Рахманія, и живуть въ нему люды Рахманы, такижъ сами хрыстыяне, якъ и мы. Воны калиндаривъ не маютъ, и личыты время такъ, якъ мы, не вміютъ, не знаютъ; черезъ то воны не знаютъ, колы мае буты, колы прыпадае велыкдень, и велыкдень справляютъ, святкуютъ тоди, якъ до ныхъ прыплыве водою видъ насъ шкаралупа зъ крашанкы, що мы по третимъ дни святъ зъ свяченыхъ яецъ пускаемо на воду.

Ато бувае, що шкаралупа зъ крашанкы видъ насъ до ныхъ прыплывае якъ разъ черезъ день, тоди якъ у насъ Преполовенье: тоди рахманы догадуюця, що десь у людей вже велыкдень бувъ и соби справляютъ, святкуютъ велыкдень. Тоди и мы разомъ зъ ными святкуемо ихній, рахманскій, велыкдень (записано въ с. Молчанахъ старок. уѣзда, вол. губ.; подобный же разсказъ слыхалъ и въ с. Рыхтѣ, каменецкаго уѣзда).

И дѣйствительно, нашъ народъ праздника Преполовенья не знаетъ и его не празднуетъ, а «Рахманскій велыкдень» празднуютъ положительно во всей волынской и во всей подольской губерніяхъ.

Ив Бѣньковскій.

Мелкія извѣстія.

Французскій ученый о Кіевѣ. По сообщеніямъ газетъ, въ большой залѣ городской ратуши въ г. Реймсѣ, при многочисленной публикѣ, среди которой были почти всѣ воспитанники высшихъ классовъ мѣстныхъ гимназій, баронъ де-Бай прочелъ недавно лекцію о Кіевѣ. Съ помощью туманныхъ картинъ онъ прежде всего далъ собравшейся публикѣ понятіе о Днѣпрѣ и его мостахъ, о видѣ на Кіевъ изъ-за Днѣпра и т. п. и затѣмъ сдѣлалъ сжатый, но обстоятельный очеркъ исторіи Кіева, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Для характеристики нравовъ древнихъ славянъ баронъ де-Бай прочелъ во французскомъ переводѣ «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» Пушкина и въ видѣ иллюстраціи показалъ картину Семирадскаго, изображающую похороны у славянъ. Перейдя потомъ къ христіанскому періоду, онъ остановился на крещеніи Руси, воспользовавшись при этомъ видами памятника св. Владиміра и развалинъ Херсонеса, а также фресками Васнецова. Важное мѣсто въ изложеніи французскаго ученаго занялъ бракъ дочери Ярослава Анны съ французскимъ королемъ Генрихомъ I, причемъ лекторъ напомнилъ слушателямъ, что коронованье и вѣнчаніе русской княжны происходило въ ихъ родномъ городѣ Реймсѣ. Упомянувши затѣмъ объ упадкѣ Кіева послѣ татарскаго погрома, онъ перешелъ къ эпохѣ Хмельницкаго, показалъ видъ памятника послѣднему, и потомъ закончилъ чтеніе короткой исторіей возрожденія Кіева въ новѣйшія времена, иллюстрируя свой разсказъ видами Лавры, Софійскаго собора, университета и нѣсколькими этнографическими картинами съ изображеніями украинской деревни, хаты и т. п. Газеты прибавляютъ, что чтеніе имѣло очень большой успѣхъ.

Акварель Юлія Коссака «Встрѣча Хмельницкаго съ Тугай-Беемъ». Въ кіевскихъ магазинахъ, торгующихъ красками и другими принадлежностями рисованія, недавно появились въ продажѣ геліотипическія копіи акварели извѣстнаго многими рисунками изъ малорусскаго быта польскаго художника Юлія Коссака: «Встрѣча Хмельницкаго съ Тугай-Беемъ», о которомъ Н. И. Костомаровъ говоритъ въ первой главѣ своего сочиненія «Богданъ Хмельницкій». Копіи довольно недурно передаютъ содержаніе оригинала, написаннаго съ обычнымъ мастерствомъ, свойственнымъ талантливому художнику, о которомъ мы надѣемся современемъ поговорить болѣе подробно.

Картины изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ. Сравнительно съ прошлымъ годомъ, картины изъ малорусскаго быта на

кіевскихъ выставкахъ этого года были немногочисленны. Гостившая въ Кіевѣ и недавно закрывшаяся XXII-я передвижная выставка товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ дала картину Н. К. Пимоненка «Паробки», уже знакомую кіевлянамъ по прошлогодней выставкѣ мѣстныхъ художниковъ, о которой мы своевременно говорили [1]), три картины Н. К. Боднаревскаго: «Видъ на Днѣпръ изъ Царскаго сада», «Малороссійскій хуторокъ» и «Въ Малороссіи» и картину А. М. Васнецова «Михайловскій монастырь въ Кіевѣ» —На открытой нынѣ III-й весенней выставкѣ мѣстныхъ художниковъ находятся слѣдующія картины изъ малорусскаго быта: I. Ѳ. Селезнева—«Огородница», В. И. Козловскаго а) «Предмѣстье Кіева», б) «Хаты» и в) «Зимній вечеръ», Л. И. Нестельбаха— «На огородѣ» и нѣсколько этюдовъ П. И. Васильченка.

Юліанъ Фалатъ, новый директоръ школы изящныхъ искусствъ въ Краковѣ. Остававшееся со смерти Яна Матейки вакантнымъ мѣсто директора школы изящныхъ искусствъ въ Краковѣ занялъ недавно Юліанъ Фалатъ, акварелистъ, уроженецъ Галиціи, извѣстный многими рисунками изъ быта галиційскихъ русиновъ, какъ напримѣръ: «Z życia małego miasteczka», «Wielki Tydzień na wsi w Galicyi», «Kolendnicy z kozą na Rusi», «Pastuszek huculski» и друг.

Новая опера на сюжетъ изъ «Тараса Бульбы». По сообщенію Одесскаго листка, въ Туринѣ съ немалымъ успѣхомъ недавно была поставлена новая трехъ-актная опера итальянскаго композитора Берутти, написанная на сюжетъ изъ повѣсти Н. В. Гоголя «Тарасъ Бульба».

[1]) Кіевская Старина 1894 г. № 4.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ XVI. Оро-гидрографія, геологія, почвы, климатъ и флора полтавской губерніи. Съ гипсометрической и почвенной картами. Изд. полтавскаго губернскаго земства. С.-Пб. 1894.

Въ 1887 году проф. Докучаевъ по предложенію Полтавскаго Губернскаго Земства принялъ на себя изслѣдованіе почвъ полтавской губерніи. Въ періодъ 1889—1892 гг. появилось пятнадцать отчетовъ (Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи, выпуски I—XV) по изслѣдованію отдѣльныхъ уѣздовъ губерніи, исполненному подъ руководствомъ проф. Докучаева двѣнадцатью его сотрудниками [1]. XVI выпускъ «Матеріаловъ», заглавіе котораго мы привели, является послѣднимъ и состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ, *сводныхъ* главъ, принадлежащихъ слѣдующимъ авторамъ:

I. —Оро-гидрографическій очеркъ—*г. Отоцкому.*

II. —Третичныя образованія—*г. Агафонову.*

III.—Ледниковыя отложенія—*ему-же.*

IV.—Геологическій характеръ почвъ—*г. К. Глинкѣ.*

V.—Химическій характеръ растительно-наземныхъ почвъ и солонцовъ—*ему-же.*

VI.—Механическій составъ и физическія свойства почвъ—*г. Адамову.*

VII.—Очеркъ климата—*г. Барановскому.*

VIII.—Ботанико-географическій очеркъ—*г Краснову.*

---

[1]) Краткая замѣтка объ этихъ отчетахъ помѣщена нами въ февральской книжкѣ Кіевской Старины 1893 г.

Къ послѣднему выпуску «матеріаловъ» приложены также двѣ карты полтавской губерніи десятиверстнаго масштаба, изъ которыхъ гипсометрическая составлена акад. Тилло, а почвенная—сотрудниками Докучаева подъ его редакціей.

Въ настоящей замѣткѣ мы постараемся изложить содержаніе XVI выпуска «Матеріаловъ», но при этомъ нужно замѣтить, что до его составленія проф. Докучаевымъ были напечатаны двѣ работы: 1) «къ вопросу о соотношеніяхъ между возрастомъ и высотой мѣстности съ одной стороны, характеромъ и распредѣленіемъ черноземовъ, лѣсныхъ земель и солонцовъ—съ другой» (Вѣстникъ Естествознанія, 1891 г. №№ 1–3) и 2) «Наши степи прежде и теперь» (напечатано первоначально въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» за 1892 г. и въ томъ же году издано отдѣльной книжкой). Въ этихъ работахъ проф. Докучаевымъ высказаны многія общія положенія, касающіяся геологіи, орографіи, гидрографіи и почвъ полтавской губерніи, проводимыя также составителями большей части сводныхъ главъ, вошедшихъ въ XVI выпускъ «Матеріаловъ».

Въ основаніе первой главы, представляющей собою *«оро-гидрографическій очеркъ полтавской губерніи»*, легла прекрасно изданная гипсометрическая карта акад. Тилло. На ней для изображенія рельефа мѣстности послужили: 1) линіи равной высоты, такъ называемыя горизонтали или изогипсы и 2) закрашиваніе разными оттѣнками промежутковъ между горизонталями. Горизонтали нанесены чрезъ каждыя 10 сажень, причемъ мѣстности, имѣющія абсолютную высоту 30—40, 40—50 и 50—60 с., покрыты тремя оттѣнками зеленой краски, а мѣстности съ превышеніемъ въ 60—70, 70—80, 80—90 и 90—100 с.—четырьмя оттѣнками коричневой. При этомъ получается, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный составитель карты, весьма наглядная картина рельефа мѣстности, дающая возможность сразу оцѣнивать мѣста низменныя и возвышенныя. Всѣхъ точекъ, послужившихъ для проведенія горизонталей, имѣлось 1015, изъ которыхъ выводится приблизительно и средняя высота губерніи нѣсколько превосходящая 60 с.

Общая картина орографическаго строенія губерніи весьма проста. Вся площадь губерніи въ цѣломъ представляетъ правильный равнопологій склонъ къ Днѣпру югозападной части Средне-Русской возвышенности, недавно установленной А. А. Тилло.

Приведенныя данныя взяты нами изъ краткаго объясненія, напечатаннаго на самой картѣ. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ изложеніи содержанія первой главы мы будемъ слѣдовать г. Отоцкому. Онъ указываетъ, что паденіе поверхности губерніи съ СВ. на ЮЗ. въ общемъ равно 1 саж. на 4 версты. Отдѣльные уѣзды губерніи по мѣрѣ удаленія отъ Днѣпра являются болѣе возвышенными и могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Константиноградскій, Роменскій, Зеньковскій, Гадячскій (преобл. высоты 80—90 с.); 2) Лохвицкій, Прилукскій, Полтавскій, Миргородскій, Хорольскій, Переяславскій (60—80 с.) и 3) Пирятинскій, Лубенскій, Кобелякскій, Золотоношскій и Кременчугскій (40—60 с.).

Полтавская губернія въ общемъ только представляетъ ровную площадь, наклонную къ Днѣпру, но рѣчныя долины, балки и овраги изрѣзываютъ ее въ различныхъ направленіяхъ и обусловливаютъ собою всѣ частности рельефа. Главнѣйшими элементами этого рельефа являются плато (междурѣчныя пространства), рѣчныя долины, овраги и балки, описываемыя подробно авторомъ. Онъ намѣчаетъ слѣдующія плато, ограниченныя соотвѣтственными рѣками: 1) Орель—Берестовая, 2) Берестовая—Орчикъ, 3) Орчикъ—Ворскла, 4) Ворскла—Псёлъ; 5) Псёлъ—Хоролъ, 6) Хоролъ—Сула и 7) Засульское плато, причемъ разсматриваетъ ихъ отдѣльно въ отношеніи размѣровъ, высоты, паденія, изрѣзанности оврагами и проч.

Когда читаешь эти описанія плато, невольно приходитъ на мысль, что авторъ не воспользовался въ достаточной мѣрѣ тѣмъ положеніемъ довольно давно высказаннымъ въ геологической литературѣ, что въ составъ нашихъ равнинъ входятъ два существенно различныхъ типа мѣстностей: *крутовозвышающіяся* надъ сосѣдней рѣчной долиной и *отлоговозвышающіяся* надъ ней. Какъ намъ кажется, это повело къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ при характеристикѣ плато, изъ которыхъ мы не можемъ не указать здѣсь на слѣдующее: въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего описанія авторъ утверждаетъ (стр. 6, 9, 15), будто-бы изрѣзанность плато зависитъ отъ абсолютной высоты его, что, конечно, невѣрно и что самъ-же авторъ опровергаетъ на стр. 19, говоря: «каждый данный рельефъ плато, при прочихъ равныхъ условіяхъ, есть результатъ равнодѣйствующей изъ 1) относительной высоты плато надъ дномъ прилегающихъ долинъ, 2) ширины водораздѣла и 3) угла паденія долинныхъ склоновъ».

Результатомъ подобнаго-же недоразумѣнія является, по нашему мнѣнію, и то утвержденіе автора, будто-бы Засульское плато большею

частью *круто* обрывается въ днѣпровскую долину на протяженіи болѣе 160 верстъ (стр. 12).

Въ дополненіе къ характеристикѣ плато авторъ останавливается на курганахъ и блюдцеобразныхъ углубленіяхъ полтавскихъ степей.

Курганы почти повсюду пріурочены къ наиболѣе высокимъ пунктамъ плато и только въ долинѣ Орчика они расположились на второй террасѣ долины. Подмѣтить какую либо правильность въ расположеніи кургановъ не удалось. Можно только указать на нѣкоторую тенденцію ихъ выстраиваться рядами, но частыя отступленія отъ этого порядка не позволяютъ узаконить его. Очевидно, при насыпкѣ кургана человѣкъ всецѣло приспособлялся къ данному рельефу мѣстности. Согласно *г. Ферхмину*, автору изслѣдованія кобелякскаго уѣзда, можно различать 5 типовъ кургановъ, причемъ конусообразные и подковообразные (въ планѣ) являются болѣе простыми. Три остальныя формы болѣе сложны и скорѣе представляютъ собою городища. Описаніе каждаго типа сопровождается соотвѣтствующими рисунками. Такъ называемыя блюдцеобразныя углубленія придаютъ оригинальный видъ нѣкоторымъ участкамъ полтавской степи ранней весною, или поздней осенью. Черная, обыкновенно вспаханная, безконечная равнина усыпана точно бисеромъ мелкими блестящими озерками, которыя лѣтомъ превращаются въ ярко-зеленыя пятна, рѣзко выдѣляющіяся на общемъ золотисто-желтомъ фонѣ степи. Эти блюдцеобразныя углубленія, наблюдавшіяся въ большей части уѣздовъ полтавской губерніи, повидимому пріурочены къ чрезвычайно широкимъ и пологимъ вершинамъ различнаго рода доловъ.

Разсматривая *овраги* и *балки* полтавской губерніи, авторъ, для характеристики изрѣзанности поверхности ея, приводитъ изображеніе удачно выбраннаго небольшого участка карты трехверстнаго масштаба въ окр. Хитцовъ, хотя намъ думается г. Отоцкій преувеличиваетъ понятіе объ изрѣзанности полтавской губерніи, считая данный участокъ за средній (для высокихъ мѣстъ) въ губерніи по изрѣзанности. Средній размѣръ овраговъ по автору равняется 7,4 верстамъ въ длину, 23,6 с. въ ширину и 5,6 с. въ глубину, но не указано почему приняты эти цифры за среднія.

Допуская, что овраги въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ перерѣзывать водораздѣлы, соединяя такимъ образомъ различныя рѣчныя системы, авторъ высказываетъ между прочимъ предположеніе, что Хоролъ прежде впадалъ въ Днѣпръ и направился въ Пселъ благодаря оврагу, подошедшему со стороны Псёла.

Касательно быстроты роста овраговъ удалось собрать только свѣдѣнія для 3-хъ отдѣльныхъ случаевъ, причемъ оказывается, что среднимъ числомъ въ годъ удлиненіе равнялось 1,6—2,5—3 саж.

При разсмотрѣніи *рѣчныхъ долинъ* полтавской губерніи авторъ раздѣляетъ ихъ на два типа: долины *оформленныя* и *неоформленныя*. Къ первому типу онъ относитъ долины Днѣпра, Орели, Орчика, Берестовой Ворсклы, Коломака, Псёла, Хорола, Ташани, Груни, Грузькой Голтвы, Сулы, Удая, Б. Ромна и Сырой Оржицы. Долины этихъ рѣкъ слагаются изъ 3-хъ элементовъ: праваго—высокаго, крутого берега, аллювіальной долины и лѣваго, пологаго, террасовиднаго берега.

При описываніи поймъ (аллювіальныхъ долинъ) указывается, что площадь такихъ поймъ достигаетъ въ полтавской губерніи 6095 кв. верстъ, т. е. 14% всей площади губерніи, тогда какъ площадь всѣхъ надземныхъ водъ, включая сюда рѣки, озера и болота едва достигаети 417 кв. верстъ (менѣе 1%). Остановившись затѣмъ на блужданія рѣчного русла, образованіи старицъ, озеръ и болотъ въ рѣчныхъ долинахъ, авторъ упоминаетъ также о плавенныхъ лѣсахъ, занимающихъ около 1600 кв. в., т. е. 26% всей площади поймы.

Тогда какъ пойму можно назвать, говоритъ авторъ, царствомъ воды и зелени, вторая терраса—царство песковъ, часто представляющихъ собою настоящее песчаное море.

Относительно происхожденія песковъ этихъ террасъ авторъ дѣлаетъ два предположенія: 1) это обнаженные размывомъ отъ наносовъ, третичные пески, и 2) пески вторыхъ террасъ—надувные, принесенные съ высокаго берега и дна долинъ. Но ни съ однимъ изъ этихъ предположеній рѣшительно нельзя согласиться, такъ какъ пески вторыхъ террасъ представляютъ собою древнія отложенія самыхъ рѣкъ, конечно въ иныхъ мѣстностяхъ, съ поверхности, переработанные вѣтромъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ описанію второго типа рѣчныхъ долинъ—*неоформленныхъ*, въ которыхъ рѣчной характеръ выраженъ весьма слабо, оба берега являются одинако высокими, отлогими, часто задернованными и мало чѣмъ отличаются отъ береговъ большихъ балокъ. По нимъ протекаютъ не постоянныя рѣки, временныя течеи, въ одни годы—болѣе богатыя водою, въ другіе—менѣе, въ зависимости отъ метеорологическихъ условій.

Въ концѣ своего очерка г. Отоцкій старается согласно, взглядамъ проф. Докучаева, нарисовать картину постепеннаго развитія рѣчныхъ долинъ, отправляясь отъ того воззрѣнія, что неоформленныя

долины представляются болѣе молодыми сравнительно съ долинами оформленными. Однако рѣшать вопросы о древности рѣчныхъ долинъ по степени оформленности не представляется возможнымъ, такъ какъ уже теперь существуетъ не малое число фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что неоформленность данной долины въ настоящее время является только слѣдствіемъ наполненія ея рѣчными и намывными отложеніями.

Геологическому строенію полтавской губерніи посвящены двѣ главы XVI выпуска «матеріаловъ», составленныя г. Агафоновымъ на основаніи данныхъ прежнихъ изслѣдователей, а также и данныхъ, добытыхъ экспедиціей проф. Докучаева.

Въ главѣ *«третичныя образованія Полтавской губерніи»* г. Агафоновъ указываетъ, что подъ ледниковыми отложеніями, покрывающими полтавскую губернію слѣдуютъ: 1) лѣпныя или пестрыя глины, 2) бѣлые и сѣрые кварцевые пески, 3) главконитовыя песчаноглинистыя образованія, 4) голубоватый мѣлоподобный мергель и 5) сѣрые и зеленоватосѣрые фосфоритовые пески.

Авторъ далѣе описываетъ петрографическія свойства породъ этихъ ярусовъ, ихъ химическій составъ, органическіе остатки, условія залеганія и распространеніе, а затѣмъ сопоставляетъ различные взгляды, существующіе въ геологической литературѣ по вопросу о ближайшемъ возрастѣ третичныхъ образованій полтавской губерніи.

Въ главѣ *«ледниковыя отложенія Полтавской губерніи»* г. Агафоновъ прежде всего приводитъ краткую характеристику глетчерныхъ образованій въ области скандинаво-русскаго ледника, принадлежащую проф. Докучаеву.

Переходя затѣмъ къ полтавской губерніи, авторъ указываетъ, что предшествовавшіе изслѣдователи между потретичными образованіями губерніи различали: 1) лёссъ, 2) валунныя глины, суглинки и пески и 3) прѣсноводный мергель, при чемъ вопросъ о происхожденіи лёсса и прѣсноводнаго мергеля до сихъ поръ оставался спорнымъ. Всѣ эти потретичныя образованія авторъ зачисляетъ въ ледниковыя и затѣмъ принимаетъ, что полтавскую губернію въ отношеніи ледниковыхъ образованій можно разбить на 5 районовъ, при чемъ въ первомъ районѣ развитъ трехчленный наносъ, состоящій изъ а) лёсса, б) моренныхъ глинъ или суглинковъ съ валунами и в) прѣсноводнаго мергеля; во 2-мъ—двучленный наносъ, состоящій изъ а) лёсса и б) моренныхъ суглинковъ и песковъ съ валунами; въ 3-мъ районѣ распространенъ лишь одинъ супесчаный

лессъ и замѣщающіе его суглинки и пески; 4-й районъ характеризуется двучленнымъ наносомъ, состоящимъ изъ а) лесса и б) разлечныхъ безвалунныхъ глинъ и суглинковъ, и въ 5-мъ районѣ одночленный наносъ является въ видѣ бурыхъ неслоистыхъ суглинковъ, безъ валуновъ. Границы этихъ районовъ указаны на приложенной къ 3 главѣ небольшой картѣ (60 в. въ дюймѣ) ледниковыхъ отложеній полтавской губерніи [1]).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ разсматриваетъ перечисленныя породы каждаго изъ районовъ, подробно характеризуя ихъ свойства въ петрографическомъ и отчасти въ химическомъ отношеніи, описываетъ ихъ мощность, способъ залеганія, распространеніе и органическіе остатки, руководствуясь преимущественно данными, изложенными авторами при описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ Полтавской губерніи.

Покончивши съ образованіями, причисляемыми имъ къ ледниковымъ, авторъ останавливается на описаніи такъ называемаго овражнаго аллювія, понимая подъ нимъ мощныя отложенія, состоящія изъ мелкихъ и крупныхъ частей разнообразнѣйшихъ породъ, сносимыя къ подножію берега рѣки или оврага [2]).

«Геологическій характеръ почвъ Полтавской губерніи», написанный г. К. Глинкой, составляетъ содержаніе IV главы «матеріаловъ».

Всѣ почвы полтавской губерніи по классификаціи, принятой проф. Докучаевымъ, распредѣляются въ четыре класса: A) растительно наземныя, B) сухопутно-болотныя, C) болотныя и F) аллювіальныя, при чемъ какъ по распространенію, такъ и по значенію первенствующая роль принадлежитъ почвамъ перваго класса, описанію которыхъ и посвящена большая часть IV главы.

Изъ почвъ этого класса въ предѣлахъ полтавской губерніи встрѣчаются 1) горовой черноземъ, 2) долинный черноземъ (черноземъ пологихъ склоновъ), 3) почвы переходныя отъ чернозема къ лѣснымъ землямъ (лѣсостепные суглинки), 4) лѣсные суглинки, 5) черноземныя супесси и 6) пески.

---

[1]) Въ легендѣ этой карты мы встрѣтили между прочимъ такое едва-ли возможное названіе „моренная глина безъ валуновъ“.

[2]) Ограничиваясь въ настоящей замѣткѣ этимъ краткимъ изложеніемъ двухъ послѣднихъ главъ, касающихся геологіи полтавской губерніи, мы надѣемся возвратиться къ нимъ на страницахъ болѣе спеціальныхъ изданій, гдѣ будутъ указаны тѣ данныя, которыя не позволяютъ намъ согласиться со многими положеніями этихъ главъ, въ особенности касающимися послѣтретичныхъ отложеній полтавской губерніи.

Горовой черноземъ, занимающій большую часть полтавской губерніи, покрываетъ почти всѣ водораздѣльныя пространства за исключеніемъ лишь сравнительно узкихъ полосъ правыхъ прибрежій нѣкоторыхъ рѣкъ. Суммируя наблюденія надъ общимъ характеромъ черноземныхъ почвъ, содержаніемъ въ нихъ гумуса, химическими и физическими свойствами ихъ, все черноземное пространство полтавской губерніи можно разбить на три полосы, идущихъ въ направленіи съ С.-З. на Ю.-В. Въ этомъ направленіи онѣ довольно строго слѣдуютъ теченію Днѣпра и болѣе или менѣе строго совпадаютъ съ изогипсовыми полосами. Первая наиболѣе удаленная отъ долины Днѣпра полоса пріурочена къ высотамъ отъ 70 до 100 с., вторая—къ высотамъ въ 50—70 с., и третья приднѣпровская полоса характеризуется высотами въ 30—50 с. [1]).

Несмотря на различнаго рода особенности горовыхъ черноземовъ губерніи, строеніе ихъ повсюду болѣе или менѣе одинаково, и три горизонта, принимаемые для характеристики почвъ—почвенный, переходной и подпочвенный, приблизительно сходны между собою. Давши общую характеристику этихъ горизонтовъ и изобразивши ихъ на рисункѣ (29-й), авторъ описываетъ затѣмъ болѣе подробно черноземы указанныхъ полосъ въ отношеніи содержанія гумуса, мощности и свойствъ подпочвы, при чемъ оказывается, что между содержаніемъ гумуса въ почвахъ полтавской губерніи и высотою мѣстности существуетъ зависимость, которую можно формулировать въ такихъ положеніяхъ:

1) вмѣстѣ съ пониженіемъ мѣстности падаетъ процентъ черноземныхъ почвъ съ высокимъ содержаніемъ гумуса.

2) Черноземы съ максимальнымъ содержаніемъ гумуса (9—10%) встрѣчаются лишь въ константиноградскомъ уѣздѣ, самомъ высокомъ, самомъ степномъ и имѣющемъ въ то же время въ восточной своей части очень глинистую подпочву.

3) Почвы, содержащія отъ 8 до 9% гумуса, точно также пріурочены къ наиболѣе высокимъ уѣздамъ губерніи.

4) Количество образчиковъ съ высокимъ содержаніемъ гумуса уменьшается по мѣрѣ уменьшенія абсолютной высоты, количество же

---

[1]) Границы этихъ полосъ указаны на почвенной картѣ полтавской губерніи, на которой кромѣ того обозначено распространеніе долиннаго чернозема, переходныхъ лѣсостепныхъ суглинковъ, лѣсныхъ суглинковъ, пойменныхъ почвъ, песковъ и солонцевъ

образцовъ съ среднимъ содержаніемъ, наоборотъ, возрастаетъ въ томъ-же направленіи.

Вторая группа растительно-наземныхъ почвъ—*черноземъ пологихъ склоновъ*—пользуется въ губерніи несравненно меньшимъ распространеніемъ и пріуроченъ, обыкновенно, къ лѣвымъ берегамъ рѣкъ, занимая ихъ вторую надлуговую, пологую террасу. Почвы этой группы по строенію очень мало отличаются отъ горового чернозема, но характерной чертой ихъ является супесчаный, характеръ что находится въ зависимости отъ такого же характера подпочвы.

Что касается гумуса, то содержаніе его также находится въ довольно тѣсной зависимости отъ рельефа.

Выяснивъ общій характеръ долиннаго чернозема, авторъ далѣе разсматриваетъ распространеніе его по уѣздамъ, отмѣчая характерные признаки той или другой мѣстности.

Третья группа—*переходные лѣсостепные суглинки*, занимая очень небольшую площадь губерніи, по своему характеру стоятъ на границѣ между типичнымъ горовымъ черноземомъ и столь-же типичными лѣсными суглинками. Образованіе ихъ происходило тамъ, гдѣ лѣсная и степная растительность прилагали совмѣстныя усилія для образованія почвы. Почвы этого типа по своему строенію приближаются то къ чернозему, то къ лѣснымъ суглинкамъ, смотря по тому, какой растительности онѣ больше обязаны своимъ происхожденіемъ—степной, или лѣсной. Разсматривая ихъ распространеніе, авторъ указываетъ, что наиболѣе изобилуетъ ими Зѣньковскій уѣздъ.

Лѣсные суглинки занимаютъ нѣсколько большую площадь, чѣмъ предъидущая группа, пріурочиваясь къ тѣмъ-же уѣздамъ, гдѣ распространены и лѣсостепные суглинки. Они встрѣчаются только въ высокихъ и среднихъ по высотѣ уѣздахъ Полтавской губерніи, совершенно отсутствуя тамъ, гдѣ высота степи не превышаетъ 60–70 саж. Стараясь объяснить такое вліяніе абсолютной высоты мѣстности на распространеніе въ степи лѣсныхъ земель, а слѣдовательно, и лѣсовъ, какъ бывшихъ, такъ и современныхъ, авторъ видитъ причину этого явленія въ томъ, что солонцоватость почвы дѣйствуетъ весьма неблагопріятно на ростъ древесныхъ породъ, а такъ какъ приднѣпровскіе уѣзды весьма богаты солонцами, то это и служитъ препятствіемъ для существованія лѣса въ такихъ мѣстностяхъ. Представивши затѣмъ характеристику лѣсныхъ суглинковъ въ отношеніи строенія, мощности, содержанія гумуса и указавши области ихъ распространеніе, авторъ замѣчаетъ, что внѣшнимъ признакомъ присут-

ствія лѣсныхъ почвъ можетъ служить отсутствіе на нихъ кургановъ, которыхъ такъ много въ черноземной степи.

На описаніи пятой группы *песковъ*—авторъ останавливается очень кратко.

Почвы этого типа, почти не пригодныя для культуры, представляютъ зачастую дюнные холмы. Въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ являются въ видѣ рыхлыхъ, свѣтлыхъ, сѣроватыхъ, но не летучихъ песковъ.

Заканчивая обзоръ растительно-наземныхъ почвъ полтавской губерніи, авторъ даетъ въ таблицѣ цифровыя данныя относительно мощности и количества перегноя, а также указанія на характеръ подпочвы; выводя затѣмъ *среднія* для каждаго типа губерніи, онъ получаетъ слѣдующія величины:

	мощность		*гумусъ*	
Черноземъ плато.	3'8"	(100)	5,46%	(100)
Черноземъ полог. скл.	2'9"	(75)	3,93	(71,9)
Лѣсостепные суглинки	2'9"	(75)	3,77	(69)
Лѣсные суглинки	2'5"	(65,9)	2,77	(50,7)
Пески	4"—5"	(10)	0,44	(8)

Ко второму классу почвъ—*сухопутно-болотнымъ*—авторъ относитъ такъ называемые солонцы, довольно распространенные въ полтавской губерніи и пріуроченные преимущественно къ наиболѣе пониженнымъ уѣздамъ губерніи. Авторъ полагаетъ, что такое распространеніе этихъ почвъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эти именно мѣстности должны выноситься изъ вышележащихъ почвъ и породъ легко растворимыя соли, каковы хлористыя, углекислыя, сѣрнокислыя и др. Такъ какъ однако и высокіе уѣзды имѣютъ мѣстами замкнутыя котловины и низины, изъ которыхъ затрудненъ выходъ для стекающихъ водъ, то и здѣсь нужно ожидать присутствія солонцовъ, что и наблюдается на самомъ дѣлѣ. Въ приводимой авторомъ таблицѣ показывается, что въ мѣстностяхъ съ высотой въ въ 60—69 с. солонцы уже встрѣчаются въ значительномъ количествѣ, наибольшее-же число ихъ падаетъ на мѣстности съ абсолютной высотой 40—59 с.

Среди полтавскихъ солонцовъ несомнѣнно главную роль играютъ солонцы вторыхъ террасъ Днѣпра, Сулы, Псела и Ворсклы (типическіе солонцы). Меньшая площадь приходится на долю солонцовъ, занимающихъ пониженные участки черноземнаго плато и, наконецъ, самыя незначительныя пространства заняты солонцами на сравни-

тельно пониженныхъ частяхъ рѣчныхъ поймъ. На почвенной картѣ губерніи нанесены лишь наиболѣе типичные солонцы; объ остальныхъ упоминается въ описаніи отдѣльныхъ уѣздовъ.

По мнѣнію автора солонцоватые черноземы могутъ считаться первой стадіей образованія солонца. Весеннія воды, вымывая изъ сосѣднихъ высотъ легко растворимыя соли, переносятъ ихъ въ котловины, гдѣ вода застаивается, производя нѣкоторое заболачиваніе мѣстности и, по испареніи и просачиваніи, оставляетъ на поверхности небольшую корку, скорѣе даже налетъ солей въ смѣси съ мелкимъ кварцевымъ пескомъ. Во влажномъ состояніи такіе солонцоватые черноземы не отличаются отъ обыкновеннаго горового чернозема, въ сухомъ-же они характеризуются чрезвычайной плотностью, болѣе темнымъ, иногда даже сизовато-чернымъ цвѣтомъ.

Типичные солонцы вторыхъ террасъ представляютъ вѣроятно конечное измѣненіе черноземныхъ почвъ подъ вліяніемъ временаго заболачиванія и обогащенія легко разстворимыми солями. Эти солонцы г. Безпалый, детально изслѣдовавшій лѣвые берега Сулы и Ворсклы, раздѣляетъ на два типа: 1) солонцы сухихъ котловинокъ, разбросанные по общей солончаковой низинѣ и 2) злостные солонцы береговъ соленыхъ озеръ.

Давши затѣмъ характеристику солонцовъ, въ отношеніи строенія, содержанія гумуса и мощности, авторъ вкратцѣ разсматриваетъ отдѣльные районы ихъ по уѣздамъ.

Болотныя почвы въ полтавской губерніи залегаютъ почти исключительно по рѣчнымъ поймамъ, и только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ попадаются небольшія пространства и на степи вблизи солонцовъ.

Болотныя почвы рѣчныхъ поймъ обыкновенно имѣютъ характеръ мокрыхъ, а иногда и полуобсохшихъ торфяниковъ.

Почвы аллювіальныя, составляющія послѣдній классъ, представляютъ собою почти исключительно почвы рѣчныхъ долинъ и балокъ. Въ виду разнообразія признаковъ этихъ наносныхъ почвъ авторъ описываетъ ихъ habitus и свойства отдѣльно по мѣстностямъ причемъ оказывается, что эти почвы являются то тяжелыми, то легкими, то болѣе глинистыми, то песчанистыми, нанесенными дѣятельностью то атмосферныхъ, то рѣчныхъ водъ.

Въ пятой главѣ, принадлежащей тому же автору, что и предъидущая, разсматривается *«химическій составъ растительно-наземныхъ почвъ и солонцовъ полтавской губерніи»*. И въ этой главѣ главное вниманіе обращено на характеристику самаго важнаго типа почвъ—

горовыхъ черноземовъ, для которыхъ имѣется 18 полныхъ анализовъ, произведенныхъ преимущественно *г. Шешуковымъ* по тому-же плану, какой былъ принятъ при изслѣдованіи нижегородскихъ почвъ. Размотрѣніе данныхъ этихъ анализовъ заставляетъ автора разбить горовые черноземы на три группы—глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ. Сопоставивши затѣмъ химическій составъ этихъ почвъ съ абсолютной высотой мѣстности, авторъ снова находитъ, что почвы, наиболѣе богатыя питательными веществами лежатъ въ наиболѣе высокихъ уѣздахъ, бѣднѣйшіе-же черноземы пріурочены къ пониженнымъ уѣздамъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ приводитъ анализы и разсматриваетъ химическія свойства: черноземовъ пологихъ склоновъ, лѣсостепныхъ суглинковъ, лѣсныхъ суглинковъ, песковъ, солонцовъ и солонцоватыхъ черноземовъ, сводя затѣмъ въ общей таблицѣ данныя о важнѣйшихъ составныхъ частяхъ растительно-наземныхъ почвъ.

Вторая часть главы посвящена «общимъ замѣчаніямъ о химическомъ характерѣ растительно-наземныхъ почвъ полтавской губ.» при чемъ разсматриваются среднія величины для различныхъ моментовъ полтавскихъ почвъ.

Въ общемъ полтавскія почвы по сравненію съ нижегородскими являются болѣе супесчаными, и максимумъ глины въ нихъ достигаетъ лишь 28,44%, тогда какъ въ нижегородскихъ онъ доходитъ до 40%.

Различные типы растительно-наземныхъ почвъ въ отношеніи содержанія глины, песку, гумуса, цеолитовъ, а также поглотительной способности представляютъ слѣдующія данныя.

	глина	*песокъ*	*гумусъ*	*цеолиты*	*погл. сп.*
Черноземъ плато . . .	100	100	100	100	27,4
Долинный черноземъ . .	69	113	65	64	21,6
Переходные суглинки . .	82	—	63	62	—
Лѣсные суглинки. . . .	73	112	47	57	18,6
Пески	11	138	6	13	2,25

Изъ чего можно заключить, что лучшими почвами являются горовые черноземы, второе мѣсто принадлежитъ долиннымъ, за ними стоятъ лѣсостепные суглинки, затѣмъ лѣсные суглинки и наконецъ пески. Подобное отношеніе можетъ быть выведено для такой большей площади, какъ полтавская губернія, если брать для каждаго почвеннаго типа нѣсколько образцовъ изъ различныхъ мѣстъ губерніи и

сравнивать среднія величины. Въ виду того однако, что для цѣлей губернскаго земства эти среднія, болѣе или менѣе отвлеченныя, величины неподходящи, авторъ разбиваетъ всѣ почвы губерніи, по ихъ естественной правоспособности, на 11 классовъ, которые въ то же время, по мнѣнію автора, имѣютъ и извѣстное оцѣночное значеніе. Такими классами являются:

I. Горовой черноземъ 1-й полосы.

II. Горовой черноземъ 2-й и долинный 1-й полосы.

III. Переходные суглинки 1-й полосы.

IV. Горовой черноземъ 3-й полосы.

V. Лѣсные суглинки 1-й полосы.

VI. Долинный черноземъ 2-й полосы.

VII. Долинный черноземъ 3-й полосы и переходные суглинки 2-й полосы.

VIII. Лѣсные суглинки 2-й полосы.

IX. Переходные суглинки переяслав. уѣзда.

X. Солонцы.

XI. Пески.

Въ приложенной таблицѣ для каждаго класса за исключеніемъ III и X показаны важнѣйшія составныя части почвъ.

Въ VI главѣ г. Адамовъ разсматриваетъ *«механическій составъ и физическія свойства почвъ полтавской губерніи»*.

Указавши на значеніе для правильной оцѣнки плодородія почвъ знанія ихъ физическихъ свойствъ, авторъ разсматриваетъ прежде всего ихъ *строеніе*. Оно опредѣляется относительнымъ содержаніемъ въ почвѣ преимущественно двухъ элементовъ: минеральныхъ частицъ, величина зеренъ которыхъ не превосходитъ 0,01 мм. (ила) и такихъ, величина зеренъ которыхъ равна отъ 0,01 до 2 мм. (песокъ).

Приводя затѣмъ механическіе анализы горовыхъ черноземовъ, позволяющіе опредѣлить въ нихъ относительное содержаніе указанныхъ элементовъ, авторъ также раздѣляетъ эти почвы на 3 подгруппы — глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ, при чемъ и здѣсь проводится та мысль, что причины разнохарактерности горовыхъ черноземовъ всецѣло лежатъ въ высотѣ мѣстности и связанныхъ съ нею геологическихъ особенностяхъ страны [1]).

---

[1]) Сравнивая таблицы глинистыхъ, суглинистыхъ и супесчаныхъ черноземовъ приводимыя гг. Глинкой и Адамовымъ (стр. 256, 257 и 309), можно убѣдиться, что иногда одни и тѣ же черноземы являются въ роли то глинистыхъ, то суглини-

Далѣе г. Адамовъ разсматриваетъ отношеніе этихъ 3-хъ подгруппъ къ водѣ, характеризуя ихъ влагаемкость, капилярность, водопропускающую способность, гигроскопичность и испаряемость, а также ихъ поглотительную способность. Такимъ же изслѣдованіемъ подвергались образцы и другихъ почвенныхъ типовъ—лѣсныхъ суглинковъ, супесей, кварцевыхъ песковъ и солонцовъ.

Кромѣ того для нѣкоторыхъ образцовъ различныхъ типовъ почвъ приведены данныя относительно удѣльнаго вѣса и объема, сопротивленія раздавливанію и отношенія къ теплотѣ.

Въ заключеніе авторъ даетъ общую характеристику каждаго изъ разобранныхъ типовъ почвъ съ точки зрѣнія строенія и физическихъ свойствъ. Для примѣра мы приведемъ здѣсь характеристику *глинистаго чернозема плато,* представляющаго, говоритъ авторъ, почву тяжелую для обработки, быстро напитывающуюся капельно-жидкой водой и быстро высыхающую съ поверхности. Имѣя сравнительно хорошую водоемкость,—среднюю водопроводимость, онъ можетъ задержать значительное количество воды, но не надолго; наконецъ, занимая первое мѣсто по поглотительной способности къ амміаку (32, 4%), эти черноземы еще сохранили способность къ воспріятію питательныхъ элементовъ для растеній и равномѣрному распредѣленію ихъ. Слѣдовательно, дайте такой почвѣ лишь подобающую обработку, дайте ей достаточное количество влаги, и вы получите высоко-культурную, десятерицею вознаграждающую трудъ, землю.

Въ томъ же родѣ даны характеристики и для остальныхъ типовъ.

Въ концѣ главы приложено графическое изображеніе поглотительной способности, содержанія гумуса и цеолитной части, а также физико-механическихъ свойствъ почвъ полтавской губерніи.

Въ VII главѣ г. Барановскій представилъ *«очеркъ климата полтавской губерніи».* Для этого ему послужили данныя 5 метеорологическихъ станцій, на которыхъ велись болѣе или менѣе продолжительныя наблюденія. Такія станціи находятся въ Полтавѣ, Кусто-

---

стыхъ, то супесчаныхъ, а именно: черноземы *Берестовки и Шадіевки* г. Адамовъ причисляетъ къ глинистымъ, г. Глинка къ суглинистымъ, черноземъ *Голотовщины* г. Адамовъ считаетъ за суглинистый, г. Глинка за супесчаный, черноземъ *Филоновщины* г. Адамовъ относитъ къ суглинистымъ, г. Глинка къ глинистымъ. Въ виду важнаго значенія, какое придаютъ оба автора этимъ тремъ подгруппамъ, указывая напр. на связь ихъ распространенія съ высотой мѣстности, подобная неопредѣленность едва ли допустима.

ловѣ, Кременчугѣ, Згуровкѣ и Ромнахъ. Авторъ приводитъ описаніе ихъ и таблицы сдѣланныхъ наблюденій, а затѣмъ даетъ общіе выводы относительно температуры, влажности, облачности, осадковъ, давленія воздуха и вѣтровъ полтавской губерніи, изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь главнѣйшіе.

Средняя годовая температура всѣхъ станцій повышается по мѣрѣ убыванія широты. Самымъ теплымъ мѣсяцемъ является іюль, самымъ холоднымъ январь. Наивысшая крайняя температура достигаетъ 38°, 2 ц. въ іюлѣ (Полтава), низшая—31° 2 ц. въ февралѣ (Кустолово).

Влажность, какъ годовая средняя, такъ и средняя влажность растительнаго періода въ сѣверной станціи Згуровкѣ больше, чѣмъ въ Кременчугѣ и Полтавѣ. Минимумъ влажности падаетъ на май, максимумъ на ноябрь и декабрь. Облачность наибольшая въ холодное время года.

Среднее годовое количество осадковъ около 470 мм. Самое дождливое время—лѣто, самое сухое—зима.

Годовой ходъ давленія воздуха выражается наибольшимъ давленіемъ въ декабрѣ, наименьшимъ—въ іюнѣ, вообще, болѣе высокимъ давленіемъ зимою, чѣмъ лѣтомъ.

Наконецъ относительно вѣтровъ видно изъ приводимыхъ таблицъ, что зимою въ губерніи господствуютъ сѣверо-восточные вѣтры, весною-юго-восточные, лѣтомъ сѣверо-западные и за ними юго-западные, осенью—юго-западные. Преобладающее направленіе вѣтра въ году сѣверо и юго-западное,

«*Ботанико-географическій очеркъ полтавской губерніи*», составляющій VIII главу, принадлежитъ проф. Краснову.

Разсмотрѣвши предшествовавшіе труды по изслѣдованію полтавской флоры и ихъ недостаточность для цѣлей характеристики растительности и ея отношеній къ почвамъ края, авторъ объясняетъ, что, приступая къ своимъ изслѣдованіямъ, онъ имѣлъ въ виду дать характеристику одного изъ тѣхъ почвообразователей, различной дѣятельностью котораго вызвано было, до извѣстной степени, несходство въ почвенномъ характерѣ различныхъ частей губерніи, такъ какъ нормальныя растительно-наземныя почвы полтавской губерніи суть, болѣе или менѣе, продукты дѣятельности такихъ ботанико-географическихъ элементовъ,—такихъ «растительныхъ формацій», какъ *лѣсъ, степь, лугъ, болото, боръ, пойма* и *дюнная флора*.

Такъ какъ важнѣйшими почвенными типами губерніи были почвы степей и лѣсовъ, то главное вниманіе автора было устремлено на нихъ. Менѣе важные для оцѣнки почвъ элементы,—поемные луга, пески, болота стояли на второмъ планѣ.

Насъ интересовалъ вопросъ, говоритъ авторъ, какова растительность степи положимъ Константиноградскаго уѣзда. Эта степная флора—того же ли она состава, что и у степей уѣзда прилуцкаго? Есть ли различіе въ характерѣ степей, стоитъ-ли оно въ связи съ измѣненіемъ почвеннаго характера и есть-ли, вообще, какая нибудь законность въ этихъ измѣненіяхъ, если они наблюдаются?

При изслѣдованіяхъ былъ принятъ слѣдующій методъ. Въ избранной мѣстности отыскивались пункты, гдѣ природная растительность наименѣе искажена человѣкомъ. Она бралась за типъ. Зная составъ такой степи, лѣса или луга, авторъ, прерѣзжая съ мѣста на мѣсто, отмѣчалъ всѣ малѣйшія измѣненія въ характерѣ формацій и старался подмѣтить связь этихъ отклоненій съ измѣненіями въ рельефѣ страны, почвѣ и другихъ окружающихъ условіяхъ.

Авторъ различаетъ въ полтавской губерніи слѣдующія ассоціаціи растеній.

I. Черноземную прерію или травянистую степь, точно совпадающую съ областями развитія черноземныхъ почвъ

II. Широколиственные лѣса, типично развитые только на сѣрыхъ лѣсныхъ суглинкахъ, но также кое-гдѣ спорадически расканданные по старымъ поймамъ и, какъ исключеніе, по степнымъ балкамъ.

III. Суходольный лугъ, развитой на сѣрыхъ лѣсныхъ земляхъ, на старыхъ поймахъ и такъ называемыхъ степныхъ воронкахъ или баклушахъ.

IV. Хвойные лѣса и флору дюнныхъ песковъ, взаимно смѣняющіяся формаціи, пріуроченныя, исключительно, къ различнымъ типамъ песчаныхъ почвъ.

V. Луговую флору съ ея оттѣнками—влажнымъ лугамъ, левадою, флорою стоячихъ или медленно текущихъ водъ, береговыхъ песковъ и гривъ, связанную съ областью заливныхъ луговъ или временно заболачивающихся мѣстъ.

VI. Генетически съ нею связанъ, но рѣзко, по внѣшнему виду выдѣляется типъ обогащенныхъ солями почвъ и связанныхъ съ ними формацій влажаго и сухого періодическихъ солонцовъ.

VII. Отдѣльно стоитъ господствующій, созданный человѣкомъ типъ растительности культурныхъ полей, толокъ и бурьяновъ.

Затѣмъ авторъ подробно описываетъ эти ассоціаціи и въ концѣ статьи приводитъ списки растеній отдѣльныхъ ассоціацій, а также общій списокъ растеній полтавской губерніи.

П. А.

Al. Czechowski. Samuel's von Skrzypna Twardowski „Wojna domova". Doctordissertation. (Posen, 1894). Стр. 55.

Докторская диссертація г. Чеховскаго, представленная къ защитѣ въ берлинскій университетъ, посвящена литературной характеристикѣ польскаго поэта и историка XVII в. Самуила Твардовскаго и въ особенности главнаго труда его «Wojna domowa». Для малорусской исторіографіи сочиненіе Твардовскаго имѣетъ первостепенный интересъ между прочимъ и потому, что для періода 1648—1551 г. пополняетъ пропускъ, происходящій отъ утраты части рукописи Самуила Величка (лѣтопись С. Величка, изд. Кіев. Вр. Ком. для разб. др. актовъ. Кіевъ, 1854. Т. 4. стр. V); между тѣмъ, «Wojna domowa» была чуть-ли на единственнымъ источникомъ Величка при описаніи событій этой эпохи. Въ 1718 г. писарь Лубенскаго полка Стефанъ Савицкій изложилъ «малороссійскимъ нарѣчіемъ» первую и начало второй части «Войны», и Самуилъ Величко пользовался этимъ переводомъ (тамъ же, стр. 84). Не лишенъ интереса взглядъ переводчика на достоинство труда Твардовскаго. «Въ стихахъ онихъ—говоритъ Савицкій—аще отъ большея части и истинну въ себѣ содержать являються, много обрѣтается и на Казацкую безчестнихъ, а на Лядскую страну надъ мѣру похвалнихъ словесъ и инихъ приложеній, къ наученію поэтическому надлежащихъ, въ чтеніи же и слишаніи прикрость наносящихъ». Поэтому въ прозаическомъ переложеніи своемъ Савицкій счелъ нужнымъ исключить «вишеизображенное непотребство, еже ко безчестію нашому, а похвалѣ Лядской, самое ихъ дѣло превосходящой, отъ истинни же далеко отступающой» (тамъ же, стр. 2).

Данныя для біографіи Твардовскаго очень скудны, и трудъ г. Чеховскаго слабо пополняетъ этотъ пробѣлъ. Сынъ калишскаго гродскаго писаря Матвѣя Твардовскаго и Софіи Рей, Самуилъ Твардовскій родился около 1600 г. въ Вел. Польшѣ и вѣроятно посѣщалъ калишскую іезуитскую коллегію архіепископа Карнковскаго. Въ 1621 г. онъ находился въ свитѣ Христофора Збаражскаго при посольствѣ въ Константинополь и затѣмъ оставался при дворѣ князя

до смерти послѣдняго. Г. Чеховскій отрицаетъ фактъ поѣздки Тв. въ Италію и на Западъ въ 1624—25 гг. въ свитѣ королевича Владислава и полагаетъ, что въ эту пору, какъ почти всю жизнь, онъ состоялъ на службѣ при дворѣ какого-нибудь польскаго магната. Въ 1642 г. Тв. получилъ въ держаніе отъ Петра Сенюты имѣнія Старый Гродъ и Держановъ въ Вел. Польшѣ, но постояннымъ пребываніемъ писателя были Зарубинцы около Збаража, полученные отъ кн. Збаражскаго и оставленные за нимъ кн. Іереміей Вишневецкимъ, съ которымъ Тв. воевалъ противъ козаковъ. По случаю осады Збаража Тв. долженъ былъ разстаться съ Зарубинцами и переселиться въ свои великопольскія имѣнія, о чемъ онъ съ грустью вспоминаетъ въ первой части «Войны». Около этого же времени сочиненіе Тв. «Владиславъ IV» было сожжено рукою палача по требованію московскаго царя, который настаивалъ на выдачѣ автора, какъ оскорбившаго въ своемъ трудѣ московское правительство, и на уплатѣ 100.000 р. вознагражденія за безчестіе [1]). Быть можетъ, это обстоятельство побудило Тв. въ 1655 г. перейти на сторону шведскаго короля, но не надолго, потому что уже въ 1656 г. по случаю вторженія шведовъ поэтъ долженъ былъ бѣжать изъ своихъ великопольскихъ имѣній. Умеръ Тв. вскорѣ послѣ мира при Оливѣ, закончившаго шведскую войну, и погребенъ въ бернардинской церкви въ Кобылинѣ (Вел. Польша).

Г. Чеховскій даетъ краткую характеристику трудовъ Тв. «Przeważna legacya», «Władysław IV,» переводнаго романа «Nadobna Paskwalina,» пасторали «Daphnis» и интересной для культурной исторіи «Satyr na twarz Rzeczypospolitéj», изд. въ 1640 г., которою воспользовался Хр. Опалинскій при составленіи своихъ сатиръ [2]); далѣе, отмѣчены нѣкоторыя мелкія лирическія поэмы Тв., изд. въ Калишѣ въ 1682 г., Вильнѣ въ 1771 г. и Краковѣ въ 1861 г. Что касается главнаго историческаго труда Тв. «Wojna domowa», то позднѣйшіе историки литературы, за рѣдкими исключеніями, были о немъ невысокаго мнѣнія. Задача г. Чеховскаго—установить правильный взглядъ на эту историческую поэму.

---

[1]) Объ этомъ упомянуто частью въ „Войнѣ", II, 7, по калишскому изд. 1681 г. далѣе въ Climacteres Коховскаго, I, 182 и у В. Потоцкаго, Wojna Chocimska (Warsz., 1880), пред., стр. 58—60 и 85. Кажется, эти данныя пополняютъ пробѣлъ, на который указано г. Брикнеромъ въ статьѣ „Россія и иностранная печать въ XVI и XVII ст". (Рус. Вѣд. 1895 г. № 80).

[2]) Объ этомъ см. Wł. Rabski, Ueber die Satyren des Chr. Opaliński. Doctor-dissertation (Berlin, 1892).

«Война» обнимаетъ 12 лѣтъ борьбы Польши съ козачествомъ при Янѣ Казимирѣ (1648—1660 г.г.) При жизни автора появилась сперва вторая часть поэмы, въ 1657 г., въ Лиссѣ (утрачена); первая часть вышла въ Краковѣ въ 1660 г., полное изданіе въ Калишѣ въ 1681 г. Это послѣднее изданіе крайне неисправно. По содержанію своему поэма, состоящая изъ 16.000 стиховъ, страдаетъ нѣкоторою невыдержанностью плана и исполненія. Дѣло въ томъ, что четыре части ея написаны въ разное время, подъ вліяніемъ новаго порядка идей и фактовъ. Задумавъ въ 1650 г. описать первые два года козацко-польской борьбы (1648—9), авторъ не ожидалъ, что междоусобіе заполнитъ всю его послѣдующую жизнь, и не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій зборовскаго договора. Послѣ берестечской битвы и бѣлоцерковскаго трактата Тв. снова взялся за перо, чтобы воспѣть униженіе Хмельницкаго и торжество Польши и предсказать при этомъ покореніе Турціи и взятіе Константинополя. Надежды поэта не оправдались, овладѣть народнымъ востаніемъ Польша не успѣла, но впереди поляковъ ожидала еще шведская война. По мѣрѣ хода событій поэтъ продолжалъ свой трудъ, который такимъ образомъ составлялся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій.

Наиболѣе слаба по конструкціи 4-я часть поэмы, носящая характеръ стихотворнаго мемуара; отчасти тотъ же характеръ имѣетъ и 3-я часть (1652—3 гг.); болѣе единства въ первыхъ двухъ частяхъ: задача поэта—сложить хвалу двумъ героямъ, Іереміи Вишневецкому и королю Яну Казимиру,—эти двѣ центральныя фигуры объединяютъ дѣйствіе. Кульминаціоннымъ пунктомъ разсказа служатъ, разумѣется, осада Збаража и берестечская битва. Замѣтно при этомъ нѣкоторое подражаніе Лукану („Pharsalia“), Петру Кохановскому (переводъ «Освоб. Іерусалима»), Энеидѣ и поэмамъ Яна Кохановскаго; впрочемъ, «Война» въ этомъ отношеніи выгодно отличается отъ другихъ поэтическихъ произведеній Тв., въ ней больше самостоятельности въ рисункѣ, идеяхъ и сравненіяхъ. Г. Чеховскій отмѣчаетъ еще оригинальную особенность «Войны»—рядъ провинціализмовъ, заимствованіе многихъ словъ изъ малорусскаго языка и тюркскихъ нарѣчій; выборка этихъ словъ сдѣлана на стр. 24—26 диссертаціи съ филологическими поясненіями. Любовь къ сравненіямъ, нерѣдко оригинальнымъ и удачнымъ, оживляетъ изложеніе Тв., въ общемъ страдающее нѣкоторою тяжеловѣсностью и морализирующимъ тономъ.

Въ свое время «Война» не привлекла особаго вниманія публики, такъ какъ полное изданіе ея запоздало, утративъ современный

интересъ. Вліяніе ея частью сказалось, напр., на произведенія Вацлава Потоцкаго «Хотинская Война». Большее вліяніе имѣлъ Тв. на труды малорусскихъ хронистовъ, какъ можно видѣть изъ сравненія «Войны» хотя-бы съ лѣтописью С. Величка.

Но главное значеніе «Войны», помимо поэтическаго ея содержанія, заключается въ историческомъ матеріалѣ. Нужно удивляться той массѣ извѣстій, которыя удалось собрать Тв. для построенія своей поэмы. Конечно, въ вихрѣ событій Тв. не съумѣлъ и не могъ сохранить полнаго безпристрастія и надлежащей обстоятельности, но благодаря этому поэма даетъ возможность судить объ уровнѣ развитія, настроеніи и политическихъ симпатіяхъ польскаго шляхтича половины XVII в. Пристрастіе Тв. къ Іереміи Вишневецкому и Яну Казимиру вполнѣ понятно и объяснимо съ этой точки зрѣнія, какъ понятно и толерантное отношеніе его къ поведенію польской шляхты въ Устьи въ 1655 г. Прочіе дѣятели польскіе выступаютъ въ поэмѣ лишь мимоходомъ, насколько это нужно для связности разсказа. Въ отношеніи козаковъ Тв. проявляетъ извѣстнаго рода умѣренность. Онъ считаетъ козаковъ выселившимися на окраину польскими крестьянами, которые въ борьбѣ съ пограничными хищниками достигли самостоятельности. Упрекая козаковъ за измѣну общему отечеству, Тв. не отрицаетъ ихъ военныхъ доблестей и готовъ признать, что причина усобицы крылась въ справедливомъ недовольствѣ козачества противъ польскихъ притѣсненій. Поэтому Тв. совѣтовалъ не стремиться къ конечному истребленію козачества и возмущался молчаливымъ согласіемъ на уводъ въ неволю козацкихъ семействъ татарами въ 1653 г. (IV,131). По поводу Гадячскаго договора Тв. даже высказался въ томъ смыслѣ, что всѣ народы, македоняне римляне, и даже поляки, произошли отъ мужиковъ, почему нѣтъ основанія отказывать въ политическихъ правахъ козакамъ, которые заявили себя храбрыми воинами (IV, 264—5). Тѣмъ большее нерасположеніе и ненависть обнаруживаетъ Тв. въ отношеніи Богдана Хмельницкаго.

Въ вопросахъ религіи Тв. проявляетъ значительную терпимость, несмотря на все свое правовѣріе, и главную причину постигшихъ Польшу невзгодъ видитъ въ неудовлетворительности государственныхъ учрежденій, въ ошибкахъ, жадности и эгоизмѣ шляхты и не стѣсняясь указыветъ послѣдней на ея пороки и недостатки. Эта сатирическая черта красной нитью проходить во всей поэмѣ. Дурная организація польскихъ войскъ, грубость и недисциплинированность ихъ, вѣчные раздоры начальниковъ, честолюбіе и беззаботность магнатовъ,

жадность земельной шляхты, которая высасываетъ всѣ соки изъ бѣдныхъ землеробовъ (Ш,72), безчеловѣчно обращается съ козаками и съ цѣлью обогащенія даже облагаетъ хлѣбъ ихъ (Ш,69), погоня за должностями и продажность послѣднихъ, безсиліе королевской власти, безсудіе, упадокъ торговли, общая продажность и пр. и пр.— все это отмѣчено въ поэмѣ, и такимъ образомъ «Война» краснорѣчиво дополняетъ картину, нарисованную Опалинскимъ и другими сатириками XVII в.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе живо и интересно написанной монографіи г. Чеховскаго, не лишенной значенія для литературной исторіи Польши. Разсмотрѣніе «Wojny Domowéj» со стороны ея фактическаго содержанія, критика достовѣрности ея путемъ сопоставленія съ другими современными и позднѣйшими источниками не входила, къ сожалѣнію, въ задачи автора, почему и нельзя ему ставить въ упрекъ этотъ пробѣлъ его труда.

По установленному порядку, къ диссертаціи приложены тезисы. Ихъ всего три: 1) Неосновательно мнѣніе, будто Тв. принималъ участіе въ путешествіи Королевича Владислава на Западъ и въ Италію въ 1624—5 г.г. 2) Въ польской литературѣ XIX в. сатирическое настроеніе значительно уменьшается сравнительно съ XVIII в., усиливаясь въ литературѣ русской. 3) Двѣнадцатилѣтнія войны при Янѣ Казимирѣ имѣли слѣдствіемъ полное разстройство внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ отношеній Польши и представляютъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ переломовъ въ исторіи польскаго государства, которое съ этой поры неудержимо стремится къ разрушенію.

По обычаю же, эти тезы почти вовсе не стоятъ въ непосредственной связи съ содержаніемъ диссердаціи г. Чеховскаго.

Н. М.

Русскіе народы. Наброски перомъ и карандашемъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Часть I. (Выпуски 1—3). Европейская Россія. Москва. 1894. Цѣна 1 р. 80 к.

Настоящіе очерки имѣютъ цѣлью познакомить читателя, интересующагося населеніемъ Россіи, въ существенныхъ, общихъ чертахъ съ наружнымъ видомъ и бытовой обстановкой разныхъ народностей русскаго государства; въ интересахъ пониманія этнографическихъ

особенностей, сообщаются также историческія свѣдѣнія. Изложеніе текста толково и сжато (42 стр. in 4°); въ концѣ приложенъ списокъ литературныхъ пособій. Рисунки исполнены литографскимъ способомъ роскошно (18 таблицъ); оригиналами для нихъ послужили матеріалы Румянцевскаго и Публичнаго музея, при чемъ рисовальщикъ пользовался указаніями и совѣтами ученаго хранителя музея, проф. В. Ѳ. Миллера.

Югу Россіи и Бѣлоруссіи посвященъ почти весь второй выпускъ, который можно пріобрѣсти и отдѣльно (60 к.). Что касается антропологической и собственно этнографической стороны описанія, то онѣ и здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ изданія, выполнены внимательно и съ знаніемъ дѣла. Къ сожалѣнію, въ историческихъ замѣчаніяхъ попадаются иногда неточности и ошибки. Такъ напр., мы не можемъ понять, какія права и привиллегіи унаслѣдованы малороссіянами отъ своей безпокойной Запорожской Сѣчи (стр. 21); Сербы переселились въ Новороссійскія степи, какъ извѣстно, изъ Австро-Венгріи, а не изъ Турціи, какъ говорится въ «Народахъ Россіи (ibid.)», и появились они со времени не Екатерины (стр. 24), а Елисаветы. Такихъ недосмотровъ, впрочемъ, не много. Малороссамъ отведено двѣ таблицы прекрасныхъ рисунковъ; бѣлоруссамъ, народамъ Бессарабіи и Таврическаго полуострова—по одной таблицѣ. Слѣдуетъ также упомянуть о схематическихъ рисункахъ древне-русской одежды и современныхъ костюмовъ великорусскаго и татарскаго, помѣщенныхъ на внутренней сторонѣ обложки третьяго выпуска.

Въ общемъ названное изданіе привлекаетъ къ себѣ серьезностью и добросовѣстностью, красотой и дешевизною и несомнѣнно принесетъ свою долю пользы.

В. Я.

Историческій очеркъ Умани и Царскаго Сада (Софіевки). В. Иващенка. Кіевъ. 1895. 8-о. 57 стр., съ 2-мя портретами, 4-мя рисунками, однимъ планомъ и однимъ снимкомъ съ рукоп.

Настоящая книжка заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ г. Умани и подробное описаніе извѣстнаго уманскаго сада, устроеннаго Феликсомъ Потоцкимъ (р. 1750 † 1805) для своей жены, красота которой видна изъ приложеннаго тутъ же ея портрета. Описаніе

сада иллюстрировано четырьмя отлично сдѣланными свѣтописными картинками и планомъ. Очеркъ Уманщины и г. Умани составленъ, главнымъ образомъ, по Руликовскому (ст. *Нитай* — въ словарѣ Сулимирскаго), причемъ авторъ довольно подробно разсказалъ и о гайдамацкомъ возстаніи 1768 г. Въ дополненіе къ послѣднему разсказу, при книжкѣ приложены: портретъ Гонты, совершенно отличный отъ того, который былъ приложенъ къ № 11-му «Кіевск. Стар.» 1882 г.[1]) и свѣтотипный снимокъ той еврейской молитвы въ память «уманской рѣзни», полный текстъ которой приведенъ въ мартовской книжкѣ «Кіевск. Стар.» за настоящій годъ.

Интересная по содержанію книжка г. Иващенка издана такъ изящно и приложенные къ ней свѣтописные рисунки сдѣланы такъ отчетливо, что остается только радоваться тому совершенствованію книгопечатной техники въ Кіевѣ, которому въ послѣдніе годы много помогла типографія и фототипія г. Кульженка.

А. Л.

Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в. Виталія Эйнгорна. Москва. 1894. 8-о. 19 стр. (Отд. оттискъ изъ „Книговѣдѣнія").

Брошюра г. Эйнгорна заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о распространеніи книгъ кіевской печати въ Москвѣ, во втор. полов. XVII в., при чемъ Лазарь Барановичъ и Іоанникій Галятовскій умѣли очень искусно выпрашивать даже матеріальную помощь своимъ изданіямъ; такъ, Барановичу разрѣшено было печатать пресловутыя его «Трубы» на казенный счетъ въ московской типографіи, а когда это печатаніе почему то не состоялось, то государь пожаловалъ ему бумаги на печатаніе «Трубъ» въ Кіевѣ [2]). Галятовскій поднесъ своего

---

[1]) Принадлежность портрета Гонтѣ поясняется надписью—*Honta, atamau kozaków*, сдѣланною на оборотной сторонѣ холста. Портретъ пріобрѣтенъ у одного изъ кіевскихъ старьевщиковъ и, судя по красивой дубовой рамкѣ, могъ украшать прежде какой нибудь богатый палацъ... Достовѣрность портрета сомнительна.

[2]) По напечатаніи „Трубъ", Лазарь Барановичъ очень выгодно сбывалъ ихъ въ Москвѣ, выручивъ за одно это изданіе - по разсчету г. Эйнгорна—„на наши деньги", будто бы „около 10 тыс. рубл." Къ сожалѣнію, г. Эйнгорнъ не указываетъ—во что онъ оцѣниваетъ рубль втор. полов XVII в. Экз. „Трубъ" продавался въ Москвѣ, безъ переплета, 2 р., а въ переплетѣ—по 2 р. 50 к.

«Мессію Правдиваго» государю и былъ за то не только «милостиво похваленъ», но получилъ «соболей на 100 руб.» Печерскій архимандритъ Гизель получилъ въ 1672 г. позволеніе продавать въ Москвѣ книги кіевской печати по «вольной цѣнѣ» и послалъ туда 539 экз. разныхъ книгъ и четыре стопы «печерскихъ листковъ». Между привезенными изъ Кіева книгами было, между прочимъ: 50 польскихъ букварей, 50 грамматикъ русскихъ, 12 библій, 58 часослововъ, 7 патериковъ печерскихъ, 31 азбука, 320 кануниковъ, 4 полуустава. Торговля шла, повидимому, успѣшно, такъ какъ въ томъ же 1672 г. Кіево-печерскій монастырь открылъ въ Москвѣ особую свою лавку для торговли книгами, при чемъ въ ней продавались книги и львовской печати и даже извѣстная библія «острожской печати». Интересно, что въ числѣ привезенныхъ при этомъ въ Москву книгъ были книги и на польскомъ языкѣ, напр.—сочиненіе Барановича—Żywoty Swiętych (1670 г.), Lutnia Apollinowa (1671 г.). Значитъ, находили и такія книги сбытъ въ Москвѣ; а вмѣстѣ съ ними, тамъ же, продавались и разные «элементари» на польскомъ и латинскомъ язык., въ которыхъ, слѣдовательно, тоже была потребность въ Москвѣ. Такъ незамѣтно совершалось вліяніе кіевской учености на московскую...

Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи. (1795—1895). Составилъ свящ. П. Викулъ. Вильна. 1895. 16-о. 48 стр.

Преднославъ коротенькій историческій очеркъ Подолья до к. XVIII в., авторъ затѣмъ перечисляетъ главныхъ дѣятелей открытой въ 1795 г. подольской епархіи, при чемъ особенно отмѣчаетъ двухъ изъ нихъ—Іоаннникія (1795—1819 г.), происходившаго изъ волынскаго крестьянства, и Кирилла (1832—40 г.). Современное Іоаннникію «православное духовенство, лишенное всякаго образованія, или воспитанное въ базиліанскихъ школахъ, получившее посвященіе гдѣ нибудь въ Молдавіи или отъ заѣзжихъ архіереевъ, мало удовлетворяло своему назначенію»; поэтому Іоаннникій все свое вниманіе обратилъ на школу; не ограничиваясь семинаріей, онъ открылъ два духовныхъ училища, одно въ Шаргородскомъ монастырѣ, а другое при архіерейскомъ селѣ Приворотьи; въ этомъ послѣднемъ училищѣ Іоаннникій учениковъ содержималъ на свой счетъ. Епископъ Кириллъ, заботясь объ улучшеніи быта приходскаго духовенства, заботился и объ участи крестьянъ своей епархіи; «заботился онъ о томъ, чтобы

крестьяне освобождены были отъ работъ въ воскресные и праздничные дни, а также на время говѣнья, и чтобы пасхальный праздникъ они имѣли возможность праздновать, по древнему обычаю, семь дней и проч. «Какъ сводъ разбросанныхъ въ Подольск. Епарх. Вѣд. свѣдѣній о подольской старинѣ очеркъ о. Викула небезполезенъ, пока существующій въ Кам.-Подольскѣ съ 1865 г. «комитетъ для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи» соберется издать хотя бы краткое, но обстоятельное описаніе послѣдней,—необходимое для справокъ.

Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ (могилевскаго уѣзда) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Н. Чарнецкаго. Каменецъ-Подольскъ. 8°. 79 стр. (Отд. оттискъ изъ Подольск. Еп. Вѣд. 1894 г,).

Книжка г. Чарнецкаго заключаетъ въ себѣ обстоятельный, по архивнымъ источникамъ составленный, очеркъ, какъ замѣнялись прежде бывшія въ Подоліи базиліанскія школы новыми. Въ м. Шаргородѣ устроена была въ 1797 г. семинарія для к.-подольской епархіи, потому что въ этомъ мѣстечкѣ въ бывшемъ уніатскомъ Никольскомъ м—рѣ) жилъ тогда и подольскій епископъ Іоанникій. Затѣмъ, когда семинарія переведена была въ Каменецъ-Подольскъ, въ Шаргородѣ устроено было духовное училище, которое продолжало существовать до нашего времени. (Нѣсколько лѣтъ назадъ оно переведено въ Тывровъ). Подробно разсказанная исторія этого училища за первую четверть вѣка представляетъ любопытныя подробности о крайней бѣдности учащихся и такомъ же невѣжествѣ учащихъ. Примѣровъ ужаснаго отношенія послѣднихъ къ учащимся книжка г. Чарнецкаго приводитъ множество. Въ 1820 г. одинъ священникъ жаловался архіерею, что «начальство Шаргородскаго училища начало жестоко обходиться съ его сыномъ за невнесеніе въ этомъ году учителямъ по 10 злотыхъ въ учебную треть, что онъ, священникъ, обыкновенно аккуратно дѣлалъ съ 1815 г.»; жалобщикъ писалъ, что за

прекращеніе гонорара сынъ его получилъ 64 удара розгами... Въ 1826 г. учитель Щербацкій по поводу, жалобы другого священника за жестокое наказаніе его сына, объяснялъ своему начальству, что онъ «наказывалъ такъ, какъ къ тому навыкъ». Какія педагогическія мѣры принимались Шаргородскою школою для поддержанія нравственности учащихся, указываетъ слѣдующая подписка, отобранная начальствомъ отъ учениковъ старшаго класса въ 1825 г.—«Мы, нижеподписавшіе-ся, даемъ сію подписку въ томъ, что впредь будемъ себя вести честно и скромно, горячихъ напитковъ вовсе ни въ питейныхъ домахъ, въ которые ни подъ какимъ видомъ и ходить не отважимся, употреблять не будемъ; съ квартиры въ непозволенное время, а особливо ночью не только на Масловку (предмѣстье Шаргорода), но даже и въ другое какое либо мѣсто, къ противному себѣ полу, отлучаться никогда не рѣшимся. Если же, въ случаѣ начальствомъ будутъ замѣчены за нами или дурные поступки, или разсѣянность, или по квартирѣ или по классу въ чемъ либо неисправность, то подвергаемся всякому жесточайшему истязанію, строгому при всѣхъ ученикахъ подъ училищнымъ колокольчикомъ тѣлесному наказачію, кромѣ того обчерненію по вѣдомостямъ и представленію въ семинарское правленіе объ исключеніи насъ за дурное поведеніе». Подобныя же подписки приходилось выдавать иногда и самому начальству шаргородскаго училища. Въ томъ же 1825 г. шаргородская мѣстечковая власть обратилась въ шаргородское училище съ требованіемъ о запрещеніи инспектору Александру Островицкому и учителю Филиппу Щербацію—«впредь бить крестьянъ». И тотъ и другой дали подписку—«не бить», но очень скоро затѣмъ должны были деньгами отплачиваться за тяжкіе побои, нанесенные ими крестьянину Палапичу... Нельзя не поблагодарить г. Чарнецкаго за сохраненіе отъ архивнаго истлѣнія тѣхъ любопытныхъ для исторіи нашей первоначальной школы свѣдѣній, которыми наполнена его книжка.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга девятая. Спб. 1895. 8°.

Въ этой книгѣ, посвященной событіямъ 1847 и 1848 гг., есть нѣсколько выписокъ изъ разныхъ книгъ, дополняющихъ свѣдѣнія о Костомаровѣ и Кулишѣ, напечатанныя въ Русск. Архивѣ 1892 г., № 7; но затѣмъ въ нынѣ изданной части непрерывнаго труда г. Барсукова фактовъ, относящихся къ южнорусской исторіи, почти не встрѣчается. Приводится только любопытное письмо къ Погодину «русскаго ученаго» Александра Григорьевича Яновскаго, написанное въ нач. 1847 г., послѣ путешествія по славянскимъ землямъ, при чемъ Яновскій, распространяясь о сходствѣ «нашихъ хохловъ» съ чехами и лужичанами, говоритъ: «Чехи и лужичане, которыхъ я наблюдалъ въ деревняхъ, имѣютъ съ нашими хохлами разительное сходство. Въ мужчинахъ оно еще не такъ замѣтно по различію занятій, образованія, особливо отъ столкновенія съ нѣмцами, которые зовутъ ихъ цопаками, отъ частыхъ отзывовъ ихъ: цопакъ (по малороссійски— що пакъ), но женщины, по физіономіи, костюму, пріемамъ, ухваткамъ, точь въ точь наши малороссійскія мѣщанки; глядя на нихъ, я переносился мысленно въ Малороссію. Постройка и расположеніе домовъ, утварь и пр.—все малороссійское, только чище и лучше. Я самъ малороссіянинъ, и для меня всѣ тонкія черты народности понятнѣе, чѣмъ для человѣка другой націи, даже русскаго, ибо русскіе очень и очень многимъ отличаются отъ малороссіянъ. Въ языкѣ чеховъ я находилъ всѣ слова малороссійскія и ни одного чисто русскаго. Не знаю, откуда русскіе набрали въ свой языкъ такихъ словъ, коихъ нѣтъ ни въ одномъ словенскомъ нарѣчіи. Напримѣръ, *глазъ, рубаха* и пр. Вездѣ говорятъ, какъ и малороссіяне, *око, сорочка* или *кошуля*. Слово *понимаю*—видимо, что русскіе составили сами, корень его замѣтенъ; а у всѣхъ словенскихъ племенъ говорятъ малороссійское *розумію,* слова: *лошадь, башмакъ, кушакъ* и пр.—чисто татарскія, ихъ нѣтъ ни у малороссіянъ, кои тоже подвергались татарскому игу, ни у нашихъ западныхъ собратій. У тѣхъ и другихъ говорятъ одинаково: *конь, черевикъ, пасъ, (поясъ)*. Ваша московская *сайка* должна быть чухонскаго происхожденія, тамъ *саикъ* называется бѣлый хлѣбъ. Обычаи малороссіянъ болѣе сходны съ

чешскими, чѣмъ съ русскими. Для примѣра укажу на *щедрый вечеръ* (канунъ новаго года), на дѣвичье цѣломудріе и пр.» [1]) (стр. 153, Свѣдѣнія эти, не смотря на ихъ краткость, очень любопытны, особенно для вопроса—откуда шла колонизація лѣвобережной Малороссіи въ XVI и XVII в. в.

А. Л.

---

[1]) Никакихъ другихъ свѣдѣній объ авторѣ этого письма, А. Г. Яновскомъ, намъ не приходилось встрѣчать.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895. г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Програмы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахме-

ровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ). Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ. А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ. В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевъева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Ѳ. Катановъ.*

Члены редакціоннаго комитета:

И. Н. Смирновъ.

Ѳ. Г. Мищенко.

зискъ въ Криски, былъ у мене. Дѣло мое зъ Кодницями стискано зъ суда въ минѣстерскую канцелярію. Отъ Вѣжевского за позичение отъ мене 30 р. отобралемъ 8 р. и 94 копѣйки.

Середа. 24. День былъ похмурний и силная метелица тривала черезъ увесь день, въ ночѣ такъ же жестоко великій снѣгъ ишолъ, и о полночи пересталъ, а до свѣта знову пойшолъ. Рано былъ у князя, на службѣ у святой Анастасіи и у ясневелможного. Якубовичъ пріехалъ въ Глуховъ. Обѣдалемъ у себе. Машталера принялемъ вновъ на службу, которому въ годъ габа, киндякъ, кожухъ, чоботъ и кошуль по 2 пари и 2 р.

Четвер. 25. День былъ зранку снѣженъ зъ отлигою, якая въ день наипаче оказалась, а къ вечеру пересталъ снѣгъ, ночъ была не зъ снѣгомъ, однакъ не холодна, а къ свѣту показался морозецъ. Рано были зъ род. у князя и съ нимъ на службѣ у церквѣ Веригинской, где писаръ Печерскій зъ протчіими служили, а Залуцкій, печерскій чернецъ, казанно говорилъ. Обѣдалисмо у князя, потомъ ездилемъ до п. Михайла.

Пятокъ. 26. День сей зранку тихъ и морозецъ показался зъ снѣгомъ, въ день до вечора разставало, ночъ випогодила и зъ морозцемъ. Савѣ доплатилемъ за медъ полъ 6 зол. У день были у мене Кондзеровскій и Мировичъ Петро. Зъ Лубенъ, отъ швакгра Троцкого, и зъ Ромна, отъ брата п. Семена, писма получилемъ.

Субота. 27. День былъ холодноватъ и похмуренъ сперва, потомъ свѣтелъ и тепелъ. Ночъ сперва свѣтла, потомъ похмурна зъ морозцемъ. Ездилемъ рано въ судъ подать челобитную на Якубовича, где не засталемъ судей великороссійскихъ, толко Забѣлу, которий показивалъ мнѣ челобитную отъ Казѣмирова, данную на хоружого спер. Якима Горленка, за то, что якоби онъ називалъ артикули статута бездушними, чтобъ ему не бить въ судѣ. Обѣдалемъ въ дому. Писма получилемъ отъ брата п. Семена и швакгра Троцкого и отъ матки, о ея болезни.

Неделя. 28. День былъ сперва холоденъ и похмуренъ, потомъ стало роставать. Ночъ сперва зъ дожчемъ и до свѣта похмурна и мокровата. Рано у князя билемъ, которий показивалъ

мнѣ искъ Чарнишевъ въ 4-хъ пунктахъ: 1, о внесенню матки ихъ, 2, о показанню безъ утайки всѣхъ крѣпостей и скринь зъ вещми за печаттю, 3, чтобъ мачеха не интересовалась до того, что до ея отецъ ихъ нажилъ, 4, а що изъ нею нажилъ, и съ того бъ ему ровная часть. На службѣ былъ у ст. Анастасіи и обѣдалъ у ясневел. О Танскомъ[1]) отъ Воронежского сотника вѣдомость получена, что теперъ онъ за караулъ посаженъ въ Москвѣ, въ іностранной колегіи.

Понеделокъ. 29. День былъ похмурний, теплій и ночъ таковажъ, къ свѣту морозець маленькій. Подалемъ въ судъ чолобитную на Якубовича о 456 р. Обѣдали родитель и я у себе, у вечеру ездилемъ до брата п. Мих., а оттоль до князя, куда пріехалъ и Еропкинъ, швакгеръ. 14 воз. купилемъ дровъ по 4 копѣйки.

Вовтор. 30. День былъ свѣтлій, весняній и теплій вечеръ, ночъ похмурна, такъ же тепла, передъ свѣтомъ морозець. Якубовичъ рано былъ у мене, и упросилъ мене, что я ему 106 р. уступилъ, а онъ долженъ августа 1-го числа 250 р. отдать, а буде не отдаетъ, то мнѣ футоръ его заехать Артополотскій. Ездилемъ въ день до п. Михайла и попогравши у пѣкетъ, вернулся.

Середа. 31. День зъ самого ранку свѣтелъ зъ морозцемъ, потомъ хмуренъ зъ вѣтромъ холоднимъ и мокроватъ, ночъ первей похмурна, потомъ свѣтла зъ морозцемъ малимъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род. и никуда не ездилемъ.

М-ць Априль. Четвер. 1. День похмурній и теплій, ночъ таковажъ. Роздѣлку сегодня зъ Якубовичемъ исправилемъ и докончилемъ, о которой упомянулемъ марта 30-го. Билемъ у ясневел. и п. Михайла, где видѣлемъ вѣдомость отъ Штока, изъ Кіева присланную, что якоби въ Цареградѣ знову бунтъ зъ тихъ мѣръ, что будто солтана нинѣшнего детронѣзовано. Обѣдалемъ у себе, а род. у князя.

Пятокъ. 2. День былъ теплій, отчасти похмурний, самій весняний, ночъ также хмурна и тепла. Ездилемъ рано до князя,

---

[1]) См. ниже, 9-е апрѣля.

оттоль въ городъ, где службы божой у ст. Анастасіи слухалемъ. У вечеру билемъ у князя, а зъ Петромъ Чарнишемъ розговорували о ихъ зъ мачехою интерессѣ.

Субота. 3. День сперва похмуренъ и мокроватъ, а до того топелъ. Ночъ отъ части похмурна да тепла. Тертичника зде уговорили дерева сотню рѣзать за 3 р. и три мѣрки хлѣба. За стогъ сѣна въ Некрас. далемъ 2 р. 20 к. Ставъ здешній Глуховскій до половини отъ ліоду очистился. На службѣ былисмо у князя и обѣдали зъ род. По обѣдѣ ездилемъ на Красную Горку и заездилемъ до Количова. Оттоль заехалемъ къ ясневел., былъ на вечернѣ у Анастасіи. Зде, въ дворѣ гетманскомъ, увѣдомился я о приключившойся скорбѣ намъ зъ преставленія Василія Делюка, секретара его велможности.

Неделя. 4. День былъ теплій, около обѣда дожчъ весняний теплій, потомъ стало хмурно, а въ вечеру вѣтеръ насталъ полунощний, холодній, который тривалъ и черезъ ночъ всю, и осталній ліодъ на ставу розбылъ. Рано былемъ у князя, который на зубъ заболѣлъ, а на службѣ у ст. Анастасіи, и у ясневел., где и обѣдалемъ. По обѣдѣ игралемъ въ карти зъ п. Михайломъ въ пѣкетъ до вечора.

Понеделокъ. 5. Вѣтеръ вчорайшій холодний черезъ увесь день тривалъ, а съ полудня снѣгъ ишолъ до полночи, зъ вѣтромъ и морозомъ, и къ свѣту морозъ. Карабутѣ Сварковскому позичилемъ четверикъ овса. До жени въ Новгор. о пріездѣ ея сюда, а до Клима объ отездѣ ихъ вь Чернѣговъ зъ Шохомъ и объ постаранню ся осятра на суботу. Ѳротъ разобралъ лѣкарства и декоктъ по рецепту.

Вовтор. 6. День былъ вѣтряний, однако жъ погодний и холодний зъ морозомъ, ночъ свѣтла а холодновата. Рано былемъ у канцеляріи министерской за дѣломъ своимъ. Александеръ обѣдалъ у мене, зъ которимъ ездилемъ въ городъ за виномъ продажнимъ, а потомъ были у нашемъ склепу, где бутилокъ 6 насипалъ.

Середа. 7. День былъ холодний сперве, але тихій, и свѣтлій, а потомъ теплій отъ слонца, ночъ свѣтла зъ морозцемъ. Рано

былемъ у п. Михайла и на службѣ у ст. Анастасіи, а потомъ у ясневелможного, которій потомъ на колку и фебру заболѣлъ. Жена пріехала зъ Новгородка отъ п. Григоріевой, о которой сказала, что велми болна. Обѣдалъ родитель съ нами. По щоту показуется въ ямѣ овса въ Калюжнов. футорѣ четвериковъ 22. Писали род., п. Мих. и я до стар. Гамал. и до Дмитра о спроданню жита.

Четвер. 8. День былъ холодноватъ зранку, але тихій и теплій и свѣтлій, такова жъ и ночъ была, толко зъ морозцемъ. Рано былемъ у князя, обѣдалемъ у себе въ дому, по обѣдѣ ездилемъ въ городъ до п. Михайла и съ нимъ въ пѣкетъ игралъ. Сегодня читано дѣло мое зъ Кодинцами у князя.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій зперва, потомъ похмурній, вѣтряний и холодний, у вечеру тепло стало, ночъ похмурна и тепла. Вѣдомо зде въ Глуховѣ, что Танскій Переясловскій Василь зъ подъ карауму иностранной колегія взятъ въ Преображенскъ, въ Москвѣ. Скрицкій, племенникъ панеи гетмановой [1], пріехалъ зъ Полши. Писмо уступное отъ швакгровъ моихъ данное на Криски, зде въ ратушѣ Глуховской уписано въ книгу и помѣчено. У Шавкуна, козака Сварк., купилемъ ниву другую за 20 р. Отъ Несторовича получилемъ вѣдомость, что воловъ 40 купленнихъ годуется у футорѣ Гамалѣевскомъ, а робочихъ 12, молод. 2, бугаевъ 2, сѣна тамже скиртъ 3. Пасѣчникъ уговоренъ и ему дать 5 коп. грошей, кожухъ, чоботъ паръ 2, вовни 6 рунъ, день виорать на просо, харчь сировая.

Субота. 10. День сперва холодноватъ, потомъ тепелъ къ вечеру и похмуренъ. Ночъ свѣтла и тепла. Панъ гетманъ на фебру захоровалъ терцѣянну. Обѣдали у мене протопопъ Романъ Степановичъ, Столповскій и Думитрашко. Вѣжевскій зъ Обложокъ привезлъ купчую отъ шинкара на гай и ниву, у Романа и Артема Латенковъ, жителей и козакой Тулиг., купленніе, за 8 р. и 50 коп. Отписалемъ до Несторовича и до Тараса зъ упомненнемъ, что

[1]) Петръ Искрицкій. См. о немъ Сулим. Архивъ, стр. XII.

онъ далъ сѣно брату, а другого конѣ принялъ, черезъ протопопу Ромен. Климъ Пѣщанскій повернулся не по силѣ указу, за что наказанъ.

Неделя. 11. День былъ сперва тихъ и теплъ, а потомъ дожчъ пойшолъ, ажъ до вечора зъ вѣтромъ. Ночъ холодна и мокровата. У князя рано и на службѣ у его церквѣ, обѣдалемъ въ дому; у вечеру были Кондзеровская и Ганка.

Понеделокъ. 12. День былъ вѣтряний холодний и зъ дожчемъ, мало не до вечора, ночъ тиха, однакожъ похмурна и хмурна, и мокровата. Романъ Тулиг. привезлъ купчую на лѣсъ зъ берегомъ сѣнокоснимъ за 11 р. и 60 к., которому термѣну купчей далемъ и 6 р., а остатокъ после самому продавцови отдамо. Гор. въ Тул. 3 куѳи. Юско посланъ въ Роменъ зъ 13 коньми и машталеромъ Алексѣемъ, которому на овесъ далемъ 1 р. и 50 к. да на дорогу 15 к. Подданнимъ Сварковскимъ опредѣленіе учинилъ, чтобъ болше 15 человѣкъ не висилать на работу зъ села. Суддю и писара пол. Чернѣгов. привезено въ Глуховъ подъ карауломъ. Суддя доноситъ на епископа Чер., а писаря въ свѣдителя показуетъ [1]).

Вовтор. 13. День былъ похмурний, однакъ теплій и тихій, а къ вечеру и теплій и тихій, и свѣтлій, ночъ тепла жъ и свѣтла, потомъ хмурна. На службѣ булисмо у Астровского церквѣ. Машталѣръ Новотный поламалъ каретку Молчановскую. Анна Павловна Полуботковна, Григоріева Жоравкова, старѣйшая сестра жени моей, на уплави женскіе заболѣвшая, а потомъ и на пухлину, умре 11-го часа зъ полночи. Отъ Крисковского стар. писмо, въ якомъ объявляетъ, что 3 куѳи гор. есть. Анна Полуботковна, Григоріева Журавкова, сестра жени, умре.

Серода. 14. День былъ похмурний, тепловатъ, потомъ вѣтрянъ, въ ночѣ дожчъ все ишолъ. Вѣдомость отъ п. Якова шваґра, зъ Новгородка, о п. Григоріевой, что вчера преставилась получилемъ и отписалемъ ему. Господаръ повернувшись зъ Уздицѣ сказалъ, что пчоли виставили зъ омшаника 310, а 21 пчола умерла черезъ зиму. Сѣна купилемъ 13 воз. за 9 зол.

---

[1]) См. ниже, 15-е мая.

Четвер. 15. День былъ сперва похмурний и холодноватъ, а отъ полудня тепелъ и свѣтелъ, такова жъ и ночъ, къ свѣту туманъ. На службѣ у Михайла въ церквѣ былемъ, а по службѣ у Мануйловича, обѣдалемъ у себе. Родитель и князь Шаховскій въ церквѣ его пріобщалися ст. тайнамъ.

Пятокъ. 16. День былъ сперва свѣтлій, потомъ похмурній и холодноватъ, ночъ теплѣйшая, хмурна жъ. Михалъ Янѣшевскій далъ мнѣ на писмѣ прошеніе, что желаетъ онъ благочестіе принять греческого исповѣданія, которого зъ особливимъ моимъ листомъ о томъ писаннымъ до отца протопопи посилалемъ. Протопопиха у вечеру была въ насъ въ иступленіи ума. Барма молодикамъ дана по сукну и 1 р. Василцеви, кравцеви по 20 а., Васил. вел. 2 р. безъ сукна, Алексѣю возницѣ сукно рудое и 2 р., Яремѣ и Гавр. по 1 р. и по 50 к.

Субота вел. 17. День былъ велми вѣтрянъ и похмуренъ, ночъ хмурна жъ и вѣтряна. Сегодня въ церквѣ ст. Михайла приобщался ст. таинствамъ. Янѣшевскій миропомазанъ, въ мѣсто кумовей братъ Іванъ и дочъ Ганнуся, исповѣданъ, а причастіе на завтрее отложено. Отъ Вѣжевского за баню принялемъ денегъ 5 р.

Воскресеніе. 18. День былъ свѣтелъ и тепелъ, однако жъ вѣтрянъ. Вечеръ хмуренъ и зъ болшимъ вѣтромъ, ночъ свѣтла и отчасти вѣтряна. Зъ родителемъ былъ я рано у князя, у гетмана, и обѣдали у себе, и съ нами п. Кондзеровская зъ тіоткою и Гапка.

Понеделокъ. 19. День былъ свѣтлій и хорошій, ночъ свѣтла и тепловата. Рано зъ род. былисмо у брегадира, на службѣ у черниць, обѣдали у себе, а по обѣдѣ у Мякинина и Количова. Жена поехала въ Новгородъ для погребенія преставлшойся сестри п. Григоріевой. При женѣ поехалъ Пѣщанскій, которому приказъ данъ особливий, коего зде копія приложенна взглядомъ денегъ Чернѣ...

Вовторокъ. 20. День и ночь были свѣтліе, тепліе и погодніе. Рано былемъ у ст. Анастасіи на службѣ, а после у ясневел. Род. и я обѣдали у князя, и съ нимъ по обѣдѣ ездили въ минѣстерскій дворъ загородний и коней смотрѣли Волинского. Янѣшевскому на справленне сѣдла далемъ 2 ефимки.

Середа. 21. День и ночъ свѣтліе, тепліе и тихіе. Рано на службѣ у ст. Анастасіи обѣдалемъ у гетмана, а род. и многіе у брегадира. По обѣдѣ ездилемъ до Кондзеровского, оттоль къ сотнику заездилемъ, посля зъ братомъ ездилемъ на Бѣлополовку. П. Михайло прислалъ ко мнѣ писмо покойника Люки, якое онъ къ намъ обоимъ писалъ передъ своею смертю, обвиняючи себе, что нѣкоторое число денегъ его п. Михайловихъ, братнѣхъ и моихъ хотѣлъ удержать себѣ тайно и что за дикцѣонеръ Морелѣ далъ 12 р., а не 20 р.

Четвер. 22. День и ночъ были свѣтліе, тепліе и тихіе. На службѣ у ст. Анастасіи и у гетмана. Обѣдалемъ зъ род. въ дому. По обѣдѣ ездилемъ зъ братомъ въ Сварковъ, а ехалъ год. 1 и 45 мѣнутъ.

Пятокъ. 23. День былъ теплій и свѣтлій, зъ силнимъ громомъ въ первое, ночь похмурна и тепла. На службѣ у князя и на обѣдѣ. Гетманъ захоровалъ зновъ на февру.

Субота. 24. День былъ похмурній зъ дожчемъ, ночъ випогодилась мало. На службѣ у церквѣ княжой, а обѣдалемъ у себе зъ Денисовимъ и Шляковимъ, у вечеру ездилемъ до п. Михайла.

Неделя. 25 Туманъ рано, потомъ вѣтрано и помѣрно тепло и похмурно, къ вечеру холоднѣй и дожчъ. Ночъ хмурна, вѣтряна зъ дожчомъ. На службѣ у ст. Анастасіи у гетмана, обѣдалемъ у себе и со мною Федоръ Саввичъ и Александеръ. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, а ехалъ полъ 2 часа. Тамъ видѣлъ живихъ 13 воловъ, коровъ 3, а 2 воли здохли теперъ. Зъ Сухоносовки отъ Демяна писмо, что у Гамал. воловъ куплен. 40, а осталось денегъ у Дядѣ 23 р. и 40 к. У Сухон. робочихъ воловъ 7., а въ Перервин. 16, да прислалъ сюда на подводѣ зъ 6 кабановъ мясо, 4 гуси, квочокъ 20, яецъ копъ 2. Да зъ Перервинецъ писмо другое отъ стар., что роздалъ 19 р. и 50 к. на сѣно, да шинкаръ розно же 6 р. и 25 к. и что у его остается готовихъ денегъ 20 р. и же купилъ зимою сѣна и соломи для статку за 11 р.

Понедел. 26. День былъ сперва холоденъ, вѣтранъ зъ дожчикомъ, а потомъ свѣтелъ и тихъ, ночъ тиха и тепла. Писмо отъ стар. Крисков., что пчоли поставлени въ пасѣцѣ и присилка, вапна и цибуля.

Вовтор. 27. День былъ теплій и свѣтлій, и ночъ такова жъ. На службѣ у ст. Анастасіи былемъ, обѣдалемъ въ дому зъ маткою, сего дня зъ Ромна пріехавшою. У день были у насъ п. Миклашевская и п. Кондзеровская, а у вечеру ходилемъ до князя.

Середа. 28. День былъ свѣтлій, тихій и теплій до полдня, а потомъ громъ и дожчъ и градъ, и въ вечерѣ и ночъ были отчасти похмурніе, и вѣтряніе. Сегодня было молебствіе о коронацѣи ея величества и въ князя Шаховского былъ банкетъ, где и подпіяхомъ, а гетманъ боленъ и слабъ былъ.

Четвер. 29. День былъ вѣтряній, хмарний, по обѣдѣ болшій вѣтеръ полуденній, а потомъ до вечора дожчъ. Ночь хмурна жъ и холодновата. У церквѣ былемъ у ст. Михайла, оттоль ездилемъ на Красную Горку и на Бѣлоположку. Обѣдали въ дому зъ родителми. По обѣдѣ поехалъ до Тулиг., ехалъ до Обложокъ часъ и 35 мѣнутъ, а отъ Обложокъ до Тулиг. полъ 2 часа, где видѣлемъ на точкахъ пчоли висталенной 28. А въ імбарѣ 2 куѳ. гор. Крисковціовъ 10 человѣка пріехало и войтъ.

Пятокъ. 30. День былъ вѣтрянъ сперва и хмаренъ, после свѣтелъ и тепелъ, ночъ тепла, однако жъ похмурна и вѣтряна. Тутже въ Тулиг. далемъ стар. 10 р. на тамошніе росходи, да за лѣсъ доплатилемъ Бистрицкому козаку 3 р. 60 к. Велѣлемъ дать въ позику четверникъ жита Михайленку. Зъ Тул. поехалемъ въ пасѣку Уздицкую, а ехалъ полъ 3 часа, а зъ пасѣки до Семеновки ехалъ полъ 2 часа, до Глух. полъ 2 часа.

М-цъ Май. Субота. 1. День былъ вѣтрянъ на збитъ, однако жъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ вѣтряна жъ и холоднѣйшая зъ дожчемъ. Князь и род. ездили въ Семеновку до Мануйловича, на обѣдъ. Писмо писалемъ до стар. Гамалѣевского о позицѣ хлѣба людямъ. Получилъ писмо и узваръ отъ п. Петра Апостола, что ему дочь Елена родилась 12 апр.

Неделя. 2. День вѣтрянъ, хмуренъ и холоденъ велми, и ночъ такова жъ. Отписалемъ до пол. Луб. съ благодареніемъ за узваръ. Писалемъ же до Столповского отвѣтъ и до Несторовича.

На службѣ билемъ въ монастирѣ, по службѣ—у гетмана, обѣдали зъ маткою въ дому, а родитель у князя. Гетманъ прислалъ ко мнѣ gазети французскіе и при томъ получилъ я книжцу противъ Каменя Вѣри, називаючуюся Genius Stephani Javorscii.

Понедел. 3. День былъ холодний же велми, однакъ съ полудня потеплѣло и вѣтеръ утихъ, ночъ тиха, похмура. Швакгеръ Якимъ Троцкій и жена его, сестра моя, пріехали сюда въ Глуховъ. Ездилемъ рано до гетмана, а пріехавши обѣдали въ дому всѣ. По обѣдѣ, у вечеру, знову ездилемъ до гетмана. Демянъ, конюшій, пріехалъ зъ степу и привезлъ вѣдомости тамошнего господарства.

Вовтор. 4. День былъ холодноватъ и похмуренъ, зъ полудня свѣтелъ, ночь свѣтла и тепла. Швакгеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ пріехалъ, съ которимъ обѣдалисмо.

Середа. 5. День былъ теплій и тихій, и свѣтлій, у вечеру дожчикъ, ночъ свѣтла, тепла и тиха. Яма дубовая докончена на Красной Горцѣ; обѣдалисмо зъ родителми и швакгромъ п. Андрѣемъ, у вечеру били въ князя. За 3 коней футорнихъ купивши, дали 15 р.

Четвер. 6. День и ночь были безъ дожчу, противъ вчорайшого. Въ Сварковъ ездилъ рано, а обѣдалисмо въ дому. Матка и жена лѣкарство принимали. Декоктъ знову сталъ пить. Ярема посланъ въ Новгородокъ купить човни и дано ему на то 2 р. 50 к.

Пятокъ. 7. День былъ теплій, свѣтлій и тихій и ночъ такова жъ. Брусовъ 11 купили, на що панеи далемъ 10 р. Ездилемъ въ футоръ Калюжновскій, оттоль въ Сварковъ, где и ночовалемъ.

Субота. 8. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, и ночъ такова жъ. У Сварковѣ службы Божой слухалемъ, а у Глуховѣ обѣдалъ зъ родителми. Машталѣръ, новопріставшій зъ Седнева, ушолъ.

Неделя 9. День былъ теплій, свѣтлій и тихій и ночъ такова жъ. Рано былъ я у гетмана, потомъ у князя, где и службы слухалъ. Обѣдалъ у себе зъ маткою, у вечеру былъ у п. Махайла и въ тещи.

Понеделокъ. 10. День теплій, свѣтлій, тихій, и ночъ татови жъ. Обѣдалисмо у себе зъ маткою и п. Федоромъ, дядкомъ.

По обѣдѣ билъ у князя и видѣлся зъ пріехавшимъ полков. Миргород. Алексѣя въ Роменъ послалъ для покупки коней, на що далъ 20 р., да черезъ его на футорніе нужди послалъ къ Несторовичу 5 р.

Вовтор. 11. День былъ свѣтлій и теплій до половини, а потомъ дожчъ зъ громомъ, после вѣтеръ и холодно. Ночъ свѣтла, холодна и вѣтряна. Пявки рано приставлялъ къ мѣсту геморгоидалному. Обѣдалисмо у себе зъ маткою и швакгромъ. Матка поехала въ Роменъ и съ нею сестра Олеся и п. Якимъ, Лука братъ, а жена поехала оправажать до Тулиг. Зъ вѣдомости господаря Чугутова Коленского показалось, что надъ 200 четвертей, на родителскую потребу, перебрано четвертей 7 и четверичковъ 7. Поднялемся за родителку заплатить долгу Тишенцу 8 р., а облѣкъ господара до себе принялемъ.

Середа. 12. Преполовленіе. День былъ вѣтряний, холодній и похмурний, до полдня, потомъ свѣтелъ ночъ свѣтла и холодна. На службѣ Божой былъ у церквѣ ст. Михайла, оттель у брегадира, а оттуду у гетмана. Обѣдалъ у себѐ съ п. Федоромъ, дядкомъ, потомъ у вечеру билъ у князя. Получилемъ писмо отъ стар. Крис., въ якомъ пишетъ, что принялъ зъ Сваркова и купленного жита четвериковъ 104, да что отобралъ у утекшихъ Крисковцовъ зъ села, худобу ихъ, а именно: у Грицка Кривопущенка—клячъ зъ санми и зъ возомъ, корова съ телямъ, бодня, конопляныхъ клубковъ 3, валовихъ 4, подушка 1, дѣжка пѣнная; а у Івана, брата его, конь зъ возомъ, корова съ телямъ, подушокъ 2, дѣжочокъ 3.

Четвер. 13. День былъ свѣтлій, теплій и ночъ такова жъ. Николай, мужикъ Крисковскій, наряженъ въ Ѳданскъ зъ волами, которому зъ другимъ далемъ 30 р. роздавать Крисковцамъ на жито, по 40 копѣекъ четверикъ Понорницкой мѣрѣ, да черезъ его жъ послалемъ до стар. Крисковского 20 р., 10 р. на плитъ и проч., а 10 р. присовокупить къ прежнимъ 40 р. и роздать на жито надежнимъ людямъ. Повернулись жена зъ Тулиг. и обѣдалисмо обще всѣ и п. Федоръ дядко и швакгеръ п. Андрѣй, а по обѣдѣ п. Федоръ отехалъ, а я передъ вечоромъ ездилемъ на ту сторону до п. Михайла. Получилемъ писмо отъ Несторовича,

что Тарасъ прокрался. Получилемъ писма: одно отъ стар. Перервинского, что Ворона проситъ за свой ґрунтъ 1400 зол. и двора Яблуновского, а другое отъ козаковъ Перер., чтобъ стадо тамъ не ходило, где ходить.

Пятокъ. 14. День былъ свѣтлій и теплій, толко вѣтряний, ночъ такова жъ. П. Стефанъ Миклашевскій пріехалъ зъ Москви. Отписалемъ Несторовича, чтобъ онъ о Тарасу слѣдовалъ или брату п. Марку здалъ, до которого въ запасъ писалемъ.

Субота. 15. День былъ холодній, вѣтряний и похмурний, дожчъ передъ вечоромъ и у вечери. Ночъ холодна жъ, вѣтряна и хмурна. Писаръ Янушкевичъ, судця Каневскій, Чернѣговскіе, и Давидовичъ попровожени въ Москву, подъ арестомъ. Писареви Черн. позичилемъ 20 р. денегъ. Обѣдалемъ въ дому, у вечеру зъ швакгромъ п. Андрѣемъ у князя, которого онъ пожекгналъ и поехалъ въ Чернѣговъ.

Неделя. 16. День былъ противъ вчорайшого, и ночъ толко тихшая. Климъ Пѣщанскій посланъ въ Криски и оттоль зъ старостою Крисковскимъ въ Чернѣговъ, до швакгровъ, по денги. Обѣдалемъ сегодня у гетмана, а род. у князя. Господаръ и Заруцкій старий поехали осматривать займи его Заруцкого на Івотѣ будучой.

Понеделокъ. 17. День былъ вѣтряний и холодний, и похмурний. Ночъ такова жъ да еще зъ дожчикомъ малимъ. Рано былемъ у князя, а родитель у гетмана, где и унѣверсалъ на селцѣ Калюжинцѣ получилъ. Декоктъ знову сталъ я пить. Обѣдалемъ въ дому, а род. у князя.

Вовтор. 18. День свѣтлій, теплій и тихій. Ночъ тиха, зъ силнимъ дожчемъ. Князь Шаховскій и родитель віехали зъ Глухова въ Роменъ. Трембачу Григорію за давній долгъ, за дуклю, заплатилемъ 25 р. Обѣдалисмо въ дому сами и съ нами п. Андрей Кондзеровскій. Докончилемъ переводу зъ латинского на славенскій язикъ слова ст. Григорія Ниского, на воскресеніе Х—во. У вечеру былемъ у брегадира, где заставши п. Павла, пол. Миргор., посидѣлемъ до позна.

Середа. 19. День былъ сперва теплій и свѣтлій, после вѣтеръ, громъ, дожчъ и градъ, у вечери же тепло, тихо и отчасти смѣтло. Ночъ отчасти свѣтла, тепловата и тиха. Забарѣ заплатилемъ за женку зъ дѣтми 24 р. Дочъ Анастасія родилась брату п. Михайлу, о 7-мъ часу, рано, на Бѣлополовцѣ, куда я зъ п. Павломъ Миргор. ездилемъ, а после и самъ гетманъ пріехалъ и тамъ обѣдали. По обѣдѣ пожекгналемъ ясневел. и поехалисмо зъ женою въ Сварковъ на ночъ, и тамъ ночовали.

Четвер. 20. День былъ свѣтлій, сперва теплій на збытъ, а у вечери хмарно. Въ ночѣ дожчъ силний зъ жесточайшимъ громомъ, потомъ стало холодно, вѣтряно и хмарно. Сегодня въ Сварковѣ обѣдалисмо. Зъ козакомъ Горломъ сторжилемся зъ ґрунтъ его за 22 р. Поехалисмо по обѣдѣ до футора Калюжновского, оттоль на ночъ въ Глух.

Пятокъ. 21 День былъ вѣтряний, холодний и отчасти похмурній, ночъ холодна жъ, однако жъ свѣтла и тиха. Рано ездилемъ до брегадира, Мякинина и княгинѣ, и простился съ ними. По обѣдѣ пріехали до насъ Кондзеровскій зъ женою и Гапка, для имениnъ жениних, и простились. Приказы въ дѣлехъ домостроенія разнихъ далемъ господареви Вѣжевскому, войту Сварк. Забарѣ и Василю Филилинову (?), и денги имъ далемъ, Вѣжев. 20 р., Забарѣ 20 р., Василю 6 р. Заплатилемъ козаку Свар. Горлу за увесь его грунтъ 25 р. Поехалисмо зъ Глух. и пріехали въ Тулиг. на ночъ.

Субота. 22. День былъ холодноватъ, дожчоватъ по части и вѣтрянъ, ночъ свѣтла холодна. Старостѣ Тулиг. далемъ на расходъ 5 р. и записалемъ. Велѣлемъ дать Тулиголовцямъ въ позику 25 четвертей жита, якое они повинни отдать въ повину и робить за четверть по 3 днѣ. Поехалисмо рано и пріехали на обѣдъ въ Мутинъ, где перевезшись за пол. 2 мил. черезъ Сеймъ, ночовали за милю.

Неделя 23. День былъ тепелъ зъ дожчемъ и хмарами перехожими, и громомъ и градомъ два раза, ночъ свѣтла и холодновата. Обѣдалисмо у Тернахъ, а ночовали у Смѣломъ.

Понеделокъ. 24. День былъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ такова жъ. Пріехали на обѣдъ въ Роменъ, где въ дому родителскомъ

квартируючого князя Шаховского застали, и при немъ маiора Хрипунова, капитана Неплюева, Өрота и Шостака, и полк. Луб. п. Петра. По обѣдѣ, передъ вечоромъ, ездили на Засулле зъ княземъ и тамъ вечерали.

Вовтор. 25. День былъ холоднiй, вѣтряний зъ дожчемъ и хмурами перехожими, ночъ такова жъ. Обѣдалисмо тутъ же, въ дому, род., князь, п. Петро, пол. Луб., и протчiе, а по обѣдѣ ходили въ лавкахъ и покупки споражали. Коней возовихъ купилемъ 10, до футора способнихъ, за 40 р. Несторовичу далемъ 20 р., а у него взялемъ дуката въ 7 червонихъ.

Середа. 26. День былъ свѣтелъ, вѣтрянъ, въ день дожчъ, ночъ свѣтла, холодна, а барзѣй къ свѣту. Обѣдали тутъ же всѣ въ дому род., по обѣдѣ ходилемъ зъ п. Петромъ, полк. Луб., до его квартери, оттуду въ лавки.

Вознесенiе. Четвер. 27. День былъ свѣтлiй и теплiй, такова жъ и ночъ. Всѣ обѣдали въ дому род. и Еропкини оба, Юрiй и Александеръ, а по обѣдѣ отехалъ князь въ Глуховъ, и ми оправажали его до Борзенки всѣ, и простившись, повернулись назадъ. Коня чалого купилемъ у аттютанта за 15 р. и 50 коп.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлiй и теплiй, и тихiй, ночъ такова жъ. Старости мои оба, Сух. и Перер., явились, съ которихъ первого отпустилемъ и далемъ ему 200 р. на покупку воловъ въ Өданскъ. Поехалемъ въ Гамалѣевскiй футоръ и прiехалемъ Романомъ за 4 год. Засталемъ тутъ поселяючихся семей 8.

Субота. 29. День свѣтлiй и теплiй, толко вѣтряний, ночъ хмурна и холодновата. Дворнику новому футорному Павлу далемъ 5 р. да приказалъ ему о поправкѣ станѣ, о здѣланню погреба, (найти?) рикуню [1]), поправить гребелку, гайдая до воловъ, дать 5 рунъ Андрѣевскому попу, роздать коси на откосъ, купить улей 20. Прiехалемъ въ Роменъ на обѣдъ и обѣдалемъ зъ родителми.

Неделя. 30. День былъ вѣтряний, похмурний зъ дожчемъ и холоднiй, ночъ хмурна жъ и холодновата. Алексѣеви полу приказъ

---

[1]) Рыкуня=коровница.

далемъ въ 10 пунктахъ и денегъ 28 р. и 50 к., и коней 6 возовихъ запровадить въ Глуховъ. Генералъ Вейзбахъ, графомъ Россійскимъ пожалованний, пріехалъ въ Роменъ зъ Москви. Мы зъ Ромна поехали до Прилуки обое, зъ родителми и братами трома, и пріехали до Срѣбного въ 40 верстахъ, на Довгополову и на Бацмани, а зъ Срѣбного уехали верстъ зъ 4, и стали на ночлѣгъ.

Понеделокъ. 31. День былъ сперва холодноватъ, а потомъ тепелъ свѣтелъ и вѣтрянъ, ночъ свѣтла и тиха. Отъ ночлѣга уехалисмо верстъ зъ 16 до села сотника Срѣбранского, оттоль до Переволочной городка верстъ зъ 20, всего отъ Срѣбного верстъ зъ 30, и переехавши Переволочную и уехавши верстъ зъ 2, стали на обѣдъ. По обѣдѣ уехали верстъ зъ 20 и пріехавши въ Прилуку, стали въ Сорочинцяхъ, въ дому дядиной, п. судіиной вдовствующой. Совершился актъ веселній синови дядѣ п. Федора Марковича Димитрія зъ дочерю судіиной бившой Лубенской Жуковской. Зъ обѣда писалемъ до Алексѣя Полуд. (?) о купле моду квартъ 2-хъ для пчоли Гамалѣевской и наняттю гайдая. Дарили молодого: я 4 ефимки, жена 3, а Кондзеровской на тожъ позичили 2 р.

Юнь м-цъ. Вовтор. 1. День былъ холодноватъ сперва, потомъ свѣтелъ и тепелъ, зъ малимъ дожчикомъ. Ночъ свѣтла и тиха. Обѣдалисмо приватно у п. Федора, а вечерали публѣчно.

Середа. 2. День былъ теплій, свѣтлій, вѣтряний, ночъ свѣтла и тиха. Зъ родителми ездилисмо до монастира Густинского, где и обѣдали. Модель новий видѣли ведлугъ кухнѣ у п. Федора, а въ монас. ведлугъ лазнѣ.

Четвер. 3. День былъ свѣтлій, теплій, толко вѣтряний, ночъ такова жъ, безъ вѣтру. Обѣдали у Андрѣя Горленка, потому что посватана дочъ его за сина Ічанского сотника Стороженка Григорія. Вечералисмо у п. Федора. Зговорували за брата п. Семена дочъ хоружого (Горленка) генер. меншую, Зѣновію.

Пятокъ. 4. День и ночъ были противъ вчорайшихъ во всемъ сходно. Поехалемъ рано зъ Прилуки и уехавши миль полъ 2, пріехалъ до Толкачевки, оттоль зъ полъ милѣ до Дѣвиць, где черезъ гребелку переехавши, у Болшой Дѣвицѣ попасовали конѣ. Оттуду

уехавши до села Галицѣ милю, отъ Галицѣ до Талалаевки миль 3, оттоль до Нѣжина милю 1, и сталъ квартерою у асаула полк. Нѣжинского Константія Левицкого.

Субота. 5. День и ночъ были во всемъ подобніе прежнимъ. Обѣдалемъ у войта Нѣжинского, а съ нами протопопъ Олховскій, асаулъ полк. Мойсѣй и грекъ Самойло. Войтъ подарилъ 2 оки тютюну турецкого, и волочокъ олований рожевой водки.

Неделя. 6. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, до половини дня, а зъ полдня 4-го часа вѣтеръ полунощний, дожчъ и громъ до вечора, вечеръ и ночъ похмурніе, вѣтряніе и холодніе. Невикладались купци еще и потому нѣчого не купчовали [1]).

Понеделокъ. 7. День былъ зранку очинь холодній и похмурній. Такъ же и ночъ холодна зъ дожчемъ. Обѣдалемъ у асаула полк. Нѣжин., а по обѣдѣ виехалемъ у вечеру зъ Нѣжина и уехавши верстъ зъ 3, споткалемся зъ Хрущовимъ, Нѣжинскимъ полковникомъ, зъ которимъ позабавившись зъ часъ, поехалемъ въ путь свой и проехавши село Талалаевку, уехалъ миль зъ 2 и не доежджая Монастирища городка, на степу заночовали.

Вовтор. 8. День былъ такъ же холодній, а после полдня теплѣйшій, у вечеру знову холоденъ, ночъ также холодна. Рано вставши зъ ночлѣга, пріехалъ до Монастирищъ городка, отстоящого отъ Нѣжина въ 4-хъ миляхъ, а зъ Монастирищъ милю до села Бабичева, где и обѣдалъ. По обѣдѣ переехалъ Удай и тимъ бокомъ ехалъ до Радковки, села Раковичеваго, зъ полъ милѣ, а оттоль миль 2 до Прилуки и пріехалъ до п. Федора, где засталемъ Миклашевскую и Кондзеровскую. Черезъ Кондзеровскую писалемъ до п. Михайла, мужа ея и господара. Тутъ и ночовалемъ въ Прилуцѣ.

Середа. 9. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмарній, вѣтрянъ и холоденъ, передъ вечоромъ теплѣй. Ночъ холодна жъ зъ дожчомъ невеликимъ. Рано поехалемъ зъ Прилуки, невидѣвшись зъ дядкомъ п. Федоромъ и Саковичемъ, понеже они въ ту пору еще спали, и уехалемъ миль 2 до Линовицѣ, отъ Линовицѣ до

---

[1]) Разумѣется троицкая ярмарка въ Нѣжинѣ.

Махнувского млина сестри Толстой, до Новой Греблѣ належачого, полъ милѣ, а отоль до села Сасиновки полъ 2 мил., где и обѣдалемъ у Морозовскомъ дворѣ. По обѣдѣ поехалемъ до мосту именуемого Калиновского, где переехавши черезъ рѣчку Переводъ, ехалъ степомъ миль 2 и стрѣтился зъ родителемъ, въ Савиновку ехавшимъ, и поклонясь пріехалъ въ Короваи, отстоящіе отъ Савинов. въ 3-хъ миляхъ.

Четвер. 10. День былъ похмуренъ, а дожчеватъ по полуднѣ и холоденъ, ночъ свѣтла да холодна. Родитель зъ Савиновки пріехалъ на обѣдъ въ Короваи сюда, где всѣ и обѣдалисмо, и дновали, и ночовали.

Пятокъ. 11. День былъ свѣтелъ и тепловатъ, ночъ холодна зъ дожчемъ. Обѣдалисмо всѣ въ Короваяхъ, а по обѣдѣ родитель поехалъ въ Жостерскій футоръ, а мы обое зъ дѣтми и Несторовичемъ въ Перервинцѣ, отъ Короваевъ отстоящіе около 3-хъ миль, езди часовъ полъ 4, черезъ Сирую и Сухую Оржицѣ рѣчки. Родитель пожаловалъ намъ коровъ 15, зъ футора Оржицкого. У Івана Кучеровского купилемъ дрикганта, масловатого, бѣлая грива и хвостъ, за 15 р., а наша пятая на шестую ему.

Субота. 12. День былъ холодноватъ, зъ вѣтромъ, хмарами и дожчомъ переходячимъ, ночъ также похмурна и холодновата. Обѣдалисмо у Перервинцяхъ и ночовали, а по обѣдѣ зъ Несторовичемъ ездили осматривать стѣнокъ родителскихъ, прозиваемихъ Воронинихъ и особливе продажнихъ Воронинихъ, надъ Сухою Оржицею стоячихъ. Проежджали воронихъ цукъ молодихъ. Демянъ составилъ реестръ коней стаднини и ежджалихъ, и товару и овецъ.

Неделя. 13. День былъ погодній и теплій, ночъ такова жъ. Въ Перервинцяхъ службы Божой отслухалисмо, а пріехали на обѣдъ въ Короваи, где еще не застали родителя, але толко родителку, братовъ, швакгра и Худолѣя, и не дождавшись род., обѣдали; о полудню родитель повернулся въ Короваи зъ футора Жостерского. Родитель подарилъ мнѣ стѣнку именуемую Воронину, отъ попа Яблуновского Ворони купленную за 40 р., надъ Сухою Оржицею стоячую. Могорича брату п. Семену далемъ 5 таляр. битихъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIX.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 Іюня 1895 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

18-го мая окончилось 30-тилѣтіе оффиціальной служебной дѣятельности извѣстнаго представителя нашей исторической науки, профессора Кіевскаго университета, *Владиміра Бонифатьевича Антоновича*. По общепринятому обычаю, въ такіе истекающіе сроки служебной дѣятельности лица такъ или иначе совершаются привѣты и чествованія его, въ болѣе или менѣе выразительной формѣ. Въ данномъ случаѣ, у насъ, въ Кіевѣ, чествованіе это приняло характеръ того сердечнаго проявленія чувствъ благодарности, которое естественнѣе всего и должно было сказаться въ сердцахъ студенчества, непосредственно воспринимающаго впечатлѣнія отъ своихъ профессоровъ. Мѣстныя газеты сообщили, что чествованіе этого момента въ жизни В. Б. Антоновича выразилось въ поднесеніи ему отъ студентовъ адреса и въ устройствѣ торжественнаго шествія съ зажженными свѣчами въ рукахъ къ его квартирѣ. Такое, сравнительно рѣдкое, явленіе въ нашей жизни, какъ намъ кажется, объясняется въ данномъ случаѣ тѣмъ, что 1895-ый годъ въ жизни уважаемаго нашего ученаго не только важенъ по исполнившемуся термину 30-тилѣтія оффиціальной его службы, но гораздо болѣе по двумъ другимъ терминамъ: въ этомъ году истекаетъ 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности и 35 лѣтъ—учено-общественной. Эти двѣ послѣднія роли—профессора и ученаго представителя общественной мысли—есть, по нашему мнѣнію, тотъ центръ тяжести, къ которому сводится проявившееся на этихъ дняхъ восторженное настроеніе нашей чуткой молодежи. Это же самое обязываетъ и нашъ журналъ, имѣющій счастіе

считать Владиміра Бонифатьевича Антоновича въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, посвятить его имени нѣсколько строкъ, какъ выраженіе нашей признательности ему въ роли профессора и ученаго. Говорить коротко о значеніи его, какъ профессора и ученаго—это значило бы повторять хорошо всѣмъ извѣстное, а подробную оцѣнку этой его дѣятельности давать теперь не время, т. к. задачу эту гораздо лучше исполнитъ благодарное потомство, нежели современники. Въ виду этого мы напомнимъ только нашимъ читателямъ нѣкоторые факты изъ жизни В. Б. Антоновича и укажемъ тѣ стороны въ его дѣятельности, которыя ближе всего касаются интересовъ нашего органа.

В. Б. Антоновичъ родился въ 1834 г. въ бердичевскомъ уѣздѣ кіевской губ. и по происхожденію принадлежалъ къ семьѣ южно-русскаго дворянства, въ свое время подвергшейся общей участи ополяченія. Дѣтство его прошло при обстановкѣ домашняго ученія, состоявшаго „въ заучиваніи польской исторіи въ стихахъ, миѳологіи, краткаго катехизиса, да въ чтеніи французскихъ путешествій“,—какъ объ этомъ читаемъ въ статьѣ о немъ, помѣщенной въ газетѣ „По морю и сушѣ“ (1895 г. № 20). Школьную науку Вл. Бон—чъ проходилъ въ одесской 2-й гимназіи, гдѣ прошли годы его первой юности и гдѣ, конечно, начали складываться и его первыя общественыя настроенія. Извѣстно, что въ эти годы онъ особенно охотно читалъ представителей французской литературы, т. к. въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ—результатъ домашней науки. Въ 1850 г. Влад. Бонифат. поступаетъ въ кіевскій университетъ на медицинскій факультетъ, какъ говорятъ, по желанію родныхъ, а не по своему собственному, такъ-какъ личныя симпатіи его влекли къ наукамъ гуманнымъ. Это и было причиной того, что, прослушавъ всѣ пять курсовъ медицинскаго факультета, В. Б. покинулъ навсегда медицину и поступилъ опять на первый курсъ, но уже историко-филологическаго факультета. Нужно принять во вниманіе, что это были годы общественнаго оживленія на Руси вообще, а въ Кіевѣ—въ частности: здѣсь, параллельно съ развитіемъ обще-русскихъ

вопросовъ жизни, сталъ среди молодежи выдѣляться вопросъ и о мѣстномъ національномъ значеніи общественнаго дѣятеля. Для Вл. Бон—ча этотъ вопросъ имѣлъ особое значеніе, т. к. ему въ концѣ концовъ пришлось порвать связи со всѣмъ своимъ прошлымъ, шляхетскимъ, и написать извѣстный его отвѣтъ г. Падалицѣ подъ заглавіемъ „Моя исповѣдь" (Основа 1862 г. № 1). Эта горячая общественная дѣятельность не отвлекла однако-же Вл. Бон. отъ научныхъ студенческихъ занятій, и онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ въ 1860 году. Съ этого момента мы вправѣ считать начало его учено-литературныхъ работъ, посвященныхъ какъ чисто научной разработкѣ вопросовъ исторіи, этнографіи и археологіи юга Россіи, такъ и публицистическому проведенію ихъ въ жизнь то путемъ устной рѣчи, то путемъ печатнаго слова. 35-тилѣтняя его дѣятельность въ этомъ направленіи успѣла создать ему славу первокласснаго русскаго ученаго, труды котораго по исторіи и археологіи составляютъ цѣнный вкладъ въ науку и признаются таковыми, какъ у насъ, такъ и заграницей.

Дѣятельность его общественная послѣ окончанія университета долгое время шла по очень скромному пути сначала учителя въ 1-й гимназіи и въ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ роли работника во временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Но если скромно было положеніе его общественное, то далеко не такъ выступалъ онъ въ то же время со своими научными статьями: имя его давно уже стало повторяться и цитироваться на страницахъ научныхъ изданій, а онъ все еще пребывалъ въ незамѣтной роли архивнаго чиновника. Мы видѣли его въ моментъ защиты имъ магистерской диссертаціи, какъ всегда скромно и даже застѣнчиво высматривавшимъ и говорившимъ, а между тѣмъ тогда достаточно уже было сказать, что это авторъ „Изслѣдованія о козачествѣ" (1863 г.), что это авторъ изслѣдованія „О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи" (1867 г.), что это, наконецъ, авторъ „Послѣднихъ временъ козачества на правой сторонѣ Днѣпра" (1868),—достаточно, повторяю, было сказать это, чтобы каж-

дый образованный человѣкъ, по крайней мѣрѣ нашего юга Россіи, сразу узналъ, кого онъ видитъ предъ собою. Послѣдняя изъ названныхъ нами работъ и была его магистерской диссертаціей, открывшей ему въ 1870 году дорогу къ каѳедрѣ. И вотъ, прошло теперь 25 лѣтъ его профессорской дѣятельности, для характеристики которой достаточно сказать, что, не блистая краснорѣчіемъ, лекціи его всегда умѣли приковывать къ себѣ вниманіе слушателей не изяществомъ формы, не вычурностью въ построеніи мыслей, а исключительно своей содержательностью, вразумительностью, простотой и жизненностью. Какъ профессоръ, Влад. Бон. Антоновичъ, по признанію всѣхъ, создалъ свою школу историковъ и археологовъ южно-русскихъ. Привѣтствуя теперь 35-тилѣтнюю плодотворную научную дѣятельность его, а также 25-тилѣтнюю работу его на поприщѣ профессора—наставника молодыхъ поколѣній, пожелаемъ уважаемому нашему ученому профессору еще много лѣтъ подвизаться для блага дорогой ему и намъ родины, а школѣ, созданной имъ, выразимъ такое-же наше искреннее пожеланіе доблестно продолжить дѣло, начатое учителемъ ея, чтобы на склонѣ жизни почтенный наставникъ могъ, съ гордостью указывая на труды учениковъ своихъ, повторить слова поэта: „Exegi monumentum aere perennius“!

МИТРОПОЛИТЪ ТОБОЛЬСКІЙ ПАВЕЛЪ КОНЮСКЕВИЧЪ[1].

Скончавшійся въ 1770 году въ Кіево-Печерской Лаврѣ митрополитъ Тобольскій Павелъ Конюскевичъ, котораго тѣло до настоящаго времени остается нетлѣннымъ, родился въ г. Самборѣ, въ Галиціи, въ 1705 году и при крещеніи нареченъ Петромъ. Обучался въ кіевской академіи и по окончаніи въ ней курса наукъ оставленъ въ той-же академіи преподавателемъ піитики. На 28 г. жизни, согласно желанію своему, постриженъ въ монашество, съ именемъ Павла, въ Кіево-Печерской Лаврѣ архимандритомъ Романомъ Копою; 5 декабря 1734 г. рукоположенъ въ санъ іеродіакона и 1-го января 1740 г. въ санъ іеромонаха митрополитомъ кіевскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ. Въ томъ же 1740 г. онъ отправился въ С.-Петербургъ въ званіи „шафара“ или личнаго эконома, сопутствуя Кіево-Михайловскому архимандриту Тимофею Щербацкому, избранному въ должность священно-архимандрита Кіево-Печерской Лавры и по сему случаю вызванному въ Св. Синодъ. Для записи путеваго расхода Павлу Конюскевичу выдана была шнуровая книга изъ духовнаго собора лавры.

---

[1]) Составлено на основаніи статей профессоровъ Ф. А. Терновскаго и В. С. Иконникова, помѣщенныхъ въ Чтеніяхъ Истор. Общества Нестора Лѣтописца за 1873—1877 г. кн. 1, и за 1888 г. кн. 2., изъ коихъ 1-й пользовался свѣдѣніями изъ дѣлъ Архива Св. Синода, а послѣдній имѣлъ въ виду свѣдѣнія о. м. Павлѣ, заключающіяся въ сборникѣ Рус. Ист. Общества т. X., Перм. сборникѣ т. II, и въ дѣлѣ изъ Госуд. Архива у Соловьева XXVII, 150—160. Легенды о м. Павлѣ Конюскевичѣ помѣщены графомъ М. В. Толстымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древностей за 1870 г.

Но ему не суждено было возвратиться въ лавру съ архимандритомъ Тимофеемъ, такъ какъ по указу Св. Синода въ 1741 г. послѣдовало назначеніе его въ московскую славяно-греко-латинскую академію на должность проповѣдника. Въ 1743 г. іеромонахъ Павелъ Конюскевичъ, по указу Св. Синода, опредѣленъ въ новгородскую епархію, при чемъ предписано было новгородскому архіепископу Амвросію Юскевичу предоставить ему первую архимандричью вакансію, на которую въ Новгородскій Юрьевъ монастырь и былъ онъ произведенъ въ архимандриты 18 февраля слѣдующаго 1744 года.

Чрезъ 14 лѣтъ послѣ сего, 5 мая 1758 г., архимандритъ Павелъ Конюскевичъ хиротонисанъ въ санъ митрополита Тобольскаго и Сибирскаго; прибылъ въ Тобольскъ 20 ноября того же года. Здѣсь онъ проявилъ свою архипастырскую дѣятельность первѣе всего открытіемъ богословскаго класса въ мѣстной семинаріи, въ которой до сего времени были только классы: русскій, инфимическій, синтаксическій и піитическій, а для занятія учительскихъ въ ней должностей въ генварѣ 1759 г., по его ходатайству, присланы были изъ Кіева два іеромонаха—Савватій Исаевичъ и Веніаминъ Бялковскій [1]).

Построено было при немъ болѣе 20 каменныхъ храмовъ въ Тобольскѣ и въ другихъ городахъ Западной Сибири и значительное число деревянныхъ церквей во вновь открытыхъ приходахъ и при заводахъ. Но заботясь о благоповеденіи священно и церковнослужителей своей епархіи, Преосвященный Павелъ былъ строгъ къ своимъ подчиненнымъ и употреблялъ крутыя мѣры къ ихъ исправленію, требуя въ монастыри на черныя работы и подвергая даже тѣлесному наказанію какъ священнослужителей, такъ и учителей семинаріи. Ревностный пастырь *смирялъ*, по старому обычаю, не однихъ духовныхъ лицъ; не менѣе того взыскателенъ былъ и въ отношеніи къ мірянамъ: отлучалъ отъ церковнаго общенія, расторгалъ незаконные браки,

[1]) Французскій астрономъ, аббатъ Шаппъ, бывшій въ Тобольскѣ въ 1761 г. для наблюденія за прохожденіемъ Венеры противъ солнца, признаетъ митрополита Павла хорошимъ латинистомъ, очень вѣжливымъ и пріятнымъ въ бесѣдѣ, мужомъ ученымъ, но не вѣрившимъ въ движеніе земли вокругъ солнца.

вдовыхъ священниковъ постригалъ въ монашество съ *понужденіемъ*. Наконецъ, стали доходить не только до Святѣйшаго Синода, но и до самой Императрицы Екатерины слухи о неудовольствіяхъ архіерейскихъ крестьянъ на жестокое управленіе эконома архіерейскаго дома, архимандрита Іоакинѳа, подтвержденные и донесеніемъ сибирскаго губернатора Соймонова. Архимандритъ Іоакинѳъ, котораго совѣтамъ слѣдовалъ митрополитъ, своими дѣйствіями вызвалъ даже бунтъ крестьянъ въ монастырскихъ вотчинахъ, подавленный военною силою. Къ этому присоединились еще обнаруженныя въ тобольской епархіи злоупотребленія при обращеніи язычниковъ въ христіанство, которое сопровождалось частыми наѣздами миссіонеровъ, спаиваніемъ, большими поборами, а иногда и неправильнымъ обвиненіемъ новокрещенныхъ въ отпаденіи отъ христіанства, хотя обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру было только номинальное. По донесенію сибирскаго губернатора о такомъ положеніи миссіонерскаго дѣла въ Сибири, составлена была коммиссія, въ которой приняли участіе с.-петербургскій митрополитъ Дмитрій Сѣченовъ и Тепловъ. Въ этой коммиссіи, принявшей во вниманіе и поступившія въ Св. Синодъ жалобы на управленіе митрополита Павла, число которыхъ простиралось до 30, рѣшено смѣнить митрополита Павла, а миссіонерамъ на будущее время дать инструкцію.

Для приведенія этого рѣшенія въ исполненіе, въ засѣданіи Св. Синода 22 іюня 1767 г., митрополитомъ новгородскимъ Дмитріемъ Сѣченовымъ объявлена высочайшая воля Государыни Императрицы о вызовѣ митрополита Павла въ Москву. Посланы были два о семъ указа, но митрополитъ не ѣхалъ ни по первому, ни по второму указу, продолжая жить въ Тобольскѣ и управлять епархіею. Наконецъ, по настоянію Синодальнаго оберъ-прокурора Мелиссино, Св. Синодъ въ засѣданіи 22 марта 1768 г. постановилъ: преосвященному Павлу, митрополиту тобольскому, подтвердить указомъ „буде его преосвященство, во исполненіе Ея Императорскаго Величества повелѣнія, по посланнымъ двумъ указамъ изъ Тобольска еще не выѣхалъ, то Св. Синодъ нынѣ послѣдній уже терминъ полагаетъ, чтобъ не-

премѣнно въ путь отправился съ полученія того указа въ недѣлю, а буде и за симъ отправою своею въ путь продолжать медлѣть будетъ, то находящемуся въ Тобольскѣ губернатору онаго преосвященнаго выслать изъ Тобольска безъ всякихъ отговорокъ, о чемъ и къ нему—губернатору послать указъ".

Преосвященный митрополитъ Павелъ однако выѣхалъ изъ Тобольска до полученія этого указа и 21 апрѣля 1768 года былъ уже въ Москвѣ, изъ которой отправилъ въ Св. Синодъ такое прошеніе: „По присланнымъ мнѣ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошлаго 1767 г., іюня отъ 25 и октября 10 чиселъ, Ея Императорскаго Величества указамъ, велѣно мнѣ быть въ Москву. Почему я, учиня по долгу распоряженія и здравіемъ, коимъ весьма слабъ, укрѣпясь, имѣлъ непремѣнное намѣреніе отправиться декабря въ послѣднихъ числѣхъ того жъ году въ путь, только за продолжающеюся болѣзнію до 11 нынѣшняго января 1768 г. выѣхать никакъ было невозможно. А со онаго оправившись, съ возможною поспѣшностію старанія прибыть въ Москву и явиться Вашему Святѣйшеству. Только отъ умножавшихся въ дорожномъ безпокойствіи во мнѣ болѣзней, по коимъ въ Екатеринбурхѣ принужденъ былъ жить три недѣли и 5 дней, и еще не совсѣмъ выпользовавшись, по выѣздѣ въ дорогѣ различныя имѣлъ припадки. А нынѣ, 2 апрѣля, прибывъ въ Москву и по учиненной мнѣ отъ конторы Св. Синода повѣсткѣ, апрѣля 7 дня явился въ оной конторѣ, гдѣ о ожиданіи мнѣ въ Москвѣ отъ Вашего Святѣйшества указъ объявленъ. А какъ я нынѣ найвящую по усилившимся во мнѣ болѣзнямъ слабость моего здравія ежедневно чувствую, и по старости лѣтъ моихъ къ выполненію оныхъ мало надежды заключаю, почему въ правленіи епаршескихъ дѣлъ нахожу себе не въ состояніи; того ради Ваше Святѣйшество всепокорнѣйше прошу, за старостію и слабостію моего здоровья, отъ епархіи и правленія епаршескихъ дѣлъ въ Кіево-Печерскую Лавру на обѣщаніе увольненія, и о семъ моемъ прошеніи учинить милостивое разсмотрѣніе".

„Вашего Святѣйшества нижайшій послушникъ смиренный Павелъ, митрополитъ Тобольскій".

1768 г. 8 апрѣля, Москва.

Святѣйшій Синодъ радъ былъ положить конецъ сложному и непріятному дѣлу и потому постановилъ: „всеподданнѣйше просить, не соизволитъ ли Ея Императорское Величество онаго Тобольскаго митрополита Павла, для пресѣченія происходящихъ въ той епархіи бозпокойствъ, отъ оной и отъ правленія епаршескихъ дѣлъ, какъ онъ и самъ проситъ, ка обѣщаніе въ Кіево-Печерскую Лавру уволить; а если по изслѣдованіи достальныхъ дѣлъ въ чемъ онъ митрополитъ виновнымъ явится, то Св. Синодъ надлежащее въ силу законовъ взысканіе и въ бытность его въ Кіево-Печерской Лаврѣ учинить долженъ“. Императрица утвердила докладъ Синода, написавъ на немъ: „митрополита Павла отъ Тобольской епархіи на обѣщаніе по прошенію его уволить, а въ дѣлахъ, ежели впредь истцы будутъ, чинить Синодъ имѣетъ по законамъ производства“. „Екатерина. Іюня 4 дня 1768 г. Царское село“.

Изъ вышесказаннаго видно, что появившееся въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ извѣстіе о протестѣ митрополита тобольскаго Павла противъ отобранія въ казну монастырскихъ имѣній и о судѣ за это надъ нимъ въ 1767 г. совершенно не вѣрно. Также къ области вымысловъ принадлежитъ и сказаніе о явленіи митрополита Павла ночью во снѣ, наканунѣ суда надъ нимъ митрополиту Сѣченову съ слѣдующею грозною латинскою рѣчью: Quandoquidem patres nostri, e numero quorum quidam sancti, varia bona terrena dederunt, anathematis omnibus detractoribus istorum bonorum; etiam ego, homo peccator et Ecclesis Christi episcopus indignus, non meo quidem ore, sed ore patrum, tibi, detractori Ecclesiasticorum bonorum, anathema etinopinatam mortem profero. Но совершенно вѣрно говоритъ профессоръ Терновскій, что для оцѣнки этой легенды достаточно вспомнить, что митрополитъ новгородскій Дмитрій Сѣченовъ скончался 11 декабря 1767 года, т. е. за 4 мѣсяца до грознаго сновидѣнія, предвѣщавшаго ему напрасную смерть; также справедливо замѣчаніе профессора В. С. Иконникова, что угроза митрополита Павла во снѣ митрополиту Дмитрію есть лишь варіантъ извѣстнаго разсказа объ угрозѣ тому же м. Дмитрію Сѣченову и

другимъ членамъ Синода, приписываемой обыкновенно м. Арсенію Мацієвичу за судъ надъ нимъ по поводу отобранія монастырскихъ имуществъ въ 1764 году. Равнымъ образомъ къ числу вымысловъ принадлежитъ разсказъ о присылкѣ императрицей Екатериной б. тобольскому митрополиту Павлу въ лавру 1.000 червонцевъ, которыхъ онъ якобы не захотѣлъ принять отъ нея въ С.-Петербургѣ и которыя потомъ отдалъ на позолоту куполовъ великой лаврской церкви. Можетъ быть, онъ пожертвовалъ на этотъ предметъ извѣстную сумму, но не царскую, а свою, привезенную изъ Сибири, такъ какъ пожалованія значительной суммы митрополиту Павлу лично императрицей Екатериной, судя по извѣстнымъ ея отзывамъ о немъ, нельзя предполагать.

Поселившись въ Кіево-Печерской Лаврѣ, преосвященный Павелъ не долго пользовался здѣсь земнымъ покоемъ: 31 августа 1768 г. онъ прибылъ въ лавру, а 4 ноября 1770 г. года скончался „со всякимъ христіанскимъ порядкомъ", какъ доносилъ Св. Синоду Кіево-печерскій архимандритъ Зосима отъ 6 ноября 1770 года, приписывая при семъ, что гробъ съ тѣломъ покойнаго, за отпѣтіемъ соборной панихиды, поставленъ въ придѣлѣ архидіакона Стефана въ склепу до полученія изъ Св. Синода указа о томъ, какъ и кому повелѣно будетъ отпѣть погребеніе. Оставшееся имущество, деньги и разныя вещи розданы покойнымъ митрополитомъ предъ кончиной своей, „при доброй памяти и изъ собственной воли", какъ значилось въ оставленной имъ записи, названной въ рапортѣ архимандрита Зосимы завѣщаніемъ.

Погребеніе преосвященнаго Павла совершено 19 декабря, спустя полтора мѣсяца по его кончинѣ, при чемъ тѣло его, сохранившееся нетлѣннымъ, оставлено въ томъ же склепѣ непреданнымъ землѣ. Подобнымъ образомъ оставлялись тогда въ общемъ склепу въ Кіево-Софійскомъ соборѣ непогребенными въ землѣ до полученія указа Св. Синода и тѣла кіевскихъ митрополитовъ 18 вѣка, въ томъ числѣ и сохранявшееся нетлѣннымъ тѣло митрополита Кіевскаго Рафаила Заборовскаго (1731—1747 г.). Поступившій въ 1823 г. на Кіев-

скую каѳедру митрополитъ Евгеній устроилъ въ Софійскомъ соборѣ надъ каждымъ изъ митрополичьихъ гробовъ кирпичныя надгробія, и въ то же, вѣроятно, время захотѣлъ сдѣлать такое же надгробіе въ Кіево-Печерской Лаврѣ надъ гробомъ митрополита Павла, или перенести его гробъ въ другое мѣсто и предать землѣ, или же, наконецъ, поставить его въ общей усыпальницѣ подъ алтаремъ Стефановскаго придѣла лаврской великой церкви, но почему то не исполнилъ сего. Можетъ быть, онъ не рѣшился сдѣлать это перенесеніе безъ разрѣшенія св. синода, а можетъ быть, препятствіемъ къ сему послужило и то, что усыпальница лаврская переполнена гробами покойниковъ до того, что гробы стоятъ массою одни надъ другими, безъ промежутковъ, въ нѣсколько рядовъ. Неисполненіе такого предположенія, по всей вѣроятности, подало поводъ къ легендѣ о явленіи покойнаго митрополита Павла митрополиту Евгенію, но уже не во снѣ, а по пробужденіи его отъ сна, при чемъ м. Павелъ угрожалъ м. Евгенію не по латыни, а по малороссійски, хотя оба митрополита были большіе латинисты и могли бы объясниться между собою на классическомъ языкѣ. *Чи даси намъ почивати, чи ни? Не даси намъ почивати, не дамъ тоби и я николы почивати*, сказалъ будто м. Евгенію б. тобольскій архипастырь, еще не забывшій матерняго языка.

Въ извѣстіи, помѣщенномъ во 2-й книжкѣ чтеній Московскаго Общества Исторіи и древностей графомъ В. М. Толстымъ, говорится, будто сохранилась и собственноручная записка митрополита Евгенія объ этомъ видѣніи. Но таковой собственноручной записки митрополита Евгенія нѣтъ, и никто ея не видалъ, да и не таковъ былъ ученый митрополитъ Евгеній, чтобы останавливался въ своихъ распоряженіяхъ предъ какими либо сновидѣніями, а тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ него записи подобныхъ видѣній и разсказовъ. Графъ В. М. Толстой, въ той же статьѣ своей, передаетъ, будто предъ явленіемъ м. Павла митрополиту Евгенію былъ устроенъ подъ великою лаврскою церковію новый склепъ, въ который велѣно было перенести всѣ гробы, какъ погребенные въ землѣ, такъ и поставленные въ *склепъ подъ соборомъ*. Но и это совершенно

не вѣрно, такъ какъ никакого, ни новаго, ни стараго, склепа подъ среднею частью великой лаврской церкви нѣтъ и не было. Большой склепъ или подвалъ имѣется только подъ алтаремъ Стефановскаго придѣла великой церкви, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гроба митрополита Павла, мимо котораго и проходятъ въ этотъ большой склепъ. Но этотъ склепъ устроенъ еще до 1729 г. при возобновленіи лавры послѣ пожара 1718 года, когда пристроенъ къ великой лаврской церкви придѣлъ во имя св. первомученника Стефана, на мѣстѣ древнѣйшаго, устроеннаго здѣсь князьями Корецкими въ 16 вѣкѣ.

Графъ В. М. Толстой говоритъ еще, что о явленіи м. Павла разсказано самимъ митрополитомъ Евгеніемъ б. префекту кіевской академіи, архимандриту Мелетію Носкову. Но архимандритъ этотъ выбылъ изъ Кіева въ 1817 г. [1]), за 6 лѣтъ до прибытія митрополита Евгенія въ Кіевъ, а возвратился въ Кіево-Печерскую Лавру уже по смерти митрополита Евгенія, при его преемникѣ митрополитѣ Филаретѣ, и здѣсь скончался въ 1851 году.

Склепъ, въ которомъ находится гробъ митрополита Павла Конюскевича, рядомъ съ гробомъ фельдмаршала князя Прозоровскаго, не открывался ни для кого изъ посѣтителей лавры при митрополитѣ Евгеніѣ; при митрополитѣ Филаретѣ вводили въ этотъ склепъ и открывали гробъ митрополита Павла только для нѣкоторыхъ лицъ, съ дозволенія намѣстника лавры; а со времени митрополита Арсенія стали водить туда и показывать нетлѣнное тѣло митрополита Павла всѣмъ желающимъ, допуская и къ цѣлованію его руки. Отъ частаго соприкосновенія съ наружнымъ воздухомъ лицо святителя, бывшее прежде совершенно бѣлымъ, значительно потемнѣло.

При митрополитѣ Платонѣ было предположеніе ходатайствовать предъ св. Синодомъ даже о причисленіи митрополита

---

[1]) Архимандритъ *Мелетій Носковъ* изъ префектовъ старой кіевской академіи, по преобразованіи ея, назначенъ въ 1817 г. инспекторомъ черниговской семинаріи, потомъ былъ ректоромъ полтавской семинаріи и, наконецъ, настоятелемъ свіяжскаго монастыря, казанской губерніи, откуда прибылъ въ 1841 году на покой въ кіево-печерскую лавру.

Павла къ святымъ, но оставлено въ виду того, что одно нетлѣніе не служитъ еще доказательствомъ святости.—

Подобнымъ образомъ, въ монастыряхъ Бѣлгородскомъ и Харьковскомъ и въ Черниговскомъ соборѣ допускаются богомольцы къ поклоненію предъ открытыми гробницами и къ цѣлованію нетлѣнно почивающихъ въ нихъ, но еще не прославленныхъ церковью мощей бѣлгородскаго епископа Іоасафа Горленка, Харьковскаго архіепископа Мелетія Леонтовича и Черниговскаго епископа Θеодосія Углицкаго.—

Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода[1]).

ГЛАВА 2-я.

Значеніе Г. С. Сковороды.

Познакомивъ читателя съ міросозерцаніемъ и жизнью Сковороды, мы тѣмъ самимъ дали нѣкоторый матеріалъ и для сужденія о значеніи его. Но это на столько важный и сложный вопросъ, что на немъ нужно остановиться подробнѣе, ему необходимо посвятить отдѣльную главу, тѣмъ болѣе, что въ изслѣдованіяхъ, касающихся его личности и ученія, объ этомъ мы находимъ только отрывочныя и далеко не всегда обоснованныя замѣчанія. Да и едва ли возможно было раньше, когда большая часть его важнѣйшихъ трудовъ не была извѣстна ученому міру, сдѣлать оцѣнку ихъ литературнаго значенія; тогда можно было говорить только о непосредственномъ вліяніи его личности и оригинальнаго характера, да и то не съ такою полнотою и обстоятельностью, какія возможны теперь для насъ, благодаря новымъ біографическимъ матеріаламъ.

Но мы ясно представляемъ себѣ затрудненія, ожидающія насъ при рѣшеніи даннаго вопроса; мы прекрасно понимаемъ, какъ легко вообще впасть въ крайности при оцѣнкѣ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей стараго времени: размѣры всякихъ вліяній съ трудомъ вообще, по самому характеру своему, поддаются точному опредѣленію, а между тѣмъ мы должны дать

[1]) См. „Кіев. Стар.“ № 3 1895 г.

именно опредѣленіе, которое представляло бы значеніе дѣятеля и не въ уменьшенномъ, и не въ увеличенномъ масштабѣ; въ одномъ случаѣ мы будемъ не правы передъ памятью покойника, въ другомъ—передъ современными читателями. Въ виду всего этого мы постараемся основывать свои выводы исключительно на документальныхъ данныхъ, руководствуясь въ сужденіяхъ тою осторожностью, которая обязательна для всякаго объективнаго историка.

Въ вопросѣ о значеніи Г. С. Сковороды нужно различать двѣ стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ Г. С. Сковородой, какъ съ мыслителемъ. Онъ желалъ распространенія своихъ идей въ современномъ ему обществѣ, употреблялъ для этого извѣстныя средства и достигалъ своей цѣли, съ одной стороны, посредствомъ устной проповѣди, а съ другой—посредствомъ своихъ сочиненій; огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣлъ также живой, наглядный примѣръ его собственной жизни, въ которой онъ, какъ мы видѣли, совершенно осуществилъ требованія своего высокаго нравственнаго идеала. Правда, Сковорода при жизни не печаталъ своихъ трудовъ, но причину этого явленія мы объяснили уже выше [1]): это зависѣло главнымъ образомъ отъ условій его жизни и отъ свойствъ его характера. Тѣмъ не менѣе сочиненія его находили себѣ широкое распространеніе въ рукописяхъ и выходили такимъ путемъ далеко за предѣлы Украины. У многихъ лицъ были цѣлыя коллекціи его рукописей, и они въ свою очередь давали ихъ списывать другимъ. Мало того: точно такимъ же образомъ распространялись и его письма, которыя списывались и перечитывались наравнѣ съ учеными трактатами, къ которымъ они впрочемъ и подходили по своему характеру и содержанію. Ведя въ теченіе 30 лѣтъ странническую жизнь, Сковорода сталкивался съ массою людей изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества. У него были друзья и знакомые, у которыхъ онъ

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ 1-е отд. стр. I—II.

останавливался и проживалъ подолгу или захаживалъ въ гости, и среди духовенства, и среди свѣтскаго общества: съ этими лицами онъ велъ переписку, присылалъ и посвящалъ имъ свои сочиненія, велъ устныя бесѣды—и всѣмъ этимъ пользовался для распространенія своего ученія, для борьбы съ закоренѣлыми привычками и предразсудками.

Почти полное собраніе сочиненій Сковороды было, напримѣръ, у его ученика и друга М. И. Ковалинскаго; все это были автографы Сковороды, присланные ему въ даръ по большей части съ посвятительными письмами; въ 4-хъ сборникахъ, находящихся нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ, ихъ содержится 12; въ 5-мъ заключаются письма Сковороды, при чемъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что сюда внесены и нѣкоторыя письма, адресованныя не къ Ковалинскому (копіи 2-хъ писемъ къ В. М. Зембровскому, копіи письма къ какому то Ивану Васильевичу и неизвѣстному, оригиналъ письма къ нѣкоему Василію Максимовичу [1]). Коллекцію Сковородинскихъ трудовъ имѣлъ протоіерей Ѳед. Залѣсскій; она была пожертвована въ библіотеку харьковскаго университета его сыномъ священникомъ о. Михаиломъ въ отвѣтъ на обращеніе Измаила Ивановича Срезневскаго. Любопытное письмо его, какъ отраженіе взглядовъ консервативнаго представителя послѣдующаго поколѣнія, мы приведемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Усердно заботился о собраніи рукописныхъ трудовъ Г. С. Сковороды свящ. Іаковъ Правицкій, какъ это видно изъ ихъ переписки, опубликованной недавно Вс. Изм. Срезневскимъ. „Если ты уже переписалъ мои новыя сочиненія, пишетъ Сковорода Правицкому, то верни ко мнѣ оригиналы; также пришли вмѣстѣ съ оригиналами и тотъ мой діалогъ, который ты обыкновенно хвалишь болѣе другихъ; по перепискѣ онъ будетъ присланъ тебѣ обратно [2])“. Въ другомъ письмѣ Г. С. Сковорода пишетъ: „Не печися о „Разговорѣ Марка“. Онъ всегда есть вашъ и возвратится въ твою *книгохранку*. „Лотову жену“ хочется докончать. Однакъ принесу съ собою, да

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. CXI—CXII, 109—112, 116, 129.

[2]) Письма Г. С. Сковороды къ св. Я. Правицкому, стр. 9, 10.

написанное выпишете [1])". Нѣсколько позже Григорій Саввичъ писалъ: „прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ „Жену Лотову". Весною хощу васъ посѣтить, аще Богу угодно, и привезу. Аще же (желаете получить сейчасъ), тотчасъ перешлю. Въ зимнихъ трусостяхъ можетъ она потеряться; тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юріевича (Сошальскаго). Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною во пустынѣ можно подумать объ окончаніи ея [2])". Г. С. Сковорода, отдавая своимъ друзьямъ автографы, самъ подъ часъ долженъ былъ просить о возвращеніи ихъ, чтобы сдѣлать для себя новый списокъ. „Пришлите мнѣ, пишетъ онъ Правицкому, симфонію „Аще не увѣси самую себе". Переписавъ паки отошлю къ вамъ. Посылаю къ вамъ „Жену Лотову" [3]). Четвертымъ извѣстнымъ намъ хранителемъ Сковородинскихъ трудовъ былъ его почитатель, проживавшій въ г. Острогожскѣ и переписавшій для себя его басни и письма къ пріятелямъ [4]). Раньше мы высказали предположеніе, что это могъ быть другъ Г. С. Сковороды острогожскій помѣщикъ Тевяшовъ, отецъ котораго былъ полковникомъ Острогожскаго Слободскаго полка и находился также въ дружескихъ отношеніяхъ съ Григоріемъ Саввичемъ; не будемъ повторять теперь соображеній, которыя мы приводили въ пользу своей догадки [5]). Но этимъ, конечно, далеко не исчерпываются коллекціи рукописей Сковороды; ихъ было въ старину несравненно больше, но только мы не знаемъ именъ собирателей. Мы приводили выше письмо г. П. Д. Мартыновича [6]), изъ котораго видно, что рукописи Сковороды были у очень многихъ священниковъ полтавской губерніи, гдѣ главнымъ образомъ дѣйствовалъ Сковорода. По всей вѣроятности, изъ этого источника составили свои собранія сочиненій Сковороды знаменитые харьковскіе преосвященные — Иннокентій (Борисовъ) и Филаретъ

---

[1]) Ib., стр. 11.
[2]) Ibidem. стр. 13.
[3]) Ibidem, стр. 14.
[4]) Сочиненія Г. С. Сковороды. 1-е отд., стр. CXII.
[5]) Ibidem, 1 е отд., стр. CXV.
[6]) Ibidem, 1 е отд., стр. CXXIII.

(Гумилевскій), столь высоко цѣнившіе память Сковороды (первый передалъ свою коллекцію Гр. Петр. Данилевскому, а второй С. И. Миропольскому, отъ котораго она поступила въ церковно-археологическій музей кіевской духовной академіи). Къ сожалѣнію, мы ничего опредѣленнаго не можемъ сказать о происхожденіи коллекцій московской духовной академіи и хранилища покойнаго гр. А. С. Уварова. Во всякомъ случаѣ изъ всего того, что намъ извѣстно о рукописяхъ Гр. Сав. Сковороды, можно прійти къ заключенію, что друзья охотно собирали его труды, ибо и самая эта дружба въ значительной степени основывалась на уваженіи къ учености Сковороды. При томъ и самъ Сковорода обыкновенно посвящалъ свои труды пріятелямъ; и понятное дѣло, что тотъ, кто получилъ одно сочиненіе, хотѣлъ имѣть и списывалъ для себя и другія. Здѣсь мы должны сдѣлать одну оговорку относительно тѣхъ лицъ, среди которыхъ Сковорода желалъ распространенія своихъ сочиненій. Существовала несомнѣнная разница въ этомъ отношеніи между Сковородой и современными авторами. Современные писатели издаютъ свои книги, не имѣя въ виду опредѣленныхъ читателей, одинаково какъ для друзей, такъ и для враговъ своихъ мыслей. Иначе относился къ этому дѣлу Сковорода: онъ желалъ распространенія своихъ рукописей среди сочувствующихъ его воззрѣніямъ лицъ и не безъ основанія боялся, чтобы они не попадали къ его врагамъ, которые могли извратить его мысли и придать имъ такой смыслъ, какого онъ не имѣлъ, что могло повлечь за собою серьезныя для него непріятности. Доказательствомъ этого можетъ служить, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ письма его къ Правицкому: „вы, снится мнѣ, переписали „Михайлову борьбу“ и паки требуете? Обаче посылаю, негли обрящете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много, обаче чрезъ невѣрныя руки не! не! не! Mavolo apud te eam interire, quam volutari manibus impioribus (Я предпочитаю, чтобы она погибла у тебя, чѣмъ вращалась въ нечестивыхъ рукахъ). Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, читатели Сковороды были по большей части и почитателями его; враги же его мнѣній судили о немъ повидимому больше по слухамъ и,

какъ увидимъ далѣе, выставляли противъ него такія обвиненія, въ которыхъ онъ былъ неповиненъ. Это, конечно, объяснялось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что сочиненія Сковороды не печатались при его жизни и, слѣдовательно, не могли вызвать печатной же критики. Въ силу этого, съ одной стороны, и въ силу ореола, которымъ была окружена его личность, съ другой, явилось у многихъ почитателей его благоговѣйное, хотя далеко не всегда сознательное, отношеніе къ его идеямъ и трудамъ, желаніе хранить эти послѣдніе, какъ драгоцѣнность, какъ источникъ мудрости, какъ дань уваженія къ своему родному философу". Любопытнымъ доказательствомъ такого благоговѣйнаго отношенія къ сочиненіямъ Сковороды, характернымъ примѣромъ впечатлѣнія, которое они производили на современниковъ, можетъ служить надпись, найденная нами на одной изъ его рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ; она тѣмъ болѣе любопытна, что имѣетъ точную хронологическую дату—1797 г. (прошло, слѣдовательно, всего 3 года со дня смерти Сковороды). Рукопись эта—автографъ Сковороды и заключаетъ въ себѣ одинъ изъ самыхъ критическихъ трактатовъ его—*Потокъ Зміинъ*. Въ концѣ ея на чистой страницѣ мы находимъ слѣдующую приписку, написанную другимъ почеркомъ: „О мужъ, умудренный свыше! Великое заслужилъ благодареніе! Но къ понятію ученія, тобою открытаго, потребенъ умъ небесный и животъ смерти не ожидающій. Вся духъ. Вся животъ. Вся Божественная и чувственности непричастная. Не трудно вѣрить, естли въ точности міра сокровеннаго всѣ начала открыть. Благодарю за одолженіе... Аще не все сокровище ощутихъ, но крупицы златыхъ веществъ блещутъ въ глубокомъ положеніи. Декабря 16 дня 1797 году. Нижайшій слуга подвижникъ въ напастѣхъ или паче искушеніяхъ извѣстный... Къ какому званію сословію и состоянію принадлежитъ авторъ этой приписки, съ точностью сказать нельзя, но можно догадываться, что это былъ монахъ; во всякомъ случаѣ, хотя онъ сознался, что не все уразумѣлъ, однако основную мысль сочиненія онъ усвоилъ вполнѣ (истинная жизнь есть жизнь духа).

Спрашивается теперь: въ чемъ заключалась сущность идейной проповѣди Сковороды, ея вліянія на современное ему общество. Намъ кажется, что мы едва ли ошибемся, если выразимъ ее въ двухъ основныхъ положеніяхъ: съ одной стороны, Сковорода пробуждалъ критическую мысль своихъ современниковъ, съ другой—настойчиво проводилъ въ обществѣ нравственный идеалъ. Правда, его критика была направлена исключительно на библейскіе тексты и вовсе, можно сказать, не затрагивала другихъ интересовъ тогдашняго общества—политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ. Сковорода отмежевалъ себѣ извѣстную сферу жизни—религіозную и въ ней одной почти замкнулся (говоримъ *почти*, потому что по связи съ религіей онъ касается и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ, напримѣръ, воспитанія). Но не слѣдуетъ забывать, что эта религіозная сфера имѣла первенствующее значеніе въ тогдашней культурной жизни. При томъ, богословіе Сковороды, какъ мы видѣли, отличалось, во 1-хъ, очень универсальнымъ характеромъ, а, во 2-хъ, тѣснымъ органическимъ образомъ было связано съ философіей т. е. наукой. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, не правъ новѣйшій рецензентъ [1]) сочиненій Сковороды, утверждающій, что внутреннее содержаніе ихъ не имѣло особеннаго, важнаго значенія. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только стать на историческую точку зрѣнія (обязательную въ данномъ случаѣ), стоитъ только вспомнить, какое огромное значеніе имѣли во *всемъ* слободскоукраинскомъ обществѣ XVIII в. (какъ духовномъ, такъ и *свѣтскомъ*) религіозные интересы, какъ тѣсно связаны они были съ просвѣщеніемъ, начальнымъ народнымъ образованіемъ и дѣлами благотворительности. И вотъ Сковорода является со своимъ *новымъ словомъ* въ этихъ именно религіозныхъ вопросахъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе, вноситъ критическій духъ въ изученіе и пониманіе основного источника Богопознанія Библіи, другими словами является въ извѣстномъ смыслѣ этого слова *религіознымъ реформ-*

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1895, январь; тоже самое нужно сказать и о статьѣ г. Никольскаго „Украинскій Сократъ“ (Ист. Вѣст. 1895, № 4).

маторомъ; ему были присущи нѣкоторыя черты, свойственныя религіознымъ реформаторамъ вообще. Самъ онъ лично, несомнѣнно, шелъ въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда внѣшнимъ, обрядовымъ отношеніемъ къ православной вѣрѣ и весьма замѣтно уклонился въ сторону *чисто духовнаго* пониманія христіанства. Но этого мало: если бы онъ остановился на этомъ, онъ остался бы только *религіознымъ мыслителемъ*; а между тѣмъ онъ *сознательно* стремился къ *проповѣди* своего ученія, къ живой и дѣятельной его пропагандѣ, какъ посредствомъ устныхъ бесѣдъ, такъ и посредствомъ сочиненій и писемъ. Такимъ образомъ, благодаря этому, ему удалось создать *историческую обстановку* для своего ученія—найти послѣдователей, выдерживать нападки оппозиціи и, наконецъ, оставить свое духовное наслѣдіе ученикамъ и почитателямъ. Прежніе изслѣдователи преимущественно придавали значеніе этической сторонѣ въ проповѣди Сковороды; теперь, познакомившись съ его сочиненіями, мы убѣждаемся, что самъ онъ ставилъ на первый планъ умозрительную часть своей философіи; такое мѣсто она занимаетъ у него и въ дѣйствительности. Вотъ съ такой-то двухсторонней проповѣдью (умозрительнаго и этическаго характера) онъ обращался къ представителямъ всѣхъ классовъ слободско-украинскаго общества—и къ духовенству (черному и бѣлому), и къ дворянству, и къ городскому сословію, и къ козачеству, и къ крестьянству.

Связи его съ духовенствомъ были весьма прочны: можно сказать, что это была та общественная группа, къ которой у него было найболѣе тяготѣнія, съ представителями которой онъ чувствовалъ себя лучше всего, какъ будто въ собственной семьѣ. Хотя самъ Сковорода былъ козацкій сынъ, вышелъ изъ козацкаго сословія, но по воспитанію своему онъ совершенно сроднился съ духовенствомъ: сюда ввело его пребываніе въ кіевской духовной академіи и послѣдующая педагогическая дѣятельность въ переяславскомъ и харьковскомъ духовномъ коллегіумахъ. Характерно въ этомъ отношеніи и то, что нѣкоторые изслѣдователи даже считали его сыномъ священника. Не менѣе характерны настойчивыя просьбы со стороны его друзей-монаховъ

о принятіи имъ монашества; очевидно, что его считали вполнѣ подходящимъ кандидатомъ на какую либо изъ церковно-іерархическихъ должностей. Да это и понятно; не нося монашескаго клобука, онъ *по жизни* своей былъ болѣе монахъ, чѣмъ настоящіе монахи. Живя въ мірѣ, онъ, можно сказать, вполнѣ удовлетворялъ тѣмъ требованіямъ, которыя составляли основу монастырской жизни (полная нестяжательность, постъ, умерщвленіе плоти, удаленіе отъ женщинъ, молитва, благочестивыя размышленія, проповѣдь чистой любви къ Богу, матеріальная и нравственная помощь ближнему). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить характеристику его образа жизни въ бытность преподавателемъ харьковскаго коллегіума, какъ ее изображаетъ Ковалинскій, и затѣмъ обратить вниманіе на дополнительный матеріалъ, доставляемый самимъ Сковородой въ его латинскихъ письмахъ къ тому же Ковалинскому. Тутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ является передъ нами даже какъ будто съ чертами монаховъ аскетовъ, вооружаясь, напримѣръ, въ одномъ стихотвореніи противъ трехъ враговъ христіанина—свѣта, женщины и діавола [1]) (въ дѣйствительности, впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ не былъ аскетомъ). Монастыри вообще привлекали его къ себѣ, въ особенности такіе, въ которыхъ онъ находилъ расположенныхъ или сочувствующихъ себѣ настоятелей и монаховъ. Послѣ изгнанія своего изъ переяславскаго коллегіума, онъ, напримѣръ, охотно ѣдетъ съ пріятелемъ своимъ Калиграфомъ (отправлявшимся въ московскую академію проповѣдникомъ) въ Троицко-Сергіевскую лавру и тамъ пользуется дружбою настоятеля ея Кирилла, отличавшагося глубокою ученостью и бывшаго впослѣдствіи черниговскимъ епископомъ. Такъ разсказываетъ Ковалинскій [2]). Мы къ этому прибавимъ, что этотъ Кириллъ былъ землякъ Григорія Саввича; онъ былъ сынъ сотеннаго писаря Александра Ляшевецкаго, впослѣдствіи священника села Глинскаго; слѣдовательно, подобно Сковородѣ, также происходилъ изъ козацкаго званія. Вообще слѣдуетъ за-

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, отд. 1-е, стр. 93.

[2]) Ibidem, стр. 5.

мѣтить, что въ старой Малороссіи и слободской украйнѣ въ духовное званіе поступали очень часто представители свѣтскаго общества (изъ рядовъ козацкой старшины и простаго козачества). Духовенство не было обособлено тогда такъ, какъ теперь; можно сказать, что ряды его замѣтно пополнялись лицами, вышедшими изъ свѣтскаго общества. Такимъ образомъ, и на Сковороду не смотрѣли, какъ на homo novus, какъ на представителя другой среды. Кириллъ Ляшевецкій, по окончаніи курса въ кіевской духовной академіи, сдѣлался первымъ наставникомъ, префектомъ и ректоромъ Сергіевской семинаріи; сюда въ семинарію, онъ, очевидно, приглашалъ въ качествѣ наставника и Сковороду. Въ 1761 г. онъ занялъ епископскую каѳедру въ Черниговѣ, а умирая, оставилъ библіотеку изъ 555 книгъ на русскомъ и 380 на иностранныхъ языкахъ [1]). Сковороду всячески хотѣли оставить на постоянное жительство въ самой замѣчательной обители Московской Руси. По всей вѣроятности, къ этому Кириллу адресовано и напечатанное нами подъ № 15 письмо на латинскомъ языкѣ съ обращеніемъ γνήσις amice, jucundissime Cyrille!“, посвященное духовному пониманію христіанства. Оно весьма характерно, ибо свидѣтельствуетъ о томъ, что Сковорода не стѣснялся излагать свои идеи, далеко не сходныя съ господствующими взглядами, и передъ такими высокостоящими въ церковной іерархіи личностями, какъ намѣстникъ Троицко-Сергіевской лавры. Достаточно замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ, чтобы искать Бога не въ однихъ храмахъ, а и внутри себя, чтобы проникать въ сокровенный смыслъ таинствъ. И любопытно, что Кириллъ поддерживалъ переписку со Сковородой, считалъ его своимъ другомъ, желалъ имѣть его у себя преподавателемъ. Онъ уважалъ Сковородинскую ученость, и это уваженіе, и эта дружба, конечно, были хорошо извѣстны лаврскимъ монахамъ, передъ которыми Сковорода также, очевидно,

---

[1]) Такъ говоритъ арх. Филаретъ (Ист. Стат. опис. Черн. еп., кн. V—стр. 99—101. Но Аскоченскій нѣсколько расходится съ пр. Филаретомъ и утверждаетъ, что Кириллъ былъ преподавателемъ духовной академіи, за тѣмъ префектомъ въ ней и только потомъ уже сдѣлался намѣстникомъ лавры (Кіевъ съ древн. его учил. ч. 2-я, стр. 126).

не скрывалъ (это не было въ его натурѣ) своихъ воззрѣній. Проживая въ лаврѣ, Сковорода предавался тутъ своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ, на это намекаетъ онъ самъ въ одномъ изъ своихъ латинскихъ писемъ къ Ковалинскому: посылая ему свою латинскую эпиграмму (о томъ, что музы не должны служить Венерѣ), онъ прибавляетъ, что читалъ подобную среди греческихъ эпиграммъ, проживая въ Троицко-Сергіевской обители [1]). Уходя изъ лавры, Сковорода оставилъ тамъ по себѣ память, какъ ученый и другъ Кирилла [2]). Вообще нужно сказать, что Сковороду уважали и цѣнили наиболѣе образованные и ученые представители церковной іерархіи. Такъ, извѣстно, что преподавателемъ въ харьковскій коллегіумъ его первоначально назначилъ, по рекомендаціи бывшаго переяславскаго игумена Гервасія Якубовича, епископъ бѣлгородскій Іоасафъ Миткевичъ. „Іоасафъ, говоритъ Ковалинскій, пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ училищѣ 1759 года [3])“. Епископъ Іоасафъ Миткевичъ до 1748 г. былъ преподавателемъ новгородской семинаріи, а потомъ ректоромъ въ ней, архимандритомъ Хутынскаго монастыря и епископомъ Бѣлгородскимъ [4]). О добрыхъ отношеніяхъ, которыя существовали между преосвященнымъ и Сковородой, свидѣтельствуетъ стихотвореніе этого послѣдняго (въ садѣ Божественныхъ пѣсней) [5]) на память о посѣщеніи этимъ епископомъ харьковскаго коллегіума. Очевидно, Сковорода считалъ его образцовымъ духовнымъ пастыремъ, ибо обращается къ нему между прочимъ съ такими выраженіями:

Пастырь нашъ! Образъ Христовъ,
Тихъ, благъ, кротокъ, милосердый,

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, отд. 1-е, стр. 99.
[2]) Ibidem, стр. 5.
[3]) Ibidem, стр. 9.
[4]) Аскоченскій. Кіевъ съ его древн. училищемъ, II, стр. 127—128.
[5]) Сочиненія Г. С. Сковороды, 2-е отд., стр. 281—282.

Зерцало чистое добротъ!...
Ты садъ напой, сей святый садъ,
Токомъ водъ благочестивыхъ
Зъ самыхъ апостольскихъ ключей.
Не допусти ересей ядъ.

Не листъ на немъ (на деревѣ) будетъ пустой
Лицемѣрно льстящъ, но вскорѣ
Весь плодъ духовный принесетъ
Вѣру, миръ, радость, кротость, любовь
И иный весь святый родъ таковъ.

Затѣмъ далѣе pro memoria прибавлено: „сей архіерей родился близь Кіева, во градѣ Козельцѣ. Былъ пастырь просвѣщенъ, кротокъ, милосердъ, незлобивъ, правдолюбивъ, престолъ чувства, любве свѣтильникъ. Въ вертоградѣ сего истиннаго вертоградаря Христова и я, свято и благочестиво, три лѣта— 1760-е и 1763-е и 1764-е, въ кое преставился отъ земли къ небеснымъ, былъ дѣлателемъ, удивлялся прозорливому его, щедрому и чистому сердцу съ тайною моею любовію. Сего ради именемъ всѣхъ, любящихъ Бога и Божіи книги и Божія други во память его и во благодареніе ему, сему любезному другу Божію и человѣческому, якоже лепту, приношу сію пѣснь отъ мене, любитель священныя Библіи Григорій Вар-Сава Сковорода". По всей вѣроятности ему же посвящено еще и другое стихотвореніе Сковороды на латинскомъ языкѣ (In natalem Bilogrodensis episcopi)[1]), въ которомъ высказываются пожеланія долгой и счастливой жизни. Съ Гервасіемъ Якубовичемъ у Сковороды установились дружескія отношенія еще въ Переяславѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ стихотвореніе Сковороды, носящее слѣдующее заглавіе: „Пѣснь отходная (25-я) отцу Гервасію Якубовичу, отходящему изъ Переяслава въ Бѣлгородъ на архимандритскій и судейскій чинъ въ 1758 годѣ, изъ сего зерна *Господь сохранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое, не дастъ во смятеніе ноги*[2]) *твоея*. Начинается она такъ:

Ѣдешь, хощешъ насъ оставить?
Ѣдь же веселъ, цѣлый, здравый!
Будь тебѣ вѣтры погодны,

[1]) Ibidem, стр. 297.
[2]) Ibidem, стр. 279.

Тихи, жарки, ни холодны:
Щастливъ тебѣ путь вездѣ отсель будь!

Путныи исчезнуть страхи;
Спите подорожны прахи;
Скоропослушныи кони
Да несуть, какъ по долони
Щастливымъ слѣдо́мъ, какъ гладенькимъ льдомъ.

Оканчивается же оно такъ:

Радуйся страна щастлива!
Пріимешъ мужа добротлива.
Брось завистливые нравы!
Вѣренъ есть его познавый...

Быть можетъ, и Гервасій Якубовичъ имѣлъ какія либо отношенія къ переяславскому коллегіуму, гдѣ преподавалъ Г. С. Сковорода. Во всякомъ случаѣ эти добрыя отношенія продолжались и въ новомъ мѣстѣ служенія Гервасія. Гервасій былъ очень близокъ къ епископу Іоасафу и, по словамъ Ковалинскаго, „представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше"—и „епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія". По окончаніи 1-го года преподаванія въ харьковскомъ коллегіумѣ, Сковорода пріѣзжаетъ на каникулы къ Іоасафу. Епископъ, желая навсегда удержать Сковороду при училищѣ, поручилъ Гервасію уговорить его принять монашество, обѣщая довести его скоро до сана высокаго духовенства". Гервасій сталъ убѣждать Сковороду, указывая на желаніе архіерея и на предстоящую ему честь и славу на этомъ поприщѣ. Но извѣстно, какъ рѣзко[1]) отвѣтилъ ему Сковорода, „возревновавъ по истинѣ". Гервасій упрашивалъ его принять монашество во имя дружбы ихъ, ради пользы церкви; но Сковорода остался непреклоненъ и, видя холодность къ себѣ Гервасія, попросилъ у него для себя благословенія и удалился изъ Бѣлгорода „въ пустыню" къ одному изъ пріятелей. Іоасафъ, которому Гервасій доложилъ о происшедшемъ, не разсердился на Сковороду, а только пожалѣлъ объ его отказѣ; очевидно, онъ понялъ его побужденія въ этомъ дѣлѣ. Мало того:

---

[1]) Развѣ вы хотите, сказалъ Сковорода, чтобъ и я умножилъ число фарисеевъ?... Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте", и затѣмъ изложилъ свой взглядъ на монашество.

не желая лишаться добросовѣстнаго и талантливаго преподавателя, дарованія котораго онъ сознавалъ во всей ихъ силѣ, Іоасафъ снова дружески предложилъ Сковородѣ мѣсто учителя въ харьковскомъ коллегіумѣ—и тотъ его охотно принялъ. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Сковорода остался вѣренъ себѣ и своему характеру: онъ смѣло и рѣзко высказалъ свой взглядъ на современное ему монашество передъ представителями этого послѣдняго; его не остановили ни боязнь потерять мѣсто, ни дружба съ Гервасіемъ, который послѣ этого сдѣлался къ нему холоденъ; у него, очевидно, существовала потребность высказываться по поводу основныхъ вопросовъ церковной жизни и распространять свои идеи даже въ той самой средѣ, противъ консерватизма которой онъ вооружался; другими словами, мыслитель въ немъ соединялся съ проповѣдникомъ, пропагандистомъ. Любопытна въ этомъ дѣлѣ еще одна подробность—однимъ изъ побужденій для Сковороды снова принять на себя учительскую должность въ Харьковѣ явилось желаніе воспитать въ своемъ духѣ новаго молодого друга, М. И. Ковалинскаго [1]).

Точно также прямо и откровенно высказывался Сковорода во время пребыванія своего въ Кіевѣ, въ Печерской Лаврѣ, куда онъ поѣхалъ съ Ковалинскимъ. „Онъ былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и *побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества*". Не ограничиваясь, впрочемъ, Ковалинскимъ, Сковорода велъ бесѣды и излагалъ свои возрѣнія и передъ многими другими. „*Многіе* изъ соучениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно бродить по свѣту! пора пристать къ гавани; намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо; ты будешь столбъ церкви и украшеніе обители". И что же отвѣтилъ имъ Сковорода? „Ахъ, преподобные, возразилъ онъ въ горячности, я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ, столбовъ не отесанныхъ въ храмѣ

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 12.

Божіемъ". Старцы замолчали, а Сковорода продолжалъ: „Риза! риза! Коль немногихъ ты опреподобила! Коль многихъ окаянствовала! Міръ ловитъ людей разными сѣтями, накрывая оныхъ богатствами, честьми, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею; но всѣхъ несчастнѣе сѣть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастіе свое, не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней". Такъ разсказываетъ очевидецъ Ковалинскій, и такую именно рѣчь могъ и долженъ былъ произносить Сковорода; она точно выражаетъ его отношеніе къ монашеству и вполнѣ гармонируетъ съ общимъ его міровозрѣніемъ. Ставя чрезвычайно высоко древнее кіевское монашество, выказывая глубокое уваженіе къ тѣмъ подвижникамъ, мощи которыхъ лежали въ Печерской Лаврѣ, онъ относился отрицательно къ современному монашеству, потому что въ немъ было одно только наружное благочестіе, а онъ постоянно призывалъ всѣхъ ко внутреннему,—къ святости сердца. И его откровенное слово не могло пройти безслѣдно; оно должно было оказать извѣстное дѣйствіе на слушателей. И дѣйствительно, Ковалинскій разсказываетъ, что монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая такія рѣчи, а одинъ изъ нихъ попросилъ Сковороду и Ковалинскаго прогуляться съ ними за монастырь и тамъ, усадивши ихъ на горѣ надъ Днѣпромъ, обнялъ Сковороду и сказалъ: „О мудрый мужъ! Я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братіею, но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оный однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою; могу ли я?... Сковорода отвѣтилъ: отъ человѣка невозможно, отъ Бога же вся возможна суть [1])".

Въ 1766 году Сковорода снова занялся педагогической дѣятельностью въ харьковскомъ коллегіумѣ, состоявшемъ при харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, но на тотъ разъ преподавалъ обучавшимся здѣсь дворянскимъ дѣтямъ правила христіанскаго добронравія. Это открыло ему путь для широкой про-

---

[1]) Ibidem, стр. 21.

повѣди его оригинальныхъ идей. Мы имѣемъ полную возможность судить объ этихъ идеяхъ, потому что впослѣдствіи онъ написалъ сочиненіе („Начальная дверь ко христіанскому доброправію")[1]), въ которомъ, въ сжатой, конспективной формѣ, изложилъ свои лекціи. На этотъ разъ онъ вовсе отказался даже отъ платы за преподаваніе, полагая для себя достаточнымъ вознагражденіемъ сознаніе той пользы, которую будетъ приносить своими чтеніями слушателямъ[2]); столь сильна у него была потребность имѣть авдиторію для распространенія своихъ мыслей среди молодого поколѣнія!

Но и оставивъ учительскую должность, порвавъ связи съ монахами въ педагогической сферѣ, устроивъ себѣ окончательно странническій образъ жизни, Сковорода любилъ останавливаться въ монастыряхъ, находя тамъ для себя пріютъ и уединеніе и дружескую привязанность. Такъ, онъ еще разъ посѣтилъ Кіевъ и три мѣсяца прожилъ у своего родственника, настоятеля Китаевской пустыни, Іустина. Удалившись изъ Кіева, онъ поселился въ Ахтырскомъ монастырѣ у своего пріятеля архимандрита Венедикта; прекрасное мѣстоположеніе монастыря и расположеніе этого добродушнаго монаха дѣйствовали на него успокаивающимъ образомъ: тутъ онъ углублялся въ себя и предавался самопознанію[3]). По словамъ Ковалинскаго, онъ проживалъ въ слѣдующихъ монастыряхъ—старохарьковскомъ, харьковскомъ училищномъ[4]), ахтырскомъ[5]), сумскомъ[6]), святогорскомъ[7]) сеннянскомъ[8]) и, прибавимъ отъ себя, куряжскомъ[9]),

---

[1]) Ibidem, 2-е отд. стр. 183—192.

[2]) Ibidem, 1-е отд., стр. 24.

[3]) Ibidem, стр. 27—28.

[4]) При немъ козникъ коллегіумъ.

[5]) Ахтырскій Троицкій монастырь въ 4-хъ верстахъ отъ г. Ахтырки (уѣздный городъ харьк. губ.); отличается своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи только Святогорской обители.

[6]) Нынѣ упраздненный; прежде находился недалеко отъ г. Сумъ.

[7]) И нынѣ существующій.

[8]) Упраздненный, нынѣ Сеннянскій Покровскій мон. въ 7 в. отъ б. города Сѣннаго въ богодуховскомъ уѣздѣ.

[9]) О пребываніи въ этомъ послѣднемъ говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому. (Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд. стр. 103).

т. е. во всѣхъ важнѣйшихъ обителяхъ харьковской губ. Естественно, что пользуясь большимъ авторитетомъ въ глазахъ настоятоятелей и братіи и привыкнувъ всегда на всякомъ мѣстѣ высказывать свои убѣжденія, Сковорода велъ себя здѣсь такъ, какъ и въ Кіево-Печерской лаврѣ, т. е. говорилъ, что думалъ, поучалъ, проповѣдовалъ.

Съ бѣлымъ духовенствомъ у Сковороды также были постоянныя и дружескія знакомства и отношенія. Это былъ тотъ общественный слой, съ которымъ у Сковороды могло быть немало точекъ соприкосновенія. Подобно Сковородѣ, священники жили въ мірѣ, но должны были служить примѣромъ для свѣтскаго общества; это были наставники народа, руководители его въ дѣлѣ религіи и нравственности; та духовная школа, которую они проходили, должна была вызвать въ нихъ живой интересъ къ богословско-философскимъ вопросамъ, волновавшимъ Сковороду. Само собою разумѣется, что далеко не всѣмъ имъ были доступны всѣ тонкости Сковородинской христіанской философіи; но были и такіе, которые усвояли и ихъ, а большинство во всякомъ случаѣ съ глубокимъ интересомъ слушало его живое устное слово, а потомъ переходило и къ рукописнымъ трудамъ, воспринимая изъ нихъ болѣе доступное и понятное. Священники были близки Сковородѣ и по своему образу жизни: извѣстно, что онъ не былъ и не хотѣлъ быть аскетомъ; вслѣдствіе этого его долженъ былъ болѣе всего привлекать къ себѣ простой, близкій къ народному, бытъ священниковъ, гдѣ подъ часъ находили себѣ мѣсто и пирушки, приправленныя домашнею наливкою и тихою назидательною бесѣдою. Ближе другихъ стоялъ къ Сковородѣ священникъ Іаковъ Правицкій. Къ счастію у насъ есть документальный матеріалъ для характеристики ихъ взаимныхъ отношеній въ видѣ писемъ Григорія Саввича къ о. Іакову. Іаковъ Правицкій былъ священникомъ въ сел. Бабаяхъ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Харькова и принадлежавшихъ въ XVIII в. П. А. Щербинину. О. Іаковъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ со Сковородой: объ этомъ свидѣтельствуетъ дружескій тонъ ихъ переписки, встрѣчающіеся въ ней эпитеты, и, наконецъ, собственное признаніе

Сковороды. „У *друга нашего* Бабайскаго іерея Іяк. Правицкаго всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы они давно пропали". И дѣйствительно, І. Правицкій, какъ мы видѣли выше, старательно списывалъ для себя все то, что выходило изъ-подъ пера Г. С. Сковороды. Такимъ образомъ, о. Іаковъ былъ, очевидно, не только почитателемъ самого Сковороды, но и почитателемъ и читателемъ его сочиненій. Мы узнаемъ между прочимъ изъ ихъ переписки, что онъ выше другихъ ставилъ его „Марка препростаго". И конечно, вслѣдствіе этого Сковорода и посвятилъ ему одинъ изъ своихъ трактатовъ—„*Жену Лотову*", въ особомъ письмѣ, которое должно было явиться какъ бы предисловіемъ къ самому сочиненію. Посылая ему рукопись, онъ писалъ: „да наречется же сія книжечка—„Женою Лотовою"! Предисловіе же да будетъ сіе мое къ тебѣ письмо, о возлюбленный друже! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную и чистую голубицу въ даръ привожду первому и тебѣ обручаю именемъ Господа нашего Іисуса Христа"... Сія книжечка учитъ: какъ ли читать подобаетъ священное письмо. Аще ли единъ глаголъ Божій уразумѣется, тогда весь храмъ Соломоновъ есть свѣтелъ. Въ примѣръ сему взялъ я сіе: „поминайте жену Лотову", и, толкуя сіе слово, возмутилъ всю священнаго писанія купѣль. Да уразумѣютъ спящіи на Библіи или, съ Павломъ сказать, „почивающіи на законѣ", яко не многочтеніе дѣлаетъ насъ мудрими, но многожваніе принудило сказать сіе: „какъ сей вѣсть книги не учився?" и да познаютъ, яко „единъ день въ тысящѣ" и вопреки 1000 глаголовъ Божіихъ во единомъ глаголѣ сокрывается... Все дастъ вкусъ свой, и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ, аще есмы отъ числа оныхъ! „Израиль толчаше манну въ ступахъ". Во блаженное число сихъ людей да впишетъ Христосъ всѣхъ насъ, желаю". Для того, чтобы оцѣнить ту степень довѣрія, какую оказывалъ Сковорода къ Правицкому, слѣдуетъ вспомнить, что „Жена Лотова" посвящена критикѣ священнаго писанія и заключаетъ въ себѣ рядъ положеній, которыя не гармонируютъ со строго-ортодоксальнымъ направленіемъ религіозной мысли. И въ другихъ письмахъ Г. С. Сковорода излагалъ Правицкому свои задушевныя воззрѣнія и убѣж-

денія, которыя стояли въ органической связи съ основами его ученія, развитыми въ писаныхъ его сочиненіяхъ. Въ доказательство приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ писемъ. Сказавъ, что Ковалинскій, вѣроятно, утонулъ въ глубочайшихъ волнахъ службы, Сковорода прибавляетъ: „о міръ, несчастнѣйшее море, кипящее страстями! Счастливъ, кто, подобно Петру, исторгается изъ этихъ волнъ! Поэтому станемъ избѣгать міра, оставаясь въ покойной гавани и всматриваясь въ коварства міра. Міръ есть алчность, честолюбіе, чувственное удовольствіе“. Въ другомъ письмѣ онъ является преданнымъ сыномъ Христовой философіи. „Кто знаетъ Христа, говоритъ онъ, то не важно, если онъ прочаго не знаетъ; а кто Христа не знаетъ, то не важно, если онъ прочее знаетъ. Всѣ въ самихъ себѣ видятъ смерть, а мы воскресеніе. Что бо есть любезнѣе на небеси или на землѣ точію поучатися святынѣ? Въ сей единой да живу и умираю. По малу малу отходимъ отъ тѣни плотскія, яже есть блаженная и вседневная смерть, и приближаемся ко Господу, иже есть святыня, кефа и воскресеніе наше“. Въ третьемъ онъ, поздравляя съ *новымъ* годомъ, призываетъ къ *возрожденію сердца*. „Аще кто не имѣетъ новаго сердца, говоритъ онъ, тому весь міръ есть ветха ветошь.—Аще чіе сердце мучится и страдаетъ, тому весь годъ безъ праздника. Аще чій духъ оледенѣлъ, тому весь годъ безъ весны. Аще чій смыслъ мертвый, тотъ весь вѣкъ безъ живота. О любезный мой друже Іакове! Изблюймо ветхій квасъ мырскій! Стяжимъ новое сердце! Облещимся во одежду новыя нетлѣнныя надежды, во утробу братолюбія! Тогда нами вся тварь просвѣтится, весь мыръ возыграетъ и воскачетъ. Буде намъ всякъ день великъ день, не зайдетъ солнце намъ и луна не оскудѣетъ намъ. Мы же наречемся языкъ святъ, люди обновленія. Благое сердце, любовь, Богъ, правды солнце, всю тварь весною новотворящее, есть тожде“. Въ четвертомъ письмѣ, въ виду тяжкой болѣзни, постигшей Христину (жену Іакова), Сковорода утѣшаетъ своего друга и тутъ же излагаетъ свой взглядъ на смерть, вполнѣ гармонирующій съ тѣми воззрѣніями на этотъ предметъ, какія встрѣчаются въ его сочиненіяхъ. „Аще уже веста отъ одра, пишетъ онъ о

Іакову, любезная наша Христина, радуюся всѣхъ насъ ради. Аще же воскрылилася въ мыръ первородный, отнюду же пріиде въ нижній, радуюся ея ради, насъ же ради возмущюся, якоже оставляетъ насъ въ сей плачевной юдоли". Въ латинскихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ свящ. Правицкому, мы находимъ также мысли и сужденія, стоящія въ прямой органической связи съ извѣстнымъ уже намъ міросозерцаніемъ Сковороды. „Все проходитъ, говорится въ стихотвореніи; сердцемъ вѣченъ человѣкъ. Чистое сердце въ любви пребываетъ, а любовь въ немъ остается. Любовь—это Богъ; отсюда вѣченъ человѣкъ. О люди! Зачѣмъ вы удивляетесь океану, зачѣмъ звѣздамъ? Идите, къ себѣ вернитесь, себя познайте: довольно этого! Божественный голубь вѣщаетъ: все является изъ глубины возвышеннаго сердца, все послѣ смерти вновь получаетъ начало. Такъ зерно вновь обращается въ солому; такъ оно скрывается въ землѣ. Чего ты боишься смерти?" Въ другомъ стихотвореніи читаемъ: „Все проходитъ, но любовь остается послѣ всего; все проходитъ, но не Богъ и не любовь. Все—вода. Друзья! Зачѣмъ вы надѣетесь на воды? Все—вода, но гавань будетъ другомъ. На этомъ камнѣ основана вся церковь Христова. Да будетъ она намъ и камнемъ, и скалою". Григорій Саввичъ обращался впрочемъ во всѣхъ этихъ письмахъ не къ одному І. Правицкому, а къ цѣлому кружку его добрыхъ знакомыхъ, сочувственно и доброжелательно относившихся къ ихъ общему пріятелю „старчику Сковородѣ". Кружокъ этотъ состоялъ въ дружеской перепискѣ и съ ученикомъ Сковороды М. И. Ковалинскимъ. „Что не пишетъ ли чего Михайло ко мнѣ? спрашивалъ Сковорода у Правицкаго. „Что замолчалъ *нашъ* Михаилъ? И не пишеть, и не присылаетъ ни очковъ, ни скрыпочки", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. „Сыръ *нашего* Михайла гдѣ то застрялъ, очки которыя мнѣ не по глазамъ, я подарилъ Іосифу. Въ обоихъ письмахъ онъ обѣщаетъ большую флейту. Когда она будетъ—мнѣ неизвѣстно. О еслибы помимо всего остальнoго онъ самъ вернулся къ намъ!... О несчастный человѣкъ! Онъ потерялъ единственнаго семилѣтняго сына... Посмотри, какъ міръ въ началѣ льститъ, а подъ конецъ терзаетъ, точно

тигръ. Дорога міра мнится человѣку блага быти", читаемъ мы въ 3-мъ письмѣ. Г. С. Сковорода всегда въ своихъ письмахъ къ Правицкому передавалъ привѣтствія ихъ общимъ друзьямъ—священникамъ сосѣднихъ селеній. „Отцу Василію, отцу Еустаѳію, отцу Гуслистѣ отъ мене лобызаніе искреннее. О Наеманъ, (Наеманъ Петровичъ—повидимому священникъ сосѣдняго сел. Жихоря), и тебе, друже мой, тутъ же духомъ истины лобызаю, да пребудете вы мнѣ и я вамъ во вѣки искреннимъ почитателемъ и другомъ",—съ такимъ привѣтствіемъ обращается Григорій Саввичъ къ своимъ друзьямъ. „Наеману Петровичу миръ и благословеніе и всѣмъ собратіямъ нашимъ іереямъ. Цѣлуйте также духовную матерь мою игуменью Марѳу. Писать облѣнился къ ней. Богъ мира да будетъ со всѣми нами. Аминь, Тебѣ и всѣмъ вамъ, истинный и неязыкольстивый другъ"; въ другомъ письмѣ Сковорода подписался такъ: всѣхъ васъ во Христѣ братъ". „Христосъ воскресе! Друже Наемане! Да вкусиши и ты сота воскресенія и всѣ ангелы его, всѣ! Жихорайскій съ Бабаевскимъ и съ Воскресенскимъ, со всѣмъ клиромъ своимъ"—такъ привѣтствуетъ Сковорода своихъ друзей на праздникъ Пасху. Вообще у него существовала сильная, можно сказать, непреодолимая потребность духовнаго единенія съ о. Іаковомъ и его друзьями. Вотъ любопытное признаніе самого Сковороды. „Ни старостна лѣность, ни мракъ, ни хладъ зимній, ни неисправное перо со черниломъ, не могло мене удержать, чтобы не ублажить (gratulor, soluto, graece μακαρίζω) тебе въ новый сей годъ. Радуйся въ новый годъ! Да радуется и весь домъ твой и вся, елика суть твоя! Да радуется (имя стерто) и Еустафій, и Іоаннъ съ Наеманомъ. Да возвеселятся Бабаи со всѣми своими отраслями, селами! Да возрадуются и горы ваши и рѣки да восплещутъ руками! Да обновляется и вся тварь, обстоящая васъ. Молюся". И затѣмъ слѣдуетъ аллегорическое толкованіе Новаго года (какъ новаго сердца). О. Іаковъ и его друзья, сосѣдніе священники, были друзьями и братьями Сковороды „во Господѣ" (какъ онъ самъ выражается), т. е. по духу, по внутреннему родству; они раздѣляли, слѣдовательно, его убѣжденія, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, въ

нѣкоторыхъ положеніяхъ. И самъ Г. С. Сковорода отчасти намекаетъ на это, говоря, что одно письмо о. Іакова сильно порадовало его своимъ христіанскимъ духомъ. „Обрадовало душу мою любезное письмо твое, дышущее любовію и миромъ Христовымъ. Сей есть союзъ совершенства“. Но не всегда между Сковородой и Правицкимъ съ его кружкомъ существовало единеніе мыслей; подъ часъ, очевидно, Сковорода высказывалъ передъ этими іереями такія положенія, которыя смущали ихъ и вызывали оппозицію съ ихъ стороны. Сковорода въ такихъ случаяхъ не уступалъ, дѣлался рѣзокъ; въ результатѣ являлись размолвки, объ одной изъ которыхъ даетъ понятіе слѣдующее письмо Сковороды. „Возлюбленный во Христѣ братъ Іаковъ. Да будетъ съ тобою тотъ миръ, который превыше всякаго разума. Прости меня, если я тебя въ чемъ оскорбилъ, когда гостилъ у васъ. Ты знаешь, что я вспыльчивъ, но знаешь вмѣстѣ съ тѣмъ, что я отъ природы кротокъ и человѣченъ, а кротость главное достоинство человѣка. Добрый, т. е. истинный человѣкъ, всегда являетъ доброе изъ сокровищницы добраго сердца. Несмотря на это, многіе изъ моихъ друзей готовы сейчасъ же язвить меня, какъ только я вздумаю смягчить ихъ бѣшенство, и не думаютъ, что я дѣлаю это изъ пріязни къ нимъ, ибо искренно человѣческое серце и умъ отнюдь не можетъ желать людямъ злого. Также и я, если случайно когда разгорячусь или надоѣмъ, то это дѣлаю не изъ зложелательства, но *потому, что по правдивости своей считаю грѣшнымъ согласиться съ ложью или бороться противъ истины*: какъ лѣченье бываетъ не всегда пріятно, такъ и истина часто бываетъ тягостна. И никто не можетъ постоянно соединять полезное съ пріятнымъ; но забудемъ взаимныя обиды и примиримся. Подчеркнутая мною фраза не оставляетъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о какихъ либо личныхъ прекаканіяхъ и ссорахъ, а о разногласіи мнѣній, при чемъ Сковорода, по правдивости своей, не стѣснялся откровенно передъ друзьями своими высказыват такія мысли, которыя имъ не нравились. Эту черту Сковороды мы уже отмѣтили выше со словъ Ковалинскаго; теперь же только прибавимъ, что къ этому приводилъ его и сильно развитой у

него духъ прозелитизма: глубоко продумавъ свою религіозно философскую систему, онъ еще укрѣпилъ ее въ себѣ чувствомъ; и понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, у него являлось страстное желаніе распространять ее въ обществѣ. Вотъ почему онъ такъ стремился пріобрѣтать себѣ друзей, хотя дѣлалъ это съ большимъ разборомъ, руководствуясь при выборѣ ихъ преимущественно своимъ личнымъ впечатлѣніемъ, тѣмъ внутреннимъ голосомъ, къ которому онъ постоянно прислушивался и который его почти никогда не обманывалъ.

Мы объяснили размолвку Сковороды съ Правицкимъ тѣмъ, что они не сошлись во взглядахъ на извѣстные религіозно-философскіе вопросы. Подтвержденіемъ этого можетъ служить другой аналогичный случай, съ подобною же подкладкой. О. Іакову Правицкому до такой степени пришелся не по мысли трактать его пріятеля *„Израильскій Змій“*, что онъ отказался отъ списка его, сдѣланнаго собственноручно Григоріемъ Саввичемъ. Такъ говоритъ этотъ послѣдній въ писмѣ къ М. И. Ковалинскому. „Іаковъ мой къ сей моей дщерѣ простудился (остылъ), замаравъ въ ней и мое и кому поднесена имя (а она поднесена Тевяшову). Откуду сіе? Не вѣмъ. Сего ради пересылаю къ тебѣ, другу, сей для него списанный списокъ. Уживай лутче его себѣ сію твоего Лиценціата душу“ [1]). Сковорода заявляетъ (и по всей вѣроятности совершено искренно), что онъ не знаетъ, почему охладѣлъ Правицкій къ этому трактату; но мы теперь, принимая во вниманіе его содержаніе и имѣя свѣдѣніе о томъ, что Правицкій зачеркнулъ въ рукописи и имя автора ея, и фамилію Тевяшова, можемъ указать эту причину: Бабаевскій священникъ испугался нѣкоторыхъ смѣлыхъ взглядовъ и рѣзкихъ выраженій въ немъ и потомъ „простудился къ этой дщери“ своего друга. А другу, при его искреннемъ убѣжденіи въ истинѣ и пользѣ проводимыхъ имъ взглядовъ, и въ голову не могли прійти цензурныя соображенія, такъ какъ друзьямъ онъ привыкъ открывать всѣ свои задушевныя мысли. Впрочемъ, и это охлажденіе было временное, и скоро между

---

[1]) Молодыкъ на 1844-й годъ, стр. 232.

друзьями снова установились прежнія отношенія. Письмо Сковороды къ Ковалинскому относится къ 1790 году, а мы имѣемъ другое письмо его 1792 г. (5 января), въ которомъ онъ писалъ: „возлюбленный друже и брате во Христѣ Іакове! Радуйся съ любезною Христиною и со чады въ новый сей годъ! О Боже! Ей! Мнѣ давно скучно, что съ вами не бесѣдую. Аще въ сію зиму или весну не совлеку моего тѣлеснаго бреннаго линовища (exuvium), потщуся видѣти васъ и насладитися бесѣдою во Христѣ, иже мя вѣсть и азъ его... Нынѣ же голубиными любви крилами васъ посѣщаю. Прости, любезный, что на твое и на твоего чада письмо не отвѣтствовалъ. Сердце во истину желаетъ, но старость и лѣность есть студенокровна. Пишу видь къ вамъ, обаче боленъ. Благословенъ Богъ мой. Егда немоществую, тогда силенъ есмь съ Павломъ. Болѣзнь моя есть старость, токъ кровный и огневица, не столь изъ невоздержныя, какъ изъ несродныя пищи. Шуія часть моя угризаетъ мя, а часть благая во бокахъ дому моего, Сарра моя, поглождаетъ... О discors—concordia rerum! Удивися разумъ твой отъ мене. Пришли, друже, Златоустаго рѣчь о томъ, что человѣкъ есть всея библіи конецъ и центръ и гавань. Онъ жертва, алтарь, Ѳиміамъ и вся протчая... Нынѣ васъ поручаю съ возлюбленною Христиною и со чадами Богу Авраамію и пребываю, любезный друже, вамъ всеусерднымъ старчикъ Григ. Сковорода. Изъ этого письма ясно видно, что Сковорода и Правицкій оставались друзьями по духу и братьями во Христѣ“. Не только самъ Правицкій писалъ письма къ Сковородѣ, а и его сынъ, воспитанный, очевидно, отцомъ въ уваженіи къ старчику Варсавѣ. Не даромъ и этотъ послѣдній проситъ у о. Іакова сочиненія Іоанна Златоустаго; это также указываетъ на сходство ихъ литературныхъ вкусовъ: Правицкій имѣлъ у себя въ библіотекѣ труды этого церковнаго писателя, котораго особенно уважалъ и любилъ Сковорода. Самъ Сковорода объясняетъ намъ, почему ему такъ сильно хотѣлось видѣться съ Правицкимъ — *онъ желалъ насладиться съ нимъ бесѣдою во Христѣ*, и самое содержаніе его письма (о противоположности плоти и духа) на-

ходится въ полномъ соотвѣтствіи съ основною мыслью его богословско-философской системы.

Въ такомъ родѣ, очевидно, были отношенія Сковороды и къ другимъ его пріятелямъ изъ среды бѣлаго духовенства, хотя о нихъ мы не имѣемъ уже подробныхъ данныхъ. Здѣсь намъ слѣдуетъ назвать свящ. Ѳ. Залѣсскаго, который переписывался со Сковородой и у котораго было собраніе его сочиненій. Объ этой перепискѣ свидѣтельствуетъ письмо его сына къ Изм. Иван. Срезневскому, напечатавшему недавно передъ тѣмъ въ „Утренней звѣздѣ" свои „отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ". Извѣстно [1]), какъ Из. Ив. Срезневскій интересовался личностью Г. С. Сковороды; извѣстно, какъ добросовѣстно онъ собиралъ о немъ всякіе матеріалы и живыя преданія. И вотъ, въ числѣ другихъ лицъ онъ обратился между прочимъ въ 1836 г. и къ священнику Михаилу Залѣсскому, отецъ котораго былъ искреннимъ почитателемъ украинскаго философа. Въ отвѣтъ на это письмо Мих. Залѣсскій прислалъ нѣчто въ родѣ своихъ воспоминаній о Сковородѣ; на разборѣ ихъ мы остановимся еще впослѣдствіи, а теперь приведемъ только начало. „Прочитавши почтеннѣйшее письмо ваше, пишетъ о. Мих. Залѣсскій, 13 числа сего мая мною полученное, сейчасъ бросился прочитать въ „Утренней звѣздѣ" отрывки о Сковородѣ, потомъ цѣлый день рылся въ письмахъ отца моего, зная одно къ нему письмо его по надписи на латинскомъ языкѣ Grigorius Var Savin, Григорій сынъ Савинъ Сковорода (въ коемъ разсуждалъ что то о священномъ писаніи), не сыщу ли онаго или другихъ его же пера, но къ сожалѣнію не сыскалъ никакого [2])". Изъ дальнѣйшаго содержанія письма оказывается, что знакомство Сковороды съ Залѣсскимъ началось еще со времени пребыванія обоихъ ихъ въ Кіевѣ, въ Духовной Академіи. Сковорода, говоритъ Залѣсскій-сынъ, знакомъ былъ съ отцомъ моимъ еще въ Кіевѣ, почему весьма часто изъ Рябушекъ (селенія, гдѣ гостилъ у

---

[1]) Сочиненія Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 129—130.

[2]) Письмо о. Мих. Залѣсскаго къ Изм. Ив. Срезневскому 1836 г 15 мая изъ Лебедина; оно не было напечатано; за присылку приносимъ сердечную благодарность Вс. Изм. Срезневскому.

мѣстныхъ помѣщиковъ Красовскихъ) посѣщалъ моего отца и иногда гостилъ по мѣсяцу, ибо отецъ мой познакомилъ его и съ Красовскими... Отецъ мой разсказывалъ мнѣ про него, что онъ былъ по лѣтамъ, ученія своего сотоварищъ бывшему кіевскому митрополиту Самуилу (Миславскому), у коего отецъ мой въ тоже самое время, когда Самуилъ былъ еще архимандритомъ и преподавалъ въ академіи богословіе, былъ домовымъ писцомъ и академическимъ письмоводителемъ, что Самуилъ, будучи уже митрополитомъ, писалъ къ Сковородѣ письма, приглашая его къ себѣ, чтобъ жить съ нимъ, какъ съ другомъ вмѣстѣ, но онъ отвергъ его прошеніе гордымъ и грубымъ отвѣтомъ". Можно предполагать, что гордый и грубый отвѣтъ Сковороды на приглашеніе Самуила Миславскаго (если таковое дѣйствительно имѣло мѣсто) состоялъ просто въ рѣшительномъ отказѣ его принять монашество. Такимъ образомъ, и тутъ Сковорода остался вѣренъ себѣ, своимъ взглядамъ. Отвѣчая категорическимъ отказомъ, онъ не боялся оскорбить высокаго іерарха, ибо обращался въ лицѣ его къ своему однокашнику, товарищу по академіи, можно сказать, другу юности, но само собою разумѣется, что постороннимъ его отвѣтъ могъ показаться и гордымъ. Какъ бы то ни было, о. Ѳед. Залѣсскій, очевидно, очень уважалъ своего стараго друга Григорія Саввича, принималъ его у себя, велъ, конечно, бесѣды о христіанской философіи и съ 1762—1763 года сталъ собирать его сочиненія. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что среди нихъ мы встрѣчаемъ и такое критическое сочиненіе, какъ „*Израильскій змій*". Быть можетъ, собирателю принадлежитъ и стихотворная приписка на обложкѣ, взятая изъ сочиненія Сковороды „Борьба архистратига Михаила съ сатаною". У Хиждеу напечатанъ отрывокъ одного письма Сковороды къ свящ. о. Ѳедору Залѣсскому слѣдующаго содержанія: „Согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ разгорается огонь, ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца, и не для того только, чтобы говорить, или чтобы не молчать. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, коль Минерва моя не велѣла бы мнѣ говорить и, коль наболталъ много, amore recipiendum est, quod amore donatur. А

любо бы тебѣ узнать, кто моя Минерва и отколь взялъ ее? Прочитай, когда на память не заучилъ, что Цицеронъ говоритъ: nec vero ille artifex, cum faceret formam Minervae, contemplabatur aliquam, e qua similitudinem duceret, sed ipsius in mente insidebat species pulchritudinis eximia, quam intuens in eaque defixus, ad illius similitudinem artem et manum dirigebat“ [1]). Мы думаемъ, что слогъ этого письма подправленъ, но что оно все таки принадлежитъ Сковородѣ. Въ пользу подлинности его говорятъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія соображенія: 1) то, что Сковорода велъ переписку съ о. Θед. Залѣсскимъ; 2) самое *содержаніе* письма: Сковорода любилъ говорить о Минервѣ и представлялъ ее именно такъ, какъ она изображена здѣсь у него словами Цицерона; 3) дата его: оно написано въ Обуховкѣ, въ 1763 г., 10 декабря; а извѣстно, что именно въ это время Θед. Залѣсскій сталъ собирать творенія Сковороды.

Этими лицами однако далеко не исчерпывался кругъ сношеній Сковороды съ бѣлымъ духовенствомъ; было, очевидно, множество другихъ священниковъ, съ которыми онъ также былъ въ перепискѣ или въ личныхъ дружественныхъ связяхъ. Въ пользу такого предположенія говорятъ апріорныя соображенія—широкая популярность Сковороды въ Украйнѣ, какъ философа, странника и чудака, еще болѣе возраставшая отъ того, что въ немъ, въ его лицѣ сосредоточивались, главнымъ образомъ, всѣ высшіе, духовные интересы того времени; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и апостеріорныя данныя—отрывочныя указанія на дружескую переписку и личныя отношенія съ нѣкоторыми духовными особами; такъ напримѣръ, когда онъ былъ еще преподавателемъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, то у него былъ другъ, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ, какой то священникъ о. *Борисъ*. У этого о. Бориса жилъ на квартирѣ Ковалинскій, и Сковорода въ одномъ письмѣ изъ Бѣлгорода къ этому послѣднему прямо говоритъ: „haec praeter hospitem tuum p. Borissum nemini vulgabis. Scis enim invidiosissimum esse ac mendacissimum vulgus homimum“ [2]). Изъ цитированнаго нами выше письма свящ. Мих.

[1]) Телескопъ, 1835, ч. XXVI, стр. 154.

[2]) Соч. Г. С. Сковороды, 1-е отд., стр. 58.

Залѣсскаго къ Изм. Ив. Срезневскому видно, что Сковорода велъ переписку и съ преподавателями бѣлгородской семинаріи и, что самое важное для насъ, опять таки излагалъ тутъ не стѣсняясь свои взгляды на вопросы религіи, хотя эти взгляды шли въ разрѣзъ съ общепринятыми въ церкви мнѣніями. „Я, пишетъ о. Михаилъ, продолжая въ Бѣлгородѣ съ 1790 по 1798-й годъ ученіе, читалъ его, Сковороды, нѣкоторыя письма на латинскимъ языкѣ къ тамошнимъ протоіереямъ, каѳедральному отцу Іоанну *Ильинскому* и префекту семинаріи и учителю богословія Ивану Трофимовичу *Савченкову*. Сей Савченковъ намъ, ученикамъ своимъ, читалъ оныя письма и однажды публично въ классѣ съ сожалѣніемъ, что Сковорода подъ старость (ибо тогда еще живъ онъ былъ) впалъ въ заблужденіе, явно не хранилъ ни постовъ, ни обрядовъ христіанскихъ, не ходилъ въ церковь, а наконецъ и не пріобщался, и когда ему при смерти его предложили пріобщиться Таинъ, онъ не захотѣлъ, сказывая, что это не нужно для него. Въ письмахъ тѣхъ къ Савченкову и Ильинскому называлъ онъ посты и таинства хвостами, кои должно отъ вѣры отсѣчь. Это свидѣтельство чрезвычайно важно, но оно требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ и поясненій. Мы не сомнѣваемся, что Сковорода писалъ такія письма названнымъ выше лицамъ, ибо въ томъ, что говоритъ о. Мих. Залѣскій, мы видимъ не только мысли Сковороды, но и его любимое выраженіе—что обряды есть нѣчто второстепенное въ религіи—не глава, а хвостъ; едва ли только онъ говорилъ о необходимости отсѣченія этого хвоста [1]); тутъ, очевидно, Мих. Залѣсскій или не понялъ подлинныхъ выраженій Сковороды, или запамятовалъ ихъ (что впрочемъ и понятно: съ того времени, когда онъ слышалъ ихъ, до написанія письма И. И. Срезневскому прошло болѣе 40 лѣтъ!). Любопытно, что Савченковъ читалъ получае-

---

[1]) Вотъ относящееся сюда мѣсто въ его „Начальной двери ко христіанскому добронравію". Характеризуя разницу между закономъ Божіимъ и человѣческими преданіями, онъ говоритъ: „сколько предверіе отъ алтаря и хвостъ отъ головы, столь далече отстоитъ преданіе отъ закона. У насъ почти вездѣ несравненную сію разность сравнивали". Здѣсь рѣчь идетъ только о превосходствѣ закона надъ преданіемъ, вѣры надъ ея формой, а не объ исключеніи этой послѣдней.

мыя имъ отъ Сковороды письма въ классѣ своимъ ученикамъ, вѣроятно, съ назидательною цѣлью, какъ письмо „любомудра", но одинъ разъ долженъ былъ вооружиться противъ автора ихъ, хотя, какъ намъ кажется, слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ обличеніяхъ противъ „старчика Сковороды", тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній тогда лежалъ уже въ могилѣ и не могъ ничего возразить противъ тѣхъ обвиненій, которыя съ особенною силою раздались послѣ его смерти, исходя отъ обличаемыхъ имъ противниковъ. Мы видѣли, что въ дѣйствительности Сковорода передъ смертью исповѣдывался и пріобщался, хотя сдѣлалъ это по просьбѣ друзей.

Д. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ МОЕГО ДАВНОПРОШЕДШАГО [1].

Изложивши, на основаніи письменныхъ документовъ и разсказовъ близкихъ мнѣ лицъ, все, что касается моей семьи, мнѣ приходится теперь перейти къ собственному давнопрошедшему, къ періоду моего дѣтства, и, руководствуясь при этомъ исключительно одними воспоминаніями, сообщать одни часто безсвязные отрывки, случайно уцѣлѣвшіе въ моей сѣдой головѣ и нестертые массою воспринятыхъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ въ разныхъ частяхъ Русскаго Царства и во всѣхъ почти государствахъ западной Европы впечатлѣній.

Первые годы моей жизни, какъ и у каждаго человѣка, представляются мнѣ теперь въ густомъ, непроницаемомъ туманѣ. Безъ сомнѣнія, мое появленіе на свѣтъ доставило много радостей и моимъ родителямъ, и всѣмъ окружающимъ меня. Старшій братъ мой, онъ же крестный мой отецъ, былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, внѣ семьи. Онъ уже перешелъ въ это время въ пятый классъ черниговской гимназіи и принималъ характеръ молодого человѣка. Отца и мать окружали восемь дочерей, начиная съ старшей сестры моей Надежы 18-ти лѣтъ; они давно жаждали имѣть сына, признавая дочь—„чужою корыстью". Такой взглядъ подтверждается реальными фактами: старшая сестра съ дѣтьми уѣхала въ Казань, а слѣдующая за нею перебралась на жительство съ мужемъ докторомъ и дѣвочкою Лизою—въ Нѣжинъ. Богъ не благословлялъ родителей моихъ носителями ихъ фамиліи: сыновья Матвѣй и Митрофанъ умерли

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г, № 5.

маленькими, а Костя родился мертворожденнымъ. Но вотъ, молитвы родителей моихъ были услышаны, и Богъ послалъ имъ сына въ 3 часа дня. Въ это время мой дядя занималъ уже высокое служебное положеніе въ Москвѣ и взялъ за женою въ приданое чуть ли не милліонъ рублей. По имени его и назвали меня при крещеніи.

Рожденіе пятнадцати дѣтей, какъ нужно думать, подорвало физическія силы матери моей. Она не могла кормить меня своимъ молокомъ, почему взята была мнѣ съ хутора кормилицею Ганна, жена крѣпостного матери моей, получившаго на хуторѣ фамилію Косого. У Ганны въ то время родился сынъ Юхимъ, который и явился моимъ молочнымъ братомъ. Мамка кормила въ одно время и меня, и своего сына, который, поэтому, явился ближайшимъ товарищемъ всего моего дѣтства. Сестры мои были переведены на жительство къ теткѣ въ старый дворъ. Онѣ являлись въ новый домъ пить кофе, чай, обѣдать, ужинать. Часто мать оставляла ихъ при себѣ и въ теченіе дня „для помощи", варить варенье, ухаживать за цвѣтами, сушить фрукты, распоряжаться по хозяйству и т. п. Тетка жила въ своей комнатѣ, чуждалась всего, искала уединенія, молилась Богу и вязала чулки чуть ли не на всю семью. Особыя заботы обо мнѣ, кромѣ матери и Ганны, принимала сестра Надя, которой я досаждалъ своими капризами больше всѣхъ. Черезмѣрныя заботы обо мнѣ всѣхъ окружавшихъ развивали въ моемъ характерѣ упрямство. Какъ кажется, отецъ началъ интересоваться мною, когда мнѣ исполнилось пять лѣтъ. Онъ меня сажалъ на свое колѣно и, подталкивая имъ, возилъ ко всѣмъ знакомымъ. Мнѣ живо помнится, какъ, сидя у него на колѣнѣ, я бралъ его за усы и приговаривалъ; „но, косю, но"!.. Или, бывало, возьмемъ мы съ Юхимомъ тихонько чубуки въ гостинной, сядемъ на нихъ верхомъ и скачемъ по всѣмъ комнатамъ. Третьимъ товарищемъ нашимъ былъ Олексій, сынъ повара Гришки, тоже крѣпостного моей матери. Водворившись въ Рогозкахъ, онъ женился на хуторской дѣвушкѣ Домнѣ, которая приготовляла прекрасные крендели, пироги, сдобныя булки, а на страстной недѣлѣ пекла въ пекарнѣ стараго двора папушники. Приготовленіе папушниковъ

начиналось съ перваго дня страстной недѣли и составляло особое въ домѣ событіе: и матушка, и старшія сестры проводили цѣлые дни за приготовленіемъ тѣста. Кухня бабушки обращена была въ ткацкую, гдѣ ткали полотна и, главнымъ образомъ, ковры. Ткацкіе станки и всѣ принадлежности ткацкой переносились на это время во вторую половину зданія, которая при бабушкѣ играла роль людской, т. е. гдѣ помѣщалась ея дворня. Со смертью бабушки эта половина обращена была для разведенія песцовъ (пушистыхъ кроликовъ), изъ пуха которыхъ вязались для семьи теплые головные платки, чулки, носки и перчатки. Всю страстную недѣлю никто изъ мужчинъ не имѣлъ права входа въ ткацкую: она являлась царствомъ женщинъ, при чемъ первая роль принадлежала Домнѣ. Въ свои помощницы она брала Василису, горничную сестеръ, или Стеху, горничную въ новомъ дворѣ.

Съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней я пропадалъ съ товарищами Юхимомъ и Олексіемъ въ саду; мы играли „у кони", „у мьяча", переходили изъ саду въ сосновый лѣсъ за „ровчакомъ", пробирались къ сажалкѣ, на поставникъ, на новый огородъ съ копанками, который охранялъ въ своей будкѣ изъ соломы старый Иванъ. Здѣсь, у Ивана, намъ была „лахва", раздолье. Въ его распоряженіи была и клубника, и малина, и агрусъ [1]), и смородина, и всякіе плоды земные. Одна часть новаго огорода ближе къ лѣсу была занята молодыми фруктовыми деревьями: вишнями, черешнями, яблоками, грушами. Фрукты въ саду сдавались въ аренду „русскимъ" изъ Добрянки, т. е. старовѣрамъ. Для дому было оставлено нѣсколько деревьевъ близъ горницы.

Комнаты въ горницѣ обыкновенно занимались временно въ лѣтніе мѣсяцы сестрами. Въ старомъ домѣ было нѣсколько душно и тѣсно. При теткѣ оставались лѣтомъ двѣ старшія сестры. Собственно говоря, горница была выстроена для гостей. Здѣсь обыкновенно помѣщались лѣтомъ братъ-гимназистъ съ какимъ-нибудь товарищемъ; здѣсь устраивалось помѣщеніе и для

---

[1]) Крыжовникъ.

учителей гимназіи, пріѣзжавшихъ изъ Чернигова погостить къ родителямъ на мѣсяцъ другой. Въ моей памяти сохранились личности почтеннѣйшаго Іануарія Михайловича Невѣрова, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе возобновить знакомство 40 лѣтъ спустя въ Тифлисѣ въ бытность его попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, а также учителя русскаго языка Лузганова, который собиралъ насъ всѣхъ вокругъ себя въ бесѣдкѣ, увитой персидскою лозкою, и декламировалъ стихотворенія. Мнѣ памятно хорошо, какъ онъ выучилъ меня декламировать Бородино и какъ, бывало, поставитъ меня на обѣденномъ столѣ и заставитъ произносить стихи съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ къ намъ переѣхалъ на постоянное жительство братъ матери Алексѣй Васильевичъ, оставивши свои богатыя имѣнія въ воронежской губерніи въ распоряженіе старшаго своего брата, тоже холостяка, Михаила. Личность дяди Алексѣя заслуживаетъ особаго вниманія съ психической стороны. По окончаніи Московскаго пансіона, онъ поступилъ въ гвардію и, какъ богатый и свѣтски образованный человѣкъ, вращался въ высшемъ аристократическомъ кругу. Шумная жизнь, вино, псовая охота и, главное, женщины разстроили въ конецъ его нервную систему. Въ чинѣ ротмистра онъ вышелъ въ отставку и причислилъ себя къ числу великихъ грѣшниковъ. Будучи убѣжденъ, что его мучитъ „злой духъ“, онъ съ утра до вечера былъ постоянно на ногахъ, переходилъ изъ комнаты въ комнату и заявлялъ всѣмъ, что лишенъ сна и испытываетъ душевныя муки. Онъ помѣщался до самой своей смерти, т. е. около 25-ти лѣтъ, въ кабинетѣ новаго дома. Обладая большими знаніями, слѣдя за политикою по Московскимъ Вѣдомостямъ и Сѣверной Пчелѣ, которыя отецъ мой постоянно выписывалъ, принимая участіе въ бесѣдахъ, интересуясь всякими новостями, онъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что его мучитъ день и ночь „злой духъ“. Переходя изъ комнаты въ комнату, Алексѣй Васильевичъ постоянно восклицалъ: „злый духъ мучитъ“! Эти восклицанія онъ произносилъ постоянно и въ теченіе ночи, что удостовѣряли всѣ, кому приходилось спать въ сосѣдней комнатѣ. Никакія убѣжденія, ника-

кіе доводы не могли разубѣдить его въ томъ, что „злого духа" вовсе не существуетъ, что онъ грѣшилъ на свѣтѣ столько, сколько каждый грѣшитъ, что его можно признать скорѣе праведникомъ. Всѣ доводы онъ отвергалъ, заявляя каждому, что присутствіе въ себѣ злого духа онъ чувствуетъ такъ же, какъ и присутствіе въ организмѣ его сердца, легкихъ, желудка, что злой духъ постоянно съ нимъ, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, побуждаетъ его находиться въ движеніи, какъ вѣчнаго жида. Помимо указанной маніи, Алексѣй Васильевичъ былъ вполнѣ нормальнымъ человѣкомъ, отличался хорошею памятью, любилъ общество, интересовался новостями, отличался большою аккуратностью. Сколько помню, изъ дома онъ никогда не выѣзжалъ никуда. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ страстный охотникъ съ борзыми, а поэтому всегда любилъ говорить объ охотѣ. Пребываніе его въ нашемъ домѣ не только никого не тяготило, но было даже желаннымъ для всѣхъ. Старшій братъ его Михайло высылалъ по временамъ отцу моему небольшія суммы изъ доходовъ отъ имѣнія брата на его содержаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что высылаемыя суммы составляли небольшую часть доходовъ изъ части имѣнія дяди Алексѣя.

Дядя и тетка, обрамляя собою нашу семью, составляли двѣ противоположности. Тетка была необыкновенно тучная, дядя—худой до крайности; она была безмолвна, онъ любилъ разсказывать, вмѣшивался во всѣ разговоры, зналъ массу анекдотовъ, часто нецензурнаго свойства, заводилъ споры; тетка избѣгала людей, даже близкихъ, искала одиночества, дядя любилъ общество; тетка относилась къ костюму своему безразлично, дядя любилъ щеголеватость; всѣ интересы семьи были чужды теткѣ, а дядя вмѣшивался во всякія мелочи. Вмѣстѣ съ этимъ, оба они страдали душою, или, выражаясь современнымъ языкомъ—нервнымъ разстройствомъ. Оба они одинаково привязывали къ себѣ всѣхъ окружающихъ необыкновенною добротою и готовностью отказываться отъ всего въ нашу пользу.

Въ центрѣ семьи моей находилась мать. Она распоряжалась всѣмъ имѣніемъ, хозяйствомъ, домомъ и всѣми членами семьи. Проживши до моего рожденія двадцат лѣтъ въ Мало-

россіи, она вполнѣ ассимилировалась съ окружающею ее средою и достаточно хорошо усвоила мѣстную рѣчь. Съ-молоду еще она знала всѣ роды самыхъ тонкихъ рукодѣльныхъ работъ. Сохранившійся у меня до настоящаго времени чехолъ на чубукъ къ трубкѣ отца, вышитый мелкимъ бисеромъ, поражаетъ своимъ изяществомъ и тонкостью работы. Въ длинные зимніе вечера, при отсутствіи гостей, семья моя изображала школу рукодѣлія. И мать, и сестры усядутся за большимъ столомъ въ столовой и работаютъ, имѣя каждый передъ собою сальную свѣчу. Та шьетъ бѣлье, другая вышиваетъ сорочки „заполочью" [1]) или мережитъ, третья гарусомъ, нанизываетъ бисеръ и пр. А въ „дивичои" старая Стеха съ Пелагеею, горничныя матери, а также молоденькія сестры Гапка и Надя, горничныя сестеръ, прядуть куделю на прялкахъ или на гребнѣ. Пелагея занимаетъ первенствующее мѣсто въ средѣ челяди, какъ стоящая ближе всѣхъ къ матери. Стеха—помощница ея; къ ней относятся нерѣдко съ презрѣніемъ и Палагія и „дивчата".

— Тымъ то тебе нихто й замижъ не бравъ, бо дурна.

Гапка и Надя горничныя сестеръ, являлись двумя красавицами. Молча онѣ не смогуть усидѣть зимній вечеръ. Большею частью имъ приходится сидѣть въ столовой за работою и распѣвать пѣсни. У нихъ былъ громадный репертуаръ народныхъ пѣсенъ. Что ни вечеръ—новая пѣсня. Обыкновенно, предъ началомъ пѣнія являются „перекоры [2])" о томъ, кому, „заводыты [3])".

— А нуте, дивчата, пропойте: „ой чы цвитъ, чы не цвитъ", заявляетъ мать.

— Нехай Гапка заводыть, замѣчаетъ Надя.

— Починай ты, отвѣчаетъ ей старшая сестра, се твоя писня, ты сама мене вывчыла іи.

Такъ, или иначе, черезъ минуту раздается хоръ:

„Ой чы цвитъ, чы не цвитъ
Калынопьку ломыть,

[1]) Цвѣтная бумага.

[2]) Споры.

[3]) Начинать.

Ой чы сонъ, чы не сонъ
Головоньку клонытъ! и т. д.

Мать моя любила пѣніе. Съ пѣснею и работа спорится. Я тоже принималъ участіе въ пѣніи чуть ли не съ пяти лѣтъ, хотя нерѣдко засыпалъ за столомъ. Въ 9 часовъ работы прекращались, и вся семья садилась за ужинъ. А дядя весь вечеръ переходитъ изъ комнаты въ комнату и про себя заявляетъ свое обычное: „злой духъ мучить!"

Мать была отличною хозяйкою. Въ кладовыхъ ея хранились громадные запасы всякаго рода продуктовъ: бочки лѣсныхъ орѣховъ, связки сушеныхъ грибовъ, боченки сушенаго гороху, бобовъ, всякихъ сортовъ варенья. Тутъ же сохранялись полотна, домашняго приготовленія ковры, прядиво[1]). Въ „выходѣ" хранились разныхъ сортовъ водки, наливки, водянки, боченки съ мочеными яблоками. Всякаго рода соленья и маринады сберегались въ ледникѣ, въ которомъ заготовлялись каждый день и молочные продукты. И кладовыя, и выходъ, и ледникъ, и амбары съ хлѣбомъ и мукою запирались на замокъ. Ключи хранились неизмѣнно у матери. Она ихъ довѣряла только старшимъ сестрамъ моимъ.

На рукахъ у матери были и деньги. Приходъ и расходъ ихъ неизмѣнно велъ въ особыхъ книгахъ дядя. Обыкновенно, послѣ захода солнца являлся къ матери съ отчетомъ и за приказаніями приказчикъ Василь, или, какъ его называли крестьяне— войтъ Василь Пилиповичъ Евхименко. Это былъ высокій, плотный и красивый человѣкъ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ моихъ родителей и нѣмымъ нерасположеніемъ крестьянъ. Усадьба его прилегала къ поставнику и была ближайшею къ господской. Старшій сынъ его Семенъ, ровесникъ моего старшаго брата, былъ отданъ мальчикомъ въ школу въ Березно, а затѣмъ парубкомъ и женатымъ человѣкомъ былъ при отцѣ въ качествѣ лакея, хотя жилъ всегда на хуторѣ въ своей семьѣ.

Отдавши отчетъ матери, войтъ съ дядею отправлялись въ кабинетъ для составленія записей. Понятно, онъ былъ состо-

---

[1]) Нитки.

ятельнымъ человѣкомъ и сумѣлъ отлично обезпечить свою многочисленную семью. Семену помогалъ въ лакейскомъ дѣлѣ впослѣдствіи и младшій братъ его Матвѣй. Василь Пилиповичъ исправлялъ должность войта чуть ли не полвѣка, до времени освобожденія крестьянъ. Ему одному извѣстны были всѣ земельныя угодья, такъ какъ отецъ мой мало вмѣшивался въ хозяйство, а мать знала земли только по имени. Войтъ распоряжался и оранкою, и посѣвами, и жнивами, и свозомъ копъ, и косовицею, и лѣсомъ. Онъ ѣздилъ каждый понедѣльникъ въ Березно на базаръ за покупками, онъ возилъ для продажи туда и зерно, и муку. Словомъ, онъ былъ главный распорядитель имѣнія и довѣренное лицо. Жалобы на него со стороны крестьянъ не могли имѣть мѣста, такъ какъ онъ всегда оставался бы правъ. Съ другой стороны, какъ умный челпвѣкъ, онъ жилъ въ ладу съ крестьянами, дѣлалъ имъ послабленія и не возбуждалъ противъ нихъ жалобъ.

Мать моя пользовалась во всемъ околодкѣ славою опытнаго врача. Рѣдкій день проходилъ, чтобы къ ней не являлись за совѣтомъ и „зиллямъ [1]“. Она лѣчила, преимущественно, травами. Три большихъ шкафа, наполненные сушеными травами и частью лекарствами изъ черниговской аптеки Цигры, занимали всѣ промежутки между дверями въ сѣняхъ. Каждому гостю, поэтому, входившему съ параднаго входа, приходилось проходить сперва аптеку матери и затѣмъ вступать въ лакейскую. Сборомъ травъ занималась въ извѣстное время года, по указанію матери, Палагія. Въ шкафахъ была и мята, и липовый цвѣтъ, и подъемъ бѣлый и желтый, и малина, и рябина, и сухая горчица, и сушеныя шпанскія мухи, и все то, чѣмъ лѣчился въ старое время народъ въ Малороссіи. Неудивительно, что мать моя была близко знакома съ народною медициною. Частая беременность поставляла ее въ необходимость прибѣгать къ народной помощи, такъ какъ медики были слишкомъ далеко. Къ матери моей обращались преимущественно бабы, принося съ собою яйца, цыплятъ, куръ, масло. Помню живо, какъ одна молодица привела съ собою сына, мальчика лѣтъ 10-ти.

[1]) Травами.

— А що у него таке? спросила мать.

— Та у него таке, що й сказать боязно: усе по хуторамъ бигае. Отце, якъ поснидае, заразъ зъ двору—и шукаемо его днивъ два-три, поки не знайдемо.

Предъ наступленіемъ 3-й четверти луны (гнильця) мать моя обыкновенно съ вечера варила медъ-самотекъ и клала въ него мелко истолченный глистникъ. На другой день рано утромъ приступала къ всеобщей раздачѣ этого лѣкарства. Первымъ получалъ дядюшка, который каждый разъ выражалъ протестъ. Мать моя ему отвѣчала: „помни, что тебя не злой духъ мучитъ, а солитеръ". За дядею принимала его мать и мы, а затѣмъ бѣлая кружка съ лѣкарствомъ передавалась повару Григорію, который обязанъ былъ дать по столовой ложкѣ лѣкарства каждому изъ дворовыхъ людей.

Мать моя была большая любительница домашней птицы и животныхъ. У насъ водилось множество павлиновъ, цесарокъ, шипуновъ, по двору расхаживалъ журавль, а въ особомъ домикѣ на 4-хъ высокихъ столбахъ водились голуби. Число ихъ достигало до 200. Зимою, обыкновенно, расчищали отъ снѣгу во дворѣ предъ окнами дома небольшую площадку, выходила сама мать сзывать голубей колокольчикомъ и кормила ихъ зерномъ. Голуби до того были ручными, что добровольно шли къ рукамъ матери и ѣли съ рукъ ея кормъ. Въ ѣду ихъ никогда не употребляли, и считалось большимъ грѣхомъ ѣсть голубя, такъ какъ въ видѣ его сошелъ на Христа Духъ Святой.

Кромѣ голубей, для матери служили потѣхою мохнатые кролики, или, какъ она называла ихъ, песцы. Они разводились въ большомъ количествѣ. Обыкновенно каждый мѣсяцъ кролика разчесывали и собирали съ него пухъ, изъ котораго приготовлялись чулки, перчатки, платки и пр.

Страсть къ птицамъ и животнымъ сохранилась у меня отъ дѣтства до послѣднихъ дней. Мать моя очень меня баловала, называя единственнымъ сыномъ, такъ какъ братъ Василь жилъ вдали отъ родного очага. Мать отличалась силою характера и въ своей личности сосредоточивала въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія имѣніемъ. Бывало, она разойдется во взглядахъ съ

отцомъ. Начнется споръ, обыкновенно оканчивавшійся полнымъ согласіемъ отца, который въ свое оправданіе всегда заявлялъ: „хочъ лыхо, абы тыхо". И дѣйствительно, онъ былъ сторонникомъ мира и спокойствія. Мать распоряжалась рѣшительно всѣмъ и часто, въ угоду отцу, посылала приглашать на вечера сосѣдей, ради будто бы именинъ или дня рожденія любимой дочери; мой день рожденія праздновался чуть ли не 10 разъ. Для насъ, домочадцевъ, особымъ праздникомъ была баня въ зимніе мѣсяцы, которая изготовлялась два раза въ мѣсяцъ. Обыкновенно пріѣзжали къ намъ на баню священникъ съ женою и дѣтьми, дьяконъ съ женою и семьи сосѣдей. Баня, дѣйствительно, была устроена роскошно и состояла изъ бани съ полками для паренія и двухъ отдѣльныхъ предбанниковъ. Полъ устилался толстымъ слоемъ соломы. Въ банѣ были котлы, которые поливались изготовленною матерью перегонною розовою или мятною водою. Въ баню шли всѣ гурьбою—и родители, и родственники, и дѣти. Выпарившись, гости направлялись къ чаю. Баня стояла въ саду вблизи дома. Къ приходу распаренныхъ съ красными физіономіями гостей, въ залѣ изготовленъ былъ большой столъ съ лакомствами. Между ними первое мѣсто занимали моченыя яблоки, какихъ я въ жизнь свою больше никогда не ѣлъ. Вечеръ продолжался обыкновенно за полночь и отличался веселостью и остротами.

Понятно, въ настоящее время рѣдко кто повѣритъ, что въ старину оба пола ходили въ баню совмѣстно. Въ дѣйствительности это было такъ. Каждый уважалъ другого настолько, что не позволялъ себѣ никакого неприличія, могущаго обидѣть.

Отецъ мой чистѣйшій типъ малороссійскаго дворянина. Онъ былъ мало подвиженъ, какъ человѣкъ тучный, отличался рѣдкою добротою сердца, любилъ сладко заснуть и вкусно поѣсть. Не смотря на множество въ домѣ комнатъ, у него не было пріуроченной въ его пользованіе. Спалъ онъ на одной кровати съ матерью не менѣе 30-ти лѣтъ; на этой самой кровати Богу душу отдалъ. Мать упрекала отца въ трехъ порокахъ: 1) страсти къ карточной игрѣ, къ преферансу, 2) страсти къ трубкѣ и 3) страсти къ Московскимъ Вѣдомостямъ. Въ карты онъ игралъ

иногда по 2 или 3 сутокъ, не обращая вниманія на финансовую сторону. Его интересовалъ больше всего процессъ игры. Если не было партнеровъ, онъ посылалъ верховыхъ къ сосѣдямъ съ приглашеніями, но не въ карты играть, а провесть совмѣстно день рожденія кого либо изъ близкихъ. Результаты игры почти всегда были печальны. Матушка увѣряла, что онъ проигралъ все ея приданное, тысячъ 60. Отецъ постоянно курилъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Трубка была обтянута мѣдною проволокою и прикрывалась проволочною крышею. Онъ покупалъ для куренія табакъ одеской фабрики „Крона-папы-Никола". Бывало, гостинная, въ которой онъ сидѣлъ и читалъ отъ доски до доски Московскія Вѣдомости, до того наполнялас табачнымъ дымомъ, что постороннему войти было трудно. У отца не было между дѣтьми любимчиковъ, онъ любилъ одинаково всѣхъ и съ каждымъ изъ насъ былъ одинаково милъ и привѣтливъ. Нерѣдко посадитъ маленькихъ сестеръ на колѣни и учитъ ихъ пѣсни:

По садыку я хожу,
Та щыпаю вышни,
Пошлы, Боже, чоловика,
Та по моій мысли:

—

Щобъ люлечки не палывъ,
Табаки не нюхавъ,
Чужихъ жинокъ не любивъ,
Мене одну слухавъ

или же:

Уси люде роботають,
Одна я гуляю;
Изъ чужого полотна
Сорочку покраю

—

Що куликъ намне,
А чайка намыче,
А ворона напряде,
А сорока вытче

или же:

И учора кулишъ,
И сегодня кулишъ,

Прыйды, прыйды, серденько,
Мою душу потишь.

—

И учора галушки,
И сегодня галушки,
Прыйды, прыйды, мое золото.
На билыи подушки
и т. д.

Меня онъ училъ рождественскія вирши:

Христосъ родывся
Иродъ скрутывся
Наполеонъ на островъ
Елену переселывся

или же:

Я маленькій хлопчикъ
Излизъ на стовбчыкъ,
У дудочку граю,
Хрыста звеселяю,
А васъ зъ празныкомъ поздравляю.

Отецъ мой былъ очень набожнымъ человѣкомъ. Имѣя въ виду, что хуторъ нашъ отстоитъ отъ приходской церкви въ с. Сахновкѣ, на разстояніи 7 верстъ, онъ испросилъ благословеніе у черниговскаго архіерея созывать въ праздникъ, на случай дурной погоды, крестьянъ и совмѣстно молиться. Рано утромъ, когда шелъ дождь или было очень грязно, отецъ распоряжался оповѣстить хуторянъ, что онъ будетъ править службу. Обыкновенно, къ сроку приходилъ Левъ Андреевичъ, въ качествѣ хора пѣвчихъ. Въ большой залѣ уставлялся въ углу столикъ, въ видѣ аналоя, на немъ клалось кипарисовое распятіе и освященная вода въ суповой чашкѣ. Народа собиралось такое множество, что была давка. Въ видахъ очистки воздуха двери и окна были открыты настежь. Въ толпѣ были старые, молодые, дѣти и отроки. Отецъ вступалъ въ роль священника, Левъ Андреевичъ—хоръ пѣвчихъ. Дѣтскій крикъ нерѣдко заглушалъ служеніе. По окончаніи, отецъ давалъ съ рукъ цѣловать крестъ и окроплялъ каждаго святою водою, а также вручалъ по просфирѣ, выписанной изъ Сахновки. Народъ обожалъ отца за церковнослуженіе и былъ вполнѣ удовлетворенъ какъ его службою, такъ и пѣніемъ Льва Андреевича, который обязанъ

былъ проводить у насъ каждый праздникъ. Средствъ у него не было никакихъ, и обыкновенно его кормили по очереди двѣ крѣпостныхъ семьи. Слухи ходили, что, устроивши дѣтей, онъ пропилъ оставшееся небольшое состояніе. Всѣ члены моей семьи любили Льва Андреевича.

Отецъ мой любилъ лошадей и держалъ небольшой конскій заводъ, а также занимался пчеловодствомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Для содержанія лошадей была построена особая конюшня. Надъ воротами ея висѣлъ образъ св. Флора и Лавры. Часто онъ ходилъ смотрѣть, какъ Яковъ задаетъ имъ овса.

Для зимняго содержанія пчелъ въ саду были выстроены два амшеника съ двумя помѣщеніями въ каждомъ, раздѣлявшимися двумя корридорами. Къ пчеламъ были поставлены два пасѣчника: Иванъ и Костюкъ. По наступленіи весны, пчелы выставлялись сперва въ садъ, а затѣмъ вывозились версты за 4 отъ дому въ лѣсъ вблизи болота. Перевозка пчелъ сопровождалась торжествомъ. Сперва устанавливалась небольшая открытая съ одной стороны будочка, въ которую вставлялся образъ св. Зосима и Савватія, а передъ нимъ лампада. Приглашался обыкновенно отецъ Василій изъ Сахновки, и послѣ молебна производилась установка ульевъ. Позднимъ лѣтомъ всю пасѣку перевозили на ярину, т. е. цвѣтущую гречь, въ поле. Около каждаго улья вбивалась березка для защиты отъ солнцепека. При окончаніи цвѣтенія гречи, являлись русскіе, или вѣрнѣе—староѣры изъ слободъ Добрянки, Зыбки и пр. и вступали въ договоръ относительно продажи меда. Процессомъ вытопки меда занималась мать, но деньги шли въ распоряженіе отца и, конечно, проигрывались имъ.

Отецъ не любилъ водки и даже преслѣдовалъ пившихъ у него за обѣденнымъ столомъ. Помню, какъ онъ нападалъ на Льва Андреевича. Только этотъ возьмется за чарку, изъ устъ отца вырывается сочиненная имъ эпиграмма:

> Леусъ—магнатусъ,
> Оберъ—глотъ, бутылочный переводъ
> Чарочный праздникъ.

За то карточную игру любилъ до страсти. Бывало, пулька длится до свѣта, и партнеры настаиваютъ на необходимости

отдыха. Всѣ разойдутся по своимъ мѣстамъ. Вставши на другой день довольно поздно, всѣ собираются въ столовую пить чай или кофе. Одинъ отецъ замѣшкается и приходитъ позже другихъ.

— Я долженъ вамъ, господа, объявить большую непріятность, постигшую насъ эту ночь.

— А что такое? летятъ вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Колеса покрали, преспокойно отвѣчаетъ отецъ. Приходится остаться еще день-другой, пока не подѣлаютъ новыя.

Конечно, выдумка эта объясняется желаніемъ отца продолжать игру въ карты. Когда онъ не могъ составить пульки, тогда возникалъ вопросъ о необходимости поѣхать по дѣламъ въ Черниговъ, или вѣрнѣе на Бобровицу, въ $^1/_2$ в. отъ города, гдѣ была роскошнѣйшая усадьба племянницы его С. С. Дунинъ-Борковской. Съ пріѣздомъ отца все оживало въ домѣ. Отецъ пользовался безграничною любовью родственниковъ.

Мать моя считала себя первою хозяйкою чуть ли не во всей губерніи. Хозяйственные запасы у нея отличались и крайнимъ разнообразіемъ, и превосходными качествами. Управиться со всѣми частями хозяйства у нея не хватало ни времени, ни силъ, а поэтому она считала неизбѣжнымъ имѣть ключницу, въ видѣ помощницы. Помнится, что все мое раннее дѣтство у насъ жила ключницею вдова дьякона изъ м. Березнаго. Ее звали Матрена Ивановна, но фамиліи ея, кажется, никто не зналъ. Она смотрѣла за доеніемъ коровъ, за приготовленіемъ молочныхъ скоповъ, выдавала кухаркѣ муку на хлѣбъ для дворни, наблюдала за кормленіемъ свиней. Мать относилась къ ней съ полнымъ довѣріемъ и съ интересомъ выслушивала разнаго рода сплетни изъ жизни дворни, всѣ члены которой питали къ ней ненависть. Помѣщалась она въ двухъ комнатахъ при кухнѣ, тамъ пила чай и обѣдала остатками отъ господскаго стола. Такъ какъ на ея попеченіи была вся домашняя птица, то она иногда пользовалась ею для себя. Подъ ея ключемъ сохранялись разнаго рода овощи, картофель, капуста, бураки и пр. Она производила отпускъ ихъ и повару Григорію, и кухаркѣ Параскѣ. Кажется, этимъ и ограничивалась вся ея дѣятельность.

за которую она получала приличное вознагражденіе и подарки. Кажется, она жила у насъ много лѣтъ. Она была въ дружескихъ отношеніяхъ съ приказчикомъ Василіемъ Пилиповичемъ Евхименко, у котораго были всрослые дѣти. Приказчикъ жилъ маленькимъ паномъ, завѣдывалъ всѣми нашими землями и лѣсами и, вѣроятно, не упускалъ изъ виду собственныхъ интересовъ при свозкѣ на панскій дворъ хлѣба, сѣна и лѣса. Онъ пользовался у моего отца не только довѣріемъ, но и любовью и нерѣдко ссужалъ его деньгами на карточную игру, конечно, тайно отъ матери.

Не малое участіе въ экономической жизни моей семьи принималъ еще жидъ Юдко изъ м. Березно. Онъ пріѣзжалъ къ намъ почти каждую недѣлю и привозилъ разнаго рода покупки: говядину, рыбу, раки, а иногда и произведенія мануфактуры. Безъ сомнѣнія, онъ пользовался хорошими процентами, а также получалъ произведенія хозяйства—хлѣбъ, картофель, капусту, и пр. Обыкновенно онъ привозилъ корреспонденцію съ почты и разнаго рода новости. Возможно предположить, что семья наша состояла у него въ арендномъ отъ кагала содержаніи. Необходимо замѣтить, что онъ исполнялъ всякаго рода порученія, доставлялъ покупщиковъ, арендаторовъ и пр. и вообще являлся крайне необходимымъ почти во всѣхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Въ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ моего отца многіе знали ремесло. Такъ, вблизи нашей усадьбы находилась кузница, въ которой постоянно работалъ „коваль“ Демьянъ. Онъ ковалъ лошадей, починялъ экипажи, сельско-хозяйственныя орудія и постоянно работалъ какъ для двора, такъ и для всего хутора. Онъ бралъ работы со стороны и получалъ за нихъ порядочное вознагражденіе. Я помню, бывши мальчикомъ, я просиживалъ постоянно въ „кузнѣ“. Демьянъ меня не гналъ и скорѣе привязывалъ къ себѣ своими сказками, которыя я выслушивалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ зналъ массу сказокъ, изъ которыхъ мнѣ памятна до сихъ пръ сказка про царицу Джегерментовну. Я помню хорошо, что онъ ее разсказывалъ три дня подъ рядъ и она производила на меня такое сильное впечатлѣ-

ніе, что я долго не могъ заснуть. Къ крайнему моему сожалѣнію, она не сохранилась у меня въ памяти и только удержалось одно ея названіе. Демьянъ не работалъ „на панщинѣ“, и его обязанности ограничивались даровою работою „на панскій дворъ“. Онъ зналъ отлично и слесарное мастерство, починялъ замки, машинки, лудилъ самовары, кофейники и пр. Рядомъ съ кузнею находилась усадьба Демьянова, а за нею „хуторское кладбище“. Кузня часто являлась мѣстомъ сборища хуторянъ. Одинъ несъ сюда косу „насталить“, другой—коня „пидковать“. Демьянъ бралъ небольшое вознагражденіе и никогда не оставался безъ работы. Часто къ нему являлись изъ другихъ хуторовъ. Онъ былъ большой говорунъ и не давалъ никому скучать.

Другимъ выдающимся лицомъ изъ ряда крѣпостныхъ былъ родомъ изъ с. Сахновки портной Левко. Онъ обшивалъ всю нашу семью, можно сказать, съ ногъ до головы. Онъ шилъ мужское и женское платье, бѣлье, шляпы и не отказывался ни отъ какой работы, которая тробовала иголки съ ниткою. Обыкновенно, въ случаѣ надобности его выписывали изъ с. Сахновки, и онъ устраивалъ свою мастерскую въ залѣ. По виду, онъ былъ больной человѣкъ, худой, желтый, смирный, тихій, молчаливый. Дѣтей у него не было, а жена его была гораздо моложе его. Во время работы, онъ питался отъ нашего стола. Вся наша семья любила Левка, и мы, маленькія дѣти, постоянно окружали его. Онъ былъ пожилымъ человѣкомъ и, конечно, давно уже умеръ.

Рядомъ съ нимъ можно поставить другого ремесленника, тоже изъ с. Сахновки, сапожника Опанаса. Онъ шилъ всякаго рода обувь для нашей семьи и для дворни, а также упряжь. Мастерскую свою онъ устраивалъ, обыкновенно, въ поварской, гдѣ и пользовался остатками отъ кушаньевъ, въ видѣ контрабанды. Онъ не пользовался особыми нашими симпатіями, былъ молчаливъ и только подъ звуки молотка напѣвалъ пѣсни. У меня и до сихъ поръ сохранилась одна его пѣсня на русскомъ языкѣ съ украинскимъ акцентомъ. Я приведу здѣсь для образца одно только начало.

Спрежду живъ малчикъ веселився
Бо имивъ свій большой капиталъ.
Копиталъ свой малчикъ прамотався
Въ неволю значить, жить попавъ.

—

Не въ великую, значить, неволю,
Въ билу каменую, значить тюрьму
Калидоры, значить, очень длинны
И народъ, право, стоить стовпомъ
и т. д.

Опонасъ тоже былъ вполнѣ свободнымъ отъ панщины. Въ с. Сахновкѣ онъ имѣлъ свою мастерскую и постояно былъ занятъ исполненіемъ заказовъ.

Задолго до моего рожденія у отца былъ собственный хоръ музыкантовъ. Я помню, что въ періодъ моего дѣтства сохранились только остатки этого хора. Обыкновенно, когда соберется къ намъ съ хуторовъ молодежь, разсылаютъ разыскивать музыкантовъ. Нерѣдко они являются въ постолахъ, въ свиткахъ. Хоръ состоялъ изъ двухъ скрипокъ, баса и бубна. Его ставили въ лакейской, танцы устраивались въ залѣ. Въ танцахъ я не принималъ участія, такъ какъ былъ еще малъ. Иногда только меня выводили изъ среды музыкантовъ на срединиу залы, гдѣ я долженъ былъ танцовать „козачка". Подъ музыку гости играли въ фанты.

Если я не ошибаюсь, крѣпостные были довольны своимъ положеніемъ. За нихъ подати уплачивалъ отецъ, на работу они вызывались въ случаѣ нужды, пользовались безплатно лѣснымъ матеріаломъ и пасли скотъ свой въ лѣсу или на болотахъ. Бывши уже довольно большимъ, я помню, что вся дворня осталась на своихъ мѣстахъ послѣ указа 19 февраля 1861 г.

— На що намъ плата тая? Жилы, спасыби Богови, добре до сего часу, говорили служащіе: будемъ жить такъ и дали.

Крестьяне отца вообще не считали себя крѣпостными.

— Мы пидхожи, ще пры дидахъ силы на паньски земли, тай доси живемъ.

Вообще уничтоженіе крѣпостнаго права не измѣнило отношеній крестьянъ къ нашей семьѣ: такъ-же смотрѣлъ во дворѣ

за скотомъ Иванъ Снигирь съ отмороженными ногами. Не то было съ крестьянами по нѣкоторымъ сосѣднимъ хуторамъ.

Мой отецъ отличался рѣдкою добротою. Бывало, проиграется до копейки, и мать моя начинаетъ его ругать, грызть. Отецъ молчитъ, какъ онѣмѣлъ, „пары зъ рота не пустыть“.

— Чего ты молчишь? спроситъ разсерженная мать.

— А мени що: „хочъ лыхо, абы тыхо“.

Такъ именно относился онъ и ко всѣмъ окружающимъ, избѣгалъ всякихъ непріятностей, мирился съ обстоятельствами. Онъ старался жить для своего удовольствія.

Хотя я пользовался на каждомъ шагу вниманіемъ и любовью родителей и сестеръ, но меня тянуло изъ семьи. Я искалъ развлеченія среди однолѣтковъ и съ наступленіемъ весны жилъ на воздухѣ. Зелень, масса разнообразныхъ цвѣтовъ, пѣніе птицъ, все это наполняло мою жизнь до времени наступленія занятій книжкою. На одномъ изъ сосѣднихъ хуторовъ жила старушка-вдова, вполнѣ одинокая. Мать навѣщала ее довольно часто и брала меня съ собою. Я ѣздилъ къ Марьѣ Васильевнѣ съ особымъ удовольствіемъ, такъ какъ у нея въ каждой почти комнатѣ висѣла передъ окномъ клѣтка съ канарейкою. Я цѣлыми часами заслушивался пѣнія канареекъ и до сихъ поръ остаюсь большимъ любителемъ ихъ. По окончаніи университета у меня былъ заводъ ихъ, въ которомъ доходило иногда до 100 штукъ. Конечно, я раздавалъ ихъ своимъ знакомымъ. Трескотня ихъ нисколько меня не раздражала.

Я любилъ въ дѣтствѣ также собакъ. У матери моей была маленькая собачка—болонка, а во дворѣ находилось нѣсколько большихъ собакъ, и возлѣ „красной кладовой“ былъ на привязи найденный на дорогѣ щенкомъ громадный песъ „Казбекъ“. Онъ отличался мягкою и длинною шерстью, указывавшею его благородное происхожденіе. За собаками имѣлъ непосредственное наблюденіе старикъ Снигирь, хотя и сестры, и я всегда носили имъ остатки со стола, а для Казбека держали особую миску. По временамъ Снигирь спускалъ его съ цѣпи, и онъ рвался ласкаться со мною.

Вообще, съ дѣтства я любилъ птицъ, звѣрей, зелень, и эта любовь сохранилась во всѣ 50 лѣтъ моей жизни.

Постоянное соприкосновенiе съ окружающею природою разнообразило скучную жизнь на хуторѣ. Мать моя, занятая хозяйствомъ и леченiемъ больныхъ, любила приживалокъ, которыя вносили новые элементы. Къ числу этихъ приживалокъ на первый планъ нужно поставить, такъ называемую, маiоршу. Всѣ мы не иначе ее называли, какъ маiоршею, и я не сохранилъ въ памяти ни ея имени, ни фамилiи. Маiорша вела вполнѣ кочевую жизнь. У родителей ея были двѣ дочери. Къ нимъ ѣздилъ какой-то маiоръ, который сдѣлалъ предложенiе жениться на старшей дочери. Родители заботились о томъ, чтобы выдать сперва младшую дочь, такъ какъ она была очень некрасива. Родители согласились на бракъ и въ день свадьбы такъ напоили жениха, что безъ особыхъ заботъ повѣнчали его съ младшею дочерью. На другой день утромъ выяснился весь скандалъ. Маiоръ проснулся рано и увидѣлъ возлѣ себя сестру его невѣсты. Онъ такъ былъ пораженъ, что тотчасъ вскочилъ съ постели, велѣлъ запрягать повозку и навсегда распростился съ семьею. Молодую жену родители выгнали изъ дому за то, что она не сумѣла привязать къ себѣ мужа. Съ того дня она ведетъ кочевую жизнь, переѣзжая отъ одного пана къ другому съ небольшимъ узломъ, составляющимъ все ея состоянiе. У насъ она проживала обыкновенно по нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Она отличалась крайнею оригинальностью и была нами любима за ея неисчислимые разсказы. Ей было извѣстно все, что происходило въ окрестностяхъ. Увѣряютъ, что она однажды такъ разсердилась на пономаря одной церкви, что ему откусила конецъ носа. Съ вечера она забралась на колокольню и тамъ поджидала всю ночь пономаря. Когда наступило утро, пономарь полѣзъ на колокольню звонить, но едва онъ взошелъ на верхъ, маiорша набросилась на него, откусила ему носъ и скрылась. Несчастный пономарь упалъ въ обморокъ и не замѣтилъ, кто съигралъ надъ нимъ такую шутку. Маiорша знала массу пѣсенъ и ими насъ развлекала. Изъ числа этихъ пѣсенъ я помню только слѣдующую:

У ворить дивка стоить,
Вона плаче говорить:
—„Ахъ калина, ахъ малина,
Ахъ калинушка моя!

Обыкновенно она носила въ карманѣ очень крупные желуди. Передъ пѣніемъ она вынимала ихъ и вставляла себѣ въ носъ, въ уши, по бокамъ рта, въ глаза и въ такомъ видѣ пѣла. Какъ то пріѣхала она къ намъ зимою и заказала на хуторѣ большую клѣтку, которую повѣсила надъ входными дверями въ дѣвичей. Она рѣшила поймать сойку и посадить ее въ клѣтку. Сама она соорудила силки, выкопала въ снѣгу ямочку и набрала въ нее желудей. Дня черезъ два сойка была въ ея рукахъ. Она посадила ее въ клѣтку и стала по цѣлымъ днямъ учить ее говорить. Въ теченіе какихъ нибудь 10—15 дней сойка уже стала отчетливо кричать выученныя ею отъ маіорши фразы:

Буки-ашъ—карандашъ,
Буки-рцы—огурцы.
и т. д.

Лѣтомъ она помѣщалась въ „горницахъ". Это были 4 комнаты, построенныя надъ амбарами въ саду. Почему то она разсердилась „на русскихъ", которые арендовали садъ. О бокъ сада находилось наше фамильное кладбище. Чтобъ наказать садовниковъ, она соорудила себѣ ходули и въ темную ночь накинула на себя простыню и на ходуляхъ отъ кладбища пошла къ сторожевой будкѣ. Арендаторы сада страшно перепугались, побѣжали во дворъ и заявили, что къ нимъ приходила смерть, вся въ бѣломъ, высокая. Конечно, во дворѣ всѣ догадались, что роль смерти играла маіорша, которая такъ старалась объ изготовленіи ходуль.

Помню, ей совѣтовали поступить въ монастырь. Она на это вопрошала:

— „Хиба у мужскій"?

О ней ходили слухи, будто бы она была не женщиною. Повидимому, къ распространенію такихъ слуховъ служила отчасти растительность на ея лицѣ, изображавшая собою усы, бороду, бакенбарды.

Когда она замѣчала, что ею начинали тяготиться, она выходила за ворота и поджидала случая съ кѣмъ-нибудь изъ проѣзжихъ выѣхать отъ насъ. Мать моя обыкновенно обдаривала ее разнымъ хламомъ и иногда давала деньги.

Въ моей памяти до сихъ поръ сохранилась личность „Грыця“ Мирошниченка изъ Сѣднева. Онъ былъ изъ числа крѣпостныхъ Лизогуба. Это былъ человѣкъ не высокаго роста, худой, вѣчно босой, одѣтъ въ рубище. Одни признавали его юродивымъ, а другіе пророкомъ. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ населеніи. На него не дѣйствовали ни холодъ, ни жара. Говорилъ онъ лаконически и часто гадательно. Водки онъ не пилъ вовсе и отличался большою набожностью. Онъ не пропускалъ ни одного храмового праздника.

Помню, мнѣ было лѣтъ 8. Я спросилъ его, какая ждетъ меня участь въ будущемъ. Вмѣсто отвѣта онъ сталъ рыться въ карманѣ, вынулъ оттуда кусочекъ „крейды“ (мѣла) и сунулъ мнѣ въ руку. Я вспомнилъ этотъ фактъ, потому что пришлось поступить въ университетъ на математическій факультетъ, а затѣмъ, поступивши на службу, исписывать цѣлыя стопы бумаги. Грыць ничего не держалъ при себѣ, все, что получалъ, онъ раздавалъ бѣднымъ. Въ церквахъ онъ бралъ свѣчи безплатно и часто все служеніе стоялъ въ углу на колѣнахъ. Онъ пользовался большою популярностью въ населеніи и, какъ говорили, никогда ничѣмъ не хворалъ во всю свою жизнь, хотя никогда не носилъ обуви.

Рядомъ съ Грыцемъ въ моей памяти воскресаетъ образъ крѣпостного сосѣдняго помѣщика Б—аго, Ивана Скороходъ. Это былъ глубокій старецъ, ослѣпшій съ дѣтства. Онъ былъ сѣдой, какъ лунь, и носилъ большую бороду. Нельзя было его назвать нищимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Посѣщалъ насъ онъ довольно часто. Бывало, взойдетъ онъ въ комнаты, направится прямо въ столовую, становится на колѣняхъ передъ образомъ и начинаетъ пѣть своимъ старческимъ голосомъ. Пѣлъ онъ большею частью божественныя пѣсни:

О, Іисусе, мій прелюбезный,
Сердцю радосте,

Едина въ скорбѣхъ утихо,
Моя радосте!..

Нерѣдко посѣщалъ насъ бандуристъ „Лавринъ". Своею музыкою и пѣніемъ онъ доставлялъ намъ большое удовольствіе. Репертуаръ его пѣсенъ былъ обиленъ. Онъ зналъ и историческія пѣсни, и бытовыя. Къ сожалѣнію, я былъ еще безграмотнымъ и не могъ записать его пѣсню. Въ памяти моей сохранились только пѣсни о чечеткѣ и о попадьѣ. Вотъ начало ихъ:

Журылася попадья
Своею бидою:
Тяжко мини въ свити житы,
Бо нинъ зъ бородою.
и т. д.
Жила соби чечетушка
Зъ своимы дочкамы...

За симъ слѣдовало перечисленіе дочерей и зятей, приглашеніе ея на пиръ и т. п.

По временамъ къ намъ заходили старцы и пѣли разнаго рода божественныя пѣсни. Дальше сѣней со стороны дѣвичьей они не проникали. Мать моя каждый разъ заботилась, чтобы ихъ накормили и напоили. Обязанность эту выполняла, обыкновенно, ключница. Обѣдали они большею частью возлѣ кухни.

Матрена Ивановна одинъ разъ поставила имъ цѣлую „пляшку горилки". Они не церемонились и выпили чуть ли не сразу. За симъ между ними возникъ горячій споръ. Одинъ заявлялъ, что Кавель убивъ Авеля, а другой—что Авель убивъ Кавеля.

Д. Морозъ.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ТИПЪ МАЛОРОССОВЪ.

(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНІЕ).

Многіе изслѣдователи малорусскаго племени (Чубинскій [1]), В. Дибольдъ [2]), В. Е. Эмме [3]), Эркерагъ [4]), К. Н. Иковъ [5]), Ю. Д. Талько-Гринцевичъ [6]), А. Н. Красновъ [7]), Г. Коперницкій [8]), В. В. Петровъ [9]) и др.) указывали на большое разнообразіе физическаго типа Малороссовъ. Уже г. Чубинскій, одинъ

[1]) *Чубинскій.* Малоруссы Юго Западнаго края. СПБ. т. VII. ч. Ш. Труды этнограф.-статистич. экспедиціи въ Зап.-Русскій край, снаряж. Импер. Руск Географ. Общ.

[2]) Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen W. Diebold. Diss. Dorpat 1886 г.

[3]) „Антропологія и Медицина". Полтава. 1882 г. См. также его статьи: 1) о соотношеніи между цвѣтностью и формой черепа въ полтав. губ. 2) О множественности типовъ великорусскихъ и малорусск. череповъ, 3) о множественности антропологическихъ среднихъ типовъ великорусскихъ и малорусскихъ череповъ (Дневникъ Антропол. Отдѣла 1886 г.).

[4]) Извѣстія Квказ. Отдѣла Импер. Русскаго Географич Общ. Тифлисъ 1882 г. т. VII.

[5]) Замѣтки по кефалометріи бѣлоруссовъ сравнительно съ велико-и малоруссами. Древн. Антропол. Отдѣла. 1890 г. В. IV.

[6]) „Физическая характеристика Украинскаго народа". Протоk. Рус. Антропол. Общ. СПБ. 1892 г.

[7]) Объ антропологическихъ типахъ харьковскаго уѣзда и города Харькова". Географич. Сборн. 1891 г.

[8]) Prof J. Kopernicki. Charakterystyka fizyczna góraliusskich na podstawie własnych spostrzeżeń na osobach żywych opracował.

[9]) *В. В. Петровъ* „Сравненіе антропометрическихъ данныхъ о призывныхъ курск. губерніи". Дн. Антропол. Отдѣла. 1893 г. Вып. I.

изъ первыхъ изслѣдователей,—различалъ въ малорусскомъ племени три, довольно рѣзко обособившихся, типа: Украинцевъ, Подолянъ и Полѣшуковъ, отличающихся другъ отъ друга нарѣчіемъ, бытовой обстановкой и особыми физическими признаками. Другіе авторы раздѣляютъ малороссовъ на значительно большее еще число типовъ.

Извѣстно, что существуетъ много споровъ и разногласій, какъ о границахъ этнографическаго распространенія малорусскаго племени, такъ и о самобытности этого племени, его языка и, наконецъ, о времени происхожденія самой малорусской народности. Я не имѣю времени входить здѣсь въ обсужденіе этихъ, весьма интересныхъ, вопросовъ и возбужденныхъ ими споровъ. Несомнѣнными являются, однако, слѣдующія положенія: 1) малорусское племя сохранило до сихъ поръ нѣкоторые признаки, характерные для типа древнихъ славянъ; 2) антропологическій типъ малоруссовъ носитъ слѣды значительной примѣси инородческихъ элементовъ.

Мною лично были сдѣланы антропометрическія изслѣдованія и наблюденія антропологическаго характера надъ украинцами кубанской области, потомками бывшихъ черноморскихъ козаковъ. Какъ извѣстно, черноморское войско составилось изъ переселившихся въ предѣлы нынѣшней кубанской области остатковъ славнаго войска запорожскаго. Къ нимъ впослѣдствіи въ разное время было переселено болѣе 100.000 душъ изъ малороссійскихъ губерній (полтавской, екатеринославской, харьковской, черниговской). Наблюденія свои я производилъ по схемѣ Брока, при помощи точныхъ инструментовъ и пособій въ видѣ хроматической таблицы Брока (для опредѣленія цвѣта кожи, глазъ и волосъ), и таблицы для опредѣленія остроты зрѣнія и цвѣтоощущенія. Мои наблюденія послужили предметомъ особаго доклада въ Антропологическомъ Отдѣлѣ Импер. Общества Любителей Естествознанія.

Въ настоящемъ своемъ докладѣ я постараюсь не утомлять слушателей цифровыми выкладками, а сгруппирую лишь общіе выводы изъ собранныхъ мною антропологическихъ данныхъ, неоднократно провѣренныхъ и сопоставленныхъ съ данными

другихъ авторовъ, производившихъ свои изслѣдованія въ различныхъ областяхъ, населенныхъ Малороссами.

Однимъ изъ главнѣйшихъ физическихъ признаковъ, характеризующихъ украинца,—будетъ высокій ростъ. На это уже указалъ Д. Н. Анучинъ[1]) въ своемъ трудѣ о ростѣ населенія Россіи, трудѣ, который со времени выхода въ свѣтъ (1889 г.) сталъ настольной книгой для каждаго интересующагося вопросами русской антропологіи. Дѣйствительно, высокій ростъ и ростъ выше средняго—преобладаютъ среди малороссовъ. Варіаціи же средней величины роста довольно значительны. Наибольшій „средній ростъ" (1667—1700) наблюдается въ кубанской области, наименьшій—въ черниговской и волынской губ. (1641), а также и въ Галиціи (1641),—коренныхъ и первоначальныхъ мѣстахъ жительства предковъ современныхъ малороссовъ.

Относительно цвѣта кожи, волосъ (на головѣ) и глазъ—всѣ наблюдатели согласны, что среди малороссовъ по преимуществу замѣчаются: свѣтло-розовый цвѣтъ кожи (72—85%), темные волосы (60—70%). и глаза свѣтлыхъ оттѣнковъ (52—60%). Лишь у малоруссовъ кубан. области (Гильченко), да у Галицкихъ руссиновъ и русскихъ горцевъ (Коперницкій) замѣчено преобладаніе смуглаго цвѣта кожи (65—70%) и почти равное распредѣленіе свѣтло-и темноволосыхъ. При этомъ несмотря на различіе мѣстъ наблюденія (Кавказъ, Галиція, Кіевская губ., Харьковск., Полтавск., Курская и др.),—результаты наблюденія у всѣхъ авторовъ поразительно сходны между собою. Колебанія %-наго отношенія по цвѣту кожи, волосъ и глазъ у малороссовъ различныхъ областей—крайне ничтожны.

Весьма интересно сопоставленіе цвѣта глазъ съ цвѣтомъ волосъ и взаимныя ихъ комбинаціи. Оказывается, что между малороссами чаще всего встрѣчается „смѣшанный типъ" (свѣтлые волосы и темные глаза, или наоборотъ — темные волосы и свѣтлые глаза). При этомъ %-ное распредѣленіе этого типа варьируетъ въ небольшихъ предѣлахъ (40—

---

[1]) „О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи". СПБ. 1889 г.

59%). Также довольно стойко держится среди малороссовъ и свѣтлый типъ (свѣтлые волосы и глаза свѣтлыхъ оттѣнковъ)—(16—34%) „Всего же рѣзче колеблется степень распространенія „темнаго типа“ (темные волоса и темные глаза). Такъ, одинъ авторъ (Ю. Д. Талько-Гринцевичъ) наблюдалъ у малороссовъ кіевской губ. „темный типъ всего въ 6%[1]), а другой—нашелъ его въ 39% среди населенія полтавской губ. (В. Е. Эмме).

Неоднократно указывалось, что „темный типъ“ всегда составлялъ и составляетъ особенность западныхъ славянъ,—въ томъ числѣ и малороссовъ—въ противоположность сѣверо-восточнымъ славянамъ, гдѣ преобладаетъ свѣтлый типъ. Съ этой точки зрѣнія интересно отмѣтить среди украинцевъ поглощеніе темнаго типа—свѣтлымъ.

Но быть можетъ, свѣтлый цвѣтъ глазъ и волосъ составляетъ коренной, основной физическій признакъ малоросса, прямого потомка одного изъ племенъ русскихъ славянъ?

Быть можетъ, именно свѣтлый типъ и приближаетъ украинца къ его славянскому прообразу? Описанія современниками наружности древнихъ славянъ, къ сожалѣнію, довольно поверхностны и не даютъ яснаго представленія объ антропологическомъ типѣ нашихъ далекихъ предковъ. Въ большинствѣ, впрочемъ, ихъ описываютъ[2]) свѣтлокожими, свѣтловолосыми и свѣтлоглазыми. Въ такомъ случаѣ темный типъ, т. е. распредѣленіе темнаго пигмента, встрѣчающееся у малороссовъ въ различныхъ ком-

---

[1]) L. cit. стр. 47.

[2]) У Соловьева, напр., („Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“) находимъ слѣдующее: „о наружности древнихъ славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны, кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темно—русые, лицо красноватое (т. I, стр. 73). Затѣмъ о Сарматахъ и скиѳахъ (близкихъ по крови древнимъ славянамъ), нѣкогда населявшихъ области, теперь занимаемыя малорусскимъ племенымъ: „сарматы были бѣлокуры, свирѣпы на видъ, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по тѣлу разными узорами“ (стр. 115)..... „Относительно наружности скиѳы представляются у древнихъ бѣлокожими, краснолицыми, голубоглазыми, съ мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скиѳы были очень похожи другъ на друга, толсты и мясисты“ (стр. 42)... (т. I. Исторія Россіи съ древн. временъ).

бинаціяхъ въ окраскѣ кожи, волосъ и радужной оболочки должно разсматривать какъ элементъ чуждый, инородческій.

Достоенъ вниманія тотъ фактъ, что у темноволосыхъ украинцевъ Кубанской области (по моимъ наблюденіямъ) и полтавск. губ. (по наблюденіямъ В. Е. Эмме) %-ное отношеніе окружности грудной клѣтки къ росту—менѣе благопріятно, чѣмъ у свѣтловолосыхъ. А именно В. Е. Эмме нашелъ, что темноволосые украинцы полтавск. губ. имѣютъ окружность груди менѣе ½ роста на 36 м. м., а у свѣтловолосыхъ величина окружности груди превышаетъ ½ роста. По моимъ же наблюденіямъ, среди кубанскихъ козаковъ окружность груди вообще превышаетъ ½ роста, но тогда какъ темноволосые имѣютъ отношеніе окружности груди къ росту=51,9, у свѣтловолосыхъ оно равно 53,0%.

Воздерживаясь пока отъ поспѣшныхъ заключеній о меньшей физической крѣпости и жизнеспособности темноволосаго типа въ малорусскомъ племени, тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ еще разъ отмѣтить болѣе благопріятное отношеніе периметра грудной клѣтки къ росту у свѣтловолосаго типа. Невольно, самъ собою напрашивается вопросъ,—не имѣетъ-ли связи этотъ фактъ съ постепеннымъ поглощеніемъ темнаго типа свѣтлымъ, являющимся, повидимому, болѣе жизнеспособнымъ? Было бы въ высшей степени важно провѣрить указанное явленіе на болѣе значительномъ матеріалѣ. Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію размѣровъ головы, мы прежде всего наталкиваемся на весьма любопытный фактъ, что у малороссовъ какъ абсолютная величина горизонтальной окружности головы, такъ и ея относительная величина малыхъ размѣровъ. Это явленіе отчасти объясняется высокимъ среднимъ ростомъ малоросса. Подходящія величины наблюдались у нѣкоторыхъ финскихъ племенъ (Эсты, Ливы), тюркскихъ (Киргизы и Татары Крыма) и Иранскихъ (горцы Кавказа).

Малая горизонтальная окружность головы указываетъ на небольшую величину черепа, на малую черепную вмѣстимость (емкость черепа). Дѣйствительно, непосредственнымъ взвѣшиваніемъ мозга болѣе чѣмъ у 60 особей мнѣ пришлось убѣдиться, что средній вѣсъ мозга у малороссовъ невеликъ (1320 грам.)—

въ сравненіи съ вѣсомъ мозга у другихъ племенъ—по моимъ личнымъ наблюденіямъ[1]).

Размѣры другихъ головныхъ дугъ (поперечно-ушной и затылочно-лобной) подтверждаютъ фактъ небольшой величины черепа у малороссовъ. Въ этомъ отношеніи къ нимъ ближе всего подходятъ помимо кровныхъ близкихъ—Бѣлоруссовъ (Янчукъ), и Великоруссовъ—Персіяне, Осетины, Башкиры, Киргизы, Татары Крыма и Тюркскія племена Кавказа.

Характерной формой головы у малороссовъ является—брахицефалическая. Брахицефалія всего рѣзче выражена въ населеніи кіевск. губ. (головной указатель=83,2 у Талько-Гринцевича и 84,3 у Дибольда). Просматривая %-ное распредѣленіе длинноголовыхъ, средне и коротко-головыхъ, мы видимъ, что количество долихоцефаловъ въ современномъ украинскомъ населеніи незначительно (9,8% въ кубан. области, 3,7%—8,5%—въ кіевск. губ. и 17,8% въ полтавск. губ.). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, были ли древніе славяне долихоцефалами или брахицефалами. Черепа, найденные въ курганахъ центральной и южной Россіи, въ большинствѣ случаевъ оказывались долихоцефальными. Такъ что въ немногихъ процентахъ длинноголовыхъ и сказывается, быть можетъ, вліяніе доисторическаго курганнаго населенія на типъ современныхъ малороссовъ.

Считая высокій ростъ характернымъ для древнихъ славянъ и полагая, что у высокорослыхъ Украинцевъ сохранились въ большой чистотѣ, чѣмъ у малорослыхъ и другія черты древне-славянскаго типа, я выдѣлилъ высокорослыхъ въ особую группу и для каждаго изъ нихъ отдѣльно вычислилъ головные указатели. Разницы никакой не оказалось. Ростъ, повидимому, не имѣетъ вліянія на распредѣленіе формъ головы среди малороссовъ. Но по цвѣту волосъ—замѣчается разница. А именно: темноволосые украинцы (кубан. области) имѣютъ замѣтно большую наклонность къ брахицефаліи.

---

[1]) Такъ напр. средній вѣсъ мозга у осетинъ (11 суб.)=1465,3 грм., у чеченцевъ (ингушей) (13 суб.)=1453 грм., Дагестанскихъ гордевъ=1340 грм., грузинъ (11 суб).=1350 грм. и армянъ=1369 грм., подробн. въ статьѣ моей: „Le poids du cerveau chez quelque peuples du Caucase“. (Въ трудахъ международныхъ конгрессовъ по Археологіи и Антропологіи, бывшихъ въ 1892 г. въ Москвѣ).

Я не буду останавливаться на величинѣ остальныхъ діаметровъ головы: наибольшемъ продольномъ и поперечномъ ушномъ, лобномъ и друг: скажу только, что сравненіе величины этихъ діаметровъ съ подобными же размѣрами у другихъ народовъ постоянно сближаетъ малороссовъ съ тюркскими племенами (чаще всего съ татарами Крыма, Касимова, затѣмъ съ башкирами, киргизами, узбеками) и иранскими (горцами Кавказа и иранцами Средней Азіи). Сходство съ финскими племенами встрѣчается гораздо рѣже. Измѣренія лица и его частей, абсолютныя и относительныя величины ихъ также интересны въ томъ отношеніи, что постоянно совпадаютъ съ тѣми же величинами то у иранскихъ племенъ (осетинъ и друг.), то у тюркскихъ (преимущественно татаръ Крыма).

Лицевая линія (т. е. длина лица) у малороссовъ мала. Лобъ (иначе говоря верхняя $1/3$ лица) также небольшого размѣра, что считается характернымъ именно для иранцевъ; средняя треть лица, т. е. носъ) еще болѣе замѣтно малыхъ размѣровъ (тоже у многихъ тюрковъ и иранцевъ). Межглазничное пространство—среднихъ размѣровъ и мало чѣмъ уступаетъ ширинѣ носа, что, по мнѣнію антропологовъ, составляетъ одно изъ доказательствъ примѣси тюркской или монгольской крови къ данному племени. Слѣдуетъ отмѣтить, что у малороссовъ кубанской области чаще, чѣмъ у другихъ, встрѣчается этотъ монголоидный признакъ.

Нижняя треть лица у малороссовъ имѣетъ довольно значительные размѣры, что опять таки характерно для иранцевъ и многихъ тюркскихъ племенъ.

Лицевой указатель, т. е. отношеніе наибольшей ширины лица къ формѣ его, снова ставитъ малороссовъ въ одну группу съ иранцами и тюрками (башкирами, горскими татарами Кавказа и Крыма).

Измѣренія высоты надъ почвой различныхъ точекъ (слухового отверстія, верхнеплечевого отростка, вырѣзки грудины, пупка, лоннаго сращенія и пр.)—дѣлались мною и еще немногими изслѣдователями, но такъ какъ они мало характеризуютъ типъ малоросса, то я ихъ опускаю.

Еще болѣе ограниченное количество данныхъ имѣется относительно длины рукъ и ногъ и ихъ отдѣльныхъ частей. Нельзя не упомянуть однако о меньшей длинѣ руки украинцевъ кубанской области, сравнительно съ малороссами кіевск. губ., которые въ свою очередь уступаютъ еще болѣе длиннорукимъ великорусамъ.

Абсолютная длина ногъ у малороссовъ сближаетъ ихъ съ эстами (О. Грубе), ливами (Вальдгауеръ) и осетинами (Гильченко), а по относительной длинѣ нижнихъ конечностей—они подходятъ къ осетинамъ и маджикамъ.

Изъ отдѣльныхъ частей ноги интересно указать на значительную величину бедра у малороссовъ (кубанской области—по моимъ наблюденіямъ, кіевской—по наблюденіямъ Талько-Гринцевича). Относительная длина бедра у малороссовъ превосходитъ ту же величину у западныхъ славянъ и нѣмцевъ, вообще отличающихся, по Вейссбаху, длиной ногъ и относительной величиной бедра.

Подводя итоги всему выше сказанному, мы видимъ, что малороссы представляютъ въ своемъ антропологическомъ типѣ весьма замѣтные слѣды примѣси инородческой крови, преимущественно крови тюркскихъ племенъ. Это явленіе уже давно подмѣчено нѣкоторыми историками и этнографами. Еще г. Чубинскаго [1]) поражало сходство малороссовъ съ Крымскими татарами, среди которыхъ, въ свою очередь, часто встрѣчались лица, вполнѣ похожія на Малоросовъ. Причинъ такого сходства имѣется достаточно. Цѣлыя столѣтія Украинцы сосѣдили

---

[1]) „Между малоруссами часто встрѣчаются типы совершенно татарскіе и въ то же время у Крымскихъ татаръ можно нерѣдко встрѣтить типичныя малорусскія лица; попадаются также лица, напоминающія Кавказскихъ горцевъ, и это неудивительно. Не говоря уже о кочующихъ народахъ княжескаго періода, каковы Печенѣги, Хозары и др., которые могли, хотя частью, осѣдать въ краѣ,—здѣсь, на Украинѣ, поселились Тюрки, Берендѣи и Черные Клобуки. Затѣмъ постоянные набѣги татаръ, увозъ женщинъ въ плѣнъ—не могли не вліять, какъ на татарскій, такъ и на малорусскій типы. Кромѣ этого восточнаго элемента во время казачества долженъ былъ оказать хотя нѣкоторое вліяніе южно-славянскій и румынскій элементы, притекавшіе въ казацкую Украину, а въ особенности въ Запорожскую Сѣчь“...

съ Крымской ордой. То дружескія, то враждебныя отношенія Украины и Крыма не прерывались, и эта непрерывность сношеній красной нитью проходитъ чрезъ всю исторію Малороссіи. Но и до появленія татаръ, въ еще болѣе отдаленныя времена, на югѣ Россіи обитали кочующія тюркскія племена: Печенѣги, Половцы, Тюрки, Берендѣи, Черные Клобуки, Хазары и пр. Всѣ эти народы, еще встрѣчающіеся на зарѣ русской исторіографіи, въ далекомъ прошломъ осѣли на Украинѣ и затѣмъ исторически, но не антропологически исчезли.

Такое предположеніе, давно высказанное историками, подтверждается нынѣ антропометрическими данными.

Я далекъ отъ мысли считать сдѣланныя мною указанія на степень распространенія свѣтлаго и темнаго типовъ, формъ головы и на антропометрическое сходство Малороссовъ съ тюрками исчерпывающими вопросъ о физическомъ типѣ Малороссовъ. Этими указаніями, этимъ сходствомъ лишь намѣчается вопросъ, и потребуется еще много труда для выясненія иныхъ вліяній, каковы: топографическія и климатическія условія различныхъ областей, занимаемыхъ малорусскимъ племенемъ. Еще, быть можетъ, важнѣе уяснить типъ различныхъ племенъ русскихъ славянъ (Сѣверянъ, Древлянъ, Дреговичей, Полянъ, Волынянъ, Бужанъ и др.), вошедшихъ въ составъ Малорусскаго племени и обусловливавшихъ столь значительное разнообразіе антропологическаго типа современныхъ Малоруссовъ. Но всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены не единичными усиліями антропологовъ, о лишь дружной совмѣстной работой русскихъ историковъ, географовъ, археологовъ и антропологовъ [1]).

[1]) Читано 9 января 1894 года на IX Съѣздѣ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей. Полностью данное изслѣдованіе будетъ напечатано въ „Трудахъ" Антропологическаго Отдѣла Императорскаго Московскаго Общ. Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1].

(ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА ДЕРЕВЕНСКАГО МАЛЬЧИКА).

Изъ сравненія жилищъ, внутренняго убранства ихъ, хозяйственныхъ строеній, земледѣльческихъ орудій, ремеслъ, промышленныхъ занятій, обуви и одежды, видно, что нынѣшніе крестьяне лучше живутъ. Но за то теперь они хуже питаются и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи.

Хлѣбъ покупаютъ крестьяне съ осени, чего никогда не бывало въ старину и что вызвало въ жизни села новый промыселъ: евреи покупаютъ рожь въ селѣ у помѣщиковъ, священниковъ, богатыхъ крестьянъ, въ томъ же селѣ мелютъ на муку и тутъ же на мѣстѣ продаютъ крестьянамъ. Явленіе это (торговля мукою) недавнее—съ 80 годовъ.

Если принять во вниманіе то, что главное средство жизни крестьянина—земельный надѣлъ—съ 1847 года (времени изданія инвентарныхъ правилъ) не увеличился, а число крестьянъ владѣльцевъ того надѣла удвоилось (въ 1847 году въ клировой вѣдомости села Спичинецъ значится крестьянъ муж. пола 426, женск. пола 431, въ 1893 году муж. 764, женск. пола 859, то станетъ яснымъ, отъ чего крестьянинъ земледѣлецъ терпитъ нужду въ самой существенной потребности—въ хлѣбѣ.

А между тѣмъ 30 и 40 лѣтъ тому назадъ на рѣдкомъ крестьянскомъ гумнѣ не стояли трехъ и четырехлѣтнія скирды озимаго хлѣба въ ожиданіи лучшихъ цѣнъ на хлѣбъ. Это яв-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г., № 5.

леніе было до такой степени обычное въ нашей мѣстности, что, бывало, и вниманія не обращаешь на десятки скирдъ помѣщичьихъ, стоящихъ по десяти лѣтъ на поляхъ каждаго села. У помѣщика села Ярешекъ только въ началѣ семидесятыхъ годовъ сожжено болѣе 25 скирдъ ржи и пшеницы, стоявшихъ свыше 10 лѣтъ на поляхъ, такъ что и мыши переѣли зерно, и солома сгнила, и свиньи проваливались внутрь скирды [1]). Одинъ и тотъ же надѣлъ земли въ старину кормилъ въ волю крестьянина и давалъ ему еще избытокъ для продажи и для храненья про черный день, а теперь тотъ-же надѣлъ не даетъ даже на годъ хлѣба крестьянину, даже на полъ-года у большинства не хватаетъ его.

Этотъ недохватъ хлѣба съ надѣла, дававшаго раньше излишекъ, объясняется, кромѣ той причины, что надѣлъ не увеличивается, а владѣльцы его умножились вдвое, еще и тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что за 50 лѣтъ съ 1847 по 1893-й г. земля истощилась. Пѣшій надѣлъ въ 2 десятины озимаго хлѣба 30—40 лѣтъ тому назадъ давалъ отъ 25 до 40 копъ ржи и пшеницы (а „перелоги"—дѣвственныя почвы—давали до 60 копъ); считая каждую копу въ 7 пудовъ зерна, получалось отъ 175 пудъ до 280 пудовъ зерна съ пѣшаго надѣла; теперь тотъ же пѣшій надѣлъ земли (не беру неурожаевъ) въ средніе и хорошіе урожаи даетъ отъ 10 до 20 копъ хлѣба, т. е. отъ 70 до 140 пудовъ зерна.

На пѣшемъ земельномъ надѣлѣ, состоявшемъ изъ 8 десятинъ,—по 2 десятины въ 3-хъ пахатныхъ (озимой, яровой и толочной) и въ 4-й сѣнокосной смѣнахъ (самый высшій размѣръ пѣшаго надѣла въ уѣздѣ), прежде жила одна семья, предположимъ, изъ шести душъ обоего пола, и получала 280 пудовъ озимаго хлѣба—на каждую душу приходилось по 46 пудовъ; теперь на томъ же пѣшемъ надѣлѣ сидятъ два и три отдѣльныя семейства, состоящія въ общемъ числѣ изъ 12 душъ, и получаютъ съ цѣлаго надѣла 140 пудовъ зерна—на каждую душу придется по 12 пудовъ зерна вмѣсто 46 пудовъ, и то въ самые лучшіе, урожайные годы.

---

[1]) А теперь и зимою тотчасъ по сборѣ хлѣба нигдѣ ни у помѣщика, ни у крестьянина не увидите скирдъ хлѣба.

Кромѣ этихъ прямыхъ причинъ, сокращающихъ каждому члену семьи, владѣющей „пѣшакомъ", долю хлѣба съ этого пѣшаго надѣла, есть еще и косвенныя причины, (еще болѣе) урѣзывающія и ту недостаточную для пропитанія долю.

Дѣло въ томъ, что пока пѣшій надѣлъ былъ въ нераздѣльномъ владѣніи одного хозяина, послѣдній имѣлъ возможность держать столько рабочаго скота, сколько было необходимо ему для обработки своего поля; но какъ только въ слѣдующемъ поколѣніи пѣшій надѣлъ раздѣленъ на двухъ-трехъ сыновей, отдѣлившихся и живущихъ отдѣльными домами и хозяйствами, каждый изъ сыновей не въ состояніи былъ держать столько скота, чтобы обработать самому свою землю и прозимовать скотъ соломою съ 3-й части надѣла, поэтому волей неволей онъ отдавалъ свою „третыну" съ половины богатому хозяину-пишому; такъ что отдавшему землю крестьянину приходилось получать съ поля уже не 12 пудовъ на душу, а только 6 пудовъ. Къ тому же еще и земля у такого мелкаго собственника истощалась скорѣе, чѣмъ у богатаго, потому что, не имѣя скота, онъ не имѣетъ чѣмъ удобрить землю и съ каждымъ годомъ онъ все меньше и меньше получаетъ хлѣба съ постепенно истощающейся земли.

При надѣлѣ крестьянъ землею у пѣшаго хозяина былъ одинъ домъ и хозяйственныя постройки, теперь нерѣдко на томъ же пѣшемъ надѣлѣ стоитъ три дома и три хозяйства. И нужно соломою съ того же одного пѣшаго надѣла отопить уже не одну, а три печи, поправить крышу не на одномъ, а на трехъ домахъ, кормить людей и скотъ не одного, а трехъ хозяевъ. Если же хозяинъ самъ не обрабатываетъ землю, а отдаетъ ее съ половины, или въ случаѣ крайней нужды (свадьба, похороны, неурожай) и продаетъ ее, тогда ужъ онъ почти безвозвратно погибъ для собственнаго хозяйства. Хлѣба нужно купить сейчасъ послѣ жнивъ, кожухъ и свитку нужно купить, потому что онъ, не имѣя паши, не держитъ овецъ, а не держа овецъ, онъ не стрижетъ и овечьей шерсти для свиты, не зарѣжетъ и барана на мясо и на шкуру для кожуха, солому или дрова нужно купить; а о покупкѣ сала и мяса нечего и мечтать; когда бы

заработать только на хлѣбъ, на обувь, на одежду, на чиншъ (съ пѣшаго надѣла 14 р.), на мирской сборъ (съ пѣшаго надѣла 6 р. 50 к.) и страховку (30 коп.). Да кромѣ того, онъ аще раньше, когда строилъ отдѣльный для себя домъ, залѣзъ въ долги и ежегодно по немногу выплачиваетъ. А тутъ новое дѣло затѣваетъ ему судьба. Волостной писарь, изыскивая способы къ увеличенію своего благосостоянія, додумался завесть въ своей волости сутяжничество между крестьянами. Призываетъ онъ крестьянина и предлагаетъ ему, чтобы жена его отняла у своего богатаго брата часть батьковскаго поля.

— Ни, пане, не хочу я позыватысь съ братомъ жинки, та ще й богатымъ; винъ грошима засыпле, а я чимъ вдию? Тай вамъ на що це пане?

— „Отъ тоби и дурень. Хоть я зъ тебе ничого не возьму, бо у тебе чортма грошей, за те братъ твоеи жинки заразъ мини принесе гроши, щобъ не податысь тоби и не даты земли.

— То якажъ мини корысть съ позвивъ? Тилько часъ згаю, та переимся, та гриха на душу возьму, проклынаючись, а земли жинка якъ не мала, такъ и не буде маты.

— „Дурню, ты дурню! аже якъ одберешъ одъ брата пивъ пишака, бо законъ на іи сторони, ій слидуе отъ батька—и вона така-жъ дытына у свого батька, якъ и винъ,—якъ одберешь пивъ пишака, то тоди станешъ зновъ на ноги, буде чымъ скотыну вызимуваты и станешъ самъ свою землю оброблята, хозяиномъ будешъ, а—о такъ и зогныешь въ наймытахъ у двори. Тай чого ты боишься?

— Якъ же мени, пане, не боятысь? Романъ Дзядокъ позывався съ Матвіемъ Борейкомъ, то поки за пять рокивъ вызывавъ пивъ пишака, то пропозывавъ штырыста карбованцивъ, та й Борейко у коршми крычыть, що й поле его пропало, и двисти карбованцивъ пропало.

— Этъ незнаты що говорышь! Що жъ я съ тебе возьму? Колы у тебе самого и хлиба немае! А колы хочешь знаты, якъ я тоби добра желаю, то я тоби даромъ и прошеніе напышу, и усе дило буду робыты, а ты тилько съ жинкою являйся на судъ, якъ будемъ тебе клыкаты“.

И началъ онъ сутяжное дѣло, и въ концѣ концовъ получилъ по 1 моргу поля отъ брата жены, но не дешево все-таки оно ему досталось. Зарвавшись съ братомъ, ему уже не хотѣлось бросить позвы, сулившіе ему клочекъ земли, и въ счетъ этого поля, присужденнаго ему въ 1-й инстанціи, онъ одолжилъ опять деньги, отдавъ то поле на нѣсколько лѣтъ, чтобы оно само окупило судебныя издержки.

Я не упоминалъ бы объ этомъ фактѣ въ числѣ разоряющихъ благосостояніе крестьянина, если бы этотъ фактъ былъ единичный, но горе то въ томъ, что эта болѣзнь повсемѣстная въ нашемъ Юго-западномъ краѣ. Быть можетъ, только 20-е изъ 100 семействъ добровольно раздѣлилось землею безъ участія волостного суда. Земля все-таки главная кормилица крестьянина, и отдать ему половину своей земли брату или сестрѣ, когда онъ же владѣлъ ею,—это значило разорить себя—все равно, что „одирваты шматокъ своеи печени“. Противнику же его казалось, что если онъ теперь не отвоюетъ земли, то и до страшнаго суда нигдѣ не найдетъ ее и не поправится. На этомъ страстномъ отношеніи къ землѣ крестьяне обнищалися въ судахъ и доходили до такой вражды и ожесточенія, что одинъ сынъ повѣсилъ родного отца ногами верхъ, затѣмъ разрубилъ ему голову и самъ отдался въ руки правосудія. (подольск. губ. брацлавскаго у. с. Сороконоги). Только одни писаря, не вкусившіе отъ древа познанія добра и зла, выигривали на этомъ разорительномъ и полномъ ужасныхъ семейныхъ драмъ сутяжествѣ крестьянъ, брали земли въ посессію и сбивали капиталы до 20 и болѣе тысячъ, получая годичнаго жалованья 300 и 400 рублей. Но съ конца 80-хъ годовъ крестьяне научились понимать, что не все дѣло въ писаряхъ, и теперь не тратятъ бѣшеныхъ денегъ при искахъ за землю, а писаря только вспоминаютъ о тѣхъ годахъ, какъ о золотомъ вѣкѣ писарской жизни.

Невозможность содержать достаточно рабочаго скота на мелкомъ участкѣ раздробленнаго пѣшаго надѣла и вытекающая отсюда необходимость отдать половину и этого мелкаго куска земли за обработку его, или же продать землю, а отсюда отсутствіе топлива, даваемаго полемъ, и покупка дровъ рублей на

15—вотъ первая группа тяжелыхъ условій въ жизни крестьянина. Прибавьте къ этому покупную, а не самодѣльную одежду, покупной хлѣбъ, уплату чинша, мирского сбора и страховки, уплату денежнаго долга и процентовъ за постройку дома и хлѣва, расходы или судебныя издержки, пока каждый оттягаетъ себѣ отъ родителей или старшихъ братьевъ свою долю земли; затѣмъ, почти ежегодныя „оказіи"—крестьбины, похороны, „весилье",—влекущія за собою новые долги и въ корчму, и въ церковь, частыя болѣзни дѣтей въ семьѣ, два раза въ году (въ Филипповъ и въ Великій постъ) священникъ посѣтитъ домъ съ молитвою, дьячекъ еще два раза посѣтитъ на Рождество и Велыкъ день, 5-й разъ и священникъ, и дьячекъ вмѣстѣ посѣтятъ для освященія Крещенскою водою дома и живущихъ въ немъ,—и каждый разъ по заведенному изстари порядку провожаешь ихъ съ хлѣбомъ, да совѣстно не дать хоть 3 или 5 коп., а передъ Велыкоднемъ и пару яицъ. А тутъ еще и старцивъ—нищихъ каждый день Богъ даетъ, по 1 или по нѣсколько паръ, и имъ нужно дать покрышку муки, или кусокъ хлѣба, а если застанутъ хозяевъ за обѣдомъ, то совѣстно не попросить бѣднаго человѣка за столъ, да погорѣльцы изъ другихъ селъ идутъ, а то ежегодные сборщики на строеніе новой церкви ходятъ—и тѣмъ нужно дать, что имѣешь, или копѣйку, или миску зерна, или муку. Тутъ смотри—богомолецъ по святымъ мѣстамъ на ночь упросится—тоже придется дать повечерять, а пріидешь въ церковь, ставятъ люди свѣчи—нужно и себѣ хоть разъ на годъ поставить свѣчку, а въ церкви еще батюшка прочтетъ воззваніе пожертвовать въ пользу гроба Господня и на Палестинское общество, а на 1-й недѣлѣ поста въ пользу православія, лѣтомъ въ пользу слѣпыхъ, а не то на построеніе храма въ Карсѣ или въ Варшавѣ. Да нужно же послѣ тяжкой мускульной „праци", хоть когда-нибудь пойти „межъ люди", отряхнуть отъ себя думки тяжки; а людей только въ одной корчмѣ и найдешь. Пойдетъ въ корчму крестьянинъ и съ пріятелями выпьетъ чарку, другую,—и нѣтъ дневного заработка.

Все это въ совокупности говоритъ моему уму, что крестьянину плохо живется, что онъ радъ сухому хлѣбу и картофелю.

Сало, мясо и рыбу ему не за что купить,—онъ и на хлѣбъ одолжаетъ деньги. А всего то онъ самъ получаетъ въ годъ не болѣе 70 и 80 рублей, а то и меньше. Благо еще крестьянину, когда дѣти подростутъ и въ состояніи ходить на подденныя работы; они въ день принесутъ въ домъ отъ 10 до 20 коп. каждый. Но чуть выростетъ дитя—ожени его, замужъ выдай, затѣмъ расплатись съ нимъ за его роботу и подспорье въ хозяйствѣ; женилъ сына,—новая бѣда: отдѣли его, строй ему другой домъ, отдай ему часть того несчастнаго поля. Не дашь сыну поля, хочешь, чтобъ сынъ „въ гуртъ" на семью работалъ,

— Я на вашихъ, тату, дитей не буду робыты, говоритъ сынъ: у мене есть свои диты, а вы мени отдайте мою долю поля, бо все идно волость васъ заставыть оддаты".

Отдастъ отецъ одному сыну поле и другому, а самъ остается безъ поля и остается жить у меньшаго сына. Но приду я съ молитвою въ домъ, спрашиваю старуху:

— А дежь вашь старенькій?

— У другого сына, у Виктора, бо цей меньшій Зинько каже, що на него скорботно обоихъ насъ старихъ триматы. То старый и посунувся до старшого сына.

Такъ, судя по внѣшнему виду села, по внѣшней обстановкѣ жизни вольнаго крестьянина, хочется думать, что ему лучше живется, чѣмъ жилось крестьянину—„крѣпостному", но всмотрѣвшись въ то, что у него хлѣба нѣтъ вдоволь, что онъ питается почти одною растительною пищею: хлѣбомъ, картофелемъ, капустою, чеснокомъ и лукомъ (и то впроголодь),—приходится думать, что вольному крестьянину живется въ этомъ отношеніи хуже, чѣмъ жилось крѣпаку.

Правда, крѣпакъ былъ крѣпакъ, рабъ; онъ стоналъ подъ плетью эконома, но у него было то убѣжденіе и вѣра, какъ и у евреевъ въ Египтѣ, что угнетатели его чужеземцы—поляки— и что царь православный освободитъ изъ неволи, что священники подкуплены помѣщиками, затмили наши права, пожалованныя Государемъ Императоромъ, и согласились съ ними угнетать насъ вопреки царскому повелѣнію.

Увлекшись размышленіями, я отошелъ далеко въ сторону отъ описанія первобытнаго строя домашней обстановки жизни въ домѣ моего отца во время обученія насъ пѣнію.

Въ ожиданіи ужина, если только отецъ мой не читалъ намъ „Житій святыхъ людей“ св. Димитрія Ростовскаго, мы дѣти—пѣвчуки проводили время въ разныхъ занятіяхъ и забавахъ. Одинъ изъ пѣвчуковъ былъ большой мастеръ, сравнительно съ нами, дѣлать прекрасныя табакерки изъ березовой коры съ донышкомъ и крышкою липоваго дерева и дѣлалъ маленькія книжечки изъ той же коры и писалъ на нихъ „Отче нашъ“ и т. д. Этою работой онъ привлекъ вниманіе всѣхъ своихъ товарищей. Въ другой вечеръ мы всѣ помогали отцу дѣлать „соломяныкъ“—соломенную кадку для ссыпки въ нее зерна или муки вмѣстимостью до 15 и 20 пудовъ, или же дѣлали сами небольшія коробки изъ соломы и лозы и тѣмъ же способомъ, по какому отецъ дѣлалъ „соломяныкъ“. Въ другіе вечера сукали веревки и дратву для шитья сапогъ, плели соломенные кошели для голубей, вязали изъ пеньки оброти, шлеи, нашильники—упряжь для лошадей; иной дѣлалъ пуговицы изъ деревянной палочки для свиты или кожуха, а тотъ вязалъ сильце для ловки щегловъ, синицъ, снѣгирей. А если ужъ не было работы или просто не брала охота работать,—то мы говорили сказки, прибаутки, загадки. Одну изъ тѣхъ дѣтскихъ загадокъ, надъ которыми мы ломали свои нехитрыя головы, я недавно нашелъ записанною въ доставшейся мнѣ отъ отца старой книгѣ: „Камень вѣры“ митр. Стефана Яворскаго. Записаны дословно такъ:

„Загадки.

Что есть? ни небо, ни земля, но видомя свѣтла. Бу... На ней садятся птицы черныя. Ли. Надъ тѣми птицами два о... надзираютъ, три п.... созидаютъ, а единъ у... повелѣваетъ.

№ 2. Отъ плоти и отъ крови родился, а въ себѣ плоти и крови не имѣетъ. Снявъ съ него шкуру, отрѣзать голову, вынуть сердце и дать пить, да только его надобно водить и оно начнетъ говорить. — П: Э. ѠР.—

Nos mu ucie,to, Je,zyka wyjeto,
Pić mu dano i muwić kazano.

№ 3. Славенъ бѣ Отецъ, честна и Мати,
О чадехъ и слѣда не знати.
Смерть бо убиваетъ обоихъ едина
Отца на тѣлѣ, а на словѣ сына.

1839 года окт. 17. Пресв. Ев. Р.[1])“.

Если и загадки надоѣдали намъ, а ужинъ не поспѣвалъ еще, я обращался къ отцу, чтобы онъ что-нибудь разсказалъ, а отецъ много зналъ басенъ. Послѣ одного изъ моихъ такихъ приставаній къ отцу, онъ разсказалъ намъ о черной книгѣ.

Въ одномъ селѣ жилъ „бакаляръ“, онъ былъ и дьячкомъ, и учителемъ. Всѣ у него школяры хорошо учились, такъ что скоро разошлась слава про него далеко. Тогда и священники, и дьячки, и паны попривозили къ нему своихъ дѣтей въ науку, навозили ему всякой харчи для своихъ дѣтей и хорошо платили. Всѣ у него школяры хорошо учились, такъ что бакаляръ не стоялъ по долгу надъ ними, а ляжетъ на постели и съ постели проказываетъ урокъ. Бакаляръ рѣдко когда выходилъ изъ хаты, развѣ только тогда, когда не станетъ харчей. Тогда онъ идетъ съ своими школярами „подъ окна „до людей“ и поетъ съ ними „о всепѣтая мати; это для того, чтобы добрые люди дали имъ муки, пшена, сала, капусты и проч.

Всѣ школяры замѣтили, что бакаляръ ихъ ни съ кѣмъ не знается, ни у кого не бываетъ, всегда скучный, сердитый и молчаливый, и какъ только ляжетъ на постель, сейчасъ вынимаетъ изъ-подъ подушки черную какую-то книгу, гдѣ слова бѣлы, а бумага черная, и читаетъ и по днямъ, и по ночамъ, иной разъ ночью съ кѣмъ-то говоритъ и какъ-то сташно хохочетъ.

Вотъ какъ-то заговорились ученики о томъ, что бы это была за книга и зачѣмъ бакаляръ всегда уноситъ ее съ собою, если куда-нибудь выходитъ изъ школы. Одинъ изъ школяровъ послушалъ, что говорятъ товарищи, и задумался. Вошелъ бакаляръ въ школу, сердитый такой, спросилъ одного, не знаетъ

---

[1]) Евстафій Райскій.

такъ, какъ ему хочется,—выдралъ его за уши; другаго—не знаетъ, за волосы его потеребилъ, такъ что даже зубы объ зубы застучали; спросилъ задумавшагося—и того поколотилъ. Легъ на постель, прочиталъ черную книгу, положилъ ее подъ подушку, всталъ и приказалъ закрывать книжки и полуднать. Школяры сказали ему, что нѣтъ хлѣба.

— Ну то пойдемъ по селу съ „о всепѣтою", то нагодуютъ васъ. А ты, обратился онъ къ задумавшемуся ученику, оселъ, оставайся безъ полудня. Я тебя запру въ хатѣ. Всѣ школяры вышли, и бакаляръ оставилъ того школяра одного въ школѣ и двери заперъ на замокъ. Походилъ, походилъ тотъ школяръ по хатѣ и легъ на бакалярскую постель, далѣе засунулъ руку подъ подушку, взялъ оттуда книгу, развернулъ ее, гдѣ попало; посмотрѣлъ въ книгу, зарябили ему бѣлыя буквы по черному полю, такъ что даже страшно стало, читаетъ буквы, произноситъ, а словъ ничуть не понимаетъ,—еще страшнѣе ему стало. Слышитъ онъ, что-то, крыльями хлопаетъ, посмотрѣлъ, черный пѣтухъ передъ нимъ стоитъ и смотритъ, молча, ему въ глаза. У школяра волосы ощетинились, глаза расширились, зубъ объ зубъ стучитъ.

— Чего тебѣ нужно? ты звалъ меня, сказалъ человѣческимъ голосомъ пѣтухъ.

У школяра языкъ не поворотится отъ страху.

— Чего тебѣ нужно? опять проговорилъ пѣтухъ,

— Капусты—произнесъ школяръ, припомнивъ, что у нихъ вышла вся капуста.

Но не успѣлъ онъ окончить это слово, какъ пѣтухъ исчезъ, а капуста гдѣ-то взялась и стала наполнять хату.

Вернулся бакаляръ, отомкнулъ замокъ, а дверь на него такъ и выперло съ капустою, которою биткомъ набита вся хата. Ахнулъ бакаляръ и крикнулъ школярамъ, чтобы скорѣе помогли ему выбрать капусту до постели. Выбрали, смотрятъ, а товарищъ ихъ вытаращилъ на нихъ глаза, волосы ощетинилъ, упалъ и черную книгу выпустилъ. А бакаляръ, какъ крикнетъ на школяровъ: „вонъ изъ хаты!" А самъ скорѣе за чорную книгу ухватился. Не успѣли школяры выбѣжать на дворъ, а бакаляръ

уже зоветъ ихъ въ школу. Пришли школяры, а капусты и духу не слышно въ школѣ, а тотъ товарищъ ихъ сидитъ за столомъ и читаетъ уже урокъ. Съ того дня всѣ замѣтили большую перемѣну въ томъ своемъ товарищѣ. Прежде онъ всегда бывалъ веселый, любилъ погулять и лѣнился таки учиться, а теперь совсѣмъ не тотъ: не смѣется, не играетъ съ товарищами, а коли затронутъ его, то такъ страшно сверкнетъ своими бѣлками, что мало по малу съ нимъ совсѣмъ перестали говорить. Но за то учился онъ такъ, что всѣхъ перегналъ; что ни спроситъ учитель—онъ все знаетъ. Но бакаляръ похудѣлъ, сталъ еще молчаливѣе и злѣе, смотрѣлъ всегда пасмурнѣе ночи. Стали школяры замѣчать, что тотъ товарищъ ихъ стоитъ сзади всѣхъ во время утренней и вечерней молитвы, жалуется на животъ, на голову и выходитъ изъ хаты во время молитвы; припомнили они, что и въ церковь онъ, хотя и ходитъ, но всегда передъ „Иже херувимы" выходитъ изъ церкви блѣдный и какъ будто чего-то боится. Надумались и сговорились не пустить его изъ церкви во время пѣнія „Иже херувимы". Въ воскресеніе, какъ всегда, стали они на клиросѣ и тотъ товарищъ съ ними. Обступили они плотнымъ кругомъ и ждутъ. Начали пѣть „Святый Боже", онъ сталъ блѣднѣть, передъ Евангеліемъ сказалъ, что у него голова болитъ, хотѣлъ уйти, но его не пустили, передъ „Иже Херувимы" онъ рванулся выйти, но его схватили за руки и за ноги; онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, сталъ рваться изъ рукъ, глаза сдѣлались сатанинскіе, злые, кажется—и душу другого видятъ и прожигаютъ ее, какъ раскаленнымъ остріемъ ножа. Моментально повернулъ плечами и чуть-чуть не вырвался изъ рукъ, но его еще сильнѣе, сколько было силъ, схватили, держали и крестили; тогда онъ началъ проситься снова, кричать, молить, злиться, щелкать зубами, трястись, а тутъ какъ разъ священникъ вышелъ съ дарами. Тогда раздался дикій, ѣдкій, мертвящій силою ужаса, ненависти, боязни и презрѣнія хохотъ по всей церкви и разнесся не дающій дышать ѣдкій смрадъ, а въ рукахъ товарищей осталось мертвое тѣло ихъ товарища". Что сталось съ бакаляромъ, я не помню, какъ тамъ далѣе разсказывалъ отецъ, но слабо помнится, что та черная книга заму-

рована въ лѣвой. стѣнѣ Кіевскаго Братскаго монастыря, чтобы никто не могъ достать ее и причинять людямъ зло, а равно свою душу чорту отдать. Только такой конецъ этого отцовскаго разсказа остался въ моей памяти.

Послѣ этого разсказа отца, мать подала ужинъ. И кстати, потому что ничѣмъ инымъ нельзя было отвлечь наше воспаленное воображеніе отъ страшнаго разсказа.

Поужинавъ, отецъ начиналъ учить насъ церковному пѣнію. Онъ не игралъ на скрипкѣ и потому съ голоса училъ насъ пѣнію. А такъ какъ у насъ, деревенскихъ дѣтей того времени, слухъ былъ совсѣмъ не развитъ и далеко тупѣе, чѣмъ у крестьянскихъ дѣтей нынѣшняго времени, почти въ каждой церкви теперь слушающихъ хоровое пѣніе, то отцу приходилось тяжело надрывать грудь и басомъ, и альтомъ, и дискантомъ,—только тогда и мы пѣли за нимъ. При такомъ способѣ пѣнія, отцу приходилось много трудиться, еще больше требовалось терпѣнія и любви къ дѣлу. И дѣйствительно, никакая нужда и приказаніе начальства не заставили бы отца взяться за этотъ подвигъ; да отъ него впрочемъ никто и не требовалъ этого подвига. Единственно только глубокая, жизненная религіозность отца и его мечтательная поэтическая натура, не мирившаяся съ существовавшимъ грубымъ складомъ семейнаго и рабовладѣльческаго общественнаго житья, выработала въ немъ потребность общественной дѣятельности въ доступной для него формѣ учителя церковнаго пѣнія, грамоты и благочестія и дала ему силу, терпѣніе, энергію и любовь—основать и содержать школу въ теченіе тридцати шести лѣтъ до послѣдняго дня своей жизни.

Не съ гаммы—утъ, ре, ми, фа соль, ля—начинали мы учиться пѣнію, а перекрестившись начинали: Аминь, Господи помилуй, Святый Боже. Долго мучился надъ нами отецъ, пока и эти простыя, не сложныя піесы мы выучили. А когда послѣ этого намъ съ меньшимъ трудомъ и мукою далось „Отче нашъ“ и „Достойно есть“, то отецъ началъ учить насъ пѣть „Господи воззвахъ“ на 8 гласовъ. Но мы смѣшивали гласы и путались голосомъ; тогда отецъ примѣнилъ къ намъ способъ обученія гласамъ, практикуемый въ монастыряхъ: училъ насъ наизусть читать

и пѣть по порядку такъ называемые „чернечи запѣвы". Позабылъ я ихъ теперь, но „наславныки" помню такъ читалось:

1-й гласъ.

Ишовъ чернець зъ монастыря.

2-й гласъ.

Встригывъ его другый чернець.

3-й гласъ.

Откуду, откуду, ченче брате, грядеши.

4-й гласъ.

Съ Константина града, брате, гряду

5-й гласъ.

Сядьмо, брате, да й побеседуймо.

6-й гласъ.

А чы жыва тамъ, брате, маты моя.

7-й гласъ.

А вже твоя, брате ченче, маты давно вмерла.

8-й гласъ.

Увы мнѣ маты моя!

Это текстъ „наславниковъ"; текстъ же „воззваховъ" забылъ я. Чтобы возобновить въ памяти забытое, я просилъ знакомаго мнѣ молодого дьячка переписать и прислать. Но присланный имъ текстъ „воззваховъ" не тотъ, какимъ насъ училъ отецъ, а только насмѣшливая пародія на старые „воззвахи", да онъ всего только три воззваха и прислалъ мнѣ.

Воззвахи.

3-й гласъ.

Буде тоби, дяче, буде!
Пріихалы одъ владыки люде,
Хотять твою рябу кобылыцю взяты,
Що ты не вмиешъ на 3-й гласъ спиваты.

6-й гласъ.

Начатокъ мнѣ и составъ,
Егда новый жидъ на аренду наставъ.
Тутъ пьяныци собираються
Шинкару добрыдень оддають
И въ поставци заглядають

Охъ вейзъ миръ! що маю робыты
Не дають мини рано довго спаты
Треба изъ аренды втикаты.

7-й гласъ.

Чы я въ тебе не жона,
Чы не господыня?!
Три дни хаты не мела
Смитьтя не посыла
Вставай, дьяче,
Доки будешь лежаты?
Запрягай рябу кобылу,
Везы смитьтя съ хаты
То будешъ умиты
На семый гласъ спиваты".

Обучая насъ ежедневно по вечерамъ до полуночи церковному пѣнію, отецъ въ особенности любилъ пѣть съ нами припѣвы къ акаѳистамъ: Іисусу Сладчайшему, Божіей Матери и Святителю Николаю на разные напѣвы. За каждымъ припѣвомъ мы по обычаю крестились. Когда же, бывало, запоемъ: „О Всепѣтая Мати", отецъ начиналъ чаще креститься, поднявъ къ небу глаза, подернутые слезой. При пѣніи же самогласна „Совѣтъ превѣчны, открывая тебѣ Отроковице, Гавріилъ предста", лицо отца сіяло дивнымъ восторгомъ. Онъ давно уже умеръ и портрета не снималъ съ себя, но я и теперь, какъ живого, вижу отца съ поднятымъ вверхъ взоромъ, съ полуоткрытымъ ртомъ и дрожащей нижнею губою, выражающаго въ дрожащихъ задушевныхъ звукахъ пѣсни всю его любовь къ Богу и благоговѣніе, которыя такъ любовно и мечтательно озаряли его красивое лицо. И нерѣдко въ такія минуты, забывая пѣніе, я смотрѣлъ на это сіяющее искрой Божіей лицо отца и оторваться не могъ.

А между тѣмъ это хоровое, правильнѣе—гуртовое, пѣніе было не только не дивное на современный вкусъ, а настоящее лирницкое. И я, впослѣдствіи, когда пѣлъ альтомъ солистомъ въ семинарскомъ хорѣ, часто глумился надъ батьковскимъ пѣніемъ и его напѣвами. И только теперь, послѣ четырнадцатилѣтняго пѣнія и слушанія образцовыхъ въ Кіевѣ церковныхъ и театральныхъ хоровъ, когда я уже сталъ сельскимъ священ-

никомъ, сталъ опять ближе къ народу, ближе къ его душѣ и сердцу, когда я самъ испыталъ и бремя, и горе жизни и когда вопросъ вѣры и молитвы сталъ для меня жизненнымъ вопросомъ счастья на земли, только теперь я понялъ, сколько силъ и богатствъ народной души, сколько радостей, упованій, слезъ и рыданій его сердца сокрыто въ тѣхъ старыхъ „лирныцькихъ“ напѣвахъ церковныхъ пѣснопѣній.

Существуетъ въ нашемъ духовенствѣ ходячее мнѣніе, что церковный роспѣвъ Кіево-Печерской Лавры самобытенъ, что нѣтъ въ православной церкви (исключаю современный намъ періодъ пѣнія—Италіанскій) болѣе мощнаго и величественнаго по выраженію разнообразныхъ состояній вѣрующей молящейся души, отъ высокоторжественнаго и умилительнаго и до глубоко скорбнаго состоянія, нѣтъ другого такого напѣва, и что этотъ мощный и величественный напѣвъ выработался и сложился мощными духомъ великими борцами за Православіе и народность запорожскими козаками, покутовавшими въ старости и замаливавшими свою бранную жизнь въ кельяхъ Кіево-Печерской Лавры.

Народъ малорусскій временъ козацкихъ, лишенный свободы національной и личной, свободы жизни и труда и за свободу мысли и совѣсти терпѣвшій нескончаемыя преслѣдованія, словомъ, народъ, угнетаемый тѣломъ и духомъ, гдѣ могъ искать „ратунку“, къ кому онъ могъ обратиться съ мольбой и надеждою въ каждый тяжелый моментъ народной жизни. Къ своимъ? Но свои далеко, за многія тысячи верстъ. Къ татарамъ? Но то народъ не культурный, дикій, такъ сказать тѣлесный, съ преобладаніемъ одних только дикихъ, хищныхъ, животныхъ инстинктовъ; душа тамъ, если и была, то ничѣмъ особенно человѣчнымъ не заявила своего существованія ни въ области поэзіи, ни въ области мысли, ни въ развитіи полезныхъ началъ гражданственности. Къ кому же Малороссъ могъ взывать съ мольбою и надеждою? Къ полякамъ? Но кто же и вызывалъ эти стоны и мольбы, какъ не они! И вотъ по неволѣ все лучшее въ душѣ человѣка—его мысль, его поэзія, его „жаданья“, его мольбы, весь онъ прильнулъ къ такому же мученику правды, добра и любви — къ Іисусу Сладчайшему и къ его Всепѣтой

Матери, ратующихъ въ бѣдахъ и въ напастяхъ, въ горахъ и вертепахъ. И народъ Малорусскій, слѣпо, но жизненно вѣруя и любя Бога, отъ котораго его отрывали, прибѣгая къ нему въ бѣдахъ душею и сердцемъ, не сочинялъ ему пріятныя пѣснопѣнія, а прямо непосредственно рыдалъ, стоналъ и возносилъ ему вопли своей души и гласомъ своихъ церковныхъ пѣвцовъ, и устами народныхъ пѣвцовъ: кобзарей и лирныковъ.

Отъ того то любой изъ старинныхъ Малорусскихъ церковныхъ напѣвовъ есть живой, выразительный, непосредственно изъ сердца льющійся разговоръ съ живымъ Богомъ, полный глубокаго чувства и музыкальной красоты. И если человѣкъ городской, культурный не находитъ поэзіи и красоты въ простыхъ народныхъ напѣвахъ и послѣдніе ему кажутся по своей простотѣ и несложности и грубыми, и непонятныни, и чуждыми, въ той мѣрѣ, въ какой груба и чужда ему малороссійская одежда и непонятна красота ея, то это еще не доказываетъ отсутствія красоты и поэзіи въ народномъ пѣніи, а скорѣе говоритъ о томъ, что культурный горожанинъ, воспитанный на чуждыхъ народному духу началахъ итальянской музыки, господствующей въ кіевскихъ церковныхъ хорахъ около ста лѣтъ, отбился отъ народа, отчудился до непониманія своего народа, котораго плоть и кровь—онъ самъ.

Скорбная исторія геройскаго Малорусскаго народа наложила свою печать и на характеръ Южнорусскаго церковнаго пѣнія. Какъ бы ни была, напримѣръ, радостна по содержанію пѣснь церкви, а въ выраженіи ея—пѣніи—кликъ радости, торжества незамѣтно переходитъ въ тонъ скорби и мольбы.

Вотъ именно въ устахъ моего отца, который не вѣдалъ Кіевской духовной школы, гдѣ въ началѣ текущаго столѣтія преобладало въ церковныхъ хорахъ пѣніе италіанское, композиціи высоко даровитаго и глубоко сердечнаго Веделя и доморослыхъ Кіевскихъ италіанцевъ: Дегтерева, Чернова, Березовскаго et cetera (см. архивъ нотъ семинарскаго и академическаго хоровъ) и патентованнаго Бортнянскаго, а учился при сельской церкви по напѣвамъ, завѣщаннымъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, учился молиться въ пѣніи,—въ устахъ такого настоящаго народнаго пѣвца

даже торжественный кликъ къ Божіей Матери: „Радуйся Невѣсто неневѣстная“, начинаясь радостно, торжественно, оканчивался, нотами, полными вдумчивости и грусти.

Вдумываясь въ отцовскій напѣвъ разныхъ припѣвовъ къ акаѳистамъ, я невольно припомнилъ себѣ слѣдующую картину. Я въ церкви, на клиросѣ; передъ началомъ литургіи отецъ Григорій (Мотылевичъ) на колѣнахъ читаетъ акафистъ Божіей Матери; отецъ мой съ нами пѣвчуками на клиросѣ воспѣваетъ похвалу и привѣтъ Ей, а люди съ мольбою колѣнопреклоненные взираютъ на Пречистый ликъ своей заступницы и усердно кладутъ земные поклоны; вотъ уже и мы на клиросѣ преклонили колѣна, весь народъ тоже. И смотрю я на отца, кладущаго земной поклонъ. Нижняя губа у него задрожала, рѣсницы быстро забѣгали.

— „А ну, дитки“.

И мы всѣ дѣтки, электризуясь огнемъ отца, взываемъ: „О Всепѣтая Мати“!.. Кончили. Священникъ читаетъ молитву: „Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, пріятелище сирыхъ, скорбящихъ радосте, обидимыхъ покровительнице! Зриши мою бѣду, зриши мою скорбь; помози ми яко немощну, окорми мя яко странна; обиду мою вѣси, разрѣши ту, яко волиша; яко не имамъ иныя предстательницы, ни благія утѣшительницы, токмо Тебе, о Богомати, яко да сохраниши мя и покрыеши во вѣки вѣковъ. Аминь“.

А отецъ на клироссѣ, припавъ лицомъ долу со вздрагивающею головою и плечами отъ рыданій, шепчетъ:

— „Ратуй Маты Божа родъ христіанскій! ратуй насъ своихъ дитокъ! бачышь наше горе, будь намъ Матирью“.

Встаетъ заплаканный отецъ и поетъ съ нами далѣе:

„Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе Владычице. Ты намъ помози, на Тебе надѣемся и Тобою хвалимся: Твои бо есмы рабы, да не постыдимся“.

А молящіеся поднимали не высыхавшія отъ слезъ очи свои горѣ, къ лику усердной заступницы своей, медленно и твердо знаменали себя крестомъ, преклоняли свои упругія колѣни, падали лицомъ долу, а многіе и крыжомъ лежали у подножія

иконъ, не стараясь двигаться ни однимъ мускуломъ въ продолженіе всей службы Божіей, но всею мыслію, всѣмъ сердцемъ возносясь въ горняя къ престолу Іисуса Прелюбезнаго и Его святѣйшей Матери, тяжелыми стонами и душу надрывающими воплями давая вѣдать Всевѣдущему Отцу, что они здѣсь, на родной землѣ, сироты, обездоленные, обезличенные, рабы, рабочій скотъ, собственность, вещь чуждаго по племени и вѣрѣ народа, и ища тамъ, высоко, у единаго человѣколюбца и помощи, и защиты, и утѣшенія въ горькой мученической долѣ своей мужицкой на землѣ.

М. Щ.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики. [1]

(1750—1784 г.).

115) Петра Афанасьевича Шкляревича, изъ м. Хмелова, 1784 г., 1 января.

М. г. мой, дядюшка Григорій Андреевичъ. Дядя Андрей Андреевичъ объявитъ вамъ, по какому несчастному случаю принужденъ я остаться въ домѣ присмотрѣть жену мою, въ крайней слабости находящую; вчерашняго числа чуть было я ее не лишился, но слава Богу, что она жива осталась, а на восьмомъ мѣсяцѣ рожденный сынъ чрезъ часъ только сей суетный свѣтъ видѣлъ; мало меньшимъ несчастіемъ почитаю, что не могу самъ для сей законной причины вамъ, м. г—рю моему, сыновей моихъ представить. Ихъ толко я и имѣлъ двухъ, и одного отъ другого отлучить никакого не находя способу, покорнѣйше васъ прошу быть имъ обѣимъ отцомъ, какъ и мнѣ прежде были; на милость вашу несомнѣнную полагаю надежду, что они неразлучно и въ корпусъ, по счастію ихъ не менше жъ и моему, опредѣлены будутъ; естьли же надъ чаянія какого не примутъ, то по крайней мѣрѣ покорнѣйше, м. г-рь мой, прошу пристроить его въ томъ же корпусѣ, до первой вакансіи, съ платежомъ денегъ положеннаго тамъ, какъ я слышу, числа. Слышу жъ я отъ вышедшихъ изъ сего корпуса, что необходимо должно изъ тамошнихъ учителей уговорить къ нимъ въ манторы, который бы

[1]) См. „Кіев. Стар". 1895 г., № 5.

сверхъ ученія наставлялъ ихъ къ добродѣтели и честности, а мнѣ, м. г-рь мой, кажется и то нужно, чтобы малого моего чеснока (?), какъ ребенка, и вши не заѣли, съ слезами васъ прошу по благоразсужденію вашему не оставить вашимъ призрѣніемъ и наставленіемъ. Что имъ дано, прилагаю у сего записку, а для свозу, естли угодно вамъ, опредѣлилъ я тройку лошадей съ надежнымъ человѣкомъ, который нынѣ въ Костяничахъ [1]); онъ обратно оттуда ѣдучи, можетъ для васъ подъ закупки ваши быть извощикомъ за одинъ кормъ лошадей, ибо я не имѣю денегъ, чтобъ о покупкѣ чего либо для себя васъ безпокоить. Денегъ для дѣтей присемъ въ ассигнаціяхъ прилагаю 200 р., а болѣе у себя здѣсь не имѣю. Пишу къ тетушкѣ Александрѣ Михайловнѣ, чтобъ изъ Луговецкой [2]) нашей экономіи, по требованію вашему, взявъ, поручила вамъ сто рублей; когда же сихъ денегъ по вашему благоразсужденію мало покажется, то примолвится покорнѣйше прошу, не пожалуется для внучекъ она въ то или особливо число, отъ своей милости, хотя то она нынѣ здѣлалась и скупа, и можетъ быть нѣсколько досадуетъ на замѣну нашу съ Заводовскимъ, о которой я говорить приступилъ съ ее однакожъ дозволеніемъ. Кончивши здѣсь о дѣтяхъ моихъ, всепокорнѣйшую прозбу за нужно почитаю доложить вамъ и о сей мѣнѣ, для знанія вашего, какимъ образомъ оная отъ тетки дозволена: 1) чтобъ ее оставить до смерти при ее владѣніи и покое; 2) естьли мы находимъ полезнѣе для себя, она не возбраняетъ. По сему я съ г. Заводовскимъ, будучи прошедшей осени у него, и говорилъ, онъ согласенъ оставить ее въ покое и на то условіе утвердилъ, а насъ удоволствовалъ; после сего, по его предписанію, показано было мнѣ предлагаемое отъ нихъ имѣніе, можно сказать завидное, не 180 хатъ, но 210; нашелъ я въ нихъ 643 души муж. пола и угодія всѣ, какъ прежде они говорили, можно сказать и что лѣса по степовымъ (мѣстамъ)? весьма довольно; мелницъ нѣтъ, а хотя одна есть, но въ спорѣ съ Горленкомъ, Петромъ Якимовичемъ, съ которымъ они хотятъ учинить миро-

---

[1]) Село стародубскаго уѣзда.

[2]) Деревня Луговецъ—мглинскаго уѣзда.

любіе, да и его сыновья его къ тому склоняютъ. Для насъ мѣна сія весьма сходна и споровъ кромѣ помянутаго ни съ кемъ нѣтъ; естьли Богъ поможетъ совершить, то дѣти мои вѣрно будутъ щастливы, но боюсь, чтобъ г. Заводовскіе не раздумались ибо, слышу, что Селецкій и подобные ему удивляются и высоко ценятъ ихъ Толкачевку[1]), а паче степъ на 300 скиртъ. Покорнѣйше, м. г-рь мой, прошу при свиданіи, какъ я не сомнѣваюсь, что вы на Костяничи ѣхать изволите, естли заведетъ тетка о семъ рѣчь, увѣрить ее, что для насъ мѣна сія, естьли збудется, полезна, а что она въ покоѣ остатся имѣетъ, я при здѣлкахъ утвердить не упущу. Въ прочемъ поручивъ дѣтей моихъ въ вашу отческую милость, извинить меня покорнѣйше прошу, что съ смущеніемъ духа и болѣзнью сильною головною писмо сіе въ силу могъ я окончить безъ всякой связи. Увѣряю жъ васъ о моей благодарности и истинномъ почтеніи, съ которымъ есмь и по гробъ мой пребуду вашъ, м. г-ря моего дядюшки, покорнѣйшій слуга Петръ Шкляревичъ.

116). Брата Андрея Андреевича, изъ Чернигова, 1784 г., 12 мая.

М. г-рь мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Писмо ваше, отпущенное зъ С.-Петербурга прошедшаго мѣсяца 16 дня, честь имѣлъ получить оное въ Черниговѣ, сего теченія 10 числа. Всенижайшую мою вамъ, м. г-рю моему братцу, приношу благодарность за понесенные труды ваши въ доставленіи дѣтей моихъ къ желаемому мною мѣсту и за распоряженіе о нихъ. Дай Богъ вамъ получить облегченіе вашимъ припадкамъ, въ чемъ твердо надѣюсь на милосерднаго Творца, что Онъ вамъ поможетъ и совершенно васъ уврачуетъ и утвердитъ силы ваши къ пользѣ любезнѣйшей вашей фамиліи и общей, нижайше притомъ прося дѣтямъ моимъ являть вашу отеческую милость, до віезда вашего оттудова. Теперь увѣдомляю васъ о здѣшнихъ произшестзіяхъ: что принадлежитъ до исполненія по дѣлу зъ Бѣлухою, то оно исполнено въ нѣкоторыхъ частяхь; отдалъ хуторъ Борзенскій, кромѣ части лѣса, назызаемаго Хухровищина, въ

---

[1]) Село прилуцкаго уѣзда.

коемъ показываетъ Бѣлуха половину материзного, я же въ опроверженіе его показанія, далъ суду знать, что вся та половяна не доходитъ ему, поелику отецъ нашъ сестрамъ нашимъ за ихъ части заплатилъ, слѣдовательно тѣ части не могутъ называться материнскими, но уже пріобрѣтенными, но нужно мнѣ быть отъ васъ увѣдомленну, въ какомъ годѣ взята росписка батюшкою въ сестры Уляны Андреевны и въ какихъ годѣхъ таковые жъ взяты росписки и въ прочихъ сестеръ, дабы удобнѣе сыскать въ судовыхъ книгахъ и представить въ доказателство; оспориваетъ онъ и мельницу Процовскую, называя оную материнскою, но я доказывалъ, что мельница материнская одна на Процовской плотинѣ та, которою я владѣю, а другая вновь выстроенна отцемъ. По другимъ уже обстоятелствамъ, въ разсужденіи бывшаго дѣла зъ Степаномъ Лукяновичемъ, судъ разумѣетъ, что, да чуть ли не такъ оно и выходитъ, сколко было въ Кузминой части материзнаго имѣнія, хочай бы оная и вся составлена была изъ оной, должна остатся во владѣніи Бѣлухи; о Хухровщинѣ и мелницѣ нижній Роменскій судъ еще не рѣшился, а до Коровинецъ и Овечей не знаю, какъ и приступить. По записи брата Стефана, данной Левандовскому, уволенъ онъ отъ всѣхъ потераній а взялъ на себе; сверхъ сего, люди брата Кузмы нынѣ, по плутовской роздѣлкѣ Столповскаго, во всякаго почти владѣлца находятся; тоже Овечка по болшей части составляется изъ материзны, то и прошу въ семъ вашего совѣта и наставленія, какъ поступать. Я же о себѣ доношу, что я нынѣ варяю (?) въ Черниговѣ депутатомъ въ комисіи о разборѣ дворянства, и дѣйствительно уже вступили въ разборъ, сего теченія съ 1-го числа. Почти я одинъ поборствую о братіи всей губерніи и, благодару Бога, до котораго часа успѣваю. Хочай многіе, надменные суетнымъ благородствомъ, стараются унижать многихъ, свидѣтелства въ силѣ проекта начали быть принимати; очень многіе думали противно, тоже и абшити на отставку въ войсковые товарищи. Вчерашняго числа получено въ намѣстническомъ здѣшнемъ правленіи предложеніе, что уже его сіятелство (гр. Румянцевъ) кончилъ производство въ малороссійскіе чины, и что начинается реформа нашимъ вой-

скамъ. Я о своей фамиліи еще не подавалъ доказателствъ, а оставляю оное до свободнѣйшаго для мене времени и могущихъ быть примѣровъ, но по примѣчанію моему слѣдуетъ вамъ, мнѣ и братямъ Григорію Ивановичу и Ивана Андреевича дѣтямъ, введеннымъ (быть?) въ дворянскую родословную книгу, въ первую статью, а прочихъ браттей въ одну статью не поставлять, а старатся буду о ихъ, чтобъ внесены были въ шестую часть, которая кромѣ дипломовъ есть самая лутшая; что, кажется, для насъ будетъ полезно, чтобы не думали, что мы по однимъ только дипломамъ здѣшніе дворяне, и о семъ прошу вашего совѣта и самоскорѣйшаго отвѣта; я думаю, что мы сей комисіи въ два мѣсяца не кончимъ относително только до разбора, виключая написанія дворянской родословной книги и заготовленія грамотъ на дворянство, но всѣмъ ли слѣдуетъ оные взять, или входящимъ во вторую статью, прошу вашего изясненія, и буди силы ваши не изнемогаютъ, то не потрудитесь ли написать образцы, какимъ образомъ писать оные, на какой бумагѣ или паргаментѣ. Былъ я у его сіятелства прошедшаго генваря 19 д., подалъ, что слѣдовало, принятъ благосклонно, обѣдалъ у него и обнадеженъ сими словами, что я для васъ все здѣлаю; но при всемъ томъ, сколко ни стараюсь узнать, представилъ ли онъ, хочай за симъ и посылалъ нарочнаго, не могу узнать, при всемъ томъ другіе получаютъ, многимъ числомъ, ассесорства въ два мѣсяца такіе, кои моимъ службамъ никакъ подобны быть не могутъ, и я лучше желаю быть вѣчно въ нынѣшнемъ чинѣ, носящемъ мною 17 лѣтъ, нежели ассесоромъ. Естли можно чрезъ кого справку забрать, есть ли обо мнѣ представленіе и въ какой чинъ, нижайше прошу вашей помощи. Буди въ такой, какого я противу прочихъ съ излишкомъ заслужилъ, пріемлю, буди же въ первопредставленіи, покорнѣйше прошу оставить для другихъ, а я наслаждатся буду по смерть мою чиномъ любезнаго моего отечества, безъ малѣйшаго смущенія; доволно будетъ съ мене и сего важнѣйшаго чина, что я по сіе время поведеніемъ моимъ отъ всѣхъ знатныхъ, среднихъ и послѣднихъ, заслуживаю доброе имя. Прошу о любезнѣйшимъ мнѣ вашемъ здоровьѣ мене увѣдомить, я болшаго не

буду имѣть удовольствія, если услышу милость Божію въ возстановленіи васъ отъ всѣхъ припадковъ вашихъ. Былъ я и у Евстафія; онъ мнѣ обявилъ, что онъ ожидаетъ архитектора, который дастъ ему смѣту по алебастрѣ, и въ тѣ поры будетъ онъ со мною трактовать. Пребываю съ истиннымъ моимъ доброжелателствомъ, должными почтеніемъ и глубочайшою преданностію, вашъ, м. г-ря моего братца, покорнѣйшій слуга Андрей Полетика.

117) Брата Андрея Андреевича, изъ Чернигова (?), іюль, 1784 г.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Получивъ писмо ваше, м. г-ря моего братца, отпущенное зъ С.-Петербурга прошедшого маія 30 числа, а ко мнѣ дошедшее сего мѣсяца въ 14 день, доволно былъ обрадованъ, что милостію Божіею нѣсколко избавляетесь отъ вашихъ болѣзненныхъ припадковъ, но чемъ операція полипуса вашего кончена, желалъ бы въ самомъ скоромъ времени радостною вѣстію быть удоволствованъ. Относително до комисіи о разборѣ дворянства въ нашей губерніи, совѣты ваши полезнѣйшіе и фундаменталные могу вамъ истинно донесть, что я, не получая отъ васъ оныхъ, точно онымъ слѣдовалъ и скоро вошелъ первой разъ въ комисію, все отъ васъ написанное предлагалъ комисіи, но какъ въ тѣ поры вошли въ безпутные толкованія, такъ и нынѣ тому же слѣдуютъ и ничего добраго ожидать нелзя. До сего дня комисія наша дѣлала разборъ дворянамъ, коихъ уже и разобрала болѣе шести сотъ фамилій, а докончивши всѣ списки уѣздныхъ предводителей, надѣюсь, что наберется до тысячи, но не докончивши сего же числа, разъѣхались по домамъ, сентября до 15 числа, безъ всякаго тому (sic), единственно слѣдуя собственнымъ своимъ выгодамъ, а не общественной ползѣ. Есть у нашей комисіи такія головы, что надобно съ ними и своей головы лишится, одни зъ крайней глупости, другія по негодной своей души зависти и коварству, стараются многихъ бѣдныхъ обидѣть, въ семъ числѣ полагаю и нашего губернскаго П., коего какъ растрясъ, то рѣдко сыскую ему подобнаго въ недоброходствѣ. Всѣми мѣрами старается убавить дворянъ, а не умножить, какъ уже многіе и

обижены, хочай и есть споловину добрыхъ и честныхъ людей, но не счего составить двухъ третей голосовъ, слѣдователно ничего добраго и удержать не можно, многіе же... сторонъ наносятъ и смущенія, а паче отъ прокурора Селецкаго, которой, бѣгая по домамъ, разглашаетъ, якобы государыня лишила многихъ бѣлорускихъ дворянъ дворянства за то, что они при разборѣ дворянства давали свидѣтелства подобныя нашимъ свидѣтелствамъ, и сими ложными клеветами многіе смущаются ко вреду бѣдныхъ и требующихъ справедливой помощи людей. Еще и по сіе время не рѣшились принимать значковыхъ товарищей и ихъ дѣтей, возныхъ, войсковыхъ и коллежскихъ канцеляристовъ и сотенныхъ старшинъ, держась правила того, что сенатъ по мнѣнію его сіятелства (гр. Румянцова) велѣлъ обложить ихъ всѣхъ въ подушной окладъ. Я васъ считаю человѣкомъ счастливымъ, что вы избавлены вашею отлучкою отъ депутатства вамъ слѣдовавшаго, тѣмъ болѣе, что вы бы зъ досады могли получить потераніе послѣдняго вашего здоровья. Не тѣ времена, не тѣ люди, чтобы думать о всеобщемъ добрѣ. Родъ нашъ уже разобранъ, и какъ доказателства наши, древность нашей фамиліи, то и присуждено внесть весь родъ нашъ въ шестую часть родословной книги; да и въ самомъ дѣлѣ я сію статью предпочитаю въ разсужденіи древняго дворянства первой статьѣ. Съ козаковъ уѣзда Роменскаго приняты: Коровинскіе—Савченки, Сидоренки и Тарани, а Медвежовскіе—Радченки, а болѣе ни одинъ, ниже Бартошева родня, кромѣ его самаго. За съѣздомъ 15 сентября положено докончивши разборъ по вносимымъ еще доказателствамъ протоколы нынѣ заготовляемые, начерно выслушать и набѣло переписывать и подписывать, а подписавши оные не имѣючи у себе формъ, какъ писать книгу и грамоты, не знаемъ, что и дѣлать. Печать дворянскаго собранія выдумана у насъ и уже жидами и вырѣзана за 125 рублей, съ изображеніемъ на ней посерединѣ губернскаго Чернѣговскаго герба, а около его всѣхъ гербовъ уѣздныхъ съ написаніемъ около всего того: печать дворянскаго собранія Чернѣговской губерніи. Вотъ вамъ вѣсти о нашемъ происхожденіи. За великую я себѣ (честь)? считаю

быть коллежскимъ ассесоромъ, бывши въ нынѣшнемъ моемъ чинѣ семнадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ отъ многихъ... *(Конецъ утерянъ).*

118). Григорія Ивановича Полетики, изъ Вѣны, 1784 г., $\frac{31\ іюня}{11\ августа}$.

М. г. мой, братецъ Григорій Андреевичъ! Поздравляю васъ съ тремя герцогскими Виртембергскими капитанами, для которыхъ теперь посылаю вамъ патенты, каждый въ особливомъ футлярѣ; а какъ получу требованные мною рисунки, по коимъ бы можно было знать цвѣты и форму мундировъ, не умедлю доставленіемъ вамъ оныхъ. Между тѣмъ, я при семъ посылаю щетъ находящагося здѣсь Виртембергскаго резидента барона Билера, который по письмамъ пріятелей его обманулся, когда мнѣ говорилъ, что небольшихъ издержекъ надобно будетъ по случаю нашихъ патентовъ; ибо къ нему давно уже писано только о второй статьѣ щета его, а того платежа отнюдь неожидалъ онъ, который въ первой статьѣ означенъ и о которомъ онъ отъ самаго герцога въ недавнемъ времени получилъ писмо, которое показывалъ онъ мнѣ въ подлинникѣ въ то самое время, когда вручилъ герцогскій ко мнѣ отвѣтъ, съ коего при семъ сообщаю вамъ точную копію, сожалѣя впрочемъ, что мы обманулися въ нашемъ щетѣ и въ нашей надеждѣ; ибо я, по рѣчамъ барона Билера, менше ста червонцевъ щиталъ Стутгардскія издержки, такъ что нѣсколько дней прежде, нежели онъ получилъ отъ своего герцога приказаніе о требованіи таксы, которой никогда не было еще примѣру, я въ надеждѣ на малость оныхъ издержекъ, проговорился предъ нимъ на щетъ вашъ, сказавъ ему, что вы не оставите изъявить ему благодарность вашу за употребленное имъ въ пользу сыновей вашихъ стараніе присылкою ему петербургскаго гостинца, а имянно: нѣсколько соболей на опушку шубы, о которой у насъ въ то время рѣчь была. Въ самомъ дѣлѣ, онъ заслужилъ такого подарку; но я, м. г-рь мой братецъ, при всемъ томъ сожалѣю теперь, что обязалъ васъ и себя предъ нимъ, когда вижу, что

и безъ того довольно уже коштуютъ вамъ патенты дѣтей вашихъ. Съ другой же стороны надобно принять и сіе въ уваженіе, что герцогъ Виртембергскій здѣлалъ для насъ то, чего еще никогда ни для кого недѣлалъ; что онъ родного своего племянника не инако принялъ въ дѣйствительную свою службу, какъ только маіоромъ; и что въ другомъ мѣстѣ конечно еще больше коштовало бы одновременное пожалованіе трехъ человѣки, неслужившихъ нигдѣ, въ капитаны. Я долженъ еще примѣтить о третьей статьѣ посылаемаго къ вамъ отъ меня щета, что упоминаемые въ ней тридцать фунтовъ шоколаду, по совѣту самого резидента Виртембергскаго, посредствомъ его посланы въ Стутградъ, спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ отправилъ къ герцогу мое прошеніе, съ котораго копію пришлю я къ вамъ въ другое время, потому, что теперь не достаетъ къ тому онаго. Какія книжки досталъ я изъ другихъ мѣстъ, чрезъ одного изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, такія и посылаю вамъ при нынѣшенмъ случаѣ; а впредь увидимъ, что воспослѣдуетъ изъ комиссіи, уже давно отъ меня данной, а нынѣ повторенной, тому же книгопродавцу. Не о Старовольсціевомъ польскомъ рыцарѣ, но о навигаціи Борзимовскаго до Любека, неоднократно писано отъ меня въ Варшаву, чтобы справиться о сей книгѣ въ библіотекѣ Залускаго, и выписать изъ нея то, что касается oczqtku kozaczyny; однако изъ всѣхъ обѣщаній, кои мнѣ сдѣланы были отъ двухъ пріятелей, понынѣ ничего не вышло. Естьли у васъ полагаютъ капитанъ-порутческій и секундъ-маіорскій ранги, каждый въ особенномъ классѣ, то не 13, но 14 классовъ щитать надобно и безъ сержатскихъ чиновъ. Въ величинѣ портрета моего не я, но живописецъ виноватъ, такъ, какъ и въ рамкахъ, ибо отъ меня приказано было ему здѣлать самыя простыя рамы, а мѣрка для портрета дана ему была та самая, которая съ вашего портрета взята мною въ Юдиновѣ. Впрочемъ означенное въ вашемъ письмѣ отъ 8-го марта намѣреніе ваше о сохраненіи моего портрета яснымъ и сильнымъ образомъ доказываетъ великость вашего ко мнѣ благопріятства и вашей ко мнѣ любви. Кромѣ сего, не нахожу я, м. г-рь мой, братецъ, ничего болѣе къ отвѣту на оное письмо

ваше; а остается мнѣ еще кое-что сказать вамъ въ отвѣтъ на послѣднее, отъ 15-го маія. То самая дѣйствительная правда, что вамъ о Стутгардской академіи говорилъ Николай Павловичъ, которому такъ, какъ Григорію Павловичу, прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе, и при томъ увѣрить ихъ обоихъ о моей непремѣнной и неразрушимой дружеской къ нимъ привязанности. Что принадлежитъ до намѣренія вашого, чтобы въ слѣдующемъ году послать дѣтей вашихъ въ Стутгардъ, то сверхъ худаго состоянія тамошней академіи, найдется еще и другія причины, для которыхъ не совѣтовалъ бы я вамъ посылать ихъ туда въ слѣдующемъ году, а развѣ года черезъ три, и то для того только, чтобъ они тамо нѣсколько времени послужили, между тѣмъ же можно послать ихъ въ другое какое мѣсто для окончанія наукъ, какъ напримѣръ въ Геттингенъ, гдѣ обучается сынъ Андрея Степановича Милорадовича. О выше помянутыхъ причинахъ скажетъ вамъ г. Ермолаевъ, естьли изволите спросить его объ онныхъ, а мнѣ истинно не достаетъ времени входить здѣсь въ подробное ихъ изъясненіе. Чрезъ него жъ Ермолаева я посылаю по нѣсколько аршинъ шелковыхъ лентъ разныхъ сортовъ, о которыхъ и записку взятую отъ купца при семъ прилагаю, прося васъ впрочемъ дать мнѣ знать, будутъ ли онѣ вамъ угодны. О владимирскомъ крестѣ я вамъ, м. г-рь мой братецъ, скажу вкратцѣ, что это Богъ знаетъ, на что походитъ, будьто для того не дали мнѣ никакого креста, что начальникъ мой представилъ свое мнѣніе (однако жъ отнюдь не въ указъ), по которому онъ удостоилъ меня третьяго класса; ибо когда сей классъ показался дли меня слишкомъ великимъ и превосходящимъ мѣру заслугъ моихъ и когда потому не хотѣли помѣстить меня въ немъ, то для чего не дать было мнѣ мѣста въ четвертомъ классѣ? Мало ли чего дѣлается противъ представленій? Мало ли было у насъ самихъ, во время двадцати двухъ-лѣтней моей бытности въ здѣшнемъ мѣстѣ, такихъ резолюцій, которыя не согласовали съ представленіями? и не лучше ли дать что нибудь, нежели ничего? Я можетъ лучше знаю, нежели Николай Павловичъ, сокровенныя причины, кои недопустили меня до полученія креста; но что дѣлать? терпѣть

надобно. Остается мнѣ сказать вамъ, м. г-рь мой братецъ, праводушно, что ни г. Кудрявской, (которой съ великою благодарностію принялъ блогосклонное ваше объ немъ напамятованіе), ни я, не можемъ услужить вамъ архивомъ нашимъ, ибо свидѣтель Богъ, что съ великимъ трудомъ исправляемся мы въ своихъ должностяхъ, и что весьма мало остается намъ обоимъ свободнаго времени и посольскими дѣлами, кои часъ отъ часу болѣе умножаются. Въ заключеніи всего сего я долженъ объявить вамъ, что вашихъ денегъ остается у меня сто пятьдесятъ семь гульденовъ и 2 крейцера цесарской монеты; ибо по присланному отъ васъ ко мнѣ векселю на 1188, а не на 1200 рублей, получилъ я отъ одного изъ Вѣнскихъ банкировъ здѣшними деньгами 1697 гульденовъ и 21 крейцеръ, какъ то можно усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ же записки, которая отъ банкира за своеручною его подписью дана мнѣ при полученіи у него денегъ по одному векселю. По сей запискѣ, тако жъ по щету Виртембергскаго резидентъ и по выше реченной купеческой запискѣ о посылаемыхъ къ вамъ лентахъ, найдется точность объявленія моего объ остающихся у меня денегъ вашихъ, изъ которыхъ должно еще будетъ нѣсколько издержать на заказанные мною въ Стутгардѣ темляки для капитановъ нашихъ, тако жъ и на рисунки, о коихъ выше сего рѣчь была. Впрочемъ пребуду я всегда съ непремѣнною моею къ вамъ преданностію и совершеннымъ почтеніемъ, вашъ покорнѣйшій и усерднѣйшій братъ и слуга Григорій Полетика.

P. S. Г. Ермолаевъ можетъ также кое что сказать вамъ о томъ, что вы, м. г-рь мой братецъ, давно уже совѣтовали мнѣ стараться получить какія либо деревни; а я только слова два, три скажу вамъ о сей матеріи: совѣтъ весьма добръ, дружественъ и благоразуменъ, но не намъ, Господи, не намъ пользоваться онымъ.

119) Андрея Степановича Милорадовича, изъ Чернигова, 1784 г., 3 октября.

М. г-рь мой Григорій Андреевичъ. Писмо ваше августа отъ 29-го пущенное, я имѣлъ честь получить, и хотя дружеское ваше выраженіе обыкновенно пріемлю съ особливымъ и пріят-

нѣйшимъ моимъ удовольствіемъ во всегдашнее время, но теперешнее ваше положеніе, въ разсужденіи одержимыхъ припадковъ, весма оскорбляетъ меня, ожидая засимъ нетерпѣливо съ сердечнымъ желаніемъ получить увѣдомленіе о выздоровленіи вашемъ, не сумнѣваясь при томъ, какъ со стороны умѣренности вашей нужной къ сохраненію здоровья, такъ и по нынѣшнему мѣсту состоянія именитыхъ и лучшихъ медиковъ, съ которыми однакожъ, дай Боже намъ болѣе нужды не имѣть и пріити въ свое здоровье. Прилагаю при семъ о службѣ моей списокъ и два атестата, на послѣднюю компанію турецкой войны служащіе, и не желая отнюдь васъ обременять, ежели припадки затрудненіемъ быть могутъ, не безпокойтеся и возвратите ко мнѣ обратно. Въ челобитной же моей объяснивши, что за изнеможеніемъ силъ моихъ и слабаго здоровья, далѣе службы продолжать не могу и по недостаточному или скудному состоянію моему къ содержанію себя и дѣтей моихъ дабы, изъ высочайшаго милосердія и призрѣнія на долговременную и усерднѣйшую службу мою, просить оставить мнѣ получаемое нынѣ жалованье мое по мою жизнь; фелдмаршалъ, у котораго я недавно былъ, показавъ виды въ предпринимаемой мною отставкѣ своего чувствованія и сожалѣнія, обѣщалъ всякую помощь, совѣтуя прежде прислать къ нему прозбу объ орденѣ св. Владимира, по имѣнію права къ полученію онаго, будучи съ 1749-го года декабря со 12 дня порутчикомъ, чему въ слѣдующемъ декабрѣ совершится 35 лѣтъ, и ежели я на сіе поступлю, то долженъ препроводить прозбу въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а объ отставкѣ въ новомъ годѣ, въ февралѣ, неизвѣстный жребій буди бы оной указалъ на 4 класъ ордена за лѣта даваемый, то лучше бы при старыхъ остаться да и подарить, ежели не догадаются, кажется нѣтъ нужды, особливо уже при отставкѣ. Хочу же вамъ, м. г-рю моему, сказать, сколько мнѣ заподлинно извѣстно по увѣренію г. губернскаго предводителя и депутатовъ, что коммиссія ихъ о разборѣ дворянства не скупится въ число сіе принятіемъ, хотя только кто основаніе по своему доказательству на то имѣетъ и не такъ строго судятъ, какъ можетъ быть пересказываютъ; правда, что горячія пренія и личныя досады часто бываютъ причиною во

всякихъ дѣлахъ несогласія, остерегаются при томъ въ соображеніи пунктовъ проекта могущаго быть по герольдіи опровержения, а себѣ предъосужденія по трудамъ немалаго времени, а о грамотѣ и другихъ по формамъ и наставленіямъ сумнѣніяхъ, намѣрены доложиться генералу губернатору. Андрей Андреевичъ къ нынѣшнему собранію еще не пріѣхалъ, а ожидается. Меня обыкновенно между иными дѣлами заботитъ немало призывъ депутатовъ, просимые отпуски до меня не столь принадлежащіе, какъ поспѣшествовать окончанію по разнымъ обстоятельствамъ отъ сената до здѣшняго правленія входящимъ. Нынѣшнее мое отправленіе въ Петербургъ сихъ нарочныхъ сотеннаго асаула Мойсея Козачка и при немъ двоихъ служителей моихъ не для посылки гостинцовъ на двоихъ трехъконныхъ повозкахъ, какъ, по привычкѣ моей, къ выпискѣ прихотей моихъ, отъ которыхъ впредь хочу перестать; а по нынѣшнему случаю васъ, вселюбезный другъ мой, покорнѣйше прошу, по возможности вашего состоянія, въ скорѣйшемъ оныхъ посланныхъ моихъ сюда возвращеніи не оставить вашимъ пособіемъ, чтобъ скоро за пріѣздомъ ихъ туда приказать, съ кѣмъ знающимъ и удобнымъ человѣкомъ, приказать препроводить и отдать съ благопристойностію посланное варенье, заѣдокъ въ домѣ его сіятельства князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, въ двухъ ящикахъ, и къ Александру Андреевичу Безбородку, въ одномъ, по замѣткѣ на тѣхъ же ящикахъ значащейся. Писемъ же отъ меня ни къ одному не посылаю и для того объявить, что при оказіи послано безъ писемъ и кажется въ нихъ нужды нѣтъ въ разсужденіи извѣстнаго моего знакомства не неблагопристойно покажется; а затѣмъ по влагаемому у сего реестру, чрезъ довольно знающихъ, искупить по выбору значащуюся провизію и другія нужныя мнѣ вещи, и особливо уложивъ порядочною укладкою, чтобъ цѣлостно и безвредно къ дорогѣ провезти; а на покупку всего того при семъ же ассигнаціями посылаю 325 рублей, да сверхъ того на содержаніе на мѣстѣ въ оба пути людей и лошадей поручено мною асаулу сотенному 75 р. Отъ брата Петра Степановича пакетъ писемъ къ хозяину вашему Якову Ивановичу Хорошкевичу здѣсь же сообщаю. Пребывающій съ совер-

шеннымъ моимъ усердіемъ и отличнымъ почтеніемъ вашъ м. г-ря моего вѣрный и покорнѣйшій слуга Андрей Милорадовичъ.

120) Могилевскаго архіепископа Георгія Конисскаго, изъ Могилева, 1784 г., 15 октября.

Высокоблагородный господинъ, м. г-рь! Писаніе ваше мною, а заимодавцомъ г. Іоранскимъ 50 червонцовъ, по векселю, отъ братовъ вашихъ данному и на срокѣ протестованному, получены. Слѣдовавшіи проценты по векселному закону помянутымъ заимодавцомъ, по приказанію моему, безъ взисканія оставлены, а толко за проѣздъ его, бывшій въ прошедшомъ году, нарочно за симъ долгомъ въ Стародубъ съ Могилева, самое малѣйшое число, то-есть 5 р., имъ отъ присланного вашего взяты. Требуемыхъ конституцій вами въ Могилевѣ въ продажѣ нѣтъ; и никто даже изъ самыхъ адвокатовъ не виписываетъ онѣхъ, яко несоставляющихъ нынѣ подъ россійскою державою не законоположенія, ниже исторіи нужной. О чемъ объявивъ, съ достодолжнымъ почитаніемъ, остаюсь высокоблагородія вашего м. г-ря покорный слуга архіепископъ Мог. Георгій.

121) Брата Андрея Андреевича, 1784 г., 15 октября.

М. г-рь мой, братецъ Григорій Андреевичъ. Отпущенное отъ васъ, м. г-ря моего братца, писмо прошедшаго сентября отъ 19 числа, получилъ я оное сего мѣсяца 13 числа; оное мене наиболѣе тѣмъ опечалило, что я не вижу о здоровьи вашемъ ничего полезнаго, которое для мене драгоцѣннѣе всего, но не сумнѣваюсь, чтобы усердныя молитвы непрестанно приносимыя въ храмѣ Оксютинскомъ іерейскими устами къ милосердному Творцу нашему о исцѣленіи васъ отъ вашей болѣзни, не успѣли и не испросили бы вамъ первобытнаго и долгоденственнаго здоровья. Могу вамъ признаться вамъ, м. г-рь мой братецъ, что я еще никогда отъ васъ не былъ обиженъ такъ, какъ въ нынѣшнемъ писмѣ мною отъ васъ полученномъ. Душа и совѣсть моя ничего мнѣ не предявляетъ такого, за что бы я моглъ относително до братнихъ дѣтей и ихъ имѣнія отдать Богу отвѣтъ; правда, что не оправдится никто предъ Создателемъ въ своихъ дѣлахъ, а поможетъ толко твердое упованіе и его милосердіе,

развѣ за то, что я выполнилъ прозбу умирающаго брата и принялъ подъ наблюденіе его дѣтей и имѣніе, и сохранилъ его въ цѣлости, долговъ выплатилъ до 6000, дому не опустошилъ, а во многомъ поправилъ, хлѣба пріобрѣлъ въ десять разъ болѣе, нежели отъ него осталось; а что подкоморій Столповскій лишилъ невинно сиротъ двадцати дворовъ въ Коровинцахъ, въ томъ ли я виноватъ, когда вы сами были налицо и знаете ради кого онъ сіе здѣлалъ, и что бездѣлникъ Левандовскій, подъ видомъ благотворенія дѣтямъ, сіе надъ ними исполнилъ; что же принадлежитъ до мнѣнія людей, знающихъ дѣло объ опекѣ, что я оной и по сіе время зъ себе не здалъ, то я ихъ извиняю, они моего намѣренія не зная, могли и могутъ думать, что я имѣнія братняго и мнѣ нипочему непринадлежащаго, неохотно хочу съ рукъ выпустить, я ихъ моею совѣстью увѣряю, первое, чтобъ оттягать было отъ Левандовскаго 20 дворовъ, бездушно имъ пріобрѣтеніе; второе, чтобы сыскать старшой дочери братней жениха, какъ то сыскивались и нынѣ сыскиваются обоимъ, и ввесть ихъ въ ихъ имѣніе, не давая съ такъ неболшого имѣнія правнаго опекунамъ дохода; а какъ они волѣ моей не захотѣли повиноватся и описали меня зъ сочиненія мошенниковаго отъ ногъ до головы, то я не толко отъ ихъ имѣнія руки умываю, но и отъ ихъ самихъ, и хочай мнѣ здѣшнее главное правителство и велитъ въ мое вѣдѣніе опять привернуть имѣніе, но я не на то веду, чтобы оное принять, а стараюсь толко, чтобы земскаго исправника Стаховича отправить въ уголовную палату за починеніе нимъ плутовства въ освидѣтелствованіи насилія, а что принадлежитъ до отчета за содержаніе мною ихъ имѣнія, то я болѣе на мою совѣсть надѣюсь, нежели на приходныя и расходныя книги; видно, что я на то родился, чтобы получить въ награжденіе за доброе злое. По моимъ недостаткамъ желалось бы, чтобъ дѣти мои введени были въ корпусъ, но чимъ перемѣнить, когда такое для нихъ счастье; на первый случай, пишу я къ Собецкому, буди мое писмо застанетъ его тамъ, чтобы онъ должныя нынѣ мнѣ денги сто рублей оставилъ у васъ, а сколко болше надобно, покорнѣйше прошу меня увѣдомить, буду старатся прислать. Слѣдуетъ ли мнѣ прописуемые заидки съ Пет-

ромъ Афанасіевичемъ посылать, когда за моими заидками и его дѣти придобрились кому слѣдовало, а онъ ихъ еще и не давалъ. Наконецъ, пожелавъ вамъ выздоровленія, какъ наискорѣйшаго, съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ есмь и пребуду вашъ, м. г-ря моего братца, всепокорнѣйшій слуга Андрей Полетика. Я нездоровъ и затѣмъ не ѣду въ Чернѣговъ до перваго зимняго пути.

122) Петра Афанасьевича Шкляревича, изъ м. Хмелова, 1784 г., 27 октября.

М. г. мой, дядюшка Григорій Андреевичъ! Покорнѣйше прошу извинить меня, что я на письмо ваше отъ 19 сентября, полученное мною сего октября 17 числа, до сего времени не отвѣтствовалъ; причина тому главнѣшая, что въ ожиданіи купцовъ на табакъ, намѣренъ былъ я денги, для содержанія дѣтей моихъ требуемыя, доставить вмѣстѣ, но какъ сей годъ намъ въ неурожая хлѣба и сѣна весьма тягостенъ, такъ же и табаку хоть родилось мало, но и на тотъ купцовъ нѣтъ, а уповаю боятся къ намъ ѣхать, чтоби избавиться отъ карантиновъ, ибо уже и въ Прилукѣ несчастная болѣзнь оказалась и оная заперта. Я только до сего дня продалъ свой прошловскій табакъ и ожидаю денегъ на сихъ дняхъ, но переслать ихъ къ вамъ, м. г—рю моему, въ способѣ разбиваюсь мыслями: легче всего по почтѣ, но и тутъ сказываютъ, что всѣ письма изъ Малой Россіи въ С. П.-бургъ и другіе—колютъ и кладутъ въ уксусъ, отчего пропасть могутъ ассигнаціи, другая опасность, что я посылалъ отсюда въ Новгородокъ свою ассигнацію на 25 рублей, при почтмейстеру Конотопскомъ запечаталъ оную въ письмо, и онъ сверхъ моей и свою печать приложилъ, тое письмо, какъ по справкѣ явилось, вездѣ на почтахъ прошедши, въ Новгородкѣ съ денгами пропало. Мнѣ обявляла тетушка Елена Ивановна, что она къ вамъ въ письмѣ послала на сто рублей ассигнацію, но неизвѣстенъ я, получили ли вы, м. г., оную, покорнѣйше прошу увѣдомить меня и какой вы лучшій способъ пересылки денегъ за благо разсуждаете, естьли до того не сыщу я нарочнаго. Я справку дѣлалъ съ графскою канцеляріею, чтобы чрезъ курьеровъ отъ него посылаемыхъ переслать, но и

тутъ сказано, что и курьеровъ задерживаютъ въ карантинахъ и не пропускаютъ, о чемъ де представлено къ ея величеству. Отсрочка въ корпусъ дѣтей нашихъ весьма для меня и дяди Андрея Андреевича тягостна, но что дѣлать болѣе, какъ только ожидать вожделѣннаго сего пріема; естьли удастся на общемъ коштѣ въ числѣ депутатовъ, отправлену быть въ С. П.-Б., о чемъ я всячески стараться буду по обновленіи нашего намѣсничества, къ которому уже и срокъ слѣдующаго генваря мѣсяца 10 число назначенъ, то и я буду у васъ, а естьли депутаты отправлены будутъ попрежнему, то не въ состояніи такихъ здѣлать издержекъ, на ваше милостивое попеченіе оставляю дѣтей моихъ. Братцы мои гвардейцы надѣлали вижу довольно намъ мотовствомъ своимъ добра, кромѣ долгу, о которомъ и вы изволили увѣдомлять и самъ адъютантъ ко мнѣ пишетъ: ѣдучи въ Тулѣ, нахватами у купцовъ 75 руб., вздумавши тамъ свататься дурачески а безо всякой другой нужды, а можетъ быть еще что съ такою пѣснею отзовется, ибо кромѣ плутовства и обмановъ ничего отъ нихъ допроситься не могъ. Я отвѣчалъ къ адъютанту, чтобы онъ принялъ терпѣніе на нѣкоторое время, увѣряя его, что буду стараться отъ отца выпросить денги для заплаты его долгу, ибо мы согласились пріуготовить его прежде къ сей вѣсти, чтобы иногда нечаянно объявивши, не быть, храни Богъ, и его смерти причиною. Начало уже здѣлано, чтобы симъ мотать въ П.-бургъ болѣе не посылать, а съ помочью полковника Гудовича надѣемся исходатайствовать имъ выпускъ, чѣмъ бы то ни было, въ малороссійскіе полки. Подлинно уродились да удались. Я уповаю, что г. адъютантъ мое письмо вамъ покажетъ, ибо и ко мнѣ объ васъ пишетъ, то какъ я ему писалъ самую истину и васъ покорнѣйше прошу въ томъ его увѣрить, чтобы не сомнѣвался. Въ прочемъ у насъ все по старому. Что съ представленіемъ обо мнѣ дѣлается и могу ли я выше ассесора получить чинъ, покорнѣйше прошу при случаѣ меня увѣдомить, пребывающаго съ истиннымъ высокопочитаніемъ вашего м. г-ря, дядюшки, вѣрнопокорнѣйшаго слуги Петра Шкляревича.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Поднесеніе Черниговскимъ дворянствомъ малороссійскому генералъ-губернатору Куракину золотой вазы. Въ помѣщенной въ предъидущей книгѣ журнала [1]) статьѣ: «Изъ воспоминаній, изданныхъ не для публики» мы, со словъ автора воспоминаній «Pro domo sua», о которой мы говорили,—разсказали о поднесеніи черниговскимъ дворянствомъ бывшему малороссійскому генералъ-губернатору кн. Алексѣю Борисовичу Куракину золотой вазы и о вызванномъ этимъ поднесеніемъ предложеніи Куракина воспитывать на своемъ иждивеніи 20 дѣтей недостаточныхъ дворянъ въ домѣ воспитанія бѣдныхъ. Иллюстраціей этому могутъ послужить появившіеся въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» два документа, которые поэтому мы и считаемъ не лишнимъ привесть въ дополненіе къ нашему разсказу.

Вотъ постановленіе Черниговскаго дворянскаго собранія отъ 13 января 1806 г.:

„Малороссійской черниговской губерніи Дворянское Собраніе, имѣя разсужденіе, что съ времени главнаго управленія его сіятельства господина малороссійскаго генералъ-губернатора обѣими малороссійскими губерніями чрезъ милостивое его ходатайство оказаны сему краю многія благодѣянія. Корпусъ дворянства въ признательность за оные опредѣляетъ поднесть его сіятельству памятникъ для предбудущихъ временъ въ вещи, составляющей золотую вазу на сумму десять тысячъ рублей, съ приличною на ней надписью. Сумму же на оную употребить пять тысячъ руб. изъ суммы дворянской, пять же тысячъ рублей дворянство доставитъ отъ себя. Исполненіе же сего опредѣленія г. губернскій маршалъ пріемлетъ на себя". Затѣмъ слѣдуютъ подписи губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ и другихъ дворянъ, всего 95 подписей.

Получивъ вазу, которая обошлась дороже первоначально предназначенной суммы (именно 17.060 руб. 25 коп.), Куракинъ отвѣ-

---

[1]) Кіевская Старина 1895 г. № 5.

чалъ на это поднесеніе слѣдующимъ письмомъ, адресованнымъ на имя губернскаго маршала Н. М. Стороженка:

„Милостивый Государь мой
Николай Михайловичъ!

Имѣвъ честь получить при письмѣ вашего превосходительства отъ имени дворянства черниговскаго золотую вазу, я нахожу себя въ непремѣнной и пріятнѣйшей для меня обязанности просить васъ засвидѣтельствовать ему признательность, каковую чувствую я къ таковому благорасположенію ко мнѣ сего почтеннаго сословія.

Примите пожалуйста на себя, милостивый государь, изъяснить за меня, что сколь лестно мнѣ всегда было снискивать и пользоваться его довѣренностію, столько лестно видѣть и изъявленіе оной. Я, конечно, въ полной мѣрѣ умѣю оное цѣнить и вмѣняю себѣ въ особенное счастіе, если усилія, кои токмо старался я устремлять на дѣйствія полезныя, достигали цѣли своей и пріобрѣли мнѣ благорасположеніе дворянства. Памятникъ онаго послужитъ къ чести моей и будетъ всегда пріятнѣйшимъ для меня воспоминаніемъ.

Возобновляя свидѣтельство моея благодарности къ сословію дворянства черниговскаго, я прошу васъ предложить ему о желаніи моемъ воспитать, въ знакъ оныя, на моемъ иждивеніи, въ учрежденномъ тамо домѣ воспитанія, двадцать человѣкъ изъ дѣтей недостаточныхъ дворянъ, кои будутъ туда приняты по избранію и назначенію самого дворянства.

Благосклоннымъ принятіемъ сего усерднаго моего пожертвованія дворянство вновь удостовѣритъ меня въ его ко мнѣ благорасположеніи.

Въ заключеніе, прошу васъ, милостивый государь мой, принять свидѣтельство благодарности моей собственно къ вамъ, яко принявшему на себя исполнить волю дворянства.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть навсегда вашего превосходительства покорный слуга кн. *Алексѣй Куракинъ.*

4 февраля 1809 года“.

По сообщенію г. М., помѣстившаго въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ эти документы, поднесенная Куракину ваза заключала въ себѣ болѣе пяти фунтовъ золота. Съ одной стороны на ней былъ изображенъ черниговскій гербъ съ подписью: «печать дворянскаго собранія черниговской губерніи», а съ другой стороны—вензель Куракина и надпись: «Малороссійскому генералъ-губернатору князю Алексѣю Борисовичу Куракину». Въ настоящее время этотъ «памятникъ для предбудущихъ временъ», какъ назвало свою вазу черниговское дворянство, сохраняется, вѣроятно, въ имѣніи Ѳ. А. Куракина въ саратовской губерніи.

Н. Ш.

Сказка о человѣкѣ, понимавшемъ разговоръ животныхъ.

Бувъ одынъ сырота и ны мавъ де соби найты службы. Иде дорогою и плаче, а на встричъ ему якъ разъ якійсь панъ иде. «А чого ты, хлопче, плачешъ?»—Отъ такъ и такъ, паночку,—ныма де службы найты.—«Ходимъ до мене, будешъ у мене служиты!» И повивъ его панъ узенькою дорожкою въ очеретъ. Дывыцця той хлопець: куды це винъ веде мене? Колы це бачитъ: прыздорова хата въ очерети; входыть винъ—никого нема тамъ. «Теперъ, хлопче,—каже панъ,—ничого ны будышъ робыты, тики дрова рубаты, ти що стоять въ сажняхъ»,—а самъ взявъ та й пишовъ соби. Сумно яко-сь зробылось тоди тому хлопцю, выйшовъ винъ на двиръ, дывыцця: кýды-бъ тутъ ему втикты?—колы бачить, и дорожки тои ныма, куды воны сюды йшлы... мабудь, дума соби, треба оставатысь та служиты. Взявся винъ до роботы, такъ ему годъ—якъ каглою выйшовъ. И дума винъ соби: «шо я за дурный, шо ны договорывся за цину?» Колы це прыходыть ёго панъ. «Сёгодня, каже, тоби годъ выйшовъ, ходимъ, та я тебе розсчытаю!»—и прыводыть ёго въ коморку; а тамъ купа грошый лежить. «Ну, каже, быры, хлопче, за твою службу скильки хочишь!» Ставъ хлопыць та й думае:.. якъ визьму мало, то впосли буду жалкуваты,—визьму богато—боюсь, шобъ панъ ны лаявъ». Думавъ винъ, думавъ, та й каже панови: «лучче, пане, сами дайте, скильки знаете!» А панъ каже: «якъ ты такый дурынь, то чекай, я тоби лучче заплатю ны такъ!» та якъ свысне ёго кулакомъ въ ухо въ одно, потимъ въ друге,—«о-це, каже, тоби плата, глядыжъ теперъ, никому ны росказуй, шо я тоби такъ заплатывъ!»

Выйшовъ хлопыць на двиръ, плаче. Колы бачить: и дорижка йе, куды ему выйты. Выйшовъ винъ на гору, на велыкый шляхъ, колы дывыцця: литае птычка и балакае зъ своими дитьми,—а винъ понимае, шо вона каже. «Эге—каже винъ соби—не дурно панъ казавъ, шобъ никому ны росказуваты,—мабудь цей панъ изъ закованнымъ носомъ!» (т. е. волшебникъ, или чортъ). Отъ говорыть до своихъ дитей птычка: «постойте, диты, прыйидуть увечери чумакы и будуть блызько коло насъ ночуваты, та наварятъ каши, а разбойныкы прыйдуть и побьють ихъ и намъ останецця вся каша,—отъ тоди я васъ нагодую».—«А якъ такъ, дума соби хлопець, то треба пидождаты чумакивъ,—чи правда то буде, шо ця птычка каже». Колы це незабаромъ дывыцця винъ: йидуть чумаки. «Отъ тутъ ставаймо и будымъ ночуваты!» Выпряглы волы и быруцця варыты кашу. Пидходыть винъ тоди до ныхъ и каже: «я бъ вамъ, дядькы, ны совиту-

вавъ тутъ ночуваты».—«Чого жъ такъ?»—«А того, шо сюды прыйдуть розбойныкы и побьють васъ!»—«Эге, а насъ хиба мало! куды имъ!»—А одынъ чумакъ каже: «а я не хочу тутъ ночуваты, шобъ чого справди ны було».—«Этъ дурный ты, шо дурного слухаешь!»—«Ни, таки пойиду дальше!» И одъихавъ винъ съ тимъ хлопцемъ на версты дви и переночувалы благополучно. «Ну, каже хлопець, ходимъ теперъ, побачимъ, шо тамъ случилось?» Прыходять воны,—колы вси чумаки побыты лыжать, а птычка носыть и годуе своихъ дитей. Спасыби тоби, хлопче, шо ты спасъ мене одъ смерти»,—дякуе той чумакъ; пытае: «якъ це ты взнавъ?»—«Мини птычка сказала, шо це теперъ щебече!»—А той каже: «Пойидымъ, каже, сыну, до мене, ты сырота, а въ мене йе дочка,—може ты будешь зятемъ мини, все тоби отдамъ багатство».

Прыйижають воны вже въ село, колы литыть ворона,—крычыть: «Уже йиде хозяинъ, ны знае, шо вдома робыцця: выкралы комору, а хазяйка на воротяхъ ожидае и хоче зарizатысь!» Хлопець тогди каже: «дядьку, у васъ плохо робыцця вдома: выкралы комору, а хозяйка стоить на воротяхъ зъ ножемъ и хоче зарizатысь,—такъ васъ боицця. Теперъ, каже, покажить мини дорогу, я буду самъ йихаты, а вы бижить и заходьте потехенько ззади, выдырить нижъ и вговарюйте, шобъ ны журылась». Такъ винъ и зробывъ: зайшовъ иззади, выдиръ нижъ, каже жинци: «ны бійсь, дурна, я ничого тоби ны скажу! слава Богу, каже, шо я самъ жывый зоставсь,—мои товарыши давно побыты лежать, а намъ давъ Богъ славного хлопця, то винъ мене спасъ и тебе тоже,—може ще буде намъ зятемъ. Онъ-онъ, каже, винъ уже йде изъ нашими волами! Зайижай, каже, сыну, та ходимо до хаты! Давай, жинко, вечераты!» Силы воны, повечералы, и собакамъ йисты далы. Выйшовъ хлопець на двиръ, дывицця, ажъ собаки сварящця, а винъ разбира ихъ разговоры. Одынъ каже: «ты ны йижъ, бо ты не встеригъ коморы, а я й теперъ вещи стережу!»—найився та й пишовъ ажъ на вулыцю, на смитныкъ, лигъ та й лежить. Иде хлопець до хаты та й каже: «ну, дядьку, давайте заступа, ходимъ ваши вещи копаты, ти, шо злодіи покралы!» Прыйшлы воны до того мисця, дё лежить собака, сталы копаты и выкопалы вси вещи. «Ну, каже хозяинъ, теперъ будемъ робыты сватання и весилля, куплю я вамъ хату, дамъ шисть паръ воливъ и грошей трохи и будете вы житы!»

Незабаромъ оженывся той хлопець, выбрався въ свою хату и живе соби, якъ Богъ прыказавъ. Отъ одынъ разъ пишла жинка до

матери, а маты и каже: «спытай—но, дочко, якъ винъ усе може знаты? чи винъ такый волшебныкъ, чи такъ знае все?»—«Э, мамо, я вже ёго пытала, а винъ каже: якъ тоби расказаты все, то умру».—«Дурна ты, дочко,—якъ умре, то тильки и шкода! Вылыка цяця наймытъ! ты ще выйдышь за кращого хозяина!» Прыйшла жинка до дому и прыстала до мужа: роскажи та роскажи. А винъ каже: «ну, якъ ты мене не жалуишь, то давай билу сорочку, я надину, сляжу на лавци и буду росказуваты, а потимъ умру».—«Не умрешь, чоловиче, Богъ зъ тобою, шо це ты выгадавъ!»—а сорочку таки достае и знову просыть росказуваты. Узявъ винъ, надивъ сорочку, лигъ, колы це десь узявся пивень пидъ викномъ, якъ заспивае, закрычить до его: «дурный, ты, каже, на шо ты такый вылыкый секретъ кажешь жинци? ось у мене сорокъ жинокъ и я правды ны одни ны кажу! узявъ бы нагайку та показавъ бы, якъ правду казаты!» А жынка пыта: «чогожъ ты мовчишь, чоловиче?»—«Пидожды, жинко, треба тебе навчиты!»—уставъ, заперъ двери на крючокъ, узявъ нагайку,—якъ зачавъ правду казаты, що вже вона не знала, якъ просытысь! «А що, жинко, будешь пытаты?»—«Ой, ны буду, голубчику!» Якъ вырвалась вона изъ хаты, побигла до матери жалуватысь. Якъ побачила маты дочку побыту—ажъ переляклась, стала крычаты. Почувъ батько, уходыть на той крикъ до хаты: «А це що, дочко?»—«Эге, що?—каже маты: шобъ ты пропавъ изъ своимъ зятемъ разомъ! якый-сь наймитюга та буде мою дытыну убываты!» Колы и зять уходыть. «Здраствуйте!»—«Здоровъ! А що ты, сыну, робышь?» пыта батько. Росказавъ винъ все, якъ було. «А на шожъ ты, дочко, пытала ёго, якъ ему не можна казаты?» А зять каже: «Та я бувъ бы и росказавъ, та пивинь пидійшовъ пидъ викно, та дурнемъ мене назвавъ за те, шо я не вмію жинки вчиты!»—«И правда, шо не вміишь, каже батько; якъ узявъ батигъ, якъ начавъ стару и молоду батогомъ потягаты, облушпарывъ добре... «Отъ теперъ, каже, иды, дочко, до дому и николы не пытай мужа!»

И съ тихъ поръ жинка не пытала бильше мужа и добре жилы воны до самои старости. (Запис. А. Школа въ пос. Новоархангельскѣ елисаветгр. у.).

Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ**.

Циркуляръ Херсонскаго губернатора. Херсонскимъ губернаторомъ М. Веселкинымъ разосланъ къ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ губерніи циркуляръ слѣдующаго содержанія: «Херсонская губернія, какъ извѣстно, богата древностями разныхъ эпохъ жизни человѣчества, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ: въ почвѣ ея находятъ памятники быта разныхъ народовъ, со временъ первыхъ обитателей Европы до новѣйшаго, сравнительно, времени иноземнаго здѣсь владычества. Къ сожалѣнію, не мало весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ древности погибло отъ неумѣлыхъ, а иногда недобросовѣстныхъ пріемовъ кладоискателей, и много вещей, имѣющихъ большое археологическое значеніе, увезено за границу. Заботясь о сохраненіи для пользы отечественной науки уцѣлѣвшихъ еще памятниковъ старины въ нашемъ краѣ, считаю долгомъ обратиться къ просвѣщенному содѣйствію вашему, въ цѣляхъ положить предѣлъ дальнѣйшему расхищенію продолжающихся и ожидаемыхъ важныхъ археологическихъ находокъ. Въ этихъ видахъ были-бы приняты съ особою благодарностью сообщенія херсонскому Губернскому Статистическому Комитету свѣдѣній по прилагаемой программѣ, присылка предметовъ древности для опредѣленія ихъ происхожденія, или же для помѣщенія въ образуемый при Комитетѣ Музей и, наконецъ, извѣщеніе Статистическаго комитета о предполагаемыхъ или произведенныхъ уже раскопкахъ и находкахъ».

Приложенная къ циркуляру краткая «программа археологическаго описанія мѣстности» ставитъ рядъ вопросовъ, касающихся главнымъ образомъ древнихъ земляныхъ сооруженій (городищъ, кургановъ, валовъ, пещеръ), а также случайныхъ находокъ и археологическихъ коллекцій.

Какъ мы слышали, уже есть и результаты этого циркуляра: получено много отвѣтовъ на програму, дающихъ цѣнныя указанія о мѣстныхъ древностяхъ. Систематизаціей ихъ занятъ секретарь Статистическаго Комитета В. И. Гошкевичъ, ведущій также и самостоятельныя разысканія о древностяхъ херсонской губерніи, преимущественно первобытной эпохи.

Учрежденный при Комитетѣ «Херсонскій Археологическій Музей» также двигается впередъ и со временемъ несомнѣнно займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди другихъ подобнаго рода учрежденій, которыми, къ слову сказать, еще бѣденъ нашъ югъ, такъ богатый памятниками старины.

Мѣры, предпринимаемыя херсонскимъ губернаторомъ къ сохраненію и систематическому описанію мѣстныхъ древностей, заслужи-

ваютъ полнаго сочувствія; только такимъ путемъ могутъ быть побѣждены косность, отсутствіе интереса къ родной старинѣ, которыя съ такой силой царятъ въ средѣ нашего общества.

Будемъ надѣяться, что просвѣщенная дѣятельность херсонскаго губернатора вызоветъ подражанія и въ другихъ мѣстахъ нашего края. Если древности херсонской губерніи, составляющія по большей части наслѣдіе иноплеменныхъ намъ народностей, обратили на себя такое вниманіе, если къ охранѣ ихъ принимаются энергичныя мѣры, то тѣмъ болѣе желательно такое отношеніе къ памятникамъ старины, напр., юго-западныхъ губерній, искони населенныхъ славянскимъ племенемъ, бывшихъ ареной начальнаго развитія жизни русскаго народа, хранящихъ въ своей почвѣ безчисленные остатки прошлаго. Нельзя отрицать, конечно, что и по отношенію къ этимъ послѣднимъ кое-что уже сдѣлано, какъ спеціальными учрежденіями, такъ и частными лицами; но все это носило и носитъ временный характеръ, лишено общаго плана, вызывалось зачастую чисто случайными обстоятельствами,— *постоянное* наблюденіе (которое и возможно лишь *на мѣстѣ*), искреннее отношеніе къ дѣлу, пробужденіе въ обществѣ сознанія важности этого дѣла только и могутъ поставить его на настоящую почву, не дадутъ возможности осуществиться такъ часто наблюдаемымъ въ послѣднее время фактамъ уничтоженія мѣстныхъ древностей или спекуляціи ими.

Н. Б.

Къ исторіи Кіево-Никольскаго монастыря. Свѣтъ на исторію Кіево-Никольскаго монастыря проливаетъ *«копія выданная съ указа св. Сvнода сему монастырю и нынѣ представленная въ оцѣночную коммиссію 30 марта 1895 года»*. Указъ св. Сvнода выданъ по поводу перехода, согласно Монаршей волѣ 1812 и 1831 гг., какъ сего монастыря, такъ и принадлежавшихъ ему построекъ въ инженерное вѣдомство. Во всей перепискѣ, касающейся Кіево-Никольскаго монастыря, интересныя историческія свѣдѣнія даетъ помѣщенная въ ней копія отношенія Кіевскаго Военнаго Губернатора на имя оберъ-прокурора св. Сvнода, въ которомъ (отношеніи) Военный Губернаторъ доказываетъ право неприкосновенности Кіево-Никольскаго монастыря и его строеній ссылкою на его значеніе для кіевскаго района и древность.

«Пустынно-Николаевскій монастырь именуемый Слупъ или Столповой, древнѣйшій между кіевскими, основанный великою княгинею блаженною Ольгою, при могилѣ кіевскаго князя Оскольда, въ память его, былъ первоначально женскимъ, въ коемъ, какъ извѣстно по житію преподобнаго Θеодосія Печерскаго, была пострижена мать сего святого. Въ 1113-мъ году в. к. Мстиславъ Владиміровичъ, сынъ Мономаховъ, перестроилъ монастыръ сей вновь деревяннымъ зданіемъ. Въ 1690-мъ году близъ сего монастыря построенъ большой Пустынно-Николаевскій монастырь, нынѣ обращенный въ Кіевскій Военный Соборъ, и къ оному приписанъ древній Николаевскій Столповой. Въ 1713-мъ году Кіевскимъ Губернаторомъ княземъ Голицинымъ построена каменная церковь въ Столповомъ монастырѣ, до нынѣ существующая—до 1732-го года. Настоятелями обоихъ сихъ монастырей вмѣстѣ были игумены, а съ того года установлены архимандриты. Въ 1786 г. при учрежденіи Малороссійскихъ духовныхъ штатовъ, монастырь сей положенъ вт 1-мъ классѣ, и до сихъ поръ таковымъ существовалъ по Имянному Высочайшему указу. Въ 1831-мъ году по послѣдовавшему повелѣнію кіевскій первокласный Пустынно-Николаевскій монастырь обратить въ Кіевскій Военный Соборъ, а монашествующую братію размѣстить по кіевскимъ другимъ Монастырямъ; такимъ образомъ одинъ только бывшій Кіевской Епархіи первокласный Архимандричій Монастырь упраздняется, тогда какъ въ нѣкоторыхъ Епархіяхъ существуетъ по нѣскольку первокласныхъ Монастырей, затѣмъ въ Кіевской Епархіи остается одинъ только второкласный и одинъ третьекласный Архимандричій Монастыри, коихъ Архимандриты, занимаясь училищными должностями, не могутъ быть при Архіерейскихъ служеніяхъ въ празничные не свободные дни отъ ученія. По мнѣнію его (Кіев. Губернатора) какъ для сей необходимости, такъ равно и потому, что въ Столповомъ Монастырѣ находится древняя чудотворная икона святителя Николая, Греческаго письма, къ коей многіе съ усердіемъ прибѣгаютъ нужно оный оставить безъ упраздненія: а потому онъ, Кіевскій Военный Губернаторъ, просилъ его, г. оберъ прокурора, исходатайствовать у Его Императорскаго Величества утвержденія перво-класной Архимандріи, бывшей въ большомъ Пустынно-Николаевскомъ древнемъ Монастырѣ, называемомъ Николай Слупъ или Слупскій съ Архимандритомъ и братіею и съ ихъ окладомъ, предоставивъ имъ и торговыя лавки отъ Монастыря устроенныя, естьли сіе предположеніе будетъ удостоено Высочайшаго одобренія, то монастырь сей имѣетъ достаточную ризницу и церковные утвари и хотя потребуетъ нѣкоторой перестройки

зданій, за то церковь каменная, въ прошломъ году прочно поновленная и распространенная пристройками боковъ, представляетъ для сего предмета всѣ нужныя къ тому удобства, не требуя никакихъ дальныхъ отъ казны издержекъ».

Святѣйшій Сунодъ заслушалъ отношеніе Кіевскаго Военнаго Губернатора и 4-го февраля 1833-го года повелѣлъ: братію перевести въ монастырь Николай Слупъ, возвести Слупскій монастырь въ Архимандричій 1-классный монастырь и передать въ его вѣдѣніе лавки.

К. И. Т—ъ.

„Панській будынокъ" въ д. Лебединцѣ, прилук. уѣзда полтав. губ. Въ одномъ изъ имѣній покойнаго Г. П. Галагана, д. Лебединцѣ, существуетъ единственный въ своемъ родѣ старосвѣтскій украинскій «панській будынокъ», который мнѣ пришлось видѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Объ этомъ «будынкѣ» я давно зналъ со словъ покойнаго Г. П. Галагана, который говорилъ мнѣ, что устроилъ этотъ памятникъ старины съ соблюденіемъ всѣхъ подробностей, пользуясь совѣтами и указаніями Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и В. Б. Антоновича. Обстоятельства сложились такъ, что во время служенія моего въ Прилукахъ подъ начальствомъ Г. П. Галагана (въ 1874—1878 г.) мнѣ не пришлось побывать въ Лебединцѣ, а удалось это сдѣлать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и то, можно сказать, мелькомъ. Въ Лебединецъ я пріѣхалъ съ высокоуважаемымъ Н. И. Стороженко почти при захожденіи солнца въ лѣтній день, такъ что осмотръ сдѣланъ наскоро, да при томъ и бѣглыя замѣтки мои затерялись. Вспоминаю, что внѣшній видъ «будынка» значительно отличается отъ современныхъ барскихъ домовъ. Зданіе покрыто высокою соломенною крышею; подъѣздъ съ точенными съ рѣзьбой столбами; размѣры и форма оконъ имѣютъ своеобразный видъ. Въ «будынкѣ» все до послѣднихъ мелочей напоминаетъ старину, начиная съ дверныхъ и оконныхъ приборовъ. Меблировка, килимы, скатерти, утварь—дышатъ стариной, и каждая вещь вполнѣ типична. Сколько мнѣ извѣстно, въ полтавщинѣ не существуетъ другого подобнаго памятника украинской старины, и однако до настоящаго времени ни одинъ изъ художниковъ или фотографовъ не воспроизвелъ этого памятника. Можно сказать, что и «будынокъ», и тѣнистый садъ, окружающій его, вполнѣ достойны кисти талантливаго пейзажиста, а мебель и утварь заслуживаютъ вниманія просвѣщенныхъ любителей и знатоковъ род-

ной старины. Рѣшаюсь думать, что если не модель, то хоть рисунки или снимки съ зданія и обстановки Лебединскаго «будынка» имѣютъ полное право занять подобающее мѣсто въ естественно-историческомъ музеѣ полтавскаго губернскаго земства.

Казалось бы, что пора г.г. техникамъ губернскаго земства обратить съ своей стороны вниманіе на этотъ этнографическій памятникъ и оцѣнить съ технической стороны орнаментацію. Во всякомъ случаѣ теперь въ Прилуку можно удобно проѣхать отъ стан. Круты, а въ городѣ есть Галагановская усадьба, гдѣ завѣдывающій усадьбой можетъ сообщить маршрутъ для желающихъ. Пишу это для свѣдѣнія тѣхъ, у кого найдется охота изложить и возможно обстоятельно ознакомиться съ единственнымъ весьма цѣннымъ памятникомъ украинской старины.

В. Василенко.

Мелкія извѣстія.

1. Празднованіе памяти св. Кирила и Меѳодія.
2. 75-лѣтіе основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко.
3. Училища въ память Н. И. Костомарова и Н. В. Гоголя.
4. Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка.
5. Открытіе памятника М. С. Щепкину.
6. Положеніе вопроса объ устройствѣ музея въ Кіевѣ.
7. Французское иллюстрированное изданіе, посвященное Россіи.

Празднованіе памяти св. Кирилла и Меѳодія. По сообщеніямъ петербургскихъ газетъ, день памяти св. Кирилла и Меѳодія 11 мая былъ отпразднованъ петербургскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ съ особенною торжественностью. Празднованіе началось молебномъ, который былъ совершенъ въ Исаакіевскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ Палладіемъ. Затѣмъ въ залѣ кредитнаго общества происходило общее собраніе славянскаго благотворительнаго общества, въ которомъ были прочтены поздравительная телеграмма, посланная совѣтомъ одесскому отдѣленію общества по случаю его двадцатипятилѣтія, и привѣтственная телеграмма сербскаго митрополита Михаила. Потомъ настоятель Исаакіевскаго собора протоіерей Смирновъ произнесъ рѣчь о космополитизмѣ, который онъ охарактеризовалъ, какъ «стремленіе быть всѣмъ, но не тѣмъ, чѣмъ создалъ Богъ», и далѣе напомнилъ слушателямъ, что космополитизмъ осужденъ Богомъ, что первая дерзкая попытка его — вавилонское столпо-

твореніе—была жестоко наказана и что Спаситель любилъ свою родину, скорбѣлъ о ней и заповѣдалъ ученикамъ идти сперва къ своимъ, а потомъ къ чужимъ. Послѣ рѣчи о. Смирнова хоръ Архангельскаго исполнилъ сербскую пѣсню: «Кто свою отчизну любитъ». (Новое Время).

75-лѣтіе основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко. 23 минувшаго апрѣля, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Кіевлянина», въ актовомъ залѣ историко-филологическаго института кн. Безбородко происходило торжественное засѣданіе состоящаго при институтѣ историко-филологическаго общества по поводу исполнившагося 75-лѣтія со времени основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени кн. Безбородко и вмѣстѣ съ тѣмъ 20-лѣтія его жизни въ новомъ видѣ, послѣ преобразованія его въ 1875 г. изъ юридическаго лицея въ историко-филологическій институтъ. Засѣданіе открыто было вступительною рѣчью предсѣдателя общества, директора института Ф. Ф. Гельбке, указавшаго въ ней предметъ засѣданія и замѣтившаго, что хотя учебное заведеніе, основанное въ 1820 г. по завѣщанію кн. Безбородко подъ именемъ гимназіи высшихъ наукъ, подвергалось не одинъ разъ преобразованіямъ (именно въ 1832 г. въ лицей физико-математическій, въ 1842 г. въ лицей юридическій и въ 1875 г. въ институтъ историко-филологическій), но тѣмъ не менѣе его жизнь за 75 лѣтъ представляетъ нѣчто цѣльное, ибо всѣ періоды этой жизни объединяются идеею высшаго гуманитарнаго образованія, представителемъ котораго оно всегда было, а потому почтить 75-ю годовщину его существованія является дѣломъ вполнѣ справедливымъ. Самъ институтъ долженъ былъ отказаться отъ мысли торжественно отпраздновать этотъ день [1]), но историко-филологическое общество, состоящее при институтѣ, нашло умѣстнымъ посвятить одно изъ своихъ засѣданій воспоминаніямъ о прошлой жизни заведенія. Въ заключеніе директоръ прочиталъ телеграммы, присланныя институту къ этому дню его бывшими воспитанниками.

Первая изъ слѣдовавшихъ затѣмъ рѣчей, произнесенная проф. Е. В. Пѣтуховымъ, была посвящена первому періоду жизни заведенія, т. е. гимназіи высшихъ наукъ. Въ ней авторъ подробно остановился на основателяхъ и первыхъ устроителяхъ гимназіи, князѣ и графѣ Безбородкахъ, графѣ Кушелевѣ-Безбородко, первыхъ ея директорахъ Кукольникѣ и Орлаѣ, охарактеризовавъ ихъ личность и

1) Почему именно долженъ былъ отказаться—это представляется несовсѣмъ понятнымъ.

дѣятельность, а также и послѣдующихъ ея директоровъ и профессоровъ, очертилъ внутреннее устройство гимназіи и организацію преподаванія, причемъ указалъ на чрезмѣрный энциклопедизмъ получавшагося воспитанниками образованія, въ чемъ г. Пѣтуховъ усматривалъ и главную причину, почему заведеніе было признано несоотвѣтствующимъ требованіямъ жизни и подверглось въ 1832 г. преобразованію. Въ заключеніе авторъ назвалъ лицъ, воспитывавшихся въ гимназіи и заявившихъ себя на разныхъ поприщахъ дѣятельности государственной, научной и литературной, подробнѣе остановившись на Тарновскомъ, Рѣдкинѣ и Гоголѣ.

Затѣмъ преподаватель института М. А. Сребницкій изложилъ очеркъ исторіи лицея физико-математическаго (1832—1840) и юридическаго (1840—1875). Кратковременное существованіе физико-математическаго лицея было охарактеризовано, какъ время наибольшаго упадка заведенія имени кн. Безбородко, когда оно и въ научномъ, и въ учебномъ отношеніи стояло очень низко. Съ особенною подробностью очерчена была лучшая пора жизни юридическаго лицея, до начала шестидесятыхъ годовъ, когда лицей стоялъ вполнѣ на высотѣ своего назначенія и когда профессорами въ немъ были Н. Х. Бунге, В. А. Незабитовскій, М. А. Туловъ, И. В. Лашнюковъ. Воспользовавшись богатымъ архивнымъ матеріаломъ, отчасти печатными источниками и воспоминаніями современниковъ, авторъ подробно охарактеризовалъ учебно-ученую дѣятельность выдающихся профессоровъ лицея и представилъ живую картину жизни нѣжинскаго студенчества за эту пору исторіи лицея. Затѣмъ были указаны причины постепеннаго упадка заведенія, отмѣчено измѣненіе характера и состава профессоровъ и студентовъ и изложенъ ходъ вопроса о преобразованіи юридическаго лицея въ историко-филологическій институтъ.

Наконецъ, проф. П. И. Люперсольскій въ своей рѣчи остановился на первомъ времени жизни историко-филологическаго института, именно на періодѣ устройства и первоначальной дѣятельности института подъ управленіемъ перваго его директора Н. А. Лавровскаго, при чемъ охарактеризовалъ первоначальный составъ служащихъ въ институтѣ, описалъ открытіе института, обрисовалъ состояніе въ немъ преподаванія и дѣятельность конференціи его за это время, упомянулъ о дѣятельности скончавшихся къ настоящему времени представителей первоначальнаго состава служащихъ въ институтѣ (Н. Я. Аристова, А. Ѳ. Хойнацкаго, Ѳ. А. Златоустовскаго и П. Г. Сертье); указалъ на дѣятельность бывшихъ воспитанниковъ инсти-

тута, изъ которыхъ большинство служатъ преподавателями въ средних учебныхъ заведеніяхъ, и закончилъ выраженіемъ надежды, что институтъ, начинавшій свою дѣятельность бодро и радостно, будетъ также продолжать ее и впредь.

Съ своей стороны мы думаемъ, что учебное заведеніе имени кн. Безбородко, которое, какъ видно изъ его исторіи, разсказанной названными ораторами, въ теченіе 75-лѣтняго своего существованія перепробовало системы устройства почти всѣхъ факультетовъ, существующихъ въ русскихъ университетахъ, превращаясь изъ энциклопедическаго учебнаго заведенія въ физико-математическое, изъ физико-математическаго въ юридическое и изъ юридическаго въ историко-филологическое,—со временемъ не минуетъ еще преобразованій: такая уже должно быть его судьба—испытать на себѣ всевозможныя превращенія, пока, наконецъ, оно не остановится на такомъ устройствѣ, которое наиболѣе будетъ удовлетворять потребностямъ того населенія, среди котораго оно существуетъ.

Училища въ память Н. И. Костомарова и Н. В. Гоголя. Въ прошломъ 1894 году, въ с. Юрасовкѣ, острогожскаго уѣзда, открыто одноклассное училище имени Н. И. Костомарова, устроенное на капиталъ, который Н. И. Костомаровъ, по духовному завѣщанію, оставилъ въ суммѣ 8920 рублей (золотомъ) министерству народнаго просвѣщенія на учрежденіе народной школы на мѣстѣ его родины. Видъ зданія этого училища, имѣющаго вывѣску: *«Юрасовское 1 классное училище Мин. Нар. Просвѣщенія имени Н. И. Костомарова»*, помѣщенъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ одесскаго журнала «По морю и сушѣ», вмѣстѣ съ краткою замѣткою о немъ. Нынѣ, какъ сообщаютъ газеты, полтавскому уѣздному земству разрѣшено ассигновать, согласно ходатайству Песчанскаго волостнаго схода, 8780 рублей на устройство въ селѣ Васильевкѣ училища въ память Н. В. Гоголя и сельской библіотеки его имени. Съ своей стороны жители Васильевки собрали 800 рублей для устройства небольшого памятника Гоголю, который предположено поставить на площади передъ училищемъ.

Вечеръ въ память Т. Г. Шевченка. Проживающіе въ Петербургѣ малороссы ежегодно чествуютъ память Т. Г. Шевченка, устраивая семейно-музыкальные вечера. Въ этомъ году такой вечеръ состоялся, вмѣсто обычнаго февраля, въ апрѣлѣ (по сообщенію «Петербургскаго Листка» и «Новостей» 12 апрѣля, а по сообщенію журнала «По морю и сушѣ» —13 апрѣля), въ театральномъ залѣ Павловой.

На сценѣ, среди зелени и цвѣтовъ, былъ поставленъ поясной гипсовый бюстъ Т. Г. Шевченка. У сцены въ залѣ, съ лѣвой стороны, большой щитъ былъ увѣшанъ снимками съ эскизовъ М. О. Микѣшина—иллюстрацій къ произведеніямъ Шевченка, а съ правой стороны обращалъ на себя вниманіе писанный Микѣшинымъ же большой портретъ покойнаго поэта во весь ростъ, въ свиткѣ, съ бандурою въ рукахъ, среди яркихъ цвѣтовъ мака. У ногъ портрета ютился небольшой картонъ съ наброскомъ малороссійскаго дѣвичьяго лица; это—копія писаннаго Шевченкомъ портрета извѣстной Лукерьи, его невѣсты. Исполнителями въ концертной части вечера были Ждановъ, Варзаръ, Рѣшетникова, Чубинская, Мухина и Рѣзниченко; кромѣ того, одинъ любитель съ малороссійскою лирою изображалъ ярмарочнаго пѣвца-лирника; но большая часть концерта состояла изъ хорового пѣнія. Исполнялись народныя пѣсни и произведенія композиторовъ Лысенка, Гордѣева, Козаченка и Сычева; между прочимъ исполнены были: «Думы мои, думы!» «Свято въ Чигрини», «На городи коло броду» (Лысенка), «И ничъ иде, и день иде» (Козаченко), «Не женыся на богатій» (Сычева), «Зозуля», «Слава козаченькамъ» и друг. Присутствовавшій на вечерѣ Д. Л. Мордовцевъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на то, что покойный поэтъ обращался за вдохновеніемъ не къ Аполлону и музамъ, а къ высшей и святой правдѣ, прося Богоматерь направить его мысли и чувства къ высшему идеалу. Особенный фуроръ, какъ сообщаютъ «Новости», вызвало за ужиномъ, который слѣдовалъ за концертомъ, стихотвореніе В. Л. Величка *(напечатано тамъ-же)*.

Относительно того, были-ли на вечерѣ танцы, газеты страннымъ образомъ противорѣчатъ (такъ же, какъ и относительно числа): «Петербургскій Листокъ» увѣряетъ, что танцевъ не было, а «Новости» разсказываютъ, что публика долго «наслаждалась лихими танцами парубковъ и молодыць, наряженныхъ въ настоящія спидныци и украшенныхъ кралями и дукатами». Говоря о томъ, что вечеръ прошелъ очень удачно, кореспондентъ журнала «По морю и сушѣ» прибавляетъ, что многимъ изъ присутствовавшихъ, и молодымъ и старымъ, этотъ вечеръ напомнилъ «голубое небо Малороссіи, ея безпредѣльныя степи, утопающіе въ садахъ хутора и золотистые подсолнечники у заваленокъ бѣлыхъ хохлацкихъ хатъ...»

Открытіе памятника М. С. Щепкину. 9 мая, въ г. Суджѣ, при громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи курскаго губернатора и другихъ административныхъ должностныхъ лицъ, открытъ въ

земскомъ саду памятникъ М. С. Щепкину, воздвигнутый на средства генерала Н. Л. Маркова. Торжество открытія началось чтеніемъ Высочайшаго разрѣшенія воздвигнуть памятникъ; затѣмъ, при громкихъ кликахъ толпы, къ подножію памятника возложены были вѣнки депутатами отъ города Суджи, отъ Суджанскаго земства, отъ русскаго театральнаго общества, отъ драматическихъ труппъ Императорскихъ театровъ, отъ курскаго драматическаго кружка и отъ редакціи журнала «Театралъ». Потомъ Южинымъ-Сумбатовымъ было прочтено стихотвореніе Лаврова: «Передъ памятникомъ Щепкина», а представитель курскаго драматическаго кружка произнесъ рѣчь. Только что открытый памятникъ представляетъ изъ себя изящный бронзовый бюстъ, поставленный на пьедесталъ въ видѣ колонны изъ лабрадора, изготовленный въ мастерской Островскаго въ Кіевѣ. Подпись на памятникѣ гласитъ: «Подымать память о лучшихъ людяхъ—все тоже, что поселять въ гражданахъ любовь къ родинѣ». (Южный Край).

Положеніе вопроса объ устройствѣ музея въ Кіевѣ. По сообщенію газеты «Жизнь и Искусство», вопросъ этотъ близится къ своему разрѣшенію. Лицами, заинтересованными въ судьбахъ музея и пожертвовавшими на его устройство около 70000 рублей, въ настоящее время избрана подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Игнатьева коммиссія по постройкѣ и устройству музея. Въ составъ этой коммиссіи, кромѣ вице-предсѣдателя Д. Е. Ѳедорова, избраны слѣдующія лица: членъ судебной палаты А. М. Лазаревскій, городской голова С. М. Сольскій, профессоръ университета В. Б. Антоновичъ, извѣстный собиратель памятниковъ малорусской старины В. В. Тарновскій, М. Ф. Чуйковъ, А. Н. Терещенко, В. И. Толли, В. А. Рубинштейнъ и Л. И. Бродскій. Изъ двухъ предложенныхъ городомъ мѣстъ для постройки музея коммиссія эта въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій признала болѣе удобнымъ мѣсто, прилегающее къ Александровскому парку, противъ царскаго дворца. Кромѣ того, въ этомъ же засѣданіи коммиссіей поручено одному изъ мѣстныхъ архитекторовъ составить проектъ для конкурса на составленіе плана зданія. При этомъ постройку зданія предполагается производить съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было безъ особенныхъ затратъ расширить зданіе.

Французское иллюстрированное изданіе, посвященное Россіи. Во французскихъ журналахъ появилось объявленіе о предпринятомъ съ мая иллюстрированномъ изданіи, которое посвящается Россіи. Изданіе называется: «La Russie et les russes». Оно будетъ состоять изъ

26-ти выпусковъ; каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ 16 рисунковъ, при чемъ обѣщаютъ дать виды городовъ, памятниковъ, разныхъ живописныхъ мѣстъ, жилищъ, сцены нравовъ, изображеніе мѣстныхъ праздниковъ, народныхъ костюмовъ и проч. Первый выпускъ долженъ былъ выйти въ маѣ, но въ Кіевѣ еще не получался. Въ своемъ библіографическомъ отдѣлѣ нашъ журналъ поговоритъ объ этомъ изданіи послѣ выхода тѣхъ выпусковъ, которые будутъ заключать въ себѣ свѣдѣнія и рисунки, касающіеся Малороссіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. И. Петровъ. а) Отчетъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1895 годъ. К. 1895 г. 31 стр.

б) Коллекціи древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныя Церковно-археологическому музею при Кіевской Духовной Академіи почетнымъ членомъ Церковно-археологическаго Общества при сей Академіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. А. Леопардовымъ. К. 1895 г. 82 стр.

Нельзя сказать, чтобы Церковно-археологическое Общество, состоящее при Кіевской духовной академіи, обнаружило за свое болѣе чѣмъ двадцатилѣтнее (основано въ 1872 г.) существованіе особенно продуктивную дѣятельность. Но все таки, кое-что дѣлается, главнымъ образомъ по отношенію къ надзору за мѣстными памятниками церковнаго зодчества, и для нашего края это уже составляетъ многое, такъ какъ вообще древности его въ послѣднее время остаются безъ всякаго надзора, подвергаются систематическому разграбленію и гибнутъ въ большинствѣ случаевъ для науки. Въ отчетномъ году церк. арх. об., состоявшее изъ 36 почетныхъ членовъ, 107 дѣйствительныхъ и 27 членовъ корреспондентовъ, имѣло 10 засѣданій, на которыхъ обсуждались, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: объ удлинненіи главнаго алтаря церкви Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря, сооруженной въ 1745 г., и объ устройствѣ придѣла къ ней; по ходатайству Н. и Ѳ. Терещенко предъ св. Синодомъ о снятіи съ церковнаго погоста города Глухова стараго зданія Трехъ-Анастасіевской церкви, какъ остающагося безъ употребленія, за устройствомъ ими на этомъ погостѣ новой каменной церкви, а также вслѣдствіе вет-

хости его; наконецъ, давно ждущій очереди вопросъ объ охраненіи остатковъ древняго Михайловскаго храма въ селѣ Старогородкѣ, близъ г. Остра. Къ сожалѣнію, въ отчетѣ не сказано, какія послѣдствія имѣло обсужденіе этихъ вопросовъ. На тѣхъ-же засѣданіяхъ общества было прочитано нѣсколько (10) рефератовъ; отмѣтимъ сообщенія Н. И. Петрова: «Западно-русскія полемическія сочиненія второй половины XVI в.», «Объ остаткахъ древняго (XII в.) храма архистратига Михаила близъ г. Остра, черниговской губ., съ сохранившимися на алтарной стѣнѣ фресковыми изображеніями», «Мученіе св. великомученицы Варвары и повѣсть о преславныхъ чудесахъ ея, Ѳеодосія Сафоновича» и «О древней Кіево-Подольской Борисо-глѣбской церкви, замѣненной впослѣдствіи Рождество-Предтеченскою».

Отчетный годъ особенно выдается по громадному количеству предметовъ, поступившихъ въ состоящій при обществѣ Церковно-археологическій музей. Поступившіе предметы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и проч — 489; медалей, жетоновъ и монетъ — 7,752; религіозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта—312; актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.—14; рукописей — 10; старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—3; гравюръ, чертежей, фотографическихъ снимковъ и т. п.—12. Кромѣ того, въ библіотеку музея поступило 86 книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій. Всего поступленій за 1894 г.— 8,678. Громадность этой цифры объясняется тѣмъ, что, изъ общаго числа, 8420 №№ составляютъ единичное пожертвованіе почетнаго члена об. Н. А. Леопардова (о чемъ ниже); изъ пожертвованій же другихъ лицъ заслуживаютъ вниманія: куски ценины и фресокъ изъ Зарубскаго монастыря, гипсовый наличникъ окна съ разводами первой половины XVII в., найденный въ усадьбѣ Десятинной церкви; рукописное евангеліе съ записью 1623 г. изъ Сычинской церкви (Холмской епархіи), мѣдный образокъ св. Николы Можайскаго изъ Очакова, желѣзные и глиняные предметы, найденные вмѣстѣ съ золотыми эмалевыми вещами въ 1885 г. въ Кіевѣ, въ усадьбѣ г. Есикорскаго, ольвійскія и босфорскія монеты изъ Одессы и изъ Очакова, римскія и византійскія изъ находокъ въ кіевской и полтавской губерніяхъ, копія съ портрета Іосафа Горленка, сборникъ выписокъ 1778—1805 гг. подъ названіемъ «Quod libet» и 20 видовъ галиційскихъ церквей. Какъ видимъ, церковно-археологическій музей все больше и больше разростается; уже теперь онъ представляетъ изъ

себя по богатству содержанія одно изъ наиболѣе выдающихся учрежденій такого рода. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ одного обстоятельства: среди жертвователей очень слабо представленъ элементъ мѣстнаго, особенно сельскаго, духовенства; еще и до сихъ поръ въ церквяхъ хранится много вышедшихъ изъ употребленія имѣющихъ археологическій интересъ различныхъ церковныхъ предметовъ; благодаря тому, что священники мало освѣдомлены о научномъ ихъ значеніи, предметы эти, не смотря на запрещенія духовныхъ властей, или уничтожаются, или получаютъ ненадлежащее назначеніе, попадая въ руки торговцовъ (на что было обращено вниманіе и въ печати). Намъ кажется, что болѣе широкое распространеніе среди сельскаго духовенства свѣдѣній о цѣнахъ и задачахъ общества и музея (хотя бы въ формѣ указаній, что именно желательно собрать въ музеѣ) привлекло бы къ нимъ новыя силы, увеличило бы численность и полноту коллекціи. Чтобы показать, насколько и теперь уже богатъ музей, приведемъ общіе итоги. *По музею*: церковныхъ памятниковъ архитектуры, живописи, ваянія, скульптуры, разной утвари и т. п.—2,922; памятниковъ *не церковныхъ—33,634*; фотографическихъ снимковъ, гравировальныхъ досокъ, гравюръ, чертежей и т. п.—3,292; актовъ, грамотъ, писемъ и т. п.—1,461; рукописей—1,054; старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ—1,038. *По библіотекѣ музея* періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ—1,783. Всего—35,184, число, краснорѣчиво говорящее само за себя. Среди приведенныхъ цифръ обращаетъ на себя вниманіе количество памятниковъ не церковныхъ; этотъ фактъ наглядно показываетъ, какъ необходимо въ Кіевѣ устройство историческаго музея, гдѣ бы такого рода предметы могли найти себѣ мѣсто.

О коллекціяхъ г. Леопардова, переданныхъ въ церк.-арх. музей, уже была замѣтка на страницахъ «Кіевск. Стар.»[1]), а потому много говорить о ней мы не будемъ. Значеніе ея для мѣстнаго края обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе предметы пріобрѣтались въ Кіевѣ изъ находокъ въ самомъ Кіевѣ, а также въ кіевской и сосѣднихъ губерніяхъ. Брошюра г. Петрова, заголовокъ которой мы выше выписали, представляетъ изъ себя подробный каталогъ коллекціи съ обозначеніемъ стоимости предметовъ; если и нужно признать, что оцѣнка въ нѣкоторыхъ (довольно частыхъ) случаяхъ преувеличена, то, не смотря на это, даръ г. Леопардова и въ мате-

---

[1]) 1894 г., № 3.

ріальномъ отношеніи составляетъ большую цѣнность. Центръ коллекціи—собраніе крестовъ и образовъ; «представляя полную картину историческаго развитія этого рода памятниковъ въ Россіи отъ начала христіанства въ ней и до настоящаго времени, этотъ отдѣлъ коллекціи г. Леопардова особенно интересенъ по тѣмъ немалочисленнымъ представителямъ своимъ, которые носятъ на себѣ несомнѣнную печать византійскаго производства, или же сдѣланы русскими мастерами въ великокняжескую эпоху южно-русской исторіи» (стр. 3).

Очень полно также собраніе монетъ, между которыми есть рѣдкіе экземпляры монетъ великаго княжества кіевскаго; къ той же эпохѣ относится небольшой сравнительно подборъ предметовъ домашняго и военнаго быта, очень характерныхъ для нашего края; заслуживаютъ также вниманія предметы болѣе раннихъ вѣковъ—каменнаго и бронзоваго, представляющіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходные образцы орудій этихъ эпохъ.

Судьбу колекціи г. Леопардова, среди другихъ частныхъ коллекцій, можно считать одной изъ наиболѣе счастливыхъ. Благодаря тому, что владѣльцемъ ея сознавались тотъ общій интересъ и польза, какіе представляетъ его собраніе, имъ было, прежде всего, предпринято изданіе болѣе выдающихся предметовъ коллекціи; такимъ образомъ, явилось 6 выпусковъ «сборника снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ»,—изданіе если и не всегда удовлетворительное по тексту (что мы отмѣтили въ свое время), то, съ другой стороны, давшее массу точныхъ снимковъ, сохранившихъ предметы для изслѣдованія на тотъ случай, если бы они погибли. Не довольствуясь этимъ, г. Леопардовъ передалъ и все собраніе, стоившее ему и труда, и большихъ матеріальныхъ издержекъ, въ учрежденіе, гдѣ, онъ знаетъ, собраніе его будетъ гарантировано отъ всякихъ случайностей. Мы можемъ только высказать пожеланіе, чтобы и другіе собиратели послѣдовали примѣру г. Леопардова.

Н. Б.

А. А. Тилло. Проникаютъ-ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи? Изв. Имп. Академіи Наукъ. 1895, № 4, стр. 347—352.

Въ 1889 году ген. Тилло издалъ гипсометрическую карту Европейской Россіи (60 верстъ въ дюймѣ), явившуюся плодомъ многолѣтней тщательной работы автора по орографіи Россіи и коренымъ

образомъ измѣнившую понятія, господствовавшія до того времени объ устройствѣ поверхности нашей страны. Этой картой прежде всего устанавливалось, что такъ называемыя Урало-Балтійская и Урало-Карпатская возвышенности, будто-бы тянущіяся съ востока на западъ по Европейской Россіи, на самомъ дѣлѣ должны быть замѣнены возвышенностями *Средне-Русскою* и *Приволжскою,* идущими съ сѣвера на югъ и расчленяющими въ этомъ направленіи внутренность Европейской Россіи [1]). Отчасти вслѣдствіе небольшого масштаба карты, отчасти—недостаточности матеріала по гипсометріи, автору пришлось воздержаться отъ разсмотрѣнія возвышенностей, пролегающихъ по окраинамъ Европейской Россіи.

Тотчасъ-же по опубликованіи своей первой гипсометрической карты, А. А. Тилло приступилъ къ составленію новой, въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ, главнымъ образомъ съ цѣлью выясненія связи орографическаго строенія Европейской Россіи съ прилегающими сосѣдними частями Германіи, Австро-Венгріи и Румыніи. Западною границею этой новой карты взяты приблизительно меридіаны Вѣны и Берлина; въ область ея вошли такимъ образомъ Бескиды и Татры, что даетъ возможность обозрѣть въ совокупности связь всей Карпатской системы съ Европейской Россіей. Нынѣ отпечатанъ юго-западный листъ карты, заключающій въ себѣ между прочимъ Карпаты, и потому авторъ считаетъ нужнымъ заняться вопросомъ, поставленнымъ въ заглавіи его изслѣдованія.

Авторъ указываетъ, что въ самыхъ лучшихъ русскихъ географическихъ руководствахъ, словаряхъ и учебникахъ до сихъ поръ господствуетъ терминологія, основанная на положительномъ рѣшеніи этого вопроса. Въ положительномъ смыслѣ говорилъ о немъ и авторъ еще при изданіи своей первой гипсометрической карты, не имѣя возможности тогда заняться имъ критически.

Вопросъ этотъ однако уже давно рѣшался русскими геологами отрицательно. Покойный проф. Барботъ-де-Марни въ 1867 г. первый высказался совершенно опредѣлительно, «что мнѣніе о продолженіи отраслей карпатскихъ горъ въ предѣлы губерній волынской и подольской не имѣетъ никакого основанія» [2]). Затѣмъ въ статьѣ академика

[1]) Статья А. А. Тилло, служащая объясненіемъ къ картѣ, подъ заглавіемъ „Орографія Европейской Россіи на основаніи гипсометрической карты", напечатана въ Изв. Русск. Географ. Общ. т. XXVI, в. 1-й, стр. 8—32, а также въ изданіи „VIII съѣздъ Русскихъ Ест. и Врачей" 1890.

[2]) „Отчетъ о поѣздкѣ въ Галицію, Волынь и Подолію" Юбилейный Сбор. Имп. Минералогическаго Общества. 1867.

Карпинскаго «Замѣчанія о дислокаціи породъ въ южной половинѣ Европейской Россіи» [1]), также приведено много существенныхъ данныхъ, служащихъ для подтвержденія и развитія взгляда Барботъ-де-Марни. Съ другой стороны, по самымъ достовѣрнымъ и авторитетнымъ источникамъ западно-европейскихъ ученыхъ отроги Карпатъ не доходятъ до границъ Европейской Россіи, такъ какъ въ Галиціи они кончаются у города Ярославля, а въ Румыніи—не достигая праваго берега рѣки Серета.

Разсмотрѣніе юго-западнаго листа новой гипсометрической карты А. А. Тилло, на которомъ находятся Карпаты и прилегающая къ нимъ полоса земель къ сѣверу и востоку, укрѣпляетъ тотъ взглядъ, что отроги Карпатъ не переходятъ ни въ Привислинскія губерніи Царства Польскаго, ни въ предѣлы губерній волынской, подольской и бессарабской.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы совмѣстными усиліями геодезистовъ и геологовъ была создана дѣйствительная орографія Европейской Россіи, соотвѣтствующая тѣсной связи между геологическимъ строеніемъ и рельефомъ поверхности.

П. А.

Новыя народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя.

Въ январьской книгѣ «Кіевской Старины» за 1894 годъ мы говорили о народныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ повѣстей Н. В. Гоголя, по поводу изданной А. Ф. Марксомъ повѣсти «Тарасъ Бульба» съ рисунками Зичи, Штейна и Котляревскаго. Послѣ того, въ теченіе прошлаго и настоящаго года, Марксъ выпустилъ народныя иллюстрированныя изданія слѣдующихъ повѣстей Гоголя изъ малорусскаго быта: 1) Сорочинская ярмарка, съ 37 рисунками И. Храброва (цѣна 20 коп.),—2) Вій, съ 38 рисунками Р. Штейна (ц. 25 коп.),—3) Майская ночь или утопленница, съ 31 рисункомъ И. Храброва (ц. 20 коп.),—4) Страшная месть, съ 37 рисунками Р. Штейна (ц. 25 коп.),—5) Пропавшая грамота, съ 12 рисунками Р. Штейна (ц. 15 коп.),—6) Ночь передъ Рождествомъ, съ 46 рисунками И. Храброва (ц. 30 коп.), 7) Заколдованное мѣсто, съ 14 рисунками И.

---

[1]) Горный журналъ. 1883.

Храброва и виньеткою Р. Штейна (ц. 15 коп.) и 8) Старосвѣтскіе помѣщики, съ 50 рисунками Павла Соколова (ц. 25 коп.).

Всѣ эти книжечки изданы въ такомъ же форматѣ и отличаются такими же внѣшними качествами, какъ изданіе «Тараса Бульбы», о которомъ мы говорили, и такъ-же, какъ послѣднее, гораздо изящнѣе вышедшихъ изъ продажи изданій наслѣдника братьевъ Салаевыхъ В. Думнова. Изъ трехъ рисовальщиковъ, которымъ принадлежатъ рисунки, хотя фамилія И. Храброва не извѣстна, но рисунки его, имѣя свои недостатки, все таки болѣе типичны и тщательнѣе исполнены, чѣмъ рисунки извѣстныхъ П. Соколова и Р. Штейна.

Н. Ш.

Выставка древностей въ Археологической Коммиссіи въ Петербургѣ.

Древности, поступающія въ Археологическую Коммиссію путемъ раскопокъ и посредствомъ покупки, ежегодно представляются ею на возрѣніе Государя Императора. Изъ печатнаго описанія выставки за 1894 годъ, видно, что на ней находится не мало выдающихся по своему значенію древностей изъ разныхъ мѣстностей Юга Россіи, который и до сихъ поръ представляетъ неистощимый источникъ для археологическихъ пріобрѣтеній; украшеніемъ выставки являются вещи изъ керченскихъ катакомбъ, шиферная икона изъ Херсонеса, кладъ золотыхъ греческихъ монетъ изъ гор. Рени и керченскій мраморный левъ; заслуживаютъ также вниманія литейныя формочки и другія древности изъ Кіева, коллекція поливныхъ блюдъ изъ Херсонеса, коллекція армянскихъ вещей изъ Бердянска, древности изъ могильника въ с. Покровскомъ, купянскаго у. харьков. губ., изъ кургановъ могилевской и виленской губ. Въ описи читатель найдетъ и краткое описаніе обстановки, при какой найдены вещи, и опредѣленіе этихъ послѣднихъ. Кстати замѣтимъ, что случаи нахожденія монетъ въ греческихъ могилахъ Ольвіи, показавшіеся составителю описанія почему-то «любопытными», на дѣлѣ—фактъ весьма обыкновенный.

Предполагаемое изданіе альбома писанокъ.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской заключаетъ въ себѣ около 1500 экземпляровъ писанокъ изъ губерній воронежской, курской,

полтавской, кіевской, волынской, минской, подольской и гродненской. Сколько извѣстно, это—самое обширное собраніе писанокъ въ Россіи. Недавно завѣдующій музеемъ, С. К. Кулжинскій, напечаталъ въ Кіевѣ программу для собиранія свѣдѣній о писанкахъ, изъ которой мы узнаемъ, что названнымъ музеемъ предположено изданіе большого альбома писанокъ въ краскахъ, съ объяснительнымъ текстомъ, при чемъ могутъ быть напечатаны рисунки писанокъ и другихъ коллекцій, особенно изъ такихъ мѣстъ, откуда писанокъ въ лубенскомъ музеѣ не имѣется, какъ то—изъ губерній бессарабской, херсонской, екатеринославской, харьковской, черниговской и др. Намъ извѣстно, что управленіе музея получило уже съ этою цѣлью собраніе рисунковъ изъ подольской и изъ херсонской губерній. Признавая большую важность этого предпріятія для изученія народнаго южно-русскаго орнамента, для чего у насъ почти ничего еще не сдѣлано, пожелаемъ, чтобы собиратели писанокъ оказали Лубенскому музею возможное содѣйствіе высылкою самихъ писанокъ или рисунковъ ихъ, съ обозначеніемъ мѣстнаго названія узора и мѣста происхожденія каждой. Въ вопросѣ о происхожденіи узоровъ весьма важно, чтобы предположенный альбомъ достигъ возможной полноты по части географическаго распространенія ихъ, а для этого необходимы рисунки и свѣдѣнія изъ недостающихъ губерній. Совѣтуемъ собирателямъ писанокъ не упустить этого случая, потому что другой врядъ ли скоро представится.

Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка и его значеніе въ исторіи уніи. Соч. свящ. Стефана Недѣльскаго. (Изъ Литов. Епарх. Вѣд.) Вильна. 1894. in—8. 317 стр.

Въ началѣ XVIII в. среди западно-русскихъ уніатовъ замѣчается два теченія: одно въ сторону слiянія съ церковью римско-католической, другое въ пользу сохраненія особенностей восточной церкви, отличавшихъ унію отъ католицизма. Представителями перваго направленія были монахи-базиліане, второму сочувствовали народъ, бѣлое духовенство и отчасти іерархи. Силы были неравны: базиліане, сильные своею сплоченностью, образованіемъ, матеріальными средствами и покровительствомъ Рима и въ значительной степени польскаго правительства, должны были, конечно, одержать верхъ надъ невѣжественной и забитой массой и почти столь же невѣжествен-

нымъ и забитымъ бѣлымъ духовенствомъ. Но на сторону послѣднихъ становится высшая іерархія, стремившаяся подчинить себѣ базиліанскій орденъ, который успѣлъ создать себѣ почти независимое положеніе. Виднымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ между іерархіей и базиліанами, является Левъ Кишка (род. 1668, ум. 1728 г.). Воспитанный базиліанами, занимавшій должность протоархимандрита ордена, выдвинутый, наконецъ, базиліанами на высшія мѣста въ уніатской церкви—епископа Владимірскаго и затѣмъ митрополита всея Руси, Кишка рѣзко мѣняетъ фронтъ и изъ ревностнаго защитника ордена становится его врагомъ, стремится подчинить его митрополичьей власти и въ то же время заботится о сохраненіи особенностей уніатской церкви, о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня бѣлаго духовенства.

Этой то интересной личности и посвящена книга о. Недѣльскаго. Авторъ говоритъ о происхожденіи и воспитаніи Кишки, даетъ краткій очеркъ исторіи базиліанскаго ордена, разсматриваетъ дѣятельность Кишки, какъ профессора Владимірской базиліанской семинаріи, викарія и суперіора Виленскаго Свято-Троицкаго и суперіора Полоцкаго Борисо-Глѣбскаго монастырей, протоархимандрита базиліанскаго ордена, епископа Владимірскаго и, наконецъ, митрополита. Особыя главы посвящены очерку состоянія уніатской церкви и православія въ зап. Россіи въ к. XVII и нач. XVIII вв., дѣятельности Замойскаго собора и обзору литературныхъ трудовъ Кишки и изданныхъ имъ церковно-богослужебныхъ и церковно-практическихъ книгъ.

Свѣдѣнія о происхожденіи и раннихъ годахъ жизни Льва Кишки очень скудны, и авторъ пополняетъ эти свѣдѣнія своими предположеніями большею частью мало обоснованными. Авторъ не имѣлъ подъ руками и многихъ изъ сочиненій Кишки и говоритъ, напр., объ его трудѣ «Morze łask, o cudach Nayswiętszey Panny Borunskiey» только на основаніи рукописныхъ записей о чудесахъ Борунской иконы Божіей матери, записей, которыя послужили источникомъ для книги Кишки. Объясненіе авторомъ измѣненія въ отношеніяхъ Кишки къ базиліанамъ послѣ занятія митрополичьей каѳедры представляется натянутымъ. Авторъ приписываетъ эту перемѣну занятіямъ Кишки біографіей своего знаменитаго предшественника Ипатія Поцѣя, которыя показали ему, какъ далеко ушла современная уніатская церковь отъ идеала Поцѣя. Не проще ли искать объясненія въ естественномъ антагонизмѣ между митрополитами, хлопотавшими о подчи-

неніи ордена своей власти, и базиліанами, которые хотѣли не только сохранить свою автономію, но и распространить свое вліяніе на сферу дѣятельности самого митрополита? К.

Е. І. Сѣцинскій, свящ. Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческое описаніе. Съ 4-мя фототипіями и 20 гравюрами и цинкографіями. Изд. на средства Каменецкаго городскаго управленія (Кіевъ, 1895). Стр. VIII+247. Ц. 2 р.

Настоящее изданіе посвящено памяти исполнившагося въ 1893 г. столѣтія присоединенія Подоліи къ Россіи. Авторъ изслѣдованія о. Сѣцинскій, редакторъ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, извѣстенъ въ исторической литературѣ цѣнными изысканіями главнымъ образомъ въ области мѣстной церковной археологіи.

Мысль, руководившую авторомъ и издателями, нельзя не признать удачною. Въ русской литературѣ до настоящаго времени не было сколько-нибудь полнаго и систематическаго обозрѣнія исторіи г. Каменца; между тѣмъ, въ исторіи этого города есть немало любопытныхъ и поучительныхъ страницъ, заслуживающихъ вниманія людей мыслящихъ. Автору предстояла нелегкая задача пересмотрѣть и свести воедино результаты разрозненныхъ и нерѣдко случайныхъ изученій, разбросанныхъ какъ въ русской, такъ, главнымъ образомъ, въ польской исторической литературѣ, и систематизировать этотъ матеріалъ, чтобы дать читателю болѣе или менѣе наглядное понятіе о судьбахъ древняго укрѣпленнаго пункта, къ которому на протяженіи ряда вѣковъ тяготѣла обширная область съ богатымъ историческимъ прошлымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всестороннее освѣщеніе исторіи Каменца еще невозможно, такъ какъ для этого потребуется длинный рядъ изученій архивнаго матеріала, далеко еще неразработаннаго и даже не имѣющагося въ Каменцѣ. Такъ напр., изученіе каменецкихъ оффиціальныхъ книгъ XVI и сл. вѣковъ, хранящихся нынѣ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, могло-бы выяснить много неизвѣстныхъ еще подробностей внутренней жизни городской общины и въ частности—общины армянской, но и тутъ пришлось-бы обратиться за дальнѣйшими справками въ столичныя книгохранилища. Г. Сѣцинскій вовсе и не задается такими широкими цѣлями, преслѣдованіе которыхъ физически невозможно для провинціальнаго изслѣдователя старины. Ближайшая задача его—свести то, что сдѣлано прежними изыскателями,

освѣтить частные факты городской жизни общими свѣдѣніями изъ жизни мѣстнаго края и обратить должное вниманіе на мѣстные историческіе памятники.

Людей, горькимъ опытомъ научившихся съ недовѣріемъ встрѣчать т. наз. юбилейныя изданія ожидаетъ пріятное разочарованіе при чтеніи книги г. Сѣцинскаго. Съ великимъ тщаніемъ авторъ собралъ въ своемъ трудѣ все, что можно было извлечь изъ прежнихъ изслѣдованій и опубликованныхъ документовъ, критически разработалъ этотъ разнообразный и нерѣдко сомнительный матеріалъ и далъ читателю картину живую, поучительную и довольно полную, безъ насильственнаго затемненія фона и безъ идиллическихъ прикрасъ, столь свойственныхъ большинству юбилейныхъ изданій. Не ограничиваясь печатными изданіями, изслѣдователь ознакомился также съ архивными дѣлами мѣстной городской думы и внесъ въ книгу нѣсколько любопытныхъ подробностей на основаніи добытой частнымъ путемъ переписки прежнихъ дѣятелей. Если къ этому прибавить, что къ книгѣ приложено немало снимковъ, удовлетворительно исполненныхъ фотографіей С. В. Кульженка въ Кіевѣ, то станетъ понятнымъ, почему трудъ г. Сѣцинскаго долженъ быть признанъ выдающимся явленіемъ въ текущей исторической литературѣ. Для ученой разработки исторіи онъ облегчитъ справки, для обычнаго чтенія дастъ матеріалъ поучительный и интересный въ лучшемъ смыслѣ слова.

Первыя пять главъ сочиненія г. Сѣцинскаго посвящены общему историческому очерку внѣшнихъ событій въ жизни Каменца съ XIV в. (стр. 1—82), т. е. исторію литовскаго, польскаго, турецкаго, снова польскаго и затѣмъ русскаго занятія. Изложеніе автора выгодно отличается отсутствіемъ мелкихъ подробностей и стремленіемъ поставить исторію города въ связь съ общимъ ходомъ событій въ краѣ. Знакомство съ литературой предмета и умѣлое пользованіе ею, столь рѣдко встрѣчаемое въ изданіяхъ, разсчитанныхъ на широкую публику, лишаютъ эту часть труда г. Сѣцинскаго характера обыкновенной компиляціи, обнаруживая въ авторѣ писателя вдумчиваго и умѣлаго. Должно пожалѣть лишь, что копія плана Каменца 1672 г., изданнаго Тшебицкимъ, перепечатана изъ «Подоліи» П. Н. Батюшкова, а не извлечена хотя-бы изъ соч. К. Гурскаго, гдѣ планъ этотъ выполненъ безъ прикрасъ и съ сохраненіемъ латинскихъ подписей. Нѣсколько нелишенныхъ интереса подробностей объ осадѣ Каменца въ 1672 г. могъ-бы извлечь авторъ изъ соч. Ѳ. Стерналя «Oblężenie Kamieńca w powieści i historyi» (Lwów, 1890).

Дальнѣйшія шесть главъ труда г. Сѣцинскаго даютъ болѣе подробное обозрѣніе внутренней жизни Каменца. Тутъ разсмотрѣны исторія каменецкой крѣпости, церковно-религіозной жизни (православіе, католицизмъ, армяно-григоріане), просвѣтительныхъ учрежденій города, русской, польской и армянской общинъ и наконецъ торговли городской, въ связи съ ростомъ населенія и застройки города до послѣдняго времени. При составленіи этихъ детальныхъ экскурсовъ требовалась масса кропотливаго труда, и если тѣмъ не менѣе въ изложеніи замѣтны нѣкоторые пробѣлы, то вина тому въ недостаточности изслѣдованнаго матеріала, а не въ недостаткѣ вниманія со стороны автора. Весьма любопытно, что собственно для XIX в. книга г. Сѣцинскаго даетъ весьма немного, если исключить перечисленіе именъ и описаніе зданій и другихъ сооруженій, но мы далеки отъ мысли винить въ томъ автора: исторія новѣйшихъ мѣстныхъ учежденій края вообще покрыта мракомъ забвенія, ея почти не коснулась еще исторія, и систематическое обозрѣніе судебъ города не можетъ заполнить этого пробѣла, для чего потребуется детальное изученіе по архивнымъ матеріаламъ. Кажется намъ, что такое изученіе не только полезно, но просто необходимо: въ противномъ случаѣ, историки будутъ фатально обречены на печальную необходимость обрывать свое изложеніе раздѣломъ Рѣчи Посполитой и въ дальнѣйшемъ ограничиваться голой номенклатурой учрежденій и именъ, мало говорящею уму и сердцу читателя.

Съ внѣшней стороны изданіе каменецкой думы производитъ пріятное впечатлѣніе.

Н. М.

ОПЕЧАТКИ:

Въ майской книжкѣ „Кіевск. Ст.“ за текущій годъ въ отд. библіографіи, на стр. 51, строка 3 сверху *напечатано: 1893 годъ. Слѣдуетъ читать: 1894 годъ.*

Въ ст. Н. Ѳ. Сумцова „Современная малорусс. этнографія“ на стр. 188 строка 11 сверху *напечатано*: Древній мудрецъ, Викторъ Ивановичъ; *слѣдуетъ читать*: Древній мудрецъ *зажегъ фонарь и искалъ подлиннаго человѣка. Новый нашъ* мудрецъ, Викторъ Ивановичъ и пр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895. г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Програмы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ). Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ. А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ. В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Ѳ. Катановъ.*

Члены редакціоннаго комитета:

И. Н. Смирновъ.

Ѳ. Г. Мищенко.

2—3

Отъ Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Въ текущемъ году предстоитъ первое присужденіе преміи по антропологіи и этнографіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, учрежденной при Императорскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ память международныхъ конгрессовъ по антропологіи и доисторической археологіи, бывшихъ въ Москвѣ въ 1892 г.

Премія по этнографіи выдается:

а) за самостоятельныя научныя монографическія изслѣдованія по духовному и матеріальному быту славянскаго и инородческаго населенія Россіи;

б) за научные этнографическіе труды руководящаго и методологическаго характера, какъ-то: учебники и руководства по этнографіи Россіи, научно-разработанныя этнографическія программы, систематическіе обзоры этнографической литературы по отдѣльнымъ племенамъ и народностямъ Россіи и славянскихъ земель, этнографическія карты и картограммы;

в) за собранія новыхъ матеріаловъ по духовному быту русскаго и инородческаго населенія Россіи (тексты по народной словесности, образцы народной музыки, описанія семейныхъ и другихъ обычаевъ, вѣрованій, и т. д.), приготовленныя къ научному изданію, а также за систематическія и болѣе полныя коллекціи предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ населенія Россіи.

Премія выдается въ видѣ денежной суммы (около 100 р.) или медали.

Срокъ для представленія сочиненій и матеріаловъ на соисканіе преміи—15 мая, а для представленія коллекцій—не позднѣе 1 сентября. Премія присуждается въ годичномъ торжественномъ засѣданіи Общества 15 октября, и о присужденіи ея публикуется въ столичныхъ газетахъ.

Въ случаѣ неприсужденія преміи въ текущемъ году, за Отдѣломъ сохраняется право выдачи ея въ будущемъ году.

Сочиненія и труды могутъ быть представляемы, какъ рукописные, такъ и печатные, вышедшіе однако-же не ранѣе, какъ за годъ до выдачи преміи, и еще не получившіе награды въ той или другой формѣ. Представленные труды и сочиненія должны быть на русскомъ языкѣ.

Предсѣдатель отдѣла *Вс. Миллеръ.*

Секретарь *Н. Янчукъ.*

Адресъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи: *Москва, Политехническій Музей.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLIX, 1895 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

на. е) Матеріалы къ оцѣнкѣ земель полтавской губерніи. Естественно-историческая часть. Выпускъ XVI. Орогидрографія, геологія, почвы, климатъ и флора полтавской губерніи. Съ гипсометрической и почвенной картами. **П. А.** ж) Al. Czechowski. Samuel's von Skrzypna Twardowski «Wojna domowa». Doctordissertation. **Н. М.** з) Русскіе народы. Наброски перомъ и карандашемъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Часть I. (Выпуски 1—3). Европейская Россія. **В. Я.** и) Историческій очеркъ Умани и Царскаго Сада (Софіевки). В. Иващенка. Кіевъ. 1895. 8-о. 57 стр., съ 2-мя портретами, 4-мя рисунками, однимъ планомъ и однимъ снимкомъ съ рукоп. і) Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четвертъ XVII в. Виталія Эйнгорна. к) Столѣтіе учрежденія православной епархіи въ Подоліи. (1795—1895). Составилъ свящ. П. Викулъ. л) Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м. Шаргородѣ (могилевскаго уѣзда) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Н. Чарнецкаго. м) Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга девятая. **А. Л.** н) Н. И. Петровъ а) Отчетъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1895 годъ. б) Коллекціи древнихъ предметовъ и монетъ, пожертвованныя Церковно-археологическому музею при Кіевской Духовной Академіи почетнымъ членомъ Церьковно-археологическаго Общества при сей Академіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. А. Леопардовымъ. **Н. Б.** о) А. А. Тилло. Проникаютъ ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи? Изв. Имп. Академіи Наукъ. **П А** п) Новыя народныя иллюстрированныя изданіе повѣстей Н. В. Гоголя. **Н. Ш.** р) Выставка древностей въ Археологической Коммиссіи въ Петербургѣ. с) Предполагаемое изданіе альбома писанокъ. т) Униатскій митрополитъ Левъ Кишка и его значеніе въ исторіи уніи. Соч. свящ. Стефана Недѣльскаго. (Изъ Литов. Епарх. Вѣд). **К.** у) Е. І. Сѣцинскій, свящ. Городъ Каменецъ-Подольскъ. Историческое описаніе. Съ 4-мя фототипіями и

Понеделокъ. 14. День былъ зранку велми хорошій, передъ полднемъ дожчъ тихій, после хмарно и вѣтряно, и къ вечеру холодно отъ полунощного вѣтру. Ночь тиха, свѣтла и холодновата. До хоружого енер. Якима въ дѣлѣ брата п. Семена сватебномъ писалъ отъ род., чтобъ не бить сватанню. Обѣдалисмо всѣ тутъ въ Короваяхъ. По обѣдѣ родитель поехалъ зъ родителкою, изъ сестрою Олесею и братами Лукою и Іваномъ въ Роменъ, а мы обое, братъ п. Семенъ, швакгеръ Троцкій и Несторовичъ и п. прилуцкая тутъ въ Короваяхъ ночовали Отъ старости сухоносовского получилемъ писмо, что купилъ онъ воловъ 28 по 13 р. безъ 20 к., и отвѣтъ написалемъ къ нему, чтобъ виправу въ Гданскъ споражать, а ему бить у четверъ сей въ Кривую Руду.

Вовтор. 15. День былъ теплій, почасти свѣтлій, а почасти похмурній, ночъ холодна зъ дождемъ. Рано простившись мы зъ братомъ п. Семеномъ, швакгромъ п. Якимомъ, поехалемъ до Перервинецъ, а пріехавши обѣдали, а съ нами Несторовичъ и тіотка Константинова, сестра покойници Урсалки. По обѣдѣ ездилисмо зъ Несторовичемъ въ степъ оглядовать жилиной стѣнки, Савѣцкому проданной писареви, и видѣли тамъ окопъ и свѣжѣйшій за...

Середа. 16. День былъ свѣтлій, теплій зъ вѣтромъ, а потомъ къ вечеру холоденъ, ночъ такъже погодна, а хмурна, вѣтеръ полунощний. Старосту перервинского щиталисмо зъ п. Несторовичемъ и показалось на лице денегъ 19 р. и 4 а., зъ которихъ казалемъ 15 р. на сѣно обернуть, а остатокъ на дворовіе нужди, и приказъ ему далемъ въ 10 пунктахъ. Жена его старостина сина родила Івана. Обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ оставили въ Перервинцяхъ ежджалихъ коней 9, цукъ воронихъ, лисихъ 2, да каштана верховоге и виехали въ путь, а проехавши Бѣлоусовку, ночовали у футорця Сухомузкого, где и волкъ пробѣгъ чрезъ греблю и поузъ насъ. Росходъ перер. стар. (на харчъ: жита 34 четвер. и 8 мѣрокъ, гречки 10 чет., проса 12 чет., на собаки овса 16 четвер., ячменю 1 чет., на свинѣ жита чет. 4, ячмен. чет. 24, на дробину овса 39 четвер.), денегъ 60 р.

Четвер. 17. День былъ вѣтренъ, похмуренъ и дожчеватъ, ночъ зъ жестокимъ вѣтромъ холоднимъ и дожчемъ, дожчъ перенялся, а вѣтеръ не престалъ до свѣта. Рано поехавши отъ ночлѣга, уехали миль зъ 2 и пріехавши въ село Денисовку, стали у Константія и обѣдали. А по обѣдѣ уехали миль зъ полтретѣ до перевозу Горошинского, отъ перевозу до Горошина верстъ 6, отъ Горошина пріехали до футора Криворудского за 2 часа, дорога худа. Четверній конь гнѣдій старій при перевозѣ здохъ.

Пятокъ. 18. День увесь былъ зъ жестокимъ вѣтромъ полунощнимъ, а зъ ранку и дожчевато; ночъ погодна отчасти и холодновата. Ищисляли зде у футорѣ товаръ и овци, о чомъ особливая имѣется вѣдомость.

Субота. 19. День былъ погодній зъ вѣтромъ, отчасти холоднимъ, ночъ тиха, свѣтла и холодна. Несторовичеви подарилемъ коровъ 2, одну зъ телямъ, а другую яловую, зъ родителскихъ жостерскихъ дарованнихъ, и 20 овецъ дойнихъ. Вѣдомости о товарѣ и овцахъ спорадивши, дали Личмаку и коровнику. Пообѣдавши у футорѣ, віехали зъ футора Криворудского, уехавши миль около 4-хъ, ночовали подъ Березняками.

Неделя. 20. День былъ сперва свѣтлій и тихій, потомъ мало хмаренъ вѣтрянъ и холодноватъ. Ночъ свѣтла тепла и тиха. Отъ ночлѣгу уехалисмо зъ милю и обѣдали не доеджая млинка Петра Кулябки, а по обѣдѣ пріехали въ Лубнѣ, отстоящіе отъ Лукомля въ 26 верстахъ, и стали на квартирѣ у швакгра п. Троцкого. У вечеру ходили мы обое зъ женою до п. Петра Кулябки, где вечерали и просидѣли долго въ ночъ.

Понедел. 21. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ свѣтла, вѣтряна и холодновата. П. Якиму швакгру далемъ денги заплатить въ аптеку за прежніе лѣкарства 1 р. 84 копѣйки, за мѣючіе взятись, на что и рецептъ далемъ; 1 р. 77 коп., а особливо 5 таляр. бит. на заплатку зъ 10 хемсовихъ(?) пожитковъ налога, двохъ оконъ зеленихъ, 6 паръ чашовъ фарфуровихъ, спалнѣ на голову лазебной и книги именуемой Animadversines in pharanaЬapasiam (?) Да о колясцѣ и спалнѣ его жъ написалемъ цену 30 р.,

чтобъ оніе купить. Былъ у насъ намѣсникъ мгарскій зъ рибою и питтемъ; обослалъ такъ же насъ рибою жъ и питтемъ Петро Кулябка. Пообѣдавши у сватовой нашей п. Троцкой, поехалисмо дорогою пѣратинскою, степомъ, до села Оробіовъ, отъ Лубень въ 3-хъ милляхъ добрихъ, где переехавши греблю черезъ Удай стали на ночлѣгъ, куда приходилъ попъ оробіовскій отецъ Андрей и вечералъ у насъ.

Вовтор. 22. День былъ свѣтлій сперва, да толко велми вѣтрянъ, потомъ хмаремъ зъ громомъ и дожчемъ малимъ, ночъ хмарна и тиха. Поехалисмо зъ Несторовичемъ до Курѣнки, въ милю отъ Оробіовъ отстоящую, где оглядали на греблѣ тамошней имѣющейся плѣни родителской зъ 3 колами и своего кола, которое велѣлемъ пристроити на старомъ мѣстѣ. Оттуда поехавши, заехали до Григорія шафара и оттоль ехали до Сухоносовки год. 2, около 2-хъ миль, и пріехали на обѣдъ въ Сухоносовку, где и обѣдали. Тутъ, въ Сухоносовцѣ, отъ Алексѣйця, пріехавшаго зъ Миколаемъ крисковскимъ, получилемъ зъ Глухова писмо отъ господара, Клима, стар. крисков., сестри Уляни Івановни зъ Москви и брата п. Михайла Скор.

Середа. 23. День былъ похмурній зъ дожчемъ, да тихій и теплій, такова жъ и ночъ. Посѣщалъ насъ рано намѣсникъ Красногорскаго монастыря Даніилъ Штапулскій и просилъ къ себѣ въ монастыръ на завтрейшій праздникъ, куда мы по обѣдѣ поехали и пріехавши стали въ маліованнихъ келіяхъ.

Чотвер. 24. День былъ похмурній и теплій, ночъ зъ болшимъ дожчемъ тихимъ. По набоженствѣ обѣдалисмо тутъ, жена особливо, а я въ трапезѣ, и со мною Петровскій старий и Григорашъ шаргор. Пообѣдавши, поехали и пріехали въ Сухоносовку. Тутъ, въ Сухоносовцѣ, у Івана Сулими, козака чорнуской сотнѣ, жителя Ковалювъ, купилемъ степокъ за 15 р. и далемъ ему 7 р., а онъ писмо.

Пятокъ. 25. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ свѣтла, тиха и ядерна. Посѣщалъ насъ рано отецъ Ѳома Збрискій, протопопъ пѣратинскій, а мы простившись съ нимъ, віехали зъ

Сухоносовки и переехавши село Позники, стали на степу, у футора Милорадовичевого, на обѣдъ, откуду зъ Несторовичемъ ездилемъ купленного осматривать степку. Старостѣ сухоносов. Омеляну далемъ приказъ другій въ 13 пунктахъ, которого копія зде, а именно: о исправки реестровъ, о содержаніи писемъ моихъ, о виборѣ ктитора, о млину куренскомъ, о куплѣ степку, о прибавкѣ возовъ воловихъ, о винницѣ, о млинку вѣтряномъ, олѣяхъ орѣх. и конопляной, о гор. въ Перервинцахъ, о найму винника на карбъ, о присилкѣ воску, шкуръ и вовни. Поехавши оттоль, пріехали въ Лохвицю до п. Павловой тіотки рано еще и позабавивши у еи зъ годину, отехали и пріехали на ночъ въ село Токарѣ, где и ночовалисмо.

Субота. 26. День былъ и ночъ сходніе весма противъ вчерайшихъ. Рано поехалисмо зъ Токаровъ и пріехали на обѣдъ въ футоръ нашъ Гамалѣевскій, где и заночовали. Пчоли осмотривали, оба мы зъ Несторовичемъ, где 20 роевъ новихъ стало. Стадника куцупѣевского за коня Несторовичего зсадненного вибыть.

Неделя. 27. День и ночъ такіе, якъ и вчорайшіе. Виправленъ въ Gданскъ зъ волами Микола Товкаченко крисковскій. Воловъ купленнихъ 81, домашнихъ подъ возомъ 4, а возъ зъ харчю, коней двое половихъ дано ему въ дорогу, да денегъ дано ему жъ 15 р., 25 ефимковъ, да 10 червоннихъ, и приказъ данъ ему, его же копія зде. Рано поехали зъ футора и пріехали на службу въ Андрѣевку, где и обѣдали. По обѣдѣ, виправивши Миколу крисковского, поехали позно въ полъ 8 часа, а пріехали въ полъ 12 часа, и заночовали на Засуллѣ, въ дворѣ.

Понеделокъ. 28. День билъ и ночъ свѣтли, тепли, тихи, сходни вчорайшимъ. Пріехалисмо на обѣдъ въ Роменъ, где застали родителку и сестру и братовъ Луку и Івана въ добромъ здоровю, и обѣдалисмо вкупѣ. У лазнѣ милъся. Писмо зъ Астраханѣ отъ Архипа досталось рукамъ моимъ, а писано марта 24-го дня, въ якомъ ознаймуетъ, что пойшли они за море и что смотрѣли гор. куховъ 40, якіе цѣли, а 18 не смотрѣли куховъ.

Вовтор. 29. День и ночъ были свѣтли, велми тихіе и велми тепліе. Писалемъ до п. Петра, пол. луб., ускаржаючись на Ко-

динця, через Несторовича. Демянъ Кузмѣнскій посланъ въ Глуховъ, а черезъ его писалъ я до родителя о своемъ обороте и до господаря де о чомъ господарскомъ, а Демянови казалемъ заехать до Конотопу и увѣдомитись отъ Воловатого (т. е. Костенецкаго) . . . . (?) нового и зъ якимъ контрактомъ.

Середа. 30. День былъ свѣтлій, однако жъ вѣтрянъ зъ малоперехожими хмарами. Ночъ свѣтла, вѣтряна, а вѣтеръ зъ полунощной стороны. Юско посланъ въ Срѣбнее по сестру сотника срѣбранского (Троцины) для дочери Пазѣ. Сей день у Ромнѣ пробавили.

Юль. 1. Четвер. День сей былъ свѣтлій зъ вѣтромъ и ночъ свѣтла жъ, зъ вѣтромъ же меншимъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ родителкою; по обѣдѣ сестра Олеся поехала въ Лубнѣ, черезъ которую писалемъ до п. Янима Троцкого за спалню благодаря и что 15-го вскорѣ прислани будутъ. Отъ род. зъ Глух., черезъ Якова подписка получилемъ писмо зъ требованіемъ присилки ключа отъ імбара, где баулъ, и зъ обявленіемъ, что опредѣленъ на розискъ Мокрѣевичъ да порутчикъ. Отъ Петра Апостола отвѣтъ получилемъ, что онъ послалъ указъ до лукомского сотника о нечиненіи безправно обидъ у футорѣ моемъ Криворудскомъ. Жена заболѣла, а species фебри.

Пятокъ. 2. День былъ свѣтлій, теплій я вѣтряний, у вечеру передъ заходомъ слонца вѣтеръ умножился, дожчъ и громъ, потомъ знову вияснилось и ночъ была свѣтла, толко холодновата, потому что вѣтеръ полунощній. Получилемъ писмо отъ Савѣцкого писаря полк. зъ прошеніемъ попустить степу перервинского укосить сѣна, за то, что якоби моимъ стадомъ стѣнки его вибити.

Субота. 3. День былъ свѣтлій, толко вѣтрянний и холодноватий, ночъ такова жъ, да холоднѣйшая. Отписалемъ къ Савицкому писару, прося уступки стѣнки жилиной и проч. По службѣ били Заборовскій и протопопъ. Обѣдалисмо сами. Придѣлалъ нѣкоторіе штучки до рондзѣка золотаръ и зважилъ, а показалось ваги 26 лотовъ безъ золотника, а рондзѣкъ тотъ, що былъ на чорной тясмѣ.

Недѣля. 4. День былъ холодноватъ, вѣтрѣнъ и отчасти хмаренъ, ночъ свѣтла, тиха мало и холодновата. Мощанскій да Ана-

стасій Волошинъ, виноградникъ, женились. Обѣдалисмо вкупѣ зъ протопопою ром., да Федоромъ Заборовскимъ, женою его и сотничкою роменскою. По обѣдѣ, у вечеру поехалисмо зъ Ромна, а съ нами тіотка, и ночовали у Борзенки, за милю. Родителка подарила пологъ, полотна женѣ, запонку, запаску и серги Пазѣ дочерѣ. Оставилисмо коней 2, строкатого да бѣлого, у футорѣ нашемъ, якіе дворникъ Павелъ на свои руки и принялъ въ Ромнѣ.

Понеделокъ. 5. День сей былъ похмурний зъ дожчемъ, толко тепловатъ къ вечеру и тихъ. Ночъ также хмурна и тиха. Рано вставши, отъ Борзенки пріехали на обѣдъ у Смѣлее, и обѣдали тамъ же въ дворѣ родителскомъ. По обѣдѣ поехавши, наехали брата п. Івана и пріехали до броду именуемаго Торний, зъ миль 3 отъ Смѣлого, где и заночовали.

Вовтор. 6. День былъ свѣтлъ отчасти, теплъ и тихъ, хмари перехожіе зъ малимъ дожчемъ, ночъ тожъ тиха, толко хмарна. Отъ ночлѣга, отъ Терновъ, уехали миль зъ двѣ, зъ полтори до Грузкой, оттоль милю до Красенъ, где и обѣдали. По обѣдѣ пріехали до перевозу мутинского, где переехавши черезъ перевозъ Сеймовий, стали, виехавши зъ Мутина заразъ, на ночъ, а ехали полъ 3 часа черезъ Сеймъ. Конѣ у бродъ ишли.

Середа 7. День былъ зранку холодноватъ и дожчеватъ, а по обѣдѣ силний дожчъ зъ громомъ, къ вечеру вияснилось и тепло стало. Ночъ вся свѣтла и тиха. Рано отправили возки до Тулиголовъ зъ Янѣшевскимъ и сами поехали, и пріехавши въ Кролевець, стали въ дворѣ тіотки П. Павловой, отколь ездилемъ осматривать комори своей дѣлаючайся и двора родителского заложенного, а осмотрѣвши, поехали на обѣдъ въ Подоловъ, где не заставши сестри и никого, обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ пріехала сестра зъ Дяковскою и дѣтми своими, тутъ и заночовалисмо по ея прошенію. Увѣдомилемся, что присланъ указъ ехать вовся въ Москву князю Шаховскому, а на его мѣсто пріедетъ полковникъ Тургеневъ, Романъ Семеновичъ.

Четвер. 8. День былъ холодноватъ, свѣтелъ отчасти и дожчеватъ, ночъ свѣтла, тиха. Рано поехалисмо отъ сестри Чарнише-

вой, и въ Кролевцѣ, у церквѣ ст. Спаса, вислухалисмо службы Божой, и пріехали на позній обѣдъ въ Тулиголови. Зъ попомъ отцемъ Петромъ сторжились за мѣстце тое, где цегелня, дать ему полъносатки горѣлки теперъ, а полносатки въ новину. Дновалисмо тутъ въ Тулиголовахъ. Григорій Огѣевскій отехалъ. Василю молодику приказалемъ о коморѣ Степаненковъ, Желѣзнячиной и Вурвихвостовой и о дворѣ Гетманчика.

Пятокъ. 9. День былъ зранку свѣтелъ и тихъ, а мало погодивши и вѣтрянъ, въ день дожчъ и градъ, къ вечеру знову свѣву свѣтелъ да вѣтрянъ, ночъ свѣтла и тиха. У пасѣцѣ тулигол. роевъ 2 толко было, за вѣтрами и холодами. Поехалисмо зъ Тулигол. и пріехали въ Глух. передъ вечоромъ, где застали родителя при добромъ здоровю.

Субота. 10. День былъ свѣтлій, отчасти хмарній, теплій и отчасти вѣтраний, ночъ свѣтла и тиха. Рано ездилемъ до князя Шаховского, а потомъ до п. гетмана. Въ домъ повернувшись, обѣдалемъ зъ домашними. У вечеру кровъ пускалемъ банками.

Неделя. 11. День былъ свѣтлій, теплій и ночъ таковажъ. Рано у князя былемъ, потомъ у гетмана, где у самой гетмановой и обѣдалемъ. За дворъ въ Кролевцѣ на предмѣстю стоячій заплатилемъ кролевецкому жъ жителеви 22 р., а 2 р. еще далемъ Василеви на купчую и проч.

Понеделокъ. 12. День и ночъ были противъ вчорайшихъ. Алексѣй Полуденскій да Ярема, служителѣ, послани въ степъ для кошення сѣна, Алексѣеви дано на сѣно 21 р., да черезъ его козаку Сулимѣ въ доплатку за степокъ 8 р., да на строеніе млина курѣнского 6 р., да п. Якиму Троцкому въ доплатку за спалню 15 р., да черезъ его жъ, до Несторовича послалъ на сѣно, на Гамалѣевщинѣ коситись мѣючое, 40 р., до его жъ на вино 3 р., Яремѣ на сѣно 15 р. въ Перервинцѣ, а 15 р. за коня дрикганта, Івану Кучеровскому. Черезъ Алексѣя купчая отъ Сулими данная посланна для конфѣрмацѣи на урадѣ. Да имъ же, Алексѣю и Яремѣ, далемъ на дорогу по 20 а. Писма послалемъ черезъ нихъ до родителки, до Троцкаго и до Несторовича. Рано ездилемъ до князя,

где виправивши указъ къ полковнику луб. Петру, пріехалемъ домой и отправилемъ зъ онимъ Юска, въ Лубнѣ, и указъ о присилцѣ сюда Кодинца сотника. Алексѣю и Яремѣ дани приказы на писмахъ.

Вовтор. 13. День сей и ночъ были противъ вчорайшихъ. Обѣдалемъ у панеи гетмановой, по обѣдѣ ездилемъ до полковника ахтирского, пріехавшаго сюда въ Глуховъ, оттуду до князя, где просидѣлемъ долго. П. Михайло, братъ, и жена его заболѣли обое.

Середа. 14. День былъ и ночъ противъ вчорайшихъ. Рано ездилемъ осматривать своей ями дубовой, другой, оттоль былемъ у склепу и пріехавши домой, обѣдалъ. По обѣдѣ билъ полковникъ ахтирскій и посидя отехалъ, а я ездилъ посѣщать п. Михайла, брата, на Бѣлополовку. Повернулись бѣлополовцѣ зъ Царицина, которіи туда отвезли слугу моего Остапа Свѣтака и съ нимъ вино двойное и табаку; а привезли писмо его, въ якомъ пишетъ, что Архипъ пошолъ за море и что Тихонъ Демидовъ даетъ по полъ 2 р. ведро двойного вина и что онъ рибу присилаетъ сюда на моихъ подводахъ, а свою будто и проч., и привезли они, бѣлополовцѣ, риби: сазановъ 398, сули 2068, коней 6, а самая кобыла, якую рибу послалъ зложить въ Сварковѣ.

Четвер. 15 День и ночъ были еще горячійшіе нѣжъ прежніе, и свѣтліе и тихіе. Обѣдалемъ у гетмана, где и полковникъ ахтирскій былъ. По обѣдѣ домой пріехалемъ, куда пріехали Степанъ Миклашевскій и Яковъ Полуботокъ. Отехалъ полковникъ ахтирскій зъ Глухова съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ унукъ его, а мой племянникъ, сынъ брата п. Семена, Івась былъ отпущенъ въ Ахтирку для посѣщенія, о чемъ родитель и писалъ къ родителцѣ. Около полночи пріехалъ полковникъ Романъ Семеновичъ Тургеневъ на мѣсто князя Шаховского, и сталъ въ загородномъ дворѣ, съ нимъ вмѣстѣ.

Пятокъ. 16. День былъ жаркій велми и якъ би туманний, по полуднѣ дожчъ сторонами и градъ зъ громомъ и блискавицею. Ночъ тиха и тепла, сторонами похмурна. Рано поехалемъ до футора Калюжновского, оттоль въ Сварковъ, где и заночевалемъ.

Субота. 17. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, ночъ похмурна, тиха и тепла. Рано зъ Сваркова поехалемъ на обѣдъ въ Глуховъ, по обѣдѣ былъ я у князя и повернувшись мился у банѣ. До 3 р. Забарою данныхъ на косарѣ, что косятъ у заклѣвенского человѣка, я еще придалъ 1 р. 50 к. Зъ Сухоносовки пріехалъ Дядя и подводъ 2 прійшло зъ шкурами конскими, товарачами и овечими, мухояромъ, воскомъ и 5 отарами.

Неделя. 18. День былъ отчасти свѣтлій, а отчасти похмурній, тихій, теплій, ночъ тепла и похмурна. Рано былемъ у гетмана, обѣдалемъ у себе и со мною швакгеръ п. Яковъ. У гетмана обѣдалъ князь, Тургеневъ и прочіи. По обѣдѣ были у насъ и посидѣвши отехали.

Понеделокъ. 19. День сперва съ туманомъ, потомъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла. Грицку Дядѣ далемъ на воли 100 р., а черезъ его-жъ старостѣ сухонос. на соль 30 р. Забарѣ на косовицю еще далемъ 1 р. 50 к.

Вовтор. 20. День былъ зранку холоденъ зъ туманомъ, потомъ свѣтелъ, и въ день дощъ ишолъ. Ночъ свѣтла и топла. Сегодня рано былъ я у гетмана, а обѣдалъ у себе зъ швакгромъ п. Яковомъ. У вечеру зъ п. Михайломъ братомъ ездилемъ до князя и не увидѣвши его, повернулись. Билъ я у брегадира вчоре и купилъ карету, дарованную ему отъ покойной тіотки, и заплатилемъ за оную и за станокъ до неи зъ конми 40 р., а онъ, брегадиръ Арсеніевъ, поехалъ сегодня въ Москву зъ домомъ своимъ.

Середа. 21. День билъ свѣтлій, теплій и тихій, у вечеру хмары зъ дожчемъ силнимъ и громомъ, такъ же мало не чрезъ всю ночъ дожчъ ишолъ. Сегодня рано отехалъ въ Москву князь Алексѣй Івановичъ Шаховской, которого опроводилъ гетманъ до яру другого, не доежджая Ясманѣ села, а старшина енер., род. и я и великороссійскіе господа запроводили его на становиску за Ясмань, верстъ у 3, где и обѣдали и подпивали, тамже и заночовали. А на его мѣстѣ остался здо полковникъ Тургеневъ. Желязо, слуга род., посланъ отъ род. въ Москву зъ парою коней до Курбатова и прошеніемъ отъ п. Павловой о селахъ еи и о Засуллю, которому

я далъ штановъ лосинихъ двое вимить тамъ и купить табату картузъ, на что все далъ ему я 4 р., да черезъ его жъ послала жена сестрѣ барилцѣ мастихинои и пѣрниковъ ящикъ.

Четвер. 22. День былъ теплій, тихій почасти и почасти вѣтрянъ, болшъ хмаренъ, нѣжъ свѣтелъ. Рано съ княземъ Шаховскимъ простились всѣ, онъ поехалъ въ путь свой, а мы поворотивши, пріехали на обѣдъ въ Глуховъ, род., п. Федоръ и я зъ швакгромъ и братами Маркомъ и Іваномъ, и обѣдалисмо вкупѣ. По обѣдѣ ездилемъ до швакгра п. Якова и оглядали коней продажнихъ нѣмецкихъ по 100 р. Повернувшись оттоль, ходилемъ у лазню и кровъ банками пускалъ на спинѣ и на ногахъ, стегнахъ, для свѣрбу великого.

Пятокъ. 23. День былъ холодній и вѣтряний, и дожчеватий, и пополамъ свѣтелъ, ночъ свѣтла тиха. Родителеви визичилемъ 180 р. и отослалемъ черезъ Клима пѣщанского. Отправлени конѣ 18 въ Гамалѣовскій футоръ черезъ Иллю. Посланъ Василь Кравецъ въ Батуринъ за Урбаномъ утекшимъ. Писалемъ до стар. крисков., чтобъ 3000 дранѣ виготовалъ, а на оную взялъ зъ денегъ отъ роздачи на жито осталнихъ 30 р. Купилемъ жита 2 четверики за 6 р. и 30 а. и одинъ посланъ въ Криски, а другій въ Тулиг., а за тое жито самъ заплатилемъ.

Субота. 24. День былъ холодноватий, по перемѣшкамъ свѣтелъ и хмаренъ, ночъ сперва свѣтла и тепла, потомъ хмарна. Рано былемъ у п. гетмана, где и обѣдалемъ, у вечеру ездилемъ до полковника Тургенева и позно повернулся въ свой домъ. Швакгеръ п. Андрѣй пріехалъ въ Глуховъ. Писмо получилемъ отъ стар. перерв., что козаки тамошніе позатиканную, (т. е. сѣнокосъ означенный колышками) покосили; также, что дрикgантъ шпаковатий здохъ.

Неделя. 25. День былъ сперва холодноватъ, после свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла жъ и тепла. Рано былемъ у гетмана, обѣдалемъ у себе, по обѣдѣ ездилемъ до Количова зъ родителемъ. Асаулъ енер. Мануйловичъ и Григор. Кулябка, сотникъ луб., приходили въ статяхъ за Оболонскимъ. Отправилемъ козака перервинского зъ пис-

мами до Перер., чтобъ Ярема 15 р., данніе за буланого дрикганта, удержалъ у себе, до Сух. о посилки гор. и сала въ Перер., до Несторовича о дачѣ коней 3-хъ, стар. сух., и перер. и Яремѣ.

Понедел. 26. День былъ холодноватъ сперва, потомъ свѣтелъ и тепелъ, у вечеру дожчъ и громъ и въ ночѣ, потомъ ночъ випогодилась, а къ свѣту знову хмарно стало. Рано ездилемъ до гетмана, обѣдалемъ зъ женою у швакгровъ своихъ, потомъ былемъ у п. Михайла, и просидѣвши доволно, повернулемся домой. Купилемъ ковадло котляреви и заплатилемъ самъ 1 р. и 80 к.

Вовтор. 27. День былъ свѣтелъ и тепелъ, попеременкомъ хмара и дожчъ, у день ясно, къ вечеру хмарно и вѣтряно, ночъ випогодилась велми. Рано былемъ у гетмана и п. Михайлову болную посѣщалемъ, обѣдалемъ зъ женою у швакгровъ, потому что именниникъ синъ п. Андрѣя Полуботка. У вечеру знову былемъ у п. Михайла.

Середа. 28. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, у вечеру вѣтряно и черезъ ночъ, и хмарно. Ездилемъ рано въ Сварковъ, а зъ Сваркова повернувшись, заехалемъ къ гетману, где и обѣдалемъ. По обѣдѣ повернулемся домой, куда пріехалъ п. Михайло, братъ и швакгри. Демку Пиндюренку заплатилемъ долгъ его, уздицкому человѣку должнихъ 2 р. 50 к.

Четвер. 29. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалъ у гетмана князь Щербатий, посилаючійся въ Царградъ, и секретарь его Аргамаковъ, и Тургеневъ, и Кошелевъ и другіе и я, по обѣдѣ заходилъ зъ Григоріемъ Гамалѣею до швакгровъ, оттоль до п. Михайла, где и въ карти игралемъ и вечералемъ. За мѣхъ котлярскій заплатилемъ котлярeви 3 р. и 10 к. Писалемъ черезъ сухос. подданого, брата Сердюченкового, до пол. луб. о Кодинцу и до стар. сухонос., и 4 р. послалемъ на покупку ободдя. Федоръ Дмитр. Кошелевъ поехалъ зъ Кіева въ Москву.

Пятокъ. 30. День былъ до полудня свѣтелъ, тепелъ и тихъ, отъ полудня дожчъ зъ громомъ и блискавицею, у вечеру престалъ, ночъ вся знову зъ дожчемъ. Родитель пріехалъ въ Глуховъ. Отпи-

салемъ до стар. Сухонос. и послалемъ 4 р. на покупку ободдя въ Густинѣ. Черезъ тогожъ посланного Сердюченка писалъ до пол. луб., о чомъ вчера написанно, а сегодня отправленъ до Книша, гамалѣевского старости, писалемъ, чтобъ новую началъ яму и о Евгеніи. Купили овса полъ 2 четверика за 1 р. и 80 к., и самъ заплатилемъ.

Субота. 31. День былъ зранку хмаренъ, а потомъ мало не черезъ увесь день дощъ ишолъ, ночъ випогодилась, однако жъ вѣтеръ полунощний былъ. Сегодня на службѣ Божой былисмо у церквѣ п. судіиной сестри, обѣдали дома, родитель мы, швакгри, Григор. Гамалѣя и братъ п. Семенъ, пріехавшій сегодня и прощеніе у род. получившій. Капитанъ ґвардіи Воейковъ и секретаръ сенатскій Топѣлскій, пріехалъ зъ Москви въ Глуховъ и зъ собою за карауломъ привезлъ Танского, пол. переясловского, розисковать объ немъ зъ Тургеневимъ. Милемся въ лазнѣ, а жена ездила на Бѣлополовку.

М-ць августъ. Неделя. 1. День былъ вѣтряний и вѣтеръ полунощній, однако жъ нехолоденъ и свѣтелъ, ночъ хороша. На службѣ былемъ на Бѣлополовцѣ, а по службѣ у Турковского и у п. гетмановой. На обѣдъ зъ женою пріехали домой, а въ вечеру знову туда жъ ездилисмо, и тамъ я зъ братомъ п. Михайломъ, женою его и Бокомъ поигравши въ кадрилѣю, зъ проиграшомъ моимъ, повернулемся назадъ. Началъ жестянку чаю, полну насипанную.

Понедел. 2. День былъ зранку холодній, вѣтряний, въ день мало виияснилось, потомъ знову хмарно стало и ночъ хмарна и вѣтряна. У службѣ, у Петровского, а болшъ нѣгде.

Вовтор. 3. День. и ночъ были противъ вчорайшихъ хмарніе, холодніе и вѣтряніе. На службѣ у Петровского, по обѣдѣ у вечеру братъ п. Семенъ отехалъ къ родителцѣ у Шабалиновъ. Писалемъ до стар. крис. о присилцѣ ґрадѣлця, дранѣ. Послалъ карету и спалню до маляра въ Маковъ малювать.

Серода. 4. День былъ противъ вчорайшихъ хмарній и вѣтряній, по перемѣнкамъ свѣтелъ и хмаренъ, и ночъ такова жъ. Рано былемъ у Тургенова, а оттоль на службѣ у ст. Михайла, знову у

его, оттоль на молебнѣ за именитство царици Евдокіи, и оттоль за гетманомъ поѣхалемъ на Бѣлополовку, где обявлялемъ ему о томъ, что суддѣ енер. определили были послать мене на розискъ въ полкъ нѣжинскій, въ мринскую сотню. У лазнѣ милемся.

Четвер. 5. День былъ сперва похмуренъ и холодноватъ, а потомъ свѣтлій, тихій и теплій зъ ноччю. Не ездилемъ никуда зъ дому. Былъ у вечеру отецъ Никифоръ, для исповѣданя нашего, а на службѣ былемъ у судейской церквѣ, и по службѣ зашедлемъ до капитана ğвардіи Воейкова.

Пятокъ. 6. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, передъ вечоромъ хмурно стало, ночъ погодна до половини, а отъ половини до свѣта дожчъ. Ездилемъ до Сваркова, оттоль до футора Калюжновского, и повернулемся назадъ позно. Хлопецъ малий, купленний отъ Забари, ушелъ и машталеръ Тимошъ.

Субота. 7. День былъ увесь и ночъ вѣтряніе зъ уставичнимъ дожчемъ, чрезвичайнимъ осѣннимъ. На службѣ у веригинской церквѣ, обѣдали у себе, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла и видѣлъ грамоту, черезъ канцеляристу Лазаревича написанную о томъ, чтобъ якъ отъ слободъ великороссійскихъ, такъ и отъ маетностей внутрѣ Малой Россіи великороссійскихъ и иноземцовъ, помоществованіе дѣлано было въ линѣи той, якая строится теперъ отъ Днѣпра до Донца.

Неделя. 8. День былъ до вечора дожчеватъ, а передъ вечоромъ вияснилось и ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ѣздилемъ зъ женою на той бокъ до п. Михайла и жони его.

Понеделокъ. 9. День былъ свѣтлій теплій, толко вѣтеръ полунощній, однако жъ после тихо, и ночъ такова жъ была погодна. Другая грамота прислана къ гетману, чтобъ со всѣхъ помѣщичихъ деревень, великороссійскихъ и иноземцовъ необходя чинено было въ работѣ линѣи помоществованіе противъ козаковъ, какъ то они исправляютъ, и писмо о семъ отъ Тараканова. Жена поехала у футоръ зъ тіоткою, маткою Подолского и тамъ ночовала.

Вовтор. 10. Рано поехалемъ въ Сварковъ, где заставши жену и тіотку, тутъ и обѣдалъ. А по обѣдѣ пріехали у футоръ Калюж-

новскій, они жъ тамъ остались ночовать, а я пріѣхалемъ у Глуховъ на ночъ. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ.

Середа. 11. День и ночъ были противъ вчорайшихъ. При женѣ у футорѣ насадили 8 копъ безъ 2-хъ снсповъ въ овину, зъ которихъ вимолотили по 5 четвертинника зъ ковшами 2-ма. Обѣдалисмо въ дому малолюдно и постно.

Чотвер. 12. День и ночъ были противъ вчорайшихъ. Обѣдалемъ у п. гетмана, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ братомъ ездили до капитана гвардіи Воейкова и Топѣлского и посидя доволно, отойшли. Третая грамота принесена до п. гетмана, чтобъ со всѣхъ державскихъ маетностей, почавши отъ гетмана до послѣдняго владѣлца, вислать подданихъ на линѣи, по пропорцѣи противъ козаковъ.

Пятокъ. 13. День былъ и ночъ противъ вчорайшихъ. Сегодня былъ я у енералной судовой канцеляріи и подавши доношеніе, чтобъ мнѣ не ехать въ мринскую сотню полку нѣжинского, для розиску по челобиттю епископа чернѣговского, уволненъ зосталъ отъ тоей дороги, а оттуду поехалъ у футоръ и Сварковъ, и домой повернулся позно.

Субота. 14. День зъ ранку былъ хмурний, вѣтряний и холодноватъ холодомъ осѣннимъ, а потомъ тотъ же вѣтеръ хмару розогналъ, потомъ и дощикъ нагналъ. Ночъ такова жъ власне. Рано былемъ у п. гетмана, а обѣдалемъ въ дому и у вечеру у банѣ банками кровъ пускалемъ. Родитель приобщался пресвятимъ тайнамъ. Жита нажали у футорѣ Калюжновскомъ 200 копъ а отъ Бѣжского и скопщини 50 копъ, якое и зложили въ скиртъ 2 и въ стогъ.

Неделя. 15. День былъ зранку и после отчасти похмурний, однако жъ теплій и дощикъ зранку малій ишолъ, ночъ также похмурна и мало вѣтряна. Рано былемъ у гетмана, и обѣдалемъ въ дому, по обѣдѣ ездилемъ зъ женою до Турѕенева и жени его зъ поздравленіемъ.

Понеделокъ. 16. День зранку свѣтелъ, о полднѣ дожщикъ, къ вечору вѣтеръ и ночъ вѣтряна и холодна велми. Обѣдалисмо въ дому. По обѣдѣ родитель поехалъ въ Кролевець. У вечеру

ездилемъ на тотъ бокъ, до п. Михайловой, и посидя повернулся. За ярую крашанину до круглого намету, за 80 аршинъ по 6 коп., 4 руб. 80 коп.

Вовтор. 17. День былъ и ночъ вѣтряніе, холодніе велми. Сегодня кровъ пускалемъ зъ руки правой, толко не пойшла. Обѣдалисмо въ себе, тіотка зъ сыномъ Подолскимъ поехала домой.

Середа. 18. День былъ холодній, а вѣтряний, однако жъ вияснилося и къ вечеру тихо, ночъ тиха свѣтла, однако жъ холодна. Юско посланъ въ Роменъ и черезъ его 20 р. до Несторовича и писмо вѣрчое о поисканню Урбана и другое, и приказъ ему данъ. Маслосвятіе болѣзненной п. Михайловой отправлялось.

Четвер. 19. День былъ свѣтлій, погодній и теплій, ночъ тиха жъ и свѣтла. Рано до п. Михайла ездилемъ, которого посѣщалемъ жену, а обѣдалемъ у капитана Воейкова, гдѣ былъ родитель, Тургеневъ и протчіе, а по отездѣ Тургенева были у насъ Воейковъ, Косоговъ и Топѣлскій, и посидѣвшя отойшли. Послали писмо до Бидлова въ Москву п. гетманъ, прося лѣкарства п. Михайловой.

Пятокъ. 20. День былъ свѣтлій, однако жъ зъ вѣтромъ, тепловатъ, а къ вечеру холоденъ. Ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Рано поехалемъ въ футоръ, оттоль въ Сварковъ, где и заночовалемъ зъ братомъ Яномъ.

Субота. 12. День зранку свѣтелъ и ясенъ, погодя мало вѣтрянъ, хмаренъ и холоденъ, около полдня свѣтелъ знову и тихъ, до вечора, ночъ такъ же свѣтла, тиха и холодновата. Рано по службѣ Божой зъ Сваркова поехавши, заехалемъ до Количова болѣзнуючого уже пятій день на горячку, оттоль пріехавши домой обѣдалисмо, а по обѣдѣ знову ездилисмо зъ женою обое до него, где его водкою горячою платомъ мазали, что ажъ сталъ потѣть, и позно въ ночѣ розехалисъ. Въ Москву отправили писма род. и чолобитніе, а я писмо писалъ къ сестрѣ, черезъ куріера отъ Тургенева наряженного. Маляръ Якимъ Єлѣнскій вималіовалъ образъ Мойсея и вопр.... хатъ, которому далемъ 2 р.

Недедя. 22. День былъ свѣтлій отчасти, а отчасти похмурній, однако жъ тихій и теплій. Ночъ свѣтла и тиха. Рано былъ у гетмана, а потомъ въ дому обѣдалъ зъ сестрою Чарнишевою, которая пріехала сюда затимъ, что зъ суду енера. призвано еи сюда, даби по дѣлу князя Кропоткина платилась 1643 р. У вечеру ездилъ я знову до п. Михайловой и тамъ доволное время посидѣвши, повернулся назадъ.

Понеделокъ. 23. День былъ и ночъ во всемъ сходній противъ вчорайшихъ. Рано ездилемъ въ городъ и тамъ заходилъ у склепъ, а насипавши бутилку, повернулся назадъ домой, а обѣдали у насъ Тургеневъ, Воейковъ и Топѣлскій. У вечеру ездилемъ до Количова, где посидѣвши доволно, назадъ повернулся ноччю, а Количовъ ослабы въ болѣзни своей никакой не имѣетъ. Хлопецъ мой Василецъ въ ночѣ противъ понеделка ушелъ.

Вовтор. 24. День былъ сперва хмарній, потомъ отчасти свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ хмарна, тиха и тепла. Сегодня рано Климъ Пѣщанскій отъ имени своего подалъ доношеніе въ ратушъ глуховскую, что хлопецъ Василецъ ушолъ и унесъ перстень алмазній, которому цена 100 р., да еще чего обшукавшись не обищется, о томъ учинится вѣдомо. Рано сегодня поехалемъ зъ Глухова до монастира Гамалѣевского, ехалемъ до Словута 2 год., отъ Словута до Собичева год. 1 и мѣнутъ 40, зъ Собичева четвертей 3 до Макова, зъ Макова до монастира полчаса, где пріехавши ночовалемъ.

Середа. 25. День и ночъ во всемъ противъ вчорайшихъ. Тутъ въ монастирѣ Харлампіевомъ службы вислухалемъ и обѣдалемъ, а по обѣдѣ поехавши, пріехалемъ на ночъ въ Глуховъ. Получилемъ писмо отъ Несторовича. что Романъ Кровнѣцкій, староста топалскій (гр. Рагузинскаго), пріехалъ въ Розбишовку розискивать о степу Гамалѣевскомъ.

Четвер. 26. День былъ похмурній, теплій и тихій, къ вечору невеликій дощикъ, ночъ тиха и хмурна, къ свѣту дощъ. Противъ четверга, въ ночѣ, 11-го часа передъ полноччю, Андрей Количовъ подполковникъ отъ огневици умре, дванадцятодневно утерпѣнний Кровъ зъ головной жили пускалъ мнѣ докторовъ цилюрикъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ L.

ИЮЛЬ

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 14 Іюля 1895 года.

МНИМАЯ ТИПОГРАФІЯ ПОЧАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ

(съ к. XVI до 1-й четв. XVIII в.).

При пересмотрѣ литературы о Почаевской типографіи, встрѣчаешься съ самыми неожиданными и противорѣчивыми мнѣніями. Одни относятъ ея основаніе къ 1597 г., другіе къ 1618-му, нѣкоторые къ 1730-му. Приводятся указанія на книги, изданныя въ промежутокъ 1618—1720-хъ годовъ. Рядомъ съ мнѣніемъ объ основаніи Почаевской типографіи въ 1730 или 1732 г. существуетъ и другое—о прекращеніи дѣятельности ея около этого времени и возобновленіи въ 1784 г. Говорятъ потомъ о новомъ перерывѣ въ дѣятельности типографіи до 1800 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ библіографы называютъ рядъ книгъ, изданныхъ въ 1730—84, 1784—1800 годахъ.—Кто же правъ? Откуда взялось такое противорѣчіе? Когда и кѣмъ основана монастырская почаевская типографія? Когда прерывалась ея дѣятельность? Что именно дѣйствительно въ ней издано и какія показанія ошибочны?

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы намѣрены отвѣтить лишь на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

1. Дать критическій обзоръ литературы предмета и

2. Доказать, что почаевской монастырской типографіи въ 1597—1720-хъ годахъ не существовало.

ГЛАВА I.

Критическій обзоръ разработки матеріаловъ для исторіи Почаевской монастырской типографіи.

Первымъ печатнымъ трудомъ, коснувшимся вопроса о началѣ почаевской типографіи и объ изданныхъ въ ней книгахъ, былъ, насколько намъ извѣстно, „Опытъ россійской библіографіи“ В. Сопикова (Спб. ч. I-я 1813 г., ч. V-я 1821 г.). Въ исторической части „Предъувѣдомленія“ къ труду авторъ писалъ, что „въ 1618 году напечатано слово Максима Грека въ Почаевѣ“, и въ примѣчаніи: „Въ моемъ каталогѣ одного времени и мѣста печатанія показана книга Зерцало Богословіи“ (ч. I, с. LXXIV). Ниже (на с. CXIII-й) тоже говорилось, что типографія въ Почаевѣ, по напечатаннымъ въ ней книгамъ, извѣстна съ 1618 года. Никакихъ больше историческихъ свѣдѣній о почаевской типографіи авторъ не сообщалъ, если не считать примѣчанія къ № 574 (с. 127—8), что на большинствѣ старообрядческихъ изданій, напечатанныхъ въ Клинцовской типографіи *ложно* означены города: Варшава, Вильна, Гродна, *Почаевъ*, Несвижъ и др.

Въ самомъ библіографическомъ перечнѣ Сопиковъ отмѣтилъ „Зерцало Богословіи, изъ многихъ богословскихъ книгъ выбранное іеромонахомъ Кирилломъ Транквиліономъ; въ Лаврѣ Почаевской, 1618 въ 4“ (№ 387, с. 99) и „Максима Грека, инока св. горы Аөонскія, Слово на Латиновъ, и о святомъ Духѣ, въ Почаевѣ, 1618—въ 4°“ (№ 610, с. 139); а также еще не менѣе 16-ти уніатскихъ и старообрядческихъ изданій 1756, 1764 и 1778—1800 годовъ[1]). Заглавія приведены въ извлеченіи не точно; число листовъ или страницъ не обозначено; форматъ указанъ. Вопроса объ отношеніи почаевской типографіи 1618 г. къ почаев. тип. XVIII в. Сопиковъ не затронулъ, очевидно считая ее за одну.

---

[1]) №№: т. I: 4, 36, 37, 97, 129+1737, 219, 409, 536, 561, 574, 585, 595, 791, 854, 984, 1391, 1045; т. II: 2158; т. IV (Спб. 1816 г.): 9111; т. V: 13205, 13226.

Для своего труда авторъ пользовался печатными и рукописными пособіями (т. I с. XXII—V), при чемъ не указывалъ обыкновенно, откуда заимствовалъ то или другое извѣстіе. При книгахъ безъ выходнаго листа не рѣдко обозначалъ, безъ всякихъ оговорокъ, мѣсто и годъ изданія, руководясь, вѣроятно, либо собственными соображеніями, либо показаніями пособій. Благодаря этому сообщаемыя Сопиковымъ данныя не всегда надежны, какъ это сознавалъ и самъ авторъ (т. I, с. XIX). Таковыми должны быть признаны, какъ увидимъ ниже, и показанія о мѣстѣ и годѣ изданія „Слова на Латиновъ“ Максима Грека.

Митрополитъ Евгеній въ „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина“... ч. II (Спб. 1818 г.; изд. 2-е Спб. 1827 г., 2 т.; цензурн. помѣта 1822 года) дважды касается почаевскихъ изданій: въ статьяхъ о Кириллѣ Транквилліонѣ и о Максимѣ Грекѣ, при чемъ дѣлаетъ двѣ ошибки. Въ числѣ сочиненій Кирилла Транквилліона Евгеній называетъ „Зерцало Богословіи напечатано въ первый и второй разъ 1618 и 1679 г. въ Почаевскомъ монастырѣ“ (II, 361), а о Максимѣ Грекѣ между прочимъ говоритъ, что „изъ словъ его одно на *Латиновъ* (во 2-мъ изд. добавлено: *о св. Духѣ*) напечатано было въ Почаевской типографіи 1618 г. *при книгѣ* Кирилла Транквилліона, называемой *Зерцало о Богословіи*“ (II, 400). Пользовался-ли въ данномъ случаѣ авторъ „Опытомъ“ Сопикова, не видно. Источникъ указанія на изданіе Зерцала Богословіи въ 1679 г. намъ точно не извѣстенъ, а основанное на недоразумѣніи мнѣніе о времени и мѣстѣ изданія Слова на Латиновъ будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ. Во 2-мъ изд. своего „Словаря“ м. Евгеній говоритъ то же (т. I, с. 335 и II, с. 36).

I. S. Bandtkie въ трудѣ „Historya drukarń w krolewstwie polskiem i wielkiem xięstwie litewskiem“ (w Krakowie 1826, 3 11, 12; о почаевскихъ изданіяхъ t. II, str. 54—9) первый сообщилъ нѣсколько фактовъ собственно изъ исторіи почаевской типографіи, при чемъ тщательно отмѣтилъ, откуда заимствовано имъ то или другое свѣдѣніе, и даже источники послѣднихъ. Трудъ Сопикова былъ извѣстенъ автору лишь по статьѣ Линде

(въ „Pam. Warsz“ t. V. 1816 г.). Главнымъ источникомъ послужили для Бандтке рукописныя дополненія Гофмана (о немъ у Бандтке t. I, str. XIII—XIX) къ своему труду „De typografiis earumque initiis et incramentis in Regno Poloniae et Magno Ducatu Littuaniae“ (Dantisci 1740). Изъ статьи Линде (p. 16) авторъ узналъ, что „Sopików przytacza druk Poczaiowski Słowiánski r. 1618“, а въ рукописи Гофмана нашелъ, что почаевская типографія основана была („założona była“) въ 1732 г. по привиллегіи Августа II, и когда Львовское Братство желало запретить ей печатать книги славянскія, выхлопотала въ 1755 г. привиллегію изъ Рима. Самъ авторъ склонялся къ мысли, что „zapewne tutay tak, iak i gdzie indziey bywało, że iuż istniała drukarnia dawno przed przywileiem“. Упомянувъ, что Hlebowicz (w Pam. Wileńskim, t. II, r. 1821: Ostrog) „wywodzi Poczaiowską drukarnią od Ostrogskiey“, Бандтке привелъ затѣмъ свѣдѣнія о заглавіи, форматѣ, числѣ листовъ и проч. извѣстныхъ ему почаевскихъ изданій: 1-го (видѣннаго имъ лично) на польскомъ и русскомъ языкахъ и 5-ти польскихъ, 1-го латинскаго и 1-го славянскаго: (Литургіаріона 1655 г., 3-мъ изданіемъ), находящихся въ б—кѣ Оссолинскаго. Бандке, повидимому, строго разграничиваетъ 1-ю книгу отъ остальныхъ и самъ послѣднихъ не видѣлъ. Этимъ и объясняется приведеніе въ этомъ точномъ трудѣ ошибочнаго (см. ниже) показанія о Литургіаріонѣ 1655 года.

П. Строевъ въ своихъ „Описаніяхъ старопечатныхъ книгъ“ библіотекъ Ѳ. Толстого (М. 1829, 8⁰) и И. Царскаго (М. 1836, 8⁰) привелъ полныя заглавія и описалъ нѣсколько почаевскихъ изданій, б. ч. раньше совсѣмъ неизвѣстныхъ. Въ „Описаніи“ книгъ Толстого описано 5 уніатскихъ изданій 1756—1793 гг., какъ рѣдкихъ[1]), а въ „Описаніи“ книгъ Толстого: 2 уніатскихъ 1798 и 1813 годовъ и 7 старообрядческихъ 1782—95 гг.[2]). Описаны были Строевымъ также и 2, указанныя еще Сопиковымъ, почаевскія изданія 1618 года (Царскаго, №№ 56, 57, с. 72—73). Важнымъ при этомъ было то, что экземпляръ слова

¹) См. №№ 258, 265, 270, 274, 276.

²) См. №№ 280, 286, 257, 260, 277, 278, 281, 282, 283.

на Латиновъ Максима Грека (№ 57) оказался „безъ выхода", а самъ Строевъ усомнился и въ самой возможности выхода этой книги изъ Почаевской типографіи. „Изданіе сей рѣдкой книги, писалъ онъ, указывая на Сопикова и Евгенія, полагають въ Почаевѣ 1618 года..., но шрифтъ кажется кіевскій". Строевъ, слѣдовательно, призналъ разницу въ шрифтахъ, какими напечатаны Зерцало Богословіи и Слово на Латиновъ. Къ сожалѣнію, это важное замѣчаніе мало привилось въ послѣдующей литературѣ (см. у Сахарова и Максимовича). Что касается „Зерцала Богословіи", то Строевъ ограничился однимъ описаніемъ его, безъ всякихъ соображеній [1]).

Начало критическому отношенію къ Зерцалу Богословія 1618 г. положилъ Д. Зубрицкій въ вышедшемъ въ томъ же 1836 году трудѣ своемъ: „Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi" (Lwów, 1836, 12°). Коснулся Зубрицкій исторіи почаевской типографіи случайно—въ разсказѣ о попыткахъ Львовскаго Ставропигіальнаго Братства захватить въ свои руки монополію изданія книгъ на славянскомъ языкѣ и о возникшемъ отсюда процессѣ между Братствомъ и Почаевскими Базиліанами. Тѣмъ не менѣе онъ сообщилъ, на основаніи документовъ Братскаго Архива, не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній о Почаевской типографіи въ 1730—1771 годахъ и высказалъ цѣнныя соображенія о Зерцалѣ Богословіи 1618 года (str. 33—6, 52, 55). На основаніи актовъ процесса Зубрицкій установилъ, что лишь „w roku 1730 sprowadzili Bazylianie poczaiowscy gisera i kazali sobie litery ruskie odléwać" и что „aż po rok 1732 żadnego ruskiego dzieła tamże niewytłoczono, aprócz na otwartym arkuszu Proskomedyi, która sie w cerkwi zwykła zawieszać, tudzież listu pasterskiego Biskupa łuckiego". При этомъ, руководясь лишь данными документовъ Ставропигіи, Зубрицкій допустилъ и ошибку, сказавъ: „Zdaie się, że Bazylianie do r. 1750 nic, a przynaymnie nic większego po rusku nie

[1]) „Реестръ" А. С. Ширяева (М. 1833, 12°) можетъ здѣсь быть упомянутъ лишь по приведенію (подъ № 88) полнаго заглавія неизвѣстнаго раньше Богословія нравоучительнаго", изд. 1779 г. Извѣстіе о „Зерцалѣ Богословіи" 1618 г. (№ 39)—буквальная выписка изъ Сопикова, съ добавкой: „Первая книга въ сей Типографіи".

drukowali“. Изложивъ весь ходъ процесса съ его уклоненіями то въ пользу Братства и съ неожиданно счастливымъ для почаевскихъ Базиліанъ исходомъ, благодаря захвату Львова Австріей, Зубрицкій коснулся вопроса о существованіи почаевской монастырской типографіи до 1730 г. и въ частности: о связи почаевской монастырской типографіи XVIII вѣка съ изданнымъ въ Почаевѣ въ 1618 г. „Зерцаломъ Богословіи“ и о Литургіаріонѣ 1655 г. Къ первому подало поводъ, съ одной стороны, глухое свидѣтельство Бандке о существованіи почаевской типографіи въ 1618 г. (съ трудомъ Сопикова и другихъ Зубрицкій не былъ знакомъ), съ другой—ссылка самихъ почаевскихъ Базиліанъ во время процесса на изданіе въ Почаевѣ въ 1618 г. книги „Speculum Theologiae“, признанной въ то время Братствомъ за поддѣлку. Зубрицкій, на основаніи прямыхъ указаній о времени основанія почаевской типографіи, рѣшительно сомнѣвался въ существованіи послѣдней еще въ 1618 году. Высказавъ пожеланіе, чтобы почаевскій экземпляръ этой книги былъ изслѣдованъ (авторъ не успѣлъ еще въ то время самъ видѣть ея) и указавъ самый способъ критическаго излѣдованія, Зубрицкій въ заключеніе высказалъ свѣтлую мысль, что если дѣйствительно существуетъ какая либо книга, изданная въ Почаевѣ въ 1618 году, то она напечатана, надо думать, въ кочевой—передвижной малой типографіи (str. 35, 52). Во время печатанія своего труда, Зубрицкому довелось видѣть „Зерцало Богословіи“ 1618 г. Къ сожалѣнію краткость времени не позволила ему, по собственному сознанію, прочитать книгу и остановиться надъ нею со вниманіемъ. „Zdanie przeto o niey, писалъ въ примѣчаніи авторъ, do póznieyszey odkładam chwili. Зубрицкій напечаталъ лишь описаніе книги, съ краткой и не совсѣмъ ясной замѣткой, что на основаніи нумераціи лишь средины книги можно заключить „ze nie razem to dziełko, lecz ułomkami wychodziło, a póżniey (кѣмъ и когда?) zebrane, tytułem i dedykacyą opatrzone zostało (str. 35—6). Мысль о напечатаніи „Зерцала Богословіи“ въ 1618 г. въ кочевой типографіи осталась необоснованной.—Свидѣтельство Бандке о Литургіаріонѣ 1655 г. Зубрицкій прямо объявилъ ошибочнымъ, справедливо утверждая,

(хотя и опять не достаточно обоснованно), что данное изданіе вышло въ 1755 г. Основаніемъ для утвержденія послужило Зубрицкому упоминаніе о Служебникѣ 1755 года въ актахъ процесса, равно свидѣтельство почаевскихъ базиліанъ, (при всемъ стремленіи доказать давность своей типографіи) „ze przez woyny i nieszczęscia kraiowe po roku 1618 około sotka lat drukarnia ich nieczynną bydz musiała". Экземпляръ б—ки Оссолинскаго, на которомъ основывалось свидѣтельство Бандтке, Зубрицкій не могъ видѣть, такъ какъ б—ка не приведена была въ порядокъ.

Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ Зубрицкимъ почаевскихъ изданій и до сихъ поръ извѣстны въ литературѣ лишь по его указанію.—Остается еще упомянуть, что, говоря объ Уніевской типографіи, авторъ замѣтилъ (str. 55): może bydz, że Bazylianie poczaiowscy, zakupiwszy przyrządzienia drukarskie, do Poczaiowa ie przeniesli",—мысль, впослѣдствіи подтвердившаяся [1]).

Спустя 9-ть лѣтъ въ изданіи Balińskiego и Lipińskiego—„Starożytna Polska", въ статьѣ „Poczajów" (t. II, część druga Warsz. 1845) было напечатано (str. 904—5) „Już 1618 r. istniały w Poczajowie prassy drukarskie, a pierwsze wytłoczene w nich pismo: była mowa Maxyma Greka; jak długo trwały *nie wiadomo*, lecz że w późniejszym czasie czynnemi były, okazuje się z umowy, którą... bis... Rudnicki, zawart w Rożyszczach 3 grudnia—1772 r. z superiorem Klasztoru; brzmi ona":... Далѣе приводится цѣликомъ повелѣніе Рудницкаго о возобновленіи Почаевской типографіи, запрещенной декретомъ 1771 года, съ обязательствомъ за себя и преемниковъ возвращать монастырю

---

[1]) Въ 1838 г. въ Журн. Мин. Нар. Просв. (т. 19-й, № 9, стр. 560—585) напечатано краткое извлеченіе изъ Зубрицкаго (безъ его имени) подъ заглавіемъ. „О славянорусскихъ типографіяхъ въ Галиціи и Лодомиріи",—извлеченіе точное въ передачѣ описокъ подлинника и не всегда точной въ передачѣ мнѣній автора. Такова мысль, что „Зерцало Богословія" 1618 г. „находится и теперь въ монастырѣ Базиліановъ; и что „печатанныя въ послѣдствіи (послѣ 1747 г.) въ Уніовѣ книги издавались подъ именемъ Почаевской типографіи" (стр. 584). Странно своею категоричностью и безпочвенностью и примѣчаніе „Ред". (м. б. основанное на догадкѣ Бандтке): „Грекоунитскіе монахи испрашивали разрѣшеніе содержать Почаевскую типографію; но она учреждена гораздо прежде, когда Почаевскій монастырь былъ еще православнымъ (с. 575).

издержки печатанія. Документъ заимствованъ авторомъ „z arch. gł. w Warszawie, ks. kancl. 51, s. 20“; и за нимъ слѣдуетъ замѣчаніе: „Co potwierdza Król w marcu 1773 r“. Напечатаніе неизвѣстнаго документа было конечно любопытно; но съ другой стороны здѣсь впервые была опредѣленно проведена мысль о существованіи почаевской монастырской типографіи съ 1618 года. Соображенія Зубрицкаго и раньше Строева, да и вообще *вся* предшествующая литература, оставлены безъ всякаго вниманія. Впрочемъ, нелогичность въ построеніи умозаключенія бросалась въ глаза сама собою.

Въ послѣдующей литературѣ соображенія Зубрицкаго (въ ихъ неточной передачѣ въ Журн. Мин.) и Строева оставили слѣдъ лишь въ трудахъ Сахарова и Максимовича.

Сахаровъ въ книгѣ „Обозрѣніе славяно-русской библіографіи. Томъ первый. Книга вторая“ (съ 1491 по 1655 г.) (Спб. 1849; но дозволено цензурой еще 28 дек. 1846 г.; 2°) отмѣтилъ и „Зерцало Богословія... (Почаевъ, 1618 г.)“ (№ 168), и „Слово на Латиновъ (? 1618 ?)“. (№ 169). Для описанія этихъ книгъ, новаго противъ Строева авторъ ничего не давалъ, но сообщалъ указанія на библіотеки, въ которыхъ хранятся экземпляры данныхъ книгъ и приводилъ болѣе полныя указанія на предшествующую литературу. Въ графѣ о времени изданія книгъ Сахаровъ выставилъ противъ №№ 168 и 169 годъ 1618-й, а въ графѣ о мѣстѣ изданія—„?“. Въ примѣчаніяхъ къ тексту книги Сахаровъ писалъ: при № 168—„На заглавномъ листѣ хотя и показано, что книга издана въ Почаевскомъ монастырѣ, *но это едва ли справедливо.* Въ недавнее время возникло сомнѣніе объ этомъ изданіи. См. Журн. мин. народ. просвѣщ. (1838 г., № IX, стр. 575)“; а при № 169: „И это изданіе приписываютъ Почаевской типографіи, 1618 г. П. М. Строевъ говоритъ (см. кат. староп. кн. Царскаго): „шрифтъ, кажется, кіевскій“. И только.. Авторъ не дѣлалъ никакихъ новыхъ соображеній и даже вовсе не высказывалъ своего мнѣнія о мѣстѣ изданія этихъ книгъ. Къ мысли объ изданіи ихъ въ Почаевѣ авторъ, повидимому, относится вполнѣ отрицательно. Такъ,

въ помѣщенномъ въ началѣ „Обозрѣнія" перечнѣ типографій указаннаго времени о Почаевской не упоминается ни словомъ.

Тѣмъ временемъ въ вышедшемъ еще въ 1848 году „Каталогѣ" книгъ ц. п. б—ки А. Кастерина, составл. В. Ундольскимъ (М. въ „Чтеніяхъ" и отдѣльно) было сжато перечислено и не мало книгъ почаевской печати 1755—1798 годовъ [1]). Упоминались и „Зерцало Богословія" (№ 95) и Слово на Латиновъ (№ 96),—послѣднее за датой: „безъ выхода, *вѣроятно* въ Почаевѣ, около 1618 г.".

Въ томъ же 1849 г., въ которомъ вышла въ свѣтъ книга Сахарова, появился рядъ статей о южно-русскихъ типографіяхъ М. Максимовича, подъ общимъ заглавіемъ „Книжная старина южнорусская". Сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія о Почаевской типографіи („Временникъ" Моск. Общ. Исторіи, кн. 1. М. 1849, стр. 11—12 Смѣси; перепеч. въ Собр. соч. т. Ш, стр. 674—6) почти цѣликомъ несамостоятельны [2]) и страдаютъ полнымъ отсутствіемъ критики. Здѣсь собраны вкратцѣ вмѣстѣ всѣ бывшія извѣстными Максимовичу свѣдѣнія о почаевской типографіи: вѣрныя, неточныя и совсѣмъ ошибочныя, и изъ нихъ составлена цѣльная обманчивая картина. Авторъ воспользовался (съ незначительными пропусками) указаніями Сопикова, Строева, статьи въ Журн. Мин—а и „Каталогомъ" Кастерина. Трудъ Бандтке и подлинникъ статьи Зубрицкаго не были ему извѣстны. Воспользовавшись указанными трудами, Максимовичъ писалъ: „Всѣ вышеозначенныя типографіи на Волыни (раньше о нихъ шла рѣчь) прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ первой половинѣ 17-го столѣтія. Послѣ того на Волыни *была* только одна Славяно-русская типографія — Почаевская. Начало книгопечатанія въ Почаевѣ положено еще въ 1618-мъ году Кирилломъ Транквилліономъ Ставровецкимъ, который тамъ напечаталъ сочи-

---

[1]) №№ 877, 880, 881, 897—9, 917, 928, 931, 932, 942, 943, 948, 950, 952, 960, 962, 963, 964, 966, 967, 972, 973, 986, 997, 1006, 1013, 1014, 1020. При свѣдѣніяхъ о №№ 897—9, 932, 967, допущены были ошибки, частью исправленныя, частью повторяемыя до сихъ поръ.

[2]) Намъ неизвѣстенъ источникъ указанія лишь на одну книгу „Гора Почаевская 1742. in 4°". Впервые указано Максимовичемъ посвященіе „Зерцала Богословія" въ разныхъ экземплярахъ разнымъ лицамъ.

неніе свое—1. Зерцало Богословія. 1618. въ 4. Одни экземпляры этой книги посвящены Лаврентію Древинскому...; а другіе князю Александру Пузынѣ. 2. Около того же года въ Почаевѣ (какъ полагаютъ) напечатано слово Максима Грека на Латиновъ, въ 4. *Извѣстны сомнѣнія* о напечатаніи этихъ книгъ въ Почаевѣ въ означенномъ году. *Сомнѣваются* также, дѣйствительно-ли существуетъ—3. Служебникъ, напечат. въ Почаевѣ 1655 года. Возобновлена типографія въ Почаевѣ 1730 года Изъ первыхъ книгъ ея извѣстна—4. Гора Почаевская 1742. въ 4. Далѣе шелъ перечень Почаевскихъ изданій (36-ти), а затѣмъ говорилось: „Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ списокъ Почаевскихъ книгъ прошлаго столѣтія можетъ пополниться еще значительно; но иныя изъ нихъ, изданныя старообрядцами, *можетъ быть,* носятъ на себѣ только имя Почаева; а напечатаны не здѣсь (догадка Сопикова). Библіографической наблюдательности есть надъ чѣмъ поработать“. Вотъ и все. Высказанной въ концѣ статьи мысли самъ авторъ совсѣмъ не приложилъ къ дѣлу, и потому статья его, полезная для своего времени, какъ объединеніе—списокъ, не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія.

Спустя 2 года ту же мысль о существованіи почаевской монастырской типографіи уже въ 1618 г. и позже высказалъ M. Wiszniewski въ своемъ трудѣ „Historya literatury polskiej“. (W Krakowie, t. VIII, 1851, str. 429—431 и 411): „Kiedyby piérwszy raz drukarnię ruską w Poczajowie założono *wiedzieć nie* możemy; to tylko *pewna* iż w r. 1618 wyszła tu mowa Maksyma Greka (по Сопикову). W r. 1730 sprowadzili byli Poczajowscy Bazylianie gisera... (по Зубрицкому). Wyżéj wzmiankowanij mowy Maksima Greka dotąd niewidziano, (Вишневскій Опис. кн. Царскаго не читалъ), lecz w roku 1618 wyszła tu następująca książka: Sija kniha nareczajemaja zercało bohoslowija... (по Зубрицкому). W Wilnie u s. Trójcy *i w Poczajowie przy końcu siedmnastego* wieku już często nie kirylicą ale czcionkami polskiemi drukowano, jak np. następujące Okilewicza dzieło: Ecphonemata Liturgiey Greckiey.. *w Wilnie*... R. P. 1671 (str. 44). Указаній на другія книги авторъ для доказательства своей мысли не приводитъ. У Бандтке Вишневскій заимствовалъ извѣ-

стіе о Литургіаріонѣ 1655 г., не упомянувъ о заявленіи Зубрицкаго. Вишневскій пользовался трудами Сопикова, Бандтке, Зубрицкаго и Строевскимъ описаніемъ книгъ Толстого. Другихъ трудовъ онъ не видѣлъ. Изъ упомянутыхъ трудовъ заимствованы Вишневскимъ всѣ приводимыя имъ свѣдѣнія о почаевскихъ изданіяхъ ц. п. [1]). Ново въ трудѣ Вишневскаго было извѣстіе о нѣкоторыхъ книгахъ, печатанныхъ въ XVIII в. латинскимъ шрифтомъ въ Почаевѣ (напр. str. 430, 277—8) и краткая замѣтка о дѣятельности почаевской типографіи съ 1772 г. до позднѣйшаго времени za naszych czasów).

Единственно для полноты обзора приходится упомянуть о замѣткахъ о Почаевской типографіи П. Карашевича и А. Перлштейна.

Первый въ своемъ „Очеркѣ исторіи православной церкви на Волыни“ (Спб. 1855. 8-о; раньше въ „Христіанскомъ Чтеніи“) писалъ (стр. 140)... „всѣ эти типографіи прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ 1-й половинѣ XVII вѣка. Послѣ того на Волыни была только одна славяно-русская типографія—почаевская. Начало книгопечатанія положено въ Почаевѣ еще въ 1618 г. *помѣщицею Анною Гойскою; но по смерти ея типографія пришла въ совершенный упадокъ* и возобновлена уже въ 1730 г. (см. Временникъ 1849 г. „Книжная старина южнорусская, также Библіогр. Сахарова)“ Авторъ почти дословно привелъ мнѣніе Максимовича, но совершенно несправедливо приписалъ послѣднему и Сахарову произведеніе собственной фантазіи—мысль объ основаніи типографіи въ Почаевѣ Гойской.

Въ томъ же 1855 году А. Перлштейнъ напечаталъ въ Волынскихъ Губерн. Вѣдом. (№№ 4 и 5. Января 22 и 29-го статейку „Очерки исторіи типографіи на Волыни [2])“. Авторъ имѣлъ

---

[1]) При этомъ ошибочно (1798, 8°) отмѣченъ годъ изданія и форматъ Слова о походѣ души Кирилла Александрійскаго, свѣдѣніе о которомъ взято Вишневскимъ у Сопикова. Ошибка возобновлена Головацкимъ.

[2]) Перепечатана подъ заглавіемъ „Типографіи на Волыни“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855, ч. LXXXVII, с. 22—6 (см. Межовъ: № 4235).

въ виду дать свѣдѣнія вообще о всѣхъ бывшихъ на Волыни типографіяхъ. Сообщивъ жалкіе обрывки кое-какихъ свѣдѣній о славяно-русскихъ типографіяхъ въ Острогѣ, Дермани и Луцкѣ (о другихъ автору не было извѣстно) и сдѣлавъ лирическое отступленіе, авторъ продолжалъ: „множество православныхъ храмовъ Божіихъ обращено было въ уніатскіе костелы, и въ святынѣ Почаевской, занятой Базиліанами, *возникла* типографія, основателемъ которой былъ Бискупъ Ѳеодосій Любецкій-Рудецкій (sic!), въ первой половинѣ XVIII вѣка. Изъ этой типографіи выходили уніятскіе служебники и молитвенники, также учебныя руководства. Типографія Почаевская существовала и въ позднѣйшія времена, когда Провидѣнію угодно было возвратить древнее достояніе Руси подъ скипетръ Русскихъ Самодержцевъ“. Слѣдуетъ опять лирическое отступленіе о вѣротерпимости Россіи и о судьбахъ Промысла по отношенію къ уніатамъ и наконецъ заключеніе: „Послѣдовало возсоединеніе—и Почаевская типографія *прекратила свое дѣйствіе*“. Авторъ не имѣлъ почти никакого понятія о литературѣ предмета, а послѣднее его замѣчаніе о прекращеніи существованія почаевской типографіи со времени возвращенія Лавры въ православіе—просто невѣроятно. Вѣдь, авторъ печаталъ свою статью въ *Волынскихъ* Губернскихъ Вѣдомостяхъ, всего въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ продолжавшей существовать типографіи. Какъ бы для контраста — основатель почаевской типографіи, съ искаженною, правда, фамиліей, былъ указанъ вѣрно и впервые.

Въ 1859 г. въ Почаевѣ издана была брошюра—„Описаніе Почаевскія Успенскія Лавры“, по свидѣтельству архим. Амвросія: „подъ руководствомъ самаго Преосвященнаго Арсенія составленное“ (см. „Сказаніе о Поч. Усп. Лаврѣ“, 1871 г. с. 243).

Авторъ его (архим. Амвросій?) о почаевской типографіи лишь къ слову замѣтилъ (стр. 22): „въ 1597 году помѣщица... Анна Гойская надѣлила обитель сію (Почаевскую) землями, лѣсомъ и крестьянами и *сверхъ того дала способы къ учрежденію при обители Типографіи*“. Гаданіе это было, повидимому, произвольнымъ развитіемъ мысли Карашевича.

Въ 1861 г. былъ изданъ львовскимъ купцомъ М. Дыметомъ каталогъ пріобрѣтенныхъ имъ въ православной Почаевской Лаврѣ нераспроданныхъ уніатскихъ изданій, подъ заглавіемъ: „Каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ святой Успенской Лаврѣ Почаевской чина Святаго Василія Великаго. Для оупотребленія греческо-оунитскихъ церквей и духовенства". (Печатано о. Михаила Ф. Порембы 1861, 4-о, IV стр. Ц. П.). Книги, всѣ Ц. П., въ каталогѣ расположены были въ алфавитномъ порядкѣ. При каждой обозначенъ годъ изданія, форматъ, *число тетрадей*, („количество книгъ", или „количество листовъ", т. е. *печатныхъ*) и цѣна. Всѣхъ книгъ перечислено было 50, большею частью неизвѣстныхъ дотолѣ въ библіографіи. Въ каталогѣ, (какъ обычно въ каталогахъ), двѣ книги ошибочно (см. ниже) отмѣчены были изданными въ 1700 (№ 21: молитвенникъ 4-о) и 1708 (№ 1: Акаѳісты 4-о) годахъ; при 3-хъ (№№ 18, 32 и 37) годъ изданія не обозначенъ (на подлинныхъ года изданія обозначено, слѣд., не было). Всѣ книги, вообще, были позднѣйшихъ, сравнительно, изданій. У Дымета въ продажѣ находилось по 1-му изданію 1756 (№ 28), 1761 (№ 19) и 1771 (№ 26) годовъ, 2 книги—1768 года, а остальныя 1774—1825 годовъ, „Декотори изъ сихъ книгъ, говорилось при концѣ каталога, существуютъ тылько еще въ килькохъ екземплярахъ и можно ихъ приобрѣтити только за посредничествомъ Михаила Дымета, купця въ Львовѣ". Каталогъ Дымета важенъ и самъ по себѣ и по своему вліянію на послѣдующую литературу о почаевскихъ изданіяхъ.

Уже 2 года спустя имъ воспользовался А. Петрушевичъ въ своей статьѣ „Историческое извѣстіе о древней Почаевской обители Чину св. Василія Великаго и Типографіи ея, съ росписью въ той печатнымъ книгамъ" („Галичанинъ, литературный сборникъ, издаваемый Б. А. Дѣдицкимъ". 1863, кн. I, вып. III и IV, Львовъ, 1863. 8-о. стр. 158—181; о типографіи собственно стр. 168—181). Роспись почаевскимъ изданіямъ Петрушевичъ расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ: книгамъ ц.-славянскимъ, польскимъ и латинскимъ отдѣльно. Книги безъ года изданія помѣщались б. ч. въ концѣ списковъ. Каждой

книги, кромѣ заглавія и года изданія, указывалась обыкновенно лишь доля листа. Откуда заимствовались авторомъ свѣдѣнія, при каждой книгѣ отдѣльно не обозначалось; лишь передъ спискомъ говорилось: „Самое богатѣйшее собраніе книгъ Почаевской печати имѣетъ находитися въ богатомъ книгохранилищѣ покойнаго поляка Константина Свидзинскаго (нынѣ у. гр. Красинскихъ въ Варшавѣ), хотя касательно исторіи Почаевской типографіи и тамъ же изданныхъ книгъ, въ архивѣ Почаевской обители, по всей вѣроятности сохраняется еще самъ богатѣйшій матеріалъ, который ожидаетъ своего изслѣдователя въ пользу русской библіографіи. Впрочемъ, чтобы, по возможности выполнити сей недостатокъ въ нашей библіографіи касательно книгъ печатаныхъ въ Почаевской обители, подаемъ здѣсь хотя *неполный* перечень книгъ, *которыя намъ осматривати или о нихъ гдѣ-то читати удалось*"... (стр. 171—2). Судя по ссылкѣ на б—ку Свидзинскаго при № 93 (Ц. П.), авторъ имѣлъ свѣдѣнія о послѣдней. Однѣхъ книгъ Ц. П. авторомъ названо было 148 №№, на половину совершенно неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ въ библіографіи. Но при цѣнности сообщаемыхъ Петрушевичемъ указаній, въ его списокъ почаевскихъ изданій Ц. П. вкралось нѣсколько ошибочныхъ свѣдѣній и въ частности значительное число новыхъ ошибочныхъ показаній о книгахъ будто бы изданныхъ въ Почаевѣ въ XVII и 1-й четверти XVIII вѣка. Упомянувъ по „Хронологич. росписи" Каратаева о Зерцалѣ Богословія 1618 г. и Словѣ Максима Грека, изданномъ „вѣроятно въ Почаевѣ, около 1618 г," (№№ 1 и 2) и повторивъ ошибочное показаніе Дымета о молитвенникѣ 1700 г. (№ 4), авторъ назвалъ еще: жизнь Іова к. XVII в. (№ 3), Приложеніе къ Уставу церковному (№ 5), Трефологіонъ и Величанія 1704 г. (№№ 6--7), Послѣдованіе постригу двою 1708 г. (№ 8), Евангелія Страстн. 1709 г. (№ 9), Алфавитъ духовный 1710 г. (№ 10) и 2 изданія Молитвослова 1720 г. (№№ 11—12). Разборъ этихъ показаній мы представимъ ниже. Любопытно, что авторъ не повторилъ ошибочнаго показанія Дымета (№ 1) объ Акаѳистахъ 1708 г., хотя воспользовался *всѣми* остальными указаніями Дымета. Не назвалъ также авторъ и описаннаго у Бандтке Слу-

жебника 1655 г., хотя книгой Бандтке пользовался. Можетъ быть, Петрушевичъ убѣдился въ ошибочности этихъ двухъ показаній на дѣлѣ: справкой въ б—кѣ Оссолинскихъ и у Дымета. Изъ своихъ предшественниковъ авторъ пользовался лишь трудами Бандтке, Зубрицкаго, Балинскаго и Липинскаго, Каратаева и Каталогомъ Дымета. Изъ Зубрицкаго и Бандтке заимствованы Петрушевичемъ всѣ фактическія показанія по исторіи почаевской типографіи, хотя не къ пользѣ дѣла, и видоизмѣнены сообразно имѣвшимся у автора свѣдѣніямъ о почаевскихъ изданіяхъ к. XVII и 1-й четверти XVIII вѣка.

Сказавъ, что неизвѣстный авторъ Описанія Почаевскія Успенскія Лавры (Почаевъ 1859) „едва только нѣсколькими словами упомянулъ о здѣшней типографіи, когда говоритъ (стр. 22), что Анна Гойская, надѣляя въ 1597 г. обитель сію землями, лѣсомъ и крестьянами, *сверхъ того дала способы къ учрежденію при обители типографіи*“, Петрушевичъ, раздѣляя, повидимому, этотъ взглядъ, писалъ: „Впрочемъ, чтобы то ни было, начатокъ Почаевской типографіи относится къ началу XVII вѣка, къ временамъ паденія Острожской типографіи, ибо самою древнѣйшею *извѣстною* книгою здѣшней печати есть книжка: Зерцало богословія въ 4 долю листа напечатана 1618 года въ Почаевѣ, быти можетъ типами закупленными изъ Острога. (Догадка Глѣбовича, приведенная Бандтке). Сами Почаевскіе монахи въ своихъ тяжбахъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, доказывая прислуживающее имъ право типографіи и древность ея, кромѣ упомянутой книжки „Зерцала Богословія“, *древнѣйшей* (у Зубрицкаго: вообще другой) отъ нея предложити не были въ состояніи, и даже признаютъ, что по 1618 году около сотка лѣтъ типографія ихъ, для большихъ смутъ въ нашемъ русскомъ отечествѣ праздновала, *и не скорше якъ въ первомъ десяткѣ XVIII стала снова дѣйствовати*“. Послѣднія подчеркнутыя слова напрасно вложены въ уста почаевскихъ монаховъ: они всецѣло принадлежатъ самому Петрушевичу. „Въ 1730 году, Почаевская обитель, *желая обновити свою подъупадшую типографію* (догадка самого Петрушевича), призвавши словолитчика“ . . . и т. д. по Зубрицкому. Въ примѣчаніи авторъ писалъ: Зуб-

рицкій *ошибочно* утверждаетъ, что изъ актовъ тяжбы между Почаевскою обителью и Львовскимъ Ставропигіальнымъ братствомъ явствуетъ, *будьто даже по* 1732 годъ въ Почаевѣ жадной книги не издано, кромѣ Проскомедіи на одномъ листѣ, и пастырскаго посланія Луцкого Епископа". Доказательствъ Петрушевичъ никакихъ не приводилъ. Чтобы онъ справлялся съ самыми документами, ни откуда не видно, а слѣдовательно, остается думать, что авторъ несправедливо поправлялъ Зубрицкаго, исходя изъ тѣхъ же ошибочныхъ своихъ свѣдѣній о почаевскихъ изданіяхъ к. XVII и 1-й четверти XVIII вѣка. Ниже авторъ, въ противорѣчіе собственнымъ свѣдѣніямъ о почаевскихъ изданіяхъ, со словъ Зубрицкаго утверждалъ, что „Почаевская обитель неуважая на королевскіи декрета *съ самымъ началомъ второй* половинѣ XVIII вѣка стала снова печатати церковныя книги"... (Типографія не прерывала своей издательной дѣятельности) и повторялъ со словъ Бандтке догадку Сопикова о раскольничьихъ изданіяхъ съ именемъ Почаева и др. городовъ. Догадку Зубрицкаго о покупкѣ Уневской типографіи Почаевской обителью авторъ попытался обосновать: „Кажется, продала Уніевская архимандрія свою типографію Почаевской обители, о чемъ свидѣтельствуетъ внѣшнее сходство типовъ обоихъ типографій" (стр. 170).

Впрочемъ, и въ этой части труда Петрушевича были цѣнныя замѣчанія: о внѣшне-типографскихъ достоинствахъ почаевскихъ изданій и о громадномъ значеніи этихъ изданій въ свое время для уніатской Руси; равно справедливый упрекъ по адресу православныхъ, что они, заслуженно упрекая уніатовъ въ игнорированіи православнымъ, не меньше съ своей стороны любятъ замалчивать уніатское.

Глубоко скромное, даже несправедливое, мнѣніе автора о собственномъ трудѣ (стр. 168 и 172), ссылки на скудность своихъ источниковъ и на неполноту сообщаемыхъ данныхъ, просьба къ читателямъ не отказать въ присылкѣ дополненій и *исправленій*, съ замѣчаніемъ, что „всякое и даже малѣйшее изъясненіе и дополненіе въ томъ предметѣ будетъ съ большою благодарностью нами принято и до общей извѣстности доведено",—

эта глубокая скромность не позволяетъ отнестись къ автору труда иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ, забывая въ трудѣ его недостатки и помня лишь о достоинствахъ.

„Сверхъ выше приведенныхъ на *польскомъ и латинскомъ* языкахъ изданныхъ книгъ, писалъ авторъ въ концѣ своего труда, видѣли мы *по разныхъ библіотекахъ* еще много иныхъ книгъ, брошюръ и полулистовъ Почаевской печати, которыхъ однако по заглавіямъ ихъ описати не казалось намъ потребнымъ, не имѣя тогда намѣренія сочинити что нибудь въ томъ предметѣ; для того надѣемся, что со временемъ удастся намъ нашу роспись пропущенными сочиненіями значительно дополнити, при чемъ *не оставимъ также подробно поговорити о различныхъ изображеніяхъ святыхъ лицъ* на деревѣ и мѣди, отпечатанныхъ въ Почаевской обители" (стр. 181).

Въ послѣднихъ словахъ заключалось первое, насколько намъ извѣстно, печатное упоминаніе о гравюрахъ почаевскаго изданія. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, удалось-ли автору исполнить свое намѣреніе.

Сѣтованія Петрушевича на неизслѣдованность матерьяловъ Почаевскаго Архива были, хотя лишь въ незначительной степени, разсѣяны съ выходомъ въ свѣтъ перваго же слѣдующаго труда, касавшагося почаевской типографіи. Въ 1870—1 г. въ приложеніи къ Волынскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ (1870: №№ 13—24, 1871: № 1—6) напечатано было „Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ Архимандрита Амвросія, на основаніи документовъ — хранящихся въ Лаврскомъ архивѣ" (8-о 2826 стр. Тогда же отдѣльно, и др. изд.). Описаніе написано было еще въ 1865 (см. дату въ концѣ книги), по порученію Волынскаго архіепископа Антонія (см. Волын. Еп. Вѣд. 1872 г. № 15, ч. оф., стр. 414). По принятому авторомъ плану излагать исторію почаевской Лавры по періодамъ и даже архимандритствамъ, о типографіи говорилось не въ одной какой либо главѣ, а въ различныхъ мѣстахъ. Не меньше замѣчаній о типографіи сдѣлано было и совершенно случайно. Вообще по всей книгѣ разсѣяна масса мелкихъ и б. значительныхъ новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній изъ исторіи почаевской типографіи. Къ

сожалѣнію къ этому же труду наиболѣе приложимо и замѣчаніе Петрушевича объ игнорированіи православными всего уніатскаго. Подробныя и систематическія свѣдѣнія сообщались авторомъ о состояніи типографіи лишь въ періодъ православія обители: до уніи (какъ вѣрилъ авторъ) и послѣ уніи. Періодъ же уніатскій—періодъ славы типографіи—Амвросій проходилъ молчаніемъ, касаясь дѣятельности типографіи въ это время лишь случайно и тогда, когда представлялся случай *очернить* ея дѣятельностью уніатовъ. (О дѣятельности типографіи при уніи говорилось въ главахъ: „перемѣны вѣроученія, обрядовъ, религіозныхъ обычаевъ въ Почаевскомъ Монастырѣ по принятіи имъ уніи" и „Поведеніе Почаевскихъ базиліанъ въ послѣднее время"). Такимъ образомъ, трудъ Амвросія важенъ былъ преимущественно свѣдѣніями о почаевской типографіи съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Онъ впервые сообщилъ о непрерывномъ существованіи типографіи послѣ передачи Лавры православнымъ. Впрочемъ и изъ исторіи типографіи въ послѣдней четверти XVIII-го и 1-й XIX-го вѣковъ сообщалось не мало важныхъ фактовъ, напр.: о подтвержденіи русскимъ правительствомъ за типографіей права печатать книги, о переходѣ типографіи отъ уніатовъ къ православнымъ, о дѣлѣ по случаю печатанія въ типографіи раскольничьихъ книгъ. (Оказывалось, что догадка Сопикова, и другихъ за нимъ, о ложномъ обозначеніи имени Почаева на раскольничьихъ изданіяхъ была неосновательна. Раскольничьи изданія дѣйствительно выходили изъ почаевской типографіи, въ цѣляхъ—надо думать—коммерческихъ).

Но значительная часть свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ о Почаевской типографіи до уніи и въ періодъ уніи въ 2-й и 3-й четвертяхъ XVIII-го вѣка, исполнены грубыхъ ошибокъ и не выдерживаетъ никакой критики. Не говоря уже о произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ догадкахъ, авторъ съ поразительнымъ невниманіемъ отнесся къ тѣмъ документальнымъ даннымъ, на которыя ссылается.

О Почаевской типографіи до уніи говорилось въ отдѣлѣ: „Пособія къ содержанію обители отъ типографіи" (стр. 33—34). „За сто и болѣ лѣтъ до порабощенія Почаевской обители Уні-

атами (писалъ авторъ), уже существовала при ней типографія.—Короли Августъ II и Августъ III, *утверждая привиллегіи своихъ предшественниковъ* на печатанье книгъ на Славянскомъ и Латинскомъ языкахъ при Почаевскомъ монастырѣ, между прочимъ выражаютъ, что *эти привиллегіи* онъ имѣлъ съ древнихъ временъ—officina typografica antiquitas in monasterio poczajovensi existabat (см Дѣло № 95).—Въ 1618 году здѣсь напечатана книга „Зерцало Богословія“ Кирилла Транквилліона, которая и теперь есть въ Лаврской библіотекѣ и значится по каталогу подъ № 402-мъ... (Далѣе слѣдуетъ описаніе книги)... „шрифтъ древній и похожъ на шрифтъ, которымъ *въ XVI* столѣтіи печатались книги въ типографіи Кіевской—*доказательство, что* тогдашняя Почаевская типографія имѣла знакомство и сношеніе съ сею послѣднею, что уже была въ порядочномъ состояніи,—и, *конечно*, уже печатались въ ней и другія, по крайней мѣрѣ, духовнаго содержанія книги: но гдѣ онѣ дѣвались, и когда именно, и по чьему позволенію первоначально основана типографія—*неизвѣстно.—Надобно полагать*, что документы на этотъ памятникъ древняго въ этомъ краѣ православія, равно какъ и самыя книги *истреблены Іезуитами*.—Впрочемъ, существованіе ея *уже въ концѣ XVI вѣка* [1]) доказывается *еще и* тѣмъ, что основательница Почаевскаго общежительнаго монастыря Анна Гойская въ 1597 году, надѣляя оный землями, дала и способы къ учрежденію при немъ типографіи,—(слова неизвѣстнаго автора „Описанія Почаевскія Успенскія Лавры“, Почаевъ 1859 г.; не принадлежитъ ли и это „Описаніе“ архим. Амвросію)?, что *во второй половинѣ XVII вѣка* Львовское братство, имѣя свою типографію и опираясь на *какія-то* свои привиллегіи, домогавшееся монополіи, по этому заведенію, начало

[1]) Эту же мысль мимоходомъ высказалъ архим. Амвросій еще въ 1863 г. въ книгѣ: „Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской епархіи“ (Почаевъ 1863, 8-о). Онъ писалъ здѣсь (стр. 321) объ Уніевской типографіи: „Православное братство... удержало ее при себѣ до 1840 года, а въ то время почаевскіе базиліане пріобрѣли покупкою у сказаннаго братства снаряды къ печатанію и перенесли въ Почаевъ, въ свою типографію, *съ XVI-го вѣка* тамъ существующую. (См. Historyczne badanie o drukarniach słowiańskich p. 55.). Ссылка была далеко неточна

процессъ съ Почаевскими иноками изъ-за типографіи, и всячески старалось закрыть оную (см. Дѣло № 139),—и что наконецъ въ послѣдніе годы, *предшествовавшіе* порабощенію Почаевскаго Монастыря Уніатами, печатались въ ней проскомидійные листы, для разсылки въ *православныя* церкви, письма или посланія *православныхъ* Архипастырей, *антифоны Преподобному Іову и разныя молитвы* (см. Дѣло № 95).—*Конечно*, по неимѣнію въ другихъ мѣстахъ здѣшняго края типографіи, *Почаевской* Монастырь имѣлъ удобство сбывать свои типографскія произведенія лицамъ высшаго и низшаго классовъ, оставшимся Православными".

Истребительную дѣятельность уже не іезуитовъ, а базиліанъ обличалъ авторъ и въ отдѣлѣ „О книгѣ Гора Почаевская" (стр. 271). Описывая эту книгу, авторъ между прочимъ говорилъ: „Книга эта напечатана въ 1772 г. въ Почаевской монастырской типографіи, по повелѣнію унитскаго епископа Сильвестра Рудницкаго: *но въ ней же говорится*, что она перепечатана изъ прежней подобной книги, которая, *какъ напечатанная во время прежде существовавшаго въ этомъ монастырѣ Православія, вѣроятно, уничтожена Базиліанами*".

Въ отдѣлѣ „Еще взглядъ на почаевскій монастырь до перехода его въ Унію" (стр. 53—5), перечисляя книги и рукописи, находившіяся въ то время въ монастырѣ, авторъ между прочимъ называлъ: „Цвѣтникъ Святаго Дороѳея, или поученіе инокамъ (*печатанное въ Почаевской обители*), Зерцало Богословія Транквиллiона (печатанное въ Почаевѣ въ 1618 году"....

Считая излишнимъ разбирать положенія архим. Амвросія, начинающіяся съ выраженій: „конечно", „надобно полагать", „вѣроятно", провѣрку и разборъ ссылокъ на документы и на изданія книгъ мы представимъ ниже.

Перейдемъ теперь къ пересмотру показаній архим. Амвросія о Почаевской типографіи во 2-й и 3-й четвертяхъ XVIII-го вѣка.

Въ очеркѣ „О построеніи (съ 1771 г.). Соборной нынѣшней церкви и братскаго корпуса", говоря о бывшихъ до того въ Почаевѣ церквахъ и въ частности о главной изъ нихъ Троицкой, Амвросій сообщалъ (стр. 114) любопытный фактъ, что

„въ 1720 г. свинцовая крыша снята съ этой церкви, *и* изъ свинца отлиты для типографіи буквы, а церковь покрыта мѣдными листами... (См. Дѣло № 25, стр. 55)", но годъ обозначенъ былъ ошибочно, какъ оказывалось изъ сравненія съ другимъ мѣстомъ труда архим. Амвросія. Въ отдѣлѣ „Особыя замѣчанія о суперіорахъ" (почаев. мон.) (стр. 73—7) авторъ писалъ м. пр.: „а) Гедеонъ Козубскій. Въ должность вступилъ въ 1830 году и исполнялъ ее по 1736 годъ. При немъ главный восьми гранный куполъ прежней соборной Троицкой церкви *въ 1731 году* покрытъ листовою мѣдью"... (См. Дѣло № 287, стр. 11)".

Въ этомъ отдѣлѣ авторъ сообщалъ о договорѣ въ 1736 г. мастера для переплета 6. тысячи экземпляровъ „Служебника", объ отлитіи около 1737—9 г.г. новыхъ буквъ для типографіи, о томъ, что 6. суперіоръ Варлаамъ Какойловичъ съ 1752 г. былъ корректоромъ типографіи и скончался въ 1763 году.

Въ отдѣлѣ „Перемѣна вѣроученія"... авторъ писалъ: „Въ 1742 году декретомъ папской нунціатуры воспрещено Почаевскому монастырю имѣть типографію и особенно печатать книги на русскомъ языкѣ: „Inhibitum est monasterio Poczajovensi typograficam erigere librasque Ruthenico idiomate imprimere"—сказано въ декретѣ (см. Дѣло № 139, стр. 57). Папа боялся, чтобы Почаевская типографія, не успѣвъ привести въ исполненіе повелѣнія митрополита Шептицкаго объ исправленіи церковнослужебныхъ книгъ, не напечатала ихъ по прежнимъ православнымъ изданіямъ, безъ этого исправленія, и чтобы онѣ не расходились между Уніатами вообще, и въ частности между Базиліанскими монастырями. Вслѣдствіе этого лукаваго наставленія папской нунціатуры церковно-служебныя книги въ Почаевской типографіи *до половины* XVIII столѣтія *дѣйствительно уже не печатались*". (стр. 70).

Догадка автора о лукавствѣ папы отзывалась наивностью, а показанія о декретѣ нунціатуры 1742 г. и напечатаніи съ этого года до половины XVIII ст. книгъ въ Почаевскомъ монастырѣ были фактически невѣрны.

Слѣдующимъ по времени сообщеніемъ о поч. типографіи была случайная замѣтка (стр. 81), что „съ 1770 года съ посту-

пленіемъ Унитскаго Епископа Рудницкаго, по имени Сильвестра, Монастырская типографія *начала* печатать церковно-служебныя книги *въ видѣ мнимаго исправленія*, какого требовалъ митрополитъ Шептицкій, и дѣйствительно всѣ онѣ такъ и напечатаны"... Мысль автора была не совсѣмъ ясна: вообще-ли начала почаевская типографія съ 1770 г. печатать книги послѣ перерыва съ 1742 г. (такъ поняли мысль автора пользовавшіеся впослѣдствіи его трудомъ), или съ этихъ поръ она начала впервые печатать книги „въ видѣ мнимаго исправленія". И въ томъ и въ другомъ случаѣ мысль автора была невѣрна, а въ первомъ противорѣчила еще замѣткѣ о корректорѣ Какойловичѣ.

Неточность сообщеній автора, произвольность его мнѣній, отрывочность и неполнота изложенія, разбросанность свѣдѣній о дѣятельности Почаевской типографіи по всей книгѣ—вредно отозвались на послѣдующей литературѣ предмета. Пользовавшіеся трудомъ архм. Амвросія одно повторяли за нимъ, другое выводили изъ его словъ, третьяго не замѣчали.

Предыдущими работами о Почаевской типографіи архим. Амвросій *вовсе* не пользовался. Тѣмъ не менѣе въ трудѣ архим. Амвросія было, повторяемъ, много новаго и интереснаго.

Труда А. Хойнацкаго „Западнорусская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ" (Кіевъ, 1871, 8-о), какъ имѣющаго въ виду свои особыя задачи, мы коснемся лишь постольку, поскольку въ него входитъ матеріалъ, строго относящійся къ библіографіи Почаевскихъ изданій и къ исторіи Почаевской типографіи. Немногочисленныя историческія свѣдѣнія о Почаевской типографіи всѣ заимствованы Хойнацкимъ у архим. Амвросія, хотя нѣсколько и видоизмѣнены имъ. По представленію Хойнацкаго, „начало Почаевской типографіи восходитъ къ первымъ десятилѣтіямъ XVII в. и *по преданію* (очень скромной давности—16-ти лѣтней) принадлежитъ основательницѣ почаевскаго монастыря Аннѣ Гойской. Въ 1618 г., вскорѣ послѣ кончины Гойской, здѣсь было напечатано извѣстное „Зерцало Богословія" Транквилліона.—Но съ теченіемъ времени, по смерти своей основательницы, типографія эта пришла въ упадокъ... Здѣсь въ позднѣйшее время печатались только проскомидійные листы,

антифоны пр. Іову (игумену почаевскому) и разныя архипастырскія посланія, *и т. п*... Около 1720—25 г. уніяты овладѣли почаевскою обителью... Въ тоже время по заботливости тогдашняго почаевскаго архимандрита Θеодосія Рудницкаго, они постарались возобновить и почаевскую типографію", (стр. 31). Далѣе Хойнацкій упоминалъ „почаевскій служебникъ Θеодосія 1735 г. „преизящное первенство" типографіи почаевской (стр. 33) и повторялъ въ редакціи архим. Амвросія догадку о покупкѣ почаевскими монахами уніевской типографіи. (стр. 33—4).

Новы въ трудѣ Хойнацкаго были указанія на многія почаевскія изданія Ц. и Л. П., разсѣянныя по всей книгѣ и отчасти объединенныя (на стр. 36—8) въ сжатомъ перечнѣ. Перечень этотъ „болѣе неизвѣстныхъ книгъ" былъ помѣщенъ, по словамъ автора, съ цѣлью „дать понятіе, какія книги были во время оно печатаемы въ почаевской лаврѣ". Перечень распадался на двѣ части: А) книги славянской печати, Б) книги латино-польской печати. Въ обоихъ книги располагались по формату: въ листъ, въ четверть и т. д. и сообщалось лишь краткое заглавіе и годъ изданія. Трудами своихъ предшественниковъ (кромѣ архим. Амвросія) авторъ вовсе не пользовался и руководился собственными свѣдѣніями. Въ книгу вкралось и нѣсколько ошибочныхъ показаній (описокъ—опечатокъ?) о времени изданія нѣкоторыхъ книгъ. Было упомянуто м. пр. изд. Октоиха 1674 г. (с. 392), Молитвослова 1676 г. (с. 391), Тріоди Цвѣтной 1717 г. (с. 399) и Молитвослова 1720 г. (с. 391) [1]). (См. о нихъ ниже).

Въ томъ же 1871 г., въ которомъ напечатаны труды архим. Амвросія и Хойнацкаго появилось капитальное изданіе Московск. Публ. и Румянц. Музеевъ—„Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Θ. Бычкова и А. Викторова". (Москва 1871, 8°). Въ немъ сжато, но точно названо было до 108-ми почаевскихъ изданій 1742—

---

[1]) Ошибочное показаніе это повторено впослѣдствіи авторомъ въ статьѣ „Изъ воспоминаній и замѣтокъ бывшаго послушника почаевской лавры при Базиліанахъ" Вол. Еп. Вѣд. 1879 г. ч. неоф., № 17, стр. 665. (Перепечатано съ согласія автора изъ Холмско-Варш. Вѣстн. № 8).

1827 г. [1]). Четвертая часть ихъ (28+4 по Тихоцкому) были книги раньше совершенно неизвѣстныя. Отмѣчены были и извѣстныя „Зерцало Богословія", напеч. въ Почаевѣ 1618 г. (№ 214) и „Слово на Латиновъ"—безъ вых.; изд., вѣроятно, въ Почаевѣ, ок. 1618 г. При большинствѣ книгъ указана доля листа и число страницъ и сдѣланы ссылки на библіографическіе труды и б—ки. Многія книги отмѣчены прямо по экз. б—къ. Изъ предыдущихъ работъ авторы воспользовались лишь трудами строго-библіографическими: Сопикова, Строева, Ундольскаго (Кат. Кастерина) и „Каталогомъ собранія А. И. Тихоцкаго (въ Одессѣ)" (ркп?) (см. с. II.). Благодаря этому, въ „Очеркъ" не вошло много почаевскихъ изданій, извѣстныхъ уже по печатнымъ трудамъ, но съ другой стороны—не вошло почти и ошибочныхъ показаній. Въ общемъ это было полезно. Почти относительно всѣхъ книгъ можно было быть увѣреннымъ, что онѣ дѣйствительно существуютъ. При этомъ обнаружился довольно странный фактъ: ни въ Рум. Музеѣ, ни даже въ Имп. Публ. Б—кѣ не оказалось *ни одной* книги Ц. П., изданной въ Почаевѣ по передачѣ монастыря православнымъ. Любопытно было бы знать, высылаетъ ли почаевская типографія свои изданія въ указанныя учрежденія въ настоящее время?

Въ томъ же 1671 г. вышелъ и еще одинъ трудъ, имѣющій значеніе и для библіографіи почаевскихъ изданій—„Списокъ книгъ церковной печати, хранящихся въ библіотекѣ святѣйшаго Правительствующаго Синода" (Спб. 1871, 16°), составленный Н. Барсуковымъ [2]). Книгъ совершенно неизвѣстныхъ раньше въ литературѣ о почаев. типографіи было здѣсь собственно не много

---

[1]) №№ 214,6. 2144; 228—9, 36, 49—51; 343—8; 427, 48; 509, 31, 48, 89 613, 21, 3, 37, 47, 9, 63, 5—6, 85, 90?; 702—4, 51, 60, 4, 73, 82—3, 6—8; 821, 5—8, 61, 84—5; 934, 73, 86, 8. 3003—6, 10, 6, 8, 23, 35, 40—2, 6—9, 56, 65?; 107, 9—12, 8; 224, 63, 90; 330, 77; 408; 532.

Дополненіе Бычкова: 31, 41, 47—8, 51, 64—5, 72, 9, 82—3, 6, 8, 94—5, 7; 103, 5, 9, 15, 9—20, 42, 81—2; 232, 82.

[2]) Почаевскія изданія подъ №№ 143, 156, 166, 175—7, 180, 186—8, 193, 197, 201—2, 214, 216—7, 219, 223—4, 227, 229, 232—7, 239, 241—4, 246—8, 254, 257, 259, 261—2, 265—7, 269—70, 272, 276—8, 280, 286—7, 289, 291, 294—5, 297, 299, 300.

(№№ 187, 201, 232, 276, 291). Важно было то, что при большинствѣ книгъ приведена копія заглавнаго листа.

Перечень почаевскихъ изданій, помѣщенный въ 6 выпускѣ изданія „Памятники русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи" (Спб. 1874, съ 183—4), составленъ, какъ это и было отмѣчено авторомъ (с. 171), всецѣло и исключительно на основаніи „Очерка" Ундольскаго и потому имѣлъ лишь то значеніе, что извлекъ и объединилъ почаевскія изданія изъ неснабженнаго ключомъ „Очерка".

Между тѣмъ „Очеркъ" Ундольскаго вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, дополненія. Для исторіи почаевскихъ изданій, точнѣе: для исторіи накопленія ошибочныхъ показаній объ нихъ, важно составленное Я. Головацкимъ „Дополненіе къ очерку сл.-рус. библіографіи В. М. Ундольскаго" (Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ. Томъ XI, № 5 и отдѣльно. Спб.1874. 8°).

„Воспользовавшись моими записками, писалъ авторъ въ предисловіи (с. 15), и источниками менѣе доступными русскимъ ученымъ, *я съ большою тщательностью* составилъ настоящій списокъ". „У меня нашлось 80 книгъ почаевской печати... непоказанныхъ библіографами", писалъ онъ нѣсколько выше (с. 3). Что авторъ назвалъ даже болѣе 100 почаев. изданій, неотмѣченныхъ въ „Очеркѣ" Ундольскаго—это вполнѣ справедливо, но что списокъ его составленъ „съ большою тщательностью"—это совсѣмъ невѣрно. Авторъ отнеся къ своимъ пособіямъ безъ всякой критики и повторилъ ихъ ошибки. Даже списывалъ онъ невнимательно и, благодаря этому, внесъ порядочное число новыхъ ошибокъ.

Изъ предисловія автора имѣло значеніе для исторіи почаевскихъ изданій развѣ замѣчаніе: „Нѣкоторыя изъ книгъ Почаевской типографіи считаются въ Россіи библіографическими рѣдкостями, между тѣмъ онѣ находятся до сихъ поръ въ продажѣ у Львовскаго купца Михаила Димида" (выше: Димита) (с. 15). Какъ наивную фальшь можно отмѣтить еще слова: „Впрочемъ для Галицкихъ Угорскихъ Руссовъ книги эти (почаевскаго изданія) уже тѣмъ были привлекательны, что онѣ печатаны въ Россіи".

Лишь два изъ названныхъ авторомъ почаевскихъ изданій были до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстны (№№ 59 и 174), да объ одномъ авторъ писалъ по собственному экземпляру (№ 237). Названія всѣхъ остальныхъ были заимствованы, какъ это указывалъ и самъ авторъ (с. 7, 14—15 и примѣчаніе къ № 126-му), изъ каталога Дымета, статьи Петрушевича, „Списка" Барсукова и наконецъ Исторіи литературы польской Вишневскаго и статьи Хойнацкаго въ „Холмск. Мѣсяц." на 1873-й г. За Дыметомъ авторъ повторялъ показанія о Молитвенникѣ 1700 г. (№ 45) и Акаѳистахъ 1708 г. (№ 48); за Петрушевичемъ извѣстія о Трефологіонѣ 1704 г. (№ 46), Послѣдованіи постригу двою 1708 г. (№ 49), Евангеліи Страстномъ 1709 г. (№ 50), Алфавитѣ Духовномъ 1710 г. (№ 51), 2-хъ изданіяхъ Молитвословъ въ 1720 году (№№ 54—55) и Жизни Іова XVII в., относя, впрочемъ, послѣдніе не къ концу XVII-го вѣка, а къ $^1/_4$ его (№ 16: между книгами 1614 и 1621 годовъ). Любопытно, что Головацкій не повторилъ за Петрушевичемъ показаній о Приложеніи къ Уставу 1700 г. и Величаніяхъ 1704.—У Вишневскаго (а тотъ у Сопикова) авторъ заимствовалъ между прочимъ извѣстіе о напеч. безъ года печати „Словѣ въ недѣлю мясопустную" Ипполита папы (№ 43) и помѣстилъ его между изданіями 1694 года. Въ Виленской публичной б—кѣ авторъ нашелъ Кононикъ 1682 (№ 38). (О Житіи Іова $^1/_4$ XVII в., Словѣ Ипполита и Каноникѣ см. ниже). Не понявъ значенія постановки тире въ каталогѣ Дымета („—" здѣсь на мѣстѣ годъ изданія=изданіе безъ выхода) и принявъ его за знакъ того, что книга напечатана въ томъ же году, что и предыдущая,—Я. Головацкій указалъ несуществовавшія никогда изданія (№№ 212=205, 180=199). Указанную Хойнацкимъ латинскую книгу (Чинъ веденія миссій) авторъ принялъ за славянскую (въ примѣчаніи къ № 126-му),—Тріодь Постную 1767 г. Синодальной б—ки отнесъ къ 1769 г. (№ 108) [1]), названное Петрушевичемъ „Правило церковное о св. Пульхеріи", *написанное* въ 1780 г. помѣстилъ безъ достаточныхъ основаній между книгами 1780 года (№ 149) [2]).

---

[1]) Это, впрочемъ, повидимому, опечатка.

[2]) „Библіографическія замѣчанія" С. Голубева (Кіевъ, 1876". Оттискъ изъ „Трудовъ Кіев. Дух. Акад. №№ 1 и 2) м. б. упомянуты здѣсь развѣ потому, что

Мы не будемъ останавливаться на мнѣніи о состояніи почаевской типографіи при Пр. Іовѣ, высказанномъ свящ. Ап. Сендульскимъ въ статьѣ „Преподобный Іовъ Игуменъ Почаевскій“ (въ Волын. Еп. Вѣд. 1875 г., № 22 и 23). Статья эта представляетъ (какъ это ни странно) *дословную* перепечатку въ сокращеніи статьи объ Іовѣ Хойнацкаго, такъ что подъ нею слѣдовало бы поставить имя этого послѣдняго. Къ мнѣнію же Хойнацкаго—мы теперь и перейдемъ.

Въ 1878 г. свящ. А. Хойнацкій издалъ сборникъ своихъ статей—„Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни“ (Житомиръ 1878 г.; дозв. цензурой: „1877 года іюня 20 дня“, 8-о). Въ находящемся здѣсь очеркѣ жизни пр. Іова (напеч. впервые еще въ 1874 г.) авторъ помѣстилъ (на стр. 183—5) отдѣлъ: „Православныя книги, изданныя въ почаевской типографіи во время преподобнаго Іова“. Отдѣлъ этотъ мы считаемъ своимъ долгомъ привести почти цѣликомъ.

„*Извѣстно*, писалъ авторъ, что на Волыни, въ почаевской обители, *съ самыхъ древнихъ временъ* (по Амвросію: „уже въ концѣ XVI вѣка“) существовала *православная* типографія, *въ которой*, на основаніи привиллегіи отъ королей польскихъ (по арх. Амвросію) *печатались разныя книги на языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ.* Заведеніе этой типографіи преданіе (Карашевичъ въ 1855 г.) приписываетъ основательницѣ почаевскаго монастыря Аннѣ Гойской [1]). *Когда преподобный Іовъ прибылъ на гору почаевскую*, типографія эта уже находилась *въ цвѣтущемъ* (арх. Амвросій: „порядочномъ“) положеніи: шрифтъ былъ красивый, похожъ на современный ему (Амвросій: „XVI

въ нихъ отмѣчена, по каталогу Хлудова № 384, Тріодь Постная 1744 г. № 24, с. 75). Двѣ другія отмѣченныя Голубевымъ книги (№№ 28 и 32, с. 76) были извѣстны и раньше (Синод.: 216, Бычковъ: 95).

[1]) *Извѣстно* между прочимъ, что короли польскіе Августъ II и Августъ III, утверждая привиллегіи своихъ предшественниковъ на печатаніе книгъ въ почаевской Лаврѣ, въ то же время *положительно* выражали, что привиллегіи эти она имѣла съ давнихъ временъ: „officina tipografica antiquitu in monasterio Poczajowensi existit. (арх. почаев. лавры.—Дѣло № 95“.

Все по архим. Амвросію, съ добавкой „положительно“ и измѣненіемъ латинской выдержки.

столѣтія") шрифтъ типографіи Кіево-Печерской Лавры; для начальныхъ статей полагались особыя калиграфическія буквы; разныя виньетки, финалики и бордюры назначались для начальныхъ и конечныхъ листовъ *и т. п.* [1]) (Все это было отмѣчено у архим. Амвросія). *Нечего и говорить, съ какимъ сочувствіемъ преподобный Іовъ долженъ былъ относиться къ этому заведенію* (у Сендульскаго: „какъ онъ обрадовался"), *доставлявшему ему теперь возможность распространить полезныя книги* не только чрезъ переписку ихъ, какъ это дѣлалъ онъ въ дубенскомъ монастырѣ, но и *печатно для всѣхъ желающихъ. Вскорѣ блаженному представился и удобный случай для достиженія этой цѣли.* Въ то время во Львовѣ, въ ставропигіи братства успенія пресвятыя Богородицы, былъ дидаскаломъ или учителемъ и проповѣдникомъ, извѣстный въ исторіи нашей духовной литературы, Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, впослѣдствіи архимандритъ черниговскій [2]). Въ числѣ другихъ своихъ сочиненій Транквилліонъ написалъ: „Зерцало Богословія", *направленное противъ* латинянъ; *и по благословенію преподобнаго Іова* книга эта была „выдрукована въ монастыру почаевскомъ въ маетности (имѣніи) его милости пана Андрея Фирлея, року 1618, мѣсяца марта 12 дня". [3]).

Такимъ же образомъ (т. е. съ благословенія Іова?) въ почаевской типографіи, *во время преподобнаго Іова* (у Амвросія: въ послѣдніе годы, предшествовавшіе порабощенію Почаевскаго монастыря Уніятами"; да и у самого Хойнацкаго въ „Уніи"— глухо: „въ позднѣйшее время"), печатались проскомидійные листы для разсылки въ православныя церкви, письма или посланія православныхъ архипастырей, разныя молитвы *и т. п.* [4]). *И конечно*, по малочисленности (Амвр.: „по неимѣнію") пра-

[1]) Смотр. книгу, напечатанную въ Почаевѣ 1618 года: „Зерцало Богословія".

[2]) Обзоръ русской духовной литературы пр. Филарета 812—1720 г. § 167 стр. 263.

[3]) . . . Въ примѣчаніи авторъ приводилъ заглавіе „Зерцала" и оглавленіе, прибавивъ замѣчаніе: Авторъ „обозрѣнія славянорусской библіографіи" сомнѣвается въ напечатаніи ея въ почаевскомъ монастырѣ, (стр. 5 № 168.); *но онъ вѣроятно не зналъ и о* существованіи почаевской типографіи въ XVII в.

[4]) Сказаніе о Поч. Лаврѣ, арх Амвросія, стр. 34 Архива Поч. Лавры, дѣло № 95,

вославныхъ типографій того времени въ предѣлахъ юго-западнаго (Амврос.: „здѣшняго") края Россіи, когда, по свидѣтельству исторіи (т. е. Карашевича, по Максимовичу), всѣ „древнѣйшія типографіи Волыни: острожская, кременецкая, рахмановская и другія мало по малу прекращали свое бытіе и дѣйствіе еще въ первой половинѣ XVII вѣка, и на Волыни была только одна славяно-русская типографія почаевская" [1]), обитель почаевская находила возможность (Амвр.: „имѣла удобство"), распространить свои типографскія произведенія между православными и такимъ образомъ, *безъ сомнѣнія*, по возможности содѣйствовала къ поддержанію православной церкви среди тогдашнихъ бѣдствій, причиняемыхъ латинствомъ.

Въ примѣчаніи къ послѣднимъ строкамъ Хойнацкій писалъ: „Въ послѣдствіи по смерти преподобнаго Іова здѣсь печатались также антифоны преп. Іову (Арх. Почаев. лавры Дѣло № 95). Догадываются, что въ почаевской обители до обращенія ея въ унію были печатаемы и другія книги; но онѣ или неотысканы, или же уничтожены іезуитами и базиліанами". Авторъ повторялъ слова архим. Амвросія, но сопровождалъ ихъ примѣчаніемъ. „Въ этомъ отношеніи *особенно хитро* поступили іезуиты, которые для того, чтобы лишить какую-либо книгу ея древняго характера, вырывали въ ней обыкновенно заглавные листы, на которыхъ по обычаю значится имя автора, годъ и мѣсто ея изданія. Таковыхъ книгъ и теперь много можно находить въ предѣлахъ западнаго края Россіи, особенно между священниками". [2]).

---

[1]) Очеркъ... Карашевича стр; 140...

[2]) Жаль что авторъ не отмѣтилъ, что въ церквахъ западнаго края находится и множество *уніатскихъ* изданій съ вырванными или заклеенными заглавными листами и вообще частями книгъ. Дѣло объясняется просто, помимо хитрыхъ іезуитовъ. Какъ въ настоящее время преслѣдуются уніатскія изданія, такъ во времена уніи естественно преслѣдовались изданія православныя. Какъ въ настоящее время вырываніемъ или заклеиваніемъ заглавнаго листа скрывается уніатское происхожденіе книги, такимъ же способомъ въ то время могло прикрываться православное ея происхожденіе. Тѣмъ, кто любитъ говорить объ истребительной дѣятельности іезуитовъ, не мѣшало бы указывать и то, что въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія были разосланы Епархіальнымъ Начальствомъ, по крайней мѣрѣ въ Волынской и Подольской Епархіяхъ, указы *объ уничтоженіи* уніатскихъ изданій, и нѣкоторые изъ

Ниже на стр. 167-й своихъ „Очерковъ“, Хойнацкій повторилъ еще одну догадку арх. Амвросія: „гора *почаевская*“... *по сознанію самихъ же уніатовъ*, между прочимъ *первоначально была напечатана православными*, и потомъ только „типомъ обновлена“ базиліанами въ 1793 году. (Смотр. въ началѣ книги одобреніе къ напечатанію ея отъ Сильвестра Лубьенецкаго, Рудницкаго, еписк. Луцкаго и Острожскаго)“.

На стр. 173 авторъ повторялъ ошибку архим. Амвросія о свинцовой крышѣ, снятой въ 1720 г. для отливки буквъ.

Почти всѣ данныя изъ исторіи почаевской типографіи были заимствованы Хойнацкимъ у архим. Амвросія, но тогда какъ въ 1871 г. онъ довольно точно повторялъ архим. Амвросія и воздерживался въ изложеніи исторіи почаевской типографіи до Уніи отъ собственныхъ догадокъ,—въ 1878 году онъ далъ полную волю своей фантазіи. Желая во что бы то ни стало какъ можно болѣе прославить прп. Іова, авторъ не стѣснялся историческими фактами и не довольствовался послѣдними. Книги, напечатанныя по словамъ Амвросія—въ 1/4 XVIII вѣка, о. Хойнацкій, *ссылаясь на того же Амвросія и тотъ же документъ*, отнесъ къ числу книгъ, изданныхъ при Іовѣ; создалъ цѣлую картину радости Іова по поводу существованія въ монастырѣ типографіи; измыслилъ, будто бы „Зерцало Богословія“ напечатано съ благословенія Іова; утверждалъ, что въ почаевской типографіи до Уніи печатались книги на языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ, выводя послѣднюю мысль изъ словъ Амвросія о подтвержденіи королями Августомъ II и III привиллегіи мона-

---

молодыхъ священниковъ поусердствовали настолько, что *жгли на кострахъ вообще старопечатныя книги*. На чердакѣ одной изъ колоколенъ Волынской епархіи и доселѣ *тіетъ* купа уніатскихъ и частію *древне-православныхъ* изданій, сваленныхъ сюда покойнымъ теперь о. Благочиннымъ К., жившимъ въ этомъ селѣ и вытребовавшимъ ихъ въ силу указа изъ церквей своего округа. Изъ другихъ церквей книги въ силу указа доставлены были въ Почаевъ и проданы, какъ говорятъ, за границу—галицкимъ уніатамъ. Вмѣстѣ съ книгами уничтожались и рукописи. Нерѣдкость также встрѣтить священниковъ, хвастающихъ тѣмъ, что у нихъ въ церкви—все „новое“. Напомнимъ также очень недавній указъ одного Преосвященнаго, запрещающій четвероконечные кресты и рекомендующій восьмиконечные (раскольничьи).

стырю своихъ предшественниковъ на печатаніе книгъ на этихъ языкахъ.

Съ взглядами о. Хойнацкаго, высказанными въ очеркѣ жизни пр. Іова, можно и не считаться.

Въ статьѣ свящ. Ст. Барановскаго „Краткія историческія свѣдѣнія о бывшихъ на Волыни православныхъ типографіяхъ (Вол. Еп. Вѣд. 1877 г., № 18, стр. 763—87), особый отдѣлъ былъ посвященъ и типографіи почаевской (стр. 763—4). Кромѣ нѣсколькихъ строчекъ въ концѣ, всѣ остальныя свѣдѣнія, какъ это видно было изъ примѣчаній, были заимствованы у архим. Амвросія. Но разбросанность и отрывочность извѣстій послѣдняго чрезвычайно вредно отозвались на трудѣ Барановскаго. Многое осталось незамѣченнымъ, многое непонятымъ. Получился въ результатѣ рядъ ошибокъ. „Основательницей ея, писалъ Барановскій о почаевской типографіи..., была... Анна Гойская *въ 1597 г....* Историческую, однако жъ, дѣятельность типографія начала съ 1618 года, съ коего мы и считаемъ ея—типографіи начало. Здѣсь напечатаны: а) Зерцало Богословія... 1618..., б) Цвѣтникъ св. Дороѳея или поученія инокамъ *въ томъ-же г.* Потомъ ко времени, ближайшему къ совращенію почаевскихъ иноковъ въ унію, здѣсь печатались—в) Проскомидійные листы... г) Посланія православныхъ архипастырей..., д) Антифоны преп. Іову, е) Молитвы. Съ совращеніемъ *въ 1720 г.* иноковъ въ унію, *типографія должна была прекратить свои дѣйствія.* „Inhibitum est monasterio paczaiewensi tipograficam errigere librasquee ruthenico idiomate imprimere“, сказано было почаевскому монастырю 1742 г. въ декретѣ папской нунціатуры. *Объ оставшихся-же отъ православнаго времени книгахъ повелѣно было* — „libri, qui jam impressi sunt, si correctione indigent et corrigi possunt, corrigere [1])“. *Около 1784 г.* типографія *возобновила-было свои дѣйствія*; но по случаю печатанія старо-

---

[1]) Тамъ же (Опис. Амвросія), стр. 65. Авторъ не понялъ словъ архим. Амвросія. Указанныя слова приведены послѣднимъ, какъ выдержка изъ окружнаго посланія Аѳанасія Шептицкаго отъ 4 мая 1733 г. объ исправленіи всѣхъ вообще православныхъ изданій. Къ папскому декрету по дѣлу почаевской типографіи и вообще къ почаевской типографіи выдержка эта не имѣетъ никакого отношенія.

обрядческихъ книгъ, была *на время закрыта. Съ 1800 и 27 годовъ* (т. е.?) *послѣдовало разрѣшеніе для ея дѣйствій*, и она *до* времени *присоединенія* обители къ православію печатала испорченныя уніатами богослужебныя книги. Съ 1834 г. православные начали съ литографированья въ типографіи... изображеній... *Съ 1854 г. разрѣшено печатать здѣсь и книги*, и въ типографіи печатались"... (Слѣдуетъ перечень, по Амвросію).

Въ приведенныхъ словахъ почти что предложеніе, то и ошибка, новаго—ничего. Новы были лишь послѣднія строки: Въ 1863 г. напечатано здѣсь—Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской православной епархіи... Съ 1867 г. печатаются здѣсь Волынскія Епархіальныя Вѣдомости".

Разбирать положенія Барановскаго мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ всѣ мысли его, повторяемъ, основаны на пропускѣ и непониманіи сообщеній архим. Амвросія.

Въ 1877 же году была напечатана статья Іером. Платона „Преосвященнѣйшій Архіепископъ Агаѳангелъ, какъ Священно-Архимандритъ Почаевскія Успенскія Лавры" (Волын. Еп. Вѣд. 1877 г. № 23. Перепечатана въ видѣ 6-й дополнительной главы во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ „Описанія... Лавры", Амвросія). Въ статьѣ былъ и отдѣлъ „Что пріобрѣла типографія" (стр. 1032=266). На стр. 1033 (=268) упоминалось о справкѣ двухъ старопечатныхъ машинъ.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ и о значеніи для библіографіи почаевскихъ изданій труда Геннади „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 г., (2 тома. А.—М. Берлинъ. 1876+1880 г., 8-о). Насколько намъ извѣстно, авторъ воспользовался (не вполнѣ) лишь трудами Сопикова, Ундольскаго („Очеркомъ"), Барсукова и Головацкаго да въ 1—2-хъ случаяхъ отчетами Спб. Публ. Б—ки. Ссылки на Wiszn., Кастерина, Царскаго—взяты изъ вторыхъ рукъ. Допущено было нѣсколько ошибокъ въ ссылкахъ на пособія, въ обозначеніи доли листа и въ 2-хъ случаяхъ (Евангеліе 1786, 8-о; Минея Общая 1780")—въ годахъ. Новаго, кромѣ 2—3-хъ напечатанныхъ вполнѣ впервые заглавій, не было ничего.

Въ 1880—1 годахъ появилось въ печати значительное число свѣдѣній о почаевскихъ *гравюрахъ*.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1880 г. въ Церковно-археологическое Общество при Кіевской духовной Академіи отъ Намѣстника Почаевской Лавры поступило „274 №№ гравюръ мѣстнаго происхожденія, изъ коихъ 48-мъ оттиснуты съ деревянныхъ досокъ, а 226-ть съ металическихъ". („Извѣстія ц.-арх. Общ. при Кіев. дух. Акад. за м. январь, 1880 г." въ „Трудахъ" Академіи, № 4, стр. 679). Оттиски съ досокъ, „болѣе интересные" для исторіи гравернаго искусства, были перечислены въ „Извѣстіяхъ" Общества (стр. 679—82). При этомъ принята была неудобная система ссылокъ на №№ гравировальныхъ досокъ. №№ эти приводились послѣ перечисленія гравюръ даннаго гравера, въ числовомъ порядкѣ съ 2-мя подраздѣленіями на „деревян." и „металлич.". Такимъ образомъ обозначилось лишь, подъ какими №№ находятся вообще оттиски съ гравюръ даннаго гравера. и не было видно, подъ какимъ именно № хранится каждый изъ оттисковъ.

Въ томъ же 1880 году (въ маѣ), отъ Духовнаго Собора Почаевской Лавры поступило въ Общество еще „32 листа современныхъ *оттисковъ* со старыхъ гравировальныхъ досокъ Почаевской лавры" и кромѣ того „17 деревянныхъ и 35 мѣдныхъ гравировальныхъ досокъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ". И доски, и оттиски были подробно перечислены (доски съ указаніемъ №№) въ 66 (14) № журнала „Россійская Библіографія", отд. 1, стр. 329—30 (=№ отъ 13 августа 1880 г.) [1]). Между оттисками находилось м. пр. 9-ть листовъ съ образцами шрифта и заставокъ и 1 листъ съ изображеніемъ гербовъ.

Такимъ образомъ въ музеѣ ц.-арх. Общ. при Кіев. Акад. образовалась цѣлая коллекція изъ 52 гравировальныхъ досокъ Почаевской Лавры и 306 листовъ оттисковъ съ послѣднихъ, что и было отмѣчено въ „Указателѣ" музея (Кіевъ 1880 г., 8-о, стр.

[1]) Ср. „Извѣстія ц.-арх. Общ. при Кіев. дух. Акад. за м. май 1880 г." въ „Трудахъ" Академіи, № 7, с. 452—6; и „Отчетъ" за 1880 г. отд. отт. (изъ „Трудовъ" 1881 г. № 3), с. 3.

12—16). Въ Музеѣ оказалось и нѣсколько оттиснутыхъ въ Почаевѣ гравированныхъ Антиминсовъ („Указатель“, стр. 24—25).

Изъ находившихся въ Музеѣ почаевскихъ гравюръ самою раннею по времени гравировки была гравюра 1733 г.

Въ слѣдующемъ 1881 году вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ Д. Ровинскаго „Русскія народныя картинки“ (Спб. 1881 г. 5 томовъ. 8-о. Составляетъ 23—27-й томы „Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. Академіи Наукъ“). Гравюры распредѣлены были по содержанію. На разныхъ страницахъ 1—4-го томовъ описано было не мало гравюръ и почаевской работы [1]). Не обошлось и безъ ошибокъ.

Такъ въ описаніи гравюры № 1277 имя гравера должно быть обозначено буквой „Т“ (Teodor), а не „І“. Въ т. IV-мъ, въ примѣчаніи къ №№ 1276—96 было высказано совершенно ошибочное предположеніе, что гравюра, рѣзанная кіевскимъ граверомъ Н. Зубрицкимъ въ 1704 г. и изображающая освобожденіе Богоматерью въ 1675 г. обители почаевской отъ турецкой осады рисована „вѣроятно“ съ картины викарія волынской епархіи Анатолія, хранящейся въ почаевской Лаврѣ. (Въ началѣ XVIII в. нельзя было рисовать съ картины, написанной въ XIX-мъ вѣкѣ). Но особенно интересны для насъ ошибочные показанія Ровинскаго о 2-хъ гравюрахъ „почаевской работы“: одной *начала* XVIII в. и другой, рѣзанной „I. S.“ въ

---

[1]) См. т. I (Сказки и забавные листы) стр. 454 (№ 229: Жидъ Лейба);

т. II (Листы историческіе, календари и букварi), стр. 323 (№ 642: Видъ Іерусалима), стр. 351 (№ 649: Видъ Константинополя), стр. 510 (№ 683: рус. и пол. прописи);

т. III (Притчи и листы духовные), стр. 5 (№№ 691—2), 284—5 (625), 326 (864—5), 350 (898—9), 352 (908—9), 443 (1113), 457 (1165), 460 (1174—5), 463 (1192), 516—9 (1276—95), *519 (1296)*?, 526 (1312—4), 531 (1328—9), 533 (1334). 549 (1369), 558 (1388), 1395—7), 561 (1395—567 (1402), 568 (1410), 615—6 (1484—5), 619 (1500: съ ошибками), 620 (1501+1504), 645 (1557) *648 (1560)?*, *655—6 1583)??* 656 (1588), 657 (1594+1595—1603), 658 (1697—9;

т. IV (Примѣчанія и дополненія), стр. 497—8 (к. № 642), 630—1 (Антиминсы: №№ 5, 6, 7 и 39°) 683—4 (Зимн. ик. Б—цы) 689—90 (Непорочная дѣва, 692 (Поддубецк. ик. Б—цы), 694 (Решенв. ик. Б—цы), 706 (1224 А+Б.), 708—9 (1234 А+Б), 721 (1269 А+1275 А), 722 (к. 1295), 725 (1301 Б).

1702-мъ году (№№ 1583 и 1500). Ими какъ бы утверждалось о производствѣ гравюръ въ почаевскомъ монастырѣ уже въ первыхъ годахъ XVIII в. Объ этихъ гравюрахъ мы будемъ говорить ниже [1]).

Ю. Тиховскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) У Ровинскаго описаны еще 2 гравюры 1695 и 1704 г. съ почаевскими, такъ сказать, сюжетами: на одной изображенъ почаевскій монастырь (№ 1675), на другой (упомянутой уже нами): освобожденіе въ 1675 г. обители отъ турецкой осады (въ примѣчаніи къ №№ 1276—96). Но и самъ авторъ не утверждалъ, что они „почаевской работы"; напротивъ говорилъ, что принадлежатъ онѣ кіевскимъ граверамъ. А потому не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ[1].

П. Кузьмичевскій.

Во II и III книгахъ „Кіевской Старины“ 1886 г. П. Кузьмичевскій напечаталъ статью „*Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности*“. Предоставляя другимъ изслѣдованіе взаимодѣйствія въ языкѣ, одеждѣ, утвари, кухнѣ, г. Кузьмичевскій отмежевываетъ себѣ анекдотическій отдѣлъ народной словесности. У турокъ множество анекдотовъ связано съ именемъ Насръ-Эддина-Хаджи, шута Тамерлана, причемъ одни анекдоты древнѣе Тамерлана, другіе—новѣе. Кромѣ множества устныхъ разсказовъ, у турокъ ходятъ рукописные и печатные сборники этихъ анекдотовъ. Г. Кузьмичевскій склоненъ видѣть вліяніе ихъ какъ на Востокѣ Европы, у болгаръ, малоруссовъ, такъ и на Западѣ, въ сборникѣ фацецій Поджіо и въ разсказахъ объ Уленшпигелѣ. Въ этихъ положеніяхъ автора есть преувеличенія, многіе изъ украинскихъ анекдотовъ, выводимыхъ авторомъ изъ турецкаго источника, идутъ прямо съ Запада, ближе стоятъ къ Западноевропейскимъ стариннымъ фацеціямъ и жартамъ. Такъ, первый анекдотъ о цыганѣ, записанный въ Галиціи, не обнаруживаетъ прямой связи съ приведеннымъ авторомъ анекдотомъ о Насръ-Эддинѣ, проще и остроумнѣе послѣдняго. Второй малорусскій анекдотъ о подаркѣ кстати, очень безцвѣтный, также могъ возникнуть независимо отъ турецкаго вліянія, такъ какъ весьма популяренъ въ Европѣ съ римскихъ временъ (встрѣ-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 5.

чается у Светонія). Въ малорусскихъ и турецкихъ анекдотахъ объ „умѣстной обстановкѣ“, „идеальной ѣдѣ“, „выздоровѣлъ, но умеръ“, „оселъ-муэдзинъ“ мы не можемъ найти ничего общаго, можетъ быть за ихъ краткостью и безцвѣтностью. Анекдоты о подаркѣ кстати (№ 2) и о посылкѣ на тотъ свѣтъ (№ 13) обставлены интересными литературными параллелями. Слабой стороной статьи представляется то обстоятельство, что нѣкоторые малорусскіе анекдоты (напр. №№ 2) переданы съ чужихъ словъ безъ точной записи, другіе (№ 3) въ литературной обработкѣ; существованіе нѣкоторыхъ только предполагается (№ 19 объ ослѣ муэдзинѣ): „слышали мы, помнится, нѣчто подобное“ (III 465). Въ малорусскихъ анекдотахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ самаго имени Насръ-Эддинъ-Хаджи, нѣтъ никакого опредѣленнаго личнаго пріуроченія анекдотовъ. Это даетъ поводъ думать, что ни турецкій Насръ-Эддинъ, ни нѣмецкій Уленшпигель не проникали въ Украину въ личномъ типическомъ видѣ, что сюда заходили по всей вѣроятности съ Запада кое-какіе ихъ литературные обрывки, которые быстро получали мѣстную переработку и пріурочивались къ домашнимъ анекдотамъ о жидахъ или цыганахъ въ своеобразной національной юмористической окраскѣ. Доискаться украинскаго первоисточника такого обрывка въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно; такимъ первоисточникомъ могъ быть или словоохотливый казнодѣй-проповѣдникъ, въ родѣ Радивиловскаго, или ученый бакалавръ, быть можетъ, побывавшій и въ нѣмецкихъ университетахъ, въ родѣ Гаваттовича, или странствующій монахъ, любитель бойкаго анекдота, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, можетъ быть заѣзжій болтливый французъ, въ родѣ Боплана. Изъ кабинета ученаго, съ церковной каѳедры, изъ панскаго двора анекдотъ, вольная передѣлка италіанской новеллы или фацеціи, легко могъ проникнуть въ народѣ и получить здѣсь своеобразное толкованіе и своеобразное примѣненіе.

Въ III и IV кн. „Кіев. Старины“ 1887 г. напечатана обширная статья г. Кузьмичевскаго „*Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ*“. Авторъ замѣчаетъ въ началѣ статьи, что о крѣпостномъ правѣ есть много малорусскихъ пѣсенъ, весьма много пѣсенъ объ его отмѣнѣ, и только одну изъ нихъ

признаетъ народною, при чемъ оказывается, что и эта пѣсня („Ой летила зозуля“) заграничнаго австрійскаго происхожденія; въ основѣ ея лежитъ „Pisń radosti“, сложенная полякомъ вскорѣ по освобожденіи крестьянъ въ Галиціи въ 1848 г. Г. К. считаетъ „Pisń radosti“ точкой отправленія галицкихъ русскихъ при сложеніи пѣсенъ о панщинѣ. Мнѣ кажется, что самъ авторъ „Пѣсни радости“ находился подъ сильнымъ вліяніемъ народной поэзіи, и если „Пѣснь радости“ оказала потомъ вліяніе на сложеніе пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины, то потому что она сама проткана народно-поэтическими узорами. Это такая же мѣстно-галицкая смѣсь чертъ народныхъ и искусственныхъ, какой на востокѣ Малороссіи въ б. Слободской Украинѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи является пѣсня Г. С. Сковороды „Нема въ свити правды“, въ противоположность первой своеобразная пѣсня печали. Пѣсни этого рода относятся къ промежуточной сферѣ между книжностью и народной словесностью и заключаютъ въ себѣ элементы той и другой въ тѣсномъ сочетаніи. Авторъ сначала приводитъ галицкіе варіанты „Пѣсни радости“: „Pisń radosti“ A. L. двѣ пѣсни въ „Зорѣ Галицкой“ 1848 г., въ Основѣ 1862, въ III т. сборника Головацкаго и шесть варіантовъ, записанныхъ въ правобережной Украинѣ, три печатныхъ и три неизданныхъ. Въ Малороссіи пѣсни о „зозуленькѣ“, вѣщающей освобожденіе отъ пановъ, пріурочены не къ 1861 г., а къ 1863 г., ко времени объявленія аграрныхъ льготъ послѣ польскаго возстанія. Въ середину статьи (IV 626—634) эпизодически введено нѣсколько искусственныхъ малорусскихъ виршъ объ освобожденіи крестьянъ, вѣроятно, семинарскаго издѣлія. Народомъ усвоена и разработана лишь одна выше отмѣченная пѣсня о зозуленькѣ, занесенная изъ Австріи. Запѣвъ пѣсни о „Зозуленькѣ“ взятъ изъ колядокъ. Кукушка вѣщаетъ въ пѣсняхъ иногда радостныя, иногда печальныя вѣсти, о чемъ подробности см. въ „Объясн. малор. пѣсенъ“ *Потебни* II (колядки) 78—80, 724—737.

Въ 8 и 10 кн. „Кіевской Старины“ г. Кузьмичевскій помѣстилъ большую (въ 5 печат. листовъ) статью „*Шелудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ*“. О шелудивомъ Бонякѣ сохранились извѣстія въ [illegible]

историческихъ преданіяхъ и въ народныхъ сказаніяхъ. Въ лѣтописяхъ и преданіяхъ историческихъ онъ обрисованъ врагомъ народа, чародѣемъ, отрубленная его голова хотѣла уйти. М. Е. Халанскій и г. Голубовскій признаетъ за этими преданіями серіозное историческое значеніе. Г. Кузьмичевскій считаетъ сказанія о Бунякѣ за побѣги иранскихъ легендъ о Джемшидѣ, Ариманѣ и его порожденіи Дагакѣ, отголосками довольно темными и спутанными, что произошло, по мнѣнію г. К., съ одной стороны отъ долговременнаго пребыванія ихъ въ нашей народной средѣ, съ другой—что они дошли сюда не прямо, чрезъ посредство племенъ, населявшихъ южно-русскія степи. Не смотря на обширную эрудицію автора, на массу фактическихъ доводовъ, мы затрудняемся принять этотъ выводъ, по шаткости и загадочности иранскихъ образовъ о Варѣ и Джемшидѣ. Авторъ, увлекаясь сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, ввелъ много постороннихъ литературныхъ мотивовъ. Статья читается съ трудомъ по причинѣ многихъ отступленій и побочныхъ экскурсовъ. Это цѣлый рядъ сравнительно-литературныхъ изслѣдованій по поводу отдѣльныхъ деталей въ преданіяхъ о Бунякѣ, изслѣдованій, несомнѣнно, любопытныхъ, но къ Буняку не относящихся (напр. экскурсъ о Кощеѣ).

Статья распадается на четыре главы. Въ первой главѣ г. К. приводитъ извѣстія лѣтописи, Іоанникія Галятовскаго въ „Небѣ Новомъ“ (ок. 1660 г.), Krajowej galyciskiej Tabuly и свящ. Гарасевича въ альманахѣ Lwowianin 1837 г. Сообщеніе Галятовскаго, что св. Николай помогъ кн. Роману рубить Буняка сведено г. К—имъ къ церковнымъ легендамъ о явленіи Христа Константину Великому передъ битвой его съ Максентіемъ. Та подробность, что отрубленная голова Боняка катилась, напоминаетъ автору французскую легенду о парижскомъ еп. св. Діонисіи и старинную русскую легенду о Меркуріи Смоленскомъ. Въ итогѣ получается выводъ о книжно-монастырскомъ характерѣ сказанія о Бунякѣ въ упомянутыхъ выше источникахъ и о позднѣйшемъ его образованіи, выводъ не совсѣмъ убѣдительный, такъ какъ мотивъ о катящейся головѣ могъ возникать и циркулировать безъ прямыхъ литературныхъ воздѣй-

ствій церковной литературы. Помощь св. Николая кн. Роману, несомнѣнно, навѣяна житіемъ святителя, но и безъ этой подробности въ лѣтописномъ сказаніи о Бонякѣ и въ позднѣйшихъ о немъ историческихъ преданіяхъ обнаруживаются традиціонныя черты вражды и презрѣнія русскихъ къ половцамъ въ лицѣ ихъ воинственнаго и смѣлаго наѣздника Боняка, въ свое время причинившаго русскому народу не мало тревогъ и огорченій.

Во второй главѣ приведена галицко-русская сказка у Садока Баранчи и ея слабый варіантъ у Сѣменскаго о томъ, какъ шелудивый Буняка, обрисованный въ этомъ случаѣ въ родѣ Вія (вѣки поднимали вилами), влюбился въ царицу Елену и погнался за ней, и когда ее сталъ защищать царевичъ, Буняка заклялъ ихъ, и царевичъ съ войскомъ и Еленой провалился подъ землю, откуда выйдетъ со временемъ для освобожденія Польши. Послѣдняя подробность, т. е. пребываніе царевича съ войскомъ подъ землей, даетъ автору поводъ къ обширному экскурсу объ откровеніи Меѳодія Патарскаго, о византійско-германской легендѣ объ императорѣ, спящемъ подъ землей, съ разными личными пріуроченіями, о предполагаемыхъ иранскихъ первообразахъ этой легенды, азіатскихъ и европейскихъ ихъ отголоскахъ у буддистовъ, мусульманъ, евреевъ и христіанъ, о позднѣйшихъ пріуроченіяхъ легенды къ Добошу, Шевченкѣ и Ст. Разину. Въ этомъ обширномъ кругѣ сравненій не вездѣ присутствуетъ основной мотивъ—пребываніе героя и его войска въ горѣ или подъ землей; райскій садъ Варъ подъ землей или подъ горой и выходъ изъ него народа Джемшида, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и если вводить его въ кругъ сравненій, то почему не привлечь сюда и сказанія африканскихъ и американскихъ дикарей о выходѣ первыхъ людей изъ горъ или изъ-подъ земли (приведены у Ревилля въ соч. Les relig. des peuples non-civilisées). Мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Кузьмичевскимъ, что въ древней иранской легендѣ о Іимѣ находятся всѣ элементы сказанія о замкнутомъ въ подземельѣ царевичѣ и др. сродныхъ сказаній, хотя считаемъ возможнымъ другое предположеніе г. К., что Откровенія Меѳодія Патарскаго

заключаютъ въ себѣ иранскіе элементы и что иранскіе образы о заключенномъ подъ землею религіозно-національномъ героѣ могли проникать на западъ и сами собой устнымъ путемъ. Вообще эта область темная и загадочная, и свести всѣхъ героевъ, Марка-Королевича, Фридриха Барбарусу, ученика Будды Кассіаку, Дабаша, Стеньку Разина къ иранскому первоисточнику—дѣло рискованное, тѣмъ болѣе, что наряду съ героями, скрывшимися въ горѣ, могутъ оказаться герои, прикованные къ горѣ, какъ Прометей, зарытые въ землю, замурованные, какъ Ликургъ, Даная.

Эпизодъ о томъ, что царевичъ и царица провалились подъ землю, можетъ быть сближенъ съ многочисленными сказаніями о провалившихся городахъ (собраны въ большомъ числѣ въ Revue d. trad popul. 1890—1894).

Въ III гл. г. К. разсматриваетъ начало сказки о Бунякѣ и Еленѣ и приводитъ многочисленныя литературныя параллели изъ европейскихъ и азіатскихъ сказокъ объ униженной царевнѣ, о претензіозной невѣстѣ и людяхъ съ чудесными свойствами. Сюда привлечены сказочные мотивы о царевнѣ, загадывающей женихамъ загадки или дающей имъ задачи, и мотивы объ униженіи гордой царевны осмѣяннымъ ея женихомъ. Мотивы эти сведены къ индійскимъ образцамъ при посредствѣ статьи Бенфея въ Ausland 1858 г. о людяхъ съ чудесными свойствами. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ дано много цѣнныхъ библіографическихъ указаній и историко-литературныхъ замѣтокъ. Такъ, разбирая въ одномъ примѣчаніи (на 242 стр.) сказочные мотивы прятанія (жениха отъ невѣсты царевны), авторъ высказываетъ общее замѣчаніе, что „сходство сказочныхъ образовъ совпадаетъ не съ племеннымъ родствомъ народовъ, а съ ихъ географическимъ сосѣдствомъ“,

Послѣдняя IV глава весьма обширна (32 стран.) Авторъ здѣсь, по своему обыкновенію, даетъ гораздо болѣе матеріалу и заключеній, чѣмъ предполагаетъ исходный пунктъ изслѣдованія. Въ началѣ главы авторъ останавливается на сказаніяхъ народныхъ (въ сводѣ г. Драгоманова и во львовской хроникѣ Іозефовича XVII в.) о Бунякѣ, какъ людоѣдѣ, о томъ, что

Буняка, кромѣ смрадныхъ внутренностей, висѣвшихъ на спинѣ, лица, рукъ и ногъ, покрытыхъ кожей, не имѣлъ тѣла, что онъ убивалъ дѣтей или слугъ, замѣчавшихъ эти особенности, что только одинъ мальчикъ спасся, угостивъ Буняку коржикомъ, спеченнымъ на молокѣ матери его, мальчика. Чудовище приняло его за побратима и было убито имъ. Сказаніе о людоѣдѣ Бунякѣ авторъ сближаетъ съ монгольскимъ разсказомъ въ Шиддѣ-куръ (передѣлка индійской книги Vetala pantcha vincati) и классической сказкой о Мидасѣ. Въ первомъ сынъ царя Данбинги, въ второй царь Мидасъ имѣютъ ослиныя уши и убиваютъ тѣхъ, кто замѣтилъ ихъ. Въ индо-монгольской сказкѣ повторяется подробность о побратимствѣ мальчика съ чудовищемъ. Въ статьѣ приведены на тему объ ушахъ Мидаса сказки новогреческая, сербская, ирландская и бретонская. Авторъ раздѣляетъ мнѣніе Бенфея, что сказка объ ушахъ Мидаса пошла противъ общаго теченія своихъ собратовъ, именно съ запада на востокъ въ александрійскій періодъ греческой исторіи, и что, благодаря классическимъ вліяніямъ, она распространилась отъ Ирландіи до Тибета. Сравнивая въ частности украинскіе варіанты со всѣми другими, г. Кузьмичевскій находитъ, что украинскіе варіанты ближе къ варіанту монгольскому, чѣмъ къ европейскимъ, не исключая сербскаго варіанта, что даетъ поводъ думать, что сказка о людоѣдѣ Бунякѣ зашла въ Малороссію изъ Азіи. Въ послѣднее время издано довольно много новыхъ варіантовъ на тему сказанія объ ушахъ Мидаса у *Потанина* въ Путеш. въ сѣв.-зап. Монголію II 22, въ *запискахъ* Нео-филол. Общества 1892 стр. 22, въ *Сборникѣ* матер. для опис. Кавказа XIII 121, въ *Revue* des traditions populaires 1892 г., въ „Архивѣ“ г. Ягича и въ „Am Ur quell“ 1892 г. Въ варіантѣ, записанномъ у кавказскихъ татаръ (Сборн. XIII 121), у Александра Македонскаго на головѣ рогъ; цирульникъ передалъ секретъ землѣ; тростникъ разболталъ и пр. Существованіе кавказскихъ варіантовъ сказки объ ушахъ Мидаса можетъ внести нѣкоторое дополненіе къ предположеніямъ г. Кузьмичевскаго, въ томъ смыслѣ, что Кавказъ—этотъ природный географическій мостъ—могъ быть мостомъ и въ литературномъ

отношеніи, при переходѣ древнихъ греческихъ сказаній къ народамъ сѣверной Европы и сѣверо-западной Азіи.

Въ концѣ статьи г. К. находится въ видѣ отступленія небольшой экскурсъ о сказочномъ Костіѣ-Кощеѣ, безсмертномъ или бездушномъ, и о кощеяхъ Слова о Полку Игоревѣ и лѣтописей. Сказочного Кощея авторъ склоненъ сблизить съ Бунякомъ, вообще съ демоническими образами демоновъ и упырей и вывести ихъ отъ индійскихъ ракшасовъ (демоновъ) и веталовъ (упырей). Кощеи лѣтописей и слова о П. И. ничего общаго не имѣютъ съ сказочными кощеями и, какъ предполагаетъ г. Каллашъ въ одной замѣткѣ въ Филол. Вѣстникѣ, представляютъ заимствованіе тюркскаго названія для раба, въ какомъ смыслѣ слово Кощей до сихъ поръ встрѣчается въ Средней Азіи.

Сказка о Кощеѣ безсмертномъ, или правильнѣе бездушномъ, построены на глубоко древнемъ анамизмѣ, что признаетъ и г. Кузьмичевскій въ примѣчаніи на 270 стр. X кн. Въ этомъ примѣчаніи указаны малорусскіе варіанты сказочнаго мотива о помѣщеніи души въ яйцѣ (въ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и Рудченка), старинный русскій (въ Памятн. Костомарова) и древне-египетскій (у Maspero). Къ этимъ указаніямъ добавимъ кавказскіе варіанты въ *Сборникѣ* матер. по опис. Кавказа XIII 109, 317, великорусскій у *Садовникова* 201, французскій и др. въ хорошо извѣстномъ г. Кузьмичевскому сборникѣ *Cosquin'* а подъ № 15, сицилійскій у *Gonzenbach* II 215, въ *Калилѣ и Димнѣ* (въ пер. Аттаи) 154, съ зулусской сказкѣ (Басни и сказки дикихъ нар. 64, примѣч.). Вообще, Кощей безсмертный по этому главному мотиву (спрятанной душѣ) составляетъ особый чрезвычайно распространенный циклъ сказокъ, сколько мнѣ извѣстно, не подвергавшихся спеціальному изученію. Къ сказкамъ о скрываніи души близко примыкаютъ сказки о скрываніи (въ яйцѣ или ящикѣ) силы или смерти (напр. эстонская сказка въ *Этногр. Обозр.* 1890, II, 116).

И. Я. Франко.

Имя Ивана Яковлевича Франка въ Россіи почти неизвѣстно. Лишь недавно (въ 1894 г.) на страницахъ Русскаго Обозрѣнія мимоходомъ былъ высказанъ похвальный о немъ отзывъ. Въ Галиціи г. Франко играетъ видную роль, какъ выдающійся беллетристъ, публицистъ и этнографъ. Проф. Огоновскій въ III т. Исторіи литературы русской (отд. 2, стр. 915—1072) даетъ обширную біографію г. Франка, что можетъ представлять интересъ лишь въ рамкахъ галицко-русскихъ внутреннихъ отношеній. Ограничимся основными біографическими данными. При малой доступности галицкой литературы, мы заранѣе должны оговорить, что не можемъ ручаться за полноту библіографическаго обзора этнографическихъ статей г. Франка. Отмѣчаемъ лишь то, что могли найти на страницахъ Зори, Кіевской Старины, Вислы, „Въ поти чола“ и въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.

И. Я. Франко, сынъ галицкаго крестьянина кузнеца, родился въ слободѣ Дрогобицкаго повѣта въ 1856 г. Онъ учился сначала въ сельской народной школѣ русинскому, польскому и нѣмецкому языкамъ, затѣмъ въ нѣмецкой базиліанской школѣ, въ гимназіи и во львовскомъ университетѣ. Судя по даннымъ біографіи г. Ф., галицкая школьная педагогія представляетъ жалкое явленіе. Въ базиліанской школѣ учениковъ били, и эта школа недалеко ушла отъ бурсы Помяловскаго. Въ послѣдствіи г. Франко въ беллетристическихъ разсказахъ, вошедшихъ въ книгу „Въ поти чола“, обрисовалъ грубость учителей и нераціональность ихъ педагогическихъ пріемовъ. Лекціи въ университетѣ, по словамъ самого г. Франка (приведены у г. Огоновскаго), „зовсимъ его не заняли и не дали ему ничогисинько, ани методы, ани здобуткивъ“. Университетъ здѣсь не совсѣмъ виноватъ. Г. Франко рано увлекся общественной дѣятельностью народническаго направленія, что привело его къ столкновеніямъ съ австрійскими властями. Въ повѣстяхъ г. Франка „На дни“, и „До свитла“, напоминающихъ „Записки изъ Мертваго дома“ Достоевскаго, разсѣяно много автобіографическихъ подробностей.

Извѣстность въ Галиціи г Ф. пріобрѣлъ несомнѣннымъ беллетристическимъ талантомъ, значительной начитанностью и основательнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями общественной и народной жизни. Г. Ф. многое читалъ и многое наблюдалъ лично. Постоянное и разнообразное участіе въ русской и польской галицкой печати содѣйствовало выработкѣ наблюдательности, литературной опытности и бойкаго стиля. Г. Ф. писалъ въ „Зорѣ", въ „Дѣлѣ", въ разныхъ польскихъ газетахъ, въ журналѣ „Wisła", въ „Кіев. Старинѣ", издавалъ въ 1881 г. газету „Свѣтъ" (въ сотрудничествѣ съ Белеемъ), въ 1890 г. „Народъ", съ 1894 г. издаетъ журналъ „Житье и Слово", гдѣ отведено значительное мѣсто для этнографіи.

Мы не будемъ здѣсь касаться стихотвореній и повѣстей г. Ф. (послѣднихъ проф. Огоновскій насчиталъ 41). Кое-какія этнографическія наблюденія автора здѣсь трудно выдѣлить отъ автобіографическихъ подробностей и литературныхъ прикрасъ. Къ тому же я вообще не придаю серьезнаго научнаго значенія этнографической беллетристикѣ въ смыслѣ руководства ею при народоизученіи. Значеніе такой беллетристики, значеніе весьма важное и плодотворное, состоитъ въ сближеніи разныхъ общественныхъ слоевъ, въ возбужденіи и поддержаніи интереса къ народной массѣ, къ ея жизненнымъ нуждамъ и потребностямъ. Беллетристъ и драматургъ показываютъ (и это его нравственная обязанность) этнографическіе факты въ рельефѣ, съ выборомъ, непремѣнно въ связи ихъ съ живой личностью и въ цѣлой бытовой обстановкѣ, при чемъ личныя субъективныя обобщенія и объясненія оказываются неизбѣжными, по личной заинтересованности автора, по свойству всякаго личнаго литературнаго творчества. Потому, всѣ народописательныя повѣсти Даля, Гл. Успенскаго, Мирнаго, Франка и др. относятся къ исторіи литературы, а не къ исторіи этнографіи. Настоящимъ нашимъ замѣчаніямъ не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что недавно нами же напечатана статья о Г. Ѳ. Квиткѣ, какъ этнографѣ. Кто прочелъ эту статью, могъ видѣть, что здѣсь мы старались отдѣлить дѣйствительныя наблюденія отъ субъективнаго ихъ освѣщенія и подкраски, что относительно Квитки

не трудно было сдѣлать, при запасѣ чистыхъ и провѣренныхъ этнографическихъ данныхъ.

Изъ статей историко-литературныхъ значительный интересъ представляютъ статья объ Іоаннѣ Вышенскомъ въ „Кіевской Старинѣ“ и статья о Перебендѣ Шевченка въ 1 кн. Литературно-науковой библіотеки 1890 г. Кромѣ того, небольшія историко-литературныя и этнографическія замѣтки г. Франка были помѣщены въ „Кіевской Стар.“ 1888 кн. XI (вояцкая пѣсня), 1889 кн. I (колядки), 1890 т. XXIX, 1891 кн. XII (колядки).

Къ этнографіи г. Франко обнаружилъ наклонность съ молодыхъ лѣтъ. Еще будучи гимназистомъ въ концѣ 60 и въ началѣ 70-хъ тодовъ онъ собралъ этнографическіе матеріалы. По выходѣ изъ гимназіи г. Ф. обошелъ родной край, что дало ему прочныя личныя свѣдѣнія и личныя симпатіи къ народному быту. Съ 1878 г. Франко въ польскихъ газетахъ, преимущественно во „Львовскомъ Курьерѣ“, писалъ повѣсти этнографическаго характера о разныхъ сторонахъ экономическаго и юридическаго быта крестьянскаго населенія. Нѣкоторыя повѣсти этого рода переведены на русскій языкъ въ „Кіев. Стар.“ 1889 XXV 400—437 и 1890 XXIX 307, 320, 427. Изъ непереведенныхъ отмѣтимъ двѣ слѣдующихъ: „*Iak Rusin tłukł się po tamtym swiecie*“ „*Iak powstają pieśne ludowe*“ (обѣ напеч. во львовской газетѣ Ruch 1887) и „*Gmina i zadruga wsród rusińskiego ludu w Galicyi i na Bukowinie*“ (въ варш. Głos 1887 № 19). Въ „Дѣлѣ“ 1889 г. №№ 278—287 напечатана небольшая статья о малорусскихъ *колядкахъ*. Въ „Зорѣ“ 1883 напечатана большая статья „*Жиноча неволя въ народныхъ пѣсняхъ*“, въ „Зорѣ“ 1884 г. статья объ остаткахъ первобытнаго міросозерцанія въ народныхъ *загадкахъ*.

Въ изданіи краковской академіи наукъ „*Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej*“ 1886 г. X стр. 3—55 *г. Франко и г-жа Рошкевичъ* помѣстили *сборникъ обрядовъ и пѣсенъ изъ м. Лолына* Стрыйскаго повѣта въ Галиціи. Это маленькій поселокъ карпатскихъ горцевъ бойковъ. Населеніе живетъ бѣдно по пословицѣ: „Лолынъ голый, довкола лисъ, а въ средыни еденъ бисъ“. Избы курныя. Хлѣбъ овсяный. Въ сборникѣ по-

мѣщено описаніе мѣстной свадьбы, съ 181 пѣснью на извѣстные мотивы (прощаніе невѣсты съ матерью, расплетаніе косы и пр.). Мѣстами указаны варіанты свадебныхъ пѣсенъ въ сборникахъ Чубинскаго, Навроцкаго и Головацкаго. Вообще, матеріалъ неважный, при обиліи сходныхъ матеріаловъ.

Во 2 кн. „Вислы" 1892 г. на с. 263—278 напечатана интересная статья г. Франка „*Война жидовская.* Изъ области сравнительныхъ изученій народной словесности". Въ Дрогобицкомъ уѣздѣ (въ Галиціи) г. Франко слышалъ поговорку: „Э, чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ" и, какъ коментарій этой поговорки, разсказъ о томъ, какъ однажды жиды воевали, и когда войско ихъ подошло къ гречкѣ во время ея цвѣтенія, то приняло ее за море. Парубокъ малороссъ сказалъ имъ, что это гречка, и тогда жидовскій полководецъ скомандовалъ „чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ", и жиды перешли вбродъ по гречаному морю. Г. Франко указываетъ, какъ на ближайшій возможный источникъ галицко-русскаго разсказа, на польскую народную книжку о жидовской войнѣ, въ родѣ книжекъ о Магелонѣ, о семи мудрецахъ и др., и на возможный источникъ этой книги—сатирическую поэму Żydoswaros 1792 г., гдѣ въ шутливой формѣ осмѣяны вооруженіе жидовскаго войска, его продовольствіе, медленное движеніе (везли перыны), какъ войско разбѣжалось при видѣ барановъ, какъ гречку приняли за рѣку и пр. т. п. Юдофилы отнеслись къ этой поэмѣ съ большими порицаніями. Г. Франко находитъ, что поэма эта, довольно невинная по тону, безъ яркой національной вражды, интересна въ историко-литературномъ отношеніи. Мотивы поэмы—бѣгство отъ барана, принятіе гречки за рѣку и др.—очень стары, старѣе самой поэмы. Такого же рода разсказы издавна циркулируютъ въ Германіи въ приложеніи къ швабамъ, шильдбюргерамъ и др. мѣстнымъ жителямъ, осмѣиваемымъ за глупость. Г. Франко указываетъ на старую народную книгу о нѣмецкихъ пошехонцахъ шильдбюргерахъ „Wunderseltzame Abendtheurliche..." 1598 г., а отдѣльные ея эпизоды въ популярныхъ „Фацеціяхъ", изданныхъ еще въ 1501 г., и въ сатирической повѣсти Кирхгофа о семи швабахъ

„Wendunmuth“ (1565). Самымъ древнимъ варіантомъ представляется разсказъ Павла Дьякона, что на войско геруловъ, разбитое лонгобардами, напалъ такой страхъ, что герулы цвѣтущій на полѣ ленъ приняли за рѣку. Этими сближеніями собственно и и оканчивается статья г. Франка. Заключительная (на послѣдней страницѣ) замѣтка о томъ, какъ египтяне въ погонѣ за евреями бросились въ Красное море, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и сближеніе библейскаго разсказа съ вышеприведенными представляется лишнимъ. Эта прибавка вредитъ статьѣ, во всемъ остальномъ полезной и цѣнной, по обилію и разносторонности фактическаго матеріала и по широкому примѣненію сравнительнаго метода. Изъ такихъ этюдовъ объ отдѣльныхъ пословицахъ и сказаніяхъ, какъ этюдъ г. Франка „Война жидовская“, при накопленіи ихъ трудами многихъ изслѣдователей, можетъ составиться богатая литература по фольклору, которая внесетъ много свѣта въ исторію культуры. Въ „Вислѣ“ 1893, I, стр. 82—87 г. Франко пополняетъ статью свою индійскими варіантами, взятыми изъ „Zur Volkskunde“ Либрехта.

Статья г. Франка о жидовской войнѣ представляется попыткой подойти къ довольно обширному циклу сказаній о глупыхъ народахъ. Прыганье въ гречаное море одинъ изъ мотивовъ этого сложнаго сказанія. Другіе еще болѣе популярные мотивы: постройка церкви безъ оконъ, сохраненіе солнечнаго свѣта въ бочкѣ или мѣшкѣ, встаскиваніе коровы на церковную колокольню, чтобы она попаслась, проносъ дерева во дворъ не вдоль, а поперекъ. Подобнаго рода разсказы у древнихъ грековъ пріурочивались къ абдеритамъ, у нѣмцевъ къ швабамъ, шильдбюргерамъ, вендамъ, у великоросовъ къ пошехонцамъ, у малоруссовъ къ жидамъ и литвинамъ, въ древней Руси къ печенѣгамъ (судя по лѣтописнымъ намекамъ), въ Болгаріи къ стеблевцамъ, большею частью безъ наименованія, въ приложеніи вообще къ глупымъ людямъ. Въ настоящее время собрано уже множество историческихъ преданій и сказокъ на тему о глупыхъ народахъ.

Въ 1 кн. „Wisła“ 1894 г. г. Франко напечаталъ статью „*Славянскія преданія о Магометѣ*“, интересную въ историко-литѣратурномъ отношеніи (см. „Кіев. Стар.“ 1894, XI, 330).

Г. Огоновскій, признавая г. Ф. „однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ писателей русско-украинскихъ“, высказываетъ сожалѣніе, что онъ сильно разбрасывается и ослабляетъ свою творческую силу. Въ оправданіе г. Ф. при этомъ замѣчено, что „до раздроблюваня тои творчости прячиняе ся чимало журби о хлѣбѣ, котрого Франко добивае ся въ потѣ чола“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія объ Африканѣ Александровичѣ Шпирѣ, философѣ, уроженцѣ херсон. губ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Хотя личность А. А. Шпира, воспоминаніямъ о которой мы удѣляемъ мѣсто въ нашемъ журналѣ, не принадлежитъ происхожденіемъ своимъ къ исконнымъ обитателямъ Малороссіи, да и по своей научной и общественной дѣятельности совсѣмъ почти не касается вопросовъ, связанныхъ съ жизнью нашего юга Россіи,—однако мы считаемъ небезъинтереснымъ для читателя представить нѣсколько страничекъ изъ жизни этого философа, имя котораго извѣстно, главнымъ образомъ, въ нѣмецкой философіи, а воспоминанія о немъ живы до сихъ поръ въ предѣлахъ елисаветградскаго уѣзда. Среди многихъ своеобразно-оригинальныхъ чертъ, личность эта носила въ себѣ нѣкоторыя особенности, роднившія ее съ мѣстной жизнью, какъ напр.: любовь къ народу и народной малорусской поэзіи. Первая сказалась въ томъ фактѣ, что онъ по своей инціативѣ отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, сравнительно задолго до манифеста 19 февраля 1861 года, вторая-же обнаружила себя въ увлеченіяхъ народными пѣснями, сказками и разсказами, а также чтеніемъ произведеній Шевченка, Стороженка и др. Вотъ это-то и даетъ намъ право занести данныя воспоминанія на страницы „Кіевской Старины“. Но чтобы читатель имѣлъ хотя маленькое представленіе о научныхъ заслугахъ А. Шпира въ области философіи, мы приводимъ цѣликомъ текстъ въ переводѣ на руской языкъ изъ извѣстнаго сочиненія „Ueberweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie“ (3-я часть, стр. 452, изд. 1888 г.).

А. Шпиръ, исходя изъ логико-метафизическихъ соображеній, родственныхъ Гербатовскимъ, приходитъ къ доктринѣ близкой къ парменидовской. (Его сочиненія: Die Wahrheit. Lpz. 1867. Andeutungen zu einem widerspruchsl. Denken. Lpz. 1868. Forschung nach d. Gewissh in der Erkenntniss der Wirklichkeit. Lpz. 1868. Kurze Darst. der Grundzüge einer philos. Anschauungsweise. Lpz. 1869. Erörterung einer philos. Grundeinsicht. Lpz. 1869. Kleine Schriften. Lpz. 1870. Denken u. Wirklichkeit, Versuch einer Erneuerung d. Kritischen Philosophie. Lpz. 1873, 2-е изд. 1877. Moralität u. Religion, Lpz. 1874, 2-е изд. 1878. Empirie u. Philosophie. Lpz. 1876. Vier Grundfragen, Lpz. 1880. Studien, Lpz. 1883. Gesammelte Schriften, 3 Bde., Lpz. 1883—1885).

Высшимъ, непосредственно достовѣрнымъ основоположеніемъ, незаимствуемымъ изъ опыта, Шпиръ считаетъ положеніе тождества, формулируемое слѣд. обр.: „каждая вещь по своему собственному существу сама съ собой тождественна". Общая предпосылка изъ опыта заключается въ томъ, что опытъ не содержитъ ни одного предмета, который былъ-бы вполнѣ тождествененъ съ самимъ собою. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ общій выводъ, что положеніе тождества не заимствуется изъ опыта, а что скорѣе оно выражаетъ понятіе о сущности вещей, которое нашему мышленію присуще a priori; далѣе, что собственная сущность вещей лежитъ по ту сторону опыта и, наконецъ, что опытъ изображаетъ вещи не такъ, какъ они суть сами по себѣ, по ихъ собственной сущности, и что опытъ содержитъ элементы, которые не принадлежатъ собственной сущности вещей. Съ онтологической стороны вытекаютъ спеціальныя слѣдствія, состоящія въ томъ, что въ дѣйствительности существуетъ только *одна* субстанція, что собственная сущность вещей безусловна, не можетъ содержать въ себѣ никакой относительности, что она постоянна, неизмѣнна и совершенна. (О философіи Шпира см. Spir u. d. Bedent. seiner Philos. f. d. Gegenwart. Vortr., Lpz. 1881).

Наконецъ, милая Еленъ, я собрался съ помощью одного моего знакомаго, заинтересованнаго личностію покойнаго отца твоего, приняться за біографію Африкана Александровича

Шпира. Но полагаю, что для людей науки интересно будетъ знать происхожденіе его. Думаю сказать кое-что объ его отцѣ, матери и болѣе отдаленныхъ предкахъ, такъ какъ отецъ его заслуживалъ вниманія, какъ человѣкъ выдававшійся своимъ умомъ и оригинальностію. Помню я еще въ дѣтствѣ, какъ окружающіе меня родные говорили много интереснаго объ его отцѣ, происхожденіе котораго никому не было извѣстно, даже, кажется, его семьѣ.—Извѣстно только, что онъ былъ докторъ медицины и хирургіи, что воспитаніе началъ и окончилъ въ С.-Петербургѣ, что онъ былъ посланъ правительствомъ въ Сибирь съ научной цѣлію, преимущ. для изслѣдованія сифилиса, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Камчаткѣ, по возвращеніи откуда былъ назначенъ инспекторомъ Врачебной Управы въ г. Херсонѣ, гдѣ и имѣлъ возможность и случай познакомиться съ родными и матерью покойнаго Африкана Александровича. Предполагали и думали, что онъ, или родители его выходцы изъ Австріи, что отецъ его—еврей, принявшій православіе. Говорилъ онъ чистымъ русскимъ языкомъ съ петербургскимъ акцентомъ. Я помню его, когда ему было лѣтъ 50. Онъ былъ человѣкъ энергичный, живой, скупъ до болѣзненнаго состоянія и сварливъ. Наружный видъ его чрезвычайно напоминалъ портретъ нашего знаменитаго полководца Суворова (маленькій, худенькій), которому не уступалъ своими чудачествами. Такъ напр., никогда онъ не употреблялъ носового платка и говорилъ, что это лишній расходъ. Онъ удивлялся, какъ можно такую гадость прятать въ карманъ человѣку воспитанному. Онъ всегда ходилъ въ курткѣ, (для сокращенія расходовъ на фалды), въ узкихъ и короткихъ панталонахъ. Лѣто и зиму на дворѣ и въ комнатѣ поверхъ сапогъ всегда носилъ калоши, въ виду того, что онѣ сберегаютъ сапоги и сами стоятъ дешевле сапогъ. Семьянинъ былъ невозможный. Рѣдко жилъ дома. Проживетъ много мѣсяцъ—два, разсорится съ женой, съ ея родными и сосѣдями, запрягаетъ тарантасъ и уѣзжаетъ часто на цѣлый годъ. Но какъ уѣзжаетъ? Предварительно велитъ изготовить массу пильменей [1]) (зимой онъ

[1]) Пирожки, наполненные мясомъ и сыромъ—сибирское блюдо.

ихъ заморозитъ, лѣтомъ засушитъ) и отправляется по направленію въ Петербургъ. Часто по дорогѣ онъ останавливается у знакомыхъ и гоститъ у нихъ мѣсяцы. Разъ у бабушки Завадовской, отъѣхавъ отъ дому только 20 верстъ, онъ прожилъ цѣлый годъ, потому что жизнь въ гостяхъ, кормежка лошадей, кучера ничего нестоитъ. Гдѣ нѣтъ пріюта, онъ ставилъ самоваръ, разводилъ кипяткомъ пильмени и этимъ питался. Чай пилъ всегда въ прикуску и оставшіеся кусочки пряталъ въ карманы и привозилъ дѣтямъ, какъ гостинцы, тѣмъ дѣтямъ, у которыхъ была полная чаша, и которые были избалованы матерью до нельзя. Женившись, онъ оставилъ службу и прожилъ остальные годы своей жизни въ имѣніи жены своей, урожденной Пулевичъ, въ херсонск. губ , тогда ольвіопольской, потомъ бобринецкомъ, теперь елисаветградскомъ уѣздѣ, деревнѣ Аристарховкѣ, гдѣ въ числѣ другихъ дѣтей родился у него и Африканъ Александровичъ. Всѣ дѣти, за исключеніемъ Афр. Ал., были чрезвычайно способны, но не отличались нравственными качествами. Часто, по возвращеніи домой, если это было лѣтомъ, любимымъ его занятіемъ было ходить по комнатамъ съ хлопушкой въ рукахъ и бить мухъ. Такъ какъ окна по его распоряженію всегда должны были быть открыты, то мухъ налетало гибель, и охота на нихъ предстояла блестящая. Во время битья мухъ онъ часто билъ стекла оконъ, посуду, послѣ чего сердился на семью за то, что надо было покупать вмѣсто разбитыхъ новыя вещи. Только крайняя непогода заставляла его быть въ комнатахъ. Большей частію онъ днемъ и ночью, лѣтомъ и зимой жилъ на дворѣ. Имѣя на первомъ планѣ въ виду для здоровья человѣка воздухъ и моціонъ, онъ въ непогоду продѣлывалъ для моціона въ комнатѣ пресмѣшныя для посторонняго зрителя движенія, напр.: танцовалъ, напѣвая *комаринскаго* и т. д. Зимой онъ тоже спалъ на дворѣ, подъ навѣсомъ, для чего у него былъ сдѣланъ овчинный мѣховой мѣшокъ, въ который онъ влѣзалъ весь и завязывался около шеи. На голову надѣвалъ во время сна мѣховую шапку съ наушниками и затыльникомъ, такъ что оставался незакрытымъ только носъ. Часто послѣ снѣжныхъ ночей прислуга должна была его откапывать изъ-подъ снѣга и вносить въ

комнату для дальнѣйшаго туалета. Оффиціально былъ онъ православнаго исповѣданія, но по убѣжденіямъ онъ былъ атеистъ въ полномъ смыслѣ слова. Говорили, что была у него сестра замужемъ въ Москвѣ за докторомъ Бѣлопольскимъ. Всѣмъ безъ исключенія говорилъ „ты" (онъ былъ въ чинѣ статскаго совѣтника). Былъ популяренъ какъ врачъ въ г. Николаевѣ, куда его часто выписывали. Когда его призывалъ къ себѣ больной, прося помочь ему, то осмотрѣвъ больного, если видѣлъ, что ему нельзя помочь, онъ обыкновенно говорилъ: „терпи, лежи и молись", а роднымъ говорилъ, что ничего нѣтъ вѣчнаго въ мірѣ, и затѣмъ уѣзжалъ. Если же онъ видѣлъ, что ему можно помочь, то обыкновенно первымъ его вопросомъ было: можешь заплатить 100 руб., буду лѣчить, если не можешь, не буду. Если больной не могъ платить, онъ уѣзжалъ. Если платилъ, онъ принимался за оригинальное лѣченіе. Въ то время когда медицина держала больного на строгой діэтѣ, лишала его воздуха, заставляла лежать въ постели, оберегала отъ воздуха, пищи, онъ прежде всего позволялъ больному ѣсть все, что ему угодно, говоря, что больше, чѣмъ нужно, онъ не съѣстъ; въ помѣщеніи больного велѣлъ отворять окна; если не соглашались, онъ собственноручно выбивалъ окна, хотя бы зимой, но укутывая хорошо больного, ставилъ клизмы, допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ хининъ, шептанія и растиранія бабокъ, говоря, „ну и пусть себѣ бормочетъ, а ты уснешь". Вообще онъ былъ того мнѣнія, что эти средства вреда не принесутъ, а помочь могутъ. Если больной былъ недоволенъ тѣмъ, что докторъ не прописывалъ лѣкарствъ, онъ говорилъ: „ну если хочешь, я тебѣ пропишу"—и прописывалъ, и то если онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Въ противномъ случаѣ только выругаетъ больного. Если больной страдалъ ревматизмомъ, лежалъ одинъ-два года въ постели, первымъ долгомъ онъ говорилъ: ходи!—Не могу!—Врешь. Берите его, тащите! И часто въ мѣсяцъ—два человѣкъ начиналъ ходить; затѣмъ онъ велѣлъ запрягать экипажъ и возить такихъ больныхъ по степи. Съ родныхъ за лѣченіе денегъ не бралъ. Съ отцомъ моимъ часто спорилъ. Онъ былъ прямой, дерзкій человѣкъ и ссорился. Въ царствованіе Николая Павловича онъ

преподнесъ государю томъ своихъ сочиненій, находящійся теперь у его внучки, дочери Африк. Алекс. Сначала это сочиненіе пріобрѣло популярность въ Россіи, но впослѣдствіи выпускъ его былъ запрещенъ по многимъ причинамъ: вслѣдствіе козней свѣтилъ медицины тогдашняго времени, такъ какъ онъ въ своемъ сочиненіи а) говорилъ, что методъ лѣченія, практикуемый теперь, приноситъ человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы; б) что дѣятели медицины поставлены въ положеніе привиллегированныхъ разбойниковъ, такъ какъ они, не давая никому отчета, заливаютъ больныхъ средствами, приносящими больше вреда, чѣмъ пользы.

Мнѣ, повѣствователю настоящей біографіи, 58 лѣтъ. Помню въ дѣтствѣ, когда мнѣ было лѣтъ 10, Александръ Александровичъ Шпиръ для одного изъ своихъ путешествій велѣлъ запречь свой завѣтный тарантасъ. Не проѣхавъ 3-хъ верстъ, лошади понесли и опрокинули тарантасъ, и нашему путешественнику было переломлено ребро. Кучеръ привезъ его обратно. Жена хотѣла послать за врачемъ. Но больной не хотѣлъ, а распорядился послать въ ближайшее село за фельдшеромъ, которому указалъ, какъ сдѣлать перевязку, какъ уложить себя въ постель, велѣлъ вынести себя съ постелью и поставить посреди двора (дѣло было лѣтомъ).—Только въ непогоду его вносили въ домъ, но и въ этомъ положеніи человѣкъ этотъ не могъ долго быть на мѣстѣ и приказывалъ крѣпостнымъ людямъ носить его съ кроватью къ родственникамъ и знакомымъ, часто на разстояніе верстъ 15, гдѣ также ставили его среди двора и для спокойствія его приставляли по очереди сидѣлку, или сидѣльца для исполненія его требованій, а главное для того, чтобы „махать мухъ", какъ выражались тогда. Когда больному надоѣдало лежать на одномъ мѣстѣ, онъ велѣлъ себя переносить на другое—къ другимъ сосѣдямъ. „Вотъ уже несутъ къ намъ Шпира"... говорили, и все трепетало, потому что онъ распоряжался вездѣ, какъ дома. Крикунъ былъ и не стѣсняясь говорилъ бывало: „что ты, дуракъ, мнѣ перечишь"? Это снисхожденіе со стороны всѣхъ происходило, какъ я думаю, отъ бывшаго у всѣхъ сознанія его умственнаго превосходства.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о кончинѣ его и тѣмъ покончимъ. Кончина его произошла, какъ думали близкіе люди, вслѣдствіе воспаленія мочевого пузыря. Это было въ глубокой старости. „Старый Шпиръ заболѣлъ"—говорили. На вопросъ жены: „что у тебя болитъ", онъ отвѣчалъ: „пузырь болитъ". Жена предлагала послать за врачемъ; онъ отвѣтилъ: „не надо! все равно ничего не поможетъ". Когда жена просила его послать за священникомъ, чтобъ исполнить обрядъ христіанскій, онъ отвѣчалъ: „не надо! нѣтъ Бога, нѣтъ правды, нѣтъ правосудія"! Такъ и скончался. Такое сильное было убѣжденіе у человѣка, ни за что не хотѣлъ...

Теперь приступимъ къ описанію происхожденія матери Афр. Алекс. Шпира. Въ царствованіе импер. Екатерины, когда она покровительствовала Греціи и переселенію славянъ изъ Австріи въ Россію, былъ изъ г. Салоникъ вызванъ грекъ по фамиліи Лошно, который и былъ назначенъ таможеннымъ директоромъ въ новороссійскомъ краѣ и жилъ съ семействомъ своимъ въ гор. Херсонѣ. Одна изъ дечерей его Сусанна Константиновна была выдана замужъ за выходца славянина изъ Венгріи, секундъ-майора, служившаго въ арміи Императрицы Маріи-Терезіи, Константина Пуловицо, впослѣдствіи перемѣнившаго фамилію на русскую Пулевичъ. Мать Африкана Александровича, Елена Шпиръ, была дочь этихъ супруговъ Пуловицо-Пулевичей. Прожила она 62 года. Обладала она здравымъ умомъ и была очень доброй, великодушной, мягкой, всѣми въ окружности уважаемой женщиной. Вышла она замужъ за Шпира, покорясь желанію родителей. Наружность имѣла чрезвычайно пріятную, симпатичную, съ греческимъ типомъ, съ матовымъ цвѣтомъ кожи.

Теперь перейдемъ къ дѣтству Афр. Ал. Помню я его съ 10 лѣтъ его жизни. Это былъ мальчикъ очень красивый, съ круглымъ лицомъ, яркимъ румянцемъ, черными, какъ смоль, курчавыми волосами, черными, буквально сверкающими, какъ уголь, подвижными глазами. Впослѣдствіи глаза его сдѣлались почти тусклыми. До 15-лѣтняго возраста онъ былъ чрезвычайно живой, дерзкій, не любилъ играть съ дѣтьми своего возраста

и буквально ненавидѣлъ женскій полъ—избѣгалъ его. Помню, еще въ дѣтствѣ всѣ окружающіе родителей завидовали прекраснымъ блестящимъ способностямъ Афр. Ал. и ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ. Впослѣдствіи, будучи уже взрослымъ человѣкомъ, онъ говорилъ мнѣ: „что разъ попадало въ мою голову, оно уже никогда не выходило изъ нея". Читать и писать, какъ обыкновенно въ то время, выучился дома, Первое систематическое образованіе онъ началъ получать въ Одессѣ, въ частномъ пансіонѣ француза, гдѣ имѣлъ возможность хорошо изучить французскій языкъ. Потомъ онъ поступилъ въ одесскую классическую гимназію, которую и окончилъ блестящимъ образомъ. Пріѣзжая на каникулы, онъ не дружилъ со своими многочисленными двоюродными братьями, близко отъ него жившими. Когда мы, бывало, сообщались съ нимъ, то не находили, какъ мы, такъ и онъ, удовольствія въ нашихъ разговорахъ, такъ-какъ онъ стоялъ выше насъ. Въ то время какъ мы играли, шалили, онъ углублялся въ чтеніе какой либо книги. Когда онъ окончилъ гимназію и пріѣхалъ на жительство къ матери, пріѣзжая часто въ гости къ намъ, въ наше семейство, вмѣсто того чтобы сообщаться съ двоюродными братьями, онъ спѣшилъ отправляться въ садъ и заходилъ въ курень старика-*пасичныка* Васыля Роскыданюка, грамотнаго человѣка, почти постоянно читавшаго въ своемъ жилищѣ священнаго содержанія книги. Тамъ онъ по нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ пасѣчникомъ; когда бывало вспомнятъ, гдѣ же Африканъ?,—„чудакъ" навѣрно бесѣдуетъ „зъ дидомъ Васылемъ". „Вотъ чудакъ, говорили про него, и находитъ же удовольствіе бесѣдовать зъ дидомъ Васылемъ про какую-то ерунду". Всѣмъ казалось это ужасно смѣшнымъ. Не будемъ ли мы имѣть право думать, что это былъ *первый* поводъ, или толчекъ уму его и въ природномъ нравѣ таившейся склонности къ мышленію о философіи? Не была ли это первая искра пламени, впослѣдствіи столь ярко разгорѣвшагося? Такъ, мы увидимъ впослѣдствіи, что подобнаго рода столкновенія давали уму его новые и новые толчки. Наконецъ пришло время матери подумать, какъ пристроить сына, т. е. подыскать ему службу; началъ подумывать объ этомъ и онъ самъ. И такъ какъ въ это время

онъ уже сдѣлался болѣе сообщительнымъ со своими сверстниками—двоюродными братьями, то часто у насъ происходили разговоры: какую избрать себѣ жизненную дорогу? Почему-то онъ выражалъ свое желаніе быть артиллеристомъ. Но палить изъ пушекъ, какъ видно, ему не было суждено. Мать его—религіозная женщина, выписывала духовный журналъ, гдѣ помѣщались проповѣди одесскаго архіерея Иннокентія. Юноша настолько увлекся его проповѣдями, что началъ строго соблюдать посты, чаще и больше молиться, давать бѣднымъ милостыню, такъ что среди родныхъ даже начали поговаривать: „Африканъ хочетъ поступить въ монахи", что очень печалило мать его. Въ этотъ періодъ его жизни загоралась крымская война. И какъ въ нашемъ семействѣ было много моряковъ, то наши родители и его мать задумали подготовить насъ и его въ моряки, для чего требовалась спеціальная подготовка. Его и насъ 3-хъ братьевъ отвезли въ городъ Николаевъ, гдѣ въ то время существовалъ пансіонъ Акимова; тутъ то и подготовляли въ гардемарины. Мы были помѣщены пансіонерами, а Африканъ Ал. приходящимъ, почему мать и помѣстила его вблизи пансіона у учителя исторіи и русскаго языка Илькевича. Здѣсь къ нему былъ приставленъ въ видѣ дядьки старикъ, бывшій когда-то швейцаромъ у князя Жевахова въ С.-Петербургѣ, (князь былъ женатъ на родной сестрѣ Африкана Харитинѣ). Содержатель пансіона Ефимъ Семенычъ Акимовъ былъ чрезвычайно религіозный человѣкъ и умѣлъ воспріимчивымъ натурамъ передать свою религіозность. Это была третья воспламеняющая искра для таившагося пламени. И герой нашего разсказа началъ рѣдко посѣщать классы, а если и посѣщалъ, то сидѣлъ бывало молча въ очкахъ своихъ (онъ былъ близорукъ); смотритъ онъ какъ-то неопредѣленно, какъ будто куда-то вдаль, повидимому ничего не замѣчаетъ вокругъ себя, ничего не слышитъ, не видитъ, что давало поводъ его товарищамъ говорить: „Шпиръ навѣрно не выдержитъ экзамена, такъ какъ совсѣмъ не занимается, а ходитъ только по церквамъ, то въ заутреню, обѣдню, на всенощную и т. д." Когда я забѣгалъ къ нему на квартиру, чтобы покурить, то почти всегда заставалъ его обложеннымъ кругомъ

безчисленными томами книгъ духовнаго содержанія, или лежащимъ на полу и слушающимъ народныя сказки старика-дядьки. Этотъ дядька говорилъ мнѣ, что его питомецъ строжайше соблюдаетъ посты и часто спитъ на полу, положивши подъ голову вмѣсто подушки свои завѣтныя книги, поглощающія его душу и сердце. Конечно, такая жизнь подавала поводъ его товарищамъ смѣяться надъ нимъ и опять же называть его „чудакомъ", на что онъ конечно не обращалъ никакого вниманія. Товарищи ошиблись въ своемъ предположеніи: онъ первымъ, блестяще выдержалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ.

Здѣсь я позволяю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе отъ послѣдовательнаго разсказа и возвратиться снова къ дѣтству Афр. Ал. Воспитывавшись въ пансіонѣ у француза въ городѣ Одессѣ, онъ имѣлъ несчастіе, какъ и многіе изъ дѣтей пансіонеровъ, подвергнуться дѣтскому пороку, отъ котораго, какъ онъ мнѣ говорилъ уже въ юности своей, ему очень трудно было отдѣлаться и за который онъ впослѣдствіи поплатился очень дорого своимъ здоровьемъ. Не помню, въ какомъ возрастѣ своего дѣтства онъ разсказывалъ, мнѣ, что почему-то получилъ страсть „подкрадывать" у матери такія вещи, въ которыхъ бы ему, вовсе не отказали. Будучи взрослымъ, вспоминая объ этомъ, онъ говорилъ мнѣ: „самъ не знаю на что, возьму какую-нибудь вещь и спрячу". Но къ счастію этотъ второй порокъ мать замѣтила и выпорола его розгами. „Съ тѣхъ поръ я пересталъ это дѣлать", говорилъ Афр. Ал. Кстати здѣсь я упомяну, что онъ имѣлъ какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юности прекрасный музыкальный слухъ и память. Довольно ему было разъ услыхать какой-нибудь мотивъ, и онъ надосугѣ просвиститъ его правильно (пѣть не любилъ, хотя пѣлъ правильно). Водки не пилъ никогда, говорилъ „не могу". Пьянымъ никогда не напивался, но любилъ выпить рюмку—двѣ хорошаго вина и выкурить хорошую папиросу, или сигару.

Теперь возвратимся къ гардемаринской школѣ. И тамъ, какъ я уже говорилъ, товарищи считали его чудакомъ и были вполнѣ увѣрены, что онъ въ мичманы экзамена никогда не выдержитъ, такъ какъ онъ никогда не занимался,

а постоянно читалъ книги посторонняго содержанія, а больше всего духовнаго. Соберутся товарищи и говорятъ Шпиру; „служи всенощную“. Онъ не отказывается: надѣваютъ на него съ хохотомъ вмѣсто ризъ одѣяло, прицѣпливаютъ къ пустой чернильницѣ веревочку вмѣсто кадила, даютъ ему въ руки. Шпиръ серьёзно, съ благоговѣніемъ становится передъ иконами и начинаетъ служеніе. Хоръ сначала смѣясь ему отвѣчаетъ, но мало по малу смѣхъ исчезаетъ, и хоръ въ свою очередь проникается такимъ же благоговѣніемъ. Одинъ изъ товарищей, стоявшихъ къ нему ближе другихъ, сказалъ ему: „зачѣмъ ты постоянно читаешь эту чепуху? Вотъ нà тебѣ на французскомъ языкѣ сочиненія Вольтера. Когда ты прочитаешь, то самъ увидишь, что ты во многомъ заблуждаешься“. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, это былъ одинъ изъ важныхъ переворотовъ въ его умѣ. Впослѣдствіи Афр. Ал. говорилъ мнѣ: „я близокъ былъ къ помѣшательству, но сочиненія Вольтера спасли меня“. Загорѣлась Крымская война, и гардемарины были посланы на театръ войны, и Афр. Ал. въ числѣ ихъ, гдѣ онъ и пробылъ два года. До окончанія войны гардемарины были отосланы обратно въ Николаевъ; онъ выдержалъ первымъ экзаменъ въ мичмана и, подавъ въ отставку, поселился въ имѣніи матери своей, гдѣ въ скоромъ времени мать его и умерла. Пришлось будущему философу заниматься хозяйствомъ еще въ крѣпостное время, но наканунѣ эмансипаціи. Самъ онъ не хозяйничалъ—держалъ управляющаго. И въ очень скорое время, на удивленіе всѣмъ сосѣдямъ, освободилъ крестьянъ отъ барщины и дворовыхъ отъ обязательныхъ работъ, а началъ вести хозяйство тѣми же крестьянами, но за наемную плату. Когда были избраны мировые посредники, онъ не замедлилъ надѣлить всѣхъ крестьянъ полнымъ даровымъ надѣломъ. Всѣ сосѣди помѣщики возстали. Одни называли его бунтовщикомъ, другіе говорили, что онъ отъ государя хочетъ заслужить крестъ за такой подвигъ; поднялся содомъ. Но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, сидѣлъ одинокимъ въ своемъ домѣ, рѣдко показывался въ обществѣ близкихъ родныхъ, мало самъ входилъ въ хозяйство, читалъ и что-то пи-

салъ, что писалъ—Богъ его знаетъ. Въ этотъ періодъ времени я былъ приглашенъ Афр. Ал. для совмѣстнаго жительства. Должно быть одиночество ему надоѣло. И Господи! что это была за жизнь! Правда, были распредѣлены строго часы. Никто у насъ не бывалъ и мы ни у кого. Серьёзнымъ чтеніемъ онъ никогда не дѣлился. Выписывалъ Основу и Шевченка и читалъ мнѣ, особенно что-нибудь смѣшное. Шевченко ему очень нравился. При чтеніи „Вусы", (Стороженка), задушевно и много смѣялся. Онъ въ извѣстные часы читаетъ или пишетъ, я лежу и плюю въ потолокъ. Женской прислуги онъ не держалъ—довольствовался однимъ лакеемъ. Какъ лѣтомъ, такъ и зимой, изрѣдка мы выходили погулять или въ садъ, или на токъ, или на загоны—посмотрѣть лошадей и рогатый скотъ. Питались мы буквально изо дня въ день борщомъ и котлетами. На ужинъ яйца въ смятку, или молочная каша. Въ разговорахъ Аф. Ал. никогда не спорилъ, не навязывалъ своихъ мнѣній. Но нельзя сказать, чтобы онъ никогда не сердился. Иногда изъ-за пустяка крикнетъ на лакея; разъ впослѣдствіи, когда онъ завелъ старую экономку въ домѣ, „она, говорилъ онъ, такъ меня вывела изъ терпѣнія, что я ее чуть не билъ". Удивительную имѣлъ способность различать людей; онъ насквозь видѣлъ, хорошій это, или дурной человѣкъ. Началъ я замѣчать, что другъ мой худѣетъ, блѣднѣетъ, не моется, отпустилъ волоса, не стрижется, вообще сдѣлался какимъ-то страннымъ. „Нѣтъ, говорю, братъ! такъ жить нельзя!" На это онъ съ удивленіемъ сдѣлалъ вопросъ! „Какъ же по твоему жить?"—„Да такъ, какъ въ наше время всѣ молодые люди живутъ".—„Какъ же это?" спросилъ онъ—„Вопервыхъ, брось ты всѣ эти книги! Онѣ ни къ чему хорошему не поведутъ! Зачитываешься—пропадешь! Покупай ружья, заводи собакъ, будемъ охотиться, ѣздить къ сосѣдямъ и принимать у себя". Представьте—послушалъ! Выѣздъ къ сосѣдямъ заставилъ его поневолѣ быть опрятнѣе и началъ отвлекать его отъ усиленныхъ занятій, такъ что онъ началъ поправляться. Купилъ два ружья. Возьмемъ ружья и идемъ по берегу въ имѣніе къ моимъ родителямъ, или въ степь. Увидимъ какую-нибудь дичь. „Африканъ, говорю! ты ближе, бей!" Подыметъ

ружье, прицѣлится и опуститъ. Видимо, его охота не занимала. Такъ и воротится, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Такая выходка чрезвычайно меня бѣсила.—„Отчего же ты не стрѣлялъ?“ Пусть себѣ живетъ! зачѣмъ ее убивать?—Я разсказываю бывало это въ качествѣ анекдота съ жаромъ другимъ. Онъ улыбается. Собрались мы какъ-то ѣхать къ сосѣдямъ на именины, гдѣ былъ предметъ моей любви и долженъ былъ быть пиръ горой.— „Поѣдемъ, говорю, на именины, тамъ будетъ очень весело“. Запрягается коляска четверкою гнѣдыхъ лошадей. Садимся и ѣдемъ. На половинѣ дороги заноровилась правая дышловая— ни съ мѣста. Сдѣлаемъ кругъ. Домой идетъ, а впередъ ни шагу. Я сержусь, а онъ говоритъ: „поворачивай домой!“ Ну что вы скажете? говорю я. Вѣдь это несчастье! И что ты за человѣкъ? что не ты управляешь скотиной, а скотина тобой! я бы застрѣлилъ ее на мѣстѣ и на тройкѣ поѣхалъ! Послушалъ! мучились, мучились, таки доѣхали. Покупая что нибудь въ лавкахъ, иногда онъ и не думалъ торговаться, платилъ то, что съ него спрашивали, а иногда по цѣлымъ часамъ торговался изъ-за копѣйки. Не уступятъ, такъ и не купитъ. Въ этотъ періодъ часто онъ въ гостяхъ, или въ кругу многочисленныхъ родныхъ своихъ бывалъ очень любезенъ и веселъ: смѣялся, разсказывалъ, принималъ участіе въ играхъ, танцахъ, иногда даже, проплясывалъ въ присядку „козачка“. Часто въ обществѣ онъ сидѣлъ и будто ничего не слышалъ, не видѣлъ, не замѣчалъ. Пріѣдетъ домой, разскажетъ мнѣ такія мелкія подробности разговоровъ, костюмовъ, какихъ я и не думалъ подмѣтить. Иногда зимой мы выѣзжали на мѣсяцъ-два въ городъ Вознесенскъ, или Елисаветградъ. Но и въ городахъ наша жизнь почти ничѣмъ не отличалась отъ деревенской: онъ читалъ, писалъ, я лежалъ по обыкновенію, и только въ извѣстные часы мы гуляли, преимущественно въ немноголюдныхъ мѣстахъ. Въ Елисаветградѣ во время одной изъ нашихъ прогулокъ его обокрали. Лакей нашъ былъ нѣмецъ. Пало подозрѣніе на него. Заявлено было въ часть, посадили лакея въ тюрьму. На допросѣ онъ не сознавался, и на третій же день Афр. Ал. самъ поѣхалъ просить, чтобы его выпустили. Любилъ сватать другихъ, но самъ не влюблялся. Не

задолго до выѣзда за границу онъ увлекался дѣвичьей красотой неоднократно. Не лишнимъ будетъ упомянуть еще объ одномъ человѣкѣ, имѣвшемъ вліяніе на Афр. Ал. Послѣ Крымской кампаніи появился въ нашей мѣстности интеллигентный старикъ Василій Ивановичъ Литвиновъ, о которомъ впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе. Этотъ господинъ проживалъ въ нашей семьѣ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ гувернера. Часто, когда соберутся гости, въ томъ числѣ Афр. Ал., пойдутъ богословскіе разговоры, въ которыхъ Литвиновъ всегда опровергалъ Тройцу. Афр. Ал., хотя въ споръ не вмѣшивался, но чрезвычайно внимательно слушалъ и, должно быть, въ умѣ своемъ обдумывалъ этотъ вопросъ, потому что, пріѣхавши домой, часто со мной разговаривалъ объ этомъ, но не находилъ сочувствія.

Наконецъ Афр. Ал. подъ предлогомъ слабаго здоровья, не довѣряя нашимъ врачамъ, рѣшилъ уѣхать лѣчиться за границу. Тамъ онъ побывалъ въ Германіи, Австріи, Швеціи, Парижѣ и въ Лондонѣ. Избралъ мѣсто жительства въ Штутгартѣ. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что слушалъ лекціи въ 2 университетахъ, но въ какихъ и по какимъ предметамъ—не знаю, и бесѣдовалъ съ разными профессорами. Черезъ годъ онъ возвратился въ Россію, но въ деревнѣ уже не жилъ, а прожилъ одну зиму въ Елисаветградѣ, другую въ г. Николаевѣ. Велъ жизнь такую же, какъ и до выѣзда за границу, но еще усиленнѣе началъ читать и писать, сдѣлался опрятенъ даже до щепетильности. Хотя держалъ слугу, но самъ чистилъ себѣ платье, самъ заметалъ, стиралъ пыль. По моему наблюденію онъ дѣлалъ это для моціона. Завелъ токарный станокъ и, хотя не выходило ни одной вещи, все-таки онъ что-то дѣлалъ. Имѣлъ онъ 2 имѣнія. И вотъ съ горячечною поспѣшностію онъ задумалъ ихъ продать и выѣхать за границу. Говорилъ такъ: „надо урѣзать полы и бѣжать“. И дѣйствительно, урѣзалъ полы—продалъ имѣнія за полъ-цѣны. Продавъ одно изъ имѣній и получивъ за него задаточныя деньги, совершивъ запродажную запись, онъ уѣхалъ за границу, послѣ чего уже не возвращался. Получить остальныя деньги и совершить купчую крѣпость онъ поручилъ по довѣрен-

ности мнѣ. Покупатель въ назначеный срокъ купчей не совершилъ, вслѣдствіе чего лишался права оставить имѣніе за собой, а задатокъ долженъ былъ остаться у Шпира, о чемъ, конечно, я не замедлилъ извѣстить его. На это я получилъ неожиданный отвѣтъ, читая который я самъ себѣ не вѣрилъ: „разъ я продалъ имѣніе, если покупатель самъ не отказывается уплатить мнѣ остальныя деньги, то имѣніе должно остаться за нимъ". Хотя онъ велъ со мной постоянную переписку все время своего пребыванія за границей, интересовался участію родныхъ, политическимъ и внутреннимъ экономическимъ положеніемъ Россіи, но самъ мнѣ, кромѣ какъ о своемъ здоровьѣ и о погодѣ, ничего не писалъ. Разъ впрочемъ на мой вопросъ: знакомъ ли ты въ Женевѣ съ русскими соціалистами и нигилистами? онъ отвѣтилъ мнѣ: „здѣсь ихъ много, но я съ ними знакомства не веду, мнѣ эти люди не нравятся". За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ подалъ прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его изъ русскаго подданства, что ему и было разрѣшено. Долго я не подозрѣвалъ, что мой другъ не только пишетъ философскія сочиненія, но что они уже изданы въ Германіи, читаются публикой, и нѣмецкія газеты восхваляютъ эти сочиненія русскаго философа. Какъ вдругъ совершенно неожиданно получаю отъ родного брата своего, жившаго въ это время на о—вѣ Мадейрѣ, вырѣзку изъ одной нѣмецкой газеты, гдѣ съ похвалой отзываются о сочиненіяхъ русскаго философа А. Шпира. Эту вырѣзку въ письмѣ я отправилъ Шпиру и просилъ его: если эти сочиненія принадлежатъ ему, то чтобы онъ выслалъ ихъ мнѣ, такъ какъ я желалъ знать мысли близкаго мнѣ человѣка. Онъ не замедлилъ выслать мнѣ двѣ книги. Одна довольно объемистая подъ заглавіемъ „Богъ и природа". Другая, небольшая, подъ заглавіемъ: „Мысль и дѣйствительность". Но увы, не зная самъ нѣмецкаго языка и не имѣя знакомыхъ, кто бы мнѣ могъ ихъ перевести, я отдалъ ихъ въ библіотеку Елисаветградскаго реальнаго училища, гдѣ, по всей вѣроятности, они лежатъ подъ спудомъ и никого не интересуютъ. Чтобы закончить свой разсказъ, прибавлю еще кое-что къ характеристикѣ покойнаго. Когда онъ возвратился послѣ перваго своего путешествія за границу, въ

Россію, онъ привезъ съ собою въ двухъ большихъ сундукахъ библіотеку на иностранныхъ языкахъ, которую, выѣзжая окончательно заграницу, онъ пожертвовалъ въ пользу воскресной школы. Но школа въ скоромъ времени была закрыта. Тогда онъ написалъ, чтобы подарить ее одной изъ родственницъ. Братъ этой родственницы служилъ тогда въ Петербургѣ, забралъ библіотеку съ собой и продалъ тамъ ее за двѣ тысячи рублей. Не зная греческаго языка, онъ бралъ въ Елисаветградѣ уроки этого языка у пастора лютеранской церкви. Другими же языками, какъ то: латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, польскимъ, онъ владѣлъ хорошо. Иногда говаривалъ, „какъ жаль, что я не получилъ высшаго образованія, а то теперь доучиваться мнѣ самому трудно“. Всегда у него на письменномъ столѣ стояло два бюста: Шевченка и Гоголя. Не любилъ покойникъ носить никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній, какъ то цѣпочки, колецъ. Сошьетъ, бывало, одно платье и не снимаетъ его, пока совсѣмъ не износится. Тогда только сошьетъ другое и снимаетъ старое. Садился иногда играть въ карты, имѣлъ шахматы и любилъ играть. Часто помогалъ бѣднымъ роднымъ, никогда не отказывалъ бѣдному, который попроситъ. Когда онъ давалъ иногда деньги мнѣ, и я говорилъ, что мнѣ совѣстно брать ихъ, онъ отвѣчалъ: „отчего же? нѣтъ ничего худого, если часть денегъ перейдетъ отъ того, кто ихъ больше имѣетъ, къ тому, кто ихъ имѣетъ меньше, или совсѣмъ не имѣетъ“.

Страннымъ мнѣ всегда казалось и теперь кажется, что такой человѣкъ, какъ Шпиръ, никогда не имѣлъ ни къ кому и ни къ чему особенной любви, или привязанности. Не помню я, чтобы онъ когда нибудь чему либо удивлялся, или чѣмъ либо поражался. Въ жизни его я помню только три ссоры, въ которыхъ онъ, конечно, не былъ виноватъ. Одна изъ этихъ ссоръ была съ двоюроднымъ братомъ (уже умершимъ), который, будучи какъ то у Шпира въ гостяхъ, бушевалъ и нарывался на драку. Шпиръ велѣлъ запречь лошадей, связать бушевавшаго и отправить его домой. Связанный помѣщикъ, когда пришелъ въ себя, считая себя оскорбленнымъ, грозилъ Шпиру отомстить и вызвать его на дуэль. Такимъ образомъ завязалась ссора на всегда.

Шпиръ никогда не сердился, но шутя написалъ ему въ юмористическо-сатирическомъ тонѣ на славянскомъ языкѣ акафистъ, въ которомъ кто только читалъ, узнавалъ виновника. Въ акафистѣ значилось „радуйся осле преподобный“. Сверхъ того сочинилъ пѣсню, которую бывало мы пѣли хоромъ, въ которомъ участвовалъ и самъ Шпиръ, поя съ увлеченіемъ. Изъ этой длинной пѣсни я помню только два куплета:

Ужъ какъ ѣхалъ Мирмидонъ,
Свѣта утѣшенье,
Ѣхалъ прямо въ желтый домъ,
Чая исцѣленья.
Ай люли, ай люли!
Мирмидоша, не шали!

***

Онъ на лебедѣ верхомъ
Въ родѣ Еруслана,
А громада вся слѣдомъ
Провожала пана
Ай люли и т. д.

Въ какомъ-то энциклопедическомъ словарѣ Шпиръ нашелъ, что Мирмидонъ былъ пустой, но надменный человѣкъ. Лебедь былъ любимый конь, на которомъ ѣздилъ Мирмидонъ. О жизни Шпира заграницей обѣщаетъ написать его дочь (живущая въ Штутгартѣ) Елена Африкановна Шпиръ, приводящая въ порядокъ посмертныя сочиненія своего отца.

Сообщ. **Н. А. Пулевичъ.**

БЕРЕСТОВЕЦКІЙ ВУЛКАНЪ.

(Изъ полѣсскихъ экскурсій).

Въ памятникахъ прошедшаго, въ народныхъ легендахъ и преданіяхъ, въ старинныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ и пѣсняхъ, въ самомъ складѣ народнаго характера болѣе или менѣе ярко отражается природа окружающей его страны. Для пониманія этихъ остатковъ минувшаго и всей исторіи народа необходимо знакомство съ природой его края, которая кладетъ неизгладимый отпечатокъ на его эпическую и историческую жизнь.

Если душѣ вашей, усталой отъ сутолоки повседневной жизни съ ея мелочными интересами и постоянной борьбой, захочется на время отрѣшиться отъ житейскаго шума и отдохнуть въ мірѣ абсолютнаго покоя и тишины; если притомъ вы не чужды поэзіи и жажды чистаго знанія, если въ сердцѣ вашемъ найдется искра любви къ родному вашему краю, къ его прошлой исторіи, къ его своеобразной и могучей природѣ,— довѣрьтесь мнѣ, читатель, и вмѣсто поѣздки въ какой нибудь изъ модныхъ и шумныхъ иностранныхъ курортовъ (слишкомъ близко знакомыхъ нашимъ туристамъ) я поведу васъ въ нѣдра нашего Полѣсья. Пусть не пугаетъ васъ это названіе, ничего, къ сожалѣнію, не говорящее воображенію русскихъ людей, благодаря незнакомству ихъ со своей родиной: такъ называемыя полѣсскія дебри вовсе не такъ страшны и мертвенно безмолвны, какъ это привыкли у насъ думать. Стоитъ лишь отнестись къ нимъ съ любовью и участіемъ, посвятить имъ нѣкоторую долю вниманія,— и эти молчаливыя дебри разскажутъ вамъ и поэтическія ле-

генды про древне-русскихъ богатырей, которымъ искони принадлежалъ этотъ край, и скорбную повѣсть о мрачномъ времени чужеземныхъ нашествій, полную драматическихъ моментовъ, трогательныхъ эпизодовъ и возвышенныхъ подвиговъ; въ говорливомъ журчаніи лѣсныхъ ручейковъ, невидимо струящихъ свои чистыя воды подъ сплошнымъ навѣсомъ кустарника, въ величавомъ шелестѣ листвы неизмѣримыхъ лѣсовъ, подобномъ могучему прибою океана, внимательное ухо различитъ давно угасшіе и позабытые напѣвы народныхъ пѣсенъ, рыданія, мольбы и стоны погибавшихъ въ вѣковой борьбѣ съ чужеземцами богатырей, и бодрящіе побѣдные мотивы, и мирныя пѣсни упорнаго труда. Здѣсь, въ этихъ забытыхъ „дебряхъ", вы найдете древніе земляные валы и городища, эти неприступныя крѣпости обитавшихъ здѣсь издревле славянскихъ народовъ, и гордо поднимающіе къ небу свои вершины таинственные курганы, эти еще неразгаданные могильные памятники невѣдомыхъ племенъ далекаго прошлаго, быть можетъ, современные египетскимъ пирамидамъ и шотландскимъ каменнымъ дольменамъ; мѣстами, на южной окраинѣ Полѣсья, высятся старинные замки съ полуразвалившимися, поросшими мхомъ и дерномъ, башнями и бойницами, съ обширными мрачными подземельями и глубокими рвами, невольно говорящіе воображенію о рыцарскомъ бытѣ, о закованныхъ въ латы воинахъ и ихъ вѣрныхъ оруженосцахъ, о томившихся за крѣпкими стѣнами плѣнныхъ красавицахъ,—и въ этихъ живописныхъ средневѣковыхъ сооруженіяхъ вы съ удивленіемъ узнаете памятники жизни древнихъ русскихъ князей, нѣкогда могущественныхъ владѣльцевъ обширныхъ вотчинъ, наслѣдниковъ Владиміра Святого. Вся земля здѣсь, повидимому столь пустынная и малолюдная, полита русской кровью, и остатки сѣдой старины вѣщаютъ на каждомъ шагу о многовѣковой упорной борьбѣ славянъ съ дикими ордами восточныхъ кочевниковъ и съ западными носителями чужой цивилизаціи, огнемъ и мечемъ насаждавшими ее среди коренного русскаго населенія... Но и помимо этихъ историческихъ памятниковъ, къ сожалѣнію, понемногу уничтожаемыхъ рукою неумолимаго времени, сама природа нашего Кіевскаго и Волынскаго Полѣсья

представляетъ столько своеобразныхъ красотъ и замѣчательныхъ явленій, что можетъ дать на многіе годы обильный матеріалъ для работы художниковъ, поэтовъ и ученыхъ. Съ однимъ изъ интереснѣйшихъ уголковъ этой мѣстности я и хочу познакомить васъ въ настоящемъ очеркѣ.

Извѣстно-ли кому нибудь изъ интеллигентныхъ русскихъ людей, даже живущихъ въ юго-западномъ краѣ, что здѣсь у насъ въ ровенскомъ уѣздѣ волынской губерніи, въ глубинѣ Полѣсья, находится настоящій древній вулканъ, почти единственный на всей обширной территоріи южной Россіи? Не заслуживаетъ-ли это замѣчательное и рѣдкое у насъ явленіе природы хоть нѣкотораго знакомства съ нимъ, хотя-бы самаго краткаго и и поверхностнаго описанія?

Чтобы добраться до этого въ высшей степени интереснаго мѣста изъ Кіева, приходится ввѣрить свою жизнь юго-западной желѣзной дорогѣ. Вступая въ предѣлы волынской губерніи, въ новоградволынскомъ уѣздѣ рельсовый путь вьется по территоріи, еще въ историческое время составлявшей нераздѣльную часть Полѣсья и лишь недавно оголенной отъ вѣковыхъ лѣсовъ, отъ которыхъ только мѣстами уцѣлѣли болѣе или менѣе обширные острова. Чѣмъ далѣе подвигаешься къ сѣверу, тѣмъ чаще встрѣчаются эти острова, тѣмъ уже раздѣляющія ихъ полосы воздѣланныхъ полей, тѣмъ явственнѣе проявляется первоначальный характеръ мѣстности. Въ г. Ровно вы покидаете скучный вагонъ и въ повозкѣ направляетесь прямо на сѣверъ. Только при выѣздѣ изъ Ровно, въ долинѣ рѣчки Устье (притокъ Горыни) попадаются мѣстами незначительныя обнаженія бѣлаго мѣла, прикрытаго не толстымъ слоемъ (сажени въ 2) желтоватаго суглинка (лесса); поверхность мѣла очень неровная и обнаруживаетъ слѣды весьма древняго размыва. Далѣе дорога постепенно поднимается на возвышенность, обнаженія исчезаютъ и тянется однообразная, слабохолмистая равнина. Проѣхавъ с. Шпановъ (извѣстное своимъ образцовымъ рыбнымъ хозяйствомъ) и с. Кустинъ, вы встрѣчаете область глубокихъ сыпучихъ песковъ, допускающихъ ѣзду только шагомъ и неоспоримо свидѣтельствующихъ о вырубленныхъ лѣсахъ, которые нѣкогда одѣвали собою эту без-

плодную почву. Широкая почтовая дорога, окаймленная тощими посѣвами, представляетъ собою вѣрную картину песчаной пустыни; она вся покрыта волнообразными песчаными холмиками, напоминающими въ миніатюрѣ дюны и барханы; глазамъ больно отъ рѣзкаго бѣлаго цвѣта дороги, а вѣтеръ взметаетъ цѣлыя тучи тончайшей кварцевой пыли, засыпая ею окрестныя поля, поросшія рѣдкимъ и невысокимъ хлѣбомъ. Глубокая колея, оставленная проѣхавшей раньше васъ телегой, прихотливо извивается вправо и влѣво по широкому тракту въ поискахъ за болѣе твердымъ грунтомъ; колеса вашей повозки, взрывая песокъ производятъ непрерывный своеобразный шумъ, напоминающій отдаленный плескъ волнъ, и вамъ чудится, что вы плывете въ челнокѣ по песчаному морю; иллюзіи этой содѣйствуетъ и постоянное, почти ритмическое ырянье повозки изъ ухаба въ ухабъ, съ бугра на бугоръ.

На горизонтѣ синѣетъ зубчатая полоса сосноваго бора, который все болѣе и болѣе приближается и, наконецъ, охватываетъ дорогу съ обѣихъ сторонъ. Проѣхавъ довольно большое мѣстечко Александрію, вы вступаете уже въ настоящее Полѣсье. На десятки верстъ тянется почти совершенно ровная лѣсная мѣстность. По обѣимъ сторонамъ почтоваго тракта, красивой аллеей уходящаго вдаль, густо тѣснится разнообразная поросль лиственныхъ породъ, одѣтыхъ ярко-зеленой листвой, а изъ-за ея непроглядной чащи высится темный сосновый боръ. Иногда впереди свѣтлѣетъ и вы ждете, что здѣсь лѣсъ оканчивается, но тамъ оказывается лишь небольшая лѣсная поляна, покрытая ковромъ цвѣтовъ, или распаханная подъ посѣвы. Немолчный шумъ птичьихъ голосовъ царитъ на опушкѣ и сливается съ тихимъ звукомъ взрываемаго колесами песка. Вступая въ лѣсъ, дорога расползается отдѣльными колеями по его окраинѣ, гдѣ менѣе глубокій песокъ даетъ отдыхъ вспотѣвшимъ лошадямъ. Здѣсь вы пробираетесь подчасъ по узенькой тропинкѣ, подъ сплошнымъ сводомъ деревьевъ, задѣвающихъ васъ своими вѣтвями, и должны смотрѣть въ-оба, ежеминутно наклоняя голову, чтобы не потерять шляпу или не получить серьезнаго увѣчья отъ этихъ цѣпкихъ лѣсныхъ рукъ, простираемыхъ

на встрѣчу путникамъ... Мѣстами, вправо и влѣво отъ главной ленты дороги, вдругъ обнаруживается топкое болото, покрытое мхомъ и заросшее кустами, съ небольшими „окнами“ темной воды. Тутъ всѣ боковыя колеи сливаются съ трактомъ, дорога съуживается и оказывается обильно вымощенной хворостомъ и валежникомъ, которые даютъ о себѣ знать довольно непріятными толчками телеги...

Въ лѣсной глуши иногда вниманіе ваше вдругъ привлекаетъ хорошенькій домикъ не русскаго типа, крытый тесомъ и и окруженный небольшимъ огородомъ; вблизи, на выкорчеванной отъ лѣса полянѣ, находится обыкновенно небольшое поле, засѣянное хлѣбомъ или занятое хмѣлевой плантаціей съ густымъ лѣсомъ „тычекъ“ (жердей). Это разбросанныя въ лѣсу фермы нѣмцевъ и чеховъ-колонистовъ, которые иногда и сами попадаются на дорогѣ въ своеобразныхъ нѣмецкихъ курткахъ и шляпахъ, рѣзко отличающихся отъ одежды нашихъ крестьянъ. Далѣе лѣсъ вдругъ широко разступается, и предъ вами глухая лѣсная деревушка Глажева, въ которой, по словамъ встрѣчной крестьянки, живутъ уже „люде“ (т. е. не колонисты, а малороссы). Широкая песчаная улица обставлена съ обѣихъ сторонъ бѣдными избушками. На ихъ соломенныхъ крышахъ кое-гдѣ лѣпятся крупныя гнѣзда аистовъ и мѣстами стоятъ въ задумчивой позѣ, на одной ногѣ, эти большія птицы, сожительство которыхъ съ человѣкомъ, по народному повѣрью, приноситъ счастье. На пустынной площади, окружающей колодезь съ скрипучимъ „журавлемъ“, копаютъ въ неглубокихъ ямахъ бѣлый мѣлъ для побѣлки избъ. Далѣе лѣсъ вновь охватываетъ дорогу, но чешскія и нѣмецкія фермы встрѣчаются все чаще, сливаясь въ длинные, растянутые по пути поселки. Наконецъ, послѣ утомительной и однообразной лѣсной дороги на протяженіи 35 верстъ отъ г. Ровно, вы пріѣзжаете въ маленькую деревню Берестовецъ, расположенную на берегу ничтожной рѣчки Кропивницы (притокъ Горыни),—и вы у вулкана.

Напрасно взоръ вашъ сталъ-бы искать величественной конусообразной горы съ традиціоннымъ кратеромъ и потоками лавы, напрасно стали-бы вы разспрашивать о ней мѣстныхъ жи-

телей,—ничего подобнаго здѣсь никто не знаетъ. Вокругъ та же знакомая ровная мѣстность, покрытая тѣмъ-же непроглядным вѣковымъ боромъ. У крестьянъ не сохранилось никакихъ легендъ или преданій. На пологихъ и невысокихъ берегахъ рѣчки разбросаны обыкновенныя деревенскія избы; подъ лѣсомъ тянутся болѣе богатыя усадьбы колонистовъ, окруженныя обширными огородами. Обычная мирная картина, несовмѣстимая съ ужасами вулканическихъ изверженій! Но если вы разспросите дорогу въ „карръеры" (каменоломни), находящіяся верстахъ въ двухъ за деревней, въ глухомъ лѣсу, и осмотрите ихъ,—васъ ожидаетъ величественное и поразительное зрѣлище.

Находясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменоломень, не подозрѣваешь ихъ существованія, такъ какъ онѣ ничѣмъ не выдаются изъ окружающей ихъ лѣсной равнины. Только подойдя къ самому краю каменоломни, вы видите обширную и глубокую яму, дно которой усѣяно щебнемъ и мусоромъ; мѣстами крупный битый камень сложенъ въ правильныя параллелепипедальныя гряды („сажени" или „стосы"). Спустившись по узкой обрывистой тропинкѣ въ такую каменоломню, вы замѣчаете вдругъ, что стѣны ея сложены изъ громадныхъ каменныхъ колоннъ или столбовъ, вышиною до 4 и болѣе саженъ, имѣющихъ правильную многогранную (чаще всего шестигранную) форму. Столбы эти стоятъ почти повсюду вертикально и прикрыты сверху нетолстымъ слоемъ бурой глины, поверхъ которой лежитъ уже песчаная лѣсная почва; въ діаметрѣ они достигаютъ до аршина и болѣе. Горизонтальныя и различнымъ образомъ наклоненныя къ горизонту трещины разбиваютъ колонны на отдѣльные члены, стоящіе другъ на другѣ; иногда эти трещины имѣютъ форму кривыхъ поверхностей, вогнутыхъ книзу или выпуклыхъ кверху, и тогда столбы раздѣлены на множество короткихъ чашеобразныхъ членовъ, какъ-бы вставленныхъ другъ въ друга. Кромѣ шестигранныхъ, попадаются изрѣдка столбы и трехгранные (большей частью незначительныхъ размѣровъ) и пятигранные. Какъ лѣсъ громадныхъ правильныхъ кристалловъ, какъ молчаливое войско заколдованныхъ каменныхъ великановъ, высится предъ вами эта величественная природная колоннада,—и не-

вольно возникаетъ вопросъ, какія невѣдомыя чары погребли здѣсь подъ землею эти стройные ряды безчисленныхъ колоннъ, какія могучія силы создали и выдвинули ихъ на удивленіе человѣку.

Посѣтивъ цѣлый рядъ сосѣднихъ каменоломень, вы убѣждаетесь, что вся почва этой мѣстности сложена изъ такихъ-же красивыхъ правильныхъ столбовъ, идущихъ вглубь на неизвѣданное разстояніе. Это одна сплошная каменная скала, разбитая на вертикальныя колонны, верхніе членики которыхъ обыкновенно округлены и какъ-бы увѣнчаны шарообразными головами, погруженными въ краснобурую глину; надъ ними лежитъ ровный слой песчаной почвы, въ которой укореняются вѣковыя сосны. Кое-гдѣ на свѣже-обнаженной поверхности скалы видѣнъ косой срѣзъ, на которомъ отчетливо выражена правильная многоугольная форма колоннъ; это какъ-бы естественный каменный паркетъ колоссальныхъ размѣровъ. Мѣстами на днѣ каменоломни лежатъ свалившіеся (или сваленные людьми) отдѣльные столбы весьма почтенныхъ размѣровъ. Всѣ почти колонны имѣютъ приблизительно одинаковую величину и однообразный красновато-сѣрый цвѣтъ съ поверхности; но если вы попробуете отколоть кусокъ камня хорошимъ стальнымъ молоткомъ, то вы убѣдитесь, что этотъ чрезвычайно крѣпкій камень, звенящій при ударѣ, какъ металлъ, имѣетъ внутри красивый и густой матово-черный цвѣтъ, а отдѣльные куски его очень тяжелы (имѣютъ значительный удѣльный вѣсъ).

Это и есть давно извѣстный въ тѣсномъ кружкѣ спеціалистовъ—геологовъ, но совершенно невѣдомый публикѣ *берестовецкій вулканъ.* (Онъ былъ открытъ случайно лѣтъ тридцать тому назадъ г. Тышецкимъ, который призналъ составляющую его каменную породу за базальтъ и предположилъ, что изверженіе ея произошло въ мѣловую эпоху [1]). Впослѣдствіи эта по-

---

[1]) *Тышецкій.* Нѣсколько замѣчаній о базальтѣ Волынской губерніи.—Кіев. Университ. Извѣстія 1862 г., № 8, стр. 145.

рода была изучаема Блюмелемъ [1]), проф. Карпинскимъ [2]), Пфаффіусомъ [3]), Лагоріо [4]) и Морозевичемъ [5]).

Вы удивлены, не правда-ли? Вы спрашиваете: гдѣ-же тутъ вулканъ? что общаго имѣютъ Берестовецкія каменоломни съ грандіознымъ явленіемъ вулканическихъ изверженій, знакомыхъ вамъ по описаніямъ? гдѣ-же здѣсь конусообразная гора съ кратеромъ, огненный столбъ, облака дыма, потоки расплавленной лавы, громовые подземные удары, потрясающіе землю? Миниуточку терпѣнія—и дѣло разъяснится.

Дѣло въ томъ, что обычное представленіе о вулканахъ, какъ объ „огнедышащихъ" горахъ, давно признано слишкомъ узкимъ въ геологической наукѣ. Начать съ того, что представленіе это не совмѣстимо съ закономъ вѣчнаго измѣненія, царящимъ повсюду въ природѣ, и пріурочено лишь къ ограниченному періоду во времени. Вулканы, какъ и все въ мірѣ, имѣютъ свою исторію, свои эпохи расцвѣта и упадка, созиданія и разрушенія, дѣятельной жизни — и смерти. Представимъ себѣ типическій вулканъ, прекратившій надолго свою дѣятельность или, какъ привыкли говорить, „потухшій". Какая судьба его ждетъ? Развѣ неумолимые и неустающіе дѣятели разрушенія—атмосферная вода и воздухъ—пощадятъ это созданіе подземнаго бога огня? День и ночь, изо дня въ день, изъ года въ годъ будутъ они различными способами разрушать и разъѣдать вулканическую гору и чрезъ столѣтія или тысячелѣтія сдѣлаютъ ее неузнаваемой, уничтожатъ ея конусообразную форму, ея воронкообразный кратеръ, отнимутъ у нея всѣ обычные внѣшніе ея аттрибуты, превратятъ ее въ простой холмъ или бугоръ, а то и сравняютъ ее съ окружающей равниной.

---

[1]) *В. Блюмель.* О долеритѣ полтавской и гранитѣ волынской губерніи. Ibid. 1867 г., № 5 (съ табл. рис.).

[2]) *А. Карпинскій.* Анамезитъ въ Европейской Россіи.—Научно-историч. Сборникъ Горнаго Института 1873 г. стр. 1 (съ рис.).

[3]) *Pfaffius.* Opis tak zwanego anamezytu wołyńskiego.—Pamiętnik Fizyiograficzny 1886 r., t. VI, (съ табл. и картой).

[4]) *Lagorio.* Ueber die Natur der Glasbasis etc.—Tschermak's Miner. und Petrogr. Mittheilungen, 1877 г., VIII, p. 483—485.

[5]) *І. Морозевичъ.* Къ петрографіи Волыни.—Варшава. 1893, стр. 167—168.

и тогда только по продуктамъ древняго изверженія, по каменнымъ массамъ, изъ которыхъ сложенъ этотъ остатокъ погибшаго вулкана, геологи догадаются о его печальной и превратной судьбѣ.

Но обычное представленіе о вулканахъ, какъ объ „огнедышащихъ горахъ", грѣшитъ еще и въ другомъ отношеніи,—оно оказывается слишкомъ ограниченнымъ не только во времени, но и въ пространствѣ. Даже и въ настоящее время не повсюду дѣйствующіе вулканы подходятъ къ обычному представленію. Кое-гдѣ сохранились еще донынѣ послѣдніе представители другого, болѣе древняго типа вулкановъ—такъ называемыхъ не-слоистыхъ или массивныхъ вулкановъ, которые извергаютъ только одну лаву, лишенную водяного пара и газовъ. Они въ настоящее время очень рѣдки (примѣръ такого нынѣ-дѣйствующаго вулкана—Мауна-Лоа на островѣ Гавайи), имѣютъ куполообразную форму, сложены изъ сплошной каменистой лавы (безъ слоевъ шлака и пепла) и лишены настоящихъ кратеровъ, на мѣстѣ которыхъ находится вѣчно-кипящее озеро расплавленной лавы. Изверженіе состоитъ въ переполненіи этого озера, въ изліяніи части лавы по склонамъ горы въ видѣ потоковъ, которые расплываются на болѣе или менѣе обширное пространство и затѣмъ отвердѣваютъ; отсутствіе въ лавѣ газовъ и паровъ влечетъ за собою отсутствіе тѣхъ именно продуктовъ распыленія лавы (вулканическаго пепла и песка), изъ которыхъ насыпается конусъ обыкновеннаго типа слоистыхъ вулкановъ. Причины происхожденія вулкановъ того и другого типа, слоистыхъ и массивныхъ, излагать здѣсь было-бы неумѣстно; интересующихся этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ спеціальной литературѣ [1]). Замѣтимъ только, что въ прежнія геологическія эпохи, задолго до начала человѣческой исторіи, массивные вулканы являлись преобладающими и оставили послѣ себя много остатковъ—„руинъ вулкановъ", неоспоримо свидѣтельствующихъ, что вулканы во множествѣ существовали въ такихъ мѣстахъ земли,

---

[1]) См. „Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей", 1893 г., т. XIII, стр. 165—208.

гдѣ ихъ давно уже нѣтъ. Если извергаемая лава была очень густой, вязкой, то она, выступивъ на поверхность, застывала въ видѣ купола; таковы, напр., купола на островѣ Бурбонъ, Пюи-де-Саркуи въ Оверни, базальтовый куполъ Шейтберга у Ремагена, Цигенбергъ у Габихтсвальда, фонолитовый куполъ Шлоссберга у Теплица, Шладниберга у Билина, Дуннау въ Богеміи, многіе купола въ Невадѣ, Бельмонтѣ, такъ наз. лакколиты Пятигорскаго округа на Кавказѣ, на южномъ склонѣ хребта Турайгыръ въ Тянь-Шанѣ, въ горахъ Генри-Маунтенъ въ штатѣ Ута и др.; жидкія лавы разливаются въ видѣ болѣе или менѣе толстаго слоя (отъ 10 до 1000 метровъ) на значительныя пространства и, отвердѣвая, образуютъ такъ наз. „покровы"; таковы, напр., знаменитые потоки и покровы лавы на островѣ св. Павла, базальтовые покровы Фарерскихъ острововъ (до 1000 метровъ толщины), громадный покровъ плоскогорья Деканъ въ Индіи (до 1000 километровъ въ діаметрѣ и до 40000 квадр. верстъ площадью), покровы на сѣверо-западной окраинѣ Сѣверной Америки, покровы у Мейсснера, въ Исландіи (въ системѣ Геклы), замѣчательная область вулканическихъ руинъ Падуа въ Евганейскихъ горахъ, базальты Вероны и Виченцы, трахиты Босфора и Дарданеллъ, плато Оверни, потухшіе вулканы Эйфеля, Богеміи (на южной окраинѣ Эрцгебриге и Ризенгебирге), базальтовыя залежи Нортумберланда, нѣкоторые гранитные штоки Норвегіи (у Христіаніи), Вогезовъ, Нормандіи, Корнваллиса, Шотландіи, острова Эльбы и многіе друг. Когда „потухаетъ" массивный вулканъ, центральное озеро расплавленной лавы, отвердѣвъ, сливается въ одну сплошную массу съ его потоками и покровами; неутомимые атмосферные агенты (вода и воздухъ) химически и механически разрушаютъ эту массу и втеченіе тысячелѣтій могутъ превратить цѣлыя горы въ равнину; впослѣдствіи на поверхность погибшаго вулкана могутъ быть отложены новѣйшія осадочныя образованія (напр., песокъ, глина, мѣлъ и т. п.),—и нѣкогда огненный очагъ изверженія будетъ погребенъ и скрытъ подъ почвой вновь образовавшейся равнины. Такова была судьба и Берестовецкаго вулкана, который, быть можетъ, нѣкогда былъ и очень высокой горою или, по крайней мѣрѣ,

былъ тѣсно связанъ съ массивнымъ вулканомъ. Трудно сказать, гдѣ находился самый центръ изверженія—на мѣстѣ нынѣшнихъ Берестовецкихъ каменоломенъ или вблизи, немного далѣе къ сѣверу (послѣднее предположеніе, какъ увидимъ ниже, болѣе вѣроятно); одно лишь несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ изверженной массой, принадлежащей (судя по совершенному отсутствію рыхлыхъ вулканическихъ продуктовъ) такъ наз. массивному древнему вулкану. Берестовецкая подземная скала—или периферическая часть древняго массивнаго купола, или вылившійся изъ него „покровъ".

Но позвольте, скажетъ читатель, почему-же все-таки принимать Берестовецкую подземную скалу непремѣнно за потухшій массивный вулканъ или изверженный „покровъ"? Что такія „руины" древнихъ вулкановъ бываютъ на свѣтѣ—съ этимъ можно согласиться; но мало-ли камня въ землѣ—не всякая-же скала принимается за бывшій центръ изверженія, не всякой твердой каменной породѣ приписывается непремѣнно огненное происхожденіе.

Это совершенно вѣрно и за примѣрами ходить недалеко: въ почвѣ нашего края есть много каменныхъ породъ, ничего общаго съ вулканами не имѣющихъ и не имѣвшихъ (наприм., наши кіевскіе и черниговскіе жерновые песчаники, страшно-твердые овручскіе и подольскіе кварциты, подольскіе и волынскіе твердые известняки и т. п.). Такія породы—осадочнаго происхожденія, онѣ осѣли изъ морей въ рыхломъ, пластическомъ состояніи и лишь впослѣдствіи сцементировались и отвердѣли благодаря работѣ подземныхъ водъ; это доказывается и способомъ ихъ залеганія (въ видѣ правильныхъ пластовъ), и составомъ ихъ матеріала, свойственнаго морской водѣ, и, наконецъ, присутствіемъ въ нихъ мѣстами остатковъ морскихъ животныхъ. Этихъ важныхъ признаковъ воднаго происхожденія нѣтъ въ Берестовецкой породѣ. Въ ней нѣтъ и слѣда слоистости, сортировки водою, пластового залеганія и окаменѣлостей, но за то есть несомнѣнные признаки породъ изверженныхъ—это распаденіе на столбы и своеобразный, весьма характерный минералогическій составъ.

Способность распадаться на многогранныя колонны или такъ наз. „столбчатая отдѣльность" есть свойство, исключительно присущее изверженнымъ массамъ [1]). Если расплавленная лава охлаждается, то на ней съ поверхности быстро образуется твердая кора, а охлажденіе внутренней части идетъ весьма медленно, иногда десятилѣтіями; наружная кора уже вполнѣ остыла, когда внутри происходитъ охлажденіе и уменьшеніе объема; получается внутреннее натяженіе массы, которое нарушаетъ ея цѣлость, вызываетъ разрывы или трещины, проникающія съ дальнѣйшимъ ходомъ охлажденія все глубже и раздѣляющія всю верхнюю массу лавы на многогранные столбы. Опуская многія интересныя подробности этого хорошо изученнаго явленія, замѣтимъ только, что получающіеся столбы тѣмъ крупнѣе, чѣмъ больше размѣры охлаждающейся массы и чѣмъ быстрѣе идетъ охлажденіе (лавы, застрявшія глубоко подъ землею въ видѣ жилъ или лакколитовъ, охлаждаются втеченіе тысячелѣтій и потому лишены столбчатой отдѣльности); затѣмъ, столбы всегда перпендикулярны къ поверхности, что даетъ возможность возстановить видъ послѣдней даже для сильно размытыхъ массъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что *Берестовецкая подземная скала* скорѣе всего представляетъ *изверженный „покровъ"*, а не руину куполообразнаго вулкана (который былъ гдѣ-то вблизи), такъ какъ всѣ ея колонны вертикальны, слѣдовательно первоначальная поверхность потока лавы была горизонтальна (въ застывшихъ куполахъ столбы располагаются лучеобразно, сходясь къ центру); сверхъ того, наша лава *была извержена на поверхность земли*, представляетъ быстро охлаждавшійся *поверхностный покровъ*, а не подземное изліяніе (такъ наз.

---

[1]) Къ классическимъ примѣрамъ изверженныхъ древнихъ лавъ со столбчатой отдѣльностью принадлежатъ: такъ наз. „плотина гигантовъ" на Антримскомъ берегу въ Ирландіи (базальтъ), Гумбольдтова скала у Аусcига въ Богеміи, трахиты Моту-Роана въ Новой Зеландіи, базальты Морвана въ Шотландіи, знаменитая Фингалова пещера на островѣ Стаффа въ Шотландіи, базальтъ Шейтберга, андезиты Казбека на Кавказѣ и др. Во многихъ мѣстахъ эта особенность скалъ послужила источникомъ народныхъ сказаній и легендъ; у жителей Берестовца, насколько можно судить по разспросамъ, не сохранилось подобныхъ легендъ, если онѣ когда-либо и существовали.

лакколитъ). Наконецъ, судя по отсутствію сплавленной верхней коры, надо думать, что въ *Берестовицъ изверженная масса сохранилась не вся*, что часть ея на нѣкоторую глубину отъ поверхности была разрушена и смыта; но такому уничтоженію подверглась, по всей вѣроятности, не слишкомъ большая часть изверженнаго покрова, такъ какъ поліэдрическіе столбы въ охлаждающихся лавахъ обыкновенно уменьшаются и постепенно исчезаютъ съ глубиною, а въ Берестовецкихъ каменоломняхъ столбы идутъ вглубь на неизвѣданное еще разстояніе.

Таковы доказательства изверженнаго происхожденія Берестовецкаго камня, почерпаемыя изъ изученія его столбчатой отдѣльности. Не менѣе убѣдительныя доказательства въ пользу такого заключенія даетъ и изслѣдованіе минералогическаго состава этой каменной породы. Не вдаваясь и здѣсь въ детали, интересныя только для спеціалистовъ, замѣтимъ, что микроскопическія и химическія изслѣдованія Блюмеля, Карпинскаго, Лагоріо, Пфаффіуса и Морозевича обнаружили въ Берестовецкой породѣ присутствіе полевыхъ шпатовъ (олигоклаза, андезина и лабрадора), авгита, оливина, магнитнаго желѣзняка, титанистаго желѣзняка, стекловатой массы и—что весьма замѣчательно — металлическаго желѣза въ видѣ чрезвычайно мелкихъ вкрапленій. Всѣ эти минералы имѣютъ микроскопическую величину и обладаютъ особенностями, характерными для составныхъ частей изверженныхъ породъ (стекловатая масса встрѣчается исключительно въ послѣднихъ); самая комбинація этихъ минераловъ и микроскопическое строеніе породы заставляютъ причислить ее къ продуктамъ изверженія, къ древнимъ лавамъ, именно къ группѣ базальтовыхъ породъ (къ анамезиту или авгитовому порфириту), а присутствіе металлическаго желѣза (впервые здѣсь найденнаго въ русскихъ породахъ и вообще крайне рѣдкаго въ земныхъ камняхъ, но характернаго для падающихъ изъ небеснаго пространства метеоритовъ) указываетъ, что Берестовецкая лава была извержена съ большой глубины.

Такимъ образомъ, путемъ кропотливаго и детальнаго изученія удалось разгадать тайну Берестовецкой каменной колон-

нады, погребенной подъ почвою вѣкового лѣса, удалось заставить молчаливые камни заговорить о своемъ происхожденіи. Подобно тому, какъ археологъ воскрешаетъ особенности быта племенъ, угасшихъ еще на зарѣ человѣческой исторіи, по каменнымъ сооруженіямъ, курганамъ, кремневымъ орудіямъ, остаткамъ керамическаго искусства и проч., такъ и геологу внятно говорятъ о давно-минувшихъ событіяхъ, о происходившихъ за много тысячелѣтій до насъ явленіяхъ природы—мертвые камни, бывшіе свидѣтелями или непосредственными участниками этихъ событій и явленій.

Но тайна разгадана еще далеко не вполнѣ,—окаменѣвшіе свидѣтели изверженія еще не совсѣмъ высказались. Спрашивается, когда именно произошло изверженіе анамезитовой лавы на берегахъ Кропивницы?

Хронологическія данныя, которыхъ можно требовать въ данномъ случаѣ, по необходимости не могутъ быть выражены въ точныхъ цифрахъ. Какъ археологъ въ своихъ изысканіяхъ о доисторическихъ событіяхъ принужденъ довольствоваться указаніемъ лишь эпохи, которая могла тянуться втеченіе тысячелѣтій (напр., палеолитическій, неолитическій, бронзовый періодъ и т. п.), такъ и геологи ограничиваются опредѣленіемъ принадлежности даннаго явленія къ той или другой геологической эрѣ или ея подраздѣленіямъ (періоду, эпохѣ). По изслѣдованіямъ Карпинскаго, изверженіе Берестовецкаго анамезита произошло въ мѣловой періодъ и, вѣроятнѣе всего, въ верхнемѣловую эпоху. Такое заключеніе о геологическомъ возрастѣ этой породы основывается на слѣдующихъ данныхъ. Въ каменоломняхъ сосѣдняго села Злазни поверхъ анамезитовой скалы лежитъ въ ненарушенномъ, нормальномъ положеніи бѣлый мѣлъ, содержащій окаменѣлости верхнемѣловой эпохи и представляющій собою осадокъ глубокаго моря. Въ мѣстѣ своего соприкосновенія съ анамезитомъ этотъ мѣлъ не обнаруживаетъ слѣдовъ вліянія раскаленной массы (такое вліяніе изверженныхъ породъ на другія породы выражается всегда очень рѣзко въ видѣ такъ наз. контактныхъ явленій—сплавленія, обжиганія, остеклованія, превращенія въ мраморъ, образованія новыхъ характерныхъ для

контакта минераловъ и т. п.); слѣдов., осажденіе мѣла произошло уже послѣ окончательнаго остыванія анамезита и даже послѣ продолжительнаго пребыванія его подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, которые разрушили и снесли его поверхностную часть. Возстановленная исторія Берестовецкаго изверженія слагается, такимъ образомъ, изъ слѣдующихъ послѣдовательныхъ событій: въ началѣ верхнемѣловой эпохи, когда нынѣшняя Волынь представляла сушу, здѣсь произошло обильное изверженіе глубинной базальтовой лавы и очагъ этого изверженія находился невдалекѣ отъ Берестовца и Злазни; затѣмъ послѣдовало сравнительно быстрое охлажденіе излившагося покрова, сопровождавшееся образованіемъ коры на его поверхности и постепеннымъ распаденіемъ его внутренней части на поліэдрическіе столбы; далѣе вода и воздухъ разрушили и снесли какъ поверхностную застывшую кору лавы, такъ и часть образовавшейся колоннады; потомъ началось опусканіе суши, наступленіе моря и отложеніе здѣсь бѣлаго мѣла (того-же самаго, который отложился въ Глажевой, Ровно и южнѣе—въ волынской и подольской губерніяхъ); затѣмъ втеченіе всего третичнаго періода, продолжавшагося много тысячелѣтій, здѣсь снова была суша, а въ четверичный періодъ (именно, въ ледниковую эпоху) вся эта мѣстность была подъ громаднымъ скандинавскимъ ледникомъ; послѣ таянія послѣдняго отложились глины и пески, составляющіе теперь почву Полѣсья. Дремучія лѣсныя дебри выросли поверхъ бывшаго огненнаго потока базальтовой лавы еще въ началѣ доисторическаго (палеолитическаго) періода; образовалась рѣчка Кропивница, которая размыла верхнюю рыхлую почву и обнажила мѣстами анамезитъ, а проведеніе Кіево-Брестскаго шоссе и потомъ желѣзной дороги вызвало закладку здѣсь каменоломенъ.

Но почему-же на долю именно ровенскаго уѣзда выпало исключительное счастіе (или несчастіе, какъ хотите) пріютить у себя вулканъ, которыхъ нѣтъ почти нигдѣ на тысячи верстъ вокругъ въ необъятной равнинѣ Европейской Россіи?

На этотъ вопросъ намъ приходится по необходимости отвѣтить вкратцѣ, въ строго-догматическомъ тонѣ, отсылая за до-

казательствами къ спеціальнымъ сочиненіямъ[1]). Много лѣтъ терпѣливо трудились русскіе геологи надъ изученіемъ почвы южной Россіи. Они исходили ее вдоль и поперекъ, старательно и неутомимо посѣщали овраги, рѣчныя долины, глинища, колодцы, раскопки и каменоломни, наблюдали, измѣряли и записывали, тщательно собирали образцы горныхъ породъ и окаменѣлостей, возбуждая нерѣдко удивленіе непосвященныхъ,—подвергали эти образцы анализу химическому и микроскопическому, сравнивали ихъ съ русскими и иностранными образцами изъ всѣхъ частей свѣта и терпѣливо накопляли безчисленные научные факты. Факты эти зрѣли въ тишинѣ кабинетовъ и лабораторій и изъ нихъ, освѣщенныхъ геніемъ знанія, возникали свѣтлые образы, складывались грандіозныя картины, слишкомъ обширныя и необъятныя для матеріальнаго человѣческаго глаза, но вполнѣ доступныя умственному оку, способному охватить единымъ взглядомъ вглубь и вширь все пространство южной Россіи и все ея многовѣковое геологическое прошлое. Побѣждая, такимъ образомъ, пространство и время, проникая въ таинственную глубину земной коры и въ не менѣе загадочную глубь прошедшихъ тысячелѣтій, геологическая наука дала обильную пищу человѣческому уму, открыла такія явленія, воскресила такія минувшія событія, существованія которыхъ никто раньше не могъ и подозрѣвать. Изъ сопоставленія безчисленныхъ частныхъ наблюденій и фактовъ оказалось, что по направленію отъ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ полуострова Мангышлака за Каспійскимъ моремъ поперекъ Европейской Россіи до Сандомірскихъ горъ въ Польшѣ, проходитъ скрытая еще въ землѣ *зарождающаяся горная складка, сопровождаемая громадными сдвигами и глубокими трещинами въ земной корѣ*. Эта складка обнаруживается въ Ергеняхъ, Донецкомъ кряжѣ, въ полтавской

---

[1]) См. статьи проф. *А. П. Карпинскаго*: 1) Замѣчанія о характерѣ дислокаціи породъ въ южной половинѣ Европейской Россіи. Горный журналъ 1883 г. № 9; 2) Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. Записки Имп. Академіи Наукъ 1887, LV, прилож. № 8; 3) Общій характеръ колебаній земной коры въ предѣлахъ Европейской Россіи. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1894, № 1.

губерніи (с. Исачки—выходъ весьма древней изверженной породы), въ кіевской губерніи (каневскій уѣздъ—Трактеміровскія и Каневскія горы), въ волынской губерніи—въ Берестовцѣ—и сливается съ Сандомірскимъ кряжемъ. Въ Берестовцѣ и находилась несомнѣнно одна изъ крупныхъ и глубокихъ трещинъ земной коры, давшая выходъ изверженію анамезитовой лавы въ верхне-мѣловую эпоху. Застывшій массивъ анамезита закупорилъ собою эту трещину, которая со времени отложенія бѣлаго мѣла болѣе не открывалась. Кромѣ Берестовца и Злазни, анамезитъ нигдѣ болѣе не встрѣчается въ окрестной мѣстности; насколько далеко тянется подъ землею этотъ изверженный массивъ во всѣ стороны и гдѣ былъ самый очагъ изверженія—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, районъ распространенія его былъ невеликъ и, по Пфаффіусу, не переходилъ на западъ далѣе нынѣшней рѣки Горыни. Существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что продолженіе Берестовецкаго массива существовало (а, можетъ быть, сохранилось и донынѣ на глубинѣ) и къ югу отъ р. Кропивницы; такъ, острореберные (не обточенные, слѣдов. не принесенные водою) куски этой породы были находимы въ болѣе новыхъ отложеніяхъ (въ лессѣ) у с. Городокъ, близъ Ровно.

Берестовецкая порода разрабатывается гораздо меньше, чѣмъ она заслуживаетъ по своей несравненной крѣпости и превосходному матово-черному цвѣту. Техническое достоинство ея весьма велико. Предѣльное давленіе, которое выноситъ Берестовецкій анамезитъ, по опредѣленіямъ, произведеннымъ въ промышленномъ музеѣ въ Вѣнѣ, достигаетъ 2810 килогр. на 1 кв. сант. (для сравненія замѣтимъ, что венгерскіе трахиты выдерживаютъ нагрузку только въ 660 килогр., порфиры—отъ 1780 до 2006 килогр., а обыкновенные граниты—до 1600 килогр. на 1 кв. сант. поверхности). Порода наша выдерживаетъ безъ трещинъ удары съ силою до 0,647 килограмметра на 1 кубич. сант. и раздробляется только при ударахъ съ силою 1,062 килограмметра. Она годится во всѣхъ отношеніяхъ, какъ строительный камень высшаго сорта, но можетъ съ большимъ успѣхомъ употребляться также, какъ превосходный орнаментный матеріалъ, такъ какъ принимаетъ и хорошо сохраняетъ отличную поли-

ровку, прочно держится въ острыхъ тонкихъ краяхъ и очень красива въ отдѣлкѣ. Изъ нея можно дѣлать изящныя вещицы—прессъ-папье, вазы и проч., памятники, карнизы, мозаичные каменные полы и проч., а между тѣмъ до сихъ поръ этотъ анамезитъ идетъ только главнымъ образомъ на мостовыя, на быки для желѣзнодорожныхъ мостовъ и т. п. Громадное достоинство Берестовецкаго камня состоитъ въ томъ, что отдѣльныя глыбы (естественныя колонны) его имѣютъ совершенно сплошное, цѣльное строеніе, безъ всякихъ трещинъ и слоевъ, почему и годятся вполнѣ для всевозможныхъ подѣлокъ. Одна изъ такихъ природныхъ колоннъ, аршина $3^1/_2$ длины и 110 пудовъ вѣсомъ, находится нынѣ въ городскомъ скверѣ у Золотыхъ Воротъ въ Кіевѣ (пожертвована городу для будущаго „петрографическаго музея" управляющимъ Берестовецкимъ имѣніемъ, г. Г. О. Язвинскимъ), а другая колонна, вѣсомъ въ 60 пудовъ съ интересной кривой (чашеобразной) отдѣльностью, находится въ геологическомъ кабинетѣ нашего университета, гдѣ имѣется нѣсколько и меньшихъ образцовъ того-же анамезита.

Что касается до самыхъ каменоломенъ, то картина ихъ поразительна, особенно вблизи, и не поддается описанію. Надо самому видѣть эту сплошную природную подземную коллонаду, чтобы составить себѣ о ней вѣрное представленіе, надо погрузиться душой въ окружающую абсолютную тишину вѣкового бора, слиться съ окрестной мирной природой и сопоставить ее съ бывшими здѣсь въ давно минувшіе вѣка огненными катастрофами, молчаливымъ свидѣтелемъ которыхъ является этотъ лѣсъ правильныхъ столбовъ, чтобы оцѣнить своеобразную красоту и поэтическую прелесть этого никому почти невѣдомаго уголка нашего края, одного изъ интереснѣйшихъ мѣстъ Россіи, достойнаго вниманія любителей природы и туристовъ.

П. Тутковскій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.

(*Окончаніе* [1]).

Приложенія.

Два письма Н. П. Кондоиди, 1784 и 1785 г.г., о смерти Гр. А. Полетики и о его завѣщаніи.

1) Государь мой Василій Григорьевичъ [2])! Печальный долгъ исполняю я увѣдомленіемъ васъ, что всемогущему Богу угодно было кончить жизнь родителя вашего, а моего друга Григорья Андреевича. Онъ почувствовавъ, что силы тѣлесныя уже въ крайнее истощеніе приходятъ, исполнилъ долгъ христіанскій исповѣдію и причащеніемъ святымъ христовымъ тайнамъ; нѣсколько же дней потомъ скончалъся онъ, съ 26 на 27 число ноября мѣсяца, пополуночи въ первомъ часу. Того жъ мѣсяца 29 числа, предано тѣло его, съ подобающею честію, погребенію въ Александроневскомъ монастырѣ. Болѣзнь покойнаго хотя была весьма продолжительна и весьма тяжка, однако жъ онъ почти до послѣдняго конца былъ въ твердомъ умѣ и въ крѣпкой памяти. Болѣзнь сія, какъ вамъ уже, г—рь мой, извѣстно, послѣдовала отъ нарыва, которой сдѣлалъся у покойнаго на щекѣ и которой наконецъ принуждены были разрѣзать. Отъ сего сдѣлалась рана, которая гнила нѣсколько мѣсяцовъ сряду и къ которой по несчастію прикинулъся ракъ. Отъ сего нещастнаго обстоятельства должна была уже неминуемо послѣдовать смерть, ибо къ излѣченію отъ рака понынѣ еще никакихъ способовъ не найдено. Истинною же и прямою причиною болѣзни

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г., № 6.

[2]) Сынъ Гр. А. Полетики.

и самой смерти должно почитать полипа, которой, какъ вамъ и самимъ, г—рь мой, извѣстно, былъ у покойнаго въ носу и отъ котораго вышепомянутой нарывъ на щекѣ послѣдовалъ. За два мѣсяца передъ кончиною написалъ покойной родитель вашъ собственною своею рукою завѣщаніе свое, которое приказавъ переписать набѣло, потомъ подписалъ своеручно и печатью своею утвердилъ. Сіе завѣщаніе препроводилъ я теперь верхняго надворнаго суда во второй департаментъ для засвидѣтельствованія по законамъ. Какъ же скоро оно мнѣ отъ туда возвращено будетъ, перешлю я оное по самой порьвой почтѣ къ матушкѣ вашей Еленѣ Ивановнѣ. Сверхъ упоминаемаго здѣсь завѣщанія, оставилъ покойный родитель вашъ, на имя мое, полномочіе, въ третьемъ пунктѣ коего написано: дать знать въ Вильну, по моей смерти, и велеть ставшему сыну Василію ѣхать въ Юдиновъ, а другіе пускай остаютъся для продолженія ученія. Во исполненіе сего пункта, совѣтую я вамъ, г—рь мой, послѣдовать волѣ и повелѣнію покойнаго родителя вашего и въ слѣдствіе того, по полученіи сего моего письма, отправиться тотъ часъ и безъ всякаго замѣдлѣнія прямо въ село Юдиново, къ матушкѣ вашей, а братцовъ вашихъ оставте въ Вильнѣ и прикажите имъ продожать начатыя науки на прежнемъ основаніи. Долженъ однако же я васъ просить, чтобъ прежде выѣзда вашего изъ Вильны, вы пожаловали отвѣтствовали мнѣ на сіе письмо и увѣдомили бы меня, въ которой день имянно вы изъ помянутого города отправиться намѣрены. А дабы вы не нашлись въ заботахъ какимъ образомъ вашъ ко мнѣ отвѣтъ адресовать, прилагаю я при семъ мой адресъ. Извините только за позднее увѣдомленіе о кончинѣ покойнаго родителя вашего; медлѣнность въ семъ случаѣ произошла отъ весьма тяжкой болѣзни, которой я по нынѣ подверженъ былъ и отъ которой начинаю только теперь получать облегченіе. Во ожиданіи отвѣта вашего, пребываю съ почтеніемъ вашъ покорной слуга Николай Кондоиди. С.-Петербургъ. Декабря 18 дня. 1784 года.

2) М. г—рыня моя Елена Ивановна! Получа на сихъ дняхъ завещаніе покойнаго супруга вашего изъ втораго департамента верхняго надводнаго суда, куда оно для надлѣжащаго по зако-

намъ засвидѣтельствованія представлено было, спѣшу я отправитя оное при семъ къ вамъ, м. г—риня моя. Сверхъ оного изволитѣ вы, здѣсь же, найти того жъ завѣщенія концептъ, написанной рукою Григорія Андреевича, да еще копію, въ коей по волѣ покойнаго здѣланы нѣкоторыя перемены и съ которой уже чистой списокъ былъ написанъ, Отъ дражайшаго сына вашего Василья Григорьевича получилъ я на письмо мое отвѣтъ, изъ Вильны, отъ 3-го генваря, въ которомъ увѣдомляетъ меня, что онъ 4-го того жъ мѣсяца къ вамъ отправится, почему думаю я, что онъ уже теперь въ село Юдиново благополучно прибылъ. Естли вы, м. г—риня моя, людей вашихъ въ Петербургъ уже отправили, то для извѣстія вашего сообщаю, что при отпускѣ сего письма они еще сюда неприбыли. Нѣсколько недѣль тому назадъ получилъ я письмо ваше къ супругу вашему, которое впредь къ вамъ перешлю, когда людей вашихъ обратно въ село Юдиново отправлять буду. Есмь въ протчемъ съ совершеннымъ и истиннымъ почтеніемъ, м. г—риня моя, вашъ покорный слуга Н. Кондоиди. С.-Петербургъ. Генваря 30 дня. 1785 года.

Завѣщаніе Григорія Андреевича Полетики, 1784 г., 20 ноября.

Въ случаѣ, что я, при нынѣшней моей болѣзни здѣсь, въ С.-Петербугрѣ, по волѣ божеской умру, оставляю домъ мой на слѣдующемъ завѣщаніи и распоряженіи.

1. Женѣ моей Еленѣ Івановнѣ владѣть и распоряжать всѣми моими и своими недвижимыми и движимыми имѣніями по смерть свою, хотя бы она и за другаго мужа вышла; и какъ я надѣюсь, что у нее уже дѣтей не будетъ, такъ и прошу ее, чтобъ она, помня то, сколько я въ жизни моей безпокойствъ и хлопотъ претерпѣлъ, защищая свои и ея недвижимыя имѣнія, никому бы изъ оныхъ своихъ недвижимыхъ имѣній ничего не дала, не продала и не записала, но оставила бы въ подѣлъ дѣтямъ моимъ мужеска пола.

2. Изъ сихъ моихъ имѣній должна она, жена моя, воспитывать и обучать дѣтей моихъ сыновъ и дочерей приличнымъ

природѣ ихъ образомъ, и довольно будетъ для нихъ, естьли она въ семъ будетъ слѣдовать положенному отъ меня порядку.

3. Дѣти мои, сыны, и дочери, должны быть въ совершенномъ ея жены моей повиновеніи, послушаніи и почтеніи по смерть ея; непокоривыхъ же и непослушныхъ, а паче естьли они будутъ упражняться въ безчинныхъ и благороднымъ людямъ неприличныхъ дѣлахъ, можетъ и имѣетъ власть она жена моя отрѣшить отъ наслѣдства, какъ своихъ, такъ и моихъ недвижимыхъ имѣній.

4. Дѣти мои не могутъ по смерть ея, жены моей, требовать отъ нея раздѣла никакихъ имѣній, или каждый изъ нихъ какой либо части недвижимаго имѣнія въ свое владѣніе, а естьли она сама, при жизни своей, пожелаетъ ихъ имѣніями раздѣлить, или до совершеннаго роздѣла отдѣлить кому либо изъ нихъ часть имѣнія, то остаеться въ ея воли; но совершенный раздѣлъ во всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ ни при жизни ея, ни послѣ ея смерти, не прежде воспослѣдовать долженъ, какъ тогда, когда дочери мои выданы будутъ замужъ, когда заплатяться имѣющіяся на мнѣ долги, и когда меншіе мои сыны будутъ воспитаны и прійдутъ до совершенныхъ лѣтъ, въ малороссійскихъ правахъ положенныхъ.—Почему естли она, жена моя, сего порядка неучинивши, волею божіею умретъ, всѣми недвижимыми и движимыми имѣніями долженъ распоражать старшій сынъ мой Василій Полетика совмѣстно съ свойственникомъ нашимъ войс. тов. Федоромъ Максимовичемъ Бартошемъ, которому опредѣлить достаточное жалованье и провизію, въ чемъ чтобъ онъ Федоръ Максимовичъ, для моего къ нему усердія и показанныхъ услугъ, не отказался, просить его сыну моему Василію съ братьями всеприлѣжно; ибо ему Василію одному въ управленіи имѣній никакъ управиться нельзя будетъ, а можетъ быть и служба помѣшаетъ. Книги въ хозяйствѣ весть ему жъ Василію по заведенному отъ меня образцу, и когда всѣ сыны прійдутъ въ совершенныя лѣта, то при раздѣлѣ всѣ оныя имъ показать и расчесться такъ, какъ надлежитъ съ братьями.

5. Есть ли жена моя, по силѣ перваго сего моего завѣщанія пункта, всѣ свои недвижимыя имѣнія оставитъ въ подѣлъ

дѣтямъ моимъ, отъ нея рожденнымъ мужеска пола, то дочерямъ моимъ, при ея ли жизни или послѣ ея смерти, отъ братовъ ихъ должно получить каждой въ приданное по восьми тысячъ рублей, то есть четыре тысячи рублей денгами, а на четыре тысячи другими вещами, или какъ сходнѣе и для ихъ дочерей моихъ выгоднѣе, а женѣ моей и сыновьямъ удобнѣе будетъ, ибо по таковому взаимному согласію можно имъ будетъ дать больше денгами, нежели вещьми или больше вещьми, нежели денгами. Естьли жъ жена моя пожелаетъ, чтобъ дочери наши имѣли въ ея недвижимыхъ имѣніяхъ участіе (ибо въ моихъ они никакого участія имѣть не должны) то въ такомъ случаѣ дать имъ дочерямъ моимъ приданного деньгами и вещьми каждой по четыре тысячи рублей, а не больше, слѣдуя противъ вышеписаннаго взаимному согласію. Въ случаѣ жъ, чего не дай Богъ, что изъ нынѣ владѣемого нами имѣнія по искамъ другихъ, что либо убудетъ, то потому женѣ моей, а по ней сыновьямъ моимъ, и приданное дочерей моихъ распоряжать, тоесть прибавить или убавить.

6. Всѣ облики, росписки на деньги и прочія долговыя писма на должниковъ нашихъ должны остаться въ храненіи и распоряженіи жены моей, по которымъ она капиталъ или проценты получать должна, а по смерти ея да останутъся въ распоряженіи старшаго сына и г. Бартоша.

7. Дипломъ на дворянство, грамоты, крѣпости и прочія документы на недвижимыя имѣнія должны остаться въ храненіи и распоряженіи жены моей по ея жизнь, а по смерти ея у старшаго сына, который ихъ и содержать долженъ у себя до совершеннаго съ братьями въ имѣніяхъ раздѣла, а при раздѣлѣ долженъ старшій сынъ дипломъ и прочія обще до всей фамиліи Полетикъ касающіяся грамоты и крѣпости оставить у себя, давъ съ нихъ, естьли пожелаютъ, братьямъ своимъ справочныя копіи, прочія жъ крѣпости и документы раздать другимъ братьямъ, по которымъ имъ какое имѣніе слѣдовать будетъ, а на часть своихъ имѣній крѣпости себѣ удержать.

8. Какъ недвижимыя мои имѣнія пріобрѣтены мною частію отъ покойного родителя моего Андрея Павловича Полетики, еще

при жизни его, въ 1764 году, по особливой его данной мнѣ, въ отмѣнность другихъ моихъ братьевъ, записи, частію получены за женою моею въ приданое, а большою частію приобрѣтены отъ меня куплею, и слѣдовательно всѣ за благоприобрѣтенныя почитаемы быть должны, то объ оныхъ чиню слѣдующее завѣщаніе. Сыны мои раздѣлясь недвижимыми моими имѣніями, могутъ оными владѣть и пользоваться безпрепятственно и распоряжать оныя для дѣтей своихъ; но продать ихъ и въ посторенное владѣніе ни подъ какимъ видомъ и ни какими сдѣлками пустить не могутъ; естьли жъ бы по какимъ либо несчастливымъ и непредвидимымъ обстоятельствамъ лишитъ себя тѣхъ имѣній принуждены были, то, не чиня продажи и никакой съ другими сдѣлки, долженъ каждый изъ нихъ объявить своимъ братьямъ, а особливо тому, кто съ нимъ совмѣстное или близкое имѣетъ владѣніе, и который изъ нихъ тѣ имѣнія, по взаимному ли ихъ соглашенію или по оцѣнкѣ стороннихъ пріятелей, заплатить пожелаетъ, тому продать, когда жъ всѣ откажутся или достойной цены дать не пожелаютъ, тогда уже могутъ продать постороннимъ. Сіе разумѣю я только о тѣхъ моихъ сынахъ, которые женятъся и дѣтей имѣть будутъ, у которыхъ могутъ случиться большія нужды и необходимости къ таковому лишенію своихъ имѣній; тѣ же сыны мои, которые не будутъ женаты, а хотя и женятъся, но дѣтей имѣть пе будутъ, не могутъ сихъ моихъ имѣній продать ни подъ какимъ видомъ, и сдѣлками, и ни для какихъ нуждъ, въ чужое владѣніе пустить, но только владѣть и пользоваться оными по смерть свою, а по смерти ихъ должны тѣ имѣнія ити въ родъ и въ раздѣлъ оставшимся братьямъ. Сіе мое завѣщаніе распространяю я не только на однихъ моихъ сыновъ, но и на ихъ наслѣдниковъ отъ рода въ родъ, которые такъ же не должны сихъ моихъ имѣній кому либо постороннему продать или подъ какимъ либо видомъ укрѣпить, не объявивъ о семъ своимъ близкимъ и далекимъ, а прежде всего однофамильнымъ родственникамъ, а о неженатыхъ и безъдѣтныхъ то же завѣщаю, что и о сыновьяхъ, то есть, что они имѣній ни подъ какимъ видомъ и ни для какихъ нуждъ продавать и въ другой родъ укрѣплять не могутъ, но оставлять

по смерти своей для ближайшыхъ въ родѣ. Какъ же о собственныхъ жены моей недвижимыхъ имѣніяхъ таковаго завѣщенія я учинить не могу, то прошу ея, при первомъ сознатьѣ сего моего завѣщанія въ судебномъ мѣстѣ, какъ сей пунктъ, такъ и пятый, касающійся до приданаго дочерей моихъ, своимъ согласіемъ утвердить и учинить о томъ особливую запись.

9. Какъ старшій сынъ мой Василій Полетика до сего времени оказываетъ къ наукамъ бóльшую отъ другихъ охоту и уже въ оныхъ нарочитыя успѣхи имѣетъ, то библіотека моя вся, состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, тако жъ и всѣ писма и извѣстія, подлинныя и копіи касающіися до ученыхъ дѣлъ и исторіи, отказываються мною ему одному. Естьли жъ онъ неженатъ и бездѣтенъ умретъ, то можетъ оную отказать тому изъ своихъ братьевъ, кто лучше оную въ свою и общую пользу употребить можетъ.

10. Находящимся при домѣ нашемъ служителямъ, начавъ отъ управителя и прикащимовъ до послѣдняго слуги, дать по смерти моей за полгода жалованья не въ зачетъ, а за мужиковъ всѣхъ нашихъ деревень заплатить за полгода жъ подушныя денги. Таковое жъ завѣщаніе совѣтую я учинить и женѣ моей, чтобъ дѣти противу сего поступили послѣ ея смерти. Что жъ касаетъся до людей нашихъ, бывшихъ вольныхъ, а нынѣ къ намъ въ ревизію добровольно записавшихъся, то объ оныхъ прошу и совѣтую женѣ моей, чтобъ она, кто изъ нихъ пожелаетъ отойти, дала имъ отпускныя съ тѣмъ, чтобъ они записались въ ревизію, гдѣ пожелаютъ, а изъ нашей выключены были, ибо таковое имъ отъ меня обѣщаніе дано, и грѣшно будетъ не додержать имъ слова.

Сіе мое завѣщаніе написалъ я при здравомъ разумѣ, разсужденіи и памяти, подписалъ оное своею рукою и печать герба моего приложилъ, упросилъ притомъ подписаться и печати приложить ниже писанныхъ благородныхъ людей въ Санктпетербургѣ, ноября 20 дня, 1784 года. Коллежскій совѣтникъ Григорій Полетика. (*м. п*). При сочиненіи и подписанія сего завѣщанія были и по прозбѣ завѣщателя коллежскаго совѣтника

Григорія Андреевича Полетики на ономъ во свидѣтельство подписались и печати приложили.

Канцеляріи совѣтникъ и ордена святаго Владимира четвертыя степени кавалеръ Николай Кондоиди. *(м. п).* Канцеляріи совѣтникъ и ордена святаго Владимира четвертыя степени кавалеръ Григорій Кондоиди. (*м. п*). Подполковникъ Иванъ Базилевскій. (*м. п*). Коллежскій ассессоръ Яковъ Хорошкевичъ. *(м. п).* Сіе духовное завещание Санктъ-петербургской губерніи верхняго надворнаго суда, во второмъ департаментѣ канцеляріи, отъ совѣтника и ордена св. Владимира 4-й степ. кавалера Николая Павлова сына Кондоиди, прошлаго 1784 г. декабря 3 дня, при челобитьи явлено, противъ котораго подписавшіяся подъ симъ завещаниемъ вышеписанные свидѣтели допрашиваны, коимъ они и показали, что сие завещание учинено подлинно по волѣ оного завещателя въ целомъ умѣ и твердой памяти, и спору на оное ни отъ кого никакого не было, того ради сего 1785 года, генваря 20 числа, во ономъ верхняго надворнаго суда второмъ департаментѣ опредѣлено со оного завещания, какъ писаннаго не укрепостныхъ делъ и на простой бумагѣ, взявъ съ него, г. Кондоиди, за два листа, на какихъ оному должно быть писану, денги 20 рублей, записать въ приходъ, кои приняты и въ приходъ записаны, а завещание въ крепостную книгу, кое записано жъ, и сія надпись учинена въ сходственность состоявшихся въ 701-мъ, генваря 8 и ноября 7-го, да въ 722-мъ г.г., апреля 12-го чиселъ, указовъ съ таковымъ предписаниемъ, что оное въ семъ департаментѣ явлено для оного толко освидетелствования въ томъ, что подлинно сие завещание учинено по воле завещателя и взятья за гербовую бумагу денегъ, а не для другаго какого по немъ исполнения, и приложа ко оному сего департамента печать, за подписаниемъ одного присудствующаго и за скрепою секретарской, отдать, которое съ сею надписью вышеозваченному просителю и отдано съ роспискою, съ темъ что естли на оное завещаніи окажется какой споръ и опровержение, то онымъ людямъ бить челомъ гдѣ по законамъ следуетъ. Генваря 28 дня, 1785 года. Коллежской ассессоръ Спиридонъ Ершевъ. Секретарь Иванъ Марковъ. У

сей надписи ее импер. величества верхняго надворнаго суда 2-го д—та печать. Надсмотрщикъ Харламъ Ниточкинъ. *(Съ подлинника).*

Письма родныхъ Г. А. Полетики.

1. Степана Андреевича Полетики къ отцу, изъ с. Коровинецъ, 1759 г., 13 января.

Милостивѣй государъ батюшка Андрей Павловичъ. Дѣло Коровинское, которое у меня было, чрезъ сего къ вашей отческой милости посылаю, самъ же онаго производить не имѣя на оное кошту, а притомъ лишась отъ вашей отческой милости и остатнего чрезъ отнятіе, не вѣдаю за что, Аксютинской мельницы, вами мнѣ при свадьбѣ дарованной, (которую я чрезъ восемь лѣтъ владѣю), иропитанія, и содержать себя и повѣренныхъ не имѣю силъ; съ даемого мнѣ вашею отческою милостію за три кола едного Коровинского, съ которого староста вашъ, владѣя онымъ, себя пропитать не моглъ, я доходовъ какъ не собиралъ, такъ и собирать не буду, и на послѣдокъ при всегдашнихъ моихъ съ домашними слезахъ (что за столь Богу и людямъ вѣстиміе труды и знатные по вашимъ дѣламъ понесенные убытки, поношу отъ вашей отческой милости крайнюю обиду). Остаюсь съ должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелателный сынъ и нижайшій слуга Стефанъ Полѣтика.

Я, милостивѣйшій отче, можетъ быть предъ вами и погрѣшилъ, что не доложась по прежней моей къ вамъ просбѣ, взялъ на откосъ стирту сѣна, еднакъ будучи на милость отческую надежденъ, что вы въ нужномъ семъ мнѣ случаѣ простите (который мнѣ послѣдовалъ для пріѣзжихъ гостей) и прикажете старостѣ въ слѣдующую косовицу, какъ прежнія двѣ, такъ и сію принять отъ меня, чемъ и одолжить нижайше прошу.

2. Степана Андреевича Полетики къ отцу, изъ м. Хмелова, 1760 г., 11 марта.

Милостивѣйшій отче и единій добродѣю. За пріѣздомъ моимъ въ домъ, извѣстился я отъ жены, что вы первое, ста-

росту присылали отказывать мнѣ отъ Аксютинской мелницы, которою я владѣю уже десять лѣтъ, а потомъ сами персонално заѣхавши съ Коровинецъ въ Аксютинцѣ, приказали мѣрочнику меня не слушатся, размѣръ же весь велѣли забрать, которого разного забрато пятьдесятъ четырѣ мѣрочки; причины же отбору оной я знать не могу, понеже я никакой такой причины вашей отческой милости не подалъ, за которую бъ такъ мене знатно обижать и свое всѣмъ людямъ извѣстное определеніе ломать, которое ежели, какъ вижу, не содержится въ твердости, то я столь знатно будучи обидимъ при нынѣшней моей въ отдаленной походъ отлучкѣ, въ которой отъ вашей отческой милости ниже мало, хочай бы и должно по причинѣ моей службы за владѣнние вашею отческою милостію добра на часть мою полно надлежащіе, не снабденъ, принужденъ первое, на вашу отческую милость вамъ же и жаловатись, при чемъ всенижайше прошу, чтобъ ваша отческая милость десять лѣтъ послѣдовавшаго опредѣленія о мельницѣ Аксютинской, ломать не изволили для своей принаймнѣ чести и оставить оную при моемъ владѣніи спокойно, чтобъ за отходомъ моимъ въ походъ, не довелось би женѣ моей по-подъ-окнами хлѣба просить, буди же отъ вашей отческой милости, какъ отцу, должного милосердія не получу, то нижайше прошу позволить представить ясневелможному, что мнѣ столь тяжелыхъ походовъ нѣщего служить, понеже я отъ отца моего отдѣленной надлежащей на меня части не имѣю. Впрочемъ поручаю себя вашему отческому благословенію, есмь вашей отческой милости всего доброжелателный послушнѣйшій сынъ и нижайшій слуга Стефанъ Полѣтика.

3. Андрея Павловича Полетики къ сыну Степану. 1763 г., 27 октября.

Любезній мой сыну Стефане. Получено мною твое писмо, въ коемъ ты производишь жалобу на подданныхъ моихъ Коровинскихъ, якобы они въ лузѣ твоемъ, которой ты купилъ коварно у Савченка, много срубили дерева на ключини. Я симъ тебѣ отвѣтствую, что ты, вижу, въ томъ свою жизнь прожи-

ваешь, чтобъ людей безпокоить своими ябедническими пенями и вязаться въ то, что тебѣ не принадлежитъ; я въ твоемъ лузѣ не велѣлъ рубать, который ты подложнымъ образомъ у Савченковъ, впротивность мнѣ и въ обиду братьямъ твоимъ, купилъ, а рубаютъ мои подданные въ томъ лузѣ, коимъ владѣли владѣльцы прежніе, принадлежащемъ къ сему Коровинцамъ, котораго ты луга часть обыкновеннымъ своимъ нахалствомъ хочешь прихватить къ купленному у Савченка лугу, коего лугъ нестолько имѣлъ положенія, какъ ты себѣ присвояешь. Сіи обиды, происходящія отъ тебя не токмо мнѣ несносны, но и братьямъ твоимъ обидны, я тебѣ отческо совѣтую перестать безсовѣстничать и не задираться столько, чтобъ повременно не потерять себѣ всего того, ищучи чужого, что имѣешь, было тебѣ время сію жалобу произнесть мнѣ въ Кровинцахъ, когда я былъ; я думаю, что чинимая тебѣ обида не вчера тебѣ воспослѣдовала; и такъ я за пріѣздомъ моимъ въ Коровинцѣ прикажу изслѣдовать противъ твоей жалобы. *(Съ копіи).*

4. Андрея Павловича Полетики къ сыну Степану, изъ Ромна, 1765 г., 28 марта.

Сину мой Стефане. Не достаетъ моего ужъ болѣе терпѣнія, получая отъ тебя всегдашнія озлобленія и досады, и мнѣ кажется, что ты чрезъ мое снисхожденіе хощешь забыть вовсе должное къ родителю твоему почтеніе, а меня увѣрить, что я того отъ тебя и требовать права не имѣю; однако я чрезъ сіе тебѣ объявляю, что за всѣ твои противъ меня продерзости и досады не нахожу другого средства къ усмиренію тебя, какъ толко употребить способъ, которой родителское право надъ тобою мнѣ поручило, чего доказать въ непродолжителномъ времени уповаю, ибо ты, не унимаясь отъ причиняемыхъ тобою сколько разъ мнѣ оскорбленій, еще ихъ возобновляешь тѣмъ, что ни по какому праву тебѣ не принадлежащаго человѣка въ сусѣдяхъ у брата своего живучого и безгрунтового, неналежно заграбилъ, потому что ему волно хотя у брата, хотя у тестя жить, а право въ запрещеніи волного переходу обстоятельствамъ не касается

до его, того ради родителски тебѣ напоминаю вышепомянутому человѣку заграбленныя вещи возвратить и въ волномъ его къ тестю своему переходу не чинить препятствія, а ежели твой долгъ на ему, то повиненъ онъ заплатить, а ежели заграбленное сего человѣка почитаешь за правилное, то я долженъ у тебя взять моего подданного Моцакового сина. Впротчемъ есмь. *(Съ копіи)*.

Степана Андревича Полетрки къ зятю Аф. Пр. Шклaverевичу, изъ с. Коровирецъ, 1765 г., 30 марта.

Милостивый государь швагиръ Аѳанасій Прокофьевичъ. Я сей послѣдней седмицы говѣючи, получилъ писмо отъ батюшки съ немалыми бранми и угрозами за моего купленного у Сохацкаго мужика, которіе яко отъ батюшки, которому я никакой еще причины по неведомому родителскому праву не подалъ, снести долженствую и не сожалѣю. Жаль мнѣ написавшого писмо, которого характера не могу догадатся, что тотъ человѣкъ или съ дѣтми никогда не конверсовалъ, не имѣя ихъ, или имѣя, намѣреваетъ съ ними поступить примѣрно написанному. Я ему не желаю ничего иного, чтобъ Богъ его посѣтилъ тѣмъ, что онъ мнѣ написалъ и желаетъ, не вѣдаючи въ томъ, въ чемъ писалъ вѣтрянно нѣкакихъ обстоятелствъ, мнѣ кажется, и писать, какъ сказуютъ простыя люди, знать какъ ховать, а безъ того не похвално, а при томъ же долженъ и то знать, что теперь въ свѣтѣ добримъ за худое не отдаютъ. Ежели вы, м. г-рь, швагеръ, будучи въ Ромнѣ, слыхали про сіе, то прошу покорнѣйше меня увѣдомить, за что пребуду съ моимъ всегдашнимъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

6. Михаила Ивановича Гамалѣи къ сестрѣ Еленѣ Ивановнѣ Полетикѣ, изъ с. Клепалъ, 1779 г., 21 января.

М. г-ня моя, сестрица Елена Ивановна. Новымъ годомъ имѣю честь васъ проздравить, желаю усердно одной вамъ во истинномъ благополучіи провождать и ползоватца всякими благо-

щастіями. О себѣ же объявляю, что будучи крайнейше огорченъ непохвальнымъ поступкомъ вашего супруга, какъ видно забывшаго правила честности, неудоволствовавшагося разнообразно меня обидѣть несправедливѣйше, съверхъ того слышу поношенія, чести моей не принадлежащія, почему воспріялъ чрезъ сіи начертаніи вамъ обясница. Судите сами, любезная сестрица, безпристрастно: когда я еще не зналъ совѣсти вашего супруга, какъ онъ вошелъ неблагопристойнымъ ласкателствомъ въ покойницу Анну Ивановну [1]), которую удалось ему обойти, приведя со мною во вражду (чего, еслибы онъ имѣлъ отличную совѣсть, любя же васъ чистосердечно не слѣдовало бы и помыслить мнѣ зла, вашему брату) не токмо войтить въ оное предосудително и тѣмъ меня напрасно разорять, дружбу и любовь свойственную разорвать вѣчно, увидя же, что я началъ искать, вошелъ во всякія несоотвѣтствующія лѣтамъ и чести его пристойности и вражду, какъ онъ неусыпно старался, чтобъ Анна Ивановна по суду недвижимость и движимость мнѣ не отдавала, но и людей крѣпостныхъ, купленныхъ моимъ отцомъ и матерью отъ меня неправилно отторгнуть, присовѣтовавъ ей дать отпускныя, которыя онъ самъ сочинялъ и вомѣсто еи подписамся. Вотъ совѣсть, и душа, и любовь къ женѣ видна. Онъ радъ бы шурина и дневнаго пропитанія лишить. Нынѣ жъ, не вѣдаю за что, онъ на меня сердица и разные напрасные поговоры со укоризною и ругателствомъ чинитъ, какъ у васъ въ Стародубовскомъ полку, да и здѣсь въ путивлскомъ уѣздѣ нѣкоторымъ хвастая, произносилъ, будто онъ мнѣ по дѣлу помогъ въ Петербургѣ, чего никогда не бывало, и еслибы онъ помогъ, то бы я до сихъ поръ и кончилъ дѣло, ибо оное дѣло находилось у генерала рекетмейстера, куда онъ нарочно за онымъ дѣломъ никогда не ѣзжалъ и не просилъ, и денегъ вашъ супругъ своихъ ни полушки не терялъ, хотя онъ долженъ былъ старатца и денги тратить, ползуясь вашимъ имѣніемъ Путивлкимъ, какъ сіе есть общое наше дѣло. Буди жъ онъ завелико ставитъ сочиненіе писма, которое оставлено и въ дѣло не

[1]) Вторая жена Ивана Андреевича Гамалѣя, т. е. мачеха М. И. Гамалѣи.

пошло. Во вспомоществованіи же мнѣ по дѣлу отъ супруга вашего, времяны ему недоставало за обремененіемъ его собственными дѣлами, какъ зъ г. г. Корсаками и съ роднымъ его братомъ, чрезъ которые онъ также не по лѣтамъ его репутацію странную себѣ пріобрѣлъ, подвергая себя предосужденію крайнему; какъ и сіе ему не въ стыдъ, повѣреннымъ отъ Ивана Ивановича Бороздны быть противъ меня. Такія дѣйствія супруга вашого я вообразивши себѣ, часто содрагаюсь, что онъ, будучи человѣкъ степенныхъ лѣтъ, забываетъ себя. Отъ него бы слѣдовало мнѣ примѣры брать, если-бы они завидны были; но чего хорошаго мнѣ ожидать къ доброжелателству отъ него, когда онъ не пощадилъ своего родного брата вогнать тяжбами въ печаль, черезъ которую онъ лишился и жизни; что въ такомъ случаѣ остается для шурина безвиннаго, котораго онъ ищетъ на чести и славѣ вѣчно опорочить тамъ, гдѣ несправедливостью убѣдить не успѣваетъ. Однакъ сторонные люди доволно увидятъ и поразумѣютъ его и меня; а надобно бы супругу вашему, имѣвъ старыя лѣты, обозрѣтца и разсудить о женѣ и о дѣтяхъ малолѣтнихъ, дабы иногда не оставить для нихъ нескончаемыхъ клопотъ; съ моей же стороны я вамъ доволно оказалъ свойственной любви, когда по рѣшенію вотчинной коллегіи отдана было мнѣ село Николаевка, но я вамъ по одному человѣколюбію уступилъ, а супругъ вашъ ни какъ сего не почувствуетъ и за благодѣяніе но щитаетъ: видна такова его совѣстная благодарность. Однакъ я надѣюсь на Бога, который наградитъ мнѣ за усердіе и правилной мой поступокъ передъ вами. Хорошо вашему супругу свое благополучіе основывать на собственномъ моемъ имѣніи, которое предки мои кровью, не щадя своей жизни, заслужили, а супругъ вашъ мыслитъ сторонно попользоватца, толкуя злымъ переводомъ право, и будучи противъ совѣсти самъ виноватъ, меня же напрасно ругаетъ. О дѣлѣ жъ нашемъ общемъ хотя вашъ супругъ много кое чего говоритъ, однакъ формално не знаетъ на чемъ оное пріостановилось, а я вамъ чрезъ сіе увѣдомляю, что по оному оказался подлогъ, учиненный уже послѣ рукоприкладства нашихъ повѣренныхъ и послѣ рѣшенія припискою такой статьи, о которой и въ дѣлѣ не

было упомянуто, изъ чего суперникъ взялъ и апелляцѣю. И такъ оно началось уже слѣдствіемъ и взяты съ кого подлежало отвѣты. Надѣюсь на Бога, что Череповъ не будетъ правъ, почему я одинъ несу великіе убытки, а вы денегъ на дѣло не даете, а Николаевкою любите владѣть. И такъ оканчивая сіе, свидѣтелствую я и жена моя, наше вамъ почтеніе и прошу покорно васъ, любезная сострица, супруга вашего уговорите, чтобъ меня онъ впредь напрасно не злословилъ и не ругалъ, ибо сіе по его лѣтахъ и ученію не есть прилично меня ругать безвинно, а пусть бы сохранилъ при старости лѣтъ своихъ спокойствіе, чего усердно я желаю дождатца видѣть. Впрочемъ пребываю съ почтеніемъ васъ, м. г-нѣ, моей сестрицы покорнѣйшій слуга и усердный братъ Михайла Гамалѣя.

(конецъ).

ДНЕВНИКЪ ПЕТРА ДАНИЛОВИЧА АПОСТОЛА.

(май 1725 г. —май 1727 г.).

Въ числѣ рукописей, поступившихъ въ 1894 г. въ библіотеку Кіевскаго Университета отъ наслѣдниковъ О. М. Судьенка, находится небольшая (въ осьмушку) рукопись, переплетенная въ формѣ портфеля въ кожу и заключающая въ себѣ дневникъ Петра Даниловича Апостола, одного изъ сыновей гетмана, писанный *на французскомъ языкѣ.* При какихъ обстоятельствахъ могъ изучить гетманичъ этотъ языкъ—сообщаетъ коротенькое указаніе М. И. Антоновскій (р. 1759 † 1816) въ своей „Исторіи о Малой Россіи [1])“, говоря, что, когда Данило Апостолъ поставленъ былъ гетманомъ, то „на мѣсто отца своего произведенъ старшій его сынъ Павелъ Апостолъ въ миргородскій полкъ полковникомъ, а меньшій Петръ Апостолъ *взятъ прежде еще ко двору императорскому и находился при князѣ Менщиковѣ...*“ [2]). Слѣдуетъ думать, что Петръ Апостолъ взятъ былъ въ Петербургъ въ качествѣ заложника, когда правительство, заканчивая счеты по Мазепинскому дѣлу, нашло нужнымъ принять нѣкоторую осторожность и по отношенію къ миргородскому полковнику Данилу Апостолу. Послѣдній, какъ извѣстно, принималъ

[1]) Составляющей четвертую часть книги Георги—„Исторія народовъ, обитающихъ въ Россіи“. См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., декабрь, стр. 374.

[2]) Опис. всѣхъ народ., обитающ. въ Россійск. Госуд., ч. IV, стр. 314. Антоновскій ошибается, называя Павла Апостола старшимъ сыномъ гетмана, Павелъ былъ третьимъ сыномъ послѣдняго, а Петръ былъ вторымъ. Первый сынъ гетмана—Иванъ умеръ молодымъ.

горячее участіе въ мечтаніяхъ Мазепы. Орликъ свидѣтельствуетъ, что Апостолъ, ободряя гетмана въ его замыслѣ, еще въ 1707 г. говорилъ ему: „Очи всѣхъ на тя уповаютъ, и не дай Боже на тебя смерти,—мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ!"—Когда Мазепа пошелъ 21 октября 1708 г. изъ Батурина, за нимъ пошелъ въ числѣ прочей старшины и Апостолъ. Какъ дѣйствовалъ онъ въ первое время послѣ соединенія Мазепы со шведами, видно изъ слѣдующаго письма Апостола, которое онъ писалъ 16 ноября 1708 г. изъ м. Красноколядина къ своему обозному Василію Онисимовичу:

„Мой велце ласкавый пріятелю, п. обозный полку нашого и на мѣстцу нашомъ зостаючій.

Отпускаючи сторожовъ нашихъ до Сорочинецъ, ознаймуемъ в. мсти о томъ, же войска шведскіе, почавши отъ самой Борзни, всюды по городахъ и селахъ для защищенія отчизни нашой отъ наступленія московскаго ажъ до самого Ромна постановлены на станціяхъ. Самъ зась найясн. король въ Ромнѣ свою станцію имѣтиметъ, гдѣ и мы съ ясн. добр. его м. п. гетманомъ завтрѣшнего дня, цѣле 17 число сего мѣсеца, прибити сподѣваемся, а отголь не обявляючися скоро ку Гадячу ясн—ый добродѣй съ 10 тысечма шведовъ поспѣшати будетъ... Пилно прекладаемъ, абысте прислухаючи о поворотѣ рейментарскомъ, гдѣ обрѣтатимется, якъ скоро его в-ть до Гадяча прибудетъ, такъ заразъ в. м-ть съ п. судіею нашимъ и зъ п.п. сотниками для отданя поклону его м. п. гетману туди до Гадяча приѣздѣте. А если бы тамъ мѣлъ хто зъ грамотами государскими и нового гетмана Шкоропадского просмѣкатися, теди таковихъ ловѣте и до насъ ихъ присилайте [1])"...

Бант.-Каменскій полагаетъ, что письмо это Апостолъ писалъ по принужденію Мазепы, такъ какъ черезъ недѣлю послѣ этого (21 ноября) Апостолъ писалъ уже изъ Сорочинецъ къ новоизбранному гетману Скоропадскому, поздравляя послѣдняго съ полученіемъ „превысокого степени гетманства". Тутъ

[1]) Съ копіи, находящ. въ бумагахъ М. О. Судьенка въ б-кѣ Кіевскаго Университета. Подлинникъ письма находится въ моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, см. Ист. Мал. Россіи, III, примѣч. 134.

же Апостолъ просилъ у Скоропадскаго предстательства передъ царемъ за свою измѣну: „покорне упрошаю о таковой на мене респектъ, абы велможность ваша... многоважную свою за мною до пресвѣтлѣйшого монархи нашого внести рачилъ инстанцію, дабы его царское величество не мѣлъ на мене... якого гнѣву и не похотѣлъ карати, же при измѣннику царского величества бувшому гетману Мазепѣ до тихъ часъ обавилемся, поневажъ усиловне зъ онимъ затягненъ будучи, жаднимъ способомъ отъ него не моглемъ высвободитися и той его измѣнѣ (которая и неявна намъ била) сопротивитися [1])“... Отпущенный Мазепою для переговоровъ съ царскими совѣтниками о возвращеніи къ царю самого Мазепы, Апостолъ повинился передъ царемъ въ своемъ невольномъ будто бы уходѣ съ Мазепою къ шведамъ и затѣмъ ревностно служилъ полковничью службу противъ шведовъ до Полтавскаго сраженія. А когда шведы были прогнаны и когда русское правительство стало судить Мазепиныхъ сторонниковъ, Апостолъ оказался настолько обѣленнымъ своимъ поведеніемъ послѣ возвращенія отъ Мазепы къ Скоропадскому, что правительство не могло уже привлечь его къ суду и ограничилось одною предосторожностью—взятіемъ малолѣтняго сына его въ заложники... Такъ объясняемъ мы извѣстіе Антоновскаго о „взятіи Петра Апостола ко двору монаршему“ и о порученіи его въ надзоръ Меншикову. Долго ли оставался юный Апостолъ заложникомъ мы не знаемъ, но полагаемъ, что въ Москвѣ (или въ Петербургѣ) провелъ онъ всю свою юность, потому что вернулся онъ въ Малороссію съ полнымъ знаніемъ трехъ европейскихъ языковъ—французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго, какъ это видно изъ печатаемаго здѣсь его дневника. Можно догадываться, что своимъ образованіемъ Петръ А—лъ всецѣло обязанъ Меншикову, который, воспитывая въ это время своего сына,—могъ поставить около послѣдняго товарищемъ, для большей охоты въ занятіяхъ, юнаго заложника... Освобожденъ изъ заложничества Петръ А—лъ могъ быть послѣ того,

---

[1]) Тамъ же, въ бумагахъ М. О. Судьенка, въ копіи, а подлинникъ въ Моск. арх. М—ва иностр. дѣлъ.

когда въ к. 1723 г. былъ вызванъ въ Петербургъ его отецъ по дѣлу Полуботка. Извѣстно, что будущій гетманъ Данило Апостолъ принималъ, въ числѣ прочей старшины, горячее участіе въ томъ протестѣ, который начатъ былъ по смерти Скоропадскаго черниговскимъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ противъ реформъ Петра В. въ Малороссіи, выразившихся въ учрежденіи глуховской коллегіи. Апостолъ, будучи старѣйшимъ полковникомъ, считалъ себя первымъ кандидатомъ на гетманство и потому горячо настаивалъ на разрѣшеніи приступить къ избранію гетмана. Въ сентябрѣ 1723 г. были отправлены изъ Глухова въ Петербургъ извѣстныя „коломацкія челобитныя", вызвавшія посылку А. И. Румянцова въ Малороссію для слѣдствія о происхожденіи послѣднихъ. Результатомъ этого слѣдствія былъ арестъ и отправка въ Петербургъ нѣсколькихъ лицъ изъ старшины въ томъ числѣ и Апостола [1]). Слѣдствіе о протестахъ малороссійской старшины закончилось вмѣстѣ со смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. арестованная старшина была освобождена, причемъ большинству ея назначено было безвыѣздно жить въ Петербургѣ; къ этому большинству принадлежалъ и Данило Апостолъ. Семья Апостола оставалась въ Малороссіи. Тамъ жилъ и Петръ Апостолъ, въ это время уже женатый. Живя въ это время въ отцовскихъ маетностяхъ, Петръ Апостолъ и началъ вести печатаемый здѣсь свой дневникъ. Начатъ дневникъ въ концѣ мая 1725 г., причемъ писался онъ почему то на французскомъ языкѣ.—Между тѣмъ жившій въ Петербургѣ уже болѣе двухъ лѣтъ, старый Апостолъ, соскучившись по родинѣ и семьѣ, началъ хлопотать у всесильнаго Меншикова объ отпускѣ его домой. Конечно, для большаго успѣха въ этихъ хлопотахъ старый Апостолъ выписалъ къ себѣ въ Петербургъ сына Петра, который повидимому, долженъ былъ оставаться въ столицѣ вмѣсто отца. Дѣлалось это съ разрѣшенія Меншикова. Въ концѣ іюля 1725 г. въ дневникѣ Петра Апостола записано: „M—r le general de Weissbach (стоявшій въ это время съ

---

[1]) Прилож. къ „Кіевск. Стар." 1890 г., 102—110, и „Русск. Арх." 1880 г., I, 196, 206.

войсками въ южной Малороссіи) nous envoya un paquet des lettres de mon père, joint un passeport du prince Menszykow pour mon voyage de Petersbourg". Выѣхавъ изъ Глухова въ Петербургъ 27-го августа, П. А—лъ добрался туда только 15-го октября. Изъ записей дневника за время пребыванія въ столицѣ видимъ, что молодой А—лъ былъ свой человѣкъ у Меншикова; вѣроятно, это обстоятельство имѣло вліяніе и на отношенія Меншикова къ старому Апостолу. Но хлопоты о разрѣшеніи возвратиться на родину шли довольно туго. Только въ мартѣ 1726 г. Апостолы услыхали отъ Бассевича, что дѣла ихъ „находятся въ хорошемъ положеніи", а 28-го марта въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоялось такое опредѣленіе: „полковника Апостоленка, до котораго къ задержанію здѣсь причины малой или никакой не касается, и положили, чтобъ его отсюды отпустить въ Малую Россію по прежнему въ Миргородскій полкъ полковникомъ [1])". Послѣ исполненія разныхъ формальностей старый Апостолъ выѣхалъ изъ Петербурга только 27 мая 1726 г. Молодой Апостолъ остался на мѣстѣ отца и продолжалъ еще свой дневникъ до половины 1727 г.

Печатаемый дневникъ, заключая въ себѣ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о частной жизни козацкой старшины, представляетъ собою важный документъ, указывающій при какихъ обстоятельствахъ старый миргородскій полковникъ могъ возвыситься до гетманскаго чина. Жившій въ Петербургѣ заложникомъ, юный сынъ Данила Апостола, приблизившись къ семьѣ Меншикова, впослѣдствіи, когда послѣдній сталъ въ Россіи всемогущимъ временщикомъ, былъ звеномъ, приблизившимъ къ этому временщику и его отца. Меншиковъ былъ небезкорыстенъ, а старый миргородскій полковникъ былъ богатъ; эти два обстоятельства затѣмъ были уже дополнительною причиною, по которой миргородскій полковникъ осенью 1727 г. сталъ гетманомъ. Петръ Апостолъ продолжалъ жить сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ. Въ сентябрѣ 1728 г. Петръ II пожаловалъ его „казацкимъ полковникомъ", но съ тѣмъ, чтобъ онъ

---

[1]) Сборн. Русск. Историч. Общ.. LV, 150 и 293.

оставался жить въ Москвѣ [1]). На родину Петръ Апостолъ былъ отпущенъ только лѣтомъ 1730 г. [2]). Вступивъ въ управленіе лубенскимъ полкомъ, онъ оставался на этомъ урядѣ до 1757 г., когда былъ уволенъ съ чиномъ бригадира. Умеръ Петръ Апостолъ въ 1758 г.

Не разъ приходилось намъ слыхать, что послѣ Петра Апостола остались еще и мемуары (а можетъ быть такой же дневникъ), писанные имъ тоже на французскомъ языкѣ, которые де хранятся у екатеринославскаго помѣщика Алексѣева. Желательно бы получить въ печати болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ мемуарахъ, если они дѣйствительно существуютъ.

Желая сдѣлать найденный теперь дневникъ болѣе доступнымъ, печатаемъ его въ русскомъ переводѣ, опустивъ неинтересныя записи мелочныхъ расходовъ во время путешествія П. А—ла въ Петербургъ и пребыванія его тамъ [3]).

7 іюня 1895. А. Л.

Дневникъ 1725 г.

Май. 22. 2-хъ лѣтній мальчикъ въ Суховцахъ, упавъ въ яму съ водой, гдѣ прежде обжигали известь, утонулъ.

Мой войтъ (Baillif) жаловался на то, что мои крестьяне обременены болѣе другихъ порціонами и раціонами. Поэтому я обратился къ комиссарамъ Сорочинецкой сотни и они представили мнѣ о томъ слѣдующій отчетъ:

Домовъ въ Сорочинцахъ 761. Болѣе зажиточныхъ между ними считается 98. Менѣе зажиточныхъ 161. Бѣдныхъ 502. Порціоновъ берется 67 Раціоновъ 74.

	Въ Савинцахъ	Въ Обуховкѣ.	Въ Барановкѣ.	Въ Портянкѣ.	Въ Олыхвировкѣ.
Общее число домовъ	165	107	118	34	31
Болѣе зажиточныхъ	8	10	8	5	9

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. 84-й, стр. 54⁰.

[2]) Дневникъ Як. Марковича, изд. „Кіевск. Стар.", III, 32.

[3]) Отрывки французскаго подлинника помѣщены нами въ „Кіевск. Стар." 1894 г., ноябрь, стр. 301.

	Въ Савинцахъ.	Въ Обуховкѣ.	Въ Барановкѣ.	Въ Портянкѣ.	Въ Олихвировкѣ.
Менѣе зажиточныхъ	57	18	4	12	8
Бѣдныхъ	100	79	70	17	14
Порціоновъ	9	11	12	1	3
Раціоновъ	9	12	13	2	3
					Здѣсь и на хуторахъ прибавлено 2 раціона.

	Въ Опанасовкѣ.	На хуторахъ.
Домовъ	42	24
Болѣе зажит.	5	3
Менѣе зажит.	13	9
Бѣдныхъ	24	12
Порціоновъ	4	2
Раціоновъ	4	2

Въ монастырскомъ селеніи (au village des moines): Совершенно бѣдныхъ домовъ 26. Порціоновъ 2. Раціоновъ 2.

Со времени основанія Глуховской коллегіи до настоящаго времени собрали 247 тысячъ руб. по отчету Скоропадскаго.

23. Я весьма хвалю точность Скоропадскаго, который, при отъѣздѣ изъ Сорочинецъ, далъ письменно нужныя инструкціи своему управляющему (homme d'affaires) относительно своего отца, жены и всего, что касается хозяйства, обязанностей слугъ и содержанія лошадей и др. животныхъ.

Скоропадскій счелъ *храбрецовъ*, находящихся въ различныхъ полкахъ: въ миргородскомъ—судья и его сынъ, сотникъ; въ полтавскомъ писарь Бучановскій (?), эсаулъ (рыжій); въ переяславскомъ Лукашъ Доброницкій; въ лубенскомъ Гамалія; въ прилуцкомъ Грищенко, сотникъ сребрянскій, Стороженко Старшій, но онъ опасливъ; въ нѣжинскомъ Пироцкій, человѣкъ книжный (l'homme d'étude); въ черниговскомъ — сотникъ березинскій Лисенко; въ стародубскомъ Antug...(?)

24. Скоропадскій выѣхалъ изъ Портянки, чтобы нагнать свои вещи въ Харьковѣ.

Миргородскій сотникъ научилъ меня сокрету, какъ поймать всѣхъ чужихъ пчелъ, которыя бросаются на нашихъ пчелъ, унося у нихъ весь медъ. Вотъ какъ нужно поступить: выставить одинъ улей, который нужно смазать для приманки медомъ, потомъ въ отверстіе вставить трубку, а у другихъ ульевъ заткнуть всѣ отверстія. Такимъ образомъ чужія пчелы, влетая черезъ сказанную трубку, не смогутъ уже выйти, потому что трубка, не касаясь другого конца улья, воспрепятствуетъ имъ найти выходъ.

25. Мой Артемъ возвратился съ Никифоромъ изъ Смоленска, пробывъ тамъ 6 недѣль и два дня.

26. Я слушалъ жалобу одного козака изъ Савинецъ по имени Яцко Бородаченко или Нестеренко, который купилъ себѣ лошадь на гадячской ярмаркѣ у мѣщанина, живущаго тамъ, по имени Ярмолы Неревигука, а ее отнялъ у него обуховскій казакъ, Лукіанъ Губріенко. Но его дѣло, кажется, не совсѣмъ справедливо, потому что Ярмола Неревигукъ хочетъ представить одного человѣка въ Крупашовкѣ (Croupachovka), у котораго онъ купилъ названную лошадь. Кромѣ того, Губріенко удалился изъ Гадяча, не ожидая рѣшенія этого спора. Губр. правъ.

Казаки, которые сопровождали меня въ Глуховъ: изъ Савинцевъ: Ярмола Кривовязъ, сынъ Ивана Кривовяза. Леонтій Кузменко. Изъ Хомутца: Остапъ Васильченко, Леско Болбенко. Изъ Поповки: Омелко Визиръ, Иванъ Павлюченко.

Въ Савинцахъ посѣяно: ржи $4^1/_2$ осьмачки въ двухъ мѣстахъ; овса 2 осьмачки, конопли 4 мѣшка, льна 13 мѣшковъ.

27. Я выѣхалъ изъ Савинецъ въ Гадячъ. Былъ у генерала Вейсбаха, отъ котораго узналъ о причинѣ увоза отца Condelier въ Петербургъ. Вотъ эта исторія: такъ какъ онъ былъ настоятелемъ всѣхъ миссіонеровъ, находящихся въ Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани, и былъ облеченъ даже епископскимъ саномъ, то приказалъ одному изъ своихъ собратій, о. Роману, находившемуся на службѣ у французскаго резидента, прекратить всякія письменныя сношенія, которыя тотъ имѣлъ со Швеціей, такъ какъ они могутъ быть предосудительны для государства. Тотъ не хотѣлъ повиноваться ему,

но, вопреки его увѣщаніямъ, написалъ письмо въ Швецію, которое было перехвачено на финляндской границѣ. Вслѣдствіе этого о. Романъ былъ спрошенъ, зналъ ли о томъ его настоятель, на что онъ отвѣтилъ, что объ этомъ должно спросить настоятеля. Такимъ образомъ отецъ Аполлоній былъ вызванъ въ Петербургъ. Злоба, которую о. Романъ питалъ къ о. Аполлонію, внушила ему этотъ отвѣтъ; а злоба была за то, что генералъ предпочелъ первому послѣдняго, выбравъ его своимъ проповѣдникомъ, такъ какъ не зналъ, что дѣлать съ монахомъ, вовсе не знавшимъ нѣмецкаго языка. О. Романъ когда то былъ въ службѣ французскаго короля въ чинѣ подполковника.

Я проѣхалъ черезъ деревню Хици, расположенную на рѣкѣ Груни и принадлежащую къ Гадячскому замку, потомъ проѣхалъ черезъ Цѣпки, деревню, принадлежащую судьѣ генеральному Чернышу и въ нѣсколькихъ верстахъ за ней ночевалъ.

28. Проѣхалъ черезъ деревню Подолки, принадлежащую Гречаному, и въ милѣ (à une mille) отъ нея остановился на полянѣ для обѣда.

Потомъ проѣхалъ черезъ Ольшану, принадлежащую Сумскому полку, и дальше черезъ Песчаный Бродъ, деревушку, которую Андрей, старшій сынъ Полуботка, получилъ въ приданое за женой. Здѣсь я остановился, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Ночь провелъ въ деревнѣ, подлѣ болота.

29. Проѣхалъ черезъ Терны, и въ 4 миляхъ оттуда остановился на обѣдъ.

Переѣхалъ черезъ рѣку Сеймъ; переправа черезъ нее принадлежитъ императрицѣ, и это мѣсто называется Макшовицы. Здѣсь я заплатилъ перевозчикамъ 56 коп. Сборщикъ, русскій купецъ изъ Нѣжина, Максимъ Алексѣевъ сынъ, угостилъ меня свѣжей рыбой. Остановился подлѣ Вязенки для отдыха лошадямъ.

Проѣхалъ черезъ Вязенку и Холопки, оба селенія принадлежатъ Глуховскому монастырю, и совсѣмъ близко отсюда провелъ ночь, за лье (une lieue) отъ Глухова.

30. Прибылъ въ Глуховъ въ воскресенье утромъ. Сдѣлалъ визитъ прокурору и обѣдалъ у него, выслушавъ обѣдню въ церкви

duchesse de Camp. (?) Вечеромъ сдѣлалъ визитъ бригадиру, гдѣ оставался 3 часа. Въ тотъ же день мнѣ былъ сдѣланъ визитъ полковникомъ Иваненко и госпожей Савичъ.

31. Полковникъ и прокуроръ отправились на охоту. Я пригласилъ на обѣдъ Матвѣя Черняховскаго и Саковича. Князь Четвертинскій посѣтилъ меня утромъ и въ послѣ-полуденное время; бесѣдовали отъ 4 до 5 часовъ. Отъ него я услыхалъ острое словцо Веселовскаго, покойнаго шута короля Яна; онъ говорилъ ему, что польскій король вытиралъ (le cu?) великому князю литовскому; это очень напоминаетъ то, что говорилъ мнѣ кап. (Cap.) Іовъ: Майнцскій курфирстъ, нынѣ правящій, заставлялъ одного дворянина оказывать себѣ подобную услугу. Дорога, по которой я слѣдовалъ, отправляясь въ Глуховъ: Гадячъ, Цѣпки, Ольшана, Терны, Вязенка, Хицы, Подолки, Песчаный Бродъ, Макшовицы (переправа), Холопки, Глуховъ.

Іюнь 1. Авдиторъ сдѣлалъ мнѣ визитъ; потомъ я отправился къ прокурору, отъ котораго узналъ, что наши обязались строить въ Петербургѣ дома и что мой отецъ для спокойной жизни купилъ домъ духовника.

Послалъ просьбу въ коллегію. Передалъ Матвѣю письмо для моего отца, помѣченное 1-мъ іюня.

Жены опальныхъ послали провизію въ Петербургъ своимъ мужьямъ. Прокуроръ прислалъ мнѣ боченокъ пива. Экономъ княгини прислалъ мнѣ пива и меду. Потомъ пришелъ навѣстить меня, а также былъ князь, и затѣмъ Стаховичъ.

2. Былъ у прокурора и по возвращеніи меня навѣстили князь и Романовъ. Саковичъ угостилъ меня свѣжей рыбой, пивомъ и медомъ.

3. Былъ у прокурора и у бригадира, потомъ въ коллегіи. По возвращеніи, навѣстилъ меня князь, котораго я встрѣтилъ, направляясь къ полковнику Бальцеру. Вечеромъ пришли ко мнѣ экономъ княгини, а потомъ Андріашъ.

4. Былъ у бригадира, и собственноручно передалъ письмо моей матери его женѣ. Былъ въ коллегіи и, пообѣдавъ у г-жи Савичъ,

навѣстилъ секретаря на его квартирѣ, а потомъ сдѣлалъ визитъ полковнику Рудякову.

5. Сдѣлалъ визитъ майору Кроковскому, потомъ майору Молчанову и прокурору. Кроковскій посѣтилъ меня послѣ полудня. Получилъ наши бумаги отъ Булгакова. Надѣинъ, Кремеповъ и Самсоновъ, въ сопровожденіи еще одного лица, навѣстили меня.

6. Воскресенье. Былъ у бригадира и у прокурора и простился съ ними. Потомъ пошелъ въ церковь и послѣ того навѣстилъ Саковича, М-г Мишеля, секретаря Артельнаго, войта почепскаго Гавріила Никифорова сына Лукина, которому я адресовалъ письмо для моего отца, помѣченное сегодняшнимъ числомъ. Обѣдалъ у г-жи Савичъ, сдѣлавъ послѣдній визитъ Левенцу. Наконецъ, выѣхалъ изъ Глухова, проѣзжая 7-го числа черезъ Холопки, Путивль, Грузкую, 8-го Вовковцы, Лучки, Вязюнку, Били Береги, Смѣлу, Русановку. Прибылъ въ Сорочинцы.

9. Получилъ письмо отъ генерала Вейсбаха, написанное моей матери, на которое я отвѣтилъ его превосходительству тотчасъ же. Въ то же время написалъ письмо отцу.

10. Видѣлъ представленіе комедіи черниговскими учениками.

Молнія ударила въ колокольню Николаевской церкви, разбила крестъ и повредила два столба.

12. Слушалъ тяжбу между Тищенкомъ изъ Савинецъ и Матвѣемъ Карпенкомъ, живущимъ въ Павловкѣ, въ Гадячскомъ повѣтѣ, по поводу земель, которыми владѣетъ Тищенко по правамъ своей жены. Изслѣдовавъ дѣло, я рѣшилъ этотъ споръ въ пользу Тищенка, которому присудилъ спорныя земли за то, что онъ содержалъ свою тещу, оставленную сыномъ, вплоть до ея смерти. Этотъ сынъ — отецъ Карпенка. Впрочемъ, я приказалъ уплатить въ пользу Карпенка судебныя издержки, на которыя онъ потратилъ 6 гривенъ съ присоединеніемъ 3 золотыхъ; эти деньги удержалъ мой войтъ (Baillif) до разрѣшенія дѣла, но уплатить подъ тѣмъ условіемъ, что Карпенко уступитъ свои права на сказанныя земли.

13. Мой братъ вернулся изъ Переяслава.

14. Денисевичъ прибылъ въ Сорочинцы въ сопровожденіи молодого человѣка, Григорія Дробицкаго, племянника харьковскаго полковника.

15. Видѣлся съ своей матерью въ Хомутцѣ, и, бесѣдуя по дорогѣ съ Денисевичемъ, узналъ отъ него причину опалы покойнаго полковника изюмскаго Захаржевскаго: онъ присваивалъ себѣ дорожныя пошлины (péages), и объ этомъ донесъ капитанъ Чирковъ.

По возвращеніи изъ Хомутца осмотрѣлъ пчелъ. Ихъ оказалось: старыхъ ульевъ 122, молодыхъ 78.

Вдова Якова, нашего слуги, бывшая потомъ замужемъ за маляромъ Дмитріемъ, выкрасившимъ мой экипажъ, умерла отъ чахотки.

17. Навѣстилъ брата въ Портянкѣ. Моя жена, въ сопровожденіи его жены, по выходѣ изъ воды при купаньи чуть было не упала въ ровъ.

Возвращаясь изъ Портянки, получилъ по дорогѣ письмо отъ лубенскаго полковника относительно рябой лошади, которую хотѣлъ бы купить прокуроръ. Уладилъ споръ Марьи Хведорихи, крестьянки изъ Поповки, съ ея племянниками изъ-за части лѣса, которую, по утвержденію Марьи, она получила въ наслѣдство отъ своей матери, передъ смертью той. Но она не могла выставить свидѣтелей, кромѣ одного сапожника, Яремы Крученка, уроженца борзенскаго. Потомъ оказалось, что не мать, а братъ ея Юско уступилъ ей часть лѣса. Наконецъ, такъ какъ дѣти Юска не желали лишать свою тетку того, что завѣщалъ ей ихъ отецъ, я утвердилъ за ней владѣніе названнымъ кускомъ лѣса, уступленнымъ ей ея племянниками, и запретилъ ей въ тоже время захватывать наслѣдство племянниковъ.

18. Иванъ Смола, потоцкій атаманъ, принесъ мнѣ двухъ козуль.

19. Въ субботу навѣстилъ свою мать въ Хомутцѣ. Она перемѣнила два слова въ моемъ отвѣтѣ лубенскому полковнику: лошадь нельзя ни подарить, ни продать. Самъ я на это не рѣшился.

20. Моя мать купила котелъ для пива у одной миргородской женщины, по имени Климихи, вѣсомъ 3 камня за фунтъ 25 коп. Всего 30 руб.

21. Возвратился изъ Хомутца въ Сорочинцы и узналъ отъ своего войта, что былъ такой сильный дождь, что всѣ улицы въ Савинцахъ были затоплены, и потонуло много свиней и телятъ. Пчелы, поставленныя на вершинѣ холма, были унесены дождевыми потоками, свергавшимися съ холма.

22. Былъ въ Савинцахъ.

23. Ѣздилъ въ Хомутецъ.

24. Моя мать пригласила обѣдать игумена Исаію Антоневича изъ Ковинскаго (de Kowin) монастыря, близь Буды, столицы Венгріи. У него былъ паспортъ отъ митрополита, живущаго въ Карловицѣ, Викентія Поповича. Онъ говоритъ, что въ Венгріи только одинъ православный монастырь, основанный старинными сербскими деспотами, которые поддерживали хорошія отношенія съ венгерскими королями путемъ взаимныхъ браковъ.

25. Одинъ козакъ изъ охочекомоннаго полка явился въ Хомутецъ требовать обратно свою бѣлую лошадь у моей матери; эту лошадь мой отецъ приказалъ взять у него 3 года тому назадъ вмѣстѣ съ своей собственной, которую нашли у его брата, Савки Стеслицкаго. А этотъ козакъ называется Стафанъ Стеслицкій. Онъ купилъ лошадь нашего завода арабскихъ лошадей отъ нѣкоего Стефана Бурки, живущаго въ Китай-городѣ. Онъ (Бурка) въ настоящее время сидитъ въ тюрьмѣ въ Лукомлѣ, гдѣ его поймали въ воровствѣ.

27. Мы отправили нашего войта изъ Савинецъ въ Петербургъ.

28. Моя мать дала 4 рубля за лошадь и 1 рубль за сѣдло Стефану Стеслицкому. Навѣстилъ своихъ пчелъ, и тамъ узналъ отъ сына пасѣчника, что трава съ маленькими бѣлыми цвѣтами, растущая подлѣ прудовъ и называемая вехъ, губитъ овецъ, если тѣ поѣдятъ ее.

Іюль 1. Мы отправили Лискевича въ Польшу. Моя мать дала ему на дорожныя издержки 20 рублей и пять золотыхъ дукатовъ. Она дала еще 4 рубля Ястржембскому, который утверждаетъ, что потерялъ свои деньги, когда въ прошломъ году былъ посланъ въ Польшу.

Нужно замѣтить, что тотъ, кто имѣетъ право выкупа родового имѣнія, кромѣ того что уплатитъ за выкупъ отчужденнаго имѣнія не обязанъ возмѣщать издержки, въ которыя могъ войти покупатель. Но тотъ, кто продаетъ землю безъ вѣдома своихъ родственниковъ какому-нибудь чужеродцу (étranger), обязанъ уплатить (bonifier) ему издержки.

2. Былъ въ Сорочинцахъ, далъ 5 рублей маляру и къ вечеру возвратился въ Хомутецъ.

3. Въ польскомъ правѣ есть три основанія, по которымъ нельзя исполнять должность судьи, именно: рожденіе, право, полъ. По рожденію—тотъ не можетъ быть судьей, кто находится въ бѣшенствѣ, безуменъ, лунатикъ, нѣмъ, слѣпъ, глухъ и моложе 21 года. По праву исключаются изъ судебной должности—отлученные отъ церкви (maudits), банниты, схизматики, евреи, безчестные люди, незаконнорожденные, такъ какъ неприлично облекать какимъ-либо достоинствомъ человѣка, чѣмъ нибудь запятнаннаго.

Женщины исключены изъ всѣхъ должностей.

4. Крестьяне изъ Черевковъ завели споръ изъ-за полей съ крестьянами Поповки. Послѣдніе захватывали земли первыхъ, не довольствуясь раздѣломъ, произведеннымъ моимъ отцомъ. Наконецъ, судья примирилъ противниковъ, приказавъ имъ удовлетвориться произведеннымъ раздѣломъ. И такъ какъ черевковскіе крестьяне все еще продавали общія поля, то онъ запретилъ имъ дальнѣйшую продажу, ссылаясь на договоръ, состоявшійся между крестьянами, въ силу котораго всякій вправѣ косить и пахать, гдѣ ему угодно, однако безъ присвоенія себѣ и малѣйшаго клочка земли.

Крестьянинъ изъ Поповки, Гаврило Полиѳненко (?) жаловался на то, что его лугъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ скошенъ въ нашу пользу, былъ еще скошенъ и другими. Потому мы приказали ему, я и судья, забрать все сѣно, которое получилось съ его луга, у того, кто оказался настолько дерзокъ, что косилъ безъ позволенія; а если владѣлецъ луга сжалится надъ этимъ человѣкомъ, то пусть возьметъ третью или четвертую часть. Младшій сынъ Стешенка изъ Хомутца принесъ жалобу на то, что его

старшій братъ постоянно повреждаетъ фруктовыя деревья въ саду, завѣщанномъ ему отцемъ, всегда проходя черезъ этотъ садъ, и для доказательства, что его отецъ завѣщалъ ему названный фруктовый садъ, онъ показалъ завѣщаніе, которое было въ надлежащемъ видѣ, за исключеніемъ того, что было нѣсколько словъ, написанныхъ внѣ строки, что весьма подозрительно въ завѣщаніи. Старшій сынъ Стешенка дѣлалъ это по злости, и я запретилъ ему, подъ страхомъ наказанія, проходить черезъ садъ безъ позволенія брата.

Я ввелъ савинецкаго козака Стефана Остапенка, во владѣніе землей, которую онъ купилъ у одного крестьянина изъ Олыхвировки, послѣ того какъ его сестра уступила эту землю. Ставищенки, за двоюроднымъ братомъ которыхъ была его сестра, имѣя претензію изъ-за этого, бросили ему (Остапенку) назадъ деньги, и онъ принужденъ былъ взять ихъ по приказу сорочинецкаго сотника. Но я отмѣнилъ это постановленіе, присуждая названную землю Стефану Остапенку, ибо онъ состоитъ ея владѣльцемъ уже десять лѣтъ, по его объясненію.

Судья выѣхалъ въ Голтву, а мы поѣхали въ степь. Моя мать приказала мнѣ спросить у пастуха, сколько овецъ въ Стовбинской кошарѣ и онъ сказалъ мнѣ, что тамъ ихъ 780.

Конюхъ призналъ одного русскаго крестьянина среди нашихъ извозчиковъ Ивана Никитина, котораго извозчикъ Никита Чумаченко послалъ съ нами вмѣсто себя, какъ своего наймита (mercenaire). Мы тотчасъ отослали его назадъ въ Сорочинцы подъ надежной стражей. Этотъ русскій называетъ себя уроженцемъ окрестностей Бѣлева, принадлежащихъ какому то сержанту (à un serg), его зовутъ Иванъ Григорьевъ, служилъ сначала Бару, потомъ Иршенку и затѣмъ Чумаченку.

5. Хомутецкіе косари начали косить; я ихъ видѣлъ.

6. Такъ какъ крестьяне Поповки, Черевковъ и Бакумовки (Pop., Czerew. et Bak) не могутъ уладиться между собой, то я послалъ Александра съ миргородскимъ войтомъ и одного козака, Мамерича, въ качествѣ коммиссаровъ, которые приказали имъ удовлетвориться раздѣломъ, произведеннымъ моимъ отцомъ.

Крестьяне (подданные) Поповки и Бакумовки начали косить. Мой братъ къ вечеру пріѣхалъ въ степь.

9. Я извлекъ изъ итальянской книги Teatro politico ceremoniale слѣдующія мѣста: (*Слѣдуетъ выписка*).

Получилъ письмо отъ Скоропадскаго, помѣченное Мигулинскимъ монастыремъ.

10. Кулябка съ женой пріѣхали въ степь.

11. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи Les filles errantes: (*Слѣдуетъ выписка*).

13. Кулябка уѣхалъ въ Лубны, а Ломиковскій въ Шахворостовку.

Написалъ письмо капитану Штоффелю.

14. Навѣстилъ въ Еркахъ косарей, которыхъ было 37. Пришло 15 косарей изъ Черевковъ, которымъ я показалъ мѣсто, гдѣ они должны косить.

15. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи La coquette.

Мѣста изъ Ceremoniale Historico Politico

16. То-же самое.

17. Моя мать дала $2^1/_2$ руб. нашему конюху, чтобы былъ уплоченъ его долгъ сотнику Сѣнчанскому, сынъ котораго пришелъ съ жалобой на то, что конюхъ не уплатилъ долга.

Мы отправились въ Шахворостовку.

Число всѣхъ косарей: въ Хомутцѣ 120, Поповкѣ 200, Бакумовкѣ 40, Черевкахъ 15, Еркахъ 38, Зубовкѣ 30, Сорочинцахъ 22.

18. Получилъ въ Шахворостовкѣ письмо (пропускъ въ текстѣ), писанное моему отцу, въ которомъ онъ требуетъ назадъ лошадей, взятыхъ въ Хомутцѣ отъ крѣпостныхъ его господина за то, что хотѣли увезти жену вора (пропускъ въ текстѣ) по ту сторону Днѣпра.

Мой братъ прибылъ съ своей женой.

19. Получилъ письмо отъ генерала Вейсбаха съ приложеніемъ кипы газетъ. Вотъ извлеченіе изъ нихъ: (*Слѣдуетъ выписка*).

20. Мы выѣхали изъ Шахворостовки: я и мой братъ въ степь, а наша матушка въ Хомутецъ.

21. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи Ésope: (*Слѣдуетъ выписка*).

Сегодня утромъ начали стричь ягнятъ. Ихъ 1020.

Моя мать прибыла изъ Хомутца въ степь.

22. Мѣста изъ второй книги Ceremoniale Historico Politico: (*Слѣдуетъ выписка*).

23. Получилъ отвѣтъ отъ генерала Вейсбаха относительно газетъ, которыя я отослалъ ему назадъ.

24. Моя мать отправилась въ Шахворостовку вмѣстѣ съ моей женой.

Мѣста, извлеченныя изъ комедіи Deux Arlequins. (*Слѣдуетъ выписка*).

25. Отправились въ Шахворостовку, были тамъ у обѣдни, пообѣдали и поѣхали въ степь.

26. Выѣхалъ со степи и прибылъ въ Сорочинцы.

Моя мать подарила Ломиковскому мальчика (?) (d'un Roussin) въ возрастѣ четырехъ лѣтъ.

27. Отправился съ женой и дѣтьми въ Савинцы вмѣстѣ съ Григоріемъ и Лукой.

28. Мѣста изъ Ceremoniale Histor. (*Слѣдуетъ выписка*).

Генералъ Вейсбахъ черезъ капрала Псковскаго полка, по имени (пропускъ въ текстѣ), прислалъ намъ пакетъ съ письмами отъ моего отца съ присоединеніемъ паспорта отъ князя Меншикова для моей поѣздки въ Петербургъ.

29. Выѣхалъ въ Гадячъ.

30. Былъ у генерала Вейсбаха, гдѣ обѣдалъ, потомъ выѣхалъ изъ Гадяча и поздно ночью прибылъ въ Сорочинцы.

Августъ 1. Выѣхалъ въ Ахтырку и ночевалъ за Груньëю.

2. Прибылъ въ Ахтырку и выѣхалъ въ тотъ же день, пообѣдавъ у князя Голицына.

3. Проѣхалъ черезъ Гадячъ и, простившись съ генераломъ, поздно пріѣхалъ въ Сорочинцы.

4. Прочелъ у Петронія слѣдующіе стихи Нерона:

Въ тотъ мигъ, когда насъ посѣщаетъ скорбь
Нужно утопить горе въ фалернскомъ винѣ
И говорить безпрестанно: Рабъ, наливай вина!

9. Стрижевскій, вмѣстѣ съ нѣкіимъ Уласомъ купилъ упряжку въ нашемъ заводѣ арабскихъ лошадей; далъ за это 900 флориновъ. Пархоменко съ другими полтавскими купцами далъ моей матери 4 рубля, обязываясь уплатить за все масло, по $4^1/_2$ флорина за камень, вѣсомъ въ 36 фунтовъ.

10. Я и братъ приказали взвѣсить серебряныя вещи нашего отца.

Вѣсъ и количество серебряной столовой посуды.

Фляша сребрная вѣсу гривенъ 6, лотовъ 12 и 1 золотникъ. Чара вѣсу ровно гривенъ 5. Куманъ вѣсу гривенъ 8 безъ едного лота. Пугаръ гладкій вѣсу гривна 1 и 12 лотовъ. Пугаръ пестрозлоцѣстий гривна 1, лотовъ десять безъ золотника. Два малыхъ гладкихъ пугаровъ вѣсу въ обоихъ гривенъ 2, лотовъ шесть. Два кубковъ пестрихъ вѣсу гривна 1 и девять лотовъ безъ золотника, кубковъ въ карпю лускȣнѣкомъ 21, вѣсу во всѣхъ гривенъ 12. Кубковъ вибиванихъ съ пуклями, вѣсу въ нихъ гривенъ 3 и 4 лота. Кубочокъ такой же работы съ пуклями лотовъ осмь. Кубочковъ два зъ мушлями (sic) гривна одна и два лота. Чарочокъ горѣлчанихъ подъ цапу 12, а другихъ гладкихъ подъ бляхмалъ визолоченихъ 12, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 4 и пять лотовъ. Чайникъ еденъ вѣсу гривенъ 3 и 5 лотовъ безъ золотника. Тарелокъ 12, вѣсу гривенъ 14 и осмъ лотовъ. Пушка на цукоръ вѣсу гривна 1 и осмь лотовъ. Ложечокъ маленкихъ (пропускъ въ текстѣ) вѣсу 12 лотовъ. Ножовъ паръ 5, вѣделокъ 5, вѣсу гривна 1 и дванадцать лотовъ. Ложокъ зъ одливаними шталями 25, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 9. Ложокъ зъ еленями 9. Вѣсу въ нихъ гривенъ 2 и 3 лота безъ 1 золотника. Ложекъ нѣмецкихъ гладкихъ 36, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 14 и 6 лотовъ. Ложокъ кіевской роботи гладкихъ 24, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 6 и 6 лотовъ и 1 золотникъ. Великая креденсовая ложка, вѣсу въ ней гривна 1 и 3 лоти. Менша креденсовая ложка,

вѣсу въ ней 11 лотовъ. Таць двѣ срѣбрнихъ, вѣсу въ нихъ (не обозначено въ текстѣ).

Списокъ моего серебра съ обозначоніемъ вѣса.

Большой подсвѣчникъ вѣситъ 2 марки (marcs) и полъ унціи. Письменный приборъ съ подсвѣчникомъ и приборомъ для пудренія (le poudrier)—1 марка и 1 унція. Кофейникъ—2 марки $6^1/_2$ унцій и 1 треть. Маленькій чайникъ—2 марки безъ трети. Большой чайникъ—2 марки безъ трети. Два маленькихъ подсвѣчника—2 марки безъ полъ-унціи. Дюжина ложекъ—3 марки безъ трети. Малыя ложки—4 унціи. 8 ручекъ къ ножамъ—$1^1/_2$ марки. 7 вилокъ—1 марка и 1 унція. 4 малыхъ блюдца—1 марка. Шесть чашекъ (taces)—1 марка и $1^1/_2$ унціи. Малый кубокъ (pot) съ крышкой—1 марка и 3 унціи. Блюдо—3 марки. Щипцы—$2^1/_2$ унціи.

Списокъ сбруи и сѣделъ.

Рондзѣкъ турецкій съ поднаперсемъ и подогоннемъ. Рондзѣкъ съ поднаперсемъ безъ подогоння, якее Ромазанъ стратилъ.—Рондзѣкъ съ поднаперсемъ и зъ пидогоннемъ, на сафіянѣ сажени.—Кулбакъ оправнихъ 2, една червоная аксамитная, другая жовтая суконная съ платами и покровцями.—Сагайдаковъ 2, еденъ новій подъ бляхмалемъ, другий старий подъ позлотою.—Шабель двѣ, една зъ асписовимъ ренконстемъ; друга—зъ полскимъ крижемъ.

16. Получилъ отъ матери на дорогу въ Петербургъ 400 рублей, еще получилъ отъ нея на конфекты 12 червонцевъ. Она возвратила мнѣ то, что я издержалъ въ Ахтыркѣ, давъ 5 червонцевъ и еще дала 10 червонцевъ для того, чтобы у меня было ровно 200 серебряныхъ рублей, которые мы получили за 6 упряжныхъ лошадей, и изъ которыхъ уже не хватало 20 руб.

17. Выѣхалъ изъ дому въ С.-Петербургъ. Провелъ ночь въ Савинцахъ.

18. Хвеско принесъ слѣдующій списокъ нашихъ конскихъ заводовъ и нашего скота:

Въ хуторѣ Стовбинскомъ стада панского: Коней самихъ 176, кобилъ 49, лошатъ 29, стрижчатъ 24, комлицкихъ кобилъ 6, комлицкихъ коней 53, итого всего 337. Въ томъ же хуторѣ коровъ дойнихъ 32, телятъ 32, коровъ яловихъ 44, бугаевъ 6, итого всего 114. Въ хуторѣ Глобинскомъ стада панского: кобилъ 216, стрижчатъ 82, лошатъ малихъ сеголѣтнихъ 98, итого всѣхъ 396. Въ томъ же хуторѣ телицъ 48. Въ Пустовойтовомъ: биковъ 160. Въ Кибинскомъ: коровъ дойнихъ 38, телятъ 39, коровъ яловихъ 49, бугаевъ 4, всего того 130. Въ томъ же Кибинскомъ моего товару: коровъ дойнихъ 50, телятъ 48, бугаевъ 4. Въ Новачисѣ Павлусевого стада: кобилъ зъ дриґантами 74, стрижчатъ 19, лошатъ 22. Итого всего 115. Тамъ же товару: воловъ 48, коровъ дойнихъ 41, телятъ 38, коровъ яловихъ 14, телицъ третячокъ 18, бугаевъ 4. Въ Пустовойтовомъ Павлусевыхъ же: биковъ 44. Въ Глобиномъ его жъ: телицъ 14. Итого всего 221. Овецъ панскихъ всѣхъ по розниxъ хуторахъ 2000, зъ которихъ мнѣ едну тисячу панѣ отдѣлила.

Ягнятъ сеголѣтнихъ панскихъ 1000.

Моя мать хотѣла удѣлить на мою часть 100 кобылъ, изъ которыхъ у половины были бы годовые жеребята, а у другой половины двухгодовые.

19. Выѣхалъ изъ Савинецъ и ночевалъ въ деревнѣ по сю сторону Лучекъ, гдѣ козакъ Василій Охрименко принесъ мнѣ сотоваго меду.

20. Выѣхалъ изъ того мѣста, гдѣ ночевалъ, и остановился на обѣдъ по сю сторону Лучекъ. Послѣ обѣда проѣхалъ черезъ Лучки, а потомъ мимо Русановки, гдѣ наши лошади чуть было не утонули въ болотѣ, подлѣ котораго мы ночевали.

21. Мы рано выѣхали и остановились на обѣдъ у поляны, принадлежавшей покойному Зеленскому.

Послѣ обѣда проѣхали Оксютинцы и ночевали подлѣ Будокъ, принадлежащихъ Несторовичу. Передъ Оксютинцами мы получили письмо отъ прокурора касательно одного мастера, который умѣетъ строить хаты (maisons), на манеръ той, которая находится въ нашей овчарнѣ (bergerie).

22. Провели весь день подлѣ Будокъ, выпивъ до излишества.

23. Разстался съ своей женой и братомъ, потомъ проѣхалъ черезъ Будки, черезъ Смѣлое и остановился на обѣдъ на полянѣ около Ромна. Послѣ обѣда проѣхалъ черезъ Терновское болото, потомъ черезъ Грузкую, черезъ Красненское болото, черезъ деревню Козацкую и, наконецъ, провелъ ночь въ полумилѣ отъ сказанной деревни.

24. Всталъ до восхода солнца и переѣхалъ рѣку Сеймъ въ въ Мутинѣ въ двухъ мѣстахъ. Потомъ проѣхалъ Мутинъ, Ярославецъ и остановился для ночлега подлѣ мельницы Павловскаго, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Глухова.

25. Прибылъ въ Глуховъ и тотчасъ же былъ у прокурора, потомъ привѣтствовалъ бригадира въ коллегіи, гдѣ далъ объясненіе (je donnai une donossenie) касательно упряжныхъ лошадей.

26. Прокуроръ далъ мнѣ паспортъ, потомъ пригласилъ на обѣдъ; послѣ обѣда я простился съ нимъ. Савинецкій войтъ (le baillif de S) возвратился.

27. Простился съ бригадиромъ, съ герцогиней de Camp.. (?), потомъ съ Божьей помощью выѣхалъ изъ Глухова.

Расходы, сдѣланные мною послѣ того какъ разстался съ братомъ:

Далъ г. Лукѣ червонцевъ 5, Удеру (à Uder?) одинъ дукатъ 1, слугамъ, оставшимся съ моей женой, 3 рубля; на мясо 18 коп.; нищимъ и на пиво 8 коп., на хлѣбъ 6 коп., за налаживаніе париковъ 30 коп., банщикамъ (aux baigneurs) 4 коп., почтарямъ (aux postillons) 1 руб. 8 коп., на вино 1 руб. 50 коп., на рыбу 22 коп., за рогожу (pour une mate) 12 коп., за боченокъ 4 коп., за телѣгу 98 коп., за наварку топора 4 коп., за буравъ (foret) 8 коп., за колесо 4 коп., за два малыхъ подосника (bares) 3 коп., за склейку сломаннаго стакана 2 коп., за мѣдный горшокъ 60 коп., стремянному (au palefrenier) 20 коп., на вино 16 коп., за колесо въ Товстодубовѣ 10 коп., почтарямъ въ Есмани на водку 3 коп.

Дорога отъ Глухова до Москвы. Глуховъ. В. 14. Есмань В. 17. Товстодубовъ. Ночлегъ. Мы заплатили здѣсь за двѣ оси и за два подосника 11 коп.

Мы доплатили здѣсь остальное почтарямъ серебромъ, именно рубль 36 коп.

28. Кузнецу за гвозди 2 коп. В. 35. Сѣвскъ. Ночлегъ. Посѣтилъ полковника Чернышева. Мы потратили здѣсь: Глуховскимъ почтарямъ 4 коп., слугамъ названнаго полковника 20 коп., на овесъ 5 коп., за мѣшокъ 3 коп., на сѣно 1 коп., Сѣвскимъ почтарямъ за 210 верстъ по 2 к. 1 рубль 68 коп. (sic).

29. 21 в. Обѣдали подлѣ моста. 30 в. Селеніе Домаха, принадлежащее волошскому господарю. Ночлегъ. Въ Сѣвскѣ на варъ (de poix de bouleau) 6 коп., на сѣно 1 коп., на овесъ 6 коп., на сѣно 2 коп.

30. 10 в. Дмитровка, принадлежащая тому-же господарю. На варъ 6 коп. На хлѣбъ и соль 4 коп. 10 в. Остановились среди кустарниковъ на обѣдъ. Послѣ обѣда 2 в. Лубенки, принадл. полковнику Тараканову. 3 в. Крупична графа Головкина. 2 в. Чуварино (Czuwaryna) Сенявина. 15 в. городъ Кромы. 2 в. Розсыльное (Rozsylna). Ночлегъ. На овесъ 4 коп. Солдатамъ въ Кромахъ Поповичу и Аѳанасію 4 коп.

31. Шахово князя Трубецкого. Здѣсь мы переправились черезъ рѣку Оку, а потомъ черезъ ручьи Кубръ, Рыбянку, 30 в. Орелъ. За курицу 2 коп., за 12 яицъ 2 коп., за яблоки 4 коп., за квасъ 2 коп., и 3 полушки; за хлѣбъ 1 коп. Послѣ обѣда переправились черезъ ручьи: Оптуху (Obtucha) и Лысицу (Lysica) и, будучи застигнуты ночью, переночевали здѣсь, въ 25 верстахъ отъ Орла. (*Слѣдуетъ пропускъ незначительныхъ свѣдѣній о дорожныхъ издержкахъ*).

Дорога отъ Глухова въ Москву съ указаніемъ числа верстъ. Глуховъ. 14. Есмань. 17. Товстодубовъ. 35. Сѣвскъ. 21. Мостъ (Pont) 30. Домаха. 10. Дмитровка. 12. Лубенки. 3. Крупична. 2. Чуварино. 15. Кромы. 2. Розсыльное. 3. Шахово. 30. Орелъ. 28. Думчино. 10. Мценскъ. 10. Потриково. 10. Скуратово. 15. Малое Скуратово (Szkuratowa machenka). 20. Плава. 15. Лапотково. 5. Солово. 25. Ясная Поляна. 17. Тула. 3. Горѣлки. 7. Богучарово. 5. Тулище. 15. Вашана. 3. Телѣгино. 2. Антоново. 5.

Каменка. 10. Заводы. 5. Микола (Mikoła). 5. Городна. 10. Липецъ. 3. Ока. 2. Серпуховъ. 3. Паниковка. 4. Московка. 2. Кузьминка. 8. Сухая Лопасня. 5. Чепелево. 4. Красные Холмы. 1. Алексѣевка. 5. Молоди. 17. Кутузово. 3. Пахра. 5. Сырово. $1^1/_2$. Молодцы. 9. Абицы. 5. Городня. 5. Голубенки. 1. Чартаново. 8. Москва. Всего 500.

14. Слушалъ обѣдню въ Богоявленскомъ монастырѣ. Дочери Левенца 60 к. Священникамъ-арестантамъ (aux prètres prisonniers) 1 к. 5 аршинъ сукна 7 р. 50 к.

15. Портному на прикладъ (garniture) къ шинели (manteau) 70 к. Серебряная шпага 11 р. 15. Перевязь (baudrier) 70 к.

17. Шляпка (bonnet) для моей жены 4 руб., шелковые чулки 2 р. 70 к., 2 пары шерстяныхъ чулокъ 43 к., du rach 90 к., за 1 четверть бархата 75 к. Туфли 30 к. за платяныя щетки 7 к., за пару куньихъ шкурокъ (martes) для г-жи Ломиковской 2 р. 50 к. Capres de l'argent моего брата 1 р. 95 к., за 2 билліардныхъ шара съ молотками и кіемъ (Pour deux *billes* avec une masse et une queue) 3 р. 50 к.

18. Парикъ 3 золотыхъ дуката. За налаживаніе моихъ париковъ 70 к.

Я пригласилъ обѣдать Горленка, Гамалію, Поставскаго Юрія и разныхъ другихъ лицъ. Вечеромъ посѣтилъ меня сынъ полковника Пантелеймонъ (Pantelemon). Купилъ для своего отца одноколку (chaise rulante) за 14 р.

19. Портному за фасонъ шинели (pour la façon du manteau) 1 р. 20 к. Сапожнику за пару сапогъ и за пару башмаковъ 2 р. 70 к. За двѣ куньихъ шкурки для моего брата 2 р. 75 к.

20. 13 фунтовъ имбирю по 70 к. фунтъ 9 р. 10 к., 5 фунтовъ гвоздики по рублю фунтъ—5 р., 5 фунтовъ мелкихъ лимоновъ по 80 к. фунтъ—4 р., за боченки 30 к., за конфекты (des sucres) для моихъ дѣтей 80 к. Двѣ русскихъ книги 80 к. Мѣшочекъ для волосъ 21 к. Бутылка элексира 24 к.

23. Съ Божьей помощью выѣхалъ изъ Москвы и провелъ ночь въ Всесвятскомъ—4 версты,—принадлежащемъ царевичу Имеретинскому.

(*Опускаются числа 24 сент.—14 октября, какъ заключающія въ себѣ лишь незначительныя свѣдѣнія о дорожныхъ издержкахъ*).

15. 35 в. С.-Петербургъ. Благодаря Бога, нашелъ своего отца въ добромъ здравіи. Жураковскій, Лизогубъ, Валькевичъ, Корецкій, Грабянка навѣстили моего отца.

16. Мы были у князя Меньшикова. Прибылъ мой багажъ.

17. Утромъ мы посѣтили Бассевича. Оттуда я пошелъ передать письма князю Меньшикову. Послѣ обѣда насъ посѣтили Корецкій, Валькевичъ, обозный черниговскій, Лаврентій Ханенко, Вишневскій, Матвѣй (Math. ?).

18. Мы имѣли честь засвидѣтельствовать наше почтеніе его королевскому высочеству, герцогу Голштинскому.

Отправилъ письма Бандемиру (Bandemir). За то, что смотрѣли льва, персидскихъ кошекъ, двухъ черныхъ волковъ 15 к. Валькевичъ, Герцикъ и Армашенко были у моего отца.

19. Былъ при дворѣ князя, у Кочубея, потомъ былъ на почтѣ и, проходя, видѣлъ слона. 2 полка гвардіи упражнялись въ стрѣльбѣ изъ мушкетовъ въ присутствіи Ея Величества. На этомъ парадномъ ученіи присутствовалъ также царевичъ грузинскій.

20. Былъ у Бассевича, у духовника, на почтѣ, гдѣ заключилъ условіе съ г. Ашемъ (Asch) на полученіе французскихъ газетъ въ теченіе всего года, что обойдется мнѣ въ 14 р.

21. Былъ у Бассевича, при дворѣ князя Меньшикова, у Потемкина (Potempkin). Послалъ Ашу 14 р., чтобы весь годъ имѣть французскія новости, и далъ 1 р. 20 к. за индійскую трость.

22. Никуда не выходилъ со двора. Бунчужный, Корецкій и Валькевичъ навѣстили моего отца.

23. Былъ при дворѣ князя Меншикова, гдѣ видѣлъ графовъ Головкина и Толстого, Матвѣева, Ягужинскаго и генерала Брюса.

24. Обѣдали у князя Голицына, потомъ я былъ на почтѣ.

25. Отправили наши письма на Украйну съ Грабянкой, который поѣхалъ на Украйну съ Валькевичемъ и Корецкимъ. Былъ у князя Меньшикова, гдѣ видѣлъ Мамонова.

26. Мой отецъ пригласилъ Бибикова обѣдать.

27. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ фунтъ кофе 60 к. Я пригласилъ обѣдать Обидовскаго и Лисеневича. Къ вечеру Шидловскій посѣтилъ моего отца.

28. Мой отецъ пригласилъ обѣдать Ливена. Передъ вечеромъ Обидовскій былъ у насъ въ сопровожденіи Лисеневича. Потомъ посѣтилъ меня M-r Mathieu.

29. Пригласилъ обѣдать Армашенка, который принесъ мнѣ словарь де-Поме; я заплатилъ за него 4 р. 68 к. Былъ у Шидловскаго.

30. Былъ у князя, гдѣ видѣлъ Бассевича; возвращаясь, пригласилъ обѣдать Бандемира и Ливена.

31. Андрею (à Mr André) 1 р. Мой отецъ пригласилъ къ обѣду Якимовича; послѣ обѣда былъ съ визитомъ Данило Перехристъ, потомъ Лисеневичъ доставилъ двумѣстную коляску (une chaise) и одноколку (une chaise roulante); мы усѣлись туда и вечеромъ отправились въ домъ Прокоповича, который принялъ насъ очень любезно. Празднество (le festin) кончилось угощеніемъ закусками и напитками (un régal de rafraichissements).

Ноябрь 1. Видѣлся съ Mr Mathieu.

2. Былъ у князя. Мировичъ, пришедши къ намъ, провелъ ночь въ нашей квартирѣ.

3. Былъ у Mr Mathieu, гдѣ договорился съ однимъ французомъ, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ барометръ за 3 р. 10 к., и далъ 1 р. въ задатокъ.

4. Никуда не выходилъ.

5. Никуда не выходилъ.

6. Былъ у князя Меньшикова, который пригласилъ къ обѣду герцога Голштинскаго, а также иностранныхъ пословъ по случаю дня своего рожденія.

7. Былъ у кн. Меньшикова. Онъ опять пригласилъ обѣдать адмирала принца Гессенъ-Гомбургскаго и много другихъ знатныхъ особъ.

8. Мы были у адмирала. Я пригласилъ къ обѣду Потемкина.

9. Видѣлся съ Mr. André. Посѣтилъ могилу Его Величества.

10. Видѣлся съ Mr. André; потомъ отправился на Васильевскій островъ и, не заставъ князя Меньшикова, возвратился къ себѣ на квартиру. Послѣ обѣда отецъ послалъ меня къ новгородскому архіепископу, но я не засталъ его дома.

11. Никуда не выходилъ. Жураковскій, бунчужный и Шидловскій навѣстили моего отца; послѣдній обѣдалъ у насъ. Къ вечеру Mr Mathieu въ сопровожденіи придворнаго пѣвчаго посѣтилъ меня.

12. Посѣтилъ Mr. André. Отецъ далъ мнѣ 10 руб.

13. Былъ у Mr. André, чтобъ поручиться за него (pour y en faire caution), но ихъ дѣло было отложено. Ханенко ночевалъ у насъ.

14. Слушалъ обѣдню въ церкви князя. Къ вечеру отправился въ сенатъ, гдѣ поручился за Mr André, и привелъ его въ свою квартиру.

15. Былъ съ отцемъ у князя; отецъ подалъ ему просьбу.

16. Mr. Mathieu пригласилъ насъ къ обѣду; мы оставались тамъ далеко за полночь. Проигралъ au lot 60 к.

17. Купилъ серебряную пряжку къ галстуху за 1 р. 20 к.

18. Былъ у князя Меньшикова, но не засталъ его. Посѣтилъ Ливена.

19. Отправилъ письма на Украйну съ Молявкой, онъ уѣхалъ только на слѣдующій день. Былъ у Вишневскаго.

20. Приторговалъ мѣру вина за 5 р. Купилъ у разносчика мраморный письменный приборъ съ песочницей за 60 к.

21. Mr. André читаетъ молитвенникъ—это необычайная вещь. Отецъ далъ мнѣ страшный нагоняй по поводу пира у молодыхъ молдавскихъ князей, куда я собрался итти.

22. Хотѣлъ перейти на другую сторону рѣки, но былъ удержанъ сильной бурей. Казнены два человѣка; одинъ изъ нихъ былъ драгунъ и назвалъ себя царевичемъ. Вина другого мнѣ неизвѣстна. Предано землѣ тѣло покойнаго Отте (Otte), оберъ-цейхмейстера, съ обычными церемоніями.

23. Мы поздравили князя Меньшикова съ днемъ рожденія, Потомъ мы пригласили къ обѣду Кочубея, Обидовскаго, Танскаго. Ханенка, Лисеневича.

24. Присутствовали на богослуженіи въ церкви св. Троицы, куда отправилась Ея Величество въ сопровожденіи своей фамиліи. О. Лопатинскій произнесъ трогательную рѣчь.

25. Былъ у Бассевича. Договорился съ парикмахеромъ за рубль въ мѣсяцъ, и тотчасъ уплатилъ деньги.

26. Былъ у игумена Кролика и у Обидовскаго, гдѣ получилъ письма изъ дому.

27. Никуда не выходилъ.

28. Былъ въ кофейнѣ, гдѣ издержалъ 30 к. Къ вечеру отправился повидать M—r Mathieu и по возвращеніи засталъ у отца Обидовскаго, Лисеневича и Зинковскаго.

29. Былъ въ кофейнѣ и истратилъ 10 к. Потомъ былъ у Обидовскаго, въ кабинетѣ рѣдкостей (à raretez) и у игумена Кролика, гдѣ оставался далеко за полночь.

30. Слушалъ обѣдню въ Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ настоятель (l'Abbé) Кондоиди произнесъ очень прекрасную рѣчь. Послѣ обѣдни у меня былъ съ визитомъ Стефановичъ въ сопровожденіи дворецкаго (du maître d'hôtel) новгородскаго архіепископа. Пригласилъ къ обѣду Левицкаго и Лисеневича.

Декабрь 1. Никуда не выходилъ. Вечеромъ приходили къ намъ Мировичъ и Стефановичъ; первый поужиналъ съ нами.

2. Былъ у князя и, не заставъ его, пилъ чай у Ливена съ Обидовскимъ и Лисеневичемъ.

3. Ссудилъ 60 руб. Михаилу Солодушенку, роменскому купцу.

4. Былъ съ отцомъ у князя, гдѣ купилъ за 10 р. слѣдующія книги: Ésope en belle humeur. Le Spectateur 3 тома, Régles de le vie civile 2 тома, Лукіана (Lucien), грамматику Венерони, различныя сочиненія (oeuvres divers), Relazione di Russia, L'homme détrompé, L'homme de cour, La fortune des gens de qualité, Pastor fido, Traité de la civilité, De l'éducation des princes, французскій словарь и каталогъ новыхъ книгъ.

5. Былъ у Mr. Mathieu, а оттуда пошелъ послушать обѣдню въ римско-католической церкви. Уплатилъ Mr. André 1 р. и Mr. Mathieu 1 р.

6. Былъ у молдавскихъ князей, гдѣ меня пригласили на обѣдъ.

7. Отдалъ визитъ Лизогубамъ, у нихъ былъ еще генералъ Головинъ. Послалъ молдавскому князю словарь де-Поме.

8. Никуда не выходилъ. Русская газета 3 к. Описаніе (rélation) брака герцога Голштинскаго 6 к.

9. Михаилъ Солодушенко уѣхалъ на Украйну. Былъ у князя Меньшикова, но онъ находился въ военной коллегіи.

10. Танскій обѣдалъ у насъ. Послѣ обѣда я былъ у Шидловскаго.

11. Былъ у кн. Меньшикова. Возвращаясь оттуда, пригласилъ къ обѣду Баревскаго и Ливена. Вечеромъ посѣтилъ моего отца духовникъ Ея Величества.

12. Проигралъ au lot 50 к. Насъ посѣтили Обидовскій и Зинковскій.

13. Былъ у Алепли (Aleply), гдѣ также находился молдавскій князь и Ушаръ.

14. Обѣдалъ у духовника Ея Величества. Отецъ далъ мнѣ 12 червонцевъ, чтобы я заказалъ на нихъ одежду себѣ.

15. Былъ у духовника Ея Величества, потомъ въ лавкахъ для покупки сукна; по возвращеніи посѣтилъ во второй разъ Mr Mathieu, гдѣ былъ также молдавскій князь.

16. Купилъ 7 аршинъ сукна. Отецъ далъ мнѣ еще 3 червонца и 2 р.

17. Купилъ 3 аршина тафты для подкладки. Далъ портному 4 р. и 4 гривны на прикладъ. За 1 локоть (aune) полотна 1 р. Прибылъ сынъ Ершова.

18. Былъ у Лизогуба.

19. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; послѣ нея былъ допущенъ къ рукѣ княгини. Послѣ обѣда Лизогубъ и Жураковскій посѣтили моего отца.

20. Отрубили голову одному преступнику за то, что онъ задушилъ человѣка изъ-за пяти гривенъ. Передъ казнью его проводили по всѣмъ улицамъ, наказывая кнутомъ на всѣхъ перекресткахъ. Потомъ повѣсили за ноги одного матроса, который покончилъ самъ съ собою повѣшеньемъ; тѣло его сначала волокли по

всѣмъ улицамъ. Алексѣй (Alexiy) уѣхалъ въ Москву. За 6 русскихъ газетъ 13 к. Проповѣдь 10 к.

21. Фунтъ табаку 25 к. Пара чулокъ 1 р. 80 к.

22. Сынъ хозяина уѣхалъ на каналъ. Табакерка 2 р. 25 к.

23. Мы были у князя, который объявилъ моему отцу, что завтра доложитъ Ея Величеству объ его дѣлѣ. Былъ у князя, но, не заставъ его, просилъ придворнаго священника за одного каторжника (forçat). Потомъ повидалъ Ливена. Послѣ обѣда былъ у Аша, потомъ у М—r Mathieu.

24. Былъ у князя, не засталъ его. Портной принесъ мнѣ новое платье, которое съ фасономъ стоитъ 36 р.

25. Мы выслушали заутреню въ церкви князя, по выходѣ поздравили князя съ Рождествомъ Хр.; потомъ я пошелъ на квартиру, гдѣ пробылъ около получаса, и отправился въ ту-же церковь, гдѣ выслушалъ обѣдню, отслуженную архіепископомъ новгородскимъ; между тѣмъ мой отецъ посѣтилъ адмирала, Ягужинскаго, Толстого, потомъ имѣлъ честь поцѣловать руку Ея Величества. По возвращеніи я нашелъ обоихъ Лизогубовъ и Жураковскаго, которыхъ отецъ пригласилъ обѣдать.

26. Слушали обѣдню въ церкви св. Симеона. Послѣ того обѣдали у Лизогубовъ, откуда отецъ послалъ меня къ князю Меньшикову, гдѣ я засталъ почти всѣхъ пословъ (ministres).

27. Я присутствовалъ при рѣчахъ, которыя держали профессора, недавно прибывшіе изъ Германіи. Оттуда отправился обѣдать къ М—r Mathieu вмѣстѣ съ молдавскими князьями.

28. Обѣдалъ у молдавскихъ князей; тамъ была ихъ сестра.

29. Ушаръ посѣтилъ моего отца и до его ухода я былъ у князя, который при мнѣ отправился на крестины въ качествѣ кума новорожденнаго сына князя Шаховского; потомъ я говорилъ по французски съ молодымъ княземъ Меньшиковымъ. Послѣ обѣда Ушаръ прислалъ свои сани, чтобы отвезти меня къ нему. Оттуда я отправился къ отцу Кондоиди вмѣстѣ съ княземъ Антіохомъ. Наконецъ возвратился къ себѣ на квартиру.

30. Былъ у князя Меньшикова, но не засталъ его дома. Возвратившись, нашелъ у насъ Шидловскаго, Танскаго и Ханенка. Послѣ обѣда былъ у M—r Mathieu, потомъ на почтѣ, гдѣ далъ списокъ книгъ секретарю почтамта.

31. Былъ у кн. Меньшикова; оттуда возвратился къ себѣ; потомъ зашелъ къ Ханенку, съ которымъ былъ у Петра Алексѣевича Ижорина.

Годъ отъ Р. Х. 1726.

Январь 1. Мы поздравили князя Меньшикова, потомъ адмирала, послѣ обѣдни, которую мой отецъ выслушалъ въ Троицкой церкви, мы находились на придворномъ пріемѣ, гдѣ имѣли честь поцѣловать руку Ея Величества. Въ 5 часовъ по полудни мы были приглашены къ обѣду въ Зимній дворецъ Ея Величества, гдѣ мы оставались далеко за полночь и смотрѣли черезъ окна на иллюминацію, которую зажгли по случаю Новаго года.

2. Выслушалъ обѣдню въ церкви князя, которому засвидѣтельствовалъ почтеніе, когда онъ садился за столъ. Сегодня утромъ бѣлгородскій архіепископъ посѣтилъ моего отца. Грицко отправился на Украйну.

3. Былъ при дворѣ князя, потомъ у отца Кондоиди, но не засталъ ни того, ни другого; затѣмъ отправился къ M—r Mathieu тамъ засталъ молдавскихъ князей и пригласилъ ихъ къ себѣ; они посѣтили меня. Послѣ обѣда простился съ игуменомъ Кроликомъ.

4. Ушаръ посѣтилъ моего отца; послѣ обѣда отецъ послалъ меня попросить въ займы 100 руб. у M—r Mathieu, которые тотъ далъ на слѣдующій день.

5. Былъ у князя, у отца Кондоиди, гдѣ взялъ 17 итальянскихъ книгъ; потомъ былъ два раза у новгородскаго архіепископа, но не успѣлъ поговорить съ нимъ; наконецъ, отправившись туда въ третій разъ, я выслушалъ обѣдню и ужиналъ съ его высокопреосвященствомъ.

6. Мы слушали обѣдню въ церкви князя; въ концѣ обѣдни Спираевъ (?) пригласилъ Тевяшова и меня; я оставался тамъ около четверти часа. Я отправился изъ дому обѣдать къ М—r Mathieu; потомъ мы присутствовали при водосвятіи.

7. Капитанъ Опочининъ посѣтилъ моего отца; Ханенко съ Самоторцевымъ обѣдали со мной. Капитанъ недавно прибылъ изъ Украйны. Были Обидовскій и Наркисъ, потомъ Алепли пригласилъ меня къ себѣ, гдѣ я оставался далеко за полночь. Проигралъ тамъ 15 к.

8. Крестилъ сына Григорія, слуги Ершова, съ женой Алепли, которой я подарилъ свой перстень. Истратилъ изъ своихъ денегъ: за золотой дукатъ 1 р. 5 к., починка часовъ 30 к. Мой крестникъ называется Павелъ.

9. Слушалъ обѣдню въ церкви князя, обѣдалъ на квартирѣ Потомъ былъ въ лоттереѣ, гдѣ проигралъ 2 р.

10. Былъ у князя, потомъ опять былъ во второй разъ съ просьбой, чтобы солдаты не выживали насъ изъ нашей квартиры, на что князь согласился, немедленно пославъ своего адъютанта Жеребцова къ полиціймейстеру (auprès du Général de Police), который приказалъ не выселять насъ.

11. Былъ у князя, а послѣ обѣда у отца Кондоиди, который продалъ мнѣ еще двѣ итальянскихъ книги: Исторію Фландріи и Исторію Венгріи за 13 руб.

12. Я взялъ въ долгъ у М—r Mathieu 10 р., изъ которыхъ 5 истратилъ на покупку двухъ названныхъ итальянскихъ книгъ. Былъ у бригадира Вельяминова, но, не заставъ его дома, говорилъ со Стаховичемъ, который сообщилъ мнѣ непріятнѣйшее извѣстіе. Былъ въ банѣ: по выходѣ оттуда думалъ, что умру отъ головной боли.

13. Былъ на квартирѣ бригадира Вельяминова, не засталъ его, потомъ посѣтилъ нѣжинскаго полковника; оттуда навѣстилъ молдавскихъ князей, у которыхъ пообѣдалъ; вечеромъ былъ у настоятеля (l'Abbé) Кондоиди, которому далъ 9 руб. отъ моего отца

за двѣ книги, и 5 р. изъ своихъ денегъ. 19 итальянскихъ книгъ обошлись всего 50 р.

14. Одинъ еврей принесъ мнѣ письмо отъ моего тестя; никуда не выходилъ изъ квартиры. Мой отецъ былъ у князя Голицына. Вечеромъ я навѣстилъ Алопли. Со мной обѣдалъ Ханенко.

15. Послѣ обѣда былъ у князя, послѣ того какъ мой отецъ возвратился отъ адмирала.

16. Слушалъ обѣдню въ церкви Пушкина; по возвращеніи пригласилъ обѣдать Борзаковскаго, Стаховича и Мировича. Послѣ обѣда духовникъ Ея Величества, Лизогубъ, Жураковскій и Данило Перехристъ навѣстили моего отца. Послѣднему (Данилу) я сдѣлалъ визитъ вечеромъ. Максимовичъ ужиналъ и ночевалъ у насъ.

17. Написалъ письма домой и передалъ ихъ Ливену. По возвращеніи отъ князя засталъ у себя на квартирѣ Якимовича и Мировича младшаго, которыхъ я пригласилъ обѣдать. Подвергся ужасной зубной боли. Максимовичъ провелъ ночь у меня.

18. Никуда не выходилъ: вечеромъ Обидовскій и Лисеневичъ навѣстили моего отца. Написалъ письмо глуховскому сотнику.

19. Лизогубъ и Жураковскій навѣстили моего отца. Послѣ обѣда отецъ отправился къ князю Голицыну, которому подарилъ большую трубку. Что касается меня, я сидѣлъ дома. Вечеромъ Жураковскій и бунчужный опять навѣстили моего отца, съ которымъ они разговаривали нѣсколько часовъ. Мой крестникъ умеръ.

20. Былъ у барона Вейсбаха, который передалъ мнѣ письма отъ моей жены и отъ M—r Lucas. Заплатилъ 2 р. за книгу Les curieuses assemblées d'Éva.

21. Никуда не выходилъ. Послѣ полудня отецъ былъ у князя Голицына, гдѣ оставался до вечера.

22. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ пару перчатокъ за 30 к. Фунтъ табаку. Потомъ былъ у князя Меньшикова.

23. Слушалъ обѣдню въ Исаакіевскомъ соборѣ. У отца былъ Жураковскій.

24. У насъ были Шидловскій и Ушаръ. Конюхъ принесъ мнѣ письма изъ дому вмѣстѣ съ книгами, полученными изъ Риги.

25. Никуда не выходилъ.

26. Былъ у переплетчика, потомъ у духовника Ея Величества, гдѣ пообѣдалъ; по возвращеніи былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Во время ученья Семеновскаго полка былъ убитъ выстрѣломъ изъ мушкета одинъ человѣкъ, смотрѣвшій на ученье. Похоронили жену Олсуфьева.

27. Капитанъ Штоффель принесъ мнѣ письма отъ моего брата и отъ М—г Lucas и обѣдалъ съ нами. Послѣ обѣда Le Pr. Mathieu, Обидовскій и Наркизъ были у насъ. Отецъ отправился съ Лизогубомъ и Жураковскимъ къ Ягужинскому, но имъ сказали, что онъ спитъ, и потому онъ вернулись, не видѣвъ его. За переплетъ двухъ нѣмецкихъ книгъ 25 к.

28. Справляли годовые поминки по покойномъ императорѣ. Ея Величество, въ сопровожденіи герцога Голштинскаго и всей августѣйшей фамиліи, присутствовала въ Петропавловскомъ соборѣ на обѣднѣ и панихидѣ; служилъ митрополитъ новгородскій съ другими епископами и игуменами. Послѣ обѣдни настоятель Троицкаго собора произнесъ проповѣдь на евангельскій текстъ: (*пропускъ*).

По выходѣ изъ церкви взялъ съ собою Ханенка, котораго удержалъ обѣдать. Танскій также обѣдалъ у меня.

29. Никуда не выходилъ. До полудня былъ капитанъ Штофкфель, а послѣ обѣда бунчужный и Жураковскій.

30. Далъ парикмахеру за половину февраля 50 к. Былъ у Герцика. Заплатилъ 8 р. за словарь Венерони, Genealogische Tabellen и Genealogische Fragen. Получилъ первую нѣмецкую газету.

31. Былъ у духовника, съ которымъ встрѣтился на улицѣ. Потомъ былъ у Вишневскаго.

Февраль 1. Алепли пригласилъ обѣдать отца и меня. Какъ разъ передъ обѣдомъ посѣтили меня въ моей квартирѣ Горлецкій (?) и Шишкевичъ. Утромъ былъ у Потемкина и у бригадира, но не засталъ ни того, ни другого. Вечеромъ сдѣлали намъ визитъ Вишневскій и М—г Mathieu. Написалъ письмо въ Смоленскъ черезъ Ивана Ершова.

2. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; онъ отправился цѣловать руку Ея Величества. Былъ у Лизогубовъ; купилъ табакерку за 3 руб.

3. Мы поздравили герцогиню Голштинскую со днемъ ея рожденія и поцѣловали у ней руку. Отецъ подалъ просьбу герцогу на французскомъ языкѣ.

4. Былъ у Бассевича, потому у M—r Mathieu; пригласилъ обѣдать Ханенка и Якимовича, послѣ обѣда отставной (licentié) капитанъ Георгій Потаіоти (?), въ сопровожденіи судьи Верховнаго Суда (juge du magistrat souverain) Паоло Арколео (?) пришелъ проститься съ моимъ отцемъ. Отецъ послалъ черезъ него письмо вдовствующей нѣжинской полковницѣ. Отецъ былъ у Бибикова. Максимовичъ ночевалъ у меня.

5. Отецъ всталъ въ 4 часа утра и вмѣстѣ съ обоими Лизогубами и Жураковскимъ ушелъ къ кн. Меньшикову. Онъ бесѣдовалъ съ княземъ полтора часа, и въ концѣ бесѣды князь приказалъ ему составить вѣрный отчетъ о всѣхъ доходахъ съ Украйны. которые получались до учрежденія Малороссійской коллегіи. Поэтому, послѣ обѣда съ бунчужнымъ и Жураковскимъ и черниговскимъ обознымъ, мой отецъ весь день составлялъ записку, заключавшую въ себѣ перечисленіе всѣхъ доходовъ Украйны. Въ это время полковникъ Пицъ (Пильцъ ?) былъ съ визитомъ у отца.

6. Были у обѣдни въ церкви князя, которому отецъ представилъ записку о доходахъ съ Украйны.

7. Былъ у духовника; оттуда отправился къ M—r Mathieu, съ которымъ пошелъ играть на бильярдѣ; проигралъ 25 к.

8. Искалъ квартиру. Послѣ обѣда сдѣлалъ визитъ капитану Minsczyk (?); онъ повелъ меня на корабельныя верфи, потомъ на лѣсопильни. Передъ вечеромъ онъ возвратилъ мнѣ визитъ. Получилъ письма изъ дому черезъ Игната.

9. Никуда не выходилъ и все утро былъ занятъ; дописывалъ письма на Украйну.

10. Былъ у Өедора Стефановича, съ которымъ обмѣнялся табакерками, потомъ у пѣвчаго Лукьяна. Возвратившись, обѣдалъ

съ отцемъ. Послѣ обѣда принялся писать письма на Украину. Вечеромъ былъ съ визитомъ кап. Штоффель, потомъ пришли къ отцу бунчужный и асаулъ. Отецъ далъ мнѣ третій рубль на экипажъ.

11. Капитанъ нарвскаго драгунскаго полка, Матвѣй Андреевичъ Домагацкій пришелъ рано утромъ взять письма, написанныя мной на Украйну. Отецъ былъ у кн. Меньшикова, а потомъ у кн. Голицына.

12. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ алебастровую кружку за 15 к.

13. Слушалъ обѣдню въ церкви князя и обѣдалъ съ офицерами его свѣтлости. Князь Долгорукій произведенъ въ генералъ-аншефы. Шидловскій, Потемкинъ, Кочубей, Борзаковскій и два козака, прибывшіе недавно изъ Глухова, посѣтили насъ. Получилъ отвѣтъ отъ глуховскаго сотника и письмо отъ моей сестры, Скоропадской.

14. Никуда не выходилъ; отдалъ переплесть въ кожаный переплетъ книгу.

15. Карпъ выѣхалъ рано утромъ. Послѣ его отъѣзда отправился смотрѣть экзекуцію, производившуюся на той сторонѣ рѣки. Сначала наказывали кошками на эшафотѣ пятерыхъ лицъ, потомъ парня и дѣвку; по окончаніи этого, повѣсили слугу и отрубили голову его господину, поручику (lieutenant) Безобразову за то, что тотъ приказалъ своему слугѣ утопить ямщика, чтобы завладѣть его лошадью, стоившею около 14 р.; слуга сдѣлалъ это. Послѣ обѣда у себя навѣстилъ бригадира Вельяминова, который радушно принялъ насъ.

16. Послѣ полудня отецъ, отправляясь къ князю Голицыну, приказалъ мнѣ ожидать его у князя Меньшикова. Пришедши къ послѣднему, я не засталъ его дома, черезъ часъ онъ возвратился, и мой отецъ явился туда-же. Мы были приняты самымъ ласковымъ образомъ.

17. Отецъ пригласилъ обѣдать Лярскаго, Швейковскаго, капитана Штоффеля и сына Швейковскаго. Всѣ трое оставались у насъ до вечера.

18. Обѣдалъ у М—г Mathieu; послѣ обѣда вмѣстѣ съ нимъ и Вишневскимъ былъ у валашскихъ князей, которые увели меня потомъ къ Ботвинкину.

19. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, гдѣ былъ также кн. Голицынъ. Къ вечеру былъ у Потемкина, оттуда мы отправились во дворецъ кн. Меньшикова. Князь, возвратившись отъ Ромодановскаго, отправился съ визитомъ къ Сапѣгѣ, который прибылъ въ Петербургъ въ сумерки въ сопровожденіи своего сына, старосты Здзѣтовскаго (starosta Zdzietowski), сторосты Морецкаго (Morecki), старосты Любошицкаго (Lubossycki), старосты Душинскаго (Dussynski),

20. Сопровождалъ кн. Меньшикова, когда онъ утромъ отправлялся съ визитомъ къ Сапѣгѣ, и съ нимъ поѣхалъ въ дворецъ. Возвратившись оттуда, онъ всѣхъ ихъ (?) пригласилъ обѣдать. А я, пообѣдавъ съ отцомъ, былъ съ визитомъ у Лярскаго и Швейковскаго, которыхъ нашелъ у Бѣлошицкаго.

21. Первый день великаго поста; никуда не выходилъ.

22. Мы оставались въ монастырѣ до субботы.

26. Возвратились изъ Лавры къ себѣ на квартиру. Во время пребыванія въ монастырѣ истратилъ на бутылку горькаго вина 30 к. Ширяевъ пришелъ къ намъ въ полночь и пробылъ около 3 часовъ.

27. Пошелъ съ отцомъ къ Ширяеву, гдѣ пробыли до полудня. Вернувшись, обѣдали дома. На обѣдѣ присутствовалъ старшій Мировичъ. Послѣ полудня отправился къ Якубовичу, у котораго оставался около часу.

28. Отецъ послалъ меня къ кн. Меньшикову, котораго я не засталъ. Оттуда пошелъ къ М—г Mathieu и пробылъ около двухъ часовъ. Послѣ обѣда отецъ отправился къ кн. Голицыну. Въ его отсутствіе пришли ко мнѣ бунчужный, Жураковскій, Семенъ Обидовскій, Зинковскій и бандуристъ Сапѣги.

Мартъ 1. По случаю рожденія молодого князя Меньшикова, мой отецъ отправился съ Лизогубами и Жураковскимъ ко двору князя съ поздравительнымъ привѣтствіемъ. По уходѣ оттуда, мы были у старика Сапѣги.

2. Былъ у духовника Е. В. Долго разговаривалъ съ его сыномъ касательно Герасима. Возвращаясь оттуда, встрѣтилъ лакея Бассевича, который позвалъ меня къ своему господину. Отъ него я услыхалъ, что наши дѣла находятся въ хорошемъ положеніи. Танскій обѣдалъ со мной. Послѣ полудня отецъ вмѣстѣ съ нимъ отправился къ кн. Меньшикову, и я также; но я тотчасъ возвратился оттуда. Вечеромъ былъ съ визитомъ у насъ M—r Mathieu.

3. Отослалъ письмо на почту относительно Герасима, показавъ его напередъ духовнику. Въ 11½ часовъ мы были у Бассевича, а потомъ у герцога Голштинскаго.

4. Получили письма изъ дому, которыя послалъ намъ Ливенъ со своимъ слугой. Послѣ того отецъ ушелъ къ кн. Голицыну. Капитанъ Minsczyk былъ у меня.

5. Былъ у M—r Mathieu. Послѣ обѣда отослалъ свои письма къ капитану Альтенбургу, который сдѣлалъ мнѣ визитъ съ подполковникомъ Брюномъ.

6. Былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда отецъ послалъ меня къ герцогу Голштинскому, который говорилъ со мной относительно нашего дѣла. Кн. Меньшиковъ и оба Сапѣги обѣдали у его королевскаго высочества Кап. Альтенбургъ уѣхалъ на Украйну.

7. Былъ у Бассевича, отъ котораго получилъ обѣщаніе въ нашу пользу. Вечеромъ былъ у насъ Обидовскій. Ханенко ночевалъ у меня.

8. Былъ у Лярскаго, возвратившись оттуда, написалъ письма домой; послѣ обѣда, былъ у князя. Сегодня Танскій и переводчикъ иностранной коллегіи были у моего отца. Шидловскій, новый изюмскій полковникъ, пришелъ вечеромъ проститься съ отцомъ и въ полночь выѣхалъ изъ Петербурга.

9. Рано утромъ пришелъ къ намъ донской полковникъ Данило Ефремовъ, а потомъ Ливенъ. Въ 3 часа я былъ у князя Меньшикова.

10. По случаю годовщины погребенія Его Величества мы отправились въ Петропавловскій соборъ (à l' Église de St. Pierre),

гдѣ весь дворъ присутствовалъ при панихидѣ. По возвращеніи былъ у M—r Mathieu.

11. Бассевичъ прислалъ за мной слугу. Когда я пришелъ, онъ сказалъ мнѣ, что сегодня будутъ обсуждать наше дѣло.

12. Послѣ обѣда былъ у Гудовича и Потемкиныхъ, откуда послалъ Михаила позвать отца. Затѣмъ послѣдній отправился къ кн. Меньшикову, я явился туда, когда князь садился въ карету, чтобы ѣхать ко двору.

13. Кн. Меньшиковъ праздновалъ помолвку своей старшей дочери съ молодымъ Сапѣгою; туда направился дворъ и всѣ знатныя особы обоего пола. Небо посылаетъ мя утвердити союзъ вашъ.

14. Былъ у кн. Меньшикова, гдѣ засвидѣтельствовалъ почтеніе Бассевичу.

15. Былъ у князя, но его не было дома. Остальное время пробылъ у себя.

16. Былъ въ высшемъ судѣ за нашими бумагами. Въ три часа по полудни пошелъ къ Бассевичу, который пригласилъ обѣдать кн. Меньшикова и Сапѣгъ. Похоронили контръ-адмирала Гопа.

17. Былъ въ высшемъ судѣ за тѣмъ же самымъ, но меня отослали въ новый сенатъ. Секретарь высшаго суда называется Иванъ Никифоровичъ Винюковъ (Winiukow).

18. Былъ у M—r Mathieu; возвратившись домой, пригласилъ обѣдать Ханенка; послѣ обѣда отправился ко двору кн. Меньшикова, потомъ посѣтилъ Штоффеля, затѣмъ капитана Опочинина.

19. Былъ у Бассевича, потомъ въ высшемъ судѣ. По возвращеніи домой, обѣдалъ съ отцомъ, а также съ Ханенкомъ и Суровцовымъ, чиновникомъ названнаго суда. Послѣ обѣда былъ съ отцемъ у князя, который далъ пиръ по случаю дня рожденія своей супруги. До полудня отецъ былъ у адмирала, который подарилъ его (le régala) саблей.

20. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; вечеромъ былъ кап. Штоффель.

21. Былъ въ высшемъ судѣ. Послѣ обѣда отправился ко двору князя; онъ поѣхалъ къ Высочайшему двору съ Сапѣгой; Ея Ве-

личество пожаловала орденъ св. Андрея Сапѣгѣ, а старостѣ Мерецкому—орденъ Александра Невскаго.

22. Кн. Меньшиковъ далъ публичный обѣдъ (dina en public), на немъ была вся его семья и оба Сапѣги.

23. Сапѣга уѣхалъ въ Польшу. Я былъ у Бассевича, потомъ у кн. Меньшикова. M—r Mathieu, кап. Штоффель и Майнъ (Mäyn) посѣтили насъ. Ханенко ночевалъ у насъ.

24. Былъ въ высшемъ судѣ, потомъ все послѣ-полуденное время писалъ письма домой.

25. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; остальное послѣ-обѣденное время провелъ у себя на квартирѣ.

26. Былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда ходилъ съ кап. Штоффелемъ къ одному купцу, у котораго купилъ серебряный cadran за 17 р. Взялъ у M—r Mathieu еще 10 р.; я долженъ ему 20 р.

27. Былъ въ церкви кн. Меньшикова и у Бассевича. Ханенко уѣхалъ на Украйну. Ханенку 1 р. Написалъ письмо въ Смоленскъ черезъ Потемкина.

28. Когда мой отецъ ушелъ къ кн. Голицыну, я, по его приказу, былъ при дворѣ кн. Меньшикова.

29. Утро провелъ въ писаніи писемъ домой, которыя я отправилъ черезъ Борзаковскаго, онъ сегодня уѣхалъ на Украйну.

30. Былъ въ высшемъ судѣ, потомъ у M—r Mathieu. Видѣлъ ученіе лейбъ-гвардіи, производившееся на льду Невы въ присутствіи Е. В. Оттуда только-что вернулся къ себѣ, какъ отецъ послалъ меня къ Бассевичу; тамъ я имѣлъ честь поцѣловать руку ея королевскаго высочества. Возвратившись, нашелъ Штоффеля, пришелъ также Бропевскій. Вечеромъ отецъ пригласилъ Ширяева.

31. Былъ у Лизогуба. Сегодня я S d'A. d. m. f.

Апрѣль 1. Былъ въ высшемъ судѣ, гдѣ услышалъ отъ Суровцова, что уже состоялось рѣшеніе о возвращеніи намъ бумагъ. Оттуда пошелъ ко двору кн. Меньшикова, гдѣ пробылъ около получаса.

2. Былъ въ высшемъ судѣ, гдѣ оставилъ кучера, чтобы взять наши бумаги. Онъ принесъ ихъ черезъ нѣсколько часовъ съ Суров-

цевымъ и съ другимъ писцомъ, которые обѣдали у насъ. Потомъ каждый изъ нихъ получилъ по рублю. Былъ у духовника и у Бассевича. Возвращаясь домой, присутствовалъ при экзекуціи надъ разными ворами, изъ которыхъ большинство было наказано кнутами, а другіе—кошками. Намъ сдѣлали визитъ Лярскій и полковникъ Лесси, потомъ Танскій, обозный черниговскій и М—г Mathieu съ пѣвчимъ Лукьяномъ.

3. Были съ отцомъ у обѣдни въ церкви князя; послѣ обѣда былъ у Забѣлы. Къ вечеру былъ съ Андреемъ у полковника Лесси, потомъ у Алепли.

4. Былъ у Бассевича. Послѣ обѣда писалъ письма домой.

5. Отецъ послалъ меня къ Бассевичу. Возвратившись домой, засталъ бунчужнаго. Послѣ обѣда Штоффель пришелъ проститься съ нами и уѣхалъ на Украйну. Я послалъ свои письма домой съ Аѳанасіемъ, слугой Данила Перехриста.

6. Рѣка Нева вскрылась, о чемъ было извѣщено тремя пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Я прогулялся вдоль рѣки Послѣ обѣда былъ у Кочубея вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ и Иваномъ Мировичемъ, пріѣхавшимъ въ этотъ день изъ Сибири.

7. Молодой Швейковскій пришелъ рано утромъ проститься съ нами отъ имени своего отца, который ѣдетъ сегодня. Я написалъ письмо своему тестю.

8. Великая пятница. Никуда не выходилъ.

9. Суббота. Весь день былъ у себя дома.

10. Свѣтлое Воскресенье. Былъ въ гостинницѣ (dans une hôtellerie) вмѣстѣ съ Андреемъ и Мировичемъ.

11. Поздравилъ кн. Меньшикова, когда онъ выходилъ изъ шлюпки напротивъ дворца герцога Голштинскаго, потомъ я имѣлъ честь цѣловать руку ея королевскаго высочества. Послѣ полудня былъ у Бассевича. Духовникъ пригласилъ насъ обѣдать. Я получилъ по почтѣ письма изъ дому, помѣченныя 14-мъ марта.

12. Всѣ сенаторы приглашены на обѣдъ ко Двору по случаю рожденія Ея Величества. Его слѣдовало бы праздновать 5-го числа, но торжество отложили на сегодня, чтобы не справлять его на стра-

стной недѣлѣ. Гулялъ противъ царскаго дворца, потомъ посмотрѣлъ, какъ качаются на качеляхъ, потомъ ходилъ смотрѣть слона, который проглотилъ мой платокъ. Передъ тѣмъ игралъ на бильярдѣ.

13. Былъ при кн. Меньшиковѣ, когда онъ отправился въ лѣтній императорскій домъ, чтобы дать необходимыя распоряженія къ переѣзду Е. В—ства. Послѣ обѣда писалъ письма домой.

14. Видѣлъ церемонію представленія герцога Голштинскаго Преображенскому полку въ качествѣ подполковника. Ея Величество лично отправилась туда въ сопровожденіи большой свиты и дала алебарду и шарфъ его королевскому высочеству. Потомъ Ея Величество отправилась во дворецъ герцога, гдѣ былъ пышный пріемъ всего отборнаго общества.

15. Отправилъ письма по почтѣ.

16. Вышолъ, чтобы отправиться къ кн. Меньшикову, но узнавъ, что его нѣтъ дома, вернулся и обѣдалъ у Данила Перехриста; на обѣдѣ былъ и духовникъ съ двумя своими сыновьями и съ Куликовскимъ. Послѣ-обѣденное время провелъ въ игрѣ въ карты.

17. Былъ у обѣдни въ церкви князя; послѣ обѣда былъ у Гудовича.

18. Никуда не выходилъ. Къ вечеру Небеліусъ сдѣлалъ визитъ моему отцу.

19. Мы поздравили ея королевское высочество съ днемъ рожденія; Ея Величество для того же отправилась въ палаты ея высочества. Тамъ былъ устроенъ весьма пышный пріемъ всѣмъ знатнымъ особамъ обоего пола.

20. Были у кн. Меньшикова, тамъ были также Бассевичъ и Остерманъ.

21. Никуда не выходилъ; вечеромъ пришолъ къ намъ Гудовичъ.

22. Совсѣмъ не выходилъ изъ квартиры по причинѣ бури.

23. Только гулялъ весь день.

24. Всталъ рано утромъ и отправился во дворецъ князя, но не могъ выискать случая поговорить съ нимъ. Послѣ 12 часовъ опять отправился туда и имѣлъ возможность просить Е. С. за своего отца. У насъ былъ полк. Лесси.

25. Послѣ 12 часовъ былъ у кн. Меньшикова, а отецъ у адмирала Апраксина.

26. Никуда не выходилъ.

27. Были у кн. Меньшикова, который сказалъ намъ, чтобы мы потерпѣли до дня коронаціи Ея Величества. Вечеромъ посѣтили насъ хирургъ Шульцъ и полковникъ Лесси.

28. Былъ у кн. Меньшикова и просилъ взаймы 100 р., съ условіемъ отдать ихъ въ августѣ этого года въ Почепѣ. Донской полковникъ Данило Ефремовъ простился съ нами.

29. Былъ въ Синодѣ, потомъ у Игнатія.

30. Былъ у архіепископа Новгородскаго, сынъ духовника уѣхалъ на Украйну.

Май. 1. Наша Императрица получила при посредствѣ (par les maines) кн. Меньшикова орденъ Бѣлаго Орла, который прислалъ Ея Величеству польскій король черезъ графа Рабутина. Былъ съ Игнатіемъ у обѣдни, у резидента Гохгельцера. Послѣ обѣда игралъ на бильярдѣ. Дворъ катался въ каретахъ.

2. Былъ въ Синодѣ, гдѣ мнѣ дали копію съ донесенія, которое архіепископъ (sic) кіевскій представилъ на моего отца. Послѣобѣденное время провелъ въ составленіи опроверженія на его оправданія.

3. Ея Величество въ сопровожденіи кн. Меньшикова совершила прогулку по Невѣ на яхтѣ. Игнатій ссудилъ мнѣ 20 р. Передъ вечеромъ были у насъ Кочубей, Обидовскій и оба Мировича.

4. Поручился въ сенатѣ за Андрея вмѣстѣ съ Кочубеемъ и Стаховичемъ. Послѣ обѣда былъ у архіепископа Новгородскаго; не заставъ его, провелъ нѣсколько часовъ у Обидовскаго.

5. Утромъ былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда сдѣлалъ визитъ Небеліусу. Къ вечеру пришелъ Ливенъ съ приказомъ отъ кн. Меньшикова явиться намъ на Васильевскій островъ; тамъ его свѣтлость, вернувшись изъ дворца, поздравилъ моего отца съ отпускомъ и пригласилъ его и меня обѣдать.

6. Я очень рано пошелъ во дворецъ кн. Меньшикова, который передалъ мнѣ черезъ Жеребцова, что моему отцу нужно отправиться въ два часа по полудни въ садъ лѣтняго императорскаго дворца.

Согласно увѣдомленію князя, мы съ отцомъ отправились въ назначенное мѣсто, гдѣ имѣли счастье поцѣловать руку Ея Величества.

7. День коронаціи Ея Величества; я отправился въ императорскій садъ, который былъ открытъ для всѣхъ. Кн. Меньшиковъ, увидѣвъ меня, приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ; я оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока зажгли иллюминацію; былъ транспарантъ съ надписью „Свѣтомъ и духомъ твоимъ укрѣплена". Другой транспарантъ имѣлъ надпись: „славимъ тя вси".

8. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, оттуда отецъ послалъ меня къ Бассевичу. Мировичъ уѣхалъ въ Сибирь.

9. Мой отецъ отправился проститься съ герцогомъ Голштинскимъ и обѣдалъ у его высочества. Потомъ сдѣлалъ визитъ Бассевичу, который пригласилъ насъ завтра обѣдать.

10. Утромъ былъ у кн. Меньшикова, котораго нашелъ въ новомъ дворцѣ, построенномъ для Военной Коллегіи. Въ два часа мы отправились къ Бассевичу и обѣдали у него вмѣстѣ съ графомъ Рабутиномъ, Штамкеномъ и Платомъ.

11. Обѣдалъ у духовника.

12. Былъ у архіепископа Новгородскаго и представилъ ему оправдательную записку въ отвѣтъ на донесенія Кіевскаго архіепископа. Кн. Меньшиковъ возвратился изъ Кронштадта.

13. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Отецъ получилъ приглашеніе къ обѣду отъ архіепископа Новгородскаго. Отецъ взялъ у Mathieu 1100 руб.

14. Вечеромъ былъ у кн. Меньшикова.

15. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда смотрѣлъ, какъ спустили на воду 4 галеры.

16. Были у князя Меньшикова, потомъ переправились черезъ рѣку съ цѣлью поговорить съ Степановымъ по поводу рѣчи, но, не заставъ его, переправились обратно и причалили передъ домомъ духовника; онъ далъ намъ свою коляску, въ которой мой отецъ отправился въ Верховный Тайный Совѣтъ. Отецъ далъ мнѣ 400 р.

17. Былъ съ отцомъ въ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. По возвращеніи на квартиру, стосдалъ за двѣ грамматики 2 р. 20 к.

Договорился съ Жаномъ Фоссе, которому буду давать 25 р. въ годъ и платье.

18. Былъ съ отцомъ въ Иностранной Коллегіи, потомъ отправились въ Троицкій соборъ къ обѣднѣ, послѣ которой мой отецъ тамъ-же присягнулъ на вѣрность въ присутствіи Маслова [1]). Купилъ себѣ сукна на платье у купца Сутгофа; платье заказалъ портному Трюну (Trün). Сукно съ прикладомъ стоитъ мнѣ 24 р. Послѣ обѣда отправился ко двору кн. Меньшикова; онъ праздновалъ рожденіе младшей дочери.

19. Отецъ, отправляясь къ кн. Меньшикову, приказалъ мнѣ итти въ Сенатъ, что я исполнилъ. Кромѣ того, былъ у Анисима Семеновича Маслова. Возвратившись, сопровождалъ ко двору отца, имѣвшаго счастье поцѣловать руку Ея Императорскаго Величества. Мы ужинали съ кн. Меньшиковымъ.

20. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, потомъ пошелъ въ Сенатъ. Послѣ обѣда былъ у лакея барона Левенвольда (Lewold), у котораго купилъ портупею за 2 р. 50 к. Ссудилъ Игнатію 2 р. Шляпа 3 р. 50 к.

21. Былъ отцомъ у кн. Меньшикова. Князь сдѣлалъ распоряженіе относительно его отъѣзда и далъ паспортъ. Послѣ полудня былъ въ квартирѣ барона Левенвольда и купилъ у его камердинера перевязь для охотничьяго ножа. Возвращаясь на квартиру, видѣлъ Императрицу, которая ѣхала во дворецъ герцога Голштинскаго на празднованіе дня его бракосочетанія. Одолжилъ Игнатію 5 р. Далъ кумѣ 1 р. Перевязь къ охотничьему ножу 1 р. 20 к.

22. Выслушалъ католическую обѣдню въ церкви резидента Гохгольцера. Послѣ обѣда были у кн. Меньшикова. Тамъ далъ секретарю князя 5 червонцевъ. Портному Trün'у 5 р.

23. Утромъ былъ у кн. Меньшикова. Секретарь Андре (André) передалъ мнѣ приказъ князя въ почтамтъ, чтобы дали моему отцу подставныхъ лошадей. Послѣ обѣда былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова.

---

[1]) Эта любопытная присяга („Живучи въ Малой Россіи, никакихъ возмущеній не токмо самому не чинить, но и другихъ къ тому не подущать" и проч.) полностью напечатана въ Сборн. Историч. Общества, LV, 294.

24. Находился при князѣ, когда онъ сдѣлалъ визитъ Макарову. Оттуда пошелъ къ кн. Голицыну, гдѣ обѣдалъ съ отцомъ. Потомъ, простившись съ нимъ, мы пошли къ кн. Меньшикову и равнымъ образомъ попрощались и съ нимъ. Далъ M-r André 1 р.

25. Были два раза у духовника, потомъ у архіепископа Новгородскаго.

26. Почтъ-директоръ вручилъ мнѣ письма изъ дому отъ 8-го апрѣля. Я и отецъ прощались съ графомъ Головкинымъ. Вышло затрудненіе съ засвидѣтельствованіемъ паспорта въ полиціи. Поэтому я взялъ другой паспортъ отъ кн. Меньшикова, но его отказались засвидѣтельствовать. Я заплатилъ за отпускъ 22 р.

27. Былъ у князя, онъ далъ мнѣ приказъ въ полицію, вслѣдствіе чего засвидѣтельствовали его паспортъ. Написалъ сегодня письма домой. Возвратилъ Игнатію остальной долгъ, то-есть 14 р. Мой отецъ съ помощью Божіей выѣхалъ на Украйну.

28. Былъ у кн. Меньшикова и имѣлъ честь поцѣловать его руку. Обѣдалъ съ Игнатіемъ у Ростокера. Послѣ полудня былъ во 2-й разъ у кн. Меньшикова.

29. Слушалъ обѣдню въ церкви кн. Меньшикова и обѣдалъ у Гудовича. Игнатій уѣхалъ послѣ полудня; послѣ того я перемѣнилъ квартиру. Былъ у князя, гдѣ меня пригласили ужинать за столомъ старосты. Чарнышъ ужиналъ съ Гудовичемъ.

30. Былъ у кн. Меньшикова, но не засталъ его дома. Передъ вечеромъ былъ тамъ второй разъ и нашелъ Нарышкина, генералъ-майора Шувалова и многихъ другихъ.

31. Отправился съ привѣтствіемъ къ кн. Меньшикову, который немедленно поѣхалъ ко двору.

Іюнь 1. Князь обѣдалъ съ графомъ Рабутиномъ, потомъ отправился ко Двору.

2. Воловичъ пришелъ рано утромъ и разбудилъ меня. Я обрилъ себѣ голову. Написалъ письма домой, извѣщая объ отъѣздѣ моего отца на Украйну.

3. При дворѣ кн. Меньшикова справляли свадьбу полк. Тевешова, но княгиня вовсе не появлялась, вслѣдствіе нездоровья, продолжающагося уже нѣсколько дней.

4. Утромъ былъ у кн. Меньшикова, къ вечеру опять отправился туда и ужиналъ за столомъ его свѣтлости.

5. Былъ съ гувернеромъ молодого кн. Меньшикова въ реформатской церкви, находящейся въ домѣ Пелютье. Послѣ полудня отправился къ кн. Голицыну, но, узнавъ отъ Якимовича, что онъ въ дурномъ настроеніи, вернулся, не повидавшись съ нимъ.

6. Былъ у Пелютье, но не засталъ его. Однако передалъ одному изъ его слугъ списокъ французскихъ книгъ, которыя приказалъ доставить себѣ.

7. Утромъ былъ у гувернера молодого кн. Меньшикова. Послѣ полудня вмѣстѣ съ Гудовичемъ отправился къ ген. Вельяминову. Возвратившись, пошелъ во дворецъ кн. Меньшикова, гдѣ находилась также принцесса, дочь покойнаго русскаго царя Іоанна Алексѣевича. Пелютье послалъ сегодняшняго числа заказъ на мои книги.

8. Помогъ перевести письмо Вигуры (de Vigourou), написанное Е. В.—ству. Взялъ 100 р. изъ большого мѣшка.

9. Кн. Меньшиковъ вернулся изъ Ораніенбаума.

10. Портной принесъ перелицованное платье (mon habit tourné).

11. Сопровождалъ князя въ садъ; въ его свитѣ былъ генералъ Пфугъ (Pfug), недавно прибывшій изъ Польши. Какой то капитанъ, имени котораго я не знаю, размозжилъ себѣ голову выстрѣломъ изъ пистолета.

12. Кн. Меньшиковъ сопровождалъ Ея Величество, когда она предприняла увеселительную прогулку на лодкахъ (lorsqu'elle se divertit sur la flote de boyers). Я обѣдалъ у фельдмаршала (Maréchal) Сапѣги.

13. Утромъ былъ у кн. Меньшикова.

14. Ливенъ уѣхалъ на почтовыхъ въ Ригу.

15. Былъ у кн. Меньшикова только послѣ полудня.

16. Князь пригласилъ къ обѣду всѣхъ иностранныхъ пословъ.

Получилъ письмо отъ Lucas отъ 22-го мая, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что моя жена родила дѣвочку.

17. Кн. Меньшиковъ обѣдалъ у посланнаго (envoyé) Императора.

18. Иличъ уѣхалъ въ Польшу. Много матросовъ и солдатъ посажено на суда, чтобы усилить флотъ. Пригласилъ обѣдать Обидовскаго и Кочубея.

19. Кн. Меньшиковъ, въ сопровожденіи сына, отправился въ Невскую лавру, къ обѣднѣ. Потомъ его свѣтлость поѣхалъ на придворный обѣдъ, откуда вернулся только въ 3 часа по полуночи. Его вещи прибыли раньше на разсвѣтѣ.

20. Кн. Меньшиковъ приказалъ сказать всѣмъ, кто собрался проститься съ нимъ, что они должны удалиться подъ опасеніемъ его гнѣва.

21. Утромъ пробылъ у кн. Меньшикова до тѣхъ поръ, пока онъ отправится ко Двору въ верейкѣ.

22. Написалъ письмо родителямъ. Черезъ Петра Кара, слугу Рагузинскаго, получилъ письмо отъ своего шурина Горленка изъ Москвы отъ 12.

23. Князь Меньшиковъ въ полночь выѣхалъ въ Ригу. Княгиня со всей семьей провожала его до Екатерингофа.

24. Хитровъ, тесть (beau père) Андрея Корсака, утромъ пришелъ къ намъ. Вечеромъ я былъ у поручика Тетерлинга, потомъ у Лизогуба, которому передалъ письма къ моему отцу; онъ собирается уѣхать завтра. Получилъ письмо отъ отца изъ Москвы отъ 14-го числа текущаго мѣсяца.

25. Обѣдалъ у М. Mathieu, потомъ навѣстилъ своего хозяина.

26. Вечеромъ посѣтилъ меня поручикъ Тетерлингъ съ женой.

27. Отправился въ лодкѣ съ Воловичемъ и Потемкинымъ купить у одного купца золотой бахромы для перваго. Возвратившись, мы были въ свитѣ княгини, когда она отправилась въ церковь. Послалъ записку въ полицію, чтобы тамъ записали моего слугу Петра.

29. Пригласилъ обѣдать придворныхъ князя по случаю дня своего рожденія. Утромъ поздравилъ графа Сапѣгу со днемъ его

рожденія, а также съ полученіемъ чина капитана гвардіи, которымъ онъ былъ пожалованъ наканунѣ Е. В—ствомъ.

30. Молодой графъ Сапѣга далъ праздникъ въ честь Ея Величества.

Іюль 1. Гулялъ въ саду съ Воловичемъ, Ливеномъ и Потемкинымъ.

2. Пригласилъ обѣдать отца Луку, Спираева, Аѳанасія и другихъ.

3. Выслушавъ раннюю обѣдню, я привѣтствовалъ молодого кн. Меньшикова въ комнатахъ. Потомъ отправился обѣдать къ Тетерлингу, гдѣ были только вдова какого-то капитана, и ея сестра, дочь первой жены придворнаго музыканта Разена, который также находился въ нашемъ обществѣ.

4. Былъ у кн. Голицына, гдѣ пообѣдалъ. Возвратившись оттуда, пошелъ къ Шмидту, съ которымъ условился относительно того, что буду доставлять ему съѣстные припасы, а онъ научитъ меня играть на клавесинѣ.

5. Навѣстилъ Обидовскаго, который пустилъ себѣ кровь въ моемъ присутствіи.

6. Былъ въ надворномъ судѣ по поводу дѣла съ Броневскимъ. Возвращаясь оттуда, переправился назадъ черезъ рѣку съ секретаремъ Артельнымъ, котораго пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Къ вечеру подполковникъ, по имени (пропускъ въ текстѣ), въ сопровожденіи Кизарова (Kisarow), лейтенанта флота, недавно прибывшаго изъ Испаніи, своего шурина, посѣтилъ меня.

7. Былъ у англійскаго купца Ducker'а. Купилъ у него 18 локтей драгету (droguet) на одежду. Въ то время какъ я былъ тамъ, молодой князь пришелъ ко мнѣ на квартиру.

8. Былъ въ саду кн. Меньшикова.

9. Былъ у Небеліуса, потомъ у своего хозяина, затѣмъ во дворцѣ князя, откуда отправился обѣдать къ графу съ Воловичемъ и Ливеномъ. Взялъ 10 книгъ отъ Михея Васильевича.

10. Утромъ привѣтствовалъ молодого князя, а потомъ, по выходѣ изъ церкви, находился въ его свитѣ.

11. Былъ au barreau de la Cour После обѣда игралъ на бильярдѣ съ Потемкинымъ и Воловичемъ.

12. Никуда не выходилъ. Шмидтъ началъ учить меня игрѣ на клавесинѣ.

13. Слушалъ обѣдню въ церкви на островѣ. По выходѣ оттуда сопровождалъ молодаго князя въ его квартиру и обѣдалъ съ нимъ. Послѣ обѣда прогулялся по рѣкѣ въ Екатерингофъ съ Воловичемъ, Потемкинымъ, Воронцомъ.

14. Никита Михайловъ Сумицкій, полицейскій чиновникъ, принесъ мнѣ росписку относительно моего слуги Петра, которую я подписалъ. Эта росписка помѣчена сегодняшнимъ числомъ. Передъ вечеромъ гулялъ съ Ливеномъ, Воловичемъ и Потемкинымъ. Получилъ письма изъ дому отъ 20-го мая. Написалъ въ Смоленскъ.

15. Никуда не выходилъ, чувствуя себя нездоровымъ.

16. Былъ во дворцѣ князя и, никого не заставъ, отправился къ Борисову. Потомъ, по возвращеніи домой, ходилъ по лавкамъ, чтобы купить себѣ башмаки. Послѣ обѣда сидѣлъ дома, такъ какъ мнѣ нездоровилось.

17. Послѣ обѣдни прочли манифестъ объ отлученіи автора пасквиля. Передъ вечеромъ Миньяти, навѣстивъ меня, велѣлъ взять въ аптекѣ лѣкарство (une essence) противъ лихорадочныхъ пароксизмовъ.

20. Написалъ домой черезъ Данила Перехриста, который ѣдетъ завтра. Меня посѣтили Лизогубъ и Жураковскій. Съ воскресенья никуда не выходилъ изъ квартиры вслѣдствіе нездоровья.

21. Былъ au barreau de la Cour. Въ 6 час. по полудни прибылъ изъ Риги кн. Меньшиковъ и прежде всего отправился во дворецъ.

22. Утромъ былъ у князя.

23. Былъ тамъ-же.

24. Ссудилъ младшему Ливену 30 р. серебромъ. Обѣдалъ у графа Сапѣги. Селитренниковъ прислалъ мнѣ смородины, вишенъ и лимоновъ. Написалъ отцу письмо черезъ Стаховича, который уѣхалъ съ Вельяминовымъ.

25. Лѣчился и потому никуда не выходилъ изъ квартиры.

26. Хотѣлъ выбраться съ квартиры, но наступила сильная буря и помѣшала мнѣ сдѣлать это.

27. Перешелъ, съ своей прежней квартиры и поселился съ Ливеномъ и Паревскимъ.

28. Кн. Меньшиковъ пригласилъ къ обѣду его королевское высочество и всѣхъ иностранныхъ пословъ по случаю своего возвращенія изъ Риги. Пиръ начался въ 3 часа по полудни и продолжался до 3 часовъ ночи.

29. Обѣдалъ съ графомъ Сапѣгой.

30. Въ канцеляріи князя мнѣ дали перевести различныя французскія и нѣмецкія бумаги (pièces); за этимъ дѣломъ провелъ весь день.

31. Переписалъ то, что перевелъ вчера. Ужиналъ съ княземъ, у котораго выпросилъ приказъ на счетъ свободной доставки провизіи.

Августъ 1. Писалъ письма къ себѣ домой.

2. Былъ у одного купца и купилъ 22 фунта голландскаго сыру по 12 к. фунтъ. Кн. Меньшиковъ отправился на яхтѣ въ Ораніенбаумъ.

3. Гудовичъ уѣхалъ на Украйну. Княгиня со всей семьей отправилась въ Ораніенбаумъ.

4. Иванъ Полуляхъ, которому я ссудилъ 120 р., уѣхалъ на Украйну. Я отправилъ съ нимъ письма своему отцу и брату.

5. Борковскій прибылъ изъ Астрахани. Я отправилъ своего слугу въ Ораніенбаумъ.

6. Ѣздилъ въ Ораніенбаумъ на шлюпкѣ съ Дурнымъ (Durnoy) и кап. Гастомъ.

7. Князь остался въ Ораніенбаумѣ.

8. Ея Величество прибыла въ Кронштадтъ въ сопровожденіи всего гребнаго флота. Тамъ князь и я присоединилися къ ея свитѣ.

9. Кн. Меньшиковъ сдѣлалъ визитъ ея королевскому высочеству, а обѣдалъ у Ея Величества.

10. Совершилъ поѣздку въ Ораніенбаумъ на лодкѣ вмѣстѣ съ Беклемишевымъ и Потемкинымъ.

11. Прибылъ на шлюпкѣ въ Ораніенбаумъ.

12. Кн. Меньшиковъ далъ мнѣ перевести различныя французскія и польскія (Pol.) письма. Даревскій уѣхалъ въ Митаву. Мы всѣ возвратились съ княземъ въ Ораніенбаумъ.

13. Ея Вел. прибыла изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ. Князь тотчасъ отправился туда. Я провелъ день въ переводѣ писемъ, которыя на слѣдующій день возвратилъ въ канцелярію.

14. Вмѣстѣ съ Ливеномъ отправился въ Петергофъ; осмотрѣвъ тамъ всѣ рѣдкости сада, мы отправились къ фавориту (à favorite), гдѣ провели ночь.

15. Прибыли въ Петербургъ и обѣдали у Ростокера.

16. Обѣдалъ у себя на квартирѣ съ Ливеномъ и Ивановскимъ.

17. Получилъ 11 книгъ отъ Пелютье, выписанныя мною изъ Германіи; онѣ стоятъ мнѣ 44 червонца и 20 су. (?).

20. Князь Меньшиковъ вечеромъ прибылъ изъ Ораніенбаума.

21. Князь никуда не выѣзжалъ.

22. Князь обѣдалъ у графа Рабутина Нѣкій смоленскій дворянинъ Колачевскій принесъ мнѣ письмо отъ тестя.

23. Вечеромъ Императрица возвратилась изъ Петергофа.

26. Написалъ письма къ себѣ домой, которыя отправлю съ Воейковымъ.

28. Обѣдалъ у валашскихъ князей.

29. Графъ С(апѣга) далъ балъ въ честь княженъ.

30. Ея Величество, въ сопровожденіи всѣхъ знатныхъ персонъ, отправилась въ лавру на торжественное богослуженіе по случаю праздника св. Александра Невскаго. Вечеромъ она возвратилась оттуда и посѣтила кн. Меньшикова. Какъ только она вошла, образовался кругъ около нея, и польскій резидентъ Лефоръ сталъ на колѣни передъ Е. В. Она возвела его въ кавалеры ордена св. Александра Невскаго, сама надѣвъ на него красную ленту.

Сентября 3. Написалъ письмо тестю черезъ Цвилепева, который завтра уѣдетъ. Утромъ пришелъ Даревскій.

8. Борковскій уѣхалъ на Украйну; я послалъ съ нимъ письмо отцу.

21. Былъ въ Тайномъ Совѣтѣ (au conseil de Cour), однако не добился успѣха въ своемъ дѣлѣ съ Броневскимъ.

26. Ея Величество оказала честь кн. Меньшикову, поужинавъ у него.

29. Получилъ письма изъ дому черезъ подполковника Веревкина.

Октябрь 7. Передалъ кн. Голицыну письмо отъ своего отца.

9. Отправилъ письма въ Смоленскъ съ полковникомъ Колачевскимъ, обѣдалъ у Алепли.

13. Совершена экзекуція надъ Ларскимъ.

14. Графъ Сапѣга пригласилъ обѣдать иностранныхъ пословъ.

20. Отправилъ письма къ генералу Вейсбаху и къ своему отцу съ кіевскимъ курьеромъ.

22. Получилъ письма изъ дому черезъ Солодушенка.

26. Былъ на рынкѣ.

29. Отправилъ письма въ Смоленскъ черезъ своего тестя и въ то же время отправилъ письма отцу по почтѣ.

31. Было большое наводненіе, такъ что весь Петербургъ былъ затопленъ.

Ноябрь 1. Былъ въ Тайномъ Совѣтѣ (au conseil de la Cour) по дѣлу съ Броневскимъ.

6. День рожденія кн. Меньшикова. По этому случаю онъ пригласилъ различныхъ знатныхъ господъ.

8. Былъ у кн. Голицына.

9. Волковъ праздновалъ свою свадьбу.

13. Подалъ просьбу (requête) князю.

16. Былъ въ гостяхъ у молдавскихъ князей.

18. Отправилъ письма отцу съ Солодушенкомъ.

19. Въ первый разъ выпалъ снѣгъ.

23. Наканунѣ дня св. Екатерины замерзла рѣка Нева.

Декабрь 2. Былъ въ надворномъ судѣ и представилъ просьбу рѣшить мое дѣло, не отсылая его въ Смоленскъ.

5. Пригласилъ свою жену прибыть сюда.

8. Крестилъ мальчика у Григорія, слуги Ершова, которому дали имя Николай. Потомъ обѣдалъ у Алепли.

14. Бальцеръ уѣхалъ на Украйну; съ нимъ отправилъ письма отцу.

15. Былъ у кн. Голицына, у котораго просилъ помощи въ Смоленскомъ дѣлѣ.

17. Былъ пиръ у кн. Меньшикова по случаю дня рожденія его младшей дочери.

18. Также былъ пиръ при дворѣ Ея В—ва по случаю рожденія принцессы Елизаветы. Туда отправились и наши княжны, я находился при нихъ.

30. Андреевскій праздникъ. Ея Величество пожаловала великаго герцога и епископа Любекскаго кавалерами сказаннаго ордена. Въ 5 часовъ по полудни Ея Величество, въ сопровожденіи всѣхъ кавалеровъ ордена св. Андрея, оказала честь кн. Меньшикову своимъ посѣщеніемъ; она сѣла за столъ со всѣми кавалерами; столъ былъ устроенъ въ видѣ Андреевскаго креста.

25. Рождество. Поздравлялъ князя.

1727 г.

Январь 1. Княжны поручили мнѣ передать отвѣтное поздравленіе великому герцогу и великой герцогинѣ, отъ которыхъ онѣ первыя получили поздравленія. Въ 6 часовъ мы отправились ко двору въ свитѣ княженъ; тамъ была зажжена очень хорошая иллюминація.

6. Богоявленіе. Происходила церемонія водосвятія на льду Невы.

24. Булгакъ уѣхалъ отсюда; я ссудилъ ему 200 р.

26. Былъ балъ у кн. Меньшикова по случаю именинъ его старшей дочери.

Февраль 1. Моя жена пріѣхала въ Ямскую, гдѣ я провелъ ночь.

2. Перебрался съ нею въ Петербургъ.

8. Отослалъ Артема на Украйну.

16. Обѣдалъ у молдавскихъ князей.

17. Перевелъ слѣдующія вещи (pièces): 1) письмо генерала Вейсбаха; 2) письмо Іонштейна касательно оконныхъ стеколъ (les vitres); 3) просьбу... (не разобрано) придворнаго капельмейстера. Это отдано секретарю.

18. Князь призвалъ меня, чтобы спросить о подробномъ обозначеніи une spécification de certains biens en fonds en Allemagne. Я перевелъ: 1) письмо Булгака; 2) удостовѣреніе (l'assurance); 3) письмо Дюпре.

19. По случаю именинъ княгини Меньшиковой былъ балъ, на которомъ присутствовали принцесса Елизавета, великій герцогъ и великая герцогиня. Получилъ письма изъ Смоленска черезъ нѣкоего капитана Шупинскаго. Лярскій отправленъ въ ссылку.

20. Перевелъ слѣдующія вещи: 1) описаніе кабинета; 2) письмо Видебанта (Videbant) и Грегори (Gregori). Былъ въ академіи.

21. Прогулялся въ саняхъ къ мѣсту гвардейскаго ученья.

22. Написалъ въ канцеляріи князя письмо тестю и отправлю съ капитаномъ Шупинскимъ. Мнѣ сдѣлали визитъ валашскій князь, Mathieu и Ирвиковскій. (?)

23. Меня послали перевести процессъ Лярскаго. Я перевелъ: 1) письмо Боттигера; 2) копію съ письма, написаннаго къ названному Боттигеру; 3) письмо де-Линьи (de-Lini) къ князю; 4) аттестацію Аррарити (d'Arrariti) о вахмистрѣ кн. Шаховскомъ.

24. Прочелъ князю вышеупомянутые переводы. Мнѣ дали перевести: 1) письмо виленскаго епископа; 2) меморіалъ виленскаго каноника; 3) дипломъ на основаніе церкви въ Горкахъ. Въ 4 часа по полудни былъ у графа Бассевича, которому передалъ письмо моего отца.

25. Обѣдалъ съ женой у валашскихъ князей.

26. Князь обѣдалъ у графа Головкина, потомъ былъ у графа Сапѣги. Меня навѣстили: полковникъ гвардіи Косоговъ, Максимовичъ, Стефановичъ, Иличъ, Нарамовскій и Мировскій.

27. Прочиталъ князю письмо виленскаго епископа и меморіалъ каноника Влодзимирскаго. Вымѣнялъ сукно, которое прислалъ мнѣ отецъ, у Сутгофа, прибавивъ ему 12 р.

29. Отправилъ виленскаго каноника Влодзимирскаго, съ которымъ отъ имени князя послалъ письма виленскому епископу, Булгаку и Потемкину.

30. Князь приказалъ перевести мнѣ помадныя этикетки.

Апрѣль 1. Меня пригласили перевести письмо прусскаго короля, письмо Видебанта и изложеніе причинъ ареста курляндскихъ депутатовъ.

2. Свѣтлое Воскресенье. Никуда не выходилъ.

3. Принесъ поздравленіе кн. Голицыну и его сыну адмиралу, графу Бассевичу и его королевскому высочеству, потомъ обѣдалъ съ женой у валашскихъ князей.

4. Алепли съ женой сдѣлалъ мнѣ визитъ.

5. Секретарь далъ мнѣ извлеченіе изъ писемъ де-Линьи (de-Lini).

8. Отдалъ кн. Меньшикову письмо прусскаго короля, меморіалъ Бандемира и изложеніе причинъ задержанія курляндскихъ депутатовъ.

10. Кн. Меньшиковъ въ сопровожденіи княгини, своей супруги, и Варвары Михайловны, перебрался во дворецъ, примыкающій къ Зимнему дворцу Е. В.

12. Былъ на другой сторонѣ (Невы) у князя, чтобы отдать ему переводъ извлеченія изъ писемъ де-Лини, который я возвратилъ Пуговкѣ.

14. Рѣка вскрылась передъ полуднемъ.

15. Получилъ письмо отъ отца черезъ Михайла Сухарева, кіевскаго рейтара.

16. Обѣдалъ съ княжнами Меньшиковыми и игралъ тамъ съ барышнями въ жмурки (?) (j'y ai joué à l'ombre avec les demoiselles). По возвращеніи сдѣлалъ визитъ кн. Алексѣю Григорьевичу Долгорукому.

19. Написалъ отцу съ кіевскимъ рейтаромъ.

23. Былъ съ княжнами при дворѣ.

25. Былъ на другой сторонѣ у кн. Меньшикова. Послѣ полудня были у меня карлица (la naine) и. Татьяна.

29. Великій князь съ своей сестрою провелъ двѣ ночи у нашего князя.

Май 1. Племянница Е. В. провела двѣ ночи у нашихъ княженъ. Написалъ письма въ Смоленскъ съ нáрочнымъ Милашевича (par un exprès de Milaszewicz).

3. Моя жена родила преждевременно.

6. Меня посѣтили молодыя княжны вмѣстѣ съ княземъ, ихъ братомъ. Въ 9 часовъ вечера скончалась Ея Величество Государыня Императрица.

7. Великій князь провозглашенъ Императоромъ Всероссійскимъ. Въ этотъ же день я имѣлъ счастье быть допущеннымъ къ его рукѣ.

14. Принесъ вѣрноподданническую присягу теперешнему Императору въ присутствіи совѣтника Коллегіи Коммерціи Сувита (? Suvit); при этомъ былъ отецъ Іосифъ.

16. Тѣло Ея Величества Государыни Императрицы предано землѣ. Я присутствовалъ при этомъ, сопровождая княженъ. Непосредственно послѣ похоронъ Ея Величества Императоръ поселился во дворцѣ князя Меньшикова.

25. Его Императорское Величество обручился (épousa) съ старшей дочерью Меньшикова. Въ тотъ-же день она переѣхала въ Петергофъ.

26. Княгиня со всей семьей выѣхала туда-же.

Іюнь 16. Отправилъ (dépêchai) Mr. Lucas.

Іюль 25. Герцогъ Голштинскій уѣхалъ въ свои владѣнія.

Августъ 3. Конюхъ (l' Ecuyer) уѣхалъ на Украйну.

„ПОШИСТЬ“[1].

(Разсказъ изъ быта крестьянъ черниговской губерніи).

I.

Конецъ іюня... Дни стояли необыкновенно жаркіе. Давно не было такъ знойно.

Стада не паслись и искали тѣни. Рабочіе волы замѣтно тощали отъ жары. Собаки высовывали свои длинные языки и лежали въ тѣни, тяжело дыша и лѣниво лая на прохожихъ. Птички сидѣли на вѣткахъ и терпѣливо ждали дождя съ разинутыми отъ зноя клювами. Листъ на деревѣ вянулъ. Земля просила дождя; но небо было безъотвѣтно. Не было даже надежды на перемѣну погоды: вверху — ни облачка, ни подобія тучки. Словно раскаленный шаръ, ежедневно выкатывалось изъ-подъ горизонта солнце и, обходя по голубой лазури длинный лѣтній путь, накаляло землю съ утра до вечера. На нѣсколько лишь часовъ оно скрывалось за горизонтъ какъ-бы для отдыха, чтобы утромъ выйти и снова начать все ту же знойную работу.

Тяжело чувствовалъ себя хозяинъ землепашецъ, на глазахъ котораго засыхали его нива и огородъ. Еще тяжелѣе стало ему, когда съ его скотиной стало твориться что-то не совсѣмъ ладное.

---

[1]) *Пошистью* называется эпидемическая болѣзнь.

II.

Ефремъ,—одинъ изъ старыхъ хозяевъ деревни Кореневки,—войдя однажды въ свою „куню",—стойло, гдѣ стоялъ скотъ,—замѣтилъ, что его корова стоитъ въ углу, опустивши голову, и ничего не ѣстъ. Всегда бывало бынька ѣла или жвачку жевала. Чуя приближеніе хозяина, она бывало привѣтливо голову поворотитъ, а теперь—на-ко, поди... мало что не ѣстъ, даже не поворачивается.

Екнуло слегка крѣпкое мужицкое сердце подъ толстой сермягой,—которую Ефремъ носилъ почему-то и въ жару, какъ завѣтъ предковъ,—бѣду почуяло: неладное творится съ бынькой. А бынька, извѣстно, въ хозяйствѣ статья не послѣдняя.

— „Бынь, бынь! На, дурна, поижъ"! Онъ подложилъ ей сѣна подъ ноги. Стоитъ корова, не двигается и не смотритъ на сѣно; уткнула морду въ уголъ, вниманья не обращаетъ. Ефремъ—толкъ ее ногой... Словно и не ее толкнули. Другой разъ—то же самое... Онъ повернулъ ей морду къ корыту, она послушно перешла на другое мѣсто, но ѣсть не стала. Что за притча такая? Вглядываясь пристальнѣе въ морду своей коровы, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что у нея изо рта течетъ пѣна. Совсѣмъ растерялся старый Ефремъ, да изъ „куни" скорѣй въ хату, жену бабу крикнулъ:

— Иди, кричитъ, скорійше!

Пришла и баба. Посмотрѣла—ахнула. Она уже нѣсколько дней замѣчаетъ, что бынька меньше стала выдѣлять молока и какъ будто худѣетъ... Анъ, оно вотъ что!

Заголосила баба.

Нужно дать „раду" какую-нибудь, нужно помочь. А какъ помочь? Съ чего тутъ начнешь? Никто ничего не знаетъ. Перевязать ее штанами что-ли по брюху?! Такъ гдѣ-же опять такихъ-то штановъ достать? У Ефрема по крайней мѣрѣ нѣтъ такихъ длинныхъ, да и не было никогда. Или кровь ей пустить? пьявки ставить?.. Господи, Боже мой! Наказанье какое! Что дѣлать то? „Фершала" бы... Да гдѣ ты его теперь найдешь?

Одинъ онъ здѣсь на всю округу. Его не докличешься. Рѣдко онъ бываетъ въ Кореневкѣ. Развѣ случаемъ какъ-нибудь проѣдетъ, остановится, привьетъ оспу дѣтямъ, да и укатитъ дальше. Потъ крупными каплями покатился по морщинистому лбу Ефрема отъ жары и отъ волненья, отъ мыслей всякихъ, что приходили ему въ голову. А мысли приходили все нехорошія. Чуяло сердце, что придется разстаться съ бынькой.

— Бынька, бынь, бынь! чого ты? що зъ тобою?

Какъ заревetъ въ эту минуту корова, вытянувши шею, да такъ-то необычно, такъ-то жалобно, словно и голосомъ не своимъ. Ревнула разъ, другой, третій и пошла безъ перерыва, разъ за разомъ, до тѣхъ поръ, пока силы хватило. Словно-бы духъ изъ нея выворачивало. А какъ не хватило силы, упала сначала на переднія ноги, а потомъ на заднія. Такъ и повалилась.

Сбѣжался народъ. Какъ? что? почему? Пошли распросы, но ничего не выяснилось, потому что никто не могъ сказать, отчего такое приключилось. Раньше какъ будто такихъ напастей на скотъ не было. Случалось, правда, охватится она, или ногу тамъ зашибетъ, или покашляетъ зимой. Но все это ничего,— проходило. А теперь—на-ко, поди... Надо полагать, отъ наговоровъ, отъ чего-же другого?

— И чудное это, братцы, дѣло такое, разсказывалъ словоохотливый Ефремъ собравшимся крестьянамъ. Пришовъ я—дывлюсь: въ кутку стоить, морду опустивши, не исть... Я ій—сина, а у нея уже пѣна потягла, такъ и тягне...

Кореневцы рѣшили, что нужно непремѣнно выгнать ее изъ стойла, посмотрѣть, какова она будетъ на улицѣ, на солнцѣ. Били, били быньку сначала осторожно, потомъ посильнѣе. Встала она, зашаталась, заревѣла опять словно не своимъ ревомъ, но не вышла изъ „куни“. Ее насильно вывели и повели по выгону. Начали осматривать: ничего, какъ есть корова... Похудѣла только немного.

— А стоить-то вона чудно... Дывись,—ноги разставила...

Дѣйствительно, корова стояла на необычно раздвинутыхъ

ногахъ и тяжело, порывисто дышала. Носъ у нея былъ совершенно сухой. Кто-то взялъ ее за рога.

— Братцы, у неи одинъ рогъ якъ бы горячій, а другій холодный.

— Не чепай, оступысь, бо ще на тебе перейде часомъ...

— И що за напасть такая, прости Господи!..

— Во всемъ—воля Божія... Або—бѣшенство, або—наговоры.

Во время такихъ разговоровъ изъ плетня огорода слетѣла курица и пошла по выгону. Корова какъ-то неестественно оживилась, выпрямилась, навострила уши: одну секунду—впилась въ курицу глазами, а въ другую какъ прыгнетъ къ ней... да такъ и влѣпилась рогами въ плетень, за которымъ съ рѣзкимъ крикомъ скрылась курица. Откуда, подумаешь, и сила взялась...

Въ это время бѣжала мимо черная собака. Корова бросилась и за ней, долго ее преслѣдовала, но не догнала и въ безсиліи упала, споткнувшись, на переднія ноги. Также бросалась она и на лошадей. Человѣка не трогала; развѣ только кто-нибудь быстро бѣжалъ въ черной свиткѣ. Но и на того, впрочемъ, она не кидалась, а только бѣжала рядомъ съ нимъ, наклонившись немного на бокъ.

Замѣтивъ, что „бынька“ то и дѣло норовитъ бѣжать за кѣмъ-нибудь, кореневцы стали ее гонять по выгону. Но мѣра не удалась: корова забѣжала въ уголъ построекъ и никакими ударами нельзя было ее оттуда выгнать. Прививали ей пьявки къ шеѣ и животу, натирали солью, обливали даже дегтемъ—ничего не помогало. Такъ и не спасли „быньку“: чрезъ нѣсколько дней она совсѣмъ зачахла и околѣла, уткнувшись головой въ уголъ плетня. Ее выволокли за деревню, но не черезъ ворота, а тѣмъ путемъ, куда указывала ея морда. Хорошо еще, что она уткнулась головою въ плетень (плетень не трудно разобрать); а если-бы уткнулась въ хату—сохрани Богъ!.. По настоящему, пришлось-бы разбирать и хату, чтобы вытащить ее;

иначе,—крестьяне вѣрятъ,—весь скотъ издохнетъ у того хозяина, который вздумаетъ повернуть назадъ голову издохнувшей скотины.

III.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, этимъ бѣда не кончилась. Послѣ Ефремовой коровы заболѣла другая, потомъ—третья. Кореневцы прежде всего обратились за помощью къ своей знахаркѣ, но безъуспѣшно. Хотя баба Ирина шептала больной скотинѣ, держала ее за рога, давала пить какую-то свою воду, но скотъ все-таки продолжалъ болѣть. Крестьяне, впрочемъ, этого и ждали. Старый Ефремъ былъ всегда того мнѣнія, что кореневская Ирина не знаетъ своего дѣла. При томъ-же, эта знахарка сама повредила своей репутаціи тѣмъ, что взялась лѣчить одну больную еврейку и вылѣчила ее. Лечить евреевъ православному человѣку грѣшно. Въ этомъ кореневцы свято убѣждены. Жидъ—нехристъ. Это—извѣстно. Въ бѣдѣ ли онъ какой, боленъ-ли онъ, все равно... пусть онъ издохнетъ совсѣмъ, кореневецъ и голотовецъ ни за что не дадутъ ему помощи. А Ирина вылѣчила Ривку,—это все село знаетъ,—и получила за это не мало. За то знахарская сила отступила отъ нея, и для крещенаго человѣка она теперь ничего не знаетъ.

— Треба послаты въ Чернецкъ за Оленой! Та поможе...

И дѣйствительно, нужно было послать, нужно было торопиться. Слухъ, что стадо „порченое" распространился среди кореневцевъ по мѣрѣ того, какъ эпидемія брала все больше и больше жертвъ. Знахарка нужна была столько-же для помощи, сколько и для поддержки упавшаго духа кореневцевъ. Лишиться стада для нѣкоторыхъ было то же, что совсѣмъ разориться.

Одновременно послали и за ветеринаромъ, на всякій случай. Одно другому не мѣшаетъ. Но ветеринара не было дома. Онъ былъ разъѣздахъ. Привезли знахарку.

Авторитетъ держится отдаленностью. И не удивительно, что дальняя знахарка пользуется большей славой, чѣмъ ближняя.

Прибытію чарнецкой знахарки предшествовалъ слухъ, что она знаетъ такое слово, которое, если сказать, скотина выздоровѣетъ.

Олена, — женщина еще молодая,—которую, впрочемъ, въ окрестности почему-то всѣ называли „бабой Олеськой", —принялась лѣчить. Она обходила скотъ у разныхъ хозяевъ и осматривала его, выслушивала и сказала: что нужно считать, сколько разъ зареветъ заболѣвшая скотина: если четное число разъ,— то выздоровѣетъ, если нечетное, то, по всей вѣроятности, умретъ. Давала она скотинѣ хлѣбъ. Если скотина принимала хлѣбъ, знахарка говорила, что болѣзнь не опасна и скоро пройдетъ; если корова не хотѣла брать,—Олеська авторитетно объявляла, что корова очень больна и, быть можетъ, подохнетъ. Давала она и воду съ тѣми-же замѣчаніями. Крестьяне ходили за знахаркой и съ тревогой ждали рѣшенія участи своей скотины.

— Зробы вже ты намъ... Заговоры ты стадо... обращались довѣрчивые, безпомощные крестьяне къ знахаркѣ, надѣясь на нее больше, чѣмъ на всѣхъ докторовъ въ свѣтѣ.

Знахарка медлила. Конечно, ей очень хотѣлось поддержать свою медицинскую извѣстность въ окрестности. Въ случаѣ неуспѣшности лѣченія, этой извѣстности грозило паденіе. Создавши свою репутацію доктора на двухъ-трехъ случаяхъ успѣшнаго лѣченія разныхъ неопредѣленныхъ болѣзней, она теперь положительно терялась, не знала, что дѣлать, и внутренно даже сожалѣла, что взялась за это дѣло. Въ ея практикѣ это былъ первый случай лѣченія скота.

Но отказываться было нельзя. И она стала усерднѣе нашептывать скотинѣ на ухо и на хлѣбъ, который тыкала ей въ зубы. Подойдя къ одной больной коровѣ и осматривая ее, она какъ-то совершенно случайно высказала предположеніе: не отъ укуса ли это какой-нибудь собаки.. Она боялась сказать „бѣшеной", потому что нигдѣ не слышала, чтобы въ окрестности гдѣ-либо бѣгала бѣшеная собака. Олена была осторожна и, какъ всѣ осторожные люди, не столько говорила, сколько

слушала и, если затѣмъ говорила, то говорила кстати. На этомъ создавалась ея карьера.

Скоро прибылъ и батюшка съ дьячкомъ. Онъ служилъ молебенъ и кропилъ стадо святой водой. Въ батюшку и его священную воду кореневцы вѣрили не меньше, чѣмъ въ знахарку и ея таинственныя нашептыванія на хлѣбѣ. И когда о. Иванъ, обходя стадо, торжественно пѣлъ „Спаси Господи“ и кропилъ все окружающее водою, кореневцы внимательно считали ревъ коровъ и никакъ не могли досчитаться: „до пары“ ли тутъ выходило, или не „до пары“. Кто его разберетъ, въ самомъ дѣлѣ?...

IV.

Мѣстность, гдѣ была расположена деревня Кореневка, была мѣстомъ вполнѣ здоровымъ. Здѣсь давнымъ давно не было никакихъ эпидемій ни на животныхъ, ни на людяхъ. Недавняя холерная эпидемія совершенно не коснулась ни Кореневки, ни сосѣднихъ селъ и деревень.

Чуть замѣтный ручеекъ, извиваясь по зеленой лужайкѣ, окружалъ небольшой холмикъ, поросшій густымъ березнякомъ, въ которомъ скрывалась отъ взоровъ путешественника деревня. Вся деревня состояла изъ десятка избъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Густыя, высокія деревья, нависшія съ обѣихъ сторонъ дороги, сохраняли тутъ постоянную сырость въ обыкновенный лѣтній день и прохладу въ знойную, жаркую пору. Въ одномъ мѣстѣ среди деревни дорога раздвигалась и давала мѣсто маленькому выгону. Это было любимое мѣсто кореневцевъ для отдыха. „Ось тутъ такъ холодокъ!“ говорилъ почти каждый крестьянинъ, растягиваясь на досугѣ на зеленой, бархатной травѣ въ жаркій день. Тутъ-же любили играть и дѣти, выпрашивавшіе обыкновенно гостинцевъ у какого-нибудь проѣзжавшаго пана. Смѣлость дѣтей доходила до того, что, завидя издали какую-нибудь бричку, они гурьбой становились на

дорогѣ и такъ назойливо кричали „гостинца“, „копѣечку“, что панъ долженъ былъ останавливаться...

Былъ праздникъ. Группа крестьянъ лежала на травѣ радіусомъ около пня недавно срубленной березы, изъ котораго стекалъ березовый сокъ. Густая влага вытекала изъ центра пня и осаждалась на сторонахъ въ видѣ густыхъ пѣнокъ блѣдно розоваго цвѣта. Одинъ изъ крестьянъ ковырялъ пѣнки хлыстикомъ.

— Не чепай, наставительно замѣтилъ ему другой крестьянинъ. Нехай тиче, бо якъ у кого око часомъ заболить, то помогае...

Тотъ оставилъ хлыстикъ, вздохнулъ, молча перевернулся на спину и, смежая вѣки глазъ, сталъ глядѣть на небо. Отъ неба такъ и несло удушливымъ, раскаленнымъ зноемъ. На загорѣвшихъ, крестьянскихъ лицахъ выступалъ потъ, не смотря на тѣнистую прохладу.

— Иване, ты чого такъ сумно вздыхаешь?

— Багато будешь знать—хутко постаріешь, а мени хочется, щобъ ты бувъ молодый, отвѣтилъ Иванъ, щобъ тебе Марья любыла.

— Отъ того-то ты такъ и постаривъ певне, що дуже багато знаешь, не оставался въ долгу тотъ.

— Запевне, що бильше твого знаю.

— Хиба зъ батькомъ та зъ маткою... то може выйде и бильше.

— Мовчи, Василю... перестаньте! сказали старики, которымъ непріятна была эта перебранка, начавшаяся съ пустяковъ.

Иванъ, глядя въ верхъ, началъ насвистывать; а Василь взялъ брошенный хлыстикъ и сталъ ковырять березовый пень—единственный предметъ, невольно обращавшій вниманіе то одного, то другого крестьянина.

— Чи то правда, що Іуда повисився на березі и зъ теи поры вона плаче? спросилъ Василь, тыкая хлыстомъ въ зёвъ, изъ котораго медленно вытекала влага. Кажуть, що слёзы березы отъ всякои болѣзни...

— Кажуть, що колысь твоя маты ракомъ свистала, а теперь соловейкомъ кудахтае, не утерпѣлъ, чтобы не огрызнуться Иванъ.

Они опять готовы были сцѣпиться, но ихъ опять заставили замолчать. Изъ всей кореневской молодежи Иванъ отличался наибольшей грубостью и дерзкимъ характеромъ. У него былъ языкъ „якъ швайка, торкни—она и колется“. Его въ деревнѣ не любили. Быть можетъ его нѣсколько испортили клинцовскія фабрики, куда онъ ходилъ въ будніе дни на работу. Только по праздникамъ онъ приходилъ въ Кореневку провѣдать родныхъ, да посмотрѣть на хороводъ и игры, въ которыхъ, впрочемъ, участія не принималъ.

— А що, якъ-бы даты худоби напытыся березовои воды, може-бъ и полегшало, сказалъ кто-то.

— Эге, треба попробовать. Але щось вона помалу бижить...

— Хиба въ лиси березы нема?! Можно нацидыты...

— Ничого не поможе, хладнокровно замѣтилъ Иванъ, даремна праця.

— Чому?

— А потому, що якъ болила въ Губинцахъ скотина, то тамъ давали всякую воду питы и березовую и свяченую,—и все дарма.

— Ой, мовчавъ-бы ты лучше, сказалъ одинъ изъ стариковъ, отодвигаясь отъ лучей солнца, въ тѣнь, дуже ты у насъ розумный.

— А ты, старый, погривъ бы ще свою лысыну на сонци, то може-бъ порозумнійшавъ, та може бъ и волосье за едно выросло...

Кто-то засмѣялся. Старикъ вступилъ въ перебранку съ Иваномъ. Ивана опять заставили замолчать.

— Эхъ, Иване, Иване! обратился къ нему со вздохомъ Ефремъ, твои батьки не таки були, царство имъ небесное. Не поправди ты живешь.

— Лыхо зъ правдою, лыхо и зъ брехнею, огрызнулся Иванъ. За правду бьють, а за брехню виры не дають.

— Зъ такою мудростью, що у тебе въ голови, на свити тяжко житы, Иване.

— Ничого, якось-то проживу. Ще, здается, у тебе грошей на житье не позычавъ?

Молчаніе. Иванъ всё глядѣлъ вверхъ, заложивъ ногу на ногу, и свистѣлъ. Его ботфорты, сложенные въ складки, блестѣли на солнцѣ. Старики глядѣли на него съ досадою, молодежь—съ завистью.

— Якъ Богъ не поможе чоловику, нихто не поможе, сказалъ какъ бы про себя Ефремъ, кивая сѣдою головою.

— Якъ-бы Богъ хотивъ помогты, то давно-бы не було такои спекоты, возразилъ Иванъ, тай певне-бъ и болисти на худоби не було-бъ...

— А зъ чого-жь по твоему худоба здыхае?

— А хто еи знае? Може объилась чого, а може запалъ...

— Якъ-то запалъ?

— А такъ, я чувъ бувае въ кишкахъ... воспаленіе, якъ клинцовскій докторъ еденъ казавъ. Кишка начинае гныты, тай бувае запалъ.

— Брешешь, брешешь! Що брешешь, то брешешь! раздалось разомъ нѣсколько голосовъ. Олена казала, що то може буты порча отъ наговоривъ якихъ-нибудь, або собака укусыла...

— Хе, хе, хе!.. засмѣялся Иванъ. Ничого ваша Олена не знае, тай вы зъ нею. Напала на дурнивъ, та зъ дурнивъ и живе.

— Якъ-то?! Олеська ничого не знае?!

Споръ обѣщалъ принять большіе размѣры, но въ это время заревѣла въ хлѣву больная скотина и крестьяне принялись считать, четное или не четное число она ревнетъ. Одновременно почти заковала кукушка, и одна крестьянка, сидѣвшая на призьбѣ съ ребенкомъ, выкрикнула—„зозуля, зозуленька, скильки мини житы?“ и тоже стала считать... Заревѣла другая корова и крестьяне совершенно сбились съ толку въ счетѣ.

V.

— Ѣде, ѣде! Панъ ѣде! кричали дѣти, бѣжа къ выгону врозь и въ одиночку. Ставайте, ставайте! Попросымо у пана копѣечку Дѣти-малыши засуетились, забѣгали.

Дѣйствительно, вдали показалось непроницаемое облако пыли, совершенно окутывавшее двигавшуюся бричку. Бричка, въѣхала въ березнякъ, и кореневцы могли разглядѣть въ ней толстаго, жирнаго пана, изнывавшаго отъ нестерпимой, душной жары и пыли. Пыль покрывала всё его лицо—усы, бороду и щеки, по которымъ бѣжали капли пота, превращавшія пыль на лицѣ въ грязь, отъ которой панъ напрасно старался избавиться... Жирный потъ просачивался на поверхность бѣлаго чесучоваго пиджака подъ мышцами и ложился замѣтными полосами на спинѣ. Панъ тяжело дышалъ...

— Го-стин-ца! Ко-пѣ-ѣ-ечку! заголосили звонкіе дѣтскіе голоса, когда бричка поровнялась съ выгономъ. Панъ велѣлъ остановить лошадей.

— Воды! Дайте воды, зашипѣлъ панъ, сплевывая съ губъ грязный потъ. Ф-уу!..

Крестьяне встали, сняли шапки и обступили бричку. Подали воду. Панъ пыхтѣлъ и пилъ жадными, жирными губами, отрываясь на секунду, чтобы передохнуть... Онъ страдалъ... Крестьяне съ удивленіемъ и съ чувствомъ нѣкотораго соболѣзнованія смотрѣли на эту жирную тушу, которая широко раздвинувъ въ просторной бричкѣ свои толстыя, короткія ноги, жадно выливала уже вторую кружку воды въ свое круглое, пространное вмѣстилище, то подымавшееся вверхъ, то опускавшееся. Фигура пана была очень оригинальна. Такихъ пановъ можно еще встрѣтить въ Стародубьи.

— Жарко, сказалъ Иванъ, считавшій вправѣ, по своему культурному превосходству, первымъ заговорить съ проѣзжимъ паномъ. Товарищи уступили ему это право.

— М—м... мычалъ панъ, отдуваясь и отдавая кружку молодицѣ.

— Тутъ у насъ затишокъ, прохлада, замѣтилъ кто-то... Панъ обвелъ кругомъ своими сонно-усталыми глазами и крякнулъ.

Онъ не безъ труда сошелъ съ брички, велѣлъ кучеру взять на лѣво въ холодокъ, подъ тѣнь, а самъ легъ на травѣ и, отдышавшись, вступилъ въ тѣ разговоры съ кореневцами, которые хорошо знакомы каждому, кто ѣзжалъ по дорогамъ. Узнавши, что у кореневцевъ скотъ падаетъ, панъ очень обстоятельно распросилъ про признаки болѣзни и ея ходъ. Крестьяне охотно разсказывали.

— Скажите вы намъ, что это за напасть такая и какъ её лѣчить?...

— Какъ лѣчить? смотря какая болѣзнь... отвѣчалъ панъ. Должно быть это—воспаленіе въ легкихъ,—эта болѣзнь ныньче очень распространена... Она передается чрезъ зараженіе, а зараженіе происходитъ чрезъ сообщеніе животныхъ между собою... примѣрно, чрезъ кормъ.

И панъ пустился въ объясненіе знакомой ему болѣзни. Онъ немножко путался... Но если-бы онъ и не путался, всё равно крестьяне его не вполнѣ поняли-бы.

Иванъ торжествовалъ. Его такъ и подмывало сказать: " а что? не говорилъ я про запалъ?"

— Признаки болѣзни такіе, продолжалъ панъ: дыханіе у скотины затрудняется, примѣрно скажемъ.

— Такъ, такъ, затрудняется, говорили крестьяне.

— Аппетитъ и отдѣленіе молока уменьшается.

— Такъ, такъ... Молока нема.

— Бываетъ жаръ, уши и рога попеременно становятся то холодными, то горячими; скажемъ такъ, если взять за ухо...

— Эге, эге, такъ... ухо холодніе...

— Пьетъ воду больная скотина съ остановками.

— Такъ, такъ, панъ все знае...

— Ноги неправильно стоятъ.

— Що правда, то правда! Ей-Богу! У насъ точнисенько такъ, якъ це вы кажете! удивлялись кореневцы всевѣдѣнію пана. Ноги стоять раскарачившись... Якъ-же теперь, проше пана, ей выличиты?

— Какія средства?.. Нужно выдѣлить больной скотъ, очищать дворы карболкой или сулемой...

— Такъ, такъ, довѣрчиво подтверждали крестьяне.

— А самое лучшее ветеринарнаго доктора позвать, онъ скажетъ... Онъ на то и поставленъ начальствомъ докторомъ, на случай, примѣрно, какой-нибудь болѣзни на скотинѣ...

— А у насъ тутъ Олеська есть! Такъ она также лѣчитъ!..

— Какая Олеська?

— Чарнецкая... знахарка!.. баба...

— Ну, ничего ваша Олеська не знае. Ну посудите вы сами: докторъ, скажемъ, въ школахъ учился, всякія болѣзни изучалъ...

— Такъ, такъ, изучалъ...

— А Олеська, скажемъ, какая-нибудь, примѣрно, баба... Пф... Какъ жарко!.. Ну, такъ гдѣ же ей, примѣрно, знать всякую болѣзнь. Она, скажемъ, простая, ничего не знающая, обыкновенная баба пф...

— А таки такъ, баба и есть, запевне.

— Ну, такъ вотъ вамъ... сказалъ панъ, заключая свое собесѣдованіе съ кореневцами. Онъ велѣлъ подавать лошадей, которыя, выбивались изъ упряжи отъ назойливыхъ мухъ. Кореневцы помогли барину взобраться на бричку. Дѣти опять обступили бричку, панъ выбросилъ имъ мелкую монету и скоро облако пыли опять взвилось надъ дорогою, скрывая отъ крестьянъ всезнающаго пана.

— А что, не говорилъ я?! не утерпѣлъ Иванъ и вызывающе посмотрѣлъ на товарищей. Но, какъ бы считая для себя излишними всякія дальнѣйшія объясненія послѣ того, какъ такъ открыто была засвидѣтельствована предъ людьми справедливость его словъ относительно „запала“ и невѣжества Олеськи, онъ, рисуясь предъ крестьянами, взялъ свой хлыстикъ и, сказавши „до свиданья“, надвинулъ свой парусиновый картузъ на бекрень и отправился на фабрику въ Клинцы. Онъ замѣтно рисовался предъ крестьянами-сельчанами и то и дѣло ударялъ себя хлыстикомъ по ботфортамъ, составлявшимъ предметъ зависти для кореневскихъ парней. Скоро со стороны мостика раздалась

громкая пѣсня: „раскудра-кудра-кудра... раскудрава голова“... И всѣ знали, что Иванъ Нечипорукъ выходитъ изъ Кореневки.

— Не въ батька пишовъ...

— Эге, зъ нашого поля, та не наша ягода.

— Якъ не звыхнется зъ колеи, то може и въ люде выйде.

— Але однако чудно, що Иванъ казавъ про запалъ, и панъ казавъ... Иванъ казавъ про Олеську... и панъ тее саме казавъ.

Для крестьянъ это совпаденіе мнѣній Ивана съ словами пана не могло не казаться удивительнымъ. Нѣкоторымъ чуялось, что Иванъ какъ будто и правъ, но никто не осмѣливался высказать этого въ слухъ. Авторитетъ и вліяніе чарнецкой Олены держалось выше мнѣній случайно проѣзжавшаго пана.

VI.

Панъ укатилъ. „И слиду писля него не осталося“. Кто онъ былъ, откуда и куда ѣхалъ? никто этого не зналъ, никому изъ кореневцевъ и въ домекъ не пришло распросить объ этомъ пана или по крайней мѣрѣ узнать, какъ зовутъ пана.

Кореневцы очень пожалѣли, что не распросили, кто былъ проѣзжавшій. Дѣло въ томъ, что на другой день послѣ его выѣзда случились новыя заболѣванія скота, и въ Кореневкѣ стали говорить, что это „справа вчерайшого пана“, что этотъ самый панъ развозилъ болѣзнь по всей округѣ. Въ пользу этого предположенія были всѣ данныя вчерашняго визита. Во-первыхъ, зачѣмъ панъ ѣхалъ въ жару? Ну, скажите, какой-же панъ поѣдетъ въ этакую-то „спекоту“? Во вторыхъ, пріѣхавши, даже не сказалъ „здравствуйте“, какъ всѣ крещеные люди говорятъ, а „закомандовалъ“—воды, воды... Подай, слышь, ему сейчасъ воды!.. Такъ и „закомандовалъ“... А эти дуры такъ сейчасъ и бросились за водой! Одна съ кружкой, другая съ „шклянкой“...

— Ей-Богу, то не я... отпиралась Ганна, несшая пану кружку. То́ Марина...

— Отъ, присяй-бижъ, то не я... И всими святыми присягну, що не я перша подала пану воду, а Ганна.

— Брешешь, бо ты! прислужиться хотила, протестовала Ганна.

— Отъ, щобъ я скисла на сему мисци, колы не ты перша подала воду.

— Нехай мини симъ болячокъ, колы я...

— Брешешь, брешешь, бо ты.

— Ой, мовчи, облизлая жабо.

— Сама ты облизлая жаба... тьфу!

— Тьфу! Я тоби припамятаю еще, якъ твій чоловикъ въ мене обручи на даху покравъ...

— А пожды—но, пожды... и я еще згадаю тоби, хто то у мене яйця зъ пидъ рябои курки кравъ... Я ще твою лысую голову намну, пожды—но!

— Пожды, лысый чортъ, не дождешь! На моій голови ще коса держится, а на твоей вже давно чорты блынци печуть. „Молодыци“ приближались одна къ другой, грозя руками, и такъ стараясь перекричать одна другую, что даже присѣдали. Безъ сомнѣнья, такой крупный разговоръ двухъ кореневскихъ дамъ, хотя и доставилъ нѣкоторое оживленіе на скучной кореневской улицѣ, на которую, при первомъ крикѣ, со всѣхъ избъ потянулись всѣ, кто только могъ ходить; но тѣмъ не менѣе „чоловики“ стали разнимать и урезонивать расходившихся бабъ.

— Перестаньте, перестаньте, говорили имъ со всѣхъ сторонъ, а старый восьмидесятилѣтній Ничипоръ Опенько, давно не вылѣзавшій изъ своего угла, выглянувши по этому случаю на своихъ клюкахъ на улицу, только почесалъ затылокъ да сплюнулъ при видѣ двухъ наступавшихъ другъ на друга бабъ.

— Тьфу, сказалъ онъ, тряся своей старческой головой, ажъ свыни сміются, и поворотилъ свои клюки обратно, придерживаясь за ворота. И такъ чимало лыха на свити, а воны ще човптысь захтилы.

Самымъ важнымъ слѣдствіемъ „гомона“ бабъ было то, что на улицѣ собралась большая громада,—словно земскій началь-

никъ пріѣхалъ съ старшиной,—и вопросъ о панѣ сталъ обсуждаться живѣе и всестороннѣе при большомъ количествѣ голосовъ.

Общій, бойкій разговоръ о случайномъ мимолетномъ посѣщеніи паномъ кореневской улицы выяснилъ такія обстоятельства, которыя сначала трудно было даже и предвидѣть. Обращено было, напр., особенное вниманіе на то, что „кони перлы пана по дорози що есть духу“ и, когда стояли на отдыхѣ,— „храпилы и пужалысь“. Всѣ видѣли, какъ они били копытами землю и слѣды даже остались... Развѣ настоящіе паны такъ ѣздятъ? У настоящаго пана кони никогда такъ не путаются, „мовъ скаженыя“. Затѣмъ, немаловажнымъ оказалось то, что панъ по выѣздѣ изъ деревни останавливался на мостикѣ. Зачѣмъ онъ останавливался? Одни говорили, что панъ хотѣлъ „кони“ поить, да раздумалъ, другіе—что распрашивалъ дорогу въ Клинцы; а Степанъ Кривый утверждалъ даже, что панъ сыпалъ какой-то порошокъ въ воду. Всё это было очень подозрительно. Да и самый панъ былъ какой-то подозрительный—толстый, черный, въ бричку самъ не влѣзетъ и говоритъ хрипя... Кореневцы давно не видали такого пана. Но когда кто-то сообщилъ, что панъ везъ съ собою въ бричкѣ какія-то „ланцуги“, желѣзныя палочки съ кольцами и кругленькіе столики съ раздвижными ножками, сомнѣній больше не могло оставаться: панъ знался съ „куцымъ“ и развозилъ разныя эпидеміи по губерніи.

Олеська по крайней мѣрѣ очень поддерживала это мнѣніе. Усиленье эпидеміи она именно тѣмъ и объясняла, что „той панъ проихавъ“.

— Его зовсимъ не тра було приниматы, а тильки сказаты—„произжайте соби, пане, зъ Богомъ! широка дорога!“

Оказалось, что нѣкоторые были такого именно мнѣнія, что кто-то даже именно и хотѣлъ сказать громадѣ „що не тра его приматы“, но почему то не сказалъ.

— Шкода, що мене не було, а я бы сказала, вставила кстати Олеська. Не дождавъ бы винъ статы на сему мисти.

И большинство крестьянъ вѣрило, что будь въ этотъ день Олеська, съ паномъ обошлись бы иначе.

— Щожъ мы теперь будемо робыты? Худоба боліе все бильше тай бильше!..

— А що робыты?! отвѣчала смѣло Олеська. На все воля Божа. Якъ бы то не той панъ, то може-бъ що и можно було порадыты; а теперь що подіешь?!

И она разводила руками и задумывалась, соображая, чтобы такое предпринять.

Проѣздъ пана былъ ей на руку. Онъ оправдывалъ её въ глазахъ крестьянъ въ случаѣ неудачи лѣченія. Но за то малѣйшій случайный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ могъ сразу поднять ее авторитетъ знахарки и лѣкаря. Она знала это и при каждомъ удобномъ случаѣ разсказывала много разныхъ исторій, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ панъ, развозившій „хоробу по людяхъ".

VII.

Скоро у кореневскаго помѣщика,—мелкаго, бѣднаго пана,—тоже заболѣла корова и ревмя ревѣла въ „клунѣ". Хотя въ этомъ обстоятельствѣ не было ничего необыкновеннаго, потому что стадо пана паслось вмѣстѣ съ крестьянскимъ, но тѣмъ не менѣе оно оказало нѣкоторое вліяніе на настроеніе толпы. Горе было уравновѣшено между богатымъ и бѣднымъ, и крестьяне стали еще равнодушнѣе относится къ своей бѣдѣ.

Въ сосѣднихъ селахъ тоже были случаи заболѣванія. Эпизоотія распространялась. Жара не унималась. Казалось, она еще усиливалась .. Поля стали чернѣть отъ зноя, и ихъ видъ приводилъ въ безнадежное уныніе земледѣльца, схоронившаго свой тяжелый трудъ въ знойныхъ лучахъ солнца... Ежечасно, по старой привычкѣ, посматривалъ крестьянинъ вверхъ, вздыхая о дождѣ, но небо было неумолимо. Оно даже какъ бы перемѣнило свой естественный видъ, и вмѣсто обычной синевы глазамъ представлялась какая-то мутная, дымчатая оболочка, грандіознымъ шатромъ раскинувшаяся надъ землей. Кругомъ надъ горизонтомъ

стояла густая мгла. Было что-то ужасное въ этомъ стихійномъ сочетаніи бѣды отъ солнца съ бѣдою отъ эпидеміи.

Суевѣрный умъ терялся въ объясненіи этихъ губительныхъ явленій природы. Отъ чего жара? Говорили, что вѣтеръ хмары занесъ куда-то далеко-далеко и онѣ тамъ растаяли. Говорили, что пророкъ Илія разгнѣвался на „хрещеныхъ людей" и нарочно не даетъ дождя и т. п. Въ суевѣрномъ воображеніи нѣкоторыхъ крестьянъ предносился даже таинственный образъ антихриста, появленію котораго на землѣ, — они знали,—должна предшествовать страшная „спекота" и неразрывный съ нею неурожай. Впрочемъ, нѣкоторые не соединяли съ бѣдствіемъ такихъ крайнихъ представленій и были убѣждены, что „хмару" держитъ пани Заславская, которая живетъ въ Клинцахъ и отъ которой цѣликомъ зависитъ, пустить-ли дождь на землю или удержать его. Нашлись старожилы, утверждавшіе, что это бѣдствіе не безпримѣрное, что такая-же „спекота" была, когда они лѣтъ тридцать тому назадъ гнали дерево Днѣпромъ въ Екатеринославъ. А въ общемъ,—кто же его знаетъ? Кто можетъ знать? Тоже самое и падежъ скота. Отъ чего эпидемія? Ничего тутъ не разберешь... Можетъ—наговоры, можетъ—бѣшенство, можетъ—отъ спекоты... Опять-же этотъ панъ...

— На человѣка тоже иной разъ находитъ, говорилъ Ефремъ, которому особенно жаль было своей быньки. Не приведы Богъ... Прыйшлося мини зъ однымъ повозиться чимало. Якъ, наприкладъ, пройде у его болизнь, то, здается, и ничого... Чоловикъ—якъ чоловикъ, дывится кругомъ, бачить—люде стоять... Пустить вы, каже, мене. За що вы мене держите?"... Да такъ гарно просытся, такъ гарно, що й годи... Запевне, що чоловикъ въ повную память пришовъ. Балакаты зъ нимъ почнуть, ничого—балакае соби... Отъ возмуть тай выпустять его, развяжуть... Тильки що развяжуть, винъ зновъ почне бушоваты... Дмется, лизе на що попало и все, значить, ему поломаты що нибудь хочется. Потимъ въ церкву его повели. Думали бачь,—батюшка одчитае. И направди, въ церкви нибы очнувся—дывытыся ставъ, мовъ здоровый чоловикъ. „Слава тоби Господи, думаю, прошло"... Такъ куды тамъ! Якъ запинывся винъ зновъ,

якъ пишовъ образамы швыряты... И не приведы Боже... Господи, скильки винъ страху тоди задавъ, ажъ по сю пору ще памятно. Ей—Богу...

— Вмеръ?

— Эге, вмеръ. Не довго живъ. Да яке ему житье? Сталы у Бога прохаты, щобъ хутнійше ёго взявъ...

Въ толпѣ вздыхали.

— Чоловикъ хутко вмре. А отъ якъ китъ збисится, або собака...

— Эге, отъ того смерти не хутко жды...

— Попобигають воны, покиль здохнуть. Особливе китъ... Собаку, того можна хоть втриматы, а кота ни за що не втримаешь. Винъ и черезъ комынъ въ хату влизе.

— Эге, по цилымъ мисяцямъ буде бигаты, не ивши ничого. Тутъ укусыть чоловика, тамъ—скотину...

— Кажуть, що якъ кобель укусыть корову, то болизнь у неи настане ривно черезъ мисяць.

Старый москаль Павлюкъ, стоявшій до той поры молча, тревожно взялся за голову и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Братцы, сказалъ онъ, словно припоминая что-то, а вѣдь у меня никакъ кобель пропалъ... Собаченка значитъ... Кажись ровно мѣсяцъ тому будетъ... Я запамятовалъ.

На секунду все смолкло. Не смотря на то, что почти всѣ кореневцы знали о пропажѣ Павлюковой собаки, извѣстіе это было новостью по той связи, какая неожиданно устанавливалась между бѣгствомъ собаки и заболѣваніемъ скота. Стали считать да высчитывать, такъ и есть—ровно мѣсяцъ прошелъ... Какъ разъ на Петра и Павла былъ мѣсяцъ, какъ собака пропала. Около того же времени случились и первыя заболѣванія.

Лица всѣхъ обратились къ Павлюку съ нѣмымъ упрекомъ. Всѣ лица какъ бы говорили: какъ же это ты такъ?.. позволилъ, чтобы у тебя кобель пропалъ.

Словно угадывая этотъ упрекъ, Павлюкъ переминался съ ноги на ногу и какъ-бы извинялся.

— И Богъ его знаетъ, какъ это вышло... точно... кобель пропалъ, Ей—Богу, пропалъ... повторялъ нѣсколько разъ москаль, разводя въ недоумѣніи руками и словно теряясь.

Теперь стало вполнѣ ясно, отчего скотъ падаетъ въ Кореневкѣ и другихъ селахъ. Всему виной этотъ кобель. Слова знахарки, высказанныя совершенно случайно о какой-нибудь пропавшей собакѣ, подтверждались. Она еще больше поднялась въ глазахъ крестьянъ, когда явившись, сказала, что давно говорила, что это дѣло бѣшеной собаки. Собственно она никогда этого не говорила, напротивъ, недавно она говорила, что это дѣло „того пана“, но настроеніе толпы было таково, что она въ эту минуту могла приписать себѣ какое угодно мнѣніе и ей безпрекословно повѣрили-бы. Да и почему знать, въ самомъ дѣлѣ,—можетъ она это и говорила? Мало-ли чего она не говорила, переходя изъ одной избы въ другую.

Конечно, послѣ того, какъ открылась причина эпидеміи, ей ничего не стоило совершенно подорвать довѣріе къ словамъ проѣзжаго пана о воспаленіи легкихъ и о признакахъ, какъ узнать эту болѣзнь. То, съ чѣмъ такъ охотно соглашались кореневцы въ присутствіи пана и что было нѣсколько поколеблено по его выѣздѣ,—теперь потеряло въ глазахъ крестьянъ всякое довѣріе. Нѣкоторое согласіе словъ пана съ мнѣніемъ Ивана Нечипорука набрасывало сильную тѣнь неблагонамѣренности на послѣдняго. Объ Иванѣ крестьяне избѣгали даже говорить, считая его заговорщикомъ противъ благосостоянія людей, участникомъ нечистой таинственной силы, вредящей православнымъ людямъ.

VIII.

— Ну, то слухайте-жъ, теперь я знаю що робыты, говорила самоувѣренно Олеська. Треба даты худоби покой до другои зори. Колы вона на другу зорю визьме хлибъ, то певне що выздоровіе, а колы не визьме, а тильки понюхае, то мабуть здохне... Колы на третью зорю ще визьме хлибъ, то ще надія есть, ну, а писля третеи зори безприминно здохне.

Ее слушали и дивились ея мудрости, хотя,—странное дѣло,—она собственно ничего не говорила кореневцамъ. Все это было извѣстно и раньше.

— Я также казавъ, що певне худобу скажена собака покусала, бо на собаку кидается, сказалъ одинъ крестьянинъ, желавшій блеснуть передъ „громадой" своими познаньями. Но его тотчасъ-же перебила знахарка.

— Не правду ты кажешь, Опанасъ. Хиба-жъ здоровая корова або вилъ не кидается на собаку? И здорова также кидается... Та ще не сказылася, що кидается на собаку... А та, що кинется на человика, або на коня, та запевне вже скаженая.

— Правда, правда... послышалось въ толпѣ. Крестьянинъ заявившій такъ не кстати свои показанія, скрылся за спинами своихъ товарищей.

— А то ще бувае,—начала Олена, ободренная общимъ вниманіемъ и ходомъ дѣлъ, ясно складывавшимся въ ея пользу,—а то ще бувае, що товарина объистся травы такой... И она стала разсказывать, хвастать своими познаньями и опытностью. Есть такая трава, росте вона въ болоти и называется „вѣхà"... То якъ наистся скотына теи трави, то такъ и пиде у неи зъ рота пина, такъ комками и пиде. Але то не бѣшенство. То самая простая хороба. Еи можно зразу познаты, у худобины животъ разопре що и годи...

Олеська умѣетъ распознавать, она знаетъ и лѣкарство противъ этой болѣзни—слово такое.

Чего, чего только не знаетъ знахарка. Ее слушали съ такимъ вниманіемъ, какого рѣдко кто удостоивается въ деревнѣ. Да и какъ было ее не слушать? Она говорила такъ просто и такъ естественно, такъ понятно и, главное, не брала денегъ за свои услуги. Она всегда предпочитала взять кусокъ полотна или сала, или крупъ, или еще чего-нибудь... Она заключала въ себѣ всѣ лучшія качества, для того чтобы нравиться крестьянамъ, и вполнѣ подходила къ той роли, которую совершенно случайно усвоила себѣ. Ей можно было предсказать хорошій успѣхъ въ медицинской практикѣ. Когда ее спросили, отчего бываетъ бѣшенство, она наговорила такъ много, что и не перескажешь всего.

— А ось, наприкладъ, муха... говорила она. Вона також бувае скаженая. И знаете, отъ чого вона казыться?

Въ толпѣ отрицательно кивали головой.

— Я вамъ скажу. Колы, наприкладъ, лежить на дорози, або на улыци горшокъ, або гладышка, або наветь черепокъ зъ дырочкою,—бо бувае часомъ въ черепки дырочка,—то якъ тильки муха пролетыть черезъ тую дырочку, такъ заразъ и сказыться. Сяде на собаку, укусить,—собака сказыться... Собака укусыть корову,—корова сказыться... А тамъ часомъ и до чоловика дойде... Такъ и пиде бѣшенство по свити.

Кореневцы внимали.

Но разсказами, извѣстно, дѣлу не поможешь. Нужны мѣры въ бѣдѣ. Какія средства противъ бѣшенства? На этотъ вопросъ знахарка благоразумно умолкала или отвѣчала на него слишкомъ неопредѣленно. Впрочемъ, она посовѣтывала на всякій случай, мазать дегтемъ голову коровы и особенно лобъ. Можетъ быть, это и предохранитъ скотину отъ бѣшенства; хотя, конечно, въ жизни какъ человѣка, такъ и скотины воленъ одинъ Богъ. Уѣзжая въ другое село, куда ее тоже требовали для борьбы съ той-же эпидеміей, она сказала, что если скотина тяжко заболѣла, то лучше, не прикасаясь къ ней, вытянуть ее веревками за село и закопать живой. Къ этому, по ея выѣздѣ, кто-то прибавилъ, что закопать слѣдуетъ не какъ-нибудь, а именно въ стоячемъ положеніи.

— Ну, люде добры, колы таке вже лыхо выпало на нашу долю, то треба вже закопаты по настоящему, на встоячки...

— Эге, эге, а на спыну закопуваты не можна, бо тее мисце буде нечисто и на нему ничого не можна буде поставыты—ни хаты, ни куни... Хоть перенесы хату на друге мисце.

Стали припоминать кореневцы разные случаи, когда и гдѣ скотина падала, что и какъ люди тогда дѣлали... Средство было по существу такое простое. Нѣкоторые хозяева, особенно потерпѣвшіе, даже удивились, какъ это средство не пришло имъ раньше въ голову. Если-бы первую павшую скотину,—Ефремову быньку,—да закопать такимъ именно образомъ, быть можетъ, и эпидеміи тогда не было-бы.

Когда заболѣла слѣдующая корова, ей уже не дали подохнуть. За куней, на огородѣ кореневцы вырыли яму въ ростъ человѣка. Больную корову обвязали веревками, поволокли ее въ яму, долго старались поставить на ноги и, наконецъ, при большомъ шумѣ и „гомонѣ“, закопали, засыпали землей.

Падежъ все таки не прекращался.

— Святый Боже, що се за напасть такая! Нищо не помогае.

— То певне брешуть все, що худобу треба навстоячки закопаты. Одинъ чортъ—що на спину, що на ноги... говорили скептики, потерявшіе довѣріе къ испытанному средству.

Но ихъ мнѣніе тотчасъ-же разбивалось.

— А ты почемъ знаешь, що не поможе? Бо хочь мы и закопалы еи, але все таки не по настоящему, не такъ якъ треба. То бокомъ вона ледащая ляже, то все ноги пидъ себе хоче подложиты. А якъ-бы то еи закопаты, якъ слѣдуе, то тоди...

Дѣйствительно, закапываніе было всегда такъ суетливо, что одна слава была, что ее закопали „навстоячки“, а на самомъ дѣлѣ кто ее разберетъ, какъ она закопана, когда она ворочаетъ ногами и туда, и сюда и не дается и когда всѣ кореневцы въ одно и тоже время кричатъ безъ умолку, совѣтуютъ одинъ другому, при непрерывномъ ревѣ больной коровы.

Эпидемія, взявши достаточное количество жертвъ, стала сама собою стихать. Случилось такъ, что одну изъ ея послѣднихъ жертвъ крестьянамъ удалось закопать именно такъ, какъ это требовалось правилами неписанной народной медицины. Больную корову поддерживали кольями, пока засыпали яму и не дали ей пасть на ноги. Прекращеніе эпидеміи объяснилось именно этимъ послѣднимъ случаемъ удачнаго зарытія больной скотины. И самые упорные скептики должны были признать силу предпринятаго для ослабленія эпидеміи средства.

IX.

Чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ Кореневку ветеринарный врачъ, до котораго дошли слухи объ эпидеміи.

Онъ попалъ прямо на благодарственный молебенъ, который батюшка служилъ торжественно на улицѣ. Ветеринару ничего не оставалось, какъ присоединиться къ молящимся и возблагодарить Господа Бога, что эпидемія кончилась. Онъ такъ и сдѣлалъ. Узнавъ однако, какими мѣрами кореневцы прекратили бѣду, врачъ обратился къ крестьянамъ не то съ упрекомъ, не то оффиціально съ рѣчью о непринятіи должныхъ медицинскихъ мѣръ и о вредѣ суевѣрій и предразсудковъ, вообще.

— Ну, скажите пожалуйста... Подумайте вы хорошенько, такіе вы этакіе, что толку въ томъ, что вы живьемъ ее закопали? Она бы, можетъ, и выздоровѣла, а вы...

— Де вже ій, пане, выдужаты, колы вона на ноги падае и чахне...

— Въ такомъ случаѣ убить ее...

— Зачимъ убивать? Ще може, бороны Боже, кровь брызне на чоловика, або кобель лизне... И пошла бы, эта самая зараза, якъ вы кажете...

— А все таки вы не хорошо дѣлаете, что по близости закапываете.

— А дежъ по вашому еи закопать? На могилки еи занесты, подшутили крестьяне,—да хреста поставыты...

— Ну, скажите пожалуйста.. Зачѣмъ на могилки? Подальше куда нибудь можно, на поле что-ли...

— На чье поле? возразили крестьяне. Кто позволитъ у себе на поли закопать такую скотину? Поле перестанетъ родить.

Молчаніе.

— Почему вы не дали мнѣ сейчасъ знать?—спросилъ врачъ, зная, впрочемъ, что отвѣтятъ на это крестьяне.

— Бо васъ дома не було. Да що бы вы намъ помоглы?

— Ну, скажите пожалуйста... а все таки. Можетъ и помогъ-бы...

— Э, хе, хе... Що мы вамъ скажемъ, паночку. Вже колы намъ приключилося таке лыхо, то чоловикъ тутъ ничого не подіе. Бо, наприкладъ, якъ чоловикъ заслабне, то и винъ не завше выздоровіе... Винъ и говорить може, его и спытаты можно: що у тебе болыть и де? Та и той вмре... А тутъ на скотыни...

почемъ тутъ узнать, що у неи за болпзнь такая? Мовчить соби да реве, да и годи... Що тутъ чоловикъ зробыть? Воля Божа...

Ветеринару не кстати было, конечно, распространяться о своихъ медицинскихъ познаніяхъ и ветеринарной опытности; но и онъ не могъ внутренне не сознаться, что вопросъ, поставленный крестьянами, имѣлъ полный свой резонъ. Онъ, дѣйствительно, затруднился бы опредѣлить, устранили-ли бы его мѣры эпидемію, при современномъ санитарномъ положеніи деревни и при недовѣріи кореневцевъ къ медицинѣ. Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ, пользуясь собраніемъ крестьянъ почти цѣлой деревни, онъ началъ давать общіе совѣты крестьянамъ, какъ слѣдуетъ обращаться при той или другой болѣзни скота.

— Ну, вотъ чума, напримѣръ, говорилъ онъ... Эта болѣзнь, слышно, распространяется въ разныхъ губерніяхъ. Тоже вѣдь опасная... А что вы съ ней подѣлаете, если не обратитесь къ доктору...

— Что подѣлаемъ? Натремъ жевтачки...

— Это что такое?

— Трава такая, жевтачка прозывается. Вона росте всюды... Треба еи натерты, то изъ неи пиде такій сокъ. А потимъ той сокъ треба перемишаты зъ селитрой,—тай даваты скотыни... У насъ такъ кажуть.

— Ни, це ще не все, прибавилъ другой крестьянинъ. Треба ще до цего добавыты... Ой, якъ еи зваты... Крестьянинъ задумался, припоминая.

— Сулемы, вспомнили другіе.

— Эге, эге,—сулемы, якъ еи называютъ. Та змишаты все, збовтаты въ бутылки, тай влыты въ ротъ худоби.

— Ну, скажите пожалуйста, не утерпѣлъ докторъ, ну вотъ хоть бы сулемы... Вѣдь нужно знать сколько положить и до чего.

— Ни, у насъ скильки придется. Якъ дуже крычыть худобына, то мы бильше положимо.

— Но вѣдь это ядъ? Вѣдь вы можете этимъ повредить...

— Ни, не що... стояли на своемъ крестьяне.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ врачъ узналъ, что отъ кровавой мочи у кореневцевъ практикуется издавна какое-то зелье

подъ названьемъ „кривавныкъ“, а отъ запора прекрасно дѣйствуетъ василекъ и петрушка, и что если человѣкъ взбѣсится, то самое лучшее стереть въ порошокъ засушеннаго „маеваго жучка“ и дать ему выпить... и „чоловику зразу полегшае, очнется, мовъ нибы писля крипкого сну“ и т. п. Много узналъ интереснаго ветеринаръ и чѣмъ больше разговаривалъ, тѣмъ больше узнавалъ медицинскихъ новостей. Но замѣчательно, что крестьяне не заикнулись ни объ одномъ заговорѣ. О заговорахъ и нашептываніяхъ можно было говорить кому угодно, только не ветеринару. Зная, что ветеринаръ лѣчитъ „своими“ лѣкарствами, крестьяне словно хотѣли противопоставить ему свою медицину.

Задавъ еще два-три вопроса, касающихся непосредственно эпидеміи, для того, чтобы написать отчетъ о ней главному врачу, врачъ тронулся въ путь дальше... Онъ спѣшилъ. У него положительно не хватаетъ времени и голова идетъ кругомъ отъ множества занятій, ожидающихъ его въ каждомъ селѣ.

X.

Когда онъ трясся въ простой, деревенской телѣгѣ по кореневской плотинѣ, онъ очень удивился, что его возница въ одномъ мѣстѣ быстро соскочилъ съ воза, подбѣжалъ къ лежавшему въ сторонѣ глиняному черепку, энергично разбилъ его въ дребезги, такъ что даже лошадь насторожила уши, и притопталъ черепки ногами.

— Это зачѣмъ?

— Пытаете—зачѣмъ? А затѣмъ, значить, чтобъ на скотину здоровійше було.

— Черепокъ-то зачѣмъ разбилъ? крикнулъ съ досадой врачъ, думая что возница глухой. Чего съ воза слѣзалъ?

— Зачимъ розбывъ? началъ возница, медленно влѣзая въ возъ. А затымъ, що пече дуже, то може буты на муху не добре, то щобъ не було часамы того, щобъ не сказылася...

Ветеринаръ выпучилъ глаза и посмотрѣлъ въ такіе же выпяченные глаза возницы. „Дуракъ, или идіотъ, или сумасшедшій“, мелькнуло ему въ головѣ.

— Вьё—ё... сказалъ возница, примащиваясь на передкѣ и дергая то одной возжей, то другой. Лошадь понатужилась. Телѣга тронулась.

— Да ты скажи толкомъ: зачѣмъ черепокъ разбилъ?

— А? повернулся къ нему тотъ. А затѣмъ, значитъ, какъ въ этомъ самомъ черепкѣ, да буде скажемъ, дырка... а какъ муха, пролетѣвши этую самую дырку, да укуситъ, значитъ, кобеля... а кобель скрутытся...

— Что—о?!. Возница повернулся лицомъ къ ветиринару.

— Эге, эге, ей—богу, скрутытся... такъ и скрутытся, значить, сказытся... скаженный буде. А кобель укусить корову и корова также скрутытся... Ей—Богу, повторялъ нескладно возница слова знахарки. А корова, значитъ... Вьё—ё—ё! крикнулъ онъ, видя, что лошадь, пользуясь отдаленными медицинскими соображеніями хозяина, готова была остановиться совсѣмъ.

Врачъ ничего не понялъ въ этой белибердѣ.

— Кто тебѣ говорилъ это?

— Кто? Олеська казала... И на кошку перейде потимъ, и коняка скрутытся... А отъ коняки и на чоловика часомъ, и чоловикъ скрутытся...

— Ну, ну, поганяй, съ досадою сказалъ врачъ, напрасно старавшійся понять что либо въ словахъ кучера, который въ полголоса долго еще бормоталъ про себя что-то такое, время отъ времени то и дѣло вставляя слово „скрутытся“. „Кретинъ, настоящій кретинъ“, думалъ врачъ, съ соболѣзнованіемъ глядя на лоснившійся и совершенно потемнѣвшій отъ загара затылокъ крестьянина.

Проѣзжая выгономъ и кореневскимъ лугомъ, ветеринаръ увидѣлъ кореневское стадо, благополучно пасшееся и значительно порѣдѣвшее въ своемъ числѣ. Худыя, истощавшія коровы, отгонялись хвостами отъ назойливыхъ мухъ и изрѣдка ревѣли, должно быть по своимъ братьямъ, павшимъ въ первой борьбѣ съ эпидеміей.

Невдалекѣ съ пастухомъ во главѣ стояло другое стадо: группа кореневцевъ разсуждала всё о томъ-же, т. е. „что въ животѣ и смерти Богъ воленъ, что никто какъ Богъ"... И удивительно, въ этомъ старомъ, какъ свѣтъ, изреченіи крестьяне умѣли находить всё новыя и новыя стороны, и толки длились безъ конца... При появленіи барина, они сняли шапки.

— Да смотрите-же, немедленно увѣдомьте меня, если еще что случится, крикнулъ ветеринаръ такимъ тономъ, въ основаніи котораго слышалось: „если случится что нибудь, то, по всей вѣроятности, меня и тогда не будетъ дома или почему нибудь недосужно будетъ".

— Нехай Богъ бороныть! крикнули въ отвѣтъ крестьяне тономъ равнодушія, въ основаніи котораго слышалось: „и безъ тебя обойдемся... какъ и теперь обошлись".

Грустныя всё мысли приходили въ голову ветеринара. Но онъ прогонялъ ихъ, стараясь обдумывать форму оффиціальнаго донесенія о томъ, что „эпидемія началась безъ его увѣдомленія и оная прекратилась, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, о чемъ честь имѣю"... Впрочемъ, зной не благопріятствовалъ умственнымъ упражненіямъ врача, и онъ сталъ равнодушно смотрѣть то по сторонамъ, то на курчавую, густоволосую голову, которую возница обнажилъ, „щобъ не такъ потно було"...

— Одиннадцать, двѣнадцать... пятнадцать... считалъ между тѣмъ про себя тотъ, откладывая у себя по пальцамъ. Потомъ, вдругъ оборотившись къ сѣдоку, спросилъ: скажить вы мини, скильки буде—пять рубливъ, да еще четыре безъ двухъ злотивъ и двадцятки да ще шисть рубливъ?

— Зачѣмъ это тебѣ знать?

— А значитъ у мене три коровы сказылыся. А на ярмарки въ Клинцахъ мини за одну давали пять рубливъ, за другую четыре безъ двухъ злотивъ и двадцатки, а за третью—шесть... То я теперь жалкую, що не продавъ... Мавъ-бы багато грошей лыхо-ма.

— А теперь у тебя осталось что нибудь?

— Два телятка. Колысь будуть добрыи бычки.

— Ну, поганяй-но, трогай!

— Вьё—ё! крикнулъ возница, снова дергая возжи и неперестава посматривать по сторонамъ, нѣтъ-ли еще гдѣ нибудь зловреднаго черепка?

Ѳ. Кудринскій.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Ученіе пошло своимъ порядкомъ.—Словесность преподавалъ у насъ Александръ Власіевичъ Огіевскій, бывшій священникъ Варварской церкви, прежній префектъ, впослѣдствіи кафедральный протоіерей. Онъ же былъ и экономомъ семинаріи. По происхожденію онъ былъ чистый малороссъ, родомъ изъ нѣжинскаго уѣзда, села Талалаевки, сынъ священника. Характера онъ былъ добраго. Читалъ онъ словесность, риторику, а иногда дѣлалъ выписки изъ другихъ источниковъ, которыя служили большимъ подспорьемъ къ нашимъ познаніямъ, тѣмъ болѣе, что многіе, какъ попугаи, учили латинскія дефиниціи, не зная перевода. Потому многіе задачъ латинскихъ не приготовляли и не подавали, а если нѣкоторые изъ плохихъ учениковъ и подавали, то часто онѣ возвращались безъ поправокъ. Однажды, не знаю, по какому случаю, я опоздалъ въ классъ. Въ это время по тамбуру тогдашнему и входнымъ сѣнямъ ходили учитель Огіевскій и Силятицкій. Тутъ мнѣ досталось отъ послѣдняго: онъ началъ обзывать меня лѣнтяемъ и другими обидными словами, говоря, что я переведенъ не по достоинству, а подкупомъ и что меня вовсе нужно исключить изъ семинаріи. Не знаю, какъ я вошелъ въ классъ, совершенно растерявшись и думая, что я пропащій человѣкъ.—Конечно, послѣ горя бываетъ иногда и радость. Со мною на квартирѣ стоялъ Николай

[1]) См. „Кіев. Стар". 1895 г., № 4.

Васильевичъ Митькевичъ изъ селенія Жуковки, сынъ священника. Я ему первому, вышедши изъ класса, разсказалъ мою горестную встрѣчу. Онъ меня ободрилъ: „Развѣ ты не знаешь Силятицкаго? Онъ злился на тебя и въ своемъ классѣ за то, что ты не согласился стоять у него на квартирѣ: но все-таки ты много лучше третьей части переведенныхъ. Не унывай, а какъ учился, такъ и учись". Слова его на меня сильно подѣйствовали: онъ былъ изъ первыхъ учениковъ и прилежный въ высшей степени; нынѣ архіепископъ калужскій Григорій. Я училъ лекціи прилежно. Исторію Шренка читалъ намъ профессоръ Иванъ Ивановичъ Образцовъ. Онъ же былъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Человѣкъ онъ немного своенравный. По множеству учениковъ, онъ за первую треть одинъ только разъ спросилъ меня. Помню, я отвѣтилъ хорошо, но, вѣрно по рекомендаціи того же Силятицкаго, онъ все-таки поставилъ меня первымъ въ третьемъ разрядѣ за первую треть предъ Рождествомъ. Онъ же читалъ греческій языкъ, но я былъ на низшихъ грекахъ параллельнаго класса. Здѣсь находились словесники, всѣ второго разряда и третьяго, и часть философовъ. Лекторомъ у насъ былъ Семенъ Трофимовичъ Дорошенко. Здѣсь я стоялъ во второмъ разрядѣ. Кончилась треть... Прочитали списки. Товарищъ и другъ мой Иванъ Дроздовъ стоялъ высоко во второмъ разрядѣ (это уже въ общихъ спискахъ), а мною и Борзаковскимъ Ефимомъ кончался 3-й разрядъ. Послѣ сего человѣкъ десять исключили за неуспѣшность и нехожденіе въ классъ. Тотъ же Митькевичъ опять мнѣ говоритъ: „вотъ какая правда: Донцовъ ничуть не лучше, а во второмъ разрядѣ, да еще и высоко. Одно, что ты пишешь нехорошо и неразборчиво. Однако не унывай: ты свое возьмешь; я вижу твое стараніе". Слова его впослѣдствіи оправдались. На праздникъ Рождественскій Огіевскій далъ намъ тему: „Праздность вредна", чтобы мы послѣ праздниковъ подали 12 періодовъ. Мы разъѣхались по домамъ. Послѣ Крещенія мы собрались на ту же квартиру Высокоцкой и начали подготовлять періоды къ подачѣ. Вечеромъ я и говорю: „Николай! Посмотри мой періодъ и, сколько можно, исправь"! „Я около своихъ вожусь и го-

товлю къ перепискѣ, а тутъ еще твои неразборчивые періоды читать". Онъ замолчалъ, но вскорѣ сказалъ: „а ну подай, да и самъ смотри". Прочитавши первый періодъ и исправивши, онъ началъ читать сравнительный, содержаніе котораго, на сколько помню, слѣдующее: какъ искусный птицеловъ, насыпая подъ сѣти кормъ, уловляетъ птицъ, такъ діаволъ празднаго человѣка завлекаетъ въ свои сѣти, дѣлаетъ его орудіемъ гнусныхъ и противозаконныхъ поступковъ. Прочитавши сей періодъ, онъ сказалъ: „я твое сравненіе возьму себѣ, а тебѣ отдамъ написанное мною, какъ искусный рыболовъ". Перечитавши и исправивши всѣ періоды, онъ сказалъ: „возьми чистой бумаги, какъ можно тоньше, полиней и перепиши. Тогда резиною вычистишь линейки и подавай. Повыучивалъ ли ты русскія выписки?"—„Очень исправно"—говорю я. Періоды подавались на русскомъ языкѣ. Почти всю ночь провозились мы съ перепискою ихъ. На другой день всѣ ученики должны были подать. Тѣ, у кого были готовыя тетрадки, складывали ихъ на столикъ. Пришелъ въ классъ Огіевскій. По прочтеніи лекціи, выходя изъ класса, онъ завязалъ въ платокъ тетрадки и забралъ всѣ на домъ. Домъ его былъ близъ Варварской церкви, нынѣ принадлежитъ діакону Лавровскому. Онъ сказалъ, что всѣ, кто не подалъ періодовъ, могутъ принести ему на домъ. Затѣмъ, разсортировавши тетради лучшихъ учениковъ, выставилъ для пересмотра своего, а прочихъ сдалъ первому ученику Костюрову для поправокъ и подписи похвалъ. Этотъ ученикъ данъ былъ Огіевскому въ помощники по сему предмету вслѣдствіе множества словесниковъ (ихъ было больше ста). Прошла недѣля, и Огіевскій приноситъ въ классъ большой платокъ тетрадей. Начинается раздача. Сначала раздаются сочиненія ученикамъ перваго разряда и читаются во всеуслышаніе похвалы. Это длилось около часу. Наконецъ, доходитъ рядъ и до меня. Взявши мою тетрадь, онъ сказалъ: очень прилежно, если самъ приготовлялъ; на вопросы его я началъ репетитовать такъ, что онъ только губу закусывалъ и говорилъ: „recte". Онъ долго меня спрашивалъ, и я на все отвѣчалъ удовлетворительно. Я сидѣлъ въ концѣ второй партіи, между большаками, но ослами. Ни

одинъ изъ нихъ ни въ зубъ не зналъ. Тогда онъ сказалъ: „подери всѣхъ ихъ за уши“. Я принужденъ былъ исполнить приказъ. Они отворачиваютъ головы, но я свое дѣло исполнилъ, что произвело всеобщій смѣхъ. Затѣмъ учитель сказалъ: „оставь ословъ, а вы ступайте всѣ до порога“—и велѣлъ сѣсть вторымъ на второй партіи, помню, со словами: „достигнешь своей цѣли“. Выходя изъ класса, обиженные начали меня толкать, но другіе вступились за меня, говоря, что я не виноватъ, такъ какъ мнѣ было приказано. Митькевичъ былъ въ восхищеніи; напротивъ, Донцовъ надулся, не хотѣлъ говорить со мною, потому что я посаженъ выше его, старался меня упрекать, но я, зная его характеръ, переносилъ все хладнокровно, тѣмъ болѣе, что я по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ ѣздилъ къ нему въ домъ, въ Кіянку, въ 7 верстахъ отъ Чернигова, и всегда былъ принимаемъ его родителями, какъ членъ ихъ семьи. У него былъ еще братъ Илья, тоже учившійся, но плохо, бездарный. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ духовнаго званія, служилъ по гражданской службѣ, ѣздилъ въ Петербургъ на службу, но мало добраго выслужилъ. Онъ воспользовался большею частью отцовскаго имѣнія; жилъ въ Черниговѣ, но, кажется, велъ незавидную жизнь. У нихъ была еще одна сестра, Марія. Отецъ Донцовыхъ—священникъ Василій; жена его—Екатерина Алексѣевна. Первый былъ очень суровый человѣкъ и скрытный; онъ любилъ выпить, но тайно: живя близъ города, онъ берегся. Впослѣдствіи онъ сгорѣлъ въ овинѣ, вѣроятно заснувши пьянымъ. Жена же его была очень добрая женщина, любившая чрезмѣрно своихъ дѣтей, вслѣдствіе чего и я былъ, какъ свой, въ ихъ домѣ.

Ученіе мое послѣ случившейся для другихъ катастрофы пошло гораздо успѣшнѣе по всѣмъ предметамъ. Много служило подспорьемъ неусыпное занятіе Митькевича, особенно въ зимнее время. Ночью онъ, во избѣжаніе помѣхи, поужинавши, всегда ложился раньше и, какъ только всѣ начинаютъ засыпать, онъ выкресываетъ огонь, зажигаетъ свою свѣчу и занимается за полночь. Я тутъ же подсаживаюсь къ нему. Онъ всегда первоначально разсердится, что я ему мѣшаю и что его собственная свѣча горитъ. Наконецъ, наступаетъ тишина. Я

стараюсь, сколько возможно, чтобы ему чѣмъ-нибудь не помѣшать, и только, когда увижу, что онъ уже пресытился своими занятіями, начинаю его спрашивать и просить пояснить мнѣ прочитанное или же перевести латинскую лекцію. Если онъ въ духѣ, то дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, а нѣтъ—на отрѣзъ откажетъ. Но большею частію мы сходились. Подкупа онъ не любилъ, и своего не любилъ тратить, такъ что, если онъ привезетъ съ собою 50 коп. сер., то еще у него останется третья часть, когда онъ выѣзжаетъ домой. Предъ праздникомъ Воскресенія Христова за нимъ пріѣзжаетъ челядникъ верхомъ съ двумя лошадьми. Такимъ образомъ они верхами отправляются домой, черезъ Десну на паромѣ, а тамъ до Жуковки сухимъ путемъ. Впослѣдствіи онъ окончилъ семинарію вторымъ и посланъ въ кіевскую академію, на второй годъ поступилъ въ монахи. Послѣ онъ былъ инспекторомъ кіевской академіи, ректоромъ ярославской семинаріи, наконецъ, ректоромъ же казанской академіи, которой былъ и строителемъ и изъ которой хиритонисованъ въ Епископа Калужскаго 9 декабря, кажется, 1848 года. Нынѣ онъ Архіепископъ Калужскій.—Я только одинъ годъ простоялъ у Высокоцкой вмѣстѣ съ нимъ. На другой годъ его квартира была за Стрижнемъ, гдѣ онъ и окончилъ семинарію, стоя на квартирѣ постоянно вмѣстѣ съ родственниками. Я же и Донцовы остались на той же квартирѣ. Послѣ экзаменовъ я стоялъ по всѣмъ предметамъ во 2-мъ разрядѣ, въ половинѣ.—У Высокоцкой же занималъ отдѣльную комнату Иванъ Григорьевичъ Кулжинскій. По моему прошенію, мать поручила меня на треть подъ его инспектуру. Спачала онъ усердно по утрамъ или вечеромъ занимался со мною не болѣе двухъ мѣсяцевъ, послѣ наотрѣзъ отказался, говоря, что у него нѣтъ свободнаго времени, отдавалъ мнѣ причитающіеся 10 рублей ассигнаціями, но я не взялъ, а потому въ свободное время онъ звалъ меня, велѣлъ при себѣ писать, послѣ поправлялъ. Въ началѣ декабря онъ перешелъ съ квартиры, такъ какъ здѣсь напротивъ была кухня, а онъ любилъ тишину и просиживалъ, занимаясь, ночи. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Нѣжинскаго лицея и далѣе директоромъ.

Въ началѣ второго года выбылъ профессоръ Образцовъ. На мѣсто его прибылъ профессоръ Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ и еще для преподаванія греческаго языка профессоръ Іосифъ Іоакимовичъ Самчевскій. Образцовъ впослѣдствіи былъ архіепископомъ. Онъ уже лѣтъ двадцать живетъ на покоѣ въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Полагаю, что ему нынѣ не менѣе 90 лѣтъ.—Профессора были для меня очень полезны. Особенно Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ. Онъ же былъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Вскорѣ онъ женился на Марьѣ Федоровнѣ Крапивинцовой. Онъ былъ великороссъ. Когда онъ, бывало, разсердится въ классѣ, то крѣпко ругается. Но вскорѣ онъ утихалъ и тогда становился кроткимъ и немстительнымъ. Онъ рѣдко воодушевлялся, но за то въ этихъ случаяхъ его историческій разсказъ доставлялъ ученикамъ полное наслажденіе. Большею же частью онъ читалъ по книгѣ, и то приходя постоянно на одинъ часъ на лекціи; а занимался онъ въ правленіи. Вообще, можно сказать, онъ былъ лѣноватъ. Напротивъ, Самчевскій былъ въ высшей степени исполнителенъ по своей должности. Едва пробьетъ колокольчикъ, уже онъ не идетъ, а бѣжитъ въ классъ. Я и Донцовъ были на низшихъ грекахъ, гдѣ преподавателемъ былъ окончившій курсъ студентъ Семенъ Трофимовичъ Дорошенко.—Однажды, на послѣдней трети второго года, на словесности входитъ къ намъ въ классъ профессоръ Самчевскій и спрашиваетъ, кто изъ учениковъ наилучше занимается уроками и переводомъ греческаго языка. Дорошенко отвѣтилъ: „Кистяковскій, Нагорскій и Донцовъ“. Тогда онъ сѣлъ въ кресло около столика и перваго вызвалъ меня къ столику и заставилъ переводить изъ хрестоматіи только недѣлю назадъ переведенныя нами повѣсти. Я бойко началъ читать и переводить и перевелъ болѣе четвертушки. При каждомъ продолженіи перевода онъ спрашивалъ склоненія и спряженія греческаго языка и остался очень доволенъ. Затѣмъ вызвалъ Донцова и Нагорскаго и велѣлъ мнѣ не садиться на партію, а ожидать. Затѣмъ, окончивши съ вызванными учениками, всталъ. Ему прочитали выходную молитву, а онъ велѣлъ слѣдовать за нимъ на высшіе

греки. Когда прочли молитву, онъ опять сѣлъ въ кресло около столика, всегда занимаемаго имъ, и предложилъ мнѣ переводить опять ту же самую повѣсть, при чемъ безпрерывно спрашивалъ меня спряженія и склоненія. Когда я окончилъ, онъ сказалъ, обратясь ко всѣмъ ученикамъ: „стыдно намъ, господа, что на профессорскихъ греческихъ лекціяхъ многіе изъ васъ не знаютъ ни склоненій, ни спряженій, ни прочихъ правилъ, между тѣмъ, какъ на лекторскихъ отлично знаютъ, чему вы очевидцы, а между тѣмъ оканчивается ваше двухгодичное занятіе греческимъ языкомъ. Наступаютъ экзамены и переводъ въ высшій классъ. Постарайтесь повторить, чтобы не было вамъ отвѣтственности за неуспѣхи. Къ тому же въ этомъ году будетъ строгій экзаменъ по случаю ожидаемаго пріѣзда ревизора“ [1]). Я оставался покоенъ на счетъ перевода: Огіевскій задачи мои отдавалъ всегда съ хорошими отмѣтками, а на послѣдней третной, представлявшей собой что-то въ родѣ проповѣди, написалъ: „сочинитель достоенъ перевода въ высшій классъ“. Таковые успѣхи мнѣ очень льстили, и я, сколько можно, старался не ослабѣвать, чтобы на экзаменахъ не ударить лицомъ въ грязь. Впрочемъ экзамены прошли благополучно. Я, помню, вызывался на двухъ предметахъ. Ревизоръ, архимандритъ Смарагдъ, кажется, тогда инспекторъ кіевской академіи, былъ очень добръ къ ученикамъ, такъ что всѣхъ классовъ ученики оставались весьма довольны его обхожденіемъ и снисходительностью. Помню, говорили, что по богословію онъ былъ болѣе строгъ и самъ по испытаніи назначилъ четырехъ учениковъ въ академію, и только двухъ тѣхъ, которыхъ предполагала послать семинарская власть, а двухъ по собственному его выбору, совсѣмъ не ожидавшихъ назначенія.—Послѣ экзаменовъ намъ прочитали списки удостоенныхъ къ переводу. Я переведенъ высоко во 2-мъ разрядѣ. Помню, насъ перевели 60 слишкомъ душъ. Болѣе двадцати душъ исключены и непереведены. Нѣкоторые изъ нихъ поступили въ свѣтское званіе, другіе женились и сдѣлались діаконами, а вскорѣ и священниками.

---

[1]) Кажется, Смарагда, впослѣдствіи Архіепископа Орловскаго.

Тогда это весьма возможно было, и впослѣдствіи были и благочинные, особенно кто побогаче; тогда не было выборовъ, а зависѣло отъ консисторіи. Наставникомъ нашимъ по философіи былъ іеромонахъ Филадельфъ, онъ же и инспекторъ семинаріи, человѣкъ, обладающій небольшими знаніями. Когда онъ читалъ логику, то часто доходилъ въ своихъ объясненіяхъ до нелѣпостей и такой неясности, что принужденъ былъ оканчивать и говорилъ: „пора выходить изъ класса, читайте молитву". Вторые классы были посвящены греческому языку. Читался большею частію Новый Завѣтъ, при чемъ вмѣнялось въ обязанность пояснять священное писаніе. Этотъ классъ занималъ тотъ же профессоръ Самчевскій. Послѣ обѣда преподавалъ математику или алгебру кандидатъ Игнатій Пахаревскій, невзрачная личность; многіе по математикѣ отставали даже изъ первыхъ учениковъ, а отличался въ познаніяхъ изъ второразрядныхъ учениковъ Ѳедотъ Мануйловичъ, такъ что и стоялъ онъ первымъ по математикѣ, что доставило ему по общимъ спискамъ степень студента. Впослѣдствіи онъ былъ священникомъ села Мезина Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, бывшій въ одно время со мною и благочиннымъ. Онъ часто заѣзжалъ къ намъ въ домъ, бывши уже благочиннымъ и отвозя своихъ дѣтей въ Черниговъ. Предъ выходомъ Николая изъ Богословія онъ заѣзжалъ и предлагалъ, чтобы Николай пріѣхалъ посмотрѣть его дочерей-невѣстъ. Онъ обѣщалъ полторы тысячи приданаго. По моемъ предложеніи Николай не захотѣлъ. Теперь онъ уже два года, какъ въ царствѣ мертвыхъ.

Ученіе въ философскомъ классѣ было гораздо привольнѣе. Новый ректоръ, архимандритъ Елецкій былъ человѣкъ добраго характера. На одинъ глазъ онъ не видѣлъ. Самъ онъ позднецько ѣздилъ въ классы, отчего и учителя не слишкомъ спѣшили, и одинъ только Филадельфъ сейчасъ приходилъ послѣ колокольчика. Это былъ небольшой черненькій монахъ съ совершенно обросшимъ лицомъ; небольшіе глаза быстро смотрятъ изъ-подъ нависшихъ бровей. За то неумолкаемо тарабанитъ, а толку мало выходитъ: обратится онъ къ кому-нибудь изъ учениковъ съ предложеніемъ повторить объясненное. Тотъ гово-

ритъ, что ничего не понялъ. Тогда онъ обращается къ Митькевичу или Крыловскому; тѣ не то что повторятъ, а еще лучше разскажутъ изъ читанной лекціи, и онъ тогда остается доволенъ и говоритъ, обращаясь къ прочимъ ученикамъ: „видите, вы не хотѣли со вниманіемъ слушать“. А тамъ въ другомъ углу кто-нибудь отзывается: „сами они изъ своей головы разъясняли“. Тогда онъ кричитъ: „до порога! Журавскій, вы знаете, кто это кричалъ? Укажите“. А тотъ отвѣчаетъ: „не замѣтилъ“. Тогда онъ указываетъ на кого-нибудь въ томъ углу и говоритъ: „ступай до порога! Слѣдующій .... и такъ далѣе. Тогда опять начинаетъ читать, и стоящіе у порога говорятъ: „Ваше Высокопреподобіе, мы не виноваты... Позвольте сѣсть за партіи“. На это онъ отвѣчаетъ: „Укажите, кто говорилъ,—тогда ступайте на мѣста“.—„Мы не слышали“... И кончается тѣмъ, что простоятъ они до выхода изъ класса.

Наиболѣе замѣчательнымъ событіемъ за первую треть по вступленіи въ философію было слѣдующее: не знаю, по какому случаю, вдругъ начали говорить, что въ С.-Петербургскую медицинскую академію требуется много учениковъ. Дѣйствительно, въ предыдущемъ году много воспитанниковъ туда отправилось. Отъ разговоровъ перешли къ дѣлу: болѣе двадцати душъ въ началѣ декабря мѣсяца (должно быть, 1817-го года) подало прошенія Министру Народнаго Просвѣщенія, князю Голицыну. Я также былъ не прочь, только съ тою разницей, что квартировавшій со мною у Высоцкой почтамтскій чиновникъ Кульчицкій сказалъ мнѣ, что Голицынъ за границей, а исправляетъ его должность чиновникъ Ланскій, титулъ коего онъ мнѣ доставилъ. Такъ какъ онъ писалъ хорошо, то по моей просьбѣ онъ переписалъ прошеніе, по титулу законвертовавъ, а мнѣ доставилъ квитанцію въ отсылкѣ. Мое прошеніе подано предъ самымъ Рождествомъ и было уже послѣднее, такъ что, вѣроятно, уже тогда рѣшена была и участь подававшихъ, потому что другіе подавали еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Всѣмъ было въ классѣ извѣстно о подавшихъ, обо мнѣ же знали только немногіе. Въ это время наступили праздники Рождества Христова, и всѣ отправились по домамъ. По возвращеніи въ семи-

нарію послѣ Крещенія, спустя недѣлю, письмоводители начали говорить въ классѣ, что получены обратно прошенія всѣхъ подавшихъ въ медицинскую хирургическую академію и что всѣ взяты въ контору, что на этихъ дняхъ назначено засѣданіе и судъ надъ произвольно поступившими. То-то было разговоровъ, то-то страху! Даже страшили, что будутъ наказывать тѣлесно, а что уже карцера не избѣгнуть. Послѣднее насъ не страшило и признаваемо было за должное. Между тѣмъ еще болѣе страха придало то, что Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ, секретарь семинарскаго правленія, началъ уже говорить: „какое своеволіе! безъ вѣдома начальства утруждать Министра, да притомъ за первый курсъ философіи. Дурачье!—говорилъ онъ—достанется имъ за это“.

Между тѣмъ чрезъ недѣлю послѣ сего слуха ректоръ пріѣхалъ, но не въ классъ, а прямо въ семинарское правленіе. Тамъ собранъ былъ весь авторитетъ семинарскій. Нашъ Филадельфъ также не приходилъ въ классъ. По прошествіи получаса мы увидѣли съ тамбура, что ректоръ, инспекторъ и секретарь со связкою бумагъ подъ мышкою идутъ въ классъ. Все какъ будто бы замерло, и водворилась тишина. Вдругъ распахнулась дверь философскаго класса. Прочли молитву. Ректоръ остановился на срединѣ класса, а около него прочіе. Началось увѣщаніе и выговоръ за сдѣланное самовольно отношеніе съ прошеніями министру. Много было сказано. Наконецъ, первое прошеніе Николая Волынскаго министру на высочайшее имя. Его послали къ порогу, къ грубкѣ. Ректоръ сказалъ: „становись на колѣна“. Тоже было приказано и слѣдующимъ, дошло до самыхъ плохихъ учениковъ. Инспекторъ и секретарь начали говорить: „на что вы надѣялись? Васъ слѣдуетъ повыгонять вовсе изъ семинаріи. Вы настоящіе ослы: не только въ медицинскую академію не годитесь, да и въ пономари не способны“. Моего прошенія вовсе не оказалось. Затѣмъ ректоръ сказалъ секретарю Мерцалову прочитать протоколъ семинарскаго правленія, гдѣ между прочимъ опредѣлилось ученикамъ цѣлую недѣлю ходить послѣ класса въ столовую, гдѣ сидѣть за особымъ столомъ за кружкою воды и ломтемъ хлѣба; послѣ этого являть-

ся въ классъ и стоять у печки, не садясь на партіи, послѣ чего вызвать въ правленіе и обязать подпискою, не утруждать высшаго начальства никакими просьбами безъ разрѣшенія ближайшаго начальства, о чемъ объявить по вѣмъ классамъ семинаріи, и если кто осмѣлится преступить это правило, тотъ немедленно исключенъ будетъ не только изъ семинаріи, но, по сообщеніи епархіальному начальству, изъ духовнаго званія, о чемъ по волѣ архипастыря и въ протоколѣ значится. Такъ кончилась катастрофа медиковъ. Но помню я, что человѣка два было потребовано въ концѣ года отъ начальства; это же продолжалось и въ слѣдующемъ году, а на другой годъ по окончаніи Богословія сами уѣхали. Я отъ страха почти оставилъ заниматься приготовленіемъ къ медицинѣ. Между тѣмъ Филадельфъ, когда спрашивалъ, то всегда говорилъ: „нутъ-ка, господинъ медикъ, вы латынью занимаетесь? Иногда, когда не знаешь, то отвѣтишь, что это къ медицинѣ не относится. Конечно, непріятно смотрѣть, какъ онъ карандашемъ черкнетъ,—а безъ списка онъ никогда не ходилъ, да къ тому же еще былъ и близорукъ: всякую книгу или бумагу поднесетъ къ самому носу. Изъ опасенія получить нули нужно было не отставать.

Прибывши на праздникъ Воскресенія Христова домой, я увидѣлъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе становится бѣдность и уменьшеніе во всемъ. А тутъ еще и другая бѣда: сестра Мавра, уѣхавши или бѣжавши съ капитаномъ Савицкимъ, жила съ нимъ при полку не вѣнчанная. Мать подала прошеніе на высочайшее имя, но безрезультатно. Тогда мать отправилась со мною въ Черниговъ и явилась къ Григорію Петровичу Милорадовичу и объяснила ему все. Милорадовичъ зналъ хорошо мать, такъ какъ онъ бывалъ въ Стольномъ и проживалъ у графа цѣлые мѣсяцы; къ тому же по смерти графа Ильи Андреевича Безбородко, въ 1815 году онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ опекуномъ. Онъ принялъ живѣйшее участіе и сказалъ, что сейчасъ ѣдетъ къ губернатору, тогда, кажется, Фролову-Багрѣеву, который обо всемъ долженъ былъ извѣстить мать. Вскорѣ послѣ того явился г. Савицкій съ сестрою, и здѣсь въ Стольномъ повѣнчались. Нужно было мате-

ри одѣть, прилично справить свадьбу и дать 500 рублей, потому что онъ былъ произведенъ маіоромъ, и ему нужно было сдать роту и пополнить ротныя издержки, что всегда бываетъ съ ротными командирами при сдачѣ ими ротъ. Изъ Елецкаго полка онъ былъ переведенъ на вакансію младшаго штабъ-офицера и постоянно былъ въ командировкѣ, то по слѣдственнымъ дѣламъ, то по свидѣтельству коммиссіонеровъ и запаса въ магазинахъ. По этому случаю онъ былъ въ Черниговѣ, гдѣ я съ нимъ въ первый разъ увидѣлся, какъ съ родственникомъ. Помню, какой-то коммиссіонеръ Рефельтъ каждое утро присылалъ лошадей въ крытыхъ рессорныхъ дрожкахъ, и это продолжалось недѣли двѣ. Это было весною, въ маѣ или іюнѣ. Съ перваго знакомства онъ показался мнѣ человѣкомъ добрымъ. Такимъ онъ оставался и до конца жизни. Послѣ отъѣзда Савицкаго изъ Чернигова мнѣ нужно было вознаградить потерянное время, проведенное въ бесѣдѣ съ нимъ, а потому я усердно занялся приготовленіемъ къ экзаменамъ, а время летитъ какъ на крыльяхъ. Еще не все успѣлъ повторить, а тутъ наступили экзамены. Съ помощью Божіей все пошло какъ по маслу. Только что окончились экзамены, какъ пришло требованіе въ медико-хирургическую академію четырехъ учениковъ по назначенію самого начальства. Эти ученики избраны и посланы въ гимназію при участіи двухъ профессоровъ: отъ семинаріи были посланы Самчевскій и математикъ Пахаревскій. Два дня съ ряду продолжался экзаменъ въ тамошней черниговской гимназіи. Между тѣмъ на третій день, когда я пришелъ въ классъ, то меня уже ожидалъ письмоводитель Иванъ Чернявскій. Подошедши ко мнѣ, онъ сказалъ; „вчера въ полдень получено почтой именное требованіе тебя въ медицинскую академію. Сегодня послѣ первыхъ часовъ секретарь назначилъ засѣданіе. Секретарь Мерцаловъ сказалъ: „мы его не пошлемъ, а изберемъ сами кого-нибудь другого на мѣсто его“. Вышли мы изъ класса, не успѣли еще пообѣдать, какъ явился посланный отъ Мерцалова, чтобы я немедленно явился къ нему, въ домъ Крапивинцова. Я почти по стопамъ посланнаго поспѣшилъ. Являюсь... Встрѣчаетъ меня Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ съ услащеннымъ видомъ и даже

приглашаетъ садиться, что не случалось при явкѣ ученика. Свою рѣчь онъ такъ началъ: тебя требуютъ въ медицинскую академію. Мой отеческій совѣтъ—откажись! Ты здоровья слабаго, никогда не выдержишь экзамена; къ тому же климатъ петербургскій для слабыхъ убійственный. А мы примемъ тебя на полное казенное содержаніе, а, если не окажется помѣщенія, то мы выдадимъ тебѣ денежное полное пособіе. Семинарское правленіе уже распорядилось о посылкѣ сообщенія въ консисторію о доставленіи справокъ о принятіи тебя въ духовное званіе. Я тебѣ дамъ записку, и ты отправляйся въ консисторію и подашь секретарю; тебѣ, вѣроятно, отдадутъ въ руки справки“. Выслушавъ такую рѣчь, я наотрѣзъ отказался сдѣлать это безъ матери, такъ какъ мать объ этомъ сама хлопотала, бывши у директора гимназіи Самарскаго съ письмомъ отъ его родича доктора Березнинскаго.—„А потому то на завтрашній день тебѣ и назначенъ экзаменъ въ гимназіи и есть отношеніе о семъ отъ гимназіи въ семинарское правленіе. Въ такомъ случаѣ ты пошли къ матери нарочнаго, чтобы она немедленно по полученіи прибыла въ Черниговъ“. Я сказалъ, что моя мать находится въ настоящее время въ весьма бѣдномъ состояніи, вышедши нѣсколько лѣтъ назадъ замужъ за капитана Лазарева, который, по военному обычаю, постарался все прожить, любя бесѣды, чтобы покутить; да къ тому же въ этомъ году выдала дочь замужъ за маіора Савицкаго, которому и послѣднее, что имѣла, отдала. Онъ тотчасъ отправился къ своей полнухѣ Марьѣ Ивановнѣ, гдѣ находился и братъ ея, мой соученикъ, Михаилъ Крапивинцовъ. Онъ оттуда выходитъ и тотчасъ отдаетъ мнѣ десять рублей ассигнаціями, говоря: „пошли нарочнымъ къ матери на подводу ей“. Ауденція продолжалась болѣе часа; между тѣмъ стукъ чашекъ и шипѣніе самовара означали время чаепитія. Тотчасъ подали ему и мнѣ чай въ большихъ русскихъ чашкахъ. Выпивши чашку, я поднялся благодарить, но онъ остановилъ, пока не подали другой, послѣ чего я отправился на квартиру, нанялъ отставного гарнизоннаго солдата, жившаго здѣсь на квартирѣ, жена коего была кухаркою, и, вложивши пять рублей ассигнаціями въ письмо, отправилъ его

того дня на Стольное, полагая, что онъ на другой день къ раннему обѣду поспѣетъ въ домъ матери, а на другой день послѣ того и мать пріѣдетъ. Такъ и случилось. Между тѣмъ я все-таки отправился съ однимъ Пахаревскимъ на экзаменъ въ гимназію, по неотложному второму требованію. На первый разъ мнѣ дали переводъ изъ Корнелія Непота. Я перевелъ болѣе двухъ чвертокъ. Изъ ариѳметики тройное правило и еще что-то. Но это все было очень легко, такъ что я все сдѣлалъ. Мнѣ приказано черезъ два дня опять явиться, потому что первое испытаніе было въ субботу. Между тѣмъ пріѣхала мать изъ Стольнаго. Часа чрезъ два послѣ пріѣзда мы часу въ пятомъ отправились къ Мерцалову. Онъ встрѣтилъ мать весьма привѣтливо. Послѣ непродолжительнаго сидѣнья онъ завелъ рѣчь: „Матушка, вы напрасно жертвуете вашимъ сыномъ: онъ здоровья слабаго и притомъ одинъ у васъ. Вы уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Сынъ вашъ черезъ три года будетъ священникомъ. Что же касается содержанія, то мы ему дадимъ до окончанія ученія казенное денежное содержаніе. Онъ до сего времени числился въ свѣтскомъ званіи, а теперь найденъ указъ между оставшимися бумагами покойнаго архимандрита Іеронима, и семинарское правленіе сообщило въ консисторію справку о принятіи сына вашего въ духовное званіе. Пусть онъ откажется вслѣдствіе нежеланія васъ, матери, и его слабаго здоровья отъ поступленія въ медицинскую академію. За сей годъ и за три будущіе онъ получитъ за каждый по шестидесяти рублей ассигнаціями (тогда очень большія деньги). А въ томъ, что онъ окончитъ хорошо свои науки, я вамъ порукою. Для васъ это благонадежнѣе и вѣрнѣе“. Много, много было еще говорено, при томъ съ радушіемъ и угощеніемъ вышла его благовѣрная Марья Ивановна. Я сейчасъ удалился, а они задержали мать мою еще часа на три и достигли своей цѣли: мать согласилась. Этимъ кончается судьба моего поступленія въ свѣтское званіе. Промыслъ Вышняго назначилъ другое призваніе, что и совершилось чрезъ три года. Мать отправилась вечеромъ къ директору Самарскому, и когда она передала все сдѣланное Мерцаловымъ, наконецъ прослушавши всѣ обстоятельства домашняго

быта, онъ согласился и сказалъ: „иначе мы не уважили бы семинарскаго дѣйствія и все-таки послали бы того, кого требуетъ начальство. Онъ первый экзаменъ выдержалъ, да и другой бы сошелъ успѣшно. Мать, переночевавши, поѣхала домой. Въ понедѣльникъ меня позвали въ семинарское правленіе, прочитали мнѣ приготовленную подписку. Я прочиталъ ее и тотчасъ же подписалъ. Тогда Мерцаловъ далъ мнѣ записку къ секретарю консисторіи, съ которою я туда и отправился. Дѣло было уже на столѣ у столоначальника. Я прочиталъ весь протоколъ о принятіи въ духовное званіе и здѣсь же прочиталъ приложенное письмо графа Ильи Андреевича Безбородко, на которомъ положена и резолюція преосвященнаго Михаила: „принять въ духовное званіе Кистяковскаго и зачислить его пономаремъ въ Нѣжинскую лицейскую церковь, о чемъ посланъ указъ по принадлежности“. На другой день меня опять позвали въ семинарское правленіе и объявили мнѣ, что я принятъ на полное денежное содержаніе семинарское съ назначеніемъ мнѣ 60 руб. ассигнаціями. Между тѣмъ Михаилъ Федоровичъ Крапивинцовъ вмѣсто меня держалъ экзаменъ въ гимназіи и былъ назначенъ къ посылкѣ въ медицинскую академію. Дня черезъ два мнѣ велѣно было явиться къ эконому о. Александру Огіевскому, отъ котораго я и получилъ чистыми восьмигривенниками 60 руб. ассигнаціями, нынѣ 15 рублей серебромъ. Я никогда не имѣлъ на рукахъ своихъ столько денегъ и почиталъ себя Крезомъ. Я расплатился за квартиру, справилъ себѣ сапоги, сюртукъ, брюки и жилетъ шерстяные и явился на каникулы въ обновкѣ. Здѣсь я познакомился съ архитекторомъ графскимъ; онъ жилъ въ графскомъ флигелѣ и завѣдывалъ графской библітекой.—Черезъ него я сталъ пользоваться книгами, преимущественно театральными: Коцебу и другими авторами, а также попадалось много и историческихъ книгъ. Между прочимъ онъ предложилъ мнѣ, не поѣду ли я въ Черниговъ на подводѣ, нанятой отъ него, чтобы доставить тамъ Добрянскому изъ оранжерей два дерева--лимонное и апельсинное уже съ плодами. Я съ большою охотой согласился.

На другой день къ намъ во дворъ прибыла подвода съ означенными деревьями, изъ которыхъ на каждомъ было штукъ по десяти плодовъ, почти полузрѣлыхъ, увязанныхъ садовникомъ по его умѣнью. Я отправился и подъ вечеръ, часу въ шестомъ, прибылъ въ Черниговъ, остановясь на своей квартирѣ у Высокоцкой. Я, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не испортилъ деревьевъ или не поворовалъ плодовъ, переодѣвшись тотчасъ отправился къ Дебрянскому, а здѣсь собралось любопытствующихъ десятки душъ. Чтобы кто-нибудь не сорвалъ плодовъ, къ деревьямъ была привязана записка о числѣ ихъ. Въ домѣ я засталъ все семейство въ небольшомъ садикѣ пьющимъ чай. Я подалъ письмо. Всѣ бросились смотрѣть деревья. Точасъ ихъ внесли въ комнаты и поставили въ гостинной къ окнамъ; развязавши деревья, они отправились опять въ садикъ, пить чай. Хозяева были со мной весьма радушны. Сестры дѣвочки, Марія, Анна и Евдокія, дочери ихъ, съ любопытствомъ меня разсматривали. Послѣдней было семь лѣтъ, остальныя же постарше. Изъ разговоровъ я узналъ, что имъ очень нуженъ учитель, что съ ними занимался гимназистъ, но не захотѣлъ учиться и поступилъ въ военную службу. Они спросили меня, не могу ли я найти имъ учителя изъ семинаристовъ. Я предложилъ имъ себя къ ихъ услугамъ, и мы здѣсь же покончили дѣло: я согласился заниматься за 6 рублей ассигнац. въ мѣсяцъ; заниматься надо было каждый день по $2^1/_2$ часа. Начало занятій съ 20 августа, съ тѣмъ, что я до перваго сентября имѣю у нихъ обѣдъ. Съ квартиры я долженъ былъ приходить къ нимъ заниматься. Добрянскій занимался столярствомъ и имѣлъ много работы: у него рабочихъ было болѣе двадцати душъ, изъ своихъ крестьянъ двѣ души. Иванъ Пощупь, его крестьянинъ, былъ подмастерьемъ. Онъ обучался въ Ремесленномъ Училищѣ. За годъ въ ономъ былъ директоромъ Семенъ Ивановичъ Добрянскій, получалъ хорошее жалованіе, да и доходы имѣлъ порядочные: у него было душъ 120 учениковъ по столярной, слесарной и прочимъ отраслямъ. Рабочіе получали отъ города содержаніе, куда поступали и доходы отъ продаваемыхъ издѣлій. Домъ ремесленный, очень обширный, находился на базарной

площади, около магистрата, гдѣ нынѣ помѣщается пожарная команда. Онъ просуществовалъ послѣ того лѣтъ десять, а затѣмъ упраздненъ. Послѣ Добрянскаго директоромъ былъ одинъ изъ его учениковъ, Черниговскій мѣщанинъ Бѣлявскій, имѣвшій довольно приличный домъ, за магистратомъ и поведшій семью на панскую ногу: у него была дѣвица Марья, къ которой я былъ неравнодушенъ, имѣя впослѣдствіи квартиру въ домѣ купца Веприцкаго, противъ дома Бѣлявскаго. Возвратился я изъ Чернигова и къ радости родителей объявилъ, что я буду изъ своихъ средствъ платить за квартиру и справлять себѣ одежду, кромѣ бѣлья, а они будутъ доставлять мнѣ только годовые харчи.—19-го августа я выѣхалъ въ Черниговъ и началъ заниматься съ усердіемъ и почти все время проводилъ тамъ, возвращаясь домой только на ночь.—Прошли каникулы, начались занятія второго курса: философіи удѣлялось каждый день четыре часа. Отправился я на свою кондицію и получилъ деньги за два мѣсяца впередъ, расплатился за квартиру и отдалъ харчевыя деньги.—Дѣла шли все хорошо. Между тѣмъ, по выбытіи архіепископа Симеона, на епархію прибылъ епископъ Лаврентій. Симеонъ былъ очень вспыльчивый человѣкъ и нерѣдко при одѣваніи на служеніи давалъ такіе стусаны, что порой бывали хуже удара. Онъ очень былъ близокъ къ дому Добрянскихъ, часто бывалъ, пилъ кофе, чай съ разнымъ вареньемъ, потому что они тогда жили аристократами, были близки съ военнымъ губернаторомъ Волконскимъ и съ мѣстнымъ губернаторомъ Могилевскимъ. У него въ саду была отличная паровая баня, послѣ которой онъ угощалъ посѣтителей приличнымъ образомъ, каковое угощеніе имѣло впослѣдствіи для Добрянскаго большія непріятности. Когда пріѣзжалъ князь Репнинъ и Волконскій, то Добрянскій отправлялся и требовалъ отъ дворецкаго нѣсколько бутылокъ вина для угощенія послѣ выхода. Конечно, дворецкій полагалъ, что это дѣлается съ вѣдома князя; между тѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени дворецкій докладываетъ, что вина осталось небольшое число бутылокъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ дворецкій представилъ ему отчетъ объ израсходованныхъ бутылкахъ вина и вмѣстѣ о взятыхъ Добрян-

скимъ каждый разъ, когда князь былъ у него. Князь вспылилъ и потребовалъ отчета о взятыхъ бутылкахъ. Пошла кутерма и разрывъ съ домомъ Добрянскихъ. Между тѣмъ до этого инцидента онъ такъ былъ близокъ, что бралъ его съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ выхлопоталъ себѣ потомственное дворянство, войдя въ знакомство съ высокопоставленными лицами при посредничествѣ Репнина и князя Виктора Павловича Кочубея, къ которому я впослѣдствіи писалъ письмо по его программѣ съ посылкою въ миніатюрномъ видѣ памятника полтавской битвы. Этотъ памятникъ былъ изящно сдѣланъ изъ краснаго дерева съ употребленіемъ, гдѣ нужно было для красоты, бронзы. Князь отвѣтилъ благодарнымъ письмомъ, прося его прислать второй экземпляръ съ написаніемъ стоимости онаго. По словамъ Добрянскаго, модель памятника стоитъ вмѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ онъ будетъ посылаться, болѣе ста рублей. Ящикъ былъ сдѣланъ тоже изъ краснаго дерева и обшитъ замшей. Все это такъ хорошо было отполировано, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, все можно было видѣть. Жена его, Анна Петровна Добрянская, иначе воеводиха, до того была близка къ губернаторшѣ, что, бывая у послѣдней, сидѣла на кровати, по обычаю азіатскому поджавши ноги, потому что губернаторша была грузинка, вышедшая замужъ за правителя канцеляріи при Ермоловѣ, Павла Ивановича Могилевскаго, получившаго мѣсто губернатора въ Черниговѣ. Марья Ивановна—такъ звали губернаторшу—была полная, очень красивая женщина. Совѣтницы и прочія дамы высшаго круга сидѣли на табуреткахъ у ногъ ихъ. Родная сестра губернатора Евфросинія Ивановна Веприцкая безъ вниманія была принимаема, отъ чего между Добрянскою и Веприцкою существовала ужасная непріязнь и одна другую при возможномъ случаѣ укоряли, первая—купчихою-банкроткою, а вторая—столяркою, вслѣдствіе чего онѣ избѣгали другъ друга и рѣдко сталкивались: если Веприцкая узнавала, что Добрянская у губернаторши, то, увидѣвшись съ братомъ, тотчасъ уѣзжала, посѣтивъ родного племянника отъ родной сестры правителя канцеляріи, который иногда пріѣзжалъ и къ ней въ домъ.—Я уже жилъ тогда у Веприцкихъ, будучи домашнимъ учителемъ,

занимаясь съ двумя сыновьями, Исидоромъ и Николаемъ; дочь же ихъ Марія ходила въ какой-то частный пансіонъ. Еремѣй Васильевичъ Веприцкій былъ богатый купецъ. Въ десятые и послѣдующіе за симъ годы братъ его торговалъ за границей въ Кенигсбергѣ, а здѣсь были приказчики; но онъ рано умеръ. Жена его впослѣдствіи вышла замужъ за исправника Левонтѣева, обративши торговлю въ капиталъ, послѣ чего и Веприцкій упалъ въ торговлѣ, такъ что имѣлъ только приказчика Лаврентія Обухова, курскаго мѣщанина, который допродавалъ остальные товары; онъ же почти никогда не бывалъ въ лавкѣ и содержалъ домъ Веприцкой, съ которой сошелся до извѣстныхъ отношеній, какъ мужъ. Мнѣ часто приходилось разнимать ихъ драку съ Еремѣемъ. Онъ постоянно кутилъ, исправляя старые долги съ помѣщиковъ при посредствѣ губернатора и правителя канцеляріи, и если только захватитъ присланныя деньги, то жена получаетъ мало, а идутъ они на кутежъ. Впрочемъ онъ изъ дома никуда не ходилъ, а иногда лѣтомъ велитъ запречь въ дрожки пару лошадей, довольно уже не-ѣзжалыхъ, однако еще крѣпкихъ и рысистыхъ, и отправляется въ Бѣлоусъ, къ какому-нибудь панку, гдѣ онъ уже напьется до положенія ризъ. Впрочемъ онъ былъ изрядный юмористъ, и иногда нужно было имѣть большое терпѣніе, чтобы не смѣяться до умору. Все описанное случилось уже по переходѣ моемъ въ „богословію“. Послѣдній годъ философскій прошелъ удачно. Я почти не имѣлъ ни въ чемъ нужды, занимался однако не такъ усердно наукою, но все-таки не отставалъ, имѣя добрую память, такъ что въ богословію перешелъ между первыми во второмъ разрядѣ. Всего перешло сорокъ четыре человѣка, но къ окончанію вышло только тридцать девять учениковъ. На каникулы домой я неохотно ѣздилъ, потому что тамъ царила ужасная бѣдность отъ худой жизни капитана Лазарева; онъ жилъ отдѣльно: мать ему выстроила большую хату на огородѣ Кульмановскомъ съ сѣньми и комороlю, гдѣ онъ жилъ съ женщиною, купленною въ Городищѣ у стараго Харченка, Луки Ивановича, у котораго она тоже была подставною. Съ нею и отчимъ велъ подобную жизнь, получая отъ матери полное содержаніе, а пен-

сіонъ его служилъ на водку: чаю онъ не любилъ, а отъ пунша не прочь, что въ тогдашнее время особенно было въ ходу, да и какъ не быть, когда въ Стольномъ до десяти винокуренъ, отлично перегонявшихъ спиртъ. Особенно славился отецъ Василій Воронкевичъ, который изъ яблокъ и грушъ выгонялъ спиртъ лучше всякаго рома, здѣсь продаваемаго. Сей священникъ (онъ же приходскій) былъ большой хлѣбосолъ: у него въ столовой во всякое время дня не сходила со стола водка и закуска. Онъ былъ большой практикъ: у него была ветчина, колбасы, копченые языки, и все это приготовленное въ винокурнѣ. Кто-бы ни пріѣзжалъ изъ чиновниковъ, судей или слѣдователей или тогда засѣдателей исправниковъ,—всѣ тамъ бывали, а сколько наливокъ разныхъ родовъ и сортовъ. При небольшомъ земельномъ имуществѣ онъ жилъ аристократомъ; къ тому онъ не имѣлъ семейства, кромѣ постоянно больной жены и тещи, которая завѣдывала женскимъ хозяйствомъ, и родной матери, которую впослѣдствіи онъ устроилъ на огородѣ, принадлежащемъ Воронкевичамъ. Затѣмъ прибыло еще два брата его родные: Григорій Ивановичъ съ Кавказа, штабсъ-капитанъ, кутила, женившійся и не имѣвшій дѣтей отъ польки, дочери управляющаго имѣніемъ Лизогуба, Анастасій Ивановичъ, женившійся на Тимоновской, Пульхеріи Дмитріевнѣ; семейство его и теперь существуетъ, въ числѣ коего и Олимпіада Анастасіевна Симоновичъ, и три сына: Василій въ Новозыбковѣ былъ частнымъ приставомъ; Николай служилъ въ гвардіи, а послѣ въ Архангельскѣ и не имѣлъ семейства. Третій сынъ (имя неизвѣстно) былъ полковникомъ въ гвардіи, нынѣ уѣздный Сосницкій военный начальникъ, женившійся въ чинѣ капитана въ селѣ Величковкѣ на дочери окружного начальника Владиміра Сахновскаго и имѣющій трехъ дѣтей. Онъ теперь вдовъ. Дочь воспитывается въ кіевскомъ институтѣ, а два сына въ Петербургѣ въ какой-то военной гимназіи на казенный счетъ, а дочь—на собственный. Отецъ Василій умеръ уже въ бытность мою благочиннымъ. Онъ позже лишенъ былъ мѣста и прихода вслѣдствіе вдовства и послѣдствій онаго. Онъ умеръ въ полномъ довольствѣ. Брату его Анастасію досталось боль-

ше 10 бочекъ водки, а сколько наливокъ, а также много столоваго серебра. Старшему брату Григорію удѣлена была самая малая толика. Впрочемъ, ему досталась бочка водки, которая и явилась причиной его смерти. Послѣ него винокуреніе было прекращено въ Стольномъ, такъ какъ его винокурня была послѣдней, прекратившей свое существованіе, вѣроятно, въ 1847 году. Въ бытность мою благочиннымъ я много отъ него пользовался особенно спиртомъ, наливкою и рѣдкимъ уксусомъ, и при томъ безмездно.

Въ половинѣ каникулъ, а можетъ и позже, 7-го или 8-го августа я отправился изъ дома въ Черниговъ, прямо къ Веприцкому, собственно для занятія съ дѣтьми и поступленія въ богословію. Черниговскій преосвященный (это было въ 1825 году) былъ тогда и ректоромъ семинаріи. Это былъ архимандритъ Іеронимъ, кривой на одинъ глазъ, лѣтъ 50-ти. И какъ архіерей, и какъ ректоръ, онъ отличался добротою и простотою особенно. Преосвященный Лаврентій, уроженецъ владимірской губ., тогда объѣздовъ не дѣлалъ по епархіи, а преосвященные ѣздили только по монастырямъ, куда и онъ ѣздилъ, но не въ каретѣ, а просто крытою рессорной бричкой, и не въ простяжъ. Онъ заѣзжалъ по дорогѣ къ священникамъ и вовсе не былъ требователенъ: пилъ чай ужиналъ и ночевалъ безъ всякихъ требованій, какъ будто какой протопопъ. Онъ, казалось, былъ предвѣстникомъ, что послѣ него поставятъ или пришлютъ преосвященнаго, который будетъ бичемъ духовенства.

Такъ я поступилъ въ богословію, гдѣ только сначала (первую треть) занимался усердно, а подъ конецъ, на другую треть, не сталъ носить и книгъ на квартиру, а увлекался знакомствами, опускалъ вторые часы подъ предлогомъ изобрѣтенныхъ болѣзней, а послѣ обѣда почти спалъ, когда ходилъ на еврейскій языкъ, преподавателемъ котораго былъ профессоръ словесности Охотинъ. Это классъ былъ послѣ-обѣденный всего два раза въ недѣлю. Однажды былъ переводъ изъ ветхаго завѣта, первой главы книги Мойсея. Онъ спросилъ меня, а до того я съ Митькевичемъ разбиралъ ее и немного усвоилъ, вслѣдствіе чего отвѣтилъ весьма удачно, такъ что онъ поставилъ

меня послѣднимъ въ первомъ разрядѣ. Охотинъ не любилъ ревностно заниматься, да и не было болѣе трехъ или четырехъ учениковъ, которые усердно занимались и могли правильно читать и легко переводить. На богословіи я тоже успѣвалъ порядочно; къ тому же я ходилъ къ ректору Іерониму въ Елецкій монастырь два раза въ недѣлю, читать ему книги духовнаго содержанія, преимущественно въ то время издаваемыя при духовныхъ академіяхъ. Поводомъ къ тому было, что я имѣлъ квартиру, близкую къ Елецкому, а другое, что онъ былъ въѣзжъ къ семейству Должикова, нѣкогда богатаго откупщика винныхъ сборовъ, но разорившагося. Должикова была уже вдовой и имѣла одну дочь. Домъ ея былъ за магистратомъ, сейчасъ черезъ улицу, въ разстояніи не болѣе 100 шаговъ отъ дома Веприцкихъ, такъ что мнѣ нерѣдко приходилось относить ему кофе, совсѣмъ уже приготовленное, въ нарочитомъ кофейникѣ, обшитомъ толстою фланелью. Вслѣдствіе этого кофе доставлялось ему горячимъ. Все это служило мнѣ покровительствомъ въ пропущеніи классовъ, особенно вторыхъ и послѣобѣденныхъ; да и самъ то ректоръ не любилъ рано пріѣзжать, непремѣнно за часъ до вторыхъ часовъ, отъ чего часто слышались жалобы отъ философскихъ и словесности профессоровъ на постоянный шумъ у богослововъ въ сѣняхъ и на тамбурѣ. Къ тому же у насъ былъ ученикъ Тимофей Орловскій, ужасная пройдоха. Онъ былъ регентомъ семинарской пѣвчей. Это былъ большой балагуръ, изобрѣтательный разскащикъ новостей. Классъ запирался на ключъ, чтобы никто не выходилъ, а онъ своими разсказами всѣхъ смѣшилъ. Изъ окошка было видно, когда ректоръ на своей парѣ буланыхъ въѣзжалъ на Красный мостъ. Онъ всегда своимъ юморомъ заставитъ классъ посмѣяться и замолкнуть, какъ только ректоръ высаживается изъ своей кареты, благоговѣйно, важно входитъ въ классъ, прослушавъ молитву, всходитъ на каѳедру и говоритъ: „Господи, къ кому идешь? Ты глаголеши живота вѣчнаго имаши". Тогда онъ беретъ съ каѳедры приготовленную развернутую книгу, Богословіе Ѳеофилактова, и, прочитавъ нѣсколько, остановится и говоритъ: г. Митькевичъ (или кто другой), разскажите прочитанное вами

съ присовокупленіемъ текстовъ священнаго писанія. Въ тоже время скажите кто-нибудь подходящій текстъ". Онъ всегда обходился со мною благоволительно и отмѣтки о небытіи въ классѣ оставлялъ безъ послѣдствій. Однако же, когда приходилъ читать какой нибудь журналъ, то я тутъ придумывалъ обстоятельство, заставившее меня это сдѣлать. Наконецъ журналистъ увидѣлъ, что его отмѣтки не имѣютъ никакихъ послѣдствій, и пересталъ отмѣчать меня. Къ тому же я постарался журналиста задобрить, прося посѣтить мою квартиру и угостивши его квартой добраго пива, которое я получалъ отъ откупщика, гдѣ я обучалъ его двухъ маленькихъ дочерей русскому языку и грамматикѣ. Но этимъ не кончались мои кондиціи: меня по совѣту сестры губернатора, а также Добрянскаго, пригласили къ губернатору Павлу Ивановичу Могилевскому заниматься съ двумя дочерьми, Маріей и Екатериной, священной исторіей и катихизисомъ три дня въ недѣлю, съ платой по 10 руб. ассигнацій въ мѣсяцъ. Я съ охотой согласился, болѣе изъ честолюбія, такъ какъ у меня оказалось уже четыре кондиціи: у Веприцкаго, у Добрянскаго и откупщика, гдѣ я училъ русскому языку и читать по-французски; нѣмецкому и еврейскому языку училъ ихъ нѣмецкій еврей Фрештъ; получалъ онъ въ четыре раза большее содержаніе, чѣмъ я, да кромѣ того и жилъ тамъ же. Самъ хозяинъ рѣдко бывалъ въ Черниговѣ, постоянно жилъ по богатымъ откупамъ въ другихъ губерніяхъ. Жена управляла всѣмъ домомъ, а кассиры завѣдывали суммами, казначей отпускалъ водку и прочее.

Такъ я мало занимался богословскими предметами, тратя больше времени на кондиціи. Въ субботу я почти вовсе не бывалъ въ классѣ, т. к. въ этотъ день ректорскаго класса не было. Весной и лѣтомъ раза четыре ходили мы въ компаніи знакомыхъ дѣвицъ въ Троицу. Здѣсь была и Бѣлявская, дочь директора ремесленнаго училища, моя сосѣдка. Она впослѣдствіи вышла замужъ за моего сотоварища Тимофея Орловскаго, нашего семинарскаго регента, бывшаго по окончаніи полковымъ священникомъ въ кавалеріи. Онъ рано окончилъ свое земное поприще вслѣдствіе разгульной жизни. Лѣтъ черезъ пять я уви-

дѣлъ его въ Синявкѣ растолстѣвшаго. Онъ пріѣзжалъ въ Александровку послѣ смерти отца своего, бывшаго тамъ священникомъ Александровской Покровской церкви. Когда я его увидѣлъ, меня даже зависть взяла: пріѣхалъ онъ фаэтономъ на парѣ рысаковъ, одѣтъ былъ въ богатую рясу и такой же подрясникъ, въ то время, какъ на мнѣ была бѣдная демикотонная ряса; а потому я, наговорясь съ нимъ, имѣлъ непремѣнное намѣреніе проситься въ полкъ священникомъ; но когда я предложилъ это покойницѣ Иринѣ Феодоровнѣ, она не согласилась, говоря: на одномъ мѣстѣ и камень обростаетъ, а оно и вышло на правду. Жена его послѣ его смерти пріѣхала къ отцу въ Черниговъ и вскорѣ вышла замужъ за купца Пригорскаго, который продалъ лавку со всѣми товарами и кредитомъ и жилъ частно въ своемъ богатомъ домѣ съ женой; дѣтей у нихъ не было. Она сдѣлалась очень тучной женщиной,—да и онъ нехуже; завѣдывалъ только своею кладбищенской церковью, какъ староста, гдѣ погребена его жена и дочери—дѣвицы, употребивъ на постройку ея, училища, богадѣльни и дома для священника и причта около 50000 р. серебр.

Такъ я окончилъ семинарское ученіе въ іюлѣ мѣсяцѣ 1821 года, но не выѣзжалъ домой на каникулы, а рѣшилъ остаться въ Черниговѣ на годъ на занимаемыхъ мною кондиціяхъ. По разсчету моему, я долженъ былъ получить болѣе 500 рублей ассигнаціями, на каковыя деньги, за вычетомъ расходовъ, я и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ въ медико-хирургическую академію. Но homo proponit, Deus disponit... Оставаясь свободнымъ отъ обязательныхъ занятій, я за день передъ заговѣнами Спасовскими задумалъ отправиться на охоту подъ Калачовку, на извѣстныя мнѣ мѣста и озера, пѣшкомъ, почти въ полночь. Охота была весьма удачная, такъ что, возвращаясь предъ заходомъ солнца домой на квартиру, я уже имѣлъ 8 штукъ. Между тѣмъ по дорогѣ случилось небольшое озерцо. На моихъ глазахъ пролетѣла пара крыжныхъ и сѣла. Я выстрѣлилъ и убилъ одну на поваль, а другую подстрѣлилъ. Попробовалъ за ними полѣзть въ воду—глубоко! Со мною былъ ножъ. Я вырѣзалъ двѣ лозины, связалъ ихъ и съ ихъ помощью вытащилъ одну утку, а дру-

гая заплыла въ траву. Между тѣмъ солнце уже сѣло, а мнѣ осталось еще верстъ семь пути. Я шелъ, бѣжалъ, но ружье и убитыя утки представляли большую тяжесть. Добрался я до квартиры, когда всѣ спали. Въ кухнѣ разбудилъ прислугу и сдалъ ей дичь, а самъ легъ спать. Меня пронялъ холодъ, а къ свѣту я лежалъ уже въ горячкѣ. Помню, во время обѣда я схватился и вбѣжалъ въ столовую въ однихъ порткахъ и рубашкѣ, съ ужаснымъ крикомъ. Еремѣй Васильевичъ схватилъ меня и отвелъ въ мою спальню, позвалъ кучера смотрѣть за мною. Тотчасъ послѣ обѣда Веприцкая отправилась къ брату, и къ вечеру изъ Богоугоднаго заведенія явился главный тогда докторъ Калашъ съ фельдшеромъ, осмотрѣлъ меня, поставилъ пьявки, далъ какой-то микстуры и оставилъ фельдшера при мнѣ на ночь. На слѣдующій день, часу въ десятомъ, онъ опять пріѣхалъ, велѣлъ мнѣ перемѣнить платье, далъ какіе-то порошки и, взявши съ собой фельдшера, сказалъ, что опять пріѣдетъ часа черезъ три, а ко мнѣ приставилъ для стражи кучера. Фельдшеръ прибылъ только къ вечеру, поставилъ мнѣ промывательное, а вечеромъ и самъ докторъ прибылъ съ какимъ-то лѣкарствомъ, которое приказалъ давать черезъ часъ. На третью ночь мнѣ стало лучше, и я спалъ спокойно. Докторъ прибылъ, посмотрѣлъ и сказалъ, что теперь фельдшера не нужно, т. к. опасность была, да миновала. Онъ сказалъ Веприцкому, чтобы давать микстуру чрезъ часъ. Мнѣ постоянно готовили супъ съ цыплятами. Я почти ничего не ѣлъ, поутру выпивалъ почти насильно стаканъ чаю. Все окошко въ моей комнатѣ было заставлено лѣкарствами. Но конечно—я чужой, всѣ стѣсняются, даже моихъ учениковъ не пускаютъ въ мою комнату. Затѣмъ, у нихъ по улицѣ стоялъ домикъ, комнаты въ четыре, пустой. Его очистили и перевели меня туда. Семенъ Ивановичъ Добрянскій черезъ день навѣщалъ меня. Я просилъ его нанять мнѣ извозщика и отправить домой къ матери, потому что я началъ уже, хотя съ трудомъ, ходить по комнатѣ. Веприцкая отправилась къ губернаторшѣ, и на другой день, т. е. 10-й моей болѣзни, пріѣхала буда съ евреемъ. Передъ этимъ у меня былъ докторъ и снабдилъ меня лѣкарствами и инструкціей, позволивъ ѣхать.

Все мое имущество уложили въ повозку, куда положили много подушекъ. Я болѣе всего заботился о ружьѣ и его принадлежностяхъ. Добрянскій на сильныхъ лошадяхъ проводилъ меня до Бобровицы, а вечеромъ я былъ уже въ Стольномъ. Мать въ это время была на огородѣ и что-то рвала. Я окликнулъ ее. Она перелѣзла черезъ плетень и, увидѣвъ меня, залилась слезами и дошла до дома съ подводою. Съ повозки меня почти снесли. Ночью со мной было нехорошо, но Настасія не отходила отъ постели, давая мнѣ пить прописанные докторомъ порошки и микстуры. Поутру мнѣ стало легче, и я, напившись чаю, вышелъ въ садъ и хотѣлъ, чтобы мнѣ тамъ поставили постель, но они ввели меня въ комнату. Тамъ я провалялся еще около недѣли. Наконецъ сталъ выздоравливать и гулять по двору и саду. Затѣмъ, уже вполнѣ выздоровѣвши, я сталъ опять охотиться, при томъ всегда удачно, такъ что для стола всегда достаточно было дичи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

О малорусской одѣ П. Данилевскаго, написанной по случаю нашествія французовъ. Въ январьской книгѣ «Кіевской Старины» за 1886 годъ была напечатана замѣтка г. О. Лев—аго: «Двѣ малорусскія оды изъ эпохи наполеоновскихъ временъ, къ которой были приложены: а) «Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французами побѣды 1807 года, генваря 27 числа» и б) «Ода на изгнаніе французовъ изъ Россіи». Вторая ода напечатана по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ найденъ въ старинномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ лицу, служившему въ гадячской полковой канцеляріи въ послѣдніе годы ея существованія, а другой, относящійся къ 50-мъ годамъ, полученъ отъ одного волостного писаря въ полтавской губерніи. Но, не смотря на то, что въ виду г. Лев—аго было два списка, въ трехъ мѣстахъ напечатанной въ «Кіевской Старинѣ» оды недостаетъ строчекъ, по поводу чего авторъ замѣтки высказываетъ сожалѣніе о томъ, что за неимѣніемъ другихъ, болѣе исправныхъ списковъ, приходится возстановлять полузабытыя оды по спискамъ, хотя и стариннымъ, но весьма неисправнымъ, съ пропусками строкъ и порчею стиховъ. Говоря объ этой второй одѣ и сдѣлавъ нѣсколько сопоставленій ея съ Энеидою Котляревскаго, г. О. Лев—ій оканчиваетъ свою статью вопросомъ: «нельзя-ли на основаніи всего этого признать И. П. Котляревскаго авторомъ если не обѣихъ, нынѣ публикуемыхъ одъ, то по крайней мѣрѣ второй изъ нихъ, имѣющей особенно близкое сходство съ подлинными его сочиненіями?»

Этотъ поставленный г. О. Лев—имъ вопросъ, на который до сихъ поръ никто не отвѣтилъ, мы имѣемъ возможность разрѣшить, благодаря одной маленькой, современной самой войнѣ съ французами, книжечкѣ, составляющей библіографическую рѣдкость, повидимому

неизвѣстную нашимъ библіографамъ (въ «Покажчикѣ украінськоі літератури» М. Комарова, ровно какъ и въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы» Н. Петрова нѣтъ никакихъ указаній на это произведеніе украинской литературы). Ода, о которой идетъ рѣчь, была издана въ видѣ особой книги подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Ода малороссійскаго простолюдина на случай военныхъ дѣйствій при нашествіи французовъ въ предѣлы Россійской Имперіи въ 1812 году*» (напечатана въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Ив. Глазунова, 1813 г., 8⁰, 22 стрн.). На заглавномъ листѣ имени автора не означено, но въ концѣ книги, подъ одою имѣется подпись: «*Петръ Данилевскій*». Къ одѣ приложенъ краткій малорусскій словарь, занимающій 10 страницъ (13—22).

При сравненіи текста оды въ этой книгѣ съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Кіевской Старинѣ», въ послѣднемъ, кромѣ пропуска строкъ въ трехъ мѣстахъ, замѣчаются значительныя отступленія отъ подлинника. Нѣкоторыя изъ нихъ слѣдуетъ объяснить невольною порчею со стороны переписчиковъ, другія же сдѣланы съ видимымъ желаніемъ исправить литературныя достоинства слога и выраженій, употребленныхъ въ подлинникѣ; причемъ въ виду того, что ода вѣроятно много разъ переходила изъ рукъ въ руки и многократно переписывалась, конечно нельзя опредѣлить, кто именно это сдѣлалъ. Вотъ для сравненія первый и третій куплеты по обоимъ текстамъ:

По тексту книги Данилевскаго:

Слава Богу (,) стало гарно,
Мовъ видлыгло въ животи;
Було дуже гирко (,) хмарно,
Якъ видъ дыму на печи.
Ніякійсь було поганець
Звидтиль, кажутъ, выструганець
Де все сонечко сида (,)
Черезъ царства (,) черезъ панства,
Да й до нашого гетьманства,
Ажъ въ Москву забривъ сюда.
О! яке то зло вродылось,
Скилькы нивець [1]) повернувъ
Да ище не насытылось
Ще й на наше зазихнувъ.
Скильки Божого народу
Спикъ въ огни (,) втопивъ у воду,

По тексту г. Лев—аго:

Слава Богу, стало тихо,
Мовъ на мори пислѧ бури;
Страхъ минувся и спить лихо,
Мовъ на сидали ти кури.
Це якійсь зъявивсь поганець,
Звидтиль, кажутъ, выструганець,
Де все сонечко сида,
Черезъ царства, черезъ панства,
Та й до нашого гетьманства
Ажъ въ Москву забривъ сюда.
О якій же злый вродывся!
Скильки царствъ винъ осягнувъ!
Та и тымъ не насытывся,
Ще й на наше зазихнувъ.
Скильки Божого народу
Спикъ въ огни втопивъ у воду,

---

[1]) „Нивець“, объясняетъ авторъ въ своемъ словарѣ, значитъ ни во что.

Скильки виська зопсувавъ,	. . . .
Скильки царствъ уже ограбывъ,	Скильки царствъ уже ограбывъ,
Срибра (,) золота наглабывъ [1]),	Скильки золота награбывъ —
Все голоденъ бусурманъ.	Той голодный бусурманъ!

Изъ имѣющейся въ книгѣ помѣты цензора видно, что къ печатанію она была разрѣшена 12 февраля 1813 года; это подтверждаетъ высказанное въ статьѣ г. О. Лев—аго предположеніе, что ода была написана въ декабрѣ 1812 года и во всякомъ случаѣ не позже января 1813 г. Что-же касается до замѣченнаго г. О. Лев—имъ близкаго сходства оды съ сочиненіями И. П. Котляревскаго, выражающагося, какъ въ одинаковой постройкѣ десятистрочной хореической строфы, такъ и въ буквальномъ почти повтореніи нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся у Котляревскаго [2]), то это очевидно объясняется вліяніемъ на Данилевскаго произведеній Котляревского, «Энеида» котораго, вопреки увѣренію С. Катранова, объясняющаго въ своей біографіи Котляревскаго [3]), что будто три первыя части Энеиды были написаны въ 1803 году, была издана въ первый разъ (иждивеніемъ М. Парпуры) въ 1798 году, а «Ода до князя Куракина», изданная гораздо позже книги Данилевскаго, но написанная въ 1805 году, могла быть извѣстна ему по рукописнымъ спискамъ. Однако, сравнивая словарь, приложенный къ книгѣ Данилевскаго, со словаремъ, который былъ приложенъ къ Энеидѣ, мы замѣтили, что многія малорусскія слова Данилевскій объясняетъ иначе, чѣмъ Котляревскій

---

[1]) Изъ того же словаря видно, что употребляя слово „наглабывъ", авторъ не дѣлаетъ въ немъ описку: „наглабывъ", объясняетъ онъ, значитъ—разбойнически отнялъ; такимъ образомъ для того, чтобъ создать рифму, авторъ дѣлаетъ изъ одного слова, которое одни произносятъ какъ „награбивъ", а другіе какъ „наглабивъ", два слова.

[2]) Напримѣръ выраженіе 8-ой строфы: „надъ Москвою спиистывсь дуже бусурманъ, зробывъ зъ неи скирту гною",—напоминающее строчки изъ Энеиды: „Греки якъ спалывши Трэю, зробили зъ неи скирту гною"; или выраженія послѣдней строфы:

„Да и музы попотіють,
Пяту долю поки вспіють
Славу спить его до ладу",—

напоминающія строчки изъ „Оды до князя Куракина":

„Да и музы лобъ нагріють
Поки проспивать поспіють
Половину дилъ твоихъ".

[3]) И. П. Котляревскій. Собраніе сочиненій, изд. подъ редакціей С. П. Катранова (Кіевъ, 1874 г.), стран. V и VII.

и притомъ не всегда удачно; повидимому, это указываетъ на то, что въ то время, когда Данилевскій писалъ и издавалъ свою оду, у него не было подъ рукою словаря, приложеннаго къ Энеидѣ.

Кто такой былъ этотъ Петръ Данилевскій—объ этомъ въ печати не имѣется никакихъ свѣдѣній. И хотя произведеніе его музы представляется слабоватымъ, но въ виду того, что послѣ Энеиды Котляревскаго оно было третьимъ [1]) литературнымъ произведеніемъ, изданнымъ на малорусскомъ народномъ языкѣ, было бы желательно получить о немъ какія-нибудь свѣдѣнія.

Н. Шугуровъ.

Кіевскій обыватель грекъ Іотій (1741—61). Въ составѣ населенія г. Кіева въ прошломъ столѣтіи встрѣчается не мало грековъ, пріѣзжавшихъ сюда по торговымъ дѣламъ, а затѣмъ и поселявшихся навсегда. Нѣкоторые изъ нихъ вступали въ мѣщанство, подлежали юрисдикціи магистрата, въ которомъ иногда и являлись урядниками; нѣкоторые же, проживая на Подолѣ, въ составъ мѣщанства не входили и подлежали вѣдѣнію губ. канцеляріи. Въ 1726 г., какъ видно изъ одного напечатаннаго мною документа, проживало въ Кіевѣ 22 грека торговца.

Раньше другихъ греческихъ фамилій встрѣчаются въ имѣвшихся у меня до сихъ поръ документахъ прошлаго вѣка фамиліи Терновіота, Кармалея, Константинова и Лакерды, какъ постоянныхъ уже обывателей г. Кіева.

Біографическія свѣдѣнія, хотя бы и отрывочныя, объ отдѣльныхъ обывателяхъ представляютъ нѣкоторый интересъ для болѣе живого представленія общей такъ сказать физіономіи населенія города. Въ виду этого я собиралъ такого рода свѣдѣнія о названныхъ выше греческихъ фамиліяхъ, и со временемъ, быть можетъ, мнѣ удастся сгруппировать эти крупицы въ нѣчто цѣльное. Сообщаемыя ниже свѣдѣнія касаются кіевскаго грека, попавшаго не въ мѣщане, а въ войсковые товарищи и, какъ видно, не прочно осѣвшаго въ Кіевѣ, и привожу я ихъ лишь какъ указаніе на тѣ способы, какими иноземные «искатели фортуны», устраивались въ мѣстномъ обществѣ. Павелъ Іотій, очевидно, игралъ роль шпіона и употреблялся для

---

[1]) Вторымъ была напечатанная въ Вѣстникѣ Европы ода Копицъ-Квитницкаго.

«секретныхъ развѣдыванiй» въ турецкой области, почему начальство и считало своею обязанностію вознаградитъ его матеріально, какъ видно это изъ слѣдующей грамоты, послѣдовавшей изъ Кол. Ин. Д. на имя гетмана Разумовскаго отъ 14 октября 1750 г.: «Кіевской житель греченинъ *Павелъ Іотій* во время послѣдней, бывшей между нашею имперіей и Оттоманскою Портою войны, какъ отъ губернаторовъ кіевскихъ, такъ и отъ другихъ командировъ употребленъ былъ въ нужныхъ по тогдашнему времени посылкахъ въ разнія мѣста турецкой области и въ секретныхъ провѣдованіяхъ немалія услуги показывалъ, за что онъ въ прошломъ 1641 году отъ малорос. войск. канц. и чиномъ войскового товарища награжденъ и за старостію отъ всякой службы уволенъ. Но потомъ онъ билъ челомъ въ нашей коллегіи Ин. Д., представляя, что, будучи въ таковыхъ посылкахъ, не только частымъ злоключеніямъ, но и потерянію живота былъ подверженъ и претерпѣлъ несносные убытки и разореніе, якоже за тою службою и купеческаго своего промыслу лишился, и чтобъ ему при старости для пропитанія съ женою и дѣтьми и для росплатки долговъ награжденіе учинить и домъ его въ Кіевѣ отъ постою свободить и противъ живущихъ тамъ козаковъ напитками торговать позволить. И по тому его прошенію отъ нашей коллегіи Ин. Д. ему на оплату долговъ нѣкоторое небольшое награжденіе деньгами учинено, и о прочемъ его награжденіи для пропитанія съ женою и съ дѣтьми и освобожденіи дому его отъ постоя и о позволеніи ему въ продажѣ напитковъ писано было изъ той коллегіи въ 1742 году въ Войск. Генер. Канцелярію, чтобъ оная разсмотрѣла и опредѣленіе учинила по своему разсужденію. И на то изъ В. Г. К. отвѣтствовано, что о уволненіи дому его отъ всякихъ постоевъ въ Кіевѣ къ генералу-губератору писано и на свободное шинкованіе напитками, противъ живущихъ въ Кіевѣ козаковъ, откровенній указъ ему Іотію данъ; а что надлежитъ до награжденія его къ пропитанію, то онъ Іотій просилъ тамо въ войск. генер. канц. о удостоеніи его дворовымъ числомъ по разсмотренію той Г. В. К., съ чего бы онъ при своей старости съ женою и съ дѣтьми пропитаніе имѣть и долги уплатить могъ, но Войск. Генер. Канц. не въ состояніи себя предъявила назначить, до коликого бы числа дворовъ ему, Павлу Іотію, дать надлежало, и тако сіе безъ рѣшенія осталось и по нынѣ. А въ нынѣшнемъ 1750 году отъ 28-го марта, по возобновленному отъ него, Павла Іотія, прошенію, изъ помянутой В. Г. К. представлено въ нашу коллегію Ин. Д., что въ разсужденіи бывшей сего Іотія службы, дабы

онъ пропитаніемъ снабдѣнъ былъ, то В. Г. К. признаваетъ за прилично определить его въ Кіевъ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ дозорцею индуктного збору зъ жалованіемъ на годъ по сту рублевъ изъ тогожъ збору. А онъ, Павелъ Іотій, здѣсь нынѣ о награжденіи за свои службы къ вѣчному его съ женою и дѣтьми пропитанію повторительно и докучно для того проситъ, что, никакого пропитанія не имѣя, въ долги необходимо войтить, да и домъ свой въ Кіевѣ заложить принужденъ былъ. Но яко со времени, когда мы васъ, нашего гетмана въ Малой Россіи всемил. опредѣлили и учредили, какъ помянутой индуктной, такъ и всѣ другіе тамошніе зборы въ диспозиціи вашей состоятъ, тако и опредѣленіе къ тѣмъ сборамъ потребныхъ людей вамъ же принадлежитъ, и понеже оказанныя сего греченина Павла Іотія во время минувшей войны службы, для которыхъ онъ своего купеческаго промыслу лишился, справедливую причину подаютъ, чтобъ онъ зъ женою и дѣтьми безъ пропитанія не оставленъ, но опредѣляя его къ какому либо мѣсту съ годовымъ жалованьемъ или инако дачею нѣкоторого числа дворовъ изъ маетностей или же какихъ угодьевъ, тѣмъ для его пропитанія снабдѣнъ былъ, сіе же опредѣленіе ему способнѣе учиниться не моглобъ, какъ въ Малой Россіи, ибо онъ тамошній житель есть, того ради мы за благо разсудили чрезъ сіе вамъ, нашему гетману, всемил. повелѣть, дабы вы опредѣлили его по способности и по его состоянію, гдѣ удобнѣе будетъ въ Малой Россіи къ збору индуктному или къ другому какому мѣсту съ годовымъ жалованьемъ или, по вышеписанному, съ инымъ награжденіемъ, отчего бы онъ зъ женою и дѣтьми пропитаніе имѣть могъ»... Получивъ эту грамоту, графъ Разумовскій, «респектуя на оную его Іотія скудость» предписалъ генер. канц. опредѣлить его съ наступающаго 1751 года въ Кіевъ дозорцею индуктнаго сбору съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ изъ того же индуктнаго сбора, «а кто тамъ въ Кіевѣ до сего на дозорчествѣ индуктнаго збору обрѣтался, тѣхъ отставить, его же Іотія изъ того въ Кіевѣ дозорчества безъ нашего собственнаго повелѣнія не перемѣнять».

Но Іотій, оставаясь въ Петербургѣ, какъ видно, не удовлетворился этимъ назначеніемъ и вновь подалъ на высоч. имя челобитную съ просьбой о выдачѣ ему «награжденія», заявляя, что ему не на что и въ Кіевъ выѣхать, и потому изъ кол. Ин. Д. вновь послѣдовала высоч. грамота Разумовскому отъ 30-го февраля 1751 г., въ которой предлагалось, что-бы Іотій получалъ годовое жалованье «по смерть свою неотмѣнно», а кромѣ того, чтобы гетманъ назна-

чилъ ему, а по смерти его женѣ и дѣтямъ, «хотя небольшой какой хуторъ изъ войсковыхъ свободныхъ или изъ другихъ какихъ угодьевъ во владѣніе». Для отъѣзда же Іотія въ Малороссію выдано ему изъ Кол. Ин. Д. сто рублей.

Такъ какъ Іотій «докучалъ» своими просьбами, то ему дана была на руки третья грамота на имя Разумовскаго, которую онъ и доставилъ въ іюлѣ 1751 года; въ ней требовалось исполнить указанное въ первыхъ двухъ грамотахъ «безъ дальняго продолженія, дабы онъ не имѣлъ причины болѣе о томъ докучать». Но, какъ видно изъ доношенія Іотія въ Войск. Ген. Канц., поданнаго въ октябрѣ 1754 г., онъ назначеннаго ему жалованья «ни за еденъ годъ не получалъ», съ деревеньки» же, которую пожаловалъ ему гетманъ, онъ «за едвалъ пропитать себе въ нужномъ чемъ» могъ, почему и просилъ о выдачѣ ему хоть за одинъ годъ назначеннаго жалованья. Изъ имѣвшихся у меня документовъ не видно, былъ ли удовлетворенъ въ этомъ отношеніи Іотій.

Изъ одного дѣла 1759 г. видно [1]), что онъ въ это время проживалъ все таки въ Кіевѣ, гдѣ и имѣлъ винокуренный заводъ. Въ названномъ году онъ жаловался на войта Сычевскаго, который запретилъ было ему винокуреніе, и по этой жалобѣ послѣдовалъ изъ Войск. Ген. Канц. ордеръ кіевскому магистрату о томъ, чтобы войсковому товарищу Павлу Іотѣ «въ содержанію виннаго куренія на два котла не возпрящать».

Наконецъ, имя этого же грека встрѣтилось мнѣ въ указахъ, полученныхъ кіев. губ. канцеляріей въ 1761 году: въ одномъ изъ нихъ предписывается выдать «*толмачу* Павлу Іотію» за сентябрскую треть 1758 и за 1759—60 г.г. по 60 руб. въ годъ. Едва ли онъ, уже въ 1741 г. уволенный «за старостію отъ всякой службы», какъ сказано въ вышеприведенной высоч. грамотѣ, могъ въ дѣйствительности нести службу толмача, требовавшую постоянныхъ разъѣздовъ, да при томъ и не соотвѣтствовавшую званію «войсковаго товарища»: надо думать, что *званіе* толмача было ему предоставлено лишь для полученія жалованья.

Пререканія изъ за формы письменныхъ сношеній. (1751—53 г.г.). Нарушеніе извѣстнаго рода установленныхъ формъ при пись-

---

[1]) Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр., вып. 7-й, стр. 143.

менныхъ сношеніяхъ вызывало въ старину весьма ожесточенныя пререканія между должностными лицами и цѣлыми учрежденіями. Пререканія эти обострялись, когда учрежденія, принадлежа къ различнымъ так. сказ. вѣдомствамъ и тщательно оберегая свою независимость одно отъ другого, не могли сосчитаться своими «рангами», а между тѣмъ въ своей дѣятельности приходили въ частыя столкновенія, вызывавшія необходимость письменныхъ сношеній. Для такихъ учрежденій, какъ кіевскій магистратъ и кіевская полковая канцелярія, въ прошломъ столѣтіи сталкивавшихся весьма враждебно, вопросъ о формѣ переписки представлялъ существенную важность. Магистратъ, считая себя ничѣмъ не подчиненнымъ по отношенію къ полковой канцеляріи, всячески избѣгалъ адресовать ей свои бумаги, какъ «доношенія», считая себя въ правѣ сноситься съ нею «промеморіями». Полковая же канцелярія этимъ обижалась. При отсутствіи на этотъ счетъ прямыхъ указаній магистратъ просто обходилъ наименованіе своихъ бумагъ, адресуемыхъ въ полковую канцелярію, тѣмъ или другимъ канцелярскимъ терминомъ, не именовалъ ихъ ни доношеніемъ, ни промеморіей. Это обстоятельство послужило предметомъ жалобы со стороны полковника кіевскаго Дарагана, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1753 г. обратился за указаніями по этому вопросу въ Генеральный Судъ. Дараганъ жаловался, что кіевскій магистратъ, въ отвѣтъ на его, полковника, требованіе о розыскѣ бѣжавшихъ колодниковъ, прислалъ въ полковую канцелярію письмо «съ таковымъ надписомъ: изъ кіевскаго магистрата въ полковую канцелярію,—а доношеніе ль, промеморія или предложеніе—не означено, изъ чего я и полковая канцелярія не малую признаетъ себѣ обиду: ибо, какъ по справкѣ явилось, прежде сего бывшіе въ полку кіевскомъ полковники съ полковою канцеляріею въ тотъ магистратъ и указами подъ высоч. Е. И. В. именемъ предлагали, а отъ того магистрата въ полковую канцелярію доношеніями предоставленно; нынѣ же тотъ магистратъ, невѣдомо почему, полковую кіевскую канцелярію почти уже ордируетъ; о чемъ оному Ген. Суду къ высокому разсмотрѣнію въ покорности своей симъ представляю и, какъ точно впредь мнѣ и полк. кіев. канцеляріи съ онымъ магистратомъ, а тому магистрату со мною и полк. канцеляріею письменно повелѣно будетъ сноситься, о томъ милостивой резолюціи покорно прошу».

Ген. Судъ уклонился отъ прямого отвѣта «понеже никакова вида не имѣется» у него по этому вопросу и препроводилъ его на

разрѣшеніе Войск. Ген. Канцеляріи; какъ его разрѣшила въ данномъ случаѣ эта послѣдняя, неизвѣстно.

Какъ тонко понимался вопросъ о формѣ письменныхъ сношеній самою Войсковой Канцеляріей, это видно изъ одного любопытнаго документа, имѣвшагося у меня въ рукахъ. Это письмо Андрея Безбородка къ г.г. присутствующимъ въ Кіевской Духовной Консисторіи отъ сентября 1751 г. Увѣдомляя о полученіи въ Ген. Войск. Канцеляріи «промеморіи» изъ Дух. Консисторіи, подписанной присутствующими, Безбородко писалъ: «и хотя уповаю отъ вашихъ высокопреподобій такое зъ Ген. Канцеляріею сношеніе чрезъ промеморію *и нынѣ* произошло изъ той причины, яко оное прежъ сего съ присутствовавшими во оной Канцеляріи г.г. генеральною старшиною, опредѣленными до прибытія его ясневельможности (слѣдуетъ полный титулъ гетмана), чинилося, но нынѣ, яко во оной Канцеляріи особаго присутствія нѣтъ, а зависитъ теченіе дѣлъ отъ собственного Е. Я. именного повелѣнія, для того и сношеніе уже чрезъ промеморію зъ Ген. Канцеляріею несходственно есть, по случаючимся же дѣламъ отъ оной дух. консисторіи Его Преосвященству самому прилично къ Его Ясневельможности адресоваться письмомъ, а кромѣ Е. Пр—ва Дух. Консисторіи *не инако, какъ доношеніемъ*, къ Е. Я. представлять надлежитъ». При этомъ возвращена была и упомянутая промеморія Дух. Консисторіи.

Народные обычаи и обряды, пріуроченные къ „Спасу".

Въ числѣ праздниковъ, которые наиболѣе почитаются простымъ народомъ и къ которымъ наиболѣе пріурочено разныхъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ, чисто религіознаго характера, послѣ Пасхи и Рождества Христова, несомнѣнно однимъ изъ первыхъ является праздникъ «Спаса» (6 августа).

Насколько великъ и важенъ въ глазахъ простого народа, этотъ праздникъ—можно судить по тому, что въ числѣ страшной божбы, сильной «клятьбы» народа,—есть одна клятва—«якъ я брешу, то щобъ недочыкавъ (или недочыкала) свяченого яблока покушаты».

А клятвъ праздниками у простого народа только и есть двѣ: «щобъ я по цій правди свяченого яйця дочыкала (или дочыкавъ»), и вторая, сейчасъ приведенная.

По этимъ клятвамъ можно судить, что праздникъ «Спаса» во мнѣніи народа, стоитъ если не наравнѣ съ Велыкоднемъ,

то во всякомъ случаѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ него,—и что для простого народа одинаково важно, одинаково большое наказаніе, какъ «не дождаты покушаты свяченого яйця», такъ и «не дождаты свяченого яблока». По обилію или количеству народныхъ обычаевъ и религіозныхъ обрядовъ, пріуроченныхъ къ этому празднику—«Спасъ» занимаетъ третье мѣсто въ ряду особенно чтимыхъ простымъ народомъ праздниковъ.

Для того, чтобы не дѣлать постоянныхъ ссылокъ на мѣстности, къ коимъ эти обычаи и обряды относятся, и указаній на села, въ коихъ они записаны, я долженъ сказать, что сообщаемые мною народные обычаи и обряды относятся къ староконстантиновскому и заславскому уѣздамъ волынской губерніи и записаны въ с. Григоровкѣ и Молчанахъ—перваго уѣзда, с. Городищѣ и м. Шепетовкѣ—второго.

Прежде всего простымъ народомъ считается тяжкимъ грѣхомъ, неуступающимъ въ тяжести и важности грѣху—ѣсть въ постъ скоромное,—ѣсть до «Спаса» фрукты: яблоки и груши. Прежде нужно дождаться «Спаса», попробовать свяченаго яблока, а тогда можно уже ѣсть и не свяченое.

Впрочемъ, постъ въ отношеніи фруктовъ обязателенъ не для всѣхъ; онъ обязателенъ лишь и нарушеніе его почитается тяжкимъ грѣхомъ для родителей, потерявшихъ дѣтей и для дѣтей, потерявшихъ своихъ родителей.

Родители, потерявшіе дѣтей, должны поститься до «Спаса» въ отношеніи фруктовъ потому, что чаще всего Господь за несоблюденіе постовъ вообще и между прочимъ поста на фрукты, караетъ тѣмъ, что у такихъ родителей дѣти не живучи, а умираютъ. Даже если кто совсѣмъ безплоденъ, но строго будетъ блюсти этотъ постъ,—у того могутъ быть дѣти.

Смерть дѣтей—именно кара Божья за несоблюденіе постовъ вообще и на фрукты въ особенности.

Есть еще другое объясненіе простаго народа, почему нельзя ѣсть фруктовъ до «Спаса»: если родители, потерявшіе дѣтей, или дѣти, потерявшія родителей, ѣдятъ до Спаса фрукты,—то умершимъ дѣтямъ первыхъ и родителямъ вторыхъ на томъ свѣтѣ очень плохо и тяжело; на «Спаса» они тамъ горько плачутъ, и жалуются на оставшихся въ живыхъ своихъ родителей или дѣтей, что «наши диты (или батькы) свыни» (д. Григоровка, староконст. у., волын. губ.).

По другому же повѣрію, нельзя ѣсть до Спаса фрукты потому, что «на «Спаса» Божа Матирь роздае всимъ дитямъ по яблочку; тимъ же дитямъ, котрыхъ батькы на цимъ свити илы яблокы до Спаса—не дае яблокъ и воны стоятъ особлыво, въ сторони и гирько плачутъ на своихъ батькивъ« (с. Молчаны, старок. у., волын. губ. отъ бабы Купріяныхи).

Подобное же повѣрье—о роздачѣ Божьей Матерью на Спаса умершимъ дѣтямъ «золотыхъ яблокъ», равно какъ и обычай не ѣсть до «Спаса» фруктовъ,—какъ видно изъ статьи С. А. Чернявской «Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, херсонской губ.» (Сборн. Харьк. Истор.-Филол. Общ. т. 5—1893 г.) существуетъ и въ херсонской губерніи.

У пчеловодовъ и пасѣчниковъ въ обычаѣ наканунѣ «Спаса» «пидризоваты пчелъ» и добытый медъ на другой день, «на Спаса», святить вмѣстѣ съ фруктами (волын., кіев. и подол. губ.).

Изъ воска отъ свяченаго меду дѣлаютъ свѣчу, которую сохраняютъ, какъ святыню, и которая въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни играетъ важную роль, какъ цѣлебное средство — свѣчой этой поджигаютъ свяченыя зелья и травы, при накуриваніи ими отъ «бешыхы», «пропасныци» и др. «хоробъ».—Кусочки этого воска, въ видѣ пилюль, глотаютъ при лихорадкѣ (старокон. у., волын. губ.). Куски свяченаго меда или воска сохраняютъ до весны и бросаютъ въ первую «сыту» при первомъ закармливаніи весною пчелъ (староконст. у., волын. губ.). Свяченое на «Спаса» яблоко тоже засушиваютъ и сохраняютъ, какъ цѣлебное средство отъ «пропасныци» (старокон. у., волын. губ.).

Вмѣстѣ съ фруктами и медомъ существуетъ также очень распространенный, строго и свято крестьянами соблюдаемый обычай, святить на «Спаса» всевозможныя травы, цвѣты, зелья—однимъ словомъ злаки, которыхъ приносятъ въ этотъ день бабы въ церковь просто снопами, (каждая по снопу) кучами и горами.

Освященныя зелья и травы засушиваются и сохраняются, какъ священный предметъ, и тоже почти на каждомъ шагу въ народномъ быту онѣ играютъ важную роль, какъ лѣкарство отъ всевозможныхъ и почти всѣхъ болѣзней, не только людей, но даже и домашняго скота.

Всѣ освященныя зелья вообще употребляются при всевозможныхъ болѣзняхъ и недугахъ,—какъ внутреннее цѣлебное средство,— въ видѣ питья, отвара и настойки, и какъ наружное, для на-

куриванія имъ при рожѣ, лихорадкѣ, простудѣ и пр. Наконецъ, носятъ на шеѣ въ видѣ амулетика тоже при лихорадкѣ, когда во снѣ часто снится кто-нибудь изъ близкихъ умершихъ, или же, когда «мрець ходытъ».

Изъ «свяченого зилля» дѣлаютъ подушку «мерцеви въ труну», имъ же выстилаютъ и самую труну.

Затѣмъ каждый сортъ зелья или цвѣтовъ имѣетъ свое особое, спеціальное значеніе, какъ цѣлебное средство отъ той или другой болѣзни.

Прежде всего по полезности и найбольшей употребительности первое мѣсто занимаетъ «свяченый макъ».—Какъ цѣлебное средство, макъ наиболѣе употребляется при безсонницѣ; для этой цѣли его кладутъ дѣтямъ подъ подушку; варятъ изъ него дѣтямъ купель; даютъ отваръ мака пить. Впрочемъ, отваръ мака отъ безсонницы пьютъ и взрослые.

Свяченый макъ употребляется и въ другихъ случаяхъ крестьянскаго быта, какъ средство отъ вѣдьмъ; такъ, въ староконстантиновскомъ уѣздѣ среди крестьянъ есть повѣріе, что если макомъ обсыпать только что отелившуюся корову,—то вѣдьма не можетъ подступить къ ней и выдоить. Для этого нужно, обсыпая вокругъ коровы свяченымъ макомъ,—«примовляты»: «тоди до коровы доступышъ, якъ весь цей макъ зберешь».

Въ заславскомъ же уѣздѣ на этотъ счетъ совсѣмъ другое, противоположное повѣріе: здѣсь народъ вѣритъ, что если корову обсыпать свяченымъ макомъ, чтобы къ ней не подступила и ее не доила вѣдьма, то въ отместку за это вѣдьма въ первую-же ночь убьетъ эту корову.

По поводу этого суевѣрія, въ с. Городищахъ, заслав. у., баба Параска разсказывала мнѣ слѣдующее: «Отъ вы не вирыты тому, що якъ корову обсыпаты макомъ, то видьма въ ночи задушитъ ей; вы кажете: бабськи выдумкы; ось послухайте—що въ мене зробылось: заслабла въ мене корова, зпухло вымя, а замисть молока, стала кровъ доитысь, взяла я пидкурыла ей свяченымъ зиллячкомъ, а на ничь свяченимъ макомъ обсыпала, щобъ та поганка (видьма) не могла бильше до неи приступыты; догадалась я, що то ей, нечисти, робота; але-жъ що-жъ вы думаете?—прихожу на другый день рано до своеи коровы,—а она вже й захолола: такы проклята видьма задушыла ей, видомстыла мыни».

Также есть повѣрье, что если «мрець ходытъ, або упырь», то нужно такой домъ тоже обсыпать освященнымъ на Спаса макомъ «и примовыты: «тоди до хаты ввийдешь, якъ цей макъ зберешъ». Съ той же цѣлью макъ посыпаютъ и на могилѣ неспокойнаго покойника, шатающагося по ночамъ. При продолжительной засухѣ извѣстное число зеренъ свяченаго мака (9, а въ иныхъ мѣстахъ больше), бросаютъ въ колодезь, чтобы пошелъ дождь.

Вотъ цѣлебныя свойства и значеніе другихъ травъ и цвѣтовъ, освящаемыхъ на Спаса.

Сонъ даютъ пить въ отварѣ или кладутъ подъ головы лицамъ, страдающимъ безсонницей [1]).

Васильки даютъ пить при внутреннемъ жарѣ, отъ запоя и перепоя; изъ нихъ дѣлаютъ купель для дѣтей отъ многихъ болѣзней и между прочимъ отъ «жовтяныци»; освященными на Спаса васильками принято наичаще подкуриваться отъ разныхъ болѣзней: рожи, падучей болѣзни и при многихъ другихъ. Изъ свяченыхъ васильковъ дѣлаютъ вѣнки на голову умершимъ дѣвушкамъ, подъ головы или въ подущку въ «труну» умершимъ женщинамъ тоже кладутъ васильки [2]). «Чернобрывци» тоже употребляются въ купель для дѣтей.

Когда дѣти худы и тощи,—то купаютъ въ отварѣ изъ освященныхъ на Спаса «повнякивъ»,—чтобы пополнѣли.

Кромѣ зелій и цвѣтовъ, на «Спаса» святятъ чернобыль, морковь, лукъ, «коноплю-матерчану самосѣйку», и пр.—Всѣ эти растенія, кромѣ своего общаго назначенія и употребленія,—какъ наружныя и внутреннія средства при всевозможныхъ болѣзняхъ людей и домашняго скота, имѣютъ каждое свое спеціальное цѣлебное значеніе отъ той или другой болѣзни.

Впрочемъ, обычай святить на Спаса растенія существуетъ не вездѣ. Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ обычай этотъ распространенъ, а уже въ сосѣднемъ заславскомъ, — на «Спаса» ихъ не святятъ, а несутъ ихъ святить на «зелени свята», когда въ первомъ уѣздѣ само собой святятъ злаки въ этотъ день.

Почти во всей волынской губерніи есть одинъ весьма похвальный обычай: къ Спасу обыкновенно озимь бываетъ покончена и съ

---

[1]) Подобное же свойство сонъ-цвѣтка описано у Маркевича въ его „Обыч. и повѣр.“, 29 и въ „Этнографическихъ замѣткахъ „Н. Ф Сумцова, стр. 2—„Сонъ-трава въ народныхъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ“ (от. изъ „Этногр. Обозр.“ 1889 г. кн. III).

[2]) О цѣлебныхъ свойствахъ василька упоминается въ тѣхъ же „Этнограф. замѣт.“ Н. Ф. Сумцова, стр. 4 и въ ст. Флоринскаго въ V кн. Казанск. Уиивер. Извѣст. за 1879 г.

нею бываютъ «обжынки», поэтому вѣнки ржи и пшеницы, сдѣланные при «обжынкахъ», на Спаса приносятъ въ церковь вмѣстѣ съ фруктами и травами и святятъ; затѣмъ вымолачиваютъ, и вымолоченнымъ изъ нихъ зерномъ послѣ «Спаса» начинаютъ новый посѣвъ озими.

Этотъ прекрасный обычай имѣетъ двойное значеніе: какъ принесенной Богу отъ посланнаго Богомъ урожая жертвы, такъ и въ смыслѣ зачатія новаго посѣва съ благословенія Божія, освященнымъ зерномъ. Этотъ обычай имѣетъ широкое распространеніе.

Заговоривъ объ обжынкахъ, вѣнкахъ и «Спасѣ», кстати не могу не сказать нѣсколько словъ объ общеизвѣстной у простого народа «Спасовой Бородѣ».

Обычай при уборкѣ и жатвѣ озими, оставлять горсть или пучокъ хлѣба не сжатымъ по дословному выраженію народа «Спасу на бороду», общеупотребителенъ и общераспространенъ положительно по всей Волыни и Подоліи. Изъ статьи С. Л. Чернявской «Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, херсон. губ.» (Сбор. Харьк. Истор. Фил. Общ. т. 5. 1893 г.) видно, что этотъ обычай, безъ всякаго измѣненія въ сравненіи съ волынской губерніей существуетъ въ херсонск. губерніи.

Объ обычаѣ этомъ на Волыни распространяться не буду, такъ какъ онъ описанъ Н. Ф. Сумцовымъ въ его этнографич. замѣткахъ: «Спасова борода» (Этногр. Обозр. т. Ш—1889 г.) я лишь хочу сказать, что при объясненіи и толкованіи этого обычая—нельзя не видѣть въ немъ жертвоприношенія Богу плодородія по уборкѣ жатвы, каковымъ Богомъ плодородія въ древности, когда были наши предки язычники—были языческіе боги, но съ принятіемъ христіанства—естественно Богомъ плодородія для насъ есть Спаситель, или кратко по простонародному «Спасъ».

По народной примѣтѣ на «Спаса» лѣто съ осенью встрѣчаются.

И. Бѣньковскій.

Матеріалы, относящіеся къ исторіи звѣринецкаго квартала Печерской части г. Кіева. Въ архивѣ Кіевской Консисторіи подъ № 18055 хранится «Описаніе Посполитимъ слободи Звѣринця въ Уездѣ кіевскомъ состоящого, учиненное 1786 года—іюня—д- », описаніе, дающее довольно интересныя свѣдѣнія о звѣринецкомъ кварталѣ нынѣшняго г. Кіева за 1786 годъ.—Цѣль «Описанія» ука-

зана въ заключительныхъ строкахъ предисловія «Описанія» и полагается въ томъ, чтобы сообщить свѣдѣнія «ктожъ оние посполитие» (жители Звѣринца) «по именамъ и прозваниямъ, что сних Усебе имѣетъ и чемъ упражняется». Изъ приложенныхъ къ «Описанію» рубрикъ видно, что авторъ «Описанія» желалъ дать цифровыя данныя за 1786 годъ касательно «числа дворовъ, числа обоего пола душъ, хатъ и при дворахъ принадлежностей, разныхъ угодій, скота и пчелъ, кто чѣмъ промышляетъ или какое имѣетъ ремесло либо чему изобученъ, какимъ кто окладомъ обложенъ былъ погодно и какую кто несетъ повинность»

«Описание слободи Звѣринця» начинается коротенькимъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ дѣлаетъ замѣчанія, относящіяся къ топографіи звѣринецкой слободы и быта населенія ея. Предисловіе приводимъ цѣликомъ съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

«Описаніе Посполитимъ слободи Звѣринця, въ уѣздѣ Кіевскомъ состоящого, учиненное 1786 года іюня—д—».

Оная слободка Звѣринецъ имѣетъ свое положеніе на мѣстѣ гористомъ между буеракамы надрекою Днѣпромъ къ проезду и проходу крайне трудномъ. Земля подоною частию пѣсковатая, а больше глееватая, разстояніемъ отъ губернскаго города Кіева въ полтори версти. Посполитие сего села, выдубыцкому монастирю принадлежащие, упражняются нѣкоторие сапожничествомъ, плотническимъ и камещискимъ майстерствомъ, а болѣе простою крестянскою работою, большею частию пѣшо, и крайне неимущественные за неимѣниемъ хлѣбопашества всѣ снискивают себѣ пропитание, нанимаясь у посторонних людей вработу; воду почерпаютъ изъ Днѣпра и колодцевъ вберегу онаго. Но по крутости горы идалености скрайнею трудостию до жиллей своихъ приносятъ на себѣ ведрами. Лѣсъ строевой иради отопливания дрова сколько кому надобно дозволяемо было отъ монастиря вывозить и изъ пущи монастирской велянской понеимѣнию при оной слободѣ никакова лѣсу.

Ктожъ оние Посполитие поименамъ и прозваниямъ, что сних усебе імѣетъ ичемъ упражняется о томъ ниже слѣдуетъ».

Дѣйствительно далѣе слѣдуютъ графы, въ которыхъ имѣли быть отмѣчены интересныя данныя относительно того, что «посполитие усебе имѣютъ ичемъ упражняются». Къ сожалѣнію, въ самыхъ интересныхъ графахъ, отведенныхъ для показанія экономическаго благосостоянія подданныхъ Выдубицкаго монастыря, жителей звѣринецкой слободы, нельзя отыскать даже признаковъ какихъ либо отмѣтокъ.

Изъ графъ, заполненныхъ цыфрами, первая надписана: «число дворовъ». Изъ этой графы ясно, что въ 1786 году въ звѣринецкой слободѣ, кіевскаго уѣзда, дворовъ было 35.

Во второй графѣ, надписанной: «Званіе людей», помѣщены имена, отчества и фамиліи жителей той же слободы съ указаніемъ кто женатъ, какимъ бракомъ и на комъ, кто замужемъ и за кѣмъ; тутъ же поименованы и дѣти съ указаніемъ отъ какого брака они произошли. Противъ 2-й графы въ особой графѣ, надписанной: «имъ лѣтъ», проставлены годы.

Не указаны лѣта лицъ умершихъ или бѣжавшихъ неизвѣстно куда, и отмѣченныхъ въ графѣ: «убывшихъ после ревизіи».

Заглавія графъ, не заполненныхъ цифрами, выписываемъ, придерживаясь орѳографіи подлинника:

«бездворнихъ хатъ»
«садовъ»
«огородовъ».

A. «Разнихъ угодій»

α. «Пустыхъ плецовъ»
β. «Левадъ или пастовниковъ»
γ. «Пахатной Земли посѣвомъ четвертей»
δ. «Сѣнокосу копенъ»
ε. «лѣсовъ строевыхъ»
ζ. «лѣсовъ дрованыхъ»
ψ. «озеръ рибнихъ»
ϑ. «винокурень»
ι. «мельницъ водяныхъ»
ια. «мельницъ вѣтравнихъ».

B. «Скота и пчелъ»

α. «лошадей»
β. «рогатого скота»
γ. «овецъ»
δ. «козъ»
«свиней»
«пчелъ пней».

C. «Кто чемъ промышляетъ или какое имѣетъ ремесло либо чему изобученъ»

D. «Какимъ кто окладомъ обложенъ былъ погодно».

E. «Какую кто несетъ повинность».

Подводя итоги во всѣхъ заполненныхъ цифрами графахъ, получаемъ слѣдующую статистику:

A. «Послѣ ревизіи записанныхъ на лицо»:

α. «мужеска пола» . . . 96.

β. «женска пола» . . . 89.

B. «Убившихъ после ревизіи»:

α. «мужеска пола» . . . 15.

β. «женска пола» . . . 20.

C. «Прибившихъ противъ ревизіи»:

α. «мужеска пола» . . . 16.

β. «женска пола» . . . 26.

D. «Дворовыхъ хатъ» . . . . 27.

Группируя жителей Звѣринецкой Слободы по возрастамъ, получаемъ:

Отъ	1	дня	до	10	лѣтъ	включительно	61.
Отъ	10	лѣтъ	»	20	»	»	53.
»	21	»	»	30	»	»	43.
»	31	»	»	40	»	»	30.
»	41	»	»	50	»	»	26.
»	51	»	»	60	»	»	8.
»	61	»	»	64	»	»	6.
и 73 года							1.

Мужчины—до 20 лѣтъ включительно всѣ не женаты, а изъ имѣющихъ 21 годъ и болѣе, за исключеніемъ трехъ (21 года), всѣ женаты. Между незамужними есть старше 25 лѣтъ.

Браки заключены между представителями и представительницами звѣринецкой слободы, и въ 1786 году имѣемъ только 4 исключенія: одинъ женился на подданой Пустынно-Никольскаго монастыря, два на обитательницахъ д. Осокорокъ и, наконецъ, одна дѣвица вышла замужъ за жителя м. Лѣтки.

Бѣжало безызвѣстно въ 1784 году двое: мужъ и жена.

«Описание» оканчивается указаніемъ границъ звѣринецкой слободы и перечнемъ строеній, составляющихъ собственность Выдубицкаго монастыря. Заключеніе переписываемъ безъ измѣненій.

«Оная слободка Звѣринецъ состоитъ при видубыцкомъ монастирѣ которой ограниченіе по крѣпостямъ подъ № 6-мъ. Такъ между протчаго описивается почавши отднѣпра въ верьхъ озера Затона и зъ озера въ далину глобокую ровчакомъ и поточкомъ Наводницкимъ Простуючи до колодязей уербъ граничнихъ отвербъ и колодязей

тоюжъ долиною Наводницкимъ ровчакомъ и поточкомъ на озеро, которое вдолинѣ изтого озера набывшій борокъ отборочка на перепеличь долину, и чрезъ дорогу Трипольскую просто врѣчку либедь Либедю нанизъ до млина выдубицкого тою либедью вднѣпръ.

внутрѣ сего ограниченія состоятъ:

1. Мельница [1]) нарѣчки либеди объ едномъ мучномъ поставѣ рубленая вновь вистроеная на малой плотинѣ. (Подробно перечисляется все находящееся въ ней).

2. вне отдалености от монастиря надрѣкою днѣпромъ при урочищѣ Козовицѣ имѣется кирпичний монастирской заводъ [2]),

из которой часть една уступлена кіевской казенной палатѣ поконтракту усего прилагаемому подлитерою А.

Другая часть [3]) заведеная Кіевскимъ купцу Михайлѣ Григаренку и мѣщанину Тимофѣю Заренбѣ по контракту у сего прилагаемому подлитерою—В (подробный перечень всѣхъ построекъ и предметовъ въ нихъ).

Третая занята армизоною командою безвсякого оной отмонастиря от воду и Позволения,

а четвертая часть бывшая около двадцяти лѣтъ взавѣдованіи Кіевософѣйского кафодрального монастиря обратно сему монастирю отдано (подробный перечень).

3. Тамъ же на Либеди между кирпичними артилерійскими заводами близъ мельнички въ обивательской избѣ Григория Телички продается только цѣнная горѣлка въ оного обывателя монастирской посуды: кварта—1; полкварта—1; чвертка—1, жестяныя,

4. в Урочищи Козовища шинокъ монастирской внемъ изба една рублена с'чуланомъ сѣнми и коморкою вставку досками здѣланые,

дверы накрукахъ и петляхъ желѣзнихъ въ избѣ окошекъ спростого стекла—разбитихъ—4 и до оних ставень на крукахъ и пет-

---

[1]) Оная мельница тогда только дѣйствующая, когда днѣпровая вода, которою сія мельница биваетъ подтопляема всвои береха вступитъ, а спрудовъ 3-х в верху состоящихъ вода пущена будетъ. Зимою за вимерзаниемъ врѣчки воды и что сверхъ сего окруженна оная казенными артилерійскими кирпичними многими сараями ипечми то изъ онои никакой отнюдъ прибили неполучалъ мн-тиръ и не получаетъ кромѣ что накваcъ вмн-тиръ иногда малое число солоду смолото бываетъ.

[2]) За содержаніе сего завода получалъ монастирь з казни вгодъ по—60 ру.

[3]) За содержаніе сего завода отъ означенихъ откупцовъ получаемо было вгодъ денегъ по 120—рублей.

ляхъ желѣзнихъ—3. Печь варистая згрубою простихъ кафель—1. Оное строение весма веткое покритое драню [1]).

5. Тамъ же уберегу надрѣкою днѣпромъ караульня Кіевского четвертого баталиона вистроеная однакожъ никакой нивчемъ помѣхи недѣлаютъ.

6. Отъ артилерийской команди сарай или амбаръ для складки лѣсовъ строевихъ такожъ караульня для того и привозимаго наарсеналъ камѣня выстроенна безвсякого отъ монастиря отводу и позволения, въ слободки Звѣринцѣ.

7. Шинокъ перехрестний. . . . . 1 [2])

в немъ строения избъ . . . . . . 2 (подробный перечень).

Принем небольшой оогродъ для посѣву овещей огороднихъ шинкарю ничемъ неогороженъ и запущеній,—1.

8. шинкъ Неводницкій [3])

внемъ строения изба съ чуланомъ—1; (подробный перечень).

9. [4]) Убывателя звѣринского надъ Днѣпромъ живущого. Уберегу въ собственой своей избѣ трофима чорного кой монастирской напитокъ продаетъ,

Посуди монастирской.

Кварта—1, полкварта—1, чвертка—1, лѣйка — 1, жестяние; боченокъ небольшой одинъ.

Прочее все хозяйское.

---

[1]) Сіи оба шинки одани въ откупъ начетири года кіевскому купцу Михайлѣ Григоренку и матвѣю Заренбѣ По контракту усего прилагаемому Подъ литерою С. съ платежемъ въ годъ по 250—рублевъ. Стихъ шинковъ влибедскомъ випродано въ 784-мъ году пѣнной покупной горѣлки 172 вѣдеръ. Получено было прибили 50—рублевъ.

а въ Козовицкомъ випродано пѣнной горѣлки покупной въ томъ же году 255—вѣдеръ. Получено прибили 100—рублевъ.

[2]) въ ономъ шинку випродано чрезъ 785—годъ пѣнной горѣлки покупной 215—вѣдеръ да сочку приливного покупногожъ горѣлкою 16—вѣдеръ. За весь оной напитокъ неприбиль монастиръ получилъ 100 рублей Пива жъ имеду вшинки семъ непродавано ибо внемъ на сей напитокъ нѣтъ сходу.

[3]) всемъ шинку випродано чрезъ 785—годъ пѣнного покупного вина 178—вѣдеръ; приливного сочку 10—вѣдеръ, за который въемъ капиталу полученно неприбиль 80—су. Пива и меду не продавалось Поелику на сей напитокъ сходу нетъ.

[4]) випродано чрезъ годъ пѣнной горѣлки 170—вѣдеръ покупной Закоторою получено неприбили 50—рублей. Пиважъ и меду непродавалось никогда ибо и держать вѣгде дай сходу на него вося нетъ.

10. Дворъ подвладѣніемъ Кіевского Гп-дина оберъ коменданта, внемъ жительствуетъ солдатъ для присмотру большого саду неподлежаще завладѣннаго, очемъ явствуетъ писменое свидѣтельство отъ бывшаго вице оберъ коменданта штока въ 1723-мъ году въ монастиръ выдубыцкий данное между крѣпостми под—№ 60-мъ записанное.

11. На той же Землѣ близъ неводницкой пристанѣ выстроенна для нашихъ то лошадей большая рубленная конюшня при ней жилая изба, караулня и ковалня и занятъ огородъ безъ вѣдома монастирского, состоитъ въ видѣнійи Кіевского Гп-дина оберъ коменданта.

12. По близу той конѣшнѣ занятъ на время огородъ бывшимъ плацъ маіоромъ Іваномъ Троскинимъ, очемъ явствуетъ съ его росписки между крипостними под № 72-мъ записанной.

К. И. Т—ъ.

Перечень имѣній гр. П. В. Завадовскаго. Біографія П. В. Завадовскаго (р. 1739 † 1812), разсказанная недавно мужемъ одной изъ его внучекъ [1]), заключаетъ въ себѣ подробныя и любопытныя свѣдѣнія, какъ нажиты были фаворитомъ-малороссомъ имѣнія, перечень которыхъ, взятый изъ юридическихъ документовъ, сообщается здѣсь.

Экономія Драбовская. Въ золотоношскомъ повѣтѣ: с. Драбовъ—1924, слоб. Дуниновка—772, с. Великій Хуторъ—1237, слоб. Великохуторянская—660, с. Бѣлоусовка—752, хх. Чумгацкій, Зенченокъ и Мехедовскій—85, с. Митлашевка—350, с. Шабельники—377. Въ Пирятинскомъ повѣтѣ: д. Кантакузовка—592, х. Коховщина—42. Въ лубенскомъ повѣтѣ: слоб. Ступаковка—393. Всего въ Драбовской экономіи: 7184 души, изъ нихъ мужч.—3633 и женщ.—3551.

Экономія Тепловская. Въ пирятинскомъ повѣтѣ: м. Тепловка—940, д. Смотрики съ хх. Кириловскимъ и Адовою левадой—529, д. Сурмачовка—236, с. Алексѣевка—541, д. Наталовка—286, г. Пирятинъ—20. Всего въ Тепловской экономіи: 2552 души, изъ нихъ мужч.—1246 и женщ.—1306.

Экономія Толкачевская. Въ прилуцкомъ повѣтѣ: с. Толкачовка—1418, хх. Полаговскій, Островъ, Умѣновскій, Малѣновскій и Княжія Липы—18. Всего въ Толкачевской экономіи: 1473 души, изъ нихъ мужч.—698 и женщ.—775.

---

[1]) Русск. Арх. 1883 г., № 3.

Экономія Ялицкая. Въ суражскомъ повѣтѣ: с. Лядичи—1034, д. Мановка—185, х. Кисловка—256, д. Каменекъ—280, д. Поповка—289, с. Красновичи—93, д. Ивановка—42. Въ мглинскомъ повѣтѣ: с. Дохновичи—89. Всего въ Лялицкой экономіи: 2370 душъ, изъ нихъ мужч.—1187 и женщ.—1183.

Экономія Ущерпская. Въ суражскомъ повѣтѣ: с. Ущерпье—1335, д. Малоудебное—727, с. Петровка и х. Петровскій—634, с. Великоудебное и х. Великоудебнянскій—687, д. Пирятинъ—719, с. Городечня—847, д. Веприкъ и хх. Винокуренный и Красный—134, д. Халѣевская и х. Ягодный—307, слоб. Кузнецъ—143, с. Теремошка—440, д. Смялчъ (она жъ и Александровка)—618, д. Рудня Халѣевская—170 и х. Рѣчица—101. Всего въ Ущерпской экономіи: 7912 душъ, изъ нихъ мужч.—3437 и женщ.—3475.

Экономія Юрковская, Въ бѣлицкомъ повѣтѣ: с. Стар. Юрковичи—1212, с. Поповка—1323, слоб. Рудня Барановская—72, д. Завидовка—583, д. Ивановка—160, с. Круговецъ—829, д. Лукьяновка—137, с. Сѣровка—688, с. Озаричи—484, д. Плутовка—608 и д. Кажинова—443 и д. Веселовка—349, слоб. Цата—126 и слоб. Быстри—44. Въ городницкомъ повѣтѣ: д. Жеведь—127, д. Ключи—446; и въ Новозыбковскомъ повѣтѣ: д. Раковка—164. Всего въ Юрковской волости: 7795 душъ, изъ нихъ мужч.—4057 и женщ.—3738.

Экономія Новосельская. Въ бѣлицкомъ повѣтѣ: с. Новоселки—286, с. Даниловичи—337, д. Пиханѣ—314, д. Конторовка—312 и д. Замостье—172. Всего въ Новосельской экономіи: 1421 душа, изъ нихъ мужч.—713 и женщ.—708.

Фольварокъ Сухаревскій. Въ чаусовскомъ повѣтѣ: с. Сухари—458, д. Хорошки—189, д. Рики—204, д. Ивановка—227, д. Ходневъ—97, д. Васильевичи—156, д. Пласковница—32, д. Акулинцы—280, д. Тинковщина—99, д. Яганы—172, д. Кадинъ—157, д. Супоничи—190, д. Романовичи—288, д. Пудовня—334 и д. Плютъ—52. Всего въ фольваркѣ: 2945 душъ, изъ нихъ мужч.—1535 и женщ.—1410.

Фольварокъ Ничипоровскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: с. Ничипоровичи—198, д. Потаповка—228, д. Черепи—215, д. Дубровка—6, и д. Ладыжинъ—21. Всего въ фольваркѣ: 670 душъ, изъ нихъ мужч.—354 и женщ.—316.

Фольварокъ Августовскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: с. Плющи—795, д. Подгайцы—260, д. Локута—229 и д. Биль—342. Всего въ фольваркѣ: 1624 души изъ нихъ мужч.—801 и женщ.—823.

Фольварокъ Озерскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: д. Доманы—344, д. Озерье—238, д. Нижн. Пруды—114, д. Завороты—100 и д. Кручи—163. Всего въ фольваркѣ: 1059 душъ, изъ нихъ мужч.—515 и женщ.—544.

Экономія Петровская, въ херсонской губерніи—12000 дес. и 299 душъ крест.

Всего крестьянъ об. пола: *37304.*

Сообщ. А. Л.

Милыя шалости добраго стараго времени. Недавно мнѣ передали любопытный документъ, который предлагаю вниманію читателей; это—*печатное объявленіе* на восьмушкѣ бумаги, безъ обозначенія года, типографіи и цензурнаго разрѣшенія. Соображая обстоятельства жизни лица, теперъ уже отошедшаго къ праотцамъ, въ бумагахъ котораго найдено объявленіе, слѣдуетъ предполагать, что послѣднее напечатано въ 50-хъ годахъ. Вотъ текстъ этого оригинальнаго объявленія:

«Прибывшій изъ Александрійскаго уѣзда, маленькій помѣщикъ Федоровъ, желая провести съ пріятностію время въ г. Елисаветградѣ, приглашаетъ охотниковъ сдѣлать ему честь обѣдать съ нимъ, или ужинать, являться ежедневно въ Парижскую гостинницу. Принимая всѣ издержки на себя, онъ обязанностію считаетъ предупредить, что тотъ, кто расчиталъ бы на гастрономическій столъ, легко можетъ ошибиться. Обѣдъ будетъ заключать въ себѣ 4 вкусные блюда, 1 бутылку Шато д'Икему и 1 шампанскаго, означенное количество вина полагается на особу. Ужинъ 3 блюда, но вина, смотря по расположенію духа въ какомъ Г. Федоровъ возвратится отъ балетныхъ танцовщицъ, будетъ добавляться еще 2 бутылки».

В. Я.

Кое-что о м. Вчорайше. Недавно одинъ мой знакомый, В. А. М-цъ, разговорился со мною о своей родинѣ, мѣстечкѣ Вчорайше, сквирскаго уѣзда кіевской губ., и я по свѣжей памяти записалъ тѣ изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній и воспоминаній, которыя привлекли мое вниманіе. Свѣдѣнія и воспоминанія г. М-ца имѣли отрывочный характеръ и, сверхъ того, въ записи моей утратили живость и колоритность устной бесѣды, но я все таки признаю небезполезнымъ

подѣлиться записаннымъ мною съ любителями и изыскателями старины, въ томъ предположеніи, что мое сообщеніе можетъ вызвать кого либо изъ нихъ на поѣздку въ этотъ любопытный уголокъ кіевщины и на научное его обслѣдованіе.

М. Вчорайше расположено на рѣчкѣ Верховенькѣ. На лѣвомъ берегу рѣчки находится *Городисько* или *Валъ*—урочище, окруженное валомъ, занимающее около трехъ десятинъ пространства и имѣющее около полуверсты наибольшей длины отъ Юго-Востока къ Сѣверо-Западу; съ Запада валъ этотъ упирается въ обрывистый берегъ рѣчки. Внутри вала стоитъ церковь во имя св. Михаила Архангела. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Городиська почва состоитъ изъ золы, иногда находили здѣсь въ почвѣ разныя древности; такъ, однажды нашли золотую римскую монету, которую видѣлъ самъ разскащикъ, и которая была потомъ продана еврею за 10 рублей. Въ самомъ валу находили желѣзные наконечники стрѣлъ, ножи, удила, стремена, мѣдныя изображенія пѣтушковъ, а однажды, при рытьѣ погреба, наткнулись на обильный запасъ истлѣвшаго проса. Въ валу есть въ одномъ мѣстѣ подземный ходъ, о существованіи котораго составили понатіе по тому, что дождевая вода уходитъ въ этомъ мѣстѣ въ землю и показывается наружу уже внизу, у берега рѣки, въ видѣ сильнаго ключа. Старики разсказывали, что кто-то лазилъ въ это подземелье и видѣлъ тамъ, кажется, конскую сбрую.

На выходѣ изъ села находится урочище *Хресты*. Тамъ дѣйствительно торчали прежде изъ земли каменныя плиты, сохранявшія форму креста; но мѣстные жители растащили большую часть изъ нихъ для золенія бѣлья, потому что на мѣстѣ камня нѣтъ. Мѣстность эта представляетъ собою торфяное болото съ *течеей*, черезъ которую перекинутъ былъ мостъ; невдалекѣ отъ моста стоялъ курень для сторожа, а сторожемъ на памяти разскащика былъ таинственный Лукьянъ Завируха, слывшій знахаремъ и носившій прозваніе Гадючій Пипъ; прозвище это объясняется странной привычкой Завирухи набирать водившихся тамъ во множествѣ гадюкъ и обматывать ими себѣ шею и голову, чѣмъ онъ сильно импонировалъ мѣстное населеніе. Однажды разскащикъ, застигнутый въ полѣ дождемъ, укрылся въ сторожкѣ у Завирухи. Онъ и раньше того слышалъ выраженія *добрый дывъ, лыхый дывъ* и зналъ поговорку «зъ доброго дыва» (сталось) [1]) и воспользовался этимъ случаемъ, для того чтобы разспро-

---

[1]) Въ смыслѣ неожиданности (несчастнаго случая—напр.).

сить о лыхомъ дывѣ столь компетентное лицо, какъ Завируха. По словамъ послѣдняго оказалось, что лыхый дывъ въ полночь встаетъ изъ болота, такой сухой, да высокій и съ раздвоенной головою; если увидишь его, то тикай скорѣе, потому что, если поймаетъ, то такая пропасныця (лихорадка) нападетъ, что жизни не радъ будешь. А отъ пропасныци лѣчились тамъ такъ: брали на Хрестахъ земли и, бросивши ее въ воду, обливались той водою; на то мѣсто, откуда взята была земля, считалось необходимымъ положить яйцо.

Населеніе мѣстечка, занимавшее мѣстность тотчасъ по выходѣ изъ вала, называлось, неизвѣстно почему, *Галичъ*. Эта часть населенія представляла собою совершенно оригинальную въ этническомъ отношеніи группу, рѣзко отличавшуюся отъ остальной массы населенія. Всѣ они были блондины, мужчины брили не только бороду, но и усы, а также и голову, оставляя на ней только *чичку*—клокъ волосъ, который начесывали на бока головы; женщины ихъ отличались необыкновенной красотой; въ отношеніи нравственномъ всѣ они отличались утонченной вѣжливостью, честностью и природнымъ благородствомъ.

Другая часть населенія,—бѣдняки, жившіе на выходѣ изъ мѣстечка,—называлась почему-то *Шуя*.

На противоположномъ берегу рѣки расположенъ кутокъ *Кулышивка*. Тамъ есть глубокое провалье, про которое говорили въ народѣ, что здѣсь «дзвиныця пидъ землю пишла» и что на Пасху звонъ на провалившейся колокольнѣ становится слышнымъ. Провалье это соединяется съ Новымъ ставомъ (новымъ-только по имени), въ которомъ во время купанья нерѣдко находили древности; однажды, напримѣръ, нашли кадильницу; древности эти попадались въ ставу въ такомъ изобиліи, что, отправляясь купаться въ немъ, мѣстные жители имѣли обыкновеніе брать съ собою палку для обыскиванія дна.

Съ версту къ востоку отсюда, какъ разъ напротивъ вала, виднѣется многочисленная группа мелкихъ могилъ, или кургановъ.

В. Я.

Польскій бунтъ на Волыни 1864 года. Въ г. Острогѣ мнѣ удалось достать тетрадку, содержащую стихотворное описаніе повстанья на Волыни. Тетрадь эта (in 8⁰) состоитъ изъ 7 листиковъ, писана дѣтскимъ почеркомъ лѣтъ 20—25 тому назадъ; озаглавлена она

«Польскій бунтъ на Волыни 1864 года». Содержаніе рукописи вкратцѣ слѣдующее: сперва разсказывается объ освобожденіи крестьянъ (при чемъ кстати описываются и безобразія крѣпостного права) и о недовольствѣ этимъ поляковъ; дальше идетъ ироническое приглашеніе ихъ стать на защиту своихъ правъ въ надеждѣ на помощь Франціи; затѣмъ слѣдуютъ двѣ картины неудачнаго возстанія поляковъ и, наконецъ, слѣдствіе возстанія—ссылка пановъ въ Сибирь.—Все стихотвореніе раздѣлено на 4 части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое заглавіе.

Стихотвореніе это не ново: на страницахъ «Кіев. Ст.» уже дважды помѣщались пѣсни объ этомъ бунтѣ: одинъ разъ въ XV-мъ томѣ вмѣстѣ съ пѣсней о панщинѣ, другой—въ XLI-мъ т. подъ заглавіемъ «Вирша объ освобожденіи крестьянъ»; въ послѣднемъ случаѣ заглавіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію стихотворенія: помимо описанія ужасовъ рабства и освобожденія крестьянъ, въ «Виршѣ» разсказывается еще и про бунтъ поляковъ.

Сравнивая «Бунтъ» съ «Виршей», мы находимъ между ними слѣдующую разницу: 1) въ «Бунтѣ». нѣтъ вступленія, обращенія къ «пану-Радактору», которое есть въ «Виршѣ»; за то 2) въ «Виршѣ» нѣтъ ироническаго приглашенія поляковъ защищать свои права; 3) въ нашей рукописи главное вниманіе обращено на описаніе бунта (почти $^3/_4$ всего стихотворенія); между тѣмъ въ «Виршѣ» большая половина ея посвящена описанію рабства.—Такимъ образомъ, «Бунтъ на Волыни» и «Вирша объ освобожденіи крестьянъ» въ значительной степени пополняютъ другъ друга, и поэтому ни одно изъ этихъ стихотвореній нельзя признать за точный списокъ оригинала (какъ это думаетъ В. Я. относительно «Вирши»): ихъ слѣдуетъ считать варіантами другого, болѣе полнаго, но неизвѣстнаго пока стихотворенія о польскомъ возстаньѣ.

А. Малинка.

Польске панованне.

Нещасныи часы пройшлы
Якъ въ неволи хлопы булы;
Паны былы, забывалы,
До сорочкы обдыралы;
Що хотилы, съ хлопивъ бралы,
А хто не давъ, шкуру дралы;
Хоць-бы мужыкъ на викъ згынувъ,

Мусивъ даты дысятыну.
Звалы паны добра (добре?) ззисты
Да въ костели въ лавку систы;
На лавочкахъ посядають.
Са панночкамы розмовляють.
Гроши воны много малы,
По Парыжамъ розъизжалы
Зъ золотыми пидкивкамы
Пидъ киньскымы копытамы.
Нашу виру зневажалы,
Церкви жыдамъ оддавалы;
Православныхъ дуже гналы,
Съ собакамы ихъ ривналы.
Отаманы наблюдалы
Тяглы хлопивъ нагайкамы,
Ще й лякалы рыкрутамы,
Прыказавши осаули:
Гоны хлопа швыдше кули,
Гоны хлопа на панщину;
Якъ ны хоче, лупы въ спыну.
Царъ нашъ Русскій змылувався
И за те дуже добре взявся,
Щобъ мужыкамъ волю даты,
Изъ рукъ ляцькихъ одибраты.
Ляхы тымъ ся зажурылы,
Чорны трійци надилы,
Въ Житомири Хрыста ставлять,
Свѣнту Тройцу они славять;
Хлопськи свыты натягають,
Воны тымъ ся ны встыдають,
Бо то буйность, не подлеглость,
За идне наша хвалебность.
Чорны ходять, мовъ ти галки,
Паны, пани и пидданкы
И зъ вылыкымъ дуже жаромъ
Крычать писню: „дымъ пожаровъ"...
Въ чорныхъ сукняхъ воны ходять,
По костёли Бога молять:
„Вырны вольность намъ ойчизны,
Нема ляха вже жывого,
Ныма ёму быты кого;
Ходыть ляшокъ и вздыхае,
Чорну думку винъ думае.
Ны журыся, паны-брате,
Пидымъ русскихъ воёваты,
Треба Польщу выдыбраты,

Назадъ хлопивъ соби взяты
Чы въ костёли, чы въ палацу,
Чы на поли, чы на плацу,—
На те треба много часу!
Ходимъ лучше ажъ до лясу,
Звидьте будемъ воюваты
Да москаливъ розбываты;
А що полякъ самъ не зможе,
То намъ Французъ съ тымъ поможе.—

Pan Ružickij.

Миропильскій балъ.

Вражи ляхы збунтувалысь
Противъ русскихъ ся збыралысь;
Машырують пидъ лисамы
Да съ пикамы и косамы.
На коныкы посидалы,
Мовъ чортыкы, извывалы.
Каждый ляшокъ изъ усамы,
Скаче, пляше, якъ чортъ самый.
Попереду нашъ Ружыцкій
Грае виськомъ и дурлычкы (?),
Стае за нымъ клубомъ пыль
Веде висько въ Миропиль.
Отамъ була гарна баня:
Ляхъ наткнувся на москаля;
Надъ Случею да на мости.
Потрощылы ляхамъ кости.
Доньски пикы зачорнилы,
Русски штыкы заблыстилы,
Посыпалысь кули градомъ.
Стрелывъ козакъ съ пистолета;
Крычыть полякъ: нѣхъ панъ вцѣка!
Вдарывъ москаль съ карабина,
Нима ойця, нима й сына:
Котрый зъ ляку та у воду,
Зробывъ ракамъ винъ выгоду;
Другій лыжыть пидъ вербою
Съ задертою бородою;
Мужыкъ того, котрый дрыгавъ,
Мовъ собаку у лобъ двыгавъ:
Отакъ тоби, вражій сыну,
Колысь сыпавъ мини въ спыну.—

Ляцьки кони сполохались,
Надъ ляшкамы поглумылись;
Де забачить, що кинь бижыть,
Коло сидла ляшокъ высыть.
Кухвары и пихота
Якъ отъ пана отъ охоты
По едному радылися
И посли ся розбиглыся.
Охъ, горяче було дило!
Вода въ Случи червонила;
Тамъ мишалась кровъ съ водою,
Тутъ пизнався ляхъ зъ бидою.
Вокаваты ныма кому,
Треба втикаты додому
Мовъ бувало на маивку,
Теперъ ходимъ на мандривку.
Мужыкъ зъ бучкомъ
Крычыть ляшокъ: не позволямъ!
Мужыкъ на те не вважае,
Бучкомъ спыну винъ ровняе.
—Зачыкай-но ты проклятый,
Треба съ тобой сквытуватысь.
Теперъ мужикъ даликатный,
За хлибъ, за силь тоби вдячный,
Дочыкався мужыкъ того,
Зловывъ за чубъ пана свого,
Звязавъ ёму назадъ рукы,
Оддавъ ёго на порукы
Тамъ Ружыцькій залякався,
Свого виська одцурався,
Ставъ проклятый умыкаты,
До Ав(с)тріи утикаты;
Зобравъ соби висько нове:
Ходимъ да moji panowe,
Бо тутъ для насъ дуже тисно
Да ще й дають исты пизно.
А москали за ляхамы
Трома двыгались шляхамы,
На догонци убывалы
И на пикы ихъ нызалы.
Биглы, биглы вражи ляхы,
Биглы воны на тры шляхы,
А москали на четыры,
Ляшкивъ панкивъ погубылы.

Pan Cichockij пидъ Заславлемъ.

Грымыть писня Bożo polskij!
Появывся панъ Цихоцкій.
Пидъ Заславлемъ межъ лисамы
Зибравъ ляхивъ винъ стадамы.
Не бувъ панъ сей въ Миропили
На крывавымъ тимъ велили,
Де гулялы та на дыво,
Де кровае пылы пыво;
Тамъ блыскало и гремило,
Ясне сонце потемнило,
Де глумылысь надъ ляхамы
Штыкъ, нагайка та щей хамы.
Отъ якъ бачте, ны знавъ того
Панъ Цихоцькій щастя свого;
Добро свое покидае,
Счастя въ лиси винъ шукае.
Нема хлопивъ и панщизны,
Тра шукаты намъ ойчизны,
Котра въ лиси заблукалась,
Сынивъ ляцькихъ видцуралась.
Бидна Польща въ лисъ зибралась,
Заблудывшись тамъ скончалась.
Идуть ляхы въ лисъ шукаты,
Мертву Польщу воскресаты.
Тамъ въ Цвитоси межъ лисамы,
Межъ топкимы болотами
Ляхы стыйку закладалы,
Пыть горылку посядалы.
Илы, пылы та гулялы,
Та съ чаркою воювалы,
Не скончывшы ще гербаты,
Вже пыкета дае знаты.
Въ рукы бралы та хутенько
(Бо москали вже блызенько)
Карабины набываютъ,
Штыкы свои оглядають.
Сполошылысь ляхи дуже,
Крычать зъ ляку: що це буде?
Иденъ каже: нема рады;
Другій каже: рейтырады!
Давай броню, давай палашъ!
И пиднялы крыкъ да галасъ.
Зувсимъ ляхы опьянилы
И зо страху одурилы,

И ны знае иденъ съ другимъ,
Що робыты въ тымъ одури,
Чы фузію набываты,
Чы гарбату допываты.
Бъють москали въ барабаны,
Барзо шумно крычать паны.
Москаль писню запивае,
Зъ штыкомъ впередъ выступае;
Безъ доклада начинають,
Зъ карабиновъ посылають
Кули ляхамъ на спидання:
Не йды, ляше, до повстаня!..
Штыки пидъ грудь пидставляють,
Въ лобъ прикладомъ убывають.
Ныма ляхамъ щастя й доли
А ни въ лиси, а ни въ поли.
Ксендзъ ынфулу натягае,
Въ гору руки пидіймае,
Благословыть ляхивъ панивъ,
Щобъ побылы всихъ москаливъ.
Москаль на те съ ружа двынувъ;
Ксендзъ на землю, а ни дригнувъ.
Нема ксендза и казаня;
Не йды, ляше, до повстаня.
Нашъ Цихоцкій умыкае;
Его куля доганяе,
На голову ёму сила
И на землю повалыла
Въ кинци лиса межъ травою
Зъ розбытою головою
Спыть Цихоцкій и чыкае,
Польща зъ лиса выглядае:

Паньске щасте.

Отакъ паны опарылысь,
Межъ собою обрадылысь:
—Проигралы теперъ справу,
Ходимъ въ Сибиръ на забаву.—
Помолиця, паны, Богу
Та й рушайте въ путь-дорогу.
Щаслывого вамъ подружа,
А за вамы мы байдуже.
Покидайте тутъ палацы,
Бо вже кинець вашій праци.

Сибиръ дверы видчынила,
Панивъ на баль запросыла.
Тамъ холода стоять довше,
А для панивъ це здоровше.
Не даремне тая хмара!
Верне въ Сибиръ польска вяра.
Мыжъ высокими горами,
Межъ каминемъ и скалами
Бунтовшыкивъ тамъ пакують..
. . . .

(На этомъ рукопись обрывается).

Мелкія извѣстія.

Денисовскій сказочникъ Р. Ѳ. Чмыхало. Какъ сообщилъ В. В. Лесевичъ въ рефератѣ, прочтенномъ въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Русскаго Географическаго Общества 23 декабря 1894 г. и напечатанномъ только недавно въ журналѣ «Міръ Божій» (1895 г. № 4), въ селѣ Денисовкѣ, лубенскаго уѣзда, въ настоящее время проживаетъ сказочникъ Радіонъ Ѳедоровичъ Чмыхало, имѣющій около 60 лѣтъ отъ роду. Это—рослый, статный и красивый старикъ, помнящій больше 30-ти сказокъ и присказокъ, которымъ онъ выучился отъ своего отца еще въ юности. Разсказываетъ онъ эти сказки, по сообщенію г. Лесевича, осмысленно, выразительно и изящно, съ оживленіемъ и съ явнымъ увлеченіемъ своимъ разсказомъ. Память у него твердая, удерживающая полнотою всѣ подробности изложенія. Вслѣдъ за плавной и слитной передачей какой-нибудь сказки, онъ можетъ опять повторить ее медленно, слово за словомъ, отъ начала до конца, вслѣдствіе чего записывать за нимъ такъ-же легко, какъ писать подъ диктовку.—По содержанію сказки Чмыхала, примыкая къ всесвѣтному сказочному фольклору, представляютъ довольно значительный и разнообразный запасъ типичныхъ инцидентовъ. Изложеніе присказокъ, сравнительно съ изложеніемъ сказокъ, полнѣе, разнообразнѣе, цвѣтистѣе, игривѣе; разсказчикъ не довольствуется здѣсь голыми схемами, а явно стремится къ художественной рисовкѣ окружающей его жизни. Что касается до языка сказокъ и присказокъ, то языкъ этотъ далеко отходитъ отъ чистоты народнаго и приближается къ жаргону отставныхъ солдатъ и писарей, вслѣдствіе чего художественная сторона

сказокъ много страдаетъ отъ этого неизящнаго и притомъ крайне неровнаго языка. Быть можетъ, на этомъ отразилось то обстоятельство, что отецъ разсказчика служилъ въ 1812 году погонцемъ и провелъ годъ или болѣе въ Великороссіи. Въ своемъ рефератѣ г. Лесевичъ даетъ нѣсколько отрывковъ записанныхъ имъ отъ Чмыхала сказокъ и присказокъ въ переводѣ на русскій литературный языкъ. Было бы желательно, чтобъ всѣ сказки и присказки, которыя помнитъ и разсказываетъ Чмыхало, были кѣмъ либо записаны и изданы.

Памятникъ на могилѣ И. П. Котляревскаго. На окраинѣ стараго кладбища въ Полтавѣ стоитъ кирпичный столбъ, который, будучи самъ по себѣ не изящнымъ, много пострадалъ отъ времени, обсыпавшаго штукатурку и вывѣтрившаго многіе кирпичи. Только двѣ буквы, уцѣлѣвшія на этомъ столбѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что когда то на немъ была надпись, а какая именно—этого по двумъ буквамъ нельзя опредѣлить. Должно быть, въ виду этого кто-то, чтобъ облегчить поиски для туристовъ, карандашемъ на основаніи столба обозначилъ, что этотъ памятникъ стоитъ надъ могилой И. П. Котляревскаго. Въ такомъ видѣ мы видѣли этотъ памятникъ въ апрѣлѣ этого года и пожалѣли, ибо могила автора «Наталки Полтавки» и «Энеиды» находится въ такомъ печальномъ запустѣніи. Теперь «Полтавскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ полтавской губернской земской управѣ идутъ дѣятельныя приготовленія по устройству памятника на могилѣ И. П. Котляревскаго. Для этой цѣли губернское земское собраніе ассигновало въ распоряженіе губернской управы 1000 рублей. Памятникъ будетъ состоять изъ гранитнаго монолита съ чугуннымъ крестомъ на верху; на лицевой сторонѣ памятника будетъ помѣщенъ бронзовый медальонъ съ изображеніемъ покойнаго поэта. Рисунокъ памятника сдѣланъ мѣстнымъ художникомъ В. А. Волковымъ, а медальонъ предполагается отлить въ мастерской земскаго Дегтяревскаго училища по мысли извѣстнаго скульптора Л. В. Позена, уроженца полтавской губерніи.

Къ вопросу объ устройствѣ музея въ Кіевѣ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, которыя по этому вопросу помѣщены въ предъидущей книгѣ «Кіевской Старины», мы, со словъ кіевскихъ газетъ, можемъ сообщить, что кіевскій вице-губернаторъ Д. С. Өедоровъ увѣдомилъ кіевскаго городского голову о томъ, что въ засѣданіи коммиссіи по устройству музея въ Кіевѣ, состоявшемся 8 мая, было постановлено просить городского голову сдѣлать думѣ предложеніе о принятіи му-

зея, по окончательномъ его устройствѣ, въ вѣдѣніе города съ обязательствомъ содержанія его на городскія средства, причемъ высказано было предположеніе о возможности отвода въ зданіи музея соотвѣтственнаго помѣщенія для книгъ, пожертвованныхъ городу Б. М. Юзефовичемъ. Городской голова предложилъ это на разсмотрѣніе думы въ засѣданіи 17 мая; въ виду того, что не выяснены размѣры расходовъ, которые могутъ потребоваться отъ города на содержаніе музея, дума постановила: передать дѣло на заключеніе финансовой коммиссіи.

Объ устройствѣ музея въ Прилукахъ. По сообщенію «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», прилукская уѣздная земская управа обратилась къ полтавскому губернатору съ просьбою о разрѣшеніи открыть въ г. Прилукахъ музей при земской управѣ. Вопросъ объ открытіи музея былъ рѣшенъ въ послѣднемъ прилукскомъ земскомъ собраніи, причемъ собраніе постановило открыть музей на основаніяхъ, выработанныхъ с.-петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей и изложенныхъ въ изданномъ этимъ обществомъ проэктѣ нормальнаго устава, для чего ассигновать на содержаніе музея ежегодно по 300 рублей и единовременно 200 рублей.

Премія профессора Потебни. Согласно утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія положенія о преміи профессора А. А. Потебни, какъ извѣщаетъ «Южный Край», въ первый разъ присужденіе ея послѣдуетъ 29 ноября 1895 года, а затѣмъ она будетъ выдаваться ежегодно изъ процентовъ съ капитала въ 2600 рублей, собраннаго по подпискѣ между почитателями покойнаго профессора.

Новое этнографическое общество. Еще въ 1893 году группа польскихъ писателей, проживающихъ въ Львовѣ, подняла вопросъ объ основаніи этнографическаго общества и даже составила проэктъ устава такого общества, который однако не получилъ утвержденія со стороны намѣстничества. Затѣмъ, при участіи предсѣдателя антропологической коммиссіи при краковской академіи наукъ профессора Бодуэна де-Куртне и другихъ лицъ, былъ доставленъ новый уставъ, который утвержденъ въ надлежащемъ порядкѣ. По уставу новое общество называется «*Towarzystwo ludoznawcze*», пребываетъ въ Львовѣ и имѣетъ цѣлью научное изслѣдованіе польскаго и *сосѣднихъ* съ нимъ народовъ, а также опубликованіе собранныхъ по этому предмету свѣдѣній. Для насъ эта цѣль имѣетъ особое значеніе въ виду того, что ближайшими сосѣдями галиційскимъ полякамъ являются малороссы. Для преслѣдованія означенной цѣли по уставу служатъ

слѣдующіе способы: 1) засѣданія, отчеты, рефераты и бесѣды членовъ общества, 2) собраніе всякихъ свѣдѣній, могущихъ служить для познанія народа, 3) опубликованіе собранныхъ свѣдѣній въ журналахъ и другихъ изданіяхъ, а также при помощи собственнаго литературнаго органа и собственныхъ изданій, 4) вспомоществованіе литературнымъ трудамъ и изданіямъ, описывающимъ или представляющимъ народъ, а также всякимъ инымъ трудомъ на этомъ полѣ, 5) основаніе библіотекъ и музеевъ, 6) назначеніе делегатовъ для собранія нужныхъ свѣдѣній въ данной мѣстности, 7) основаніе отдѣловъ общества въ уѣздахъ и 8) образованіе научныхъ секцій внутри общества. Общество состоитъ изъ членовъ-основателей и членовъ дѣйствительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. Членами могутъ быть также и женщины. Съ этого года общество издаетъ свой журналъ подъ названіемъ «Lud», съ которымъ нашъ журналъ въ своемъ библіографическомъ отдѣлѣ познакомитъ читателей по мѣрѣ появленія въ немъ свѣдѣній, которыя будутъ касаться южноруссовъ.

Собраніе украинскихъ народныхъ мелодій. Напечатанныя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ русскихъ газетахъ свѣдѣнія о предпринятомъ собираніи русскихъ народныхъ мелодій вызвало въ Львовѣ мысль о собраніи украинскихъ мелодій. По этому поводу въ Львовскихъ журналахъ напечатано, за подписью О. Нижанковскаго, Ф. Колессы и другихъ лицъ, въ количествѣ девяти, заявленіе, въ которомъ, обращая вниманіе на то, что народныя мелодіи уничтожаются съ каждымъ годомъ подъ вліяніемъ порядковъ новѣйшей культуры и что настала крайняя пора спасти, на сколько можно, отъ гибели этотъ цѣнный матеріалъ, они, подписавшіеся, чтобъ удовлетворить этой потребности, образовали комитетъ, который поставилъ себѣ задачею систематично публиковать народныя мелодіи періодическими выпусками подъ заглавіемъ: «Русько-українські народні мельодії». Изданіе будетъ ведено такимъ способомъ, что каждый выпускъ или томъ будетъ представлять изъ себя нѣчто цѣлое, но, для избѣжанія однообразія, будетъ заключать въ себѣ пѣсни разныхъ категорій. Обращая главное вниманіе на мелодіи, издатели будутъ печатать при каждой пѣснѣ всѣ доступные имъ варіанты ея мелодіи съ обозначеніемъ мѣстности, гдѣ пѣсня такъ или иначе поется, и съ указаніемъ лицъ, исполнявшихъ пѣсни и записавшихъ ее. Комитетъ уже имѣетъ въ своихъ рукахъ нѣсколько сотъ народныхъ мелодій, и этого матеріала уже теперь хватило бы на нѣсколько томовъ. Однако, чтобъ изданіе было на сколько можно полное и обнимало при каждой ме-

лодіи наибольшее число извѣстныхъ варіантовъ, комитетъ обращается къ землякамъ, владѣющимъ сборниками народныхъ мелодій или записавшимъ нѣсколько пѣсенъ изъ устъ народа, съ просьбою прислать въ скорѣйшемъ времени свои рукописи въ комитетъ. Точно также комитетъ проситъ всѣхъ пѣснолюбивыхъ земляковъ, которые, живя въ провинціи, имѣютъ возможность послышать народную пѣсню изъ источника, т. е. изъ устъ народа,—о томъ, чтобы они записывали мелодіи пѣсенъ съ текстами и присылали въ комитетъ. Адресъ для этихъ присылокъ указанъ слѣдующій: Осипу Нижанковскому, въ г. Львовъ, Городецкая улица, № 33 а.

Новое изданіе сочиненій М. Л. Кропевницкаго. Въ Харьковѣ въ настоящее время печатается полное собраніе сочиненій М. Л. Кропивницкаго, въ которое войдетъ семь еще не бывшихъ въ печати драматическихъ пьесъ («Вусы», «Пидгоряне», «Зайдыголова», «Дви семьи», «Чмырь», «Олеся» и «Джигунъ»).

Каменныя орудія на берегахъ Буга и Стыри. На 8-мъ очередномъ собраніи Варшавской «Komisyi teoryi ogrodnictwa i nauk przyrodniczych», состоявшемся 18 апрѣля 1895 г., г. Е. Маевскій (E. Majewski) прочелъ докладъ о доисторическихъ каменныхъ орудіяхъ, находимыхъ въ верховьяхъ рѣкъ Буга и Стыри, и представилъ большую коллекцію этихъ орудій. Это—каменные топоры грубой работы, весьма однообразнаго типа и изъ однороднаго матеріала; они нешлифованы и снабжены высверленными отверстіями для продѣванія рукоятокъ. Особенность ихъ состоитъ въ томъ, что они сдѣланы не изъ кремня, а изъ мѣстныхъ мелкозернистыхъ песчаниковъ и известняковъ сарматскаго яруса третичной системы. Однообразіе ихъ матеріала и выдѣлки указываетъ на ихъ одновременность и общее мѣсто происхожденія, но распространеніе ихъ—спорадическое по всему краю. Подобныхъ топоровъ докладчикъ не встрѣчалъ въ музеяхъ какъ мѣстныхъ, такъ и иностранныхъ. Только въ музеѣ графа Дзѣдушицкаго въ Львовѣ находится нѣсколько совершенно тождественныхъ орудій, также происходящихъ съ верховьевъ Буга. Отмѣтивъ мѣста нахожденія этихъ орудій на картѣ, докладчикъ указалъ, что они встрѣчаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни аллювіальныхъ, ни дилювіальныхъ отложеній, и гдѣ выступаетъ на поверхность верхній мѣлъ; сарматскія горныя породы, изъ которыхъ сдѣланы топоры, находятся повсюду въ довольно значительномъ разстояніи (нѣсколько десятковъ миль) отъ мѣстъ нахожденія орудій,

но по близости нѣтъ никакихъ твердыхъ камней. Область распространенія этихъ орудій ограничивается верховьями Буга и Стыри.

(Изъ журнала „Wszechswiat", 1895, № 18).

Поправка. Въ іюньской книгѣ Кіевской Старины за текущій годъ въ отдѣлѣ документовъ, извѣстій и замѣтокъ (стр. 107, строка 5 сверху) *напечатано*: «воспоминаній Pro domo sua»; *слѣдуетъ читать*: «воспоминаній, *напечатанныхъ въ книгѣ* Pro domo sua».

БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Провидник по вистави краевій у Львови з особливим оглядом на виддил етнографичний и на павильон руских народних товариств. Львив. 1894 г. 197 и 60 стран.

2. Powszechna wystawa we Lwowie w r. 1894. Katalog illustrowany wystawy sztuki polskiej od roku 1764—1886. We Lwowie. 1894 г. XXIV, 384 и 75 ненум. стран.

Къ намъ такъ нескоро доходятъ не только книги, издающіяся въ Галиціи, но и свѣдѣнія объ нихъ, что нерѣдко приходится радоваться, если какую-нибудь книгу, изданную въ Галиціи, удается увидѣть чрезъ годъ послѣ ея выхода, а большей части книгъ, издающихся тамъ, мы вовсе не можемъ видѣть и ничего о нихъ не знаемъ, почему и нѣтъ возможности своевременно давать отзывы объ этихъ книгахъ. Но, держась правила, что «лучше поздно, чѣмъ никогда, мы предпочитаемъ дать запоздалый отзывъ о книгѣ, если она заслуживаетъ вниманія, чѣмъ вовсе не говорить о ней.

Изъ краткихъ извѣстій, которыя печатались въ русскихъ газетахъ въ прошломъ году, мы знали, что въ Львовѣ была устроена выставка въ большихъ размѣрахъ, но определенныхъ и подробныхъ свѣдѣній о ней не имѣли, потому что ни одного описанія, ни одной обстоятельной корреспонденціи объ этой выставкѣ въ русской печати мы не находили. И только теперь, когда намъ удалось просмотрѣть книги, названія которыхъ мы выписали, мы увидѣли изъ нихъ, какой большой интересъ для насъ представляла эта выставка, хотя упомянутыя книги описываютъ не всю выставку, а лишь нѣкоторыя части ея.

Первая книга—«Провидник по вистави краевий у Львови»—имѣетъ въ виду преимущественно тѣ предметы выставки, которые были выставлены русинами, и прежде, чѣмъ описывать выставку, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о той странѣ и томъ городѣ, гдѣ эта выставка была устроена. Именно книга раздѣляется на слѣдующія части: 1) Галичина, — 2) Провидник по Львови, — 3) Вистава краева,— 4) Катальог вистави дилу етнографічного,—5) Церков и 6) Павильон руских народних товариств.

Первая часть подраздѣляется на двѣ главы: а) Земля и б) Люди. Здѣсь вкратцѣ описывается Галиція и даются свѣдѣнія объ ея народонаселеніи, преимущественно статистическія. Главы эти представляются тѣмъ болѣе умѣстными въ книгѣ, что съ наибольшею подробностью въ ней описывается этнографическій отдѣлъ выставки.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ три главы: 1) З минувшини,— 2) Цикавійши будивли и институции и 3) Інформации для приизжих. Первая глава представляетъ краткій историческій очеркъ г. Львова, вторая глава заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о болѣе интересныхъ мѣстныхъ зданіяхъ и учрежденіяхъ, въ третьей даны необходимыя для пріѣзжихъ свѣдѣнія о желѣзной дорогѣ, гостинницахъ, мѣстахъ развлеченія и т. п. Изъ этихъ главъ читатель между прочимъ можетъ узнать, то въ то время, когда мы, кіевляне, только мечтаемъ о томъ, какъ бы намъ устроить музей, въ Львовѣ, имѣющемъ жителей почти въ два раза меньше, чѣмъ Кіевъ (119.350 человѣкъ по спискамъ 1890 года), существуютъ слѣдующіе музеи, архивы и библіотеки: 1) музей Ставропигійскій.—2) институтъ Оссолинскихъ, заключающій въ себѣ богатую библіотеку съ большою коллекціею рукописей (болѣе трехъ съ половиною тысячъ) и картинную галлерею,— 3) помѣщающійся при томъ же институтѣ Оссолинскихъ музей Любомирскихъ, заключающій въ себѣ кабинеты археологическій, монетный и рисунковый (въ немъ болѣе 25.000 гравюръ и литографій), а кромѣ того три комнаты наполнены разнородными предметами;— 4) музей гр. Дидушицкаго, заключающій въ себѣ коллекціи по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи преимущественно Галиціи, коллекціи по этнографіи польской и русской и библіотеку;—5) городской промышленный музей;—6) музей и библіотека «Народнаго Дома» (этотъ музей еще не вполнѣ устроенъ),—7) университетская библіотека съ находящимся при ней архивомъ,—8) городской архивъ,—9) архивъ намѣстничества,—10) архивъ бернардинскій, — 11) библіотека гр.

Баворовскаго съ 3.000 томовъ рукописей,—12) библіотека Святоонуфріевскаго монастыря съ цѣнными русскими рукописями и проч.

Въ третьей части книги сначала разсказывается о томъ, какъ возникла мысль объ устройствѣ выставки и какъ она устраивалась, но затѣмъ дается краткій путеводитель по выставкѣ. Пропуская промышленные отдѣлы выставки, для изложенія свѣдѣній о которыхъ понадобилось бы слишкомъ много мѣста, остановимъ вниманіе на нѣсколькихъ интересныхъ павильонахъ. Павильонъ города Львова заключалъ въ себѣ все, что городъ дѣлаетъ для просвѣщенія, украшенія улицъ, асенизаціи и проч. Успѣхамъ просвѣщенія посвящены были павильонъ университетовъ львовскаго и краковскаго и политехники львовской и павильонъ намѣстника гр. Бадени, заключавшій въ себѣ выставку училищнаго совѣта (графическія таблицы его дѣятельности, училищная статистика, учебныя руководства, модель школы, планы наукъ, издѣлія ремесленныхъ школъ, модель дѣтскаго сада и т. п.). Въ павильонѣ литературно-журнально-фотографическомъ были собраны изданія краковской академіи наукъ, львовскаго историческаго общества и другіе литературные труды; здѣсь же помѣщались мѣстныя произведенія литографическія, фотографическія и проч. Большая красивая палата посвящена была польскому искусству и раздѣлялась на три части: 1) ретроспективную выставку польскаго искусства, заключавшую въ себѣ произведенія польскаго искусства прошлаго времени, начиная съ 1764 года,—2) выставку современнаго польскаго искусства, которая была устроена въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ никогда нигдѣ поляки еще не устраивали художественныхъ выставокъ: болѣе 400 современныхъ польскихъ художниковъ прислали на эту выставку свои произведенія,—и 3) выставку польскихъ древностей.

Въ четвертой части книги описывается этнографическій отдѣлъ выставки. Устройство этого отдѣла, какъ объясняютъ составители описанія въ предисловіи къ нему, представляло особаго рода трудности вслѣдствіе множества существующихъ въ Галиціи національныхъ оттѣнковъ и разницъ въ населеніи, какъ русинскомъ (гуцулы, верховинцы, бойки, лемки, пидгоряне, долиняне, заболотіи, покутяне, подоляне, полѣсяне, побережане), такъ и польскомъ (краковяки, мазуры, горалы). Исчерпать всѣ формы и показать въ систематическомъ сопоставленіи всѣ оттѣнки этнографическихъ типовъ края—это былъ идеалъ, практическое осуществленіе котораго при данныхъ средствахъ и въ данное короткое время было почти невозможно. Въ

виду этого комитетъ, устраивавшій этнографическій отдѣлъ, поставилъ себѣ болѣе скромную и исполнимую задачу: изъ многочисленныхъ оттѣнковъ въ мѣстныхъ этнографическихъ типахъ выбрать только нѣкоторые, наиболѣе характерные, и представить ихъ какъ можно полнѣе и вѣрнѣе, а изъ другихъ оттѣнковъ брать и показывать по мѣрѣ возможности тѣ части, которыя дополняли бы главный образъ.

Для такого представленія лучшимъ способомъ было признано построить хату и заселить её людьми изъ той мѣстности, гдѣ данный характеристическій оттѣнокъ отчетливѣе проявляется. Такая хата, построенная мѣстными людьми и тѣмъ способомъ, который въ данномъ мѣстѣ практикуется, изъ матеріала, тамъ употребляемаго, окруженная тою обстановкою, какая въ той сторонѣ бываетъ, убранная и украшенная, какъ тамъ обыкновенно водится, снабженная всѣми снарядами и приборами, какіе тамъ въ хатѣ можно найти, заселенная тамошними людьми въ ихъ мѣстныхъ костюмахъ, занятыми тою роботою, какою они у себя занимаются—все это, по мнѣнію устроителей, могло дать наилучшій образъ матеріальнаго этнографическаго типа данной мѣстности. Для дополненія же этой живой картины былъ собранъ богатый матеріалъ въ большомъ этнографическомъ павильонѣ.

Согласно съ этимъ, въ этнографическомъ отдѣлѣ выставки были возведены слѣдующія типичныя постройки: а) сельскій дворъ изъ Полѣсья, б) мазурская хата изъ Нивискъ, в) хата изъ Закононаго, г) сельскій дворъ изъ Подола д) поднѣстрянскій дворъ изъ Катаринецъ, е) гуцульскій дворъ изъ Яворова, ж) вѣтряная мельница Жовковскаго уѣзда и з) шесть придорожныхъ крестовъ изъ разныхъ мѣстъ.

Кромѣ этихъ построекъ, возведенныхъ въ ихъ натуральную величину и обставленныхъ согласно съ вышеизложеннымъ, въ этнографическомъ павильонѣ находились многія модели разныхъ народныхъ построекъ. Въ этомъ же павильонѣ были собраны: а) древнія орудія, утварь и другіе предметы, найденные при археологическихъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галиціи,—б) манекены руссинскихъ типовъ, числомъ 32,—в) коллекція фотографическихъ снимковъ, представляющихъ народные типы, постройки, обычаи. (Напримѣръ освященіе пасокъ и плодовъ, свадебные и похоронные обряды, сѣяніе, дожинки, возка сноповъ и проч.),—г) народные костюмы и бѣлье (насколько великъ былъ этотъ отдѣлъ—видно изъ того, что однихъ

головныхъ уборовъ было собрано 57, и изъ нихъ только два женскихъ головныхъ убора было доставлено изъ Украйны, а остальные принадлежатъ галиційскимъ русинамъ разныхъ мѣстъ),—д) узоры украшеній стѣнныхъ, тканей и проч.,—е) предметы, имѣющіе связь съ обрядами и обычаями (писанки, пасхи, короваи, вѣнки и проч.), ж) разные предметы домашней обстановки (столы, сундуки и проч.), з) упряжь и орудія,—и) народные музыкальные инструменты,—і) разнообразная коллекція разныхъ народныхъ издѣлій,— и к) наконецъ въ этомъ же павильонѣ помѣстилась цѣлая этнографическая библіотека, заключавшая въ себѣ русскія, малорусскія, польскія и чешскія изданія, имѣющія отношеніе къ малороссамъ и полякамъ (здѣсь нашли себѣ мѣсто и разныя статьи, напечатанныя въ «Кіевской Старинѣ»).

Первоначально предполагалось въ этнографическомъ отдѣлѣ выставки помѣстить модель церкви, какъ образчикъ народной архитектуры и стиля въ постройкѣ церквей. Потомъ явилась потребность въ особомъ павильонѣ для предметовъ церковнаго искусства, и этотъ павильонъ рѣшили устроить въ видѣ церкви типичной мѣстной архитектуры. Эта постройка была сооружена гуцулами. Здѣсь были помѣщены предметы мѣстнаго иконописанія и рѣзьбы, церковная утварь и облаченія, старинныя книги и рукописи, имѣющія отношеніе къ богослуженію, и фотографическіе снимки древнѣйшихъ церквей, колоколовъ и иконостасовъ. Описанію этого отдѣла посвящена пятая часть книги.

Наконецъ, въ шестой части описанъ «павильонъ русскихъ товариствъ». Какъ видно изъ описанія, экспонентами въ этомъ павильонѣ явились общества учено-литературныя, музыкальныя, педагогическія, нѣкоторыя учебныя заведенія и общества, имѣющія характеръ клубовъ. Одни выставили полныя коллекціи своихъ изданій, другія—отчеты о своей дѣятельности и разные предметы, относящіеся къ этой дѣятельности.

Составленный очень обстоятельно путеводитель по выставкѣ еще болѣе былъ бы цѣннымъ, еслибъ былъ иллюстрированъ, что въ особенности важно было бы для отдѣла этнографическаго. Но отсутствіе иллюстрацій нельзя ставить въ вину издателямъ, такъ какъ это зависѣло не отъ нихъ, а отъ тѣхъ средствъ, которыми они располагали для изданія.

Вторая книга, заглавіе которой мы выписали, составляетъ подробный каталогъ того отдѣла выставки польскаго искусства, кото-

рый, какъ упомянуто выше, былъ названъ «ретроспективною выставкою польскаго искусства» и который заключалъ въ себѣ произведенія польскаго искусства съ 1764 по 1886 годъ въ количествѣ 1359. Каталогъ этотъ составленъ на столько обстоятельно, что можетъ послужить справочною книжкою для интересующихся исторіею польскаго искусства, и, кромѣ названія художественныхъ произведеній, которыя были выставлены, даетъ свѣдѣнія о размѣрахъ этихъ произведеній и объ ихъ постоянномъ мѣстонахожденіи, краткое указаніе содержанія ихъ и краткія біографическія свѣдѣнія о художникахъ. Къ книгѣ приложено 75 фототипическихъ снимковъ съ произведеній польскихъ художниковъ.

Какъ извѣстно, польскіе художники нерѣдко брали сюжеты для своихъ картинъ изъ малорусскаго быта. Но изъ каталога не видно съ достаточною ясностью, какія именно картины изображаютъ польскій бытъ и какія—малорусскій; приложенные же къ книгѣ снимки воспроизводятъ картины изъ польскаго быта, за исключеніемъ одного рисунка А. Орловскаго, изображающаго двухъ танцующихъ запорожцевъ, и акварели Юлія Коссока: «Переправа черезъ Днѣстръ». Вслѣдствіе этого, не видѣвши самой выставки, а имѣя въ рукахъ лишь каталогъ части ея, ничего нельзя сказать о томъ, какъ велико было число произведеній изъ малорусскаго быта на выставкѣ и какъ именно этотъ бытъ въ нихъ изображался. На основаніи указаній каталога отмѣтимъ только три портрета Мазепы (одинъ работы Норблина и два работы Келесинскаго), крестьянскіе типы, преимущественно изъ Подоліи, Глоговскаго, восемь галиційскихъ типовъ Родаковскаго, Русины Михаловскаго, Фурманъ Луцкій Плонскаго, Гуцулъ Келесинскаго, «Гетманскіе кони» Ю. Конона, «Козакъ коня напувавъ, Дзюба воду брала» Іосифа Брандта и бюстъ г-жи Лубенской— «Украинка».

Обозрѣвая содержаніе Львовской выставки, на сколько это возможно при помощи тѣхъ двухъ книгъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, нужно удивляться тому, что русская печать не только не извлекла изъ этой выставки всей той пользы, какую могла извлечь въ научномъ отношеніи, но вовсе не обратила на нее вниманія, ограничавшись сообщеніями по нѣсколько строкъ о томъ, что въ Львовѣ открылась-молъ большая выставка, и ничего больше о ней не сказавши. А между тѣмъ значительная часть выставки такъ близко касалась насъ. Съ грустью приходится сознаться, что сравнительно съ прежнимъ временемъ когда у насъ явились цѣнные этнографи-

ческіе труды, народоизученіе сдѣлало у насъ шагъ назадъ, а не впередъ, что ослабѣлъ въ обществѣ интересъ къ этому предмету и уменьшилось чисто литературныхъ силъ, работающихъ на этомъ поприщѣ. Дай Богъ, чтобъ въ будущемъ этотъ интересъ снова оживился и чтобъ намъ удалось наверстать то, въ чемъ мы такъ отстали въ послѣднее время.

Н. Ш—въ.

Eu..j Heleniusz. Wspomnienia polskich czasów dawnych i późniejszych. Tt. I—II. (Lwów, 1894). Стр. 461 и 431.

Опубликованная въ прошломъ году серія замѣтокъ Ев. Геленіуша заключаетъ въ себѣ матеріалы самаго разнороднаго характера. Въ первомъ соединены отдѣльные экскурсы, преимущественно относящіеся къ церковной исторіи давней Польши и б. кіевской діецезіи, въ частности къ исторіи различныхъ католическихъ орденовъ и отдѣльныхъ монастырей. Большею частью это сухіе біографическіе перечни, пользованіе которыми затруднено вслѣдствіе полнаго отсутствія какихъ-либо ссылокъ на источники или пособія. Перечень церковно-исторической литературы, сдѣланной авторомъ (I, 27—38), мало помогаетъ дѣлу, и для научной разработки исторіи церкви въ Польшѣ настоящій трудъ, кажется намъ, не принесетъ особенной пользы, да повидимому авторъ вовсе и не задавался этою цѣлью. Помѣщенныя въ первомъ томѣ біографическія замѣтки о дѣятеляхъ свѣтскихъ, какъ напр. кн. Константинъ и Янушъ Острожскіе, Левъ Сапѣга, Юрій Оссолинскій, кн. Радзивилы, Любомирскіе, Потоцкіе, Замойскіе, Пацы, Ржевускіе, Владиславъ Немиричъ и др., трактуютъ вопросъ съ точки зрѣнія отношеній этихъ дѣятелей къ государственной церкви и вообще представляютъ мало интереса по своей сжатости и своеобразной окраскѣ. Такого же характера и біографіи польскихъ женщинъ, остановившихъ своимъ благочестіемъ вниманіе автора. Больше интереса представляютъ опубликованныя г. Геленіушемъ выдержки изъ мемуаровъ и писемъ базиліанъ Іоны Солтановскаго и Иліи Андрушкевича (I, 202—248), относящіяся къ текущему столѣтію и имѣющія отношеніе къ новѣйшей политической исторіи нашего края. Статья «Древняя діецезія кіевская и позднѣйшія церкви на Украинѣ» (I,251—313) почти сплошь состоитъ изъ голаго перечисленія именъ и мѣстностей и по отсутствію указаній

на источники едва-ли можетъ служить для справокъ. Въ концѣ перваго тома напечатаны нелишенныя нѣкотораго интереса выдержки изъ хроники винницкаго капуцинскаго монастыря съ 1745 по 1861 годъ (стр. 322—449). Здѣсь, между прочимъ, находимъ отмѣтки о нападеніяхъ гайдамакъ, о провинціальныхъ сеймикахъ, о передвиженіяхъ русскихъ войскъ, о моровыхъ повѣтріяхъ и т. д. Любопытно напр. описаніе борьбы съ заразой въ Браиловѣ въ августѣ 1770 г. Приглашенный туда изъ Старой Винницы знахарь потребовалъ 12 паробковъ и бѣлаго коня, выкопалъ изъ могилы тѣло умершаго отъ заразы, привязалъ его къ хвосту лошади и въ сопровожденіи 12 паробковъ волочилъ по городу. Зараза усилилась. Знахарь, опасаясь смерти, на томъ же конѣ бѣжалъ въ Винницу, гдѣ роздалъ полученные отъ браиловцевъ подарки своимъ родственникамъ, и зараза распространилась въ Винницѣ. Нѣкоторые капуцины ходили по домамъ для оказанія помощи заболѣвшимъ, о чемъ впослѣдствіи сожалѣли, такъ какъ сами подвергались большой опасности. Населеніе частью скиталось по полямъ и лѣсамъ и здѣсь погибало. Часто не было кому погребать умершихъ, и псы разносили части труповъ. Капуцины заперлись въ церкви съ нѣкоторыми прихожанами и оставались взаперти до февраля 1771 г. Милостыню убогимъ въ видѣ пищи разнаго рода подавали чрезъ дубовую трубу, вдѣланную въ церковной стѣнѣ. Въ Винницѣ погибло отъ заразы 330 чел. (стр. 350). Подъ 1774 г. записано въ хроникѣ о еврейскомъ погромѣ, произведенномъ учениками іезуитской школы подъ предлогомъ употребленія евреями христіанской крови. Буяновъ пришлось усмирять русскими войсками (стр. 355). Далѣе слѣдуютъ замѣтки изъ времени 4-лѣтняго сейма, раздѣла, описывается посѣщеніе генерала Тутолмина и т. д. Подъ 1826 г. занесена любопытная замѣтка о всеобщемъ переполохѣ въ Винницѣ, вслѣдствіе слуховъ о задуманной, будто бы крестьянами поголовной на Пасху рѣзнѣ пановъ, ксендзовъ и евреевъ. Обыватели селъ бѣжали въ города, по цѣлымъ ночамъ никто не спалъ, все было поставлено на военную ногу, подозрительныхъ или неизвѣстныхъ лицъ задерживали. Конечно, слухи оказались вымышленными, и крестьяне боялись больше всего (стр. 423). 4 февраля 1856 г. братъ Даніилъ распустилъ слухъ, что весною православные священники будутъ истреблены турками, французами и англичанами. За это его увезли въ Каменецъ, гдѣ содержали въ Кармелитскомъ монастырѣ, а затѣмъ онъ былъ отданъ подъ строгій надзоръ въ брусиловскій монастырь (стр. 441). Очень жаль, что г. Геленіушъ издалъ только выдержки

изъ хроники, снабдивъ ихъ своими собственными, весьма пространными, но мало интересными разсужденіями.

Нѣсколько разнообразнѣе по содержанію восемь статей, помѣщенныхъ во II томѣ изданія г. Геленіуша. Въ первой статьѣ частью приводится, частью комментируется рѣдкое нынѣ стихотворное произведеніе (1773 г.) кіевскаго р.-к. епископа Іосифа Залускаго, гдѣ описаны обстоятельства ссылки въ Калугу шести польскихъ сенаторовъ въ 1767—1773 гг. Статья вторая даетъ списокъ конфискованныхъ въ 1793—4 и 1832—35 гг. польскихъ имѣній, къ сожалѣнію, безъ указаній на источники, по усвоенному авторомъ обычаю. Въ статьѣ третьей находимъ интересныя выдержки изъ замѣтокъ члена р.-к. коллегіи въ С.-Петербургѣ, прелата Якобѣльскаго, съ 1839 по 1856 гг. и нѣкоторыя біографическія подробности о р.-к. архіепископѣ Головинскомъ. Въ четвертой статьѣ сведены нѣкоторыя данныя о ссыльныхъ 1848 г. Пятая глава посвящена біографическимъ подробностямъ изъ жизни польской шляхты на Украинѣ, преимущественно въ текущемъ столѣтіи. Съ нѣкоторыми выдержками изъ этой не лишенной интереса статьи, касающимися Кіева, мы надѣемся ознакомить читателя подробнѣе въ «Кіев. Старинѣ». Весьма любопытны также помѣщенныя въ слѣдующей статьѣ выдержки изъ дневника Ильи Осташевскаго (съ 1809 по 1861 г.), частью касающіяся и Кіева (стр. 224—379). Наконецъ, двѣ послѣднія статьи даютъ біографическія подробности о Садыкъ-пашѣ (Мих. Чайковскомъ) и эмирѣ Вацлавѣ Ржевускомъ.

По всей конструкціи своей и направленію идей кн. г. Геленіуша отзывается сѣдой стариной и едва-ли можетъ встрѣтить сочувственный откликъ даже въ наиболѣе расположенныхъ къ автору читателяхъ. Новое время приноситъ и новыя задачи, которыхъ невозможно достигать вращаясь въ старомъ и, такъ сказать, порочномъ кругѣ идей и вѣрованій. Тѣмъ не менѣе должно отмѣтить, что въ названной книгѣ найдется нѣсколько живыхъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія историковъ новѣйшаго времени, и если изданіе г. Геленіуша сохранило ихъ отъ забвенія, то въ этомъ его заслуга передъ наукой. Должно пожалѣть, что авторъ почти исключительно посвящаетъ свое вниманіе отдѣльнымъ лицамъ изъ среды польской шляхты и не останавливается на судьбахъ мѣстнаго общества во всей его совокупности. Отъ этого рисуемыя имъ детальныя картинки теряютъ серьезное значеніе, нарушается историческая перспектива и получается такое впечатлѣніе, какъ будто имѣешь дѣло съ Silva

rerum или новѣйшимъ сборникомъ достопримѣчательныхъ анекдотовъ. Интересные сами по себѣ, это все же только анекдоты, но не правдивая и безпристрастная исторія.

Н. М.

А. Н. Пыпинъ: Матеріалы для біографія А. А. Котляревскаго. Спб. 1894. CL стр.

Книга представляетъ собою, дѣйствительно, не болѣе, какъ «матеріалы» для жизнеописанія покойнаго славяновѣда, и настоящая біографія его появится, вѣроятно, еще нескоро. Какъ собраніе «матеріаловъ», книга г. Пыпина представляется намъ достаточно полною, хотя и не безъ пропусковъ[1]); изложеніе въ общемъ довольно живое и интересное, хотя и страдающее иногда нѣкоторою отрывочностью, что, впрочемъ, можетъ быть объяснено самымъ свойствомъ работы—сведеніемъ разрозненныхъ и иногда случайныхъ біографическихъ данныхъ въ одно цѣлое... Къ книгѣ приложенъ очень хорошій портретъ, вполнѣ передающій характерныя дорогія черты незабвеннаго славяновѣда. Кіевскому времени жизни Котляревскаго составитель книги посвятилъ всего 12 страницъ ея (124—136) «Такова скудость данныхъ!» скажетъ иной читатель. Нѣтъ, данныхъ, собственно говоря, много, но, вѣроятно, они почему либо не дошли до составителя біографіи. Въ самомъ дѣлѣ, о нѣкоторыхъ сторонахъ дѣятельности Котляревскаго въ Кіевѣ можно было сказать очень много; такова, напримѣръ, дѣятельность его въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, въ славянскомъ обществѣ, предсѣдателемъ котораго онъ былъ въ особенно трудную пору сербо-турецкой войны; свойства этой дѣятельности покойнаго слависта были таковы, что вполнѣ заслуживали бы основательнаго изложенія и правильнаго освѣщенія. Правда, метеріалы, относящіеся къ этой сторонѣ вопроса, туго появляются въ свѣтъ; но кое что выходитъ и, вѣроятно, будетъ постепенно появляться въ свѣтъ; такъ, въ 1894 году появилась историческая записка о 25-лѣтіи кіевскаго славянскаго общества, въ ко-

[1]) Для читателей „Кіевской Старины“ можно, наприм., отмѣтить пропускъ замѣтки объ А. А. Котляревскомъ, помѣщенной въ этомъ изданіи за 1892 годъ (Кн. III стр. 478—482). Какъ бы ни незначительна была эта замѣтка въ сборникѣ жизнеописательныхъ „матеріаловъ“, она могла бы найти мѣсто хотя бы только въ общемъ спискѣ матеріаловъ (I—III стр.).

торой есть нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности А. А. Котляревскаго, какъ председателя этого общества; но этой книжкой г. Пыпинъ уже не успѣлъ, видимо, воспользоваться.

Передавать богатаго содержанія книжки г. Пыпина мы не будемъ: нашей цѣлью было только отмѣтить ея появленіе и привлечь къ ней вниманіе тѣхъ изъ читателей «Кіев. Старины», коимъ дорога личность и память покойнаго А. А. Котляревскаго.

И. Степовичъ.

Обзоръ табаководства въ Россіи. Выпускъ II—III. Малороссія и Туркестанскій край. В. С. Щербачева. Изданіе Департамента Земледѣлія. Спб. 1894 г.

Какъ вообще оффиціальныя изданія, монографія г. Щербачева не предназначена для продажи. Весьма интересный трудъ автора заключаетъ, между прочимъ, историческій очеркъ развитія табаководства въ Малороссіи и изслѣдованіе о восточномъ происхожденіи табака. Историческій очеркъ начинается замѣчаніемъ автора, что «табаководство въ Малороссіи ведется издавна, и начало его слѣдуетъ отнести во всякомъ случаѣ не позднѣе XVI столѣтія». Указаніе на это, говорится далѣе, существуетъ въ козачьей пѣснѣ временъ гетмана Петра Кононовича (Конашевича?) Сагайдачнаго, который, по ея словамъ, идя войною на турокъ «проминявъ жинку на тютюнъ и (та?) люльку, необачный!» Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ уже не возвращается къ этому случайно брошенному «историческому факту», а между тѣмъ въ той же пѣснѣ, нѣсколько далѣе, имѣется какъ бы объясненіе побудительныхъ причинъ или условій козачьяго быта и военныхъ походовъ. Среди тревогъ и случайностей войны и походной жизни, не приходилось козаку «зъ жинкою возытьця, а тютюнъ та люлька козаку въ дорози знадобытца». Это служило своего рода удовольствіемъ и если не отрадой, то развлеченіемъ. Въ параллель съ этимъ, въ другой пѣснѣ—блуждающій въ лѣсныхъ трущобахъ взываетъ: «гей, хто въ лиси обизвыся! та выкрешемъ огню, та покуримъ люльки, не журися». Болѣе обстоятельны изысканія автора о восточномъ происхожденіи табака. «Самое слово тютюнъ», по выраженію автора, указываетъ на то, что къ малороссіянамъ табакъ перешелъ съ востока, изъ мусульманскихъ странъ, а не съ запада, такъ какъ тютюномъ называютъ табакъ татары, турки

и персы. Это предположеніе авторъ подкрѣпляетъ еще и тѣмъ, что кромѣ тютюна (нынѣшняя махорка) въ Малороссію проникъ и другой сортъ табака, «бакунъ», котораго корень bak или bach, общій съ bach въ бахчѣ (огородъ, садъ), чисто татарскаго или тюркскаго происхожденія. Мы встрѣчаемъ, продолжаетъ авторъ, эти названія для табаковъ и въ нѣкогда бывшихъ областяхъ турецкой имперіи: Румыніи, Бессарабіи (баконъ, махорка), Сербіи (тутунъ, тутумъ), Имеретіи, Гуріи (тутуни), а также въ Венгріи и Галиціи (бакунъ, тютюнъ) въ Польшѣ (Tytun, Tuton, Bakon). (стр. 1). Какъ видно далѣе, приведенную цитату авторъ считаетъ весьма цѣнною, и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что онъ «лингвистическимъ образомъ доказывалъ, что бакунъ пришелъ въ Малороссію съ мусульманскаго востока; такое толкованіе (догадывается авторъ) могло быть признано гадательнымъ или даже сомнительнымъ, но къ счастію для автора, имѣются данныя для болѣе твердаго основанія, подтверждающія правильность его толкованія. Въ сочиненіи нѣмецкаго ученаго и Эрфуртскаго профессора Готгарда, при перечисленіи табаковъ, воздѣлываемыхъ въ Турціи (Салоникахъ, Болгаріи), въ числѣ другихъ (іенидскій, кирмалу, кирджали, кицильдели, узунъ-табакъ, румели-тютюнъ, дщи-тютюнъ, аби-тютюнъ, докша-тютюнъ), упоминается и о сортѣ «Марія-бахе», о которомъ говорится: «Марія-бахе» такъ называется на Черномъ морѣ табакъ, извѣстный въ Россіи подъ именемъ «*козацкаго тютюна,* который дѣйствительно самымъ лучшимъ сортомъ почесть можно». Эта выписка, по мнѣнію автора, ясно доказываетъ происхожденіе нашего *бакуна* (*бахунъ*) отъ турецкаго табака, распространеннаго въ давнія времена по Черному морю и носящаго названіе Марія-бахе, что можетъ значить садъ Маріи. Этотъ сортъ перешелъ въ Малороссію, сохранивъ только коренное слово *бахъ*, для своего обозначенія «*бахинъ, бакунъ*». (стр. 80).

Опровергая распространенное мнѣніе о голландскомъ происхожденіи махорки и о порчѣ слова, авторъ высказываетъ мнѣніе, что махорка «обозначаетъ тотъ же самый тютюнъ (по-персидски дымъ или табакъ) и имѣетъ корень чисто персидскаго происхожденія: персидское слово «*bouhour*», что значитъ благовонное куреніе, фиміамъ, было передѣлано въ «mahour» (махорка), при чемъ персидская буква *б* перешла въ русское *м*, какъ это бываетъ въ другихъ словахъ и обратно—наприм. *махрома-бахрома*, *мусульманъ-басурманъ*. Кромѣ того, голландскій (амерсфордскій) табакъ—американскаго происхожденія и имѣетъ красные или розовые цвѣты, между тѣмъ какъ махорка или

тютюнъ желтые» (стр. 2). Предоставляя спеціалистамъ филологамъ и лингвистамъ судить объ основательности лингвистическихъ соображеній автора, слѣдуетъ обратить вниманіе, что, по словамъ автора, табаки виргинскіе, мариландскіе и голандскіе, изъ нихъ происшедшіе, имѣютъ цвѣты розовые или красные, а потому никоимъ образомъ не могло даже по ошибкѣ быть придано голландское названіе—амерсфордъ улучшенной породѣ простого табака (тютюнъ). Когда собственно и изъ какихъ мѣстъ появилось слово «махорка», отождествившее слово тютюнъ какъ наименованіе простого народнаго табака, въ литературѣ, говоритъ авторъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; одно только можно сказать, что это слово получило общераспространенное значеніе въ нашемъ вѣкѣ, а въ литературѣ стали его употреблять, какъ названіе лучшаго малороссійскаго простого табака, якобы происшедшаго изъ сѣмянъ, вывезенныхъ изъ Амерсфорда (Голландія) и якобы выродившихся на почвѣ Малороссіи. Такое мнѣніе появилось въ печати въ 1852 г., затѣмъ повторилось въ статьѣ Базинера въ 1855 г. и въ концѣ концовъ принято было за безспорно правильное нѣкоторыми дальнѣйшими изслѣдованіями. Между тѣмъ голландскіе сорта табака введены въ малороссійскую культуру вмѣстѣ съ виргинскими и мариландскими, заботами императрицы Екатерины II. Раньше того, при Петрѣ Великомъ заведена табачная плантація 500 дес. около Ахтырки, но разводимые табаки были американскихъ сортовъ и обрабатывались на ахтырской казенной фабрикѣ по голландскому способу. (Эта плантація и табачный заводъ были переданы въ содержаніе ахтырскому полку 17 апрѣля 1733 г.) (стр. 81—82).

Вывозъ табака изъ Малороссіи въ Московію сдѣлался столь значительнымъ, что вызвалъ строжайшія запрещенія въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1661, 1663, 1669 и 1683 г. Но уже въ 1697 г. Петръ Великій разрѣшилъ привозъ табаку со взятіемъ въ казну пошлинъ, съ черкасскаго листового свитка табака съ фунта по 10 денегъ, т. е. съ пуда 2 руб., а вслѣдъ за тѣмъ въ 1698 г. Мазепа установилъ въ Гетманщинѣ акцизъ на *тютюнные шинки*. Табачная десятина собиралась съ козаковъ и посполитыхъ на гетмана и войсковую старшину, но въ 1723 г. обращена въ казну государеву, и кромѣ того, къ такой подати привлечены привиллегированныя лица, какъ старшины, войсковые товарищи, монастырскіе и церковные владѣльцы, до того времени не вносившіе табачной десятины. По сенатскому указу 1724 г. взято пошлины по 60 коп. съ пуда табака, и количество урожая исчислено въ полкахъ:

Лубенскомъ. . .	23616 п. 10 ф.
Гадячскомъ. . .	6635 — 30 —
Прилуцкомъ . .	2426 — 10 —
Полтавскомъ . .	554 — 20 —
Миргородскомъ .	1116 — 10 —
Нѣжинскомъ . .	3535 — —
Итого. .	37884 —

Съ возстановленіемъ гетманства, табачная десятина отошла «до скарбу войскового» и взымалась съ пуда по 6 коп., а съ сотни листьевъ по 2 коп., за табакъ же, вывозимый въ Великороссію, съ пуда 20 к., а въ Сибирь и въ Астрахань вдвое. Сборъ съ табачной десятины продолжался до 1761 г. Табакъ Малороссіи шелъ въ Литву, Польшу, Сибирь, Астрахань, Персію, а также составлялъ предметъ заграничнаго вывоза въ запад. европу (стр. 3). До Петра Великаго, въ Малороссіи воздѣлывались сорта простые: тютюнъ (махорка) и бакунъ, и только съ начала XVIII в. введены въ культуру американскіе сорта: мариландъ, виргинія, амерсфордъ. По порученію императрицы Екатерины II, извѣстнымъ Тепловымъ была составлена инструкція для разведенія иностранныхъ табаковъ и устроена малороссійская контора въ г. Ромнѣ, а въ каждомъ полку были назначены плантаторы, на обязанности которыхъ лежалъ учетъ плантацій и обученіе плантаторовъ собиранію и сохраненію табака. Сѣмена раздавались изъ конторы даромъ, и торговля табакомъ была свободна отъ всякихъ пошлинъ. По словамъ автора, въ настоящее время въ Малороссіи, кромѣ тютюна и бакуна, выдѣлываются американскіе сорта преимущественно въ Черниговщинѣ, въ уѣздахъ мглинскомъ, суражскомъ, стародубскомъ, новгородсѣверскомъ, черниговскомъ и въ очень незначительномъ количествѣ въ другихъ уѣздахъ. Въ Полтавщинѣ культура американскихъ табаковъ получила развитіе главнымъ образомъ подъ г. Ромномъ, въ м. Житномъ и сосѣднихъ поселкахъ, гдѣ ежегодное производство доходило въ началѣ нынѣшняго столѣтія до 10 т. пуд. Въ половинѣ 50-хъ г. американскіе табаки воздѣлывались и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Полтавщины. Однако по отчету г. Базинера въ началѣ 40-хъ г. воздѣлывалось американскихъ табаковъ въ Малороссіи до 10 т. пуд. (столько, какъ прежде въ окрестностяхъ одного Ромна). За послѣднее время, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, ежегодный урожай высшихъ сортовъ табака въ полтав. и черниг. губ. опредѣляется приблизительно отъ 80—100 т. пуд. (стр. 5). Махорка распространена по всѣмъ уѣздамъ

чернигов. и полтав. губ., но преимущественно въ уѣз. прилукскомъ, ромен., лохвиц., пирятин., лубен. и переясл., а въ чернигов. губ. въ уѣзд. нѣжин., конотоп., борзен., козелец. и городниц. Въ чернигов. губ. изъ общей площади табачныхъ плантацій занято махоркой $65,_{46}$%, бакуномъ $30,_{26}$%, остальные $3,_{98}$% приходятся на высшіе сорта. Въ полтав. же губ. производится исключительно махорка, и только совсѣмъ незначительное количество американскихъ и турецкихъ сортовъ.

Площадь плантацій въ губ. полтав. чернигов.

	полтав.	чернигов.
помѣщичьихъ	$47,_3$%	$27,_7$%
крестьянскихъ	$46,_3$	$68,_0$
еврейскихъ	$5,_7$	$3,_7$
пришл. насел.	$0,_7$	$0,_6$
	100	100.

Съ прошлаго столѣтія вплоть до 1878 г. табакъ махорка (Nicotiana rustica) не облагался никакимъ налогомъ и имѣлъ свободное обращеніе въ листахъ (въ формѣ папушъ). Онъ служилъ предметомъ исключительнаго потребленія въ низшихъ классахъ народа и вывозился въ чужіе края и на дальній востокъ, напр. въ Сибирь, достигая въ концѣ прошлаго столѣтія до Алеутскихъ острововъ. Вѣковая свободная культура и торговля были причиной быстраго развитія махорочнаго производства въ Малороссіи. Такъ, съ 37884 пуд. въ 1727 г. (примѣрно 400—500 дес. плантацій) культура въ Малороссіи дошла въ 1860-хъ до 1½ мил. пуд., составлявшихъ урожай съ 20 слишкомъ тыс. дес. плантацій. Табаководство растетъ неуклонно до 1875 г., когда насчитывалось плантацій до 28723 дес. Во время турецкой войны и тревожныхъ слуховъ о введеніи табачной монополіи, установленія въ 1877 г. акциза на фабрикованную махорку 80 к. съ пуда, табаководство стало падать (стр. 87—90). Далѣе авторъ приводитъ многочисленныя данныя о позднѣйшемъ состояніи табаководства и упадкѣ промышленности сельскохозяйственной вслѣдствіе развитія крупныхъ махорочныхъ фабрикъ, ставшихъ въ монопольное положеніе на табачномъ рынкѣ. Изслѣдованіе автора снабжено многочисленными рисунками въ текстѣ и приложеніяхъ, двумя діаграммами и картограммой. Все это исполнено весьма отетливо и изящно, хотя таблица XI, діаграмма площади табачныхъ плантацій, исполненная тушью, слишкомъ пестритъ въ мѣстахъ пересѣченія линій, какъ равно и на картограммѣ штриховка черезчуръ мелка и

иногда трудно различается. Вообще же изслѣдованіе въ высшей степени интересно и отличается множествомъ статистико-экономическихъ данныхъ.

В. Василенко.

Дмитріевъ Ѳеод., Исторія Брянска. Орелъ. 1894 г.

Открытіе во многихъ мѣстахъ губернскихъ ученыхъ коммиссій, несомнѣнно, принесло уже много и, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, будетъ приносить пользы разработкѣ русской исторіи. Если отъ нихъ не всегда можно ожидать изслѣдованій, которыя бы способствовали разъясненію темныхъ вопросовъ нашего прошлаго, за то дѣятельность издательская—обнародованіе цѣнныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ документовъ,—имъ вполнѣ доступна. Конечно, и тутъ могутъ быть неудачи: могутъ рядомъ съ цѣннымъ матеріаломъ появиться и неимѣющіе никакого значенія документы,—все это, понятно, зависитъ отъ состава той или иной коммиссіи, отъ бо́льшей или меньшей научной подготовки лицъ, ее составляющихъ, но все-таки и за одинъ цѣнный актъ можно быть благодарнымъ, а нужно сказать, что, благодаря именно ученымъ коммиссіямъ, русская наука обогатилась уже многими интересными документами. Въ частности, есть заслуги въ этомъ отношеніи и у орловской ученой коммиссіи. Вообще г. Орелъ, судя по выходившимъ и выходящимъ тамъ изданіямъ, является довольно оживленнымъ умственнымъ центромъ. Историческіе матеріалы, замѣтки и сообщенія историкъ можетъ найти не только въ Трудахъ ученой коммиссіи этого города, но въ Орловскомъ Вѣстникѣ. Такимъ образомъ, интересъ къ исторіи, археологіи, этнографіи всегда существовалъ у жителей Орла. Выразителемъ этого научнаго интереса орловской интеллигенціи къ прошлому родного края является и трудъ, интересующій насъ въ настоящее время. Распадается онъ на девять главъ: 1) древнѣйшая исторія Брянска, 2) Брянскъ—самостоятельное княжество, 3) литовское владычество, 4) московское владычество, 5) Брянскъ въ Смутное время, 6) судьба Брянска послѣ Смутнаго времени, 7) внутреннее состояніе Брянска, 8) Брянская смута, 9) бунтъ въ Брянскѣ. Такимъ образомъ, исторія города доведена до начала второй половины XVIII ст. Говоря вообще, нельзя не привѣтствовать радушно всякую попытку къ распространенію среди общества историческихъ свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ родной мѣстности, и надо

сказать, что разбираемая нами «Исторія Брянска» можетъ до нѣкоторой степени удовлетворить этой цѣли, но, конечно, научнаго значенія такой трудъ, къ сожалѣнію, имѣть не можетъ. Авторъ обнаруживаетъ полную неопытность въ научномъ изложеніи и подчасъ употребляетъ или ошибочныя или неумѣстныя въ научномъ трудѣ выраженія. Укажемъ, напр., на стр. 6-ю, гдѣ между прочимъ сказано: «Послѣ воцаренія Святослава Ольговича въ землѣ вятичей»... За такой lapsus linguae ставится единица ученику третьяго класса, который долженъ знать, что до 1547 года царей на Руси не было, и что первый принялъ этотъ титулъ Иванъ IV. Наивностью отличается и тирада на стр. 25...... «въ 1508 году Сигизмундъ имѣлъ дерзость взять отъ хана ярлыкъ на владѣніе городами—Брянскомъ, Карачевомъ, Стародубомъ».... Не можемъ понять, въ чемъ тутъ заключается дерзость и противъ кого. Въ такомъ случаѣ всякую дипломатическую войну слѣдуетъ называть дерзостью одного государя противъ другого. Въ силу недостаточно-критическаго отношенія къ имѣющемуся подъ руками матеріалу и того обстоятельства, что авторъ не стоитъ на уровнѣ развитія современной исторической науки, мы находимъ въ его книгѣ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ промаховъ.

Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. По мнѣнію г. Дмитріева область Вятичей была присоединена къ Сѣверскому княжеству, а между тѣмъ, какъ явствуетъ изъ извѣстій Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей, Вятичи всегда были связаны съ удѣломъ черниговскимъ, а не сѣверскимъ, до самаго прекращенія династіи Давидовичей. Вмѣсто народа Голяди, у автора является никогда не существовавшій городъ Голеди. Городъ Неринскъ названъ Нерильскомъ. Откуда-то появляется городъ Доробинескъ! Вмѣсто города Дрогичина г. Дмитріевъ указываетъ на какой-то Дрогичъ. Гетманъ Рожинскій обратился въ Ружинскаго. Все это произошло оттого, что авторъ не дѣлаетъ никакого различія между первоисточниками и пособіями. Онъ одинаково цѣнитъ и ставитъ рядомъ Исторію Россіи Щербатова, Записки касательно россійской исторіи Екатерины II, Карамзина, Погодина, Соловьева, Лѣтописи—Никоновскую, Воскресенскую и т. д., никакъ не подозрѣвая, что и Щербатовъ, и Екатерина II, и Карамзинъ, и Погодинъ, и Соловьевъ должны провѣряться извѣстіями лѣтописей. Если мы просмотримъ всѣ ссылки автора, то оказывается, что онъ пользовался шестью—семью первоисточниками: Никоновской лѣтописью, Воскресенской лѣтописью, Лѣтописцемъ русскимъ, Царственнымъ лѣтописцемъ, Лѣтописцемъ, содержащимъ русскую исторію, Лѣ-

тописью о многихъ мятежахъ и документами, напечатанными въ Трудахъ орловской ученой коммиссіи. Семь первоисточниковъ—количество весьма и весьма незначительное для сочиненія, охватывающаго исторію города съ древнѣйшихъ временъ и до начала второй половины XVIII столѣтія. Не могъ-ли авторъ воспользоваться или не зналъ о существованіи такихъ основныхъ первоисточниковъ для древнѣйшей русской исторіи, какъ лѣтописи Ипатьевская и Лаврентьевская,—мы не знаемъ. Точно также удивляетъ полнѣйшее игнорированіе Актовъ историческихъ, Дополненій къ Актамъ историческимъ, Актовъ археологической экспедиціи, Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ и т. д., и т. д. Массу матеріала для географіи брянскаго удѣла извлекъ-бы г. Дмитріевъ изъ дипломатическихъ актовъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. XXXV. Это нежеланіе пользоваться столь важными первоисточниками приводитъ автора къ неправильнымъ выводамъ, путаницѣ и невѣрному изложенію историческихъ фактовъ. Такъ напр., г. Дмитріевъ спуталъ двухъ Романовъ: Романа Глѣбовича, изъ рода князей смоленскихъ, съ Романомъ Михайловичемъ, изъ рода князей черниговскихъ, сыномъ Михаила Всеволодовича. А все произошло оттого, что авторъ не проштудировалъ Лаврентьевской лѣтописи, которая не допустила-бы его до подобнаго искаженія фактовъ: ему стоило только прочесть ее подъ 1300 и 1286 годомъ, Въ силу незнакомства г. Дмитріева съ лѣтописями русско-литовскими и польскими, дѣло Глинскихъ передано въ искаженномъ видѣ.

Можно, конечно, допустить, что автору по какимъ-либо обстоятельствамъ не были доступны многіе изъ вышеприведенныхъ первоисточниковъ: многіе изъ нихъ въ настоящее время являются уже библіографическою рѣдкостью, но поражаетъ еще сильнѣе полное незнакомство г. Дмитріева съ русской исторической литературой. Какъ можно писать исторію города Брянска, не ознакомившись съ трудомъ Багалѣя: Исторія Сѣверской земли? Возможно-ли трактовать о положеніи Брянска въ литовскій періодъ, не имѣя въ рукахъ сочиненія Антоновича: «Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго»? Авторъ, говоря о смутномъ времени, не позаботился ознакомиться съ литературой, къ нему относящейся. Отъ этого и получается повтореніе сказки о завоеваніи Гедыминомъ Кіева и битвѣ на р. Ирпени въ 1321 году и продолжается толченіе старой нелѣпости о тождествѣ Лже-Дмитрія I съ Гришкой Отрепьевымъ. При чтеніи труда г. Дмитріева невольно возникаетъ вопросъ: неужели

авторъ не могъ воспользоваться всѣми необходимыми первоисточниками въ библіотекѣ ученой коммиссіи? Или и въ ея библіотекѣ нѣтъ всѣхъ изданныхъ въ Россіи первоисточниковъ и подбора исторической литературы? Мы искренно желаемъ думать, что и воспользоваться г. Дмитріевъ могъ, и въ библіотекѣ ученой коммиссіи все есть, а то было-бы уже очень прискорбно.

П. Голубовскій.

Отчетъ Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1894 г. Одесса 1895. Стр. 80.

Въ отчетномъ году въ одесскомъ историческомъ Обществѣ числилось почетныхъ членовъ 18, дѣйствительныхъ 123, сотрудниковъ и корреспондентовъ 34, а всего 175 членовъ различныхъ наименованій. Въ теченіе года оно имѣло 8 очередныхъ засѣданій, въ которыхъ были доложены статьи, матеріалы и замѣтки историческаго и археологическаго содержанія. Общество слѣдуетъ обычаю, заслуживающему подражанія, печатать протоколы каждаго засѣданія въ отдѣльности, въ нихъ находятъ себѣ мѣсто описанія древностей и мелкія сообщенія. Состоящій при обществѣ издательскій комитетъ выпустилъ въ свѣтъ въ августѣ прошлаго года XVII томъ «Записокъ» и въ теченіе года занимался приготовленіемъ къ печати слѣдующаго XVIII тома. Дѣятельность общества по части археологическихъ раскопокъ до сихъ поръ проявлялась слабо, хотя въ послѣднее время оно получило для этого возможность въ видѣ усиленія казенной субсидіи. Въ отчетномъ году эта дѣятельность выразилась въ наблюденіи депутата общества А. А. Кочубинскаго надъ двумя кладоискательскими раскопками, одна изъ коихъ, къ тому же, не состоялась; по правдѣ сказать, мы не понимаемъ цѣли подобнаго наблюденія, если самое мѣсто раскопки, по историческимъ или археологическимъ указаніямъ, не представляетъ какого-либо интереса, а такъ именно было въ обоихъ данныхъ случаяхъ. По части экскурсій слѣдуетъ отмѣтить поѣздку избранной обществомъ коммиссіи для осмотра подвѣдомственныхъ ему ѳеодосійскаго музея, Мелекъ-Чесменскаго кургана въ Керчи и судакской крѣпости и для выработки соображеній о ремонтѣ послѣдней. Самый ремонтъ былъ произведенъ лѣтомъ прошлаго года подъ руководствомъ и на средства почетнаго члена Бертье-Делагарда и обошелся около 1000 р. На нужды Ме-

лекъ-Чесменскаго кургана и ѳеодосійскаго музея ассигнована постоянная сумма, сначала по 50, а потомъ по 100 р. въ годъ. Вопросъ о раскопкахъ въ древней Ольвіи (с. Паружино, одесскаго у.), возбужденный еще въ прошломъ году, находится и доселѣ на точкѣ замерзанія, къ великому стыду для науки, благодаря необъяснимому упорству владѣльцевъ имѣнья, которые отказываютъ въ разрѣшеніи на раскопки археологическимъ учрежденіямъ, хотя ничего не могутъ подѣлать съ грабительскимъ расхищеніемъ древностей. Виленскій археологическій съѣздъ постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи для одесскаго общества; но при выполненіи этого постановленія явилась новая комбинація, а именно—московское археологическое общество предложило одесскому ходатайствовать передъ правительствомъ, совмѣстно съ нимъ и съ Россійскимъ историческимъ музеемъ, «объ отпускѣ необходимой суммы для цѣлесообразныхъ систематическихъ раскопокъ въ Ольвіи (Паружино) въ одинъ, назначенный владѣлицей этого поселенія, срокъ, а при несогласіи на то послѣдней, ходатайствовать и о правѣ производить раскопки», на что одесское общество отвѣчало, что оно готово принять участіе и денежными средствами, и наблюденіемъ за ходомъ работъ. По нашему мнѣнію, вопросъ здѣсь вовсе не въ деньгахъ. Денежныя средства дастъ не одно только одесское общество; извѣстно, что и Археологическая коммисія безуспѣшно хлопотала о разрѣшеніи, а она то ужъ, конечно, не поскупилась бы на ассигновку. Въ виду этого намъ кажется болѣе чѣмъ страннымъ такъ форсировать раскопку, какъ предполагаетъ Московское общество, и мы никакъ не можемъ признать «цѣлесообразною» и «систематическою» раскопку столь важнаго и обширнаго пункта, какова Ольвія, въ «одинъ, назначенный владѣлицей срокъ».

Въ распоряженіи Общества находится три преміи, предназначающіяся для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи. Первая изъ нихъ, имени основателя общества, Д. М. Княжевича, состояла изъ процентовъ съ двухъ билетовъ третьяго восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4-процентной государственной ренты, по тысячѣ рублей каждый, накопляющихся въ теченіе каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г., и присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіе каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи; за первое пятилѣтіе премія присуждена не была. Вторая премія одесской городской думы, въ 500 р., за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края, выдается съ

тѣмъ условіемъ, что сочиненіе должно быть рукописное и при удостоеніи печатается на счетъ города; срокъ выдачи преміи не опредѣленъ и конкурсъ на нее открытъ въ теченіе всего года. Третья премія учреждена на средства почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда въ размѣрѣ 600 р. въ годъ за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на любомъ изъ европейскихъ языковъ; сочиненіе представляется къ 1 января; въ отчетномъ году были предложены на соисканіе преміи слѣдующія двѣ темы: 1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно какъ по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана и 2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII — X вѣкахъ.

Общество владѣетъ обширнымъ музеемъ. Въ отчетномъ году его посѣтило 1543 чел. Въ ряду пожертвованій музея уже не первый годъ стоятъ на первомъ планѣ и по количеству, и по научной цѣнности вещей, пожертвованія А. Л. Бертье-Делагарда. Въ отчетномъ году имъ пожертвованы, между прочимъ: надгробный камень, со слѣдами латинской надписи, изъ Очакова, большое количество предметовъ изъ Ольвіи, какъ-то терракотъ, сосудовъ, амфорныхъ ручекъ съ клеймами, костяныя шашки съ украшеніями и номерами греческими и римскими, костяное веретено и др.; наконецъ, большое собраніе монетъ, въ составъ котораго входитъ весьма интересная и цѣнная коллекція русскихъ монетъ, а также греческія, между которыми есть рѣдкія и весьма рѣдкія. Пожертвованія поступали также и отъ другихъ членовъ общества. Кромѣ того, общество нашло возможнымъ выписать отъ бр. Эггеръ изъ Вѣны недостающія въ коллекціи его древнія греческія монеты и купить у одесскаго продавца древностей разныя вещи, какъ-то древне-греческіе сосуды, украшенія и пр.

Изъ помѣщеннаго при отчетѣ извѣстія о подвѣдомственномъ Обществу ѳеодосійскомъ музеѣ узнаемъ, что въ отчетномъ году въ этотъ музей поступили нѣкоторые интересные предметы, а именно: плита съ гербами и надписью въ 7 строкъ, въ которой говорится объ окончаніи ремонта башни и городскихъ стѣнъ въ 1396 году при консулѣ Эліанѣ Чентуріони, два обломка генуэзской плиты съ гербомъ и частью надписи и пр. Музеемъ, помѣщающимся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ въ Керчи, пріобрѣтено нѣсколько греческихъ вазъ,

между которыми есть фигурныя, известковая надгробная плита съ греческой надписью и пр.

На заглавной страницѣ отчета, по обычаю, издавна заведенному обществомъ, изданъ неизвѣстный доселѣ бронзовый медальонъ гор. Трапезунта, императора М. Аврелія Антонина (Каракаллы).

В. Я.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ). Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ. А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ. В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевъева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ L.

АВГУСТЪ

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

МНИМАЯ ТИПОГРАФІЯ ПОЧАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ

(съ к. XVI до 1-й четв. XVIII в.).

При пересмотрѣ литературы о Почаевской типографіи, встрѣчаешься съ самыми неожиданными и противорѣчивыми мнѣніями. Одни относятъ ея основаніе къ 1597 г., другіе къ 1618-му, нѣкоторые къ 1730-му. Приводятся указанія на книги, изданныя въ промежутокъ 1618—1720-хъ годовъ. Рядомъ съ мнѣніемъ объ основаніи Почаевской типографіи въ 1730 или 1732 г. существуетъ и другое—о прекращеніи дѣятельности ея около этого времени и возобновленіи въ 1784 г. Говорятъ потомъ о новомъ перерывѣ въ дѣятельности типографіи до 1800 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ библіографы называютъ рядъ книгъ, изданныхъ въ 1730—84, 1784—1800 годахъ.—Кто же правъ? Откуда взялось такое противорѣчіе? Когда и кѣмъ основана монастырская почаевская типографія? Когда прерывалась ея дѣятельность? Что именно дѣйствительно въ ней издано и какія показанія ошибочны?

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы намѣрены отвѣтить лишь на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

1. Дать критическій обзоръ литературы предмета и

2. Доказать, что почаевской монастырской типографіи въ 1597—1720-хъ годахъ не существовало.

ГЛАВА I.

Критическій обзоръ разработки матеріаловъ для исторіи Почаевской монастырской типографіи.

Первымъ печатнымъ трудомъ, коснувшимся вопроса о началѣ почаевской типографіи и объ изданныхъ въ ней книгахъ, былъ, насколько намъ извѣстно, „Опытъ россійской библіографіи“ В. Сопикова (Спб. ч. I-я 1813 г., ч. V-я 1821 г.). Въ исторической части „Предъувѣдомленія“ къ труду авторъ писалъ, что „въ 1618 году напечатано слово Максима Грека въ Почаевѣ“, и въ примѣчаніи: „Въ моемъ каталогѣ одного времени и мѣста печатанія показана книга Зерцало Богословіи“ (ч. I, с. LXXIV). Ниже (на с. CXIII-й) тоже говорилось, что типографія въ Почаевѣ, по напечатаннымъ въ ней книгамъ, извѣстна съ 1618 года. Никакихъ больше историческихъ свѣдѣній о почаевской типографіи авторъ не сообщалъ, если не считать примѣчанія къ № 574 (с. 127—8), что на большинствѣ старообрядческихъ изданій, напечатанныхъ въ Клинцовской типографіи *ложно* означены города: Варшава, Вильна, Гродна, *Почаевъ*, Несвижъ и др.

Въ самомъ библіографическомъ перечнѣ Сопиковъ отмѣтилъ „Зерцало Богословіи, изъ многихъ богословскихъ книгъ выбранное іеромонахомъ Кирилломъ Транквиліономъ; въ Лаврѣ Почаевской, 1618 въ 4“ (№ 387, с. 99) и „Максима Грека, инока св. горы Аѳонскія, Слово на Латиновъ, и о святомъ Духѣ, въ Почаевѣ, 1618—въ 4°“ (№ 610, с. 139); а также еще не менѣе 16-ти уніатскихъ и старообрядческихъ изданій 1756, 1764 и 1778—1800 годовъ[1]). Заглавія приведены въ извлеченіи не точно; число листовъ или страницъ не обозначено; форматъ указанъ. Вопроса объ отношеніи почаевской типографіи 1618 г. къ почаев. тип. XVIII в. Сопиковъ не затронулъ, очевидно считая ее за одну.

---

[1]) №№: т. I: 4, 36, 37, 97, 129+1737, 219, 409, 536, 561, 574, 585, 595, 791, 854, 984, 1391, 1045; т. II: 2158; т. IV (Спб. 1816 г.): 9111; т. V: 13205, 13226.

Для своего труда авторъ пользовался печатными и рукописными пособіями (т. I с. XXII—V), при чемъ не указывалъ обыкновенно, откуда заимствовалъ то или другое извѣстіе. При книгахъ безъ выходнаго листа не рѣдко обозначалъ, безъ всякихъ оговорокъ, мѣсто и годъ изданія, руководясь, вѣроятно, либо собственными соображеніями, либо показаніями пособій. Благодаря этому сообщаемыя Сопиковымъ данныя не всегда надежны, какъ это сознавалъ и самъ авторъ (т. I, с. XIX). Такими должны быть признаны, какъ увидимъ ниже, и показанія о мѣстѣ и годѣ изданія „Слова на Латиновъ" Максима Грека.

Митрополитъ Евгеній въ „Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина"... ч. II (Спб. 1818 г.; изд. 2-е Спб. 1827 г., 2 т.; цензурн. помѣта 1822 года) дважды касается почаевскихъ изданій: въ статьяхъ о Кириллѣ Транквилліонѣ и о Максимѣ Грекѣ, при чемъ дѣлаетъ двѣ ошибки. Въ числѣ сочиненій Кирилла Транквилліона Евгеній называетъ „Зерцало Богословіи напечатано въ первый и второй разъ 1618 и 1679 г. въ Почаевскомъ монастырѣ" (II, 361), а о Максимѣ Грекѣ между прочимъ говоритъ, что „изъ словъ его одно на *Латиновъ* (во 2-мъ изд. добавлено: *о св. Духѣ*) напечатано было въ Почаевской типографіи 1618 г. *при книгѣ* Кирилла Транквилліона, называемой *Зерцало о Богословіи*" (II, 400). Пользовался-ли въ данномъ случаѣ авторъ „Опытомъ" Сопикова, не видно. Источникъ указанія на изданіе Зерцала Богословіи въ 1679 г. намъ точно не извѣстенъ, а основанное на недоразумѣніи мнѣніе о времени и мѣстѣ изданія Слова на Латиновъ будетъ объяснено въ свемъ мѣстѣ. Во 2-мъ изд. своего „Словаря" м. Евгеній говоритъ то же (т. I, с. 335 и II, с. 36).

I. S. Bandtkie въ трудѣ „Historya drukarń w krolewstwie polskiem i wielkiem xięstwie litewskiem" (w Krakowie 1826, 3 11, 12; о почаевскихъ изданіяхъ t. II, str. 54—9) первый сообщилъ нѣсколько фактовъ собственно изъ исторіи почаевской типографіи, при чемъ тщательно отмѣтилъ, откуда заимствовано имъ то или другое свѣдѣніе, и даже источники послѣднихъ. Трудъ Сопикова былъ извѣстенъ автору лишь по статьѣ Линде

(въ „Pam. Warsz" t. V. 1816 г.). Главнымъ источникомъ послужили для Бандтке рукописныя дополненія Гофмана (о немъ у Бандтке t. I, str. XIII—XIX) къ своему труду „De typografiis earumque initiis et incramentis in Regno Poloniae et Magno Ducatu Littuaniae" (Dantisci 1740). Изъ статьи Линде (р. 16) авторъ узналъ, что „Sopików przytacza druk Poczaiowski Słowiánski r. 1618", а въ рукописи Гофмана нашелъ, что почаевская типографія основана была („założona była") въ 1732 г. по привиллегіи Августа II, и когда Львовское Братство желало запретить ей печатать книги славянскія, выхлопотала въ 1755 г. привиллегію изъ Рима. Самъ авторъ склонялся къ мысли, что „zapewne tutay tak, iak i gdzie indziey bywało, że iuż istniała drukarnia dawno przed przywileiem". Упомянувъ, что Hlebowicz (w Pam. Wileńskim, t. II, r. 1821: Ostrog) „wywodzi Poczaiowską drukarnią od Ostrogskiey", Бандтке привелъ затѣмъ свѣдѣнія о заглавіи, форматѣ, числѣ листовъ и проч. извѣстныхъ ему почаевскихъ изданій: 1-го (видѣннаго имъ лично) на польскомъ и русскомъ языкахъ и 5-ти польскихъ, 1-го латинскаго и 1-го славянскаго: (Литургіаріона 1655 г., 3-мъ изданіемъ), находящихся въ б—кѣ Оссолинскаго. Бандке, повидимому, строго разграничиваетъ 1-ю книгу отъ остальныхъ и самъ послѣднихъ не видѣлъ. Этимъ и объясняется приведеніе въ этомъ точномъ трудѣ ошибочнаго (см. ниже) показанія о Литургіаріонѣ 1655 года.

П. Строевъ въ своихъ „Описаніяхъ старопечатныхъ книгъ" библіотекъ Ѳ. Толстого (М. 1829, 8°) и И. Царскаго (М. 1836, 8°) привелъ полныя заглавія и описалъ нѣсколько почаевскихъ изданій, б. ч. раньше совсѣмъ неизвѣстныхъ. Въ „Описаніи" книгъ Толстого описано 5 уніатскихъ изданій 1756—1793 гг., какъ рѣдкихъ[1]), а въ „Описаніи" книгъ Толстого: 2 уніатскихъ 1798 и 1813 годовъ и 7 старообрядческихъ 1782—95 гг. [2]). Описаны были Строевымъ также и 2, указанныя еще Сопиковымъ, почаевскія изданія 1618 года (Царскаго, №№ 56, 57, с. 72—73). Важнымъ при этомъ было то, что экземпляръ слова

[1]) См. №№ 258, 265, 270, 274, 276.

[2]) См. №№ 280, 286, 257, 260, 277, 278, 281, 282, 283.

на Латиновъ Максима Грека (№ 57) оказался „безъ выхода“, а самъ Строевъ усомнился и въ самой возможности выхода этой книги изъ Почаевской типографіи. „Изданіе сей рѣдкой книги, писалъ онъ, указывая на Сопикова и Евгенія, полагаютъ въ Почаевѣ 1618 года..., но шрифтъ кажется кіевскій“. Строевъ, слѣдовательно, призналъ разницу въ шрифтахъ, какими напечатаны Зерцало Богословіи и Слово на Латиновъ. Къ сожалѣнію, это важное замѣчаніе мало привилось въ послѣдующей литературѣ (см. у Сахарова и Максимовича). Что касается „Зерцала Богословіи“, то Строевъ ограничился однимъ описаніемъ его, безъ всякихъ соображеній [1]).

Начало критическому отношенію къ Зерцалу Богословія 1618 г. положилъ Д. Зубрицкій въ вышедшемъ въ томъ же 1836 году трудѣ своемъ: „Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicyi“ (Lwów, 1836, 12°). Коснулся Зубрицкій исторіи почаевской типографіи случайно—въ разсказѣ о попыткахъ Львовскаго Ставропигіальнаго Братства захватить въ свои руки монополію изданія книгъ на славянскомъ языкѣ и о возникшемъ отсюда процессѣ между Братствомъ и Почаевскими Базиліанами. Тѣмъ не менѣе онъ сообщилъ, на основаніи документовъ Братскаго Архива, не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній о Почаевской типографіи въ 1730—1771 годахъ и высказалъ цѣнныя соображенія о Зерцалѣ Богословіи 1618 года (str. 33—6, 52, 55). На основаніи актовъ процесса Зубрицкій установилъ, что лишь „w roku 1730 sprowadzili Bazylianie poczaiowscy gisera i kazali sobie litery ruskie odléwać“ и что „aż po rok 1732 żadnego ruskiego dzieła tamże niewytłoczono, aprócz na otwartym arkuszu Proskomedyi, która sie w cerkwi zwykła zawieszać, tudzież listu pasterskiego Biskupa łuckiego“. При этомъ, руководясь лишь данными документовъ Ставропигіи, Зубрицкій допустилъ и ошибку, сказавъ: „Zdaie się, że Bazylianie do r. 1750 nic, a przynaymnie nic większego po rusku nie

[1]) „Реестръ“ А. С. Ширяева (М. 1833, 12°) можетъ здѣсь быть упомянутъ лишь по приведенію (подъ № 88) полнаго заглавія неизвѣстнаго раньше Богословія нравоучительнаго“, изд. 1779 г. Извѣстіе о „Зерцалѣ Богословіи“ 1618 г. (№ 39)—буквальная выписка изъ Сопикова, съ добавкой: „Первая книга въ сей Типографіи“.

drukowali". Изложивъ весь ходъ процесса съ его уклоненіями то въ пользу Братства и съ неожиданно счастливымъ для почаевскихъ Базиліанъ исходомъ, благодаря захвату Львова Австріей, Зубрицкій коснулся вопроса о существованіи почаевской монастырской типографіи до 1730 г. и въ частности: о связи почаевской монастырской типографіи XVIII вѣка съ изданнымъ въ Почаевѣ въ 1618 г. „Зерцаломъ Богословіи" и о Литургіаріонѣ 1655 г. Къ первому подало поводъ, съ одной стороны, глухое свидѣтельство Бандке о существованіи почаевской типографіи въ 1618 г. (съ трудомъ Сопикова и другихъ Зубрицкій не былъ знакомъ), съ другой—ссылка самихъ почаевскихъ Базиліанъ во время процесса на изданіе въ Почаевѣ въ 1618 г. книги „Speculum Theologiae", признанной въ то время Братствомъ за поддѣлку. Зубрицкій, на основаніи прямыхъ указаній о времени основанія почаевской типографіи, рѣшительно сомнѣвался въ существованіи послѣдней еще въ 1618 году. Высказавъ пожеланіе, чтобы почаевскій экземпляръ этой книги былъ изслѣдованъ (авторъ не успѣлъ еще въ то время самъ видѣть ея) и указавъ самый способъ критическаго излѣдованія, Зубрицкій въ заключеніе высказалъ свѣтлую мысль, что если дѣйствительно существуетъ какая либо книга, изданная въ Почаевѣ въ 1618 году, то она напечатана, надо думать, въ кочевой—передвижной малой типографіи (str. 35, 52). Во время печатанія своего труда, Зубрицкому довелось видѣть „Зерцало Богословіи" 1618 г. Къ сожалѣнію краткость времени не позволила ему, по собственному сознанію, прочитать книгу и остановиться надъ нею со вниманіемъ. „Zdanie przeto o niey, писалъ въ примѣчаніи авторъ, do póznieyszey odkładam chwili. Зубрицкій напечаталъ лишь описаніе книги, съ краткой и не совсѣмъ ясной замѣткой, что на основаніи нумераціи лишь средины книги можно заключить „że nie razem to dziełko, lecz ułomkami wychodziło, a późniey (кѣмъ и когда?) zebrane, tytułem i dedykacyą opatrzone zostało (str. 35—6). Мысль о напечатаніи „Зерцала Богословіи" въ 1618 г. въ кочевой типографіи осталась необоснованной.—Свидѣтельство Бандке о Литургіаріонѣ 1655 г. Зубрицкій прямо объявилъ ошибочнымъ, справедливо утверждая,

(хотя и опять не достаточно обоснованно), что данное изданіе вышло въ 1755 г. Основаніемъ для утвержденія послужило Зубрицкому упоминаніе о Служебникѣ 1755 года въ актахъ процесса, равно свидѣтельство почаевскихъ базиліанъ, (при всемъ стремленіи доказать давность своей типографіи) „ze przez woyny i nieszczęscia kraiowe po roku 1618 około sotka lat drukarnia ich nieczynną bydz musiała“. Экземпляръ б—ки Оссолинскаго, на которомъ основывалось свидѣтельство Бандтке, Зубрицкій не могъ видѣть, такъ какъ б—ка не приведена была въ порядокъ.

Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ Зубрицкимъ почаевскихъ изданій и до сихъ поръ извѣстны въ литературѣ лишь по его указанію.—Остается еще упомянуть, что, говоря объ Уніевской типографіи, авторъ замѣтилъ (str. 55): może bydz, że Bazylianie poczaiowscy, zakupiwszy przyrządzienia drukarskie, do Poczaiowa ie przeniesli“,—мысль, впослѣдствіи подтвердившаяся [1]).

Спустя 9-ть лѣтъ въ изданіи Balińskiego и Lipińskiego—„Starożytna Polska“, въ статьѣ „Poczajów“ (t. II, część druga Warsz. 1845) было напечатано (str. 904—5) „Już 1618 r. istniały w Poczajowie prassy drukarskie, a pierwsze wytłoczene w nich pismo: była mowa Maxyma Greka; jak długo trwały *nie wiadomo*, lecz że w późniejszym czasie czynnemi były, okazuje się z umowy, którą... bis... Rudnicki, zawart w Rożyszczach 3 grudnia—1772 r. z superiorem Klasztoru; brzmi ona“:... Далѣе приводится цѣликомъ повелѣніе Рудницкаго о возобновленіи Почаевской типографіи, запрещенной декретомъ 1771 года, съ обязательствомъ за себя и преемниковъ возвращать монастырю

---

[1]) Въ 1838 г. въ Журн. Мин. Нар. Просв. (т. 19-й, № 9, стр. 560—585) напечатано краткое извлеченіе изъ Зубрицкаго (безъ его имени) подъ заглавіемъ. „О славянорусскихъ типографіяхъ въ Галиціи и Лодомиріи“,—извлеченіе точное въ передачѣ описокъ подлинника и не всегда точной въ передачѣ мнѣній автора. Такова мысль, что „Зерцало Богословія“ 1618 г. „находится и теперь въ монастырѣ Базиліановъ; и что „печатанныя въ послѣдствіи (послѣ 1747 г.) въ Уніовѣ книги издавались подъ именемъ Почаевской типографіи“ (стр. 584). Странно своею категоричностью и безпочвенностью и примѣчаніе „Ред“. (м. б. основанное на догадкѣ Бандтке): „Грекоунитскіе монахи испрашивали разрѣшеніе содержать Почаевскую типографію; но она учреждена гораздо прежде, когда Почаевскій монастырь былъ еще православнымъ (с. 575).

издержки печатанія. Документъ заимствованъ авторомъ „z arch. gł. w Warszawie, ks. kancl. 51, s. 20“; и за нимъ слѣдуетъ замѣчаніе: „Co potwierdza Król w marcu 1773 r“. Напечатаніе неизвѣстнаго документа было конечно любопытно; но съ другой стороны здѣсь впервые была опредѣленно проведена мысль о существованіи почаевской монастырской типографіи съ 1618 года. Соображенія Зубрицкаго и раньше Строева, да и вообще *вся* предшествующая литература, оставлены безъ всякаго вниманія. Впрочемъ, нелогичность въ построеніи умозаключенія бросалась въ глаза сама собою.

Въ послѣдующей литературѣ соображенія Зубрицкаго (въ ихъ неточной передачѣ въ Журн. Мин.) и Строева оставили слѣдъ лишь въ трудахъ Сахарова и Максимовича.

Сахаровъ въ книгѣ „Обозрѣніе славяно-русской библіографіи. Томъ первый. Книга вторая“ (съ 1491 по 1655 г.) (Спб. 1849; но дозволено цензурой еще 28 дек. 1846 г.; 2°) отмѣтилъ и „Зерцало Богословія... (Почаевъ, 1618 г.)“ (№ 168), и „Слово на Латиновъ (? 1618 ?)“. (№ 169). Для описанія этихъ книгъ, новаго противъ Строева авторъ ничего не давалъ, но сообщалъ указанія на библіотеки, въ которыхъ хранятся экземпляры данныхъ книгъ и приводилъ болѣе полныя указанія на предшествующую литературу. Въ графѣ о времени изданія книгъ Сахаровъ выставилъ противъ №№ 168 и 169 годъ 1618-й, а въ графѣ о мѣстѣ изданія—„?“. Въ примѣчаніяхъ къ тексту книги Сахаровъ писалъ: при № 168—„На заглавномъ листѣ хотя и показано, что книга издана въ Почаевскомъ монастырѣ, *но это едва ли справедливо.* Въ недавнее время возникло сомнѣніе объ этомъ изданіи. См. Журн. мин. народ. просвѣщ. (1838 г., № IX, стр. 575)“; а при № 169: „И это изданіе приписываютъ Почаевской типографіи, 1618 г. П. М. Строевъ говоритъ (см. кат. староп. кн. Царскаго): „шрифтъ, кажется, кіевскій“. И только... Авторъ не дѣлалъ никакихъ новыхъ соображеній и даже вовсе не высказывалъ своего мнѣнія о мѣстѣ изданія этихъ книгъ. Къ мысли объ изданіи ихъ въ Почаевѣ авторъ, повидимому, относится вполнѣ отрицательно. Такъ,

въ помѣщенномъ въ началѣ „Обозрѣнія" перечнѣ типографій указаннаго времени о Почаевской не упоминается ни словомъ.

Тѣмъ временемъ въ вышедшемъ еще въ 1848 году „Каталогѣ" книгъ ц. п. б—ки А. Кастерина, составл. В. Ундольскимъ (М. въ „Чтеніяхъ" и отдѣльно) было сжато перечислено и не мало книгъ почаевской печати 1755—1798 годовъ [1]). Упоминались и „Зерцало Богословія" (№ 95) и Слово на Латиновъ (№ 96),—послѣднее за датой: „безъ выхода, *вѣроятно* въ Почаевѣ, около 1618 г.".

Въ томъ же 1849 г., въ которомъ вышла въ свѣтъ книга Сахарова, появился рядъ статей о южно-русскихъ типографіяхъ М. Максимовича, подъ общимъ заглавіемъ „Книжная старина южнорусская". Сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія о Почаевской типографіи („Временникъ" Моск. Общ. Исторіи, кн. 1. М. 1849, стр. 11—12 Смѣси; перепеч. въ Собр. соч. т. III, стр. 674—6) почти цѣликомъ несамостоятельны [2]) и страдаютъ полнымъ отсутствіемъ критики. Здѣсь собраны вкратцѣ вмѣстѣ всѣ бывшія извѣстными Максимовичу свѣдѣнія о почаевской типографіи: вѣрныя, неточныя и совсѣмъ ошибочныя, и изъ нихъ составлена цѣльная обманчивая картина. Авторъ воспользовался (съ незначительными пропусками) указаніями Сопикова, Строева, статьи въ Журн. Мин—а и „Каталогомъ" Кастерина. Трудъ Бандтке и подлинникъ статьи Зубрицкаго не были ему извѣстны. Воспользовавшись указанными трудами, Максимовичъ писалъ: „Всѣ вышеозначенныя типографіи на Волыни (раньше о нихъ шла рѣчь) прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ первой половинѣ 17-го столѣтія. Послѣ того на Волыни *была* только одна Славяно-русская типографія — Почаевская. Начало книгопечатанія въ Почаевѣ положено еще въ 1618-мъ году Кирилломъ Транквилліономъ Ставровецкимъ, который тамъ напечаталъ сочи-

---

[1]) №№ 877, 880, 881, 897—9, 917, 928, 931, 932, 942, 943, 948, 950, 952, 960, 962, 963, 964, 966, 967, 972, 973, 986, 997, 1006, 1013, 1014, 1020. При свѣдѣніяхъ о №№ 897—9, 932, 967, допущены были ошибки, частью исправленныя, частью повторяемыя до сихъ поръ.

[2]) Намъ неизвѣстенъ источникъ указанія лишь на одну книгу „Гора Почаевская 1742. in 4°". Впервые указано Максимовичемъ посвященіе „Зерцала Богословія" въ разныхъ экземплярахъ разнымъ лицамъ.

неніе свое—1. Зерцало Богословія. 1618. въ 4. Одни экземпляры этой книги посвящены Лаврентію Древинскому...; а другіе князю Александру Пузынѣ. 2. Около того же года въ Почаевѣ (какъ полагаютъ) напечатано слово Максима Грека на Латиновъ, въ 4. *Извѣстны сомнѣнія* о напечатаніи этихъ книгъ въ Почаевѣ въ означенномъ году. *Сомнѣваются* также, дѣйствительно-ли существуетъ—3. Служебникъ, напечат. въ Почаевѣ 1655 года. Возобновлена типографія въ Почаевѣ 1730 года Изъ первыхъ книгъ ея извѣстна—4. Гора Почаевская 1742. въ 4. Далѣе шелъ перечень Почаевскихъ изданій (36-ти), а затѣмъ говорилось: „Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ списокъ Почаевскихъ книгъ прошлаго столѣтія можетъ пополниться еще значительно; но иныя изъ нихъ, изданныя старообрядцами, *можетъ быть,* носятъ на себѣ только имя Почаева; а напечатаны не здѣсь (догадка Сопикова). Библіографической наблюдательности есть надъ чѣмъ поработать“. Вотъ и все. Высказанной въ концѣ статьи мысли самъ авторъ совсѣмъ не приложилъ къ дѣлу, и потому статья его, полезная для своего времени, какъ объединеніе—списокъ, не имѣетъ въ настоящее время никакого значенія.

Спустя 2 года ту же мысль о существованіи почаевской монастырской типографіи уже въ 1618 г. и позже высказалъ M. Wiszniewski въ своемъ трудѣ „Historya literatury polskiej“. (W Krakowie, t. VIII, 1851, str. 429—431 и 411): „Kiedyby piérwszy raz drukarnię ruską w Poczajowie założono *wiedziéć nie* możemy; to tylko *pewna* iż w r. 1618 wyszła tu mowa Maksyma Greka (по Сопикову). W r. 1730 sprowadzili byli Poczajowscy Bazylianie gisera... (по Зубрицкому). Wyżéj wzmiankowanij mowy Maksima Greka dotąd niewidziano, (Вишневскій Опис. кн. Царскаго не читалъ), lecz w roku 1618 wyszła tu następująca książka: Sija kniha nareczajemaja zercało bohoslowija... (по Зубрицкому). W Wilnie u s. Trójcy *i w Poczajowie przy końcu siedmnastego* wieku już często nie kirylicą ale czcionkami polskiemi drukowano, jak np. następujące Okilewicza dzieło: Ecphonemata Liturgiey Greckiey.. *w Wilnie...* R. P. 1671 (str. 44). Указаній на другія книги авторъ для доказательства своей мысли не приводитъ. У Бандтке Вишневскій заимствовалъ извѣ-

стіе о Литургіаріонѣ 1655 г., не упомянувъ о заявленіи Зубрицкаго. Вишневскій пользовался трудами Сопикова, Бандтке, Зубрицкаго и Строевскимъ описаніемъ книгъ Толстого. Другихъ трудовъ онъ не видѣлъ. Изъ упомянутыхъ трудовъ заимствованы Вишневскимъ всѣ приводимыя имъ свѣдѣнія о почаевскихъ изданіяхъ ц. п. [1]). Ново въ трудѣ Вишневскаго было извѣстіе о нѣкоторыхъ книгахъ, печатанныхъ въ XVIII в. латинскимъ шрифтомъ въ Почаевѣ (напр. str. 430, 277—8) и краткая замѣтка о дѣятельности почаевской типографіи съ 1772 г. до позднѣйшаго времени za naszych czasów).

Единственно для полноты обзора приходится упомянуть о замѣткахъ о Почаевской типографіи П. Карашевича и А. Перлштейна.

Первый въ своемъ „Очеркѣ исторіи православной церкви на Волыни" (Спб. 1855. 8-о; раньше въ „Христіанскомъ Чтеніи") писалъ (стр. 140)... „всѣ эти типографіи прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ 1-й половинѣ XVII вѣка. Послѣ того на Волыни была только одна славяно-русская типографія—почаевская. Начало книгопечатанія положено въ Почаевѣ еще въ 1618 г. *помѣщицею Анною Гойскою; но по смерти ея типографія пришла въ совершенный упадокъ* и возобновлена уже въ 1730 г. (см. Временникъ 1849 г. „Книжная старина южнорусская, также Библіогр. Сахарова)" Авторъ почти дословно привелъ мнѣніе Максимовича, но совершенно несправедливо приписалъ послѣднему и Сахарову произведеніе собственной фантазіи—мысль объ основаніи типографіи въ Почаевѣ Гойской.

Въ томъ же 1855 году А. Перлштейнъ напечаталъ въ Волынскихъ Губерн. Вѣдом. (№№ 4 и 5. Января 22 и 29-го статейку „Очерки исторіи типографіи на Волыни [2])". Авторъ имѣлъ

---

[1]) При этомъ ошибочно (1798, 8°) отмѣченъ годъ изданія и форматъ Слова о походѣ души Кирилла Александрійскаго, свѣдѣніе о которомъ взято Вишневскимъ у Сопикова. Ошибка возобновлена Головацкимъ.

[2]) Перепечатана подъ заглавіемъ „Типографіи на Волыни" въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1855, ч. LXXXVII, с. 22—6 (см. Межовъ: № 4235).

въ виду дать свѣдѣнія вообще о всѣхъ бывшихъ на Волыни типографіяхъ. Сообщивъ жалкіе обрывки кое-какихъ свѣдѣній о славяно-русскихъ типографіяхъ въ Острогѣ, Дермани и Луцкѣ (о другихъ автору не было извѣстно) и сдѣлавъ лирическое отступленіе, авторъ продолжалъ: „множество православныхъ храмовъ Божіихъ обращено было въ уніатскіе костелы, и въ святынѣ Почаевской, занятой Базиліанами, *возникла* типографія, основателемъ которой былъ Бискупъ Өеодосій Любецкій-Рудецкій (sic!), въ первой половинѣ XVIII вѣка. Изъ этой типографіи выходили уніятскіе служебники и молитвенники, также учебныя руководства. Типографія Почаевская существовала и въ позднѣйшія времена, когда Провидѣнію угодно было возвратить древнее достояніе Руси подъ скипетръ Русскихъ Самодержцевъ". Слѣдуетъ опять лирическое отступленіе о вѣротерпимости Россіи и о судьбахъ Промысла по отношенію къ уніатамъ и наконецъ заключеніе: „Послѣдовало возсоединеніе—и Почаевская типографія *прекратила свое дѣйствіе*". Авторъ не имѣлъ почти никакого понятія о литературѣ предмета, а послѣднее его замѣчаніе о прекращеніи существованія почаевской типографіи со времени возвращенія Лавры въ православіе—просто невѣроятно. Вѣдь, авторъ печаталъ свою статью въ *Волынскихъ* Губернскихъ Вѣдомостяхъ, всего въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ продолжавшей существовать типографіи. Какъ бы для контраста — основатель почаевской типографіи, съ искаженною, правда, фамиліей, былъ указанъ вѣрно и впервые.

Въ 1859 г. въ Почаевѣ издана была брошюра—„Описаніе Почаевскія Успенскія Лавры", по свидѣтельству архим. Амвросія: „подъ руководствомъ самаго Преосвященнаго Арсенія составленное" (см. „Сказаніе о Поч. Усп. Лаврѣ", 1871 г. с. 243).

Авторъ его (архим. Амвросій?) о почаевской типографіи лишь къ слову замѣтилъ (стр. 22): „въ 1597 году помѣщица... Анна Гойская надѣлила обитель сію (Почаевскую) землями, лѣсомъ и крестьянами и *сверхъ того дала способы къ учрежденію при обители Типографіи*". Гаданіе это было, повидимому, произвольнымъ развитіемъ мысли Карашевича.

Въ 1861 г. былъ изданъ львовскимъ купцомъ М. Дыметомъ каталогъ пріобрѣтенныхъ имъ въ православной Почаевской Лаврѣ нераспроданныхъ уніатскихъ изданій, подъ заглавіемъ: „Каталогъ книгъ, напечатанныхъ въ святой Успенской Лаврѣ Почаевской чина Святаго Василія Великаго. Для оупотребленія греческо-оунитскихъ церквей и духовенства". (Печатано о. Михаила Ф. Порембы 1861, 4-о, IV стр. Ц. П.). Книги, всѣ Ц. П., въ каталогѣ расположены были въ алфавитномъ порядкѣ. При каждой обозначенъ годъ изданія, форматъ, *число тетрадей*, („количество книгъ", или „количество листовъ", т. е. *печатныхъ*) и цѣна. Всѣхъ книгъ перечислено было 50, большею частью неизвѣстныхъ дотолѣ въ библіографіи. Въ каталогѣ, (какъ обычно въ каталогахъ), двѣ книги ошибочно (см. ниже) отмѣчены были изданными въ 1700 (№ 21: молитвенникъ 4-о) и 1708 (№ 1: Акаѳісты 4-о) годахъ; при 3-хъ (№№ 18, 32 и 37) годъ изданія не обозначенъ (на подлинныхъ года изданія обозначено, слѣд., не было). Всѣ книги, вообще, были позднѣйшихъ, сравнительно, изданій. У Дымета въ продажѣ находилось по 1-му изданію 1756 (№ 28), 1761 (№ 19) и 1771 (№ 26) годовъ, 2 книги—1768 года, а остальныя 1774—1825 годовъ, „Декотори изъ сихъ книгъ, говорилось при концѣ каталога, существуютъ тылько еще въ килькохъ екземплярахъ и можно ихъ приобрѣтити только за посредничествомъ Михаила Дымета, купця въ Львовѣ". Каталогъ Дымета важенъ и самъ по себѣ и по своему вліянію на послѣдующую литературу о почаевскихъ изданіяхъ.

Уже 2 года спустя имъ воспользовался А. Петрушевичъ въ своей статьѣ „Историческое извѣстіе о древней Почаевской обители Чину св. Василія Великаго и Типографіи ея, съ росписью въ той печатнымъ книгамъ" („Галичанинъ, литературный сборникъ, издаваемый Б. А. Дѣдицкимъ". 1863, кн. I, вып. III и IV, Львовъ, 1863. 8-о. стр. 158—181; о типографіи собственно стр. 168—181). Роспись почаевскимъ изданіямъ Петрушевичъ расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ: книгамъ ц.-славянскимъ, польскимъ и латинскимъ отдѣльно. Книги безъ года изданія помѣщались б. ч. въ концѣ списковъ. Каждой

книги, кромѣ заглавія и года изданія, указывалась обыкновенно лишь доля листа. Откуда заимствовались авторомъ свѣдѣнія, при каждой книгѣ отдѣльно не обозначалось; лишь передъ спискомъ говорилось: „Самое богатѣйшее собраніе книгъ Почаевской печати имѣетъ находитися въ богатомъ книгохранилищѣ покойнаго поляка Константина Свидзинскаго (нынѣ у. гр. Красинскихъ въ Варшавѣ), хотя касательно исторіи Почаевской типографіи и тамъ же изданныхъ книгъ, въ архивѣ Почаевской обители, по всей вѣроятности сохраняется еще самъ богатѣйшій матеріалъ, который ожидаетъ своего изслѣдователя въ пользу русской библіографіи. Впрочемъ, чтобы, по возможности выполнити сей недостатокъ въ нашей библіографіи касательно книгъ печатаныхъ въ Почаевской обители, подаемъ здѣсь хотя *неполный* перечень книгъ, *которыя намъ осматривати или о нихъ где-то читати удалось*"... (стр. 171—2). Судя по ссылкѣ на б—ку Свидзинскаго при № 93 (Ц. П.), авторъ имѣлъ свѣдѣнія о послѣдней. Однѣхъ книгъ Ц. П. авторомъ названо было 148 №№, на половину совершенно неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ въ библіографіи. Но при цѣнности сообщаемыхъ Петрушевичемъ указаній, въ его списокъ почаевскихъ изданій Ц. П. вкралось нѣсколько ошибочныхъ свѣдѣній и въ частности значительное число новыхъ ошибочныхъ показаній о книгахъ будто бы изданныхъ въ Почаевѣ въ XVII и 1-й четверти XVIII вѣка. Упомянувъ по „Хронологич. росписи" Каратаева о Зерцалѣ Богословія 1618 г. и Словѣ Максима Грека, изданномъ „вѣроятно въ Почаевѣ, около 1618 г," (№№ 1 и 2) и повторивъ ошибочное показаніе Дымета о молитвенникѣ 1700 г. (№ 4), авторъ назвалъ еще: жизнь Іова к. XVII в. (№ 3), Приложеніе къ Уставу церковному (№ 5), Трефологіонъ и Величанія 1704 г. (№№ 6--7), Послѣдованіе постригу двою 1708 г. (№ 8), Евангелія Страстн. 1709 г. (№ 9), Алфавитъ духовный 1710 г. (№ 10) и 2 изданія Молитвослова 1720 г. (№№ 11—12). Разборъ этихъ показаній мы представимъ ниже. Любопытно, что авторъ не повторилъ ошибочнаго показанія Дымета (№ 1) объ Акаѳістахъ 1708 г., хотя воспользовался *всьми* остальными указаніями Дымета. Не назвалъ также авторъ и описаннаго у Бандтке Слу-

жебника 1655 г., хотя книгой Бандтке пользовался. Можетъ быть, Петрушевичъ убѣдился въ ошибочности этихъ двухъ показаній на дѣлѣ: справкой въ б—кѣ Оссолинскихъ и у Дымета. Изъ своихъ предшественниковъ авторъ пользовался лишь трудами Бандтке, Зубрицкаго, Балинскаго и Липинскаго, Каратаева и Каталогомъ Дымета. Изъ Зубрицкаго и Бандтке заимствованы Петрушевичемъ всѣ фактическія показанія по исторіи почаевской типографіи, хотя не къ пользѣ дѣла, и видоизмѣнены сообразно имѣвшимся у автора свѣдѣніямъ о почаевскихъ изданіяхъ к. XVII и 1-й четверти XVIII вѣка.

Сказавъ, что неизвѣстный авторъ Описанія Почаевскія Успенскія Лавры (Почаевъ 1859) „едва только нѣсколькими словами упомянулъ о здѣшней типографіи, когда говоритъ (стр. 22), что Анна Гойская, надѣляя въ 1597 г. обитель сію землями, лѣсомъ и крестьянами, *сверхъ того дала способы къ учрежденію при обители типографіи*“, Петрушевичъ, раздѣляя, повидимому, этотъ взглядъ, писалъ: „Впрочемъ, чтобы то ни было, начатокъ Почаевской типографіи относится къ началу XVII вѣка, къ временамъ паденія Острожской типографіи, ибо самою древнѣйшею *извѣстною* книгою здѣшней печати есть книжка: Зерцало богословія въ 4 долю листа напечатана 1618 года въ Почаевѣ, быти можетъ типами закупленными изъ Острога. (Догадка Глѣбовича, приведенная Бандтке). Сами Почаевскіе монахи въ своихъ тяжбахъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, доказывая прислуживающее имъ право типографіи и древность ея, кромѣ упомянутой книжки „Зерцала Богословія“, *древнѣйшей* (у Зубрицкаго: вообще другой) отъ нея предложити не были въ состояніи, и даже признаютъ, что по 1618 году около сотка лѣтъ типографія ихъ, для большихъ смутъ въ нашемъ русскомъ отечествѣ праздновала, *и не скорше якъ въ первомъ десяткѣ XVIII стала снова дѣйствовати*“. Послѣднія подчеркнутыя слова напрасно вложены въ уста почаевскихъ монаховъ: они всецѣло принадлежатъ самому Петрушевичу. „Въ 1730 году, Почаевская обитель, *желая обновити свою подъупадшую типографію* (догадка самого Петрушевича), призвавши слволитчика“ . . . и т. д. по Зубрицкому. Въ примѣчаніи авторъ писалъ: Зуб-

рицкій *ошибочно* утверждаетъ, что изъ актовъ тяжбы между Почаевскою обителью и Львовскимъ Ставропигіальнымъ братствомъ явствуетъ, *будьто даже по* 1732 годъ въ Почаевѣ жадной книги не издано, кромѣ Проскомедіи на одномъ листѣ, и пастырскаго посланія Луцкого Епископа". Доказательствъ Петрушевичъ никакихъ не приводилъ. Чтобы онъ справлялся съ самыми документами, ни откуда не видно, а слѣдовательно, остается думать, что авторъ несправедливо поправлялъ Зубрицкаго, исходя изъ тѣхъ же ошибочныхъ своихъ свѣдѣній о почаевскихъ изданіяхъ к. XVII и 1-й четверти XVIII вѣка. Ниже авторъ, въ противорѣчіе собственнымъ свѣдѣніямъ о почаевскихъ изданіяхъ, со словъ Зубрицкаго утверждалъ, что „Почаевская обитель неуважая на королевскіи декрета *съ самымъ началомъ второй* половинѣ XVIII вѣка стала снова печатати церковныя книги"... (Типографія не прерывала своей издательной дѣятельности) и повторялъ со словъ Бандтке догадку Сопикова о раскольничьихъ изданіяхъ съ именемъ Почаева и др. городовъ. Догадку Зубрицкаго о покупкѣ Уневской типографіи Почаевской обителью авторъ попытался обосновать: „Кажется, продала Уніевская архимандрія свою типографію Почаевской обители, о чемъ свидѣтельствуетъ внѣшнее сходство типовъ обоихъ типографій" (стр. 170).

Впрочемъ, и въ этой части труда Петрушевича были цѣнныя замѣчанія: о внѣшне-типографскихъ достоинствахъ почаевскихъ изданій и о громадномъ значеніи этихъ изданій въ свое время для уніатской Руси; равно справедливый упрекъ по адресу православныхъ, что они, заслуженно упрекая уніатовъ въ игнорированіи православнымъ, не меньше съ своей стороны любятъ замалчивать уніатское.

Глубоко скромное, даже несправедливое, мнѣніе автора о собственномъ трудѣ (стр. 168 и 172), ссылки на скудность своихъ источниковъ и на неполноту сообщаемыхъ данныхъ, просьба къ читателямъ не отказать въ присылкѣ дополненій и *исправленій*, съ замѣчаніемъ, что „всякое и даже малѣйшее изъясненіе и дополненіе въ томъ предметѣ будетъ съ большою благодарностью нами принято и до общей извѣстности доведено",—

эта глубокая скромность не позволяетъ отнестись къ автору труда иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ, забывая въ трудѣ его недостатки и помня лишь о достоинствахъ.

„Сверхъ выше приведенныхъ на *польскомъ и латинскомъ* языкахъ изданныхъ книгъ, писалъ авторъ въ концѣ своего труда, видѣли мы *по разныхъ библіотекахъ* еще много иныхъ книгъ, брошюръ и полулистовъ Почаевской печати, которыхъ однако по заглавіямъ ихъ описати не казалось намъ потребнымъ, не имѣя тогда намѣренія сочинити что нибудь въ томъ предметѣ; для того надѣемся, что со временемъ удастся намъ нашу роспись пропущенными сочиненіями значительно дополнити, при чемъ *не оставимъ также подробно поговорити о различныхъ изображеніяхъ святыхъ лицъ* на деревѣ и мѣди, отпечатанныхъ въ Почаевской обители“ (стр. 181).

Въ послѣднихъ словахъ заключалось первое, насколько намъ извѣстно, печатное упоминаніе о гравюрахъ почаевскаго изданія. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, удалось-ли автору исполнить свое намѣреніе.

Сѣтованія Петрушевича на неизслѣдованность матерьяловъ Почаевскаго Архива были, хотя лишь въ незначительной степени, разсѣяны съ выходомъ въ свѣтъ перваго же слѣдующаго труда, касавшагося почаевской типографіи. Въ 1870—1 г. въ приложеніи къ Волынскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ (1870: №№ 13—24, 1871: № 1—6) напечатано было „Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ Архимандрита Амвросія, на основаніи документовъ — хранящихся въ Лаврскомъ архивѣ“ (8-о 2826 стр. Тогда же отдѣльно, и др. изд.). Описаніе написано было еще въ 1865 (см. дату въ концѣ книги), по порученію Волынскаго архіепископа Антонія (см. Волын. Еп. Вѣд. 1872 г. № 15, ч. оф., стр. 414). По принятому авторомъ плану излагать исторію почаевской Лавры по періодамъ и даже архимандритствамъ, о типографіи говорилось не въ одной какой либо главѣ, а въ различныхъ мѣстахъ. Не меньше замѣчаній о типографіи сдѣлано было и совершенно случайно. Вообще по всей книгѣ разсѣяна масса мелкихъ и б. значительныхъ новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній изъ исторіи почаевской типографіи. Къ

сожалѣнію къ этому же труду наиболѣе приложимо и замѣчаніе Петрушевича объ игнорированіи православными всего уніатскаго. Подробныя и систематическія свѣдѣнія сообщались авторомъ о состояніи типографіи лишь въ періодъ православія обители: до уніи (какъ вѣрилъ авторъ) и послѣ уніи. Періодъ же уніатскій—періодъ славы типографіи—Амвросій проходилъ молчаніемъ, касаясь дѣятельности типографіи въ это время лишь случайно и тогда, когда представлялся случай *очернить* ея дѣятельностью уніатовъ. (О дѣятельности типографіи при уніи говорилось въ главахъ: „перемѣны вѣроученія, обрядовъ, религіозныхъ обычаевъ въ Почаевскомъ Монастырѣ по принятіи имъ уніи" и „Поведеніе Почаевскихъ базиліанъ въ послѣднее время"). Такимъ образомъ, трудъ Амвросія важенъ былъ преимущественно свѣдѣніями о почаевской типографіи съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Онъ впервые сообщилъ о непрерывномъ существованіи типографіи послѣ передачи Лавры православнымъ. Впрочемъ и изъ исторіи типографіи въ послѣдней четверти XVIII-го и 1-й XIX-го вѣковъ сообщалось не мало важныхъ фактовъ, напр.: о подтвержденіи русскимъ правительствомъ за типографіей права печатать книги, о переходѣ типографіи отъ уніатовъ къ православнымъ, о дѣлѣ по случаю печатанія въ типографіи раскольничьихъ книгъ. (Оказывалось, что догадка Сопикова, и другихъ за нимъ, о ложномъ обозначеніи имени Почаева на раскольничьихъ изданіяхъ была неосновательна. Раскольничьи изданія дѣйствительно выходили изъ почаевской типографіи, въ цѣляхъ—надо думать—коммерческихъ).

Но значительная часть свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ о Почаевской типографіи до уніи и въ періодъ уніи въ 2-й и 3-й четвертяхъ XVIII-го вѣка, исполнены грубыхъ ошибокъ и не выдерживаетъ никакой критики. Не говоря уже о произвольныхъ, ни на чемъ не основанныхъ догадкахъ, авторъ съ поразительнымъ невниманіемъ отнесся къ тѣмъ документальнымъ даннымъ, на которыя ссылается.

О Почаевской типографіи до уніи говорилось въ отдѣлѣ: „Пособія къ содержанію обители отъ типографіи" (стр. 33—34). „За сто и болѣ лѣтъ до порабощенія Почаевской обители Уні-

атами (писалъ авторъ), уже существовала при ней типографія.—Короли Августъ II и Августъ III, *утверждая привиллегіи своихъ предшественниковъ* на печатанье книгъ на Славянскомъ и Латинскомъ языкахъ при Почаевскомъ монастырѣ, между прочимъ выражаютъ, что *эти привиллегіи* онъ имѣлъ съ древнихъ временъ—officina typografica antiquitas in monasterio poczajovensi existabat (см Дѣло № 95).—Въ 1618 году здѣсь напечатана книга „Зерцало Богословія“ Кирилла Транквилліона, которая и теперь есть въ Лаврской библіотекѣ и значится по каталогу подъ № 402-мъ... (Далѣе слѣдуетъ описаніе книги)... „шрифтъ древній и похожъ на шрифтъ, которымъ *въ XVI* столѣтіи печатались книги въ типографіи Кіевской—*доказательство, что* тогдашняя Почаевская типографія имѣла знакомство и сношеніе съ сею послѣднею, что уже была въ порядочномъ состояніи,—и, *конечно*, уже печатались въ ней и другія, по крайней мѣрѣ, духовнаго содержанія книги: но гдѣ онѣ дѣвались, и когда именно, и по чьему позволенію первоначально основана типографія—*неизвѣстно.*—*Надобно полагать*, что документы на этотъ памятникъ древняго въ этомъ краѣ православія, равно какъ и самыя книги *истреблены Іезуитами.*—Впрочемъ, существованіе ея *уже въ концѣ XVI вѣка* [1]) доказывается *еще и* тѣмъ, что основательница Почаевскаго общежительнаго монастыря Анна Гойская въ 1597 году, надѣляя оный землями, дала и способы къ учрежденію при немъ типографіи,—(слова неизвѣстнаго автора „Описанія Почаевскія Успенскія Лавры“, Почаевъ 1859 г.; не принадлежитъ ли и это „Описаніе“ архим. Амвросію)?, что *во второй половинѣ XVII вѣка* Львовское братство, имѣя свою типографію и опираясь на *какія-то* свои привиллегіи, домогавшееся монополіи, по этому заведенію, начало

---

[1]) Эту же мысль мимоходомъ высказалъ архим. Амвросій еще въ 1863 г. въ книгѣ: „Церковно-историчеекое и статистическое описаніе варшавской епархіи“ (Почаевъ 1863, 8-о). Онъ писалъ здѣсь (стр. 321) объ Уніевской типографіи: „Православное братство... удержало ее при себѣ до 1840 года, а въ то время почаевскіе базиліане пріобрѣли покупкою у сказаннаго братства снаряды къ печатанію и перевесли въ Почаевъ, въ свою типографію, *съ XVI-го вѣка* тамъ существующую. (См. Historyczne badanie o drukarniach słowiańskich p. 55.). Ссылка была далеко неточна

процессъ съ Почаевскими иноками изъ-за типографіи, и всячески старалось закрыть оную (см. Дѣло № 139),—и что наконецъ въ послѣдніе годы, *предшествовавшіе* порабощенію Почаевскаго Монастыря Уніатами, печатались въ ней проскомидійные листы, для разсылки въ *православныя* церкви, письма или посланія *православныхъ* Архипастырей, *антифоны Преподобному Іову и разныя молитвы* (см. Дѣло № 95).—*Конечно*, по неимѣнію въ другихъ мѣстахъ здѣшняго края типографіи, *Почаевской* Монастырь имѣлъ удобство сбывать свои типографскія произведенія лицамъ высшаго и низшаго классовъ, оставшимся Православными".

Истребительную дѣятельность уже не іезуитовъ, а базиліанъ обличалъ авторъ и въ отдѣлѣ „О книгѣ Гора Почаевская" (стр. 271). Описывая эту книгу, авторъ между прочимъ говорилъ: „Книга эта напечатана въ 1772 г. въ Почаевской монастырской типографіи, по повелѣнію унитскаго епископа Сильвестра Рудницкаго: *но въ ней же говорится*, что она перепечатана изъ прежней подобной книги, которая, *какъ напечатанная во время прежде существовавшаго въ этомъ монастырѣ Православія, вѣроятно, уничтожена Базиліанами*".

Въ отдѣлѣ „Еще взглядъ на почаевскій монастырь до перехода его въ Унію" (стр. 53—5), перечисляя книги и рукописи, находившіяся въ то время въ монастырѣ, авторъ между прочимъ называлъ: „Цвѣтникъ Святаго Дороѳея, или поученіе инокамъ (*печатанное въ Почаевской обители*), Зерцало Богословія Транквилліона (печатанное въ Почаевѣ въ 1618 году"....

Считая излишнимъ разбирать положенія архим. Амвросія, начинающіяся съ выраженій: „конечно", „надобно полагать", „вѣроятно", провѣрку и разборъ ссылокъ на документы и на изданія книгъ мы представимъ ниже.

Перейдемъ теперь къ пересмотру показаній архим. Амвросія о Почаевской типографіи во 2-й и 3-й четвертяхъ XVIII-го вѣка.

Въ очеркѣ „О построеніи (съ 1771 г.). Соборной нынѣшей церкви и братскаго корпуса", говоря о бывшихъ до того въ Почаевѣ церквахъ и въ частности о главной изъ нихъ Троицкой, Амвросій сообщалъ (стр. 114) любопытный фактъ, что

„въ 1720 г. свинцовая крыша снята съ этой церкви, *и* изъ свинца отлиты для типографіи буквы, а церковь покрыта мѣдными листами... (См. Дѣло № 25, стр. 55)“, но годъ обозначенъ былъ ошибочно, какъ оказывалось изъ сравненія съ другимъ мѣстомъ труда архим. Амвросія. Въ отдѣлѣ „Особыя замѣчанія о суперіорахъ“ (почаев. мон.) (стр. 73—7) авторъ писалъ м. пр.: „а) Гедеонъ Козубскій. Въ должность вступилъ въ 1830 году и исполнялъ ее по 1736 годъ. При немъ главный восьми гранный куполъ прежней соборной Троицкой церкви *въ 1731 году* покрытъ листовою мѣдью“... (См. Дѣло № 287, стр. 11)“.

Въ этомъ отдѣлѣ авторъ сообщалъ о договорѣ въ 1736 г. мастера для переплета б. тысячи экземпляровъ „Служебника“, объ отлитіи около 1737—9 г.г. новыхъ буквъ для типографіи, о томъ, что б. суперіоръ Варлаамъ Какойловичъ съ 1752 г. былъ корректоромъ типографіи и скончался въ 1763 году.

Въ отдѣлѣ „Перемѣна вѣроученія“... авторъ писалъ: „Въ 1742 году декретомъ папской нунціатуры воспрещено Почаевскому монастырю имѣть типографію и особенно печатать книги на русскомъ языкѣ: „Inhibitum est monasterio Poczajovensi typograficam erigere librasque Ruthenico idiomate imprimere“—сказано въ декретѣ (см. Дѣло № 139, стр. 57). Папа боялся, чтобы Почаевская типографія, не успѣвъ привести въ исполненіе повелѣнія митрополита Шептицкаго объ исправленіи церковнослужебныхъ книгъ, не напечатала ихъ по прежнимъ православнымъ изданіямъ, безъ этого исправленія, и чтобы онѣ не расходились между Уніатами вообще, и въ частности между Базиліанскими монастырями. Вслѣдствіе этого лукаваго наставленія папской нунціатуры церковно-служебныя книги въ Почаевской типографіи *до половины* XVIII столѣтія *дѣйствительно уже не печатались*“. (стр. 70).

Догадка автора о лукавствѣ папы отзывалась наивностью, а показанія о декретѣ нунціатуры 1742 г. и напечатаніи съ этого года до половивы XVIII ст. книгъ въ Почаевскомъ монастырѣ были фактически невѣрны.

Слѣдующимъ по времени сообщеніемъ о поч. типографіи была случайная замѣтка (стр. 81), что „съ 1770 года съ посту-

пленіемъ Унитскаго Епископа Рудницкаго, по имени Сильвестра, Монастырская типографія *начала* печатать церковно-служебныя книги *въ видѣ мнимаго исправленія,* какого требовалъ митрополитъ Шептицкій, и дѣйствительно всѣ онѣ такъ и напечатаны"... Мысль автора была не совсѣмъ ясна: вообще-ли начала почаевская типографія съ 1770 г. печатать книги послѣ перерыва съ 1742 г. (такъ поняли мысль автора пользовавшіеся впослѣдствіи его трудомъ), или съ этихъ поръ она начала впервые печатать книги „въ видѣ мнимаго исправленія". И въ томъ и въ другомъ случаѣ мысль автора была невѣрна, а въ первомъ противорѣчила еще замѣткѣ о корректорѣ Какойловичѣ.

Неточность сообщеній автора, произвольность его мнѣній, отрывочность и неполнота изложенія, разбросанность свѣдѣній о дѣятельности Почаевской типографіи по всей книгѣ—вредно отозвались на послѣдующей литературѣ предмета. Пользовавшіеся трудомъ архм. Амвросія одно повторяли за нимъ, другое выводили изъ его словъ, третьяго не замѣчали.

Предыдущими работами о Почаевской типографіи архим. Амвросій *вовсе* не пользовался. Тѣмъ не менѣе въ трудѣ архим. Амвросія было, повторяемъ, много новаго и интереснаго.

Труда А. Хойнацкаго „Западнорусская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ" (Кіевъ, 1871, 8-о), какъ имѣющаго въ виду свои особыя задачи, мы коснемся лишь постольку, поскольку въ него входитъ матеріалъ, строго относящійся къ библіографіи Почаевскихъ изданій и къ исторіи Почаевской типографіи. Немногочисленныя историческія свѣдѣнія о Почаевской типографіи всѣ заимствованы Хойнацкимъ у архим. Амвросія, хотя нѣсколько и видоизмѣнены имъ. По представленію Хойнацкаго, „начало Почаевской типографіи восходитъ къ первымъ десятилѣтіямъ XVII в. и *по преданію* (очень скромной давности—16-ти лѣтней) принадлежитъ основательницѣ почаевскаго монастыря Аннѣ Гойской. Въ 1618 г., вскорѣ послѣ кончины Гойской, здѣсь было напечатано извѣстное „Зерцало Богословія" Транквилліона.—Но съ теченіемъ времени, по смерти своей основательницы, типографія эта пришла въ упадокъ... Здѣсь въ позднѣйшее время печатались только проскомидійные листы,

антифоны пр. Іову (игумену почаевскому) и разныя архипастырскія посланія, *и т. п*... Около 1720—25 г. уніяты овладѣли почаевскою обителью... Въ тоже время по заботливости тогдашняго почаевскаго архимандрита Ѳеодосія Рудницкаго, они постарались возобновить и почаевскую типографію“, (стр. 31). Далѣе Хойнацкій упоминалъ „почаевскій служебникъ Ѳеодосія 1735 г. „преизящное первенство“ типографіи почаевской (стр. 33) и повторялъ въ редакціи архим. Амвросія догадку о покупкѣ почаевскими монахами уніевской типографіи. (стр. 33—4).

Новы въ трудѣ Хойнацкаго были указанія на многія почаевскія изданія Ц. и Л. П., разсѣянныя по всей книгѣ и отчасти объединенныя (на стр. 36—8) въ сжатомъ перечнѣ. Перечень этотъ „болѣе неизвѣстныхъ книгъ“ былъ помѣщенъ, по словамъ автора, съ цѣлью „дать понятіе, какія книги были во время оно печатаемы въ почаевской лаврѣ“. Перечень распадался на двѣ части: А) книги славянской печати, Б) книги латино-польской печати. Въ обоихъ книги располагались по формату: въ листъ, въ четверть и т. д. и сообщалось лишь краткое заглавіе и годъ изданія. Трудами своихъ предшественниковъ (кромѣ архим. Амвросія) авторъ вовсе не пользовался и руководился собственными свѣдѣніями. Въ книгу вкралось и нѣсколько ошибочныхъ показаній (описокъ—опечатокъ?) о времени изданія нѣкоторыхъ книгъ. Было упомянуто м. пр. изд. Октоиха 1674 г. (с. 392), Молитвослова 1676 г. (с. 391), Тріоди Цвѣтной 1717 г. (с. 399) и Молитвослова 1720 г. (с. 391) [1]). (См. о нихъ ниже).

Въ томъ же 1871 г., въ которомъ напечатаны труды архим. Амвросія и Хойнацкаго появилось капитальное изданіе Московск. Публ. и Румянц. Музеевъ—„Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Викторова“. (Москва 1871, 8°). Въ немъ сжато, но точно названо было до 108-ми почаевскихъ изданій 1742—

[1]) Ошибочное показаніе это повторено впослѣдствіи авторомъ въ статьѣ „Изъ воспоминаній и замѣтокъ бывшаго послушника почаевской лавры при Базиліанахъ“ Вол. Еп. Вѣд. 1879 г. ч. неоф., № 17, стр. 665. (Перепечатано съ согласія автора изъ Холмско-Варш. Вѣстн. № 8).

1827 г.[1]). Четвертая часть ихъ (28+4 по Тихоцкому) были книги раньше совершенно неизвѣстныя. Отмѣчены были и извѣстныя „Зерцало Богословія“, напеч. въ Почаевѣ 1618 г. (№ 214) и „Слово на Латиновъ“—безъ вых.; изд., вѣроятно, въ Почаевѣ, ок. 1618 г. При большинствѣ книгъ указана доля листа и число страницъ и сдѣланы ссылки на библіографическіе труды и б—ки. Многія книги отмѣчены прямо по экз. б—къ. Изъ предыдущихъ работъ авторы воспользовались лишь трудами строго-библіографическими: Сопикова, Строева, Ундольскаго (Кат. Кастерина) и „Каталогомъ собранія А. И. Тихоцкаго (въ Одессѣ)“ (ркп?) (см. с. II.). Благодаря этому, въ „Очеркъ“ не вошло много почаевскихъ изданій, извѣстныхъ уже по печатнымъ трудамъ, но съ другой стороны—не вошло почти и ошибочныхъ показаній. Въ общемъ это было полезно. Почти относительно всѣхъ книгъ можно было быть увѣреннымъ, что онѣ дѣйствительно существуютъ. При этомъ обнаружился довольно странный фактъ: ни въ Рум. Музеѣ, ни даже въ Имп. Публ. Б—кѣ не оказалось *ни одной* книги Ц. П., изданной въ Почаевѣ по передачѣ монастыря православнымъ. Любопытно было бы знать, высылаетъ ли почаевская типографія свои изданія въ указанныя учрежденія въ настоящее время?

Въ томъ же 1671 г. вышелъ и еще одинъ трудъ, имѣющій значеніе и для библіографіи почаевскихъ изданій—„Списокъ книгъ церковной печати, хранящихся въ библіотекѣ святѣйшаго Правительствующаго Синода“ (Спб. 1871, 16°), составленный Н. Барсуковымъ[2]). Книгъ совершенно неизвѣстныхъ раньше въ литературѣ о почаев. типографіи было здѣсь собственно не много

---

[1]) №№ 214,6. 2144; 228—9, 36, 49—51; 343—8; 427, 48; 509, 31, 48, 89 613, 21, 3, 37, 47, 9, 63, 5—6, 85, 90?; 702—4, 51, 60, 4, 73, 82—3, 6—8; 821, 5—8, 61, 84—5; 934, 73, 86, 8. 3003—6, 10, 6, 8, 23, 35, 40—2, 6—9, 56, 65?; 107, 9—12, 8; 224, 63, 90; 330, 77; 408; 532.

Дополненіе Бычкова: 31, 41, 47—8, 51, 64—5, 72, 9, 82—3, 6, 8, 94—5, 7; 103, 5, 9, 15, 9—20, 42, 81—2; 232, 82.

[2]) Почаевскія изданія подъ №№ 143, 156, 166, 175—7, 180, 186—8, 193, 197, 201—2, 214, 216—7, 219, 223—4, 227, 229, 232—7, 239, 241—4, 246—8, 254, 257, 259, 261—2, 265—7, 269—70, 272, 276—8, 280, 286—7, 289, 291, 294—5, 297, 299, 300.

(№№ 187, 201, 232, 276, 291). Важно было то, что при большинствѣ книгъ приведена копія заглавнаго листа.

Перечень почаевскихъ изданій, помѣщенный въ 6 выпускѣ изданія „Памятники русской старины въ Западныхъ губерніяхъ Имперіи“ (Спб. 1874, съ 183—4), составленъ, какъ это и было отмѣчено авторомъ (с. 171), всецѣло и исключительно на основаніи „Очерка“ Ундольскаго и потому имѣлъ лишь то значеніе, что извлекъ и объединилъ почаевскія изданія изъ неснабженнаго ключомъ „Очерка“.

Между тѣмъ „Очеркъ“ Ундольскаго вызвалъ, какъ и слѣдовало ожидать, дополненія. Для исторіи почаевскихъ изданій, точнѣе: для исторіи накопленія ошибочныхъ показаній объ нихъ, важно составленное Я. Головацкимъ „Дополненіе къ очерку сл.-рус. библіографіи В. М. Ундольскаго“ (Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ. Томъ XI, № 5 и отдѣльно. Спб.1874. 8°).

„Воспользовавшись моими записками, писалъ авторъ въ предисловіи (с. 15), и источниками менѣе доступными русскимъ ученымъ, *я съ большою тщательностью* составилъ настоящій списокъ“. „У меня нашлось 80 книгъ почаевской печати... непоказанныхъ библіографами“, писалъ онъ нѣсколько выше (с. 3). Что авторъ назвалъ даже болѣе 100 почаев. изданій, неотмѣченныхъ въ „Очеркѣ“ Ундольскаго—это вполнѣ справедливо, но что списокъ его составленъ „съ большою тщательностью“—это совсѣмъ невѣрно. Авторъ отнеся къ своимъ пособіямъ безъ всякой критики и повторилъ ихъ ошибки. Даже списывалъ онъ невнимательно и, благодаря этому, внесъ порядочное число новыхъ ошибокъ.

Изъ предисловія автора имѣло значеніе для исторіи почаевскихъ изданій развѣ замѣчаніе: „Нѣкоторыя изъ книгъ Почаевской типографіи считаются въ Россіи библіографическими рѣдкостями, между тѣмъ онѣ находятся до сихъ поръ въ продажѣ у Львовскаго купца Михаила Димида“ (выше: Димита) (с. 15). Какъ наивную фальшь можно отмѣтить еще слова: „Впрочемъ для Галицкихъ Угорскихъ Руссовъ книги эти (почаевскаго изданія) уже тѣмъ были привлекательны, что онѣ печатаны въ Россіи“.

Лишь два изъ названныхъ авторомъ почаевскихъ изданій были до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстны (№№ 59 и 174), да объ одномъ авторъ писалъ по собственному экземпляру (№ 237). Названія всѣхъ остальныхъ были заимствованы, какъ это указывалъ и самъ авторъ (с. 7, 14—15 и примѣчаніе къ № 126-му), изъ каталога Дымета, статьи Петрушевича, „Списка" Барсукова и наконецъ Исторіи литературы польской Вишневскаго и статьи Хойнацкаго въ „Холмск. Мѣсяц." на 1873-й г. За Дыметомъ авторъ повторялъ показанія о Молитвенникѣ 1700 г. (№ 45) и Акаѳистахъ 1708 г. (№ 48); за Петрушевичемъ извѣстія о Трефологіонѣ 1704 г. (№ 46), Послѣдованіи постригу двою 1708 г. (№ 49), Евангеліи Страстномъ 1709 г. (№ 50), Алфавитѣ Духовномъ 1710 г. (№ 51), 2-хъ изданіяхъ Молитвословъ въ 1720 году (№№ 54—55) и Жизни Іова XVII в., относя, впрочемъ, послѣдніе не къ концу XVII-го вѣка, а къ ¼ его (№ 16: между книгами 1614 и 1621 годовъ). Любопытно, что Головацкій не повторилъ за Петрушевичемъ показаній о Приложеніи къ Уставу 1700 г. и Величаніяхъ 1704.—У Вишневскаго (а тотъ у Сопикова) авторъ заимствовалъ между прочимъ извѣстіе о напеч. безъ года печати „Словѣ въ недѣлю мясопустную" Ипполита папы (№ 43) и помѣстилъ его между изданіями 1694 года. Въ Виленской публичной б—кѣ авторъ нашелъ Кононикъ 1682 (№ 38). (О Житіи Іова ¼ XVII в., Словѣ Ипполита и Канопикѣ см. ниже). Не понявъ значенія постановки тире въ каталогѣ Дымета („—" здѣсь на мѣстѣ годъ изданія=изданіе безъ выхода) и принявъ его за знакъ того, что книга напечатана въ томъ же году, что и предыдущая,—Я. Головацкій указалъ несуществовавшія никогда изданія (№№ 212=205, 180=199). Указанную Хойнацкимъ латинскую книгу (Чинъ веденія миссій) авторъ принялъ за славянскую (въ примѣчаніи къ № 126-му),—Тріодь Постную 1767 г. Синодальной б—ки отнесъ къ 1769 г. (№ 108) [1]), названное Петрушевичемъ „Правило церковное о св. Пульхеріи", *написанное* въ 1780 г. помѣстилъ безъ достаточныхъ основаній между книгами 1780 года (№ 149) [2]).

[1]) Это, впрочемъ, повидимому, опечатка.

[2]) „Библіографическія замѣчанія" С. Голубева (Кіевъ, 1876". Оттискъ изъ „Трудовъ Кіев. Дух. Акад. №№ 1 и 2) м. б. упомянуты здѣсь развѣ потому, что

Мы не будемъ останавливаться на мнѣніи о состояніи почаевской типографіи при Пр. Іовѣ, высказанномъ свящ. Ап. Сендульскимъ въ статьѣ „Преподобный Іовъ Игуменъ Почаевскій" (въ Волын. Еп. Вѣд. 1875 г., № 22 и 23). Статья эта представляетъ (какъ это ни странно) *дословную* перепечатку въ сокращеніи статьи объ Іовѣ Хойнацкаго, такъ что подъ нею слѣдовало бы поставить имя этого послѣдняго. Къ мнѣнію же Хойнацкаго—мы теперь и перейдемъ.

Въ 1878 г. свящ. А. Хойнацкій издалъ сборникъ своихъ статей—„Очерки изъ исторіи православной церкви и древняго благочестія на Волыни" (Житомиръ 1878 г.; дозв. цензурой: „1877 года іюня 20 дня", 8-о). Въ находящемся здѣсь очеркѣ жизни пр. Іова (напеч. впервые еще въ 1874 г.) авторъ помѣстилъ (на стр. 183—5) отдѣлъ: „Православныя книги, изданныя въ почаевской типографіи во время преподобнаго Іова". Отдѣлъ этотъ мы считаемъ своимъ долгомъ привести почти цѣликомъ.

„*Извѣстно*, писалъ авторъ, что на Волыни, въ почаевской обители, *съ самыхъ древнихъ временъ* (по Амвросію: „уже въ концѣ XVI вѣка") существовала *православная* типографія, *въ которой*, на основаніи привиллегіи отъ королей польскихъ (по арх. Амвросію) *печатались разныя книги на языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ*. Заведеніе этой типографіи преданіе (Карашевичъ въ 1855 г.) приписываетъ основательницѣ почаевскаго монастыря Аннѣ Гойской [1]). *Когда преподобный Іовъ прибылъ на гору почаевскую*, типографія эта уже находилась *въ цвѣтущемъ* (арх. Амвросій: „порядочномъ") положеніи: шрифтъ былъ красивый, похожъ на современный ему (Амвросій: „XVI

въ нихъ отмѣчена, по каталогу Хлудова № 384, Тріодь Постная 1744 г. № 24, с. 75). Двѣ другія отмѣченныя Голубевымъ книги (№№ 28 и 32, с. 76) были извѣстны и раньше (Синод.: 216, Бычковъ: 95).

[1]) *Извѣстно* между прочимъ, что короли польскіе Августъ II и Августъ III, утверждая привиллегіи своихъ предшественниковъ на печатаніе книгъ въ почаевской Лаврѣ, въ то же время *положительно* выражали, что привиллегіи эти она имѣла съ давнихъ временъ: „officina tipografica antiquitu in monasterio Poczajowensi existit. (арх. почаев. лавры.—Дѣло № 95".

Все по архим. Амвросію, съ добавкой „положительно" и измѣненіемъ латинской выдержки.

столѣтія") шрифтъ типографіи Кіево-Печерской Лавры; для начальныхъ статей полагались особыя калиграфическія буквы; разныя виньетки, финалики и бордюры назначались для начальнихъ и конечныхъ листовъ *и т. п.* [1]) (Все это было отмѣчено у архим. Амвросія). *Нечего и говорить, съ какимъ сочувствіемъ преподобный Іовъ долженъ былъ относиться къ этому заведенію* (у Сендульскаго: „какъ онъ обрадовался"), *доставлявшему ему теперь возможность распространить полезныя книги* не только чрезъ переписку ихъ, какъ это дѣлалъ онъ въ дубенскомъ монастырѣ, но и *печатно для всѣхъ желающихъ. Вскорѣ блаженному представился и удобный случай для достиженія этой цѣли.* Въ то время во Львовѣ, въ ставропигіи братства успенія пресвятыя Богородицы, былъ дидаскаломъ или учителемъ и проповѣдникомъ, извѣстный въ исторіи нашей духовной литературы, Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, впослѣдствіи архимандритъ черниговскій [2]). Въ числѣ другихъ своихъ сочиненій Транквилліонъ написалъ: „Зерцало Богословія", *направленное противъ* латинянъ; *и по благословенію преподобнаго Іова* книга эта была „выдрукована въ монастыру почаевскомъ въ маетности (имѣніи) его милости пана Андрея Фирлея, року 1618, мѣсяца марта 12 дня". [3]).

Такимъ же образомъ (т. е. съ благословенія Іова?) въ почаевской типографіи, *во время преподобнаго Іова* (у Амвросія: въ послѣдніе годы, предшествовавшіе порабощенію Почаевскаго монастыря Уніятами"; да и у самого Хойнацкаго въ „Уніи"— глухо: „въ позднѣйшее время"), печатались проскомидійные листы для разсылки въ православныя церкви, письма или посланія православныхъ архипастырей, разныя молитвы *и т. п.* [4]). *И конечно*, по малочисленности (Амвр.: „по неимѣнію") пра-

---

[1]) Смотр. книгу, напечатанную въ Почаевѣ 1618 года: „Зерцало Богословія".

[2]) Обзоръ русской духовной литературы пр. Филарета 812—1720 г. § 167 стр. 263.

[3]) . . . Въ примѣчаніи авторъ приводилъ заглавіе „Зерцала" и оглавленіе, прибавивъ замѣчаніе: Авторъ „обозрѣнія славянорусской библіографіи" сомнѣвается въ напечатаніи ея въ почаевскомъ монастырѣ, (стр. 5 № 168.); *но онъ вѣроятно не зналъ и о* существованіи почаевской типографіи въ XVII в.

[4]) Сказаніе о Поч. Лаврѣ, арх. Амвросія, стр. 34 Архива Поч. Лавры, дѣло № 95.

вославныхъ типографій того времени въ предѣлахъ юго-западнаго (Амврос.: „здѣшняго") края Россіи, когда, по свидѣтельству исторіи (т. е. Карашевича, по Максимовичу), всѣ „древнѣйшія типографіи Волыни: острожская, кременецкая, рахмановская и другія мало по малу прекращали свое бытіе и дѣйствіе еще въ первой половинѣ XVII вѣка, и на Волыни была только одна славяно-русская типографія почаевская" [1]), обитель почаевская находила возможность (Амвр.: „имѣла удобство"), распространить свои типографскія произведенія между православными и такимъ образомъ, *безъ сомнѣнія*, по возможности содѣйствовала къ поддержанію православной церкви среди тогдашнихъ бѣдствій, причиняемыхъ латинствомъ.

Въ примѣчаніи къ послѣднимъ строкамъ Хойнацкій писалъ: „Въ послѣдствіи по смерти преподобнаго Іова здѣсь печатались также антифоны преп. Іову (Арх. Почаев. лавры Дѣло № 95). Догадываются, что въ почаевской обители до обращенія ея въ унію были печатаемы и другія книги; но онѣ или неотысканы, или же уничтожены іезуитами и базиліанами". Авторъ повторялъ слова архим. Амвросія, но сопровождалъ ихъ примѣчаніемъ. „Въ этомъ отношеніи *особенно хитро* поступили іезуиты, которые для того, чтобы лишить какую-либо книгу ея древняго характера, вырывали въ ней обыкновенно заглавные листы, на которыхъ по обычаю значится имя автора, годъ и мѣсто ея изданія. Таковыхъ книгъ и теперь много можно находить въ предѣлахъ западнаго края Россіи, особенно между священниками". [2]).

---

[1]) Очеркъ... Карашевича стр; 140....

[2]) Жаль что авторъ не отмѣтилъ, что въ церквахъ западнаго края находится и множество *уніатскихъ* изданій съ вырванными или заклеенными заглавными листами и вообще частями книгъ. Дѣло объясняется просто, помимо хитрыхъ іезуитовъ. Какъ въ настоящее время преслѣдуются уніатскія изданія, такъ во времена уніи естественно преслѣдовались изданія православныя. Какъ въ настоящее время вырываніемъ или заклеиваніемъ заглавнаго листа скрывается уніатское происхожденіе книги, такимъ же способомъ въ то время могло прикрываться православное ея происхожденіе. Тѣмъ, кто любитъ говорить объ истребительной дѣятельности іезуитовъ, не мѣшало бы указывать и то, что въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія были разосланы Епархіальнымъ Начальствомъ, по крайней мѣрѣ въ Волынской и Подольской Епархіяхъ, указы *объ уничтоженіи* уніатскихъ изданій, и нѣкоторые изъ

Ниже на стр. 167-й своихъ „Очерковъ", Хойнацкій повторилъ еще одну догадку арх. Амвросія: „гора *почаевская*"... *по сознанію самихъ же уніатовъ*, между прочимъ *первоначально была напечатана православными*, и потомъ только „типомъ обновлена" базиліанами въ 1793 году. (Смотр. въ началѣ книги одобреніе къ напечатанію ея отъ Сильвестра Лубьенецкаго, Рудницкаго, еписк. Луцкаго и Острожскаго)".

На стр. 173 авторъ повторялъ ошибку архим. Амвросія о свинцовой крышѣ, снятой въ 1720 г. для отливки буквъ.

Почти всѣ данныя изъ исторіи почаевской типографіи были заимствованы Хойнацкимъ у архим. Амвросія, но тогда какъ въ 1871 г. онъ довольно точно повторялъ архим. Амвросія и воздерживался въ изложеніи исторіи почаевской типографіи до Уніи отъ собственныхъ догадокъ,—въ 1878 году онъ далъ полную волю своей фантазіи. Желая во что бы то ни стало какъ можно болѣе прославить прп. Іова, авторъ не стѣснялся историческими фактами и не довольствовался послѣдними. Книги, напечатанныя по словамъ Амвросія—въ $^1/_4$ XVIII вѣка, о. Хойнацкій, *ссылаясь на того же Амвросія и тотъ же документъ*, отнесъ къ числу книгъ, изданныхъ при Іовѣ; создалъ цѣлую картину радости Іова по поводу существованія въ монастырѣ типографіи; измыслилъ, будто бы „Зерцало Богословія" напечатано съ благословенія Іова; утверждалъ, что въ почаевской типографіи до Уніи печатались книги на языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ, выводя послѣднюю мысль изъ словъ Амвросія о подтвержденіи королями Августомъ II и III привиллегіи мона-

---

молодыхъ священниковъ поусердствовали настолько, что *жгли на кострахъ вообще старопечатныя книги*. На чердакѣ одной изъ колоколенъ Волынской епархіи и доселѣ *гніетъ* купа уніатскихъ и частію *древне-православныхъ* изданій, сваленныхъ сюда покойнымъ теперь о. Благочиннымъ К., жившимъ въ этомъ селѣ и вытребовавшимъ ихъ въ силу указа изъ церквей своего округа. Изъ другихъ церквей книги въ силу указа доставлены были въ Почаевъ и проданы, какъ говорятъ, за границу—галицкимъ уніатамъ. Вмѣстѣ съ книгами уничтожались и рукописи. Нерѣдкость также встрѣтить священниковъ, хвастающихъ тѣмъ, что у нихъ въ церкви—все „новое". Напомнимъ также очень недавній указъ одного Преосвященнаго, запрещающій четвероконечные кресты и рекомендующій восьмиконечные (раскольничьи).

стырю своихъ предшественниковъ на печатаніе книгъ на этихъ языкахъ.

Съ взглядами о. Хойнацкаго, высказанными въ очеркѣ жизни пр. Іова, можно и не считаться.

Въ статьѣ свящ. Ст. Барановскаго „Краткія историческія свѣдѣнія о бывшихъ на Волыни православныхъ типографіяхъ (Вол. Еп. Вѣд. 1877 г., № 18, стр. 763—87), особый отдѣлъ былъ посвященъ и типографіи почаевской (стр. 763—4). Кромѣ нѣсколькихъ строчекъ въ концѣ, всѣ остальныя свѣдѣнія, какъ это видно было изъ примѣчаній, были заимствованы у архим. Амвросія. Но разбросанность и отрывочность извѣстій послѣдняго чрезвычайно вредно отозвались на трудѣ Барановскаго. Многое осталось незамѣченнымъ, многое непонятымъ. Получился въ результатѣ рядъ ошибокъ. „Основательницей ея, писалъ Барановскій о почаевской типографіи..., была... Анна Гойская *въ 1597 г....* Историческую, однако жъ, дѣятельность типографія начала съ 1618 года, съ коего мы и считаемъ ея—типографіи начало. Здѣсь напечатаны: а) Зерцало Богословія... 1618..., б) Цвѣтникъ св. Дороѳея или поученія инокамъ *въ томъ-же г.* Потомъ ко времени, ближайшему къ совращенію почаевскихъ иноковъ въ унію, здѣсъ печатались—в) Проскомидійные листы... г) Посланія православныхъ архипастырей..., д) Антифоны преп. Іову, е) Молитвы. Съ совращеніемъ *въ 1720 г.* иноковъ въ унію, *типографія должна была прекратить свои дѣйствія.* „Inhibitum est monasterio paczaiewensi tipograficam errigere librasquee ruthenico idiomate imprimere", сказано было почаевскому монастырю 1742 г. въ декретѣ папской нунціатуры. *Объ оставшихся-же отъ православнаго времени книгахъ повелѣно было* — „libri, qui jam impressi sunt, si correctione indigent et corrigi possunt, corrigere [1])". *Около 1784 г.* типографія *возобновила-было свои дѣйствія*; но по случаю печатанія старо-

---

[1]) Тамъ же (Опис. Амвросія), стр. 65. Авторъ не понялъ словъ архим. Амвросія. Указанныя слова приведены послѣднимъ, какъ выдержка изъ окружнаго посланія Аѳанасія Шептицкаго отъ 4 мая 1733 г. объ исправленіи всѣхъ вообще православныхъ изданій. Къ папскому декрету по дѣлу почаевской типографіи и вообще къ почаевской типографіи выдержка эта не имѣетъ никакого отношенія.

обрядческихъ книгъ, была *на время закрыта. Съ 1800 и 27 годовъ* (т. е.?) *послѣдовало разрѣшеніе для ея дѣйствій,* и она *до* времени *присоединенія* обители къ православію печатала испорченныя уніатами богослужебныя книги. Съ 1834 г. православные начали съ литографированья въ типографіи... изображеній... *Съ 1854 г. разрѣшено печатать здѣсь и книги,* и въ типографіи печатались"... (Слѣдуетъ перечень, по Амвросію).

Въ приведенныхъ словахъ почти что предложеніе, то и ошибка, новаго—ничего. Новы были лишь послѣднія строки: Въ 1863 г. напечатано здѣсь—Церковно-историческое и статистическое описаніе варшавской православной епархіи... Съ 1867 г. печатаются здѣсь Волынскія Епархіальныя Вѣдомости".

Разбирать положенія Барановскаго мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ всѣ мысли его, повторяемъ, основаны на пропускѣ и непониманіи сообщеній архим. Амвросія.

Въ 1877 же году была напечатана статья Іером. Платона „Преосвященнѣйшій Архіепископъ Агаѳангелъ, какъ Священно-Архимандритъ Почаевскія Успенскія Лавры" (Волын. Еп. Вѣд. 1877 г. № 23. Перепечатана въ видѣ 6-й дополнительной главы во 2-мъ и 3-мъ изданіяхъ „Описанія... Лавры", Амвросія). Въ статьѣ былъ и отдѣлъ „Что пріобрѣла типографія" (стр. 1032=266). На стр. 1033 (=268) упоминалось о справкѣ двухъ старопечатныхъ машинъ.

Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ и о значеніи для библіографіи почаевскихъ изданій труда Геннади „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 г., (2 тома. А.—М. Берлинъ. 1876+1880 г., 8-о). Насколько намъ извѣстно, авторъ воспользовался (не вполнѣ) лишь трудами Сопикова, Ундольскаго („Очеркомъ"), Барсукова и Головацкаго да въ 1—2-хъ случаяхъ отчетами Спб. Публ. Б—ки. Ссылки на Wiszn., Кастерина, Царскаго—взяты изъ вторыхъ рукъ. Допущено было нѣсколько ошибокъ въ ссылкахъ на пособія, въ обозначеніи доли листа и въ 2-хъ случаяхъ (Евангеліе 1786, 8-о; Минея Общая 1780")—въ годахъ. Новаго, кромѣ 2—3-хъ напечатанныхъ вполнѣ впервые заглавій, не было ничего.

Въ 1880—1 годахъ появилось въ печати значительное число свѣдѣній о почаевскихъ *гравюрахъ*.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1880 г. въ Церковно-археологическое Общество при Кіевской духовной Академіи отъ Намѣстника Почаевской Лавры поступило „274 №№ гравюръ мѣстнаго происхожденія, изъ коихъ 48-мъ оттиснуты съ деревянныхъ досокъ, а 226-ть съ металическихъ". („Извѣстія ц.-арх. Общ. при Кіев. дух. Акад. за м. январь, 1880 г." въ „Трудахъ" Академіи, № 4, стр. 679). Оттиски съ досокъ, „болѣе интересные" для исторіи граверного искусства, были перечислены въ „Извѣстіяхъ" Общества (стр. 679—82). При этомъ принята была неудобная система ссылокъ на №№ гравировальныхъ досокъ. №№ эти приводились послѣ перечисленія гравюръ даннаго гравера, въ числовомъ порядкѣ съ 2-мя подраздѣленіями на „деревян." и „металлич.". Такимъ образомъ обозначилось лишь, подъ какими №№ находятся вообще оттиски съ гравюръ даннаго гравера. и не было видно, подъ какимъ именно № хранится каждый изъ оттисковъ.

Въ томъ же 1880 году (въ маѣ), отъ Духовнаго Собора Почаевской Лавры поступило въ Общество еще „32 листа современныхъ *оттисковъ* со старыхъ гравировальныхъ досокъ Почаевской лавры" и кромѣ того „17 деревянныхъ и 35 мѣдныхъ гравировальныхъ досокъ прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ". И доски, и оттиски были подробно перечислены (доски съ указаніемъ №№) въ 66 (14) № журнала „Россійская Библіографія", отд. 1, стр. 329—30 (=№ отъ 13 августа 1880 г.) [1]. Между оттисками находилось м. пр. 9-ть листовъ съ образцами шрифта и заставокъ и 1 листъ съ изображеніемъ гербовъ.

Такимъ образомъ въ музеѣ ц.-арх. Общ. при Кіев. Акад. образовалась цѣлая коллекція изъ 52 гравировальныхъ досокъ Почаевской Лавры и 306 листовъ оттисковъ съ послѣднихъ, что и было отмѣчено въ „Указателѣ" музея (Кіевъ 1880 г., 8-о, стр.

---

[1]) Ср. „Извѣстія ц.-арх. Общ. при Кіев. дух. Акад. за м. май 1880 г." въ „Трудахъ" Академіи, № 7, с. 452—6; и „Отчетъ" за 1880 г. отд. отт. (изъ „Трудовъ" 1881 г. № 3), с. 3.

12—16). Въ Музеѣ оказалось и нѣсколько оттиснутыхъ въ Почаевѣ гравированныхъ Антиминсовъ („Указатель“, стр. 24—25).

Изъ находившихся въ Музеѣ почаевскихъ гравюръ самою раннею по времени гравировки была гравюра 1733 г.

Въ слѣдующемъ 1881 году вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ Д. Ровинскаго „Русскія народныя картинки“ (Спб. 1881 г. 5 томовъ. 8-о. Составляетъ 23—27-й томы „Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. Академіи Наукъ“). Гравюры распредѣлены были по содержанію. На разныхъ страницахъ 1—4-го томовъ описано было не мало гравюръ и почаевской работы [1]). Не обошлось и безъ ошибокъ.

Такъ въ описаніи гравюры № 1277 имя гравера должно быть обозначено буквой „Т“ (Teodor), а не „I“. Въ т. IV-мъ, въ примѣчаніи къ №№ 1276—96 было высказано совершенно ошибочное предположеніе, что гравюра, рѣзанная кіевскимъ граверомъ Н. Зубрицкимъ въ 1704 г. и изображающая освобожденіе Богоматерью въ 1675 г. обители почаевской отъ турецкой осады рисована „вѣроятно“ съ картины викарія волынской епархіи Анатолія, хранящейся въ почаевской Лаврѣ. (Въ началѣ XVIII в. нельзя было рисовать съ картины, написанной въ XIX-мъ вѣкѣ). Но особенно интересны для насъ ошибочные показанія Ровинскаго о 2-хъ гравюрахъ „почаевской работы“: одной *начала* XVIII в. и другой, рѣзанной „I. S.“ въ

---

[1]) См. т. I (Сказки и забавные листы) стр. 454 (№ 229: Жидъ Лейба);

т. II (Листы историческіе, календари и букварн), стр. 323 (№ 642: Видъ Іерусалима), стр. 351 (№ 649: Видъ Константинополя), стр. 510 (№ 683: рус. и пол. прописи);

т. III (Притчи и листы духовные), стр. 5 (№№ 691—2), 284—5 (625), 326 (864—5), 350 (898—9), 352 (908—9), 443 (1113), 457 (1165), 460 (1174—5), 463 (1192), 516—9 (1276—95), *519 (1296)*?, 526 (1312—4), 531 (1328—9), 533 (1334). 549 (1369), 558 (1388), 1395—7), 561 (1395—567 (1402), 568 (1410), 615—6 (1484—5), 619 (1500: съ ошибками), 620 (1501+1504), 645 (1557) *648 (1560)?*, *655—6 1583)??* 656 (1588), 657 (1594+1595—1603), 658 (1697—9;

т. IV (Примѣчанія и дополненія), стр. 497—8 (к. № 642), 630—1 (Антиминсы: №№ 5, 6, 7 и 39°) 683—4 (Зимн. ик. Б—цы) 689—90 (Непорочная дѣва, 692 (Поддубецк. ик. Б—цы), 694 (Решенв. ик. Б—цы), 706 (1224 А+Б.), 708—9 (1234 А+Б), 721 (1269 А+1275 А), 722 (к. 1295), 725 (1301 Б).

1702-мъ году (№№ 1583 и 1500). Ими какъ бы утверждалось о производствѣ гравюръ въ почаевскомъ монастырѣ уже въ первыхъ годахъ XVIII в. Объ этихъ гравюрахъ мы будемъ говорить ниже [1]).

Ю. Тиховскій.

(Окончаніе слѣдуетъ)

[1]) У Ровинскаго описаны еще 2 гравюры 1695 и 1704 г. съ почаевскими, такъ сказать, сюжетами: на одной изображенъ почаевскій монастырь (№ 1675), на другой (упомянутой уже нами): освобожденіе въ 1675 г. обители отъ турецкой осады (въ примѣчаніи къ №№ 1276—96). Но и самъ авторъ не утверждалъ, что они „почаевской работы"; напротивъ говорилъ, что принадлежатъ онѣ кіевскимъ граверамъ. А потому не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ[1].

II. Кузьмичевскій.

Во II и III книгахъ „Кіевской Старины" 1886 г. П. Кузьмичевскій напечаталъ статью „*Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности*". Предоставляя другимъ изслѣдованіе взаимодѣйствія въ языкѣ, одеждѣ, утвари, кухнѣ, г. Кузьмичевскій отмежевываетъ себѣ анекдотическій отдѣлъ народной словесности. У турокъ множество анекдотовъ связано съ именемъ Насръ-Эддина-Хаджи, шута Тамерлана, при чемъ одни анекдоты древнѣе Тамерлана, другіе—новѣе. Кромѣ множества устныхъ разсказовъ, у турокъ ходятъ рукописные и печатные сборники этихъ анекдотовъ. Г. Кузьмичевскій склоненъ видѣть вліяніе ихъ какъ на Востокѣ Европы, у болгаръ, малоруссовъ, такъ и на Западѣ, въ сборникѣ фацецій Поджіо и въ разсказахъ объ Уленшпигелѣ. Въ этихъ положеніяхъ автора есть преувеличенія, многіе изъ украинскихъ анекдотовъ, выводимыхъ авторомъ изъ турецкаго источника, идутъ прямо съ Запада, ближе стоятъ къ Западноевропейскимъ стариннымъ фацеціямъ и жартамъ. Такъ, первый анекдотъ о цыганѣ, записанный въ Галиціи, не обнаруживаетъ прямой связи съ приведеннымъ авторомъ анекдотомъ о Насръ-Эддинѣ, проще и остроумнѣе послѣдняго. Второй малорусскій анекдотъ о подаркѣ кстати, очень безцвѣтный, также могъ возникнуть независимо отъ турецкаго вліянія, такъ какъ весьма популяренъ въ Европѣ съ римскихъ временъ (встрѣ-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г., № 5.

чается у Светонія). Въ малорусскихъ и турецкихъ анекдотахъ объ „умѣстной обстановкѣ“, „идеальной ѣдѣ“, „выздоровѣлъ, но умеръ“, „оселъ-муэдзинъ“ мы не можемъ найти ничего общаго, можетъ быть за ихъ краткостью и безцвѣтностью. Анекдоты о подаркѣ кстати (№ 2) и о посылкѣ на тотъ свѣтъ (№ 13) обставлены интересными литературными параллелями. Слабой стороной статьи представляется то обстоятельство, что нѣкоторые малорусскіе анекдоты (напр. №№ 2) переданы съ чужихъ словъ безъ точной записи, другіе (№ 3) въ литературной обработкѣ; существованіе нѣкоторыхъ только предполагается (№ 19 объ ослѣ муэдзинѣ): „слышали мы, помнится, нѣчто подобное“ (III 465). Въ малорусскихъ анекдотахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ самаго имени Насръ-Эддинъ-Хаджи, нѣтъ никакого опредѣленнаго личнаго пріуроченія анекдотовъ. Это даетъ поводъ думать, что ни турецкій Насръ-Эддинъ, ни нѣмецкій Уленшпигель не проникали въ Украину въ личномъ типическомъ видѣ, что сюда заходили по всей вѣроятности съ Запада кое-какіе ихъ литературные обрывки, которые быстро получали мѣстную переработку и пріурочивались къ домашнимъ анекдотамъ о жидахъ или цыганахъ въ своеобразной національной юмористической окраскѣ. Доискаться украинскаго первоисточника такого обрывка въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно; такимъ первоисточникомъ могъ быть или словоохотливый казнодѣй-проповѣдникъ, въ родѣ Радивиловскаго, или ученый бакалавръ, быть можетъ, побывавшій и въ нѣмецкихъ университетахъ, въ родѣ Гаваттовича, или странствующій монахъ, любитель бойкаго анекдота, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, можетъ быть заѣзжій болтливый французъ, въ родѣ Боплана. Изъ кабинета ученаго, съ церковной каѳедры, изъ панскаго двора анекдотъ, вольная передѣлка италіанской новеллы или фацеціи, легко могъ проникнуть въ народѣ и получить здѣсь своеобразное толкованіе и своеобразное примѣненіе.

Въ III и IV кн. „Кіев. Старины“ 1887 г. напечатана обширная статья г. Кузьмичевскаго „*Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ*“. Авторъ замѣчаетъ въ началѣ статьи, что о крѣпостномъ правѣ есть много малорусскихъ пѣсенъ, весьма много пѣсенъ объ его отмѣнѣ, и только одну изъ нихъ

признаетъ народною, при чемъ оказывается, что и эта пѣсня („Ой летила зозуля") заграничнаго австрійскаго происхожденія; въ основѣ ея лежитъ „Písń radosti", сложенная полякомъ вскорѣ по освобожденіи крестьянъ въ Галиціи въ 1848 г. Г. К. считаетъ „Písń radosti" точкой отправленія галицкихъ русскихъ при сложеніи пѣсенъ о панщинѣ. Мнѣ кажется, что самъ авторъ „Пѣсни радости" находился подъ сильнымъ вліяніемъ народной поэзіи, и если „Пѣснь радости" оказала потомъ вліяніе на сложеніе пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины, то потому что она сама проткана народно-поэтическими узорами. Это такая же мѣстно-галицкая смѣсь чертъ народныхъ и искусственныхъ, какой на востокѣ Малороссіи въ б. Слободской Украинѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи является пѣсня Г. С. Сковороды „Нема въ свити правды", въ противоположность первой своеобразная пѣсня печали. Пѣсни этого рода относятся къ промежуточной сферѣ между книжностью и народной словесностью и заключаютъ въ себѣ элементы той и другой въ тѣсномъ сочетаніи. Авторъ сначала приводитъ галицкіе варіанты „Пѣсни радости": „Písń radosti" A. L. двѣ пѣсни въ „Зорѣ Галицкой" 1848 г., въ Основѣ 1862, въ III т. сборника Головацкаго и шесть варіантовъ, записанныхъ въ правобережной Украинѣ, три печатныхъ и три неизданныхъ. Въ Малороссіи пѣсни о „зозуленькѣ", вѣщающей освобожденіе отъ пановъ, пріурочены не къ 1861 г., а къ 1863 г., ко времени объявленія аграрныхъ льготъ послѣ польскаго возстанія. Въ середину статьи (IV 626—634) эпизодически введено нѣсколько искусственныхъ малорусскихъ виршъ объ освобожденіи крестьянъ, вѣроятно, семинарскаго издѣлія. Народомъ усвоена и разработана лишь одна выше отмѣченная пѣсня о зозуленькѣ, занесенная изъ Австріи. Запѣвъ пѣсни о „Зозуленькѣ" взятъ изъ колядокъ. Кукушка вѣщаетъ въ пѣсняхъ иногда радостныя, иногда печальныя вѣсти, о чемъ подробности см. въ „Объясн. малор. пѣсенъ" *Потебни* II (колядки) 78—80, 724—737.

Въ 8 и 10 кн. „Кіевской Старины" г. Кузьмичевскій помѣстилъ большую (въ 5 печат. листовъ) статью „*Шелудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ*". О шелудивомъ Бонякѣ сохранились извѣстія въ лѣтописяхъ, въ монастырскихъ

историческихъ преданіяхъ и въ народныхъ сказаніяхъ. Въ лѣтописяхъ и преданіяхъ историческихъ онъ обрисованъ врагомъ народа, чародѣемъ, отрубленная его голова хотѣла уйти. М. Е. Халанскій и г. Голубовскій признаетъ за этими преданіями серіозное историческое значеніе. Г. Кузьмичевскій считаетъ сказанія о Бунякѣ за побѣги иранскихъ легендъ о Джемшидѣ, Ариманѣ и его порожденіи Дагакѣ, отголосками довольно темными и спутанными, что произошло, по мнѣнію г. К., съ одной стороны отъ долговременнаго пребыванія ихъ въ нашей народной средѣ, съ другой—что они дошли сюда не прямо, чрезъ посредство племенъ, населявшихъ южно-русскія степи. Не смотря на обширную эрудицію автора, на массу фактическихъ доводовъ, мы затрудняемся принять этотъ выводъ, по шаткости и загадочности иранскихъ образовъ о Варѣ и Джемшидѣ. Авторъ, увлекаясь сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, ввелъ много постороннихъ литературныхъ мотивовъ. Статья читается съ трудомъ по причинѣ многихъ отступленій и побочныхъ экскурсовъ. Это цѣлый рядъ сравнительно-литературныхъ изслѣдованій по поводу отдѣльныхъ деталей въ преданіяхъ о Бунякѣ, изслѣдованій, несомнѣнно, любопытныхъ, но къ Буняку не относящихся (напр. экскурсъ о Кощеѣ).

Статья распадается на четыре главы. Въ первой главѣ г. К. приводитъ извѣстія лѣтописи, Іоанникія Галятовскаго въ „Небѣ Новомъ“ (ок. 1660 г.), Krajowej galyciskiej Tabuly и свящ. Гарасевича въ альманахѣ Lwowianin 1837 г. Сообщеніе Галятовскаго, что св. Николай помогъ кн. Роману рубить Буняка сведено г. К—имъ къ церковнымъ легендамъ о явленіи Христа Константину Великому передъ битвой его съ Максентіемъ. Та подробность, что отрубленная голова Боняка катилась, напоминаетъ автору французскую легенду о парижскомъ еп. св. Діонисіи и старинную русскую легенду о Меркуріи Смоленскомъ. Въ итогѣ получается выводъ о книжно-монастырскомъ характерѣ сказанія о Бунякѣ въ упомянутыхъ выше источникахъ и о позднѣйшемъ его образованіи, выводъ не совсѣмъ убѣдительный, такъ какъ мотивъ о катящейся головѣ могъ возникать и циркулировать безъ прямыхъ литературныхъ воздѣй-

ствій церковной литературы. Помощь св. Николая кн. Роману, несомнѣнно, навѣяна житіемъ святителя, но и безъ этой подробности въ лѣтописномъ сказаніи о Бонякѣ и въ позднѣйшихъ о немъ историческихъ преданіяхъ обнаруживаются традиціонныя черты вражды и презрѣнія русскихъ къ половцамъ въ лицѣ ихъ воинственнаго и смѣлаго наѣздника Боняка, въ свое время причинившаго русскому народу не мало тревогъ и огорченій.

Во второй главѣ приведена галицко-русская сказка у Садока Баранчи и ея слабый варіантъ у Сѣменскаго о томъ, какъ шелудивый Буняка, обрисованный въ этомъ случаѣ въ родѣ Вія (вѣки поднимали вилами), влюбился въ царицу Елену и погнался за ней, и когда ее сталъ защищать царевичъ, Буняка заклялъ ихъ, и царевичъ съ войскомъ и Еленой провалился подъ землю, откуда выйдетъ со временемъ для освобожденія Польши. Послѣдняя подробность, т. е. пребываніе царевича съ войскомъ подъ землей, даетъ автору поводъ къ обширному экскурсу объ откровеніи Меѳодія Патарскаго, о византійско-германской легендѣ объ императорѣ, спящемъ подъ землей, съ разными личными пріуроченіями, о предполагаемыхъ иранскихъ первообразахъ этой легенды, азіатскихъ и европейскихъ ихъ отголоскахъ у буддистовъ, мусульманъ, евреевъ и христіанъ, о позднѣйшихъ пріуроченіяхъ легенды къ Добошу, Шевченкѣ и Ст. Разину. Въ этомъ обширномъ кругѣ сравненій не вездѣ присутствуетъ основной мотивъ—пребываніе героя и его войска въ горѣ или подъ землей; райскій садъ Варъ подъ землей или подъ горой и выходъ изъ него народа Джемшида, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и если вводить его въ кругъ сравненій, то почему не привлечь сюда и сказанія африканскихъ и американскихъ дикарей о выходѣ первыхъ людей изъ горъ или изъ-подъ земли (приведены у Ревилля въ соч. Les relig. des peuples non-civilisées). Мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Кузьмичевскимъ, что въ древней иранской легендѣ о Іимѣ находятся всѣ элементы сказанія о замкнутомъ въ подземельѣ царевичѣ и др. сродныхъ сказаній, хотя считаемъ возможнымъ другое предположеніе г. К., что Откровенія Меѳодія Патарскаго

заключают въ себѣ иранскіе элементы и что иранскіе образы о заключенномъ подъ землею религіозно-національномъ героѣ могли проникать на западъ и сами собой устнымъ путемъ. Вообще эта область темная и загадочная, и свести всѣхъ героевъ, Марка-Королевича, Фридриха Барбарусу, ученика Будды Кассіаку, Дабаша, Стеньку Разина къ иранскому первоисточнику—дѣло рискованное, тѣмъ болѣе, что наряду съ героями, скрывшимися въ горѣ, могутъ оказаться герои, прикованные къ горѣ, какъ Прометей, зарытые въ землю, замурованные, какъ Ликургъ, Даная.

Эпизодъ о томъ, что царевичъ и царица провалились подъ землю, можетъ быть сближенъ съ многочисленными сказаніями о провалившихся городахъ (собраны въ большомъ числѣ въ Revue d. trad popul. 1890—1894).

Въ III гл. г. К. разсматриваетъ начало сказки о Бунякѣ и Еленѣ и приводитъ многочисленныя литературныя параллели изъ европейскихъ и азіатскихъ сказокъ объ униженной царевнѣ, о претензіозной невѣстѣ и людяхъ съ чудесными свойствами. Сюда привлечены сказочные мотивы о царевнѣ, загадывающей женихамъ загадки или дающей имъ задачи, и мотивы объ униженіи гордой царевны осмѣяннымъ ея женихомъ. Мотивы эти сведены къ индійскимъ образцамъ при посредствѣ статьи Бенфея въ Ausland 1858 г. о людяхъ съ чудесными свойствами. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ дано много цѣнныхъ библіографическихъ указаній и историко-литературныхъ замѣтокъ. Такъ, разбирая въ одномъ примѣчаніи (на 242 стр.) сказочные мотивы прятанія (жениха отъ невѣсты царевны), авторъ высказываетъ общее замѣчаніе, что „сходство сказочныхъ образовъ совпадаетъ не съ племеннымъ родствомъ народовъ, а съ ихъ географическимъ сосѣдствомъ“,

Послѣдняя IV глава весьма обширна (32 стран.) Авторъ здѣсь, по своему обыкновенію, даетъ гораздо болѣе матеріалу и заключеній, чѣмъ предполагаетъ исходный пунктъ изслѣдованія. Въ началѣ главы авторъ останавливается на сказаніяхъ народныхъ (въ сводѣ г. Драгоманова и во львовской хроникѣ Іозефовича XVII в.) о Бунякѣ, какъ людоѣдѣ, о томъ, что

Буняка, кромѣ смрадныхъ внутренностей, висѣвшихъ на спинѣ, лица, рукъ и ногъ, покрытыхъ кожей, не имѣлъ тѣла, что онъ убивалъ дѣтей или слугъ, замѣчавшихъ эти особенности, что только одинъ мальчикъ спасся, угостивъ Буняку коржикомъ, спеченнымъ на молокѣ матери его, мальчика. Чудовище приняло его за побратима и было убито имъ. Сказаніе о людоѣдѣ Бунякѣ авторъ сближаетъ съ монгольскимъ разсказомъ въ Шиддѣ-куръ (передѣлка индійской книги Vetala pantcha vincati) и классической сказкой о Мидасѣ. Въ первомъ сынъ царя Данбинги, въ второй царь Мидасъ имѣютъ ослиныя уши и убиваютъ тѣхъ, кто замѣтилъ ихъ. Въ индо-монгольской сказкѣ повторяется подробность о побратимствѣ мальчика съ чудовищемъ. Въ статьѣ приведены на тему объ ушахъ Мидаса сказки новогреческая, сербская, ирландская и бретонская. Авторъ раздѣляетъ мнѣніе Бенфея, что сказка объ ушахъ Мидаса пошла противъ общаго теченія своихъ собратовъ, именно съ запада на востокъ въ александрійскій періодъ греческой исторіи, и что, благодаря классическимъ вліяніямъ, она распространилась отъ Ирландіи до Тибета. Сравнивая въ частности украинскіе варіанты со всѣми другими, г. Кузьмичевскій находитъ, что украинскіе варіанты ближе къ варіанту монгольскому, чѣмъ къ европейскимъ, не исключая сербскаго варіанта, что даетъ поводъ думать, что сказка о людоѣдѣ Бунякѣ зашла въ Малороссію изъ Азіи. Въ послѣднее время издано довольно много новыхъ варіантовъ на тему сказанія объ ушахъ Мидаса у *Потанина* въ Путеш. въ сѣв.-зап. Монголію II 22, въ *запискахъ* Нео-филол. Общества 1892 стр. 22, въ *Сборникѣ* матер. для опис. Кавказа XIII 121, въ *Revue* des traditions populaires 1892 г., въ „Архивѣ" г. Ягича и въ „Am Ur quell" 1892 г. Въ варіантѣ, записанномъ у кавказскихъ татаръ (Сборн. XIII 121), у Александра Македонскаго на головѣ рогъ; цирульникъ передалъ секретъ землѣ; тростникъ разболталъ и пр. Существованіе кавказскихъ варіантовъ сказки объ ушахъ Мидаса можетъ внести нѣкоторое дополненіе къ предположеніямъ г. Кузьмичевскаго, въ томъ смыслѣ, что Кавказъ—этотъ природный географическій мостъ—могъ быть мостомъ и въ литературномъ

отношеніи, при переходѣ древнихъ греческихъ сказаній къ народамъ сѣверной Европы и сѣверо-западной Азіи.

Въ концѣ статьи г. К. находится въ видѣ отступленія небольшой экскурсъ о сказочномъ Костіѣ-Кощеѣ, безсмертномъ или бездушномъ, и о кощеяхъ Слова о Полку Игоревѣ и лѣтописей. Сказочного Кощея авторъ склоненъ сблизить съ Бунякомъ, вообще съ демоническими образами демоновъ и упырей и вывести ихъ отъ индійскихъ ракшасовъ (демоновъ) и веталовъ (упырей). Кощеи лѣтописей и слова о П. И. ничего общаго не имѣютъ съ сказочными кощеями и, какъ предполагаетъ г. Каллашъ въ одной замѣткѣ въ Филол. Вѣстникѣ, представляютъ заимствованіе тюркскаго названія для раба, въ какомъ смыслѣ слово Кощей до сихъ поръ встрѣчается въ Средней Азіи.

Сказка о Кощеѣ безсмертномъ, или правильнѣе бездушномъ, построены на глубоко древнемъ анамизмѣ, что признаетъ и г. Кузьмичевскій въ примѣчаніи на 270 стр. X кн. Въ этомъ примѣчаніи указаны малорусскіе варіанты сказочнаго мотива о помѣщеніи души въ яйцѣ (въ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и Рудченка), старинный русскій (въ Памятн. Костомарова) и древне-египетскій (у Maspero). Къ этимъ указаніямъ добавимъ кавказскіе варіанты въ *Сборникѣ* матер. по опис. Кавказа XIII 109, 317, великорусскій у *Садовникова* 201, французскій и др. въ хорошо извѣстномъ г. Кузьмичевскому сборникѣ *Cosquin'* а подъ № 15, сицилійскій у *Gonzenbach* II 215, въ *Калилѣ и Димнѣ* (въ пер. Аттаи) 154, съ зулусской сказкѣ (Басни и сказки дикихъ нар. 64, примѣч.). Вообще, Кощей безсмертный по этому главному мотиву (спрятанной душѣ) составляетъ особый чрезвычайно распространенный циклъ сказокъ, сколько мнѣ извѣстно, не подвергавшихся спеціальному изученію. Къ сказкамъ о скрываніи души близко примыкаютъ сказки о скрываніи (въ яйцѣ или ящикѣ) силы или смерти (напр. эстонская сказка въ *Этногр. Обозр.* 1890, II, 116).

И. Я. Франко.

Имя Ивана Яковлевича Франка въ Россіи почти неизвѣстно. Лишь недавно (въ 1894 г.) на страницахъ Русскаго Обозрѣнія мимоходомъ былъ высказанъ похвальный о немъ отзывъ. Въ Галиціи г. Франко играетъ видную роль, какъ выдающійся беллетристъ, публицистъ и этнографъ. Проф. Огоновскій въ III т. Исторіи литературы русской (отд. 2, стр. 915—1072) даетъ обширную біографію г. Франка, что можетъ представлять интересъ лишь въ рамкахъ галицко-русскихъ внутреннихъ отношеній. Ограничимся основными біографическими данными. При малой доступности галицкой литературы, мы заранѣе должны оговорить, что не можемъ ручаться за полноту библіографическаго обзора этнографическихъ статей г. Франка. Отмѣчаемъ лишь то, что могли найти на страницахъ Зори, Кіевской Старины, Вислы, „Въ поти чола" и въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej.

И. Я. Франко, сынъ галицкаго крестьянина кузнеца, родился въ слободѣ Дрогобицкаго повѣта въ 1856 г. Онъ учился сначала въ сельской народной школѣ русинскому, польскому и нѣмецкому языкамъ, затѣмъ въ нѣмецкой базиліанской школѣ, въ гимназіи и во львовскомъ университетѣ. Судя по даннымъ біографіи г. Ф., галицкая школьная педагогія представляетъ жалкое явленіе. Въ базиліанской школѣ учениковъ били, и эта школа недалеко ушла отъ бурсы Помяловскаго. Въ послѣдствіи г. Франко въ беллетристическихъ разсказахъ, вошедшихъ въ книгу „Въ поти чола", обрисовалъ грубость учителей и нераціональность ихъ педагогическихъ пріемовъ. Лекціи въ университетѣ, по словамъ самого г. Франка (приведены у г. Огоновскаго), „зовсимъ его не заняли и не дали ему ничогисинько, ани методы, ани здобуткивъ". Университетъ здѣсь не совсѣмъ виноватъ. Г. Франко рано увлекся общественной дѣятельностью народническаго направленія, что привело его къ столкновеніямъ съ австрійскими властями. Въ повѣстяхъ г. Франка „На дни", и „До свитла", напоминающихъ „Записки изъ Мертваго дома" Достоевскаго, разсѣяно много автобіографическихъ подробностей.

Извѣстность въ Галиціи г Ф. пріобрѣлъ несомнѣннымъ беллетристическимъ талантомъ, значительной начитанностью и основательнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями общественной и народной жизни. Г. Ф. многое читалъ и многое наблюдалъ лично. Постоянное и разнообразное участіе въ русской и польской галицкой печати содѣйствовало выработкѣ наблюдательности, литературной опытности и бойкаго стиля. Г. Ф. писалъ въ „Зорѣ", въ „Дѣлѣ", въ разныхъ польскихъ газетахъ, въ журналѣ „Wisła", въ „Кіев. Старинѣ", издавалъ въ 1881 г. газету „Свѣтъ" (въ сотрудничествѣ съ Белеемъ), въ 1890 г. „Народъ", съ 1894 г. издаетъ журналъ „Житье и Слово", гдѣ отведено значительное мѣсто для этнографіи.

Мы не будемъ здѣсь касаться стихотвореній и повѣстей г. Ф. (послѣднихъ проф. Огоновскій насчиталъ 41). Кое-какія этнографическія наблюденія автора здѣсь трудно выдѣлить отъ автобіографическихъ подробностей и литературныхъ прикрасъ. Къ тому же я вообще не придаю серьезнаго научнаго значенія этнографической беллетристикѣ въ смыслѣ руководства ею при народоизученіи. Значеніе такой беллетристики, значеніе весьма важное и плодотворное, состоитъ въ сближеніи разныхъ общественныхъ слоевъ, въ возбужденіи и поддержаніи интереса къ народной массѣ, къ ея жизненнымъ нуждамъ и потребностямъ. Беллетристъ и драматургъ показываютъ (и это его нравственная обязанность) этнографическіе факты въ рельефѣ, съ выборомъ, непремѣнно въ связи ихъ съ живой личностью и въ цѣлой бытовой обстановкѣ, при чемъ личныя субъективныя обобщенія и объясненія оказываются неизбѣжными, по личной заинтересованности автора, по свойству всякаго личнаго литературнаго творчества. Потому, всѣ народописательныя повѣсти Даля, Гл. Успенскаго, Мирнаго, Франка и др. относятся къ исторіи литературы, а не къ исторіи этнографіи. Настоящимъ нашимъ замѣчаніямъ не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что недавно нами же напечатана статья о Г. Ѳ. Квиткѣ, какъ этнографѣ. Кто прочелъ эту статью, могъ видѣть, что здѣсь мы старались отдѣлить дѣйствительныя наблюденія отъ субъективнаго ихъ освѣщенія и подкраски, что относительно Квитки

не трудно было сдѣлать, при запасѣ чистыхъ и провѣренныхъ этнографическихъ данныхъ.

Изъ статей историко-литературныхъ значительный интересъ представляютъ статья объ Іоаннѣ Вышенскомъ въ „Кіевской Старинѣ" и статья о Перебендѣ Шевченка въ 1 кн. Литературно-науковой библіотеки 1890 г. Кромѣ того, небольшія историко-литературныя и этнографическія замѣтки г. Франка были помѣщены въ „Кіевской Стар." 1888 кн. XI (вояцкая пѣсня), 1889 кн. I (колядки), 1890 т. XXIX, 1891 кн. XII (колядки).

Къ этнографіи г. Франко обнаружилъ наклонность съ молодыхъ лѣтъ. Еще будучи гимназистомъ въ концѣ 60 и въ началѣ 70-хъ тодовъ онъ собралъ этнографическіе матеріалы. По выходѣ изъ гимназіи г. Ф. обошелъ родной край, что дало ему прочныя личныя свѣдѣнія и личныя симпатіи къ народному быту. Съ 1878 г. Франко въ польскихъ газетахъ, преимущественно во „Львовскомъ Курьерѣ", писалъ повѣсти этнографическаго характера о разныхъ сторонахъ экономическаго и юридическаго быта крестьянскаго населенія. Нѣкоторыя повѣсти этого рода переведены на русскій языкъ въ „Кіев. Стар." 1889 XXV 400—437 и 1890 XXIX 307, 320, 427. Изъ непереведенныхъ отмѣтимъ двѣ слѣдующихъ: „*Iak Rusin tłukł się po tamtym swiecie*" „*Iak powstają pieśne ludowe*" (обѣ напеч. во львовской газетѣ Ruch 1887) и „*Gmina i zadruga wsród rusińskiego ludu w Galicyi i na Bukowinie*" (въ варш. Glos 1887 № 19). Въ „Дѣлѣ" 1889 г. №№ 278—287 напечатана небольшая статья о малорусскихъ *колядкахъ*. Въ „Зорѣ" 1883 напечатана большая статья „*Жиноча неволя въ народныхъ пѣсняхъ*", въ „Зорѣ" 1884 г. статья объ остаткахъ первобытнаго міросозерцанія въ народныхъ *загадкахъ*.

Въ изданіи краковской академіи наукъ „*Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej*" 1886 г. X стр. 3—55 *г. Франко и г-жа Рошкевичъ* помѣстили *сборникъ обрядовъ и пѣсенъ изъ м. Лолына* Стрыйскаго повѣта въ Галиціи. Это маленькій поселокъ карпатскихъ горцевъ бойковъ. Населеніе живетъ бѣдно по пословицѣ: „Лолынъ голый, довкола лисъ, а въ средыни еденъ бисъ". Избы курныя. Хлѣбъ овсяный. Въ сборникѣ по-

мѣщено описаніе мѣстной свадьбы, съ 181 пѣснью на извѣстные мотивы (прощаніе невѣсты съ матерью, расплетаніе косы и пр.). Мѣстами указаны варіанты свадебныхъ пѣсенъ въ сборникахъ Чубинскаго, Навроцкаго и Головацкаго. Вообще, матеріалъ неважный, при обиліи сходныхъ матеріаловъ.

Во 2 кн. „Вислы“ 1892 г. на с. 263—278 напечатана интересная статья г. Франка „*Война жидовская.* Изъ области сравнительныхъ изученій народной словесности“. Въ Дрогобицкомъ уѣздѣ (въ Галиціи) г. Франко слышалъ поговорку: „Э, чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ“ и, какъ коментарій этой поговорки, разсказъ о томъ, какъ однажды жиды воевали, и когда войско ихъ подошло къ гречкѣ во время ея цвѣтенія, то приняло ее за море. Парубокъ малороссъ сказалъ имъ, что это гречка, и тогда жидовскій полководецъ скомандовалъ „чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ“, и жиды перешли вбродъ по гречаному морю. Г. Франко указываетъ, какъ на ближайшій возможный источникъ галицко-русскаго разсказа, на польскую народную книжку о жидовской войнѣ, въ родѣ книжекъ о Магелонѣ, о семи мудрецахъ и др., и на возможный источникъ этой книги—сатирическую поэму Żydoswaros 1792 г., гдѣ въ шутливой формѣ осмѣяны вооруженіе жидовскаго войска, его продовольствіе, медленное движеніе (везли перины), какъ войско разбѣжалось при видѣ барановъ, какъ гречку приняли за рѣку и пр. т. п. Юдофилы отнеслись къ этой поэмѣ съ большими порицаніями. Г. Франко находитъ, что поэма эта, довольно невинная по тону, безъ яркой національной вражды, интересна въ историко-литературномъ отношеніи. Мотивы поэмы—бѣгство отъ барана, принятіе гречки за рѣку и др.—очень стары, старѣе самой поэмы. Такого же рода разсказы издавна циркулируютъ въ Германіи въ приложеніи къ швабамъ, шильдбюргерамъ и др. мѣстнымъ жителямъ, осмѣиваемымъ за глупость. Г. Франко указываетъ на старую народную книгу о нѣмецкихъ пошехонцахъ шильдбюргерахъ „Wunderseltzame Abendtheurliche...“ 1598 г., а отдѣльные ея эпизоды въ популярныхъ „Фацеціяхъ“, изданныхъ еще въ 1501 г., и въ сатирической повѣсти Кирхгофа о семи швабахъ

„Wendunmuth" (1565). Самымъ древнимъ варіантомъ представляется разсказъ Павла Дьякона, что на войско геруловъ, разбитое лонгобардами, напалъ такой страхъ, что герулы цвѣтущій на полѣ ленъ приняли за рѣку. Этими сближеніями собственно и и оканчивается статья г. Франка. Заключительная (на послѣдней страницѣ) замѣтка о томъ, какъ египтяне въ погонѣ за евреями бросились въ Красное море, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и сближеніе библейскаго разсказа съ вышеприведенными представляется лишнимъ. Эта прибавка вредитъ статьѣ, во всемъ остальномъ полезной и цѣнной, по обилію и разносторонности фактическаго матеріала и по широкому примѣненію сравнительнаго метода. Изъ такихъ этюдовъ объ отдѣльныхъ пословицахъ и сказаніяхъ, какъ этюдъ г. Франка „Война жидовская", при накопленіи ихъ трудами многихъ изслѣдователей, можетъ составиться богатая литература по фольклору, которая внесетъ много свѣта въ исторію культуры. Въ „Вислѣ" 1893, I, стр. 82—87 г. Франко пополняетъ статью свою индійскими варіантами, взятыми изъ „Zur Volkskunde" Либрехта.

Статья г. Франка о жидовской войнѣ представляется попыткой подойти къ довольно обширному циклу сказаній о глупыхъ народахъ. Прыганье въ гречаное море одинъ изъ мотивовъ этого сложнаго сказанія. Другіе еще болѣе популярные мотивы: постройка церкви безъ оконъ, сохраненіе солнечнаго свѣта въ бочкѣ или мѣшкѣ, встаскиваніе коровы на церковную колокольню, чтобы она попаслась, проносъ дерева во дворъ не вдоль, а поперекъ. Подобнаго рода разсказы у древнихъ грековъ пріурочивались къ абдеритамъ, у нѣмцевъ къ швабамъ, шильдбюргерамъ, вендамъ, у великоросовъ къ пошехонцамъ, у малоруссовъ къ жидамъ и литвинамъ, въ древней Руси къ печенѣгамъ (судя по лѣтописнымъ намекамъ), въ Болгаріи къ стеблевцамъ, большею частью безъ наименованія, въ приложеніи вообще къ глупымъ людямъ. Въ настоящее время собрано уже множество историческихъ преданій и сказокъ на тему о глупыхъ народахъ.

Въ 1 кн. „Wisła" 1894 г. г. Франко напечаталъ статью „*Славянскія преданія о Магометѣ*", интересную въ историко-литературномъ отношеніи (см. „Кіев. Стар." 1894, XI, 330).

Г. Огоновскій, признавая г. Ф. „однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ писателей русско-украинскихъ", высказываетъ сожалѣніе, что онъ сильно разбрасывается и ослабляетъ свою творческую силу. Въ оправданіе г. Ф. при этомъ замѣчено, что „до раздроблюваня тои творчости причиняе ся чимало журби о хлѣбѣ, котрого Франко добивае ся въ потѣ чола".

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія объ Африканѣ Александровичѣ Шпирѣ, философѣ, уроженцѣ херсон. губ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Хотя личность А. А. Шпира, воспоминаніямъ о которой мы удѣляемъ мѣсто въ нашемъ журналѣ, не принадлежитъ происхожденіемъ своимъ къ исконнымъ обитателямъ Малороссіи, да и по своей научной и общественной дѣятельности совсѣмъ почти не касается вопросовъ, связанныхъ съ жизнью нашего юга Россіи,—однако мы считаемъ небезъинтереснымъ для читателя представить нѣсколько страничекъ изъ жизни этого философа, имя котораго извѣстно, главнымъ образомъ, въ нѣмецкой философіи, а воспоминанія о немъ живы до сихъ поръ въ предѣлахъ елисаветградскаго уѣзда. Среди многихъ своеобразно-оригинальныхъ чертъ, личность эта носила въ себѣ нѣкоторыя особенности, роднившія ее съ мѣстной жизнью, какъ напр.: любовь къ народу и народной малорусской поэзіи. Первая сказалась въ томъ фактѣ, что онъ по своей инціативѣ отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, сравнительно задолго до манифеста 19 февраля 1861 года, вторая-же обнаружила себя въ увлеченіяхъ народными пѣснями, сказками и разсказами, а также чтеніемъ произведеній Шевченка, Стороженка и др. Вотъ это-то и даетъ намъ право занести данныя воспоминанія на страницы „Кіевской Старины“. Но чтобы читатель имѣлъ хотя маленькое представленіе о научныхъ заслугахъ А. Шпира въ области философіи, мы приводимъ цѣликомъ текстъ въ переводѣ на русскій языкъ изъ извѣстнаго сочиненія „Ueberweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie“ (3-я часть, стр. 452, изд. 1888 г.).

А. Шпиръ, исходя изъ логико-метафизическихъ соображеній, родственныхъ Гербатовскимъ, приходитъ къ доктринѣ близкой къ парменидовской. (Его сочиненія: Die Wahrheit. Lpz. 1867. Andeutungen zu einem widerspruchsl. Denken. Lpz. 1868. Forschung nach d. Gewissh in der Erkenntniss der Wirklichkeit. Lpz. 1868. Kurze Darst. der Grundzüge einer philos. Anschauungsweise. Lpz. 1869. Erörterung einer philos. Grundeinsicht. Lpz. 1869. Kleine Schriften. Lpz. 1870. Denken u. Wirklichkeit, Versuch einer Erneuerung d. Kritischen Philosophie. Lpz. 1873, 2-е изд. 1877. Moralität u. Religion, Lpz. 1874, 2-е изд. 1878. Empirie u. Philosophie. Lpz. 1876. Vier Grundfragen, Lpz. 1880. Studien, Lpz. 1883. Gesammelte Schriften, 3 Bde., Lpz. 1883—1885).

Высшимъ, непосредственно достовѣрнымъ основоположеніемъ, незаимствуемымъ изъ опыта, Шпиръ считаетъ положеніе тождества, формулируемое слѣд. обр.: „каждая вещь по своему собственному существу сама съ собой тождественна“. Общая предпосылка изъ опыта заключается въ томъ, что опытъ не содержитъ ни одного предмета, который былъ-бы вполнѣ тождествененъ съ самимъ собою. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ общій выводъ, что положеніе тождества не заимствуется изъ опыта, а что скорѣе оно выражаетъ понятіе о сущности вещей, которое нашему мышленію присуще a priori; далѣе, что собственная сущность вещей лежитъ по ту сторону опыта и, наконецъ, что опытъ изображаетъ вещи не такъ, какъ они суть сами по себѣ, по ихъ собственной сущности, и что опытъ содержитъ элементы, которые не принадлежатъ собственной сущности вещей. Съ онтологической стороны вытекаютъ спеціальныя слѣдствія, состоящія въ томъ, что въ дѣйствительности существуетъ только *одна* субстанція, что собственная сущность вещей безусловна, не можетъ содержать въ себѣ никакой относительности, что она постоянна, неизмѣнна и совершенна. (О философіи Шпира см. Spir u. d. Bedent. seiner Philos. f. d. Gegenwart. Vortr., Lpz. 1881).

Наконецъ, милая Еленъ, я собрался съ помощью одного моего знакомаго, заинтересованнаго личностію покойнаго отца твоего, приняться за біографію Африкана Александровича

Шпира. Но полагаю, что для людей науки интересно будетъ знать происхожденіе его. Думаю сказать кое-что объ его отцѣ, матери и болѣе отдаленныхъ предкахъ, такъ какъ отецъ его заслуживалъ вниманія, какъ человѣкъ выдававшійся своимъ умомъ и оригинальностію. Помню я еще въ дѣтствѣ, какъ окружающіе меня родные говорили много интереснаго объ его отцѣ, происхожденіе котораго никому не было извѣстно, даже, кажется, его семьѣ.—Извѣстно только, что онъ былъ докторъ медицины и хирургіи, что воспитаніе началъ и окончилъ въ С.-Петербургѣ, что онъ былъ посланъ правительствомъ въ Сибирь съ научной цѣлію, преимущ. для изслѣдованія сифилиса, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Камчаткѣ, по возвращеніи откуда былъ назначенъ инспекторомъ Врачебной Управы въ г. Херсонѣ, гдѣ и имѣлъ возможность и случай познакомиться съ родными и матерью покойнаго Африкана Александровича. Предполагали и думали, что онъ, или родители его выходцы изъ Австріи, что отецъ его—еврей, принявшій православіе. Говорилъ онъ чистымъ русскимъ языкомъ съ петербургскимъ акцентомъ. Я помню его, когда ему было лѣтъ 50. Онъ былъ человѣкъ энергичный, живой, скупъ до болѣзненнаго состоянія и сварливъ. Наружный видъ его чрезвычайно напоминалъ портретъ нашего знаменитаго полководца Суворова (маленькій, худенькій), которому не уступалъ своими чудачествами. Такъ напр., никогда онъ не употреблялъ носового платка и говорилъ, что это лишній расходъ. Онъ удивлялся, какъ можно такую гадость прятать въ карманъ человѣку воспитанному. Онъ всегда ходилъ въ курткѣ, (для сокращенія расходовъ на фалды), въ узкихъ и короткихъ панталонахъ. Лѣто и зиму на дворѣ и въ комнатѣ поверхъ сапогъ всегда носилъ калоши, въ виду того, что онѣ сберегаютъ сапоги и сами стоятъ дешевле сапогъ. Семьянинъ былъ невозможный. Рѣдко жилъ дома. Проживетъ много мѣсяцъ—два, разсорится съ женой, съ ея родными и сосѣдями, запрягаетъ тарантасъ и уѣзжаетъ часто на цѣлый годъ. Но какъ уѣзжаетъ? Предварительно велитъ изготовить массу пильменей[1]) (зимой онъ

[1]) Пирожки, наполненные мясомъ и сыромъ—сибирское блюдо.

ихъ заморозитъ, лѣтомъ засушитъ) и отправляется по направленію въ Петербургъ. Часто по дорогѣ онъ останавливается у знакомыхъ и гоститъ у нихъ мѣсяцы. Разъ у бабушки Завадовской, отъѣхавъ отъ дому только 20 верстъ, онъ прожилъ цѣлый годъ, потому что жизнь въ гостяхъ, кормежка лошадей, кучера ничего нестоитъ. Гдѣ нѣтъ пріюта, онъ ставилъ самоваръ, разводилъ кипяткомъ пильмени и этимъ питался. Чай пилъ всегда въ прикуску и оставшіеся кусочки пряталъ въ карманы и привозилъ дѣтямъ, какъ гостинцы, тѣмъ дѣтямъ, у которыхъ была полная чаша, и которые были избалованы матерью до нельзя. Женившись, онъ оставилъ службу и прожилъ остальные годы своей жизни въ имѣніи жены своей, урожденной Пулевичъ, въ херсонск. губ , тогда ольвіопольской, потомъ бобринецкомъ, теперь елисаветградскомъ уѣздѣ, деревнѣ Аристарховкѣ, гдѣ въ числѣ другихъ дѣтей родился у него и Африканъ Александровичъ. Всѣ дѣти, за исключеніемъ Афр. Ал., были чрезвычайно способны, но не отличались нравственными качествами. Часто, по возвращеніи домой, если это было лѣтомъ, любимымъ его занятіемъ было ходить по комнатамъ съ хлопушкой въ рукахъ и бить мухъ. Такъ какъ окна по его распоряженію всегда должны были быть открыты, то мухъ налетало гибель, и охота на нихъ предстояла блестящая. Во время битья мухъ онъ часто билъ стекла оконъ, посуду, послѣ чего сердился на семью за то, что надо было покупать вмѣсто разбитыхъ новыя вещи. Только крайняя непогода заставляла его быть въ комнатахъ. Большей частію онъ днемъ и ночью, лѣтомъ и зимой жилъ на дворѣ. Имѣя на первомъ планѣ въ виду для здоровья человѣка воздухъ и моціонъ, онъ въ непогоду продѣлывалъ для моціона въ комнатѣ пресмѣшныя для посторонняго зрителя движенія, напр.: танцовалъ, напѣвая *комаринскаго* и т. д. Зимой онъ тоже спалъ на дворѣ, подъ навѣсомъ, для чего у него былъ сдѣланъ овчинный мѣховой мѣшокъ, въ который онъ влѣзалъ весь и завязывался около шеи. На голову надѣвалъ во время сна мѣховую шапку съ наушниками и затыльникомъ, такъ что оставался незакрытымъ только носъ. Часто послѣ снѣжныхъ ночей прислуга должна была его откапывать изъ-подъ снѣга и вносить въ

комнату для дальнѣйшаго туалета. Оффиціально былъ онъ православнаго исповѣданія, но по убѣжденіямъ онъ былъ атеистъ въ полномъ смыслѣ слова. Говорили, что была у него сестра замужемъ въ Москвѣ за докторомъ Бѣлопольскимъ. Всѣмъ безъ исключенія говорилъ „ты“ (онъ былъ въ чинѣ статскаго совѣтника). Былъ популяренъ какъ врачъ въ г. Николаевѣ, куда его часто выписывали. Когда его призывалъ къ себѣ больной, прося помочь ему, то осмотрѣвъ больного, если видѣлъ, что ему нельзя помочь, онъ обыкновенно говорилъ: „терпи, лежи и молись“, а роднымъ говорилъ, что ничего нѣтъ вѣчнаго въ мірѣ, и затѣмъ уѣзжалъ. Если же онъ видѣлъ, что ему можно помочь, то обыкновенно первымъ его вопросомъ было: можешь заплатить 100 руб., буду лѣчить, если не можешь, не буду. Если больной не могъ платить, онъ уѣзжалъ. Если платилъ, онъ принимался за оригинальное лѣченіе. Въ то время когда медицина держала больного на строгой діэтѣ, лишала его воздуха, заставляла лежать въ постели, оберегала отъ воздуха, пищи, онъ прежде всего позволялъ больному ѣсть все, что ему угодно, говоря, что больше, чѣмъ нужно, онъ не съѣстъ; въ помѣщеніи больного велѣлъ отворять окна; если не соглашались, онъ собственноручно выбивалъ окна, хотя бы зимой, но укутывая хорошо больного, ставилъ клизмы, допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ хининъ, шептанія и растиранія бабокъ, говоря, „ну и пусть себѣ бормочетъ, а ты уснешь“. Вообще онъ былъ того мнѣнія, что эти средства вреда не принесутъ, а помочь могутъ. Если больной былъ недоволенъ тѣмъ, что докторъ не прописывалъ лѣкарствъ, онъ говорилъ: „ну если хочешь, я тебѣ пропишу“—и прописывалъ, и то если онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Въ противномъ случаѣ только выругаетъ больного. Если больной страдалъ ревматизмомъ, лежалъ одинъ-два года въ постели, первымъ долгомъ онъ говорилъ: ходи!—Не могу!—Врешь. Берите его, тащите! И часто въ мѣсяцъ—два человѣкъ начиналъ ходить; затѣмъ онъ велѣлъ запрягать экипажъ и возить такихъ больныхъ по степи. Съ родныхъ за лѣченіе денегъ не бралъ. Съ отцомъ моимъ часто спорилъ. Онъ былъ прямой, дерзкій человѣкъ и ссорился. Въ царствованіе Николая Павловича онъ

преподнесъ государю томъ своихъ сочиненій, находящійся теперь у его внучки, дочери Африк. Алекс. Сначала это сочиненіе пріобрѣло популярность въ Россіи, но впослѣдствіи выпускъ его былъ запрещенъ по многимъ причинамъ: вслѣдствіе козней свѣтилъ медицины тогдашняго времени, такъ какъ онъ въ своемъ сочиненіи а) говорилъ, что методъ лѣченія, практикуемый теперь, приноситъ человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы; б) что дѣятели медицины поставлены въ положеніе привиллегированныхъ разбойниковъ, такъ какъ они, не давая никому отчета, заливаютъ больныхъ средствами, приносящими больше вреда, чѣмъ пользы.

Мнѣ, повѣствователю настоящей біографіи, 58 лѣтъ. Помню въ дѣтствѣ, когда мнѣ было лѣтъ 10, Александръ Александровичъ Шпиръ для одного изъ своихъ путешествій велѣлъ запречь свой завѣтный тарантасъ. Не проѣхавъ 3-хъ верстъ, лошади понесли и опрокинули тарантасъ, и нашему путешественнику было переломлено ребро. Кучеръ привезъ его обратно. Жена хотѣла послать за врачемъ. Но больной не хотѣлъ, а распорядился послать въ ближайшее село за фельдшеромъ, которому указалъ, какъ сдѣлать перевязку, какъ уложить себя въ постель, велѣлъ вынести себя съ постелью и поставить посреди двора (дѣло было лѣтомъ).—Только въ непогоду его вносили въ домъ, но и въ этомъ положеніи человѣкъ этотъ не могъ долго быть на мѣстѣ и приказывалъ крѣпостнымъ людямъ носить его съ кроватью къ родственникамъ и знакомымъ, часто на разстояніе верстъ 15, гдѣ также ставили его среди двора и для спокойствія его приставляли по очереди сидѣлку, или сидѣльца для исполненія его требованій, а главное для того, чтобы „махать мухъ", какъ выражались тогда. Когда больному надоѣдало лежать на одномъ мѣстѣ, онъ велѣлъ себя переносить на другое—къ другимъ сосѣдямъ. „Вотъ уже несутъ къ намъ Шпира"... говорили, и все трепетало, потому что онъ распоряжался вездѣ, какъ дома. Крикунъ былъ и не стѣсняясь говорилъ бывало: „что ты, дуракъ, мнѣ перечишь"? Это снисхожденіе со стороны всѣхъ происходило, какъ я думаю, отъ бывшаго у всѣхъ сознанія его умственнаго превосходства.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о кончинѣ его и тѣмъ покончимъ. Кончина его произошла, какъ думали близкіе люди, вслѣдствіе воспаленія мочевого пузыря. Это было въ глубокой старости. „Старый Шпиръ заболѣлъ"—говорили. На вопросъ жены: „что у тебя болитъ", онъ отвѣчалъ: „пузырь болитъ". Жена предлагала послать за врачемъ; онъ отвѣтилъ: „не надо! все равно ничего не поможетъ". Когда жена просила его послать за священникомъ, чтобъ исполнить обрядъ христіанскій, онъ отвѣчалъ: „не надо! нѣтъ Бога, нѣтъ правды, нѣтъ правосудія"! Такъ и скончался. Такое сильное было убѣжденіе у человѣка, ни за что не хотѣлъ...

Теперь приступимъ къ описанію происхожденія матери Афр. Алекс. Шпира. Въ царствованіе импер. Екатерины, когда она покровительствовала Греціи и переселенію славянъ изъ Австріи въ Россію, былъ изъ г. Салоникъ вызванъ грекъ по фамиліи Лошно, который и былъ назначенъ таможеннымъ директоромъ въ новороссійскомъ краѣ и жилъ съ семействомъ своимъ въ гор. Херсонѣ. Одна изъ дечерей его Сусанна Константиновна была выдана замужъ за выходца славянина изъ Венгріи, секундъ-майора, служившаго въ арміи Императрицы Маріи-Терезіи, Константина Пуловицо, впослѣдствіи перемѣнившаго фамилію на русскую Пулевичъ. Мать Африкана Александровича, Елена Шпиръ, была дочь этихъ супруговъ Пуловицо-Пулевичей. Прожила она 62 года. Обладала она здравымъ умомъ и была очень доброй, великодушной, мягкой, всѣми въ окружности уважаемой женщиной. Вышла она замужъ за Шпира, покорясь желанію родителей. Наружность имѣла чрезвычайно пріятную, симпатичную, съ греческимъ типомъ, съ матовымъ цвѣтомъ кожи.

Теперь перейдемъ къ дѣтству Афр. Ал. Помню я его съ 10 лѣтъ его жизни. Это былъ мальчикъ очень красивый, съ круглымъ лицомъ, яркимъ румянцемъ, черными, какъ смоль, курчавыми волосами, черными, буквально сверкающими, какъ уголь, подвижными глазами. Впослѣдствіи глаза его сдѣлались почти тусклыми. До 15-лѣтняго возраста онъ былъ чрезвычайно живой, дерзкій, не любилъ играть съ дѣтьми своего возраста

и буквально ненавидѣлъ женскій полъ—избѣгалъ его. Помню, еще въ дѣтствѣ всѣ окружающіе родителей завидовали прекраснымъ блестящимъ способностямъ Афр. Ал. и ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ. Впослѣдствіи, будучи уже взрослымъ человѣкомъ, онъ говорилъ мнѣ: „что разъ попадало въ мою голову, оно уже никогда не выходило изъ нея". Читать и писать, какъ обыкновенно въ то время, выучился дома. Первое систематическое образованіе онъ началъ получать въ Одессѣ, въ частномъ пансіонѣ француза, гдѣ имѣлъ возможность хорошо изучить французскій языкъ. Потомъ онъ поступилъ въ одесскую классическую гимназію, которую и окончилъ блестящимъ образомъ. Пріѣзжая на каникулы, онъ не дружилъ со своими многочисленными двоюродными братьями, близко отъ него жившими. Когда мы, бывало, сообщались съ нимъ, то не находили, какъ мы, такъ и онъ, удовольствія въ нашихъ разговорахъ, такъ-какъ онъ стоялъ выше насъ. Въ то время какъ мы играли, шалили, онъ углублялся въ чтеніе какой либо книги. Когда онъ окончилъ гимназію и пріѣхалъ на жительство къ матери, пріѣзжая часто въ гости къ намъ, въ наше семейство, вмѣсто того чтобы сообщаться съ двоюродными братьями, онъ спѣшилъ отправляться въ садъ и заходилъ въ курень старика-*пасишныка* Васыля Роскыданюка, грамотнаго человѣка, почти постоянно читавшаго въ своемъ жилищѣ священнаго содержанія книги. Тамъ онъ по нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ пасѣчникомъ; когда бывало вспомнятъ, гдѣ же Африканъ?,—„чудакъ" навѣрно бесѣдуетъ „зъ дидомъ Васылемъ". „Вотъ чудакъ, говорили про него, и находитъ же удовольствіе бесѣдовать зъ дидомъ Василемъ про какую-то ерунду". Всѣмъ казалось это ужасно смѣшнымъ. Не будемъ ли мы имѣть право думать, что это былъ *первый* поводъ, или толчекъ уму его и въ природномъ нравѣ таившейся склонности къ мышленію о философіи? Не была ли это первая искра пламени, впослѣдствіи столь ярко разгорѣвшагося? Такъ, мы увидимъ впослѣдствіи, что подобнаго рода столкновенія давали уму его новые и новые толчки. Наконецъ пришло время матери подумать, какъ пристроить сына, т. е. подыскать ему службу; началъ подумывать объ этомъ и онъ самъ. И такъ какъ въ это время

онъ уже сдѣлался болѣе сообщительнымъ со своими сверстниками—двоюродными братьями, то часто у насъ происходили разговоры: какую избрать себѣ жизненную дорогу? Почему-то онъ выражалъ свое желаніе быть артиллеристомъ. Но палить изъ пушекъ, какъ видно, ему не было суждено. Мать его—религіозная женщина, выписывала духовный журналъ, гдѣ помѣщались проповѣди одесскаго архіерея Иннокентія. Юноша настолько увлекся его проповѣдями, что началъ строго соблюдать посты, чаще и больше молиться, давать бѣднымъ милостыню, такъ что среди родныхъ даже начали поговаривать: „Африканъ хочетъ поступить въ монахи", что очень печалило мать его. Въ этотъ періодъ его жизни загоралась крымская война. И какъ въ нашемъ семействѣ было много моряковъ, то наши родители и его мать задумали подготовить насъ и его въ моряки, для чего требовалась спеціальная подготовка. Его и насъ 3-хъ братьевъ отвезли въ городъ Николаевъ, гдѣ въ то время существовалъ пансіонъ Акимова; тутъ то и подготовляли въ гардемарины. Мы были помѣщены пансіонерами, а Африканъ Ал. приходящимъ, почему мать и помѣстила его вблизи пансіона у учителя исторіи и русскаго языка Илькевича. Здѣсь къ нему былъ приставленъ въ видѣ дядьки старикъ, бывшій когда-то швейцаромъ у князя Жевахова въ С.-Петербургѣ, (князь былъ женатъ на родной сестрѣ Африкана Харитинѣ). Содержатель пансіона Ефимъ Семенычъ Акимовъ былъ чрезвычайно религіозный человѣкъ и умѣлъ воспріимчивымъ натурамъ передать свою религіозность. Это была третья воспламеняющая искра для таившагося пламени. И герой нашего разсказа началъ рѣдко посѣщать классы, а если и посѣщалъ, то сидѣлъ бывало молча въ очкахъ своихъ (онъ былъ близорукъ); смотритъ онъ какъ-то неопредѣленно, какъ будто куда-то вдаль, повидимому ничего не замѣчаетъ вокругъ себя, ничего не слышитъ, не видитъ, что давало поводъ его товарищамъ говорить: „Шпиръ навѣрно не выдержитъ экзамена, такъ какъ совсѣмъ не занимается, а ходитъ только по церквамъ, то въ заутреню, обѣдню, на всенощную и т. д." Когда я забѣгалъ къ нему на квартиру, чтобы покурить, то почти всегда заставалъ его обложеннымъ кругомъ

безчисленными томами книгъ духовнаго содержанія, или лежащимъ на полу и слушающимъ народныя сказки старика-дядьки. Этотъ дядька говорилъ мнѣ, что его питомецъ строжайше соблюдаетъ посты и часто спитъ на полу, положивши подъ голову вмѣсто подушки свои завѣтныя книги, поглощающія его душу и сердце. Конечно, такая жизнь подавала поводъ его товарищамъ смѣяться надъ нимъ и опять же называть его „чудакомъ", на что онъ конечно не обращалъ никакого вниманія. Товарищи ошиблись въ своемъ предположеніи: онъ первымъ, блестяще выдержалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ.

Здѣсь я позволяю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе отъ послѣдовательнаго разсказа и возвратиться снова къ дѣтству Афр. Ал. Воспитывавшись въ пансіонѣ у француза въ городѣ Одессѣ, онъ имѣлъ несчастіе, какъ и многіе изъ дѣтей пансіонеровъ, подвергнуться дѣтскому пороку, отъ котораго, какъ онъ мнѣ говорилъ уже въ юности своей, ему очень трудно было отдѣлаться и за который онъ впослѣдствіи поплатился очень дорого своимъ здоровьемъ. Не помню, въ какомъ возрастѣ своего дѣтства онъ разсказывалъ, мнѣ, что почему-то получилъ страсть „подкрадывать" у матери такія вещи, въ которыхъ бы ему, вовсе не отказали. Будучи взрослымъ, вспоминая объ этомъ, онъ говорилъ мнѣ: „самъ не знаю на что, возьму какую-нибудь вещь и спрячу". Но къ счастію этотъ второй порокъ мать замѣтила и выпорола его розгами. „Съ тѣхъ поръ я пересталъ это дѣлать", говорилъ Афр. Ал. Кстати здѣсь я упомяну, что онъ имѣлъ какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ юности прекрасный музыкальный слухъ и память. Довольно ему было разъ услыхать какой-нибудь мотивъ, и онъ надосугѣ просвиститъ его правильно (пѣть не любилъ, хотя пѣлъ правильно). Водки не пилъ никогда, говорилъ „не могу". Пьянымъ никогда не напивался, но любилъ выпить рюмку—двѣ хорошаго вина и выкурить хорошую папиросу, или сигару.

Теперь возвратимся къ гардемаринской школѣ. И тамъ, какъ я уже говорилъ, товарищи считали его чудакомъ и были вполнѣ увѣрены, что онъ въ мичманы экзамена никогда не выдержитъ, такъ какъ онъ никогда не занимался,

а постоянно читалъ книги посторонняго содержанія, а больше всего духовнаго. Соберутся товарищи и говорятъ Шпиру; „служи всенощную". Онъ не отказывается: надѣваютъ на него съ хохотомъ вмѣсто ризъ одѣяло, прицѣпливаютъ къ пустой чернильницѣ веревочку вмѣсто кадила, даютъ ему въ руки. Шпиръ серьёзно, съ благоговѣніемъ становится передъ иконами и начинаетъ служеніе. Хоръ сначала смѣясь ему отвѣчаетъ, но мало по малу смѣхъ исчезаетъ, и хоръ въ свою очередь проникается такимъ же благоговѣніемъ. Одинъ изъ товарищей, стоявшихъ къ нему ближе другихъ, сказалъ ему: „зачѣмъ ты постоянно читаешь эту чепуху? Вотъ нà тебѣ на французскомъ языкѣ сочиненія Вольтера. Когда ты прочитаешь, то самъ увидишь, что ты во многомъ заблуждаешься". Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, это былъ одинъ изъ важныхъ переворотовъ въ его умѣ. Впослѣдствіи Афр. Ал. говорилъ мнѣ: „я близокъ былъ къ помѣшательству, но сочиненія Вольтера спасли меня". Загорѣлась Крымская война, и гардемарины были посланы на театръ войны, и Афр. Ал. въ числѣ ихъ, гдѣ онъ и пробылъ два года. До окончанія войны гардемарины были отосланы обратно въ Николаевъ; онъ выдержалъ первымъ экзаменъ въ мичмана и, подавъ въ отставку, поселился въ имѣніи матери своей, гдѣ въ скоромъ времени мать его и умерла. Пришлось будущему философу заниматься хозяйствомъ еще въ крѣпостное время, но наканунѣ эмансипаціи. Самъ онъ не хозяйничалъ—держалъ управляющаго. И въ очень скорое время, на удивленіе всѣмъ сосѣдямъ, освободилъ крестьянъ отъ барщины и дворовыхъ отъ обязательныхъ работъ, а началъ вести хозяйство тѣми же крестьянами, но за наемную плату. Когда были избраны мировые посредники, онъ не замедлилъ надѣлить всѣхъ крестьянъ полнымъ даровымъ надѣломъ. Всѣ сосѣди помѣщики возстали. Одни называли его бунтовщикомъ, другіе говорили, что онъ отъ государя хочетъ заслужить крестъ за такой подвигъ; поднялся содомъ. Но онъ не обращалъ на это никакого вниманія, сидѣлъ одинокимъ въ своемъ домѣ, рѣдко показывался въ обществѣ близкихъ родныхъ, мало самъ входилъ въ хозяйство, читалъ и что-то пи-

салъ, что писалъ—Богъ его знаетъ. Въ этотъ періодъ времени я былъ приглашенъ Афр. Ал. для совмѣстнаго жительства. Должно быть одиночество ему надоѣло. И Господи! что это была за жизнь! Правда, были распредѣлены строго часы. Никто у насъ не бывалъ и мы ни у кого. Серьёзнымъ чтеніемъ онъ никогда не дѣлился. Выписывалъ Основу и Шевченка и читалъ мнѣ, особенно что-нибудь смѣшное. Шевченко ему очень нравился. При чтеніи „Вусы", (Стороженка), задушевно и много смѣялся. Онъ въ извѣстные часы читаетъ или пишетъ, я лежу и плюю въ потолокъ. Женской прислуги онъ не держалъ—довольствовался однимъ лакеемъ. Какъ лѣтомъ, такъ и зимой, изрѣдка мы выходили погулять или въ садъ, или на токъ, или на загоны—посмотрѣть лошадей и рогатый скотъ. Питались мы буквально изо дня въ день борщомъ и котлетами. На ужинъ яйца въ смятку, или молочная каша. Въ разговорахъ Аф. Ал. никогда не спорилъ, не навязывалъ своихъ мнѣній. Но нельзя сказать, чтобы онъ никогда не сердился. Иногда изъ-за пустяка крикнетъ на лакея; разъ впослѣдствіи, когда онъ завелъ старую экономку въ домѣ, „она, говорилъ онъ, такъ меня вывела изъ терпѣнія, что я ее чуть не билъ". Удивительную имѣлъ способность различать людей; онъ насквозь видѣлъ, хорошій это, или дурной человѣкъ. Началъ я замѣчать, что другъ мой худѣетъ, блѣднѣетъ, не моется, отпустилъ волоса, не стрижется, вообще сдѣлался какимъ-то страннымъ. „Нѣтъ, говорю, братъ! такъ жить нельзя!" На это онъ съ удивленіемъ сдѣлалъ вопросъ! „Какъ же по твоему жить?"—„Да такъ, какъ въ наше время всѣ молодые люди живутъ".—„Какъ же это?" спросилъ онъ—„Во-первыхъ, брось ты всѣ эти книги! Онѣ ни къ чему хорошему не поведутъ! Зачитываешься—пропадешь! Покупай ружья, заводи собакъ, будемъ охотиться, ѣздить къ сосѣдямъ и принимать у себя". Представьте—послушалъ! Выѣздъ къ сосѣдямъ заставилъ его поневолѣ быть опрятнѣе и началъ отвлекать его отъ усиленныхъ занятій, такъ что онъ началъ поправляться. Купилъ два ружья. Возьмемъ ружья и идемъ по берегу въ имѣніе къ моимъ родителямъ, или въ степь. Увидимъ какую-нибудь дичь. „Африканъ, говорю! ты ближе, бей!" Подыметъ

ружье, прицѣлится и опуститъ. Видимо, его охота не занимала. Такъ и воротится, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Такая выходка чрезвычайно меня бѣсила.—„Отчего же ты не стрѣлялъ?“ Пусть себѣ живетъ! зачѣмъ ее убивать?—Я разсказываю бывало это въ качествѣ анекдота съ жаромъ другимъ. Онъ улыбается. Собрались мы какъ-то ѣхать къ сосѣдямъ на именины, гдѣ былъ предметъ моей любви и долженъ былъ быть пиръ горой.— „Поѣдемъ, говорю, на именины, тамъ будетъ очень весело“. Запрягается коляска четверкою гнѣдыхъ лошадей. Садимся и ѣдемъ. На половинѣ дороги заноровилась правая дышловая— ни съ мѣста. Сдѣлаемъ кругъ. Домой идетъ, а впередъ ни шагу. Я сержусь, а онъ говоритъ: „поворачивай домой!“ Ну что вы скажете? говорю я. Вѣдь это несчастье! И что ты за человѣкъ? что не ты управляешь скотиной, а скотина тобой! я бы застрѣлилъ ее на мѣстѣ и на тройкѣ поѣхалъ! Послушалъ! мучились, мучились, таки доѣхали. Покупая что нибудь въ лавкахъ, иногда онъ и не думалъ торговаться, платилъ то, что съ него спрашивали, а иногда по цѣлымъ часамъ торговался изъ-за копѣйки. Не уступятъ, такъ и не купитъ. Въ этотъ періодъ часто онъ въ гостяхъ, или въ кругу многочисленныхъ родныхъ своихъ бывалъ очень любезенъ и веселъ: смѣялся, разсказывалъ, принималъ участіе въ играхъ, танцахъ, иногда даже, проплясывалъ въ присядку „козачка“. Часто въ обществѣ онъ сидѣлъ и будто ничего не слышалъ, не видѣлъ, не замѣчалъ. Пріѣдетъ домой, разскажетъ мнѣ такія мелкія подробности разговоровъ, костюмовъ, какихъ я и не думалъ подмѣтить. Иногда зимой мы выѣзжали на мѣсяцъ-два въ городъ Вознесенскъ, или Елисаветградъ. Но и въ городахъ наша жизнь почти ничѣмъ не отличалась отъ деревенской: онъ читалъ, писалъ, я лежалъ по обыкновенію, и только въ извѣстные часы мы гуляли, преимущественно въ немноголюдныхъ мѣстахъ. Въ Елисаветградѣ во время одной изъ нашихъ прогулокъ его обокрали. Лакей нашъ былъ нѣмецъ. Пало подозрѣніе на него. Заявлено было въ часть, посадили лакея въ тюрьму. На допросѣ онъ не сознавался, и на третій же день Афр. Ал. самъ поѣхалъ просить, чтобы его выпустили. Любилъ сватать другихъ, но самъ не влюблялся. Не

задолго до выѣзда за границу онъ увлекался дѣвичьей красотой неоднократно. Не лишнимъ будетъ упомянуть еще объ одномъ человѣкѣ, имѣвшемъ вліяніе на Афр. Ал. Послѣ Крымской кампаніи появился въ нашей мѣстности интеллигентный старикъ Василій Ивановичъ Литвиновъ, о которомъ впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе. Этотъ господинъ проживалъ въ нашей семьѣ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ гувернера. Часто, когда соберутся гости, въ томъ числѣ Афр. Ал., пойдутъ богословскіе разговоры, въ которыхъ Литвиновъ всегда опровергалъ Троицу. Афр. Ал., хотя въ споръ не вмѣшивался, но чрезвычайно внимательно слушалъ и, должно быть, въ умѣ своемъ обдумывалъ этотъ вопросъ, потому что, пріѣхавши домой, часто со мной разговаривалъ объ этомъ, но не находилъ сочувствія.

Наконецъ Афр. Ал. подъ предлогомъ слабаго здоровья, не довѣряя нашимъ врачамъ, рѣшилъ уѣхать лѣчиться за границу. Тамъ онъ побывалъ въ Германіи, Австріи, Швеціи, Парижѣ и въ Лондонѣ. Избралъ мѣсто жительства въ Штутгартѣ. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что слушалъ лекціи въ 2 университетахъ, но въ какихъ и по какимъ предметамъ—не знаю, и бесѣдовалъ съ разными профессорами. Черезъ годъ онъ возвратился въ Россію, но въ деревнѣ уже не жилъ, а прожилъ одну зиму въ Елисаветградѣ, другую въ г. Николаевѣ. Велъ жизнь такую же, какъ и до выѣзда за границу, но еще усиленнѣе началъ читать и писать, сдѣлался опрятенъ даже до щепетильности. Хотя держалъ слугу, но самъ чистилъ себѣ платье, самъ заметалъ, стиралъ пыль. По моему наблюденію онъ дѣлалъ это для моціона. Завелъ токарный станокъ и, хотя не выходило ни одной вещи, все-таки онъ что-то дѣлалъ. Имѣлъ онъ 2 имѣнія. И вотъ съ горячечною поспѣшностію онъ задумалъ ихъ продать и выѣхать за границу. Говорилъ такъ: „надо урѣзать полы и бѣжать". И дѣйствительно, урѣзалъ полы—продалъ имѣнія за полъ-цѣны. Продавъ одно изъ имѣній и получивъ за него задаточныя деньги, совершивъ запродажную запись, онъ уѣхалъ за границу, послѣ чего уже не возвращался. Получить остальныя деньги и совершить купчую крѣпость онъ поручилъ по довѣрен-

ности мнѣ. Покупатель въ назначеный срокъ купчей не совершилъ, вслѣдствіе чего лишался права оставить имѣніе за собой, а задатокъ долженъ былъ остаться у Шпира, о чемъ, конечно, я не замедлилъ извѣстить его. На это я получилъ неожиданный отвѣтъ, читая который я самъ себѣ не вѣрилъ: „разъ я продалъ имѣніе, если покупатель самъ не отказывается уплатить мнѣ остальныя деньги, то имѣніе должно остаться за нимъ". Хотя онъ велъ со мной постоянную переписку все время своего пребыванія за границей, интересовался участію родныхъ, политическимъ и внутреннимъ экономическимъ положеніемъ Россіи, но самъ мнѣ, кромѣ какъ о своемъ здоровьѣ и о погодѣ, ничего не писалъ. Разъ впрочемъ на мой вопросъ: знакомъ ли ты въ Женевѣ съ русскими соціалистами и нигилистами? онъ отвѣтилъ мнѣ: „здѣсь ихъ много, но я съ ними знакомства не веду, мнѣ эти люди не нравятся". За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ подалъ прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его изъ русскаго подданства, что ему и было разрѣшено. Долго я не подозрѣвалъ, что мой другъ не только пишетъ философскія сочиненія, но что они уже изданы въ Германіи, читаются публикой, и нѣмецкія газеты восхваляютъ эти сочиненія русскаго философа. Какъ вдругъ совершенно неожиданно получаю отъ родного брата своего, жившаго въ это время на о—вѣ Мадейрѣ, вырѣзку изъ одной нѣмецкой газеты, гдѣ съ похвалой отзываются о сочиненіяхъ русскаго философа А. Шпира. Эту вырѣзку въ письмѣ я отправилъ Шпиру и просилъ его: если эти сочиненія принадлежатъ ему, то чтобы онъ выслалъ ихъ мнѣ, такъ какъ я желалъ знать мысли близкаго мнѣ человѣка. Онъ не замедлилъ выслать мнѣ двѣ книги. Одна довольно объемистая подъ заглавіемъ „Богъ и природа". Другая, небольшая, подъ заглавіемъ: „Мысль и дѣйствительность". Но увы, не зная самъ нѣмецкаго языка и не имѣя знакомыхъ, кто бы мнѣ могъ ихъ перевести, я отдалъ ихъ въ библіотеку Елисаветградскаго реальнаго училища, гдѣ, по всей вѣроятности, они лежатъ подъ спудомъ и никого не интересуютъ. Чтобы закончить свой разсказъ, прибавлю еще кое-что къ характеристикѣ покойнаго. Когда онъ возвратился послѣ перваго своего путешествія за границу, въ

Россію, онъ привезъ съ собою въ двухъ большихъ сундукахъ библіотеку на иностранныхъ языкахъ, которую, выѣзжая окончательно заграницу, онъ пожертвовалъ въ пользу воскресной школы. Но школа въ скоромъ времени была закрыта. Тогда онъ написалъ, чтобы подарить ее одной изъ родственницъ. Братъ этой родственницы служилъ тогда въ Петербургѣ, забралъ библіотеку съ собой и продалъ тамъ ее за двѣ тысячи рублей. Не зная греческаго языка, онъ бралъ въ Елисаветградѣ уроки этого языка у пастора лютеранской церкви. Другими же языками, какъ то: латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, польскимъ, онъ владѣлъ хорошо. Иногда говаривалъ, „какъ жаль, что я не получилъ высшаго образованія, а то теперь доучиваться мнѣ самому трудно". Всегда у него на письменномъ столѣ стояло два бюста: Шевченка и Гоголя. Не любилъ покойникъ носить никакихъ драгоцѣнныхъ украшеній, какъ то цѣпочки, колецъ. Сошьетъ, бывало, одно платье и не снимаетъ его, пока совсѣмъ не износится. Тогда только сошьетъ другое и снимаетъ старое. Садился иногда играть въ карты, имѣлъ шахматы и любилъ играть. Часто помогалъ бѣднымъ роднымъ, никогда не отказывалъ бѣдному, который попроситъ. Когда онъ давалъ иногда деньги мнѣ, и я говорилъ, что мнѣ совѣстно брать ихъ, онъ отвѣчалъ: „отчего же? нѣтъ ничего худого, если часть денегъ перейдетъ отъ того, кто ихъ больше имѣетъ, къ тому, кто ихъ имѣетъ меньше, или совсѣмъ не имѣетъ".

Страннымъ мнѣ всегда казалось и теперь кажется, что такой человѣкъ, какъ Шпиръ, никогда не имѣлъ ни къ кому и ни къ чему особенной любви, или привязанности. Не помню я, чтобы онъ когда нибудь чему либо удивлялся, или чѣмъ либо поражался. Въ жизни его я помню только три ссоры, въ которыхъ онъ, конечно, не былъ виноватъ. Одна изъ этихъ ссоръ была съ двоюроднымъ братомъ (уже умершимъ), который, будучи какъ то у Шпира въ гостяхъ, бушевалъ и нарывался на драку. Шпиръ велѣлъ запречь лошадей, связать бушевавшаго и отправить его домой. Связанный помѣщикъ, когда пришелъ въ себя, считая себя оскорбленнымъ, грозилъ Шпиру отомстить и вызвать его на дуэль. Такимъ образомъ завязалась ссора на всегда.

Шпиръ никогда не сердился, но шутя написалъ ему въ юмористическо-сатирическомъ тонѣ на славянскомъ языкѣ акафистъ, въ которомъ кто только читалъ, узнавалъ виновника. Въ акафистѣ значилось „радуйся осле преподобный". Сверхъ того сочинилъ пѣсню, которую бывало мы пѣли хоромъ, въ которомъ участвовалъ и самъ Шпиръ, поя съ увлеченіемъ. Изъ этой длинной пѣсни я помню только два куплета:

Ужъ какъ ѣхалъ Мирмидонъ,
Свѣта утѣшенье,
Ѣхалъ прямо въ желтый домъ,
Чая исцѣленья.
Ай люли, ай люли!
Мирмидоша, не шали!

***

Онъ на лебедѣ верхомъ
Въ родѣ Еруслана,
А громада вся слѣдомъ
Провожала пана
Ай люли и т. д.

Въ какомъ-то энциклопедическомъ словарѣ Шпиръ нашелъ, что Мирмидонъ былъ пустой, но надменный человѣкъ. Лебедь былъ любимый конь, на которомъ ѣздилъ Мирмидонъ. О жизни Шпира заграницей обѣщаетъ написать его дочь (живущая въ Штутгартѣ) Елена Африкановна Шпиръ, приводящая въ порядокъ посмертныя сочиненія своего отца.

Сообщ. Н. А. Пулевичъ.

БЕРЕСТОВЕЦКІЙ ВУЛКАНЪ.

(Изъ полѣсскихъ экскурсій).

Въ памятникахъ прошедшаго, въ народныхъ легендахъ и преданіяхъ, въ старинныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ и пѣсняхъ, въ самомъ складѣ народнаго характера болѣе или менѣе ярко отражается природа окружающей его страны. Для пониманія этихъ остатковъ минувшаго и всей исторіи народа необходимо знакомство съ природой его края, которая кладетъ неизгладимый отпечатокъ на его эпическую и историческую жизнь.

Если душѣ вашей, усталой отъ сутолоки повседневной жизни съ ея мелочными интересами и постоянной борьбой, захочется на время отрѣшиться отъ житейскаго шума и отдохнуть въ мірѣ абсолютнаго покоя и тишины; если притомъ вы не чужды поэзіи и жажды чистаго знанія, если въ сердцѣ вашемъ найдется искра любви къ родному вашему краю, къ его прошлой исторіи, къ его своеобразной и могучей природѣ,— довѣрьтесь мнѣ, читатель, и вмѣсто поѣздки въ какой нибудь изъ модныхъ и шумныхъ иностранныхъ курортовъ (слишкомъ близко знакомыхъ нашимъ туристамъ) я поведу васъ въ нѣдра нашего Полѣсья. Пусть не пугаетъ васъ это названіе, ничего, къ сожалѣнію, не говорящее воображенію русскихъ людей, благодаря незнакомству ихъ со своей родиной: такъ называемыя полѣсскія дебри вовсе не такъ страшны и мертвенно безмолвны, какъ это привыкли у насъ думать. Стоитъ лишь отнестись къ нимъ съ любовью и участіемъ, посвятить имъ нѣкоторую долю вниманія,— и эти молчаливыя дебри разскажутъ вамъ и поэтическія ле-

генды про древне-русскихъ богатырей, которымъ искони принадлежалъ этотъ край, и скорбную повѣсть о мрачномъ времени чужеземныхъ нашествій, полную драматическихъ моментовъ, трогательныхъ эпизодовъ и возвышенныхъ подвиговъ; въ говорливомъ журчаніи лѣсныхъ ручейковъ, невидимо струящихъ свои чистыя воды подъ сплошнымъ навѣсомъ кустарника, въ величавомъ шелестѣ листвы неизмѣримыхъ лѣсовъ, подобномъ могучему прибою океана, внимательное ухо различитъ давно угасшіе и позабытые напѣвы народныхъ пѣсенъ, рыданія, мольбы и стоны погибавшихъ въ вѣковой борьбѣ съ чужеземцами богатырей, и бодрящіе побѣдные мотивы, и мирныя пѣсни упорнаго труда. Здѣсь, въ этихъ забытыхъ „дебряхъ", вы найдете древніе земляные валы и городища, эти неприступныя крѣпости обитавшихъ здѣсь издревле славянскихъ народовъ, и гордо поднимающіе къ небу свои вершины таинственные курганы, эти еще неразгаданные могильные памятники невѣдомыхъ племенъ далекаго прошлаго, быть можетъ, современные египетскимъ пирамидамъ и шотландскимъ каменнымъ дольменамъ; мѣстами, на южной окраинѣ Полѣсья, высятся старинные замки съ полуразвалившимися, поросшими мхомъ и дерномъ, башнями и бойницами, съ обширными мрачными подземельями и глубокими рвами, невольно говорящіе воображенію о рыцарскомъ бытѣ, о закованныхъ въ латы воинахъ и ихъ вѣрныхъ оруженосцахъ, о томившихся за крѣпкими стѣнами плѣнныхъ красавицахъ,—и въ этихъ живописныхъ средневѣковыхъ сооруженіяхъ вы съ удивленіемъ узнаете памятники жизни древнихъ русскихъ князей, нѣкогда могущественныхъ владѣльцевъ обширныхъ вотчинъ, наслѣдниковъ Владиміра Святого. Вся земля здѣсь, повидимому столь пустынная и малолюдная, полита русской кровью, и остатки сѣдой старины вѣщаютъ на каждомъ шагу о многовѣковой упорной борьбѣ славянъ съ дикими ордами восточныхъ кочевниковъ и съ западными носителями чужой цивилизаціи, огнемъ и мечемъ насаждавшими ее среди коренного русскаго населенія... Но и помимо этихъ историческихъ памятниковъ, къ сожалѣнію, понемногу уничтожаемыхъ рукою неумолимаго времени, сама природа нашего Кіевскаго и Волынскаго Полѣсья

представляетъ столько своеобразныхъ красотъ и замѣчательныхъ явленій, что можетъ дать на многіе годы обильный матеріалъ для работы художниковъ, поэтовъ и ученыхъ. Съ однимъ изъ интереснѣйшихъ уголковъ этой мѣстности я и хочу познакомить васъ въ настоящемъ очеркѣ.

Извѣстно-ли кому нибудь изъ интеллигентныхъ русскихъ людей, даже живущихъ въ юго-западномъ краѣ, что здѣсь у насъ въ ровенскомъ уѣздѣ волынской губерніи, въ глубинѣ Полѣсья, находится настоящій древній вулканъ, почти единственный на всей обширной территоріи южной Россіи? Не заслуживаетъ-ли это замѣчательное и рѣдкое у насъ явленіе природы хоть нѣкотораго знакомства съ нимъ, хотя-бы самаго краткаго и и поверхностнаго описанія?

Чтобы добраться до этого въ высшей степени интереснаго мѣста изъ Кіева, приходится ввѣрить свою жизнь юго-западной желѣзной дорогѣ. Вступая въ предѣлы волынской губерніи, въ новоградволынскомъ уѣздѣ рельсовый путь вьется по территоріи, еще въ историческое время составлявшей нераздѣльную часть Полѣсья и лишь недавно оголенной отъ вѣковыхъ лѣсовъ, отъ которыхъ только мѣстами уцѣлѣли болѣе или менѣе обширные острова. Чѣмъ далѣе подвигаешься къ сѣверу, тѣмъ чаще встрѣчаются эти острова, тѣмъ ýже раздѣляющія ихъ полосы воздѣланныхъ полей, тѣмъ явственнѣе проявляется первоначальный характеръ мѣстности. Въ г. Ровно вы покидаете скучный вагонъ и въ повозкѣ направляетесь прямо на сѣверъ. Только при выѣздѣ изъ Ровно, въ долинѣ рѣчки Устье (притокъ Горыни) попадаются мѣстами незначительныя обнаженія бѣлаго мѣла, прикрытаго не толстымъ слоемъ (сажени въ 2) желтоватаго суглинка (лесса); поверхность мѣла очень неровная и обнаруживаетъ слѣды весьма древняго размыва. Далѣе дорога постепенно поднимается на возвышенность, обнаженія исчезаютъ и тянется однообразная, слабохолмистая равнина. Проѣхавъ с. Шпановъ (извѣстное своимъ образцовымъ рыбнымъ хозяйствомъ) и с. Кустинъ, вы встрѣчаете область глубокихъ сыпучихъ песковъ, допускающихъ ѣзду только шагомъ и неоспоримо свидѣтельствующихъ о вырубленныхъ лѣсахъ, которые нѣкогда одѣвали собою эту без-

плодную почву. Широкая почтовая дорога, окаймленная тощими посѣвами, представляетъ собою вѣрную картину песчаной пустыни; она вся покрыта волнообразными песчаными холмиками, напоминающими въ миніатюрѣ дюны и барханы; глазамъ больно отъ рѣзкаго бѣлаго цвѣта дороги, а вѣтеръ взметаетъ цѣлыя тучи тончайшей кварцевой пыли, засыпая ею окрестныя поля, поросшія рѣдкимъ и невысокимъ хлѣбомъ. Глубокая колея, оставленная проѣхавшей раньше васъ телегой, прихотливо извивается вправо и влѣво по широкому тракту въ поискахъ за болѣе твердымъ грунтомъ; колеса вашей повозки, взрывая песокъ производятъ непрерывный своеобразный шумъ, напоминающій отдаленный плескъ волнъ, и вамъ чудится, что вы плывете въ челнокѣ по песчаному морю; иллюзіи этой содѣйствуетъ и постоянное, почти ритмическое нырянье повозки изъ ухаба въ ухабъ, съ бугра на бугоръ.

На горизонтѣ синѣетъ зубчатая полоса сосноваго бора, который все болѣе и болѣе приближается и, наконецъ, охватываетъ дорогу съ обѣихъ сторонъ. Проѣхавъ довольно большое мѣстечко Александрію, вы вступаете уже въ настоящее Полѣсье. На десятки верстъ тянется почти совершенно ровная лѣсная мѣстность. По обѣимъ сторонамъ почтоваго тракта, красивой аллеей уходящаго вдаль, густо тѣснится разнообразная поросль лиственныхъ породъ, одѣтыхъ ярко-зеленой листвой, а изъ-за ея непроглядной чащи высится темный сосновый боръ. Иногда впереди свѣтлѣетъ и вы ждете, что здѣсь лѣсъ оканчивается, но тамъ оказывается лишь небольшая лѣсная поляна, покрытая ковромъ цвѣтовъ, или распаханная подъ посѣвы. Немолчный шумъ птичьихъ голосовъ царитъ на опушкѣ и сливается съ тихимъ звукомъ взрываемаго колесами песка. Вступая въ лѣсъ, дорога расползается отдѣльными колеями по его окраинѣ, гдѣ менѣе глубокій песокъ даетъ отдыхъ вспотѣвшимъ лошадямъ. Здѣсь вы пробираетесь подчасъ по узенькой тропинкѣ, подъ сплошнымъ сводомъ деревьевъ, задѣвающихъ васъ своими вѣтвями, и должны смотрѣть въ-оба, ежеминутно наклоняя голову, чтобы не потерять шляпу или не получить серьезнаго увѣчья отъ этихъ цѣпкихъ лѣсныхъ рукъ, простираемыхъ

на встрѣчу путникамъ... Мѣстами, вправо и влѣво отъ главной ленты дороги, вдругъ обнаруживается топкое болото, покрытое мхомъ и заросшее кустами, съ небольшими „окнами“ темной воды. Тутъ всѣ боковыя колеи сливаются съ трактомъ, дорога съуживается и оказывается обильно вымощенной хворостомъ и валежникомъ, которые даютъ о себѣ знать довольно непріятными толчками телеги...

Въ лѣсной глуши иногда вниманіе ваше вдругъ привлекаетъ хорошенькій домикъ не русскаго типа, крытый тесомъ и и окруженный небольшимъ огородомъ; вблизи, на выкорчеванной отъ лѣса полянѣ, находится обыкновенно небольшое поле, засѣянное хлѣбомъ или занятое хмѣлевой плантаціей съ густымъ лѣсомъ „тычекъ“ (жердей). Это разбросанныя въ лѣсу фермы нѣмцевъ и чеховъ-колонистовъ, которые иногда и сами попадаются на дорогѣ въ своеобразныхъ нѣмецкихъ курткахъ и шляпахъ, рѣзко отличающихся отъ одежды нашихъ крестьянъ. Далѣе лѣсъ вдругъ широко разступается, и предъ вами глухая лѣсная деревушка Глажева, въ которой, по словамъ встрѣчной крестьянки, живутъ уже „люде“ (т. е. не колонисты, а малороссы). Широкая песчаная улица обставлена съ обѣихъ сторонъ бѣдными избушками. На ихъ соломенныхъ крышахъ кое-гдѣ лѣпятся крупныя гнѣзда аистовъ и мѣстами стоятъ въ задумчивой позѣ, на одной ногѣ, эти большія птицы, сожительство которыхъ съ человѣкомъ, по народному повѣрью, приноситъ счастье. На пустынной площади, окружающей колодезь съ скрипучимъ „журавлемъ“, копаютъ въ неглубокихъ ямахъ бѣлый мѣлъ для побѣлки избъ. Далѣе лѣсъ вновь охватываетъ дорогу, но чешскія и нѣмецкія фермы встрѣчаются все чаще, сливаясь въ длинные, растянутые по пути поселки. Наконецъ, послѣ утомительной и однообразной лѣсной дороги на протяженіи 35 верстъ отъ г. Ровно, вы прiѣзжаете въ маленькую деревню Берестовецъ, расположенную на берегу ничтожной рѣчки Кропивницы (притокъ Горыни),—и вы у вулкана.

Напрасно взоръ вашъ сталъ-бы искать величественной конусообразной горы съ традиціоннымъ кратеромъ и потоками лавы, напрасно стали-бы вы разспрашивать о ней мѣстныхъ жи-

телей,—ничего подобнаго здѣсь никто не знаетъ. Вокругъ та же знакомая ровная мѣстность, покрытая тѣмъ-же непроглядным вѣковымъ боромъ. У крестьянъ не сохранилось никакихъ легендъ или преданій. На пологихъ и невысокихъ берегахъ рѣчки разбросаны обыкновенныя деревенскія избы; подъ лѣсомъ тянутся болѣе богатыя усадьбы колонистовъ, окруженныя обширными огородами. Обычная мирная картина, несовмѣстимая съ ужасами вулканическихъ извержені! Но если вы разспросите дорогу въ „карръеры" (каменоломни), находящіяся верстахъ въ двухъ за деревней, въ глухомъ лѣсу, и осмотрите ихъ,—васъ ожидаетъ величественное и поразительное зрѣлище.

Находясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменоломень, не подозрѣваешь ихъ существованія, такъ какъ онѣ ничѣмъ не выдаются изъ окружающей ихъ лѣсной равнины. Только подойдя къ самому краю каменоломни, вы видите обширную и глубокую яму, дно которой усѣяно щебнемъ и мусоромъ; мѣстами крупный битый камень сложенъ въ правильныя параллелепипедальныя гряды („сажени" или „стосы"). Спустившись по узкой обрывистой тропинкѣ въ такую каменоломню, вы замѣчаете вдругъ, что стѣны ея сложены изъ громадныхъ каменныхъ колоннъ или столбовъ, вышиною до 4 и болѣе саженъ, имѣющихъ правильную многогранную (чаще всего шестигранную) форму. Столбы эти стоятъ почти повсюду вертикально и прикрыты сверху нетолстымъ слоемъ бурой глины, поверхъ которой лежитъ уже песчаная лѣсная почва; въ діаметрѣ они достигаютъ до аршина и болѣе. Горизонтальныя и различнымъ образомъ наклоненныя къ горизонту трещины разбиваютъ колонны на отдѣльные члены, стоящіе другъ на другѣ; иногда эти трещины имѣютъ форму кривыхъ поверхностей, вогнутыхъ книзу или выпуклыхъ кверху, и тогда столбы раздѣлены на множество короткихъ чашеобразныхъ членовъ, какъ-бы вставленныхъ другъ въ друга. Кромѣ шестигранныхъ, попадаются изрѣдка столбы и трехгранные (большей частью незначительныхъ размѣровъ) и пятигранные. Какъ лѣсъ громадныхъ правильныхъ кристалловъ, какъ молчаливое войско заколдованныхъ каменныхъ великановъ, высится предъ вами эта величественная природная колоннада,—и не-

вольно возникаетъ вопросъ, какія невѣдомыя чары погребли здѣсь подъ землею эти стройные ряды безчисленныхъ колоннъ, какія могучія силы создали и выдвинули ихъ на удивленіе человѣку.

Посѣтивъ цѣлый рядъ сосѣднихъ каменоломень, вы убѣждаетесь, что вся почва этой мѣстности сложена изъ такихъ-же красивыхъ правильныхъ столбовъ, идущихъ вглубь на неизвѣданное разстояніе. Это одна сплошная каменная скала, разбитая на вертикальныя колонны, верхніе членики которыхъ обыкновенно округлены и какъ-бы увѣнчаны шарообразными головами, погруженными въ краснобурую глину; надъ ними лежитъ ровный слой песчаной почвы, въ которой укореняются вѣковыя сосны. Кое-гдѣ на свѣже-обнаженной поверхности скалы видѣнъ косой срѣзъ, на которомъ отчетливо выражена правильная многоугольная форма колоннъ; это какъ-бы естественный каменный паркетъ колоссальныхъ размѣровъ. Мѣстами на днѣ каменоломни лежатъ свалившіеся (или сваленные людьми) отдѣльные столбы весьма почтенныхъ размѣровъ. Всѣ почти колонны имѣютъ приблизительно одинаковую величину и однообразный красновато-сѣрый цвѣтъ съ поверхности; но если вы попробуете отколоть кусокъ камня хорошимъ стальнымъ молоткомъ, то вы убѣдитесь, что этотъ чрезвычайно крѣпкій камень, звенящій при ударѣ, какъ металлъ, имѣетъ внутри красивый и густой матово-черный цвѣтъ, а отдѣльные куски его очень тяжелы (имѣютъ значительный удѣльный вѣсъ).

Это и есть давно извѣстный въ тѣсномъ кружкѣ спеціалистовъ—геологовъ, но совершенно невѣдомый публикѣ *берестовецкій вулканъ*. (Онъ былъ открытъ случайно лѣтъ тридцать тому назадъ г. Тышецкимъ, который призналъ составляющую его каменную породу за базальтъ и предположилъ, что изверженіе ея произошло въ мѣловую эпоху [1]). Впослѣдствіи эта по-

[1]) *Тышецкій.* Нѣсколько замѣчаній о базальтѣ Волынской губерніи.—Кіев. Университ. Извѣстія 1862 г., № 8, стр. 145.

рода была изучаема Блюмелемъ [1]), проф. Карпинскимъ [2]), Пфаффіусомъ [3]), Лагоріо [4]) и Морозевичемъ [5]).

Вы удивлены, не правда-ли? Вы спрашиваете: гдѣ-же тутъ вулканъ? что общаго имѣютъ Берестовецкія каменоломни съ грандіознымъ явленіемъ вулканическихъ изверженій, знакомыхъ вамъ по описаніямъ? гдѣ-же здѣсь конусообразная гора съ кратеромъ, огненный столбъ, облака дыма, потоки расплавленной лавы, громовые подземные удары, потрясающіе землю? Минуточку терпѣнія—и дѣло разъяснится.

Дѣло въ томъ, что обычное представленіе о вулканахъ, какъ объ „огнедышащихъ“ горахъ, давно признано слишкомъ узкимъ въ геологической наукѣ. Начать съ того, что представленіе это не совмѣстимо съ закономъ вѣчнаго измѣненія, царящимъ повсюду въ природѣ, и пріурочено лишь къ ограниченному періоду во времени. Вулканы, какъ и все въ мірѣ, имѣютъ свою исторію, свои эпохи расцвѣта и упадка, созиданія и разрушенія, дѣятельной жизни — и смерти. Представимъ себѣ типическій вулканъ, прекратившій надолго свою дѣятельность или, какъ привыкли говорить, „потухшій“. Какая судьба его ждетъ? Развѣ неумолимые и неустающіе дѣятели разрушенія—атмосферная вода и воздухъ—пощадятъ это созданіе подземнаго бога огня? День и ночь, изо дня въ день, изъ года въ годъ будутъ они различными способами разрушать и разъѣдать вулканическую гору и чрезъ столѣтія или тысячелѣтія сдѣлаютъ ее неузнаваемой, уничтожатъ ея конусообразную форму, ея воронкообразный кратеръ, отнимутъ у нея всѣ обычные внѣшніе ея аттрибуты, превратятъ ее въ простой холмъ или бугоръ, а то и сравняютъ ее съ окружающей равниной.

---

1) *В. Блюмель.* О долеритѣ полтавской и траппѣ волынской губерніи. - Ibid. 1867 г., № 5 (съ табл. рис.).

2) *А. Карпинскій.* Анамезитъ въ Европейской Россіи.—Научно-историч. Сборникъ Горнаго Института 1873 г. стр. 1 (съ рис.).

3) *Pfaffius.* Opis tak zwanego anamezytu wołyńskiego.—Pamiętnik Fizyiograficzny 1886 г., t. VI, (съ табл. и картой).

4) *Lagorio.* Ueber die Natur der Glasbasis etc.—Tschermak's Miner. und Petrogr. Mittheilungen, 1877 г., VIII, p. 483—485.

5) *І. Морозевичъ.* Къ петрографіи Волыни.—Варшава. 1893, стр. 167—168.

И тогда только по продуктамъ древняго изверженія, по каменнымъ массамъ, изъ которыхъ сложенъ этотъ остатокъ погибшаго вулкана, геологи догадаются о его печальной и превратной судьбѣ.

Но обычное представленіе о вулканахъ, какъ объ „огнедышащихъ горахъ", грѣшитъ еще и въ другомъ отношеніи,—оно оказывается слишкомъ ограниченнымъ не только во времени, но и въ пространствѣ. Даже и въ настоящее время не повсюду дѣйствующіе вулканы подходятъ къ обычному представленію. Кое-гдѣ сохранились еще донынѣ послѣдніе представители другого, болѣе древняго типа вулкановъ—такъ называемыхъ не-слоистыхъ или массивныхъ вулкановъ, которые извергаютъ только одну лаву, лишенную водяного пара и газовъ. Они въ настоящее время очень рѣдки (примѣръ такого нынѣ-дѣйствующаго вулкана—Мауна-Лоа на островѣ Гавайи), имѣютъ куполообразную форму, сложены изъ сплошной каменистой лавы (безъ слоевъ шлака и пепла) и лишены настоящихъ кратеровъ, на мѣстѣ которыхъ находится вѣчно-кипящее озеро расплавленной лавы. Изверженіе состоитъ въ переполненіи этого озера, въ изліяніи части лавы по склонамъ горы въ видѣ потоковъ, которые расплываются на болѣе или менѣе обширное пространство и затѣмъ отвердѣваютъ; отсутствіе въ лавѣ газовъ и паровъ влечетъ за собою отсутствіе тѣхъ именно продуктовъ распыленія лавы (вулканическаго пепла и песка), изъ которыхъ насыпается конусъ обыкновеннаго типа слоистыхъ вулкановъ. Причины происхожденія вулкановъ того и другого типа, слоистыхъ и массивныхъ, излагать здѣсь было-бы неумѣстно; интересующихся этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ спеціальной литературѣ [1]). Замѣтимъ только, что въ прежнія геологическія эпохи, задолго до начала человѣческой исторіи, массивные вулканы являлись преобладающими и оставили послѣ себя много остатковъ—„руинъ вулкановъ", неоспоримо свидѣтельствующихъ, что вулканы во множествѣ существовали въ такихъ мѣстахъ земли,

---

[1]) См. „Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей", 1893 г., т. XIII, стр. 165—208.

гдѣ ихъ давно уже нѣтъ. Если извергаемая лава была очень густой, вязкой, то она, выступивъ на поверхность, застывала въ видѣ купола; таковы, напр., купола на островѣ Бурбонъ, Пюи-де-Саркуи въ Оверни, базальтовый куполъ Шейтберга у Ремагена, Цигенбергъ у Габихтсвальда, фонолитовый куполъ Шлоссберга у Теплица, Шладниберга у Билина, Дуннау въ Богеміи, многіе купола въ Невадѣ, Бельмонтѣ, такъ наз. лакколиты Пятигорскаго округа на Кавказѣ, на южномъ склонѣ хребта Турайгыръ въ Тянь-Шанѣ, въ горахъ Генри-Маунтенъ въ штатѣ Ута и др.; жидкія лавы разливаются въ видѣ болѣе или менѣе толстаго слоя (отъ 10 до 1000 метровъ) на значительныя пространства и, отвердѣвая, образуютъ такъ наз. „покровы"; таковы, напр., знаменитые потоки и покровы лавы на островѣ св. Павла, базальтовые покровы Фарерскихъ острововъ (до 1000 метровъ толщины), громадный покровъ плоскогорья Деканъ въ Индіи (до 1000 километровъ въ діаметрѣ и до 40000 квадр. верстъ площадью), покровы на сѣверо-западной окраинѣ Сѣверной Америки, покровы у Мейсснера, въ Исландіи (въ системѣ Геклы), замѣчательная область вулканическихъ руинъ Падуа въ Евганейскихъ горахъ, базальты Вероны и Виченцы, трахиты Босфора и Дарданеллъ, плато Оверни, потухшіе вулканы Эйфеля, Богеміи (на южной окраинѣ Эрцгебриге и Ризенгебирге), базальтовыя залежи Нортумберланда, нѣкоторые гранитные штоки Норвегіи (у Христіаніи), Вогезовъ, Нормандіи, Корнваллиса, Шотландіи, острова Эльбы и многіе друг. Когда „потухаетъ" массивный вулканъ, центральное озеро расплавленной лавы, отвердѣвъ, сливается въ одну сплошную массу съ его потоками и покровами; неутомимые атмосферные агенты (вода и воздухъ) химически и механически разрушаютъ эту массу и втеченіе тысячелѣтій могутъ превратить цѣлыя горы въ равнину; впослѣдствіи на поверхность погибшаго вулкана могутъ быть отложены новѣйшія осадочныя образованія (напр., песокъ, глина, мѣлъ и т. п.),—и нѣкогда огненный очагъ изверженія будетъ погребенъ и скрытъ подъ почвой вновь образовавшейся равнины. Такова была судьба и Берестовецкаго вулкана, который, быть можетъ, нѣкогда былъ и очень высокой горою или, по крайней мѣрѣ,

былъ тѣсно связанъ съ массивнымъ вулканомъ. Трудно сказать, гдѣ находился самый центръ изверженія—на мѣстѣ нынѣшнихъ Берестовецкихъ каменоломенъ или вблизи, немного далѣе къ сѣверу (послѣднее предположеніе, какъ увидимъ ниже, болѣе вѣроятно); одно лишь несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ изверженной массой, принадлежащей (судя по совершенному отсутствію рыхлыхъ вулканическихъ продуктовъ) такъ наз. массивному древнему вулкану. Берестовецкая подземная скала—или периферическая часть древняго массивнаго купола, или вылившійся изъ него „покровъ".

Но позвольте, скажетъ читатель, почему-же все-таки принимать Берестовецкую подземную скалу непремѣнно за потухшій массивный вулканъ или изверженный „покровъ"? Что такія „руины" древнихъ вулкановъ бываютъ на свѣтѣ—съ этимъ можно согласиться; но мало-ли камня въ землѣ—не всякая-же скала принимается за бывшій центръ изверженія, не всякой твердой каменной породѣ приписывается непремѣнно огненное происхожденіе.

Это совершенно вѣрно и за примѣрами ходить недалеко: въ почвѣ нашего края есть много каменныхъ породъ, ничего общаго съ вулканами не имѣющихъ и не имѣвшихъ (наприм., наши кіевскіе и черниговскіе жерновые песчаники, страшно-твердые овручскіе и подольскіе кварциты, подольскіе и волынскіе твердые известняки и т. п.). Такія породы—осадочнаго происхожденія, онѣ осѣли изъ морей въ рыхломъ, пластическомъ состояніи и лишь впослѣдствіи сцементировались и отвердѣли благодаря работѣ подземныхъ водъ; это доказывается и способомъ ихъ залеганія (въ видѣ правильныхъ пластовъ), и составомъ ихъ матеріала, свойственнаго морской водѣ, и, наконецъ, присутствіемъ въ нихъ мѣстами остатковъ морскихъ животныхъ. Этихъ важныхъ признаковъ воднаго происхожденія нѣтъ въ Берестовецкой породѣ. Въ ней нѣтъ и слѣда слоистости, сортировки водою, пластового залеганія и окаменѣлостей, но за то есть несомнѣнные признаки породъ изверженныхъ—это распаденіе на столбы и своеобразный, весьма характерный минералогическій составъ.

Способность распадаться на многогранныя колонны или такъ наз. „столбчатая отдѣльность" есть свойство, исключительно присущее изверженнымъ массамъ [1]). Если расплавленная лава охлаждается, то на ней съ поверхности быстро образуется твердая кора, а охлажденіе внутренней части идетъ весьма медленно, иногда десятилѣтіями; наружная кора уже вполнѣ остыла, когда внутри происходитъ охлажденіе и уменьшеніе объема; получается внутреннее натяженіе массы, которое нарушаетъ ея цѣлость, вызываетъ разрывы или трещины, проникающія съ дальнѣйшимъ ходомъ охлажденія все глубже и раздѣляющія всю верхнюю массу лавы на многогранные столбы. Опуская многія интересныя подробности этого хорошо изученнаго явленія, замѣтимъ только, что получающіеся столбы тѣмъ крупнѣе, чѣмъ больше размѣры охлаждающейся массы и чѣмъ быстрѣе идетъ охлажденіе (лавы, застрявшія глубоко подъ землею въ видѣ жилъ или лакколитовъ, охлаждаются втеченіе тысячелѣтій и потому лишены столбчатой отдѣльности); затѣмъ, столбы всегда перпендикулярны къ поверхности, что даетъ возможность возстановить видъ послѣдней даже для сильно размытыхъ массъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что *Берестовецкая подземная скала* скорѣе всего представляетъ *изверженный „покровъ"*, а не руину куполообразнаго вулкана (который былъ гдѣ-то вблизи), такъ какъ всѣ ея колонны вертикальны, слѣдовательно первоначальная поверхность потока лавы была горизонтальна (въ застывшихъ куполахъ столбы располагаются лучеобразно, сходясь къ центру); сверхъ того, наша лава *была извержена на поверхность земли*, представляетъ быстро охлаждавшійся *поверхностный покровъ*, а не подземное изліяніе (такъ наз.

---

[1]) Къ классическимъ примѣрамъ изверженныхъ древнихъ лавъ со столбчатой отдѣльностью принадлежатъ: такъ наз. „плотина гигантовъ" на Антримскомъ берегу въ Ирландіи (базальтъ), Гумбольдтова скала у Аусcига въ Богеміи, трахиты Моту-Роана въ Новой Зеландіи, базальты Морвана въ Шотландіи, знаменитая Фингалова пещера на островѣ Стаффа въ Шотландіи, базальтъ Шейтберга, андезиты Казбека на Кавказѣ и др. Во многихъ мѣстахъ эта особенность скалъ послужила источникомъ народныхъ сказаній и легендъ; у жителей Берестовца, насколько можно судить по разспросамъ, не сохранилось подобныхъ легендъ, если онѣ когда-либо и существовали.

лакколитъ). Наконецъ, судя по отсутствію сплавленной верхней коры, надо думать, что въ *Берестовцѣ изверженная масса сохранилась не вся*, что часть ея на нѣкоторую глубину отъ поверхности была разрушена и смыта; но такому уничтоженію подверглась, по всей вѣроятности, не слишкомъ большая часть изверженнаго покрова, такъ какъ поліэдрическіе столбы въ охлаждающихся лавахъ обыкновенно уменьшаются и постепенно исчезаютъ съ глубиною, а въ Берестовецкихъ каменоломняхъ столбы идутъ вглубь на неизвѣданное еще разстояніе.

Таковы доказательства изверженнаго происхожденія Берестовецкаго камня, почерпаемыя изъ изученія его столбчатой отдѣльности. Не менѣе убѣдительныя доказательства въ пользу такого заключенія даетъ и изслѣдованіе минералогическаго состава этой каменной породы. Не вдаваясь и здѣсь въ детали, интересныя только для спеціалистовъ, замѣтимъ, что микроскопическія и химическія изслѣдованія Блюмеля, Карпинскаго, Лагоріо, Пфаффіуса и Морозевича обнаружили въ Берестовецкой породѣ присутствіе полевыхъ шпатовъ (олигоклаза, андезина и лабрадора), авгита, оливина, магнитнаго желѣзняка, титанистаго желѣзняка, стекловатой массы и—что весьма замѣчательно — металлическаго желѣза въ видѣ чрезвычайно мелкихъ вкрапленій. Всѣ эти минералы имѣютъ микроскопическую величину и обладаютъ особенностями, характерными для составныхъ частей изверженныхъ породъ (стекловатая масса встрѣчается исключительно въ послѣднихъ); самая комбинація этихъ минераловъ и микроскопическое строеніе породы заставляютъ причислить ее къ продуктамъ изверженія, къ древнимъ лавамъ, именно къ группѣ базальтовыхъ породъ (къ анамезиту или авгитовому порфириту), а присутствіе металлическаго желѣза (впервые здѣсь найденнаго въ русскихъ породахъ и вообще крайне рѣдкаго въ земныхъ камняхъ, но характернаго для падающихъ изъ небеснаго пространства метеоритовъ) указываетъ, что Берестовецкая лава была извержена съ большой глубины.

Такимъ образомъ, путемъ кропотливаго и детальнаго изученія удалось разгадать тайну Берестовецкой каменной колон-

нады, погребенной подъ почвою вѣкового лѣса, удалось заставить молчаливые камни заговорить о своемъ происхожденіи. Подобно тому, какъ археологъ воскрешаетъ особенности быта племенъ, угасшихъ еще на зарѣ человѣческой исторіи, по каменнымъ сооруженіямъ, курганамъ, кремневымъ орудіямъ, остаткамъ керамическаго искусства и проч., такъ и геологу внятно говорятъ о давно-минувшихъ событіяхъ, о происходившихъ за много тысячелѣтій до насъ явленіяхъ природы—мертвые камни, бывшіе свидѣтелями или непосредственными участниками этихъ событій и явленій.

Но тайна разгадана еще далеко не вполнѣ,—окаменѣвшіе свидѣтели изверженія еще не совсѣмъ высказались. Спрашивается, когда именно произошло изверженіе анамезитовой лавы на берегахъ Кропивницы?

Хронологическія данныя, которыхъ можно требовать въ данномъ случаѣ, по необходимости не могутъ быть выражены въ точныхъ цифрахъ. Какъ археологъ въ своихъ изысканіяхъ о доисторическихъ событіяхъ принужденъ довольствоваться указаніемъ лишь эпохи, которая могла тянуться втеченіе тысячелѣтій (напр., палеолитическій, неолитическій, бронзовый періодъ и т. п.), такъ и геологи ограничиваются опредѣленіемъ принадлежности даннаго явленія къ той или другой геологической эрѣ или ея подраздѣленіямъ (періоду, эпохѣ). По изслѣдованіямъ Карпинскаго, изверженіе Берестовецкаго анамезита произошло въ мѣловой періодъ и, вѣроятнѣе всего, въ верхнемѣловую эпоху. Такое заключеніе о геологическомъ возрастѣ этой породы основывается на слѣдующихъ данныхъ. Въ каменоломняхъ сосѣдняго села Злазни поверхъ анамезитовой скалы лежитъ въ ненарушенномъ, нормальномъ положеніи бѣлый мѣлъ, содержащій окаменѣлости верхнемѣловой эпохи и представляющій собою осадокъ глубокаго моря. Въ мѣстѣ своего соприкосновенія съ анамезитомъ этотъ мѣлъ не обнаруживаетъ слѣдовъ вліянія раскаленной массы (такое вліяніе изверженныхъ породъ на другія породы выражается всегда очень рѣзко въ видѣ такъ наз. контактныхъ явленій—сплавленія, обжиганія, остеклованія, превращенія въ мраморъ, образованія новыхъ характерныхъ для

контакта минераловъ и т. п.); слѣдов., осажденіе мѣла произошло уже послѣ окончательнаго остыванія анамезита и даже послѣ продолжительнаго пребыванія его подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, которые разрушили и снесли его поверхностную часть. Возстановленная исторія Берестовецкаго изверженія слагается, такимъ образомъ, изъ слѣдующихъ послѣдовательныхъ событій: въ началѣ верхнемѣловой эпохи, когда нынѣшняя Волынь представляла сушу, здѣсь произошло обильное изверженіе глубинной базальтовой лавы и очагъ этого изверженія находился невдалекѣ отъ Берестовца и Злазни; затѣмъ послѣдовало сравнительно быстрое охлажденіе излившагося покрова, сопровождавшееся образованіемъ коры на его поверхности и постепеннымъ распаденіемъ его внутренней части на поліэдрическіе столбы; далѣе вода и воздухъ разрушили и снесли какъ поверхностную застывшую кору лавы, такъ и часть образовавшейся колоннады; потомъ началось опусканіе суши, наступленіе моря и отложеніе здѣсь бѣлаго мѣла (того-же самаго, который отложился въ Глажевой, Ровно и южнѣе—въ волынской и подольской губерніяхъ); затѣмъ втеченіе всего третичнаго періода, продолжавшагося много тысячелѣтій, здѣсь снова была суша, а въ четверичный періодъ (именно, въ ледниковую эпоху) вся эта мѣстность была подъ громаднымъ скандинавскимъ ледникомъ; послѣ таянія послѣдняго отложились глины и пески, составляющіе теперь почву Полѣсья. Дремучія лѣсныя дебри выросли поверхъ бывшаго огненнаго потока базальтовой лавы еще въ началѣ доисторическаго (палеолитическаго) періода; образовалась рѣчка Кропивница, которая размыла верхнюю рыхлую почву и обнажила мѣстами анамезитъ, а проведеніе Кіево-Брестскаго шоссе и потомъ желѣзной дороги вызвало закладку здѣсь каменоломенъ.

Но почему-же на долю именно ровенскаго уѣзда выпало исключительное счастіе (или несчастіе, какъ хотите) пріютить у себя вулканъ, которыхъ нѣтъ почти нигдѣ на тысячи верстъ вокругъ въ необъятной равнинѣ Европейской Россіи?

На этотъ вопросъ намъ приходится по необходимости отвѣтить вкратцѣ, въ строго-догматическомъ тонѣ, отсылая за до-

казательствами къ спеціальнымъ сочиненіямъ[1]). Много лѣтъ терпѣливо трудились русскіе геологи надъ изученіемъ почвы южной Россіи. Они исходили ее вдоль и поперекъ, старательно и неутомимо посѣщали овраги, рѣчныя долины, глинища, колодцы, раскопки и каменоломни, наблюдали, измѣряли и записывали, тщательно собирали образцы горныхъ породъ и окаменѣлостей, возбуждая нерѣдко удивленіе непосвященныхъ,—подвергали эти образцы анализу химическому и микроскопическому, сравнивали ихъ съ русскими и иностранными образцами изъ всѣхъ частей свѣта и терпѣливо накопляли безчисленные научные факты. Факты эти зрѣли въ тишинѣ кабинетовъ и лабораторій и изъ нихъ, освѣщенныхъ геніемъ знанія, возникали свѣтлые образы, складывались грандіозныя картины, слишкомъ обширныя и необъятныя для матеріальнаго человѣческаго глаза, но вполнѣ доступныя умственному оку, способному охватить единымъ взглядомъ вглубь и вширь все пространство южной Россіи и все ея многовѣковое геологическое прошлое. Побѣждая, такимъ образомъ, пространство и время, проникая въ таинственную глубину земной коры и въ не менѣе загадочную глубь прошедшихъ тысячелѣтій, геологическая наука дала обильную пищу человѣческому уму, открыла такія явленія, воскресила такія минувшія событія, существованія которыхъ никто раньше не могъ и подозрѣвать. Изъ сопоставленія безчисленныхъ частныхъ наблюденій и фактовъ оказалось, что по направленію отъ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ полуострова Мангышлака за Каспійскимъ моремъ поперекъ Европейской Россіи до Сандомірскихъ горъ въ Польшѣ, проходитъ скрытая еще въ землѣ *зарождающаяся горная складка, сопровождаемая громадными сдвигами и глубокими трещинами въ земной корѣ.* Эта складка обнаруживается въ Ергеняхъ, Донецкомъ кряжѣ, въ полтавской

---

[1]) См. статьи проф. *А. П. Карпинскаго*: 1) Замѣчанія о характерѣ дислокаціи породъ въ южной половинѣ Европейской Россіи. Горный журналъ 1883 г. № 9; 2) Очеркъ физико географическихъ условій Европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. Записки Имп Академіи Наукъ 1887, LV, прилож. № 8; 3) Общій характеръ колебаній земной коры въ предѣлахъ Европейской Россіи. Извѣстія Имп. Академіи Наукъ 1894, № 1.

губерніи (с. Исачки—выходъ весьма древней изверженной породы), въ кіевской губерніи (каневскій уѣздъ—Трактеміровскія и Каневскія горы), въ волынской губерніи—въ Берестовцѣ—и сливается съ Сандомірскимъ кряжемъ. Въ Берестовцѣ и находилась несомнѣнно одна изъ крупныхъ и глубокихъ трещинъ земной коры, давшая выходъ изверженію анамезитовой лавы въ верхне-мѣловую эпоху. Застывшій массивъ анамезита закупорилъ собою эту трещину, которая со времени отложенія бѣлаго мѣла болѣе не открывалась. Кромѣ Берестовца и Злазни, анамезитъ нигдѣ болѣе не встрѣчается въ окрестной мѣстности; насколько далеко тянется подъ землею этотъ изверженный массивъ во всѣ стороны и гдѣ былъ самый очагъ изверженія—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, районъ распространенія его былъ невеликъ и, по Пфаффіусу, не переходилъ на западъ далѣе нынѣшней рѣки Горыни. Существуютъ нѣкоторыя указанія на то, что продолженіе Берестовецкаго массива существовало (а, можетъ быть, сохранилось и донынѣ на глубинѣ) и къ югу отъ р. Кропивницы; такъ, острореберные (не обточенные, слѣдов. не принесенные водою) куски этой породы были находимы въ болѣе новыхъ отложеніяхъ (въ лессѣ) у с. Городокъ, близъ Ровно.

Берестовецкая порода разрабатывается гораздо меньше, чѣмъ она заслуживаетъ по своей несравненной крѣпости и превосходному матово-черному цвѣту. Техническое достоинство ея весьма велико. Предѣльное давленіе, которое выноситъ Берестовецкій анамезитъ, по опредѣленіямъ, произведеннымъ въ промышленномъ музеѣ въ Вѣнѣ, достигаетъ 2810 килогр. на 1 кв. сант. (для сравненія замѣтимъ, что венгерскіе трахиты выдерживаютъ нагрузку только въ 660 килогр., порфиры—отъ 1780 до 2006 килогр., а обыкновенные граниты—до 1600 килогр. на 1 кв. сант. поверхности). Порода наша выдерживаетъ безъ трещинъ удары съ силою до 0,647 килограмметра на 1 кубич. сант. и раздробляется только при ударахъ съ силою 1,062 килограмметра. Она годится во всѣхъ отношеніяхъ, какъ строительный камень высшаго сорта, но можетъ съ большимъ успѣхомъ употребляться также, какъ превосходный орнаментный матеріалъ, такъ какъ принимаетъ и хорошо сохраняетъ отличную поли-

ровку, прочно держится въ острыхъ тонкихъ краяхъ и очень красива въ отдѣлкѣ. Изъ нея можно дѣлать изящныя вещицы—прессъ-папье, вазы и проч., памятники, карнизы, мозаичные каменные полы и проч., а между тѣмъ до сихъ поръ этотъ анамезитъ идетъ только главнымъ образомъ на мостовыя, на быки для желѣзнодорожныхъ мостовъ и т. п. Громадное достоинство Берестовецкаго камня состоитъ въ томъ, что отдѣльныя глыбы (естественныя колонны) его имѣютъ совершенно сплошное, цѣльное строеніе, безъ всякихъ трещинъ и слоевъ, почему и годятся вполнѣ для всевозможныхъ подѣлокъ. Одна изъ такихъ природныхъ колоннъ, аршина $3^1/_2$ длины и 110 пудовъ вѣсомъ, находится нынѣ въ городскомъ скверѣ у Золотыхъ Воротъ въ Кіевѣ (пожертвована городу для будущаго „петрографическаго музея“ управляющимъ Берестовецкимъ имѣніемъ, г. Г. О. Язвинскимъ), а другая колонна, вѣсомъ въ 60 пудовъ съ интересной кривой (чашеобразной) отдѣльностью, находится въ геологическомъ кабинетѣ нашего университета, гдѣ имѣется нѣсколько и меньшихъ образцовъ того-же анамезита.

Что касается до самыхъ каменоломенъ, то картина ихъ поразительна, особенно вблизи, и не поддается описанію. Надо самому видѣть эту сплошную природную подземную коллонаду, чтобы составить себѣ о ней вѣрное представленіе, надо погрузиться душой въ окружающую абсолютную тишину вѣкового бора, слиться съ окрестной мирной природой и сопоставить ее съ бывшими здѣсь въ давно минувшіе вѣка огненными катастрофами, молчаливымъ свидѣтелемъ которыхъ является этотъ лѣсъ правильныхъ столбовъ, чтобы оцѣнить своеобразную красоту и поэтическую прелесть этого никому почти невѣдомаго уголка нашего края, одного изъ интереснѣйшихъ мѣстъ Россіи, достойнаго вниманія любителей природы и туристовъ.

П. Тутковскій.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.

(*Окончаніе* [1]).

Приложенія.

Два письма Н. П. Кондоиди, 1784 и 1785 г.г., о смерти Гр. А. Полетики и о его завѣщаніи.

1) Государь мой Василій Григорьевичъ [2])! Печальный долгъ исполняю я увѣдомленіемъ васъ, что всемогущему Богу угодно было кончить жизнь родителя вашего, а моего друга Григорья Андреевича. Онъ почувствовавъ, что силы тѣлесныя уже въ крайнее истощеніе приходятъ, исполнилъ долгъ христіанскій исповѣдію и причащеніемъ святымъ христовымъ тайнамъ; нѣсколько же дней потомъ скончалъся онъ, съ 26 на 27 число ноября мѣсяца, пополуночи въ первомъ часу. Того жъ мѣсяца 29 числа, предано тѣло его, съ подобающею честію, погребенію въ Александроневскомъ монастырѣ. Болѣзнь покойнаго хотя была весьма продолжительна и весьма тяжка, однако жъ онъ почти до послѣдняго конца былъ въ твердомъ умѣ и въ крѣпкой памяти. Болѣзнь сія, какъ вамъ уже, г—рь мой, извѣстно, послѣдовала отъ нарыва, которой сдѣлалъся у покойнаго на щекѣ и которой наконецъ принуждены были разрѣзать. Отъ сего сдѣлалась рана, которая гнила нѣсколько мѣсяцовъ сряду и къ которой по несчастію прикинулъся ракъ. Отъ сего нещастнаго обстоятельства должна была уже неминуемо послѣдовать смерть, ибо къ излѣченію отъ рака понынѣ еще никакихъ способовъ не найдено. Истинною же и прямою причиною болѣзни

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 6.

[2]) Сынъ Гр. А. Полетики.

и самой смерти должно почитать полипа, которой, какъ вамъ и самимъ, г—рь мой, извѣстно, былъ у покойнаго въ носу и отъ котораго вышепомянутой нарывъ на щекѣ послѣдовалъ. За два мѣсяца передъ кончиною написалъ покойной родитель вашъ собственною своею рукою завѣщаніе свое, которое приказавъ переписать набѣло, потомъ подписалъ своеручно и печатью своею утвердилъ. Сіе завѣщаніе препроводилъ я теперь верхняго надворнаго суда во второй департаментъ для засвидѣтельствованія по законамъ. Какъ же скоро оно мнѣ отъ туда возвращено будетъ, перешлю я оное по самой порьвой почтѣ къ матушкѣ вашей Еленѣ Ивановнѣ. Сверхъ упоминаемаго здѣсь завѣщанія, оставилъ покойный родитель вашъ, на имя мое, полномочіе, въ третьемъ пунктѣ коего написано: дать знать въ Вильну, по моей смерти, и велеть ставшему сыну Василію ѣхать въ Юдиновъ, а другіе пускай остаютъся для продолженія ученія. Во исполненіе сего пункта, совѣтую я вамъ, г—рь мой, послѣдовать волѣ и повелѣнію покойнаго родителя вашего и въ слѣдствіе того, по полученіи сего моего письма, отправиться тотъ часъ и безъ всякаго замѣдлѣнія прямо въ село Юдиново, къ матушкѣ вашей, а братцовъ вашихъ оставте въ Вильнѣ и прикажите имъ продожать начатыя науки на прежнемъ основаніи. Долженъ однако же я васъ просить, чтобъ прежде выѣзда вашего изъ Вильны, вы пожаловали отвѣтствовали мнѣ на сіе письмо и увѣдомили бы меня, въ которой день имянно вы изъ помянутого города отправиться намѣрены. А дабы вы не напились въ заботахъ какимъ образомъ вашъ ко мнѣ отвѣтъ адресовать, прилагаю я при семъ мой адресъ. Извините только за позднее увѣдомленіе о кончинѣ покойнаго родителя вашего; медлѣнность въ семъ случаѣ произошла отъ весьма тяжкой болѣзни, которой я по нынѣ подверженъ былъ и отъ которой начинаю только теперь получать облегченіе. Во ожиданіи отвѣта вашего, пребываю съ почтеніемъ вашъ покорной слуга Николай Кондоиди. С.-Петербургъ. Декабря 18 дня. 1784 года.

2) М. г—рыня моя Елена Ивановна! Получа на сихъ дняхъ завещаніе покойнаго супруга вашего изъ втораго департамента верхняго надводнаго суда, куда оно для надлѣжащаго по зако-

намъ засвидѣтельствованія представлено было, спѣшу я отправитя оное при семъ къ вамъ, м. г—риня моя. Сверхъ оного изволитѣ вы, здѣсь же, найти того жъ завѣщенія концептъ, написанной рукою Григорія Андреевича, да еще копію, въ коей по волѣ покойнаго здѣланы нѣкоторыя перемены и съ которой уже чистой списокъ былъ написанъ, Отъ дражайшаго сына вашего Василья Григорьевича получилъ я на письмо мое отвѣтъ, изъ Вильны, отъ 3-го генваря, въ которомъ увѣдомляетъ меня, что онъ 4-го того жъ мѣсяца къ вамъ отправится, почему думаю я, что онъ уже теперь въ село Юдиново благополучно прибылъ. Естли вы, м. г—риня моя, людей вашихъ въ Петербургъ уже отправили, то для извѣстія вашего сообщаю, что при отпускѣ сего письма они еще сюда неприбыли. Нѣсколько недѣль тому назадъ получилъ я письмо ваше къ супругу вашему, которое впредь къ вамъ перешлю, когда людей вашихъ обратно въ село Юдиново отправлять буду. Есмь въ протчемъ съ совершеннымъ и истиннымъ почтеніемъ, м. г—риня моя, вашъ покорный слуга Н. Кондоиди. С.-Петербургъ. Генваря 30 дня. 1785 года.

Завѣщаніе Григорія Андреевича Полетики, 1784 г., 20 ноября.

Въ случаѣ, что я, при нынѣшней моей болѣзни здѣсь, въ С.-Петербугрѣ, по волѣ божеской умру, оставляю домъ мой на слѣдующемъ завѣщаніи и распоряженіи.

1. Женѣ моей Еленѣ Івановнѣ владѣть и распоряжать всѣми моими и своими недвижимыми и движимыми имѣніями по смерть свою, хотя бы она и за другаго мужа вышла; и какъ я надѣюсь, что у нее уже дѣтей не будетъ, такъ и прошу ее, чтобъ она, помня то, сколько я въ жизни моей безпокойствъ и хлопотъ претерпѣлъ, защищая свои и ея недвижимыя имѣнія, никому бы изъ оныхъ своихъ недвижимыхъ имѣній ничего не дала, не продала и не записала, но оставила бы въ подѣлъ дѣтямъ моимъ мужеска пола.

2. Изъ сихъ моихъ имѣній должна она, жена моя, воспитывать и обучать дѣтей моихъ сыновъ и дочерей приличнымъ

природѣ ихъ образомъ, и довольно будетъ для нихъ, естьли она въ семъ будетъ слѣдовать положенному отъ меня порядку.

3. Дѣти мои, сыны, и дочери, должны быть въ совершенномъ ея жены моей повиновеніи, послушаніи и почтеніи по смерть ея; непокоривыхъ же и непослушныхъ, а паче естьли они будутъ упражняться въ безчинныхъ и благороднымъ людямъ неприличныхъ дѣлахъ, можетъ и имѣетъ власть она жена моя отрѣшить отъ наслѣдства, какъ своихъ, такъ и моихъ недвижимыхъ имѣній.

4. Дѣти мои не могутъ по смерть ея, жены моей, требовать отъ нея раздѣла никакихъ имѣній, или каждый изъ нихъ какой либо части недвижимаго имѣнія въ свое владѣніе, а естьли она сама, при жизни своей, пожелаетъ ихъ имѣніями раздѣлить, или до совершеннаго роздѣла отдѣлить кому либо изъ нихъ часть имѣнія, то остаеться въ ея воли; но совершенный раздѣлъ во всѣхъ недвижимыхъ имѣніяхъ ни при жизни ея, ни послѣ ея смерти, не прежде воспослѣдовать долженъ, какъ тогда, когда дочери мои выданы будутъ замужъ, когда заплатяться имѣющіяся на мнѣ долги, и когда меншіе мои сыны будутъ воспитаны и прійдутъ до совершенныхъ лѣтъ, въ малороссійскихъ правахъ положенныхъ.—Почему естли она, жена моя, сего порядка неучинивши, волею божіею умретъ, всѣми недвижимыми и движимыми имѣніями долженъ распоражать старшій сынъ мой Василій Полетика совмѣстно съ свойственникомъ нашимъ войс. тов. Федоромъ Максимовичемъ Бартошемъ, которому опредѣлить достаточное жалованье и провизію, въ чемъ чтобъ онъ Федоръ Максимовичъ, для моего къ нему усердія и показанныхъ услугъ, не отказался, просить его сыну моему Василію съ братьями всеприлѣжно; ибо ему Василію одному въ управленіи имѣній никакъ управиться нельзя будетъ, а можетъ быть и служба помѣшаетъ. Книги въ хозяйствѣ весть ему жъ Василію по заведенному отъ меня образцу, и когда всѣ сыны прійдутъ въ совершенныя лѣта, то при раздѣлѣ всѣ оныя имъ показать и расчесться такъ, какъ надлежитъ съ братьями.

5. Есть ли жена моя, по силѣ перваго сего моего завѣщанія пункта, всѣ свои недвижимыя имѣнія оставитъ въ подѣлъ

дѣтямъ моимъ, отъ нея рожденнымъ мужеска пола, то дочерямъ моимъ, при ея ли жизни или послѣ ея смерти, отъ братовъ ихъ должно получить каждой въ приданное по восьми тысячъ рублей, то есть четыре тысячи рублей денгами, а на четыре тысячи другими вещами или какъ сходнѣе и для ихъ дочерей моихъ выгоднѣе, а женѣ моей и сыновьямъ удобнѣе будетъ, ибо по таковому взаимному согласію можно имъ будетъ дать больше денгами, нежели вещьми или больше вещьми, нежели денгами. Естьли жъ жена моя пожелаетъ, чтобъ дочери наши имѣли въ ея недвижимыхъ имѣніяхъ участіе (ибо въ моихъ они никакого участія имѣть не должны) то въ такомъ случаѣ дать имъ дочерямъ моимъ приданного деньгами и вещьми каждой по четыре тысячи рублей, а не больше, слѣдуя противъ вышеписаннаго взаимному согласію. Въ случаѣ жъ, чего не дай Богъ, что изъ нынѣ владѣемого нами имѣнія по искамъ другихъ, что либо убудетъ, то потому женѣ моей, а по ней сыновьямъ моимъ, и приданное дочерей моихъ распоряжать, тоесть прибавить или убавить.

6. Всѣ облики, росписки на деньги и прочія долговыя писма на должниковъ нашихъ должны остаться въ храненіи и распоряженіи жены моей, по которымъ она капиталъ или проценты получать должна, а по смерти ея да останутъся въ распоряженіи старшаго сына и г. Бартоша.

7. Дипломъ на дворянство, грамоты, крѣпости и прочія документы на недвижимыя имѣнія должны остаться въ храненіи и распоряженіи жены моей по ея жизнь, а по смерти ея у старшаго сына, который ихъ и содержать долженъ у себя до совершеннаго съ братьями въ имѣніяхъ раздѣла, а при раздѣлѣ долженъ старшій сынъ дипломъ и прочія обще до всей фамиліи Полетикъ касающіяся грамоты и крѣпости оставить у себя, давъ съ нихъ, естьли пожелаютъ, братьямъ своимъ справочныя копіи, прочія жъ крѣпости и документы раздать другимъ братьямъ, по которымъ имъ какое имѣніе слѣдовать будетъ, а на часть своихъ имѣній крѣпости себѣ удержать.

8. Какъ недвижимыя мои имѣнія пріобрѣтены мною частію отъ покойного родителя моего Андрея Павловича Полетики, еще

при жизни его, въ 1764 году, по особливой его данной мнѣ, въ отмѣнность другихъ моихъ братьевъ, записи, частію получены за женою моею въ приданое, а большою частію приобрѣтены отъ меня куплею, и слѣдовательно всѣ за благоприобрѣтенныя почитаемы быть должны, то объ оныхъ чиню слѣдующее завѣщаніе. Сыны мои раздѣлясь недвижимыми моими имѣніями, могутъ оными владѣть и пользоваться безпрепятственно и распоряжать оныя для дѣтей своихъ; но продать ихъ и въ постороенное владѣніе ни подъ какимъ видомъ и ни какими сдѣлками пустить не могутъ; естьли жъ бы по какимъ либо несчастливымъ и непредвидимымъ обстоятельствамъ лишитъ себя тѣхъ имѣній принуждены были, то, не чиня продажи и никакой съ другими сдѣлки, долженъ каждый изъ нихъ объявить своимъ братьямъ, а особливо тому, кто съ нимъ совмѣстное или близкое имѣетъ владѣніе, и который изъ нихъ тѣ имѣнія, по взаимному ли ихъ соглашенію или по оцѣнкѣ стороннихъ пріятелей, заплатить пожелаетъ, тому продать, когда жъ всѣ откажутся или достойной цены дать не пожелаютъ, тогда уже могутъ продать посторонним. Сіе разумѣю я только о тѣхъ моихъ сынахъ, которые женятъся и дѣтей имѣть будутъ, у которыхъ могутъ случиться большія нужды и необходимости къ таковому лишенію своихъ имѣній; тѣ же сыны мои, которые не будутъ женаты, а хотя и женятъся, но дѣтей имѣть пе будутъ, не могутъ сихъ моихъ имѣній продать ни подъ какимъ видомъ, и сдѣлками, и ни для какихъ нуждъ, въ чужое владѣніе пустить, но только владѣть и пользоваться оными по смерть свою, а по смерти ихъ должны тѣ имѣнія ити въ родъ и въ раздѣлъ оставшимся братьямъ. Сіе мое завѣщаніе распространяю я не только на однихъ моихъ сыновъ, но и на ихъ наслѣдниковъ отъ рода въ родъ, которые такъ же не должны сихъ моихъ имѣній кому либо постороннему продать или подъ какимъ либо видомъ укрѣпить, не объявивъ о семъ своимъ близкимъ и далекимъ, а прежде всего однофамильнымъ родственникамъ, а о неженатыхъ и безъдѣтныхъ то же завѣщаю, что и о сыновьяхъ, то есть, что они имѣній ни подъ какимъ видомъ и ни для какихъ нуждъ продавать и въ другой родъ укрѣплять не могутъ, но оставлять

по смерти своей для ближайшихъ въ родѣ. Какъ же о собственныхъ жены моей недвижимыхъ имѣніяхъ таковаго завѣщенія я учинить не могу, то прошу ея, при первомъ сознатьѣ сего моего завѣщанія въ судебномъ мѣстѣ, какъ сей пунктъ, такъ и пятый, касающійся до приданаго дочерей моихъ, своимъ согласіемъ утвердить и учинить о томъ особливую запись.

9. Какъ старшій сынъ мой Василій Полетика до сего времени оказываетъ къ наукамъ бо́льшую отъ другихъ охоту и уже въ оныхъ нарочитыя успѣхи имѣетъ, то библіотека моя вся, состоящая изъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, тако жъ и всѣ писма и извѣстія, подлинныя и копіи касающіися до ученыхъ дѣлъ и исторіи, отказываються мною ему одному. Естьли жъ онъ неженатъ и бездѣтенъ умретъ, то можетъ оную отказать тому изъ своихъ братьевъ, кто лучше оную въ свою и общую пользу употребить можетъ.

10. Находящимся при домѣ нашемъ служителямъ, начавъ отъ управителя и прикащимовъ до послѣдняго слуги, дать по смерти моей за полгода жалованья не въ зачетъ, а за мужиковъ всѣхъ нашихъ деревень заплатить за полгода жъ подушныя денги. Таковое жъ завѣщаніе совѣтую я учинить и женѣ моей, чтобъ дѣти противу сего поступили послѣ ея смерти. Что жъ касаетъся до людей нашихъ, бывшихъ вольныхъ, а нынѣ къ намъ въ ревизію добровольно записавшихъся, то объ оныхъ прошу и совѣтую женѣ моей, чтобъ она, кто изъ нихъ пожелаетъ отойти, дала имъ отпускныя съ тѣмъ, чтобъ они записались въ ревизію, гдѣ пожелаютъ, а изъ нашей выключены были, ибо таковое имъ отъ меня обѣщаніе дано, и грѣшно будетъ не додержать имъ слова.

Сіе мое завѣщаніе написалъ я при здравомъ разумѣ, разсужденіи и памяти, подписалъ оное своею рукою и печать герба моего приложилъ, упросилъ притомъ подписаться и печати приложить ниже писанныхъ благородныхъ людей въ Санктпетербургѣ, ноября 20 дня, 1784 года. Коллежскій совѣтникъ Григорій Полетика. (*м. п*). При сочиненіи и подписанія сего завѣщанія были и по прозбѣ завѣщателя коллежскаго совѣтника

Григорія Андреевича Полетики на ономъ во свидѣтельство подписались и печати приложили.

Канцеляріи совѣтникъ и ордена святаго Владимира четвертыя степени кавалеръ Николай Кондоиди. *(м. п)*. Канцеляріи совѣтникъ и ордена святаго Владимира четвертыя степени кавалеръ Григорій Кондоиди. (*м. п*). Подполковникъ Иванъ Базилевскій. (*м. п*). Коллежскій ассессоръ Яковъ Хорошкевичъ. *(м. п)*. Сіе духовное завещание Санктъ-петербургской губерніи верхняго надворнаго суда, во второмъ департаментѣ канцеляріи, отъ совѣтника и ордена св. Владимира 4-й степ. кавалера Николая Павлова сына Кондоиди, прошлаго 1784 г. декабря 3 дня, при челобитьи явлено, противъ котораго подписавшіяся подъ симъ завещаниемъ вышеписанные свидѣтели допрашиваны, коимъ они и показали, что сие завещание учинено подлинно по волѣ оного завещателя въ целомъ умѣ и твердой памяти, и спору на оное ни отъ кого никакого не было, того ради сего 1785 года, генваря 20 числа, во ономъ верхняго надворнаго суда второмъ департаментѣ определено со оного завещания, какъ писаннаго не укрепостныхъ делъ и на простой бумагѣ, взявъ съ него, г. Кондоиди, за два листа, на какихъ оному должно быть писану, денги 20 рублей, записать въ приходъ, кои приняты и въ приходъ записаны, а завещание въ крепостную книгу, кое записано жъ, и сія надпись учинена въ сходственность состоявшихся въ 701-мъ, генваря 8 и ноября 7-го, да въ 722-мъ г.г., апреля 12-го чиселъ, указовъ съ таковымъ предписаниемъ, что оное въ семъ департаментѣ явлено для оного толко освидетелствования въ томъ, что подлинно сие завещание учинено по воле завещателя и взятья за гербовую бумагу денегъ, а не для другаго какого по немъ исполнения, и приложа ко оному сего департамента печать, за подписаниемъ одного присудствующаго и за скрепою секретарской, отдать, которое съ сею надписью вышеозваченному просителю и отдано съ роспискою, съ темъ что естли на оное завещаніи окажется какой споръ и опровержение, то онымъ людямъ бить челомъ гдѣ по законамъ следуетъ. Генваря 28 дня, 1785 года. Коллежской ассессоръ Спиридонъ Ершевъ. Секретарь Иванъ Марковъ. У

сей надписи ее импер. величества верхняго надворнаго суда 2-го д—та печать. Надсмотрщикъ Харламъ Ниточкинъ. *(Съ подлинника).*

Письма родныхъ Г. А. Полетики.

1. Степана Андреевича Полетики къ отцу, изъ с. Коровинецъ, 1759 г., 13 января.

Милостивѣй государъ батюшка Андрей Павловичъ. Дѣло Коровинское, которое у меня было, чрезъ сего къ вашей отческой милости посылаю, самъ же онаго производить не имѣя на оное кошту, а притомъ лишась отъ вашей отческой милости и остатнего чрезъ отнятіе, не вѣдаю за что, Аксютинской мельницы, вами мнѣ при свадьбѣ дарованной, (которую я чрезъ восемь лѣтъ владѣю), иропитанія, и содержать себя и повѣренныхъ не имѣю силъ; съ даемого мнѣ вашею отческою милостію за три кола едного Коровинского, съ которого староста вашъ, владѣя онымъ, себя пропитать не моглъ, я доходовъ какъ не собиралъ, такъ и собирать не буду, и на послѣдокъ при всегдашнихъ моихъ съ домашними слезахъ (что за столь Богу и людямъ вѣстиміе труды и знатные по вашимъ дѣламъ понесенные убытки, поношу отъ вашей отческой милости крайнюю обиду). Остаюсъ съ должнѣйшимъ почтеніемъ вашъ всего доброжелателный сынъ и нижайшій слуга Стефанъ Полѣтика.

Я, милостивѣйшій отче, можетъ быть предъ вами и погрѣшилъ, что не доложась по прежней моей къ вамъ просбѣ, взялъ на откосъ стирту сѣна, еднакъ будучи на милость отческую надежденъ, что вы въ нужномъ семъ мнѣ случаѣ простите (который мнѣ послѣдовалъ для пріѣзжихъ гостей) и прикажете старостѣ въ слѣдующую косовицу, какъ прежнія двѣ, такъ и сію принять отъ меня, чемъ и одолжить нижайше прошу.

2. Степана Андреевича Полетики къ отцу, изъ м. Хмелова, 1760 г., 11 марта.

Милостивѣйшій отче и единій добродѣю. За пріѣздомъ моимъ въ домъ, извѣстился я отъ жены, что вы первое, ста-

росту присылали отказывать мнѣ отъ Аксютинской мелницы, которою я владѣю уже десять лѣтъ, а потомъ сами персонално заѣхавши съ Коровинецъ въ Аксютинцѣ, приказали мѣрочнику меня не слушатся, размѣръ же весь велѣли забрать, которого разного забрато пятьдесятъ четырѣ мѣрочки; причины же отбору оной я знать не могу, понеже я никакой такой причины вашей отческой милости не подалъ, за которую бъ такъ мене знатно обижать и свое всѣмъ людямъ извѣстное опредѣленіе ломать, которое ежели, какъ вижу, не содержится въ твердости, то я столь знатно будучи обидимъ при нынѣшней моей въ отдаленной походъ отлучкѣ, въ которой отъ вашей отческой милости ниже мало, хочай бы и должно по причинѣ моей службы за владѣнние вашею отческою милостію добра на часть мою полно надлежащіе, не снабденъ, принужденъ первое, на вашу отческую милость вамъ же и жаловатись, при чемъ всенижайше прошу, чтобъ ваша отческая милость десять лѣтъ послѣдовавшаго опредѣленія о мельницѣ Аксютинской, ломать не изволили для своей принаймнѣ чести и оставить оную при моемъ владѣніи спокойно, чтобъ за отходомъ моимъ въ походъ, не довелось би женѣ моей по-подъ-окнами хлѣба просить, буди же отъ вашей отческой милости, какъ отцу, должного милосердія не получу, то нижайше прошу позволить представить ясневелможному, что мнѣ столь тяжелыхъ походовъ нѣщего служить, понеже я отъ отца моего отдѣленной надлежащей на меня части не имѣю. Впрочемъ поручаю себя вашему отческому благословенію, есмь вашей отческой милости всего доброжелателный послушнѣйшій сынъ и нижайшій слуга Стефанъ Полѣтика.

3. Андрея Павловича Полетики къ сыну Степану. 1763 г., 27 октября.

Любезній мой сыну Стефане. Получено мною твое писмо, въ коемъ ты производишь жалобу на подданныхъ моихъ Коровинскихъ, якобы они въ лузѣ твоемъ, которой ты купилъ коварно у Савченка, много срубили дерева на ключини. Я симъ тебѣ отвѣтствую, что ты, вижу, въ томъ свою жизнь прожи-

ваешь, чтобъ людей безпокоить своими ябедническими пенями и вязаться въ то, что тебѣ не принадлежитъ; я въ твоемъ лузѣ не велѣлъ рубать, который ты подложнымъ образомъ у Савченковъ, впротивность мнѣ и въ обиду братьямъ твоимъ, купилъ, а рубаютъ мои подданные въ томъ лузѣ, коимъ владѣли владѣльцы прежніе, принадлежащемъ къ сему Коровинцамъ, котораго ты луга часть обыкновеннымъ своимъ нахалствомъ хочешь прихватить къ купленному у Савченка лугу, коего лугъ нестолько имѣлъ положенія, какъ ты себѣ присвояешь. Сіи обиды, происходящія отъ тебя не токмо мнѣ несносны, но и братьямъ твоимъ обидны, я тебѣ отческо совѣтую перестать безсовѣстничать и не задираться столько, чтобъ повременно не потерять себѣ всего того, ищучи чужого, что имѣешь, было тебѣ время сію жалобу произнесть мнѣ въ Кровинцахъ, когда я былъ; я думаю, что чинимая тебѣ обида не вчера тебѣ воспослѣдовала; и такъ я за прiѣздомъ моимъ въ Коровинцѣ прикажу изслѣдовать противъ твоей жалобы. *(Съ копіи).*

4. Андрея Павловича Полетики къ сыну Степану, изъ Ромна, 1765 г., 28 марта.

Сину мой Стефане. Не достаетъ моего ужъ болѣе терпѣнія, получая отъ тебя всегдашнія озлобленія и досады, и мнѣ кажется, что ты чрезъ мое снисхожденіе хощешь забыть вовсе должное къ родителю твоему почтеніе, а меня увѣрить, что я того отъ тебя и требовать права не имѣю; однако я чрезъ сіе тебѣ объявляю, что за всѣ твои противъ меня продерзости и досады не нахожу другого средства къ усмиренію тебя, какъ толко употребить способъ, которой родителское право надъ тобою мнѣ поручило, чего доказать въ непродолжителномъ времени уповаю, ибо ты, не унимаясь отъ причиняемыхъ тобою сколько разъ мнѣ оскорбленій, еще ихъ возобновляешь тѣмъ, что ни по какому праву тебѣ не принадлежащаго человѣка въ сусѣдяхъ у брата своего живучого и безгрунтового, неналежно заграбилъ, потому что ему волно хотя у брата, хотя у тестя жить, а право въ запрещеніи волного переходу обстоятельствамъ не касается

до его, того ради родителски тебѣ напоминаю вышепомянутому человѣку заграбленныя вещи возвратить и въ волномъ его къ тестю своему переходу не чинить препятствія, а ежели твой долгъ на ему, то повиненъ онъ заплатить, а ежели заграбленное сего человѣка почитаешь за правилное, то я долженъ у тебя взять моего подданного Моцакового сина. Впротчемъ есмь. *(Съ копіи).*

Степана Андревича Полетрки къ зятю Аф. Пр. Шклаqревичу, изъ с. Коровирецъ, 1765 г., 30 марта.

Милостивый государь швагиръ Аѳанасій Прокофьевичъ. Я сей послѣдней седмицы говѣючи, получилъ писмо отъ батюшки съ немалыми бранми и угрозами за моего купленного у Сохацкаго мужика, которіе яко отъ батюшки, которому я никакой еще причины по неведомому родителскому праву не подалъ, снести долженствую и не сожалѣю. Жаль мнѣ написавшого писмо, которого характера не могу догадатся, что тотъ человѣкъ или съ дѣтми никогда не конверсовалъ, не имѣя ихъ, или имѣя, намѣреваетъ съ ними поступить примѣрно написанному. Я ему не желаю ничего иного, чтобъ Богъ его посѣтилъ тѣмъ, что онъ мнѣ написалъ и желаетъ, не вѣдаючи въ томъ, въ чемъ писалъ вѣтрянно нѣкакихъ обстоятелствъ, мнѣ кажется, и писать, какъ сказуютъ простыя люди, знать какъ ховать, а безъ того не похвално, а при томъ же долженъ и то знать, что теперь въ свѣтѣ добримъ за худое не отдаютъ. Ежели вы, м. г-рь, швагеръ, будучи въ Ромнѣ, слыхали про сіе, то прошу покорнѣйше меня увѣдомить, за что пребуду съ моимъ всегдашнимъ почтеніемъ вашъ покорнѣйшій слуга Стефанъ Полѣтика.

6. Михаила Ивановича Гамалѣи къ сестрѣ Еленѣ Ивановнѣ Полетикѣ, изъ с. Клепалъ, 1779 г., 21 января.

М. г-ня моя, сестрица Елена Ивановна. Новымъ годомъ имѣю честь васъ проздравить, желаю усердно одной вамъ во истинномъ благополучіи провождать и ползоватца всякими благо-

щастіями. О себѣ же объявляю, что будучи крайнейше огорченъ непохвальнымъ поступкомъ вашего супруга, какъ видно забывшаго правила честности, неудоволствовавшагося разнообразно меня обидѣть несправедливѣйше, съверхъ того слышу поношенія, чести моей не принадлежащія, почему воспріялъ чрезъ сіи начертаніи вамъ обясница. Судите сами, любезная сестрица, безпристрастно: когда я еще не зналъ совѣсти вашего супруга, какъ онъ вошелъ неблагопристойнымъ ласкателствомъ въ покойницу Анну Ивановну [1]), которую удалось ему обойти, приведя со мною во вражду (чего, еслибы онъ имѣлъ отличную совѣсть, любя же васъ чистосердечно не слѣдовало бы и помыслить мнѣ зла, вашему брату) не токмо войтить въ оное предосудително и тѣмъ меня напрасно разорять, дружбу и любовь свойственную разорвать вѣчно, увидя же, что я началъ искать, вошелъ во всякія несоотвѣтствующія лѣтамъ и чести его пристойности и вражду, какъ онъ неусыпно старался, чтобъ Анна Ивановна по суду недвижимость и движимость мнѣ не отдавала, но и людей крѣпостныхъ, купленныхъ моимъ отцомъ и матерью отъ меня неправилно отторгнуть, присовѣтовавъ ей дать отпускныя, которыя онъ самъ сочинялъ и вомѣсто еи подписамся. Вотъ совѣсть, и душа, и любовь къ женѣ видна. Онъ радъ бы шурина и дневнаго пропитанія лишить. Нынѣ жъ, не вѣдаю за что, онъ на меня сердица и разные напрасные поговоры со укоризною и ругателствомъ чипитъ, какъ у васъ въ Стародубовскомъ полку, да и здѣсь въ путивлскомъ уѣздѣ нѣкоторымъ хвастая, произносилъ, будто онъ мнѣ по дѣлу помогъ въ Петербургѣ, чего никогда не бывало, и еслибы онъ помогъ, то бы я до сихъ поръ и кончилъ дѣло, ибо оное дѣло находилось у генерала рекетмейстера, куда онъ нарочно за онымъ дѣломъ никогда не ѣзжалъ и не просилъ, и денегъ вашъ супругъ своихъ ни полушки не терялъ, хотя онъ долженъ былъ старатца и денги тратить, ползуясь вашимъ имѣніемъ Путивлкимъ, какъ сіе есть общое наше дѣло. Буди жъ онъ завелико ставитъ сочиненіе писма, которое оставлено и въ дѣло не

---

[1]) Вторая жена Ивана Андреевича Гамалѣя, т. е. мачеха М. И. Гамалѣи.

пошло. Во вспомоществованіи же мнѣ по дѣлу отъ супруга вашего, времяны ему недоставало за обремененіемъ его собственными дѣлами, какъ зъ г. г. Корсаками и съ роднымъ его братомъ, чрезъ которые онъ также не по лѣтамъ его репутацію странную себѣ пріобрѣлъ, подвергая себя предосужденію крайнему; какъ и сіе ему не въ стыдъ, повѣреннымъ отъ Ивана Ивановича Бороздны быть противъ меня. Такія дѣйствія супруга вашого я вообразивши себѣ, часто содрагаюсь, что онъ, будучи человѣкъ степенныхъ лѣтъ, забываетъ себя. Отъ него бы слѣдовало мнѣ примѣры брать, если-бы они завидны были; но чего хорошаго мнѣ ожидать къ доброжелателству отъ него, когда онъ не пощадилъ своего родного брата вогнать тяжбами въ печаль, черезъ которую онъ лишился и жизни; что въ такомъ случаѣ остается для шурина безвиннаго, котораго онъ ищетъ на чести и славѣ вѣчно опорочить тамъ, гдѣ несправедливостью убѣдить не успѣваетъ. Однакъ сторонные люди доволно увидятъ и поразумѣютъ его и меня; а надобно бы супругу вашему, имѣвъ старыя лѣты, обозрѣтца и разсудить о женѣ и о дѣтяхъ малолѣтнихъ, дабы иногда не оставить для нихъ нескончаемыхъ клопотъ; съ моей же стороны я вамъ доволно оказалъ свойственной любви, когда по рѣшенію вотчинной коллегіи отдана было мнѣ село Николаевка, но я вамъ по одному человѣколюбію уступилъ, а супругъ вашъ ни какъ сего не почувствуетъ и за благодѣяніе но щитаетъ: видна такова его совѣстная благодарность. Однакъ я надѣюсь на Бога, который наградитъ мнѣ за усердіе и правилной мой поступокъ передъ вами. Хорошо вашему супругу свое благополучіе основывать на собственномъ моемъ имѣніи, которое предки мои кровью, не щадя своей жизни, заслужили, а супругъ вашъ мыслитъ сторонно попользоватца, толкуя злымъ переводомъ право, и будучи противъ совѣсти самъ виноватъ, меня же напрасно ругаетъ. О дѣлѣ жъ нашемъ общемъ хотя вашъ супругъ много кое чего говоритъ, однакъ формално не знаетъ на чемъ оное пріостановилось, а я вамъ чрезъ сіе увѣдомляю, что по оному оказался подлогъ, учиненный уже послѣ рукоприкладства нашихъ повѣренныхъ и послѣ рѣшенія припиской такой статьи, о которой и въ дѣлѣ не

было упомянуто, изъ чего суперникъ взялъ и апелляцѣю. И такъ оно началось уже слѣдствіемъ и взяты съ кого подлежало отвѣты. Надѣюсь на Бога, что Череповъ не будетъ правъ, почему я одинъ несу великіе убытки, а вы денегъ на дѣло не даете, а Николаевкою любите владѣть. И такъ оканчивая сіе, свидѣтелствую я и жена моя, наше вамъ почтеніе и прошу покорно васъ, любезная сострица, супруга вашего уговорите, чтобъ меня онъ впредь напрасно не злословилъ и не ругалъ, ибо сіе по его лѣтахъ и ученію не есть прилично меня ругать безвинно, а пусть бы сохранилъ при старости лѣтъ своихъ спокойствіе, чего усердно я желаю дождатца видѣть. Впрочемъ пребываю съ почтеніэмъ васъ, м. г-нѣ, моей сестрицы покорнѣйшій слуга и усердный братъ Михайла Гамалѣя.

(конецъ).

ДНЕВНИКЪ ПЕТРА ДАНИЛОВИЧА АПОСТОЛА.

(май 1725 г.—май 1727 г.).

Въ числѣ рукописей, поступившихъ въ 1894 г. въ библіотеку Кіевскаго Университета отъ наслѣдниковъ О. М. Судьенка, находится небольшая (въ осьмушку) рукопись, переплетенная въ формѣ портфеля въ кожу и заключающая въ себѣ дневникъ Петра Даниловича Апостола, одного изъ сыновей гетмана, писанный *на французскомъ языкѣ*. При какихъ обстоятельствахъ могъ изучить гетманичъ этотъ языкъ—сообщаетъ коротенькое указаніе М. И. Антоновскій (р. 1759 † 1816) въ своей „Исторіи о Малой Россіи [1])", говоря, что, когда Данило Апостолъ поставленъ былъ гетманомъ, то „на мѣсто отца своего произведенъ старшій его сынъ Павелъ Апостолъ въ миргородскій полкъ полковникомъ, а меньшій Петръ Апостолъ *взятъ прежде еще ко двору императорскому и находился при князѣ Менщиковѣ*..." [2]). Слѣдуетъ думать, что Петръ Апостолъ взятъ былъ въ Петербургъ въ качествѣ заложника, когда правительство, заканчивая счеты по Мазепинскому дѣлу, нашло нужнымъ принять нѣкоторую осторожность и по отношенію къ миргородскому полковнику Данилу Апостолу. Послѣдній, какъ извѣстно, принималъ

[1]) Составляющей четвертую часть книги Георги—„Исторія народовъ, обитающихъ въ Россіи". См. „Кіевск. Стар." 1894 г., декабрь, стр. 374.

[2]) Опис. всѣхъ народ., обитающ. въ Россійск. Госуд., ч. IV, стр. 314. Антоновскій ошибается, называя Павла Апостола старшимъ сыномъ гетмана, Павелъ былъ третьимъ сыномъ послѣдняго, а Петръ былъ вторымъ. Первый сынъ гетмана—Иванъ умеръ молодымъ.

горячее участіе въ мечтаніяхъ Мазепы. Орликъ свидѣтельствуетъ, что Апостолъ, ободряя гетмана въ его замыслѣ, еще въ 1707 г. говорилъ ему: „Очи всѣхъ на тя уповаютъ, и не дай Боже на тебя смерти,—мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ!“—Когда Мазепа пошелъ 21 октября 1708 г. изъ Батурина, за нимъ пошелъ въ числѣ прочей старшины и Апостолъ. Какъ дѣйствовалъ онъ въ первое время послѣ соединенія Мазепы со шведами, видно изъ слѣдующаго письма Апостола, которое онъ писалъ 16 ноября 1708 г. изъ м. Краснеколядина къ своему обозному Василію Онисимовичу:

„Мой велце ласкавый пріятелю, п. обозный полку нашого и на мѣстцу нашомъ зостаючій.

Отпускаючи сторожовъ нашихъ до Сорочинецъ, ознаймуемъ в. мсти о томъ, же войска шведскіе, почавши отъ самой Борзни, всюды по городахъ и селахъ для защищенія отчизни нашой отъ наступленія московскаго ажъ до самого Ромна постановлены на станціяхъ. Самъ зась найясн. король въ Ромнѣ свою станцію имѣтиметъ, гдѣ и мы съ ясн. добр. его м. п. гетманомъ завтрѣшнего дня, цѣле 17 число сего мѣсеца, прибити сподѣваемся, а оттоль не обявляючися скоро ку Гадячу ясн—ый добродѣй съ 10 тысечма шведовъ поспѣшати будетъ... Пилно прекладаемъ, абысте прислухаючи о поворотѣ рейментарскомъ, гдѣ обрѣтатиметься, якъ скоро его в-ть до Гадяча прибудетъ, такъ заразъ в. м-ть съ п. судіею нашимъ и зъ п.п. сотниками для отданя поклону его м. п. гетману туди до Гадяча пріѣздѣте. А если бы тамъ мѣлъ хто зъ грамотами государскими и нового гетмана Шкоропадского просмѣкатися, теди таковихъ ловѣте и до насъ ихъ присилайте [1])“...

Бант.-Каменскій полагаетъ, что письмо это Апостолъ писалъ по принужденію Мазепы, такъ какъ черезъ недѣлю послѣ этого (21 ноября) Апостолъ писалъ уже изъ Сорочинецъ къ новоизбранному гетману Скоропадскому, поздравляя послѣдняго съ полученіемъ „превысокого степени гетманства“. Тутъ

[1]) Съ копіи, находящ. въ бумагахъ М. О. Судьенка въ б-кѣ Кіевскаго Университета. Подлинникъ письма находится въ моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, см. Ист. Мал. Россіи, III, примѣч. 134.

же Апостолъ просилъ у Скоропадскаго предстательства передъ царемъ за свою измѣну: „покорне упрошаю о таковой на мене респектъ, абы велможность ваша... многоважную свою за мною до пресвѣтлѣйшого монархи нашого внести рачилъ инстанцію, дабы его царское величество не мѣлъ на мене... якого гнѣву и не похотѣлъ карати, же при измѣннику царского величества бувшому гетману Мазепѣ до тихъ часъ обавилемся, поневажъ усиловне зъ онимъ затягненъ будучи, жаднимъ способомъ отъ него не моглемъ высвободитися и той его измѣнѣ (которая и неявна намъ била) сопротивитися [1])“... Отпущенный Мазепою для переговоровъ съ царскими совѣтниками о возвращеніи къ царю самого Мазепы, Апостолъ повинился передъ царемъ въ своемъ невольномъ будто бы уходѣ съ Мазепою къ шведамъ и затѣмъ ревностно служилъ полковничью службу противъ шведовъ до Полтавскаго сраженія. А когда шведы были прогнаны и когда русское правительство стало судить Мазепиныхъ сторонниковъ, Апостолъ оказался настолько обѣленнымъ своимъ поведеніемъ послѣ возвращенія отъ Мазепы къ Скоропадскому, что правительство не могло уже привлечь его къ суду и ограничилось одною предосторожностью—взятіемъ малолѣтняго сына его въ заложники... Такъ объясняемъ мы извѣстіе Антоновскаго о „взятіи Петра Апостола ко двору монаршему“ и о порученіи его въ надзоръ Меншикову. Долго ли оставался юный Апостолъ заложникомъ мы не знаемъ, но полагаемъ, что въ Москвѣ (или въ Петербургѣ) провелъ онъ всю свою юность, потому что вернулся онъ въ Малороссію съ полнымъ знаніемъ трехъ европейскихъ языковъ—французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго, какъ это видно изъ печатаемаго здѣсь его дневника. Можно догадываться, что своимъ образованіемъ Петръ А—лъ всецѣло обязанъ Меншикову, который, воспитывая въ это время своего сына,—могъ поставить около послѣдняго товарищемъ, для большей охоты въ занятіяхъ, юнаго заложника... Освобожденъ изъ заложничества Петръ А—лъ могъ быть послѣ того,

---

[1]) Тамъ же, въ бумагахъ М. О. Судьенка, въ копіи, а подлинникъ въ Моск. арх. М—ва иностр. дѣлъ.

когда въ к. 1723 г. былъ вызванъ въ Петербургъ его отецъ по дѣлу Полуботка. Извѣстно, что будущій гетманъ Данило Апостолъ принималъ, въ числѣ прочей старшины, горячее участіе въ томъ протестѣ, который начатъ былъ по смерти Скоропадскаго черниговскимъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ противъ реформъ Петра В. въ Малороссіи, выразившихся въ учрежденіи глуховской коллегіи. Апостолъ, будучи старѣйшимъ полковникомъ, считалъ себя первымъ кандидатомъ на гетманство и потому горячо настаивалъ на разрѣшеніи приступить къ избранію гетмана. Въ сентябрѣ 1723 г. были отправлены изъ Глухова въ Петербургъ извѣстныя „коломацкія челобитныя", вызвавшія посылку А. И. Румянцова въ Малороссію для слѣдствія о происхожденіи послѣднихъ. Результатомъ этого слѣдствія былъ арестъ и отправка въ Петербургъ нѣсколькихъ лицъ изъ старшины въ томъ числѣ и Апостола [1]). Слѣдствіе о протестахъ малороссійской старшины закончилось вмѣстѣ со смертью Петра В. Указомъ 8 февраля 1725 г. арестованная старшина была освобождена, причемъ большинству ея назначено было безвыѣздно жить въ Петербургѣ; къ этому большинству принадлежалъ и Данило Апостолъ. Семья Апостола оставалась въ Малороссіи. Тамъ жилъ и Петръ Апостолъ, въ это время уже женатый. Живя въ это время въ отцовскихъ маетностяхъ, Петръ Апостолъ и началъ вести печатаемый здѣсь свой дневникъ. Начатъ дневникъ въ концѣ мая 1725 г., причемъ писался онъ почему то на французскомъ языкѣ.—Между тѣмъ жившій въ Петербургѣ уже болѣе двухъ лѣтъ, старый Апостолъ, соскучившись по родинѣ и семьѣ, началъ хлопотать у всесильнаго Меншикова объ отпускѣ его домой. Конечно, для большаго успѣха въ этихъ хлопотахъ старый Апостолъ выписалъ къ себѣ въ Петербургъ сына Петра, который повидимому, долженъ былъ оставаться въ столицѣ вмѣсто отца. Дѣлалось это съ разрѣшенія Меншикова. Въ концѣ іюля 1725 г. въ дневникѣ Петра Апостола записано: „M—r le general de Weissbach (стоявшій въ это время съ

---

[1]) Прилож. къ „Кіевск. Стар." 1890 г., 102—110, и „Русск. Арх." 1880 г., I, 196, 206.

войсками въ южной Малороссіи) nous envoya un paquet des lettres de mon père, joint un passeport du prince Menszykow pour mon voyage de Petersbourg“. Выѣхавъ изъ Глухова въ Петербургъ 27-го августа, П. А—лъ добрался туда только 15-го октября. Изъ записей дневника за время пребыванія въ столицѣ видимъ, что молодой А—лъ былъ свой человѣкъ у Меншикова; вѣроятно, это обстоятельство имѣло вліяніе и на отношенія Меншикова къ старому Апостолу. Но хлопоты о разрѣшеніи возвратиться на родину шли довольно туго. Только въ мартѣ 1726 г. Апостолы услыхали отъ Бассевича, что дѣла ихъ „находятся въ хорошемъ положеніи“, а 28-го марта въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоялось такое опредѣленіе: „полковника Апостоленка, до котораго къ задержанію здѣсь причины малой или никакой не касается, и положили, чтобъ его отсюды отпустить въ Малую Россію по прежнему въ Миргородскій полкъ полковникомъ [1])“. Послѣ исполненія разныхъ формальностей старый Апостолъ выѣхалъ изъ Петербурга только 27 мая 1726 г. Молодой Апостолъ остался на мѣстѣ отца и продолжалъ еще свой дневникъ до половины 1727 г.

Печатаемый дневникъ, заключая въ себѣ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о частной жизни козацкой старшины, представляетъ собою важный документъ, указывающій при какихъ обстоятельствахъ старый миргородскій полковникъ могъ возвыситься до гетманскаго чина. Жившій въ Петербургѣ заложникомъ, юный сынъ Данила Апостола, приблизившись къ семьѣ Меншикова, впослѣдствіи, когда послѣдній сталъ въ Россіи всемогущимъ временщикомъ, былъ звеномъ, приблизившимъ къ этому временщику и его отца. Меншиковъ былъ небезкорыстенъ, а старый миргородскій полковникъ былъ богатъ; эти два обстоятельства затѣмъ были уже дополнительною причиною, по которой миргородскій полковникъ осенью 1727 г. сталъ гетманомъ. Петръ Апостолъ продолжалъ жить сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ. Въ сентябрѣ 1728 г. Петръ II пожаловалъ его „казацкимъ полковникомъ“, но съ тѣмъ, чтобъ онъ

---

[1]) Сборн. Русск. Историч. Общ.. LV, 150 и 293.

оставался жить въ Москвѣ [1]). На родину Петръ Апостолъ былъ отпущенъ только лѣтомъ 1730 г. [2]). Вступивъ въ управленіе лубенскимъ полкомъ, онъ оставался на этомъ урядѣ до 1757 г., когда былъ уволенъ съ чиномъ бригадира. Умеръ Петръ Апостолъ въ 1758 г.

Не разъ приходилось намъ слыхать, что послѣ Петра Апостола остались еще и мемуары (а можетъ быть такой же дневникъ), писанные имъ тоже на французскомъ языкѣ, которые де хранятся у екатеринославскаго помѣщика Алексѣева. Желательно бы получить въ печати болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ мемуарахъ, если они дѣйствительно существуютъ.

Желая сдѣлать найденный теперь дневникъ болѣе доступнымъ, печатаемъ его въ русскомъ переводѣ, опустивъ неинтересныя записи мелочныхъ расходовъ во время путешествія П. А—ла въ Петербургъ и пребыванія его тамъ [3]).

7 іюня 1895. А. Л.

Дневникъ 1725 г.

Май. 22. 2-хъ лѣтній мальчикъ въ Суховцахъ, упавъ въ яму съ водой, гдѣ прежде обжигали известь, утонулъ.

Мой войтъ (Baillif) жаловался на то, что мои крестьяне обременены болѣе другихъ порціонами и раціонами. Поэтому я обратился къ комиссарамъ Сорочинецкой сотни и они представили мнѣ о томъ слѣдующій отчетъ:

Домовъ въ Сорочинцахъ 761. Болѣе зажиточныхъ между ними считается 98. Менѣе зажиточныхъ 161. Бѣдныхъ 502. Порціоновъ берется 67 Раціоновъ 74.

	Въ Савинцахъ	Въ Обуховкѣ.	Въ Барановкѣ.	Въ Портяникѣ.	Въ Олыхвировкѣ.
Общее число домовъ	165	107	118	34	31
Болѣе зажиточныхъ	8	10	8	5	9

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. 84-й, стр. 540.

[2]) Дневникъ Як. Марковича, изд. „Кіевск. Стар.", III, 32.

[3]) Отрывки французскаго подлинника помѣщены нами въ „Кіевск. Стар." 1894 г., ноябрь, стр. 301.

	Въ Савинцахъ.	Въ Обуховкѣ.	Въ Барановкѣ.	Въ Портянкѣ.	Въ Олиневировкѣ.
Менѣе зажиточныхъ	57	18	4	12	8
Бѣдныхъ	100	79	70	17	14
Порціоновъ	9	11	12	1	3
Раціоновъ	9	12	13	2	3
					Здѣсь и на хуторахъ прибавлено 2 раціона.

	Въ Опанасовкѣ.	На хуторахъ.
Домовъ	42	24
Болѣе зажит.	5	3
Менѣе зажит.	13	9
Бѣдныхъ	24	12
Порціоновъ	4	2
Раціоновъ	4	2

Въ монастырскомъ селеніи (au village des moines): Совершенно бѣдныхъ домовъ 26. Порціоновъ 2. Раціоновъ 2.

Со времени основанія Глуховской коллегіи до настоящаго времени собрали 247 тысячъ руб. по отчету Скоропадскаго.

23. Я весьма хвалю точность Скоропадскаго, который, при отъѣздѣ изъ Сорочинецъ, далъ письменно нужныя инструкціи своему управляющему (homme d'affaires) относительно своего отца, жены и всего, что касается хозяйства, обязанностей слугъ и содержанія лошадей и др. животныхъ.

Скоропадскій счелъ *храбрецовъ*, находящихся въ различныхъ полкахъ: въ миргородскомъ—судья и его сынъ, сотникъ; въ полтавскомъ писарь Бучановскій (?), эсаулъ (рыжій); въ переяславскомъ Лукашъ Доброницкій; въ лубенскомъ Гамалія; въ прилуцкомъ Грищенко, сотникъ сребрянскій, Стороженко Старшій, но онъ опасливъ; въ нѣжинскомъ Пироцкій, человѣкъ книжный (l'homme d'étude); въ черниговскомъ — сотникъ березинскій Лисенко; въ стародубскомъ Antug...(?)

24. Скоропадскій выѣхалъ изъ Портянки, чтобы нагнать свои вещи въ Харьковѣ.

Миргородскій сотникъ научилъ меня секрету, какъ поймать всѣхъ чужихъ пчелъ, которыя бросаются на нашихъ пчелъ, унося у нихъ весь медъ. Вотъ какъ нужно поступить: выставить одинъ улей, который нужно смазать для приманки медомъ, потомъ въ отверстіе вставить трубку, а у другихъ ульевъ заткнуть всѣ отверстія. Такимъ образомъ чужія пчелы, влетая черезъ сказанную трубку, не смогутъ уже выйти, потому что трубка, не касаясь другого конца улья, воспрепятствуетъ имъ найти выходъ.

25. Мой Артемъ возвратился съ Никифоромъ изъ Смоленска, пробывъ тамъ 6 недѣль и два дня.

26. Я слушалъ жалобу одного козака изъ Савинецъ по имени Яцко Бородаченко или Нестеренко, который купилъ себѣ лошадь на гадячской ярмаркѣ у мѣщанина, живущаго тамъ, по имени Ярмолы Неревигука, а ее отнялъ у него обуховскій казакъ, Лукіанъ Губріенко. Но его дѣло, кажется, не совсѣмъ справедливо, потому что Ярмола Неревигукъ хочетъ представить одного человѣка въ Крупашовкѣ (Croupachovka), у котораго онъ купилъ названную лошадь. Кромѣ того, Губріенко удалился изъ Гадяча, не ожидая рѣшенія этого спора. Губр. правъ.

Казаки, которые сопровождали меня въ Глуховъ: изъ Савинцевъ: Ярмола Кривовязъ, сынъ Ивана Кривовяза. Леонтій Кузменко. Изъ Хомутца: Остапъ Васильченко, Леско Болбенко. Изъ Поповки: Омелко Визиръ, Иванъ Павлюченко.

Въ Савинцахъ посѣяно: ржи $4^1/_2$ осьмачки въ двухъ мѣстахъ; овса 2 осьмачки, конопли 4 мѣшка, льна 13 мѣшковъ.

27. Я выѣхалъ изъ Савинецъ въ Гадячъ. Былъ у генерала Вейсбаха, отъ котораго узналъ о причинѣ увоза отца Condelier въ Петербургъ. Вотъ эта исторія: такъ какъ онъ былъ настоятелемъ всѣхъ миссіонеровъ, находящихся въ Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани, и былъ облеченъ даже епископскимъ саномъ, то приказалъ одному изъ своихъ собратій, о. Роману, находившемуся на службѣ у французскаго резидента, прекратить всякія письменныя сношенія, которыя тотъ имѣлъ со Швеціей, такъ какъ они могутъ быть предосудительны для государства. Тотъ не хотѣлъ повиноваться ему,

но, вопреки его увѣщаніямъ, написалъ письмо въ Швецію, которое было перехвачено на финляндской границѣ. Вслѣдствіе этого о. Романъ былъ спрошенъ, зналъ ли о томъ его настоятель, на что онъ отвѣтилъ, что объ этомъ должно спросить настоятеля. Такимъ образомъ отецъ Аполлоній былъ вызванъ въ Петербургъ. Злоба, которую о. Романъ питалъ къ о. Аполлонію, внушила ему этотъ отвѣтъ; а злоба была за то, что генералъ предпочелъ первому послѣдняго, выбравъ его своимъ проповѣдникомъ, такъ какъ не зналъ, что дѣлать съ монахомъ, вовсе не знавшимъ нѣмецкаго языка. О. Романъ когда то былъ въ службѣ французскаго короля въ чинѣ подполковника.

Я проѣхалъ черезъ деревню Хици, расположенную на рѣкѣ Груни и принадлежащую къ Гадячскому замку, потомъ проѣхалъ черезъ Цѣпки, деревню, принадлежащую судьѣ генеральному Чернышу и въ нѣскольких верстахъ за ней ночевалъ.

28. Проѣхалъ черезъ деревню Подолки, принадлежащую Гречаному, и въ милѣ (à une mille) отъ нея остановился на полянѣ для обѣда.

Потомъ проѣхалъ черезъ Ольшану, принадлежащую Сумскому полку, и дальше черезъ Песчаный Бродъ, деревушку, которую Андрей, старшій сынъ Полуботка, получилъ въ приданое за женой. Здѣсь я остановился, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Ночь провелъ въ деревнѣ, подлѣ болота.

29. Проѣхалъ черезъ Терны, и въ 4 миляхъ оттуда остановился на обѣдъ.

Переѣхалъ черезъ рѣку Сеймъ; переправа черезъ нее принадлежитъ императрицѣ, и это мѣсто называется Макшовицы. Здѣсь я заплатилъ перевозчикамъ 56 коп. Сборщикъ, русскій купецъ изъ Нѣжина, Максимъ Алексѣевъ сынъ, угостилъ меня свѣжей рыбой. Остановился подлѣ Вязенки для отдыха лошадямъ.

Проѣхалъ черезъ Вязенку и Холопки, оба селенія принадлежатъ Глуховскому монастырю, и совсѣмъ близко отсюда провелъ ночь, за лье (une lieue) отъ Глухова.

30. Прибылъ въ Глуховъ въ воскресенье утромъ. Сдѣлалъ визитъ прокурору и обѣдалъ у него, выслушавъ обѣдню въ церкви

duchesse de Camp. (?) Вечеромъ сдѣлалъ визитъ бригадиру, гдѣ оставался 3 часа. Въ тотъ же день мнѣ былъ сдѣланъ визитъ полковникомъ Иваненко и госпожей Савичъ.

31. Полковникъ и прокуроръ отправились на охоту. Я пригласилъ на обѣдъ Матвѣя Черняховскаго и Саковича. Князь Четвертинскій посѣтилъ меня утромъ и въ послѣ-полуденное время; бесѣдовали отъ 4 до 5 часовъ. Отъ него я услыхалъ острое словцо Веселовскаго, покойнаго шута короля Яна; онъ говорилъ ему, что польскій король вытиралъ (le cu?) великому князю литовскому; это очень напоминаетъ то, что говорилъ мнѣ кап. (Cap.) Іовъ: Майнцскій курфирстъ, нынѣ правящій, заставлялъ одного дворянина оказывать себѣ подобную услугу. Дорога, по которой я слѣдовалъ, отправляясь въ Глуховъ: Гадячъ, Цѣпки, Ольшана, Терны, Вязенка, Хицы, Подолки, Песчаный Бродъ, Макшовицы (переправа), Холопки, Глуховъ.

Іюнь 1. Авдиторъ сдѣлалъ мнѣ визитъ; потомъ я отправился къ прокурору, отъ котораго узналъ, что наши обязались строить въ Петербургѣ дома и что мой отецъ для спокойной жизни купилъ домъ духовника.

Послалъ просьбу въ коллегію. Передалъ Матвѣю письмо для моего отца, помѣченное 1-мъ іюня.

Жены опальныхъ послали провизію въ Петербургъ своимъ мужьямъ. Прокуроръ прислалъ мнѣ боченокъ пива. Экономъ княгини прислалъ мнѣ пива и меду. Потомъ пришелъ навѣстить меня, а также былъ князь, и затѣмъ Стаховичъ.

2. Былъ у прокурора и по возвращеніи меня навѣстили князь и Романовъ. Саковичъ угостилъ меня свѣжей рыбой, пивомъ и медомъ.

3. Былъ у прокурора и у бригадира, потомъ въ коллегіи. По возвращеніи, навѣстилъ меня князь, котораго я встрѣтилъ, направляясь къ полковнику Бальцеру. Вечеромъ пришли ко мнѣ экономъ княгини, а потомъ Андріашъ.

4. Былъ у бригадира, и собственноручно передалъ письмо моей матери его женѣ. Былъ въ коллегіи и, пообѣдавъ у г-жи Савичъ,

навѣстилъ секретаря на его квартирѣ, а потомъ сдѣлалъ визитъ полковнику Рудякову.

5. Сдѣлалъ визитъ майору Кроковскому, потомъ майору Молчанову и прокурору. Кроковскій посѣтилъ меня послѣ полудня. Получилъ наши бумаги отъ Булгакова. Надѣинъ, Кременовъ и Самсоновъ, въ сопровожденіи еще одного лица, навѣстили меня.

6. Воскресенье. Былъ у бригадира и у прокурора и простился съ ними. Потомъ пошелъ въ церковь и послѣ того навѣстилъ Саковича, М-г Мишеля, секретаря Артельнаго, войта почепскаго Гавріила Никифорова сына Лукина, которому я адресовалъ письмо для моего отца, помѣченное сегодняшнимъ числомъ. Обѣдалъ у г-жи Савичъ, сдѣлавъ послѣдній визитъ Левенцу. Наконецъ, выѣхалъ изъ Глухова, проѣзжая 7-го числа черезъ Холопки, Путивль, Грузкую, 8-го Вовковцы, Лучки, Вязюнку, Били Береги, Смѣлу, Русановку. Прибылъ въ Сорочинцы.

9. Получилъ письмо отъ генерала Вейсбаха, написанное моей матери, на которое я отвѣтилъ его превосходительству тотчасъ же. Въ то же время написалъ письмо отцу.

10. Видѣлъ представленіе комедіи черниговскими учениками.

Молнія ударила въ колокольню Николаевской церкви, разбила крестъ и повредила два столба.

12. Слушалъ тяжбу между Тищенкомъ изъ Савинецъ и Матвѣемъ Карпенкомъ, живущимъ въ Павловкѣ, въ Гадячскомъ повѣтѣ, по поводу земель, которыми владѣетъ Тищенко по правамъ своей жены. Изслѣдовавъ дѣло, я рѣшилъ этотъ споръ въ пользу Тищенка, которому присудилъ спорныя земли за то, что онъ содержалъ свою тещу, оставленную сыномъ, вплоть до ея смерти. Этотъ сынъ—отецъ Карпенка. Впрочемъ, я приказалъ уплатить въ пользу Карпенка судебныя издержки, на которыя онъ потратилъ 6 гривенъ съ присоединеніемъ 3 золотыхъ; эти деньги удержалъ мой войтъ (Baillif) до разрѣшенія дѣла, но уплатить подъ тѣмъ условіемъ, что Карпенко уступитъ свои права на сказанныя земли.

13. Мой братъ вернулся изъ Переяслава.

14. Денисевичъ прибылъ въ Сорочинцы въ сопровожденіи молодого человѣка, Григорія Дробицкаго, племянника харьковскаго полковника.

15. Видѣлся съ своей матерью въ Хомутцѣ, и, бесѣдуя по дорогѣ съ Денисевичемъ, узналъ отъ него причину опалы покойнаго полковника изюмскаго Захаржевскаго: онъ присваивалъ себѣ дорожныя пошлины (péages), и объ этомъ донесъ капитанъ Чирковъ.

По возвращеніи изъ Хомутца осмотрѣлъ пчелъ. Ихъ оказалось: старыхъ ульевъ 122, молодыхъ 78.

Вдова Якова, нашего слуги, бывшая потомъ замужемъ за маляромъ Дмитріемъ, выкрасившимъ мой экипажъ, умерла отъ чахотки.

17. Навѣстилъ брата въ Портянкѣ. Моя жена, въ сопровожденіи его жены, по выходѣ изъ воды при купаньи чуть было не упала въ ровъ.

Возвращаясь изъ Портянки, получилъ по дорогѣ письмо отъ лубенскаго полковника относительно рябой лошади, которую хотѣлъ бы купить прокуроръ. Уладилъ споръ Марьи Хведорихи, крестьянки изъ Поповки, съ ея племянниками изъ-за части лѣса, которую, по утвержденію Марьи, она получила въ наслѣдство отъ своей матери, передъ смертью той. Но она не могла выставить свидѣтелей, кромѣ одного сапожника, Яремы Крученка, уроженца борзенскаго. Потомъ оказалось, что не мать, а братъ ея Юско уступилъ ей часть лѣса. Наконецъ, такъ какъ дѣти Юска не желали лишать свою тетку того, что завѣщалъ ей ихъ отецъ, я утвердилъ за ней владѣніе названнымъ кускомъ лѣса, уступленнымъ ей ея племянниками, и запретилъ ей въ тоже время захватывать наслѣдство племянниковъ.

18. Иванъ Сиола, потоцкій атаманъ, принесъ мнѣ двухъ козуль.

19. Въ субботу навѣстилъ свою мать въ Хомутцѣ. Она перемѣнила два слова въ моемъ отвѣтѣ лубенскому полковнику: лошадь нельзя ни подарить, ни продать. Самъ я на это не рѣшился.

20. Моя мать купила котелъ для пива у одной миргородской женщины, по имени Климихи, вѣсомъ 3 камня за фунтъ 25 коп. Всего 30 руб.

21. Возвратился изъ Хомутца въ Сорочинцы и узналъ отъ своего войта, что былъ такой сильный дождь, что всѣ улицы въ Савинцахъ были затоплены, и потонуло много свиней и телятъ. Пчелы, поставленныя на вершинѣ холма, были унесены дождевыми потоками, свергавшимися съ холма.

22. Былъ въ Савинцахъ.

23. Ѣздилъ въ Хомутецъ.

24. Моя мать пригласила обѣдать игумена Исаію Антоневича изъ Ковинскаго (de Kowin) монастыря, близь Буды, столицы Венгріи. У него былъ паспортъ отъ митрополита, живущаго въ Карловицѣ, Викентія Поповича. Онъ говоритъ, что въ Венгріи только одинъ православный монастырь, основанный старинными сербскими деспотами, которые поддерживали хорошія отношенія съ венгерскими королями путемъ взаимныхъ браковъ.

25. Одинъ козакъ изъ охочекомоннаго полка явился въ Хомутецъ требовать обратно свою бѣлую лошадь у моей матери; эту лошадь мой отецъ приказалъ взять у него 3 года тому назадъ вмѣстѣ съ своей собственной, которую нашли у его брата, Савки Стеслицкаго. А этотъ козакъ называется Стафанъ Стеслицкій. Онъ купилъ лошадь нашего завода арабскихъ лошадей отъ нѣкоего Стефана Бурки, живущаго въ Китай-городѣ. Онъ (Бурка) въ настоящее время сидитъ въ тюрьмѣ въ Лукомлѣ, гдѣ его поймали въ воровствѣ.

27. Мы отправили нашего войта изъ Савинецъ въ Петербургъ.

28. Моя мать дала 4 рубля за лошадь и 1 рубль за сѣдло Стефану Стеслицкому. Навѣстилъ своихъ пчелъ, и тамъ узналъ отъ сына пасѣчника, что трава съ маленькими бѣлыми цвѣтами, растущая подлѣ прудовъ и называемая вехъ, губитъ овецъ, если тѣ поѣдятъ ее.

Іюль 1. Мы отправили Лискевича въ Польшу. Моя мать дала ему на дорожныя издержки 20 рублей и пять золотыхъ дукатовъ. Она дала еще 4 рубля Ястржембскому, который утверждаетъ, что потерялъ свои деньги, когда въ прошломъ году былъ посланъ въ Польшу.

Нужно замѣтить, что тотъ, кто имѣетъ право выкупа родового имѣнія, кромѣ того что уплатитъ за выкупъ отчужденнаго имѣнія не обязанъ возмѣщать издержки, въ которыя могъ войти покупатель. Но тотъ, кто продаетъ землю безъ вѣдома своихъ родственниковъ какому-нибудь чужеродцу (étranger), обязанъ уплатить (bonifier) ему издержки.

2. Былъ въ Сорочинцахъ, далъ 5 рублей маляру и къ вечеру возвратился въ Хомутецъ.

3. Въ польскомъ правѣ есть три основанія, по которымъ нельзя исполнять должность судьи, именно: рожденіе, право, полъ. По рожденію—тотъ не можетъ быть судьей, кто находится въ бѣшенствѣ, безуменъ, лунатикъ, нѣмъ, слѣпъ, глухъ и моложе 21 года. По праву исключаются изъ судебной должности—отлученные отъ церкви (maudits), банниты, схизматики, евреи, безчестные люди, незаконнорожденные, такъ какъ неприлично облекать какимъ-либо достоинствомъ человѣка, чѣмъ нибудь запятнаннаго.

Женщины исключены изъ всѣхъ должностей.

4. Крестьяне изъ Черевковъ завели споръ изъ-за полей съ крестьянами Поповки. Послѣдніе захватывали земли первыхъ, не довольствуясь раздѣломъ, произведеннымъ моимъ отцомъ. Наконецъ, судья примирилъ противниковъ, приказавъ имъ удовлетвориться произведеннымъ раздѣломъ. И такъ какъ черевковскіе крестьяне все еще продавали общія поля, то онъ запретилъ имъ дальнѣйшую продажу, ссылаясь на договоръ, состоявшійся между крестьянами, въ силу котораго всякій вправѣ косить и пахать, гдѣ ему угодно, однако безъ присвоенія себѣ и малѣйшаго клочка земли.

Крестьянинъ изъ Поповки, Гаврило Полиененко (?) жаловался на то, что его лугъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ скошенъ въ нашу пользу, былъ еще скошенъ и другими. Потому мы приказали ему, я и судья, забрать все сѣно, которое получилось съ его луга, у того, кто оказался настолько дерзокъ, что косилъ безъ позволенія; а если владѣлецъ луга сжалится надъ этимъ человѣкомъ, то пусть возьметъ третью или четвертую часть. Младшій сынъ Стешенка изъ Хомутца принесъ жалобу на то, что его

старшій братъ постоянно повреждаетъ фруктовыя деревья въ саду, завѣщанномъ ему отцемъ, всегда проходя черезъ этотъ садъ, и для доказательства, что его отецъ завѣщалъ ему названный фруктовый садъ, онъ показалъ завѣщаніе, которое было въ надлежащемъ видѣ, за исключеніемъ того, что было нѣсколько словъ, написанныхъ внѣ строки, что весьма подозрительно въ завѣщаніи. Старшій сынъ Стешенка дѣлалъ это по злости, и я запретилъ ему, подъ страхомъ наказанія, проходить черезъ садъ безъ позволенія брата.

Я ввелъ савинецкаго козака Стефана Остапенка, во владѣніе землей, которую онъ купилъ у одного крестьянина изъ Олыхвировки, послѣ того какъ его сестра уступила эту землю. Ставищенки, за двоюроднымъ братомъ которыхъ была его сестра, имѣя претензію изъ-за этого, бросили ему (Остапенку) назадъ деньги, и онъ принужденъ былъ взять ихъ по приказу сорочинецкаго сотника. Но я отмѣнилъ это постановленіе, присуждая названную землю Стефану Остапенку, ибо онъ состоитъ ея владѣльцемъ уже десять лѣтъ, по его объясненію.

Судья выѣхалъ въ Голтву, а мы поѣхали въ степь. Моя мать приказала мнѣ спросить у пастуха, сколько овецъ въ Стовбинской кошарѣ и онъ сказалъ мнѣ, что тамъ ихъ 780.

Конюхъ призналъ одного русскаго крестьянина среди нашихъ извозчиковъ Ивана Никитина, котораго извозчикъ Никита Чумаченко послалъ съ нами вмѣсто себя, какъ своего наймита (mercenaire). Мы тотчасъ отослали его назадъ въ Сорочинцы подъ надежной стражей. Этотъ русскій называетъ себя уроженцемъ окрестностей Бѣлева, принадлежащихъ какому то сержанту (à un serg), его зовутъ Иванъ Григорьевъ, служилъ сначала Бару, потомъ Иршенку и затѣмъ Чумаченку.

5. Хомутецкіе косари начали косить; я ихъ видѣлъ.

6. Такъ какъ крестьяне Поповки, Черевковъ и Бакумовки (Pop., Czerew. et Bak) не могутъ уладиться между собой, то я послалъ Александра съ миргородскимъ войтомъ и одного козака, Мамерича, въ качествѣ коммиссаровъ, которые приказали имъ удовлетвориться раздѣломъ, произведеннымъ моимъ отцомъ.

Крестьяне (подданные) Поповки и Бакумовки начали косить. Мой братъ къ вечеру пріѣхалъ въ степь.

9. Я извлекъ изъ итальянской книги Teatro politico ceremoniale слѣдующія мѣста: (*Слѣдуетъ выписка*).

Получилъ письмо отъ Скоропадскаго, помѣченное Мигулинскимъ монастыремъ.

10. Кулябка съ женой пріѣхали въ степь.

11. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи Les filles errantes: (*Слѣдуетъ выписка*).

13. Кулябка уѣхалъ въ Лубны, а Ломиковскій въ Шахворостовку.

Написалъ письмо капитану Штоффелю.

14. Навѣстилъ въ Еркахъ косарей, которыхъ было 37. Пришло 15 косарей изъ Черевковъ, которымъ я показалъ мѣсто, гдѣ они должны косить.

15. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи La coquette.

Мѣста изъ Ceremoniale Historico Politico

16. То-же самое.

17. Моя мать дала 2½ руб. нашему конюху, чтобы былъ уплоченъ его долгъ сотнику Сѣнчанскому, сынъ котораго пришелъ съ жалобой на то, что конюхъ не уплатилъ долга.

Мы отправились въ Шахворостовку.

Число всѣхъ косарей: въ Хомутцѣ 120, Поповкѣ 200, Бакумовкѣ 40, Черевкахъ 15, Еркахъ 38, Зубовкѣ 30, Сорочинцахъ 22.

18. Получилъ въ Шахворостовкѣ письмо (пропускъ въ текстѣ), писанное моему отцу, въ которомъ онъ требуетъ назадъ лошадей, взятыхъ въ Хомутцѣ отъ крѣпостныхъ его господина за то, что хотѣли увезти жену вора (пропускъ въ текстѣ) по ту сторону Днѣпра.

Мой братъ прибылъ съ своей женой.

19. Получилъ письмо отъ генерала Вейсбаха съ приложеніемъ кипы газетъ. Вотъ извлеченіе изъ нихъ: (*Слѣдуетъ выписка*).

20. Мы выѣхали изъ Шахворостовки: я и мой братъ въ степь, а наша матушка въ Хомутецъ.

21. Извлекъ слѣдующія мѣста изъ комедіи Ésope: (*Слѣдуетъ выписка*).

Сегодня утромъ начали стричь ягнятъ. Ихъ 1020.

Моя мать прибыла изъ Хомутца въ степь.

22. Мѣста изъ второй книги Ceremoniale Historico Politico: (*Слѣдуетъ выписка*).

23. Получилъ отвѣтъ отъ генерала Вейсбаха относительно газетъ, которыя я отослалъ ему назадъ.

24. Моя мать отправилась въ Шахворостовку вмѣстѣ съ моей женой.

Мѣста, извлеченныя изъ комедіи Deux Arlequins. (*Слѣдуетъ выписка*).

25. Отправились въ Шахворостовку, были тамъ у обѣдни, пообѣдали и поѣхали въ степь.

26. Выѣхалъ со степи и прибылъ въ Сорочинцы.

Моя мать подарила Ломиковскому мальчика (?) (d'un Roussin) въ возрастѣ четырехъ лѣтъ.

27. Отправился съ женой и дѣтьми въ Савинцы вмѣстѣ съ Григоріемъ и Лукой.

28. Мѣста изъ Ceremoniale Histor. (*Слѣдуетъ выписка*).

Генералъ Вейсбахъ черезъ капрала Псковскаго полка, по имени (пропускъ въ текстѣ), прислалъ намъ пакетъ съ письмами отъ моего отца съ присоединеніемъ паспорта отъ князя Меншикова для моей поѣздки въ Петербургъ.

29. Выѣхалъ въ Гадячъ.

30. Былъ у генерала Вейсбаха, гдѣ обѣдалъ, потомъ выѣхалъ изъ Гадяча и поздно ночью прибылъ въ Сорочинцы.

Августъ 1. Выѣхалъ въ Ахтырку и ночевалъ за Груньчю.

2. Прибылъ въ Ахтырку и выѣхалъ въ тотъ же день, пообѣдавъ у князя Голицына.

3. Проѣхалъ черезъ Гадячъ и, простившись съ генераломъ, поздно пріѣхалъ въ Сорочинцы.

4. Прочелъ у Петронія слѣдующіе стихи Нерона:

Въ тотъ мигъ, когда насъ посѣщаетъ скорбь
Нужно утопить горе въ фалернскомъ винѣ
И говорить безпрестанно: Рабъ, наливай вина!

9. Стрижевскій, вмѣстѣ съ нѣкіимъ Уласомъ купилъ упряжку въ нашемъ заводѣ арабскихъ лошадей; далъ за это 900 флориновъ. Пархоменко съ другими полтавскими купцами далъ моей матери 4 рубля, обязываясь уплатить за все масло, по $4^1/_2$ флорина за камень, вѣсомъ въ 36 фунтовъ.

10. Я и братъ приказали взвѣсить серебряныя вещи нашего отца.

Вѣсъ и количество серебряной столовой посуды.

Фляша сребрная вѣсу гривенъ 6, лотовъ 12 и 1 золотникъ. Чара вѣсу ровно гривенъ 5. Куманъ вѣсу гривенъ 8 безъ едного лота. Пугаръ гладкій вѣсу гривна 1 и 12 лотовъ. Пугаръ пестрозлоцѣстий гривна 1, лотовъ десять безъ золотника. Два малыхъ гладкихъ пугаровъ вѣсу въ обоихъ гривенъ 2, лотовъ шесть. Два кубковъ пестрихъ вѣсу гривна 1 и девять лотовъ безъ золотника, кубковъ въ карпю лускȣнѣкомъ 21, вѣсу во всѣхъ гривенъ 12. Кубковъ вибиванихъ съ пуклями, вѣсу въ нихъ гривенъ 3 и 4 лота. Кубочокъ такой же работы съ пуклями лотовъ осмь. Кубочковъ два зъ мушлями (sic) гривна одна и два лота. Чарочокъ горѣлчанихъ подъ цапу 12, а другихъ гладкихъ подъ бляхмалъ визолоченихъ 12, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 4 и пять лотовъ. Чайникъ еденъ вѣсу гривенъ 3 и 5 лотовъ безъ золотника. Тарелокъ 12, вѣсу гривенъ 14 и осмъ лотовъ. Пушка на цукоръ вѣсу гривна 1 и осмь лотовъ. Ложечокъ маленкихъ (пропускъ въ текстѣ) вѣсу 12 лотовъ. Ножовъ паръ 5, вѣделокъ 5, вѣсу гривна 1 и дванадцать лотовъ. Ложокъ зъ одливаними шталями 25, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 9. Ложокъ зъ еленями 9. Вѣсу въ нихъ гривенъ 2 и 3 лота безъ 1 золотника. Ложекъ нѣмецкихъ гладкихъ 36, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 14 и 6 лотовъ. Ложокъ кіевской роботи гладкихъ 24, вѣсу въ нихъ всѣхъ гривенъ 6 и 6 лотовъ и 1 золотникъ. Великая креденсовая ложка, вѣсу въ ней гривна 1 и 3 лоти. Менша креденсовая ложка,

вѣсу въ ней 11 лотовъ. Тацъ двѣ срѣбрнихъ, вѣсу въ нихъ (не обозначено въ текстѣ).

Списокъ моего серебра съ обозначеніемъ вѣса.

Большой подсвѣчникъ вѣситъ 2 марки (marcs) и полъ унціи. Письменный приборъ съ подсвѣчникомъ и приборомъ для пудренія (le poudrier)—1 марка и 1 унція. Кофейникъ—2 марки 6½ унцій и 1 треть. Маленькій чайникъ—2 марки безъ трети. Большой чайникъ—2 марки безъ трети. Два маленькихъ подсвѣчника—2 марки безъ полъ-унціи. Дюжина ложекъ—3 марки безъ трети. Малыя ложки—4 унціи. 8 ручекъ къ ножамъ—1½ марки. 7 вилокъ—1 марка и 1 унція. 4 малыхъ блюдца—1 марка. Шесть чашекъ (taces)—1 марка и 1½ унціи. Малый кубокъ (pot) съ крышкой—1 марка и 3 унціи. Блюдо—3 марки. Щипцы—2½ унціи.

Списокъ сбруи и сѣделъ.

Рондзѣкъ турецкій съ поднаперсемъ и подогоннемъ. Рондзѣкъ съ поднаперсемъ безъ подогоння, якее Ромазанъ стратилъ.—Рондзѣкъ съ поднаперсемъ и зъ пидогоннемъ, на сафіянѣ сажени.—Кулбакъ оправнихъ 2, една червоная аксамитная, другая жовтая суконная съ платами и покровцями.—Сагайдаковъ 2, еденъ новій подъ бляхмалемъ, другий старий подъ позлотою.—Шабель двѣ, една зъ асписовимъ ренконстемъ; друга—зъ полскимъ крижемъ.

16. Получилъ отъ матери на дорогу въ Петербургъ 400 рублей, еще получилъ отъ нея на конфекты 12 червонцевъ. Она возвратила мнѣ то, что я издержалъ въ Ахтыркѣ, давъ 5 червонцевъ и еще дала 10 червонцевъ для того, чтобы у меня было ровно 200 серебряныхъ рублей, которые мы получили за 6 упряжныхъ лошадей, и изъ которыхъ уже не хватало 20 руб.

17. Выѣхалъ изъ дому въ С.-Петербургъ. Провелъ ночь въ Савинцахъ.

18. Хвеско принесъ слѣдующій списокъ нашихъ конскихъ заводовъ и нашего скота:

Въ хуторѣ Стовбинскомъ стада панского: Коней самихъ 176, кобилъ 49, лошатъ 29, стрижчатъ 24, комлицкихъ кобилъ 6, комлицкихъ коней 53, итого всего 337. Въ томъ же хуторѣ коровъ дойнихъ 32, телятъ 32, коровъ яловихъ 44, бугаевъ 6, итого всего 114. Въ хуторѣ Глобинскомъ стада панского: кобилъ 216, стрижчатъ 82, лошатъ малихъ сеголѣтнихъ 98, итого всѣхъ 396. Въ томъ же хуторѣ телицъ 48. Въ Пустовойтовомъ: биковъ 160. Въ Кибинскомъ: коровъ дойнихъ 38, телятъ 39, коровъ яловихъ 49, бугаевъ 4, всего того 130. Въ томъ же Кибинскомъ моего товару: коровъ дойнихъ 50, телятъ 48, бугаевъ 4. Въ Новачисѣ Павлусевого стада: кобилъ зъ дриgантами 74, стрижчатъ 19, лошатъ 22. Итого всего 115. Тамъ же товару: воловъ 48, коровъ дойнихъ 41, телятъ 38, коровъ яловихъ 14, телицъ третячокъ 18, бугаевъ 4. Въ Пустовойтовомъ Павлусевыхъ же: биковъ 44. Въ Глобиномъ его жъ: телицъ 14. Итого всего 221. Овецъ панскихъ всѣхъ по рознихъ хуторахъ 2000, зъ которихъ мнѣ едну тисячу панѣ отдѣлила.

Ягнятъ сеголѣтнихъ панскихъ 1000.

Моя мать хотѣла удѣлить на мою часть 100 кобылъ, изъ которыхъ у половины были бы годовые жеребята, а у другой половины двухгодовые.

19. Выѣхалъ изъ Савинецъ и ночевалъ въ деревнѣ по сю сторону Лучекъ, гдѣ козакъ Василій Охрименко принесъ мнѣ сотоваго меду.

20. Выѣхалъ изъ того мѣста, гдѣ ночевалъ, и остановился на обѣдъ по сю сторону Лучекъ. Послѣ обѣда проѣхалъ черезъ Лучки, а потомъ мимо Русановки, гдѣ наши лошади чуть было не утонули въ болотѣ, подлѣ котораго мы ночевали.

21. Мы рано выѣхали и остановились на обѣдъ у поляны, принадлежавшей покойному Зеленскому.

Послѣ обѣда проѣхали Оксютинцы и ночевали подлѣ Будокъ, принадлежащихъ Несторовичу. Передъ Оксютинцами мы получили письмо отъ прокурора касательно одного мастера, который умѣетъ строить хаты (maisons), на манеръ той, которая находится въ нашей овчарнѣ (bergerie).

22. Провели весь день подлѣ Будокъ, выпивъ до излишества.

23. Разстался съ своей женой и братомъ, потомъ проѣхалъ черезъ Будки, черезъ Смѣлое и остановился на обѣдъ на полянѣ около Ромна. Послѣ обѣда проѣхалъ черезъ Терновское болото, потомъ черезъ Грузкую, черезъ Красненское болото, черезъ деревню Козацкую и, наконецъ, провелъ ночь въ полумилѣ отъ сказанной деревни.

24. Всталъ до восхода солнца и переѣхалъ рѣку Сеймъ въ въ Мутинѣ въ двухъ мѣстахъ. Потомъ проѣхалъ Мутинъ, Ярославецъ и остановился для ночлега подлѣ мельницы Павловскаго, не доѣзжая нѣскольких верстъ до Глухова.

25. Прибылъ въ Глуховъ и тотчасъ же былъ у прокурора, потомъ привѣтствовалъ бригадира въ коллегіи, гдѣ далъ объясненіе (je donnai une donossenie) касательно упряжныхъ лошадей.

26. Прокуроръ далъ мнѣ паспортъ, потомъ пригласилъ на обѣдъ; послѣ обѣда я простился съ нимъ. Савинецкій войтъ (le baillif de S) возвратился.

27. Простился съ бригадиромъ, съ герцогиней de Camp.. (?), потомъ съ Божьей помощью выѣхалъ изъ Глухова.

Расходы, сдѣланные мною послѣ того какъ разстался съ братомъ:

Далъ г. Лукѣ червонцевъ 5, Удеру (à Uder?) одинъ дукатъ 1, слугамъ, оставшимся съ моей женой, 3 рубля; на мясо 18 коп.; нищимъ и на пиво 8 коп., на хлѣбъ 6 коп., за налаживаніе париковъ 30 коп., банщикамъ (aux baigneurs) 4 коп., почтарямъ (aux postillons) 1 руб. 8 коп., на вино 1 руб. 50 коп., на рыбу 22 коп., за рогожу (pour une mate) 12 коп., за боченокъ 4 коп., за телѣгу 98 коп., за наварку топора 4 коп., за буравъ (foret) 8 коп., за колесо 4 коп., за два малыхъ подосника (bares) 3 коп., за склейку сломаннаго стакана 2 коп., за мѣдный горшокъ 60 коп., стремянному (au palefrenier) 20 коп., на вино 16 коп., за колесо въ Товстодубовѣ 10 коп., почтарямъ въ Есмани на водку 3 коп.

Дорога отъ Глухова до Москвы. Глуховъ. В. 14. Есмань В. 17. Товстодубовъ. Ночлегъ. Мы заплатили здѣсь за двѣ оси и за два подосника 11 коп.

Мы доплатили здѣсь остальное почтарямъ серебромъ, именно 1 рубль 36 коп.

28. Кузнецу за гвозди 2 коп. В. 35. Сѣвскъ. Ночлегъ. Посѣтилъ полковника Чернышева. Мы потратили здѣсь: Глуховскимъ почтарямъ 4 коп., слугамъ названнаго полковника 20 коп., на овесъ 5 коп., за мѣшокъ 3 коп., на сѣно 1 коп., Сѣвскимъ почтарямъ за 210 верстъ по 2 к. 1 рубль 68 коп. (sic).

29. 21 в. Обѣдали подлѣ моста. 30 в. Селеніе Домаха, принадлежащее волошскому господарю. Ночлегъ. Въ Сѣвскѣ на варъ (de poix de bouleau) 6 коп., на сѣно 1 коп., на овесъ 6 коп., на сѣно 2 коп.

30. 10 в. Дмитровка, принадлежащая тому-же господарю. На варъ 6 коп. На хлѣбъ и соль 4 коп. 10 в. Остановились среди кустарниковъ на обѣдъ. Послѣ обѣда 2 в. Лубенки, принадл. полковнику Тараканову. 3 в. Крупична графа Головкина. 2 в. Чуварино (Czuwaryna) Сенявина. 15 в. городъ Кромы. 2 в. Розсыльное (Rozsylna). Ночлегъ. На овесъ 4 коп. Солдатамъ въ Кромахъ Поповичу и Аѳанасію 4 коп.

31. Шахово князя Трубецкого. Здѣсь мы переправились черезъ рѣку Оку, а потомъ черезъ ручьи Кубръ, Рыбянку, 30 в. Орелъ. За курицу 2 коп., за 12 яицъ 2 коп., за яблоки 4 коп., за квасъ 2 коп., и 3 полушки; за хлѣбъ 1 коп. Послѣ обѣда переправились черезъ ручьи: Оптуху (Obtucha) и Лысицу (Lysica) и, будучи застигнуты ночью, переночевали здѣсь, въ 25 верстахъ отъ Орла. (*Слѣдуетъ пропускъ незначительныхъ свѣдѣній о дорожныхъ издержкахъ*).

Дорога отъ Глухова въ Москву съ указаніемъ числа верстъ. Глуховъ. 14. Есмань. 17. Товстодубовъ. 35. Сѣвскъ. 21. Мостъ (Pont) 30. Домаха. 10. Дмитровка. 12. Лубенки. 3. Крупична. 2. Чуварино. 15. Кромы. 2. Розсыльное. 3. Шахово. 30. Орелъ. 28. Думчино. 10. Мценскъ. 10. Потриково. 10. Скуратово. 15. Малое Скуратово (Szkuratowa machenka). 20. Плава. 15. Лапотково. 5. Солово. 25. Ясная Поляна. 17. Тула. 3. Горѣлки. 7. Богучарово. 5. Тулище. 15. Вашана. 3. Телѣгино. 2. Антоново. 5.

Каменка. 10. Заводы. 5. Микола (Mikoła). 5. Городна. 10. Липецъ. 3. Ока. 2. Серпуховъ. 3. Паниковка. 4. Московка. 2. Кузьминка. 8. Сухая Лопасня. 5. Чепелево. 4. Красные Холмы. 1. Алексѣевка. 5. Молоди. 17. Кутузово. 3. Пахра. 5. Сырово. $1^1/_2$. Молодцы. 9. Абицы. 5. Городня. 5. Голубенки. 1. Чартаново. 8. Москва. Всего 500.

14. Слушалъ обѣдню въ Богоявленскомъ монастырѣ. Дочери Левенца 60 к. Священникамъ-арестантамъ (aux prêtres prisonniers) 1 к. 5 аршинъ сукна 7 р. 50 к.

15. Портному на прикладъ (garniture) къ шинели (manteau) 70 к. Серебряная шпага 11 р. 15. Перевязь (baudrier) 70 к.

17. Шляпка (bonnet) для моей жены 4 руб., шелковые чулки 2 р. 70 к., 2 пары шерстяныхъ чулокъ 43 к., du rach 90 к., за 1 четверть бархата 75 к. Туфли 30 к. за платяныя щетки 7 к., за пару куньихъ шкурокъ (martes) для г-жи Ломиковской 2 р. 50 к. Capres de l'argent моего брата 1 р. 95 к., за 2 билліардныхъ шара съ молотками и кіемъ (Pour deux *billes* avec une masse et une queue) 3 р. 50 к.

18. Парикъ 3 золотыхъ дуката. За налаживаніе моихъ париковъ 70 к.

Я приглаcилъ обѣдать Горленка, Гамалію, Поставскаго Юрія и разныхъ другихъ лицъ. Вечеромъ посѣтилъ меня сынъ полковника Пантелеймонъ (Pantelemon). Купилъ для своего отца одноколку (chaise rulante) за 14 р.

19. Портному за фасонъ шинели (pour la façon du manteau) 1 р. 20 к. Сапожнику за пару сапогъ и за пару башмаковъ 2 р. 70 к. За двѣ куньихъ шкурки для моего брата 2 р. 75 к.

20. 13 фунтовъ имбирю по 70 к. фунтъ 9 р. 10 к., 5 фунтовъ гвоздики по рублю фунтъ—5 р., 5 фунтовъ мелкихъ лимоновъ по 80 к. фунтъ—4 р., за боченки 30 к., за конфекты (des sucres) для моихъ дѣтей 80 к. Двѣ русскихъ книги 80 к. Мѣшочекъ для волосъ 21 к. Бутылка элексира 24 к.

23. Съ Божьей помощью выѣхалъ изъ Москвы и провелъ ночь въ Всесвятскомъ—4 версты,—принадлежащемъ царевичу Имеретинскому.

(*Опускаются числа 24 сент.—14 октября, какъ заключающія въ себѣ лишь незначительныя свѣдѣнія о дорожныхъ издержкахъ*).

15. 35 в. С.-Петербургъ. Благодаря Бога, нашелъ своего отца въ добромъ здравіи. Журавовскій, Лизогубъ, Валькевичъ, Корецкій, Грабянка навѣстили моего отца.

16. Мы были у князя Меньшикова. Прибылъ мой багажъ.

17. Утромъ мы посѣтили Бассевича. Оттуда я пошелъ передать письма князю Меньшикову. Послѣ обѣда насъ посѣтили Корецкій, Валькевичъ, обозный черниговскій, Лаврентій Ханенко, Вишневскій, Матвѣй (Math. ?).

18. Мы имѣли честь засвидѣтельствовать наше почтеніе его королевскому высочеству, герцогу Голштинскому.

Отправилъ письма Бандемиру (Bandemir). За то, что смотрѣли льва, персидскихъ кошекъ, двухъ черныхъ волковъ 15 к. Валькевичъ, Герцикъ и Армашенко были у моего отца.

19. Былъ при дворѣ князя, у Кочубея, потомъ былъ на почтѣ и, проходя, видѣлъ слона. 2 полка гвардіи упражнялись въ стрѣльбѣ изъ мушкетовъ въ присутствіи Ея Величества. На этомъ парадномъ ученіи присутствовалъ также царевичъ грузинскій.

20. Былъ у Бассевича, у духовника, на почтѣ, гдѣ заключилъ условіе съ г. Ашемъ (Asch) на полученіе французскихъ газетъ въ теченіе всего года, что обойдется мнѣ въ 14 р.

21. Былъ у Бассевича, при дворѣ князя Меньшикова, у Потемкина (Potempkin). Послалъ Ашу 14 р., чтобы весь годъ имѣть французскія новости, и далъ 1 р. 20 к. за индійскую трость.

22. Никуда не выходилъ со двора. Бунчужный, Корецкій и Валькевичъ навѣстили моего отца.

23. Былъ при дворѣ князя Меншикова, гдѣ видѣлъ графовъ Головкина и Толстого, Матвѣева, Ягужинскаго и генерала Брюса.

24. Обѣдали у князя Голицына, потомъ я былъ на почтѣ.

25. Отправили наши письма на Украйну съ Грабянкой, который поѣхалъ на Украйну съ Валькевичемъ и Корецкимъ. Былъ у князя Меньшикова, гдѣ видѣлъ Мамонова.

26. Мой отецъ пригласилъ Бибикова обѣдать.

27. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ фунтъ кофе 60 к. Я пригласилъ обѣдать Обидовскаго и Лисеневича. Къ вечеру Шидловскій посѣтилъ моего отца.

28. Мой отецъ пригласилъ обѣдать Ливена. Передъ вечеромъ Обидовскій былъ у насъ въ сопровожденіи Лисеневича. Потомъ посѣтилъ меня M-r Mathieu.

29. Пригласилъ обѣдать Армашенка, который принесъ мнѣ словарь де-Поме; я заплатилъ за него 4 р. 68 к. Былъ у Шидловскаго.

30. Былъ у князя, гдѣ видѣлъ Бассевича; возвращаясь, пригласилъ обѣдать Бандемира и Ливена.

31. Андрею (à Mr André) 1 р. Мой отецъ пригласилъ къ обѣду Якимовича; послѣ обѣда былъ съ визитомъ Данило Перехристъ, потомъ Лисеневичъ доставилъ двумѣстную коляску (une chaise) и одноколку (une chaise roulante); мы усѣлись туда и вечеромъ отправились въ домъ Прокоповича, который принялъ насъ очень любезно. Празднество (le festin) кончилось угощеніемъ закусками и напитками (un régal de rafraichissements).

Ноябрь 1. Видѣлся съ Mr Mathieu.

2. Былъ у князя. Мировичъ, пришедши къ намъ, провелъ ночь въ нашей квартирѣ.

3. Былъ у Mr Mathieu, гдѣ договорился съ однимъ французомъ, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ барометръ за 3 р. 10 к., и далъ 1 р. въ задатокъ.

4. Никуда не выходилъ.

5. Никуда не выходилъ.

6. Былъ у князя Меньшикова, который пригласилъ къ обѣду герцога Голштинскаго, а также иностранныхъ пословъ по случаю дня своего рожденія.

7. Былъ у кн. Меньшикова. Онъ опять пригласилъ обѣдать адмирала принца Гессенъ-Гомбургскаго и много другихъ знатныхъ особъ.

8. Мы были у адмирала. Я пригласилъ къ обѣду Потемкина.

9. Видѣлся съ Mr. André. Посѣтилъ могилу Его Величества.

10. Видѣлся съ Mr. André; потомъ отправился на Васильевскій островъ и, не заставъ князя Меньшикова, возвратился къ себѣ на квартиру. Послѣ обѣда отецъ послалъ меня къ новгородскому архіепископу, но я не засталъ его дома.

11. Никуда не выходилъ. Жураковскій, бунчужный и Шидловскій навѣстили моего отца; послѣдній обѣдалъ у насъ. Къ вечеру Mr Mathieu въ сопровожденіи придворнаго пѣвчаго посѣтилъ меня.

12. Посѣтилъ Mr. André. Отецъ далъ мнѣ 10 руб.

13. Былъ у Mr. André, чтобъ поручиться за него (pour y en faire caution), но ихъ дѣло было отложено. Ханенко ночевалъ у насъ.

14. Слушалъ обѣдню въ церкви князя. Къ вечеру отправился въ сенатъ, гдѣ поручился за Mr André, и привелъ его въ свою квартиру.

15. Былъ съ отцемъ у князя; отецъ подалъ ему просьбу.

16. Mr. Mathieu пригласилъ насъ къ обѣду; мы оставались тамъ далеко за полночь. Проигралъ au lot 60 к.

17. Купилъ серебряную пряжку къ галстуху за 1 р. 20 к.

18. Былъ у князя Меньшикова, но не засталъ его. Посѣтилъ Ливена.

19. Отправилъ письма на Украйну съ Молявкой, онъ уѣхалъ только на слѣдующій день. Былъ у Вишневскаго.

20. Приторговалъ мѣру вина за 5 р. Купилъ у разносчика мраморный письменный приборъ съ песочницей за 60 к.

21. Mr. André читаетъ молитвенникъ—это необычайная вещь. Отецъ далъ мнѣ страшный нагоняй по поводу пира у молодыхъ молдавскихъ князей, куда я собрался итти.

22. Хотѣлъ перейти на другую сторону рѣки, но былъ удержанъ сильной бурей. Казнены два человѣка; одинъ изъ нихъ былъ драгунъ и назвалъ себя царевичемъ. Вина другого мнѣ неизвѣстна. Предано землѣ тѣло покойнаго Отте (Otte), оберъ-цейхмейстера, съ обычными церемоніями.

23. Мы поздравили князя Меньшикова съ днемъ рожденія, Потомъ мы пригласили къ обѣду Кочубея, Обидовскаго, Танскаго. Ханенка, Лисоневича.

24. Присутствовали на богослуженіи въ церкви св. Троицы, куда отправилась Ея Величество въ сопровожденіи своей фамиліи. О. Лопатинскій произнесъ трогательную рѣчь.

25. Былъ у Бассевича. Договорился съ парикмахеромъ за рубль въ мѣсяцъ, и тотчасъ уплатилъ деньги.

26. Былъ у игумена Кролика и у Обидовскаго, гдѣ получилъ письма изъ дому.

27. Никуда не выходилъ.

28. Былъ въ кофейнѣ, гдѣ издержалъ 30 к. Къ вечеру отправился повидать M—r Mathieu и по возвращеніи засталъ у отца Обидовскаго, Лисеневича и Зинковскаго.

29. Былъ въ кофейнѣ и истратилъ 10 к. Потомъ былъ у Обидовскаго, въ кабинетѣ рѣдкостей (à raretez) и у игумена Кролика, гдѣ оставался далеко за полночь.

30. Слушалъ обѣдню въ Исаакіевскомъ соборѣ, гдѣ настоятель (l'Abbé) Кондоиди произнесъ очень прекрасную рѣчь. Послѣ обѣдни у меня былъ съ визитомъ Стефановичъ въ сопровожденіи дворецкаго (du maître d'hôtel) новгородскаго архіепископа. Пригласилъ къ обѣду Левицкаго и Лисеневича.

Декабрь 1. Никуда не выходилъ. Вечеромъ приходили къ намъ Мировичъ и Стефановичъ; первый поужиналъ съ нами.

2. Былъ у князя и, не заставъ его, пилъ чай у Ливена съ Обидовскимъ и Лисеневичемъ.

3. Ссудилъ 60 руб. Михаилу Солодушенку, роменскому купцу.

4. Былъ съ отцомъ у князя, гдѣ купилъ за 10 р. слѣдующія книги: Ésope en belle humeur. Le Spectateur 3 тома, Régles de le vie civile 2 тома, Лукіана (Lucien), грамматику Венерони, различныя сочиненія (oeuvres divers), Relazione di Russia, L'homme détrompé, L'homme de cour, La fortune des gens de qualité, Pastor fido, Traité de la civilité, De l'éducation des princes, французскій словарь и каталогъ новыхъ книгъ.

5. Былъ у Mr. Mathieu, а оттуда пошелъ послушать обѣдню въ римско-католической церкви. Уплатилъ Mr. André 1 р. и Mr. Mathieu 1 р.

6. Былъ у молдавскихъ князей, гдѣ меня пригласили на обѣдъ.

7. Отдалъ визитъ Лизогубамъ, у нихъ былъ еще генералъ Головинъ. Послалъ молдавскому князю словарь де-Поме.

8. Никуда не выходилъ. Русская газета 3 к. Описаніе (rélation) брака герцога Голштинскаго 6 к.

9. Михаилъ Солодушенко уѣхалъ на Украйну. Былъ у князя Меньшикова, но онъ находился въ военной коллегіи.

10. Танскій обѣдалъ у насъ. Послѣ обѣда я былъ у Шидловскаго.

11. Былъ у кн. Меньшикова. Возвращаясь оттуда, пригласилъ къ обѣду Баровскаго и Ливена. Вечеромъ посѣтилъ моего отца духовникъ Ея Величества.

12. Проигралъ au lot 50 к. Насъ посѣтили Обидовскій и Зинковскій.

13. Былъ у Алепли (Aleply), гдѣ также находился молдавскій князь и Ушаръ.

14. Обѣдалъ у духовника Ея Величества. Отецъ далъ мнѣ 12 червонцевъ, чтобы я заказалъ на нихъ одежду себѣ.

15. Былъ у духовника Ея Величества, потомъ въ лавкахъ для покупки сукна; по возвращеніи посѣтилъ во второй разъ Mr Mathieu, гдѣ былъ также молдавскій князь.

16. Купилъ 7 аршинъ сукна. Отецъ далъ мнѣ еще 3 червонца и 2 р.

17. Купилъ 3 аршина тафты для подкладки. Далъ портному 4 р. и 4 гривны на прикладъ. За 1 локоть (aune) полотна 1 р. Прибылъ сынъ Ершова.

18. Былъ у Лизогуба.

19. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; послѣ нея былъ допущенъ къ рукѣ княгини. Послѣ обѣда Лизогубъ и Жураковскій посѣтили моего отца.

20. Отрубили голову одному преступнику за то, что онъ задушилъ человѣка изъ-за пяти гривенъ. Передъ казнью его проводили по всѣмъ улицамъ, наказывая кнутомъ на всѣхъ перекресткахъ. Потомъ повѣсили за ноги одного матроса, который покончилъ самъ съ собою повѣшеньемъ; тѣло его сначала волокли по

всѣмъ улицамъ. Алексѣй (Alexiy) уѣхалъ въ Москву. За 6 русскихъ газетъ 13 к. Проповѣдь 10 к.

21. Фунтъ табаку 25 к. Пара чулокъ 1 р. 80 к.

22. Сынъ хозяина уѣхалъ на каналъ. Табакерка 2 р. 25 к.

23. Мы были у князя, который объявилъ моему отцу, что завтра доложитъ Ея Величеству объ его дѣлѣ. Былъ у князя, но, не заставъ его, просилъ придворнаго священника за одного каторжника (forçat). Потомъ повидалъ Ливена. Послѣ обѣда былъ у Ата, потомъ у M—r Mathieu.

24. Былъ у князя, не засталъ его. Портной принесъ мнѣ новое платье, которое съ фасономъ стоитъ 36 р.

25. Мы выслушали заутреню въ церкви князя, по выходѣ поздравили князя съ Рождествомъ Хр.; потомъ я пошелъ на квартиру, гдѣ пробылъ около получаса, и отправился въ ту-же церковь, гдѣ выслушалъ обѣдню, отслуженную архіепископомъ новгородскимъ; между тѣмъ мой отецъ посѣтилъ адмирала, Ягужинскаго, Толстого, потомъ имѣлъ честь поцѣловать руку Ея Величества. По возвращеніи я нашелъ обоихъ Лизогубовъ и Жураковскаго, которыхъ отецъ пригласилъ обѣдать.

26. Слушали обѣдню въ церкви св. Симеона. Послѣ того обѣдали у Лизогубовъ, откуда отецъ послалъ меня къ князю Меньшикову, гдѣ я засталъ почти всѣхъ пословъ (ministres).

27. Я присутствовалъ при рѣчахъ, которыя держали профессора, недавно прибывшіе изъ Германіи. Оттуда отправился обѣдать къ M—r Mathieu вмѣстѣ съ молдавскими князьями.

28. Обѣдалъ у молдавскихъ князей; тамъ была ихъ сестра.

29. Ушаръ посѣтилъ моего отца и до его ухода я былъ у князя, который при мнѣ отправился на крестины въ качествѣ кума новорожденнаго сына князя Шаховского; потомъ я говорилъ по французски съ молодымъ княземъ Меньшиковымъ. Послѣ обѣда Ушаръ прислалъ свои сани, чтобы отвезти меня къ нему. Оттуда я отправился къ отцу Кондоиди вмѣстѣ съ княземъ Антіохомъ. Наконецъ возвратился къ себѣ на квартиру.

30. Былъ у князя Меньшикова, но не засталъ его дома. Возвратившись, нашелъ у насъ Шидловскаго, Танскаго и Ханенка. Послѣ обѣда былъ у M—r Mathieu, потомъ на почтѣ, гдѣ далъ списокъ книгъ секретарю почтамта.

31. Былъ у кн. Меньшикова; оттуда возвратился къ себѣ; потомъ зашелъ къ Ханенку, съ которымъ былъ у Петра Алексѣевича Ижорина.

Годъ отъ Р. Х. 1726.

Январь 1. Мы поздравили князя Меньшикова, потомъ адмирала, послѣ обѣдни, которую мой отецъ выслушалъ въ Троицкой церкви, мы находились на придворномъ пріемѣ, гдѣ имѣли честь поцѣловать руку Ея Величества. Въ 5 часовъ по полудни мы были приглашены къ обѣду въ Зимній дворецъ Ея Величества, гдѣ мы оставались далеко за полночь и смотрѣли черезъ окна на иллюминацію, которую зажгли по случаю Новаго года.

2. Выслушалъ обѣдню въ церкви князя, которому засвидѣтельствовалъ почтеніе, когда онъ садился за столъ. Сегодня утромъ бѣлгородскій архіепископъ посѣтилъ моего отца. Грицко отправился на Украйну.

3. Былъ при дворѣ князя, потомъ у отца Кондоиди, но не засталъ ни того, ни другого; затѣмъ отправился къ M—r Mathieu тамъ засталъ молдавскихъ князей и пригласилъ ихъ къ себѣ; они посѣтили меня. Послѣ обѣда простился съ игуменомъ Кроликомъ.

4. Ушаръ посѣтилъ моего отца; послѣ обѣда отецъ послалъ меня попросить въ займы 100 руб. у M—r Mathieu, которые тотъ далъ на слѣдующій день.

5. Былъ у князя, у отца Кондоиди, гдѣ взялъ 17 итальянскихъ книгъ; потомъ былъ два раза у новгородскаго архіепископа, но не успѣлъ поговорить съ нимъ; наконецъ, отправившись туда въ третій разъ, я выслушалъ обѣдню и ужиналъ съ его высокопреосвященствомъ.

6. Мы слушали обѣдню въ церкви князя; въ концѣ обѣдни Спираевъ (?) пригласилъ Тевяшева и меня; я оставался тамъ около четверти часа. Я отправился изъ дому обѣдать къ M—r Mathieu; потомъ мы присутствовали при водосвятіи.

7. Капитанъ Опочининъ посѣтилъ моего отца; Ханенко съ Самоторцевымъ обѣдали со мной. Капитанъ недавно прибылъ изъ Украйны. Были Обидовскій и Наркисъ, потомъ Алепли пригласилъ меня къ себѣ, гдѣ я оставался далеко за полночь. Проигралъ тамъ 15 к.

8. Крестилъ сына Григорія, слуги Ершова, съ женой Алепли, которой я подарилъ свой перстень. Истратилъ изъ своихъ денегъ: за золотой дукатъ 1 р. 5 к., починка часовъ 30 к. Мой крестникъ называется Павелъ.

9. Слушалъ обѣдню въ церкви князя, обѣдалъ на квартирѣ Потомъ былъ въ лоттереѣ, гдѣ проигралъ 2 р.

10. Былъ у князя, потомъ опять былъ во второй разъ съ просьбой, чтобы солдаты не выживали насъ изъ нашей квартиры, на что князь согласился, немедленно пославъ своего адъютанта Жеребцова къ полиціймейстеру (auprès du Général de Police), который приказалъ не выселять насъ.

11. Былъ у князя, а послѣ обѣда у отца Кондоиди, который продалъ мнѣ еще двѣ итальянскихъ книги: Исторію Фландріи и Исторію Венгріи за 13 руб.

12. Я взялъ въ долгъ у M—r Mathieu 10 р., изъ которыхъ 5 истратилъ на покупку двухъ названныхъ итальянскихъ книгъ. Былъ у бригадира Вельяминова, но, не заставъ его дома, говорилъ со Стаховичемъ, который сообщилъ мнѣ непріятнѣйшее извѣстіе. Былъ въ банѣ: по выходѣ оттуда думалъ, что умру отъ головной боли.

13. Былъ на квартирѣ бригадира Вельяминова, не засталъ его, потомъ посѣтилъ нѣ..инскаго полковника; оттуда навѣстилъ молдавскихъ князей, у которыхъ пообѣдалъ; вечеромъ былъ у настоятеля (l'Abbé) Кондоиди, которому далъ 9 руб. отъ моего отца

за двѣ книги, и 5 р. изъ своихъ денегъ. 19 итальянскихъ книгъ обошлись всего 50 р.

14. Одинъ еврей принесъ мнѣ письмо отъ моего тестя; никуда не выходилъ изъ квартиры. Мой отецъ былъ у князя Голицына. Вечеромъ я навѣстилъ Алепли. Со мной обѣдалъ Ханенко.

15. Послѣ обѣда былъ у князя, послѣ того какъ мой отецъ возвратился отъ адмирала.

16. Слушалъ обѣдню въ церкви Пушкина; по возвращенiи пригласилъ обѣдать Борзаковскаго, Стаховича и Мировича. Послѣ обѣда духовникъ Ея Величества, Лизогубъ, Жураковскiй и Данило Перехристъ навѣстили моего отца. Послѣднему (Данилу) я сдѣлалъ визитъ вечеромъ. Максимовичъ ужиналъ и ночевалъ у насъ.

17. Написалъ письма домой и передалъ ихъ Ливену. По возвращенiи отъ князя засталъ у себя на квартирѣ Якимовича и Мировича младшаго, которыхъ я пригласилъ обѣдать. Подвергся ужасной зубной боли. Максимовичъ провелъ ночь у меня.

18. Никуда не выходилъ: вечеромъ Обидовскiй и Лисеневичъ навѣстили моего отца. Написалъ письмо глуховскому сотнику.

19. Лизогубъ и Жураковскiй навѣстили моего отца. Послѣ обѣда отецъ отправился къ князю Голицыну, которому подарилъ большую трубку. Что касается меня, я сидѣлъ дома. Вечеромъ Жураковскiй и бунчужный опять навѣстили моего отца, съ которымъ они разговаривали нѣсколько часовъ. Мой крестникъ умеръ.

20. Былъ у барона Вейсбаха, который передалъ мнѣ письма отъ моей жены и отъ М—r Lucas. Заплатилъ 2 р. за книгу Les curieuses assemblées d'Éva.

21. Никуда не выходилъ. Послѣ полудня отецъ былъ у князя Голицына, гдѣ оставался до вечера.

22. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ пару перчатокъ за 30 к. Фунтъ табаку. Потомъ былъ у князя Меньшикова.

23. Слушалъ обѣдню въ Исаакiевскомъ соборѣ. У отца былъ Жураковскiй.

24. У насъ были Шидловскiй и Ушаръ. Конюхъ принесъ мнѣ письма изъ дому вмѣстѣ съ книгами, полученными изъ Риги.

25. Никуда не выходилъ.

26. Былъ у переплетчика, потомъ у духовника Ея Величества, гдѣ пообѣдалъ; по возвращеніи былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Во время ученья Семеновскаго полка былъ убитъ выстрѣломъ изъ мушкета одинъ человѣкъ, смотрѣвшій на ученье. Похоронили жену Олсуфьева.

27. Капитанъ Штоффель принесъ мнѣ письма отъ моего брата и отъ M—r Lucas и обѣдалъ съ нами. Послѣ обѣда Le Pr. Mathieu, Обидовскій и Наркизъ были у насъ. Отецъ отправился съ Лизогубомъ и Жураковскимъ къ Ягужинскому, но имъ сказали, что онъ спитъ, и потому онъ вернулись, не видѣвъ его. За переплетъ двухъ нѣмецкихъ книгъ 25 к.

28. Справляли годовые поминки по покойномъ императорѣ. Ея Величество, въ сопровожденіи герцога Голштинскаго и всей августѣйшей фамиліи, присутствовала въ Петропавловскомъ соборѣ на обѣднѣ и панихидѣ; служилъ митрополитъ новгородскій съ другими епископами и игуменами. Послѣ обѣдни настоятель Троицкаго собора произнесъ проповѣдь на евангельскій текстъ: (*пропускъ*).

По выходѣ изъ церкви взялъ съ собою Ханенка, котораго удержалъ обѣдать. Танскій также обѣдалъ у меня.

29. Никуда не выходилъ. До полудня былъ капитанъ Штофкфель. а послѣ обѣда бунчужный и Жураковскій.

30. Далъ парикмахеру за половину февраля 50 к. Былъ у Герцика. Заплатилъ 8 р. за словарь Венерони, Genealogische Tabellen и Genealogische Fragen. Получилъ первую нѣмецкую газету.

31. Былъ у духовника, съ которымъ встрѣтился на улицѣ. Потомъ былъ у Вишневскаго.

Февраль 1. Алепли пригласилъ обѣдать отца и меня Какъ разъ передъ обѣдомъ посѣтили меня въ моей квартирѣ Горлецкій (?) и Шишкевичъ. Утромъ былъ у Потемкина и у бригадира, но не засталъ ни того, ни другого. Вечеромъ сдѣлали намъ визитъ Вишневскій и M—r Mathieu. Написалъ письмо въ Смоленскъ черезъ Ивана Ершова.

2. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; онъ отправился цѣловать руку Ея Величества. Былъ у Лизогубовъ; купилъ табакерку за 3 руб.

3. Мы поздравили герцогиню Голштинскую со днемъ ея рожденія и поцѣловали у ней руку. Отецъ подалъ просьбу герцогу на французскомъ языкѣ.

4. Былъ у Бассевича, потому у M—r Mathieu; пригласилъ обѣдать Ханенка и Якимовича, послѣ обѣда отставной (licentié) капитанъ Георгій Потаіоти (?), въ сопровожденіи судьи Верховнаго Суда (juge du magistrat souverain) Паоло Арколео (?) пришелъ проститься съ моимъ отцемъ. Отецъ послалъ черезъ него письмо вдовствующей нѣжинской полковницѣ. Отецъ былъ у Бибикова. Максимовичъ ночевалъ у меня.

5. Отецъ всталъ въ 4 часа утра и вмѣстѣ съ обоими Лизогубами и Жураковскимъ ушелъ къ кн. Меньшикову. Онъ бесѣдовалъ съ княземъ полтора часа, и въ концѣ бесѣды князь приказалъ ему составить вѣрный отчетъ о всѣхъ доходахъ съ Украйны, которые получались до учрежденія Малороссійской коллегіи. Поэтому, послѣ обѣда съ бунчужнымъ и Жураковскимъ и черниговскимъ обознымъ, мой отецъ весь день составлялъ записку, заключавшую въ себѣ перечисленіе всѣхъ доходовъ Украйны. Въ это время полковникъ Пицъ (Пильцъ ?) былъ съ визитомъ у отца.

6. Были у обѣдни въ церкви князя, которому отецъ представилъ записку о доходахъ съ Украйны.

7. Былъ у духовника; оттуда отправился къ M—r Mathieu, съ которымъ пошелъ играть на бильярдѣ; проигралъ 25 к.

8. Искалъ квартиру. Послѣ обѣда сдѣлалъ визитъ капитану Minsczyk (?); онъ повелъ меня на корабельныя верфи, потомъ на лѣсопильни. Передъ вечеромъ онъ возвратилъ мнѣ визитъ. Получилъ письма изъ дому черезъ Игната.

9. Никуда не выходилъ и все утро былъ занятъ; дописывалъ письма на Украйну.

10. Былъ у Ѳедора Стефановича, съ которымъ обмѣнялся табакерками, потомъ у пѣвчаго Лукьяна. Возвратившись, обѣдалъ

съ отцомъ. Послѣ обѣда принялся писать письма на Украину. Вечеромъ былъ съ визитомъ кап. Штоффель, потомъ пришли къ отцу бунчужный и асаулъ. Отецъ далъ мнѣ третій рубль на экипажъ.

11. Капитанъ нарвскаго драгунскаго полка, Матвѣй Андреевичъ Домагацкій пришелъ рано утромъ взять письма, написанныя мной на Украйну. Отецъ былъ у кн. Меньшикова, а потомъ у кн. Голицына.

12. Былъ на рынкѣ, гдѣ купилъ алебастровую кружку за 15 к.

13. Слушалъ обѣдню въ церкви князя и обѣдалъ съ офицерами его свѣтлости. Князь Долгорукій произведенъ въ генералъ-аншефы. Шидловскій, Потемкинъ, Кочубей, Борзаковскій и два козака, прибывшіе недавно изъ Глухова, посѣтили насъ. Получилъ отвѣтъ отъ глуховскаго сотника и письмо отъ моей сестры, Скоропадской.

14. Никуда не выходилъ; отдалъ переплесть въ кожаный переплетъ книгу.

15. Карпъ выѣхалъ рано утромъ. Послѣ его отъѣзда отправился смотрѣть экзекуцію, производившуюся на той сторонѣ рѣки. Сначала наказывали кошками на эшафотѣ пятерыхъ лицъ, потомъ парня и дѣвку; по окончаніи этого, повѣсили слугу и отрубили голову его господину, поручику (lieutenant) Безобразову за то, что тотъ приказалъ своему слугѣ утопить ямщика, чтобы завладѣть его лошадью, стоившею около 14 р.; слуга сдѣлалъ это. Послѣ обѣда у себя навѣстилъ бригадира Вельяминова, который радушно принялъ насъ.

16. Послѣ полудня отецъ, отправляясь къ князю Голицыну, приказалъ мнѣ ожидать его у князя Меньшикова. Пришедши къ послѣднему, я не засталъ его дома, черезъ часъ онъ возвратился, и мой отецъ явился туда-же. Мы были приняты самымъ ласковымъ образомъ.

17. Отецъ пригласилъ обѣдать Лярскаго, Швейковскаго, капитана Штоффеля и сына Швейковскаго. Всѣ трое оставались у насъ до вечера.

18. Обѣдалъ у M—r Mathieu; послѣ обѣда вмѣстѣ съ нимъ и Вишневскимъ былъ у валашскихъ князей, которые увели меня потомъ къ Ботвинкину.

19. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, гдѣ былъ также кн. Голицынъ. Къ вечеру былъ у Потемкина, оттуда мы отправились во дворецъ кн. Меньшикова. Князь, возвратившись отъ Ромодановскаго, отправился съ визитомъ къ Сапѣгѣ, который прибылъ въ Петербургъ въ сумерки въ сопровожденіи своего сына, старосты Здзѣтовскаго (starosta Zdzietowski), сторосты Морецкаго (Morecki), старосты Любошицкаго (Lubossycki), старосты Душинскаго (Dussynski),

20. Сопровождалъ кн. Меньшикова, когда онъ утромъ отправлялся съ визитомъ къ Сапѣгѣ, и съ нимъ поѣхалъ въ дворецъ. Возвратившись оттуда, онъ всѣхъ ихъ (?) пригласилъ обѣдать. А я, пообѣдавъ съ отцемъ, былъ съ визитомъ у Лярскаго и Швейковскаго, которыхъ нашелъ у Бѣлошицкаго.

21. Первый день великаго поста; никуда не выходилъ.

22. Мы оставались въ монастырѣ до субботы.

26. Возвратились изъ Лавры къ себѣ на квартиру. Во время пребыванія въ монастырѣ истратилъ на бутылку горькаго вина 30 к. Ширяевъ пришелъ къ намъ въ полночь и пробылъ около 3 часовъ.

27. Пошелъ съ отцемъ къ Ширяеву, гдѣ пробыли до полудня. Вернувшись, обѣдали дома. На обѣдѣ присутствовалъ старшій Мировичъ. Послѣ полудня отправился къ Якубовичу, у котораго оставался около часу.

28. Отецъ послалъ меня къ кн. Меньшикову, котораго я не засталъ. Оттуда пошелъ къ M—r Mathieu и пробылъ около двухъ часовъ. Послѣ обѣда отецъ отправился къ кн. Голицыну. Въ его отсутствіе пришли ко мнѣ бунчужный, Жураковскій, Семенъ Обидовскій, Зинковскій и бандуристъ Сапѣги.

Мартъ 1. По случаю рожденія молодого князя Меньшикова, мой отецъ отправился съ Лизогубами и Жураковскимъ ко двору князя съ поздравительнымъ привѣтствіемъ. По уходѣ оттуда, мы были у старика Сапѣги.

2. Былъ у духовника Е. В. Долго разговаривалъ съ его сыномъ касательно Герасима. Возвращаясь оттуда, встрѣтилъ лакея Бассевича, который позвалъ меня къ своему господину. Отъ него я услыхалъ, что наши дѣла находятся въ хорошемъ положеніи. Танскій обѣдалъ со мной. Послѣ полудня отецъ вмѣстѣ съ нимъ отправился къ кн. Меньшикову, и я также; но я тотчасъ возвратился оттуда. Вечеромъ былъ съ визитомъ у насъ М—r Mathieu.

3. Отослалъ письмо на почту относительно Герасима, показавъ его напередъ духовнику. Въ 11½ часовъ мы были у Бассевича, а потомъ у герцога Голштинскаго.

4. Получили письма изъ дому, которыя прислалъ намъ Ливенъ со своимъ слугой. Послѣ того отецъ ушелъ къ кн. Голицыну. Капитанъ Minsczyk былъ у меня.

5. Былъ у М—r Mathieu. Послѣ обѣда отослалъ свои письма къ капитану Альтенбургу, который сдѣлалъ мнѣ визитъ съ подполковникомъ Брюномъ.

6. Былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда отецъ послалъ меня къ герцогу Голштинскому, который говорилъ со мной относительно нашего дѣла. Кн. Меньшиковъ и оба Сапѣги обѣдали у его королевскаго высочества Кап. Альтенбургъ уѣхалъ на Украйну.

7. Былъ у Бассевича, отъ котораго получилъ обѣщаніе въ нашу пользу. Вечеромъ былъ у насъ Обидовскій. Ханенко ночевалъ у меня.

8. Былъ у Лярскаго, возвратившись оттуда, написалъ письма домой; послѣ обѣда, былъ у князя. Сегодня Танскій и переводчикъ иностранной коллегіи были у моего отца. Шидловскій, новый изюмскій полковникъ, пришелъ вечеромъ проститься съ отцомъ и въ полночь выѣхалъ изъ Петербурга.

9. Рано утромъ пришелъ къ намъ донской полковникъ Данило Ефремовъ, а потомъ Ливенъ. Въ 3 часа я былъ у князя Меньшикова.

10. По случаю годовщины погребенія Его Величества мы отправились въ Петропавловскій соборъ (à l' Église de St. Pierre),

гдѣ весь дворъ присутствовалъ при панихидѣ. По возвращеніи былъ у M—r Mathieu.

11. Бассевичъ прислалъ за мной слугу. Когда я пришелъ, онъ сказалъ мнѣ, что сегодня будутъ обсуждать наше дѣло.

12. Послѣ обѣда былъ у Гудовича и Потемкиныхъ, откуда послалъ Михаила позвать отца. Затѣмъ послѣдній отправился къ кн. Меньшикову, я явился туда, когда князь садился въ карету, чтобы ѣхать ко двору.

13. Кн. Меньшиковъ праздновалъ помолвку своей старшей дочери съ молодымъ Сапѣгою; туда направился дворъ и всѣ знатныя особы обоего пола. Небо посылаетъ мя утвердити союзъ вашъ.

14. Былъ у кн. Меньшикова, гдѣ засвидѣтельствовалъ почтеніе Бассевичу.

15. Былъ у князя, но его не было дома. Остальное время пробылъ у себя.

16. Былъ въ высшемъ судѣ за нашими бумагами. Въ три часа по полудни пошелъ къ Бассевичу, который пригласилъ обѣдать кн. Меньшикова и Сапѣгъ. Похоронили контръ-адмирала Гопа.

17. Былъ въ высшемъ судѣ за тѣмъ же самымъ, но меня отослали въ новый сенатъ. Секретарь высшаго суда называется Иванъ Никифоровичъ Винюковъ (Winiukow).

18. Былъ у M—r Mathieu; возвратившись домой, пригласилъ обѣдать Ханенка; послѣ обѣда отправился ко двору кн. Меньшикова, потомъ посѣтилъ Штоффеля, затѣмъ капитана Опочинина.

19. Былъ у Бассевича, потомъ въ высшемъ судѣ. По возвращеніи домой, обѣдалъ съ отцомъ, а также съ Ханенкомъ и Суровцовымъ, чиновникомъ названнаго суда. Послѣ обѣда былъ съ отцемъ у князя, который далъ пиръ по случаю дня рожденія своей супруги. До полудня отецъ былъ у адмирала, который подарилъ его (le régala) саблей.

20. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; вечеромъ былъ кап. Штоффель.

21. Былъ въ высшемъ судѣ. Послѣ обѣда отправился ко двору князя; онъ поѣхалъ къ Высочайшему двору съ Сапѣгой; Ея Ве-

личество пожаловала орденъ св. Андрея Сапѣгѣ, а старостѣ Мерецкому—орденъ Александра Невскаго.

22. Кн. Меньшиковъ далъ публичный обѣдъ (dina en public), на немъ была вся его семья и оба Сапѣги.

23. Сапѣга уѣхалъ въ Польшу. Я былъ у Бассевича, потомъ у кн. Меньшикова. M—r Mathieu, кап. Штоффель и Майнъ (Mäyn) посѣтили насъ. Ханенко ночевалъ у насъ.

24. Былъ въ высшемъ судѣ, потомъ все послѣ-полуденное время писалъ письма домой.

25. Слушалъ обѣдню въ церкви князя; остальное послѣ-обѣденное время провелъ у себя на квартирѣ.

26. Былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда ходилъ съ кап. Штоффеломъ къ одному купцу, у котораго купилъ серебряный cadran за 17 р. Взялъ у M—r Mathieu еще 10 р.; я долженъ ему 20 р.

27. Былъ въ церкви кн. Меньшикова и у Бассевича. Ханенко уѣхалъ на Украйну. Ханенку 1 р. Написалъ письмо въ Смоленскъ черезъ Потемкина.

28. Когда мой отецъ ушелъ къ кн. Голицыну, я, по его приказу, былъ при дворѣ кн. Меньшикова.

29. Утро провелъ въ писаніи писемъ домой, которыя я отправилъ черезъ Борзаковскаго, онъ сегодня уѣхалъ на Украйну.

30. Былъ въ высшемъ судѣ, потомъ у M—r Mathieu. Видѣлъ ученіе лейбъ-гвардіи, производившееся на льду Невы въ присутствіи Е. В. Оттуда только-что вернулся къ себѣ, какъ отецъ послалъ меня къ Бассевичу; тамъ я имѣлъ честь поцѣловать руку ея королевскаго высочества. Возвратившись, нашелъ Штоффеля, пришелъ также Броневскій. Вечеромъ отецъ пригласилъ Ширяева.

31. Былъ у Лизогуба. Сегодня я S d'A. d. m. f.

Апрѣль 1. Былъ въ высшемъ судѣ, гдѣ услышалъ отъ Суровцова, что уже состоялось рѣшеніе о возвращеніи намъ бумагъ. Оттуда пошелъ ко двору кн. Меньшикова, гдѣ пробылъ около получаса.

2. Былъ въ высшемъ судѣ, гдѣ оставилъ кучера, чтобы взять наши бумаги. Онъ принесъ ихъ черезъ нѣсколько часовъ съ Суров-

цовымъ и съ другимъ писцомъ, которые обѣдали у насъ. Потомъ каждый изъ нихъ получилъ по рублю. Былъ у духовника и у Бассевича. Возвращаясь домой, присутствовалъ при экзекуціи надъ разными ворами, изъ которыхъ большинство было наказано кнутами, а другіе—кошками. Намъ сдѣлали визитъ Лярскій и полковникъ Лесси, потомъ Танскій, обозный черниговскій и M—r Mathieu съ пѣвчимъ Лукьяномъ.

3. Были съ отцомъ у обѣдни въ церкви князя; послѣ обѣда былъ у Забѣлы. Къ вечеру былъ съ Андреемъ у полковника Лесси, потомъ у Алепли.

4. Былъ у Бассевича. Послѣ обѣда писалъ письма домой.

5. Отецъ послалъ меня къ Бассевичу. Возвратившись домой, засталъ бунчужнаго. Послѣ обѣда Штоффель пришелъ проститься съ нами и уѣхалъ на Украйну. Я послалъ свои письма домой съ Аѳанасіемъ, слугой Данила Перехриста.

6. Рѣка Нева вскрылась, о чемъ было извѣщено тремя пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Я прогулялся вдоль рѣки Послѣ обѣда былъ у Кочубея вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ и Иваномъ Мировичемъ, пріѣхавшимъ въ этотъ день изъ Сибири.

7. Молодой Швейковскій пришелъ рано утромъ проститься съ нами отъ имени своего отца, который ѣдетъ сегодня. Я написалъ письмо своему тестю.

8. Великая пятница. Никуда не выходилъ.

9. Суббота. Весь день былъ у себя дома.

10. Свѣтлое Воскресенье. Былъ въ гостинницѣ (dans une hôtellerie) вмѣстѣ съ Андреемъ и Мировичемъ.

11. Поздравилъ кн. Меньшикова, когда онъ выходилъ изъ шлюпки напротивъ дворца герцога Голштинскаго, потомъ я имѣлъ честь цѣловать руку ея королевскаго высочества. Послѣ полудня былъ у Бассевича. Духовникъ пригласилъ насъ обѣдать. Я получилъ по почтѣ письма изъ дому, помѣченныя 14-мъ марта.

12. Всѣ сенаторы приглашены на обѣдъ ко Двору по случаю рожденія Ея Величества. Его слѣдовало бы праздновать 5-го числа, но торжество отложили на сегодня, чтобы не справлять его на стра-

стной недѣлѣ. Гулялъ противъ царскаго дворца, потомъ посмотрѣлъ, какъ качаются на качеляхъ, потомъ ходилъ смотрѣть слона, который проглотилъ мой платокъ. Передъ тѣмъ игралъ на бильярдѣ.

13. Былъ при кн. Меньшиковѣ, когда онъ отправился въ лѣтній императорскій домъ, чтобы дать необходимыя распоряженія къ переѣзду Е. В—ства. Послѣ обѣда писалъ письма домой.

14. Видѣлъ церемонію представленія герцога Голштинскаго Преображенскому полку въ качествѣ подполковника. Ея Величество лично отправилась туда въ сопровожденіи большой свиты и дала алебарду и шарфъ его королевскому высочеству. Потомъ Ея Величество отправилась во дворецъ герцога, гдѣ былъ пышный пріемъ всего отборнаго общества.

15. Отправилъ письма по почтѣ.

16. Вышолъ, чтобы отправиться къ кн. Меньшикову, но узнавъ, что его нѣтъ дома, вернулся и обѣдалъ у Данила Перехриста; на обѣдѣ былъ и духовникъ съ двумя своими сыновьями и съ Куликовскимъ. Послѣ-обѣденное время провелъ въ игрѣ въ карты.

17. Былъ у обѣдни въ церкви князя; послѣ обѣда былъ у Гудовича.

18. Никуда не выходилъ. Къ вечеру Небеліусъ сдѣлалъ визитъ моему отцу.

19. Мы поздравили ея королевское высочество съ днемъ рожденія; Ея Величество для того же отправилась въ палаты ея высочества. Тамъ былъ устроенъ весьма пышный пріемъ всѣмъ знатнымъ особамъ обоего пола.

20. Были у кн. Меньшикова, тамъ были также Бассевичъ и Остерманъ.

21. Никуда не выходилъ; вечеромъ пришолъ къ намъ Гудовичъ.

22. Совсѣмъ не выходилъ изъ квартиры по причинѣ бури.

23. Только гулялъ весь день.

24. Всталъ рано утромъ и отправился во дворецъ князя, но не могъ выискать случая поговорить съ нимъ. Послѣ 12 часовъ опять отправился туда и имѣлъ возможность просить Е. С. за своего отца. У насъ былъ полк. Лесси.

25. Послѣ 12 часовъ былъ у кн. Меньшикова, а отецъ у адмирала Апраксина.

26. Никуда не выходилъ.

27. Были у кн. Меньшикова, который сказалъ намъ, чтобы мы потерпѣли до дня коронаціи Ея Величества. Вечеромъ посѣтили насъ хирургъ Шульцъ и полковникъ Лесси.

28. Былъ у кн. Меньшикова и просилъ взаймы 100 р., съ условіемъ отдать ихъ въ августѣ этого года въ Почепѣ. Донской полковникъ Данило Ефремовъ простился съ нами.

29. Былъ въ Синодѣ, потомъ у Игнатія.

30. Былъ у архіепископа Новгородскаго, сынъ духовника уѣхалъ на Украйну.

Май. 1. Наша Императрица получила при посредствѣ (par les maines) кн. Меньшикова орденъ Бѣлаго Орла, который прислалъ Ея Величеству польскій король черезъ графа Рабутина. Былъ съ Игнатіемъ у обѣдни, у резидента Гохгельцера. Послѣ обѣда игралъ на бильярдѣ. Дворъ катался въ каретахъ.

2. Былъ въ Синодѣ, гдѣ мнѣ дали копію съ донесенія, которое архіепископъ (sic) кіевскій представилъ на моего отца. Послѣобѣденное время провелъ въ составленіи опроверженія на его оправданія.

3. Ея Величество въ сопровожденіи кн. Меньшикова совершила прогулку по Невѣ на яхтѣ. Игнатій ссудилъ мнѣ 20 р. Передъ вечеромъ были у насъ Кочубей, Обидовскій и оба Мировича.

4. Поручился въ сенатѣ за Андрея вмѣстѣ съ Кочубеемъ и Стаховичемъ. Послѣ обѣда былъ у архіепископа Новгородскаго; не заставъ его, провелъ нѣсколько часовъ у Обидовскаго.

5. Утромъ былъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда сдѣлалъ визитъ Небеліусу. Къ вечеру пришелъ Ливенъ съ приказомъ отъ кн. Меньшикова явиться намъ на Васильевскій островъ; тамъ его свѣтлость, вернувшись изъ дворца, поздравилъ моего отца съ отпускомъ и пригласилъ его и меня обѣдать.

6. Я очень рано пошелъ во дворецъ кн. Меньшикова, который передалъ мнѣ черезъ Жеребцова, что моему отцу нужно отправиться въ два часа по полудни въ садъ лѣтняго императорскаго дворца.

Согласно увѣдомленію князя, мы съ отцомъ отправились въ назначенное мѣсто, гдѣ имѣли счастье поцѣловать руку Ея Величества.

7. День коронаціи Ея Величества; я отправился въ императорскій садъ, который былъ открытъ для всѣхъ. Кн. Меньшиковъ, увидѣвъ меня, приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ; я оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока зажгли иллюминацію; былъ транспарантъ съ надписью „Свѣтомъ и духомъ твоимъ укрѣплена". Другой транспарантъ имѣлъ надпись: „славимъ тя вси".

8. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, оттуда отецъ послалъ меня къ Бассевичу. Мировичъ уѣхалъ въ Сибирь.

9. Мой отецъ отправился проститься съ герцогомъ Голштинскимъ и обѣдалъ у его высочества. Потомъ сдѣлалъ визитъ Бассевичу, который пригласилъ насъ завтра обѣдать.

10. Утромъ былъ у кн. Меньшикова, котораго нашелъ въ новомъ дворцѣ, построенномъ для Военной Коллегіи. Въ два часа мы отправились къ Бассевичу и обѣдали у него вмѣстѣ съ графомъ Рабутиномъ, Штамкеномъ и Платомъ.

11. Обѣдалъ у духовника.

12. Былъ у архіепископа Новгородскаго и представилъ ему оправдательную записку въ отвѣтъ на донесенія Кіевскаго архіепископа. Кн. Меньшиковъ возвратился изъ Кронштадта.

13. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Отецъ получилъ приглашеніе къ обѣду отъ архіепископа Новгородскаго. Отецъ взялъ у Mathieu 1100 руб.

14. Вечеромъ былъ у кн. Меньшикова.

15. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова. Послѣ обѣда смотрѣлъ, какъ спустили на воду 4 галеры.

16. Были у князя Меньшикова, потомъ переправились черезъ рѣку съ цѣлью поговорить съ Степановымъ по поводу рѣчи, но, не заставъ его, переправились обратно и причалили передъ домомъ духовника; онъ далъ намъ свою коляску, въ которой мой отецъ отправился въ Верховный Тайный Совѣтъ. Отецъ далъ мнѣ 400 р.

17. Былъ съ отцомъ въ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. По возвращеніи на квартиру, стосλалъ за двѣ грамматики 2 р. 20 к.

Договорился съ Жаномъ Фоссе, которому буду давать 25 р. въ годъ и платье.

18. Былъ съ отцомъ въ Иностранной Коллегіи, потомъ отправились въ Троицкій соборъ къ обѣднѣ, послѣ которой мой отецъ тамъ-же присягнулъ на вѣрность въ присутствіи Маслова [1]). Купилъ себѣ сукна на платье у купца Сутгофа; платье заказалъ портному Трюну (Trün). Сукно съ прикладомъ стоитъ мнѣ 24 р. Послѣ обѣда отправился ко двору кн. Меньшикова; онъ праздновалъ рожденіе младшей дочери.

19. Отецъ, отправляясь къ кн. Меньшикову, приказалъ мнѣ итти въ Сенатъ, что я исполнилъ. Кромѣ того, былъ у Анисима Семеновича Маслова. Возвратившись, сопровождалъ ко двору отца, имѣвшаго счастье поцѣловать руку Ея Императорскаго Величества. Мы ужинали съ кн. Меньшиковымъ.

20. Былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова, потомъ пошелъ въ Сенатъ. Послѣ обѣда былъ у лакея барона Левенвольда (Lewold), у котораго купилъ портупею за 2 р. 50 к. Ссудилъ Игнатію 2 р. Шляпа 3 р. 50 к.

21. Былъ отцомъ у кн. Меньшикова. Князь сдѣлалъ распоряженіе относительно его отъѣзда и далъ паспортъ. Послѣ полудня былъ въ квартирѣ барона Левенвольда и купилъ у его камердинера перевязь для охотничьяго ножа. Возвращаясь на квартиру, видѣлъ Императрицу, которая ѣхала во дворецъ герцога Голштинскаго на празднованіе дня его бракосочетанія. Одолжилъ Игнатію 5 р. Далъ кумѣ 1 р. Перевязь къ охотничьему ножу 1 р. 20 к.

22. Выслушалъ католическую обѣдню въ церкви резидента Гохгольцера. Послѣ обѣда были у кн. Меньшикова. Тамъ далъ секретарю князя 5 червонцевъ. Портному Trün'у 5 р.

23. Утромъ былъ у кн. Меньшикова. Секретарь Андре (André) передалъ мнѣ приказъ князя въ почтамтъ, чтобы дали моему отцу подставныхъ лошадей. Послѣ обѣда былъ съ отцомъ у кн. Меньшикова.

---

[1]) Эта любопытная присяга („Живучи въ Малой Россіи, никакихъ возмущеній не токмо самому не чинить, но и другихъ къ тому не подущать" и проч.) полностью напечатана въ Сборн. Историч. Общества, LV, 294.

24. Находился при князѣ, когда онъ сдѣлалъ визитъ Макарову. Оттуда пошелъ къ кн. Голицыну, гдѣ обѣдалъ съ отцомъ. Потомъ, простившись съ нимъ, мы пошли къ кн. Меньшикову и равнымъ образомъ попрощались и съ нимъ. Далъ M-r André 1 р.

25. Были два раза у духовника, потомъ у архіепископа Новгородскаго.

26. Почтъ-директоръ вручилъ мнѣ письма изъ дому отъ 8-го апрѣля. Я и отецъ прощались съ графомъ Головкинымъ. Вышло затрудненіе съ засвидѣтельствованіемъ паспорта въ полиціи. Поэтому я взялъ другой паспортъ отъ кн. Меньшикова, но его отказались засвидѣтельствовать. Я заплатилъ за отпускъ 22 р.

27. Былъ у князя, онъ далъ мнѣ приказъ въ полицію, вслѣдствіе чего засвидѣтельствовали его паспортъ. Написалъ сегодня письма домой. Возвратилъ Игнатію остальной долгъ, то-есть 14 р. Мой отецъ съ помощью Божіей выѣхалъ на Украйну.

28. Былъ у кн. Меньшикова и имѣлъ честь поцѣловать его руку. Обѣдалъ съ Игнатіемъ у Ростокера. Послѣ полудня былъ во 2-й разъ у кн. Меньшикова.

29. Слушалъ обѣдню въ церкви кн. Меньшикова и обѣдалъ у Гудовича. Игнатій уѣхалъ послѣ полудня; послѣ того я перемѣнилъ квартиру. Былъ у князя, гдѣ меня пригласили ужинать за столомъ старосты. Чарнышъ ужиналъ съ Гудовичемъ.

30. Былъ у кн. Меньшикова, но не засталъ его дома. Передъ вечеромъ былъ тамъ второй разъ и нашелъ Нарышкина, генералъ-майора Шувалова и многихъ другихъ.

31. Отправился съ привѣтствіемъ къ кн. Меньшикову, который немедленно поѣхалъ ко двору.

Іюнь 1. Князь обѣдалъ съ графомъ Рабутиномъ, потомъ отправился ко Двору.

2. Воловичъ пришелъ рано утромъ и разбудилъ меня. Я обрилъ себѣ голову. Написалъ письма домой, извѣщая объ отъѣздѣ моего отца на Украйну.

3. При дворѣ кн. Меньшикова справляли свадьбу полк. Тевошова, но княгиня вовсе не появлялась, вслѣдствіе нездоровья, продолжающагося уже нѣсколько дней.

4. Утромъ былъ у кн. Меньшикова, къ вечеру опять отправился туда и ужиналъ за столомъ его свѣтлости.

5. Былъ съ гувернеромъ молодого кн. Меньшикова въ реформатской церкви, находящейся въ домѣ Пелютье. Послѣ полудня отправился къ кн. Голицыну, но, узнавъ отъ Якимовича, что онъ въ дурномъ настроеніи, вернулся, не повидавшись съ нимъ.

6. Былъ у Пелютье, но не засталъ его. Однако передалъ одному изъ его слугъ списокъ французскихъ книгъ, которыя приказалъ доставить себѣ.

7. Утромъ былъ у гувернера молодого кн. Меньшикова. Послѣ полудня вмѣстѣ съ Гудовичемъ отправился къ ген. Вельяминову. Возвратившись, пошелъ во дворецъ кн. Меньшикова, гдѣ находилась также принцесса, дочь покойнаго русскаго царя Іоанна Алексѣевича. Пелютье послалъ сегодняшняго числа заказъ на мои книги.

8. Помогъ перевести письмо Вигуры (de Vigourou), написанное Е. В.—ству. Взялъ 100 р. изъ большого мѣшка.

9. Кн. Меньшиковъ вернулся изъ Ораніенбаума.

10. Портной принесъ перелицованное платье (mon habit tourné).

11. Сопровождалъ князя въ садъ; въ его свитѣ былъ генералъ Пфугъ (Pfug), недавно прибывшій изъ Польши. Какой то капитанъ, имени котораго я не знаю, размозжилъ себѣ голову выстрѣломъ изъ пистолета.

12. Кн. Меньшиковъ сопровождалъ Ея Величество, когда она предприняла увеселительную прогулку на лодкахъ (lorsqu'elle se divertit sur la flote de boyers). Я обѣдалъ у фельдмаршала (Maréchal) Сапѣги.

13. Утромъ былъ у кн. Меньшикова.

14. Ливенъ уѣхалъ на почтовыхъ въ Ригу.

15. Былъ у кн. Меньшикова только послѣ полудня.

16. Князь пригласилъ къ обѣду всѣхъ иностранныхъ пословъ.

Получилъ письмо отъ Lucas отъ 22-го мая, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что моя жена родила дѣвочку.

17. Кн. Меньшиковъ обѣдалъ у посланнаго (envoyé) Императора.

18. Иличъ уѣхалъ въ Польшу. Много матросовъ и солдатъ посажено на суда, чтобы усилить флотъ. Пригласилъ обѣдать Обидовскаго и Кочубея.

19. Кн. Меньшиковъ, въ сопровожденіи сына, отправился въ Невскую лавру, къ обѣднѣ. Потомъ его свѣтлость поѣхалъ на придворный обѣдъ, откуда вернулся только въ 3 часа по полуночи. Его вещи прибыли раньше на разсвѣтѣ.

20. Кн. Меньшиковъ приказалъ сказать всѣмъ, кто собрался проститься съ нимъ, что они должны удалиться подъ опасеніемъ его гнѣва.

21. Утромъ пробылъ у кн. Меньшикова до тѣхъ поръ, пока онъ отправится ко Двору въ верейкѣ.

22. Написалъ письмо родителямъ. Черезъ Петра Кара, слугу Рагузинскаго, получилъ письмо отъ своего шурина Горленка изъ Москвы отъ 12.

23. Князь Меньшиковъ въ полночь выѣхалъ въ Ригу. Княгиня со всей семьей провожала его до Екатерингофа.

24. Хитровъ, тесть (beau père) Андрея Корсака, утромъ пришелъ къ намъ. Вечеромъ я былъ у поручика Тетерлинга, потомъ у Лизогуба, которому передалъ письма къ моему отцу; онъ собирается уѣхать завтра. Получилъ письмо отъ отца изъ Москвы отъ 14-го числа текущаго мѣсяца.

25. Обѣдалъ у M. Mathieu, потомъ навѣстилъ своего хозяина.

26. Вечеромъ посѣтилъ меня поручикъ Тетерлингъ съ женой.

27. Отправился въ лодкѣ съ Воловичемъ и Потемкинымъ купить у одного купца золотой бахромы для перваго. Возвратившись, мы были въ свитѣ княгини, когда она отправилась въ церковь. Послалъ записку въ полицію, чтобы тамъ записали моего слугу Петра.

29. Пригласилъ обѣдать придворныхъ князя по случаю дня своего рожденія. Утромъ поздравилъ графа Сапѣгу со днемъ его

рожденія, а также съ полученіемъ чина капитана гвардіи, которымъ онъ былъ пожалованъ наканунѣ Е. В—ствомъ.

30. Молодой графъ Сапѣга далъ праздникъ въ честь Ея Величества.

Іюль 1. Гулялъ въ саду съ Воловичемъ, Ливеномъ и Потемкинымъ.

2. Пригласилъ обѣдать отца Луку, Спираева, Аѳанасія и другихъ.

3. Выслушавъ раннюю обѣдню, я привѣтствовалъ молодого кн. Меньшикова въ комнатахъ. Потомъ отправился обѣдать къ Тетерлингу, гдѣ были только вдова какого-то капитана, и ея сестра, дочь первой жены придворнаго музыканта Разена, который также находился въ нашемъ обществѣ.

4. Былъ у кн. Голицына, гдѣ пообѣдалъ. Возвратившись оттуда, пошелъ къ Шмидту, съ которымъ условился относительно того, что буду доставлять ему съѣстные припасы, а онъ научитъ меня играть на клавесинѣ.

5. Навѣстилъ Обидовскаго, который пустилъ себѣ кровь въ моемъ присутствіи.

6. Былъ въ надворномъ судѣ по поводу дѣла съ Броневскимъ. Возвращаясь оттуда, переправился назадъ черезъ рѣку съ секретаремъ Артельнымъ, котораго пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Къ вечеру подполковникъ, по имени (пропускъ въ текстѣ), въ сопровожденіи Кизарова (Kisarow), лейтенанта флота, недавно прибывшаго изъ Испаніи, своего шурина, посѣтилъ меня.

7. Былъ у англійскаго купца Ducker'а. Купилъ у него 18 локтей драгету (droguet) на одежду. Въ то время какъ я былъ тамъ, молодой князь пришелъ ко мнѣ на квартиру.

8. Былъ въ саду кн. Меньшикова.

9. Былъ у Небеліуса, потомъ у своего хозяина, затѣмъ во дворцѣ князя, откуда отправился обѣдать къ графу съ Воловичемъ и Ливеномъ. Взялъ 10 книгъ отъ Михея Васильевича.

10. Утромъ привѣтствовалъ молодого князя, а потомъ, по выходѣ изъ церкви, находился въ его свитѣ.

11. Былъ au barreau de la Cour Послѣ обѣда игралъ на бильярдѣ съ Потемкинымъ и Воловичемъ.

12. Никуда не выходилъ. Шмидтъ началъ учить меня игрѣ на клавесинѣ.

13. Слушалъ обѣдню въ церкви на островѣ. По выходѣ оттуда сопровождалъ молодаго князя въ его квартиру и обѣдалъ съ нимъ. Послѣ обѣда прогулялся по рѣкѣ въ Екатерингофъ съ Воловичемъ, Потемкинымъ, Воронцомъ.

14. Никита Михайловъ Сумицкій, полицейскій чиновникъ, принесъ мнѣ росписку относительно моего слуги Петра, которую я подписалъ. Эта росписка помѣчена сегодняшнимъ числомъ. Передъ вечеромъ гулялъ съ Ливеномъ, Воловичемъ и Потемкинымъ. Получилъ письма изъ дому отъ 20-го мая. Написалъ въ Смоленскъ.

15. Никуда не выходилъ, чувствуя себя нездоровымъ.

16. Былъ во дворцѣ князя и, никого не заставъ, отправился къ Борисову. Потомъ, по возвращеніи домой, ходилъ по лавкамъ, чтобы купить себѣ башмаки. Послѣ обѣда сидѣлъ дома, такъ какъ мнѣ нездоровилось.

17. Послѣ обѣдни прочли манифестъ объ отлученіи автора пасквиля. Передъ вечеромъ Миньяти, навѣстивъ меня, велѣлъ взять въ аптекѣ лѣкарство (une essence) противъ лехорадочныхъ пароксизмовъ.

20. Написалъ домой черезъ Данила Перехриста, который ѣдетъ завтра. Меня посѣтили Лизогубъ и Жураковскій. Съ воскресенья никуда не выходилъ изъ квартиры вслѣдствіе нездоровья.

21. Былъ au barreau de la Cour. Въ 6 час. по полудни прибылъ изъ Риги кн. Меньшиковъ и прежде всего отправился во дворецъ.

22. Утромъ былъ у князя.

23. Былъ тамъ-же.

24. Ссудилъ младшему Ливену 30 р. серебромъ. Обѣдалъ у графа Сапѣги. Селитренниковъ прислалъ мнѣ смородины, вишенъ и лимоновъ. Написалъ отцу письмо черезъ Стаховича, который уѣхалъ съ Вельяминовымъ.

25. Лѣчился и потому никуда не выходилъ изъ квартиры.

26. Хотѣлъ выбраться съ квартиры, но наступила сильная буря и помѣшала мнѣ сдѣлать это.

27. Перешелъ, съ своей прежней квартиры и поселился съ Ливеномъ и Паревскимъ.

28. Кн. Меньшиковъ пригласилъ къ обѣду его королевское высочество и всѣхъ иностранныхъ пословъ по случаю своего возвращенія изъ Риги. Пиръ начался въ 3 часа по полудни и продолжался до 3 часовъ ночи.

29. Обѣдалъ съ графомъ Сапѣгой.

30. Въ канцеляріи князя мнѣ дали перевести различныя французскія и нѣмецкія бумаги (pièces); за этимъ дѣломъ провелъ весь день.

31. Переписалъ то, что перевелъ вчера. Ужиналъ съ княземъ, у котораго выпросилъ приказъ на счетъ свободной доставки провизіи.

Августъ 1. Писалъ письма къ себѣ домой.

2. Былъ у одного купца и купилъ 22 фунта голландскаго сыру по 12 к. фунтъ. Кн. Меньшиковъ отправился на яхтѣ въ Ораніенбаумъ.

3. Гудовичъ уѣхалъ на Украйну. Княгиня со всей семьей отправилась въ Ораніенбаумъ.

4. Иванъ Полуляхъ, которому я ссудилъ 120 р., уѣхалъ на Украйну. Я отправилъ съ нимъ письма своему отцу и брату.

5. Борковскій прибылъ изъ Астрахани. Я отправилъ своего слугу въ Ораніенбаумъ.

6. Ѣздилъ въ Ораніенбаумъ на шлюпкѣ съ Дурнымъ (Durnoy) и кап. Гастомъ.

7. Князь остался въ Ораніенбаумѣ.

8. Ея Величество прибыла въ Кронштадтъ въ сопровожденіи всего гребнаго флота. Тамъ князь и я присоединилися къ ея свитѣ.

9. Кн. Меньшиковъ сдѣлалъ визитъ ея королевскому высочеству, а обѣдалъ у Ея Величества.

10. Совершилъ поѣздку въ Ораніенбаумъ на лодкѣ вмѣстѣ съ Беклемишевымъ и Потемкинымъ.

11. Прибылъ на шлюпкѣ въ Ораніенбаумъ.

12. Кн. Меньшиковъ далъ мнѣ перевести различныя французскія и польскія (Pol.) письма. Даревскій уѣхалъ въ Митаву. Мы всѣ возвратились съ княземъ въ Ораніенбаумъ.

13. Ея Вел. прибыла изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ. Князь тотчасъ отправился туда. Я провелъ день въ переводѣ писемъ, которыя на слѣдующій день возвратилъ въ канцелярію.

14. Вмѣстѣ съ Ливеномъ отправился въ Петергофъ; осмотрѣвъ тамъ всѣ рѣдкости сада, мы отправились къ фавориту (à favorite), гдѣ провели ночь.

15. Прибыли въ Петербургъ и обѣдали у Ростокера.

16. Обѣдалъ у себя на квартирѣ съ Ливеномъ и Ивановскимъ.

17. Получилъ 11 книгъ отъ Пелютье, выписанныя мною изъ Германіи; онѣ стоятъ мнѣ 44 червонца и 20 су. (?).

20. Князь Меньшиковъ вечеромъ прибылъ изъ Ораніенбаума.

21. Князь никуда не выѣзжалъ.

22. Князь обѣдалъ у графа Рабутина Нѣкій смоленскій дворянинъ Колачевскій принесъ мнѣ письмо отъ тестя.

23. Вечеромъ Императрица возвратилась изъ Петергофа.

26. Написалъ письма къ себѣ домой, которыя отправлю съ Воейковымъ.

28. Обѣдалъ у валашскихъ князей.

29. Графъ С(апѣга) далъ балъ въ честь княженъ.

30. Ея Величество, въ сопровожденіи всѣхъ знатныхъ персонъ, отправилась въ лавру на торжественное богослуженіе по случаю праздника св. Александра Невскаго. Вечеромъ она возвратилась оттуда и посѣтила кн. Меньшикова. Какъ только она вошла, образовался кругъ около нея, и польскій резидентъ Лефоръ сталъ на колѣни передъ Е. В. Она возвела его въ кавалеры ордена св. Александра Невскаго, сама надѣвъ на него красную ленту.

Сентября 3. Написалъ письмо тестю черезъ Цвиленева, который завтра уѣдетъ. Утромъ пришелъ Даревскій.

8. Борковскій уѣхалъ на Украйну; я послалъ съ нимъ письмо отцу.

21. Былъ въ Тайномъ Совѣтѣ (au conseil de Cour), однако не добился успѣха въ своемъ дѣлѣ съ Броневскимъ.

26. Ея Величество оказала честь кн. Меньшикову, поужинавъ у него.

29. Получилъ письма изъ дому черезъ подполковника Веревкина.

Октябрь 7. Передалъ кн. Голицыну письмо отъ своего отца.

9. Отправилъ письма въ Смоленскъ съ полковникомъ Колачевскимъ, обѣдалъ у Алепли.

13. Совершена экзекуція надъ Ларскимъ.

14. Графъ Сапѣга пригласилъ обѣдать иностранныхъ пословъ.

20. Отправилъ письма къ генералу Вейсбаху и къ своему отцу съ кіевскимъ курьеромъ.

22. Получилъ письма изъ дому черезъ Солодушенка.

26. Былъ на рынкѣ.

29. Отправилъ письма въ Смоленскъ черезъ своего тестя и въ то же время отправилъ письма отцу по почтѣ.

31. Было большое наводненіе, такъ что весь Петербургъ былъ затопленъ.

Ноябрь 1. Былъ въ Тайномъ Совѣтѣ (au conseil de la Cour) по дѣлу съ Броневскимъ.

6. День рожденія кн. Меньшикова. По этому случаю онъ пригласилъ различныхъ знатныхъ господъ.

8. Былъ у кн. Голицына.

9. Волковъ праздновалъ свою свадьбу.

13. Подалъ просьбу (requête) князю.

16. Былъ въ гостяхъ у молдавскихъ князей.

18. Отправилъ письма отцу съ Солодушенкомъ.

19. Въ первый разъ выпалъ снѣгъ.

23. Наканунѣ дня св. Екатерины замерзла рѣка Нева.

Декабрь 2. Былъ въ надворномъ судѣ и представилъ просьбу рѣшить мое дѣло, не отсылая его въ Смоленскъ.

5. Пригласилъ свою жену прибыть сюда.

8. Крестилъ мальчика у Григорія, слуги Ершова, которому дали имя Николай. Потомъ обѣдалъ у Алепли.

14. Бальцеръ уѣхалъ на Украйну; съ нимъ отправилъ письма отцу.

15. Былъ у кн. Голицына, у котораго просилъ помощи въ Смоленскомъ дѣлѣ.

17. Былъ пиръ у кн. Меньшикова по случаю дня рожденія его младшей дочери.

18. Также былъ пиръ при дворѣ Ея В—ва по случаю рожденія принцессы Елизаветы. Туда отправились и наши княжны, я находился при нихъ.

30. Андреевскій праздникъ. Ея Величество пожаловала великаго герцога и епископа Любекскаго кавалерами сказаннаго ордена. Въ 5 часовъ по полудни Ея Величество, въ сопровожденіи всѣхъ кавалеровъ ордена св. Андрея, оказала честь кн. Меньшикову своимъ посѣщеніемъ; она сѣла за столъ со всѣми кавалерами; столъ былъ устроенъ въ видѣ Андреевскаго креста.

25. Рождество. Поздравлялъ князя.

1727 г.

Январь 1. Княжны поручили мнѣ передать отвѣтное поздравленіе великому герцогу и великой герцогинѣ, отъ которыхъ онѣ первыя получили поздравленія. Въ 6 часовъ мы отправились ко двору въ свитѣ княженъ; тамъ была зажжена очень хорошая иллюминація.

6. Богоявленіе. Происходила церемонія водосвятія на льду Невы.

24. Булгакъ уѣхалъ отсюда; я ссудилъ ему 200 р.

26. Былъ балъ у кн. Меньшикова по случаю именинъ его старшей дочери.

Февраль 1. Моя жена пріѣхала въ Ямскую, гдѣ я провелъ ночь.

2. Перебрался съ нею въ Петербургъ.

8. Отослалъ Артема на Украйну.

16. Обѣдалъ у молдавскихъ князей.

17. Перевелъ слѣдующія вещи (pièces): 1) письмо генерала Вейсбаха; 2) письмо Іонштейна касательно оконныхъ стеколъ (les vitres); 3) просьбу... (не разобрано) придворнаго капельмейстера. Это отдано секретарю.

18. Князь призвалъ меня, чтобы спросить о подробномъ обозначеніи une spécification de certains biens en fonds en Allemagne. Я перевелъ: 1) письмо Булгака; 2) удостовѣреніе (l'assurance); 3) письмо Дюпре.

19. По случаю именинъ княгини Меньшиковой былъ балъ, на которомъ присутствовали принцесса Елизавета, великій герцогъ и великая герцогиня. Получилъ письма изъ Смоленска черезъ нѣкоего капитана Шупинскаго. Лярскій отправленъ въ ссылку.

20. Перевелъ слѣдующія вещи: 1) описаніе кабинета; 2) письмо Видебанта (Videbant) и Грегори (Gregori). Былъ въ академіи.

21. Прогулялся въ саняхъ къ мѣсту гвардейскаго ученья.

22. Написалъ въ канцеляріи князя письмо тестю и отправлю съ капитаномъ Шупинскимъ. Мнѣ сдѣлали визитъ валашскій князь, Mathieu и Ирвиковскій. (?)

23. Меня послали перевести процессъ Лярскаго. Я перевелъ: 1) письмо Боттигера; 2) копію съ письма, написаннаго къ названному Боттигеру; 3) письмо де-Линьи (de-Lini) къ князю; 4) аттестацію Аррарити (d'Arrariti) о вахмистрѣ кн. Шаховскомъ.

24. Прочелъ князю вышеупомянутые переводы. Мнѣ дали перевести: 1) письмо виленскаго епископа; 2) меморіалъ виленскаго каноника; 3) дипломъ на основаніе церкви въ Горкахъ. Въ 4 часа по полудни былъ у графа Бассевича, которому передалъ письмо моего отца.

25. Обѣдалъ съ женой у валашскихъ князей.

26. Князь обѣдалъ у графа Головкина, потомъ былъ у графа Сапѣги. Меня навѣстили: полковникъ гвардіи Косоговъ, Максимовичъ, Стефановичъ, Иличъ, Нарамовскій и Мировскій.

27. Прочиталъ князю письмо виленскаго епископа и меморіалъ каноника Влодзимирскаго. Вымѣнялъ сукно, которое прислалъ мнѣ отецъ, у Сутгофа, прибавивъ ему 12 р.

29. Отправилъ виленскаго каноника Влодзимирскаго, съ которымъ отъ имени князя послалъ письма виленскому епископу, Булгаку и Потемкину.

30. Князь приказалъ перевести мнѣ помадныя этикетки.

Апрѣль 1. Меня пригласили перевести письмо прусскаго короля, письмо Видебанта и изложеніе причинъ ареста курляндскихъ депутатовъ.

2. Свѣтлое Воскресенье. Никуда не выходилъ.

3. Принесъ поздравленіе кн. Голицыну и его сыну адмиралу, графу Бассевичу и его королевскому высочеству, потомъ обѣдалъ съ женой у валашскихъ князей.

4. Алепли съ женой сдѣлалъ мнѣ визитъ.

5. Секретарь далъ мнѣ извлеченіе изъ писемъ де-Линьи (de-Lini).

8. Отдалъ кн. Меньшикову письмо прусскаго короля, меморіалъ Бандемира и изложеніе причинъ задержанія курляндскихъ депутатовъ.

10. Кн. Меньшиковъ въ сопровожденіи княгини, своей супруги, и Варвары Михайловны, перебрался во дворецъ, примыкающій къ Зимнему дворцу Е. В.

12. Былъ на другой сторонѣ (Невы) у князя, чтобы отдать ему переводъ извлеченія изъ писемъ де-Лини, который я возвратилъ Пугеvкѣ.

14. Рѣка вскрылась передъ полуднемъ.

15. Получилъ письмо отъ отца черезъ Михайла Сухарева, кіевскаго рейтара.

16. Обѣдалъ съ княжнами Меньшиковыми и игралъ тамъ съ барышнями въ жмурки (?) (j'y ai joué à l'ombre avec les demoiselles). По возвращеніи сдѣлалъ визитъ кн. Алексѣю Григорьевичу Долгорукому.

19. Написалъ отцу съ кіевскимъ рейтаромъ.

23. Былъ съ княжнами при дворѣ.

25. Былъ на другой сторонѣ у кн. Меньшикова. Послѣ полудня были у меня карлица (la naine) п. Татьяна.

29. Великій князь съ своей сестрою провелъ двѣ ночи у нашего князя.

Май 1. Племянница Е. В. провела двѣ ночи у нашихъ княженъ. Написалъ письма въ Смоленскъ съ нáрочнымъ Милашевича (par un exprès de Milaszewicz).

3. Моя жена родила преждевременно.

6. Меня посѣтили молодыя княжны вмѣстѣ съ княземъ, ихъ братомъ. Въ 9 часовъ вечера скончалась Ея Величество Государыня Императрица.

7. Великій князь провозглашенъ Императоромъ Всероссійскимъ. Въ этотъ же день я имѣлъ счастье быть допущеннымъ къ его рукѣ.

14. Принесъ вѣрноподданническую присягу теперешнему Императору въ присутствіи совѣтника Коллегіи Коммерціи Сувита (? Suvit); при этомъ былъ отецъ Іосифъ.

16. Тѣло Ея Величества Государыни Императрицы предано землѣ. Я присутствовалъ при этомъ, сопровождая княженъ. Непосредственно послѣ похоронъ Ея Величества Императоръ поселился во дворцѣ князя Меньшикова.

25. Его Императорское Величество обручился (épousa) съ старшей дочерью Меньшикова. Въ тотъ-же день она переѣхала въ Петергофъ.

26. Княгиня со всей семьей выѣхала туда-же.

Іюнь 16. Отправилъ (dépêchai) Mr. Lucas.

Іюль 25. Герцогъ Голштинскій уѣхалъ въ свои владѣнія.

Августъ 3. Конюхъ (l' Ecuyer) уѣхалъ на Украйну.

„ПОШИСТЬ“[1].

(Разсказъ изъ быта крестьянъ черниговской губерніи).

I.

Конецъ іюня... Дни стояли необыкновенно жаркіе. Давно не было такъ знойно.

Стада не паслись и искали тѣни. Рабочіе волы замѣтно тощали отъ жары. Собаки высовывали свои длинные языки и лежали въ тѣни, тяжело дыша и лѣниво лая на прохожихъ. Птички сидѣли на вѣткахъ и терпѣливо ждали дождя съ разинутыми отъ зноя клювами. Листъ на деревѣ вянулъ. Земля просила дождя; но небо было безъотвѣтно. Не было даже надежды на перемѣну погоды: вверху — ни облачка, ни подобія тучки. Словно раскаленный шаръ, ежедневно выкатывалось изъ-подъ горизонта солнце и, обходя по голубой лазури длинный лѣтній путь, накаляло землю съ утра до вечера. На нѣсколько лишь часовъ оно скрывалось за горизонтъ какъ-бы для отдыха, чтобы утромъ выйти и снова начать все ту же знойную работу.

Тяжело чувствовалъ себя хозяинъ землепашецъ, на глазахъ котораго засыхали его нива и огородъ. Еще тяжелѣе стало ему, когда съ его скотиной стало твориться что-то не совсѣмъ ладное.

---

[1]) *Пошистью* называется эпидемическая болѣзнь.

II.

Ефремъ,—одинъ изъ старыхъ хозяевъ деревни Кореневки,—войдя однажды въ свою „куню",—стойло, гдѣ стоялъ скотъ,—замѣтилъ, что его корова стоитъ въ углу, опустивши голову, и ничего не ѣстъ. Всегда бывало бынька ѣла или жвачку жевала. Чуя приближеніе хозяина, она бывало привѣтливо голову поворотитъ, а теперь—на-ко, поди... мало что не ѣстъ, даже не поворачивается.

Екнуло слегка крѣпкое мужицкое сердце подъ толстой сермягой,—которую Ефремъ носилъ почему-то и въ жару, какъ завѣтъ предковъ,—бѣду почуяло: неладное творится съ бынькой. А бынька, извѣстно, въ хозяйствѣ статья не послѣдняя.

— „Бынь, бынь! На, дурна, поижъ"! Онъ подложилъ ей сѣна подъ ноги. Стоитъ корова, не двигается и не смотритъ на сѣно; уткнула морду въ уголъ, вниманья не обращаетъ. Ефремъ—толкъ ее ногой... Словно и не ее толкнули. Другой разъ—то же самое... Онъ повернулъ ей морду къ корыту, она послушно перешла на другое мѣсто, но ѣсть не стала. Что за притча такая? Вглядываясь пристальнѣе въ морду своей коровы, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что у нея изо рта течетъ пѣна. Совсѣмъ растерялся старый Ефремъ, да изъ „куни" скорѣй въ хату, жену бабу крикнулъ:

— Иди, кричитъ, скорійше!

Пришла и баба. Посмотрѣла—ахнула. Она уже нѣсколько дней замѣчаетъ, что бынька меньше стала выдѣлять молока и какъ будто худѣетъ... Анъ, оно вотъ что!

Заголосила баба.

Нужно дать „раду" какую-нибудь, нужно помочь. А какъ помочь? Съ чего тутъ начнешь? Никто ничего не знаетъ. Перепомочь? Съ чего тутъ начнешь? Никто ничего не знаетъ. Перевязать ее штанами что-ли по брюху?! Такъ гдѣ-же опять такихъ-то штановъ достать? У Ефрема по крайней мѣрѣ нѣтъ такихъ длинныхъ, да и не было никогда. Или кровь ей пустить? пьявки ставить?.. Господи, Боже мой! Наказанье какое! Что дѣлать то? „Фершала" бы... Да гдѣ ты его теперь найдешь?

Одинъ онъ здѣсь на всю округу. Его не докличешься. Рѣдко онъ бываетъ въ Кореневкѣ. Развѣ случаемъ какъ-нибудь проѣдетъ, остановится, привьетъ оспу дѣтямъ, да и укатитъ дальше. Потъ крупными каплями покатился по морщинистому лбу Ефрема отъ жары и отъ волненья, отъ мыслей всякихъ, что приходили ему въ голову. А мысли приходили все нехорошія. Чуяло сердце, что придется разстаться съ бынькой.

— Бынька, бынь, бынь! чого ты? що зъ тобою?

Какъ зареветъ въ эту минуту корова, вытянувши шею, да такъ-то необычно, такъ-то жалобно, словно и голосомъ не своимъ. Ревнула разъ, другой, третій и пошла безъ перерыва, разъ за разомъ, до тѣхъ поръ, пока силы хватило. Словно-бы духъ изъ нея выворачивало. А какъ не хватило силы, упала сначала на переднія ноги, а потомъ на заднія. Такъ и повалилась.

Сбѣжался народъ. Какъ? что? почему? Пошли распросы, но ничего не выяснилось, потому что никто не могъ сказать, отчего такое приключилось. Раньше какъ будто такихъ напастей на скотъ не было. Случалось, правда, охватится она, или ногу тамъ зашибетъ, или покашляетъ зимой. Но все это ничего,— проходило. А теперь—на-ко, поди... Надо полагать, отъ наговоровъ, отъ чего-же другого?

— И чудное это, братцы, дѣло такое, разсказывалъ словоохотливый Ефремъ собравшимся крестьянамъ. Пришовъ я—дывлюсь: въ кутку стоить, морду опустивши, не исть... Я ій—сина, а у нея уже пѣна потягла, такъ и тягне...

Кореневцы рѣшили, что нужно непремѣнно выгнать ее изъ стойла, посмотрѣть, какова она будетъ на улицѣ, на солнцѣ. Били, били быньку сначала осторожно, потомъ посильнѣе. Встала она, зашаталась, заревѣла опять словно не своимъ ревомъ, но не вышла изъ „куни". Ее насильно вывели и повели по выгону. Начали осматривать: ничего, какъ есть корова... Похудѣла только немного.

— А стоить-то вона чудно... Дывись,—ноги разставила...

Дѣйствительно, корова стояла на необычно раздвинутыхъ

ногахъ и тяжело, порывисто дышала. Носъ у нея былъ совершенно сухой. Кто-то взялъ ее за рога.

— Братцы, у неи одинъ рогъ якъ бы горячій, а другій холодный.

— Не чепай, оступысь, бо ще на тебе перейде часомъ...

— И що за напасть такая, прости Господи!..

— Во всемъ—воля Божія... Або — бѣшенство, або—наговоры.

Во время такихъ разговоровъ изъ плетня огорода слетѣла курица и пошла по выгону. Корова какъ-то неестественно оживилась, выпрямилась, навострила уши: одну секунду—впилась въ курицу глазами, а въ другую какъ прыгнетъ къ ней... да такъ и влѣпилась рогами въ плетень, за которымъ съ рѣзкимъ крикомъ скрылась курица. Откуда, подумаешь, и сила взялась...

Въ это время бѣжала мимо черная собака. Корова бросилась и за ней, долго ее преслѣдовала, но не догнала и въ безсиліи упала, споткнувшись, на переднія ноги. Также бросалась она и на лошадей. Человѣка не трогала; развѣ только кто-нибудь быстро бѣжалъ въ черной свиткѣ. Но и на того, впрочемъ, она не кидалась, а только бѣжала рядомъ съ нимъ, наклонившись немного на бокъ.

Замѣтивъ, что „бынька“ то и дѣло норовитъ бѣжать за кѣмъ-нибудь, кореневцы стали ее гонять по выгону. Но мѣра не удалась: корова забѣжала въ уголъ построекъ и никакими ударами нельзя было ее оттуда выгнать. Прививали ей пьявки къ шеѣ и животу, натирали солью, обливали даже дегтемъ— ничего не помогало. Такъ и не спасли „быньку“: чрезъ нѣсколько дней она совсѣмъ зачахла и околѣла, уткнувшись головой въ уголъ плетня. Ее выволокли за деревню, но не черезъ ворота, а тѣмъ путемъ, куда указывала ея морда. Хорошо еще, что она уткнулась головою въ плетень (плетень не трудно разобрать); а если-бы уткнулась въ хату—сохрани Богъ!.. По настоящему, пришлось-бы разбирать и хату, чтобы вытащить ее;

иначе,—крестьяне вѣрятъ,—весь скотъ издохнетъ у того хозяина, который вздумаетъ повернуть назадъ голову издохнувшей скотины.

III.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, этимъ бѣда не кончилась. Послѣ Ефремовой коровы заболѣла другая, потомъ—третья. Кореневцы прежде всего обратились за помощью къ своей знахаркѣ, но безъуспѣшно. Хотя баба Ирина шептала больной скотинѣ, держала ее за рога, давала пить какую-то свою воду, но скотъ все-таки продолжалъ болѣть. Крестьяне, впрочемъ, этого и ждали. Старый Ефремъ былъ всегда того мнѣнія, что кореневская Ирина не знаетъ своего дѣла. При томъ-же, эта знахарка сама повредила своей репутаціи тѣмъ, что взялась лѣчить одну больную еврейку и вылѣчила ее. Лечить евреевъ православному человѣку грѣшно. Въ этомъ кореневцы свято убѣждены. Жидъ—нехристъ. Это—извѣстно. Въ бѣдѣ ли онъ какой, боленъ-ли онъ, все равно... пусть онъ издохнетъ совсѣмъ, кореневецъ и голотовецъ ни за что не дадутъ ему помощи. А Ирина вылѣчила Ривку,—это все село знаетъ,—и получила за это не мало. За то знахарская сила отступила отъ нея, и для крещенаго человѣка она теперь ничего не знаетъ.

— Треба послаты въ Чернецкъ за Оленой! Та поможе...

И дѣйствительно, нужно было послать, нужно было торопиться. Слухъ, что стадо „порченое“ распространился среди кореневцевъ по мѣрѣ того, какъ эпидемія брала все больше и больше жертвъ. Знахарка нужна была столько-же для помощи, сколько и для поддержки упавшаго духа кореневцевъ. Лишиться стада для нѣкоторыхъ было то же, что совсѣмъ разориться.

Одновременно послали и за ветеринаромъ, на всякій случай. Одно другому не мѣшаетъ. Но ветеринара не было дома. Онъ былъ разъѣздахъ. Привезли знахарку.

Авторитетъ держится отдаленностью. И не удивительно, что дальняя знахарка пользуется большей славой, чѣмъ ближняя.

Прибытію чарнецкой знахарки предшествовалъ слухъ, что она знаетъ такое слово, которое, если сказать, скотина выздоровѣетъ.

Олена, — женщина еще молодая,—которую, впрочемъ, въ окрестности почему-то всѣ называли „бабой Олеськой",—принялась лѣчить. Она обходила скотъ у разныхъ хозяевъ и осматривала его, выслушивала и сказала: что нужно считать, сколько разъ зареветъ заболѣвшая скотина: если четное число разъ,— то выздоровѣетъ, если нечетное, то, по всей вѣроятности, умретъ. Давала она скотинѣ хлѣбъ. Если скотина принимала хлѣбъ, знахарка говорила, что болѣзнь не опасна и скоро пройдетъ; если корова не хотѣла брать,—Олеська авторитетно объявляла, что корова очень больна и, быть можетъ, подохнетъ. Давала она и воду съ тѣми-же замѣчаніями. Крестьяне ходили за знахаркой и съ тревогой ждали рѣшенія участи своей скотины.

— Зробы вже ты намъ... Заговоры ты стадо... обращались довѣрчивые, безпомощные крестьяне къ знахаркѣ, надѣясь на нее больше, чѣмъ на всѣхъ докторовъ въ свѣтѣ.

Знахарка медлила. Конечно, ей очень хотѣлось поддержать свою медицинскую извѣстность въ окрестности. Въ случаѣ неуспѣшности лѣченія, этой извѣстности грозило паденіе. Создавши свою репутацію доктора на двухъ-трехъ случаяхъ успѣшнаго лѣченія разныхъ неопредѣленныхъ болѣзней, она теперь положительно терялась, не знала, что дѣлать, и внутренно даже сожалѣла, что взялась за это дѣло. Въ ея практикѣ это былъ первый случай лѣченія скота.

Но отказываться было нельзя. И она стала усерднѣе нашептывать скотинѣ на ухо и на хлѣбъ, который тыкала ей въ зубы. Подойдя къ одной больной коровѣ и осматривая ее, она какъ-то совершенно случайно высказала предположеніе: не отъ укуса ли это какой-нибудь собаки.. Она боялась сказать „бѣшеной", потому что нигдѣ не слышала, чтобы въ окрестности гдѣ-либо бѣгала бѣшеная собака. Олена была осторожна и, какъ всѣ осторожные люди, не столько говорила, сколько

слушала и, если затѣмъ говорила, то говорила кстати. На этомъ создавалась ея карьера.

Скоро прибылъ и батюшка съ дьячкомъ. Онъ служилъ молебенъ и кропилъ стадо святой водой. Въ батюшку и его священную воду кореневцы вѣрили не меньше, чѣмъ въ знахарку и ея таинственныя нашептыванія на хлѣбѣ. И когда о. Иванъ, обходя стадо, торжественно пѣлъ „Спаси Господи" и кропилъ все окружающее водою, кореневцы внимательно считали ревъ коровъ и никакъ не могли досчитаться: „до пары" ли тутъ выходило, или не „до пары". Кто его разберетъ, въ самомъ дѣлѣ?..

IV.

Мѣстность, гдѣ была расположена деревня Кореневка, была мѣстомъ вполнѣ здоровымъ. Здѣсь давнымъ давно не было никакихъ эпидемій ни на животныхъ, ни на людяхъ. Недавняя холерная эпидемія совершенно не коснулась ни Кореневки, ни сосѣднихъ селъ и деревень.

Чуть замѣтный ручеекъ, извиваясь по зеленой лужайкѣ, окружалъ небольшой холмикъ, поросшій густымъ березнякомъ, въ которомъ скрывалась отъ взоровъ путешественника деревня. Вся деревня состояла изъ десятка избъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Густыя, высокія деревья, нависшія съ обѣихъ сторонъ дороги, сохраняли тутъ постоянную сырость въ обыкновенный лѣтній день и прохладу въ знойную, жаркую пору. Въ одномъ мѣстѣ среди деревни дорога раздвигалась и давала мѣсто маленькому выгону. Это было любимое мѣсто кореневцевъ для отдыха. „Ось тутъ такъ холодокъ!" говорилъ почти каждый крестьянинъ, растягиваясь на досугѣ на зеленой, бархатной травѣ въ жаркій день. Тутъ-же любили играть и дѣти, выпрашивавшіе обыкновенно гостинцевъ у какого-нибудь проѣзжавшаго пана. Смѣлость дѣтей доходила до того, что, завидя издали какую-нибудь бричку, они гурьбой становились на

дорогѣ и такъ назойливо кричали „гостинца“, „копѣечку“, что панъ долженъ былъ останавливаться...

Былъ праздникъ. Группа крестьянъ лежала на травѣ радіусомъ около пня недавно срубленной березы, изъ котораго стекалъ березовый сокъ. Густая влага вытекала изъ центра пня и осаждалась на сторонахъ въ видѣ густыхъ пѣнокъ блѣдно розоваго цвѣта. Одинъ изъ крестьянъ ковырялъ пѣнки хлыстикомъ.

— Не чепай, наставительно замѣтилъ ему другой крестьянинъ. Нехай тиче, бо якъ у кого око часомъ заболить, то помогае...

Тотъ оставилъ хлыстикъ, вздохнулъ, молча перевернулся на спину и, смежая вѣки глазъ, сталъ глядѣть на небо. Отъ неба такъ и несло удушливымъ, раскаленнымъ зноемъ. На загорѣвшихъ, крестьянскихъ лицахъ выступалъ потъ, не смотря на тѣнистую прохладу.

— Иване, ты чого такъ сумно вздыхаешь?

— Багато будешь знать—хутко постаріешь, а мени хочется, щобъ ты бувъ молодый, отвѣтилъ Иванъ, щобъ тебе Марья любыла.

— Отъ того-то ты такъ и постаривъ певне, що дуже багато знаешь, не оставался въ долгу тотъ.

— Запевне, що бильше твого знаю.

— Хиба зъ батькомъ та зъ маткою... то може выйде и бильше.

— Мовчи, Василю... перестаньте! сказали старики, которымъ непріятна была эта перебранка, начавшаяся съ пустяковъ.

Иванъ, глядя въ верхъ, началъ насвистывать; а Василь взялъ брошенный хлыстикъ и сталъ ковырять березовый пень—единственный предметъ, невольно обращавшій вниманіе то одного, то другого крестьянина.

— Чи то правда, що Іуда повисився на березi и зъ теи поры вона плаче? спросилъ Василь, тыкая хлыстомъ въ зёвъ, изъ котораго медленно вытекала влага. Кажуть, що слёзы березы отъ всякои болѣзни...

— Кажуть, що колысь твоя маты ракомъ свистала, а теперь соловейкомъ кудахтае, не утерпѣлъ, чтобы не огрызнуться Иванъ.

Они опять готовы были сцѣпиться, но ихъ опять заставили замолчать. Изъ всей кореневской молодежи Иванъ отличался наибольшей грубостью и дерзкимъ характеромъ. У него былъ языкъ „якъ швайка, торкни—она и колется". Его въ деревнѣ не любили. Быть можетъ его нѣсколько испортили клинцовскія фабрики, куда онъ ходилъ въ будніе дни на работу. Только по праздникамъ онъ приходилъ въ Кореневку провѣдать родныхъ, да посмотрѣть на хороводъ и игры, въ которыхъ, впрочемъ, участія не принималъ.

— А що, якъ-бы даты худоби напытыся березовои воды, може-бъ и полегшало, сказалъ кто-то.

— Эге, треба попробовать. Але щось вона помалу бижить...

— Хиба въ лиси березы нема?! Можно нацидыты...

— Ничого не поможе, хладнокровно замѣтилъ Иванъ, даремна працям.

— Чому?

— А потому, що якъ болила въ Губинцахъ скотина, то тамъ давали всякую воду питы и березовую и свячену,—и все дарма.

— Ой, мовчавъ-бы ты лучше, сказалъ одинъ изъ стариковъ, отодвигаясь отъ лучей солнца, въ тѣнь, дуже ты у насъ розумный.

— А ты, старый, погривъ бы ще свою лысыну на сонци, то може-бъ порозумнійшавъ, та може бъ и волосье за едно выросло...

Кто-то засмѣялся. Старикъ вступилъ въ перебранку съ Иваномъ. Ивана опять заставили замолчать.

— Эхъ, Иване, Иване! обратился къ нему со вздохомъ Ефремъ, твои батьки не таки були, царство имъ небесное. Не поправди ты живешь.

— Лыхо зъ правдою, лыхо и зъ брехнею, огрызнулся Иванъ. За правду бьють, а за брехню виры не дають.

— Зъ такою мудростью, що у тебе въ голови, на свити тяжко житы, Иване.

— Ничого, якось-то проживу. Ще, здается, у тебе грошей на житье не позычавъ?

Молчаніе. Иванъ всё глядѣлъ вверхъ, заложивъ ногу на ногу, и свистѣлъ. Его ботфорты, сложенные въ складки, блестѣли на солнцѣ. Старики глядѣли на него съ досадою, молодежь—съ завистью.

— Якъ Богъ не поможе чоловику, нихто не поможе, сказалъ какъ бы про себя Ефремъ, кивая сѣдою головою.

— Якъ-бы Богъ хотивъ помогты, то давно-бы не було такои спекоты, возразилъ Иванъ, тай певне-бъ и болисти на худоби не було-бъ...

— А зъ чого-жь по твоему худоба здыхае?

— А хто еи знае? Може объилась чого, а може запалъ...

— Якъ-то запалъ?

— А такъ, я чувъ бувае въ кишкахъ... воспаленіе, якъ клинцовскій докторъ еденъ казавъ. Кишка начинае гныты, тай бувае запалъ.

— Брешешь, брешешь! Що брешешь, то брешешь! раздалось разомъ нѣсколько голосовъ. Олена казала, що то може буты порча отъ наговоривъ якихъ-нибудь, або собака укусыла...

— Хе, хе, хе!.. засмѣялся Иванъ. Ничого ваша Олена не знае, тай вы зъ нею. Напала на дурнивъ, та зъ дурнивъ и живе.

— Якъ-то?! Олеська ничого не знае?!

Споръ обѣщалъ принять большіе размѣры, но въ это время заревѣла въ хлѣву больная скотина и крестьяне принялись считать, четное или не четное число она ревнетъ. Одновременно почти заковала кукушка, и одна крестьянка, сидѣвшая на призьбѣ съ ребенкомъ, выкрикнула—„зозуля, зозуленька, скильки мини житы?“ и тоже стала считать... Заревѣла другая корова и крестьяне совершенно сбились съ толку въ счетѣ.

V.

— Ѣде, ѣде! Панъ ѣде! кричали дѣти, бѣжа къ выгону врозь и въ одиночку. Ставайте, ставайте! Попросымо у пана копѣечку Дѣти-малыши засуетились, забѣгали.

Дѣйствительно, вдали показалось непроницаемое облако пыли, совершенно окутывавшее двигавшуюся бричку. Бричка, въѣхала въ березнякъ, и кореневцы могли разглядѣть въ ней толстаго, жирнаго пана, изнывавшаго отъ нестерпимой, душной жары и пыли. Пыль покрывала всё его лицо—усы, бороду и щеки, по которымъ бѣжали капли пота, превращавшія пыль на лицѣ въ грязь, отъ которой панъ напрасно старался избавиться... Жирный потъ просачивался на поверхность бѣлаго чесучоваго пиджака подъ мышцами и ложился замѣтными полосами на спинѣ. Панъ тяжело дышалъ...

— Го-стин-ца! Ко-пѣ-ѣ-ечку! заголосили звонкіе дѣтскіе голоса, когда бричка поровнялась съ выгономъ. Панъ велѣлъ остановить лошадей.

— Воды! Дайте воды, зашипѣлъ панъ, сплевывая съ губъ грязный потъ. Ф-уу!..

Крестьяне встали, сняли шапки и обступили бричку. Подали воду. Панъ пыхтѣлъ и пилъ жадными, жирными губами, отрываясь на секунду, чтобы передохнуть... Онъ страдалъ... Крестьяне съ удивленіемъ и съ чувствомъ нѣкотораго соболѣзнованія смотрѣли на эту жирную тушу, которая широко раздвинувъ въ просторной бричкѣ свои толстыя, короткія ноги, жадно выливала уже вторую кружку воды въ свое круглое, пространное вмѣстилище, то подымавшееся вверхъ, то опускавшееся. Фигура пана была очень оригинальна. Такихъ пановъ можно еще встрѣтить въ Стародубьи.

— Жарко, сказалъ Иванъ, считавшій вправѣ, по своему культурному превосходству, первымъ заговорить съ проѣзжимъ паномъ. Товарищи уступили ему это право.

— М—м... мычалъ панъ, отдуваясь и отдавая кружку молодицѣ.

— Тутъ у насъ затишокъ, прохлада, замѣтилъ кто-то... Панъ обвелъ кругомъ своими сонно-усталыми глазами и крякнулъ.

Онъ не безъ труда сошелъ съ брички, велѣлъ кучеру взять на лѣво въ холодокъ, подъ тѣнь, а самъ легъ на травѣ и, отдышавшись, вступилъ въ тѣ разговоры съ кореневцами, которые хорошо знакомы каждому, кто ѣзжалъ по дорогамъ. Узнавши, что у кореневцевъ скотъ падаетъ, панъ очень обстоятельно распросилъ про признаки болѣзни и ея ходъ. Крестьяне охотно разсказывали.

— Скажите вы намъ, что это за напасть такая и какъ её лѣчить?...

— Какъ лѣчить? смотря какая болѣзнь... отвѣчалъ панъ. Должно быть это—воспаленіе въ легкихъ,—эта болѣзнь нынче очень распространена... Она передается чрезъ зараженіе, а зараженіе происходитъ чрезъ сообщеніе животныхъ между собою... примѣрно, чрезъ кормъ.

И панъ пустился въ объясненіе знакомой ему болѣзни. Онъ немножко путался... Но если-бы онъ и не путался, всё равно крестьяне его не вполнѣ поняли-бы.

Иванъ торжествовалъ. Его такъ и подмывало сказать:" а что? не говорилъ я про запалъ?"

— Признаки болѣзни такіе, продолжалъ панъ: дыханіе у скотины затрудняется, примѣрно скажемъ.

— Такъ, такъ, затрудняется, говорили крестьяне.

— Аппетитъ и отдѣленіе молока уменьшается.

— Такъ, такъ... Молока нема.

— Бываетъ жаръ, уши и рога попеременно становятся то холодными, то горячими; скажемъ такъ, если взять за ухо...

— Эге, эге, такъ... ухо холодніе...

— Пьетъ воду больная скотина съ остановками.

— Такъ, такъ, панъ все знае...

— Ноги неправильно стоятъ.

— Що правда, то правда! Ей-Богу! У насъ точнисенько такъ, якъ це вы кажете! удивлялись кореневцы всевѣдѣнію пана. Ноги стоять раскарачившись... Якъ-же теперь, проше пана, еи выличиты?

— Какія средства?.. Нужно выдѣлить больной скотъ, очищать дворы карболкой или сулемой...

— Такъ, такъ, довѣрчиво подтверждали крестьяне.

— А самое лучшее ветеринарнаго доктора позвать, онъ скажетъ... Онъ на то и поставленъ начальствомъ докторомъ, па случай, примѣрно, какой-нибудь болѣзни на скотинѣ...

— А у насъ тутъ Олеська есть! Такъ она также лѣчитъ!..

— Какая Олеська?

— Чарнецкая... знахарка!.. баба...

— Ну, ничего ваша Олеська не знае. Ну посудите вы сами: докторъ, скажемъ, въ школахъ учился, всякія болѣзни изучалъ...

— Такъ, такъ, изучалъ...

— А Олеська, скажемъ, какая-нибудь, примѣрно, баба... Пф... Какъ жарко!.. Ну, такъ гдѣ же ей, примѣрно, знать всякую болѣзнь. Она, скажемъ, простая, ничего не знающая, обыкновенная баба пф...

— А таки такъ, баба и есть, запевне.

— Ну, такъ вотъ вамъ... сказалъ панъ, заключая свое собесѣдованіе съ кореневцами. Онъ велѣлъ подавать лошадей, которыя, выбивались изъ упряжи отъ назойливыхъ мухъ. Кореневцы помогли барину взобраться на бричку. Дѣти опять обступили бричку, панъ выбросилъ имъ мелкую монету и скоро облако пыли опять взвилось надъ дорогою, скрывая отъ крестьянъ всезнающаго пана.

— А что, не говорилъ я?! не утерпѣлъ Иванъ и вызывающе посмотрѣлъ на товарищей. Но, какъ бы считая для себя излишними всякія дальнѣйшія объясненія послѣ того, какъ такъ открыто была засвидѣтельствована предъ людьми справедливость его словъ относительно „запала“ и невѣжества Олеськи, онъ, рисуясь предъ крестьянами, взялъ свой хлыстикъ и, сказавши „до свиданья“, надвинулъ свой парусиновый картузъ на бекрень и отправился на фабрику въ Клинцы. Онъ замѣтно рисовался предъ крестьянами-сельчанами и то и дѣло ударялъ себя хлыстикомъ по ботфортамъ, составлявшимъ предметъ зависти для кореневскихъ парней. Скоро со стороны мостика раздалась

громкая пѣсня: „раскудра-кудра-кудра... раскудрава голова"... И всѣ знали, что Иванъ Нечипорукъ выходитъ изъ Кореневки.

— Не въ батька пишовъ...

— Эге, зъ нашого поля, та не наша ягода.

— Якъ не звыхнется зъ колеи, то може и въ люде выйде.

— Але однако чудно, що Иванъ казавъ про запалъ, и панъ казавъ... Иванъ казавъ про Олеську... и панъ тее саме казавъ.

Для крестьянъ это совпаденіе мнѣній Ивана съ словами пана не могло не казаться удивительнымъ. Нѣкоторымъ чуялось, что Иванъ какъ будто и правъ, но никто не осмѣливался высказать этого въ слухъ. Авторитетъ и вліяніе чарнецкой Олены держалось выше мнѣній случайно проѣзжавшаго пана.

VI.

Панъ укатилъ. „И слиду писля него не осталося". Кто онъ былъ, откуда и куда ѣхалъ? никто этого не зналъ, никому изъ кореневцевъ и въ домекъ не пришло распросить объ этомъ пана или по крайней мѣрѣ узнать, какъ зовутъ пана.

Кореневцы очень пожалѣли, что не распросили, кто былъ проѣзжавшій. Дѣло въ томъ, что на другой день послѣ его выѣзда случились новыя заболѣванія скота, и въ Кореневкѣ стали говорить, что это „справа вчерайшого пана", что этотъ самый панъ развозилъ болѣзнь по всей округѣ. Въ пользу этого предположенія были всѣ данныя вчерашняго визита. Во-первыхъ, зачѣмъ панъ ѣхалъ въ жару? Ну, скажите, какой-же панъ поѣдетъ въ этакую-то „спекоту"? Во вторыхъ, пріѣхавши, даже не сказалъ „здравствуйте", какъ всѣ крещеные люди говорятъ, а „закомандовалъ"—воды, воды... Подай, слышь, ему сейчасъ воды!.. Такъ и „закомандовалъ"... А эти дуры такъ сейчасъ и бросились за водой! Одна съ кружкой, другая съ „шклянкой"...

— Ей-Богу, то не я... отпиралась Ганна, несшая пану кружку. То Марина...

— Отъ, присяй-бижъ, то не я... И всими святыми присягну, що не я перша подала пану воду, а Ганна.

— Брешешь, бо ты! прислужиться хотила, протестовала Ганна.

— Отъ, щобъ я скисла на сему мисци, колы не ты перша подала воду.

— Нехай мини симъ болячокъ, колы я...

— Брешешь, брешешь, бо ты.

— Ой, мовчи, облизлая жабо.

— Сама ты облизлая жаба... тьфу!

— Тьфу! Я тоби припамятаю еще, якъ твій чоловикъ въ мене обручи на даху покравъ...

— А пожды—но, пожды... и я еще згадаю тоби, хто то у мене яйця зъ пидъ рябои курки кравъ... Я ще твою лысую голову намну, пожды—но!

— Пожды, лысый чортъ, не дождешь! На моій голови ще коса держится, а на твоей вже давно чорты блынци печуть. „Молодыци“ приближались одна къ другой, грозя руками, и такъ стараясь перекричать одна другую, что даже присѣдали. Безъ сомнѣнья, такой крупный разговоръ двухъ кореневскихъ дамъ, хотя и доставилъ нѣкоторое оживленіе на скучной кореневской улицѣ, на которую, при первомъ крикѣ, со всѣхъ избъ потянулись всѣ, кто только могъ ходить; но тѣмъ не менѣе „чоловики“ стали разнимать и урезонивать расходившихся бабъ.

— Перестаньте, перестаньте, говорили имъ со всѣхъ сторонъ, а старый восьмидесятилѣтній Ничипоръ Опенько, давно не вылѣзавшій изъ своего угла, выглянувши по этому случаю на своихъ клюкахъ на улицу, только почесалъ затылокъ да сплюнулъ при видѣ двухъ наступавшихъ другъ на друга бабъ.

— Тьфу, сказалъ онъ, тряся своей старческой головой, ажъ свыни сміются, и поворотилъ свои клюки обратно, придерживаясь за ворота. И такъ чимало лыха на свити, а воны ще човптысь захтилы.

Самымъ важнымъ слѣдствіемъ „гомона“ бабъ было то, что на улицѣ собралась большая громада,—словно земскій началь-

никъ пріѣхалъ съ старшиной,—и вопросъ о панѣ сталъ обсуждаться живѣе и всестороннѣе при большомъ количествѣ голосовъ.

Общій, бойкій разговоръ о случайномъ мимолетномъ посѣщеніи паномъ кореневской улицы выяснилъ такія обстоятельства, которыя сначала трудно было даже и предвидѣть. Обращено было, напр., особенное вниманіе на то, что „кони перлы пана по дорози що есть духу“ и, когда стояли на отдыхѣ,—„храпилы и пужалысь“. Всѣ видѣли, какъ они били копытами землю и слѣды даже остались... Развѣ настоящіе паны такъ ѣздятъ? У настоящаго пана кони никогда такъ не путаются, „мовъ скаженыя“. Затѣмъ, немаловажнымъ оказалось то, что панъ по выѣздѣ изъ деревни останавливался на мостикѣ. Зачѣмъ онъ останавливался? Одни говорили, что панъ хотѣлъ „кони“ поить, да раздумалъ, другіе—что распрашивалъ дорогу въ Клинцы; а Степанъ Кривый утверждалъ даже, что панъ сыпалъ какой-то порошокъ въ воду. Всё это было очень подозрительно. Да и самый панъ былъ какой-то подозрительный—толстый, черный, въ бричку самъ не влѣзетъ и говоритъ хрипя... Кореневцы давно не видали такого пана. Но когда кто-то сообщилъ, что панъ везъ съ собою въ бричкѣ какія-то „ланцуги“, желѣзныя палочки съ кольцами и кругленькіе столики съ раздвижными ножками, сомнѣній больше не могло оставаться: панъ знался съ „куцымъ“ и развозилъ разныя эпидеміи по губерніи.

Олеська по крайней мѣрѣ очень поддерживала это мнѣніе. Усиленье эпидеміи она именно тѣмъ и объясняла, что „той панъ проихавъ“.

— Его зовсимъ не тра було приниматы, а тильки сказаты—„произжайте соби, пане, зъ Богомъ! широка дорога!“

Оказалось, что нѣкоторые были такого именно мнѣнія, что кто-то даже именно и хотѣлъ сказать громадѣ „що не тра его приматы“, но почему то не сказалъ.

— Шкода, що мене не було, а я бы сказала, вставила кстати Олеська. Не дождавъ бы винъ статы на сему мисти.

И большинство крестьянъ вѣрило, что будь въ этотъ день Олеська, съ паномъ обошлись бы иначе.

— Щожъ мы теперь будемо робыты? Худоба боліе все бильше тай бильше!..

— А що робыты?! отвѣчала смѣло Олеська. На все воля Божа. Якъ бы то не той панъ, то може-бъ що и можно було порадыты; а теперь що подіешь?!

И она разводила руками и задумывалась, соображая, чтобы такое предпринять.

Проѣздъ пана былъ ей на руку. Онъ оправдывалъ её въ глазахъ крестьянъ въ случаѣ неудачи лѣченія. Но за то малѣйшій случайный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ могъ сразу поднять ее авторитетъ знахарки и лѣкаря. Она знала это и при каждомъ удобномъ случаѣ разсказывала много разныхъ исторій, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ панъ, развозившій „хоробу по людяхъ“.

VII.

Скоро у кореневскаго помѣщика,—мелкаго, бѣднаго пана,—тоже заболѣла корова и ревмя ревѣла въ „клунѣ“. Хотя въ этомъ обстоятельствѣ не было ничего необыкновеннаго, потому что стадо пана паслось вмѣстѣ съ крестьянскимъ, но тѣмъ не менѣе оно оказало нѣкоторое вліяніе на настроеніе толпы. Горе было уравновѣшено между богатымъ и бѣднымъ, и крестьяне стали еще равнодушнѣе относится къ своей бѣдѣ.

Въ сосѣднихъ селахъ тоже были случаи заболѣванія. Эпизоотія распространялась. Жара не унималась. Казалось, она еще усиливалась .. Поля стали чернѣть отъ зноя, и ихъ видъ приводилъ въ безнадежное уныніе земледѣльца, схоронившаго свой тяжелый трудъ въ знойныхъ лучахъ солнца... Ежечасно, по старой привычкѣ, посматривалъ крестьянинъ вверхъ, вздыхая о дождѣ, но небо было неумолимо. Оно даже какъ бы перемѣнило свой естественный видъ, и вмѣсто обычной синевы глазамъ представлялась какая-то мутная, дымчатая оболочка, грандіознымъ шатромъ раскинувшаяся надъ землей. Кругомъ надъ горизонтомъ

стояла густая мгла. Было что-то ужасное въ этомъ стихійномъ сочетаніи бѣды отъ солнца съ бѣдою отъ эпидеміи.

Суевѣрный умъ терялся въ объясненіи этихъ губительныхъ явленій природы. Отъ чего жара? Говорили, что вѣтеръ хмары занесъ куда-то далеко-далеко и онѣ тамъ растаяли. Говорили, что пророкъ Илія разгнѣвался на „хрещеныхъ людей“ и нарочно не даетъ дождя и т. п. Въ суевѣрномъ воображеніи нѣкоторыхъ крестьянъ предносился даже таинственный образъ антихриста, появленію котораго на землѣ, — они знали,—должна предшествовать страшная „спекота“ и неразрывный съ нею неурожай. Впрочемъ, нѣкоторые не соединяли съ бѣдствіемъ такихъ крайнихъ представленій и были убѣждены, что „хмару“ держитъ пани Заславская, которая живетъ въ Клинцахъ и отъ которой цѣликомъ зависитъ, пустить-ли дождь на землю или удержать его. Нашлись старожилы, утверждавшіе, что это бѣдствіе не безпримѣрное, что такая-же „спекота“ была, когда они лѣтъ тридцать тому назадъ гнали дерево Днѣпромъ въ Екатеринославъ. А въ общемъ,—кто же его знаетъ? Кто можетъ знать? Тоже самое и падежъ скота. Отъ чего эпидемія? Ничего тутъ не разберешь... Можетъ—наговоры, можетъ—бѣшенство, можетъ—отъ спекоты... Опять-же этотъ панъ...

— На человѣка тоже иной разъ находитъ, говорилъ Ефремъ, которому особенно жаль было своей быньки. Не приведы Богъ... Прыйшлося мини зъ однымъ повозиться чимало. Якъ, наприкладъ, пройде у его болизнь, то, здается, и ничого... Чоловикъ—якъ чоловикъ, дывится кругомъ, бачить—люде стоять... Пустить вы, каже, мене. За що вы мене держите?“... Да такъ гарно просытся, такъ гарно, що й годи... Запевне, що чоловикъ въ повную память пришовъ. Балакаты зъ нимъ почнуть, ничого—балакае соби... Отъ возмуть тай выпустять его, развяжуть... Тильки що развяжуть, винъ зновъ почне бушоваты... Дмется, лизе на що попало и все, значить, ему поломаты що нибудь хочется. Потимъ въ церкву его повели. Думали бачь,— батюшка одчитае. И направди, въ церкви нибы очнувся—дывытыся ставъ, мовъ здоровый чоловикъ. „Слава тоби Господи, думаю, прошло“... Такъ куды тамъ! Якъ запинывся винъ зновъ,

якъ пишовъ образамы швыряты... И не приведы Боже... Господи, скильки винъ страху тоди задавъ, ажъ по сю пору ще памятно. Ей—Богу...

— Вмеръ?

— Эге, вмеръ. Не довго живъ. Да яке ему житье? Сталы у Бога прохаты, щобъ хутнійше ёго взявъ...

Въ толпѣ вздыхали.

— Чоловикъ хутко вмре. А отъ якъ китъ збисится, або собака...

— Эге, отъ того смерти не хутко жды...

— Попобигають воны, покиль здохнуть. Особливе китъ... Собаку, того можна хоть втриматы, а кота ни за що не втримаешь. Винъ и черезъ комынъ въ хату влизе.

— Эге, по цилымъ мисяцямъ буде бигаты, не ивши ничого. Тутъ укусыть чоловика, тамъ—скотину...

— Кажуть, що якъ кобель укусыть корову, то болизнь у неи настане ривно черезъ мисяць.

Старый москаль Павлюкъ, стоявшій до той поры молча, тревожно взялся за голову и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Братцы, сказалъ онъ, словно припоминая что-то, а вѣдь у меня никакъ кобель пропалъ... Собаченка значитъ... Кажись ровно мѣсяцъ тому будетъ... Я запамятовалъ.

На секунду все смолкло. Не смотря на то, что почти всѣ кореневцы знали о пропажѣ Павлюковой собаки, извѣстіе это было новостью по той связи, какая неожиданно устанавливалась между бѣгствомъ собаки и заболѣваніемъ скота. Стали считать да высчитывать, такъ и есть—ровно мѣсяцъ прошелъ... Какъ разъ на Петра и Павла былъ мѣсяцъ, какъ собака пропала. Около того же времени случились и первыя заболѣванія.

Лица всѣхъ обратились къ Павлюку съ нѣмымъ упрекомъ. Всѣ лица какъ бы говорили: какъ же это ты такъ?.. позволилъ, чтобы у тебя кобель пропалъ.

Словно угадывая этотъ упрекъ, Павлюкъ переминался съ ноги на ногу и какъ-бы извинялся.

— И Богъ его знаетъ, какъ это вышло... точно... кобель пропалъ, Ей—Богу, пропалъ... повторялъ нѣсколько разъ москаль, разводя въ недоумѣніи руками и словно теряясь.

Теперь стало вполнѣ ясно, отчего скотъ падаетъ въ Кореневкѣ и другихъ селахъ. Всему виной этотъ кобель. Слова знахарки, высказанныя совершенно случайно о какой-нибудь пропавшей собакѣ, подтверждались. Она еще больше поднялась въ глазахъ крестьянъ, когда явившись, сказала, что давно говорила, что это дѣло бѣшеной собаки. Собственно она никогда этого не говорила, напротивъ, недавно она говорила, что это дѣло „того пана“, но настроеніе толпы было таково, что она въ эту минуту могла приписать себѣ какое угодно мнѣніе и ей безпрекословно повѣрили-бы. Да и почему знать, въ самомъ дѣлѣ,—можетъ она это и говорила? Мало-ли чего она не говорила, переходя изъ одной избы въ другую.

Конечно, послѣ того, какъ открылась причина эпидеміи, ей ничего не стоило совершенно подорвать довѣріе къ словамъ уз-проѣзжаго пана о воспаленіи легкихъ и о признакахъ, какъ узнать эту болѣзнь. То, съ чѣмъ такъ охотно соглашались кореневцы въ присутствіи пана и что было нѣсколько поколеблено по его выѣздѣ,—теперь потеряло въ глазахъ крестьянъ всякое довѣріе. Нѣкоторое согласіе словъ пана съ мнѣніемъ Ивана Нечипорука набрасывало сильную тѣнь неблагонамѣренности на послѣдняго. Объ Иванѣ крестьяне избѣгали даже говорить, считая его заговорщикомъ противъ благосостоянія людей, участникомъ нечистой таинственной силы, вредящей православнымъ людямъ.

VIII.

— Ну, то слухайте-жъ, теперь я знаю що робыты, говорила самоувѣренно Олеська. Треба даты худоби покой до другои зори. Колы вона на другу зорю визьме хлибъ, то певне що выздоровіе, а колы не визьме, а тильки понюхае, то мабуть здохне... Колы на третью зорю ще визьме хлибъ, то ще надія есть, ну, а після третеи зори безприминно здохне.

Ее слушали и дивились ея мудрости, хотя,—странное дѣло,—она собственно ничего не говорила кореневцамъ. Все это было извѣстно и раньше.

— Я також казавъ, що певне худобу скажена собака покусала, бо на собаку кидается, сказалъ одинъ крестьянинъ, желавшій блеснуть передъ „громадой“ своими познаньями. Но его тотчасъ-же перебила знахарка.

— Не правду ты кажешь, Опанасъ. Хиба-жъ здоровая корова або вилъ не кидается на собаку? И здорова также кидается... Та ще не сказылася, що кидается на собаку... А та, що кинется на человика, або на коня, та запевне вже скаженая.

— Правда, правда... послышалось въ толпѣ. Крестьянинъ заявившій такъ не кстати свои показанія, скрылся за спинами своихъ товарищей.

— А то ще бувае,—начала Олена, ободренная общимъ вниманіемъ и ходомъ дѣлъ, ясно складывавшимся въ ея пользу,—а то ще бувае, що товарина объистся травы такой... И она стала разсказывать, хвастать своими познаньями и опытностью. Есть такая трава, росте вона въ болоти и называется „вѣхà“... То якъ наистся скотына теи трави, то такъ и пиде у неи зъ рота пина, такъ комками и пиде. Але то не бѣшенство. То самая простая хороба. Еи можно зразу познаты, у худобины животъ разопре що и годи ..

Олеська умѣетъ распознавать, она знаетъ и лѣкарство противъ этой болѣзни—слово такое.

Чего, чего только не знаетъ знахарка. Ее слушали съ такимъ вниманіемъ, какого рѣдко кто удостоивается въ деревнѣ. Да и какъ было ее не слушать? Она говорила такъ просто и такъ естественно, такъ понятно и, главное, не брала денегъ за свои услуги. Она всегда предпочитала взять кусокъ полотна или сала, или крупъ, или еще чего-нибудь... Она заключала въ себѣ всѣ лучшія качества, для того чтобы нравиться крестьянамъ, и вполнѣ подходила къ той роли, которую совершенно случайно усвоила себѣ. Ей можно было предсказать хорошій успѣхъ въ медицинской практикѣ. Когда ее спросили, отчего бываетъ бѣшенство, она наговорила такъ много, что и не перескажешь всего.

— А ось, наприкладъ, муха... говорила она. Вона також буває скаженая. И знаете, отъ чого вона казыться?

Въ толпѣ отрицательно кивали головой.

— Я вамъ скажу. Колы, наприкладъ, лежить на дорози, або на улыци горшокъ, або гладышка, або наветь черепокъ зъ дырочкою,—бо буває часомъ въ черепки дырочка,—то якъ тильки муха пролетыть черезъ тую дырочку, такъ заразъ и сказыться. Сяде на собаку, укусить,—собака сказыться... Собака укусыть корову,—корова сказыться... А тамъ часомъ и до чоловика дойде... Такъ и пиде бѣшенство по свити.

Кореневцы внимали.

Но разсказами, извѣстно, дѣлу не поможешь. Нужны мѣры въ бѣдѣ. Какія средства противъ бѣшенства? На этотъ вопросъ знахарка благоразумно умолкала или отвѣчала на него слишкомъ неопредѣленно. Впрочемъ, она посовѣтывала на всякій случай, мазать дегтемъ голову коровы и особенно лобъ. Можетъ быть, это и предохранитъ скотину отъ бѣшенства; хотя, конечно, въ жизни какъ человѣка, такъ и скотины воленъ одинъ Богъ. Уѣзжая въ другое село, куда ее тоже требовали для борьбы съ той-же эпидеміей, она сказала, что если скотина тяжко заболѣла, то лучше, не прикасаясь къ ней, вытянуть ее веревками за село и закопать живой. Къ этому, по ея выѣздѣ, кто-то прибавилъ, что закопать слѣдуетъ не какъ-нибудь, а именно въ стоячемъ положеніи.

— Ну, люде добры, колы таке вже лыхо выпало на нашу долю, то треба вже закопаты по настоящему, на встоячки...

— Эге, эге, а на спыну закопуваты не можна, бо тее мисце буде нечисто и на нему ничого не можна буде поставыты—ни хаты, ни куни... Хоть перенесы хату на друге мисце.

Стали припоминать кореневцы разные случаи, когда и гдѣ скотина падала, что и какъ люди тогда дѣлали... Средство было по существу такое простое. Нѣкоторые хозяева, особенно потерпѣвшіе, даже удивились, какъ это средство не пришло имъ раньше въ голову. Если-бы первую павшую скотину,— Ефремову быньку,—да закопать такимъ именно образомъ, быть можетъ, и эпидеміи тогда не было-бы.

Когда заболѣла слѣдующая корова, ей уже не дали подохнуть. За куней, на огородѣ кореневцы вырыли яму въ ростъ человѣка. Больную корову обвязали веревками, поволокли ее въ яму, долго старались поставить на ноги и, наконецъ, при большомъ шумѣ и „гомонѣ“, закопали, засыпали землей.

Падежъ все таки не прекращался.

— Святый Боже, що се за напасть такая! Нищо не помогае.

— То певне брешуть все, що худобу треба навстоячки закопаты. Одинъ чортъ—що на спину, що на ноги... говорили скептики, потерявшіе довѣріе къ испытанному средству.

Но ихъ мнѣніе тотчасъ-же разбивалось.

— А ты почемъ знаешь, що не поможе? Бо хочь мы и закопалы еи, але все таки не по настоящему, не такъ якъ треба. То бокомъ вона ледащая ляже, то все ноги пидъ себе хоче подложиты. А якъ-бы то еи закопаты, якъ слѣдуе, то тоди...

Дѣйствительно, закапываніе было всегда такъ суетливо, что одна слава была, что ее закопали „навстоячки“, а на самомъ дѣлѣ кто ее разберетъ, какъ она закопана, когда она ворочаетъ ногами и туда, и сюда и не дается и когда всѣ кореневцы въ одно и тоже время кричатъ безъ умолку, совѣтуютъ одинъ другому, при непрерывномъ ревѣ больной коровы.

Эпидемія, взявши достаточное количество жертвъ, стала сама собою стихать. Случилось такъ, что одну изъ ея послѣднихъ жертвъ крестьянамъ удалось закопать именно такъ, какъ это требовалось правилами неписанной народной медицины. Больную корову поддерживали кольями, пока засыпали яму и не дали ей пасть на ноги. Прекращеніе эпидеміи объяснилось именно этимъ послѣднимъ случаемъ удачнаго зарытія больной скотины. И самые упорные скептики должны были признать силу предпринятаго для ослабленія эпидеміи средства.

IX.

Чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ Кореневку ветеринарный врачъ, до котораго дошли слухи объ эпидеміи.

Онъ попалъ прямо на благодарственный молебенъ, который батюшка служилъ торжественно на улицѣ. Ветеринару ничего не оставалось, какъ присоединиться къ молящимся и возблагодарить Господа Бога, что эпидемія кончилась. Онъ такъ и сдѣлалъ. Узнавъ однако, какими мѣрами кореневцы прекратили бѣду, врачъ обратился къ крестьянамъ не то съ упрекомъ, не то оффиціально съ рѣчью о непринятіи должныхъ медицинскихъ мѣръ и о вредѣ суевѣрій и предразсудковъ, вообще.

— Ну, скажите пожалуйста... Подумайте вы хорошенько, такіе вы этакіе, что толку въ томъ, что вы живьемъ ее закопали? Она бы, можетъ, и выздоровѣла, а вы...

— Де вже ій, пане, выдужаты, колы вона на ноги падае и чахне...

— Въ такомъ случаѣ убить ее...

— Зачимъ убивать? Ще може, бороны Боже, кровь брызне на чоловика, або кобель лизне... И пошла бы, эта самая зараза, якъ вы кажете...

— А все таки вы не хорошо дѣлаете, что по близости закапываете.

— А дежъ по вашому еи закопать? На могилки еи занесты, подшутили крестьяне,—да хреста поставыты...

— Ну, скажите пожалуйста .. Зачѣмъ на могилки? Подальше куда нибудь можно, на поле что-ли...

— На чье поле? возразили крестьяне. Кто позволитъ у себе на поли закопать такую скотину? Поле перестанетъ родить.

Молчаніе.

— Почему вы не дали мнѣ сейчасъ знать?—спросилъ врачъ, зная, впрочемъ, что отвѣтятъ на это крестьяне.

— Бо васъ дома не було. Да що бы вы намъ помоглы?

— Ну, скажите пожалуйста... а все таки. Можетъ и помогъ-бы...

— Э, хе, хе... Що мы вамъ скажемъ, паночку. Вже колы намъ приключилося таке лыхо, то чоловикъ тутъ ничого не подіе. Бо, наприкладъ, якъ чоловикъ заслабне, то и винъ не завше выздоровіе... Винъ и говорить може, его и спытаты можно: що у тебе болыть и де? Та и той вмре... А тутъ на скотыни...

почемъ тутъ узнать, що у неи за болпзнь такая? Мовчить соби да реве, да и годи... Що тутъ чоловикъ зробыть? Воля Божа...

Ветеринару не кстати было, конечно, распространяться о своихъ медицинскихъ познаніяхъ и ветеринарной опытности; но и онъ не могъ внутренне не сознаться, что вопросъ, поставленный крестьянами, имѣлъ полный свой резонъ. Онъ, дѣйствительно, затруднился бы опредѣлить, устранили-ли бы его мѣры эпидемію, при современномъ санитарномъ положеніи деревни и при недовѣріи кореневцевъ къ медицинѣ. Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ, пользуясь собраніемъ крестьянъ почти цѣлой деревни, онъ началъ давать общіе совѣты крестьянамъ, какъ слѣдуетъ обращаться при той или другой болѣзни скота.

— Ну, вотъ чума, напримѣръ, говорилъ онъ... Эта болѣзнь, слышно, распространяется въ разныхъ губерніяхъ. Тоже вѣдь опасная... А что вы съ ней подѣлаете, если не обратитесь къ доктору...

— Что подѣлаемъ? Натремъ жевтачки...

— Это что такое?

— Трава такая, жевтачка прозывается. Вона росте всюды... Треба еи натерты, то изъ неи пиде такій сокъ. А потимъ той сокъ треба перемишаты зъ селитрой,—тай даваты скотыни... У насъ такъ кажуть.

— Ни, це ще не все, прибавилъ другой крестьянинъ. Треба ще до цего добавыты... Ой, якъ еи зваты... Крестьянинъ задумался, припоминая.

— Сулемы, вспомнили другіе.

— Эге, эге,—сулемы, якъ еи называють. Та змишаты все, збовтаты въ бутылки, тай влыты въ ротъ худоби.

— Ну, скажите пожалуйста, не утерпѣлъ докторъ, ну вотъ хоть бы сулемы... Вѣдь нужно знать сколько положить и до чего.

— Ни, у насъ скильки придется. Якъ дуже крычыть худобына, то мы бильше положимо.

— Но вѣдь это ядъ? Вѣдь вы можете этимъ повредить...

— Ни, не що... стояли на своемъ крестьяне.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ врачъ узналъ, что отъ кровавой мочи у кореневцевъ практикуется издавна какое-то зелье

подъ названьемъ „кривавныкъ", а отъ запора прекрасно дѣйствуетъ василекъ и петрушка, и что если человѣкъ взбѣсится, то самое лучшее стереть въ порошокъ засушеннаго „маеваго жучка" и дать ему выпить... и „чоловику зразу полегшае, очнется, мовъ нибы писля крипкого сну" и т. п. Много узналъ интереснаго ветеринаръ и чѣмъ больше разговаривалъ, тѣмъ больше узнавалъ медицинскихъ новостей. Но замѣчательно, что крестьяне не заикнулись ни объ одномъ заговорѣ. О заговорахъ и нашептываніяхъ можно было говорить кому угодно, только не ветеринару. Зная, что ветеринаръ лѣчитъ „своими" лѣкарствами, крестьяне словно хотѣли противопоставить ему свою медицину.

Задавъ еще два-три вопроса, касающихся непосредственно эпидеміи, для того, чтобы написать отчетъ о ней главному врачу, врачъ тронулся въ путь дальше... Онъ спѣшилъ. У него положительно не хватаетъ времени и голова идетъ кругомъ отъ множества занятій, ожидающихъ его въ каждомъ селѣ.

X.

Когда онъ трясся въ простой, деревенской телѣгѣ по кореневской плотинѣ, онъ очень удивился, что его возница въ одномъ мѣстѣ быстро соскочилъ съ воза, подбѣжалъ къ лежавшему въ сторонѣ глиняному черепку, энергично разбилъ его въ дребезги, такъ что даже лошадь насторожила уши, и притопталъ черепки ногами.

— Это зачѣмъ?

— Пытаете—зачѣмъ? А затѣмъ, значить, чтобъ на скотину здоровійше було.

— Черепокъ-то зачѣмъ разбилъ? крикнулъ съ досадой врачъ, думая что возница глухой. Чего съ воза слѣзалъ?

— Зачимъ розбывъ? началъ возница, медленно влѣзая въ возъ. А затымъ, що пече дуже, то може буты на муху не добре, то щобъ не було часамы того, щобъ не сказылася...

Ветеринаръ выпучилъ глаза и посмотрѣлъ въ такіе же выпяченные глаза возницы. „Дуракъ, или идіотъ, или сумасшедшій“, мелькнуло ему въ головѣ.

— Вьё—ё... сказалъ возница, примащиваясь на передкѣ и дергая то одной возжей, то другой. Лошадь понатужилась. Телѣга тронулась.

— Да ты скажи толкомъ: зачѣмъ черепокъ разбилъ?

— А? повернулся къ нему тотъ. А затѣмъ, значитъ, какъ въ этомъ самомъ черепкѣ, да буде скажемъ, дырка... а какъ муха, пролетѣвши этую самую дырку, да укуситъ, значитъ, кобеля... а кобель скрутытся...

— Что—о?!. Возница повернулся лицомъ къ ветиринару.

— Эге, эге, ей—богу, скрутытся... такъ и скрутытся, значить, сказытся... скаженный буде. А кобель укусить корову и корова также скрутытся... Ей—Богу, повторялъ нескладно возница слова знахарки. А корова, значитъ... Вьё—ё—ё! крикнулъ онъ, видя, что лошадь, пользуясь отдаленными медицинскими соображеніями хозяина, готова была остановиться совсѣмъ.

Врачъ ничего не понялъ въ этой белибердѣ.

— Кто тебѣ говорилъ это?

— Кто? Олеська казала... И на кошку перейде потимъ, и коняка скрутытся... А отъ коняки и на чоловика часомъ, и чоловикъ скрутытся...

— Ну, ну, поганяй, съ досадою сказалъ врачъ, напрасно старавшійся понять что либо въ словахъ кучера, который въ полголоса долго еще бормоталъ про себя что-то такое, время отъ времени то и дѣло вставляя слово „скрутытся“. „Кретинъ, настоящій кретинъ“, думалъ врачъ, съ соболѣзнованіемъ глядя на лоснившійся и совершенно потемнѣвшій отъ загара затылокъ крестьянина.

Проѣзжая выгономъ и кореневскимъ лугомъ, ветеринаръ увидѣлъ кореневское стадо, благополучно пасшееся и значительно порѣдѣвшее въ своемъ числѣ. Худыя, истощавшія коровы, отгонялись хвостами отъ назойливыхъ мухъ и изрѣдка ревѣли, должно быть по своимъ братьямъ, павшимъ въ первой борьбѣ съ эпидеміей.

Невдалекѣ съ пастухомъ во главѣ стояло другое стадо: группа кореневцевъ разсуждала всё о томъ-же, т. е. „что въ животѣ и смерти Богъ воленъ, что никто какъ Богъ“... И удивительно, въ этомъ старомъ, какъ свѣтъ, изреченіи крестьяне умѣли находить всё новыя и новыя стороны, и толки длились безъ конца... При появленіи барина, они сняли шапки.

— Да смотрите-же, немедленно увѣдомьте меня, если еще что случится, крикнулъ ветеринаръ такимъ тономъ, въ основаніи котораго слышалось: „если случится что нибудь, то, по всей вѣроятности, меня и тогда не будетъ дома или почему нибудь недосужно будетъ“.

— Нехай Богъ бороныть! крикнули въ отвѣтъ крестьяне тономъ равнодушія, въ основаніи котораго слышалось: „и безъ тебя обойдемся... какъ и теперь обошлись“.

Грустныя всё мысли приходили въ голову ветеринара. Но онъ прогонялъ ихъ, стараясь обдумывать форму оффиціальнаго донесенія о томъ, что „эпидемія началась безъ его увѣдомленія и оная прекратилась, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, о чемъ честь имѣю“... Впрочемъ, зной не благопріятствовалъ умственнымъ упражненіямъ врача, и онъ сталъ равнодушно смотрѣть то по сторонамъ, то на курчавую, густоволосую голову, которую возница обнажилъ, „щобъ не такъ потно було“...

— Одиннадцать, двѣнадцать... пятнадцать... считалъ между тѣмъ про себя тотъ, откладывая у себя по пальцамъ. Потомъ, вдругъ оборотившись къ сѣдоку, спросилъ: скажить вы мини, скильки буде—пять рубливъ, да еще четыре безъ двухъ злотивъ и двадцятки да ще шисть рубливъ?

— Зачѣмъ это тебѣ знать?

— А значитъ у мене три коровы сказылыся. А на ярмарки въ Клинцахъ мини за одну давали пять рубливъ, за другую четыре безъ двухъ злотивъ и двадцатки, а за третью— шесть... То я теперь жалкую, що не продавъ... Мавъ-бы багато грошей лыхо-ма.

— А теперь у тебя осталось что нибудь?

— Два телятка. Колысь будуть добрыи бычки.

— Ну, поганяй-но, трогай!

— Вьё—ё! крикнулъ возница, снова дергая возжи и неперставая посматривать по сторонамъ, нѣтъ-ли еще гдѣ нибудь зловреднаго черепка?

Ѳ. Кудринскій.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Ученіе пошло своимъ порядкомъ.—Словесность преподавалъ у насъ Александръ Власіевичъ Огіевскій, бывшій священникъ Варварской церкви, прежній префектъ, впослѣдствіи кафедральный протоіерей. Онъ же былъ и экономомъ семинаріи. По происхожденію онъ былъ чистый малороссъ, родомъ изъ нѣжинскаго уѣзда, села Талалаевки, сынъ священника. Характера онъ былъ добраго. Читалъ онъ словесность, риторику, а иногда дѣлалъ выписки изъ другихъ источниковъ, которыя служили большимъ подспорьемъ къ нашимъ познаніямъ, тѣмъ болѣе, что многіе, какъ попугаи, учили латинскія дефиниціи, не зная перевода. Потому многіе задачъ латинскихъ не приготовляли и не подавали, а если нѣкоторые изъ плохихъ учениковъ, и подавали, то часто онѣ возвращались безъ поправокъ. Однажды, не знаю, по какому случаю, я опоздалъ въ классъ. Въ это время по тамбуру тогдашнему и входнымъ сѣнямъ ходили учитель Огіевскій и Силятицкій. Тутъ мнѣ досталось отъ послѣдняго: онъ началъ обзывать меня лѣнтяемъ и другими обидными словами, говоря, что я переведенъ не по достоинству, а подкупомъ и что меня вовсе нужно исключить изъ семинаріи. Не знаю, какъ я вошелъ въ классъ, совершенно растерявшись и думая, что я пропащій человѣкъ.—Конечно, послѣ горя бываетъ иногда и радость. Со мною на квартирѣ стоялъ Николай

[1]) См. „Кіев. Стар". 1895 г., № 4.

Васильевичъ Митькевичъ изъ селенія Жуковки, сынъ священника. Я ему первому, вышедши изъ класса, разсказалъ мою горестную встрѣчу. Онъ меня ободрилъ: „Развѣ ты не знаешь Силятицкаго? Онъ злился на тебя и въ своемъ классѣ за то, что ты не согласился стоять у него на квартирѣ: но все-таки ты много лучше третьей части переведенныхъ. Не унывай, а какъ учился, такъ и учись“. Слова его на меня сильно подѣйствовали: онъ былъ изъ первыхъ учениковъ и прилежный въ высшей степени; нынѣ архіепископъ калужскій Григорій. Я училъ лекціи прилежно. Исторію Шренка читалъ намъ профессоръ Иванъ Ивановичъ Образцовъ. Онъ же былъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Человѣкъ онъ немного своенравный. По множеству учениковъ, онъ за первую треть одинъ только разъ спросилъ меня. Помню, я отвѣтилъ хорошо, но, вѣрно по рекомендаціи того же Силятицкаго, онъ все-таки поставилъ меня первымъ въ третьемъ разрядѣ за первую треть предъ Рождествомъ. Онъ же читалъ греческій языкъ, но я былъ на низшихъ грекахъ параллельнаго класса. Здѣсь находились словесники, всѣ второго разряда и третьяго, и часть философовъ. Лекторомъ у насъ былъ Семенъ Трофимовичъ Дорошенко. Здѣсь я стоялъ во второмъ разрядѣ. Кончилась треть... Прочитали списки. Товарищъ и другъ мой Иванъ Дроздовъ стоялъ высоко во второмъ разрядѣ (это уже въ общихъ спискахъ), а мною и Борзаковскимъ Ефимомъ кончался 3-й разрядъ. Послѣ сего человѣкъ десять исключили за неуспѣшность и нехожденіе въ классъ. Тотъ же Митькевичъ опять мнѣ говоритъ: „вотъ какая правда: Донцовъ ничуть не лучше, а во второмъ разрядѣ, да еще и высоко. Одно, что ты пишешь нехорошо и неразборчиво. Однако не унывай: ты свое возьмешь; я вижу твое стараніе“. Слова его впослѣдствіи оправдались. На праздникъ Рождественскій Огіевскій далъ намъ тему: „Праздность вредна“, чтобы мы послѣ праздниковъ подали 12 періодовъ. Мы разъѣхались по домамъ. Послѣ Крещенія мы собрались на ту же квартиру Высокоцкой и начали подготовлять періоды къ подачѣ. Вечеромъ я и говорю: „Николай! Посмотри мой періодъ и, сколько можно, исправь“! „Я около своихъ вожусь и го-

товлю къ перепискѣ, а тутъ еще твои неразборчивые періоды читать". Онъ замолчалъ, но вскорѣ сказалъ: „а ну подай, да и самъ смотри". Прочитавши первый періодъ и исправивши, онъ началъ читать сравнительный, содержаніе котораго, на сколько помню, слѣдующее: какъ искусный птицеловъ, насыпая подъ сѣти кормъ, уловляетъ птицъ, такъ діаволъ празднаго человѣка завлекаетъ въ свои сѣти, дѣлаетъ его орудіемъ гнусныхъ и противозаконныхъ поступковъ. Прочитавши сей періодъ, онъ сказалъ: „я твое сравненіе возьму себѣ, а тебѣ отдамъ написанное мною, какъ искусный рыболовъ". Перечитавши и исправивши всѣ періоды, онъ сказалъ: „возьми чистой бумаги, какъ можно тоньше, полиней и перепиши. Тогда резиною вычистишь линейки и подавай. Повыучивалъ ли ты русскія выписки?"—„Очень исправно"—говорю я. Періоды подавались на русскомъ языкѣ. Почти всю ночь провозились мы съ перепискою ихъ. На другой день всѣ ученики должны были подать. Тѣ, у кого были готовыя тетрадки, складывали ихъ на столикъ. Пришелъ въ классъ Огіевскій. По прочтеніи лекціи, выходя изъ класса, онъ завязалъ въ платокъ тетрадки и забралъ всѣ на домъ. Домъ его былъ близъ Варварской церкви, нынѣ принадлежитъ діакону Лавровскому. Онъ сказалъ, что всѣ, кто не подалъ періодовъ, могутъ принести ему на домъ. Затѣмъ, разсортировавши тетради лучшихъ учениковъ, выставилъ для пересмотра своего, а прочихъ сдалъ первому ученику Костюрову для поправокъ и подписи похвалъ. Этотъ ученикъ данъ былъ Огіевскому въ помощники по сему предмету вслѣдствіе множества словесниковъ (ихъ было больше ста). Прошла недѣля, и Огіевскій приноситъ въ классъ большой платокъ тетрадей. Начинается раздача. Сначала раздаются сочиненія ученикамъ перваго разряда и читаются во всеуслышаніе похвалы. Это длилось около часу. Наконецъ, доходитъ рядъ и до меня. Взявши мою тетрадь, онъ сказалъ: очень прилежно, если самъ приготовлялъ; на вопросы его я началъ репетитовать такъ, что онъ только губу закусывалъ и говорилъ: „recte". Онъ долго меня спрашивалъ, и я на все отвѣчалъ удовлетворительно. Я сидѣлъ въ концѣ второй партіи, между большаками, но ослами. Ни

одинъ изъ нихъ ни въ зубъ не зналъ. Тогда онъ сказалъ: „подери всѣхъ ихъ за уши“. Я принужденъ былъ исполнить приказъ. Они отворачиваютъ головы, но я свое дѣло исполнилъ, что произвело всеобщій смѣхъ. Затѣмъ учитель сказалъ: „оставь ословъ, а вы ступайте всѣ до порога“—и велѣлъ сѣсть вторымъ на второй партіи, помню, со словами: „достигнешь своей цѣли“. Выходя изъ класса, обиженные начали меня толкать, но другіе вступились за меня, говоря, что я не виноватъ, такъ какъ мнѣ было приказано. Митькевичъ былъ въ восхищеніи; напротивъ, Донцовъ надулся, не хотѣлъ говорить со мною, потому что я посаженъ выше его, старался меня упрекать, но я, зная его характеръ, переносилъ все хладнокровно, тѣмъ болѣе, что я по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ ѣздилъ къ нему въ домъ, въ Кіянку, въ 7 верстахъ отъ Чернигова, и всегда былъ принимаемъ его родителями, какъ членъ ихъ семьи. У него былъ еще братъ Илья, тоже учившійся, но плохо, бездарный. Впослѣдствіи онъ вышелъ изъ духовнаго званія, служилъ по гражданской службѣ, ѣздилъ въ Петербургъ на службу, но мало добраго выслужилъ. Онъ воспользовался большею частью отцовскаго имѣнія; жилъ въ Черниговѣ, но, кажется, велъ незавидную жизнь. У нихъ была еще одна сестра, Марія. Отецъ Донцовыхъ—священникъ Василій; жена его—Екатерина Алексѣевна. Первый былъ очень суровый человѣкъ и скрытный; онъ любилъ выпить, но тайно: живя близъ города, онъ берегся. Впослѣдствіи онъ сгорѣлъ въ овинѣ, вѣроятно заснувши пьянымъ. Жена же его была очень добрая женщина, любившая чрезмѣрно своихъ дѣтей, вслѣдствіе чего и я былъ, какъ свой, въ ихъ домѣ.

Ученіе мое послѣ случившейся для другихъ катастрофы пошло гораздо успѣшнѣе по всѣмъ предметамъ. Много служило подспорьемъ неусыпное занятіе Митькевича, особенно въ зимнее время. Ночью онъ, во избѣжаніе помѣхи, поужинавши, всегда ложился раньше и, какъ только всѣ начинаютъ засыпать, онъ выкресываетъ огонь, зажигаетъ свою свѣчу и занимается за полночь. Я тутъ же подсаживаюсь къ нему. Онъ всегда первоначально разсердится, что я ему мѣшаю и что его собственная свѣча горитъ. Наконецъ, наступаетъ тишина. Я

стараюсь, сколько возможно, чтобы ему чѣмъ-нибудь не помѣшать, и только, когда увижу, что онъ уже пресытился своими занятіями, начинаю его спрашивать и просить пояснить мнѣ прочитанное или же перевести латинскую лекцію. Если онъ въ духѣ, то дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, а нѣтъ—на отрѣзъ откажетъ. Но большею частію мы сходились. Подкупа онъ не любилъ, и своего не любилъ тратить, такъ что, если онъ привезетъ съ собою 50 коп. сер., то еще у него останется третья часть, когда онъ выѣзжаетъ домой. Предъ праздникомъ Воскресенія Христова за нимъ пріѣзжаетъ челядникъ верхомъ съ двумя лошадьми. Такимъ образомъ они верхами отправляются домой, черезъ Десну на паромѣ, а тамъ до Жуковки сухимъ путемъ. Впослѣдствіи онъ окончилъ семинарію вторымъ и посланъ въ кіевскую академію, на второй годъ поступилъ въ монахи. Послѣ онъ былъ инспекторомъ кіевской академіи, ректоромъ ярославской семинаріи, наконецъ, ректоромъ же казанской академіи, которой былъ и строителемъ и изъ которой хиритонисованъ въ Епископа Калужскаго 9 декабря, кажется, 1848 года. Нынѣ онъ Архіепископъ Калужскій.—Я только одинъ годъ простоялъ у Высокоцкой вмѣстѣ съ нимъ. На другой годъ его квартира была за Стрижнемъ, гдѣ онъ и окончилъ семинарію, стоя на квартирѣ постоянно вмѣстѣ съ родственниками. Я же и Донцовы остались на той же квартирѣ. Послѣ экзаменовъ я стоялъ по всѣмъ предметамъ во 2-мъ разрядѣ, въ половинѣ.—У Высокоцкой же занималъ отдѣльную комнату Иванъ Григорьевичъ Кулжинскій. По моему прошенію, мать поручила меня на треть подъ его инспектуру. Сначала онъ усердно по утрамъ или вечеромъ занимался со мною не болѣе двухъ мѣсяцевъ, послѣ наотрѣзъ отказался, говоря, что у него нѣтъ свободнаго времени, отдавалъ мнѣ причитающіеся 10 рублей ассигнаціями, но я не взялъ, а потому въ свободное время онъ звалъ меня, велѣлъ при себѣ писать, послѣ поправлялъ. Въ началѣ декабря онъ перешелъ съ квартиры, такъ какъ здѣсь напротивъ была кухня, а онъ любилъ тишину и просиживалъ, занимаясь, ночи. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ Нѣжинскаго лицея и далѣе директоромъ.

Въ началѣ второго года выбылъ профессоръ Образцовъ. На мѣсто его прибылъ профессоръ Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ и еще для преподаванія греческаго языка профессоръ Іосифъ Іоакимовичъ Самчевскій. Образцовъ впослѣдствіи былъ архіепископомъ. Онъ уже лѣтъ двадцать живетъ на покоѣ въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Полагаю, что ему нынѣ не менѣе 90 лѣтъ.—Профессора были для меня очень полезны. Особенно Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ. Онъ же былъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Вскорѣ онъ женился на Марьѣ Федоровнѣ Крапивинцовой. Онъ былъ великороссъ. Когда онъ, бывало, разсердится въ классѣ, то крѣпко ругается. Но вскорѣ онъ утихалъ и тогда становился кроткимъ и немстительнымъ. Онъ рѣдко воодушевлялся, но за то въ этихъ случаяхъ его историческій разсказъ доставлялъ ученикамъ полное наслажденіе. Большею же частью онъ читалъ по книгѣ, и то приходя постоянно на одинъ часъ на лекціи; а занимался онъ въ правленіи. Вообще, можно сказать, онъ былъ лѣноватъ. Напротивъ, Самчевскій былъ въ высшей степени исполнителенъ по своей должности. Едва пробьетъ колокольчикъ, уже онъ не идетъ, а бѣжитъ въ классъ. Я и Донцовъ были на низшихъ грекахъ, гдѣ преподавателемъ былъ окончившій курсъ студентъ Семенъ Трофимовичъ Дорошенко.—Однажды, на послѣдней трети второго года, на словесности входитъ къ намъ въ классъ профессоръ Самчевскій и спрашиваетъ, кто изъ учениковъ наилучше занимается уроками и переводомъ греческаго языка. Дорошенко отвѣтилъ: „Кистяковскій, Нагорскій и Донцовъ“. Тогда онъ сѣлъ въ кресло около столика и перваго вызвалъ меня къ столику и заставилъ переводить изъ хрестоматіи только недѣлю назадъ переведенныя нами повѣсти. Я бойко началъ читать и переводить и перевелъ болѣе четвертушки. При каждомъ продолженіи перевода онъ спрашивалъ склоненія и спряженія греческаго языка и остался очень доволенъ. Затѣмъ вызвалъ Донцова и Нагорскаго и велѣлъ мнѣ не садиться на партію, а ожидать. Затѣмъ, окончивши съ вызванными учениками, всталъ. Ему прочитали выходную молитву, а онъ велѣлъ слѣдовать за нимъ на высшіе

греки. Когда прочли молитву, онъ опять сѣлъ въ кресло около столика, всегда занимаемаго имъ, и предложилъ мнѣ переводить опять ту же самую повѣсть, при чемъ безпрерывно спрашивалъ меня спряженія и склоненія. Когда я окончилъ, онъ сказалъ, обратясь ко всѣмъ ученикамъ: „стыдно намъ, господа, что на профессорскихъ греческихъ лекціяхъ многіе изъ васъ не знаютъ ни склоненій, ни спряженій, ни прочихъ правилъ, между тѣмъ, какъ на лекторскихъ отлично знаютъ, чему вы очевидцы, а между тѣмъ оканчивается ваше двухгодичное занятіе греческимъ языкомъ. Наступаютъ экзамены и переводъ въ высшій классъ. Постарайтесь повторить, чтобы не было вамъ отвѣтственности за неуспѣхи. Къ тому же въ этомъ году будетъ строгій экзаменъ по случаю ожидаемаго пріѣзда ревизора“ [1]). Я оставался покоенъ на счетъ перевода: Огіевскій задачи мои отдавалъ всегда съ хорошими отмѣтками, а на послѣдней третной, представлявшей собой что-то въ родѣ проповѣди, написалъ: „сочинитель достоенъ перевода въ высшій классъ“. Таковые успѣхи мнѣ очень льстили, и я, сколько можно, старался не ослабѣвать, чтобы на экзаменахъ не ударить лицомъ въ грязь. Впрочемъ экзамены прошли благополучно. Я, помню, вызывался на двухъ предметахъ. Ревизоръ, архимандритъ Смарагдъ, кажется, тогда инспекторъ кіевской академіи, былъ очень добръ къ ученикамъ, такъ что всѣхъ классовъ ученики оставались весьма довольны его обхожденіемъ и снисходительностью. Помню, говорили, что по богословію онъ былъ болѣе строгъ и самъ по испытаніи назначилъ четырехъ учениковъ въ академію, и только двухъ тѣхъ, которыхъ предполагала послать семинарская власть, а двухъ по собственному его выбору, совсѣмъ не ожидавшихъ назначенія.—Послѣ экзаменовъ намъ прочитали списки удостоенныхъ къ переводу. Я переведенъ высоко во 2-мъ разрядѣ. Помню, насъ перевели 60 слишкомъ душъ. Болѣе двадцати душъ исключены и непереведены. Нѣкоторые изъ нихъ поступили въ свѣтское званіе, другіе женились и сдѣлались діаконами, а вскорѣ и священниками.

---

[1]) Кажется, Смарагда, впослѣдствіи Архіепископа Орловскаго.

Тогда это весьма возможно было, и впослѣдствіи были и благочинные, особенно кто побогаче; тогда не было выборовъ, а зависѣло отъ консисторіи. Наставникомъ нашимъ по философіи былъ іеромонахъ Филадельфъ, онъ же и инспекторъ семинаріи, человѣкъ, обладающій небольшими знаніями. Когда онъ читалъ логику, то часто доходилъ въ своихъ объясненіяхъ до нелѣпостей и такой неясности, что принужденъ былъ оканчивать и говорилъ: „пора выходить изъ класса, читайте молитву". Вторые классы были посвящены греческому языку. Читался большею частію Новый Завѣтъ, при чемъ вмѣнялось въ обязанность пояснять священное писаніе. Этотъ классъ занималъ тотъ же профессоръ Самчевскій. Послѣ обѣда преподавалъ математику или алгебру кандидатъ Игнатій Пахаревскій, невзрачная личность; многіе по математикѣ отставали даже изъ первыхъ учениковъ, а отличался въ познаніяхъ изъ второразрядныхъ учениковъ Ѳедотъ Мануйловичъ, такъ что и стоялъ онъ первымъ по математикѣ, что доставило ему по общимъ спискамъ степень студента. Впослѣдствіи онъ былъ священникомъ села Мезина Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, бывшій въ одно время со мною и благочиннымъ. Онъ часто заѣзжалъ къ намъ въ домъ, бывши уже благочиннымъ и отвозя своихъ дѣтей въ Черниговъ. Предъ выходомъ Николая изъ Богословія онъ заѣзжалъ и предлагалъ, чтобы Николай пріѣхалъ посмотрѣть его дочерей-невѣстъ. Онъ обѣщалъ полторы тысячи приданаго. По моемъ предложеніи Николай не захотѣлъ. Теперь онъ уже два года, какъ въ царствѣ мертвыхъ.

Ученіе въ философскомъ классѣ было гораздо привольнѣе. Новый ректоръ, архимандритъ Елецкій былъ человѣкъ добраго характера. На одинъ глазъ онъ не видѣлъ. Самъ онъ поздненько ѣздилъ въ классы, отчего и учителя не слишкомъ спѣшили, и одинъ только Филадельфъ сейчасъ приходилъ послѣ колокольчика. Это былъ небольшой черненькій монахъ съ совершенно обросшимъ лицомъ; небольшіе глаза быстро смотрятъ изъ-подъ нависшихъ бровей. За то неумолкаемо тарабанитъ, а толку мало выходитъ: обратится онъ къ кому-нибудь изъ учениковъ съ предложеніемъ повторить объясненное. Тотъ гово-

ритъ, что ничего не понялъ. Тогда онъ обращается къ Митькевичу или Крыловскому; тѣ не то что повторятъ, а еще лучше разскажутъ изъ читанной лекціи, и онъ тогда остается доволенъ и говоритъ, обращаясь къ прочимъ ученикамъ: „видите, вы не хотѣли со вниманіемъ слушать". А тамъ въ другомъ углу кто-нибудь отзывается: „сами они изъ своей головы разъясняли". Тогда онъ кричитъ: „до порога! Журавскій, вы знаете, кто это кричалъ? Укажите". А тотъ отвѣчаетъ: „не замѣтилъ". Тогда онъ указываетъ на кого-нибудь въ томъ углу и говоритъ: „ступай до порога! Слѣдующій .... и такъ далѣе. Тогда опять начинаетъ читать, и стоящіе у порога говорятъ: „Ваше Высокопреподобіе, мы не виноваты... Позвольте сѣсть за партіи". На это онъ отвѣчаетъ: „Укажите, кто говорилъ,—тогда ступайте на мѣста".—„Мы не слышали"... И кончается тѣмъ, что простоятъ они до выхода изъ класса.

Наиболѣе замѣчательнымъ событіемъ за первую треть по вступленіи въ философію было слѣдующее: не знаю, по какому случаю, вдругъ начали говорить, что въ С.-Петербургскую медицинскую академію требуется много учениковъ. Дѣйствительно, въ предыдущемъ году много воспитанниковъ туда отправилось. Отъ разговоровъ перешли къ дѣлу: болѣе двадцати душъ въ началѣ декабря мѣсяца (должно быть, 1817-го года) подало прошенія Министру Народнаго Просвѣщенія, князю Голицыну. Я также былъ не прочь, только съ тою разницей, что квартировавшій со мною у Высоцкой почтамтскій чиновникъ Кульчицкій сказалъ мнѣ, что Голицынъ за границей, а исправляетъ его должность чиновникъ Ланскій, титулъ коего онъ мнѣ доставилъ. Такъ какъ онъ писалъ хорошо, то по моей просьбѣ онъ переписалъ прошеніе, по титулу законвертовавъ, а мнѣ доставилъ квитанцію въ отсылкѣ. Мое прошеніе подано предъ самымъ Рождествомъ и было уже послѣднее, такъ что, вѣроятно, уже тогда рѣшена была и участь подававшихъ, потому что другіе подавали еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Всѣмъ было въ классѣ извѣстно о подавшихъ, обо мнѣ же знали только немногіе. Въ это время наступили праздники Рождества Христова, и всѣ отправились по домамъ. По возвращеніи въ семи-

нарію послѣ Крещенія, спустя недѣлю, письмоводители начали говорить въ классѣ, что получены обратно прошенія всѣхъ подавшихъ въ медицинскую хирургическую академію и что всѣ взяты въ контору, что на этихъ дняхъ назначено засѣданіе и судъ надъ произвольно поступившими. То-то было разговоровъ, то-то страху! Даже страшили, что будутъ наказывать тѣлесно, а что уже карцера не избѣгнуть. Послѣднее насъ не страшило и признаваемо было за должное. Между тѣмъ еще болѣе страха придало то, что Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ, секретарь семинарскаго правленія, началъ уже говорить: „какое своеволіе! безъ вѣдома начальства утруждать Министра, да притомъ за первый курсъ философіи. Дурачье!—говорилъ онъ—достанется имъ за это“.

Между тѣмъ чрезъ недѣлю послѣ сего слуха ректоръ пріѣхалъ, но не въ классъ, а прямо въ семинарское правленіе. Тамъ собранъ былъ весь авторитетъ семинарскій. Нашъ Филадельфъ также не приходилъ въ классъ. По прошествіи получаса мы увидѣли съ тамбура, что ректоръ, инспекторъ и секретарь со связкою бумагъ подъ мышкою идутъ въ классъ. Все какъ будто бы замерло, и водворилась тишина. Вдругъ распахнулась дверь философскаго класса. Прочли молитву. Ректоръ остановился на срединѣ класса, а около него прочіе. Началось увѣщаніе и выговоръ за сдѣланное самовольно отношеніе съ прошеніями министру. Много было сказано. Наконецъ, первое прошеніе Николая Волынскаго министру на высочайшее имя. Его послали къ порогу, къ грубкѣ. Ректоръ сказалъ: „становись на колѣна“. Тоже было приказано и слѣдующимъ, дошло до самыхъ плохихъ учениковъ. Инспекторъ и секретарь начали говорить: „на что вы надѣялись? Васъ слѣдуетъ повыгонять вовсе изъ семинаріи. Вы настоящіе ослы: не только въ медицинскую академію не годитесь, да и въ пономари не способны“. Моего прошенія вовсе не оказалось. Затѣмъ ректоръ сказалъ секретарю Мерцалову прочитать протоколъ семинарскаго правленія, гдѣ между прочимъ опредѣлилось ученикамъ цѣлую недѣлю ходить послѣ класса въ столовую, гдѣ сидѣть за особымъ столомъ за кружкою воды и ломтемъ хлѣба; послѣ этого являть-

ся въ классъ и стоять у печки, не садясь на партіи, послѣ чего вызвать въ правленіе и обязать подпискою, не утруждать высшаго начальства никакими просьбами безъ разрѣшенія ближайшаго начальства, о чемъ объявить по вѣмъ классамъ семинаріи, и если кто осмѣлится преступить это правило, тотъ немедленно исключенъ будетъ не только изъ семинаріи, но, по сообщеніи епархіальному начальству, изъ духовнаго званія, о чемъ по волѣ архипастыря и въ протоколѣ значится. Такъ кончилась катастрофа медиковъ. Но помню я, что человѣка два было потребовано въ концѣ года отъ начальства; это же продолжалось и въ слѣдующемъ году, а на другой годъ по окончаніи Богословія сами уѣхали. Я отъ страха почти оставилъ заниматься приготовленіемъ къ медицинѣ. Между тѣмъ Филадельфъ, когда спрашивалъ, то всегда говорилъ: „нутъ-ка, господинъ медикъ, вы латынью занимаетесь? Иногда, когда не знаешь, то отвѣтишь, что это къ медицинѣ не относится. Конечно, непріятно смотрѣть, какъ онъ карандашемъ черкнетъ,—а безъ списка онъ никогда не ходилъ, да къ тому же еще былъ и близорукъ: всякую книгу или бумагу поднесетъ къ самому носу. Изъ опасенія получить нули нужно было не отставать.

Прибывши на праздникъ Воскресенія Христова домой, я увидѣлъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе становится бѣдность и уменьшеніе во всемъ. А тутъ еще и другая бѣда: сестра Мавра, уѣхавши или бѣжавши съ капитаномъ Савицкимъ, жила съ нимъ при полку не вѣнчанная. Мать подала прошеніе на высочайшее имя, но безрезультатно. Тогда мать отправилась со мною въ Черниговъ и явилась къ Григорію Петровичу Милорадовичу и объяснила ему все. Милорадовичъ зналъ хорошо мать, такъ какъ онъ бывалъ въ Стольномъ и проживалъ у графа цѣлые мѣсяцы; къ тому же по смерти графа Ильи Андреевича Безбородко, въ 1815 году онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ опекуномъ. Онъ принялъ живѣйшее участіе и сказалъ, что сейчасъ ѣдетъ къ губернатору, тогда, кажется, Фролову-Багрѣеву, который обо всемъ долженъ былъ извѣстить мать. Вскорѣ послѣ того явился г. Савицкій съ сестрою, и здѣсь въ Стольномъ повѣнчались. Нужно было мате-

ри одѣть, прилично справить свадьбу и дать 500 рублей, потому что онъ былъ произведенъ маіоромъ, и ему нужно было сдать роту и пополнить ротныя издержки, что всегда бываетъ съ ротными командирами при сдачѣ ими ротъ. Изъ Елецкаго полка онъ былъ переведенъ на вакансію младшаго штабъ-офицера и постоянно былъ въ командировкѣ, то по слѣдственнымъ дѣламъ, то по свидѣтельству коммиссіонеровъ и запаса въ магазинахъ. По этому случаю онъ былъ въ Черниговѣ, гдѣ я съ нимъ въ первый разъ увидѣлся, какъ съ родственникомъ. Помню, какой-то коммиссіонеръ Рефельтъ каждое утро присылалъ лошадей въ крытыхъ рессорныхъ дрожкахъ, и это продолжалось недѣли двѣ. Это было весною, въ маѣ или іюнѣ. Съ перваго знакомства онъ показался мнѣ человѣкомъ добрымъ. Такимъ онъ оставался и до конца жизни. Послѣ отъѣзда Савицкаго изъ Чернигова мнѣ нужно было вознаградить потерянное время, проведенное въ бесѣдѣ съ нимъ, а потому я усердно занялся приготовленіемъ къ экзаменамъ, а время летитъ какъ на крыльяхъ. Еще не все успѣлъ повторить, а тутъ наступили экзамены. Съ помощью Божіей все пошло какъ по маслу. Только что окончились экзамены, какъ пришло требованіе въ медико-хирургическую академію четырехъ учениковъ по назначенію самого начальства. Эти ученики избраны и посланы въ гимназію при участіи двухъ профессоровъ: отъ семинаріи были посланы Самчевскій и математикъ Пахаревскій. Два дня съ ряду продолжался экзаменъ въ тамошней черниговской гимназіи. Между тѣмъ на третій день, когда я пришелъ въ классъ, то меня уже ожидалъ письмоводитель Иванъ Чернявскій. Подошедши ко мнѣ, онъ сказалъ; „вчера въ полдень получено почтой именное требованіе тебя въ медицинскую академію. Сегодня послѣ первыхъ часовъ секретарь назначилъ засѣданіе. Секретарь Мерцаловъ сказалъ: „мы его не пошлемъ, а изберемъ сами кого-нибудь другого на мѣсто его“. Вышли мы изъ класса, не успѣли еще пообѣдать, какъ явился посланный отъ Мерцалова, чтобы я немедленно явился къ нему, въ домъ Крапивинцова. Я почти по стопамъ посланнаго поспѣшилъ. Являюсь... Встрѣчаетъ меня Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ съ услащеннымъ видомъ и даже

приглашаетъ садиться, что не случалось при явкѣ ученика. Свою рѣчь онъ такъ началъ: тебя требуютъ въ медицинскую академію. Мой отеческій совѣтъ—откажись! Ты здоровья слабаго, никогда не выдержишь экзамена; къ тому же климатъ петербургскій для слабыхъ убійственный. А мы примемъ тебя на полное казенное содержаніе, а, если не окажется помѣщенія, то мы выдадимъ тебѣ денежное полное пособіе. Семинарское правленіе уже распорядилось о посылкѣ сообщенія въ консисторію о доставленіи справокъ о принятіи тебя въ духовное званіе. Я тебѣ дамъ записку, и ты отправляйся въ консисторію и подашь секретарю; тебѣ, вѣроятно, отдадутъ въ руки справки". Выслушавъ такую рѣчь, я наотрѣзъ отказался сдѣлать это безъ матери, такъ какъ мать объ этомъ сама хлопотала, бывши у директора гимназіи Самарскаго съ письмомъ отъ его родича доктора Березнинскаго.—„А потому то на завтрашній день тебѣ и назначенъ экзаменъ въ гимназіи и есть отношеніе о семъ отъ гимназіи въ семинарское правленіе. Въ такомъ случаѣ ты пошли къ матери нарочнаго, чтобы она немедленно по полученіи прибыла въ Черниговъ". Я сказалъ, что моя мать находится въ настоящее время въ весьма бѣдномъ состояніи, вышедши нѣсколько лѣтъ назадъ замужъ за капитана Лазарева, который, по военному обычаю, постарался все прожить, любя бесѣды, чтобы покутить; да къ тому же въ этомъ году выдала дочь замужъ за маіора Савицкаго, которому и послѣднее, что имѣла, отдала. Онъ тотчасъ отправился къ своей полнухѣ Марьѣ Ивановнѣ, гдѣ находился и братъ ея, мой соученикъ, Михаилъ Крапивинцовъ. Онъ оттуда выходитъ и тотчасъ отдаетъ мнѣ десять рублей ассигнаціями, говоря: „пошли нарочнымъ къ матери на подводу ей". Ауденція продолжалась болѣе часа; между тѣмъ стукъ чашекъ и шипѣніе самовара означали время чаепитія. Тотчасъ подали ему и мнѣ чай въ большихъ русскихъ чашкахъ. Выпивши чашку, я поднялся благодарить, но онъ остановилъ, пока не подали другой, послѣ чего я отправился на квартиру, нанялъ отставного гарнизоннаго солдата, жившаго здѣсь на квартирѣ, жена коего была кухаркою, и, вложивши пять рублей ассигнаціями въ письмо, отправилъ его

того дня на Стольное, полагая, что онъ на другой день къ раннему обѣду поспѣетъ въ домъ матери, а на другой день послѣ того и мать пріѣдетъ. Такъ и случилось. Между тѣмъ я все-таки отправился съ однимъ Пахаревскимъ на экзаменъ въ гимназію, по неотложному второму требованію. На первый разъ мнѣ дали переводъ изъ Корнелія Непота. Я перевелъ болѣе двухъ чвертокъ. Изъ ариѳметики тройное правило и еще что-то. Но это все было очень легко, такъ что я все сдѣлалъ. Мнѣ приказано черезъ два дня опять явиться, потому что первое испытаніе было въ субботу. Между тѣмъ пріѣхала мать изъ Стольнаго. Часа чрезъ два послѣ пріѣзда мы часу въ пятомъ отправились къ Мерцалову. Онъ встрѣтилъ мать весьма привѣтливо. Послѣ непродолжительнаго сидѣнья онъ завелъ рѣчь: „Матушка, вы напрасно жертвуете вашимъ сыномъ: онъ здоровья слабаго и притомъ одинъ у васъ. Вы уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Сынъ вашъ черезъ три года будетъ священникомъ. Что же касается содержанія, то мы ему дадимъ до окончанія ученія казенное денежное содержаніе. Онъ до сего времени числился въ свѣтскомъ званіи, а теперь найденъ указъ между оставшимися бумагами покойнаго архимандрита Іеронима, и семинарское правленіе сообщило въ консисторію справку о принятіи сына вашего въ духовное званіе. Пусть онъ откажется вслѣдствіе нежеланія васъ, матери, и его слабаго здоровья отъ поступленія въ медицинскую академію. За сей годъ и за три будущіе онъ получитъ за каждый по шестидесяти рублей ассигнаціями (тогда очень большія деньги). А въ томъ, что онъ окончитъ хорошо свои науки, я вамъ порукою. Для васъ это благонадежнѣе и вѣрнѣе“. Много, много было еще говорено, при томъ съ радушіемъ и угощеніемъ вышла его благовѣрная Марья Ивановна. Я сейчасъ удалился, а они задержали мать мою еще часа на три и достигли своей цѣли: мать согласилась. Этимъ кончается судьба моего поступленія въ свѣтское званіе. Промыслъ Вышняго назначилъ другое призваніе, что и совершилось чрезъ три года. Мать отправилась вечеромъ къ директору Самарскому, и когда она передала все сдѣланное Мерцаловымъ, наконецъ прослушавши всѣ обстоятельства домашняго

быта, онъ согласился и сказалъ: „иначе мы не уважили бы семинарскаго дѣйствія и все-таки послали бы того, кого требуетъ начальство. Онъ первый экзаменъ выдержалъ, да и другой бы сошелъ успѣшно. Мать, переночевавши, поѣхала домой. Въ понедѣльникъ меня позвали въ семинарское правленіе, прочитали мнѣ приготовленную подписку. Я прочиталъ ее и тотчасъ же подписалъ. Тогда Мерцаловъ далъ мнѣ записку къ секретарю консисторіи, съ которою я туда и отправился. Дѣло было уже на столѣ у столоначальника. Я прочиталъ весь протоколъ о принятіи въ духовное званіе и здѣсь же прочиталъ приложенное письмо графа Ильи Андреевича Безбородко, на которомъ положена и резолюція преосвященнаго Михаила: „принять въ духовное званіе Кистяковскаго и зачислить его пономаремъ въ Нѣжинскую лицейскую церковь, о чемъ посланъ указъ по принадлежности“. На другой день меня опять позвали въ семинарское правленіе и объявили мнѣ, что я принятъ на полное денежное содержаніе семинарское съ назначеніемъ мнѣ 60 руб. ассигнаціями. Между тѣмъ Михаилъ Федоровичъ Крапивинцовъ вмѣсто меня держалъ экзаменъ въ гимназіи и былъ назначенъ къ посылкѣ въ медицинскую академію. Дня черезъ два мнѣ велѣно было явиться къ эконому о. Александру Огіевскому, отъ котораго я и получилъ чистыми восьмигривенниками 60 руб. ассигнаціями, нынѣ 15 рублей серебромъ. Я никогда не имѣлъ на рукахъ своихъ столько денегъ и почиталъ себя Крезомъ. Я расплатился за квартиру, справилъ себѣ сапоги, сюртукъ, брюки и жилетъ шерстяные и явился на каникулы въ обновкѣ. Здѣсь я познакомился съ архитекторомъ графскимъ; онъ жилъ въ графскомъ флигелѣ и завѣдывалъ графской библіотекой.—Черезъ него я сталъ пользоваться книгами, преимущественно театральными: Коцебу и другими авторами, а также попадалось много и историческихъ книгъ. Между прочимъ онъ предложилъ мнѣ, не поѣду ли я въ Черниговъ на подводѣ, нанятой отъ него, чтобы доставить тамъ Добрянскому изъ оранжерей два дерева—лимонное и апельсинное уже съ плодами. Я съ большою охотой согласился.

На другой день къ намъ во дворъ прибыла подвода съ означенными деревьями, изъ которыхъ на каждомъ было штукъ по десяти плодовъ, почти полузрѣлыхъ, увязанныхъ садовникомъ по его умѣнью. Я отправился и подъ вечеръ, часу въ шестомъ, прибылъ въ Черниговъ, остановясь на своей квартирѣ у Высокоцкой. Я, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не испортилъ деревьевъ или не поворовалъ плодовъ, переодѣвшись тотчасъ отправился къ Дебрянскому, а здѣсь собралось любопытствующихъ десятки душъ. Чтобы кто-нибудь не сорвалъ плодовъ, къ деревьямъ была привязана записка о числѣ ихъ. Въ домѣ я засталъ все семейство въ небольшомъ садикѣ пьющимъ чай. Я подалъ письмо. Всѣ бросились смотрѣть деревья. Точасъ ихъ внесли въ комнаты и поставили въ гостинной къ окнамъ; развязавши деревья, они отправились опять въ садикъ, пить чай. Хозяева были со мной весьма радушны. Сестры дѣвочки, Марія, Анна и Евдокія, дочери ихъ, съ любопытствомъ меня разсматривали. Послѣдней было семь лѣтъ, остальныя же постарше. Изъ разговоровъ я узналъ, что имъ очень нуженъ учитель, что съ ними занимался гимназистъ, но не захотѣлъ учиться и поступилъ въ военную службу. Они спросили меня, не могу ли я найти имъ учителя изъ семинаристовъ. Я предложилъ имъ себя къ ихъ услугамъ, и мы здѣсь же покончили дѣло: я согласился заниматься за 6 рублей ассигнац. въ мѣсяцъ; заниматься надо было каждый день по $2^1/_2$ часа. Начало занятій съ 20 августа, съ тѣмъ, что я до перваго сентября имѣю у нихъ обѣдъ. Съ квартиры я долженъ былъ приходить къ нимъ заниматься. Добрянскій занимался столярствомъ и имѣлъ много работы: у него рабочихъ было болѣе двадцати душъ, изъ своихъ крестьянъ двѣ души. Иванъ Пощупь, его крестьянинъ, былъ подмастерьемъ. Онъ обучался въ Ремесленномъ Училищѣ. За годъ въ ономъ былъ директоромъ Семенъ Ивановичъ Добрянскій, получалъ хорошее жалованіе, да и доходы имѣлъ порядочные: у него было душъ 120 учениковъ по столярной, слесарной и прочимъ отраслямъ. Рабочіе получали отъ города содержаніе, куда поступали и доходы отъ продаваемыхъ издѣлій. Домъ ремесленный, очень обширный, находился на базарной

площади, около магистрата, гдѣ нынѣ помѣщается пожарная команда. Онъ просуществовалъ послѣ того лѣтъ десять, а затѣмъ упраздненъ. Послѣ Добрянскаго директоромъ былъ одинъ изъ его учениковъ, Черниговскій мѣщанинъ Бѣлявскій, имѣвшій довольно приличный домъ, за магистратомъ и поведшій семью на панскую ногу: у него была дѣвица Марья, къ которой я былъ неравнодушенъ, имѣя впослѣдствіи квартиру въ домѣ купца Веприцкаго, противъ дома Бѣлявскаго. Возвратился я изъ Чернигова и къ радости родителей объявилъ, что я буду изъ своихъ средствъ платить за квартиру и справлять себѣ одежду, кромѣ бѣлья, а они будутъ доставлять мнѣ только годовые харчи.—19-го августа я выѣхалъ въ Черниговъ и началъ заниматься съ усердіемъ и почти все время проводилъ тамъ, возвращаясь домой только на ночь.—Прошли каникулы, начались занятія второго курса: философіи удѣлялось каждый день четыре часа. Отправился я на свою кондицію и получилъ деньги за два мѣсяца впередъ, расплатился за квартиру и отдалъ харчевыя деньги.—Дѣла шли все хорошо. Между тѣмъ, по выбытіи архіепископа Симеона, на епархію прибылъ епископъ Лаврентій. Симеонъ былъ очень вспыльчивый человѣкъ и нерѣдко при одѣваніи на служеніи давалъ такіе стусаны, что порой бывали хуже удара. Онъ очень былъ близокъ къ дому Добрянскихъ, часто бывалъ, пилъ кофе, чай съ разнымъ вареньемъ, потому что они тогда жили аристократами, были близки съ военнымъ губернаторомъ Волконскимъ и съ мѣстнымъ губернаторомъ Могилевскимъ. У него въ саду была отличная паровая баня, послѣ которой онъ угощалъ посѣтителей приличнымъ образомъ, каковое угощеніе имѣло впослѣдствіи для Добрянскаго большія непріятности. Когда пріѣзжалъ князь Репнинъ и Волконскій, то Добрянскій отправлялся и требовалъ отъ дворецкаго нѣсколько бутылокъ вина для угощенія послѣ выхода. Конечно, дворецкій полагалъ, что это дѣлается съ вѣдома князя; между тѣмъ по прошествіи нѣкотораго времени дворецкій докладываетъ, что вина осталось небольшое число бутылокъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ дворецкій представилъ ему отчетъ объ израсходованныхъ бутылкахъ вина и вмѣстѣ о взятыхъ Добрян-

скимъ каждый разъ, когда князь былъ у него. Князь вспылилъ и потребовалъ отчета о взятыхъ бутылкахъ. Пошла кутерма и разрывъ съ домомъ Добрянскихъ. Между тѣмъ до этого инцидента онъ такъ былъ близокъ, что бралъ его съ собою въ Петербургъ, гдѣ онъ выхлопоталъ себѣ потомственное дворянство, войдя въ знакомство съ высокопоставленными лицами при посредничествѣ Репнина и князя Виктора Павловича Кочубея, къ которому я впослѣдствіи писалъ письмо по его программѣ съ посылкою въ миніатюрномъ видѣ памятника полтавской битвы. Этотъ памятникъ былъ изящно сдѣланъ изъ краснаго дерева съ употребленіемъ, гдѣ нужно было для красоты, бронзы. Князь отвѣтилъ благодарнымъ письмомъ, прося его прислать второй экземпляръ съ написаніемъ стоимости онаго. По словамъ Добрянскаго, модель памятника стоитъ вмѣстѣ съ ящикомъ, въ которомъ онъ будетъ посылаться, болѣе ста рублей. Ящикъ былъ сдѣланъ тоже изъ краснаго дерева и обшитъ замшей. Все это такъ хорошо было отполировано, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, все можно было видѣть. Жена его, Анна Петровна Добрянская, иначе воеводиха, до того была близка къ губернаторшѣ, что, бывая у послѣдней, сидѣла на кровати, по обычаю азіатскому поджавши ноги, потому что губернаторша была грузинка, вышедшая замужъ за правителя канцеляріи при Ермоловѣ, Павла Ивановича Могилевскаго, получившаго мѣсто губернатора въ Черниговѣ. Марья Ивановна—такъ звали губернаторшу—была полная, очень красивая женщина. Совѣтницы и прочія дамы высшаго круга сидѣли на табуреткахъ у ногъ ихъ. Родная сестра губернатора Евфросинія Ивановна Веприцкая безъ вниманія была принимаема, отъ чего между Добрянскою и Веприцкою существовала ужасная непріязнь и одна другую при возможномъ случаѣ укоряли, первая—купчихою-банкроткою, а вторая—столяркою, вслѣдствіе чего онѣ избѣгали другъ друга и рѣдко сталкивались: если Веприцкая узнавала, что Добрянская у губернаторши, то, увидѣвшись съ братомъ, тотчасъ уѣзжала, посѣтивъ родного племянника отъ родной сестры правителя канцеляріи, который иногда пріѣзжалъ и къ ней въ домъ.—Я уже жилъ тогда у Веприцкихъ, будучи домашнимъ учителемъ,

занимаясь съ двумя сыновьями, Исидоромъ и Николаемъ; дочь же ихъ Марія ходила въ какой-то частный пансіонъ. Еремѣй Васильевичъ Веприцкій былъ богатый купецъ. Въ десятые и послѣдующіе за симъ годы братъ его торговалъ за границей въ Кенигсбергѣ, а здѣсь были приказчики; но онъ рано умеръ. Жена его впослѣдствіи вышла замужъ за исправника Левонтѣева, обративши торговлю въ капиталъ, послѣ чего и Веприцкій упалъ въ торговлѣ, такъ что имѣлъ только приказчика Лаврентія Обухова, курскаго мѣщанина, который допродавалъ остальные товары; онъ же почти никогда не бывалъ въ лавкѣ и содержалъ домъ Веприцкой, съ которой сошелся до извѣстныхъ отношеній, какъ мужъ. Мнѣ часто приходилось разнимать ихъ драку съ Еремѣемъ. Онъ постоянно кутилъ, исправляя старые долги съ помѣщиковъ при посредствѣ губернатора и правителя канцеляріи, и если только захватитъ присланныя деньги, то жена получаетъ мало, а идутъ они на кутежъ. Впрочемъ онъ изъ дома никуда не ходилъ, а иногда лѣтомъ велитъ запречь въ дрожки пару лошадей, довольно уже не-ѣзжалыхъ, однако еще крѣпкихъ и рысистыхъ, и отправляется въ Бѣлоусъ, къ какому-нибудь панку, гдѣ онъ уже напьется до положенія ризъ. Впрочемъ онъ былъ изрядный юмористъ, и иногда нужно было имѣть большое терпѣніе, чтобы не смѣяться до умору. Все описанное случилось уже по переходѣ моемъ въ „богословію". Послѣдній годъ философскій прошелъ удачно. Я почти не имѣлъ ни въ чемъ нужды, занимался однако не такъ усердно наукою, но все-таки не отставалъ, имѣя добрую память, такъ что въ богословію перешелъ между первыми во второмъ разрядѣ. Всего перешло сорокъ четыре человѣка, но къ окончанію вышло только тридцать девять учениковъ. На каникулы домой я неохотно ѣздилъ, потому что тамъ царила ужасная бѣдность отъ худой жизни капитана Лазарева; онъ жилъ отдѣльно: мать ему выстроила большую хату на огородѣ Кульмановскомъ съ сѣньми и коморою, гдѣ онъ жилъ съ женщиною, купленною въ Городищѣ у стараго Харченка, Луки Ивановича, у котораго она тоже была подставною. Съ нею и отчимъ велъ подобную жизнь, получая отъ матери полное содержаніе, а пен-

сіонъ его служилъ на водку: чаю онъ не любилъ, а отъ пунша не прочь, что въ тогдашнее время особенно было въ ходу, да и какъ не быть, когда въ Стольномъ до десяти винокуренъ, отлично перегонявшихъ спиртъ. Особенно славился отецъ Василій Воронкевичъ, который изъ яблокъ и грушъ выгонялъ спиртъ лучше всякаго рома, здѣсь продаваемаго. Сей священникъ (онъ же приходскій) былъ большой хлѣбосолъ: у него въ столовой во всякое время дня не сходила со стола водка и закуска. Онъ былъ большой практикъ: у него была ветчина, колбасы, копченые языки, и все это приготовленное въ винокурнѣ. Кто-бы ни пріѣзжалъ изъ чиновниковъ, судей или слѣдователей или тогда засѣдателей исправниковъ,—всѣ тамъ бывали, а сколько наливокъ разныхъ родовъ и сортовъ. При небольшомъ земельномъ имуществѣ онъ жилъ аристократомъ; къ тому онъ не имѣлъ семейства, кромѣ постоянно больной жены и тещи, которая завѣдывала женскимъ хозяйствомъ, и родной матери, которую впослѣдствіи онъ устроилъ на огородѣ, принадлежащемъ Воронкевичамъ. Затѣмъ прибыло еще два брата его родные: Григорій Ивановичъ съ Кавказа, штабсъ-капитанъ, кутила, женившійся и не имѣвшій дѣтей отъ польки, дочери управляющаго имѣніемъ Лизогуба, Анастасій Ивановичъ, женившійся на Тимоновской, Пульхеріи Дмитріевнѣ; семейство его и теперь существуетъ, въ числѣ коего и Олимпіада Анастасіевна Симоновичъ, и три сына: Василій въ Новозыбковѣ былъ частнымъ приставомъ; Николай служилъ въ гвардіи, а послѣ въ Архангельскѣ и не имѣлъ семейства. Третій сынъ (имя неизвѣстно) былъ полковникомъ въ гвардіи, нынѣ уѣздный Сосницкій военный начальникъ, женившійся въ чинѣ капитана въ селѣ Величковкѣ на дочери окружного начальника Владиміра Сахновскаго и имѣющій трехъ дѣтей. Онъ теперь вдовъ. Дочь воспитывается въ кіевскомъ институтѣ, а два сына въ Петербургѣ въ какой-то военной гимназіи на казенный счетъ, а дочь—на собственный. Отецъ Василій умеръ уже въ бытность мою благочиннымъ. Онъ позже лишенъ былъ мѣста и прихода вслѣдствіе вдовства и послѣдствій онаго. Онъ умеръ въ полномъ довольствѣ. Брату его Анастасію досталось боль-

ше 10 бочекъ водки, а сколько наливокъ, а также много столоваго серебра. Старшему брату Григорію удѣлена была самая малая толика. Впрочемъ, ему досталась бочка водки, которая и явилась причиной его смерти. Послѣ него винокуреніе было прекращено въ Стольномъ, такъ какъ его винокурня была послѣдней, прекратившей свое существованіе, вѣроятно, въ 1847 году. Въ бытность мою благочиннымъ я много отъ него пользовался особенно спиртомъ, наливкою и рѣдкимъ уксусомъ, и при томъ безмездно.

Въ половинѣ каникулъ, а можетъ и позже, 7-го или 8-го августа я отправился изъ дома въ Черниговъ, прямо къ Веприцкому, собственно для занятія съ дѣтьми и поступленія въ богословію. Черниговскій преосвященный (это было въ 1825 году) былъ тогда и ректоромъ семинаріи. Это былъ архимандритъ Іеронимъ, кривой на одинъ глазъ, лѣтъ 50-ти. И какъ архіерей, и какъ ректоръ, онъ отличался добротою и простотою особенно. Преосвященный Лаврентій, уроженецъ владимірской губ., тогда объѣздовъ не дѣлалъ по епархіи, а преосвященные ѣздили только по монастырямъ, куда и онъ ѣздилъ, но не въ каретѣ, а просто крытою рессорной бричкой, и не въ простяжъ. Онъ заѣзжалъ по дорогѣ къ священникамъ и вовсе не былъ требователенъ: пилъ чай ужиналъ и ночевалъ безъ всякихъ требованій, какъ будто какой протопопъ. Онъ, казалось, былъ предвѣстникомъ, что послѣ него поставятъ или пришлютъ преосвященнаго, который будетъ бичемъ духовенства.

Такъ я поступилъ въ богословію, гдѣ только сначала (первую треть) занимался усердно, а подъ конецъ, на другую треть, не сталъ носить и книгъ на квартиру, а увлекался знакомствами, опускалъ вторые часы подъ предлогомъ изобрѣтенныхъ болѣзней, а послѣ обѣда почти спалъ, когда ходилъ на еврейскій языкъ, преподавателемъ котораго былъ профессоръ словесности Охотинъ. Это классъ былъ послѣ-обѣденный всего два раза въ недѣлю. Однажды былъ переводъ изъ ветхаго завѣта, первой главы книги Моисея. Онъ спросилъ меня, а до того я съ Митькевичемъ разбиралъ ее и немного усвоилъ, вслѣдствіе чего отвѣтилъ весьма удачно, такъ что онъ поставилъ

меня послѣднимъ въ первомъ разрядѣ. Охотинъ не любилъ ревностно заниматься, да и не было болѣе трехъ или четырехъ учениковъ, которые усердно занимались и могли правильно читать и легко переводить. На богословіи я тоже успѣвалъ порядочно; къ тому же я ходилъ къ ректору Іерониму въ Елецкій монастырь два раза въ недѣлю, читать ему книги духовнаго содержанія, преимущественно въ то время издаваемыя при духовныхъ академіяхъ. Поводомъ къ тому было, что я имѣлъ квартиру, близкую къ Елецкому, а другое, что онъ былъ въѣзжъ къ семейству Должикова, нѣкогда богатаго откупщика винныхъ сборовъ, но разорившагося. Должикова была уже вдовой и имѣла одну дочь. Домъ ея былъ за магистратомъ, сейчасъ черезъ улицу, въ разстояніи не болѣе 100 шаговъ отъ дома Веприцкихъ, такъ что мнѣ нерѣдко приходилось относить ему кофе, совсѣмъ уже приготовленное, въ нарочитомъ кофейникѣ, обшитомъ толстою фланелью. Вслѣдствіе этого кофе доставлялось ему горячимъ. Все это служило мнѣ покровительствомъ въ пропущеніи классовъ, особенно вторыхъ и послѣобѣденныхъ; да и самъ то ректоръ не любилъ рано пріѣзжать, непремѣнно за часъ до вторыхъ часовъ, отъ чего часто слышались жалобы отъ философскихъ и словесности профессоровъ на постоянный шумъ у богослововъ въ сѣняхъ и на тамбурѣ. Къ тому же у насъ былъ ученикъ Тимофей Орловскій, ужасная пройдоха. Онъ былъ регентомъ семинарской пѣвчей. Это былъ большой балагуръ, изобрѣтательный разскащикъ новостей. Классъ запирался на ключъ, чтобы никто не выходилъ, а онъ своими разсказами всѣхъ смѣшилъ. Изъ окошка было видно, когда ректоръ на своей парѣ буланыхъ взъѣзжалъ на Красный мостъ. Онъ всегда своимъ юморомъ заставитъ классъ посмѣяться и замолкнуть, какъ только ректоръ высаживается изъ своей кареты, благоговѣйно, важно входитъ въ классъ, прослушавъ молитву, всходитъ на каѳедру и говоритъ: „Господи, къ кому идешь? Ты глаголеши живота вѣчнаго имаши". Тогда онъ беретъ съ каѳедры приготовленную развернутую книгу, Богословіе Ѳеофилактова, и, прочитавъ нѣсколько, остановится и говоритъ: г. Митькевичъ (или кто другой), разскажите прочитанное вами

съ присовокупленіемъ текстовъ священнаго писанія. Въ тоже время скажите кто-нибудь подходящій текстъ“. Онъ всегда обходился со мною благоволительно и отмѣтки о небытіи въ классѣ оставлялъ безъ послѣдствій. Однако же, когда приходилъ читать какой нибудь журналъ, то я тутъ придумывалъ обстоятельство, заставившее меня это сдѣлать. Наконецъ журналистъ увидѣлъ, что его отмѣтки не имѣютъ никакихъ послѣдствій, и пересталъ отмѣчать меня. Къ тому же я постарался журналиста задобрить, прося посѣтить мою квартиру и угостивши его квартой добраго пива, которое я получалъ отъ откупщика, гдѣ я обучалъ его двухъ маленькихъ дочерей русскому языку и грамматикѣ. Но этимъ не кончались мои кондиціи: меня по совѣту сестры губернатора, а также Добрянскаго, пригласили къ губернатору Павлу Ивановичу Могилевскому заниматься съ двумя дочерьми, Маріей и Екатериной, священной исторіей и катихизисомъ три дня въ недѣлю, съ платой по 10 руб. ассигнацій въ мѣсяцъ. Я съ охотой согласился, болѣе изъ честолюбія, такъ какъ у меня оказалось уже четыре кондиціи: у Веприцкаго, у Добрянскаго и откупщика, гдѣ я училъ русскому языку и читать по-французски; нѣмецкому и еврейскому языку училъ ихъ нѣмецкій еврей Фрештъ; получалъ онъ въ четыре раза большее содержаніе, чѣмъ я, да кромѣ того и жилъ тамъ же. Самъ хозяинъ рѣдко бывалъ въ Черниговѣ, постоянно жилъ по богатымъ откупамъ въ другихъ губерніяхъ. Жена управляла всѣмъ домомъ, а кассиры завѣдывали суммами, казначей отпускалъ водку и прочее.

Такъ я мало занимался богословскими предметами, тратя больше времени на кондиціи. Въ субботу я почти вовсе не бывалъ въ классѣ, т. к. въ этотъ день ректорскаго класса не было. Весной и лѣтомъ раза четыре ходили мы въ компаніи знакомыхъ дѣвицъ въ Троицу. Здѣсь была и Бѣлявская, дочь директора ремесленнаго училища, моя сосѣдка. Она впослѣдствіи вышла замужъ за моего сотоварища Тимофея Орловскаго, нашего семинарскаго регента, бывшаго по окончаніи полковымъ священникомъ въ кавалеріи. Онъ рано окончилъ свое земное поприще вслѣдствіе разгульной жизни. Лѣтъ черезъ пять я уви-

дѣлъ его въ Синявкѣ растолстѣвшаго. Онъ пріѣзжалъ въ Александровку послѣ смерти отца своего, бывшаго тамъ священникомъ Александровской Покровской церкви. Когда я его увидѣлъ, меня даже зависть взяла: пріѣхалъ онъ фаэтономъ на парѣ рысаковъ, одѣтъ былъ въ богатую рясу и такой же подрясникъ, въ то время, какъ на мнѣ была бѣдная демикотонная ряса; а потому я, наговорясь съ нимъ, имѣлъ непремѣнное намѣреніе проситься въ полкъ священникомъ; но когда я предложилъ это покойницѣ Иринѣ Феодоровнѣ, она не согласилась, говоря: на одномъ мѣстѣ и камень обростаетъ, а оно и вышло на правду. Жена его послѣ его смерти пріѣхала къ отцу въ Черниговъ и вскорѣ вышла замужъ за купца Пригорскаго, который продалъ лавку со всѣми товарами и кредитомъ и жилъ частно въ своемъ богатомъ домѣ съ женой; дѣтей у нихъ не было. Она сдѣлалась очень тучной женщиной,—да и онъ нехуже; завѣдывалъ только своею кладбищенской церковью, какъ староста, гдѣ погребена его жена и дочери—дѣвицы, употребивъ на постройку ея, училища, богадѣльни и дома для священника и причта около 50000 р. серебр.

Такъ я окончилъ семинарское ученіе въ іюлѣ мѣсяцѣ 1821 года, но не выѣзжалъ домой на каникулы, а рѣшилъ остаться въ Черниговѣ на годъ на занимаемыхъ мною кондиціяхъ. По разсчету моему, я долженъ былъ получить болѣе 500 рублей ассигнаціями, на каковыя деньги, за вычетомъ расходовъ, я и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ въ медико - хирургическую академію. Но homo proponit, Deus disponit... Оставаясь свободнымъ отъ обязательныхъ занятій, я за день передъ заговѣнами Спасовскими задумалъ отправиться на охоту подъ Калачовку, на извѣстныя мнѣ мѣста и озера, пѣшкомъ, почти въ полночь. Охота была весьма удачная, такъ что, возвращаясь предъ заходомъ солнца домой на квартиру, я уже имѣлъ 8 штукъ. Между тѣмъ по дорогѣ случилось небольшое озерцо. На моихъ глазахъ пролетѣла пара крыжныхъ и сѣла. Я выстрѣлилъ и убилъ одну на поваль, а другую подстрѣлилъ. Попробовалъ за ними полѣзть въ воду—глубоко! Со мною былъ ножъ. Я вырѣзалъ двѣ лозины, связалъ ихъ и съ ихъ помощью вытащилъ одну утку, а дру-

гая заплыла въ траву. Между тѣмъ солнце уже сѣло, а мнѣ осталось еще верстъ семь пути. Я шелъ, бѣжалъ, но ружье и убитыя утки представляли большую тяжесть. Добрался я до квартиры, когда всѣ спали. Въ кухнѣ разбудилъ прислугу и сдалъ ей дичь, а самъ легъ спать. Меня пронялъ холодъ, а къ свѣту я лежалъ уже въ горячкѣ. Помню, во время обѣда я схватился и вбѣжалъ въ столовую въ однихъ порткахъ и рубашкѣ, съ ужаснымъ крикомъ. Еремѣй Васильевичъ схватилъ меня и отвелъ въ мою спальню, позвалъ кучера смотрѣть за мною. Тотчасъ послѣ обѣда Веприцкая отправилась къ брату, и къ вечеру изъ Богоугоднаго заведенія явился главный тогда докторъ Калашъ съ фельдшеромъ, осмотрѣлъ меня, поставилъ пьявки, далъ какой-то микстуры и оставилъ фельдшера при мнѣ на ночь. На слѣдующій день, часу въ десятомъ, онъ опять пріѣхалъ, велѣлъ мнѣ перемѣнить платье, далъ какіе-то порошки и, взявши съ собой фельдшера, сказалъ, что опять пріѣдетъ часа черезъ три, а ко мнѣ приставилъ для стражи кучера. Фельдшеръ прибылъ только къ вечеру, поставилъ мнѣ промывательное, а вечеромъ и самъ докторъ прибылъ съ какимъ-то лѣкарствомъ, которое приказалъ давать черезъ часъ. На третью ночь мнѣ стало лучше, и я спалъ спокойно. Докторъ прибылъ, посмотрѣлъ и сказалъ, что теперь фельдшера не нужно, т. к. опасность была, да миновала. Онъ сказалъ Веприцкому, чтобы давать микстуру чрезъ часъ. Мнѣ постоянно готовили супъ съ цыплятами. Я почти ничего не ѣлъ, поутру выпивалъ почти насильно стаканъ чаю. Все окошко въ моей комнатѣ было заставлено лѣкарствами. Но конечно—я чужой, всѣ стѣсняются, даже моихъ учениковъ не пускаютъ въ мою комнату. Затѣмъ, у нихъ по улицѣ стоялъ домикъ, комнаты въ четыре, пустой. Его очистили и перевели меня туда. Семенъ Ивановичъ Добрянскій черезъ день навѣщалъ меня. Я просилъ его нанять мнѣ извощика и отправить домой къ матери, потому что я началъ уже, хотя съ трудомъ, ходить по комнатѣ. Веприцкая отправилась къ губернаторшѣ, и на другой день, т. е. 10-й моей болѣзни, пріѣхала буда съ евреемъ. Передъ этимъ у меня былъ докторъ и снабдилъ меня лѣкарствами и инструкціей, позволивъ ѣхать.

Все мое имущество уложили въ повозку, куда положили много подушекъ. Я болѣе всего заботился о ружьѣ и его принадлежностяхъ. Добрянскій на сильныхъ лошадяхъ проводилъ меня до Бобровицы, а вечеромъ я былъ уже въ Стольномъ. Мать въ это время была на огородѣ и что-то рвала. Я окликнулъ ее. Она перелѣзла черезъ плетень и, увидѣвъ меня, залилась слезами и дошла до дома съ подводою. Съ повозки меня почти снесли. Ночью со мной было нехорошо, но Настасія не отходила отъ постели, давая мнѣ пить прописанные докторомъ порошки и микстуры. Поутру мнѣ стало легче, и я, напившись чаю, вышелъ въ садъ и хотѣлъ, чтобы мнѣ тамъ поставили постель, но они ввели меня въ комнату. Тамъ я провалялся еще около недѣли. Наконецъ сталъ выздоравливать и гулять по двору и саду. Затѣмъ, уже вполнѣ выздоровѣвши, я сталъ опять охотиться, при томъ всегда удачно, такъ что для стола всегда достаточно было дичи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

О малорусской одѣ П. Данилевскаго, написанной по случаю нашествія французовъ. Въ январьской книгѣ «Кіевской Старины» за 1886 годъ была напечатана замѣтка г. О. Лев—аго: «Двѣ малорусскія оды изъ эпохи наполеоновскихъ временъ, къ которой были приложены: а) «Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французами побѣды 1807 года, генваря 27 числа» и б) «Ода на изгнаніе французовъ изъ Россіи». Вторая ода напечатана по двумъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ найденъ въ старинномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежавшемъ лицу, служившему въ гадячской полковой канцеляріи въ послѣдніе годы ея существованія, а другой, относящійся къ 50-мъ годамъ, полученъ отъ одного волостного писаря въ полтавской губерніи. Но, не смотря на то, что въ виду г. Лев—аго было два списка, въ трехъ мѣстахъ напечатанной въ «Кіевской Старинѣ» оды недостаетъ строчекъ, по поводу чего авторъ замѣтки высказываетъ сожалѣніе о томъ, что за неимѣніемъ другихъ, болѣе исправныхъ списковъ, приходится возстановлять полузабытыя оды по спискамъ, хотя и стариннымъ, но весьма неисправнымъ, съ пропусками строкъ и порчею стиховъ. Говоря объ этой второй одѣ и сдѣлавъ нѣсколько сопоставленій ея съ Энеидою Котляревскаго, г. О. Лев—ій оканчиваетъ свою статью вопросомъ: «нельзя-ли на основаніи всего этого признать И. П. Котляревскаго авторомъ если не обѣихъ, нынѣ публикуемыхъ одъ, то по крайней мѣрѣ второй изъ нихъ, имѣющей особенно близкое сходство съ подлинными его сочиненіями?»

Этотъ поставленный г. О. Лев—имъ вопросъ, на который до сихъ поръ никто не отвѣтилъ, мы имѣемъ возможность разрѣшить, благодаря одной маленькой, современной самой войнѣ съ французами, книжечкѣ, составляющей библіографическую рѣдкость, повидимому

неизвѣстную нашимъ библіографамъ (въ «Покажчикѣ украінськоі літературы» М. Комарова, ровно какъ и въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы» Н. Петрова нѣтъ никакихъ указаній на это произведеніе украинской литературы). Ода, о которой идетъ рѣчь, была издана въ видѣ особой книги подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *«Ода малороссійскаго простолюдина на случай военныхъ дѣйствій при нашествіи французовъ въ предѣлы Россійской Имперіи въ 1812 году»* (напечатана въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Ив. Глазунова, 1813 г., 8^{0}, 22 стрн.). На заглавномъ листѣ имени автора не означено, но въ концѣ книги, подъ одою имѣется подпись: *«Петръ Данилевскій»*. Къ одѣ приложенъ краткій малорусскій словарь, занимающій 10 страницъ (13—22).

При сравненіи текста оды въ этой книгѣ съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Кіевской Старинѣ», въ послѣднемъ, кромѣ пропуска строкъ въ трехъ мѣстахъ, замѣчаются значительныя отступленія отъ подлинника. Нѣкоторыя изъ нихъ слѣдуетъ объяснить невольною порчею со стороны переписчиковъ, другія же сдѣланы съ видимымъ желаніемъ исправить литературныя достоинства слога и выраженій, употребленныхъ въ подлинникѣ; причемъ въ виду того, что ода вѣроятно много разъ переходила изъ рукъ въ руки и многократно переписывалась, конечно нельзя опредѣлить, кто именно это сдѣлалъ. Вотъ для сравненія первый и третій куплеты по обоимъ текстамъ:

По тексту книги Данилевскаго:	*По тексту г. Лев—аго*:
Слава Богу (,) стало гарно,	Слава Богу, стало тихо,
Мовъ видлыгло въ животи;	Мовъ на мори писля бури;
Було дуже гирко (,) хмарно,	Страхъ минувся и спить лихо,
Якъ видъ дыму на печи.	Мовъ на сидали ти кури.
Ніякійсь було поганець	Це якійсь зъявивсь поганець,
Звидтиль, кажуть, выструганець	Звидтиль, кажуть, выструганець,
Де все сонечко сида (,)	Де все сонечко сида,
Черезъ царства (,) черезъ панства,	Черезъ царства, черезъ панства,
Да й до нашого гетьманства,	Та й до нашого гетьманства
Ажъ въ Москву забривъ сюда.	Ажъ въ Москву забривъ сюда.
О! яке то зло вродылось,	О якій же злый вродывся!
Скилькы ниверь [1]) повернувъ	Скильки царствъ винъ осягнувъ!
Да ище не насытылось	Та и тымъ не насытывся,
Ще й на наше зазихнувъ.	Ще й на наше зазихнувъ.
Скильки Божого народу	Скильки Божого народу
Спикъ въ огни (,) втопивъ у воду,	Спикъ въ огни втопивъ у воду,

[1]) „Нивець", объясняетъ авторъ въ своемъ словарѣ, значитъ ни во что.

Скильки виська зопсувавъ,	. . . .
Скильки царствъ уже ограбывъ,	Скильки царствъ уже ограбывъ,
Срибра (,) золота наглабывъ [1]),	Скильки золота награбывъ—
Все голоденъ бусурманъ.	Той голодный бусурманъ!

Изъ имѣющейся въ книгѣ помѣты цензора видно, что къ печатанію она была разрѣшена 12 февраля 1813 года; это подтверждаетъ высказанное въ статьѣ г. О. Лев—аго предположеніе, что ода была написана въ декабрѣ 1812 года и во всякомъ случаѣ не позже января 1813 г. Что-же касается до замѣченнаго г. О. Лев—имъ близкаго сходства оды съ сочиненіями И. П. Котляревскаго, выражающагося, какъ въ одинаковой постройкѣ десятистрочной хореической строфы, такъ и въ буквальномъ почти повтореніи нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся у Котляревскаго [2]), то это очевидно объясняется вліяніемъ на Данилевскаго произведеній Котляревского, «Энеида» котораго, вопреки увѣренію С. Катранова, объясняющаго въ своей біографіи Котляревскаго [3]), что будто три первыя части Энеиды были написаны въ 1803 году, была издана въ первый разъ (иждивеніемъ М. Парпуры) въ 1798 году, а «Ода до князя Куракина», изданная гораздо позже книги Данилевскаго, но написанная въ 1805 году, могла быть извѣстна ему по рукописнымъ спискамъ. Однако, сравнивая словарь, приложенный къ книгѣ Данилевскаго, со словаремъ, который былъ приложенъ къ Энеидѣ, мы замѣтили, что многія малорусскія слова Данилевскій объясняетъ иначе, чѣмъ Котляревскій

---

[1]) Изъ того же словаря видно, что употребляя слово „наглабывъ", авторъ не дѣлаетъ въ немъ описку: „наглабывъ", объясняетъ онъ, значитъ—разбойнически отнялъ; такимъ образомъ для того, чтобъ создать рифму, авторъ дѣлаетъ изъ одного слова, которое одни произносятъ какъ „награбивъ", а другіе какъ „наглабивъ", два слова.

[2]) Напримѣръ выраженіе 8-ой строфы: „надъ Москвою спимстывсь дуже бусурманъ, зробывъ зъ неи скирту гною",—напоминающее строчки изъ Энеиды: „Греки якъ спалывши Трэю, зробили зъ неи скирту гною"; или выраженія послѣдней строфы:

„Да и музы попотіють,
Пяту долю поки вспіють
Славу спить его до ладу",—

напоминающія строчки изъ „Оды до князя Куракина":

„Да и музы лобъ нагріють
Поки проспивать поспіють
Половину дилъ твоихъ".

[3]) И. П. Котляревскій. Собраніе сочиненій, изд. подъ редакціей С. П. Катранова (Кіевъ, 1874 г.), стран. V и VII.

и притомъ не всегда удачно; повидимому, это указываетъ на то, что въ то время, когда Данилевскій писалъ и издавалъ свою оду, у него не было подъ рукою словаря, приложеннаго къ Энеидѣ.

Кто такой былъ этотъ Петръ Данилевскій—объ этомъ въ печати не имѣется никакихъ свѣдѣній. И хотя произведеніе его музы представляется слабоватымъ, но въ виду того, что послѣ Энеиды Котляревскаго оно было третьимъ [1]) литературнымъ произведеніемъ, изданнымъ на малорусскомъ народномъ языкѣ, было бы желательно получить о немъ какія-нибудь свѣдѣнія.

Н. Шугуровъ.

Кіевскій обыватель грекъ Іотій (1741—61). Въ составѣ населенія г. Кіева въ прошломъ столѣтіи встрѣчается не мало грековъ, пріѣзжавшихъ сюда по торговымъ дѣламъ, а затѣмъ и поселявшихся навсегда. Нѣкоторые изъ нихъ вступали въ мѣщанство, подлежали юрисдикціи магистрата, въ которомъ иногда и являлись урядниками; нѣкоторые же, проживая на Подолѣ, въ составъ мѣщанства не входили и подлежали вѣдѣнію губ. канцеляріи. Въ 1726 г., какъ видно изъ одного напечатаннаго мною документа, проживало въ Кіевѣ 22 грека торговца.

Раньше другихъ греческихъ фамилій встрѣчаются въ имѣвшихся у меня до сихъ поръ документахъ прошлаго вѣка фамиліи Терновіота, Кармалея, Константинова и Лакерды, какъ постоянныхъ уже обывателей г. Кіева.

Біографическія свѣдѣнія, хотя бы и отрывочныя, объ отдѣльныхъ обывателяхъ представляютъ нѣкоторый интересъ для болѣе живого представленія общей такъ сказать физіономіи населенія города. Въ виду этого я собиралъ такого рода свѣдѣнія о названныхъ выше греческихъ фамиліяхъ, и со временемъ, быть можетъ, мнѣ удастся сгруппировать эти крупицы въ нѣчто цѣльное. Сообщаемыя ниже свѣдѣнія касаются кіевскаго грека, попавшаго не въ мѣщане, а въ войсковые товарищи и, какъ видно, не прочно осѣвшаго въ Кіевѣ, и привожу я ихъ лишь какъ указаніе на тѣ способы, какими иноземные «искатели фортуны», устраивались въ мѣстномъ обществѣ. Павелъ Іотій, очевидно, игралъ роль шпіона и употреблялся для

---

[1]) Вторымъ была напечатанная въ Вѣстникѣ Европы ода Копицъ-Квитницкаго.

«секретныхъ развѣдыванiй» въ турецкой области, почему начальство и считало своею обязанностію вознаградить его матеріально, какъ видно это изъ слѣдующей грамоты, послѣдовавшей изъ Кол. Ин. Д. на имя гетмана Разумовскаго отъ 14 октября 1750 г.: «Кіевской житель греченинъ *Павелъ Іотій* во время послѣдней, бывшей между нашею имперіей и Оттоманскою Портою войны, какъ отъ губернаторовъ кіевскихъ, такъ и отъ другихъ командировъ употребленъ былъ въ нужныхъ по тогдашнему времени посылкахъ въ разнія мѣста турецкой области и въ секретныхъ провѣдованіяхъ немалія услуги показывалъ, за что онъ въ прошломъ 1641 году отъ малорос. войск. канц. и чиномъ войскового товарища награжденъ и за старостію отъ всякой службы уволенъ. Но потомъ онъ билъ челомъ въ нашей коллегіи Ин. Д., представляя, что, будучи въ таковыхъ посылкахъ, не только частымъ злоключеніямъ, но и потерянію живота былъ подверженъ и претерпѣлъ несносные убытки и разореніе, якоже за тою службою и купеческаго своего промыслу лишился, и чтобъ ему при старости для пропитанія съ женою и дѣтьми и для росплатки долговъ вагражденіе учинить и домъ его въ Кіевѣ отъ постою свободить и противъ живущихъ тамъ козаковъ напитками торговать позволить. И по тому его прошенію отъ нашей коллегіи Ин. Д. ему на оплату долговъ нѣкоторое небольшое награжденіе деньгами учинено, и о прочемъ его награжденіи для пропитанія съ женою и съ дѣтьми и освобожденіи дому его отъ постоя и о позволеніи ему въ продажѣ напитковъ писано было изъ той коллегіи въ 1742 году въ Войск. Генер. Канцелярію, чтобъ оная разсмотрѣла и опредѣленіе учинила по своему разсужденію. И на то изъ В. Г. К. отвѣтствовано, что о уволненіи дому его отъ всякихъ постоевъ въ Кіевѣ къ генералу-губератору писано и на свободное шинкованіе напитками, противъ живущихъ въ Кіевѣ козаковъ, откровенній указъ ему Іотію данъ; а что надлежитъ до награжденія его къ пропитанію, то онъ Іотій просилъ тамо въ войск. генер. канц. о удостоеніи его дворовымъ числомъ по разсмотренію той Г. В. К., съ чего бы онъ при своей старости съ женою и съ дѣтьми пропитаніе имѣть и долги уплатить могъ, но Войск. Генер. Канц. не въ состояніи себя предъявила назначить, до коликого бы числа дворовъ ему, Павлу Іотію, дать надлежало, и тако сіе безъ рѣшенія осталось и по нынѣ. А въ нынѣшнемъ 1750 году отъ 28-го марта, по возобновленному отъ него, Павла Іотія, прошенію, изъ помянутой В. Г. К. представлено въ нашу коллегію Ин. Д., что въ разсужденіи бывшей сего Іотія службы, дабы

онъ пропитаніемъ снабдѣнъ былъ, то В. Г. К. признаваетъ за прилично определить его въ Кіевъ или гдѣ въ другомъ мѣстѣ дозорцею индуктного збору зъ жалованіемъ на годъ по сту рублевъ изъ тогожъ збору. А онъ, Павелъ Іотій, здѣсь нынѣ о награжденіи за свои службы къ вѣчному его съ женою и дѣтьми пропитанію повторительно и докучно для того проситъ, что, никакого пропитанія не имѣя, въ долги необходимо войтить, да и домъ свой въ Кіевѣ заложить принужденъ былъ. Но яко со времени, когда мы васъ, нашего гетмана въ Малой Россіи всемил. опредѣлили и учредили, какъ помянутой индуктной, такъ и всѣ другіе тамошніе зборы въ диспозиціи вашей состоятъ, тако и опредѣленіе къ тѣмъ сборамъ потребныхъ людей вамъ же принадлежитъ, и понеже оказанныя сего греченина Павла Іотія во время минувшей войны службы, для которыхъ онъ своего купеческаго промыслу лишился, справедливую причину подаютъ, чтобъ онъ зъ женою и дѣтьми безъ пропитанія не оставленъ, но опредѣляя его къ какому либо мѣсту съ годовымъ жалованьемъ или инако дачею нѣкоторого числа дворовъ изъ маетностей или же какихъ угодьевъ, тѣмъ для его пропитанія снабдѣнъ былъ, сіе же опредѣленіе ему способнѣе учиниться не моглобъ, какъ въ Малой Россіи, ибо онъ тамошній житель есть, того ради мы за благо разсудили чрезъ сіе вамъ, нашему гетману, всемил. повелѣть, дабы вы опредѣлили его по способности и по его состоянію, гдѣ удобнѣе будетъ въ Малой Россіи къ збору индуктному или къ другому какому мѣсту съ годовымъ жалованьемъ или, по вышеписанному, съ инымъ награжденіемъ, отчего бы онъ зъ женою и дѣтьми пропитаніе имѣть могъ»... Получивъ эту грамоту, графъ Разумовскій, «респектуя на оную его Іотія скудость» предписалъ генер. канц. опредѣлить его съ наступающаго 1751 года въ Кіевъ дозорцею индуктнаго сбору съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ изъ того же индуктнаго сбора, «а кто тамъ въ Кіевѣ до сего на дозорчествѣ индуктнаго збору обрѣтался, тѣхъ отставить, его же Іотія изъ того въ Кіевѣ дозорчества безъ нашего собственнаго повелѣнія не перемѣнять».

Но Іотій, оставаясь въ Петербургѣ, какъ видно, не удовлетворился этимъ назначеніемъ и вновь подалъ на высоч. имя челобитную съ просьбой о выдачѣ ему «награжденія», заявляя, что ему не на что и въ Кіевъ выѣхать, и потому изъ кол. Ин. Д. вновь послѣдовала высоч. грамота Разумовскому отъ 30-го февраля 1751 г., въ которой предлагалось, что-бы Іотій получалъ годовое жалованье «по смерть свою неотмѣнно», а кромѣ того, чтобы гетманъ назна-

чилъ ему, а по смерти его женѣ и дѣтямъ, «хотя небольшой какой хуторъ изъ войсковыхъ свободныхъ или изъ другихъ какихъ угодьевъ во владѣніе». Для отъѣзда же Іотія въ Малороссію выдано ему изъ Кол. Ин. Д. сто рублей.

Такъ какъ Іотій «докучалъ» своими просьбами, то ему дана была на руки третья грамота на имя Разумовскаго, которую онъ и доставилъ въ іюлѣ 1751 года; въ ней требовалось исполнить указанное въ первыхъ двухъ грамотахъ «безъ дальняго продолженія, дабы онъ не имѣлъ причины болѣе о томъ докучать». Но, какъ видно изъ доношенія Іотія въ Войск. Ген. Канц., поданнаго въ октябрѣ 1754 г., онъ назначеннаго ему жалованья «ни за еденъ годъ не получалъ», съ деревеньки» же, которую пожаловалъ ему гетманъ, онъ «за едвалъ пропитать себе въ нужномъ чемъ» могъ, почему и просилъ о выдачѣ ему хоть за одинъ годъ назначеннаго жалованья. Изъ имѣвшихся у меня документовъ не видно, былъ ли удовлетворенъ въ этомъ отношеніи Іотій.

Изъ одного дѣла 1759 г. видно [1]), что онъ въ это время проживалъ все таки въ Кіевѣ, гдѣ и имѣлъ винокуренный заводъ. Въ названномъ году онъ жаловался на войта Сычевскаго, который запретилъ было ему винокуреніе, и по этой жалобѣ послѣдовалъ изъ Войск. Ген. Канц. ордеръ кіевскому магистрату о томъ, чтобы войсковому товарищу Павлу Іотѣ «въ содержанію виннаго куренія на два котла не возпрящать».

Наконецъ, имя этого же грека встрѣтилось мнѣ въ указахъ, полученныхъ кіев. губ. канцеляріей въ 1761 году: въ одномъ изъ нихъ предписывается выдать «*толмачу* Павлу Іотію» за сентябрскую треть 1758 и за 1759—60 г.г. по 60 руб. въ годъ. Едва ли онъ, уже въ 1741 г. уволенный «за старостію отъ всякой службы», какъ сказано въ вышеприведенной высоч. грамотѣ, могъ въ дѣйствительности нести службу толмача, требовавшую постоянныхъ разъѣздовъ, да при томъ и не соотвѣтствовавшую званію «войсковаго товарища»: надо думать, что *званіе* толмача было ему предоставлено лишь для полученія жалованья.

Пререканія изъ за формы письменныхъ сношеній. (1751—53 г.г.). Нарушеніе извѣстнаго рода установленныхъ формъ при пись-

---

[1]) Ист. мат. изъ архива кіев. губ. пр., вып. 7-й, стр. 143.

менныхъ сношеніяхъ вызывало въ старину весьма ожесточенныя пререканія между должностными лицами и цѣлыми учрежденіями. Пререканія эти обострялись, когда учрежденія, принадлежа къ различнымъ так. сказ. вѣдомствамъ и тщательно оберегая свою независимость одно отъ другого, не могли сосчитаться своими «рангами», а между тѣмъ въ своей дѣятельности приходили въ частыя столкновенія, вызывавшія необходимость письменныхъ сношеній. Для такихъ учрежденій, какъ кіевскій магистратъ и кіевская полковая канцелярія, въ прошломъ столѣтіи сталкивавшихся весьма враждебно, вопросъ о формѣ переписки представлялъ существенную важность. Магистратъ, считая себя ничѣмъ не подчиненнымъ по отношенію къ полковой канцеляріи, всячески избѣгалъ адресовать ей свои бумаги, какъ «доношенія», считая себя въ правѣ сноситься съ нею «промеморіями». Полковая же канцелярія этимъ обижалась. При отсутствіи на этотъ счетъ прямыхъ указаній магистратъ просто обходилъ наименованіе своихъ бумагъ, адресуемыхъ въ полковую канцелярію, тѣмъ или другимъ канцелярскимъ терминомъ, не именовалъ ихъ ни доношеніемъ, ни промеморіей. Это обстоятельство послужило предметомъ жалобы со стороны полковника кіевскаго Дарагана, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1753 г. обратился за указаніями по этому вопросу въ Генеральный Судъ. Дараганъ жаловался, что кіевскій магистратъ, въ отвѣтъ на его, полковника, требованіе о розыскѣ бѣжавшихъ колодниковъ, прислалъ въ полковую канцелярію письмо «съ таковымъ надписомъ: изъ кіевскаго магистрата въ полковую канцелярію,—а доношеніе ль, промеморія или предложеніе—не означено, изъ чего я и полковая канцелярія не малую признаетъ себѣ обиду: ибо, какъ по справкѣ явилось, прежде сего бывшіе въ полку кіевскомъ полковники съ полковою канцеляріею въ тотъ магистратъ и указами подъ высоч. Е. И. В. именемъ предлагали, а отъ того магистрата въ полковую канцелярію доношеніями предоставленно; нынѣ же тотъ магистратъ, невѣдомо почему, полковую кіевскую канцелярію почти уже ордируетъ; о чемъ оному Ген. Суду къ высокому разсмотрѣнію въ покорности своей симъ представляю и, какъ точно впредь мнѣ и полк. кіев. канцеляріи съ онымъ магистратомъ, а тому магистрату со мною и полк. канцеляріею письменно повелѣно будетъ сноситься, о томъ милостивой резолюціи покорно прошу».

Ген. Судъ уклонился отъ прямого отвѣта «понеже никакова вида не имѣется» у него по этому вопросу и препроводилъ его на

разрѣшеніе Войск. Ген. Канцеляріи; какъ его разрѣшила въ данномъ случаѣ эта послѣдняя, неизвѣстно.

Какъ тонко понимался вопросъ о формѣ письменныхъ сношеній самою Войсковой Канцеляріей, это видно изъ одного любопытнаго документа, имѣвшагося у меня въ рукахъ. Это письмо Андрея Безбородка къ г.г. присутствующимъ въ Кіевской Духовной Консисторіи отъ сентября 1751 г. Увѣдомляя о полученіи въ Ген. Войск. Канцеляріи «промеморіи» изъ Дух. Консисторіи, подписанной присутствующими, Безбородко писалъ: «и хотя уповаю отъ вашихъ высокопреподобій такое зъ Ген. Канцеляріею сношеніе чрезъ промеморію *и нынѣ* произошло изъ той причины, яко оное прежъ сего съ присутствовавшими во оной Канцеляріи г.г. генеральною старшиною, опредѣленными до прибытія его ясневельможности (слѣдуетъ полный титулъ гетмана), чинилося, но нынѣ, яко во оной Канцеляріи особаго присутствія нѣтъ, а зависитъ теченіе дѣлъ отъ собственного Е. Я. именного повелѣнія, для того и сношеніе уже чрезъ промеморію зъ Ген. Канцеляріею несходственно есть, по случаючимся же дѣламъ отъ оной дух. консисторіи Его Преосвященству самому прилично къ Его Ясневельможности адресоваться письмомъ, а кромѣ Е. Пр—ва Дух. Консисторіи *не инако, какъ доношеніемъ*, къ Е. Я. представлять надлежитъ». При этомъ возвращена была и упомянутая промеморія Дух. Консисторіи.

Народные обычаи и обряды, пріуроченные къ „Спасу“.

Въ числѣ праздниковъ, которые наиболѣе почитаются простымъ народомъ и къ которымъ наиболѣе пріурочено разныхъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ, чисто религіознаго характера, послѣ Пасхи и Рождества Христова, несомнѣнно однимъ изъ первыхъ является праздникъ «Спаса» (6 августа).

Насколько великъ и важенъ въ глазахъ простого народа, этотъ праздникъ—можно судить по тому, что въ числѣ страшной божбы, сильной «клятьбы» народа,—есть одна клятва—«якъ я брешу, то щобъ недочыкавъ (или недочыкала) свяченого яблока покуштаты».

А клятвъ праздниками у простого народа только и есть двѣ: «щобъ я по цій правди свяченого яйця дочыкала (или дочыкавъ»), и вторая, сейчасъ приведенная.

По этимъ клятвамъ можно судить, что праздникъ «Спаса» во мнѣніи народа, стоитъ если не наравнѣ съ Великоднемъ,

то во всякомъ случаѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ него,—и что для простого народа одинаково важно, одинаково большое наказаніе, какъ «не дождаты покушаты свяченого яйця», такъ и «не дождаты свяченого яблока». По обилію или количеству народныхъ обычаевъ и религіозныхъ обрядовъ, пріуроченныхъ къ этому празднику—«Спасъ» занимаетъ третье мѣсто въ ряду особенно чтимыхъ простымъ народомъ праздниковъ.

Для того, чтобы не дѣлать постоянныхъ ссылокъ на мѣстности, къ коимъ эти обычаи и обряды относятся, и указаній на села, въ коихъ они записаны, я долженъ сказать, что сообщаемые мною народные обычаи и обряды относятся къ староконстантиновскому и заславскому уѣздамъ волынской губерніи и записаны въ с. Григоровкѣ и Молчанахъ—перваго уѣзда, с. Городищѣ и м. Шепетовкѣ—второго.

Прежде всего простымъ народомъ считается тяжкимъ грѣхомъ, неуступающимъ въ тажести и важности грѣху—ѣсть въ постъ скоромное,—ѣсть до «Спаса» фрукты: яблоки и груши. Прежде нужно дождаться «Спаса», попробовать свяченаго яблока, а тогда можно уже ѣсть и не свяченое.

Впрочемъ, постъ въ отношеніи фруктовъ обязателенъ не для всѣхъ; онъ обязателенъ лишь и нарушеніе его почитается тяжкимъ грѣхомъ для родителей, потерявшихъ дѣтей и для дѣтей, потерявшихъ своихъ родителей.

Родители, потерявшіе дѣтей, должны поститься до «Спаса» въ отношеніи фруктовъ потому, что чаще всего Господь за несоблюденіе постовъ вообще и между прочимъ поста на фрукты, караетъ тѣмъ, что у такихъ родителей дѣти не живучи, а умираютъ. Даже если кто совсѣмъ безплоденъ, но строго будетъ блюсти этотъ постъ,—у того могутъ быть дѣти.

Смерть дѣтей—именно кара Божья за несоблюденіе постовъ вообще и на фрукты въ особенности.

Есть еще другое объясненіе простаго народа, почему нельзя ѣсть фруктовъ до «Спаса»: если родители, потерявшіе дѣтей, или дѣти, потерявшія родителей, ѣдятъ до Спаса фрукты,—то умершимъ дѣтямъ первыхъ и родителямъ вторыхъ на томъ свѣтѣ очень плохо и тяжело; на «Спаса» они тамъ горько плачутъ, и жалуются на оставшихся въ живыхъ своихъ родителей или дѣтей, что «наши диты (или батькы) свыни» (д. Григоровка, староконст. у., волын. губ.).

По другому же повѣрію, нельзя ѣсть до Спаса фрукты потому, что «на «Спаса» Божа Матирь роздае всимъ дитямъ по яблочку; тимъ же дитямъ, котрыхъ батькы на цимъ свити илы яблокы до Спаса—не дае яблокъ и воны стоятъ особлыво, въ сторони и гирько плачутъ на своихъ батькивъ« (с. Молчаны, старок. у., волын. губ. отъ бабы Купріяныхи).

Подобное же повѣрье—о раздачѣ Божьей Матерью на Спаса умершимъ дѣтямъ «золотыхъ яблокъ», равно какъ и обычай не ѣсть до «Спаса» фруктовъ,—какъ видно изъ статьи С. А. Чернявской «Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, херсонской губ.» (Сборн. Харьк. Истор.-Филол. Общ. т. 5—1893 г.) существуетъ и въ херсонской губерніи.

У пчеловодовъ и пасѣчниковъ въ обычаѣ наканунѣ «Спаса» «пидрізоваты пчелъ» и добытый медъ на другой день, «на Спаса», святить вмѣстѣ съ фруктами (волын., кіев. и подол. губ.).

Изъ воска отъ свяченаго меду дѣлаютъ свѣчу, которую сохраняютъ, какъ святыню, и которая въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни играетъ важную роль, какъ цѣлебное средство — свѣчой этой поджигаютъ свяченыя зелья и травы, при накуриваніи ими отъ «бешыхы», «пропасныци» и др. «хоробъ».—Кусочки этого воска, въ видѣ пилюль, глотаютъ при лихорадкѣ (староков. у., волын. губ.). Куски свяченаго меда или воска сохраняютъ до весны и бросаютъ въ первую «сыту» при первомъ закармливаніи весною пчелъ (староконст. у., волын. губ.). Свяченое на «Спаса» яблоко тоже засушиваютъ и сохраняютъ, какъ цѣлебное средство отъ «пропасныци» (староков. у., волын. губ.).

Вмѣстѣ съ фруктами и медомъ существуетъ также очень распространенный, строго и свято крестьянами соблюдаемый обычай, святить на «Спаса» всевозможныя травы, цвѣты, зелья—однимъ словомъ злаки, которыхъ приносятъ въ этотъ день бабы въ церковь просто снопами, (каждая по снопу) кучами и горами.

Освященныя зелья и травы засушиваются и сохраняются, какъ священный предметъ, и тоже почти на каждомъ шагу въ народномъ быту онѣ играютъ важную роль, какъ лѣкарство отъ всевозможныхъ и почти всѣхъ болѣзней, не только людей, но даже и домашняго скота.

Всѣ освященныя зелья вообще употребляются при всевозможныхъ болѣзняхъ и недугахъ,—какъ внутреннее цѣлебное средство,—въ видѣ питья, отвара и настойки, и какъ наружное, для на-

куриванія имъ при рожѣ, лихорадкѣ, простудѣ и пр. Наконецъ, носятъ на шеѣ въ видѣ амулетика тоже при лихорадкѣ, когда во снѣ часто снится кто-нибудь изъ близкихъ умершихъ, или же, когда «мрець ходытъ».

Изъ «свяченого зилля» дѣлаютъ подушку «мерцеви въ труну», имъ же выстилаютъ и самую труну.

Затѣмъ каждый сортъ зелья или цвѣтовъ имѣетъ свое особое, спеціальное значеніе, какъ цѣлебное средство отъ той или другой болѣзни.

Прежде всего по полезности и найбольшей употребительности первое мѣсто занимаетъ «свяченый макъ».—Какъ цѣлебное средство, макъ наиболѣе употребляется при безсонницѣ; для этой цѣли его кладутъ дѣтямъ подъ подушку; варятъ изъ него дѣтямъ купель; даютъ отваръ мака пить. Впрочемъ, отваръ мака отъ безсонницы пьютъ и взрослые.

Свяченый макъ употребляется и въ другихъ случаяхъ крестьянскаго быта, какъ средство отъ вѣдьмъ; такъ, въ староконстантиновскомъ уѣздѣ среди крестьянъ есть повѣріе, что если макомъ обсыпать только что отелившуюся корову,—то вѣдьма не можетъ подступить къ ней и выдоить. Для этого нужно, обсыпая вокругъ коровы свяченымъ макомъ,—«примовляты»: «тоди до коровы доступышъ, якъ весь цей макъ зберешь».

Въ заславскомъ же уѣздѣ на этотъ счетъ совсѣмъ другое, противоположное повѣріе: здѣсь народъ вѣритъ, что если корову обсыпать свяченымъ макомъ, чтобы къ ней не подступила и ее не доила вѣдьма, то въ отместку за это вѣдьма въ первую-же ночь убьетъ эту корову.

По поводу этого суевѣрія, въ с. Городищахъ, заслав. у., баба Параска разсказывала мнѣ слѣдующее: «Отъ вы не вирыты тому, що якъ корову обсыпаты макомъ, то видьма въ ночи задушитъ еи; вы кажете: бабськи выдумкы; ось послухайте—що въ мене зробылось: заслабла въ мене корова, зпухло вымя, а замисть молока, стала кровъ доитысь, взяла я пидкурыла еи свяченимъ зиллячкомъ, а на ничь свяченимъ макомъ обсыпала, щобь та поганка (видьма) не могла бильше до неи приступыты; догадалась я, що то еи, нечисти, робота; але-жъ що-жъ вы думаете?—прихожу на другый день рано до своеи коровы,—а она вже й захолола: такы проклята видьма задушыла еи, видомстыла мыни».

Также есть повѣрье, что если «мрець ходытъ, або упыръ», то нужно такой домъ тоже обсыпать освященнымъ на Спаса макомъ «и примовыты: «тоди до хаты ввйдешь, якъ цей макъ зберешъ». Съ той же цѣлью макъ посыпаютъ и на могилѣ неспокойнаго покойника, шатающагося по ночамъ. При продолжительной засухѣ извѣстное число зеренъ свяченаго мака (9, а въ иныхъ мѣстахъ больше), бросаютъ въ колодезь, чтобы пошелъ дождь.

Вотъ цѣлебныя свойства и значеніе другихъ травъ и цвѣтовъ, освящаемыхъ на Спаса.

Сонъ даютъ пить въ отварѣ или кладутъ подъ головы лицамъ, страдающимъ безсонницей [1]).

Васильки даютъ пить при внутреннемъ жарѣ, отъ запоя и перепоя; изъ нихъ дѣлаютъ купель для дѣтей отъ многихъ болѣзней и между прочимъ отъ «жовтяныци»; освященными на Спаса васильками принято наичаще подкуриваться отъ разныхъ болѣзней: рожи, падучей болѣзни и при многихъ другихъ. Изъ свяченыхъ васильковъ дѣлаютъ вѣнки на голову умершимъ дѣвушкамъ, подъ головы или въ подушку въ «труну» умершимъ женщинамъ тоже кладутъ васильки [2]). «Чернобрывци» тоже употребляются въ купель для дѣтей.

Когда дѣти худы и тощи,—то купаютъ въ отварѣ изъ освященныхъ на Спаса «повнякивъ»,—чтобы пополнѣли.

Кромѣ зелій и цвѣтовъ, на «Спаса» святятъ чернобыль, морковъ, лукъ, «коноплю-матерчану самосѣйку», и пр.—Всѣ эти растенія, кромѣ своего общаго назначенія и употребленія,—какъ наружныя и внутреннія средства при всевозможныхъ болѣзняхъ людей и домашняго скота, имѣютъ каждое свое спеціальное цѣлебное значеніе отъ той или другой болѣзни.

Впрочемъ, обычай святить на Спаса растенія существуетъ не вездѣ. Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ обычай этотъ распространенъ, а уже въ сосѣднемъ заславскомъ, — на «Спаса» ихъ не святятъ, а несутъ ихъ святить на «зелени свята», когда въ первомъ уѣздѣ само собой святятъ злаки въ этотъ день.

Почти во всей волынской губерніи есть одинъ весьма похвальный обычай: къ Спасу обыкновенно озимь бываетъ покончена и съ

---

[1]) Подобное же свойство сонъ-цвѣтка описано у Маркевича въ его „Обыч. и повѣр.", 29 и въ „Этнографическихъ замѣткахъ „Н. Ф Сумцова, стр. 2—„Сонъ-трава въ народныхъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ" (от. изъ „Этногр. Обозр." 1889 г. кн. III).

[2]) О цѣлебныхъ свойствахъ василька упоминается въ тѣхъ же „Этнограф. замѣт." Н. Ф. Сумцова, стр. 4 и въ ст. Флоринскаго въ V кн. Казанск. Универ. Извѣст. за 1879 г.

нею бываютъ «обжынки», поэтому вѣнки ржи и пшеницы, сдѣланные при «обжынкахъ», на Спаса приносятъ въ церковь вмѣстѣ съ фруктами и травами и святятъ; затѣмъ вымолачиваютъ, и вымолоченнымъ изъ нихъ зерномъ послѣ «Спаса» начинаютъ новый посѣвъ озими.

Этотъ прекрасный обычай имѣетъ двойное значеніе: какъ принесенной Богу отъ посланнаго Богомъ урожая жертвы, такъ и въ смыслѣ зачатія новаго посѣва съ благословенія Божія, освященнымъ зерномъ. Этотъ обычай имѣетъ широкое распространеніе.

Заговоривъ объ обжынкахъ, вѣнкахъ и «Спасѣ», кстати не могу не сказать нѣсколько словъ объ общеизвѣстной у простого народа «Спасовой Бородѣ».

Обычай при уборкѣ и жатвѣ озими, оставлять горсть или пучокъ хлѣба не сжатымъ по дословному выраженію народа «Спасу на бороду», общеупотребителенъ и общераспространенъ положительно по всей Волыни и Подоліи. Изъ статьи С. Л. Чернявской «Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, херсон. губ.» (Сбор. Харьк. Истор. Фил. Общ. т. 5. 1893 г.) видно, что этотъ обычай, безъ всякаго измѣненія въ сравненіи съ волынской губерніей существуетъ въ херсонск. губерніи.

Объ обычаѣ этомъ на Волыни распространяться не буду, такъ какъ онъ описанъ Н. Ф. Сумцовымъ въ его этнографич. замѣткахъ: «Спасова борода» (Этногр. Обозр. т. III—1889 г.) я лишь хочу сказать, что при объясненіи и толкованіи этого обычая—нельзя не видѣть въ немъ жертвоприношенія Богу плодородія по уборкѣ жатвы, каковымъ Богомъ плодородія въ древности, когда были наши предки язычники—были языческіе боги; но съ принятіемъ христіанства—естественно Богомъ плодородія для насъ есть Спаситель, или кратко по простонародному «Спасъ».

По народной примѣтѣ на «Спаса» лѣто съ осенью встрѣчаются.

И. Бѣньковскій.

Матеріалы, относящіеся къ исторіи звѣринецкаго квартала Печерской части г. Кіева. Въ архивѣ Кіевской Консисторіи подъ № 18055 хранится «Описаніе Посполитимъ слободи Звѣринця въ Уездѣ кіевскомъ состоящого, учиненное 1786 года—іюня—д—», описаніе, дающее довольно интересныя свѣдѣнія о звѣринецкомъ кварталѣ нынѣшняго г. Кіева за 1786 годъ.—Цѣль «Описанія» ука-

зана въ заключительныхъ строкахъ предисловія «Описанія» и полагается въ томъ, чтобы сообщить свѣдѣнія «ктожъ оние посполитие» (жители Звѣринца) «по именамъ и прозваниямъ, что сних Усебе имѣетъ и чемъ упражняется». Изъ приложенныхъ къ «Описанію» рубрикъ видно, что авторъ «Описанія» желалъ дать цифровыя данныя за 1786 годъ касательно «числа дворовъ, числа обоего пола душъ, хатъ и при дворахъ принадлежностей, разныхъ угодій, скота и пчелъ, кто чѣмъ промышляетъ или какое имѣетъ ремесло либо чему изобученъ, какимъ кто окладомъ обложенъ былъ погодно и какую кто несетъ повинность»

«Описание слободи Звѣринця» начинается коротенькимъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ дѣлаетъ замѣчанія, относящіяся къ топографіи звѣринецкой слободы и быта населенія ея. Предисловіе приводимъ цѣликомъ съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

«Описаніе Посполитимъ слободи Звѣринця, въ уѣздѣ Кіевскомъ состоящого, учиненное 1786 года іюня—д—».

Оная слободка Звѣринецъ имѣетъ свое положеніе на мѣстѣ гористомъ между буеракамы надрекою Днѣпромъ къ проезду и проходу крайне трудномъ. Земля подоною частию пѣсковатая, а больше глееватая, разстояніемъ отъ губернскаго города Кіева въ полтори версти. Посполитие сего села, выдубыцкому монастирю принадлежащие, упражняются нѣкоторие сапожничествомъ, плотническимъ и камещискимъ майстерствомъ, а болѣе простою крестянскою работою, большею частию пѣшо, и крайне неимущественные за неимѣниемъ хлѣбопашества всѣ снискиваютъ себѣ пропитание, нанимаясь у посторонниxъ людей вработу; воду почерпаютъ изъ Днѣпра и колодцевъ вберегу онаго. Но по крутости горы иудалености скрайнею трудостию до жиллей своихъ приносятъ на себѣ ведрами. Лѣсъ строевой иради отопливания дрова сколько кому надобно дозволяемо было отъ монастиря вывозить и изъ пущи монастирской велянской понеимѣнию при оной слободѣ никакова лѣсу.

Ктожъ оние Посполитие поименамъ и прозваниямъ, что сних усебе імѣетъ ичемъ упражняется о томъ ниже слѣдуетъ».

Дѣйствительно далѣе слѣдуютъ графы, въ которыхъ имѣли быть отмѣчены интересныя данныя относительно того, что «посполитие усебе имѣютъ ичемъ упражняются». Къ сожалѣнію, въ самыхъ интересныхъ графахъ, отведенныхъ для показанія экономическаго благосостоянія подданныхъ Выдубицкаго монастыря, жителей звѣринецкой слободы, нельзя отыскать даже признаковъ какихъ либо отмѣтокъ.

Изъ графъ, заполненныхъ цыфрами, первая надписана: «число дворовъ». Изъ этой графы ясно, что въ 1786 году въ звѣринецкой слободѣ, кіевскаго уѣзда, дворовъ было 35.

Во второй графѣ, надписанной: «Званіе людей», помѣщены имена, отчества и фамиліи жителей той же слободы съ указаніемъ кто женатъ, какимъ бракомъ и на комъ, кто замужемъ и за кѣмъ; тутъ же поименованы и дѣти съ указаніемъ отъ какого брака они произошли. Противъ 2-й графы въ особой графѣ, надписанной: «имъ лѣтъ», проставлены годы.

Не указаны лѣта лицъ умершихъ или бѣжавшихъ неизвѣстно куда, и отмѣченныхъ въ графѣ: «убывшихъ после ревизіи».

Заглавія графъ, не заполненныхъ цифрами, выписываемъ, придерживаясь орѳографіи подлинника:

«бездворнихъ хатъ»
«садовъ»
«огородовъ».

A. «Разнихъ угодій»

α. «Пустыхъ плецовъ»
β. «Левадъ или пастовниковъ»
γ. «Пахатной Земли посѣвомъ четвертей»
δ. «Сѣнокосу копенъ»
ε. «лѣсовъ строевыхъ»
ζ. «лѣсовъ дрованыхъ»
ψ. «озеръ рибнихъ»
ϑ. «винокурень»
ι. «мельницъ водяныхъ»
ια. «мельницъ вѣтранихъ».

B. «Скота и пчелъ»

α. «лошадей»
β. «рогатого скота»
γ. «овецъ»
δ. «козъ»
«свиней»
«пчелъ пней».

C. «Кто чемъ промышляетъ или какое имѣетъ ремесло либо чему изобученъ»

D. «Какимъ кто окладомъ обложенъ былъ погодно».

E. «Какую кто несетъ повинность».

Подводя итоги во всѣхъ заполненныхъ цифрами графахъ, получаемъ слѣдующую статистику:

А. «Послѣ ревизіи записанныхъ на лицо»:

α. «мужеска пола» . . . 96.

β. «женска пола» . . . 89.

В. «Убившихъ после ревизіи»:

α. «мужеска пола» . . . 15.

β. «женска пола» . . . 20.

С. «Прибывшихъ противъ ревизіи»:

α. «мужеска пола» . . . 16.

β. «женска пола» . . . 26.

D. «Дворовыхъ хатъ» . . . . 27.

Группируя жителей Звѣринецкой Слободы по возрастамъ, получаемъ:

Отъ 1	дня	до	10	лѣтъ	включительно	. . . . . 61.
Отъ 10	лѣтъ	»	20	»	»	. . . . . 53.
» 21	»	»	30	»	»	. . . . . 43.
» 31	»	»	40	»	»	. . . . . 30.
» 41	»	»	50	»	»	. . . . . 26.
» 51	»	»	60	»	»	. . . . . 8.
» 61	»	»	64	»	»	. . . . . 6.
и 73 года						. . . . . 1.

Мужчины—до 20 лѣтъ включительно всѣ не женаты, а изъ имѣющихъ 21 годъ и болѣе, за исключеніемъ трехъ (21 года), всѣ женаты. Между незамужними есть старше 25 лѣтъ.

Браки заключены между представителями и представительницами звѣринецкой слободы, и въ 1786 году имѣемъ только 4 исключенія: одинъ женился на подданой Пустынно-Никольскаго монастыря, два на обитательницахъ д. Осокорокъ и, наконецъ, одна дѣвица вышла замужъ за жителя м. Лѣтки.

Бѣжало безызвѣстно въ 1784 году двое: мужъ и жена.

«Описание» оканчивается указаніемъ границъ звѣринецкой слободы и перечнемъ строеній, составляющихъ собственность Выдубицкаго монастыря. Заключеніе переписываемъ безъ измѣненій.

«Оная слободка Звѣринецъ состоитъ при видубыцкомъ монастирѣ которой ограниченіе по крѣпостямъ подъ № 6-мъ. Такъ между протчаго описивается почавши отднѣпра въ веръхъ озера Затона и зъ озера въ далину глобокую ровчакомъ и поточкомъ Наводницкимъ Простуючи до колодязей увербъ граничнихъ отвербъ и колодязей

тоюжъ долиною Наводницкимъ ровчакомъ и поточкомъ на озеро, которое вдолинѣ изтого озера набывшій борокъ отборочка на перепеличь долину, и чрезъ дорогу Трипольскую просто врѣчку либедь Либедю нанизъ до млина выдубицкого тою либедью вднѣпръ.

внутрѣ сего ограниченія состоятъ:

1. Мельница [1]) нарѣчки либеди объ едномъ мучномъ поставѣ рубленая вновь вистроеная на малой плотинѣ. (Подробно перечисляется все находящееся въ ней).

2. вне отдалености от монастиря надрѣкою днѣпромъ при урочищѣ Козовицѣ имѣется кирпичний монастирской заводъ [2]),

из которой часть една уступлена кіевской казенной палатѣ поконтракту усего прилагаемому подлитерою А.

Другая часть [3]) заведеная Кіевскимъ купцу Михайлѣ Григаренку и мѣщанину Тимофѣю Заренбѣ по контракту у сего прилагаемому подлитерою—В (подробный перечень всѣхъ построекъ и предметовъ въ нихъ).

Третая заната армизоною командою безвсякого оной отмонастиря от воду и Позволения,

а четвертая часть бывшая около двадцяти лѣтъ взавѣдованіи Кіевософѣйского кафодрального монастиря обратно сему монастирю отдано (подробный перечень).

3. Тамъ же на Либеди между кирпичними артилерійскими заводами близъ мельнички въ обивательской избѣ Григория Телички продается только цѣнная горѣлка въ оного обывателя монастирской посуды: кварта—1; полкварта—1; чвертка—1, жестяныя,

4. в Урочищи Козовища шинокъ монастирской внемъ изба една рублена с'чуланомъ сѣнми и коморкою вставку досками здѣлание,

дверы накрукахъ и петляхъ желѣзнихъ въ избѣ окошекъ спростого стекла—разбитихъ—4 и до оних ставень на крукахъ и пет-

---

[1]) Оная мельница тогда только дѣйствующая, когда днѣпровая вода, которою сія мельница биваетъ подтопляема всвои береха вступитъ, а спрудовъ 3-х в верху состоящихъ вода пущена будетъ. Зимою за вимерзаниемъ врѣчки воды и что сверхъ сего окружонна оная казенными артилерійскими кирпичними многими сараями ипечми то изъ онои никакой отнюдъ прибили неполучалъ мн-тиръ и не получаетъ кромѣ что наквасъ вмн-тиръ иногда малое число солоду смолото бываетъ.

[2]) За содержаніе сего завода получалъ монастирь з казни вгодъ по—60 ру.

[3]) За содержаніе сего завода отъ означенихъ откупцовъ получаемо было вгодъ денегъ по 120—рублей.

ляхъ желѣзнихъ—3. Печь варистая згрубою простихъ кафель—1. Оное строение весма ветхое покритое драню [1]).

5. Тамъ же уберегу надрѣкою днѣпромъ караульня Кіевского четвертого баталиона вистроеная однакожъ никакой нивчемъ помѣхи недѣлаютъ.

6. Отъ артилерийской команди сарай или амбаръ для складки лѣсовъ строевихъ такожъ караульня для того и привозимаго наарсеналъ камѣня выстроенна безвсякого отъ монастиря отводу и позволения, въ слободки Звѣринцѣ.

7. Шинокъ перехрестний. . . . . 1 [2])

в немъ строения избъ . . . . . . 2 (подробный перечень).

Принем небольшой оогродъ для посѣву овещей огороднихъ шинкарю ничемъ неогороженъ и запущеній,—1.

8. шинкъ Неводницкій [3])

внемъ строения изба съ чуланомъ—1; (подробный перечень).

9. [4]) Убывателя звѣринского надъ Днѣпромъ живущого. Уберегу въ собственой своей избѣ трофима чорного кой монастирской напитокъ продаетъ,

Посуди монастирской.

Кварта—1, полкварта—1, чвертка—1, лѣйка — 1, жестяние; боченокъ небольшой одинъ.

Прочее все хозяйское.

---

[1]) Сіи оба шинки одани въ откупъ начетири года кіевскому купцу Михайлѣ Григоренку и матвѣю Заренбѣ По контракту усего прилагаемому Подъ литерою С. съ платежемъ въ годъ по 250—рублевъ. Стихъ шинковъ влибедскомъ випродано въ 784-мъ году пѣнной покупной горѣлки 172 вѣдеръ. Получено было прибили 50—рублевъ.

а въ Козовицкомъ випродано пѣнной горѣлки покупной въ томъ же году 255—вѣдеръ. Получено прибили 100—рублевъ.

[2]) въ ономъ шинку випродано чрезъ 785—годъ пѣнной горѣлки покупной 215—вѣдеръ да сочку приливного покупногожъ горѣлкою 16—вѣдеръ. За весь оной напитокъ вприбиль монастиръ получилъ 100 рублей Пива жъ имеду вшинки семъ непродавано ибо внемъ на сей напитокъ нѣтъ сходу.

[3]) всемъ шинку випродано чрезъ 785—годъ пѣнного покупного вина 178—вѣдеръ; приливного сочку 10—вѣдеръ, за котоpий въемъ капиталу полученно вприбиль 80—су. Пива и меду не продавалось Поелику на сей напитокъ сходу нетъ.

[4]) випродано чрезъ годъ пѣнной горѣлки 170—вѣдеръ покупной Закоторою получено вприбили 50—рублей. Пиважъ и меду непродавалось никогда ибо и держать нѣгде дай сходу на него вося нетъ.

10. Дворъ подвладѣніемъ Кіевского Гп-дина оберъ коменданта, внемъ жительствуетъ солдатъ для присмотру большого саду непоцлежаще завладѣннаго, очемъ явствуетъ писменое свидѣтельство отъ бывшаго вице оберъ коменданта штока въ 1723-мъ году въ монастиръ выдубыцкий данное между крѣпостми под—№ 60-мъ записанное.

11. На той же Землѣ близъ неводницкой пристанѣ выстроенна для нашихъ то лошадей большая рубленная конюшня при ней жилая изба, караулня и ковалня и занятъ огородъ безъ вѣдома монастирского, состоитъ въ видѣнійи Кіевского Гп-дина оберъ коменданта.

12. По близу той конѣшнѣ занятъ на время огородъ бывшимъ плацъ маіоромъ Іваномъ Троскинимъ, очемъ явствуетъ съ его росписки между крипостними под № 72-мъ записанной.

К. И. Т—ъ.

Перечень имѣній гр. П. В. Завадовскаго. Біографія П. В. Завадовскаго (р. 1739 † 1812), разсказанная недавно мужемъ одной изъ его внучекъ [1]), заключаетъ въ себѣ подробныя и любопытныя свѣдѣнія, какъ нажиты были фаворитомъ-малороссомъ имѣнія, перечень которыхъ, взятый изъ юридическихъ документовъ, сообщается здѣсь.

Экономія Драбовская. Въ золотоношскомъ повѣтѣ: с. Драбовъ—1924, слоб. Дуниновка—772, с. Великій Хуторъ—1237, слоб. Великохуторянская—660, с. Бѣлоусовка—752, хх. Чумгацкій, Зенченокъ и Мехедовскій—85, с. Митлашевка—350, с. Шабельники—377. Въ Пирятинскомъ повѣтѣ: д. Кантакузовка—592, х. Коховщина—42. Въ лубенскомъ повѣтѣ: слоб. Ступаковка—393. Всего въ Драбовской экономіи: 7184 души, изъ нихъ мужч.—3633 и женщ.—3551.

Экономія Тепловская. Въ пирятинскомъ повѣтѣ: м. Тепловка—940, д. Смотрики съ хх. Кириловскимъ и Адовою левадой—529, д. Сурмачовка—236, с. Алексѣевка—541, д. Наѳаловка—286, г. Пирятинъ—20. Всего въ Тепловской экономіи: 2552 души, изъ нихъ мужч.—1246 и женщ.—1306.

Экономія Толкачевская. Въ прилуцкомъ повѣтѣ: с. Толкачовка—1418, хх. Полаговскій, Островъ, Умѣновскій, Малѣновскій и Княжія Липы—18. Всего въ Толкачевской экономіи: 1473 души, изъ нихъ мужч.—698 и женщ.—775.

---

[1]) Русск. Арх. 1883 г., № 3.

Экономія Лялицкая. Въ суражскомъ повѣтѣ: с. Лялнчи—1034, д. Мановка—185, х. Кисловка—256, д. Каменекъ—280, д. Поповка—289, с. Красновичи—93, д. Ивановка—42. Въ мглинскомъ повѣтѣ: с. Дохновичи—89. Всего въ Лялицкой экономіи: 2370 душъ, изъ нихъ мужч.—1187 и женщ.—1183.

Экономія Ущерпская. Въ суражскомъ повѣтѣ: с. Ущерпье—1335, д. Малоудебное—727, с. Петровка и х. Петровскій—634, с. Великоудебное и х. Великоудебнянскій—687, д. Пирятинъ—719, с. Городечня—847, д. Веприкъ и хх. Винокуренный и Красный—134, д. Халѣевская и х. Ягодный—307, слоб. Кузнецъ—143, с. Теремошка—440, д. Смялчъ (она жъ и Александровка)—618, д. Рудня Халѣевская—170 и х. Рѣчица—101. Всего въ Ущерпской экономіи: 7912 душъ, изъ нихъ мужч.—3437 и женщ.—3475.

Экономія Юрковская, Въ бѣлицкомъ повѣтѣ: с. Стар. Юрковичи—1212, с. Поповка—1323, слоб. Рудня Барановская—72, д. Завидовка—583, д. Ивановка—160, с. Круговецъ—829, д. Лукьяновка—137, с. Сѣровка—688, с. Озаричи—484, д. Плутовка—608 и д. Кажинова—443 и д. Веселовка—349, слоб. Цата—126 и слоб. Быстри—44. Въ городницкомъ повѣтѣ: д. Жеведь—127, д. Ключи—446; и въ Новозыбковскомъ повѣтѣ: д. Раковка—164. Всего въ Юрковской волости: 7795 душъ, изъ нихъ мужч.—4057 и женщ.—3738.

Экономія Новосельская. Въ бѣлицкомъ повѣтѣ: с. Новоселки—286, с. Даниловичи—337, д. Пиханѣ—314, д. Конторовка—312 и д. Замостье—172. Всего въ Новосельской экономіи: 1421 душа, изъ нихъ мужч.—713 и женщ.—708.

Фольварокъ Сухаревскій. Въ чаусовскомъ повѣтѣ: с. Сухари—458, д. Хорошки—189, д. Рики—204, д. Ивановка—227, д. Ходневъ—97, д. Васильевичи—156, д. Пласковница—32, д. Акулинцы—280, д. Тинковщина—99, д. Яганы—172, д. Кадинъ—157, д. Суповичи—190, д. Романовичи—288, д. Пудовня—334 и д. Плютъ—52. Всего въ фольваркѣ: 2945 душъ, изъ нихъ мужч.—1535 и женщ.—1410.

Фольварокъ Ничипоровскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: с. Ничипоровичи—198, д. Потаповка—228, д. Черепи—215, д. Дубровка—6, и д. Ладыжинъ—21. Всего въ фольваркѣ: 670 душъ, изъ нихъ мужч.—354 и женщ.—316.

Фольварокъ Августовскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: с. Плющи—795, д. Подгайцы—260, д. Локута—229 и д. Биль—342. Всего въ фольваркѣ: 1624 души изъ нихъ мужч.—801 и женщ.—823.

Фольварокъ Озерскій. Въ могилевскомъ повѣтѣ: д. Доманы—344, д. Озерье—238, д. Нижн. Пруды—114, д. Завороты—100 и д. Кручи—163. Всего въ фольваркѣ: 1059 душъ, изъ нихъ мужч.—515 и женщ.—544.

Экономія Петровская, въ херсонской губерніи—12000 дес. и 299 душъ крест.

Всего крестьянъ об. пола: *37304.*

Сообщ. А. Л.

Милыя шалости добраго стараго времени. Недавно мнѣ передали любопытный документъ, который предлагаю вниманію читателей; это—*печатное объявленіе* на восьмушкѣ бумаги, безъ обозначенія года, типографіи и цензурнаго разрѣшенія. Соображая обстоятельства жизни лица, теперъ уже отошедшаго къ праотцамъ, въ бумагахъ котораго найдено объявленіе, слѣдуетъ предполагать, что послѣднее напечатано въ 50-хъ годахъ. Вотъ текстъ этого оригинальнаго объявленія:

«Прибывшій изъ Александрійскаго уѣзда, маленькій помѣщикъ Федоровъ, желая провести съ пріятностію время въ г. Елисаветградѣ, приглашаетъ охотниковъ сдѣлать ему честь обѣдать съ нимъ, или ужинать, являться ежедневно въ Парижскую гостинницу. Принимая всѣ издержки на себя, онъ обязанностію считаетъ предупредить, что тотъ, кто расчиталъ бы на гастрономическій столъ, легко можетъ ошибиться. Обѣдъ будетъ заключать въ себѣ 4 вкусные блюда, 1 бутылку Шато д'Икему и 1 шампанскаго, означенное количество вина полагается на особу. Ужинъ 3 блюда, но вина, смотря по расположенію духа въ какомъ Г. Федоровъ возвратится отъ балетныхъ танцовщицъ, будетъ добавляться еще 2 бутылки».

В. Я.

Кое-что о м. Вчорайше. Недавно одинъ мой знакомый, В. А. М-цъ, разговорился со мною о своей родинѣ, мѣстечкѣ Вчорайше, сквирскаго уѣзда кіевской губ., и я по свѣжей памяти записалъ тѣ изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній и воспоминаній, которыя привлекли мое вниманіе. Свѣдѣнія и воспоминанія г. М-ца имѣли отрывочный характеръ и, сверхъ того, въ записи моей утратили живость и колоритность устной бесѣды, но я все таки признаю небезполезнымъ

подѣлиться записаннымъ мною съ любителями и изыскателями старины, въ томъ предположеніи, что мое сообщеніе можетъ вызвать кого либо изъ нихъ на поѣздку въ этотъ любопытный уголокъ кіевщины и на научное его обслѣдованіе.

М. Вчорайше расположено на рѣчкѣ Верховенькѣ. На лѣвомъ берегу рѣчки находится *Городисько* или *Валъ*—урочище, окруженное валомъ, занимающее около трехъ десятинъ пространства и имѣющее около полуверсты наибольшей длины отъ Юго-Востока къ Сѣверо-Западу; съ Запада валъ этотъ упирается въ обрывистый берегъ рѣчки. Внутри вала стоитъ церковь во имя св. Михаила Архангела. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Городиська почва состоитъ изъ золы, иногда находили здѣсь въ почвѣ разныя древности; такъ, однажды нашли золотую римскую монету, которую видѣлъ самъ разскащикъ, и которая была потомъ продана еврею за 10 рублей. Въ самомъ валу находили желѣзные наконечники стрѣлъ, ножи, удила, стремена, мѣдныя изображенія пѣтушковъ, а однажды, при рытьѣ погреба, наткнулись на обильный запасъ истлѣвшаго проса. Въ валу есть въ одномъ мѣстѣ подземный ходъ, о существованіи котораго составили понятіе по тому, что дождевая вода уходитъ въ этомъ мѣстѣ въ землю и показывается наружу уже внизу, у берега рѣки, въ видѣ сильнаго ключа. Старики разсказывали, что кто-то лазилъ въ это подземелье и видѣлъ тамъ, кажется, конскую сбрую.

На выходѣ изъ села находится урочище *Хресты*. Тамъ дѣйствительно торчали прежде изъ земли каменныя плиты, сохранявшія форму креста; но мѣстные жители растащили большую часть изъ нихъ для золенія бѣлья, потому что на мѣстѣ камня нѣтъ. Мѣстность эта представляетъ собою торфяное болото съ *течеей*, черезъ которую перекинутъ былъ мостъ; невдалекѣ отъ моста стоялъ курень для сторожа, а сторожемъ на памяти разскащика былъ таинственный Лукьянъ Завируха, слывшій знахаремъ и носившій прозваніе Гадючій Пипъ; прозвище это объясняется странной привычкой Завирухи набирать водившихся тамъ во множествѣ гадюкъ и обматывать ими себѣ шею и голову, чѣмъ онъ сильно импонировалъ мѣстное населеніе. Однажды разскащикъ, застигнутый въ полѣ дождемъ, укрылся въ сторожкѣ у Завирухи. Онъ и раньше того слышалъ выраженія *добрый дывъ, лыхый дывъ* и зналъ поговорку «зъ доброго дыва» (сталось) [1]) и воспользовался этимъ случаемъ, для того чтобы разспро-

[1]) Въ смыслѣ неожиданности (несчастнаго случая—напр.).

сить о лыхомъ дывѣ столь компетентное лицо, какъ Завируха. По словамъ послѣдняго оказалось, что лыхый дывъ въ полночь встаетъ изъ болота, такой сухой, да высокій и съ раздвоенной головою; если увидишь его, то тикай скорѣе, потому что, если поймаетъ, то такая пропасныця (лихорадка) нападетъ, что жизни не радъ будешь. А отъ пропасныци лѣчились тамъ такъ: брали на Хрестахъ земли и, бросивши ее въ воду, обливались той водою; на то мѣсто, откуда взята была земля, считалось необходимымъ положить яйцо.

Населеніе мѣстечка, занимавшее мѣстность тотчасъ по выходѣ изъ вала, называлось, неизвѣстно почему, *Галичъ*. Эта часть населенія представляла собою совершенно оригинальную въ этническомъ отношеніи группу, рѣзко отличавшуюся отъ остальной массы населенія. Всѣ они были блондины, мужчины брили не только бороду, но и усы, а также и голову, оставляя на ней только *чичку*—клокъ волосъ, который начесывали на бока головы; женщины ихъ отличались необыкновенной красотой; въ отношеніи нравственномъ всѣ они отличались утонченной вѣжливостью, честностью и природнымъ благородствомъ.

Другая часть населенія,—бѣдняки, жившіе на выходѣ изъ мѣстечка,—называлась почему-то *Шуя*.

На противоположномъ берегу рѣки расположенъ кутокъ *Кулышивка*. Тамъ есть глубокое провалье, про которое говорили въ народѣ, что здѣсь «дзвиныця пидъ землю пишла» и что на Пасху звонъ на провалившейся колокольнѣ становится слышнымъ. Провалье это соединяется съ Новымъ ставомъ (новымъ-только по имени), въ которомъ во время купанья нерѣдко находили древности; однажды, напримѣръ, нашли кадильницу; древности эти попадались въ ставу въ такомъ изобиліи, что, отправляясь купаться въ немъ, мѣстные жители имѣли обыкновеніе брать съ собою палку для обыскиванія дна.

Съ версту къ востоку отсюда, какъ разъ напротивъ вала, виднѣется многочисленная группа мелкихъ могилъ, или кургановъ.

В. Я.

Польскій бунтъ на Волыни 1864 года. Въ г. Острогѣ мнѣ удалось достать тетрадку, содержащую стихотворное описаніе повстанья на Волыни. Тетрадь эта (in 8°) состоитъ изъ 7 листиковъ, писана дѣтскимъ почеркомъ лѣтъ 20—25 тому назадъ; озаглавлена она

«Польскій бунтъ на Волыни 1864 года». Содержаніе рукописи вкратцѣ слѣдующее: сперва разсказывается объ освобожденіи крестьянъ (при чемъ кстати описываются и безобразія крѣпостного права) и о недовольствѣ этимъ поляковъ; дальше идетъ ироническое приглашеніе ихъ стать на защиту своихъ правъ въ надеждѣ на помощь Франціи; затѣмъ слѣдуютъ двѣ картины неудачнаго возстанія поляковъ и, наконецъ, слѣдствіе возстанія—ссылка пановъ въ Сибирь.—Все стихотвореніе раздѣлено на 4 части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое заглавіе.

Стихотвореніе это не ново: на страницахъ «Кіев. Ст.» уже дважды помѣщались пѣсни объ этомъ бунтѣ: одинъ разъ въ XV-мъ томѣ вмѣстѣ съ пѣсней о панщинѣ, другой—въ XLI-мъ т. подъ заглавіемъ «Вирша объ освобожденіи крестьянъ»; въ послѣднемъ случаѣ заглавіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію стихотворенія: помимо описанія ужасовъ рабства и освобожденія крестьянъ, въ «Виршѣ» разсказывается еще и про бунтъ поляковъ.

Сравнивая «Бунтъ» съ «Виршей», мы находимъ между ними слѣдующую разницу: 1) въ «Бунтѣ». нѣтъ вступленія, обращенія къ «пану-Радактору», которое есть въ «Виршѣ»; за то 2) въ «Виршѣ» нѣтъ ироническаго приглашенія поляковъ защищать свои права; 3) въ нашей рукописи главное вниманіе обращено на описаніе бунта (почти $^3/_4$ всего стихотворенія); между тѣмъ въ «Виршѣ» большая половина ея посвящена описанію рабства.—Такимъ образомъ, «Бунтъ на Волыни» и «Вирша объ освобожденіи крестьянъ» въ значительной степени пополняютъ другъ друга, и поэтому ни одно изъ этихъ стихотвореній нельзя признать за точный списокъ оригинала (какъ это думаетъ В. Я. относительно «Вирши»): ихъ слѣдуетъ считать варіантами другого, болѣе полнаго, но неизвѣстнаго пока стихотворенія о польскомъ возстаньѣ.

А. Малинка.

Польске панованне.

Нещасныи часы пройшлы
Якъ въ неволи хлопы булы;
Паны былы, забывалы,
До сорочкы обдыралы;
Що хотилы, съ хлопивъ бралы,
А хто не давъ, шкуру дралы;
Хоць-бы мужыкъ на викъ згынувъ,

Мусивъ даты дысятыну.
Знaлы паны добра (добре?) ззисты
Да въ костели въ лавку систы;
На лавочкахъ посядають.
Са панночкамы розмовляють.
Гроши воны много малы,
По Парыжамъ розъизжалы
Зъ золотыми пидкивкамы
Пидъ киньскымы копытамы.
Нашу виру знываэкалы,
Церкви жыдамъ оддавалы;
Православныхъ дуже гналы,
Съ собакамы ихъ ривналы.
Отаманы наблюдалы
Тяглы хлопивъ нагайкамы,
Ще й лякалы рыкрутамы,
Прыказавши осаули:
Гоны хлопа швыдше кули,
Гоны хлопа на панщину;
Якъ ны хоче, лупы въ спыну.
Царъ нашъ Русскій змылувався
И за те дуже добре взявся,
Щобъ мужыкамъ волю даты,
Изъ рукъ ляцькихъ одибраты.
Ляхы тымъ ся зажурылы,
Чорны трійци надилы,
Въ Житомири Хрыста ставлять,
Свѣнту Тройцу они славять;
Хлопськи свыты натягають,
Воны тымъ ся ны встыдають,
Бо то буйность, не подлеглость,
За идне наша хвалебность.
Чорны ходять, мовъ ти галки,
Паны, пани и пидданкы
И зъ вылыкымъ дуже жаромъ
Крычать писню: „дымъ пожаровъ"...
Въ чорныхъ сукняхъ воны ходять,
По костёли Бога молять:
„Вырны вольность намъ ойчизны,
Нема ляха вже жывого,
Ныма ёму быты кого;
Ходыть ляшокъ и вздыхае,
Чорну думку винъ думае.
Ны журыся, паны-брате,
Пидымъ русскихъ воёваты,
Треба Польщу выдыбраты,

Назадъ хлопивъ соби взяты
Чы въ костёли, чы въ палацу,
Чы на поли, чы на плацу,—
На те треба много часу!
Ходимъ лучше ажъ до лясу,
Звидьте будемъ воюваты
Да москаливъ розбываты;
А що полякъ самъ не зможе,
То намъ Французъ съ тымъ поможе.—

Pan Ružickij.

Миропильскій балъ.

Вражи ляхы збунтувалысь
Противъ русскихъ ся збыралысь;
Машырують пидъ лисамы
Да съ пикамы и косамы.
На коныкы посядалы,
Мовъ чортыкы, извывалы.
Каждый ляшокъ изъ усамы,
Скаче, пляше, якъ чортъ самый.
Попереду нашъ Ружыцкій
Грае виськомъ и дурлычкы (?),
Стае за нымъ клубомъ пыль
Веде виськo въ Миропиль.
Отамъ була гарна баня:
Ляхъ наткнувся на москаля;
Надъ Случею да на мости.
Потрощылы ляхамъ кости.
Доньски пикы зачорнилы,
Русски штыкы заблыстилы,
Посыпалысь кули градомъ.
Стрелывъ козакъ съ пистолета;
Крычить полякъ: нѣхъ панъ вцѣка!
Вдарывъ москаль съ карабина,
Нима ойця, нима й сына:
Котрый зъ ляку та у воду,
Зробывъ ракамъ винъ выгоду;
Другій лыжыть пидъ вербою
Съ задертою бородою;
Мужыкъ того, котрый дрыгавъ,
Мовъ собаку у лобъ двыгавъ:
Отакъ тоби, вражій сыну,
Колысь сыпавъ мини въ спыну.—

Ляцьки кони сполохалысь,
Надъ ляшкамы поглумылысь;
Де забачить, шо кинь бижыть,
Коло сидла ляшокъ высыть.
Кухнары и пихота
Якъ отъ пана отъ охоты
По едному радылися
И посли ся розбиглыся.
Охъ, горяче було дило!
Вода въ Случи червонила;
Тамъ мишалась кровъ съ водою,
Тутъ пизнався ляхъ зъ бидою.
Воюваты ныма кому,
Треба втикаты додому
Мовъ бувало на маивку,
Теперъ ходимъ на мандривку.
Мужыкъ зъ бучкомъ
Крычыть ляшокъ: не позволямъ!
Мужыкъ на те не вважае,
Бучкомъ спыну винъ ровняе.
—Зачыкай-но ты проклятый,
Треба съ тобой сквытуватысь.
Теперъ мужикъ даликатный,
За хлибъ, за силь тоби вдячный,
Дочыкався мужыкъ того,
Зловывъ за чубъ пана свого,
Звязавъ ёму назадъ рукы,
Оддавъ ёго на порукы
Тамъ Ружыцькій залякався,
Свого виська одцурався,
Ставъ проклятый умыкаты,
До Ав(с)тріи утикаты;
Зыбравъ соби висько нове:
Ходимъ да moji panowe,
Бо тутъ для насъ дуже тисно
Да ще й дають исты пизно.
А москали за ляхамы
Трома двыгалысь шляхамы,
На догонци убывалы
И на пикы ихъ ныэалы.
Биглы, биглы вражи ляхы,
Биглы воны на тры шляхы,
А москали на четыры,
Ляшкивъ панкивъ погубылы.

Pan Cichockij пидъ Заславлемъ.

Грымыть писня Bożo polskij!
Появывся панъ Цихоцкій.
Пидъ Заславлемъ межъ лисамы
Зибравъ ляхивъ винъ стадамы.
Не бувъ панъ сей въ Миропили
На крывавымъ тимъ велили,
Де гуляли та на дыво,
Де кровае пылы пыво;
Тамъ блыскало и гриміло,
Ясне сонце потемнило,
Де глумылысь надъ ляхамы
Штыкъ, нагайка та щей хамы.
Отъ якъ бачте, ны знавъ того
Панъ Цихоцькій щастя свого;
Добро свое покидае,
Счастя въ лиси винъ шукае.
Нема хлопивъ и панщизны,
Тра шукаты намъ ойчизны,
Котра въ лиси заблукалась,
Сынивъ ляцькихъ видцуралась.
Бидна Польща въ лисъ зибралась,
Заблудывшись тамъ скончалась.
Идуть ляхы въ лисъ шукаты,
Мертву Польщу воскресаты.
Тамъ въ Цвитоси межъ лисамы,
Межъ топкимы болотами
Ляхы стыйку закладалы,
Пыть горылку посидалы.
Илы, пылы та гулялы,
Та съ чаркою воювалы,
Не скончывшы ще гербаты,
Вже пыкета дае знаты.
Въ рукы бралы та хутенько
(Бо москали вже блызенько)
Карабины набывають,
Штыкы свои оглядають.
Сполошылысь ляхи дуже,
Крычать зъ ляку: що це буде?
Иденъ каже: нема рады;
Другій каже: рейтырады!
Давай броню, давай палашъ!
И пиднялы крыкъ да галасъ.
Зувсимъ ляхы опьянилы
И зо страху одурилы,

И ны знае иденъ съ другимъ,
Що робыты въ тымъ одури,
Чы фузію набываты,
Чы гарбату допываты.
Бьють москали въ барабаны,
Барзо шумно крычать паны.
Москаль писню запивае,
Зъ штыкомъ впередъ выступае;
Безъ доклада начинають,
Зъ карабиновъ посылають
Кули ляхамъ на свиданя:
Не йды, ляше, до повстаня!..
Штыки пидъ грудь пидставляють,
Въ лобъ прикладомъ убывають.
Ныма ляхамъ щастя й доли
А ни въ лиси, а ни въ поли.
Ксендзъ ынфулу натягае,
Въ гору руки пидиймае,
Благословыть ляхивъ панивъ,
Щобъ побылы всихъ москаливъ.
Москаль на те съ ружа двынувъ;
Ксендзъ на землю, а ни дригнувъ.
Нема ксендза и казаня;
Не йды, ляше, до повстаня.
Нашъ Цихоцкій умыкае;
Его куля доганяе,
На голову ёму сила
И на землю повалыла
Въ кинци лиса межъ травою
Зъ розбытою головою
Спыть Цихоцкій и чыкае,
Польща зъ лиса выглядае:

Паньске щасте.

Отакъ паны опарылысь,
Межъ собою обрадылысь:
—Програлы теперъ справу,
Ходимъ въ Сибиръ на забаву.—
Помолиця, паны, Богу
Та й рушайте въ путь-дорогу.
Щаслывого вамъ подружа,
А за вамы мы байдуже.
Покидайте тутъ палацы,
Бо вже кинець вашій праци.

Сибиръ дверы видчиныла,
Панивъ на баль запросыла.
Тамъ холода стоять довше,
А для панивъ це здоровше.
Не даремне тая хмара!
Верне въ Сибиръ польска вяра.
Мыжъ высокими горами,
Межъ каминемъ и скалами
Бунтовщыкивъ тамъ пакують..
. . . .

(На этомъ рукопись обрывается).

Мелкія извѣстія.

Денисовскій сказочникъ Р. Ѳ. Чмыхало. Какъ сообщилъ В. В. Лесевичъ въ рефератѣ, прочтенномъ въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Русскаго Географическаго Общества 23 декабря 1894 г. и напечатанномъ только недавно въ журналѣ «Міръ Божій» (1895 г. № 4), въ селѣ Денисовкѣ, лубенскаго уѣзда, въ настоящее время проживаетъ сказочникъ Радіонъ Ѳедоровичъ Чмыхало, имѣющій около 60 лѣтъ отъ роду. Это—рослый, статный и красивый старикъ, помнящій больше 30-ти сказокъ и присказокъ, которымъ онъ выучился отъ своего отца еще въ юности. Разсказываетъ онъ эти сказки, по сообщенію г. Лесевича, осмысленно, выразительно и изящно, съ оживленіемъ и съ явнымъ увлеченіемъ своимъ разсказомъ. Память у него твердая, удерживающая полнотою всѣ подробности изложенія. Вслѣдъ за плавной и слитной передачей какой-нибудь сказки, онъ можетъ опять повторить ее медленно, слово за словомъ, отъ начала до конца, вслѣдствіе чего записывать за нимъ такъ-же легко, какъ писать подъ диктовку.—По содержанію сказки Чмыхала, примыкая къ всесвѣтному сказочному фольклору, представляютъ довольно значительный и разнообразный запасъ типичныхъ инцидентовъ. Изложеніе присказокъ, сравнительно съ изложеніемъ сказокъ, полнѣе, разнообразнѣе, цвѣтистѣе, игривѣе; разсказчикъ не довольствуется здѣсь голыми схемами, а явно стремится къ художественной рисовкѣ окружающей его жизни. Что касается до языка сказокъ и присказокъ, то языкъ этотъ далеко отходитъ отъ чистоты народнаго и приближается къ жаргону отставныхъ солдатъ и писарей, вслѣдствіе чего художественная сторона

сказокъ много страдаетъ отъ этого неизящнаго и притомъ крайне неровнаго языка. Быть можетъ, на этомъ отразилось то обстоятельство, что отецъ разсказчика служилъ въ 1812 году погонцемъ и провелъ годъ или болѣе въ Великороссіи. Въ своемъ рефератѣ г. Лесевичъ даетъ нѣсколько отрывковъ записанныхъ имъ отъ Чмыхала сказокъ и присказокъ въ переводѣ на русскій литературный языкъ. Было бы желательно, чтобъ всѣ сказки и присказки, которыя помнитъ и разсказываетъ Чмыхало, были кѣмъ либо записаны и изданы.

Памятникъ на могилѣ И. П. Котляревскаго. На окраинѣ стараго кладбища въ Полтавѣ стоитъ кирпичный столбъ, который, будучи самъ по себѣ не изящнымъ, много пострадалъ отъ времени, обсыпавшаго штукатурку и вывѣтрившаго многіе кирпичи. Только двѣ буквы, уцѣлѣвшія на этомъ столбѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что когда то на немъ была надпись, а какая именно—этого по двумъ буквамъ нельзя опредѣлить. Должно быть, въ виду этого кто-то, чтобъ облегчить поиски для туристовъ, карандашемъ на основаніи столба обозначилъ, что этотъ памятникъ стоитъ надъ могилой И. П. Котляревскаго. Въ такомъ видѣ мы видѣли этотъ памятникъ въ апрѣлѣ этого года и пожалѣли, ибо могила автора «Наталки Полтавки» и «Энеиды» находится въ такомъ печальномъ запустѣніи. Теперь «Полтавскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что въ полтавской губернской земской управѣ идутъ дѣятельныя приготовленія по устройству памятника на могилѣ И. П. Котляревскаго. Для этой цѣли губернское земское собраніе ассигновало въ распоряженіе губернской управы 1000 рублей. Памятникъ будетъ состоять изъ гранитнаго монолита съ чугуннымъ крестомъ на верху; на лицевой сторонѣ памятника будетъ помѣщенъ бронзовый медальонъ съ изображеніемъ покойнаго поэта. Рисунокъ памятника сдѣланъ мѣстнымъ художникомъ В. А. Волковымъ, а медальонъ предполагается отлить въ мастерской земскаго Дегтяревскаго училища по мысли извѣстнаго скульптора Л. В. Позена, уроженца полтавской губерніи.

Къ вопросу объ устройствѣ музея въ Кіевѣ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, которыя по этому вопросу помѣщены въ предъидущей книгѣ «Кіевской Старины», мы, со словъ кіевскихъ газетъ, можемъ сообщить, что кіевскій вице-губернаторъ Д. С. Өедоровъ увѣдомилъ кіевскаго городского голову о томъ, что въ засѣданіи коммиссіи по устройству музея въ Кіевѣ, состоявшемся 8 мая, было постановлено просить городского голову сдѣлать думѣ предложеніе о принятіи му-

зея, по окончательномъ его устройствѣ, въ вѣдѣніе города съ обязательствомъ содержанія его на городскія средства, причемъ высказано было предположеніе о возможности отвода въ зданіи музея соотвѣтственнаго помѣщенія для книгъ, пожертвованныхъ городу Б. М. Юзефовичемъ. Городской голова предложилъ это на разсмотрѣніе думы въ засѣданіи 17 мая; въ виду того, что не выяснены размѣры расходовъ, которые могутъ потребоваться отъ города на содержаніе музея, дума постановила: передать дѣло на заключеніе финансовой коммиссіи.

Объ устройствѣ музея въ Прилукахъ. По сообщенію «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», прилукская уѣздная земская управа обратилась къ полтавскому губернатору съ просьбою о разрѣшеніи открыть въ г. Прилукахъ музей при земской управѣ. Вопросъ объ открытіи музея былъ рѣшенъ въ послѣднемъ прилукскомъ земскомъ собраніи, причемъ собраніе постановило открыть музей на основаніяхъ, выработанныхъ с.-петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей и изложенныхъ въ изданномъ этимъ обществомъ проэктѣ нормальнаго устава, для чего ассигновать на содержаніе музея ежегодно по 300 рублей и единовременно 200 рублей.

Премія профессора Потебни. Согласно утвержденнаго министромъ народнаго просвѣщенія положенія о преміи профессора А. А. Потебни, какъ извѣщаетъ «Южный Край», въ первый разъ присужденіе ея послѣдуетъ 29 ноября 1895 года, а затѣмъ она будетъ выдаваться ежегодно изъ процентовъ съ капитала въ 2600 рублей, собраннаго по подпискѣ между почитателями покойнаго профессора.

Новое этнографическое общество. Еще въ 1893 году группа польскихъ писателей, проживающихъ въ Львовѣ, подняла вопросъ объ основаніи этнографическаго общества и даже составила проэктъ устава такого общества, который однако не получилъ утвержденія со стороны намѣстничества. Затѣмъ, при участіи предсѣдателя антропологической коммиссіи при краковской академіи наукъ профессора Бодуэна де-Куртне и другихъ лицъ, былъ доставленъ новый уставъ, который утвержденъ въ надлежащемъ порядкѣ. По уставу новое общество называется «*Towarzystwo ludoznawcze*», пребываетъ въ Львовѣ и имѣетъ цѣлью научное изслѣдованіе польскаго и *сосѣднихъ* съ нимъ народовъ, а также опубликованіе собранныхъ по этому предмету свѣдѣній. Для насъ эта цѣль имѣетъ особое значеніе въ виду того, что ближайшими сосѣдями галиційскимъ полякамъ являются малороссы. Для преслѣдованія означенной цѣли по уставу служатъ

слѣдующіе способы: 1) засѣданія, отчеты, рефераты и бесѣды членовъ общества, 2) собраніе всякихъ свѣдѣній, могущихъ служить для познанія народа, 3) опубликованіе собранныхъ свѣдѣній въ журналахъ и другихъ изданіяхъ, а также при помощи собственнаго литературнаго органа и собственныхъ изданій, 4) вспомоществованіе литературнымъ трудамъ и изданіямъ, описывающимъ или представляющимъ народъ, а также всякимъ инымъ трудомъ на этомъ полѣ, 5) основаніе библіотекъ и музеевъ, 6) назначеніе делегатовъ для собранія нужныхъ свѣдѣній въ данной мѣстности, 7) основаніе отдѣловъ общества въ уѣздахъ и 8) образованіе научныхъ секцій внутри общества. Общество состоитъ изъ членовъ-основателей и членовъ дѣйствительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. Членами могутъ быть также и женщины. Съ этого года общество издаетъ свой журналъ подъ названіемъ «Lud», съ которымъ нашъ журналъ въ своемъ библіографическомъ отдѣлѣ познакомитъ читателей по мѣрѣ появленія въ немъ свѣдѣній, которыя будутъ касаться южноруссовъ.

Собраніе украинскихъ народныхъ мелодій. Напечатанныя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ русскихъ газетахъ свѣдѣнія о предпринятомъ собираніи русскихъ народныхъ мелодій вызвало въ Львовѣ мысль о собраніи украинскихъ мелодій. По этому поводу въ Львовскихъ журналахъ напечатано, за подписью О. Нижанковскаго, Ф. Колессы и другихъ лицъ, въ количествѣ девяти, заявленіе, въ которомъ, обращая вниманіе на то, что народныя мелодіи уничтожаются съ каждымъ годомъ подъ вліяніемъ порядковъ новѣйшей культуры и что настала крайняя пора спасти, на сколько можно, отъ гибели этотъ цѣнный матеріалъ, они, подписавшіеся, чтобъ удовлетворить этой потребности, образовали комитетъ, который поставилъ себѣ задачею систематично публиковать народныя мелодіи періодическими выпусками подъ заглавіемъ: «Русько-українські народні мельодії». Изданіе будетъ ведено такимъ способомъ, что каждый выпускъ или томъ будетъ представлять изъ себя нѣчто цѣлое, но, для избѣжанія однообразія, будетъ заключать въ себѣ пѣсни разныхъ категорій. Обращая главное вниманіе на мелодіи, издатели будутъ печатать при каждой пѣснѣ всѣ доступные имъ варіанты ея мелодіи съ обозначеніемъ мѣстности, гдѣ пѣсня такъ или иначе поется, и съ указаніемъ лицъ, исполнявшихъ пѣсни и записавшихъ ее. Комитетъ уже имѣетъ въ своихъ рукахъ нѣсколько сотъ народныхъ мелодій, и этого матеріала уже теперь хватило бы на нѣсколько томовъ. Однако, чтобъ изданіе было на сколько можно полное и обнимало при каждой ме-

лодіи наибольшее число извѣстныхъ варіантовъ, комитетъ обращается къ землякамъ, владѣющимъ сборниками народныхъ мелодій или записавшимъ нѣсколько пѣсенъ изъ устъ народа, съ просьбою прислать въ скорѣйшемъ времени свои рукописи въ комитетъ. Точно также комитетъ проситъ всѣхъ пѣсволюбивыхъ земляковъ, которые, живя въ провинціи, имѣютъ возможность послышать народную пѣсню изъ источника, т. е. изъ устъ народа,—о томъ, чтобы они записывали мелодіи пѣсенъ съ текстами и присылали въ комитетъ. Адресъ для этихъ присылокъ указанъ слѣдующій: Осипу Нижанковскому, въ г. Львовъ, Городецкая улица, № 33 а.

Новое изданіе сочиненій М. Л. Кропевницкаго. Въ Харьковѣ въ настоящее время печатается полное собраніе сочиненій М. Л. Кропивницкаго, въ которое войдетъ семь еще не бывшихъ въ печати драматическихъ пьесъ («Вусы», «Пидгоряне», «Зайдыголова», «Дви семьи», «Чмырь», «Олеся» и «Джигунъ»).

Каменныя орудія на берегахъ Буга и Стыри. На 8-мъ очередномъ собраніи Варшавской «Komisyi teoryi ogrodnictwa i nauk przyrodniczych», состоявшемся 18 апрѣля 1895 г., г. Е. Маевскій (E. Majewski) прочелъ докладъ о доисторическихъ каменныхъ орудіяхъ, находимыхъ въ верховьяхъ рѣкъ Буга и Стыри, и представилъ большую коллекцію этихъ орудій. Это—каменные топоры грубой работы, весьма однообразнаго типа и изъ однороднаго матеріала; они нешлифованы и снабжены высверленными отверстіями для продѣванія рукоятокъ. Особенность ихъ состоитъ въ томъ, что они сдѣланы не изъ кремня, а изъ мѣстныхъ мелкозернистыхъ песчаниковъ и известняковъ сарматскаго яруса третичной системы. Однообразіе ихъ матеріала и выдѣлки указываетъ на ихъ одновременность и общее мѣсто происхожденія, но распространеніе ихъ—спорадическое по всему краю. Подобныхъ топоровъ докладчикъ не встрѣчалъ въ музеяхъ какъ мѣстныхъ, такъ и иностранныхъ. Только въ музеѣ графа Дзѣдушицкаго въ Львовѣ находится нѣсколько совершенно тождественныхъ орудій, также происходящихъ съ верховьевъ Буга. Отмѣтивъ мѣста нахожденія этихъ орудій на картѣ, докладчикъ указалъ, что они встрѣчаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни аллювіальныхъ, ни дилювіальныхъ отложеній, и гдѣ выступаетъ на поверхность верхній мѣлъ; сарматскія горныя породы, изъ которыхъ сдѣланы топоры, находятся повсюду въ довольно значительномъ разстояніи (нѣсколько десятковъ миль) отъ мѣстъ нахожденія орудій,

но по близости нѣтъ никакихъ твердыхъ камней. Область распространенія этихъ орудій ограничивается верховьями Буга и Стыри.

(Изъ журнала „Wszechswiat“, 1895, № 18).

Поправка. Въ іюньской книгѣ Кіевской Старины за текущій годъ въ отдѣлѣ документовъ, извѣстій и замѣтокъ (стр. 107, строка 5 сверху) *напечатано*: «воспоминаній Pro domo sua»; *слѣдуетъ читать*: «воспоминаній, *напечатанныхъ въ книгѣ* Pro domo sua».

Библіографія.

1. Провидник по вистави краевій у Львови з особлнвим оглядом на виддил етнографичний и на павильон руских народних товариств. Львив. 1894 г. 197 и 60 стран.

2. Powszechna wystawa we Lwowie w r. 1894. Katalog illustrowany wystawy sztuki polskiej od roku 1764—1886. We Lwowie. 1894 г. XXIV, 384 и 75 ненум. стран.

Къ намъ такъ нескоро доходятъ не только книги, издающіяся въ Галиціи, но и свѣдѣнія объ нихъ, что нерѣдко приходится радоваться, если какую-нибудь книгу, изданную въ Галиціи, удается увидѣть чрезъ годъ послѣ ея выхода, а большей части книгъ, издающихся тамъ, мы вовсе не можемъ видѣть и ничего о нихъ не знаемъ, почему и нѣтъ возможности своевременно давать отзывы объ этихъ книгахъ. Но, держась правила, что «лучше поздно, чѣмъ никогда, мы предпочитаемъ дать запоздалый отзывъ о книгѣ, если она заслуживаетъ вниманія, чѣмъ вовсе не говорить о ней.

Изъ краткихъ извѣстій, которыя печатались въ русскихъ газетахъ въ прошломъ году, мы знали, что въ Львовѣ была устроена выставка въ большихъ размѣрахъ, но опредѣленныхъ и подробныхъ свѣдѣній о ней не имѣли, потому что ни одного описанія, ни одной обстоятельной корреспонденціи объ этой выставкѣ въ русской печати мы не находили. И только теперь, когда намъ удалось просмотрѣть книги, названія которыхъ мы выписали, мы увидѣли изъ нихъ, какой большой интересъ для насъ представляла эта выставка, хотя упомянутыя книги описываютъ не всю выставку, а лишь нѣкоторыя части ея.

Первая книга — «Провидник по вистави краевий у Львови» — имѣетъ въ виду преимущественно тѣ предметы виставки, которые были выставлены русинами, и прежде, чѣмъ описывать выставку, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о той странѣ и томъ городѣ, гдѣ эта выставка была устроена. Именно книга раздѣляется на слѣдующія части: 1) Галичина, — 2) Провидник по Львови, — 3) Вистава краева, — 4) Катальог вистави дилу етнографічного, — 5) Церков и 6) Павильон руских народних товариств.

Первая часть подраздѣляется на двѣ главы: а) Земля и б) Люди. Здѣсь вкратцѣ описывается Галиція и даются свѣдѣнія объ ея народонаселеніи, преимущественно статистическія. Главы эти представляются тѣмъ болѣе умѣстными въ книгѣ, что съ наибольшею подробностью въ ней описывается этнографическій отдѣлъ выставки.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ три главы: 1) З минувшини, — 2) Цикавійши будивли и институции и 3) Інформации для приизжих. Первая глава представляетъ краткій историческій очеркъ г. Львова, вторая глава заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о болѣе интересныхъ мѣстныхъ зданіяхъ и учрежденіяхъ, въ третьей даны необходимыя для пріѣзжихъ свѣдѣнія о желѣзной дорогѣ, гостинницахъ, мѣстахъ развлеченія и т. п. Изъ этихъ главъ читатель между прочимъ можетъ узнать, то въ то время, когда мы, кіевляне, только мечтаемъ о томъ, какъ бы намъ устроить музей, въ Львовѣ, имѣющемъ жителей почти въ два раза меньше, чѣмъ Кіевъ (119.350 человѣкъ по спискамъ 1890 года), существуютъ слѣдующіе музеи, архивы и библіотеки: 1) музей Ставропигійскій. — 2) институтъ Оссолинскихъ, заключающій въ себѣ богатую библіотеку съ большою коллекціею рукописей (болѣе трехъ съ половиною тысячъ) и картинную галлерею, — 3) помѣщающійся при томъ же институтѣ Оссолинскихъ музей Любомирскихъ, заключающій въ себѣ кабинеты археологическій, монетный и рисунковый (въ немъ болѣе 25.000 гравюръ и литографій), а кромѣ того три комнаты наполнены разнородными предметами; — 4) музей гр. Дидушицкаго, заключающій въ себѣ коллекціи по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи преимущественно Галиціи, коллекціи по этнографіи польской и русской и библіотеку; — 5) городской промышленный музей; — 6) музей и библіотека «Народнаго Дома» (этотъ музей еще не вполнѣ устроенъ), — 7) университетская библіотека съ находящимся при ней архивомъ, — 8) городской архивъ, — 9) архивъ намѣстничества, — 10) архивъ бернардинскій, — 11) библіотека гр.

Баворовскаго съ 3.000 томовъ рукописей,—12) библіотека Свято-онуфріевскаго монастыря съ цѣнными русскими рукописями и проч.

Въ третьей части книги сначала разсказывается о томъ, какъ возникла мысль объ устройствѣ выставки и какъ она устраивалась, но затѣмъ дается краткій путеводитель по выставкѣ. Пропуская промышленные отдѣлы выставки, для изложенія свѣдѣній о которыхъ понадобилось бы слишкомъ много мѣста, остановимъ вниманіе на нѣсколькихъ интересныхъ павильонахъ. Павильонъ города Львова заключалъ въ себѣ все, что городъ дѣлаетъ для просвѣщенія, украшенія улицъ, асенизаціи и проч. Успѣхамъ просвѣщенія посвящены были павильонъ университетовъ львовскаго и краковскаго и политехники львовской и павильонъ намѣстника гр. Бадени, заключавшій въ себѣ выставку училищнаго совѣта (графическія таблицы его дѣятельности, училищная статистика, учебныя руководства, модель школы, планы наукъ, издѣлія ремесленныхъ школъ, модель дѣтскаго сада и т. п.). Въ павильонѣ литературно-журнально-фотографическомъ были собраны изданія краковской академіи наукъ, львовскаго историческаго общества и другіе литературные труды; здѣсь же помѣщались мѣстныя произведенія литографическія, фотографическія и проч. Большая красивая палата посвящена была польскому искусству и раздѣлялась на три части: 1) ретроспективную выставку польскаго искусства, заключавшую въ себѣ произведенія польскаго искусства прошлаго времени, начиная съ 1764 года,—2) выставку современнаго польскаго искусства, которая была устроена въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ никогда нигдѣ поляки еще не устраивали художественныхъ выставокъ: болѣе 400 современныхъ польскихъ художниковъ прислали на эту выставку свои произведенія,—и 3) выставку польскихъ древностей.

Въ четвертой части книги описывается этнографическій отдѣлъ выставки. Устройство этого отдѣла, какъ объясняютъ составители описанія въ предисловіи къ нему, представляло особаго рода трудности вслѣдствіе множества существующихъ въ Галиціи національныхъ оттѣнковъ и разницъ въ населеніи, какъ русинскомъ (гуцулы, верховинцы, бойки, лемки, пидгоряне, долиняне, заболотіи, покутяне, подоляне, полѣсяне, побережане), такъ и польскомъ (краковяки, мазуры, горалы). Исчерпать всѣ формы и показать въ систематическомъ сопоставленіи всѣ оттѣнки этнографическихъ типовъ края — это былъ идеалъ, практическое осуществленіе котораго при данныхъ средствахъ и въ данное короткое время было почти невозможно. Въ

виду этого комитетъ, устраивавшій этнографическій отдѣлъ, поставилъ себѣ болѣе скромную и исполнимую задачу: изъ многочисленныхъ оттѣнковъ въ мѣстныхъ этнографическихъ типахъ выбрать только нѣкоторые, наиболѣе характерные, и представить ихъ какъ можно полнѣе и вѣрнѣе, а изъ другихъ оттѣнковъ брать и показывать по мѣрѣ возможности тѣ части, которыя дополняли бы главный образъ.

Для такого представленія лучшимъ способомъ было признано построить хату и заселить её людьми изъ той мѣстности, гдѣ данный характеристическій оттѣнокъ отчетливѣе проявляется. Такая хата, построенная мѣстными людьми и тѣмъ способомъ, который въ данномъ мѣстѣ практикуется, изъ матеріала, тамъ употребляемаго, окруженная тою обстановкою, какая въ той сторонѣ бываетъ, убранная и украшенная, какъ тамъ обыкновенно водится, снабженная всѣми снарядами и приборами, какіе тамъ въ хатѣ можно найти, заселенная тамошними людьми въ ихъ мѣстныхъ костюмахъ, занятыми тою роботою, какою они у себя занимаются—все это, по мнѣнію устроителей, могло дать наилучшій образъ матеріальнаго этнографическаго типа данной мѣстности. Для дополненія же этой живой картины былъ собранъ богатый матеріалъ въ большомъ этнографическомъ павильонѣ.

Согласно съ этимъ, въ этнографическомъ отдѣлѣ выставки были возведены слѣдующія типичныя постройки: а) сельскій дворъ изъ Полѣсья, б) мазурская хата изъ Нивискъ, в) хата изъ Закононаго, г) сельскій дворъ изъ Подола д) поднѣстрянскій дворъ изъ Катаринецъ, е) гуцульскій дворъ изъ Яворова, ж) вѣтряная мельница Жовковскаго уѣзда и з) шесть придорожныхъ крестовъ изъ разныхъ мѣстъ.

Кромѣ этихъ построекъ, возведенныхъ въ ихъ натуральную величину и обставленныхъ согласно съ вышеизложеннымъ, въ этнографическомъ павильонѣ находились многія модели разныхъ народныхъ построекъ. Въ этомъ же павильонѣ были собраны: а) древнія орудія, утварь и другіе предметы, найденные при археологическихъ раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Галиціи,—б) манекены руссинскихъ типовъ, числомъ 32,—в) коллекція фотографическихъ снимковъ, представляющихъ народные типы, постройки, обычаи. (Напримѣръ освященіе пасокъ и плодовъ, свадебные и похоронные обряды, сѣяніе, дожинки, возка сноповъ и проч.),—г) народные костюмы и бѣлье (насколько великъ былъ этотъ отдѣлъ—видно изъ того, что однихъ

головныхъ уборовъ было собрано 57, и изъ нихъ только два женскихъ головныхъ убора было доставлено изъ Украйны, а остальные принадлежатъ галиційскимъ русинамъ разныхъ мѣстъ),—д) узоры украшеній стѣнныхъ, тканей и проч.,—е) предметы, имѣющіе связь съ обрядами и обычаями (писанки, пасхи, короваи, вѣнки и проч.), ж) разные предметы домашней обстановки (столы, сундуки и проч.), з) упряжь и орудія,—и) народные музыкальные инструменты,—і) разнообразная коллекція разныхъ народныхъ издѣлій,—и к) наконецъ въ этомъ же павильонѣ помѣстилась цѣлая этнографическая библіотека, заключавшая въ себѣ русскія, малорусскія, польскія и чешскія изданія, имѣющія отношеніе къ малороссамъ и полякамъ (здѣсь нашли себѣ мѣсто и разныя статьи, напечатанныя въ «Кіевской Старинѣ»).

Первоначально предполагалось въ этнографическомъ отдѣлѣ выставки помѣстить модель церкви, какъ образчикъ народной архитектуры и стиля въ постройкѣ церквей. Потомъ явилась потребность въ особомъ павильонѣ для предметовъ церковнаго искусства, и этотъ павильонъ рѣшили устроить въ видѣ церкви типичной мѣстной архитектуры. Эта постройка была сооружена гуцулами. Здѣсь были помѣщены предметы мѣстнаго иконописанія и рѣзьбы, церковная утварь и облаченія, старинныя книги и рукописи, имѣющія отношеніе къ богослуженію, и фотографическіе снимки древнѣйшихъ церквей, колоколовъ и иконостасовъ. Описанію этого отдѣла посвящена пятая часть книги.

Наконецъ, въ шестой части описанъ «павильонъ русскихъ товариствъ». Какъ видно изъ описанія, экспонентами въ этомъ павильонѣ явились общества учено-литературныя, музыкальныя, педагогическія, нѣкоторыя учебныя заведенія и общества, имѣющія характеръ клубовъ. Одни выставили полныя коллекціи своихъ изданій, другія—отчеты о своей дѣятельности и разные предметы, относящіеся къ этой дѣятельности.

Составленный очень обстоятельно путеводитель по выставкѣ еще болѣе былъ бы цѣннымъ, еслибъ былъ иллюстрированъ, что въ особенности важно было бы для отдѣла этнографическаго. Но отсутствіе иллюстрацій нельзя ставить въ вину издателямъ, такъ какъ это зависѣло не отъ нихъ, а отъ тѣхъ средствъ, которыми они располагали для изданія.

Вторая книга, заглавіе которой мы выписали, составляетъ подробный каталогъ того отдѣла выставки польскаго искусства, кото-

рый, какъ упомянуто выше, былъ названъ «ретроспективною выставкою польскаго искусства» и который заключалъ въ себѣ произведенія польскаго искусства съ 1764 по 1886 годъ въ количествѣ 1359. Каталогъ этотъ составленъ на столько обстоятельно, что можетъ послужить справочною книжкою для интересующихся исторіею польскаго искусства, и, кромѣ названія художественныхъ произведеній, которыя были выставлены, даетъ свѣдѣнія о размѣрахъ этихъ произведеній и объ ихъ постоянномъ мѣстонахожденіи, краткое указаніе содержанія ихъ и краткія біографическія свѣдѣнія о художникахъ. Къ книгѣ приложено 75 фототипическихъ снимковъ съ произведеній польскихъ художниковъ.

Какъ извѣстно, польскіе художники нерѣдко брали сюжеты для своихъ картинъ изъ малорусскаго быта. Но изъ каталога не видно съ достаточною ясностью, какія именно картины изображаютъ польскій бытъ и какія—малорусскій; приложенные же къ книгѣ снимки воспроизводятъ картины изъ польскаго быта, за исключеніемъ одного рисунка А. Орловскаго, изображающаго двухъ танцующихъ запорожцевъ, и акварели Юлія Коссока: «Переправа черезъ Днѣстръ». Вслѣдствіе этого, не видѣвши самой выставки, а имѣя въ рукахъ лишь каталогъ части ея, ничего нельзя сказать о томъ, какъ велико было число произведеній изъ малорусскаго быта на выставкѣ и какъ именно этотъ бытъ въ нихъ изображался. На основаніи указаній каталога отмѣтимъ только три портрета Мазепы (одинъ работы Норблина и два работы Келесинскаго), крестьянскіе типы, преимущественно изъ Подоліи, Глоговскаго, восемь галиційскихъ типовъ Родаковскаго, Русины Михаловскаго, Фурманъ Луцкій Плонскаго, Гуцулъ Келесинскаго, «Гетманскіе кони» Ю. Конона, «Козакъ коня напувавъ, Дзюба воду брала» Іосифа Брандта и бюстъ г-жи Лубенской— «Украинка».

Обозрѣвая содержаніе Львовской выставки, на сколько это возможно при помощи тѣхъ двухъ книгъ, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, нужно удивляться тому, что русская печать не только не извлекла изъ этой выставки всей той пользы, какую могла извлечь въ научномъ отношеніи, но вовсе не обратила на нее вниманія, ограничившись сообщеніями по нѣсколько строкъ о томъ, что во Львовѣ открылась-молъ большая выставка, и ничего больше о ней не сказавши. А между тѣмъ значительная часть выставки такъ близко касалась насъ. Съ грустью приходится сознаться, что сравнительно съ прежнимъ временемъ когда у насъ явились цѣнные этнографи-

ческіе труды, народоизученіе сдѣлало у насъ шагъ назадъ, а не впередъ, что ослабѣлъ въ обществѣ интересъ къ этому предмету и уменьшилось число литературныхъ силъ, работающихъ на этомъ поприщѣ. Дай Богъ, чтобъ въ будущемъ этотъ интересъ снова оживился и чтобъ намъ удалось наверстать то, въ чемъ мы такъ отстали въ послѣднее время.

Н. Ш—въ.

Eu..j Heleniusz. Wspomnienia polskich czasów dawnych i późniejszych. Tt. I—II. (Lwów, 1894). Стр. 461 и 431.

Опубликованная въ прошломъ году серія замѣтокъ Ев. Геленіуша заключаетъ въ себѣ матеріалы самаго разнороднаго характера. Въ первомъ соединены отдѣльные экскурсы, преимущественно относящіеся къ церковной исторіи давней Польши и б. кіевской діецезіи, въ частности къ исторіи различныхъ католическихъ орденовъ и отдѣльныхъ монастырей. Большею частью это сухіе біографическіе перечни, пользованіе которыми затруднено вслѣдствіе полнаго отсутствія какихъ-либо ссылокъ на источники или пособія. Перечень церковно-исторической литературы, сдѣланной авторомъ (I, 27—38), мало помогаетъ дѣлу, и для научной разработки исторіи церкви въ Польшѣ настоящій трудъ, кажется намъ, не принесетъ особенной пользы, да повидимому авторъ вовсе и не задавался этою цѣлью. Помѣщенныя въ первомъ томѣ біографическія замѣтки о дѣятеляхъ свѣтскихъ, какъ напр. кн. Константинъ и Янушъ Острожскіе, Левъ Сапѣга, Юрій Оссолинскій, кн. Радзивилы, Любомирскіе, Потоцкіе, Замойскіе, Пацы, Ржевускіе, Владиславъ Немиричъ и др., трактуютъ вопросъ съ точки зрѣнія отношеній этихъ дѣятелей къ государственной церкви и вообще представляютъ мало интереса по своей сжатости и своеобразной окраскѣ. Такого же характера и біографіи польскихъ женщинъ, остановившихъ своимъ благочестіемъ вниманіе автора. Больше интереса представляютъ опубликованныя г. Геленіушемъ выдержки изъ мемуаровъ и писемъ базиліанъ Іоны Солтановскаго и Иліи Андрушкевича (I, 202—248), относящіяся къ текущему столѣтію и имѣющія отношеніе къ новѣйшей политической исторіи нашего края. Статья «Древняя діецезія кіевская и позднѣйшія церкви на Украинѣ» (I,251—313) почти сплошь состоитъ изъ голаго перечисленія именъ и мѣстностей и по отсутствію указаній

на источники едва-ли можетъ служить для справокъ. Въ концѣ перваго тома напечатаны нелишенныя нѣкотораго интереса выдержки изъ хроники винницкаго капуцинскаго монастыря съ 1745 по 1861 годъ (стр. 322—449). Здѣсь, между прочимъ, находимъ отмѣтки о нападеніяхъ гайдамакъ, о провинціальныхъ сеймикахъ, о передвиженіяхъ русскихъ войскъ, о моровыхъ повѣтріяхъ и т. д. Любопытно напр. описаніе борьбы съ заразой въ Браиловѣ въ августѣ 1770 г. Приглашенный туда изъ Старой Винницы знахарь потребовалъ 12 паробковъ и бѣлаго коня, выкопалъ изъ могилы тѣло умершаго отъ заразы, привязалъ его къ хвосту лошади и въ сопровожденіи 12 паробковъ волочилъ по городу. Зараза усилилась. Знахарь, опасаясь смерти, на томъ же конѣ бѣжалъ въ Винницу, гдѣ роздалъ полученные отъ браиловцевъ подарки своимъ родственникамъ, и зараза распространилась въ Винницѣ. Нѣкоторые капуцины ходили по домамъ для оказанія помощи заболѣвшимъ, о чемъ впослѣдствіи сожалѣли, такъ какъ сами подвергались большой опасности. Населеніе частью скиталось по полямъ и лѣсамъ и здѣсь погибало. Часто не было кому погребать умершихъ, и псы разносили части труповъ. Капуцины заперлись въ церкви съ нѣкоторыми прихожанами и оставались взаперти до февраля 1771 г. Милостыню убогимъ въ видѣ пищи разнаго рода подавали чрезъ дубовую трубу, вдѣланную въ церковной стѣнѣ. Въ Винницѣ погибло отъ заразы 330 чел. (стр. 350). Подъ 1774 г. записано въ хроникѣ о еврейскомъ погромѣ, произведенномъ учениками іезуитской школы подъ предлогомъ употребленія евреями христіанской крови. Буяновъ пришлось усмирять русскими войсками (стр. 355). Далѣе слѣдуютъ замѣтки изъ времени 4-лѣтняго сейма, раздѣла, описывается посѣщеніе генерала Тутолмина и т. д. Подъ 1826 г. занесена любопытная замѣтка о всеобщемъ переполохѣ въ Винницѣ, вслѣдствіе слуховъ о задуманной, будто бы крестьянами поголовной на Пасху рѣзнѣ пановъ, ксендзовъ и евреевъ. Обыватели селъ бѣжали въ города, по цѣлымъ ночамъ никто не спалъ, все было поставлено на военную ногу, подозрительныхъ или неизвѣстныхъ лицъ задерживали. Конечно, слухи оказались вымышленными, и крестьяне боялись больше всего (стр. 423). 4 февраля 1856 г. братъ Даніилъ распустилъ слухъ, что весною православные священники будутъ истреблены турками, французами и англичанами. За это его увезли въ Каменецъ, гдѣ содержали въ Кармелитскомъ монастырѣ, а затѣмъ онъ былъ отданъ подъ строгій надзоръ въ брусиловскій монастырь (стр. 441). Очень жаль, что г. Геленіушъ издалъ только выдержки

изъ хроники, снабдивъ ихъ своими собственными, весьма пространными, но мало интересными разсужденіями.

Нѣсколько разнообразнѣе по содержанію восемь статей, помѣщенныхъ во II томѣ изданія г. Геленіуша. Въ первой статьѣ частью приводится, частью комментируется рѣдкое нынѣ стихотворное произведеніе (1773 г.) кіевскаго р.-к. епископа Іосифа Залускаго, гдѣ описаны обстоятельства ссылки въ Калугу шести польскихъ сенаторовъ въ 1767—1773 гг. Статья вторая даетъ списокъ конфискованныхъ въ 1793—4 и 1832—35 гг. польскихъ имѣній, къ сожалѣнію, безъ указаній на источники, по усвоенному авторомъ обычаю. Въ статьѣ третьей находимъ интересныя выдержки изъ замѣтокъ члена р.-к. коллегіи въ С.-Петербургѣ, прелата Якобѣльскаго, съ 1839 по 1856 гг. и нѣкоторыя біографическія подробности о р.-к. архіепископѣ Головинскомъ. Въ четвертой статьѣ сведены нѣкоторыя данныя о ссыльныхъ 1848 г. Пятая глава посвящена біографическимъ подробностямъ изъ жизни польской шляхты на Украинѣ, преимущественно въ текущемъ столѣтіи. Съ нѣкоторыми выдержками изъ этой не лишенной интереса статьи, касающимися Кіева, мы надѣемся ознакомить читателя подробнѣе въ «Кіев. Старинѣ». Весьма любопытны также помѣщенныя въ слѣдующей статьѣ выдержки изъ дневника Ильи Осташевскаго (съ 1809 по 1861 г.), частью касающіяся и Кіева (стр. 224—379). Наконецъ, двѣ послѣднія статьи даютъ біографическія подробности о Садыкъ-пашѣ (Мих. Чайковскомъ) и эмирѣ Вацлавѣ Ржевускомъ.

По всей конструкціи своей и направленію идей кн. г. Геленіуша отзывается сѣдой стариной и едва-ли можетъ встрѣтить сочувственный откликъ даже въ наиболѣе расположенныхъ къ автору читателяхъ. Новое время приноситъ и новыя задачи, которыхъ невозможно достигать вращаясь въ старомъ и, такъ сказать, порочномъ кругѣ идей и вѣрованій. Тѣмъ не менѣе должно отмѣтить, что въ названной книгѣ найдется нѣсколько живыхъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія историковъ новѣйшаго времени, и если изданіе г. Геленіуша сохранило ихъ отъ забвенія, то въ этомъ его заслуга передъ наукой. Должно пожалѣть, что авторъ почти исключительно посвящаетъ свое вниманіе отдѣльнымъ лицамъ изъ среды польской шляхты и не останавливается на судьбахъ мѣстнаго общества во всей его совокупности. Отъ этого рисуемыя имъ детальныя картинки теряютъ серьезное значеніе, нарушается историческая перспектива и получается такое впечатлѣніе, какъ будто имѣешь дѣло съ Silva

rerum или новѣйшимъ сборникомъ достопримѣчательныхъ анекдотовъ. Интересные сами по себѣ, это все же только анекдоты, но не правдивая и безпристрастная исторія.

Н. М.

А. Н. Пыпинъ: Матеріалы для біографія А. А. Котляревскаго. Спб. 1894. CL стр.

Книга представляетъ собою, дѣйствительно, не болѣе, какъ «матеріалы» для жизнеописанія покойнаго славяновѣда, и настоящая біографія его появится, вѣроятно, еще нескоро. Какъ собраніе «матеріаловъ», книга г. Пыпина представляется намъ достаточно полною, хотя и не безъ пропусковъ [1]); изложеніе въ общемъ довольно живое и интересное, хотя и страдающее иногда нѣкоторою отрывочностью, что, впрочемъ, можетъ быть объяснено самымъ свойствомъ работы — сведеніемъ разрозненныхъ и иногда случайныхъ біографическихъ данныхъ въ одно цѣлое... Къ книгѣ приложенъ очень хорошій портретъ, вполнѣ передающій характерныя дорогія черты незабвеннаго славяновѣда. Кіевскому времени жизни Котляревскаго составитель книги посвятилъ всего 12 страницъ ея (124—136) «Такова скудость данныхъ!» скажетъ иной читатель. Нѣтъ, данныхъ, собственно говоря, много, но, вѣроятно, они почему либо не дошли до составителя біографіи. Въ самомъ дѣлѣ, о нѣкоторыхъ сторонахъ дѣятельности Котляревскаго въ Кіевѣ можно было сказать очень много; такова, напримѣръ, дѣятельность его въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца, въ славянскомъ обществѣ, предсѣдателемъ котораго онъ былъ въ особенно трудную пору сербо-турецкой войны; свойства этой дѣятельности покойнаго слависта были таковы, что вполнѣ заслуживали бы основательнаго изложенія и правильнаго освѣщенія. Правда, метеріалы, относящіеся къ этой сторонѣ вопроса, туго появляются въ свѣтъ; но кое что выходитъ и, вѣроятно, будетъ постепенно появляться въ свѣтъ; такъ, въ 1894 году появилась историческая записка о 25-лѣтіи кіевскаго славянскаго общества, въ ко-

---

[1]) Для читателей „Кіевской Старины" можно, наприм., отмѣтить пропускъ замѣтки объ А. А. Котляревскомъ, помѣщенной въ этомъ изданіи за 1892 годъ (Кн. III стр. 478—482). Какъ бы ни незначительна была эта замѣтка въ сборникѣ жизнеописательныхъ „матеріаловъ", она могла бы найти мѣсто хотя бы только въ общемъ спискѣ матеріаловъ (I—III стр.).

торой есть нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности А. А. Котляревскаго, какъ предсѣдателя этого общества; но этой книжкой г. Пыпинъ уже не успѣлъ, видимо, воспользоваться.

Передавать богатаго содержанія книжки г. Пыпина мы не будемъ: нашей цѣлью было только отмѣтить ея появленіе и привлечь къ ней вниманіе тѣхъ изъ читателей «Кіев. Старины», коимъ дорога личность и память покойнаго А. А. Котляревскаго.

И. Степовичъ.

Обзоръ табаководства въ Россіи. Выпускъ II—III. Малороссія и Туркестанскій край. В. С. Щербачева. Изданіе Департамента Земледѣлія. Спб. 1894 г.

Какъ вообще оффиціальныя изданія, монографія г. Щербачева не предназначена для продажи. Весьма интересный трудъ автора заключаетъ, между прочимъ, историческій очеркъ развитія табаководства въ Малороссіи и изслѣдованіе о восточномъ происхожденіи табака. Историческій очеркъ начинается замѣчаніемъ автора, что «табаководство въ Малороссіи ведется издавна, и начало его слѣдуетъ отнести во всякомъ случаѣ не позднѣе XVI столѣтія». Указаніе на это, говорится далѣе, существуетъ въ козачьей пѣснѣ временъ гетмана Петра Кононовича (Конашевича?) Сагайдачнаго, который, по ея словамъ, идя войною на турокъ «проминявъ жинку на тютюнъ и (та?) люльку, необачный!» Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ уже не возвращается къ этому случайно брошенному «историческому факту», а между тѣмъ въ той же пѣснѣ, нѣсколько далѣе, имѣется какъ бы объясненіе побудительныхъ причинъ или условій козачьяго быта и военныхъ походовъ. Среди тревогъ и случайностей войны и походной жизни, не приходилось козаку «зъ жинкою возытьця, а тютюнъ та люлька козаку въ дорози знадобытця». Это служило своего рода удовольствіемъ и если не отрадой, то развлеченіемъ. Въ параллель съ этимъ, въ другой пѣснѣ—блуждающій въ лѣсныхъ трущобахъ взываетъ: «гей, хто въ лиси обизвыся! та выкрешемъ огню, та покуримъ люльки, не журися». Болѣе обстоятельны изысканія автора о восточномъ происхожденіи табака. «Самое слово тютюнъ», по выраженію автора, указываетъ на то, что къ малороссіянамъ табакъ перешелъ съ востока, изъ мусульманскихъ странъ, а не съ запада, такъ какъ тютюномъ называютъ табакъ татары, турки

и персы. Это предположеніе авторъ подкрѣпляетъ еще и тѣмъ, что кромѣ тютюна (нынѣшняя махорка) въ Малороссію проникъ и другой сортъ табака, «бакунъ», котораго корень bak или bach, общій съ bach въ бахчѣ (огородъ, садъ), чисто татарскаго или тюркскаго происхожденія. Мы встрѣчаемъ, продолжаетъ авторъ, эти названія для табаковъ и въ нѣкогда бывшихъ областяхъ турецкой имперіи: Румыніи, Бессарабіи (баконъ, махорка), Сербіи (тутунъ, тутумъ), Имеретіи, Гуріи (тутуни), а также въ Венгріи и Галиціи (бакунъ, тютюнъ) въ Польшѣ (Tytun, Tuton, Bakon). (стр. 1). Какъ видно далѣе, приведенную цитату авторъ считаетъ весьма цѣнною, и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что онъ «лингвистическимъ образомъ доказывалъ, что бакунъ пришелъ въ Малороссію съ мусульманскаго востока; такое толкованіе (догадывается авторъ) могло быть признано гадательнымъ или даже сомнительнымъ, но къ счастію для автора, имѣются данныя для болѣе твердаго основанія, подтверждающія правильность его толкованія. Въ сочиненіи нѣмецкаго ученаго и Эрфуртскаго профессора Готгарда, при перечисленіи табаковъ, воздѣлываемыхъ въ Турціи (Салоникахъ, Болгаріи), въ числѣ другихъ (іенидскій, кирмалу, кирджали, кицильдели, узунъ-табакъ, румели-тютюнъ, дщи-тютюнъ, аби-тютюнъ, докша-тютюнъ), упоминается и о сортѣ «Марія-бахе», о которомъ говорится: «Марія-бахе» такъ называется на Черномъ морѣ табакъ, извѣстный въ Россіи подъ именемъ *«козацкаго тютюна*, который дѣйствительно самымъ лучшимъ сортомъ почесть можно». Эта выписка, по мнѣнію автора, ясно доказываетъ происхожденіе нашего *бакуна* (*бахунъ*) отъ турецкаго табака, распространеннаго въ давнія времена по Черному морю и носящаго названіе Марія-бахе, что можетъ значить садъ Маріи. Этотъ сортъ перешелъ въ Малороссію, сохранивъ только коренное слово *бахъ*, для своего обозначенія *«бахинъ, бакунъ»*. (стр. 80).

Опровергая распространенное мнѣніе о голландскомъ происхожденіи махорки и о порчѣ слова, авторъ высказываетъ мнѣніе, что махорка «обозначаетъ тотъ же самый тютюнъ (по-персидски дымъ или табакъ) и имѣетъ корень чисто персидскаго происхожденія: персидское слово *«bouhour»*, что значитъ благовонное куреніе, фиміамъ, было передѣлано въ «mahour» (махорка), при чемъ персидская буква *б* перешла въ русское *м*, какъ это бываетъ въ другихъ словахъ и обратно—наприм. *махрома-бахрома, мусульманъ-басурманъ*. Кромѣ того, голландскій (амерсфордскій) табакъ—американскаго происхожденія и имѣетъ красные или розовые цвѣты, между тѣмъ какъ махорка или

тютюнъ желтые» (стр. 2). Предоставляя спеціалистамъ филологамъ и лингвистамъ судить объ основательности лингвистическихъ соображеній автора, слѣдуетъ обратить вниманіе, что, по словамъ автора, табаки виргинскіе, мариландскіе и голандскіе, изъ нихъ происшедшіе, имѣютъ цвѣты розовые или красные, а потому никоимъ образомъ не могло даже по ошибкѣ быть придано голландское названіе—амерсфордъ улучшенной породѣ простого табака (тютюнъ). Когда собственно и изъ какихъ мѣстъ появилось слово «махорка», отождествившее слово тютюнъ какъ наименованіе простого народнаго табака, въ литературѣ, говоритъ авторъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній; одно только можно сказать, что это слово получило общераспространенное значеніе въ нашемъ вѣкѣ, а въ литературѣ стали его употреблять, какъ названіе лучшаго малороссійскаго простого табака, якобы происшедшаго изъ сѣмянъ, вывезенныхъ изъ Амерсфорда (Голландія) и якобы выродившихся на почвѣ Малороссіи. Такое мнѣніе появилось въ печати въ 1852 г., затѣмъ повторилось въ статьѣ Базинера въ 1855 г. и въ концѣ концовъ принято было за безспорно правильное нѣкоторыми дальнѣйшими изслѣдованіями. Между тѣмъ голландскіе сорта табака введены въ малороссійскую культуру вмѣстѣ съ виргинскими и мариландскими, заботами императрицы Екатерины II. Раньше того, при Петрѣ Великомъ заведена табачная плантація 500 дес. около Ахтырки, но разводимые табаки были американскихъ сортовъ и обрабатывались на ахтырской казенной фабрикѣ по голландскому способу. (Эта плантація и табачный заводъ были переданы въ содержаніе ахтырскому полку 17 апрѣля 1733 г.) (стр. 81—82).

Вывозъ табака изъ Малороссіи въ Московію сдѣлался столь значительнымъ, что вызвалъ строжайшія запрещенія въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1661, 1663, 1669 и 1683 г. Но уже въ 1697 г. Петръ Великій разрѣшилъ привозъ табаку со взятіемъ въ казну пошлинъ, съ черкасскаго листового свитка табака съ фунта по 10 денегъ, т. е. съ пуда 2 руб., а вслѣдъ за тѣмъ въ 1698 г. Мазепа установилъ въ Гетманщинѣ акцизъ на *тютюнные шинки*. Табачная десятина собиралась съ козаковъ и посполитыхъ на гетмана и войсковую старшину, но въ 1723 г. обращена въ казну государеву, и кромѣ того, къ такой подати привлечены привиллегированныя лица, какъ старшины, войсковые товарищи, монастырскіе и церковные владѣльцы, до того времени не вносившіе табачной десятины. По сенатскому указу 1724 г. взято пошлины по 60 коп. съ пуда табака, и количество урожая исчислено въ полкахъ:

Лубенскомъ. . .	23616 п.	10 ф.
Гадячскомъ. . .	6635 —	30 —
Прилуцкомъ . .	2426 —	10 —
Полтавскомъ . .	554 —	20 —
Миргородскомъ .	1116 —	10 —
Нѣжинскомъ . .	3535 —	—
Итого. .	37884 —	

Съ возстановленіемъ гетманства, табачная десятина отошла «до скарбу войскового» и взымалась съ пуда по 6 коп., а съ сотни листьевъ по 2 коп., за табакъ же, вывозимый въ Великороссію, съ пуда 20 к., а въ Сибирь и въ Астрахань вдвое. Сборъ съ табачной десятины продолжался до 1761 г. Табакъ Малороссіи шелъ въ Литву, Польшу, Сибирь, Астрахань, Персію, а также составлялъ предметъ заграничнаго вывоза въ запад. европу (стр. 3). До Петра Великаго, въ Малороссіи воздѣлывались сорта простые: тютюнъ (махорка) и бакунъ, и только съ начала XVIII в. введены въ культуру американскіе сорта: мариландъ, виргинія, амерсфордъ. По порученію императрицы Екатерины II, извѣстнымъ Тепловымъ была составлена инструкція для разведенія иностранныхъ табаковъ и устроена малороссійская контора въ г. Ромнѣ, а въ каждомъ полку были назначены плантаторы, на обязанности которыхъ лежалъ учетъ плантацій и обученіе плантаторовъ собиранію и сохраненію табака. Сѣмена раздавались изъ конторы даромъ, и торговля табакомъ была свободна отъ всякихъ пошлинъ. По словамъ автора, въ настоящее время въ Малороссіи, кромѣ тютюна и бакуна, выдѣлываются американскіе сорта преимущественно въ Черниговщинѣ, въ уѣздахъ мглинскомъ, суражскомъ, стародубскомъ, новгородсѣверскомъ, черниговскомъ и въ очень незначительномъ количествѣ въ другихъ уѣздахъ. Въ Полтавщинѣ культура американскихъ табаковъ получила развитіе главнымъ образомъ подъ г. Ромномъ, въ м. Житномъ и сосѣднихъ поселкахъ, гдѣ ежегодное производство доходило въ началѣ нынѣшняго столѣтія до 10 т. пуд. Въ половинѣ 50-хъ г. американскіе табаки воздѣлывались и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Полтавщины. Однако по отчету г. Базинера въ началѣ 40-хъ г. воздѣлывалось американскихъ табаковъ въ Малороссіи до 10 т. пуд. (столько, какъ прежде въ окрестностяхъ одного Ромна). За послѣднее время, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, ежегодный урожай высшихъ сортовъ табака въ полтав. и черниг. губ. опредѣляется приблизительно отъ 80—100 т. пуд. (стр. 5). Махорка распространена по всѣмъ уѣздамъ

черниг. и полтав. губ., но преимущественно въ уѣз. прилукскомъ, ромен., лохвиц., пирятин., лубен. и переясл., а въ черниг. губ. въ уѣзд. нѣжин., конотоп., борзен., козелец. и городниц. Въ черниг. губ. изъ общей площади табачныхъ плантацій занято махоркой $65{,}_{46}\%$, бакуномъ $30{,}_{26}\%$, остальные $3{,}_{98}\%$ приходятся на высшіе сорта. Въ полтав. же губ. производится исключительно махорка, и только совсѣмъ незначительное количество американскихъ и турецкихъ сортовъ.

Площадь плантацій въ губ. полтав. черниг.

	полтав.	черниг.
помѣщичьихъ	$47{,}_{3}\%$	$27{,}_{7}\%$
крестьянскихъ	$46{,}_{3}$	$68{,}_{0}$
еврейскихъ	$5{,}_{7}$	$3{,}_{7}$
пришл. насел.	$0{,}_{7}$	$0{,}_{6}$
	100	100.

Съ прошлаго столѣтія вплоть до 1878 г. табакъ махорка (Nicotiana rustica) не облагался никакимъ налогомъ и имѣлъ свободное обращеніе въ листахъ (въ формѣ папушъ). Онъ служилъ предметомъ исключительнаго потребленія въ низшихъ классахъ народа и вывозился въ чужіе края и на дальній востокъ, напр. въ Сибирь, достигая въ концѣ прошлаго столѣтія до Алеутскихъ острововъ. Вѣковая свободная культура и торговля были причиной быстраго развитія махорочнаго производства въ Малороссіи. Такъ, съ 37884 пуд. въ 1727 г. (примѣрно 400—500 дес. плантацій) культура въ Малороссіи дошла въ 1860-хъ до 1½ мил. пуд., составлявшихъ урожай съ 20 слишкомъ тыс. дес. плантацій. Табаководство растетъ неуклонно до 1875 г., когда насчитывалось плантацій до 28723 дес. Во время турецкой войны и тревожныхъ слуховъ о введеніи табачной монополіи, установленія въ 1877 г. акциза на фабрикованную махорку 80 к. съ пуда, табаководство стало падать (стр. 87—90). Далѣе авторъ приводитъ многочисленныя данныя о позднѣйшемъ состояніи табаководства и упадкѣ промышленности сельскохозяйственной вслѣдствіе развитія крупныхъ махорочныхъ фабрикъ, ставшихъ въ монопольное положеніе на табачномъ рынкѣ. Изслѣдованіе автора снабжено многочисленными рисунками въ текстѣ и приложеніяхъ, двумя діаграммами и картограммой. Все это исполнено весьма отетливо и изящно, хотя таблица XI, діаграмма площади табачныхъ плантацій, исполненная тушью, слишкомъ пеститъ въ мѣстахъ пересѣченія линій, какъ равно и на картограммѣ штриховка черезчуръ мелка и

иногда трудно различается. Вообще же изслѣдованіе въ высшей степени интересно и отличается множествомъ статистико-экономическихъ данныхъ.

В. Василенко.

Дмитріевъ Ѳеод., Исторія Брянска. Орелъ. 1894 г.

Открытіе во многихъ мѣстахъ губернскихъ ученыхъ коммиссій, несомнѣнно, принесло уже много и, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, будетъ приносить пользы разработкѣ русской исторіи. Если отъ нихъ не всегда можно ожидать изслѣдованій, которыя бы способствовали разъясненію темныхъ вопросовъ нашего прошлаго, за то дѣятельность издательская—обнародованіе цѣнныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ документовъ,—имъ вполнѣ доступна. Конечно, и тутъ могутъ быть неудачи: могутъ рядомъ съ цѣннымъ матеріаломъ появиться и неимѣющіе никакого значенія документы,—все это, понятно, зависитъ отъ состава той или иной коммиссіи, отъ бо́льшей или меньшей научной подготовки лицъ, ее составляющихъ, но все-таки и за одинъ цѣнный актъ можно быть благодарнымъ, а нужно сказать, что, благодаря именно ученымъ коммиссіямъ, русская наука обогатилась уже многими интересными документами. Въ частности, есть заслуги въ этомъ отношеніи и у орловской ученой коммиссіи. Вообще г. Орелъ, судя по выходившимъ и выходящимъ тамъ изданіямъ, является довольно оживленнымъ умственнымъ центромъ. Историческіе матеріалы, замѣтки и сообщенія историкъ можетъ найти не только въ Трудахъ ученой коммиссіи этого города, но въ Орловскомъ Вѣстникѣ. Такимъ образомъ, интересъ къ исторіи, археологіи, этнографіи всегда существовалъ у жителей Орла. Выразителемъ этого научнаго интереса орловской интеллигенціи къ прошлому родного края является и трудъ, интересующій насъ въ настоящее время. Распадается онъ на девять главъ: 1) древнѣйшая исторія Брянска, 2) Брянскъ—самостоятельное княжество, 3) литовское владычество, 4) московское владычество, 5) Брянскъ въ Смутное время, 6) судьба Брянска послѣ Смутнаго времени, 7) внутреннее состояніе Брянска, 8) Брянская смута, 9) бунтъ въ Брянскѣ. Такимъ образомъ, исторія города доведена до начала второй половины XVIII ст. Говоря вообще, нельзя не привѣтствовать радушно всякую попытку къ распространенію среди общества историческихъ свѣдѣній о прошлыхъ судьбахъ родной мѣстности, и надо

сказать, что разбираемая нами «Исторія Брянска» можетъ до нѣкоторой степени удовлетворить этой цѣли, но, конечно, научнаго значенія такой трудъ, къ сожалѣнію, имѣть не можетъ. Авторъ обнаруживаетъ полную неопытность въ научномъ изложеніи и подчасъ употребляетъ или ошибочныя или неумѣстныя въ научномъ трудѣ выраженія. Укажемъ, напр., на стр. 6-ю, гдѣ между прочимъ сказано: «Послѣ воцаренія Святослава Ольговича въ землѣ вятичей»... За такой lapsus linguae ставится единица ученику третьяго класса, который долженъ знать, что до 1547 года царей на Руси не было, и что первый принялъ этотъ титулъ Иванъ IV. Наивностью отличается и тирада на стр. 25...... «въ 1508 году Сигизмундъ имѣлъ дерзость взять отъ хана ярлыкъ на владѣніе городами—Брянскомъ, Карачевомъ, Стародубомъ».... Не можемъ понять, въ чемъ тутъ заключается дерзость и противъ кого. Въ такомъ случаѣ всякую дипломатическую войну слѣдуетъ называть дерзостью одного государя противъ другого. Въ силу недостаточно-критическаго отношенія къ имѣющемуся подъ руками матеріалу и того обстоятельства, что авторъ не стоитъ на уровнѣ развитія современной исторической науки, мы находимъ въ его книгѣ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ промаховъ.

Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. По мнѣнію г. Дмитріева область Вятичей была присоединена къ Сѣверскому княжеству, а между тѣмъ, какъ явствуетъ изъ извѣстій Ипатьевской и Лаврентьевской лѣтописей, Вятичи всегда были связаны съ удѣломъ черниговскимъ, а не сѣверскимъ, до самаго прекращенія династіи Давидовичей. Вмѣсто народа Голяди, у автора является никогда не существовавшій городъ Голеди. Городъ Неринскъ названъ Нерильскомъ. Откуда-то появляется городъ Доробинескъ! Вмѣсто города Дрогичина г. Дмитріевъ указываетъ на какой-то Дрогичъ. Гетманъ Рожинскій обратился въ Ружинскаго. Все это произошло оттого, что авторъ не дѣлаетъ никакого различія между первоисточниками и пособіями. Онъ одинаково цѣнитъ и ставитъ рядомъ Исторію Россіи Щербатова, Записки касательно россійской исторіи Екатерины II, Карамзина, Погодина, Соловьева, Лѣтописи—Никоновскую, Воскресенскую и т. д., никакъ не подозрѣвая, что и Щербатовъ, и Екатерина II, и Карамзинъ, и Погодинъ, и Соловьевъ должны провѣряться извѣстіями лѣтописей. Если мы просмотримъ всѣ ссылки автора, то оказывается, что онъ пользовался шестью—семью первоисточниками: Никоновской лѣтописью, Воскресенской лѣтописью, Лѣтописцемъ русскимъ, Царственнымъ лѣтописцемъ, Лѣтописцемъ, содержащимъ русскую исторію, Лѣ-

тописью о многихъ мятежахъ и документами, напечатанными въ Трудахъ орловской ученой коммиссіи. Семь первоисточниковъ—количество весьма и весьма незначительное для сочиненія, охватывающаго исторію города съ древнѣйшихъ временъ и до начала второй половины XVIII столѣтія. Не могъ-ли авторъ воспользоваться или не зналъ о существованіи такихъ основныхъ первоисточниковъ для древнѣйшей русской исторіи, какъ лѣтописи Ипатьевская и Лаврентьевская,—мы не знаемъ. Точно также удивляетъ полнѣйшее игнорированіе Актовъ историческихъ, Дополненій къ Актамъ историческимъ, Актовъ археологической экспедиціи, Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ и т. д., и т. д. Массу матеріала для географіи брянскаго удѣла извлекъ-бы г. Дмитріевъ изъ дипломатическихъ актовъ, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. XXXV. Это нежеланіе пользоваться столь важными первоисточниками приводитъ автора къ неправильнымъ выводамъ, путаницѣ и невѣрному изложенію историческихъ фактовъ. Такъ напр., г. Дмитріевъ спуталъ двухъ Романовъ: Романа Глѣбовича, изъ рода князей смоленскихъ, съ Романомъ Михайловичемъ, изъ рода князей черниговскихъ, сыномъ Михаила Всеволодовича. А все произошло оттого, что авторъ не проштудировалъ Лаврентьевской лѣтописи, которая не допустила-бы его до подобнаго искаженія фактовъ: ему стоило только прочесть ее подъ 1300 и 1286 годомъ, Въ силу незнакомства г. Дмитріева съ лѣтописями русско-литовскими и польскими, дѣло Глинскихъ передано въ искаженномъ видѣ.

Можно, конечно, допустить, что автору по какимъ-либо обстоятельствамъ не были доступны многіе изъ вышеприведенныхъ первоисточниковъ: многіе изъ нихъ въ настоящее время являются уже библіографическою рѣдкостью, но поражаетъ еще сильнѣе полное незнакомство г. Дмитріева съ русской исторической литературой. Какъ можно писать исторію города Брянска, не ознакомившись съ трудомъ Багалѣя: Исторія Сѣверской земли? Возможно-ли трактовать о положеніи Брянска въ литовскій періодъ, не имѣя въ рукахъ сочиненія Антоновича: «Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго»? Авторъ, говоря о смутномъ времени, не позаботился ознакомиться съ литературой, къ нему относящейся. Отъ этого и получается повтореніе сказки о завоеваніи Гедыминомъ Кіева и битвѣ на р. Ирпени въ 1321 году и продолжается толченіе старой нелѣпости о тождествѣ Лже-Дмитрія I съ Гришкой Отрепьевымъ. При чтеніи труда г. Дмитріева невольно возникаетъ вопросъ: неужели

авторъ не могъ воспользоваться всѣми необходимыми первоисточниками въ библіотекѣ ученой коммиссіи? Или и въ ея библіотекѣ нѣтъ всѣхъ изданныхъ въ Россіи первоисточниковъ и подбора исторической литературы? Мы искренно желаемъ думать, что и воспользозоваться г. Дмитріевъ могъ, и въ библіотекѣ ученой коммиссіи все есть, а то было-бы уже очень прискорбно.

П. Голубовскій.

Отчетъ Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1894 г. Одесса 1895. Стр. 80.

Въ отчетномъ году въ одесскомъ историческомъ Обществѣ числилось почетныхъ членовъ 18, дѣйствительныхъ 123, сотрудниковъ и корреспондентовъ 34, а всего 175 членовъ различныхъ наименованій. Въ теченіе года оно имѣло 8 очередныхъ засѣданій, въ которыхъ были доложены статьи, матеріалы и замѣтки историческаго и археологическаго содержанія. Общество слѣдуетъ обычаю, заслуживающему подражанія, печатать протоколы каждаго засѣданія въ отдѣльности, въ нихъ находятъ себѣ мѣсто описанія древностей и мелкія сообщенія. Состоящій при обществѣ издательскій комитетъ выпустилъ въ свѣтъ въ августѣ прошлаго года XVII томъ «Записокъ» и въ теченіе года занимался приготовленіемъ къ печати слѣдующаго XVIII тома. Дѣятельность общества по части археологическихъ раскопокъ до сихъ поръ проявлялась слабо, хотя въ послѣднее время оно получило для этого возможность въ видѣ усиленія казенной субсидіи. Въ отчетномъ году эта дѣятельность выразилась въ наблюденіи депутата общества А. А. Кочубинскаго надъ двумя кладоискательскими раскопками, одна изъ коихъ, къ тому же, не состоялась; по правдѣ сказать, мы не понимаемъ цѣли подобнаго наблюденія, если самое мѣсто раскопки, по историческимъ или археологическимъ указаніямъ, не представляетъ какого-либо интереса, а такъ именно было въ обоихъ данныхъ случаяхъ. По части экскурсій слѣдуетъ отмѣтить поѣздку избранной обществомъ коммиссіи для осмотра подвѣдомственныхъ ему ѳеодосійскаго музея, Мелекъ-Чесменскаго кургана въ Керчи и судакской крѣпости и для выработки соображеній о ремонтѣ послѣдней. Самый ремонтъ былъ произведенъ лѣтомъ прошлаго года подъ руководствомъ и на средства почетнаго члена Бертье-Делагарда и обошелся около 1000 р. На нужды Ме-

лекъ-Чесменскаго кургана и ѳеодосійскаго музея ассигнована постоянная сумма, сначала по 50, а потомъ по 100 р. въ годъ. Вопросъ о раскопкахъ въ древней Ольвіи (с. Паружино, одесскаго у.), возбужденный еще въ прошломъ году, находится и доселѣ на точкѣ замерзанія, къ великому стыду для науки, благодаря необъяснимому упорству владѣльцевъ имѣнья, которые отказываютъ въ разрѣшеніи на раскопки археологическимъ учрежденіямъ, хотя ничего не могутъ подѣлать съ грабительскимъ расхищеніемъ древностей. Виленскій археологическій съѣздъ постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи для одесскаго общества; но при выполненіи этого постановленія явилась новая комбинація, а именно—московское археологическое общество предложило одесскому ходатайствовать передъ правительствомъ, совмѣстно съ нимъ и съ Россійскимъ историческимъ музеемъ, «объ отпускѣ необходимой суммы для цѣлесообразныхъ систематическихъ раскопокъ въ Ольвіи (Паружино) въ одинъ, назначенный владѣлицей этого поселенія, срокъ, а при несогласіи на то послѣдней, ходатайствовать и о правѣ производить раскопки», на что одесское общество отвѣчало, что оно готово принять участіе и денежными средствами, и наблюденіемъ за ходомъ работъ. По нашему мнѣнію, вопросъ здѣсь вовсе не въ деньгахъ. Денежныя средства дастъ не одно только одесское общество; извѣстно, что и Археологическая коммиссія безуспѣшно хлопотала о разрѣшеніи, а она то ужъ, конечно, не поскупилась бы на ассигновку. Въ виду этого намъ кажется болѣе чѣмъ страннымъ такъ форсировать раскопку, какъ предполагаетъ Московское общество, и мы никакъ не можемъ признать «цѣлесообразною» и «систематическою» раскопку столь важнаго и обширнаго пункта, какова Ольвія, въ «одинъ, назначенный владѣлицей срокъ».

Въ распоряженіи Общества находится три преміи, предназначающіяся для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи. Первая изъ нихъ, имени основателя общества, Д. М. Княжевича, состояла изъ процентовъ съ двухъ билетовъ третьяго восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4-процентной государственной ренты, по тысячѣ рублей каждый, накопляющихся въ теченіе каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г., и присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіе каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи; за первое пятилѣтіе премія присуждена не была. Вторая премія одесской городской думы, въ 500 р., за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края, выдается съ

тѣмъ условіемъ, что сочиненіе должно быть рукописное и при удостоеніи печатается на счетъ города; срокъ выдачи преміи не опредѣленъ и конкурсъ на нее открытъ въ теченіе всего года. Третья премія учреждена на средства почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда въ размѣрѣ 600 р. въ годъ за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на любомъ изъ европейскихъ языковъ; сочиненіе представляется къ 1 января; въ отчетномъ году были предложены на соисканіе преміи слѣдующія двѣ темы: 1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно какъ по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана и 2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII — X вѣкахъ.

Общество владѣетъ обширнымъ музеемъ. Въ отчетномъ году его посѣтило 1543 чел. Въ ряду пожертвованій музея уже не первый годъ стоятъ на первомъ планѣ и по количеству, и по научной цѣнности вещей, пожертвованія А. Л. Бертье-Делагарда. Въ отчетномъ году имъ пожертвованы, между прочимъ: надгробный камень, со слѣдами латинской надписи, изъ Очакова, большое количество предметовъ изъ Ольвіи, какъ-то терракотъ, сосудовъ, амфорныхъ ручекъ съ клеймами, костяныя шашки съ украшеніями и номерами греческими и римскими, костяное веретено и др.; наконецъ, большое собраніе монетъ, въ составъ котораго входитъ весьма интересная и цѣнная коллекція русскихъ монетъ, а также греческія, между которыми есть рѣдкія и весьма рѣдкія. Пожертвованія поступали также и отъ другихъ членовъ общества. Кромѣ того, общество нашло возможнымъ выписать отъ бр. Эггеръ изъ Вѣны недостающія въ коллекціи его древнія греческія монеты и купить у одесскаго продавца древностей разныя вещи, какъ-то древне-греческіе сосуды, украшенія и пр.

Изъ помѣщеннаго при отчетѣ извѣстія о подвѣдомственномъ Обществу Ѳеодосійскомъ музеѣ узнаемъ, что въ отчетномъ году въ этотъ музей поступили нѣкоторые интересные предметы, а именно: плита съ гербами и надписью въ 7 строкъ, въ которой говорится объ окончаніи ремонта башни и городскихъ стѣнъ въ 1396 году при консулѣ Эліанѣ Чентуріони, два обломка генуэзской плиты съ гербомъ и частью надписи и пр. Музеемъ, помѣщающимся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ въ Керчи, пріобрѣтено нѣсколько греческихъ вазъ,

между которыми есть фигурныя, известковая надгробная плита съ греческой надписью и пр.

На заглавной страницѣ отчета, по обычаю, издавна заведенному обществомъ, изданъ неизвѣстный доселѣ бронзовый медальонъ гор. Трапезунта, императора М. Аврелія Антонина (Каракаллы).

В. Я.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1895 г. «Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, и о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ). Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ. А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ. В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевъева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

погоды» Н. Г. Злотина; Поѣздка на могилу Т. Г. Шевченко, С. Е. Письма: изъ Бессарабіи Радова; изъ Ананьевск. уѣзда Ч—ко; съ берег. Темзы Бичъ-Богуславскаго, изъ Черноморіи Стиверскаго и пр.

Текстъ иллюстрируется портретами и др. рисунками.—При журналѣ періодически выпускаются приложенія.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ“ съ приложеніями (съ пересылкой и доставкой).

На годъ 4 руб. — На полгода 2 руб.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ Редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» *(Софіевская, домъ № 18, кв. № 19).*

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ L.

СЕНТЯБРЬ

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 Сентября 1895 года.

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

(Іван Вишенський і його твори. Написав др. Іван Франко [докторская диссертація] Ціна 1 гульд. Львів. 1895. Стр. VII+536).

Вмѣсто предисловія считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по адресу автора диссертаціи—д-ра Ивана Франка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ на почвѣ одинаковыхъ работъ по южно-русской литературѣ, послѣ чего между нами завязалась литературная дружба. Франко (который мнѣ позволитъ называть его такъ, не прибавляя всякій разъ ученаго титула „докторъ“ или „профессоръ“) привыкъ къ тому, что я не разъ бывало прибѣгаю къ помощи его знаній, привыкъ слышать отъ меня лестные (и вполнѣ заслуженные) отзывы о его работахъ, и теперь, нѣтъ сомнѣнія, онъ будетъ очень и очень изумленъ слишкомъ рѣзкимъ моимъ отзывомъ о его послѣднемъ трудѣ; удивленіе его будетъ тѣмъ основательнѣе, что даже журналъ „Бесѣда“ (Львовскій), который издается людьми, не благоволящими къ Франку, встрѣтилъ его диссертацію большими похвалами; такими же похвалами привѣтствовала Франка „Русская Мысль“ и „Ж. М. Н. П.“. Однако по настоящему Франко, какъ ревностный искатель и приверженецъ истины, не долженъ на меня сердиться и обижаться. Онъ долженъ помнить, во-первыхъ, что amicus Plato, sed magis amica veritas (т. е. наука), а во-вторыхъ—что именно чувство дружбы заставило меня вдаться въ очень детальный

разборъ его диссертаціи и тщательно подчеркнуть въ ней слабыя мѣста. Второе, дополненное изданіе „Ивана Вышенскаго", которое не заставитъ себя ждать (срв. обѣщаніе автора на стр. V и стр. 498), пусть считается со всевозможными возраженіями, пусть, если можетъ, опровергаетъ ихъ, пусть поддерживаетъ свои положенія новыми, ужъ неотразимыми аргументами, или пусть откажется отъ нихъ,—и тогда мы будемъ имѣть вполнѣ обработанное, продуманное изслѣдованіе, то, что называютъ „перлъ созданія"; при эрудиціи и талантѣ Франка мы вправѣ отъ него требовать этого. Самъ Франко говоритъ въ предисловіи (стр. V), что за каждое дополненіе, за каждую поправку онъ будетъ благодаренъ: надѣюсь, что и по отношенію ко мнѣ онъ не измѣнитъ своему обѣщанію. Рѣзкій тонъ моей рецензіи обусловленъ тѣмъ, что я вовсе не имѣю въ виду отмѣчать *достоинства* Франковской диссертаціи, а наоборотъ—имѣю въ виду собственно указать ея слабыя стороны.

Выписки, которыя мнѣ придется дѣлать изъ разбираемой диссертаціи, я всегда буду предлагать въ русскомъ переводѣ; малорусскія слова буду передавать въ транскрипціи, установленной въ Россіи.

„Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели, при своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты", такъ говоритъ проф. Сумцовъ въ началѣ своей статьи о Вышенскомъ („Кіевская Старина" 1885 г., апрѣль, стр. 649). „Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдаетъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стряхнувъ пыль съ драгоцѣнныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру. Южно-русскій писатель начала XVII в. Іоаннъ изъ Вышни входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энерги-

ческаго, умнаго, образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападеній латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія (съ 1865 г.) люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы".

Проф. Сумцовъ ошибался, думая, что только съ 1865-го г. началось знакомство русской публики съ Вышенскимъ. Въ 1848-мъ г. вышелъ въ Кіевѣ 1-ый т. „Памятниковъ, изданныхъ временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ", гдѣ на стр. 248, въ „Совѣтованіи о благочестіи" упоминается имя „Іоанна, порекломъ Вышенского". Въ томъ же 1848-мъ г. П. Строевъ, въ описаніи рукописей Царскаго (въ Москвѣ), сообщилъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ произведеніяхъ этого Іоанна. Въ 1860-мъ году Галицкій ученый А. Петрушевичъ издалъ въ „Зорѣ Галицкой, яко альбумѣ на 1860-й годъ" житіе Іова Княгиницкаго, извѣстнаго южно-русскаго аскета и друга Вышенскаго; это житіе содержитъ въ себѣ данныя и для біографіи Вышенскаго. Изданіе сочиненій нашего автора и изслѣдованія о немъ начались съ 1865-го г. и потомъ уже не прерывались, пока наконецъ въ 1895-мъ г. не вышла докторская (т. е. магистерская по-нашему) диссертація Ивана Франка. Въ теченіе этого тридцатилѣтняго промежутка (1865—1895) занимались личностью и произведеніями Вышенскаго, или по крайней мѣрѣ обращали на него извѣстное вниманіе, такіе ученые, какъ Костомаровъ, Голубевъ, Соловьевъ, преосв. Макарій, преосв. Филаретъ, Кулишъ, Пыпинъ, Лебедевъ, Завитневичъ, Сумцовъ, Огоновскій, Игн. Житецкій (сынъ извѣстнаго филолога, который, впрочемъ, также кой-что сказалъ о Вышенскомъ), преосв. Порфирій (Успенскій) и Франко. Многіе изъ названныхъ изслѣдователей обращались къ Вышенскому не одинъ разъ (Франко также выступилъ впервые съ своею очень важною работою о В—мъ еще 1889-мъ г.) Насколько можно подсчитать, о нашемъ писателѣ составлено до 25 и болѣе изслѣдованій, статей и замѣтокъ, такъ-что Франко имѣлъ полное право сказать (въ новѣйшемъ

своемъ трудѣ), что Ивану Вышенскому, забытому съ 1621-го года, уцѣлѣвшему до нашего времени только случайно и вырытому изъ библіотечной пыли, посчастливилось такъ, какъ *рѣдко кому* изъ старыхъ южно-русскихъ писателей. Дѣйствительно, объ очень многихъ изъ нихъ, и притомъ о писателяхъ очень важныхъ, существуетъ одно-два-три небольшихъ изслѣдованія, принадлежащихъ преимущественно одному Сумцову, а Вышенскимъ, который не успѣлъ еще попасть даже въ школьную исторію литературы (и Галахова, и Порфирьева), ужѣ занимался цѣлый рядъ ученыхъ, и притомъ, въ большинствѣ, перваго ранга. Чѣмъ заслужилъ Вышенскій такого усердія со стороны нынѣшнихъ ученыхъ, станетъ вполнѣ ясно изъ разбора диссертаціи Франка, особенно третьей части ея. Пока-что отмѣчу, что изслѣдованія о Вромъ принадлежатъ главнымъ образомъ перу малороссовъ и при томъ такихъ, которые любятъ „найменшого брата“ и чутки къ его потребностямъ. Монахъ-демократъ, демократизмъ котораго можно было забыть въ вѣкъ пренебреженія къ хлопамъ, охотно былъ воскрешенъ въ XIX-мъ вѣкѣ, въ вѣкѣ наибольшаго развитія заботъ и вопросовъ о судьбѣ и благосостояніи народныхъ массъ; малорусскій монахъ, требовавшій, чтобы проповѣдь „для вырозумѣнія людского попросту толковалась и выкладалась“, охотно былъ воскрешенъ въ вѣкъ пробужденія національнаго чувства у малороссовъ. Покойный проф. Ом. Огоновскій, талантливый филологъ, но вовсе не талантливый историкъ, дошелъ въ своемъ умиленіи и вдохновеніи даже до курьезовъ: „Такъ отже сей чернець въ чоботыщахъ невытертыхъ бувъ незвычайнымъ явыщемъ въ тодишній жизни суспильній. Хочъ винъ не знавъ наукы схолястычнои, то сылою виры и прыроднымъ умомъ взрисѣ справди въ велита, супротывѣ котрого сучасни кныжныкы явылысь покотыгорошкомъ“ („Исторія литературы рускои“, т. I, стр. 143).

Первыя 76 страницъ диссертаціи Франка носятъ заглавіе: „Дотеперишни праци про Ивана Вышенського“. Изслѣдователь, держась хронологическаго порядка, аккуратно разсматриваетъ всѣ сочиненія, касающіяся Вышенскаго, сжато, но точно излагаетъ содержаніе каждаго сочиненія и сопровождаетъ такимъ

же сжатымъ разборомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ Франка былъ въ значительной степени облегченъ статьей Игн. Житецкаго („Кіев. Ст.“ 1890), который также позаботился составить обзоръ трудовъ своихъ предшественниковъ; но то былъ краткій и бѣглый очеркъ, а у Франка обзоръ произведенъ съ большой обстоятельностью и полнотою. Однако нѣкоторые пропуски есть и у Франка. Самъ онъ сознается, что не досталъ, а потому и не разсмотрѣлъ двухъ книгъ: 1) Успенскаго: „Исторія Аѳона“, въ Академическомъ изданіи (1892,—изъ нея онъ, впрочемъ, ничего для себя не извлекъ бы) и 2) Голубева: „Объяснительные параграфы изъ исторіи южно-русской церкви“ (Кіевъ 1893,—эта книжка была бы для него очень полезна). Въ виду старательности Франка и его склонности отмѣчать въ библіографіи о Вышенскомъ самыя маленькія замѣтки, я считаю позволительнымъ указать за нимъ еще пропуски: онъ даже не обмолвился о П. И. Житецкомъ, который также бросилъ нѣсколько словъ о Вышенскомъ; Ф. Терновскій посвятилъ Іоанну статейку во 2-мъ томѣ своего „Изученія Византійской исторіи“; Лось составилъ (прескверную) статью для „Энциклопед. Словаря“ Брокгауза и Ефрона; Н. Сумцовъ упомянулъ о языкѣ Вышенскаго въ своей статьѣ „Рѣчь Ивана Мелешка“ въ „Кіев. Стар.“ 1894, май и въ своемъ разборѣ „Мыслей о малорусскихъ думахъ“ П. И. Житецкаго, въ „Этногр. Обозр.“ 1895, кн. I.

Немного можно возразить Франку насчетъ первой части его диссертаціи, но все же кое-что найдется. На стр. 31, разбирая статью Лебедева, Франко говоритъ: „Интересна выписка изъ одного письма еп. Балабана, въ которомъ онъ упрекаетъ перемышльское духовенство, что оно „хватные дѣвки вѣнчаетъ“, изъ чего можемъ догадываться, что Несторовскій обычай („умыкаше дѣвиця у водъ“) существовалъ въ перемышльской епархіи еще въ концѣ 16-го вѣка“. Ни о какомъ подобномъ *обычаѣ* (т. е. умыканіи у водъ) мы отсюда догадываться не можемъ, „хватныя дѣвки“—обыкновенныя бѣглянки, которымъ власть родителей запрещаетъ вѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ; случаи бѣгства дочери изъ дому повторяются и теперь, во всѣхъ слояхъ общества, они будутъ повторяться до тѣхъ поръ,

пока будетъ существовать любовь и на ряду съ нею родительское запрещеніе, и никакого отношенія къ этнографіи они не имѣютъ. На стр. 38, возражая Завитневичу, который похвалилъ извѣстное сочиненіе Скарги „O rządzie i jedności kościoła Bożego“ за научность и сказалъ, что „Зачапка“ Вышенскаго далеко не доросла до книги Скарги въ научномъ отношеніи, Франко спрашиваетъ: „Стоило бъ узнать, что это за такая научность у Скарги“? Это пренебрежительное замѣчаніе находится въ противорѣчіи съ тѣмъ (болѣе справедливымъ) мнѣніемъ Франка о Скаргиной книгѣ, которое онъ не разъ высказываетъ во второй части диссертаціи. Не соглашаясь точно также и съ Голубевымъ (на стр. 33), который ставилъ Вышенскаго въ научномъ отношеніи гораздо ниже Бронскаго (автора „Апокрисиса“), Франко опять противорѣчитъ себѣ, потому что во 2-ой части диссертаціи (на стр. 113) самъ ставитъ ученость Бронскаго *гораздо* выше, чѣмъ Вышенскаго. На стр. 57—62 Франко разбираетъ статью Игн. Житецкаго. Кстати замѣчу, не въ укоръ впрочемъ Франку, что не мѣшало бы поточнѣе отмѣчать *имя* этого автора статьи о Вышенскомъ, чтобы читатель не приписывалъ этой статьи извѣстному нашему филологу Павлу Игнатьевичу Житецкому. До чего принято считать авторомъ статьи не И., а П. Житецкаго, можно заключать изъ того, что вполнѣ солидное изданіе „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона помѣстило статью „Іоаннъ Вышенскій“ въ списокъ сочиненій Павла Игнатьевича... Рецензируя упомянутую статью, Франко впалъ въ нѣкоторыя преувеличенія, отчасти благодаря авторской скромности. Какъ ни цѣнна статья Игн. Житецкаго, („Кіев. Ст.“ 1890, іюнь), все же нельзя ее ставить выше *всѣхъ* прочихъ изслѣдованій о Вышенскомъ (стр. 57) ужъ просто потому, что болѣе ранняя статья Франка („Кіев, Ст.“ 1889) ничуть не менѣе цѣнна. Излишне превознесши Игн. Житецкаго въ одномъ мѣстѣ, Франко въ другомъ мѣстѣ такъ же излишне его унижаетъ (стр. 62): Франко строго упрекаетъ Житецкаго за сдѣланную имъ въ его статьѣ характеристику эпохи,—но вѣдь эта характеристика все же лучшая въ ряду другихъ, а у Франка, въ его большой *диссер-*

таціи, нѣтъ и вовсе никакой характеристики той эпохи, когда проповѣдникъ дѣйствовалъ!

Вторая часть диссертаціи содержитъ анализъ произведеній Вышенскаго, но я предпочитаю разобрать сперва *третью часть*—„Біографію и характеристику Вышенскаго“, которую считаю больнымъ мѣстомъ всей диссертаціи.

Нужно замѣтить, что касательно жизни нашего полемиста мы располагаемъ только двумя-тремя коротенькими свѣдѣніями. Именно: въ „Житіи и жизни преподобнаго отца нашего Іова, основателя скита Манявскаго“, которое составилъ „многогрѣшный іеромонахъ Игнатій зъ Любарова, въ то время жительствующій въ сей святой обители Скитской“, сказано, что Іоаннъ Вышенскій былъ другомъ Іова и пришелъ съ Аѳона на нѣкоторое время къ нему въ Угорницкую обитель, потомъ присутствовалъ при основаніи скита Манявскаго и, „поживши зде, паки отъиде въ Святую гору“ въ годъ смерти Гедеона Балабана. („Зоря Галицкая“, 1861, стр. 233, 234, 235). Второе свѣдѣніе находится въ короткомъ меморіалѣ православныхъ 1621 г.: „Совѣтованіе о благочестіи“, гдѣ рѣшаютъ между прочимъ вызвать съ Аѳона для борьбы съ уніей „блаженнаго Іоанна, порѣкломъ Вишенскаго“ („Пам., изд. врем. коммисс. для разб. древ. акт.“, 1848, стр. 248). Третье современное свидѣтельство открыто недавно Франкомъ; письмо александрійскаго патріарха Мелетія Пига, свидѣтельствующее о томъ, что патріархъ зналъ и уважалъ Вышенскаго. Вотъ и всѣ документальныя данныя. Если мы пожелаемъ узнать что-нибудь поподробнѣе о жизни и нравственномъ обликѣ нашего писателя, то должны будемъ извлекать всѣ свѣдѣнія изъ его же произведеній. Работа эта не совсѣмъ легкая или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ устойчивая, въ особенности разъ дѣло коснется характеристики его: тутъ ужъ едвали не каждый изслѣдователь приходитъ къ разнымъ результатамъ и понимаетъ личность Іоанна по-своему. Поставимъ, напр., рядомъ двѣ добросовѣстныя характеристики—Сумцова и Игн. Житецкаго,—что въ нихъ общаго? Что касается

Франка, то онъ, характеризуя личность Вышенскаго, болѣе приближается къ Житецкому, чѣмъ къ Сумцову; это, впрочемъ объясняется тѣмъ, что Игн. Житецкій въ свое время пользовался одной изъ прежнихъ статей Франка же.

Что же новаго даетъ намъ Франко теперь? До сихъ поръ считалось неопровержимымъ фактомъ, что настоящей (т. е. свѣтской) фамиліи автора „Посланій" мы не знаемъ; такъ думалъ прежде и Франко („Кіевск. Стар." 1889, апр., стр. 144). Прозвище „Вышенскій" происходитъ отъ имени родины Іоанна, мѣстечка „Судова Вышня" въ Галичинѣ. Онъ обыкновенно такъ и подписывался: „Іоанъ мнихъ (и)зъ Вышнѣ", или также „(и)зъ Вышн*ей*", такъ какъ „Вышня" есть, собственно, форма прилагательная (отъ „Курськъ" род. п. будетъ по-малорусски „Курськ*а*" и „Курськ*ого*", отъ „Ривно"—„Ривн*а* и „Ривн*ого*", и т. п. отъ „Вышня" „Вышни" и „Вышньой") Франко сперва считаетъ нужнымъ бездоказательно предположить, что р. п. „Вышней"—это полонизмъ, и что настоящее имя мѣстечка есть форма имени существительнаго (зачѣмъ ему понадобилось это предположеніе, мы увидимъ впослѣдствіи), а потомъ произноситъ неожиданное заявленіе, что названіе „Вышенскій" („Вишенський" пишетъ Франко) не только указываетъ на происхожденіе проповѣдника изъ Вышни, но что это должно быть также его свѣтской, родовой фамиліей. Вотъ доказательства Франка: „Подъ посланіемъ къ старицѣ Домникіи Іоаннъ подписался, вм. обычнаго „изъ Вышни",—„странникъ реченный Вишенскій". Вопросъ рѣшается (продолжаетъ Франко), при свидѣтельствѣ современниковъ: Игнатія изъ Любарова, авторовъ „Совѣщанія („—ованія"!—А. К.) о благочестіи" и, наконецъ—переписчика „Позорища мысленнаго", которое было списано съ авторскаго автографа; всѣ они согласно называютъ его Вышенскимъ или Вишенскимъ,—значитъ, это была его фамилія, а подпись „зъ Вышней" свидѣтельствуетъ только о мѣстѣ его рожденія". Я думаю, каждому бросается въ глаза неестественность и натянутость такого объясненія; я думаю, никто не станетъ сомнѣваться, что „Вышенскій"—просто прилагательное, замѣняющее собою предлогъ съ род. падежемъ существительнаго („=изъ Вышни"). И притомъ не безъинтересно

обратить вниманіе на то, какъ осторожно употребляетъ Іоаннъ для своего названія форму прилагательную: онъ къ ней прибавляетъ имя существительное нарицательное. Въ „Посланіи къ Домникіи" онъ подписывается „странникъ, *реченный* Вышенскій", а это значитъ: „такъ называемый", или „прозванный" Вышенскимъ. Есть еще одна подпись, о которой Франко не упоминаетъ: въ посланіи къ Ставропигійскому братству мы читаемъ: „Іоанъ, *русинъ* Вышенскій". Немногочисленные современники, которые упоминаютъ объ Іоаннѣ вскользь, и на которыхъ ссылается Франко, вѣдь ничего не говорятъ прямо о свѣтской фамиліи Іоанна, а если они называютъ его сокращенно „Іоанъ Вышенскый" (въ „Совѣтованіи" впрочемъ стоитъ: „Іоанна, порекломъ вишенского") то руководятся тѣмъ же соображеніемъ, какимъ руководился въ 1889-мъ году Франко, озаглавившій тогда свою статью: „Іоаннъ Вишенскій" и начавшій ее заявленіемъ, что мы совсѣмъ не знаемъ фамиліи писателя.

Если Іоаннъ былъ ровесникомъ Іова Княгиницкаго, своего друга (а у насъ нѣтъ основаній считать его младше или старше), то родился онъ около 1550 года. Франко, безъ всякихъ разсужденій, отодвигаетъ годъ его рожденія на пять лѣтъ назадъ. Зачѣмъ и почему?

Основываясь на слишкомъ явныхъ демократическихъ симпатіяхъ Іоанна, всѣ изслѣдователи до сихъ поръ предполагали, что онъ родомъ былъ крестьянинъ или мѣщанинъ. Франко (стр. 419), опять неизвѣстно зачѣмъ, считаетъ нужнымъ предположить, что его родители были *зажиточные* мѣщане, или даже мелкіе дворяне (т. е. такой слой общества, который какъ разъ внушаетъ идеалы не демократическіе, а буржуазные!). Вотъ слова Франка: „Не могъ онъ происходить изъ совсѣмъ простой и совсѣмъ бѣдной семьи, если могъ получить хоть кой-какое образованіе („освиту"), если могъ выбраться изъ родного гнѣзда на болѣе широкій свѣтъ и если, живя въ Луцкѣ, могъ быть въ интимныхъ отношеніяхъ съ какимъ-то высшимъ католическимъ духовнымъ". Два вторыхъ основанія я совсѣмъ оставляю безъ вниманія (они вѣдь не выдерживаютъ малѣйшей критики), а насчетъ „якои-такои освиты" замѣчу, что „яка-така

освита“ не есть „велыка освита“. Изъ чего она могла состоять? Самъ Франко догадывается: учился Іоаннъ, конечно, не выше, чѣмъ въ приходской школѣ, и могъ тамъ выучиться чтенію, письму, часослову, псалтыри и церковному пѣнію,—не больше“. Ну, для пріобрѣтенія такой „освиты“ вовсе не требовалось рода ни богатаго, ни дворянскаго!

Конечно, приходская школа—это только предположеніе Франка. Церковное пѣніе, которое изучилъ маленькій Іоаннъ, также не выходитъ изъ области вѣроятій. Но Франку мало всѣхъ этихъ предположеній. По его мнѣнію, у мальчика *могъ* быть въ дѣтствѣ прекрасный голосъ, въ школу *могъ* заѣхать какой-нибудь православный магнатъ, голосъ мальчика *могъ* ему понравиться, и магнатъ *могъ* взять его къ своему двору, и этимъ дворомъ скорѣе всего *могъ* быть дворъ князя Острожскаго. (По какому дѣлу *могъ* кн. Острожскій заѣхать въ приходскую Вышенскую школу, находившуюся за нѣсколько сотъ верстъ отъ Острога, Франко умалчиваетъ). Какъ видимъ, Франко не задумывается нагромождать вѣроятности одну на другой, лишь бы пристроить бѣднаго Вышенскаго къ какому-нибудь православному магнату. „Скорѣе всего это могъ быть кн. Острожскій, къ которому нашъ авторъ очевидно чувствовалъ нѣкоторое благоговѣніе, если его имя поставилъ во главѣ одного изъ своихъ первыхъ посланій.“ (По счету Франка же, оно восьмое!) и притомъ безъ всякой „внутришньои потребы“ (стр. 421). Ну, а если бъ Іоаннъ ни дня, ни часа, ни минуты не жилъ въ молодости при Острожскомъ дворѣ и если бы до поступленія въ монастырь не былъ лично знакомъ съ княземъ, то что ему помѣшало бы адресоваться съ Аѳона со своимъ антиуніатскимъ посланіемъ къ сильнѣйшему и дѣятельнѣйшему русскому противнику уніи?! Что мѣшало бы аѳонскому православному монаху благоговѣть передъ мужественнымъ ревнителемъ православія на Руси?! Или для этого необходимо было непремѣнно личное знакомство съ княземъ?? Франко говоритъ, что посланіе, озаглавленное „Писаніе до кн. В. Острожскаго“ не содержитъ въ себѣ *ничего*, относящагося къ князю лично и, стало быть, послано на его имя безъ причины. А благодарность за стойкость въ вѣрѣ?—

Была, наконецъ, еще одна и „внутришня потреба“, заставившая Вышенскаго посвятить свое „Писанiе“ князю Острожскому: оно написано Вышенскимъ подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ „Апокрисиса“ Бронскаго, а „Апокрисисъ“ вѣдь былъ изданъ княземъ въ его острожской типографiи.

„Какъ нѣкотораго рода посредствующее подтвержденiе (ранняго пребыванiя Вышенскаго при острожскомъ дворѣ), можно считать тотъ фактъ, что при Острожскомъ дворѣ, и притомъ въ довольно значительномъ положенiи, находился какой-то другой Вишенскiй, м. б. какой-нибудь родственникъ, если даже не братъ нашего автора“ (стр. 421). И затѣмъ Франко приводитъ отысканное имъ мѣсто изъ унiатскаго 'Αντιῤῥησις-а (1600 г.), гдѣ говорится, что кн. Острожскiй сперва былъ склоненъ къ унiи и писалъ по этому поводу „лыстъ“ къ митрополиту, „który list podan mu był przez sługę Iego X. M. Pana Wasila starostę Suraskiego *y przez Pana Wiszeńckiego*“. Hier liegt der Hund begraben! Вотъ для чего Франко строилъ до сихъ поръ рядъ отчаянныхъ гипотезъ! При скудости свѣдѣнiй о жизни проповѣдника, ему чрезвычайно захотѣлось извлечь какую-нибудь пользу для его бiографiи изъ новооткрытаго свидѣтельства въ „Антиррезисѣ“ о панѣ Вишенскомъ. Чтобы сдѣлать pana Wiszeńskiego родственникомъ будущему полемисту, Франко всѣми правдами и неправдами строилъ до сихъ поръ всякiя предположенiя о настоящей фамилiи Ивана, о его шляхетскомъ происхожденiи, о его прекрасномъ голосѣ, и пр., и пр., и пр.!

Wiszeński не могъ быть сродни „Вышенскому“ ужъ по одному тому, что эти два наименованiя даже фонетически не совпадаютъ: мѣстечко называется „Вышня“ (кор. „выс.)“, Iоаннъ довольно аккуратно пишетъ въ этомъ имени и въ своемъ прозвищѣ „ы“, тоже „ы“ пишутъ и современники въ прозвищѣ „Вышенскый“, и на основанiи двухъ-трехъ описокъ (напр., „порекломъ вишенского“, съ „и“) вовсе не слѣдуетъ прiурочивать Вышенскаго къ Wiszeńskiemu. Впрочемъ если бъ мы упорно захотѣли видѣть въ обоихъ случаяхъ одну и туже фамилiю, то никакой пользы для бiографiи Ивана изъ свѣдѣнiя „Антирезиса“ не извлекли бы. Франку приходится дѣлать большiя на-

тяжки, чтобы фиксировать pana Wiszeńskiego въ Острогѣ, чтобы лишить его знатности и чтобы не отнять у него возможности быть родственникомъ Ивану. Всѣ дальнѣйшія построенія Франка объ Иванѣ зиждутся на томъ предположеніи, что pan Wiszeński былъ *слугою* князя Острожскаго; но вѣдь въ „Антиррезисѣ" стоитъ „sługę" въ ед. ч. и относится *только* къ Суражскому! У насъ нѣтъ никакихъ основаній считать и pana Wiszeńskiego такимъ же слугою князя, жившимъ при его дворѣ, а стало быть—нѣтъ также никакихъ основаній предполагать, что онъ могъ пристроить къ княжескому двору своего молодаго родственника. Впрочемъ, черезъ нѣсколько страницъ (429), самъ Франко признается, что не можетъ догадаться, какую бъ это такую должность могъ занимать нашъ авторъ при Острожскомъ дворѣ.— „Кажется однако", продолжаетъ онъ, „что эта должность заставляла его *часто и подолгу* (почему не всегда?) пробывать въ Луцкѣ, Люблинѣ и другихъ городахъ", и Франко подкрѣпляетъ это ссылками на сочиненія самого Вышенскаго. Вотъ то-то и есть! подлинныя свидѣтельства противятся помѣщенію молодого Вышенскаго при Острожскомъ дворѣ.

Разъ мы сознаемъ это, намъ приходится отвергнуть всѣ дальнѣйшія размышленія (лучше сказать фантазированія) Франка на тему о томъ, что горько было жить бѣдному, „худородному" юношѣ среди знати, что придворная жизнь была для него суровой и всесторонней школой, что онъ привыкъ глубоко вдумываться въ себя и среду, что радикально-демократическіе идеалы насчетъ всеобщей равноправности были естественной реакціей противъ „дуковъ-срибляныковъ" и т. д., и т. д. Размышленія эти дѣлаютъ честь благородству мыслей Франка и его творческому таланту, но ничего общаго съ исторіей не имѣютъ. А прекрасной школой жизни для Вышенскаго могли быть, и безъ Острога, Луцкъ и Люблинъ, гдѣ Вышенскій близко присматривался къ внутреннему быту нѣкоторыхъ „сильныхъ міра сего". Напр., изъ „Краткословнаго отвѣта Өеодула" намъ извѣстно, что въ Луцкѣ какой-то развращенный латинскій „мистръ" относился къ нему очень дружественно и разсказывалъ ему, какъ онъ соблазнилъ и обезчестилъ одну дѣвушку. Чѣмъ объясняется такая

интимность, сказать нельзя. Догадокъ, конечно, можно строить очень много. Однако, словно нарочно, та, которую выставилъ Франко, является наименѣе правдоподобной. Франко дѣлаетъ Вышенскаго *равнымъ* другомъ высокопоставленнаго каноника и придаетъ самому Вышенскому какое-то высокое общественное положеніе. Но передъ высокопоставленнымъ православнымъ русиномъ высокопоставленный католическій духовный не сталъ бы откровенничать. Гораздо проще думать, что Вышенскій былъ у него козачкомъ и довѣреннымъ „личардой", передъ которымъ знатный „мистръ" не считалъ нужнымъ конфузиться. Довольно спокойно можно допустить и то предположеніе, что пожалуй самъ Иванъ любилъ въ молодости, по мѣрѣ средствъ, покутить, пожуировать, „пожить", такъ что у него было много общихъ чертъ съ развращеннымъ ксендзомъ. Франко скажетъ, что моя догадка недостойна, и что она омрачаетъ свѣтлый образъ нашего проповѣдника. Но она психологически очень вѣроятна! Вышенскій былъ вѣдь человѣкъ увлекающійся, „человѣкъ, умѣющій сильно любить и сильно ненавидѣть", (слова Франка! см. стр. 492), „человѣкъ, рѣшительный въ добромъ или зломъ" (ibid), человѣкъ горячій и пылкій,—неужели же онъ въ молодости не отдалъ дани молодости, а такъ сразу, чуть не съ пеленокъ, сталъ помышлять о монастырѣ? Чегожѣ бы онъ возненавидѣлъ суету міра, еслибъ этой суеты не испыталъ на себѣ? И въ монастырь-то чего онъ поступилъ? неужели не для того, чтобы замаливать грѣхи? Да это едвали не законъ, что всѣ энергическіе, пылкіе аскеты-моралисты имѣли молодость очень бурную и полную увлеченій: для подтвержденія, всмотримся внимательно въ біографіи греческихъ философовъ сколько-нибудь аскетическаго направленія, всмотримся въ христіанскія житія святыхъ (причемъ, понятно, исключеніе сдѣлаемъ для того разряда житій, гдѣ младенцы-святые не вкушаютъ молока отъ груди матери въ пятницу, въ среду и прочіе постные дни), всмотримся наконецъ въ тѣ аскетическія біографіи, гдѣ наиболѣе сохранилось правдивыхъ, реальныхъ чертъ,—въ біографіи святыхъ дервишей-суфіевъ (онѣ есть и въ нѣмецкомъ переводѣ Гаммера, много томовъ),—вездѣ мы увидимъ подкрѣпленіе пред-

ложеннаго мною закона. Я думаю, что пылкій Вышенскій, котораго мнози страсти бороли до старости (см. его письмо къ Іову), не составляетъ исключенія; я думаю, что его слова: „и я нѣкогда въ той пробѣ былъ“ („Краткословный отвѣтъ“) служатъ самымъ яснымъ признаніемъ въ бурно проведенной молодости.— Что касается догадки Франка, будто Вышенскій, выслушавши разсказъ важнаго ксендза, постригся отъ ужаса въ монахи, то эта догадка ровно ничего не стоитъ. Во-1-хъ, какъ видно изъ „Краткословнаго отвѣта“, пылкій Вышенскій слушалъ разсказъ „мистра“ очень долго, внимательно, со всѣми подробностями и, стало быть, довольно хладнокровно; во-2-хъ—онъ „мистра“ зналъ давно и хорошо (вѣдь „дружбу мѣлъ“ съ нимъ!), и признаніе друга насчетъ блуда не могло поразить его неожиданностью; въ 3-хъ—самъ Франко (стр. 430) собралъ много данныхъ, изъ которыхъ видно, что все латинское духовенство не отличалось въ то время чистотою нравовъ, и случай, передаваемый Вышенскимъ, былъ вещь слишкомъ обычная, чтобы потрясти все существо Вышенскаго.

Постригся ли Вышенскій еще на родинѣ, или только на Аѳонѣ, Франко не пытается рѣшить: онъ даже обходитъ молчаніемъ первое предположеніе. А жаль: еслибъ вдругъ открылось, что оно вѣрно, то, при наклонности Франка строить нѣкоторыя главы 2-ой части на психологіи, ему пришлось бы иногда очутиться на мели.

Франко предполагаетъ (стр. 425), что еще до ухода на Аѳонъ Вышенскій завязалъ дружескія отношенія съ Иваномъ Княгиницкимъ (позже Аѳонскимъ схимонахомъ Іовомъ, насадителемъ монастырей въ Галичинѣ). Предположеніе это ни на чемъ не основано,—развѣ только на другомъ шаткомъ предположеніи, которое я ужъ постарался опровергнуть, именно, что Вышенскій жилъ при дворѣ князя Острожскаго; а тамъ, какъ ужъ несомнѣнно извѣстно, былъ ученикомъ и потомъ учителемъ Академіи Іовъ. („Зоря Галицк., яко альб. на 1861 годъ“, стр. 228). Первое возраженіе Франку—то, что ему не удастся въ своихъ гипотезахъ свести концы съ концами. Вѣдь по его разсчету (о чемъ рѣчь дальше) Вышенскій въ 1578 году ушелъ

ужъ на Аѳонъ, а Острожская академія открыта только въ 1580 г. (См. Порфирьевъ: „Ист. русск. слов“., 1891, т. I, стр. 603, гдѣ ссылка на Ѳ. Четыркина: „Князь К. К. Острожскій, какъ защитникъ православія въ ю.-з. Руси въ XVI. ст.“; Галаховъ: „Ист. р. сл.“, I, стр. 353). Впрочемъ, если бъ Франко рѣшилъ даже подвинуть время ухода Вышенскаго на Аѳонъ на нѣсколько лѣтъ впередъ (т. е. на болѣе позднюю пору, чѣмъ 1580-й годъ), то и въ томъ случаѣ незачѣмъ намъ предполагать раннее знакомство Вышенскаго и Княгиницкаго (въ Острогѣ, или вообще на родинѣ), разъ у насъ нѣтъ документальныхъ основаній для такого предположенія. Да и какія могли быть отношенія, что могло быть общаго въ мірѣ—у необразованнаго Вышенскаго и ученаго профессора Іова? Съ бо́льшимъ основаніемъ можно думать, что Вышенскій и Княгиницкій подружились ужъ на Аѳонѣ, какъ земляки на чужбинѣ и какъ послушники.

Теперь посмотримъ, какъ пытается Франко опредѣлить время ухода на Аѳонъ какъ Вышенскаго, такъ и Княгиницкаго. Когда Франко не пускается въ поэтическія гипотезы, а просто анализируетъ документы, тогда онъ обнаруживаетъ и проницательность, и остроуміе. Разбирая житіе Іова, составленное Игнатіемъ изъ Любарова, и подвергая его критикѣ, Франко прекрасно показываетъ, что основатель Манявскаго скита удалился на Аѳонъ въ 1584-мъ году. „Что же касается Вышенскаго, продолжаетъ Франко, пугая читателя, который успѣлъ было отдохнуть отъ чудовищныхъ гипотезъ, то онъ, *вѣроятно*, былъ старше Іова на нѣсколько лѣтъ *и потому* (!) удалился на Аѳонъ раньше“. Откуду сіе?! На чемъ основано это изумительное „вѣроятно“ и еще болѣе изумительное „потому“? Отчего не держаться того предположенія, какого держались предшествовавшіе изслѣдователи, — что Вышенскій былъ ровесникомъ Княгиницкаго? (Ничто, впрочемъ, не препятствуетъ думать, что Вышенскій могъ быть даже младше Княгиницкаго). Да если бъ мы и повѣрили ясновидѣнію Франка, т. е. тому, что Вышенскій былъ старше Іова на три-четыре года, то вытекаетъ ли отсюда, что онъ *потому* не могъ попасть на Аѳонъ въ одно время съ Іовомъ? Не трудно догадаться, зачѣмъ нужны

Франку всѣ его хитросплетенія: нужны они ему по той причинѣ, что ему хочется видѣть Вышенскаго въ Охридѣ между 1576—1580 г.г., т. е. вскорѣ послѣ убіенія Варлаама, который былъ убитъ, *быть можетъ* (!), около этого времени; такимъ образомъ Франку удастся подыскать какую-либо дату составленія для „Новины, или вѣсти о обрѣтеніи тѣла Варлаама“. Что такое эта пресловутая „Новина“, подробно объ этомъ мы поговоримъ еще не разъ, теперь я голословно заявлю, что написана она не раньше 1598-го года (!) и, кромѣ того, не имѣетъ права считаться сочиненіемъ Вышенскаго. Интересна попытка Франка не ограничиться однимъ только предположеніемъ, но *доказать*, что на Аѳонъ Вышенскій поступилъ именно между 1576—1580 годами.—Іовъ Княгиницкій,—говоритъ онъ,—долженъ былъ выдержать на Аѳонѣ 13½ лѣтъ искуса, причемъ ничего не смѣлъ тогда ни читать, ни писать; тому же искусу, вѣроятно, подвергался и Вышенскій; писать онъ началъ въ 1589-мъ году,—отнимемъ 13½ лѣтъ, получается приблизительно 1578. Здѣсь цѣлая куча загадокъ. Что, 13½ лѣтъ искуса, это неизмѣнный законъ, что ли? Какъ будто не могъ искусъ тянуться разные сроки, смотря по убѣжденіямъ того старца, къ которому новичекъ поступалъ на послушаніе! А, быть можетъ, у Вышенскаго искусъ длился дольше, чѣмъ у Княгиницкаго? Повѣрить этому можно, потому-что Иванъ былъ натура болѣе обуреваемая злыми духами. А то, быть можетъ, искусъ Вышенскаго былъ несравненно короче, чѣмъ Княгиницкаго? Что жъ! И это предположить мы вправѣ, потому-что въ виду необходимости бороться православію съ уніей старецъ спокойно могъ пустить Ивана пораньше на благочестивое дѣло. Впрочемъ, если мы вслѣдъ за Франкомъ пожелаемъ назначить Ивану тѣ же 13½ лѣтъ искуса, то развѣ разность уменьшаемаго 1589 и вычитаемаго 13½ будетъ 1578? И наконецъ, съ какой стати Франко вычитаетъ цифру лѣтъ искуса изъ 1589, а не изъ другаго числа? Вѣдь онъ самъ увѣряетъ во второй части диссертаціи, что первое свое произведеніе Вышенскій написалъ въ промежуткѣ между 1576—1580 годомъ, второе—вскорѣ послѣ того,

третье—въ началѣ 80-хъ годовъ! а къ 1589—90 году относится, по счету Франка, *ужъ четвертое* произведеніе Вышенскаго.

Какой дорогой поѣхалъ Вышенскій на Аѳонъ? Прямая и обычная дорога—черезъ Молдавію, Рущукъ, Пловдивъ, Константинополь, а оттуда—моремъ до Аѳона. Но Франко, не имѣя никакихъ документальныхъ намековъ, гонитъ Вышенскаго черезъ Карпаты въ Венгрію, оттуда—въ Сербію, оттуда—въ Верхнюю Албанію, въ Охриду, Велесъ и по Вардару въ Солунь. Самъ Франко сознается, что о такомъ маршрутѣ Вышенскаго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, что это дорога неупотребительная, что это дорога очень тяжелая, но... вы должны, господа читатели, согласиться на такой маршрутъ, иначе отымете у Франка возможность поразсуждать на счетъ все той же злополучной „Новины"! „Прямой дорогой", говоритъ намъ Франко, „Вышенскій могъ не поѣхать потому, что времена около 1580-го года въ странахъ задунайскихъ, въ Болгаріи, Сербіи, Македоніи и Албаніи были временами волненій, бунтовъ и партійныхъ препирательствъ". Но во 1-хъ, дорога, приписанная Вышенскому Франкомъ (черезъ Венгрію), ничуть не удобнѣе обычной, потому что она и гораздо длиннѣе, и утомительнѣе, и тѣхъ же балканскихъ странъ не избѣгаетъ; во 2-хъ—какихъ-нибудь страшныхъ, *необычныхъ* волненій на Балканскомъ полуостровѣ около 1580 года не было: то, о чемъ разсказываетъ Гаммеръ (Hammer-Purgstall: Geschichte des Osmanischen Reiches. Pesth, 1829, IV, 21, 23) и на что ссылается Франко, вовсе не выходитъ изъ ряда повседневныхъ турецкихъ событій; и въ 3-хъ—съ какой стати Франко заинтересовался положеніемъ балканскихъ дѣлъ 1580-го года, разъ онъ самъ потщился доказать, что въ 1578-мъ году Вышенскій былъ ужъ на Аѳонѣ? По-моему, Франко долженъ отказаться отъ своего фантастическаго маршрута и пустить Вышенскаго на Аѳонъ обыкновеннымъ, традиціоннымъ путемъ, какимъ тотъ поѣхалъ, должно быть, не одинъ, а съ толпою бывалыхъ богомольцевъ, и могъ чувствовать себя съ ними безопаснѣе отъ всякихъ „розрухивъ", чѣмъ путешествуя по какимъ-то глухимъ захолустьямъ (и, вѣроятно, одинъ!).—„Дорога черезъ Охриду объяснила бы намъ составленіе нашимъ авторомъ

„Новины объ обрѣтеніи тѣла Варлаама Охридскаго“ и тотъ теплый интересъ къ Охридѣ, какой виднѣется въ заключительныхъ строчкахъ „Новины“,—говоритъ Франко на стр. 434. Что собственно значитъ эта фраза и какой процессъ авторскаго мышленія, мы по ней подмѣчаемъ? Повидимому, мы здѣсь имѣемъ энтимему: „Такъ какъ Вышенскій шелъ на Аѳонъ черезъ Охриду, то у него и явилось желаніе задушевно написать „Новину“.—Такъ! но откуда жъ Франко добылъ сюда малую посылку (т. е. первую половину фразы)? Она у него возникла вѣдь, какъ выводъ изъ предшествовавшей энтимемы: „Такъ какъ у Вышенскаго есть задушевное сочиненіе „Новина“, касающееся охридянъ, то, значитъ, онъ шелъ на Аѳонъ черезъ Охриду“. Это называется логическій кругъ, petitio principii. (Изъ-за той же „Новины“ Франко еще разъ обнаруживаетъ поползновеніе вступить въ логическій кругъ, въ опредѣленіи времени составленія „Новины“, но объ этомъ мы потолкуемъ при разборѣ второй части диссертаціи). Курьезно, что въ этомъ логическомъ кругѣ, гдѣ одна посылка прямо petitur,—другая съ своей стороны очень и очень хромаетъ. Именно: гдѣ онъ, гдѣ этотъ „теплый интересъ къ Охридѣ“, который, по словамъ Франка, виднѣется въ конечныхъ строчкахъ „Новины“?? Вотъ онѣ, эти конечныя строчки,—я ихъ не просто выписываю (изъ „Кіевск. Стар.“. 1890, іюнь, прилож.), а даже *перевожу*, потому что Франко, очевидно, не совсѣмъ понялъ смыслъ старославянскаго текста, полнаго фиктивныхъ грамматическихъ формъ: „Желающіе лично убѣдиться въ истинѣ разсказаннаго (т. е. чудесъ отъ гроба Варлаама), идите къ городу Охридѣ,—тамъ увѣритесь и узнаете, что все это не басня, но именно такъ, какъ я говорю. А несоглашающіеся отправиться въ путь и остающіеся на мѣстѣ своей родины, докажите свою вѣру (въ истину моего разсказа) дѣломъ и поревнуйте Варлаамовой добродѣтели, жизни, подвигу и мученическому вѣнцу, чтобы и самимъ получить свыше ту же благодать. Дай Господь, чтобъ вы этого пожелали. Аминь“. Гдѣ здѣсь Франко усмотрѣлъ у Вышенскаго теплый, т. е. субъективный интересъ *къ Охридѣ*,—право, не понимаю: къ Варлааму—да, есть интересъ, но какого-нибудь намека на личное

отношеніе къ Охридѣ—нѣтъ. Чтобы снять съ Франка подозрѣніе въ ненаучной предвзятости и умышленномъ извращеніи смысла текста, я предпочитаю думать, что онъ просто *не понялъ* этого мѣста.

Какимъ образомъ прошли первые годы послушанія Вышенскаго, Франко считаетъ возможнымъ догадаться посредствомъ проведенія аналогіи съ послушаніемъ Іова Княгиницкаго, которое намъ извѣстно изъ документальныхъ данныхъ. Конечно, догадки Франка такъ и останутся догадками, не болѣе, но самый-то пріемъ изслѣдованія несомнѣнно очень остроуменъ. Только ужъ нужно быть послѣдовательну въ проведеніи своихъ аналогій, иначе онѣ теряютъ всякій смыслъ. Если Іовъ ничего ни читать, ни писать не смѣлъ цѣлыхъ 13½ лѣтъ своего послушанія, то на какомъ основаніи Вышенскому, котораго Франко привелъ на Аѳонъ въ 1578-мъ году, Франко приписываетъ сочиненія въ 1580-мъ году и въ началѣ 80-хъ? Если же Франко отвѣтитъ мнѣ моимъ же возраженіемъ, т. е. что для Вышенскаго могли, по неизвѣстной намъ причинѣ, быть сдѣланы исключенія, то къ чему тогда строить аналогіи?

Говоря о жизни Вышенскаго на Аѳонѣ, Франко считаетъ нужнымъ (стр. 435—438) указать здѣсь же тѣ книги, какія могли имѣть вліяніе на образованіе его убѣжденій. Еще и раньше, на стр. 431—432, Франко мимоходомъ построилъ очень остроумную гипотезу о томъ вліяніи, которое могъ оказать на Вышенскаго кальвинистъ Кровицкій. (Замѣчу кстати въ возраженіе Франку и въ защиту своего собственнаго мнѣнія, что съ такими еретическими, вольнодумными произведеніями, какъ Кровицкаго, Вышенскій могъ познакомиться и сродниться только въ томъ случаѣ, если въ молодости былъ человѣкомъ нерелигіознымъ и не строгихъ правилъ). А здѣсь, на упомянутыхъ стр. 435—438, Франко извлекаетъ изъ произведеній самого Вышенскаго прямыя или скрытыя указанія на его хорошее знакомство съ Діонисіемъ Ареопагитомъ и съ Іоанномъ Златоустымъ, съ Григоріемъ Синаитомъ, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Лѣствичникомъ и мн. др. Умѣлость Франка разбираться въ документахъ и эрудиція его дѣлаетъ чтеніе этихъ

страницъ очень пріятнымъ, въ особенности послѣ того колоссальнаго „riot of imagination“, какой мы видѣли на предыдущихъ страницахъ. Только говоря объ апокрифической „лектурѣ“ Вышенскаго, Франко, этотъ извѣстный знатокъ и любитель апокрифовъ, увлекается и уклоняется отъ истины. Что Вышенскій былъ знакомъ съ апокрифомъ „Сѣтованіе земли“, съ этимъ, конечно, можно согласиться (хотя Сумцовъ, стр. 653, „К. Ст.“. 1885, апр. совѣтуетъ говорить и объ этомъ знакомствѣ поосторожнѣе), но Франко желаетъ усмотрѣть въ цитатахъ Вышенскаго намекъ еще на одинъ апокрифъ, неизвѣстный намъ,—объ Иліи и концѣ свѣта. Лукавое мудрствованіе! Вышенскій, говоря о массовомъ отпаденіи православныхъ къ уніи и католицизму, утѣшаетъ себя мыслью, что если не въ Польшѣ, то хоть въ Турціи „осталю до тысящь до Иліи отъ Бога реченныхъ, иже не поклониша колени ваалу“. Переведемъ эти слова на русскій языкъ: „Осталось до тысячи (?) такихъ людей, насчетъ какихъ Богъ говорилъ Иліѣ: „Они не преклонили колѣнъ предъ Валомъ“. Ясно, что рѣчь идетъ о тѣхъ вѣрныхъ православныхъ, которыхъ можно уподобить небольшой кучкѣ праведниковъ, остававшихся въ Израилѣ въ вѣкъ Иліи. Замѣчу кстати, что вм. „до тысящь“ слѣдуетъ здѣсь читать: „до *седми* тысящь“, какъ это и читается въ 3-й книгѣ Царствъ, XIX, 18; если бы Вышенскій хотѣлъ сказать только объ одной тысячѣ, то не употребилъ бы род. п. *множ.* ч. А. Франко разсуждаетъ вотъ какъ: „Эти слова заставляютъ догадываться, что нашему автору была извѣстна какая-то эсхатологическая (!) легенда о концѣ міра, въ которой говорилось, что предъ концемъ міра, когда на землѣ воцарится Антихристъ и возмутитъ всѣхъ христіанъ, придетъ Илія и застанетъ только тысячу праведныхъ (а гдѣ жъ это у Вышенскаго намекъ на Антихриста?). Какая это была легенда или какой варіантъ (даже *варіантъ!*), мы не беремся тутъ рѣшать“. (Еще-бы!), Очевидно, что толкованіе Франка основано на непониманіи текста. Странно только, что свою гипотезу объ апокрифѣ про Илію Франко, въ другихъ мѣстахъ, прямо принимаетъ за доказанную истину и даже за несомнѣнную аксіому.

Около 1599-го г. мы видимъ Іоанна въ затворничествѣ. По этому случаю Франко приводитъ изъ сочиненія Петрашевскаго „Dziesięcioletnia podróz po Wschodzie“ свѣдѣнія о жизни монаховъ-затворниковъ. Свѣдѣнія эти очень интересны, но напрасно Франко выражается такимъ увѣреннымъ тономъ, который заставляетъ читателя думать, будто они относятся не къ 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, а еще къ 16-му вѣку. „Трудъ, молитва и постъ, *были* обычнымъ занятіемъ скитника; говорить нельзя ему *было* ни съ кѣмъ; обыкновенной его пищей *былъ* вареный бобъ, обыкновеннымъ лѣкарствомъ въ случаѣ болѣзни *была* водка, настоянная на полыни“ (стр. 440). У Петрашевскаго нѣтъ нигдѣ: „были“. Что-то не очень мнѣ вѣрится въ такое широкое распространеніе водки среди аѳонскихъ подвижниковъ 16-го столѣтія (скорѣе можно повѣрить, что они всякое лѣченіе считали за грѣхъ), да Петрашевскому я не особенно вѣрю даже по отношенію къ началу нынѣшняго столѣтія. Этотъ оріенталистъ, какъ извѣстно, мастеръ былъ фантазировать, а въ томъ мѣстѣ, которое по своему переводитъ Франко, сквозитъ явное зубоскальство и иронія надъ православными затворниками и желаніе разсмѣшить читателя. („Oni są zawsze zdrowi, bo nieodzowny dzban z piołunową wódką od ich bocu nie odstaje“, op. at., p. 79). Франко, ради научности, передѣлываетъ слова Петрашевскаго на иной, серіозный ладъ. Но вполнѣ научнымъ было бы совсѣмъ отказаться отъ его сомнительныхъ сообщеній.

Разсуждая о вліяніи Аѳона на поддержку православія въ южной Руси въ XVI-XVII вв., Франко востаетъ противъ тѣхъ историковъ, которые значительно перецѣниваютъ это вліяніе (т. е. въ сущности противъ всѣхъ нашихъ историковъ). Вопросу о вліяніи Аѳона Франко посвящаетъ стр. 443-455. Сперва онъ входитъ въ разсмотрѣніе первоначальной исторіи Аѳона, причемъ обнаруживаетъ свое знакомство съ очень многими учеными трудами по этому вопросу; на стр. 449 онъ приводитъ общій, сводный перечень важнѣйшихъ сочиненій по исторіи Аѳона, и пропускаетъ... „Исторію Аѳона“ преосв. Порфирія Успенскаго! Зная изъ частныхъ сношеній съ Франкомъ, что онъ высоко ставитъ это сочиненіе и даже собирается издать часть его

въ малорусскомъ переводѣ, я склоненъ видѣть въ его пропускѣ простой недосмотръ, а не умышленное игнорированіе. Нѣкоторыя неудобныя частности изложенія и слишкомъ поспѣшныя заключенія Франка поражаютъ непріятно. „Послѣ 1453-го г., т. е. послѣ завоеванія турками Византіи, судьба Аѳона измѣняется. Турки тутъ, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, оказались народомъ практическимъ. Они не мѣшались въ дѣла религіозныя, сохранили автономію монашеской республики, но велѣли платить себѣ за все хорошія подати и притомъ двойныя: съ каждаго монастыря, келіи и пещеры особую, такъ сказать домовую подать, а съ каждаго монаха опять особую—поголовщину" (стр. 447). Здѣсь мы видимъ незнакомство съ исторіей законовъ собственности у мусульманъ. Не слѣдовало говорить о практичности и изобрѣтательности *турокъ*, потому что упомянутый способъ обложенія податью—изобрѣтеніе вовсе не турецкое. И „хараджъ" и „джизьетъ" (такъ называются эти оба рода подати) датируются отъ первыхъ временъ исламскихъ завоеваній, отъ Омара. Нѣсколько дальше, на той же 449-й стр., Франко употребляетъ слово „гарачъ", но кажется, употребляетъ его безсознательно, не отдавая себѣ отчета въ его точномъ значеніи: изъ связи рѣчи можно думать, что онъ „гарачемъ" называетъ и поголовную подать. Въ этомъ я вижу сбивчивый полонизмъ и совѣтую Франку уклоняться отъ него, а для обозначенія поземельной подати, взымаемой съ иновѣрцевъ въ мусульманскихъ краяхъ, употреблять съ болѣе правильнымъ произношеніемъ терминъ „хараджъ". По-польски слово „haracz" давно получило смыслъ *всякой* подати вообще, но малороссы теперь совсѣмъ не знаютъ и не понимаютъ слова „гарачъ", такъ что „хараджъ", въ смыслѣ очень *опредѣленнаго термина*, можетъ быть принятъ въ языкѣ безъ всякой сбивчивости. Далѣе, сообщая о частомъ странствованіи аѳонскихъ монаховъ на Русь за милостынею, Франко объясняетъ это бродяжничество гнетомъ турецкихъ поборовъ (это, впрочемъ, не его одного мнѣніе). Сваливать причину нищенскаго бродяжничества монаховъ только на желаніе достать денегъ для подати туркамъ—не вполнѣ будетъ правильно. Скитальческую жизнь христіанскихъ восточныхъ мо-

наховъ нужно въ извѣстной степени объяснять также догматическимъ вліяніемъ мусульманскаго дервишества (суфійства), которое достигло въ исламскихъ странахъ неслыханнаго распространенія и колоссальнаго могущества и воздѣйствовало также на христіанство (срв. мой „Очеркъ развитія суфизма", М. 1895, оттискъ изъ „Трудовъ Императ. Археол. Общ."). Основываясь на томъ предположеніи, что поѣздки аѳонскихъ монаховъ на Русь вызываемы были исключительно желаніемъ собрать себѣ милостыню, Франко находитъ, что нравственнаго воздѣйствія на Русь аѳониты произвесть не могли. Соображеніе неправильное. Намъ все равно, за деньгами или за чѣмъ другимъ ѣздили аѳониты на Русь, довольно того, что они ѣздили, и сношенія Аѳона съ Малороссіей поддерживали, а значитъ и вліяніе оказывать могли. Притомъ, какъ я ужъ сказалъ, были у аѳонитовъ и другія побужденія странствовать, не только меркантильныя. Самъ Франко нечаянно подчеркиваетъ и другія причины (стр. 449—450): „Впрочемъ и не изумительно, что аѳонскихъ монаховъ принимали у насъ съ радостью, это были частенько свои люди, или приносили вѣсти отъ своихъ людей. Еще съ XIV в. былъ на Аѳонѣ спеціальный русскій монастырь Руссиконъ; много русиновъ спасалось и по другимъ аѳонскимъ монастырямъ, особенно въ сербскихъ и болгарскихъ, какъ Зографскій (Франко пишетъ „Зографу",—что за странное окончаніе въ малорусскомъ языкѣ!), Павловѣ (у Франка: „Паулю"), а также по отдѣльнымъ скитамъ и пещерамъ. Слава святости, которую имѣлъ у насъ Аѳонъ, достигла еще временъ св. Антонія Печерскаго, т. е. была какъ бы драгоцѣнной частью самой христіанской традиціи въ Малороссіи отъ самаго введенія христіанства. Не удивительно поэтому, что въ 1621-мъ году православные, въ своемъ „Совѣтованіи о благочестіи", прямо признавали потребность посылать „Россовъ маючихъся истинно ко житію добродѣтельному" на Аѳонъ, какъ въ школу духовную". Могъ ли Франко лучше опровергнуть себя, чѣмъ этими самыми собственными словами? Нужно ли бóльшаго доказательства для нравственнаго воздѣйствія Аѳона на Русь? На стр. 450—452 Франко перечисляетъ рядъ Аѳонскихъ ревнителей православія, имѣвшихъ сношенія

съ южной Русью, поддерживавшихъ духъ православія противъ латинства своими сочиненіями, писавшихъ на Русь соборныя посланія (я думаю, что и дѣятельность Мелетія Пига можно съ нѣкоторымъ правомъ отнесть на счетъ Аѳона), и какъ выводъ изъ этого длиннаго перечня у Франка является сужденіе: „Все это труды случайные" (sic!!). Какъ одинъ изъ резоновъ игнорировать аѳонское воздѣйствіе на Русь, Франко выставляетъ то соображеніе, что „этого было недостаточно для борьбы съ уніей: понадобилась помощь западной науки, братствъ, козачества и т. п.". Совершенно вѣрно: „это" (т. е. аѳонское воздѣйствіе) одно, *само по себѣ*, не въ состояніи было остановить успѣховъ католицизма на Руси, тѣмъ не менѣе оно было очень и очень важнымъ оружіемъ и, несомнѣнно, послужило сильной поддержкой для православія въ южной Руси. Изъ того, что аѳонская образованность и традиція были *не единственнымъ* орудіемъ борьбы, нельзя еще отрицать ихъ значенія. И то мѣсто „Совѣтованія о благочестіи" (1621), въ которомъ православные, прибѣгнувшіе ужъ къ помощи западной науки, все-таки видятъ въ Аѳонѣ свою школу духовную, лучше всего опровергаетъ Франка.

На стр. 454-й у Франка вдругъ проскальзываетъ необычайная и непонятная любовь къ уніи: „если епархіи львовская и перемышльская почти сто лѣтъ противились уніи, то можно сказать, что именно на тѣ сто лѣтъ опоздало наше развитіе". По всему вѣроятію, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ какой-то неточностью языка и стиля: во всѣхъ другихъ мѣстахъ Франко не признаетъ благодѣтельныхъ послѣдствій уніи для южнорусскаго народа.

Разыскивая причины, которыя заставили Вышенскаго ревностно приняться за борьбу съ уніей, Франко подчеркиваетъ здѣсь вліяніе александрійскаго патріарха Мелетія Пига („Пигаса", какъ онъ его называетъ) и сообщаетъ одну очень важную и новую данную: письмо Мелетія на Аѳонъ къ Вышенскому отъ 1596 г., въ которомъ патріархъ уговариваетъ монаха оставить Аѳонъ и пойти на Русь. Оригиналъ хранится на о—вѣ Патмосѣ, но Франко, благодаря своей неутомимой энергіи, досталъ-таки него съ копію. Письмо, на стр. 457—459, приводится

по-гречески и сопровождается малорусскимъ переводомъ (Я его, конечно, буду приводить по-русски). Для пущей вѣрности и точности перевода, Франко обратился за содѣйствіемъ къ д-ру Мильковичу. Небезынтересно посмотрѣть, какъ они вдвоемъ справились съ задачей.

Греческаго текста трогать я не стану. Тамъ есть достаточно ошибокъ, но Франко повидимому нарочно издалъ текстъ дословно, безъ всякихъ измѣненій. Малорусскій переводъ я приведу по-русски, цѣликомъ все письмо, причемъ въ скобкахъ буду помѣщать свои замѣчанія и поправки.

„Убѣжалъ и Моисей нѣкогда отъ городскихъ развлеченій („разрывокъ", διατριβῶν,—лучше было бы: „суеты", „времяпровожденія", срв. то же διατριβῶν на стр. 458-й, строка 7-ая), а впослѣдствіи случилось такъ, что ушелъ отъ собственнаго потомства (? ὑπερφυοῦς) и рода, но поучался (ἐμυοῦτο значитъ „вникалъ") Божьимъ заповѣдямъ (ἐμφάσεσι собств. знач. „намеки", „внушенія", срв. суфійскій мистическій терминъ „ромуз"), а когда онъ возвратился (по собственному почину, что ли?) и когда самъ Богъ простеръ свою руку надъ Фараономъ, то освободилъ (ἐλευθερῶν!) сыновъ израильскихъ изъ неволи египетской" (Вторая половина фразы переведена невѣрно, а на самомъ дѣлѣ значитъ она вотъ что: „но вникалъ въ Божьи внушенія, *и потому* (сочетаніе здѣсь изъяснительное!) онъ возвратился, простирая руку на Фараона, на котораго простеръ руку самъ Богъ, и имѣя цѣль освободить сыновъ израильскихъ"):

„И вотъ самъ онъ подвергъ себя опасности, а бѣды („шкоды") не было никакой (Франко думаетъ, что ἐβλάβη—сказуемое къ οὐδέν, тогда какъ ἐβλάβη δ'οὐδέν значитъ: и не потерпѣлъ никакого вреда", причемъ οὐδέν есть вин. пад. содержанія или отношенія)...; и совершивши чудеса, какъ Богъ (οἷα θεός), вывелъ достойныхъ изъ среды недостойныхъ". (Переводъ: „какъ Богъ"—можетъ вводить въ заблужденіе: это „какъ" можетъ придавать оттѣнокъ не сравненія, а причинности. Къ тому же переводъ и не точенъ: слѣдовало бы: „какія совершаетъ Богъ", потому—что οἷα не нарѣчіе, а опредѣленіе—прилагательное къ τέρατα).

„Пойми эту тайну, сынъ мой (τέκνον—„чадо“) и не оставайся въ пустынѣ, живя (βιοτεύσων значитъ: „съ цѣлью жить“) только для себя одного, да и то, пожалуй, не вполнѣ довольный. Не порицаю я пустыни (по-гречески въ началѣ фразы стоитъ еще καί, которое можно перевесть: „Правда, не порицаю...“ и т. д.), потому-что и самъ я ея сторонникъ, но заботясь о спасеніи ближнихъ, зову всѣхъ (совсѣмъ не „всѣхъ“, а „тебя“) въ боевые ряды сыновъ Божіихъ. Братьямъ твоимъ, проникнутымъ тою же, что и ты, заботой о святынѣ, грозитъ опасность отъ поляковъ. (ὠδῖνες значитъ побольше, чѣмъ „забота“, а именно: „мученія“, „мучительный страхъ“, собств. даже „родильныя потуги“, но уже у Гомера первоначальное значеніе не разъ теряется. Далѣе: род. пад. τῶν ἱερῶν относится не къ ὠδίνων въ придаточномъ предложеніи, а къ κινδυνεύθαι въ главномъ. Παρὰ Σαυρομάθαις не значитъ „отъ поляковъ“, а „у поляковъ“, „въ Польшѣ“. Такимъ образомъ фраза должна получить слѣдующій видъ: „Братьямъ твоимъ, мучительныя заботы которыхъ общи съ твоими, грозитъ въ Польшѣ опасность потерять святыни“). „Православные въ Польшѣ не получаютъ помощи (?!) отъ тѣхъ, которые не заботятся о правдѣ“. (Какую жъ помощь должны были оказывать поляки православнымъ въ борьбѣ съ ними?! Слѣдуетъ перевесть: „Православные жители Польши остаются даже безмомощными передъ людьми, мыслящими неправо“). „Нашего старанья—мало. (И точнѣе, и правильнѣе былъ бы переводъ: „насъ здѣсь не достаточно“); нужно и вамъ поусердствовать для Бога-Вседержителя. Вѣдь и Илія-пустынножитель побранилъ (слишкомъ слабое выраженіе; по-греч. ἐλίγχει, praes. hist=„изобличилъ“) Ахаава и избилъ жрецовъ Іезавелиныхъ. Поэтому и мы поучаемъ (по-греч. καὶ δὴ μανθάνομεν!—„Стало быть, мы знаемъ“), что Илія, предтеча евангельской благодати, одновременно съ пустынными занятіями (μετὰ τὰς ἐρήθους διατριβὰς значитъ: „*послѣ* пустыннаго времяпровожденія“) все таки не переставалъ провозглашать народамъ путь спасенія. (Здѣсь, во-1-хъ, напрасно добавлено „все таки“, а во-2-хъ—оставлено безъ вниманія ἐμφυλοχωροῦντα, при которомъ получается переводъ: „отправился въ народъ и про-

возглашалъ путь ко спасенію")... „и даже не колебался умереть за истину. Вотъ какъ поступаютъ для угожденія Богу! И ты подражай тѣмъ дѣламъ, за которыя желаешь сообща съ другими получить награду (слѣдуетъ: „Подражай дѣламъ *тѣхъ людей*, въ наградѣ которыхъ желаешь участвовать"). Прощай! Въ Александріи. 1596-го года". (Въ греч. текстѣ вторая цифра γ, т. е. 3. Это опечатка?).

На кого свалить вину за всѣ ошибки перевода? Должно быть, на д-ра Мильковича, къ которому обратился Франко съ просьбою участвовать въ переводѣ!

Въ виду немногочисленности современныхъ свидѣтельствъ о Вышенскомъ, письмо патріарха Мелетія является очень цѣннымъ документомъ. Разсужденія Франка о важности новаго открытія и о слѣдствіяхъ, которыя можно извлечь изъ него (стр. 459—461), заставляютъ забыть о неудачномъ переводѣ. Впрочемъ, всѣ соображенія Франка должны пасть, если гамма въ датѣ не опечатка, а дѣйствительно стоитъ въ оригиналѣ. Возникаетъ подозрѣніе, что письмо датировано не по обычной эрѣ, а по одной изъ другихъ эръ, употреблявшихся въ восточныхъ церквахъ. Не мѣшаетъ также провѣрить и другія цифры въ этой датѣ.

Разсказавши, на основаніи сочиненій Вышенскаго, о его путешествіи въ Малороссію 1605 г., о его недоразумѣніяхъ съ Львовскимъ братствомъ, о его возвращеніи на Аѳонъ и о его окончательномъ затворничествѣ, Франко размышляетъ о годѣ его смерти и не сомнѣвается (даже!), что если бы разсмотрѣть Аѳонскіе памятники, то можно было бы разсчитать годъ смерти Вышенскаго. Ну, я въ томъ очень и очень сомнѣваюсь. Фамилій и прозвищъ въ помянникъ не вписываютъ, а имя „Иванъ" фигурируетъ на каждой страничкѣ, навѣрно, разъ пять.

На страницѣ 466-й біографія Вышенскаго кончается (далѣе слѣдуетъ характеристика). Всего мѣста біографія занимаетъ 48 страницъ (418—466),—при скудости свѣдѣній о Вышенскомъ она должна казаться колоссальной. Но во 1-хъ отсюда

нужно исключить страницы, наполненныя общими историко-философскими разсужденіями Франка и комментаріями,—страницы очень интересныя и поучительныя (быть можетъ, лучше всего рекомендующія Франка, какъ ученаго), но не имѣющія отношенія собственно къ датамъ жизни Вышенскаго. Затѣмъ нужно исключить тѣ шаткія гипотезы, которыя я постарался подчеркнуть. Послѣ такого вычитанія можетъ обнаружиться, что страницы, составляющія разность, ушли по своимъ результатамъ не очень далеко впередъ отъ той (прекрасной и удачной) статьи Франка, которая была напечатана въ 1889-мъ году. Въ самомъ дѣлѣ: какія новыя данныя представлены Франкомъ теперь? Указано довольно вѣроятное вліяніе кальвиниста-Кровицкаго, перечислены вліявшія на Вышенскаго православныя сочиненія, сообщено письмо патріарха Мелетія Пига,—и только. Все остальное—не дѣйствительныя даты, а многочисленныя гипотезы, въ замѣнъ которыхъ можно выставить другія гипотезы, нисколько не уступающія Франковскимъ. Я такъ и сдѣлалъ, и хотя бы Франко опровергъ *мои* догадки, онъ этимъ все-таки не защититъ *своихъ*. Гипотезы—это сущая бѣда Франка, потому что онъ поэтъ: каждая изъ нихъ, разъ она не нарушаетъ законовъ такъ называемой идеальной дѣйствительности, въ мигъ пріобрѣтаетъ для Франка значеніе неоспоримаго факта; на этой гипотезѣ онъ строитъ новую, на той—опять новую, и т. д., а въ результатѣ получается не столько ученая біографія Вышенскаго, сколько историческій романъ.

Со страницей 466-й третья часть диссертаціи Франка еще не кончается: остальныя страницы (466—498) посвящены характеристикѣ проповѣдника. Франко вникаетъ въ произведенія Вышенскаго и находитъ, что они говорятъ къ намъ живымъ, энергичнымъ словомъ и даютъ намъ возможность заглянуть въ душу ихъ автора, оцѣнить и полюбить въ немъ человѣка, писателя и патріота. Двѣ главныя черты Вышенскаго—живое чувство и фантазія. Чувство у Вышенскаго—гуманное, благородное, деликатное, но не переходитъ въ слезливость, потому что насквозь проникнуто твердой нравственностью (стр. 466—471). По-моему, эта характеристика Вышенскаго не вполнѣ

точна. Что онъ человѣкъ чувства, это правда; что его чувство полно благородства, также правда; но особенной деликатности и мягкости я въ Вышенскомъ не вижу. Наоборотъ, его благородство—угловатое, рѣзкое; разъ онъ сознаетъ, что онъ стоитъ за дѣло правое, онъ ужъ энергично, всей душой отдается борьбѣ и держится нашей народной пословицы: „колы бытысь, дакъ не мырытысь". Франко для доказательства мягкости Вышенскаго приводитъ тотъ фактъ, что онъ даже самыхъ ярыхъ своихъ противниковъ называетъ въ спорѣ: „братъ". Это „братъ" въ употребленіи Вышенскаго соотвѣтствуетъ „братцу" въ русской фразѣ: „что, братецъ! попался? А вотъ я тебѣ шею накостыляю!" Оно соотвѣтствуетъ также „дядюшкѣ" въ Пушкинской фразѣ: „Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ". Еще Франко усматриваетъ у Вышенскаго „братское обращеніе съ противниками въ полемикѣ". Можно подумать, что это горькая иронія! Да развѣ не у Вышенскаго обращенія къ еретикамъ представляютъ собою сплошное ожерелье ругательствъ!! Иногда ругательства принимаютъ у него внѣшній видъ акаѳистовъ!..—Вполнѣ правъ Франко, когда утверждаетъ, что Вышенскій, говоря о бѣдствіяхъ простого народа, обнаруживаетъ самую трогательную чувствительность,—да, вполнѣ правъ Франко! Но и тутъ мы должны нѣсколько умѣрить его восхищеніе: заступаясь за простой народъ, Вышенскій *обыкновенно* имѣетъ въ виду мѣщанъ, а не „мужыкивъ та паньскыхъ пидданыхъ".—Въ замѣчаніяхъ Франка относительно фантазіи Вышенскаго также можно кое-что оспаривать. Нѣкоторыя черты, которыя диссертантъ считаетъ признаками фантазіи, скорѣе могутъ считаться жалкими потугами ея. Такъ, выраженія: „безотвѣтно перенести на плечѣ терпѣнія", „отвалить надгробный камень воспоминаній" „трупъ гордости и невѣрія на средину выволочь и оплакать" (стр. 471)—всѣ эти цвѣтистыя выраженія отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о живости фантазіи, а наоборотъ—могутъ свидѣтельствовать объ упадкѣ ея. Все это риторическія, готовыя фурмулы, изъѣзженныя, шаблонныя и потому мертвыя; онѣ и не изобрѣтены Вышенскимъ, а просто заимствованы изъ византійскихъ образцовъ или изъ ихъ русскихъ подражаній.

Прочія замѣчанія Франка о живой фантазіи у Вышенскаго, конечно, вполнѣ основательны; однако то, что мы встрѣчаемъ въ диссертаціи на стр. 474—475, высматриваетъ совсѣмъ странно. Франко беретъ нѣкоторыя темы Вышенскаго и, постаравшись разыграть свои собственныя варіаціи на каждую, увѣряетъ читателя, что это такъ говоритъ Вышенскій и что, „якъ бачымо", это свидѣтельствуетъ о живой фантазіи и оживленной драматической формѣ рѣчи у Вышенскаго. По-моему, „якъ бачымо" это свидѣтельствуетъ скорѣе о живой фантазіи и оживленной драматической формѣ рѣчи у самого Франка. Франко показываетъ намъ, что *онъ* сказалъ бы, если бы былъ Вышенскимъ. Большой недостатокъ у Франка въ разбираемой части характеристики—сухость изложенія. Удачны, хотя также очень сухи, замѣчанія Франка о юморѣ и ироніи Вышенскаго (у Сумцова все это гораздо лучше). Кажется, впрочемъ, что здѣсь безъ оговорокъ нельзя принять одного примѣчанія Франка на стр. 478: Вышенскій былъ *первый* южнорусскій писатель, который въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и съ такимъ умѣньемъ воспользовался обоюдоострымъ оружіемъ юмора и ироніи". (Конечно, выраженіе „обоюдоострый" здѣсь не къ мѣсту, оно вовсе не означаетъ сильной степени, какъ хотѣлъ Франко, а наоборотъ указываетъ, что оружіе можетъ быть обращено противъ самого направляющаго. Ну, да это въ скобкахъ). Сказать: „первый", быть можетъ, будетъ довольно рискованнымъ. Обличая латынянъ, Вышенскій, вѣроятно, почитывалъ сочиненія своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ. Однимъ изъ первыхъ полемистовъ противъ католицизма былъ у насъ на Руси Өеодосій Печерскій—ужъ и въ его „Словѣ о вѣрѣ латинской, или варяжской" можно подмѣтить желаніе пользоваться оружіемъ ироніи. Также, послѣ уніатскаго Ліонскаго собора 1274-го года появилась въ Греціи полемическая сатира на Михаила Палеолога; она была переведена и на южно-славянскіе языки, и на русскій. Конечно, она и ей подобныя сочиненія внесли свою лепту вліянія въ выработкѣ общаго характера православной полемической литературы, и напр. Вышенскаго „Зачапка мудрого латинника зъ русиномъ" представляетъ много аналогиче-

скихъ чертъ и пріемовъ съ „Преніемъ Панагіота съ Азимитомъ“ (хотя, б. м., Вышенскій и не читалъ „Пренія“). Я привелъ только два указанія на иронію и юморъ въ церковной полемикѣ, какія сразу пришли мнѣ въ голову, но если бы я былъ спеціалистомъ по части древнѣйшихъ русскихъ полемическихъ антикатолическихъ сочиненій, то могъ бы, вѣроятно, отмѣтить ихъ гораздо больше, и тогда, быть можетъ, обнаружилось бы, что иронія и юморъ Вышенскаго примыкаютъ къ общимъ чертамъ сичиненій его предшественниковъ.

Заканчивая, затѣмъ, характеристику Вышенскаго, Франко касается его идейной физіономіи, его убѣжденій религіозныхъ, общественныхъ и поэтическихъ. Замѣчанія Франка интересны по своей сути, но они сухи и потому блѣдны. Религіозныя воззрѣнія Вышенскаго Франко хкрактеризуетъ словами: „это очевидно дуализмъ, и притомъ съ значительной пессимистической окраской“. Проще было бы сказать здѣсь: „спиритуализмъ“; въ примѣненіи къ Вышенскому этотъ терминъ будетъ правильнѣе, чѣмъ „дуализмъ“. Напрасно Франку кажется, что дуализмъ это религія терпѣнія, униженій, тяжкихъ испытаній, что она непремѣнно связана съ ненавистью къ міру, къ тѣлу (стр. 480). Зороастрова дуалистическая религія—религія энергіи, жизни, а аскетизмъ, который возникъ въ Иранѣ во время Сасанидовъ, есть результатъ буддійскаго, прошлаго вліянія. Не безъинтересно мнѣніе Франка, будто нынѣшняго пониманія христіанства въ смыслѣ религіи *любви* не было въ первыя времена христіанства, и будто такое воззрѣніе появилось ужъ гораздо позже, подъ вліяніемъ широкой этики гуманистической. Кажется, достаточно прочитать одно четвертое евангеліе, чтобы убѣдиться въ несостоятельности подобнаго утвержденія. Можно говорить, что средневѣковые послѣдователи христіанства часто *отступали* въ жизни отъ предписаннаго духа любви, но нельзя говорить, что когда-либо любовь не считалась существеннымъ и основнымъ догматомъ христіанства. Франко высказываетъ свое мнѣніе, конечно, голословно. Нѣкотораго рода доказательство принципіальной „нелюбовности“ прежнихъ христіанъ онъ видитъ въ томъ, что они проповѣдывали „смиреніе и простоту“ (стр. 481). Какъ

будто смиреніе и простота несовмѣстимы съ любовью къ ближнимъ! Франко думаетъ, что именно несовмѣстимы. Онъ говоритъ: „Не любить обязанъ праведникъ міръ и людей, но ненавидѣть въ нихъ все, что не относится къ спасенію вѣчному“ (стр. 481) Но вѣдь это со стороны Франка формалистическая игра словами, не больше. „Ненавидѣть въ ближнихъ то, что не относится къ ихъ спасенію“=„ненавидѣть то, что людямъ гибельно“=„любить людей (по-своему) и желать имъ добра“. Франко былъ бы правъ, если бы, не отвергая исконнаго *принципа* любви въ христіанствѣ, указалъ только, что *содержаніе*, а съ нимъ и практическое примѣненіе этого принципа любви въ разные вѣка было разное. Таже формалистическая игра словами сквозитъ и въ сужденіяхъ Франка объ аскетизмѣ; можно оспаривать *цѣлесообразность* аскетизма (самоистязаніе ради міра и непрестанное моленіе и сокрушеніе о мірѣ), но несправедливо будетъ отрицать въ христіанскомъ аскетизмѣ даже самый *мотивъ* любви: вѣдь монахъ думаетъ, что его служба самая полезная для людей. Формалистическая игра словами обнаруживается у Франка также въ злоупотребленіи терминомъ „любовь“: онъ смѣшиваетъ ἀγάπη и ἔρως.

Въ общественныхъ идеалахъ, во взглядахъ на общественное устройство Вышенскій доходилъ, особенно въ началѣ дѣятельности, просто до нигилизма: онъ отрицалъ общество и требовалъ поголовнаго аскетизма. Только впослѣдствіи, на недолгое время, онъ сдѣлалъ было значительныя уступки первоначальному принципу. Но слишкомъ рѣшительно и слишкомъ рѣзко заявляетъ Франко, будто даже „взгляда, что основой общественной организаціи является трудъ и рабочіе слои, мы не видимъ у нашего автора *ни слѣда;* онъ знаетъ только одинъ родъ труда—аскетическій подвигъ, а производительный трудъ для него суета“ (стр. 485). Неужели такъ-таки „ни слѣда“? И гдѣ это есть на свѣтѣ такое христіанское монашество, которое всякій трудъ называло бы суетою? Вѣдь, небось, и въ монастырскіе уставы трудъ включенъ? Вѣдь даже затворники что-нибудь работаютъ?

Нѣтоторыя уступки во взглядахъ Вышенскаго были имъ сдѣланы, между прочимъ, по отношенію къ школѣ и наукѣ: онъ чувствовалъ, что безъ просвѣщенія слабѣетъ защита православія. Но западную науку, съ ея Платонами и Аристотелями, онъ отвергалъ. „Правда, авторъ нашъ находился здѣсь въ положеніи, довольно похожемъ на то, въ какомъ находился папа Иннокентій III, когда декретировалъ гибель альбигойцамъ, не зная въ точности, каковы были ихъ взгляды и вѣрованія" (стр. 486). Къ чему здѣсь это сравненіе? Оно вовсе не близкое и дѣла не поясняетъ. Въ смыслѣ политическихъ идеаловъ Вышенскій былъ очень мало развитъ. „Иногда онъ предлагаетъ политическій сепаратизмъ отъ Польши, но сепаратизмъ этотъ долженъ быть какимъ-то пассивнымъ, а о дѣятельномъ противодѣйствіи, о сопротивленіи властямъ, о борьбѣ со „слугами діавола", до какой дошли нѣкоторыя *асектическія секты въ Россіи*, у Вышенскаго нѣтъ и помину" (стр. 487). Франко, какъ видно, смѣшиваетъ аскетизмъ и мистицизмъ. Возникаетъ еще вопросъ: „Почему при своей любви къ малорусскому языку Вышенскій запрещалъ переводить на этотъ языкъ церковныя книги? Не видѣлъ ли онъ въ этомъ профанаціи богослуженія? Не доказываетъ ли это запрещеніе, что онъ все-таки считалъ малорусскій языкъ не вполнѣ достойнымъ?!". Франко даетъ на все это рядъ отвѣтовъ, изъ которыхъ становится ясно, что Вышенскій вѣдь не могъ порвать связей съ вѣковой церковной традиціей, освятившей церковно-славянскій языкъ, равно какъ не могъ порвать связи съ остальными православными народами, особенно въ такую минуту, когда нужно было разыскивать вездѣ-вездѣ средства для защиты православія; измѣнить богослужебный языкъ и значило порвать объединяющее звено православныхъ народовъ, а сверхъ того простонародный переводъ евангелія могъ грозить даже опасностью чистотѣ православія. Неправильно только уясняетъ себѣ эту опасность Франко: по его мнѣнію переводъ евангелія на простонародный языкъ опаснымъ казался бы потому, что „это было бы подражаніе *протестантизму*, который, какъ извѣстно, ввелъ языки народные въ богослуженіе, да и у насъ началъ свою пропаганду переводами священ-

наго писанія на языкъ, довольно близкій къ народному, срв. Скорину, Буднаго, Тяпинское евангеліе, Негалевскаго (стр. 497)". Прежде всякихъ споровъ о протестантизмѣ сдѣлаемъ мимоходомъ замѣчаніе, что Невгалевскаго, не „Негалевскаго", можно было бы и не помѣщать въ списокъ, потому что его евангеліе очень ужъ позднее: 1681-го года! Далѣе, замѣтимъ, что нужно ставить нѣкоторый знакъ вопроса надъ тѣмъ тезисомъ, будто народный языкъ въ священныхъ книгахъ есть плодъ *только* протестантской пропаганды: онъ систематически сталъ вторгаться въ письменную рѣчь съ самого начала нашей письменности, самъ собою, въ силу естественнаго давленія національности писцовъ, а протестантизмъ могъ только *ускорить* ходъ этого естественнаго, но медленнаго вторженія. Поэтому я не думаю, чтобы у Вышенскаго и его современниковъ народный языкъ священнаго писанія ассоціировался съ представленіемъ о протестантизмѣ[1]). Но если бы даже и ассоціировался, то протестантизмъ въ началѣ 17-го вѣка не могъ внушать страха православнымъ: очень ужъ онъ былъ въ то время на Руси слабъ. Переводить священныя книги опасно было не въ виду протестантизма, а въ виду грознаго *католицизма*. Вотъ что говорили тогда: „Прекладаніемъ зъ давныхъ пословицъ на новые помылка чинится немалая, якоже и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу" (Житецкій: „Оч. ист. малорусск. нарѣч. въ XVII-XVIII в.", стр. 3). Эти „помылки" грозили породить рядъ ересей, грозили внести смятеніе въ ряды защитниковъ православія въ борьбѣ съ католицизмомъ.

Уяснивши себѣ отказъ Вышенскаго ввести южно-русскій языкъ въ священныя книги, намъ предстоитъ еще рѣшить вопросъ: почему же Вышенскій, который признавалъ важность народнаго языка, самъ не писалъ вполнѣ „простою мовою", а писалъ какой-то хаотической смѣсью, язычіемъ? Сперва Франко какъ будто пытается разрѣшить недоумѣніе очень простымъ способомъ: онъ какъ-будто хочетъ отвергнуть или по

[1]) Самъ же Франко на стр. 381-й говорилъ, что православные ввели народный языкъ въ церковь для отпора протестантизму: значитъ, не боялись, что такой языкъ обратитъ ихъ въ протестантовъ!

крайней мѣрѣ, затушевать фактъ, что у Вышенскаго рѣчь не простонародная. Онъ заявляетъ, что сочиненія Вышенскаго прекрасный матеріалъ для изученія живой малорусской рѣчи 16-17 вв., потому-что (сдр. 492) „въ дѣлѣ языка Вышенскій былъ менѣе всего зависимъ отъ какихъ-нибудь теорій, а руководился живымъ чувствомъ . . . Да и откуда онъ могъ набраться филологическихъ теорій, онъ, мало ученый въ школахъ??". (Раньше какъ мы видѣли, Франко, желая поселить Вышенскаго при дворѣ князя Острожскаго, старался было поднять уровень его образованія). Но дальше Франко принужденъ сознаться, что на практикѣ Вышенскій нѣсколько отступалъ отъ выраженнаго имъ принципа. Причина заключается въ томъ, что даже маленькая школа какъ-ни-какъ, а все же должна была внушить ему извѣстныя стилистическія теоріи и пріучить къ мысли, что совсѣмъ безъ славянскихъ элементовъ письменная рѣчь не возможна; позднѣйшее чтеніе книгъ и борьба съ латынниками, издѣвавшимися надъ славянскимъ языкомъ, еще болѣе укрѣпили Вышенскаго въ этой теоріи. Къ этимъ соображеніямъ я бы добавилъ (и считаю это важнымъ), что жизнь на Аѳонѣ, вдали отъ родины, также должна была имѣть вліяніе на стиль рѣчи Вышенскаго.

Въ особенно детальный разборъ лексическаго и этимологическаго состава литературной рѣчи Вышенскаго Франко не вдается теперь, обѣщая возвратиться къ этому предмету впослѣдствіи: очевидно, при второмъ изданіи своей диссертаціи. Все-таки и теперь можно подмѣтить, что его представленія о ходѣ историческаго развитія народныхъ элементовъ въ южно-русскомъ языкѣ стоятъ на рединѣ между взглядами П. И. Житецкаго и его критика Кочубинскаго, который отрицаетъ *внезапное* вторженіе народнаго малорусскаго элемента въ литературную рѣчь 16-го вѣка подъ вліяніемъ реформатскимъ, а усматриваетъ здѣсь плодъ дѣйствія постепенной и непрерывной исторической традиціи.

Разставаясь съ третьей частью диссертаціи Франка, которую я разсматривалъ не всю, а только въ слабыхъ или не вполнѣ развитыхъ или недоговоренныхъ частяхъ ея, я хочу остановиться на нѣсколькихъ прекрасныхъ страницахъ той же третьей части,

увлекательныхъ и прочувствованныхъ. Начинаются онѣ, впрочемъ, вовсе не прекрасно. Франко хочетъ выяснить вопросъ, почему Вышенскій, такъ охотно воскрешенный въ XIX вѣкѣ, былъ легко забытъ въ XVII вѣкѣ, и вотъ *на первомъ мѣстѣ* (!!) Франко указываетъ какъ причину забвенія то обстоятельство, внѣшнее и случайное, что Вышенскій „имѣлъ особенный даръ оттолкнуть отъ себя всякаго мецената“ (стр. 490)! Доводъ слишкомъ слабый, чтобы выставлять его на первое мѣсто, а притомъ и сомнительный: письмо Вышенскаго къ князю Михаилу Вишневецкому (Арх. Ю.-З. Р., VII, 37) лучше всего опровергаетъ Франка, да и посланіе къ князю Острожскому содержитъ въ себѣ комплименты по адресу князя. На *второмъ* мѣстѣ (только на второмъ!) Франко выставляетъ какъ причину забвенія Вышенскаго то обстоятельство (второстепенное??), что южно-русская жизнь пошла другимъ путемъ: аскетическіе идеалы Вышенскаго оказались непригодными, и хотя его методъ (искать защиты вѣры у простого народа и обращаться къ нему на родномъ языкѣ) былъ усвоенъ и разработанъ послѣдующими поколѣніями, но самого-то автора—забыли; все это гораздо лучше и обстоятельнѣе было изложено Франкомъ въ его прежней статьѣ („Кіевск. Стар.“, 1889, апр.), чѣмъ въ нынѣшней диссертаціи. „Но“, продолжаетъ Франко, „въ наше время Вышенскій вновь обрѣтенъ; и это не простой случай, что именно ему посвящается столько спеціальныхъ трудовъ въ наше время, алчущее и жаждущее высокаго идеала нравственнаго и общественнаго, среди современнаго поколѣнія, которое желало бы вырваться изъ ученой пыли и изъ горячки переутомленныхъ и разстроенныхъ нервовъ на вольный свѣтъ, въ свѣжую, здоровую атмосферу, къ людямъ сильнымъ по характеру, общественнымъ по природѣ, способнымъ къ сильной любви и къ сильной ненависти, энергичнымъ и рѣшительнымъ въ добрѣ или злѣ. Намъ, измельчавшимъ эпигонамъ, дороги такіе люди, какъ образчикъ болѣе сильной, болѣе здоровой породы. Мы видимъ ихъ недостатки и ошибки, но въ то же время чувствуемъ въ нихъ силу и энергію, которая насъ освѣжаетъ, словно лѣтомъ въ страдную пору студная вода. И какъ писатель, Вышенскій является намъ фигу-

рой необычайной, сильной, а въ сравненіи съ другими современными малорусскими писателями—оригинальной. Особенно привлекаетъ насъ свѣжесть его красокъ, непосредственность выраженія и чувства, пластика картинъ, однимъ словомъ все то, что въ письменныхъ произведеніяхъ есть выраженіе сильной, высоко симпатичной индивидуальности автора. Не полемистъ, не догматикъ и не мыслитель, но человѣкъ, моралистъ и поэтъ, Вышенскій цѣненъ и симпатиченъ для насъ, и, какъ таковой, онъ всегда буделъ занимать почетное мѣсто въ южно-русской литературѣ, тѣмъ болѣе почетное, что онъ—одинъ изъ отцовъ и творцовъ народной южно-русской литературы" (стр, 493). Можно было бы возразить кое-что противъ достоинства „сильной *ненависти*" и „рѣшительности въ добрѣ *или злѣ*", но жаль ослаблять впечатлѣніе этого горячаго лирическаго мѣста, и потому: „Аминь!"—скажемъ мы.

~~А. Крымскій.~~

(~~Окончаніе слѣдуетъ~~).

МНИМАЯ ТИПОГРАФІЯ ПОЧАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ

(съ к. XVI до 1-й четв. XVIII в.).

(ОКОНЧАНІЕ [1]).

ГЛАВА II.

Библіографическій указатель мнимыхъ изданій Почаевской монастырской типографіи въ XVII—1/4 XVIII вѣка.

Если мы соберемъ въ одно цѣлое разбросанныя по статьямъ и библіографическимъ указателямъ извѣстія о книгахъ (а также гравюрахъ), изданныхъ будто бы въ Почаевской монастырской типографіи въ XVII и 1/4 XVIII-го вѣка, то получится очень внушительная картина. Этихъ изданій наберется до 30-ти.

Приведемъ извѣстія о нихъ, расположивъ ихъ хронологически: по времени изданія.

№№ 1 и 2-й описаны нами по подлинникамъ.

Въ скобкахъ ( ) помѣщены №№, подъ которыми въ слѣдующей главѣ будетъ сдѣланъ разборъ извѣстій о данныхъ изданіяхъ.

XVII-й вѣкъ.

1 (2) 1618 г. Сіа кніга наріцаемая Зерцало Богословіи, избранна от многихъ книг б(о)гословскихъ трудолюбіемъ съставлена ермонаха кирила транквѣліона и проповѣдника слова б(о)жіа его власным коштомъ и накладомъ выдрукована в мо-

[1] См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 7—8.

настыру почаевском в маетности его м(и)л(о)сти пана андрѣа фѵрлѣя року 1618 Мсца Марта 12 дня [1]).

Почти все заглавіе печатано киноварью.

4°, лист. (8)+(20)+(2)+84+(2).

Нумерація листовъ, только въ предпослѣднемъ счетѣ, вверху, справа, мелкимъ шрифтомъ.

Изъ тетрадей помѣчены лишь 3—7+8-я (полутетрадь) большими буквами „Ѧ—Ѳ“ и 19—29+30-я (полутетрадь) числами „аі—кв“ (=№№ тетрадей въ листахъ предпослѣдняго счета). Помѣченъ лишь 1-й листъ тетрадей. Сигнатура тетрадей—внизу, посрединѣ. Въ каждой тетради—по 4 л. Въ 2-хъ полутетрадяхъ—по 2 листа.

Заглавіе—въ рамкѣ, а страницы (кромѣ бѣлыхъ—пустыхъ) обведены линейками.

Киноварь употреблена только на заглавномъ листѣ, въ Посвященіи и въ Предмовѣ.

На страницѣ—по 24 строчки.

Переносовъ не существуетъ.

Содержаніе:

Л. (1): Заглавіе:

(1 об.—2): Гербъ лица, которому посвящена книга и вирши на гербъ („епікграма“).

(2 об.—4): Посвященіе лицу отъ имени автора, съ подписью: „в мс моего мосцѣвого П(а)на, уставичный б(о)го мольца. Еромонахъ Кирилъ Ставровецкій (+ п с к) (= Проповѣдникъ Слова Божія).

(4 об.—5 об.): До чителника предмова.

(6—7): Оглавленія лежащая в книзѣ сей.

(7 об.): Лексиконъ альбо трудныхъ словъ выкладъ въ той кнізѣ.

(8): бѣлый:

(8 об.): Вірші, какъ бы эпиграфъ.

Л. (1—19): Зерцало Богословіи, о предшественном существѣ божіемъ. Главы 1—15.

---

1) По экземпляру Москов. Дух. Академіи (съ посвященіемъ Лаврентію Древинскому).

(20): бѣлый.

Л. (1—2): для чог(о) агглове и свѣтъ сей и члкъ и злосливыи люде мvромъ сутъ названы. (Въ оглавленіи—не указано).

Л. 1—84: Зерцало Богословіи о четвеpакомъ мире и о двохъ мѣстехъ, о темномъ вавилонѣ;—и о пресвѣтломъ сіонѣ. Главы 1—35-я. (По оглавленію, это „част вторая").

84 об.: бѣлый

Л. (1—2): Млтва тогожде трудолюбца (т. е. автора) о съверъшенію.

1) Въ однихъ экземлярахъ этой книги помѣщенъ гербъ пана Лаврентія Дривинскаго, чашника Волынскаго, съ стихами на гербъ (9 строкъ) и посвященіемъ ему же;

2) Въ другихъ—гербъ пана Іоанна Ярмолинскаго Константиновича, съ стихами на гербъ (5 строкъ) и посвященіемъ ему же;

3) въ третьихъ—гербъ князя Александра Пузины, съ епиграммою (=стихами на гербъ) (5 строкъ) и посвященіемъ (инымъ) ему же.

Экз. книги извѣстны въ б—кахъ:

Въ *Спб.* Публичн., Акад. Наукъ, Духовн. Акад.

Въ *Москвѣ*: Публ. и Румянц. Музея (Ундол. 26, Норов. Лукаш., Максимовича),—Арх. М. Ин. Д., Синод. Типогр., Щапова.

Въ *Вильнѣ:* Публичн.

Сергіевъ Посадъ: Москов. Дух. Акад.: № 50-й дублетовъ б-ки Москов. Синод. типогр. (съ посвящ. Дривин.).

Литература:

Сопиковъ. ч. I № 387.

Евгеній, ч. II (изд. 1818 г,), стр. 361. (Во 2-мъ изд. ч. I, стр. 335).

Ширяевъ, № 39—буквальная выписка изъ Сопикова, съ добавкой (по Сопикову же): „Первая книга въ сей типографіи".

Строевъ—кн. Царскаго № 56 (экз. съ посвящ. Дривинскому).

Зубрицкій, str. 35—6, 52—3. Описалъ экз. съ посвящ. Дривинскому. „Karty w początku i na końcu nieliczbowane, we środku zaś kilkadziesiąt maią na sobie liczbę, a czego wnosić by

można, że nie razem to dziełko, lecz ułomkami wychodziło, a późniey zebrane, tytułem i dedykacyą opatrzone zostało" (str. 35—6)... Ieżeli by się udowodnić dało, że u Poczaiowie rzeczywiście w roku 1618 drukowane iakie dzieło, mogły to bydz też same druki, które z monasteru iednego do drugiego przewożąc mnichi dla własnego zatrunienia i korzyści iakiey-kolwiek, drobnieysze dzieła wytłaczali, ulawszy sobie pierwiey potrzebną ilość liter, podług swey zamożności... Każdy zaś drukarz na Rusi, był oraz i gisserem... Że podobnych drukarni pakątnych, więcey bydz musiało, dowodzi punkt 6 z kontraktu oryginalnego na dniu Ss. Piotra i Pawła 1643. roku, między Stauropigią i Słoską.....: „....iź zgota niemal każdy diak, albo tez Pop usiłue na swą prywate drukarnie wystawić i na siebie drukować...." (str. 52, 53).

Въ краткомъ изложеніи—въ Журн. М. Н. Пр. 1838 г., № 9, с. 575.

Сахаровъ № 168, Описалъ экз. съ посвящ. Дривинскому: „На заглавномъ листѣ хотя и показано, что книга издана въ Почаевскомъ монастырѣ, но это едва ли справедливо. Въ недавнее врвмя возникло сомнѣніе объ этомъ изданіи. См. Журн. мин. нар. просвѣщ. (1838 г. № IX, стр. 575)".

Ундольскій—кн. Кастерина, № 95.

Максимовичъ, стр. 11; № 1. Указ. экз. съ посвящ. Дривинскому и (впервые) Пузинѣ. Замѣчено: „Извѣстны сомнѣнія о напечатаніи этихъ книгъ (+„Слова на Латиновъ) въ Почаевѣ въ означенномъ году".

Wiszniewski, str. 430 (по Зубрицкому).

Филаретъ, Обзоръ, стр. 188.

Каратаевъ, № 197.

Петрушевичъ, стр. 172: № 1. (по Каратаеву).

Амвросій, стр. 33—34.

Ундольскій—Очеркъ, № 214.

Каталогъ Хлудова, № 65.

Хойнацкій — „Очерки", Напечатана „по благословенію преподобнаго Іова". Авторъ „обозрѣнія славяно-русской библіографіи" сомнѣвается въ напечатаніи ея въ Почаевскомъ

монастырѣ, (стр. 5 № 168); но онъ вѣроятно не зналъ и о существованіи Почаевской типографіи въ XVII в.“

Токмаковъ—Хрон. Кат. б-ки Москов. Главн. Архива М. Ин. Д. (Спб. 1879 и 8°), № 22: Почаевъ, ок. (sic) 1618 г.

Каратаевъ—„Описаніе“. т. I, № 238, Впервые отмѣченъ экз. съ посвященіемъ Ярмолинскому.

2 (1) 1618 (?) г. Прпдбнаго Мксіма Грека, Инока от Стыя Аѳонскіа горы, Слово на Латиновъ. Яко не лѣть естъ ни единому приложити что, или убавити въ Бжственномъ исповѣданіи, Непорочныя Христіанскіа Вѣры.

Безъ обозначенія года и мѣста печатанія. Заглавнаго листа нѣтъ. Приведенныя слова напечатаны (вслѣдъ за заставкой) вверху ӑ-й страницы. Непосредственно за ними начинается и самый текстъ книги: „Предисловіе“. (Вверху стр. 2—109—слова: „О Стомъ Дсѣ“).

4°, *стр.* 1—110 (нумерованныхъ).

Нумерація страницъ—вверху, у поля книги, большими буквами. У чиселъ, обозначаемыхъ двумя буквами, надъ 2-й изъ буквъ находится почти всегда удареніе.

Тетради помѣчены обыкновенными буквами „а—л+м“ (3/4 тетради). Отмѣчаются 1, 2 и 3-й листы тетрадей. Сигнатура тетрадей—внизу, по срединѣ. Въ каждой тетради—по 4 л. Въ послѣдней—3 листа.

Всѣ страницы обведены линейками.

Киноварь не употреблена.

На страницѣ по 21 строкѣ.

Переносы существуютъ.

Содержаніе:

с. 1; Заглавіе.

1—10: Предословіе (Максима Грека).

10—40: Главы 1—7.

41—109: Слово 2: Главы 8—23.

110: „Къ Читателю“ (отъ издателей):

„Правовѣрный Читателю. Предлежащее Прпдбнаго Максима Слово, яко же обретохом в рукописанныхъ, вѣрнѣ любви твоей Типографіею вручихом, (в) немъ же любезнѣ и прилѣжнѣ

поучайся, и въ блгчестіи утверждайся... Прочее Дхъ Стый да уцѣломудритъ и утвердитъ Блгчестіе твое никакоже подвизатися навѣты противныя: Здравствуй о Гдѣ". Непосредственно подъ этими словами внизу стоитъ буква „з"—такимъ образомъ:

„ѿ гдѣ"

з

(См. экз. Москов. Дух. Ак.: Сборникъ старопечатный).

Литература:

Сопиковъ, ч. I, № 610. Дословно: Максима Грека, инока св. горы Аѳонскія Слово на Латиновъ, и о святомъ Духѣ; *въ Почаевѣ, 1618*—въ 4; и на стр. LXXIV-й: „въ 1618 г. напечатано слово Максима Грека въ Почаевѣ".

Евгеній, ч. II (изд. 1818 г.), с. 400. „Изъ словъ его (Максима Грека) одно *на Латиновъ* напечатано было въ Почаевской Типографіи 1618 г. *при книгѣ* Кирилла Транквилліона, называемой *Зерцало о Богословіи*". (Во 2-мъ изд. т. II, стр. 36).

Соколовъ—Кат. Акад. Н. (1832 г.), № 268. (Не видалъ).

Строевъ—кн. Царскаго, № 57. „Безъ выхода". „Изданіе сей рѣдкой книги полагаютъ въ Почаевѣ 1618 года (Сопик. ...Слов. Истор. пис. духовн. ....), но шрифтъ кажется Кіевскій".

Baliński i Lipiński, str. 104. „Iuż 1618 r. istniały w Poczajowie prawy drukarskie, a pierwsze wytłoczene w nich pismo była mowa Maxyma Greka. (Не по выпискѣ ли Lindego изъ Сопикова?)

Сахаровъ, № 169. „И это изданіе приписываютъ Почаевской типографіи 1618 г. П. М. Строевъ говоритъ ....: „шрифтъ кажется Кіевскій".—Въ графѣ „мѣсто печати" Сахаровъ поставилъ противъ данной книги „?" (знакъ вопроса), годъ же выставилъ 1618-й.

Ундольскій—кн. Кастерина, № 96. „Безъ выхода, *вѣроятно* въ Почаевѣ, *около* 1618 г."

Максимовичъ, стр. 11: № 2. Около того же (1618-го) года въ Почаевѣ (какъ полагаютъ) напечатано Слово Максима Грека на Латиновъ, въ 4. Извѣстны сомнѣнія о напечатаніи этихъ книгъ въ Почаевѣ въ означенномъ году".

Wiszniewski, str. 429—30. „Kiedyby pierwszy raz drukarnię ruską w Poczajowie założono wiedzieć nie możemy; to tylko *pewna*, iź w r. 1618 wyszła tu mowa Maksyma Greka! ....mowy Maksyma Greka dotąd niewidziano (sic).

Каратаевъ, № 198. „Безъ выхода....., вѣроятно въ Почаевѣ, около 1618 г.

Петрушевичъ, с. 172: № 2. По Каратаеву.

Ундольскій, № 216. „Безъ вых.; изд., вѣроятно, въ Почаевѣ, *ок.* 1618 г."

Кат. Хлудова, № 66.

Каратаевъ—„Описаніе", № 239. „Безъ означенія года и мѣста напечатанія... Напечатано въ Почаевѣ *(?)*, 1618 *(?)* г.". Ссылается на Сопикова.

2 а (*3*). 1618 г. „Историческую... дѣятельность типографія (Почаевская) начала съ 1618 года... Здѣсь напечатаны: а) Зерцало Богословія... 1618 г. ....; б)

Цвѣтникъ св. Дороѳея или поученіе инокамъ *въ томъ же г.* ...." (Барановскій, с. 781; безъ ссылокъ).

Ср. ниже № 29.

2 б (*4*). ок. 1614—21 (?) гг. „Жизнь преподобнаго Іова, сочин. ученика его іеромонаха Досиѳея, напеч. въ Почаевѣ, въ 8-ку (*безъ обозначенія года*)" (Головацкій—Дополненіе, № 16. Ставитъ между книгами 1614 и 1621 годовъ).

Ср. ниже № 10.

2 в, г, д. (*5*) *до* 1651 г. ? „Въ Почаевской типографіи, *во время* преподобнаго Іова († 28 окт. 1651 г.), печатались: проскомидійные листы для разсылки въ православныя церкви, письма или посланія православныхъ архипастырей, разныя молитвы и т. п. 2)".

(Хойнацкій—„Очерки", с. 183, *со ссылкой*: 2) Сказаніе о Поч. Лаврѣ, А. Амвросія, стр. 36. Архивъ Поч. Лавры, дѣло № 95").

Ср. ниже №№ 25—28.

2 е. (*5*). Въ послѣдствіи по смерти преподобнаго Іова здѣсь печатались также антифоны преп. Іову (Арх. Поч. Лавры Дѣло № 95"). (Хойнацкій „Очерки", с. 185).

3 (*6*) *1645 г.* Святыя и богодохновенныя книги Минѣя Общая. Напечатася съ переводу Московскаго во всемъ согласно, въ типографіи Почаевской, 1645 г. ...Листовъ. 4, 270". (Тихомировъ—Сист. Кат. кн. б-ки Волын. Сем., № 606).

4 (*7*). *1655 г.* Liturgiarion ili Służebnik soderzaszcz w siebe po czynu S. Wostocznyia Cerkwe Liturgii iże w sw. Otcow naszych Ioanna Złatoustego, Wasiłia Welikaho i Grigoria Dwoesłowa s służbami Hospodnymi, prażniszymi obszczymi. Tretie typom zdadesia w obiteli Poczaiewskie ry. 1655 (Bandtkie, t. II, str. 56: „W bibliotece JW. Ossolińskiego").

Zubrzycki, str. 35—36: „Nie mogę pominąć, ażebym w tém tu mieyscu, iedne iescze nienapomknął postrzeżona *omyłkę.*— Uczony Bandtkie mówi T. II. p. 56. iż w bibliotece imienia Ossolińskich, znayduie się Służebnik czyli Liturgion u Poczaiowie roku 1655 wydany. Chociaż w Lwowie ninieysze piszę badania i tu Księgozbiór ów znayduie się, nie mogłem naocznie to dzieło oglądać s powodu że biblioteka iescze nie uporządkowana, śmiem iednakże twierdzić, że rok 1655 mylnie położony. Musi tam bydz ҂аѱнє a nie ҂ахнє, to jest 1755, bo wiadomo że w roku tym Służebnik w Poczaiowe drukowany, czytam u aktach processu, iż Bazylianie chociaż wszelkich używali środków, ażeby dawność swey drukarni udowodnić, o Służebniku z roku 1655. żadney nie czynią wzmianki".

Максимовичъ, стр. 11: № 3. „Сомнѣваются также, дѣйствительно ли существуетъ—Служебникъ, напечат. въ Почаевѣ, 1655 года".

Wiszniewski, str. 430. Повторилъ за Бандтке цѣликомъ заглавіе.

4 (*8*) *1674 г.* „Октоихъ, си есть осмогласникъ, еллински же Параклитикъ, твореніе преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина и прочіихъ богодухновенныхъ отецъ, за державы еликаго короля Станислава Августа, благословеніемъ его преосвященства киръ Сильвестра Лубіеніецкаго Руднѣцкаго, Экзарха всея Россіи, луцкаго и острогскаго епископа,—тщаніемъ же и иждивеніемъ монаховъ чина святого Василія Великаго, святыя чудотворныя лавры Почаевскія, типомъ въ тойжде

лаврѣ изданъ. Року Божія 1674". (Хойнацкій—„Унія", стр. 395. Уніятскій).

6 (18) 1676 г. „Молитвословъ... *по экземплярамъ изданнымъ лѣта 1676,* (въ Почаевѣ?) типомъ изданъ въ монастырѣ Почаевскомъ ч. с. В. В., лѣта отъ Рождества Христова 1720". (Хойнацкій—„Унія", стр. 391).

См. ниже № 23.

7 (9). 1679 г. „Зерцало Богословіи напечатано въ первый и второй разъ въ 1618 и 1679 г. въ Почаевскомъ монастырѣ; и въ третій разъ въ 1696 г. въ Кіевѣ, всѣ въ 4 д. л." (Евгеній, Словарь, изд. 1818 г., т. II, стр. 361=изд. 1827 г., т. I, стр. 335).

Артемьевъ—Опис. рукоп. б-ки Казан. Унив. (Лѣтоп. зан. Археогр. Ком., в. 7-й. Спб. 1884 г.), стр. 305: ....„Зерцало Богословіи ....Кирилла Транквилліона Ставровецкаго ....было напечатано въ 1618 и въ 1679 г. въ Почаевскомъ монастырѣ и еще въ 1696 въ Кіевѣ".

Огоновскій—Исторія литературы рускои, т. I. Львовъ 1878 г., с. 145: „Ставровецкій написавъ „Зерцало Богословіи" и выпечатавъ его въ монастырѣ Почаевскомъ въ 1618 д. У-друге друковано сю книгу такожъ въ сѣмъ монастырѣ 1679 р., а въ трете въ Кіевѣ 1696 р.".

8 (10). 1682 г. „Канонникъ (содерж. Скитское покаяніе, исповѣданіе міряномъ, канонъ за умершаго, канонъ пасцѣ и канонъ Николѣ), напеч. въ Почаевѣ, въ 1682 г., въ 12 долю. 104 листа". (Головацкій—„Дополненіе", № 38, съ замѣчаніемъ: „Этотъ канонникъ перепечатанъ съ канонника, изд. въ Москвѣ въ 1651 г., какъ значится въ послѣсловіи на 96 листѣ. (Экземпляръ находится въ Виленской публ. библіотекѣ; книга библіографамъ неизвѣстна").

9 (11). 1694 г. ? „Священно-мученика Іпполита папы Римскаго слово въ недѣлю мясопустную, изд. (старообрядцами) въ Почаевѣ, въ 4-ку, безъ названія года". (Головацкій—Дополненіе, № 43; ставимъ между книгами 1694 г., со ссылкой на Вишн. т. VIII, стр. 431).

10 (12) к. XVII в. „Жизнь преподобн. Іова, соч. ученикомъ его Іеромон. Досиѳеемъ, въ 8 д. л., *безъ выхода, вѣроятно* въ концѣ XVII вѣка *первоначально* напечатана". (Петрушевичъ, с. 172: № 3. Ср. *тоже* на с. 164-й, въ примѣч. 7-мъ).

Ср. выше № 2б.

11 (13) к. XVII в. „W Wilnie v ś. Trójcy *i w Poczajowie* przy końcu siedmnastego wieku już często nie kirylicą, ale czcionkami polskiemi drukowano, jak np. następujące Ohilewicza dzieło: Ecphonemata Liturgiey Greckiey... w *Wilnie...* K. P. 1671... (Wiszniewski t. VIII, str. 411—2. Приводитъ полное заглавіе этой книги, *напеч. въ Вильнѣ* и не называетъ ни одной напеч. т. обр. въ XVII в. въ Почаевѣ).

12 (14). 1700 г. „Молитвенникъ—умилителная нѣкая пѣнія и молитвы найпаче злоключеніемъ различнымъ прислужащая, отъ великаго Требника изятая. 1700 (г.) W. (°). 11¼ (тетрадей). (Каталогъ Дымета, № 21.

Петрушевичъ, стр. 172: № 4: 1700 г. Молитвенникъ, пѣнія и молитвы отъ великаго Требника изятыя въ 4 дол. (Безъ ссылокъ).

Головацкій—дополненіе, № 45 (со ссылкой на Дымета).

Петрушевичъ — сводная галицко-руск. лѣтопись. Львовъ 1887 г.: не упоминаетъ.

13 (15). 1700 г. Приложеніе на похвалу божію къ уставу церковному предложено чину духовному совѣтовательно року 1700; въ листъ, *безъ обозначенія мѣста печати.* (Въ библіотецѣ Епископскаго собора въ Перемышли)". (Петрушевичъ, с. 172: № 5).

Головацкій не привелъ этого указанія, хотя трудомъ Петрушевича пользовался.

Петрушевичъ въ 1887 г. уже не упоминаетъ.

14 (21). ок. 1702 г. „св. Іоаннъ креститель. Изображенъ въ ростъ, католич. пошиба, съ монограмою гравера внизу: „I. S. 1702". Гравюра на деревѣ, въ ½ листа; почаевской работы". (Ровинскій—Рус. народн. картинки, № 1500, кн. III, с. 619).

15 (21). нач. XVIII в. „Поясное изображеніе святаго съ надписью: „с҃та. х҃къ Николае".—Внизу подпись: „близ града

Батурина обител в пустынѣ Николы крупицкаго о нейже дон(ы)нѣ от древнихъ сказуется яко егда брани Батій скверный воздвиже на Россія страны вто время крившиися иноци терпяху гладъ веліи ибо пищи отнюд неимяху. И се имъ внезапу снебесъ сніиде манна Млтвами Николы от гда данны... крупами наименоваша и от тогда Николу Крупицскимъ прозваша...“ (точками обозначены вытертыя мѣста).

Полулистовая гравюра на мѣди, *начала* XVIII вѣча. Подлинная *доска въ Кіево-печерской* лаврской типографіи. *Почаевской работы*“. (Ровинскій—Рус. нар. карт. № 1583, т. III, с. 655—6).

16 (*15*). *1704 г.* „Трефологіонъ въ листъ“. (Петрушевичъ, с. 172: № 6).

Головацкій № 46: „Трефологіонъ, напеч. въ Почаевѣ; въ 1704 г. въ л.“. (Безъ ссылокъ.

Петрушевичъ въ 1887 г. не упоминаетъ.

17 (*15*). „*1704 г.* Величанія въ 4 д. л.“. (Петрушевичъ, с. 172: № 7).

Не повторено Головацкимъ.

Петрушевичъ 1887 г. уже не упоминаетъ, но указываетъ: „Величанія, въ 4-ку тамже“ (раньше: „Москва“).

18 (*14*) *1708 г.* „Акаѳісты съ каноны, прочая душеполезаня (sic) моленія, въ 4 долю 1708 (г.) W. (⁰) 87 (тетрадей) (Каталогъ Дымета, № 1).

Петрушевичемъ не повторено.

Головацкій, № 48: „Акаѳисты съ каноны и прочая душеполезная *чтенія*, напеч. въ Почаевѣ, въ 1078 г., въ 4-ку.

Петрушевичъ и въ 1887 г. не упоминаетъ.

19 (*16*. *1708 г.* Послѣдованіе постригу двою въ искусъ чина св. Василія Вел., въ листъ; перепеч. изъ Супрасльскаго изд. 1693 г. (Петрушевичъ, с. 172: № 8).

Головацкій, № 49 (Дословно по Петрушевичу, безъ ссылки).

Петрушевичъ въ 1887 г.: „1708 г.... Послѣдованіе постригу двою въ искусъ чины св. Василія В. въ листъ. Почаевъ. Перепечатано изъ Супрасльскаго изданія 1693 г.

20 (*15*) *1709 г.* Евангелія на вел. Страстную седмицу въ листъ". (Петрушевичъ, с. 173: № 9).

Головацкій, № 50: „Евангелія на великую страстную седмицу, напеч. въ Почаевѣ, въ 1709 г., въ л.". (Безъ ссылокъ).

Петрушевичъ въ 1887 г. не упоминаетъ.

21 (*17*). „*1710 г.* Алфавитъ духовный, *перв. изд.* въ 8 д. л." (Петрушевичъ, с. 173: № 10).

Головацкій, № 51: „Алфавитъ духовный, напеч. въ Почаевѣ, въ 1710 г., въ 8-ку. (Первое изданіе этой книги)". (Безъ ссылокъ).

Петрушевичъ въ 1887 г. „1710... Алфавитъ Духовный. Почаевъ. 1 изд. 8°" (на с. 55).

22 (*19*). *1717 г.* „Тріодіонъ цвѣтный по началу отъ недѣли цвѣтоносія зовомый. Съ пентакостаріономъ си есть пятидесятницею по древнимъ экземпляремъ греческимъ *исправленъ* за державы его милости великаго Станислава Августа *первѣе 1717 года*. Повелѣніемъ и благословеніемъ его преосвященства С. П. Киръ Сильвестра Лубіеніецкаго Руднѣцкаго. Таже и его преосвященства Киръ Кипріана Стецкаго, екзарха митрополіи кіевскаго, галицкаго и всея Россіи, епископа луцкаго и острогскаго, ордина святаго Станислава кавалера. Произволеніемъ всечестнѣйшаго господина отца іеромонаха Іероѳея Корчинскаго, чина святаго Василія Великаго протоархимандрита, тщаніемъ же и иждивеніемъ монаховъ тогожде чина въ святой и чудотворной лаврѣ почаевской. Изданъ лѣта отъ сотворенія міра по греческимъ хронографамъ 7294. Отъ воплощенія же Слова Божія 1786 г. (Хойнацкій „Унія", с. 399).

Хойнацкій — „Изъ воспоминаній послушника", с. 665: „Тріоди перваго (Почаевскаго) изданія 1717 года, по замѣчанію о. Валеріана (послушника), скудно объяснены (въ нашей книгѣ)...".

23 (*18*). „*1720*. Молитвословъ въ 8 д. л. (большій 70½ листовъ)". (Петрушевичъ, с. 173: № 11).

„Молитвословъ, въ немже чинъ часовъ церковныхъ и прочихъ спасительныхъ моленій, съ тропарями и кондаками, воскресными, дневными, святыя четыредесятницы и патидесятницы,

съ мѣсяцесловомъ, и съ приложеніемъ на кійждо день римскаго календаря святыхъ, восхода же и захода солнечнаго на весь годъ, съ пасхаліею зрячею и настатіемъ луннымъ, по экземпляремъ изданнымъ лѣта 1676, типомъ изданъ въ монастырѣ почаевскомъ ч. с. В. В., лѣта отъ Рождества Христова 1720". (Хойнацкій, „Унія", с. 391. Уніятскій).

Головацкій, № 54: Молитвословъ (большой), напеч. въ Почаевѣ 1720 г., въ 8-ку ($70^1/_2$ печатныхъ листовъ). (Безъ ссылокъ).

Петрушевичъ въ 1887 г.: „1720... Молитвословъ, Почаевъ 8° (большій $70^1/_2$ листовъ)... (на с. 87-й).

Ср. выше № 6.

24 (*18*). „*1720*. Молитвословъ въ 8 д. л. (середній 54 листовъ)". (Петрушевичъ, с. 173: № 12).

Головацкій, № 55: „Молитвословъ (средній), напеч. въ Почаевѣ, въ 1720 г., въ 8-ку (54 печатныхъ листа)". (Безъ ссылокъ).

Петрушевичъ въ 1887 г.... Молитвословъ... Почаевъ (середній 54 л.) (на с. 87).

25—28 (*22*) *около 1720 г.?* „Въ послѣдніе годы, предшествовавшіе порабощенію Почаевскаго монастыря Уніятами, печатались въ ней (въ Почаевской типографіи) проскомидійные листы, для разсылки въ православныя церкви, письма или посланія православныхъ архипастырей, антифоны преподобному Іову и разныя молитвы. (Архим. Амвросій—„Сказаніе", с. 34, со ссылкой на Дѣло № 95 Почаевскаго архива).

Хойнацкій—„Унія", с. 31 (со ссылкою на тоже Дѣло. „Сказаніе)": „Изъ сохранившихся документовъ почаевской лавры видно, что здѣсь въ позднѣйшее время печатались только проскомидійные листы, антифоны пр. Іову (игумену почаевскому) и разныя архипастырскія посланія, и т. п. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда около 1720—25 г. уніаты овладѣли почаевскою обителію".

Хойнацкій—„Очерки", с. 185: „Въ послѣдствіи по смерти преп. Іова здѣсь печатались также антифоны преп. Іову (Архивъ Поч. лавры Дѣло № 95)".

Ср. выше №№ 2 *в. г. д.*+2-е.

29 (22). XVII—$^1/_4$ XVIII в. „Цвѣтникъ святаго Дороѳея, или поученіе инокамъ (печатанное въ Почаевской обители". По словамъ архим. Амросія такое изданіе находилось въ б—кѣ Почаевскаго монастыря еще до перехода послѣдняго въ унію. (См. „Сказаніе", въ отдѣлѣ и еще взглядъ, на Почаевскій монастырь до перехода его въ унію", с. 53—54).

„Православный Почаевскій монастырь, переходя въ унію,... не былъ бѣденъ, ни по внутреннему, ни по внѣшнему состоянію... Кромѣ книгъ Священнаго Писанія на Греческомъ, Латинскомъ и Славянскомъ языкахъ, во многихъ экземплярахъ, монастырская библіотека имѣла въ Славянскомъ переводѣ книги избраннѣйшихъ отцевъ Церкви... Были и нѣкоторыя книги поучительнаго содержанія, какъ напримѣръ: ....Цвѣтникъ Святаго Дороѳея, или поученіе инокамъ (печатанное въ Почаевской обители), Зерцало Богословія Транквиліона (печатанное въ Почаевѣ въ 1618 году); сверхъ того было много рукописей о религіозныхъ предметахъ въ духѣ православномъ"... (с. 53—54).

30 (20). XVII—$^1/_4$ XVIII в. Говоря о книгѣ „Гора Почаевская", Архим. Амвросій между прочимъ писалъ: „Книга эта напечатана въ 1072 г. въ Почаевской монастырской типографіи, по повелѣнію Унитскаго Епископа Сильвестра Рудницкаго: *но въ ней же говорится,* что она перепечатана изъ прежней подобной книги, *которая, какъ напечатанная во время прежде существовавшаго въ этомъ монастырѣ Православія, вѣроятно,* уничтожена Базиліанами: („Сказаніе", с. 271, отдѣлъ, о книгѣ „Гора Почаевская").

Хойнацкій—„Очерки", с. 167, писалъ: „Гора Почаевская"... *по сознанію самихъ же уніятовъ,* между прочимъ *первоначально была напечатана православными,* и потомъ только „типомъ обновлена" базиліанами въ 1793 году (смотр. въ началѣ книги одобреніе къ напечатанію ея отъ Сильвестра Лубенецкаго, Рудницкаго, еписк. Луцкаго и Острожскаго").

31 (22). XVI?—$^1/_4$ XVIII в.? „Извѣстно, что на Волыни, въ почаевской обители, съ самыхъ древнихъ временъ существовала *православная* типографія, въ которой на основаніи привиллегій, отъ королей польскихъ, печатались *разныя книги на язы-*

кахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ. Заведеніе этой типографіи преданіе приписываетъ основательницѣ почаевскаго монастыря Аннѣ Гойской [1]).

ГЛАВА III.

Критическій разборъ и опровержение показаній объ изданіяхъ почаевской монастырской типографіи XVII—$^1/_4$ XVIII в.

Приступая къ разбору и опроверженію показаній о почаевскихъ монастырскихъ изданіяхъ 1618—1730 г., мы не вездѣ будемъ придерживаться хронологическаго порядка и считаемъ необходимымъ нарушить этотъ порядокъ уже при разборѣ извѣстій о 2-хъ первыхъ изданіяхъ: „Зерцалѣ Богословія" и ‚Словѣ на Латиновъ". Сперва мы опредѣлимъ мѣсто изданія „Слова", а потомъ „Зерцала".

Въ скобкахъ указаны №№, подъ которыми помѣщены данныя изданія въ предыдущей главѣ: въ хронологическомъ перечнѣ этихъ изданій.

1 (*2*). Во всѣхъ извѣстныхъ экземплярахъ „Слова на Латиновъ"—ни мѣста, ни времени изданія не указано. Всѣ экземпляры—безъ заглавнаго листа и безъ выходной лѣтописи. Можно утверждать, что послѣднихъ никогда и не было.

Еще Строевъ въ „Описаніи книгъ Царскаго" (№ 57) замѣтилъ, что въ этой книгѣ „шрифтъ кажется кіевскій". Къ сожалѣнію, его справедливое замѣчаніе было необосновано и скоро забыто. Мы съ своей стороны постараемся доказать, что „Слово на Латиновъ" несомнѣнно издано въ Кіевѣ.

Въ типографскомъ отношеніи „Слово на Латиновъ" значительно отличается, отмѣтимъ прежде всего, и по шрифту, и по узорчатымъ буквамъ, и по заставкамъ съ финаликами

---

[1]) Извѣстно между прочимъ, что короли польскіе Августъ II и Августъ III, утверждая привиллегіи своихъ предшественниковъ на печатаніе книгъ въ Почаевской Лаврѣ, въ тоже время положительно выражали:.... „officina tipografica antiquitu in monasterio Poczajowensi existit. (Арх. почаев, лавры.—Дѣло № 95)". (Хойнацкій—„Очерки". с. 183).

отъ „Зерцала Богословія“. Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто пожелаетъ сравнить ихъ. Эти два изданія отличаются другъ отъ друга и другими типографскими особенностями:

„З. Б.“—съ заглавнымъ листомъ: съ указаніемъ мѣста и года печати; „Сл. М. Гр.“—безъ. Заголовки вверху страницъ напечатаны: въ З. Б.—мелкимъ, а въ Сл. М. Гр.—крупнымъ шрифтомъ. Помѣта въ З. Б.—по листамъ, а въ Сл. М. Гр.—по страницамъ. Счетъ листовъ (страницъ): въ З. Б.—мелкимъ шрифтомъ безъ удареній на второй изъ буквъ, въ Сл. М. Гр.—крупнымъ и съ удареніями. Тетради помѣчены: въ З. Б.—прописными буквами или славянскими цифрами, въ Сл. М. Гр. обыкновенными (некрупными) буквами. Помѣчаются: въ З. Б. лишь 1-й листъ тетради, а въ Сл. М. Гр.: 1, 2 и 3-й л.л. (не помѣч. слѣд. лишь л. 4-й⁰). Въ З. Б. переносовъ нѣтъ, а въ Сл. М. Гр.—есть. Строкъ на страницѣ: въ З. Б.—по 24, а Сл. М. Гр.—21.

Уже этихъ особенностей вполнѣ достаточно, чтобы усомниться въ напечатаніи Слова Мак. Грека въ Почаевѣ, но это сомнѣніе перейдетъ въ несомнѣнную увѣренность, когда мы сравнимъ типографскія особенности „Слова“ и „Книги о Вѣрѣ“, напечатанной, какъ признано, въ Кіевѣ. Тогда мы вынуждены будемъ сказать: „Слово на Латиновъ не могло быть издано въ Почаевѣ, такъ какъ напечатано оно несомнѣнно въ Кіевѣ“.

Всѣ указанныя типографскія особенности, которыми отличается Слово на Латиновъ отъ Зерцала Богословіи, отзываются вполнѣ принадлежащими и Книгѣ о Вѣрѣ.

Шрифтъ—въ обоихъ тожественный; узорчатыя буквы, заставки и финалики—тоже. Для доказательства сравните:

а) Узорчатыя буквы:

въ Сл. М. Гр. с. 41=Кн. о В. ч. 1-я, с. 256.

б) Заставки и финалики:

Сл. М. Гр. с. 1=Кн. о В. ч. 2-я, с. 1.

33=—ч. 2-я: с. 221 и 279.

41=ч. 1-я: 256 и ч. 2-я: 82.

64=ч. 1-я: с. 4-я: непомѣч.

109=ч. 2-я: с. 183.

110=ч. 1-я: 39, 88, 288, 315; ч. 2-я: 36.

110=ч. 1-я: 79, 255; ч. 2-я: 249.

Итакъ, типографскія особенности доказываютъ, что книга несомнѣнно напечатана въ Кіевѣ. На это же указываетъ и буква „З“ подъ послѣсловіемъ. Эта буква есть, вѣроятно, не что иное, какъ сокращеніе имени Захаріи Копыстенскаго. (Ср. въ Кн. о В.: ч. 1-я, с. 174, подпись Копыстенскаго подъ трактатомъ о исхожденіи св. Духа: „Правовѣрный Христіанине,... Здравствуй о Г-дѣ. Я. З“.

Чѣмъ же объяснить положительныя увѣренія Сопикова и М. Евгенія, что „Слово на Латиновъ“ напечатано: въ Почаевѣ, въ 1618 г. Мы склонны думать, что ложное свѣдѣніе это взято Сопиковымъ у м. Евгенія, а послѣднимъ выведено изъ неправильно понятыхъ словъ Епископа Дамаскина въ его рукописномъ трудѣ „Библіотека Россійская“ [1]).

У Дамаскина „Слово на Латиновъ“, какъ и Книга о Вѣрѣ, указано изданнымъ въ Кіевѣ въ 1625 году (см. с. 40-ю въ изд. Общ. Люб. Др. Писм.=28 и 45 сс. изд. Общ. Ист. и Др.), но упоминается и еще нѣсколько разъ, между прочимъ при описаніи и Зерцала Богословіи“ изд. 1618 г. (с. 31—32 изд. Общ. Люб. Др. Писм.=21—22 и 6-й изд. Общ. Ист. и Др.). Здѣсь говорится слѣдующее:

„Кирилла Транквилліона Зерцало Богословіи, печат. въ Почаевской обители, 1618 года; въ 4; Патр. библ.

„*Тутъ же* Слово Максима Грека на Латынъ; въ тип. библ.“...

Выраженіе „тутъ же“, какъ видно изъ сравненія съ другими случаями употребленія его у Дамаскина (напр. с. 38=26 и 38, с. 39-я и проч.), въ одномъ переплетѣ. Такимъ образомъ Дамаскинъ хотѣлъ сказать, что есть экз. Зерц. Бог. изд.

---

[1]) Изданъ Общ. Люб. Др. Письма. въ „Памятн. древн. письменности и искусства“: 1881 г. № XI; и въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1891 г., кн. I, въ двухъ недопечатанныхъ редакціяхъ Ундольскаго: 1-й—по 1648 г, и 2-й (сокращенной)—по 1713 г.

1618 г. и въ Тип. библ., при чемъ оно переплетено въ этомъ экз. въ одинъ корешокъ съ „Словомъ Максима Грека".

М. Евгеній, не понявъ у Дамаскина выраженія „тутъ же" и думая, что оно=„въ томъ же году и въ той же типографіи" и притомъ „вмѣстѣ"—въ „одной книгѣ" съ Зерцаломъ Богословіи,—и написалъ въ своемъ „Словарѣ": „Изъ словъ его (Максима Грека) одно на Латиновъ напечатано было *въ Почаевской Типографіи 1618 г. при книгѣ* Кирилла Транквилліона, называемой *Зерцало Богословіи*".

Таковъ, можно догадываться, процессъ образованія ошибочнаго показанія о времени и мѣстѣ изданія „Слова Максима Грека".

Итакъ, повторяемъ, „Слово" издано въ Кіевѣ, а не въ Почаевѣ.—А Зерцало Богословіи"?

2 (*1*) „Зерцало Богословіи"—издано дѣйствительно въ Почаевѣ, въ 1618 г., но не въ монастырской типографіи (о которой одной идетъ у насъ рѣчь), а *въ кочевой* типографіи частнаго лица—Кирилла Транквилліона.

Такъ, въ Зерц. Бог. нѣтъ, прежде всего, никакихъ указаній на то, чтобы оно издано было въ монастырской типографіи. Предисловіе подписано не иноками монастыря, а Кирилломъ Транквилліономъ"; въ самомъ заглавіи лишь глухо сказано: „В монастыру почаевском", даже безъ прибавки: „Успенія Пресвятыя Богородицы; и при этомъ опять добавлено, что „выдрукована" книга „его (Транквилліона) власнымъ коштомъ и накладомъ".

Что монастырской почаевской типографіи въ ту пору не существовало, это можно выводить изъ отсутствія какихъ бы то ни было книгъ (кромѣ данной), изданныхъ въ Почаевѣ до 30-хъ годовъ XVIII-го в.

Что книга издана именно въ кочевой типографіи Кирилла Транквилліона, это видно: а) изъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, что у Кирилла Транквилліона была около этого времени собственная кочевая типографія, б) изъ указанныхъ нами и другихъ особенностей самой данной книги.

Въ южно-русской библіографіи въ ½ XVII-го вѣка извѣстны въ ряду другихъ три слѣдующія типографіи: почаевская

(изд. 1618 г.), рохмановская (изд. 1619 г.), черниговская (въ Елецкомъ м-рѣ) (1646 г.) Но при этомъ извѣстно лишь по 1-й книгѣ, изданной въ этихъ типографіяхъ, и авторомъ всѣхъ этихъ трехъ книгъ является одно лицо—Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій, напечатавшій именно эти три книги и больше ничего не издававшій.

Въ 1618 г.—напеч. въ Почаевѣ Зерцало Богословіи,
въ 1619 г.—въ Рохмановѣ—Евангеліе Учительное,
въ 1646 г.—въ Черниговѣ—Перло многоцѣнное [1]).

Странныя типографіи: изъ нихъ вышло лишь по 1-му сочиненію и притомъ одного автора, ничего больше не издававшаго.

Но дѣло объясняется на нашъ взглядъ просто. У Кирилла Транквилліона была своя небольшая — передвижная — кочевая типографія, сопровождавшая его въ странствованіяхъ, типографія, въ которой Транквилліонъ печаталъ *только свои* сочиненія.

Что такая типографія у Транквилліона была, это видно изъ предисловія къ Евангелію Учительному 1619 г. и заглавія Перла Многоцѣннаго 1645 г.:

„и друкарню въ убозей кущи странствіа моего подставихъ", пишетъ Транквилліонъ въ „Предмовѣ до чителника" къ Ев. Учит. (л. 6 об. непомѣч.).

Въ заглавіи „Перла Многоцѣннаго" онъ же прямо говоритъ, что книга эта „Ново (=впервые) на свѣт видан:(а) *з нов:(ои) друкар:(ни) ег:(о)*"... (См. Каратаевъ, Описаніе, т. I, Спб. 1883 г., с. 516).

Итакъ, мы вправѣ если не безусловно, то съ громадной долей увѣренности утверждать, что „Зерцало Богословіи" издано въ кочевой типографіи Кирилла Транквилліона. Если же будетъ доказано, что никакихъ другихъ слѣдовъ су-

---

[1]) На всѣхъ трехъ сочиненіяхъ-изданіяхъ своихъ Кириллъ Транквилліонъ замѣчаетъ, что они изданы: его власными коштомъ и накладомъ"..., „Его власным стараням коштомъ и накладом"..., „его власнымъ коштомъ"...

Всѣ три изданія—труды свои Транквилліонъ посвящаетъ тѣмъ или другимъ вельможамъ, при чемъ помѣщаетъ „епиграмматы" на ихъ гербы.

2-ва первыя изданія—труды свои Транквилліонъ посвящаетъ въ различныхъ экземплярахъ различнымъ лицамъ.

ществованія почаевской монастырской типографіи вплоть до 30-хъ годовъ XVII в. не существуетъ, то—полагаемъ—мы вправѣ будемъ положительно утверждать, что монастырская почаевская типографія основана лишь въ 30-хъ годахъ XVIII в. Къ опровerженію показаній о книгахъ, изданныхъ будто бы въ почаевскомъ монастырѣ раньше указаннаго времени—теперь и обратимся.

3 (*2*). Свящ. Барановскій не указываетъ, откуда заимствовалъ свѣдѣніе объ изданіи въ почаевск. мон. въ 1618 г. Цвѣтника; но вся статья его о поч. типогр. составлена, какъ мы говорили уже выше, по Архим. Амвросію. У Амвросія же (с. 53—54) заимствовано имъ и извѣстіе о цвѣтникѣ, но произвольно видоизмѣнено--дополнено: произвольно указанъ годъ его изданія.

Амвросій говоритъ (с. 53—54), что въ поч. мон. б—кѣ до уніи находились между прочимъ: „Цвѣтникъ святаго Дорофея, или поученіе инокамъ (печатанное въ почаевской обители, годъ изданія у Амвросія не указанъ), Зерцало Богословія Транквилліона (печатанное въ Почаевѣ въ 1618 году"). О. Барановскій сообщаетъ, что въ тип. почаев. м-ря напечатаны: „а) Зерцало Богословія... 1618 г...; б) Цвѣтникъ св. Дороѳея или поученіе инокамъ *въ томъ же г.*"...

Годъ выставленъ такимъ образомъ произвольно, по аналогіи съ извѣстнымъ автору годомъ изданія „Зерцала Богословіи".

О степени достовѣрности сообщенія архим. Амвросія будемъ говорить ниже, подъ № 22-мъ.

4 (*2-й*). Головацкій въ своемъ „Дополненіи при перечисленіи почаевскихъ изданій *всегда* [1]) указываетъ откуда заимствовалъ свѣдѣніе о той или другой книгѣ, исключая тѣхъ случаевъ, когда знаетъ объ изданіи лишь изъ „росписи" Петрушевича. Въ послѣднемъ случаѣ онъ *никогда* не указываетъ источника, разъ навсегда оговорившись въ предисловіи (с. 14), что статья эта служила ему „для пополненія списка книгъ почаевской печати".

[1]) Исключеніе (должно думать. недосмотръ) лишь: при № 168 ссылки нѣтъ, а д. стоять на Синод. б-ку „Списокъ" Барсукова, № 276.

При данной книгѣ (Жизни Іова, ок. 1614—21 г.) Головацкій никакихъ ссылокъ не дѣлаетъ,—слѣдовательно, уже a priori можно утверждать, что онъ знаетъ о ней изъ статьи Петрушевича (с. 172: № 3; см. у насъ въ „Указателѣ подъ № 10-мъ), но искажено. Петрушевичъ говоритъ: „безъ выхода, *вѣроятно* въ концѣ XVII вѣка *первоначально* напечатана“. Головацкій, замѣтивъ „безъ обозначенія года“, помѣстилъ *между книгами* 1614—21 гг., т. е. отнесъ къ $^1/_4$ XVII в. Получилась вопіющая нелѣпость. Пр. Іовъ † 28 окт. 1651 г., а житіе его напечатано еще до 1621 г., задолго до его смерти.

О смыслѣ и степени основательности замѣчанія Петрушевича скажемъ ниже подъ № 12-мъ (10).

5 (*2 в*, *г*, *д*+*2-е*). Авторъ самъ ссылается на с. 34-ю „Сказанія“ Амвросія. Свѣдѣнія отсюда, дѣйствительно, имъ и взяты, но, какъ и только что разобранныя, произвольно искажены. Амвросій пишетъ, что указанныя брошюры печатались въ почаев. типографіи „въ послѣдніе годы, предшествовавшіе порабощенію почаевскаго монастыря Уніятами“. Унію монастырь почаевскій принялъ, по мнѣнію архим. Амвросія „въ началѣ 3-го десятилѣтія XVIII вѣка“. Слѣдовательно, указанныя брошюры печатаны въ мон. тип. ок. 1720 г. (по Амвросію). Хойнацкій произвольно отнесъ печатаніе большинства ихъ ко времени пр. Іова, а изданіе „антифоновъ“ преп. Іову—ко времени по смерти преподобнаго, не указывая этого времени точнѣе.

Сообщенія Амвросія и ссылки его на „Арх. поч. лавры Дѣло № 95-й разберемъ ниже.

6 (*3*). Извѣстіе о Минеѣ Общей почаев. изд. 1645 г., хранящейся будто бы въ б-кѣ Волын. Дух. Сем. подъ № 606-мъ, объясняется недосмотромъ. Въ б-кѣ сем. подъ указаннымъ № хранится раскольничья перепечатка, въ почаев. тип., *безъ обозначенія года*, съ московскаго *изданія 1645 г.* (въ л., л. 4+270. Послѣсловіе на л. 269—270-мъ). Въ ней, въ концѣ послѣсловія, говорится (л. 270 об.): „Сія стая и бгодохновенная книга минѣя общая, напечатася съ вышеозначеннаго переводу во всемъ согласно, в типографіи почаевской“. Этими словами по-

слѣсловіе заканчивается. Годъ изданія такимъ образомъ не указанъ. Выше въ послѣсловіи (перепечаткѣ послѣсловія 1645 г.) читаемъ (л. 269 об.): „И повелѣ въ бгохранимомъ и цртвующемъ своемъ градѣ *Москвѣ*, в дѣло произвести и печатати сію бгодхновенную книгу минѣю общую"...; а на л. 270: „Начата бысть печатати... В лѣто седмь тысящъ, 152-го мсца іюня, въ 5, днь... Совершена же бысть в лѣто 7153-го, мсца февраля, во 2 днь". (Нач. 1644 г. юня 5-го, соверш. 1645-го февр. 2-го).— Составитель каталога, по недосмотру, принялъ такимъ образомъ годъ изданія экземпляра, съ котораго печатана книга, за годъ изданія данной книги. Въ дѣйствительности же данная книга могла быть напечатана въ Почаевѣ лишь въ послѣдней $^1/_4$-ти XVIII в., когда выходили здѣсь раскольничьи изданія.

7 (4). Объ изданіи „Liturgiarion'a... Tretie typom ...w Obiteli Poczaiewskiey r. 1655", отмѣченномъ Бандтке, вѣрный отзывъ далъ уже Зубрицкій, сказавъ: „Musi tam bydz ҂аѱнє a nie ҂ахнє, to jest 1755". Неоспоримымъ доказательствомъ справедливости догадки Зубрицкаго можетъ служить сравненіе заглавія Литургіаріона 1755 г. съ приведеннымъ нами выше заглавіемъ Liturgiarion'a 1655 (будто бы) года. Служебникъ 1755 г. (въ л.: 8+354+10 л.; экз. есть въ Синод. б-кѣ,—см. Барсуковъ № 175) озаглавленъ.

„Леітеургіаріонъ или служебникъ содержитъ в себѣ по чину ст: Восточныя Церкве Литргіи иже во ст: оцъ ншихъ Іоанна Златоустаго, Василіа великаго и Григоріа Двоеслова, съ службами Ндлными праздничными и общими Третіе тѵпомъ издается въ Обители Почаевской. Року 1755".

Тождество обоихъ заглавій—очевидно. Лишь одно слово у Бандтке передано иначе: „Недѣлными"—„Hospodnymi"; да годъ выставленъ 1655-й. Но чтеніе „Hospodnymi" объясняется, можно думать, простымъ недосмотромъ. Списывавшаго заглавіе спутало титлованное начертаніе слова „Н҃дѣлными", а можетъ быть начало словъ въ экз. б-ки Оссолинскихъ стерлось.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы въ первый разъ имѣемъ дѣло съ мнимымъ Почаевскимъ изданіемъ до уніи, явившимся вслѣдствіе недосмотра при чтеніи года изданія, чте-

нія въ данномъ случаѣ „Х“ (600) тамъ, гдѣ стоитъ „ѱ“ (700). Съ никогда не существовавшими Почаевскими изданіями, явившимися вслѣдствіе подобныхъ недосмотровъ, мы встрѣтимся ниже еще много разъ (см. въ „Указателѣ“ №№ 5, 6, 8, 14; стр. 23, 24=въ данной главѣ №№ 8, 18, 10, 21; 18).

Таково, напримѣръ и происхожденіе извѣстій Хойнацкаго объ „Октоихѣ... Року Божія 1674-го“ и Молитвословѣ ....по экземпляремъ изданнымъ лѣта 1676-го“.

Въ обоихъ случаяхъ—простая опечатка (или описка).

8 (*5*). „Октоихъ“ не могъ быть изданнымъ до уніи уже потому, что прямо названъ у Хойнацкаго уніатскимъ. Время изданія его приблизительно видно уже изъ упоминанія въ заглавіи, приводимомъ Хойнацкимъ, что изданъ онъ „за державы великаго короля Станислава Августа, благословеніемъ ...Сильвестра Лубіеніецкаго-Руднѣцкаго“. Точнѣе—это изданіе 1774-го года (въ л.), экз. котораго можно найти въ Спб. Публичной (Бычковъ, № 72) и Москов. Синодальной (Барсуковъ, № 233) б-кахъ.

(*6*). О „Молитвословѣ“ будто бы 1676 г. мы, чтобы не повторяться, будемъ говорить ниже подъ № 18-мъ (23), при разборѣ перепечатки съ него 1720 г.

9 (*7*). Объ изданіи въ Почаевѣ въ 1679 г. „Зерцала Богословіи“ (2-мъ изданіемъ) находимъ упоминаніе у 3-хъ лицъ: м. Евгенія, А. Артемьева и проф. Огоновскаго. Ни одинъ изъ нихъ не указываетъ, откуда почерпнулъ свѣдѣніе о немъ. Но сличеніе показаній ихъ между собою приводитъ къ несомнѣнному выводу, что Артемьевъ и Огоновскій заимствовали у м. Евгенія. Всѣ три данныхъ автора говорятъ о 3-хъ изданіяхъ Зерцала Богословія, изданіяхъ однихъ и тѣхъ же (Почаев. 1618 и 1679 гг. и Кіевск. 1696 г.) въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ (Ср. выше). О двухъ послѣднихъ изданіяхъ (*Поч.* 1679 и *Кіевск.* 1696 г. говорятъ притомъ только они и никто больше. И такъ объ изданіи въ Почаевѣ въ 1679 г. Зерцало Богословія извѣстно изъ „Словаря“ м. Евгенія. Насколько показаніе его заслуживаетъ довѣрія?

О данномъ изданія (+Кіев. 1696 г.) говоритъ *только* м. Евгеній, а слѣдовательно существованіе изданія уже по этому

крайне сомнительно. Невѣрность многихъ библіографическихъ показаній м. Евгенія—внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ, въ томъ же очеркѣ жизни Кирилла Ставровецкаго (т. II, с. 361—2=т. I, с. 335—6) авторъ говоритъ въ 1-мъ изд. „Словаря"—о напечатаніи Еванг. Учит. (соч. Кир. Транквилліона) въ Кіевѣ въ 1662 г. и въ Москвѣ въ 1629-мъ. Во 2-мъ изд. „Словаря" оба эти изданія опускаетъ, но прибавилъ Рохмановское изданіе 1608 г. Во обоихъ изданіяхъ „Словаря" одна и та же книга („Перло многоцѣнное") показана подъ двумя названіями, какъ двѣ особыя книги.

Такова достовѣрность вообще показаній м. Евгенія. Не считаемъ возможнымъ считать болѣе достовѣрнымъ и извѣстіе его о данномъ изданіи [1]).

---

[1]) Позволимъ себѣ высказать догадку о возможномъ пути происхожденія ложнаго извѣстія объ изд. Зерц. Богосл. въ 1669 г. въ Почаевѣ. Здѣсь же кстати представимъ нѣсколько соображеній и вообще объ указываемыхъ библіографами изданіяхъ «Зерцала Богословіи».

Въ библіографіи извѣстны 7 изданій «З. Б.», не считая изданія 1-го (въ 1618 г. въ Почаевѣ):

1. Въ Уневскомъ м-рѣ 1679 г., 4° Сопик. I, 388, а за нимъ: Сахар. 747 и Ундол. 931.

2. Въ Почаевск. м. 1679 г., 4°. Евгеній, II, с. 361 (=т. I., с. 355) *(больше никто)*.

3. Въ Унев. м. 1692, 4°: 5+99 к. Находится во многихъ б—кахъ (перечень ихъ см. у Ундол.). Сопик. I, 389. Толст. 184. Акад. Н. 258. Тир. 150. Царск. 220. Сахар. 897. Кастер. 531. «Обзоръ» Филарета с. 188. Унд. № 1127.

4. 1695 г., 4°. Соп. I, 390 (безъ упом. о мѣстѣ изд., глухо: «Тожь, новаго изданія; 1695—въ 4»), а за нимъ (?), но съ указ. въ Уневѣ»: Толст. *при* 184, Сахар. 937, Унд. 1187, съ добавкой: «5+99» (откуда?)

5. Въ Уневѣ 1696, 4°. Нах. въ Публ. б—кѣ (по Ундол.) Сахар. 945. Максимовичъ. Ундол. 1188.

6. Въ Кіевѣ 1696, 4°. Евгеній II, 361 (=I, 355) *(больше никто)*.

7. Въ Почаевѣ въ 1790 г. Въ Публ. Б. Въ б—кѣ Волын. Дух. Сем. Впервые—въ Каталогѣ Дымета: 15. Петруш. 99. Хойнацкій—«Унія», с. 37. Бычк. 103. Кат. Волын. С. 218.

10. (*8*). Что сказать объ отмѣченномъ Головацкимъ Почаевск. изд. 1682 г. Канонника (на 104 л. 12°), имѣющемся будто бы въ Вилен. Публ. Б—кѣ?

Итакъ о 2-хъ изданіяхъ (№№ 2 и 6) знаетъ лишь м. Евгеній и больше никто, при чемъ оба эти изданія такихъ годовъ (1679 и 1696), въ которые издано «З. Б.» и по свѣдѣніямъ другихъ библіографовъ (см. №№ 1 и 5), но не въ тѣхъ типографіяхъ. (У Евгенія—Почаевъ и Кіевъ, у другихъ—Уневъ).

Изъ остальныхъ изданій (кромѣ №№ 2 и 6) лишь два изданія: Уневское 1692 г. (№ 3) и Почаевское 1790 г. находятся въ нѣсколькихъ б—кахъ. Изданія: Уневское 1679 и (Уневское?) 1695 г. въ извѣстныхъ б—кахъ не обрѣтаются и извѣстны, повидимому, лишь по Сопикову. Унев. изд. 1696 г. отмѣчено у Ундол. находящимся въ Публ. Б—кѣ.

Мы склонны думать, что въ дѣйствительности существуютъ лишь изданія: Уневское 1692 (6?) и Почаевское 1790 г. (№№ 3 и 7). А всѣ остальныя—миѳъ [1]).

Въ видѣнномъ нами экзем. (Московской Дух. Акад.: Старопечат. Москов. Синод. Б—ка № 159.) «Зерц. Богосл.» Унев. изд. 1692 (6?) г. послѣдняя цифра (2—6?, т. е. буквы «к—ѕ?») напечатана на столько неясно, что можетъ быть принимаема за «к» за «ѕ» и за «е». (На нашъ взглядъ—*скорѣе всего* за «ѕ» Помѣчая данное изданіе 1692-мъ годомъ, мы слѣдуемъ лишь обычному чтенію). Этимъ и объясняются на нашъ взглядъ извѣстія о 3-хъ будто бы Уневскихъ изданіяхъ 1692, 1695 и 1696 г., (со ссылкой при послѣднемъ изданіи на экз. Публ. Б—ки). Говорили о томъ или другомъ изданіи, смотря по тому, за какую букву принимали послѣднюю цифру въ датѣ года.

Кіевское изд. 1696 г. возникло на нашъ взглядъ такъ-же, какъ въ рукоп. каталогѣ Московск. Дух. Академіи—*Виленское* 1692 г. (Въ указан. каталогѣ ошибочно помѣчено «Вильна, 1692» при описаніи упомянутаго нами экзем. Уневск. изд. 1692 (6?) г.).

---

[1]) Еп. Іосифъ Шумлянскій, въ своей „Метрикѣ“ (Львовъ, 1687 г.) упоминаетъ объ изданныхъ имъ въ 1680 г. „Зерцалѣ“ или „Звѣрцадлѣ“ (см. „Кіев. Стар.“ т. 33, 1891 г. № 6; с. 355). Въ послѣднемъ нельзя видѣть новое изданіе „Зерцал. Богосл.“ Транквилліона „Звѣрцадло“ Шумлянскаго особая книга: „Зерцало до презрѣнія и латвѣйшаго зрозумѣнія вѣры святой Уневъ 1680 г.; 4°: 2+63 л. См. Ундол. № 959).

Въ библіографіи извѣстно лишь одно Почаевское изданіе Кононника (начинающіеся Скитскимъ показаніемъ) *на 104 л.* Это именно изданіе 1782 г. 8° (см. Отчетъ Рум. Мз. за 1873—5 г., с. 37). Доля листа какъ не вполнѣ поддающаяся точному опредѣленію по глазомѣру, нерѣдко различными лицами указывается не одинаково. 8° min=12, 12=16°...). Такъ у Геннади (Словарь т. II), данномъ же изданіи глухо замѣчено: „Кононикъ“, Поч. 782, *12°*“, со ссылкой на экз. Сах.

Остаются еще такимъ образомъ Почаев. изд. 1679 г. и Унев. того же 1679 г. Какимъ образомъ эти появились?

Въ качествѣ предположенія можно замѣтить слѣдующее:

Почаевское изданіе 1790 г. было впервые указано лишь въ 60 годахъ текущаго вѣка.

О Почаевск. изд. 1679 г. у м. Евгенія сказано: «Зерцало Богословіи напечатано въ первый и *второй разъ* 1618 *и 1679 г.* въ Почаевскомъ монастырѣ, а въ третій разъ 1696 г. въ Кіевѣ, всѣ въ 4 д. л».

Объ Уневск. 1679 г. у Сопикова замѣчено: «Тожь (Зерцало Богословіи), *изданіе второе*; въ Уневскомъ монастырѣ, 1679—въ 4. Тожь *нов.* изданіе тамъ же; 1692—въ 4. Тожь *новаго* изданія; 1695—въ 4.

(Подчеркиваемъ у м. Евгенія: «второй разъ», а Сопикова слова: «изданіе второе»).

Въ изданіи 1692 (6) г. *не указано*, которымъ изданіемъ выходитъ книга.

Въ изданіи 1790 г. замѣчено, что книга «паки *второе* на желаніе многихъ издася въ обители Почаевской чина св. Василія Великаго».

Въ годахъ 1679 и 1790 большинство цифръ—однѣ и тѣже (1+79).

Не былъ ли путь происхожденія извѣстій о Почаев. и Уневск. изд. 1679 г. таковъ:

Должно было написать: Зерцало Богословіи, изданіе второе; въ Почаевскомъ м., *1790*—въ 4.

Написано:... «*1679*—въ 4».

Впослѣдствіи вмѣсто въ Почаевскомъ поставлено и въ Уневскомъ какъ въ Кат. Москов. Дух. Академ. «Вильна» вм. «Уневъ».

Какъ бы то ни было, въ существованіи другихъ изд. «Зерцал. Бог., кромѣ Почаев. 1618, Уневъ 1692 (6?) и Поч. 1790-го года, мы повѣримъ лишь тогда, когда намъ укажутъ: гдѣ именно хранятся экземпляры ихъ.

Публ. Б—ки. Экз. Кононника, отмѣченнаго Головацкимъ изданнымъ въ 1682 г., и есть несомнѣнно изданіе 1782 г. (Провѣрить нетрудно на мѣстѣ въ Вилен. Публ. Б—кѣ). Въ 1874 г. „книга" (т. е. изд. 1782 г., на 104 л.) дѣйствительно была еще „библіографамъ извѣстна". Головацкій допустилъ знакомую уже намъ неточность въ обозначеніи столѣтія: 1682 вм. 1782.

11. (*9*). „Слово въ нед. мясопустную" Іпполита папы поставлено Головацкимъ между книгами 1694 г. совершенно произвольно: Узналъ авторъ о книгѣ изъ „Histor. literat. polck." Wiszniewskiego (t. VIII, str. 431), на которую и сдѣлалъ ссылку. Но Вишневскій, отмѣтивъ, что изданіе „b. r", (=bez rocu), ни слова не говоритъ о томъ, когда издана книга, а самое извѣстіе о ней заимствовалъ у Сопикова.

Сопиковъ т. I, № 409:	Wiszniewski, t. VIII, s. 431:
Ипполита (св. Священно-мученика) Папы Римскаго, слово въ недѣлю Мясопустную; издано Старообрядцами; въ Почаевѣ въ 4. Безъ означенія года.	Swiaszczennyko-muczennika Ipolita Papy Rymskaho, Słowo w niedielu miasopustnuju, izdano staroobrazcami w Poczajowie. b. r. 4.

Издано „Слово" въ Почаевѣ—„*старообрядцами*": (Житіе блаженнаго Отца Нашего Іова Желѣза) въ послѣдней четверти *XVIII* в.

12. (*10*). Свѣдѣнія объ изданіи въ Почаевѣ Житія Іова уже въ концѣ XVII в. сообщено Петрушевичемъ лишь въ формѣ догадки—предположенія. Зная лишь изд.: „Житіе блажен. Отца нашего Іова Желѣза, Игумена св. чудотворныя общежительныя Лавры Почаевскія, отъ Іеромонаха Домникія ученика его списана, по немъ игумена бывшаго тояжде св. обители („въ 8 д. л.", (печатанное) „безъ показанія мѣста изданія и года выхода" (Петрушев. с. 177),—Петрушевичъ на с. 172-й и 164-й высказываетъ лишь предположеніе, что житіе это начали печатать въ Почаевѣ, *вѣроятно*, уже съ конца XVII-го вѣка. Таковъ смыслъ словъ автора: „*вѣроятно* въ концѣ XVII вѣка *первоначально* напечатана". (Авторъ очевидно не видѣлъ даннаго изданія. Замѣчено и въ 8 д. л. безъ выхода" лишь по аналогіи съ извѣстнымъ изданіемъ „Житія"). Догадка Петруше-

шевича, при вѣрѣ въ существованіе въ Почаевѣ въ концѣ XVII в. типографіи и въ виду популярности пр. Іова, не могла не казаться весьма вѣроятною; но будучи только догадкой, а не сообщеніемъ факта, въ виду отсутствія данныхъ въ пользу существованія типографіи въ Почаевѣ въ данное время, должна быть признана совершенно невѣроятной.

13 (11). Утвержденіе Вишневскаго, будто бы въ Почаевѣ въ концѣ XVII-го вѣка часто печатали славянскія книги шрифтомъ латинскимъ (t. VIII, str. 411—2) не подтверждено у автора ни однимъ примѣромъ. Сказавъ, что такія изданія выходили „w Wilnie u ś. Trójcy *i w Poczajowie* przy końcu siedmnastego wieku", Вишневскій указалъ далѣе лишь одно такого рода изданіе—*Виленское* 1671 г. Замѣчаніе о Почаевѣ является, такимъ образомъ, бездоказательнымъ и сдѣлано, приходится думать, подъ вліяніемъ свѣдѣній о существованіи такого рода Почаевскихъ изданій XVIII-го вѣка.

14—18. (*12—13*, *16—21*, *23—24*). Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію цѣлаго ряда почаевскихъ изданій 1700—1720 г.г., указанныхъ Дыметомъ и Петрушевичемъ, а за ними большею частью повторенныхъ [1]) Головацкимъ (№№ 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24).—Указанія Ровинскаго (№№ 14 и 15) и Хойнацкаго (№ 22 и *при* 23-мъ), для большей систематичности въ обозрѣніи, пока опустимъ.

14 (*12*, *18*). Дыметомъ указано 2 изданія: „Молитвенникъ" (=Требникъ) 1700 г. (№ 12) и „Акаѳисты" 1708 г. (№ 18). Оба указанія повторены Головацкимъ (№№ 45 и 48). Петрушевичъ въ статьѣ 1863 г. говоритъ *лишь* о „Молитвенникѣ" 1700 г., но въ 1887 г. не упомянулъ даже и о немъ.

Уже молчанія Петрушевича сперва объ одномъ, а потомъ и объ обоихъ данныхъ изданіяхъ, указанныхъ Дыметомъ,—вполнѣ

[1]) Что Головацкій лишь *повторялъ* указанія Дымета и Петрушевича, а не руководился какими либо новыми данными, доказывается слѣдующимъ:

а) При повтореніи указаній Дымета, Головацкій прямо ссылается на послѣдняго;

б) При повтореніи указаній Петрушевича, источникъ не указывается; а слѣдовательно (см. выше)—взяты у Петрушевича;

в) Форма сообщеній—одинакова.

достаточно для того, чтобы усомниться въ ихъ существованіи. Каталогомъ Дымета Петрушевичъ воспользовался въ своемъ трудѣ *вполнѣ* (объ одномъ исключеніи — недосмотрѣ будетъ сказано ниже). Объяснить, слѣдовательно, пропускъ простымъ недосмотромъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Гораздо вѣроятнѣе другое предположеніе, что Петрушевичъ лично убѣдился въ невѣрности сперва одного, а потомъ и обоихъ (данныхъ) указаній Дымета. (Торговля Дымета находилась во Львовѣ).

Что данныхъ изданій никогда не существовало, можно доказать и другими соображеніями.

У Дымета въ Каталогѣ указаны книги исключительно позднѣйшихъ изданій; что и естественно, такъ какъ закупилъ онъ, въ православной уже Почаевской Лаврѣ, оставшіяся отъ уніатовъ *нераспроданныя* изданія. А могли бы оставаться нераспроданными изданія начала XVIII в., притомъ такихъ распространенныхъ книгъ, какъ Акаѳисты и Требникъ?

Что касается № 12-го: „Молитвенникъ—умилителная нѣкая пѣнія и молитвы найпаче злоключеніемъ различнымъ прислу*жа*щая, отъ великаго Требника взятыя“ 1700 г. W°. 11¼ тетрадей, то это должно думать изданіе 1770 г., отмѣченное Петрушевичемъ (№ 43: 16°; повтор. Головацк.: № 115), Хойнацкимъ (Унія с. 37-я и 222-я: 8°) и въ Отчетѣ Спб. П. Б—ки за 1883-й г., с. 217 (8°: 2+84 л). У Хойнацкаго приведено и заглавіе—тождественное съ помѣщеннымъ у Дымета: „Молитвенникъ умилительныя нѣкая пѣнія и молитвы, наипаче злоключеніямъ различнымъ прислу*шаю*щая.... отъ великаго требника изъятыя“.

Въ данномъ ошибочномъ показаніи мы встрѣчаемся такимъ образомъ съ первымъ случаемъ *выпаденія* цифры долженствовавшей обозначать десятки.

15—18 (*13*, *16—17*, *19—21*, *23—24*). Извѣстія Петрушевича о почаевскихъ изданіяхъ 1700—20-хъ г.г. распадаются на двѣ группы: а) на повторенныя и въ 1887 г. (№№ 19, 21, 23 и 24: всѣ повторены и Головацкимъ), б) на помѣщенныя въ 1863 г. но въ 1887 г. опущенныя (№№ 13, 16, 17 и 20). Изъ послѣднихъ Головацкимъ названы лишь №№ 16 и 20.

15 (*13*, *16*, *17 и 20*). Такимъ образомъ въ существованіе почаевскихъ изданій: „Приложеніе.... къ Уставу церковному“ 1700 г. и Величанія 1704 г. не вѣритъ (въ 1887 г.) не только Петрушевичъ, но и Головацкій (еще въ 1874 г.).

Не вѣритъ Петрушевичъ въ 1887 г. и въ существованіе „Трефологіона“ 1704 г. и Евангелія Страстн. 1709 г.

Отмѣчаются лишь изданія: „Послѣдовавшіе постригу свою“ 1708 г., „Алфавитъ духовный“ 1710 г., „Молитвословы“ большой и средній 1720 г.

Считаемъ излишнимъ долго останавливаться на тѣхъ мнимыхъ Почаевскихъ изданіяхъ, которыя забыты впослѣдствіи и самимъ авторомъ ихъ. Три изъ нихъ явились, вѣроятно, вслѣдствіе выпаденія цифры, долженствовавшей обозначить десятки. Трефологіонъ 1704 г.=можетъ быть 1784, Величанія 1704=м. б. 1774, Евангеліе Страстн. 1709=м. б. 1759. „Приложеніе.... къ Уставу церковному“, будучи „безъ означенія мѣста печати“. напетано не въ Почаевѣ.

Перейдемъ теперь къ подробному разбору изданій, отстаиваемыхъ Петрушевичемъ и постараемся доказать ихъ ошибочность и указать источникъ.

16. (*19*). Въ библіографіи извѣстно лишь одно Почаевское изданіе „Послѣдованія постригу двою“—изданіе 1750 г. (Петрушев. № 19, а за нимъ Головацкій № 76; Отчетъ Рум. Муз. за 1870—2 г., с. 59). Это изданіе и послужило, должно думать, поводомъ къ ошибкѣ. Ошибка въ неправильномъ чтеніи послѣдней цифры въ годѣ изданія: ҂аѱн прочтено ҂аѱи: смѣшаны буквы н (50) и и (8).

17 (*20*). Въ 1710 г. изданіе „Алфавита духовнаго“ дѣйствительно вышло и притомъ изданіе именно первое, но не въ Почаевѣ, а въ Кіевѣ, какъ это хорошо извѣстно библіографамъ (см. „Очеркъ“ Ундольскаго, № 1467). Между тѣмъ Петрушевичъ (вь 1887 г.) о Кіевскомъ изданіи Алфавита въ 1710 г. не говоритъ ни слова.

18 (*23 и 24*). О молитвословахъ 1720 г. Петрушевичъ сообщаетъ слѣдующее:

„1720. Молитвословъ въ 8 д. л. (большій 70½ листовъ)“.

„1720. Молитвословъ въ 8 д. л. (середній 54 *листа*)“.

Какъ мы говорили уже выше, Петрушевичъ воспользовался каталогомъ Дымета вполнѣ, кромѣ показанія объ „Акаѳістахъ“ 1708 г. и еще одного. Вотъ это послѣднее показаніе:

„Молитвословъ. Въ немже чинъ... съ мѣсяцословомъ 1820. VIII. (=8° (70½) „листовъ“=тетрадей)“.

Таковый же 1820. VIII. 54 („листовъ“=тетрадей)“.

Эти два изданія Молитвослова 1820 г. 8° у Петрушевича въ „Спискѣ“ не упомянуты.

Сличивъ два изданія Молитвослова 1820 г., указанныхъ у Дымета, съ изданіями 1720 г. у Петрушевича,—увидимъ, что сколько у Дымета „листовъ“—*тетрадей* въ его Молитвословахъ, сколько въ изданіяхъ Петрушевича „листовъ“—*листковъ*: 70½ (даже съ половиною), 54.—Изданія 1720 г.—ничто иное такимъ образомъ, какъ изданія 1820 г.

18. (*23+6*). Съ тѣмъ же, (что у Петрушевича), невѣрнымъ обозначеніемъ столѣтія говоритъ о большомъ Молитвословѣ 1720 г. и Хойнацкій („Унія“, с. 391, 412: прим. 1-е. Въ примѣч. 2-мъ и 3-мъ на ст. 412 и на с. 37-й—правильно: 1820 г.), но при этомъ допустилъ еще и другую ошибку: приводя заглавіе, писалъ: „Молитвословъ... по экземплярамъ изданнымъ лѣта 1676, типомъ изданъ въ монастырѣ почаевскомъ... лѣта... 1720“. Здѣсь та же ошибка въ столѣтіи: 1676 вм. ҂аѱо҃ѕ. Почаевское изданіе 1776 г. служило образцомъ для всѣхъ вообще послѣдующихъ почаевскихъ изданій, что и отмѣчалось на заглавномъ листѣ. Въ заглавіи изданія 1793-го года (напримѣръ)—говорится: „по экземпляремъ изданнымъ лѣта ҂аѱо҃ѕ.

19 (*22*). Опечаткой (или опиской) въ указаніи года изданія (въ десяткахъ) экземпляра, съ котораго напечатано данное изданіе,—объясняется и упоминаніе Хойнацкаго въ двухъ его сочиненіяхъ о Тріоди Цвѣтной почаев. изд. 1717 г. Въ заглавіи изданія Тр. Цв. 1786 г. (экз. можно найти въ Синод. б—кѣ) говорится, что книга напечатана была въ данномъ (исправленномъ) видѣ „первѣе 1767 года“. Хойнацкій напечаталъ („Унія“, с. 399): „первѣе 1717 года“.

О другихъ почаевскихъ изданіяхъ Тріоди Цвѣтной Хойнацкій вовсе не зналъ, а потому, когда ему сдѣлали замѣчанія о первомъ (до исправленія) почаевск. изд. Тр. Цв., 1747 г., понялъ, что рѣчь идетъ о 1-мъ исправленномъ изданіи 1767 г., или—какъ у него неправильно было записано—1717 г.; а потому и написалъ: „Тріоди перваго (Почаевскаго) изданія 1717 года, по замѣчанію о. Валеріана, скудно объяснены (въ нашей книгѣ)“.

20 (*30*). Утвержденіе архим. Амвросія и о. Хойнацкаго, что книга „Гора Почаевская“, какъ „въ ней же говорится“, (или „по сознанію самихъ же уніятовъ)“, первоначально была напечатана православными и уніятами „перепечатана изъ прежней подобной книги, которая, какъ напечатанная во время прежде существовавшаго въ этомъ монастырѣ Православія, вѣроятно, уничтожена Базиліанами“,—утвержденіе это основано на недоразумѣніи. Архим. Амвросій и о. Хойнацкій въ подтвержденіе своихъ словъ ссылаются на изд. „Горы Почаевской“ 1772-го (Амвросій) и 1793 (Хойнацкій) годовъ; при чемъ послѣдній весьма опредѣленно замѣчаетъ: „Смот. въ началѣ книги одобреніе къ напечатанію ея отъ Сильвестра Лубенецкаго, Рудницкаго еписк. Луцкаго и Острожскаго“.

Послѣдуемъ совѣту о. Хойнацкаго.

Въ изд. „Горы Почаевской“ 1772 г., на оборотѣ заглавнаго листа помѣщено слѣдующее цензурное разрѣшеніе епископа Сильвестра:

„Книжицу надписаніе имущую: Гора Почаевская и проч.: *прежде уже напечатанную*, паки Тѵпомъ обновити съ приложеніемъ яже въ прочія лѣта содѣянныхъ Чудесъ и Блгодателей Престыя Двы Бцы, въ Іконѣ Почаевской Чудотворныя, блгословимъ и повелѣваемъ. Данъ въ обитаніи нашемъ Рожискомъ дня 24 іюнія 1772 года.

Сѵлвестеръ Епспъ. Р. В. (=рука властна)[1]).

---

[1]) По экз—у Румянц. Музея (изъ б—ки Ив. Лукашевича, № 1040-й).

Какъ видно изъ приведеннаго нами текста „аппробаціи“ (одобренія къ напечатанію), въ ней вовсе не говорится о печатаніи книги еще при православіи, а лишь указывается, что данное изданіе не первое—что книга издавалась уже.

Послѣднее говорятъ и библіографы, при чемъ сообщаютъ и годы предыдущихъ изданій: 1742 и 1757-й. (См. въ „Очеркѣ“ Ундольскаго, „Дополненія“ Бычкова, по экз. Спб. Публ. Б—ки: №№ 31 и 47).

21 (*14—15*). Разсмотримъ теперь опущенныя нами раньше показанія Ровинскаго о 2-хъ гравюрахъ „Почаевской работы“ 1702 г. и н. XVIII в.

(*14*). При описаніи гравюры будто-бы 1702 г., Ровинскій допускаетъ 2 ошибки—описки: во 1-хъ, въ имени гравера (*I. S.*) во 2-хъ, въ годѣ (*1702*). Подлинная доска данной гравюры хранится въ Ц.-Арх. Музеѣ при Кіев. Дух. Акад. (=гравиро доска Поч. лавры № 22; деревянная; по „Указателю“ музея № 14-й), но имя гравера на ней: „*T. S.*“, а годъ *1802*. „Буквами T. S. подписывался почаевскій граверъ к. XVIII—н. XIX в. Teodor Strzelbicki.—Что въ Музеѣ хранится подлинная доска именно данной гравюры, это видно изъ сличенія описаній: гравюры у Ровинскаго, доски—въ „Рос. Б—фіи“ и въ „Указателѣ“ Музея. У Ровинскаго: „гравюра на деревѣ, въ $1/_2$ листа“; по Рос. Б—фіи: доска деревянная, „2°“. У Ровинскаго: съ монограмою гравера внизу: „I. S. 1702“; по Рос. Б—фіи: „Гравировалъ T. S. „1802“; по Указателю „Іоаннъ Предтеча, Ѳеодора Стрельбицкаго 1802 г.“.

(*15*). Гравюру нач. XVIII в. (св. Николы Крупецкаго) Ровинскій произвольно отнесъ къ гравюрамъ „почаевской работы“. На самой гравюрѣ, какъ видно изъ описанія ея у Ровинскаго,—*ни мѣсто, ни время*, ни имя гравера—*не указано*. „Подлинная доска хранится, по словамъ Ровинскаго, въ *Кіево-печерской* лаврской типографіи“. Откуда же извѣстно, что гравюра „Почаевской работы“? и какъ гравированная доска Почаевской лавры попала въ Кіево-печерскую?

22 (*25—28*, *29*, *31*). Намъ остается лишь провѣрить ссылки архим. Амвросія и о. Хойнацкаго на документы Почаевскаго

лаврскаго архива; и тогда *всѣ* показанія о православныхъ почаевскихъ изданіяхъ XVII—¼ XVIII в. будутъ разсмотрѣны. Къ провѣркѣ этихъ ссылокъ мы и приступимъ [1]).

Ю. Тиховскій.

1891—1895 г.

[1]) Не имѣя въ настоящее время возможности воспользоваться документами Почаевскаго лаврскаго архива, обѣщаемъ сдѣлать это впослѣдствіи. А въ настоящее время ограничимся увѣреніемъ, что ссылки эти *несомнѣнно ошибочны*. Въ частности: брошюры ок. 1720 (будто бы) года изданы въ *уніатской* Почаевской типографіи отъ 1730 г. Цвѣтникъ Почаевской лаврской б—ки ок. 1720 г. показано Амвросіемъ изданнымъ въ Почаевѣ произвольно; печатаніе въ поч. *православной* типографіи разныхъ книгъ на славянскомъ, *латинскомъ и польскомъ* языкахъ создано Хойнацкимъ путемъ произвольнаго толкованія неопредѣленнаго выраженія („издавна“) въ позднѣйшихъ королевскихъ привилегіяхъ типографіи.

Языческій обычай въ Брацлавщинѣ „гоныты шуляка".

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ)

Этому обычаю меньше всего посчастливилось у насъ, потому что онъ сохранился едва только въ нѣсколькихъ уѣздахъ Брацлавщины, а именно: въ винницкомъ, литинскомъ, гайсинскомъ, а отчасти въ ямпольскомъ и брацлавскомъ, и то, кажется, не во всѣхъ селахъ, а спорадически, лишь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ церквей, или по крайней мѣрѣ, священниковъ, т. е. въ приписныхъ приходахъ, гдѣ некому было преслѣдовать его. Очевидно, духовенство съ особенной энергіей преслѣдовало этотъ обычай, какъ потому, что онъ праздновался въ первый день поста (Петровокъ), такъ и потому еще, что онъ слишкомъ напоминаетъ вакханалію древняго міра. М. С., авторъ статьи въ Под. Епарх. Вѣдом. за 1884 г. №№ 23 и 24 „Мѣстный народный праздникъ, именуемый „Розгри", съ негодованіемъ говоритъ: „и духовенство должно, наконецъ, вооружиться противъ безчинныхъ гульбищъ всѣми средствами; мы говоримъ: наконецъ, ибо не прискорбно ли, что этотъ, крайне выдающійся по своимъ безобразіямъ праздникъ на глазахъ духовенства продолжаетъ существовать и до настоящаго времени, какъ существовалъ въ темныя времена „Стоглава" и несомнѣнно существовалъ еще тогда, когда, по словамъ лѣтописца, обитатели Руси „живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьскы, и схожахуся на игрища, на плясаніе и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ". И дѣйствительно, духовенству удалось

вывести этотъ обычай во многихъ приходахъ, гдѣ слѣды его сохранились едва только въ шуляковыхъ пѣсняхъ; но во многихъ мѣстахъ народъ энергично защищаетъ свой обычай и сохранилъ его, хотя поступился ритуальными подробностями, почему праздникъ принялъ характеръ обыкновенной попойки въ корчмѣ съ пѣснями фривольнаго свойства, или шумная часть праздника перенесена въ лѣсъ.

Мнѣ разсказывалъ одинъ священникъ, что въ его приходѣ, въ литинскомъ уѣздѣ, были прихожанки безукоризненныхъ правилъ, скромныя, благочестивыя, почитавшія великимъ стыдомъ и грѣхомъ посѣщать корчму, но въ день „Шуляка" онѣ подъ вліяніемъ обычая и общественнаго мнѣнія принимали въ корчмѣ самое дѣятельное участіе въ праздникѣ „шуляка".

Такова сила обычая! Поэтому не удивительно, что этнографы почти не знаютъ объ обычаѣ гонять „шуляка", а если знаютъ, то очень немного и въ неясныхъ и неопредѣленныхъ чертахъ. Въ печати, мнѣ по крайней мѣрѣ, извѣстна только маленькая статья М. С., о которой я выше упомянулъ. Я уже года два стараюсь отыскать подробности этого обычая и самъ лично, и черезъ знакомыхъ, но не могу похвалиться удачей, потому что все то, что мнѣ удалось собрать, не представляетъ ничего цѣлаго: все отрывки и кусочки. И не удивительно, народъ не охотно показываетъ то, на что другія сословія смотрятъ съ негодованіемъ, какъ духовенство, или съ презрѣніемъ, какъ шляхетство, видя въ немъ хлопскіе „забобоны". Счастливая случайность дала возможность Г. А. В. записать полный ритуалъ этого праздника со словъ Ивана Лукіяныча Солодаря, жителя с. Бохоникъ, винницкаго уѣзда. Поэтому это даетъ мнѣ въ свою очередь возможность познакомить читателя „Кіевской Старины" съ имѣющимся у меня матеріаломъ объ обычаѣ у насъ гонять „шуляка"; но такъ какъ мой матеріалъ не великъ и не можетъ претендовать на то, чтобы исчерпать предметъ во всемъ его объемѣ, то во мнѣ рождается надежда, что моя замѣтка вызоветъ, быть можетъ, цѣлый рядъ новыхъ записей, поправокъ и дополненій.—

Въ первый день Петровокъ бабы, вставши рано, собираютъ провизію, какую считаютъ нужнымъ взять для приготовленія общаго угощенія на празднествѣ „Шуляка". Затѣмъ каждая изъ нихъ въ своемъ дворѣ бьетъ курицу хворостиной и наблюдаетъ, если курица при этомъ экспериментѣ подскакиваетъ и не пугается, то это признается хорошей „примѣтой", наоборотъ, присѣвшая курица, смирная при этой операціи, являетъ несомнѣнный признакъ неудачъ въ бабьемъ хозяйствѣ. Скотъ выгоняетъ хозяйка лично въ „череду", строго приказывая пастуху смотрѣть за чередой, такъ какъ сегодня бабій праздникъ и имъ не до скота. Отъ череды бабы идуть группами въ 6—15 особъ, каждая группа отправляется на свою улицу или огородъ сосѣдки, мѣсто будущаго празднества. Выборъ мѣста обусловливался тѣнью и водой. Поэтому раскидистыя вѣтви вербы, неразлучной спутницы воды, чаще всего, или почти всегда служатъ куполомъ храма шуляковскаго празднества. Случается, что группа изъ такого кутка или улицы, гдѣ нѣтъ ни воды, ни вербы, словомъ—на возвышенной части села, тогда бабы учинятъ маленькій подвохъ въ праздничномъ ритуалѣ. Двѣ ловкія бабы вооружаются заступами и копаютъ яму, а двѣ другія носятъ воду, и лужа готова; вишенька преисправно исполняетъ обязанность вербы; главное только условіе, чтобы остальные члены группы игнорировали затѣи подруги; и онѣ, дѣйствительно, во все время кажутъ видъ, что не замѣчаютъ продѣлокъ работницъ. Когда, такимъ образомъ, мѣсто выбрано или приготовлено, бабы тогда сообща дѣлаютъ изъ платковъ шуляка, приставивъ ему клювъ и ноги изъ прутиковъ, обвернутыхъ тряпками. Шапка ему дѣлается изъ пяти платковъ, а на спину кладется каптуръ (очипокъ, чепець) въ видѣ сѣдла. Готоваго шуляка сажаютъ на разостланный платокъ, по угламъ котораго насыпаны кучки зеренъ: просо, овесъ, жито, конопляное сѣмя и проч.; промежъ кучекъ зеренъ на срединѣ каждаго края платка разставлены: на 1-мъ хлѣбъ, на 2-мъ лукъ, на 3-мъ сыръ и на 4-мъ мясо. Усаживая куклу шуляка на платокъ, бабы поочередно поворачиваютъ ее клювомъ къ зернамъ, хлѣбу, луку и сыру, а останавливая ее передъ мясомъ, оставляютъ въ этомъ

положеніи. Затѣмъ всѣ бабы разсаживаются вокругъ шуляка и пьютъ водку, приговаривая къ нему: „Не дывысь на куры, а дывысь на падло". Не йды до курей, а иды до падла". Затѣмъ сидя-же поютъ:

Якъ задумавъ шулякъ
На старисть женытысь,
То захотивъ на весилля
Все птаство спросыты
Якъ вси наши гречии
Пришлы на весилля,
Якъ вся птаки прылетилы
Круки пришлы пишкы,
Зыма изъ морозомъ,
Драбенястымъ возомъ.
Прывезлы горилкы
Четыре барилки;
Горобци напылысь,
Снигиря побылы,
А вороны, стари жоны,
Коровай мисылы,
Свитылки сыныци,
Сыдятъ на полыци,
Якъ ридни сестрыци,
Индыкъ ходыть по хати,
Все вурку та вурку,
Сыдыть шулякъ на печи,
Журытся за курку:
„Якъ бы мени, курка,
То я зъивъ бы іи тутка,
Якъ бы мени ще й курча
То я бъ пишовъ го-ча-ча(?).
Лыпнувъ у виконце,—
Сыдыть пивень на воротахъ
Въ червоныхъ чоботахъ,
Шулякъ излякався,
Та въ курки спытався:
„Що то за такее
Дыво за малее,—
Сыдыть на воротяхъ
Въ червоныхъ чоботяхъ"?
Шулякъ розигнався
Въ одвирокъ загнався,
Якъ упавъ, зубы ставъ,
Та не спамятався.

Окончивъ пѣсню, бабы шумно поднимаются и пляшутъ „Метелыци“ вокругъ платка, припѣвая.

Ой кумцю, метелыця!
Чому Шулякъ не женытся?
Треба ложки, треба мыскы,
Треба няньки до колыскы и пр.

Утомленныя пляской бабы опять садятся и приготовляютъ изъ платковъ „мале шуляченя“; когда и шуляченя готово, двѣ изъ бабъ, изображая изъ себя птицъ, убаюкиваютъ „шуляченя“, а хоръ бабъ поетъ колыбельныя пѣсни:

Ходыть сонъ коло виконъ,
А дримота коло плота,
Пытаетця сонъ дримоты:
„Де мы будемъ ночоваты?
Де хатынка тепленька
Де дытынка мыленька,
Тамъ мы будемъ ночуваты
И дытыну колысаты.

Стоить дытя коло граба,
Іому спиваютъ: воно раде!
Ой, якъ же ты, дытя, раде,
Най спивае вся громада:
„Ой зъ лисочку на горбочку...

Третьей колыбельной пѣсни сообщающій не помнитъ, но её поютъ тихо, а къ концу пѣсни запѣвало поднимаетъ голосъ и будитъ „шуляченя“. Всѣ бабы, встревоженныя пробужденіемъ шуляченяты, поднимаютъ споръ о томъ, кто былъ причиною его пробужденія, а между тѣмъ, чтобъ успокоить шуляченка, тѣ изъ бабъ, которыя кормятъ еще ребятъ своимъ молокомъ, берутъ по очереди шуляченя и дѣлаютъ видъ, будто кормятъ его. Успокоеннаго малютку кладутъ подъ крыло старому шуляку, а сами опять пляшутъ „метелыцю“, припѣвая:

Ой гуляла рыба зъ ракомъ.
А петрушка съ пастернакомъ... и т. д.

Бросивъ танцы, бабы начинаютъ кривляться, жестикулировать, изображая изъ себя пьяныхъ, и подпѣваютъ:

Дай-же мени, Боже, недили дождаты,
Пиду я до роду гуляты.
Сюда-туда онъ-куда, до роду гуляты... и т. д.

Поихавъ мій мылый на ярмарокъ-ярмарій,
Купывъ мыни коралыки—
Ось воны на мени!
Щобъ я ему бровью моргала,
Щобъ я ему правду казала.
Я не хочу правду казаты
И не хочу бровью моргаты.
Поихавъ мій мылый на ярмарокъ, ярмарій
Купывъ мени хустыночку, ось она на мени! Щобъ я ему и пр.
Поихавъ мій мылый на ярмарокъ.
Купывъ мени спидныченьку.
Ось она на мени!
Щобъ я ему и пр.
Поихавъ мій мылый и пр.
Купывъ мыни чоботочки.
Ось оны на мени!
Щобъ и пр.
Уберусь я во всю збрую
И пиду я у фасолю!
Купы мылый парасолю.
Ты до проса, и я до проса,
А ты взутый, а я боса,
Цыть, старый, мовчы, старый!
И ты такій, и я така!
И вся наша родыионька такая,
Щобъ выпыты горилочки радая.

Послѣ этихъ двухъ пѣсенъ, бабы окружаютъ платокъ, на которомъ лежитъ шулякъ, и, загнувъ руки назадъ и покачиваясь, поютъ:

Зъ вечера въ недилю
Посію шальвію,
Черезъ люти морозеньки
Де ся я подію:
Въ двери не поспію,
Въ викно не посмію,
Бидна жъ моя головонька
Де ся я подію!
Ростуныся, сыра земля,
Черезъ тебе полизу!

Земля ростулылась,
Мыла сопьятылась.
Просты жъ мени, сыра земля,
Що я согришила тай передъ тобою
Черезъ тяжки вороженьки, черезъ лыху долю.
Ой умру я, умру,
Тай буду дывытысь,
Чы не буде мій мыленькій
За мною журытысь?
Мылый зажурывся,
Взявъ пидголывся.
Колыбъ взялы тило съ хаты,
То ябъ оженывся.
А мыла почула, тай заголосыла,
Нейдить, диты, въ службу,
Бо я еще жыва.

Затѣмъ опять всѣ бабы садятся вокругъ платка и поютъ пѣсню, которой сообщающій, къ прискорбію, не могъ припомнить; къ концу пѣсни всѣ вскакиваютъ; и та изъ бабъ, которая раньше поднимется, становится внѣ круга, а прочія вновь садятся и поютъ.

Е-жъ въ мене, кумцю,
Е-жъ въ мене, любцю,
На обори курочка съ рабенькими курченятками

Стоящей внѣ круга бабѣ говорятъ:

„А идитъ, кумо, въ нашу компанію".

А она имъ отвѣчаетъ пѣсней:

Ой не пиду, кумцю,
Ой не пиду, любцю,
Бо забере шулякъ
Мои курченята.

Подруги ей возражаютъ:

Якъ не пидешъ, кумцю, любцю,
То все таки курченята твои не будуть!
Мы сегодня Шуляченка свого спіймалы
Будь, кумцю, будь, любцю!
Будь же таки у насъ!
Дывить-но-ся, кумасеньки, голубоньки!
Шулякъ на мою обирку летыть,
Идитъ же-но помогайте,
Бо вже мою курочку ѣсть!
Ой збиглыся кумасеньки:

Шуляченька на обори нема!
А вже шуляченько ось де, межъ намы!
Добре, кумасенько, що вы мени сказалы,
А мы того шуляченька
Розирвемо на трое:
Тоби, кумцю, нижки,
Тоби головонька,
Мени середынка,
Гай, гай, гай!

При словахъ пѣсни: „А мы того шуляка" бабы разрываютъ Шуляка на части, а стоящая внѣ круга баба указываетъ, кому какая часть куклы должна достаться. Себѣ она беретъ голову съ шапкой изъ пяти платковъ; бабы платки выкупаютъ, платя по золотому. Собранная сумма идетъ на общую „учту". Поднимаясь съ мѣста, бабы перекидываются шуточками на счетъ своихъ отсутствующихъ мужей въ родѣ такой:—„Отце, кумо, де винъ у дитька оре и куды ему исты несты?" И эта часть празднества заканчивается пѣсней:

Ой пиду я лугомъ, та лугомъ,
Тамъ мій мылый оре плугомъ,
Понесу я ему исты,
Чы не скаже мени систы?
Понесу я ему пыты
Чы не буде говорыты?
А мій мылый наився, напывся,
Та по лузи покотывся.

Подъ звуки пѣсни подружки направляются къ искусственной или естественной лужѣ, въ которую насильно стараются ввести другъ дружку, но дѣло, обыкновенно, оканчивается выкупомъ,—только та изъ подругъ, которая рѣшительно не можетъ или не хочетъ дать выкупъ, дѣлается жертвой насилія, и ее садятъ въ лужу. При этой цереміи ей говорятъ: „Я тебе купаю, кумцю, въ водыци, а ты мене въ горильци!" Собранный такимъ образомъ выкупъ, пріобщается къ выкупу за платки и служитъ фондомъ для предстоящей пирушки. Здѣсь же, обыкновенно, большинствомъ голосовъ рѣшается, въ чьей хатѣ закончится праздникъ. Выборъ чаще всего падаетъ на ту хату, хозяйка которой отличается бойкостью и юркостью. Затѣмъ, какъ бы желая выразить честь будущей своей хозяйкѣ и началь-

ницѣ пира, подруги провожаютъ выбранную къ ея хатѣ съ пѣснями:

Якъ бы мени сяки-таки шкарбунци,
То ябъ вышла на улыцу у ночи,
То ябъ соби соловейка нашла,
То ябъ соби до здоровля дійшла
Хату месты, сины месты,
За телятами иты,
Колыбъ мени, Господы, Васыля найты!
И хлибъ въ печи допикаетця,
И Васыль пидъ викномъ дожыдаетця.
Не стій же пидъ викномъ,
Не махай рукавомъ.
Бо я рыбку сичу
И не маю часу.
Ой на гори ячмень,
А въ долыни жыто,
Въ чистимъ поли, край дороги,
Козаченька вбыто.
Ой убыто, вбыто,
Занесено въ жыто,
Чернымъ шовкомъ—китайкою,
Оченькы закрыто.
Выйшла дивчына съ чорнымы очыма,
Пиднялa китаечку,
Тай заголосыла.
Выйшла другая, та вже не такая,
Пиднялa китаечку,
Тай поцилoвала.
Выйшла третяя,
Та зъ новои хаты:
Було тоби, вражій сыну,
Насъ трехъ не кохаты!

Со двора своего будущаго амфитріона расходятся бабы по домамъ припѣвая:

Ото мени мылый, ото мени душа!
Червона китаечка коло капылюша

Дома каждая баба старается поскорѣй покончить хозяйственныя свои занятія и спѣшитъ къ избранному мѣсту. Когда соберется ихъ достаточно на условленномъ мѣстѣ, то при входѣ въ хату поютъ:

Я до тебе, кумцю-любцю,
На голынки пришла!

Зъ щиткою, зъ гребинкою
Та ще и кужилкою!
Напыймося, кумцю любцю,
Поки здужаемо!
Я для тебе, кумцю-любцю,
Горобчыка вбыла!
Изъ нижокъ холодець,
Изъ головоньки печеню!
Я для тебе, кумцю-любцю,
Зарizала гусака!
Не гусакъ же то бувъ, тилько гусочка,
Не кума жъ ты мени—щебетушечка!
Не гусакъ же то бувъ, тилько курочка,
Не кума жъ ты моя—тилько душечка.

Въ хатѣ кумушки разсаживаются, и начинается угощеніе; при круговой чаркѣ въ честь каждой поющей поется виватъ сообразно положенію и характеру лица. Виватовъ у бабъ безчисленное множество: ихъ поютъ также на свадьбахъ и при обрядѣ колодія; вотъ два изъ нихъ:

Пый, кумцю, пый любцю!
Пый здоровенька!
Якъ напьешься горилочки,
Будешь здоровенька!

Сыны мои соколы,
Изъ корчмоньки прывелы,
Дочки жъ мои, голубочки,
Вечераты не далы.

Случается, что нѣкоторыя изъ кумушекъ не приходятъ; въ такомъ случаѣ отряжается нѣсколько бабъ, снабженныхъ передкомъ телѣги или просто „колесней“ отъ плуга, и онѣ отправляются за отсутствующими въ ихъ дома. Между тѣмъ въ хатѣ пиръ идетъ горой, и подруженьки продолжаютъ пѣть:

Гуляй, гуляй, моя ясна зирко!
Не забере роботоньки дидько!
Гуляй, гуляй, черноброва!
Поки моя голова здорова.
Якъ моя голова схибнетця,
Тоди твое гулянья минетця!
Оре Семенъ, оре,

На шляхъ поглядае:
Чужи жинки обидъ несутъ,
А моій чортъ-мае!
Дооравъ Семенъ
До сухого лому,
Выпригъ воливъ на диброву,
Самъ пишовъ до дому,
До новои хаты,
Пытаетця своихъ дитокъ:
А дежъ ваша маты?
Нема мамы дома,
Пишла по калыну,
Ой казала, говорыла,
Що я васъ покину.
Пытаетця своихъ дитокъ:
А дежъ ваша маты?
Нема мамы дома,
Пишла по телята,
Ой казала, говорыла,
Що вы сыротята.
Подывывся Семенъ
До новой скрыни:
Нема грошей и намыста;
Ани господыни.
Ой вдарывся Семенъ
Та въ полы рукамы:
Диты-жъ мои дрибнесеньки,
Пропавъ же я зъ вамы!

Съ этого момента требуется по ритуалу присутствіе мужчины, который не особенно замедляетъ свой приходъ, такъ какъ охотниковъ выпить и поухаживать всегда найдется достаточно. „Ритуальнаго мужчину“ прежде всего угощаютъ, а онъ по своей обязанности поетъ пѣсни: одну изъ нихъ приводимъ:

Качкы гречку шолопають,
Щожъ я бидный буду мавъ?
А всимъ хлопцямъ по дивчини,
Мени дидько бабу впхавъ!
Я на баби ницъ не втрачу:
Продамъ бабу, куплю клячу,
Кляча здохне, шкуру злуплю,
Таки соби дивку куплю.

Актомъ обрядоваго сѣянія льна заканчивается праздникъ. При пѣніи пѣсни: „ой сіяла ленъ, сіяла“, которая очень длинна

и которой, опять же къ прискорбію, сообщающій не помнитъ, бабы поднимаются съ своихъ мѣстъ и становятся въ разныхъ углахъ съ ухватами, помелами, кочергами, „качалками" (валками) и пр. и изображаютъ паханіе, боронованіе и сѣяніе льна. Во время сѣянія хозяйка незамѣтно прокрадывается въ сѣни и выбрасываетъ оттуда красный платокъ съ крикомъ: „Гонить курку: вона ленъ клюе". Бабы гонятъ курицу и спорятъ, чья она? Послѣ трудовъ идутъ обѣдать и выпить. Затѣмъ, при продолженіи пѣсни, которая подробно передаетъ всѣ работы, какія производятся при посѣвѣ, уборкѣ и обработкѣ льна, бабы идутъ осматривать посѣвы. Снова антрактъ для выпивки, послѣ которой становятся вновь по угламъ и изображаютъ уборку льна, молотьбу, мочку, трепаніе и т. д. до конца пѣсни, перемежая каждую отдѣльную работу выпивкой. Когда надо льномъ всѣ работы кончены, и ленъ готовъ, его продаютъ, а на выручку покупаютъ водки. Тутъ оканчивается празднество, и начинается безшабашное пьянство, уснащенное самаго беззастѣнчиваго, нецензурнаго свойства пѣснями. Наши бабы при „оказіяхъ" до крайности циничны, особенно къ концу свадебъ, крестинъ, на колодія и шуляка. Ихъ репертуаръ пѣсенъ этого рода не изсякаемъ и полонъ порнографическаго букета, и то порнографіи голой, чистой, беззастѣнчивой, съ полными названіями предметовъ и дѣйствій; я думаю, пѣсни этого рода заткнули бы за поясъ даже вакхическія пѣснопѣнія древнихъ.

Все съѣдено и выпито: пора расходиться, да и время уже позднее; публика тронулась по домамъ, но праздничное воодушевленіе и веселіе не прошло; правда, пѣсенъ уже не слыхать, но бабы весело перекидываются остротами и каламбурами въ родѣ слѣдующихъ:

Дядьку, чы не телячылы моего выдячкы?—т. е. не видѣли ли моего теленка? Пидъ ничками воротувало, отвѣчаетъ ей другая бойко, т. е.—подъ воротами ночевало. А яке жъ воно? допрашиваетъ первая. На лысенци лоберки, на мотузочку шейка, задерло лозы, та побигло въ хвистъ—шутятъ ей въ отвѣтъ, т. е.—на лбу лысинка, на шеѣ веревка, побѣжалъ въ лозы, под-

нявши хвостъ. Ахъ смутку мій! дежъ оно бидне подилось? притворно печалится первая, и такъ дальше.

Какъ видитъ читатель; и это сообщеніе нуждается въ дополненіяхъ и поправкахъ, потому что сообщающій его во многихъ мѣстахъ пропускаетъ цѣлыя пѣсни, въ другихъ не оканчиваетъ ихъ, сознаваясь въ томъ, что онъ запамятовалъ. Вѣроятно, у него есть и пропуски такіе, которыхъ онъ не подозрѣваетъ, такъ какъ онъ мало знакомъ съ обрядомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ записаны сообщенія, мужчины не участвуютъ въ праздникѣ шуляка, развѣ случайно или въ качествѣ „ритуальнаго мужчины, поэтому въ этомъ дѣлѣ они менѣе компетентны, нежели бабы, которыя и могутъ дополнить и поправить наши сообщенія.

Тотъ же обычай, записанный мной со словъ г. Грека, жителя м. Немирова. Въ окрестностяхъ м. Немирова, брацлавскаго уѣзда, празднуютъ „Шуляка“ такъ:

Въ первую недѣлю „Петровокъ“ собираются мужчины и женщины на праздникъ „Шуляка“ въ заранѣе избранный домъ. Здѣсь народъ собирается или близь дома, или въ саду, разсаживаясь кружкомъ на травѣ. Всѣ участники праздника приносятъ изъ дому водку и закуску (мужъ обыкновенно ½ ока водки, а жена съѣстное, что имѣла дома). Больше какъ полъ ока водки сразу не приносятъ, п. ч. это не принято,—„богато не треба, говорятъ: це и дорого коштуе“. Село, такимъ образомъ, разбивается на много группъ, въ разныхъ пунктахъ.

Каждая группа состоитъ отъ 15 до 20 человѣкъ обоего пола. Праздникъ, конечно, начинается съ чарки, при поднесеніи которой другъ другу выражаютъ пожеланіе въ такомъ родѣ:—„выпыйте, кумо, щобъ шулякъ курчатокъ не поивъ“. Приведенные выпивкой и закуской въ праздничное настроеніе пирующіе начинаютъ пѣть:

Летивъ шулякъ изъ улыци,
Схопывъ Домну съ потылыци.
А Максымъ бижытъ, крычытъ: гай! гай!
Виддай Домну, виддай!

Виддай Домну роботныцю,
Возьми Ганку невильныцю.

Слѣдуетъ новая закуска и выпивка, а затѣмъ новая пѣсня:

Скакавъ конекъ пидъ гречкою,
За нымъ Максымъ зъ уздечкою,
Чыкай, коню, загнуздаю,
Та поидемъ до Дунаю,
До Дунаю глыбокого,
До каминя широкого.

Если запасъ водки истощается, то немедленно приступаютъ къ складчинѣ и командируютъ одного изъ участниковъ пира въ шинокъ за новымъ запасомъ водки, а остальная компанія поетъ:

Жинка ноги мыла,
Тонкій фартухъ замочила.
Тамъ козакъ стоявъ зъ крамамы
А зъ якамы? зъ бындочкамы.
Кому дае, продае,
А жинци даромъ дае.

Пиршество въ селѣ продолжается съ 12 ч. дня до поздняго вечера. Позднимъ вечеромъ пирующіе идутъ въ поле или лѣсъ, куда ужъ съ собой ничего не берутъ—ни выпивки, ни закуски, праздничное платье снимаютъ, а одѣваются въ самое худшее, какое имѣютъ дома. Въ лѣсу или полѣ праздникъ сопровождается неистовыми крикомъ, шумомъ, плясками и кувырканіемъ и качаніемъ по травѣ. Поздно только толпы уставшихъ и оборванныхъ, въ однихъ лохмотьяхъ, людей возвращаются домой, чѣмъ и заканчивается праздникъ.

Въ литинскомъ уѣздѣ М. С., авторъ статьи „Мѣстный народный праздникъ, именуемый „Розгри“, вотъ что передаетъ объ этомъ праздникѣ: Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подоліи въ первый день Петровокъ (понедѣльникъ) совершается особый народный праздникъ, извѣстный подъ названіемъ „розгри“, или „розри“, или обычай, прибавляетъ онъ въ сноскѣ, гонять „шуляка“; въ мѣстахъ же между Бугомъ, Днѣстромъ и Кодымою, а также въ балтскомъ уѣздѣ этотъ праздникъ извѣстенъ подъ названіемъ „русали“. Существенная особенность праздника „розгри“ состоитъ въ томъ, что въ немъ участвуютъ только

замужнія женщины, безъ участія мужчинъ и дѣвицъ, или, по крайней мѣрѣ, бабамъ принадлежитъ въ немъ самая дѣятельная роль. По содержанію своему, это самый безчинный изъ извѣстныхъ въ Подоліи народныхъ праздниковъ. Въ первый день Петровокъ въ 7 или 8 часовъ утра бабы собираются въ корчму и тамъ каждая изъ нихъ „ставитъ могорычъ"; при могоричѣ подружки выражаютъ другъ другу пожеланія, чтобы шулякъ не хваталъ въ теченіе лѣта ихъ цыплятъ; такъ какъ эти могорычи повторяются безконечное число разъ, то бабы пьянѣютъ и даютъ волю своему языку, и дѣло „доходитъ, наконецъ, до послѣднихъ безобразій: поютъ срамныя пѣсни, разсказываютъ сальные анекдоты, откалываются самыя безстыдныя шутки, словомъ—совершается все, чѣмъ можетъ быть выраженъ въ словѣ и дѣйствіи вкусъ къ самому послѣднему разврату. И необходимо замѣтить, что въ этомъ случаѣ стараются пересолить въ подобныхъ выходкахъ, ибо по убѣжденію народа, при гоненіи шуляка *это требуется самою идеею празднованія, ибо въ этотъ день женщинамъ все позволяется*".

Въ этотъ день мужчины не смѣютъ показываться въ кабакѣ, но бабы ихъ ждутъ: они имъ необходимы, иначе праздникъ признается недостигшимъ своей цѣли. Обыкновенно, всегда находится смѣльчакъ, или любитель безобразій, который подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ является въ кабакъ полюбоваться на бабій праздникъ. Къ смѣльчаку пристаютъ пьяныя бабы съ сальными шуточками, тормошатъ его со всѣхъ сторонъ, рвутъ на немъ платье и стараются обнажить его донага. Конечно, въ концѣ концевъ любитель-мученикъ откупается отъ вакханокъ и получаетъ свое платье. „Послѣ всего этого, пьяное безобразіе, заканчиваетъ авторъ, дошедшее въ кабакѣ до своего апогея, переходитъ на улицу. Женщины съ крикомъ и гамомъ выходятъ изъ кабака, поютъ срамныя пѣсни и начинаютъ гонять „шуляка", при чемъ по всему селу до самаго вечера раздается на всѣхъ улицахъ ихъ бозобразный пьяный крикъ: „гай, гай"! Этимъ крикомъ онѣ прогоняютъ воображаемаго „шуляка", чтобы въ теченіе лѣта не хваталъ цыплятъ; при этомъ необходимо замѣтить, головы пьяныхъ гонитель-

ницъ бываютъ повязаны найчаще бѣлыми платками домашняго производства, чтобъ „шуляку" бѣлый свѣтъ солнца затмилъ глаза, если бы онъ захотѣлъ хватить цыпленка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день повязываются бѣлыми платками даже тѣ женщины, которыя, по какому либо случаю, остаются дома.

Изъ статьи М. С. видно, что праздникъ „шуляка" извѣстенъ въ народѣ подъ тремя разными названіями, а именно: подъ своимъ собственнымъ „гоняты шуляка", „Розгри" и „Русали"; но мнѣ кажется, что этихъ трехъ наименованій смѣшивать нельзя, потому что „Розгри" и обычай „гонять шуляка" совершенно два различные праздника, а праздникъ „Русали" хотя может и имѣть общее что-либо съ „Розграми", чуждъ нашему народу, такъ-какъ это праздникъ молдавскій. Я, впрочемъ, этимъ не хочу сказать, что авторъ произвольно или умышленно смѣшалъ эти названія; очевидно, онъ записалъ такъ, какъ онъ слышалъ отъ народа. Дѣло въ томъ, что раньше у насъ былъ также цѣлый циклъ праздниковъ во время лѣтняго солнцестоянія, какой мы находимъ еще теперь во время зимняго солнцестоянія; но лѣтнее время, можетъ быть подъ давленіемъ крѣпостнаго состоянія, пришлось экономизировать, и народъ сократилъ время праздниковъ, сливъ ихъ нѣсколько въ одинъ, почему въ одномъ мѣстѣ сталъ преобладать одинъ праздникъ, въ другомъ другой, а съ преобладаніемъ онъ сохранилъ свое названіе, а отсюда и смѣшиваніе ихъ. А что это такъ, я постараюсь доказать.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ попалась рукопись въ редакціи „Подольскихъ Епар. Вѣд." священника м. Миньковецъ Чернецкаго подъ заглавіемъ „Собраніе народныхъ суевѣрій и легендъ въ Подоліи". Авторъ въ предисловіи говоритъ, что матеріялъ свой черпалъ главнымъ образомъ въ винницкомъ уѣздѣ, на мѣстѣ своей родины и пастырской дѣятельности, слѣдовательно въ тѣхъ же мѣстахъ, откуда Солодаръ сообщаетъ свѣдѣнія о праздникѣ шуляка. Изъ этой рукописи, съ согласія автора, я сдѣлалъ выписки о предметахъ мало мнѣ знакомыхъ и между прочимъ о „Розграхъ", о которыхъ авторъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Розгри" начинаются съ другого дня зеленыхъ праздниковъ и продолжаются до Петровокъ. Въ эту недѣлю крестьяне ни-

чего не работаютъ, особенно женщины, у которыхъ умерли дѣти. Въ эти дни все населеніе деревни собирается группами возлѣ корчмы, или на выгонѣ, а то просто на улицѣ и поетъ:

Не сій муки, бо то грихъ,
Не крый дижи, бо то грихъ,
Не тры ноги въ ногу, бо то грихъ и проч.

Существуетъ у крестьянъ вѣрованіе, что въ эти дни умершіе младенцы разгуливаютъ по огородамъ и полямъ колосящейся ржи и пшеницы. Этихъ умершихъ младенцевъ народъ называетъ: „Мнявкамы", „Гречухамы" и „Мавкамы". Живымъ людямъ выходить въ эти дни въ огородъ или въ поле очень опасно, особенно въ одиночку, потому что мавка можетъ защекотать смѣльчака до смерти. Разсказываютъ, что одна баба пошла въ поле посмотрѣть рожь и увидѣла множество маленькихъ дѣтей, которыя, взявшись за руки, водили хороводъ вокругъ дуба, стоявшаго среди нивы, и пѣли:

Якъ бы намъ не „одолянъ зиля",
То бъ мы тебе давно зъилы.

Какъ видитъ читатель, смѣшать эти два праздника не возможно, потому что, кромѣ смежности ихъ по времени, у нихъ ничего нѣтъ общаго. Но не имѣлъ ли одинъ изъ этихъ праздниковъ какого нибудь отношенія къ Русалямъ. Въ этомъ вопросѣ, право, трудно разобраться: съ одной стороны „Розгри", какъ будто и имѣютъ отношеніе къ Русалямъ, но съ другой—какъ будто и нѣтъ. Несомнѣнно, что мавки, которыхъ мы встрѣчали въ Розграхъ, тѣ же русалки кіевской и подольской губерніи, а эти своимъ именемъ напоминаютъ „Русали". Новосельскій въ своей книгѣ „Lud ukraiński" т. I стр. 77—78 такъ ихъ описываетъ: „Украинцы знаютъ еще лѣсныхъ русалокъ; онѣ, зацѣпившись своими длинными, зелеными косами за густыя вѣтви дуба или березы, пугаютъ путниковъ, рѣшившихся ѣхать лѣсомъ въ ночь зеленыхъ святокъ. Съ деревьевъ скачутъ онѣ на коня или на возъ путника и съ дикимъ смѣхомъ его щекочутъ до тѣхъ поръ, пока несчастный не отдаетъ Богу душу. Иногда въ лѣсу онѣ являются „парубкамъ" въ видѣ „гожей" украинской дивчины. Бѣда тому, кто увлечется смертоносной красо-

той: На другой день непремѣнно найдутъ въ лѣсной чащѣ холодное тѣло парубка съ лицомъ искаженнымъ смѣхомъ. У насъ въ ночь зеленыхъ святокъ дѣти для охраненія себя отъ щекотанія русалокъ, подстилаютъ себѣ подъ головы полынь (не одолянъ-ли зиля?). Въ эту ночь не только нельзя опаздывать въ лѣсу, но также опасно возвращаться домой между высокой рожью, п. ч. въ зеленыхъ волнахъ ржи и пшеницы скрываются также злыя русалки. Происхожденіе русалокъ народъ украинскій объясняетъ себѣ тѣмъ (можетъ быть, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ возрѣній), что онѣ берутъ начало отъ душъ тѣхъ людей, которые умираютъ въ первый день зеленыхъ святокъ. Можетъ быть, по христіянскимъ представленіямъ это относилось къ умершимъ дѣтямъ, не обмытымъ водой свят. крещенія. Часто очень въ народныхъ разсказахъ, выступаютъ дѣти малыя, играющія среди зеленаго хлѣба въ ясныя лѣтнія ночи въ теченіе недѣли зеленыхъ святокъ.

Въ продолженіе цѣлой этой недѣли, выходя въ поле, слѣдуетъ имѣть при себѣ полынь для охраны отъ нападенія русалокъ“. Да, несомнѣнные признаки нашихъ подольскихъ мавокъ! Но времени, въ которое разгуливаютъ русалки, авторъ не называетъ „Розграми“, потому что у него „Розгри“, и даже не „Розгри“, а „Розыгри“, обозначаютъ другой обычай, соблюдаемый въ другое время. На ст. 124, 130, 131 своей книги авторъ говоритъ, что на другой понедѣльникъ зеленыхъ святокъ молодежь празднуетъ въ украинскихъ селахъ такъ называемые „Розыгры“. Весь обрядъ состоитъ въ томъ, что самую старую бабу въ селѣ сажаютъ на зеленую вѣтвь, взятую изъ „мая“ (вѣтви, украшавшія дома и дворъ во время зеленыхъ святокъ), и тянутъ вдоль всей деревни къ корчмѣ, гдѣ удостоенная такой чести баба покупаетъ имъ могорычъ. Баба въ этомъ обрядѣ изображаетъ лѣто, которое ввозятъ въ село. Обрядъ этотъ исполняется только замужними женщинами, какъ нѣкогда исполнялось торжество римскими матронами въ честь доброй богини (Bona dea). Это напоминаетъ намъ стихъ Тибулла: „Sacrae bonae, maribus non adeunda, deae“. Мнѣ кажется, что здѣсь главный и самый существенный обрядъ, везеніе бабы, былъ перенесенъ

на день другого праздника, т. е. шуляка, и, занявъ въ немъ центральное мѣсто, не только оттѣснилъ его, но даже далъ ему свое названіе.

Но съ „Шулякомъ" и „Русалями" онъ, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ ничего общаго, кромѣ времени, и то подъ большимъ сомнѣніемъ. „Русали" у насъ празднуются только молдаванами. Праздникъ, по описанію автора статьи „Историческо-статистическое описаніе села Черной Балки (Еп. Под. Вѣд. 1874 г. стр. 751 и 752) состоитъ въ томъ, что „въ первый день Петрова поста собираются люди на траву, при чемъ не обходится безъ попойки, льютъ на траву молоко, которымъ, по ихъ мнѣнію, питаются души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. Это празднество извѣстно подъ именемъ „Русалокъ"; подкрѣпляется оно повѣрьемъ, что если кто откажется принять участіе въ семъ празднествѣ, то русалки втянутъ его въ воду или съ ума сведутъ. Кладутъ полынь къ образамъ, какъ предохранительное средство отъ русалокъ; но что такое русалки, по мнѣнію народа, опредѣлить не возможно". Здѣсь опять тоже самое: молдаване, живя совмѣстно съ малоросами, перенесли для большаго удобства свой обычай на тотъ день, въ который малороссы празднуютъ свой народный праздникъ. Мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ Бессарабіи молдаване празднуютъ свои „Русали" по четвергамъ отъ Пасхи до Духова дня, а эти дни дѣйствительно соотвѣтствуютъ русальнымъ днямъ давнопрошедшихъ временъ. „У славянскихъ народовъ, говоритъ М. С., вообще извѣстны были празднества, совершаемыя, по мнѣнію всѣхъ ученыхъ изслѣдователей старины, въ честь русалокъ, которыя, по народному вѣрованію, показываются на землѣ съ четверга страстной недѣли [1]), какъ только разольются по лугамъ весеннія воды, распустятся вербы и зазеленѣютъ поля, и остаются въ этомъ мірѣ до глубокой осени; но самый шумный періодъ

[1]) Этотъ четвергъ у народа извѣстенъ подъ именемъ „жильнаго" четверга; въ этотъ день поются пѣсни апокрифическаго происхожденія съ религіознымъ характеромъ, и называются онѣ „жильными".

игрищъ, совершаемыхъ русалками на землѣ, начинается съ четверга седмой недѣли послѣ Пасхи и продолжается до Петрова дня, когда, по народному вѣрованію, онѣ выходятъ изъ рѣкъ, озеръ и криницъ на сушу и заводятъ по полямъ и лѣсамъ гульбища: на зеленой или русальной недѣлѣ онѣ празднуютъ свои свадьбы, плещутся въ водахъ, бѣгаютъ по лугамъ и рощамъ, бьютъ въ ладоши, аукаются, водятъ хороводы и поютъ пѣсни". Я нарочно сдѣлалъ эту выписку, чтобы показать, что праздникъ „Русали" тѣсно былъ связанъ съ послѣ-пасхальными четвергами, и что эта связь доселѣ сохранилась у бессарабскихъ молдаванъ, но никакъ не съ первымъ понедѣльникомъ Петровокъ. Авторъ, впрочемъ, не отрицаетъ цикла лѣтнихъ праздниковъ: онъ только не расчленяетъ ихъ; „русали, говоритъ онъ, это общее названіе цѣлаго ряда шумныхъ языческихъ празднествъ, совершавшихся въ мѣсяцахъ маѣ и іюнѣ въ честь плодотворящихъ силъ природы: начало этого періода есть время полнаго развитія творческихъ силъ природы, а конецъ—совпадаетъ со временемъ удаленія лѣтняго солнца на зиму".

Изъ всего сказаннаго видно, что „Розгри" или „Розыгри" имѣютъ сходство съ „русалями", но обычай „гонять шуляка" не напоминаетъ ни розгри, ни русаль, а составляетъ нѣчто самостоятельное, хотя, очевидно, входитъ въ циклъ лѣтнихъ праздниковъ, а потому я его выдѣляю изъ общаго цикла и буду дальше говорить только объ немъ одномъ.

Откуда же пошелъ обычай гонять „шуляка"? М. С., авторъ цитируемой нами выше статьи, собираетъ справки и находитъ, что этотъ обычай существуетъ въ другихъ мѣстахъ русскаго царства, въ мѣстахъ довольно отдаленныхъ отъ Брацлавщины и существовалъ въ давно прошедшее время почти повсемѣстно. Въ „Стоглавѣ" онъ находитъ, что въ первый понедѣльникъ Петрова поста существовало обыкновеніе ходить въ рощи и „бѣсовскія потѣхи дѣяти", каковыя потѣхи въ постановленіяхъ „Стоглава" названы „еллинскимъ бѣснованіемъ и прелестью бѣсовскою". Далѣе онъ приводитъ свидѣтельство св. Тихона Задонскаго о праздникѣ въ Воронежѣ въ 1763 лоду въ честь бога Ярила. Этотъ праздникъ начинался

въ среду или пятницу по сошествіи Св. Духа, а заканчивался величайшимъ разгуломъ и безобразіемъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста. Св. Тихонъ такъ описываетъ его: Я увидѣлъ, что множество женъ и мужей старыхъ и молодыхъ дѣтей на то мѣсто собиралось. Между симъ множествомъ норода, я увидѣлъ иныхъ почти безчувственно пьяныхъ, между ними драки; примѣтилъ плясаніе женъ пьяныхъ съ скверными пѣснями“. До недавняго времени, продолжаетъ авторъ, въ Костромѣ Всесвятское заговѣніе и гуляніе называлось Ярилом, причемъ совершали погребеніе Ярила, состоящее въ томъ, что избраннаго старика одѣвали въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклой, которая изображала Ярила и нарочно устроялась, какъ символъ бога оплодотворенія, до послѣдняго безстыдства въ неприличномъ видѣ... Съ такимъ безобразіемъ толпа отправлялась за городъ: старикъ несъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывали на распѣвъ похоронныя жалобницы и жестами старались выразить скорбь и огорченіе, оплакивая столь важную для нихъ потерю“...

„Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ, и тотчасъ же начинались игры и пляски, напоминавшія языческую тризну. Въ Малороссіи безстыдный обрядъ погребенія Ярила совершается съ такими же тривіальными особенностями съ присовокупленіемъ новыхъ сценъ, еще болѣе выдающихся по своему цинизму.—Въ Малороссіи соломенная кукла, которую хоронили въ первый понедѣльникъ Петрова поста, называлась Кострубомъ, и образъ ея погребенія, по словамъ О. Миллера, сопровождался печальною пѣснью женщинъ съ неудобными для печати подробностями“. Слѣдовательно, нашъ обычай гонять „Шуляка“ не только празднуется въ одно и тоже время съ „еллинскимъ бѣснованіемъ“ Стоглава, Ярила и Коструба, но даже имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ нимъ. А если у *шуляка* есть общая черта съ еллинскимъ бѣснованіемъ, Яриломъ и Кострубомъ, то попробуемъ рѣшить, не есть ли это одинъ и тотъ же праздникъ, только съ разными названіями? Еллинскія бѣснованія мы пока оставимъ, такъ какъ о нихъ все равно придется говорить. Коструба тоже оставимъ, потому что онъ

хотя и имѣетъ, вѣроятно, связь съ *шулякомъ*, но входитъ въ весенній народный праздникъ, извѣстный подъ именемъ *гаивокъ*, а остановимся лишь на Ярилѣ, который, какъ намъ кажется, играетъ значительную роль въ *шулякѣ*, тѣмъ болѣе, что онъ еще не совсѣмъ забытъ въ Брацлавщинѣ. Ярило—богъ необузданной воспроизводительной силы весенней природы; онъ соотвѣтствовалъ греческому Пріапу. „Корень этого слова, говоритъ Г. Модестовъ (Труды третьяго Археологич. съѣзда 1879 г. т. I стр. 118) *Яр.*, который, заключая въ себѣ идею свѣта, теплоты и соединенной съ ними растительной жизни въ природѣ, пылкой страсти, сильнаго раздраженія и похотливости человѣка, далъ въ славянскихъ языкахъ множество словъ, обнаруживающихъ такое его широкое развитіе, какое не извѣстно другимъ языкамъ индо-европейской семьи". И дѣйствительно, словъ этого корня у насъ на югѣ не оберешься: ихъ множество; привожу тѣ, которыя мнѣ извѣстны: *ярина* не только въ смыслѣ весеннихъ хлѣбныхъ посѣвовъ, но и огородной зелени; *ярина* (Апок. I. 14)—бѣлая овечья шерсть; *ярка и ярочка*—молодая овца; *ярый* воскъ—самый чистый воскъ; *ярчукъ*—родившійся въ мартѣ, особенно собака, страшенъ для вѣдьмъ; не слѣдуетъ смѣшивать этого слова съ „первакомъ"—перворechнымъ, который по отношенію къ вѣдьмамъ имѣетъ такую же силу, какъ и Ярчукъ. *Яръ*—глубокая промоина образовавшаяся отъ разлива весеннихъ водъ, отсюда, вѣроятно, названія нашихъ поселеній Яруги, Яръ Косиковецкій и др. Собственныя имена Ярошъ, Ярышъ, Ярославъ, Яромиръ и отъ нихъ производныя названія поселеній: Ярошенка, Ярошовка, Ярышевъ, Ярославъ, Яромирка и пр. [1]). Къ этому корню я причислилъ бы и имя Юра, если филологи ничего противъ этого не будутъ имѣть. Но къ тому меня приводитъ сравненіе русскаго слова Яръ въ смыслѣ птичья похотливость

[1]) Сюда я не внесъ словъ того же корня *яр*, несвойственныхъ нашему южно-русскому языку съ значеніемъ гнѣва, раздраженія и проч., какъ-то: яръ, ярый—вспыльчивый, гнѣвный, ярость—гнѣвъ, бѣшенство, запальчивость, яровать—чувствовать похоть, яриться—гнѣваться, сердиться, яро—гнѣвно, ярить—гнѣвить, довести до бѣшенства. Яростный—бѣшеный, вспыльчивый; Ярунъ и ярунья и пр. Судя по значенію словъ этого корня, можно думать, что и сѣверный Ярило принялъ свойство того же значенія.

(соловьи отъ яру не рѣдко околѣваютъ) съ польскимъ jur—сластолюбецъ, похотливый, — несомнѣнный эпитетъ Ярила или греческаго Пріапа, котораго даже изображали съ пѣтушинымъ гребнемъ, символомъ похотливости. И Новосельскій, по моему мнѣнію, довольно резонно замѣчаетъ: „можно предположить съ большой вѣроятностью, что память Св. Юрія праздновалась въ тотъ же день, въ какой установлено было торжество въ честь какого-нибудь языческаго божества, можетъ быть Яра, Юра (отсюда Ярый въ значеніи сильный похотливый), бога весны, свѣта, силы и жизни". (Lud. ukr. т. I стр. 126).

Кромѣ того, Юрій несомнѣнно стоитъ въ какихъ-то отношеніяхъ къ ярчукамъ, этимъ исконнымъ врагамъ и противникамъ вѣдьмъ, можетъ быть, какъ вождь къ воинамъ, п. ч. онъ жесточайшимъ образомъ иногда лично преслѣдуетъ вѣдьмъ. Въ Винницѣ и до сихъ поръ показываютъ на берегу р. Буга камень, на которомъ остались слѣды пролитаго молока, отпечатки копытъ коня Св. Юрія, и дыру, сдѣланную копьемъ Святого. Легенда разсказываетъ, что Св. Юрій преслѣдовалъ вѣдьму, несшую въ подойникѣ молоко отъ чужихъ коровъ, и догналъ ее на означенномъ камнѣ. Здѣсь то Святой пронзилъ копьемъ вѣдьму, молоко изъ подойника пролилось и окаменѣло въ видѣ бѣлыхъ потековъ, а конь оставилъ отпечатокъ своихъ копытъ. Вообще съ днемъ св. Юрія связано много вѣрованій и обрядовъ, но такъ какъ они не относятся къ дѣлу и почти всѣ извѣстны, то я опускаю ихъ, замѣчу только, что въ этотъ день крестьяне кладутъ квадратные куски дерну на столбахъ воротъ, но съ какой цѣлью, я не могъ узнать. Къ этому же корню надо причислить одно имя, имя, подъ которымъ, можетъ быть, былъ извѣстенъ въ Брацлавщинѣ Ярило? Я говорю объ имени, которое встрѣчается въ колядкѣ, записанной въ гайсинскомъ уѣздѣ.

Сему Ярелеви вси звеселимся,
Сему Ярелеви рикы розлылыся,
Що въ Рождеству Христову садкы зацвилы
Сему Ярелеви дывуйтесь, диты,
Показалося всякое древо, зелени квиты,
Сему Ярелеви вси звеселимся
А Рождеству Христову вси поклонимся.

М. С. говоритъ, что составлено это имя изъ двухъ словъ: *Яръ*—весна и *селъ, солъ*—посолъ, посланникъ, вѣстникъ, множ. слы. Въ подтвержденіе существованія культа Ярилы или Пріапа привожу еще одинъ фактъ. Всякому проѣзжающему по селамъ Брацлавщины, Подоліи и Бессарабіи, вѣроятно, приходилось видѣть конскіе черепа на кольяхъ плетней или заборовъ вокругъ огородовъ; вѣроятно, всякій видѣвшій это заинтересовался узнать причину этого обычая, но крестьяне по своему обычаю не хотѣли, а, можетъ быть, и не могли отвѣтить, а деревенская интеллигенція, не желающая показать незнаніе народной жизни, даетъ иногда своеобразныя объясненія этому обычаю: мнѣ по крайней мѣрѣ одинъ помѣщикъ далъ такое объясненіе: „Видите-ли, во всякомъ селѣ есть свой конокрадъ, и конская голова на колѣ въ его усадьбѣ служитъ вывѣской его ремесла съ той цѣлью, чтобы его товарищи по ремеслу изъ другихъ селъ, приведя краденныхъ лошадей, легко могли найти усадьбу товарища, гдѣ ихъ ожидаетъ пріютъ и помощь". А между тѣмъ Новосельскій въ своей книгѣ Lud ukr. т. I стр. 55 дѣлаетъ вотъ какое замѣчаніе по поводу этого обычая: „Пріапъ въ образѣ конской головы, охранявшій огородные плоды и овощи у Римлянъ, извѣстенъ до сихъ поръ на Украинѣ, п. ч. на кольяхъ плетней огородныхъ крестьяне втыкаютъ конскіе черепа". Существованіе культа Ярила или Ярела въ Брацлавщинѣ М. С. доказываетъ еще и тѣмъ, что въ предѣлахъ подольской губерніи найдена бронзовая статуя Ярила, хранящаяся доселѣ въ Университетѣ Св. Владиміра. Поэтому если допустить, что славянскій Ярило и греческій Пріапъ, сынъ Вакха, одно и тоже божество, то, намъ кажется, не трудно будетъ отыскать объясненіе шуляковаго ритуала въ „еллинскихъ бѣснованіяхъ". Но такъ-какъ этого объясненія намъ прійдется искать главнымъ образомъ въ миѳѣ о Пріапѣ и праздникѣ въ честь его, то мы прежде всего соберемъ справки о Пріапѣ на столько, на сколько это намъ нужно для объясненія шуляковаго ритуала. О происхожденіи Пріапа такъ разсказываютъ. Когда Венера вышла на встрѣчу Вакху, возвращавшемуся изъ своего знаменитаго индійскаго похода, то Пріапъ былъ плодомъ

этой встрѣчи; но завистливая Юнона (Гера) околдовала плодъ въ утробѣ своей дочери, и на свѣтѣ явился Пріапъ въ образѣ отвратительнаго уродца. Венера, испуганная и раздосадованная уродствомъ сына, немедленно отослала его на воспитаніе въ Лампсакъ надъ Геллеспонтомъ, откуда онъ получилъ названіе у поэтовъ Геллеспонтскаго и Лампсакскаго. Здѣсь Пріапъ наводилъ ужасъ своимъ уродствомъ на мужчинъ, которые въ отместку за этотъ страхъ выражали при всякомъ удобномъ случаѣ непочтеніе къ сыну Венеры, за что были наказаны повальной болѣзнью. Образумившись послѣ наказанія, стали почитать молодого бога и почитаніе это распространили во всей странѣ. Пріапъ былъ, главнымъ образомъ, богомъ огородовъ (отсюда ярына), произведенія которыхъ онъ охранялъ; Виргилій поэтому называетъ его custos avium atque terrarum. По той-же причинѣ Римляне ставили въ огородахъ его статую (это напоминаетъ наши пугала на огородахъ), при которой были, какъ символическіе знаки божества, земледѣльческія орудія, корзины для плодовъ и палка для отгонянія воровъ, или розга на страхъ птицамъ. Часто приходится встрѣчать въ памятникахъ Пріапова миѳа ослиную голову (у насъ конскую), потому что Пріапу приносили осла въ жертву. Изображался онъ съ мѣшкомъ въ правой рукѣ и колокольчикомъ въ лѣвой, съ гребнемъ пѣтуха на головѣ и подбородкомъ въ знакъ его похотливости. Часто приписывали ему свойство Пана, и въ такомъ случаѣ изображали его съ козьими рожками и ушками въ вѣнкѣ изъ винограда или лавровыхъ листьевъ, и, какъ таковой, онъ почитался покровителемъ козьихъ и овечьихъ стадъ (отсюда Ярка, Ярочка и Ярина) и пасѣки (отсюда также ярый воскъ, ярыя пчелы). Въ честь этого бога установлены празднества, извѣстныя подъ именемъ Пріапій. Между памятниками, которые приказалъ вырѣзать Боассартъ (Boissart), находится барельефъ, изображающій самое большое празднество въ честь этого божества. Исключительно только женщины совершаютъ это торжество, изъ которыхъ одна, должно быть жрица, кропитъ водой статую Пріапа, а другія приносятъ ему въ жертву, какъ богу огородовъ и полей, корзины съ плодами и сосуды съ виномъ. Третья груп-

па женщинъ имѣетъ видъ и позу танцовщицъ; двѣ изъ нихъ играютъ на флейтахъ, а третья держитъ въ рукахъ музыкальный инструментъ—sistrum, что указываетъ на происхожденіе праздника изъ Египта; а еще далѣе, за третьей группой, стоитъ женщина въ одеждѣ Вакханки съ ребенкомъ на рукахъ. Затѣмъ отдѣльно четыре женщины заняты принесеніемъ въ жертву осла; передъ ними стоитъ оселъ, опоясанный широкой лентой, ему уже нанесенъ смертный ударъ, и изъ раны течетъ кровь въ подставленный сосудъ. Подлѣ жрицы, совершающей жертвоприношеніе, стоитъ сундукъ съ ножами (Słownik mithologiczny Osinskiego 1812 г. см. букву P.). Вотъ и всѣ нужныя намъ свѣдѣнія о Пріапѣ. Если мы сравнимъ все, сейчасъ только сказанное о Пріапѣ, съ шуляковымъ ритуаломъ, записаннымъ въ Бохоникахъ, то насъ поразитъ удивительное сходство обоихъ обрядовъ; въ первомъ покинутый маленькій Пріапъ своей матерью, богиней Венерой, въ видѣ ребенка на рукахъ вакханки, воспитывается Лампсакскими женщинами, въ другомъ то-же продѣлываютъ бабы съ маленькимъ шулякомъ, то есть питаютъ его собственной грудью, убаюкиваютъ колыбельными пѣснями и простираютъ надъ нимъ свою заботливость до того, что даже поднимаютъ ссору, если которая-нибудь изъ нихъ разбудитъ питомца. Далѣе, въ празднествѣ Пріаповомъ группа женщинъ танцуетъ, и на шуляковомъ торжествѣ бабы танцуютъ два раза метелицы.

Правда, въ день шуляка бабы не приносятъ жертвъ, состоящихъ изъ плодовъ и овощей огородныхъ, въ честь Пріапа, потому что ихъ замѣнила теперь пѣсня: „Танцювала рыба зъ ракомъ", которая все таки указываетъ на празднество въ честь бога огородовъ.

Если мы продолжимъ дальше сравненіе, то увидимъ, что и первый актъ шулякового праздника найдетъ объясненіе тоже въ миѳѣ о Пріапѣ. Раскладываніе бабами на платкѣ кучекъ зерна, луку, сыра и мяса не больше, какъ жертвоприношеніе прибывшему изъ далекихъ странъ богу Вакху, который здѣсь представляется въ образѣ шуляка. Вакху, изобрѣвшему плугъ и научившему людей употреблять воловъ для земледѣлія, слѣдо-

вательно покровителю хлѣбопашества, приносили въ жертву всѣ плоды земные, но очевидно въ очень отдаленное время ему приносились и кровавыя человѣческія жертвы, которыя впослѣдствіи были замѣнены сырымъ мясомъ, отчего Вакхъ получилъ названіе Оместа (Omeste), т. е. пожирателя сырого мяса, вотъ почему бабы угощаютъ своего шуляка поочередно зернами, лукомъ, сыромъ, а въ концѣ предлагаютъ мяса и оставляютъ передъ нимъ до конца обряда, уговаривая его не ѣсть ихъ цыплятъ, а пожирать „падло"; въ Немировщинѣ-же такъ даже прямо просятъ возвратить члена семьи, и въ замѣнъ ея предлагаютъ *невильницю.*

Виддай Домну робитныцю,
Возьмы Гапку невильныцю

За жертвоприношеніемъ въ честь Вакха слѣдуетъ встрѣча Вакха съ Венерой, но народъ не признаетъ и не любитъ незаконныхъ связей, и потому женитъ боговъ, чтобы узаконить происхожденіе Пріапа, не смотря на то, что у Венеры есть мужъ Вулканъ. Женихъ и невѣста ужъ очень смѣшными кажутся по своимъ нравственнымъ качествамъ; куда тамъ имъ уже обзаводиться семьей! онъ „пройды-свитъ", „заволока" и пьяница, она не лучше его: совсѣмъ легкомысленная баба; всѣ боги были свидѣтелями скандала въ то время, когда ихъ привелъ Вулканъ посмотрѣть, какъ въ свѣтлицѣ его жены бьется, словно дикій вепрь, ея любовникъ Марсъ, запутавшись въ желѣзныхъ тенетахъ, сдѣланныхъ искусной рукой ревнивца-мужа; очень легкомысленны и беззаботны оба: только птичій яръ, молъ, у нихъ въ головѣ, и потому народъ трактуетъ ихъ, какъ птицъ, „перелицевавъ" въ духѣ Котляревскаго классическій миѳъ въ юмористическую пѣсню, въ которой изображается женитьба стараго шуляка; въ ней даже, кажется, не забытъ Марсъ: несомнѣнно, это онъ образѣ пѣтуха, котораго такъ испугался женихъ. Дальше, право, я боюсь пускаться въ сравненія, чтобы не поставили мнѣ въ упрекъ стереотипную фразу: comparaison n'est pas raison, но я скажу въ свое оправданіе, что не ученый трактатъ, а этнографическій этюдъ я пишу и потому, испросивъ напередъ извиненія у читателя за нерезонныя, быть можетъ,

въ самомъ дѣлѣ сравненія, которыя онъ встрѣтитъ дальше, продолжаю.

Я вижу въ шуляковомъ ритуалѣ цѣлую поэму, потому что и въ послѣдующихъ пѣсняхъ чувствуется тонкій юморъ по адресу жениха и невѣсты. Въ метелицѣ обрисовывается полная непригодность шуляка къ семейной жизни.

Треба ложкы, треба мыскы,
Треба няньки до колыскы.

А гдѣ онъ это возьметъ, когда онъ шатунъ и пропойца?

Въ хвастливой пѣснѣ Венеры „пишовъ мій милый на ярмарокъ" охарактеризована вся пустота и легкомысліе богини: ей, кромѣ нарядовъ, ни до чего дѣла нѣтъ. Но въ серединѣ ритуала ситуаціи героевъ становятся драматическими; шулякъ, очевидно, охладѣлъ къ своей красивой молодой женѣ, и это охлажденіе вызываетъ въ оскорбленной женщинѣ цѣлый каскадъ упрековъ:

Чого сыдышъ, чомъ не орешъ,
Чомъ до мене не говорышъ?
А я седю, тай думаю, що погану жинку маю
Якій тоби дидько вынесъ, што ты гарный чорнобрывый,
А я руда родылася, чорнявому судылася и пр.

Очевидно, Вакхъ успѣлъ уже плѣниться красотой Аріадны, тоскующей по миломъ, но неблагодарномъ Тезеѣ, который бросилъ ее на островѣ Наксосѣ одинокую и беззащитную, узнавъ во снѣ, что она предназначена въ жены Вакху. За этой сценой слѣдуетъ новая: бѣдный Семенъ—несомнѣнно Вулканъ—приходитъ домой и узнаетъ отъ дѣтей, что

Нема мамы дома,
Пишла по калыну,
Ой казала, говорыла,
Що я васъ покину.
Подывывся Семенъ,
Нема грошей и намыста,
А не господыни.
Ой вдарывся Семенъ
А въ полы рукамы:
Диты жъ мои дрибненькія,
Пропавъ же я зъ вамы!

Вы помните, конечно, читатель, что въ концѣ концовъ бабы растерзали шуляка въ клочья: это было справедливое возмездіе за его безстыдное донъ-жуанство. Олимпійскіе хроникеры перечисляютъ цѣлый рядъ его жертвъ: Эригона, Афродита, Никса, Авра и много другихъ безсмертныхъ, смертнымъ же никто и счета не велъ, одна Аріадна удостоилась чести быть его женою. Въ шуляковомъ ритуалѣ именно такъ и объясняется его смерть, причемъ разсказывается, что видъ покойника вызываетъ у дѣвицъ разнообразныя чувства: одна выйшла тай заголосыла, другая поцилувала,

Выйшла третяя
Тай зъ новои хаты:
Було тоби, вражій сыну,
Насъ трехъ не кохаты.

Въ послѣднемъ актѣ является Вакхъ, воскресшій, бодрый, радостный, онъ пришелъ научить бабъ сѣять ленъ и обрабатывать его,—это нашъ „ритуальный мужчина"; въ немъ, очевидно, живетъ надежда раздѣлаться съ постылой женой; можетъ быть, онъ вошелъ уже въ соглашеніе съ Вулканомъ и даже получилъ „отступного" въ видѣ художественной работы вѣнца, который впослѣдствіи подарилъ свое невѣстѣ Аріаднѣ, потому что безстыдно хвалится:

А всимъ хлопцямъ по дивчыни,
Мени дидько бабу впхавъ,
Я на баби ницъ не втрачу;
Продамъ бабу, куплю клячу,
Кляча здохне, шкуру злуплю,
Таки соби дивку куплю

Растерзаніе шуляка бабами производится неспроста; оно, по моему мнѣнію, имѣетъ объясненіе также въ греческой миѳологіи. Осталось преданіе, разсказываютъ миѳологи, что во время десятилѣтней войны боговъ съ титанами послѣдніе растерзали тѣло Вакха въ мелкіе куски, потому что онъ принималъ участіе въ этой войнѣ; но Аѳина Паллада взяла голову его, еще живую, и поднесла Зевесу. Громовержецъ собралъ остальные члены его тѣла и вновь возвратилъ имъ жизнь послѣ того уже, какъ Вакхъ проспалъ три ночи съ Прозерпиной. По раз-

сказамъ другимъ, смерть Вакха произошла нѣсколько иначе: послѣ трагической смерти своей матери Семелы, Вакхъ (Діонисъ) остался сиротой, и потому его отдали на воспитаніе нимфамъ. Когда онъ выросъ, то проявилъ могучую свою силу въ произрастаніи растительной жизни и сталъ творцемъ весны, даровавъ плодородіе землѣ; но знойные лучи солнца губительно дѣйствовали на растительность; эта сила приписывалась миѳическому существу, Ликургу. Разсказываютъ, что этотъ то Ликургъ поражалъ бичемъ (лучемъ солнца) рѣзвящихся нимфъ, которыя воспитали Вакха. Испуганныя нимфы бросали свои цвѣтущіе посохи на землю, а Вакхъ со страху кидался въ море, гдѣ давала пріютъ ему богиня Ѳетида; она съ любовію ухаживаетъ за нимъ и оберегаетъ его на днѣ морскомъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ опасность и ему не представится возможность вернуться на сушу. Въ зимнее солнцестояніе поклонники Вакха праздновали его воскресенье, а на зиму онъ умиралъ (въ лѣтнее солнцестояніе), поэтому считали его то богомъ Олимпа, то богомъ Ада, смотря по времени года. Слѣдовательно, сказаніе о смерти и воскресеніи Вакха связано непосредственно съ расцвѣтомъ и увяданіемъ природы во время годичнаго теченія времени. Отсюда полагаютъ, что Вакхъ олицетворялъ солнце и видимое теченіе по знакамъ зодіака. Отсюда же, вѣроятно, названъ онъ въ орфеевыхъ мистеріяхъ, Фанисъ (свѣтлый) Мы привели эти сказанія о смерти Вакха въ двухъ варіантахъ съ тѣмъ, чтобы припомнить читателю намеки на нихъ въ обрядѣ „шулячка". Первый напоминаетъ разрываніе шуляка бабами и отдачу головы его начальницѣ праздника, другой намекаетъ на обычай бабъ толкать другъ дружку въ лужу, которая, должно быть, изображаетъ море, куда бросился Вакхъ, испуганный Ликургомъ.

Насъ занимаетъ только еще одинъ вопросъ: почему этотъ обрядъ носитъ названіе „Шулякъ?" Шулякомъ у насъ называется хищная птица, извѣстная еще подъ названіемъ Кани, по русски шулятникъ, коршунъ (Falco milvus), слѣдовательно, близкій родичъ Ястреба (Falco polumbarius) и сокола (Falco gentelis); но отъ древнихъ грековъ мы знаемъ, что египетскаго бога Озе-

риса представляли съ головой ястреба или сокола, культъ же Озериса былъ перенесенъ Ѳракійцемъ Орфеемъ въ Грецію подъ именемъ культа Вакха; вѣроятно, первоначально Вакхъ заимствовалъ у Озериса эту форму въ видѣ ястребиной или соколиной головы, но впослѣдствіи она забыта. И это намъ кажется очень вѣроятнымъ, потому что тому же Озерису давали еще видъ вола, но греческому Вакху отъ этого вида остались только едва роги, отчего онъ получилъ эпитетъ Bicornis. Очевидно, онъ постепенно терялъ видъ египетскаго Озериса быка, принимая все больше и больше видъ человѣка, оставшись только съ бычачьими рогами. Это наше предположеніе доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что мы знаемъ связующее звено этихъ двухъ концевъ метаморфозы: въ Элидѣ въ честь Вакха распѣвался древній гимнъ, который приписывалъ ему бычачьи ноги. Поэтому, если одно изображеніе сохранило слѣдъ, то другое легко могло совсѣмъ затеряться. Культурные памятники древности могли и не сохранить намъ изображенія Вакха съ ястребиной головой, но народная традиція въ какихъ нибудь глухихъ углахъ Ѳракіи, въ первоначальномъ мѣстѣ распространенія культа, сохранила символически представленіе въ видѣ хищника, особенно опаснаго для домашней птицы, о богѣ, какъ о великомъ охотникѣ или Загреѣ (Zagreus), подъ какимъ именемъ извѣстенъ былъ Вакхъ у Орфейцевъ. Посему славяне, часто сосѣдившіе и приходившіе въ соприкосновеніе съ Ѳракійцами, могли отъ послѣднихъ заимствовать и самый обрядъ, и символическое представленіе о Вакхѣ въ видѣ хищной птицы. Но почему славяне замѣнили ястреба и сокола шулякомъ, хотя и родственной птицей, я не знаю, но усматриваю нѣкоторую связь между Вакхомъ и шулякомъ въ свойствѣ, которое послѣднему приписываетъ народъ. У насъ почему-то думаютъ, что шулякъ всегда ждетъ влаги, и потому говорятъ о человѣкѣ, ожидающемъ чего нибудь съ нетерпѣніемъ: „Чыкавъ, якъ каня дощу". У поляковъ тоже самое „pragnie, jak kania deszczu". А Вакхъ, какъ извѣстно, почитался богомъ небесной и земной влаги и обусловливаемой ею и солнечнымъ тепломъ живой силы природы.

Еще маленькое соображеніе. Новосельскій, перечисляя слова производныя отъ *cor* (солнце) включаетъ въ это число и наши *коршунъ, коржъ* (Lud ukr. стр. 50 и 53), но *коршунъ* тоже значитъ, что и шулякъ, *коржи* иногда употребляются также съ названіемъ „шуляки". На Макковея (перваго августа) у насъ, по деревнямъ, считается обязательнымъ къ обѣду въ тотъ день приготовить коржи съ медомъ и макомъ, и это блюдо называется „шуляками". У классическихъ народовъ былъ тоже обычай приготовлять опрѣсноки (коржи, пляцки) съ медомъ, молокомъ, чечевицей, которые главнымъ образомъ употреблялись при жертвоприношеніяхъ въ честь Вакха и назывались libum. Здѣсь опять я нахожу какую то таинственную связь между шулякомъ и Вакхомъ. Изъ всего этого я вывожу заключеніе, что обычай „гоныты шуляка" имѣетъ несомнѣнное сходство съ Пріапеями древнихъ грековъ, хотя съ большой примѣсью Вакхова культа и съ сильной окраской, которую онъ получилъ отъ индивидуальныхъ особенностей нашего національнаго характера.

Здѣсь невольно бросается въ глаза аналогія какъ главныхъ чертъ обоихъ обрядовъ (хотя бы, напримѣръ, руководящая роль женщинъ въ празднествѣ, цинизмъ, требуемый самой идеей праздника, присущаго Вакханаліямъ, и прочія ритуальныя подробности), такъ равно и мелкія черты (бѣлые платки въ этотъ день на головахъ бабъ, которыя вѣроятно заимствовали бѣлый цвѣтъ своихъ платковъ отъ жрицъ въ бѣлыхъ одеждахъ во время Вакховыхъ празднествъ). Несомнѣнно, въ обычаяхъ нашего народа сохранилось много такихъ обломковъ языческихъ обрядовъ, которые имѣютъ разительное сходство съ языческими культами древняго міра, на что указали уже г.г. Веселовскій въ колядкахъ и Сумцовъ въ свадьбѣ, но еще много осталось обычаевъ и народныхъ праздниковъ, которымъ пока не найдено объясненія. И эти пока необъясненные обряды, я думаю, объяснились бы, если бы тщательно сравнили ихъ съ аналогическими праздниками языческихъ культовъ древнихъ классическихъ народовъ и отчасти Скандинавскихъ. По моему мнѣнію, больше всего отразился въ нашихъ обычаяхъ культъ Вакха, сильно переплетясь съ культомъ Аполлона; оно и понятно, но

тому что эти культы у самихъ грековъ и римлянъ очень сблизились: гдѣ начинался культъ Вакха и гдѣ оканчивался культъ Аполлона—очень трудно было рѣшить: Вакхъ—братъ и другъ бога Аполлона; послѣдній подѣлился даже съ братомъ своимъ главнымъ святилищемъ въ Дельфахъ. Когда Аполлонъ удалился изъ Дельфійскаго храма, Вакхъ занималъ его мѣсто. Въ Дельфійскомъ храмѣ Аполлона показывали даже могилу Вакха, который умиралъ на зиму, но при наступленіи зимняго солнцестоянія онъ снова возвращался къ жизни, и серца людей наполнялись радостью и надеждой на урожай. Въ скандинавской миѳологіи есть также богъ, напоминающій собою въ общихъ чертахъ культъ Вакха съ примѣсью культа Аполлона. Я говорю о Фреѣ, богѣ плодородія, во власти котораго были погода и солнечное сіяніе; ему посвящали праздникъ *голъ*, который совпадалъ со временемъ зимняго солнцестоянія. Впослѣдствіи этотъ праздникъ перенесенъ на Рождество Христово, которому и теперь еще народъ даетъ названіе *голя*. Культы этихъ двухъ боговъ больше всего отразились въ обломкахъ языческихъ обрядовъ нашего народа. Въ Рождественскихъ святкахъ обнаруживается, главнымъ образомъ, почитаніе Вакху и Фрею. Г. Веселовскій высказываетъ мнѣніе, что на Рождественскихъ святкахъ отразилось вліяніе праздниковъ Бруналій или Гіемалій, установленныхъ въ честь Ѳракійскаго Вакха, Сатурналій въ честь Сатурна, римскаго бога земледѣлія, и Опалій въ честь супруги послѣдняго; оспаривать этого мнѣнія я не намѣренъ и допускаю даже, что славяне могли заимствовать нѣкоторыя черты изъ указанныхъ трехъ римскихъ праздниковъ черезъ румынъ, заимствовавшихъ ихъ въ свою очередь непосредственно отъ Римлянъ. Но допустивъ это, я полагаю, что заимствованіе это совершилось очень легко, потому что встрѣтило нѣчто сродное этимъ праздникамъ въ вѣрованіяхъ славянъ. Славяне несомнѣнно заимствовали, какъ я сказалъ выше, культы Вакха, вѣроятно раньше вліянія римскаго отъ Ѳракійцевъ, а въ этомъ культѣ былъ праздникъ Антестерій въ честь Вакха. Антестеріи же не только имѣли сходныя черты съ Сатурналіями, но даже праздновались въ одно съ ними время и дали свое имя гре-

ческому мѣсяцу, который назывался антестеріемъ и соотвѣтствовалъ нашему декабрю. И мнѣ кажется, что третій день этого праздника, хутросъ, т. е. день горшковъ, потому что въ этотъ день приносили полные горшки различныхъ хлѣбныхъ зеренъ въ жертву Меркурію, особенно отразился на нашемъ праздникѣ Маланкѣ, такъ какъ въ этотъ день играли комедіи, а извѣстно, что наша деревенская молодежь въ день Маланки тоже играетъ комедіи, въ которыхъ главная роль принадлежитъ козѣ (коза была посвящена Вакху); можетъ быть, здѣсь же надо искать начала нашего вертепа.

Но что особенно достойно замѣчанія, такъ это то, что щедривки, извѣстныя подъ именемъ „Маланки", совсѣмъ схожи съ шуляковой пѣсней, которую я привелъ въ описаніи празднованія шуляка въ окрестностяхъ Немирова, что указываетъ на какую то таинственную связь праздника шуляка съ Маланкой, а чтобъ читатель могъ судить о сходствѣ этихъ пѣсенъ, привожу самую щедривку, гдѣ имя Маланки—щедривки нужно замѣнить словомъ „жинка" шуляковой пѣсни:

Ой вчера изъ вечера
Пасла Маланка два качура (2)
Ой пасла, пасла, загубыла.
Пишла шукаты заблудыла (2)
Заблудыла въ чыстимъ поли,
Тамъ Васыленько плужкомъ оре (2)
Ой Васылю, Васылечку!
Выведы мене на дорожечку (2)
Буду тебе шануваты,
Тры разы на день пидлываты, (2)
Що субботы прорываты,
За русы косы закладаты (2)
Тай до церковньи прыхожаты. (2)
На вулыци дудка свыще:
Выйды, Маланько, Васыль клыче! (2)
Наша Маланка господыня
И помыла, и помастыла,
На каминьчыку нижки мыла, (2)
На каминьчыку нижки мыла,
Тонкій фартухъ замочыла (2)
Стала Маланка, подывылась
Горко, тяжко засмутылась (2)

Повій витре буйнесенькій,
Высушы фартухъ тонесенькій (2)
Повій, витре, черезъ ворота,
Высушы фартухъ, краще злота (2)
Повій, витре сюда-туда,
Высушы фартухъ межи люде,
Повій, витре, самымъ краемъ,
Высушы фартухъ тонкимъ краемъ,
Що бы ненька не пизнала,
Що бы мене не ругала (2) [1].

Но кромѣ всего того, въ Рождественскихъ святкахъ, даже въ мелкихъ ритуальныхъ подробностяхъ и вѣрованіяхъ, видѣнъ Вакховъ культъ: я, по крайней мѣрѣ, вижу его въ „кути“ святаго вечера, которая по составу, хотя не по формѣ, тотъ же libum древнихъ или наши маккавейскіе „шуляки“; я вижу его въ обрядовомъ „струцлѣ“, т. е. длинномъ хлѣбѣ съ концами, раздвоенными въ видѣ двухъ роговъ; хлѣбъ этотъ въ теченіе всѣхъ святокъ, обыкновенно ставится на почетное мѣсто и несомнѣнно служитъ символомъ Вакха, который носилъ названіе Bicornis и Corniger; я, наконецъ, слышу объ этомъ рогатомъ богѣ въ колядкѣ:

А въ поли, поли
Плужокъ ходыть;
А за тимъ плужкомъ
Самъ Богъ изъ рижкомъ.

(Чубин. т. III стр. 428. № 162).

А въ послѣдующей колядкѣ Вакха прославляютъ совмѣстно съ Аполлономъ, богомъ солнца, подъ именемъ бога влаги; греки называли его Гіесъ и установили даже праздникъ въ честь его въ дождливое время года.

Славенъ, славенъ нашъ господарь!
Славенъ есы, славенъ нашъ Господь Богъ на небесы.
Чымъ же воны прославылыся?
Славенъ и пр.
Золотымы теремамы обгородылыся.
Славенъ и пр.
Золоти тыны попидпырани.
Славенъ и пр.

---

[1]) Записано отъ Ивана Ворожка въ Тростянцѣ.

Срибни брамы позачыняни.
Славенъ и пр.
Пане господару, ставайте, не спить.
Славенъ и пр.
Видмыкайте замкы.
Славенъ и пр.
Застылайте столы.
Славенъ и пр.
Кладить калачи изъ ярои пшеныци.
Славенъ и пр.
Бо идутъ до васъ рокови гости.
Славенъ и пр.
Рокови гости, тры товарыщи.
Славенъ и пр.
Первый товарыщъ чымъ ся прославывъ?
Славенъ и пр.
Ясне солнце каже: нема по надъ мене.
Славенъ и пр.
Якъ я зійду въ недилю рано,
Славенъ и пр.
То засіяютъ горы и долыны,
Славенъ и пр.
И церкви и костелы,
Славенъ и пр.
И въ церквахъ престолы,
Славенъ и пр.
Весь мыръ хрыстовый.
Славенъ и пр.
Другый товарыщъ чымъ ся прославывъ?
Славенъ и пр.
Ясный мисяцъ каже: нема по-надъ мене.
Славенъ и пр.
Якъ я зійду темнои ночи,
Славенъ и пр.
То зрадуется весь мыръ въ поли,
Славенъ и пр.
Весь звиръ въ поли, щука рыба въ мори,
Славенъ и пр.
Щука рыба въ мори, чумакъ у дорози,
Славенъ и пр.
Чумакъ у дорози, худоба у вози.
Славенъ и пр.
Третій товарыщъ чымъ ся прославывъ?
Славенъ и пр.
Дрибный дощыкъ каже: нема по надъ мене
Славенъ и пр.

Якъ я спаду тры разы въ маю,
Славенъ и пр.
То зрадуются жыто, пшеныця,
Славенъ и пр.
Жыто пшеныця и всяка пашныця.
Славенъ и пр.
Видъ цего слова бувай же здоровъ!
Славенъ и пр.
Бувайте здоровы, пане господарю.
Славенъ и пр.
Дождалысь свята, святкуйте здорови,
Славенъ и пр.
Не самъ съ собою: съ дитьмы, съ жинкою
Славенъ и пр.
Другихъ просить у Бога здоровья
Славенъ и пр.

(Записано отъ Петра Сандуляка въ Тростянцѣ).

Остается сказать нѣсколько словъ о сходствѣ нѣкоторыхъ нашихъ обычаевъ во время Рождественскихъ святокъ съ норманскимъ *гольскимъ* праздникомъ. Шайноха въ своей интересной книгѣ „Lechicki początek polski" находитъ очень много сродныхъ чертъ въ обычаяхъ нормановъ съ нашими южно-русскими и польскими, и между прочимъ говоритъ объ гольскомъ норманскомъ обычаѣ. „Въ пору нашихъ Рождественскихъ святокъ Норманы совершали празднество въ честь своего бога Тора (по моему Фрея), самый большой языческій праздникъ, такъ называемое *гольское* торжество Турицы (turrуce). Приносили они тогда въ честь Тора, или солнцу, большія жертвы изъ хлѣбныхъ зеренъ и разнообразныхъ блюдъ, застилали соломой весь полъ въ комнатѣ, ставили снопы хлѣба въ углахъ, ѣли въ честь бога разныя кушанья, гадали на счетъ будущаго урожая и проч. Остались въ Швеціи понынѣ остатки этого обычая и приноровлены впослѣдствіи къ христіянскому празднику, составляя тамъ часть кануна Рождества Христова (святаго вечера), празднуемаго въ такое-же время и у насъ".

Къ обычаямъ того-же гольскаго праздника относились нѣкоторые обряды надъ домашними животными. Въ эти дни выбирали самаго дороднаго кабана и, предназначивши его въ жертву въ будущемъ времени, откармливали; затѣмъ, когда кабанъ въ

достаточной мѣрѣ откармливался, его торжественно закалывали во время весенняго праздника. Напоминаетъ это намъ нашихъ пасхальныхъ поросятъ, наши окорока (Lechicki początek polski стр. 220—221). Я не думаю приводить здѣсь аналогичныхъ обычаевъ нашихъ святокъ, потому что приведенная цитата вызоветъ у всякаго читателя, родившагося на югѣ, воспоминанія дѣтства и воскреситъ въ его памяти обычай и дорогія и милыя впечатлѣнія, навѣянныя на него торжественной обстановкой святаго вечера. Не пропущу только безъ замѣчанія мнѣніе г. Веселовскаго объ обрядномъ употребленіи свиного мяса на Рождественскихъ святкахъ въ связи съ жертвоприношеніемъ свиньи въ римскомъ обиходѣ Сатурналій. По моему мнѣнію не проще ли и не легче ли было бы найти эту связь обрядоваго употребленія свинины въ гольскомъ праздникѣ, гдѣ на ряду съ обрядомъ надъ кабаномъ мы находимъ пока много другихъ обычаевъ сродныхъ нашимъ, соблюдаемымъ въ дни рождественскихъ святокъ? Еслибы поискать слѣдовъ Вакхова культа и въ другихъ нашихъ народныхъ праздникахъ, то вѣроятно ихъ можно бы было легко найти; я по крайней мѣрѣ думаю, что эти слѣды есть въ „Колодiѣ", п. ч. уже слово *колодiй* наводитъ на мысль о богѣ-дѣлателѣ весны. Колодiемъ у насъ обыкновенно называется колесникъ, т. е. мастеръ, дѣлающій колеса, въ метафорическомъ же смыслѣ, быть можетъ, названъ былъ этимъ именемъ богъ, дѣлающій колесную дорогу вмѣсто санной, говоря другимъ словомъ, превращающій зиму въ весну. Но кромѣ этого (названіе бога, напоминающаго Вакха), праздникъ *колодiя* имѣетъ большое сходство съ вакханаліями; въ теченіе цѣлой недѣли у бабъ идутъ безконечныя оргіи съ безстыжими пѣснями; каждый день недѣли имѣетъ у нихъ значеніе: въ понедѣльникъ празднуютъ родины бога, во вторникъ *молытвыны*, въ среду крещеніе и пр.—и много другихъ обычаевъ. У поляковъ послѣдній день масляной (колодiя) называется „бахусомъ", т. е. Вакхомъ.

Въ нашихъ пасхальныхъ „гаивкахъ" тоже есть несомнѣнные слѣды Вакхова культа. Къ такимъ гаивкамъ я причисляю „козло", „кострубоньки" и „крывой танецъ". Въ гаивкѣ „козло" слышится какое-то темное молитвенное обращеніе.

Зійды, зійды, козлы
Зійды рано,
Повидай, небоже,
Пускай рано
Якъ дивкы скачуть?
Отъ такъ! отъ такъ!
Зійды, зійды и пр.
Якъ дивкы плещуть?
Отъ такъ! отъ такъ! и пр...

Здѣсь все, кромѣ слова обращенія „Козлы“, не ясно; не обломки ли это трагедіи изъ Вакханаліи? Въ гаивкѣ „Кострубонько“ слышится какъ будто драматическая коллизія, которая должна была произойти въ жизни Аріадны, когда она стала женой Вакха. Она еще не забыла Тезея, она еще любитъ его, но судьба связала ее, правда, съ богомъ, но не съ любымъ и съ такими нравственными качествами, которыя не могли сдѣлать женщину счастливой. Отсюда происходитъ какая-то борьба чувствъ въ душѣ женщины: вы здѣсь слышите и раскаяніе, и нерѣшительность, и повиновеніе долгу, и, наконецъ, радость при извѣстіи о смерти Кострубоньки.

Ой щожъ що я наробыла?
Кострубонька розгнивыла,
Прыйды, прыйды, кострубоньку!
Стану съ тобой до шлюбоньку!
Не прыйду, моя мыла!
На що мене розгнивыла?
Помагай богъ вамъ, кумо!
Вы не бачылы мого Кострубонька?
До лиса поихавъ.
Ой щожъ я наробыла и пр. до помагай бигъ, кумо!
Зъ лиса иде.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Дрова скидае.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Слабый лежыть.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Вмеръ.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Обмываютъ.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Въ шматя вбыраютъ.
Ой щожъ я наробыла и пр.

На лавци лежытъ
Ой щожъ я наробыла и пр.
Въ домовыну кладуть.
Ой щожъ я наробыла и пр.
До гробу повезлы
Ой щожъ я наробыла и пр.
Въ яму спускаютъ.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Я рученькамы прыгарбала.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Нижкамы прытоптала
Ой щожъ я наробыла и пр.
Морквою номынала.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Гирке зъ нымъ жытя мала.

Начало этой драмы мы находимъ въ гаивкѣ „крывой танецъ"; въ ней даже есть жалоба на то, что отдали за „нелюба".

Крывого танця
Та не выведу кинця;
Треба его выводыты,
Кинець ему находыты...
А я его звела
Вчера изъ вечера,
Повишала его на дерево,
Въ терно на дерево;
На терновомъ килочку,
На шовковомъ шнурочку.
Моя ненька взяла
Та нелюбови дала;
Якъ бы я була знала,
Съ кропывою бы перемишала.

Меня могутъ спросить: на какомъ основаніи я сближаю эти двѣ гаивки и вижу въ одной продолженіе другой? Но читатели, вѣроятно, помнятъ, что шулякъ и кострубонька одно и тоже лицѐ, т. е. Вакхъ, мужъ Аріадны. М. С. даже думаетъ что „Кострубъ" есть только значительное измѣненіе названія „Ястреба", который извѣстенъ у нас подъ именемъ „шулякъ" и которому усвояютъ эпитетъ кострубатаго. Онъ это измѣненіе объясняетъ такимъ образомъ: „Названіе ястребъ", малорус. „яструбъ", перешло въ богемск. и словац. въ „gastrab". Черезъ перемѣну начальной согласной *г* на *к* и гласной *а* на *о* (что

очень обыкновенно въ славянскихъ нарѣчіяхъ), появилось название „Кострубъ“.

У римлянъ до поздняго времени сохранился праздникъ, установленный въ память женитьбы Вакха на Аріаднѣ, потому что уже Антоній съ Клеопатрой во время этого праздника, разъѣзжая въ колесницѣ съ тиреями въ рукахъ, изображали: онъ—Вакха, она—Аріадну.

Что касается гаивки „Крывой танецъ“, то она несомнѣнно имѣетъ связь съ сагой о побѣдѣ, одержанной Тезеемъ надъ Минотавромъ. Извѣстно, какую огромную помощь оказала Аріадна Тезею въ этой побѣдѣ. И благодарные юноши и дѣвы, освобожденные при помощи клубка Аріадны изъ Лабиринта, установили въ память этого событія праздникъ.

Они во время этого торжества, увѣнчавъ кудри миртомъ и розами, при радостныхъ кликахъ и пѣніи, плясали веселую пляску, ряды ихъ во время этого танца то мѣшаются, то путаются, выдѣлывая фигуры, похожія на запутанныя извилины Лабиринта. Представляю рѣшить читателю, не имѣетъ ли это сходство съ нашимъ „крывымъ танцемъ?“

Наконецъ, нѣсколько словъ о писанкахъ, такъ какъ на нихъ я замѣчаю тоже отраженія культа Вакха Въ этомъ культѣ яйцо играло огромную роль: у Римлянъ оно, окрашенное, употреблялось при разныхъ играхъ, религіозныхъ обрядахъ и при очищеніи отъ грѣховъ; оно такъ-же, какъ солнце, все оживляющее и рождающее, приносилось въ жертву Вакху и освящалось въ дни праздниковъ, посвященныхъ этому богу. Въ орфическихъ таинствахъ, говоритъ Новосельскій (Lud ukr. т. 1 ст. 147) яйцо было символомъ очищенія и духовнаго возрожденія. Поэтому, я думаю, никто не почтетъ большой смѣлостью съ моей стороны, если я стану искать нѣкоторыхъ писаночныхъ орнаментовъ въ культѣ Вакха. А я съ большой вѣроятностью допускаю, что орнаменты *сосонка*, *дубовы лыстя*, *выноградный лыстъ*, *выноградъ*, *баклажекъ*, *плугове желизо*, *бысагы и*, можетъ быть, многія другія найдутъ объясненіе въ культѣ Вакха. Первыя два потому, что ель и дубъ были посвящены Вакху. Виноградъ, виноградный лыстъ и баклажекъ потому, что Вакхъ первый

научилъ винодѣлію; плугове железо—по той-же причинѣ, такъ-какъ Вакхъ почитался тоже изобрѣтателемъ плуга, а бысаги (bisaccium), быть можетъ, означали тотъ кошель (licnon), безъ котораго ни одинъ обрядъ, совершаемый въ честь Бахуса, не считался законнымъ.

Я на этомъ оканчиваю и еще разъ прошу извиненія у читателя за то, что, быть можетъ, я простеръ свои аналогіи слишкомъ далеко, не обосновавъ ихъ въ достаточной мѣрѣ; но я въ свое оправданіе скажу, что въ нихъ я не дѣлалъ натяжки; я ихъ не подбиралъ и не подыскивалъ: онѣ мимо воли складывались въ моемъ умѣ, а мой инстинктъ подсказалъ мнѣ, что у нихъ есть свой raison d'etre. Дѣло людей науки обосновать ихъ, если они найдутъ ихъ правильными.

Сергѣй Венгрженовскій.

ДЕСЯТИНЩИКИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Историко-статистическій очеркъ).

Посвящается Владиміру Бонифатьевичу Антоновичу.

Десятинщики херсонской губерніи въ пестромъ населеніи новороссійскаго края представляютъ группу, довольно значительную по численности и весьма оригинальную по основнымъ чертамъ своего экономическаго быта. Эта группа населенія, возникшая подъ вліяніемъ цѣлаго ряда предшествующихъ измѣненій въ исторической судьбѣ края, въ настоящемъ своемъ видѣ сложилась сравнительно въ недавнее время, послѣ крестьянской реформы 1861 года, неожиданно поставившей десятинщиковъ въ положеніе забытой группы земледѣльческаго населенія. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства современный экономическій бытъ херсонскихъ десятинщиковъ привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе. Охарактеризовать этотъ бытъ въ связи съ историческими вліяніями, вызвавшими тѣ или иныя его черты, и составляетъ задачу настоящаго очерка.

Число десятинщиковъ въ херсонской губ., по даннымъ статистическаго изслѣдованія 1885—86 годовъ, а также за 1889 г., достигаетъ 115000 душъ обоего пола, что составляетъ около 7,15% сельскаго населенія губерніи, или около 5,30% всего населенія въ губерніи, не исключая и городовъ. Живутъ десятинщики въ 1094 поселеніяхъ, изъ которыхъ около 280 поселеній населено исключительно десятинщиками. Разселились

десятинщики преимущественно въ западной части губерніи, въ уѣздахъ ананьевскомъ, тираспольскомъ и одесскомъ. На эти три уѣзда, занимающіе почти $^1/_3$ пространства всей губерніи, приходится десятинщиковъ почти въ 3 раза больше, чѣмъ на остальную ея часть. Херсонскіе десятинщики, по основному статистическому описанію губерніи, составляютъ около 20000 земледѣльческихъ хозяйствъ, запахивающихъ до 195000 десятинъ земли и имѣющихъ въ общемъ своемъ составѣ 40 съ лишнимъ тысячъ рабочихъ лошадей, около 15 тысячъ воловъ, 80 съ лишнимъ тысячъ остальнаго крупнаго и почти 100 тысячъ мелкаго скота,—и тѣмъ не менѣе являются полукочевымъ населеніемъ, такъ какъ, не имѣя своей земли и занимаясь хлѣбопашествомъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, они по различнымъ причинамъ очень часто переходятъ отъ одного владѣльца къ другому на разстояніи десятковъ верстъ.

Отличительная черта быта десятинщиковъ, какъ особой группы земледѣльческаго населенія, помимо безземелья, заключается еще въ томъ, что десятинщики снимаютъ землю исключительно по сдѣлкамъ. Чиншевики и „поссессоры“ (арендаторы) отличаютъ себя и въ дѣйствительности отличаются отъ десятинщиковъ, такъ какъ сидятъ на землѣ прочнѣе этихъ послѣднихъ, ведя хозяйство на капиталистическихъ основаніяхъ, тогда какъ десятинщики связаны съ землей исключительно трудовымъ началомъ.

Сопряженный съ значительными затрудненіями по существу земледѣльческаго занятія, переходъ десятинщиковъ отъ одного землевладѣльца къ другому обусловливается, главнымъ образомъ, быстрымъ передвиженіемъ землевладѣнія изъ рукъ въ руки, особенно рѣзко проявляющимся въ западной части херсонской губерніи въ силу сравнительнаго экономическаго и вообще культурнаго неустройства этой мѣстности, позже другихъ примкнувшей къ общему строю экономическихъ и общественныхъ отношеній въ новороссійскомъ краѣ. Смѣна владѣльцевъ и арендаторовъ земли очень часто сопровождается повышеніемъ съемныхъ платъ за землю, что наичаще вынуждаетъ десятинщиковъ переходить съ мѣста на мѣсто. Нельзя не замѣтить при этомъ,

что нерѣдки случаи передвиженія десятинщиковъ и безъ особыхъ поводовъ со стороны владѣльцевъ земли, а, повидимому, въ силу положенія вещей, выработавшаго у нихъ склонность не засиживаться долго на одномъ мѣстѣ, на что указываютъ сами десятинщики, объясняя часть своихъ передвиженій пословицей: „хочъ гирше, абы инше".

Полукочевой бытъ десятинщиковъ налагаетъ печать и на ихъ поселенія. „Отсутствіе своей хаты, постоянный переходъ отъ одного пана къ другому, необезпеченность завтрашняго дня—говорятъ изслѣдователи одесскаго уѣзда,—все это наложило грустный отпечатокъ на житье десятинщиковъ... И дѣйствительно, для чего десятинщику строить хату на чужой землѣ, пристраивать сарай, разводить садокъ, копать криницу, когда онъ не знаетъ, долго ли онъ останется на этомъ мѣстѣ, когда, быть можетъ, въ слѣдующемъ году ему придется искать хату за 30 верстъ отсюда. И вотъ отчего можно почти всегда, по первому взгляду, отличить поселеніе десятинщиковъ отъ крестьянскаго: куча безпорядочно разбросанныхъ землянокъ, глубоко сидящихъ въ землѣ, неокопанные дворы, развалившіеся сараи, сдѣланные большею частію изъ навоза и кое-какъ прикрытые сверху бурьяномъ. Ни одного деревца вокругъ жилья, вообще отсутствіе уютности, домовитости и хозяйскаго глаза,—все это говоритъ, что въ такомъ поселкѣ живутъ десятинщики" [1]).

Живутъ десятинщики въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ построенныхъ землевладѣльцами хатахъ, напоминающихъ своимъ видомъ землянки. Въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи у десятинщиковъ сравнительно больше хатъ, построенныхъ ими самими на владѣльческой землѣ или въ рѣдкихъ случаяхъ на землѣ крестьянскихъ обществъ, но и въ этихъ уѣздахъ гораздо большая часть десятинщиковъ живетъ въ владѣльческихъ хатахъ. Преобладающія платы за жилье 5—10 рублей въ годъ за землянки („гадючники") и 15—30 р. за хаты съ крышей—„верховыя". Хозяйственныя постройки у десятинщиковъ сооружают-

---

[1]) Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ., т. 1-й, одесскій уѣздъ, стр. 58.

ся изъ земли, навоза и бурьяну почти всегда ими самими. Собственныя хаты рѣдки у десятинщиковъ потому, что, въ случаѣ перехода, десятинщику пришлось бы продавать свою хату владѣльцу земли за цѣну, меньшую ея стоимости, или перевозить съ собою, что представило бы большія затрудненія. Хозяйственныя постройки устраиваются десятинщиками съ возможно меньшими затратами, почему и случается обыкновенно, что съ переходомъ десятинщика постройки на его прежней временной осѣдлости ничего не стоятъ.

Съемныя цѣны на землю, снимаемую погодно десятинщиками, довольно разнообразны въ различныхъ мѣстностяхъ херсонской губерніи въ зависимости отъ плодородія почвы, отъ густоты населенія въ данной мѣстности, отъ разстоянія до пунктовъ сбыта продуктовъ и т. д. При всемъ разнообразіи съемныхъ цѣнъ на землю, ихъ, однако, можно подраздѣлить по двумъ полосамъ губерніи: въ южной полосѣ съемныя цѣны колеблются, по даннымъ хозяйственно-статистическихъ обзоровъ херсонской губерніи, наичаще отъ 4 до 8 рублей, при преобладаніи 6 рублей за десятину, въ сѣверной же полосѣ колебанія цѣнъ опредѣляются 6—10 рублями, при преобладаніи 8 рублей за десятину.—Снимаютъ землю десятинщики не только за деньги, но и за копу. Въ южной части губерніи, владѣльцу земли, при скопщинной съемкѣ, наичаще дается четвертая копа, или разъ четвертая, другой—третья ($\frac{1/4+1/3}{2}$); въ сѣверной же полосѣ губерніи владѣлецъ получаетъ наичаще третью копу съ приплатой одного рубля отъ снимаемой десятины, или съ отработкой въ теченіе нѣсколькихъ дней въ зависимости отъ существующаго въ извѣстной мѣстности обыкновенія. Въ Побужьи довольно распространена съемка за *оторъ*: за десятину снимаемой земли десятинщикъ выорываетъ владѣльцу ея $1/4$, а мѣстами и $1/3$ десятины, при чемъ всю снимаемую землю (свою и владѣльческую части) десятинщикъ обязанъ засѣвать своими сѣменами. Такая форма землепользованія спорадически встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ херсонщины, преимущественно въ южной ея полосѣ.

За выпасъ скота десятинщики плотятъ отъ 2 до 5 рублей за крупную штуку. Эти платы по губерніи отличаются такимъ же разнообразіемъ, какъ и отмѣченныя выше съемныя цѣны за землю. Высота платъ за выпасъ скота въ большинствѣ случаевъ прямо пропорціональна съемнымъ платамъ, хотя наблюдаются мѣстами и рѣзкія отступленія въ сторону повышенія платъ за выпасъ скота. Объясняется это не естественными свойствами выпасовъ, а ненормальными экономическими отношеніями, обусловливаемыми склонностью нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ десятинщиковъ.

Таковы существенныя внѣшнія черты быта десятинщиковъ. Прослѣдимъ теперь, подъ воздѣйствіемъ какихъ историческихъ вліяній складывался этотъ бытъ.

Группа десятинщиковъ, какъ особый общественный слой въ новороссійскомъ краѣ, начала складываться настолько давно, что правительственная колонизація его послѣ присоединенія къ Росссіи при Екатеринѣ II застала десятинщиковъ, занесенныхъ сюда естественнымъ потокомъ народной колонизаціи, а въ 1804 году русское иравительство уже обнародовало „положеніе объ обязанныхъ поселянахъ“, подъ которыми, какъ увидимъ ниже, и понимались десятинщики.— По этому положенію выходцы изъ разныхъ мѣстъ, поселившіеся на помѣщичьихъ земляхъ и исполнявшіе въ отношеніи къ помѣщикамъ принятыя ими на себя обязательства, сохраняли личную свободу, при чемъ помѣщикамъ запрещалось „укрѣплять“ за собою такихъ поселянъ.

Терминъ, принятый для обозначенія описываемаго сословія, встрѣчается въ литературѣ съ различными толкованіями, въ ряду которыхъ встрѣчаемъ между прочимъ производство этого слова отъ подесятинной съемки земли. Но такое толкованіе является однимъ изъ тѣхъ недоразумѣній при объясненіи историческихъ явленій, какія происходятъ вслѣдствіе произвольнаго перенесенія позднѣйшихъ признаковъ явленія на время предшествующее, когда такіе признаки вовсе не имѣли мѣста. Статистическое изслѣдованіе херсонской губерніи даетъ иное объясненіе названія „десятинщикъ“. На Поднѣстровьѣ еще и теперь обращается въ обиходѣ слово „дежма“, т. е. десятая доля, упо-

требляемое для обозначенія особыхъ экономическихъ отношеній, широко практиковавшихся здѣсь раньше, а въ настоящее время сохранившихся лишь въ видѣ переживанія. Такъ, еще и въ настоящее время десятинщики мѣстами уплачиваютъ въ пользу землевладѣльца дежму, т. е. $^1/_{10}$ долю съ птицы и пчелъ, разводимыхъ на его землѣ.

Документальное свидѣтельство о дежмѣ находимъ въ отмѣченномъ выше „положеніи“ объ обязанныхъ поселянахъ. „Положеніе“ 1804 года, ближайшимъ образомъ вызванное протестомъ переселившихся въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Бессарабіи молдаванъ противъ закрѣпощенія ихъ новороссійскими помѣщиками, обязываетъ ихъ, между прочимъ, по ихъ обычаю, уплачивать помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ они вели хозяйство, десятую долю продуктовъ земледѣлія и скотоводства (деньгами или натурою, по соглашенію). „Положеніе“ при этомъ налагало на поселянъ обязательство 3 дня въ году косить бурьянъ, замѣнявшій лѣсъ, какъ матеріалъ для топлива въ херсонской губерніи, и 4 дня въ году работать въ виноградникахъ землевладѣльцевъ съ платой по 25 копѣекъ въ день. Любопытно, что налагаемое „положеніемъ“ обязательство молдавскихъ выходцевъ оставаться на тѣхъ земляхъ, гдѣ ихъ застала ревизія 1785 года, вслѣдъ за тѣмъ было съ нихъ снято вслѣдствіе непрекращающихся недоразумѣній съ помѣщиками.

Такъ свидѣтельствуетъ о десятинщикахъ молдаванахъ „Положеніе объ обязанныхъ поселянахъ“ 1804 года.

Но не одни молдаване на описанныхъ правахъ селились на владѣльческихъ земляхъ. Въ памяти старожиловъ въ различныхъ мѣстахъ тираспольскаго, одесскаго и ананьевскаго уѣздовъ въ сторонѣ отъ молдавскихъ поселеній сохранились воспоминанія о платѣ за землю $^1/_{10}$ частью продуктовъ замледѣлія и другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Такія преданія находятъ подтвержденіе въ общихъ условіяхъ перваго періода новѣйшей колонизаціи новороссійскаго края, хотя правительственные указы и запрещали выходцамъ изъ внутреннихъ губерній селиться на правахъ обязанныхъ поселянъ, но запрещеніе это шло въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ ходомъ колонизаціи въ краѣ, и

указы оставались недѣйствительными. Если среди херсонскихъ помѣщиковъ и были охотники „укрѣплять“ за собою людей вольныхъ, то это удавалось лишь немногимъ, такъ какъ по сосѣдству находилась „вольная“ Бессарабія, гдѣ выходцы изъ разныхъ мѣстъ, поселившіеся въ херсонской губерніи, всегда могли найти пріютъ, безвозвратно оставивъ несговорчиваго патрона. По этой причинѣ въ херсонской губерніи, главнымъ образомъ, и упрочилось первоначально не крѣпостное, а десятинщицкое право.

„Бѣглые Новороссіи“ настолько популярны, что въ нашемъ очеркѣ достаточно ограничиться нижеслѣдующими подробностями. Разсказы старожиловъ о спеціальныхъ экспедиціяхъ во внутреннія губерніи довѣренныхъ лицъ отъ херсонскихъ помѣщиковъ для зазыва населенія на вольныя земли находятъ подтвержденіе въ частыхъ правительственныхъ указахъ о бродягахъ и бѣглыхъ, грозившихъ этимъ послѣднимъ рекрутствомъ, арестантскими ротами и Сибирью и вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно свидѣтельствующихъ, что всѣ тѣ бѣглые пользовались поддержкой въ самомъ новороссійскомъ краѣ. Такіе указы не могли побудить помѣщиковъ не принимать бѣглыхъ уже по одному тому, что другіе указы въ то-же самое время велѣли заселять розданные на рангъ земли.

Зазываніе на слободы, широко примѣнявшееся въ первой половинѣ 18 столѣтія въ правобережной Украинѣ, повторилось въ новороссійскомъ краѣ въ концѣ того же и въ началѣ 19 столѣтія, при новыхъ условіяхъ, нѣсколько видоизмѣнившихъ его въ подробностяхъ, но въ общемъ выражавшихъ тотъ же внутренній смыслъ: и здѣсь мы видимъ, съ одной стороны, поиски за вольною землею, а съ другой—стремленіе землевладѣльцевъ края использовать по мѣрѣ возможности пустующія земли.— Въ такомъ положеніи новороссійскія степи находились еще значительно раньше отмѣченнаго предъ этимъ времени, къ которому относятся опредѣленныя преданія и документальныя свидѣтельства о занимающей насъ группѣ десятинщиковъ.

Съ теченіемъ времени составъ группы десятинщиковъ—выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ Украины—постепенно измѣнялся.

Неопредѣленность общественной правоспособности этого сословія, какъ увидимъ ниже, не могла не способствовать стремленію наиболѣе дѣятельныхъ элементовъ выйти изъ этого сословія; а слабѣйшіе элементы не могли избѣжать закрѣпощенія, какъ это хорошо помнятъ многіе старожилы въ краѣ. Но на ряду съ этимъ составъ десятинщиковъ пополняется притокомъ новыхъ элементовъ. Въ теченіе всей первой половины настоящаго столѣтія въ положеніе десятинщиковъ становились такъ называемые „безсмертные“ мѣщане, т. е. бѣглые, записывавшіеся въ мѣщанскія общества не подъ своими именами, а съ именами умершихъ членовъ этихъ обществъ. Случалось, что имя и фамилія подлиннаго мѣщанина переходила послѣдовательно отъ одного къ другому изъ бѣглыхъ Новороссіи въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Возможность избѣгать такимъ путемъ личнаго закрѣпощенія привела многихъ въ ряды лично свободныхъ десятинщиковъ.

Нѣмецкая колонизація въ Новорosсіи въ свою очередь дала элементы для сословія десятинщиковъ, съ одной стороны, потому что не всѣмъ нѣмцамъ удалось получить тамъ надѣльные участки земли, съ другой стороны, потому, что при недѣлимости надѣльныхъ участковъ у нѣмцевъ-колонистовъ, потомкамъ первыхъ колонистовъ часто приходилось искать на сторонѣ землю для веденія хозяйства.

При такомъ положеніи нѣмцы, не имѣвшіе средствъ для пріобрѣтенія земли въ частную собственность, примѣняясь къ мѣстнымъ экономическимъ отношеніямъ, сложившимся въ краѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ точно также поступали въ ряды десятинщиковъ.

Въ силу такого же приспособленія къ распорядкамъ мѣстной жизни, десятинщиками становились изрѣдка и безземельные евреи, склонные къ земледѣлію.

Наиболѣе значительный притокъ новыхъ элементовъ въ сословіе десятинщиковъ послѣдовалъ въ недавнее время, въ промежутокъ между 1861 и 1869 годами, при надѣленіи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ землею. Дворовые крестьяне въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при введеніи крестьянской реформы,

остались безъ надѣловъ; между оброчными крестьянами оказалось также не мало такихъ, которые отказались отъ надѣловъ, изъ опасенія, чтобы надѣленіе землею въ будущемъ не послужило поводомъ для новаго укрѣпленія; наконецъ крестьяне мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ большею частію остались также безъ земли. Всѣ эти группы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получивъ освободительные акты, записывались въ мѣщане разныхъ городовъ. Часть ихъ затѣмъ ушла въ города для добыванія хлѣба ремесломъ и другими видами городскихъ занятій, большая же часть, назвавшись мѣщанами, не порвала связей съ земледѣльческимъ занятіемъ, самымъ распространеннымъ въ краѣ.

Значительное большинство изъ этой группы земледѣльческаго населенія обратилось такимъ образомъ въ десятинщиковъ. Группа изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ является наиболѣе многочисленною среди десятинщиковъ херсонской губерніи и придаетъ довольно яркую окраску всему сословію десятинщиковъ. Десятинщиковъ и теперь часто называютъ мѣщанами, такъ называютъ себя большею частію и сами они, опредѣляя свое сословіе; мѣщанинъ въ херсонской губерніи въ глазахъ мѣстнаго населенія—синонимъ убожества и экономической зависимости. Десятинщики изъ „актовыхъ", т. е. крестьянъ, получившихъ освободительные акты, называютъ себя „выпханцями". Такое названіе, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ большинству десятинщиковъ. „Выпханци"—тѣмъ болѣе характерное явленіе, что историческій ходъ событій поставилъ ихъ въ ряды сословія, пользовавшагося, какъ отмѣчено выше, сравнительнымъ благосостояніемъ. Современныя экономическія отношенія въ новороссійскомъ краѣ по сравненію съ концомъ прошлаго столѣтія измѣнились до неузнаваемости, и десятинщики происшедшими измѣненіями поставлены въ совершенно новое положеніе. Въ концѣ прошлаго столѣтія землевладѣльцы, всѣми мѣрами втискивая десятинщиковъ, взымали съ нихъ за землю только десятую долю продукта, а въ настоящее время повышеніемъ и безъ того значительныхъ платежей за землю землевладѣльцы вызываютъ усиленныя передвиженія десятинщиковъ съ мѣста на мѣсто.

День Покрова (1 октября) для херсонскихъ десятинщиковъ то же, что былъ когда-то Юрьевъ день (17 октября) для крестьянъ въ Великороссіи, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что для великорусскихъ крестьянъ Юрьевъ день былъ днемъ желаннымъ, а день Покрова—тяжелый день для десятинщиковъ, вынужденныхъ сниматься съ мѣста и иногда попадающихъ въ положеніе „выпханцевъ". Уголки, гдѣ десятинщики живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ „съ предкивъ", являются рѣдкимъ исключеніемъ, а патріархальныя отношенія между землевладѣльцами и десятинщиками отошли уже въ область преданія, какъ и *дежма*, сохранившаяся только въ названіи нынѣшнихъ десятинщиковъ.

Домашній бытъ десятинщиковъ таковъ же, какъ и бытъ мѣстныхъ крестьянъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ той части хозяйствъ десятинщиковъ, которыя относятся къ разряду наименѣе обезпеченныхъ, убожество выражается еще рѣзче, условія жизни еще болѣе тягостны, чѣмъ въ самыхъ убогихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, такъ какъ крестьянинъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, связанъ съ громадой; всякій крестьянинъ—членъ крестьянскаго общества, и какъ бы ни были неудовлетворительны общественныя распорядки, все же общество такъ или иначе приходитъ на помощь своему члену въ критическихъ случаяхъ жизни; десятинщики же безпомощны въ своей оторванности. Общественная изолированность является тяжелымъ условіемъ для десятинщиковъ. Опредѣленными отношеніями десятинщики связаны только съ землевладѣльцами, на земляхъ которыхъ они живутъ. Дѣятельность земскихъ учрежденій, направленная на удовлетвореніе мѣстныхъ пользъ и нуждъ, не касается десятинщиковъ, такъ какъ, не владѣя землей и другими недвижимыми имуществами, десятинщики не связаны съ земствомъ никакими отношеніями. „Земскія народныя школы, пріемные медицинскіе покои и другіе виды организованнаго содѣйствія земства мѣстному населенію являются посторонними для десятинщиковъ учрежденіями. Мѣстное земство, при всемъ своемъ вниманіи къ потребностямъ многочисленной земледѣльческой группы, въ предѣлахъ своей компетенціи могло только косвенно содѣйствовать улучшенію быта десятинщиковъ. Такъ, по ходатайству херсонскаго губ.

земства передъ правительствомъ въ 1887 г. о надѣленіи землею десятинщиковъ, незначительной части этихъ послѣднихъ удалось получить въ оброкъ земельные участки изъ казенно-оброчныхъ земель. Общественное положеніе десятинщиковъ настолько неопредѣленно, что они не представляютъ даже сословной группы въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ сословномъ отношеніи они лишь номинально связаны съ различными, большею частію далекими мѣщанскими обществами, съ которыми у нихъ нѣтъ никакихъ реальныхъ отношеній; при этомъ десятинщики стоятъ внѣ мѣстнаго волостного и сельскаго управленія. Дѣлами десятинщиковъ вѣдаетъ, такимъ образомъ, только полиція.

Десятинщики херсонской губерніи даютъ въ среднемъ по губерніи свыше 90% хозяйствъ, занимающихся исключительно земледѣліемъ, причемъ въ южныхъ уѣздахъ численность такихъ хозяйствъ поднимается за 95%, а въ сѣверныхъ уѣздахъ до 75% общаго числа десятинщиковъ. Процентное отношеніе числа хозяйствъ десятинщиковъ, занимающихся исключительно земледѣліемъ, къ общему числу десятинщицкихъ хозяйствъ меньше всего въ александрійскомъ уѣздѣ, въ которомъ, вообще говоря, затруднительнѣе брать землю въ съемку, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ херсонской губерніи; достаточно отмѣтить, что александрійскій уѣздъ—наиболѣе плотно населенная и самая малоземельная часть херсонской губерніи [1]). Слѣдующую затѣмъ по численности группу составляютъ десятинщицкія хозяйства, занимающіяся ремеслами наряду съ земледѣліемъ. Процентное отношеніе десятинщиковъ по этому признаку располагается по уѣздамъ губерніи въ обратномъ порядкѣ, достигая въ александрійскомъ уѣздѣ 8,5% общаго числа десятинщиковъ въ этомъ уѣздѣ. Ремесла десятинщиковъ точно такъ-же, какъ и окружающихъ ихъ крестьянъ, разсчитаны на удовлетвореніе элементар-

---

[1]) Въ александрійскомъ уѣздѣ, по хозяйственно-статистическому обзору за 1889 годъ, довольно близкій ко времени основного статистическаго описанія губерніи, приходилось 39 жителей на 1 кв. версту и 2,68 дес. на 1 жителя; тогда какъ въ наименѣе плотно населенномъ одесскомъ у. (безъ одесскаго градоначальства)—22 жителя на 1 кв. версту и 4,72 десятины земли на 1 жителя.

ныхъ мѣстныхъ потребностей, преимущественно распространены ремесла ткацкое, портняжное, сапожное, кузнечное, изрѣдка кожевенное (собственно „чембарное"), плотничество и т. д. Въ кустарныхъ промыслахъ, очень слабо развивающихся въ херсонской губернiи десятинщики принимаютъ слабое участiе; торговлей и шинкарствомъ занимаются въ видѣ рѣдкихъ исключенiй. Гораздо чаще десятинщики идутъ въ наймы или поддерживаютъ свое хозяйство поденщиной. Наибольшiй процентъ батраковъ и поденщиковъ даютъ десятинщики александрiйскаго уѣзда (12%), наименшiй—елисаветградскiй у. (2%). Изъ сѣверной полосы херсонской губернiи десятинщики, кромѣ этого, уходятъ и на мѣстные заработки въ менѣе населенные южные ея уѣзды, а также въ Таврiю.

Для характеристики степени экономическаго обезпеченiя десятинщиковъ по отдѣльнымъ частямъ херсонщины въ настоящее время нѣтъ полныхъ данныхъ, такъ какъ подворное статистическое описанiе произведено только въ 3 сѣверныхъ уѣздахъ этой губернiи (елисаветградскомъ, александрiйскомъ и ананьевскомъ). На 100 десятинщицкихъ хозяйствъ въ 3-хъ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губернiи въ общемъ приходится:

Жилыхъ построекъ	около	95
Холодныхъ „	„	85
Лошадей	„	150
Воловъ	„	100
Коровъ	„	120
Гулевого крупнаго скота	„	170
„ мелкаго „	„	200

Запашки на одно хозяйство въ среднемъ для всѣхъ десятинщиковъ названныхъ уѣздовъ приходится 9 десятинъ. Для южныхъ уѣздовъ: тираспольскаго, одесскаго и херсонскаго показатели экономическаго благосостоянiя, судя по отрывочнымъ наблюденiямъ, нѣсколько ниже, чѣмъ для сѣверныхъ.

Характерно, что приведенные среднiе показатели степени благосостоянiя десятинщиковъ въ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губернiи нѣсколько выше соотвѣтствующихъ среднихъ показателей благосостоянiя крестьянъ, не только бывшихъ помѣщичь-

ихъ, но и сравнительно лучше надѣленныхъ землею бывшихъ военныхъ поселянъ и крестьянъ государственныхъ. Но приведенными средними показателями благосостоянія десятинщиковъ не опредѣляется распредѣленіе благосостоянія по отдѣльнымъ ихъ группамъ. А между тѣмъ для характеристики быта десятинщиковъ существенно важнымъ является то обстоятельство, что существуетъ слишкомъ рѣзкая разница въ обезпеченіи различныхъ ихъ группъ. Богатые десятинщики производятъ посѣвы на 50—60 десятинъ, иногда и въ большемъ размѣрѣ, а много бѣдняковъ, занятыхъ главнымъ образомъ чужою работою, часто обсѣменяетъ 2—3 десятины. При подворной переписи елисаветградскаго уѣзда, изъ живущихъ въ этомъ уѣздѣ десятинщиковъ на общихъ сходахъ назвались багатыми 1,2 %, зажиточными 5,4 % средними 31,6 %, недостаточными 19,1 % и бѣдными 43,3 %. Не сводятъ, такимъ образомъ, концовъ съ концами около ²/₃ десятинщиковъ елисаветградскаго уѣзда, гдѣ они, по общимъ культурнымъ условіямъ мѣстности, сидятъ на землѣ сравнительно прочнѣе. Особенно слаба экономическая группа десятинщиковъ изъ актовыхъ, то есть получившихъ отъ помѣщиковъ освободительные акты безъ земли. Такіе десятинщики въ огромномъ большинствѣ случаевъ не успѣли упрочить свой матеріальный быть и въ настоящее время принадлежатъ къ числу бѣднѣйшихъ десятинщицкихъ хозяйствъ. Нельзя не замѣтить, что такое положеніе послѣдней группы десятинщиковъ объясняется еще и заурядъ наблюдаемымъ, особенно ярко проявляющимся въ этой группѣ, неумѣньемъ производительно употреблять имѣющіяся средства. Многіе десятинщицкіе поселки тираспольскаго и одесскаго уѣздовъ, преимущественно изъ бывшихъ дворовыхъ, отличающіеся крайнимъ убожествомъ, побуждаютъ связывать степень экономическаго благосостоянія непосредственно съ общимъ уровнемъ культурныхъ склонностей и навыковъ. Но глубоко правы и десятинщики изъ актовыхъ въ своемъ укорѣ прежнему времени и прежнимъ дѣятелямъ, когда говорятъ они теперь: „якъ далы намъ ахту, щобъ мы ахкалы, то мы й доси ахкаемъ“.

Внутреннія черты быта десятинщиковъ въ значительной мѣрѣ опредѣляются данными, характеризующими степень распростра-

ненія грамотности среди этой группы населенія въ херсонской губ. Среди десятинщиковъ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи на 1000 мужчинъ наличнаго населенія грамотныхъ приходится 94, а на 1000 женщинъ—грамотныхъ только 14. Любопытно, что степень грамотности понижается по направленію отъ Днѣпра къ Днѣстру. Такъ, въ александрійскомъ уѣздѣ грамотные мужчины изъ десятинщиковъ составляютъ 10,9%, женщины—1,8%, въ елисаветградскомъ у. мужчины—8,3%, женщины—1,6%, въ ананьевскомъ мужчины—9,1% и женщины—0,8%. Въ южныхъ уѣздахъ херсонской губ. грамотность среди десятинщиковъ распространена, повидимому, еще слабѣе. Но если и эти показатели распространенія грамотности среди десятинщиковъ сравнимъ съ соотвѣтствующими показателями для другихъ сословій, то окажется, что въ этомъ отношеніи десятинщики уступаютъ лишь бывшимъ военнымъ поселянамъ. Принимая въ разсчетъ неблагопріятныя условія быта десятинщиковъ, отмѣченныя выше, нельзя не прійти къ заключенію, что стремленіе къ просвѣщенію среди десятинщиковъ значительно сильнѣе, чѣмъ среди крестьянъ. Отмѣченныя черты быта десятинщиковъ относятся не ко всему ихъ составу. До этого мы характеризовали бытъ десятинщиковъ, въ племенномъ отношеніи принадлежащихъ къ малороссамъ, великороссамъ, полякамъ, молдаванамъ и болгарамъ. Всѣ эти этнографическіе элементы въ бытовомъ отношеніи не представляютъ существенныхъ особенностей. Только о болгарахъ слѣдуетъ замѣтить, что они обычно занимаются огородничествомъ.

Особыми признаками отличаются десятинщики евреи и нѣмцы. Но эти группы десятинщиковъ не могутъ быть охарактеризованы здѣсь съ достаточною полнотою вслѣдствіе того, что десятинщиковъ евреевъ и нѣмцевъ сравнительно мало въ сѣверныхъ уѣздахъ, для которыхъ только и имѣются подробные матеріалы, заключающіеся въ результатахъ подворныхъ переписей названныхъ уѣздовъ. Еврейскіе и нѣмецкіе элементы среди десятинщиковъ съ наибольшей полнотой могутъ быть охарактеризованы по ананьевскому уѣзду, въ которомъ они составляютъ замѣтную часть среди десятинщиковъ этого уѣзда.

Десятинщики евреи въ ананьевскомъ уѣздѣ составляютъ 1,3% общаго числа десятинщиковъ этого уѣзда, по отношенію же къ общему числу евреевъ, живущихъ здѣсь, составляютъ 2,9%. Послѣдній процентъ является довольно точнымъ показателемъ тяготѣнія евреевъ къ земледѣльческому занятію, при чемъ необходимо еще имѣть въ виду, что отмѣченный процентъ не обнимаетъ евреевъ, занимающихся земледѣліемъ на собственной и арендной землѣ и составляющихъ около 1,7% всего еврейскаго населенія этого уѣзда. Показатели экономическаго положенія евреевъ десятинщиковъ ананьевскаго уѣзда выражаются нижеслѣдующими цифровыми данными, приводимыми по разсчету на 100 хозяйствъ евреевъ десятинщиковъ: жилыхъ построекъ 93, холодныхъ—74, лошадей—177, воловъ—2, коровъ—180, гулевого крупнаго скота 221, мелкаго 363; запашки въ среднемъ на 1 хозяйство приходится 9,47 десятины.

Такимъ образомъ, десятинщики-евреи ананьевскаго уѣзда, по сравненію съ предыдущей группой *всѣхъ 3 сѣверныхъ* уѣздовъ херсонской губ. десятинщиковъ, болѣе обезпечены лошадьми, живымъ скотомъ и скотомъ мелкимъ. Нѣсколько большій размѣръ запашки у десятинщиковъ евреевъ на 1 хозяйство, при меньшемъ обезпеченіи рабочимъ скотомъ (рабочими лошадьми и волами въ общей сложности), объясняется, повидимому, преобладаніемъ въ составѣ рабочаго скота лошадей, сравнительно съ волами болѣе поворотливыхъ въ работѣ, а можетъ быть, и большимъ пользованіемъ рабочей силы животныхъ. Жилищами евреи-десятинщики обезпечены въ такой же мѣрѣ, какъ и предыдущая группа десятинщиковъ; хозяйственныхъ же построекъ у евреевъ, не смотря на большой размѣръ запашки, замѣтно меньше.—Процентъ грамотныхъ въ группѣ десятинщиковъ—евреевъ гораздо выше: грамотные мужчины среди евреевъ десятинщиковъ составляютъ 52%, грамотныя женщины—9%.

Нѣмцы-десятинщики представляютъ наиболѣе обезпеченную группу десятинщиковъ въ ананьевскомъ уѣздѣ такъ же, какъ, повидимому, и во всѣхъ другихъ уѣздахъ херсонской губерніи. Хозяйственное обезпеченіе десятинщиковъ-нѣмцевъ въ названномъ уѣздѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: на 100 хо-

зяйствъ приходится жилыхъ построекъ 93, холодныхъ—86, рабочихъ лошадей—374, воловъ—26, коровъ 263, гулеваго крупнаго скота—297, мелкаго—1,333; средняя запашка на 1 хозяйство этой группы десятинщиковъ опредѣляется 17,18 десятины. Десятинщики-нѣмцы превосходятъ всѣ другія группы десятинщиковъ по размѣрамъ запашки и по числу скота, главнымъ образомъ мелкаго, состоящаго почти исключительно изъ тонкорунныхъ овецъ. При такой состоятельности нѣмцамъ не трудно обращаться изъ десятинщиковъ въ поселянъ собственниковъ, какъ это и происходитъ довольно часто. Достаточно отмѣтить, что нѣмцы херсонской губерніи, получившіе при своемъ водвореніи въ надѣлъ около 186,000 дес., въ настоящее время на правахъ частной собственности владѣютъ 600 съ лишнимъ тысячъ десятинъ земли. Распространенность грамотности въ этой группѣ выражается 47% грамотныхъ среди мужчинъ и 32% среди женщинъ.

Приводимъ сводъ признаковъ хозяйственной обезпеченности всѣхъ трехъ описанныхъ выше группъ десятинщиковъ, сопоставляя при этомъ найболѣе обезпеченную группу нѣмцевъ съ остальными:

На 100 хозяйствъ приходится

	У десятинщиковъ новороссовъ.	У десятинщиковъ евреевъ.	У десятинщиковъ нѣмцевъ.	У десятинщиковъ нѣмцевъ приходится. Сравн. съ 1 группой.	Сравн. съ 2 группой.
Построекъ:					
жилыхъ	93	93	93	*0*	*0*
холодныхъ . . .	86	74	86	*0*	*+12*
скота рабочаго					
лошадей . . .	164	177	374	*+110*	*+97*
воловъ	108	2	26	*−82*	*+24*
скота не рабочаго					
коровъ	143	180	263	*+120*	*+83*
гулеваго . . .	210	221	297	*+87*	*+76*
мелкаго	231	363	1333	*+1102*	*+970*
запашки (десят.)	931	947	1718	*+787*	*+771*

Небезынтереснымъ является то обстоятельство, что десятинщики херсонской губерніи даютъ ззначительный контингентъ штундистовъ. По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій за 1887 годъ, изъ безземельныхъ херсонской губерніи штундистовъ числилось 1306 душъ мужеска и 1167 душъ женска пола. Эти безземельные штундисты въ огромномъ большинствѣ—десятинщики.

Въ началѣ настоящаго очерка мы отмѣтили въ самыхъ общихъ чертахъ условія, вліявшія на формированіе быта десятинщиковъ херсонской губерніи. Въ заключеніе представляется умѣстнымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на главнѣйшихъ моментахъ того историческаго процесса, результатомъ котораго явился современный бытъ десятинщиковъ.

Послѣ отмѣченнаго выше Положенія 1804 года объ обязанныхъ поселянахъ, ограждавшаго одни и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивавшаго другія права десятинщиковъ, и послѣ указа 1827 г., дававшаго льготы десятинщикамъ въ смыслѣ свободы перехода отъ одного владѣльца къ другому, десятинщики были затѣмъ предоставлены естественному ходу вещей. Великая освободительная реформа 1861 г. не коснулась десятинщиковъ, повидимому, потому, что положеніе ихъ въ эту пору было нормальнымъ: принадлежа къ свободному сословію, они находили тогда вполнѣ достаточное обезпеченіе личнымъ трудомъ, при существовавшихъ экономическихъ отношеніяхъ въ краѣ. Въ то время мѣщанинъ и десятинщикъ были почетнымъ званіемъ. Въ дореформенныхъ экономическихъ отношеніяхъ многоземельной тогда херсонской губерніи находитъ объясненіе и тотъ фактъ, что многіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ предпочитали отказываться отъ земельныхъ надѣловъ, разсчитывая, что существовавшія до того времени условія быта лично свободныхъ работниковъ продолжатся и дальше. Между тѣмъ крестьянская реформа, совмѣстно съ другими факторами пореформеннаго времени, рѣзко измѣнила экономическія отношенія въ краѣ. Хотя закрѣпощенныхъ рукъ и не стало, но пред-

ложеніе свободнаго труда при быстромъ приростѣ населенія, какъ естественнымъ путемъ, такъ и вселеніемъ пришлыхъ элементовъ, сдѣлалось настолько значительнымъ при слабо развивающейся хозяйственной дѣятельности въ краѣ, что личный земледѣльческій трудъ на чужой землѣ уже скоро послѣ реформы не давалъ достаточнаго обезпеченія. Актовые, отказавшіеся отъ надѣловъ или не получившіе таковыхъ по усмотрѣнію своихъ бывшихъ помѣщиковъ, присоединившись къ десятинщикамъ, уже не знали уплаты за землю „десятою частью промышленнаго и скотскаго прибытка", такъ какъ плата за землю, какъ въ денежной формѣ, такъ и натурою, быстро и неуклонно поднималась въ силу общихъ экономическихъ условій края, занимавшаго выгодное географическое положеніе. На ряду съ этимъ, подъ вліяніемъ уже другихъ факторовъ, лятифундіи военныхъ и гражданскихъ чиновъ, полученныя въ рангъ, по неприспособленности этихъ землевладѣльцевъ удержаться на землѣ, раздробились, быстро переходя изъ рукъ въ руки и сосредоточиваясь въ значительной мѣрѣ или въ рукахъ нѣмцевъ, которые обычно занимаютъ всю свою землю подъ собственное хозяйство и не раздаютъ земли въ съемку окрестному населенію, или въ прижимистыхъ рукахъ разнаго рода разночинцевъ, которые, сдавая землю подесятинно, не пропускаютъ случая воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ безземельнаго земледѣльческаго населенія.—Таковъ въ основныхъ чертахъ процессъ измѣненій въ экономическомъ бытѣ десятинщиковъ въ текущемъ столѣтіи, результатомъ которыхъ является описанный выше современный экономическій бытъ херсонскихъ десятинщиковъ.

Въ виду того, что внѣшнія условія неблагопріятно складывались для десятинщиковъ, отмѣченное выше среднее обезпеченіе десятинщиковъ, какъ особой группы земледѣльческаго населенія, свидѣтельствуетъ о значительной ихъ энергіи, а равно и о способности приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, особенно той части ихъ, которая своимъ значительнымъ обезпеченіемъ повышаетъ исчисляемую среднюю степень обезпеченія для всей группы десятинщиковъ.—Способность къ иниціативѣ, при-

сущая многимъ десятинщикамъ и сознаніе личнаго достоинства, выдѣляющее ихъ среди вообще отличающагося этимъ свойствомъ новороссійскаго населенія, при дальнѣйшихъ примѣненіяхъ существующаго экономическаго строя, могутъ оказаться существенно важными для этой группы населенія.

До этого мы отмѣчали условія, вліявшія на складъ быта десятинщиковъ съ конца прошлаго столѣтія; но складъ этотъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется условіями болѣе ранней поры, а именно особенностями колонизаціоннаго движенія изъ Украйны въ Ганщину, или Ханскую Украйну, простиравшуюся между Днѣстромъ и Бугомъ и существовавшую до времени присоединенія этого края къ Россіи при Екатеринѣ II. Сущность историческихъ вліяній въ этотъ періодъ на складъ быта десятинщиковъ довольно отчетливо опредѣляется при сопоставленіи двухъ параллельныхъ колонизаціонныхъ движеній изъ Украйны: съ одной стороны — на Запорожье, съ другой стороны—въ Ганщину.

Колонизаціонное движеніе на предѣлы Запорожья, особенно усилившееся послѣ основанія Запорожской Сѣчи („Чертолыцкой", или „Сѣрновой"), обусловливаясь тѣми же мотивами, что и колонизаціонное движеніе въ Ганщину, т. е. исканіемъ личной свободы на вольной землѣ, характеризуется, однако, своими особыми чертами, отличающими оба эти массовыя передвиженія населенія изъ Украйны. Въ Запорожскія вольности и послѣ основанія Запорожской Сѣчи въ третьей четверти XVII вѣка стремились элементы движимые преданіями о быломъ *козакованьи* на низовьяхъ Днѣпра, какъ въ военномъ, такъ и въ промысловомъ значеніи этого слова; и хотя въ эту пору формы общественной жизни на Запорожьи, по сравненію съ старымъ Днѣпровскимъ казачествомъ, измѣнились, подъ вліяніемъ политическихъ условій позднѣйшаго времени, но и эти послѣднія формы все таки тѣсно связывались съ распорядками стараго казачества на Запорожьи. Вступали ли новые насельники Запорожья въ составъ Сѣчевого „товарыства", устраивались ли, выслужившись въ войскѣ, съ теченіемъ времени зимовниками для веденія той или другой отрасли хозяйства въ запорожскихъ паланкахъ, или

селились въ чертѣ поселеній Запорожскаго посполиства (въ сѣверной части территоріи Низового войска Запорожскаго),—во всѣхъ этихъ случаяхъ общественныя и экономическія отношенія новыхъ насельниковъ Запорожья опредѣлялись все таки казацкими распорядками, регулировались казацкимъ присудомъ.— Каждое поселеніе въ предѣлахъ Запорожья въ отношеніи внутреннихъ распорядковъ являлось олицетвореніемъ Запорожской общины; при равенствѣ не только *de jure*, но и *de facto* всѣхъ передъ войскомъ, право избранія изъ своей среды представителей суда и администраціи имѣло значеніе основного принципа общественной жизни на Запорожьи. Существованіе здѣсь такихъ распорядковъ при всѣхъ невзгодахъ колонизаціоннаго движенія въ почти пустопорожній край, порубежный съ татарскими кочевьями, не могло не поддерживать массового движенія изъ Украйны, усиливающагося, между прочимъ, и вслѣдствіе сословно-экономическихъ отношеній населенія въ этой послѣдней. Съ 18 вѣка права козацкаго сословія, какъ въ правобережной, такъ и особенно въ лѣвобережной Украйнѣ встрѣчали ограниченія, не говоря уже о государственномъ строѣ, и со стороны многочисленныхъ представителей козацкой старшины, проявившихъ въ эту пору особую склонность выдѣлиться изъ среды остального козачества въ привиллегированное „шляхетное“ сословіе, при чемъ земли, добытыя нѣсколькими поколѣніями всего козачества, всякими способами сосредоточивались въ рукахъ формировавшагося „малороссійскаго дворянства [1])“. Подготовляемое общимъ историческимъ ходомъ событій разложеніе казачества въ обѣихъ Украйнахъ, сопровождаемое возникающимъ панщиннымъ строемъ, естественно, должно было дать усиленный прибой колонизаціонной волны на вольныя Запорожскія земли. Въ началѣ второй половины 17 столѣтія вѣдѣнію Запорожскаго Коша подлежало, какъ извѣстно, 8 населенныхъ паланокъ, при чемъ особенно дѣятельно заселялась сѣверная окраина Запорожскихъ вольностей.

---

[1]) А. Я. Ефименко, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1892 г.

При такихъ условіяхъ совершалось движеніе населенія изъ Украйны на Запорожье за время, предшествующее присоединенію нынѣшняго Новороссійскаго края къ Россіи.

Мотивы существовавшаго въ 18 вѣкѣ колонизаціоннаго движенія изъ Украйны въ степи между Днѣстромъ и Бугомъ, представляются для насъ въ значительной степени неясными. Мы не располагаемъ данными для объясненія того явленія, что часть населенія правобережной Украйны предпочитала путь въ Ганщину проторенному вѣками пути на Запорожье; намъ неизвѣстны также подробности зависимости пришлыхъ поселенцевъ въ Ганщинѣ отъ управлявшихъ краемъ баскаковъ, подвластныхъ въ свою очередь Крымскому хану. Допускать, что выходцы изъ Украйны находили въ степяхъ между Днѣпромъ и Бугомъ болѣе культурный бытъ, чѣмъ на Запорожьи, не представляется основательнымъ въ виду того, что сами кочевавшіе здѣсь татары находились на низкой степени развитія, тогда какъ Запорожскій Кошъ, по возвращеніи Низоваго Запорожскаго войска изъ Алешекъ на свои старыя мѣста надъ Великимъ Лугомъ Днѣпровскимъ, явно стремился къ развитію хозяйственной и, между прочимъ, земледѣльческой дѣятельности въ своихъ предѣлахъ.

А между тѣмъ колонизаціонное движеніе изъ Украйны въ Ганщину около половины 18 вѣка было значительнымъ. По донесенію Запорожскаго кошевого, относящемуся къ 1764 году, въ названной мѣстности существовало 6 поселеній, составившихся изъ выходцевъ изъ разныхъ сторонъ, главнымъ образомъ, „такимъ народомъ, какъ и малороссійскій“. Въ этомъ документѣ названы слѣдующія поселенія, и нынѣ существующія въ сѣверной части Ананьевскаго уѣзда: *Голта*, *Кривое Озеро*, *Ясеновое*, *Перелеты*, *Балта* и еще одно поселеніе съ неяснымъ названіемъ. Возникновеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ поселеній, по донесенію Запорожскаго кошевого, относится къ началу 50 годовъ. Въ самомъ крупномъ поселеніи—Балтѣ—было до 500 „хатъ“, во всѣхъ 6 поселеніяхъ дворовъ около 1000. Существенно важнымъ является сообщеніе кошевого о томъ, что обыватели недавно возникшихъ „ханскихъ слободъ“

не несли никакихъ повинностей, а болѣе давніе уплачивали *„десятую долю“* отъ всякаго прибытка скотскаго и промышленнаго [1]). Въ этой десятой долѣ нельзя не узнать той самой дежмы, какую регламентировало отмѣченное въ началѣ нашего очерка „Положеніе объ обязательныхъ поселянахъ“. Упоминаніе кошевого о десятой долѣ лишь „скотскаго и промышленнаго прибытка“ указываетъ на то, что поселенцы въ Ганщинѣ земледѣліемъ въ ту пору еще не занимались.

Совершавшееся одновременно въ 18 вѣкѣ колонизаціонное движеніе изъ Украйны на Запорожье и въ Ганщину, обусловливаемое въ томъ и другомъ случаѣ стремленіемъ къ личной свободѣ, на вольной землѣ, съ точки зрѣнія историческаго прогреса представляется параллельнымъ. Но какъ не сходна судьба этихъ параллельныхъ массовыхъ движеній изъ Украйны въ Черноморскія степи! Днѣпровское казачество, выступившее на историческую сцену значительно раньше, чѣмъ десятинщики ханскихъ слободъ, представляло въ началѣ такое же малозначительное явленіе, какъ и десятинщики въ Ганщинѣ, отдавая въ началѣ точно также десятую долю промысловой добычи черкасскимъ и каневскимъ старостамъ,—такое въ началѣ козачество съ теченіемъ времени поднялось на степень важнаго историческаго явленія, оставило навсегда свой слѣдъ въ исторіи южно-русскаго народа, а существованіе десятинщиковъ со времени ихъ появленія и до послѣдняго времени представляетъ монотонную сутолоку изъ-за обезпеченія матеріальнаго существованія. Южно-русское казачество, возникшее и складывавшееся въ пору дѣятельнаго проявленія народной энергіи, выполняло опредѣленную историческую миссію, а десятинщики, оторванные общимъ ходомъ событій своей поры отъ общенародныхъ интересовъ родины, представляютъ лишь матеріалъ для непрекращающейся исторической эволюціи.

Левъ Падалка.

---

[1]) Скальковскій, „Исторія Новой Сѣчи“, ч. 1.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Между тѣмъ изъ Городища явилась къ покойницѣ матери, будто бы въ гости, сестра покойнаго тестя, о. Ѳеодора Есманскаго, Софія и начала совѣтовать, чтобы я сосваталъ ея родную племянницу, дочь о. Ѳеодора, за которой отецъ уступаетъ свой приходъ и часть имѣнія. Мать, долго не думая, начала склонять меня сначала просьбами, а потомъ проклятіями, если я не соглашусь на ея желаніе. Дождавшись субботы, она поѣхала въ Синявку на торгъ, а на обратномъ пути заѣхала къ Марьѣ Лук. Куксиной, гдѣ поразспросивши обстоятельно и получивши прекрасную рекомендацію о моей будущей женѣ, а также объ ея отцѣ, возвратившись, неотступно стала требовать, чтобы я со сватами отправился въ Городище и покончилъ дѣло. Это было послѣ Покрова Пресв. Богородицы. За недѣлю предъ этимъ она отправилась къ двумъ дворянамъ, Титу Евстафіевичу Зѣнцу и Ильѣ Осиповичу Мироненку, прося ихъ поѣхать вмѣстѣ со мною въ качествѣ сватовъ въ Городище. Послѣ обѣда въ недѣлю они прибыли на своихъ лошадяхъ, и, конечно, я въ угоду матери не рѣшился отказаться посмотрѣть невѣсту. Прибыли мы къ нимъ въ домъ, но покойнаго тестя не застали дома: онъ былъ на дворянскомъ годовомъ обѣдѣ, гдѣ, по обычаю сельскому, засиживаются священники.—Насъ встрѣтила покойница жена моя, ваша мать, въ ситцевомъ платьицѣ съ пла-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., № 7—8.

точкомъ на шеѣ и съ косою богатою въ гребнѣ русаго цвѣта. Съ перваго взгляда ея станъ, лицо и всѣ дѣвственныя принадлежности произвели на меня сильное впечатлѣніе. Лицо у нея довольно правильное, съ веснушками, но это не отнимало у нея той граціи, которая вмѣщалась во всемъ ея тѣлосложеніи и станѣ. Она тотчасъ послала за отцемъ, такъ какъ онъ недалеко находился, въ домѣ Малявкиныхъ; онъ пришелъ довольно веселенькій. Столъ тотчасъ уставили водкой и разными наливками, которыхъ у него было болѣе полдюжины боченковъ, вмѣстимостью каждый ведра въ 4 или въ пять; послѣ закуски принялись мы за чай и пуншъ, бывшій тогда въ большомъ употребленіи. У будущаго моего тестя была водка пуншовка, съ которой никогда не сравнится даже хорошій ромъ. Тутъ мы приступили и къ дѣлу. Сначала старикъ и сюда, и туда, а послѣ говоритъ: „Боже благослови! давай, дочка, платки! Нехай тебѣ Богъ счастыть“. Тотчасъ покойница ваша мать вынесла платки и рушники сватамъ; мнѣ первому поднесла, на блюдѣ. Я положилъ 10 руб. асс., тогда большія деньги; а потомъ она стала разносить сватамъ платки и утиральники. Тогда сваты пустились въ плясъ, продолжая попойку, а тесть на одномъ мѣстѣ, какъ козликъ, стучалъ ногами и топтался, каковая привычка у него была и впослѣдствіи, когда онъ бывалъ веселъ. Попойка усилилась. Затѣмъ пошла опять закуска, и покойница, неся тарелки, уронила ихъ и разбила штуки четыре. Покойникъ хватился за тройчатку, а я испугался и закричалъ: „горы и холмы падутъ, а я не допущу ее тронуть!“ Всѣ разсмѣялись. Тесть и говоритъ: „Добрый зять! Еще не женатъ, а уже бѣда тестю!“ „Напрасно Вы такъ думаете—говорю я—я буду Васъ любить и уважать, какъ родного отца“. Послѣ этого все пошло на ладъ. Началась закуска и опять попойка. Мы уже свѣтомъ пріѣхали въ Стольное и обрадовали мать и отчима. Тутъ опять началось большое чаепитіе, что отчиму было на руку. Сюда подоспѣли и многія другія личности; пили и ѣли, и наконецъ—плясъ. Разошлись всѣ только къ полночи. Я, живя въ Стольномъ, сталъ скучать: такъ бы и полетѣлъ въ Городище. Сестры начали подтрунивать и напѣ-

вать пѣсеньки: „Заныло сердечко въ разлукѣ“ и др. Мнѣ стало досадно: я не вытерпѣлъ и послалъ дѣвку нанять лошадей, т. к. свои были въ работѣ, да къ тому же онѣ плохія: теперь все хозяйство не то, что прежде. Отчимъ каждый день покучиваетъ и приглашаетъ меня куда-нибудь въ гости, особенно туда, гдѣ дѣвы, но я все нездоровьемъ отговариваюсь.—Я скорѣе отправился въ Городище. Меня встрѣтила покойница очень радушно. Отецъ былъ въ отлучкѣ. Мы уже сдѣлались поразвязнѣе, но все-таки моя покойница сильно дичилась, будучи воспитана въ самыхъ строгихъ правилахъ. Покойникъ тесть былъ строгій и крутой человѣкъ. Она все мнѣ говорила: „брата Павла онъ весьма любитъ, пальцемъ не тронетъ, а ей за малѣйшую ошибку тройчаткой достается, хотя онъ всегда и говоритъ: „у меня двое дѣтей, какъ два глаза во лбу; и они для меня равны“. Впрочемъ у него было непремѣнное желаніе отдать за дочкой приходъ, на чемъ и братъ Павелъ настаивалъ, зная, что у отца ровно никакого приданаго не могло быть: у него вѣдь было материнскаго Левчановскаго поля дней на двѣнадцать, да дворъ, имъ собственно пріобрѣтенный, доставшійся Меланіи за Харченкомъ; кромѣ того, сѣнокосъ косарей на восемь, да поля дней на шесть. По его распоряженію, при сватовствѣ все нужно было раздѣлить на двѣ равныя части, а жилой дворъ и сѣнокосъ на шесть косарей около Потоцкаго хутора. Денегъ въ наличности у него вовсе не было. Онъ въ священствѣ постоянно занимался въ домѣ школою, гдѣ обучалъ дѣтей разныхъ Городищенскихъ, Синявскихъ и дальнихъ дворянчиковъ, тѣмъ и поддерживалъ себя: тогда приходскіе денежные доходы были самые ничтожные, а хлѣба въ сборѣ бывало всегда много, почему и цѣна стояла низкая: 10 коп. серебр.—Когда отецъ прибылъ въ домъ, то встрѣтилъ меня радостно, съ какою то, не припомню, латинскою фразою: „Ну, добро, что Вы пріѣхали. Я думалъ завтра посылать лошадей за вами: конецъ октября, и времени немного остается; нужно ѣхать въ Черниговъ выхлопатать аттестатъ и сдѣлать покупки къ свадьбѣ, такъ какъ послѣ Михайла будетъ вѣнчаніе“. Я прожилъ два дня. Онъ хлопоталъ, чтобы продать жито, котораго, помню, было болѣе тридцати

копъ, и молотники молотили его уже для продажи. Тогда жито покупалось въ винокурни, и онъ уже продалъ его по 10 коп. сер. за пудъ—150 пудовъ. Тогда въ Городищѣ винокуренъ было штуки четыре. Ведро горѣлки продавалось тогда по 1 р. 20 к., ассигнаціями. Я долженъ былъ пріѣхать въ первыхъ числахъ ноября, 3-го или 4-го, и на его лошадяхъ отправиться въ Черниговъ и дать немного денегъ Павлу. Онъ былъ уже тогда въ философіи и учился прекрасно, но былъ слабъ здоровьемъ, особенно часто болѣлъ глазами, чѣмъ нерѣдко страдалъ и тесть. Дѣло все улажено было найлучшимъ образомъ, и мы уже сошлись поближе съ покойницей: я уже сталъ требовать, чтобы она обращалась ко мнѣ *на ты*, относясь и къ ней такъ же. Между тѣмъ я отправился въ Стольное съ тѣмъ, чтобы чрезъ день опять возвратиться въ Городище и оттуда ѣхать въ Черниговъ. Мать покойница раскошелилась, да и отчимъ далъ пять рублей изъ своего жалованья. Онъ по старому окладу получалъ 120 руб. ассигнаціями въ годъ. Мать дала рублей пятнадцать ассигн., да у меня оставалось рублей тридцать. На другой день на своихъ лошадяхъ я опять поѣхалъ въ Городище для отправки въ Черниговъ. По пріѣздѣ я еще два дня прожилъ въ Городищѣ. Бывало, вечеромъ, когда мы забалакаемся съ покойницей, тесть бѣжитъ и кричитъ: „дочко, иди спать: завтра рано нужно вставать до коровъ, да и ему пора спать: видишь, онъ не хочетъ рано вставать — по-пански!“ По неволѣ удаляешся къ себѣ въ комнату. Онъ спалъ въ передней, а покойница—за нимъ, въ комнатѣ на-лѣво. Въ третьей маленькой комнаткѣ спалъ я. Впослѣдствіи спальня была обоюдною, а моя комната служила буфетомъ, гдѣ помѣщалась вся посуда, чайная и столовая, и оттоль подавался чай, по прежнему обычаю, изъ другой комнаты. Прежде самовары были изъ красной мѣди съ носами, изъ которыхъ, нагнувши, доливали чай, по тогдашнему обычаю, зеленый, въ родѣ пахучей водицы, и при томъ чашками, такъ какъ о стаканахъ и помину не было. Стариками непремѣнно послѣ чаю выпивался пуншъ, поэтому къ чаю не подавали хлѣба, но я заставилъ подавать его, такъ какъ безъ хлѣба не могъ пить чаю.

Каждое утро будущій тесть мой, если онъ не отлучается куда-нибудь по требамъ, непремѣнно ложится поспать. Когда онъ куда-нибудь отлучается, тогда намъ воля, и когда я начинаю ласкаться, она говоритъ: „наче маленькій хлопчикъ: обниматься да цѣловаться. Я втечу“. А затѣмъ говоритъ: „Можетъ, ты хочешь чего-нибудь съѣсть?“ Тогда я говорю: „иди, наточи вонъ той сладенькой наливочки, да отрѣжь ветчины!“—„А не будешь лѣзть ко мнѣ?“—спрашиваетъ она и прибавляетъ: „ну, пойдемъ вмѣстѣ.“—„Не хочу—говорю я—мѣшать тебѣ, такъ какъ это не мое.“ Начинается выпивка и закуска, а когда тесть уже идетъ, все это убирается, и я, какъ святой, сижу и будто книгу читаю. А иногда у насъ бывалъ такой разговоръ: „Вотъ ты,—говоритъ мнѣ покойная жена,—когда поѣдешь въ Черниговъ да наглядишься на своихъ городскихъ барышень, то забудешь меня“.—Этого не будетъ: ты лучше всѣхъ ихъ“—говорю я.

Тесть будущій отнесся ко мнѣ такъ: „Ну, зятю, ты видишь все мое состояніе; денегъ у меня не имѣется, для поѣздки въ Черниговъ я продалъ 150 пудовъ жита, да еще надо гдѣ-нибудь призанять. Я, отбывши свадьбу, поживу съ вами до осени, соберу хлѣбъ, что нужно продамъ и даже сіи хаты (уже былъ отстроенъ домъ въ двѣ комнаты съ кухнею, гдѣ вы всѣ родились), а я буду проситься въ Домницкій монастырь и поступлю въ монахи: мнѣ прискучила хлопотливая жизнь, пора больше думать о душѣ, молитвѣ и спокойствіи. Тогда ты будешь давать мнѣ половину доходовъ съ нашего маленькаго хозяйства. А теперь завтра рано отправляйся въ Черниговъ. Вотъ тебѣ 50 руб. ассигн. на покупки къ свадьбѣ. У насъ все домашнее: я берегъ къ сему случаю. Что касается рому и водки, то они хуже моихъ спиртовъ, а вина полведра купи, да и вообще все нужное по запискѣ. Возьми тамъ лишнихъ рублей пять: можетъ вздумаешь что-нибудь купить. Музыки намъ не нужно: у насъ комнаты не большія, да и жизнь у меня невеселая: было бы что выпить, да поѣсть, да слово доброе сказать. Да у насъ люди не всѣ наши доброхоты. Поживешь—узнаешь“.

На слѣдующій день утромъ я выѣхалъ въ Черниговъ, выслушавъ всѣ наставленія тестя, который, кромѣ того, требовалъ, чтобы я остановился на квартирѣ сына его Павла, къ которому и было передано письмо съ деньгами. По пріѣздѣ въ Черниговъ я первымъ дѣломъ рѣшилъ обратиться къ Мерцалову, какъ секретарю Семинарскаго Правленія. Онъ принялъ меня хорошо, вспомнилъ, что я разумно поступилъ, отказавшись отъ своего намѣренія остаться на годъ въ Черниговѣ и затѣмъ ѣхать въ Медицинскую академію. „Въ теченіе года—сказалъ онъ—все можетъ случиться, а тутъ Промыселъ Вышняго приводитъ тебя къ твоему назначенію". Затѣмъ, разспросивши меня о женитьбѣ, онъ сказалъ: „завтра въ 10 часовъ я буду въ Семинарскомъ правленіи, и ты явись туда съ аттестатомъ. Я подпишу его и приложу печать, послѣ чего ты долженъ явиться въ Елецкій монастырь къ о. ректору для его отмѣтокъ въ поведеніи и успѣхахъ". Я такъ и сдѣлалъ. Выйдя изъ Правленія въ 11 часовъ, я почелъ за лучшее къ ректору пойти часа въ три. Я отправился къ нему, взявъ шесть бутылокъ вина разнаго. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, позвалъ меня въ залу и, пригласивъ садиться, болѣе получаса разспрашивалъ меня о женитьбѣ, о приходѣ, приданномъ и проч., говоря: „Гляди, будь остороженъ: старички попы надуваютъ вашего брата",—и разсказалъ при этомъ два примѣра изъ быта сего года, переданные ему самими виновниками онаго. Но о томъ, что мнѣ нужно просить билетъ на женитьбу у преосвященнаго и получить изъ Консисторіи билетъ на таковую, не сказалъ ни слова. Такъ я и уѣхалъ изъ Чернигова и первоначально заѣхалъ въ Стольное. Это было 8-го ноября 1827 года. Переночевавши, я на другой день утромъ прибылъ въ Городище. Здѣсь я засталъ свою невѣсту очень печальной. Отецъ ея былъ въ отлучкѣ, кажется, у Юсухна. По принятіи покупокъ, моя Ирина Федоровна чуть не расплакалась. Тутъ я выслушалъ курьезъ самаго обиднаго и скандальнаго образа. Дѣло въ томъ, что день Архангела Михаила, храмовый день, они проводили у Гаврила Семеновича и Маріи Ефимовны Литвиновыхъ, людей очень гостепріимныхъ и небѣдныхъ по тогдашнему времени. Предъ Юсухномъ они идо-

лопоклонничали, да и самъ тесть былъ этимъ грѣшенъ. Тутъ то подъ веселую компанію Федоръ Ѳомичъ Юсухно, контролеръ Казенной Черниговской Палаты, пустился чернить меня, не знаю ужъ, изъ какихъ видовъ, вѣрнѣе всего, по недоброжелательству: ему очень не хотѣлось, чтобы старикъ оставлялъ приходъ, потому что онъ чувствовалъ грѣшки противъ церкви, такъ какъ постоянно безденежно забиралъ въ долгъ собранный хлѣбъ церковный и, если случалось, то и лишнія деньги. Это ему крайне нужно было по производству въ винокурнѣ и тогдашнему безденежью. Онъ зналъ, что этого не будетъ, когда будетъ назначенъ молодой священникъ, который, хорошо зная церковную инструкцію, этого не допуститъ. Поэтому то онъ и разсказывалъ, что я, занимаясь кондиціями, разбаловался, бралъ постоянно водку у Фейгина за ученіе его дѣвочекъ, пьянствовалъ, бродилъ по вольнымъ домамъ и проч. Дѣйствительно, я бралъ водку, полагаю, ведра два, въ счетъ ученія, но не для себя, а для своего хозяина Еремѣя Васильевича Веприцкаго, и въ томъ же счетѣ для его супруги и приказчика полведра, потому что изъ подвала отпускалась лучшая водка и съ большей уступкой противъ откупной. Я же самъ тогда водки вовсе не пилъ. Когда прибылъ тесть домой, онъ поздоровался и, ничего не сказавъ, объявилъ, что поговоритъ со мною послѣ, а теперь пойдетъ отдохнуть, дочкѣ же приказалъ вынести покуки въ кладовую. Часа чрезъ два началась катавасія въ такомъ родѣ: „что, зятю, будешь робыть? о тебѣ нехорошо говорятъ“. А я ему отвѣчаю: „Тѣ, кто говоритъ, сами нехорошіе люди и стараются другого чернить. Вотъ вамъ мой аттестатъ. Извольте прочитать: въ немъ значится мое поведеніе и успѣхи. Онъ есть мой спаситель отъ клеветы“. Отецъ прочиталъ, задумался и, наконецъ, сказалъ: „Вѣрно свадьбы не будетъ. Прихожане не совѣтуютъ и не желаютъ“. Я отвѣчалъ: „пусть такъ, но за что же вы обижаете вашу дочь. Ахъ, я забылъ: для васъ у меня есть письмо отъ сына Павла“. Я зналъ его содержаніе: въ немъ онъ хорошо обо мнѣ отзывался; поэтому я нарочно и удержалъ его. Далѣе я сказалъ: „ваше нежеланіе можетъ быть удовлетворено: я сейчасъ прощаюсь съ вами и поѣду къ матери, а

на Филипповку уѣду въ Черниговъ, чтобы не терять напрасно времени". Тесть мой, прочитавши письмо сына, сказалъ: „дочко, готовь обѣдать; за обѣдомъ мы поговоримъ". Невѣста же моя все это время горько рыдала въ сосѣдней комнатѣ. По неволѣ и у меня покатилось нѣсколько слезинокъ. Предъ обѣдомъ тесть велѣлъ подать наливки, предложивъ мнѣ выпить рюмки три, а самъ столько же выпилъ водки, сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ и между прочимъ сказалъ: „дѣвка безъ оговорокъ не выйдетъ замужъ, а молодецъ не повѣнчается". Ну, сегодня девятое число, а въ воскресеніе, двѣнадцатаго, ты, дочко, и ты, зятю, готовьтесь къ вѣнцу". Мы встали и поцѣловали его въ руку. Онъ заплакалъ и сказалъ: „дочко, коли твоя доля хорошая, то и пьяница исправится". На это я ему возразилъ, что никогда не заслужилъ я такого титула, а потому и не отношу къ себѣ этой пословицы. Тутъ же я узналъ отъ него, что, многіе говорятъ, будто я чахоточный. На это я ему сказалъ, что, еслибы я чувствовалъ себя въ такомъ положеніи, то никогда бы не завязалъ свѣта его дочери, но моя худоба и блѣдность слѣдствіе только что перенесенной болѣзни, отъ которой я освободился не болѣе, какъ мѣсяцъ назадъ. Послѣ этого дѣло пошло на ладъ. Покойница отправилась въ Синявку къ Марѳѣ Андреевнѣ Лисенецкой, очень доброй барынѣ, у которой шилось все подвѣнечное, а также готовилась постель и шелковое, красное одѣяло. Она же была посаженной матерью.

Двѣнадцатаго ноября, въ воскресеніе, прибылъ къ литургіи тогдашній благочинный, отецъ Іоаннъ Любарскій. По окончаніи литургіи тотчасъ же приступили къ вѣнчанію въ присутствіи всего прихода. Когда окончилось вѣнчаніе, нѣкоторые изъ благородныхъ были приглашены къ закускѣ, потому что все готовилось къ позднему обѣду и ужину. Послѣ закуски начали съѣзжаться изъ другихъ селеній приглашенные знакомые. Въ это время подавались разныя лакомства. Тогда сахарныя варенья были рѣдкостью. Подавали конфекты медовыя, пастилу, ягоды вишневыя, сваренныя въ меду, вино и наливки въ такомъ изобиліи, что хоть купайся. Затѣмъ въ 6 часовъ вечера стали ставить столы во всѣхъ трехъ комнатахъ, сѣни-же были

для уборки посуды. Даже на крыльцѣ были поставлены столы. Ходъ для гостей былъ изъ малой комнаты въ садъ: тамъ находилась дверь, которая на зиму запиралась и забивалась войлокомъ.

Ужинъ продолжался до двѣнадцати часовъ, послѣ чего намъ приготовлена была постель въ существующей и нынѣ кладовой, и насъ проводили свахи съ факелами и сельской музыкой, состоявшей изъ нѣсколькихъ скрипокъ и бубенъ. Нѣкто, Хорошко березнинскій, прибылъ съ двумя скрипачами и самъ въ перемѣшку игралъ на флейтѣ и на кларнетѣ. Съ разсвѣтомъ они устали, и все уже стало мертвымъ сномъ, гдѣ кто попалъ. Однако вскорѣ все поднялось на ноги.

Въ эту ночь выпалъ первый снѣгъ, такъ что мы, напившись чаю и наскоро закусивши, отправились въ Стольное къ матери на обѣдъ. Намъ сопутствовало немного: только Столинцы и одна тетка Городисская, родная сестра тестя, Мареа. Сюда прибыли и три музыканта березнинскіе. Мы здѣсь провели время очень весело. Мать ничего не жалѣла. По тогдашнему обычаю раздавался коровай, и денегъ было собрано до сорока рублей асс. Даниловичи давали по пять рублей асс., по цѣлковому, а въ Городищѣ подарено было до 15 штукъ рогатаго скота, такъ что черезъ годъ я продалъ 12 штукъ мастеру и работникамъ, починявшимъ нынѣшнюю Николаевскую церковь, не дороже десяти, двѣнадцати и пятнадцати рублей асс. за штуку. Это было въ Филипповку передъ Рождествомъ, когда они послѣ работы недѣли за двѣ отправлялись на праздникъ.

Кончивши свадьбу и пробывъ еще два дня въ Стольномъ, мы отправились въ Городище. Житье здѣсь намъ показалось скучнымъ: покойный тесть былъ очень хлопотливый человѣкъ, почти всегда мрачный и скучный. Въ воскресенье или въ праздникъ намъ запрягали лошадей, и мы должны были отправляться съ визитами къ Городищенскимъ и Синявскимъ панамъ. Я нигдѣ у нихъ не нашелъ прямого радушія. Исключеніе составлялъ только домъ покойницы Мареы Андреевны Лисенецкой въ Синявкѣ. Въ прочихъ же домахъ всегда царила сухость, принужденность или ничтожная лесть. Поэтому мы съ неохо-

тою отправлялись съ визитами, а должны были исполнять волю посылавшаго.

Такъ прошли недѣли четыре. Наступалъ храмовой праздникъ святителя Христова Николая. Нужно было позаботиться о пріобрѣтеніи свѣжей рыбы, при помощи тогдашняго церковнаго старосты Аврама Кузьмича Филоненка, весьма зажиточнаго человѣка. Онъ былъ, не смотря на свои 60 лѣтъ, замѣчательно бодръ и необыкновенный хозяинъ, занимавшійся только въ осеннее время рѣзничествомъ овецъ. Онъ былъ гостепріимный и радушный человѣкъ, и запасъ хорошей водочки и наливочки у него не переводился. Онъ каждую осень устраивалъ годовой обѣдъ, освящалъ домъ, угощалъ своихъ ближнихъ и нищій народъ. Для священника и его найлучшихъ пріятелей у него была особенная комнатка, гдѣ яства и питья было въ изобиліи. Онъ былъ преаккуратнѣйшій человѣкъ: въ дворѣ, на гумнѣ и въ клунѣ, по пословицѣ, хоть каши посыпь; въ клунѣ весь хлѣбъ сложенъ такъ, будто стѣнки отлиты; даже чечевица и горохъ не свѣшиваются на токъ, а сложены аккуратно и выдвигаются стѣной. Онъ былъ до того разсчетливъ, что не возьметъ ни одной покупаемой вещи до тѣхъ поръ, пока не выторгуетъ послѣдней копѣйки, даже при покупкѣ бубликовъ и булокъ. Дѣтей онъ не имѣлъ, а принялъ къ себѣ родного племянника; для него-то онъ и собиралъ все. Когда же племянникъ умеръ, тогда онъ совершенно охладѣлъ къ хозяйству. Онъ-то, ѣздя по торгамъ, преимущественно по понедѣльникамъ въ Березное, покупалъ по порученію покойнаго тестя сахаръ, чай зеленый, тогда всюду употребляемый, бублики, булки, а также свѣжую рыбу. Тогда за сахаръ платили по 1 р. 20 к. асс., и бралось его только къ храму 5 ф., а то фунта два—три, не болѣе. Рыба бывала свѣжая, соленая и вяленная, по тогдашнему времени хорошаго качества, изъ которой дѣлался захолодъ. Теперь таковой не встрѣчается, особенно въ Березномъ. Онъ пріѣзжалъ вечеромъ, приносилъ покупку. Сейчасъ приносились счеты, и начинался разсчетъ, т. к. онъ все покупалъ на свои деньги по данной ему записочкѣ. Затѣмъ появлялась водочка и закусочка съ бесѣдою о разныхъ церковныхъ дѣлахъ, и опять

счеты, потому что приближался Новый годъ, и нужно было сдавать книги и деньги. Иногда доходило до спора, болѣе всего за взятыя въ долгъ деньги, или хлѣбъ. Одинъ винилъ другого, но обыкновенно дѣло кончалось миромъ и запивкою, съ порученіемъ старостѣ сходить къ тому, къ другому за должными деньгами. Въ это-то время, дней за пять до Николая, мы отправились въ графскую экономію къ управляющему, тогда Петру Клементьевичу Плющенку, весьма хорошему человѣку, чтобы достать свѣжей рыбы. Тогда экономія сама завѣдывала всѣми озерами на лугу, были свои неводничіе, а потому они сами славливали зимой всю рыбу. Плющенко принялъ насъ радушно, угостилъ, а послѣ повелъ въ амбаръ, гдѣ находилась наловленная рыба. Онъ спросилъ, сколько нужно. Покойникъ опредѣлилъ пудъ щуки, окуней и плотки. Онъ велѣлъ ключнику отобрать пуда полтора, и, не вѣсивши, сказалъ: „забирайте, батюшка; денегъ не надо, а вотъ, когда по просьбѣ вашей пріѣду на храмъ, тогда отопью". Послѣ этого онъ опять позвалъ насъ въ комнаты, поилъ насъ чаемъ; они выпили по два пунша. Тесть мой всю дорогу былъ веселъ и возвратился домой въ хорошемъ настроеніи, приказавъ дочкѣ почистить рыбу и послать къ Маріѳѣ Андреевнѣ Лисенецкой за кухаркою-предъ Николаемъ. Въ день самаго храма собралось много гостей изъ Стольнаго, Синявки. Городищане принимались по другимъ домамъ.

Въ день храма я приготовилъ проповѣдь, помню изъ текста: „Праведницы во вѣки живутъ. Мзда ихъ у Господа и попеченіе у Вышняго". Мнѣ много приносили похвалъ, а тесть былъ въ восхищеніи. Я дня два исправлялъ проповѣдь, а покойница мать ваша просила: „ты-бо, Федоръ, читай голосомъ". Конечно, въ церкви ей не пришлось быть: она должна была прійти послѣ обхода, чтобы созывать гостей на обѣдъ. Обѣдъ вышелъ на славу: всего было достаточно, а водка и наливка то и дѣло разливалась по рюмкамъ. Пока встали изъ-за стола, то подали и свѣчи. Многіе поспѣшили ѣхать, но тесть никого безъ чаю и, особенно, безъ пунша не отпустилъ, такъ что гости стали расходиться только послѣ двѣнадцати часовъ. Этотъ обы-

чай и я долженъ былъ ежегодно соблюдать, и нынѣ онъ соблюдается. Такъ прошелъ праздникъ.

Скоро однако начала дѣйствовать зависть со стороны тетки Марѳы и ея мужа Василія Лавриненка. У нихъ въ это время было уже четверо дѣтей. Покойный тесть содержалъ почти всю семью. Любимцемъ всей семьи былъ мальчикъ Андрей, весьма проворный съ малолѣтства. Онъ былъ въ высшей степени избалованъ, выпивалъ залпомъ за здоровье дѣда рюмку водки. Эти-то родичи начали подстрекать тестя и настраивать его противъ меня, говоря, будто бы я посагаю на его приходъ силою, чтобы скорѣе выжить его, и вообще разсказывая разныя нелѣпости. Причиной этихъ розсказней было то, что я на собранныя деньги купилъ демикотонную рясу, кафтанъ, лѣтнюю шляпу, а покойницѣ набралъ два платья, купилъ большой шерстяной платокъ на шею, маленькихъ два и на голову темно-коричневый шелковый, высшаго сорта. Эти интриги поселили раздоръ между мной и тестемъ и дѣлали нашу жизнь до того невыносимой, что я однажды сказалъ ему, что, если онъ будетъ вѣрить навѣтамъ, то я оставлю его домъ, уѣду въ Черниговъ, займу кондицію и, скопивши денегъ, вызову жену. Въ Черниговѣ я буду проситься на другой приходъ или же въ полкъ священникомъ. Одна только бѣда, что я женился безъ билета по невѣдѣнію, за что благочинный Любарскій и оштрафовалъ меня 20 рублями, которые тесть и уплатилъ. Тесть мой, видя, что все идетъ неловко, отправился къ сестрѣ Марѳѣ, послѣ чего они совершенно перестали кляузничать и ябедничать, сдѣлались ласковы, входя въ душу, но я зналъ, что послѣ отца намъ придется тоже почти содержать ихъ семейство. Отецъ ихъ отправился на Донъ. Онъ былъ человѣкъ способный столяровать и плотничать, но былъ неровнаго характера и любилъ мотать. Такъ и случилось, о чемъ рѣчь будетъ ниже.—Наступилъ праздникъ Рождества Христова, и тесть мнѣ сказалъ, что онъ намѣренъ прослужить только Свѣтлый праздникъ Воскресенія, а тамъ поѣдетъ въ Черниговъ къ Преосвященному съ прошеніемъ рукоположить меня на его мѣстѣ, а самъ будетъ проситься въ Домницкій монастырь въ монашество. Въ великій постъ съ нимъ случилась большая

бѣда: однажды на второй недѣлѣ онъ запрегъ двое саней по одноконкѣ и съ человѣкомъ отправился въ лѣсъ, чтобы оттоль привезти два сосновыхъ дерева для окончанія домика недостроеннаго, въ которомъ всѣ вы родились и жили до постройки теперешняго дома. Въ лѣсу онъ всталъ на дорогѣ; лошадь потянула, и онъ упалъ на копыль ребромъ. Съ трудомъ доѣхалъ онъ до двора и пролежалъ недѣли двѣ. Во время его болѣзни въ церкви служилъ Стольнинскій священникъ. Послѣ этого тесть еще хуже сталъ кашлять и жаловаться на боль въ боку. Немного поправившись, онъ опять сталъ служить.—Наступилъ и Свѣтлый праздникъ, а спустя недѣлю мы отправились въ Черниговъ. Онъ приготовилъ прошеніе преосвященному архіепископу Лаврентію объ уступкѣ мнѣ прихода и о его желаніи поступить въ монахи въ число братства Домницкаго монастыря, съ дозволеніемъ прожить въ домѣ годъ для устройства по хозяйству. Я отъ себя приготовилъ прошеніе съ представленіемъ аттестата и свидѣтельства о женитьбѣ и удостовѣренія отъ благочиннаго объ уступкѣ тестемъ мнѣ прихода. Явились мы къ Преосвященному и подали прошенія. Прочитавши оныя, онъ съ гнѣвомъ сказалъ: „Что ты будешь дѣлать цѣлый годъ? Голубей гонять, да съ зятемъ ссориться?!“ А обратясь ко мнѣ, сказалъ: „а ты какъ женился безъ билета?“--„По невѣдѣнію“—отвѣчалъ я.—„А, такъ поступай на дьячки!“ Я отвѣчалъ: „Ваше преосвященство, будьте милостивы! Это произошло дѣйствительно по моему невѣдѣнію. „Ну, я оштрафую вѣнчавшаго“—сказалъ Преосвященный и, оставивъ мое прошеніе, возвратилъ тестю его прошеніе, приказавъ уйти. Тесть мой былъ очень раздосадованъ. Я ему сказалъ: „поѣзжайте домой, а мнѣ дайте бланкъ бѣлый или напишите, что вы за рукоположеніемъ моимъ тотчасъ поступаете въ монастырь“. Пока мы доѣхали до квартиры его сына Павла, тесть ничего не говорилъ. Павелъ уже вышелъ изъ класса. Отецъ передалъ ему все происшедшее. Павелъ вполнѣ согласился съ тѣмъ, что я говорилъ, и посовѣтовалъ подавать такого рода прошеніе. Тесть послѣ размышленія сказалъ: „я ѣду сейчасъ домой: пусть зять остается и хлопочетъ, а пріѣдетъ домой, я согласенъ буду“. Проводивши тестя, я цѣлый день

проспалъ, а вечеромъ пошелъ къ Добрянскому и просилъ его побывать вмѣстѣ у секретаря Василевскаго, дѣти коего цѣлый мѣсяцъ ходили ко мнѣ на уроки и танцовать одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Добрянскій, когда я ему все разъяснилъ, сказалъ: „Не безпокойтесь. Я самъ завтра поговорю съ нимъ поутру. Здѣсь окончена его работа, и завтра утромъ два рабочихъ понесутъ ее къ нему, а я съ ними отправлюсь для разсчета". Возвратившись на квартиру и переночевавши, я отправился рано въ Тройцу и явился къ докладчику Развольскому, далъ ему рубль серебромъ. Онъ отдалъ мнѣ прошеніе, поправивъ оное, аттестатъ, а свидѣтельство о бракѣ передалъ въ консисторію. На свидѣтельствѣ значилась резолюція Преосвященнаго: „оштрафовать благочиннаго Любарскаго двадцатью рублями асс." Онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться недѣли чрезъ двѣ съ прошеніемъ отъ тестя о немедленномъ послѣ рукоположенія меня въ священники поступленіи въ монастырь въ число братства. На другой день мнѣ представился случай, и я уѣхалъ въ Городище съ Синявскимъ дьячкомъ. Прибывши въ домъ, я разсказалъ тестю о моихъ успѣхахъ. Онъ неравнодушно встрѣтилъ мой разсказъ. Дошло почти до спора. „Опять ты меня выживаешь изъ дома"— говорилъ онъ. На это я ему говорю: „объ этомъ надо было думать до вступленія моего въ бракъ, надо было писать и распоряжаться, а теперь поздно дѣлать вашу дочь несчастною. Вы слышали слова Преосвященнаго?" Въ это время прибылъ только что пріѣхавшій изъ Чернигова Юсухно, и, посидѣвши, они отправились къ нему обѣдать. Юсухно и меня приглашалъ, но я отказался, чувствуя себя не такъ здоровымъ. Много было еще случаевъ неудовольствія, но я все таки добился своего и, получивъ отъ тестя листъ бѣлой бумаги съ подписью его имени болѣе нежели въ половинѣ листа, отправился въ Черниговъ. По прибытіи сюда, я отправился въ гостинницу, куда пригласилъ одного изъ знакомыхъ мнѣ богослововъ, который переписалъ мое прошеніе и тестя, подведши конецъ подъ подпись. Я его угостилъ, хотя тесть далъ мнѣ всего на постриженіе или рукоположеніе во священники 45 руб. асс. да у меня своихъ было еще рублей десять. Въ 8 часовъ я отправился въ Тройцу

и, не зхаодя къ докладчику, вошелъ въ корридоръ и остановился противъ двери въ залу, гдѣ Преосвященный принималъ прошенія лично изъ рукъ. За дверьми я услыхалъ грозный голосъ Владыки и даже ругательныя слова. У меня даже сердце забилось. Оказалось, что нѣкто діаконъ изъ Копачевки Тимофей Волянскій, сынъ тамошняго священника, исключенный изъ класса словесности за дурное поведеніе, успѣлъ жениться и получить діаконское мѣсто гдѣ-то въ черниговскомъ уѣздѣ, надѣлалъ самыхъ непростительныхъ преступленій, напр.—укралъ корову и продалъ евреямъ. Вѣроятно, по прошенію отца, а можетъ быть и жены, за него рѣшился предстательствовать помѣщикъ Илья Ивановичъ Посудевскій, который вмѣстѣ съ нимъ и явился къ Преосвященному. Сначала я слышалъ разныя грозныя слова: „какъ ты смѣлъ утруждать г. помѣщика? за твои непростительныя преступленія я тебя лишу діаконскаго сана и изгоню тебя вовсе изъ епархіи". Наконецъ, онъ закричалъ: „Вонъ, негодяй! Вонъ, мерзавецъ!" Попросивъ помѣщика сѣсть, онъ самъ отворилъ двери и выгналъ виноватаго, какъ собаку. Затѣмъ, поговоривъ довольно тихо съ помѣщикомъ, минутъ черезъ пять онъ отпустилъ и помѣщика. Не знаю, съ какимъ страхомъ я отворилъ дверь и вошелъ въ залу. Преосвященный сидѣлъ въ самомъ углу, въ креслѣ подъ иконами. Вошедши, я еще у порога поклонился болѣе, нежели въ поясъ. Преосвященный взглянулъ и, кивнувъ пальцемъ, подозвалъ къ себѣ. Я подошелъ, поклонился почти въ ноги и подалъ бумагу. Преосвященный до того сдѣлался кротокъ, что я удивился и сталъ смѣлѣе. Прочитавши мое прошеніе, а также и прошеніе тестя, онъ сказалъ: „Вотъ видишь, это надежнѣе для тебя. Я скоро потребую его на мѣсто". Просмотрѣвши мой аттестатъ, онъ предложилъ мнѣ вопросъ о благодати Божіей. Я сказалъ ему латинскую дефиницію „gratia". Онъ потребовалъ поясненія на русскомъ языкѣ. Затѣмъ онъ спросилъ, когда на литургіи хлѣбъ и вино превращаются въ тѣло и кровь Господни. Я отвѣтилъ. Тогда онъ подозвалъ меня къ столу и заставилъ читать старопечатную славянскую книгу. Я прочиталъ бойко. Послѣ того онъ развернулъ Ирмолой и заставилъ меня пропѣть изъ онаго. Я совершенно здѣсь сталъ въ тупикъ, но тотчасъ же

объяснилъ, что я до словесности числился въ свѣтскомъ званіи, а отъ свѣтскихъ не требовалось учить нотное пѣнье, и только при вступленіи въ словесность я узналъ, что преосвящ. Михаиломъ я въ 1809 г. принятъ въ духовное званіе, тѣмъ болѣе, что моя мать въ другой разъ вышла замужъ за капитана, который и заботился о моемъ воспитаніи. Преосвященный, отошедши отъ стола, опять сѣлъ на прежнее мѣсто и велѣлъ запѣть какое-нибудь величаніе, но и тутъ я ни въ зубъ. Онъ запѣлъ самъ величаніе пресвятѣй Богородицѣ, Рождеству Ея, и я подпѣвалъ. Окончивши пѣть, онъ сказалъ: „Плохо! тебя дьячокъ будетъ за носъ водить“: На это я сказалъ, что постараюсь изучить церковное пѣніе. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ и написалъ резолюцію на прошеніяхъ, на моемъ—„чинить производство въ священники“, а на прошеніи тестя—представить въ Сvнодъ“. Мои бумаги были отданы мнѣ на руки для отнесенія въ консисторію. Это было въ пятокъ передъ Зеленою недѣлей. Когда я пришелъ въ консисторію, было уже около 12 часовъ. Сюда же прибылъ и докладчикъ Развольскій. Мнѣ было сказано явиться въ субботу въ 9 часовъ, для допроса и выполненія всѣхъ формальностей. Въ консисторіи докладчикъ объявилъ мнѣ, что въ день храма св. Тройцы я буду посвященъ въ діаконы, а потому консисторіи велѣно поспѣшить окончаніемъ моихъ бумагъ. Я забылъ упомянуть еще объ одномъ фактѣ. Выходя отъ Преосвященнаго, я зашелъ къ эконому о. Ѳеодору Миславскому. Онъ былъ сначала Степановскимъ священникомъ, а до поступленія въ заштатъ—благочиннымъ. Вскорѣ онъ не помирилъ со своимъ преемникомъ, продалъ всѣ пріобрѣтенные имъ поля и огороды помѣщицѣ Данилевичъ, а самъ поступилъ въ монахи. Въ то время онъ уже былъ протопопомъ, прослуживъ благочиннымъ болѣе 25 лѣтъ. Благочиніе доставалось послѣ него Волосковскому священнику о. Іоанну Любарскому, недалекому по уму, не чтимому и не любимому Миславскимъ. Причина моего посѣщенія была просить у него въ долгъ рублей 20 асс. Экономъ принялъ меня радушно и на первый мой отзывъ о моей нуждѣ тотчасъ вынесъ мнѣ деньги, впрочемъ спросивъ при этомъ, сколько мнѣ тесть далъ денегъ; узнавъ, что мнѣ дано только

45 р. асс., онъ громко засмѣялся и сказалъ: „А все это бесѣды съ панами и пріемы ихъ. Я хорошо знаю его жизнь, бывши 25 лѣтъ его благочиннымъ: онъ исполнительный и честный человѣкъ, но одна слабость у него—униженіе предъ панами и пріемы ихъ; да кромѣ того въ послѣднее время онъ строго сталъ обращаться съ семьей. Я самъ посовѣтовалъ ему сдать приходъ и поступить въ монахи, зная, что за дочерью онъ ничего больше дать не можетъ".—Я предложилъ ему выдать росписку, но онъ засмѣялся. „Отдашь, когда сможешь, и безъ оной, когда будешь на приходѣ; а можетъ тесть заплотитъ"—сказалъ онъ и, угостивъ чаемъ, отпустилъ съ радушіемъ. Я зналъ, что мнѣ деньги очень потребуются при допросѣ въ консисторіи.—Въ субботу я явился въ консисторію и пробылъ здѣсь почти до перваго часу. Съ меня сняли допросъ и сказали, что послѣ обѣда будутъ изготовлены и переписаны всѣ бумаги къ Преосвященному, а чтобы я завтра, въ день св. Духа, явился для полученія ихъ.—Получивши въ этотъ день свои бумаги и расплатившись съ притѣснителями канцелярскими, начиная отъ столоначальника и до писцовъ, я объявилъ имъ при требованіи прибавки, что больше ничего не имѣю. Взявши бумаги, я съ трудомъ вышелъ изъ консисторіи. Задержать бумагъ они не могли, такъ какъ онѣ всѣ были подписаны членами и секретаремъ. Послѣ этого я пошелъ въ Покровскую церковь, гдѣ стоялъ уже на вечернѣ при молитвахъ, читанныхъ священникомъ. Послѣ литургіи и вечерни я зашелъ къ Добрянскому и, отобѣдавши у него, отправился въ Троицкій монастырь, гдѣ долго пришлось бродить и ожидать, пока архіерей не проснется. Было уже около половины четвертаго, когда я, сидя въ корридорѣ, услыхалъ голосъ Преосвященнаго: „Готовь умываться!" Вскорѣ лакей позвалъ меня. Я подалъ чрезъ него консисторскія бумаги, онъ же вышелъ и сказалъ, чтобы я отправился къ духовнику. Тотчасъ же начали благовѣстить ко всенощной. Выисповѣдавшись у духовника, я вошелъ въ церковь. Началась всенощная съ заутренею, на которой меня заставили читать каѳисмы посреди церкви, а потомъ канонъ съ монахомъ. Пѣвчая пѣла, потому что Преосвященный стоялъ въ алтарѣ отъ начала до конца. Послѣ

утрени мнѣ объявили, чтобы я въ восемь часовъ былъ въ Тройцѣ *на правилѣ*, т. е. выслушать молитвы къ причащенію. И такъ, во время литургіи я посвященъ былъ въ дьякона. Я переодѣлся въ квартирѣ и съ собою принесъ рясу и кафтанъ демикотонные: лучшаго я не могъ приготовить, какъ другіе мои товарищи, облекшіеся въ шелковыя или по крайней мѣрѣ шерстяныя рясы, сшитыя въ Черниговѣ. Послѣ обѣдни экономъ чрезъ послушника велѣлъ мнѣ зайти къ нему. У него я напился чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, поблагодаривъ его цѣлованіемъ въ руку. Онъ предлагалъ мнѣ пойти обѣдать съ пѣвчими, но я отказался и отправился опять къ Добрянскому, гдѣ мнѣ подали уже одному обѣдъ, а послѣ обѣда пригласили къ кофе, послѣ чего я отправился на квартиру, и на завтра, чуть свѣтъ отправился въ Тройцу, чтобы изучить священнослуженіе. На литургіи я діаконствовалъ съ другимъ діакономъ, но не пріобщался, потому что я не вычиталъ правила и не слушалъ заутрени. Послѣ литургіи я зашелъ опять къ Миславскому, обѣдалъ съ нимъ и остался на весь день, испросивъ позволенія ночевать въ монастырѣ, гдѣ и ночевалъ съ пѣвчими. На четвертый день я служилъ одинъ съ новопосвященнымъ священникомъ Василіемъ Бѣльскимъ въ присутствіи его преосвященства. Іеромонахъ и іеродіаконъ стояли у престола для указанія. Я хорошо отправлялъ при помощи іеродіакона все требуемое. Когда мы пріобщались, меня іеродіаконъ подвелъ къ жертвеннику; положилъ на позлащенное блюдце или тарелочку самую большую служащую просфору и двѣ большія частицы отъ изъемлемой для Агнца просфоры и золотой ковшъ съ церковнымъ виномъ. Когда Преосвященный коснулся просфоры или частицы, я цѣловалъ его десницу. Потомъ онъ взялъ ковшъ, а я закушивалъ и запивалъ. Я стоялъ со страхомъ и трепетомъ, послѣ чего онъ, взявши въ руку, большую просфору, благословилъ сю меня и отдалъ мнѣ. Между тѣмъ литургія кончилась. Бѣльскій вышелъ читать заамвонную молитву, но не читалъ ее, а грызъ. Затѣмъ по окончаніи литургіи ему поднесли книгу подъ носъ почти для прочета изъ оной отпуска Пятидесятницы. Онъ едва-едва прогрызъ. Когда онъ подошелъ къ Преосвященному за бла-

гословеніемъ, тотъ разразился цѣлымъ потокомъ брани: „Дуракъ, неучъ! Я жалѣю, что рукоположилъ тебя во священника. Посмотри — сказалъ онъ, указывая на меня—вотъ онъ кончилъ науки, отъ него не требуется исполнять діаконскую должность, а онъ, чтобы изучиться болѣе къ предстоящей должности, старается. Надо отправить тебя на мѣсяцъ въ Соборъ для изученія“. Этотъ Бѣльскій былъ изъ исключенныхъ изъ словесности, страшная тупица, сынъ богатаго священника изъ Литвы, лѣтъ двадцати семи; посредствомъ денегъ устроилъ себѣ карьеру.— Я до субботы служилъ съ іеромонахомъ, присматриваясь къ богослуженію. Первую недѣлю Петровки я провелъ безъ дѣла, больше въ снѣ, изрѣдка бывая у Добрянскаго, одинъ разъ былъ у Веприцкаго, да еще по разу въ тѣхъ домахъ, гдѣ я былъ на кондиціяхъ. — Вдругъ въ городѣ распространилась молва, что умеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ Милорадовичъ. Въ тотъ же день вечеромъ ко мнѣ на квартиру явился іеромонахъ и передалъ мнѣ распоряженіе Преосвященнаго идти вмѣстѣ съ нимъ въ домъ Милорадовича, гдѣ мы по очереди должны будемъ читать Евангеліе. Погребеніе назначено на 26-е число, въ Тройцѣ. Въ этотъ же день я буду рукоположенъ во священники. Я отправился съ нимъ въ домъ Милорадовича. Около его катафалка стояли всѣ почтамтскіе чиновники въ полномъ парадѣ. Здѣсь передъ столомъ было два аналоя для чтенія Евангелія, а въ ногахъ для чтенія псалтыря. Кругомъ катафалка стояли свѣчники, залитые горящими свѣчами. Пришли священникъ и причтъ. Іеромонахъ облачился въ ризы, а мнѣ сказалъ облачиться въ стихарь по діаконскому обычаю. Началась большая панихида съ длинными напѣвами. На панихиду явилось семейство Милорадовича и, отслушавъ панихиду, всѣхъ насъ и чиновниковъ пригласило къ чаю, послѣ котораго я читалъ Евангеліе, а часу въ девятомъ отправился на его лошадяхъ въ Тройцу слушать поутру заутреню, а послѣ съ нимъ и архимандритомъ мы пріѣхали въ домъ Милорадовича, гдѣ уже была и пѣвчая. Архимандритъ отправилъ краткую литію заупокойную. Вскорѣ прибылъ и архіерей. Началась опять литія, а потомъ выносъ тѣла. Это было трудное дѣло: день былъ по-

годливый, жаркій, и ходить въ старинномъ стихарѣ изъ черная бархата съ подбивкою очень тяжело. Мнѣ дали серебряный позолоченный крестъ, аршина въ два вышины съ круглымъ подножіемъ въ толстую палку, и вся погребальная процессія потянулась изъ дома. Гробъ былъ поставленъ на траурныя дроги, запряженныя цугомъ. Упряжь на лошадяхъ также была траурная. Преосвященный, прочитавши Евангеліе, сѣлъ въ карету, а всѣ чиновники шли рядомъ, а нѣкоторые несли его регаліи на богато убранной подушкѣ. Весь церемоніальный кортежъ тянулся позади. Преосвященный по временамъ выходилъ изъ кареты и, прочитавши Евангеліе, опять садился въ карету. Шествіе слѣдовало чрезъ торговую базарную площадь на новый базаръ. При неумолкавшемъ звонѣ колоколовъ процессія съ новаго базара пошла большою кіевскою дорогою. Я до того истомился, что чуть не упалъ. Другой иподіаконъ взялъ отъ меня крестъ, что меня очень облегчило, но одежда все-таки была очень тяжела, не по моему здоровью. Дорога отъ дома Милорадовича до Троицкаго монастыря шла чрезъ новый базаръ и потому составляетъ не менѣе семи верстъ. По прибытіи въ монастырь и по внесеніи гроба въ большую церковь, мнѣ позволили сбросить стихарь и немного освѣжиться на вольномъ воздухѣ. Я посидѣлъ въ тѣни минутъ десять, какъ уже начали благовѣстить къ литургіи, и меня потребовали сейчасъ же облачаться и слушать краткія молитвы къ св. причащенію. Затѣмъ началась литургія, на которой я былъ рукоположенъ или посвященъ во священника. По отпѣтіи погребенія гробъ снесли въ подземный церковный погребъ, гдѣ приготовлены склепъ и могила, по опущеніи въ которую и по выходѣ изъ церкви, было приготовлено нѣсколько экипажей и повозокъ для обратнаго пути въ домъ Милорадовича. По отпѣтіи краткой заупокойной литіи всѣ приглашенные тотчасъ-же сѣли за приготовленный, богато сервированный столъ. Меня, какъ новорукоположеннаго, посадили послѣ протоіереевъ Городисскихъ; преосвященный Лаврентій сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Обѣдъ продолжался очень долго, а послѣ него начали раздавать денежное вознагражденіе. Я получилъ бѣлую четвертную, 25 руб. асс., великую по тогдашнему

времени сумму, да два шелковыхъ черныхъ платка, что мнѣ послужило большимъ подспорьемъ, такъ какъ у меня наличныхъ не было ни гроша. Мнѣ назначили служеніе въ кафедральномъ Соборѣ. При первомъ же случаѣ я отослалъ оба платка да еще покойницѣ на платье купленную полушерстяную матерію, прося тестя прислать мнѣ для отъѣзда лошадей. Предъ литургіей я явился къ Преосвященному за полученіемъ священнической грамоты и архипастырскаго благословенія на новое пастырское служеніе. Преосвященный вышелъ изъ своихъ покоевъ, сдѣлалъ мнѣ приличное наставленіе въ новомъ высокомъ пастырскомъ служеніи, что мнѣ особенно припоминается: первое—быть благоговѣйнымъ и осторожнымъ въ священнодѣйствіи, вести себя честно и прилично, на приходѣ не дружиться съ панами и не вести съ ними компаній, особенно соблазнительныхъ, строго воздерживаться отъ горячихъ напитковъ и вообще быть добрымъ примѣромъ для прихожанъ честною и безукоризненною жизнію. Тестю же велѣлъ передать отъ своего имени, чтобы онъ готовился для поступленія въ монастырь въ число братіи, и что онъ скоро потребуетъ его къ себѣ.—Преосвященный вообще былъ очень добрый архипастырь, безъ всякой спеси. Я пошелъ къ докладчику Развольскому заплатить пять руб. асс. и получилъ изъ рукъ его грамоту, презентованную Преосвященнымъ съ приложеніемъ большой архіерейской печати.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Ивановичъ Ханенко.

(НЕКРОЛОГЪ).

4-го іюля с. г. умеръ въ Черниговѣ извѣстный тамошній старожилъ А. И. Ханенко. Х—ко принадлежалъ къ числу родовитыхъ малорусскихъ дворянъ, происходя по прямой линіи отъ брата заднѣпровскаго гетмана Михайла Ханенка, Лаврентія, а извѣстный своею образованностью генер. хоружій Николай Ханенко былъ прадѣдомъ Александра Ивановича. Дѣдъ А—ра И—ча былъ предводителемъ дворянства погарскаго уѣзда, въ которомъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Василіемъ (извѣстнымъ любимцемъ императора Петра III) онъ владѣлъ богатыми имѣніями. Наслѣдство обоихъ братьевъ перешло къ дѣтямъ младшаго брата—Ивана Николаевича (Василій былъ не женатъ), у котораго было нѣсколько дѣтей. Младшій изъ нихъ, Иванъ же, имѣлъ трехъ сыновей—Александра, Ивана и Михайла. Всѣ три брата получили хорошее воспитаніе (кажется, въ московскомъ благородномъ пансіонѣ) и всѣ три они имѣли литературную жилку; родная старина интересовала ихъ болѣе всего, и младшій братъ Михайло Ивановичъ (+1853) напечаталъ въ пятидесятыхъ годахъ, въ Черниговскихъ губ. вѣдомостяхъ, много важныхъ и интересныхъ бумагъ своего прадѣда. Александръ Ивановичъ былъ также большимъ любителемъ письменныхъ памятниковъ мѣстной старины. Служилъ А—ръ И—чъ больше по выборамъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ предводителемъ суражскаго уѣзда, а въ 1858 г. былъ избранъ членомъ *черниговск. губ. комитета объ улучшеніи быта крестьянъ,* при закрытіи котораго, на обѣдѣ, произнесъ слѣд. стихи.

Былъ нѣкогда ужасный вѣкъ.—
Въ какомъ то странномъ ослѣпленьи,
Своихъ собратій униженьемъ
Тогда гордился человѣкъ.
. . . .
. . . .
. . . .
Но вотъ ужъ новой жизнью вѣетъ;
Настала счастія пора,—

И сколько славы и добра
Въ прекрасномъ будущемъ свѣтлѣетъ!
Забвенье прошлому! Впередъ!
Позора сброшены оковы...
И пусть на подвигъ жизни новой
Всякъ силы новыя несетъ! [1])

Въ 1860 г. А. И. былъ избранъ членомъ открывшейся тогда черниговской межевой палаты и, познакомившись съ исторіей межеванія, написалъ *Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи* (Черниговъ. 1870. 126 стр.) Другими литературными работами А—ра И—ча были слѣдующіе очерки:

1) *Городъ Погаръ. Историко-статистическій очеркъ.* 70 стр. (Оттискъ изъ Черниговск. губ. вѣдом. 1871 г.) 2) *Святитель Өеодосій Углицкій. Историко-біографическій очеркъ.* 94 стр. (Оттискъ, кажется, изъ Черниг. епарх. извѣст.) 3) *Историческое описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей черниговской губерніи.* Черниговъ 1887. 38 стр. (Оттискъ изъ черниговск. календаря на 1888 г.).—Занимаясь исторіей старой Малороссіи, А—ръ И—чъ Х—ко хорошо зналъ и Малороссію *новую*; особенно хорошо онъ зналъ бытъ малорусскихъ помѣщиковъ первой половины настоящаго вѣка, при чемъ иногда разсказывалъ изъ этого быта прелюбопытные эпизоды. Много разъ убѣждали мы А—ра И—ча хоть что нибудь записать изъ его воспоминаній; онъ и обѣщалъ бывало, но не могъ онъ рѣшиться *записывать* темныя черты изъ жизни своихъ соотчичей... За то съ любовью записалъ онъ разсказы генерала Котлубицкаго, любимца императора Павла,—этими разсказами никто не могъ быть обиженъ... [2]).

Любя родную старину, А. И. собиралъ особенно старыя южнорусскія книги и собралъ достаточное количество черниговскихъ и кіевскихъ изданій XVII и XVIII в. Ему посчастливилось, между прочимъ, сберечь порядочное собраніе книгъ, повидимому, такого же любителя, какимъ былъ и самъ—бунчуковаго товарища Андрея Дунина Борковскаго (сына генеральнаго обознаго), которое онъ нашелъ въ одномъ изъ пріобрѣтенныхъ имъ имѣній. Библіотека А—ра И—ча подобрана была имъ, въ теченіе долгой его жизни, вообще хорошо, при чемъ болѣе всего въ ней—книгъ богословскихъ и историческихъ. Жаль будетъ, если это собраніе погибнетъ. Умеръ А. И. глубокимъ старикомъ, едва ли не восьмидесяти лѣтъ. Всѣ знавшіе А—ра И—ча долго будутъ его помнить—за его незлобіе и доброту.

А. Л.

---

[1]) Приводимъ лишь отрывокъ: начало и конецъ

[2]) Напечатаны въ Руск. Арх. 1866 и 1868 г.г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лирникъ Андрій Корніенко. Лирникъ Андрей Пантелеймоновичъ Корніенко, крестьянинъ лѣтъ 30, родился въ г. Васильковѣ. 10-ти лѣтъ отъ роду ослѣпъ онъ отъ оспы и былъ отданъ въ науку въ Бѣлую Церковь къ лирнику-слѣпцу Омельяну Адамовичу Шевченку. У Шевченка Корніенко пробылъ три года, деньгами не платилъ ничего, но за то помогалъ ему по хозяйству. Вмѣстѣ съ нимъ у того-же майстра учились еще Дмытрый и Мыколай Пустовытенко изъ д. Яблоновки, васильковскаго у.—Корніенко женатъ, имѣетъ дочь 5-ти лѣтъ. Поетъ онъ подъ аккомпаниментъ лиры слѣдующія бытовыя и духовныя пѣсни: Бида, Теща, Сыротка, Пъяныця, про Соцького; про Почаевську Божу Матирь, Мыколая («Больши ёго нѣсть на земли трона»...), про Спасытеля, Варвару, Лазаря, Олексѣя, Страшный судъ.

Предлагаемыя пѣсни, записаны отъ Корніенка въ Кіевѣ лѣтомъ 1894 года.

№ 1. Соцькій.

Ой хвалыця старшына своимъ сыномъ,
А соцькій своимъ чыномъ:
—Бо я соцькій, маю чынъ,
А десятныкъ ны почимъ.
На хрыстынахъ я буваю,
Въ первомъ мисти засидаю,
Бо я соцькій, маю чынъ,
А десятныкъ ны по чымъ [1]).
На хрыстынахъ я буваю,
Перву румку водкы выпываю.

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

Молодыци мене добре знають,
Паномъ-соцькимъ называють.
Якъ надину свій чикменъ,
Знають мене, шо я членъ;
Якъ надину свою бляху,
Всякъ тикае къ чорту зляку.
Якъ увійду я у шынокъ да подыму палку
Всякій каже: выпый, соцькій, водкы чарку.
За те мыни тыльки зле,—
Шо старшина въ морду бъе,
За то мыни тыльки зле,
Шо прыставъ мене въ морду бъе,
Справныкъ у деревню уйиждjae,
Соцькій курей розгоняе:
Пока соцькій курей розыгнавъ,
Чуть по морди не доставъ,—
Бо я соцькій, маю чынъ!
А десятныкъ ны по чимъ.—

№ 2. Пъяныця.

Нещаслывый той чоловикъ,
Шо въ шынку напывся;
Жинка дома, просыть Бога,
Шобъ ни съ кимъ не бывся.
А винъ иде иде изъ шынку
Та й спивае;
Сыдыть жынка край виконця,
Слёзы пролывае.
Увиходыть винъ у хату,
Давай горшкы—мыскы быть,
А побывши горшки—мыскы,
Иде въ шынокъ водку пыть,
Идёть винъ да й спивае;
Ой хапнеця до кармана,
А денегъ немае.
Увиходыть винъ у шынокъ
Та зперся на пляшку,
Усихъ богивъ укладае
Въ орандарську ласку [1]).
"Ой ты, пане—орандарю,
Забырай все, що я маю,

---

[1]) Стало быть, шобъ повирывъ.—Добавленіе пѣвца.

А водкы дай!“
Отвичае ёму орендаръ:
—Якъ ты йидного вола маешъ,
То й на того будешъ пыть;
Якъ прыйде часъ робочый,
Чымъ будешъ робыть?—
„Не пытай же, орендарю,
Въ той часъ воливъ розгадаю,
А водкы дай!“
Винъ напывся, винъ найився,
Иде та й спивае;
Жинка сыдыть край виконця,
Слёзы продывае.
Увиходыть винъ у хату,
Отвичае свойій жони:
„Ой чого ты плачишъ?
Вже намъ не буде одначе:
Орандаръ вола возьме“.
—Ой якъ мыни не плакаты,
Шо въ мене дрибныйи диты;
Сама я не знаю,
Де йихъ подиты.—
„Не моя жъ то голова,
Сама ты йихъ навела,
Мусышъ годуваты.
Ой якъ будемъ мы, жинко, добры,
Та у Бога годны,
То мы будемъ, жинко, неголодны.
Якось намъ Богъ дастъ.

№ 3. Страшный судъ.

Горе намъ грѣшнывамъ!
Всегда плаче предстатель.
Когда сойдуть ангели
Дила нашы извищаты,
Тогда протечеть рика огнéная
И пожере всяку тварь земляную
А въ тую пропасть проклятую;
Тогда сонце й мисяць померкне,
Частыйи небесныйи звезди зъ небесъ спадуть
И свитыты не будуть;
Архистратъ Мыхаилъ
Зъ небесъ сойдеть,
На сіанську гору пойдеть,

А затрубить въ семыгласну трубу,
Всѣхъ мертвыхъ отъ гроба розбудыть.
—А встаньте, хрыстолюбывци мои,
Прыступить вы ажъ до царствія,
До царствія небесного,
До престолу херувымського,
Которымъ царствіе слидувано,
А которымъ пекло слидуванее.—
Праведніи идуть по правой руцѣ,
Грѣшныки возъ лѣвой руцѣ.
Праведныки идуть,—всё веселяця,
Грѣшныки йдуть,—всё смутяться.
Праведныйи йдуть, херовымы [1]) поють,
А грѣшныки йдуть, плачуть-рыдають,
Отца свого, родную матку проклынають:
—Нещаслывой той часъ и годына
Шо насъ отець-матка породыла,
Что насъ маленькымы не учыла,
До Божого дома не водыла,
Што мы въ Божомъ дому не бувалы,
Божыхъ молытовъ не слыхалы,
Зя хресъ, за молитвы забувалы;
Не молылыся Богу со слизамы,
Вечерни по улыцамъ згулялы,
Утрени въ постеляхъ пролежалы,
Службы конець столу просыдилы,
Отца нобесного прогнивылы.—
Возглаголавъ имъ царь небесный:
„Пойдить отъ меня пречъ проклятія!
Горять вамъ огня невгасныйи,
Кыпыть вамъ смола невтолимая.
Я самъ изъ Дѣвы Хрыстосъ народывся,
У въ Ордань-рѣкы охрестывся,
У бесмертный гробъ положывся;
Лежавъ же я два дня у гроби умершой,
На третій день воскресывся,
Плащаныцею возъявывся,
Воскресился ко святому воскресенію,
Вознесывся на небеса къ святому вознесенію,
А рады вашыхъ душъ да спасенію".

---

[1]) Или такъ: „херовымы" поють.(?)

№ 4. Варвара.

Ой зійшла зора посередъ мора.
Ой то не зора,—то свята Варвара.
А святу Варвару самъ панъ круль сподобавъ,
А святій Варвары подарунокъ давъ.
Свята Варвара подарунку не брала,
Она на цимъ свити жыты не желала.
А звеливъ панъ круль-же гробъ выкопаты,
А святу Варвару въ гробъ жыву сховаты.
А пойихавъ панъ-круль въ далекую войну;
Не богацько забарывся:
Двадцять лѣтъ й чотыры.
Прыйихавъ панъ-круль зъ далекойи войны,
Полягывся въ лужку спочывать спокойно,
А прыснылась святая Варвара,
Шо вона въ гроби жыва,
Кращая стала Варвара въ гроби,
Якъ на свити была.
Звеливъ панъ круль слугамъ гробъ одкопаты,
Святойи Варвары кости розвергаты.
Слуги вѣрніи гробъ откопалы.
„Слугы вы мойи слугы, не вѣрно вы служылы:
Вы святу Варвару во гроби кормылы“.
—Ой пане нашъ, пане крулю!
Не мы йіи кормылы,—
Кормывъ йіи Господь съ вышчого неба,
Бо святій Варвари помырать не треба.—
А звеливъ панъ круль дробно шкла набыты,
А святу Варвару по тымъ шкли водыты.
Излитаеть ангелъ зъ неба:
„Ступай, Варваро, на-шкло, такъ тоби потреба“.
Святая Варвара навколеньки впала:
„Стань мыни, Боже, до порукы,
Да недай мыни, Боже, безвынойи мукы“.
Святая Варвара по тымъ шкли ходыла,
Жаднойи одежды на тили не ймила.
А звеливъ панъ-круль смолы патопыты,
А святу Варвару въ смоли изварыты.
Злитаеть ангелъ зъ неба:
„Ступай, Варваро, въ смолу, такъ тоби потреба“.
Святая Варвара навколеньки впала;
„Стань мыни, Боже, до порукы,
Не дай мыни, Боже, безвынойи мукы!“
Святая Варвара у смоли выпила,
Жаднойи одежды на тили не ймила.

А звеливъ панъ круль пляцъ пляцоваты,
На святу Варвару ката изозваты.
А сивъ панъ круль изъ катомъ край виконця;
Выстрелыла изъ небесъ стрила зъ-пидъ ясного соньця;
Убыла стрѣла пана круля зъ катомъ,
Сыдя край виконця.

№ 5. Про Олексѣя.

Въ славномъ гради въ Ерусалыми
Тамъ вси дзвоны дзвонять.
Царъ Давыдъ по саду ходыть
И Господа просыть,
„Дай мыни, Боже, хоть йидное чадо“.
Давъ ему Богъ сына Олексѣя.
Ай у Бога превелыкая сыла!
Одружывъ отець по неволи сына,
Звеливъ ему зъ женою въ пари жыты [1])...

А. Малинка.

Кіевъ въ 1787 г. и дѣдъ покойнаго Н. Х. Бунге. Въ небольшой книгѣ Johann'a W. Möller'a — *Reise von Wolhynien nach Cherson in Russland*, изданной въ Гамбургѣ въ 1802 г. и не особенно у насъ извѣстной, а теперь уже и очень рѣдкой, мы находимъ очень краткое описаніе Кіева, значительная часть котораго посвящена упоминанію о старикѣ аптекарѣ Бунге—дѣдѣ недавно скончавшагося Николая Христіановича. Полагаемъ, что нѣсколько страничекъ изъ описанія этого путешествія, совершеннаго въ 1787 г. будутъ имѣть извѣстный интересъ для нашихъ читателей.

«Перваго іюня, на зарѣ, мы въѣхали въ городъ. Мы прошли черезъ низкую часть города (Подолъ), снабженную деревянной мостовой для удобства пѣшеходовъ и экипажей. Дома почти всѣ деревянные и съ номерами; названія улицъ также находятся на угловыхъ домахъ. Церквей и монастырей здѣсь множество; они сложены изъ кирпича и выбѣлены. Самыя красивыя и большія церкви—Софійская, Михайловская и др. расположены на возвышеніи. Городъ населенъ, главнымъ образомъ, купцами и ремесленниками и имѣетъ довольно

---

[1]) Дальше идетъ очень близкій варіантъ псальма про Олексія, помѣщеннаго въ „Кіевск. Стар.“. 1894 г. № 9.

большую базарную площадь, украшенную фонтаномъ. За исключеніемъ двухъ токарей, въ Кіевѣ напрасно было-бы искать художниковъ. Здѣсь также существуетъ Лютеранская церковь, духовный пастырь—господинъ Магистръ Граль, который уже 16 лѣтъ печется о своей паствѣ, состоящей изъ 90 человѣкъ. До сихъ поръ онъ не бралъ платы съ своего прихода, но когда великодушная Государыня въ свой пріѣздъ узнала объ этомъ, она назначила ему и его преемникамъ содержаніе въ 300 рублей въ годъ. Отъ господина Магистра, который приходится зятемъ господину аптекарю Бунге, мы ожидаемъ подробной исторіи этого стараго, славнаго города и его прежнихъ князей. Почтенный старецъ Бунге живетъ здѣсь уже 36 лѣтъ. Кромѣ ботаники, химіи и фармакологіи, онъ занимается еще электричествомъ, приготовленіемъ барометровъ и термометровъ, токарнымъ искусствомъ, а также дѣлаетъ и оттиски медалей. Его комната украшена портретами древнихъ мудрецовъ, а также двумя прекрасными перспективными китайскими картинами на бумагѣ, которыя онъ получилъ въ наслѣдство отъ одного настоятеля Базиліанскаго Ордена, бывшаго въ Китаѣ. Въ Глуховѣ, лежащемъ между Кіевомъ и Москвою, есть, говорятъ, бѣлая жирная глина, изъ которой приготовляется фаянсъ. Господинъ Коллежскій Ассесоръ Еллизенъ изъ Гойи—губернскій врачъ; но я съ нимъ не познакомился, потому что онъ уѣхалъ за 3 мили *на охоту*. Этого послѣдняго, а также и господина хирурга штаба Бланка, хвалили за познанія въ ихъ наукѣ. Тщетно я разспрашивалъ объ ученыхъ и о коллекціяхъ минераловъ или картинъ; но здѣсь все дышетъ Беллоной или слѣдуетъ за Меркуріемъ. Валъ и зàмокъ стараго города, который лежитъ на возвышеніи около Пещеръ, должны быть снесены, и тогда купцы и ремесленники должны туда переселиться, а верхній городъ—называться Владимірополемъ. Говорятъ, что въ Софійской церкви есть картины Рубенса и Рафаэля Урбино, а также и картины á la Mosaique, о которыхъ упоминаетъ Бопланъ; но время мнѣ не позволило видѣть ихъ, точно такъ же, какъ и посѣтить цѣлебный источникъ, находящійся только въ трехъ верстахъ отъ города. Новый замокъ долженъ быть расширенъ, весь сложенъ изъ кирпича, и непосредственно возлѣ него должна быть проложена дорога въ Нижній-Городъ. Пещеры окружены валомъ и рвомъ и находятся недалеко отъ новаго замка, по сосѣдству котораго также находится деревянный дворецъ Генералъ-Фельдмаршала Румянцева. Монастырь, который тамъ находится, достаточно извѣстенъ по тѣмъ 70-ти святымъ, которые уже 700 лѣтъ какъ находятся въ подземныхъ галлереяхъ. Про-

стоявъ обѣдню, которая была очень торжественна по случаю дня Константина и Елены, о чемъ народу было возвѣщено громомъ пушекъ, я отправился въ гробницы. Онѣ расположены нѣсколько выше уровня рѣки, и спускаться къ нимъ внизъ очень удобно по широкимъ каменнымъ плитамъ, идущимъ винтомъ на открытомъ воздухѣ. Каждый изъ молящихся получаетъ по восковой свѣчѣ, за которую платятъ 2 коп. Одинъ священникъ велъ толпу молящихся, другой замыкалъ ее. Отъ закрытыхъ дверей спускаются еще по нѣсколькимъ ступенямъ, и затѣмъ, все таки кругомъ, отъ одного святаго къ другому, имена которыхъ обозначены у Гербиніуса, но которыхъ, кромѣ изсохшей руки, совсѣмъ нельзя видѣть. У каждаго изъ нихъ богомольцы открываютъ свой кошелекъ, и деньги остаются на платьяхъ святыхъ для поминанія пришедшихъ. Такъ какъ однообразіе утомляетъ, то мое вниманіе было больше направлено на картины, которыми келіи святыхъ были украшены богомольцами, и я очень жалѣю, что долженъ былъ довольствоваться только взглядомъ мелькомъ на нихъ. Позаботились также и о хорошей ключевой водѣ, не смотря на то, что это не кажется особенно необходимымъ, такъ какъ своды пещеръ сами по себѣ уже достаточно освѣжаютъ. Двѣнадцати каменьщикамъ, которые строили своды, оказали честь, положивъ ихъ остатки въ особомъ мѣстѣ; но ни одному изъ паломниковъ не пришло на умъ дать денегъ на поминовеніе ихъ бѣдныхъ душъ, потому, вѣроятно, что думали, что они въ этомъ болѣе не нуждаются послѣ такого достохвальнаго дѣла.

Арсеналъ, который будетъ стоить нѣсколько милліоновъ рублей, воздвигается тоже неподалеку оттуда. Вся мѣстность состоитъ изъ глины, и потому могли быть въ ней сдѣланы подземныя галлереи.

Здѣсь также продаются нѣкоторые китайскіе товары, какъ напр. чай, ревень и шелковыя ткани, которыя привозятся изъ Москвы. Цѣны ихъ значительно повысились, такъ какъ два года уже ссорятся съ Китайцами. Китайское вещество для чиханія, *тензу*, разнаго цвѣта—желтаго, сѣраго и т. д., продается и здѣсь; мое, которое у меня было еще нѣсколькими годами раньше, было желто. Понтонный мостъ былъ недавно поврежденъ и находится ниже Пещеръ».

Ѳ. В.

Ордеръ гр. Румянцева Кіевскому Намѣстническому Правленію отъ 9-го Генваря 1783 г. Со времени введенія здѣсь для управленія губерней Е. И. В. всевысоч. учрежденія должны господствовать правосудіе и порядокъ и престоить всякого рода злоупотребленія, кольми паче жестокости и тиранства, и власть и судъ держащимъ употреблять оныя по точности законовъ. Но изъ доходящихъ ко мнѣ дѣлъ къ большому удивленію оказывается, что тѣ точно, коимъ въ уѣздахъ, а паче въ селеніяхъ наблюденіе порядка препоручено, поступаютъ вовсе тому противно и употребляютъ при слѣдствіяхъ къ отысканію истины и въ исправленіяхъ или наказаніяхъ нѣкоторые отъ суевѣрія или отъ нелучшихъ обычаевъ остающіяся средства и образы, человѣчество уражающіе, какъ то частный смотритель канцеляристъ Хоменковъ въ церкви села Мосенецъ приковывалъ къ мертвому тѣлу убитаго козачьего сына Іосифа Бѣденка невѣсту козачью дочь Христину Водяникову, и священникъ его къ тому допустилъ, но и приказывалъ бывшимъ при погребеніи людямъ взять ее канатомъ и живую положить подъ гробъ. И я не оставилъ о семъ ко всѣмъ малороссійскихъ епархій владыкамъ писать съ просьбою, чтобы они благоволили святость церкви принадлежащую благоразумными своими священниковъ и иныхъ до коего сіе принадлежитъ поученіями охранить; а Нам. Правленію препоручаю всѣмъ въ губерніи низшимъ судамъ и инымъ къ наблюденію порядковъ должностьми обязаннымъ строжайше притвердить, дабы тѣ и другіе какъ по сему пункту церковныхъ чиноположеній, такъ и во всемъ отправленіи ихъ званія и дѣлъ поступали по точности законовъ, не преступая отнюдь черту, имъ во всевысоч. учрежденіи въ разсужденіи власти указанную; а ежели гдѣ окажутся противные оному и вредные общему и частному спокойствію непорядки и злоупотребленія, объ оныхъ въ то же время представляли, куда по тѣмъ всевысоч. учрежденіямъ относить и дѣлать надлежитъ».

Ордеръ этотъ данъ былъ по поводу представленнаго на утвержденіе графа изъ Кіевской Палаты Уголовнаго Суда экстракта изъ дѣла о полковомъ канцеляристѣ Леонтіи Хоменкѣ, который судился за упомянутое въ ордерѣ приковываніе Христины Водяниковой. Дѣло въ томъ, что Хоменко, заподозривъ Христину въ убійствѣ жениха ея, козака Іосифа Бѣденка, котораго, какъ оказалось впослѣдствіи, убилъ казакъ же Степанъ Калина, заключилъ ее вмѣстѣ съ ея отцомъ и матерью подъ арестъ, а затѣмъ, «отославъ оную связанную въ церковь, приковалъ желѣзною цѣпью ко гробу за шею и держалъ такъ

до самого окончанія похороновъ и по многимъ суевѣрнымъ и нелѣпымъ поступкамъ троекратно распрашивалъ ее батоги, и наконецъ, когда уже Калина добровольно признался убійству Бѣденка, фальшиво рапортовалъ ниж. зем. суду, что яко бы и Водянникова въ участіи убійства признаніе учинила». Хоменко больше года содержался въ Кіевѣ подъ карауломъ. Назначенное ему Палатою наказаніе гр. Румянцевъ предложилъ замѣнить «отдачею его на церковное покаяніе духовной власти и потомъ во взысканіи съ него обиженной Водянниковнѣ за бой ея и прочее, по состоянію ея, навязокъ поступить по закономъ».

А. А.

Два письма Г. П. Галагана 1859 г. (*Къ исторіи освобожденія крестьянъ*). Въ іюнѣ 1858 г. открытъ былъ въ Черниговѣ *губернскій дворянскій комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ*, въ составъ котораго вошли по два члена отъ каждаго уѣзда, и кромѣ того, въ составъ его были назначены два члена отъ правительства; этими членами были: В. В. Тарновскій († 1866 г.) и Г. П. Галаганъ († 1888 г.). Черниговскій комитетъ работалъ семь мѣсяцевъ и 22 февраля 1859 г. былъ закрытъ, выработавъ «проэктъ положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ черниговской губерніи» [1]). Подробное описаніе празднества, которымъ сопровождалось закрытіе комитета, тогда же было описано и напечатано въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (1859 г., № 9). Были произнесены рѣчи, съ разнаго рода тостами. Г. П. Галаганомъ предложенъ былъ тостъ «за здоровье, счастье, благоденствіе и спокойствіе того класса народа, для котораго мы работали!» —Послѣ закрытія комитета Г. П. Г-нъ уѣхалъ въ Кіевъ и отсюда писалъ А. М. Марковичу, своему товарищу по комитету (отъ глуховскаго уѣзда) первое изъ печатаемыхъ писемъ; второе письмо написано изъ Петербурга, куда Г. П. Г-нъ былъ вызванъ уже въ качествѣ члена редакціонной коммисіи. Оба письма должны войти въ составъ того матеріала, который давно уже пора собирать для исторіи отмѣны крѣпостного права въ Малороссіи.

А. Л.

---

[1]) „Проектъ“ этотъ, напечатанный тогдаже, представляетъ собою важный документъ для исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи.

1) Благодарю васъ, многоуважаемый Александръ Михайловичъ, за искреннее удовольствіе, которое вы доставили намъ вашимъ милымъ посланіемъ. Я узналъ въ немъ ту благосклонность, которой мы постоянно были предметомъ съ вашей стороны; и вѣрьте, это не фраза, я бы несмѣлъ ее вамъ написать, а выраженіе истиннаго чувства, неразлучнаго съ мыслію о васъ. Мы добрались довольно хорошо до Кіева, гдѣ отдыхаемъ послѣ черниговскаго комитета. Впрочемъ я долженъ признаться, что отдыхъ вовсе не такъ для меня пріятенъ, какъ я думалъ. Втянувшись въ работу до той степени, что она уже сдѣлалась потребностью, безъ нее скучно и я нахожусь въ затрудненіи выбора какого-нибудь занятія, на ту недѣлю, которую думаю еще пробыть въ Кіевѣ. Здѣсь комитетъ еще продолжаетъ занятія, не смотря на то, что офиціально закрытъ, и это дѣлаетъ честь здѣшнимъ правительственнымъ лицамъ, которые не гнали комитетъ на почтовыхъ, какъ у насъ. Здѣсь многіе удивляются образу дѣйствій нашего губернатора[1]) и я съ своей стороны очень удивлюсь, если его похвалятъ въ Петербургѣ за все что онъ сдѣлалъ. Гессе[2]) поступалъ совершенно иначе, т. е. пассивно, не вмѣшиваясь нисколько съ своими мнѣніями. (Кіевъ, 13 марта, 1859 г.).

2) Хотѣлось сообщить вамъ, многоуважаемый Александръ Михайловичъ, нѣкоторыя подробности о дѣйствіи коммиссіи, въ которую я вызванъ и вообще о направленіи крестьянскаго дѣла въ настоящее время, но горе нашего добраго семейства Кочубеевъ, общая скорбь, въ которой я принимаю столь естественное участіе[3]), не даютъ мнѣ возможности сколько нибудь собрать мысли, и я ограничусь общими чертами.—До сихъ поръ дѣйствіе коммиссіи еще не выразилось.... [4]) положительно; обсуждаютъ общіе вопросы, довольствуются общими мѣстами и часто измѣняющимися предположеніями. На дняхъ мы приступимъ къ разработкѣ уже присланныхъ проэктовъ; ихъ находится у насъ 19 (или 14?); по порядку статей они будутъ между собою сличены, обсужены въ коммисіи и потомъ будетъ объявлено какъ заключеніе, такъ и предположеніе коммиссіи. Тогда вызовутся депутаты отъ комитетовъ и никакого нѣтъ сомнѣнія вызовутъ васъ и Д. Борковскаго[5]). Это будетъ не прежде половины

[1]) К. П. Шабельскій.

[2]) П. И. Гессе, бывшій передъ тѣмъ черниговскій губернаторъ.

[3]) Разумѣется смерть Д. В. Кочубея. Г. П. былъ женатъ на его племянницѣ

[4]) Неразобрано слово.

[5]) В-лія Д-ча.

іюня. Позвольте надѣяться, что вы возьмете на себя трудъ принять участіе въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ. Я слышалъ что вы имѣете намѣреніе ѣхать въ чужіе края, но можетъ быть можно такъ устроить, чтобы эта поѣздка не помѣшала нашему дѣлу, въ которомъ мы такъ надѣемся на ваше безпристрастное содѣйствіе. Васъ продержутъ здѣсь, въ Петербургѣ, я полагаю, не болѣе мѣсяца. Вы объявите ваше мнѣніе на заключеніе коммиссіи. О себѣ скажу, что я еще къ работѣ не приступалъ, но кажется, что она будетъ не безъ борьбы и что если въ Черниговѣ приходилось бороться съ нѣсколько закоренѣлою консервативностью, то здѣсь придется можетъ быть ратовать противъ незаконныхъ требованій теоріи. (С-Петербургъ, 20 апрѣля, 1859 г.).

Мелкія извѣстія.

Раскопки кургановъ въ Кубанской области. Какъ сообщаетъ газета «Сѣверный Кавказъ», въ Кубанской области, преимущественно въ нагорной части Майкопскаго отдѣла, есть не мало насыпныхъ кургановъ, которые раскапывались смѣльчаками, причемъ рѣдко случачалось, чтобы поиски не увѣнчались успѣхомъ. Въ недавнее же время жители станицы Псейбайской въ одномъ курганѣ нашли богатый кладъ, заключающійся въ золотыхъ вещахъ. Между прочимъ были найдены: ваза съ придѣланною къ ней въ видѣ украшенія головкою барана, шейная цѣпочка, браслетъ, литой панцырь, застежки къ нагруднику и другія вещи. Счастливцы, нашедшіе этотъ кладъ, не объявляя о находкѣ, отправились въ станицу Лабинскую, гдѣ думали сбыть найденныя вещи; но болтливость одного изъ нихъ повела къ обнаруженію случившагося, и теперь всѣ они привлекаются къ отвѣтственности за необъявленіе о находкѣ. Однако распространившіеся разсказы объ этой находкѣ такъ повліяли на жителей окрестныхъ станицъ, что вызвали настоящую манію кладоискательства. Даже нѣкоторые представители станичной власти пожелали попытать счастья въ раскопкѣ кургановъ. Конечно, все это дѣлается кое-какъ безъ всякой научной цѣли, по поводу чего названная газета высказываетъ опасеніе, что, можетъ быть, многое цѣнное въ научномъ отношеніи на всегда пропадетъ для изслѣдователей.

Кладоискательство въ Одессѣ. По сообщенію «Одесскаго Листка», манія кладоискательства овладѣла также и нѣкоторыми обита-

телями Одессы, мечтавшими найти клады на Шишмановской площади, въ Дюковскомъ саду, у Строгонова моста, и, наконецъ, на Хаджибейскомъ лиманѣ, гдѣ будто бы въ 1769 году былъ зарытъ кладъ запорожцами, какъ повѣствуетъ объ этомъ распространившаяся въ Одессѣ выпись или копія какого-то документа, изъ котораго названная газета приводитъ только нѣкоторые отрывки.

Начинается онъ такимъ образомъ: «Писано въ 1811 году 12 апрѣля, писавъ дьякъ Микита». Затѣмъ подробно описывается то мѣсто на лиманѣ, гдѣ будто зарыты «4 чушки съ серебромъ, 1 съ золотомъ, струментъ и дорогà козацька золотà збруя». И въ заключеніе говорится: «Буде тоби и внукамъ и правнукамъ, и не проживешь, тилько молыся Богу и не забувай четырехъ братывъ и товарища Микиту, Василя, Петра и Федора, котори покладалы ци гроши и добро. Боже, поможи добрымъ людямъ найти нашъ кладъ, та й не забудьте и насъ гришныхъ, бурлакъ запорожцивъ».

Надо думать, не запорожцы, а какой-то шутникъ сочинилъ этотъ документъ, чтобъ ввести въ заблужденіе одесситовъ, жаждущихъ обрѣсти зарытыя въ землѣ сокровища.

Архивъ генеральной квартиры Петра Великаго въ с. Борисовкѣ. «Южный Край» сообщаетъ, что въ с. Борисовкѣ, грайворонскаго уѣзда, въ 76 верстахъ отъ Харькова, въ имѣніи потомковъ извѣстнаго графа Бориса Шереметева, существуетъ тщательно сохраняемый небольшихъ размѣровъ двухъэтажный домикъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій и на которомъ до сихъ поръ уцѣлѣла надпись: «Генеральная квартера» (русскими и латинскими буквами въ перемежку). Верхній этажъ домика состоитъ изъ двухъ комнатъ, а въ нижнемъ имѣется только одна комната съ галлереей вокругъ ея. Въ одной изъ комнатъ на столѣ сложены кости какого-то громаднаго животнаго, свидѣтельствуя о научныхъ интересахъ Петра Великаго; но болѣе замѣчательнымъ памятникомъ его пребыванія здѣсь является множество фоліантовъ, заключающихъ въ себѣ данныя, относящіяся ко времени Полтавской битвы и вообще къ дѣятельности Петра Великаго на югѣ Россіи. Они помѣщаются въ нижнемъ этажѣ, занимая сверху до низу почти всю единственную комнату этого этажа, а нѣсколько толстыхъ папокъ лежитъ вверху на лавкѣ, которая, повидимому, служила постелью. Этотъ архивъ генеральной императорской квартиры, по замѣчанію названной газеты, еще никѣмъ не разбирался, хотя несомнѣнно является собраніемъ документовъ, представляющихъ большой историческій интересъ, почему газета и обращаетъ на него вниманіе

ученыхъ. Какъ и почему архивъ генеральной квартиры Петра Великаго могъ остаться въ селѣ Борисовкѣ и быть совершенно забытымъ—газета не сообщаетъ.

Объ устройствѣ Гоголевскаго музея. Въ іюньской книгѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ мы, на основаніи газетныхъ извѣстій, сообщили о томъ, что въ Васильевкѣ-Яновщинѣ, Песчанской волости, устраивается на суммы Полтавскаго уѣзднаго земства училище въ память Н. В. Гоголя съ библіотекой его имени и что жители названнаго села съ своей стороны собрали 800 рублей для устройства небольшого памятника Гоголя, который предположено поставить на площади передъ училищемъ. Теперь Полтавскія Губернскія Вѣдомости (въ № 123), дополняя эти извѣстія свѣдѣніемъ о томъ, что планъ каменнаго, очень изящнаго зданія, предназначеннаго для этого училища и библіотеки, уже составленъ архитекторомъ Рѣпчанскимъ и что произведена уже и закупка кирпича, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ, что вышеупомянутаго «памятника не будетъ, но его замѣнитъ другой, болѣе осмысленный, болѣе дающій зрителю памятникъ» —музей, въ которомъ предполагается сосредоточить все, что относится въ воспоминаніямъ о Гоголѣ. При этомъ Губернскія Вѣдомости высказываютъ желаніе, чтобы лица, которымъ дорога память великаго писателя, позаботились о передачѣ черезъ полтавскую уѣздную земскую управу въ музей всего относящагося къ Н. В. Гоголю.

Мысль устроить музей, въ которомъ было бы собрано все, что относится къ воспоминаніямъ о Н. В. Гоголѣ, очень симпатична; но можно опасаться, что, устроившись въ сельскомъ захолустьѣ, этотъ музей будетъ недоступенъ для всѣхъ тѣхъ, для кого онъ можетъ представить значительный интересъ. Въ большинствѣ случаевъ такого рода музеи, посвященные воспоминаніямъ о великихъ писателяхъ, устраиваются при тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ эти писатели прежде воспитывались и которымъ вслѣдствіе того бываетъ особенно дорога память объ нихъ. Но, къ сожалѣнію, тамъ, гдѣ Гоголь воспитывался, объ этомъ не подумали ни тогда, когда, лѣтъ десять съ лишкомъ тому назадъ, воздвигали ему памятникъ, ни тогда, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ отпразднованъ 75-ти лѣтній юбилей этого учебнаго заведенія [1]). А казалось бы, что въ Нѣжинѣ можно было бы легко и безъ особыхъ затратъ устроить такой

---

[1]) См. Кіевскую Старину 1895 г. № 6.

музей, такъ какъ помѣщеніе для него нашлось бы въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, въ которыхъ Гоголь когда-то воспитывался, а изъ сонма дѣйствующихъ тамъ ученыхъ педагоговъ не трудно было бы избрать компетентныхъ лицъ для завѣдыванія музеемъ; и для публики онъ былъ бы доступнѣе вслѣдствіе близости Нѣжина къ желѣзной дорогѣ и къ Кіеву. Однако, хотя это легко было устроить, но не устроилось; а родина великаго писателя не меньше, чѣмъ учебное заведеніе, его воспитавшее, имѣетъ право дорожить памятью объ этомъ писателѣ и собирать все, что относится къ воспоминаніямъ объ немъ. И если тамъ рѣшили раньше сдѣлать то, о чемъ до сихъ поръ не подумали нѣжинцы, то нужно привѣтствовать это начинаніе и пожелать ему всякаго успѣха. Кстати, не за горами приближеніе пятидесятилѣтія со времени смерти Гоголя, которое требуетъ наилучшаго увѣковѣченія его памяти.

Предполагаемое изданіе южнорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ. Въ недавнемъ засѣданіи одного изъ существующихъ въ Львовѣ ученыхъ обществъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Верхратскаго, былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи южнорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, которыхъ въ послѣднее время собрано значительное количество въ разныхъ обществахъ и частныхъ рукахъ. Послѣ оживленной бесѣды, происшедшей по этому поводу, было рѣшено отдѣлять изъ средствъ ежегодно по 150—200 гульденовъ на изданіе этнографическихъ матеріаловъ особыми книжками, которыя имѣютъ выходить независимо отъ издаваемыхъ упомянутымъ обществомъ «Записокъ». Въ первую книгу войдутъ пѣсни рекрутскія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Ос. Маковеемъ.

Четвертый конкурсъ на премію имени Г. Ѳ. Карпова. Общество исторіи и древностей россійскихъ, существующее при Московскомъ университетѣ, открыло четвертый конкурсъ на премію имени Геннадія Ѳедоровича Карпова, къ соисканію которой допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ; причемъ, въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства, предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится *къ изученію Малороссіи.* Срокъ представленія сочиненій назначенъ къ 1 ноября сего года, а результаты конкурса будутъ объявлены 24 апрѣля 1896 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Album du Monde Jllustré. La Russie et les russes. Выпускъ 1—6.

Въ іюньской книгѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ, въ отдѣлѣ «мелкихъ извѣстій», мы сообщили о предпринятомъ въ Парижѣ, съ конца мая этого года, иллюстрированномъ изданіи, которое посвящается Россіи и котораго въ то время мы еще не могли видѣть. Теперь мы получили первые шесть выпусковъ этого изданія[1]), о которыхъ и считаемъ нужнымъ дать отчетъ въ дополненіе къ сообщенному нами извѣстію.

Изданіе это представляетъ собою альбомъ фототипическихъ снимковъ по фотографіямъ съ натуры съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ къ нимъ. Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ 16 страницъ въ 4-ю долю листа, и на каждой страницѣ помѣщается одинъ или два снимка съ объяснительнымъ текстомъ подъ ними, занимающимъ нѣсколько строкъ, а всѣхъ выпусковъ, выходящихъ еженедѣльно, будетъ 26-ть. Изданіе ведется редакціею журнала «Le Monde Jllustré» но не составляетъ приложенія къ этому журналу; на него принимается особая подписка по довольно умѣренной цѣнѣ: на шесть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ имѣютъ выйти 26 выпусковъ, 16 франковъ, а въ отдѣльной продажѣ каждый выпускъ стоитъ 60 сантимовъ (въ Кіевѣ же съ пересылкой—35 коп.). По внѣшности своей альбомъ имѣетъ изящный видъ.

Большая часть снимковъ, помѣщенныхъ въ шести вышедшихъ выпускахъ, изображаетъ зданія въ разныхъ городахъ Россіи; снимковъ, изображающихъ типы народонаселенія, гораздо меньше; притомъ первые исполнены лучше, чѣмъ послѣдніе. Расположены снимки не въ

[1]) Вышло гораздо больше (14) выпусковъ, но, проходя чрезъ иностранную цензуру, они не скоро доходятъ до насъ.

какой либо системѣ, а какъ случится, и каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ снимки, относящіеся къ разнымъ мѣстностямъ Россіи. Такимъ расположеніемъ ихъ издатели повидимому хотѣли придать своему изданію больше разнообразія.

Во всѣхъ вышедшихъ выпускахъ имѣются снимки, относящіеся къ южнорусскому краю, и больше всего—къ Кіеву, о которомъ въ объяснительномъ текстѣ къ одному изъ снимковъ говорится, что Кіевъ есть истинный центръ чисто славянской Россіи. Именно, къ Кіеву въ этихъ выпускахъ относятся слѣдующіе снимки: памятникъ св. Владиміра, Софійскій соборъ (который въ подписи подъ рисункомъ ошибочно названъ монастыремъ), Печерская лавра, Золотыя ворота, Церкви Андреевская и Десятинная, Праздникъ крещенія Руси, Молитва въ ночлежномъ пріютѣ, Глазная больница и Цѣпной мостъ на Днѣпрѣ. Послѣ Кіева наибольшее количество снимковъ относится къ Одессѣ, именно: Общій видъ Одессы, Одесскій портъ, Бульваръ, Бульварная лѣстница и Малый фонтанъ. Къ другимъ мѣстностямъ относятся слѣдующіе снимки: Видъ Каменецъ-Подольска, Памятникъ Полтавской побѣды, Рафинадный заводъ въ Харьковѣ (почему именно изъ всего, что есть въ Харьковѣ интереснаго или живописнаго, избранъ только этотъ рафинадный заводъ, неизвѣстно кому принадлежащій—представляется непонятнымъ), Ломка лабрадора близъ Городища въ кіевской губерніи, Сельская школа въ Каменецъ-Подолькой губерніи, Почта близъ Австрійской границы, Чугуевскій лагерь.

Наконецъ, есть въ вышедшихъ выпускахъ три снимка, изображающихъ женскіе малорусскіе типы и костюмы. На одномъ изъ нихъ представлена крестьянка кіевской губерніи, а подъ двумя прочими подписи гласятъ: «Крестьянка въ праздничномъ костюмѣ» и «Крестьянка въ рабочемъ костюмѣ», безъ точнаго указанія мѣстности, гдѣ эти типы и костюмы сняты. При этомъ два послѣдніе снимка представляютъ слѣдующій курьезъ: женщина, изображенная въ рабочемъ костюмѣ, сидитъ въ сапогахъ, а женщина въ праздничномъ костюмѣ—босая, и это тѣмъ страннѣе, что на первомъ снимкѣ изображенъ лѣтній рабочій костюмъ, тогда какъ изображенный на другомъ снимкѣ праздничный костюмъ годился бы и для осени. Слѣдовательно, по содержанію рисунковъ и подписей подъ ними выходитъ, что будто-бы малороссіянки носятъ обувь только при рабочемъ или будничномъ костюмѣ, а наряжаясь въ праздничный костюмъ, чтобъ придать себѣ болѣе парадный видъ, обнажаютъ свои ноги, подобно тому, какъ свѣтскія барыни обнажаютъ грудь и плечи при бальныхъ платьяхъ. Далѣе,

на женщинѣ, изображенной въ праздничномъ костюмѣ, надѣта «спидница», а между тѣмъ въ объяснительномъ текстѣ къ рисунку, вмѣсто этой части костюма, идетъ рѣчь о плахтѣ, названіе которой передается по французски въ такомъ видѣ: «la platka»; въ объяснительномъ же текстѣ подъ другимъ снимкомъ сообщается, что будто бы упомянутая «la platka» у малороссіянокъ замѣняетъ (remplace) сорочку. Такимъ образомъ, лишившись обуви при праздничномъ костюмѣ, бѣдныя малороссіянки, въ устахъ автора текста, потеряли и свои сорочки, которыя будто бы замѣняняются у нихъ плахтами.— На всѣхъ трехъ упомянутыхъ снимкахъ изображены головные уборы замужнихъ женщинъ, но въ объяснительномъ текстѣ на это не указывается, изъ чего надо заключать, что авторъ объясненій не подозрѣваетъ того, что головные уборы замужнихъ малороссіянокъ разнятся отъ дѣвичьихъ.

Все это показываетъ, что снимки и объясненія къ нимъ доставляются редакціи людьми недостаточно компетентными, которые, застигнувъ женщину, одѣтую въ праздничный костюмъ, но по какой-то случайности сбросившую съ себя обувь, воображаютъ, что именно въ обнаженіи ногъ заключается для малороссіянокъ парадность убранства; — которые слышали названіе плахты, но не знаютъ, что она такое, да и самое названіе не твердо помнятъ, и которые, не будучи сами свѣдущими въ народной костюмировкѣ, не умѣли или не хотѣли обстоятельно разспросить тѣхъ лицъ, которыхъ они снимали посредствомъ фотографіи.

Изъ подписей подъ снимками видно, что одинъ изъ нихъ (видъ Софійскаго собора) исполненъ по фотографіи Лазовскаго; два снимка, изображающихъ вышеупомянутые праздничный и рабочій костюмы крестьянокъ, исполнены по фотографіямъ Тениненко; по чьимъ фотографіямъ исполнены остальные снимки—неизвѣстно: на это нѣтъ указаній. Снимковъ, заимствованныхъ изъ другихъ изданій, въ вышедшихъ выпускахъ мы не находили: повидимому, всѣ снимки изготовлены для настоящаго изданія.

Н. Ш—въ.

Турцевичъ Ар. Русская Исторія (въ связи съ исторіей великаго княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Вильна. 1894 года.

Послѣ выхода въ свѣтъ новой примѣрной программы, утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 20 іюля 1890 года, явилась настоятельная необходимость въ составленіи новыхъ учебниковъ, и мы имѣемъ уже нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи, болѣе или менѣе удачныхъ. Къ числу таковыхъ попытокъ принадлежитъ и трудъ г. Турцевича. Указавши на важность и необходимость введенія въ курсъ преподаванія исторіи въ гимназіяхъ и исторіи юго-западной Руси, авторъ высказываетъ мысль, которая сознавалась давно, и нельзя сказать, чтобы не выполнялась составителями учебниковъ. Укажемъ хотя бы на кратенькій учебникъ Иловайскаго, вполнѣ годный и по изложенію и по подбору фактовъ для учениковъ III класса. Въ немъ мы найдемъ статьи и о Даніилѣ Галицкомъ, Миндовгѣ, Гедиминѣ, Ольгердѣ, Ягеллѣ, Витовтѣ. Далѣе юго-западной Руси посвящены статьи объ Уніи Люблинской и церковной, о состояніи православія и религіозной борьбы, о козачествѣ, о возстаніи Богдана Хмелницкаго. Наконецъ, разсказывается тамъ и о дессидентскомъ вопросѣ и о паденіи Польши. Все это изложено достаточно полно для учениковъ III класса. Если мы сравнимъ теперь указанный матеріалъ съ находящимся въ учебникѣ г. Турцевича, то замѣтимъ, что послѣдній вставилъ очень немного новыхъ статей, а главная разница заключается лишь въ томъ, что изложеніе г. Турцевича подробнѣе и изобилуетъ большимъ количествомъ фактовъ. Но мы тутъ позволимъ себѣ не согласиться съ уважаемымъ авторомъ. Въ своемъ предисловіи онъ предупреждаетъ, что внесенный имъ въ свой учебникъ рядъ второстепенныхъ статей предназначается лишь для прочтенія въ классѣ, а для изученія не обязателенъ, хотя считаетъ однако-же желательнымъ, чтобы тѣ второстепенныя статьи, которыя посвящены исторіи юго-западной Руси, не только прочитывались, но и изучались. Во первыхъ, какъ мы уже указали, матеріалъ по исторіи юго-западной Россіи, въ томъ объемѣ, какой мы находимъ напр. въ учебникѣ Иловайскаго, вполнѣ достаточенъ для учениковъ III класса. Во вторыхъ, мы думаемъ, что, отдавая преимущество статьямъ по исторіи юго-западной Россіи, мы будетъ повторять ошибку тѣхъ, которые

раньше поступали такъ по отношенію къ исторіи Руси сѣверо-восточной, По нашему крайнему разумѣнію, вопросъ можетъ заключаться только лишь въ томъ, слѣдуетъ-ли для ученика гимназіи вообще расширить объемъ усваиваемаго историческаго матеріала? Что касается вообще мелкаго шрифта, то въ учебникѣ III класса онъ является вполнѣ излишнимъ: ученику въ возрастѣ до 13 лѣтъ нельзя преподавать исторію прагматически, и не слѣдуетъ обременять его памяти излишнимъ количествомъ фактовъ. Для установленія-же внѣшней связи между событіями достаточно нѣсколькихъ словъ. Стр. 26, 27 и часть 28, заняты мелкимъ шрифтомъ, посвященнымъ подробному изложенію фактовъ изъ исторіи Ливоніи, это §§ 23, 24, и 25—«древняя Ливонія», «Начало въ Ливоніи католичества», «Орденъ меченосцевъ и покореніе Ливоніи нѣмцами». Все это необходимо было изложить въ немногихъ словахъ и при томъ перенести въ основной текстъ, такъ какъ исторія образованія Ливонскаго ордена указана въ программѣ III класса. То-же самое надо сказать о мелкомъ шрифтѣ на стр. 69, 70 и 71, 97, матеріалъ котораго частью долженъ быть признанъ для ученика III класса излишнимъ, частью-же перенесеннымъ въ текстъ. Не можемъ при этомъ не указать, что и нѣкоторыя статьи въ основномъ текстѣ учебника г. Турцевича изложены очень подробно, и не было-бы ущерба въ ихъ сокращеніи. Къ числу такихъ надо отнести статьи: о началѣ кіево-печерской Лавры, о малолѣтствѣ Ивана IV и первомъ времени его правленія, о дѣтствѣ и юности Петра В., о сверженіи Софіи и др. Что касается изложенія, то нельзя не пожелать, чтобы оно отличалось въ учебникѣ, предназначенномъ для учениковъ III класса, большею легкостью и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, большею доступностью. Мы не можемъ признать, чтобы такія тирады, какъ на стр. 110, 111 и 112, были полезны, какъ малопонятныя и ровно ничего не говорящія ни уму, ни сердцу ученика. Вотъ одна изъ такихъ тирадъ: *«не найдя отвѣта на всѣ толпившіеся въ его умѣ запросы* ни въ славянской грамматикѣ Смотрицкаго, ни въ ариѳметикѣ Магницкаго... (110), или: «Не имѣя никакой охоты къ самообразованію, онъ не любилъ ничего русскаго, постоянно оказывалъ предпочтеніе всему нѣмецкому и рѣшительно не умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ». (112). Въ связи съ выборомъ матеріала и такимъ или инымъ его распредѣленіемъ стоитъ его качество. Мы, какъ и прежде, продолжаемъ держаться того мнѣнія, что учебникъ долженъ отвѣчать требованіямъ науки и передавать фактическій матеріалъ въ томъ видѣ, въ какомъ въ данное

время онъ является въ научной литературѣ. Разсматривая учебникъ г. Турцевича съ этой точки зрѣнія, мы должны признать его выдающимся явленіемъ въ руской учебной литературѣ. Составитель христоматіи по исторіи юго-западной Россіи остался вѣренъ наукѣ и при составленіи учебника. Можно указать лишь двѣ-три неточности, допущенныхъ авторомъ, по всей вѣроятности, совершенно случайно. Такъ, при перечисленіи народовъ, населявшихъ территорію Восточной Европы въ моментъ образованія Русскаго государства, г. Турцевичъ не указываетъ мѣстъ ихъ обитанія и включаетъ въ ихъ число Половцевъ, явившихся, какъ извѣстно, лишь во второй половинѣ XI ст. Въ разсказѣ объ обычаяхъ Славянъ получается неточность отъ пропуска двухъ словъ: «у русскихъ», такъ какъ у балтійскихъ Славянъ храмы существовали. На стр. 21 сдѣлана крупная ошибка въ этнографическомъ отношеніи, еще болѣе и рѣзче выступающая на стр. 28. Авторъ придаетъ Половцамъ татарское происхожденіе, а затѣмъ самихъ татаръ считаетъ Монголами. Въ дѣйствительности нѣтъ ни того, ни другого: половцы и татары—два народа тюркской (или турецкой) вѣтви урало-алтайскаго племени, а монголы суть чистые представители другой вѣтви того же племени—монгольской, къ которой принадлежатъ китайцы, японцы и т. д. Такимъ образомъ, характеристика татаръ на стр. 28 неправильна и относится только къ монголамъ, нѣсколько отрядовъ которыхъ участвовало въ нашествіи на Русь, при чемъ начальники всѣхъ вообще отрядовъ и ханъ Бату съ семействомъ были также монголы. Масса-же завоевателей состояла изъ татаръ, подъ которыми надо разумѣть покоренные и затѣмъ увлеченные въ походъ народцы Туркестана тюркскаго происхожденія. Къ числу фактическихъ неточностей надо отнести и утвержденіе, будто Витовтъ легко овладѣлъ смоленскимъ княжествомъ, между тѣмъ, какъ ни одна изъ русскихъ земель не боролась такъ съ Литвой, какъ Смоленская; будто Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ, хотя это и до сихъ поръ въ наукѣ вопросъ спорный. По нашему крайнему разумѣнію, объясненіе происхожденія козачества, предлагаемое г. Турцевичемъ, также не отличается точностью, а слово козакъ существовало у половцевъ еще до нашествія татаръ. Въ заключеніе не можемъ не указать автору на два упущенія, довольно странныхъ: ни слова не сказано о гетманѣ Сагайдачномъ, и нѣтъ упоминанія о Скопинѣ Шуйскомъ. На сколько мы въ состояніи слѣдить за литературой русской исторіи, намъ кажется, что можно было-бы безъ ущерба выпустить легенду о бармахъ Мономаха, а также

не повторять не соотвѣтствующую строгой научной дѣйствительности мысль, будто послѣ 1169 (1170) г. Кіевъ пересталъ быть матерью городовъ русскихъ.

П. Голубовскій.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1892 г., 900+XVI стр., 1893 г., 768+XV стр. и 1894 г., 802+13 стр.

Кіевскія Еп. Вѣдомости, начатыя съ 1860 г., первыя два десятилѣтія были сборникомъ очень цѣннаго историческаго матеріала; затѣмъ содержаніе ихъ нѣсколько поблекло, но въ послѣдніе годы снова стали появляться въ нихъ статьи, имѣющія научное значеніе. Такъ въ №№ 1—6 за 1892 г., въ Еп. Вѣд., напечатанъ длинный перечень тѣхъ повседневныхъ притѣсненій, которыя терпѣло сельское православное духовенство Кіевщины отъ поляковъ во втор. пол. XVIII в. Случаи приводятся въ родѣ слѣдующихъ: 1) Въ 1769 г., бѣлоцерковскій губернаторъ Рыльскій прислалъ пять человѣкъ своихъ козаковъ до православнаго священника с. Острѣекъ, Марка Тишковскаго, занять (т. е. забрать) у него съ двора, безъ всякой причины, воловъ шесть, которые и заняли самихъ лучшихъ; за испрошеніемъ коихъ о возвращеніи хотя свящ. Маркъ къ оному губернатору не единожды и ѣздилъ и съ плачемъ просилъ, однакъ оный не отдалъ, сказуя: для чего ты православный, а не уніатъ; здѣсь де въ старовствіи (бѣлоцерковскомъ) не надобно ни одного православнаго и пока де ты не станешь уніатомъ и не принесешь съ консистору уніатскаго свидѣтельства, до тѣхъ поръ и воловъ не возвращу. Почему онъ священникъ—принужденнымъ былъ поѣхать въ консисторъ уніатскую и приставши на унію, привезъ къ оному губернатору официала письмо, по которому онъ, губернаторъ, и волы возвратилъ, сказуя: если и прочіе схизматики отъ схизмы пристанутъ на унію, то не только имущество цѣлое возвращено будетъ, но и винности, какія бъ ни были, будутъ прощены... 2) Въ 1770 г., отъ уманскаго губернатора Руцкаго посланные польскіе козаки, напавши гвалтовно на домъ священника с. Крупнискаго Даніила Долгопольскаго и на его приходскую церковь, въ коей заграбили чашу серебряную вызолоченную, гробницу серебряную, книгу трафолой, ризы, воску окъ 15, звонъ 1, свѣчъ братскихъ и проч., у священника все имущество до остатка забрали и домъ разорили,

а потомъ, взявши онаго священника съ женою подъ караулъ, повезли въ м. Соколовку, гдѣ оный священникъ въ неволѣ, закованный въ кандалы желѣзные, чрезъ 12 недѣль находился, отчего и ноги поотгнивали, такъ что оными и ходить не можетъ, а лазитъ на рукахъ. Освобожденъ же оный священникъ изъ подъ караула, когда жена изъ неволи бѣжала и за приходомъ въ Умань занесла жалобу о своемъ мужѣ, бывшему тогда въ Умани г. генералу Зоричу, который приказалъ освободить ея мужа; церковь же православная на унію отнята.—Такихъ случаевъ описываются сотни; описанія сохранились въ архивѣ кіевской консисторіи. Они показываютъ, какъ просто хотѣла Польша разрѣшить религіозный вопросъ русскаго народа... Уничиженіе религіи послѣдняго повело къ тому, что когда въ 1798 г. кіевскій митрополитъ Іерофей сталъ осматривать сельскія церкви своей митрополіи, то нашелъ, что—«многія церкви, обветшали, не малеваны; кресты, на куполахъ стоящіе, клонятся къ паденію; полы внутри олтаря и церкви не ровны и отъ гнилости проломались, а гдѣ полы выслаты кирпичемъ, тамъ открылись отъ хожденія ямы; въ иныхъ же церквахъ никакого пола нѣтъ, а одна и та неровная, т. е. съ буграми и долинами, земля, произрастающая отъ влажности траву»... Изъ подробностей того запустѣнія, которое нашелъ митрополитъ по сельскимъ церквямъ, видно, что послѣднія имѣли видъ ветхихъ сараевъ, отличавшихся отъ нихъ лишь крестомъ на крышѣ...

Затѣмъ въ 1892 г. напечатаны статьи: 1) *О могилѣ Аскольдовой въ Кіевѣ* (рукопись к. XVIII в.), 2) *Розысканіе мощей св. стр. кн. Бориса и Глѣба,* 3) *Бѣдственное положеніе прав. духовенства въ Бѣлоцерковскомъ округѣ, въ 1796 и 1797 г.г.*, 4) *Опись Животовской протопопіи въ 1775 г., (№№ 14 и 16),* 5) *Опись церквей уманскаго уѣзда, возсоединенныхъ изъ уніи*, 6) *Къ 50 лѣтнему юбилею Кіево-Десятинной церкви* (поправки прот. П. Л. къ газетной статьи) *и* 7) *Михаилъ, митрополитъ кіевскій XII в.*—Изъ этихъ статей обращаютъ на себя вниманіе примѣчанія редакціи къ составленному въ прошломъ вѣкѣ очерку Аскольдовой могилы; тутъ мы читаемъ: «помѣщая это историческое извѣстіе объ Аск. М., мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя на то, что въ семъ извѣстіи, составленномъ за сто лѣтъ до нашего времени, вовсе не упоминается о гробницѣ или гробѣ б. обладателя Кіева Аскольда, погребеннаго здѣсь въ 9 вѣкѣ. Хотя съ нѣкотораго времени указываютъ гробъ Аскольда подъ церковью Аскольдовой могилы, ссылаясь на монастырское пре-

даніе, но намъ достовѣрно извѣстно, что преданіе это образовалось весьма недавно, не раньше 1866 года, и происхожденіемъ своимъ обязано недоразумѣнію простецовъ, участвовавшихъ въ праздновавніи тысячелѣтія отъ времени крещенія Аскольда и Дира, совершенномъ въ этомъ году при настоятелѣ монастыря архимандритѣ Өеоктистѣ, съ чѣмъ вмѣстѣ вспоминалось и первое крещеніе кіевлянъ въ 862 г. греческимъ епископомъ Михаиломъ. Торжество состояло въ томъ, что въ день св. Николая, 9 мая, совершенъ крестный ходъ изъ Кіево-Николаевскаго монастыря на Аскольдову могилу и затѣмъ въ церкви Аскольдовой могилы преосвященнымъ Порфиріемъ отслужены соборнѣ литургія, и по окончаніи литургіи—панихида, на открытомъ воздухѣ, за алтаремъ церкви, по князѣ Николаѣ (подъ которымъ разумѣлся Аскольдъ) и по всѣмъ отъ вѣка преставлшимся православнымъ христіанамъ. Праздничный день, крестный ходъ и прекрасная погода привлекли массу народа на Аскольдову могилу. Хотя въ объясненіи ссвершавшагося празднества было роздано значительное количество брошюръ о празднуемомъ событіи, но народу хотѣлось еще знать, гдѣ именно на Аскольдовой могилѣ гробъ Аскольда, о чемъ въ брошюрѣ не говорилось. Разрѣшая по своему этотъ интересовавшій многихъ вопросъ, одни (военные писаря) указывали на то мѣсто за олтаремъ церкви, на которомъ стоялъ преосвященный во время панихиды и гдѣ была какая то могилка неизвѣстнаго покойника, а другіе (изъ монастырскихъ служекъ) говорили: не здѣсь, а подъ церковью, въ склепѣ, (въ которомъ предано землѣ нѣсколько гробовъ съ покойниками, а въ числѣ ихъ здѣсь погребена и Ефросинія Мих—на Воронецъ, незначащаяся въ надгробныхъ надписяхъ). О таковомъ недоумѣніи народа и отвѣтахъ на недоумѣнные вопросы упоминалось, послѣ сего, и за трапезой у настоятеля монастыря; но никто не сдѣлалъ тогда печатнаго разъясненія въ какомъ нибудъ печатномъ органѣ. Лѣтъ 12 спустя, казначей Кіево-Николаевскаго монастыря, донося консисторіи о погребеніи подъ церковью Аскольдовой могилы тѣла ген.-адъют. Карцова, перевезеннаго изъ г. Харькова, нашелъ возможнымъ въ рапортѣ своемъ прописать по своей простотѣ, что гробъ ген. Карцова поставленъ въ склепѣ подъ церковью, рядомъ съ гробомъ князя Аскольда. Въ послѣдствіи оказалось, что мнѣніе это было не единичнымъ о. казначея, его раздѣлили и другіе, ссылаясь уже на монастырское преданіе. Наконецъ въ № 1346 Правит. Вѣстн. за 1891 г. напечатано и въ «Кіевск. Словѣ» тогда же, въ извѣстіи о погребеніи прот.

І. Г. Наумовича, перепечатано, что подъ плоскимъ сводомъ церкви на Аскольдовой могилѣ виднѣется древняя каменная гробница князя Аскольда, убитаго Олегомъ въ 882 г. и здѣсь погребеннаго».— «Для возстановленія истины», редакц. заявляетъ: 1) что никакой каменной гробницы въ склепѣ подъ церковью на Аскольдовой могилѣ нѣтъ и не было, а есть низкое изъ кирпича надгробіе, на которомъ вѣроятно предполагалось положить плиту каменную или чугунную. Его то, по всей вѣроятности, и призналъ о. казначей монастыря за гробъ князя Аскольда. Кирпичъ и его кладка недавняго времени. 2) О существованіи здѣсь гроба Аскольда нѣтъ никакихъ историческихъ указаній, кромѣ извѣстія лѣтописи о томъ, что на могилѣ Аскольда Ольма построилъ церковь св. Николая. Не говоритъ о гробѣ Аскольда Иннокентій Гизель, архимандритъ печерскій, въ своемъ Синопсисѣ, не показывали его здѣсь ни патріарху антіохійскому Макарію въ 1654 году, во время посѣщенія имъ Кіева и Никольскаго монастыря, бывшаго тогда еще на Аскольдовой могилѣ, ни митрополиту московскому Платону, бывшему здѣсь въ 1804 году, и никому изъ высокихъ посѣтителей нынѣшняго вѣка. Наконецъ гробъ Аскольда не былъ извѣстенъ ни одному изъ настоятелей Кіево-Николаевскаго монастыря, въ числѣ которыхъ были Антоній (архіепископъ разанскій), Нектарій (архіепископъ харьковскій), Іоанникій (нынѣ митрополитъ кіевскій), Филаретъ (епископъ рижскій), и до 1886 г. никакого преданія о семъ гробѣ тогда никто не слыхалъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія искать и видѣть теперь подъ церковью Аскольдовой могилы гробъ Аскольда. Нельзя даже сказать и того, въ гробѣ или безъ гроба погребены Аскольдъ и Диръ, такъ какъ надъ ними были насыпаны могилы по языческому обычаю. Но если остатки Аскольда были преданы землѣ и въ гробѣ, то при разныхъ измѣненіяхъ на этой мѣстности въ теченіи 1000 лѣтъ, кости его могли весьма утеряться, какъ остаются намъ неизвѣстными остатки не только многихъ князей, потомковъ св. Владиміра, погребенныхъ въ церквахъ Кіева, но и гробницы многихъ князей и знатныхъ мужей литовскаго періода, положенныхъ подъ поломъ великой лаврской церкви. Сокрытое подъ спудомъ большею частію скрывается навсегда отъ насъ и современемъ теряется изъ памяти человѣческой».—Нельзя не поблагодарить ред. Еп. Вѣд. за эту интересную замѣтку, служащую къ разсѣянію тумана устныхъ преданій, такъ легко усвояемыхъ толпою. Только жаль, что при этомъ не объяснено, попутно, для чего устроенъ былъ склепъ подъ церковью

Аскольдовой могилы, такъ какъ не думается же, чтобы онъ сдѣланъ былъ для погребенія частныхъ лицъ, хотя бы и именитыхъ...

Статья о митрополитѣ кіевскомъ Михаилѣ (П. Л.) составляетъ перепечатку изъ «Кіевск. Старины».

Содержаніе Еп. Вѣд. за 1893 г. богаче предыдущаго года, какъ это видно изъ слѣд. переченя статей: 1) *Слово, сказанное Георгіемъ Кониcскимъ въ кіево-софійскомъ соборѣ, при погребеніи Рафаила Заборовскаго, митрополита кіевскаго, 29 ноября, 1747 г.* (№ 1), 2) *Лебединскій Георгіевскій монастырь* (№№ 1—3), 3) *Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій* (№ 2), *біографическій очеркъ, составленный ок. 1760 г.*, 4) *Рѣчь проф. А. Максимовича при открытіи кіевск. дух. семинаріи, въ 1817 г.*, (№ 2), 5) *Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви, С. Голубева*, (№№ 3, 4, 5, 12, и 24), 6) *Рѣчи—о пользѣ словесности, іеромон. Кирилла Куницкаго, и de nexu philosophiam inter et theologiam, проф. И. Скворцова*, (№№ 4, 5 и 8); обѣ произнесены при открытіи кіевск. дух. семинаріи, въ 1817 г., 7) *Подати Subsidium charitativum и emergentia, прот. П. Орловскаго,* (№ 6 и 7), 8) *Въ защиту кіевск. митрополита Петра Могилы, С. Голубева* (№№ 9—11), 9) *О кіево-софійскомъ соборѣ*, по поводу газетной статьи, *прот П. Л—ва*, (№ 11), 10) *Съ какого времени и почему состоящіе въ Польшѣ, на Украинѣ, правосл. монастыри и церкви состояли въ вѣдѣніи переяславскихъ архіереевъ*, (№ 14), 11), *Описаніе малороссійскихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ бѣлоцерковскаго полка съ переписью жителей, приведенныхъ къ присягѣ на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу*, (№ 15), (перепечатка изъ X-го тома актовъ Ю. и Зап. Россіи), 12) *Статьи о распространеніи уніи въ кіевской митрополіи во втор. пол. XVIII в.*, (№№ 17, 18, 21, 22 и 23), 13) *Объ инструкціи для кіевск. дух. акад. 1763 г, С. Голубева*, (№№ 19 и 20) и 14) и *Протодіаконъ Н. Заградскій, прот. П. Орловскаго*, (№ 23).

Исторія правобережныхъ малорусскихъ монастырей очень бѣдна вслѣдствіе тѣхъ разореній, которыя такъ часто терпѣлъ правый берегъ Днѣпра, при чемъ разорялись и монастыри, а вмѣстѣ съ ними гибли и ихъ архивы. Уже въ прежніе годы на страницахъ Кіевск. Епарх. Вѣд. началось печатаніе историческихъ очерковъ этихъ монастырей по сохранившимся въ консисторскомъ архивѣ матеріаламъ. Здѣсь напечатанъ такой *очеркъ Лебединского монастыря*. основаннаго между 1657 и 1667 г.г. и получившаго первые охранительные универсалы отъ Петра Дорошенка. Исторія монастыря

доведена до его упраздненія въ 1845 г., для поддержанія Чигиринскаго женскаго монастыря, которому и были переданы «жалованье и угодья» Лебединскаго монастыря. Матеріаломъ для очерка послужилъ тотъ же архивъ кіевской консисторіи, въ которомъ, какъ извѣстно, хранятся богатые матеріалы для исторіи церквей и духовенства кіевской епархіи.

Изъ «параграфовъ» г. Голубева могутъ быть отмѣчены слѣдующія замѣтки: Время кончины мстисл. еписк. Іосифа Бобриковича.—Замѣчанія о времени кончины князей Константина и Василія Острожскихъ.—Объ отношеніи Бобриковича къ митр. Могилѣ. Объ игуменствѣ Ісаіи Копинскаго въ Межигорскомъ м—рѣ. Поправка свѣдѣній. О мнимомъ изданіи Слёзкою могилинскаго катихизиса.—Особенно интересныхъ свѣдѣній въ этихъ замѣткахъ не имѣется.

О «*Харитативѣ*» напечатана въ «Кіевск. Старинѣ» за прошлый годъ (мартъ, 382—402) обстоятельная статья того же автора, почему мы и проходимъ молчаніемъ статью Епарх. В—стей.

Инструкція для кіевской дух. академіи составляетъ «мнѣніе академической корпораціи 1753 г. о возможно лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ академіи», при чемъ мнѣніе это выражено въ подробной программѣ преподаванія и въ правилахъ для преподавателей и учениковъ. Документъ этотъ представляетъ собою въ высшей степени цѣнный матеріалъ для исторіи кіевскаго школьнаго образованія въ XVIII в. Думая, что подробная разработка этого памятника могла бы представить благодарную тему для монографіи по исторіи просвѣщенія въ Малороссіи, приводимъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ отдѣла—«чего имянно ректору съ префектомъ наблюдать найприлѣжнѣйше должно». 1) «Понеже въ академіи кіевской отъ давнихъ лѣтъ обучаютъ учениковъ латинскому языку по грамматики Еммануила Алвара, которая малымъ дѣтямъ крайно темна, невразумительна, непорядочна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаточна, а въ иныхъ премного лишняго имѣетъ, того ради двумъ острѣйшимъ, надежнѣйшимъ и довольно въ грамматической наукѣ успѣвшимъ учителямъ приказывать, дабы они изъ разныхъ грамматикъ новѣйшихъ авторовъ, кои къ понятію малыхъ дѣтей примѣнялись, регули самыя нужныя собравъ, вновь грамматику сочинили; однако не исключая изъ оной польскаго языка, но примѣняясь піарской грамматикѣ, въ Варшавѣ 1760 г. напечатанной, а особливо хорошо бы для примѣру въ таковомъ дѣлѣ сыскать—послѣ

духовн. реглам., на л. 47, въ п. 6-тую грамматику, которая напечатана въ Парижѣ, повелѣніемъ короля Людвика четвертогонадесять, ибо оная грамматика такъ кратко и совершенно заключенна, что можно надѣятися остроумного ученика за единъ годъ научить языка латинскаго, *когда у насъ за пять и шесть лѣтъ* мало кто постизаетъ, что можно знать, потому что студентъ, изъ философіи или богословіи изшедшій, не можетъ перевесть и средняго стиля латинскаго». (§ 4) 2) «Донелѣ опредѣленные учители сочинятъ вѣновъ грамматику, то учить по грамматикѣ scholarum piarum ad usum iuventutis, въ Варшавѣ 1760 г. напечатанной...» (§ 5). 3) «Дабы ученики могли какъ вышеписанную грамматику, такъ и другія для классовъ и для вышшихъ школъ необходимонужныя книги легко получать и въ покупкѣ ихъ никакой нужды не узнаватъ, а чрезъ то и въ ученіи упущенія не имѣть, то учредить при академіи кіевкой,—по примѣру академіи санктпетербургской и университета московскаго, книжную лавку для продажи изъ оной разныхъ книгъ. А въ учрежденіи оной поступить слѣдующимъ порядкомъ. 1) Возимѣть по прежнему писменную конференцію съ вратиславскими или липскими (лейпцигскими) книгопродавцами чрезъ кіевскихъ купцовъ Стефана да Івана Андреевыхъ. 2) Учинить съ ними, книгопродавцами, писменной контрактъ, чтобъ они тѣ толко книги и то цѣною бусходною, а не высокою, для академіи присилали, какъ именно будутъ требованы, а безъ требованія бы никакихъ отнюдь не насилали, какъ то сіе прежде бывало...» (§ 6). 4) «Если какіе господа требовать станутъ такихъ инспекторовъ (т. е. гувернеровъ для своихъ дѣтей), которые бы къ наученію нѣмецкому и французскому языкамъ могли быть способные, то въ таковыхъ обстоятельствахъ, буди изъ студентовъ, обучающихся богословіи и философіи, крайно не сыщутся, опредѣлять въ инспекторскую должность и учениковъ реторики, однакожъ при томъ богословіи и философіи учащимся всегда напоминать то, что естли они не будутъ языкамъ разнымъ обучатся, то и мѣстами никакими не будутъ снабдѣны». (§ 18). 5) «Обычай древній въ академіи кіевской есть: ежегодно въ мѣсяцѣ маіи отъ 9-го числа по 1 число сентября, отпускать учениковъ риторики, поэтики и синтаксимы бѣдныхъ, нищихъ родителей лишившихся и вовся никакова же питанія ни откуду не имущихъ, для испрошенія себѣ милостыни. Но понеже подъ видомъ таковыхъ, родителей нескудныхъ и пропитать ихъ могущихъ имѣющіе, а особливо изъ священническихъ сыновъ, обманно просятъ пашпортовъ,

единственно для того, учобъ не учиться, но прежде времени отлучась отъ академіи, шататься по разнымъ мѣстамъ, или безъ вѣдома академіи, гдѣ нибудь остатся для наученія дѣтей господскихъ или въ собственномъ своемъ домѣ всуе время проживать, для того префекту, когда убогіе ученики просятъ пашпортовъ для испрошенія милостыни, накрѣпко взыскивать и отъ другихъ старшихъ требовать достовѣрныхъ свидѣтельствъ, подлинно ли оные ученики не могутъ себе вовсе снабдѣвать, и буди явится, что точно они таковόго состоянія, то отпускать въ малороссійскіе точію и слободскіе полки, а далѣе никуда ходить не дозволять, на срокъ до первого сентября; а кто явится изъ отпущенныхъ после первого сентября и не покажетъ на то никакого правилного резона, такова за явкою въ академію наказывать»... (§ 24).

Послѣ преобразованія Кіево-Софійскаго монастыря въ кафедральный соборъ (1786 г.), въ послѣдній, по штату, потребовался протодіяконъ; первымъ протодіакономъ здѣсь былъ Топольскій, родомъ изъ Батурина, но голосъ у него оказался не особенно благозвученъ, и онъ былъ замѣненъ діакономъ *Заградскимъ*, родомъ изъ подъ Переяслава. Во время трехмѣсячнаго пребыванія въ Кіевѣ Екатерины II каждый разъ, когда она пріѣзжала на богослуженіе въ Софійскій соборъ, соборный протоіерей знаменитый Леванда приглашалъ къ себѣ для сослуженія Заградскаго. Кромѣ голоса, Заградскій пріобрѣлъ себѣ извѣстность еще и какъ замѣчательный церковный чтецъ. Вообще это былъ человѣкъ очень почтенный по тщательности исполненія своихъ обязанностей, которыя онъ притомъ расширялъ гдѣ только могъ. Такъ напр., во время наплыва въ Кіевъ богомольцевъ, Заградскій, послѣ ранней обѣдни, облачившись въ стихарь и перепоясавшись орарем, открывалъ главныя царскія врата и, ставши около ихъ, объяснялъ богомольцамъ мозаическія изображенія тайной вечери и нерушимой стѣны, и въ краткихъ, удобопонятныхъ словахъ разсказывалъ исторію Софійскаго собора и находящейся въ нѣй святыни »[1]). «За свой громогласный, благозвучный голосъ, за свое благоговѣйное служеніе о. Заградскій пользовался искреннею благорасположенностью всѣхъ кіевлянъ; его высоко цѣнили и кіевскіе архипастыри и высшія военныя и гражданскія власти г. Кіева. Онъ былъ не безъизвѣстенъ и Петербургу.

[1]) Какъ много теряютъ теперешніе кіевскіе богомольцы, блуждая по церквамъ въ видѣ овецъ безъ пастуха...

Когда въ 1810 г. открылось протодіаконское мѣсто при дворцовой церкви въ Петербургѣ, то об.-прокуроръ синода спрашивалъ кіевскаго митрополита не можетъ ли онъ указать человѣка годнаго для этого мѣста. Митрополитъ указалъ на Заградскаго, объяснивъ, что «у сего протодіакона голосъ свѣтлобасистый; онъ начинаетъ contra d и восходитъ до горы f свободно». Заградскій былъ вызванъ въ Петербургъ для испытанія. Получивъ изъ консисторіи 250 р. на дорогу, Заградскій тѣмъ не менѣе поѣхалъ въ столицу въ телѣжкѣ, одною лошадью; ѣхалъ онъ такъ медленно, что доѣхалъ въ Петербургъ, когда протодіаконское мѣсто при дворѣ было уже замѣщено другимъ. Тѣмъ не менѣе Заградскаго испытали, нашли служеніе его благолѣпнымъ, но мѣсто уже было занято и Заградскій вернулся въ Кіевъ, привезя изъ столицы подаренные ему 300 р. и бархатную рясу. Заградскій оставался протодіакономъ до тридцатыхъ годовъ и умеръ глубокимъ старикомъ въ 1841 г., 74 л. отъ роду.

Съ 1894 г. Кіевск. Еп. Вѣд. перемѣнили своего маститаго, «почти всегдашняго» редактора о. прот. П. Г. Лебединцева; новымъ редакторомъ назначенъ прот. П. Троцкій. Оглянувшись назадъ, новый редакторъ нашелъ нужнымъ высказать свои мысли и желанія по предстоящей ему работѣ: «тридцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, счастливая мысль пришла одному изъ видныхъ дѣятелей нашего епархіальнаго духовенства, еще и до сихъ поръ, благодареніе Богу, здравствующему, основать мѣстный епархіальный органъ для кіевскаго духовенства; мысль эта была почти новою; о подобныхъ печатныхъ органахъ тогда почти и недумали въ другихъ епархіяхъ. Программа «Кіевск. Епарх. Вѣд.», утвержденная Святѣйшимъ Синодомъ, была такъ проста и практична, что нашла себѣ сочувствіе въ энергичныхъ дѣятеляхъ и другихъ епархій, и мало по малу почти каждая епархія русская обзавелась своимъ печатнымъ епархіальнымъ органомъ, по примѣру, должно быть, «Кіевск. Епарх. Вѣдомостей». Нельзя сказать, однако-же, чтобы «Кіевск.. Епарх. Вѣд.» за свое 30-тилѣтнее съ лишнимъ существованіе всегда шли впереди другихъ подобныхъ епархіальныхъ органовъ: младшія, такъ сказать, сестры иногда опереживали по содержанію и качествомъ свою старшую сестру. И теперь нужно сознаться, нѣкоторыя Епарх. Вѣд., даже городовъ не академическихъ, и содержательнѣе, и жизненнѣе «Епарх. Вѣд. Кіевскихъ». Причинъ—то роста, то упадка нашего мѣстнаго епархіальнаго органа было нѣсколько; о нихъ мы не станемъ теперь упоминать. Но, при всемъ томъ, нужно отдать справедлевость и

тому, что сдѣлано трудившимися въ этомъ мѣстномъ органѣ. «Кіевск. Епарх. Вѣд.» значительно сократили дѣловую переписку разныхъ мѣстныхъ епархіальныхъ учрежденій и, что особенно важно, дали возможность разнымъ распоряженіямъ начальства доходить по назначенію гораздо скорѣе, чѣмъ это было прежде, когда такъ называемыя *курсоріи* (разныя дѣловыя бумаги, синодальные, консисторскіе и другіе указы) разносились отъ одного села къ другому причетниками, ихъ женами и дѣтьми... Тѣмъ больше нужно сказать о неоффиціальной части «Кіевск. Епарх. Вѣд.». Второй отдѣлъ неоффиціальной части «Кіевск. Епарх. Вѣд.»—исторія мѣстная съ церковной стороны. Этотъ отдѣлъ нашихъ «Еп. Вѣд. за прежнее время очень богатъ самыми разнообразными статьями, особенно благодаря археологическимъ и церковно-историческимъ трудамъ почти всегдашняго редактора «кіевск. еп. в—тей» за 30-тилѣтіе ихъ существованія, о. прот. П. Г. Лебединцева. Самое интересное время въ церковно-исторической жизни нашего края—это вторая половина прошлаго вѣка, время борьбы православія съ уніею; время это значительно прояснено, благодаря добытымъ и помѣщеннымъ на страницахъ «Еп. Вѣд.» матеріаламъ почтеннаго редактора П. Г. Лебединцева... Отъ прошлой исторической жизни естественъ переходъ къ жизни текущей. На страницахъ «Ківск. Еп. Вѣд—тей» изображалась ежегодно современная епархіальная жизнь, но нельзя сказать, чтобы изображеніе это было полное и картинное, а живописать есть что, особенно лицамъ, близко стоящимъ къ епархіальной жизни, стоящимъ, такъ сказать, у источника этой самой жизни. Не только борьба православныхъ съ современнымъ штундизмомъ въ штундистскихъ приходахъ, не только отношенія кулачества и еврейства къ быту простого селянина, но и взаимныя отношенія поселянъ—общественный ихъ бытъ, семейный, религіозное міросозерцаніе, бытовые обряды, повѣрья и пр. и пр.—сколько представляютъ матерьяловъ для изображеній картинныхъ, интересныхъ, поучительныхъ! Да и въ самомъ быту духовенства недалекаго прошлаго и современнаго—сколько представляется чертъ симпатичныхъ, которыя напрашиваются на бумагу и съ интересомъ были бы прочтены не только современными сопастырями, но и нашими преемниками. И на сколько вопросовъ жизненныхъ и поучительныхъ навели бы многихъ эти бытовыя картины!... Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ могли бы быть и рѣшаемы общими силами на страницахъ нашего общаго литературнаго органа... Настоящею статьею мы дѣлаемъ кличъ къ собратіямъ нашимъ по святому служенію, просимъ ихъ ожи-

виться, пріободриться и заговорить живымъ сердечнымъ словомъ въ общій слухъ о всемъ томъ, о чемъ слѣдуетъ заговорить; просимъ не стѣсняться въ своихъ кореспонденціяхъ»...

Дѣйствительно, никто не стоитъ къ народу ближе сельскаго духовенства, никому лучше этого духовенства не извѣстенъ «общественный и семейный бытъ народа, религіозное его міросозерцаніе, бытовые обряды, повѣрья»... И какимъ интереснымъ матеріаломъ могли бы наполниться страницы Еп. Вѣд., если бы пастыри захотѣли подѣлиться съ читателями своими свѣдѣніямм о пасомыхъ... Къ сожалѣнію, мечты объ этомъ, большею частью, такъ и остаются мечтами... Что успѣетъ сдѣлать новый редакторъ Кіевск. Еп. Вѣд. въ этомъ отношеніи, поживемъ—увидимъ.

Изв статей историко-этнографическаго содержанія напечатанныхъ въ 1894 г. должны быть отмѣчены слѣдующія:

1) *Матеріалы для исторіи кіевской епархіи*, (№№ 1—5 и 12) заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о православныхъ церквахъ разныхъ «протопопій» кіевской епархіи во втор. полов. XVIII в.

2) *Церковная лѣтопись с. Рубанаго Моста,* уманскаго уѣзда, (№ 10) свящ. Ал. Козловскаго, представляетъ собою образчикъ тѣхъ описаній прихода, которыя теперь требуются епархіальнымъ начальствомъ отъ приходскихъ священниковъ. Такія лѣтописи пишутся по приходамъ уже давно и нѣкоторыя изъ нихъ по Черниговской напр. губерніи, были печатаемы въ мѣстныхъ Еп. Вѣд. И содержательны, и полезны могутъ быть эти лѣтописи при одномъ условіи, если *лѣтописцы*, не удаляясь отъ фактовъ, будутъ просто излагать обстановку и содержаніе прошлой и настоящей жизни своихъ прихожанъ. Лѣтопись с. Рубанаго Моста (обыкновенно называемого въ народѣ Рубанкою) начинается объясненіемъ, что «поселокъ этотъ въ началѣ составлялся изъ людей сбродныхъ, что доказываютъ до сихъ поръ существующія фамиліи, выражающія собою мѣстности, откуда выходили предки: Краснокутскій изъ с. Краснаго Кута, Полищукъ изъ полѣсья, Ищукъ—искавшій мѣста (sic). Въ особенности распространена послѣдняя фамилія, можетъ быть потому, что бѣглые, по ясной причинѣ (?), нехотѣли объявляться, откуда они пришли. Дѣйствительность этихъ предположеній мнѣ доказывали мѣстные старики, которые сами знаютъ или слыхали отъ своихъ дѣдовъ о подобномъ происхожденіи многихъ фамилій». Приведенное мѣсто изъ «лѣтописи» не заключаетъ въ себѣ ни одного годнаго факта для той лѣтописи, которая желается... Прежде всего, каждое поселеніе

возникаетъ изъ люда пришлаго, почему с. Руб. Мостъ въ этомъ отношеніи и не можетъ составлять какого-нибудь исключенія; затѣмъ, прозвища по мѣсту прежняго жительства (Нѣжинскій, Слуцкій и т. д.) такъ обыденны, что сами по себѣ ничего еще доказывать не могутъ. Наконецъ, если *лѣтописецъ* пускается въ объясненіе мѣстныхъ прозвищъ, то требуются не гаданія его, а факты. Говоря, что прозвище Ищукъ значитъ «искавшій мѣста», лѣтописецъ Руб. Моста очень ошибается. Ищуки происходятъ отъ *Иськовъ*, т. е. Осиповъ; на лѣвомъ берегу Днѣпра это были бы—Ищенки, а на правомъ они—Ищуки, какъ сыновья Федоровъ—Федоруки, Степановъ—Степанюки и т д. Говоря о религіозномъ состояніи прихожанъ и указывая, что его прихожане «не знаютъ даже того, почему они зовутся христіанами» (!). Лѣтописецъ старается извинить себя и говоритъ очень странныя вещи: «У меня *пятнадцать лѣтъ* на каждой литургіи, вмѣсто причастна, читаются главнѣйшія молитвы и люди ходятъ въ церковь; но ни одинъ старикъ, ни одна женщина, въ особенности ни одна дѣвушка, не умѣетъ правильно молиться. Молятся такъ, какъ научили, а научили такъ, какъ молились еще при Петрѣ В. или Екатеринѣ...» И далѣе: «для того, чтобы прихожане понимали свою вѣру (!), я сказалъ около 800 поученій, сказалъ наизустъ, понятно и съ энергіей. Но могу утверждать, что научилъ очень немногихъ».. Жалко, что при этомъ не приведена ни одна изъ этихъ 800-тъ проповѣдей; тогда легче было бы объяснить ихъ неуспѣхъ... Значитъ, что нибудь еще нужно для сказанныхъ 800 поученій, чтобы они крестьянъ учили чему нибудь... Вообще лѣтопись с. Руб. Моста можетъ служить, между прочимъ, указаніемъ—почему на «кличъ» новаго редактора Еп. Вѣд—тей едвали будутъ получены желаемые отклики...

3) *Изъ воспоминаній о митрополитѣ Евгеніѣ*, (№ 10) заключаетъ въ себѣ припоминаніе одного кіевскаго академиста о содержаніи наставленія, которое произнесено было ученымъ іерархомъ оканчившимъ академическій курсъ студентамъ въ тридцатыхъ годахъ.

4) *«Прощи» или «подзѣньькованья»* (№ 12) представляетъ собою интересную этнографическую замѣтку, перепечатанную изъ Под. Еп. Вѣд. «Въ нѣкоторыхъ приходахъ Подольской епархіи есть обычай при погребеніи почетныхъ крестьянъ говорить такъ называемыя *прощи* или *подзѣньькованья*. Прощи, или подзѣньькованья—это особый, своеобразный видъ поученій, произносимыхъ при погребеніяхъ. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ прощи практиковались и практикуются,

простой народъ очень любитъ ихъ,—и почти всегда, за весьма немногими исключеніями, крестьянинъ, приглашая священника совершить погребеніе умершаго члена семьи, проситъ сказать при этомъ и прощу, предлагая за прощу даже особое вознагражденіе. Прощи въ такихъ приходахъ произносятся не только при погребеніи стариковъ и старухъ, но и при погребеніи скончавшихся другихъ возрастовъ, а иногда и при погребеніи младенцевъ. По содержанію своему, прощи или подзѣньнкованья представляютъ обычныя надгробныя поученія съ присовокупленіемъ прощанія отъ лица умершаго съ родными и знакомыми (отсюда и слово «проща»), а также благодарности умершихъ за вниманіе и участливость при жизни и по смерти (отсюда польское слово «подзѣньнкованья»). Нѣкоторыя священники присоединяютъ къ этому еще и завѣщаніе или послѣднюю просьбу умершаго къ остающимся въ живыхъ»... Засимъ авторъ замѣтки приводитъ отрывокъ одного изъ такихъ поученій, сказаннаго при погребеніи крестьянки ушицкаго уѣзда; частичку этого отрывка приводимъ здѣсь. «И такъ, сказавши послѣднее «прости» новопреставленной, *выслушаемъ въ свою очередь и отъ нея послѣднее прощальное слово, которое она сказала бы намъ, если бы уста ея, сомкнутыя смертью, отверзлись для слова.* Въ этомъ прощальномъ словѣ раскроются предъ нами ея предсмертныя, невысказанныя думы и желанія—послѣдній плодъ ея любви къ роднымъ и знакомымъ.—Прощайте, милые мои дѣточки и внуки. Прощайте и всѣ родные! уже не видѣться мнѣ больше съ вами въ мірѣ семъ, не встрѣчаться, не говорить съ вами, не слушать вашихъ привѣтливыхъ рѣчей. Спасибо вамъ, дѣти, за вашу ласку и привязанность ко мнѣ, за ваши заботы обо мнѣ въ мои старческіе, немощные дни. Спасибо вамъ, что въ тяжкой болѣзни моей вы не оставляли меня и всячески старались облегчить ее... Такъ какъ больше мы уже не встрѣтимся въ этомъ мірѣ, такъ какъ чрезъ нѣсколько минутъ приметъ до страшнаго суда мое разрушающееся тѣло мать его земля сырая и на вѣки скроетъ его отъ взоровъ вашихъ мракъ тѣсной могилы, то въ послѣдній разъ, чрезъ отца своего духовнаго, молю васъ и напоминаю вамъ: живите, пока Богъ поможетъ вамъ, свято и по христіански, не чините обидъ и несправедливостей ближнимъ» и т. д. и т. д. Авторъ такъ заключаетъ свою замѣтку: «такое поученіе, съ чувствомъ произнесенное, производить громадное впечатлѣніе на нашихъ простыхъ слушателей... Но слѣдуетъ и то сказать, что нѣкоторые священники, *желая возбудить чувство слуша-*

телей и довести его до извѣстной степени напряженія, вдаются при этомъ въ крайности... Такъ, къ прощанію съ родными приплетаютъ и прощаніе съ порогами, чрезъ которые ходилъ умершій, и зеленый садикъ, и любимую скотинку, и тѣхъ воловъ, которые довезутъ умершаго до мѣста его послѣдняго упокоенія...» Конечно, при большемъ развитіи народъ перестанетъ интересоваться иллюзіей «прощи» ...

5) *Отрывокъ изъ церковно-приходской лѣтописи с. Мал. Скeирки, сквирскаго уѣзда*, (№ 13), показываетъ, что епархіальному начальству слѣдовало бы точнѣе обозначить цѣль и предметъ рекомендованныхъ имъ приходскихъ лѣтописей, чтобы не происходило траты времени у лѣтописцевъ на разрѣшеніе вопросовъ: «что и какъ долженъ я писать въ своей церковно-приходской лѣтописи?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ (стр. 363—470) *только* и составляетъ напечатанный здѣсь отрывокъ. Думается, что печатать подобныя литературныя упражненія незачѣмъ.

6) *Исключеніе изъ титула митрополитовъ кіевскихъ словъ «митрополитъ всея Малыя Россіи»*, (№ 18), прот. П. Орловскаго, произошло въ 1767 г. по слѣдующему частному случаю: тогдашній гадяцкій полковникъ Антонъ и братъ его роменскій протопопъ Константинъ Крыжановскіе (оба выкрещенные евреи) рѣшили отправить своихъ сыновей въ лейпцигскій университетъ, для окончанія образованія, полученнаго ими въ кіевск. дух. академіи, причемъ К. Крыжановскій согласился самъ ѣхать съ молодыми людьми за границу и остаться тамъ, пока они будутъ учиться, на что назначенъ былъ двухлѣтній срокъ. За двухлѣтнимъ отпускомъ протопопъ Крыжановскій и обратился къ кіевскому митрополиту, а когда послѣдній ограничилъ отпускъ восьмью только мѣсяцами, то полковникъ Крыжановскій обратился съ просьбою въ синодъ—разрѣшить брату двухлѣтній отпускъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу синодъ отвѣтилъ указомъ кіевскому митрополиту, что отпускать протопопа заграницу совсѣмъ не слѣдовало, почему предписалъ; «помянутого протопопа Константина изъ Саксоніи возвратить въ Малороссію», и кромѣ того, при этомъ добавилъ: «а какъ изъ даннаго тому протопопу изъ консисторіи ваш. преосв—ва указу оказалось, что в. пр—во въономъ

указѣ именованы митрополитомъ кіевскимъ, галицкимъ и всея Малыя Россіи, а оная Малороссія не въ единой кіевской в. п—ва епархіи, но еще у двухъ преосвященныхъ состоитъ, то одному в. пр—ву таковаго титула присвоять себѣ не должно, и для того впредь в. пр—ву митрополитомъ Малыя Россіи себя не именовать...» Тогдашній митрополитъ Арсеній сталъ было возражать, ссылаясь на жалованныя грамоты к. XVII и нач. XVIII в., а когда эти возраженія не имѣли благопріятныхъ послѣдствій, то просьба о возвращеніи Кіевскимъ митрополитамъ прежняго ихъ титула была включена въ составленный тѣмъ же митрополитомъ проектъ «о дарованіи малороссійскому духовенству разнаго рода выгодностей», который долженъ былъ поступить въ «коммисію о сочиненіи новаго уложенія...».

7) *Странствующій украинскій философъ Гр. Сав. Сковорода* (№ 20), очеркъ свящ. Н. Стеллецкаго, составленный по случаю столѣтія со дня смерти Сковороды.

8) *Письмо Кіевск. митроп. Рафаила къ молдавскому митрополиту* съ объясненіемъ, въ чемъ состоитъ заблужденіе раскольниковъ *(пилиповцовъ)*, поселившихся въ Молдавіи.

9) *Рождественскія колядки или славленіе Христа* (№ 24), Г. Лисянскаго, описаны такъ, какъ онѣ практикуются теперь въ звенигородскомъ уѣздѣ.— «Въ первый день праздника, послѣ вечерни, колядники собираются... Чтобы эффектъ съ освѣщеніемъ изъ бумажнаго фонаря (съ помѣщаемымъ въ срединѣ прозрачнымъ изображеніемъ Рождества Христова), былъ полный, поджидаютъ, пока стемнѣетъ, —зажигаютъ звѣзду (т. е. приготовленный заранѣше «зубчатой формы «бумажный фонарь) и идутъ къ священнику. Священникъ, дабы выразить свое уваженіе къ дѣлу, приглашаетъ ихъ въ домъ, стоя, выслушиваетъ одну—двѣ колядки [1]), жертвуетъ отъ себя нѣсколько копѣекъ и преподавъ имъ благословеніе, отпускаетъ съ пастырскимъ наставленіемъ—честно исполнить свой долгъ. Отъ священника колядники идутъ къ ближайшему хозяину, отъ того къ

---

[1]) Не всѣ священники такъ поступаютъ. Нѣкоторые ограничиваются только сухимъ разрѣшеніемъ, а другіе открыто порицаютъ этотъ обычай и даже, къ не удовольствію прихожанъ, запрещаютъ „колядку", ссылаясь на случающіеся безпорядки.—*Примѣч. автора статьи.*

другому и такъ далѣе, пока не обойдутъ всего села. Передъ каждымъ домомъ или въ домѣ поютъ не больше одной «колядки» заканчивая и пожеланіемъ хозяину: «Добрый вечиръ, пане господарю! Поздравляимъ тебе съ цимъ празныкомъ — Рожествомъ Хрыстовымъ,—зъ мыромъ, покоемъ, добрымъ здоровьемъ! Дай намъ, Боже, цей празныкъ отправадыты та нового году дочекаты, пысля нового году—Богоявленія, писля Богоявленія—Воскресенія, а вы, колядныхчки, скыдайте шапочкы, та кажить; дай Боже!» Привѣтъ говоритъ «береза» [1]); при послѣднихъ же двухъ словахъ онъ оборачивается ко всѣмъ, а тѣ, снявъ шапки, вмѣстѣ съ нимъ громко кричатъ: «Дай Боже!» Благодарный хозяинъ выноситъ имъ за трудъ хлѣбъ, куски сала,—колбасу, а иногда и денегъ. Хлѣбъ берутъ въ мѣшки парни. Чтобъ не бытьне ожиданными гостями, колядники извѣщаютъ хозяевъ о своемъ приближеніи звономъ маленькаго церковнаго колокольчика. Черезъ два—три дня они успѣваютъ обойти все село. «Староста» съ казначеемъ или уполномоченными отъ компаніи сосчитываютъ хлѣбъ, устанавливаютъ цѣну и продаютъ желающимъ купить. Вырученныя отъ продажи деньги присоединяются къ общей суммѣ и отдаются на сохраненіе церковному старостѣ. Староста, съ вѣдома священника, можетъ пустить ихъ до времени въ оборотъ. Чрезъ лѣтъ пять-шесть накопляется порядочная сумма колядницкихъ денегъ. На эти деньги, по желанію колядниковъ, покупается или колоколъ, или крестъ въ церковь, обновляются иконы, а иногда они идутъ на ремонтъ или постройку церковно-приходской школы.

Родина «колядки», вѣроятно, Галиція, тамъ она имѣетъ такъ сказать права гражданства. Въ Галиціи поютъ ее не на улицахъ только, какъ это бываетъ у насъ, но и въ храмахъ, вмѣсто причастныхъ стиховъ. Этотъ обычай освящаетъ «колядку» и предохраняетъ ее отъ извращенности...» [2]).

---

[1]) Авторъ говоритъ что „распорядителями колядокъ въ Малороссіи называются и старостами“ или „березами“.—Послѣднее названіе относится, повидимому, только къ правому берегу.

[2]) Статья заключена такимъ примѣчаніемъ редакціи: „къ сожалѣнію, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, мы не можемъ помѣстить здѣсь присланныхъ намъ авторомъ девяти колядокъ, переложенныхъ даже на ноты“.

Изъ этой замѣтки видно, что колядники на правомъ берегу Днѣпра, употребляя собираемыя ими подачки на нужды церкви, примкнули къ церковнымъ братствамъ. Къ сожалѣнію, авторъ не говоритъ— повсемѣстное ли это явленіе въ правобережной Малороссіи.

А. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Н. В. ЛИСЕНКО,

имѣя намѣреніе издать сборникъ обрядныхъ малорусскихъ пѣсенъ (веснянкы, петривошни, купальски, зажнывни, обжыночни, весильни, колядкы, щедривкы друг.), убѣдительнѣйше проситъ уважаемыхъ любителей и любительницъ музыкальнаго народнаго творчества, имѣющихъ уже въ своемъ распоряженіи пѣсенный матеріалъ упомянутаго рода, тексты мотивы, сообщать ему таковой по адресу: Кіевъ, Маріинско-Благовѣщенская ул., д. № 89.

Матерьялъ этотъ, драгоцѣнный по глубокой древности своей, на глазахъ нашихъ изчезаетъ изъ народнаго пѣсеннаго обихода, и на обязанности родинолюбцевъ лежитъ сохранитъ хотя бы остатки этого оригинальнаго матерьяла въ интересахъ всесторонняго изученія родины.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

Литературный и Научно-Популярный Иллюстрированный Журналъ

„ПО МОРЮ И СУШѢ“

издаваемый въ Одессѣ по слѣдующей программѣ:

1) Хроника столичной, мѣстной и провинціальной жизни за недѣлю; 2) Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Романы, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Въ этомъ году помѣщены между прочимъ:

«Танцовальный вечеръ» Олены Пчилки; «Золотая писанка» ея же; «Въ Одесскомъ Подземельѣ» П. Вл.—ко; «Кошка помѣшала» Д. К. А. Шра-

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ L, 1895 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

ОТДѢЛЪ I-й

ОТДѢЛЪ II-й.

Пятокъ. 27. День былъ хмарній и черезъ увесь день дощъ ишолъ; у вечери вияснилось; ночъ свѣтла и тиха, толко холодна.—Сегодня погребенъ Количевъ въ монастирѣ дѣвичомъ Глуховскомъ, въ трапезѣ. Демянъ Кузмѣнскій отправленъ въ Роменъ и данъ ему приказъ объ роздѣлки сторони степу Гамалѣевского, приказчиками Розбишовскими завладѣнного, и сторони денегъ Якубовичевыхъ, о чемъ и къ Несторовичу писалемъ, и до родителки писалемъ, зъ поздравленіемъ. Емужъ, Демяну, далемъ на дорогу 20 р.

Субота. 28. День былъ свѣтлий и погодній, толко холодноватъ; ночъ погодна, холодна.—Рано билемъ у п. Михайловой; обѣдалемъ вдому зъ род. и женою.—Доплатилемъ годовую плату молодику Василю Филимонову 3 р.

Неделя. 29. День билъ свѣтелъ, тихъ и тепловатъ; ночъ холодна, свѣжа, тиха.—Злотнику иноземцу далемъ на сережокъ паръ двѣ діамонтовъ да кутенковъ (?) 10, рубѣновъ менших 18, а болшенкихъ 2, золота заважило 6 червон., а обѣщалъ отдѣлатися за два мѣсяца.—Рано били на томъ боку у п. гетмана, обѣдалисмо вдому, и по обѣдѣ жена поехала и взяла на дорогу 3 р. Потомъ родитель отехалъ въ Кролевецъ. Увечеру ездилемъ до п. Михайловой и посидя, повернулемся назадъ.

Понедел. 30. День и ночь были противъ вчорайшихъ во всемъ сходніе. Рано ездилемъ до п. гетмана, а потомъ на молебенъ, зъ церкви до Мякинина зъ Тургеневимъ посѣщать ходилемъ, поневажъ онъ заболѣлъ на фебру. Обѣдалемъ у себе.—По обѣдѣ п. Михайло, братъ, пріездилъ ко мнѣ и обявлялъ писмо доктора Бидлова, которий, къ гетману пишучи о болезни п. Михайловой, обявляетъ свое мнѣніе, что оная болѣзнь пришла ей ех... (*не разобрано*). Да онъ же п. Михайло сказивалъ по вѣдомостямъ, что епископа Чернѣг. приговорено вислать указомъ зъ Черн. въ Кіевъ, а тамъ розискать, Волчанскому, Трофимову и еще комусь третому, объ обидахъ.—Передъ вечеромъ поехалемъ зъ Глухова до Некрасова, оттоль до Дунайця и тамъ въ дворцѣ Михайла, брата, ночовалемъ.—Господареви на проездъ далъ 2 р.

Вовтор. 31. День и ночъ были хмарніе отъ туману, холодноватіе, тихіе. Зъ Дунайця лѣсомъ, напрошки, до Уздицѣ переѣхалемъ, куда будетъ зъ полмилѣ, и пріѣхалемъ просто въ пасѣку, где обѣдали и ночовали.—Пчоли моей Уздицкой были всеей 350, въ томъ числѣ молод. 50, а зъ числа старой подкопнихъ (ульевъ) было 58; убили молодой 20, старой 10, итого 30, подрѣзали 144, осталось въ зиму на точкахъ 320. Меду зъ убитихъ взяли дѣжечокъ 2, болшую и меншую, зъ подрѣзанихъ зъ полтретѣ дѣжечки, якую въ пасѣцѣ поставили.—Попъ Уздицкій Прокопій приходилъ къ намъ посѣтить насъ и тутъ же зъ нами обѣдалъ, а зъ мною билъ братъ Іванъ и попъ Сидоръ.

Септевр. мѣсяць. Середа. 1. День билъ похмурний, въ началѣ дощикъ невеликій ишолъ, а потомъ пересталъ; ночь тиха, хмарна. Рано поехалисмо зъ пасѣки и пріѣхали на обѣдъ у Тулиголови, где явился Юрко молодикъ и привезлъ писма о повоженняхъ поліовихъ, а именно: у футорѣ Гамал. сѣна поденними косарами укошено скиртъ 15, а что на сотнѣ давано, тихъ скиртъ 15, жита нажали копъ 11, сира дѣжокъ 5, масла фасокъ 4. Въ Сухоносовцѣ жита нажали копъ 77, вимолотъ зъ копи четверикъ Луб. а навѣяли жита Чорнуск. четв. 24. Дядя (*прозвище*) купилъ воловъ 10 въ Густинѣ [1]) купилъ ободовъ 6, колѣсъ 16,... въ Кримъ... млинъ въ Куренѣ зробить нанялъ мѣрочника за 9 копъ. Жито въ Чорнухахъ продается четверикъ по гривнѣ. Сѣна укошено скиртъ 15 на купленномъ степу. Въ Кривой Рудѣ нажали ячменя 20 копъ, сѣна скиртъ 10, сира пудъ 4, масла фасокъ 7. Въ Перервинцахъ скиртъ сѣна зъ 30; косъ 4 продались на готовіе денги по 10 алт. Жита нажато копъ 25, ячменю копъ 40, а просо почали жать.—Родитель пріѣхалъ на ночъ въ Тулиголови, где и ми ночовали.—Пчоли било здѣсь, въ Тулиг., 48, зъ которихъ убили самой подлой 18, а осталось на зиму 30.

Четвергъ. 2. День билъ отчасти хмарный, холодній, после свѣтлій. Ночь свѣтла, тиха, холодна.—Сегодня рано родитель по-

---

[1]) Въ Густынскомъ монастырѣ на ярмаркѣ.

ехалъ въ Глуховъ, а я въ Кролевецъ, куда ехалъ конемъ поменше 3-хъ часовъ, а пріѣхавши, обѣдалъ у дворѣ тіотки п. Павловой. По обѣдѣ былъ у Турgонева и, по лавкахъ ходя, купилъ кофе, штуку полотна gаланского и лимонъ, щербетъ слоикъ.

Пятокъ. 3. День отчасти хмарній, а отчасти свѣтлій, тихій да холодній. Ночь таковажъ.—Леску, кравцю, далемъ за работу его 5 р. да за оксамитъ до епанчи 50 к. Далемъ на покупки Климу до прежнихъ 20 р., еще 30 р., да Шоху 20 р. Жена пріѣхала на ночь зъ дѣтми зъ Новгородка.

Субота. 4. День свѣтлій, теплій и тихій; ночъ свѣтла, тиха и ядрена. Сегодня родитель пріѣхалъ въ Кролевецъ зъ Глухова и, ходя въ лавкахъ, купилъ дочерамъ моимъ: Ганнусѣ—парчѣ алой, а Пазѣ бѣлокосу по портищу. Промѣнялемъ шаги зъ чехами, а на всякой... взялъ по 10 алт. наддачи.

Недѣля. 5. День свѣтлій, теплій, але велми вѣтряний и ночъ таковажъ. Городъ Кролевецъ въ самую обѣдную годину, о полднѣ, загорѣлся отъ нѣякогось Савчиного двора, где синъ посадского русского ма...зъ кродѣчки стрелявши, запалилъ, отчего болше 50 дворовъ згорѣло зъ немалою утратою купцовъ—gрековъ, русскихъ, а наипаче жидовъ и татаръ. Людей нѣсколко человѣка згорѣло, коней десятковъ около трехъ. Мы заледво отратовали стѣни имбару родителского. Сестра п. Чарнишева пріѣздила до насъ, а я вечеромъ ходилъ осматривать пожару, да зайшолъ до графа Гаврила Рагозѣнского, у которого постановили такъ, что онъ мѣлъ писать въ Парафѣевку до старости своего Топалского, дабы онъ зехалъ заразъ въ Розбишовку для изслѣдованія о степу между нами спорномъ, Гамалѣевскомъ.

Понеделокъ. 6. День былъ вѣтряний, холодноватъ, а вѣтеръ западний; дощикъ маленькій отъ хмаръ перебѣгаючихъ; таковажъ и ночъ. Сей день тутъ пробавили въ Кролевцѣ. Купилемъ коня верхового карого, нѣмецкого, у Бублика Чернѣг., за 60 р. Посланъ Юрко въ Роменъ за кони, пригнать ихъ; черезъ котораго писалъ я до Несторовича о Якубовичу и gрафу Gаврилу сторони нашей интересса футорного.

Вовтор. 7. День былъ вѣтряний, хмарній и холодній, ночъ тиха, холодна зъ дожчемъ, которій зъ полночи перересталъ ити. Купилемъ у Юрія Грека матеріи и далемъ ему карту онимъ матеріямъ, за которіе еще ему не платилемъ, а именно: канавацу локот. 20, а локоть по 7 гривенъ и по 5 копѣекъ, матеріи блакитной, златоглавной, 4 локтѣ зъ чверткою, локоть по 2 р. зъ полтиною, да тоей же матеріи 12 локоть и пол., локоть по 2 р. и по 45 копѣекъ да двѣ оки тютюну тур., око по 8 гривенъ, итого 56 р. и 62 к. Поехалисмо рано зъ Кролевца до Подолова, где у сестри и обѣдали зъ род., а оттоль поехавши, позно пріехали въ Воронѣжъ, куда ехали часовъ зъ 4 и тамъ у Кузми Заруцкого ночовали. Юрій Грекъ остался виноватъ мнѣ за комору 11 р., а дванадцятого отвернулъ тому, кто передомъ нанялъ билъ комору нашу отъ руских купчиновъ.

Середа. 8. День былъ хмарній и холодній, дощъ ишолъ едва не черезъ увесь день, такова и ночъ. Рано зъ Воронѣжа пріехалисмо до монастира Гамалѣевского зъ родителемъ, где обѣдали и ночовали.

Четвер. 9. День былъ зъ ранку дощеватъ, а потомъ свѣтелъ и отчасти тепелъ, ночъ свѣтла, а къ свѣту хмарна и холодна. По обѣдѣ зъ монастира поехалъ родитель у Кролевець, а мы въ Маковъ, где купилемъ бочку вина лаgонского за 23 р. у маляра, и пріехали позно въ ночъ въ Глуховъ.

Пятокъ. 10. День былъ хмарній и холодній, ночъ свѣтла, тиха зъ морозомъ. Старостѣ тулиг. Роману далемъ на росходъ тамошній 3 р., да ему далемъ футро сѣрее и киндякъ. Ездилемъ въ городъ и былъ у ясневел. и у Тургенева. П. Михайловую засталемъ при прежней болезни.

Субота. 11. День былъ хмарній и холодній, ночъ вся мокра, понеже дожчъ ишолъ до свѣту. Обѣдалисмо сами въ себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Турковского писара, и тамъ посидѣвши мало, повернулемся назадъ позно и засталемъ родителя, повернувшагося зъ Кролевца. Архиерей Рафаилъ Заборовскій, архиепископъ кіевскій, зъ Москви въехалъ въ Глуховъ и сталъ квартерою въ дворѣ Ма-

нуйловича, асаула енер., у которого гетманъ и многіе зъ насъ при немъ были и благословеніе приняли. Гаврилець, служка, за свою вину наказанъ и отдаленъ отъ двора, а денги, у его бывшіе, зъ шинковъ собранніе, и завѣдыванне шинковъ вручено Тарасови, у которого отобралемъ тихъ денегъ, Гаврилцемъ собранныхъ, 8 р. 8 а. и 1 д.

Неделя. 12. Во весь день дощикъ ишолъ и грязно стало велми, въ ночѣ перестало дощить, однако жъ ночъ хмарна и вѣлgотна. Архиепископъ Кіевскій служилъ службу Божую у святихъ Анастасій и обѣдалъ у гетмана зъ всѣмъ духовенствомъ, где и старшина вся енер. и мы кушали и подпіяли. Тогда жъ Шпаковскій, архимандритъ Нѣжинскій, для ссори съ ясневел., вщавшойся отъ него, висланъ вонъ зъ банкету. Зъ Крисіокъ привезено 3 куфи гор. воловиками, а староста пишетъ, что 1 куѳа, носат. 12 и квартъ 14, 2 куѳ., а нос. 12 и квартъ 16, третая нос. 10 и квартъ пол. 4., а воловики туда привезли отсюду жита 11 четвер.

Понеделокъ. 13. День хмарній, а потомъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ свѣтла, тиха и холодна. Жена взяла на росходъ 16 р. и реестръ вновъ завела. Купилемъ... ниву и обложокъ, прозваніемъ Менкова, у Шовкуна Сварковского за 6 р. Климъ, повернувшись зъ Кролевця, привезлъ денги должніе, якіе взялъ билъ у его Василь Тищенко 29 чер. и 4 таляр. быт. П. Петрова, полковника луб., и Петрова Кулябкова пріехали зъ Лубенъ сюда.

Вовтр. 14. День былъ хмарній, у вечери и черезъ всю ночъ дощъ ишолъ. Обѣдалисмо въ дому зъ род., а у вечеру ходилемъ до капитана Воейкова, где зъ род. долго просидѣвши, повернулисмося домой. Получилемъ письмо отъ Валкевича зъ требованіемъ извѣстія о походѣ и болезни п. Михайловой.

Середа. 15. День былъ хмарній, ночъ хмарна жъ. Архиерей, позавчора поехавшій въ монастиръ Петропавловскій, повернулся назадъ, у которого мы зъ род. были по службѣ, и после полдня часа 4-го у его жъ на вечеринцѣ были жъ, где билъ гетманъ, старшина енер. и великорос. персони, Тургеневъ, Воейковъ и Топѣлскій.

Четвер. 16. День былъ по болшой части свѣтлій, нѣжъ хмарній, отчасти тепелъ, воздухъ сухъ, ночъ сперва свѣтла, потомъ хмарна, мало сухого воздуха. Рано зъ родителемъ ездилемъ до архиерея Кіевского, зъ которимъ имѣлемъ розговоръ о монастиру Гамалѣевскомъ и пустинцѣ Мутинской, да о рештѣ денегъ Ѳорчинихъ [1]) предлагалъ мнѣ онъ, архиерой. Гетманъ сказивалъ намъ, бунчуковому товариству, чтобъ вибрать намъ ротмистра, на что отказали, что у насъ инного нѣтъ коммендѣра опрочъ его и бить не надлежитъ. Обѣдали родитель и я и Тургеневъ у капитана кгвардіи Воейкова.

Пятокъ. 17. Сей день и ночъ были отчасти свѣтліе, тихіе и тепловатіе, къ свѣту туманъ. Архиерей Кіевскій Рафаилъ Заборовскій виехалъ зъ Кролевца въ Кіевъ, въ конвояхъ ему опредѣленний Федоръ Заборовскій, бунчуковый товаришъ, поехалъ же. Я ездилъ до футора и Сваркова конемъ каримъ помочникомъ (?), где и ночовалъ. До гетмана отъ Вейзбаха принесено писмо о виходѣ въ походъ.

Субота. 18. День и ночъ были противъ вчорайшихъ во всемъ сходни. Приехалемъ зъ Сваркова на службу до ст. Анастасіи, а обѣдалъ у гетмана. По обѣдѣ сидѣлъ у п. Михайловой, которая велми тескнѣла въ болезни. Пріехавши домой, у лазнѣ милемся. Получилемъ зъ Москви отъ Желяза штани оба лосиніе, за которіе, что мились, далъ онъ 1 р., табаку картузовъ 3, по 20 а., за табакъ крученний 1 р., за тертушку 20 к. да белѣ (?) женѣ прислалъ за 1 р.

Неделя. 19. День былъ противъ вчорайшого, ночъ хмарна и тепла. Рано былисмо у гетмана, а обѣдали зъ женою въ дому, а род. у гетмана. У вечеру знову ездилемъ до гетмана, где онъ далъ мнѣ табаку тур., а я далъ ему картузъ табаку.

Понедел. 20. День сперва хмаренъ и дожчеватъ, а потомъ свѣтелъ, тепелъ, ночъ свѣтла тепла жъ. Рано былемъ у гетмана и тамъ обѣдаломъ. Овса четверикъ купилемъ за рубля.

---

[1]) Архіерея Горки.

Вовтор. 21. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмаренъ, знову свѣтелъ, къ вечеру воздухъ сухъ, ночъ свѣтла, холодновата. Принималемъ тинктуру проносную, капель 110, которая не дѣйствовала, ажъ мусѣлемъ после принять Canelimagog (?) 100 капель, и било операцѣй зъ десятокъ. Зъ Березнякомъ стар. Крис. прислалъ 3 куѳи гор., зъ Крисіокъ, еще до прежнихъ.

Середа. 22. День былъ сперва свѣтлій, а проч. и ночъ сходніе вчорайшимъ. Ездилемъ рано до гетмана, обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ знову ездилемъ въ городъ и, бувши у склепу, понасипали вина, а потомъ заездилемъ до п. Михайловой. Стар. Тулиг. 2 р. дано на заплатку винникови, который мекленбурцямъ задолжился. Черезъ Кононця писалемъ до родителки привѣтъ, до брата Марка, до стар. Сухонос. и Перер. о Яремѣ, чтобъ онъ съ козаками перерв. билъ ко мнѣ къ Гадячому; до Демяна о томъ, чтобъ описался о себѣ и явился въ переходѣ томъ.

Четвор. 23. День и ночъ были вчорайшимъ сходніе, толко гараздъ холоднѣйшіе, нѣжъ прежніе. Рано былъ я у гетмана и у п. Михайловой, а обѣдалъ у секретара Топѣлского и подпіяхомъ тамже. Маляреви Якиму Єлѣнскому заплатилемъ за вино 10 р., а еще надлежитъ 13 р. Украдено у мене въ склепу 6 пуд. воску, якого было „ “ грудъ. Принесено писмо отъ генер. Девейзбаха, чтобъ гетманъ рейтировался въ свою резиденцѣю и полки въ доми возвратимѣлись по вѣдомостямъ, ибо татаре на черкеси пойшли и намъ нѣчого противного отъ ихъ не надѣятися.

Пятокъ. 24. День былъ и ночъ вчорайшимъ во всемъ и въ холодѣ сходни. Рано былемъ у гетмана и на молебнѣ. Пуховичу заплатилъ я за шапку 60 а.

Субота. 25. День былъ и ночъ холодноватіе, хмарніе, тихіе, подобніе прежнимъ. Рано былъ я у гетмана, а обѣдалъ дома, по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского, зъ которимъ, ехавшимъ до Воргла, на крестини до п. Стефана (Миклашевскаго), стрѣтилемся, заехалемъ до Борковского и до капитана Семеновского полку Апраксина, вновъ пріехавшого въ Глуховъ, заехалемъ. Комендантъ

новий нѣжинскій на мѣсто Толбухина явился зде. Потоцкій, староста Белскій, зъ Полщи едетъ въ Москву.

Неделя. 26. День былъ хмаренъ, а болшъ свѣтелъ, ночъ сперва погодна, а потомъ вѣтеръ и дожчъ. До гетмана пріехалъ graфъ Апраксинъ зъ своею свитою и обѣдалъ, а я, въ дому зъ женою пообѣдавши, поехалъ до Воргла, а ехалъ часовъ болше пяти. Пріехавши въ Ворголъ, засталисмо п. Андрѣя и Івана Миклашевскихъ и Ширая третего, а четвертого Демяновича, зъ которими и ночовалисмо и подпіяхомъ у новомъ дворѣ, дядѣ п. Стефана.

Понеделокъ. 27. День былъ хмаренъ и вѣтрянъ и холоденъ велми, ночъ тиха, свѣтла и холодна. Рано п. Андрѣй Миклашевскій и Іванъ и Демяновичъ поехали зъ Воргла въ свояси, а я зъ женою и п. Стефаномъ и Кондзеровскою обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехалемъ зъ п. Стефаномъ, а пріехалемъ уже при смерку у футоръ Калюжновскій, а оттоль у Сварковъ, где и ночовалемъ.

Вовтор. 28. День былъ холоденъ, однако жъ тихъ и свѣтелъ и ночъ такова жъ, погодніе. Рано пріехалемъ въ Глуховъ и былъ у гетмана, где гостѣ Степанъ Апраксинъ и протч. и старшина енер. и я зъ Борковскимъ обѣдали, а по обѣдѣ поехалъ я зъ п. Михайломъ до его Апраксиновой квартери, где напившись доволно, зайшли до обозного енер., где шумни были всѣ, Апраксинъ, Бабарикинъ и Чибишовъ молод., Тургеневъ, Воейковъ, Топѣлскій, маіоръ Хрущовъ, п. Михайло, я и Борковскій.

Середа. 29. День и ночъ были изрядніе, свѣтліе, тепліе и тихіе, къ свѣту морозъ. Пявици приставлялъ себѣ и зъ дому нѣкуда не ездилъ. Василець ключникъ за свою вину и за побѣгъ скаранъ. Графъ Апраксинъ и Борковскій въ Москву отехали.

Четвер. 30. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмарний зъ дожчомъ малимъ, ночъ хмарна, тиха и тепловата. Котляреви на первий его разводъ далемъ ему мѣди полтора пуда и 5 р. Да ему жъ на труби далемъ полтора жъ пуда. Обѣдалемъ у гетмана, а потомъ въ дому былемъ, у вечеру знову ездилемъ и отклонился затимъ, что ординованъ зосталъ ехать въ Полтаву до генерала Девейзбаха въ

войсковомъ интерессѣ, сторони роставки драгунъ на квартери, и заехалъ оттуду до Тургенева, где посидѣвши, отехалемъ домой.

М-ць октоврій. Пятокъ. 1. День былъ почасти погодній и похмурний, ночъ такова жъ У пана гетмана банкетъ былъ, где всѣ обѣдалисмо и капитанъ Воейковъ, Тургеновъ и Топѣлскій, и подпіяхомъ. Експедицѣю отобралемъ зъ канцеляріи енер. до Девейзбаха, куда ехать мнѣ, показано договариватись мнѣ съ нимъ сторони сустентацѣи драгунской, даби обидъ не было.

Субота. 2. День и ночъ подобніе прежнимъ. Приказъ отданъ паний, что кому надлежитъ чинить и на ганишъ 12 р. Писмо писалемъ до Ша... въ Сѣвскъ, чтобъ онъ подрадился поставить мнѣ ржи, а о чомъ уговоруватись поручилемъ Климу, на 500 четвертей по 20 а. по крайней мѣрѣ. Рано, простившись зъ родителемъ, женою и дѣтми, поехалемъ на обѣдъ въ Ярославецъ, а тамъ отобѣдавши и простившись зъ Занковскимъ, явившимся у мене, отехалемъ на ночъ въ Камень, где и заночовалемъ.

Неделя. 3. День былъ холодноватъ и сперва свѣтелъ, потомъ хмаренъ, знову свѣтелъ, знову хмаренъ, при концу свѣтелъ, ночъ хмарна зъ сильнимъ дожчемъ, потомъ свѣтла, толко якъ у день, такъ и въ ночѣ силний вѣтеръ полуночний, подобний вчорайшому. Рано съ Каменя поехалемъ водою, Сеймомъ, въ лодцѣ, и пріехалемъ въ Хижки, на якой лодцѣ и коляска била; тамъ въ Хижкахъ обѣдалемъ. Отъ Хижокъ поехавши, о полднѣ пріѣхалемъ въ Смѣлое о полъ 2-й год., и ночовалемъ въ дворѣ родителскомъ.

Понеделокъ. 4. День былъ почасти хмаренъ, а почасти свѣтелъ, зъ силнимъ на збитъ вѣтромъ, ночъ свѣтла и холодновата и тихшая. Рано зъ Смѣлого пріехалемъ въ Роменъ и засталъ родителку и брата Марка въ добромъ здоровю, и со мною вкупѣ жъ ахтирскій сватъ Петръ Яковлевичъ, а по обѣдѣ, написавши писма въ Глуховъ, до родителя и жени, о своемъ поводженню, отехалемъ въ свой путь и пріехалъ передъ полноччю въ свой футоръ новий Артополотскій, где и ночовалемъ.

Вовтор. 5. День былъ изрядній и погодній, толко къ вечору хмаренъ и маленко дожчъ, ночъ хмарна жъ и дожчевата мало. У

футорѣ приказалемъ Демяну ехать въ Сухоносовку и Перервинцѣ; у Сухонос. о винницѣ, чтобъ на 6 казановъ робить, о млину Курѣнскомъ, объ Алексѣю, чтобъ его виcлать въ Глуховъ, о Невиправѣ въ Глуховъ, чтобъ ишла на Гамал. футоръ, а въ Перервинцяхъ зревѣдовать конѣ, цену установить за здохлого коня дрикганта, осмотрѣть сѣна; а самъ поехалемъ въ Розбишовку, а ехалемъ болшъ милѣ, а оттоль прiехалемъ до Гадячого, въ 2-хъ миляхъ добрихъ отстоячого отъ Розбишовки, где въ Гадячомъ въ замку у Казановича и обѣдалемъ, а по обѣдѣ прiехалъ туда къ намъ въ гостѣ новопожалованний генералъ маiоръ Гайденрейхъ, зъ которимъ такожъ и зъ Покорскимъ доволно посидѣвши, отехалемъ позно зъ Гадячого и, уехавши верстъ зъ 30, прiехалемъ до Зѣнкова городка, где и ночовалемъ, и при мнѣ Зѣнковъ горѣлъ, але скоро угасили. Въ Розбишовцѣ Хоролъ рѣка, у Гадячомъ Псiолъ, а въ Зѣнковѣ—Грунь.

Середа. 6. День былъ безмѣрно вѣтрянъ, помѣрно холоднiй, отчасти хмарний, ночъ тиха, свѣтла и погодна. Зъ Зѣнкова рано поехалемъ и прiехалемъ до Опошней городка, за 30 верстъ отстоящого, где и обѣдалемъ. А по обѣдѣ уехалемъ 5 верстъ до села Кочубеевого Диканкѣ, оттоль 16 верстъ до Жуковъ, его жъ маетности, где у его билъ, и у попа Iвана ночовалъ.

Четвер. 7. День былъ свѣтлiй, по болшой части холодноватъ, вѣтеръ утихъ, къ вечеру хмарно, въ ночѣ дожчъ не великъ, къ свѣту вияснилось и стало тихо. Рано зъ Жуковъ виехалъ и уехалъ верстъ 9 до Полтави, где имѣлъ квартеру въ дому умершого писара полкового Богаевского. По службѣ ходилъ я зъ Михайломъ Прездецкимъ (которiй зде у индукторскихъ зборщикахъ) до комендаута Iвана Лаврентiевича Чечерина, у которого и кушалъ, а по кушанню его коляскою, зъ нимъ же, прiехалемъ на мою квартеру и тутъ застали Добронѣцкую старую зъ дочерю, за полтавскимъ войтовичемъ бившую, и вскорѣ оной комендантъ отехалъ, а я писалъ зъ Полтави писма въ Глуховъ, до гетмана, родителя и жени, обявляючи о своемъ обращеню и для пересилки отдалъ онiе писареви полковому Руновскому. Виехалемъ зъ Полтави въ дорогу къ Орчику

и уехавши верстъ зъ 10 черезъ Ворскло рѣку, якая подъ Полтавою течетъ, пріехалемъ до слободки генерала Девейзбаха у Коломака рѣчки, пятий годъ осаженной, въ 50 хат. состоящой, а зовемой двоякимъ чили трояким̆ъ именемъ Коломачокъ, Генераловка и Ковалювка, где и ночовалемъ у войта тамошнего. Попъ Жуковскій Іванъ сказивалъ о знахору, въ зѣлляхъ искусномъ, котории живетъ въ опошнянской сотнѣ, въ селѣ Пѣвняхъ, маетности Богаевскихъ, а зовется Микита Москаленко.

Пятокъ. 8. Ранокъ свѣтлій, день хмарний, у вечеру вияснилось и въ ночѣ сперва, а потомъ сталъ вѣтеръ и хмарно. Поехавши рано зъ Коломачка, пріехали до слободи другой енерала Вейзбаха, въ 40 верстахъ отстоящей, а на рединѣ дороги отпочивали, у Кагамлика яра такъ прозиваемого, где копанки зъ водою. Пріехавши же въ Карловку, надъ Орчикомъ рѣчкою въ низу поселенную, билемъ у генерала Девейзбаха, где засталемъ генерала порутчика Дукляса, барона Крекіорта и другихъ кушавшихъ; у вечеру отехалемъ отъ его въ свою квартеру.

Суббота. 9. День былъ похмурний зъ жестокимъ велми вѣтромъ, передъ вечоромъ тихо стало и дощикъ ишолъ, въ ночѣ тожъ сперва дожчъ ишолъ, передъ полноччю вияснилось и тихо стало до свѣта. Имѣлъ я авдиенцѣю у генер. де Вейзбаха, которій на первий пунктъ инструкцѣи моей, о бранню сѣна вѣсомъ, сказалъ, что пробовать будетъ сколко заважитъ чистого сѣна. О видачѣ денгами за провіянтъ сказалъ, что нелзя того дѣлать, а совѣтъ свой далъ, даби тіе полки провіянтъ и фуражъ, а другіе за ту ихъ видачу денги платили по табелной ценѣ. Получилъ я листъ отъ гетмана и копію репортицѣи, въ листѣ требуется по мнѣ, даби я домагался репортицѣи на наличное число и вѣдомости откуду денги получать на заплату провіянту, мекленбурцамъ видавать имѣючогося. Обѣдалемъ у енерала и, долго просидѣвши, позно пріехалъ въ свою квартеру.

Неделя. 10. День былъ хмарній, холодний, вѣтряний, толко жъ безъ дощу. Ночъ тихша, свѣтла, холодна. Рано генералъ порутчикъ графъ Дуклясъ зъ женою своею отехалъ до линѣи. Пріехалъ сюда генералъ маіоръ Гейденрейхъ, а потомъ полковникъ Леслѣ,

зъ которими я увидѣвшись, былъ зде на службѣ, а потомъ у енер. Девейзбаха и имѣлъ аудиенцѣю и слишалъ резолюцію его въ нѣкоторихъ пунктахъ, а въ другихъ отложилъ до понеделка. Обѣдалемъ у него жъ и до вечора просидѣлъ, а въ вечеру отехалъ до своей мѣзерной квартери.

Понеделокъ. 11. День былъ холодній зъ жестокимъ вѣтромъ, ночъ свѣтла, но студена. Обѣдалемъ у генерала Девейзбаха, а перодъ обѣдомъ и после обѣда составляли пункта въ резолюцію капитанъ Іванъ Вилимовичъ Роппъ, где и я пригодившись способствовалъ. Ездилемъ на квартеру, потимъ у вечеру знову пріездилемъ до генерала, и позабавивши зде знову при пунктахъ, отехалемъ въ квартеру. Объявлялемъ генералу Девейзбаху о листѣ гетманскомъ стороны репортицѣи прислання и вѣдомости о денгахъ.

Вовтор. 12. День былъ тихшій отъ учорайшого и зранку хмарно и мокровато, а потомъ свѣтло отчасти, ночъ зъ морозомъ свѣтла и тиха. Рано билъ я у капитана Роппа и въ ихъ канцеляріи съ нимъ, потомъ у Гайденрейха, знову въ канцелярiи, где розсердился за то, что переписанныхъ пунктовъ не дали мнѣ читать, на квартеру отехалъ, а потомъ до генерала пріехалъ, где рано въ 11-мъ часу и обѣдали. По обѣдѣ отехалъ генералъ Вейзбахъ до крѣпости ст. Іоанна на линѣю, а я отъ Василія Савича Кожина, капитана и за атютанта управляючого, отобравши резолюцію и листъ къ гетману, пріехалемъ на свою квартеру, куда пріехалъ мимоездомъ Кожинъ, и випивъ по 3 стакана вина, поехалъ за енераломъ. Віехалъ и я зъ Карловки и пріехалъ до другой слободи его жъ енерала, возвратно въ 4-хъ миляхъ отстоящой, именуемой Коваловки, где на прежней квартерѣ и ночовалемъ.

Середа. 13. Снѣгъ. День былъ сперва свѣтелъ и тихъ, толко отъ прежнихъ всѣхъ холоднѣйшій, а о 10-мъ часу въ первое снѣгъ сталъ ити, а ишолъ до 3-го часа, потомъ стало вияснюватись, ночъ тиха, ясна и велми холодна. Рано зъ слободки енералской Коваловки вставши, пріехалъ въ Полтаву передъ службою рано же и, ставши на прежней квартерѣ моей у Богаевской, тутъ зъ нею и старою Добронѣзкою, и зъ судею Василемъ Зелененкимъ, и

писаремъ пол. Руновскимъ, обѣдалемъ, а по обѣдѣ заходилъ до Чичерина и зъ нимъ до Гайденрейха, которого пожекгнавши, поехалемъ въ путь свой, и пріехалъ до Жуковъ за видна, а оттоль до Диканки, отъ Жуковъ въ 2-хъ миляхъ отстоящой, где и ночовалемъ у попа. Сукна 5 локот. темноватого купилемъ, по полъ 9 зол. локоть.

Четвер. 14. День былъ холодний и передъ полуднемъ снѣгъ ишолъ въ другій разъ, до другого часа, а потомъ тихо и мокро и хмарно, якова и ночъ вся была. Въ Диканцѣ обѣдалемъ у Кочубея, а по обѣдѣ уехалемъ верстъ 5 до городка Будищъ, а оттоль до Опошней 9 верстъ, зъ Опошней уехалемъ верстъ 30 зъ залишкомъ до Зѣнкова, где и ночовалемъ.

Пятокъ. 15. День былъ хмарний почасти и свѣтлій потомъ, но холодний, ночъ сперва свѣтла и велми холодна, потомъ хмарна зъ отлигою и вѣтромъ. Рано зъ Зѣнкова виехавши, уехалъ верстъ 29 до Гадяча за 4 часа и заѣхалъ въ замокъ до Казановича. Тутъ въ Гадячу ярмарка на Парасковею, сего октовр. 14 числа. Ходилъ я на ярмарокъ зъ Казановичемъ и купилъ отласу китайского полъ 8 локтя, локоть по 8 гривенъ, сафяну два за 12 зол., рюмку кришталную зъ кришкою за 4 гривни и столъ каменний на полъ 2 рубля, то все взялъ зъ собою, а столъ Казановичъ имѣлъ переслать въ Глуховъ. Поехалемъ зъ Гадяча до Розбишовки, год. 2 ехалъ, а миль 2 добрихъ, зъ Розбишовки болшъ милѣ до футора моего Артополотского, где и заночовалемъ. Тутъ у футорѣ отъ дворника увѣдомился, что староста Сухон., зъ виправи едучи, забралъ отсель масла дѣжечокъ 5, а шестой гладушъ, сира 7 дѣжечокъ, вовни рунъ 50, а ярочей рунъ 27, гусей 5, воловъ 2 кривихъ, валаховъ 10.

Суббота. 16. День былъ отчасти похмурний, холодний безъ великого вѣтру, ночъ хмарна зъ отлигою и дожчемъ, къ свѣту холоднѣй и зъ снѣгомъ невеликимъ. Поехалемъ рано зъ футора своего и пріехалемъ на обѣдъ въ Роменъ, засталъ матку и братовъ Семена, и Марка, и Луку, и братовую при добромъ здоровю. Кровъ пускалемъ банками и у лазнѣ милемся.

Неделя. 17. День былъ холодний, хмарний изъ снѣгомъ, за полдень ишовшимъ, къ вечеру хмарно зъ отлигою, ночъ сперва хмарна, потомъ свѣтла, тиха и холодна. Въ Ромнѣ на службѣ билъ и отобѣдалъ зъ родителкою и братами, а потомъ отехалъ и пріехалъ на ночъ въ Смѣлее, где и переночовалъ у Греся.

Понеделокъ. 18. День былъ свѣтлій, тихій, но холодний, ночъ такова жъ весма. Рано зъ Смѣлого вставши, поехалемъ черезъ городокъ до слободи Чернецкой около 3-хъ миль, ехалъ близь 3-хъ часовъ, оттоль до Грузкой болше 2-хъ миль, а ехалъ болшъ 2-хъ часовъ, отъ Грузкой до Хижокъ, на Духановку, полъ 3 часа, а въ Хижкахъ обѣдалъ. По обѣдѣ, черезъ Сеймъ перевюзшись, до Каменя, зъ Каменя пріехалемъ до Воргла, до п. Стефана Миклашевского, у которого вечералемъ и ночовалемъ. Человѣкъ его, повернувшійся зъ Астраханѣ, Зѣнко сказивалъ мнѣ, что мой Остапецъ пьетъ, что 50 р. заплатилъ нѣякомусь человѣку, а Рудкову 20 р. моихъ денегъ, да за табакъ якоби взяли 150 р. и отдалъ оніе Гаврило князю Уракову, а гор. цѣла. Осипъ Несторовъ, посадскій царичинскій, у которого Остапъ поскладалъ де що свое.

Вовтор. 19. Морозъ. День былъ свѣтлій, тихій, але зъ морозомъ великимъ, такъ что въ первое грязь замерзла и здержала на себѣ коней и вода по ставкахъ по берегахъ постиналася, ночъ тожъ тиха и гараздъ холодна. Поехалемъ рано зъ Воргла, а пріехалемъ передъ обѣдомъ въ Глуховъ, где заехалъ до пана гетмана и тамъ, отдавши пункта рѣшителніе, данніе мнѣ отъ генерала Девейзбаха, обѣдалъ и по обѣдѣ билъ у п. Михайловой, которую тожъ безъ поправи болную засталъ и отехалъ въ свой домъ, где родителя уже не засталъ, отехавшого въ Роменъ вчорайшого дня. Посѣщали насъ сестра Чарнишева и Мануйловичева, асаулка енер.

Середа. 20. День и ночъ были свѣтліе, тихіе, холодніе зъ болшимъ отъ вчорайшого морозомъ. Рано ездилемъ до гетмана, где дочъ умершую Горленка Андрея погребли. Обѣдалемъ въ дому, по обѣдѣ былъ у Тургенева и Воейкова, а обѣдали съ нами сестра Чарнишева, Кондзеровская, Гапка и Голубиха.

Четвер. 21. День и ночъ были такіе, якъ и вчорайшіе. Рано была у мене сестра Чарнишиха, а я по обѣдѣ ездилъ до Красной Горки, также до Никифора Іванов. Львова, подполковника.

Пятокъ. 22. День былъ также свѣтлій, тихій, холодній зъ морозомъ и ночъ такова жъ, а после полночи захмарило, якобы на снѣгъ къ свѣту. Панъ гетманъ заболѣлъ на констипацѣю, которую докторъ улѣчилъ Бокъ. Пріехала виправа Сухоносовская и съ нею стар. Сухонос. Демянъ и Ярема, а привезли зъ Сухоносовки габелковъ 10, шкуръ товарачихъ стар. 6, шкуръ конскихъ 4., вовни бѣлой стар. 164, вовни чорной стар. 154 рунъ, вовни чорной ярачой рунъ 68, а бѣлой ярачой 63, шкуръ овечихъ 18, масла дѣжечокъ 8, сира кадовбовъ 4, гороху тамошнихъ луб. четвер. 4, соли бочку; а зъ Перервинець: вовни, бранки осѣнной, рунъ 156, вовни весняной, бранки жъ, 160, овчинъ чиненихъ 10, дойва: масла дѣжокъ 3, а сира 3; зъ футора Артополотского вовни чорной, старой, рунъ 52, вовни бѣлой, старой, рунъ 28, чорной ярачой вовни 38, бѣлой 59, масла фасокъ 5 и гладушъ, сира дѣжечокъ 7; да староста Перервинскій листомъ своимъ зъ Яремою показалъ, что за разданную имъ и шинкарами гроши, учинилъ онъ сѣна скиртъ 34, по 100 копиць, а Ярема уробилъ сѣна, за 30 р., скиртъ 16, по 100 копиць, пашнѣ зняли съ поля жита 25 коп., гречки 40, пшеницѣ 13 коп., ячменю 40, овса 93, а на пріидучій годъ посѣялъ 13 четвер. Луб.

Суббота. 23. День былъ хмарний и ночъ зъ малою отлигою, якоби на снѣгъ, а не на дожчъ. Ездилемъ въ городъ до Тургенева, оттоль до гетмана, которого не видѣлъ за болезнію его, а въ обозного енерелного именинника обѣдалъ зъ протчіими персонами і подпіяхомъ, оттоль заездилемъ до Львова, а въ него посидѣвши повернулся назадъ.

Неделя. 24. День былъ хмарній, тихій, але холодній и ночъ такова жъ. Рано у гетмана былъ, которого не видѣлъ за болезнію. По службѣ обѣдалъ у обозного енералного за его нинѣшнее тезаименитство и позно оттуду поехавши, заехалемъ до Львова и въ него посидѣвши, повернулся домой.

Понеделокъ. 25. День и ночъ таковіе жъ были, якъ и вчора зъ морозомъ. Ездилемъ въ судъ за дѣломъ сестри Чарнишевой зъ Кропоткинимъ княземъ и, прочитавши тое дѣло, по которому правитъ на ней 1643 р., упросилемъ Хрипунова объ отсрочки на неделю понаровить ей сестрѣ. Принесенъ указъ правителствующаго сената до полковника Тургенева, октовр. 12-го зъ Москви отпущенний, въ якомъ показано, дабы индукту дать малороссиянамъ въ откупъ, виключя грековъ и руских. У п. Михайла дочъ Анастасія маленкая умре отъ оспи и погребли оную у церквѣ Николая св.

Вовтор. 26. День были хмарній, але холодній, ночъ свѣтла, тиха, зъ морозомъ. Подалъ я чолобитную въ к—рію минѣстерскую о индуктѣ, чтобъ мнѣ оная отдана въ откупъ, а я наддалъ надъ наддачу Гудовичеву 300 р. Обѣдалисмо у Тургенева обозній, судія, асаулъ и Турковскій и господа великорос. У вечеру заездили ко мнѣ капитанъ Воейковъ и Топѣлскій секретаръ.

Середа. 27. День былъ свѣтлій, холодній, тихій и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ жена поехала въ Роменъ. У вечеру ездилемъ въ городъ до Лвова въ дѣлѣ сестри Чарнишевой.

Четвер. 28. День былъ похмурний, но холодний, ночъ свѣтла, тиха, но холодна. Торгъ чиненъ былъ объ индуктѣ, которую виторговалъ себѣ Петро Турнавіотъ за 20 тисячъ рублей наддачѣ надъ прежную суму 1302 р. 48 копѣекъ. Обѣдалемъ въ дому; Тургеневъ картузъ табаку, а Турнавіотъ око дарили. У вечеру былъ я у Мякинина и Турковского, также на пастовнику у сестри Чарнишевой и у Чуйкевича Ѳедора. Далъ писмо на себе Петро Стерѣевичъ о небранню индукти съ моихъ промисловъ.

Пятокъ. 29. День былъ отчасти вѣтрянъ и отчасти хмаренъ, але холоденъ, такова жъ и ночъ. Рано сторжился я зъ расколщикомъ зъ слободи Радулѣ на 12 подводъ до Кролевца [1]), зимнего пути, по 12 р., а оттоль по 6 р., и задатку ему 12 ефимковъ дать, далемъ Климу. Сережки рубѣновіе съ діамантами отискалемъ

---

[1]) Кенигсбергъ.

одни отъ злотника, а другіе остались. Росписки подавалисмо межи собою я и капитанъ гвардіи Петръ Петровичъ Воейковъ на 300 четвертей ржи, четверть по 24 а. поставить сеей зими. Поехалемъ зъ Глухова и пріехалемъ после полдня у Волокитинъ, оттоль на Бѣліе Береги, и тамъ перевезшись черезъ Сеймъ, пріехалъ до Ѳвѣнтовой деревнѣ (въ которой помѣщики Войновъ да Ведеринъ), отстоящой отъ перевозу въ милю невеликую, где и заночовалемъ.

Суббота. 30. День и ночъ были таковіе, якъ и вчорайшіе. Рано зъ Ѳвѣнтовой поехавши, пріехали до Грузкой, куда будетъ миля до Ѳвѣнтовой и обѣдали, а зъ Грузкой по обѣдѣ поехавши, прибили передъ смеркомъ въ Смѣлое и стали у Ѳрека. Отдохнувши часовъ зъ 3, поехали и пріехали въ Роменъ ополночи, ехалъ часовъ 4.

Неделя. 31. День былъ свѣтлій зъ неболшимъ вѣтромъ, холодний и ночъ такова жъ. Засталемъ зде въ Ромнѣ родителей обоихъ, жену мою зъ дѣтми, брата Марка зъ братовою, здоровыхъ, а братъ Семенъ виехалъ у четверъ зъ веселною кампанѣею въ Прилуку и съ нимъ сотникъ Роменскій, протопопъ и швакгеръ Якимъ Троцкій.

М-ць Ноеврій. Понеделокъ. 1. День былъ свѣтлій, погодній, холодній, вѣтрянъ отчасти, ночъ холодна жъ, свѣтла, безъ вѣтру однакъ. Обѣдалисмо въ дому родителскомъ, по обѣдѣ картами забавлялисмося. Овса 5 мѣховъ купилемъ, мѣхъ по 8 копѣекъ. Парасковя Даниловна Апостоловна, жена брата п. Михайла Скоропадскаго, 24 недели болѣзновавшая, противъ вовторка въ ночѣ умре и погребена въ Глуховѣ у церквѣ ст. Николая, въ склепу.

Вовтор. 2. День былъ хмарний зъ вѣтромъ полуденнимъ да холоднимъ, ночъ хмарна жъ безъ таковоого жъ вѣтру, да холодна. Братъ Семенъ зъ невѣстою своею, дочеру Якима Горленка, хоружого енералного, дѣвицею Зѣновіею, пріехалъ въ Роменъ, которого я зъ тіоткою п. Павловою стрѣтилъ и веселний актъ его сей совершился теперъ и мы за полночь прогуляли и съ нами маіоръ Якобѣй и проч. Риби вялой купили линовъ голова 1 р. и 30 к., лящовъ вялихъ голова 1 р. и 20 к. за два дроби соли, вѣсу въ нихъ пудъ 13 фунт. 35, а пудъ по 28 к., итого 3 р. 74 к. Пушечку зъ кресивомъ 4 а. (?) попонъ на конѣ 4 по 40 а., итого

4 р. 80 к. За 20 локоть таѳи 6 р. 40 а. а локоть по 16 шаг. Парґаменту полъ 2 золотника, 15 а., чулокъ пара 20 а., за вина квартъ 15, а кварта по 2 а., далъ 1 р. 5 к. Хутро песковое шлемовее 11 р. и 50 к.

Середа. 3. День и ночь были хмарніе, тихшіе и теплѣйшіе зъ отлигою. Сегодня веселніе члени поехали перезвою, а мы обѣдали зъ род., а по обѣдѣ были у мене Столповскій и Булавкинъ. Турґеневъ пріехалъ въ Роменъ и сталъ у сотника Роменскаго, куда я ходилъ и, посидя доволно, повернулся въ домъ.

Четвер. 4. День и ночъ были противъ вчорайшихъ сходни, толко зъ болшимъ вѣтромъ полуденнимъ. Сватъ Якимъ Горленко, хоружій енер., зъ женою, обозній прилуцкій и Милорадовичъ зъ женою пріехали въ Глуховъ и съ Турґеневимъ обѣдали и подпивали. Увѣдомились ми о смерти п. Михайловой, позавчора умершой.

Пятокъ. 5. День былъ хмарній зъ отлигою знатною, у вечерѣ дожчъ и въ началѣ ночи, а потомъ хмарно зъ единакимъ же воздухомъ. Пріехалъ полковникъ ахтирскій Лесевицкій, который зъ хоружимъ енер. и протчими обѣдали зде у родителя и подпивали. Івану Кучеровскому за дриґанта буланого 6 ефимковъ, а 9 доплачу.

Субота. 6. День былъ хмарний, очинь вѣтряний зъ мокротнимъ воздухомъ въ началѣ ночи. Дожчъ силний ишолъ, передъ полноччю перестатъ, а хмарно до свѣта. Обѣдали веселніе гости и Турґеневъ, у вечеру ездилъ я до Турґенева, а оттоль до свата хоружого енер., съ которимъ и простился. Заплатилемъ брату за коня вороного 10 ефимковъ, Марку. Далемъ музицѣ 5 р. за труди.

Неделя. 7. День былъ вѣтрянъ зъ перемѣною воздуха и почасти свѣтелъ, ночъ свѣтла зъ морозомъ и тиха велми. Передъ свѣтомъ веселніе свати всѣ поехали во свояси, а у насъ обѣдалъ полков. ахтирскій Лесѣвицкій, по обѣдѣ у вечеру ездилъ я до Турґенева. Купили ледянки соли пудъ по 15 да по 14 шаговъ, а пудовъ 14, да кримки соли полъ 3 бочки, бочка по 6 р., а полъ бочки за 7 зол., да виризубовъ 30, по 5 коп. вирозубъ, да вина волоского 21 кварта по 2 а., да обротей 10, 10 полругъ, да 15

торбъ волосяныхъ, спалня лазебная 15 а., панюй чулки 50 к., цукру ліодового фунт. 8 —2 р. 40 к., риза паперу 1 р. 5 к.

Понеделокъ. 8. Снѣгъ и дорога санная первая. День былъ свѣтлій, тихій, къ вечору воздухъ перемѣнился, но вѣтеръ полунощний. Черезъ всю ночъ снѣгъ въ первое пошолъ и покрилъ землю гараздъ, что и санками ездили люде. По службѣ зайшли до насъ Турgеневъ и полковникъ ахтирскій, которій и обѣдалъ у насъ, а Турgеневъ отехалъ въ Глуховъ. По отходѣ полковника, асаулъ полковий ахтирскій Боярскій со мною и швакгромъ Троцкимъ переглядали вещей, за братовою покойною п. Семеновой даннихъ. Старости оба пріехали сюда, зъ которихъ Сухоносовскій привезлъ 21 р., а 9 р. нѣтъ. Такъ же мужикъ Сухонос. Дядя привезлъ 27 р. зъ залишкомъ, оставшихся отъ куплѣ воловъ, а воловъ купилъ 22 за 71 р.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій, холодній зъ морозомъ и тихій до вечора, а въ ночѣ отлигло, къ свѣту снова морозъ. Рано я, а потомъ родитель ездилъ до полковника ахтирского, зъ которимъ постановили такъ, чтобъ онъ вещи покойной п. Семеновой принялъ до себе, до возраста унука Івася, якимъ вещамъ положена цена теперъ взятимъ 900 р., а прежде оставшимся тамъ 500 р., якіе вещи и отобралъ повѣренний отъ него писаръ полковий Алексѣй Кобилецкій, а онъ отъ себе писмо далъ полковничее и роспиcку. Орановскій попъ и другій попъ Свѣтъ пріехали и съ нами ужинали.

Середа. 10. День былъ съ морозомъ, а между тимъ и зъ отлигою и съ перемѣною воздуха, а особливе въ ночѣ отлига и снѣгъ зъ дощемъ ишолъ, до свѣта самого. У gрека Димитрія, по писму, данному мнѣ отъ войта Нѣжинского, взялъ парчу золот. по 8 р. локоть, локоть 13 одной, а другой 26, итого 39 локот., а прикупили локоть 1 до 13 локот.

Четвер. 11. День былъ увесь мокрий, понеже дощъ ишолъ до ночи, а въ ночѣ снѣгъ доволний зъ вѣтромъ холоднимъ и морозъ. Поминаніе было о умершихъ и потому обѣдъ попамъ и дякамъ имѣлся зде, зъ которими родитель и я обѣдали. Старости отправлени въ доми Сух. и Пер., приказано первому: 1) за 9 р. и 7 к.

и за 4 р. итого за 13 р., возовъ спорадить 10 воловихъ и 60 колѣсъ: 2) о коняхъ; 3) о горѣлцѣ, чтобъ безъ перериввки; 4) о присилкѣ теперъ сюда 10 воз. вол., для отвозу ганишу и проч. А Перерв. 1) о станѣ, чтобъ зняти помостъ и тамъ конѣ ставить; 2) трохъ четвертаковъ взять на станю; 3) дрикгантовъ укривать, чесать и въ неделѣ разъ мить; 4) о присилкѣ 50 кущовъ персика.

Пятокъ. 12. День былъ холодній, хмарній, а у вечеру еще снѣгъ и черезъ ночъ всю ишолъ. Сегодня заплатилъ жидамъ за мѣдь 3 пуда по 8 р. и по 70 к. 13 червонихъ и 22 к., за таеи 16 локоть, локоть по 16 шаг., 5 р. и 12 к. да за парчю золот. локоть 8 ф. Жена зъ медіяни кровъ пускала для дихавичной своей болезни.

Субота. 13. Санная дорога. День былъ холодний, воздухъ полнощний зъ вѣтромъ и зъ снѣговою метелицею, а смеркомъ пересталъ ити, ночъ холодна жъ зъ морозомъ и вѣтромъ. Обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ родители обое поехали въ Бубни, а мы остались и ночовали.

Неделя. 14. День былъ тихій, холодній, хмарний почасти, а почасти свѣтелъ, ночъ хмарна и тиха, зъ переходомъ вѣтру отъ полунощи на полудень. Рано віехалисмо зъ Ромна мы обое зъ дѣтми и братъ Семенъ зъ братовою и пріехали саннимъ поездомъ въ Бубни на службу, а ехали часовъ 2; по службѣ зъ родителми, зъ братомъ Семеномъ и братовою и швакгромъ Троцкимъ и сестрою обѣдалисмо у отца Павла Свѣта, у котораго были крестини дочери его Маріи, воспріемники были Ѳедоръ Заборовскій да матка. Алексѣй Полуденскій оставленъ въ Ромнѣ смотрѣть оставленного тамъ ганишу 110 пуд. и 13 фунт. и протчіихъ рѣчій, о которихъ зде приложенъ реестръ, ему жъ въ запасъ далемъ 10 червонныхъ, если трафится купить ганишъ по 22 а., а не болшъ.

Понеделокъ. 15. День былъ зъ отлигою и зъ невеликимъ снѣгомъ, хмаренъ, тихъ, такова и ночъ. Рано до обѣда у Бубнахъ пробавилисьмо и обѣдали зъ родителми, братами и Троцкимъ. А по обѣдѣ родитель поехалъ на Курени, а мы, отклонясь матцѣ, поехали до Федора Заборовского въ Глобувку, где ихъ дворъ и млинъ

на рѣчцѣ Ромнѣ, отъ Бубновъ назадъ къ городу Ромни имѣется оний футоръ и будетъ верстъ зъ 3. Пріехалисмо туда у вечеру и видѣлъ я велми утѣшний способъ ловлення рибъ, а именно: болшіе коши понижше лотоковъ при колесахъ ставляютъ, у которіе риба отъ придухи ради свѣжей води идетъ, и когда пріидетъ къ лотокамъ, то уже тамъ вода импетомъ своимъ женетъ оную внизъ къ кошу и за еднимъ разомъ черезъ нѣсколко часовъ, поставленъ билъ кошъ, который когда витягли, то до килкадесятъ разной величини щукъ живихъ налѣчилось. Тутъ оставили станокъ съ колесами отъ спалнѣ. До Димитрія Грека, индуктора, зъ Бубновъ пославемъ черезъ нарочного его посланного копію обовязателного писма Стериевичевого (Тернавіота) за рукою моею.

Вовтор. 16. День былъ и ночъ весма зъ вчорайшими сходніе, толко вѣтеръ силнѣйшій мало отъ полуденной сторони. Рано вставши, зъ Глобувки уехали верстъ зъ 3 до села Мокѣевки, а оттоль зъ милю до Хмеліова, а зъ Хмеліова до Смѣлого, где у Якова Дуброви становиско и обѣдъ имѣли. А по обѣдѣ уехали миль 2 до слободи Черноцкой манастира Печерского, где у дворцѣ стали и ночовали.

Середа. 17. День былъ сперва съ отлигою, а къ вечеру и черезъ ночъ свѣтло, и морозъ безъ вѣтру, а отъ полночи отлига знову и хмарно. Поехали ми рано зъ слободи и уехали болше 2-хъ миль до Грузкой, а отъ Грузкой милю добрую до Свѣнтовой, где и обѣдали, куда тамошній помѣщикъ Петръ Войновъ приходилъ ко мнѣ. По обѣдѣ, увѣдомившись ми, же невозможно на Сеймовий перевозъ ехать, за тимъ что сталъ Сеймъ, да еще не ездятъ черезъ его, поехали зъ Свѣнтовой до Путивля, куда будетъ зъ Свѣнтовой до греблѣ на Сейму верстъ зъ 7, до Вязюнки, где и ночовали у чернецкомъ дворѣ, а чернецъ билъ монахъ монастира Петропавловского Сидоръ стар.

Четвер. 18. День былъ зранку хмаренъ и холодноватъ, зъ полудня тепловатъ и стало роставать; до вечора ночъ свѣтла зъ приморозкомъ. Рано зъ Вязюнки поехали до Холопкова села миль 2 среднихъ, оттоль до футора нашего Калюжновского верстъ зъ 5,

зъ футора до Сваркова столко жъ, пріехавши мы и обѣдали, а по обѣдѣ на ночъ въ Глуховъ.

Пятокъ. 19. День былъ по болшой части и свѣтлъ, и теплъ и знатно роставало. Ночъ свѣтла зъ силнимъ морозомъ. Рано я ездилъ въ городъ до брата п. Михайла, зъ которимъ доволно посидя и поплакавъ о печали его, повернулся въ домъ и засталъ родителя пріехавшого. Жита купилисмо четвериковъ глух. 23 и 2 четвертини, платилъ Климъ денгами, отъ Тараса и Забари взятими (и отъ Карабута и Сиваченка отобранними, четверикъ по 5 коп. зъ 6 к.).

Субота. 20. День былъ сперва холоденъ, потомъ теплъ и роставало къ вечеру и въ ночѣ, которая была зъ вѣтромъ, морозъ. Рано у п. Михайла, у гетмана, обѣдали у себе, у вечеру въ лазнѣ мился. Царевна Параскевія Івановна, преставлшаяся въ прежнемъ м—цѣ, погребена у Вознесенскомъ монастиру.

Неделя. 21. День былъ и ночъ сходніе во всемъ вчорайшимъ, толко вѣтру не было и морозъ болшій гараздъ въ ночѣ, а въ день таяло. Обѣдалисмо всѣ и родитель у гетмана, я у вечеру заехалъ до Турgенева, где засталъ подпилихъ многихъ гостей: Топѣлского, Ма.... и проч., зъ которими и я тягнулъ. Оттоль заехалъ до Воейкова и, тамъ посидя, повернулся въ домъ шуменъ.

Понеделокъ. 22. День былъ хмарний, але холодний, безъ отлиги, ночъ зъ вѣтромъ холоднѣйшая. Купили жита 25 четвертинъ и осмину, а Климъ платилъ по 2 р. 53 к. Обѣдалисмо въ дому, у вечеру протопопъ здешній пріездилъ.

Вовтор. 23. День и ночъ во всемъ прежнимъ и вчорайшимъ сходніе. Обѣдалемъ сегодня зъ родителемъ у пана гетмана, а по обѣдѣ просидѣлъ у брата п. Михайла до вечора и повернулемся домой позно. Поминали п. Михайлову, которой третини преставленія.

Середа. 24. День былъ зъ отлигою и съ полдня снѣгъ ишолъ до вечора и въ ночѣ, а пересталъ ити передъ полноччю и къ свѣту морозецъ. Праздновали сей день тезоименитства царевни Екатерини Іоанновни и обѣдали многіе у пана гетмана и подпіяхомъ, у вечеру заездилемъ оттоль до Турgенева, а оттоль до Федора Савича, гдѣ просидѣлъ зъ Петромъ Кулябкою.

Четвер. 25. День былъ зъ морозомъ, ночъ холоднѣйшая, хмарніе и тихіе. Рано проездился на Красную Горку и до млина Радіоновского, обѣдалемъ въ дому, а у вечеру ездилъ до п. Михайла и тамъ просидѣлъ долго въ ночъ. Данченко, полк. стар. козакъ, пріехалъ съ Москви и привезлъ указъ, чтобъ въ обидахъ отъ архиерея Чер. розискивать полковнику нѣжинскому Хрущову, да другому въ товарищахъ зъ полковой старшини, а зъ духовенства ігумену Николского монастира кіевского Волчанскому, и архидіякону кіевскому жъ Трофимовичу, а ему жить въ Кіеви до окончанія розиску. Другій указъ прежде присланъ, чтобъ зъ корпуса Мекленбурского виключить поляковъ и малороссіянъ, а еднимъ мекленбурцамъ получать провіянтъ и фуражъ безденежно, а вибраннихъ не мекленбурцовъ въ армею розобрать. Панъ гетманъ далъ мнѣ слѣдствіе, у Стар. полку, въ сотнѣ погарской, учинившееся, что Исай, намѣсникъ Чолнского монастира Кіево-Печерской Лаври, на погарскихъ ґрунтахъ слободу заводитъ.

Пятокъ. 26. День былъ и ночъ сходніе вчорайшимъ, толко вѣтеръ полуденний болшій показался у вечеру. Отъ сестри Чарнишевой пріехалъ Старжинскій зъ тимъ, что въ дѣлѣ князя Кропоткина, которого зде въ повѣренныхъ маіоръ Хрипуновъ ходитъ, посланніе порутчикъ Белянкинъ зъ 9 человѣками солдатъ, да Іванъ Пироцкій, пріехавши въ село Подоловъ, въ дворъ ея, сестринъ, арештуютъ все ея имѣніе и Дяковского, также и Старжинского били, отъ которого составленна челобитная давана имъ была и непринята, якую я черезъ Тараса посилалъ въ судъ енер. и тутъ непринята. Юско зъ другими служками послани въ Роменъ на 10 возахъ и съ ними до Алексѣя 80 р. да 40 ефимковъ для куплѣ ганишу и тютюну, а Юскови на дорогу далемъ рубля. Писалемъ до родителки и п. Марка и приказовъ два далемъ Алексѣю и Юскови.

Субота. 27. Морозъ. День былъ хмаренъ зъ морозцемъ, ночъ силна (?) зъ силнимъ велми морозомъ и таковий морозъ впервіе показался; толко безъ вѣтру. Сторжился я и родитель зъ сѣвскими посадскими на жито, чтобъ имъ поставит ь300 четвертей въ Кро-

левцу, по 25 а. по 2 к., а 300 четвертей тулиг. по 24 а. и по 2 к., и задатку у мене взяли 60 р. Обѣдалисмо зъ родителемъ у гетмана, где челобитная сестри Чарнишевой въ нуждѣ еи отъ посланнихъ зъ суду чинячихся принята, а я у вечеру составлялъ унѣверсалъ въ судъ по тому дѣлу.

Неделя. 28. День былъ свѣтлій зъ жестокою стужею и ночи половина болшая такова жъ, а къ свѣту стало хмарно и малая отлига показалась. Составилемъ унѣверсалъ въ дѣлѣ сестри моей Чарнишевой, зъ которимъ до п. Михайла ездилемъ, а оттоль до п. Ѳедора Савича, гдѣ гетманъ, п. гетманова, род., старшина енер., Воейковъ и проч. обѣдалисмо и подпіяхомъ, тутъ я въ розговоръ въ дѣлѣ Чарнишевой зъ Лвовимъ уступилъ необичайний.

Понедел. 29. День былъ зъ единокою отлигою малою, по обѣдѣ стало вияснюватись, ночъ болѣе ясна, нѣжели хмарна и воздухъ неотмѣнний. Проежджалемся по вчорайшомъ хмелю. Обѣдалисмо у себе, у вечеру знову ездилемъ до п. Стефана Миклашевского, оттоль до Воейкова капитана, гдѣ просидѣлъ долго у ночъ. Вѣжевскій шинковнихъ денегъ своего збору отдалъ 5 р. Климъ да Вѣжевскій зговорились зъ ґрекомъ и наняли въ городѣ склепу половину, хати и лїодницу на годъ за 21 р., а вимовили то, чтобъ ему мое вино нѣмецкое шинковать, также у склепу класть що потреба будетъ.

Вовтор. 30. День былъ хмарній, але холодний, ночъ мало свѣтлѣйшая, но холоднѣйшая. Рано были у гетмана передъ службою и по службѣ, а обѣдали у себе зъ род. и у вечеру никуда не ездилемъ.

Декавр: м-цъ. Середа. 1. День былъ свѣтлій зъ морозомъ жестокимъ, такова жъ и ночъ была. Купили родитель и я штуку бѣлой зъ сребромъ матеріи, локоть по 12 зол., а сколько локоть я не мѣрилъ, а купили у Юрія ґрека Ɵуґи. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла, зъ которымъ посидѣвши въ ночъ, повернулемся позно въ домъ свой. Увѣдомилемся отъ п. Михайла, что до суду енер. посиланъ былъ канцеляристъ за дѣломъ Кочубея взять оное зъ суду до гетмана, толкожъ Лвовъ подполков-

никъ, присядящій судови, не видавши самъ зъ п. обозним енер. и судею приносилъ, которие когда приказалъ онъ предъ гетманомъ честь, а п. Михайло вступилъ въ розговоръ зъ гетманомъ, чтобъ оно все, а не виписка, было принесено и оставлено для вящшого разсмотренія, онъ, разсердясь, ухватилъ дѣло зъ рукъ канцеляристи и пойшолъ домой. Да онъ же Холодовичу, канцеляристѣ, посиланному рано зъ унѣверсаломъ въ той же судъ въ дѣлѣ сестри Чарнишевой, жеби ей собственного имѣнія не арештовать, сказалъ, хвалячись оную въ турму посадить, а на унѣверсалъ отвѣтствовать отложилъ до завтрейшого дня.

Четвер. 2. День былъ тихій, холодний, хмарний зъ снѣгомъ, ночъ такъ же холодна зъ вѣтромъ и свѣтла. Обѣдалемъ у гетмана, сидѣлемъ у п. Михайла, заездилъ до Турgенева и, заставши его сонного, повернулемся въ свой домъ. Купилемъ бѣлой матеріи зъ сребромъ полъ 12 локтя по 12 зол. у Юрія Gygи.

Пятокъ. 3. День былъ тихій, холодній, хмарний отчасти и ночъ такова жъ. Юрію Gygѣ и Петракію, зятю Мойсѣя Новицкого, асаули пол. нѣжинского, позичилемъ 339 червон. иноземскихъ, а срокъ отдачи декавр. 1-го 1732 году, которіе и карту дали на себе. Далемъ Івановнѣ, при Климу, ефим. 200 розмѣнять по 1 р. и по 4 к.

Субота. 4. День былъ хмарний зъ доволнимъ снѣгомъ, ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у пана гетмана, а по обѣдѣ, по злеценню гетманскомъ, допрашивалъ я зъ Турковскимъ и бунчучнимъ Борозною Демяна Оболонского, Мануйловича и Ладунку, канцеляристъ судовихъ, въ показаннихъ на ихъ взяткахъ отъ Лисовской и сина ея Димитрія. Зъ суда енер. прислано доношеніе къ гетману отвѣтное на унѣверсалъ, которий въ оний судъ посланъ по дѣлу сестри Чарнишевой, что ея имѣніе заарестовано за долгъ мужа еи Чарниша, въ иску князя Кропоткина.

Неделя. 5. День былъ хмарний зъ доволною метелицею, особливе около и после полдня. Ночъ была хмарна, але холодна. Воейкову капитану во первихъ далемъ 16 р. за подрадную рожъ 300 четвертей, которую онъ мѣетъ зде мнѣ поставить въ Глуховѣ,

а четверть по 24 а., въ якихъ денгахъ онъ и росписался. Обѣдали у насъ Турgеневъ, Воейковъ и Топѣлскій, у вечеру былъ швакгеръ Яковъ Полуботокъ и тіотка Кондзеровская. Сеей ночи повезено Танского, пол. Переяслав., въ Москву.

Понедел. 6. День былъ хмарний, потомъ свѣтелъ и ясенъ, знову хмаренъ, ночъ хмарна зъ силнимъ вѣтромъ полуденнимъ и зъ снѣгомъ. Обѣдалисмо у пана гетмана, откуду домой повернулемся, где черезъ новихъ Луб. завѣдовцевъ получилемъ зъ Ромна и отъ Столповского писма зъ приложеннимъ переводомъ g.... (?) Яворского. Увѣдомилемся, что по новомъ опредѣленію ея в-ва состоялся указъ бить указному числу генералитета и что въ низовий корпусъ опредѣленъ gрафъ Дуклясъ, генералъ-поручтикъ.

Вовтор. 7. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарний зъ отлигою, ночъ ясна зъ морозцемъ. Сегодня обѣдалемъ у гетмана, по обѣдѣ отехалемъ домой, а у вечеру знову билъ у п. Михайла и просидѣлъ у него до полночи, исправляя унѣвер. въ судъ за сестрою Чарнишевою. Сегодня допрашивать отставили канцеляристу Оболонского и проч., за взятки, а Лисовского на завтрейшій день.

Середа. 8. Снѣгъ стаелъ. День таковъ билъ, якъ и вчора, ночъ хмарна зъ долгимъ дожчемъ, полуденний вѣтеръ. Сегодня Лисовского Димитрія допрашивали бунчучний и я о взяткахъ канцелярійскихъ, и Львова. Обѣдалемъ у п. гетмана, сидѣлемъ у п. Михайла и повернулемся домой.

Четвер. 9. День и ночъ были почасти свѣтли и почасти хмарни, толко жъ день зъ отлигою, а ночъ зъ морозцемъ, около полночи и къ свѣту морозъ болший. Обѣдалисмо у гетмана, а по обѣдѣ ездилемъ до архимандрита Троецкого Чернѣговского зъ швакгромъ п. Яковомъ, а оттоль до Воейкова Петра, гдѣ просидѣлемъ долго зъ родителомъ. Вчорайшого дня пріехавший сюда миргородскій Остроградскій безносий зъ синомъ, которихъ велено висилать въ Москву, обѣдали у столу.

Пятокъ. 10. День былъ погодний, тихій зъ сухимъ морозомъ, ночъ свѣтла зъ болшимъ морозомъ, а къ свѣту жестокій морозъ.

Сей день пробавилисмо, читаючи дѣло п. обозного енер. зъ архимандритомъ Троецкимъ Чернѣговскимъ.

Субота. 11. День былъ зъ жестокимъ морозомъ, сухій, свѣтлій и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо у гетмана, слухали дѣла Лисовскихъ и допрашивали канцеляристъ бунчучний и я. Купилемъ злотоглаву бѣлого зъ зеленимъ 27 локоть, по 12 зол., да дуклѣ 20 локоть, по 75 копѣекъ.

Неделя. 12. День и ночъ были зъ жестокимъ морозомъ, противъ вчорайшихъ свѣтліе и тихіе. У гетмана по службѣ при Турґеневу, Воейкову, Топѣлскому, обозномъ енер., асаул. Мануйловичу, Турковскомъ, Шпешаку, Тройнѣцкомъ, Лебедеву, Алекс. Арсеніеву бранились ми зъ Львовимъ, онъ сказалъ лгалъ [1]) и проч., что я ему взаемне отказивалъ. Обѣдалемъ у гетмана, а у вечеру сидѣлъ долго у обозного енер. зъ бунчучнимъ и Мировичемъ.

Понеделокъ. 13. День былъ свѣтелъ зъ жестокимъ морозомъ и тихъ, у вечеру снѣгъ невеликій, толко жъ холодно, ночъ была зъ малою отлигою. Рано былъ я у гетмана, а обѣдалъ въ дому зъ родителемъ, жена на пастовнику зъ сестрою Чарнишевою. У вечеру былъ я у Воейкова и у жени его.

Вовтор. 14. День былъ хмарний зъ невеликимъ снѣгомъ, ночъ хмарна жъ, однако жъ холодна. У ґрека другого взялъ я полъ 13 локтя златоглаву по 12 зол. и платить отсрочилъ на долшое время. Поминаніе сорочинное о п. Михайловой было и ми обѣдали у гетмана, а у вечеру ездилъ я до обозного енер. и, посидя, повернулся назадъ въ домъ свой. Юско пріехалъ и привезлъ оставленніе въ Ромнѣ станки, такъ же соли куфу, риби, вялую осятрину, вирозуби солоніе и меду полъ 2 вѣдерка. Подалемъ явочное челобитте гетманови въ безчестіи моемъ, отъ Львова показанномъ.

Середа. 13. День и ночъ были сходніе во всемъ вчорайшимъ. Капитану ґвардіи Воейкову другимъ разомъ далемъ 84 р. да 8 р., итого всѣхъ далемъ половину денегъ за жито, а именно 108 р.,

---

[1]) Въ изданіи 1859 г. напечатано—*лжешъ*, но кажется, что слѣдуетъ читать—*лгалъ*.

а жита его теперъ подводи первимъ разомъ привезли четвертей 86, въ чомъ я и онъ росписалисмося. У судѣ енер. Львовъ салдата на мѣстѣ жолдака поставилъ, бодто для своей якойся безпечности, а унѣверсала гетманского въ судѣ не принялъ. Обѣдалемъ зъ п. Михайломъ и у вечеру просидѣлемъ долго съ нимъ. Получилъ писмо зъ Астраханѣ отъ Остапа Свѣтака, въ якомъ обявляетъ о себѣ и что отправились сюда зъ денгами Андрей да Гаврило оттоль, а вина ведро по 1 р., а ручка тютюну по 3 к. продани, а отправились октовр. 28 дня. Капитанъ Воейковъ и секретаръ Топѣлскій поехали въ Переяславль розискивать объ обидахъ, полку тамошнему починеннихъ отъ Танского Переяславского (полковника).

Четвер. 16. День и ночъ были таковіе, якъ и вчора. Допрашивани ґрекъ Петро Полонскій и Войтенко старод. въ дѣлѣ Лисовскихъ. Обѣдалемъ у столу гетманского, у вечеру ездилемъ до сестри Чарнишевой и позно повернулемся въ домъ. У Клима отобралемъ денегъ 104 р., якіе онъ взялъ у Івановни за таляр. бит., а еще 104 у еи, да у Клима жъ отобралемъ 4 р. и 6 а., а 2 р. Петро кухаръ, якіе онъ виминялъ за ефимки и сіи у его не должни бить въ пріемъ записани.

Пятокъ. 17. День и ночъ были таковіе, якъ и прежніе. Праздновали имени(ны) гетманскіе и подпіяхомъ; у вечеру поехалемъ отъ п. Михайла зъ Іваномъ Гамалѣею ко мнѣ и, напившись у мене чаю, повернулъся онъ къ себѣ, а я спать лѣгъ. Увѣдомился я, что Голубихи Андрѣевской (изъ с. Андреевки) Кролевецкой сынъ, оженившійся теперъ, умре. Послани у Криски ревѣдовать старости Дуброва и Пѣщанскій зъ приказомъ въ 10 пунктахъ.

Субота. 18. День и ночъ было таковіе, якъ и прежніе. Не ездилемъ никуда зъ дому за вчорайшимъ хмелемъ, у вечеру толко былъ у бунчучного енер., зъ которимъ доволно посидѣвши, повернулемся домой.

Неделя. 10. День и ночъ таковіе были, якъ и прежніе. Рано зъ родителемъ ездилисмо до Турґенева, гдѣ, поговоривши зъ нимъ и маіоромъ о дѣлѣ сестри моей Чарнишевой и показавши имъ грамоту, въ которой именно означенъ Подоловъ Голубовъ, отехалемъ

до гетманского двору и службы Божой вислухавши у ст. Николая, обѣдалемъ; по обѣдѣ ездилемъ до Турѕенева и, посидя тамъ за шахматами, пріехалемъ домой позно. Увѣдомился я, что Оболонскій въ своей винѣ, что взятки бралъ, а именно 16 блюдъ циновихъ, якъ самъ показалъ, у Лисовской, прощенъ отъ гетмана, которій долго у вечеру сидѣлъ у п. Михайла, куда и я пріехалъ и сидѣлъ долго въ ночѣ.

Понедел. 20. День былъ свѣтлій, сперва зъ болшимъ отъ прежнихъ морозомъ, а потомъ хмарний и ночъ хмарна жъ, але однаково жъ холодніе. Вѣжевскій мой въ судѣ енер. далъ челобитную отъ имени сестри моей п. Чарнишевой, которого Львовъ велѣлъ посадить за караулъ и колодку збить и сидѣлъ сутки. Холодовичъ, канцеляристъ, синъ сотника Воронѣжского Холодовича, поехалъ въ Москву, черезъ которого писалъ я до сотника, чтобъ переслалъ писмо мое въ Астрахань до Остапа Свѣтака.

Вовтор. 21. День былъ сперва зъ снѣгомъ, которій вскорѣ перестала, и день и ночъ были хмарніе и холодніе. Миколай Товкаченко Крисковскій пріехалъ зъ Ѳданска, привелъ лошадей кобилицъ 2 и жеребя малое, вороніе всѣ, за 110 таляръ тамъ купленнихъ; да ѕалїонку золот. цѣвокъ 27, а тамошней ваги 30 по 5 зол., ѕалїонку сребранихъ цѣвокъ 11, а тамошней ваги 12 за 12 таляр., шовку фунтовъ 2 за 32 зол., которий привезлъ, и червон. 178. Вѣжевскій и сей день у судовой избѣ подъ карауломъ сидѣлъ.

Середа. 22. Повторний снѣгъ. День былъ холоденъ и ночъ велми, у день маленкій проривался снѣгъ, въ началѣ ночи метелиця и до свѣта. Вѣжевскимъ подалъ я челобитную гетманови на Львова и потому написано въ судъ енер. справку прислать въ енер. к-рію, почему онъ посаженъ. Миколай Товкаченко отправленъ и дано ему 4 р., киндякъ зеленый и футро сѣрое и писалъ я до Дуброви и Клима зраховать его. Вѣжевского Львовъ после справки велѣлъ солдатамъ отвесть на обвахтъ, ради которого хочай и ездилъ я до Турѕенева, однако жъ Турѕеневъ сказалъ, что къ нему писма Львовъ объ немъ не присилалъ, а по чіему приказу принятъ оній Вѣжевскій подъ караулъ, судъ завтра изслѣдуетъ.

Четвер. 23. День былъ холодний зъ метелицею снѣговою, ночъ холоднѣйшая, свѣтлая. Рано отдалемъ явочное челобитте Турgеневу о своемъ Вѣжевскомъ, а отъ гетмана писано до Турgенева о свободѣ его зъ подъ караулу, по очистки Оболонского сказкою, что за нимъ дѣла нѣтъ никакого. Пріехалъ Старжинскій зъ потретимъ писмомъ просителнимъ отъ сестри въ дѣлѣ и чтобъ его нарадить въ Москву подводою, нанявши оную.

Пятокъ. 24. День збитъ холодний, отчасти мало снѣженъ, у вечеру зъ метелицею, ночъ холодна, велми хмарна и къ свѣту метелица. Сегодня причащался я и у вечеру заходилъ до Турgенева, который сказивалъ мнѣ, что получилъ онъ листъ гетманскій о Вѣжевскомъ моемъ, къ нему писанный, чтобъ свободилъ его зъ подъ караулу и что на тотъ листъ писалъ онъ до Львова и что Львовъ отвѣтствовалъ такъ, что я де въ понеделникъ къ нему отпишу, для чего де я оного человѣка за карауломъ держу.

Рождество Х-во. Субота. 25. День былъ зъ жестокою метелицею, у вечеру потеплѣло и сталъ дожчъ ити черезъ всю, почитай, ночъ зъ силнимъ полуденнимъ вѣтромъ. Рано ездилемъ зъ родителемъ до Турgенова и гетмана после для поздравленія, у гетмана и обѣдали, у вечеру знову били у Турgенева, который сказивалъ, что Львовъ говорилъ про Вѣжевского, которого якоби для того удержалъ онъ за карауломъ, чтобъ онъ подложно зъ челобитною явился вмѣсто повѣренного Чарнишевой.

Неделя. 26. День былъ мокрій зъ уставичнимъ дожчемъ, а въ началѣ ночи снѣгъ пошолъ и примерзло къ свѣту. Сегодня били въ службѣ ст. Анастасіи, а по службѣ били у гетмана и у п. Михайла и домой пріехалемъ зарання, поигравши въ дами. Старжинскій поехалъ въ Москву зъ чолобитною отъ сестри Чарнишевой.

Понеделокъ. 27. День былъ свѣтлій зъ жестокимъ морозомъ, такова жъ и ночъ. Были у службѣ ст. Михайла, а обѣдалисмо у себе зъ род., Конзеровскою и Гапкою. По обѣдѣ впервое п. Михайло пріездилъ ко мнѣ, а я у вечеру знову у его билъ и въ дами игралъ. Увѣдомился я отъ Турgенева, что Львовъ отвѣтомъ своимъ къ нему показалъ, будто онъ не моего слугу, а Чарнишевой, Павла

Ижевского держитъ за карауломъ за подступъ у суда енер., что чужий служителъ подалъ челобитте и въ томъ порознился зъ собою.

Вовтор. 28. День былъ зъ отлигою и вѣтромъ жестокимъ полуденнимъ, а потомъ дожчъ. Ночъ зъ отлигою жъ, а потомъ стало къ свѣту примерзать. У гетманскомъ дворѣ обѣдалисмо и пломѣнникъ Сави Рагозѣнского Мойсей Івановичъ, до которого по обѣдѣ зъ п. Михайломъ ездилисмо.

Середа. 29. День былъ холодноватъ зъ морозомъ, у вечеру малий снѣжокъ, ночъ холодна жъ. Семенъ Тимофѣевъ сынъ Кишкинъ, полковникъ и комендантъ новий Глуховскій, пріехалъ съ присягами о наслѣднику, кого ея величество опредѣлитъ, чего ради гетманъ и ми вси присягали у соборной церквѣ. По службѣ обѣдали у гетмана Тургеневъ, Кишкинъ и протчіе. Сотникъ Глуховскій Федоръ Емеляновичъ отъ пуслини (водяной) умре. Черезъ Лобаса рано отправилисмо въ Москву писма до князя Шаховского и до Желяза, до которого послалъ я и штани лосиніе. Жестянку наложилемъ сахару ліодового.

Четвер. 30. День былъ холоденъ зъ ранку, снѣгъ ити началъ, а потомъ сполдня пересталъ, ночъ холодна, хмарна и вѣтряна. Отъ Желязи зъ Москви привезена мнѣ первая покупка: чайниковъ 2 за 20 а., да осятеръ 1 за 30 а., да каваяру 10 фунт. за 80 коп., итого 2 р. 30 к. Родителка пріехала въ Глуховъ и обѣдалисмо вкупѣ, и никуда не ездилемъ.

Пятокъ. 31. День былъ холодний, хмарний и отчасти вѣтряний, ночъ сперва свѣтла, однакожъ холодна и до свѣта таковажъ зъ жестокою стужею. Увѣдомился я, что Львовъ, подполковникъ, былъ у гетмана впервое по ссорѣ, а мы были у службѣ ст. Анастасіи и обѣдали въ дворѣ гетманскомъ; а по обѣдѣ ездилемъ до Кишкина, а не заставши его, повернулемся домой. У лазнѣ милемся.

Le portrait d'un veritable honnette homme.

Rendez au Createur ce qu'on lui doit rendre,
Reflechissez avant que de rien entreprendre,

Point de societés qu'avec d'honnettes gens
Et ne vous flattez point de vos heureux talens, etc. etc.
L'on dit que ces vers sont composés par l'archeveque de Cambrai.

На м-ць порцѣя: муки четверичковъ—2, крупъ гарнецъ—1, соли фунтовъ—2, а денгами копѣекъ—43; рацѣя: сѣна возовъ мѣрнихъ 2, овса гарцевъ 60, соломи кулей 30, дровъ возовъ мѣрнихъ—2, а денгами 75 копѣекъ, за порцѣю и за рацѣю денгами всего 118 копѣекъ.

Затѣмъ слѣдуетъ рецептъ.

1732 годъ. Генварь м-ць.

Субота. 1. День былъ свѣтлій, тихій зъ жесточайшимъ морозомъ, ночъ отчасти хмарна, толко жъ равномѣрной стужи. Рано зъ родителемъ ездили до Турґенева, оттоль до гетмана для поздравленія, а служби у Николая вислухавши, обѣдалисмо у него, по обѣдѣ пріехалемъ домой и никуда не ездилъ. Уже другимъ разомъ прійшли подводи Крисковскіе и теперъ привезли дерева 20 зъ Погорѣловки, да стар. Крисковскій пишетъ, ускаржаючись на попа и брата его Ляха и что подводчики въ Кенѣшперґъ проехали Криски въ Новгор. за медомъ, а оттоль будутъ назадъ для забору товару.

Неделя. 2. День былъ свѣтлій, тихій зъ жесточайшимъ же морозомъ и ночъ такова жъ. Рано былъ я у гетмана, обѣдалъ зъ родителми въ дому, у вечеру билъ у коменданта Кишкина, а оттоль у п. Михайла, зъ которимъ въ дами игралъ. Сказивали мнѣ, что вчера Турґеневъ говорилъ гетманови о челобитной, ему поданной отъ Лисовской на Львова.

Понед. 3. День былъ и ночъ также тихіе, свѣтліе и жестоко холодніе. Не ездилемъ зъ дому никуда, а лѣчилъ свою болѣзнь горловую плосканнемъ, а родители и жена кушали у асаули енер. Мануйловича. Стар. Крисковскій пріехалъ и обявилъ о подводахъ, пріехавшихъ въ Криски, что до Кролевца пруского.

2. Григорій Криштофоровъ, бунч. товар.

3. Марія, (Христофоровна), была за сыномъ Стародубск. войта Спиридона (Ширая), а потомъ за полякомъ; умре безъ потомства, монахинею въ Макошинскомъ дѣвичемъ монастырѣ.

4. Евдокія (Христофоровна), была за значк. тов. Федоромъ Грембецкимъ; умре безъ потомства.

5. Анна (Христофоровна), была за сотникомъ Любецкимъ Константиномъ Савичемъ.

6. Григорій Григоріевъ Фридрикевичъ, (внукъ Христофора), д. ст. сов., умре безъ потомства.

7. Ульяна Константиновна Енькова, дочь Конст. Савича. Ея сыновья и дочери: Дмитрій, Николай, Андрей, Иванъ, Марья Милорадовичева, Федосья Карабанькова, Анна Шафонская. (*Съ подлинника*).

II. Бумаги о женитьбѣ Ивана Степановича Лашкевича на Настасьѣ Петровнѣ Милорадовичъ и частная ихъ переписка.

Мужское потомство извѣстнаго Черниговскаго полковника и наказнаго гетмана Павла Полуботка прекратилось въ лицѣ его двухъ внуковъ, бунчук. товарищей Семена Яковлевича († 1752 г.) и Василія Андреевича († 1768 г.); отъ послѣдняго дѣтей не осталось, а у Семена Яковлевича отъ второй его жены, Настасьи Степановны Леонтовичъ (р. 1732 † 1802), осталось двѣ дочери, Софья (р. 1747 † 1773) и Федосья; Софья была замужемъ за Черниговскимъ полковникомъ Петромъ Милорадовичемъ (р. 1723 † 1799), а Федосья за Михайломъ Стороженкомъ; у Федосьи дѣтей вовсе не было, а Софья оставила сына Григорія (р. 1766) и двухъ дочерей, Настасью (р. 1769) и Марью, (р. 1772); послѣдняя, Марья, умерла въ 1788 г. и Настасья Петровна стала одною изъ богатѣйшихъ въ Малоросіи невѣстъ, такъ какъ по литовскому статуту она имѣла право на половину материнскаго имѣнія. Не смотря на сиротство, обѣ дочери Милорадовича были старательно воспитаны, что разумѣется только увеличивало извѣстность среди невѣстъ оставшейся въ живыхъ Настасьи Петровны. «Она была отдавана въ пенсіоны, первѣе, въ Нѣжинъ, къ пенсіонеру Шту-

чу, второе, къ тому-жъ самому Штучу въ Кіевъ, а послѣ оныхъ пенсіонеровъ, къ французской мадамѣ, жившей въ домѣ Черниговскаго губернатора Андрея Степановича Милорадовича, гдѣ она находилась въ наукахъ чрезъ шесть лѣтъ. Сверхъ того, была выписана для нее изъ С.-Петербурга мадамъ, которая и находилась въ Боровичахъ».... Такъ писалъ отецъ Наст. П—ны въ 1790 г., когда разсорился съ этою своею дочерью изъ за ея брака. Ссора произошла по слѣдующему поводу. Пробывъ нѣсколько лѣтъ у «пенсіонера» Штуча, Н. П—на стала жить у своего дяди Андрея Степановича М—ча, въ Воронковѣ; отсюда ее выпросила у отца къ себѣ бабушка Настасья Степановна, жившая въ с. Боровичахъ (Городницк. уѣзда), куда Н. П—на и переѣхала въ 1783 г., какъ видно ниже изъ письма ея отца. Бабушка эта происходила отъ Христофора Фридрикевича (см. стр. 48), у котораго былъ одинъ сынъ Григорій; сынъ этотъ былъ женатъ на Федосьѣ Томаровнѣ, за которою взялъ богатое приданное (бывшія имѣнія Бѣлоусскаго сотника Василія Болдаковскаго); но Григорій Христофоровичъ Фр—чъ пожилъ недолго и умеръ, оставивъ одного сына Григорія, а молодая его вдова послѣ нѣкотораго романа, вышла замужъ за Степана Леонтовича, «который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго Войцеховича, сотника Седневского, инспекторомъ, и тамъ съ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ». Отъ второго мужа Федосья Томаровна имѣла двухъ сыновей: Степана (женатаго на Софьѣ Васильевнѣ Дунинъ-Борковской) и Ивана, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ старшая и была Настасья Степановна, вышедшая затѣмъ замужъ за Семена Полуботка и сдѣлавшаяся такимъ образомъ тещею Петра Степановича Милорадовича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бабушкою дочери послѣдняго Настасьи Петровны. Настасья Степановна была очень умная женщина и при этомъ еще и вполнѣ грамотная, что встрѣчалось рѣдко среди малорусскихъ «матронъ» конца XVIII в.— Вотъ у этой то бабушки и поселилась ея внучка Настасья Петровна. Нѣтъ сомнѣнія, что тогдашніе женихи хорошо знали о богатствѣ этой невѣсты, но изъ нихъ «адрессовались» къ отцу только двое: бунч. товарищъ Михаилъ Борковскій и кригсъ коммисаръ Василій Лаврентьевичъ Селецкій, но оба жениха не пришлись по нраву невѣсты, хотя отецъ, повидимому, былъ согласенъ на ихъ сватовство. Другіе женихи не являлись; говорили при этомъ, что отецъ удаляетъ жениховъ «по своему пристрастію къ дитинному имѣнію». Прожила Н. П—на у бабушки лѣтъ пять и достигла такихъ лѣтъ, когда о ней можно было, по тогдашнему, сказать, что «не къ лѣтамъ, а изъ лѣтъ уже

идетъ». Въ старой Малороссіи дѣвушки выходили замужъ рано и двадцатилѣтняя невѣста уже не считалась молодою. Поэтому бабушка стала заботится о замужествѣ своей «Настеньки». Въ концѣ 1779 г, подходящій женихъ нашелся. Нашли его родственники Настасьи Ст—ны, и, кажется, главною свахою при этомъ была жена ея брата Софья Васильевна (жена Степана Ст—ча Леонтовича). Женихъ этотъ явился въ лицѣ молодого майора Ивана Степановича Лашкевича (р. 1765 † 1822). Это былъ сынъ довольно богатаго «пана» сѣверной Малороссіи Степана Ивановича, человѣка довольно образованнаго, который и сыну старался дать солидное образованіе [1]). Поэтому Иванъ Ст—чъ Лашкевичъ учился въ Московскомъ университетѣ, будучи въ тоже время записанъ капраломъ въ Измайловскомъ полку. Долго ли оставался въ университетѣ Ив. Ст—чъ—неизвѣстно, но въ 1784 г. онъ былъ капитаномъ, а двадцати лѣтъ отроду вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-майора. Въ это время Ив. Ст—чъ, несмотря на свою молодость, былъ человѣкомъ уже вполнѣ самостоятельнымъ, такъ какъ отецъ его умеръ въ 1782 г. Объ этомъ женихѣ Настасья Степановна поспѣшила увѣдомить затя, которому, разумѣется, женихъ предварительно долженъ былъ представиться. Извѣстіе это Милорадовичъ встрѣтилъ съ большимъ неудовольствіемъ. Возникшая по этому поводу переписка, между тещею и зятемъ съ одной стороны и отцомъ и дочерью съ другой, составляетъ содержаніе слѣдующихъ за симъ писемъ.

1. Петра Степановича Милорадовича къ тещѣ, 1788 г.

Письмо ваше зъ Боровичъ, сего ноября отъ 20, я имѣлъ честь получить 23-го числа, въ которомъ изволите писать, что вы получили извѣстіе отъ братца вашего Степана Степановича, который пишетъ къ вамъ, что онъ вмѣстѣ съ Лашкевичемъ будетъ по первой зимней дорогѣ къ вамъ, а сынъ мой пріѣхавши отъ меня, обявилъ вамъ, что я ненамѣренъ отдать дочь мою за нево, и вы не изволите понимать для чего бы я сіе дѣлалъ, и что дочь моя уже не пятнадцатилѣтняя, но уже двадцать лѣтъ въ мѣсяцѣ мартѣ будетъ, и что братецъ вашъ Степанъ Степановичъ не можетъ выхвалить его пер-

---

[1]) Подробныя и любопытныя свѣдѣнія о Ст. Ив. Лашкевичѣ см. въ „Кіевск. Старинѣ“ 1887 г., № 12.

сону и домоводство по частому съ нимъ обращенію, и по сказкамъ ево не такъ убогъ, какъ я думаю; на что вамъ имѣю обявить: я весьма доволенъ и благодарствую братцу вашему за ево стараніе, покорнѣйше жъ прошу принять во уваженіе и мое родителское о дочери моей попеченіе, которимъ я обязанъ естественно болше всѣхъ сродственниковъ. Я господина Лашкевича не охуждалъ, и ни богатымъ, ни убогимъ ево почитать не могу, ибо я ни ево самого, ни имѣнія ево не знаю, а синови моему я говорилъ, чтоби онъ обявилъ мое мнѣніе, которое состоитъ въ томъ, что я къ виданью дочеры моей не могу прежде приступить ни за господина Лашкевича, ни за кого другого, не знавши ни дому, ни имѣнія ево, ни удѣлу, съ которого всякой женихъ по силѣ общественного узаконенія долженъ, прежде сговору, всего за своей невѣстой на третой части своего недвижимого имѣнія получить, тоесть записать урядовымъ порядкомъ... (засимъ часть письма истлѣла).

Ежели же, по мнѣнію вашему, дочь моя не молодая, то есть способъ, черезъ который она скоро помолодѣетъ, который состоитъ въ рукахъ вашихъ, именно жъ, ежели по неоднократному своему внуковъ вашихъ обнадеживаю, дочерѣ моей запишите и опредѣлите Боровичи, такъ какъ и господина Лашкевича мать записала сынамъ своимъ отческую свою деревню, то дочь моя не токмо помолодѣть можетъ, но и болше, когда дѣйствително узнаетъ, приятнѣйшой здѣлается всякому благородному жениху, которого Богъ ей опредѣлитъ. Въ прочемъ я бы болше предъ вами изяснился, но о таковыхъ дѣлахъ на писмахъ не можно трактовать, и не могу къ вамъ пріѣхать по причинѣ приключившойся мнѣ простудной болѣзни, отъ которой я нахожусь въ слабости, и стражду кашлемъ и насморкомъ, отъ которого имѣю боль въ головѣ.

2. *Отвѣтъ Настасьи Степановны зятю.*

Вы на мое прежнее письмо рѣшително ничего не написали, а написали то, что до меня не принадлежитъ, ничево не значитъ, то естъ ни намѣренія, ни отказу и въ... только пустіе переписки, а между тѣмъ пріѣдетъ женихъ и тогда что мнѣ дѣлать—судѣте и пожалуйте... мене уволнитъ, что вы хотите и въ заправду записать вашей дочерѣ то... (Далѣе часть письма истлѣла) отказъ напишите, дабы я могла отвѣчать по вашему рѣшенію, а прямо потому напишу до брата, чтобъ ему отказалъ. Вотъ одного толко я требую.—Естли при томъ

у васъ есть женихъ на примѣтѣ такой отдѣлной, какого вы желаете, то сему не грѣхъ и отказать; буди же нѣтъ, то уважте на все, а особливо на лѣты вашей дочерѣ, которой не къ лѣтамъ, но изъ лѣтъ идетъ, которая, какъ вы пишете, отъ Боровичъ помолодѣетъ. Нѣтъ, дайте ей и ввесь свѣтъ, то ничто не поможетъ наградить потерявшіи лѣта; а особливо ее и меня тревожатъ ежеденно видимые образцы, какъ то: Борознина дочь, которая еще мене старѣе, въ дѣвкахъ по сіе время, нещастные Лизогубовны и Гудовичева, а къ нимъ и Базилевсковна, которая 70 тысячь имѣетъ денегъ и 600 душъ. Подумайте со всякимъ уваженіемъ и поступите, какъ вы знаете; все про все въ вашей волѣ, а я только любя ее, пишу къ вамъ сіе, и больше о семъ писать не буду, увѣряю.

Что касается до Боровичъ, то я и сама не знаю, кому оные достанутся, но толко знаю то, что некому иному, какъ вашимъ же дѣтямъ или Николашенки.

Буди вы согласны будете на сего жениха, то и о перстнѣ не забудте.

3. *Зять тещѣ.*

Писмо ваше зъ Боровичъ отъ 11 числа я получилъ, на которое въ отвѣтъ вамъ имѣю честь объявить, что писать мнѣ къ братцу вашему Степану Степановичу, чтобы онъ съ пріѣздомъ съ господиномъ Лашкевичемъ не спѣшилъ, не слѣдуетъ, для того, что ни я зъ Степаномъ Степановичемъ, ни онъ со мною о семъ дѣлѣ ни слова не говорилъ, а говорилъ онъ съ вами и рекомендовалъ его, то вамъ и писать къ братцу вашему о семъ есть заприлично. Ежели, по провѣдованіе про жениха на меня пенять изволите, напрасно, ибо вамъ самимъ исвѣстно, что я былъ въ отлучкѣ въ степу, гдѣ я прожилъ, по моимъ необходимостямъ, до послѣднихъ чиселъ октября мѣсяца, отколь пріѣхалъ октября 28-го. Пріѣхавши же былъ боленъ двома болѣзненными припадками, отъ которыхъ и понынѣ нахожусь въ слабости, а болше еще къ тому я по волѣ Божіей лишился дочери моей меншой, которой еще не успѣлъ опоминать по христіанскому закону. Сихъ то ради причинъ нѣкогда было мнѣ о жениху провѣдовать; однакъ вы сего не изволите принимать во уваженіе и комнѣ пишете зъ своимъ неудоволствіемъ, да я и не могъ знать сего, какъ вы нынѣ пишете, чтобы я могъ провѣдать объ немъ отъ Петра Антоновича Милорадовича, а нынѣ узнавши отъ васъ, прошу меня увѣ-

домить, какъ господину Лашкевичу имя, званіе или чинъ его, дабы я могъ писать къ Петру Антоновичу, а безъ сего писать не можно. Въ писмахъ же моихъ я васъ ни въ чемъ не оскорблялъ, а писалъ къ вамъ самую справедливость, которою нимало не далъ вамъ притчины къ неудовольствію вашему; развѣ вамъ то кажется противно, что я ни предъ кимъ и ни въ чемъ льстить и лукавить не умѣю, и въ томъ прошу покорно меня извинить, ибо я никогда себѣ невоображалъ и не надѣялся, что нынѣ отъ васъ слышу И что сынъ мой съ невѣстою у нашемъ домѣ и изъ вашей волѣ по нынѣ прожилъ, то чтобъ сіе вамъ было противно и въ тягость, я никогда такъ же не надѣялся; а что я писалъ къ вамъ о распредѣленіи вами владѣемого имѣнія, то и сіе писалъ я не съ тѣмъ, чтобъ вамъ было досадно и сего никогда не думалъ, но по тому резону, что вы давно сами о семъ отзивались и многократно меня, а особливо наслѣдниковъ, внуковъ вашихъ, увѣрали; нынѣже, какъ вижу вашу перемѣну, то сіе до меня не относится, а касается до наслѣдниковъ внуковъ вашихъ, и когда вы и сіе почитаете за противность, то какъ я прежде сего, такъ и въ предъ васъ безпокоить не буду. Присемъ посылаю вамъ степового коровяго масла четыри пуди, которое прошу принять и приказать обратно отъдать кадушку.

4. Зять тещѣ.

Не могучи отвѣчать такъ скоро на ваше писмо, полученое мною изъ Смячи, минувшаго генваря отъ 22-го числа, касателно г. Лашкевича, нарочно ездилъ я въ Черниговъ, гдѣ найшолъ пріятелей моихъ, отъ которихъ совершенно увѣдомился, о домѣ, о фамиліи и другихъ обстоятелствахъ; много я разсуждалъ, ища благополучія дочери моей по должности своей и по естественному моемъ усердію къ ней, которая въ меня есть одна, а затѣмъ въскорѣ, тоесть сего февраля 6, пріѣздилъ ко мнѣ г. Лашкевичъ съ писмами отъ матушки своей и отъ Агафіи Давыдовны госпожи Журмановой, и я съ нимъ увидѣвшись, говорилъ въ касающихся обстоятелствахъ въ намѣреніи его, и открылось мнѣ, по доволному испитанію и разсужденію, что я вовсе немогу приступить къ согласію моему, въ удоволствіе требованія, какъ матушки ево, такъ и ево самого, по многимъ резонамъ и обстоятелствамъ, о чемъ я, какъ ему самому, не касаясь нималѣйше и не отнимая отъ него никакихъ достоинствъ, словесно обявилъ и къ матушки ево отписалъ; чтожъ принадлежитъ до попеченія и усердія

вашего къ дочерѣ моей, то я благодарнымъ и чувствителнымъ сердцемъ пріемлю, однакъ рекомендующійся г. Лашкевичъ не столъ завиденъ, чтобъ спѣшилъ бы я съ моею дочерью, особливо же, не обяснившись брату моему, по природной связѣ братерства, и неотобравши отъ него мнѣнія, не могу рѣшится на всекрайнѣйшее расположеніе о дочерѣ моей, имѣя у себе, по волѣ Божіей, толко еѣ одну, въ такомъ важномъ пунктѣ, каковъ есть сей. Итакъ, несомнѣнно надѣюсь, что она по милости всемогущого Бога получитъ жениха превосходнѣйшого дарованіями, соразмѣрно собственного состоянія достойного, о чемъ всегда стараясь, молю Создателя нашего и на его несомнѣнно надѣюсь. Въ протчемъ за пріѣздомъ моимъ къ вамъ словесно, а не писменно, вамъ обяснюсь. 1789 г., февраля 8. Изъ Жукотокъ.

5. *Отвѣтъ тещи.*

Въ писмѣ вашемъ я нашла неожидаемое, неменше темное въ столь важномъ дѣлѣ, кромѣ ясности въ томъ, что за пріѣздомъ къ вамъ г. Лашкевича, открилось вамъ по доволному испытанію и разсужденію, что вы вовсе не можете приступить, по многимъ резонамъ и обстоятелствамъ, къ согласію и рекомендующійся женихъ не столь завиденъ, дабы спѣшить вамъ съ вашею дочерью. Особливожъ не объяснившись братцу вашему и не отобравши отъ его мнѣнія, не можете рѣшится на всекрайнѣйшое расположеніе, и что дочь ваша, по милости всемогущаго Бога, получитъ жениха превосходнѣйшаго, о чомъ вы всегда стараяся, молите Создателя нашего и на его несумнѣнно надѣетесь. Изъ сего можно ли и знать, что вамъ открылось и какіе тѣ резоны и обстоятельства, вы ихъ не поясняете, такъ какъ и того, какого именно вы превосходнѣйшаго жениха для нее ожидаете; а что до объясненія съ братцемъ вашимъ, то кто вамъ припятствовалъ и препятствуетъ объяснятся. Скажите же теперь, пожалуйте, не явное ли ваше открывается нежеланіе видѣть дочь вашу замужемъ, совѣсти вашей судить оставляю. Уже теперь не въ такихъ лѣтѣхъ она, чтобъ ей ожидать неизвѣстнаго жениха, равно и отказывать сему жениху безъ ея воли вы не могли, учинивъ прежде еще прошедшаго лѣта ваше распоряженіе сему г. Лашкевичу къ дочерѣ вашей пріѣхать, съ тѣмъ чтобы ни отказать ему, ни слова не дать безъ васъ. Какіе же послѣ сего завелися съ вами у меня переписки, вамъ оныя извѣстны, такъ какъ и мнѣ. А между тѣмъ дочери вашей онѣ

противнымъ не показался и теперь она о семъ на писмо ваше пишетъ къ вамъ, прося вашего благословенія, а мнѣ осталось толко совѣтъ мой искренной сказать вамъ въ томъ, что лучше двадцатолѣтной вашей дочерѣ дать волю въ избранномъ женихѣ. Ей съ нимъ жить, худо ли или хорошо, сожалѣть на васъ не будетъ. Должна вамъ потомъ пояснить, что онъ человѣкъ благородный, а притомъ имѣетъ чинъ непослѣдней, въ обхожденіи порядочемъ и честенъ, и имѣніемъ неубогъ, а съ присовокупленіемъ дочери вашей имѣнія и весма достаточенъ будетъ помѣщикъ. Я моими глазами видѣла его домъ и погромности его не нахожу ни у васъ, ни у насъ лучшого дому, увѣряю. Какъ ваши нынѣшніе писма застали его неотѣхавшого отъ себя, то я разсудила дать ему совѣтъ съ вашими отказными писмами къ его матерѣ и теткѣ до времени удержатся. Пожалуйте, получше посудите сіе дѣло и уважте на всѣ случаи, какъ родитель для дочери своей, недопуская ее къ отчаянію, дабы послѣ не жалѣть. Болѣе бы писала, но оставляю до свиданья съ вами.

6. Зять тещѣ.

Сего февраля 12 числа получилъ я еще отъ васъ писмо, писаное изъ Смячи 11, и всіо ободномъ дѣлѣ и матеріи, о которой я предсимъ доволно къ вамъ уже писалъ, и мнѣ кажется напрасно вы изволитѐ безпокоится и хлопотать, а притомъ меня и обижать въ писмахъ вашихъ выраженіями, чего я никогда не надѣялся и не заслужилъ, а притомъ вамъ объявляю: я г. Лашкевичу, ни лѣтомъ прошедшого году, ни сего году зимою, къ дочери моей пріѣзжатъ не позволялъ, какъ вы въ письмѣ пишете, но пріѣхалъ онъ въ вашъ домъ въ прошедшемъ генварѣ мѣсяцѣ. И какимъ бы образомъ я позволялъ пріѣздить человѣку, которій мнѣ никогда нипочему ни малѣйше невѣдомій, да и не ко мнѣ и не въ мой домъ, но представилъ его къ вамъ братецъ вашъ Степанъ Степановичъ изъ супругою своею, которого вы продержали у себе болше недѣли. Вамъ то такъ было угодно, а не мнѣ. Въ протчемъ покорно прошу не восхвалять дому его, которій есть, какъ изволите писать, лутче моего и вашего выстроенъ, болшимъ количествомъ стѣнъ и покоевъ, а ежели вы удивляетеся, то покрайней мѣри мене не удивляйте. Еще вамъ объявляю, что я какъ предъ симъ къ вамъ, такъ и нынѣ пишу, что нѣтъ моей воли, желанія, ниже согласія быть женихомъ г. Лашкевичу для дочери моей, и скажу вамъ сіе, что я о дочерѣ моей раз-

суждаю и пекусь, смотря какъ душевными, такъ и тѣлесными очима, такъ какъ еѣ отецъ, чему есть свидѣтель Серцевидецъ, а не такъ, какъ прочіе еѣ сродственники. Получажъ вы отъ меня прежнее писмо и узнавши мое несогласіе, вовсе напрасно г. Лашкевичу совѣтовали удержатся съ отѣздомъ съ писмами къ матушки и тіотушки ево. 1789 г., 12 февраля. Жукотки.

7. *Теща зятю.*

Изъ вашего письма, вчерась полученного, явственно вижу ваше на меня неудовольствіе, на которое я ни чемъ не заслужила и вамъ могу чистосердечно сказать, что отъ васъ я обижаюсь всѣми вашими выраженіями, когда вы отрицаясь своихъ словъ сказанныхъ въ Боровичахъ, вините меня. Припомните, предъ выѣздомъ вашимъ въ степъ, какъ я изъяснила вамъ о замужествѣ дочери вашей, именно о г. Лашкевичѣ вамъ объявила, что онъ намѣренъ съ братомъ моимъ Степаномъ Степановичомъ пріѣхать, требуя вашего на тотъ случай положенія, естли пріѣдетъ, то что ему сказать, и вы отвѣчали и положили—пусть пріѣдетъ, но ни слова ему не давать, ни отказывать, и даже когда я выговорила, что ѣдучи по дорогѣ къ брату, заѣду къ матери его, то вы сіе подтвердили, сказавъ именно сими словами: весьма хорошо здѣлаете, естли заѣдете. Я сего не вымышляю, убей меня Богъ. А къ большему доказательству на всѣ письма ваши ссылаюсь и благодарствія, въ коихъ писали точно сими словами: я весьма доволенъ и благодарствую братцу вашему за его стараніе. Такъ же просите меня, чтобъ я написала къ брату моему Степ. Степановичу, дабы онъ не спѣшилъ ко мнѣ съ пріѣздомъ съ г. Лашкевичемъ, по болѣзни тогдашней вашей. Теперь же пишите, что вы г. Лашкевичу ни лѣтомъ прошедшаго года, ни сего зимою, къ дочери вашей пріѣжать не позволяли. Посудите же изъ сего себе и мене, и можно ли мнѣ досады ожидать отъ васъ въ сей явной моей правотѣ, я далѣе не распространяю. Кромѣ сей чувствительнейшой отъ васъ для меня обиды, что вы непрелично коснулись въ семъ же письмѣ задѣть брата и невѣстку мою, ничемъ вамъ непогрѣшившихъ, что будто представилъ г. Лашкевича ко мнѣ братъ мой съ своею супругою мимо знаніе ваше. За симъ не осталося уже мнѣ въ сей матеріи далѣе размножать, а прошу прилежно васъ дочери вашей, яко совершеннолѣтней, дать волю въ избраніи себѣ жениха, не относяся къ собственному вашему выбору неизвѣстного жениха. 1789 года, февраля 14. Смячь.

8. Петра Степановича Милорадовича дочери.

До нынѣ я по причинѣ той, что не могъ быть въ Боровичахъ, и съ тобою видѣтся, по случаю болѣзни моей, не могъ объявить тебѣ о происходившихъ обстоятелствахъ въ разсужденіи жениха, рекомендованного бабушки твоей отъ Степана Степановича, а нынѣ бывши у Черниговѣ, проведалъ и спиталъ отъ пріятелей моихъ, а наконецъ пріѣзжалъ ко мнѣ и самъ онъ. Я съ нимъ говорилъ и доволно узналъ по многимъ резонамъ, которіе тебѣ неизвѣстны, что сей женихъ ни съ какой стороны и ни почему быть тебѣ не можетъ, о чемъ я ему объявилъ и къ матушкѣ его отписалъ. Для того о семъ и тебѣ предварително, до свиданья моего, объявляю. Я по усердію моему и родителской должности, имѣя попеченіе о дѣтяхъ моихъ, всегда прошу отъ всемогущого Создателя нашего, какъ о сынѣ моемъ, которого уже Богъ благословилъ супружествомъ, такъ и о тебѣ, какъ ты одна у меня одна дочь дѣвица, чтобъ Онъ, по всемогуществу своему и милости, сотворилъ съ вами милость и благословеніе, и какъ сынъ мой, по его милости и благословенію отца своего, получилъ супружество, такъ и тебѣ даровалъ супруга, съ которымъ бы ты участь житія своего долгоденственно и благополучно препровождала, и несомнѣнно надѣясь на Бога, что онъ съ превосходнѣйшими дарованіями даруетъ тебѣ жребій въ женихѣ, причемъ ты несомнѣнно должна уповать на Бога, не полагаясь и не увѣряя себя посторонним людскимъ совѣтамъ въ такомъ важномъ пунктѣ, каковъ сей есть и который зависитъ отъ опредѣленія Божія, и по заповѣди его отъ благословенія родителского. 1789 г., 8 Февраля. Жукотки.

9. Отвѣтъ дочери.

Письмо ваше родительское получить я имѣла честь и щастіе, но безщастною себя вижу, что вы, милостивый родитель, отказываете г. Лашкевичу, которой мнѣ явился не противнымъ, повелѣвая мнѣ ожидать жениха съ превосходнѣйшими дарованіями. Милостивѣйшій мой родитель, простите меня за дерзость въ семъ случаѣ, и не почитайте меня вѣтреною и непослушною; я ваша найвиновнѣйшая во всемъ дочь, прошу одного сего: удостойте, не откажите въ моемъ выборѣ многомостнѣйшимъ благословеніемъ вашимъ, отъ коего все мое благополучіе щитаю. Никогда бы я не осмѣлилась на сіе, естлибы не угрожало меня, Боже сохрани, по смерти вашей и бабуш-

ки остатся въ дѣвкахъ. Всенижайше и всеприлѣжнѣйше прошу уважить родительски на все, при томъ взглянуть и на лѣти и благословить меня, какъ единую вашу, по гробъ всепослушнѣйшую дочь, сего одного отъ васъ, моего милостивѣйшаго родителя, прошу и несумнѣнно получить ожидаю.

10. Другое письмо отца дочери.

Письмо твое изъ Смячи отъ 11, я получилъ сего февраля 12 числа, съ писмомъ бабушки твоей. Сожалѣю и удивляюсь, что ты себя безъщастною называешъ въ разсужденіи рекомендующагося Лашкевича; я за сіе на тебя не сержусь, ибо я знаю, что ты къ тому доведена совѣтами; ты доволно могла видѣть изъ писемъ моихъ къ бабушкѣ твоей, что я не согласенъ въ такомъ выборѣ для многихъ и важныхъ причинъ, о которыхъ ни тебѣ, ни бабушкѣ твоей объявлять на писмѣ неудобно, а послѣ ты словесно услышишь. Я въ выборѣ жениха принужденія тебѣ не дѣлаю, кромѣ моего отеческого совѣта, и получа отъ меня и видѣвши такъ же бабушкино писмо, должна на томъ и остановится и никакихъ разговоровъ не слушатся, а слушатся совѣта родителского, и внушить себѣ, что въ такихъ важныхъ дѣлахъ, которыя единственно зависятъ отъ опредѣленія Божія родителскимъ благословеніемъ; и такъ ты должна уповать на милосердіе всемогущества Божія и при томъ несомнѣнно надѣятся, что получишъ съ превосходнѣйшими дарованіями выборъ свой и мое къ тому благословеніе, о чемъ я такъ же несомнѣнно полагаюсь на Бога, молю и уповаю на него, то г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ меня ни согласія, ни воли, ни благословенія моего къ тебѣ. 1789 г., 12 февраля. Жукотки.

11. Отвѣтъ дочери.

Всенижайше и наипокорнѣйше благодарю вамъ, милостивѣйшему моему родителю, что вы на меня не изволите гнѣватся въ разсужденіи г. Лашкевича, хотя ужъ благоволили прописать въ присланномъ ко мнѣ письмѣ, что я доведена совѣтами въ выборѣ сего жениха, но признатся должна, что ни чіи совѣты тутъ не были, кромѣ одно мое собственное желаніе. Вамъ, моему милостивѣйшему родителю, извѣстно сколь много совѣтовъ я имѣла отъ всѣхъ родственниковъ о М. М. Борковскомъ, но когда моей преклонности къ нему не было, то никто усовѣтовать не могъ. И какъ въ вашемъ письмѣ милостивѣйше изволили написать, что вы въ выборѣ жениха принужденія мнѣ не дѣлаете

то сіе почитая свято милостивѣйшимъ благословеніемъ, дерзаю со всепреданнѣйшею моею покорностію просить подтвердить сей мой выборъ вашимъ родительскимъ святѣйшимъ, милостивѣйшимъ благословеніемъ.

Послѣ этой переписки, Милорадовичъ, повидимому, рѣшилъ забрать дочь отъ тещи, для чего и отправился въ Боровичи. О предстоящемъ пріѣздѣ зятя—тещу заблаговременно увѣдомили и она поспѣшила отправить внуку отъ себя въ с. Смячъ (Городницк. у.), къ брату Г. Г. Фридрикевичу, у котораго въ это время гостилъ С. С. Леонтовичъ съ женою. Не заставъ дочери въ Боровичахъ и узнавъ, что она уѣхала въ Смячъ, Милорадовичъ поѣхалъ въ это село, но дочь возвратиться къ отцу незахотѣла... Поѣздку свою въ Смячъ Милорадовичъ подробно описываетъ въ письмѣ (писано 25 мая), которое помѣщается ниже. Непослушаніе дочери и, кромѣ того, грубое отношеніе, при этомъ посѣщеніи, къ нему братьевъ тещи, вызвали со стороны М—ча жалобу въ судъ—«о безчестіи и обидѣ, причиненной ему Милорадовичу, въ с. Смячи со стороны Фридрикевича и Полуботковой». Не оставляя однакожъ желанія возвратить дочь въ свой домъ, М—чъ попробовалъ подѣйствовать на нее чрезъ сына, который и написалъ къ сестрѣ вслѣдъ за симъ помѣщаемое письмо.

12. Григорія Петровича Милорадовича къ сестрѣ.

Государыня моя, любезная сестрица Настасья Петровна. Пріѣхавъ обратно изъ Глухова, съ какимъ удивленіемъ узналъ я о поступкѣ вашемъ, поразившемъ отца нашего въ крайнюю печаль, не могу изъяснить вамъ, какъ и слѣдствій, побудившихъ васъ на безпримѣрное дѣло.

Не говорю я ни о состояніи, ни о воспитаніи вамъ благородной дѣвицы соотвѣтствуемыхъ, отъ юности вашей вамъ всѣянныхъ, потому что и въ самомъ среднемъ родѣ людей подобный поступокъ, дѣтей противъ отцовъ своихъ, столь гнусенъ, сколько и вовся простительнымъ быть не можетъ.

Вы можете меня за выраженіе мое извинить, какъ единого вашего родного брата, привязаннаго искренностію и сей горестной случай въ своемъ сердцѣ носящаго.

Если же вы, впервомъ разѣ, будучи встревожены чіими либо внушеніями, что нерѣдко бываетъ, не могли сообразить, какіе вы

предприняли мѣры, не временно, но на всю вашу жизнь чести вредящіи. Я бы хотѣлъ знать, кто можетъ и чемъ доказать побудившіе причины, которыхъ жестокости примѣру не знаю,—но теперь имѣли вы время помыслить и ускромить волнованіе души вашей самымъ простымъ, но чистымъ разсудкомъ.

Подумайте, любезная сестрица, чемъ отецъ нашъ предъ вами такъ много погрѣшилъ, чемъ и какое подозрѣніе заслужилъ и какіе бы причины родителя противъ дочери неестественнымъ образомъ до неограниченной ненависти васъ поставить могли. Читали ли вы гдѣ въ исторіи или могли ли когда слышать, чтобъ дѣти и противъ самой жестокости родителей своихъ столь дерзостно пошли. Притворятся явно, обманывать, скрываться—сажать себя въ заключеніе, изрекатся отъ власти отцовой, почитая себя непринадлежащей и наконецъ даже подать случай къ удаленію отца толпою подлыхъ людей. Поступокъ вовся противный природѣ и всякимъ и вездѣ законамъ.

Когда жъ уже все сіе злополучіе приключится могло, то остается еще время вывесть себя изъ сего лабиринта и поспѣшить сколько можно на сокращеніе мятежа и взять средства къ успокоенію вашего духа и къ смягченію родительскаго тяжкаго оскорбленія.

Пріѣзжайте ко мнѣ смѣло, я беру васъ по самой искренности и чести въ безопасное отъ всего для васъ пристанище, въ совмѣстное со мною помѣщеніе. Предъ Богомъ вамъ сказываю—не можетъ коснуться до васъ никакое и малое огорченіе;—будьте, любезная сестрица, совершенно увѣрены, что вы при семъ случаи подобнаго вамъ друга искренно вамъ совѣтующаго, другаго никого имѣть не можете. При семъ обще насъ воспользующимъ случаи, раздѣлимъ достояніе по матери, намъ принадлежащое, какъ отецъ уже и до сего совершенно позволилъ, и я предъ вами истинну сію пишу, такъ какъ християнинъ и вамъ искренный другъ.—Перестаньте, любезная сестрица, далѣ колебаться, не смущайтесь посторонними совѣтами, будьте совершенно спокойны и пріѣжайте ко мнѣ. Будучи твердо обнадеженъ, что и бабушка наша, по благомыслію своему и по ея любви и горячности къ намъ, конечно согласно посудить изволитъ.—Въ прочемъ, за симъ заключить вы легко можете и всѣ авантажи ваши и до замужества вашего касающіеся, какъ я вамъ наиудостовѣрительнѣйше сказать долженъ, что ни съ чией стороны, вопреки собственной воли вашей, никакимъ образомъ поступлено быть не можетъ. Порука честь моя и ближайшее родство, съ коимъ я былъ къ вамъ привязанъ и хочу

быть непремѣнно и съ найбольшимъ усердіемъ вашъ братъ и покорный слуга Григорій Милорадовичъ.

13. *Отвѣтъ сестры.*

Государь мой, любезный братецъ Григорій Петровичъ. Писмо ваше сего апрѣля отъ 12 числа я получила, оное меня удивляетъ, печалитъ и страшитъ. Вы упрекаете меня, какимъ то противъ отца нашего поступкомъ, его огорчившимъ, наполняя, сколко силъ вашихъ достало, изъясненіями, что тое есть безпримѣрное дѣло, что поступокъ гнюсенъ, и извинителнымъ быть не можетъ, что на всю мою жизнь честь вредящій, что жестокости примѣру вы не знаете, что какіе бы причины до неограниченной ненависти поставить меня могли. Недоволствуясь же всѣмъ симъ, говорите, что будто я притворялась, обманивала, скривалась, сажала себя въ заключеніе, скривалась отъ власти отцовой и пока тоже, что поступокъ вовся противной природѣ и всякимъ и вездѣ законамъ. Не говорите, а написали о состояніи и воспитаніи моемъ, отъ юности моей мнѣ всѣянныхъ, потому что и въ самомъ среднемъ родѣ людей и протчее... Спрашиваете читала ли я гдѣ о томъ въ исторіи или слышала ли? Такіе ваши колкіе слова даютъ мнѣ понимать, какъ вы ко мнѣ расположены: въ искренномъ и дружескомъ положеніи печаль печалью не облегчаютъ, ибо изъ того такъ бы было, что когда болитъ одна рука, то одну и другую отрубить.

Вы, не спрося и невидѣвъ меня, престрашно осудили; вы не были всему тому свидѣтелемъ, вы же подняли пилъ больше того, что предъ правителствомъ сказано (?); но чемъ могу увѣрить васъ, что я вовсе нималѣйше никакъ отца моего не огорчила, почитаю его и люблю, какъ долгъ мой велитъ, не поѣхала жъ съ нимъ единственно что болна тогда и теперь, не имѣя съ собою одѣянія.

Я просила со слезами отца пощадить мою жизнь, но увидѣвъ противное тому, по самой естественной къ жизни привязанности, спасла себя бѣгомъ. Истинну сію вамъ пишу, такъ какъ должна жъ и предъ Богомъ въ день суда сказать; при томъ пребываніе мое у бабушки весьма уже отъ давнихъ временъ, а не по случаю какому, на время сюда пріѣхавши оставалась бы; тутъ воспитана, такъ какъ угодно было отцу, чрезъ благодѣтельницу и попечителку мою. Сегоже одного не знаю, что разумѣете вы въ упреканіи вашемъ, и въ самомъ среднемъ родѣ. Развѣ родъ нашъ въ первомъ родѣ, о семъ предъостав-

ляю вамъ судить. Исторіи—священную и другую читала, знаю и хвалюсь вамъ, братецъ, что и законъ гражданскій мнѣ извѣстенъ, а особливо сего края книга статутъ; по оной и другимъ давно могла и должна имѣть свое достояніе и волю располагать собою; но сіе предъоставила родителю моему, ему повинуюсь, отъ него одного завишу. И такъ, не осуждайте меня, братецъ, пощадите невинность, сотворите богоугодное дѣло, чтобы отецъ мой гнѣвъ свой оставилъ; да не вниду во гробъ съ именемъ преступницы, но наивсепослушнѣйшею дочерью его. Вы воспитаны, вы можите чувствовать, колико разитъ сердце мое такая нечаянная встрѣча, особливо угроженіе ваше, что предъпринятое на меня на всю мою жизнь вредъ наноситъ, такъ какъ бы совершенно участвуя вовсемъ томъ и вы, ибо отпуская и такое ко мнѣ писмо, исходатайствовали отъ дяди строжайшее предписаніе не толко до меня касающесся, но и до благодѣтельницы нашей, не щадя и самой ея жизни. Прими, братецъ, въ разсужденіе, или воздаяніе ей, что она горчайшею печалію и ударомъ поражена будучи отъ рукъ своихъ, теперь въ слезахъ и болѣзни. Вотъ все сіе удивляетъ и печалитъ меня до крайности, а страшитъ призывъ вашъ къ себѣ на жителство. Любезный братецъ, вы въ пространномъ своемъ писмѣ и бывъ такъ глубоко изучены, не утверждаете никакимъ добрымъ и надежнымъ увѣреніемъ, что надо мною не исполните такъ, какъ сказивали въ Боровичахъ мнѣ, въ глаза, кромѣ протчого: дожду я того, что ты будешъ у мене дѣти нянчить. Сіе после воспитанія вамъ данного и просвѣщенности, какъ вы о себѣ заключаете, не воспрепятствовавшее вамъ изректи мнѣ. Я слышавъ, помню, должна одинажды навсегда такъ расположитъ себя, чтобъ не быть вамъ слугою и нянею дѣтей вашихъ, но соотвѣтственно моему имѣнію жить, васъ любитъ и усердствоватъ, съ чемъ есмъ и пребуду ваша сестра и покорная услужница Настасія Милорадовичевна. (*Съ собственноручнаго подлинника*[1]).

За симъ слѣдуютъ три письма, въ которыхъ разсказана попытка П. С. Милорадовича отобрать дочь отъ тещи и извѣщеніе послѣднею зятя, что дочь его 23 мая повѣнчана съ Лашкевичемъ.

---

[1]) Сочинено быть можетъ Григ. Григ. Фридрикевичемъ, умѣвшимъ красно писать дѣловыя бумаги.

14. Настасьи Степановны къ зятю.

Государь мой Петръ Степановичъ. Не напоминаю жестокихъ вашихъ нападеній, поразившихъ навсегда честь и жизнь мою, и что вы повергаете однородную дочь вашу, безъ всякой ея предъ вами вины въ злоключенія, описали ея предъ правителствами съ такой стороны, съ которой любящіе своихъ дѣтей отцы помыслить боятся.

Остается все то вамъ, какъ произведшему, чувствовать, отвѣчать предъ всевѣдущимъ Творцомъ и его праведнѣйшимъ судомъ, гдѣ ослабѣютъ ваши предстатели противоборствовать той истиннѣ, которую здѣсь безъ пощады опровергаютъ; слезы невинныхъ не будутъ прохлажденіемъ той жадности, съ которой они неповинныхъ притѣсняли, но будутъ вѣрными свидѣтельми тѣхъ жестокостей и обидъ, тѣхъ разореній и нестерпимыхъ притѣсненій, каковые произвели надъ безпомощными людьми. Неможно, кажется, вѣруя въ Бога, нельзя забыть того, что онъ есть за обиды всесильный мститель; мнѣ къ сему осталось толко прибѣгнуть. Я потеряла уже все утѣшеніе духа моего, которымъ питалъ себя, что по несноснымъ моимъ трудамъ, во дни старости моей буду покойна, что вы и дѣти ваши, а мои родные внуки, воздадите мнѣ тотъ долгъ, который до послѣднихъ моихъ силъ и крайняго оныхъ изнеможенія, всеусерднѣйше я плотила. Нѣтъ! во мѣсто того, вы устремились не только все, но и жизнь мою у меня отнять. Но должна вамъ по истиннѣ сказать, что и при таковомъ горестнѣйшемъ моемъ состояніи, не только чтобъ умалялась, но и возвышается горячность моя къ вашимъ дѣтямц, а моимъ внукамъ. Я о презрѣнной уже вами дочерѣ вашей должна старатся, всѣми мѣрами, доставить ей благосостояніе и первымъ къ тому поставляю, просить только васъ: обратите ваше отеческое вниманіе къ невинной дочери вашей, утѣшите ея отъ слезъ изнемогающую, не отвергайте права воспользоваться ей совершеннолѣтіемъ, отдѣлите вы должную часть наслѣдственного ея имѣнія, и будьте увѣрены, что я во всю жизнь мою старaясь о благѣ вашихъ дѣтей, оказать могу наилучшія мои къ нимъ расположенія, но не преже, какъ увижу ихъ владѣющими своимъ наслѣдствомъ, а вы откроете завѣсу, покрывающую истину, увидите, что дѣти ваши совершенные; васъ чтутъ, что я имъ родная бабка, а вамъ по женѣ вашей мать, и что не останется для меня другаго удовольствія, какъ видѣть дѣтей вашихъ благополучными и къ вамъ навсегда быть вамъ доброжелателная Н. П. 20 мая.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LI.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4
1895

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 Октября 1895 года.

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

(Окончаніе[1]).

Теперь перехожу ко 2-й части Франковскаго сочиненія: разбору произведеній Вышенскаго въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. Эта часть—самая капитальная въ книгѣ Франка, и по содержанію, и по объему. Но я положительно не понимаю, что заставило Франка помѣстить ее раньше, а не послѣ біографіи Вышенскаго.

Вѣдь какую цѣль преслѣдовалъ Франко, работая надъ 2-й частью своей диссертаціи?—Онъ хотѣлъ установить хронологическую послѣдовательность произведеній Вышенскаго.—Хорошо. Но зачѣмъ ему это?—Затѣмъ, что, установивши хронологію произведеній Вышенскаго, мы можемъ наблюдать, какъ постепенно формируется духовный обликъ писателя,—можемъ установить „внутришню діалектику розвою".—Цѣль благая. Но какими же средствами мы опредѣлимъ дату составленія того или другого сочиненія писателя?—Посторонними свидѣтельствами да намеками, заключенными въ сочиненіяхъ самого писателя, на извѣстные историческіе факты, на какія-нибудь печатныя книги и т. п. Франко обыкновенно такимъ способомъ и опредѣляетъ хронологію сочиненій Вышенскаго; но когда постороннихъ свидѣтельствъ и т. п. осязательныхъ данныхъ у него не хватаетъ, онъ бросается въ логическій кругъ, дѣйствуя слѣдующимъ пріемомъ

[1]) См. „Кіев. Стар". 1895 г., № 9.

емомъ: произвольно, силою собственной фантазіи, онъ начертываетъ себѣ тотъ путь или программу, по которому въ теченіе многихъ лѣтъ шли и развивались убѣжденія Вышенскаго, и вотъ затѣмъ на основаніи своего заранѣе сдѣланнаго психическаго построенія (не достовѣрнаго, а только въ лучшемъ случаѣ вѣроятнаго) онъ ужъ легко назначаетъ дату составленія для того или другого памятника;—„такое-то произведеніе", говоритъ онъ, „не соотвѣтствуетъ (придуманному мной) настроенію Вышенскаго въ такіе-то годы его жизни,—оно соотвѣтствуетъ настроенію такого-то болѣе ранняго періода". Потомъ, въ 3-й части диссертаціи, Франку приходится дать намъ біографію Вышенскаго и его характеристику (т. е. біографію его мысли): и вотъ здѣсь Франко исполняетъ предложенную задачу, опираясь на ту послѣдовательность всѣхъ произведеній Вышенскаго, какую установилъ во 2-й части. Конечно, въ результатѣ получается въ 3-й части какъ разъ тотъ обликъ Вышенскаго и какъ разъ то движеніе его идеаловъ, какое Франко придумалъ раньше, во 2-й части, но вѣдь это--опредѣленіе неизвѣстнаго посредствомъ неизвѣстнаго же: вторая часть строится на основаніи третьей, а третья на основаніи второй! Это крупная логическая ошибка со стороны Франка; изъ-за нея 3-я часть диссертаціи (біографія и характеристика Вышенскаго) лишилась надлежащей цѣнности, и потому-то я не считалъ нужнымъ держаться при разборѣ диссертаціи того порядка, котораго держится авторъ: я разобралъ сначала 3-ю часть, а ужъ потомъ перехожу ко 2-ой.

Не смотря на ея громадный объемъ (стр. 77—416), мнѣ придется о ней сказать сравнительно гораздо меньше, чѣмъ о третьей части, такъ какъ она спорныхъ и невыясненныхъ пунктовъ представляетъ гораздо меньше, а вѣдь я только ихъ и касаюсь.

Попытка рассортировать сочиненія Вышенскаго хронологически ужъ была сдѣлана и до Франка И. П. Житецкимъ (въ „Кіевск. Стар." 1890, іюнь). Франко увѣряетъ, что таблица Житецкаго „зовсимъ арбитральна" и ничѣмъ не мотивирована. Ну, на счетъ *полнѣйшаго* отсутствія мотивировки у Житецкаго говорить нельзя: у Житецкаго такъ же, какъ и у

Франка, она есть, хотя, конечно, у Франка она несравненно обстоятельнѣе и резоннѣе. Причемъ, если мы сличимъ таблицу Франка съ таблицей Житецкаго, то увидимъ, что въ сути-то онѣ обѣ очень близки между собою. Главныя произведенія Вышенскаго, дату составленія которыхъ можно опредѣлить съ несомнѣнной точностью, очевидно помѣщены обоими изслѣдователями на одинаковомъ мѣстѣ; разногласіе касается *преимущественно* тѣхъ сочиненій, дата которыхъ опредѣляется путемъ психологіи,—но извѣстно, какой это шаткій и невѣрный путь—психологія.

Всѣхъ сочиненій Вышенскаго дошло до насъ восемнадцать. Разсмотримъ ихъ въ томъ же порядкѣ, что и Франко.

№ 1. *Новина или вѣсть о обрѣтеніи тѣла Варлаама* (стр. 79). Это сочиненіе Франко помѣщаетъ между 1576—1580 гг. Оправдывается пословица, что первый блинъ комомъ. На „Новинѣ" даты никакой нѣтъ. Что это за Варлаамъ, архіепископъ Охридскій, и когда онъ жилъ, мы также ничего не знаемъ. По мнѣнію Франка, заглавіе „Новина" указываетъ на то, что сочиненіе написано вскорѣ послѣ убіенія Варлаама (такимъ образомъ, вмѣсто двухъ неизвѣстныхъ у насъ было-бы только одно). Но вѣдь „новина" можетъ означать просто „novella", т. е. повѣсть (въ другомъ мѣстѣ на стр. 230, объ этомъ говоритъ и самъ Франко), и т. о. заглавіе это не указываетъ на какую-то недавнюю новость. Упустивши изъ виду это обстоятельство, Франко ищетъ Варлаама въ спискѣ архіепископовъ Охридскихъ конца 16-го вѣка. На томъ основаніи, что объ архіепископахъ Охридскихъ, бывшихъ между 1574—1580 годамъ, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, Франко догадывается, что въ это время былъ здѣсь владыкою Варлаамъ. А Голубинскій („Кратк. оч. исторіи правосл. церквей болг., серб. и румынской" М. 1871) предполагаетъ, что тогда архіепископъ былъ въ Охридѣ Гавріилъ! Повѣримъ однако не Голубинскому, а Франку, повѣримъ для того, чтобы прослѣдить дальнѣйшій ходъ его доказательствъ. Сперва зададимъ вопросъ: въ какой же именно изъ годовъ 1574—1580 Варлаамъ сталъ архіепископомъ въ Охридѣ? Франко избѣгаетъ дать точный отвѣтъ на

это и, вмѣсто того, предлагаетъ намъ новую гипотезу, что архіепископство Варлаамово длилось очень недолго: вскорѣ, *вѣроятно* его прогнали съ каѳедры. Хотя и на это Франко не представляетъ никакихъ доказательствъ, но я опять постараюсь повѣрить ему, чтобы опять предложить вопросъ: но *когда же именно* его прогнали? вѣдь если вдругъ окажется, что онъ былъ прогнанъ какъ разъ около 1581-го года, то Франко никакъ не распутается среди сложныхъ узловъ своихъ предположеній. Дѣло вотъ въ чемъ. По „Новинѣ", Варлаамъ изъ Охриды отправился еще въ Велесъ, и ужъ тамъ его убили; при этомъ мы не знаемъ, долго ли онъ тамъ прожилъ, вскорѣ ли его убили послѣ его прихода въ Велесъ, или спустя очень долгое время. Франко наудачу считаетъ нужнымъ предположить, что вскорѣ. Ничто намъ не ручается, что какой-нибудь новооткрытый документъ не возвѣститъ намъ о цѣлыхъ десяти-двадцати годахъ безмятежнаго пребыванія Варлаама въ Велесѣ, но повѣримъ-те опять Франку и посмотримъ, что будетъ дальше. „Новина" ясно говоритъ, что послѣ убіенія Варлаама прошелъ цѣлый еще годъ, пока тѣло его стало творить чудеса („Кіевск. Стар." 1890, іюнь, прилож. стр. 117). Если Варлаамъ ушелъ изъ Охриды въ 1581-мъ году, то чудеса могутъ относиться не ранѣе, какъ къ 1582-му году. Потомъ начались переговоры съ турецкими кадыями касательно перенесенія мощей Варлаама въ Охриду, продолжались они также нѣкое время... Нѣтъ! Франку ни за что не удастся пріурочить водвореніе мощей Варлаама въ Охридѣ къ 1578-му году, т. е. къ тому времени, когда Вышенскій, по разсчету Франка (въ 3-й части диссертаціи) поѣхалъ на Аѳонъ и проѣзжалъ черезъ Охриду. Не стоило и нагромождать кучу гипотезъ на гипотезѣ! не стоило понапрасну дискредитировать себя въ глазахъ читателя!—Вспомнить нужно, что ради той-же „Новины" Франку пришлось сдѣлать еще одну гипотезу, просто чудовищную: онъ, какъ я ужъ упоминалъ, погналъ Вышенскаго на Аѳонъ какой-то курьезной дорогой,— лишь бы привесть его въ Охриду!—Между тѣмъ оказывается, что изъ-за такого произведенія, какъ „Новина", не стоило и вовсе хлопотать да входить въ неудобныя сдѣлки съ логикой:

вѣдь „Новина“ Вышенскимъ не составлена (онъ даже не подписалъ своего имени подъ ней), а просто переписана. Кое-что о „Новинѣ“ сказано у Голубева въ „Объяснительныхъ параграфахъ по ист. зап.-русск. церкви“ (К. 1893, стр. 40). Голубевъ находитъ, что авторскія права Іоанна Вышенскаго по отношенію къ упомянутому произведенію, „*кажется*, должны быть значительно ограничены“.—„Мы думаемъ“, продожаетъ Голубевъ, что Новина есть ничто иное, какъ сдѣланное Вышенскимъ извлеченіе изъ болѣе обширнаго, въ то время ходившаго по рукамъ житія и прославленія архіепископа Варлаама. Что это произведеніе въ существенныхъ чертахъ принадлежитъ не Вышенскому,—достаточно указать на слогъ его (не исключая конечныхъ строкъ); что это именно извлеченіе изъ болѣе подробнаго житія,—достаточно привести начальную строку Новины: „По убіеніи *убо* и вверженіи въ рѣку Вардаръ блаженнаго *онаго* отца и проч.“ Не понятно, почему Голубевъ осторожно добавляетъ: „кажется“. Стоитъ бросить даже бѣглый взглядъ на „Новину“, чтобы увидѣть въ ней слогъ не Вышенскаго: здѣсь смѣсь церковно-славянщины и новоболгарщины. И Франко сознаетъ оба эти элемента, но видитъ въ нихъ только вящшее подтвержденіе для своей догадки о 1576—1580 годѣ. Коснемся сперва новоболгарскихъ элементовъ. Ихъ присутствіе Франко толкуетъ въ томъ смыслѣ, что Вышенскій написалъ свою „Новину“ по устнымъ разсказамъ Охридянъ. А по моему мнѣнію, это естественно свидѣтельствуетъ только о томъ, что „Новину“ или пространное „Житіе Варлаама“, составлялъ болгаринъ, м. б., одинъ изъ жителей Охриды. Франко, впрочемъ, не позаботился о томъ, чтобы представить читателю образцы новоболгаризмовъ, встрѣчающихся въ „Новинѣ“: всѣ приведенные имъ примѣры (кромѣ одного) вовсе не идутъ къ дѣлу. Вотъ тѣ „новоболгарскія слова и формы, которыя не употреблялись на Руси“, по словамъ Франка (стр. 82):

„*Плищъ*—perturbatio“. Возражу на это, что въ сѣверно-русскомъ прологѣ подъ 12-мъ февраля мы читаемъ. „Даде ему царь ярлыкъ свой, да свободно отъ всѣхъ плищей и попеченій клирицы и монахи живутъ“ (Лѣтоп. Русск. Литер.“ кн. 6-ая стр. 64).

На немъ же видь птищъ бњлъ—тутъ есть и слово птищъ (вм. птиця) не русское и не церковно-славянское, и несклоняемый винительный, свойственный новому болгарскому языку".—Что касается такихъ формъ, какъ „птищъ", „птичищъ" [1]), „львищъ", „козлищъ" и т. п., то это вполнѣ обычная форма прежней литературной рѣчи всѣхъ православныхъ славянъ. Срв. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и мало извѣстныхъ памятникахъ" 1879, стр. 51. Кажется, что древне-русское „птичь", встрѣчаемое въ Словѣ о Полку Игоревѣ, должно быть отнесено сюда же (говорю: „кажется", потому-что существуетъ и иное объясненіе). А „несклоняемый винительный" („птищъ бѣлъ"), какъ его называетъ Франко, вовсе не представляетъ собой новоболгарскаго т. н. „косвенника": это обыкновенный винительный падежъ мужск. р. ероваго склоненія, который въ церковно-славянскомъ, и въ живомъ древне-русскомъ языкѣ былъ всегда сходенъ съ именительнымъ падежомъ, даже для предметовъ одушевленныхъ.

„*Въ образъ орла*—вм. въ образѣ орла".—Въ чемъ же здѣсь новоболгаризмъ? Можно здѣсь усмотрѣть латинизмъ, грецизмъ, но только не новоболгаризмъ.

„*Вноситъ въ село то тайно*—употребленъ болгарскій членъ". Единственный правильно приведенный примѣръ.

„*Сирамахъ*—слово болгарское". А малорусское „сиромаха"?!

Больше примѣровъ на новоболгаризмы у Франка нѣтъ. Обратимся теперь къ церковно-славянскимъ примѣсямъ „Новины". Ихъ присутствіе заставляетъ Франка отнесть „Новину" къ числу самыхъ первыхъ, раннихъ произведеній Вышенскаго: „это стиль и языкъ невыработанные, шаблонные, не похожіе на стиль и языкъ болѣе позднихъ произведеній нашего автора (стр. 81)". Странное представленіе о постепенной выработкѣ языка у древнихъ русскихъ литераторовъ! Неужели Вышенскій вначалѣ, только-что вышедши изъ міра, выражался съ большей примѣсью церковно-славянскихъ словъ и выраженій, чѣмъ

---

[1]) Въ той же „Новинѣ" есть и „птичищъ", но въ изданіи Игн. Житецкаго стоитъ „птичнищъ" (стр. 11). Повидимому, это ошибка типографщика, а не издателя.

потомъ, поживши на Аѳонѣ и занявшись спеціально духовнымъ чтеніемъ? Вторая половина замѣчанія Франка („непохожіе на стиль и языкъ болѣе позднихъ произведеній") также не правильна. Конечно, Вышенскій не научился писать настоящей церковно-славянщиной, его языкъ всегда оставался довольно живымъ, но у него есть одно произведеніе, гдѣ встрѣчается на нѣсколькихъ страницахъ такой же тяжелый стиль и языкъ, какъ и въ „Новинѣ": я говорю о „Писаніи къ утекшимъ отъ православной вѣры епископомъ" (Порфирій: „Востокъ Христіанскій", прилож., стр. 1043 и сл.). Цѣлое посланіе—одно изъ наиболѣе живыхъ, но вставленный въ него разсказъ о чудѣ во времена Михаила Палеолога изложенъ старославянскимъ языкомъ. И я думаю, что это сходство съ „Новиною"—не случайное. Вышенскій тогда имѣлъ наклонность популяризовать православныя болѣе новыя чудеса (срв. дисс. Франка, стр. 229), и мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, что переписка „Новины" имѣла мѣсто около того же времени, когда составлено „Писаніе къ епископомъ", т. е. приблизительно около 1598-го года. Въ собственноручномъ спискѣ своихъ произведеній Вышенскій помѣстилъ „Новину" на послѣднемъ мѣстѣ („Кіев. Стар." 1889, апр., прилож., стр. 28). Напрасно Франко отказывается видѣть въ этомъ спискѣ полнѣйшее отсутствіе хронологической послѣдовательности.

№ 2. Слѣдъ къ постыженію и изученію художества, приводящаго къ вѣчной правдѣ (стр. 87—88). Что думаетъ объ этомъ произведеніи Франко, я скажу послѣ, а сперва посмотрю самъ, что такое представляетъ собою этотъ „Слѣдъ". Первая его половина содержитъ исчисленіе шести правилъ, соблюденіе которыхъ приводитъ человѣка ко блаженству; а во второй половинѣ сказано, что всѣ иные пути къ блаженству не годны, и потому жестоко заблуждаются латынники, полагаясь на свои „внѣшнія ученія", „философскія киченія", „грамматичку" и „рыторичку". Правила, преподаваемыя Вышенскимъ (см. текстъ въ „Кіев. Стар." 1889, апр., прил., стр. 114—115), предназначаются не для однихъ монаховъ, но вообще для всѣхъ православныхъ христіанъ. А послѣднее изъ нихъ (шестое)—иди смѣ-

лѣе въ борьбу съ неправдою, не боясь никакихъ мученій и смерти,—касаться монаховъ даже не можетъ: они вѣдь отщетились отъ міра. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это произведеніе составлено Вышенскимъ для православныхъ русиновъ съ тою цѣлью, чтобы поддержать ихъ мужество въ борьбѣ за вѣру и предложить имъ вмѣсто „грамматичекъ и рыторичекъ" какое-нибудь другое руководство. (Такую цѣль Вышенскій не разъ преслѣдовалъ). Когда же составленъ этотъ „Слѣдъ"? Конечно, сразу ясно, что составленъ онъ въ разгаръ борьбы съ латинствомъ. Но когда именно? Голубевъ („Объяснит. параграфы и т. д.) считаетъ „Слѣдъ" за приложеніе къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ", но доказательствъ и мотивировки не приводитъ вовсе. Положимъ, „Извѣщеніе о латинскихъ прелестехъ" писалось Вышенскимъ въ опасную для православія минуту, послѣ попытки ввести въ православную церковь латинскій календарь, такъ-что шестое правило „Слѣда" ужъ имѣло бы тогда нѣкоторый смыслъ; самое мѣсто, которое занимаетъ „Слѣдъ" въ собственномъ перечнѣ сочиненій Вышенскаго, позволяетъ думать, что „Слѣдъ" могъ быть приложеніемъ къ „Извѣщенію". Но мнѣ все таки кажется, что эпоха введенія католическаго календаря (т. е. конецъ 80-хъ годовъ XVI в.) не была еще такимъ грознымъ временемъ для православія, чтобъ рѣчь шла *даже о смерти* за вѣру [1]). Я болѣе склоненъ думать, что Вышенскій говоритъ въ „Слѣдѣ" о болѣе позднемъ времени: послѣ введенія уніи. И точнѣе могу сказать: „Слѣдъ", должно быть, написанъ въ одно время съ „Зачапкой". Въ „Зачапкѣ" восхваляется греческая вѣра, давшая Руси „слѣдъ, ведущій въ животъ" (срав. заглавіе разбираемаго произведенія); см. текстъ „Зачапки" въ изданіи Голубева, стр. 92. Далѣе въ „Зачапкѣ" говорится, что истинная церковь должна страдать, и *сейчасъ-же* затѣмъ говорится, что проклята та церковь, гдѣ вмѣсто евангелія—поганская наука („Зач.", ст. 102): тотъ же порядокъ мыслей, что и въ „Слѣдѣ"! Западная наука называется въ „За-

[1]) Въ этомъ пунктѣ я соглашаюсь съ Франкомъ, который, при разборѣ „Извѣщенія", прекрасно доказалъ, что нельзя переносить польскихъ порядковъ 17-го вѣка въ 16-й вѣкъ, до введенія уніи.

чапкѣ" надворной, т. е. внѣшней: въ „Слѣдѣ" нападки на „внѣшнія ученія". Въ „Зачапкѣ" Вышенскій возстаетъ противъ „лживое діалектики", „велерѣчивое рыторики", философіи: чуть ли не тѣ же слова, что и въ „Слѣдѣ". По моему, есть достаточно добрыхъ основаній—предположить, что „Слѣдъ" составляетъ или введеніе, или приложеніе къ „Зачапкѣ", и, значитъ, написанъ около того же 1607-го года. Не есть ли эта одна изъ трехъ „цвѣточекъ", упоминаемыхъ въ „Зачапкѣ"? [1]). Можетъ быть, это—предисловіе къ „Древу"?

Во всемъ вышесказанномъ найдется, конечно, кое-что гипотетическое, и я далекъ отъ мысли укорять Франка, что онъ не додумался до тѣхъ же гипотезъ, до какихъ я. Но Франко заслуживаетъ укора за другое: отъ его вниманія ускользнули вполнѣ реальныя, ощутительныя данныя,—и во всемъ виновата его страсть дѣлать психологическія построенія! *Показалось* ему, что „Слѣдъ" излагаетъ главные принципы жизни *монашеской*,—и вотъ сейчасъ же фантазія нарисовала ему картину: Вышенскій недавно пришелъ на Аѳонъ; онъ начинаетъ втягиваться въ мѣстную аскетическую жизнь; онъ почитываетъ различныя сочиненія святыхъ подвижниковъ и размышляетъ о сути иноческаго житія; для лучшаго запоминанія онъ составляетъ себѣ конспектъ главныхъ принциповъ аскетизма. Зачѣмъ къ этому же краткому конспекту Вышенскій присоединяетъ полемическую выходку противъ грамматики и реторики (о которыхъ, къ слову сказать, онъ въ мірѣ врядъ ли имѣлъ много свѣдѣній), Франко не объясняетъ, да этотъ вопросъ его и не интересуетъ... Я ужъ показалъ выше, что „Слѣдъ" писанъ Вышенскимъ не для себя, а для другихъ, т. е. что это не лирическое изліяніе, а поучительное посланіе. Но если бъ мы даже согласились на ми-

---

[1]) Отправляя „Зачапку" на Русь, Вышенскій написалъ, что одновременно онъ посылаетъ для земляковъ „три цвѣточки": 1) Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть; 3) Маленькую пѣсеньку церковную, которую зразумѣвши благоразумную мысль, отъ сладости николиже пѣти не престанешъ („Зач.", изд. Голубевымъ, стр. 74). Всѣ три эти сочиненія не отысканы.

нуту съ невозможнымъ заявленіемъ Франка, что „Слѣдъ“—это конспектъ, и задались вопросомъ о времени его составленія, то все таки мы могли бы прійти къ иному выводу, чѣмъ Франко. Въ самомъ дѣлѣ: почему это монахъ, по мнѣнію Франка, можетъ писать конспектъ своихъ обязанностей только въ первое время своего поступленія въ монастырь?? Вѣдь ничто не препятствуетъ намъ нарисовать себѣ такую картину: проповѣдникъ Вышенскій оскорбленъ нападками противниковъ на его мнимую трусость и неученость (упреки въ трусости мы встрѣчаемъ около 1598-го года, и они затрагивали Вышенскаго за живое), онъ рѣшаетъ пристыдить противниковъ и посылаетъ на Русь „Слѣдъ“, какъ девизъ своей готовности умереть за правду, и сюда же присоединяетъ замѣчаніе по адресу „грамматичекъ“ и „рыторичекъ“. Недурна также слѣдующая картина: сначала у Вышенскаго, дѣйствительно, не было гражданской доблести; ему это непріятно; чтобы возбудить себя къ мужеству, онъ составляетъ для себя конспектъ своихъ обязанностей; происходитъ это, положимъ, въ первыхъ годахъ 17-го вѣка. При извѣстной живости фантазіи не можетъ быть недостатка и за многими другими картинами, построенными на основаніи психологическихъ догадокъ; всѣ онѣ будутъ столь же основательны (или, если угодно, столь же безпочвенны), какъ и Франковская.

№ 3. Обличеніе діавола міродержца (стр. 90—99). Франко относитъ это сочиненіе къ началу 80-хъ годовъ XVI-го в., т. е. къ тому моменту, когда Іоаннъ стоялъ на рубежѣ міра и отреченія отъ міра. Основанія—опять психологическія, и на этотъ разъ они изложены до того поэтически-соблазнительно и до того увлекательно, что читателя (по крайней мѣрѣ меня) они подкупаютъ; мнѣ положительно жалко поднимать грубую, критическую руку на граціозное сооруженіе Франка. Вотъ что онъ пишетъ: „Это сочиненіе насквозь проникнуто горячимъ чувствомъ, оно—какъ бы исповѣдь самого автора, но высказанная въ поэтической, общей формѣ. Я вижу здѣсь результатъ той внутренней борьбы, какую естественно долженъ былъ испытать живой и пылкій умъ нашего автора при рѣзкомъ переходѣ отъ жизни мірской къ жизни аскетическо-монашеской. Среди тишины и уединенія Аѳона

предъ нимъ возникали искушенія и соблазны свѣтской жизни, возникали картины всего того, что онъ пережилъ и покинулъ, раздавались, б. м., голоса дорогихъ ему людей, призывая его къ общему труду, къ взаимной помощи. Но, должно быть, великую чашу разочарованій, горечи и боли вынесъ изъ жизни этотъ человѣкъ, если теперь съ глубокою ненавистью отворачивается отъ всего этого и видитъ въ этомъ дѣло діавола, сѣти, уловляющія на гибель вѣчную... Въ его душѣ еще идетъ борьба: остаться ли ему на Аѳонѣ, или возвратиться къ той жизни, гдѣ его могли прельщать если не высокія „дикгнитарства и преложенства", то по крайней мѣрѣ тихое житье въ семейномъ кругу. Но онъ освѣщаетъ всѣ эти картины бенгальскимъ огнемъ аскетическихъ доктринъ,—и участь его рѣшена безповоротно" (стр. 91).

Прочитавши эти строки, я сталъ искать, нѣтъ ли доказательствъ, подтверждающихъ мнѣніе Франка. Подыскалось только одно: въ „Терминѣ", т. е. собственноручномъ перечнѣ Вышенскаго, „Обличеніе на діавола" помѣщено на первомъ мѣстѣ, какъ бы наиболѣе раннее произведеніе. Но противъ этого выступаетъ соображеніе, что „Обличеніе" помѣщено Вышенскимъ въ началѣ сборника только какъ характерное *предисловіе* ко всему сборнику, а написано могло быть даже позже всѣхъ произведеній. Самъ же Франко приводитъ два слѣдующія доказательства: 1) „Здѣсь Вышенскій называетъ себя Голякомъ Странникомъ, какимъ онъ былъ, недавно пришедши на Аѳонъ" (стр. 93). Но вѣдь и „голякъ" (суф. „факиръ"), и „странникъ" (суф. „сâликъ" ξένος)—это мистическіе термины. Терминъ „странникъ" указываетъ, что аскетъ неуклонно стремится впередъ по пути къ полному отреченію отъ своей личности, но еще не успѣлъ въ этомъ окончательно; дѣло понятное—„странникомъ" мистикъ можетъ оставаться долгіе годы, даже до самой смерти. Въ „Посланіи къ старицѣ Домникіи", писанномъ уже въ 1606-мъ году, Вышенскій опять называетъ себя „странникомъ". Почему же Франко не захотѣлъ „Обличенія" отнести къ тому же 1606-му году, или „Посланія"—къ 1580-му?! 2) Второе соображеніе Франка: Что „Обличеніе" составлено рано, видно изъ того, что

вся концепція этого произведенія—насквозь лирическая, безъ всякаго поученія для другихъ, безъ всякихъ выводовъ для общества. Автора интересуетъ только психологическій процессъ внутри его самого, и онъ изливаетъ его на бумагѣ. Это—не посланіе и не поученіе для другихъ,—онъ самъ еще проходитъ тяжелую внутреннюю школу (стр. 93—94)". Дальше мы увидимъ, что и это не вѣрно: „Обличеніе"—посланіе къ другимъ.

По моему мнѣнію, „Обличеніе" составлено не ранѣе 1596-го года. Конечно, Франко возмутится и потребуетъ, чтобы я попытался *психологически* объяснить, почему это Іоаннъ такъ лирически обличалъ діавола не въ началѣ монашеской жизни, а гораздо позже, когда вопросъ о его судьбѣ былъ окончательно рѣшенъ. Признаюсь, что я затрудненій не испытаю: маленькая живость фантазіи—и, повторяю, за психологическими построеніями дѣло не станетъ.—„Какъ пылкая, нервная натура", скажу я (понимая „Обличеніе" въ томъ смыслѣ, какъ Франко), „Вышенскій сперва горячо и ревностно, ни о чемъ не задумываясь и не сомнѣваясь, предался аскетическимъ подвигамъ и самоизнуренію. Но проходили годы. Стала въ немъ сказываться реакція: стали его мучить тѣ демоны-искусители, на которыхъ онъ жаловался въ „Посланіи къ Іову Княгиницкому", т. е. даже въ концѣ первыхъ годовъ XVII вѣка; вѣдь нѣчто подобное было и съ старымъ аббатомъ, героемъ романа „Notre Dame de Paris" В. Гюго! И вотъ, для своего успокоенія, Вышенскому пришлось подъ старость составлять „Обличеніе на діавола"... Но я могъ бы и не напрягать своей фантазіи для подобныхъ возраженій Франку: дату „Обличенія" намъ скорѣе, чѣмъ всякая психологія, уяснитъ разборъ этого произведенія, который мы сейчасъ произведемъ вновь. Я до сихъ поръ молчалъ, но вѣдь „Обличеніе" вовсе *не лирическое* изліяніе Вышенскаго предъ самимъ собою! Въ противность утвержденію Франка, оно—полемическое сочиненіе, направленное противъ уніи и предназначенное для постороннихъ читателей! Унія—это и есть „соблазнъ діаволь". Въ самомъ дѣлѣ: разсмотримъ діавольскія искушенія поближе. Кто изъ духовныхъ поклонится діаволу (т. е. приметъ унію или католицизмъ), тому діаволъ обѣщаетъ высшія духов-

вныя должности *католическаго* костела: бискупство, арцыбискупство, кардинальство, папство (см. текстъ „Кіевск. Стар." 1889, апрѣль, прилож., стр. 33). Кто изъ знатныхъ мірянъ поклонится діаволу (т. е. приметъ унію, или католицизмъ), тому онъ открываетъ доступъ къ высшимъ должностямъ *польскаго* государства: войскаго, подкоморія, судьи, каштеляна, старосты, гетмана, канцлера короля („Если хочеш королем быти, обѣщайся мнѣ на офѣру в геенну вѣчную, я тебѣ и королевство дам". „Кіев. Стар.", loc. laud.). Третій соблазнъ діавола касается болѣе простыхъ людей, мѣщанъ и крестьянъ: если они поклонятся ему, то будутъ пользоваться безмятежнымъ житьемъ (котораго лишены православные жители Польши). Сознавая все это, Вышенскій совѣтуетъ православнымъ землякамъ (а вовсе не себѣ) презрѣть всѣ (уніатскія) искушенія и вооружиться для мужественной борьбы аскетизмомъ (Вышенскій не разъ рекомендовалъ мірянамъ аскетизмъ, и самъ же Франко въ другомъ мѣстѣ, на стр. 463-й, отмѣчаетъ, что этотъ совѣтъ былъ даже причиной его неладовъ съ Ставропигійскимъ братствомъ). Какимъ образомъ отъ Франка ускользнули всѣ эти ясныя данныя, прямо свидѣтельствующія о томъ, что „Обличеніе" написано ужъ послѣ введенія уніи,—я почти не понимаю: обыкновенно Франко отличается проницательностью въ изслѣдованіяхъ, но на этотъ разъ его ослѣпила предвзятая психологія и поэтическая жилка. И притомъ, на стр. 95-й, самъ же Франко отмѣчаетъ, что блага, обѣщаемыя діаволомъ, все котолическаго свойства. Но, сдѣлавши эту отмѣтку, Франко отсюда ни о чемъ не догадывается, а только находитъ, что это—„интересно". Да, интересно!

Унія введена въ 1596-мъ году,—значитъ, „Обличеніе" написано не позже того. Но нѣтъ ли способа опредѣлить дату „Обличенія" поточнѣе? Кажется, есть. На стр. 96—97 диссертаціи Франка указано, что тема сочиненія—разговоръ діавола съ человѣкомъ—не изобрѣтена самимъ Вишенскимъ: она часто разрабатывалась отъ первыхъ временъ христіанства, она часто разрабатывалась и въ вѣкъ Вышенскаго, на многіе лады; тутъ Франко приводитъ и массу тщательно собранныхъ библіографическихъ данныхъ. И что же обнаруживается (но чего самъ

Франко не замѣчаетъ)! вѣдь изданіе-то такихъ книгъ начинается въ польской литературѣ только съ 1598-го года и констатируется въ такомъ порядкѣ: 1598 (двѣ книги), 1600, 1603 и т. д. По моему отсюда можно заключить, что Вышенскій написалъ свое „Обличеніе" не раньше 1598-го года: можетъ быть, въ томъ же 1598-мъ году, или въ 1599-мъ. Но нельзя ли пойти дальше? Предложимъ вопросъ: гдѣ же Вышенскій познакомился съ польскими „Розмовами"? на православномъ ли Аѳонѣ? Конечно, и это не было бы чѣмъ-то невозможнымъ: изъ сочиненій Вышенскаго мы знаемъ, что на православный Аѳонъ привозились польскія книги вродѣ произведеній Скарги и 'Αντίρρησις'а, да и полякъ Игн. Петрашевскій свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ: „Dziesięcioletnia podróż po Wschodzie (стр. 75—76), что въ аѳонской библіотекѣ есть коллекція польскихъ книгъ, пѣсенъ церковныхъ и бумагъ отъ XVI вѣка. Однако, быть можетъ, гораздо естественнѣе будетъ предположить, что всѣ упомянутыя польскія „Rozmowy" стали знакомы Вышенскому ужъ во время его путешествія на родину и что онъ, воспользовавшись формой католическихъ сочиненій, составилъ „Обличеніе"православное,—стало быть, не раньше 1605—1606 года. По своей тенденціи (идеализація аскетизма) „Обличеніе" какъ разъ подходитъ къ „Посланію старицѣ Домникіи" и къ „Зачапкѣ",—произведеніямъ, писаннымъ во время путешествія на Русь и вскорѣ послѣ ухода оттуда. „Зачапка" также выставляетъ на видъ матеріальное счастье уніатовъ и совѣтуетъ православнымъ, противъ этого, стать аскетами. Есть у меня еще одно соображеніе, но такъ какъ оно основано на психологіи, то я не придаю ему особеннаго значенія. Пребываніе Вышенскаго на родинѣ показало ему воочію, что безъ науки православіе должно падать, и внушило ему сознаніе недостаточности собственнаго образованія. И ревнуя о чистотѣ православія, и одновременно чувствуя неизбѣжность уніатской науки, Вышенскій могъ сваливать свои ощущенія на то же діавольское искушеніе, которое заставляло многихъ другихъ православныхъ переходить въ унію; быть можетъ, это была также одна изъ причинъ, заставившихъ его написать „Обличеніе"; въ результатѣ такого предположенія опять таки

появляется дата для „Обличенія“ приблизительно 1606-й годъ. Впрочемъ, все это только „*можетъ быть*“: будемъ довольствоваться констатированіемъ и того одного несомнѣннаго факта что „Обличеніе“ написано *не раньше* 1596-го года. Это terminus a quo. Если намъ удастся узнать, когда именно Вышенскій послалъ на Русь свою „Термину“, въ которой упоминается и „Обличеніе на діавола“, то будемъ имѣть также terminus ad quem.

№ 4. Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ. Разъ мы отвергаемъ раннее составленіе трехъ предыдущихъ №№-овъ, то „Извѣщеніе“ должно считаться не четвертымъ, а первымъ, самымъ раннимъ произведеніемъ Вышенскаго, съ которымъ онъ, довольно робко, впервые выступаетъ передъ малорусской публикой; подпись—только „Іоаннъ мнихъ“, безъ прибавленія: „зъ Вышней“; объ уніи здѣсь еще нѣтъ рѣчи, споръ пока касается только календаря, и за одно—затрагивается вопросъ о лживости католичества. Франко вполнѣ убѣдительно показываетъ (только ужъ не на основаніи психологіи!), что составлено „Извѣщеніе“ въ 1589-мъ или въ 1590-мъ году. Разбору этого сочиненія Франко посвящаетъ страницы 100—148. Разборъ этотъ—прекрасный, основательный, обстоятельный, ученый, онъ мѣтко подчеркиваетъ убѣжденія и литературные пріемы Вышенскаго, мѣтко подчеркиваетъ значеніе сочиненій Вышенскаго, какъ матеріала для характеристики современной эпохи, касается даже критики текста и выясненія позднѣйшихъ интерполяцій, и можно пожалѣть только объ одномъ: почему Франко не имѣетъ при этомъ ни малѣйшаго дара (или желанія) *колоритно* пересказывать чужія произведенія? Съ успѣхомъ читать Франка можно только въ томъ случаѣ, если одновременно имѣется передъ глазами текстъ сочиненій Вышенскаго. Главное наблюденіе, сдѣланное Франкомъ здѣсь о нашемъ авторѣ, слѣдующее: Вышенскій не столько ученый-философъ, не столько богословъ-догматикъ, не столько діалектикъ, сколько этическій проповѣдникъ,—онъ обращается не къ уму читателя, а къ его душѣ, къ чувству, къ совѣсти, и вѣра безъ дѣлъ у него мертва (стр. 113). Конечно, Франко не ограничивается въ своемъ разборѣ только Вышенскимъ: онъ по дорогѣ затрагиваетъ много другихъ вопросовъ,

имѣющихъ хотя бы косвенное отношеніе къ Вышенскому и его эпохѣ. Для образчика привожу (въ русскомъ переводѣ) остроумную характеристику клирика Василія Суражскаго: „Суражскій—писатель добросовѣстный, трудолюбивый, можетъ быть, по своему и ученый, но очень тяжелый на подъемъ мысли и почти совсѣмъ лишенный литературнаго таланта. Не знаю, есть ли въ нашей полемической литературѣ того времени сочиненіе, чтеніе котораго такъ бы утомляло и мучило, какъ чтеніе его „Книжки о вѣрѣ“. И вина не въ сухомъ стилѣ, не въ какой-нибудь особенной темнотѣ и глубинѣ. Онъ имѣетъ спеціальную привычку: каждый малѣйшій шагъ въ своей аргументаціи поддерживать цитатами и даже цѣлою кучею цитатъ изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, изъ отцовъ церкви, изъ историковъ и т. п. Къ несчастію, всѣ эти цитаты въ большинствѣ случаевъ такъ приходятся кстати, какъ тѣ пословицы, которыми на каждомъ шагу щедро сыплетъ Санчо Панса въ знаменитомъ романѣ Сервантеса (стр. 119)“. Возраженія, которыя я могу сдѣлать Франку въ этой главѣ, относятся къ мелочамъ, къ деталямъ. Такъ, напр., говоря о непосредственной генетической связи платонизма, неоплатонизма и богословской философіи христіанской (стр. 106), Франко ссылается на G. Roskoff. „Geschichte des Teufels“,—гораздо умѣстнѣе было бы ссылаться на сочиненія, болѣе спеціальныя, чѣмъ на такія, въ которыхъ данный вопросъ задѣтъ мимоходомъ и случайно. Франко, впрочемъ, вообще не стѣсняется цитировать всякія книги безъ разбора, что ужъ дышетъ чѣмъ-то гимназическимъ, а не профессорскимъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего изслѣдованія (напр., на стр. 393-й) онъ позволяетъ себѣ, для оцѣнки аскетизма, приводить „трохы гуморыстычно пидсолени“ отрывки изъ современныхъ легкихъ беллетристовъ, изъ смѣшного романчика! Вторая непохвальная мелочь въ этой главѣ у Франка—уподобиться можетъ ложкѣ дегтю, вметаемой въ бочку меду. На стр. 123-й мы читаемъ:... „изъ сочиненій аѳонскаго монаха Максима Грека, который впослѣдствіи былъ *архіепископомъ* московскимъ“. Какое грубое непониманіе роли Максима Грека въ Москвѣ и вообще непониманіе россійской церковной исторіи, притомъ въ одинъ изъ

интереснѣйшихъ и важныхъ моментовъ! Любопытно было бы также знать, что понималъ Франко подъ саномъ „московскаго архіепископа“, должно быть, санъ митрополита. Курьезно, что львовскій журналъ „Бесѣда“, издаваемый т. н. „москвофилами“ и обязанный, значитъ, знать общерусскую исторію par excellence, вовсе не нашелъ ничего страннаго въ архіепископствѣ несчастнаго Максима Грека. Впрочемъ удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего, потому что между всѣми галичанами лучшій знатокъ русской исторіи и литературы Франко, и если *онъ* могъ ошибиться, то что ужъ говорить о „Бесѣдѣ“?!—Отъ неполнаго знакомства съ великорусскими трудами по церковной исторіи Руси проистекаетъ у Франка неправильное сужденіе о книжкѣ Степана Зизанія: „Слово св. Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ“. Франко называетъ „Слово“ апокрифомъ (стр. 131), а оно настоящее.—Не мѣшаетъ также поставить знакъ вопроса надъ утвержденіемъ Франка, будто Вышенскій былъ *первымъ* изъ южно-русскихъ писателей, который воспользовался протестантской идеей—поставить папу въ связь съ антихристомъ (стр. 131). Не могу сейчасъ вспомнить, гдѣ именно, но знаю навѣрное, что встрѣчалъ это сближеніе въ южно-русской литературѣ и раньше Вышенскаго[1]).

№ 5. О (прочихъ) *еретикохъ* (стр. 149—150)—простая добавка къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“, что и показано Франкомъ. Голубевъ („Объясн. пар.“, стр. 37) держится того же мнѣнія. — „Извѣщеніе“ составлено подъ вліяніемъ „Книжицы“ В. Суражскаго; разъ статейка „О еретикохъ“—добавленіе къ „Извѣщенію“, то, мнѣ кажется, можно и эту статейку объяснять вліяніемъ той же „Книжицы“: какъ разъ въ „Книжицѣ“ (Острогъ 1588) есть одна глава, посвященная защитѣ иконопочитанія и направленная противъ еретиковъ-реформатовъ.

№ 6. Загадка философомъ латынскимъ (стр. 151—154). Съ литературно-фольклористической стороны разобрана она Франкомъ прекрасно, но отнесена къ тому же 1590-му году безъ

[1]) См. добавленіе къ моей работе (о рецензіи Студинскаго).

малѣйшаго намека на мотивировку. Я впрочемъ не стану спорить съ Франкомъ на счетъ даты, потому-что въ „Терминѣ“ Вышенскаго „Загадка“ помѣщена тотчасъ вслѣдъ за статейкой“ О еретикохъ“ (см. „Кіевск. Стар.“, 1889, апр., прил., ст. 29). Мы видѣли, что хронологическій порядокъ Франка идетъ въ разрѣзъ съ указаніями „Термины; поэтому и въ отношеніи къ „Загадкѣ“ онъ предпочелъ быть совсѣмъ голословнымъ, предпочелъ держаться султански-деспотическаго „сюда же отношу“, чѣмъ сослаться на авторитетъ неудобной для него „Термины“. Вольному воля!

№ 7. Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ—разобрано Франкомъ на стр. 155—186. Сопоставляя „Писаніе до всѣхъ“ съ жалобой Львовскаго Ставропигійскаго братства на безпутную жизнь львовскаго епископа Гедеона Балабана, Франко показываетъ, что оно написано около 1593-го года. Это—первое произведеніе Вышенскаго, подъ которымъ есть ужъ его обычная подпись „Іоанъ *изъ Вышнѣ*“, а не одно „Іоанъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ она первое произведеніе Вышенскаго, имѣющее форму эпистолярную. Это обстоятельство даетъ поводъ Франку задуматься вообще надъ фактомъ внезапнаго распространенія особой литературной формы: „письмо“, подмѣчаемымъ у разныхъ народовъ въ важные моменты ихъ исторической жизни. Франко вообще имѣетъ привычку пересыпать свою диссертацію подобными экскурсами общаго характера, отчего, конечно, она только выигрываетъ. Разборъ „Писанія до всѣхъ“—одинъ изъ болѣе удачныхъ и обстоятельныхъ у Франка—прекрасно иллюстрируетъ его критико-литературные пріемы: онъ аккуратно слѣдуетъ за каждой мыслью сочиненія Вышенскаго, останавливается на ней, и тутъ или извлекаетъ изъ нея матеріалъ для характеристики автора, или подвергаетъ исторической критикѣ достовѣрность какого-либо факта, утверждаемаго Вышенскимъ, или снабжаетъ этотъ фактъ историческимъ комментаріемъ, или пускается по поводу сообщеннаго факта или высказаннаго мнѣнія въ разсужденія общеисторическаго свойства. Больше всего Франко въ разборѣ „Писанія до всѣхъ“ показываетъ себя историкомъ (не словесникомъ), и его критическій разборъ имѣетъ то значеніе,

что открываетъ теперь возможность историкамъ южной Руси и Польши съ успѣхомъ пользоваться сочиненіями Вышенскаго; а до сихъ поръ историки забывали, что in crudo произведеніями Вышенскаго пользоваться не слѣдуетъ. Но, преслѣдуя цѣли историческія, Франко сильно упустилъ изъ виду литературныя. Насчетъ Вышенскаго онъ говоритъ вотъ что: „Онъ убѣждаетъ не отвлечено-богословскими аргументами, а нравственнымъ и психологическимъ вліяніемъ личности на личность, живымъ словомъ, тономъ, колоритомъ рѣчи... Онъ, въ силу своего поэтическаго характера, часто жертвуетъ тонкостью и полнотою аргументаціи ради живости тона и колорита рѣчи, ради пластическаго представленія немногихъ болѣе важныхъ пунктовъ (стр. 157)". Всѣ эти замѣчанія (безусловно истинныя) не иллюстрированы у Франка ничѣмъ. Онъ нѣсколько разъ принимается увѣрять читателя, что въ „Писаніи до всѣхъ" есть мѣста „съ силой выраженія", „съ величіемъ помысловъ", мѣста „могучія" и т. д., но читатель принужденъ ему вѣрить почти на слово. И нельзя сказать, чтобы блѣдность изложенія происходила у Франка отъ желанія выгадать что-либо въ мѣстѣ. Напротивъ, его пересказъ всегда *очень* подробенъ, но совершенно не колоритенъ. Видя, какъ усердно Франко обезцвѣчиваетъ Вышенскаго, я нѣсколько разъ вспоминалъ одинъ школьный случай, бывшій много лѣтъ тому назадъ, и произнесенныя при этомъ слова дорогого моего учителя Павла Игнатьевича Житецкаго. Какъ-то, отвѣчая урокъ, мнѣ пришлось ему пересказывать первую пѣсню Иліады, причемъ знаменитый стихъ

„Смѣхъ несказанный воздвигли небесные боги,
Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогамъ вокругъ суетится —

я счелъ нужнымъ передать попроще: „Боги сильно расхохотались, увидѣвши, что Гефестъ бѣгаетъ съ кубкомъ по дворцу"...— „Ахъ вы, варваръ!" крикнулъ на меня Павелъ Игнатьевичъ съ неподдѣльнымъ негодованіемъ. Теперь, почитывая Вышенскаго въ изготовкѣ Франка, я самъ многажды восклицалъ: „Ой, тай варваръ же зъ васъ, мій любый друже! варваръ!" Комизмъ положенія Франка усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что цѣлыя цитаты *другаго* сорта онъ приводитъ изъ Вышенскаго въ изо-

биліи. Именно: желая опровергнуть тѣхъ критиковъ, которые любимаго Франкомъ Вышенскаго дѣлаютъ чуть ли не круглымъ невѣждой, Франко вездѣ съ большимъ удовольствіемъ выписываетъ тѣ мѣста изъ разбираемаго автора, которыя могутъ свидѣтельствовать объ извѣстной его богословской учености; въ этомъ желаніи Франко и самъ признается (стр. 280). Но, поступая такимъ образомъ, онъ достигаетъ совершенно неожиданнаго и нежелательнаго результата: у читателя невольно слагается представленіе, что Вышенскій—это какой-то сухой догматикъ, т. е. слагается такое представленіе, которое менѣе всего правильно. Я уже и раньше имѣлъ случай подчеркнуть этотъ промахъ Франка (неколоритность въ изложеніи), теперь подчеркиваю вновь и ужъ больше возвращаться къ этому пункту не стану. Добавлю, что указаннымъ недостаткомъ страдаетъ *каждая* глава диссертаціи и, пожалуй, даже въ большей степени, чѣмъ (настоящая) глава о „Писаніи до всѣхъ". При разборѣ „Зачапки" не приведено знаменитое мѣсто о „кровоѣдахъ, мясоѣдахъ, волоѣдахъ, скотоѣдахъ, звѣроѣдахъ, свиноѣдахъ, куроѣдахъ, гускоѣдахъ, птахоѣдахъ, сытоѣдахъ, сластноѣдахъ, маслоѣдахъ, пирогоѣдахъ, периноспалахъ, мягкоспалахъ, подушкоспалахъ, перцолюбцахъ, шафранолюбцахъ, имберолюбцахъ, и гвоздиколюбцахъ" и т. д. Особенно страдаетъ у Франка разборъ „Посланія ко кн. Василію Острожскому", гдѣ Вышенскій драматически причитаетъ надъ воображаемымъ трупомъ Скарги: это причитаніе является, по словамъ Франка же (стр. 183), „истиннымъ перломъ между произведеніями Вышенскаго", и оно изложено суше, чѣмъ что-либо! Въ этомъ отношеніи Франко представляетъ разительный контрастъ съ Сумцовымъ.

Итакъ, Франковскіе этюды о каждомъ произведеніи Вышенскаго заключаютъ въ себѣ громадныя достоинства историческія, но съ художественно-литературной точки зрѣнія не стоятъ ничего. Игнорированіе Франкомъ законовъ художественности я позволю себѣ объяснить тѣмъ, что на нынѣшнюю книжку онъ смотритъ не болѣе, какъ на матеріалы для будущей, ожидаемой книги. Можно здѣсь кстати отмѣтить, что преобладаніе историко-критической наклонности надъ всѣмъ другимъ предохранило

Франка отъ излишняго увлеченія своимъ симпатичнымъ писателемъ: онъ вовсе не влюбленъ въ Вышенскаго, какъ это часто бываетъ у біографовъ, онъ вовсе не склоненъ надѣлять его всѣми чертами идеальнаго человѣческаго совершенства, и разбираемую теперь мною 7-ю главу онъ заканчиваетъ слѣдующимъ строгимъ заключеніемъ: „Ни талантъ Вышенскаго, ни его политическое образованіе не были достаточны для того, чтобы изъ Ставропигійской „цедулы“ сдѣлать публицистическій трудъ; вышло только эффектное по формѣ, но слабое по содержанію подражаніе ветхозавѣтному пророку (стр. 174)“. Если мы вспомнимъ, что писателя нужно судить, переносясь въ его времена, то найдемъ этотъ безжалостный судъ даже слишкомъ строгимъ.

Изъ мелкихъ возраженій Франку я сдѣлаю толко одно. Вышенскій совѣтуетъ міранамъ „пустынное воспитаніе“, а Франко съ удивленіемъ спрашиваетъ, неужели проповѣдникъ серіозно совѣтывалъ всѣмъ людямъ покинуть свѣтъ и уйти въ пустыню да и дѣтей воспитывать въ пустынѣ. Слишкомъ узко понимаетъ Франко терминъ: „пустынный“. „Пустынный“—„аскетическій“; можно быть пустынникомъ, не уходя изъ міра и его обстановки; срв. въ „Голистанѣ“ слова Саадія, одного изъ популярныхъ проповѣдниковъ житейскаго аскетизма (мой переводъ въ „Житти и Слови“ 1894, № 4, стр. 27). Совѣтуя міранамъ „пустынное“, т. е. аскетическое воспитаніе, Вышенскій является выразителемъ тѣхъ идей, которыми былъ проникнуть въ его время весь востокъ: мусульманскій и христіанскій (срв. мой „Очеркъ развитія суфизма“ М. 1895, послѣдн. гл., „о причинахъ распространенія суфизма“).

№ 8. Посланіе ко кн. Василію (т. е. Константину) *Острожскому* (стр. 175—186)—составлено Вышенскимъ въ 1598-мъ году и содержитъ въ себѣ вдохновенное изліяніе чувствъ автора послѣ прочтенія „Апокрисиса“ Бронскаго. Какъ извѣсто, Вышенскій воображаетъ здѣсь Скаргу въ видѣ побѣжденнаго, „нагле здохлого“ трупа и причитаетъ надъ нимъ (насколько Франко обезцвѣтилъ въ своемъ изложеніи это причитаніе, я ужъ подчеркивалъ выше и обѣщалъ не входить болѣе въ обсужденіе подобныхъ пунктовъ). Франко думаетъ, что Вышенскій, соби-

раясь причитать надъ покойникомъ и разбирать его жизнь „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“, желаетъ подражать народному обычаю. Для доказательства, что этотъ обычай—народный, Франко ссылается на беллетристическій разсказикъ Михалины Рошкевичъ. Лучше было бы упомянуть о статьѣ Х. Ящуржинскаго: „Малорусскія причитанія надъ умершими“, въ „Кіевск. Стар.“ 1888, № 1; не мѣшало бы также познакомиться съ русскимъ капитальнымъ трудомъ Барсова: „Причитанія Сѣвернаго края“ (М. 1872) и статьей Веселовскаго: „Die Russischen Todtenklagen“ въ „Russische Revue“ 1873, XII. Кажется однако, что Франко невѣрно понялъ выраженіе: „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“ (онъ, конечно, сопоставлялъ его съ ново-малорусскимъ: „дія“, т. е. „драматическое дѣйствіе“). Это выраженіе нельзя переводить: „согласно драматическому обычаю на простонародныхъ похоронахъ“, а нужно здѣсь видѣть „дѣи“—„исторія“ (dzieje), каковой смыслъ это слово имѣетъ у Вышенскаго всегда; по всему вѣроятію, Вышенскій своимъ заявленіемъ намекалъ на ветхозавѣтныхъ (и даже классическихъ) плакальщицъ.—Повторяя мнѣніе Кулиша („Ист. возсоед.“ I, 296—297), будто въ цѣломъ „Писаніи до кн. Острожского“ нѣтъ ни одного слова, которое можно было бы прямо отнесть къ этому князю, и ни одного слова признательности за могущественную поддержку православію (стр. 177), Франко допускаетъ, кажется, преувеличеніе. Конечно, Вышенскій нигдѣ кромѣ адреса не называетъ Острожскаго прямо по имени, но многія похвалы за усердіе въ вѣрѣ и за ревнованіе о православіи, произносимыя Вышенскимъ съ обращеніемъ „Вы“, „Вашъ“, можно отнесть не ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, а именно къ самому князю.—На стр. 179-й и 180-й Франко смѣшиваетъ польское (Виленское) и русское (Острожское) изданіе „Апокрисиса“ Филалета Бронскаго, считаетъ ихъ одновременными (русское изданіе вышло годомъ позже польскаго) и, повидимому, думаетъ, что въ Острогѣ явилось изданіе польское. Слѣдовало бы Франку познакомиться съ „Изслѣдованіемъ объ Апокрисисѣ Филалета“ М. Скабалановича, которое напечатано въ Петербургѣ въ 1773 г.—На стр. 181-й Франко вдается въ филологическій экскурсъ насчетъ смысла библейскаго имени „Рапсакъ“ и, на

основаніи Рейса (La Bible) заявляетъ, что это имя не собственное, а нарицательное. Ужъ если слѣдовало вдаваться въ семитическую филологію, то не мѣшало бы замѣтить, что это слово произносится „рабшакъ", а не „рапсакъ".

№ 9. Писаніе къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ—чуть ли не самое громадное изъ всѣхъ произведеній Вышенскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самое цѣнное, не только потому, что оно содержитъ массу указаній на важные историческіе факты, но еще больше потому, что въ немъ ярко освѣщена бытовая сторона конца 16-го вѣка; оно же имѣетъ первостепенное значеніе для опредѣленія біографіи автора и лучше другихъ произведеній характеризуетъ его благородный образъ мыслей. Такъ какъ Франко снабдилъ „Писаніе къ утекшимъ епископомъ" чрезвычайно подробными, интересными и систематическими комментаріями (стр. 187—240), то эти страницы получили характеръ связной культурно-исторической картины изъ первыхъ временъ уніи въ ю. Руси. Говоря о знаменитой, громовой тирадѣ Вышенскаго противъ „хлопання, кожумяканнѧ, сидѣльныканнѧ" и т. д. (стр. 215), Франко даетъ намъ пересказъ, безупречный даже въ художественномъ отношеніи и усиливающій полноту впечатлѣнія отъ мастерскаго разбора. Можно сожалѣть, что Франку не былъ доступенъ текстъ, вновь рецензированный профессоромъ Сырку и напечатанный въ „Исторіи Аѳона (т. III, Оправданія, стр. 1014 и слѣд."). Любопытенъ вопросъ о точномъ опредѣленіи времени, когда Вышенскій составилъ „Писаніе къ епископомъ". Во-первыхъ, можно утверждать, что оно написано не позже 1599-го года, потому-что митрополитъ Михаилъ Рагоза упоминается въ немъ еще какъ живой; съ другой стороны рядъ намековъ Вышенскаго на извѣстные историческіе факты показываетъ, что „Писаніе" не могло быть составлено раньше 1598-го года. Но большое затрудненіе, и не столько для хронологіи, сколько для изслѣдованія сочиненія, возникаетъ здѣсь въ виду яснаго заявленія Вышенскаго, что онъ писалъ это посланіе къ уніатскимъ владыкамъ подъ *самымъ свѣжимъ* впечатлѣніемъ *ихъ* книги „зовемой:" „Оборона згоды съ латинскимъ костеломъ и вѣрою Рыму служачею" (пр. Порфирій Успенскій: „Ист. Аѳ."

т. III, прил., стр. 1014). Книги съ *точно* такимъ заглавіемъ и притомъ вышедшей въ свѣтъ около 1598-го года—мы совсѣмъ не знаемъ. Франко думаетъ, что Вышенскій нарочно, съ ироніей, исказилъ заглавіе, и предполагаетъ, что онъ имѣлъ въ виду книгу: „Унія альбо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ ку зъедноченью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ" (стр. 192—193). Но, во-первыхъ, „Унія" вовсе не имѣетъ характера соборнаго,—она составлена однимъ только Ипатіемъ Поцѣемъ; во-вторыхъ, она напечатана еще въ 1595-мъ году: нельзя же предположить, чтобы при тѣхъ живыхъ сношеніяхъ южной Руси съ Аѳономъ, какія были въ тотъ моментъ, книга Поцѣя попала на Аѳонъ только въ 1598-мъ или 1599-мъ году, черезъ три-четыре года послѣ выхода въ свѣтъ; и въ-третьихъ, „Унія" еще не говоритъ о „подвига дѣлѣ" (какъ выражается Вышенскій), т. е. совершившемся фактѣ, а просто предлагаетъ только проэктъ. Вѣрнѣе всего, что Вышенскій говоритъ о книгѣ: „Оборона (NB!). Берестейского русского собора", напечатанной въ Вильнѣ въ 1597-мъ году. (У Ундольскаго стоитъ годъ 1595-й, но что это ошибка, см. Бантышъ-Каменскаго, Сахарова, Вишневскаго: „Hist. liter. polsk." (Крак. 1840—1857, т. VIII, стр. 293), Головацкаго: „Дополн. къ оч. слав.-р. библ. В. М. Ундольскаго", стр. 8). Самое названіе „Оборона" совпадаетъ съ тѣмъ титуломъ искомой книги, который мы встрѣчаемъ въ посланіи Вышенскаго.

Сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія по поводу отдѣльныхъ мѣстъ Франковскаго этюда. На стр. 219-й читаемъ: „Посланіе, должно быть, до глубины души потрясло тогдашнихъ читателей, *а особенно* самихъ адресатовъ, если дошло до ихъ рукъ. Въ особенности близкимъ является допущеніе, что митрополитъ Рагоза, наиболѣе шаткій и мягкій, но и наиболѣе религіозный изъ всѣхъ иниціаторовъ уніи, именно этимъ посланіемъ былъ такъ сильно потрясенъ, что заболѣлъ и умеръ отъ тоски, раскаиваясь въ уніи и требуя православнаго попа (Копыстенскій: Палинодія,—Русск. Ист. Библ., IV, 1045)". Насчетъ М. Рагозы Франко, *быть можетъ*, еще правъ (жаль только, что на стр. 240-й онъ ужъ поспѣшилъ безусловно увѣровать въ свое предположеніе и развиваетъ его далѣе), но откуда онъ взялъ, что напоминанія Вы-

шенскаго о страшномъ судѣ могли бы тронуть другихъ иниціаторовъ уніи, напр. Кирилла Терлецкаго? Не самъ ли Франко въ другомъ мѣстѣ (стр. 201 и др.) приводитъ рядъ преинтереснѣйшихъ свидѣтельствъ о нравственномъ обликѣ уніатскихъ владыкъ [1]) и напоминаетъ, что О. Левицкій (А. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI) собралъ цѣлую кучу актовъ объ обдирательствахъ, насиліяхъ, наѣздахъ и убійствахъ Кирилла Терлецкаго? Да и Вышенскій не особенно вѣрилъ въ силу своихъ угрозъ: „Я толко съ повинности своей и любви христіанской, што знаю, то вамъ открываю. Вамъ же послухати и сотворити волно: якъ хощете, тако творѣте,—волю и самовластіе имате". („Ист. Аѳ.", т. III, оправданія, стр. 1023).

Разбирая „Исторію" (она, собственно, называется: „Повѣсть", см. текстъ Сырку, „Ист. Аѳ.", loc. laud., стр. 1043) о Божіей помощи Аѳонскому монастырю при нападеніи латынниковъ въ царствованіе Михаила Палеолога, Франко говоритъ (стр. 224): „Михаилъ Палеологъ царствовалъ въ Византіи въ 1071-1078 г."; то же онъ повторяетъ на стр. 225-й. Это не вѣрно. Развѣ династія Палеологовъ воцарилась въ XI вѣкѣ?! Михаилъ Палеологъ, родоначальникъ династіи, старавшійся ввести въ Византіи унію послѣ Ліонскаго собора 1274-го года, царствовалъ въ XIII вѣкѣ, можно считать—съ 1258-го года, а умеръ въ 1282-мъ году.— Франко думаетъ, что „Исторія"—просто легенда монастырская съ небольшимъ, *пожалуй*, ядромъ историческимъ. Наоборотъ! въ „Исторіи" (или „Повѣсти",—будемъ ее такъ называть) подлинныхъ историческихъ фактовъ очень и очень много. Такъ, въ ней упоминается сперва упорная борьба грековъ съ латинами (или „фругами", т. е. „франками") и изгнаніе „фруговъ" изъ Византіи: очевидно, имѣется въ виду возвращеніе Константинополя отъ латинянъ въ 1261-мъ году. Далѣе, по „Повѣсти", Матеологъ

---

[1]) Почему, говоря о Поцѣѣ, Франко не упоминаетъ ни слова о рядѣ такихъ характерныхъ документовъ, какіе печатались въ „Вѣстникѣ Ю. З. и З. Россіи"? Интересна, напр., жалоба Загоровскихъ на Поцѣя о нападеніи на православную Владимірскую церковь, о причиненіи самымъ Поцѣемъ побоевъ священнику этой церкви („у губу далъ и роскрывавилъ"), о наругательствахъ надъ этимъ священникомъ, и т. д. См. „Вѣстникъ" 1863, мартъ, документъ № 27, стр. 37.

(иронич. прозвище Михаила Палеолога) вступаетъ въ союзъ съ латинянами: конечно, имѣется въ виду Ліонскій соборъ 1274-го г. о заключеніи уніи съ Римомъ. Латиняне приходятъ къ Аѳону,—ну, это было въ 1280-мъ году. Избіеніе Михаиломъ многихъ тысячъ православныхъ, противившихся латинству, напрасно кажется Франку невѣроятною вещью и признакомъ легендарности. Стоитъ прочитать нѣсколько страницъ изъ историка-современника—Георгія Пахимера (его сочиненіе есть и въ русскомъ переводѣ), чтобы убѣдиться, до какихъ чудовищныхъ, ужасныхъ звѣрствъ доходилъ Михаилъ при водвореніи уніи; Пахимеръ прибавляетъ, что эти колоссальныя звѣрства слѣдуетъ описывать слезами, а не чернилами. Длинное обличеніе латинской ереси, которое Вышенскій (вѣрнѣе—„Сборникъ Аѳонской горы") влагаетъ въ уста одному православному монаху (см. текстъ Сырку, стр. 1046-1047), не мѣшало бы сличить, во-первыхъ, съ однимъ греческимъ документомъ (обличеніемъ аѳонскихъ монаховъ Михаилу Палеологу), напечатаннымъ по-гречески и по-русски въ „Исторіи Аѳона" преосв. Порфирія Успенскаго, а во-вторыхъ—съ извѣстной сатирой на Михаила, восходящей въ славянскомъ переводѣ къ 14-му вѣку („Прѣніе Панагиота Костаньтина сь Гардинари о азимѣ").—И такъ оказывается, что въ „Повѣсти" есть очень много историческаго, побольше, чѣмъ одно ядро. Добавлю кстати, что греческій ея оригиналъ (или правильнѣе—источникъ) изданъ преосв. Порфиріемъ Успенскимъ въ „Исторіи Аѳона", т. III б.; а въ томѣ III. а. того же сочиненія изложена Порфиріемъ вся исторія введенія Ліонской уніи и отношенія къ ней аѳонитовъ. Если у Франка не было подъ руками труда Порфирія, то онъ могъ бы исторію уніи, 1274-го года просмотрѣть въ имѣющейся у него книгѣ А. Попова: „Обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ". М. 1875, стр. 240—245.

На стр. 229—232-й Франко отмѣчаетъ въ развитіи Вышенскаго около 1599-го года одну черту: стремленіе распространить въ малорусской публикѣ сочиненія о православныхъ чудесахъ, въ pendant къ западнымъ „новелламъ", и тутъ же говоритъ: „Называя разсказъ объ обрѣтеніи мощей Варлаама „Но-

виною", Вышенскій повидимому выражалъ этимъ желаніе, чтобы подобныя благочестивыя повѣсти вытѣснили изъ рукъ малорусскихъ читателей „новины" западно-европейскія." Казалось бы, отсюда у Франка непремѣнно явится убѣжденіе, что „Новину о обрѣтеніи тѣла Варлаама" Вышенскій написалъ тогда же,— около 1600-го года; но мы ужъ раньше видѣли, до чего его ослѣпила злосчастная гипотеза путешествія на Аѳонъ черезъ Охриду.—На стр. 233—237 идутъ обширныя разсужденія объ истинномъ смыслѣ мѣста, которое въ „Актахъ Южной и Западной Россіи" (1865, СПБ., т. II, стр. 252) читается такъ: „А о себѣ наскаковати безстуднѣ, песски, якоже вы, на поповство безъ волѣ Божей не хощу", причемъ Франко предлагаетъ нѣсколько варіантовъ чтенія и толкованія. Если бы онъ могъ видѣть текстъ, изданный Сырку (стр. 1054), то нашелъ бы, что запятая стоитъ не послѣ „вы", а послѣ „поповство". Тутъ же Франко нападаетъ на Игн. Житецкаго, осмѣлившагося сказать, что тогда, около 1600-го г., Вышенскій не пришелъ на родину изъ страха: „Воля Божія—говоритъ И. Житецкій—въ этомъ случаѣ не пришла на помощь осторожному страннику." Франко увѣряетъ, что у Вышенскаго не могло даже возникнуть чувство страха, что даже смѣшно говорить о преслѣдованіяхъ въ тогдашней Польшѣ и что при ея свободномъ строѣ никто не посмѣлъ бы причинить Вышенскому малѣйшій вредъ (стр. 236). Соглашаясь съ тѣмъ, что Польша 17-го вѣка и Польша 16-го в.—не одно и то же, я въ тоже время думаю, что годъ введенія уніи уже стоитъ на рубежѣ обоихъ періодовъ. И Вышенскій (тексъ Сырку, стр. 1504) не даромъ же говоритъ: „Будетъ зась и тая похвалка у противныхъ: волно ти, мовячи, тамъ заочне и въ далекомъ кутѣ такъ безпечно ширмовати; але коли бы еси тутъ былъ, и тобѣ бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифору, затворили и прописнути не дали"... (стр. 1055): „Хвалитеся (т. е. „грозите") затворами темничными, битіемъ и убитіемъ"... (стр. 1056): „Вы православныхъ мучити, катовати... (и т. д.)...—силу, власть и начальство имате". Какъ видимъ, Вышенскій самъ находилъ опаснымъ ѣхать тогда на Русь. Правда, въ 1605-мъ году онъ таки поѣхалъ, и Франко подчеркиваетъ этотъ фактъ, какъ доказательство неприкосновен-

ности личности въ тогдашней Польшѣ, но, во 1-хъ, тогда значительная часть оскорбленныхъ Вышенскаго враговъ ужъ умерла, во-2-хъ, другая часть успѣла за шесть лѣтъ позабыть первую горечь обличеній, и въ 3-хъ—кажется, что Вышенскій разсчитывалъ на покровительство и защиту кн. Острожскаго, на имя котораго онъ, по моей догадкѣ, могъ послать „Термину" своихъ сочиненій какъ разъ передъ путешествіемъ домой (см. ниже).

Разставаясь съ этой длинной девятой главой, привожу изъ нея прекрасную заключительную страницу, не для критики, но для образца Франковскаго горячаго отношенія къ своей научной задачѣ: „Таковъ конецъ этого громоваго, сильнаго посланія, этого могучаго манифеста талантливой, независимой личности, гордой своею правотой и своимъ сознаніемъ душевной общности съ массами роднаго народа. Никогда еще до того времени сильные міра сего, свѣтскіе ли, духовные ли, не слышали отъ простаго южнорусса такихъ гордыхъ, рѣшительныхъ и потрясающесильныхъ словъ. Отъ нихъ вѣетъ, хотя еще безсознательно для самого автора, тѣмъ свѣжимъ, новымъ духомъ освобожденія человѣка изъ оковъ всемогущей традиціи, который сто лѣтъ тому назадъ впервые прогремѣлъ въ Германіи въ боевомъ призывѣ Гуттена: „Ich hab's gewagt!" И здѣсь нужна была значительная нравственная отвага, чтобы бросить могущественнымъ іерархамъ и всей господствующей системѣ польской прямо въ лице такимъ огненнымъ посланіемъ. Пусть себѣ по отношенію къ богословской аргументаціи оно не представляетъ ничего новаго, пусть себѣ по отношенію къ практической политикѣ оно кое-гдѣ прямо наивно,—не въ томъ его сила, не въ томъ его прочное литературное и историческое значеніе, а въ томъ высокомъ подъемѣ нравственной силы, которою дрожитъ каждое слово, въ той горячей, сердечной крови автора и всего южно-русскаго народа, которою прокипѣла каждая строчка этого произведенія (стр. 239)"...

Такъ-какъ слѣдующими стоятъ на очереди псевдонимныя сочиненія Вышенскаго, то Франко посвящаетъ сперва цѣлую главу (X-ю) вопросу, зачѣмъ Вышенскій писалъ и подъ псевдонимами. Мотивъ самосохраненія (Житецкій) Франко рѣшительно отвергаетъ. Я думаю, что мнѣніе Житецкаго въ извѣстной

степени таки принять можно; вѣдь, составляя „Краткословный отвѣтъ“ Скаргѣ и подписываясь „Θеодулъ“, Вышенскій ужъ готовился идти на родину. Сумцовъ предлагаетъ и другое разъясненіе: „Псевдонимъ „Θеодулъ“ могъ возникнуть... изъ желанія автора выразить однимъ словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу („Кіевск. Стар.“, 1885, апр., 652)“. За такую догадку Франко упрекаетъ его и говоритъ: „Выражать свою близость къ Христу—это для смиреннаго аскета было бы признакомъ такой гордости и заносчивости, которая граничитъ почти съ богохульствомъ (стр. 240)“. Ну, вотъ! Не трудно изъ общаго тона рѣчи замѣтить, что подъ словомъ „близость“ проф. Сумцовъ понималъ здѣсь „*стремленіе* къ близости“, а не богохульное сознаніе близости ко Христу; такое стремленіе къ близости, или „хожденіе предъ Богомъ“, прямо предписывается Церковью.

№ 10. Краткословный отвѣтъ Θеодула—на книгу Скарги: „O rządzie i jedności kościoła Bożego“—составленъ около 1601-го г.; изслѣдованіе занимаетъ у Франка стр. 265—300. Здѣсь затронуто очень много интересныхъ вопросовъ. Напр., Франко съ успѣхомъ касается стараго вопроса о томъ, кто собственно сдѣлалъ изъ Польши терпимой Польшу нетерпимую, фанатическую. Отвѣтъ, конечно, извѣстенъ,—тотъ же, который далъ и Шевченко: „А хто вииенъ? Ксьондзы, йезуиты“. Такъ-какъ Вышенскій въ предисловіи къ „Отвѣту“ обнаруживаетъ поворотъ отъ проповѣди голыхъ, чисто-аскетическихъ („пустынныхъ“) идеаловъ къ совѣтамъ болѣе практическимъ и предлагаетъ православнымъ для борьбы съ католицизмомъ учиться, писать, печатать книги, оснóвывать школы, организовать братства, то Франко даетъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о значеніи и осуществленіи всѣхъ этихъ пунктовъ въ жизни южной Руси [1]). Разбирая постъ-скриптумъ къ отвѣту Θеодула: „О чинѣ прочитанія сего писанія“, Франко начертываетъ живыя картины изъ внутренней жизни южно-русскихъ братствъ. И вотъ, усладивши

---

[1]) На стр. 291—292, обращаясь какъ будто къ Руси XVII столѣтія, Франко мечетъ громы, конечно, противъ современныхъ львовскихъ „рутенцевъ“.

(говорю безъ ироніи)—усладивши читателя всей своей статьей, Франко подъ конецъ преподноситъ ему такую горькую чашу, отъ которой иному русскому филологу и любителю стариннѣйшей русской литературы (особенно у кого комплексія понѣжнѣе) грозитъ даже обморокъ. Именно: Франко сообщаетъ, что онъ нашелъ одну старую рукопись XVI вѣка, гдѣ помѣщена слѣдующая интересная статейка о пользѣ чтенія книжнаго: „Добро есть печатати кніги паче всякому крестянину, блаженіи бо, рече, испытающе свѣденіа его, всѣм сердцем взыщут его, что бо рече испытающій свѣденіа его, явѣ рече. Егда чтеши кніги, не цнися (очевидно Франко невѣрно прочелъ: вм. „тщися“) борзо ищисти до другіа главизны“ и т. д. и т. д. (стр. 299—300). Кажется, даже не спеціалистъ можетъ замѣтить, что упомянутая „интересная статейка, подробно описываемая и излагаемая Франкомъ, есть ни что иное, какъ предисловіе къ знаменитому Изборнику Святослава 1076-го года. Полностью этотъ сборникъ изданъ, конечно недавно (Шимановскій: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“. Варш. 1887), но предисловіе его („О почитаніи кънижнѣемь“) всегда помѣщалось во всѣхъ историческихъ хрестоматіяхъ русскаго языка; въ Австріи оно перепечатывалось Миклошичемъ, Головацкимъ и, кажется, Огоновскимъ (въ его „Хрестоматіи старо-руской“). Въ ту рукопись 16-го в., о которой говоритъ Франко, статья о „почитаніи книжьнѣ“ попала, вѣроятно, не изъ самаго „Изборника 1076-го года“, а изъ какого-нибудь „Измарагда“: „Изборникъ“ далъ матеріалъ для многихъ „Измарагдовъ“.

№ 11. Посланіе къ старицѣ Домникіи—стр. 301—321. Франко, пространно пополемизировши съ Игн. Житецкимъ, устанавливаетъ какъ непоколебимый фактъ, что оно писано въ Цвѣтную недѣлю 1606-го года. Дѣйствительно, нужно изумляться, какъ могъ Житецкій въ виду множества ясныхъ фактическихъ данныхъ считать „Посланіе къ Домникіи“ самымъ раннимъ произведеніемъ нашего автора.—Не мѣшаетъ для нашихъ историковъ литературы обратить вниманіе на подчеркнутое Франкомъ (стр. 313) мѣсто изъ „Посланія къ Домникіи“: „А латинскихъ басней ученици, зовомые казнодѣи, трудитися

въ церкви не хочютъ, *только комедіи строютъ и играютъ* (Арх. ю.-з. Р., I. VII, 29)". Послѣдняя фраза указываетъ, что драматическое искусство (мистеріи) въ тогдашнихъ *православныхъ* (!) школахъ пользовались уже любовью и широкимъ распространеніемъ (кажется, это—самое раннее свидѣтельство).— Подписался Вышенскій подъ письмомъ: „странникъ реченный Вышенскій": Франко (стр. 321) по-прежнему переводитъ „странникъ" черезъ „подорожній" хотя оно значитъ просто „монахъ" и недоумѣваетъ, какъ понимать выраженіе „реченный". „Реченный" въ древне-русской рѣчи значитъ „прозваный" и „такъ называемый" (ὁ καλούμενος), и это служитъ явнымъ доказательствомъ, что „Вышенскій" есть только временное прозвище автора, а не родовая фамилія.

Побывши на родинѣ, Вышенскій особенно ясно увидѣлъ всю важность учености для борьбы съ католичествомъ, но не менѣе ясно созналъ свою собственную слабость въ этомъ отношеніи. „Какъ пособить этому раздвоенію, Вышенскій не знаетъ", говоритъ Франко свойственнымъ ему живымъ, образнымъ языкомъ (стр. 315): „передъ черною глубиною, которая тутъ предстала его очамъ, духъ его остановился въ ужасѣ. Можетъ быть, это и была одна изъ причинъ его возвращенія на Аѳонъ. Во всякомъ случаѣ на Аѳонѣ въ его умѣ быстро наступила реакція. Въ монашеской и пустынной жизни онъ опять видитъ высочайшій идеалъ жизни, и послѣднія его произведенія посвящены преимущественно защитѣ монашества: „Объ исправленіи церкви", „Позорище мысленное". Я бы лучше умолчалъ о „Исправленіи церкви", а упомянулъ „Зачапку".

№ 12. Зачапка мудраго латынника съ глупымъ русиномъ на дистанцію, а по просту глаголющи въ гаданіе или бесѣду Христофора инока Русина—стр. 322—348. Христофоръ—псевдонимъ Вышенскаго. Составлена „Зачапка" около 1607-го года. Проф. Сумцову она очень нравилась по своей силѣ,—Франко отрицаетъ эту силу и считаетъ „Зачапку" однимъ изъ слабѣйшихъ произведеній Вышенскаго. Конечно, и Сумцовъ, и Франко основываютъ свое сужденіе на чисто субъективныхъ впечатлѣніяхъ, и потому трудно опредѣлить, кто изъ нихъ правъ; я

впрочемъ, принимая въ соображеніе много неподражаемаго юмора въ „Зачапкѣ“ (напр., въ комическомъ изображеніи заносчиваго латынники), охотно склонялось на сторону Сумцова.— Къ обширному обсужденію Франкомъ „Зачапки“ я могу прибавить развѣ вопросъ: не составлена ли „Зачапка“ въ параллель къ какимъ-то „Вопросамъ русина съ ляхомъ“, которые „пописалъ“ Потѣй ? см. Акты, относящ. къ исторіи Зап. Россіи“, т. IV, стр, 201. Кромѣ того, мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что Вышенскій былъ знакомъ съ „Преніемъ Панагіота съ Асимитомъ“ и что „Зачапка“ составлена не безъ вліянія „Пренія“.

№ 13. Порада о очищенію церкви, заедно жъ о поруганію иноческаго чина отъ свѣтскихъ и мирскаго житія человѣкъ, и что есть таинство иноческаго образа—стр. 349—388. Во всѣхъ трехъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ эта статья помѣщается непосредственно за „Посланіемъ ко кн. Василію Острожскому“, причемъ въ двухъ рукописяхъ прямо слита съ „Посланіемъ“ въ одно цѣлое. По моему, въ этомъ есть и хронологическое основаніе: „Порада“ могла быть *окончательно обработана* тогда же, когда написано „Посланіе ко кн. В. Острожскому“, т. е. приблизительно въ 1598-мъ году (хотя первоначально она могла быть составлена и раньше того). Франко же, напротивъ, думаетъ, что „Порада“ относится къ 1608-му году. Для доказательства самостоятельности „Порады“, какъ отдѣльнаго трактата, независимаго отъ „Посланія“, онъ ссылается на то, что въ подгорецкой рукописи первыя слова „Порады“ писаны киноварью. Да! но начинаются они: „Буди *же*“... Для объясненія безсвязности и обрывочности начала „Порады“, Франко предлагаетъ гипотезу, что сперва „Порада“ имѣла свое особое предисловіе (стало быть союзъ „же“ указывалъ на выводъ изъ этого предисловія), но потомъ оно было потеряно. Невѣроятна эта гипотеза, потому-что ни на чемъ не основана. Внѣшнее доказательство отдѣльнаго болѣе поздняго составленія „Порады“ Франко видитъ въ томъ, что въ ней упоминается князь Острожскій, какъ мертвый, а онъ умеръ въ 1608-мъ году. Да! но и дѣти его упоминаются въ „Порадѣ“, какъ мертвые, а они-то въ 1608-мъ году были

живехоньки. Кулишъ вполнѣ основательно подозрѣваетъ, что въ упоминаніи о семьѣ Острожскихъ мы имѣемъ дѣло съ интерполяціей позднѣйшаго переписчика. Потомъ Франко приводитъ (стр. 353) замѣчаніе Вышенскаго объ отступничествѣ православныхъ: „Тые на погибель отпадаютъ; што и вы въ своей земли недавно пострадали", и прибавляетъ: „слова эти очевидно писались *послѣ* 1596-го года". Ну, да конечно послѣ 1596-го, но дѣло въ томъ, что слова „недавно" Вышенскій не произнесъ бы въ 1608-мъ году, черезъ *двѣнадцать* лѣтъ послѣ введенія уніи! такъ онъ могъ бы выразиться въ томъ же 1598-мъ году, когда писалъ и „Посланіе ко кн. Острожскому". Далѣе Франко указываетъ въ „Порадѣ" мѣсто, гласящее о православномъ безпоповьи, и видитъ въ этомъ доказательство для даты 1608-го года: „Слова Вышенскаго (говоритъ Франко, на стр. 353) ясно намекаютъ на то время, когда во всѣхъ епархіяхъ малорусскихъ, кромѣ Перемышльской и Львовской, не было православныхъ епископовъ, такъ что православные должны были тайкомъ выписывать епископовъ изъ Молдавіи, а много приходовъ было безъ поповъ, потому-что уніаты прогоняли православныхъ поповъ, сажали въ тюрьму и даже убивали. И такое состояніе продолжалось отъ 1596-го до 1623-го года". Признавая крайнимъ пунктомъ 1596-й годъ, Франко ничуть не опровергаетъ моего предположенія о датѣ 1598-го г., а опровергаетъ самого себя. Еще одно доказательство Франка: „Вышенскій пишетъ, что „нынѣ межи ляхи князи рускіе *всѣ* поеретичѣли и христіанства, истинныя вѣры отступили"; такъ могъ писать нашъ авторъ только по смерти Острожскаго (т. е. послѣ 13 февр. 1608-го года. А. К.), по совершеніи того массоваго отступничества малорусскаго дворянства отъ православія къ уніи, какое мы видимъ изъ Ѳриноса М. Смотрицкаго 1610-го года (стр. 354)". Нѣтъ, такое сожалѣніе о *всѣхъ* князьяхъ—вполнѣ понятная гипербола. Лучшее опроверженіе Франку—упомянутый имъ Θρῆνος М. Смотрицкаго: онъ впервые изданъ не въ 1610-мъ году, какъ думаетъ Франко, а еще при жизни кн. Константина Острожскаго, въ 1596-мъ году (См. М. Вишневскаго: „Historya literatury polskiej" Krakowie 1840—1857, t. VIII, pag. 139; Я. Головацкій:

„Дополненіе къ Очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго“ СПБ. 1874, стр. 9, изъ XI тома „Сб. отд. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Н.). Франко и дальше аргументируетъ въ пользу 1608-го года: „Мы видимъ, что нѣкоторые изъ владыкъ, принявшихъ унію, уже умерли во время составленія Вышенскимъ „Порады“, потому-что онъ пишетъ: „Тые сами, изъ вѣры выбѣгши, въ яму безвѣрія впали и отъ себе собѣ смерть зъеднали“. Это намекъ (говоритъ Франко) на смерть Михаила Рагозы (стр. 354). Слова Вышенскаго значатъ только, что отступники погубили свои души и пойдутъ въ адъ, и всякое другое толкованіе не мыслимо. Притомъ, при Франковскомъ пониманіи термина „смерть“ пришлось бы видѣть въ выраженіи: „отъ себѣ собѣ смерть зъеднали“ намекъ на самоубійство; а развѣ Рагоза самоубійствомъ покончилъ жизнь свою?! Слѣдующее (по счету восьмое) доказательство Франка: „Въ Порадѣ“ мы видимъ упоминаніе о языческихъ обычаяхъ въ Жидичинѣ, въ горахъ св. Спаса, въ Острогѣ, на Волыни и Подоліи,—невольно возникаетъ предположеніе, что авторъ наблюдалъ ихъ во время своего недавняго, путешествія на Русь въ 1605—1606 г. (стр. 356)“. А у меня возникаетъ предположеніе, что Вышенскій наблюдалъ эти языческіе обычаи въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности и вплоть до послѣдней минуты перваго отправленія на Аѳонъ! На Аѳонѣ же ему могла попасться книжечка, изданная въ 1591-мъ г. львовской Ставропигіей и содержащая постановленіе православнаго собора 1590-го года противъ языческихъ суевѣрій (см. Акты, относ. къ истр. Зап. Россіи, т. IV, стр. 30, и въ дисс. Франка стр. 375), попалась также жалоба Ставропигіи 1592-го года на еп. Гедеона Балабана, пренебрегавшаго этимъ постановленіемъ,—словомъ, еще до путешествія на родину Вышенскій имѣлъ случаи вспоминать о языческихъ суевѣріяхъ. Девятое доказательство Франка: „Немаловажнымъ свидѣтельствомъ представляется мнѣ также и то, что авторъ въ „Порадѣ“ развиваетъ такой же ретроградный планъ просвѣщенія, какъ и въ „Зачапкѣ“ (стр. 356). Ничего отсюда не слѣдуетъ, потому-что до 1601-го года Вышенскій держался такихъ же ретроградныхъ плановъ просвѣщенія, какіе у него воскресли послѣ 1606-го года.—

Итакъ, всѣ девять доказательствъ Франка не выдерживаютъ самой слабой критики и даже девять разъ прямо говорятъ противъ него самого. Для круглаго счета прибавлю и десятое опроверженіе. Восхваляя славянскій языкъ, Вышенскій говоритъ, что ему учатся безъ грамматикъ („Акты, относ. къ ист. Южн. и Зап. Россіи" т. II, стр. 210). Если бы онъ писалъ „Пораду" въ 1608-мъ году, то ни за что не могъ бы написать такихъ словъ, потому что во время путешествія на родину 1605—1606 года онъ несомнѣнно познакомился съ грамматикой львовскихъ спудеевъ (1591) и Зизанія (1596); а на Аѳонѣ эти книги могли оставаться ему нѣсколько лѣтъ неизвѣстными. (Была еще и болѣе ранняя грамматика, 1586-го года, изданная въ Вильнѣ при типографіи Мамоничей, но эта коротенькая книжечка не имѣла большого распространенія и, вѣроятно, осталась Вышенскому неизвѣстной навсегда. См. П. И. Житецкаго: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII—XVIII вв.", Кіевъ 1889, стр. 16).

Разбираемый трактатъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ частей: апологіи монашества (въ видѣ разговора съ дворяниномъ-латынникомъ) и собственно „Порады" объ очищеніи церкви: кусочекъ „Порады" стоитъ раньше „Апологіи", а кусочекъ позже, такъ что „Апологія" какъ бы вставлена въ рамку. Въ одно ли время написаны обѣ части, и когда именно? Франко совершенно резонно догадывается, что одна часть (Апологія иноческаго чина) сначала была составлена отдѣльно отъ другой части (собственно Порады) и притомъ раньше ея, но не думаетъ, чтобы *гораздо* раньше. Противъ послѣдняго замѣчанія я пока что не буду спорить и займусь опредѣленіемъ даты первой части. Франко говоритъ (стр. 360): „Такъ и кажется, что защита монашества составлена была подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ разговоровъ съ какимъ-то „дворяниномъ", т. е. шляхтичемъ-католикомъ, на Руси во время пребыванія тамъ нашего автора". А не такой ли самый діалогъ видѣли мы и *до* путешествія Вышенскаго на Русь, въ „Извѣщеніи о латинскихъ прелестехъ", т. е. около 1590-го года? (см. Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 257 и др.). Какъ въ „Апологіи иноческаго чина", такъ и въ „Извѣщеніи"—

мы имѣемъ передъ собою одну и ту же спорящую пару, съ однѣми и тѣми же нравственными и даже внѣшними чертами, съ одними и тѣми же пріемами доказательствъ и возраженій, и только содержаніе ихъ спора не вполнѣ одно и то же: „Апологія монашества“ *дополняетъ* собою споръ съ латынникомъ въ „Извѣщеніи о латинскихъ прелестяхъ“. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что Апологія, т. е. одна половина разбираемаго трактата, написана въ связи съ „Извѣщеніемъ“ и немного времени спустя послѣ него. Но когда же? Можетъ быть въ 1591-мъ году.

Обратимся теперь къ другой части трактата. Разберемъ сперва то начальное мѣсто „Порады“ [1]), гдѣ Вышенскій переходитъ отъ „Посланія ко кн. Василію“ (содержащаго выходки противъ Скарги) къ совѣтамъ объ очищеніи церкви отъ „прелестей еретическихъ“. Это выраженіе „прелести“, сопровождаемое притомъ короткой экскурсіей противъ „смрада латинскихъ пѣсней“, навело меня на подозрѣніе, не имѣетъ ли и „Порада“, подобно „Апологіи иноческаго житія“, какой-нибудь связи съ тѣмъ же „Извѣщеніемъ о латинскихъ прелестяхъ“. Но, какъ видимъ изъ дальнѣйшаго чтенія „Порады“, не о латинствѣ намѣренъ толковать здѣсь Вышенскій: онъ имѣетъ въ виду преслѣдовать здѣсь всякія *другія* ереси, которыя вторгнулись въ православную церковь и отъ которыхъ нужно ее очистить; эти ереси—„квасъ поганскій“ и иконоборство (см. Акты, Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 209). Самое выраженіе „ереси“ очень интересно: мнѣ невольно вспомнился небольшой (уже разобранный) трактатъ „Еретики“ [2]), т. е. „*Другіе* еретики (сверхъ латынниковъ)“, составленный около 1590—1591 года въ видѣ дополненія и приложенія къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестяхъ“. Мнѣ сразу

---

[1]) Впредь подъ названіемъ „Порада“ мы будемъ понимать не весь трактатъ, носящій у Вышенскаго такое названіе, а только ту часть, какая получается послѣ исключенія „Апологіи“ и содержитъ въ себѣ собственно совѣтъ о реформѣ церкви.

[2]) Онъ собственно носитъ заглавіе: „О еретикохъ“, но я слегка видоизмѣнилъ это заглавіе, потому-что форма именит. падежа удобнѣе для меня въ стилистическомъ отношеніи: при склоненіи не приходится всякій разъ добавлять слово: „трактатъ“.

бросилась въ глаза аналогія между „Порадой объ очищеніи церкви“ и упомянутыми „Еретиками“, и я задался вопросомъ: А какихъ собственно *другихъ* еретиковъ имѣлъ въ виду Вышенскій въ трактатѣ „Еретики“? Когда Франко въ своемъ мѣстѣ (стр. 149—150) разбиралъ „Еретиковъ“, онъ тамъ высказалъ замѣчаніе, что образъ этихъ еретиковъ у Вышенскаго—какой-то странный, общій и не подходитъ, напр., къ протестантамъ, бывшимъ тогда въ южной Руси. Въ такомъ случаѣ почему же Франко не спросилъ себя, не о язычествѣ ли говоритъ тамъ Вышенскій? Вѣдь вотъ какъ опредѣляетъ онъ ересь: „Ересь есть нечестіемъ развращенный умъ, прелесть мнѣнія, изнеможеніе помысла, сомнѣніе о истинѣ, двоедушіе (двоевѣріе?), слѣпота мыслъная, конечное же невѣріе“ (см. текстъ „Еретиковъ“, изд. Игн. Житецкимъ. „Кіев. Стар.“ 1890, іюнь, прилож., стр. 112). Такое опредѣленіе ереси чрезвычайно подходитъ къ языческимъ, двоевѣрнымъ суевѣріямъ и обрядамъ, противъ которыхъ духовенство малорусское конца 16-го вѣка подняло борьбу. Обличая эту „ересь“, Вышенскій дѣлаетъ ссылки въ „Еретикахъ“ только на самыхъ первыхъ учителей христіанства, на апостоловъ языковъ: Іоанна Богослова, Петра, Іуду, Павла („Кіевск. Ст., стр. 112). Такимъ образомъ уясняется тѣсная связь „Еретиковъ“ и „Порады о очищенію церкви“, причемъ первый трактатъ содержитъ общія основанія, а второй разрабатываетъ реальныя частности.

Кромѣ нападокъ на язычество, „Еретики“ содержатъ (во второй половинѣ) нападки и на протестанство. Я ужъ упомянулъ, что Франко съ этимъ не согласенъ; но по моему, это такъ. Слова Вышенскаго: „Сіи аще бы не образъ Божій тріипостасный обносили, отъ свиній безсловесныхъ ничимъ же разнствуютъ. Где бо въ ныхъ вѣра? где церковъ? где священство? где правило? где постъ?“ и т. д.—слова эти относятся, конечно, къ протестантамъ (см. текстъ И. Житецкаго, стр. 113). „Порада“ (стр. 209) также содержитъ нападки на протестантизмъ, особенно на иконоборство. Пунктомъ объ иконоборствѣ „Порада“ прямо указываетъ на общій источникъ ея и „Еретиковъ“: этотъ источникъ—„Книжица“ Василія Суражскаго (1588). Какъ мы

знаемъ изъ заявленія самого Вышенскаго, „Книжица“ дала начало „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“; вполнѣ естественно думать, что она же дала начало и продолженію „Извѣщенія“—„Еретикамъ“; (см. выше, разборъ этихъ произведеній); одна глава въ этой „Книжицѣ“ посвящена вопросу объ иконоборствѣ и защитѣ иконопочитанія, т. е. направлена противъ „другихъ“ еретиковъ (сверхъ латынниковъ),—она-то и могла породить у Вышенскаго какъ часть „Еретиковъ“, такъ и извѣстную антииконоборческую часть „Порады“.—Эти соображенія, соединенныя съ предыдущими (о язычествѣ), заставляли бы насъ назначить датою для „Порады“ приблизительно 1591-й годъ.

Но „Пораду“ можно сопоставить еще съ однимъ сочиненіемъ Вышенскаго, написаннымъ уже въ 1593-мъ году: „Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ“. Оно возникло подъ вліяніемъ жалобы, которую въ февралѣ 1592-го года послало Ставропигійское Львовское братство константинопольскому патріарху Іереміи на львовскаго епископа Гедеона Балабана, разрѣшившаго нѣкоторые языческіе обычаи. Не стоятъ ли во взаимной связи проповѣдь противъ языческихъ обычаевъ въ „Порадѣ“ и такая же проповѣдь въ „Писаніи до всѣхъ“? Франко мимоходомъ (стр. 377) усматриваетъ зависимость „Порады“ отъ жалобы львовскихъ братчиковъ на Балабана, но выводовъ отсюда никакихъ не дѣлаетъ. А у насъ выводъ будетъ тотъ, что „Порада“ съ одной стороны примыкаетъ къ „Еретикамъ“ (1591[1]), а съ другой стороны примыкаетъ къ „Писанію до всѣхъ обще (1593)“. Всѣ эти три произведенія относятся, очевидно, къ одному періоду, всѣ три имѣютъ въ себѣ много взаимныхъ пунктовъ, всѣ три идеями своими дополняютъ одно другое, во всѣхъ трехъ полемическія нападки еще не сосредоточены *исключительно* на латынствѣ, а большей частью направлены вообще на „прелести еретическія“.

Дальнѣйшая литературная исторія разбираемаго нами мозаическаго трактата представляется мнѣ слѣдующимъ образомъ. Написанные въ 1591—1593 гг., „Апологія иноческаго чина“ и

[1]) И даже къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“.

„Порада о очищенію церкви“ лежали нѣсколько лѣтъ у Вышенскаго, пока онъ не задумалъ сдѣлать изъ нихъ дополненіе и postscriptum къ „Посланію до кн. Острожскаго“ (1599). При этомъ онъ далъ имъ окончательную редакцію, добавилъ, конечно, нѣкоторыя связующія фразы и, кромѣ того, приписалъ одну или нѣсколько страницъ, гдѣ говорится о православномъ безпоповьи и о достоинствахъ славянскаго языка. Безпоповье, какъ мы ужъ упоминали, началось въ южной Руси послѣ 1596-го года; Вышенскій въ „Порадѣ“ говоритъ о немъ, какъ о событіи недавнемъ, свѣжемъ. Пріемы защиты и восхваленія славянскаго языка и славянской „глупости“ въ сравненіи съ латинскимъ языкомъ и латинской мудростью („Порада“, стр. 210) позволяютъ думать, что здѣсь Вышенскій желалъ дать отповѣдь на насмѣшки Скарги, издѣвавшагося надъ славянскимъ языкомъ и православной „глупостью“ въ своей книгѣ: „ O rządzie i jedności kościoła Bożego“. Эту книгу Вышенскій впервые узналъ не изъ перваго ея изданія 1577-го года и не изъ втораго—1590-го года, а только изъ „Апокрисиса“ Филалета, т. е. ужъ въ 1597-мъ году. Плодомъ чтенія „Апокрисиса“ было, мы уже знаемъ, „Посланіе ко кн. В. Острожскому“; плодомъ чтенія „Апокрисиса“ были, очевидно, и вышеуказанныя добавленія къ „Порадѣ“, послѣ чего „Посланіе“ и „Порада“ были слиты Вышенскимъ въ одно цѣлое, съ сохраненіемъ однако особыхъ заглавій (какъ это было въ обычаѣ у Вышенскаго). Въ такомъ видѣ, т. е. какъ одно цѣлое, мы находимъ „Посланіе“ и „Пораду“ во всѣхъ рукописяхъ; и въ собственноручномъ перечнѣ сочиненій Вышенскаго „Порада“ помѣщена непосредственно послѣ „Посланія ко кн. Острожскому“. Интересно, что поминовеніе Скарги въ „Посланіи ко кн. Острожскому“ „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“ и выходки противъ латынника въ „Порадѣ“ (стр. 210) чрезвычайно напоминаютъ другъ друга и тономъ, и даже одинаковыми выраженіями.— Если мы предположимъ, что „Порада“ была окончательно редактирована Вышенскимъ не въ томъ же 1598-мъ году, когда было составлено „Посланіе ко кн. Острожскому“, а немного позже, напр., въ началѣ 1599-го года, или если допустимъ, что и „Посланіе“ составлено въ 1599-мъ году, то найдемъ еще одинъ

литературный источникъ ея: письмо покровителя Вышенскаго патріарха Мелетія Пига, противъ иконоборства, изданное въ Острогѣ въ 1598-мъ году. Не оно ли заставило Вышенскаго вспомнить о давно хранившемся у него антииконокластическомъ отрывкѣ „Порады" и взяться вновь за ея обработку?

Комментаріевъ и разъясненій Франка къ „Порадѣ" я, по обычаю, не излагаю, а упоминаю здѣсь о ихъ существованіи только потому, что хочу сдѣлать два возраженія. На стр. 378-й читаемъ: „Интересно у Вышенскаго упоминаніе про „волочѣльне по Воскресеніи", которое, по его словамъ, соединено было „со смѣхомъ и руганіемъ діавольскимъ", т. е. съ какими-то забавами и танцами. Теперь въ Малороссіи нѣтъ волочильнаго, только у бѣлоруссовъ есть „волочобныя пѣсни" и „волочебники", да и то не на Пасху, а на Рождество,—то, что наши колядки и колядники". Почему это Франко подъ „руганіемъ діавольскимъ" понимаетъ танцы, остается для читателя неизвѣстнымъ. Но не въ томъ главная его вина, а въ томъ, что напрасно онъ поспѣшилъ изгнать изъ Малороссіи „волочилне". Въ Малороссіи до настоящаго времени Свѣтлый понедѣльникъ называется „волочинныкомъ". Въ этотъ день крестьяне ходятъ другъ къ другу, христосуются, мѣняются писанками. Ходятъ съ поздравленіями (преимущественно дѣти) къ роднымъ, повивальнымъ бабкамъ, знакомымъ, къ священнику и помѣщику своего села, принося въ даръ „волочилнее", состоящее обыкновенно изъ пшеничнаго калача и нѣсколькихъ крашанокъ; обычай хожденія называется „волочиннямъ". Въ этотъ же день парубки, при встрѣчѣ съ дѣвушками, обливаютъ ихъ водою (вотъ онъ—„смѣхъ и руганіе діавольское"!), а то дарятъ ихъ крашанками. См. объ этомъ у Чубинскаго („Труды этн.-стат. эксп. въ зап.-р. край", т. III, стр. 24) и у Ив. Левицкаго-Нечуя („Свитоглядъ украиньского народу". Правда, 1876, 19; отдѣльнаго изданія этой книги у меня нѣтъ). Любопытно мнѣ было бы знать, откуда взялъ Франко свѣдѣніе, что въ Бѣлоруссіи „волоченіе" совершается не на Пасху, а на Рождество.—Другое мое замѣчаніе, или возраженіе, касается стр. 387—388, гдѣ Франко говоритъ, что южно-русскія братства сложились въ генетической зависимости отъ религіозныхъ Мо-

равскихъ братствъ XV—XVI вѣка. Франко забываетъ, что церковный характеръ малорусскихъ братствъ—черта ужъ позднѣйшая, и что прежде всего это были братства ремесленно-цеховыя. Слѣдовало бы Франку познакомиться, по этому предмету, не только съ трудами Костомарова, но и съ трудами Ефименко и Флерова.

№ 14. Термина о лжи, т. е. собраніе прежнихъ сочиненій Вышенскаго, счетомъ десяти, сдѣланное самимъ авторомъ и снабженное предисловіемъ. Франко затрудняется на счетъ смысла слова: „Термина", но мнѣ кажется, что смыслъ ясенъ: „термина о лжи"—„опредѣленіе относительно лжи"—„обличеніе ересей". Впослѣдствіи Вышенскій составилъ еще другую „Термину" и отправилъ ее на имя князя Михаила Вышневецкаго около 1615-го года, но та до насъ не дошла. На чье имя и когда онъ отправилъ первую „Термину", рѣшить не такъ легко. Франко хочетъ отнесть ее къ 1608-му году, но его доказательства очень слабы. Точное заглавіе „Термины" такое: „Книжка Іоана мниха вишенскаго от святыя аѳонскія горы в напоминаніе всѣхъ православныхъ христіанъ. Братствам и всѣм благочестивым в Малой Россіи, в Коронѣ Полской жительствующим иноческаго чина общежителем, архимандритом и священноиноком и честным монахом и інокиням, всѣм сестрам нашим, и прочіим тщателем церковным, благодать Господа нашего Ісуса Христа и любы Бога Отца и причастіе святого Духа буди со всѣми вами. Аминь" („Кіев. Стар." 1886, апрѣль, прилож., стр. 27). Франку (стр. 390) кажется, что упоминаніе про монахинь *прямо* намекаетъ на старицу Домникію, откуда слѣдуетъ, что „Термина" послана была Вышенскимъ послѣ его путешествія на родину, т. е. послѣ 1606-го года. Откуда Франко знаетъ, что Вышенскій не былъ знакомъ съ Домникіей раньше путешествія на Русь въ 1606-мъ году?! И гдѣ это онъ увидѣлъ въ заглавіи „Термины" *прямое* указаніе на Домникію?! Выраженіе: „инокинямъ"—простая, обычная формула. Въ каждомъ молитвенникѣ существуетъ „Помянникъ", который слѣдуетъ присоединять къ повседневнымъ молитвамъ утреннимъ и вечернимъ: приведенное обращеніе Вышенскаго ко всему православному міру и къ инокинямъ въ томъ числѣ—есть

ничто иное, какъ конспектъ нѣсколькихъ прошеній подобнаго помянника, или ектеніи. Второе основаніе датировать „Термину“ 1608-мъ годомъ Франко видитъ въ томъ фактѣ, что въ ней помѣщена „Порада о очищенію церкви“. И это основаніе приходится отбросить, потому-что „Порада“ составлена гораздо раньше. Третье основаніе у Франка (стр. 391)—слова Вышенскаго въ предисловіи: „За невѣріе и бесплодіе наше попущени есмо в запустѣніе з нашею православною вѣрою“. Франко видитъ здѣсь намекъ на смерть кн. Острожскаго, послѣдовавшую въ 1608-мъ году. Но текстъ не даетъ права на такое толкованіе: фактъ введенія уніи въ 1596-мъ году—вотъ на какое „запустѣніе“ могъ намекать Вышенскій. Всѣ Франковскія соображенія можно будетъ пріурочить къ 1608-му году только въ томъ случаѣ, если найдется *помимо нихъ* какое-нибудь несомнѣнное указаніе, что именно тогда Вышенскій послалъ на Русь свою „Термину“.

Не менѣе запутанъ вопросъ о порядкѣ въ перечнѣ сочиненій Вышенскаго, помѣщенномъ въ предисловіи къ „Терминѣ“. Франко находитъ, что перечень этотъ—совершенно произвольный, случайный, отнюдь не хронологическій. По моему, это не совсѣмъ такъ. Судя по порядку статей, можно думать, что Вышенскій послалъ „Термину“ на имя князя К. Острожскаго (какъ впослѣдствіи вторую Термину на имя князя М. Вишневецкаго) и систематизировалъ ее примѣнительно къ князю Острожскому. „Обличеніе на діавола“, написанное, конечно, попозже другихъ произведеній, Вышенскій помѣстилъ въ самомъ началѣ сборника въ видѣ предисловія (это соображеніе выставляетъ и Франко). Послѣ этого предисловія слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ „Посланіе ко кн. В. Острожскому“, какъ къ адресату всего сборника. Слѣдующее затѣмъ произведеніе: „Порада“—приложеніе къ „Посланію ко кн. Острожскому“. Далѣе, до конца, мы усмотрѣли бы во всемъ перечнѣ правильную послѣдовательность хронологическую, если бы „Извѣщеніе о латинскихъ прелестехъ“ съ его постъ-скриптами стояло на надлежащемъ мѣстѣ. Быть можетъ, Вышенскій поставилъ его на шестомъ мѣстѣ, а не на четвертомъ (какъ слѣдовало бы), по той причинѣ, что посланія №№ 4—5 были, по его мнѣнію, важнѣе содержаніемъ, чѣмъ „Извѣ-

щеніе о латинскихъ прелестехъ", а „Извѣщеніе", по его мнѣнію, было удобнымъ догматическимъ дополненіемъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ я не скрываю отъ себя, что и мое объясненіе порядка сочиненій „Термины" имѣетъ характеръ вѣроятности, а не достовѣрности.

Въ какомъ же году, однако, была отправлена „Термина" на Русь? Разбирая „Новину", „Слѣдъ" и „Обличеніе", я показалъ, что они могли быть написаны или около 1598-го года, или около 1607-го года. Если вѣрна первая половина дилеммы, то есть основаніе предположить, что Вышенскій послалъ „Термину" на родину между 1601—1605-мъ годами: ничего новаго въ этотъ промежутокъ онъ не составлялъ, откуда и возникаетъ подозрѣніе, что въ это время онъ былъ занятъ редактированіемъ и перепиской прежнихъ своихъ сочиненій; переписавши все, Вышенскій, по моей догадкѣ, послалъ „Термину" на руки князя Острожскаго, который могъ бы дать ему защиту противъ людей, грозившихъ проповѣднику смертью въ случаѣ его прихода на Русь. Если же вѣрна вторая половина дилеммы (касательно 1607-го года), то переписку приходится предположить между 1606-мъ годомъ и февралемъ 1608-го (*до* смерти кн. Острожскаго).

№ 15. Посланіе Іову Княгиницкому (стр. 398—403)—составлено Вышенскимъ послѣ 1607-го года и отнесено Франкомъ къ 1610-му г. По моему, дату можно подвинуть впередъ даже подальше. Вышенскій пишетъ, что онъ ужъ собрался было идти на Русь опять, какъ вдругъ его остановили нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства;—не вѣрится, чтобы въ трудное и далекое путешествіе онъ могъ собираться *вскорѣ* послѣ возвращенія изъ перваго. Но, конечно, точныхъ доказательствъ для этой догадки найти пока что нельзя. Что же касается того соображенія, которое приводитъ Франко, то оно мнѣ представляется слабымъ, не доказаннымъ, хотя съ тенденціею его я вполнѣ согласенъ. Въ письмѣ Вышенскаго къ Іову (Арх. Ю.-З. Р., 1, VII, 36) встрѣчается такая фраза: „Отънелиже пріидохъ, не точію на келіи, но и на пещеры двѣ погловъщизны дукатов влѣзлѣ, такожде и на святую гору, отъ ней же бѣ товар одинъ прежде соборнаго гарачу, нынѣ же и до четырехъ влѣзло". По мнѣнію

Франка (стр. 399), такое значительное увеличеніе подати врядъ ли возможно было въ одинъ годъ и безъ длинныхъ и упрямыхъ переговоровъ. Съ чего это предположилъ Франко такую деликатность у турокъ, которая мѣшала бы имъ возвысить подать сразу и заставляла бы предварительно вести тонкую, церемонную дипломатію съ подчиненными гяурами?! А если Франко такъ вѣритъ въ турецкую дипломатію, „якъ турчынъ у мисяць", то что мѣшаетъ ему предположить, что переговоры начались за десять-пятнадцать лѣтъ до путешествія Іоанна на родину?!—Имя Іова Франко передѣлываетъ въ странную форму: „Йовъ" (односложную). И великороссы, и малоруссы произносятъ „І" въ этомъ имени за отдѣльный слогъ, не обращая его въ йоту, да и по еврейски это слово—двусложное. Такая форма, въ какой является это имя у Франка, годится развѣ для наименованія главнаго латинскаго бога (Juppiter, Jovis).

Противъ главы 17-й и 18-й (стр. 404—416), гдѣ Франко разбираетъ „Посланіе до братства Ставропигійскаго", „Позорище мысленное" и „Письмо къ кн. М. Вишневецкому", ничего не могу возразить. Равнымъ образомъ ничего, кромѣ похвалъ, не могу сказать объ „Указателѣ собственныхъ именъ личныхъ, названій мѣстностей и заглавій книгъ", упоминаемыхъ въ диссертаціи (стр. 499—534), и потому считаю свой разборъ 2-й части и вмѣстѣ съ тѣмъ всей книги—оконченнымъ.

Я ужъ упомянулъ, что при своемъ разборѣ „Ивана Вышенського" Франка я поставилъ себѣ спеціальной цѣлью—аттаковать слабые пункты диссертаціи. Не удивительно поэтому, что мой разборъ превратился не во всестороннюю оцѣнку (которая, конечно, была бы чрезвычайно благопріятна для Франка), а въ одностороннее обвиненіе. Однако, и при такой постановкѣ дѣла читатель, надѣюсь, увидѣлъ, что Франку нельзя отказать ни въ блестящемъ талантѣ, ни въ эрудиціи. Бѣда только, что талантъ его не вполнѣ уберегся отъ вліянія „галицкаго" на-

строенія науки, которое требуетъ гипотезъ пограндіознѣе, поневѣроятнѣе (яркій образецъ такого отважнаго настроенія— Омельянъ Партыцкій). Что же касается эрудиціи Франка, то ея недостатокъ въ томъ, что она больше польско-нѣмецкая, чѣмъ русская. Историкъ южно-русской литературы долженъ, подобно нашимъ малороссамъ, чувствовать себя въ общерусской наукѣ вполнѣ дома, и тогда будутъ немыслимы такіе промахи, какъ возведеніе Максима Грека въ санъ московскаго архіепископа и открытіе въ 1895-мъ году „Изборника Святослава", который извѣстенъ намъ чуть ли не сто лѣтъ. Будемъ разсчитывать, что при второмъ изданіи диссертаціи, которое авторъ обѣщаетъ, подобныхъ промаховъ не будетъ, и что мы будемъ имѣть о Вышенскомъ такую прекрасную монографію, какой еще не удостоился ни одинъ изъ старинныхъ южно-русскихъ литераторовъ. Такія надежды возлагать на Франка мы вправѣ. Если справедливо извѣстіе, сообщенное газетами, что Франко назначенъ профессоромъ львовскаго университета на мѣсто покойнаго Огоновскаго, то историкамъ южно-русской литератуты остается только порадоваться.

Остается сказать о внѣшней сторонѣ труда: языкѣ.

Въ послѣднихъ годахъ предыдущаго десятилѣтія малорусскій языкъ у Франка былъ гораздо лучше, чѣмъ теперь. Порча языка сказывается, пожалуй, не въ области лексики; правда, встрѣчаются слова вродѣ „намьетности (стр. 486)", „восклыкъ (стр. 473)", но ихъ и немного, и они составляютъ полбѣды. Гораздо хуже то, что *синтаксисъ* у Франка совсѣмъ не малороссійскій, а искусственный, и притомъ приближается не столько къ литературному русскому (тоже искусственному, но все таки наиболѣе близкому къ народному малорусскому синтаксису), сколько къ польскому и нѣмецкому (которые совершенно не годятся для малорусскаго языка). Если Достоевскій и гр. Толстой жалуется на искусственность литературнаго (прекрасно обработаннаго!)

русскаго языка и требутъ водворенія народнаго синтаксиса, то во сколько же разъ обязательнѣе то же требованіе для писателя малорусскаго, который не обязанъ держаться старинныхъ историческихъ традицій и смѣетъ прямо черпать изъ сокровищницы народной!... Изъ отдѣльныхъ случаевъ неправильной фразеологіи у Франка я отмѣчу только одно выраженіе, доходящее до курьеза: „Идучы *въ задъ* видъ сеи даты“ (стр. 427).

Когда моя статья была ужъ написана, я получилъ изъ Львова обрывки какой-то книжки,—судя по всему, это кусокъ изъ послѣдняго тома „Запысокъ наукового товарыства имены Шевченка“. Обрывки эти содержатъ конецъ рецензіи Верхратскаго на Словарь Срезневскаго и начало рецензіи на диссертацію Франка (стр. 29—40). Конца рецензіи нѣтъ, а потому нѣтъ и подписи, но изъ контекста ясно, что ее писалъ др. Кирило Студинскій. На стр. 35-й, при рецензированіи „Извѣщенія о латинскихъ прелестехъ“, Студинскій такъ же, какъ и я, возражаетъ Франку, что папу антихристомъ называли и до Вышенскаго. То, чего я не могъ вспомнить, вспоминаетъ именно этотъ Студинскій: еще Мотовило, въ своемъ отвѣтѣ на „Jedność“ Скарги, честилъ папу титуломъ антихриста (П. Устряловъ: „Сказанія князя Курбскаго“, 1868, стр. 249).

Мнѣ прислано 12 страницъ рецензіи Студинскаго, а всего она занимаетъ, быть можетъ, страницъ двадцать: по этому вполнѣ правильно оцѣнить ее нельзя. Общее впечатлѣніе однако говоритъ скорѣе противъ нея, чѣмъ за нее. Нельзя, конечно, не признать за г. Студинскимъ извѣстной начитанности по южнорусской литературѣ; тѣ нѣсколько примѣчаній, которыя онъ сдѣлалъ къ нѣкоторымъ главамъ Франковской диссертаціи (обыкновенно онъ ограничивается простымъ пересказомъ ея) имѣетъ свою цѣну; но въ своихъ похвалахъ г. Студинскій несносенъ. Что и говорить! диссертація Франка заслуживаетъ похвалъ и очень большихъ: но Студинскій очень не критиченъ, очень легковѣренъ и хвалитъ какъ разъ тѣ мѣста диссертаціи, которыя слабѣе прочихъ. Выскажетъ Франко какую-нибудь невѣроят-

нѣйшую гипотезу, а Студинскій заявляетъ: „та гадка здаеся мени дуже удачною“. Гипотезу путешествія Вышенскаго на Аѳонъ черезъ Венгрію и Охриду Студинскій называетъ „дуже быстро-умною“. И тутъ сказалось то „галицкое“ настроеніе научной мысли, какимъ ознаменовалъ себя проф. Партицкій!

А. Крымскій.

ИВАНЪ РОМАНОВИЧЪ МАРТОСЪ.

(р. ок. 1760 † 1831).

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Мартосы происходятъ отъ лубенскаго полкового судьи Мартына Мартоса, который, повидимому, не нажилъ никакого состоянія, почему потомство его очень скоро и измельчало. Сынъ судьи—Михайло еще былъ бунчуковымъ товарищемъ, но внукъ Федоръ былъ уже только войсковымъ товарищемъ, правнукъ Романъ—только значковымъ товарищемъ, т. е. тѣмъ-же рядовымъ козакомъ, но только грамотнымъ и, кромѣ того, залучившимъ къ себѣ двѣ-три семьи подсосѣдковъ. Вотъ у этого-то Романа Мартоса было два сына,—Иванъ и Федоръ, которые для того, чтобы выбиться въ люди, стали учиться. Старшій, Иванъ, (родился въ Глуховѣ) довелъ ученіе свое до кіевской академіи, „послѣ которой поступилъ, въ 1778 г., въ военную службу и опредѣленъ былъ въ гвардію нижнимъ чиномъ, но не будучи склоненъ въ военной службѣ, а, напротивъ, имѣя природный даръ къ юридической словесности, опредѣлился въ штатъ гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго, при которомъ и служилъ, по смерть гетмана, въ званіи кабинетнаго секретаря“. Свѣдѣнія эти записалъ ближайшій другъ И. Р. М—са, В. Я. Ломиковскій, на рукахъ котораго М. и умеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что запись сдѣлана со словъ М—са, такъ какъ никакихъ бумагъ о своей молодости послѣдній не оставилъ. Далѣе Ломиковскій продолжаетъ: „гетманъ Разумовскій, увидѣвъ, что М.—

имѣетъ необыкновенный даръ ума, великую способность къ административнымъ дѣламъ, неустанную дѣятельность, точность по дѣламъ службы, а при томъ безкорыстность, доброту сердца и благородство души, имѣлъ къ нему полное довѣріе. Гетманъ въ кругу приближенныхъ не однажды говорилъ: М. одинъ, другого нѣтъ! [1]) Чрезъ эти то христіанскія добродѣтели Мартосъ во всю жизнь свою встрѣчалъ крайне чувствительныя горести. По смерти гетмана Разумовскаго, наслѣдники (послѣдняго) много огорчили М-са, и онъ, можно сказать, оставшись въ нищетѣ, пошелъ въ гражданскую службу въ гродненскую губ. При восшествіи на престолъ Павла I, въ 1796 г., М. сопровождалъ въ Спб. бывшаго послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго. Тогда М. опредѣлился въ службу въ правит. сенатъ и продолжалъ оную въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ особенности въ удѣльномъ д—тѣ, въ которомъ, находясь въ званіи камерира и столоначальника, съ 1797 г. по 1802, составилъ общее наставленіе для управленія всѣхъ удѣльнаго вѣдомства сельскихъ приказовъ. Затѣмъ, служилъ въ прав. сенатѣ секретаремъ и оберъ секретаремъ по 1809 г." Далѣе изъ бумагъ Мартоса видно, что въ 1809 г. онъ перешелъ на службу въ министерство юстиціи, экспедиторомъ департамента, а когда директоръ д—та гр. Салтыковъ назначенъ былъ, въ 1813 году, оберъ-прокуроромъ, то М—су поручено было исправленіе должности директора. Вслѣдъ за назначеніемъ Трощинскаго министромъ юстиціи, М. съ 1-го января 1815 г. былъ назначенъ директоромъ департамента. Но въ слѣдующемъ году М. вышелъ въ отставку, по болѣзни, съ пенсіей въ три тысячи рублей.

---

[1]) Въ обширной своей перепискѣ Мартосъ только разъ вспомнилъ Разумовскаго: въ письмѣ къ Трощинскому 1824 г., говоря о лѣкарствахъ отъ старческихъ немощей, М—съ пишетъ: „на сей разъ небезполезно вспомнить послѣдняго нашего малороссійскаго гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, вѣроятно вамъ болѣе знакомаго, нежели мнѣ, который всякій годъ обновлялъ себя чрезъ употребленіе майскихъ соковъ, кои употребляемы были пользовавшимъ его докторомъ. Тѣмъ самымъ отставной гетманъ ублажалъ свою старость и достигалъ, какъ извѣстно, до самихъ позднихъ лѣтъ, а средствомъ къ сему служили самыя простыя растенія, извѣстныя медикамъ".

Вотъ краткій послужной списокъ М—са, изъ котораго впрочемъ нельзя видѣть того значенія, которымъ пользовался Мартосъ среди петербургскихъ чиновниковъ, благодаря его „практическимъ познаніямъ юриспруденціи и особеннымъ успѣхамъ въ словесности сего рода“, какъ писалъ Трощинскій въ своемъ представленіи объ утвержденіи М—са директоромъ департамента. Изъ сохранившейся частной переписки Мартоса, за время его службы въ м—вѣ юстиціи, видно, что онъ пользовался репутаціей вліятельнаго дѣльца, къ помощи котораго обращались и такъ называемые высокопоставленные люди. Изъ этихъ писемъ видно, напр., что грузинскій царевичъ Давидъ просилъ (1815 г.) Мартоса ходатайства передъ министромъ по какому-то дѣлу; „государственный докладчикъ“ [1]) Марченко увѣдомляетъ М—са, что онъ „по его порученію объяснялся съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ (Аракчеевымъ); гр. Безбородко (И. А.) проситъ М—са „удѣлить ему часъ времени и назначить сей часъ“, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ и т. д.—Будучи дѣловымъ чиновникомъ, М. въ тоже время былъ хорошо образованнымъ человѣкомъ, при чемъ образованіе это выражалось въ полномъ знакомствѣ съ классической литературою, а отчасти и съ французскою, съ которою М. знакомился, вѣроятно, уже послѣ академіи. Но русскій образованный человѣкъ нач. XIX вѣка вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ быть, почти необходимо, и масономъ. Былъ масономъ и М. Когда по закрытіи въ 1822 г. масонскихъ ложъ, отъ бывшихъ ихъ членовъ отбирались свѣдѣнія о началѣ ихъ масонства, то М. отвѣчалъ: „прежде, съ 1810 г. или 1812, чего навѣрное не припомню, хотя принадлежалъ я нѣсколько времени, два или три года или болѣе, также не помню вѣрно, къ тайному обществу, которое существовало въ С.-Петербургѣ—ложи Елисаветы добродѣтели, однако посѣщенія мои были не весьма долговременны и постоянны, съ начала по причинѣ моихъ недосуговъ по службѣ, а потомъ и по чрезвычайнымъ недугамъ, побудившимъ меня оставить и службу, и столицу, въ 1816 г.“ При этомъ, отвѣчая на вопросъ о цѣли масонства, М—съ, между

---

[1]) Такъ назывался тогда, повидимому, управляющій дѣлами комитета министровъ.

прочимъ, писалъ: „цѣль общества заключается въ познаніи себя и познаніи рукъ Божіихъ или природы, равно дѣйствительнаго выполненія, а не на словахъ только, любви къ ближнему и прочихъ добродѣтелей, находящихся въ совершенномъ согласіи со всѣми христіанскими добродѣтелями, въ которыхъ назидаетъ насъ православная восточная или греко-россійская церковь, такъ какъ источникъ истиннаго просвѣщенія блюдется не столько въ книжкахъ, сколько въ сердцахъ“.

М. оставилъ службу по болѣзни, выразившейся въ нервномъ разстройствѣ; быть можетъ, эта болѣзнь вмѣстѣ съ масонствомъ и развили въ М—сѣ тотъ мистицизмъ, который составляетъ сущность его интимной переписки за время жизни въ отставкѣ. Можно сказать, что мистицизмъ въ это время настолько поглотилъ М—са, что почти затемнилъ въ немъ живого человѣка. А между тѣмъ это былъ человѣкъ, хорошо подготовленный къ научнымъ занятіямъ русской исторіей, какъ это видно изъ единственной напечатанной М—сомъ книжки,—*Изслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ.* (Спб. 1809. 8 д., 35 стр. Безъ имени автора). Въ этой книжкѣ М. пытается объяснить то мѣсто изъ первоначальной русской лѣтописи, гдѣ говорится, какъ епископъ Ефремъ въ Переяславѣ „воздвигъ городъ каменъ и строеніе банное каменно“. Какъ извѣстно, русскіе историки к. XVIII в. въ „банномъ строеніи“ видѣли народныя бани. Такое объясненіе „банному строенію“ давали Татищевъ, Щербатовъ и Стриттеръ; такое-же объясненіе „банному строенію“ давалъ и митрополитъ Платонъ въ его церковной исторіи. Одинъ только Болтинъ не принималъ такого объясненія, думая въ „банномъ строеніи“ видѣть крестильную купель. Не видѣлъ въ „банномъ строеніи“ „парильныхъ“ бань и М.— „Всякъ можетъ согласится, что къ полному разумѣнію Несторовыхъ повѣствованій, необходимо нужно знать, въ какой онъ былъ странѣ Россіи? Не видишь-ли у себя множество примѣровъ, сколь часто нарѣчія одного округа бываютъ невразумительны въ другомъ? Сколько разъ сіе было причиною, что важнѣйшая историческая истина принята въ иномъ видѣ и совершенно противно толкована къ затемнѣнію подлинныхъ и

достопамятныхъ произшествій древности?“ Исходя изъ того, что „отецъ россійской исторіи“ Несторъ жилъ и писалъ свою лѣтопись въ Кіевѣ, М. полагаетъ, что „неестественно, чтобы онъ, Несторъ, не употреблялъ такихъ словъ, кои тогда были свойственны тамошнему округу, кои вѣроятно и нынѣ частію употребительны, только немногимъ извѣстны, слѣдовательно мѣстное изысканіе можетъ намъ подать важное пособіе... Вскорѣ надобность указала мнѣ ѣхать въ Кіевъ... При выѣздѣ моемъ изъ дому получилъ я разныя препорученія: кому для счастія нужны были колечки великомученицы Варвары, кому для здоровья кипарисные крестики и образки, кому для спасенія души—карманные молитвенники, а кому для лакомства—сахарныя кіевскія варенья. Находясь въ Кіевѣ, поѣхалъ я между дѣломъ на Подолъ, къ той знаменитой кіевлянкѣ, которая прославилась лучшимъ приготовленіемъ своихъ вареньевъ... Она во время прибытія моего находилась посредѣ своихъ работницъ, коихъ было до 30-ти, занимаясь распоряженіемъ своихъ дѣлъ... Не прошло болѣе двухъ четвертей часа нашего пребыванія въ горницѣ, какъ внезапно поднялась престрашная буря, застучали ставни и окошки... Распространилась ужасная туча и все вокругъ покрыла мракомъ... полился сильный дождь... Еще продолжался на дворѣ ослабѣвшій и тихій дождь, какъ прибѣжала въ горницу дѣвочка вся мокрая и сказала сіи слова: господыня! насъ дождь засталъ на мостовой и весь розовый цвѣтъ въ корзинкахъ перемочило, а у Притиска Николая сломило на банѣ крестъ.—Иной могъ бы сіи послѣднія слова такъ понять, что какой-нибудь Николай Притискъ, Притисковъ, Притисченко или Притисковскій имѣлъ у себя домашнюю баню и на ней, по какому нибудь старому завѣту, поставилъ крестъ, который бурею сбило. Я спросилъ хозяйку—не въ домѣ ли ея сродника или пріятеля послѣдовалъ объявленный случай?—Нѣтъ, не у пріятеля и не у сродника, отвѣчала она, это случилось въ домѣ чудотворца Николая, и подумайте, какая была буря, даже крестъ на церквѣ сломила: слава Богу! что сія сила миновала мой домъ. Получивъ такой отвѣтъ на мой вопросъ и вздумавъ для препровожденія времени болѣе распространить сей разговоръ, продолжалъ—я васъ не понимаю, ма-

тушка, вамъ дѣвочка сказала о крестѣ и банѣ какого то Николая Притиска, а вы мнѣ говорите о крестѣ и церквѣ Николая Чудотворца, но между банею и церковью и между Притискомъ и Чудотворцемъ большая разница, прошу васъ разсказать мнѣ о томъ яснѣе.—Я вамъ уже сказывала и еще повторяю, что, по словамъ дѣвочки, на нашей церкви, изъ давна прозванной по нѣкоему въ сей церквѣ чуду—Притискомъ, буря сломила крестъ. На семъ я не упустилъ остановить свою кіевлянку, говоря ей: вамъ дѣвочка при мнѣ объявила о банѣ, въ чемъ вы меня переувѣрить не можете, ибо я самъ ея слова слышалъ, однакожъ вы мнѣ говорите о церквѣ, то изъ насъ кто нибудь неправъ, или я васъ не понимаю, или дѣвочка промолвилась, или—вы хотите на мой щетъ позабавиться.—Вотъ какую вы штуку выдумали, продолжала старуха; но пожалуйте скажите мнѣ, на чемъ у васъ наружный церковный крестъ утверждается?—Если вы меня спрашиваете о томъ крестѣ, который бываетъ на самомъ верху церкви, то онъ у насъ утверждается на куполѣ—отвѣчалъ я.—Сей самый вашъ куполъ у насъ въ просторѣчіи называется баня.—При сихъ словахъ застучала на дворѣ коляска и хозяйка молвила: да вотъ отецъ протопопъ къ намъ пріѣхалъ, онъ вамъ лучше моего разсказать можетъ, что значитъ церковная баня. Оставаясь въ ожиданіи пріѣзжаго, подумалъ я про себя—какой странной случай способствуетъ мнѣ теперь открыть предметъ, столь долгое время скрывавшійся въ древнихъ выраженіяхъ Нестора, подлинно человѣку наблюдательному надобно со вниманіемъ выслушивать и неопытныхъ дѣвочекъ, нетолько искусившихся женщинъ, а протопоповъ и того болѣе. Кіевлянка моя, послѣ краткихъ учтивостей, объявила новому гостю нашъ разговоръ. Я въ своемъ тонѣ подтверждалъ ея слова и спросилъ отца протопопа разрѣшить мое недоумѣніе!—Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что высокой сводъ надъ церковнымъ зданіемъ у насъ въ просторѣчіи называется *баня*. Вѣроятно, дано ему сіе наименованіе по наружному его сходству съ круглымъ сосудомъ, который собственно у насъ называется *банка*, *баночка*, по той же причинѣ, какъ и водяные пузыри, каковые видите на этихъ дождевыхъ лужахъ, называются уменьшительно *банька*, а вмѣсто увеличи-

тельнаго слова банчище, поелику таковаго окончанія слова употребляются только тогда, когда говоримъ о чемъ-нибудь съ презрѣніемъ, кажется надлежитъ сказать баня, оттуда произходитъ *банный*, *банная*, *банное* строеніе. Сіе зданіе появилось у насъ послѣ введенія христіанства; вещь была новая, собственнаго имени на русскомъ языкѣ не имѣла; какъ скоро дали ей названіе *баня*, такъ оное показалось приличнымъ и принято. Я не защищаю изящества наименованія, промолвилъ отецъ протопопъ, но употребленіе сего слова въ нашей сторонѣ въ смыслѣ церковной главы или купола, понынѣ продолжающееся, должно рѣшить всякое недоумѣніе".

„Благодарилъ я своему новому знакомцу за таковое онаго слова объясненіе, а притомъ объявилъ ему и прямую свою въ томъ надобность. Мы съ нимъ согласнаго были мнѣнія, что всѣ наши почтенные писатели банное строеніе принимали не въ томъ смыслѣ, въ какомъ написалъ преподобный Несторъ"...

Заинтересовавшись услышаннымъ объясненіемъ слова *баня*, М. написалъ свои догадки къ объясненію словъ—*строеніе банное каменно*, составившія брошюру — „*Изслѣдованіе баннаго строенія*", изъ которой мы и взяли приведенный отрывокъ [1]).— Догадки М—са вызвали возраженія Каченовскаго (Вѣстн. Евр. 1810 г.), на которыя М. отвѣчалъ пространною статьею—„*Изложеніе споровъ о банномъ строеніи, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ* [2])". Изъ статьи этой видно обстоятельное знакомство М—са съ литературою русской исторіи. Ему извѣстны были не только русскія сочиненія, но онъ хорошо былъ знакомъ, напр., съ извѣстною книгою Чацкаго--*О литовскихъ и польскихъ правахъ*; хорошо знакома была М—су и *Литовская метрика*, „недавно передъ тѣмъ перевезенная въ С.-Петербургъ изъ Варшавы". Отвергая возраженія Каченовскаго рядомъ соображеній, основанныхъ на томъ или другомъ сопоставленіи фактовъ, М. говоритъ: „очевидное сомнѣніе, останавливая на каждомъ шагу любителя древности относительно баннаго строенія, принуждаетъ искать разрѣшенія

---

[1]) Мы не имѣли подъ руками печатной брошюры М—са, а пользовались рукописнымъ ея экземпляромъ съ собственноручными поправками автора.

[2]) Вѣстн. Евр. 1811 г., № 22, стр. 116—139 и 1812 г., № 1, стр. 25—52.

не въ буквальномъ смыслѣ словъ, но въ пространнѣйшемъ соображеніи обстоятельствъ, наипаче въ такомъ случаѣ, когда всѣ писатели (русскіе историки) соглашаются, что Ефремъ произвелъ въ Переяславлѣ нѣчто новое и никогда небывалое въ Россіи.— Санъ епископа Ефрема возлагалъ приличную на него обязанность пещись о благосостояніи монастыря и благолѣпіи церквей. Его житіе насъ увѣряетъ, сколько онъ имѣлъ къ тому любви и привязанности, что вмѣняя сіе за честнѣйшее себѣ и любезнѣйшее дѣло, мнилъ умножить онымъ и самую хвалу пресвятому имени Божію; слѣдственно воздвигнутое имъ *банное строеніе* должно составлять плодъ его любви къ церковному великолѣпію. Какой же видъ имѣло сіе банное строеніе, которое по свидѣтельству *современнаго* лѣтописца было новое въ Россіи и дивное?—Критика (Каченовскаго) наводитъ свое любимое сомнѣніе, стараясь обратить предметъ изслѣдованія въ прежній мракъ; но въ настоящемъ случаѣ не должно ли намъ по руководству разсудка предпочесть вѣрныхъ источниковъ, изъ которыхъ можетъ почерпать касательно сего ясное разумѣніе?—Прославленная житіемъ епископа Ефрема любовь его къ церковному великолѣпію, преимущество лѣтописца Нестора предъ прочими нашими древними писателями, ощутительное сходство нарѣчія ей съ нарѣчіемъ кіевскаго края, наконецъ, явственное стеченіе согласующихся обстоятельствъ, нарочитымъ образомъ удостовѣряютъ въ истинѣ обнаруженной изслѣдованіемъ и въ существенномъ качествѣ строенія, открывая въ ономъ куполы, столь много соотвѣтствующіе намѣренію благочестиваго строителя, ибо дѣйствительно придаютъ видъ церквамъ великолѣпнѣйшій".

„Итакъ, приведенныя въ изложеніи семъ доказательства могутъ совершенно приготовить любопытные умы къ рѣшенію возникшаго спора въ пользу исторической истины, ибо есть степени вѣроятія, на которыхъ позволительно сомнѣваться, но есть и другія степени вѣроятія, на которыхъ сомнѣніе бываетъ предосудительно".

И брошюра *О банномъ строеніи* и отвѣтъ Каченовскому показываютъ въ М—сѣ ученаго, обстоятельно знакомаго, какъ съ литературою вопроса, такъ и съ критикою текста письменныхъ

памятниковъ, причемъ нельзя еще не замѣтить въ изложеніи М-са и той логической послѣдовательности, съ которой онъ излагаетъ свои выводы. Къ сожалѣнію ученость свою М. примѣнилъ къ одному только этому вопросу—о „банномъ строеніи“.

Оставивъ службу, М. рѣшилъ уѣхать изъ Петербурга на югъ Россіи, для поправленія своего здоровья. Сначала онъ направился въ Глуховъ, чтобы, тамъ осмотрѣвшись, выбрать себѣ гдѣ нибудь въ Малороссіи пріютъ, такъ какъ никакой земельной собственности тутъ (да и нигдѣ) у него не было. За то у М—са были друзья. Такими друзьями были у него и братья Гамалѣи, Гаврило и Иванъ Михайловичи, изъ которыхъ первый жилъ въ конотопскомъ своемъ селѣ Семяновкѣ, а другой въ путивльскомъ своемъ же селѣ Клепалахъ. Гамалѣи вели въ это время большой земельный процессъ съ путивльскимъ своимъ сосѣдомъ Череповымъ, причемъ главнымъ ихъ совѣтчикомъ былъ М.—Жившій ради этого процесса въ Петербургѣ болѣе десяти лѣтъ, Иванъ Гамалѣя писалъ оттуда къ М—су, въ Глуховъ, 27 октября 1816 г.—„знавши чрезъ письмо моего брата, что вы уже находитесь въ Глуховѣ, честь имѣю васъ, м. г., поздравить прибытіемъ въ отечество! Какъ мнѣ жаль, что я теперь не въ Клепалахъ, чтобъ показать вамъ, сколько я васъ почитаю и люблю; но если сему по Черепова казнямъ такъ быть уже должно, по крайней мѣрѣ пріймите, м. г., мою усерднѣйшую просьбу о томъ, чтобы требовать и получить изъ Клепалъ все безъ исключенія, что вамъ только потребнымъ быть можетъ для продовольствія; а есть ли бы для васъ не скучно только показалось и жить въ Клепалахъ, то и о семъ усерднѣйше просилъ бы васъ“... Приглашеніе поселиться въ Клепалахъ М—сомъ было принято, и онъ въ нач. ноября писалъ Гамалѣѣ: „пользуясь дружескимъ расположеніемъ вашимъ, я имѣлъ удовольствіе не только посѣтить вашъ родительскій домъ, окруженный прекраснѣйшими видами живописныхъ окрестностей, но и разсмотрѣть вашу деревенскую библіотеку, въ которой нашлось весьма изобильное число знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ книгъ, а наконецъ и такихъ, кои для меня были весьма любопытны. Въ числѣ послѣднихъ оказалась рукописная книжица подъ заглавіемъ—*Зерцало богословія*

іеромонаха Кирилла Транквиліона, печатанное въ 1692 г... По ближайшемъ обозрѣніи моемъ сего любопытнаго отрывка древности, я нашелъ, что онъ не всуе носить на себѣ именованіе *Зерцало богословія*... и взялъ на себя трудъ, изъ уваженія къ священному предмету и къ прежней нашей словесности, перевести или, лучше сказать, передѣлать сію рукопись съ русскаго стариннаго и почти забвеннаго уже нарѣчія, на употребительное, собственно для себя и для друзей сердца моего, въ числѣ коихъ вы занимаете высокое мѣсто совокупно съ вашими ближними"... На это письмо Гамалѣя отвѣчалъ (20 ноября 1816 г.)— „Письмо ваше я имѣлъ радость получить 13 ноября, въ день моихъ имянинъ, въ четыре часа пополудни, когда гости мои садились за обѣдъ... и—доставить неложное удовольствіе всему моему обществу безъ исключенія, что вы, благодаря Бога, въ отечественномъ климатѣ наслаждаетесь добрымъ здоровьемъ. На другой день, потомъ, я слышалъ отъ одного изъ дежурныхъ, что самъ министръ (Трощинскій) былъ очень обрадованъ вашимъ къ нему письмомъ и пересказывалъ за обѣдомъ о необыкновенномъ въ наше время философѣ города Глухова, который отъ 1000 рублей всего капитала, изъ процентовъ, нанимаетъ квартиру съ садомъ, одѣвается, обувается и ѣстъ, и не принимаетъ ни отъ кого никакой услуги... Любо мнѣ было читать хвалу вашу клепальскому мѣстоположенію... Если бы такую я имѣлъ отраду, когда бы Клепалы вамъ понравились столько, чтобы вы согласились имѣть въ нихъ ваше непремѣнное пребываніе, покуда находиться будете въ тамошнихъ мѣстахъ"... Не смотря на такое дружеское приглашеніе, въ Клепалахъ М. не остался и въ январѣ 1817 г. уѣхалъ оттуда въ Прилуку, къ какому-то Трояновскому, чтобы оттуда весной ѣхать лѣчиться на кавказскія воды.—Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, М. не прерывалъ переписки съ друзьями, какъ это видно напр. изъ письма, писаннаго къ нему 28 января 1817 г., изъ Минска, тамошнимъ архіепископомъ Анатоліемъ, которому М. писалъ о своемъ намѣреніи ѣхать на Кавказъ. Преосв. Анатолій (Максимовичъ, родомъ изъ Лубенъ) былъ близкимъ товарищемъ М—са по кіевской академіи, судя по его письму, въ которомъ пишетъ: „Вы поѣхали не въ ту сторону:

иностранныя воды лучше, а минскій воздухъ цѣлебнѣе всѣхъ минераловъ, и Минска миновать бы было не можно, по крайней мѣрѣ не слѣдовало бы. Безъ шутки скажу, что мѣсто здѣсь преузорочное и воздухъ очень здоровый; увѣряютъ, что положеніе Минска выше морской воды на 450 фут.—Малороссія и мнѣ показалась не лучшею; это не отъ того, что мы жили въ столицѣ, нѣтъ, она дѣйствительно упадаетъ. И въ языкѣ, и въ обычаяхъ весьма много осталось признаковъ, что она единоплеменна здѣшнему краю, но состояніе ихъ весьма различно. Много бы мы побесѣдовали съ вами о сей матеріи. Надобно вамъ возвращаться поскорѣе къ Дмитрію Прокофьевичу (Трощинскому), чтобы поддержать несчастное и при всемъ томъ любезное отечество наше (?). Не нужно вамъ доказывать, что на сей случай кавказскимъ водамъ я желаю особливой силы и дѣйствія противу всѣхъ недуговъ и молю Бога да обновитъ и укрѣпитъ васъ, да возвратитъ вамъ здравіе и благодушіе тѣхъ счастливыхъ лѣтъ, какія вы почитаете найлучшими въ жизни своей... „Подписываясь подъ этимъ письмомъ, преосв. Анатолій называетъ себя „*стараго друга* богомольцомъ“.

Поѣхавъ на Кавказъ, М. пробылъ тамъ до осени 1817 г. и хвалился оттуда друзьямъ, что воды ему помогли. Съ Кавказа М. проѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ младшій его братъ Федоръ служилъ предсѣдателемъ коммерческаго суда. Въ Таганрогѣ М. прожилъ зиму 1817—1818 г. и отправился въ Полтаву, гдѣ продолжалъ свое лѣченіе до осени 1818 г., когда переѣхалъ въ миргородское село Кибинцы—погостить у бывшаго своего министра Трощинскаго. Живя здѣсь, М. не зналъ еще, повидимому, гдѣ ему пріютиться на постоянное жилье. Капнистъ (В. В., поэтъ) писалъ М—су въ Кибинцы (1 окт., 1818 г., изъ своей Обуховки): „Андрей Андреевичъ (Трощинскій, племянникъ министра) извѣщаетъ меня, что вы располагаете ѣхать къ какому-то пріятелю вашему, а я прошу васъ для проведенія осени, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ предпочтеніе. Повѣрьте мнѣ, что обуховское поправившееся вамъ мѣстоположеніе и лѣчебная... (*неразобрано слово*) вода были бы весьма полезны для вашего здоровья; сверхъ же того вы бы сдѣлали посѣщеніемъ вашимъ чувствительнѣйшее

одолженіе. Не откажите онаго"... Но М. собирался переѣхать въ Пирятинъ къ какому-то пріятелю. Приглашали М—са также и въ кіевскую лавру, гдѣ въ это время былъ намѣстникомъ арх. Антоній Смирницкій, родомъ изъ с. Рудки, лубенскаго уѣзда; это былъ тоже товарищъ М—са по кіевской академіи и тоже пріятель. Вѣроятно, при посредствѣ этого намѣстника, М. тогда помогъ лаврѣ въ большомъ процессѣ ея за какія то рыбныя озера. Процессъ лавра выиграла и намѣстникъ писалъ М—су: „указъ, въ копіи приложенный вами, поспѣлъ въ то самое время, когда намъ должно было приступить къ пріему рыбныхъ ловель. Попеченіе ваше о мельницахъ и копію посланнаго вами въ Петербургъ письма, св. лавра дорого цѣнитъ. Понтифексъ (митрополитъ) и всѣ соборные старцы читали сію (?) многократно съ великимъ удовольствіемъ и благодарностью. Смѣю сказать, что любовь ваша къ св. обители сей вожделѣнна и самому великому нашему отцу архимандриту, иже надъ вратами. По вдохновенію его, вы писали, куда слѣдуетъ, въ пользу лавры... Долго ли вы пробудете въ Полтавѣ и куда оттоль отправитесь? Аще живы будемъ и Господь восхощетъ, не угодно ли будетъ вамъ поспѣшить въ св. четыредесятницѣ въ любимый вами спокойный уголокъ. Теперь открываются и другія келіи, въ которыхъ бы далѣе и далѣе пожить можно". (11 авг., 1818 г.). Черезъ десять дней послѣ этого арх. Антоній снова писалъ къ М—су: „Я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего пріятнѣйшаго увѣдомленія, скоро ли вы въ любимый свой уголокъ возвратитеся? Я не думаю, чтобы нынѣшняя ваша разсѣянность разсѣяла или повредила благія мысли ваши, во благомъ сердцѣ вашемъ глубоко вкоренившіяся. О памяти вашей о почтеннѣйшемъ старцѣ нашемъ о. Вассіанѣ и о вашемъ къ нему благоговѣніи я ему докладывалъ. Отецъ Вассіанъ... благословлялъ имя ваше и вмѣстѣ со мною единодушно желаетъ вашего неукоснительнаго въ лавру прибытія"... [1]) Изъ этихъ писемъ видно, что М. хорошо былъ

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ М—су, И. М. Гамалѣя говоритъ объ этомъ старцѣ, котораго онъ видѣлъ, будучи въ лаврѣ: „я также видѣлъ тамъ и слѣпого, благообразнаго іеромонаха, едвали ли именемъ не Вассіана, обращенія про-

знакомъ и съ лаврой и съ ея братіей, и что въ лаврѣ какъ будто и ждали его. М. дѣйствительно рѣшилъ поселиться въ лаврѣ. „Мнѣ сдѣлалось весьма тягостно скитаться по такъ называемымъ пріятельскимъ домамъ, гдѣ я всегда долженъ былъ держать себя въ принужденномъ состояніи“. Такъ писалъ М. къ „великому магистру ложъ“ Левенгагену, въ 1820 г., объясняя свое рѣшеніе поселиться въ лаврѣ.—Въ февралѣ 1819 г. М. представилъ лаврскому собору 1150 р. асс. съ просьбою отвести ему келію для постояннаго жительства, „обязываясь уплачивать кромѣ того, ежегодно по 300 р. за монашескую порцію и за зимнюю отопку его келіи“. Тогдашній митрополитъ Серапіонъ удовлетворилъ просьбу М—са и кромѣ того рекомендовалъ—„стараться братіи сего вкладчика всякое спокойствіе соблюсти“. Сообщая эти свѣдѣнія, близкій пріятель М—са В. Я. Ломиковскій добавляетъ: „митрополитъ Серапіонъ обращался съ М—сомъ съ уваженіемъ и любовью; онъ ежегодно посѣщалъ келію М—са и бесѣдовалъ съ нимъ въ сладость; тогда М—су никакъ и на мысль не приходило оставить ту святую обитель, которой богоуслуженіемъ онъ несказанно восхищался“.—Поселившись въ лаврѣ, М. не прерывалъ сношеній съ своимъ пріятелями и довольно часто съ ними переписывался. Однимъ изъ такихъ пріятелей М—са былъ и сенаторъ Ег. Андр. Кушелевъ, бывшій „великій гроссмейстеръ всѣхъ ложъ россійскихъ“. Узнавъ, что Кушелевъ путемъ настойчиваго предстательства помогъ какой-то бѣдной вдовѣ выиграть въ сенатѣ ея давній процессъ, М. написалъ ему письмо (въ нач. 1822 г.), въ которомъ, восхваливъ Кушелева за полученный вдовою правый судъ, въ тоже время даетъ ему совѣтъ (по личному опыту бывшаго оберъ секретаря)—какъ слѣдуетъ сенатору вести себя по отношенію къ об.-прокурорамъ и об.-секретарямъ, чтобы не попадаться въ ихъ ловушки при рѣшеніи дѣлъ. Кушелевъ отвѣчалъ *восторженною* благодарностью („въ радостномъ восторгѣ, купно съ супругой моею, какъ за оное письмо, такъ и за сохраненіе меня въ памяти и въ непремѣняе-

---

стого, но любезнаго: все сердце его, мнѣ казалось, изливалось въ его рѣчахъ и физіогноміи. Онъ сказалъ мнѣ, что родился въ нашей Семьяновкѣ (конотопскаго у.), происхожденія козачьего“.

момъ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, благословили духомъ нашимъ непостижимую благость промысла и вмѣсто васъ, почтеннаго моего друга, облобызалъ я дружескія строки ваши")... и затѣмъ писалъ: „мнѣ извѣстно, что мѣстопребываніе ваше въ Кіево-печерской лаврѣ и что вы довольны были благорасположеніемъ къ вамъ тамошняго митрополита Серапіона; но какъ онъ, по желанію его, увольненъ, а на мѣсто его опредѣленъ архіеп. псковскій Евгеній... то я по прыбытіи его въ Петрополь, при первомъ моемъ свиданіи, не оставилъ дать знать о васъ и просить, какъ о моемъ другѣ. Его пр—во съ особеннымъ удовольствіемъ отозвался, что онъ почитаетъ для себя находкою пользоваться духовною бесѣдою съ вами... Не лишнимъ почитаю доставить вамъ предварительное свѣдѣніе о отличномъ качествѣ и достоинствѣ преосвященнаго: при природномъ дарованіи и добромъ сердцѣ, ученъ много съ успѣхомъ, по разнымъ предметамъ познанія имѣетъ обширныя, литераторъ, великій историкъ, географъ, біографъ, даже дипломатикъ и артиллеристъ, большой хозяинъ, въ жизни опытенъ и въ бесѣдахъ простъ, обходителенъ, искрененъ и любезенъ, словомъ въ высокомъ санѣ ихъ почитается единственнымъ..." Кушелевъ, какъ видно, очень любилъ М—са и, пользуясь случаемъ, просилъ и Евгенія—быть милостивымъ къ лаврскому отшельнику. Но М—су трудно было сойтись съ м. Евгеніемъ, который на мистицизмъ смотрѣлъ, какъ на болѣзнь... О неудачномъ знакомствѣ своемъ съ новымъ митрополитомъ М. вотъ что̀ писалъ Кушелеву... „ежели справедливо, что Платонъ, афинскій мудрецъ, говаривалъ: безъ сильной рекомендаціи и честной семейственной человѣкъ влачитъ нерѣдко самую бѣдственную жизнь, то ваша рекомендація обо мнѣ есть превыше всякой цѣны. Преосв. принялъ меня въ первый разъ такъ хорошо, какъ своего знакомаго, какъ я желаю, чтобы онъ и въ послѣдній разъ не лучше меня принялъ..." Но вслѣдъ за симъ М. продолжаетъ: „можетъ быть я при вашемъ снисхожденіи дѣлаюсь и дерзкимъ человѣкомъ, *какъ откроется въ приложеніи*, но по крайней мѣрѣ нѣтъ сему никакой другой причины, кромѣ моего къ вамъ усердія, преданности и благодарности... Если я не способенъ быть шпіономъ или доносителемъ, то не способенъ также быть и болтуномъ,

ибо для меня скромность и прочія сопряженныя съ нею въ одинъ вѣнецъ добродѣтели, всего вожделѣннѣе. Пусть я буду несчастенъ — въ томъ есть воля божія, противъ которой мнѣ трудно прать, но только я не хочу быть подлымъ—въ чемъ уже моя воля заключается. Посадите голубя передъ самимъ лучшимъ жаркимъ, онъ околѣетъ съ голоду. Многіе думаютъ, что когда я сижу здѣсь и когда пишу письма, то вѣрно вдаюсь въ какую-нибудь ябеду или клевету, не зная того, какъ мнѣ все сіе до смерти наскучило по службѣ въ чужихъ производствахъ..." Приложеніе, о которомъ говоритъ М., не сохранилось, но другъ М—са Ломиковскій по поводу этого письма сдѣлалъ слѣдующую замѣтку на самомъ письмѣ: „хвалимый м. Евгеній съ перваго знакомства съ М—сомъ предложилъ ему посѣщать его, м—та, покрайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю и шпіонить на монаховъ обо всемъ, что увидитъ и что услышитъ. Столь низкое предложеніе до крайности оскорбило М—са"... Замѣтка эта сдѣлана ближайшимъ другомъ М — са В. Я. Ломиковскимъ, благодаря которому сохранена вся переписка М—са за время послѣ его отставки. Ломиковскій былъ миргородскій помѣщикъ и ближайшій сосѣдъ Трощинскаго. Здѣсь, у Трощинскаго, М. и познакомился съ нимъ въ 1818 г. Знакомство очень скоро перешло въ болѣе тѣсное дружество; Ломиковскій привлекъ М—са къ себѣ своею склонностью къ мистицизму, проповѣдникомъ котораго М. давно уже готовъ былъ сдѣлаться. Мѣсяца черезъ два послѣ знакомства съ Ломиковскимъ, М., живя еще у Трощинскаго, въ его Кибинцахъ, уже просилъ Ломиковскаго „о продолженіи дружественныхъ отношеній, основанныхъ на любви Христа", продолжая затѣмъ: „въ разсужденіи чего я не желаю ничего болѣе, какъ только того, чтобы онъ, ниспосылая на насъ свой святый свѣтъ, вразумилъ бы насъ говорить и мыслить одними устами, единымъ сердцемъ всѣ тѣ божественныя истины, кои содѣлались обоимъ намъ извѣстными посредствомъ избранныхъ своихъ и дышущихъ духомъ просвѣщенныхъ свыше..." Ломиковскій, какъ видно, знакомъ былъ съ мистическою литературою и самъ упражнялся въ послѣдней. Получивъ какую то рукопись отъ Ломиковскаго, М. проситъ его „начатаго не оставлять безъ окончанія", добавляя: „сущій и

святый раскроитъ въ васъ идеи сіи въ яснѣйшемъ свѣтѣ, дабы сообщать лучи и въ окружающую меня тѣнь. Я столько чувствую къ вамъ умственной привязанности, что желалъ бы возстановить между собою любовную переписку во вкусѣ обитателей новаго Іерусалима, хотя я и не имѣю права на тамошнее гражданство...“ Переѣзжая въ Кіевъ для жительства въ лаврѣ, М. писалъ Ломиковскому съ дороги (дек. 1818 г.): „судя по внѣшнимъ видамъ, я конечно могу быть признанъ виновнымъ предъ вами: для чего по сіе время не писалъ къ вамъ и не прислалъ Эккартсгаузена и Штиллинга? но судя по внутреннимъ отношеніемъ, я ласкаюсь быть оправданъ предъ вами въ обоихъ сказанныхъ случаяхъ. Коль скоро беру въ объятія свои рукописи ваши, содержащія сочиненія Сведенберга, въ ту минуту и соединяюсь съ вами. Сколь скоро же начинаю читать оную, тотчасъ представляю себѣ, что начертаніемъ буквъ сами вы, а я чрезъ чтеніе оныхъ—сливаемся въ одномъ средоточіи...“ Ломиковскій отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, и между новыми друзьями завязалась оживленная переписка, вся наполненная сообщеніемъ впечатлѣній послѣ чтенія тѣхъ или другихъ сочиненій объ „ученіи новаго Іерусалима“ [1]). Впрочемъ, Ломиковскій въ письмахъ своихъ говоритъ о своихъ житейскихъ заботахъ; неудачахъ, свиданіяхъ съ сосѣдями и проч., но письма М—са почти исключительно наполнены разсказами о его мистическихъ писаніяхъ и размышленіяхъ по поводу ихъ... Все эта переписка сохранилась [2]) и по отношенію къ М—су наглядно показываетъ, какъ „мистика“ губила людей; несомнѣнно, что писанія Сведенборга, Штиллинга, Эккартсгаузена—сгубили въ М—сѣ живого человѣка и сдѣлали изъ него мистика, которому стали недоступны интересы общечеловѣческіе. Поэтому трудно было М—су сходиться съ живыми людьми, къ числу которыхъ принадлежалъ и м. Евгеній. Мы уже видѣли, что первое знакомство М—са съ новымъ митрополитомъ было неудачно, вслѣдствіе

---

[1]) Въ одномъ письмѣ Ломиковскій спрашиваетъ М—са: „довольно ли такихъ людей въ св. градѣ Кіевѣ, коихъ сердце пріемлетъ *ученіе нов. Іерусалима*, и есть ли охотники къ нему въ обителяхъ черноризцевъ“.

[2]) Переписка эта недавно пріобрѣтена нами вмѣстѣ съ бумагами В. Я. Ломиковскаго.

того оскорбительнаго предложенія, которое сдѣлалъ м. Евгеній М—су (если только послѣдній, какъ-нибудь, самъ не извратилъ его сущности). Но года черезъ два, черезъ три послѣ этого, у М—са съ Евгеніемъ возникаютъ отношенія какъ будто близкія, что̀ видно изъ сохранившихся писемъ митрополита, которыя онъ писалъ М—су изъ Петербурга. Въ первомъ письмѣ м. Евгенія читаемъ: „Продолжающіяся у васъ въ лаврѣ и въ отсутствіе мое починки и постройки утѣшаютъ и здѣсь меня. У васъ въ толпѣ братіи есть люди благомысленные, которымъ нужно дать только направленіе, а неблагомысленные пусть ворчатъ про себя. Ворчаніе ихъ безсильно остановить или затруднить ходъ добрыхъ распоряженій“... (Май 1825 г.). Письмо это, между прочимъ, указываетъ, что М. какъ будто сообщалъ главѣ лавры о томъ, что въ „толпѣ братіи“ есть и „благомысленные“, но есть и „ворчащіе“ противъ распоряженій митрополита... Въ другомъ письмѣ м. Евгеній пишетъ: „благодарю васъ и за благопріятнѣйшій отзывъ о моихъ распоряженіяхъ по лаврѣ. Немного въ свѣтѣ людей, умѣющихъ въ добрую сторону толковать начальническія распоряженія, а въ лаврѣ это еще рѣже по старинному предразсудку—*такъ не бывало*. Сей предразсудокъ нельзя иначе побѣдить, какъ твердостію и невниманіемъ толковъ самоправныхъ. Вамъ и самимъ извѣстно, что на всѣхъ и Богъ не угодитъ, когда строитъ по своему, а не по людскому“. (Январь 1826 г.) Въ отвѣтъ на письмо М—са, въ которомъ послѣдній пишетъ, что Евгеній сдѣлалъ два чуда: первое,—назначеніе лаврскаго намѣстника Антонія—епископомъ, а второе, что съ перемѣщеніемъ намѣстника, въ лаврѣ „не примѣчается по наружному церковному благочинію ни малѣйшей разницы“, митрополитъ отвѣчалъ: „гораздо большее чудо, что въ лаврѣ, всегда своевольной, порядокъ не измѣняется; можетъ быть сами признали, что полезны для нихъ инструкціи, безъ которыхъ они и при начальникахъ спутывались въ должностяхъ“... (Май 1826 г. [1]). Отношенія

[1]) „Спутываніе въ должностяхъ“ лаврской братіи въ это время было явленіемъ застарѣлымъ, какъ это видно изъ любопытнаго письма, написаннаго въ окт. 1827 г. м. Евгеніемъ къ своему намѣстнику Авксентію, гдѣ митрополитъ говоритъ

между М—сомъ и м. Евгеніемъ настолько стали пріязненны, что первый изъ нихъ даже рѣшился показать второму одно изъ мистическихъ своихъ писаній, озаглавленное „Церковь". Евгеній не замедлилъ высказать М—су свое мнѣніе объ этой его работѣ, а М., съ своей стороны, передалъ это мнѣніе Ломиковскому, сообщая ему отрывки изъ „Церкви" съ своими „примѣчаніями" по поводу отзыва м. Евгенія. Въ одномъ изъ этихъ „примѣчаній" М. пишетъ: „Фаетонъ [1]) объявилъ себя непримиримымъ врагомъ мистики. При всемъ ужасномъ удивленіи моемъ на сіе, я защищалъ уваженіе свое относительно сей науки тѣмъ только, что она со временъ глубокой древности существуетъ и всѣми отцами пріемлется. Онъ однакожъ раздѣляетъ отцовъ на двѣ степени, на принимавшихъ и не принимавшихъ мистику, причисляя себя къ послѣднимъ и говоря, что буквальный смыслъ есть смыслъ самый величайшій. Когда жъ я припомнилъ ему, что и по церковной исторіи, писанной Иннокентіемъ, въ продолженіе начатой Филаретомъ, поставляется на видъ семь смысловъ, то онъ возразилъ на сіе: „ну, что Иннокентій..." Другое примѣчаніе: „Фаэтонъ повидимому не получилъ убѣжденія въ сихъ изъясненіяхъ (въ сочиненіи о „Церкви"). Если такъ, то я не знаю, какую онъ исповѣдуетъ вѣру.—Помните, баснословный Фаэтонъ, схвативши возжи солнцевой колесницы, въ буйномъ стремленіи и самъ погибъ, и подвергъ погибели всю вселенную; не близко ли будетъ сіе приложеніе къ тому, кого я называю Фаэтономъ? быть органомъ вѣры и не вѣрить и другихъ еще съ пути сбивать — это ужасно:.." Работу М—са о „Церкви" м. Евгеній назвалъ результатомъ „ипохондріи" ея автора, почему М. и замѣчаетъ: „Впрочемъ, гдѣ надобно и ненадобно, Фаетонъ *употребляетъ ипохондрію весьма усердно*, даже разставаясь со мною, говорилъ, что, когда я начну страдать ипохондріей, которою онъ также нѣкогда страдалъ, то приходилъ бы къ нему. Я однако не былъ и не буду у него

что „еще бывшій кіевскій губернаторъ Бухаринъ, со вступленія моего въ начальство лавры, предостерегалъ меня и обращалъ мое вниманіе на развраты въ лаврѣ". См. Древн. и Нов. Рос., 1877 г., № 1.

[1]) Такъ М. называетъ м. Евгенія въ письмахъ къ Ломиковскому, видимо— разумѣя Фаэтона мифологическаго...

прежде, какъ на праздникъ пасхи. *Такихъ друзей можно оставить въ покоѣ.* Наконецъ, Фаетонъ обѣщалъ, написавши свою критику на сіе сочиненіе, отдать для храненія въ лаврскую библіотеку. Одинъ разъ когда приближенная къ Фаетону комета совѣтовала мнѣ бывать у него, то я сказалъ на сіе: „да онъ меня считаетъ сумасшедшимъ: на что мнѣ его безпокоить...“

Такимъ образомъ начавшееся было сближеніе у М—са съ м. Евгеніемъ, скоро разстроилось, и они, повидимому, совсѣмъ разошлись. Разстройство отношеній съ главою лавры должно было разстроить отношенія М—са и къ лаврскому обществу. Отсюда явилось одиночество. Не смотря на ипохондрію, М—су однакожъ тяжело было остаться совсѣмъ безъ людей, и вотъ результатомъ такого его положенія явилось письмо къ Ломиковскому, написанное М—сомъ въ пол. декабря 1829 г.—„Обращаясь отъ вашихъ ощущеній къ моимъ собственнымъ, я считаю приличнымъ привести въ началѣ слова́ изъ 247-го правила Пифагора, который говоритъ: „пригласи съ собою жить твоего друга, утѣшительно состарѣться двоимъ подъ одною кровлею“. А какъ взаимная между нами довѣренность утвердила сѣдалище свое на взаимной же любви нашей къ духовнымъ и купно священнымъ истинамъ, то я не смѣю прилагать и съ своей стороны показаннаго правила ни къ кому болѣе, какъ только къ вамъ, прошу васъ не лишить меня послѣдней отрады, помочь—кончить жизнь мою покойно, хотя бы то было въ крестьянской избѣ, хотя бы то было въ самомъ послѣднѣйшемъ зданіи, лишь бы оно не тиранило меня вседневными неудовольствіями со стороны такъ называемой услуги, вотъ я и доволенъ! Ибо я вижу, что въ наше время бываетъ услуга, не услуга, но совершенное буйство, котораго ничѣмъ укротить нельзя, наипаче человѣку, находящемуся въ моемъ неключимомъ положеніи. При всемъ томъ вы можете быть весьма покойны со стороны моихъ прихотей. Не менѣе того я не думаю ничѣмъ обременять васъ тщетно, но желаю вносить въ ваше казначейство такую сумму, которая могла бы соотвѣтствовать выгодамъ, отъ васъ мною получаемымъ: за квартиру, за провизію и за услугу, для которой просилъ бы я назначить добросовѣстнаго старика со старухою. Все сіе должно быть соотвѣтственно моей

уединенной жизни, противъ которой прошу не вооружаться никакими развлеченіями любопытныхъ или посѣтителей, для коихъ я желаю быть совершеннымъ уже мертвецомъ... Я также думаю перевезти къ вамъ и свою библіотеку, съ тѣмъ, чтобъ обратить ее въ свое время въ уѣздное училище, гдѣ она по крайней мѣрѣ не сгніетъ безъ употребленія... Прося милосердаго Бога помиловать меня, а васъ прошу быть моимъ опекуномъ, сжалившись надо мною, но безъ огласки! Вы сами видите и знаете, что мнѣ болѣе не нужно, какъ одинъ покойный кровъ, въ которомъ бы не было течи и земляного полу. Желательно при семъ отдать вамъ отчетъ и въ употребленіи моего времени. Мучась разстройствомъ и безсоницею, ничего лучшаго не могъ я сдѣлать, какъ только заглядывать въ Четіи-Минеи и дѣлать замѣчанія на счетъ воспитанниковъ... [1]) На это письмо Ломиковскій отвѣчалъ „великою и превеликою благодарностью, за особливое довѣріе и преимущественное предпочтеніе прожить до послѣдней крайности подъ одною кровлею...."

Получивъ согласіе Ломиковскаго, М. нашелъ нужнымъ оговорить, по возможности, всѣ подробности своего жительства въ Трудолюбѣ, чтобы „ничего не оставить въ неизвѣстности и *вновь не подвергать перепутанныхъ уже чувствъ случайному повороту вещей*". Поэтому М. писалъ еще разъ Ломиковскому: „Благоразумное желаніе ваше поселить желающаго въ своемъ Паркѣ мимо лордовыхъ чертоговъ (здѣсь М. разумѣетъ домъ А. А. Трощинскаго) церемоній, столовъ и всего прочаго, но въ совершенномъ отдѣленіи, ручается въ томъ усердномъ расположеніи, которое чрезвычайно вожделѣнно. Въ семъ случаѣ, дабы ничего не оставить въ неизвѣстности и вновь не подвергать перепутанныхъ уже чувствъ случайному повороту вещей, прошу, покорнѣйше прошу—изчислить пропорцію провизіи всякаго рода, которую нужно будетъ отпускать на мѣсяцъ для одного со старикомъ и старухою или съ мужемъ и женою и съ мальчикомъ, отъ васъ же испрашиваемыхъ, включая муку и крупу разныхъ

---

[1]) Воспитанниками М. называетъ свои мистическія рукописныя сочиненія, можетъ быть потому, что одно изъ нихъ носило заглавіе „Питомецъ".

родовъ, огородину, вариво, молочное, топливо, услугу, обитель, хотя примѣрно на одинъ мѣсяцъ, также примѣрно же и годовая пропорція откроется; да и тутъ за лишнею сотнею для васъ не постоятъ, лишь бы ничего не подвергать неизвѣстности и не играть въ жмурки. Се способъ сохранить взаимное дружелюбіе на долгое время! Гораздо лучше знать оное, нежели быть въ невѣдѣніи. Здѣсь дѣло идетъ не о щедрости или милости, кто кого въ томъ перещеголяетъ, но о совершенномъ безстрастіи. Когда шведскій король отдаетъ въ наймы, по надлежащей цѣнѣ, погреба, подъ жилымъ его домомъ находящіеся, то вы также подражательно имѣете право назначить всему цѣну справедливую, какъ честный человѣкъ, а желающій подражательно же долженъ удовлетворить оную съ благодарностію, какъ человѣкъ признательный; но безъ этого нельзя быть ему ни подсосѣдкомъ, ни посполитымъ Трудолюбиваго парка. Дружба тамъ всегда терпитъ и теряется, гдѣ интересъ находится въ запутанномъ состояніи. Сынове же сего свѣта во всякомъ случаѣ должны предпочитать истинный свѣтъ тьмѣ". (4 марта, 1830 г.). Ломиковскій отвѣчалъ: „Письмо ваше отъ 4 марта я поцѣловалъ и нахожу въ ономъ условіе совершенно сходное съ моею мыслію, и оное взято вами изъ глубокой опытности; оно будетъ свято исполнено, ибо Боже сохрани, чтобы съ моей стороны могло что либо послѣдовать такое, что бы нарушало что либо покой въ священныхъ занятіяхъ вашихъ"... Но М., все еще опасаясь за полную свою свободу у новаго амфитріона, продолжалъ ему объ этомъ напоминать.— „Когда прошу въ Паркѣ вашемъ независимаго пріюта, значитъ, что я расположенъ къ вамъ чистосердечно, безъ всякихъ околичностей, т. е. безъ намѣренія быть вамъ въ тягость и безъ желанія стѣснять себя невольническою зависимостью. Кромѣ книгъ и вещей, со мною неразлучныхъ, я ничего съ собою не возьму... Здѣсь я оставляю не только всю мебель, но и всю фаянсовую и стеклянную посуду. Рѣшаюсь лучше нужное купить на мѣстѣ, нежели возиться съ этимъ хрупкимъ громоздомъ. А до того пріятно мнѣ будетъ ѣсть и пить изъ деревяной мисы, и деревяною ложкою, и изъ деревянаго кухлика, подаваемыми приставленною вами ко мнѣ старушенціею, которая будетъ убла-

жать всячески, чтобъ я съѣлъ цѣлаго быка, но я съѣмъ только барана. При томъ же думаю спать и на соломѣ, и на сѣнѣ, хочу бродить между посѣвами и сѣнокосами и зарослями, собираюсь валяться въ клунѣ, и на гумнѣ, и на току, замышляю въ лѣтнія жаркія ночи спать въ одномъ хлѣву съ маленькими телятами; словомъ, отлагая всѣ предразсудки въ сторону, желаю дѣтскимъ образомъ и глубоко повергнуться въ лоно природы подъ благодѣтельнымъ кровомъ провидѣнія, не получу ли сколько нибудь спасенія въ болѣзненномъ состояніи моемъ послѣ многихъ отвратительныхъ латинскихъ соусовъ, изготовляемыхъ эскулапами нашими, большею частью въ печкѣ несытаго корыстолюбія, нежели состраданія къ страждущему человѣчеству... А мнѣ въ Лубнахъ не завернуть ли къ лѣкарю, то къ которому"?—[1]).

М. пріѣхалъ въ Трудолюбъ въ концѣ мая 1830 г. и въ половинѣ іюня писалъ къ своему дядѣ И. П. Мартосу (скульптору): „Я странствую въ обширныхъ поляхъ, зеленѣющихъ разными хлѣбными посѣвами, кои ростутъ и цвѣтутъ и колосятся, представляя свободное игралище вѣтрамъ и мнѣ пріятное зрѣлище, послѣ долговременнаго лишенія таковыхъ явленій природы. Не безъ основанія говорили древніе, что первые земледѣльцы были и

[1]) На послѣдній вопросъ М—са Лониковскій даетъ слѣдующій интересный для исторіи тогдашней провинціальной медицины отвѣтъ.—„Касательно лѣкаря доложу вамъ, что въ Лубнахъ находится одинъ преученый нѣмецъ, вольнопрактикующій, бывшій въ путешествіи вокругъ свѣта по избранію академіи, но яко впадшій въ меланхолію, прибылъ въ Малороссію для климата. Не одинъ человѣкъ хвалится его искусствомъ, но многіе отзываются о его странностяхъ и циркулярныхъ возваніяхъ къ дворянству съ упреками... Плохая надежда на такую нѣмоту.—Есть еще при больницѣ лубенской харьковскій питомецъ, родомъ миргородецъ прошлый годъ вступившій въ службу и въ практику, безкорыстный, мало даетъ лѣкарствъ, преудачныя производилъ лѣченія въ несложныхъ и очевидныхъ болѣзняхъ, кажется по теоріи; но въ хроническихъ припадкахъ дѣло иное, и кажется не швидкій на заключеніе, ибо когда я сказалъ ему, что страдаю старыми завалами, то онъ отвѣчалъ, что завалы не существуютъ.—Посудить можете!—Въ Хоролѣ есть вѣнской питомецъ панъ Жидовскій, реформатъ нѣмецкій, который крестится и по русски, весьма свѣдущій, удачный врачъ на отчаянныхъ консиліяхъ, но такой іуда что нарочно портитъ больного, чтобы дольше молоко доить. Но хвалятъ очень лохвицкаго повѣтоваго, совоспитанника Голованева, весьма хвалятъ три повѣта, и хвалятъ по многимъ отношеніямъ; отъ меня домъ его отстраненъ одною конною упряжкой. Что Богъ пошлетъ на сердце ваше?“

первые мудрецы. Можетъ быть и вы сообразно сему, смотря въ окошко на мимо ходящихъ крестьянъ и солдатъ, часто называли ихъ героями побѣдителями: подобно вамъ, я также называю своихъ малороссіянъ гречкосѣевъ волхвами-мудрецами, тѣмъ достойнѣйшими, что подражать имъ въ необходимѣйшихъ упражненіяхъ нашему брату весьма трудно... Выѣзжая изъ Кіева въ послѣднихъ числахъ мая, думалъ я оставить его навсегда, прилѣпившись къ имѣнію миргородскаго подкоморія Василія Яковлевича Ломиковскаго, называемому Паркъ-Трудолюбъ, въ которомъ и нахожусь почти подъ бокомъ Миргорода, но будущее въ въ руцѣ Божіей"...

Но и миргородская природа не могла уже помочь изнемогшему отъ физическихъ и душевныхъ мукъ М—су. Въ Трудолюбѣ онъ прожилъ около года и умеръ 4 апрѣля 1831 г.—Ломиковскій въ своихъ замѣткахъ объ умершемъ другѣ, о смерти его пишетъ: „М. переселился въ домъ мой въ 1830 г., мая 28 д. На слѣдующій же годъ скончался отъ аневризма въ груди, 1831 г., апрѣля 4 д. Онъ погребенъ въ саду моемъ. Извѣстный художникъ, академикъ Иванъ Петровичъ Мартосъ, по желанію младшаго брата усопшаго—Федора Романовича Мартоса, сдѣлалъ надгробную колону съ надписью.[1]) Эта колона стоитъ у подножія усопшаго, а я въ возглавіи поставилъ дубовый крестъ".

Всѣ свои бумаги М. завѣщалъ Ломиковскому, который говоритъ объ этомъ: „И. Р. Мартосъ оставилъ по себѣ великое число драгоцѣнныхъ рукописей, частію юридическихъ (въ маломъ числѣ), но преимущественно богословскія, содержащія въ себѣ неподражаемыя объясненія церковнослужебныхъ книгъ. Они писаны по самому высшему и превыспренному откровенію, по большей части писаны въ продолженіе 12-тилѣтняго пребыванія его въ Кіево-печерской лаврѣ... Впослѣдствіи, не задолго до кончины его, промыслу Божію благоугодно было согрѣть сердце М—са христіанскою любовію ко мнѣ... Для того М. сталъ исподоволь, всячески испытывать меня, сообщать для прочета нѣкоторыя изъ

[1]) Памятникъ этотъ и теперь существуетъ, какъ сообщаетъ одинъ изъ сосѣдей Парка-Трудолюба.

своихъ сочиненій... А наконецъ, сколь ни прискорбно было сердцу его, однакожъ онъ рѣшился оставить святую лавру кіево-печерскую съ тѣмъ, чтобы проживать въ домѣ моемъ, пояснять мнѣ писанія свои и вручить всѣ рукописи свои на мое сохраненіе... Причемъ онъ не рѣдко убѣждалъ меня не только словесно, но и письменно, чтобъ я подъ величайшею тайною сохранялъ писанія его и чтобъ не иначе сообщалъ ихъ для прочета, какъ только такимъ особамъ, которыхъ самъ Богъ къ тому укажетъ"...

Мнѣніе свое о М-сѣ, какъ о писателѣ, Ломиковскій выразилъ въ слѣдующемъ своемъ о немъ отзывѣ: „Богъ одарилъ М-са глубокомысленнымъ умомъ, и М., съ своей стороны, всячески старался всю способность ума своего употреблять на славу имени Божія... М. находилъ лучшимъ услажденіемъ своимъ лишь то, чтобы собственными опытами исполнять всякую добродѣтель, начитываемую имъ въ священномъ писаніи и въ церковныхъ поученіяхъ. Чѣмъ болѣе подвизался въ добрѣ, чѣмъ болѣе очищалъ сердце свое, чѣмъ болѣе отсѣкалъ страсти и приближался къ безстрастному состоянію жизни, тѣмъ болѣе онъ смирялся духомъ... М. находился почти въ непрестанныхъ откровеніяхъ; такимъ образомъ получая высшія и высшія разумѣнія, исправлялъ по нимъ свои сочиненія"...

Отсюда видно, какого преданнаго адепта имѣлъ М. въ Ломиковскомъ; но только онъ же одинъ у него и былъ; съ нимъ только М. и отводилъ душу, дѣлясь результатами своихъ занятій тою „мистикою", которая сгубила въ М-сѣ живого человѣка. Проживъ послѣ отставки въ Малороссіи почти пятнадцать лѣтъ, М—съ другихъ адептовъ, судя по его перепискѣ, не нашелъ, хотя часто сталкивался съ людьми того же умственнаго уровня, къ которому принадлежалъ и Ломиковскій. Повидимому, „мистика" въ Малороссіи не находила для себя годной почвы...

30 іюня. **Ал. Лазаревскій.**

НАСИЛЬНО ОБВѢНЧАННЫЙ ДЬЯКЪ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

I.

Въ лохвицкой сотнѣ лубенскаго полка было село Бербеныци. Въ томъ селѣ жилъ бунчуковый товарищъ Федоръ Гамалѣя, женатый на дочери войсковаго товарища Ивана Бѣлича, Аннѣ. Федоръ Гамалѣя былъ державцемъ (владѣтелемъ) Бербеныць. Ему принадлежало село Жабки—въ 5 верстахъ отъ Бербеныць.

Въ Бербеныцѣ были два попа—Максимъ Высоцкій и Стефанъ Кириловъ. Родной братъ о. Стефана, Иванъ, состоялъ здѣсь дьячкомъ. Онъ былъ молодъ, неженатъ и училъ дѣтей въ школѣ. Школа находилась вблизи панскаго двора.

Иванъ Кириловъ часто ходилъ на панскій дворъ для писанія Гамалѣю разныхъ бумагъ. На этого Ивана не могла равнодушно смотрѣть панская *служебка*—вдова Агафія Коцарка: она страстно влюбилась въ него. А дьякъ Иванъ не сочувствовалъ Коцаркѣ и уклонялся отъ встрѣчъ съ нею. Она навязывалась къ нему съ любезностями, онъ отворачивался отъ любезностей и гналъ Агафію прочь отъ себя. Но влюбленная рѣшилась непремѣнно достигнуть брачной связи съ Иваномъ Кириловымъ. Она объявила панѣ своей, что Иванъ Кириловъ живетъ съ нею, Агафіей, *въ блудодѣйномъ грѣхѣ, а вести ее до*

шлюбу не желаетъ; и просила сдѣлать все такое, чтобы ова была *малжонкой* дьяка Ивана. Паня и служебка составили планъ дѣйствій и немедленно приступили къ выполненію его.

II.

Въ тѣ поры, въ октябрѣ 1739 г., Федора Гамалѣя не было дома: онъ отправился съ лубенскимъ полковникомъ въ Хотинскій походъ.

Ночью съ воскресенья на понедѣльникъ 30 октября, часа за два до разсвѣта, жена державца Гамалѣя—Анна Бѣличовна послала за попомъ Максимомъ. Попъ Максимъ къ панѣ державцевой явился немедленно—*еще прежде свѣтанія дни.* Она объявила о. Максиму, что „служебка ей Агафія показуетъ быть причтеннаго къ себѣ въ любодѣйномъ смѣшеніи дьячка Ивана Кирилова".

Объявивъ о такомъ проступкѣ причетника, Бѣличовна спросила попа: „какъ бы съ дьячкомъ Иваномъ поступить, чтобъ Гапку взялъ себѣ за законную жену?"

Анна Бѣличовна уже рѣшила, какъ поступить съ возлюбленнымъ Гапки; а такой вопросъ предложила священнику какъбы для испытанія: каково-то будетъ его мнѣніе?

О. Максимъ всегда безпрекословно творилъ волю пани державцевой. Онъ сказалъ, что готовъ сдѣлать все по ея желанію. Если Иванъ Кириловъ учинилъ любодѣйное смѣшеніе со служебкой Агафіей, то надобно всѣми мѣры склонить его къ законному сожитію съ оной Агафіей.

Этого и хотѣлось Бѣличовнѣ. Сейчасъ она приказала дворовому сторожу: „какъ можно поскорѣе иди до дьяка Ивана Кирилова и призови его во дворъ писать". Хитрая и дальновидная баба знала, какъ залучить добраго молодца въ капканъ.

Ивана Кирилова не было дома: „какъ-бы за часъ передъ свѣтомъ онъ пришелъ въ церковь на утренное пѣніе". Скоро только вступилъ онъ въ церковь, какъ сюда явился посолъ пани державцевой.

Попъ Стефанъ правилъ тогда утреню и читалъ правила къ служенію литургіи.

„Съ тѣмъ звавшимъ его, Ивана, сторожемъ пойшолъ онъ въ дворъ державскій и войшолъ въ меншую свѣтлицю; тамъ засталъ попа Максима и паню державцеву. Они стояли посередъ хаты при свѣтлѣ въ двоихъ только и спросили Ивана:

А есть-ли у тебе каламарь писать?

— Тутъ въ дворѣ вчерашняго дня каламарь мой оставленъ, сказалъ дьячокъ.

— Каламарь взявъ хлопець зъ двора въ школу, сказала Бѣличовна.

О чернильномъ приборѣ повели рѣчь для того, чтобы дьякъ занялся разысканіемъ его. А тѣмъ временемъ явится орудіе, безъ котораго считали неудобнымъ творить расправу съ будущимъ мужемъ Гапки.

Кириловъ сейчасъ же пошелъ къ школѣ за каламаремъ. Какъ только пришелъ онъ снова въ державскій дворъ, „взяла его панѣ въ хату столовую холодную. Увойшовши туда, увидѣлъ онъ попа Максима съ путомъ желѣзнымъ своимъ власнымъ (собственнымъ) стоячаго“.

— А ходы, братець, до мене! Прикую тебе. *Съ такимъ первѣйшимъ привѣтомъ отозвался* о. Максимъ до своего дьячка.

— За что, ваше превелебіе, будете приковувать мене? вопросилъ дьячокъ.

— Тогда скажемъ, якъ прикуемо! Ходы-жъ, кажу! отказалъ сердито попъ.

Дьячокъ подошелъ къ о. Максиму; а тотъ приковалъ его къ столу. Теперь началось объясненіе.

— Гапка говорить на тебе, же ты причтенъ къ ей въ грѣху любодѣйскомъ! сказалъ о. Максимъ.

— А буду я трижды проклятый, якъ я тее робывъ съ Гапкою! Гапка приставала до мене, хотячи въ соблазненіе мене привести, то я отъ ей отвертався, на неи плювався, а часомъ утикавъ! Нехай Богъ покараеть, нехай мене гримъ побье, якъ тому, шо я кажу, неправда! вопилъ дьякъ Иванъ.

— Признавайся, признавайся и озьми ей за себе! приставалъ къ дьяку о. Максимъ.

— Бога во свидѣтели призываю, же я весьма невиненъ передъ Гапкою! клялся дьякъ.

Хотя Иванъ Кириловъ „себя непричтенного и невинного до Гапки показывалъ и весьма отрицался поять Гапку себѣ за жену",—однако попъ и паня не повѣрили его показаніямъ и не спустили его „съ того окову". Они пошли въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ о. Максимъ и Бѣличовна снова появились предъ лицемъ Ивана Кирилова.

— Озьми всеконечнѣ Гапку! А якъ не озмешь, то до смерты убьють и лишишься живота своего!—убѣждалъ дьячка о. Максимъ.

— Есть-ли я въ чемъ виноватъ, то нехай беруть мою худобу. И мене хочай въ едной кошули оставять, а вѣнчатись съ нею нехай мене не принуждають: бо я съ нею жить не буду и ей не желаю! отвѣтствовалъ дьячокъ.

— Ахъ ты поганець такій! Плювать на твое желання! А ну, люде, идить сюда, сдерить съ его одежу! приказала паня.

Явились люди и сняли съ Кирилова всю одежду.

Въ пустой хатѣ (въ холодной столовой) прикованный къ столу желѣзнымъ путомъ, обнаженный, прозябшій, сидѣлъ молодой дьякъ „чрезъ немалое время"—до полудня.

Мало того, что Иванъ Кириловъ претерпѣвалъ холодъ, голодъ и неволю,—его волновало и зрѣлище: вотъ „предъ его глаза внесены и положены батоги, потомъ внесены сюда же кіи. Къ прикованному и обнаженному дьяку входили люди, „стращая его кіевымъ и батожьимъ боемъ". Но онъ крѣпился „и поять за себе Гапку согласія не давалъ".

Попъ Максимъ попу Стефану далъ тайно знать о томъ, что совершается съ братомъ. Занятый требами о. Стефанъ для вызволенія брата явился о полудни во дворъ державскій. Но появленіе о. Стефана не произвело на Бѣличовну такого дѣйствія, какого ему желалось. Она еще болѣе озлобилась и приказала наказать брата попового кіями и батогами, если онъ снова будетъ отрицаться отъ Коцарки. Приступили къ попо-

вому брату съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отдубасить его. О. Стефанъ, видя такое, попросилъ Бѣличовну повременить боемъ: ибо онъ желаетъ переговорить съ братомъ.

Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что Ивана Кирилова освободили отъ окову и одѣли; а когда въ холодную столовую вошла паня, Иванъ „показалъ отъ себе образъ, что хощеть оную жену взять", т. е. пустился на хитрость и объявилъ:

„Склоняюсь на волю вашу, панѣ! Нехай уже будеть такъ: озьму ту Коцарку себѣ за жену!

— А заразъ до шлюбу пидешь? спросила паня.

— По волѣ вашей то и заразъ! Ведить, панѣ, пиду!

III.

Была пора „позднѣйшихъ обѣдовъ", когда Иванъ Кириловъ показалъ образъ, что хочетъ поять Гапку.

Прежде-чѣмъ вести молодыхъ въ церковь, составили *мнымую свадьбу*.

„При сватьбѣ иныхъ старостъ не было, кромѣ что сами они, Максимъ и Стефанъ, въ лицѣ тѣхъ обрѣтались". О. Максимъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ сватаньи. Онъ велѣлъ „внесть *рушнички*, изъ которыхъ и ему, Ивану, одинъ дано и другимъ по обыкновенію. А потомъ и горѣлки фляшку внесено". Явилась невѣста—Агафія Коцарка. Бѣличовна подвела ее къ жениху и посадила обоихъ за столъ. Сѣли за столъ и старосты.

Началось *частуванье* за здравіе молодыхъ и за счастливый исходъ дѣла. „Попившись горѣлки якъ бы чарокъ по три и побольшъ, повели его, Ивана, въ церковь для обвѣнчанія". „Скоро только вышелъ оный дьячекъ на дворъ, то пошелъ якобы до школы за своею потребностію". Очутившись на свободѣ, онъ взялъ въ школѣ кунтушъ и ножъ въ руку—и *удался бѣгу* къ селу Жабкамъ.

Пробѣжавъ улицу и выскочивъ за царину, дьякъ Иванъ пустился во весь духъ, ибо замѣтилъ за собой погоню; то гна-

лись за нимъ Анна Гамалѣя и о. Максимъ. Гнались они за бѣглецомъ „ажъ за царину якъ-бы за верству“. Выбившись изъ силъ, Бѣличовна приказала попу, чтобы онъ поскорѣе возвратился въ село и выслалъ бы людей съ ближайшей бѣльской улицы. Попъ Максимъ метнулся на эту улицу и послалъ шесть человѣкъ конныхъ для поимки дьячка Ивана Кирилова.

Посланцы встрѣтили неподалеку отъ Бербеныцъ двоихъ жителей села Жабокъ—Мартина Назаренка и Герасима Матвіенка. Они ѣхали на конныхъ подводахъ.

— Чи не бачили вы дьяка Ивана Кирилова? спросили посланцы.

— Але бачили!

— Де?

— Адже мы споткали его идучаго въ поли на дорози межъ долинами поповицею и бербенычною. Винъ въ руци державъ ножъ и пидъ плечемъ жупанъ. А подали за нымъ тежъ ишли браты его, пипъ Стефанъ и Корній.

— Чомужъ вы Ивана не піймали? то винъ утикае одъ панѣ! сказывали посланцы Назаренку и Матвіенку.

— А объ тимъ мы не знаемо, чи винъ идеть, чи утикаеть! отвѣтили жабскіе жители и поѣхали дальше.

Вовлѣ царины встрѣтили Мартина и Герасима паня державцева и попъ Максимъ. Паня попросила ихъ, чтобы они того дьячка *утѣкаючаго* уловили.

Они и шесть бербеницкихъ верховцевъ поймали дьячка и привели его во дворъ державскій. Сейчасъ „внесено было *батожжа* и дьячка *роздягнено*“. Въ эту критическую минуту попъ Максимъ и другіе *отпросили* его отъ того бою.

— Панѣ добродѣйко! Нехай тилько однимъ каранъ будеть, жебъ узялъ служебку Агафію! говорили они.

— На тое буду я согласна! сказала добродѣйка.

„И онъ дьячокъ на тое, чтобъ Аграфію взять, приступилъ“.

Теперь повели Ивана Кирилова въ церковь для обвѣнчанія. Жутко ему сдѣлалось. Нехорошо чувствовалъ себя и о. Максимъ: ему не хотѣлось бы творить насильнаго бракосочетанія; а смѣлости не имѣлъ, чтобы воспротивиться волѣ добродѣйки.

Тогда была седмица о. Стефана. О. Максимъ предлагаетъ попу Стефану обвѣнчать Ивана и Агафію. Когда тотъ не захотѣлъ, то онъ самъ Максимъ *подпилій* приступилъ до того вѣнчанія. Онъ поставилъ новобрачныхъ на обычномъ мѣстѣ; но женихъ не сталъ на томъ мѣстѣ, а ходилъ около клироса. И когда пришло время говорить вѣнчающимся *форму, законный бракъ составляющую,* и сталъ по обыкновенію о. Максимъ *вопрошувать* Ивана Кирилова,—то оный Иванъ *тоей формы* не говорилъ, и принимать Агафію Коцарку себѣ за жену не хотѣлъ, *и вѣры малженской шлюбовать не обѣщался.* На вопросы поповы дьякъ Иванъ говорилъ вопрски: „гдѣ бываетъ говорено—шлюбую тебѣ вѣрность и протчая—тамъ онъ говорилъ: *не шлюбую*; а гдѣ говорить треба: хощу имѣть тебе за малжонку, тамъ онъ говорилъ: *„не хощу“*.

Услышавъ такія слова, о. Максимъ прекратилъ вѣнчаніе.

— Добродѣйка! Дьякъ шлюбовать и вѣнчаться съ женою Агафіею не хочетъ!—объявилъ о. Максимъ панѣ державцевой, снялъ съ себя ризы и хотѣлъ идти изъ церкви.

— Естли не хочетъ взять тоей жены, такъ нехай его возьмуть въ дворъ,—до смерти велю его убить, якъ бестію! отказала паня.

Ивана Кирилова сію минуту подхватили и вынесли изъ церкви; но на паперти онъ упалъ предъ Бѣличовной на колѣни, обѣщаясь уже вѣнчаться и *надлежащее* говорить.

— Впослѣднѣ прощаю тебе! сказала паня.

Такъ-то дьякъ Иванъ принужденъ былъ *паки приступить* къ вѣнчанію. Онъ сталъ возлѣ Агафіи—на обычномъ мѣстѣ; и о. Максимъ „паки на себя взялъ епатрахиль и фелонь—и началъ *обвѣнчивать*. Когда пришло ему время *вопрошувать*, то Кириловъ пустился на хитрости: онъ по вопросамъ поповымъ *якобы говорилъ требуемую форму*, т. е. сказывалъ подложно и съ перемѣной словъ, имѣющихъ наибольшую силу“.

— Шлюбуешь-ли ты ей вѣрность? вопрошувалъ о. Максимъ.

— Шлюбую (громко)—Богу, а не ей! (въ полголоса) отвѣчалъ дьякъ.

— Хощеши ли ты имѣть ее себѣ за малжонку?

— Хощу имѣть себѣ за малжонку (громко) иншую (вполголоса)—отвѣчалъ дьякъ.

Онъ выкинулъ еще лучшую каверзу. Когда невѣста стала ему прямо по словамъ іерейскимъ *шлюбовать*, то онъ *вдарилъ ее въ щоку*. Этотъ ударъ явственно *чули* и видѣли всѣ предстоящіе. О. Максимъ моментально поворотился спиной къ новобрачнымъ, показывая видъ, что онъ не замѣтилъ пощечины, равно-какъ предъ симъ онъ показывалъ видъ, что не слышитъ превратныхъ словъ дьячка. Онъ не прекращалъ вѣнчанія во избѣжаніе возни съ Кириловымъ и ради удовольствія панѣ державцевой.

Остальной порядокъ бракосочетанія былъ совершенъ благополучно.

По обвѣнчаніи Иванъ Кириловъ шелъ изъ церкви *съ тоею себѣ обвѣнчанною женою*. Но во дворъ державскій не захотѣлъ идти, а юркнулъ прямо въ школу. Сюда послѣдовали нѣсколько человѣкъ, и они оцѣпили ту школу. Не долго пришлось сторожить дьячка: за нимъ было прислано—и взяли его до двора.

Какъ только вступилъ новобрачный въ панскую *свѣтлицю*, панъ Максимъ взялъ его за плечи и посадилъ за столъ вкупѣ съ Агафіею—законною женою.

— И чого бъ я брыкався! Сидай тутъ! Уже-жъ дило кончено! Звязянъ зъ нею законнѣ навики!—убѣждалъ попъ своего дьяка.

— Звязянъ, а жить не буду зъ нею!

— Э, дурный! Та ты подывысь, якъ привѣтливѣ и умиленно вона зазира на тебе! Каминь—и той растаявъ бы!—возбуждалъ попъ дьяка.

— А бодай же повылазили у неи ти баньки!... И сплюнулъ при этомъ дьякъ.

— Ивасю!... произнесла Агафія.

— Одвяжись видъ мене!

Такъ началась свадьба.

Посадивши новобрачныхъ, стали пить. Въ числѣ свадебныхъ гостей были Назаренко и Матвіенко, главные дѣятели въ уловленіи Ивана Кирилова, а Матвіенко и вѣнца ему *придер-*

живалъ. Послѣ третьей или четвертой чарки Назаренко, старый и бывалый козакъ, повелъ такія рѣчи:

Чого на свити Божому не бува! Ихали по сино, попали на винчанье, сидимо на вессилли! Ще и не бачивъ, щобъ молодый одвертався видъ молодои жинки! Що молода одвертаетьця, те бува на свити Божому!... Ще не кортыть нашому князю, а дали якъ обдывитьця, таки дило буде... Инша жинка або дивка на обличчу неначе-бъ поганенька, а въ жартуванни така смашна, що катъ іи ма... Днивъ зо два, може, буде смутно нашому князеви, а якъ обдывицця, то дило пиде на ладъ!

— Не вамъ тее казать, а не мини тее робыть, дядько Мартыне!—обозвался дьякъ.

— Эй, Иване! Ты и мене выведедешь изъ терпѣнія, якъ не будешь приступать къ законному сожитію! Внимай, кажу, рѣчамъ старого человѣка: бо то рѣчи розумни и справедливи! провозгласилъ о. Максимъ.

— Тай дикій же якій нашъ князь и вашъ дьякъ, о. Максиме! Винъ ще бильшъ одвертаецця и одсовуеться видъ своеи жинки! сказалъ Мартынъ.

— Хиба я скажена, чи що! Хочь бы подывывся! обозвалась Гапка.

— Ну, и подывлюсь! Що тоби зъ того? быстро сказалъ дьякъ, посмотрѣвъ на нее.

— И то добре, и то дило! А ну, мерщи, присуньcя, та обними молодичку, и намъ веселишъ буде! Бравый будешь козакъ! подзадоривалъ Мартынъ дьяка.

— Коли вамъ того хочецця, нате вамъ! И Кириловъ слегка обнялъ Гапку; но сейчасъ-же отодвинулся отъ нея.

— Отъ я и казавъ, що дило буде!—сказалъ Мартынъ.

— Спасиби тоби, Мартыне, що ты новобрачнаго на умъ—розумъ навивъ! сказалъ о. Максимъ.

Стали пить учащенно. Рѣчи рѣкой полились. Веселыя пѣсни раздались въ средѣ свадебныхъ гостей. А Матвіенко, молодой козакъ, забавлялъ сихъ гостей, отхватывая въ присядку удивительныя фигуры.

Новобрачный не преминулъ воспользоваться такимъ весельемъ.

Онъ выкинулъ порядочную каверзу: „війшовъ зъ-за стола попидъ столомъ". Улизнувъ изъ свадебной хаты, онъ спрятался гдѣ-то въ такомъ мѣстѣ, что его не нашли. Къ тому же была темная, ненастная ночь.

Назаренко и Матвіенко, а также нѣкоторые другіе гости были уже въ такомъ градусѣ, что не замѣчали отсутствія князя свадебнаго; не замѣтили и той тревоги, которая происходила по случаю исчезновенія его.

„Напившись горѣлки, Назаренко и Матвіенко отъѣхали за своимъ диломъ; и что тамъ же далѣй чинилось, того не знають".

IV.

Благополучно проведши ночь, Иванъ Кириловъ *пойшелъ* чуть свѣтъ съ челобитьемъ до протопопа лохвицкаго Григорія Рогачевскаго, а потомъ за вѣдомомъ его въ Кіевъ.

Бербеныцкій дьячокъ Иванъ Кириловъ явился къ Рафаилу Заборовскому—архіепископу кіевскому, галицкому и малыя Россіи, и подалъ *ясне въ Богу преосвященному* доношеніе *о принудителномъ обвѣнчаніи* его—дьячка.

Теперь пришлось о. Максиму расхлебывать ту кашу, которую онъ сварилъ по изволенію добродѣйки Анны Бѣличовны.

Согласно указу, отпущенному изъ духовной *освященной* консисторіи, намѣстникъ лубенскій Симеонъ Петрановскій и пресвитеръ села Ждановъ Федоръ Савицкій съ селѣ Жабкахъ произвели слѣдствіе 26 февраля 1740 року.

Первымъ былъ *допрошуванъ* дьячокъ Иванъ Кириловъ. Слѣдователи предложили ему вопросы: „Какое ему было насильное обвѣнчаніе отъ попа Максима? Въ чемъ и какимъ образомъ и кто про то извѣстенъ? И по тому обвѣнчанію имѣлъ-ли съ тоею обвѣнчанною женою себѣ сожитіе?"

Иванъ Кириловъ обстоятельно разсказалъ о насильномъ обвѣнчаніи и велегласно объявилъ, что съ тоею женою Агафіею Коцаркою не имѣлъ никакого сожитія—ни даже соприкосновенія.

Представленъ былъ слѣдователямъ попъ с. Бербеныцъ Максимъ Высоцкій. Ему предложены были такіе вопросы: „Вѣнчалъ-ли

онаго Кирилова зъ удовою Агафіею Коцаркою? На тое вѣнчаніе была-ли данная отъ протопопа вѣнечная память? За тѣмъ обвѣнчаніемъ приходилъ-ли къ нему Максиму челобитчикъ и съ которыми именно старостами? И тѣ старосты о желаніи его Кирилова къ бракосочетанію свидѣтельствовали-ли? Или самъ онъ о таковомъ своемъ добровольномъ изволеніи представлялъ-ли? Было-ль прежде вѣнчанія соблюдено то, что правила святыя повелѣваютъ и по силѣ оныхъ указъ его преосвященства подтверждаетъ (т. е. народное трикратное извѣщеніе въ церкви о вступленіи въ бракъ оныхъ лицъ и пріобщеніе ихъ)? Въ самомъ томъ вѣнчаніи онъ Кириловъ говорилъ-ли ясно предъ всею церковью форму законный бракъ составляющую? И были-ль тому предстоящіи свидѣтели и кто именно?“ Попъ Максимъ сказалъ, что дьячокъ Иванъ Кириловъ для обвѣнчанія себя со вдовою Агафіею къ нему Максиму не приходилъ просить ни самъ, ни со старостами: „бо жаднихъ зъ нимъ старостъ не было“; и никакого своего о томъ желанія ему не представлялъ; памяти вѣнечной отъ протопопа не исправлялъ и не подавалъ [1]). О вѣнечной памати о. Максимъ въ оправданіе свое заявилъ, что объ этомъ квѣтѣ *панъ державцева* писала до о. протопопа лохвицкаго и того же дня посылала своего нарочнаго съ платежомъ надлежащимъ въ казну архіерейскую; но платежъ былъ принятъ, а памяти вѣнечной отъ протопопа не было прислано и не имѣется. Въ несоблюденіи святыхъ правилъ оправдывался такъ: „я въ первый разъ слышу объ архипастырскомъ указѣ, повелѣвающемъ чинить трикратное народное извѣщеніе о вступающихъ въ бракъ; я и мой сослужитель о. Стефанъ согласились держать *погодно* переписку указовъ; можетъ быть тотъ указъ и присланъ былъ, но только въ томъ году, когда очередь писанія указовъ была Стефанова,—потому я и не читалъ того указа. О томъ-же я

---

[1]) Епископы получали дань съ лицъ, вступающихъ въ бракъ. Каждая епархія состояла изъ нѣсколькихъ протопопій; а каждой протопопіей завѣдывалъ протопопъ. Желающіе повѣнчаться должны были взять у протопопа вѣнечную память (или квѣтъ), т. е. разрѣшеніе на обвѣнчаніе. При выдачѣ этого разрѣшительнаго листа протопопъ взималъ установленный платежъ въ архіерейскую казну. Священники не имѣли права вѣнчать тѣхъ, которые не представляли имъ вѣнечной памяти.

извѣстенъ, что святыя правила повелѣваютъ исповѣдывать и пріобщать входящихъ въ бракосочетаніе, а послѣ литургіи обвѣнчивать ихъ; однако жъ и того не исполнилъ *за скорымъ и нахалнымъ панъй державцевой требованіемъ и приказомъ показаннаго обвънчанія.*

Когда паня державцева вторично принудила Ивана Кирилова приступить къ обвѣнчанію, то онъ выговорилъ надлежащую форму гласно и исправно предъ всѣми предстоящими—показалъ о. Максимъ.

Свидѣтели Назаренко и Матвіенко довольно подробно разсказали слѣдователямъ о принудительномъ обвѣнчаніи.

Державцу, пану Федору Гамалѣю, слѣдователи послали письменное *вопрошеніе.* Гамалѣя письменно отвѣчалъ: „сожительница моя приказала вѣнчать дьячка со служебкою Агафіею по прошенію же онаго дьячка; и когда-бы самъ дьячокъ не желалъ и не хотѣлъ вѣнчатися, то бы сожительницѣ моей не просилъ, и не казано-бъ его вѣнчать“.

Пономаря и прочихъ людей слѣдователи не призывали: ибо за страхъ державцы, якій всѣмъ въ селѣ оголошенъ, не могуть достовѣрно показаты“.

На основаніи этого слѣдствія въ іюнѣ 1740 г. консисторія опредѣлила, и архіепископъ Рафаилъ утвердилъ: „обвѣнчаніе дячка Ивана Кирилова съ женою Агафіею Коцаркою, яко насильно учиненное, вмѣнить за неправильное и онаго дячка разлучить отъ сожительства съ помянутою женою Агафіею; бербеныцкаго попа Максима сослать въ заточеніе въ монастырь въ работу на 3 года безъ священнодѣйства“.

Въ іюлѣ того-же года явилась къ о. Максиму этапная команда и повела его въ заточеніе.

Не стало въ Бербеныцяхъ и дьчяка Ивана Кирилова. Ему приключилась новая бѣда. Онъ *похвалялся,* что будетъ искать суда на Анну Бѣличовну. Узнавъ объ этомъ, Федоръ Гамалѣй приказалъ обывателямъ, чтобы они *за дяковщину* не давали *роковщины* Ивану Кирилову: почему „двохъ рублей 50 коп. и не дано ему“. Онъ же Гамалѣй забралъ у Ивана Кирилова 200 копицъ сѣна (а въ томъ году была копица сѣна по 30 коп.),

завладѣлъ сѣнокосною долиною, забралъ кожъ овчинныхъ на 2 рубля; за 80 молебновъ да 25 акафистовъ, отслуженныхъ для него, никакого награжденія не учинилъ ему—дьячку. Такими мѣропріятіями Гамалѣй не ограничился: людямъ своимъ онъ приказалъ, чтобы Ивана Кирилова гдѣ-нибудь словили и до смерти прибили его или къ нему, Гамалѣю, привели, чтобы *онъ самъ на смерть убилъ его.* По улицамъ, на выгонахъ и по царинамъ ставилъ Гамалѣй караулы для поимки Ивана Кирилова. Караулы трижды нападали на дьячка; „но другіе сторонніе духовнаго и свѣтскаго чина люде отборонили его отъ тѣхъ посланниковъ".

Видя такую опасность, Иванъ Кириловъ постарался удрать изъ Бербеныць. Четыре года онъ *тулялся* тамъ и самъ, пришелъ въ крайнюю скудость и нищету.

V.

Учинивъ расправу съ попомъ Максимомъ, архіеп. Рафаилъ послалъ слѣдственное дѣло и свое рѣшеніе генералъ-маіору Ивану Шипову, предсѣдателю Войсковой Генеральной Канцеляріи. Онъ просилъ, чтобы на основаніи указа 1722 г. было разсмотрѣно и рѣшено все, что въ этомъ дѣлѣ касается до жены Ф. Гамалѣя Анны Бѣличовны.

Въ іюлѣ 1740 г. было предложено генеральному войсковому суду учинить по этому дѣлу опредѣленіе и рѣшеніе.

Вскорѣ тому же суду предложено было разсмотрѣть челобитье Ивана Кирилова. Кириловъ пишетъ, какъ его насильно повѣнчали на Агафіи Коцаркѣ, что онъ „не прикасался къ оной мнимой и нахально сочетанной ему женѣ", а архіеп. Рафаиломъ „повелѣно ему на комъ хотя оженитись". Затѣмъ, жалуется на бунчуковаго товарища Федора Гамалѣя: Гамалѣй ограбилъ его и намѣревался убить его до смерти.

Съ тѣхъ поръ прошло три года; а генеральный судъ не безпокоилъ ни Федора Гамалѣя, ни жены его; да уже въ 1743 г. вознамѣрился кое-что сдѣлать. Намѣреніе такое возникло потому, что Иванъ Кириловъ надоѣлъ генеральному суду: вотъ

уже десятый разъ подаетъ онъ сюда челобитныя, и въ іюлѣ этого года снова просилъ учинить разсмотрѣніе и опредѣленіе.

Войсковые генеральные судьи, въ числѣ которыхъ были Яковъ Лизогубъ и Иванъ Гамалѣя, послали Федору Гамалѣю указъ, дабы онъ съ женою явился къ отвѣту въ генеральный судъ непремѣнно.

Ф. Гамалѣй на указъ не обратилъ вниманія,—сидѣлъ себѣ дома и меды попивалъ.

Въ ноябрѣ того-же года Иванъ Кириловъ подаетъ въ генеральный судъ напоминаніе; въ челобитной пишетъ: „октября 10 бунчуковому товарищу Ф. Гамалѣю велено ему зъ женою его пріездить къ отвѣту; точію его Гамалѣя и по нынѣ въ прибытіи нетъ; я же нижайшій крайнюю узнаю обиду и разореніе; и дабы указомъ повелено было о сиску Гамалѣя зъ женою его послать нарочнаго по инструкціи на его-жъ Гамалѣя коштѣ, ибо я нарочному весьма не имѣю чимъ награжденія учинить“.

Генеральный судъ послалъ въ декабрѣ къ Ф. Гамалѣю нарочнаго. Нарочному дана была инструкція, въ которой значилось: „Принявъ тебѣ сію инструкцію и указъ, ѣхать въ село Бербеныцъ; и за прибытіемъ твоимъ, вручивъ Гамалѣю тотъ указъ, требовать, чтобъ онъ зъ женою своею съ тобой купно ѣхалъ въ Глуховъ въ судъ Енеральній; и за пріѣздомъ имѣешь ихъ представить въ судъ Енеральній зъ доѣзднимъ своимъ доношеніемъ; будучи же тебѣ у сей посилки, обидъ и озлобленій никому не чинить и сверхъ сей инструкціи не поступать подъ опасеніемъ наказанія“.

Нарочный явился къ Ф. Гамалѣю и представилъ ему указъ. Въ томъ указѣ написано было: По указу Ея И. В. и по опредѣленію Генеральнаго войсковаго Суда велено послать чрезъ нарочнаго по инструкціи къ вамъ сей указъ—и предложить, даби ви зъ женою своею зъ тимъ нарочнымъ пріездили въ Глуховъ и явились въ судъ войсковій Енеральній сего декабря 21 непремѣнно“.

Нарочный возвратился въ Глуховъ безъ Ф. Гамалѣя и жены его, а представилъ въ генеральный судъ „покорнѣйшее донесеніе“ Ф. Гамалѣя. Въ томъ доношеніи Гамалѣй пишетъ, что

„его не было дома *въ тѣ пори*, когда Ивана Кирилова обвѣнчовали съ Гапкою Коцаркою, а *найдовался* онъ Гамалѣй въ походѣ Хотѣнскомъ; жены же его въ домѣ не имѣется и понынѣ: еще 1742 г., октября 3 дня она невѣдомо чего для оставила мене, дѣти и весь мой домъ тайно; живетъ она при домѣ отца своего Ивана Бѣлича“.

Заслушавъ такое доношеніе, судъ постановилъ 23 декабря; „послать указъ, чтобы онъ Гамалѣй всеконечно пріѣздилъ въ Глуховъ и явился въ судъ войсковый Енеральній къ отвѣту,— потому что по челобитью показаннаго дячка касается къ ему Гамалѣю заборъ сѣна и прочое; за сыскомъ же жены онаго Гамалѣя послать въ домъ отца ея нарочнаго по инструкціи“.

Ф. Гамалѣй къ отвѣту въ судъ не явился, Анна Бѣличовна тоже не явилась.

Въ январѣ 1744 года Иванъ Кириловъ снова напоминаетъ генеральному суду о своемъ дѣлѣ, которое „имѣется въ ономъ Судѣ“. Какъ-то случилось такъ, что въ февралѣ этого года Ф. Гамалѣй представлялся господинамъ генеральнымъ судьямъ— и расписался объ этой явкѣ. Въ апрѣлѣ того же года Иванъ Кириловъ прибылъ въ генеральный судъ; ему предложили расписаться о томъ, что онъ *явился*. На этой распискѣ отвѣтили: „а повѣренный отвѣтчика не явился“. Повѣренный представился суду черезъ 4 дня, когда истца уже не было въ Глуховѣ.

Изъ года въ годъ подавалъ Иванъ Кириловъ *челобитья* генеральному суду; добывалъ онъ себѣ повѣренныхъ: „ибо по званію дячковскому никакъ не возможно ему отлучится отъ церкви“.

На этихъ повѣренныхъ, на поѣздки въ Глуховъ, на челобитныя тратилъ онъ, разоренный паномъ, тѣ жалкія крохи, что добывалъ дьяковствомъ, а результатовъ никакихъ не достигалъ.

Федоръ Гамалѣя по крайней мѣрѣ суду показывалъ повѣренныхъ, и тѣ повѣренные учиняли о явкѣ своей расписки. А Бѣличовна Анна даже и того не дѣлала: она ни разу *не пріѣздила* въ Глуховъ, ни разу не присылала повѣренныхъ въ судъ, никакихъ доношеній туда не писала.

Дьячокъ Иванъ Кириловъ какъ бы за вѣтромъ въ полѣ гонялся.

Въ 1753 году села Бербеныць поповичъ Иванъ Кириловъ нижайше доносилъ войсковому генеральному суду: „Имѣется въ судѣ войсковомъ генеральномъ дѣло мое, которое дѣло и по сіе время въ судѣ войсковомъ неразсматривано; отвѣтчикъ-же мой Ф. Гамалѣя и жена его Анна Бѣличовна *волею Божею обои умерли*, а по нихъ маетностями владѣетъ зять ихъ; я нижайшій, подверженній напрасной волокитѣ, *остался* безъ награжденія за гвалтъ мнѣ учиненній и убитки; того ради прошу учинить милостивое благоразсмотреніе и опредѣленіе, дабы за обиду и разореніе удовольствовалъ мене зъ грунтовъ Гамалѣиныхъ кто ими владѣетъ“.

Конечно, поповичъ Ив. Кириловъ *удовольства* не получилъ

А. Полницкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ[1].

Ѳ. К. Волковъ.

Этнографическія статьи г. Волкова разсѣяны по малоизвѣстнымъ русскимъ и заграничнымъ (французскимъ и болгарскимъ) изданіямъ. Перечисляя ихъ ниже въ хронологическомъ порядкѣ, мы не можемъ поручиться за полноту нашего перечня.

Въ *Трудахъ* 3 археол. съѣзда (въ Кіевѣ) во 2 т. стр. 317—326 напечатана небольшая ст. г. Волкова „*Отличительныя черты южнорусской народной орнаментики*". Предметъ изслѣдованія весьма интересный; но матеріала собрано мало, и все изслѣдованіе отличается большой краткостью. Авторъ въ началѣ статьи вполнѣ основательно указываетъ на полную неразработанность южнорусской орнаментики. Затѣмъ авторъ говоритъ вкратцѣ о малорусскихъ рѣзныхъ украшеніяхъ на хатахъ, деревянныхъ и гончарныхъ издѣліяхъ, о писанкахъ—обо всемъ этомъ въ двухъ-трехъ словахъ. Подробнѣе (на 8 страницахъ) говорится объ узорахъ и вышивкахъ на одеждѣ, съ подраздѣленіемъ орнаментовъ на геометрическій, растительный и животный. Здѣсь высказано нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о малорусскомъ народномъ искусствѣ, какъ оно выразилось въ вышивкахъ, о мѣстныхъ его особенностяхъ. Авторъ дѣлаетъ такіе общіе выводы о характерныхъ особенностяхъ малорусской орнаментики: наклонность къ растительному орнаменту, преобладаніе цвѣтовъ краснаго и синяго и только на югѣ желтаго, отсутствіе

[1]) См. „Кіевск. Стар". 1895 г., № 7 и 8.

изображеній цѣлыхъ деревьевъ, птицъ, животныхъ, архитектурныхъ украшеній. При скудости матеріала, которымъ располагалъ авторъ, всѣ выводы, общіе и частные, весьма непрочны, и легко могутъ оказаться несостоятельными, при большемъ кругѣ сравненій. Такъ, нельзя сказать, что въ малорусскомъ орнаментѣ обнаруживается полное отсутствіе изображеній цѣлыхъ деревьевъ, птицъ, животныхъ и архитектурныхъ украшеній. Птицы и животныя въ цѣлой формѣ неудобны для орнаментики, и потому встрѣчаются рѣдко въ цѣломъ видѣ, но все таки встрѣчаются (чаще всего на писанкахъ); но въ частичномъ изображеніи животный орнаментъ весьма популяренъ въ Малороссіи. Что касается до архитектурныхъ изображеній, то они имѣются съ геометрическими фигурами. Вопросъ о предпочтеніи цвѣта также нуждается въ фактической разработкѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что желтый цвѣтъ весьма часто встрѣчается и въ восточной малорусской орнаментикѣ. Въ концѣ статьи авторъ намѣчаетъ нѣсколько любопытныхъ вопросовъ о самобытномъ происхожденіи однихъ малорусскихъ орнаментовъ (преимущественно растительныхъ, напр.—гвоздики у персовъ, крестовъ у византійцевъ). Уже въ этой статьѣ обнаруживается умѣнье автора выбирать весьма интересныя и жизненныя темы для изслѣдованія, что сказывается затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ его этнографическихъ статьяхъ.

Въ „Melusine" 1891 г. № 8 г. Волковъ напечаталъ статью о побратимствѣ въ Украинѣ „*La fraternisation en Ukraine*". Въ большомъ числѣ замѣтокъ о побратимствѣ у разныхъ народовъ, напечатанныхъ въ „Мелюзинѣ" за послѣднія 5 или 6 лѣтъ статья г. Волкова выдается по полнотѣ. Если принять во вниманіе, что и въ спеціальныхъ монографіяхъ по исторіи права Мэна, М. Ковалевскаго и др. о побратимствѣ разсѣяны лишь краткія замѣтки, нужно признать за трудомъ г. В. научное значеніе. Нельзя сказать, чтобы авторъ разобралъ побратимство съ разныхъ сторонъ, освѣтилъ и объяснилъ его широкими сравнительно-этнографическими параллелями и аналогіями, въ статьѣ нѣтъ указаній на связь побратимства съ другими близкими къ нему явленіями народнаго быта, напримѣръ—съ братствами, въ

видѣ перехода побратимства двухъ лицъ въ многолюдныя братства. Но и въ данномъ видѣ статья г. В. представляетъ полезное пособіе для будущихъ изслѣдователей побратимства вообще, въ частности русскаго. Въ статьѣ о побратимствѣ въ Украинѣ г. В. приводитъ два свидѣтельства о немъ, г-жи Гаценко о побратимствѣ въ елисаветградскомъ у. и свящ. Сорокина о побратимствѣ въ александрійскомъ у., затѣмъ указываетъ на побратимство у скифовъ, по свидѣтельству Геродота и по рисунку на одной скиѳской вазѣ, о побратимствѣ въ былинахъ, украинскихъ сказкахъ и пословицахъ, объ указаніи на этотъ обычай въ старинныхъ требникахъ, о побратимствѣ у сербовъ; въ концѣ статьи приведено мнѣніе М. Ковалевскаго о происхожденіи обычая [1]).

Въ Revue des traditions populaires напечатанъ рядъ легкихъ замѣтокъ разныхъ авторовъ о суевѣріяхъ, связанныхъ съ дорогами и мостами. Въ XI № 1891 г. Волковъ помѣстилъ двѣ замѣтки о суевѣріяхъ украинскихъ и болгарскихъ. Въ замѣткѣ „*Voyages et Voyageurs en Ukraine*“ 1891 г. (647 стр.) упомянуты слѣдующіе несчастные признаки отправленія въ дорогу въ понедѣльникъ, спотыканіе или остановка лошадей, встрѣча съ

---

[1]) Къ той литературѣ побратимства, которая попадалась мнѣ въ Melusine, добавимъ здѣсь указанія на малор. сказки *Манжуры* стр. 15, *Этногр. Обозр.* 1890 II 152, 154, 1891 II 24, Осетин. этюды *В. Миллера* I 3, обильные и цѣнные сербскіе матеріалы у *Миличевича*, Бѣлор. сборн. *Романова* III 101, замѣтки *А. Веселовскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1894 II, *Звонкова* въ Трудахъ этн. отд. моск. общ. Любит. ест. 1889 стр. 46—48 (посестріе), *Караджича* въ Припов̌јеткахъ 219; *Живая Стар.* во 2 кн. (ст. Ровинскаго), *Потанинъ* „Очерки С. З. Монголіи IV 39 (цѣлованіе топора и медвѣдя при побратимствѣ) и на 898 стр. (о Джюсунъ Ханѣ— побратимство въ родѣ упоминаемаго первоначальной лѣтописью), *Костомаровъ*, Преданія первонач. лѣтописи 123, *Сборникъ* матер. для изученія Кавказа IX 40, *Hahn* (греч. и албанск. сказки) №№ 18 и 64 (побратимство между героемъ и дракономъ), *Revue* d. trad. pop. 91 X (побратимство посредствомъ крови), *Живая Стар.* 1892 III (болгар. сказка), *Русскій Вѣстникъ* 1888 XII 24 замѣтка о побратимствѣ среди китайскихъ разбойниковъ манзовъ, очень любопытная для исторіи перехода частнаго побратимства въ широкую родственную связь многихъ лицъ), *Сѣвер. Вѣстникъ* 1889 I (статья проф. Лучицкаго), *Харузинъ*, Русскіе лопари 258, *Мякушевъ*, Задунайскіе славяне 25, 143, 288. Кое-какія указанія см. въ библіографіи обычнаго права *Якушкина*, въ соч. *Мена* о древнемъ правѣ, въ соч. *Харузина* о донскихъ козакахъ.

зайцемъ, съ женщиной, несущей пустыя ведра, съ священникомъ—все извѣстныя примѣты. Кромѣ того, упомянуто, что лица, отправляющіяся въ далекій путь, берутъ горсть земли съ кладбища или изъ подъ фигуры (креста) и несутъ ее на шеѣ въ ладонкѣ. Этотъ малорусскій матеріалъ изданъ въ дополненіе къ повѣрьямъ другихъ народовъ относительно путешествій, повѣрьямъ, собираемымъ по мелочамъ на страницахъ Revue d. trad. pop.

Наиболѣе крупное изслѣдованіе г. Волкова „*Rites et usages nuptiaux en Ukraine* напечатано въ L' Anthopologie 1892 (были оттиски). Это довольно объемистый трудъ (ок. 150 стр.). Авторъ ставитъ спеціальной цѣлью ознакомленіе западныхъ ученыхъ съ малорусскими свадебными обрядами. Описательный элементъ преобладаетъ. Послѣ краткаго введенія авторъ приступаетъ къ подробному описанію малорусской свадьбы въ томъ порядкѣ, какъ она совершается въ дѣйствительности. Въ первой главѣ говорится о свидѣтельствѣ древней лѣтописи о бракосочетаніи у русскихъ славянъ, объ умыканіи дѣвицъ, покупкѣ; объ устойчивости народнаго обычая. Во второй главѣ—о соціальной организаціи украинской молодежи (братства, досвѣтки) и остаткахъ пробнаго брака. Въ третьей—о дѣвичникѣ, благословеніи молодыхъ хлѣбомъ, посадѣ, танцахъ, перевязываніи платками. Въ четвертой—о гильцѣ, вѣнкахъ, созывѣ гостей. Въ пятой—о короваѣ (приготовленіе, украшенія, танцы). Въ шестой—о благословеніи молодыхъ и отъѣздѣ ихъ въ церковь, о суевѣріяхъ, связанныхъ съ вѣнчаніемъ, встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ родителей невѣсты. Въ седьмой—о весильѣ, переймѣ, продажѣ сестры братомъ, посадѣ, обрядовомъ поцѣлуѣ. Въ восьмомъ—о раздѣленіи подарковъ, платѣ роду невѣсты, раздѣленіи коровая, отъѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха. Въ девятой—о встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ жениха, брачныхъ пѣсняхъ, опредѣленіи невинности и увѣдомленіи о томъ матери молодой. Въ десятой—объ обрядахъ на другой день свадьбы, свадебномъ знамени, покрываніи головы молодой. Въ одиннадцатой—объ обрядовомъ употребленіи меда, перезвѣ, перезывкахъ, свадебныхъ оргіяхъ. Въ двѣнадцатой—находится общій обзоръ свадебнаго ритуала къ краткими научными ком-

ментаріями. Здѣсь говорится о религіозной и юридической сторонахъ свадьбы, времени заключенія браковъ, чертахъ гетеризма и матеріархата.

Авторъ пользовался печатными матеріалами (сборниками Чубинскаго, Янчука и др.) и рукописными (записи Е. П. Радаковой, Грыха).

Авторъ при изученіи малорусской свадьбы слѣдуетъ сравнительному методу; но при этомъ почти всѣ сравненія и объясненія относитъ въ подстрочныя примѣчанія, въ мелкій шрифтъ, отчего стушевывается лучшая часть изслѣдованія.

Лучшая по полнотѣ содержанія и отчасти по новизнѣ фактовъ глава—XI. Здѣсь авторъ подробно говоритъ о вакхической сторонѣ свадебнаго ритуала, выразившейся преимущественно въ перезвѣ, что въ русскихъ научныхъ трудахъ большею частью обходится молчаніемъ, иногда по недостатку матеріала, иногда по другимъ независящимъ отъ авторовъ обстоятельствамъ. Единственная спеціальная замѣтка Кистяковскаго объ обрядахъ и пѣсняхъ перезвы, замѣтка небольшая, но цѣнная, затеряна въ спеціальномъ изданіи и немногимъ извѣстна. Авторъ объясняетъ перезву, какъ остатокъ древнѣйшей оргіи или свальнаго грѣха, что подтверждается разными глухими намеками въ древнихъ памятникахъ русской литературы и обычаями современныхъ дикихъ народовъ. Напр., у нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ молодые уходятъ вмѣстѣ съ гостями, парнями и дѣвицами, въ темную хижину и здѣсь происходитъ оргія.

Изъ частныхъ замѣчаній автора отмѣтимъ здѣсь библіографическій обзоръ сочиненій, гдѣ говорится о пробномъ бракѣ или точнѣе, по нѣмецкой терминологіи, Probenächten (гл. II стр. 179 примѣч.); объ обрядовомъ употребленіи вѣнка (гл. III стр. 413), объ одариваніи священника или помѣщика (гл. IV 414), о нѣкоторыхъ обычаяхъ относительно разбиванія чаши, осыпанія зерномъ (VI 433), о переймѣ (VII 543), обмѣнѣ кольцами (VII 548), о брачномъ поцѣлуѣ (VII 551), объ обрядовомъ связываніи молодыхъ (VII 553), обрядовомъ употребленіи пѣтуха (VIII 560, IX 568, X 543), о фаллическомъ значеніи пѣсенъ про быка и теличку (IX 573, XI 558, XII 569), объ освященіи брачнаго ложа

(IX 574), объ осмотрѣ одежды невѣсты, преимущественно сорочки, чтобы не было иглы — „проторга", для искусственнаго кровоизліянія (IX 575), о сниманіи сапога (IX 576—577), о половомъ воздержаніи жениха (IX 579), о мѣропріятіяхъ противъ случайной немочи жениха (IX 580—581), объ обычаѣ „смолыть молоду", т. е. сжигать пучокъ волосъ (IX 585), о значеніи краснаго цвѣта (X 545), о танцахъ на перезвѣ (XI 557), о времени заключенія браковъ (XII 572—573); о продажѣ невѣстъ на базарахъ (XII 574--576), о значеніи старосты и дружбы (XII 583—588). Настоящій краткій предметный указатель составленъ нами потому, что въ самой книгѣ нѣтъ никакого указателя и даже нѣтъ оглавленія, что затрудняетъ пользованіе книгой. Современная этнографическая наука входитъ въ мелочи, и составленіе подробныхъ предметныхъ указателей, въ родѣ такихъ, какіе прилагаются къ XII кн. Revue de traditions populaires, весьма желательно.

Въ настоящее время существуетъ уже много изслѣдованій о свадебныхъ обрядахъ, затрогивающихъ отчасти и свадебныя пѣсни. Кромѣ изслѣдованія г. В., крупными трудами нужно признать еще напечатанныя въ Этногр. Обозр. статьи г. Довнаръ-Запольскаго и г. Охримовича. При всемъ томъ, остается еще много пробѣловъ. Менѣе всего изучены свадебныя пѣсни, должно быть потому, что изученіе ихъ, при подавляющей массѣ сыраго матеріала, сопряжено съ большой затратой труда и времени. Затѣмъ, остается не мало обрядовъ, обычаевъ, цѣлыхъ свадебныхъ дѣйствій, темныхъ и загадочныхъ. Изъ данныхъ методовъ изслѣдованія свадьбы мнѣ представляется наиболѣе удобнымъ и наиболѣе плодотворнымъ методъ, принятый г. Довнаръ-Запольскимъ и г. Волковымъ—изученіе свадьбы въ послѣдовательности главныхъ ея актовъ, сравнительно, какъ они проявляются у разныхъ народовъ, съ попутнымъ сводомъ наличныхъ въ печати мнѣній объ ихъ происхожденіи и значеніи. Методъ г. Охримовича состоитъ въ введеніи малорусскаго этнографическаго матеріала въ рамки научныхъ теорій выдающихся западныхъ ученыхъ—(Баховена, Тэйлора и др.) по исторіи развитія семьи, напр., въ рамки гетеризма, матріархата. Попутно при этомъ освѣщается

и малорусскій этнографическій матеріалъ, но рядомъ идутъ преувеличенія, увлеченія и натяжки. Изслѣдованія прежняго времени и прежде всего мое 1881 г., на которое я встрѣчаю часто ссылки, также не свободны отъ преувеличеній и ошибочныхъ толкованій въ другую сторону—въ область миѳологіи. Несомнѣнно, что съ миѳологіей всегда прійдется считаться изслѣдователямъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, что солнечнаго культа обойти нельзя; но многое изъ того, что въ старое время объяснялось этимъ культомъ, теперь, при накопленіи новыхъ матеріаловъ, среди которыхъ встрѣчаются весьма цѣнные (напр., изданное недавно *Винтерницемъ* въ Памят. Вѣнск. Акад. Наукъ описаніе древнихъ индійской свадьбы), требуетъ пересмотра, можетъ быть, дополненія, а, можетъ быть и устраненія, при возможности другихъ болѣе, реальныхъ историко-культурныхъ и бытовыхъ объясненій.

Обращаясь къ малорусской свадьбѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что матеріала накоплено очень много; тѣмъ изслѣдователямъ, которые не имѣютъ подъ руками большихъ книгохранилищъ или не владѣютъ иностранными языками, можно рекомендовать цѣлый рядъ полезныхъ работъ, не выходя изъ малорусскаго фольклора. Полезно было бы, напр., сличить извѣстныя уже въ печати описанія малорусской свадьбы и опредѣлить мѣстные оттѣнки. До сихъ поръ по этой части ничего не сдѣлано. *А. А. Русовъ* въ предисловіи къ сборнику пѣсенъ С. А. Чернявской (V т. Сборн. харьк. ист. фил. общ. 113), говоритъ, что „сравненіе словъ опредѣленныхъ куплетовъ указываетъ на происхожденіе бѣлозерской свадьбы (т. е. с. Бѣлозерки херсонск. у.) изъ разныхъ элементовъ юго-западнаго и юго-восточнаго типовъ этого ритуала". Но кто опредѣлилъ эти типы? гдѣ объ нихъ трактовалось? ничего подобнаго я не встрѣчалъ. Г. Волковъ въ IX гл. стр. 581 говоритъ, что въ восточной Малороссіи молодые проводятъ столько времени въ коморѣ, сколько необходимо для половаго сочетанія, а въ правобережной Малороссіи они проводятъ въ коморѣ всю брачную ночь. И это утвержденіе основано на случайномъ наблюденіи. Кромѣ того, слѣдовало бы составить библіографическій указатель статей о малорусской свадьбѣ, сгруп-

пировать мотивы пѣсенъ, составить обстоятельный словарь малорусской свадебной терминологіи, въ замѣнъ или, по крайней мѣрѣ для дополненія моего краткаго словаря въ „Культурныхъ переживаніяхъ.“

Въ болгарскомъ „Сборникѣ за народни умотворенія“ г. Волковъ напечаталъ часть своего изслѣдованія о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно малорусскихъ.

Въ Revue d. trad. populaires и въ послѣднее время въ Этнограф. Обозрѣніи (см. кн. XIX) стали появляться содержательныя библіографическія рецензіи г. В. на этнографическія русскія и западно-европейскія изслѣдованія. Изъ этихъ замѣтокъ видно, что г. Волковъ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ современнаго фольклора какъ въ русской, такъ и въ западной научной литературѣ.

Ѳ. Кондратовичъ.

За подписью г. Ѳ. Кондратовича въ Кіев. Старинѣ 1883 г. кн. 1, 2 и 4 напечатана обширная статья „*Задунайская Сѣчь* по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ.“ Авторъ пользовался преимущественно сообщеніями древняго старика Коломійца, который для г. К. оказался столь же обильнымъ источникомъ историческихъ воспоминаній, какимъ для г. Эварницкаго былъ другой обломокъ Запорожья—дѣдъ Россолода. Какъ во всякомъ устномъ преданіи, записанномъ со словъ, въ разсказахъ Коломійца оказывается болѣе этнографическихъ элементовъ, чѣмъ собственно историческихъ, и многіе его разсказы, имѣющіе по внѣшности видъ историческаго преданія, въ дѣйствительности оказываются литературными произведеніями, иногда свойственными многимъ народамъ эпическими мотивами. Это замѣчаніе не устраняетъ важнаго историческаго значенія статьи г. Кондратовича.. Историческія преданія и въ особенности сообщаемыя г. Кондратовичемъ съ народныхъ устъ историческія пѣсни, довольно многочисленныя, придаютъ двойное значеніе статьѣ, какъ цѣн-

ному пособію для исторіи и этнографіи въ ихъ взаимной живой связи. Вообще, этотъ трудъ г. К. обнаруживаетъ въ авторѣ большую наблюдательность и умѣнье разобраться въ этнографическомъ сырьѣ, и нельзя не пожалѣть, что прекрасная статья г. К. была мало замѣчена въ научной литературѣ.

Въ статьѣ подробно говорится о внутреннихъ порядкахъ Задунайской Сѣчи, напоминавшихъ запорожскіе порядки, и о жестокой борьбѣ задунайскихъ сѣчевиковъ съ сосѣдями ихъ некрасавцами. Въ разсказахъ Коломійца попадается любопытное указаніе на пребываніе запорожцевъ въ Банатѣ и нѣсколько любопытныхъ повѣрій—о попѣ волшебникѣ. Со словъ разныхъ лицъ записаны слѣдующія историческія пѣсни о запорожцахъ: 1) Позволь батьку атамане, 2) У славній Сичи, у Чути, 3) Ой тысяча симсотъ да девьяносто якъ и перваго года, 4) Ой чого, чого запорожци, 5) Ой, Боже жъ нашъ милостывый, 6) Ой повійте, витры, та все низовыи, 7) Ой, москалю, ой москалю, 8) Ой крикнула лебедочка изъ степу леттечи, 9) Ой наробылы та славни запорожци, 10) Закричала ластивонька, 11) Ой летила бомба, 12) Ходывъ, блудывъ молодой козакъ (великорусская, донская), 13) Ой у поли крыныченька, 14) Ой да Дунай ричка та широка, 15) Булы у насъ хлопцы (изъ сказокъ о глупыхъ людяхъ), 16) Ой у поли шелемъ-белетъ (отрывокъ). Лучшія пѣсни записаны со словъ Коломійца. Вообще, пѣсни эти могутъ пригодиться для будущаго изданія сборника малорусскихъ историческихъ пѣсенъ XVIII в., при многихъ другихъ пѣсняхъ этого времени, разбросанныхъ въ разныхъ малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ изданіяхъ.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

По пріѣздѣ въ Городище, я всѣми былъ радушно принятъ, и жизнь моя значительно улучшилась. Я сталъ священнодѣйствовать и отправлять христіанскія требы, за которыя получалъ копѣечные доходы, но на первыхъ порахъ я и этимъ довольствовался. Нужно было побывать у всѣхъ благородныхъ прихожанъ, что я исполнялъ по приказанію тестя, иногда одинъ, а иногда вмѣстѣ съ нимъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ я замѣчалъ радушіе, а въ другихъ холодность и даже нѣкоторую зависть, которая такъ и отзывалась въ словахъ: „отъ бы треба ще старому послужить, а то иде въ монастырь“. Конечно, я отвѣчалъ, что на то воля епархіальнаго начальства. Затѣмъ я сталъ совершенно привыкать къ новой должности пастырскаго служенія. Прошелъ мѣсяцъ, наступилъ и другой. Однажды въ половинѣ іюля, по приглашенію тестя, мы отправились въ гости, въ домъ Карпа Леонтьевича Адамовича и жены его Евдокіи. Они жили въ домѣ противъ церкви и славились преимущественно гостепріимствомъ и радушіемъ. Самъ хозяинъ курилъ въ винокурнѣ, затирая каждодневно пудовъ пятнадцать, слѣдовательно, въ водкѣ и перегоночныхъ спиртахъ у него недостатка не было, такъ что они ежедневно имѣли кругъ своихъ посѣтителей, начиная съ священника о. Іоанна Антоновича и тамошнихъ дво-

[1]) См. „Кіевск. Стар“. 1895 г., № 9.

рянъ. Въ послѣобѣденное время играли въ карты, но не на деньги, о чемъ и помысла не было. Главная игра былъ вистъ безъ перемѣшокъ, впослѣдствіи уже превратившаяся въ преферансъ, и всегда на мѣлокъ. Это уже по прибытіи въ отставку подполковника Козьмы Михайловича Сиротинца, спустя уже лѣтъ 8 послѣ моего священничества, тогда его домъ сталъ часто посѣщаться городскими дворянами. Но возвращаюсь назадъ. При посѣщеніи нами въ родѣ визита дома Карпа Леонтьевича, мы приняты были очень радушно и угощаемы найлучшимъ образомъ, и тутъ же Евдокія Ивановна Карпиха по согласію съ мужемъ подарила намъ корову на новое хозяйство, предоставивъ намъ право взять ее на другой день. Прошло часа два нашей бесѣды, и вдругъ съ почты приносится пакетъ за архіерейскою большою печатью на имя тестя. Въ пакетѣ находилось отношеніе архіерейскаго дома, въ коемъ предписывается тестю явиться въ архіерейскій домъ для поступленія въ число тамошней братіи и для очередного недѣльнаго служенія впредь до постриженія въ монахи. Тесть довольно смутился такою неожиданностью, но нужно было повиноваться. Закусивши, мы отправились домой. Съ сего дня тесть сдѣлался строптивъ, сестры же его, тетки покойницы, сдѣлались нестерпимо назойливы и нападали на меня, будто я причина такого вызова. Конечно, нужно было терпѣть и переносить. Онъ сталъ приготовляться къ выѣзду, призвалъ домохозяевъ, болѣе ему извѣстныхъ, угощалъ ихъ, наконецъ, предложилъ имъ взять въ закладъ для на четыре поля, т. к. онъ денегъ не имѣетъ, предложилъ купить кладовую и коня. Послѣднее я упросилъ продать мнѣ за назначенную имъ цѣну, съ тѣмъ, что половину денегъ я отдамъ при отъѣздѣ, а другую послѣ Покрова осенью, на что онъ согласился. Всего слѣдовало уплатить 40 руб. сейчасъ, да отъ козака Барабаша онъ получилъ 60 рубл. асс. Вскорѣ онъ и выѣхалъ. Года чрезъ два я на сіе поле отложилъ деньги, сталъ пользоваться сими заложенными нивами; братъ жены Павелъ почти ничего отъ меня не требовалъ. Онъ уже поступилъ въ богословы съ отличными успѣхами, получалъ пособіе и имѣлъ квартиру ,считаемую первою, въ домѣ Поддубычки, съ учениками

богатыхъ отцовъ, такъ что онъ жилъ съ комфортомъ, пилъ чай утромъ и вечеромъ. На это давались средства отъ родителей учениковъ, что въ тогдашнее время большая рѣдкость. Между тѣмъ и тетки увидѣли, что безъ помощи моей трудно имъ жить, лишившись таковой, и послѣ отъѣзда брата стали заискивать и добиваться моего расположенія. Я, по мягкости своего характера и вслѣдствіе доброты моей покойной жены, ни въ чемъ не отказывалъ, хотя и съ ущербомъ для себя. Тогда же я имъ сказалъ священный текстъ: „вы совѣщаете на мя злая, Богъ же совѣщаетъ во благое"... Жизнь моя улучшилась, т. к. я самъ сдѣлался хозяиномъ. Осенью я получилъ небольшіе доходы отъ свадебъ и за поминовенія и освященіе домовъ; такимъ образомъ я сталъ имѣть деньги для каждодневнаго обихода; о роскоши и помышленія нельзя было имѣть: чай былъ рѣдокъ, только для гостей или случайно, водки было много, но я почти не пилъ, наливки водилось довольно, потому что послѣ отъѣзда тестя оставалось боченковъ шесть, не менѣе, каждый ведра въ три, и болѣе ведра спирту, перегоннаго на разныя специи, который гораздо лучше нынѣшняго рому въ рубль и дороже.

Затѣмъ, наканунѣ Новаго Года Богъ насъ благословилъ первымъ чадомъ, дочкою Меланіею. Мы отпраздновали ея рожденіе и крещеніе съ подобающимъ торжествомъ и довольствомъ. Намъ сдѣлалось веселѣе отъ прибавки семьи. Затѣмъ дѣла пошли своею колеею. Нужно было послѣ крещенія отвозить лично въ сосницкое духовное правленіе метрическія книги, познакомиться съ членами духовнаго правленія, коихъ было три и писарь въ родѣ столоначальника, который игралъ главную роль, получалъ подачки за сдачу книгъ, а потому къ нему одному только являлись и его одного награждали; къ членамъ-же являлись только тѣ, которые были подъ слѣдствіемъ или судомъ. Однако, я всегда дѣлалъ визитъ своему сотоварищу по школѣ Федору Чернявскому, который въ общемъ присутствіи держалъ мою сторону. Впрочемъ я дѣлъ никакихъ не имѣлъ, а обыкновенно съ другими бывали такіе случаи, что повѣнчаютъ когонибудь противъ торжества или похоронятъ ранѣе трехъ дней и т. п.

Существованіе нѣсколькихъ духовныхъ правленій было совершенно излишне; лишняя также была и переписка: надо было представлять отчетъ и книги въ трехъ экземплярахъ: благочинному, правленію и консисторіи. Вскорѣ выбылъ изъ Епархіи преосвященный архіепископъ Лаврентій на покой во владимірскую губернію въ Переяславль Залѣсскій. На его мѣсто прибылъ преосвященный архіепископъ Владиміръ, гроза духовенства. Онъ не замедлилъ ознаменовать свое прибытіе грозными реформами: всѣмъ находящимся подъ судомъ онъ запрещалъ священнослуженіе, ношеніе рясы, рукоблагословеніе или низводилъ въ причетническія должности до окончанія слѣдствія, а оправданнымъ говорилъ: „было беречь себя", не смотря на жалобы обвинявшагося: „кто возвратитъ ему потерянную честь?" Затѣмъ потребовалъ послужные списки о причетникахъ, строго предписывая неупустительно прописать всѣ отмѣтки благочинныхъ. Онъ болѣе восьмидесяти душъ отослалъ въ губернское правленіе для отдачи въ военную службу. Причетниковъ, поступающихъ на открывшіяся вакансіи, онъ самъ экзаменовалъ, и рѣдко кому удавалось поступить вдругъ на просимое мѣсто, а то онъ большею частью оставлялъ въ монастыряхъ впредь до изученія причетническихъ предметовъ—чтенія, пѣнія и катехизиса. Когда это ему наскучило, онъ назначилъ экзаменаторовъ изъ городовыхъ священниковъ, по отмѣткамъ коихъ чинилъ резолюціи, удостаивающія просимаго мѣста. До него преосвященные сами не ревизовали епархіи, а онъ первый выѣхалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ для обозрѣнія епархіи. Съ нимъ сначала никого не было, впослѣдствіи же постоянно ѣздилъ съ нимъ архимандритъ Петръ Деленицкій, настоятель, впрочемъ жившій при немъ въ Троицкомъ Черниговскомъ монастырѣ. Все священство со страхомъ и трепетомъ ожидало сего прибытія. На его пути первымъ стоялъ сосницкій уѣздъ съ Городисскими церквами. Осмотрѣвши Синявскія церкви, онъ обѣдалъ у покойнаго отца Кирилла Бутовича, бывшаго тогда благочиннымъ. Здѣсь онъ спросилъ у священника Петра Прокоповича, имѣетъ ли онъ руги. При обѣихъ церквахъ имѣется пахотная земля, десятинъ пятьдесятъ, которая обращается на пользу церквей. Узнавъ объ этомъ, преосвященный

сказалъ: „Сей годъ сборъ съ оной слѣдуетъ на Покровскую церковь, а я по закону назначаю пользоваться тебѣ и причетникамъ, на что консисторія вышлетъ тебѣ указъ". Онъ потребовалъ отъ сопровождавшаго его келейника книжонку и отмѣтилъ. Когда онъ остановился у покойнаго свата о. Кирилла на отдыхъ и для обѣда, то къ нему собрались дворяне прихожане и начали просить преосвященнаго, чтобы земли на прежнемъ основаніи оставить за церквами, говоря, что ихъ священникъ Прокоповичъ очень богатъ, много пріобрѣлъ земли на приходѣ и ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Тогда преосвященный отвѣтилъ: „Служащіе чиновники, генералы, министры имѣютъ большія богатства, другіе могли бы поставить цѣлые полки и содержать ихъ, но они не лишаются жалованья по ихъ службѣ; отчего же священниковъ вы хотите лишить доходовъ отъ земли, когда правительство заботится, чтобы причты церквей были обезпечены содержаніемъ и имъ отведена ружная земля, а потому если вы обществомъ согласитесь отрѣзать ругу,—тогда земля возвратится на пользу церкви. Итакъ, я сказаннаго не отмѣняю". Такимъ образомъ о. Петръ по полученіи указа получилъ болѣе ста копъ свезеннаго хлѣба—ржи и на половину ярины. Послѣ обѣда, часа въ три, услышали мы колокола Синявской Троицкой церкви, что означало, что преосвященный выѣзжалъ изъ Синявки. Со страхомъ и трепетомъ мы приготовились встрѣчать. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Михайловскую церковь. Священникъ Іоаннъ Антоновичъ едва успѣлъ убѣжать въ церковь, весь въ мучной пыли: онъ ковалъ камень; мельница его была близъ самаго дома на крутой горѣ надъ рѣкою. Преосвященный замѣтилъ и спросилъ: „Что, ты мололъ?" Покойный Бутовичъ, почти смѣясь, сказалъ: „да, Ваше Высокопреосвященство, онъ самъ механикъ, самъ за нею смотритъ, а потому и выстроилъ близъ самаго дома, но свои обязанности по отношенію къ прихожанамъ исполняетъ строго". Преосвященный остался доволенъ. Не успѣли мы облачиться, какъ услышали колокола, означавшіе выѣздъ, а тутъ съ колокольчикомъ прискакалъ исправникъ, Яковъ Трофимовичъ Петровскій, грознѣе самого преосвященнаго, и закричалъ: „Скорѣе облачайтесь, а то вотъ засталъ попа только что не въ мельницѣ,

весь въ мучной пыли! Зажигайте свѣчи и ждите съ крестомъ и святою водой на паперти". Тутъ то прискакалъ и благочинный, а затѣмъ и карета остановилась близъ воротъ. Исправникъ и благочинный бросились къ каретѣ, и когда преосвященный взошелъ ближе къ церкви, мы воспѣли: „Днесь благодать Св. Духа". Преосвященный приложился къ кресту и омочилъ святою водою глаза, вытеръ руки полотенцемъ и велѣлъ мнѣ идти впередъ къ царскимъ вратамъ. Поставивши трость, онъ взошелъ въ алтарь, началъ смотрѣть антиминсъ и прочія напрестольныя принадлежности, а также жертвенникъ, просмотрѣлъ церковныя книги, собственно метрическія, исповѣдныя, приходо-расходныя; затѣмъ вышелъ изъ алтаря, благословилъ народъ. Когда я подошелъ къ благословенію, онъ спросилъ у меня: „что, у тебя причетники безстихарные?" Я отвѣчалъ: „напротивъ"... „Тогда онъ сердито спросилъ:„ зачѣмъ они у тебя безъ стихарей?" Я страшно оробѣлъ, но на выручку подоспѣлъ благочинный и сказалъ: „виноватъ, Ваше Высокопреосвященство, я забылъ сказать ему: онъ недавно поступившій на приходъ, но священникъ честный, трезвый, исполнительный, какъ по церкви, такъ и по приходу. Преосвященный смягчился и спросилъ у прихожанъ, коихъ довольно было въ церкви, довольны ли они своимъ священникомъ, и, когда они почти въ одинъ голосъ отвѣтили, что довольны, обратился почти съ рѣчью къ нимъ, что они должны почитать и уважать своего пастыря и давать матеріальныя средства къ поддержкѣ его самого и всей семьи. Здѣсь онъ много сказалъ объ ихъ обязанностяхъ, затѣмъ посмотрѣлъ на дьячка Климентія, виднаго и осанистаго, и спросилъ, сколько ему лѣтъ? Тотъ отвѣчалъ, что двадцать. Тогда преосвященный спросилъ у благочиннаго, какого онъ поведенія, и, получивъ похвальный отзывъ, сказалъ дьячку: „можешь проситься на діакона: въ городѣ я тебя посвящу". Затѣмъ, вышедши изъ церкви и стоя на паперти, онъ спросилъ: „это твой домикъ видать отсюда?" Благочинный отвѣтилъ: „да, это его домикъ, но живетъ онъ бѣдно, такъ какъ приходъ его бѣденъ."—„На что же двѣ церкви, и одной было бы достаточно„—замѣтилъ преосв. и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „если тебѣ плохо жить, можешь проситься на другой вакантный

приходъ". Затѣмъ мы проводили архіерея до кареты, и онъ отправился въ Березное. Исправникъ и благочинный отправились провожать его до Березнаго и оттоль скоро возвратились. Бутовичъ не былъ благочиннымъ, а исправляющимъ должность. Впослѣдствіи онъ былъ утвержденъ; обстоятельства-же его исправленія должности слѣдующія. Указомъ Черниг. Духовной Консисторіи дано знать тѣмъ уѣздамъ, гдѣ будетъ проѣзжать преосвященный для ревизіи церквей и причтовъ, чтобы быть въ готовности и исправности. Благочинному ВолосковскомуЛюбарскому пришла глупая мысль при оповѣщеніи приглашать священниковъ къ пожертвованію на пріемъ Его Преосвященства. Во время полученія таковаго предложенія у меня гостилъ дядя о. Тр. Есманскій; тутъ же былъ и дьячокъ Климентій. Прочитавши предложеніе, я не обратилъ на это особеннаго вниманія, но о. Трофимъ, попросивши клочекъ бумажки, попросилъ дьячка Климентія Ивановича переписать для себя это предложеніе, и причетникъ по простотѣ исполнилъ это, а я не обратилъ вниманія. Мы сѣли за столъ обѣдать. За это время Климентій успѣлъ переписать, а дядя, взявши, заложилъ за кафтанъ и вскорѣ послѣ обѣда отправился къ своему большому пріятелю Лукѣ Лукичу Харченку, гдѣ по его характеру онъ сильно бражничалъ, представляя изъ себя что-то въ родѣ паяца. Къ величайшему удовольствію Харченка онъ представилъ ему документъ благочиннаго Любарскаго. Харченко же имѣлъ противъ него непріязнь. Харченко былъ засѣдателемъ Волосковскаго участка, отъ каковой должности онъ былъ уволенъ за наказаніе розгами козака, занимавшаго какую-то должность при Волосковскомъ правленіи. Харченко же былъ избранъ почти вопреки моему желанію церковнымъ старостою, а т. к. отчетъ о выборѣ представляется благочинному, а отъ него Преосвященному на утвержденіе, то онъ, благочинный, въ рапортѣ и упомянулъ, что Харченко находится подъ судомъ. Преосвященный, не утверждая, сдалъ все дѣло на разсмотрѣніе въ консисторію. Это-то и побудило Харченка тотчасъ же отправиться въ Черниговъ и лично представиться преосвященному и предъявить вышеупомянутый документъ. Преосвященный страшно былъ возмущенъ подобною выходкой, тутъ же сдѣлалъ

распоряженіе отрѣшить немедленно отъ должности и запретить священнослуженіе Любарскому впредь до окончанія слѣдствія, а исправленіе должности поручить достойному кандидату, а протоіерею Рындовскому, тоже благочинному, отдалъ приказъ произвесть строгое слѣдствіе.

Это окончательно убило Любарскаго и разстроило его семейный бытъ. Жена его, видная, роскошная женщина, изъ рода Малевскихъ, нѣжинская поповна, сама ѣздила въ Черниговъ, валялась у ногъ преосвященнаго, и только при ходадатайствѣ архимандрита Петра, его сподручнаго служителя, разрѣшено ему богослуженіе. Однако жена не могла перенести такого несчастія, скоро впала въ меланхолію и отправилась къ праотцамъ. Дѣти воспитывались въ духѣ вольнаго аристократизма и тоже не пошли правильною дорогою. Одинъ изъ нихъ, Семенъ, отправился въ дальнюю Сибирь и возвратился оттуда уже въ бытность мою благочиннымъ, вѣроятно, въ 1845 г. Отецъ оставилъ безчисленные капиталы, но оказалось въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, что ничего нѣтъ: все было прожито безъ всякаго разсчета. Другой рано женился, служилъ въ казенной палатѣ близъ Чернигова въ селеніи Муравейкѣ. Жизнь вышла самая дурная. У него были дѣти, изъ которыхъ двое умерло, а одна изъ дочерей унаслѣдовала оставшееся имѣніе, вышедъ замужъ за поручика Гиртунга, полу-поляка, полу-русскаго, порядочнаго человѣка, съ которымъ и мать живетъ. Отецъ рано умеръ отъ чахотки, отъ неосторожной жизни. Третій сынъ Любарскаго, Григорій, оставилъ службу въ казенной палатѣ и поѣхалъ въ Крымъ, служилъ тамъ у откупщика Абазы, женился, составилъ состояніе, но не имѣетъ дѣтей. Онъ и теперь живъ. Однако, я далеко отступилъ отъ описанія моей жизни въ первоначальномъ священствѣ и теперь стану продолжать.—Еще до выбытія преосвященнаго Лаврентія тесть жилъ въ Троицкомъ архіерейскомъ монастырѣ, несъ очередное служеніе, почти 3-ю недѣлю каждаго мѣсяца. Мы посѣщали его съ покойной матерью вашей и дочерью Меланіей. Тесть очень былъ радъ. Мы снабдили его цѣлымъ ящикомъ муки, толченой рыбы—карасей, ко-

торыхъ тогда много водилось въ нашей рѣчкѣ и другихъ притонахъ. Почти каждый день приносили ее по полпуда, сейчасъ же чистили, сушили, а послѣ толкли въ муку. Если положить столовую ложку такой муки въ борщъ, то онъ дѣлается очень вкусный. Мы отвезли ему масла, яицъ и прочаго изъ хозяйства, о чемъ онъ даже писалъ. Онъ любилъ принимать гостей, и здѣсь, въ городѣ, нажилъ многихъ пріятелей, которые, приходя или пріѣзжая въ Тройцу, въ церковь, заходили къ нему изъ церкви, пили и закусывали. Ему прислуживали монастырскіе чернорабочіе, которые приносили ему дешевую водку и спиртъ изъ окружныхъ селъ. Такая водка называлась вольной, потому что въ городѣ былъ откупъ. За прислуживаніе онъ награждалъ ихъ, даря имъ сельскую одежду, которую мы должны были доставлять. У него даже заводились вечернія бесѣды, что было не по характеру эконому Миславскому, бывшему также Степановскому священнику, но въ монастырѣ не сошедшемуся съ покойнымъ тестемъ. Онъ даже велѣлъ преждевременно запирать браму, но служителя ухищрялись провожать гостей чрезъ другую черную браму, которую отворять и запирать они умѣли по ихъ искусству.

Сынъ тестя Павелъ былъ уже въ богословіи въ первый годъ. Онъ былъ изъ первыхъ учениковъ, очень добрый юноша, любившій свою сестру. Учась онъ часто посѣщалъ своего отца въ досужее время, во время каникулъ.—Тесть началъ жаловаться на нездоровье и, наконецъ, слегъ въ постель. Послѣ Преображенія братъ жены Павелъ прибылъ въ Городище и сказалъ, что батюшка велѣлъ пріѣхать мнѣ въ Черниговъ и забрать его въ домъ до выздоровленія. Какъ разъ на Успеніе послѣ литургіи я отправился въ Черниговъ, и на другой день рано утромъ мы выѣхали въ Городище. Разставаніе было слишкомъ горькое: въ глазахъ моихъ онъ поклонился почти до лица земли сотоварищу своему по службѣ, эконому протоіерею Миславскому, который отвѣтилъ видимою холодностію. Даже у меня полились слезы. Онъ предчувствовалъ, что не увидитъ больше монастыря, гдѣ жизнь его была такъ горька. Почти всю дорогу онъ бѣдный стоналъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Городище.

Онъ слегъ въ постель. Утромъ я поѣхалъ въ Синявку пригласить артиллерійскаго доктора Булгакова посѣтить больного. Онъ обѣщалъ пріѣхать черезъ часъ, что, дѣйствительно, и исполнилъ. Осмотрѣвши больного, онъ сказалъ, что пришлетъ изъ своей аптеки медикаменты, а вмѣстѣ съ тѣмъ фельдшера-костоправа, занимавшаго обѣ должности. Мы предложили ему два рубля сер., но онъ не взялъ; онъ велѣлъ поставить мушку на затылкѣ, а затѣмъ, когда я его провожалъ, онъ мнѣ по секрету объявилъ, что тесть по его слабому сложенію не перенесетъ этой болѣзни: у него сильная горячка. Дѣйствительно, онъ безпрерывно бредилъ въ полудремотномъ положеніи. Прибылъ фельдшеръ, поставилъ мушки, послѣ чего больной впалъ въ безсознательное состояніе, а ночью, наканунѣ 19-го числа, скончался. Мнѣ было много хлопотъ. Облачивши его по смерти въ священническія одежды, я надѣлъ на него боголѣпныя ризы, штофныя голубыя, собственно имъ справленныя изъ шубы покойной тещи. На меня покосились недобрые прихожане, но я имъ сказалъ: „его приношеніе пусть дотлѣваетъ на немъ; да онъ заслужилъ его примѣрною жизнью". Тотчасъ же я отправился въ Синявку къ дѣду, отцу Якову Левчаковскому, девятидесятилѣтнему старику, и его зятю, отцу Петру Проковичу, пригласивъ ихъ участвовать при погребеніи, а для чтенія Евангелія пригласилъ тамошняго діакона, который все время неотлучно находился и только послѣ погребенія получилъ отпускъ съ приличнымъ награжденіемъ. Могилу ему я вырылъ за алтаремъ близъ самой алтарной стѣны. Въ Синявкѣ я взялъ ведеръ пять горѣлки, т. к. это самый необходимый продуктъ для народа, присутствовавшаго при погребеніи и поминовеніи. На третій день, послѣ литургіи и отпѣтія въ церкви священническаго погребенія, очень длиннаго, въ присутствіи навзрыдъ плакавшаго народа, мы, священники и служители, вынесли на своихъ раменахъ, по недальнему разстоянію, гробъ, который и опустили въ приготовленную могилу. Послѣ краткой литіи мы отправились въ домъ на приготовленную богатую трапезу. Я ничего не жалѣлъ, чтобы удовольствовать всѣхъ, и Богъ мнѣ

помогалъ, т. к. я отъ многихъ получалъ неожиданную помощь. Народа полъ-села угощалось съ утра до вечера: никто не оставался ненакормленнымъ и ненапоеннымъ. Окончивши сію печальную процессію, нужно было привести многое въ порядокъ, разослать забранную у разныхъ лицъ посуду, потребовавшуюся на такое количество угощаемыхъ гостей. Въ настоящія времена это уже выводится, но тогда какъ-то было въ обычаѣ, чему много содѣйствовала дешевизна водки и всего прочаго съѣдобнаго. Деньги тогда были очень рѣдки и дороги, но все же безъ нихъ ничего нельзя было сдѣлать, но главное, что тогда обходилось въ десятки копѣекъ, теперь бы надо было оплачивать рублями.

По окончаніи всей этой катастрофы нужно было опять приниматься за хозяйство, теперь уже безконтрольное, но также нужно было отправить въ Черниговъ брата жены Павла, который почти ничего не требовалъ, забравши только вещи покойнаго, даже полуновую суконную рясу, которая для меня не представляла интереса. Ему оставался послѣдній годъ богословія, но онъ готовился въ кіевскую академію, въ которую послѣ окончанія и былъ посланъ. Знаменательно между прочимъ, что покойница не бывала въ Кіевѣ; но по прошествіи или въ теченіе другого года она непремѣнно настояла, чтобы побывать въ Кіевѣ и увидѣться съ братомъ, а такъ какъ, по заведенному обычаю, въ концѣ зеленой недѣли многое множество пилигримовъ отправляется въ Кіевъ, то она съ лучшею партіей домохозяевъ отправилась въ путешествіе. Впрочемъ, у нихъ было три конныхъ подводы, на которыхъ былъ сложенъ ихъ багажъ и необходимый прокормъ въ дорогѣ, но обычай требовалъ непремѣнно путешествія пѣшкомъ изъ угожденія Богу, кромѣ крайняго изнуренія или болѣзни. Въ Кіевѣ она насладилась видѣніемъ всего до того ею невидѣннаго, незнаемаго и невоображаемаго, бесѣдою съ братомъ и посѣщеніемъ всѣхъ монастырей. Не разъ въ оныхъ случалось, что она затеривалась отъ своей партіи и доводила оную до горкихъ слезъ при отыскиваніи. Она долго не могла забыть Кіева, всегда вспоминая съ благо-

говѣніемъ: вѣрно она чувствовала, что любимымъ ею горячо дѣтямъ придется быть жителями такъ полюбившагося ей города. Прибытіе изъ Кіева послѣ двухъ или болѣе недѣль отсутствія было для меня и дочки Меланіи радостнымъ. Вскорѣ наступила жатва. Я уже былъ полнымъ хозяиномъ, потому что я обзавелся плугомъ и самъ обрабатывалъ поля. Конечно, хлѣба было очень достаточно, такъ что пришлось продать пудовъ 250—300, но, главное, цѣна была малая: жито 10 коп. сер., овесъ — мѣра 6 и 7 коп., считая тогда на ассигнаціи. Нужно было умѣть жить. Конечно, о тѣхъ расходахъ, какіе ведутся въ нынѣшнее время, и мыслить нельзя было, да къ тому нужно было помогать въ академіи брату Павлу, рублей по сорока асс. въ годъ, что мы выполняли постоянно. Онъ много курилъ по тогдашнему Жуковъ табакъ, бывшій въ употребленіи у всѣхъ курившихъ. Недостатки во многомъ заставляли меня заняться школою и притомъ въ собственномъ домѣ, слѣдовательно и содержать дѣтей на свои средства, питать ихъ и покоить, что затруднительно было для покойной жены; и между тѣмъ отъ пяти до шести было мальчиковъ, да и приходящихъ столько же. Это продолжалось года четыре-пять; школъ тогда не было, но къ дьячку или пономарю ходило душъ по десяти поселянскихъ дѣтей. Начало привода дѣтей въ таковую школу было, по деревенскому обычаю, въ день пророка Наума, 1-го декабря, съ каковаго числа и начиналось ученіе церковной граматкѣ съ аза и продолжалось нѣсколько лѣтъ сряду, пока не выучатъ граматки, часловца и псалтыри, не будутъ умѣть читать на клиросѣ часы и посреди церкви каѳизмы. Болѣе же изучившіеся читали предъ Евангеліемъ Апостола, приспособляясь къ звуку и разстановкѣ словъ своего учителя дьячка. Это чрезвычайно радовало родителей, и они говорили: „уже и Апостола читае такъ, якъ и дьячокъ, и гарно пишетъ на папыри“. Тогда было въ обычаѣ года два писать на длинной ручной таблицѣ, покрытой черной краской и разлинеенной, сдѣланной изъ кленоваго или грушеваго дерева, и разведенными въ каламарѣ бѣлилами изъ крейды,

въ которыя, какъ нынѣ въ чернильницу, обмакивалось очиненное гусиное перо, и выводились буквы, сначала прописныя, большія, а послѣ, когда начнутъ уже хорошо выводить, писали малыми складами. Послѣ этого дьячокъ писалъ свою пропись, составленную чаще всего изъ словъ: „учитесь, дѣти, во младыя лѣта; когда пріидетъ старость, тогда будетъ радость“ и пр. и пр. Послѣ этого дьячокъ учитель объявлялъ батькамъ дѣтей, научившихся хорошо писать на таблицѣ, что пора переводить писать на папыри, что уже составляетъ расходъ на бумагу. Батьки съ охотою покупаютъ таковую. Переводъ на бумагу сопровождается угощеніемъ учителя въ собственномъ его домѣ, большою попойкою и объяденіемъ, что все доставляется родителями дѣтей, которыя переводятся писаками на бумагѣ. Папырь береглась въ то время, т. к. была дорога. Употреблялась бумага плохого качества, т. к. лучшая была недоступна для хлѣбопашцевъ, выручавшихъ деньги изъ продаваемыхъ продуктовъ немного, а нужно было подушное заплатить, вслѣдствіе чего тогда существовали страшныя недоимки податей, главнымъ образомъ отъ того, что богачи кулаки сами не платили, а увертывались, да къ тому же еще и собранныя деньги проматывали. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока правительство не установило лучшихъ порядковъ и сборщиковъ податей по записямъ ихъ какъ въ реестрѣ, такъ и въ книгу каждаго хозяина, уплатившаго причитающуюся съ него подать. Теперь изъ года въ годъ недоимокъ совершенно не бываетъ, т. к. въ противномъ случаѣ все это ложится на сборщиковъ податей.

Въ скоромъ времени намъ стало немного легче въ семействѣ, такъ какъ Павелъ окончилъ академію и былъ назначенъ въ Воронежъ, въ тамошнюю семинарію, профессоромъ. Онъ прибылъ домой, получивши прогонныя деньги до Воронежа. Здѣсь неподалеку былъ его сотоварищъ по академіи Сочава, туда же назначенный, и Виницкій; первый изъ черниговскаго уѣзда, а второй—изъ стародубскаго. Они всѣ съѣхались къ намъ въ Городище и изъ дома нашего отправились въ Воронежъ. Послѣ этого намъ уже не пришлось свидѣться съ братомъ, но пере-

писка, хотя изрѣдка, велась, что далѣе, то рѣже. — У насъ послѣ Меланіи родился сынъ Михаилъ, но жизнь его была кратковременная, послѣ чего Богъ насъ благословилъ рожденіемъ сына, нареченнаго Александромъ, благодатнымъ для насъ. Съ самаго малолѣтства онъ насъ радовалъ своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ. Мать, какъ и я, очень его любила и сама кормила немного болѣе года, въ чемъ она не отказывала и всѣмъ дѣтямъ, послѣ родившимся. Въ сіе время я уже почти оставилъ школу: у меня только и воспитывалось двое дѣтей сестры, Иванъ и Симеонъ, вслѣдствіе того, что она уѣхала къ мужу въ Польшу, гдѣ онъ вскорѣ былъ раненъ при взятіи Варшавы и умеръ дня черезъ три послѣ раны. Ему оторвало лѣвую руку. Это кажется было въ 1841 году. Она, добиваясь пенсіи, тамъ прожила около года. Но еще до выѣзда изъ Стольнаго, при проѣздѣ Императора Николая чрезъ Черниговъ къ границѣ Турціи, гдѣ тогда была война, она ходатайствовала о принятія ея дѣтей въ кадетскій корпусъ. Въ концѣ того года (было подано прошеніе въ концѣ мая мѣсяца) послѣдовалъ изъ губернаторской канцеляріи отзывъ на имя сестры о доставленіи дѣтей въ Александровскій пажескій корпусъ. Я отослалъ съ почтою при письмѣ отзывъ, а между тѣмъ написалъ письмо къ Антону Ѳеофилактовичу Бородухѣ, прося совѣта, какъ отослать дѣтей Савицкихъ и нельзя ли вытребовать прогонныхъ денегъ на доставку ихъ. Тогда я вскорѣ получилъ отвѣтъ сомнительный, чтобы дѣти Савицкой были приняты въ сей пансіонъ, куда помѣщаютъ своихъ дѣтей, почитая это за особое счастье, заслуженные генералы и полковники. Я поѣхалъ въ Черниговъ навести справки въ Губ. Канцеляріи и оттоль же послалъ письмо съ выданной мнѣ бумагой, на которое быстро получилъ отвѣтъ такого содержанія, чтобы я договорилъ сосѣда Гагая, чтобы онъ устроилъ кибитку на саняхъ, да немедлено доставилъ ихъ, иначе въ мартѣ мѣсяцѣ они за неявкою будутъ исключены. Я договорилъ его за 110 руб. асс., съ тою надеждою, что прогоны получатся на мѣстѣ. Оставалась недѣля до выѣзда, какъ по письму моему возвратилась сестра въ Стольное. Я передалъ ей пере-

писку, и она съ дѣтьми отправилась въ Черниговъ, оставивъ у меня сына Василія, а у сестры Анастасіи—дочку Надежду. Когда она прибыла въ Петербургъ и явилась къ Бородухину, то онъ на первый случай принялъ ее въ свою квартиру, отправился узнать, къ кому первоначально обратиться съ дѣтьми, отколь привезъ составленную докладную записку къ Великому Князю, начальнику корпуса, Михаилу Николаевичу. Въ назначенное время она отправилась съ дѣтьми во дворецъ его. Здѣсь дежурный офицеръ ввелъ ее съ дѣтьми въ пріемную комнату. Вскорѣ начали съѣзжаться генералы, вѣроятно, адъютанты, увѣшанные эксельбантами. И вотъ меньшій братъ, Семенъ, говоритъ старшему: „что это, братъ, имъ навѣшали, наче той бабѣ, что въ насъ покрала мотки нитокъ, да ей навѣшали и водили около нашего двора“. Проходящій успѣлъ разслышать, и, когда онъ вошелъ въ слѣдующую комнату, тамъ поднялся страшный хохотъ. Нѣсколько лицъ опять вышло изъ комнаты, и одно изъ нихъ, принявши докладную записку отъ матери и предложивши нѣсколько вопросовъ, отправилось съ запискою. Мать приказала дѣтямъ, когда выйдетъ Великій Князь, стать на колѣна и просить поцѣловать руку. Вскорѣ вышелъ Великій Князь. Когда онъ приступилъ къ дѣтямъ, они поднялись, бросились и поцѣловали руку. Тогда онъ спросилъ, какой они губерніи и уѣзда. Получивъ отвѣтъ, онъ сказалъ: „малороссы“—и спросилъ, гдѣ они учились? Они отвѣтили: „у дяди попа“. Далѣе онъ разспрашивалъ, какъ зовутъ и прозываютъ, гдѣ ихъ отецъ?“—„Кажуть, що на войни поляки убылы“—отвѣтили они на послѣдній вопросъ. Этими отвѣтами В. Князь остался, видимо, доволенъ, потому что велѣлъ накормить ихъ. Они отправились съ дежурнымъ въ назначенную комнату. Сестрѣ онъ сказалъ: „Пенсіонъ вашъ выйдетъ своимъ порядкомъ, а прогонныя деньги вы получите изъ здѣшняго казначейства. Вамъ дадутъ сейчасъ бланки. За полученіемъ же единовременнаго жалованія или пенсіи вамъ скажутъ куда обратиться. Вашихъ дѣтей дежурный сейчасъ же отвезетъ въ Царское Село въ назначенное имъ мѣсто“. И, дѣйствительно, они отправились вмѣстѣ съ офицеромъ въ каретѣ. Послѣ подачи

прошенія въ комитетъ раненныхъ она получила единовременное жалованье мужа и прожила въ Петербургѣ болѣе года, гдѣ успѣла похлопотать о принятіи дочери Надежды въ Патріотическій Институтъ, но она была потребована только чрезъ годъ послѣ пріѣзда сестры въ Стольное. Тогда она вторично отправилась съ нею въ Петербургъ и прожила тамъ два года.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПАМЯТИ П. П. ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО.

(род. 16 янв. 1790 г., ум. 1 окт. 1865 г.).

1-го октября исполняется 30 лѣтъ со дня смерти одного изъ видныхъ въ свое время представителей малорусской словесности, *П. П. Гулака-Артемовскаго.* Передавать общеизвѣстные факты изъ его біографіи нашему спеціальному журналу не приходится, а новыхъ фактовъ мы пока не имѣемъ никакихъ. Равнымъ образомъ, не будемъ мы давать никакого свода тѣхъ отзывовъ о его учено-литературной дѣятельности, которые читатель легко отыщетъ въ разныхъ печатныхъ сочиненіяхъ, а особенно въ книгахъ г. Петрова „Очерки Исторіи Украин. Литер. 19 вѣка“ и г. Дашкевича въ извѣстномъ его разборѣ этихъ „Очерковъ“ (Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова). Между тѣмъ, по поводу исполняющагося тридцатилѣтія со дня смерти этого человѣка, мы желали-бы что-нибудь посвятить его памяти, присоединившись такимъ образомъ, хоть въ скромной формѣ, къ тому болѣе торжественному чествованію этого дня, которое, какъ мы слышали, готовится въ Харьковѣ. Думаемъ мы, что наибольшимъ выраженіемъ дани нашего уваженія къ имени и дѣятельности П. П. Гулака-Артемовскаго будетъ опубликованіе въ печати имѣющагося у насъ маленькаго, но очень цѣннаго матеріала.

Намъ приходилось уже нѣсколько разъ упоминать [1]) о томъ, что М. А. Максимовъ въ началѣ 60-хъ годовъ задумалъ написать статью о малорусской словесности, въ видѣ полемики съ П. А. Кулишомъ, по поводу высказанныхъ имъ мнѣній о значеніи И. П. Котляревскаго, Г. Ф. Квитки-Основьяненка и др. въ дѣлѣ развитія новѣйшей малорусской литературы [2]). Статья эта закончена не была, а сохранилась только въ черновыхъ обрывкахъ, съ частію которыхъ, касавшеюся мнѣнія Максимовича о Котляревскомъ и Квиткѣ, мы и познакомили интересующихся этимъ вопросомъ. Теперь, при случаѣ, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ напечатать еще одинъ отрывокъ— о Гулакѣ-Артемовскомъ, гдѣ Максимовичъ, желая стать на защиту Котляревскаго, между прочимъ разбираетъ высказанное Кулишомъ въ предисловіи къ альманаху „Хата“мнѣніе о роли въ украинской словесности Гулака. Вотъ этотъ отрывокъ.

Представивъ Энеиду Котляревскаго первою неудачею Украинскаго слова, чуть не погибшаго отъ хохоту читателей, г. Кулишъ продолжаетъ: „такъ велыка жъ была въ ёму живая сыла, и заразъ (?!) вырятовавъ ёго иншій поэтъ, Гулакъ, напысавши тымъ-же складомъ, що й Котляревськый, невелычку поэмку *Панъ та Собака.* Засміялысь тогди иншимъ смихомъ панове земляки, може, трошки и на кутни... Воно бъ уже нибы й на ладъ навернулось було наше дило; колы-жъ судылось лыхій доли ще разъ перейты намъ дорогу въ-порожни! Пиддурылы пана Гулака, тогди ще молодыка молодого, де-яки людци лукави, лакеюватыи,—ударывъ объ землю да й розбывъ винъ свою бандуру. Замовклы голосныи струны; почавъ поэтъ нашъ языкомъ граты да й грае соби на здоровье ажъ доси, бо есть такіи люде, що й

---

[1]) См. къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго („Кіев. Стар.“ 1888 г., № 11) и Григорій Федор. Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики (Кіев. Стар. 1893 г., № 8).

[2]) См. Слово на новый выхидъ Квитчиныхъ повистей (СПБ. 1858) и предисловіе къ альманаху „Хата“ (СПБ. 1860 г.).

на то дило наймають. На свити потрибенъ и той, хто будуе, и той, хто руйнуе; чимъ-же потакачъ не робитныкъ?"... (XVIII стр.).

Мнѣ не извѣстна біографическая подробность, упоминаемая въ этомъ немилостивомъ приговорѣ Харьковскому поэту-профессору. Что же касается до аллегоріи о разбитой бандурѣ, то она родилась отъ недавней перемѣны во взглядѣ самого г. Кулиша; ибо не далѣе, какъ года за три, вотъ что сказано было въ его эпилогѣ [1]):

„Гулакъ-Артемовскій, составляющій переходъ къ нему (Квиткѣ) отъ Котляревскаго, написалъ нѣсколько *превосходныхъ* комическихъ и сатирическихъ стихотвореній, которыя мы знаемъ наизустъ „(стр. 245). Отъ чего-же нынѣ г. Кулишу послышался такой высокій строй въ первой сказкѣ Гулака, что всѣ остальныя его стихотворенія показались уже пустячною игрою языкомъ? Отъ чего нынѣ показалось ему, будто въ одной этой сказкѣ попало было на ладъ дѣло малороссійской словесности; а съ прочими стихотвореніями Гулака—лихая доля опять перешла ей дорогу порожнякомъ, также какъ и съ Энеидою Котляревскаго?... Возьмемъ задачу малороссійской словесности даже такъ, какъ опредѣляетъ ее г. Кулишъ, въ одномъ изъ послѣднихъ предисловій, напечатанныхъ въ его Хатѣ.

„Наша бо словеснисть тилько що молодыи паростки пускае, и нема для неи взору на всёму пысьменному свити. Іи задача—выпробувати свій смакъ на своихъ ридныхъ жерелахъ духовныхъ. Тимъ-то треба съ пыльною увагою дознаватысь, яка мысль, яке чувство ходытъ живымъ глаголомъ зъ двору до двору межъ селянами, яку одежину бере на себе и якъ звываеться по-мижъ щоденными невгамоваными злыгоднями и полохлывымъ счастемъ... „(стр. 96) Тутъ можетъ показаться невѣроятнымъ, что новая малороссійская словесность шестьдесятъ лѣтъ пускаетъ все еще только молодые паростки, и все еще только пробуетъ свой вкусъ на родныхъ источникахъ... Но нельзя же не признать однимъ изъ первыхъ рѣшеній этой безконечной задачи, напримѣръ, Гулакову піесу—„Солопій да Хивря, або горохъ при дорози". И въ нынѣшнее время не десять и не двадцать разъ можно услы-

[1]) Къ „Черной Радѣ".

шать отъ нашего селянина, что онъ живетъ *якъ горохъ при дорози*. Вотъ этотъ *живой глаголъ*, въ которомъ, какъ въ заплатаной, старой свиткѣ, тяжкая мысль и горькое чувство, ходятъ и не исходятъ по дворамъ Украины, Гулакъ давно олицетворилъ въ своемъ юморическомъ стихотвореніи. Оно можетъ показаться сегодня—*превосходнымъ*, завтра—пустозвоннымъ; но ужъ, конечно, нельзя не признать, что оно и по содержанію, и по выраженію своему—также *народно*, какъ и первая сказка Гулакова (Папъ да Собака), и его позднѣйшія двѣ Гораціанскія оды, въ самомъ дѣлѣ *превосходныя*.

Въ томъ же предисловіи г. Кулишъ говоритъ: „Переймати складъ речи треба намъ тильки въ свого народу, зъ найкращихъ истотъ его; вдыхаты въ себе поэтичню сылу треба намъ тильки зъ свижои натуры нашихъ селянъ. На томъ стоитъ сыла нашои словесности; съ того вона до вику вичнёго молодитыме...“ (стр. 97). Этотъ не новый у насъ способъ подновленія и освѣженія словесности г. Кулишъ доводитъ уже до крайней замкнутости ея въ кругу сельскаго простолюдья. Но кто же у насъ, какъ не Котляревскій и Гулакъ, поставили на томъ силу нашей словесности? Они первые перенимали складъ простонародной рѣчи, усвояли себѣ поэтическіе пріемы и выраженія нашихъ селянъ, и черезъ то дали совершенно *народный* характеръ своимъ произведеніямъ, въ которыхъ и состояла наша новая словесность въ продолженіе первыхъ 35-ти лѣтъ; ибо все остальное, что писано на малороссійскомъ языкѣ въ эти годы, (съ 1798 по 1833) оставляется на заднемъ планѣ, не исключая ни стихотвореній волынскаго пѣвца Падуры, ни нашихъ украинскихъ писателей меньшей руки—отъ комедій Гоголева отца (Василія Аѳанасьевича) до балладъ и басенъ Боровиковскаго. Но художественности не отрицаетъ и самъ г. Кулишъ у произведеній Котляревскаго и Гулака. Во взглядѣ по случаю оповиданій Вовчка, онъ говоритъ: „какъ начинатели новой литературы они далеко *художественнѣе* гремѣвшихъ въ свое время начинателей другихъ литературъ; а *главное*—они грѣлись у родного очага, вокругъ котораго сидятъ чумаки и пахари, ведя свои простыя, скажу по малороссійски, *щирыя* бесѣды; и

какъ-ни мало они написали, но все ими написанное говоритъ намъ о насъ, и говоритъ нашимъ, а не чужимъ складомъ рѣчи...“ (стр. 230). Да, они первые показали собою образецъ тѣхъ именно литературныхъ работъ и выполняли тѣ задачи нашей словесности, какія нынѣ задаетъ г. Кулишъ въ своихъ наставленіяхъ. О Котляревскомъ достовѣрно извѣстно мнѣ отъ старыхъ украинцевъ, что онъ нерѣдко, переодѣтый въ простолюдина, хаживалъ по шинкамъ и сельскимъ сборищамъ, чтобы изучать характерныя черты народа и его рѣчи. Отчего же въ Переднемъ Словѣ своемъ г. Кулишъ, изо всего написаннаго по-малороссійски въ первые 35 лѣтъ новой словесности, только въ одной Гулаковской сказкѣ *Панъ та собака* видитъ ея спасеніе, а во всемъ остальномъ—неудачу? Ясно, что тутъ въ виду уже не художественность, а самое содержаніе или предметъ. Но это уже чрезмѣрная прихотливость и стѣснительная требовательность. Гулакъ написалъ сперва превосходную сатиру на панство; потомъ онъ принимался за другіе предметы, и исполнилъ ихъ такъ-же удачно, особенно двѣ Гораціанскія оды. Значитъ ли это, что онъ разбилъ свою бандуру, послѣ первой сказки, и что его звонкія струны замолкли? Разумный ли былъ бы совѣтъ отъ его сверсниковъ, чтобы онъ, написавши удачную сатиру на панство, оставался все на томъ же предметѣ? „Вильно паниматци у своій хатци“ — говоритъ украинская пословица.

Зачѣмъ же стѣснять волю художника и всей словесности, какъ свободнаго художества, чтобы у нихъ въ предметѣ было то самое, на чемъ вертится нынѣ собственная мысль, въ нашей хатѣ?... Современная Котляревскому Малороссія не оскорбилась за комическое представленіе малороссіянъ въ его Энеидѣ; и донынѣ есть семидесятилѣтніе украинцы, и даже украинки, которые помнятъ наизустъ чуть не всѣ четыре части ея, и жалѣютъ только, что не удалось имъ прочесть пятой части, изданной въ позднѣйшее время. Г. Кулишъ, въ Переднемъ Словѣ, сравниваетъ и Котляревскаго и разсмѣшенную имъ Малороссію—съ толпою пьяныхъ бабъ, за то собственно, что они посмѣялись надъ комическимъ изображеніемъ украинскаго просто-

людья. Но они также посмѣялись въ Энеидѣ и надъ панствомъ старосвѣтской Украины, въ обычаяхъ которой не было еще такой разрозненности, какъ въ нынѣшнее время, между простолюдьемъ и панствомъ. Г. Кулишъ говоритъ, что едва не погибшее отъ того смѣха надъ Энеидою украинское слово заразъ выручилъ было Гулакъ своею сказкою... *Заразъ...* т. е. черезъ 18 лѣтъ! Но вспомнимъ, что около того времени Котляревскій написалъ свою малорусскую оперу *Наталку-Полтавку*, которая донынѣ любима въ Малороссіи, какъ и его Энеида, и въ которой затронуты тоже не однѣ смѣшливыя струны души. Въ своей пѣснѣ:

Віють витры, віють буйны—

онъ такъ вѣрно перенялъ выраженіе и складъ народныхъ дѣвическихъ пѣсенъ, и она давно стала пѣснею *народною.* Въ ней отозвалась вся любящая и тоскующая душа молодой украинки, явившаяся потомъ въ прекрасномъ образѣ Квиткиной Маруси. И такъ, новая малороссійская словесность вышла изъ рукъ своего первоначальника не съ однимъ смѣхомъ старокозацкаго юмора, но съ слезою любви дѣвической. Этою поэтическою слезою достаточно уже выкупается прежнее литературное преступленіе Котляревскаго противъ новыхъ законовъ эстетики Кулишовой.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Обрядовое постриженіе дѣтей. Обычай этотъ, упоминаемый еще въ лѣтописяхъ, до сихъ поръ бытуетъ на югѣ Россіи. Намъ удалось получить свѣдѣнія объ этомъ обрядѣ изъ губерній екатеринославской, полтавской, харьковской, херсонской, кіевской и подольской, и въ настоящей замѣткѣ мы предлагаемъ сводъ этихъ сообщеній.

По понятіямъ народа, до года стричь волосы «не годится» (Анновка, елисав. у.); если стричь раньше, то волосы дурно будутъ рости (Екатеринославъ); по словамъ другихъ — «до года ны стрижуть, шобъ голова не болила (Глодоссы, елисав. у.)».

Итакъ, въ настоящее время первое постриженіе волосъ совершается въ день первой годовщины ребенка. Обрядъ этотъ совершаютъ не только надъ мальчиками, но и надъ дѣвочками; въ большинствѣ случаевъ его совершаетъ крестный отецъ; въ нѣкоторыхъ же селахъ (Бѣлый Колодезь, волчанск. у.) мальчиковъ постригаетъ крестный отецъ, а дѣвочекъ—крестная мать; въ другихъ (Александровка, елисав. у.)—баба-пупоризка. На церемонію постриженія приглашаются и знакомые (Бѣлый Колодезь), при чемъ родители приготовляютъ обѣдъ и пекутъ пирогъ (Губовка, александрійск. у.); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ угощеніе, т. е. водку и закуску, приноситъ крестный отецъ (Антоновка, елисав. у.). При постриженіи ребенка обыкновенно сажаютъ на кожухъ, разостланный на лавѣ шерстью вверхъ; въ с. Великихъ Будищахъ полтавск. у. его разстилаетъ бабка; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на кожухъ сажаютъ только дѣвочекъ, «шобъ скоро косы росли», а мальчиковъ стригутъ на голой лавкѣ, «шобъ не скоро чубъ рисъ» (Глодоссы, елис. у.); иногда крестный отецъ кладетъ монету подъ кожухъ (Екатеринославъ) или бросаетъ ее на кожухъ; дѣлается это для того, «шобъ дитина була богата (В. Будищи полт. у.)».

Въ другихъ мѣстахъ, при постриженіи, ребенка ставятъ въ миску с водкой, «шобъ здоровъ бувъ на ноги» (Александровка, елисав. у. водку эту потомъ выпиваютъ (Губовка, александрійскаго у.). Волосы выстригаютъ обыкновенно пучками крестообразно—на лбу, на затылкѣ и на вискахъ (Екатеринославъ, В. Будищи), иногда, кромѣ того,—и на темени (Александровка, елисав. у.); иногда же выстригаютъ только одинъ пучокъ или же всѣ волосы съ половины головы (Бѣлый Колодезь). Остриженные волосы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пускаютъ по водѣ (звенигородскій у.), въ другихъ—залѣпливаютъ въ тѣсто и запекаютъ, потомъ даютъ ребенку разломать, при чемъ научаютъ его сказать: «погане!» и, наконецъ, пускаютъ на воду, «шобъ здорова голова була» (Александровка); въ третьихъ,—волоса, остриженные у дѣвочекъ, кладутъ подъ стрѣху, чтобы ворона не унесла, потому что тогда волосы не будутъ рости,—а волоса, остриженные у мальчиковъ, нарочно выбрасываютъ, чтобы не скоро росли (Новоархангельскъ). Кумовья дарятъ ребенку вещи и лакомства (Губовка, Новоархангельскъ). По окончаніи обряда пьютъ и закусываютъ, произнося соотвѣтствующія пожеланія, а именно, «щобъ головка кучерява була», «щобъ счаслыве було» и т. п. (Бѣлый Колодезь).

Обычай постриженія волосъ въ первую годовщину извѣстенъ не въ одной Малороссіи. Намъ передавали, что обрядъ этотъ совершается въ Курскѣ. Любопытно, что въ этотъ же періодъ жизни стригутъ въ первый разъ волосы ребенку и евреи (въ гор. Елисаветградѣ); остриженные волосы прячутъ [1]).

В. Ястребовъ.

Черниговскій коллегіумъ въ нач. XVIII в. Въ актахъ перв. полов. XVIII в. нерѣдко встрѣчается упоминаніе о «Черниговскихъ школахъ» (напр.—«бавился въ черниговскихъ школахъ»), но какія это были школы—объясненія мы не находили, пока не встрѣтили въ книгѣ Я. Чистовича (*Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи*, стр. XLIII) нижеприводимаго свѣдѣнія, относящагося къ

---

[1]) Считаемъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать искреннѣйшую благодарность всѣмъ лицамъ, любезно сообщившимъ намъ изложенныя выше свѣдѣнія, а именно: И. Я. Акинфіеву, М. К. Васильеву, Л. В. Падалкѣ, М. С. Крыжановской, Е. И. Борисову, А. Школѣ, Е. С. Буховецкой, Д. Воликовскому, Х. І. Самойлику, М. К. Крыжановскому, И. А. Иванову, С. А. Вейсенбергу, И. Н. Панащатенкѣ.

1728 г. и заключающаго въ себѣ донесеніе синоду, отъ мѣстнаго архіерея. Перепечатываемъ это любопытное свѣдѣніе, какъ находящееся въ книгѣ, въ которой его трудно предполагать. «Черниговскій коллегіумъ при катедральномъ монастырѣ открытъ былъ въ 1700 г. по риторику, а сколько было въ немъ учениковъ по сю пору (по 1727 г.) о томъ неизвѣстно, первѣе для того, что оныхъ нигдѣ не записывано; другое же, нельзя и записывати, понеже суть отходные люди, одни изъ другихъ училищъ приходятъ и отходятъ, и которіи кончатъ школу риторику въ училищѣхъ черниговскихъ, отходятъ въ Кіевъ или въ другія епархіи до вышнихъ школъ, и скончивши школы, нѣкоторые монашескій чинъ приняли отъ епархіи кіевской, а другіе въ черниговской, и нынѣ въ профессорствѣ зостаютъ, а другіе проповѣдью слова Божія бавятся, а иные произведены до игуменъ и другія достоинства, а которіи въ свѣтскомъ стану, иные священниками поставлены, а другіе на мирскихъ властяхъ зостаютъ. Пропитаніе же оные ученики имѣютъ, которіи господскіе дѣти, тѣ отъ своихъ домовъ питаются, а неимущимъ своего пропитанія, по силѣ духовнаго регламента съ начала 1723 года съ монастырей и земель церковныхъ дается пропитаніе и на прочія нужныя требованія повсягодніе, сколько имъ контентными быть возможно. Число же тѣхъ учениковъ въ школахъ черниговскихъ сего 1728 года обрѣтается на лицо всѣхъ господскихъ дѣтей и нищихъ (нищетныхъ?) 257, а по окончаніи года, будетъ ли столько или ни, знати не мощно».

А. Л.

Оспопрививаніе до Дженнера и лѣченіе ртутью въ Старой Малороссіи. Честь открытія прививки коровьей оспы, какъ извѣстно, принадлежитъ Дженнеру, опубликовавшему сочиненіе объ оспопрививаніи въ 1796 году.

Но тотъ фактъ, что оспу можно привить искусственно, для ослабленія шансовъ заболѣванія натуральной оспой или, по крайней мѣрѣ, для облегченія теченія болѣзни при заболѣваніи ею, былъ извѣстенъ еще въ древности многимъ восточнымъ народамъ—индусамъ, арабамъ, китайцамъ и персамъ. Вѣроятно, съ востока-же оспопрививаніе проникло и въ Малороссію, гдѣ оно практиковалось простонародьемъ еще въ то время, когда на западѣ Европы къ оспопри-

виванію относились съ большою подозрительностью, можетъ быть, даже и не слышали о немъ.

Свидѣтельство о давнемъ существованіи оспопрививанія въ Малороссіи сохранилъ намъ извѣстный ученый и путешественникъ Екатерининскаго царствованія—*Гмелинъ*.

Такъ какъ книга Гмелина, заглавіе которой мы выписываемъ въ примѣчаніи [1]), теперь—библіографическая рѣдкость, то на насъ вѣроятно не посѣтуютъ за приведеніе этого свидѣтельства полностію:

«Въ Малороссіи уже давно есть обыкновеніе прививать малымъ ребятамъ оспу, о чемъ навѣдался я въ Острогожскѣ отъ многихъ людей, кои очевидными при томъ были свидѣтелями. Купивъ, или скрытнымъ образомъ взявъ хорошей оспы, привязываютъ ее матери дѣтямъ своимъ къ разнымъ частямъ тѣла и оставляютъ ихъ такъ до тѣхъ поръ, пока не усмотрятъ въ нихъ жару, который какъ скоро окажется, то и повязку отнимаютъ. А чтобы оспа высыпала, то дѣлаютъ они посредствомъ сыраго и варенаго меду, не употребляя при томъ ничего другаго. Дѣти, коимъ привита оспа, ходятъ на вольномъ воздухѣ, ѣдятъ и пьютъ, такъ какъ бы они были совсѣмъ здоровы. У иныхъ хотя оспа и привита, однако не высыпаетъ; другіе умираютъ, а по большей части пробываютъ въ сей произведенной искусствомъ болѣзни совсѣмъ здоровы. Къ особливому служитъ для путешествующаго увеселенію навѣдываться о такихъ обстоятельствахъ, кои могутъ обратить къ себѣ вниманіе публики. Какъ я въ другой разъ былъ въ Острогожскѣ, то нашелъ семидесятилѣтнюю старуху, которая, узнавъ, о чемъ я говорилъ, разсказывала мнѣ, что она за годъ передъ тѣмъ прививала внучкѣ своей оспу, такъ какъ и ей самой нѣкогда привита она была отъ матери.

Не ясно-ли же видно изъ сего, что прививаніе оспы въ нѣкоторыхъ россійскихъ провинціяхъ гораздо прежде, нежели въ другихъ мѣстахъ извѣстно, хотя въ самой Россіи и ничего о томъ не знали?».

Изъ старыхъ народныхъ средствъ, нашедшихъ широкое примѣненіе и въ научной медицинѣ, Гмелинъ упоминаетъ еще о практиковавшемся у малороссовъ лѣченіи ртутью венерическихъ болѣзней.

[1]) Самуила Георга Гмелина, доктора врачебной науки, Императорской академіи наукъ, Лондонскаго, Гарлемскаго и Вольнаго Экономическаго обществъ члена Путешествіе по Россіи, для изслѣдованія трехъ царствъ естества. Переведено съ нѣмецкаго. Часть первая. Путешествіе изъ Санктпетербурга до Черкаска, главнаго города донскихъ козаковъ въ 1768 и 1769 годахъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской академіи наукъ 1771 года. (Стр. 140—143).

«Французская болѣзнь, какъ въ Острогожскѣ, такъ и во всей Малороссіи, весьма извѣстна и сильно вкоренилась и достается, такъ сказать, по наслѣдству дѣтямъ отъ родителей. Кто мнѣнія почитаетъ за настоящую истину, тотъ можетъ легко себѣ представить, что сія болѣзнь произошла съ востока, понеже и сибирскія извѣстія согласны съ моими. Многіе не пользуются отъ сей заразы ничѣмъ; и для сей то самой причины безъ сомнѣнія она и усиливается. Другую причину полагаю я въ обыкновеніи, по которому во всей Россіи съ женами совокупляются въ натопленныхъ весьма жарко баняхъ. Иные употребляютъ отъ того отваренный напитокъ изъ сассапариллы и китайскаго корня: но сіе лѣкарство не можетъ назваться главнымъ: ибо они кромѣ его и другія употребляютъ. Меркурій уже изъ давнихъ временъ почитается здѣсь общимъ отъ всѣхъ болѣзней лѣкарствомъ. Взявъ одинъ его золотникъ, разводятъ въ трехъ фунтахъ водки, и больной принимаетъ каждое утро около половины унціи сего состава. Наблюдающіе въ пріемѣ мѣру видятъ отъ того очевидную себѣ помощь; и я самъ имѣлъ разговоръ со многими французскою нечистью страдавшими, и онымъ отважнымъ средствомъ совершенно излѣчившимися людьми. Другіе напротивъ того, кои поступая неосторожно съ симъ лѣкарствомъ, въ весьма великомъ количествѣ его принимали, чувствовали во внутренностяхъ своихъ неизбѣжное дѣйствіе насильственнаго яда, и за неосторожность свою наказаны были отъ части смертію. Находятся и такіе, кои имѣя худую совѣсть, употребляютъ его для своего предохраненія, хотя они и не заражены въ самомъ дѣлѣ прилипчивою сею нечистью. И такъ употребленіе меркурія, которое показалъ г. Баронъ *Свитенъ*, и чѣмъ онъ снискалъ великую себѣ честь, совсѣмъ не ново. И можетъ легко статься, что польза его извѣстна въ Польшѣ и въ Венгріи, чрезъ которыя земли можетъ быть о томъ и въ Вѣнѣ спознали. По крайней мѣрѣ малороссійскіе старики (о прочемъ я уже не говорю) увѣряютъ, что предки ихъ знали о меркуріѣ, употребленіе котораго они отъ нихъ и переняли. Безспорно, что многія лѣкарства, почитаемыя нынѣ за новыя, были и прежъ сего уже извѣстны»...

Л. С.

„Плачъ на бѣдствія украинскія"—старинное еврейское стихотвореніе. Въ виду того интереса, какой могутъ представлять даже мелкіе факты, освѣщающіе моментъ *уманской рѣзни*, мы печа-

таемъ сообщенное намъ і. *Затуловскимъ* въ переводѣ на русскій языкъ одно жаргонное стихотвореніе подъ заглавіемъ «Плачъ на бѣдствія украинскія». Имя автора неизвѣстно, но видно, что онъ жилъ во время самой рѣзни. Литературныхъ достоинствъ въ этомъ «Плачѣ» очень мало: стихотвореніе составлено совсѣмъ безъ размѣра и вообще малограмотно. Еще въ 40-ые годы, по увѣреніямъ старожиловъ, оно пѣлось многими евреями, а дѣти, возвращаясь изъ хедера (школы), распѣвали его хоромъ; теперь оно окончательно позабыто. Найдено оно въ рукописномъ видѣ.

Стихи идутъ въ двойномъ алфавитномъ порядкѣ, т. е. каждой буквой алфавита начинаются два послѣдовательныхъ стиха.

Отче небесный! какъ могъ Ты взирать,
Чтобы евреи украинскіе претерпѣвали столь большія бѣдствія?
        Отвергни отъ насъ большія бѣдствія отъ гайдамаковъ!
        Балтскихъ евреевъ нечестивецъ Сила топилъ, крошилъ и рубилъ.
Бѣдствія столь тяжкія гдѣ слыханы въ мірѣ?
Гонта умерщвлялъ маленькихъ дѣтей, а затѣмъ и деньги грабилъ.
Еврейская кровь лилась ручьями.
Драждевскіе евреи претерпѣли еще болѣе Балтскихъ.
        Сильную рѣзню гайдамаки производили во многихъ городахъ.
        Уманскихъ и Гайсинскихъ евреевъ они истребили до одного.
Маленькихъ дѣтей они тоже кололи и жгли.
Женщинъ связывали и живымъ имъ животы распарывали.
        Большой гнѣвъ обрушился на Жаботынскихъ евреевъ:
        Иливнякъ [1]) ихъ раньше грабилъ, затѣмъ всѣхъ погубилъ.
Правда, и раньше когда-то гнѣвъ великій былъ пролитъ,
Но бѣдствія Хмѣльницкаго противъ нынѣшнихъ—ничто.
        Нашихъ дѣтей гайдамаки зарѣзывали и купались въ крови ихъ.
        Бѣдствіе Тульчинское противъ Тетіевскаго—ничто.
Боже! какъ ты могъ позволить,
Чтобъ каждый еврей своими руками зарѣзалъ свою жену и дѣтей? [2])

---

[1]) Повидимому, здѣсь описка, и слѣдуетъ читать *Желѣзнякъ*, такъ какъ по алфавитному порядку этотъ стихъ долженъ начинатся съ буквы „Ж“.

[2]) Въ письмѣ изъ Константина также разсказывается: въ городахъ Тетіевѣ Липовцѣ и Погребищѣ убиты евреи многими тысячами; нѣкоторые измѣнили своей вѣрѣ и должны были зарѣзать на глазахъ изверговъ жену и дѣтей своихъ въ доказательство искренняго перехода въ христіанство, но затѣмъ все-таки ихъ самихъ убивали.

Собрались всѣ въ синагогахъ и самихъ себя убивали.
Понуждали къ этому невѣсты своихъ жениховъ и жены своихъ мужей.
Начали гайдамаки съ евреевъ Лисянскихъ и Тетіевскихъ,
Ладыженскихъ и Липовецкихъ они затѣмъ уже убивали.
Враги наши понуждали насъ принять ихъ вѣру,
Мераховскихъ евреевъ они пытали огнемъ, пока тѣ не принимали крещеніе,
Женъ нашихъ всегда понуждали къ разврату.
Затѣмъ распарывали имъ животы и живыхъ кошекъ въ животъ зашивали [1]),
Мы совратились съ твоего добраго пути, не обвиняй насъ!
Смѣлянскіе, Савранскіе евреи всѣ погибли ради освященія твоего имени [2]).
По поводу бѣдствія Хмельницкаго учредили постъ 20-го Сивана,
По поводу Гонтовскихъ бѣдствій слѣдовало-бы учредить еженедѣльные посты: есть гораздо больше о чемъ плакать,
Ручьи слезъ текутъ изъ моихъ глазъ.
Погребищенскихъ евреевъ Гайдамаки топили въ колодцахъ.
Праведенъ Ты, Господи! Что творишь, должны мы считать правымъ.
Чекинскіе (?) евреи взяты въ рабство и проданы.
Взывали мы къ тебѣ въ нашемъ горѣ: Услышь!
Красненскіе, Константиновскіе и Калюскіе евреи избиты ради освященія твоего имени
Владыка міра! какъ могъ ты взирать?
Райгородскіе евреи зарѣзали сами другъ друга.
Господи! Внемли нашему воплю.
Шаргородскаго дюка Браницкаго благослови: онъ за насъ вступился.
Да предстануть предъ тобой злодѣянія Гайдамаковъ, Владыка Міра!
Помогай и спаси тѣхъ, кто за насъ вступился—Аминь!

Изъ Помянника Кіево-Софійскаго Собора. Помянникъ этотъ, подобно другимъ кіевскимъ помянникамъ (Печерской Лавры и Михайловскаго монастыря), относится къ болѣе или менѣе отдаленному

---

[1]) Жестокость распарывать животы у беременныхъ женщинъ, вынимать изъ утробы ребенка и на его мѣсто зашивать живую кошку практиковали гайдамаки во многихъ мѣстностяхъ, какъ сообщается въ книгѣ г. Литинскаго на евр. языкѣ „Лейкойросъ гайгудимъ беподоліи".

[2]) Умереть ради освященія имени Божія (по евр „Кидушъ Гашеймъ") значитъ: умереть, но не принять другой вѣры.

времени; только полное изслѣдованіе и изданіе его могло бы опредѣлить точно время его начала, конецъ же ему, судя по почерку, былъ сдѣланъ или въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, или въ первые истекающаго; въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ въ него заносились очень часто имена семей лицъ, игравшихъ видную роль въ исторіи Малороссіи; записи такія важны потому, что составъ этихъ семей не всегда можетъ быть возстановленъ вполнѣ, такъ какъ имена не всѣхъ членовъ ихъ попадали въ тѣ или другія письменные памятники, какіе до сихъ поръ изданы; помянники, такимъ образомъ, хотя отчасти, восполняютъ указанный пробѣлъ; даже не сообщая, къ сожалѣнію, ни малѣйшихъ біографическихъ подробностей о перечисляемыхъ именахъ, они могутъ облегчить до нѣкоторой степени изслѣдователю трудъ возстановленія полноты родовъ, если въ помощь къ помяннику будутъ найдены и документальныя данныя. Въ виду этого мы и предлагаемъ ниже немногія извлеченія изъ вышеупомянутаго помянника, опуская имена іерарховъ и великихъ князей.

„Упокой Господи души усопшихъ рабъ твоихъ во царствіи твоемъ:

Родъ гетмана Юрія Хмельницкаго.	Михаила, Зиновія, Тимофея, младенца Григорія.
Родъ гетмана Іоакима Сомка	Іоакима; убіенныхъ: Аѳанасія, Ананіи.
Родъ гетмана Іоанна Золотаренка.	Іоанна, Василія, Тимофея, Павла.
Родъ гетмана Іоанна Самойловича.	Іоанна, Самуила, боярыни Пелагіи, Симеона.
Рода гетмана Іоанна Скоропадскаго.	Іоанна, Анастасіи, Анны, Андрея.
Родъ гетмана Даніила Апостола.	Павла, Іульяніи.
Родъ Петра Ивановича (въ оглавленіи Помянника пояснено: Калнишa).	Іоанна, Андрея, Параскевы, Агафіи, Андрея, Павла, Марка, Василія.
Родъ Даніила Потоцкаго, войта Кіевскаго.	Даніила, Андрея, Акилины, Петра, Агриппины, Кирилла, Симеона, Маріи, Іоанна.
Родъ Мехедихи, войтихи Кіевской.	Зиновіи, Іліи.

Изъ перечисленныхъ родовъ болѣе интереса имѣетъ первый. Запись показываетъ, что родъ Хмельницкаго не былъ древнимъ, если только поминающій не игнорировалъ своихъ бѣдныхъ предковъ, стоявшихъ среди рядоваго козачества, что освободитель Малороссіи имѣлъ одно церковное имя Зиновія, а Богданъ было его свѣтскимъ, не церковнымъ именемъ, если не эпитетомъ. Младенецъ Григорій, по всей вѣроятности, сынъ Тимофея Хмельницкаго, умершій въ раннемъ дѣтствѣ. Нельзя не пожалѣть, что въ помянникѣ рода Хмельницкаго не вписаны женскія имена и мы лишены тѣмъ возможности знать составъ семьи Хмельницкаго съ этой стороны.

Для пополненія списка кіевскихъ войтовъ, въ которомъ много пробѣловъ, любопытна запись именъ „кіевской войтихи Мехедихи“.

И. Каманинъ.

Склепы въ Великой Лаврской церкви. Въ январѣ 1797 г. въ Кіево-Печерской Лаврѣ происходили похороны графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. При изготовленіи для него могилы въ Великой Лаврской церкви былъ составленъ протоколъ (онъ хранится въ библіотекѣ Лавры, въ связкѣ ставленныхъ грамотъ), который мы и предлагаемъ ниже:

1797 года, мѣсяца генваря 4-го дня, по полудни, въ 6-мъ часу, въ большой Печерской церкви, за лѣвымъ клиросомъ отъ придѣлу святого архидіакона Стефана, старый погребъ, или склепъ, длиною въ четыре аршина, начиная отъ арки за крилосомъ, а шириною въ три аршина съ половиной, въ которомъ погребены тѣла: 1683 года печерскаго архимандрита *Иннокентія Гизіеля* и 1708 года преосвященнаго митрополита Кіевскаго *Варлаама Ясинскаго*, а сего текущаго 1797 года мѣсяца генваря 8-го дня положено тѣло фельтмаршала россійскаго графа *Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго*. Входъ сего погреба закритъ 15-го числа того же мѣсяца желѣзными штабами и желѣзною рѣшеткою, на коей положенъ одинъ рядъ сухого кирпича, а другой рядъ съ известью и потомъ известью залито; на верхъ заливки насыпано пескомъ и положена чугунная посадка.

1797 году, генваря 6-го дня, по полудни, въ десятомъ часу, погребены внутренніе части тѣла покойнаго фельтмаршала графа *Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго;* при погребеніи коемъ

находился съ довѣріемъ отъ господина генералъ-поручика и кавалера Степана Степановича Апраксина маіоръ Александръ Татариновъ.

1797 года, генваря 13 дня, послѣ полудни въ 7 часу, въ Большой Печерской церкви, при правомъ крилосѣ, у настоятельскаго мѣста открытъ погребъ или склепъ, въ которомъ сыскано четыре долбленые гроба съ истлѣвшими тѣлами, безъ всякихъ надписей; примѣчать можно, что одна чія-то погребена тамъ фамилія; сыскано тутъ же двѣ, на гробахъ поставленныя, простыя, съ замками и ключами, скрини, пустыя, безъ всякой поклажи; входъ сего склепу загражденъ 16 числа того же генваря каменною доскою и кирпичемъ, послѣ пескомъ насыпанъ и посадкою чугунною загражденъ.

Къ сожалѣнію, въ протоколѣ не сказано, съ какою цѣлію производилось вскрытіе склепа 13-го января; несомнѣнно, погребеніе у настоятельскаго мѣста было совершено въ отдаленное время, которое однако трудно опредѣлить вслѣдствіе краткости протокола.

И. Каманинъ.

Борисоглѣбская школа. Вопросъ о количествѣ низшихъ школъ въ Кіевѣ въ прошлые вѣка очень любопытенъ и важенъ, но упоминаній о нихъ мы нигдѣ не находимъ. Указаніе на существованіе школы при Борисо-Глѣбской церкви мы случайно встрѣтили въ стихотвореніи одного изъ ея учениковъ; въ этомъ стихотвореніи авторъ, подписавшійся «*Нижайшій съ школы Борисоглѣбской*» выражаетъ «ясно въ Бози высокопреподобнѣйшему господину отцу Зосимѣ, Кіево-Печерскія лавры архимандриту, все покорное прошеніе» о милостынѣ; стихотвореніе написано довольно складно красивымъ кіевскимъ почеркомъ на плотной бѣлой бумагѣ и хранится въ связкѣ ставленныхъ грамотъ въ библіотекѣ Лавры; оно должно относиться къ 176... годамъ, когда Зосима Вольневичъ былъ Кіево-печерскимъ архимандритомъ.

И. Каманинъ.

Рабочія пѣсни лубенскаго уѣзда, полтавской губерніи, собранныя въ 1890—93 гг. Производство табака въ лубенскомъ уѣздѣ сопровождается извѣстными юридическими и экономическими обыкновеніями и рядомъ пѣсенъ, распѣваемыхъ работницами въ періодъ

найма. Самый наемъ по народнымъ понятіямъ долженъ быть совершенъ непремѣнно въ избѣ нанимающагося. Тотчасъ послѣ крещенія, сюда являются: панъ, паничъ, управляющій, или приказчикъ, съ табачникомъ [1]), и договариваются какъ съ работницей [2]), такъ и съ ея родителями. Наемъ считается совершеннымъ съ принятіемъ задатка отъ 2 до 6 руб., или части его въ размѣрѣ 1 руб., работницей. Принятія задатка достаточно для дѣйствительности договора, особенно если послѣдній заключается въ своемъ, или ближайшемъ селѣ. Въ отдаленныхъ отъ мѣста исполненія договора селеніяхъ дѣвушекъ приглашаютъ еще въ мѣстное волостное, или сельское управленіе, гдѣ оформляютъ договоръ и добавляютъ задатокъ, если раньше онъ былъ выданъ въ неполномъ размѣрѣ. Таковъ общепринятый способъ совершенія договора, но бываетъ и другой: дѣвушка, раньше служившая въ извѣстной экономіи, дѣлается «ватажкомъ», т. е. набираетъ для этой экономіи своихъ подругъ, за что получаетъ отъ хозяина лишнюю награду. Существенныя принадлежности личнаго найма: срокъ [3]) договора и цѣна нормированы обычаемъ—первый, начинаясь съ 25 марта, оканчивается 14-го, или 21-го ноября («съ Благовищання до Пущання, або до Ведення»), вторая доходитъ съ 26 до 30 руб. и чернаго шерстянаго платка, цѣной въ 1 руб. [4]). Кромѣ этого платка, работницы одаряются еще другимъ платкомъ, матеріей на корсетъ, запаской, рушникомъ, или намистомъ. Дальнѣйшая заработная плата выдается рабочимъ къ мѣстнымъ ярмаркамъ: троицкой, спасской и покровской, по 5 руб. на каждую, остатокъ—при окончаніи найма.

Явившись послѣ Благовѣщенья, рабочіе прежде всего очищаютъ къ празднику экономическую усадьбу, дворъ и садъ, засорившіеся зимой, затѣмъ отчасти продолжаютъ заниматься работами посторонними табаководству: мажутъ, чистятъ зерно, прядутъ и шьютъ, главнымъ же образомъ налаживаютъ весь строй табачнаго производства

---

[1]) Табачникъ — главный распорядитель производства, отъ его искусства и энергіи зависитъ успѣхъ предпріятія.

[2]) На плантаціяхъ примѣняется почти исключительно женскій трудъ.

[3]) Отсюда и самое названіе времени найма работницъ и пѣсенъ: строкъ, строкова, строкивьски, або табашни, писни.

[4]) Цѣна мальчику на тотъ же срокъ 28—30 руб. и поясъ, мужчинѣ (косарю) 40—50 руб. съ Тройцы по 15 октября, или по 7 руб. въ мѣсяцъ за 4 мѣсяца. Эти цѣны не зависятъ отъ колебанія цѣнъ на табакъ, или отъ количества рабочихъ рукъ на рынкѣ (замѣчаніе Г. Вороного въ брошюрѣ: о причин. таб. кризиса. Кіевъ 91 г., стр. 121, о паденіи заработной платы, въ луб. уѣздѣ—не подтверждается).

такъ, чтобы впослѣдствіи въ горячую рабочую пору не было ни за чѣмъ остановки; мужчины и мальчики поправляютъ рвы и плетни, рубятъ и устанавливаютъ жерди (рештованиня) и хворостины (глыци) для развѣски созрѣвшаго табака, а дѣвушки сшиваютъ мѣшки и рядна. Съ первыми теплыми днями сѣютъ табакъ на плантаціяхъ [1]), а когда онъ взойдетъ, то полютъ и очищаютъ посѣвъ отъ комьевъ земли такъ, чтобы ряды взошедшаго табака лежали ровными, зелеными нитями. Густые ряды табака прорываютъ для того, чтобы отдѣльныя растенія могли разростаться привольнѣе во всѣ стороны; а пустыя мѣста засаживаютъ вновь табакомъ. Когда табакъ подростетъ, то въ корнѣ подщипываютъ верхніе и нижніе листья, оставляя всего 5—6 и скидывая вершокъ. Ряды и промежутки между ними очищаютъ отъ сорныхъ травъ мотыками (сапуютъ), а въ іюлѣ,—съ стеблей обрываютъ желтые цвѣты, уничтожающіе крѣпость табака (пасынкуютъ). Въ началѣ августа табакъ рубятъ, сначала выбирая созрѣвшіе корни, затѣмъ идетъ сплошная рубка. Срубленный табакъ нанизываютъ корнями на тонкія хворостины и развѣшиваютъ въ сараяхъ на жердяхъ, а когда онъ высохнетъ, то спускаютъ внизъ и вяжутъ въ небольшія связки (папуши). Съ открытія весны до жатвы трудъ рабочихъ на плантаціяхъ прерывается только краткими остановками для принятія пищи; съ начала жатвы до 1-го сентября дается двухчасовой отдыхъ, вмѣстѣ съ обѣдомъ. Но такія непрерывныя занятія не оказываютъ вреднаго вліянія на здоровье рабочихъ, потому что всѣ указанные процессы обработки табака происходятъ на свѣжемъ воздухѣ, кромѣ кладки, которая производится въ особыхъ длинныхъ избахъ (казармахъ). Здѣсь крѣпкій запахъ спѣлаго табака вызываетъ головокруженіе, даже обмороки, у дѣвокъ, еще не привыкшихъ къ этому запаху.

Основаніе крестьянской пищи—ржаной хлѣбъ—въ экономіяхъ не можетъ сравниться въ хлѣбомъ, приготовляемымъ крестьянами для себя. Экономическій хлѣбъ черенъ, не всегда хорошо выпеченъ, особенно если печется въ большихъ формахъ, въ родѣ пряниковъ. Съ весны, на завтракъ въ $8^1/_2$ часовъ иногда дается рабочимъ только хлѣбъ съ солью, или остатки кислой капусты и огурцовъ, также жид-

[1]) Въ сѣверной части луб. уѣзда, гдѣ издавна сосредоточены табачныя плантаціи и производится табакъ лучшаго качества („Главнѣйш. результ. изслѣдов. Мал. табаководства Ѳ. Базинера, Кіевъ 55 г., стр. 16—18), посадка табака оставлена,—весь онъ сѣется“.

кая пшенная и ячная каша («кандёръ», «дубовый»), по мѣстамъ кислое молоко. Въ 12 часовъ колоколъ сзываетъ рабочихъ къ обѣду, состоящему изъ борща съ небольшимъ количествомъ сала, въ постные дни олеи, или тарани, также бураковъ, картофеля, изрѣдка чечевицы, которую мѣстная пѣсня называетъ «нещасною». Борщъ подается въ особыхъ ночвахъ («ваганкахъ»). Послѣ него подаютъ пшенную, или ячную кашу, разведенную борщемъ, или съ олеей, саломъ, смальцемъ и молокомъ. Поспѣвающія овощи позволяютъ нѣсколько разнообразить столъ: кашу замѣняетъ печеная, или вареная тыква, горохъ, изрѣдка кукуруза. Фасоль никогда не дается рабочимъ, такъ какъ садится въ ограниченномъ количествѣ и считается отчасти лакомствомъ. На полдникъ прибавляютъ къ хлѣбу лукъ, затѣмъ огурцы, сливы, дыни, арбузы и лѣсныя груши. Ужинъ въ 8—9 часовъ вечера состоитъ изъ гречаныхъ, рѣже пшеничныхъ галушекъ, лапши, похлебки съ картофелемъ, или того же неизбѣжнаго кандёра. Пироги и вареники даются рабочимъ только на заговѣны, да еще развѣ на балахъ, которыми заканчивалась обработка табака еще въ недавнее время.

Къ балу хозяинъ приготовлялъ, бывало, достаточное количество водки, приготовлялъ отборныя блюда: похлебку съ мясомъ, пшеничныя галушки, пироги, кныши, вареники, нѣкоторое количество дешевыхъ деревенскихъ лакомствъ: орѣховъ, рожковъ. Въ Снѣтинскихъ экономіяхъ пекли прежде пряники на меду. Нанималась музыка, дѣвки являлись разодѣтыя какъ на свадьбу: въ цвѣтахъ, «косныкахъ», плахтахъ. Молодежь танцовала до утра. Теперь балы повсюду отмѣнены отчасти вслѣдствіе дороговизны, частью же по замѣченному дурному вліянію ихъ на нравственность, и наемъ оканчивается разсчетомъ дѣвушекъ и отдачей имъ подарковъ.

Во время найма, дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни, на одинъ голосъ.

1.

Ой ты ранку, ранку,
Ховайся у ямку,
А ты пидвечирку
Ховайсь у ганчирку.

(Запис. въ 91 г. отъ кр. х. Яновщины).

2.

Ой дай Боже зъ неба,
Чого намъ треба!
Дай Боже дощъ,
Абы не морозъ.
На панове сино,
Щобъ каменемъ сило.
Хоть недиль на пьять,
Абы погулять!
Хоть недиль на симъ,
Погулять усимъ.

(Въ 92 г., отъ кр. х. Тернавщины).

3.

Ой паночку добродію,
Пускай рано у недилю
Сорочечки прать,
Головкы чесать.
Сорочка биленька,
Головка гладенька.
Матинка ридненька,
Нашъ панъ соловейко
Пускае раненько,
Пускае и въ день
Молодыхъ людей (2)
До малыхъ дитей,
Молодыхъ дивчатъ
До хлопцивъ гулять.

(Тогда же, отъ нея).

4.

Чужи паны робочи
Держать людей до ночи
Нашъ панъ соловейко
Пускае раненько.
Пускае и въ день
Молодыхъ людей
До малыхъ дитей.

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

5.

Що про пана можно жыть,
Про табашныка—тужыть,

Що про пана, про купця,—
Табашныка подлеця.
Що винъ рано устае,
На работу ганяе.
На работу мы йдемо,
Сухарыкы грыземо,
А зъ роботы идемо
Гирки слёзы ліемо [1]).

(Въ 91 г., отъ коз. с. Литвяковъ).

6.

Наши паны генералы
Нерозсудлывіи.
Хлиба, солы дають мало,
На роботу гонять рано.
Хлиба, солы не щытають,
До роботы пригоняють.
Прыйшло время праздышнее
Намъ хочется погулять (2)
Наши паны не велять.
Наши паны не велять.
Наши паны полягалы,
А мы пійшлы погулялы,
Небогато прогулялы:
Изъ вечора до пивночи,
А съ пивночи до утра.
Прыходымо по утру,
На насъ розокъ по пучку,
А мы сталы просытыся,—
Воны велять ложытыся.

(Въ 91 г. отъ кр. с. Литвяковъ).

7.

(Варіантъ).

У насъ паны полковіи,
Нерозсудлывіи,
Хлиба, солы дають мало,
На работу гонять рано,
На работу идемо
Сухарыкы грызсемо,

---

[1]) Въ этой пѣснѣ приведены главныя причины оставленія работъ рабочими дурная, недостаточная пища и рѣже—злой, приневоливающій къ работѣ („пригинчій“): табачникъ („тютюнныкъ“).

А зъ роботы идемо
Дрибни слезы ліемо.
Якъ прыйде та недилонька,
Намъ хочется погулять (2)
Наши паны не велять.
Якъ обкладемъ панивъ спать,
Сами на всю ничъ гулять.
Хочъ спынушка набыта,
Такъ дѣвушка нажыта.
Хочъ спынушка болыть больно,
Нагулялысь предовольно [1])

(Въ 91 г., отъ кр. х. Яновщины).

8.

Наши паны, якъ жыды
Ненашои виры,
Мы й доси не йилы!

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

9.

Ой матинко вышня,
Десь я й у васъ лышня,
Що вы мене въ срокъ послалы,
Де я не прывышна.
Ты думаешь ненько,
Що тутъ мени добре,
Прыйды, ненько, подывыся,
Яке мени горе!

(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевки).

10.

Уже сонце на лану,
Я й до дому полыну.
Полынула бъ я,
Неволя моя.
Якъ бы моя воля,
Сыдила бъ я дома;
Дома въ холодку
Въ вышневимъ садку.
Шыла-бъ я сорочку
Въ вышневимъ садочку

[1]) Оба вар. временъ крѣпостнаго права.

Шыла бъ, вышывала,
Плакала, рыдала.
(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевки);
(У Чуб., т. 3, № 49, стр. 248,—отлична).

11.

Уже сонця трошкы
Кусають насъ мошкы,
Кусають и тнуть,
Робыть не дають.
Уже сонце котытся,
Намъ до дому хочется,
А мы не йдемо,
Прыказу ждемо.
Покы панъ прыкаже,
Пару коней запряже.
Сидай, поганяй,
Боже помогай.
(Въ 91 г., отъ кр. м. Снѣтина).

12.

(Варіантъ I).

Ой паночку нашъ,
Намъ до дому часъ.
Уже часъ давно,
А мы не йдемо,
Прыказу ждемо.
Прыказу нема,
Пойду я сама.
(Въ 92 г., отъ кр. х. Николаевки).

13.

(Варіантъ II).

Ой дядечку нашъ, нашъ,
Намъ до дому часъ, часъ,
А мы нейдемо,
Прыказу ждемо (2)
Одъ дядька свого.
Покы дядько прыкаже,
Пару коней запряже,
Сидай, тай бижы,

Боже поможы!
Сидай, поганяй,
Боже помогай.

(Въ 91 г. отъ кр. с. Литвяковъ).

14.

(Варіантъ III).

Уже сонце котытся,
Намъ до дому хочется.
Хочется давно,
А мы не йдемо,
Прыказу ждемо (2)
Одъ дядька свого (2)
Молодого.

(Въ 91 г., отъ коз. с. Хорошкова, Снѣт. вол.).

15.

Ой дядечку, добродію,
Пусты рано, на недилю,
Сорочечку взять,
Киску росчесать.

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

16.

Що въ чужого табашныка
До дому пора,
А въ нашого . . . .
Щей думкы нема.
Покы . . . почухае
Тай табакы понюхае,—
Той прыйде пора.

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

17.

Ой дядечко добрый,
Пошый кожухъ довгый
И смихъ и бида—
Жинка молода!

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

18.

Недалеко край,
Боже помогай,
Щей до обнижка,
Тамъ перогивъ дижка,
Щей до борозны,
Боже поможы.

(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевки).

19.

Одчыняй пане погребы,
Бо вже сино погреблы.
Погреблы й поклалы,
До полудня спалы.

(Въ 91 г., отъ коз. с. Хорошковъ).

20.

Уже сонце на причилку,
Трясе дядька за печинку,
Трясы, не трясы,
По копи дасы,
А якъ на таку,
Та по пьятаку,
А якъ на долыни,
По чотыри грывни.

(Отъ нея-же, тогда-же).

21.

(Варіантъ).

Уже сонце надъ лыпкою,
Трясе нашъ панъ калыткою,
Трясы не трясы, по копи дасы,
А якъ на таку, той по четвертаку,
А якъ на котору,—той по золотому.

(Въ 92 г., отъ крест. м. Снѣтина).

22.

Уже сонце на причилку,
Бере пана за печинку.
Нехай же бере, не перестае,

И въ день, и въ ночи,
Въ кутку й на печи.

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

23.

Наша пани нижна
Тры дни на пичъ лизла,
И смихъ и бида—
Пани молода.

(Въ 92 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

24.

Наша пани нагидочка,
Ей у неи горилочка,
И сама не пье,
И намъ не дае.

(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевки).

25.

Наша пани велыка
Зарубала индыка.
Сама пожыла
И намъ не дала.

(Въ 91 г., отъ кр. того же хутора).

26.

Наша пани пышна
За ворота выйшла;
Выйшла тай стоить
Обидать идить!
Тай вынесла тры скрыпочки,
А четвертый басъ.
Наши дивкы скокы въ бокы,
А сырота въ плачъ;
Якъ бы мени ридна маты,
То ябъ краще васъ.

(Отъ нея, тогда-же).
(У Чуб., т. 3, стр. 247, № 47, Б.—отлична).

27 [1]).

Зайшло, зайшло сонечко
За зеленый лисъ,
Доробымо до вечера,
Тай нехай вамъ бисъ!
Не прыйдемо бильшъ!

(Въ 92 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

28.

Ой паночку нашъ, нашъ,
Вечеряты дашъ, дашъ,
А якъ не дасы,
Завтра й не просы,

(Въ 91 г., отъ кр. хут. Николаевки).

29.

Одчыняй панъ ворота,
Бо йде твоя робота,
Одчыняй, не гай,
Вечерять давай.
Одчыняй панъ фиртку,
Давай намъ горилку,
А якъ не дасы,
Завтра й не просы.

(Отъ нея же, тогда).
У Чуб., т. 3, стр. 234,—сходство отдаленное.

30.

Ой тетеря, тетеря [2])
Чы готова вечеря?
А якъ не готова,
То не сыды дома,
А якъ готовенька—
Сыды веселенька,
Ногы пидобгай,
Вечеряты дай

(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевкѣ).

31.

Колыбъ же намъ Господы до пущання дожыты,
Тай у свого пана рощотъ получыты.

---

[1]) Пѣсни за № 27—29 говорятъ объ оставленіи работъ; вообще дѣвушка считаетъ позорнымъ не выбыть срокъ, почему оставленіе работъ быв. чаще толпой.

[2]) Кухарка.

Становиться, дивчата, тай помолымось Богу,
Помолымось Богу, пидемъ разомъ до дому.
Та пишлы мы до дому не раненько—пизненько,
Тай одчыны ненько перегриты серденько.
Стала ненька одчыняты,
Стала важко здыхаты,
Стала своихъ дитей горько проклынаты.
Де лито робылы, туды йдить зимуваты.
Де лито робылы, та не було чуткы, звисткы,
А на зиму прыйшлы готового хлиба йисты.
Пысалы ляшкы до Полтавцивъ висти:
Та йдить Полтавци до насъ рыбы йисты.
А хлопци—Полтавци назадъ одказалы,
Брешете ляшкы—вы кандеремъ годувалы.

(Въ 90 г., отъ кр. с. Пѣсокъ).

Примѣч. Послѣдняя пѣсня затрогиваетъ любопытный вопросъ о томъ, какой долей заработка пользуется работница? Въ сѣв. волостяхъ дѣвушка получаетъ очень мало; иногда ей дѣлаютъ изъ этихъ денегъ приданое: скрыню, кожушанку, образа, почему дѣвушка старается получить деньги къ ярмаркамъ. Въ окрестностяхъ Лубенъ, работница иногда платитъ только родителямъ за зимовлю 5 руб., а вся заработанная плата остается ей, если не хочетъ платить 5 руб., то должна служить и зиму.

В. Милорадовичъ.

Мелкія извѣстія.

Уничтоженіе остатковъ Ярославова вала въ Кіевѣ. Кіевскія газеты (Кіевлянинъ въ № 208 и Жизнь и Искусство въ №№ 215, 229, и 236) на своихъ страницахъ помѣстили статьи, въ которыхъ выражается сожалѣніе объ уничтоженіи древняго Ярославова вала въ Кіевѣ, поводомъ къ чему послужило слѣдующее: по представленію кіевскаго губернскаго акцизнаго управленія, министерство финансовъ въ іюнѣ текущаго года пріобрѣло отъ Рокачевскаго, для устройства оптоваго виннаго склада, необходимаго при введеніи въ Кіевѣ съ будущаго года казенной продажи питей, усадьбу на углу Кудрявскаго (Обсерваторнаго) и Подвальнаго переулковъ, въ которой находился сѣверный уголъ (бастіонъ) крѣпостнаго вала, извѣстнаго подъ названіемъ «Ярославова вала». Какъ излагаетъ г. Кибальчичъ въ статьѣ, напечатанной въ газетѣ «Жизнь и Искусство», эта усадьба въ глубокой древности представляла городокъ или городище доисторическихъ обитателей Кіева, въ чемъ убѣждаютъ археологическія находки,

сдѣланныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при прокладкѣ и расширеніи Подвальнаго переулка, и въ настоящемъ году, при расчисткѣ усадьбы для устройства виннаго склада, а также рѣзко обрисовавшаяся древнѣйшая насыпь (основаніе) упомянутаго вала, отдѣляющаяся отъ позднѣйшей (Ярославова сооруженія) тонкою полосою черной земли. Такимъ образомъ, въ мѣстности этой усадьбы остатки древняго городища послужили основаніемъ для крѣпостнаго вала, которымъ во времена вел. кн. Ярослава былъ обнесенъ весь старый Кіевъ и который доходилъ до 10 саж. высоты и до 15 саж. ширины (въ основаніи).

Уничтоженіе старокіевскихъ земляныхъ укрѣпленій началось въ первой половинѣ текущаго столѣтія, вслѣдствіе необходимости возведенія новыхъ каменныхъ построекъ и улучшенія гигіеническихъ условій быстро заселявшагося и отстраивавшагося города. Въ усадьбѣ, о которой идетъ рѣчь, вслѣдствіе нахожденія ея въ захолустномъ узкомъ переулкѣ, гдѣ земля не представляла большой цѣнности при эксплоатаціи въ ряду городскихъ имуществъ, вышеупомянутый валъ уцѣлѣлъ до настоящаго года. Онъ состоялъ изъ сплошной массы сбитой съ пескомъ глины, по крѣпости своей не уступающей твердости кирпича, такъ что, разрушая валъ, строителямъ оптоваго виннаго склада приходилось разбивать его желѣзными ломами, и то съ большими усиліями. Валъ этотъ имѣлъ со стороны Подвальнаго переулка, обращеннаго къ Подолу, до 12 аршинъ высоты, а со стороны того же переулка, обращеннаго къ Глубочицѣ, отъ 3 до 10 аршинъ; внутри вала была довольно обширная котловина, которая возвышалась надъ уровнемъ Подвальнаго переулка на $1^1/_2$ или 2 саж. и въ которой, подъ прикрытіемъ валовъ, могло вмѣщаться значительное количество древняго войска. Положеніе этого бастіона древней крѣпости, говоритъ г. Кибальчичъ, неприступность къ нему со стороны долины р. Глубочицы, по которой издревле протекала дорога изъ Галиціи, а также связь этого бастіона съ валами и бастіонами, окружавшими старый Кіевъ, свидѣтельствуютъ о важномъ значеніи его въ исторической топографіи Кіева; это былъ какъ бы передовой фортъ укрѣпленнаго стараго Кіева, откуда удобнѣе, чѣмъ съ какого-нибудь другого пункта, можно было распоряжаться войсками при защитѣ города и предупреждать населеніе о появленіи непріятеля съ той или другой стороны огромной долины Глубочицы и другихъ отдаленныхъ мѣстъ.

Съ пріобрѣтеніемъ усадьбы министерствомъ финансовъ истекшимъ лѣтомъ, существовавшій въ ней старинный садъ былъ вы-

рубленъ, заборы и постройки снесены, и затѣмъ сотни рабочихъ, вооруженныхъ желѣзными ломами и кирками, стали поспѣшно разбивать Ярославовъ валъ и отвозить огромныя, по нѣсколько пудовъ, глыбы этого вала въ Обсерваторный оврагъ и въ другія сосѣднія усадьбы. Въ настоящее время валъ уже снесенъ, затѣмъ на площади усадьбы сдѣлана большая выемка земли въ уровень съ Подвальнымъ переулкомъ, и такимъ образомъ послѣдній остатокъ древняго старокіевскаго укрѣпленія, построеннаго Ярославомъ, сѣверный его бастіонъ, вмѣстѣ съ находившимся подъ нимъ валомъ древнѣйшаго городища,—уничтоженъ и стертъ съ лица земли.

Сносъ вала и городища въ уровень съ Подвальнымъ переулкомъ обнаружилъ площадь, состоящую изъ глины, перемѣшанной съ пескомъ, въ обрѣзахъ которой, при копаніи канавъ подъ фундаменты проэктированнаго зданія виннаго склада, были обнаружены коричнево-красныя волнообразныя прослойки, указывающія на древнѣйшее происхожденіе горы. Въ этомъ же древнѣйшемъ слоѣ, мѣстами рыхломъ и состоявшемъ изъ чистаго бѣлаго песку, въ канавахъ, приготовленныхъ для фундаментовъ, были замѣчены обрѣзы ямъ разнообразной формы и величины, заключавшихъ въ себѣ черную землю, перемѣшанную съ другими предметами, и уходившихъ далеко въ почву, почему ямы эти не могли быть вполнѣ изслѣдованы.

Одна изъ ямъ, открытыхъ въ остаткахъ древняго городища, имѣвшая въ діаметрѣ отъ 5 до 6 аршинъ, заключала въ себѣ нѣсколько тысячъ роговъ животныхъ, отпиленныхъ и подостренныхъ на подобіе короткихъ кинжаловъ, которые, повидимому, представляютъ собою боевыя орудія доисторическаго человѣка, относящіяся къ переходной эпохѣ отъ каменнаго къ желѣзному вѣку. Рядомъ съ этою ямою, была замѣчена другая яма, имѣвшая въ своемъ четырехъ-угольномъ основаніи отъ 5 до 6 аршинъ и заключавшая въ себѣ множество человѣческихъ костей, перемѣшанныхъ съ костями лошадиными. По мнѣнію г. Кибальчича, первая яма была, быть можетъ, складомъ боеваго оружія въ укрѣпленномъ валомъ древнѣйшемъ городищѣ, а вторая представляетъ собою общую боевую славянскую могилу.

Кромѣ того, въ усадьбѣ при вышеописанныхъ раскопкахъ и на мѣстахъ свалокъ земли, вывезенной изъ усадьбы, были найдены разные другіе предметы, которые г. Кибальчичъ раздѣляетъ на двѣ группы, относя къ первой изъ нихъ первобытные и доисторическіе предметы, добытые изъ земли городища, открытаго подъ Ярославовымъ валомъ, а ко второй—предметы, находившіеся въ Ярославо-

вомъ валу и части площади бастіона, относимой къ болѣе позднему наслоенію. Къ первобытнымъ древностямъ относятся орудія изъ роговъ животныхъ, кремневые скребки, кусокъ кремня отъ большаго круга съ слѣдами употребленія его, какъ шлифовальнаго орудія, точильный камень и глиняная бусина съ прямолинейнымъ орнаментомъ. Къ болѣе позднимъ доисторическимъ предметамъ г. Кибальчичъ относитъ другой точильный камень, сосудъ изъ черной глины, сдѣланный безъ помощи гончарнаго станка, бронзовый топорикъ и глиняный сосудъ въ видѣ стакана, а къ эпохѣ исторической относятся остальные предметы, какъ-то: бусы изъ глины, шифера, янтаря, кости, металла и разноцвѣтной композиціи, бронзовые браслеты, мѣдный медальонъ, мѣдная монета (какъ полагаютъ—великаго князя Владиміра), бронзовый наконечникъ стрѣлы, тигель для сплава драгоцѣнныхъ металловъ, формы изъ шифера для отливки ювелирныхъ издѣлій, кусокъ бронзовой серьги, бубенчики изъ мѣди, клейма изъ кости для украшенія посуды съ клеймомъ на днѣ въ видѣ грифа, кусокъ заостренной палочки изъ слоновой кости (быть можетъ—орудіе для письма и чертежей), разные остатки предметовъ изъ бронзы и мѣди, зубы дикаго кабана и проч.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ предметахъ, съ приложеніемъ снимковъ ихъ, читатель можетъ найдти въ вышеупомянутой статьѣ г. Кибальчича, въ газетѣ «Жизнь и Искусство».

Предстоящая въ Кіевѣ выставка историческихъ памятниковъ. Какъ сообщаютъ кіевскія газеты, состоящая подъ предсѣдательствомъ кіевскаго генералъ-губернатора коммиссія по учрежденію въ Кіевѣ историческаго и художественно-промышленнаго музея, предполагая въ будущемъ 1896 году совершить закладку означеннаго музея, постановила открыть къ тому же времени въ Кіевѣ выставку историческихъ памятниковъ и художественныхъ предметовъ, пригласивъ къ участію въ семъ дѣлѣ различныя сословія и учрежденія юго-западнаго края, а также отдѣльныхъ лицъ, могущихъ содѣйствовать успѣху выставки, какъ личнымъ трудомъ по устройству ея, такъ и присылкою имѣющихся у нихъ цѣнныхъ, по историческому или художественному ихъ значенію, предметовъ. Съ этою цѣлью отъ имени коммисіи разосланы приглашенія, и отъ нѣкоторыхъ учрежденій и лицъ уже получены благопріятные отвѣты. Присланные для выставки предметы, впредь до окончательнаго размѣщенія ихъ, будутъ храниться въ университетѣ св. Владиміра подъ охраною особо къ тому довѣренныхъ отъ коммиссіи лицъ.

Отзывъ французскаго писателя о Кіевѣ. Путешествовавшій по Германіи и написавшій интересное сочиненіе о нѣмцахъ, а затѣмъ съ 1892 года три раза бывавшій по долгу въ Россіи (главнымъ образомъ въ Москвѣ и среднихъ губерніяхъ), молодой французскій писатель Жюль Легра (Legras), авторъ сочиненія «Sielhouettes de femmes russes», недавно издалъ въ Парижѣ книгу: «Au pays russe», въ которой даетъ слѣдующій любопытный отзывъ о Кіевѣ: «Москва отличается торжественной красотой и подчиняетъ васъ великолѣпіемъ и разнузданностью колорита; красота Кіева очаровываетъ; она не оглушаетъ, а нѣжно охватываетъ сердце. Кажется, что подъ этимъ городомъ плаваетъ атмосфера изящества и пріятности, которую чувствують самые нечувствительные. Откуда эта странная прелесть? Въ Россіи есть и другіе города, стоящіе надъ широкой рѣкой и плодородной равниной; но ни одинъ все-таки не даетъ того тонкаго впечатлѣнія, которое производитъ святой Кіевъ. Кажется, что немножко симпатичной и мягкой малороссійской живости вошло въ ихъ столицу и проявляется въ этой зелени съ бѣлыми пятнами, въ этихъ церквахъ съ горящими золотыми куполами, въ этой голубой рѣкѣ, которая далеко тянется по роскошной долинѣ, въ этомъ блестящемъ небѣ, милостивомъ и кроткомъ. Горизонтъ, состоящій изъ нѣжныхъ расплывающихся оттѣнковъ, уходитъ, ни за что не задѣвая; воздухъ легокъ, жизнь спокойна и весела. Здѣсь далеки отъ той жадности, которая выстраиваетъ вокругъ современныхъ городовъ армію фабрикъ, но далеки также отъ апатичной примиренности сѣверной Россіи. Кіевъ—городъ улыбокъ и пѣсенъ вполголоса: слишкомъ шумное веселье, равно какъ и печаль, выступали бы пятнами въ его изнѣженно-изящной рамѣ». (Новое Время).

Лекціи о русской и малороссійской музыкѣ въ Брюсселѣ. По сообщенію «Петербургской Газеты», недавно въ Брюсселѣ директоръ одного изъ мѣстныхъ музыкальныхъ кружковъ и переводчикъ многихъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, Вальнеръ, въ салонѣ піанистки de-Smet читалъ лекціи о русской и малороссійской музыкѣ, которыя привлекли массу слушателей и имѣли большой успѣхъ. Всего было прочитано три лекціи, изъ которыхъ о малороссійской музыкѣ шла рѣчь только въ первой лекціи.

Предполагаемое изданіе памятниковъ старинной южно-русской литературы. Въ Львовѣ приготовляется къ печати систематическое

собраніе памятниковъ старинной южно-русской литературы, а именно— апокрифовъ, легендъ, притчей, повѣстей и т. п., вращавшихся среди южно-русской публики и сохранившихся въ южно-русскихъ, а особенно въ червонорусскихъ рукописяхъ. Изданіе будетъ состоять изъ четырехъ томовъ, и каждый изъ нихъ будетъ заключать въ себѣ: а) общее предисловіе, въ которомъ будетъ показано значеніе собранныхъ въ книгѣ памятниковъ, б) описаніе рукописей, изъ которыхъ заимствованы тексты, в) самые тексты съ историко-литературными поясненіями и библіографическими указаніями, г) словарь важнѣйшихъ словъ, употребляемыхъ въ текстахъ, д) указатель собственныхъ именъ и д) указатель темъ и предметовъ.

Галиція и Буковина въ изданіи «Oesterreich in Wort und Bied». Какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ однимъ изъ львовскихъ журналовъ, трудъ составленія того отдѣла, который посвящается Галиціи въ давно предпринятомъ (по почину покойнаго принца Рудольфа) нѣмецкомъ изданіи «Oesterreich in Wort und Bied», былъ распредѣленъ между слѣдующими лицами: проф. Дуниковскій—описаніе Галиціи, Шайноха—геологія, Деметриневичъ—археологія и доисторическая эпоха, проф. Нат. Левицкій—исторія Руси до 1410 г., проф. С. Смолька—исторія Польши до 1340 г., М. Бобжинскій—дальнѣйшая исторія Галиціи, В. Лозинскій—городъ Львовъ, Ростафинскій—городъ Краковъ, Ол. Барвинскій—нравы и обычаи русиновъ, Матусякъ—нравы и обычаи мазуровъ, Сегель—нравы и обычаи галиційскихъ евреевъ, Германъ—нѣмецкая колонизація, проф. Верхратскій—діалектологія русинская, проф. Огоновскій—литература русинская (какъ уже сообщалось въ «Кіевской Старинѣ, этотъ сотрудникъ скончался), проф. С. Тарновскій—литература польская, Болазъ Антоневичъ и Соколовскій—искусство, Бѣлицкій—музыка, Пекосинскій—сфрагистика, Пилятъ—экономія и статистика, гр. Дѣдушицкій—домашніе промыслы. Рукописи должны были быть доставлены къ концу 1894 года, а въ настоящемъ году надлежало приступить къ печатанію ихъ. Иллюстраціи приготовляютъ главнымъ образомъ Фалатъ и Кохановскій.

Для отдѣла Буковины въ сотрудники приглашены: Семичиновичъ-Штайфого—для описанія края, Сомбатій—для доисторической эпохи, Дм. Essayъ Ончіюль Полекъ и Цигляверъ—для мѣстной исторіи, Ключенко, Сбиръ, Моріанъ, Монастырскій, Кайндль, Данъ, Полекъ

и Ромстоферъ—для этнографіи, Сбиръ, Калужняцкій и Волькопъ-для литературы, С. Ончіюль—для изложенія религіозныхъ греко-православныхъ основъ, Воробкевичъ—для музыки, Захаръ, Экль, Кляйнвехтеръ, Вотлицкій и Кольбенгаеръ—для экономіи и промысловъ. Рукописи должны быть изготовлены къ концу настоящаго года.

ПОПРАВКИ.

Въ предыдущей (сентябрьской) книжкѣ «Кіев. Стар.» вкрались опечатки въ статью: «Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія» на стр. 226, строка 16-ая, *напечатано*: 1569, *должно быть 1589.*

стр. 233, стр. снизу 11-ая «достигла», *д. б.* «*достигала*».

стр. 235, стр. 20-ая: «ἐλευθερών», *д. б.* «ἐλευθερώσων».

стр. 237, стр. снизу 8-ая: «памятники», *д. б.* «*памянники*».

стр. 241, стр. 23-ая: «буддійскаго прошлаго вліянія», *д. б.* «*б. пришлаго вл.*».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Stanisław Ciszewski. Krakowiacy. Monografia etnograficzna. Tom I. Kraków. 1894. 8⁰, str. 383.

Названная книга представляетъ собою начало обширнаго труда, задуманнаго г. Цишевскимъ. Можемъ смѣло сказать, что даже въ польской этнографической литературѣ, значительно превосходящей русскую, какъ по качеству, такъ и по количеству сборниковъ, этотъ новый трудъ займетъ почетное мѣсто. Въ первомъ томѣ мы находимъ рядъ преданій, сказокъ—чисто фантастичныхъ, бытовыхъ и «моральныхъ», какъ назвалъ ихъ собиратель; затѣмъ слѣдуютъ сказки о звѣряхъ и, наконецъ, загадки и разныя замысловатыя задачи для испытанія догадливости и сообразительности. Въ концѣ приложенъ азбучный указатель предметовъ, упоминаемыхъ въ помѣщенныхъ здѣсь сказкахъ и загадкахъ. Собиратель, видимо, положилъ не мало труда на составленіе этого сборника. Ему пришлось вдоль и поперекъ изслѣдовать всю территорію, занимаемую племенемъ краковяковъ: но этотъ трудъ не пропалъ даромъ: дальнѣйшіе томы «Krakowiaków» сдѣлаютъ извѣстнымъ весь собранный г. Цишевскимъ матеріалъ; сюда войдутъ: во II т.—обрядно-бытовой календарь, описаніе родинъ, крещенія, свадьбы, погребенія, игръ и забавъ и всевозможныя повѣрья, живущія въ средѣ краковьяковъ. Третій томъ составятъ пѣсни. Въ четвертый войдутъ антропологическія наблюденія, статистическіе и лингвистическіе матеріалы, къ нему будетъ приложена и этнографическая карта съ указаніемъ границъ разселенія краковяковъ.

Собиратель не брезговалъ варіантами, и мы находимъ у него порой по нѣсколько сказокъ одного содержанія; такимъ образомъ ни

одна подробность не ускользаетъ отъ читателя, изучающаго народныя сказки. Съ другой стороны, это обиліе матеріала даетъ возможность изучить краковскій говоръ во всѣхъ мельчайшихъ оттѣнкахъ, о сохраненіи которыхъ г. Цишевскій заботится очень усердно. Мы могли бы поставить въ вину г. собирателю лишь одно обстоятельство—полное отсутствіе указаній хотя бы на польскіе варіанты сказокъ, появившіеся въ другихъ изданіяхъ; но онъ предвосхищаетъ наши нареканія своимъ заявленіемъ въ предисловіи, ссылаясь на слова извѣстнаго издателя Wisły г. Карловича, который находитъ, что, если мы будемъ требовать подробнаго комментарія къ издаваемому матеріалу, то послѣдній будетъ совершенно исчезать въ безконечномъ комментаріи. На это можемъ возразить: изданія въ родѣ извѣстнаго труда Cosquin'a «Coutes Jorraines», разумѣется, пока являются роскошью, но—необходимо указаніе хотя бы на параллели изъ словесности той же народности, которая дала матеріалъ для настоящаго сборника. Во всякомъ случаѣ—пожелаемъ г. Цишевскому удачно и быстро закончить свой прекрасный трудъ.

В. П.

Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ А. Е. Богдановича. Гродна. 1895, стр. III + 186. 12°.

Наша этнографическая литература вообще не особенно богата; при томъ большую часть книгъ и статей не станетъ читать большая публика, обычный средній читатель; все это—сборники сырого матеріала, едва обработаннаго и представляющаго интересъ лишь для спеціалистовъ. Книжка г. Богдановича, печатавшаяся отдѣльными статьями въ «Научномъ Обозрѣніи» за 1894 годъ, представляетъ интересъ, какъ опытъ обобщенія фактовъ изъ жизни бѣлоруссовъ и отчасти жителей Полѣсья и объясненія многихъ изъ нихъ по теоріи Тэйлора и антропологовъ его школы. Въ прошломъ году мы однажды останавливались на подобномъ же опытѣ г. Довнара Запольскаго и указывали на его достоинства и недостатки. Этихъ послѣднихъ въ книжкѣ г. Богдановича, меньше, хотя все-таки есть. Обратимся сначала къ содержанію книжки.

Этнографическіе матеріалы, которыми воспользовался авторъ, собраны главнымъ образомъ въ центральной Бѣлоруссіи, въ уѣздахъ: борисовскомъ, игуменскомъ, минскомъ, слуцкомъ и новогрудскомъ

минской губерніи; сѣнновскомъ и оршанскомъ — могилевской и лепельскомъ — витебской. Авторъ разсматриваетъ и объясняетъ только тѣ преданія, повѣрья и обряды, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразилось древнее міросозерцаніе. Всѣ записи сдѣланы авторомъ лично, что придаетъ имъ несомнѣнную цѣнность, но важнѣе всего то, что самъ г. Богдановичъ — уроженецъ Бѣлоруссіи и по своимъ служебнымъ занятіямъ стоитъ близко къ народу. Введеніе даетъ общую характеристику бѣлорусса, довольно не лестную для него; авторъ рисуетъ очень живо еще недавнюю зависимость бѣлорусса отъ пана и его довѣренныхъ и въ связи съ экономическимъ положеніемъ крестьянства ставитъ его умственное убожество и темноту. Первая глава трактуетъ о пережиткахъ фетишизма, и таковыхъ оказывается не мало. Во второй главѣ сгруппированы пережитки анимизма, въ третьей — пережитки олицетвореній, въ четвертой — солнечнаго культа. Пятая и шестая главы даютъ очеркъ демонологіи бѣлорусса; седьмая и восьмая — заключаютъ въ себѣ указаніе и объясненіе способовъ лѣченія, основанныхъ на суевѣрныхъ представленіяхъ; тутъ же о колдовствѣ, о колдунахъ и о различныхъ суевѣріяхъ, гнѣздящихся въ средѣ бѣлорусскаго крестьянства. Въ заключеніе — къ книжкѣ приложенъ толково составленный предметный указатель.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ частностямъ, внушающимъ сомнѣніе въ достовѣрности выводовъ г. Богдановича. Во первыхъ, онъ почти постоянно либо вовсе не указываетъ, откуда что беретъ, а если объ этомъ говоритъ, то почти всегда изъ вторыхъ рукъ: таковы цитаты изъ древнерусскихъ обличительныхъ словъ на суевѣрія.

За симъ, не смотря на заявленіе въ предисловіи, что руководителями автору служили: Тэйлоръ, Спенсеръ, Мечниковъ — мы находимъ удивительныя вещи въ текстѣ: такъ напр., на стр. 11 въ примѣч. г. Богдановичъ приводитъ давно оставленное мнѣніе Аѳанасьева о переряживаньи въ звѣриныя шкуры (которое будто бы «знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка — алчущую землю»); на стр. 15 — ссылка на мнѣніе «нѣкоторыхъ ученыхъ», будто бы «Зничь» (*существованіе* котораго теперь *даже* подвергнуто сильному сомнѣнію) — «самостоятельное божество, носившее высшее названіе Вѣчнаго Отца»! На стр. 64-й встрѣчаемся съ Чуромъ и съ оригинальнымъ объясненіемъ слова отчураться; на стр. 125 появляется Даждьбогъ, воспоминаніемъ о которомъ является обычай храненія ржи съ воткнутой въ нее свѣчей; на стр. 127 авторъ заявляетъ, что у древнихъ славянъ «мы встрѣчаемъ *бѣль-боговъ* и *черно-боговъ* (!) и т. д. —

однимъ словомъ миѳическая теорія, доведенная до абсурда и неимѣющая никакихъ фактическихъ данныхъ (напр. черно-богъ и пр.), царитъ въ книгѣ г. Богдановича, претендующей на научность.

Далѣе: на стр. 131 приводится преданіе о созданіи земли Богомъ и чортомъ: авторъ передаетъ его, не обмолвившись ни словомъ о массѣ разысканій и параллелей въ апокрифической литературѣ, считая это преданіе возникшимъ, очевидно, на бѣлорусской почвѣ. Авторъ на стр. 27 выражаетъ недовѣріе къ разсказамъ о провалахъ и исчезновеніи подъ землей *церквей*, полагая, что это «какъ то не вяжется съ христіанскимъ воззрѣніемъ, чтобы церковь, святыня, проваливалась»... Онъ предполагаетъ, что существовали ранѣе разсказы о провалившихся капищахъ языческаго времени, и потомъ эти преданія перенесены на церкви; достаточно сравнить съ этимъ массу легендъ великорусскихъ, чтобы отвергнуть домыслы г. Богдановича (см. легенды о Кидишѣ, Китежѣ-градѣ, Энц. Сл. Брокгауза и др. тамъ и литерат.). Авторъ ищетъ объясненія поклоненію скрипящимъ деревьямъ, хлѣбу и т. д. (стр. 29), пробуетъ объяснить поклоненіе послѣднему—воспоминаніемъ, или символизаціей Даждь Бога (стр. 125); это все излишнія мудрствованія; достаточно сравнить съ указаннымъ хотя бы гипотезы и выводы Mannhardt'а, Bastian'а, Тэйлора, повидимому извѣстнаго автору «Пережитковъ», и другихъ ученыхъ, хотя бы русскихъ, пользовавшихся обширнымъ матеріаломъ по растительной миѳологіи, гг. Сумцова, Мандельштама, чтобы не прибѣгать къ старой теоріи миѳологовъ, окончательно потерявшихъ кредитъ въ современной этнографіи.

Авторъ, видимо, мало знакомъ и со сборниками—даже бѣлорусскія игры онъ знаетъ только по своимъ наблюденіямъ, иначе онъ обстоятельнѣе остановился бы на игрѣ «Женитьба Цярэшки», представляющей большой интересъ для этнографа и соціолога. (См. лучшее ея описаніе у П. В. Шейна. Матеріалы т. I, ч. I). Все это лишаетъ книжку г. Богдановича того значенія, которое она могла бы имѣть, будучи написана серьезнѣе. Но все-таки за ней остается два большихъ достоинства—интересный матеріалъ и удобочитаемость, благодаря которой она найдетъ вѣроятно широкій кругъ читателей.

В. Перетцъ.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. № 22. Симферополь. 1895 г. 8°. 133 стр.

Настоящая книжка Извѣстій заключаетъ въ себѣ слѣд. статьи: 1) Ордера кн. Пл. Ал. Зубова правителю таврической области, за 1795 г. *(продолж.)*. 2) Изъ дѣлъ Николаевскаго портоваго архива (Ордера кн. Потемкина, донесеніе капит. Клобукова о нефти, найденной на Кубани, въ Крыму, письма правителя таврической области Жегулина, отношенія кн. Зубова). 3) Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія *(продолж.) Ф. Ф. Лашкова*. 4) Документы по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія. 5) Раскопки кургановъ въ д. Тавкель-Найманъ, евпатор. у. 6) Письма управляющаго имѣніемъ Саблы, симферопольск. у., Я. Дахнова, писанныя во время войны 1854—1856 г. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности Таврич. архивн. коммиссіи въ 1894 г.—Изъ перечисленныхъ статей главною является, конечно, изслѣдованіе г. Лашкова о крымско-татарскомъ землевладѣніи, о которомъ мы намѣрены подробнѣе поговорить послѣ окончанія этой работы [1]. Здѣсь же отмѣтимъ только два документа, напечатанные между ордерами кн. Зубова. Оба они настолько интересны для исторіи Малороссіи, что мы перепечатываемъ ихъ полностью.

Первый документъ заключаетъ въ себѣ *прошеніе мичмана Плевковскаго, поданное 3 января 1795 г. гр. Зубову* съ ходатайствомъ отвести ему и зятю его Андріяну Чепѣ, изъ пустопорожнихъ земель въ мелитопольскомъ уѣздѣ, десять тысячъ десятинъ земли, причемъ основаніемъ къ этому ходатайству указывается то обстоятельство, что «маленькая деревнишка его, называемая Чепурковка, пирятинскаго уѣзда, опустѣла почти совершенно чрезъ побѣги крестьянъ». Въ прошеніи своемъ Плевковскій пишетъ:

„Не много осталось мнѣ наслѣдія послѣ покойнаго отца, но въ продолженіе времени воспитанія моего въ морскомъ корпусѣ, у безпомощной вдовы, матери моей, и того поубавилось гораздо. Маленькая деревнишка наша, лежащая кіевскаго намѣстничества, въ пирятинскомъ уѣздѣ, называемая Чепурковка, опустѣла почти совершенно чрезъ побѣги въ екатеринославскую и таврическую губерніи. Лишиться до 25-ти душъ тому, кто имѣлъ и всѣхъ 50-тъ, много ли же ихъ останется? Но скудными сими остатками должна жить мать, быть отдѣлена сестра, вышедшая замужъ и мнѣ при маломъ жалованьѣ помогать. - И никому ничего ибо остальные, оплачивая подати за бѣжавшихъ и изъ недоимки еще не выходятъ. Въ сей всенижайшей (?) избирая всевозможнѣйшее, я прошу вашего сіятельства не оставить насъ милостію

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., февраль.

вашею. Величайшую мы въ томъ имѣть будемъ (милость?) естьли мнѣ и зятю моему кол. асес. Андреяну Чепѣ[1]) повелѣно будетъ дать никѣмъ незанятой еще земли, лежащей въ уѣздѣ мелитопольскомъ, вершину Бѣлозерки Янчокракъ (sic) или на Молочныхъ Водахъ—*десять тысячъ десятинъ.* И какъ бѣглецы оные не въ прокъ и тѣмъ, кто ихъ и въ помянутыхъ губерніяхъ принимаетъ, и они и тамъ, выигравши льготные года, также бродятъ, то, сіятельнѣйшій графъ по уваженію разоренія нашего, не оставьте снабдить меня, если кто уполномоченъ отъ меня будетъ открытыми и въ екатеринославскую и таврическую губерніи ордерами о поимкѣ и отдачѣ оныхъ, коихъ бы могли тамъ и поселить на вышепросимой землѣ. Столь велика надежда на милость ваш. с—ва, сколь велика и скорбь наша, потерявъ людей. Столь и благодарно вамъ будетъ, и все семейство наше, сколь чувствительно мы о помощи просимъ. (Слѣдуютъ „*имена бѣглымъ*").

Побѣги крестьянъ изъ Малороссіи, преимущественно въ Новороссію, были прямымъ слѣдствіемъ указа 3 мая 1783 г., которымъ узаконялось, что «каждый изъ поселянъ долженъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по послѣдней ревизіи написанъ, а въ случаѣ побѣговъ послѣ изданія сего указа (съ поселянами слѣдовало) поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ». Послѣ этого указа, какъ извѣстно, и начались *побѣги*, такъ какъ до указа «поселяне» могли свободно оставлять своихъ «помѣщиковъ».

Другой документъ не менѣе любопытенъ. Онъ заключаетъ въ себѣ «записку» архимандрита Феодосія *о жизни черноморскихъ козаковъ и обращеніи съ ними ихъ чиновниковъ*, составленную въ апрѣлѣ 1795 г. по порученію екатеринославскаго губернатора Каховскаго.

Приводимъ этотъ документъ.

„Феодосій, архимандритъ двухъ пустыней, курского намѣстничества—Софроніевской, екатеринославского—Григоріевской, по приглашенію покойнаго екатеринославскаго губернатора Каховскаго, отправлялся въ мѣста, обитаемыя черноморскими козаками, ради освѣдомленія о жизни ихъ и обращеніи съ ними чиновниковъ ихъ, и тамъ нашелъ неудовольствіе козаковъ на судью Головатаго и полковника Юзбаша, исправляющаго въ Таманѣ должность градоначальника, а въ уѣздѣ исправника: 1) Что слѣдующій имъ изъ казны провіантъ отпущается большою частію смѣшенной съ пескомъ и тутъ не въ полной пропорціи. 2) Употребляются они, козаки, въ собственныя ихъ работы и къ скотоводству, и на мѣсто платежа награждаютъ ихъ побоями; снося всѣ тѣ работы на собственномъ своемъ содержаніи; съ богатыми же и капиталистами козаками поступаютъ они такимъ образомъ: по вскрытіи весны подъ видомъ службы государевой, отлучаютъ ихъ отъ домовъ, а между тѣмъ всѣ ихъ рыбныя ловли пріостанавливаютъ ради большаго прибытка отъ своихъ собственныхъ. 3) Близъ Екатеринодара, на границѣ съ владѣніемъ черке-

[1]) Извѣстный собиратель матеріаловъ для исторіи Малороссіи. Едва ли не онъ же, Чепа, и писалъ приводимое прошеніе, въ которомъ замѣтна умѣлая манера писанія дѣловыхъ бумагъ, а за эту манеру Румянцовъ и цѣнилъ Чепу.

скимъ, учреждена тѣми черкесами мѣна хлѣба, соли и другихъ товаровъ, но бѣдные по части сей удовольствія лишены: ихъ чиновники къ тому не допущаютъ ради того, чтобы весь нужный имъ товаръ, а наиболѣе хлѣбъ, покупали у нихъ гораздо высокими цѣнами. 4) Винный откупъ по всему занимаемому ими мѣстоположенію судья Головатый, безъ всякаго ихъ согласія, которой желали бы они взять, отдалъ постороннему откупщику, но неизвѣстно, куда получаемыя за оной деньги слѣдуютъ. 5) Рыбная ловля на Черномъ протокѣ, приносимая (приносящая?) ежегодно доходу до осьмидесяти тысячъ рублей, по слухамъ мнѣ дошедшимъ, якобы имъ, Головатымъ, продана подъ предлогомъ, что будто-бы весь оной доходъ употребляется на войско. 6) Сверхъ сего полковникъ Юзбашъ, пріѣхавъ въ Ениколь, чинитъ безчеловѣчные побои козаку, въ чемъ я самъ свидѣтель, когда дошло сіе до свѣдѣнія оберъ-коменданта, и отъ него за нимъ посланъ былъ, онъ, Юзбашъ, уѣхалъ. 7) По такимъ обстоятельствамъ, гдѣ я ни проѣзжалъ мѣста ими обитаемыя, вездѣ слышалъ отъ козаковъ, что они, ежели всѣ кратко мною здѣсь описанныя стѣсненія имъ не будутъ отъ нихъ удалены, то коль скоро послышатъ они о приближеніи въ Анапу, проживающихъ теперь въ портѣ атаманской прежнихъ запорожцевъ, перейдутъ и сами туда. Но напротиву того ежели обрящутъ они себѣ покой, обѣщаются и клянутся служить ея императорскому величеству и отечеству до послѣдней капли крови. Все сіе объявляю я его превосходительству г. генералъ-маіору, правителю екатеринославского намѣстничества и кавалеру Іосифу Ивановичу Хорвату по самой истинѣ. Подлинную подписалъ архимандритъ Феодосій".

Исторія переселенія бывшихъ запорожцевъ на восточный берегъ Черняго моря подробно разсказана Бентковскимъ въ его статьѣ—*Заселеніе Черноморіи съ 1792 по 1825 годъ* [1]). Изъ этой статьи мы узнаемъ, что переселеніе запорожцевъ въ Черноморію совершилось подъ главнымъ руководствомъ кошеваго Чепѣги и судьи Головатаго. Послѣдній ѣздилъ съ депутатами въ Петербургъ и выхлопоталъ тамъ, въ дополненіе къ пожалованнымъ землямъ, еще и другія богатыя милости. Переселеніе на Кубань совершилось главнымъ образомъ въ 1792 и 1793 гг. «Войск. судья Головатый,—говоритъ Бентковскій,—человѣкъ энергическій и грамотный въ полномъ значеніи слова [2]), что доказывается уцѣлѣвшими его собственноручными письмами, былъ повидимому главнымъ распорядителемъ переселенія Черноморскаго войска и исполнителемъ предначертаній императрицы; по крайней мѣрѣ больше Чепѣги оставилъ (онъ) слѣдовъ своей дѣятельности»... Переселившись въ Тамань лѣтомъ 1793 г., Головатый тутъ оставался до весны 1794 г., неустанно распоряжаясь о размѣщеніи въ Черноморіи продолжавшихъ пребывать сюда запорожцевъ. Осенью (7 ноября)

---

[1]) Въ Памятной книжкѣ Кубанской области на 1881 г. стр. 1—125.

[2]) Головатый учился въ Кіевской академіи.

1796 г. [1]) Головатый умеръ, въ персидскомъ походѣ. Записка арх. Феолосія составлена въ апрѣлѣ 1795 г. и заключаетъ въ себѣ обвиненія въ злоупотребленіяхъ, которыя, значитъ, практиковались Головатымъ въ томъ же 1794 г., когда запорожцы только что размѣщались по Черноморіи. Кажется, что взводимыя на Головатого здѣсь обвиненія сильно раздуты, причемъ исходили они едва ли не отъ войск. писаря Котляревскаго, который былъ антагонистомъ и Головатаго, и Чепѣги († 1797 г.). По смерти этихъ чиновниковъ, Котляревскій въ запискѣ, поданной императору Павлу, обвинялъ ихъ обоихъ въ затрудненіяхъ и лишеніяхъ запорожцевъ при переселеніи, происшедшихъ отъ непредусмотрительности Чепѣги и Головатаго, причемъ говоритъ, что оба они «нѣкоторыхъ козаковъ *четыре года* затрудняли переселеніемъ съ мѣста на мѣсто...» Четыре года Головатый едва самъ прожилъ въ Черноморіи... Наконецъ, черноморецъ Туренко («Кіевск. Стар.» 1887 г.) разсказывая, въ 1838 г., первоначальную исторію Черноморія, прославляетъ заслуги Головатаго по устройству благосостоянія черноморскаго войска, указывая, что «Головатаго стараніемъ отдана на откупъ въ іюль 1794 г. купцу Яшнину продажа вина», что его же стараніемъ отданы рыболовные заводы на южной косѣ на откупъ керченскимъ артелямъ»... А Туренко могъ быть и живымъ свидѣтелемъ дѣятельности Головатаго...

А. Л.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть первая томъ третій. Письма 1851—1860 г г. Поѣздка въ Малороссію и проч. Москва 1892. 8°.

Еще въ 1888 г. начато было изданіе писемъ И. С. Аксакова, писанныхъ къ его отцу изъ разныхъ мѣстъ, куда бросала судьба А—ва. Переписку онъ велъ оживленную и весьма пространную, замѣнявшую, по словамъ его самого, дневникъ. Въ послѣднемъ томѣ этого изданія, дошедшемъ къ намъ только теперь, напечатаны письма изъ Малороссіи, изъ которыхъ мы и сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій, чтобы показать, какое впечатлѣніе производила Малороссія пятидесятыхъ годовъ на такого

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ—28 января 1797 г.

отзывчиваго человѣка, какимъ былъ И. С. Аксаковъ. Въ 1853 г. И. С. А—въ получилъ отъ Географическаго общества порученіе отправиться на годъ въ Малороссію для обозрѣнія и описанія главнѣйшихъ ярмарокъ. Отправившись осенью того же года для исполненія этого порученія, А—въ первыми своими украинскими впечатлѣніями подѣлился съ извѣстнымъ А. И. Кошелевымъ, которому въ к. ноября 1853 г. писалъ изъ Сумъ „про обаяніе Малороссіи"; но пріѣхавъ въ Харьковъ, онъ уже пишетъ:

«Это впечатлѣніе (обаяніе) теперь совершенно изчезло, во первыхъ потому, что я убѣдился, что Харьковская губернія совсѣмъ не Малороссія»... Затѣмъ А—въ дѣлаетъ характеристику совмѣстно живущихъ тамъ «хохловъ» и «русскихъ» и заключаетъ эту характеристику такъ: «здѣсь какая-то безобразная помѣсь въ быту крестьянскомъ, въ быту мѣщанскомъ, въ быту купеческомъ и даже въ быту дворянскомъ. Забавно видѣть презрѣніе здѣшнихъ купцовъ и чиновниковъ къ малороссійскому нарѣчію, когда сами они говорятъ по-русски невыносимо для московскаго уха!... О малороссійской народности знаютъ здѣсь менѣе, чѣмъ въ Москвѣ»...

Не найдя Малороссіи въ харьковской губерніи, А—въ, по-видимому, нашелъ ее въ Полтавѣ. Пріѣхавъ сюда въ февралѣ 1854 г., А—въ записываетъ въ свой дневникъ:

«Въ четвергъ обѣдалъ я у Бодянскаго [1]), угостившаго меня варениками и сливянкой... Малороссовъ чиновниковъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ русскихъ, почти все малороссы. Русскіе занимаютъ большею частью самыя высшія должности. У насъ въ Россіи рѣдкій дворянинъ, богатый и получившій образованіе, соглашается служить у себя на родинѣ, въ глуши. Не манитъ къ себѣ родина. Когда я говорю служить, то разумѣю дѣйствительную службу, не по выборамъ.— Малороссія вѣчно привлекательна для малоросса: она имѣетъ до сихъ поръ въ себѣ что-то самостоятельное, своеобычное; удалиться въ Малороссію не то, что уѣхать въ глушь саратовскую, а удалиться въ другой край, въ другой міръ, какъ бы въ другое государство. Не говорю уже о ея природѣ, о ея климатѣ»...

Попавъ весною того же года въ Елисаветградъ, А—въ писалъ оттуда отцу:

---

[1]) Родственникъ Осипа Максимовичъ Б—аго.

«Буду пробираться въ Кіевъ—черезъ Чигиринъ, Золотоношу; словомъ, хочу заглянуть въ самое гнѣздо козацкое... Мнѣ именно интересно посмотрѣть поближе весь бытъ деревенскій лѣтомъ»...

«Много слышалъ я о Кіевѣ, но онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія! Я еще до сихъ поръ не могу настоящимъ образомъ придти въ себя и отдать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ испытанныхъ ощущеніяхъ: и красота самаго Кіева, и весна—съ разливомъ Днѣпра, съ молодою свѣжею зеленью, съ милліонами соловьевъ, съ благоуханіемъ, отвсюду несущимся,—и пещеры съ своими будто-бы вѣчно бодрствующими мертвецами, и слѣды древности на каждомъ шагу, напоминающіе весеннюю пору въ исторіи Руси, ея первую, раннюю молодость, Русь еще княжескую, не царственную!—все это такъ разнообразно дѣйствуетъ на человѣка, что, кажется, мало одинъ разъ побывать въ Кіевѣ!—Я пріѣхалъ сюда въ среду утромъ, на солнечномъ восходѣ»...

«Теперь отъ Броваръ (овъ) до самого Кіева—шоссе, слѣдовательно песковъ нѣтъ. Густая зелень деревъ по обѣимъ сторонамъ шоссе мѣшала видѣть Кіевъ издалека; впрочемъ, уже на 15 верстѣ—тамъ, гдѣ разступились деревья, сверкнули главы и кресты церквей. Наконецъ, за нѣсколько верстъ до Кіева, деревья исчезли и вся великолѣпная панорама Кіева раскрылась предо мною, отражаемая синими водами Днѣпра и ярко освѣщенная солнцемъ»...

«Отправился обѣдать къ Юзефовичу, который созвалъ на обѣдъ довольно много гостей—по случаю моего пріѣзда. Тутъ я познакомился и съ Ригельманомъ, и съ Судьенко, и съ статистикомъ Журавскимъ, и со многими другими... Послѣ обѣда мы долго сидѣли въ саду—въ виду роскошнаго клена, въ обхватъ толщины, и при пѣніи соловьевъ. Потомъ перебрались къ Ригельману»...

«Я много разсказывалъ Ригельману про Трутовскаго и у него есть проэктъ—предложить Трутовскому отъ себя, отъ Галагана, Тарновскаго [1]) и отъ другихъ богатыхъ малороссовъ сумму денегъ, достаточную для артистическаго путешествія по Малороссіи. Я думаю, Трутовскій не откажется; взамѣнъ денегъ онъ можетъ представить въ ихъ пользу свои рисунки»...

Поѣхавъ лѣтомъ 1854 г. въ Яновщину, навѣстить мать Гоголя, А—въ пишетъ:

---

[1]) Василій Васильевичъ († 1866 г.)—отецъ извѣстнаго собирателя предметовъ малорусской старины.

«Ѣхали мы чудесными мѣстами, освѣщенными луною, но большею частью ѣхали мы между хлѣбовъ. Знаете-ли вы хлѣбный запахъ? Я его никогда не обонялъ въ Россіи. Это такой живительный запахъ, что, вдыхая его въ себя, кажется, вдыхаешь въ себя силы и здоровье. Да и вообще хорошо лѣтомъ въ Малороссіи! Такъ пріятно видѣть эту сочность почвы, эту щедрость, благость, доброту природы»...

Въ іюлѣ того же года А—въ отправился къ Галагану (Г. П.) въ его Сокиренцы, посѣщеніе которыхъ описано отцу особенно подробно:

«Нанявъ лошадей у еврея, отправился я (изъ Ромна) въ Сокиренцы... Галаганъ встрѣтилъ меня самыми радушными объятіями. Семейство его состоитъ изъ матери его, урожденной граф. Гудовичъ, жены, урожденной Кочубей, сестры—замужемъ за гр. Комаровскимъ Павломъ и изъ самого гр. Комаровского. Тамъ же нашелъ я Ригельмана и художника Жемчужникова (Л. М.), сына сенатора, брата нашего правовѣда [1])... Взглянувъ на домъ и на садъ, я сказалъ Галагану, что онъ не панъ, а лордъ Галаганъ, что его очень смутило и заставило горячо оправдываться. Въ самомъ дѣлѣ я думаю, и герцогъ Девонширъ былъ бы доволенъ здѣшнимъ мѣстомъ. Вообразите, что подъ англійскимъ садомъ и подъ паркомъ 140 десятинъ, 80 подъ садомъ и 60 подъ паркомъ. И какой садъ, какой паркъ! Я не видалъ ничего лучше и думаю, что только въ Англіи можно найти что-нибудь подобное и даже лучше. Этотъ садъ былъ устроенъ еще его отцомъ, съ помощью какого-то знаменитаго садовника, изъ великолѣпнаго стараго лѣса. Садъ расположенъ съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла. Я не имѣлъ до сихъ поръ никакого понятія о наукѣ или, лучше сказать, объ искусствѣ садоводства. Садовникъ долженъ быть истиннымъ художникомъ и носить въ душѣ своей чувство красоты»...

А что за деревья! Благодаря необычайной растительности прилуцкаго уѣзда,—всѣ деревья гиганты, дубы, липы, клены въ нѣсколько обхватовъ ширины. Есть дубы, которымъ независимо отъ растительности, дающей имъ большіе размѣры, считается лѣтъ подъ 300! Такихъ высокихъ, этакихъ могучихъ дубовъ я нигдѣ не видалъ [2]). Есть кленъ, подъ которымъ можетъ помѣститься цѣлый батальонъ. Отъ одного края вѣтвей до другаго 42 шага, въ поперечникѣ! Садъ

---

[1]) Поэта Алексѣя Михайловича.

[2]) Въ Диканькѣ Кочубеевъ—дубы еще *могучѣе*.

такъ огроменъ, что въ немъ много урочищъ съ народными названіями. Въ одномъ дубѣ, обхвата въ три ширины, образъ, уже давно и неизвѣстно кѣмъ сюда поставленный. Онъ уже не однажды вросталъ въ дубъ, т. е. его затягивало корою дуба,—и должны были вновь вырубать его. Жаль одного. Воды мало, рѣки нѣтъ, есть прудъ, и большой, но по саду онъ малъ».

«Садъ содержится отлично, и Галаганъ поспѣшилъ объяснить, что содержится не панщиной, а наймомъ.—Домъ огромный, настоящій замокъ, содержится богато, но особенной роскоши въ немъ нѣтъ. Вся роскошь въ саду. Весь тонъ и строй жизни въ этомъ домѣ благочестивый, скромный и даже строгій, вся семья очень набожна. Галаганъ внушаетъ мнѣ характеромъ своимъ, направленіемъ и поступками искреннее, глубокое уваженіе. Его убѣжденія вамъ извѣстны, они дѣлаютъ его постоянно серьезнымъ и даже грустнымъ. Среди этой роскоши онъ постоянно занятъ одною мыслью,—извлечь всю возможную пользу изъ своего положенія для другихъ, сдѣлать какъ можно болѣе добра, оправдать свое богатство передъ своею совѣстью. Онъ не распоряжается еще всѣмъ имѣніемъ, но по возможности, потому что главною госпожею его мать, старается объ облегченіи участи крестьянъ и о достиженіи со временемъ полнаго для нихъ освобожденія. Отношенія крестьянъ къ помѣщику въ Малороссіи хуже, чѣмъ въ Россіи у самаго лучшаго помѣщика, но это другой вопросъ, очень пространный, о которомъ какъ-нибудь послѣ, если будетъ можно. Мать Галагана очень замѣчательная женщина. Лишившись мужа еще въ малолѣтствѣ дѣтей, она вела все огромное хозяйство и воспитала дѣтей. Она очень умна, образована, чрезвычайно привѣтлива и любезна, добра, ласкова съ людьми и крестьянами, набожна, но въ тоже время аристократка въ душѣ и деспотка. Все дѣлается по ея волѣ, по ея приказанію, отдаваемому кроткимъ, ласковымъ голосомъ, съ пріятнымъ, хотя и старымъ лицомъ,—никто никогда не смѣлъ и не смѣетъ ослушаться этой худощавенькой, любезной старушки. Я говорю любезной, потому что она именно любезна, напоминаетъ любезность стариннаго свѣтскаго общества.—Здѣсь Жемчужниковъ—молодой художникъ съ большимъ талантомъ, страстно любящій Малороссію, уже три года ее посѣщающій. Онъ рисуетъ масляными красками, но genre его нѣсколько другой, чѣмъ у Трутовскаго. Онъ посвящаетъ себя эпизодамъ изъ козацкой исторіи, хочетъ рисовать картины къ украинскимъ думамъ, распѣваемымъ бандуристами. Должно признаться, что онъ добросовѣстно изучаетъ козацкую поэзію, знаетъ почти всѣ

думы наизусть и, вполнѣ владѣя малороссійскимъ языкомъ, шатаясь по Малороссіи, завелъ знакомство съ бандуристами и много собралъ самъ пѣсенъ и думъ. Впрочемъ, въ Малороссіи это легче, чѣмъ въ Россіи; здѣсь художникъ, рисующій видъ природы, не удивитъ никого, не потому, что это явленіе случалось часто, но потому, что пониманіе изящныхъ искусствъ доступнѣе Малороссу самому простому и онъ самъ способенъ любоваться красотою цвѣтка по цѣлымъ часамъ. Я видѣлъ масляную картину Жемчужникова, изображающую бандуриста слѣпого съ мальчикомъ на дорогѣ: вдали тянутся заборы, ползетъ экипажъ на гору, и, заслышавъ шумъ, бандуристъ заигралъ на бандурѣ и запѣлъ. Картина хороша, по крайней мѣрѣ мнѣ нравится, и Галаганъ и всѣ малороссы ею очень довольны. Я невольно подумалъ, что при томъ серьезномъ, печальномъ даже расположеніи духа извѣстныхъ мнѣ богатыхъ малороссовъ, genre Трутовскаго, мало знакомаго съ исторіею Малороссіи и равнодушнаго къ ея прошедшему, не удовлетворитъ ихъ...

«Пѣсни въ народѣ хорошо сохранились, и я не думаю, чтобы онѣ могли дойти до такой степени путаницы и нелѣпицы, какъ большая часть пѣсенъ, которыя поетъ великорусскій народъ. Здѣсь поющій обращаетъ вниманіе на содержаніе и на смыслъ пѣсни, между тѣмъ въ Россіи самая протяжность звуковъ мѣшаетъ обратить вниманіе на слова пѣсни. Ямщикъ проѣдетъ семь верстъ прежде, чѣмъ успѣетъ кончить совсѣмъ первый стихъ пѣсни: *не бѣлы то снѣги въ полѣ забѣлѣлися.*»—«Что это за прелесть пѣсни малороссійскія въ собраніи Метлинскаго. Онѣ всѣ записаны изъ устъ народа. Столько въ нихъ художественной красоты, оконченности, граціи; все это относится вообще къ области чувства, исчерпано въ нихъ со всей глубиной тончайшими оттѣнками и переливами. Вообще эти пѣсни показываютъ высокое душевное образованіе въ народѣ. Что касается до извѣстныхъ мнѣ пѣсенъ духовнаго и философскаго содержанія, то онѣ ниже великорусскихъ. Какая удивительная гармоничность, музыкальность стиха, напримѣръ, въ этой пѣсни, гдѣ дочь, выданная замужъ въ чужую сторону, разсказываетъ про посѣщеніе своей матери:

Ище сонце не заходыло,
Щось до мене да приходыло?
Приходыла моя матюнка,
Приходыла моя ридная,
Порадонька моя вирная.

Вона въ мене не обидала,
Тилки мене да одвидала;
Вона въ мене не полуднала,
Тилки мене приголубыла;
Вона въ мене не барылася
Тилки сила, пожурылася...»

На этомъ мы оканчиваемъ наши выписки, полагая, что по малой распространенности названной книги, онѣ будутъ прочтены съ любопытствомъ въ виду личности автора.

А Л

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, тихій, холодній, ночъ такъже свѣтла отчасти, але холодна и тиха. У Клима взялемъ 10 р., тіе, якіе давалъ я на медъ въ Криски. У Клима жъ денги остались отъ Івановни сегодня отобраніе, а именно 52 р. да 50 ефимковъ. Родители у гетмана обѣдали, а мы въ дому, у вечеру билъ у мене ректоръ кіевскій Дубневичъ.

Середа. 5. День былъ таковъ же, якъ и прежніе, ночъ такъ же холодна, однако жъ зъ отлигою. Манѣфестъ присланъ, что бывшій фелтмаршалъ князь Василій Володимер. Долгорукій, такъ же князь Юрій Долгорукій, князь Боратинскій и Столѣтовъ, порутчики gвардіи, въ силки послани разніе, за нѣкоторіе свои вини и приступленія. Семенъ Шохъ, староста крисковскій, отехалъ до Крисіокъ, а оттуду до Кролевца пруского зъ тютюномъ и ганишемъ, которого будетъ именно: тютюну пуда 250, а ганишу пуд. 250; далъ я ему на плату фурманамъ 166 ефимковъ, а на покупки 70 чер., да на дорогу ему 5 ефимковъ да 1 р., да ему за службу торочную 9 ефимковъ. И съ нимъ поехалъ Климъ, виправить его, да Алексѣй—здать ганишъ съ табакомъ. Ему жъ дана інструкцѣя въ нѣкоторихъ пунктахъ, о чемъ нижей.

Крещеніе. Четвер. 6. День былъ хмарний и ночъ съ отлигою малою, тихіе, толко жъ холодніе. Сегодня были на Іорданѣ, а обѣдали у гетмана, где Стефана Уманца гетманъ съ Турgеневимъ наставляли въ сотники, а отложили на завтрейшій день. Я сидѣлъ зъ п. Михайломъ и въ дами долго игралисмо.

Пятокъ. 7. День былъ и ночъ съ стужею тихіе, а ночъ свѣтла. Рано былъ я зъ род. у гетманскомъ дворѣ, по службѣ, обѣдалиемо въ дому, у вечеру ездилемъ до п. Михайла играть въ дами. Повторнимъ разомъ принялъ я отъ капитана gвардіи Воейкова Петра ржи 73 четверти; да у людей его Воейковыхъ купилъ я ржи жъ четвертей 30 и четверичковъ 6 по 23 а., за все заплатилъ 21 р. и 21 к.

Субота. 8. День былъ и ночъ зъ стужею, хмарни, тихіе. Обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а передъ обѣдомъ жена и дѣти поехали въ Чернѣговъ, на веселле дочери небожчика п. Григорія

швакгра; у вечеру ездилъ я до Турѕенева и доволно у него просидѣлъ, въ шахмати играли зъ нимъ и виградъ я, при брату п. Михайлу Скоропадскомъ.

Неделя. 9. День былъ хмарний и ночъ тиха сперва, а потомъ зъ вѣтромъ полуденнимъ и зъ отлигою. Рано ездили къ гетману, где по службѣ кушали, а у вечеру ездилъ я до Турѕенева и Кишкина, и посидѣвши у нихъ, повернулся назадъ. Кишкинъ, подъ часъ обѣда у стола гетманского, посилалъ до Львова сторони моего Вѣжевского, дабы его за карауломъ солдацкимъ не держано, но онъ Львовъ велѣлъ ему отказать, что завтра де буду въ судѣ и велю онаго на цепъ взять. Писма зъ Москви получилъ отъ Желяза и чайникъ глиняний зъ теребилцемъ.

Понеделокъ. 10. День былъ хмарній, снѣгъ ишолъ черезъ увесь день и черезъ ночъ, и зъ того много снѣгу у первое випало, а передъ свѣтомъ перестадъ. Сегодня слухалиемо зъ п. бунчужнимъ дѣла Лисовскихъ, обѣдалемъ тамъ же въ дворѣ, у вечеру былъ зде у насъ хоружій енер. и Петракей.

Вовтор. 11. День былъ хмарний, тихій, зъ однакою жъ отлигою, и ночъ такова жъ. Обѣдалемъ у гетманского столу, а пріехавши домой имѣлъ гостей: писара печерского Савѣцкаго да комендanta Кишкина. Писано отъ гетмана до коменданта, дабы Вѣжевского моего не содержано подъ карауломъ салдацкимъ и канцеляристъ Левандовскій относилъ, толко жъ ничого не здѣлалося. Сеей ночи Парасечка, дѣвочка Литвинова дочъ, умре отъ оспи, черезъ 6 недель утерпѣнной. Песаръ печерскій подарилъ мнѣ тестаментъ бѣло опре...... Стар. крисковскій зъ Крисіокъ пошелъ въ дорогу.

Среда. 12. День былъ и ночъ хмарніе, тихіе, зъ среднимъ морозомъ. Въ дому увесь день былъ я, никуда не ездилъ, а рано били у мене Кондзеровскій и Костенецкіе оба. П. гетманъ ездилъ зъ охотою. Писалъ писмо въ Москву до Желязи и 2 червоныхъ послалъ до прежнихъ 4-хъ, итого всѣхъ 6 чер., а теперъ писалъ купить осятровъ 3, лососей 2, икры пудъ, стерлядей 10, да бутилокъ плетенихъ порожнихъ 40, зъ затичками, а затичокъ корен-

нихъ въ аптецѣ фунтъ, да зъ манѣфактури тясеми на ренсъ (?) чорней или темнокофейной аршинъ 16.

Четвер. 13. День былъ холодний велми первей, а потомъ хмарний изъ снѣгомъ, ночъ холодна жъ, также и хмарна, тиха. Сегодня рано ездилемъ зъ паномъ гетманомъ на охоту, санками, и обѣдалемъ у столу его, и въ карти въ п. Михайла игралемъ съ нимъ, Валкевичемъ и Покорскимъ. Писалемъ до брата Марка, чтобъ онъ зехалъ у футоръ мой Артополотскій и вигналъ оттоль статокъ и коне чужіе, жебы не или сѣна, и взять сказку у дворника моего тамошнего подъ штрафомъ кіевимъ, даби онъ не смѣлъ ничіего статку кормить сѣномъ.

Пятокъ. 14. День былъ хмарний, але велми холодній, ночъ хмарна жъ, холодна и тиха. Купилемъ овса для коней четвериковъ 2, а зъ Сваркова четверть привезено сегодня. Ректоръ кіевскій Дубневичъ обѣдалъ у насъ съ родителми, а у вечеру посѣщалъ мене братъ п. Михайло и Чуйкевичъ.

Субота. 15. День зъ снѣжкомъ и ночъ сходна во всемъ вчорайшимъ, толко ночъ погоднѣйшая, безъ снѣгу. Рано ездилемъ въ городъ, обѣдалемъ въ дому съ родителми, братъ Семенъ зъ женою отехалъ. Отецъ Мойсей приездилъ просить родителя въ куми дочери своей зъ гетмановою. Іванъ Мануйловичъ, асаулъ енер., показалъ сказкою, что онъ не вѣдаетъ почему мой служитель Павелъ Вѣжевскій взятъ за арестъ, а его совѣту не было. Другій облѣкъ дала на 200 р. и 12 червоннихъ Овдоття Ивановна объ отдачѣ такихъ денегъ въ пріидучомъ 1733-мъ году, сего жъ числа.

Неделя. 16. День былъ свѣтлій, солнечний, тихій и холодній велми, ночъ свѣтла жъ, тиха, зъ крѣпчайшимъ морозомъ. Дочъ у отца Мойсея крещена, воспріиматели—родитель зъ п. гетмановою, и у него обѣдали самъ панъ гетманъ и протчіе, а я оттоль пойшовши, обѣдалемъ зъ п. Михайломъ. Климъ, повернувшись зъ Крисіокъ, привезлъ вѣдомость ганишу и тютюну въ Кролевецъ пруській посланного зъ старостою крисковскимъ, которій зъ Крисіокъ пошолъ 11-го генваря. Черезъ Платковского, канцеляр. войскового, писалъ до Желязи и до сестри, которой дочери послалемъ Новий Завѣтъ.

Понеделокъ. 17. День и ночъ весма сходніе зъ вчорайшими. Отдалемъ Хамкиновому брату за жито 60 р. по писму Леона, а денги дани отъ Івановни, за ефимки взятіе 52 р., а осталніе зъ баулчика далемъ. Обѣдалемъ въ дому зъ родителемъ, а передъ обѣдомъ родителка отехала въ Овдоколле и братъ Лука. У вечеру ездилемъ до брата п. Михайла, где игралемъ у карти съ нимъ, Валкевичемъ и Покорскимъ, зъ проиграшомъ. Ханенко, суддя стар., позичилъ у мене книжку писанную Synod glicioso limit. (?) и отдалъ.

Вовтор. 18. День былъ такій же, якъ вчора, тоесть свѣтлій, тихій, збытъ холодний, ночъ холодна жъ зъ вѣтромъ, а потомъ хмарна зъ отлигою. Хамкиновому брату осталніе денги отдалемъ 100 р., позичивши сегодня у брата п. Михайла и въ закладъ ему червон. 50 давши. Обѣдалемъ въ дому зъ братомъ Іваномъ, у вечеру ездилемъ до брата п. Михайла, где игралъ въ карти съ нимъ и съ прежними игроками.

Середа. 19. День хмарний зъ вѣтромъ первей, а потомъ тихъ и зъ отлигою, ночъ хмарна, тиха и зъ отлигою. Івановна отдала 12 червонныхъ прошлолѣтнихъ черезъ Клима. Били на молебнѣ у церквѣ ст. Николая, о возшестіи на престолъ е. в., а обѣдалемъ въ дому. Повернулся Лобасъ зъ Москви и привезлъ писмо къ род. отъ Желязи и отъ Старжинского ко мнѣ. Ездилемъ до брата п. Михайла, зъ которимъ игралемъ въ карти зъ виграшемъ.

Четвер. 20. День хмарний отчасти и отчасти свѣтелъ, ночъ хмарна жъ, а день и ночъ зъ отлигою. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до брата п. Михайла, зъ которимъ и зъ Валкевичемъ и Покорскимъ игралъ въ карти зъ виграшемъ. Принялъ Климъ за рибу 31 р. отъ глух. прасолей.

Пятокъ. 21. День такъ же и ночъ хмарніе зъ отлигою и зъ снѣжкомъ маленкимъ, и зъ вѣтромъ. Меду купилисмо шестдесятнихъ пудовъ 13 и фунтъ 53, за что Климъ заплатилъ зъ денегъ у себе имѣющихся 23 р. 48 к. зъ денгою. Полковникъ Афанасій Прокопіевъ Радищевъ въ судъ енер. членомъ пріехалъ въ Глуховъ. Игралисмо зъ прежними игроками въ карти зъ проиграшомъ моимъ.

Суббота. 22. День хмарний, а после туманъ зъ снѣжкомъ и зъ дощикомъ, такова жъ и ночъ, а къ свѣту снѣгъ густий. Рано ѣздилемъ въ городъ и обѣдалемъ у столу гетманского зъ протчіими, а по обѣдѣ, повернувшись, у лазнѣ милемся въ дому. Челобитную на Лвова, о Вѣжевскомъ, повторную подалемъ до рукъ гетмана.

Неделя. 23. День былъ зъ силною метелицею и зъ вѣтромъ, къ вечеру тихо, у ночѣ свѣтло и зъ морозомъ. Рано былъ у церквѣ ст. Анастасіи, обѣдалъ у себе зъ Валкевичемъ и Стожкомъ, у вечеру у п. Михайла играли въ карти зъ виграшомъ. У вечеру у п. Михайловой хатѣ зъ Валкевичомъ и Покорскимъ, при Демяну Оболонскомъ (*далѣе зачеркнуто*).

Понеделокъ. 24. День былъ хмарний зъ маленкимъ снѣжкомъ, но холодний, къ вечеру холоднѣйшій, ночъ свѣтла, тиха, зъ жестокимъ морозомъ. Сегодня рано ездилъ я въ городъ, въ гетманскій дворъ, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ ездили до Андрея Миклашевского, гдѣ играли въ карти зъ проиграшомъ моимъ. Яковъ Дуброва да Климъ Пѣщанскій ходили у склепъ, въ городъ, и важили тамъ обрѣтаючійся воскъ, которого по ихъ вѣдомости показалось грудъ 25, а въ нихъ ваги—24 пуда и 33 фунт. и пол.

Вовтор. 25. День былъ свѣтлій, тихій и ночъ такова жъ, зъ жестокимъ морозомъ. Сегодня былъ рано я у гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе. У вечеру были у мене: бунчучний Борзна, п. Михайло, сотникъ срѣбр. Троцина, Миклашевскій Андрей, Грицъ Гамалѣя, Ханенко и Лизогубка конотопская зъ Валкевичемъ, и розговарували сторони спору между Лизогубкою и Миклашевскими будучого, а по отездѣ ихъ игралисмо въ карти зде зъ виграшомъ моимъ.

Середа. 26. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ, зъ жесточайшимъ же морозомъ. Сегодня рано былъ я у гетманскомъ дворѣ, обѣдалемъ въ дому зъ родителкою, которая зъ Овдоколля пріехала, передъ обѣдомъ, зъ братами Семеномъ и Лукою, а по обѣдѣ пріездили ко мнѣ бунчучний енер., братъ п. Михайло и проч. зъ Миклашевскими обома, Андреемъ и Стефаномъ, а потомъ Андрѣева

Лизогубка зъ Валкевичомъ для миру, толко жъ миръ не сдѣлался для того, что она, Лизогубка, требовала уконтентовання себѣ за добра рубановскіе, а именно: Рубановку очистить отъ другихъ сестеръ да Калашиновку придать и лѣсъ Мирицю и 800 руб., или вмѣсто Рубановки—млинъ Десятуху, въ Стародубѣ будучій, зъ Калашиновкою и Марицею, албо Сѣнное, чего Миклашевскіе не уступали, а уступали то жъ что и другимъ сестрамъ, а зверхъ того 200 р., албо Рубановку очистить ей Лизогубцѣ отъ другихъ сестеръ, перенимались на себе, и тако розехались. А мы играли въ карти зъ маленкимъ виграшомъ моимъ и п. Михайловимъ болшимъ. Димитрію Іванову, да Константію Іванову, братамъ Липчанамъ, да товаришеви ихъ Івану Кирилову Пѣперу, ģрекамъ нѣжинскимъ, позичилемъ на годъ 330 чер.; они, Димитрій и Александеръ, лѣчили.

Четвер. 27. День и ночъ были такіе, якъ и вчорайшіе, свѣтліе, тихіе зъ жесточайшимъ морозомъ. Обѣдали гетманъ, род. и протч. и я, Радищевъ и Кишкинъ у Мануйловича, асаули енер., а у вечеру играли въ карти у п. Михайла.

Пятокъ. 28. День и ночъ сходніе прежнимъ были во всемъ, свѣтліе, тихіе и збытъ холодніе. Праздновали сегодня день рожденія ея величества и подпіяхомъ у столу гетманского, а потомъ играли у карти у п. Михайла. Жена зъ Чернѣгова повернулась зъ дѣтми. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, повернулся зъ Москви и зъ нимъ Янушкевичъ, писаръ бывшій чернѣговскій, также Желазо, слуга род., и Старжинскій.

Суббота. 29. Къ веснѣ. День и ночъ зъ отлигою, однако жъ холодноватіе, отчасти свѣтліе и отчасти хмарніе. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ братъ п. Семенъ отехалъ зъ братовою въ Кролевецъ, на веселле отца Александра Маковского, дочъ свою за Борсука отдаючого, а я у вечеру ездилъ въ городъ до п. Михайла, где игралъ у карти зъ проиграшомъ. Нога лѣвая стала болѣть у мене. Димитрію Иванову (?).

Неделя. 30. День и ночъ были хмарніе зъ отлигою, толко жъ холодноватіе сперва, а потомъ тепломокроватіе. Обѣдалисмо у столу гетманского, а по обѣдѣ поехалисмо зъ старшиною енер. и полков-

никами противъ генерала Семена Григоріевича Нарѣшкина, которого верстъ за 3 отъ города споткалисмо и припровадили его въ его квартеру, домъ п. судіиной сестри, откуду зайшолъ я къ себѣ зъ Андреемъ Миклашевскимъ, Ханенкомъ и поехалъ до брата п. Михайла, зъ которимъ игралъ въ карти и ничего не виигралъ. Іванъ Якушевичъ, писаръ пол. чернѣг., отдалъ мнѣ мой долгъ 20 р.

Понеделокъ. 31. День былъ и ночъ похмурніе, тепломокріе, а къ свѣту морозецъ. Сегодня рано былисмо зъ родителемъ у генерала Нарѣшкина, а оттоль у гетмана, обѣдали въ дому. По обѣдѣ знову ездили до брата п. Михайла, съ которимъ посидѣвши, повернулемся назадъ. Генералъ Нарѣшкинъ ездилъ до гетмана, где отдалъ грамоту зъ иностранних дѣлъ колегіи къ гетману писанную, въ которой показано то, чтобъ гетману опредѣлить маетности на старшину зъ тѣхъ, которіе былъ гетманъ опредѣлилъ прежде до указу, а именно: обозному— 400 дворовъ, судямъ—по 300 дворовъ, подскарбѣю до прежде данних добавить, чтобъ било также 300, асауламъ, хоружому и бунчучному—по 200 дворовъ, а писареви енер. владѣть тими, которіе и прежде били въ его владѣніи, писареви судовому—30 дворовъ, на канцеляріи войсковую и судовую—100 дворовъ, великороссійскимъ тромъ суддямъ по 50 дворовъ. Черезъ Горленка, отправляючогося въ Москву, писалемъ до Каратаева о писмѣ моемъ до Платковского посланномъ и о тестаментѣ сестрѣ и о 2-хъ червоннихъ, черезъ того жъ посланнихъ, и чтобъ онъ за тіе червонніе купилъ 2 осятра, а за осталніе бутилокъ плетенихъ порожнихъ.

Февруар. м-ць. Вовтор. 1. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ во всемъ и къ свѣту морозецъ же поболшій. Родителка отехала въ Роменъ рано затимъ, что Івась брата Андрѣя на оспу захоровалъ, которую опровожала жена, а повернувшись обѣдалисмо вкупѣ зъ родителемъ; у вечеру ездилемъ до п. Михайла, где игралъ въ карти зъ проиграшомъ. Юско посланъ въ Роменъ и далѣе по футорахъ, которому и приказъ данъ и 2 гривни на дорогу, также и Ярема посланъ въ Оболонне, взять оттуду подводи и ехать до

до Пироговки по дерево. Афонка отъ сестри Толстой былъ у мене и писмо подалъ.

Середа. 2. День былъ холодноватъ, свѣтелъ, тихъ, ночъ зъ морозомъ вел., ясна и тиха. Былъ я у гетманскомъ дворѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ играли у карти у п. Михайла зъ прежними игроками, зъ прибыллю; у вечеру у мене играли оніе жъ зъ моимъ проиграшомъ. Климъ Пѣщанскій отъ человѣка Воейкового Татаринова отобралъ ржи четвертей 70, по подрадной допрежде взятой, и се потрете, итого всего принято у насъ жита—четвертей 229, а еще доводится 71 четверть.

Четвер. 3. Сей день былъ сходенъ зъ вчорайшимъ, ночъ такъ же тиха зъ неболшимъ вѣтромъ, свѣтла и холодна. Праздновали тезоименитство ея імператорскаго величества Анни Іоановни; на молебствіи были гетманъ и Нарѣшкинъ, генералъ, стрелба пушечная и зъ дробного ружжя—солдати, а потомъ обѣдали у гетмана всѣ, и подпіяхомъ, а у вечеру игралисмо въ карти у п. Михайла, зъ виграшомъ моимъ полторарубелнимъ.

Пятокъ. 4. День сперва показался зъ морозцемъ, а потомъ зъ вѣтромъ западнимъ, мокроватъ и зъ дощикомъ густенкимъ, ноччю вѣторъ же силний и мокротний, отчего сталъ снѣгъ знатно таяти. Рано былъ я у генерала Нарѣшкина, которому Старжинскій указъ отдалъ въ дѣлѣ сестриномъ зъ маіоромъ и Казѣмировимъ. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ, а по обѣдѣ поехалемъ въ Тулиголови и пріехалемъ смеркомъ, а ехалъ полъ 3 часа. За сѣно велѣлемъ заплатить ризнику каменскому за 100 воз. 8 р. да вихторовскому мужику за гай, на зрубъ, 6 р.

Суббота. 5. Сей день былъ вѣтряний очинъ, мокрий зъ дожчемъ отъ ранку и снѣгъ сталъ знатне таяти, ночъ зъ силнѣйшимъ вѣтромъ, къ свѣту морозецъ. Обѣдалемъ въ Тулигол. зъ братомъ Іваномъ и Заруцкимъ, Яковомъ Дубровою, а по обѣдѣ пріехалемъ въ Глуховъ, где явился зъ Астрахани повернувшійся крисковскій мужикъ Гаврило Гребенниковъ, котормй привезлъ мнѣ денегъ 317 р. за вино и табакъ проданний.

Неделя. 6. День былъ свѣтлій, холодний, ночъ тиха, свѣтла и холоднѣйша. Рано былъ я у Нарѣшкина, оттоль у гетмана, где и обѣдалемъ, по обѣдѣ былъ въ дому. Уснувши, знову ездилемъ въ городъ играть въ карти зъ п. Павломъ и паномъ Михайломъ, безъ проиграшу. Александеръ Левицкій поѣхалъ въ Нѣжинъ и взялъ облѣкъ, данний мнѣ отъ Дмитрія грека для подпису на ономъ товарищей его въ 339 чер., въ чомъ мнѣ и росписку далъ, что мѣетъ назадъ привезти и отдать мнѣ, подписанний товарищами.

Понеделокъ. 7. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодний, ночъ сперва хмарна и отчасти потомъ свѣтла, толко зъ силнимъ вѣтромъ между полуднемъ и западомъ. Рано былъ я у генерала Нарѣшкина, гдѣ род. билъ, также Павелъ миргород. и п. Михайло и суддѣ великор. и малор. Оттоль повернувшись, обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до полковника Радищева и оттоль до п. Михайла, где игралисмо въ карти зъ моимъ проиграшомъ 40 а. (?).

Вовтор. 8. День былъ свѣтлій, тихій, отчасти и вѣтрянъ, также таяло отъ слонца, около полдня знатно, къ вечору морозъ и черезъ всю ночъ. Рано ездилемъ до гетмана и п. Михайла, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ игралемъ у карти зъ проиграшомъ рубля. П. Павелъ миргород. отехалъ въ свой домъ.

Середа. 9. День былъ свѣтлій, зъ ранку холоденъ зъ морозомъ, а потомъ отъ слонца теплій, къ вечеру знову морозець, ночъ свѣтла, тиха и холодновата жъ. Родитель обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ, а мы въ дому, а по обѣдѣ, у вечеру, ездилемъ до п. Михайла, зъ которимъ и прежними игроками у карти игралъ зъ виграшомъ полъ 2 р.

Четвер. 10. День и ночъ были противъ вчорайшихъ во всемъ сходніе. Сегодня рано былъ я у гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла, где съ прежними жъ игроками у карти играли, зъ виграшомъ моимъ 2 р. и 70 к. Грамота до гетмана прийшла по челобиттю Лвова, подполковника, на мене посланномъ въ колегію, чтобъ въ судѣ енер. допросить мене и свѣдителей сторони ссори между нами бывшой зъ Лвовимъ. Старостѣ тулиголов. Романови новое опредѣленіе около винниицѣ сказалемъ,

чтобъ пятую долю мѣшать овса до жита, а носатку новую жъ далемъ, такую якъ у п. Кондзеровского, на якую борошна молотого давать 11 четверичковъ московскихъ подъ греблю, (т. е. безъ верха) а дванадцятий солоду житного. Да ему жъ, после калкуляцѣи, въ первое далемъ на росходъ 4 р., да на куплю свиней въ сажъ 10 р.

Пятокъ. 11. День былъ зъ утренникомъ студенимъ и свѣтелъ, потомъ хмаренъ, а теплъ отъ слонца, ночъ тепловата жъ, а къ свѣту морозецъ маленкій. Рано ездилемъ въ городъ, въ гетманскій дворъ, где при мнѣ пріехалъ п. Петро, полковникъ лубенскій. Греку, жителеви нѣжинскому, Михайлу Юреву сыну Шіутѣ, который зде въ Глуховѣ шинкуетъ въ дворѣ нашемъ глуховскомъ винномъ, позичилемъ червонныхъ золот. 110, да 55 р. Шутови, теслѣ, позичилисмо денетъ 3 р. по полъ 12 зол. на чверт.

Субота. 12. День былъ зранку зъ морозцемъ, а около полдня снѣгъ, а потомъ дожчъ ишолъ невеликій и черезъ всю ночъ. Обѣдалисмо всѣ у генерала Нарѣшкина, гетманъ, генералъ лейтенантъ Шереметевъ, приговорившійся Воейковъ Петръ, секундъ маіоръ gвардіи Турgеневъ, Кишкинъ, Мякининъ, Радищевъ, Львовъ подполковникъ, Жураховскій и Хрипуновъ, старшина генералная и мы зъ п. Михайломъ и п. Петро луб., и подпіяхомъ, а потомъ у кадрилѣю играли.

Неделя. Запусти. 13. День мокротний и ночъ, зъ знатнимъ растаяніемъ снѣгу, а после полночи морозецъ зъ малимъ снѣжкомъ, вѣтеръ у день былъ между полуденний, а потомъ сталъ преклanятись къ западу и потомъ утихъ. Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Николая, по службѣ на водкѣ былъ у Мякинина, а обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ, отколь ездилемъ до Шереметева генерала, отездившого въ Полтаву. Потомъ повернувшись, игралемъ у кадрилѣю.

Понеделокъ. 14. День былъ хмарний и вѣтряний, сперва показался морозецъ, а потомъ роставало; ночъ зъ силнимъ полунощнимъ холоднимъ вѣтромъ, икъ свѣту утихъ вѣтеръ, а морозъ жестокій показался. Александеръ пріехалъ и билъ у мене, отдалъ мнѣ облѣкъ мой, а взялъ свою росписку и далъ мнѣ око тютюну. Обѣдалисмо

зъ родителемъ и швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ у себе, а у вечеру ездилъ до Нарѣшкина, генерала, где зъ нимъ, зъ п. Петромъ и зъ п. Михайломъ игралемъ у карти.

Вовтор. 15. День былъ отчасти хмарний, а отчасти свѣтлій, и роставало, а въ ночѣ виияснившойся—морозъ и вѣтеръ полунощній. Обѣдалемъ у гетманскомъ дворѣ, по обѣдѣ игралемъ зъ п. Петромъ, п. Михайломъ и п. Петровою у кадрилѣю, зъ виграшомъ 55 к.

Середа. 16. Санная дорога, перемена. День былъ хмарний, потомъ около обѣда снѣжокъ мокрий, а потомъ сухій до вечора и черезъ ночъ малий ишолъ, зъ чего новая санная стала дорога. Тургеневъ, полковникъ, бывшій у Глуховѣ во минѣстрахъ при гетману, отехалъ въ Москву, а въ дѣлѣ между мною и Львовимъ имѣючемъся не засвѣдителствувалъ ничого. Обѣдалемъ зъ род. у генерала Нарѣшкина, а по обѣдѣ зъ нимъ же, такъ же зъ п. Петромъ и п. Михайломъ, игралемъ у кадрилѣю, зъ проиграшомъ 83 к.

Четвер. 17. День былъ похмурний, холодний зъ вѣтромъ полунощнимъ, ночъ тожъ холодна, отчасти хмарна и велми вѣтряна, къ свѣту тихо стало. Рано ездилемъ до гетмана, оттоль до генерала Нарѣшкина зъ полков. луб., а у гетмана банкетъ былъ, где генералъ и многіе, и я, обѣдали, а у вечеру игралисмо у кадрилѣю зъ виграшомъ 23 а. моимъ. Унѣверсалъ данъ родителеви гетманскій на села на рангъ его подскарбѣя, въ сотнѣ роменской, кролевецкой и погарской, чтобъ всѣхъ било на 300 дворовъ.

Пятокъ. 18. День былъ таковъ же и ночъ, якъ и вчорайшіе зимніе. Ездилемъ рано до Сваркова, а ехалъ часъ еденъ, туда и оттоль столко жъ, а обѣдалемъ у Турковского, писара енералного; игралъ у п. Михайла зъ п. Петромъ и женою его, зъ виграшомъ 5 а.

Субота. 19. День былъ таковъ же хмарний, поболшъ, поменшъ свѣтлій, холодний, тихій, ночъ свѣтла сперва, потомъ мало хмарна, тиха и зъ морозцемъ. Рано былъ я у дворѣ гетманскомъ, обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ прійшолъ до генерала Нарѣшкина, где игралъ зъ нимъ, зъ п. Петромъ и п. Михайломъ въ кадрилѣю, зъ про-

играшомъ рубля. Данило Забѣла пріехалъ зъ Москви зъ грамотою о своихъ жалобахъ, имъ же нѣсть числа [1]).

Неделя. 20. Сиропустная. День былъ хмарній, тепловатъ, роставало знатно въ день, ночъ то жъ хмарна, тиха, сперва тепломокровата, а потомъ зъ морозцемъ. На службѣ я зъ женою былъ у ст. Анастасіи и обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ ездилемъ зъ п. Петромъ и п. Михайломъ до Радищева два насъ, а всѣ три до Кишкина, до генерала Нарѣшкина, до Мануйловича асаули, до Борзни, суддѣ енер., и оттоль до п. Михайла, где игралисмо у кадрилѣю зъ проиграшомъ одной копейки.

Понеделокъ. 21. День былъ и ночъ весма сходніе зъ вчорайшими. Купилемъ отъ ġрека нѣжинского Өеодоса парчи красной золотой 13 локоть, богатой, по 4 р. и 20 к., да алого кановацу 13 локот. по 8 гривенъ.

Вовтор. 22. День и ночъ хмарніе, въ день зъ отлигою малою, въ ночѣ морозець невеликій, а къ свѣту болшій. Алексѣй Полуденскій отправленъ въ Роменъ, а съ нимъ послалъ я до Якова Дуброви пакетъ, а въ немъ калкуляція Кучарского старостъ сухонос. и перерв., да калкуляція Несторовичева, дворника гамалѣевского, и писалемъ къ Якову, чтобъ онъ зехалъ для ревизѣи, да къ нему жъ послалемъ 30 р. для роздачи на сѣно въ Перервинцяхъ, да къ нему жъ послалемъ сукна ġранатового, тузѣнку 6 локоть и полъ чвертки, старостѣ перервинскому. А Алексѣеви приказъ данъ о продажѣ сѣна 15 скиртъ и о роздачѣ на сѣно на 50 р. около футора и о куплѣ бакуну 10000, а тютюну 5000 папушъ.

Середа. 23. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ, а къ свѣту противъ четверга поболшій гораздъ морозъ. На службѣ былисмо у ст. Николая, а по службѣ у гетмана, и домой пріехалисмо, гдѣ и обѣдали. Обискался рецептъ доктора Бидлова, которий присланъ сюда въ Глуховъ до покойници п. Михайловой, для лѣченія ея, въ болѣзни ея приключившойся ей по рожденію, кашлю жестокомъ болю въ правомъ боку, діаргеи и пря... (Слѣдуетъ рецептъ).

---

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 396—411.

Подполковникъ Никифоръ Львовъ, по учинившойся ссорѣ со мною въ прошломъ декавр. м-цѣ, въ дворѣ гетманскомъ, билъ чоломъ на мене въ колегію иностранныхъ дѣлъ, будто я его бранилъ, називая бездолникомъ и безчестилъ, и по тому его чолобиттю прислана грамота до гетмана, въ якой при концу такъ написано: и въ нашой колегіи иностранныхъ дѣлъ рѣшено послать къ тебѣ, подданому нашому, нашу императорского в—ва грамоту, велѣть оного Маркова въ вишеписанной брани и безчестіи въ Глуховѣ, въ генералномъ войсковомъ судѣ, допросить и если въ чемъ противъ челобиття его Львова оной Марковъ станетъ запиратся, допросить свѣдителей и то дѣло изслѣдовать по нашимъ императорского в—ва указомъ и сочиня исъ того дѣла екстрактъ, прислать для разсмотренія и рѣшенія въ нашу колегію иностранныхъ дѣлъ.

Четвер. 24. День и ночъ были сходніе прежнимъ, и также къ свѣту жестокій морозець. На службѣ у ст. Николая, оттоль у п. Михайла, и домой пріехавши, обѣдалисмо всѣ обще, кромѣ жени, которая... Чотири воловика, а два подъ конѣ паробковъ футорнихъ повезли жита 18 четвертей въ Криски, а оттоль сюда забрать горѣлку. Родителеви на рангъ подскарбѣя енер. до 147 дворовъ еще придано, въ кролевецкой сотнѣ Андрѣевка—дворовъ 30, въ погарской—Суворовъ дворовъ 43, да Марковское—9, въ полку луб., сотнѣ роменской—Бобрикъ 35, Калиновка 5, Житное 9, Кропивинцѣ 5, Салогубовка 4, Уюное 7, Гавриловка 7, итого 153, всѣхъ съ прежними 300 дворовъ.

Пятокъ. 25. День былъ холодномокрий, хмарний и тихій, ночъ такова жъ, а къ свѣту морозець. Не ездилемъ никуда, толко у церквѣ ст. Анастасіи на службѣ былъ, да купили овса два четверики безъ малого чого, нинѣшной мѣри, по 1 р. и 40 к. Отець Никифоръ у вечеру былъ и исповѣдалъ домъ нашъ.

Субота. 16. Сей день и ночъ холодномокріе, хмарніе, тихіе, безъ морозу. Причащались род. и жена и дѣти въ Михайловской церквѣ, и обѣдали въ дому, и никуда не ездили. Тарасець явился теперъ по нѣсколку дняхъ и прощенъ.

Неделя. 27. День былъ зранку зъ снѣжкомъ и потомъ зъ дощикомъ, тихій, полухмарний и тепломокрій, зъ растаяніемъ знатнимъ, ночъ хмарна жъ, тиха и къ свѣту морозъ. Рано были зъ род. у енерала Нарѣшкина, оттоль у церквѣ ст. Михаила, оттоль у гетманскомъ дворѣ, где и обѣдалисмо, и я до вечора просидѣлъ зъ п. Михайломъ.

Понеделокъ. 28. День зранку былъ зъ морозцемъ, а около полдня стало роставать, къ вечору снѣгъ пошолъ, а потомъ дожчъ, которій и чрезъ ночъ, мало не всю, почасти показивался, при вѣтрѣ полуденномъ, отчего знатне роставало. Въ дому зъ родителемъ обѣдалисмо, а по обѣдѣ пріездилъ п. Михайло, зъ которимъ ездилемъ къ нему и у него долго въ ночъ просидѣлемъ. Рано черезъ Тараса подана челобитная въ судѣ енер. отъ Вѣжевского, почему оной Вѣжевскій приговоромъ судящихъ отпущенъ зъ подъ аресту, въ которомъ сидѣлъ невино съ приказу Львова недель 10.

Вовтор. 29. День былъ по болшой части хмарний, нѣжели свѣтлій, зъ невеликимъ вѣтромъ полуденнимъ, тепловатъ, отчего роставало велми, ночъ свѣтла зъ морозцемъ къ свѣту, и хорошимъ. Сегодня не ездилемъ въ городъ, а обѣдалисмо у себе зъ род., по обѣдѣ п. Михайло пріехалъ ко мнѣ, зъ которимъ ездилемъ до генерала и тамъ игралисмо въ ліомбаръ зъ проиграшомъ 40 к. Писалемъ до братовъ п. Семена о присланню буланного дриганта отъ Івана Кучеровского, въ Перервинцѣ, а до Марка о томъ, чтобъ онъ писалъ отъ себе до Якова Дуброви о зъеханню его въ Сух. и Перер., а самъ бы братъ щиталъ гамал. дворника, (т. е. дворника х. Гамалѣевского).

М-ць мартъ. Середа. 1. День былъ свѣтлій и около полудня тепловатъ, ночъ свѣтла и зъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому, а родитель у генерала Нарѣшкина, а по обѣдѣ у вечеру ездилемъ до п. Михайла, зъ которимъ до полночи просидѣлемъ.

Четвер. 2. День былъ холоднѣйшій отъ вчорайшого, такъ же свѣтлій, тихій и ночъ свѣтла зъ морозомъ. Сегодня я по дѣлу моемъ со Львовимъ подполковникомъ, которий на мене въ колегію иностраннихъ дѣлъ челобитствовалъ и оттоль прислана грамота до гет-

мана, чтобъ въ безчестіи, якоби отъ мене Львову показанномъ, допросить мене въ судѣ енер., въ оний судъ сискиванъ былъ, толко допросъ на завтрейшій день отложенъ. Оттоль билемъ на службѣ у ст. Николая, а у вечеру зъ п. Михайломъ ездилемъ до генерала, где до самой полночи игралемъ въ ломбаръ.

Пятокъ. 3. День былъ холодний, вѣтряний зъ метелицею, рано, а потомъ тихъ, однакъ холоденъ, хмаренъ, такъ же и ночъ отчасти свѣтла, тиха и зъ морозцемъ. Ездилемъ въ судъ енер. къ допросу противъ чолобиття Львова и не допрашиванъ былъ затимъ, что Львовъ не допустилъ мнѣ такъ отвѣтствовать, якъ гласитъ его чолобиття, але такъ, якъ онъ хотѣлъ. Жена поехала въ Тулиголови меду ситить.

Субота. 4. День былъ хмарній и мокрохолодний, и ночъ такова жъ. Сегодня рано ездилемъ въ судъ для допросу противъ того жъ челобиття Львова, на которий мнѣ говорить не допустили Львовъ и Радищевъ того, что чинилось и хто кого бранилъ. О помѣшателствѣ отъ Львова мнѣ чинячомся въ допросѣ, подавалъ я челобитную, однако жъ непринялъ Радищевъ и немогучи зъ Борзною присовѣтовать—принимать ли мой отвѣтъ такій, въ которомъ бы я все что до того касаетца показалъ, или ни, пошли затимъ до гетмана и спрашивались, и слишали, что надлежитъ, и оттоль до генерала отехали за тимъ же вопросомъ, где они, я и многіе обѣдали. У вечеру ездилемъ до п. Михайла и посидѣвши, повернулемся домой. Вишнамѣненную челобитную, якой въ судѣ не принято, подалъ я гетману.

Неделя. 5. День былъ и ночъ во всемъ сходніе, хмарніе, мокріе зъ вѣтрецомъ полуденнимъ. Былъ на службѣ у ст. Анастасіи, обѣдалемъ у себе, а у вечеру игралемъ въ ліомбаръ у генерала зъ п. Михайломъ, зъ проиграшомъ 14 к. генералу, а п. Михайлу 20 к.

Понеделокъ. 6. День былъ и ночъ во всемъ вчорайшимъ сходніе, хмарніе, мокріе зъ туманомъ, чрезъ увесь день протягшимся. Сегодня въ судѣ енер. допросъ мой противъ челобиття подполковника Львова окончилъ пунктами въ слѣдуючой силѣ: 1) декабря

12 дня, 1731 году, въ воскресний день, послѣ обѣднѣ, какъ пришли отъ церкви за господиномъ гетманомъ, въ хороми его, подполковникъ Львовъ обще зъ полковникомъ Тургеневимъ и зъ другими штапъ и оберъ офѣцери, былъ я; 2) и г. гетмана маіоръ Хрипуновъ въ томъ, что по дѣлу его зъ женою бившого суди Чарниша чинится продолженіе не просилъ, а просилъ, чтобъ екзекуція, которую имѣнімъ движимимъ и недвижимимъ ея, Чарнишевой, за долгъ мужа ея здѣлано, не была скасована; 3) господинъ гетманъ съ подполковникомъ Львовимъ о его Хрипунове дѣле не розговаривалъ, а розговаривалъ съ нимъ маіоромъ, на то его прошеніе, отвѣтствуя, что такой екзекуцѣи по правомъ бить не доводится; 4) притомъ генер. суда кр—ію, что будто дѣло его Хрипунова зъ женою Чарнишовою рѣшено неправо, не порицалъ, для того, что въ то время о рѣшеніи и разговору не было, а былъ разговоръ о екзекуцѣи; 5) его, Львова, безделникомъ и другими бранними словами не называлъ, а было такимъ способомъ: когда повѣренний князя Якова Крапоткина, маіоръ Хрипуновъ, сталъ просить господина гетмана объ екзекуцѣи, какъ висше показано, тогда и я такимъ же порядкомъ, якъ и маіоръ Хрипуновъ, подшедъ до господина гетмана, началъ просить отъ имени сестри своей, бившого судіи Чарниша жени его, вдови Чарнишевой, даби отдачи собственного ея имѣнія за долгъ мужа ея не чинено; въ ту пору онъ, Львовъ, сталъ кричать на мене—што тебѣ за дѣло, на что я ему учтиво отвѣтствовалъ, что мнѣ дѣло такое, что оная вдова Чарнишева мнѣ двоеродная сестра и просила мене, чтобъ я въ обидѣ ея той, что за долгъ мужний собственное ея движимое и недвижимое имѣніе заарештовано и неимѣетъ чимъ себе зъ малими дѣтми прокормить, просилъ вмѣсто ея г. гетмана, въ непритутствіи ея, за ея вдовствомъ и сиротствомъ, даби показана была ей милость, чтобъ тая екзекуцѣя ея имѣнія была знята. Противъ чего онъ, Львовъ, со гнѣвомъ брань крикнулъ на мене, сказивая: лжишъ ты, веть ты ея не повѣренный, и на такую его брань я умолчалъ, а отвѣтствовалъ повторне ему зъ учтивостію, что я не лгу, ибо она, сестра моя, какъ словесно, такъ и писменно просила мене, чтобъ я не толко

15. Отвѣтъ П. С. Милорадовича.

Государиня моя Анастасія Степановна. Писмо ваше съ Боровичъ, сего маія отъ 20 числа, принесенное ко мнѣ чрезъ неизвѣстного мнѣ мужика полубтковского, я сего маія 23 числа получилъ, съ которого усмотрѣлъ, что вовся напрасно и несправедливо вы приписываете мнѣ, будто отъ меня произшедшую нѣякуюсь вамъ обиду, для того, что не только вы, но и всѣ честные люди совершенно знаютъ, что я болше двадцати лѣтъ, какъ при жизны жены моей, такъ и по смерти еи, отдавалъ вамъ всякое почтеніе, чему свидѣтель есть Богъ, и ни малѣйшей причины не подалъ козлобленію вашему на меня и несносной обидѣ моей сей, которую я нынѣ притерпѣваю, именно жъ: прошедшого марта 27 числа, когда я пріѣхалъ къ вамъ, въ Боровичи, за дочерью моею и еѣ не засталъ, ибо вы ее предъ пріѣздомъ моимъ за день, тоесть 26 марта, отправили въ Смячъ, въ домъ брата своего г. Фридрикевича, увѣдомясь предварително отъ него о пріѣздѣ моемъ къ вамъ въ Боровичи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вамъ, по совѣту своихъ братовъ, дочери моей мнѣ не отдавать, и такъ скоропостижно дочь мою съ Боровичъ выслали, что она изъ невѣсткою вашею постыднымъ образомъ изъ Петровой Слободы, на мужичьихъ саняхъ пріѣхала, криючись, убѣгая отъ отца своего въ Смячь. Я узнавши явное обманство, не могъ однакожъ отъ сердоболія удержатся, желая видѣть дочь свою и взять ее съ собою, принужденъ былъ поѣхать въ Смячъ, марта 28 числа, гдѣ надъ чаяніе мое, еще вящую обиду и безчестье получилъ, по вашему общему совѣту съ братами вашими; и когда я примѣтилъ, что братъ вашъ Степанъ Степановичъ и съ женою своею дочь мою кроютъ и заперли въ комнату свою, то принужденъ былъ сквозь двери звать ее, и когда она мнѣ дверей отворитъ не хотѣла, то я въ окошко вторично звалъ ее, на что дочь моя мнѣ персонално отвѣчать не устыдилась сими словами: что она состоитъ не въ моей воли, меня не слушаетъ и со мною не поѣдетъ, что повторялъ тое жъ самое и братъ вашъ Степанъ Степановичъ съ женою своею, которая совѣтовала ему, чтобъ меня связали. И между тѣмъ, какъ я дочь свою искалъ, приступили ко мнѣ мужики болше двадцати человѣкъ, кромѣ приказчика смяцкого и служителей дворовыхъ. Наконецъ, я увидѣвши себя отъ васъ, братовъ и невѣстки вашей, и отъ дочери моей, презрѣннымъ, обруганнымъ и посмѣяннымъ, съ печалію моею отъѣхалъ, и принужденъ искать прибѣжища и удовольствія въ правительствѣ. Вотъ ваши и

братовъ вашихъ самоволные поступки, не имѣющіе предразсужденія ни по божіимъ, ни по гражданскимъ законамъ, и будучи вы сами зъ братами своими начинщики такова произшествія, которого еще поныне не слышно было, и сіе все обращаете на обиду будто вамъ учиненную, чему всему причиною вы съ братами своими. Извѣстно жъ вамъ симимъ сіе, что въ прошедшемъ 783 году, въ мѣсяцѣ іюнѣ, писмомъ своимъ просили вы меня, чтобы я дочь свою отискалъ въ Воронковѣ, съ дому брата моего Андрея Степановича, гдѣ она обучалась въ мадами, и прислалъ бы къ вамъ для обученія хозяйства, на что я согласясь, отправилъ ее къ вамъ; изъ того времени живши у васъ, приведена въ развратъ и непослушаніе отца своего, какъ выше сказано. Чтожъ пишите въ писмѣ своемъ, что вы должны стараться о дочери моей, то на сіе вамъ обявляю: никакой законъ васъ попечительницею не опредѣлилъ дочери моей, живу сущу отцу еи, а должны вы прислать ее ко мнѣ, отцу еи, и исполнить законъ божій и гражданскій, равно и дочь моя, которая согрѣшила противъ заповѣди божіей, обманула, презрѣла и привела себя въ непослушаніе и непочтеніе отца; и сіею поступкою еи я обруганъ, обезчещенъ вами, должна пріѣхать ко мнѣ, принесши покаяніе, а ежели сего не учинитъ, то пребудетъ на ней всегда божіе неблагословеніе. Болѣе сего я писать къ вамъ не нахожу и пребываю васъ, государынѣ моей, покорнѣйшій слуга Петръ Милорадовичъ. 25 мая.

16. Настасіи Степановны къ зятю.

Государь мой Петръ Степановичъ. Между тѣмъ, какъ судьбѣ угодно было дочери вашей опредѣлить мужа Ивана Степановича Лашкевича, съ которымъ 23 числа сего маія обвѣнчалась, я отозватся къ вамъ съ моимъ совѣтомъ поспѣшаю, прося васъ—дѣтей вашихъ, по долгу христіянства и человѣколюбія, благословить, принявъ въ отеческое ваше благопризрѣніе, не лишить ихъ вашего милостиваго покровительства.

И при томъ не угодно ли выданные позвы, а отъ оныхъ последующее неспокойствіе для меня, отъ васъ заводимое, прекратить, не попуская хлопотамъ, злобѣ и враждѣ далѣе угнѣздится во времена нынѣ нашихъ съ вами немолодыхъ лѣтъ, къ которымъ я отнюдь не сродна; естли же мнѣ вступить и въ процесъ, которой вовся не важенъ, а вамъ не авантаженъ, то чтобы онъ не произвелъ вамъ или наслѣдникамъ вашимъ, впредь невозвратнаго раскаянія и потери, ибо я во всякомъ случаи при моей правотѣ и равнодушіи предъ Бо-

томъ и предъ публикою, въ совѣсти моей не погрѣшу, бывши отъ васъ крийне огорченною и обиженною.

Вы разсудивъ по сему, что для васъ и для дѣтей вашихъ полезнѣе, увѣдомте вамъ усердствующую. 29 мая.

Въ то время, какъ П. С. Милорадовичъ переписывался съ тещею и дочерью, категорически заявляя имъ, что онъ не согласенъ «въ выборѣ» С. И. Лашкевича «для многихъ и важныхъ причинъ», теща рѣшала этотъ вопросъ утвердительно и безъ согласія зятя, находя, что лучшаго жениха внучкѣ ея ожидать нечего. Изъ печатаемыхъ ниже бумагъ видно, что согласіе на бракъ, и невѣстою, и ея бабушкою, выражено было жениху уже въ концѣ января 1789 г., причемъ согласіе было и юридически оформлено.

Засимъ печатаются письма Н. С. Лашкевича, изъ которыхъ одно писано къ бабушкѣ невѣсты, а остальныя—*къ невѣстѣ*, когда Лашкевичъ сталъ уже *женихомъ*.

Письма эти обнимаютъ время отъ конца января 1789 г. до вѣнчанья, въ концѣ мая. Нѣкоторыя изъ нихъ не обозначены временемъ, почему можетъ быть хронологическій ихъ порядокъ вполнѣ и не соблюденъ. Писемъ *невѣсты* не сохранилось.

17. Милостивая государыня матушка, Анастасія Степановна! Безъпредѣлное мое къ вамъ почтеніе велитъ конечно принесть совершеннѣйшую благодарность за отмѣнныя ваши мнѣ благотвореніи, кои вѣчно пребудутъ безъцѣнни для меня. Благопріятной отвѣтъ вашъ, коимъ вы изволили удостоить, содержащій въ себѣ все мое счастіе, которой въмѣстѣ подкрѣпляетъ жизнь мою, безъ чего она была бъ въ тягость! Видя изъ письма батюшки Степана Степановича (Леонтовича), сколько изволилъ содѣлать для меня благодѣянія м. г—рь Григорій Григорьевичъ (Фридрикевичъ), хотя я имѣлъ намѣреніе письмено благодарить за такое мнѣ пособіе къ достиженію желаемаго щастія, но щитаю сію жертву несоразмѣрну за его ходатайство къ устроенію моей судьбы, а старатся буду лично изявить ту мою признательность. Когда рокъ будетъ меня до того угнѣтать, что и на послѣдній вашъ отзивъ къ его превосходительству не будетъ отвѣтъ содержать ничего лестнаго въ мою пользу, то въ такомъ случаѣ позвольте, м—вая г—ня матушка, просить въ отраду моего мученія явиться въ Боровичи, ибо уже и силы мои мнѣ измѣнили противополагать терпѣнію, и сего отъ васъ ожидаетъ съ нетерпѣливостью посвятившій все время жизни своей къ вашимъ пове-

лѣніямъ и честь имѣетъ поручить себя въ ваше покровительство, пребывая съ истиннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію, вашъ, м. г—ни матушки, покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Я не воображалъ, чтобъ м. г. Василь Степановичъ по сіе время былъ у васъ, мнѣ очень предъ нимъ совѣстно, что не здѣлалъ ему должнаго моего почтенія. Теперь же васъ, м. г—ня, покорно прошу оное отъ меня засвидѣтельствовать. Г-нъ Аренсъ мнѣ сказалъ, что вы изволили требовать газетъ; жалѣю, что почта такъ неисправна, я на сей мѣсяцъ еще не получилъ, а за прошлый мѣсяцъ посилаю теперь, а новые, какъ скоро получу да и въпередъ мною получаемые, когда прикажете, буду имѣть честь вамъ оные доставлять въ самой возможной скорости. Къ м. г—рю Степану Степановичу для того не пишу, что онъ изволилъ меня увѣдомить, что намѣренъ отлучится къ сестрицѣ, то я уже у васъ его не щитаю. (*Брахловъ*, *27 янв.*, *1789 г.*).

18. Милостивая государиня Настасья Петровна! Въ какомъ я теперь восхищеніи духа говорю съ вами мысленно! Ахъ! жестокая судьба, за что я такъ строго наказанъ, для чего лишенъ я для меня перваго и послѣдняго щастія! Сижу въ сей горестнѣйшей сылкѣ и не могу слѣдовать волѣ моей, въ томъ состоящей, чтобъ зрѣть—что на свѣтѣ мнѣ драгоцѣнѣе. Сколько такое удаленіе противъ моего желанія,--причиняетъ муки и ужаснѣйшей тоски! Силъ моихъ нѣтъ того вамъ изяснить. Посредѣ всѣхъ сихъ окружающихъ рвеній, много мнѣ служитъ утѣшеніемъ вашъ пріятнѣйшій отвѣтъ, которой одинъ удобенъ въ теперешнѣй моей печали возстановлять на малое время мое спокойствіе. Счастливымъ почтусь, чѣмъ однакожъ и ласкаю себя надеждою, что и въпредь не буду отриновенъ пользоватся тою милостію, въ коей полагаю все мое благополучіе. Присемъ честь имѣю быть съ совершеннѣшимъ къ вамъ высокопочитаніемъ, вашъ м. г—ни покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. (*Брахловъ*, *27 янв.*, *1789 г.*).

19. М. г—ня, Настасія Петровна! Превыше силъ моихъ было продолжать далѣе молчаніе и быть въ неизвѣстности о вашемъ благостояніи; изобразить вамъ не могу, сколько мнѣ вчерась причинилъ радости пріездъ батюшки Степана Степановича, отъ которого я имѣлъ щастіе слишить и наслаждатся всѣмъ тѣмъ, что изволили вы поручить мнѣ сказать. О! сколь всегда для меня важно и пріятно имѣть свѣдѣніе о вашемъ драгоцѣннѣйшемъ здравіи, которое есть и навѣки пребудетъ душею жизни моей. Поминутно здѣсь питаюсь

мисленно, представляя живо вашъ для меня оживотворяющій образъ, и только успокаеваюсь отъ ужасной моей скорби, происходящей отъ разлуки. По выездѣ моемъ изъ Смячи, тщетно я старался возставить себѣ покой, и потому не могъ уже заѣхать въ Боровичи, въ мѣсто, гдѣ бы мнѣ всякой шагъ удвоялъ печаль и напоминалъ бы мнѣ грусть, что я не вижу того сокровища, кое мнѣ превращало изъ Боровичъ рай. Итакъ, я разставшись къ великому моему несчастію съ вами въ Смячи, томимъ неописанною тоскою, (отъ коей не освобождаюсь никогда, пока счастливая судьба не возвратитъ мнѣ паки зрѣть васъ, для того одного и живу), приехалъ я въ Брахловъ тогожъ дня въ 11-ть часовъ ночью. Сколь потера моя велика, что не могу имѣть теперъ того первѣйшаго щастія, чтобы стократъ вашу для меня найдрагоцѣннѣйшую руку облобызать и воздать должнѣйшую жертву моей вамъ благодарности, за вашъ отвѣтъ, которого удостоенъ видѣть у Степана Степановича батюшки въ копіи. Съ какимъ удовольствіемъ сердца моего я его читалъ и перечитивалъ, и всегда новымъ обятъ былъ удовольствіемъ и несказаннымъ веселіемъ. Душа моя напоѣвалась, благодаря ангела, указывающаго зрѣть путь къ моему блаженству, но щитаю всѣ сіи выраженіи мои недостаточними къ поясненію той моей чувствительности, коею я къ вамъ преисполненъ, и въ томъ одномъ полагаю мое благополучіе, и тѣмъ однимъ во всю жизнь мою заниматся буду. Предѣлу нѣту моего желанія быть предъ лицемъ вашимъ и лично вамъ пояснить всю ту признательностъ, коей уже и могущества моего нѣтъ и не достаетъ сказать на бумагѣ. Прошу я у матушки позволенія, если позволятъ къ тому обстоятольства и время, указать мнѣ явится въ Боровичи. О когдабъ мнѣ получить сіе лестное позволеніе, не медлилъ бы ни минуты—къ мѣсту моего покоя летѣть. Прещастливымъ считаю сей листъ, что онъ дойдетъ къ прекраснѣйшимъ вашимъ ручкамъ, кои мисленно цѣлую тысячу разъ и притомъ имѣю счастіе подвергнуть себя въ вашу милость и пребытъ съ непоколебымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. М. г—нѣ тетушкѣ Софіѣ Васильевнѣ прошу засвидѣтельствовать мое преданнѣйшее почтеніе и притомъ честь имѣло препроводитъ у сего маленькое письмецо отъ батюшки Степана Степановича. *(Брахловъ, 25 февраля, 1789 г.)*.

20. М. г—ня Настасія Петровна! Какое было мнѣ удовольствіе, пріятность и отрада отъ бурныхъ для меня здѣсь дней, когда

я удостоился полученіемъ отъ васъ наидражайшаго вашего письма, коего каждое слово сопровождалъ съ черезъвычайною радостію, слезми. Могу ль не признать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, къ какому несравненному жребію по соизволенію всевышняго Творца, ангелъ мой! меня предуготовляетъ, и вижу явно возрастающій столпъ моего непоколебимаго благополучія. Но ахъ! гдѣ мнѣ взять бодрости духа, сопротивлятся препонамъ, возбраняющимъ дойтить ко моему благоденствію; я тотъ, которій не имѣю уже власти надъ собою, и нѣтъ во мнѣ прежнихъ силъ, чтобъ я могъ отогнать царствующую мрачную надо мною ночь:—сокрытъ день отъ меня, когда я осужденъ до самаго праздника не видѣть васъ. О! строгій приговоръ, но какъ перемѣнить, когда обстоятельства наши того требуютъ, продолженіе оныхъ меня найжесточайше ужасаетъ. Положилъ я намѣреніе, для моего покоя, писать къ вамъ еженедѣльно, равно льщу себя надеждою, что больше себя васъ любящій и всѣмъ, жизнію вамъ жертвующій будетъ столько щастливъ, что соизволите его удостоивать вашими наипріятнѣйшими отвѣтами. Не утаевайте отъ меня, м. г—ня Настасія Петровна, каковы вы въ своемъ здаравіи,—развѣ я еще не могъ довольно увѣрить васъ, сколько ваше благосостояніе безъцѣнно для меня. И утѣште меня вашимъ наилюбезнѣйшимъ отзывомъ! Въ заключеніе жъ всего, цѣлую ваши дражайшіе ручки и честь имѣю повергнуть себя во всегдашнюю вашу милость, пребывая къ вамъ съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и отличнымъ и глубочайшею навѣки преданностію. Вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. *(Брахловъ, 6 марта).*

21. М. г—ня Настасія Петровна! Разогнана унылость изъ души моей и зрю возвращенную мнѣ тишину! Теперь совершенно удостовѣренъ о вашемъ найдрагоцѣннѣйшемъ для меня здравіи, коего маленькой шагъ ко вреду вашему, клянусь, стоитъ жизни моей. Такъ мнѣ велятъ чувствовать неограниченная моя къ вамъ любовъ, почтеніе и вѣчная привязанностъ,—чего ничто на свѣтѣ не можетъ истребитъ, предъ вамы уже повергнулъ я сердце мое и душу на вѣкъ! Позвольте мнѣ изъявить вамъ найчувствительнѣйшую мою благодарность и облобызатъ мысленно прекраснѣйшіе и любезнѣйшіе ваши ручки стократъ: я имѣлъ счастіе получить на сихъ днахъ ваши два письма найпріятнѣйшихъ для меня, и оные, не выпущая изъ рукъ, всечастно цѣлую. И ни съ чѣмъ не могу сравнятъ радость при каждомъ моемъ взглядѣ на то начертаніе, кое я проходя глазами, мню, что я васъ вижу и съ вами говорю. О! воображеніе, питающее

меня, почто оно скоро преходитъ, но приходя въ чувство, познаю горчайшую мою судьбу и обрѣтаю себя здѣсь!—тогда вдругъ начинаю чувствоватъ угнетающій меня рокъ и всю жестокость моей сильнѣйшей тоски, поминутно меня снѣдающей. Да и что можетъ быть жесточае лишенну быть дневного свѣтила, ангела моего! и что только есть для меня найпочтительнѣе въ свѣтѣ. Охъ! едва ль могу перенесть сіе ужасное время, разлучающее насъ, коего каждой часъ показывается днемъ. Поистиннѣ почитаю себя здѣсъ погребеннимъ. Къ крайнему моему изумленію, извѣщенъ я отъ батюшки Степана Степановича о бытности почтеннѣйшаго вашего родителя въ Чернѣговѣ и что онъ изволилъ изъяснятся съ какимъ—сь пріятелемъ о его намѣреніи—дать вашу руку какому то лифлянцу. Трепещу о такихъ мисляхъ его пр—ва, и конечно бъ ничто не могло бъ быть удобнымъ къ изгнанію моего сильнѣйшаго страху о таковыхъ его предположеній, когда бъ вдругъ не встрѣтилась мнѣ ваша твердость и святость слова, что все къ совершеннѣйшему моему счастію довольно узналъ и воображаю, что неудобно никому на свѣтѣ прервать цѣпь нашихъ обѣтовъ, къ томужъ имѣвъ счастіе бытъ руководствуемы силнѣйшими нашими благотворителями и заступниками, отъ коихъ, если могу достигнутъ наверхъ моего благополучія, то одно остается мнѣ—падши къ стопамъ м. г—ни матушки Настасіи Степановны, испроситъ найважнѣйшаго ея для меня благословенія. Если же бы паче всякаго моего чаянія, чего однакожъ я никогда не воображаю, и отъ чего Господь да сохранить, чтобъ могло послѣдоватъ по опредѣленію его пр—ва, то мнѣ ничего бъ не осталосъ бы тогда къ утѣшенію, какъ только былъ бы я готовъ тотъ же часъ понесть съ собою во гробъ ненарушимой ни для кого и ни для чего на свѣтѣ мой данной вамъ обѣтъ и разстался бъ съ жизнію, вамъ отъ меня посвященной. Но нѣтъ, мнѣ кажется, что небо должно уже надо мною сжалится и неужели я по сіе время не могъ его убѣдитъ моими тягчайшими вздохами! И зачѣмъ былобъ ему угодно оказать надо мною опытъ столь свирѣпаго наказанія! При всемъ томъ долго бъ я волновался подобными смущеніями, естли бы душа столь добродѣтельная и благовоспитанная, какова ваша естъ, при всемъ природномъ дарѣ, не столь мнѣ была извѣстна, и коей я примѣру не знаю, и всѣ наидостойнѣйшія качества въ ней же я обрѣлъ, возпрещаютъ прикратить мысленно мое рвеніе, но какъ положеніе мое теперешнее заставляетъ тѣни мнѣ своей боятся, то если вамъ мой покой и жизнь нужны, м. г—ня Настасія Петровна! то вы конечно не оставте меня

вывесть изъ мечтательнаго страху того, который щитаетъ себѣ за щастіе тысячу разъ цѣловать ваши прекраснѣйшіе и дражайшіе для меня ручки въ мысляхъ, примите сіе мое чувство, въ коемъ зрю одно мое утѣшеніе и отраду, въ жалостнѣйшемъ моемъ состояніи. Наконецъ, препоручая себя въ вашу твердость души и непоколебимую любовь, чего одно напоминаніе возвышаетъ духъ—волею, честь имѣю пребыть съ непреложнымъ къ вамъ и вѣчнымъ обожаніемъ и найсовершеннѣйшею преданностью, до послѣдней минуты жизни моей, вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Матушка и сестрицы м. г—нѣ свидѣтельствуютъ ихъ должнѣйшее и усерднѣйшее почтеніе. *(Брахловъ, 14 марта).*

22. М. г—ня Настасья Петровна! Важнѣйшій и наипріятнѣйшій предметъ въ жизни моей есть тотъ, и навѣки пребудетъ непоколебимъ, и всею мысліею и душею обладающій,—поминутно созерцать васъ, найдражайшаго ангела моего, коего образъ найкрѣпчайше впечатотлѣнъ въ сердцѣ моемъ. А потому, какое можетъ быть мнѣ удовольствіе сладчае, что хотя и удаленъ тѣлесными глазами видѣтъ васъ, но мысленно и душею къ вамъ теперь лечу, принося жертву моей чистѣйшей благодарности за присланной наипрекраснѣйшій монументъ вашего достофальнаго рукодѣлія, за что позвольте мнѣ, м. г—ня Настасія Петровна, облобизать ваши наидражайшія мнѣ руки тисяча тысячу разъ. О! сколько кратъ несравненно щастливъ бы я былъ, еслибы я могъ совершенно знать, когда свѣтъ блеснетъ наипрекраснѣйшихъ вашихъ очей на меня! Охъ! едваль я дожду того для меня радостнѣйшаго времени, чтобъ болѣе еще вамъ воздать наискреннѣйшей благодарности и признательности лично и исполнить то въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ теперь душевно восхищаюсь и чего нѣтъ уже на свѣтѣ лестнѣе для меня—сказатъ вамъ чувство сердца моего. Теперь честь имѣю подвергнутъ себя въ вашу непремѣнную любовь, наконецъ, цѣлуя ваши дражайшіе ручки, пребывая съ такой непоколебимостью и совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ къ вамъ навѣки, вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ.—Вѣнокъ розъ, выросшій и исплетенной для васъ въ сердцѣ моемъ, который прошу покорно удостоить вашимъ принятіемъ, чѣмъ ущастливите меня, желающаго да пребудетъ неувѣдаемо ваше драгоцѣннѣйшее здравіе подобно симъ розамъ. Пишутъ ко мнѣ изъ Москвы, что теперь по большой части дѣвицы, имѣя обыкновеннимъ образомъ волосы причесанные, носятъ на головѣ такіе вѣнки. Вамъ, м. г—нѣ, матушка и сестрицы мои прино-

сятъ ихъ чувствительнѣйшее благодареніе за ваше о ихъ напоминаніи, а при семъ свидѣтельствуютъ покорнѣйшее почтеніе. *(Брахловъ, 21 марта).*

23. М. г—ня Настасья Петровна! Несравненно болѣе почелъ бы я себя счастливѣйшимъ, когда бъ былъ удостоенъ отъ нынѣ воскресшаго сказать вамъ, наипрекраснѣйшему ангелу души моей, Христосъ воскресъ, при изявленіи той радости и обряду, которой мы заимствуемъ и царствующаго съ самаго того дня, когда свѣтъ озаренъ воскресшимъ. Но если теперь и лишаюсь того счастія, чтобъ лично вамъ изъяснить празденство нашего общаго веселія, то мысленно обращаю къ вамъ, найпочтеннѣйшему предмету всего моего благополучія, и коего не имѣвъ въ сердцѣ моемъ, жить, божусь вамъ, не могу, цѣлую тысячу кратъ. О мысль наиприятнѣйшая, но почто, Боже мой! не надолго ослѣпляетъ зракъ мой, и къ вящему моему сѣтованію, вижу, что только одной мечтой питаюсь, и тутъ вдругъ является вся жестокость судьбы моей: восемь недѣлъ уже протекло, о пренесносная тяжесть тоски, ахъ! нѣтъ ничего злѣе, и я васъ не вижу, свѣтила глазъ моихъ, безъ коего весь свѣтъ мнѣ мракъ. Наслаждаюсь, куда не посмотрю, явно могу примѣтить, сколько наставшее торжество содѣлало радости на всѣхъ лицахъ; одинъ я изключенъ изъ того лику и ничто здѣсъ не удобно разогнать тоску мою горестнѣйшую, да и какъ можно тѣлу безъ души и сердца ощущать какое либо удовольствіе. О душа и сердце, онѣ давно уже удостоины жить въ храмѣ вашемъ, да живутъ они вовѣкъ. О коль завидна ихъ участь! Мнѣ жъ ничего болѣе не остается принесть въ жертву предъ симъ мною обажаемымъ храмомъ, какъ только навѣкъ посвятить къ вашимъ стопамъ остальные жизни моей дни, при всей моей отъ васъ, наидрагоцѣннѣйшаго ангела души моей, отдаленности. А посему самому несноснѣйшему положенію, еще одно воображеніе почти лишаетъ меня чувствъ, о чемъ прошу Всемогущаго да оборонитъ онъ васъ его десницею. Если угодно будетъ пріехать его пр—ву и прикажетъ вамъ съ собою ѣхать въ Жукотки, о Владыко! какіе могутъ страшнѣйшіе слѣдствія воспослѣдовать. Клянусь вамъ, что желающій похитить мое благополучіе и всю надежду моего благощастія, что все въ однѣхъ васъ полагаю, тотъ долженъ меня напередъ умертвить, на что охотно готовъ былъ бы себя предать, и сего то одного и конечного требуетъ отъ меня моя безъпримѣрная къ вамъ любовь и святость ненарушимаго на вѣки слова. Но тутъ разсудокъ велитъ мнѣ приостановиться. Правда! Я долженъ ему повино-

вается, въ семъ случаѣ и признатъ, что вы совершенно въ хорошей крѣпости обитаете, и повелители оной несумнѣнно благонадежные, коимъ я за счастіе первѣйшее въ жизни моей всегда поставляюсь ввѣрить васъ, наипрекраснѣйшую душу души моей, купно съ жизнію моею, коей я не пощажу въ ихъ глазахъ, если бы то могла случиться какая превратность, отъ чего, Боже милостивый, да сохранитъ насъ. При чемъ имѣвъ счастіе завѣритъ васъ, что до послѣдней минуты жизни моей таковы чувства во мнѣ не могутъ истребиться, цѣлуя вашу прекраснѣйшую ручку тысяча тысячу разъ, имѣю честь препоручитъ вамъ себя въ вѣчную любовъ, пребывая къ вамъ съ непоколебымъ навѣкъ высокопочитаніемъ и найглубочайшею преданностію вашъ, м. г—нѣ, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Приносятъ вамъ, м. г—нѣ, наиусерднѣйшее поздравленіе сего свѣтлѣйшаго праздника матушка и сестрицы мои. *(Брахловъ, 8 апрѣля).*

24. М. г—ня Настасья Петровна! Еще по сихъ поръ отъ ужасу кровь въ жилахъ моихъ замираетъ. Легко ли и удобно ли рожденной съ толь нѣжными чувствами, неслыханное насиліе отъ родителя своего должно было притерпѣть. О Боже мой! почто сей ударъ устремленъ на васъ, найдрагоцѣннѣйшаго и найпочтеннѣйшаго ангела души моей! и за что я, столь достойной понесть всю свирѣпость наказанія судьбы, обойденъ! И я одинъ причиною всего вамъ случившагось огорченія и обиды. Ахъ и чѣмъ только могу пополнить ваше безпокойство, проходя мысленно вашъ страхъ и изумленіе, въ какомъ вы тогда находились, постигнуть не могу и возблагодарить силъ моихъ нѣтъ Всемогущему за подкрѣпленіе вашего найдрагоцѣннѣйшаго здравія, на васъ ниспославшаго къ противустоянію подобной наглости. Но что долженъ я заключитъ о томъ страшнѣйшемъ поступку, когда одно напоминаніе меня приводитъ въ замѣшательство ума. По мѣрѣ сего долженъ я заключатъ и о зрителяхъ такого позорища, коимъ развѣ жизнію моею могу возблагодарить сохранителямъ вашей жизни, тутъ же и моей, не бывъ тамъ купно съ вами, сострадаю и обида вамъ была бъ мнѣ найнесноснѣйшая, и я должнымъ бы себя нашелъ загладить кровію моею, и ничто не моглобъ меня удержатъ отъ сего намѣренія. Увы, Боже мой, что можетъ смертельнѣе быть мнѣ, что тотъ даръ, кой я получаю отъ всемогущей твоей десницы и человѣкъ стремится оного меня лишить. Нельзя сего перемѣнить, а лучше старающійся опредѣленію судьбы нарушить Богомъ мнѣ начертанной, если онъ столько бодръ, пусть меня умертвитъ! Вотъ одинъ конецъ его и моего покою, но духъ

мой не будетъ трепетать предъстать суду Всевышняго! Теперъ, припадая къ стопамъ вашимъ, предъ коими давно я повергъ жизнь мою, чувствую конечно и сей знакъ вашей ко мнѣ милости, преизбыточествующей до послѣдней минуты духа моего, во мнѣ останется и поколѣ живъ, восхищать меня не престанетъ! И се то естъ залогъ вашей неподражаемой добродѣтели, любви и вѣрности ко мнѣ, чего всего не имѣвъ, неудобно было вамъ не склониться родителю столь страшному. Время вамъ покажетъ, драгоцѣннѣйшему и почтеннѣйшему ангелу души, сколь признательностъ моя къ вамъ неограниченна, коей теперь не могу болѣе изъявить, но мысленно цѣлую прекраснѣйшіе ваши ручки тысяча тысячу кратъ. Безъмѣрно мнѣ оскорбительно и тяжело, приведшему васъ къ сумнѣнію; сіе случилось, увѣряю васъ, безъ всякой моей на то воли, но не порицайте меня, жизнь души моей, будто въ несохраненіи моихъ обѣтовъ; божусь вамъ Богомъ, что никто ихъ лучше меня не соблюдетъ, обожая до смерти васъ и приемля за первенственное себѣ благощастіе посвященіемъ мнѣ вашей жизни, и для сохраненія сего пресущественнаго блага не пощажу себя до послѣдней капли крови моей. Приятнѣйшаго не можетъ быть удовольствія и отрады, какъ я теперъ отъ васъ, души жизни моей, извѣщенъ, прекраснѣйшаго ангела, что вы совершенно здоровы, съ коимъ и мое здоровье сопряжено и безъ коего я жить ни минуты не могу; но вкушая сладость сего маленького нареканія отъ васъ и весьма милостиваго противъ моего къ вамъ преступленія, и до безъконечности чувствую пріятностъ оного, что все сіе проистекаетъ отъ чистѣйшей вашей ко мнѣ любви и вѣрности. Въ заплату чего завѣряю васъ, прекраснѣйшаго ангела души моей, что нѣтъ ничего въ свѣтѣ мнѣ важнѣйшаго и любезнѣйшаго, какъ ваше сердце и рука, и предъ вами жертвую всѣмъ и жизнію моею, и безъ васъ мнѣ и секунда моглабъ быть тягостнѣйшимъ бремьемъ (sic) и одно ваше маленькое прискорбіе заставить меня умереть, отъ чего Боже всемилостивый да сохранитъ насъ, на его святую волю надежда, потомъ, да защитятъ насъ всемогущнимъ своимъ подкровомъ наши благотворители, коимъ потщимся принесть всемѣрную благодарностъ, предая себя въ непоколебимую вашу любовъ и вѣрностъ, лобызая тысяча тысячу кратъ ваши прекраснѣйшіе ручки, прошу любить и незабывать того, который за васъ готовъ умереть. Честь имѣю быть къ вамъ съ вѣчнымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію, вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. М. г—ня! Кланяются вамъ со

всевозможнымъ почтеніемъ и преданностію, матушка и сестрицы мои, желая вамъ найлучшаго въ свѣтѣ здравія и благополучія. *(Брахловъ, 18 апрѣля).*

25. Ma mignonne, ma vie, mon ange, какой пресильной тоской поминутно я страдаю, мой любезнѣйшій другъ, Настасья Петровна, mon trés fidelle coeur! Только и утѣшенія въ грусти моей, когда получаю пріятнѣйшую вашу цидулку, за что вамъ, душа моя, жизнію своей плачу, примите ея, надежда моя и сокровище, и располагайте ею, какъ вы хотите. Давно вы ею владѣете, теперь только для васъ ея щажу! Какое чувствую удовольствіе отъ одного воображенія предъ-будущей своей наисчастливѣйшей участи, о чемъ поминутно Бога прошу, чтобъ только дождать и недалъ бы изчезнуть отъ тягчайшей печали, происходящей отъ разлуки. Красота моя, упованіе мое, не забывайте меня! Цѣлую васъ, душенька моя, сто тысячъ разъ, и божусь вамъ, что во все время, что я васъ не вижу, днемъ, поминутно, вы въ глазахъ моихъ живете, а ночью лишь только сомкну глаза, то и вижу. Что быть пріятнѣе можетъ, а о протчемъ, что около меня происходитъ, не вижу ничего и не знаю—для васъ одной, жизнь моя, ангелъ мой, дражайшее мое сердце. А остальные дни вѣку моего посвящаю и тѣмъ мысленно занимаюсь, цѣлаго свѣта не могу сравнитъ съ вашею рукою прекраснѣйшею, кою ежеминутно цѣлую и щасливѣйшимъ себя поставляю, что вы, душенька, любите меня и не перемѣните никогда, за сіе готовъ отректись всѣхъ блистательныхъ мечтъ сего міра. *(Безъ числа).*

26. Любезнѣйшая обладательница души, сердца и жизни моей, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасья Петровна! Тогда только и покой духа моего вижу и волненіе мыслей отъ меня удаленно, когда берусь за перо съ вами говорить, наипрекраснѣйшій свѣтъ очей моихъ, миленькая моя Настенька, божество мое! И какъ мнѣ можно отъ васъ, душечка моя, таить мое положеніе: предъ вами я клялся имѣть съ вами, жизніоночкомъ моимъ, одну мысль, одну волю, одно желаніе, и ваше мнѣ приказаніе пребудетъ мнѣ навѣки законъ, слѣдовательно и не могу скрыть чувства нѣжнѣйшей страсти моей, къ вамъ, коей горѣть до конца жизни буду моей, но божусь вамъ, милушечка моя, что я до такой крайности дошелъ, что совсѣмъ сна не имѣю и отъ сего то я опасаюсь весьма нехорошихъ слѣдствій, но чѣмъ перемѣнить, прекраснѣйшій ангелъ мой?—Знаю и чувствую, что ни о чемъ не долженъ сумнѣваться: ваша вѣрность и любовь есть ко мнѣ безпредѣлны и я поминутно въ мысляхъ васъ, вѣрнѣйшую ду-

шечку Настеньку, вижу и читаю ваши прекраснѣйшіе строки, орошаю ихъ слезамы. Но разлука, о Боже милостивый, разлука—о несносное бремя! Къ тому жъ напоминаніе о зломъ на васъ нападеніи, что далѣ будетъ, не приведи Господь, клянусь вамъ, заплачу моему гонителю жизнію. Поминутно молю Всемогущаго, чтобъ онъ подкрѣпилъ ваше неоцѣнное здравіе для меня и на нашихъ бы покровителей ниспослалъ силу къ защитѣ насъ. Наконецъ, цѣлую васъ, вѣчная обладательница и божество мое, любезнѣйшій другъ, вѣрнѣйшая Настенька, сто тысячъ тысячу кратъ, ваши, жизніоночка, душечку и прекраснѣйшіе и сладчайшіе уста, ножечки и ручки, повелительницу мою цѣлую безпрестанно васъ, драгоцѣннѣйшій ангелъ мой, владычица моя, не забывайте, душечка моя Настенька, что сколько я мысленно васъ цѣлую, то когда Богъ дастъ видѣться, удостоить меня исполнить на самомъ дѣлѣ. *(Безъ числа).*

27. Дражайшее мое божество, прекраснѣйшій ангелъ мой, душа жизни моей Настасья Петровна! Все зависитъ теперь отъ васъ, жизніоночекъ мой, душечка, миленькая моя Настенька, и когда вы меня жалѣете и нужно вамъ продолженіе жизни моей, то сохраните ея для вашего обожателя, которой тогда перестанетъ горѣть къ вамъ нѣжнѣйшею любовію, когда жизнь его прекратится. Изъ письма моего къ батюшкѣ нашему Степану Степановичу можете, милушечка, моя красота, усмотрѣть все обстоятельно, гдѣ я ничего не упустилъ, чтобъ не дать чувствовать сколь до крайности опасно продолжать далѣе медленность и нерѣшимость нашей судьбы окончаніе, которую наши злодѣи все понемножку стараются приводить въ замѣшательство; наконецъ, чтобъ такъ не запутали, что съ превеличайшею трудностію и развязать можно будетъ. И такъ, маменька моя, прекраснѣйшая Настенька, моя душечка, просите сколько можно батюшку Григорія Григорьевича и Степана Степановича, а они, чтобъ бабушку нашу убѣждали къ увѣнчанію участи нашей счастливѣйшей въ нашихъ обстоятельствахъ. Столько ненавистниковъ! день дорогъ, а за недѣлю и сохрани Богъ чего могутъ надѣлатъ, и кончится прекращеніемъ жизни моей. Не оставь же меня, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, Настененька, утопающаго въ слезахъ и отъ горести можетъ быть и умру, но память друга моего съ собою понесу. Нѣтъ силъ болѣе. Повседневно вижу себя ослабѣвающа, тоска меня съѣдаетъ и свѣтъ для меня мраченъ и преодолѣть грусть свою мочи уже моей нѣту. Пожалѣйте меня, божество мое, одна отрада и одно упованіе, какое я въ жизни уже имѣю вы, душечка моя, подпора сла-

быхъ моихъ силъ, никого не имѣю, ни друзей и родни, кромѣ васъ, свѣтика, душечку, жизніоночка, прекраснѣйшаго ангела, вѣрнѣйшаго и любезнѣйшаго друга моего, божество мое Настеньку, и цѣлую васъ, душечку, миліонъ миліоновъ разъ —прекраснѣйшую душу вашу, сладчайшіе уста, дражайшія ручки и любезнѣйшія ножки. *(Безъ числа).*

28. Дражайшая обладательница жизни и сердца моего, прекраснѣйшій ангелъ мой, прелюбезнѣйшій другъ мой Настасья Петровна! Цѣлую тысяча тысячу разъ ваши сладчайшіе уста, и ручки и ножки! Снадбили вы меня, жизніоночекъ мой, душечка моя, пищею опять на нѣсколько дней: читая поминутно ваши питательныя карточки, ей-ей забываю самъ себя, съ коихъ весьма ясно вижу наиблагополучнѣйшую готовлющуюсь мнѣ жизнь, усѣянную цвѣтами. О высочайшее щастіе быть вамъ покорену сердцемъ и несравненно болѣе—имѣть ваше сердце и руку, и сихъ двухъ сердецъ, клянусь вамъ Богомъ, различить не умѣю: связаны они святѣйшимъ и ненарушимымъ обѣтомъ жить и умереть вмѣстѣ; воля и склонности ихъ сходны, но ахъ, вѣрнѣйшій другъ мой, потужимъ о нашихъ сердцахъ, утомленныхъ тягчайшими вздохами и о ихъ неудобности летать по минутно за 80 верстъ, но послѣднее не такъ для нашихъ сердецъ, трудно, какъ первое; увѣренъ, что соединенны наши сердца крѣпчайшимъ и вѣрнымъ союзомъ, не устанутъ отъ пути, судя по мѣсту между нами разстояніе имѣещему, летать, что составитъ нѣсколько тысячъ сотъ верстъ въ день. Храню, сколько могу, мое здоровье, но божусь вамъ святостію любви нашей, такіе приходятъ часы въ день, что въ совершенномъ безпамятствѣ нахожусь. Ахъ, Боже мой, сколь тяжко быть въ разлукѣ съ душею души моей, для коей живу, о почтеннѣйшій предметъ всего моего благополучія и отрады, mon ami le plus fidelle, qui puit etre au monde, припадши къ ножкамъ вашимъ, цѣлую ихъ! О счастливѣйшій тотъ день, назначенной премудрою рукою, въ которой могъ я быть усчастливенъ обративъ ваше вниманіе къ себѣ и изъ того то времени полагаю себя счастливѣйшимъ и надѣюсь, что примѣру моего благополучія подъ солнцемъ не можно сыскать, не могу себя одолѣть, чтобъ не обратиться къ цѣли моего одного благоденствія, зависящаго отъ васъ, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасья Петровна, не оставляйте, душечка, жизніоночокъ мой, ангелъ мой, питать меня въ вашихъ карточкахъ вашей непорочной, чистѣйшей любовію и чистосердечнымъ изреченіемъ. Зачѣмъ таить намъ друга отъ друга нѣжныя чувства страсти нашей, связавши разъ навсегда судьбу нашу и предъ тѣмъ, который готовъ цѣловать пилъ (т. е. пыль) подъножія

вашего, цѣлую васъ, маменька моя, клянусь Богомъ живымъ, что до послѣдняго дни живота моего не узрите во мнѣ перемѣны въ вѣрности, въ почтеніи факалъ (sic) любви моей къ вамъ не угаснетъ, чего и отъ васъ равно надѣюсь.—*(Безъ числа)*.

29. М. г—ня Настасья Петровна! О! найдрагоцѣннѣйшій ангелъ души моей! сколько мнѣ пріятно слышать изъ устъ вашихъ найпрекраснѣйшихъ, обращеніе меня къ великодушію правды вашей, противъ которой я не могу быть непризнательнымъ, но желаю чтобы вы также мнѣ отдали справедливость, вы сами есть, душа жизни моей, виновница! Удостоивъ у меня взять навѣкъ сердце мое и душу, а теперь меня же и вините, что я не великодушенъ, но я долженъ вамъ сказать, что я теперь и совсѣмъ безъдушенъ, и безъ сердца, вы ихъ навсегда приняли, счастливая ихъ участь обитать вѣчно подъ руководствомъ любезнѣйшей обладательницы жизни моей; я жъ съ моей стороны, да не лишенъ буду осчастливиться принятіемъ подъ вашъ покровъ и руководство, влидѣтельницею бывъ моей души и сердца, располагайте и мною, и той жизнію, которую на вѣкъ для васъ посвятилъ. Увѣренъ я на справедливость неба, оно милосердно и довлѣло бъ ему, кажется, отвратить уже отъ насъ ударъ, видя наше терпѣніе и невинность, но если оно медлитъ съ своими лаврами на насъ, то въ такомъ случаѣ, безъ Божіего подкрѣпленія не знаю, могу ли дожить конца. Я уже и сообразить не могу, какія только можемъ воздать благодарности м. г—рамъ батюшкамъ Григорію Григоріевичу и Степану Степановичу, за ихъ намъ защиту и приуготовленіе первѣйшаго намъ въ свѣтѣ благополучія. Да сохранятся въ нашихъ сердцахъ къ нимъ навѣки жертва благодарности и наичувствительнѣйшей обовязанности? Почти три мѣсяца истекаетъ, какъ я видѣлъ, о Боже всемогущій, когожъ? вѣчной обладательницы жизни, наипрекраснѣйшаго ангела, безъ коего мнѣ весь свѣтъ не милъ, о страшная тоска, да и самая жизнь моя начинаетъ мнѣ тяготною быть. О страшная тоска очевидно меня изнурять не престаетъ. Не забывайте меня, прошу васъ, жизнь моя, вся надежда моя, наполненною къ вамъ любовію неограниченною и непоколебимою вѣрностію до послѣдней минуты жизни моей, коею жизнь прекратится, когда только малѣйшая перемѣна случилась бъ въ вашемъ благосостояніи, о чемъ мысленно поминутно къ Богу обращаюсь и прошу его слезно, да будетъ его воля со мною, отнять у меня все, даже и жизнь мою, но чтобъ сохранилъ ваше здравіе, противъ котораго у меня нѣтъ подобія къ сравненію. Итакъ, цѣлуя сто тысячъ кратъ ваши драгоцѣннѣйшія,

прекраснѣшія и любезнѣйшія ручки, и поруча себя въ вашу безмѣрную любовь, завѣряя жъ съ моей стороны, что прежде жить перестану, нежели могла во мнѣ перемѣнится неограниченная къ вамъ любовь и вѣрность, и симъ однимъ будетъ духъ мой къ вамъ питать во всю жизнь мою.—Весьма желаю видѣть письмо Григорія Петровича и знать, куда цѣлитъ сія новая батарея, такъ долго скрытое только дѣйствіе имѣющая.—*(Брахловъ, 25 апрѣля).*

30. М. г—ня Настасья Петровна! Не получавши отъ васъ, найдрагоцѣннѣйшаго ангела моего, чрезъ восемь дней никакого извѣстія, несноснѣйшей скукой терзаемъ былъ и грусть моя низводила меня къ величайшему отчаянію, не ожидая уже болѣе дожить и пользоваться вашими наиріятнѣйшими и питательными строками. И по многомъ мученіи, послалъ еще и третьяго человѣка искать прежнихъ двухъ, отчаявшись ихъ болѣе и видѣть, разсуждая, что конечно они пойманы ухищренными сѣтьми, ненавидѣвшими насъ. Какъ вдругъ, на девятый день, сверхъ уже всякаго моего чаянія, явился Степанъ Ар. съ двумя моими нарочными и третьимъ, встрѣтившимся съ ними на половинѣ дороги, коего онъ съ собою поворотилъ. За симъ, какимъ обятъ духъ мой удовольствіемъ и наполнился наипріятнѣйшею сладостію по принятіи отъ васъ, души жизни моей, неоцѣненнаго сокровица, вдругъ трехъ писемъ и отъ безмѣрной радости едва очи мои не отказались быть подвласными, возлетая поминутно къ вамъ, прекраснѣйшему жизніоночку моему, обитаемому въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жили душа и сердце мои, имѣвшія по сходству всякому смертному, вліяніе частицы Божества, и сіи то два существа почтить вы, жизнь моя, соизволили принятіемъ подъ вашу вѣчную власть, а на томъ мѣстѣ остается образъ вашъ драгоцѣннѣйшій, найглубочайше впечатотлѣнной, управляя мною навѣкъ, коего чтя красоту и добродѣтель, сопряженные съ любовію неподражаемою и вѣрностію безъпримѣрною, счастливымъ себя считаю и полагаюсь быть предводительствуемъ вашею, душа жизни моей, наипрекраснѣшею и любезнѣйшею рукою, подъ властію которой чту мой вѣкъ златымъ, предъвозвѣщающій мнѣ безконечную сладость и удовольствіе. Теперь поставляю васъ, васъ, душечку мною, на кою справедливость вовѣкъ мой положится долженствую,—будьте вы мой судія, коего приговору законъ мнѣ есть повиноватся безъ всякого оправданія, не надобно ли быть совершенно безъ чувствъ, столько извѣдавши очно, испытавши душевно и безъпримѣрно плѣнясь укрѣпленному и найдостаточнѣйше удостовѣрившемуся въ вашей неограниченной вѣрности, преододѣвая всѣ труд-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LI.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 Ноября 1895 года.

Грановскій протопопъ Іоаннъ Строцкій, какъ поборникъ православія на Украинѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія [1]).

Въ письмѣ, посланномъ 27 іюня 1790 года князю Адаму Адамовичу Чарторыжскому, протопопъ о. Іоаннъ Строцкій такъ пишетъ о себѣ: „волею Божіею я прожилъ въ свѣтскомъ званіи болѣе 25 лѣтъ, а священствую на Грановской парафіи 44 года съ лишнимъ". На основаніи этихъ словъ слѣдуетъ предполагать, что онъ родился въ 1721 году, а священство принялъ въ 1746 году. Между православными священнослужителями, имѣвшими свои приходы на Украинѣ, онъ уже въ началѣ 70-тыхъ годовъ минувшаго столѣтія считался весьма выдающимся пастыремъ и имѣлъ неотразимое вліяніе на добровольное возсоединеніе многихъ уніатскихъ священниковъ съ православною церковью. Брацлавскій уніатскій оффиціалъ Заблоцкій въ репортѣ своемъ, поданномъ 4 генваря 1773 года своему митрополиту Володкевичу, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „нашъ клиръ, точно ослѣпленный, постоянно жмется къ (православнымъ) духовнымъ правителямъ, будучи увлекаемъ примѣромъ Грановскаго благочиннаго (Строцкаго), который собственноручно и добровольно запи-

[1]) Статья эта составлена: во 1-хъ на основаніи архивныхъ дѣлъ Переяславской духовной консисторіи, касающихся состоянія православія на Украинѣ съ 1772 по 1783 годъ и хранящихся нынѣ въ архивѣ Кіевской консисторіи, и во 2-хъ, на основаніи принадлежавшихъ этому протопопу рукописей, которыя большею частію писаны на польскомъ языкѣ и подарены священникомъ м. Гранова Матѳеемъ Строцкимъ благочинному 5 округа липовецкаго уѣзда кіевской губерніи Фавсту Зельницкому, передавшему ихъ въ сентябрѣ 1850 г. чрезъ протоіерея І. М. Скворцева въ библіотеку Кіево-софійскаго собора, гдѣ онѣ значатся подъ № 203.

салъ себя и все благочиніе на подчиненіе переяславскому епископу. Благочинія Животовское, Уманское, Чечельницкое и Рашковское частію изъ страха, а частію добровольно тамъ же утонули" [1]). Но значеніе о. Строцкаго еще болѣе начало возрастать съ 1774 года, когда онъ сблизился съ молодымъ магнатомъ польскимъ, княземъ Адамомъ Адамовичемъ Чарторыжскимъ [2]), который, по званію генерала земель подольскихъ и старосты кременецкаго и летичевскаго, довольно часто изъ Варшавы пріѣзжалъ на Подолію и останавливался въ мѣстечкѣ Грановѣ, какъ центрѣ весьма обширныхъ Грановскихъ имѣній, принадлежавшихъ его отцу. Здѣсь молодой князь пожелалъ видѣть православнаго грановскаго священнослужителя, который своимъ могучимъ пастырскимъ вліяніемъ на православныхъ обитателей Грановщины спасъ эту мѣстность отъ той страшной кровавой бури [3]), которая съ конца апрѣля 1768 года пронеслась надъ кіевскимъ воеводствомъ и значительною частію брацлавскаго, подольскаго и изяславскаго воеводствъ. Послѣ неоднократныхъ встрѣчъ и собесѣдованій, Чарторыжскій чистосердечно полюбилъ весьма умнаго и доблестнаго грановскаго священнослужителя и сталъ относиться къ нему безъ всякой аристократической спеси, а какъ братъ къ брату. Подробные, обстоятельные разсказы о. Строцкаго о крайне угнетенномъ положеніи православія на Украинѣ благотворно подѣйствовали на доброе, впечатлительное сердце молодого князя, и онъ изъявилъ искреннее желаніе принять подъ свою защиту какъ православную вѣру, такъ и священнослужителей ея. О таковомъ желаніи Чарторыжскаго Строцкій въ первой половинѣ 1774 года репортовалъ переяславскому епископу Іову Базилевичу, подъ вѣдомствомъ котораго тогда находились всѣ православныя украинскія церкви, и къ репорту своему прило-

---

[1]) Подолія. Историч. описаніе, изданное Н. Н. Батюшковымъ 1891 г., стр. 195.

[2]) Въ письмахъ, которыя Чарторыжскій послѣ 1775 г. писалъ къ о. Строцкому, онъ въ титулъ его вносилъ слова: Przewielebny w Bogu... panie y Bracie, a себя самого называлъ—Zyczliwym Bratem y sługa uniżonym. См. рукописи о. Строцкаго стр. 9 11 и 17.

[3]) Тамъ же стр. 57 см. письмо кн. Чарторыжскаго въ Брацлавскую цивильно-войсковую коммисію.

жилъ письмо князя Чарторыжскаго, въ которомъ послѣдній изъявлялъ „свое желаніе оказать защиту гонимому на Украинѣ благочестію и совѣтывалъ переяславскому архипастырю изъ числа подвластныхъ ему священниковъ выбрать двухъ, въ качествѣ делегатовъ, и отправить въ Варшаву для подачи просьбы въ Пресвѣтлую Постоянную Раду о возстановленіи дарованныхъ польскими королями восточной вѣрѣ привилегій и о карѣ нарушителей ихъ привилегій".

Согласно прописанному совѣту, на основаніи распоряженія преосвященнаго Іова, отецъ Строцкій созвалъ въ Грановъ болѣе почетнѣйшихъ изъ украинскихъ священнослужителей, которые делегатами своими на Варшавскій Сеймъ избрали протопоповъ—винницкаго Илію Голоскевича и краснянскаго Іоанна Богдановича и немедленно отправили ихъ съ своими жалобами на предстоявшій сеймъ. Поѣздка ихъ въ Варшаву не осталась безплодною. Бывшій тогда сеймъ, по ходатайству князя Чарторыжскаго, подкрѣпленному русскимъ чрезвычайнымъ посломъ, назначилъ особаго коммисіанта и велѣлъ ему немедленно отправиться на Украину для разслѣдованія жалобъ, поданныхъ украинскими делегатами. Одновременно съ назначеніемъ коммисіанта Сеймъ на руки делегатовъ передалъ, для опубликованія, свой универсалъ, которымъ строго воспрещалось „чинить всякія новыя обиды исповѣдникамъ благочестія".

Получивши отъ Чарторыжскаго извѣстіе о назначеніи коммисіанта, преосвященный Іовъ 16 февраля 1775 года послалъ Грановскому протопопу слѣдующее письмо: „Всечестный отецъ протопопъ Грановскій, любезный о Христѣ отецъ братъ! Ежели еще къ вамъ не прибылъ изъ Варшавы коммисіантъ, о чемъ я предъ симъ къ вамъ писалъ, то совѣтую вамъ, по полученіи сего, буди сами не можете, заразъ (сейчасъ) отправить въ Варшаву двухъ надежныхъ, какихъ вы изберете, священниковъ, и писать къ его сіятельству князю Чарторыжскому съ представленіемъ вамъ чинимыхъ обидъ. Напишите также князю, что православные протопопы винницкій Илія Голоскевичъ и краснянскій Іоаннъ Богдановичъ прибыли изъ Варшавы на Украину въ цѣлости. Ежели коммисіантъ уже прибылъ къ вамъ, то о

семъ дѣлѣ съ нимъ посовѣтуйтесь, надобно ли къ князю писать объ обидахъ, или, можетъ быть, и онъ разберетъ. И какъ я прежде писалъ, такъ и нынѣ совѣтую, по его словамъ вамъ поступать. Меня довольно увѣрено (княземъ), что онъ человѣкъ надежный для нашей стороны. Весьма жалѣю, что протопопы винницкій и краснянскій, по пріѣздѣ своемъ, не отзывались къ тому человѣку, который имъ благодѣтельствовалъ, да и я къ нему писалъ, только невѣдаю, послали ли они къ нему мое письмо. Письма сего, кромѣ протопоповъ винницкаго и краснянскаго, никому не показывайте; а я, благословенію Божію васъ препоручая, ожидаю отъ васъ скораго по сему увѣдомленія и пребываю къ вамъ вседоброжелателемъ. Іовъ, епископъ переяславскій и бориспольскій. 16 февраля 1775 года“ [1]).

Спустя два мѣсяца и 25 дней, по полученіи сего письма, протопопъ Строцкій получилъ письмо и отъ князя Чарторыжскаго, къ которому онъ лично обращался съ просьбою оказать, какъ ему, такъ и всему православному священству Грановскаго Ключа защиту отъ уніатскихъ угнетеній. Чарторыжскій 10 мая 1775 года такъ писалъ ему: „Велебнѣйшій ксендзъ архипресвитеръ, мой найлюбезнѣйшій господинъ и братъ! Прилагая къ моему письму письмо вельможнаго Коссаковскаго [2]), имѣю удовольствіе завѣрить велебнѣйшаго господина, что о его дѣлѣ я уже переговорилъ съ моимъ сіятельнѣйшимъ отцемъ. Ожидаю лишь отъ пана добродзѣя донесенія о всѣхъ тѣхъ угнетеніяхъ, которыя онъ съ подвластными ему попохами терпитъ, для того чтобы къ устраненію ихъ принять надлежащія мѣры и тѣмъ на дѣлѣ доказать, насколько меня интересуетъ судьба благочестія“ [3]).

Въ приложенномъ къ сему письмѣ Коссаковскій, по распоряженію молодаго Чарторыжскаго, указалъ о. Строцкому совѣтъ, что онъ долженъ сдѣлать, какъ для утвержденія православія въ

---

[1]) Рукописи протоп. Строцкаго стр. 4.

[2]) Коссаковскій, другъ и пріятель о. Строцкаго, былъ домашнимъ секретаремъ польскаго короля и довольно часто писалъ письма къ сему протопопу. Одни изъ нихъ приложены къ архив. дѣламъ переясл. консисторіи, а другія къ рукописямъ о. Строцкаго.

[3]) Рукоп. протопопа Строцкаго стр. 11.

Грановщинѣ, такъ и для огражденія его на дальнѣйшее время отъ могущихъ опять возникнуть угнетеній со стороны уніатовъ. „Довольно скоро", писалъ Коссаковскій, „выѣзжаетъ въ свои закордонныя маентности старый дѣдичъ—свѣтлѣйшій князь и непремѣнно будетъ въ Грановѣ. Сюда, предъ его пріѣздомъ, надлежитъ вашему благоразумію собрать со всей Грановщины народъ, старыхъ и малыхъ и при этомъ разъяснить имъ опасное положеніе православія. Когда же прибудетъ свѣтлѣйшій князь, то собравшійся народъ пусть подаетъ ему просьбу о защитѣ своей отъ уніатскихъ и католическихъ властей. Но при семъ случаѣ надлежитъ употребить слезы и вопли. И не можетъ статься, чтобы доброе и милосердое его княжеской свѣтлости сердце не тронулось слезами и воплями многочисленнаго народа, страждущаго отъ угнетеній за свою вѣру" [1]). Этотъ благоразумный совѣтъ протопопомъ Строцкимъ былъ въ точности исполненъ. Старый дѣдичъ, хоть по словамъ того же Коссаковскаго, „былъ крайне послушнымъ орудіемъ злѣйшихъ враговъ православія—католическихъ и уніатскихъ духовныхъ властей" [2]), однако, подъ вліяніемъ любимаго сына своего, былъ глубоко тронутъ слезами и воплями многочисленныхъ православныхъ исповѣдниковъ и строго воспретилъ, кому слѣдовало, угнетать ихъ. Съ этого времени и стало возстановляться то благоденствіе, объ исходатайствованіи котораго епископъ Иларіонъ 22 мая 1778 года просилъ молодаго Чарторыжскаго для всѣхъ вообще православныхъ обитателей Украины [3]).

Назначенный Варшавскимъ Сеймомъ коммисіантъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1775 года пріѣзжалъ на Украину и произведенное имъ

---

[1]) Рукоп. протопопа Строцкаго стр. 11.

[2]) Тамъ-же стр. 11.

[3]) Считаю нужнымъ списать это письмо. „Сіятельнѣйшій князь, нашъ наймилостивѣйшій Благодѣтель! Умоляю Вашу княжескую Свѣтлость принять подателей сего письма, епархіальныхъ депутатовъ, въ особое милостивое свое покровительство и не оставлять ихъ своимъ пособіемъ и безъ своего наставленія, и помочь имъ исходатайствовать чрезъ россійскаго полномочнаго посла такое благоденствіе какимъ православные исповѣдники пользуются съ своимъ священствомъ во владѣніяхъ Вашего сіятельства на Украинѣ". Письмо это приложено къ хранящимся въ кіевскомъ консисторскомъ архивѣ дѣламъ переяславской консисторіи за 1778 г.

разслѣдованіе жалобъ, поданныхъ протопопами Голоскевичемъ и Богдановичемъ, не осталось безъ добрыхъ послѣдствій для гонимыхъ исповѣдниковъ православія,—чему доказательствомъ служитъ нижеслѣдующее письмо переяславскаго архипастыря къ о. Строцкому, писанное 29 мая 1775 года: „Присланное отъ васъ при доношеніи письмо извѣстнаго благодѣтеля (Чарторыжскаго) я съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ, и Божій объ васъ промыслъ въ немъ узналъ. Се—то тотъ человѣкъ, котораго совѣтовъ и наставленій слушайтесь. Предъ симъ я къ вамъ писалъ, не изображая его имени, да и ненадо изображать и разглашать, дабы тѣмъ самимъ не подать причины ненавистникамъ къ оклеветанію. И теперь по его письму поступайте, ободряя и себя самихъ, и другихъ надеждою будущаго благополучія, и поощряя къ терпѣнію, безъ котораго никакого добра получить не можно. Расѣиваемыми отъ ненавистниковъ баснями вы не тревожьтесь. Аще Богъ съ нами, то кто на ны? Отецъ протопопъ винницкій съ товарищемъ пущай немедленно въ Варшаву ѣдутъ, не дожидаясь оттуда увѣдомленія: и давно надлежало ѣхать и старатись о пользѣ общей“ [1]).

Принятіе княземъ Чарторыжскимъ подъ свою защиту гонимаго православія переяславскій архипастырь считалъ дѣломъ промысла Божія и чрезъ о. Строцкаго повелѣлъ украинскому духовенству слушаться совѣтовъ и наставленій своего патрона и благодѣтеля, но вмѣстѣ съ тѣмъ, „дабы не подать причины ненавистникамъ къ оклеветанію“ Чарторыжскаго, воспретилъ духовенству „изображать и разглашать имя его“. Впрочемъ Чарторыжскій, благодѣтельствуя православію, нисколько не тревожился могущими возникнуть изъ за этого неблагопріятными для него послѣдствіями. Не обращая вниманія на могущество и силу многочисленныхъ и притомъ самыхъ жестокосердныхъ враговъ православія, онъ очень явно покровительствовалъ православнымъ делегатамъ, которые пріѣзжали въ Варшаву искать защиты противъ своихъ гонителей, давалъ имъ полезные совѣты и мудрыя наставленія при составленіи жалобъ и ходатайство-

[1]) Рукописи о. Строцкаго стр. 5.

валъ, на сколько могъ, предъ королемъ и его Пресвѣтлою Радою о законномъ разрѣшеніи ихъ. Съ этимъ добрымъ дѣломъ соединялось и гостепріимство, которое украинскіе делегаты находили въ палацахъ Чарторыжскаго. Такими благодѣяніями его пользовались: въ 1774 и 1775 г. протопопы Голоскевичъ и Богдановичъ; въ концѣ 1775 г.—Священники Григорій Бѣлявскій и Михаилъ Пѣлѣховскій; въ 1776 году—протопопы чечельницкій Лука Романовскій и винницкій Илія Голоскевичъ; въ маѣ и іюнѣ 1778 года священники, имена которыхъ пропущены въ дѣлахъ Переяславской Консисторіи; наконецъ съ октября 1778 г. по февраль 1779 г. — священники корсунской протопопіи Іоаннъ Стоцкій и Іоаннъ Зелѣнкевичъ. Послѣдніе изъ сихъ делегатовъ, 21 октября 1778 года донося переяславскому епископу Иларіону о первоначальныхъ своихъ дѣйствіяхъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, репортъ свой заключили такъ: „Просимъ ваше Преосвященство не оставлять письмами своими его сіятельства князя Чарторыжскаго, генерала земель подольскихъ, котораго мы тутъ за отца имѣемъ и который велѣлъ намъ къ себѣ всякій день ходить на обѣдъ и на вечéру“ [1]).

По просьбѣ о. Строцкаго князь Чарторыжскій исходатайствовалъ для православныхъ делегатовъ конвой, состоявшій изъ двухъ козаковъ, которые изъ м. Полоннаго провожали ихъ въ Варшаву и обратно. Но заботливость сего князя о православныхъ делегатахъ этимъ еще не оканчивалась,—онъ желалъ своевременно получить извѣстіе даже о благополучномъ возвращеніи ихъ на мѣсто жительство. Поводомъ къ послѣдняго рода заботливости былъ слѣдующій, недавно предъ тѣмъ совершившійся фактъ. Духовные правители Украины Семенъ Переровскій и Михаилъ Гуранда составили жалобу на имя императрицы Екатерины II и, съ разрѣшенія переяславскаго епископа Іова, от-

---

[1]) Делегаты Стоцкій и Зелѣнкевичъ уклонились отъ отведеннаго для нихъ помѣщенія въ палацахъ Чарторыжскаго, потому что первый изъ нихъ не отличался трезвостію,—о чемъ секретарь Коссаковскій упоминаетъ въ своемъ письмѣ, писанномъ о. Строцкому 29 января 1779 года, гдѣ онъ, между прочимъ, совѣтуетъ ему избирать делегатовъ болѣе благонадежныхъ для дѣла. Оригиналъ сего письма приложенъ къ дѣламъ переяславской консисторіи за 1779 годъ.

правились въ С.-Петербургъ въ качествѣ депутатовъ отъ православныхъ украинскихъ исповѣдниковъ. По разсмотрѣніи ихъ жалобы въ Иностранной Коллегіи, Императрица 7 ноября 1771 года дала имъ на руки рескриптъ на имя Румянцева, предписывающій ему защищать православныхъ украинцевъ. Съ этимъ драгоцѣннымъ документомъ Перeровскій и Гуранда, не заѣзжая домой, поѣхали прежде всего къ Румянцеву, квартировавшему въ Яссахъ. На пути туда они остановились въ Балтѣ, гдѣ Гуранда пропалъ безслѣдно—погибъ отъ поляковъ, которые провѣдали о Высочайшемъ рескриптѣ, испрошенномъ этимъ протопопомъ. Въ виду этого факта Чарторыжскій слишкомъ безпокоился, когда своевременно не получилъ извѣстія о благополучномъ возращеніи на Украину протопоповъ Голоскевича и Богдановича, въ первой половинѣ декабря 1774 года выѣхавшихъ изъ Варшавы съ Королевскимъ универсаломъ „строго воспрещавшимъ уніатамъ чинить новыя обиды православнымъ украинцамъ“. Предполагая, что съ Богдановичемъ и Голоскевичемъ случилось то же, что съ Гурандою, онъ 29 декабря 1774 года такъ писалъ къ Грановскому протопопу: „Всевелебнѣйшій господинъ архипресвитеръ! По извѣстнымъ причинамъ желаю узнать, гдѣ теперь находятся протопресвитеры Іоаннъ Богдановичъ изъ Краснаго и Илія Голоскевичъ изъ Янова. Соизвольте немедля о семъ донести и точно информовать. Ежели бы съ ними случилось какое либо несчастіе, прошу меня извѣстить, какъ можно найскорѣе, чѣмъ премного обяжете вашего зычливаго слугу“ [1]). Безпокойство Чарторыжскаго касательно православныхъ делегатовъ было ненапрасно. Когда протопопы Романовскій и Голоскевичъ, въ 1776 году, возвратившись изъ Варшавы, захотѣли обнародовать привезенный ими Королевскій универсалъ, то переодѣтые, по распоряженію полковника Іерлича, польскіе жолнѣры на площади м. Бершады страшно избили ихъ, другихъ же священниковъ, бывшихъ тамъ же, страшно изувѣчили, поломавши имъ руки и ноги [2]).

---

[1]) Рукописи протопопа Строцкаго стр. 13.

[2]) Дѣла переясл. консисторіи за 1778 г. см. Меморіалъ, поданный королю 20 ноября 1778 г.

Переписываясь сперва съ Іовомъ, а потомъ Иларіономъ, переяславскими архіереями, и касаясь тѣхъ результатовъ, какими сопровождались жалобы украинскихъ делегатовъ, Чарторыжскій не хвалился своимъ горячимъ участіемъ въ достиженіи сихъ результатовъ. О таковомъ участіи князя своевременно сообщалъ въ Переяславъ протопопъ Строцкій, руководившій дѣломъ защиты православія, и кабинетный королевскій секретарь Коссаковскій, собственными глазами видѣвшій все то, что дѣлалъ сей князь на пользу православія. Основываясь на свѣдѣніяхъ, получаемыхъ отъ этихъ лицъ, а равно и отъ самыхъ делегатовъ, переяславскіе архіереи долгомъ своимъ считали письменно благодарить Чарторыжскаго за его благодѣянія. Изъ числа таковыхъ писемъ, хранящихся въ архивѣ Кіевской Консисторіи, при дѣлахъ Переяславской Консисторіи съ 1774—1779 годъ, опубликуемъ хотя одно, писанное епископомъ Иларіономъ 5 декабря 1778 года. „Сіятельнѣйшій князь Адамъ Адамовичъ Чарторыжскій, генералъ земель подольскихъ, староста кременецкій и летичевскій!“

„Гонимые въ польской области отъ стада моего и страждущіе благочестивые священники отличными Вашего Сіятельства хвалятся много милостями и благопризрѣніемъ, всякій день и всякое время имъ являемыми. И я то съ особливѣйшимъ пріемля удовольствіемъ, Вашему Сіятельству приношу благодарность мою. Множайшія и человѣколюбивыя благодѣянія Ваши служатъ точнымъ проявленіемъ Вашей благодѣтельной души и въ благодарной моей памяти и страждущихъ пребудутъ въ роды родовъ. Какъ же Вашему Сіятельству извѣстно, до какой крайности гонимые дошли, они съ приходовъ согнаны и съ домовъ, лишены имѣній и здоровья, и не только въ томъ не чувствуютъ никакой ослабы, но еще вящшихъ ожидаютъ озлобленій: то прошу Ваше Сіятельство, елико можно, къ пользѣ и благоденствію ихъ подать имъ руку помощи и находящихся въ Варшавѣ ихъ повѣренныхъ не оставлять призрѣніемъ Вашимъ благосклоннѣйшимъ. Я же молю Всевышняго и молить буду всегда о укрѣпленіи силъ Вашихъ, о продленіи жизни Вашей до глубокой старости и о изліяніи на Васъ всѣхъ щедротъ Божіихъ и пре-

буду съ усерднѣйшимъ почтеніемъ Вашимъ усерднѣйшимъ Богомольцемъ и покорнымъ слугою

Иларіонъ, Епископъ Переяславскій".

Хотя князь Чарторыжскій принималъ горячее участіе въ защитѣ религіозныхъ правъ всѣхъ вообще украинскихъ православныхъ исповѣдниковъ, но благими послѣдствіями такого участія до поры, до времени пользовались только тѣ изъ нихъ, которые проживали въ грановскихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ его отцу. Прихожане Грановской Іоненской церкви въ мемоціалѣ своемъ, поданномъ 19 апрѣля 1790 года чрезъ своего настоятеля князю Чарторыжскому, такъ описываютъ положеніе православія съ 1706—1783 годъ въ Грантовскомъ ключѣ: „Незабвенной памяти Адамъ Сѣнявскій, каштелянъ краковскій, и князь Адамъ—Александръ Чарторыжскій, воевода русскій, увѣковѣчили свою любовь къ Богу и Его Святынямъ (храмамъ). Они даровали фундуши для постройки новыхъ и реставраціи ветхихъ храмовъ Божіихъ и разныя угодія для священнослужителей; а для всегдашняго содержанія Святынь Божіихъ въ благолѣпіи предоставили парохіанамъ право въ табельные (храмовые) дни справлять ежегодно кануны (производить медовареніе). Кануны сіи справлялись въ всемъ Грановскомъ ключѣ, начиная съ 1706 до 1783 года, при жизни ясневельможныхъ, достойныхъ вѣчной памяти колляторовъ, при ихъ наслѣдникахъ и при всѣхъ назначаемыхъ ими коммисарахъ даже до коммисара Бернатовича, т. е. до 1783 года. И кто только изъ высокопоставленныхъ особъ, проѣзжая чрезъ Грановскія маентности, взиралъ на святыни Божіи, тотъ невольно поражался ихъ внѣшностію, а если заходилъ въ самыя святыни, то изумлялся, видя ихъ чудное благолѣпіе, и завидовалъ приснопамятнымъ колляторамъ и дѣдичамъ, которые любовію къ святынямъ Божіимъ и заботливостію о нихъ стяжали вѣчное спасеніе душамъ своимъ" [1]).

Что же касается украинскихъ имѣній, принадлежавшихъ не князю Чарторыжскому, а другимъ польскимъ магнатамъ, то находившіеся здѣсь священнослужители и прихожане ихъ про-

---

[1]) Рукописи протопопа Строцкаго стр. 56 и 57.

должали испытывать всякаго рода лишенія, грабежи и угнетенія,—что зависѣло съ одной стороны отъ безсилія польскихъ королей и двоедушія Посполитой Рѣчи, которая, публикуя универсалы для защиты православія, потворствовала нарушенію ихъ, а съ другой—отъ крайней недобросовѣстности уніатскихъ митрополитовъ, прибѣгавшихъ къ разнаго рода іезуитскимъ изворотамъ, съ цѣлью противодѣйствовать не только выполненію такого рода универсаловъ, но даже выдачѣ ихъ. Для внесенія въ настоящую статью опишемъ изъ архивныхъ дѣлъ Переяславской Консисторіи (1778 и 1779 г.) одинъ изъ таковыхъ изворотовъ, тѣмъ болѣе, что возраженія противъ этого изворота составилъ протопопъ Строцкій. Украинскіе делегаты Стоцкій и Зелѣнкевичъ меморіалъ свой, съ приложеніемъ къ нему реестровъ и вѣдомостей о разнаго рода обидахъ, нанесенныхъ уніатами православнымъ, 20 ноября 1778 года вручили русскому чрезвычайному послу Штакельбергу для передачи, чрезъ литовскаго канцлера Хрентовича, польскому королю и его Радѣ. Копію сего меморіала и приложеній къ нему Хрентовичъ немедля сообщилъ уніатскому митрополиту Леону Шептицкому. Жалобы, изложенныя въ меморіалѣ и приложеніяхъ къ нему, оказались вполнѣ справедливыми, безспорными; а потому, по настоятельному требованію русскаго посла и по усиленному ходатайству князя Чарторыжскаго, король Станиславъ—Августъ Лещинскій съ свое Пресвѣтлою Радою обязательно должны быть дать сатифакцію православнымъ делегатамъ вмѣстѣ съ тѣмъ выдать универсалъ для приведенія ея въ исполненіе. Но лукавая, іезуитская изворотливость Леона Шептицкаго помѣшала осуществленію долга правосудія. Уніатскій митрополитъ поспѣшилъ доложить королю и его Радѣ, что и уніатское духовенство можетъ представить взаимныя жалобы противъ разныхъ своевольственныхъ дѣйствій духовенства неуніатскаго и на этомъ основаніи просилъ отстрочить окончательную резолюцію по меморіалу благочествыхъ украинскихъ делегатовъ. Просимая отсрочка немедленно была дана, и этою отсрочкою Шептицкій задумалъ воспользоваться для окончательнаго отнятія у православнаго духовенства всѣхъ, еще принадлежавшихъ ему церквей. Но чтобы

при осуществленіи своего замысла стоять, такъ сказать, на юридической почвѣ, онъ представилъ въ Пресвѣтлую Раду короля слѣдующій докладъ.

„Вѣдать надлежитъ", писалъ онъ, „что въ Брацлавскомъ воеводствѣ, близъ турецкой и татарской границъ, положеніе имѣющихъ на мѣстахъ или пустыхъ степяхъ, послѣ бывшихъ военныхъ разныхъ разореній, когда сдѣлалось спокойство, начали населять села и мѣстечки, или слободы, и за достаточнымъ поселеніемъ народа въ тѣхъ новоосѣдлыхъ селахъ и мѣстечкахъ, по желанію польскихъ господъ и ихъ подданныхъ громадъ, а по благословенію митрополитовъ и бискуповъ, соединеніе съ римско-католицкою церковью содержащихъ, позакладаны и выстроены суть церкви, которыя въ управленіи уніатскаго духовенства состояли даже до 1768 года. А въ этомъ году, по наущенію Мотренинскаго православнаго монастыря отца игумена Мелхиседека Яворскаго, при шайкѣ Желѣзняковои збунтовалась чернь украинская и ватажки ея съ пролитіемъ крови католицкой духовенство и народъ къ присоединенію власти духовной переяславской принуждали,—о чемъ обстоятельно явствуетъ манифестъ, занесенный въ городѣ Житомірѣ. А какъ чернь отъ такова самовольства усмирена, паки духовенство и народъ обратились къ прежнему послушанію своему пастыреви его преосвященству митрополиту, остались же единственно нѣкоторыя особы, съ коихъ одни за преступленія свои отъ настоящей уніатской духовной власти своей отчуждены отъ приходовъ, другіе же, льстя себя надеждою въ полученіи нѣкотораго начальства, какъ де священникъ каневскій Сvменъ Переровскій, для продолженія единственно возмущенія между духовенствомъ замѣшательствъ и безпокойствъ, и согласуя власти духовной переяславской, учинили несправедливыя представленія, якобы издревле въ Польшѣ въ епархіи митрополіи кіевской были православныя церкви, какія уніатами захвачены были, и просили повелѣнія россійскимъ командамъ и за помощію тѣхъ командъ гвалтовно отъ уніатовъ паки церкви были отобраны, священство же разнообразно насиліями приневоливано было къ присоединенію духовной заграничной власти Переяславской неунитской въ 1772

году,—о чемъ также обстоятельно манифестъ явствуетъ, въ Житомірскомъ градѣ учиненный. А какъ только команды, разсмотрѣвши несходственное для себя дѣло, въ подаваніи защиты отказываться стали, то народъ и духовенство паки чрезъ поданіе въ унитскія консисторіи письменныхъ просьбъ къ прежнему обратились послушанію; а единственно нѣкоторые, одни преступники, другіе въ надежду полученія начальства отъ власти переяславской, третіи, опасаясь дальшихъ гонительствъ, остались отступниками и понынѣ таковыми состоятъ" [1]).

Вслѣдъ за подачею М. Шептицкимъ прописаннаго доклада уніатскіе оффиціалы Михаилъ Примовичъ, Янъ Любѣнскій и Янъ Яхимовичъ, по секретному предписанію того же Шептицкаго, разъѣзжая по всѣмъ владѣльческимъ дворамъ и разсылая письма къ болѣе вліятельнымъ польскимъ помѣщикамъ, давали имъ наставленія, какъ совращать простой православный народъ въ унію, какъ овладѣвать послѣдними церквами, еще остававшимися въ рукахъ православныхъ священниковъ, и какъ этому противозаконному дѣлу придать видъ законности. Привожу одно изъ таковыхъ писемъ, адресованное оффиціаломъ Любѣнскимъ въ 1779 году къ Голенъ-Невядомскому, чашнику Брестскому и Куявскому, проживавшему въ Дашевскомъ ключѣ. „Понеже, пишетъ оффиціалъ, власть россійскихъ войскъ престала уже входить въ духовные интересы, послѣ чего громады самые, по вдохновенію Святаго Духа, могутъ отбирать церкви отъ православныхъ поповъ и духовнымъ уніатскимъ отдавать; то чтобъ дѣло сіе имѣло теченіе надлежащимъ порядкомъ, было въ могуществѣ и не подверглось перемѣнамъ, благоволите, милостивый панъ добродзѣй, къ произведенію сего принять мое слѣдующее наставленіе: пусть громада, или два-три представители ея подадутъ мнѣ письменно свое желаніе въ слѣдующемъ: 1, что оные никакимъ образомъ не вѣдали заграничной духовной власти, но единственно за пастырей себѣ имѣли преосвященныхъ митрополитовъ, съ костеломъ римскимъ въ единеніе находящихся; 2, что

[1]) Копія этого доклада Леона Шептицкаго находится въ связкѣ дѣлъ переяславской консисторіи за 1779 годъ.

отъ оныхъ же пастырей всегда посвящаемы были ихъ приходскіе священники, имѣющіе презенты отъ дѣдичныхъ пановъ; 3, что отъ протопопа неунита, помощію россійскихъ войскъ, ихъ настоящій приходскій священникъ, будучи вязанный или битый, отъ приходской своей церкви былъ отдаленъ, и отъ времени такого то №№ по разнымъ мѣстамъ скитается бѣдно; 4, что оная жъ громада съ потомствомъ своимъ вседушно желаетъ пребыть и умирать въ повиновеніи пастырей, съ костеломъ римскимъ въ соединеніи находящихся, а никакой зарубежной власти не желаетъ, и оной отрекается, и въ разсужденіи самого того отдаляетъ отъ церкви православнаго священника, а прежде бывшаго уніата къ приходской ихъ церкви принимаетъ; въ таковомъ желаніи громада, отобравши ключъ отъ схизметика и подписавшись на своихъ прошеніяхъ, пусть присылаетъ ко мнѣ двоихъ или больше человѣкъ съ тѣмъ; а я для памяти предбудущихъ временъ заведу оное прошеніе въ книги моего правленія и прикажу дать съ оного выпись. Прошу покорнѣйше пана добродзѣя непредать забвенію произвести сіе въ дѣйство. Еще же могли бы вы, пане добродзѣю, сіе наставленіе передать секретно двору Дашевскому, а наипаче для того, что уже и предъ тѣмъ поданы суть къ преосвященному архипастыреви отъ громадъ просьбы въ той же силѣ, которыя просьбы я отослалъ давно къ пану Стольнику для благополучнаго въ намѣреніи семъ успѣха. Симъ временемъ выѣзжаю въ Умань по пути же не примину быть вамъ челомъ и въ то время словесно передамъ вамъ все, чего на бумагѣ писать неудобно" [1]).

Противозаконными дѣйствіями уніатскихъ оффиціаловъ число православныхъ украинскихъ церквей во второй половинѣ 1779 года до того сократилось, что въ нѣкоторыхъ протопопіяхъ (исключая Чигиринской, Богуславской, Смѣлянской и Черкасской) ихъ оставалось по двѣ или по три, а въ Уманской, Животовской, Краснянской, Чечельницкой и Винницкой всѣ до одной

---

[1]) Копію какъ сего письма, такъ и другихъ ему подобныхъ, протопопъ Строцкій 15 іюня 1779 года при доношеніи своемъ представилъ въ переяславскую консисторію. См. дѣла переясл. консисторіи за 1779 г., которыя хранятся въ архивѣ кіевск. консисторіи.

были отняты,—что, какъ пишетъ протопопъ Строцкій въ репортѣ своемъ преосвященному Иларіону, епископу переяславскому, отъ 15 іюня 1879 года, „было съ причины самаго Его Величества Польскаго Короля, давшаго разрѣшеніе отнимать церкви у православнаго духовенства“.

До прописанныхъ успѣховъ уніи въ польской Украинѣ недожилъ митрополитъ Леонъ Шептицкій. На пути изъ Варшавы въ Радомысль (гдѣ тогда была каѳедра уніатскихъ митрополитоъ) Шептицкій въ началѣ мая 1779 года останавливался въ мѣстечкѣ Полонномъ и, обнадеживши русскаго Генералъ-маіора Ширкова, что по пріѣздѣ на своею каѳедру, онъ не замедлитъ дать сатисфакцію на всѣ справедливыя претензіи неунитовъ, выѣхалъ оттуда утромъ 11 мая, а 12 вечеромъ прибылъ въ Радомысль, гдѣ на 13 число скоропостижно умеръ.

Задушевному другу и пріятелю Грановского протопопа королевскому секретарю Антонію Коссаковскому казалось, что по смерти главнаго и самаго опаснѣйшаго врага православія, Шептицкаго, не трудно будетъ поправить бѣдственное положеніе православной церкви и ея священнослужителей въ польской Украинѣ, а потому онъ изъ Варшавы прислалъ о. Строцкому письмо, въ которомъ совѣтовалъ возобновить защиту православнаго духовенства, такъ неудачно окончившуюся въ концѣ 1778 и въ началѣ 1779 года. Послѣдній поспѣшилъ донести переяславскому архіерею о совѣтѣ Коссаковскаго и въ отвѣтъ на свое доношеніе изъ Переяславской Консисторіи получилъ указъ, которымъ предписывалось ему „совмѣстно со всѣми украинскими протопопами и старѣйшими священниками 1, составить возраженіе противъ отвѣтныхъ пунктовъ митрополита Шептицкаго (т. е. его доклада) на меморіалъ украинскихъ депутатовъ, отъ 20 ноября 1778 года поданный польскому королю и 2, избрать новыхъ благонадежныхъ протопоповъ для поѣздки въ Варшаву и представленіи этого возраженія королю и его совѣту“ для дохожденія на будущемъ сеймѣ удовольства по своимъ дѣламъ“ [1]).

---

[1]) Указъ этотъ находится между дѣлами переясловской консисторіи за 1779 годъ.

Требуемое указомъ Консисторіи возраженіе, послѣ совѣщанія съ протопопами и старѣйшими священниками, вызванными въ м. Грановъ, о. Строцкій составилъ и 2 іюня 1779 года представилъ въ Переяславскую Консисторію, которая нашла оное „вполнѣ удовлетворительнымъ и годнымъ для дѣла". Спишу до словно это возраженіе, какъ полемическій трудъ, принадлежащій перу приснопамятнаго Грановскаго протопопа, болѣе полувѣка защищавшаго православіе на Украинѣ.

„Не вступаемъ въ познаніе привилегій и правъ древности религіи греческой неунитской, которое великимъ лицамъ свойственно, только возражаемъ противъ отвѣта, даннаго 15 декабря 1778 года преосвященнымъ Леономъ Шептицкимъ на пункты, отъ стороны насъ неунитовъ поданные въ Варшавѣ, и представляемъ нѣкоторыя доказательства, свидѣтельсвующія, яко религія греческая неунитская (и ея исповѣдники чинъ духовный и поспольство) въ епархіяхъ Львовской, Галицкой и Каменецкой издревле содерживалась, въ воеводствахъ же Кіевскомъ и Браціавскомъ по нынѣ содерживается, хотя въ не сносныхъ отъ уніатовъ притѣсненіяхъ и озлобленіяхъ чрезъ всѣ годы по сіи времена въ терпѣніи состоитъ".

1. „Антецессоръ преосвященнаго митрополита уніатскаго Леона Шептицкаго, въ неуній бывшій епископъ львовскій Аѳанасій Шептицкій, располагая въ воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ порядки дѣлъ духовныхъ въ утѣсненіяхъ священства неунитскаго, издалъ универсалъ 1717 года августа 21 дня, который въ церквахъ благочестивыхъ, при собраніи народа въ неуніи бывшаго, по всей Украинѣ былъ публикованъ".

2. „Что же Аѳанасій, епископъ львовскій, былъ православнымъ и до неунитскихъ церквей давалъ святые антиминсы по Украинѣ—о томъ свидѣтельствуютъ надписи на тѣхъ же антиминсахъ, сыскующихся въ церквахъ неунитскихъ".

3. „Свидѣтельствуютъ книги, въ типографіи Львовской Ставропигіальной напечатанныя, яко церкви, священство и народъ неуніи въ издревле въ епархіяхъ львовской, галицкой и каменецкой, а найпаче въ Украинѣ въ воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ содерживались и до сихъ поръ въ исповѣданіи

своемъ неунитскомъ пребываютъ;—таковыхъ книгъ не малое число на Украинѣ имѣется“.

4. „Вышеупомянутый епископъ Аѳанасій Шептицкій на Синодѣ Звмойскомъ, 1720 года бывшемъ, сталъ унитомъ, о чемъ на томъ же Синодѣ присяга на унію его и протчіихъ епископовъ свидѣтельствуетъ. На томъ же Синодѣ между споромъ съ Леономъ Кишкою, митрополитомъ унитскимъ, о правленіи священствомъ въ воеводствѣ Кіевскомъ и Брацлавскомъ далъ своеручно рескриптъ Леону Кишкѣ и въ томъ же рескриптѣ довольно свидѣтельствуетъ, что антецессоры его, безпрерывно прежде его будучіе, Варлаамъ Шептицкій, Іосифъ Шумлянскій и протчіе отъ самаго начала епископства львовскаго были въ неуніи: естьли жъ въ епархіяхъ Львовской, Галицкой и Каменецкой епископы, церкви, священство и народъ весь были въ неуніи, то кольмы паче въ воеводствѣ кіевскомъ и брацлавскомъ“.

5. „По наступившей публикаціи конфирмованнаго отъ Рыму Синоду Замойскаго помянутый Аѳанасій Шептицкій, епископъ львовскій, будучи уже унитомъ, до Бару, а Леонъ Кишка, митрополитъ унитскій, до Житоміра 1727 года съѣхали, священство неунитское изъ всей Украины одинъ до Житоміра, а другой до Бару созвали, и унію принять принуждали; одни протопопы явно на то пристали, а другіе, воротясь въ домы, древнюю религію вѣры своей содержали“.

6. „Въ тѣ времена скоро наступила коронація короля Станислава Лещинскаго, по причинѣ чего вошло въ Польшу войско россійское, а тѣмъ самимъ отъ вышеупомянутыхъ Леона Кишки и Аѳанасія Шептицкаго принужденіе священства на унію пресѣклось. Православный митрополитъ (архіепископъ) кіевскій Варлаамъ во воеводствѣ кіевскомъ и брацлавскомъ церквами, священствомъ и народомъ порядковалъ, о чемъ свидѣтельствуетъ святый антиминсъ отъ его на предмѣстье, называемое Штилѣвка, въ Немировѣ данные 1730 года 17 дня. Таковыхъ антиминсовъ по украинскихъ церквахъ не малое есть число“.

7. „По наступленіи покоя, войска россійскія зъ Польши выступили, а власть уніатская тотчасъ на православне священство въ Украинѣ, въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ,

издревле въ уніи состоящее, утѣсненія подняли, всякими способами и брошеніемъ ихъ въ ямы, и въ тѣхъ долгимъ содержаніемъ, заключеніемъ въ тюрьмы, взятіемъ ихъ имущества, съ приходовъ, съ домомъ ихъ собственныхъ, напослѣдокъ изъ Польши изгнаніемъ къ уніи принуждали. — Каковые безправные гвалты до сихъ поръ не престаютъ продолжаться. Посмотри, святое правосудіе на доказательства самаго вышеупомянутаго Аѳанасія Шептицкаго, что во всей епархіи Львовской, Галицкой и Каменецкой, а тѣмъ найпаче въ воеводствѣ кіевскомъ и брацлавскомъ церкви, священство и народъ отъ предковъ своихъ были православны и уніи никогда незнали, посмотри и суди нанесеніе въ отвѣтѣ митрополита уніатскаго въ Варшавѣ дня 15 декабря 1778 года поданное, а кромѣ того пріими въ вниманіе манифесты отъ уніатовъ въ 1768 и 1772 г. въ Житомірѣ заявленые, яко бы издревле въ воеводствамъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ унія была. Какъ же это съ праведливостію согласно?“ [1]).

8. „Доноситъ преосвященный митрополитъ уніатскій, что, во время пріѣзда его въ Винницу и Радомысль, будто *добровольно, безъ малѣйшаго принужденія*, *громадъ* якобы *посредствомъ признанія повиновенія подано ему доношеній 133*,—что громадамъ ниже въ мысль было, но оффиціалы его Примовичъ кіевскій и Любѣнскій брацлавскій, прежде пріѣзду митрополита уніатскаго Леона Шептицкаго, по дворамъ прилѣжно шатались, доношенія, какъ имъ угодно было, до властей дворскихъ подавали, громады къ подпису на тѣхъ принудить наставляли, не смотря какую Христосъ Господь въ святомъ Евангеліи далъ преосторогу: *нѣсть тайна, яже не откроется*; ибо самые гро-

---

[1]) Манифестъ 1768 г. можно читать въ I т. „Acta grodskie i ziemskie“, изд. во Львовѣ. Это—протестація украинскаго уніатскаго духовенства противъ игумена Мелхиседека Значко-Яворскаго и гайдамаковъ, заставлявшихъ жалобщиковъ отправляться къ переясл. архіерею и отрекаться отъ уніи. Эта протестація подписана 289 священниками; въ томъ числѣ съ удивленіемъ встрѣчаемъ подпись: Xiądz Ian Chryzostom Strocki, pleban i dziekan Granowski, manu propria. Нечего и говорить, что эта якобы собственноручная подпись сдѣлана безъ его вѣдома; тоже нужно разумѣть и относительно многихъ другихъ лицъ.

мады публично разгласили, какъ ихъ на доношеніяхъ, отъ консисторовъ уніатскихъ насланныхъ, дворскія власти подписаться принудили. Помянутые оффиціалы Примовичъ и Любѣнскій въ сладость поставляли себѣ тотъ трудъ, за который, похвалу отъ Леона Шептицкаго получивши, до Риму зарекомендованы, откуду ихъ крестами за то пожаловано; они до сихъ поръ безпрестанный трудъ свой продолжаютъ, принуждая громады съ доношеніями, чрезъ угроженія отъ дворскихъ властей, до своихъ консисторовъ ѣхать,—чего явнымъ доказательствомъ суть письмо оффиціала брацлавскаго Яна Любѣнскаго и экстрактъ записки громадъ къ сему возраженію приложенный“.

„А что громадъ объявленія и подписи, въ консисторіяхъ уніатскихъ отъ принужденія дѣланныя, никакого значенія и важности не имѣютъ,—это легко усматривается изъ того, что тѣ жъ громады, обманомъ и насиліемъ подписанные на унію, сами по себѣ доказательство подаютъ, чего желаютъ;—они великимъ множествомъ ежегодно въ Кіевъ слѣдуютъ, гдѣ исповѣдуются и Тайнамъ Божественнымъ пріобщаются, да и протчія полезныя для себя Таинства получаютъ, засвидѣтельствуютъ о томъ на пограничныхъ главныхъ караулахъ стоящія команды польскія, какое множество народа не только съ кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ, но изъ Подоліи, изъ Волыни прихожане уніатскіе ходятъ на богомолье въ Кіевъ, въ чемъ хотя препятствовали оффиціалы Примовичъ и Любѣнскій богомольцамъ тѣмъ угроженіемъ клятвою, а кромѣ того комендантовъ польскихъ подговаривали, чтобъ слѣдующихъ въ Кіевъ платежемъ денежнымъ отягощали, который отъ всякой особы зъ народа по копѣекъ двѣнадцать, отъ священника православнаго и жены его по рублю, отъ уніатскихъ же поповъ, коихъ тожъ не мало число ежегодно слѣдуетъ въ Кіевъ, по три рубля вымогали: однакъ отягощеніе таковое, единственно для препятствованія народу до Кіева ходящему чинимое, не въ состояніи было прекратить и запретить непрерывное въ Кіевъ слѣдованіе. А потому не ясно ли доказательство тайны сердецъ человѣческихъ, чего они желаютъ?

9. Изъясняется митрополитъ уніатскій, что *священноубійцы покойнаго Кирилла, протопопа Уманскаго, строгимъ арестомъ въ Умани чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ наказываемы были, властію уніатскою отъ приходовъ своихъ навсегда отлучены, и на цѣлый годъ сидѣніемъ въ тюрмѣ осуждены;*—посмотри святое правосудіе—какая это правда? Они священноубійцы Гаевскій, дзѣконъ уманскій, да Методовскій, приходскій попъ Тарговицкій и протчіи того дѣла участники, подъ политическій арестъ 1776 года іюня 22 дня взятые, было въ томъ же самомъ 1776 году августа послѣднихъ чиселъ ходатайствомъ оффиціала Любѣискаго выпущены; какъ же много въ томъ мѣсяцевъ?! *Отъ приходовъ на всегда отлучены*; а много лучшій Гаевскому въ селѣ Лузьмицахъ, владѣнія ясновельможнаго Острожскаго, а Методовскому въ Демовкѣ, владѣнія его сіятельства князя Любомірскаго, а въ обоихъ приходахъ по четыреста особъ имѣющихъ имъ же подавано; подобные жъ и протчимъ священноубійцамъ приходы подаваны. *На цѣлогоднее сидѣніе въ тюрмѣ осуждены*; почему 1776 года сентября мѣсяца въ тюрму опредѣлены, а тогожъ года въ мѣсяцѣ декабрѣ сидѣніе въ оной окончили. Познай же святое правосудіе, какое здѣсь цѣлогоднее сидѣніе въ тюрмѣ? А что убили протопопа, то сто дней отпущенія грѣховъ получили за то, и тотчасъ имъ священнослуженіе имѣть позволено. Таковое то было наказаніе за убійство протопопа!!

10. Доноситъ преосвященный митрополитъ уніатскій, что будто въ *противность трактата, 1768 года состоявшагося въ томъ же году сами собою неуниты безправно поступили и близко тысячи церквей отняли,*—на то отвѣтствуетъ: знаетъ цѣлая Украина и признаетъ, что Григорій Мокрицкій, оффиціалъ того времени кіевскій, зачавши отъ 1766 года чрезъ 1767 и 1768 годы, въ противность трактата того жъ 1768 года, безпрестанно священниковъ благочестивыхъ изгонялъ, и поелику то скоропостижно дѣлалъ, то, не могучи поповъ уніатскихъ выстачить до приходовъ, приказалъ со всякой протопопіи высылать по нѣсколько поповъ для взятія во владѣніе приходовъ благочестивыхъ; однакъ и таковымъ способомъ не могъ уніа-

товъ выстачить; ибо до всякаго уніата по пять и по шесть приходовъ въ досмотрѣніе опредѣлялъ, которые въ проподаяніи прихожанамъ требъ христіанскихъ не могли удовлетворить, а чрезъ то не малое число дѣтей безъ крещенія, а взрослыхъ безъ исповѣди померло; послѣ бунтовъ же, неунитскіе священники никакихъ церквей не отбирали, кромѣ своихъ собственныхъ, отъ которыхъ уніаты были изгнаны".

11. Что же преосвященный митрополитъ Леонъ Шептицкій въ надписи отвѣта своего неунитовъ *мнимыми отступниками* изъясняетъ, въ самомъ же отвѣтѣ наноситъ, будто *одни чрезъ страхъ за погрѣшность отъ власти своей наказанія, другіе жъ, надменны самолюбіемъ, полученіемъ нѣкотораго преимущества отступниками сдѣлались*,—и на то отвѣтствуемъ: не споримъ, что мы были уніатами, только жъ отмѣнность, а наипаче рознствіе не малое въ уніи отъ восточнаго греческаго древняго неповѣданія усмотрѣвши, познали, что таковая унія единственное отъ древняго греческаго исповѣданія восточнаго отступленіе, а Римскаго западнаго исповѣданія не принятіе;—доказательство имѣемъ отъ самой мнимой уніи, которая съ восточнымъ греческимъ неунитскимъ и западнымъ Римскимъ исповѣданіемъ есть не согласна.—А несогласіе сіе состоитъ въ слѣдующемъ".

а) „Восточная греко-русская неунитская церковь отъ самыхъ святыхъ апостоловъ, по силѣ правила ихъ 50, въ купѣли святого крещенія ясно каждую особу Пресвятыя Тройцы выговаривать, погружая въ водѣ, или изливая три раза воду, узаконеніе содержитъ, такъ чтобы по изреченіи каждой особы говорить—*крещается во имя Отца*, прибавляя *аминь*, проговоря *и Сына*—прибавить *аминь*, проговоря *и Святаго Духа*—прибавить *аминь*. И сіи слова *аминь* присовокупляются не для того только, чтобъ означить *буди*, но паче для того, чтобъ ошибочно священникъ не излилъ только разъ воды, но три раза въ водѣ погружалъ, или три раза воду изливалъ.—Въ семъ согласуетъ и западная Римская церковь, ибо и въ правилахъ своихъ при обрядѣ крещенія даетъ священникамъ наставленіе сими словами: *три раза изливай воду*. А потому Римскіе ксензды,

три раза изливая воду, крещеніе совершаютъ. Уніаты отъ восточной древней церкви отступили, а съ Римскою западною церковью не согласуютъ, въ противность обоимъ церквамъ восточной и западной крещеніе отправляютъ, одинъ только разъ воду изливая;—такъ сказано въ установленіяхъ Замойскаго Собора, на которомъ сіе слово *аминь* выброшено съ формы и положено такъ въ исправкѣ книгъ, отъ Аѳанасія Шептицкаго 1738 года изданной и напечатанной;—такъ епископы уніатскіе научаютъ! А кто симъ образомъ разъ одинъ воду излилъ, пусть прочтетъ правило седьмое другого главнаго собора въ Константинополѣ поставленное, тогда онъ познаетъ за каково сіе крещеніе вмѣняется; въ правомъ же вышеупомянутомъ апостольскомъ 50 на погружающихъ или изливающихъ воду одинъ только разъ въ крещеніи—какова вина!!"

б) „Въ литургіи предъ сообщеніемъ Святыхъ Таинъ такъ говоритъ священникъ—*раздробляется и раздѣляется святый Агнецъ Божій.* Святый апостолъ Іаковъ, отъ Самого Христа Господа епископомъ въ Іерусалимъ поставленный, Духомъ Святымъ составилъ литургію наученъ; потомъ Святый Василій, великій и св. Іоаннъ Златоустъ, литургіи святой сочинители, не прибавили сихъ словъ—*Сынъ Отчій*; уніаты-жъ, по прихотямъ своимъ измѣняя Литургію въ 1738 году, чиноположенія отъ столь великихъ Церкви Божіей учителей установленны отбросили, да по одному своему мечтанію высокоумному, какъ при служеніи обращаться, шатать руками, очи и главу оказывать, служебникъ сюда и туда перелагать—уставили въ противность исповѣданія Котолицкаго; въ молитвѣ Восточной Церкви къ словамъ—*раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій* прибавили *Сынъ Отчій*, утверждая, что на многія части тѣло Христово дѣлится, на столько-жъ и Божество вмѣстѣ съ тѣломъ, слѣдовательно тѣло Христово совмѣстно съ Божествомъ на крестѣ страдало."

в) „Избавитель Христосъ Господь, Святые апостолы и Святые Отцы узаконили отъ самого Агнца пріобщать народъ, какъ и самая свидѣтельствуетъ молитва—*раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій*; для кого-жъ?—для народа. Уніаты въ противность

таковаго спасительнаго узаконенія запретили отъ самого Агнца пріобщать народъ, а только частками, кои въ воспоминаніе торжествующей на небеси и вооружающейся на землѣ церкви, т. е. за живыхъ и умершихъ вынимаются, тѣми пріобщать велѣли, чего отъ временъ апостольскихъ понынѣ въ древнемъ греческомъ неунитскимъ обрядѣ никогда не слыхано".

г) „Епископы греческіе неунитскіе, по обыкновенію, со временъ апостольскихъ взятому, по одному на діаконы, а по одному на священники рукополагаютъ; такой же обычай и въ Римской церкви по одному на діакона, а по одному на священники посвящать понынѣ содержится. Уніатскіе же бискупы за однимъ разомъ по пятнадцать на діакона, а по пятнадцать на священника или и больше поставляютъ,—что есть противно восточной и западной церквамъ".

д) „Епископы греческіе неунитскіе отъ священства чиншовъ не взымаютъ, такожъ и римскіе бискупы отъ своего духовенства не берутъ; уніатскіе же бискупы съ каждаго прихода отъ священниковъ чиншъ, называемый катедратикъ, ежегодно по 12 злотыхъ, а того на оффяціалромѣ, писаря и прокуратора 4 злотыхъ въ казну свою собираютъ и симъ съ западною церковію не согласуютъ. Въ Кіевскомъ воеводствѣ съ Виленскою каѳедрою болѣе двухъ тысячъ церквей, въ Брацлавскомъ воеводствѣ болѣе тысячи церквей въ епархіяхъ львовской, галицкой и каменецкой болѣе двухъ тысячъ имѣется церквей. Суди сама справедливость, сколь знатенъ чиншъ отъ священства, кромѣ доходовъ съ добръ, до митрополіи и епископіи надлежащихъ!"

е) „Епископы восточные грекороссійскіе вечерни, полунощницы, утрени и часы, такъ какъ св. апостолы и великіе учители церкви св. восточной составили и узаконили, въ воскресеніе и праздничные дни сами служеніемъ отправляютъ, а въ прочіе дни присутствіемъ своимъ всякого времени къ теплымъ молитвамъ народъ побуждаютъ; то же самое и въ римской западной церкви видимъ; ибо молитвы отъ апостольскаго престола, въ книгѣ Полууставѣ положенныя, псалмы, пророчества, антифоны и иныя книги все духовенство читаетъ; уніатское же духовенство, а имено въ брестскомъ, володимірскомъ, холмскомъ

и почасти въ луцкомъ и львовскомъ уставы восточной церкви чинить, Псалтырь, Трифолой, Октоихъ и другія книги вовсе оставили, и римскихъ молитвъ не приняли, только одинъ Часословецъ и Полууставъ свой уніатскій включили для Праздника и Пятка чрезъ цѣлый годъ".

ж) „Читая житія св. отецъ, удостовѣряемся, что которые только были вѣрованію западному католицкому противны, а въ соединеніи исповѣданія католицкаго восточнаго согласовали, тѣ принятіемъ Таинъ доказывали свое соединеніе; уніаты жъ хвастаютъ, что и они исповѣданія католицкаго римскаго, яко на прѣсномъ хлѣбѣ истинное Тѣло Христово признаютъ быть, а ни какимъ образомъ принять и сообщаться тѣмъ не хотятъ, сказуя, что уніатамъ на прѣсномъ сообщаться хлѣбѣ неподобаетъ. Какое же соединеніе вѣрованія уніатскаго съ римскимъ, когда пріятіемъ Таинъ разнствуютъ и за неподобную себѣ по римски сообщаться считаютъ вещь; они суть только наружные исповѣдники римскаго закона, и по произшедшимъ съ римскимъ духовенствомъ неспокойствамъ каковыхъ срамныхъ злорѣчій довольно наслыхались мы"!

„Колико жъ другихъ разностей—умаленіе чинопослѣдованія проскомидіи, выброшеніе деисусовъ, стыдѣніе облачаться въ русскіе для служенія аппараты, и иныя новшества, которыя совсѣмъ древнюю греческую вѣру въ забвеніе приводятъ,—сихъ ради причинъ отъ мнимой уніи отступили мы".

12. Не пропустилъ преосвящ. митрополитъ уніатскій Леонъ Шептицкій смарать неунитовъ священниковъ и тѣмъ, будто *никакой власти не подвержены и суть самовольцы и преступники.*

Отвѣчаемъ: Кому неизвѣстно, что священство неунитское власти епископа Переяславскаго подвержено есть?—А что оно повинуется государственной власти—на это мы даемъ слѣдующее доказательство. Въ 1773 г. отъ полномочнаго русскаго посла зашло неунитамъ увѣщаніе, дабы во всякой спокойности пребывали и ожидали бъ милостивыхъ взглядовъ отъ великодержавнаго короля его величества милостиваго государя нашего и отъ пресвѣтлаго совѣта постоянно; посему неунитское духо-

венство и по сіи времена въ терпѣніи пребываетъ, и никакихъ досадъ уніатамъ не дѣлаетъ; въ томъ же 1773 году, по занесеннымъ жалобамъ отъ греко-неунитскаго священства, ясневельможный Познанскій, канцлеръ коронный, письмами своими напоминалъ епископамъ унитскимъ, дабы священство свое отъ обижденія неунитскаго духовенства воздерживали, и во всякой спокойности повелѣли бъ ожидать окончанія;—таковаго повелѣнія униты не слушали, чрезъ 1774 и 1775 годы церкви и приходы православные отнимали, и весьма чувствительныя обиды греко-неунитскому священству причиняли, о чемъ поданные того жъ времени пункта доказательно и ясно свидѣтельстуютъ.

13. Послѣ вышеупомянутыхъ утѣсненій, вновь причиненныхъ, принуждены греко-неуниты 1776 года второй разъ его величеству королю, милостивѣйшему государю нашему и пресвѣтлому постоянному совѣту съ полностію жалобу занесть на унитовъ, по которымъ занесеннымъ жалобамъ отъ его величества короля, милостивѣйшаго государя нашего, того жъ 1776 года марта 15 дня выданъ универсалъ, запрещающій гоненія и напоминающій пребывать во всякой спокойности. Униты, поступая явно противъ монаршихъ его королевскаго Величества въ универсалѣ объявленныхъ повелѣній, еще болѣе неунитовъ утѣсняли, церкви и приходы отбирали, разныя мученія неунитамъ причиняли, напослѣдокъ протопопа уманскаго Кирилла Зельнѣцкаго въ смерть вбили,—довольно ясно въ пунктахъ поданныхъ плачливыя жалобы гласятъ дѣйствія унитовъ.

14. Когда по убитіи протопопа Зельнѣцкаго, не перестали гоненія отъ унитовъ, то принуждены греко-неуниты третій разъ 1778 года прибѣгать къ милосердію его королевскаго величества и пресвѣтлаго совѣта, и жаловались на несносныя отъ унитовъ озлобленія, почему послѣдовало пресвѣтлаго постояннаго совѣта прекращеніе до полученія вѣдомости отъ преосвященнаго митрополита уніатскаго и дозволено продолженіе времени до подачи его сіятельству полномоченному послу россійскому; при томъ объявлено, что запрещено будетъ, какъ унитамъ причиненіе гвалтовъ, такъ и войсковымъ близъ границъ состоящимъ, не вмѣшиваться въ справы духовныя, имъ не при-

надлежащія,—что все на бумагѣ и при печати коронной милостиво тотъ же пресвѣтлый совѣтъ выдать изволилъ; униты же при трекратномъ напоминаніи отъ его величества короля, милостиваго государя нашего, и пресвѣтлаго совѣта данномъ, чтобы пребывать въ спокойности, вовсе противными стезями, разными способами неунитовъ утѣсняли, церкви, приходы и имущества отъ неунитовъ вновь поотбирали, напослѣдокъ и по чужимъ домамъ крыющихся и податки за употребленіе единой только воды уплачивающихъ выгонять посредствомъ господъ владѣльцевъ потщились. Вновь причиненныя утѣсненія и обиды предъ престоломъ его величества короля Станислава Августа, всемилостивѣйшаго государя нашего, и пресвѣтлымъ постояннымъ совѣтомъ съ глубочайшимъ смиреніемъ изъяснить желаемъ" [1]).

Для того, чтобы всѣ прописанные пункты оказались не преложными, отецъ Строцкій приложилъ къ нимъ письменныя неоспоримыя доказательства и кромѣ того реестры и вѣдомости о всѣхъ новыхъ обидахъ и угнетеніяхъ, которыя причинены были уніатами неуніатамъ послѣ 15 марта 1776 г. Этотъ трудъ грановскаго протопопа въ началѣ ноября 1779 года чрезъ генералъ-поручика Ржевскаго былъ отосланъ въ Варшаву на имя русскаго посла Штакельборга, но не достигъ той цѣли, для которой былъ написанъ.

Прот. **П. Орловскій.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Копія сего возраженія и приложеній къ нему хранятся въ архивѣ кіевск. консисторіи въ связкѣ дѣлъ переяславской консисторіи за 1779 г.

РАСПОПЪ НИКОЛА.

(Разсказъ изъ давняго прошлаго).

I.

Въ исходѣ 1735 г. въ походную военную канцелярію фельдмаршала графа Миниха привели троихъ человѣкъ: *Черкашеня* города Чернигова, борисоглѣбской *катедры* іеродіакона Прохора Михайлова, черкасской Крыловской слободы попа Николая Семенова и брата его козака Федора Великаго. Отсюда по нѣкоторому секретному дѣлу отправили ихъ въ Москву—въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Монахъ и попъ представлены были въ этотъ страшный храмъ Фемиды 1 января 1736 г. жрецамъ сего храма это былъ новогодній подарокъ.

Новоприбывшихъ отдали подъ караулъ и записали *въ приводную колодниковъ книгу.*

Іеродіаконъ Прохоръ—сочинитель секретнаго дѣла, т. е. злостный доносчикъ. Родомъ онъ *Черкашенинъ*, родился въ малороссійскомъ Новгородкѣ [1]); *построженъ* въ Новогородскомъ Спасскомъ монастырѣ въ 1713 г. архимандритомъ того монастыря Антоніемъ Стаховскимъ; а во іеродіакона посвященъ въ Черниговѣ, въ борисоглѣбской катедрѣ тѣмъ-же Антоніемъ, когда Антоній былъ Черниговскимъ архіепископомъ.

Въ томъ Спасскомъ монастырѣ жилъ Прохоръ Михайловъ по 1725 г. Въ этомъ году Антоній переведенъ былъ въ Тобольскъ, на его же мѣсто посвященъ былъ во епископа чер-

---

[1]) Нынѣ Новгородъ-Сѣверскъ черниговской губерніи.

ниговскаго архимандритъ Иродіонъ Жураковскій. Епископъ Иродіонъ бралъ монаховъ изъ разныхъ монастырей для службъ въ домъ свой епископскій; въ томъ числѣ и Прохоръ взятъ изъ Спасскаго монастыря, въ которомъ ему весьма хорошо жилось. Жилъ онъ въ Черниговѣ—въ архіерейскомъ домѣ лѣтъ пять. Отъ нападковъ того епископа Жураковскаго всѣ монахи изъ его дому разошлись по разнымъ мѣстамъ; а іеродіаконъ остался при ономъ епископѣ и былъ опредѣленъ для смотрѣнія вотчинъ епископскихъ и для хожденія за дѣлами, за которыми дѣлами *ходилъ* лѣтъ пять. Отъ того *великаго труда и многодѣлія* Прохоръ сталъ *пьянствовать*, желая себѣ, чтобъ его отъ того дѣла епископъ Жураковскій отрѣшилъ. Оный епископъ, видя пьянство Прохора, взялъ съ него *подъ неволею письмо за его Прохоровою рукою*, чтобъ ему, Прохору, не пьянствовать. Но онъ и послѣ того письма пьянствовалъ. Епископъ Иродіонъ, видя, что Прохоръ въ положенномъ на него дѣлѣ неисправенъ и пьянствуетъ, послалъ Прохора съ провожатымъ для исправленія въ суражскій монастырь. Этотъ монастырь, принадлежащій черниговской епархіи, находился за польскимъ рубежемъ—за рѣкою Ипою. Когда пріѣхали на заставу, провожатый подалъ офицерамъ письмо епископа,—и офицеры пропустили провожатаго. Въ суражскомъ монастырѣ принялъ іеродіакона Михайлова строитель іеромонахъ Даніилъ. Подъ смотрѣніемъ строителя Даніила жилъ онъ мѣсяцевъ съ пять. Даніилъ неусыпно присматривалъ за Прохоромъ и воли ему не давалъ; однако онъ убѣжалъ изъ суражской келіи и нѣкоторое время обрѣтался въ мошенскомъ монастырѣ. Въ 1735 г. послѣ праздника Петра и Павла пріѣхалъ Прохоръ въ Запорожскую Сѣчь къ іеромонаху Павлу „по знакомству и ради неимущества своего“. Тотъ іеромонахъ кіевскаго межигорскаго монастыря Павелъ съ прочими того-жъ монастыря іеромонахами обрѣтался въ Сѣчи для церковнаго священнослуженія. Прохору здѣсь очень хорошо жилось съ братіей. Онъ думалъ погостить въ Сѣчи долгенько; но случилось такое обстоятельство, что его выпроводили отсюда.

II.

Пробираясь въ Сѣчь, Прохоръ заложилъ *пѣвчую книгу ермолой* у жида Лейбы—жителя крыловской слободы. Лейба продалъ эту книгу о. Николаю Семенову. Въ ту самую книгу *вклепался* села Новоселецъ попъ Осипъ, т. е. призналъ за свою и взялъ ее, говоря, что она изъ церкви его пропала. О найденномъ ермолоѣ объявилъ Осипъ губернатору м. Медвѣдовки. Къ этому губернатору явились для оправданія о. Николай и Лейба; а медвѣдовскій губернаторъ велѣлъ попу Николаю, чтобы онъ сыскивалъ іеродіакона Прохора: потому-что въ въ новоселецкой церкви и другія пропажи учинялись. Попъ Николай Семеновъ сыскалъ того Прохора въ запорожской слободкѣ Никитиной и предложилъ ему, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ къ жиду Лейбѣ да къ губернатору въ Медвѣдовку. Іеродіаконъ Михайловъ не принялъ такого предложенія. Тогда по просьбѣ попа Николая наказный кошевой Иванъ Бѣлецкій выпроводилъ монаха Прохора изъ Сѣчи; а въ караульщики за онымъ Прохоромъ далъ казака Федора Великаго. Попъ Николай и родной братъ его казакъ Федоръ по пути заѣхали къ атаману пластуновскаго куреня Василію Хайку, жившему въ въ зимовникѣ возлѣ р. Саксагани. Добрый хозяинъ занялся угощеніемъ гостей. Кутнули порядкомъ. Подвыпивши казакъ Великій началъ болтать что-то нехорошее. Болтовню его подхватилъ монахъ—и объявилъ „царственное дѣло“. Сейчасъ-же здѣсь произошла расправа съ монахомъ. Хайко, раздѣвъ Прохора, билъ его плетьми и спрашивалъ „о пропалыхъ изъ церкви книгахъ“. Прохоръ объявилъ, что чернецы Дубенскаго монастыря дали въ закладъ ему ермолой и другія книги за взятую у него лошадь; а онъ Прохоръ ту книгу съ другими своими вещами положилъ *на збѣрежъ* у Ильи—жителя крыловской слободы. Хайко и гости его не повѣрили такому показанію и продолжали дубасить монаха. Тогда монахъ сказалъ, что ту книгу ермолой получилъ отъ поповаго шурина и отъ ткача Голубничего, живущихъ въ Новосельцахъ. Добывъ такое признаніе и по-

балгодаривъ Хайка за пріемъ, о. Николай и казакъ Великій отправились въ путь. До крыловой слободы было еще далако.

III.

Тамъ, въ крыловской слободѣ, попадья безпокоится о своемъ мужѣ. Вотъ уже четвертая недѣля, а его нѣтъ, да нѣтъ. Быть можетъ, татары убили его въ дорогѣ или взяли въ полонъ, думала она. Такія думы со дня на день болѣе и болѣе овладѣвали скучающей женой. Вотъ она и говоритъ своему малолѣтнему сынку Ивану: когда будешь идти изъ школы домой, зайди до старухи Прасковьи да попроси, чтобы о пріѣздѣ батеньки посмотрѣла—возвратится ли онъ домой или нѣтъ? Идучи изъ школы, сынокъ зашелъ къ ворожеѣ: „не сумнѣвайтесь; батенька, о. Николай, домой будетъ“.

Если зачастую и теперь обращаются къ ворожеямъ образованныя женщины, т. е. дамы высшаго и средняго круга, просятъ у ворожей отвѣтовъ на мучительные вопросы о мужѣ, сынѣ, дочери или о пропавшихъ вещахъ,—то крыловская попадья прошлаго столѣтія тѣмъ болѣе не могла не прибѣгнуть къ ворожбѣ. Но въ тѣ поры ворожба преслѣдовалась правительствомъ.

Въ указѣ Е. Имп. В. Анны Іоанновны 1731 г. марта 20 напечатано такое: „Дабы впредь никто никакихъ мнимыхъ волшебниковъ въ домъ тайно и явно не приводили, и къ нимъ въ домы не ходили, и на пути о волшебствѣ разговоровъ съ ними не имѣли, и никакому душевредному ихъ ученію не обучались; а ежели кто впредь, гнѣва Божія не боясь и сего Ея Имп. В. указа не страшась, станутъ волшебниковъ къ себѣ призывать или къ нимъ въ домъ для волшебныхъ способовъ приходить, или на путѣ о волшебствахъ разговоры съ ними имѣть и ученію ихъ послѣдовать, или такіе волшебники учнутъ собою на вредъ или мняще якобъ на пользу волшебства чинить,—то оные обманщики *кажнены* будутъ смертію *сожженіемъ*; а тѣмъ, которые для мнимой себѣ душевредной пользы, станутъ ихъ

требовать, учинено будетъ жестокое наказаніе—*биты будутъ кнутомъ*; а иные по важности винъ *кажнены* будутъ и смертію; а буде означенные обманщики такія богомерзкія дѣла за собою имѣютъ и винъ своихъ объявятъ сами безъ доношеніевъ на нихъ другихъ,—то оныя вины отпущены имъ будутъ безъ всякаго истязанія".

Крыловская попадья Марина была увѣрена, что ея сношенія съ ворожеей не откроются.

Старуха Прасковья утѣшила Марину: всетаки по временамъ становилось ей жутко: ее томило какое-то предчувствіе. И дѣйствительно, о. Николай велъ въ свой домъ злодѣя, который погубитъ его, а женѣ и дѣтямъ причинитъ бѣдствія.

IV.

Въ первый день Филиповки Маринѣ было особенно грустно. Она намѣревалась сегодня ночью побывать у старухи Прасковьи. Уже стемнѣло. Марина стала собираться къ ворожеѣ; но вотъ послышался шумъ у воротъ, она выбѣжала изъ хаты—и увидѣла свего мужа. О. Николай пріѣхалъ съ гостями—съ братомъ и монахомъ. Монахъ сказался настолько побитымъ, что не могъ встать съ повозки. Его ввели въ хату и положили на полу.

На радостяхъ Марина проболталась; сидя за столомъ (во время *вечери*) сказывала мужу своему: „Слава Богу, що ты въ домъ свій поздорову прыйихавъ; а я сумнительство объ тоби мала, думала, може татары тебе взялы,—и у ворожки пыталась; и ворожка Прасковья правду сказала, що ты прыбудешь до дому".

— Добра ворожка, ей-бо! Якъ въ глазъ влипыла и жинку не смутыла!—воскликнулъ Федоръ Великій.

— Чого-жъ то вы замишкалыся такъ довго? спросила Марина.

— Въ самой Сичи булы! Та ажъ тамъ піймавъ того черного клубука! Сказалъ о. Николай, указывая на лежавшее тѣло.

— Та ще й не хотивъ ихаты зъ нами! Пывъ непросыпуще та все казавъ: я неприкосновенная монашеская особа! Такъ мы цю особу та мерщій по потылыци! Изъяснилъ казакъ Великій.

Въ этотъ моментъ эта особа зашевелилась и начала издавать жалобные звуки.

— Чого то винъ стогне? спросила Марина.

— А того, що зъ нымъ грався Хайко: бачите, роздягъ манашеську особу та жаривъ іи плетьми! отрапортовалъ казакъ.

— А за що-жъ винъ его бывъ?

— А языкъ его до того довивъ! сказалъ о. Николай.

— Брехню завивъ на кого, чи що?

— О кныгахъ брехавъ...

— Перестаньте о томъ говорить! Я уже объявилъ вамъ за собою царственное дѣло—и еще разъ объявляю! произнесъ черный клобукъ—Прохоръ.

Всѣхъ передернуло отъ такихъ словъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Яке-жъ це ты маешь царственне дило? Га? Кажи? возвысивъ голосъ Федоръ.

Монахъ замолкъ и лежалъ недвижимо.

— Якъ тильки на свитъ благословыцця, поведемо его въ Медвѣдовку,—тамочки буде дило, добре буде дило! говорилъ Федоръ.

— Да, да, раненько поведемъ его до губернатора! отвѣчалъ о. Николай.

Утомленные дорогой о. Николай и братъ его спали богатырскимъ сномъ. Чуть-чуть начало свѣтать, какъ они уже были на ногахъ. Выпивъ по чаркѣ горѣлки и закусивъ наскоро, стали собираться въ путь: о. Николай пошелъ запрягать лошадь, а Федоръ занялся осмотромъ списа, самопала и прочихъ своихъ казацкихъ оружій. О. Николай оповѣстилъ, что лошадь готова; уже онъ надѣлъ шубу, а казакъ уже насунулъ на лобъ капелюху и вознамѣривался идти за монахомъ; какъ въ этотъ моментъ вскакиваетъ Марина и сообщаетъ, что его нѣтъ тамъ, гдѣ онъ лежалъ. Опрометью бросились туда попъ и казакъ.

— Та винъ-же оттутечки лежавъ, га?

— Та мы тутъ же положылы его?

Пожимая плечами и растопыривъ руки, спрашивали братья одинъ другого торопливо и со смущеніемъ. Теперь Федоръ вполнѣ сознавалъ зловѣщее значеніе того, что объявилъ имъ чернецъ.

— Та винъ, мабуть, десь у другому мисти!.. Мабуть сховавсь! утѣшалъ Федоръ себя и брата.

Обыскали всѣ закоулки въ хатѣ и во дворѣ; но чернеца не нашли.

— Оце такъ-такъ! оце такъ штука, бачите, я тоби скажу... втикъ, га? отъ що!..

— Гм... вотъ это такъ притча во языцѣхъ!.. препаскудная штука... Я-жъ говорилъ, що намъ будетъ зъ нимъ лихая година...

— Ай-ай-ай!.. какое-жъ мерзкое дило выходить!.. Гм...

Такъ братья разсуждали между собою, стоя одинъ предъ другимъ.

— Велы, велы, а дома не вгледилы!.. Спидъ носа втикъ!.. И таки хто-жъ лихого чоловика кладеть спаты не закувавши?!... взывала Марина.

— Та ну вже хочь не досаждай! крикнулъ о. Николай.

— Та винъ же, здаецця, черезъ сылу ступавъ зъ ноги на ногу!.. А втикъ... И не втямки, матери его трясця, що винъ тилько выдъ такій показуе.

Такъ разсуждалъ теперь козакъ.

— Да, винъ насъ настояще обманувъ! сознался о. Николай.

— Прямисинько одурачивъ ляпнула Марина.

— Та не досаждай-же, кажу! крикнулъ о. Николай.

— Та шо-жъ, нема чого робыты, треба шукаты! посовѣтовалъ козакъ.

— Разумѣется, само собою, що треба искать! подтвердилъ о. Николай.

Крыловскій попъ, козакъ Великій, крыловская команда искали чернеца Прохора по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Но

никто изъ нихъ не получилъ свѣдѣній о бѣглецѣ: Прохоръ какъ въ воду канулъ.

Сначала о. Николай безпокоился о томъ, не совершитъ-ли сей Прохоръ донесенія о царственномъ дѣлѣ; а потомъ пересталъ безпокоиться: рѣшилъ, что онъ отправился на родину—въ Черниговскую епархію. Но о. Николай ошибся. Прохоръ Михайловъ отправился къ Миниху, объявилъ за собою царственное дѣло и обвинилъ въ этомъ дѣлѣ крыловскаго попа да брата его—козака Федора Великаго.

Была полночь. Сильный стукъ раздался въ воротахъ крыловскаго священника: то явились посланцы отъ фельдмаршала Миниха—и безъ всякихъ разговоровъ стали брать о. Николая и брата его. Марина—въ слезы, дѣти подняли крикъ, о. Николай падалъ на колѣни и слезно просилъ не брать его, ни въ чемъ неповиннаго. Но команда не внимала воплямъ: ей надобно было выполнить приказъ. Не прошло получаса, а команда уже мчалась съ крыловскимъ попомъ и запорожскимъ козакомъ.

— Нащо жъ вы оце прете насъ, хоть скажить? спросилъ козакъ. Отвѣта не послѣдовало.

— Пидъ Очакивъ пидемо чи що, га?

— Мы не знаемъ ничаво! отвѣтилъ конвойный.

— А черneця, часомъ не бачили тамечки?

— Гдѣ?

— А тамъ-же таки, куды оце насъ прете. Мабуть, десь стоите постоемъ—чи що?

— Тамъ есть какой-то монахъ.

— Оце такъ штука, я тоби скажу! Чи чуешь Микола? Оце втелепались такъ—такъ!

— Моя душа уже чуетъ, же онъ насъ оклеватавъ.

— Эге, оце обляпавъ, вражій сынъ! це виддячивъ, такъ-такъ! рѣшилъ чубатый козакъ и замолкъ.

По временамъ онъ задавалъ вопросы то конвойнымъ, то брату; но они были не словоохотливы, а братъ отвѣчалъ рыданіемъ.

V.

Сидя въ колодничьей палатѣ, о. Николай съ глубокой грустью вспоминалъ о женѣ и дѣтяхъ, да о томъ, какъ онъ, бывало, службу божію правилъ въ день новаго года. Горючія слезы выкатились у него изъ глазъ.

Козакъ Великій мысленно виталъ въ Сѣчи; вотъ тамъ *товариство* идетъ изъ церкви, звонятъ въ колокола. Мерещились ему братцы-сѣчевики, куфы горѣлки, бандуристъ, веселыя пѣсни и пляски. Онъ сдѣлалъ нѣсколько нервныхъ движеній, глядя на окружающую обстановку, сѣлъ и тоже зарыдалъ. Іеродіаконъ Прохоръ и жертвы его доноса не имѣли между собою сообщенія: они сидѣли въ разныхъ палатахъ. Очередь до нихъ нескоро дошла: почти два года томились они въ неволѣ, изнывая отъ тоски и неизвѣстности о томъ, что съ ними будетъ.

Царственное дѣло, объявленное Прохоромъ Михайловымъ, *слѣдовано* было въ іюлѣ и августѣ 1738 года. Результатомъ этого слѣдствія былъ *приказъ*, присланный 30 августа того же года въ канцелярію Московскаго синодальнаго правленія. Въ томъ приказѣ значилось такое: „По указу Ея Имп. В. и по опредѣленіямъ тайной канцеляріи и конторы *велено* попу Николаю Семенову за то, что онъ, *слыша* отъ брата своего казака Федора Великова *нѣкоторыя непристойныя слова* да отъ іеродіакона Прохора Михайлова, что онъ объявлялъ ему попу и тому козаку за собою царственное дѣло, *нигдѣ о томъ не донесъ*,— лиша священнаго чина учинить наказаніе: бить плетьми и сослать съ женою ево во Оренбурхъ на житье вѣчно“.

Вотъ до какой бѣды довело о. Николая столкновеніе его съ бѣглымъ монахомъ!

Какія непристойныя слова произносилъ казакъ Феодоръ Великій—неизвѣстно. Въ протоколѣ конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ записано только слѣд.: „Іеродіаконъ Прохоръ доносилъ на казака Феодора Великова въ важныхъ непристойныхъ словахъ, а на попа Николая Семенова въ слышаніи тѣхъ словъ и что оной попъ нигдѣ о томъ не донесъ; и о томъ онъ Про-

хоръ на нихъ доказалъ, въ чемъ и означенной попъ Николай винился".

Какъ Прохоръ доказалъ свой доносъ, какъ винился о. Николай—тоже невѣдомо.

Казакъ Федоръ Великій подъ пыткой Богу душу отдалъ. Вѣроятно, и попа подвергали пыткамъ,—и онъ вынужденъ былъ дать таковое признаніе, какое желательно было услышать слѣдователямъ—генералу графу Семену Андреевичу Салтыкову, секретарю Степану Патокину и инымъ.

Сентября 15 дня надъ попомъ Николаемъ Семеновымъ чинили исполненіе приказа. Въ палатѣ московскаго синодальнаго правленія сняли съ о. Николая рясу, а канцелярскій служитель усѣкъ ему косу и обрѣзалъ бороду. Затѣмъ обнаживъ, Семенова, положили его на кобылу и били плетями. Отъ пятъ до шеи образовалась сплошная кровяная рана, струилась кровь, торчали тамъ и сямъ куски тѣла. Николай Семеновъ не могъ встать,—его понесли на рукахъ. Двѣ недѣли лежалъ онъ на излеченіи въ московской синодальной канцеляріи. Отсюда по приказанію конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ отправили *распопу* Николая Семенова въ сыскной приказъ. Секретарь того приказа Петръ Витилевъ написалъ такую *помѣту* на указѣ московскаго синодальнаго правленія: „Распопа Николай Семеновъ *полученъ* октября 2 дня 1738 году; записавъ распопу въ въ книгу подъ № 1052, отдать его подъ караулъ, о полученіи репортовать немедленно".

VI.

Когда Семенова вели въ московское синодальное правленіе, то Прохора Михайлова вели въ сыскной приказъ,—это было въ концѣ августа. Колодникъ іеродіаконъ Прохоръ Михайловъ въ сыскномъ приказѣ былъ принятъ, отданъ подъ караулъ и въ приводную колодниковъ книгу записанъ. Сюда отправили монаха „для подлиннаго изслѣдованія о ворожбѣ жены поповой Марины, о кражѣ онымъ іеродіакономъ книгъ и о бытіи его за польскимъ рубежемъ".

Контора тайныхъ розыскныхъ дѣлъ относилась милостиво къ бѣглому монаху. Посылая его въ сыскной приказъ, она писала: „Оному іеродіакону Прохору за ево на казака Ѳедора Великова доносъ истязанія въ томъ приказѣ не чинить, ежели въ сыскномъ приказѣ по слѣдствію важныхъ ево каковыхъ винъ не явится“.

Въ сыскномъ приказѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ совершали подлинное излѣдованіе вышесказанныхъ дѣлъ. Нѣсколько разъ допрашивали порознь іеродіакона и распопу.

Распопъ утверждалъ, что жена его Марина Антонова ничего не говорила о ворожбѣ, что іеродіаконъ Прохоръ укралъ книгу *ермолой*. Іеродіаконъ Прохоръ *въ распросъ* сказалъ: „книгу ермолой положили ему чернецы дубенскаго монастыря за взятую у него лошадь, о чемъ вѣдаютъ села Новоселецъ поповъ шуринъ да ткачъ Голубничей; а той книги и другова ничего изъ новоселецкой церкви онъ не крадывалъ“. Затѣмъ сказывалъ о ворожбѣ Марины.

Нѣсколько разъ ставили лицемъ къ лицу Николая Семенова и Прохора Михайлова, задавали имъ вопросы и выслушивали ихніе разговоры. Эти очныя ставки начинались манеромъ очень интереснымъ и достойнымъ удивленія. Вотъ изъ колодничихъ палатъ привели монаха и распопа. Распопъ сталъ у подяческаго стола; къ нему подходитъ Прохоръ—*и они спрашиваютъ другъ друга о здоровьи*.

Господа слѣдователи, или присутствующіе сыскного приказа, бригадиръ Алексѣй Киселевъ, совѣтникъ Григорій Батуринъ, капитанъ Семенъ Любученковъ и секретарь Петръ Витилевъ ничего новаго не добывали изъ этихъ ставокъ. А попадьи Марины нельзя было сыскать: она убѣжала съ дѣтьми за польскій рубежъ—въ городъ Крыловъ, гдѣ имѣлся собственный домъ...

Самому іеродіакону Прохору надоѣло это *слѣдованіе*: оно похоже было на толченіе воды въ ступѣ. Надо было выдумать что нибудь новенькое. Онъ и надумалъ такое, что могло еще болѣе возвысить его во мнѣніи слѣдователей. Въ декабрѣ Прохоръ заявилъ, чтобы его представить присутствующимъ. Пред-

ставленный бригадиру Киселеву и прочимъ онъ объявилъ, что имѣетъ дѣло къ графу Семену Андреевичу Салтыкову. Киселевъ и прочіе спросили іеродіакона, зачѣмъ онъ просится къ его высокографскому сіятельству и по какому секретному дѣлу? А іеродіаконъ Прохоръ объявилъ: „секретнаго дѣла за нимъ нѣтъ; только когда онъ былъ за рубежемъ, то видѣлъ онъ за тѣмъ рубежемъ двухъ бѣглыхъ іеродіаконовъ изъ танбульскаго монастыря—Маркелла да Серапіона; оные Маркеллъ и Серапіонъ сами вырѣзываютъ печати, которыми печетями припечавываютъ бѣглымъ-же письма для проходу, да даютъ печати бѣглымъ же изъ Великороссіи монахамъ и монахинямъ; и по нынѣ іеродіаконы Маркеллъ да Серапіонъ живутъ за польскимъ рубежемъ въ м. Медвѣдовкѣ и въ с. Новосельцахъ“.

Такъ Прохоръ выдавалъ, что низывается, головою своихъ товарищей, съ которыми обдѣлывалъ дѣлишки: вкупѣ съ ними вырѣзывалъ печати, фабриковалъ подложные пашпорты да крадывалъ вещи изъ новоселѣцкой церкви. Такъ заблаговременно, на всякій случай, онъ ограждалъ себя отъ обвиненія въ темномъ дѣлѣ, которое какъ-нибудь могло открыться.

Это донесеніе не относилось къ настоящему дѣлу; но оно было принято для сообщенія пограничнымъ властямъ.

Послѣ этого донесенія бригадиръ Киселевъ уже неустраивалъ свиданій и разговоровъ между распопомъ и бѣглымъ іеродіакономъ. Киселевъ и его сотоварищи почли слѣдствіе оконченнымъ и 24 декабря 1738 года опредѣлили учинить слѣдующее: 1) распопу Николая Семенова сослать въ Оренбургъ на житье вѣчно, и для того отдать ево къ отпуску при веденіи ссылочныхъ колодниковъ немедленно; 2) іеродіакона Прохора Михайлова отослать въ кіевскую губернскую канцелярію, чтобы дѣло о книгахъ и о ворожбѣ было слѣдовано въ той кіевской губернской канцеляріи: ибо оговоренные по сему дѣлу могутъ быть сысканы въ кіевскую губернскую канцелярію въ непродолжительномъ времени; 3) по изслѣдованіи вышепоказаннаго дѣла означенную жену Марину Антонову сослать изъ той губернской канцеляріи къ мужу ея въ Оренбургъ на житье вѣчно; 4) іеро-

діакону Прохору за ево на казака Федора Великова доносъ истязанія чинить не велѣно".

Іеродіакона Прохора Михайлова отправили въ Кіевъ на ямской подводѣ въ сопровожденіи двухъ солдатъ. Доставка его въ Кіевъ обошлась казнѣ 6 руб. 36 коп.

Распопа Николая Семенова вырядили въ Оренбургъ на третій день праздника Рождества Хр. 1738 г. Когда вели его по Бѣлокаменной, то онъ не могъ равнодушно глядѣть на происходившее въ ней: народъ, по праздничному одѣтый, сновалъ по улицамъ; ходили толпы со звѣздою и съ вертепомъ, зычными голосами славили они Христа. Зарыдалъ Никола, а потомъ упалъ наземь. Конвойные пинками заставили его подняться и не отставать отъ прочихъ колодниковъ.

А. Полницкій.

Замѣтка по поводу записокъ А. А. Солтановскаго.

По вызову почтенной редакціи „Кіевской Старины" рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ относительно записокъ Солтановскаго, законченныхъ печатаніемъ въ этомъ журналѣ (Кіевск. Стар. 1894 г. № 3-й). Скрѣпя сердце, съ чувствомъ грусти и тоски, принимаюсь за перо, ибо долженъ погрузиться въ отдаленное прошедшее, полное воспоминаній о пережитыхъ скорбяхъ и радостяхъ, и говорить о лицахъ, давно уже отошедшихъ въ вѣчность, которыя не могутъ отозваться, возражать, спорить; берусь за перо во исполненіе нравственнаго долга возстановить нѣкоторыя событія, о которыхъ упоминается въ запискахъ Солтановскаго, въ надлежащемъ ихъ свѣтѣ, и помянуть добрымъ словомъ лицъ, вполнѣ заслуживающихъ того, несправедливо осужденныхъ и оговоренныхъ. Ручаюсь, что буду говорить сущую правду, по крайнему моему разумѣнію, упоминая только о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ, и что, надѣюсь, подтвердятъ немногіе, уцѣлѣвшіе въ жизни отъ давно минувшей эпохи, о которой повѣствуютъ записки Солтановскаго.

Какъ посѣщавшій въ одно время съ Солтановскимъ лекціи по филологическому факультету кіевскаго университета, я былъ лично съ нимъ знакомъ, часто разговаривалъ и даже пользовался его записками по нѣкоторымъ предметамъ курса. Солтановскій, отличавшійся вообще аккуратностію и трудолюбіемъ, обладалъ искусствомъ записывать лекціи, читанныя профессорами, особенно извѣстнымъ профессоромъ Селинымъ, такъ что

студенты довольно долгое время по исторіи русской литературы пользовались записками, составленными Солтановскимъ. Живо рисуется предо мною эта маленькая, смугленькая, съ курчавыми черными волосами, фигура молодого студента, при разговорѣ кротко, но съ нѣкоторою ироніею, улыбавшагося. Съ особымъ интересомъ и любопытствомъ приступилъ я къ чтенію первыхъ главъ, появившихся въ печати записокъ Солтановскаго, надѣясь встрѣтиться въ нихъ со многими, дорогими по воспоминаніямъ лицами, и вновь пожить на мгновеніе въ иной средѣ былой эпохи—времени молодости и юношескихъ увлеченій, но, увы, на первыхъ же порахъ разочаровался, и чѣмъ далѣе читалъ замѣтки Солтановскаго, тѣмъ болѣе онѣ поражали меня односторонностію ихъ, ничтожествомъ сообщаемыхъ имъ наблюденій, которыя больше всего направлены къ самовосхваленію. Предо мною трудно разрѣшимою загадкою возникъ психологическій вопросъ, какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ событій жизни этотъ кроткій, благодушный и отзывчивый молодой человѣкъ, какимъ знавалъ я его на школьной скамейкѣ обратился въ глубокаго и мрачнаго эгоиста, для котораго не дорого доброе имя не только людей для него постороннихъ, но даже ближайшаго товарища, притомъ впавшаго въ несчастіе и обиженнаго судьбою, а равно, какъ этотъ усердно занимавшійся наукою студентъ, представлявшій задатки широкаго умственнаго развитія и нравственной устойчивости, является въ концѣ концовъ въ своихъ словахъ и дѣлахъ узкимъ и совершенно одностороннимъ практическимъ дѣятелемъ, видящимъ весь міръ въ своей личности, отъ которой, какъ онъ полагалъ, только исходитъ правда и истинное пониманіе дѣйствительности; почти всѣ окружавшія его лица являются предъ нимъ заблуждающимися и погрязшими въ нравственной косности. Но, нѣтъ факта безъ достаточной причины, нѣтъ явленія безъ его основанія. Слѣдя постепенно за событіями жизни автора и вникая въ содержаніе его разсказовъ о своихъ дѣлахъ и впечатлѣніяхъ, я пришелъ къ тому заключенію, что слабая его натура не устояла подъ наплывомъ быстро и неожиданно послѣдовавшей съ нимъ перемѣны, къ которой притомъ не былъ онъ подготовленъ соотвѣтственнымъ

нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Изъ скромной доли учителя одной изъ провинціальныхъ гимназій, послѣ кратковременной службы инспекторомъ каменецъ-подольской гимназіи,— онъ вдругъ назначенъ былъ начальникомъ учебной дирекціи въ одной изъ губерній царства польскаго, т. е. завѣдывающимъ всѣми учебными въ ней заведеніями съ обширнымъ полномочіемъ организовать и установить таковыя, въ тяжелую и трудную эпоху, переживаемую тогда цѣлымъ краемъ, еще не умиротвореннымъ послѣ возникшаго возстанія. Въ царствѣ польскомъ является онъ не только администраторомъ, но и начальникомъ, поставленнымъ во главѣ учебныхъ заведеній для водворенія въ нихъ новыхъ просвѣтительныхъ началъ, чуждыхъ мелкой партійной борбы, которую вносили до сихъ поръ въ систему воспитанія люди, завѣдывавшіе имъ и имѣвшіе на него вліяніе. На новомъ высокомъ мѣстѣ у Солтановскаго, повидимому, закружилась голова, не находившая правильныхъ устоевъ въ широкомъ пониманіи предстоящихъ задачъ. И вотъ, совершая свой важный миссіонерскій подвигъ, дослужившись генеральскаго чина и большой пенсіи, Солтановскій задумалъ своими записками создать памятникъ своей дѣятельности вообще, а для того, чтобы она ярче и рельефнѣе выступила именно на темномъ фонѣ общей распущенности, небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ окружавшихъ его и предшествовавшихъ ему лицъ, ихъ взяточничества и низости, онъ, можно полагать, рисуетъ дѣйствительность въ самыхъ мрачныхъ чертахъ, или, правильнѣе сказать, вездѣ видитъ только слабую ея сторону. Нельзя читать безъ улыбки, какъ въ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія своего инспекторомъ въ каменецъ-подольской гимназіи онъ уничтожилъ господствовавшіе будто бы здѣсь безпорядки и своеволіе въ средѣ учащихъ и учащихся, какъ подвизался онъ въ царствѣ польскомъ съ антиправительственными стремленіями поляковъ и разрушалъ ихъ козни, апатіею однихъ и распущенностію другихъ изъ числа русскихъ дѣятелей. Съ какимъ, напримѣръ, пренебрежительнымъ невниманіемъ относится онъ къ памяти извѣстнаго всей Россіи дѣятеля въ царствѣ польскомъ Н. А. Соловьева, стоявшаго въ то время въ главѣ управленія въ

царствѣ и прославившагося своею разумною, вполнѣ цѣлесообразною внутреннею политикою въ краѣ и созданіемъ въ немъ новыхъ соціальныхъ отношеній надѣленіемъ крестьянъ земельными угодіями и освобожденіемъ ихъ отъ помѣщичьяго произвола, какъ отзывается онъ о своемъ ближайшемъ начальникѣ—предсѣдатель Прав. Ком. Народнаго Просвѣщенія Ѳ. Ѳ. Витте,—энергичномъ и умномъ администраторѣ, не умѣвшемъ будто и нежелавшемъ поддержать добрыя начинанія Солтановскаго по устройству начальныхъ школъ. Въ своихъ запискахъ Солтановскій рисуетъ себя какимъ-то маленькимъ богатыремъ, которому вездѣ приходилось бороться съ темными вражескими силами, а между тѣмъ, если бы онъ, какъ бывшій долгое время учителемъ словесности, нѣсколько критически отнесся къ своимъ запискамъ, то непремѣнно самъ пришелъ бы къ сознанію необходимости многое и многое измѣнить и исправить въ нихъ, какъ неудовлетворяющее самымъ примитивнымъ требованіямъ, предъявляемыхъ каждымъ учебникомъ о родахъ и видахъ литературныхъ произведеній, ихъ такъ называемымъ „мемуарамъ и запискамъ", именно: пишущій ихъ о своемъ времени долженъ строго отличать видѣнное и испытанное имъ самимъ отъ того, что дошло къ нему по слухамъ и изъ разсказовъ другихъ лицъ, въ большей или меньшей степени опредѣляя и относительную достовѣрность сообщаемыхъ свѣдѣній. Обращаетъ на себя также вниманіе слѣдующее обстоятельство; проживая одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ моментовъ въ жизни своей родины, ознаменовавшійся коренными преобразованіями по всѣмъ отраслямъ государственнаго строя, въ томъ числѣ созданіемъ цѣлой системы народнаго образованія, реформою среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, авторъ, какъ служащій по Мин. Нар. Просв., не обмолвился ни единымъ словомъ о предметахъ, которые, повидимому, могли бы его болѣе всего интересовать и занимать, между тѣмъ, какъ цѣлыя страницы его записокъ заполнены сообщеніями о разныхъ сплетняхъ и выдумкахъ досужихъ вѣстовщиковъ мелкаго провинціальнаго круга.

Замѣчанія мои, насколько они возможны относительно нѣкоторыхъ невѣрныхъ и несправедливыхъ показаній Солтанов-

скаго, будутъ касаться исключительно періода службы его въ г. Каменецъ-Подольскѣ инспекторомъ мѣстной гимназіи (1864—1866 г.). Писать замѣчанія на записки, подобныя запискамъ Солтановскаго, очень трудно, мѣстами невозможно, ибо нужно было бы возражать почти противъ каждой строки, каждаго показанія автора, до того эти показанія невѣрны и не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Какъ видно, Солтановскій вовсе и не заботился о правдѣ; ему нужно главнымъ образомъ, въ извѣстныхъ ему цѣляхъ, произвести на читателя извѣстное впечатлѣніе, поэтому, напримѣръ, говоря о скромной квартирѣ бѣднаго и больного учителя гимназіи Малиношевскаго, онъ называетъ ее „элегантною", а вся эта элегантность состояла въ недорогомъ фортепіано, ибо жена его отлично играла на этомъ инструментѣ, и очень скромной мебели, какую можно обыкновенно встрѣтить въ квартирѣ семейнаго съ небольшими средствами человѣка. Квартира Малиношевскаго мнѣ хорошо памятна, такъ какъ я навѣщалъ его довольно часто, особенно во время болѣзни. Такъ, повѣствуя о каменецкихъ докторахъ К. и Б., конечно, много небывалаго и выдуманнаго, Солтановскій для усиленія и украшенія своего разсказа о нихъ, какъ какихъ-то знаменитыхъ богачахъ, говоритъ, что К. изъ доходовъ отъ своей практики построилъ домъ въ 300 тысячъ. Такихъ домовъ нѣтъ и не бывало въ Каменцѣ, городѣ небольшомъ и не имѣющемъ никакого торговаго значенія. Притомъ, какъ извѣстно каменецкимъ старожилами, К. вообще не имѣлъ большой практики и если посѣщалъ больныхъ въ городѣ, то больше бѣдныхъ и неимущихъ по чувству великодушія и состраданія къ нимъ, при чемъ оказывалъ иногда даже матеріальную поддержку людямъ, крайне нуждающимся. Домъ, о которомъ говоритъ Солтановскій, построенный К., какъ носились въ городѣ слухи, на приданое жены, дочери одного изъ владѣльцевъ подгородняго имѣнія, недавно проданъ наслѣдниками К. за 30 т. рубл., или что-то около того. Разсказывая о выѣздѣ изъ Каменца переведеннаго на службу въ Варшаву бывшаго губернатора Брауншвейга, Солтановскій пишетъ между прочимъ, что въ день выѣзда пріемная его была полна съѣхавшимися на прощаніе по-

мѣщиками-поляками и богатыми евреями, и будто бы за экипажемъ губернатора, когда онъ выѣхалъ, потянулся длинный хвостъ экипажей помѣщиковъ и евреевъ. Это прямая выдумка автора, придуманная для характеристики Браунштейга,—сторонника будто поляковъ. Никто изъ помѣщиковъ-поляковъ и евреевъ-купцовъ не провожалъ Браунштейга на первую станцію „Нѣгинъ“, гдѣ былъ приготовленъ прощальный завтракъ. Поляки заняты были тогда своими дѣлами по мятежу и еще не опредѣлили, какъ слѣдуетъ имъ держаться по отношенію къ властямъ, а богатыхъ евреевъ-торговцевъ въ Каменцѣ не много и они держали и держатъ себя въ сторонѣ отъ общества. Если, впрочемъ, при прощаніи съ выѣзжавшимъ губернаторомъ Браунштейгомъ, жители г. Каменца оказали къ нему нѣкоторое особое вниманіе, то оно было совершенно нормальнымъ явленіемъ, ибо въ немъ они разставались съ начальникомъ, управлявшимъ губерніею болѣе четырехъ лѣтъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, при трудолюбіи, терпѣніи и безпристрастіи. Каждаго являвшагося къ нему по своему дѣлу просителя, не смотря на ѐго званіе и состояніе, вѣру и національность, онъ внимательно выслушивалъ, толковалъ, вразумлялъ и давалъ нужныя указанія по его дѣлу и соотвѣтственную резолюцію. Даже впослѣдствіи обвинявшіе Браунштейга въ слабомъ отношеніи къ разнымъ повстанскимъ манифестаціямъ и въ пристрастіи къ полякамъ, не отказывали ему въ особыхъ достоинствахъ, какъ администратору. Затѣмъ, какъ можно полагать, Солтановскій писалъ свои записки не въ то время, о которомъ разсказываетъ, а впослѣдствіи по сохранившимся, не всегда вѣрнымъ воспоминаніямъ, при чемъ, не стѣсняясь, приписывалъ нѣкоторымъ мѣстнымъ дѣятелямъ своего времени поступки и нравственныя качества лицъ позднѣйшей эпохи, о которыхъ ему привелось слышать. Къ такому заключенію привели меня разспросы относительно нѣкоторыхъ показаній Солтановскаго мѣстныхъ старожиловъ, жившихъ въ Каменцѣ все время съ шестидесятыхъ годовъ. Разсказывая, напримѣръ, о пріемѣ губернаторомъ Браунштейгомъ чиновниковъ, въ день св. Пасхи 19 Апрѣля 1864 года, послѣ всенощной и литургіи, Солтановскій пишетъ: Губернаторша принимала

гостей по-царски: вся въ кружевахъ, сидѣла въ креслахъ, поставленныхъ на какомъ-то возвышеніи; вокругъ нея полукругомъ стояли представлявшіеся чины и кушали изъ чашекъ бульонъ. Всякое новое лице отвѣшивало поклонъ губернаторшѣ и примыкало къ полукругу; губернаторша въ отвѣтъ поводила только бровями. Въ залѣ, кромѣ кресла губернаторши, стоялъ длинный столъ съ пасхальными яствами, другихъ столовъ и стульевъ не было, такъ что не на чемъ было присѣсть.“ Все сказанное здѣсь Солтановскимъ—чистая неправда; никогда ничего подобнаго не было и не могло быть по очень простой причинѣ: у Брауншвейга вообще не было обычая принимать въ день Пасхи чиновниковъ и знакомыхъ немедленно послѣ всенощной, а всѣ поздравляли его съ праздникомъ въ церкви, послѣ литургіи разговлялись у Преосвященнаго епископа, а потомъ уже послѣ часу желавшіе являлись къ губернаторшѣ съ поздравленіемъ. Надобно здѣсь присовокупить, что жена губернатора Марья Александровна Брауншвейгъ, женщина умная, кроткая и со всѣми вѣжливая, не была и способна къ подобнымъ, приписываемымъ ей Солтановскимъ, грубымъ и неумѣстнымъ выходкамъ. Какъ мѣстнаго старожила, знавшаго нѣкогда г-жу Брауншвейгъ, меня очень заинтересовалъ вопросъ, откуда Солтановскій могъ придумать подобную небывальщину, и изъ полученныхъ отвѣтовъ оказалось, что, дѣйствительно, жена одного изъ губернаторовъ послѣдующаго времени въ семидесятыхъ годахъ имѣла обычай приблизительно къ указанію Солтановскаго принимать въ день св. Пасхи подчиненныхъ своему мужу чиновниковъ. Разсказывая разныя небылицы о бывшемъ учителѣ гимназіи Малиношевскомъ и упомянувъ, что онъ будто бы былъ несчастенъ въ семейномъ быту,—Солтановскій говоритъ, что Малиношевскій въ душѣ нигилистъ и любившій выпить, часто уходилъ изъ дому и искалъ отдыха и успокоенія въ кругу пьяницъ, учителей семинаріи, проводившихъ время въ какихъ-то праздныхъ и безумныхъ бесѣдахъ о преобразованіи всего міра и ниспроверженіи существующихъ порядковъ, обратившихъ на себя вниманіе жандармовъ. Съ своей стороны могу завѣрить, что учителя семинаріи того времени подобною репутаціею въ обществѣ не пользовались, а всѣ они, повидимому, люди дѣль

ные и занимавшіеся исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, Притомъ, въ эпоху, о которой пишетъ Солтановскій, русскаго соціализма и нигилизма, какъ опредѣленнаго соціальнаго толка, не существовало, а обнаружилось только нѣкоторое броженіе молодыхъ умовъ, отзывавшееся въ повременной прессѣ и нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ, не имѣвшихъ почти никакого вліянія въ провинціальной глуши, тѣмъ болѣе, что вниманіе русскаго общества Западной Россіи тогда исключительно было занято и поглощено борьбою съ польскою смутою. Позже, однако же, какъ оказывается изъ разспросовъ, въ семидесятыхъ годахъ, неумѣстные толки въ средѣ учениковъ семинаріи и неприличные ихъ поступки обратили на себя вниманіе начальства и вызвали наряженіе слѣдствія, почему, можетъ быть, Солтановскій считалъ себя въ правѣ назвать всѣхъ вообще учителей семинаріи и своего времени пьяницами и нигилистами. Нѣкоторые изъ тогда бывшихъ учителей семинаріи живы и даже занимаютъ видныя мѣста, почему полагаю, что на нихъ лежитъ прямая и священная обязанность разъяснить обвиненіе, возводимое Солтановскимъ на всю корпорацію, и смыть пятно, наносимое цѣлому учебному заведенію, ни мало не стѣсняясь въ изложеніи фактовъ, могущихъ характеризировать тогдашнее время, и говоря одну только правду, ибо, пожалуй, впослѣдствіи заявленіе подобнаго авторитетнаго по своему положенію лица, какимъ является Солтановскій, самъ представитель учебнаго вѣдомства, можетъ ввести будущаго историка края въ заблужденіе и послужить основаніемъ къ несовсѣмъ вѣрнымъ выводамъ и заключеніямъ. Указываемыя мною и разныя другія противорѣчія и неправильныя показанія Солтановскаго о каменецкой жизни можно отчасти объяснить тѣмъ, что послѣ выхода въ отставку въ семидесятыхъ годахъ, онъ перешелъ на жительство въ уѣздный городъ Брацлавъ Подольской губерніи, куда легко могли доходить къ нему слухи и толки о жизни губернскаго города, которыми онъ и воспользовался соотвѣтственно съ своими цѣлями. Все сказанное мною, большею частію, касается такихъ мелочей, о которыхъ повидимому не слѣдовало бы и упоминать;

но эти-то мелочи, сгруппированныя вмѣстѣ, лучше всего знакомятъ съ личностью автора и характеромъ его сообщеній.

Перехожу теперь къ главному предмету моей рѣчи, вызвавшему самое появленіе настоящей статьи,—это къ разсказу Солтановскаго о порядкахъ, существовавшихъ въ Каменецъ-Подольской гимназіи до появленія Солтановскаго на должность инспектора этого учебнаго заведенія, о бывшемъ до того времени директорѣ гимназіи Бякстерѣ, но особенно къ замѣткѣ автора о жизни и дѣлахъ нѣкоего бѣднаго учителя гимназіи Малиношевскаго. Оговариваюсь здѣсь, что ни въ то время, ни впослѣдствіи не принадлежалъ къ мѣстному гимназическому кругу, а пишу, какъ посторонній зритель и наблюдатель всего совершавшагося въ ней, по чувству правды и желанію возстановить истину въ отношеніи лицъ, на которыхъ взводятся неправильныя и пристрастныя обвиненія; съ Малиношевскимъ же, какъ бывшимъ моимъ школьнымъ товарищемъ, я былъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Вполнѣ увѣренъ и надѣюсь, что мои слова встрѣтятъ полное сочувствіе многихъ еще живыхъ, бывшихъ учениковъ Малиношевскаго — воспитанниковъ мѣстной гимназіи, изъ которыхъ нѣкоторые занимаютъ видное положеніе въ обществѣ, заявлявшихъ мнѣ о негодованіи, возбужденномъ въ нихъ чтеніемъ записокъ Солтановскаго и его показаніями относительно порядковъ, существовавшихъ тогда въ гимназіи, и отзывами о ихъ любимомъ и уважаемомъ учителѣ Малиношевскомъ, котораго память для нихъ дорога.

Прибывъ въ Каменецъ, Солтановскій, подобно какому либо ревизору, прежде всего incognito хотѣлъ ознакомиться съ мѣстомъ своего будущаго служенія, почему, въ качествѣ частнаго лица, рѣшилъ пойти въ гимназію въ учебные часы, и вотъ въ какихъ словахъ описываетъ онъ найденные имъ тамъ порядки: „Поднявшись по парадной лѣстницѣ во 2-ой этажъ, я очутился предъ дверьми 2-го класса. Я подошелъ къ нимъ и взглянулъ въ стекло. Сначала я ничего не могъ разобрать. Классная комната была полна дыма или какого-то тумана. Мало по малу я различилъ сидящаго на кафедрѣ учителя, а затѣмъ и учениковъ на скамейкахъ. Большинство учениковъ самаго юнаго

возраста дымили папиросами, другіе, при помощи машинокъ, готовили папиросы, вездѣ на скамьяхъ лежали куски табаку и папиросная бумага. Иные ученики читали книги. Повидимому, никто не слушалъ объясненія учителя. На корридорѣ постоянно появлялись изъ классовъ ученики. Нѣкоторые надѣвали шапки и уходили, другіе шеренгами гуляли по корридору, а въ концѣ корридора собралась порядочная толпа, о чемъ-то горячо спорила и курила папиросы. На вѣшалкѣ виднѣлись вывороченные верхніе костюмы: пледы, чемерки, ксендзовскіе плащи, горальскія галиційскія бурки, свитки и ни одной ученической шинели. Гулявшіе по корридору ученики, даже мальчуганы лѣтъ десяти, одѣты были въ ботфорты, или походные штифли съ металлическими подковками". Полагаю, что даже бѣглое чтеніе написаннаго заставитъ читателя усумниться, чтобы въ гимназіи, при томъ въ губернскомъ городѣ, въ которомъ гимназическое зданіе находится въ одной изъ самыхъ оживленныхъ мѣстностей, могли существовать подобные описываемымъ Солтановскимъ порядки, какъ бы ни былъ слабъ надзоръ за ними начальствующихъ, какъ бы ни были апатичны и ничтожны учащіе,—поэтому, для опроверженія показаній Солтановскаго, мнѣ кажется совершенно достаточнымъ заявленіе многихъ тогдашнихъ воспитанниковъ гимназіи, что все сказанное имъ—чистая выдумка и ложь, о чемъ довелось мнѣ слышать отъ нихъ разъ и что готовъ подтвердить всегда каждый изъ нихъ. Но, сопоставляя показанія автора съ фактами, можно убѣдиться въ томъ еще болѣе и видѣть ясно, что Солтановскій зарапортовался и самъ себѣ противорѣчитъ, умалчивая о томъ, о чемъ говорить для него невыгодно. Всѣ безпорядки, существовавшіе будто бы въ гимназіи, Солтановскій приписываетъ бездѣятельности и слабости бывшаго директора гимназіи Бякстера, о которомъ скажу ниже; но онъ вышелъ въ отставку за годъ и болѣе до прибытія Солтановскаго, потомъ временно присланъ былъ для исправленія должности директора гимназіи Герасименко, а затѣмъ назначенъ на эту должность Теодоровичъ, о чемъ не упоминаетъ Солтановскій, не говоритъ также, каковъ былъ сей послѣдній, какъ относился онъ къ своимъ обязанностямъ, и по-

чему новый начальникъ, завѣдывая уже нѣсколько мѣсяцевъ учебнымъ заведеніемъ, не могъ ввести въ него какого либо, по крайней мѣрѣ, внѣшняго порядка; благоразумно умалчиваетъ также авторъ о составѣ учителей гимназіи—людяхъ образованныхъ и спеціально подготовленныхъ къ своимъ обязанностямъ, спокойно мирившихся съ подобными безобразіями, ибо тогда возникалъ бы вопросъ, почему никто изъ нихъ не протестовалъ, не заявлялъ о совершающемся въ заведеніи, не требовалъ обузданія мальчиковъ и установленія нормальныхъ отношеній. Окажется еще болѣе, что Солтановскій въ своемъ разсказѣ о найденныхъ имъ въ гимназіи безпорядкахъ допускаетъ неправду и извращаетъ истину, если принять во вниманіе, что осенью 1863 года, по поводу какихъ-то дерзкихъ выходокъ гимназистовъ противъ своего начальства, пріѣзжалъ въ Каменецъ для ревизіи бывшій попечитель кіевскаго учебнаго округа, разгромилъ ее, какъ тогда говорили въ городѣ, и распорядился исключеніемъ изъ заведенія нѣсколькихъ учениковъ. Такимъ образомъ Теодоровичъ назначенъ былъ директоромъ гимназіи, какъ лицо, уполномоченное начальникомъ для исправленія замѣченныхъ въ ней недостатковъ и водворенія надлежащаго порядка. Опускаетъ также Солтановскій изъ виду, что польское возстаніе возникло весною 1863 г. и что хотя оно отчасти отозвалось среди мѣстной подольской шляхты, но тотчасъ же на первыхъ порахъ прекращено было полицейскими мѣрами, при участіи войскъ, что въ 1864 г. было обращено строгое вниманіе на прекращеніе всякихъ патріотическихъ со стороны поляковъ манифестацій, которыя, по примѣру Варшавы и другихъ городовъ Царства Польскаго, стали появляться въ предѣлахъ Юго-Западнаго края, что учреждены были здѣсь особые суды, подвергавшіе установленнымъ взысканіямъ лицъ, замѣченныхъ полиціею въ ношеніи траура, польскихъ національныхъ костюмовъ и разныхъ символическихъ знаковъ, указывающихъ на страждущую и угнетенную отчизну, т. е. Польшу. Такимъ образомъ рѣшившійся появиться на улицахъ города въ чемеркѣ, ботфортахъ, какомъ-то ксендзовскомъ плащѣ, здѣсь не извѣстномъ, и т. п. рисковалъ быть арестованнымъ полиціею, или попасться на

глаза начальнику расквартированной въ окрестностяхъ Каменца пѣхотной дивизіи графу Нироду, очень строго и сурово относившемуся къ разнымъ польскимъ затѣямъ и манифестаціямъ. Въ виду вышеизъясненнаго, я не придаю никакого вѣроятія показанію Солтановскаго о найденныхъ имъ будто бы на вѣшалкахъ въ гимназіи буркахъ, чемеркахъ, галиційскихъ плащахъ и т. п.

Столь же невѣрны, односторонни и пристрастны отзывы Солтановскаго о бывшемъ директорѣ каменецъ-подольской гимназіи Бякстерѣ, котораго онъ представляетъ какимъ-то выжившимъ изъ ума, пустымъ и жалкимъ старикашкою, исключительно занятымъ закупкою на базарѣ провизіи, нужной для дома и приготовленія обѣда. Покушавъ плотно съ губернаторомъ Брауншвейгомъ, съ которымъ будто бы Бякстеръ былъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и котораго часто приглашалъ на обѣдъ, усталый старикъ ложился спать и послѣ продолжительнаго отдыха отправлялся къ губернатору играть въ карты.

Какъ мнѣ извѣстно изъ моихъ личныхъ отношеній (съ Бякстеромъ я былъ знакомъ), еще больше по отзывамъ свѣдущихъ и вполнѣ достойныхъ вѣры лицъ, Бякстеръ былъ основательно образованный, честный и прямой старикъ. Онъ свободно читалъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, являлся знатокомъ классической древности, обладавшимъ обширными свѣдѣніями, добытыми постояннымъ внимательнымъ чтеніемъ ученыхъ произведеній; но по-русски говорилъ плохо, съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ, и, дѣйствительно, мало занимался дѣлами ввѣреннаго ему заведенія, апатично относясь ко всему совершающемуся въ немъ, отчасти, можетъ быть, по старости и вслѣдствіе упадка силъ, т. е. такого возраста, въ которомъ немногіе изъ достигающихъ его обнаруживаютъ полную энергію и бодрость духа. Иностранецъ по происхожденію и воспитанію (англичанинъ), онъ не былъ достаточно подготовленъ къ предстоявшимъ ему заботамъ и трудамъ управлять русскимъ учебнымъ заведеніемъ въ важную переходную эпоху конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, тѣмъ болѣе на окраинѣ Россіи,

населенной разными національностями, молодое поколѣніе которыхъ объединялось въ школѣ, но вносило въ нее рознь разнообразными своими стремленіями; какъ англичанинъ, слишкомъ довѣрявшій авторитету Таймса и другихъ англійскихъ газетъ и изданій, которыя съ особымъ усердіемъ и заботливостію собирали разныя нелѣпыя басни о доблестяхъ польскихъ повстанцевъ и варварствахъ русскихъ, Бякстеръ, пожалуй, не могъ даже понять истиннаго положенія дѣлъ въ Юго-Западномъ краѣ и различныхъ племенныхъ, сословныхъ и религіозныхъ отношеній его обитателей. По ходившимъ тогда въ городѣ слухамъ, Бякстеръ былъ воспитателемъ въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ заведеній, гдѣ отличался своею дѣятельностію, откуда, какъ опытный и усердный педагогъ, попалъ на должность директора гимназіи. Замѣчательно, что Солтановскій говоритъ о немъ, какъ о любителѣ карточной игры, а также о какихъ-то его близкихъ дружескихъ отношеніяхъ къ тогдашнему губернатору Брауншвейгу, между тѣмъ какъ Бякстеръ совсѣмъ не игралъ въ карты и карточною игрою ни мало не интересовался, а всѣ отношенія его съ губенаторомъ ограничивались исключительно оффиціальными визитами и посѣщеніями, вызываемыми разными дѣлами. Солтановскій завѣряетъ, что послѣ обѣда директоръ крѣпко спалъ, а мнѣ хорошо извѣстно, что послѣ короткаго отдыха въ послѣобѣденную пору къ нему собиралось нѣсколько молодыхъ людей, его знакомыхъ, изучавшихъ подъ его руководствомъ англійскій языкъ, съ которыми онъ занимался чтеніемъ и объясненіемъ лучшихъ классическихъ произведеній англійской литературы. Какъ можно полагать, воспитанный въ пуританскомъ духѣ, Бякстеръ, напримѣръ, не могъ равнодушно смотрѣть на нѣкоторые католическіе обряды, особенно большіе крестные ходы, сопровождаемые предношеніемъ разныхъ изваяній Святыхъ и Богородицы, и прямо называлъ эти церемоніи „остатками язычества“. Привычками, унаслѣдованными воспитаніемъ и прежнею жизнію внѣ предѣловъ Россіи, можно объяснить близкое и непосредственное участіе, которое принималъ онъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, занимаясь закупкою провизіи и т. п., такъ какъ за границею содержаніе прислуги обходится очень дорого,

почему и держатъ ее меньше, чѣмъ у насъ, и сами господа не рѣдко должны заботиться о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, топить въ каминахъ, пригрѣвать и даже приготовлять кушанья. Бякстеръ постоянно ходилъ, украшенный орденами Св. Анны и Св. Станислава 2-ой ст., которые онъ имѣлъ; но это не было знакомъ его тщеславія и суетности, а вытекало изъ глубокаго его уваженія къ знакамъ отличія, которыхъ онъ удостоился за свою усердную службу, а равно къ исходатайствованному имъ утвержденію въ званіи потомственнаго дворянина. Какъ извѣстно, иностранцы вообще съ особымъ вниманіемъ относятся къ орденамъ и разнымъ титуламъ. Умирая, Бякстеръ поручилъ близкимъ своимъ вручить свои орденскія грамоты и грамоту на дворянство, хранившіяся въ особомъ ящикѣ, сыну. А что этотъ дряхлый и слабый старикъ хорошо понималъ задачи воспитанія, обладалъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній и умѣлъ передать ихъ другимъ,—лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что своего сына онъ, живя одинокимъ вдовцомъ, держалъ при себѣ до 15—16-лѣтняго возраста, самъ воспитывалъ его и давалъ ему уроки, а потомъ, послѣ достаточной подготовки, выслалъ на родину, въ Англію, для поступленія въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній. Бякстеръ сынъ блистательно окончилъ лондонскій университетъ (Rinqs-College) по медицинскому факультету, занялъ потомъ кафедру терапіи въ томъ же учебномъ заведеніи и пользовался репутаціею хорошаго и свѣдущаго профессора. Умеръ онъ въ 1886 году, и послѣ его смерти былъ напечатанъ въ одномъ изъ лондонскихъ журналовъ очень сочувственный некрологъ усопшаго, какъ ученаго медика, съ приложеніемъ его портрета.

Но верхъ беззастѣнчивости, глумленія и какого-то безсердечія высказалъ Солтановскій сооообщаемыми имъ свѣдѣніями о жизни и характерѣ дѣятельности бывшаго своего товарища по университету учителя Малиношевскаго, котораго онъ представляетъ инымъ, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ, какимъ знали его знакомые и пріятели, и какимъ сохранили о немъ воспоминаніе многіе, живые теперь еще его бывшіе ученики по гимназіи.

Солтановскій засталъ уже Малиношевскаго психически больнымъ, полупомѣшаннымъ. Повѣствуя о своемъ посѣщеніи больнаго и описавъ его наружный видъ, а также коснувшись обстановки комнаты, которая показалась ему элегантною, авторъ говоритъ далѣе: „Малиношевскій забѣгалъ по комнатѣ и говорилъ о безсмысленныхъ, несправедливыхъ порядкахъ, о соціализмѣ, Шопенгаурѣ, Штраусѣ, потомъ Луи-Бланѣ, Фурье и такъ далѣе. Малиношевскій, продолжаетъ Солтановскій, изъ семинаристовъ, бывшій мой товарищъ по филологическому факультету, читалъ всеобщую исторію и, пользуясь покровительствомъ нѣсколькихъ важныхъ духовныхъ лицъ, ему приходившихся съ родни, надѣялся скоро получить въ Каменцѣ мѣсто инспектора, но это ему не удалось, откуда пошли всѣ прочія бѣды. Дошло до того, что бѣдный Малиношевскій постоянно уходилъ изъ дому къ семинарскимъ учителямъ и тамъ за попойкой разсуждалъ о преобразованіи судебъ всего міра и Россіи; обзавелся соціалистическими и атеистическими сочиненіями и на урокахъ исторіи сталъ посвящать своихъ учениковъ въ теоріи разрушительныя и зловредныя, благо въ гимназіи не существовало никакого контроля надъ преподавателями. Ученики стали обожать его, стали вѣрить, какъ въ непреложное, въ каждое его изреченіе. Онъ сталъ во главѣ нигилистическаго въ гимназіи направленія. Слухи о его дѣятельности не скрылись отъ жандармовъ, и для него повышеніе по службѣ, не смотря на покровительство и даже подкупъ, сдѣлалось невозможнымъ. Неудача въ семейной жизни, неудача по службѣ довели его нервы до крайней напряженности, и онъ рехнулся. Тогдашніе нигилисты вполнѣ сочувствовали революціонному движенію поляковъ. Поляки же, будучи себѣ на умѣ, вслѣдствіе своей католической ортодоксальности и строгой дисциплинировки, съ презрѣніемъ отзывались о бредняхъ нигилистовъ, но въ глаза ихъ поощряли во всѣхъ буйствахъ и манифестаціяхъ, старались выдвинуть ихъ впередъ, называя ихъ: dobrze mysłięce russini“.

Повѣрьте, во всей этой тирадѣ, посвященной памяти Малиношевскаго, кромѣ показанія, что онъ былъ изъ семинаристовъ, нѣтъ ни одного слова правды, а всѣ сообщаемыя Солтановскимъ

свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ его товарища по университету, отчасти по службѣ,—плодъ досужаго воображенія автора. Никакихъ важныхъ духовныхъ родственниковъ Малиношевскій не имѣлъ и покровительствомъ ихъ не пользовался, слѣдовательно, при помощи ихъ, не могъ надѣяться скоро получить мѣсто инспектора гимназіи, а терпѣливо и честно служилъ учителемъ съ 1849 по 1864 годъ; никакого подкупа онъ не могъ сдѣлать, никогда не думалъ о немъ, да едвали въ его время деньгами и можно было что-нибудь сдѣлать, причемъ не мѣшало бы Солтановскому, дѣлая подобное показаніе, упомянуть, откуда ему сдѣлались извѣстны даже намѣренія его товарища. Малиношевскій содержалъ себя и семью однимъ жалованьемъ. Съ началомъ болѣзни, обнаружившейся въ концѣ 1863 г. полнымъ разстройствомъ пищеваренія, затянувшимся на неопредѣленное время, нужда и недостатокъ дали себя чувствовать со всѣхъ сторонъ; не ставало средствъ на жизнь и леченіе, чѣмъ былъ онъ озабоченъ, особенно, когда доктора посовѣтовали больному ѣхать куда-то въ гидропатическое заведеніе. Упадокъ силъ, нравственныя страданія, сознаніе полной своей безпомощности,—все это въ совокупности усилило болѣзнь, которая закончилась тихимъ помѣшательствомъ. Солтановскій представляетъ Малиношевскаго пьяницею, между тѣмъ какъ онъ былъ человѣкъ очень воздержный и трезвый, и не могъ даже напиваться, такъ какъ, по совѣту докторовъ, къ которымъ ему приходилось часто обращаться за совѣтами,—въ образѣ жизни онъ долженъ былъ сохранять строго-аккуратный режимъ. Съ цѣлымъ составомъ учителей семинаріи Малиношевскій не велъ знакомства, а былъ друженъ съ однимъ только инспекторомъ семинаріи Мартыновскимъ—своимъ школьнымъ товарищемъ съ дѣтства, учившимся потомъ въ кіевской духовной академіи въ то самое время, когда Малиношевскій слушалъ лекціи въ университетѣ Св. Владиміра. Мартыновскій—человѣкъ очень серіозный, семейный, благоразумный, былъ весьма далекъ отъ всякихъ нигилистическихъ и либеральныхъ увлеченій, пользовался репутаціею хорошаго учителя и внимательнаго къ своимъ обязанностямъ педагога; сохранилась о немъ добрая память въ многочисленныхъ

его ученикахъ, какъ можно въ томъ убѣдиться изъ появившихся по поводу его смерти въ 1891 г. въ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ статей. Не мѣшаетъ здѣсь также замѣтить, что, кажется, никто изъ подолянъ русскихъ не попалъ въ число dobrze myslięcych russinów, и тѣмъ болѣе не принималъ участія въ буйствахъ повстанцевъ и польскихъ манифестаціяхъ. А вотъ мотивы, подавшіе поводъ Солтановскому упомянуть о какихъ-то важныхъ духовныхъ родственникахъ Малиношевскаго. Еще въ дѣтствѣ, лишившись отца и матери, онъ остался на попеченіи у своей бабушки, но содержалъ его въ школахъ, потомъ въ университетѣ родной его дядя балтскій священникъ Ѳеодосій Левицкій, въ свое время пользовавшійся большою извѣстностію, какъ проповѣдникъ и глубоко благочестивый пастырь, посвятившій свою жизнь благу паствы, а достатокъ на помощь страждущей братьи [1]). Священникъ Левицкій умеръ въ началѣ 1837 г., и тогда Малиношевскій, оставшійся безъ всякихъ средствъ, поступилъ въ число казенно-коштныхъ студентовъ университета. Другой дядя Малиношевскаго, съ которымъ онъ поддерживалъ связи до своей смерти, былъ настоятелемъ бѣднаго монастыря въ Бессарабіи, находившагося вблизи г. Могилева, по ту сторону Днѣстра. Лѣтомъ 1863 года больной Малиношевскій, все еще надѣявшійся на поправленіе здоровья, уѣхалъ къ этому своему дядѣ въ монастырь, гдѣ вскорѣ умеръ.

Въ частныхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ Малиношевскій считался всегда честнымъ и добрымъ малымъ, какъ учитель— свѣдущимъ, справедливымъ и способнымъ педагогомъ. Прилежно и много занимавшійся въ университетѣ, онъ, по окончаніи курса, немедленно назначенъ былъ младшимъ учителемъ въ Немировскую гимназію, а потомъ вскорѣ переведенъ старшимъ учителемъ исторіи въ Каменецъ-Подольскую гимназію. Только черезъ 7 лѣтъ, по выходѣ изъ университета, я встрѣтился съ нимъ въ Каменцѣ, и въ своихъ разсказахъ о пережитомъ, онъ, между прочимъ, сообщалъ мнѣ о первыхъ своихъ шагахъ на педаго-

---

[1]) О жизни и дѣлахъ священника Левицкаго напечатана статья въ Русской Старинѣ за прошлые года.

гическомъ поприщѣ, потребовавшемъ усиленныхъ трудовъ и занятій. По его словамъ, надобно было все начинать съ начала, т. е. учиться и учиться. Въ Каменцѣ, какъ я могъ замѣтить, онъ также преданъ былъ своему дѣлу, приготовлялся къ урокамъ, составлялъ записки по разнымъ отдѣламъ исторіи, пользуясь сочиненіями, оказавшимися въ гимназической библіотекѣ. По своимъ убѣжденіямъ и направленію онъ именно былъ діаметрально противоположнымъ изображаемому въ запискахъ Солтановскаго. Былъ онъ вѣрующимъ христіаниномъ, какимъ оставался до конца жизни. Даже въ горячую пору тѣхъ увлеченій и теорій, которыми ознаменовалась у насъ эпоха конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, онъ былъ какъ бы чуждымъ всего совершающагося кругомъ его, не увлекался политикою и чтеніемъ разныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей съ либеральными тенденціями, вовсе не интересовался разными заграничными того времени на русскомъ языкѣ изданіями, а если читалъ, то читалъ сочиненія и статьи, имѣвшія прямое отношеніе къ его занятіямъ, придерживаясь всегда правила:—non multum, sed multa, т. е. соединяя съ чтеніемъ и изученіе прочитаннаго. Основательно знавшій свой предметъ, человѣкъ умный и честный, онъ вовсе не заискивалъ и не имѣлъ нужды заискивать расположенія своихъ учениковъ разными пріемами популярничанья, а если пользовался уваженіемъ и любовью ихъ, то таковыя вызваны были добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, кротостію и отсутствіемъ въ преподаваніи и въ отношеніи къ учащимся сухого формализма, мертвящаго бездушія и полнаго застоя. Между нимъ и учащимися не возникало никогда недоразумѣній и пререканій, которыя нерѣдко нарушаютъ мирную жизнь заведенія, вслѣдствіе безпокойнаго нрава и притязаній нѣкоторыхъ учителей, привыкшихъ къ безусловному повиновенію и авторитетности каждаго ихъ слова для дѣтей, почему и предъявляютъ они (т. е. учителя) иногда не совсѣмъ соотвѣтственныя ихъ положенію требованія. Какъ хорошій преподаватель, Малиношевскій иногда приглашаемъ былъ давать частные уроки. Такъ, нѣкоторое время онъ занимался съ дочерью и сыновьями бывшаго тогда почетнаго попечителя

гимназіи помѣщика Косцѣльскаго, даже, кажется, жилъ у него. Уже и это отчасти доказываетъ, что Малиношевскій не былъ такимъ отчаяннымъ нигилистомъ и пьяницею, какимъ рисуетъ его Солтановскій. На совѣсти Солтановскаго остается содержаніе приводимаго имъ разговора съ Малиношевскимъ, а я могу только завѣрить, что онъ спеціально не изучалъ сочиненій Луи-Блана, Фурье, Штрауса, Шопенгауера, хотя въ томъ ничего преступнаго и вреднаго положительно я не вижу. Упомянутыя имена Солтановскимъ взяты на прокатъ—случайно, какъ болѣе подходящія его цѣлямъ. Еще о Луи-Бланѣ, Фурье, отчасти Штраусѣ, въ это время иногда кое-что вскользь упоминалось въ нашихъ журналъ и ученыхъ изданіяхъ; но переводовъ ихъ сочиненій на русскій языкъ не было, да и теперь нѣтъ [1]), а выписывать эти книги въ подлинникѣ Малиношевскій былъ не въ состояніи по своей бѣдности, да и встрѣтилъ бы къ тому непреодолимыя затрудненія и препятствія, особенно въ такомъ глухомъ углу, каковъ Каменецъ. Притомъ, тогда были иные божки, которымъ поклонялись наши любители новизны въ либеральномъ духѣ, это—Бокль, Моллешотъ, Бюхнеръ, Фоггъ и т. д. Гораздо позже выступаетъ въ нашихъ журналахъ имя Шопенгауера и появляются переводы его сочиненій. Къ жандармамъ никакіе слухи о Малиношевскомъ и его будто бы предосудительной дѣятельности не доходили и не могли доходить, ибо таковой не было, и полагаю, что если бы было нѣчто похожее, то такъ или иначе, прямо или косвенно мнѣ былъ бы сдѣланъ намекъ о томъ директорами Герасименкомъ и Теодоровичемъ, съ которыми я былъ хорошо знакомъ, особенно съ послѣднимъ, съ которымъ нѣсколько разъ приходилось мнѣ переговаривать о Малиношевскомъ и его бѣдственной участи, въ цѣли изыскать какія либо средства пособить ему. Если бы Солтановскаго не волновало какое-то чувство озлобленія и, скажу прямо, скрытой зависти къ дѣятельности другихъ, онъ, думаю, если не помянулъ бы добрымъ словомъ память своего собрата учителя, какъ педагога,

---

[1]) Насколько мнѣ извѣстно, напр., изъ сочиненій Луи Блана есть только; 1) письма объ Англіи и 2) 1-я ч. Исторіи Французской революціи, изданныя въ семидесятыхъ годахъ.

сумѣвшаго надлежащимъ образомъ вести порученное ему дѣло, то, по крайней мѣрѣ, выразилъ бы сожалѣніе о рано погибшемъ своемъ товарищѣ подъ тяжестью непосильной жизненной борьбы. Тѣмъ печальнѣе и трагичнѣе была его судьба, что по временамъ онъ приходилъ въ сознаніе и не могъ не видѣть, что погибаетъ.

Сознаюсь, быть можетъ, я съ излишнею подробностію распространился о судьбѣ и дѣлахъ давно умершаго, безвѣстнаго учителя гимназіи, но я полагаю, что на знавшихъ его и близкихъ лежитъ обязанность снять съ памяти усопшаго неправильно приписываемую ему кличку „развратителя юношества", какимъ онъ не былъ.

Но не могъ же Солтановскій выдумывать и разсказывать разныя небылицы и сказки, а также рѣзко отзываться о людяхъ, которыхъ онъ только что узналъ и съ которыми не успѣлъ сблизиться, почему надобно предполагать, что онъ отчасти пользовался готовымъ матеріаломъ, сообщеннымъ ему другими лицами. Дѣло объясняется просто. При слабыхъ начальникахъ, къ числу коихъ несомнѣнно слѣдуетъ причислить Бякстера, обращающихъ мало вниманія на все окружающее ихъ, иногда также не могущихъ уразумѣть истиннаго значенія явленій и фактовъ, обыкновенно господствуютъ сплетни и наговоры. Подчиненные, не надѣясь на вѣрную оцѣнку этими начальниками ихъ дѣятельности, не довѣряя правильности и авторитетности этой оцѣнки, стараются создать другъ для друга репутацію посредствомъ сплетни. Циркулируютъ здѣсь иногда самые невѣроятные слухи и толки, въ основѣ коихъ лежатъ зависть и злоба людская. При этомъ нерѣдко случается, что на долю самыхъ достойныхъ людей выпадаетъ наибольшая часть обвиненій, ибо въ нихъ сослуживцы-карьеристы видятъ въ будущемъ своихъ соперниковъ при повышеніи на службѣ и представленіи къ наградамъ. Иногда также люди завидуютъ вполнѣ безкорыстно доброму имени, которымъ пользуется ихъ ближній въ обществѣ. Сплетня обыкновенно создается очень искусно, указывая на факты и стороны дѣятельности лица, трудно уловимые и изслѣдуемые. Такъ было въ данномъ случаѣ, и я имѣю поводы не сомнѣваться

въ томъ. Когда прибылъ на должность Солтановскій, ловкіе вѣстовщики тотчасъ его разгадали и, узнавъ въ немъ любителя сплетенъ, преподнесли ему готовый запасъ ихъ, обвиняя и осуждая другъ друга. Можетъ быть, первою жертвою ихъ былъ больной Малиношевскій, такъ какъ болѣзнь его представляла удобный поводъ говорить о немъ, а его достоинства, какъ человѣка и учителя, указывали въ немъ соперника искателямъ наградъ и повышеній. Иные, можетъ быть также, испытавшіе нѣкоторое униженіе при сравненіи себя съ Малиношевскимъ, какъ мало знающіе и лѣнивые, разсчитывались съ нимъ сплетнею и наговорами. Малиношевскій пользовался общею любовію учениковъ и уваженіемъ ихъ родителей,—придумали, что расположеніе это пріобрѣтено имъ унизительнымъ заискиваніемъ и либеральными идеями, проводимыми имъ на урокахъ передъ мальчиками; онъ былъ хорошо принятъ въ домѣ солиднаго поляка помѣщика, притомъ еще бывшаго почетнымъ попечителемъ гимназіи, давалъ уроки дѣвицѣ-полькѣ,—значитъ, пользовался довѣріемъ дамъ-полекъ,—удобный случай причислить его къ категоріи „полякующихъ". Тѣмъ лучше, что онъ семинаристъ, слѣдовательно, легко набросить на него тѣнь и разсказывать о немъ, какъ о провозвѣстникѣ и распространителѣ идей и стремленій нѣкоторыхъ, пользовавшихся тогда громкими именами ученыхъ и литераторовъ изъ семинаристовъ, а кстати можно прибавить, что онъ любитъ выпить, какъ и большинство тогдашнихъ русскихъ семинаристовъ. Солтановскій все же начальникъ и, при случаѣ, можетъ передать слышанное о Малиношевскомъ высшимъ властямъ, а, можетъ быть, и благоволитъ отозваться о благонадежности и достоинствахъ доносителей... Всѣ эти мелкія интрижки и махинаціи хорошо извѣстны и пережиты многими, долго служившими въ былыя времена, особенно въ періодъ раздачи разныхъ фермъ и земель въ Западномъ краѣ.

Все сказанное о Солтановскомъ излагаю я не въ цѣли осужденія его, а для разъясненія нѣкоторыхъ фактовъ, представляемыхъ имъ въ ложномъ свѣтѣ, и оправданія лицъ, несправедливо имъ осужденныхъ. Можетъ быть, авторъ записокъ, въ

сущности, остался такимъ же кроткимъ и добрымъ человѣкомъ, какимъ онъ являлся въ молодости, въ кругу товарищей; съ другой стороны, можетъ быть также, какъ чиновникъ, онъ былъ толковымъ и дѣятельнымъ исполнителемъ лежавшихъ на немъ обязанностей. Его записки—плодъ ложнаго понятія о своемъ значеніи и мѣрѣ своихъ силъ, которыя казались ему незаурядными. Такимъ образомъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, въ которыя писаны, какъ можно предполагать, его записки, онъ все оставался какъ бы недоразвитымъ, вслѣдствіе своей односторонности, и принадлежитъ къ категоріи тѣхъ лицъ, о которыхъ можно сказать, что имъ прощается многое, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ. Въ немъ не доставало ни того религіознаго чувства, которое заставляетъ добраго христіанина быть очень строгимъ и взыскательнымъ къ своимъ собственнымъ словамъ и дѣламъ, и въ то же время снисходительно относиться къ недостаткамъ и ошибкамъ ближнихъ, находя нѣкоторое оправданіе ихъ въ слабости природы человѣческой и окружающей средѣ, ни того объективнаго гуманнаго взгляда на явленія жизни и событія, который вырабатывается основательнымъ образованіемъ и философскимъ мышленіемъ. Въ своихъ запискахъ онъ остается мелкимъ дѣлателемъ карьеры, какимъ, можно полагать, былъ при жизни, унижающимъ всѣхъ окружающихъ его и выдвигающимъ на первый планъ свои подвиги и нравственныя совершенства.

Когда появились въ печати первыя главы записокъ Солтановскаго, мнѣ случилось слышать заявленія многихъ, что редакціи „Кіевской Старины“ не слѣдовало бы печатать и оглашать подобное литературное произведеніе, полное лжи и всякихъ измышленій. Полагаю, что это замѣчаніе не вполнѣ вѣрно. Если записки Солтановскаго и скудны показаніями о дѣйствительныхъ фактахъ, если въ нихъ смѣшивается правда и ложь, видѣнное авторомъ и слышанное отъ мало авторитетныхъ людей и такъ далѣе,—то въ то же время эти же записки, по своему характеру и содержанію, являются знаменіемъ времени современной Солтановскому эпохи, характеризующимъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей. Можно, напримѣръ, видѣть, до какой степени авторъ былъ не дальновиденъ и наивно простъ, если ему

не приходило на мысль, что сообщаемыми имъ свѣдѣніями, не полными и безсвязными, а также характеристиками, онъ гораздо больше вредитъ своей репутаціи, какъ человѣка и чиновника, нежели репутаціи тѣхъ, съ которыми ему случилось встрѣтиться на жизненномъ пути, которыхъ онъ рисуетъ въ такихъ мрачныхъ и непривлекательныхъ чертахъ.

Н. Г.

Дядько-землякъ.

(Разсказъ).

I.

Это было въ 188... году. Я ѣхалъ на каникулы на Волынь, и мнѣ предстояла въ Москвѣ обычная пересадка на московско-курскую желѣзную дорогу. Вокзалъ былъ полонъ пассажирами. Происходила обыкновенная сутолока, хорошо извѣстная каждому, кто ѣзжалъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Среди суетившихся на платформѣ пассажировъ я невольно обратилъ вниманіе на земляка. Его нельзя было не узнать. Да, это онъ!... Длинная, сѣрая свитка, наглухо закрытая на груди „на гентыкахъ:—виднѣвшіеся на шеѣ отвороты холстяной рубахи „зъ червоными стёнжками“; красный, широкій поясъ „зъ кутасами“, нѣсколько разъ обхватывавшій станъ;—грязныя, изъ бѣлаго полотна, широкія шаровары, запущенныя въ просторные „чоботы“ съ широкими отводами у колѣнъ;—наконецъ. четыреугольная шапка, просторная, суконная также „зъ кутасами“, свободно сидѣвшая на головѣ и закрывавшая ее до самыхъ ушей—все это слишкомъ хорошо говорило о той извѣстной странѣ, куда направлялся пассажиръ. Публика обращала вниманіе на его богатырскій ростъ, которымъ онъ выдѣлялся изъ толпы. „Изъ Подоліи, или изъ Волыни“... думалъ я, наблюдая за землякомъ, „какъ будто изъ Подоліи... но нѣтъ, впрочемъ, словно-бы изъ Волыни“... Но когда чрезъ нѣкоторое время я

увидѣлъ въ рукахъ „у дядька“ деревянную „люльку“ въ роговой оправѣ съ „бляшаной“ крышкой и „зъ дротомъ“ на шнурочкѣ, для чистки люльки,—а въ рукахъ „кресало“ и кремень съ губкой“,—я смѣло подошелъ къ рѣшеткѣ, у которой стоялъ дядько.

— Здоровеньки булы, земляче! Певне зъ Волыни?

Онъ тотчасъ-жъ вытянулъ изо рта люльку, неловко скомкалъ ее съ кресаломъ и губкой въ рукѣ, а другою снялъ съ головы четвероуголку и нѣкоторое время стоялъ, молча...

— Здоровы, кажу, булы! Чи не на Волынь-но оце часамы вы йдете?

— Та вже-жъ, въ Пеньково, ровеньского уизду...

— Я самъ зъ ровеньского уизду.

— Чи вже-жъ? Панычъ зъ ровеньского уизду? Онъ оглядѣлъ меня.

— Эге. Въ Пенькови десять разъ бувавъ. Добре знаю Пеньково.

Онъ разставилъ руки и нѣсколько секундъ стоялъ въ нѣкоторомъ удивленіи... Потомъ на его лицѣ появилась улыбка. Онъ уставился на меня и, казалось, глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Накладайте шапку; побалакаемо трохи,—я давно до дядька приглядуюсь.

— Эге... а я оце хочу люльку запалыть. Та не знаю, чи можна, бо щобъ часамы „*казны*“ не накрычалы. Онъ провелъ глазами на вокзальныхъ сторожей, шумно катившихъ по платформѣ на тачкѣ багажъ. Когда сторожа прошли, онъ снова началъ торопливо набивать трубку и кресать огонь.

— То панычъ также зъ волыньскои губерніи? переспрашивалъ онъ, энергично ударяя „кресаломъ“ объ „огниво“, какъ бы не вѣря моимъ словамъ.

Я кивнулъ въ знакъ согласія.

— И Пеньково знае?

Я опять кивнулъ... Онъ пожалъ плечами, отвернулъ голову въ палисадникъ за рѣшетку и началъ смѣяться тѣмъ смѣхомъ, который выражалъ и удивленіе, и радость.

— Я также зъ Пенькова, сказалъ онъ тронутымъ голосомъ и чуть даже не выпустилъ люльку изо рта, такъ трога-

тельно было для него воспоминаніе о Пеньковѣ, и такъ странно звучало это слово въ Москвѣ на курско-московской вокзальной платформѣ, среди чужихъ людей.

— А дядько звиткиль йиде?

Но онъ не слушалъ меня, погруженный въ воспоминанія.

— А чи не знаете-но вы, обратился онъ ко мнѣ, чи пеньковецькій Балабенько Иванъ вмеръ, чи ни?

— Ни, не знаю.

— Не знаете... А вже винъ старый чоловикъ бувъ. Дай Боже кожному стильки прожыты на свити Божому, скильки прожывъ Иванъ Балабенько въ Пенькови. Певне що вмеръ вже... бо я давно вже... Я зъ Сибири йду до дому.

Въ это время швейцаръ выкрикивалъ какой-то звонокъ. Дядько встрепенулся словно во снѣ, и лицо его приняло то возбужденно-тревожное выраженіе, съ которымъ я его засталъ при началѣ знакомства. Онъ схватилъ свои узлы и торопливо сталъ натягивать ихъ на себя, на плечи. Люлька опять выпала изо рта. Онъ растерянно ее подымалъ.

— Це певне намъ казны крычать?! спросилъ онъ.

— Ни, це не намъ, намъ поѣздъ еще не готовъ.

— Ще наша машына не прыйшла?

— Ни, ни... Я скажу колы прыйде. Не турбуйтеся... я скажу...

Онъ успокоился и сложилъ узлы опять у рѣшетки.

— Панычъ скажуть мени, колы наша машына прыйде, бо тыи казны (онъ указалъ на стоявшаго невдалекѣ жандарма) брешуть та морочать людей. Я вамъ скажу панычу (онъ взялъ меня за бортъ сюртука): то було въ Тюмени. Я хотивъ сидаты на машыну.., а казны не пустылы. Ей-богу... такъ машына и пишла безъ мене.

— Такъ и пишла?!

— Зепевне, що пишла... А я то такъ и зостався. Бо я йду зъ Сибири, назадъ, нибы до дому.

— Вы не переселенець часамы?

— Ни... Я по манихвесту вертаюся до дому. Царь мене оправдавъ. Вже мени, значится, срокъ выйшовъ.

— Вы въ ссылкѣ, значитъ, были?

— Эге, эге.., Двадцять и симъ литъ бувъ въ Сибири. А знаете за що?.. Ось я вамъ тепера все роскажу, якъ то це дило, значится, було. Це ще за Польшу, благословы Господы, треба начинаты...

Но время и условія разсказа были самыя неблагопріятныя. Проходившіе мимо пассажиры то и дѣло толкали насъ... При всякомъ крикѣ швейцара или жандарма, „дядько" обрывалъ свой разсказъ и требовалъ объясненія, „що то казны крычать? чи не намъ часомъ?" Дядько путался въ разсказѣ и мѣстами былъ не совсѣмъ понятенъ.

— Кто на Кіевъ—особые передніе вагоны! раздался голосъ жандарма вслѣдъ за первымъ звонкомъ.

— Оце то вже таки, я чую, казна закрычала намъ. Треба лизты на машыну. Я пиду зъ вамы, то буде безпечнійше.

II.

Когда скорый поѣздъ, выходящій изъ Москвы въ полдень, мчалъ насъ по живописнымъ пригороднымъ дачнымъ мѣстностямъ,—я уже слушалъ отъ дядька болѣе или менѣе связный разсказъ о его похожденіяхъ и объ обстоятельствахъ, приведшихъ его къ ссылкѣ.

— То, проше панычa, такъ було. Ще за паньщыну, якъ польщизна була въ нашій сторони. Служывъ я у помищика—пана Нортовскаго, що колысь то въ Славути маіонтокъ мавъ. Бувъ я въ его фурманомъ, коней доглядавъ. Бодай-бы не наврочиты на будуще житье,—добре мени въ его жылося: усего було досыть и панъ добрый. Маіонтокъ такій—го, го... (онъ покачалъ головой и махнулъ рукой, въ знакъ обширности помѣщичьяго имѣнія). Вже певне такіи маіонтки тепереньки на згадку пишлы, перевелыся... Хлиба скильки було, жыта, пшеныци, овса! Бувало якъ выстроить панъ на горбу стырты, то неначе якъ муры якіи стоять. Добре, лыхо-ма жылося!.. Такъ ни, чогось ще закортило: воевать, бачъ, захтилы, нибы бунтовать. Щось таке началося... Попрыизжалы якіись паны зъ Варшавы, та ним-

ци... Давай тее-сее, шуры-муры... „Подавай намъ, значить, стрельбу та саблю, будемо мы бытыся“. За́-що, по́-що,—хто ихъ тамъ розбере?.. Досыть того, що и я замишався въ те дило.

— Замишалыся?

— Замишався, бо безъ мене колысь а ніяке дило не робылося. Якъ Өедька Котыка нема, то и дило—не въ дило. То таке, бачите, дило було. Зъ самого началу, якъ нибы началася тая спотычка зъ панамы, я не мавъ ніякои думки, щобъ йты проты панивъ, бо мени добре жылося. Нехай соби воюють, а мени яке до ныхъ дило. Правда, змовлявъ мене панъ, щобъ я йшовъ въ польску службу, але мени не дуже... бо не кортыть. Багато тамъ польскихъ панивъ воевалося: панъ Рудницкій, панъ Овсяный, панъ Ружицкій, панъ Маршалокъ. То всихъ ихъ переловылы, та ще й якъ... Смихота една!.. Отъ, едного разу, якось такъ зранку, прысылають за моимъ паномъ, щобъ прыихавъ нибы въ гости въ Шепетовку,—„Ну, каже, Өедько, запрягай-но кони, бо поидемо“. Якъ поихалы, то вже не хутко вернулыся, бо то такіи булы гости: сыдило за столомъ начальство тай допрашувало, хто въ чому выноватый. Допытають едного—въ тюрьму, допытають другого—въ Сибирь, третёго—на каторгу. Доходыть дило до мене.—„А ты, пытають, чій?“—„Я, кажу, пана Нортовского“.—„Ну, кажуть, куды пишовъ панъ, туды и хлопъ“. Стритывъ я тоди свого пана тай кажу: „въ добры гости оце мы тепереньки попалы, не хутко зъ ныхъ выберемося“. То щожъ?! Пану завше лучше: посыдивъ трохи, поговорывъ зъ судьямы, похытровавъ щось тамъ, тай выпустылы его, а мене въ тюрьму.

Въ тюрьму?! За что-же?

Але почекайте бо-но, не перебывайте!—Старикъ замахалъ руками.

Я вамъ розскажу все. Ну, въ тюрьму той въ тюрьму, не велыка бида: въ тюрьми якось то люде жывуть. Отъ сыжу я въ тюрьми тай думаю: „панъ хоть воевавъ, нагулявся, тай той не въ тюрьми... а я и не робывъ ничого, не вжежъ мени сыдиты? Ни, ще не такый-то дурень Өедько Котыкъ, щобъ его тюрьма стрымала. Треба втикты“. Та не довго думаючи, якъ

вси спалы, розламавъ викно въ волости, розламавъ граты, що въ окни булы, тай высадывся... Опынывся я допиро геть ажъ въ заславскимъ уизди... Наши вже тоди пишлы проты панивъ и я также прыставъ. Погулялы трохи, нема що. Той посли вже мене зловылы ажъ въ острожскимъ уизди. Тай засудылы мене тоди казны ажъ на двадцять и симъ литъ.

— Сколько тебѣ всего лѣтъ? спросилъ чиновникъ, сидѣвшій невдалекѣ отъ дядька и тоже принимавшій участіе въ разговорѣ.

— О, вже Ѳедько Котыкъ чимало на свити швендается. А якъ бы вы оце думалы скильки мени литъ? обратился онъ фамильярно къ чиновнику.

Глядя на его крѣпкій, здоровый станъ, прямую, несгорбленную спину, живое лицо съ бойкими глазами, сидѣвшими въ глубинѣ лица, и густые, хорошо сохранившіеся волосы на головѣ,—каждый давалъ ему не болѣе 50—55 лѣтъ.

— Симдесятъ симъ годъ, сказалъ Ѳедько и обвелъ присутствующихъ своими маленькими чорными глазами. Видно было, что его не первый разъ спрашиваютъ о лѣтахъ и что его отвѣтъ всегда производилъ на слушателей извѣстное впечатлѣніе, что очень нравилось Котику.

— Ге, ге, чи то я такый колысь бувъ?! Онъ всталъ съ лавки и, сложивъ два кулака, представилъ, какимъ онъ нѣкогда былъ. Якъ муръ бувъ, крипкій якъ каминь. Бувало, якъ сяду на коня, то за якого козака вдававъ? Такихъ козакивъ мало було. Еденъ енералъ насъ стритывъ, якъ насъ велы, значить въ Сибиръ. Подывывся на мене, на мій зростъ, тай каже: оцего молодця якъ повисыты, то не кождая осына стрымае“...—„Ничого, кажу я, ще сыла не пропала; для вашои мылости, то не тра довго шукаты, бо кожная осына служиты-ме“...—„Що ты сказавъ, хаме“, пристае до мене.—„Ничого; казавъ, що для вашого благородія радъ стараться“.

Въ публикѣ стали смѣяться. Это подбодрило Ѳедька, и онъ охотно разсказалъ нѣсколько забавныхъ случаевъ своего удальства и молодечества. Во время этихъ разсказовъ его лицо совершенно преображалось. Воспоминанія молодили его. Образы минувшаго, нѣсколько заглушенные почти тридцатилѣтней ссыл-

кой, снова выплывали въ сознаніи... а мысль о родинѣ, съ которой были связаны эти воспоминанія и которую онъ такъ давно не видѣлъ,—придавала этимъ образамъ какую-то особую жизнерадостную прелесть. На лицѣ старика можно было безъ труда наблюдать яркія черты возбужденія, явившагося подъ наплывомъ воспоминаній: зрачки черныхъ глубокихъ глазъ быстро перебѣгали съ мѣста на мѣсто и спѣшили какъ бы договаривать языкомъ, брови надъ глазами то опускались, то подымались высоко подъ самый лобъ, то исчезали въ густыхъ складкахъ лба, когда шла рѣчь о какомъ-нибудь разбоѣ или несправедливости; усы, густою прядью висѣвшіе по обѣимъ сторонамъ рта, безпрерывно моргали, то растопыриваясь въ обѣ стороны въ горизонтальную линію, когда онъ смѣялся, то сходясь колесомъ,—когда онъ передавалъ что-нибудь серьезно и спокойно; на лицѣ появилась масса морщинокъ, которыя подъ вліяніемъ разсказа складывались въ самые разнообразные узоры. Онъ то и дѣло откладывалъ свои густые съ просѣдью волосы, падавшіе внизъ при наклоненіи головы... Руки при разговорѣ оживленно жестикулировали. Забываясь, старикъ то и дѣло дергалъ своихъ слушателей за бортъ сюртука, за шапку, за шею... Начавъ разговоръ, онъ уже не могъ сидѣть и безпрестанно вертѣлся во всѣ стороны. Когда разсказывалъ, его лицо било жизнью, страстью, увлеченіемъ, когда, наговорившись, онъ молчалъ,—то же лицо изображало спокойствіе и было олицетвореніемъ истино-малороссійской флегмы, невозмутимости. Эти взаимно-исключающія себя черты уживаются въ нѣкоторыхъ малороссахъ.

— Пидъ Мирополемъ, въ лиси... высыпала ихъ гибель, страхъ скильки... Идуть—спиваютъ: „Еще Польша не сгинела"... крычать, верещать... Тьфу, мара... Передній крычыть—„идземъ", задній крычыть—„почекай троху"; одынъ каже „прентко", другій—„кеды цѣнжко"... Въ тенъ часъ зъ пикету голосуе: „москáли идуть, до оренжа!".—„Але якъ-то, проше пана, до оренжа, кеды гербата недопита"... Тай почалося у ныхъ сраженіе... Той ружье заряжае, той гербату допывае, той до лясу втикае... а москали наступають.

И старикъ метался въ узкомъ проходѣ вагона, показывая наглядно, какъ происходилъ нѣкогда бой поляковъ съ москалями подъ Мирополемъ. Задравъ полы своего засаленнаго тулупа, онъ уже представлялъ, какъ ляхи до лясу бѣжали и какъ москали наступали, но въ это время вошелъ кондукторъ.

— Ваши билеты господа!

— Ой, почекайте-но, наивно возразилъ старикъ, отстраняя рукой кондуктора, ставшаго на дорогѣ дѣйствія польскихъ войскъ. Ну, то, якъ бачите, побралы воны вси свои самовары и перыны...

— Позвольте вашъ билетъ! настойчиво повторилъ кондукторъ, прямо обращаясь къ старику.

— Якій билетъ? возразилъ тотъ, держа фалды своей свитки и все еще не теряя надежды обстоятельно представить планъ военныхъ дѣйствій при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ вагонной обстановки.

— Я?! Звиткиль?! Зъ Тауйська, недалеко отъ Тауйська жывъ...

— Позвольте вашъ билетъ!

— Тожъ я вже показовавъ билетъ. Онъ опустилъ фалды. Лицо его измѣнилось: оно приняло прежнее выраженіе—равнодушное, скучное.

— Когда вы показывали?

— Та-жъ показовавъ, ще якъ йихавъ по машыни зъ Тюмени... ще тамъ казны не хтили мене пустыты на машыну...

— Доставайте билетъ, говорятъ вамъ... строго прикрикнулъ оберъ-кондукторъ.

— Оце лыхо... билетъ та билетъ...

Онъ началъ медленно развязывать большой узелъ, изъ котораго вытянулъ другой поменьше. Завязавши для безопасности первый на скорую руку, онъ принялся за второй, изъ котораго вынулъ третій, а изъ третьяго—четвертый. Кондуктора стояли надъ нимъ и ждали. Въ публикѣ смѣялись. Но дядько, не обращая ни на кого вниманія, меланхолично рылся въ своихъ узлахъ съ самоувѣренностью самаго аккуратнаго пассажира, точно знающаго, гдѣ что лежитъ въ его сложномъ багажѣ.

— Скоро-ли вы?...

— Ой, почекайте трохи... билета, та билета... говорилъ онъ, сжимая въ зубахъ тесьмы отъ узловъ и разбирая руками узлы. Кондуктора такъ и ушли, недождавшись билета.

— На обратномъ пути зайдемъ, сказали они.

А старикъ, порывшись еще минутъ десять, досталъ, наконецъ, мошонку небольшую, плоскую, крѣпко обвязанную ременными шнурками, и сказалъ:

— Отъ-теперъ буде и билетъ... А то все: „билета та билета"... Давай ему заразъ билета. Не бачивъ винъ бачъ билета—подавай ему заразъ... Нащо пороты таку горячку, колы можно тыхесенько, гарнесенько сказаты, по людски...

Придерживая рукой всѣ свои узлы, онъ въ другой рукѣ держалъ билетъ и ждалъ кондуктора. Кондукторъ посмотрѣлъ билетъ и велѣлъ убрать узлы подъ лавку.

— Не треба, возразилъ старикъ, и тутъ имъ добре.

— Уберите, говорятъ вамъ, приставалъ кондукторъ.

— Хиба воны вамъ смердять, чи що? возразилъ Ѳедько, продолжая обратную процедуру завязыванія узловъ.

— Уберите подъ лавку, тутъ имъ не мѣсто.

— Имъ и тутъ добре, отвѣчалъ невозмутимо нашъ пеньковецъ изъ Волыни и остался таки при своемъ. Сколько ни просили его послѣ этого вновь прибывавшіе пассажиры убрать съ лавки узелъ, занимавшій порядочное таки мѣсто,—старикъ не уступалъ, отговариваясь тѣмъ, что они не смердятъ. Пассажиры только пожимали плечами и оставляли чудака-старика въ покоѣ, подъискивая себѣ другое мѣсто. Впослѣдствіи они вступали въ число слушателей Котика, разсказы котораго были развлеченіемъ скучающей публики.

— Чи можно тутъ запалыты? спросилъ онъ меня въ полъголоса, отзывая къ окну.

— Ни, тутъ не можно, а въ тому отдѣленіи—можно... або не площадку идить.

— А тутъ казны не позволять?

— Тутъ нельзя. Написано—„курить воспрещается".

Большого труда стоило мнѣ уговорить старика сходить на площадку и покурить. Убѣдившись, что вещи его въ вагонѣ не пропадутъ, а „казны“ ничего не имѣютъ противъ куренія, онъ вышелъ на площадку... Скоро оттуда чрезъ двери потянуло такимъ необыкновеннымъ запахомъ, что, когда дядько вернулся, его сейчасъ засыпали вопросами: гдѣ онъ досталъ такого табаку? какъ онъ называется? по чемъ фунтъ? Оказалось, что это не простой табакъ, а китайскій—самый лучшій. Хотя этотъ табакъ и отдавалъ нѣсколько сушеною малиною, тѣмъ не менѣе Ѳедько готовъ былъ пойти объ какой угодно закладъ и побожиться чѣмъ угодно, что это самый лучшій сортъ... Доказательствомъ служило то обстоятельство, что сѣмена этого „тютюну“ Котикъ везъ даже въ Пеньково, ровенскаго уѣзда „на росплидъ“.

III

Показалось Царицыно съ своими причудливыми развалинами стариннаго замка и роскошными прудами въ долинахъ. Старинный, красивый мостъ, перекинутый чрезъ прудъ, соединялъ два берега, утопавшихъ въ богатой растительности. Картина была очень хороша. Я обратилъ на нее вниманіе дядька.

— Этъ, замѣтилъ онъ, то зовсимъ ничого... и скептически покивалъ головой. Отъ на Волыни замки—такъ замки... Я ще малый бувъ, то мы колысь бигалы кругомъ замка. Ото бувъ замокъ! А це—зовсимъ ничого.

Не удостоивъ своимъ вниманіемъ красивые царицынскіе виды, дядько тѣмъ не менѣе, по примѣру пассажировъ, глядѣлъ въ окно.

— Якъ называется ця ричка? спросилъ онъ.

— Это не рѣка, а пруды.

— А млынъ тутъ е?

— Нѣтъ...

— Гмъ... Нащо-жъ сей прудъ, колы млына нема? Що винъ вартъ?

При мысли о прудѣ, *запрудѣ*—у Котика всегда возникало представленіе о мельницѣ, для которой сооружена запруда.

Пассажиры смѣялись. Дядько недоумѣвалъ.

— А рыба въ ему е?

— Конечно, есть.

— А яка рыба?

Но на этотъ вопросъ никто не могъ удовлетворить дядька отвѣтомъ. А дядьку очень хотѣлось узнать, „чи водятся тутъ сомы, або марена, або карпы“?.. Никто не отвѣчалъ. Тогда дядько назвалъ еще нѣсколько породъ извѣстныхъ ему рыбъ... и, вообще, онъ обнаружилъ такое знаніе въ области рыбнаго царства, что оставалось только спросить, ужъ не рыбакъ ли онъ?

— Та ще-й якій? О го-го... щобъ вы зналы... Одъ мене ніяка рыба не втиче. Якъ ще я бувъ въ Пенькови, то бувало вси казалы: щастлыва та рыба, що втиче отъ Ѳедька Котыка. Не дарма мене прозвалы „котыкъ“. Я таки добрый котъ. О го-го... Скильки я переловывъ сомивъ... А вы думалы?!

Дальше слѣдовало обстоятельное перечисленіе породъ рыбъ, пойманныхъ Ѳедькомъ Котикомъ, сопровождавшееся въ видѣ иллюстраціи разсказами разныхъ эпизодовъ и происшествій рыбной ловли. Судя по разсказамъ, Котикъ былъ первый рыболовъ не только въ Пеньковѣ, но и въ Тауйскѣ, а, пожалуй, даже и въ цѣлой Сибири, потому что самъ „енералъ“ нѣсколько разъ приказывалъ Котику ловить рыбу въ Охотскомъ морѣ.

— Безъ мене тамъ ничого не вышло-бы, бо я таки добре знаю, де годытся тоню затянуты, а де—тильки плюнь да оступыся.

Дядько не намѣренъ былъ оставлять и въ Пеньковѣ рыбной ловли.

— Тамъ у насъ и озеро, и ричка есть... Куды цему озерови, що мы проихалы! Тьфу, що це за озеро... Отъ, въ Пенькови—мое почтеніе, що озеро-то озеро, и ричка зъ озера йде по лугамъ, и млынъ стоить; Павло Шевчукъ бувъ мелникомъ... добрый бувъ чоловикъ, царство ему небесное, бо певне вже вмеръ, старый бувъ, якъ мене взялы въ Сибиръ. То винъ бувало также зо мною рыбу ловывъ. Скильки мы зъ нымъ рыбы переловылы, страхъ сказаты!

— Вы и теперь рыбу будете удить, когда пріѣдете на родину?

— О, запевне що буду, колыбъ Господь Богъ сподобывъ добраться. Въ мене наветь амурскіи гачки есть. Самыи крашчіи гачки, бо амурскіи гачки—то самыи наикрашчіи на всю Россію. Ось я вамъ заразъ покажу.

Не смотря на то, что никто изъ присутствовавшихъ не заявилъ сомнѣнія на счетъ доброкачественности амурскихъ рыбныхъ крючковъ, Котикъ счелъ нужнымъ раскрыть опять свой багажъ и показать большіе, острые съ „зарубинами" крючки, ничѣмъ по существу не отличавшіеся отъ обыкновенныхъ, не амурскихъ крючковъ.

— О, це амурскіи, сказалъ онъ и затѣмъ началъ опять длинное связываніе узловъ.

— А вы въ Сибири на службѣ были гдѣ-нибудь?

— А бувъ. На таможни, въ магазынахъ служывъ. Тамъ багато магазыновъ всякихъ. Сторожомъ бувъ, гроши зароблявъ и земли шматокъ мавъ, оброблявъ, то зъ того также жывъ... тай зновъ-же рыбу продававъ. Этъ, жылося не що, добре таки.

— Зачѣмъ же вы назадъ ѣдете? остались бы тамъ?

— Ни, неможна. Треба до старои йты, бо вона безъ мене ничого не зробыть. Сыротою писля мене зосталася.

— А вы бы выписали себѣ свою старую туда, въ Сибирь...

Старикъ долго не могъ сообразить, что такое „выписать", потомъ сосредоточенно отвѣтилъ:

— Ни, не годытся... бо, якъ-то кажуть: „ридне село—святе кубло"...

— То-то рада будетъ стара?

— Эге, запевне що зрадіе, давно не бачивши.

— Дядько писалъ, що ѣдетъ?

— Эге, пысавъ.

— Должно быть — не узнаетъ дядька, перемѣнился за столько времени?

— Може зъ першои мынуты и не познае, запевне, що таки трохи перемtriныся.

— То якось позаторикъ, продолжалъ дядько послѣ нѣкотораго молчанія, до насъ въ Сибиръ прыйшлы зъ Волыни, зъ Подоли, зъ Кіевщины: багато ихъ тоди щось прыйихало. То воны

заразъ мене спизналы, а я ихъ... мы стритылися—якъ нибы браты ридніи. Я ихъ заразъ спытавъ, чи взялы воны волыньскихъ симянъ до пашни... бо якъ прынесты сюды волыньскихъ симянъ, то буде певный урожай. Якъ взялы, то не пронадуть, бо наши—не дурни, до праци охочіи... а волыньскіи симена—то самыи лучшіи; якъ посіешь ихъ на чужій земли, то таке вродытся що и годи. Оце напрыкладъ жыто (онъ указалъ чрезъ окно на зеленѣвшую рожь тульской губерніи),—чи-жъ тамъ таке зобачишь?! Ни, крый Боже... тамъ жыто-таке жыто, мое почтеніе: колосъ—якъ сажень, та густый такый и повный, до земли гнется...

— Скучно было за родиной?

— Скучно-то скучно, нема що... Але проте и нашихъ тамъ багато... есть зъ разныхъ губерній. Ихъ тамъ тысячи...

— Хорошо имъ живется въ Сибири?

— Хто коло пашни бувъ, то тому добре: визьме соби шматокъ земли, тай робыть такъ, якъ нибы и дома. А хто шолтай-болтай на фабрыкахъ тамъ всякихъ, тому добро не везе. Бо на фабрыкахъ, скажу я вамъ, гроши дурныи... Нехай ще нашъ почикае на фабрыку, нехай походыть перше зъ плугомъ, зъ раломъ, та бороною,—то и добре ему буде; а хто пишовъ на фабрыку, той безпреминно буде въ карты граты, гуляты... Фабрыка до добра не доведе. А робыты землю въ Сибири добре: земля тамъ ривна, якъ вода и чистая такая... Кепсько тильки, що хата видъ хаты трохи далеко; але то не що...

— Какъ на вашихъ тамъ смотрѣли: дружелюбно относились къ вамъ—хохламъ?

— Чому?! Къ кому дружелюбно, а къ кому—не дуже. Але проте нашихъ тамъ поважають, люблять; бо нашъ братъ до роботы дуже здатный;—зъ торбою въ чужій сторони нашъ не пиде: зо всихъ сылъ буде выбыватыся, а зъ торбою просыты мылостыны не буде...

— А однако въ Малороссіи сколько нищихъ?

— То въ Малороссіи—то зовсимъ друге дило... то мижъ своимы... Мижъ своимы не грихъ хлиба просыты. Въ насъ такъ: „хто надъ чужимъ окномъ хлиба прохае, той свою ридню вы-

клыкае"... заключилъ старикъ поговоркой, наставительно кивая головой.

— А чужа сторона, продолжалъ онъ,—лыхая ридня. Тамъ самая лучшая ридня—крипкіи плечи да руки. Якъ не маешъ отъ-цего (онъ подтянулъ плечи и выпрямилъ руки),—то и ридни въ тебе нема на чужій сторони. Правду Өедько Котыкъ каже, чи ни?—обратился онъ снова полусерьёзно, полуфамильярно къ чиновнику.

— Правда. А китайцевъ вы видѣли?

При воспоминаніи о китайцахъ старикъ залился громкимъ простодушнымъ смѣхомъ. Всѣ сошлись у его лавочки.

— Оце то доппро вы мени згадалы... Хо, хо, хо... Це такъ люде, що безъ смиху то и згадаты про ныхъ грихъ. Китайци... Хо, хо, хо... и чортъ ихъ видае, пробачайте за выпадокъ такого слова, яка дурна маты ихъ народыла... Ей-богу... Це не люде, а якіись мыши тай годи, дальби... Таке мале (онъ поднялъ руку и протянулъ её горизонтально къ своей груди), а таке худе, а таке дурне... та ще й зъ косою... Дальби: коса зъ заду теліпается. Я якъ першій. разъ зобачивъ того китайця, то я на впрысядки реготавъ, не мигъ стрыматыся видъ реготу. И не нащо воно не здатне: линыве таке, робыты не хоче ничогисенько, а йисты, лыхо-ма, любыть. Поки стоишь коло его зъ палкою, то буде робыты, а якъ одвернувся, то и китаець вже переставъ робыты, вже лопоче щось по своему: „тху, чху, якъ, дзянь"... Такый народъ!

— А йисты любыть,—продолжалъ старикъ послѣ нѣкотораго перерыва,—о, що любыть, то любыть! За столомъ дурня зъ себе не строить. Ну, то все таки, сказавши: йисть по людски, якъ треба, а сыдиты за столомъ не вміе. Сяде на землю, ноги пидъ себе пидложить, тай лопае... Ты ёму поставь цилого барана, то два-три китайця зъидять и хвоста ще облыжуть та спытають, чи нема-но часомъ чого-небудь на закуску. Такый народъ!

Особенно возмущенъ былъ дядько неумѣніемъ китайцевъ хозяйничать.

— Воны тильки кпятся надъ землею, ей-богу... Богъ давъ имъ таку землю, а воны тильки кпятся надъ нею. Ось, напрыкладъ, я вамъ роскажу, якъ воны зъ поля збирають. Выросте въ ныхъ така пшеныця що и годи... то воны, думаете, що? Визьмуть палки, да тымы палкамы збывають зерно пшеныци; а щобъ зерно не пропало, то воны постылають таке довге рядно по рилли, нибы якъ покосъ; да въ те рядно и збывають зерно... Ото дурны. Якъ ихъ ще свята земля носыть, такихъ дурнивъ? Чи вы знаете, въ ныхъ навить воза нема, ей-богу нема (старикъ оживленно сталъ бить себя въ грудь и божиться. Отсутствіе возовъ у китайцевъ, это, по его мнѣнію, представляло собою такое необыкновенное явленіе, которое могло быть удостовѣрено только клятвами). Якъ мы прыйшлы туды да наробылы возивъ, то орда (такъ онъ сталъ называть китайцевъ) прыходыла дывытыся, що то воно таке: дывытся спереду, ззаду, прысядае внызъ, що то воно таке, на колесахъ... Этъ, дурни, тай годи! Або дрова... визьме колоду, обвяже виревками, або ланцугомъ тай волоче по земли. Смихота...

И при этомъ старикъ очень оживленно показывалъ для наглядности, какъ китайцы тянутъ бревно изъ лѣсу, какъ оглядывали они возы малороссовъ, какъ сбиваютъ збоже палками и т. п. По недоразумѣнію доставалось тутъ по нѣсколько толчковъ близь стоящимъ слушателямъ, случившимся какъ разъ „на рилли“, по которой „орда“ колотитъ палками рожь...

Большей сравнительно симпатіей Котика пользовались японцы, которыхъ онъ называлъ „ляпонцямы“, а страну—„Ляпоніей“. Хотя, по словамъ старика, „рожа у ляпонцивъ не злучше, якъ у китайця, така, що визьмы плюнь та, перекрестывшись, отступысь“, но они трудолюбивы, у нихъ даже батюшки и церкви есть; „воны, по замѣчанію старика, колысь мають буты людьми; зъ ныхъ таки мусять выйты люде... Въ нихъ, та въ американъ, та въ англичанки—таможни хороши и корабли хороши... а китайська таможня ницъ не стоить. Китай—орда... То якъ прыйидуть американскіи корабли, або зъ Ляпоніи, або англичаньскіи, то заразъ кажуть—нехай прыйдуть хохлы, або поляки до роботы“... То мы и заробляемо гроши. Тамъ

можно по три рубли въ день заробыты. Нашимъ тамъ таки добре було... ба робыты вміють. А другому дай злото, то выйде блото.

Зашла рѣчь о войнѣ Китая съ Японіей. По ходу разсказа предстояло разсказать, какъ китаецъ идетъ на войну и начинаетъ сражаться. Уже Котикъ разставилъ полы своего кафтана и собирался натягивать лукъ... какъ опять явились кондуктора. Публика разступилась. Дядько остался на срединѣ въ позѣ сражающагося китайца.

— Чего ты мечешься? спросилъ его кондукторъ.

— Ну, або що?

— Сиди!

— Або що?

— Мѣшаешь публикѣ проходить.

— Ну, або що?..

— Я тебѣ говорю—сиди на своемъ мѣстѣ.

— Або що? съ невозмутимымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Котикъ. Хиба и васъ кортыть? Чи що?

— Ото лыхіи казны, замѣтилъ старикъ, по уходѣ кондукторовъ, полуудивленно глядя нѣкоторое время на дверь, скрывшую „казны", при общемъ смѣхѣ публики.

— Должно быть вамъ „казны" очень надоѣли? спросилъ сосѣдъ дядька.

— О-о!.. И не пытайте...

IV.

Поѣздъ мчался. Проѣхали уже Тулу. Вечерѣло. Въ нашемъ вагонѣ сѣли новые пассажиры. Бравый купчина тулякъ, усѣвшись на кончикъ лавки, отдуваясь, расчесывалъ свою бороду и осматривалъ своихъ сосѣдей. Съ нимъ ѣхало нѣсколько товарищей. Щупленькая, тоненькая барынька съ худосочной дѣвочкой-дочерью усѣлась у дверей на оберкондукторскомъ мѣстѣ и глядѣла въ окно съ рѣшительнымъ видомъ не заводить ни съ кѣмъ знакомства и не разговаривать. Четыремъ нѣмцамъ работ-

никамъ не хватало мѣста, и они кое-какъ „примостили“ свои вещи, а сами стояли. Всѣ эти пассажиры сѣли въ Тулѣ и, не смотря на неудобство своего положенія, были довольны, что имъ удалось занять мѣстечко въ биткомъ набитомъ пассажирами поѣздѣ. Прибытіе новыхъ лицъ внесло нѣкоторое оживленіе въ среду успѣвшей уже соскучиться старой публики. Мѣсто дядька было занято купцомъ...

— Нащо вы уступылы свое мисце? спросилъ я Котика, стоявшаго съ своими узлами у окна.

Винъ, бачте, якій гладкій та грубый... то щобъ зъ нымъ, бодай чого въ дорози не прыключилося... Нехай, небoрака, поседыть трохи, а Котыкъ и такъ постоить, отвѣчалъ старикъ, сочувственно глядя на купца, съ котораго отъ жары катились крупныя капли пота.

Новые пассажиры сайчасъ же познакомились съ дядькомъ и опять полились разсказы о польскихъ бунтахъ, о китайцахъ, „ляпонцахъ“, американахъ и амурскихъ „гачкахъ“. Старикъ разсказывалъ замѣчательно охотно и готовъ былъ повторить одно и тоже для каждаго новаго слушателя, и замѣчательно, по мѣрѣ того, какъ онъ разсказывалъ, въ немъ возростало увлеченіе. Говорилъ онъ все старыя исторіи, хорошо извѣстныя прежнимъ пассажирамъ, но говорилъ съ такими прибаутками, поговорками, такъ увлекательно и съ такими жестами, что и слушавшій уже дядька охотно вступалъ отъ нечего дѣлать въ число новыхъ его слушателей.

— Какъ ты, братецъ ты мой, попалъ въ Сибирь? спросилъ его толстый купецъ, немножко оправившійся отъ духоты въ вечернемъ воздухѣ, наполнившемъ вагонъ свѣжестью.

— Якъ попавъ?! Гмъ?!.. Хиба-жъ то такъ трудно?! Графы, князи, та всяки купци попадають, а то щобъ Ѳедько Котыкъ не попавъ?! А купцивъ то тамъ таки занадто багато...

Купецъ ухмыляется, соображая малопонятныя для себя малороссійскія слова, гладитъ бороду и задаетъ чрезъ нѣкоторое время новый вопросъ.

А что, братецъ ты мой, холодно въ Сибири?

Якъ кому! отвѣчаетъ Котикъ. Кому то дуже холодно, а кому то и занадто наветь тепло. Купцямъ всюды теплесенько.

Ну, а тебѣ каково было?

Ничого..: часамы морозы бувалы, нема що казаты.

Гмъ... да!.. мурлычитъ про себя купецъ и соображаетъ, что-бы такое еще спросить.

Что-же, подаркй ты роднымъ-то везешь?

Якіи тамъ подарки?! Намъ неможна подаркивъ носыты, бо въ Сибири, на дорози такъ злодіи оберуть, що й лышенько... Всякого оберуть, а особлыве купцивъ... Ще нашъ часамы прошмыгне, ну, а вже купцю то таки спуску не дадуть, зъ товарамы не попадайся, бо до сорочки оберуть. Я памятаю, не довго, позаторикъ, одного купця...

И онъ разсказалъ одинъ изъ частыхъ въ Сибири случаевъ ограбленія проѣзжавшаго чрезъ тайгу купца, на большой широкой дорогѣ.

Купецъ, наконецъ, соображаетъ, что камешки бросаются прямо въ его огородъ и перестаетъ разспрашивать, сохраняя позу сонливаго, утробно-благодушествующаго человѣка, у котораго кромѣ интересовъ наживы есть еще сильная потребность всхрапнуть. Но такъ какъ обстоятельства не благопріятствовали осуществленію этой потребности, то купецъ долго крѣпился, искусственно поддерживая въ себѣ бодрое настроеніе духа. Вскорѣ онъ, впрочемъ, совершенно ослабѣлъ и наклонялъ свою отяжелѣвшую голову то къ одному сосѣду, то къ другому, то опускался головой впередъ себя межъ лавочекъ...

— Проше пана, дайте ему мисце; бачите бо, що чоловикъ хоче спаты. Тай дуже жъ винъ ослабнувъ... Посуньтеся-бо, сталъ просить Котикъ пассажира, сидѣвшаго рука объ руку съ дремавшимъ купцомъ. Но пассажиръ, къ удивленію Котика, отказалъ въ прозьбѣ.

— Посуньтесь-бо таки...

— Вамъ-то что до него?

— Та якъ-же то можно: такій чоловикъ, та щобъ не даты ему спаты?! Ще хто знае, чи дойиде винъ до дому такій? Онъ указалъ на купца. Тотъ положительно давилъ своего сосѣда,

склонившись къ нему на плечо, словно шепча ему что-то на ухо. Шея у него была красная. Губы отвисли. Онъ тяжело храпѣлъ. Животъ сильно выдался впередъ.

Котикъ безъ шутокъ хлопоталъ объ удобствахъ для купца. Онъ, по своей наивности, не уничтоженной двадцати-семилѣтнимъ пребываніемъ въ Сибири, не могъ понять, какъ можно было не дать спать *такому* человѣку; и долго—забавлялъ пассажировъ своей наивной просьбой уступить ему „банкетку", какъ онъ почему-то называлъ лавочку для сидѣнія. Ѳедько успокоился только тогда, когда на одной изъ станцій купецъ вышелъ. Онъ даже помогъ ему вещи выносить, приговаривая вслѣдъ: хвалыты Бога, що здоровеньки прыйихалы, ото вдома будуть радесеньки... бо дорога—бардзо не певна ричь. (Замѣчательно, что для выраженія серьезной мысли, Котикъ иногда прибѣгалъ къ польскимъ словамъ и выраженіямъ). Купецъ только пыхтѣлъ.

Вернувшись въ вагонъ, дядько сѣлъ опять на свое прежнее мѣсто и чрезъ нѣкоторое время снова началъ разсказывать нѣмцамъ, какіе въ Сибири заводы и фабрики и про китайцевъ... Нужды мало было въ томъ, что нѣмцы мало его понимали, а мѣстами даже вовсе не понимали. Онъ все таки разсказывалъ имъ, трепля ихъ за фалды и просаленные жилеты. Но на этотъ разъ договоривъ до пункта объ аппетитѣ китайцевъ, онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь замѣчаніемъ:

— Оце, не будь дурень Ѳедько Котыкъ, то и поисты ему, здается, треба... бо въ Пенькови то давно вже о сю пору повечералы й Богу помолылыся...

Онъ снялъ шапку, откинулъ назадъ упавшіе волосы, развязалъ узлы, досталъ громадный кругъ хлѣба,—чернаго и черстваго,—и, перекрестившись, сталъ его рѣзать и ѣсть—медленно, „смакуючи, щобъ", какъ онъ выразился, „чутно було, якъ кожный ковтокъ погибае". Кто-то, замѣтивъ, что чрезъ нѣкоторое время половины хлѣба словно какъ и не бывало,—сказалъ, что у него аппетитъ не хуже, чѣмъ у китайца.

— Лучше... отвѣтилъ старикъ, жуя полный ротъ хлѣба,—куды имъ чорномазымъ!.. Орда.

Ему предложили бѣлаго хлѣба, колбасы... Онъ ни отъ чего не отказывался. Все принималъ съ благодарностью, крестясь. И все „погибало“ въ его желудкѣ.

— Оце, тепереньки скажемъ, якъ трошки подъивъ, то и кишки въ животи у старого нибы заворушилыся... сказалъ онъ въ заключеніе своей трапезы, звязывая небольшой кусокъ оставшагося хлѣба въ узелъ. Сосѣдъ удивился, что онъ такъ много съѣлъ хлѣба.

— Этъ, чи то мы ще такъ вечераемо?! Хиба-жъ я працювавъ, щобъ мени вечераты, якъ треба? Колы-бъ то вы мене забачилы на роботи, то тоди бъ сказалы, якъ-то Өедоръ Котыкъ вміють вечераты.

Онъ даже заигралъ губами, воспоминая свои заслуженныя работой ужины.

— А це що? Тилько, пробачайте, кишки подразнывъ трохи, щобъ... не зацвилы.

Послѣ ужина дядько разсказалъ намъ про Березовскаго, который у самого царя Александра „при собственной его персони“ за однимъ столомъ обѣдалъ и ужиналъ и который потомъ измѣнилъ ему, перешелъ на сторону поляковъ и былъ предводителемъ мятежниковъ.

V.

Настала ночь... тревожная, непокойная, какъ всегда въ вагонѣ... Всѣ, кому удалось занять въ вагонѣ побольше мѣста, пытались, наперекоръ всѣмъ неудобствамъ, заснуть, и словно въ судорогахъ жались на своихъ маленькихъ неудобныхъ лавочкахъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Три нѣмца склонились головами другъ другу на плечо и спали. Барынька, сидя въ углу, дремала, держа на колѣнахъ головку своей спящей, разметавшейся во снѣ, дочери. А чиновникъ пытался свести свою голову почти къ самимъ колѣнамъ и превратить, такимъ образомъ, мѣсто своего сидѣнія въ кровать... но напрасно...

Одинъ дядько не дремалъ. Онъ давно уступилъ свою „беньketку“ нѣмцу, а самъ стоялъ у окна около своего узелка. Хотя онъ смотрѣлъ въ окно, но едва-ли что могъ разсмотрѣть въ тем-

нотѣ. Онъ думалъ—сосредоточенно и самоуглубленно. И въ такомъ положеніи онъ могъ стоять долго, забывая усталость. Порою онъ поворачивался къ спящимъ и, взявшись рукой за верхнюю полку, окидывалъ ихъ общимъ взоромъ и словно сострадалъ ихъ конвульсивнымъ попыткамъ заснуть.

— Не спитъ старикъ, говорили пассажиры, нервно поворачиваясь и глядя на неподвижную фигуру колосса-дядька, какъ-бы замершаго въ своемъ наблюдательномъ положеніи.

— Словно солдатъ на часахъ. Бодрый старикъ!

— Отъ спить-но, спить... бо хутко ничь перейде, то не буде колы и спаты, раздавался грудной добродушнцй баритонъ дядька, взявшаго на себя добровольную опеку заботитъся о снѣ пассажировъ.

Прекращеніе обычнаго шума колесъ и возня въ вагонѣ пробудили меня. Было два часа ночи. Мы пріѣхали въ Курскъ. Значительная часть пассажировъ и въ числѣ ихъ нѣмцы—пересаживались въ другой конецъ на Воронежъ. Котикъ помогъ имъ высадиться, напутствовалъ ихъ всякими благожеланіями. Новыхъ пассажировъ прибыло не много. Нѣсколько лавочекъ оказалось совершенно свободныхъ.

— Чому вы, дядьку, не займете беньketки?.. тажъ вона зовсимъ свободна, сказалъ я, вытягиваясь на своей лавочкѣ и указывая на сосѣднюю, пустую.

— А хиба нихто не буде спаты?

— Ни...

— А може дальше ще хто сяде, то нехай... Онъ спить-но! Повелительнымъ тономъ заключилъ разговоръ дядько, считая его совершенно излишнимъ.

Черезъ минуту я уже слышалъ, какъ старикъ говорилъ новому пассажиру о сибирскомъ „житьи“. Онъ по обыкновенію начиналъ съ земледѣлія...

— Яке тамъ жыто... американы, ляпонци... таможни, магазыны... можно заробыть три рубли... доносилось до моего уха.

„Теперь должно слѣдовать о китайскомъ хлѣбопашествѣ, потомъ о волынцахъ переселенцахъ и сѣменахъ волынскихъ“... подумалъ я. Такъ и есть...

— Орда, чиста орда... дурны... йидять тыльки добре... амурски гачки...

„Будетъ ли показывать гачки?.. Должно быть не будетъ... Нѣтъ, показываетъ... Теперь о Пеньковѣ“...

— А скажите, какъ вы попали туда? спрашиваетъ пассажиръ.

— Въ Сибирь?!. Чижъ трудно туды попасты? Началъ старикъ..,

„Сейчасъ, думаю, будетъ говорить: „графы, князи попадаютъ“... но нѣтъ“...

— Попасты туды не трудно, а выбратыся то—трудно... Якъ то кажуть: „попасты—отъ напасты, а выбратыся—отъ милости“. Такъ и то... Я по манихвесту... и т. д.

Пассажиръ стоялъ, мало понимая сказанное. Старикъ держалъ его за пуговицу. Его рвало къ разсказу, и, разъ начавши говорить, онъ уже не могъ остановиться.

„Удивительно словоохотливый старикъ“, подумалъ я, снова засыпая подъ шумъ колесъ и знакомые разсказы, отрывками доносившіеся до моего уха.

Толчекъ—опять остановка. Разсвѣтало. Новый пассажиръ давно спитъ. Дядько сидитъ на краешкѣ лавочки и смотритъ въ окно. Онъ словно ждетъ моего пробужденія.

— Вже тополя пишла! тихо говоритъ онъ, нагибаясь ко мнѣ и указывая рукой на широкоствольныя рослыя тополи, съ трехъ сторонъ окутывающія станціи кіево-курской желѣзной дороги и привѣтливо наклоняющія свои верхушки къ поѣзду. Вдали межъ тополями за станціей виднѣлись богатыя черноземныя поля. Отблескъ утренней зари разогналъ ночной полумракъ вагона и легъ блѣднымъ свѣтомъ и на изможденныхъ лицахъ спавшихъ пассажировъ. Пассажиры не столько спали, сколько мучились. Непреодолимая естественная потребность сна заставляла ихъ переживать самыя невозможныя положенія...

Скоро совсѣмъ разсвѣло, и настало утро. Въ вагонѣ пошла своеобразная жизнь: неприхотливая, торопливая... Кто приводилъ въ порядокъ свою импровизированную постель и зѣвалъ такъ, что еле могъ стоять на ногахъ, а кто спѣшилъ съ же-

стянымъ чайникомъ на вокзалъ. На всѣхъ лицахъ замѣтны были слѣды безпокойно проведенной ночи. Одинъ Котикъ былъ неуязвимъ. Надъ нимъ сонъ словно не имѣлъ силы. Онъ былъ бодръ, какъ будто только-что сѣлъ на предыдущей станціи въ вагонъ. Я съ новымъ любопытствомъ смотрѣлъ на него: какъ статуя стоитъ старикъ у окна, глядитъ... и ни одна жилка не дрогнетъ у него на лицѣ. Онъ словно застылъ. Это былъ уже не вчерашній, новый человѣкъ.

— Що такъ стоите, дядьку?

— Думы думаю, отвѣтилъ онъ, кивая головой. Якъ то жыты мени теперь прыйдется. Зосталося въ мене тамъ тры сыны. Едного взялы въ москали. Той вже давно выслужився; а двое вже поженылыся, побралы жинокъ, господарують... Една моя стара зосталася. Не знаю, якъ-то ій тамъ жыветця...

При воспоминаніи о старухѣ, у дядька въ рѣчи зазвучала особая нотка, какой не было, когда онъ разсказывалъ о „ляпонцахъ и американахъ“. Что-то наивно-любящее, старчески-трогательное слышалось въ тонѣ этой рѣчи у старика, полнаго живыми, сантиментальными воспоминаніями. Онъ даже понизилъ голосъ, не желая, чтобы постороніе слышали объ обстоятельствахъ его семейной жизни. Къ старику положительно тянуло. Я не могъ оторваться отъ обаянія, производимаго его рѣчами, и рѣшилъ поближе познакомиться съ нимъ, поговорить...

— Щожъ дядька такъ безпокоить?

— Не знаю я, который зъ сынивъ мене прыйме... бо и въ того, и въ того есть вже диты. Може будуть нарикаты, що я дарма въ ныхъ буду хлибъ йисты; але я ще крипкій, буду робыты: и косыты, и молотыты... и... и... хто ихъ знае... якъ... тее... нибы... я...

У Котика на глазахъ неожиданно показались капли слезъ. Но не желая малодушествовать предъ неизвѣстнымъ для себя человѣкомъ, хотя-бы и землякомъ, онъ скоро оправился: сильно потянулъ носомъ, замигалъ рѣсницами, прогоняя набѣжавшую слезу, высморкался, уставился въ окно и началъ говорить о постороннемъ.

— Отъ-тутъ певне добра земля, сказалъ онъ, кивнувъ головой въ окно и неудачно глотая слюну, которая не шла въ горло...

— Отъ незнать чого такъ зажурылыся: диты запевне що прыймуть батька... Стильки литъ не бачилыся... утѣшалъ я.

— Отожъ бо то, що стильки литъ не бачилыся, то може вже воны зовсимъ одвыклы одъ мене, може и знаты-видаты мене не захотять, може наветь думають, що я вже дуже старый и ни до якои роботы не здатный... а я... я... ще... я можу...

Опять приступъ волненья... Старика очевидно мучило предполагаемое имъ недовѣріе его сыновей къ его трудоспособности. Мысль, что на него, быть можетъ, посмотрятъ, какъ на совершенно празднаго члена семьи, котораго должно кормить изъ милости, мучила его, не давала покою.

— А я имъ и рыбу буду ловыты... и землю... и все... въ мене амурськіи гачки... Я ще не згубывъ своеи сылы. Онъ замолкъ на минуту. Отъ якъ бачите,—началъ онъ опять оправившись,—поки бувъ въ Сибири, то и тревоги не було, а теперъ, якъ все блыжче да блыжче до дому, то чогось и смутка мене бере...

Я его старался утѣшить, какъ могъ. Онъ успокоился.

— Оце я кажу, яка тутъ хороша земля, чорна та жирна така.

Предъ нами въ окнѣ бѣжали черноземныя поля курской губерніи.

— Тутъ чоловикъ, продолжалъ онъ, якъ бы и не хтивъ робыты, то мусыть, бо сама земля просыться, щобъ еи обробляты... О гарна земля! Ривная та чистая. Въ Сибири тежъ ривная, але тамъ не такая чистая.

Онъ задумался. Потомъ, взявши меня за плечо, спросилъ въ полъ-голоса, почти нагибаясь къ самому уху.

— А чи не зналы-но вы часомъ Гарбарчука?

— Ни.

Онъ скосилъ голову на бокъ и этимъ выразилъ глубокое сожалѣніе о недостаточности моихъ знаній.

— Хто-жъ винъ такій?

— Якъ-то хто?! Винъ зъ нашихъ... О, Гарбарчукъ, це я вамъ скажу, пекельный чоловикъ, винъ на все пиде... Винъ тежъ бувъ засланъ зо мною въ Сибиръ и теперъ вертается по манихвесту. Отъ вояка—такъ вояка, мое почтеніе... Якъ винъ колысь бывся!.. страшенно и сказаты. Пекельный чоловикъ, одне слово. А може вы часомъ зналы Дорожиньского.

Я долженъ былъ сознаться, что и этого не зналъ, рискуя совершенно пасть во мнѣніи дядька.

— О! замоталъ головою дядько, то тежъ чоловичина, не доведы Боже. Еденъ панъ, знаете, втикавъ видъ насъ, то винъ якъ схопывъ за колесо брички на всему ходу, то, якъ бачите, мовъ колеса загальмовавъ... ажъ коней потягнуло назадъ, а кони добры у пана булы. О, чоловичина!..

— Дежъ Дорожиньскій жыве?

— Въ Сибири. Его наветь по манихвесту не пустылы, бо дуже заядлый лыцарь. Але винъ тамъ доброго клопоту имъ задае. Здачи, якъ треба, кождому здасть. О, его не зачепай! Зо всимы можешь пожартоваты, тильки не зъ Дорожиньскимъ, бо винъ такого перцю задасть, що не до жартивъ буде... Винъ вже старый теперъ, але ще крипкій... Ще его не кождый зломае.

— Хто-жъ винъ такій бувъ?

— Винъ, бачте, служивъ у едного пана, якъ нибы и я. Але якъ почалося повстаніе, то винъ пошовъ проты панивъ. Зобравъ людей, тай давай бунтоваты. Скильки винъ крови у панивъ спортывъ!.. Москали та казны прыйизжалы усмиряты Дорожиньского. Ге, хто не знае его?! Якъ-бы то такихъ побильше, то мабудь панивъ та пидпанковъ ризныхъ меньше стало на земли.

— А хиба паны що?

— Якъ-то що?! отвѣтилъ многозначительно Котикъ, глядя въ окно. „У мужика спына одъ роботы дмется, а панъ соби стоить да сміется“, якъ-то кажуть...

— Тожъ теперъ вже такихъ панивъ нема, що держалы колысь мужикивъ въ роботи.

— Запевне що нема... але за те теперъ всюды по свити казны пишлы.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Котикомъ я съ удивленіемъ узналъ, что „якъ бы не Дорожиньскій,—то ще и до сеи поры платылы-бы люде барщину“. Освобожденіе крестьянъ Котикъ представлялъ мѣрой, необходимо вызванной со стороны правительства народными волненіями, бунтами, въ которыхъ главную роль игралъ его знакомый Дорожинскій. Участія самого Котика въ этихъ волненіяхъ мнѣ такъ и не удалось выяснить. По его разсказамъ выходило, что онъ будто стоялъ то за своего пана Нортовского, который былъ „добрый“, то за „громаду“. Но ясно было, что это былъ человѣкъ протестующаго настроенія, и это настроеніе не совсѣмъ изгладилось въ немъ даже и теперь, по прошествіи 27 лѣтъ ссылки.

— Вы бы пишлы теперъ быться зъ-за панивъ и въ Сибирь бы пишлы? спросилъ я.

Старикъ нѣкоторое время молчалъ, соображая.

— *Диты пишлы-бы*, отвѣтилъ онъ съ твердой увѣренностью въ словахъ. А зъ Ѳедька Котыка вже буде... зъ его досыть...

Но замѣчательно, что съ этимъ теоретически-протестующимъ настроеніемъ въ Котикѣ уживалось самое миролюбивое отношеніе на практикѣ къ тѣмъ-же панамъ и „казнамъ“. Онъ былъ такъ предупредителенъ, уступалъ каждому свою „бенькетку“ и такъ радъ былъ оказать всякому встрѣтившемуся пану и не пану возможную услугу...

Нѣкоторое время мы стояли молча у окна. Разговоръ не клеился.

— Ой було, було! вздохнулъ онъ, подымая голову. Всёго було: и лыха, и добра... Було, було́... Поживъ таки трохи.

— А вы при Николаѣ служылы?

— А якъ-же-жь?! Ге... де я не служывъ?! И на венгра ходывъ, и на Малаховимъ кургани бувъ... А скильки зъ мене Севастополь крови вынявъ! Въ лазарети лежавъ, бо мене въ колино пуля пробыла. Тильки на турка не ходывъ, якъ въ 77 году воевалы, бо тоди вже я бувъ въ Сибири. А скильки въ мене медалей ризныхъ було, орденивъ ризныхъ було! Царь багато давъ медалей, то щожъ вы думаете?—казны все поодны-

малы... Якъ засудылы мене въ Сибиръ, то вси медали однялы, тильки одну оставылы за Севастополь. Ось я вамъ покажу.

Снова началось развязыванье узловъ. Старикъ показалъ обыкновенную севастопольскую медаль съ надписью: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему". Эту медаль онъ тщательно хранилъ въ мѣшечкѣ и берегъ—какъ святыню, какъ единственное доказательство прежнихъ своихъ заслугъ. Съ медалью были связаны его лучшія воспоминанія.

— А ось вамъ ще мій паспортъ. Прочитайте-но, що тамъ казны напысалы?

Это былъ билетъ, выданный волостнымъ правленіемъ одного изъ селъ крайней восточной Сибири, гдѣ обстоятельно перечислялись признаки Котика, въ числѣ ихъ обозначалась рана въ колѣнѣ.

— Скильки Вамъ литъ? спросилъ я.

— Симьдесять и симъ.

— А що-жъ тутъ показано 73? Въ билети...

— Де?

— Ось. Я указалъ мѣсто. Онъ нагнулся къ бумагѣ и видимо разсматривалъ цифры. Вы вміете читаты?

— Ни, не вмію. То кажете, тутъ напысано, що нибы симьдесятъ и три?

— Эге.

— Ото все казны... Хиба я не казавъ? То воны набрехалы. То завше такъ брешуть...

Я улыбнулся.

Нащо-жъ имъ брехаты? Не все имъ едно, що дядьку буде 77, чи 73?

— Ни, не все... То воны набрехалы. Стоялъ таки на своемъ дядько. Бо воны всюды брешуть... Воны всякого чоловика обгадять. А прочитайте-но ще, куды я нибы повыненъ йихаты?

— „Въ волынскую губернію, гдѣ обязанъ представить сей билетъ волостному правленію".

— Такъ, такъ... Це то не збрехалы. Це вже на моему вику буде послидній билетъ. Вже бильше не буду маты дила зъ казнами: прыйду въ Пеньково, тай—досыть.

Онъ связалъ узлы и опять сталъ у окна, не переставая наблюдать села, деревни...

— Це вже зовсимъ наше пишло, сказалъ онъ, указывая на обозъ малороссовъ, ѣхавшихъ волами и засмѣялся не извѣстно чему. Ось дывиться-но, попереду йде баба... точнисенько якъ една моя кума-молодыця въ Пенькови... И хустка наветь така, ажъ теперъ ще памятаю...

Дядько погрузился въ воспоминанье о кумѣ. Воспоминанья должно быть были пріятны, потому что онъ то и дѣло улыбался...

Ѳ. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ИСТОРІИ УМАНСКОЙ РѢЗНИ 1768 Г[1].

(Читано въ Историко-филологическомъ Обществѣ при Нѣжинскомъ институтѣ).

Слезами и кровью написана исторія еврейскаго народа со времени потери имъ своей политической самостоятельности. Втеченіе 18 столѣтій жизнь этого народа представляетъ собою безпрерывную Одиссею, безконечный мартирологъ, цѣпь жгучихъ страданій, одно мучительнѣе другого. Правда, жизнь евреевъ въ первые вѣка христіанства изобилуетъ свѣтлыми, отрадными фактами, свидѣтельствующими о томъ, что и израиль вѣдалъ лучшіе дни, что и съ нимъ обращались по человѣчески. Но за то съ наступленіемъ эпохи Крестовыхъ походовъ для евреевъ настали очень горькія и тяжелыя времена. При господствѣ въ то время грубого невѣжества и фанатизма, разъяренная чернь, увлекаемая и разжигаемая какимъ-нибудь фанатикомъ вѣры или просто злоумышленникомъ, желавшимъ поживиться насчетъ евреевъ, расправлялась съ этими послѣдними самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. Стоило только какому-нибудь фанатику или ловкому проходимцу... ловкому прощалыгѣ взвести на евреевъ какую-нибудь небылицу, обвинить ихъ въ несуществовавшихъ преступленіяхъ и направить на нихъ невѣжественную толпу, и горько тогда доставалось несчастнымъ евреямъ. Находилось ли государство подъ гнетомъ страшнаго бѣдствія; явилась ли повальная эпидемія, уносившая сотни и тысячи несчастныхъ жертвъ; вспыхнулъ ли стихійный пожаръ, превратившій цвѣтущія селенія въ печальныя

[1]) Печатая эту статью, дѣлаемъ, съ согласія автора, свои примѣчанія.—*Ред.*

развалины; случился ли голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями: никогда въ такихъ случаяхъ не доискивались истинныхъ причинъ несчастья, а всюду и во всемъ видѣли продѣлки евреевъ и они то были козлами отпущенія. Поэтому, на любой страницѣ исторіи евреевъ въ западной Европѣ глазамъ нашимъ представляются душу раздирающія картины массовыхъ изгнаній, поголовныхъ избіеній, конфискацій имуществъ и возмутительнаго грабежа. Одна только Русь представляетъ въ этомъ отношеніи относительно счастливое исключеніе. Не смотря на то, что евреи проникли сюда при первыхъ Рюриковичахъ, а, быть можетъ, гораздо раньше еще, они не подвергались тутъ такимъ частымъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ, не испытывали тѣхъ физическихъ мученій и нравственныхъ униженій, какія выпадали постоянно на долю ихъ собратьевъ въ Западной Европѣ. Но, говоря это, я отнюдь не думаю, что евреи на Руси наслаждались всегда полнымъ благоденствіемъ, что жизнь ихъ протекала тутъ мирно и спокойно и не была нарушена вторженіемъ буйной черни [1]). Я именно говорю относительно, потому что были такіе печальные моменты въ жизни евреевъ на Руси, которые кровавыми буквами занесены въ лѣтописи этого народа и при одномъ воспоминаніи о которыхъ сердце содрагается и кровь въ жилахъ застываетъ. Съ особенной рельефностью въ мартирологіи евреевъ на Руси выдѣляются два такихъ момента, которые навсегда останутся свѣжи въ памяти каждаго изъ нихъ и которые кровавымъ и зловѣщимъ заревомъ освѣщаютъ темную, малоразработанную исторію ихъ въ Россіи. Это были минуты, въ которыя на страдавшаяся и натерпѣвшаяся толпа расправляется со своими врагами-евреями за вѣковыя обиды и мученія самымъ ужаснымъ и невѣроятнымъ образомъ. Моменты эти извѣстны подъ названіемъ возстанія козаковъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго

---

[1]) Первое свѣдѣніе нашихъ лѣтописей о гоненіи евреевъ относится къ 1113 г., когда, послѣ смерти В. К. Святополка, кіевляне разграбили дворъ притѣснявшаго ихъ тысяцкаго Путяты и „идоша на жиды и разграбиша я“. Это нападеніе объясняется первымъ распоряженіемъ Мономаха, занявшаго вслѣдъ за тѣмъ княжескій столъ: онъ, желая удалить причину волненія, собралъ мужей своихъ и порѣшилъ общимъ совѣтомъ уменьшить росты. Соловьевъ II, 78—79.—*Ред.*

и движенія гайдамаковъ подъ начальствомъ Желѣзняка и Гонты, или такъ называемая коліивщина. [1]). Движеніе Хмельницкаго и положеніе при немъ евреевъ достаточно разработаны лучшими историческими силами у насъ и заграницей. За то исторія коліивщины долго вовсе не изслѣдовалась, но въ послѣднее двадцатилѣтіе очень посчастливилось исторіи гайдамачины. Въ теченіе такого въ сущности незначительнаго времени была открыта, разработана и издана масса документовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на считавшіеся долго темными и запутанными вопросы. Самый главный вопросъ о томъ, что вызвало на историческую арену печальное явленіе гайдамачины, вопросъ, возбуждавшій очень долго самую ожесточенную полемику между русскими и поляками, желавшими взваливать отвѣтственность за тяжесть совершенныхъ гайдамаками преступленій одна на другую,— вопросъ этотъ тщательно разработанъ и рѣшенъ съ честью для Россіи. Съ этой послѣдней снято теперь тяжкое обвиненіе въ томъ, что она, по словамъ польскихъ историковъ, изъ политическихъ соображеній принимала активное участіе въ дѣлѣ разжиганія народныхъ страстей, направленныхъ къ истребленію ненавистныхъ имъ поляковъ. Обнародованные по этому вопросу документы [2]) самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываютъ, что Россія не только не брала подъ свое покровительство бунтовавшихъ гайдамаковъ, не только не поощряла ихъ притязаній, но учинила даже надъ ними самую жестокую расправу за всѣ совершенныя ими злодѣйства. Выяснено также съ очевидной убѣдительностью, что гайдамацкія волненія не происходили на почвѣ экономическихъ неурядицъ, не были послѣдствіемъ тяжелаго матеріальнаго гнета, тяготѣвшаго будто-бы тогда надъ гайдамаками [3]), а имѣли такъ сказать чисто духовный и религіозный характеръ [4]). Это была жестокая и отчаянная борьба между пред-

[1]) Такое названіе событіе это получило потому, что гайдамаки сражались тогда длинными кольями, что было ихъ главнымъ оружіемъ тогда. *А. Ю. З. Р.* ч. *I*, *томъ II*.

[2]) „Кіевская Старина„. 1882 г.

[3]) Переписка гр. Румянцева.

[4]) Мы полагаемъ, что это положеніе автора не вытекаетъ изъ современной разработки даннаго вопроса; изслѣдованія о бытѣ крестьянъ (конечно не гайдама-

ставителями двухъ другъ другу ненавистныхъ исповѣданій, католицизма и православія, изъ которыхъ первое насильственно и грубо навязывалось послѣдователямъ другого [1]). Установлено положительно, что гайдамаки были не шайка кровожадныхъ людей, жившихъ грабежемъ и разбоемъ, какъ это утверждалось раньше [2]), дѣйствовавшихъ безъ всякаго опредѣленнаго плана, но что они боролись за вполнѣ опредѣленную идею, заключавшуюся въ желаніи завладѣть Кіевскимъ воеводствомъ или, по крайней мѣрѣ, значительными частями его [3]). Теперь не подлежитъ больше сомнѣнію также и то, что событіе, совершившееся въ 1768 году и казавшееся какъ-бы отдѣльнымъ, ничѣмъ не связаннымъ [4]) эпизодомъ изъ жизни южно-русскаго народа, на самомъ дѣлѣ стоитъ въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ событій, происходившихъ въ предшествовавшія времена и подготовившихъ, такъ сказать, событіе 1768 г. [5]). Словомъ, главная причина, долго мѣшавшая безпристрастному и всестороннему выясненію запутанныхъ вопросовъ по исторіи гайдамачины и коліивщины, именно отсутствіе необходимыхъ документальныхъ данныхъ, на что въ свое время сѣтовалъ профес. Антоновичъ, теперь, благодаря обилію матеріала, обнародованнаго въ послѣднее время, вполнѣ устранена, и гайдамачина такимъ образомъ принимаетъ уже цѣльный и опредѣленный хахактеръ и можетъ считаться вопросомъ рѣшеннымъ и закрытымъ. Но, если достаточно установлены причины и мотивы, вызвавшіе на свѣтъ Божій кровавую драму гайдамачины, то страшный эпилогъ этой драмы, знаменитая уманская рѣзня, которая въ исторіи массовыхъ народныхъ преступленій займетъ очень видное мѣсто, эпилогъ этотъ, говорю я, не достаточно

ковъ), по нашему мнѣнію, ясно указываютъ на то, что юридическое и экономическое положеніе крестьянъ было одною изъ важнѣйшихъ, хотя не единственною, причиною гайдамацкаго броженія.—*Ред.*

[1]) А. Ю. З. Р. ч. I томъ II.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. ч. II.

[3]) Шульгинъ. Очеркъ кол. по изд. и неизд. документамъ.

[4]) Костомаровъ. Матеріалы для исторіи коліевщ.

[5]) Уманскій сотникъ Иванъ Гонта.

еще изслѣдованъ, и въ этомъ отношеніи историки колівщины не сказали еще своего послѣдняго слова. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ документовъ, заключающихъ въ себѣ описаніе уманской рѣзни, только одинъ написанъ очевидцемъ печальной катастрофы подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго [1]). Остальные-же были составлены въ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени послѣ страшной рѣзни, и поэтому сообщенія ихъ, написанныя по воспоминаніямъ или по разспросамъ современниковъ и старожиловъ, (какъ напр. записки Павла Младановича, Липпомана, Мощинскаго и Тучапскаго), страдаютъ нѣкоторой неправдоподобностью и явнымъ противорѣчіемъ. Кромѣ того, одно изъ такихъ описаній принадлежитъ перу человѣка заинтересованнаго, придающаго событіямъ, предшествовавшимъ сдачѣ Умани, личный, тенденціозный характеръ. Я говорю о запискахъ Вероники Кребсъ, дочери бывшаго въ 1768 году Уманскаго губернатора Младановича, несомнѣннаго виновника гибели столькихъ невинныхъ жертвъ, котораго дочь, однако, всячески выдѣляетъ и защищаетъ, взваливая всю вину на бездѣятельность конфедератовъ и др. А между тѣмъ этотъ Младановичъ своей излишней довѣрчивостью Гонтѣ, своей абсолютной бездѣятельностью, мѣшавшей и другимъ что нибудь дѣлать на пользу обороны города, не мало способствовалъ овладѣнію непріятелемъ Умани и происходившей тамъ рѣзнѣ. Эта рѣзня, по своимъ ужасающимъ размѣрамъ, по обилію пролитой крови, по громадному количеству несчастныхъ жертвъ, ею поглощенныхъ, по страшной экзальтированной народной ярости, обнаруженной толпой и превосходящей всякія границы вѣроятности, такъ ужасна и потрясающа, что самые ничтожнѣйшіе и косвенные ея виновники должны быть тщательно отысканы и привязаны къ позорному столбу исторіи. И такъ обнародованными до сихъ поръ описаніями уманской катастрофы не исчерпываются, по моему, подробности о взятіи Умани, не достаточно охарактеризована личность уманскаго губернатора, сыгравшаго такую печальную роль въ этой страшной трагедіи. Кромѣ того

[1]) Оп. бѣд., пост. Умань и Украйну. „Кіевск. Стар." 1882 г.

въ тѣхъ описаніяхъ не указано на одинъ пошлый и звѣрскій его поступокъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже и который впослѣдствіи былъ отчасти причиной гибели его. Всякое новое историческое свѣдѣніе, непосредственно относящееся къ уманской рѣзнѣ, заслуживаетъ быть обнародованнымъ. Вотъ соображенія, по которымъ я, не вдаваясь въ обсужденіе вообще причинъ, породившихъ гайдамацкее движеніе, рѣшилъ дать въ русскомъ переводѣ найденный покойнымъ магистромъ Гурляндомъ въ азіатскомъ департаментѣ и изданный послѣ его смерти написанный на еврейскомъ жаргонѣ документъ, относящійся къ исторіи коліивщины [1]). Авторъ мемуара, бывшій печальнымъ зрителемъ разыгравшейся уманской трагедіи, спасшійся отъ угрожавшей ему гибели, описываетъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго подробности уманской рѣзни, ставшей такой печальной для многихъ его единовѣрцевъ. Документъ этотъ поражаетъ очевидностью сообщаемыхъ имъ фактовъ и заслуживаетъ, по моему, бóльшаго довѣрія, чѣмъ изданныя до сихъ поръ польскія записки, заключающія въ себѣ описаніе уманской рѣзни, такъ какъ онъ написанъ безъ всякихъ предвзятыхъ политическихъ тенденцій, а передаетъ только факты, какъ они происходили, не придавая имъ своей собственной, личной окраски. Притомъ онъ освѣщаетъ нѣкоторыя запутанныя подробности, предшествовавшія сдачѣ города. Авторъ мемуара, нельзя сказать, чтобы отличался мастерствомъ изложенія и умѣніемъ обрисовывать предметы яркими и рѣзкими чертами; мемуаръ его уснащенъ массою излишнихъ подробностей и повтореній, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ ничего не выпускать и держаться, на сколько это возможно, буквальнаго перевода. Надѣюсь, что всѣ интересующіеся исторіей коліивщины обратятъ на этотъ документъ должное вниманіе и прочтутъ его съ нѣкоторымъ интересомъ. Въ заключеніе я долженъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ на еще одинъ пробѣлъ въ исторіи гайдамачины, который заслуживаетъ быть пополненнымъ. Я говорю о полномъ игнорированіи изслѣдователями этой эпохи вопроса объ участіи евреевъ въ дѣлѣ

[1]) Леkеротъ Гагзеротъ Бизраиль. Гурляндъ Одесса.

подготовленія гайдамацкихъ волненій на Украйнѣ. Дѣйствительно, въ то время, какъ о дѣятельности евреевъ въ подготовленіи движенія Хмельницкаго написано довольно много, тотъ же самый вопросъ о роли евреевъ передъ гайдамачиной обойденъ полнѣйшимъ молчаніемъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ, кажется, никакихъ болѣе или менѣе явныхъ указаній на тлетворное вліяніе, на предосудительные поступки евреевъ по отношенію къ гайдамакамъ. Даже главный виновникъ гайдамацкихъ звѣрствъ, разжигавшій расходившуюся толпу, Мотренинскій архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, въ своихъ жалобахъ и ляментаціяхъ на угнетеніе православныхъ и православной церкви со стороны поляковъ, о евреяхъ почти и не говоритъ [1]). А между тѣмъ было-бы въ высшей степени желательнымъ выясненіе вопроса о томъ, понесли-ли евреи свое страшное наказаніе при движеніи гайдамаковъ заслуженно, какъ по крайней мѣрѣ при Хмельницкомъ, или они въ данномъ случаѣ были только бѣдными *Макарами* за чужіе грѣхи, за грѣхи польскіе. Извѣстно только то, что положеніе евреевъ на Украйнѣ въ то время было гораздо хуже и ужаснѣе положенія поляковъ; постигшая ихъ участь была печальнѣе участи послѣднихъ. Убійства крестьянами евреевъ, говоритъ г. Шульгинъ [2]), происходили чаще убійствъ шляхты. Особенно часто они рѣшались на убійство евреевъ, будучи пьяными. Убивать евреевъ было какъ-бы обязательно. Евреи не знали, куда дѣваться. Никто не хотѣлъ защищать ихъ отъ бушевавшей толпы. Евреи арендаторы вовсе не могли разсчитывать на пощаду. Поляки скорѣе могли, говоритъ другой историкъ гайдамачины [3]), спастись, чѣмъ евреи, потому что поляки находили защиту и въ своихъ замкахъ, и въ своемъ вооруженномъ дво-

---

[1]) Вся эта тирада объ архимандритѣ Мельхиседекѣ не вѣрна: Изъ Ар. Ю. З Р., ч. I т. II, можно наглядно убѣдиться, что арх. М. не только не былъ „главнымъ виновникомъ гайдамацкихъ звѣрствъ", но уже за два года до коліивщины не жилъ въ краѣ (стр. CCVIII—CCIX).—*Ред.*

[2]) Очеркъ коліивщ. по издан. и неизд. документамъ.

[3]) Мордовцевъ. Гайдамачина.

рянствѣ и, наконецъ, въ городской милиціи [1]), въ которой начальниками были поляки. За то евреи остались совершенно беззащитными. Много уже евреевъ успѣло погибнуть, пока гайдамаки двигали свои нестройныя массы отъ Смѣлы до Лисянки. Вдали представлялись еще большіе ужасы и поголовная смерть всему еврейскому населенію. Обремененные большими семействами, въ особенности бѣднѣйшіе изъ нихъ, не имѣли даже возможности куда-нибудь бѣжать. Самыя гайдамацкія пѣсни говорятъ, что имъ было легче справляться съ жидами, чѣмъ съ поляками, и гайдамаки прямо говорятъ, что они всѣмъ имъ снимутъ головы, начиная Борухомъ и кончая Нохимомъ. Вотъ каковъ былъ мартирологій евреевъ на Украйнѣ тогда. Было-ли это по заслугамъ—вотъ вопросъ, который напрашивается на разрѣшеніе. Я, быть можетъ, возвращусь еще къ этому вопросу, а пока перейду къ переводу вышеупомянутаго еврейскаго документа. Авторъ, повидимому, ведетъ свой разсказъ съ той минуты, когда Желѣзнякъ пожелалъ помѣряться силами съ Потоцкими, тогдашними владѣльцами Умани, и съ этой цѣлью онъ повернулъ свой отрядъ по направленію къ Умани, куда, въ добавокъ, влекло его богатство города. Вотъ содержаніе документа [2]).

---

[1]) Это очевидное недоразумѣніе; при польскомъ режимѣ не существовало на Украинѣ никакой *городской милиціи*.—*Ред.*

[2]) Предлагаемый г. Галантомъ еврейскій мемуаръ о колівщинѣ, конечно, представляетъ интересный матеріалъ для исторіи этого событія, какъ сводъ преданій и взглядовъ еврейскаго населенія края. Мы, однако, полагаемъ, что издатель признаетъ за нимъ слишкомъ серьезное значеніе, утверждая, что мемуаръ этотъ превосходитъ всѣ другіе, понынѣ изданные, точностію и обстоятельностью изложенія. Мемуары: Младановича, г-жи Кребсъ и безыменнаго Базиліана написаны несомнѣнно очевидцами событій, между тѣмъ какъ изъ текста еврейскаго мемуара не видно, чтобы авторъ его былъ „печальнымъ зрителемъ разигравшейся трагедіи"; напротивъ того, нѣкоторыя извѣстія ясно указываютъ, что составитель мемуара находился вдали отъ территоріи, гдѣ разыгрывалась трагедія и собиралъ лишь разсказы объ отдѣльныхъ эпизодахъ, ходившіе среди евреевъ; такъ напримѣръ, весь разсказъ объ усмиреніи гайдамаковъ и казни Гонты совершенно фантастиченъ; авторъ приписываетъ дѣйствія полковника Гурьева—Ксаверію Браницкому и полагаетъ, что гайдамаки были усмирены польскими войсками, по инициіативѣ бродскихъ евреевъ, воздѣйствовавшихъ съ этой цѣлью на Браницкаго. Притомъ авторъ мемуара человѣкъ мало развитой и потому сообщаетъ многія свѣдѣнія или неясно и сбивчиво—

„Господи Милосердный! Доколѣ Ты будешь спокойно взирать на несчастья, постигающія Твой избранный народъ... Это бѣдствіе стоило жизни очень многимъ евреямъ... Ибо одинъ буянъ [1]) изъ Тетіева явился въ городъ [2]) и умертвилъ болѣе четырехсотъ человѣкъ. Затѣмъ они (?) принялись за находившихся въ городѣ евреевъ и истребили ихъ въ количествѣ 5,000 человѣкъ... Многіе хотѣли купить себѣ жизнь цѣною дорогого выкупа, но это не помогло; и кто только могъ бѣжать—бѣжалъ. Первою несчастною жертвою сдѣлалась женщина, гнавшая на разсвѣтѣ въ поле скотъ. Буянъ, наткнувшись на нее, ударилъ ее своимъ ножемъ. Свидѣтельницей этого страшнаго зрѣлища была другая женщина торговка. Охваченная ужасомъ, она стремительно бросилась къ находившимся въ городѣ евреямъ... Послѣдніе, убѣдившись въ неизбѣжности своей печальной участи, рѣшили не отступать, хотя-бы пришлость погибнуть [3]). Городской канторъ, предвидя близкую смерть, побѣжалъ въ микву [4]), облачился, какъ для молитвы подобаетъ, плача и вопя, сталъ исповѣдываться. Встрѣтившись съ буяномъ,

---

какъ напримѣръ эпизодъ объ истребленіи евреевъ у г. Балты, или безъ всякой критики весьма наивно помѣщаетъ слухи и догадки, ходившіе среди евреевъ, которые онъ выдаетъ за факты, но которыхъ онъ не могъ бы знать, еслибы они и происходили въ дѣйствительности и еслибы авторъ и проживалъ въ Умани во время катастрофы; таковы, напримѣръ, свѣдѣнія о совѣщаніи Гонты съ Желѣзнякомъ, о секретной перепискѣ Гонты съ Младановичемъ и т. п. Мы также не согласны съ мнѣніемъ г. Галанта, относительно объективнаго настроенія автора мемуара, который, по его мнѣнію, написанъ „безъ всякихъ предвзятыхъ тенденцій и собственной личной окраски“. Для всякаго читателя ясно, что авторъ смотритъ на происшествія исключительно съ точки зрѣнія интересовъ своихъ единоплеменниковъ, естественно скорбитъ о постигшемъ ихъ горѣ и утрируетъ вслѣдствіе личнаго возмущенія, какъ бѣдствія, постигшія его единовѣрцевъ, такъ и доблестное ихъ поведеніе: стойкость, мужество и т. п.—*Ред.*

[1]) Въ жаргонномъ текстѣ, съ котораго мы переводимъ, написано др. еврейское слово росhаз, что значитъ легкомысленный, легкоумный, буянъ; послѣднимъ значеніемъ я всюду буду переводить приведенное еврейское слово.

[2]) Надо полагать, что рѣчь идетъ тутъ или о Звенигородкѣ, или о Лисянкѣ.

[3]) О томъ, что евреи твердо рѣшили не покидать города, хотя-бы съ опасностью для жизни, мы находимъ неоспоримыя доказательства и у другихъ историковъ. Мордовцевъ. Гайдамачина; Оп. бѣд. пост. Умань и Украйну. „Кіев. Стар.“ 1882 г. Мартъ.

[4]) Нѣчто въ родѣ купаленъ, гдѣ благочестивые евреи предъ молитвою совершаютъ надъ собою обрядъ омовенія тѣла.

онъ выхватилъ у него ножъ, и своими руками закололъ себя, свою жену и дѣтей. Въ понедѣльникъ, 5 Тамуза [1]), буяны подошли къ Умани. Въ то время за городомъ находилось до четырехсотъ возовъ, полныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые и пали отъ руки буяновъ [2]). Находившіеся въ городѣ евреи, понимая угрожавшую имъ опасность, стали вооружаться для обороны города [3]). Проникши въ замыселъ евреевъ и убѣдившись, что ему придется считаться съ крупною силою, разбойникъ [4]) Гонта пустился на хитрость: онъ написалъ городскому раввину письмо, въ которомъ слезно умоляя (о чемъ?), обѣщаетъ евреямъ свои услуги и покровительство. Хитрость вполнѣ удалась. Прочитавши письмо, раввинъ повѣрилъ словамъ Гонты, что такимъ способомъ (какимъ?) легко будетъ отдѣлаться отъ опаснаго врага. Раввинъ выразилъ Гонтѣ свою искреннюю благодарность за его благорасположеніе къ евреямъ и отъ себя обѣщалъ ему большіе подарки. Тогда-же онъ и просилъ: Прими насъ подъ защиту, мы же дадимъ каждому изъ твоего отряда по парѣ одеждъ; обманывать тебя не станемъ. А вельможа нашъ сдѣлаетъ и тебя вельможей и подаритъ тебѣ много селъ и деревень [5]). Гонта,

[1]) Дата по христіанскому лѣтоисчисленію не обозначена; приблизительно начало іюня.

[2]) Печальная участь, постигшая Лисянку, навела паническій страхъ на все польское и еврейское населеніе Украйны, которое стало искать себѣ убѣжища въ Умани, какъ мѣстѣ болѣе безопасномъ; но городъ, не смотря на обширные свои размѣры, не могъ вмѣстить въ себѣ возроставшаго все болѣе и болѣе количества бѣглецовъ, почему около 6,000 человѣкъ расположились таборомъ у лѣска Грекова, около Умани, и всѣ погибли. Скальковскій. Ист. Нов. Сѣчи; Наѣзды Гайдамакъ.

[3]) Евреи боролись съ рѣдкимъ мужествомъ, поражавшимъ даже и поляковъ и Шафранскій, жалуясь на бездѣятельность и беззаботность послѣднихъ, ставилъ имъ въ примѣръ первыхъ, мужественно оборонявшихъ городъ и не покидавшихъ своихъ постовъ. Зап. Кребсъ; зап. Липпомана.

[4]) Въ жаргонномъ документѣ написано др.-ев. слово roscho, что значитъ нечестивецъ, виновный; на жаргонномъ-же нарѣчіи подъ этимъ словомъ принято разумѣть жестокосердаго человѣка, разбойника. Очевидно, что мемуаристъ былъ особенно возмущенъ противъ главныхъ зачинщиковъ колівщины, т. к. ихъ *угощаетъ* болѣе острымъ и рѣзкимъ эпитетомъ.

[5]) Мѣсто это объ измѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, о желаніи евреевъ измѣнить городу, поражаетъ своимъ противорѣчіемъ собственному разсказу автора о твердомъ намѣреніи евреевъ не покидать города и разсказамъ др. мемуаристовъ объ оборонѣ и сдачѣ города.

какъ оказалось, задумалъ злой умыселъ. При совѣщаніи его съ Желѣзнякомъ, какъ овладѣть городомъ, послѣдній совѣтовалъ поклясться въ искренности, и городъ-де сдастся. Гонта послѣдовалъ совѣту Желѣзняка. И вотъ за три дня до вступленія въ городъ онъ ложно присягнулъ взять евреевъ подъ свое покровительство; благодаря-то сему и было умерщвлено нѣсколько тысячъ евреевъ. Въ понедѣльникъ буяны подступили къ городу и произвели страшный шумъ; было рѣшено войти въ городъ къ вечеру. Тогда выстрѣлили изъ пушекъ, и городскія ворота были заперты. Въ ту самую ночь къ городу подошли (откуда) нѣсколько тысячъ (!) евреевъ, и всѣ были перерѣзаны буянами. Во вторникъ, во время завтрака, они расположились близь города. Желѣзнякъ посовѣтовалъ Гонтѣ попытать счастье и написать коммиссару города [1]) письмо: напрасно ты споришь съ нами; впослѣдствіи ты самъ останешься въ дуракахъ. Развѣ ты не знаешь, что послѣдовалъ царскій указъ, повелѣвающій казнить всѣхъ евреевъ, находящихся въ Польшѣ; въ виду этого, не сопротивляйся и выдай намъ евреевъ. Во всякомъ случаѣ, впусти насъ въ городъ, а мы поставимъ тебя начальникомъ надъ нами. Это письмо, дѣйствительно, произвело желанное впечатлѣніе. Коммиссаръ рѣшилъ, что для него рискованно возстановлять противъ себя Гонту по тому соображенію, что если непріатель овладѣетъ городомъ, тогда ни ему, комиссару, ни магнатамъ не будетъ пощады. И вотъ коммиссаръ рѣшилъ сдаться Гонтѣ безъ всякаго сопротивленія, что де расположитъ Гонту въ его пользу [2]). Но *магнаты* [3]), ксендзы и студенты [4]) иначе отнеслись къ миролюбивымъ заявленіямъ Гонты. Они стали у стѣнъ города и еще усердпѣе продолжали вооружаться. Чтобы

---

[1]) Уманскій губернаторъ Младановичъ.

[2]) Слово *магнаты* очевидно должно отнести къ неточности перевода. Вѣроятно составитель мемуара имѣлъ въ виду шляхтичей. Никто изъ польскихъ магнатовъ въ данное время въ Умани не присутствовалъ.—*Ред.*

[3]) На крайне предосудительный и безчеловѣчный поступокъ Младановича, желавшаго купить себѣ жизнь цѣною гибели столькихъ несчастныхъ евреевъ, никто изъ мемуаристовъ еще не указалъ.

[4]) Ученики базиліанскаго училища.

показать Гонтѣ, что безъ бою городъ не сдастся, и что для защиты его потребуютъ всѣ средства, на сколько это будетъ возможно, осажденные въ городѣ стали стрѣлять въ непріятеля. Затѣмъ всѣ разошлись. Евреи-же стеклись въ синагогу и стали умолять Всевышняго сжалиться надъ ними, ради невинныхъ и безгрѣшныхъ дѣтей. Комиссаръ-же сѣлъ на лошадь и, обнаживъ саблю, сталъ разгонять собравшихся у воротъ города евреевъ и *магнатовъ*. „Не стрѣляйте, сказалъ онъ, ибо я заключилъ съ ними перемиріе“. Узнавъ это, буяны еще ближе придвинулись къ городу. Панъ Марковскій [1]), видя это, съ крикомъ набросился на комиссара, желавшаго открыть непріятелю ворота... Ибо стоило только пану Марковскому захотѣть, и ни одной разбойничьей ноги не осталось-бы (?). Ты хочешь, говорилъ онъ комиссару, чтобы весь міръ плакалъ и проклиналъ тебя. Убѣдившись, что слова его не подѣйствовали на комиссара, панъ Марковскій прибѣжалъ къ городскимъ воротамъ съ тѣмъ, чтобы стрѣлять въ буяновъ. Но сюда поспѣшилъ комиссаръ и, желая лишить пушку возможности стрѣлятъ, заклепалъ ее. Тогда разъяренная толпа съ страшнымъ шумомъ ворвалась въ городъ. Началась ужасная рѣзня. Со всѣхъ сторонъ текли ручьи крови; были слышны только раздирающіе душу крики тѣхъ, которыхъ рѣзали и которые умирали, проклиная Гонту. Со времени основанія Польши не было еще такого несчастья, причинявшаго такую мучительную смерть столькимъ полякамъ и евреямъ. Прежде всего они стали рѣзать евреевъ, и никому не давали пощады. Насчастныя дѣти умоляли разбойниковъ дарить жизнь ихъ родителямъ. Гонта велѣлъ умертвить ихъ за это жесточайшимъ способомъ. Всѣхъ дѣтей связали, колесовали и лошадьми ихъ растоптали. Затѣмъ поймали они одну необыкновенной красоты дѣвушку—отца ея звали рабби Моисей святой—и стали ее принуждать креститься, обѣщая подарить ей жизнь. Но она въ страшномъ гнѣвѣ стала говорить своимъ мучителямъ: „Изверги, какъ смѣете вы принудить меня на такой

[1]) Хорунжій Марковскій не соглашался отперегь ворота, но Младановичъ настаивалъ. Зап. Тучапскаго.

отвратительный поступокъ; я предпочитаю лучше умереть". Ее привели къ колодезю [1]) и указали на набросанную туда кучу убитыхъ... Они стали точить свои ножи, чтобы заколоть ее. Стоявшая невдалекѣ мать ея всячески ее ободряла и говорила: „Такъ, такъ, дочь моя, не забывай своего Бога, Бога дорогихъ предковъ' нашихъ". Буяны схватили и бросили ее живую въ колодезь...

Оставшіеся въ городѣ евреи сошлись въ синагогу, желая найти убѣжище отъ лютаго врага. Многіе задабривали буяновъ деньгами и подарками; но тѣ, получивъ деньги, ихъ все таки убили. Всѣ горько плакали и рыдали. Собравшіеся въ синагогѣ евреи стали вооружаться. Среди нихъ былъ одинъ еврей, извѣстный подъ именемъ рабби Лейбъ Шарогородскій. Онъ воспылалъ гнѣвомъ, месть закипѣла въ немъ и, схвативъ мечъ, онъ поразилъ имъ больше двадцати человѣкъ. Другой еврей закололъ ножемъ своимъ нѣсколькихъ человѣкъ. Буяны, убѣдившись, что такимъ образомъ (?) трудно овладѣть евреями, подкатили къ синагогѣ пушку и выстрѣлили. Стѣны съ грохотомъ повалились... Это было въ понедѣльникъ передъ вечеромъ. Нѣсколько тысячъ евреевъ погибло внутри и возлѣ синагоги [2]). Одна несчастная женщина, обезумѣвшая отъ охватившаго ее ужаса и волнуемая страхомъ видѣть своихъ нѣжно любимыхъ дѣтей растерзанными, бросилась въ рѣку и утонула. Во все это время буяны предавались необыкновенному пьянству и обжорству; все же имущество города было ими разграблено. Затѣмъ они отправились въ ратушу и созвали туда всѣхъ оставшихся въ городѣ купцовъ. Здѣсь обѣщали имъ жизнь, если только они добровольно отдадутъ все свое имущество. Купцы повѣрили и принесли что получше изъ вещей: золото, серебро и разныя дорогія украшенія. Когда все было снесено, ихъ стали подвергать жесточайшей смерти: схва-

---

[1]) Это, конечно, тотъ роковой колодезь, о которомъ Тучапскій говоритъ, что онъ былъ глубиною въ 200 сажень, и весь онъ былъ наполненъ трупами. Зап. Тучапскаго.

[2]) Тучапскій говоритъ, что болѣе страшныя жестокости обрушились на евреевъ. Они плавали въ собственной крови, безъ рукъ, безъ ушей, безъ ногъ, обнаженные, и сами просили, чтобы ихъ убивали. Зап., Тучапскаго

тывали ихъ за бороды и пейсы, и съ высоты ратуши бросали внизъ съ такой силой, что кости разлетались. Уманскій еврейскій проповѣдникъ, будучи очевидцемъ страшнаго бѣдствія, обрушившагося надъ его несчастными единовѣрцами, спрятался со всѣмъ своимъ семействомъ въ погребъ, надѣясь избѣжать хоть такимъ образомъ неминучей смерти; но несчастный горько обманулся: одинъ буянъ забрался въ погребъ и однимъ взмахомъ топора отрубилъ ему голову... Затѣмъ погибло еще много мужчинъ и женщинъ; убитымъ и раненымъ не было счета... Уцѣлѣвшіе евреи побѣжали въ синагогу [1]) и, раскрывъ свитокъ Торы, стали умолять Бога сжалиться надъ ними. Но буяны явились и туда. Разложивъ на полу свитокъ Торы, они стали топтать его ногами и рѣзать на немъ евреевъ. Многіе сами предпочли умереть за святыню; другіе бросались подъ ножи буяновъ; третьи самихъ себя или другъ друга закалывали... Нѣкій рабби Гиршъ канторъ сказалъ: „Братья! Я съ радостью готовъ лишить себя жизни, но, Богъ вѣсть, удостоимся ли мы быть погребенными, такъ какъ буяны, повидимому, ни одного изъ насъ не оставятъ въ живыхъ"... Рѣзня была такъ велика и ужасна, что кровь зарѣзанныхъ стояла въ синагогѣ повыше пороговъ [2])... Потомъ буяны вынесли изъ синагоги всѣ свитки Торы, разложили ихъ по улицамъ города и верхомъ проѣзжали по нимъ... Трупы убитыхъ евреевъ десятками (не гипербола ли это?) тысячъ валялись по городу... Ихъ подвергали мучительнымъ истязаніямъ: рубили, кололи, четвертовали и колесовали, они же съ радостью принимали смерть, а Богу своему все таки не измѣнили... Малютокъ отрывали отъ грудей своихъ матерей и *колесовали* [3])... Одинъ буянъ закололъ на одномъ чурбанѣ нѣсколько сотъ евреевъ... Дѣти пострадали за грѣхи своихъ отцовъ и матерей.

---

[1]) Въ Умани было, повидимому, нѣсколько синагогъ. т. к. одна, какъ сказано выше, было раньше еще разрушена.

[2]) Въ одной синагогѣ перерѣзали ихъ, по словамъ Тучапскаго, больше трехъ тысячъ человѣкъ. Зап. Тучапскаго.

[3]) *Разсказъ о колесованіи*, очевидно, одно изъ преувеличеній, которыми переполненъ разсказъ; для колесованія необходимо было построить особую машину и запастись опытнымъ палачемъ, что наврядъ-ли мыслимо среди описаннаго порывистаго избіенія. — *Ред.*

Валявшіеся трупы бросали за лишь (?) отъ города; ручьи крови всюду виднѣлись. Трупы сдѣлались добычей свиней и собакъ. Рѣзня эта продолжалась восемь дней. Спустя нѣсколько времени, Гонта объявилъ приказъ, что никто не смѣетъ скрывать у себя еврея; кто ослушается, голова того будетъ разсѣчена. Около восьмидесяти вооруженныхъ человѣкъ, незамѣтно пробрались въ одинъ погребъ, намѣреваясь укрываться отъ бдительнаго ока непріятеля. Всякаго буяна, попытавшагося туда проникнуть, убивали. Буяны, видя, что такъ имъ не овладѣть погребомъ, принесли соломы, зажгли ее и бросили въ погребъ, отчего всѣ находившіеся въ погребѣ погибли въ мучительныхъ страданіяхъ. Многіе искали себѣ убѣжище среди огромныхъ камней, покрывавшихъ сосѣднія поля, но и изъ нихъ никто не уцѣлѣлъ. Такимъ образомъ (какимъ ?) они закалывали и дѣтей. Мучимые страшнымъ голодомъ, приходили они къ своимъ палачамъ просить хлѣба; хлѣба имъ дѣйствительно давали, но сейчасъ-же и убивали. Словомъ, напрасно я напрягу свои усилія описывать вамъ весь ужасъ обрушившагоея на насъ несчастья... Было пролито столько невинной крови, что слѣды ея виднѣлись далеко за городомъ. По вступленіи въ городъ Гонта велѣлъ вогнать въ костелъ всѣхъ *магнатовъ*, должностныхъ лицъ и коммиссара [1]). Вокругъ костела поставили многочисленную стражу оберегать всѣ входы и выходы. Гонта приказалъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не могъ ускользнуть. Нѣкоторые изъ магнатовъ обратились къ стоявшему среди нихъ комиссару съ ѣдкой насмѣшкой: „Ты, вѣдь, доброжелатель нашъ и съ Гонтой очень друженъ; посовѣтуй-же, какъ намъ избѣгнуть теперь неминучей смерти". Но комиссаръ растерянно молчалъ; сознавалъ онъ, что и его конецъ близокъ. Вошедши въ костелъ, Гонта схватилъ поблѣднѣвшаго комиссара, набросилъ ему арканъ на шею, и самымъ позорнымъ образомъ вывелъ его изъ костела: Гонта нарушилъ данную клятву. Всѣ магнаты были умерщвлены. Комиссара раздѣли до нага, набросили ему на

1) По мнѣнію польскихъ мемуаровъ, губернаторъ Младановичъ, исполненный досады и отчаянія, самъ отправился въ костелъ. Зап. Липпомана; Зап. П. Младановича; Зап. Тучапскаго.

шею веревку и въ такомъ видѣ водили его по всѣмъ улицамъ города. Затѣмъ ввели его въ одинъ домъ, и Гонта далъ ему стаканъ меду говоря при этомъ: „Пей, скорѣе! Подарокъ этотъ предподноситъ тебѣ твое любимое чадо". Гонта сѣлъ и всячески издѣвался надъ смущеніемъ комиссара. „Ты, вѣдь, клялся пощадить меня, сказалъ съ укоромъ комиссаръ Гонтѣ".—„И ты вѣдь измѣнилъ своему слову, данному евреямъ, не выдавать ихъ мнѣ", гнѣвно отвѣтилъ Гонта. „За клятвонарушеніе одно тебѣ вознагражденіе — смерть"! Явился буянъ, и комиссаръ палъ мертвымъ [1]). Они оставались въ городѣ до тѣхъ поръ, пока все не было расхищено ими. Затѣмъ буяны разсѣялись по близъ лежащимъ деревнямъ, желая лишить евреевъ возможности спасенія. По дорогѣ буяны наткнулись на сто возовъ евреевъ. Послѣдніе отъ страшнаго испуга не знали, куда дѣваться и, обезумѣвъ отъ обуявшаго ихъ ужаса, бросились въ рѣку, и всѣ утонули. Были тамъ въ то время два брата очень благочестивыхъ. Многіе совѣтовали имъ спастись бѣгствомъ, но они наотрѣзъ отказались и предпочли умереть лучше вмѣстѣ съ своими несчастными единовѣрцами. Два буяна приступили къ братьямъ, отняли имѣвшіяся у нихъ деньги, приговаривая: „переночуйте тутъ, а завтра утромъ мы переправимъ васъ черезъ рѣку". Ночью буяны вошли къ нимъ въ комнату, одного сейчасъ закололи, а другому, попытавшемуся бороться съ ними, вонзили кинжалъ въ грудь. Недовольствуясь этимъ, они вбили ему колъ въ голову. Окровавленный, издавалъ онъ такіе раздирающіе душу крики, что было слышно далеко за городъ. Евреи, искавшіе спасенія въ бѣгствѣ въ Балту, преслѣдуемые мечемъ Гонты [2]), были настигнуты буянами не далеко отъ Балты, въ коли-

---

[1]) Разсказанный тутъ фактъ личной расправы Гонты съ губернаторомъ Младановичемъ отчасти подтверждается, отчасти опровергается другими мемуаристами Зап. Тучапскаго; Зап. П. Младановича.

[2]) Несомнѣнно, что тутъ рѣчь идетъ о другомъ героѣ движенія коліевъ, не участвовавшемъ, правда, въ Уманской рѣзнѣ съ Гонтой и Желѣзнякомъ, но расправлявшемся съ поляками и евреями въ другихъ мѣстностяхъ Украйны, между прочимъ преслѣдовавшемъ евреевъ послѣ бѣгства ихъ въ Балту. Я говорю о Неживомъ. Костомаровъ. Мат. для ист. кол.

чествѣ 70 человѣкъ; между ними были евреи изъ-подъ Занковы (?) При видѣ грозныхъ враговъ, они отъ испуга окаменѣли и не могли двинуться съ мѣста. Одинъ грекъ предложилъ купить себѣ жизнь деньгами. Евреи отдали имъ имѣвшіеся у нихъ 300 дукатовъ. Другой грекъ велѣлъ имъ сбросить съ себя одежду, и когда требованіе это было исполнено, ихъ всѣхъ умертвили. Это произошло 4 Тамуза[1]). Все мѣсто было усѣяно валявшимися трупами. Одинъ турокъ верхомъ прискакалъ въ городъ и разсказалъ евреямъ обо всемъ, случившемся за городомъ. Евреи стали совѣщаться, какъ отдать послѣдній долгъ убитымъ и похоронить ихъ. Они отправились къ старшему (какому?) и предложили ему 500 талеровъ за разрѣшеніе похоронить убитыхъ. Старшій согласился, а для защиты ихъ отъ бродившихъ повсюду буяновъ, послалъ съ ними двадцать туровъ. Два еврея, переодѣвшись турками, сопровождали ихъ. Среди кучи убитыхъ они нашли одну изувѣченную женщину, которая едва слышнымъ голосомъ разсказала имъ о происходившей ужасной рѣзнѣ. Ее перевели въ городъ, гдѣ она вскорѣ и скончалась. Искавшіе спасенія въ Балтѣ жестоко обманулись. Гонта послалъ за ними въ погоню нѣсколько пушекъ и 500 человѣкъ, подъ начальствомъ одного старшаго, по имени Шила[2]), видъ котораго производилъ впечатлѣніе кровожаднаго звѣря. По вступленіи въ городъ они предавались пьянству и обжорству. Шило послалъ четырехъ человѣкъ узнать, съ какою силою ему придется тутъ считаться. По дорогѣ они натолкнулись на двухъ юношей, которыхъ и хотѣли убить. На помощь юношамъ явился старшій (?), и буяны, получивъ съ него деньги, выпустили свою добычу. „Кто послалъ васъ сюда", обратился старшій къ нимъ съ вопросами.—„Мы посланы сюда для того, чтобы во всей Польшѣ не оставить въ живыхъ ни еврея, ни поляка", отвѣтили они. Въ такомъ случаѣ, сказалъ стар-

---

[1]) Сюда вкралась, конечно, ошибка: должно быть 14 Тамуза.

[2]) По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, Шило, дѣйствовавшій и раньше вполнѣ самостоятельно, независимо отъ гайдамацкихъ шаекъ, по взятіи Умани, бросился на Балту, куда влекло его извѣстіе, что многіе евреи и поляки нашли тамъ убѣжища, и онъ самъ отправился за ними въ Балту.

шій, я не выдамъ вамъ ни одного изъ нихъ; безъ вѣдома турка (?) я не могу бросить ихъ на произволъ. Если даже вы представляете собою царскую рать, то и тогда, согласно существующимъ законамъ, вы безъ разрѣшенія не смѣете близко подходить къ городу (?). Буяны хранили глубокое молчаніе; они все обдумывали, какъ имъ все-таки овладѣть евреями. Пробыли они въ городѣ три дня, въ теченіе которыхъ предавались безпрерывнымъ попойкамъ и кутежамъ. Во все это время евреи нисколько не пострадали. Начальникъ города всячески ободрялъ и утѣшалъ евреевъ, обѣщая защищать ихъ до послѣдней возможности. „Татары (?) тоже скоро явятся на помощь вамъ",—говорилъ онъ. Начальникъ одновременно принималъ подарки, какъ отъ евреевъ, такъ и отъ буяновъ, отъ чего евреи совершенно потерялись и пали духомъ, видя въ этомъ (въ чемъ?) кару Божію за то, что они, имѣя возможность бѣжать, оставались, однако, цѣлыхъ три дня въ одномъ городѣ съ буянами. Въ четвергъ татары въ количествѣ 80 всадниковъ вошли въ городъ. При видѣ татарской рати, буяны испугались и другъ другу говорили, что татары явились съ тѣмъ, чтобы сражаться съ ними. Немедленно отправились они къ своему старшему, совѣтуя ему скорѣе оставить городъ. Въ одну минуту ихъ не стало въ городѣ. Татары вошли въ польскій городъ [1]), и встрѣтились тамъ неожиданно съ христіанами, и татары нѣкоторымъ изъ нихъ отрубили головы. Остальные христіане побѣжали къ буянамъ и разсказали, что татары начинаютъ входить въ Польшу (?!)—Извѣстіе это сильно разгнѣвало буяновъ, и они возвратились, чтобы вступить въ бой съ татарами, а противъ евреевъ они послали нѣсколько пушекъ.—Ожесточенная битва между татарами и буянами продолжалась полдня, въ который нѣкоторые евреи рѣшили уйти изъ города. Евреи-же, возлагавшіе надежды на татаръ, остались въ городѣ, и всѣ погибли. Евреи, убѣжавшіе изъ города, попали въ руки татарамъ, и всѣ были перерѣзаны.

---

[1]) Балта была раздѣлена рѣчкою Кодымою на двѣ половины; изъ нихъ одна, собственно Балта, принадлежала Турціи, другая Іозефгродъ, Польшѣ, эту часть авторъ разумѣетъ подъ названіемъ „польскій городъ".—*Ред.*

(Татары отомстили евреямъ, вѣроятно, за малодушіе и за постыдное бѣгство изъ города). Многіе дѣйствительно спаслись, но все ихъ имущество погибло... Ужасныя муки и пытки, которымъ подвергались евреи, не поддаются буквально никакому описанію. Евреи, убѣжавшіе въ татарскія земли, по прибытіи въ Бендеры, были взяты въ плѣнъ. Многія отъ истощенія и безсилія погибли въ дорогѣ; нѣкоторые умерли отъ голода и жажды; часть утонула въ Днѣстрѣ, а несчастный остатокъ былъ взятъ въ плѣнъ и исполнялъ тяжелыя работы на барщинѣ. Евреи, жители другихъ городовъ, не переставали надѣяться, что Богъ рано или поздно отомститъ разбойникамъ за невинно пролитую кровь. Это (?) продолжалось три недѣли, втеченіе которыхъ во всей Украйнѣ и Побережьѣ не осталось ни одного еврея, ни поляка. Послѣ всего этого, буяны рѣшили увеличить свои силы, умножить свои пушки и отправиться войною на Польшу съ цѣлью истребить всѣхъ евреевъ и поляковъ и опустошить всю польскую землю. Бродскіе евреи, узнавъ о несчастьѣ, обрушившемся надъ украинскими евреями, отправились въ Шарогородъ къ генералу Браницкому [1]) и стали умолять его прекратить злодѣйства и заступиться за несчастныхъ евреевъ, обрекаемыхъ на жестокія муки и страданія. Генералъ внялъ мольбѣ евреевъ; утѣшалъ ихъ и обѣщалъ воздать буянамъ по заслугамъ [2]). Съ этой цѣлью онъ двинулъ туда свои войска. Генералъ отправилъ въ Умань нѣсколько сотъ человѣкъ, приказавъ имъ пробраться незамѣтно въ городъ. Вступивши въ городъ, генеральское войско отнеслось очень дружелюбно къ находившимся тамъ буянамъ и вмѣстѣ съ ними предавалось необыкновенному пьянству. Генеральское войско похвалило буяновъ за то, что они такъ ловко расправлялись съ евреями, и обѣщало при этомъ, что какъ только въ городъ войдутъ ожидаемыя войска, они вмѣстѣ произведутъ поголовную рѣзню евреевъ. Генералъ велѣлъ приготовить веревки и висѣлицы. Со своими остальными войсками вошелъ онъ въ городъ послѣ; нѣсколько

---

[1]) Ловчій коронный Ксаверій Браницкій.

[2]) По словамъ историковъ, Браницкій въ своемъ желаніи укротить гайдамацкія звѣрства имѣлъ въ виду совершенно другія комбинаціи.

сотъ человѣкъ подъ предводительствомъ одного полковника [1]) еще раньше генерала вошли въ городъ. При видѣ страшной картины опустошенія и убѣдившись, что буяны намѣрены производить новыя безчинства и насилія надъ евреями, полковникъ вспылилъ и съ негодованіемъ крикнулъ на нихъ: „Кто позволилъ вамъ такъ жестоко убивать несчастныхъ евреевъ?!“ Понявъ, что полковникъ не шутитъ, буяны обратились было въ бѣгство, но немедленно были задержаны и перевязаны. Съ ожесточеніемъ и лютой яростью полковникъ сталъ бить и терзать ихъ. „Мало съ васъ было произведеннаго грабежа, вы хотѣли еще опустошить всю Польшу!“—гремѣлъ голосъ полковника. „Царь не облекалъ васъ властью проливать столько невинной крови“. Затѣмъ генералъ Браницкій приказалъ своимъ донцамъ окружить буяновъ и никому не давать возможности исчезнуть. Донцы съ обнаженными саблями обступили буяновъ. Потомъ принялись за Гонту и причиняли ему неимовѣрныя страданія. Его заковали въ желѣзныя цѣпи и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ били. Гонта поднялъ отчаянный вопль. „Недостоенъ я пощады, говорилъ онъ, т. к. я всегда былъ безжалостенъ къ стонамъ и мольбамъ дѣвицъ и вдовъ, которыхъ часто закалывалъ“. „Одна несчастная вдова умоляла меня однажды оставить её въ живыхъ; въ отвѣтъ я однимъ взмахомъ ноги выбилъ ей всѣ зубы; по заслугамъ и мнѣ воздадутъ“. Браницкій приказалъ своимъ отрядамъ отправиться въ деревню за возами. Москвичи (москали, вѣроятно) отправились и привезли возы. На каждый возъ помѣстили по шести буяновъ; по дорогѣ они смѣялись и веселились, но какъ только они были приведены въ городъ (какой?), смѣхъ ихъ совершенно прошелъ. Пойманныхъ буяновъ вѣшали по семи въ каждой деревнѣ. Гонту приказано было генераломъ не вѣшать: его сначала подвергали ужаснымъ пыткамъ. Потомъ его заключили въ подземелье, и генералъ послалъ въ Шарогородъ за палачемъ. Когда палачъ явился, созвали всѣхъ евреевъ смотрѣть на печальный конецъ Гонты. Прежде всего съ него

---

[1]) Тутъ рѣчь идетъ о полковникѣ Гурьевѣ. Зап. Липпомана; Зап. П. Младановича; зап. В. Кребсъ.

желѣзными гребнями сдирали кожу. Затѣмъ сдѣлали желѣзную корону, сильно накалили и надѣли её Гонтѣ на голову, говоря при этомъ: сегодня мы коронуемъ тебя въ польскіе короли [1]). Палачу, для поддержанія и усиленія обуявшаго его звѣрства, выдавали пить водку. По временамъ палачъ прибѣгалъ и вырывалъ каждый разъ по куску мяса изъ тѣла Гонты. Затѣмъ Гонта былъ на части разрубленъ.

И. В. Галантъ.

[1]) О томъ, что Гонтѣ надѣли корону, нѣтъ никакихъ указаній у польскихъ мемуаристовъ, описавшихъ казнь Гонты и предшествовавшія ей обстоятельства. Но на Украйнѣ весьма распространено одно преданіе, которое, какъ нельзя больше подтверждаетъ сообщеніе еврейскаго мемуариста. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ м. Борщовкѣ, сквир. уѣзда, на берегу протекающей рѣчки Рось, возлѣ городскаго кладбища, расположены въ громадномъ количествѣ большіе камни. Среди нихъ выдѣляется одинъ камень, обращающій на себя всеобщее вниманіе. Преданіе объ этомъ камнѣ разсказываетъ слѣдующее. Въ то время, когда Украйна страшно страдала отъ движенія гайдамакъ, опустошавшихъ одно селеніе за другимъ, Гонта завернулъ и въ Борщовку, намѣреваясь предать и ее огню и мечу. Вдругъ взоръ его остановился на этомъ камнѣ, и Гонта произнесъ: „Я попытаю свое счастье: если я камень этотъ сдвину съ мѣста и брошу его въ рѣчку, тогда вся Украйна будетъ мною завоевана; если-же силы мнѣ измѣнятъ, то, значитъ, что моя звѣзда померкла“. И вотъ онъ схватилъ камень, нѣсколько потрясъ его, но сдвинуть его съ мѣста не могъ. „Я усталъ, сказалъ Гонта, отъ дороги; пообѣдаю и отдохну, и тогда камень сдвинутъ будетъ“. Проснувшись, онъ опять подошелъ къ камню, и какъ былъ онъ пораженъ, увидѣвши, что у подошвы камня, откуда ни возьмись, выросъ маленькій клинообразный камень, который какъ бы поддерживалъ огромный камень. Гонта нѣсколько разъ пробовалъ свои силы сдвинуть камень съ мѣста, но трудъ его оказался напраснымъ. Тогда, обмочивъ свою саблю въ рѣчкѣ, Гонта сказалъ: „Довольно! все для меня кончено“—и отошелъ отъ мѣстечка. По дорогѣ онъ былъ схваченъ Браницкимъ. Послѣдній одѣлъ Гонтѣ корону на голову, а затѣмъ умертвилъ.

Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго.

(Октябрь 1822 года).

Обширная переписка В. Я. Ломиковскаго съ другомъ его И. Р. Мартосомъ [1]), продолжавшаяся двѣнадцать лѣтъ (1818—1830 г.г.), почти вся посвящена излюбленной ими „мистикѣ“; лишь въ немногихъ письмахъ Л—аго встрѣчаются свѣдѣнія о житейскихъ дѣлахъ. Но въ одномъ изъ своихъ писемъ Л—ій нашелъ нужнымъ познакомить М—са со всѣми подробностями той хозяйской сутолоки, въ которую онъ былъ погруженъ, живя въ селѣ въ качествѣ „хлѣбопашца“. Въ этомъ письмѣ Л—ій сообщаетъ М—су свой дневникъ за 22 дня октября 1822 г., причемъ запись посвящена главнымъ образомъ сосѣду Л—аго, экс-министру Трощинскому. Мы уже знаемъ, что Л—ій былъ—миргородскій помѣщикъ, устроившій себѣ около дѣдовскаго села Шафоростовки, хуторъ, названный имъ *Паркъ-Трудолюбъ* [2]). Въ этомъ хуторѣ Л—ій и жилъ, занимаясь „хозяйствомъ и древностями“. А верстахъ въ въ 8-ми отъ Парка-Трудолюба, въ с. Кибинцахъ, поселился въ 1822 г. бывшій министръ юстиціи Дм. Пр. Трощинскій, послѣ вторичной своей отставки [3]). Трощинскій очень полюбилъ Л—аго и въ деревенскомъ своемъ уединеніи очень цѣнилъ бесѣду образованнаго и живаго парко-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1895 г., № 10.

[2]) См. Предисловіе къ Словарю Малорусской Старины. Кіевск. Стар. 1894 г., томъ 46-й.

[3]) См. Русск. Старина 1882 г., іюнь, стр. 655 и слѣд.

трудолюбскаго хозяина, который, въ свою очередь, и почтительно, и пріязненно относился къ „вельможному своему сосѣду“.

Несмотря на краткость печатаемаго здѣсь отрывка, мы въ немъ находимъ любопытныя черты изъ общественнаго быта глухихъ уголковъ Малороссіи первой четверти настоящаго столѣтія. Изъ этого же отрывка знакомимся ближе и съ самимъ Л—имъ, наблюдательность и писательская способность котораго показываютъ, что это былъ человѣкъ выдѣлявшійся изъ современнаго ему общества. Въ другомъ мѣстѣ мы намѣрены обрисовать личность Л—аго подробнѣе, а здѣсь лишь пожалѣемъ, что, подчинившись вліянію Мартоса, послѣ случайной съ нимъ встрѣчи у Трощинскаго, въ Кибинцахъ, Л—ій забылъ любимыя имъ прежде „древности“ и погрузился въ „мистику“. Изъ бумагъ Л—аго не видно, чтобы онъ имѣлъ обыкновеніе вести дневникъ. Помѣщаемый здѣсь отрывокъ явился, повидимому, случайно, изъ одного желанія, „обратясь мыслей теплою къ благодѣтелю“, развлечь этого благодѣтеля подробнымъ разсказомъ о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

Засимъ, приводимъ письмо съ дневникомъ, опустивъ изъ перваго—мѣста, касающіяся мистическихъ писаній Мартоса.

А. Л.

„На утренней зарѣ и въ сумеркахъ вечернихъ, совѣсть тихо шепчетъ мнѣ: и чтобы значило, что ты коснишъ писаніемъ къ истинному благодѣтелю своему?—Или жизнь разсѣянная заглушила въ тебѣ чувства признанія?—Совѣсть шепчетъ мнѣ и велитъ очнуться отъ забвенія постыднаго. Черными чернилами выражаю вину свою, и кровь багровая зардѣлась на щекахъ моихъ и—возговорило сердце мысленно: выдыбай душа изъ пучины суеты младенческой, пробѣги скорѣе чрезъ дремучій лѣсъ въ поле ровное, обсушися тамъ и согрѣй себя противъ солнца, солнца свѣтлаго, обратися мыслей теплой къ благодѣтелю.

Мнѣ очень пріятно было видѣть въ письмѣ вашемъ отъ 20 сентября изъявленіе удовольствія за книги ваши, одѣтыя въ

мастерскіе переплеты; теперь обстоятельства улучшились и впередъ можно будетъ безъ отлагательства переплетать и безъ замедленія доставлять книги, когда встрѣтится вамъ надобность [1]).

„Я не удивляюсь тому, что благодѣтельный вельможа *изъяснился мудрено* (какъ вы пишите), а можетъ быть и хладнокровно о извѣстныхъ вамъ твореніяхъ [2]). Доложу вамъ, что я

[1]) И. Р. Мартосъ присылалъ свои книги изъ Кіева, для переплета въ Кибинцы, гдѣ у Трощинскаго былъ очень хорошій переплетчикъ. Какъ извѣстно, Тр—ій былъ большой библіофилъ и, собирая извѣстную свою библіотеку, старательно „одѣвалъ“ книги въ сплошную *телячью* кожу; переплеты эти сохраняютъ свое солидное щегольство еще и теперь. Послѣ смерти Д. П. Тр—аго библіотека его перевезена была племянникомъ изъ Кибинецъ въ м. Кагарлыкъ (кіевск. губ.) и отсюда была куплена, лѣтъ двадцать назадъ, кіевскимъ книгопродавцемъ Федоровымъ, для розничной распродажи. Въ это время и намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько книгъ изъ этой библіотеки; всѣ онѣ мастерски переплетены въ сплошную кожу, при чемъ на спинкахъ, кромѣ заглавій, на всѣхъ книгахъ имѣются инициалы бывшаго хозяина ихъ—Д. Т. Распродавъ болѣе цѣнныя изъ этой б-ки книги, Федоровъ остальныя недавно подарилъ въ кіевскую публичную б—ку, которая такимъ образомъ пріобрѣла очень много рѣдкихъ старинныхъ журналовъ.—Кибинскіе переплеты цѣнились недешево; въ одномъ письмѣ Л—ій, извѣщая М—са, что книги его уже переплетены, пишетъ: „относительно же цѣны, то вотъ и щотъ: 1) два сафьянныхъ переплета—10 руб. да еще 33 переплета французскихъ, каждый по три рубля, всего 109 рублей“. Матеріалы для переплета Тр—ій, живя въ Кибинцахъ, выписывалъ изъ Петербурга.

[2]) Повидимому, И. Р. Мартосъ жаловался на равнодушіе Д. П. Трощинскаго къ „мистикѣ“. Въ письмѣ Тр—аго къ М—су, 28 апрѣля, 1822 г., читаемъ: „Съ благодарностью получилъ я рукописныя книги, отъ васъ доставленныя и они то занимаютъ меня теперь вседневно; но признаюсь вамъ чистосердечно, безъ предъувѣдомленія вашего, съ толикою твердостію и основательностью опровергающаго ложныя умствованія сочинителя, я бы не имѣлъ терпѣнія прочитать его отъ начала до конца. При всей знаменитости Г. С. (Сведенборга), при всей глубокой мудрости его, одни чудесныя видѣнія его совершенно унижаютъ цѣну его творенія и показываютъ его или сумашедшимъ или шарлатаномъ. Можетъ быть я и обманываюсь на счетъ сего прославленнаго сочиненія, но система его одна изъ тѣхъ, кои никогда не привлекутъ моего къ нимъ уваженія...“ Въ другомъ письмѣ (1 іюля 1822 г.) Тр—ій пишетъ М—су: „Употребивъ ровно 50 дней на прочтеніе извѣстной книги вами мнѣ доставленной, я чистосердечно сознаюсь предъ вами, что не смѣю назвать ее *Ангельскою премудростію*, и слѣдую вашему мнѣнію, „что въ семъ дѣлѣ гораздо полезнѣе молчать“, не могу однакожъ не убѣждаться справедливостью того заключенія, которое нашелъ я въ прочитанной другой книгѣ подъ титуломъ *Божественная философія*. Сочинитель сея послѣднія нащетъ Г. Св. изъясняется сими словами: „Жаль, что онъ часто божественную мистику св. писанія потемняетъ своимъ воображеніемъ, которое нерѣдко заражало его своею ржавчиною. Сія истина

знакомъ теперь съ прямымъ образомъ мыслей его, относительно такого рода твореній, ибо когда случайно зайдетъ рѣчь объ библейскихъ обществахъ или о казанскомъ журналѣ, отличающемся богословскими сочиненіями, то онъ часто говоритъ: „не люблю я господствующаго нынѣ духа“. На всѣ таковыя сочиненія онъ удѣляетъ самую малую часть времени и сейчасъ спѣшитъ къ свѣтскимъ сочиненіямъ, не говоря уже о застарѣлой наклонности ко всякимъ политическимъ изданіямъ и новостямъ. И такъ, не взирая на то, что онъ усердный сынъ церкви и притомъ ведетъ жизнь благоподательную, не взирая на то, и въ самой даже уединенной жизни своей, не можетъ легко изглаживать впечатлѣній, укоренившихся въ немъ впродолженіе долголѣтняго служенія, начавшагося между богатыми міра и пол-вѣка продолжавшагося предъ лицомъ роскошнѣйшей царицы и двухъ великомощнѣйшихъ царей русскихъ, нельзя сказать, чтобы онъ преимущественно занимался *богомысленнымъ чтеніемъ или выборомъ сильныхъ мыслей*, по коимъ бы могъ размышлять и поступать, предпочитая всегда послѣднее первому; но онъ питаетъ духъ свой всякого рода чтеніемъ; въ семъ отношеніи онъ служитъ тому и другому господину. Нѣкогда удалось мнѣ переложить въ русскіе стихи оду Жанъ-Батиста Руссо, отрывки оной такъ говорятъ:

Счастливъ, кто въ жизни сей
Рубежъ наслѣдственныхъ полей
Спокойнымъ духомъ обтекаетъ,
Чье сердце вопль не ужасаетъ
Вдовицъ убогихъ, дѣтокъ ихъ,
Изгнанныхъ изъ жилищъ своихъ.

* * *

А ты, кѣмъ мила тишина
Въ предѣлахъ сихъ водворена,
Прійди, спокойствомъ насладись,
Заботъ докучныхъ удались,
Они здѣсь крововъ не гнѣздятъ,
Дыханьемъ воздухъ не густятъ...

не можетъ быть чиста, какъ скоро для достиженія къ ней нужно ломать голову...“ Вѣроятно, на эти письма Тр—аго М—съ и жаловался Ломиковскому, говоря, что „вельможа изъяснился хладнокровно о извѣстныхъ твореніяхъ“. (Подлинники приведенныхъ писемъ Тр—аго наход. въ нашей б—кѣ).

Такъ стихотворцы издавна увѣряютъ, что посвятившіе себя сельской жизни могутъ обрѣсти прочное спокойствіе. Истинный христіанинъ, съ твердостью покоряясь промыслу, на всякомъ мѣстѣ найдетъ счастье въ сердцѣ своемъ; сельское же счастье, искуемое въ мірѣ, существуетъ только въ воображеніи стихотворцевъ, ибо нынѣ сельская жизнь нашего дворянства такъ отдѣлена отъ непорочной патріархальной жизни, какъ и лѣтосчисленіе отъ первыхъ періодовъ бытій до нынѣшнихъ временъ, самыхъ мятежныхъ.—Многолѣтніе опыты удостовѣрили меня, что безмятежное спокойствіе не весьма чаще заглядываетъ въ сельскую обитель, какъ и въ городскія палаты. Я посвятилъ себя мирнымъ занятіямъ; любя умѣренность, колико можно удаляюсь отъ суеты, непрестанно ищу уединенія, и при всемъ томъ мирныя упражненія мои треволнуются день и ночь. Въ доказательство сего представляю здѣсь дневныя записки такого хлѣбопашца, котораго полагаютъ въ числѣ трудолюбовыхъ и котораго многіе сосѣди упрекаютъ нерѣдко за то, что рѣдко съ ними видится.

1822 года, мѣсяцъ октябрь.

8-ое число. Украли у меня рабочую лошадь; слѣдъ найденъ у городского жителя.

9. Мнѣ, обиженному, надлежало поѣхать къ городничему и просить удовлетворенія, убѣждая его въ справедливости дѣла моего. Я представилъ градоначальнику, что званіе его столь важно, что и въ самой литургіи церковь молится о немъ въ особенности; онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ это; однакожъ лошадь мою болѣе двухъ недѣль изнуряли въ городѣ, наконецъ возвратили ее, но не даромъ!

10. Я повезъ въ городъ подушную подать, за вторую половину сего года, за 91 душу ревизкихъ крестьянъ своихъ заплатилъ за полъ-года до 300 рублей! Кое-какъ еще помѣщики уплачиваютъ за крестьянъ своихъ подати; иного же званія крестьяне погрязли въ недоимкахъ.—Между тѣмъ казначей до-

казалъ мнѣ, что въ числѣ податей, одна бѣлая ассигнація есть фальшивая, вслѣдствіе чего пошли крайне непріятныя переписки, показанія и снятіе сказки по узаконенной формѣ.

11. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ получилъ я позовъ [1]), дабы явиться въ повѣтовый судъ къ отвѣту на одинадцатое число октября мѣсяца; позовъ сей данъ на имя мое отъ пяти лицъ, за то именно, что я, соображая обоюдныя выгоды, промѣнялся съ сосѣдомъ своимъ одной полосой земли; не смотря на то, что обмѣнъ сей сдѣланъ былъ 13 лѣтъ тому назадъ и на законномъ основаніи, однакожъ самые неопытные сосѣди, наиболѣе изъ женскаго пола, наставлены были ябедниками, чтобы они, жалуясь на обидчика, приоравшаго у нихъ въ послѣдствіи собственную землю ихъ, ссылались бы и на меня; и хотя при этомъ дѣлѣ истцы просили у меня совѣтовъ для защиты ихъ и я всемѣрно защищалъ ихъ и успѣлъ въ томъ, но все негдѣ того дѣть, что я получилъ позовъ, съ омерзеніемъ занимался нѣсколько дней юридическою словесностью и статутовымъ вижжаніемъ (sic). Среди докучныхъ занятій сихъ, сей день вечеромъ, вельможный сосѣдъ мой (Трощинскій) послѣ стодневнаго отсутствія, прибылъ въ Кибинцы.

12. Вмѣстѣ съ женою пріѣхали мы въ Кибинцы поздравить семейство вельможи съ благополучнымъ пріѣздомъ. Женѣ были сдѣланы намеки за то, что я не встрѣтилъ вельможу вчерашняго вечера и что досточтимый сосѣдъ мой весь вечеръ провелъ въ скукѣ одинъ. Они не внимали тому, что я не былъ предваренъ о пріѣздѣ и отнюдь не хотѣли соображать, что я могъ встрѣтить, какъ и случилось, разныя заботы и ненавистныя сердцу моему занятія,—я же и виноватъ!

13. Присланъ ко мнѣ нарочный въ село Кибинцы съ письмомъ отъ старшаго сына друга моего Алексѣева; онъ прибылъ изъ полку въ отеческую обитель, а потому проситъ меня, чтобы я пріѣхалъ къ нимъ для свиданія, убѣждая тѣмъ, что если я не воспользуюсь симъ случаемъ, то уже нескоро увидимся; сверхъ того, 14-е число октября мѣсяца есть день рожденія его

---

[1]) Повѣстку о вызовѣ.

матери. Докладывая вельможѣ о таковой необходимости, получилъ въ отвѣтъ: „вашъ отъѣздъ крѣпко разстроиваетъ меня, ибо мнѣ необходимо надобно будетъ поѣхать съ вами въ Хорольской уѣздъ, къ Марѳѣ Михайловнѣ Родзянкиной, (родной теткѣ моей по мужу [1]). Я далъ слово возвратиться черезъ два дня. Того-жъ вечера выѣхалъ къ Алексѣеву; ѣдучи съ горы, опрокинулась моя коляска; кучеръ, слуга и господинъ, всѣ трое выкатились изъ экипажа, какъ головки капустныя, но безъ вреда.

14. Домашній праздникъ въ домѣ Алексѣева [2]); обѣдню служили соборомъ; пѣвчіе отличные.—Къ обѣду съѣхались сосѣди и знакомые изъ трехъ уѣздовъ, также военные изъ нѣсколькихъ полковъ и родные изъ нѣкоторыхъ губерній были здѣсь случайно; дамъ было до тридцати; пировали, пѣли и плясали; были игры, хоры и веселія. Хотя ястія и питія явились здѣсь изъ многихъ странъ заграничныхъ, тучныхъ, сладкихъ и ароматныхъ снѣдій представлено было съ преизбыткомъ, однакожъ все сіе посѣтителями пріемлемо было за самое обыкновенное и какъ бы ничто; такъ-то нынѣ усилилась роскошь.

15. Воскресный день; мало кто былъ въ церкви; пированіе такое-же.

---

[1]) Рожденная Шрамченко, изъ м. Воронежа, глуховск. уѣзда.

[2]) Дмитрій Ларіоновичъ Алексѣевъ былъ потомокъ гетмана Апостола и жилъ гдѣ то въ Миргородщинѣ, въ одномъ изъ бывшихъ гетманскихъ имѣній. О немъ Ломиковскій, въ одномъ изъ писемъ къ Мартосу, разсказываетъ слѣдующее: „Д. Л. А(лексѣевъ) объѣхавъ западную Европу въ качествѣ путешественника, пріѣхалъ въ Спб. съ духомъ вольнодумства; здѣсь, во время прогулокъ, увидѣвъ во французской книжной лавкѣ случайно книгу *о небѣ и адѣ*, онъ внутренно смѣялся—какъ можно человѣку, будучи еще на землѣ, описывать адъ и небо? что можно знать, не бывши тамъ?.. Издѣваясь съ однимъ пріятелемъ своимъ надъ заглавіемъ книги, рѣшился купить книгу сію единственно изъ любопытства, дабы посмѣяться надъ писателемъ; какъ, напротивъ того, встрѣтилъ тамъ такія высокія истины, которыя и на мысль не приходили ему. А какъ въ этой книгѣ авторъ ссылается часто на другія творенія свои, то и родилось у Алексѣева желаніе достать всѣ оныя книги и онъ выписалъ изъ Лондона на англійскомъ языкѣ всѣ творенія сего автора: тогда онъ столько примѣнился къ сему автору, что пожелалъ видѣть творенія сіи въ русскомъ переводѣ, а потому и сталъ нанимать переводчиковъ, которые и перелагали творенія сіи съ различныхъ языковъ: съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, а всего болѣе съ латинскаго языка“. (25 апр., 1823 г.).

16. Оставивъ множество гостей, выѣхалъ рано, чтобы поспѣть въ Кибинцы къ обѣду, и поспѣлъ. Алексѣевъ и жена его гнѣвались на меня крѣпко, что рѣдко бываю у нихъ; разсудительная дама уважила причины мои, хозяинъ же никакого оправданія не принималъ и не захотѣлъ проститься со мной. Гнѣвъ отъ любви, и притомъ крайне неосновательный и несправедливый гнѣвъ, не могъ поселить въ сердцѣ моемъ грустнаго впечатлѣнія. Дмитрій Ларіоновичъ Алексѣевъ никогда бы не поступилъ со мною такъ, какъ младшій братъ его, ибо первый въ бесѣдахъ привѣтливъ, мягкосердъ, слушая оправданія, и въ общежитіи снисходителенъ и всегда скроменъ, какъ красна дѣвица, воспитанная въ высокомъ теремѣ. Того-жъ дня, прибылъ я домой и привезъ женѣ кошницу съ лекарствами.

17. Давалъ женѣ лекарства по семи разъ въ день, а сверхъ того теплую ванну; она страдаетъ застарѣлымъ заваломъ въ селезенкѣ, который однакоже разбитъ болѣе половины.

18. Утромъ пріѣхалъ въ Кибинцы. Въ 12-мъ часу мы легко пообѣдали; по здѣшнему выраженію, легко пообѣдать значитъ—6 блюдъ на завтракѣ да 6 на обѣдѣ; и такимъ образомъ съ полутощимъ желудкомъ выѣхали мы за городъ Хоролъ, въ село Родзянки, къ Мареѣ Михайловнѣ Родзянкиной; третій сотоварищъ нашъ былъ престарѣлый Р. И. Симоновскій. На половинѣ дороги подставлены были лошади, и мы, проѣхавъ 50 верстъ, поспѣли въ село Родзянки при закатѣ солнца.

19, 20, 21. Всѣ сіи дни была дурная погода, не было возможности проѣздиться и разсматривать хозяйскія устройства; по сей причинѣ мы всякій день бостонировали. Оригиналъ Симоновскій и подобная ему француженка, живущая въ домѣ Мареы Михайловны, часто смѣшили насъ странными глаголаніями. Молодежи было довольно, и мы такъ свободно празднословили, что еслибъ незнакомый человѣкъ подслушалъ насъ въ другой комнатѣ, то подумалъ бы, что все общество наше состоитъ изъ самыхъ зефирныхъ блазней; но еслибъ онъ заглянулъ внимательно на собесѣдующихъ, то какъ бы онъ удивился, увидѣвъ тутъ маститаго мужа, министра, украшеннаго первоклассными знаками отличія и утѣшавшагося нашимъ суесловіемъ!

Извѣстно, что нашъ министръ до 2-го часу занятъ дѣломъ, а тамъ, чѣмъ веселѣе и свободнѣе бесѣда, тѣмъ пріятнѣе ему. Такого образа жизни и самъ издатель—*Способа къ долговременной жизни*, Гуфеландъ, не осудитъ.

22. Мы прибыли обратно въ Кибинцы на поздній обѣдъ. Вечеромъ бостонъ и хоръ пѣвчихъ. NB. Кратковременное путешествіе сіе принесло великую пользу народу, и вотъ какую: по случаю переѣзда нашего, я писалъ къ хорольскому исправнику, что на пути нашемъ находится глубокій ручей, на которомъ проѣзжіе крестьяне издревле ломаютъ возы свои или объѣзжаютъ за 4 версты, что во время грязной дороги очень тягостно народу; и такимъ образомъ некоснительно сдѣланъ мостокъ тамъ, гдѣ не бывало онаго отъ сотворенія міра. Министръ, служившій отечеству во благо народа болѣе 50 лѣтъ, весьма стоитъ того, чтобы въ преклонныхъ лѣтахъ его оказывали къ нему особливое уваженіе.

23, 24. Поспѣшилъ домой. Жена моя приготовляла приличные наряды къ празднику. Я же едва успѣлъ снять счетъ расходовъ и прибытковъ хозяйскихъ; прочиталъ новые журналы, газеты и тому подобное.

25. Рано пріѣхалъ я съ женой въ Кибинцы. Здѣсь получилъ я изъ рукъ А. В. Капниста два письма отъ васъ [1]) и драгоцѣнную рукопись вашу. Немедля прочиталъ оную бѣгло, но съ ненасытнымъ удовольствіемъ, потомъ читалъ съ размышленіемъ и новымъ удовольствіемъ перечитывалъ и усладился въ сытость. Сей день засталъ я гостей въ Кибинцахъ: Марѳу Михайловну, Родзянкину съ двумя старшими сыновьями, Анну Петровну Трохимовскую, Багрѣева съ женою; сей сказывалъ намъ, что старшій братъ его женился на дочери министра Сперанскаго, и въ прежнемъ качествѣ черниговскаго губернатора, возвратился съ женой и съ помпой во свояси. Сперанскій, на первый случай, подарилъ новобрачнымъ по 30.000 рублей ежегодно.

---

[1]) Т. е. отъ И. Р. Мартоса.

26. Тезоименитый день нашего эксъ-министра. Еще съ двадцать-третьяго числа посѣтители начали съѣзжаться, но сей день отъ всѣхъ сторонъ катились во дворъ экипажи. Въ церковь ѣхали парадомъ болѣе тридцати экипажей; почти во всякомъ дворѣ видны были пріѣзжіе экипажи. Литургія продолжалась три часа. Возвратясь изъ церкви, едва можно было дойти до гостинной, надлежало крѣпко тѣсниться между мундирами. Изъ числа посѣтителей были: генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, бригадный генералъ Ляховичъ; изъ Миргорода, Лубенъ и Лохвицы—полковые командиры, также множество было штабъ-офицеровъ, эполетовъ, эксельбантовъ и пуговицъ съ губернскими гербами. Былъ губернскій предводитель дворянства В. В. Капнистъ съ дочерью, племянницей, внукой и правнукой; былъ и архимандритъ полтавскій Іосифъ; были изъ трехъ уѣздовъ протопопы, священники и діаконы; духовныхъ особъ было вообще 19. Дамъ было немного болѣе, всѣхъ же вообще было болѣе 150 человѣкъ. Что сказать вамъ объ угощеніи?—никакъ нельзя сказать, чтобъ угощеніе было блистательное или расточительное; но оно было въ сытость пресыщенія, какъ водится нынѣ у зажиточныхъ хлѣбосоловъ. Могу сказать утвердительно, что гости, включительно съ прислугою, въ три дня столько проглотили хлѣба насущнаго, рыбъ, птицъ и звѣрей земныхъ, что еслибъ во время оно, припасы сіи находились въ ноевомъ ковчегѣ, то весьма довольно было бы для всего семейства патріарха сего на все время плаванія его поверхъ пучины. Слѣдовательно, нынѣ роскошь столько усилилась, что для пированія имянинъ вельможи потребно издержать съѣстныхъ припасовъ въ три дня столько, сколько во время плаванія Ноя потребно было для годового прокормленія всего рода человѣческаго, въ то время существовавшаго. Но этого мало еще; потребно, чтобы всѣ царства земныя принесли избытки свои для трапезы его, ибо нынѣ уже и пища не въ пищу, если не будетъ приправлена многими иноземными произведеніями, какъ то: перцемъ, имбиремъ, лимономъ, померанцевымъ цвѣтомъ, ванилью, миндалями, амброй, лавромъ, капорцемъ, коринками, изюмами, и проч., и проч. И этого мало! всѣ лѣса и сады міра нашего должны представить изящнѣйшіе плоды свои; до-

лины, горы и острова отдаленныя присылаютъ ему различныя вина свои, коихъ одни имена только [1]) едва припомнить можно! Мудрены нынѣ прихоти людскія. Чудное дѣло! всѣ приморскіе народы суетятся день и ночь, дабы сбыть избытки свои; и шестивершковый желудокъ не можетъ быть довольно сытымъ, если не утучнитъ утробы своей драгоцѣнными произведеніями земли и моря! Посмотрите на городского ремесленника, живущаго вседневными трудами: едва проснется онъ, и первымъ глодкомъ (sic) пожираетъ уже произведенія четырехъ странъ свѣта!—какъ то: кофе—изъ Африки, чай—изъ Азіи, сахаръ—изъ Америки, а булка и крендели свои, изъ Европы. Такъ-то нынѣ большая часть людей трудятся въ потѣ лица своего день и ночь для того, чтобъ не утучнять себя излишками; но соблюдая жизнь умѣренную, садясь и вставая отъ простой трапезы, трудами рукъ своихъ пріобрѣтенной среди зноя или среди нестерпимой стужи, благословляетъ Бога, насыщавшаго отца съ многочисленнымъ семействомъ его. Какъ напротивъ того, большая часть людей, утопавшихъ въ избыткахъ, нѣсколько часовъ сряду пресыщается острыми и сладкими яствами, хоры и многолѣтіе громогласно раздается; встаютъ наконецъ нарядные сонмы, рдяныя лица ихъ играютъ веселіемъ—и никто не перекрестится! Кто посмѣетъ сказать, что земной шаръ истощился въ плодородіи своемъ? Господь сказалъ: „когда я одѣваю цвѣты земные, питаю птицъ несѣющихъ хлѣба, то ужели не прокормлю человѣка“?

27, 28. То-же угощеніе и тѣ самыя веселія.

Пиръ веселый пировали,
Въ карты, въ фанты тамъ играли;
Пѣли тамъ, а тамъ плясали;
Въ вечеръ шумный молодцы
Первенствуя, роль играли.
Тамъ не въ модѣ мудрецы,
Гдѣ дѣвицы веселятся
И гдѣ головы вертятся;
На старушекъ не глядятъ,—
Скромно въ уголку сидятъ,

[1]) Подъ видомъ славнаго заморскаго вина, мы часто съ ядомъ пьемъ лишь моды имена.—*Примѣч. Ломиковскаго.*

Юность съ горемъ вспоминаютъ,
Съ внучекъ взоровъ не спускаютъ.
Ужъ не видитъ дочь отца,
Все глядитъ на молодца:
Шепчетъ милому тихонько,
Милый руку жметъ легонько...
Суесловью нѣтъ конца.

29. Князь Репнинъ рано выѣхалъ въ Полтаву. Еще оставались въ Кибенцахъ нѣсколько семействъ пріѣзжихъ. Я выѣхалъ домой [1]).

30. Вотъ такъ-то мы въ деревняхъ убиваемъ время; на что такая жизнь похожа? Я тунеядничалъ, а крестьне мои тѣмъ временемъ поочереди, въ сіи три недѣли, занимались моими и своими собственными дѣлами; работы были слѣдующія, орали: починяли разныя строенья для домашняго скота; ушивали (соломяныя) кровли; молотили хлѣбъ, вѣяли, сушили и мололи; квасили капусту и свеклу; продолжали кирпичныя строенія; подковывали лошадей; рѣзали сѣчку для скота; приготовляли къ зимѣ санные экипажи и рабочія сани; жали камышъ; пилили строевой лѣсъ; ловили рыбу; рѣзали тучныхъ валаховъ и овецъ, изъ которыхъ дѣлали вообще слѣдующія всеполезныя употребленія: изъ кишокъ—струны для шаповаловъ и другихъ потребностей; изъ ножекъ—клей мерзляной; кровію поливаются съ успѣхомъ, въ подражаніе китайцамъ, плодоносныя деревья; мясо въ солонину, сало и кожи—на тулупы для людей. Каковы овцы?—Также дѣлали крахмалъ, разныя крупы, вывозили гуменной и скотской навозъ на конопляныя поля и огороды, сѣяли на зиму нѣкоторыя сѣмена садовыя и огородныя; курили горѣлку; дѣлали солодъ; обшивали людей дворовыхъ сапогами, шапками, тулупами, рукавицами и проч. и проч. полезныя и пріятныя занятія. И можно ли такія упражненія, столь близкія къ природѣ человѣка, столь безгрѣшныя дѣла, промѣнять на жизнь тунеядную, на денноощное бдѣніе чувственности безъ мирнаго бдѣнія души? Посудите сами, на

[1]) Повидимому, этотъ самый именинный праздникъ описанъ и другимъ сосѣдомъ Трощинскаго. См. Русск. Стар. 1882 г., № 6, стр. 659 и слѣд. См. также Историч. Вѣсти, 1891 г., май, стр. 363, въ Воспоминаніяхъ Софьи Скалонъ.

что похожа жизнь такая? гдѣ мирная тишина въ душѣ, гдѣ спокойствіе въ сердцѣ? И можно ли не краснѣть отъ стыда, давая вечерній отчетъ съ разумомъ и съ совѣстію о употребленіи жизни своей? Гдѣ то хожденіе передъ лицомъ Бога, которое требуется отъ всякого христіанина? Пожалѣйте обо мнѣ, что я совершенно поневолѣ, но всегда съ глубокимъ сожалѣніемъ, убиваю драгоцѣнное время; разсѣянная жизнь сія тѣмъ нестерпимѣе для сердца моего, что у меня похищаетъ, грабитъ, изъ рукъ вырываетъ даже и тѣ золотые часы, которые бы желалъ я вседушно посвятить для сладостнаго собесѣдованія съ вами; не говоря уже о томъ, что закоснѣлость въ празднословіи изгоняетъ духовность, а грубую чувственность, унижающую человѣка, всемѣрно ласкаетъ. Увы! не усну и не почію въ мирѣ!

Теперь доложу вамъ, что получивъ, чрезъ А. В. Капниста, октябрскія письма ваши, положилъ въ мысляхъ своихъ, немедля и безъ всякой отсрочки, дать полный отвѣтъ на всѣ ваши отзывы; но какъ же удивился я, когда на досугѣ сообразилъ, что уже мѣсяцъ прошелъ, а вы и до сихъ поръ не имѣете отъ меня никакого отвѣта! Я самъ себѣ говорилъ: какимъ образомъ это случилось такъ? Вѣдь, кажется, я былъ дома пять дней сряду, хотя дни очень короткіе, при свѣчахъ же я и читать не могу, ибо не хочу баловать глаза очками; однако-жъ, за пять дней, можно бы приступить къ дѣлу; приступилъ, а далѣе не имѣлъ возможности продолжать писанія, ибо въ сіе время гостила у насъ мать жены моей и собственные мои родственники изъ Харьковской губерніи. Послѣ сего получилъ непріятное извѣстіе, что старшій братъ мой жестоко страдаетъ грудною водяною и поѣхалъ въ Полтаву лѣчиться къ славному Росташевскому. Чувство природы повлекло меня къ единоутробному и къ радостному удивленію моему, увидѣлъ брата довольно здороваго и внѣ опасности; онъ говорилъ мнѣ, что ему въ продолженіи 3 недѣль, 8 разъ пускали кровь піявочную и такимъ образомъ вылѣчили отъ водяной, произшедшей отъ закрывшихся гемороидъ. Такіе-то разные непредвидѣнные случаи отторгаютъ меня отъ самыхъ необходимыхъ мнѣ занятій. Представивъ вамъ съ возможной подробностью, всякаго рода помѣхи, которыя

отнюдь не чуждаются и сельскихъ жителей,—убѣдительно прошу васъ, когда и впередъ случится долгій періодъ молчанія моего, то это ни отъ чего другого происходитъ, какъ отъ невольной суеты, жестоко удручающей меня, и что я, какъ бы ни замедлилъ своимъ отзывомъ къ вамъ, но все стряхну съ себя и никогда не допущу себя до такой неключимости, чтобъ при первомъ досугѣ не постарался наградить горестной потери таковой"... (*Письмо помѣчено*: Паркъ Трудолюбъ. Ноября 30, 1822 г.).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Мое знакомство съ Бородухинымъ началось значительно раньше, въ 1832-мъ году. Онъ очень рано былъ отправленъ въ С.-Петербургъ подъ покровительство родственника по матери, тамошняго чиновника Козакевича, гдѣ и прослужилъ долго, и наконецъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга съ начальникомъ путей сообщенія генераломъ Вельяшинымъ въ г. Моршанскъ, гдѣ сходились разные пути по водяному сообщенію. При Вельяшинѣ онъ былъ секретаремъ. Здѣсь онъ и женился. По его словамъ, онъ могъ бы обогатиться, но не имѣлъ характера нынѣшняго времени, когда при довѣріи начальства расхищаются огромныя суммы, нерѣдко совершенно безнаказанно. По смерти его начальника страшныя начеты навлекли раскассировку. Онъ, хотя и остался невиновнымъ, но все же потерялъ должность; затѣмъ умерла у него жена, и онъ остался съ двумя дочерьми, Александрой и Варварой. Проживъ тамъ годъ или болѣе, онъ прибылъ съ дѣтьми и десятью душами крестьянъ. Онъ переѣхалъ съ тамошними русскими извощиками на своей парѣ лошадей, запряженной въ рессорную бричку. По прибытіи онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ и пригласилъ лично съ собою тогда же въ домъ. Я смотрѣлъ на него, какъ на большого чиновника: онъ уже тогда имѣлъ орденъ св. Анны на шею; для меня въ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар". 1895 г., № 10.

селѣ это уже было много. Между тѣмъ онъ обращался со мною радушно, безъ всякихъ панскихъ претензій, нетерпимыхъ мною, на которыя были столь падки наши Городисскіе. Онъ тутъ же меня пригласилъ заняться съ дѣтьми русскою грамматикой, ариѳметикой и катихизисомъ по три дня въ недѣлю. Дѣвочки довольно уже были знакомы со всѣми этими предметами. Между прочимъ нужно замѣтить, что онъ былъ слишкомъ религіозенъ не пропускалъ ни одной литургіи въ воскресные и праздничные дни, любилъ читать на клиросѣ и даже испросилъ у меня позволенье читать акафистъ. Конечно, онъ читалъ довольно хорошо, но скоро убѣдился, что не его это дѣло. Осень, зиму и лѣто онъ провелъ въ Городищѣ, находясь всегда въ хорошихъ отношеніяхъ со мною и видаясь почти ежедневно. Затѣмъ осенью онъ началъ мнѣ говорить, что съ наступленіемъ зимы онъ отправится съ дѣтьми, двумя дворовыми и дѣвкой въ С.-Петербургъ, чтобы тамъ пристроить дѣтей и самому опредѣлиться на службу, пока позволяетъ здоровье. Правда, онъ былъ видный и осанистый мужчина. Сборы въ дорогу затянулись, такъ что онъ выбрался изъ Городища только на масляной недѣлѣ. Онъ купилъ у меня пару лошадей, да своихъ было двое, на однѣхъ только саняхъ устроилъ будку, а двое саней были съ кладью. Въ его саняхъ было по одной большой лошади, а въ третьихъ—пара. На послѣднихъ саняхъ было поставлено нѣсколько сундуковъ и чемодановъ. Я проводилъ его за Кучиновку и здѣсь распростился съ нимъ. Онъ взялъ съ собой только двухъ крѣпостныхъ, кучера Павла и еще другого, остальныхъ же оставилъ въ Городищѣ на моемъ попеченіи. Чрезъ полтора мѣсяца я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ меня извѣстилъ, что находился въ пути болѣе мѣсяца, претерпѣлъ много трудностей, но прибылъ благополучно въ С.-Петербургъ. „Нужно пристроиться—писалъ онъ—и дочь большую устроить, такъ какъ ей уже лѣта подходятъ. Но бѣда въ томъ, что знавшіе меня хорошо одни выбыли изъ службы, а другіе умерли. Однако случай доставилъ возможность сблизиться съ княземъ Кочубеемъ, который доставилъ моей дочери Александрѣ возможность поступить въ Смольный институтъ въ число институтокъ, а мнѣ получить мѣсто контролера въ почто-

вомъ департаментѣ съ даровою квартирою". Кажется, далѣе этой карьеры онъ не пошелъ, прослуживши лѣтъ тридцать и выслуживши полный пенсіонъ и нѣсколько орденовъ. Я содержалъ года четыре оставшихся его людей, но онъ впослѣдствіи, пріѣхавши изъ Петербурга, забралъ еще четырехъ съ собою, оставивъ только старика Бориса съ женой да сынка ихъ, съ содержаніемъ въ мѣсяцъ по одному пуду муки и на проч. расходы на всѣхъ по одному рублю серебромъ, предоставляя имъ право заработывать въ свободное время на себя. Мы съ нимъ переписывались все время до поступленія сына Александра въ Петербургъ, послѣ чего я до самой смерти его получилъ письма два, хотя еще обѣщалъ онъ пріѣхать на родину умирать. Умеръ онъ въ Петербургѣ. Старшая дочь его Александра вышла замужъ за помѣщика, чиновника Ступина, бывшаго консуломъ въ Сиріи, а послѣ на Кавказѣ и въ Персіи и умершаго тамъ отъ холеры, Вторая дочь, Варвара, кончившая тоже Смольный институтъ, осталась въ дѣвицахъ. Уже послѣ смерти отца, недвижимое въ Городищѣ и домъ остались наслѣдникамъ второго брата Константина, а часть, слѣдуемая Александрѣ, тѣми же наслѣдниками пріобрѣтена чрезъ покупку.—Въ сіе время жизнь моя шла своимъ чередомъ. Была у насъ еще дѣвочка Александра, но жила она не болѣе полугода. Черезъ годъ послѣ нея Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына Ѳеодора. Мать его также сама кормила, и по привычкѣ и любви ея къ дѣтямъ болѣе года. Я кромѣ прихода занимался хозяйствомъ, обрабатывалъ самъ поля, бралъ съ половины сѣнокосъ, имѣлъ достаточно лошадей и рогатаго скота и жизнь семейную проводилъ безъ нужды. Прихожане меня уважали и любили, никогда не отказывали мнѣ въ подводахъ, сколько бы ни потребовалось. Я задумалъ приготовить лѣсъ для постройки дома. Это было въ годахъ тридцать восьмомъ и тридцать девятомъ. Тогда я пріобрѣлъ покупкою лѣсъ за весьма сходную цѣну отъ помѣщицы Екатерины Алексѣевны Товстолѣски, въ деревнѣ Будѣ. Тамъ такой лѣсъ былъ, что могъ бы въ настоящее время окупить всѣ ея долги и такую же еще дать сумму прибыли, но она весь его продала, а наконецъ стеклянными гутами лѣтъ въ де-

сять оставила только пни да ничтожныя заросли, да и то пошло съ молотка и продано въ приказѣ Общественнаго Призрѣнія, а ей самой, девяностолѣтней старухѣ, досталось доживать въ домѣ изъ ея лѣса въ Городищѣ, гдѣ она проживала у дочки Анастасіи Бутовичъ до случившагося въ 1869 году пожара, испепелившаго всѣ ея постройки и стоявшую невдалекѣ и самую церковь.— Лѣсъ, пріобрѣтенный покупкой, я тутъ же на мѣстѣ порѣзалъ. По огромности его неудобно было перевозить, да этому способствовалъ случай: тамъ же былъ купленъ лѣсъ для колокольни и на корридоръ, а потому весь купленный лѣсъ, какъ церковный, такъ и мой, тамъ же перепиливался на пластины и доски. Случилась сухая осень, и весь лѣсъ былъ перевезенъ и сложенъ въ нарочно выстроенномъ повѣтѣ, дабы онъ не повредился отъ дождя и находился въ сухомъ мѣстѣ до удобнаго и возможнаго времени къ постройкѣ. Въ то-же время о постройкѣ и подумать нельзя было по случаю неимѣнія денегъ, а потому все было предоставлено времени, когда Богъ поможетъ въ средствахъ. Такъ этотъ лѣсъ пролежалъ до десяти лѣтъ.

Между тѣмъ, за это время выбылъ изъ епархіи преосвященный Владиміръ, а на его мѣсто назначенъ преосвященный епископъ Павелъ изъ Костромы. Духовенство съ нимъ скоро сошлось, увидѣвъ его большую заботливость о вдовахъ и сиротахъ духовныхъ. Вообще и при обозрѣніи церквей онъ казался добрымъ архипастыремъ. Но оборотная сторона медали была не слишкомъ благопріятна для духовенства. Онъ слишкомъ былъ довѣрчивъ къ помощникамъ своимъ и вліятельнымъ въ губерніи лицамъ. Онъ довѣрялъ всѣмъ навѣтамъ таковыхъ лицъ безъ суда и права, нерѣдко переводилъ на другіе приходы, лишалъ на нѣкоторое время мѣста, предавалъ слѣдствію. Второй его недостатокъ былъ тотъ, что онъ всѣ мѣста наполнялъ выходцами изъ другихъ епархій—богословами, которые женились на сиротахъ священниковъ, всѣми уже оставленныхъ, и получали священническія мѣста. Такъ четверть епархіи наполнилась сего рода выходцами изъ русскихъ губерній, чаще всего людьми, не отличающимися хорошею жизнью и неособенно нравственными. Народъ нашъ не могъ долго сходиться, пока само время

не поставило обѣ стороны въ необходимость сойтись, да и сами священники поняли, что нужно приноравливаться къ здѣшнему быту народа, хотя впрочемъ нерѣдко выходили весьма скандальныя дѣла. Многіе изъ нихъ оказались горькими пьяницами и готовы были на всякія мерзости. Впрочемъ, хотя и немного, но были священники трезвые и умные люди. Третьимъ недостаткомъ преосвященнаго Павла было то, что онъ слишкомъ довѣрялъ всякому наушничеству и своему докладчику или дѣлопроизводителю, бывшему съ самаго поступленія и до конца его пребыванія въ нашей епархіи, около 25 лѣтъ. Это отчасти способствовало тому, что за деньги много и много можно было сдѣлать и желаемое получить, да и консисторія не отличалась безпристрастіемъ: за деньги можно было изъ неправаго дѣла сдѣлать правое. Епархія была велика, ежедневно масса просителей, особенно причетниковъ, часто голодавшихъ и проживавшихся до ниточки, и только тогда не рѣдко получавшихъ причетническое мѣсто и посвящавшихся въ стихарь. — Жизнь тогдашняя причетниковъ была очень незавидная: они нерѣдко служили въ родѣ челядниковъ въ домѣ священниковъ, особенно пономари, съ которыми священники разъѣзжали, какъ съ управляющими на козлахъ лошадьми.

Въ 1836-мъ году Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына Ѳеодора. Жизнь сельская въ это время велась однообразно. Можно сказать, что я съ увеличеніемъ быта хозяйственнаго увеличилъ число лошадей и увеличилъ запашки. Затѣмъ я пріобрѣлъ во владѣніе десятинъ шесть церковнаго поля, чрезъ прошеніе у Епархіальнаго начальства въ пользованіе по бѣдности прихода. Это оказало мнѣ большую поддержку, да еще и то, что я распоряжался полемъ, десятинъ въ пять, принадлежавшимъ Антону Ф. Бородухѣ. Такимъ образомъ я въ годъ могъ продавать пудовъ 200 — 300 хлѣба разнаго рода. Къ тому же я еще пріобрѣлъ обвалившуюся вѣтряную мельницу у Варвары Ивановны Харченковой и ея дѣтей и, исправивъ ее, сталъ получать значительный приходъ, т. к. завозъ не переводился. Мирошникомъ у меня былъ казенный крестьянинъ, временами

горькій пьяница, но весьма хорошо знавшій свое дѣло. Онъ же былъ и ея строителемъ. Цѣны на хлѣбъ поднялись, и я рѣдкую субботу не получалъ три, четыре, а иногда и пять руб. сер., отчего я пріобрѣлъ новый большой самоваръ, и мы уже стали каждодневно пить чай, особенно по утрамъ, но я, любя кофе, варилъ себѣ на конфоркѣ. Бѣлый хлѣбъ у насъ не переводился, а ситницы, которыя постоянно у насъ пеклись, по вкусу и бѣлизнѣ были лучше березнинскихъ булокъ.—Года черезъ два послѣ рожденія Ѳеодора у насъ родилась дочь Александра, но она долго не жила, всего лишь полгода. Вскорѣ послѣ пріѣзда преосвященнаго Павла я раза два посѣтилъ Черниговъ, и то болѣе съ сестрою маіоршею. Консисторіи я тогда не зналъ и не имѣлъ къ ней надобности. Однажды я встрѣтился съ отцомъ Василіемъ Кизимовскимъ, бывшимъ тоже уже священникомъ тамошней Николаевской церкви. Какъ товарищъ по семинаріи, онъ началъ меня упрекать за то, что я, бывая въ Черниговѣ, никогда не зайду къ нему въ домъ по старому пріятельству. Въ отвѣтъ я ему сказалъ, что послѣ рукоположенія я всего лишь второй разъ въ Черниговѣ; въ первый разъ я пріѣзжалъ въ Черниговъ для необходимыхъ покупокъ и при томъ на самое короткое время. Я далъ ему слово, отнесши письмо на почту, зайти къ нему непремѣнно, что и исполнилъ. Онъ принялъ меня радушно, равно какъ и жена его, Ольга Макаровна, знакомая мнѣ еще дѣвицей. Она дочь Березнинскаго протоіерея Рындовскаго, съ которой я былъ знакомъ, когда въ послѣднихъ классахъ семинаріи погуливалъ съ товарищами Воронкевичами на Березинскихъ вечерахъ, сопровождавшихся всегда музыкой и танцами.—У нихъ тогда уже было четверо дѣтей, а сама Ольга Макаровна была почти больна и изъ здоровой дѣвушки сдѣлалась хилой женщиной. Я по радушному приглашенію остался отобѣдать, пробывъ у нихъ болѣе четырехъ часовъ. Съ сего времени возобновилось наше знакомство, особенно когда черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось мнѣ быть благочиннымъ и, слѣдовательно, по необходимости приходилось чаще бывать въ Черниговѣ, въ консисторіи, да кромѣ того я и раньше началъ воспитывать дѣтей Александра и Федора въ Черниговѣ, что также было при-

чиною посѣщенія Чернигова. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ родился, помню, въ постъ, сынъ Василій. Крестнымъ отцомъ всѣхъ моихъ дѣтей былъ мой родственникъ, священникъ о. Петръ Прокоповичъ. И вотъ я въ субботу, пораньше отправивши утреню, поѣхалъ въ Синявку, купилъ попавшейся хорошей свѣжей рыбы и проч. припасовъ и пригласилъ отца Петра на другой день въ качествѣ духовнаго отца для крещенія, которое обыкновенно совершалъ свящ. о. Иванъ Антоновичъ. Онъ успѣлъ во время литургіи пріобщить говѣвшихъ прихожанъ. При совершеніи крещенія посѣщали породиллю Городисскіе паны съ приносомъ хлѣба и всегда курицы, а паніи—индѣйки. Всегда готовилась богатая закуска въ родѣ обѣда или ужина, смотря по времени, и за послѣднимъ блюдомъ баба акушерка подносила всѣмъ присутствующимъ варенуху изъ наливки, при чемъ каждый бравшій полагалъ на подносъ деньги.— Всѣ сыновья росли благополучно и въ маломъ возрастѣ подавали надежды, что изъ нихъ выйдетъ что-нибудь доброе и путное. Федоръ былъ особенно быстрый мальчикъ, но на седьмомъ году, кажется, простудился, и болѣзнь продлилась около шести недѣль. Наконецъ, горячка до того ослабила его, что онъ не подавалъ никакой надежды на выздоровленіе. Приглашены были двѣ сидѣлки, т. к. мать до того изнемогла, что едва могла держаться на ногахъ. Въ одну ночь сидѣвшія сказали: „не мѣшайте: бѣдное дитя кончается“. Дали ему въ руки страстную свѣчу. Сначала всѣ плакали, но послѣ замолкли. Сидѣлка сказала, что онъ уже скончался. Я прочиталъ молитву „Отче нашъ“ и съ горькимъ плачемъ вышелъ изъ комнаты, зашелъ въ школу и проживающему тамъ Кириллу Евдокимовичу Кивлицкому приказалъ копать могилу, около цвинтаря на указанномъ мѣстѣ, близь погребенныхъ родичей. Это уже было за полночь. Самъ я пошелъ въ конюшню къ любимымъ мною всегда конямъ и легъ въ ясли, гдѣ крѣпко заснулъ. Не знаю, сколько я тамъ спалъ, но лошади стали такъ сильно фыркать, что разбудили меня. Вдругъ слышу большой гомонъ около конюшни. Я обозвался, и на мой голосъ стали меня звать со словами; „Федоръ ожилъ!“ Не помню, какъ я схватился и побѣжалъ. Вхожу въ комнату и вижу си-

лящимъ на кровати мальчика, а передъ нимъ мать держитъ просфору и чашку чаю. Онъ засмѣялся мнѣ; я опять заплакалъ, но уже отъ радости. Около него сидѣлъ Александръ, а дѣвочка Саша спала въ колыбели. Онъ ея почему-то не любилъ. Мать ее отнесла въ другую комнату.— Разсказываютъ, что послѣ моего ухода Федоръ еще болѣе часу находился безъ признаковъ жизни. Когда взяли изъ рукъ его свѣчу и хотѣли раздѣть его и обмывать, мать замѣтила мягкость и гибкость пальцевъ и непозволила снимать до свѣта. Наконецъ, онъ чихнулъ и какъ бы пробудился отъ сна. Первое слово его было: „мама, я ѣсть хочу!" Самоваръ еще раньше поставили, чтобы нагрѣть воды для обмыванія. Мать отъ радости не знала, что дѣлать, дала ему просфору въ руки, стала приготовлять чай, затѣмъ послала человѣка меня разбудить, зная, что я нерѣдко засыпалъ въ конюшнѣ, около любимыхъ мною коней, боясь, чтобы кто-нибудь не покралъ ихъ.— Федоръ до того сдѣлался худъ, что, казалось, кости видны были чрезъ кожу. Однако онъ сталъ быстро поправляться, часто капризничалъ и требовалъ, чего ему захочется. Мы старались доставлять по возможности все имъ требуемое, радуясь несказанно его выздоровленію и поправкѣ. Я уже говорилъ, что крестнымъ отцомъ всѣхъ почти моихъ сыновей былъ мой родственникъ, священникъ Синявской Покровской церкви о. Петръ Прокоповичъ; но Федора крестилъ Алексѣй Антоновичъ Бородуха. Случилось сіе по слѣдующимъ обстоятельствамъ: онъ служилъ стряпчимъ въ Орловской губерніи, въ городѣ Брянскѣ, прибылъ къ матери въ Городище погостить, отвѣдать и разсмотрѣть на счетъ своей будущности, располагая, по волѣ или по неволѣ, оставить свою службу и послѣ отставки прибыть съ семействомъ и поселиться на мѣстѣ родины въ отцовскомъ домѣ. Такъ какъ онъ первоначально учился въ домѣ тестя, въ то время, когда еще моя жена была ребенкомъ, т. е. только что начинала ходить, то онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ. Онъ пріѣхалъ въ зимнемъ крытомъ экипажѣ на тройкѣ бравыхъ вороныхъ лошадей съ бородатымъ русскимъ кучеромъ. Онъ сошелся со мною въ самомъ пріятельскомъ тонѣ. Это было зимою, послѣ Рождества

Христова. Видя, что покойница беременна, онъ пожелалъ быть крестнымъ отцомъ будущаго сего младенца, располагая въ половинѣ мая прибыть въ Городище на постоянное жительство. Сойдясь въ Березномъ съ подрядчикомъ Лыковымъ, занимавшимся тамъ постройкой лавокъ и значительными работами по постройкѣ тамошней Вознесенской церкви, онъ заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому Лыковъ обязался выстроить ему въ Городищѣ домъ, по указанному плану, изъ Рагозинскаго лѣсу за двѣ тысячи рублей ас. Этого подрядчика Бородухѣ посовѣтовалъ сынъ настоятеля Вознесенской церкви, Макарія Рындовскаго, Василій, служившій вмѣстѣ съ Бородухой въ Брянскѣ. Рагозинскій лѣсъ, изъ котораго долженъ былъ быть построенъ домъ, былъ тогда безпощадно вырубываемъ для всѣхъ построекъ въ Березномъ помѣщиками, жившими на широкую ногу и за безцѣнокъ продававшими. Вывозка лѣса должна была быть произведена самимъ мастеромъ Лыковымъ. Возвратясь изъ Березнаго, онъ заѣхалъ ко мнѣ на домъ, просилъ меня слѣдить за вывозимымъ лѣсомъ, оставивъ мнѣ 200 руб. ассигн. на покупку дубовъ для стояновъ и подвалинъ. Въ условіе такимъ образомъ былъ внесенъ пунктъ: „а понадобятся майстру деньги, имѣть переписку". Вскорѣ послѣ того онъ выѣхалъ въ Брянскъ. Дѣло съ постройкой пошло плохо: наступалъ постъ, дорога стала портиться, а лѣсъ все не доставлялся на мѣсто. Я поѣхалъ въ Березное и узналъ отъ протоіерея Рындовскаго, что надежды на подрядчика плохи. Я тотчасъ же послалъ Бородухѣ въ Брянскъ письмо съ увѣдомленіемъ, чтобы онъ тамъ заготовилъ лѣсъ и справилъ его до Ушни (?), отколь, хотя и далеко, но удобно будетъ доставить въ Городище, такъ какъ тамъ люди заможные и рады будутъ случаю заработать. Въ началѣ Іюня мѣсяца онъ пріѣхалъ въ Городище со всѣмъ семействомъ, большая же часть его имущества шла на плотахъ для дома. Федоръ уже родился болѣе недѣли назадъ, и 8-го іюня было совершено крещеніе. Это было въ Петровку. Помню, я поѣхалъ въ Березное и купилъ великолѣпныхъ лещей, что не всегда случается.—Вскорѣ Бородуху извѣстили, что пришли плоты, и онъ отправился для расплаты съ доставщиками, а также для найма подводъ и выгрузки на

берегъ. Здѣсь онъ сейчасъ же нанялъ людей перевезти мебель и прочее имущество, находившееся на плоту.

По смерти его, послѣдовавшей въ 1865 году, я досталъ себѣ покупкою бюро и крытыя сани. Первое и до сихъ поръ еще служитъ, а вторыя одряхлѣли и изъѣздились. Онъ достаточно повезъ съ собой денегъ, но по какому-то подсудному дѣлу онъ раза три отправлялся въ Орелъ и послѣ постройки большого дома скоро остался безъ денегъ.—Онъ былъ человѣкъ разумный, добрый, но вспыльчивый и впослѣдствіи предавшійся страсти выпить. Онъ частно служилъ въ Сосницѣ письмоводителемъ у предводителя дворянства, гдѣ и умеръ отъ случившейся тамъ холеры. Оставшееся послѣ него семейство тоже вымерло: сынъ меньшій, служа въ Новозыбковѣ становымъ, впалъ тоже въ слабость, отъ неосторожности на должности, въ выпивку, вслѣдствіе чего и кончилъ жизнь самоубійствомъ, зарѣзавшись. Старшій сынъ Веніаминъ, выслужившій на Кавказѣ капитанскій чинъ, съ половиннымъ пансіономъ вышелъ въ отставку, жилъ въ Городищѣ и умеръ здѣсь тоже отъ излишней выпивки. Состояніе перешло къ сестрѣ, вышедшей за безчиновнаго Степана Скварскаго, родного брата мужа дочки Меланіи, Никифора Скварскаго.—Послѣ рожденія Василія дѣла по приходу и хозяйству шли также почти однообразно, кромѣ развѣ того, что я опредѣленъ былъ депутатомъ духовнымъ, имѣлъ весьма нерѣдкія отлучки для произведенія слѣдствій вмѣстѣ съ благочиннымъ Бутовичемъ. Тогда я сталъ знакомиться съ дѣлопроизводствомъ, священниками и мѣстностью, потому что нерѣдко приходилось ѣздить на границу другого уѣзда, верстъ за 70, какъ напримѣръ въ село Казиловку, гдѣ первое, въ 10 верстахъ, мѣстечко уже новгородъ-сѣверскаго уѣзда. Такимъ образомъ случались отлучки недѣльныя. Впрочемъ, благочинный Бутовичъ пробылъ въ должности не болѣе трехъ лѣтъ. Онъ былъ человѣкъ полный, но здоровьемъ не отличался. Онъ особенно былъ расположенъ ко мнѣ и всему моему семейству.—Родившемуся въ это время Николаю было уже около года, но онъ еще спалъ въ колыбели. Бывало, Бутовичъ очень часто къ намъ пріѣзжалъ, и первое удовольствіе для него было взять его изъ колыбели и

няньчить. Не знаю, до чего, бывало, онъ выцѣлуетъ все его тѣло. Николай былъ толстенькій мальчикъ, и онъ, бывало, говоритъ: „я нарочно къ вамъ ѣзжу, чтобы поняньчить вашего мальчугу. Я не знаю, до чего я его люблю. Вѣрно, онъ предчувствовалъ, что Николай будетъ его внукомъ, т. к., дѣйствительно, впослѣдствіи онъ женился на внучкѣ его, дочери сына его, Василія Бутовича, конечно, уже по смерти дѣда.

Въ это время я началъ учить грамотѣ дочку Меланію, а вскорѣ и сына Федора. Благодаря Богу, Александръ съ самаго начала имѣлъ охоту къ наукѣ, Федоръ же былъ слишкомъ быстръ, любилъ свободу и любилъ пошалить. Меланія, какъ дѣвица, занималась усидчиво. У нея была компаніонка, погодка, Ксенія Кивлицкая, дочь поручика Евдокима Кивлицкаго, за ученіе которой родители мнѣ платили ничтожную по теперешнему времени цѣну—3 рубля, при томъ она имѣла у насъ и столъ, кромѣ ночлега; въ весеннее-же время я занимался меньше, потому и имѣлъ большую страсть къ пчеловодству, но на первыхъ порахъ я ограничивался небольшимъ количествомъ, рѣдко болѣе полутора десятка пней, но за то я сидѣлъ за каждымъ ульемъ по нѣсколько минутъ, всматриваясь, какъ пчела трудолюбиво работаетъ. Между тѣмъ я не отставалъ и отъ садоводства, постоянно насаждая дички весною, а также обсаживалъ окраины сада лѣсными деревьями: липками, калинами, рябиною и пр., и также кустами крыжовника, красной смородины и малины. Деревья липъ, кленовъ, орѣховъ и проч. посадки теперь свидѣтельствуютъ о моихъ трудахъ и даютъ защиту и тѣнь саду, а плодовыя деревья производятъ плоды. Многія изъ нихъ уже устарѣли, а иныя совершенно высохли и вырублены—время свое беретъ! Я исподоволь занимался своими вышеозначенными дѣтьми; затѣмъ подросталъ Василій. Нужно было и его учить, но я мало имъ занимался, поручивъ его діакону Михайловской церкви, о. Андрею Слѣсаревскому, который также занимался и прочими сельскими дѣтьми. Такъ какъ въ школу было довольно далеко ходить, то я къ этому приспособилъ пономаря моей церкви, Игната Рубановскаго; но страшный лѣнтяй пономарь продѣлывалъ такія штуки: зимою ближайшая дорога въ школу была черезъ ледъ

И вотъ онъ, взявъ Василія за руку, нарочно введетъ его въ ополонку. Въ такомъ видѣ оба они прибѣгаютъ съ плачемъ, разсказывая, что на льду на нихъ набросились собаки, и они, убѣгая, попали въ ополонку. Приходилось поэтому отсылать ихъ лошадью, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока они сами не изъявили желанія ходить пѣшкомъ, собственно для того, чтобы поболѣе выиграть свободнаго времени для прогулки. Впрочемъ Василій учился хорошо, Николай же былъ еще малъ, да и мать его сильно баловала, до двухъ почти лѣтъ кормила грудью, потому что, какъ только попробуетъ отнять его отъ груди, онъ заболѣвалъ, и она опять принималась кормить. Наконецъ, онъ до того ей наскучилъ своей неотвязчивостью, что она отняла его отъ груди, должна была скрываться и болѣе недѣли не показываться на глаза. Мы должны были, особенно нянька, его обманывать, убѣждая, что „мама уѣхала за гостинцами и уже прислала ему бубликовъ, кренделей и пряниковъ“, мать же скорѣе убирается, пожалуй, хоть на печь, чтобы онъ ея не увидѣлъ.

Въ это время нужно было подумать уже и о Черниговѣ, чтобы замѣстить старшаго сына Александра въ уѣздное духовное училище. Дѣло скоро уладилось. Послѣ каникулъ я отправился съ нимъ въ Черниговъ и помѣстилъ его вмѣстѣ съ сыномъ Синявскаго священника Александра Волковича на одной квартирѣ, въ домѣ Мелейши, за семинаріей, ближе къ семинаріи. Я уполномочилъ старшимъ бывшаго уже въ высшихъ классахъ семинаріи и своего односелянина, сына дьячка. Ученіе шло хорошо, и я съ матерью радовались. Мать не пропускала случая, чтобы не послать какихъ-нибудь домашнихъ гостинцевъ, а я злотъ или двугривенный, на который въ то время можно было пріобрѣсти вдвое болѣе съѣдобнаго, чѣмъ въ нынѣшнее время. Кромѣ того, или я, или мать каждую треть ѣздили въ Черниговъ, собственно для свиданій. На слѣдующій годъ съ каникулъ отвезли и Фе-

дора въ Черниговъ, и, благодаря Бога, они съ Александромъ въ наукахъ не отставали отъ прочихъ, напротивъ, еще болѣе преуспѣвали, а также въ поведеніи дурныхъ привычекъ не имѣли. На нихъ никто изъ учителей и учениковъ не жаловался.

Ученіе въ уѣздномъ училищѣ было устарѣлое. Монахъ Платонъ заправлялъ всѣмъ, назначалъ квартиры репетиторовъ, посѣщалъ квартиры..., а въ методѣ ученія мало было толку: кто только хотѣлъ прилежно учиться, тотъ немного понималъ, а другіе проходили классы или на серебряныхъ колесахъ, или по протекціи. Такъ иногда оканчивали и полные курсы семинаріи. За то и хорошіе ученики нерѣдко за самые малые проступки были вовсе выгоняемы по капризамъ смотрителя, инспектора или кого-нибудь изъ учителей. Но тогда было хорошо: такой выгнанный, прослуживъ года два-три діакономъ, посвящался въ іереи, что впослѣдствіи совершенно прекратилось, а теперь и немыслимо, хотя въ тогдашнее время семинарію оканчивало душъ 50—60 и болѣе, а въ настоящее—душъ восемьдесятъ. Многіе изъ исключенныхъ поступали въ нѣжинскій лицей и выходили отличными учениками.

Въ сороковыхъ годахъ уже и Василій поступилъ въ уѣздное училище. Это было или въ 1844-омъ, или въ 1845-омъ году. У насъ образовались новые штаты для полученія жалованья. Моя Городищенская Николаевская церковь была причислена къ Городисской Михайловской церкви и оставлена безъ жалованья. Такихъ случаевъ много было, и консисторія, согласно присланному проэкту, дѣлала свои распоряженія и росписанія. Узнавши объ этомъ изъ письма архіерейскаго докладчика, я началъ хлопотать, думая какъ-нибудь успѣть въ Черниговѣ. Были за меня и ходатаи, но ничто не помогло, хотя я за смертью священника Григорія Миславскаго, благочиннаго, и былъ утвержденъ благочиннымъ на его мѣсто. Секретарь тогдашній, Поповскій, на отрѣзъ отказалъ, сказавъ, что никакія ходатайства не по-

могутъ, такъ такъ списки, составленные о церквяхъ, написаны на бѣло, подписаны членами и будутъ отосланы въ Нѣжинъ на утвержденіе преосвященнаго Павла.—На слѣдующій день, такъ какъ преосвященный былъ въ отъѣздѣ на обозрѣніи епархіи и велѣлъ при отъѣздѣ отослать бумаги туда для утвержденія, а потомъ для отправки въ Св. Сѵнодъ, я, ни мало не медля, написалъ письмо Антону Ѳеофилактовичу Бородухѣ, изложивъ всѣ обстоятельства приписки церкви и всѣ свои хлопоты въ Черниговѣ, зная его теплое отношеніе къ церкви, а также ко мнѣ, и просилъ его принять живѣйшее участіе и похлопотатать въ Св. Сѵнодѣ. Письмо мое имѣло благотворное дѣйствіе, такъ какъ Бородуха имѣлъ ходы къ вліятельнымъ людямъ и сановникамъ. Онъ тотчасъ же обратился съ ходатайствомъ, а тутъ прошеніями приписныхъ церквей былъ заваленъ Синодъ. Чрезъ мѣсяцъ я получилъ отъ него радостное извѣстіе, въ которомъ онъ мнѣ описывалъ свое ходатайство у оберъ-прокурора Протасова и даже митрополита, увѣдомивъ меня, что церковь Городисская Николаевская оставлена въ шестомъ штатѣ, съ уменьшеніемъ жалованья со 120 р. на 94 рубля серебр. въ годъ. Онъ сообщилъ, что своимъ ходатайствомъ онъ много помогъ и прочимъ приписнымъ церквямъ. Узнавши о моемъ письмѣ, преосвященный Павелъ лично меня требовалъ къ себѣ въ Черниговъ, и я ему представилъ письмо. Онъ чрезвычайно остался доволенъ моею перепискою, потому что, какъ видно, онъ самъ не любилъ переписки съ синодальными членами. Онъ даже спросилъ меня, что труднѣе всего писать? Я задумался, а онъ сказалъ: „мнѣ особенно трудно писать письма по важнымъ дѣламъ или случаямъ. Здѣсь нужны большое умѣніе и осторожность писать и не прописаться". Такъ это имѣло большое вліяніе на осѣдлость моей семейной жизни, такъ какъ я думалъ въ случаѣ неудачи проситься въ полкъ священникомъ, для чего собралъ уже свѣдѣнія, къ кому нужно обратиться съ таковымъ прошеніемъ. Когда я сказалъ о семъ преосвященному, онъ не одобрилъ моего намѣренія, ска-

завъ: „съ такимъ семействомъ, какъ у тебя, трудно таскаться, оставить же семью на мѣстѣ тоже невыгодно, лучше же всего дорожить однимъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что ты имѣешь собственность, хотя и небольшую.“ Во это время я былъ уже благочиннымъ и былъ, можно сказать, близокъ къ архіерею.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Историческая пѣсня. Народная память сохранила въ сѣверной Лубенщинѣ слѣдующую пѣсню, изъ временъ борьбы козачества съ поляками:

Пожурылося мылее братта [1])
Що на ногахъ кайданы:
Отъ теперъ же мы, мылее браття,
На викъ вишный пропалы!
Встають паны, встають ляхы—
Превражіи люде.
Оттеперъ же намъ, мыле браття,
Повикъ добра не буде!
Золотая грыва перси вкрыла
У коня вороного,
Биле лычко, чорни брови
У козака молодого.—
Сидлае козакъ вороного коня,
Йиде на Вкраину,
А за нымъ, за нымъ отець, матуся:
— „Вернися мій сыну!"
— „Не вернусь же я, отець, матуся!
Пойду на Вкраину.
И кинь вороный, и я самъ молодый,
Може й не загыну!"
Прыйихавъ [2]) козакъ пидъ зеленый байракъ
Ставъ коня напуваты.
А за нымъ [3]), за нымъ самъ панъ Журавскій,
Хоче въ неволю взяты.

---

[1]) Пожурылыся наши хлопци.

[2]) Зайихавъ.

[3]) Иде панъ Журавській,—еще иначе: Десь узявся панъ Журавскій.

— Ой беры пане, зброю[1]) й жупаны,
Щей коня вороного,
Тильки не беры въ неволеньку
Козака молодого.
Узялы паны зброю й жупаны[2])
И коня вороного,
Коня вороного, щей козака молодого
Узялы его, повелы его
Ярамы, долынамы,
Изнялы ему съ пличъ[3]) головоньку
Межъ трёма могыламы.
Що въ первій могыли стоить дубъ зелененькій,
А въ другій—туполенька,
А въ третій могыли—ой, тамъ полягла
Козацькая головонька!—

Въ такомъ видѣ записана мною настоящая пѣсня въ 1890 г., отъ 60-тилѣтней крестьянки сел. Литвяковъ, переселившейся изъ м. Снѣтина, луб. у., Агафіи Шевченковой, но затѣмъ, есть еще нѣсколько варіантовъ этой пѣсни. Во всѣхъ варіантахъ, впрочемъ, основное содержаніе—отъѣздъ козака, встрѣча съ Журавскимъ и казнь—передается одинаково; различія слѣдующія:

1-е, въ вар., записанномъ отъ крестьянской дѣвицы с. Литвяковъ, Степаниды Шевченковой вступленіе продолжено тремя строками, напоминающими рекрутскую пѣсню (ср. Чуб., т. 5, стр. 974, № 63, Б.).

И въ наборъ беруть,
И въ накладъ кладуть
И на панщыну гонять.

2-е, въ вар., записанномъ отъ старой литвяковской женщины, крестьянки Ефросиніи Бучакиной, родомъ изъ х. Броварокъ, Снѣт. вол., нѣтъ совсѣмъ вступленія, пѣсня сразу начинается величаніемъ: «золотая грыва перси вкрыла» и т. д., встрѣчающимся въ старинныхъ колядкахъ (Истор. пѣсни малор. нар. съ объясн. Ант. и Др. Кіевъ, 1874 г., стр. 3—4).

---

1) Берить паны сукна й жупаны.

2) Сукна.

3) Свитъ головоньку.

4) — „Ой не треба намъ суконъ жупанивъ
И коня вороного
А мы визьмемо у неволеньку
Козака молодого.

3-е, какъ въ этихъ двухъ варіантахъ, такъ и въ записанномъ отъ коз. с. Хорошковъ (Снѣт. вол.). Варвары Супруновой, въ концѣ пѣсни, послѣ словъ «ой тамъ ноля́гла коз. головонька», слѣду́етъ такая прибавка:

— „Ой чы жаль тоби зеленый дубе,
Тіи туполи буде?
Якъ изрубають тую тополю
Що росте пидъ тобою?
— „Ой якъ же мени зелененькому
Не жаль туполи буде,
Що не одну зиму пидъ іи лыстомъ
Мій жолудыкъ зимуе“.
— „Ой чы жаль тоби, молодый козаче,
Тіи дивчыни буде,
Що любывъ, кохавъ пивтора года
Тай посваталы люде?
— „Ой якъ же мени молоденькому
Не жаль дивчыны буде,
Що любывъ, кохавъ пивтора году
Тай возьмуть іи люды“.

4-е, въ вар., записанномъ отъ крестьянской дѣвицы с. Березоточи, волчк. вол., Маріи Повстюковой, пѣсня кончается словами «межъ трёма могыламы», и любовный эпизодъ о дубѣ и тополѣ отсутствуетъ.

Сообщилъ **В. П. Милорадовичъ.**

Лебединскій будынокъ. Къ краткимъ свѣдѣніямъ объ этомъ «будынкѣ», напечатаннымъ недавно въ «Кіевск. Стар.» (1895, № 6), могу сообщить слѣдующія данныя. Домъ выстроенъ, какъ видно изъ вырѣзанной въ липовомъ сволокѣ столоваго покоя надписи, въ 1856 г.

Надпись эта, которою обозначена между прочимъ и цѣль построенія дома, гласитъ слѣдующее (съ одной стороны):

Благословеніемъ Бга҃ Оц҃а, изволеніемъ Сн҃а содѣйствіемъ ст҃аго Дх҃а аминь.

✝

Року Бж҃ого ҂аѡнѕ создася домъ сей коштомъ пана Григорія Галагана мц҃а Іуніа ҂а числа.

Съ другой стороны сволока, въ глубь свѣтлицы, начертано:

Аще не Гдь созиждетъ домъ,
всуе трудишася зиждущіи.
Соломонъ пѣснь рк҃s.

Домъ сей сооруженъ для оживленія преданія о жизни предковъ въ памяти потомковъ.

Самый домъ сочетаетъ въ себѣ старинную простоту и незатѣйливость постройки съ изящнымъ вкусомъ въ распредѣленіи частей и разработкѣ частностей, расположеніи украшеній и пр.

Общая внѣшность его на человѣка, вчитавшагося въ глубь поэтическихъ страницъ исторіи Южной Руси, производитъ чарующее впечатлѣніе подлинной, неподдѣльной старины, внезапно возродившейся предъ его глазами: это, дѣйствительно, обиталище кого либо изъ представителей козацкой старшины начала 18 вѣка или даже 17. Всѣ подробности обстановки отдѣланы съ такой любовію, съ такимъ знаніемъ дѣла, что домъ самъ собою, со всей своею утварью, можетъ представлять изъ себя готовый, чрезвычайно поучительный музей малороссійской старины и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ живого вниманія любителей этой старины и постоянной поддержки въ своемъ существованіи: наблюдатель, благодаря ему, вполнѣ *наглядно*, можетъ созерцать всю обстановку жизни богатой козацкой старшины 17 вѣка.

Домъ построенъ слѣдующимъ образомъ. Тремя крыльцами (среднее—большое, боковыя—поменьше) онъ выходитъ во дворъ, одной же комнатой, лишенной наружной передней стѣны (очевидно, лѣтняя столовая или такъ называемое «поддашье») въ огромный старосвѣтскій, до 30 десятинъ, липовый садъ съ нѣсколькими очень длинными прямыми дорожками. Липамъ рости здѣсь приволье; онѣ же послужили главнѣйшимъ матеріаломъ при постройкѣ дома. Домъ крытъ соломой, крылечки—тоже; они поддерживаются затѣйливыми точеными жгутообразными столбами. Окна, въ большинствѣ расположенныя по два вмѣстѣ, состоятъ каждое изъ 8 оконницъ, причемъ переплетъ и рамы ихъ также отличаются обычной старинной затѣйливостью; каждое окно состоитъ изъ 2 половинъ—верхней и нижней; изъ нихъ послѣдняя можетъ подниматься и въ такомъ состояніи поддерживаться съ помощью подставокъ, давая доступъ свѣжему воздуху.

Самые покои расположены слѣдующимъ образомъ: вправо отъ входныхъ дверей ведетъ изъ сѣней дверь собственно въ жилыя помѣщенія, влѣво—пріемныя комнаты, гостинныя и столовыя.

Такимъ образомъ лѣвая половина состоитъ изъ четырехъ довольно большихъ свѣтлицъ: зимней столовой, диванной, гостинной и вышеупомянутой лѣтней столовой (поддашья); правая половина заключаетъ въ себѣ тоже четыре покоя поменьше; обѣ онѣ соединены, кромѣ входныхъ сѣней, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ переднимъ, или прихожимъ комнатамъ, еще и внутреннимъ довольно широкимъ сѣннымъ переходомъ; оба боковыя крылечка также ведутъ въ небольшія сѣнцы, въ однихъ изъ которыхъ, лѣвыхъ, виситъ жестяной висячій рукомойникъ. Вотъ и весь внутренній распорядокъ помѣщеній. Покои соединяются между собою большими одностворчатыми дверьми, сверху закругленными или срѣзанными по угламъ; дубовые дверные косяки изукрашены причудливой рѣзьбою, ясеневыя же двери снабжены для прочности довольно красивыми желѣзными набивками. Наружныя двери затворяются изнутри желѣзными засовами, которые могли отодвигаться съ помощью длинныхъ изогнутыхъ желѣзныхъ крючьевъ, просовываемыхъ снаружи въ особое отверстіе. Подобные желѣзные и деревянные запоры доселѣ еще въ ходу въ сельскихъ хатахъ Малороссіи.

Утварь дома состоитъ изъ старинной глиняной и стекляной посуды и поставцевъ, заключенныхъ въ старинные же низенькіе шкафы; изъ нихъ шкафъ, соотвѣтствующій буфетному въ нынѣшнихъ домахъ, представляетъ собою длинный столъ съ треня или болѣе ящиками до самаго пола.

Орѣховыя кресла, диваны и пр. довольно искусной рѣзной и точеной работы съ сафьянными подушками желтаго или краснаго цвѣта; на столахъ совершенно простого вида тканыя скатерти, на полахъ такіе же ковры (килимы). Въ диванной комнатѣ всѣ стѣны уставлены вокругъ длиннымъ мягкимъ диваномъ, состоящимъ изъ мягкихъ полосатыхъ подушекъ, лежащихъ треня рядами одна надъ другой, не считая спинокъ. Въ свѣтлицахъ чистой половины липовыя стѣны изнутри выстроганы чрезвычайно гладко и оставлены прямо въ такомъ видѣ; въ покояхъ жилой половины онѣ выбѣлены. Печи въ чистой половинѣ изразцовыя, но изразцы не представляютъ собою ничего особеннаго и въ этомъ отношеніи очень уступаютъ знаменитымъ изразцамъ помѣщицьяго дома въ усадьбѣ Покорщинѣ (въ г. Козельцѣ; теперь эта усадьба принадлежитъ Коллегіи Па[illegible] Галагана); на изразцахъ гостинной печи выбитъ гербъ Галагановъ; самыя печи, по старинному, отличаются большой величиною, срав-

нительно съ размѣрами покоевъ. На стѣнахъ кое гдѣ висятъ вышитые рушники, украшающіе собою также иконы и старинное зеркало, временъ Елисаветы I, висящее въ столовой. При домѣ есть неизбѣжная «призьба» (приспа, завалинка), на которой такъ любили (и теперь еще любятъ въ деревняхъ) посидѣть старинные малороссіяне, покурить люльку и покалякать въ досужное время. Потолки въ домѣ вездѣ сосновые, не бѣленые; полы простые досчатые.

Недалеко отъ усадьбы на горкѣ находится небольшая низенькая старинная церковь изъ сосноваго дерева; она, вскорѣ послѣ построенія дома, была перенесена въ Лебединецъ изъ села Сокиренецъ, гдѣ находилась въ саду панской усадьбы и считалась домовою; вмѣсто нея и на ея же мѣстѣ выстроена была матерью Гр. Павл. Галагана каменная церковь св. Петра и Павла (другая каменная церковь св. Великомученицы Варвары, тоже находящаяся въ саду и тоже бывшая домовою, была обращена въ приходскую покойнымъ Гр. Павл. Галаганомъ, выдѣлившимъ въ ея пользу и необходимыя ружныя земли). Иконостасъ Лебединской церкви простенькій одноярусный и однопрестольный, и сама она вообще очень невелика, совершенно подъ стать такому небольшому сельцу, какъ Лебединецъ. Кстати, названіе это мѣстные обыватели объясняютъ существованіемъ въ этой мѣстности лебедей, водившихся въ высохшемъ уже въ настоящее время озерѣ.

Мѣстность, гдѣ расположенъ Лебединецъ, вообще довольно живописна; особенно хороша находящаяся невдалекѣ долина рѣки Удая съ цѣлымъ рядомъ селъ (Деймановка, Савинцы, Гурбинцы, Дегтяри), окаймленная невысокими, но иногда тоже живописными возвышенностями, какова, напримѣръ, сребрянская, на которой расположено людное мѣстечко Сребное, у подножья котораго въ свою очередь мило раскинулось селеніе Подолъ... Любитель южно-русской природы и старины будетъ, надѣемся, очень удовлетворенъ, ежели пожелаетъ проѣхаться въ Лебединецъ для осмотра его замѣчательной вышеописанной усадьбы, долженствующей, какъ извѣстно, перейти, послѣ смерти настоящей владѣлицы Екатерины Васильевны Галаганъ, во владѣніе Коллегіи Павла Галагана. Такимъ образомъ на обязанности этого учебнаго учрежденія будетъ лежать поддержаніе замѣчательнаго лебединскаго дома-музея въ приличномъ, целесообразномъ видѣ и охрана его отъ всякихъ враждебныхъ случайностей. Этого потребуютъ, съ одной стороны, честь, доброе имя и самое достоинство

этого учрежденія, а съ другой стороны уваженіе къ памяти его незабвеннаго учредителя, устроившаго замѣчательный лебединскій «будынокъ».

А. Степовичъ.

„Кіевъ“ по Словарю Гарбеля. Ежели судить по тѣмъ ошибкамъ и даже странностямъ, какія допустила редакція словаря въ статейкѣ «Кіевъ», то сужденіе объ этомъ учено-литературномъ предпріятіи можетъ получиться у читателя самое невыгодное.... Въ самомъ дѣлѣ, неужели въ рукахъ редакіци не оказалось такихъ достовѣрныхъ источниковъ, которые избавили бы ее отъ нижеслѣдующихъ промаховъ и нелѣпостей? Составитель статейки находитъ, что въ Кіевѣ имѣется, въ числѣ гимназій (количество коихъ однако не указано) и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, еще и какой-то «Педагогическій институтъ» (!?). Откуда онъ это взялъ? Ужъ не воскресилъ ли онъ блаженной памяти знаменитый петербургскій педагогическій институтъ и не перенесъ ли его въ мать градовъ россійскихъ?

Затѣмъ указаны *двѣ* (?!) духовныя семинаріи, при юнкерскомъ училищѣ не показаны военно-училищные курсы и, словно въ возмѣщеніе удвоенному количеству нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, другія совсѣмъ опущены (наприм., Коллегія П. Галагана, духовная Академія и нѣк. друг.). Въ числѣ церквей показано пять костеловъ—количество, кажется, преувеличенное.

Вообще статейка о Кіевѣ въ данномъ словарѣ, въ другихъ отношеніахъ вообще почтенномъ, просто поражаетъ своей незначительностью....

Впрочемъ свѣдѣнія словаря и о разныхъ другихъ мѣстностяхъ и лицахъ не отличаются особенною точностью или значительностью...

Такъ, наприм., о П. А. Кулишѣ сказано только, что онъ «былъ учителемъ въ Луцкѣ, Кіевѣ и Ровнѣ, на литературн. поприще выступилъ въ началѣ 40-хъ годовъ повѣстями изъ народныхъ преданій». Вотъ и все: кратко, ясно и многозначительно! Много же вынесутъ читатели изъ словаря, наполненнаго подобными свѣдѣніями! Извѣстный славяновѣдъ А. А. Котляревскій названъ профессоромъ «Варшавскаго» университета, вмѣсто Кіевскаго.

О «Кроатскомъ» (?) языкѣ сказано, что онъ «съ близко родственнымъ ему язык. славянскимъ (?) и далматскимъ образуетъ западную вѣтвь сербо-хорватской группы славянской семьи языковъ...».

Что за нелѣпости попадаются въ этомъ «новѣйшемъ» словарѣ!

А. Степовичъ.

Къ исторіи южно-русскаго духовенства.

I.

Помѣщаемое ниже письмо православнаго визитатора Заславльской діецезіи писано на польскомъ языкѣ и сохранилось въ копіи, безъ означенія даты и имени автора и лица, къ которому оно адресовано, между рукописями жившаго во второй половинѣ XVIII в. Грановскаго Протоіерея Іоанна Строцкаго, которыя хранятся въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора № 203 стр. 48—49. Письмо это въ высшей степени интересно для характеристики южно-русскаго приходскаго духовенства и его положенія среди деревенской громады и среди польскаго общества.

Вельможному пану добродзію довольно извѣстно не слишкомъ давнее горестное положеніе нашей отчизны, нашей Церкви и ея священнослужителей. Объ этомъ положеніи я, послѣ послѣдней своей визитаціи нашей Заславльской діецезіи, рѣшаюсь написать краткую, но весьма вѣрную повѣсть.

Минуло сто лѣтъ, а можетъ быть и больше, какъ Русь наша вслѣдствіе внутреннихъ несогласій и раздоровъ совершенно ослабѣла и, лишившись всѣхъ князей своихъ и пановъ, а потомъ шляхты per transitum ad ritum latinum, состояла почти изъ одного поспульства. Схизма, а главнымъ образомъ послѣднія повстанія слѣпаго поспульства были причиною, что поляки возненавидѣли нашу Русь, и народъ нашъ опротивѣлъ имъ, какъ Израильтяне Египтянамъ, и сдѣлался для здѣшняго края весьма опаснымъ, хотя для подданства былъ необходимо нужнымъ. Когда для поспульства нужны были священники, наша св. іерархія давала сіе званіе тѣмъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не умѣлъ читать по русски, а только по польски немного, но при этомъ ни мало не обращалось вниманія на какія либо заслуги поставляемаго въ священники. Гдѣ вновь возникала деревня, поселившіеся въ ней собирались въ корчмѣ (тогда не въ обычаѣ

было имѣть собранія въ другихъ мѣстахъ) и при водкѣ дѣлали постановленіе имѣть свою церковь, впрочемъ больше для громадской славы, чѣмъ для хвалы Божіей и спасенія душъ своихъ, и затѣмъ отправлялись въ дворъ съ поклономъ и просьбою о дозволеніи нарубить лѣса для постройки каплички. По полученіи квитка, лѣсъ рубился и кругляки его свозились на отведенное мѣсто. Изъ необтесанныхъ кругляковъ поспѣшно строилась капличка съ большими щелями, чрезъ которыя свободно могли пролазить щенята и поросята; снѣгу же и дождю ничто не мѣшало проникать въ нее. На построенной капличкѣ укрѣплялись кроквы и латы, и она покрывалась соломою, а на поверхности ея водружался деревянный крестъ, а очень рѣдко желѣзный. Вслѣдъ же затѣмъ, какъ послѣ постройки храма Соломонова, совершалось торжественное пиршество, на которомъ распивалось нѣсколько спустовъ водки. Во время пиршества собиралось до десяти и больше талеровъ, съ которыми уполномоченные отъ громады поспѣшали къ протопопу просить о посвященіи новопостроенной каплички. Протопопъ, получивши талеры, немедленно пріѣзжалъ въ деревню и освящалъ вновь построенную церковь, безъ вѣдома и разрѣшенія епископа, такъ какъ епископы наши въ тѣ времена не занимались этимъ дѣломъ. Таковыхъ святынь, какъ я одну изъ нихъ выше описалъ, in prima radice мнѣ приходилось видѣть весьма много и въ городахъ, и по деревнямъ.

Въ давнія времена въ нашихъ епископскихъ консисторіяхъ [1]) существовалъ противный не только церковнымъ канонамъ, но и здравому разуму обычай посвящать въ іереи не на опредѣленныя мѣста, а ubi Deus providebit. Посвященный такимъ образомъ шелъ искать себѣ парафіи, гдѣ церковь или вновь построена, или же не имѣла своего священника, и съ громадою заключалъ словесный договоръ на одинъ годъ; а когда годъ оканчивался, тогда онъ благодарилъ громаду, говоря такъ: «панове громада! Я у васъ не хбчу дальше служить; шукайте соби другого попа»; или же громада ему говорила: «шукай соби, паноче, иншои парафіи, а мы будемо шукати другого попа». И мнѣ еще приходилось видѣть очень многихъ, sine nullo titulo сидѣвшихъ на парафіяхъ. Но потомъ не очень давно наши

---

[1]) Авторъ письма подразумѣваетъ консисторіи Молдавскихъ епископовъ, которые, во время прекращенія въ Польшѣ православной іерархіи, хиротонисали кандидатовъ священства. пріѣзжавшихъ изъ Украины, безъ соблюденія церковныхъ каноновъ.

епископы стали выдавать священникамъ такіе презенты: «по просьбѣ и съ согласія громады даю NN церковь NN. . . епископъ NN». Презенты эти выдавались при помощи панны Симоніи и ихъ слишкомъ поспѣшно (наввыпередки) добывали для сыновей и зятьевъ своихъ по деревнямъ богатые мельники, а по городамъ богатые ремесленники. Панъ сынъ, или панъ зять мельника или ремесленника, добывши священство и парафію, довольствовался тѣмъ же грунтомъ, который принадлежалъ ему, какъ мѣстному хлопу, а церковнаго грунта никогда и не требовалъ. Когда же такого происхожденія парохи умирали, то грунта ихъ переходили по наслѣдству въ руки ихъ родственниковъ-мельниковъ и ремесленниковъ. Вновь же поступившій на парафію священникъ, если онъ былъ изъ мѣстныхъ хлоповъ, пользовался тѣмъ же грунтомъ, который принадлежалъ ему, какъ хлопу; но если онъ не принадлежалъ къ мѣстнымъ хлопамъ, то оставался безъ всякаго грунта. Такъ было даже въ городѣ Заславлѣ,—что можно подтвердить документально.

Впрочемъ на помощь къ послѣдняго рода священникамъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, рѣшились прійти наши милосердые епископы,—они настоятельно начали требовать, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вновь строились церкви, для священниковъ выдѣлялись особые церковные грунты. На основаніи такого требованія панскіе дворы посылали своего подстаросту, который при громадѣ выдѣлялъ изъ панскихъ лановъ грунтъ для священника, но это дѣлалось sine scripto,—чего и не требовали наши владыки, а между тѣмъ могли потребовать. А такъ какъ они не требовали отвода священническихъ грунтовъ cum scripto, то грунты сіи, по произволу дѣдичей и управляющихъ имѣніями ихъ, довольно часто перемѣнялись на грунты худшаго достоинства.

Укажу на одинъ изъ такихъ случаевъ. Шесть лѣтъ предъ симъ, во время визитаціи церкви въ Рудосельѣ, я узналъ, что принадлежавшая тамошнему священнику роща (березникъ) по распоряженію Заславльской экономіи замѣнена другимъ участкомъ земли, по объему меньшимъ, а по качеству худшимъ. Подобныхъ замѣнъ въ Заславльскомъ княжествѣ очень много. Мнѣ кажется, что о таковыхъ замѣнахъ не слѣдуетъ доводить до свѣдѣнія нашего епископа, потому что это можетъ озлобить экономію противъ жалобщика, а отъ ссоры съ экономіею нельзя ожидать ничего добраго. Узналъ я, также во время своей послѣдней визитаціи, что экономіи стали требовать пчелиную десятину отъ церковныхъ и поповскихъ пасѣкъ, а прежде онѣ

были свободны отъ нея. Я думаю, что и вопросъ объ освобожденіи отъ пчелиной десятины слѣдуетъ отложить до болѣе благопріятнаго времени».

«Поручая себя благосклонности пана добродзія, имѣю быть къ нему навсегда съ должнымъ почтеніемъ и преданностію».

Сообщ. Прот. **П. Орловскій.**

II.

Избраніе прихожанами священника.

«1743 году, априля 8 дня, въ Ирклѣеву явился баришовский житель дяконъ Іосифъ Кононовичь, и просилъ парохіянъ Святоникольскихъ подольскихъ, чтоби его приняли за настоящого священника въ помянутую церковь; и для того собрались тоей церкви парофіяне, а именно: Остапъ Красовскій, Петро Писанко, Семенъ Кунша, Грицко Липовецъ, Симеонъ Сушко, Симеонъ Доброштанъ и Хоменки, тутъ же Нестеръ Туръ, Романъ Коляса, Юрко Драй, Василь Живиця, Миронъ Болобанъ, Опанасъ Шолученко, и протчіе, которие поговоривши согласно приговорили помянутого Іосифа по его желанію принять за священника, и требовать у его—на какой кондиціи онъ з вѣкаріемъ и дякомъ будетъ у нихъ жить; чтоби такую кондицію ниже сего написалъ и подписалъ своею рукою, и була би ствержена старшинами.

И такіе кондицѣ три: една въ канцелярію сотеную, а другая имъ парофіянамъ, а третяя ему Іосифу, по которой долженъ поступать, а болше ни у кого ничего не брать по лишеніемъ парофіи, а именно:

За крещеніе дѣтей по четири копейки,

За малий похорон по пять копѣекъ,

За великий похорон по десять копѣекъ,

За панахиду великую зъ службою и обѣдъ по пятнадцать копѣекъ,

За обѣдъ умершихъ и службу безъ панихиди по пять копѣекъ,

За здоровки обѣдъ по десять копѣекъ,

За уписъ умершихъ въ суботникъ по шестьдесятъ копѣекъ,

За сорокоустъ по чотири рублѣ,

За вѣнчания своихъ парохіянъ первобрачнихъ з можнейшихъ по рублю, зъ убогихъ по шестдесятъ копѣекъ, зъ найубогшихъ по тридцять копѣекъ,

За посвященіе пасокъ по денежки,

За кухлѣ, биваемие у великий постъ, по десять копѣекъ,

Дяка самому отъ себе безъ согласия съ парофіянами не снимать и вновь не поставлять,

До позвоного не интересоваться и все оное дяку.

Церковнихъ никакихъ вещей, ни доходовъ в свой домъ не брать и не принимать и ни во что не употреблять, и оние би бували всегда въ волѣ титоровъ и парофіянъ.

И о мѣсце, буди кто пожелаетъ въ церкви хорониться, не интересоваться, понеже оной доходъ надлежитъ ктиторамъ на церковь.

Я вишепомянутий Іосифъ Кононовичъ, яко симъ контрактомъ во всемъ доволенъ и контентъ, такъ Его и подписую моею рукою, и по ономъ во всемъ обѣщаюсь поступать непремѣно: Діаконъ Іосифъ Кононовичъ Баришевскій».

Анатолій Полницкій.

Еще о Турбаевской катастрофѣ. Въ «Кіевской Старинѣ» за 1891 годъ была помѣщена статья о Турбаевской катастрофѣ. Посылаю случайно добытую мною въ Турбаяхъ пѣсню, составленную въ память этого событія. Записана она со словъ старика. Въ дополненіе къ пѣснѣ онъ разсказалъ, что когда убивали въ Турбаяхъ его дѣды Базилевцивъ, то убили и маленькую барышню дочку Федора Базилевскаго 13-ти лѣтъ, которая пріѣхала съ нимъ въ Турбаи. Дѣвочка со страха залѣзла въ печку, но одна баба замѣтила ее и вытащила. Козаки не хотѣли ее трогать: «вона ще мала; за вищо ее быты? ничого вона никому ще не зробыла». Тогда одна изъ бабъ вытащила ее на середъ хаты и съ крикомъ «не намъ, такъ дитямъ нашимъ буде видъ неи лыхо!» размозжила ей голову валькомъ. Одинъ изъ Базилевскихъ ѣхалъ изъ Остапья въ Турбаи, но опоздалъ пріѣздомъ и верстахъ въ 2 отъ Турбаева его остановилъ мужикъ крикомъ «куды идешь, вертайсь, бо у Турбаяхъ козаки усихъ панивъ побылы та и тебе вбьють».

Въ настоящее время Турбаи представляютъ небольшой хуторъ и носятъ названіе «Турбаи-Скорбное». Отъ усадьбы Базилевскихъ не осталось и слѣда; показываютъ жители только мѣсто, гдѣ она когда-то стояла. Хуторъ этотъ отъ потомковъ Базилевскихъ перешелъ во владѣніе Варшавскаго, а теперь купленъ у него кременчугскимъ купцомъ Бородковымъ.

Задумалы Базилевци
Свій викъ вворотыты
Козаченькивъ Вергунивцивъ
Тай закрипостыты.
Поризалы Вергунивцивъ
Вси поля на карты.
Не мынулысь Базиливцамъ
Ціи ихни жарты.
Тай послалы вергунивску
Череду заняты;
Съ Турбаивскою чередою
У свій двиръ прыгнаты.
Що думалы, те зробыли —
Череду загналы,
Вергунивцивъ Турбаивцивъ
Тимъ изгвалтовалы.
Составыли Вергунивци
Съ Турбаями раду
Оступыли паньску оселю
Спереду и сзаду.
Якъ глянула Маріяна
Въ викно въ Оболоню,
Стоять тіи казаченьки
Съ кильемъ кругомъ двору.
Федоръ Федоровичъ мій братику
Нумъ золото носыты,
Вергунивцивъ, Турбаивцивъ
Вирненько просыты:
„Вергунивци, Турбаивци
Дайте покушаты,
Ціи рады казацкои
Дайте послушаты".
„—Ой чомъ же ты, Маріяно,
Давнишь не кушала,
Ой чомъ же ты, Маріяно,
Давнишь не слушала?
Не вмила ты, Маріяно,
Якъ у свити жиmы,
Годи тоби, Маріяно,
Скотыну морыты.
Шкода теперь, Маріяно,
Зъ вами говорыты:
Съ кильемъ прыйшлы не радыця,
Прыйшли васъ побыты".
Якъ ударывъ Помазанець

Килкомъ по высочку,
Вразъ окровывъ Маріяни
Платье и сорочку.
„Оце тоби Маріяно
За шиты мережки,
Куды глянешь, всюду въ хати
Кровавыя стежки.
Оце тоби, Маріяно,
За тонкіе нытки,
Не то пряли жинки наши,
Пряли малы дитки!"
Поробыли въ паньскимъ двори
Всюды гарни шаньци
И побылы Базилевцивъ
У пьятныцю враньци.
Все побылы, погромылы,
Перевелы въ трянья
Й поховалы Базилевцивъ
Въ мистечку Остапья
А чіежъ то въ чистимъ поли
Гарно стадо грае?
Ото тихъ же Базилевцивъ,
Шо въ свити не мае.
Ой на гори огонь горить,
А въ Турбаяхъ дымно,
Якъ побылы Базилевцивъ
То всимъ стало дывно".

Сообщилъ **А. А. Несвицкій.**

Нѣсколько словъ о валѣ въ Кудрявскомъ (Обсерваторномъ) переулкѣ. Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» перепечатана была въ извлеченіи статья г. Кибальчича о пресловутыхъ раскопкахъ въ Обсерваторномъ переулкѣ. Профессоръ В. Б. Антоновичъ въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 15 октября далъ надлежащую оцѣнку псевдо-научнымъ разсужденіямъ г. Кибальчича и вполнѣ точно опредѣлилъ значеніе его раскопокъ [1]). Одинъ только вопросъ остался, по нашему мнѣнію, не вполнѣ выясненнымъ—это вопросъ о происхожденіи вала въ Обсерваторномъ пере-

[1]) Рефератъ В. Б. Антоновича помѣщенъ въ газетѣ „Кіевское Слово" и, вѣроятно, появится въ полномъ видѣ въ „Чтеніяхъ ист. общ. Нестора Лѣтописца".

улкѣ. Проф. Антоновичъ указалъ, на основаніи плана Берлинскаго, что въ той мѣстности находилась часть устроеннаго Минихомъ громаднаго вала, опоясывавшаго весь городъ. Но представлялъ-ли этотъ валъ въ данной мѣстности совершенно новое сооруженіе, или (какъ значительная часть миниховскихъ укрѣпленій) реставрацію старинныхъ валовъ—этого изъ плана Берлинскаго видѣть нельзя; отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать только сравненіе плана Берлинскаго съ другимъ болѣе древнимъ, какимъ является недавно изданный кіевскою археографическою коммиссіею «Планъ Кіева, составленный въ 1695 г.». И вотъ, на этомъ планѣ, именно въ данной мѣстности, мы встрѣчаемъ какое-то укрѣпленіе: къ сѣверу отъ Софійскаго собора, немного восточнѣе «дороги отъ Ивановскихъ воротъ» (теперь Большая Житомирская ул.), *по обѣ стороны* другой дороги, идущей отъ вышеназванной дороги на Кожемяки (теперь Вознесенскій спускъ или Вознесенскій яръ) изображенъ какой-то «*Валъ земляной*». На снимкѣ, изданномъ археографическою коммиссіею, воспроизведена только часть плана 1695 г., а потому и валъ изображенъ не весь; но судя по рисунку можно думать (если только валъ имѣлъ правильную форму), что онъ имѣлъ видъ буквѣ П, очень расширенной и съ загнутыми внутрь нижними краями; дорога входила въ открытую сторону (обращенную къ Подолу) и прорѣзывала противоложную часть вала, раздѣляя его на двѣ части. Съ остальными изображенными на планѣ укрѣпленіями валъ этотъ не имѣетъ никакой связи и даже начерченъ совершенно иначе. Очевидно, это былъ и тогда уже (въ 1695) утратившій значеніе остатокъ какого-то стараго сооруженія. Мы думаемъ, что это—упоминаемый въ нѣкоторыхъ документахъ *Пробитый валъ*. Онъ упоминается въ грамотѣ Сигизмунда I игумену Макарію и братіи Золотоверхо-Михайловскаго монастыря (1522), при чемъ говорится, что находился онъ на Кудрявцѣ возлѣ Кладовища Жидовскаго [1]); упоминается онъ и въ «Росписи Кіеву 1682, при чемъ положеніе его указано вполнѣ согласно съ положеніемъ «земляного вала» на планѣ 1695 [2]); подобнымъ же образомъ упомянутъ онъ въ «Расписномъ спискѣ» 1700 г. [3]). Какое назначеніе имѣло это сооруженіе,

---

[1]) Закревскій. Описаніе Кіева I, 320.

[2]) „Наугольный раскатъ передъ Львовскими (на планѣ Ивановскіе) воротами, противъ пробитаго валу“ (Матеріалы для исторіи топографіи г. Кіева III, 99).

[3]) Закревскій I, 433. По мнѣнію г. П. Л—ва здѣсь на Кудрявцѣ близь Пробитаго вала находилась построенная Мстиславомъ Удалымъ церковь Воздвиженія честнаго креста (Историческая замѣтка о Кіевѣ—„Кіев. Стар.“ 1884, X, 249—250).

трудно опредѣлить, такъ какъ названные документы не даютъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. Можетъ быть, это была ограда замка кіевскаго католическаго бискупа—«острогъ бискупій», который, какъ извѣстно, находился на Кудрявцѣ и, конечно, могъ занимать такое же значительное пространство, какъ воеводскій замокъ на Киселевкѣ. Можетъ быть, это было какое-нибудь болѣе раннее сооруженіе литовскаго періода. Закревскій въ своемъ «Описаніи Кіева» говоритъ (къ сожалѣнію, не указывая источника): съ давнихъ поръ на Кудрявцѣ находился митрополичій загородный дворъ и садъ, но въ 1604 г. латинскій бискупъ отнялъ его у православнаго духовенства и выстроилъ замокъ). Наконецъ, можетъ быть, это было старинное укрѣпленіе (литовскаго періода), защищавшее Подолъ отъ нападеній со стороны Дорогожичей.

В. Щербина.

Жегота Паули. *(Некрологъ).* Въ началѣ октября (6-го) с. г. умеръ въ Краковѣ Жегота (т. е. Игнатій) Паули, которому принадлежитъ сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, изданный въ 1839—40 гг. [1]). Сборникъ Паули и сборникъ Вацлава Залѣскаго (1832 г.) представляютъ интересное явленіе, какъ труды поляковъ въ области маловѣдомой еще тогда малорусской народной поэзіи. Въ предисловіи къ своему сборнику Паули, издавшій передъ тѣмъ такой же сборникъ польскихъ пѣсенъ, говоритъ: «Przy układaniu i szykowaniu onych (пѣсенъ) trzymałem się tych zasad, co i przy pieśniach polskich, ograniczając się po części na same gminne pieśni, ktorych w cale niema zbiór Wacława z Oleska, lub które tamze nie całe są prodrukowane». Для увеличенія своего сборника Паули часть пѣсенъ заимствовалъ изъ сборника Максимовича (изд. 1827 г.), тѣмъ болѣе говоритъ онъ, что «też same piesni i lud ruski w Galicyi spiewa». Пѣсни въ сборникѣ Паули снабжены подробными объясненіями съ описаніемъ обрядовъ, какъ напр. свадебныхъ (I, 61—66), причемъ эти примѣчанія, какъ записанныя болѣе полустолѣтія назадъ, теперь имѣютъ двойную цѣну. Какъ извѣстно, относительно этого сборника пѣсенъ Паули въ недавнее время былъ обвиненъ въ плагіатѣ. Извѣстный галичанинъ Головацкій въ своихъ воспоминаніяхъ о совмѣстныхъ съ Шашкеви-

---

[1]) Pieśni ludu Russkiego w Galicyi, zebrał Żegota Pauli. Lwów. T. I, 1839, 177 стр. и T. II, 1840, 205 стр.

чемъ и Вагилевичемъ занятіяхъ родною стариною, говоритъ по этому поводу: «Вмѣстѣ съ нами Колегіи посѣщалъ небольшой человѣчекъ, нѣкто Игнатій Паули, мазуръ, пріѣхавшій изъ Сандечской гимназіи въ университетъ. Онъ постарался познакомиться съ нами, изъявилъ будто бы пламенное желаніе научитись по русски и по славянски, удавалъ славянина и подписывался даже *Жегота* Паули... Паули выманілъ отъ насъ не только тетрадки народныхъ пѣсенъ, но и переписалъ отъ меня пѣсни Максимовича и послѣ продалъ книгопродавцу Яблонскому, который и издалъ ихъ въ двухъ частяхъ подъ з. Piesni ludu ruskiego, хотя онъ вовсе не собиралъ пѣсенъ, а переписывалъ таковыя...[1]). Обвиненіе Головацкаго было напечатано при жизни Паули, но оставлено безъ отвѣта, при чемъ едва ли можно допустить, чтобы воспоминанія Головацкаго остались неизвѣстны такому книжнику, какимъ былъ Паули. Трудно рѣшать теперь—гдѣ правда, но, повидимому, не весь же сборникъ Паули составленъ былъ изъ «выманенныхъ» у Головацкаго и его товарищей, если первый въ своемъ большомъ сборникѣ, напечатанномъ въ «Чтеніяхъ», указывая источники записей, называетъ и Паули [2]). Въ только что напечатанномъ обширномъ некрологѣ Паули [3]) по этому вопросу говорится, что по отношенію къ сборнику малорусскихъ пѣсенъ— «jak twierdzą rusini, sam Pauli nie zbierał, ale miał korzystać ze zbiorów rękopiśmiennych duchowieństwa ruskiego». Повидимому, г. Бартошевичъ имѣетъ здѣсь въ виду показаніе того же Головацкаго, причемъ никакихъ возраженій не дѣлаетъ...

Вмѣстѣ съ пѣснями Паули издалъ въ томъ же 1840-мъ году, книжку—Starożytnosci Galicyjskie (Lwów 1840, 8°, 47 стр. и 20 рис.). Книжка заключаетъ въ себѣ нѣсколько портретовъ и затѣмъ рисунки памятниковъ археологіи. Для южнорусской исторіи здѣсь интересны: портретъ извѣстнаго Самуила Зборовского съ его подписью (fac-simile) и обстоятельною біографіей, показывающею близкое знакомство Паули съ первоисточниками польской исторіи. Затѣмъ слѣдуетъ еще портретъ—полулегендарной *Роксоланы* (родомъ будто бы изъ м. Рогатина), взятой татарами въ плѣнъ и ставшей потомъ женою Солимана I, и извѣстнаго участника въ дѣлѣ о церковной уніи 1596 г. Гедеона Балабана († 1607). Заинтересовавшись Зборовскимъ, Паули впослѣд-

[1]) Литерат. Сборникъ, изд. Гал.-Русск. матиц., 1885, вып. I, стр. 14. (Львовъ).

[2]) См. у Пыпина, Этнограф. Малорусская, 136—138, гдѣ приведены основательныя соображенія и *за* Паули.

[3]) К. Бартошевича, Kraj, № 42.

ствіи издалъ *Pamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krzystofa Zborowskich* (Lwów, 1846). Издалъ еще Паули *Pamiętniki Łosia*, повидимому относящіеся къ эпохѣ Хмельницкаго, но этой книжки намъ не приходилось видѣть. Труды Паули по польской исторіографіи перечислены г. К. Бартошевичемъ въ его обстоятельномъ некрологѣ этого неутомимаго книжника, который, родившись въ 1814 г., до послѣднихъ своихъ дней сидѣлъ за книгами краковской библіотеки [1])... Знавшіе Паули польскіе ученые называли его *ходячею энциклопедіею*, но тутъ же и жаловались, что раскрывалася эта энциклопедія для справокъ очень неохотно...

А. Л.

Мелкія извѣстія.

Разсказы Орскихъ старожиловъ о Т. Г. Шевченкѣ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Матовъ сообщаетъ свѣдѣнія о Т. Г. Шевченкѣ, которыя онъ, посѣтивъ Орскъ, получилъ тамъ отъ двухъ мѣстныхъ старожиловъ.

Одинъ изъ нихъ, Агапій Өедоровичъ К., имѣющій подъ 70 лѣтъ, бывшій фельдфебель одной изъ тѣхъ ротъ 4-го Оренбургскаго баталіона, гдѣ служилъ Шевченко, на разспросы объ немъ г. Матова, разсказалъ слѣдующее: «Скажу, что помню; только мало у меня на памяти осталось. Человѣкъ онъ былъ у насъ веселый и съ товарищами не прочь выпить; видомъ изъ себя плотный, высокій; усищи носилъ длинные, словно веревка крученые. Велъ себя мирно, лишь время отъ времени надъ чѣмъ-то задумывался; держали его больно ужъ крѣпко. Писать и рисовать ему запрещалось (строжайшая бумага была изъ Оренбурга). А рисовалъ-то какъ! Настоящій былъ художникъ. Наскучитъ ему, бывало, сидѣть въ казармахъ— пойдетъ въ укромное мѣсто, да и давай на стѣнѣ углемъ или мѣломъ картины мазать. Просто умора! На стѣнахъ писалъ и стихи хохлацкіе; всѣ заборы испачкалъ. Офицеры его любили, а все таки, видно, онъ шибко скучалъ. Помню, собрались мы въ Сыръ-Дарьинскій походъ; попалъ въ команду и Шевченко. Къ учебной солдатской аммуниціи онъ былъ непривыченъ, а о походной и говорить

---

[1]) Свѣдѣнія г. Бартошевича могутъ быть пополнены статьей о Паули г. Дубѣцкаго (Kłosy 1887 г , № 1153), при которой помѣщенъ и портретъ Паули.

нечего; вѣдь онъ у насъ маленько-то льготами пользовался. Двинулись въ походъ. День былъ жаркій, безвѣтренный; солнце пекло немилосердно; даже киргизы ѣхали безъ верхняго халата. Только переправились мы черезъ Оръ и вступили въ зеленую еще въ то время степь, какъ Шевченко вдругъ палъ въ строю, крѣпокъ былъ, а нѣтъ— сморила его духота. Подбѣжали офицеры, докторъ, а ротный командиръ сначала было прикрикнулъ, да видитъ, что дѣло-то неладно— пожалѣлъ. Положили его въ походную повозку и двинулись дальше. Скоро онъ поправился и мало по малу привыкъ. Потомъ я потерялъ его изъ виду. Говорили, что въ Ново-Петровскомъ онъ жилъ больно хорошо».

Другой орскій старожилъ М. И. Бажановъ разсказывалъ г. Матову, что Тарасомъ Григорьевичемъ была нарисована прекрасная картина-аллегорія. Она представляла изъ себя малороссійскую деревушку со всѣми аксессуарами южной природы. На первомъ планѣ картины выдѣляется ветхая хатка, обнесенная высокимъ частоколомъ. Синеватое небо мѣстами затянуто тучками, изъ за которыхъ по временамъ вырываются солнечные лучи и, проникая черезъ отверстіе частокола, живописными узорами золотятъ хатку. Лицомъ къ оградѣ и затылкомъ къ избушкѣ стоитъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія; въ распростертыхъ рукахъ онъ держитъ развернутую солдатскую шинель и пытается загородить ею проникающіе чрезъ ограду солнечные лучи и такимъ образомъ оставить въ тѣни убогую хатку. Гдѣ эта картина—М. И. не знаетъ.

На разспросы относительно того, не хранятся ли въ мѣстномъ архивѣ воинскаго начальника какіе-либо документы, относящіеся къ ссылкѣ Шевченка, г. Матовъ получилъ отвѣтъ, что документы эти сгорѣли въ послѣдній большой пожаръ 1888 года, уничтожившій весь Орскъ.

Новые матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя. Нѣсколько времени тому назадъ, газеты сообщили о находкѣ новыхъ цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи Н. В. Гоголя, а теперь «Биржевыя Вѣдомости» сообщаютъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой находкѣ. Прежде всего рѣчь идетъ о собственноручныхъ письмахъ знаменитаго писателя къ его матери Марьѣ Ивановнѣ, въ количествѣ около 180, захватывающихъ тридцатилѣтній періодъ времени съ 1821 по 1851 годъ. Затѣмъ, говоритъ газета, весьма цѣннымъ представляется семейный архивъ Гоголь-Яновскихъ, доселѣ неизвѣстный и заключающій въ себѣ многіе историческіе документы (восходящіе до 1604

года) и важную для біографіи Н. В-ча семейную переписку его отца, матери, тетокъ, дѣда, бабки, прадѣда и прабаки. Кромѣ того, имѣются характерныя письма нѣкоего Егора Зельднера, воспитателя и квартиросодержателя Н. В. Гоголя въ Нѣжинѣ, и записная книжка Василія Афанасьевича Гоголя (отца Н. В-ча), подъ названіемъ «Monitor», гдѣ между хозяйственными записями попадаются стихотворенія.

Можно сомнѣваться въ томъ, чтобъ всѣ упомянутые метеріалы были вполнѣ новыми и доселѣ никому неизвѣстными, такъ какъ едва ли можно допустить, чтобы, приготовляя къ изданію собраніе сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя, выпущенное въ 1854 году, и собирая на родинѣ знаменитаго писателя матеріалы для его біографіи, изданные въ 1856 году [1]), П. А. Кулишъ могъ оставить безъ вниманія семейный архивъ Гоголь-Яновскихъ; гораздо вѣроятнѣе предположить, что онъ хорошо ознакомился тогда съ этимъ архивомъ, но не извлекъ изъ него всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя можно было извлечь. Во всякомъ случаѣ нельзя назвать новыми письма Н. В. Гоголя къ его матери, такъ какъ въ упомянутомъ изданномъ Кулишомъ собраніи сочиненій Н. В. Гоголя эти письма уже были напечатаны, хотя со многими пропусками; но представляютъ-ли эти сдѣланные Кулишомъ пропуски цѣнный матеріалъ для біографіи Н. В. Гоголя—это можетъ сказать только тотъ, кто читалъ подлинныя письма.

Свѣдѣнія о массонскихъ ложахъ, бывшихъ въ Волынской губерніи. Въ газетѣ «Волынь» г. Кустодскій сообщаетъ небезынтересныя свѣдѣнія о бывшихъ въ Волынской губерніи массонскихъ ложахъ: въ г. Дубно учреждена была княземъ Михаиломъ Любомирскимъ, подъ его предсѣдательствомъ, массонская ложа въ залѣ «Луцкой брамы», гдѣ, во второмъ этажѣ, собирались члены Дубенской ложи. Въ 1786 году присланному въ Житомиръ карантинному лѣкарю Францишку Гинчу краковскіе массоны поручили учредить въ Житомірѣ двѣ ложи—мужскую и женскую. Это порученіе Гинчъ исполнилъ въ 1789 г., основавъ двѣ ложи: одну мужскую подъ названіемъ «Разсѣяннаго мрака», въ которой и былъ «venorabilem», а другую «Wschadu Żytomirskiego», женскую, въ которой предсѣдательство приняла жена аптекаря г-жа Вадзлю. До 1814 года дѣла житомирскихъ ложъ шли вяло и оживились, когда послѣ смерти Гинча

[1]) Подъ заглавіемъ: Записки о жизни Н. В. Гоголя.

во главѣ ложи сталъ маіоръ Лукашинскій. Онъ не замедлилъ придать дѣятельности кружка новое направленіе и окраску, основавъ общество національныхъ массоновъ, дѣятельность котораго, направленная къ религіозной пропагандѣ въ принадлежавшихъ Польшѣ областяхъ, способствовала организаціи возстанія. Лукашинскій организовалъ и другія общества, изъ которыхъ болѣе замѣчательны общество «карбонаріевъ» и общество «патріотовъ». Послѣднее раздѣлялось на шесть отдѣловъ и охватило Галицію, Царство Польское, Литву, Волынь, Подолію и Украину; организація этого общества имѣла сходство съ программою тѣхъ обществъ, которыя существовали въ возстаніе 60-хъ годовъ. Вслѣдъ затѣмъ образовались «общество друзей» и «общество тампліеровъ». Пропаганда этихъ обществъ проникла скоро и въ армію. Поляки вошли въ сношенія съ Пестелемъ, Муравьевымъ и Бестужевымъ, а кіевскіе контракты служили мѣстомъ свиданій въ 1824—1825 г. Открытіе заговора 14 декабря обнаружило сношенія поляковъ съ декабристами, а равно и существованіе многихъ польскихъ обществъ. Арестъ болѣе 80 членовъ житомирской ложи, въ томъ числѣ губернскаго предводителя дворянства Петра Мошинскаго, положилъ конецъ житомирскимъ массонскимъ ложамъ.

Учрежденіе ученой архивной коммиссіи въ Черниговѣ. Какъ сообщаютъ газеты, въ Черниговѣ организуется губернская ученая архивная коммиссія съ историческимъ при ней музеемъ и архивной библіотекой. Программа дѣятельности этой коммиссіи, по словамъ «Орловскаго Вѣстника», будетъ заключаться въ слѣдующемъ: коммиссія разсматриваетъ дѣла, предназначенныя губернскими и уѣздными архивами къ уничтоженію, и выдѣляетъ изъ нихъ для храненія тѣ дѣла или документы, которые имѣютъ научное значеніе; собираетъ свѣдѣнія о хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и въ другихъ архивахъ—наиболѣе важныхъ актахъ и документахъ, касающихся черниговскаго края, снимаетъ съ нихъ списки или дѣлаетъ описаніе ихъ; входитъ въ сношеніе съ частными лицами, имѣющими семейные архивы, о снятіи копій и сдѣланіи выписокъ изъ хранящихся въ тѣхъ архивахъ документовъ, относящихся преимущественно до черниговскаго края; занимается собираніемъ и разработкою историческихъ матеріаловъ, относящихся до черниговской губерніи, а также и другихъ матеріаловъ, хотя не касающихся названнаго края, но имѣющихъ историко-литературное

значеніе; собираетъ мѣстныя преданія, повѣрья, народныя пѣсни, сказки и все, что касается бытовой стороны мѣстнаго населенія; собираетъ свѣдѣнія о памятникахъ древности, находящихся въ губерніи, и озабочивается, чтобы таковые не были уничтожаемы, а также—чтобы никакія перестройки древнихъ храмовъ безъ вѣдома коммиссіи не производились; участвуетъ въ раскопкахъ, производимыхъ въ губерніи учеными учрежденіями; при архивѣ коммиссія постепенно организуетъ историческій музей, въ который поступаютъ какъ пожертвованныя вещи, имѣющія археологическій интересъ, такъ и пріобрѣтенныя на средства коммиссіи; по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, коммиссія приступаетъ къ изданію очерковъ изъ исторіи края и къ составленію исторической карты края. Въ виду того, что открытіе архивной коммиссіи зависитъ отъ изысканія нужныхъ для этого средствъ, а предполагаемый членскій взносъ въ 3 рубля не можетъ обезпечивать прочнаго существованія коммиссіи, черниговскій губернаторъ обратился къ городскимъ общественнымъ управленіямъ губерніи съ циркулярнымъ предложеніемъ внести въ городскія думы вопросъ о назначеніи ежегодной субсидіи на содержаніе губернской ученой архивной коммиссіи, историческаго при ней музея и архивной библіотеки. Какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты «Жизнь и Искусство», черниговская думская коммиссія, разсматривавшая предложенія губернатора, предложила думѣ выразить свое сочувствіе учрежденію архивной коммиссіи и, не предрѣшая до составленія смѣты на 1896 г. вопроса о размѣрѣ денежной субсидіи со стороны города, въ настоящее время оказать помощь отводомъ квартиры для архивной коммиссіи и предполагаемаго при ней музея—въ городскомъ домѣ, который освобождается съ переходомъ изъ него отдѣленія государственнаго банка и въ которомъ, вмѣстѣ съ архивной коммиссіей, предполагается помѣстить общественную библіотеку, существующую съ 1877 года.

Проектируемые музеи. Кромѣ упомянутаго музея, который предполагается открыть *въ Черниговѣ* при ученой архивной коммиссіи, въ газетахъ появились сообщенія еще о слѣдующихъ проектируемыхъ музеяхъ: *въ Житомирѣ*, по инициативѣ директора гимназіи И. И. Сидорова, возбужденъ вопросъ объ открытіи публичнаго музея, въ которомъ, кромѣ разныхъ историческихъ рѣдкостей, предполагается собрать образцы кустарнаго промысла волынской губерніи и другія издѣлія мѣстныхъ производствъ. Въ виду того, что откры-

тіе такого музея считается дѣломъ вполнѣ осуществимымъ, нынѣ предполагается, по сообщенію газеты «Волынь», при предстоящей постройкѣ зданія для публичной библіотеки и народной аудиторіи, сдѣлать въ нѣсколькихъ комнатахъ соотвѣтственныя приспособленія для потребностей публичнаго музея.—Вопросъ объ учрежденіи *въ Екатеринодарѣ* музея археологическаго, историческаго и прикладныхъ знаній разсматривается въ настоящее время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.—Наконецъ, *въ Кіевѣ*, независимо отъ того музея, о которомъ мы сообщали свѣдѣнія раньше, имѣетъ быть устроенъ въ университетскомъ ботаническомъ саду «петрографическій музей горныхъ породъ юго-западнаго края», о чемъ, какъ сообщаетъ газета «Жизнь и Искусство», уже состоялось постановленіе правленія университета св. Владиміра.

Первая лекція проф. Голубовскаго. 15 сентября, въ актовой залѣ университета св. Владиміра, въ присутствіи попечителя учебнаго округа и нѣкоторыхъ профессоровъ, была прочитана вновь назначеннымъ профессоромъ по каѳедрѣ русской исторіи П. В. Голубовскимъ первая пробная лекція на тему «О началѣ письменности на Руси».

Избраніе новаго предсѣдателя историческаго общества Нестора лѣтописца. 18 сентября происходило первое послѣ каникулъ собраніе историческаго общества Нестора лѣтописца, созванное для выбора предсѣдателя за послѣдовавшимъ въ маѣ отказомъ отъ этого званія профессора В. С. Иконникова, причемъ новымъ предсѣдателемъ избранъ почетный членъ общества А. М. Лазаревскій.

Присужденіе Уваровскихъ премій. 25 сентября, въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ, происходило, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Академіи Л. Н. Майкова, публичное засѣданіе по тридцать седьмому присужденію премій графа Уварова, причемъ малыхъ премій (по 500 рублей) удостоены слѣдующія сочиненія, имѣющія интересъ для нашего журнала.

1) «Описаніе старой Малороссіи» А. М. Лазаревского. Томъ II, полкъ нѣжинскій. Оцѣнка этого сочиненія была сдѣлана преподавателемъ Александровскаго лицея В. А. Мякотинымъ, который, указавъ на то, что исторія гетманской Малороссіи представляется еще весьма мало разработанной въ научной литературѣ, а источники ея чрезвычайно разбросаны, высказалъ, что «работа г. Лаза-

ревскаго, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи; задумана и поставлена авторомъ работа чрезвычайно широко; цѣлый рядъ разнообразныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе, и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный».

2) «Очерки исторіи литовско-русскаго права» Ѳ. И. Леонтовича. Оцѣнку этого труда принялъ на себя академикъ К. М. Бестужевъ-Рюминъ, отозвавшійся, что «книга Леонтовича должна принести несомнѣнную пользу и своими общими замѣчаніями, и библіографическими указаніями и что, если замѣчанія автора не вездѣ безусловно вѣрны, то они всегда вызываютъ мысль и побуждаютъ къ новой работѣ надъ предметомъ».

3) «Исторія минской архіепископіи съ подробнымъ описаніемъ хода возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью» С. Рункевича. Оцѣнка этого сочиненія произведена проф. В. Н. Жуковичемъ, который находитъ, что обиліе бывшаго у автора подъ руками матеріала дало ему возможность обставить свое историческое повѣствованіе цѣлымъ рядомъ точныхъ, часто малоизвѣстныхъ или совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ, причемъ заслуживаетъ полнаго сочувствія и то вниманіе, съ какимъ отнесся Рункевичъ ко всей предъидущей, какъ русской, такъ и польской литературѣ, имѣющей какое либо отношеніе къ предмету его изслѣдованія.

Приготовляемые къ изданію описанія собора св. Владиміра и альбомъ снимковъ живописи этого собора. Какъ сообщаютъ кіевскія газеты, въ виду предстоящаго въ будущемъ году открытія собора св. Владиміра, въ недавнее время приступлено къ составленію описанія этого собора. Оно будетъ состоять изъ двухъ частей: архитектурной, въ которой будетъ изложенъ весь ходъ работъ по сооруженію собора св. Владиміра, и художественной, въ которой будутъ описаны работы по внутренней отдѣлкѣ храма, живопись, мраморныя работы и т. п. Составленіе первой части взялъ на себя архитекторъ В. Н. Николаевъ, а второй—профессоръ А. В. Праховъ. Кромѣ того, ко дню открытія собора будетъ изданъ альбомъ снимковъ болѣе выдающихся художественныхъ произведеній, заключающихся въ соборѣ. По сообщенію «Кіевлянина», этотъ альбомъ будетъ заключать въ себѣ около 150

снимковъ, а по сообщенію газеты «Жизнь и Искусство»—болѣе 200 снимковъ. Изготовленіе снимковъ взялъ на себя фотографъ Лазовскій. Они приготляются орто-хроматическимъ способомъ и будутъ наклеиваться на цѣльные листы бристольскаго картона. Въ настоящее время уже сдѣлано 84 снимка; остальные будутъ изготовлены въ теченіе предстоящей зимы, по мѣрѣ освобожденія внутреннихъ стѣнъ храма отъ лѣсовъ и рештованій и очищенія картинъ отъ пыли. Такъ какъ пріобрѣтеніе альбомовъ большого формата, въ виду ихъ высокой стоимости (200 рублей), можетъ быть доступно немногимъ, то фотографическое заведеніе Лазовскаго предлагаетъ издать тотъ же альбомъ въ уменьшенномъ форматѣ и съ выпускомъ нѣкоторыхъ неважныхъ снимковъ, цѣнностію въ 25 рублей.

Полемика по поводу перестройки купола на Андреевской церкви. Въ напечатанной въ газетѣ «Жизнь и Искусство» статьѣ «Уничтоженія древняго Ярославова вала въ Кіевѣ», о которой мы упоминали въ предыдущей книгѣ «Кіевской Старины», г. Кибальчичъ, говоря между прочимъ о необходимости для Императорской Археологической Коммиссіи имѣть во многихъ пунктахъ имперіи своихъ агентовъ, на обязанности которыхъ было бы слѣдить за сохраненіемъ національныхъ историческихъ памятниковъ и безъ вѣдома которыхъ ни одинъ историческій памятникъ не только не уничтожался бы, но и не реставрировался,—добавилъ, что такую необходимость можно видѣть хотя бы на Андреевской церкви въ Кіевѣ, на которой въ настоящее время идетъ своеобразное исправленіе линіи главнаго купола геніальнаго Растрелли, возмущающее истыхъ кіевлянъ. Это замѣчаніе г. Кибальчича вызвало появившееся въ той же газетѣ письмо инженера Я. Кривцова, который въ качествѣ завѣдывающаго технической стороной перестройки купола Андреевской церкви, счелъ нужнымъ, для возстановленія истины, разъяснить, что подлиннаго проэкта Растрелли или копіи съ него, насколько извѣстно, не существуетъ, что куполъ Андреевской церкви перестраивался не одинъ разъ и сохранилась ли при этихъ перестройкахъ первоначальная растрелліевская форма его—неизвѣстно; при перестройкѣ же въ настоящее время, предъ уничтоженіемъ стараго купола, были сняты съ него чертежи, фотографіи и шаблоны-лехалы съ натуры, согласно которымъ и построенъ новый куполъ, почему линія его не можетъ быть не такою, какой она была въ послѣдніе годы; если же она не кажется такою, то это можетъ быть объяснено оптическимъ обманомъ, происходящимъ, быть можетъ,

отъ не совсѣмъ убранныхъ лѣсовъ и незаконченности всѣхъ работъ.— Возражая г. Кривцову въ новой статьѣ, г. Кибальчичъ объяснилъ, что оправданія Кривцова могли бы имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ, какъ завѣдывающій техническою стороною перестройки купола, сдѣлалъ это согласно 6 и 7 параграфовъ положенія объ археологической коммиссіи, по которому никакая реставрація монументальнаго памятника старины не должна быть производима безъ разрѣшенія и руководства академіи художествъ и археологической коммиссіи, гдѣ, весьма можетъ быть, сохраняются и какія-нибудь данныя объ Андреевской церкви, что рисункамъ и шаблонамъ-лекаламъ, о которыхъ говорится въ письмѣ Кривцова, нельзя довѣрять, потому что они сняты не Кривцовымъ, а подрядчиками и рабочими, не сознававшими важности воспроизводимыхъ ими предметовъ, фотографія же при переставныхъ съемкахъ еще не доведена до такого совершенства, чтобъ ею можно было пользоваться при подобныхъ архитектурныхъ работахъ, а разницу между старымъ и новымъ куполомъ Андреевской церкви отлично замѣтили, какъ ближайшіе сосѣди этой церкви, такъ и другіе старожилы г. Кіева.—Въ эту полемику между гг. Кривцовымъ и Кибальчичемъ вмѣшался г. Бошно, который въ своей статьѣ, подтверждая заявленіе Кибальчича, счелъ нужнымъ указать, въ чемъ именно, по его наблюденіямъ, заключаются тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ куполѣ Андреевской церкви, и говоритъ, что эти измѣненія были троякія: 1) самая характерная нижняя часть купола или пьедесталъ—теперь совсѣмъ отсутствуетъ, 2) въ средней части выпуклости расширены и 3) верхняя часть или шпицъ съужена и укорочена, въ общемъ же куполъ пониженъ саженъ до 3-хъ, чѣмъ уничтожена своеобразная красота его.

Отмѣчая эту полемику и не рѣшаясь утверждать, сдѣланы ли измѣненія при послѣдней перестройкѣ купола Андреевской церкви и, если сдѣланы, то кто въ нихъ повиненъ, мы съ своей стороны можемъ только сказать, что достаточно съ самымъ бѣглымъ вниманіемъ взглянуть на Андреевскую церковь и сравнить только что перестроенный главный куполъ съ малыми куполами ея, чтобы бросилась въ глаза большая разница между архитектурою главнаго купола и архитектурою малыхъ куполовъ; поднимаясь вверхъ въ легкихъ, тонкихъ, стройныхъ очертаніяхъ, эти малые куполы, совершенно гармонирующіе съ архитектурою всей церкви, какъ-бы стремятся въ вышину, тогда какъ раздавшійся въ ширину и слишкомъ короткій по сравне-

нію съ малыми куполами перестроенный главный куполъ изображаетъ изъ себя тяжелую на подъемъ приземистую фигуру, которая совершенно не соотвѣтствуетъ ни архитектурѣ малыхъ куполовъ, ни архитектурѣ всей церкви. Полагаемъ, что такую дисгармонію, безобразящую церковь, не могъ допустить Растрелли.

Библіографія.

Записки товариства імени Шевченка. Выдавництво, присьвячене науці і письменьству україньско-руского народу. Впорядковав др. Юліян Целевич. Частына I. У Львові. 1892. (Стр. 212).

Записки наукового товариства імени Шевченка. Том II. Впор. Олександер Барвіньскій (ib. 1893). Том III, IV. Впор. Ол. Барвіньскій (ib., 1894). Том V, VI. Впор. Михайло Грушевській (ib., 1895). Стр. 189+231+200+208+183.

Въ перечисленныхъ шести томахъ «Записокъ» пояснены обстоятельства, при которыхъ возникло это крупное для восточной Галичины литературно-научное изданіе. Въ самыхъ общихъ чертахъ дѣло представляется такъ. Живое литературное движеніе шестидесятыхъ годовъ въ Малороссіи не осталось безъ вліянія на національно-литературныя стремленія галичанъ. Средоточіемъ литературнаго движенія эпохи въ Галичинѣ служили газеты «Вечерныци», «Мета», «Нива» и «Правда». Среди галицкой интеллигенціи естественно явилась потребность въ основаніи общества для распространенія просвѣщенія въ народѣ и для изданія литературныхъ и научныхъ произведеній и школьныхъ учебниковъ на народномъ языкѣ. Съ этою цѣлью образовано было въ 1868 г. общество «Просвита» (просвѣщеніе). Опытъ вскорѣ показалъ, что преслѣдованіе обѣихъ цѣлей однимъ и тѣмъ же обществомъ—задача не изъ легкихъ и что заботы по изданію книгъ, учебниковъ и т. п. удобнѣе выдѣлить. Въ концѣ 1873 г., по иниціативѣ мѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, учреждено общество имени Шевченка, на основаніи утвержденнаго 11 декабря галицкимъ намѣстничествомъ устава. Въ слѣдующемъ году это общество обзавелось собственной типографіей и издало рядъ научныхъ и литературныхъ

трудовъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, приняло на себя изданіе газеты «Зоря», печатало учебныя книги и т. п. Значительное развитіе издательскаго дѣла поглощало массу времени и труда, отодвигая до поры до времени собственно научныя задачи, неизбѣжно возникающія при каждомъ сознательномъ умственномъ движеніи народа.

Въ 1892 году общество имени Шевченка пошло на встрѣчу этой назрѣвшей потребности мѣстной интеллигенціи и выработало для себя новый уставъ, поставивъ себѣ первою и главною задачею содѣйствовать развитію науки на родномъ языкѣ, заботиться о собираніи и сохраненіи всевозможныхъ памятниковъ мѣстной старины, о развитіи мѣстнаго искусства. Для этого должны служить изслѣдованія по исторіи украинско-русской письменности и искусства, по мѣстной исторіи и археологіи, а также по наукамъ философскимъ, политическимъ, экономическимъ, юридическимъ, математическимъ и естественнымъ; научные рефераты, сообщенія и бесѣды, съѣзды литераторовъ и художниковъ; изданіе своихъ записокъ и отдѣльныхъ научныхъ трудовъ; собираніе книгъ и памятниковъ для библіотеки и музея; выдача премій и пособій ученымъ, литераторамъ и художникамъ; наконецъ, содержаніе собственной типографіи и устройство книжнаго склада. Общество состоитъ изъ отдѣленій филологическаго, историко-философскаго и естественно-математическо-медицинскаго.— Измѣненный такимъ образомъ уставъ утвержденъ 16 ноября 1892 г., а въ 1893 г. «научное общество имени Шевченка» организовалось на новыхъ началахъ. По мысли учредителей, дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи дѣятельности общества должно быть учрежденіе мѣстной академіи наукъ, по примѣру другихъ славянскихъ и не-славянскихъ областей Австро-Венгріи. Въ появившихся до настоящаго времени шести томахъ «Записокъ» даны отдѣльныя обработки разнообразнаго научнаго матеріала по различнымъ отраслямъ знанія, независимо отъ статей критическихъ и библіографическихъ, но изъ протоколовъ засѣданій общества видно, что нынѣ, по инициативѣ львовскаго профессора М. С. Грушевскаго, разрабатывается планъ цѣлой серіи научныхъ изданій документальнаго матеріала для мѣстной исторіи, въ высокой степени интереснаго и важнаго, какъ напр. люстрацій и инвентарей русскаго воеводства, самборскаго и дрогобыцкаго старостъ XVI в., люстрацій и книгъ XVI и XVII вв., хранящихся въ Варшавскомъ главномъ архивѣ и Московскомъ архивѣ мин. юстиціи, въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, отдѣльныхъ исто-

рическихъ актовъ, хроникъ и лѣтописей, разбросанныхъ повсюду и частью еще нетронутыхъ, наконецъ, актовъ юридическихъ. Конечно, выполненіе этой задачи потребуетъ значительныхъ расходовъ, но нѣкоторая поддержка обществу уже оказана австрійскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ассигнованіемъ на 1895 г. пособія въ 1500 гульденовъ.

Безполезно, полагаемъ, было-бы говорить о томъ сочувствіи, какого заслуживаетъ почтенная цѣль новаго научнаго общества; излишне было-бы также заниматься гаданіями относительно его будущности. Скажемъ лишь, что на полѣ историческаго изученія прошлаго русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ австрійской монархіи, мѣстнымъ научнымъ силамъ предстоятъ задачи, важность которыхъ невозможно преувеличить. При современныхъ внутреннихъ отношеніяхъ въ Галичинѣ, при массѣ вопросовъ экономическаго и политическаго характера, остающихся неразрѣшенными въ согласіи съ жизненными интересами большинства мѣстнаго населенія, напрасно было-бы тѣшить себя химерами и ожидать, что изученіе прошлой и современной жизни этого народа можетъ идти въ духѣ спокойномъ, безпристрастномъ, такъ сказать академическомъ. Гдѣ есть условія для борьбы экономической и политической, тамъ и историческое и экономическое изученіе неизбѣжно получаютъ и не могутъ не получать специфическаго отпечатка, тамъ они непремѣнно отражаютъ на себѣ интересы жизни въ выборѣ-ли темъ для разработки, въ отношеніи-ли къ противоположнымъ мнѣніямъ, или въ общемъ освѣщеніи фактовъ и отношеній. Выработка прочнаго научнаго метода, уваженіе къ усвоеннымъ общеевропейскою наукою пріемамъ изслѣдованія необходимы и обязательны во всякомъ случаѣ, и если галицкая интеллигенція, въ пылу партійной борьбы, не забываетъ объ этомъ органическомъ условіи успѣха всякаго живого научнаго дѣла, если она стремится освѣтить свои притязанія основаніями, извлеченными изъ арсеналовъ науки, то на этомъ полѣ предстоитъ ей огромная масса труда тяжкаго и, при данныхъ условіяхъ, неблагодарнаго, но тѣмъ болѣе почтеннаго и заслуживающаго признанія своей важности.

Что же касается, въ частности, до вопроса о языкѣ, на которомъ «Общество» публикуетъ свои труды, то, кажется намъ, дѣло это вовсе и не подлежитъ ближайшему обсужденію, по своей очевидности: по нашему убѣжденію, тутъ нѣтъ предмета для обсужденія. Замѣтить можно лишь, что дѣло это, какъ всякое серьезное

дѣло, представляетъ на первыхъ порахъ много техническихъ трудностей; но трудности эти отнюдь не непреодолимыя, и вышедшіе томы «Записокъ» доказываютъ это блистательнымъ образомъ, въ чемъ легко убѣдиться всякому знакомому съ языкомъ, обратившись къ самимъ «Запискамъ».

Послѣ этихъ необходимыхъ предварительныхъ замѣчаній, постараемся указать вкратцѣ на общее содержаніе «Записокъ».

Древнѣйшей исторіи земель, населенныхъ русскимъ народомъ, посвящены въ запискахъ статьи гг. Сергіенка (Общественное движеніе на Украинѣ-Руси въ XIII в.—т. I), Иванова (Очеркъ изъ исторіи Волыни въ началѣ XIV в.—т. II), Паначовнаго (Древнѣйшія греческія босфорскія колоніи въ нынѣшней Кубанской области—т. II), Грушевскаго (Вступительная лекція въ курсъ древне-русской исторіи—т. IV) и Величка (Политическія и торговыя отношенія Руси и Византіи въ X и XI ст.—т. VI).

Въ статьѣ г. Сергіенка (I, 1—28) весьма живо обрисованъ общественный строй южно-русскихъ земель до нашествія татаръ, отмѣчены слѣды антагонизма между землею, съ одной стороны, и княземъ съ дружиною или боярствомъ (въ Галичинѣ)—съ другой, наконецъ, нарисованы своеобразныя политическія комбинаціи, выросшія на этой почвѣ въ татарскій періодъ.

Хорошее знакомство автора съ лѣтописями и литературой предмета даютъ ему возможность нарисовать картину, правда эпизодическую, но тѣмъ не менѣе цѣльную, насколько то позволяютъ наличные источники. Спорнымъ представляется намъ категорическое отрицаніе завоеванія при объясненіи причинъ указаннаго раздвоенія въ государственно-общественномъ укладѣ древне-русскихъ земель; не можемъ также раздѣлить увѣренности почтеннаго автора въ славянскомъ происхожденіи знаменитыхъ болоховскихъ князей. Но необходимо замѣтить, что эти вопросы до настоящаго времени остаются спорными въ наукѣ, г. Сергіенко не берется ихъ разрѣшать, и какъ бы они ни выяснились въ концѣ концовъ, нарисованная авторомъ историческая картина остается вѣрною въ основныхъ чертахъ.

Статья г. Иванова (II, 119—161) посвящена запутанному вопросу о генеалогіи волынскихъ князей послѣ Мстислава Даниловича. Какъ сводка свидѣтельствъ источниковъ и критическое обозрѣніе взглядовъ новѣйшихъ историковъ, статья эта имѣетъ свое значеніе для мѣстной исторіи, хотя указанные авторомъ вопросы не могутъ считаться окончательно разрѣшенными, по недостаточности налич-

ныхъ источниковъ. Результаты изысканій г. Иванова, опубликованныхъ въ «Запискахъ», вошли въ его книгу: «Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка». (Одесса, 1895).

Г. Паначовный (II, 1—61) задался цѣлью, путемъ личнаго обозрѣнія мѣстностей, упоминаемыхъ у Страбона, и сопоставленія извѣстій послѣдняго съ географическими указаніями надписей и другихъ авторовъ, провѣрить, возможно-ли полагаться на извѣстія Страбона. Выводы автора г. Паначовнаго вообще весьма благопріятны для этого географа; такъ, напр., нашъ авторъ склоняется къ мнѣнію, что Страбонъ дѣйствительно посѣтилъ упоминаемыя имъ мѣстности босфорскаго царства, далѣе пытается установить эти мѣстности по современной картѣ, наконецъ, подвергаетъ критическому разбору догадки по Страбону И. Е. Забѣлина (Труды III Археолог. Съѣзда, т. II) и признаетъ ихъ безусловно неправильными. Статья г. Паначовнаго написана съ большою запальчивостью, которая объясняется тѣмъ, что онъ потерялъ безплодно много времени на ознакомленіе съ догадками позднѣйшихъ историковъ и лишь послѣ того приступилъ къ самостоятельнымъ изысканіямъ по провѣркѣ извѣстій классическихъ авторовъ, писавшихъ о сѣверо-восточныхъ берегахъ Чернаго моря. Какъ намъ кажется, и послѣ изысканій г. Паначовнаго страбоновскіе вопросы остаются въ достаточной мѣрѣ темными. Къ статьѣ приложена карта, гдѣ показаны предполагаемыя мѣста древнихъ поселеній.

Вступительная лекція проф. Грушевскаго (IV, 140—150) посвящена сводкѣ данныхъ, характеризующихъ уровень культурнаго и общественнаго развитія насельниковъ южной Руси VIII—XII в., и указанію основныхъ точекъ зрѣнія автора при дальнѣйшей разработкѣ историко-археологическаго матеріала въ теченіе курса.

Наконецъ, статья д-ра Величка (VI, 1—36) даетъ сжатое, ясное изложеніе основныхъ фактовъ, рисующихъ отношенія Руси къ Византіи въ X и XI ст. Авторъ обнаруживаетъ значительное знакомство съ литературой вопроса, и статья его читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Ошибочнымъ кажется намъ лишь указаніе автора на существованіе перваго митрополита кіевскаго Михаила родомъ изъ Греціи или Сиріи; нѣсколько слабо воспользовался г. Величко археологическимъ матеріаломъ для характеристики торговыхъ сношеній и церковно-культурныхъ вліяній; тѣмъ не ме-

нѣе, какъ работа популярная въ лучшемъ смыслѣ слова, статья г. Величко вполнѣ умѣстна въ «Запискахъ».

Для исторіи XVIII в. не лишенъ интереса политическій памфлетъ 1774 или 1775 г. «Suplika successorów Gonty y Zelezniaka», найденный г. Макарушкой въ отдѣлѣ рукописей библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ (VI, 1—6). Памфлетъ направленъ противъ кн. Понинскаго, извѣстнаго дѣятеля перваго раздѣла Польши. Перечисливъ всѣ подвиги князя, мнимые наслѣдники Василій Гонта и Иванъ Зализнякъ доказываютъ въ своей просьбѣ королю, что Понинскій — ихъ вѣрный сотоварищъ и что поэтому они заслуживаютъ не меньшей награды, нежели онъ. Въ сатирѣ приводится нѣсколько характерныхъ бытовыхъ указаній.

Для исторіи литературы XIX в. находимъ въ «Запискахъ» статьи гг. Колессы, Кониcскаго и Франка, посвященныя Т. Г. Шевченку и Богдану Залѣсскому. Въ статьѣ «Шевченко и Мицкевичъ» (III, 36—152) г. Колесса подробно анализируетъ тѣ произведенія малорусскаго поэта, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразились слѣды разнообразныхъ литературныхъ вліяній (Пушкина, Мицкевича, Жуковскаго, Козлова). Кропотливая работа сравненія, доходящая нерѣдко до мелочей, даетъ автору поводъ высказать нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній по психологіи поэтическаго творчества вообще и показать, какъ заимствованные мотивы претворяются въ своеобразномъ, оригинальномъ духѣ поэта, не умаляя его самостоятельности. По методѣ изложенія такой же характеръ имѣетъ другая большая статья г. Колессы: «Украинскія народныя пѣсни въ поэзіи Богдана Залѣсскаго» (I, 124—208). Авторъ убѣдительно показываетъ, что вліяніе этихъ пѣсенъ на Залѣсскаго было лишь внѣшнимъ, поверхностнымъ, что уловить дуновеніе жизни и своеобразный складъ народной мысли, нашедшій выраженіе въ этихъ пѣсняхъ, польскій поэтъ не съумѣлъ и не могъ по основнымъ особенностямъ своего таланта и настроенія. Въ концѣ статьи приведены важнѣйшія указанія на малорусскія стихіи въ языкѣ Залѣсскаго. Къ сожалѣнію мы лишены возможности даже вкратцѣ намѣтить здѣсь существенныя аналогіи, установленныя авторомъ въ анализѣ произведеній названныхъ поэтовъ.

Статья г. Франка (VI, 1—20) [1]) посвящена подробному анализу поэмы Шевченка «Наймычка» сравнительно съ повѣстью тогоже имени,

---

[1]) Въ V и VI т. „Записокъ“ страницы статей нумеруются отдѣльно, что несовсѣмъ удобно.

напечатанною въ 1844 г. на русскомъ языкѣ, и другими произведеніями малорусскаго поэта. Анализъ даетъ автору поводъ высказать нѣсколько цѣнныхъ соображеній о манерѣ поэтическаго творчества Ш. и о томъ направленіи идей, которое повело къ цѣлому ряду общихъ по замыслу поэмъ. Предположеніе автора, что поэма «Наймычка» была написана ранѣе повѣсти, основанное на сличеніи другихъ поэмъ съ русскими повѣстями Ш., кажется намъ весьма правдоподобнымъ. Вся статья г. Франка свидѣтельствуетъ о вдумчивости автора и умѣніи его обращаться съ литературно-поэтическимъ матеріаломъ.

Три статьи г. Конисскаго («Дѣтство Т. Г. Шевченка»—I, 87—123, «Юношество Т. Г. Шевченка до выкупа изъ крѣпостнаго права»—IV, 1—28 и «Т. Шевченко подъ арестомъ»—VI, 1—26) представляютъ начало біографіи поэта, до 23 іюня 1847 г. Авторъ весьма добросовѣстно сводитъ воедино всѣ имѣющіяся въ литературѣ біографическія данныя, критически разсматриваетъ ихъ, отдѣляетъ недостовѣрное и иллюстрируетъ эти данныя ссылками на произведенія поэта. Хотя новыхъ данныхъ при этомъ почти не приводится, но это не лишаетъ трудъ г. Конисскаго значенія для исторіи нашей литературы и быта. Такъ какъ въ дальнѣйшихъ томахъ «Записокъ» должно ожидать продолженія біографіи, то мы позволимъ себѣ выразить здѣсь пожеланіе, чтобы почтенный авторъ не утомлялъ вниманія читателя лирическими отступленіями, которыя способны лишь ослабить цѣльность впечатлѣнія.

Памяти Маркіана Шашкевича, Омельяна Огоновскаго и Омельяна Партицкаго посвящены небольшія статьи В. Коцовскаго (Ш, 25—35), И. Кокорудза (V, 1—34) и И. Копача (V, 5—10). Въ добавленіи къ біографіи Огоновскаго г. Кокорудзъ опубликовалъ въ «Запискахъ» (V, 1—14) словарь малорусскихъ словъ, заимствованныхъ изъ тюркскихъ нарѣчій. Словарь этотъ составленъ покойнымъ Огоновскимъ въ 1890 г. на основаніи труда Миклошича, съ нѣкоторыми дополненіями, и можетъ имѣть значеніе для справокъ.

Статья г. Сергіенка (II, 147—161) «Къ юбилею Ив. Котляревскаго». Desiderata» трактуетъ вопросъ о необходимости собранія матеріаловъ для научной біографіи Котляревскаго и для научнаго и иллюстрированнаго изданія его сочиненій.

Для исторіи языка въ «Запискахъ» имѣется статья г. Верхратскаго «Говоръ Замішанців» (Ш, 153—210), разнорѣчіе говора лемковъ (этому послѣднему авторомъ посвящена обширная статья въ

Archiv'ѣ Ячича, т. XIV—XVI). Г. Верхратскій, на основаніи личнаго изслѣдованія, приводитъ данныя для фонетики, корнесловія, этимологіи и синтаксиса, даетъ нѣкоторыя загадки, пѣсни и, наконецъ, словарь этого говора, живущаго и понынѣ въ 10 селахъ по р. Вислоку, съ населеніемъ до 6500 чел.

Въ рецензіи того-же автора на I т. «Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка» И. Срезневскаго (V, 16—29) приведены многочисленныя параллели между древне-русскими словами и словами живыхъ говоровъ Галичины—гуцульскимъ, лемковскимъ, замишанскимъ и др.

Въ отдѣлахъ научной хроники и miscellanea встрѣчаются не лишенныя интереса отдѣльныя указанія на различные малоизвѣстные или вовсе неизвѣстные факты литературной, политической и общественной жизни, дается обзоръ научно-литературныхъ журналовъ Галичины и, частью, Россіи, обозрѣніе рѣдкихъ памятниковъ, отчеты о дѣятельности ученыхъ обществъ, раскопкахъ и т. п. Съ VI тома значительно расширенъ библіографическій отдѣлъ. Въ общемъ данъ болѣе или менѣе подробный отзывъ о 100 слишкомъ книгахъ, преимущественно русскихъ. Въ числѣ ихъ встрѣчаются рецензіи очень обстоятельныя, требовавшія значительнаго труда и знакомства съ предметомъ. Укажемъ, напр., на приведенную выше рецензію г. Верхратскаго, г. Студинскаго на книгу И. Франка объ I. Вишенскомъ (V, 29—48), г. Корженко на книгу А. Левицкаго о Свидригайлѣ (II, 162—169), г. Кѣпача о книгѣ Макульскаго 1770 г. о гайдамацкихъ движеніяхъ (ib., 169—172), г. Грушевскаго объ изданіяхъ Лопарева и Никольскаго (V, 1—18) и нѣкоторыя другія. Замѣтно вообще стремленіе редакціи «Записокъ» поставить этотъ важный отдѣлъ на подобающую высоту.

По отдѣлу наукъ общественныхъ и политическихъ «Записки» даютъ двѣ обширныя статьи: г. Ѳадея Рыльскаго «Студіі над основами розкладу богацьтва» (I, 29—86; II, 62—113) и г. Вячеслава Будзиновскаго «Аграрні відносини Галичини» (IV, 29—193).

Г. Рыльскій критически разсматриваетъ основныя понятія политической экономіи и ихъ методологическое значеніе для теоріи распредѣленія, останавливаясь главнымъ образомъ на трудахъ представителей классической школы политической экономіи. Статья г. Рыльскаго, кромѣ внутреннихъ ея достоинствъ, обусловливаемыхъ умѣніемъ автора разобраться въ запутанныхъ и сложныхъ вопросахъ теоріи и освѣтить ихъ фактами дѣйствительной жизни, поучительна,

какъ едва-ли не единственный опытъ подробнаго изложенія основныхъ понятій экономической науки на малорусскомъ языкѣ. По нашему мнѣнію, предстоявшая автору нелегкая задача выполнена имъ блистательно. Къ сожалѣнію, статья не окончена. Послѣ критики теоріи народонаселенія Мальтуса, авторъ предполагаетъ перейти къ историческому обозрѣнію факторовъ распредѣленія въ разныхъ странахъ культурнаго міра (II, 113), но въ III—VI томахъ «Записокъ» продолженія статьи нѣтъ, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Обширное изслѣдованіе г. Будзиновскаго объ аграрныхъ отношеніяхъ Галичины, основанное главнымъ образомъ на оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, на нашъ взглядъ, служитъ лучшимъ украшеніемъ «Записокъ». Тщательная разработка статистическаго матеріала, ясность изложенія, выдающееся умѣнье автора въ группировкѣ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ выводовъ невольно приковываютъ вниманіе читателя къ печальнымъ подробностямъ нарисованной суровой картины земельной и хозяйственной неурядицы. Въ общемъ, выводы г. Будзиновскаго мало утѣшительны. Дробленіе мелкой собственности въ Галичинѣ дошло до предѣла, дальше котораго идти некуда. Большая часть ея утратила всякое земледѣльческое значеніе, и большинство владѣльцевъ лишены матеріальныхъ условій для существованія. Чистый доходъ средняго крестьянскаго владѣльца не превышаетъ 10—12 гульденовъ. За вычетомъ податей и налоговъ остается 4—6 гульденовъ, недостаточныхъ даже для уплаты процентовъ ростовщикамъ. Спасеніемъ служили до послѣдняго времени заработки въ крупныхъ имѣніяхъ, которыя при патріархальномъ хозяйствѣ, требовали массы рабочихъ рукъ; но и этотъ рессурсъ начинаетъ нынѣ ускользать изъ рукъ крестьянъ. Не говоря уже о чистыхъ пролетаріяхъ, даже крестьяне-владѣльцы представляютъ, въ сущности, классъ безземельныхъ батраковъ, прикованный къ чужой землѣ, пока не вышвырнетъ его оттуда рука кредитора-ростовщика. Галицкій землевладѣлецъ—только номинальный собственникъ земли, фактическій же владѣлецъ—государство и ростовщикъ. Задолженность мелкаго землевладѣльца въ Галичинѣ достигла крайнихъ предѣловъ; въ результатѣ ея—переходъ крестьянской собственности въ руки ростовщиковъ. Переходъ всей вообще мелкой собственности въ руки представителей движимаго капитала, паденіе земледѣльческаго класса до уровня нищенствующаго пролетаріата—такова перспектива, улыбающаяся Галичинѣ. Если процессъ обезземеленія пойдетъ тѣмъ же путемъ, что донынѣ, и свободной игрѣ экономическихъ силъ не поставитъ рѣшительнаго и крѣпкаго

veto политическая власть, то другого выхода нельзя предвидѣть. Необходима глубокая и коренная реформа аграрнаго строя, такъ какъ пальятивы уже не помогутъ бѣдѣ. «Гірше як тут, нігде нам не може бути», заявляли крестьяне, массами эмигрировавшіе изъ восточной Галичины въ 1892 г., и эти слова служатъ автору ручательствомъ, что въ его выводахъ нѣтъ преувеличенія.

Помѣщая статью г. Будзиновскаго, редакція «Записокъ» оговорилась, что, быть можетъ, не всѣ взгляды и выводы автора подтвердятся наукою и практикою. Оговорка, какъ намъ кажется, довольно неудачная, такъ какъ всѣ существенные выводы автора обоснованы на строго провѣренныхъ, большею частію оффиціальныхъ данныхъ.

Сколько извѣстно, выводы г. Будзиновскаго до сихъ поръ не опровергнуты тѣмъ путемъ, какимъ они добыты.

Правда, въ Jahbuch'ѣ Шмоллера (XIX Jahrgang, 4 Heft, Leipzig, 1895, стр. 193—224) напечатана статья п. Адама Крыжановскаго изъ Кракова «Die Grundbesitzvertheilung in Galizien», гдѣ авторъ, не отрицая всѣхъ золъ, угрожающихъ Галичинѣ вслѣдствіе безнадежно-дурного положенія крестьянской массы, обращаетъ взоры на разныя спасительныя перспективы: массовую эмиграцію, сокращеніе дѣторожденій (къ сожалѣнію, die Natur-Völker мало способны къ такой предусмотрительности—стр. 220), образованіе класса среднихъ собственниковъ изъ контигента «кулаковъ» (стр. 223), класса крестьянской аристократіи, наконецъ, развитіе фабричной промышленности и интенсивной обработки земли, и рекомендуетъ государству озаботиться созданіемъ необходимыхъ условій для всѣхъ этихъ благъ,—но вѣдь эти desiderata не обязательны для научнаго изслѣдователя. Фактическихъ данныхъ, въ такомъ изобиліи приводимыхъ г. Будзиновскимъ, г. Крыжановскій, также опирающійся на показаніяхъ галицкой статистики, не подрываетъ ни единымъ словомъ; по его словамъ, Галичинѣ грозитъ паденіе standard of life всей народной массы, и промышленное развитіе послѣднихъ лѣтъ поставлено нынѣ на карту. Вотъ почему намъ кажется, что редакціонныя оговорки къ статьѣ г. Будзиновскаго излишни, тѣмъ болѣе, что авторъ не только констатируетъ зло, но и весьма обстоятельно выясняетъ причины, вызвавшія его, причины, говорящія далеко не въ пользу заправляющаго въ Галичинѣ класса.

Отмѣтимъ, наконецъ, что въ «Запискахъ» напечатаны нижеслѣдующія статьи по физикѣ, математикѣ и медицинѣ: г. Ив. Пу-

люя, «Аппаратъ для измѣренія разницы фазъ между перемѣнными электрическими токами» (III, 1—23), г. Вл. Левицкаго «О симметрическихъ выраженіяхъ изъ значеній функціи mod-m» (IV, 124—139) и д-ра Черняховскаго «Аппаратъ для измѣренія силы сокращеній uterus» (съ рисунками. II, 114—118).

Н. М.

„Труды девятаго археологическаго съѣзда въ Вильнѣ 1893 г.“ подъ редакціей гр. Уваровой и С. Слуцкаго, т. I, М. 1895 г.

Большинство трудовъ прежнихъ археологическихъ съѣздовъ очень запаздывало выходомъ въ свѣтъ. Изданіе Трудовъ девятаго съѣзда находится, повидимому, въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ два года, отдѣляющіе выходъ настоящаго тома отъ съѣзда, сравнительно небольшой срокъ.

Среди разнообразныхъ статей, наполняющихъ этотъ томъ, археологіи юга Россіи касаются собственно двѣ: «Монеты великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославича»—Н. И. Петрова и «Монетные клады Кіевской губ. до первой четверти XV в.»—В. С. Данилевича. Въ статьѣ проф. Петрова подвергается критикѣ чтеніе подписей на нѣкоторыхъ монетахъ, предложенное въ трудѣ гр. И. Толстого—«Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго». Именно, на монетахъ, приписываемыхъ гр. Толстымъ Ярославу I, на томъ основаніи, что на нихъ помѣщено христіанское имя этого князя—Георгій, пр. Петровъ тщательнымъ изслѣдованіемъ надписей и съ другими памятниками прочелъ имя Димитрія.

Другой критикъ сочиненія гр. Толстого—Н. П. Черневъ на другомъ видѣ монетъ, также приписываемыхъ Ярославу I, нашелъ имя Петра. Останавливаясь надъ тѣмъ, какому князю или какимъ князьямъ принадлежатъ эти монеты съ именами Димитрія и Петра, такъ какъ Ярославу I—Георгію онѣ принадлежать не могутъ, проф. Петровъ дѣлаетъ предположеніе о принадлежности ихъ сыну Ярослава I—Изяславу-Димитрію Ярославичу и, т. п., періодъ, въ теченіе котораго чеканились монеты въ древней Руси, немного продолжается, не обрываясь, какъ это полагали до сихъ поръ, на княженіи Ярослава Мудраго.

Въ небольшой статьѣ г. Данилевича подведены итоги монетнымъ кладамъ, найденнымъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи. Мо-

неты 111-ти извѣстныхъ кладовъ авторъ распредѣляетъ на четыре группы: 1) греческія (8 кладовъ) и римскія (38 кл.); 2) византійскія (15 кл.), арабскія (12 кл.) и германскія (2 кл.); 3) русскія (26 кл.), составляющія переходную группу между монетами 2-й и 4-й группы, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ кладахъ и вмѣстѣ съ византійскими монетами, и вмѣстѣ съ монетами 4-ой группы; 4) чешскія (9 кл.), золотоордынскія (8 кл.), червонно-русскія, генуэзскія и литовскія (три послѣднія по одному кладу). Разбирая затѣмъ клады по времени и по мѣсту нахожденія, г. Данилевичъ дѣлаетъ краткія заключенія о большемъ или меньшемъ развитіи сношеній данной области съ различными народами, о густотѣ населенія (найбольшею густотою отличались берега Днѣпра и средняя и южная части губерніи), о торговомъ пути (Днѣпръ, торговое же движеніе по Бугу прекратилось рано), о центральномъ положеніи въ торговлѣ Кіева и о распредѣленіи кладовъ въ самомъ Кіевѣ (большая часть на Старомъ Кіевѣ, затѣмъ идутъ Подолъ и Печерскъ, одинъ кладъ найденъ на Оболони). Къ статьѣ приложена карта (къ сожалѣнію, въ черезчуръ маломъ масштабѣ), на которой обозначены мѣста находокъ кладовъ. Сводъ данныхъ о кладахъ Кіевской губ. давно уже ждалъ своей очереди, такъ какъ матеріала накопилось довольно; благодаря г. Данилевичу, взявшему на себя этотъ трудъ и выполнившему его «не мудрствуя лукаво», клады приведены въ стройную систему.

Очень цѣнную работу представляетъ изъ себя «Археологическая карта Гродненской губ.». Ѳ. В. Покровскаго, приложенная къ настоящему тому трудовъ. Карта снабжена обширнымъ текстомъ, гдѣ, между прочимъ, помѣщенъ перечень источниковъ и топографическій и предметный указатели.

Упомянемъ еще объ одномъ рефератѣ археографическаго характера. Рефератъ этотъ принадлежитъ В. М. Площанскому и носитъ очень громкое названіе: «Акты холмскихъ судовъ XV—XVII вв., въ ихъ указаніяхъ для исторіи и этнографіи русскаго Забужья». Если вы ожидаете, судя по заглавію, встрѣтить здѣсь общую характеристику актовъ, то вы ошибетесь—весь рефератъ состоитъ буквально изъ «кусочковъ», мало чѣмъ связанныхъ другъ съ другомъ; тутъ есть и о русской азбукѣ, и о присягѣ именемъ св. Пятницы, и о Грицкѣ Кирдеѣ, и о церквахъ г. Холма и т. д. и т. д.; болѣе цѣнный «кусочекъ» посвященъ уніатскимъ епископамъ Пакостѣ, Рутскому и Меѳодію Терлецкому. Въ виду того, что авторъ въ самомъ началѣ реферата говоритъ о «снисхожденіи», мы на немъ

останавливаться не будемъ. Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы и слѣдующіе томы трудовъ девятаго съѣзда не заставили себя долго ждать.

В.

Древности. Труды императорскаго московскаго археологическаго общества. Т. XV-й. Вып. 1 и 2. Москва. 1894. 42 л.

Въ 1-мъ вып. помѣщена статья П. Китицына—*Пограничный валъ, насыпанный въ Побужскомъ краѣ* (стр. 111—115)—служащая дополненіемъ къ статьѣ В. Б. Антоновича «О зміевыхъ валахъ въ Кіевской землѣ». Къ статьѣ приложенъ чертежъ вала на пространствѣ отъ р. Роси до р. Кодымы въ Херсонской губ.

Во 2-мъ вып. находимъ: 1) *Раскопки близъ с. Мануйловки кременецкаго уѣзда, въ 1887 и 1889 г. (стр. 39—52) Ю. Щербачева.* Описывая результаты раскопки нѣсколькихъ кургановъ (могилъ), авторъ упоминаетъ, что «старики малороссы разсказываютъ, что курганы насыпаны козаками и что на нихъ находились конные посты, предупреждавшіе пахарей при появленіи татаръ». 2) *Археологическая поѣздка по Черниговской и Минской губ. (стр. 121—124). В. Завитневича.* Произведена раскопка «земляного сооруженія», въ Черниговск. губ., возлѣ самаго Кіева, непосредственно за Днѣпромъ, при рѣкѣ Гнилушѣ. По мнѣнію автора, это сооруженіе есть упоминаемый въ лѣтописи (1026 г.)—«Городецъ», который затѣмъ «въ документахъ XVI—XVII в. выступаетъ подъ именемъ замка кіевск. князя Семена Олельковича».

просилъ въ ея той обиди, но и повѣренного ея не оставилъ бы, противъ которого моего учтивого отвѣту онъ, подполковникъ, во брань со гнѣвомъ, повторно, сказалъ мнѣ: лжешъ ты!—и тогда я ему отвѣтствовалъ, что я не лгу, развѣ ты лжешъ, то онъ, Львовъ, безъ всякой моей вини, началъ мене бранить разними бранними словами, називая бездѣлникомъ, дуракомъ и тунеядцемъ, и на всю избу обратясь, кричать на мене, противъ чего я ему, очищая себе, тіе слови саміе его, Львова, отговаривалъ, 6) а при такой брани, что онъ, Львовъ, бранилъ мене, полковникъ Тургеневъ, Воейковъ, Топѣлскій, подполковникъ Жураховскій, Хрипуновъ, генералного суда судіи, Яковъ Лизогубъ, Михайло Забѣла были ли всѣ, того не упомню. И на Воейкова, Жураховского, Лизогуба и Забѣлу, буде оніе были, зсилаюсь, а на Хрипунова для того, что по тому дѣлу было мое прошеніе къ господину гетману, чтобъ въ прошеніи его, Хрипунова, что онъ ему, Хрипунову, особливой другъ и въ сродствѣ, и на Топѣлскаго потому жъ, что ему, Хрипунову партикулярний другъ, не зсылаюсь.

Вовтор. 7. День былъ и ночи половина сходни во всемъ вчорайшому дню, а зъ полночи снѣгъ началъ ити и до свѣта укрилъ землю, и стала воздуха перемѣна. Сегодня рано ездилемъ въ судъ енер., где переписалъ Ладонка допросъ мой начисто и я подписался на немъ, и отехавши, заездилемъ до п. Михайла, оттоль домой. Черезъ Желязу писма получилемъ отъ Алексѣя Полуденского, зъ футора Артополотского, который обявляетъ, что засталъ скиртъ самихъ болшихъ 10 и пол., а продали скирту одну за 16 р., другую за 7 р. и 50 к., третую за 10 р. безъ 20 к. Демко Мах. за куѳу вел. до Царицина проситъ по 6 р. и поднѣмается до Глухова звезти хочъ до 100 каменей. У п. Михайла позичилемъ 50 р.

Середа. 8. День былъ хмарний, снѣгъ великій ишолъ и покрилъ землю, потомъ росталъ, ночъ также хмарна, толко безъ морозу, и къ свѣту невеликій морозецъ. Не ездилемъ зъ дому никуда, але за приключившимся носовимъ катаромъ, принималемъ 80 капель тинктури... и было дѣйствія доволно.

Четвер. 9. День былъ хмарний и отчасти свѣтлій, а потомъ хмаренъ же, ночъ такова жъ, къ свѣту морозецъ хорошій. Ездилемъ въ городъ одноколкою, где обѣдалъ у дворѣ гетманскомъ, а у вечеру зъ п. Михайломъ ездили до енер. и тамъ програлемъ въ ломбаръ 69 к.

Пятокъ. 10. День былъ хмарний зъ морозомъ, а съ полудня роставать стало и ночъ была отчасти хмарна, отчасти свѣтла, безъ сухого морозу, зъ вѣтромъ полуденнимъ. Сегодня былъ я на службѣ у ст. Анастасіи, где пасербѣцу Ударову я зъ п. Ѳедоровою Савичевою уводили въ церковь и оная миропомазана. У склепу билъ, где насипали лаѕон. 6, а крим. 3 бутилки.

Субота 11. День былъ отчасти свѣтелъ и отчасти хмаренъ, такова жъ и ночъ, толко безъ морозу. У церквѣ судейской билъ я, обѣдалъ у себе зъ Денисовимъ и Шляковимъ. Жена зъ дѣтми зъ Тулиг. пріехала и сказала, что тринадцятую куѳу гор. сипано тамъ.

Неделя. 12. День былъ мокротеплій, хмарний, зъ вѣтрецомъ, ночъ такова жъ, толко вѣтеръ жестоко великій билъ полуденний. Сегодня зъ ночи еще, противъ неделѣ, вода великая на греблю пойшла и поверхъ мосту ялового. На службѣ былемъ у ст. Анастасіи, а обѣдалемъ у дворѣ гетманскомъ, у вечеру билъ у енорала Нарѣшкина, где съ нимъ и зъ п. Михайломъ игралемъ у ломбаръ зъ виграшомъ моимъ у енер. 31 к., а зъ проиграшомъ моимъ же п. Михайлу 1 р. и 64 к.

Понеделокъ. 13. День былъ весняний, свѣтлій, зъ вѣтромъ великимъ, полуденнимъ, ночъ также вѣтряна, хмарна и тепловата, къ свѣту дожчъ. Рѣчка Есмань зде, въ Глуховѣ, стала отъ ліоду очищатись и по множайшимъ мѣстамъ пойшла, чего для уже нелзя по ней ходить никому. Канцеляристи Шлякова конь утонулъ ниже скринѣ яловой, куда упалъ зъ мосту, за наводненіемъ великимъ. Обѣдалисмо у себе, а род. у генерала. У лазнѣ былемъ и кровъ рожками пускалемъ. Через Шаргородского въ Роменъ писалемъ до родителки и 20 пѣлуль послалъ до брата зъ разолюціею на писмо Алексѣево и до Алексѣя о томъ же, а именно: о продажѣ сѣна, о виговору въ наемъ под. гор. до Царицина, о куплѣ тютюну, о

раздачѣ денегъ на 50 колѣсъ воловихъ. У козаковъ, мужичими грунтами владѣючихъ, взялъ роковщини по 2 р., итого 4 р. Желязѣ въ Борзну на покупки далемъ 6 таляр. быт.

Вовтор. 14. День былъ отчасти хмарний и отчасти свѣтлій, однако жъ вѣтрянъ, а потомъ тихъ, также и ночъ тиха, тепловата и хмарна, къ свѣту морозецъ. Александрови далемъ 50 чер., чтобъ переслалъ до Димитрія на сребро, до которого писалемъ о куплѣ чаю доброго въ Лѣпску и фузѣи четвероружной. Обѣдалисмо въ дому и никуда не ездили. Сегодня очистился ставъ отъ ліоду, а мало толко осталось.

Середа. 15. День былъ хмарній и около полудня съ снѣгомъ густенкимъ, а потомъ хмарно жъ и тепловато стало, ночъ ясна, зъ морозцемъ невеликимъ. Сегодня рано ездилемъ на службу до ст. Анастасіи, а оттоль въ дворъ гетманскій, где и обѣдалемъ; по обѣдѣ яздилемъ до п. обозного и тамъ посидѣвши зъ Яковомъ Жураховскимъ, повернулемся до п. Михайла, оттоль додому позно пріехалемъ.

Четвер. 16. День былъ хмарній зъ дощикомъ, ночъ зъ болшимъ и густымъ дожчемъ до свѣта. Сегодня рано былъ я у генерала Нарѣшкина, обѣдалъ въ дому, а у вечеру пріехалъ п. Михайло и поигравши со мною въ пѣкетъ, отехалъ домой.

Пятокъ. 17. Сей день былъ холодноватъ, свѣтелъ, а потомъ хмаренъ., ночъ холодна жъ, тиха, къ свѣту ясна зъ морозцемъ. Никуда зъ дому не ездилемъ. Зъ Сваркова черезъ крисковскіе подводи вислано овса при приставу Гаврилу Гребеннику, 13 четвертей овса, 2 у Криски, а 10 у Тулиголови, зъ которыхъ четверть на конѣ опредѣлить казалемъ.

Субота. 18. День и ночь свѣтліе зъ вѣтрецомъ малимъ холодноватимъ и къ свѣту неделному морозець. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а я ездилъ потомъ въ городъ до п. Михайла, до Борзни и до церкви ст. Анастасіевской, на вечерню. Отписалемъ до брата Марка и реестеръ футорний артополотскій приложилемъ, что дворнику Павлу на руки здано.

Неделя. 19. День былъ свѣтлій, погодній, тихій, ночъ такъ же свѣтла, тиха, погодна, самая весняная, къ свѣту морозець. Обѣ-

далисмо у гетманскомъ двору, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ пріехалемъ до енерала Нарѣшкина, где съ нимъ играли въ ломбаръ зъ проиграшомъ моимъ 1 р. и 8 к., а играли до другой съ полночѣ.

Понедел. 20. Переполна. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмаренъ зъ силнимъ полуденнимъ вѣтромъ. Ночъ хмарна жъ и тихшая, а не тепловата. Обѣдалисмо у себе, никуда не ездилемъ. Жестянку сахару ліодового набыли, а якъ долго оная послужитъ запис. Роману, тулиг. старостѣ, далемъ на расходъ 4 р. и записалемъ.

Вовтор. 21. День былъ холодний зъ вѣтромъ полунощнимъ, хмарний, снѣжний, ночъ холодна жъ и вѣтрена, толко по болшой части свѣтла. Сегодня въ судъ подалемъ чолобитте на подполковника Львова въ безчестіи его и нападкахъ на мене, и приложилъ копію атестату енер. Кропотова, который и тутъ кричалъ на мене. Обѣдалемъ у дворѣ гетманскомъ, зъ п. Михаиломъ у пѣкетъ игралъ, у п. обозного билъ и у Радищева.

Середа. 22. День былъ холодній зъ вѣтромъ полунощнимъ, хмарній, у вечеру и въ ночѣ дожчъ и снѣгъ, зъ вѣтромъ силнимъ полунощнимъ же. Обѣдалъ я зъ родителемъ у генерала Семена Григоріевича и по обѣдѣ игралъ въ шахмати зъ нимъ же.

Четвер. 23. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ, хмарніе, вѣтряніе, холодніе, снѣжніе и дощевіе. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Богдана Іванов. Пасека, ротмистра смоленского. Отъ Пасека зъ п. Михайломъ поехалисмо до енерала и тамъ просидѣли, въ шахмати играючи.

Пятокъ. 24. День былъ вѣтряний, холодний, хмарний, а вѣтеръ полунощній, ночъ хмарна жъ, вѣтряна. Климъ пѣщанскій посланъ въ поля, а дана ему інструкцѣя въ 22-хъ пунктахъ: ревѣдовать старостъ сухонос. и перервинского, да черезъ его жъ далемъ 30 р. раздавать на сѣно въ Перервинцяхъ или въ Кривой Рудѣ. Отобралемъ отъ Дуплонога за коня на бургъ (въ кредитъ) у насъ взятого, 3 р. 50 к. Желязѣ доплатилемъ за покупки въ Борзнѣ справленніе 1 р. 70 к.

Субота. 25. День былъ хмарній, вѣтряній, полуденний вѣтеръ, дощеватъ; ночъ свѣтлѣйша мало, однакъ хмарна, вѣтряна и хо-

лодновата. На службѣ у ст. Анастасіи былъ, а обѣдалисмо всѣ въ дому, а съ нами п. Конзеровскій зъ панею, Гапка и Березовская. До пана гетмана прислана грамота о висилки козаковъ и мужиковъ, тридцати тисячъ, на линѣю для роботи. Передъ вечеромъ ездилемъ до енер., где съ нимъ, зъ п. Михайломъ и зъ докторомъ Бокомъ играли въ кадрилѣю зъ проиграшомъ 70 к.

Неделя. 26. День былъ весняний, почасти хмарній и почасти свѣтлій, тепловатъ, ночъ такова жъ власне, якъ и день зъ вѣтромъ полуденнимъ. На службѣ были у енералской церкви и обѣдали у него, зъ которимъ и ездилемъ до гетмана, где застали повернувшогося сына п. Михайлового Івашуту изъ Москви, куда ездилъ для лѣченіи ока, якого нѣкто не поднялся лѣчить. Гаврило, брата п. Михайла слуга, привезлъ мнѣ отъ Каратаева 35 бутилокъ, а взяли сюда добрихъ 25, а подлѣйшихъ 4, икри 10 фунтовъ, корки на затички полъфунта. Приговорували вчера гетманъ и енералъ козаковъ третую долю, а мужиковъ 2 долѣ, висилать на линѣю.

Понедел. 27. Весна. День былъ отчасти свѣтлій, а поменшой части хмарній, съ вѣтрецомъ полуденнимъ, тепловатъ весняною теплотою, и ночъ такова жъ. Рано въ судѣ подалемъ челобиття, одно на Якубовича, другое на Тихона Бобоша и Антоновича, о должнихъ денгахъ. Обѣдалемъ въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ били у мене Думитрашко и Оболонскій, потомъ у лазнѣ милемся. Отъ Александра принеслъ Вѣжевскій покупку, родзѣнокъ 10 фунтовъ, да микгдаловъ 2 фунта, барилце вина и 4 каракатицѣ.

Вовтор. 28. День былъ свѣтлій, теплій, весняний, толко зъ вѣтромъ полуденнимъ, ночъ свѣтла жъ тиха и тепла. Обѣдалисмо въ дому о 4-мъ часѣ зъ полдня, для того, что родитель долго сидѣлъ у Мякинина и слушали дѣлъ своей канцеляріи, а подъ часъ обѣду братъ п. Михайло пріездилъ и посидя, отехалъ позно. Крѣпости купчіе разобравъ, позшивалъ порадочно.

Середа. 29. День былъ свѣтлій, теплій, весняний, тихій, ночъ такова жъ,—весняніе. Обѣдалемъ у генерала Нарѣшкина, а по обѣдѣ у шахмати игралъ, у вечеру ездилъ до обозного и посидя повер-

нулся домой, через свой садъ водою, еднакъ въ первое. Зъ Коропа крисковци привезли 10 бочекъ пива безъдѣлного (?).

Четвер. 30. День и ночъ были саміе весняніе, тепліе, свѣтліе, тихіе. Рано ездилемъ въ Сварковъ, повернувшись обѣдалемъ у гетманскомъ дворѣ. Родитель поехалъ у Кролевець и Добротовъ.

Пятокъ. 31. День и ночь были весняніе, свѣтліе, толко въ день вѣтеръ полуденній вѣялъ немалій. Былъ я на службѣ у ст. Анастасіи, а пріехавши въ домъ, поѣхалемъ въ Тулиголови и ехалемъ часовъ около 4-хъ, и пріехалемъ передъ заходомъ слонца. У Тулиголовахъ засталъ у инбарѣ горѣлки 15 куховъ, а въ шестуюнадцать усипали 2 носатки, да у винницѣ непринятой куфа, (которую тамъ старостѣ для тамошняго расходу вишинковать дать опредѣлилемъ), у млинахъ розмѣру на кадку показалось, а сказивалъ мѣрочникъ, что после порахунку уже 5 кадокъ виробилось зъ размѣру, у пасицѣ пчоли всеей осталось 21.

Априль м-цъ. Субота. 1. День былъ сперва свѣтлій, а после полдня сталъ вѣтрянъ, а вѣтеръ полунощний зъ хмарами, ночъ хмарна жъ, вѣтряна, холодна зъ снѣжкомъ и дощемъ, къ свѣту вияснилось, зъ холодомъ и вѣтромъ же. Обѣдалемъ у Тулиголовахъ, а по обѣдѣ пріехалъ родитель зъ Кролевця, которій изволилъ тамъ отдохнуть, а я поѣхавши, пріехалъ въ Глуховъ по заходѣ слонца. У Тулиголовахъ далемъ старостѣ еще 4 р. на тамошній расходъ.

Неделя. 2. День былъ свѣтлій, толко вѣтрянний и холодний, а вѣтеръ полнощный, ночъ такъже свѣтла и холодна, а вѣтеръ утихъ. Рано былисмо у генерала, оттоль у гетмана зъ родителемъ, где по службѣ Божой и обѣдалисмо, и видѣлись зъ полковникомъ миргородскимъ п. Павломъ, пріехавшимъ зъ п. гетмановою зъ Сорочинець, по умертвіи жени его; а потомъ зъ п. Михайломъ ездилисмо до генерала и играли зъ нимъ въ ломбаръ, а перестали, потревожившись необычайнымъ дзвономъ михайловского колокола великого, которій вновь продзвонювали. Пчолу подчистили въ Уздицѣ и сушъ забили, и воску взяли 40 фунт.

Понедел. 3. День былъ свѣтлій, тихій, але холодній, такова жъ ночъ зъ морозомъ. Юско повернулся зъ Ромна и привезлъ

писма отъ Клима о его обращеніи, и что Алексѣй остался тамъ править, въ небитности дворника будучаго на мѣсто сего, захоровавшого. Да отъ Якова Дуброви получилъ листъ, въ якомъ обявляетъ, что зъ данних Алексѣеви, а черезъ его врученныхъ ему 30 р., онъ якоби взялъ 10 р., будто зачисляя за горѣлку, 10 чер. размѣнялъ по 2 р. и 15 к. Забарѣ сварковскому далемъ 10 р. на заплаченне Шрамку двора съ полемъ сварковского. Вѣжевскій опредѣленъ въ Криски и данъ ему наказъ, въ пунктахъ 7., а именно: объ излишной видачѣ денегъ на раціи и порцѣи, отъ сотника и комисара понурницкихъ требуемой, о нарадѣ бобилей на линѣю, о ихъ вспомогахъ пахарамъ въ харчи на дорогу и въ дому, такимъ образомъ, чтобъ оніе могли приробить дома, о посилки въ Радуль увѣдомитись, о старостѣ крис., о подрадѣ 2-хъ тисячъ дранѣ, о куплѣ овса на насѣнне и гречки на харчъ, на що далемъ и 3 р., о надсипанню горѣлки зъ куховъ. Да Юско жъ доносилъ, что продалъ онъ еще едну скирту сѣна, тамъ у футорѣ, за 7 р., а 3 скирти прежде (о чомъ марта 7-го), итого за 4 скирти сѣна узяли они 40 р. и 30 к.

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, теплій, весняній, такова жъ и ночъ. Родитель зъ опредѣленних на его рангъ маентностей, калиновцямъ и салогубовцямъ декляровалъ послушать до футора моего Артополотского, о чомъ и писалъ до брата Марка, черезъ Янжулового сына. Зъ Даниломъ, Івановимъ сыномъ, путивчаниномъ, цегелникомъ, договорился я робить ему цеглу, у футорѣ Калюжновскомъ 30 тисячъ, а за всякую тисячу по 40 к., да на всю 30 тисячъ дать ему жита четвертей 4, муки гречаной четверть 1, соли пудъ, сала пудъ, горѣлки квартъ 30, риби вялой 100, гороху полтори мѣрки и задатку ему далъ 10 а., а цегла была бъ самая добрая. У лазнѣ милемся и не ездилемъ сегодня никуда

Середа. 5. День и ночь были сходніе во всемъ вчорайшимъ. Свѣтліе, тепліе, тихіе. Черезъ Шпетакового сына писалъ родитель до брата Марка объ опредѣленіи Калиновки и Салогубовки, сѣлецъ, до футора моего Артополотского, до которого и я о томъ же писалъ, да писалъ же я до Клима о нарадѣ людей сухонос. и перер.

на линѣю, такъ якъ и зъ Крисіокъ, чтобъ бобилей послать, а пахарамъ помогать, о чомъ и до Петра Троцкого писалемъ, чтобъ онъ респектовалъ по слушности на Сухоносовку, да до брата п. Марка писалемъ о томъ, что взятіе денги за проданное мое сѣно роздани на косовицю, о томъ же и до Алексѣя Полуденского писалемъ. Через Гузевича писалемъ до швакгра п. Якова Полуботка отвѣтъ поздравителній.

Четвер. 6. День и ночъ были сходнія во всемъ прежнимъ, свѣтліе, тепліе, тихіе. Сегодня сообщалися ст. Тайнамъ въ церквѣ Михайловской, а родитель у генер. церквѣ. Обѣдалиемо въ дому обще всѣ зъ родителемъ. Писалемъ до брата п. Марка черезъ сторожа роменского, чтобъ зъ Маемъ на 25 воз. зговорилъ и чтобъ послалъ до Якова Дуброви за 10 р. взятими.

Пятокъ. 7. День и ночъ были схожіе во всемъ прежнимъ, свѣтліе, тепліе зъ маленкимъ вѣтромъ. Служителямъ Янѣшевскому, Вѣжевскому, Петру, Василямъ обоимъ, Яремѣ, кухареви Өедорови, возницѣ Алексѣеви—по рублю дано, а Тарасу, Демьну и Яну не дано, для того, что они одолженни поболшъ. Янѣшевскій посланъ до Клима пѣщанского въ помощники для зняття калкуляцѣи зъ старостъ, да ему жъ данъ приказъ объ отобранню 10 р. отъ Якова Дуб., о присилки сюда ступака и о протчемъ. Да черезъ его жъ писалемъ до Клима о роздачѣ денегъ на сѣно, объ учиненню обстоятелной калкуляцѣи, о присылкѣ сюда проса и нарадѣ по соль 10 воз. 6 червонних проминялъ по 2 р. и по 10 к., а семого брату п. Яну далъ.

Вел. субота. 8. День и половина ночи были сходніе прежнимъ, свѣтліе, тепліе, тихіе, а отъ полночи вѣтеръ, между встокомъ (?) полунощній повсталъ силній велми, что и заборъ намъ опроверглъ и стужу великую здѣлалъ зъ хмарою. Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Анастасій. Жена взяла вина зъ склепу лагуну солодкого и венгер. по 10 бутилокъ, да кримского 20 бутилокъ.

Воскресеніе. 9. Перемѣна къ холоду. День былъ вѣтряній, велми холодній, велми хмарній и снѣгъ проривался, ночъ вѣтряна жъ, холодна жъ велми и хмарна жъ, а къ свѣту вѣтеръ утихъ и

свѣтло стало. Рано были зъ род. у енер. зъ проздравленіемъ, а потомъ у гетмана, гдѣ и обѣдали всѣ ми, а по обѣдѣ посидѣвши доволно и зъ п. Михайломъ у пѣкетъ поигравши, пріехалемъ домой. Чаю жестянку насипалъ, а записалъ поколь тривать будетъ.

Понеделокъ. 10. День былъ свѣтлій, холодній, рано морозъ силненкій былъ и умерзла такъ была земля, що инде и коня здержувала, вѣтрець полунощний маленкій, ночъ также свѣтла, тиха да холодна. Сегодня службы Божой слухалисмо зъ род. у енералской церквѣ, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ у городъ заездилемъ, до Воейкова и до п. Михайла и п. Павла, где посидѣвши, вернулся домой. Брусъ, племянникъ Якова Вилимовича Бруса, зять князь Михайла Волод. Долгорукова, проехалъ Глуховъ до генерала Войзбаха, въ подполковникахъ въ полкъ Троецкій кавалеріи определенъ, обѣдалъ у генерала и отехалъ по обѣдѣ. Вѣтеръ тутъ нагналъ води къ яловой скринѣ, где прорвада вода и избѣгла.

Перемѣна къ теплу. Вовтор. 11. День былъ свѣтлій, тепловатій, тихій, ночъ свѣтла жъ, тиха къ свѣту морозецъ. Рано былъ у енерала на службѣ, а у гетмана банкетъ былъ, где многіе и я обѣдалисмо, а по обѣдѣ сидѣлъ долго у п. Михайла и у п. Павла миргородского. Вѣжевскій повернулся зъ Крисіокъ и обявилъ: 1) что въ имбарѣ зимней гор. кухъ 4, а весняной кухъ 7, а въ носат. 9; 2) зъ крисковцевъ доправлено денегъ за 6 м-цей зимнихъ 63 р. 40 к., а еще доправленно жъ 49 р. 90 к., да комисари понорницкіе взяли 1 р. 80 к. на проездъ, итого всѣхъ денегъ 115 р. и 15 копѣекъ; 3) далъ на дрань дворнику 3 р., чтобъ купить.

Середа. 13. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ, безъ морозу, къ свѣту вѣтеръ. Былъ на службѣ у ст. Анастасіи и у дворѣ гетманскомъ, а обѣдалъ вдому, по обѣдѣ—у гетмана зъ Пасекомъ. Вѣжевскій отправленъ въ Криски и данъ ему приказъ въ 12 пунктахъ, о платежу за порцѣи и рацѣи: 1) чтобъ платить за мартъ и априль противъ февраля, а недоплатки не отдавать, о чемъ всемъ и листъ до Самуйла Холодовича, полкового чернѣг. комисара, писалъ и въ запасъ далъ Вѣжевскому 80 р.

2) Горѣлка чтобъ полувигорная била, а худѣйшей не принимать. 3) Людей крисковскихъ зревѣдовать. 4) Овесъ тамъ покупать. 5) Зъ Миколая Товкаченка доправить 5 р. 64 к., а зверхъ тихъ денегъ доправить за 6 бочекъ пива по 30 а., после роздѣлки его зъ сотникомъ короповскимъ. 6) Заборъ зъ горшковъ отправляется ли и якъ, чтобъ увѣдомился и мене увѣдомилъ и проч. Александру послалъ черезъ Вѣжовского 16 червон., за которіе онъ прислалъ 25 р. сцѣлнихъ, а осталніе после имѣлъ отдать.

Четвер. 13. День былъ холодноватъ, хмаренъ, вѣтрянъ велми, вѣтромъ полуденнимъ, къ вечеру дожчъ и въ ночѣ дожчъ, вѣтеръ и хмарно, къ свѣту дожчикъ и холодновато. Сегодня рано въ церквѣ веригинской службы Божой вислухавши, поехалисмо зъ женою въ Дунаецъ опроважать п. Павла миргородского, зъ п. гетмановою и братомъ п. Михайломъ; ехалиесмо полъ 3 часа зъ залишкомъ и пріехавши, застали тамъ ихъ всѣхъ, где и обѣдалисмо и ночовали, и въ карти играли зъ виграшомъ моимъ полъ 2 р.

Пятокъ. 14. День былъ зранку хмаренъ и зъ дожчемъ густимъ, о полднѣ вияснилось и тепло стало, ночъ свѣтла, тепловата и тиха. Павелъ, полковникъ миргородскій, отехалъ передъ службою рано, а ми зъ п. Михайломъ ездили зъ собаки и намокши отъ дожчу доволно, повернулись на обѣдъ въ Дунаецъ, где и обѣдали зъ п. гетмановою. А по обѣдѣ поехали, п. гетманова въ Глуховъ черезъ Семеновку, а мы у футоръ Калюжновскій, а оттоль въ Сварковъ, где и ночовали.

Субота. 15. День былъ свѣтлій, теплій, ночъ тепла жъ, хмарна и зъ дожчемъ невелик., къ свѣту вияснилось. Рано зъ Сваркова по службѣ Божой поехалисмо и пріехали на обѣдъ въ Глуховъ, ехали велми поволно часовъ 2, и обѣдали зъ родителемъ и дѣтми въ дому. У лазвѣ мился. Сварковцамъ, опредѣленнимъ на линѣю, 7 человѣкъ, далемъ по золотому и свой возокъ съ конемъ, и казанокъ мѣдній у 7 фунтовъ.

Неделя. 16. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, а тепелъ гораздъ. Ночъ тепла жъ, хмарна, зъ дощемъ до свѣта. Банкетъ былъ у енерала, гдѣ гетманъ, старшина енер. п. Михайло и я били, и

подпивахомъ, потомъ въ кадрилѣю играючи, проигралъ 82 к. Зъ Крисіокъ привезли 8 сал. У Криски насипали жита, въ вѣдомствѣ Климовомъ будучого, четвертей 15, а приставъ Березначий.

Понеделокъ. 17. День былъ хмарній, дощъ мало не черезъ увесь день ишолъ, тепло било до полдня, отъ полдня холодно, и и къ свѣту морозъ. Не ездилемъ никуда зъ дому, обѣдалисмо у себе жъ. Отправленъ Березначій зъ житомъ въ Криски зъ 15 четвертми, да черезъ его жъ писалемъ до Вѣжевского о куплѣ тамъ овса и на оній послалемъ 2 р. Да Березначому дали въ дорогу, на линѣю, казанокъ у полъ 8 фунт.

Вовтор. 18. День былъ зранку вѣтрянъ, толко жъ свѣтелъ и потомъ тепелъ, ночъ свѣтла, къ свѣту хмарно и холодновато, безъ морозу. Обѣдалисмо сегодня у сотника глух., на крестинахъ сына его Степана, а били гетманъ, генералъ и прочіе, а по обѣдѣ заездилъ до п. Михайла и въ дами поигравши, повернулся домой.

Середа. 19. День былъ свѣтелъ, тепелъ, тихъ и ночъ такова жъ, сегодня обѣдалисмо у себе зъ швакгромъ, п. Яковомъ Ханенкомъ, Максимомъ Троцкимъ и зъ женою его, а по обѣдѣ ездилемъ на Красную Горку проездится. Тютюну отобрали у тютюнника калюжновского 60 пуд. безъ 2-хъ фунт., а папушъ было 3687, отобралъ Демянъ и заложилъ въ городѣ, въ имбарѣ.

Четвер. 20. День былъ свѣтелъ, тепелъ, тихъ, ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо зъ женою у гетманскомъ дворѣ, оттоль заездилъ до Радищева, оттоль до енерала, где зъ п. Михайломъ игралъ въ ломбаръ безъ проиграшу. Родителка пріехала въ Глуховъ.

Пятокъ. 21. День былъ свѣтелъ сперва, холодноватъ, потомъ тепелъ, о полднѣ дощъ, потомъ знову свѣтловато, ночъ также свѣтла и тиха, и тепловата. Ездилемъ у футоръ Калюжновскій, оттоль въ Сварковъ и повернулемся назадъ передъ вечеромъ. До Ханенка, судіи стар., отослалемъ писма двѣ, до сестри Толстой, въ Москву, черезъ Тараса и пуделко золотое зъ стекломъ розбитимъ и 3 червоних въ литѣ на стекло и на чай, да одно писмо до Шаховского, а четвертое до Курбатова поздравительніе, а едетъ въ С. П. Бурхъ съ присягами.

Субота. 22. Сей день былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ, толко къ свѣту холодновата стала. Банкетъ былъ у насъ, обѣдали гетманъ, генералъ и протчіе, и подпіяхомъ. Зачулемъ, что якоби Петро Мировичъ попровожденъ отсюду, зъ Глухова, въ Москву подъ карауломъ отъ Воейкова, а за что—невѣдомо.

Неделя 23. День былъ сперва свѣтлій, потомъ дожчъ пошолъ, знову вияснилося, знову дожчъ зъ громомъ, которій на Бѣлополовцѣ жонку и дитя убилъ; потомъ хмаренъ, ночъ хмарна жъ, зъ дощемъ къ свѣту. Поехалисмо, по службѣ Божой, до Дунайця на праздникъ Георгія, въ гостѣ до п. Михайла, куда поехали жъ генералъ и прочіе великорос. гостѣ и гетманъ, где обѣдалисмо и подпіяхомъ.

Понедел. 24. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний на примѣръ осѣнного; у вечеру выяснилось, ночъ свѣтла, тиха, холодна, къ свѣту морозъ хорошій показался. Сегодня тамже, въ Дунайцѣ, обѣдалисмо, родитель зъ маткою поехали въ Глуховъ, а мы дновалисмо тамъ и ночовали.

Вовтор. 25. День былъ вѣтрянъ и такъ же, якъ и вчорайшій холоденъ, у вечеру дощъ, и ночъ вѣтряна зъ дощемъ и холодновата. Сегодня обѣдалисмо въ Дунайцѣ, а по обѣдѣ гетманъ зъ гетмановою и ми зъ женою, такъ же сестра Чарнишева, тіотка Кондзеровская, Корсакъ зъ женою и Миклашевская поехалисмо зъ Дунайця, а мы заехали до футора Колюжновского, где немного позабавившись, пріехали въ Глуховъ. У вечеру посѣщали болного попа веригинского Астровского, которий зъ коня убился, уже тому шестий день, и лежитъ боленъ велми, горячка у него и боль у грудяхъ, знать нарушилъ легкое.

Середа. 26. День былъ отчасти свѣтлій и отчасти хмарний, толко жъ зъ ранку ишолъ дожчъ и передъ вечоромъ зъ громомъ, ночъ свѣтла, тиха, мѣрно холодна. Сегодня обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ за мѣрою куховъ, посилаючоюся въ Роменъ. Черезъ Андрѣя, бившого старосту коровалювского, послалемъ до брата п. Марка 10 червоннихъ, на задатокъ Маю на 25 подводъ до Царицина зъ горѣлкою. Демяна Ту-

рянского, атамана глух., жена умре. У лазнѣ милемся и кровъ пустилемъ.

Четвер. 27. День былъ сперва холодноватъ и хмаренъ, потомъ свѣтелъ и тепелъ, у вечеру дожчъ силний зъ громомъ и блискавицею, теплій, въ ночѣ вѣтеръ силний, полнощний и дожчъ до свѣта велми силній. Обѣдалисмо у себе зъ родителми, а по обѣдѣ ездилемъ до Паска, где посидѣвши, позно въ домъ повернулемся. Андрей Астровскій, попъ веригинскій, отъ горячки умре, передъ полднемъ. Черезъ Мехея писалъ я до Клима о висилкѣ по соль волоскую воза зъ 4 волами, и 3 червонниxъ на тое послалъ, да писалъ же до его и о присилкѣ вѣдомости о волахъ, сколко якихъ есть, такъ же о пріуготовленіи 10 воз. и воловъ по соль до Криму. Черезъ его жъ писалемъ до брата п. Марка о Маю повторително и чтобъ увѣдомилъ мене о тютюну моемъ, сколко оного тамъ есть въ Ромнѣ.

Пятокъ. 28. День былъ мокрій, хмарній, дощъ ишолъ увесь день, вѣтеръ жесточайшій, полнощний, которій сорвалъ часть даху зъ будинку Чарнишевого, и въ Сварковѣ свернулъ шопу (сарай) мою зъ колясками и въ Глуховѣ вивернулъ въ Жураховского дворѣ шопу жъ зовсѣмъ. Ночъ била вѣтряна жъ, дощъ ишолъ, передъ свѣтомъ переcталъ толко, якъ у день, такъ и въ ночѣ, холодно велми было. Праздновали день сей коронацѣи ея в—ва, обѣдали у енерала и подпіяхомъ, а отъ енерала заехали къ мнѣ—Воейковъ, обозній, Пасекъ, Бокъ и Корсакъ, которіе послѣдніе 3 на поединки виказувались.

Субота. 29. День былъ хмарній, холодній, вѣтряний и рано зъ дощикомъ, ночъ тиха и випогодилось. Погребеніе сегодня чинено отцу Астровскому въ церѣ его веригинской. Обѣдалисмо всѣ у себе и съ нами швакгеръ Полуботокъ, который позавчора перейшолъ до насъ на квартеру въ домъ, отъ умершого Астровского, по смерти его. У вечеру ездилемъ до обозного енер., до Воейкова и Радищева.

Неделя. 30. День былъ велми холодній, вѣтряний, и увесь день дощъ ишолъ густий и холодний, напримѣръ осѣнного, у началѣ ночи престалъ ити дожчъ и випогодилося. Банкетъ былъ у коменданта,

у которого гетманъ, генералъ, родитель и я обѣдали, оттоль заездилемъ до брата п. Михайла и позно домой повернулся.

Май м—цъ. Понедел. 1. День былъ хмарний, вѣтряний, холодноватий, и между тимъ свѣтлій и тепловатъ. Ночъ свѣтла, тиха и мѣрно тепла. Обѣдалисмо сегодня въ себе зъ родителми, а у вечеру ездилъ я до п. Михайла, у которого посидѣвши, повернулся домой позно. Сегодня начали у насъ чистить сажавку человѣка 12, по 5 копѣекъ, на день по 2 порцѣи и по 3 рази исти.

Вовтор. 2. День былъ хмаренъ, отчасти свѣтелъ, потомъ у вечеру хмаренъ велми и зъ дожчемъ, ночъ вся хмарна зъ дощемъ. Сегодня обѣдалисмо у гетманскомъ дворѣ, на поминаню п. Михайловой, и до дому повернулемся заранния, а у вечеру билъ у енерала. Зъ Крисіокъ прійшли подводи и привезли 400 дранѣ и привезли извѣстіе, що тамъ 6 четвертей посѣяно овса.

Середа. 3. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ родителми, и швакгеръ п. Яковъ, и п. Павлова кролевецкая (Огіевская), а по обѣдѣ ездилемъ до Паска, которому въ замѣну и свой зелений перестень, на знакъ пріязни, даровалъ. Оттоль заездилъ до Воейкова, у которого посидѣвши, повернулемся назадъ.

Четвер. 4. День былъ свѣтлій, теплій, и ночъ такова жъ. Рано былъ я у городѣ, въ гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе зъ родителми, а по обѣдѣ былъ у енерала и игралъ въ кадрилѣю, зъ проиграшомъ моимъ 35 к.

Пятокъ. 5. День былъ и ночъ свѣтліе, тепліе и тихіе. Рано поехалъ я зъ Глухова и ездилъ до футора Калюжновского, оттоль до Сваркова, где и заночовалъ, и со мною брати оба, Лука и Иванъ, и Федко роменскій. Зъ Сухоносовки пріехалъ Глухій, Дядѣнъ братъ, и привезлъ масла и сира по дѣжцѣ, полотна локоть 100, мухояру 5, ве... 35. У Тулиг. людямъ позичили жита четвертей 43, о чомъ реестрикъ особливий, а имъ за позичку—зъ Тулиг. привезти въ Сварковъ по 4 колодки отъ четверти, или по 5 день работать. Да въ Сварковъ позичили четвертей 10, а имъ зверхъ робить по 4 днѣ. Купилисмо бруссяя дубового 23 по 5 а. Собичовцямъ позичили 10

четвериковъ глух. давной мѣри, а имъ зверхъ жита, привезти въ Сварковъ по 6 колодъ зъ Пироговки, отъ четверика, по 3 тросаженнихъ, а по 3 четверосаженнихъ.

Субота. 6. День и ночъ были свѣтліе, теплiе и тихiе. Обѣдалъ я зъ братами у Сварковѣ, а по обѣдѣ поехалисмо до Глухова и по надъ Клевенею едучи, заездилъ до попадѣ Заруцкой, на греблю Заруцкого, и потомъ прiехалемъ въ Глуховъ, где заехалъ до Паска, оттоль до гетманского двору, где видѣлся зъ п. Петромъ, полковникомъ лубенскимъ, и позно уже повернулемся домой.

Неделя. 7. День былъ свѣтлiй, тихiй и теплiй, ночъ тиха жъ, толко къ свѣту невеликiй дощикъ. Сегодня обѣдалъ я у гетманскомъ дворѣ, а по обѣдѣ зъ п. Петромъ и княземъ Кантокузинимъ, полковникомъ нарвского полку, и п. Петровою игралъ у ломбаръ, зъ проиграшомъ 5 копѣекъ. Прiехали отъ ревизѣи Климъ и Янѣшевскiй и привезли калкуляцѣю старод., сухонос. и перер. и футоровъ Криворуд. и Артополотского. Черезъ Дядю Глухого послалъ на соль въ Кримъ 40 р.: 20 р. (sic) до 10 чорвон.

Понеделя. 8. День былъ сперва свѣтлiй, теплiй и тихiй, а потомъ вѣтрянъ вѣтромъ полунощнимъ и холодноватъ, и ночъ такова жъ. Сегодня рано былъ я у енерала и обѣдалъ, а оттоль повернувшись, захоровалъ на спину и плечи, и въ банѣ терся, первей редкою, а потомъ соллю и шпѣgинаромъ. До Крисiокъ послали жита четвертей 10. Сварков. людямъ позичили на одробутокъ четвертей 12 повторнимъ разомъ, итого 22 четверти позичили. Овса полъчетверика купили за 80 к. Брусовъ 26 купили по 14 и по 15 к., въ томъ числѣ два четверосаж. по 15 к., тину (?) возовъ 16, по 6 шаг.

Вовтор. 9. День былъ вѣтрянъ, свѣтелъ и отчасти холодноватъ, вечеръ и ночъ тихiе, ночъ же сперва свѣтла, потомъ почасти хмарна. Сегодня въ дому обѣдалемъ зъ родителемъ, а не ездилемъ никуда за болѣзнiю моею на спину и вязи, и поперекъ прийшовшою. У вечеру ездилъ до Бока и отдалъ ему рецептъ дѣлать декоктъ и лѣкарства эъ зелiи... (слѣдуютъ латинскiя названiя). Въ Тулиголовѣ Климъ въ винницю отпустилъ жита четвертой 18, черезъ Чурка, пристава тулиголовского.

Середа. 10. День былъ зранку холодноватъ, свѣтелъ, а потомъ тихъ и тепелъ. Ночъ была свѣтла, тепла и тиха. Тулиголовцомъ еще позичили четвертей 10, на такой же отроботокъ, итого позичили тулиголовцямъ четвертей 53: 52 (sic). Теселъ уздицкихъ сегодня уговорили по 2 р. на чверть. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ у енерала зъ п. Петромъ игралъ у ліомбардъ, зъ проиграшомъ 52 к.

Четвер. 11. День былъ и ночъ свѣтліе, тихіе и тепліе. Сегодня обѣдалисмо въ дому зъ маткою, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ, до брата п. Михайла и п. Петра, у которого игралисмо въ ліомбаръ, зъ виграшомъ 26 к. Стар. крисковскій Шихъ повернулся зъ Кенѣшперga и привезлъ 3 бочки вина нѣмецкого, 12 штукъ штамету, сахару ліодового швабского и карунокъ золотихъ лот. „ ", а срѣбнихъ „ ". Кровъ зъ головной жили пускалъ я.

Пятокъ. 12. День былъ свѣтлій, теплій, але велми вѣтрянъ вѣтромъ полуденниимъ, ночъ свѣтла, тепла и тиха. Обѣдалисмо сегодня у себе зъ маткою, а родитель у Мякинина. Алексѣй посланъ въ Роменъ за покупками и дано ему 50 червонныхъ отъ мене зъ роспискою и приказъ въ пунктахъ; такъ же зъ нимъ и Янѣшевскій посланъ для продажи коней, и данъ ему приказъ, и на дорогу дано имъ 20 к. Началъ я пить декоктъ по рецепту Бидлова, составу Бока. Радищевъ и Пасекъ были у сватахъ за Оболонскимъ.

Суббота. 13. День былъ свѣтлій, теплій, збытъ вѣтряній, ночъ сперва свѣтла, потомъ хмарна и къ свѣту вѣтряна, а прежде тиха и тепла. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ зъ родителми, а по обѣдѣ родителка отехала зъ братомъ Лукою до Кролевца и Шабалинова, а я ездилъ на тую сторону рѣки до Кочубея и до обозного, и посидѣвши у нихъ, повернулся домой. Господаръ зъ Пироговки повернулся и привезлъ вѣдомость, что тамъ дерева всего 100, которое подрадилъ перерѣзоватъ пополамъ и за 100 шнуровъ 4 р. Сегодня копать окончили работники сажовку нашу, которихъ менше 15 и болше 30 не было, а копали около двохъ недель, день платился имъ сперва по 5 к., а потомъ по 4 к., по 2 порцѣи и три рази кормить; самихъ денегъ вийшло болшъ 10 р.

ности и гоненія, возбраняющія къ счастливѣйшей моей судьбѣ, потомъ видя съ наилюбезнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ вашихъ писемъ соболѣзнованіе ваше о моемъ страданіи, въ которомъ пріятно бъ было мнѣ умереть, и при всемъ такомъ счастіи, мнѣ благопріятствующемъ, не вижу васъ, божества моего, которой одинъ взглядъ можетъ рассѣять всѣ изнуренные силы мои отъ тягчайшей разлуки, по сіе время меня терзающей, не знаю на какой конецъ, и не вижу иной дороги, токмо преселенія къ вѣчности! За что же меня пеняете и велите мнѣ быть спокойну, тому, у котораго всѣ средства къ тому отняты, и какъ можно окруженному огнемъ защищаться отъ пламя? Готовъ повиноваться вашему уставу, доколѣ могущества во мнѣ достанетъ, но если все меня предаетъ на снѣденіе горестнѣйшей печали, то видно, что жизнь моя подобно свѣчи угаснетъ. Можетъ быть я предъ вами, божество мое, и виноватъ, что не скрываю предъ вами мое ужаснѣйшее положеніе, видя изъ вашихъ наилюбезнѣйшихъ писемъ ваше величайшее участіе въ моей непомѣрной печали, что еще болѣе раствораетъ израненное мое сердце. Не сѣтуйте, наидрагоцѣннѣйшій ангелъ мой, жизнь души моей Настасія Петровна, обо мнѣ! я долженъ пить сію чашу, но вы, сокровище мое неоцѣненное, довольно терпѣли уже и берегите ваше здравіе, несравненное мнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ и малѣйшая ущербъ онаго ей Богу меня лишитъ жизни. О семъ васъ, душа души моей, прошу именемъ безпредѣльной любви нашей и вѣчной, да не останется вотще мое къ вамъ прошеніе.

Почтеннѣйшій и рѣдкой трудъ вашихъ прекраснѣйшихъ и любезнѣйшихъ вашихъ для меня рукъ, я имѣлъ счастіе получить и сколь онъ мнѣ дѣлаетъ величайшаго удовольствія и пріятности, и съ другой стороны боюсь я, чтобъ вы, божество мое, частымъ упражненіемъ не повредили бы вашихъ прекраснѣйшихъ глазъ, отъ которыхъ я надѣюсь моего воскресенія и кои во всю жизнь мою пребудутъ солнцемъ и луною.

Цѣлуя ваши наилюбезнѣйшія ручки за прекраснѣйшее рукодѣліе тысячу и тысячу кратъ, долженъ вамъ сказать, что воономъ никогда табаку не будетъ, а буду имѣть его всегда въ моемъ виду и насыщаться очезрѣніемъ. Наконецъ припадаю къ колѣнамъ вашимъ и лобзая оные, поручаю себя въ вашу непоколебимую любовь и нерушимую вѣрность, я жъ честь имѣю, обожая и пылая пламенемъ горячайшей любви наполненной къ вамъ, жизніоночку моему, вѣрностію до послѣдней минуты жизни моей, цѣлуя безъчисленно ваши,

дражайшаго ангела моего, ручки, отдаю вамъ себя вѣчно и остаюсь вашъ подвласній, съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и искренѣйшею преданностію вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ.

Честь имѣю вамъ, душа жизни моей, посилать при семъ башмаковъ 12 паръ, кои и прошу покорнѣйше благосклонно принять, чѣмъ много усчастливите вашего вѣрнѣйшаго Ваничку, цѣлующаго сто тысячъ тысячъ ваши прекраснѣйшія ножки.

31. Дражайшая владычица души моей, вѣчная обладательница сердца моего, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенка! Цѣлуя цѣлую и омываю слезами первѣйшую и пріятнѣйшую отраду мнѣ здѣсь — прекраснѣйшіе строки ваши, коихъ безъпрерывное повтореніе чтенія есть найлучшее и веселѣйшее употребленіе времени, а протчее, какъ же мнѣ предъ вами, душею души моей, таить, клявшись отворить дверь внутренности моей и кою вы ясно видѣли и видѣть во вѣкъ будете и какъ мнѣ осмѣлиться отъ васъ, прекраснѣйшаго ангела моего, скрывать, а больше здѣлаться клятвопреступникомъ и отъ напоминанія сего имени страшнѣйшаго дрожу отъ ужасу и не токмо быть таковымъ, зрѣть подобное чудовище — чувствъ лишило бъ меня! Безподобно виноватъ предъ вами, жизніоночокъ мой, маминька, красота моя, причинивши вамъ столько безпокойства, но цѣлуя ваши прекраснѣйшіе ножки, предъ коими падши, лежу и прошу ослабы моей винѣ, нашедши въ васъ божественную добродѣтель и красоту во вѣки неувядаемую, до безъконечности любя прекраснѣйшую Настенку, вѣрнѣйшаго и первѣйшаго въ свѣтѣ друга, коего мнѣ малѣйшее неудовольствіе причинитъ смерть, въ чемъ вамъ божусь Богомъ, сколько моя жизнь теперь не въ опасности, боюсь, чтобъ не лишиться ума, терзаясь поминутно разлукой, не воображая, чтобы тѣлесное твердое сложеніе могло мнѣ измѣнить, но и о томъ не ручаюсь, я во власти Бога и прошу его, чтобъ онъ меня подкрѣпилъ, но мочи моей нестаетъ, всякой часъ мнѣ годомъ кажется. Васъ же, любезнѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга моего, прошу слезно, прекраснѣйшую Настенку, берегите себя, когда вамъ милъ Ваненка, коему вашъ покой и неувядаемое здравіе суть соки жизненые и которой надѣится отъ васъ, душечки моей, милучаечки (sic), когда насъ Всемогущій соединитъ, тогда конечно не сумнюсь я, жизнь моя Настенка, не оставитъ удѣлить ослабѣвшему здоровью и твердости ума и будетъ мнѣ во всю жизнь мою путеводителемъ моимъ и подпорою силъ моихъ. Знаю, что

отлично графъ [1]) расположенъ къ батюшкѣ Г. Григоріевичу [2]) и къ бабушкѣ нашей, но сколько я могу понимать содержаніе нашего дѣла, то долженъ вамъ сказать, что графъ настоящаго конца не здѣлаетъ и предастъ на расмотрѣніе судамъ, что до крайности продлится. Дай Богъ, чтобъ такъ не сталось, какъ я воображаю, въ томъ первѣйшее было бъ мое благополучіе и преграда къ концу жизни моей, кого съ стрепетомъ предусматриваю не токмо въ послѣдней сей карточкѣ, кою имѣлъ счастіе отъ васъ получить есть участь, но и всѣ, кои я прежде получалъ и въ нихъ состоитъ все мое богатство и первѣйшее здѣсь и навсегда сокровище. Поминутно цѣлую, живо представляя писателя оныхъ, говорю къ нимъ, плачу, прошу отъ нихъ отвѣта, но, Боже мой милостивый, горчайшая моя участь: они мнѣ мнѣ ничего не говорятъ! Потомъ, обращаюсь ихъ читать, тутъ стремлящійся разудокъ непоколебимъ бываетъ и тишина его поборетъ читавши и перечитавши, съизнова отдаю себя весть, куда они меня влекутъ. Какое утѣшеніе внезапно возвеселяетъ мою мысль, приводятъ меня къ вратамъ храму моему и въ н[illegible]жертвенникомъ вижу прекраснѣйшаго ангела моего Настеньку, повелѣваетъ она божество мое, ея на вѣкъ подвластному Ваненькѣ стать на каменѣ, укрѣпленному ею неподражаемою вѣрностью и вѣрною любовію! Послушенъ твоему божескому (sic), преклоня колѣно мое предъ тобою и клянусь получать вовѣкъ твой святѣйшій законъ и простря длани мои, вопію злезно: да не буду забвенъ тобою, моя богиня, тебя обожая, тебѣ служа, твоей щедротой и вѣрностіею упитанъ, продли мнѣ жизнь и удостой въ твоихъ объятіяхъ скончать мои дни. Сколько вы обижаете, милушечка моя Настенка, Ваненку вашего, написавши въ вашемъ письмѣ, чтобы я, васъ боготворящій, извинилъ, что будто вы худо написали, на что такъ меня наказывать, того, который здѣсь и навсегда вмѣняетъ себѣ за благополучіе лобызать пилъ (sic) вашихъ ногъ! На послѣдокъ поручаю себя вамъ на вѣкъ, тысячу сладостей мнѣ возвѣщающій отъ васъ, милѣйшей моей Настенки, цѣлую миліонъ миліоновъ разъ вашу наипрекраснѣйшую грудь, добродѣтельнѣйшую душу, наиприятнѣйшіе глаза, наипрекраснѣйшія ручки и любезнѣйшія ножки. О горе мое великое! Боже мой милосердный, доживу ли я до того наищастливѣйшаго часу, чтобъ мнѣ разцѣловать душечку мою, жизніоночка, красоту, ангела моего наидрагоцѣннѣйшаго Настенку! Не

---

[1]) Румянцевъ.

[2]) Фридрикевичу.

забывай же меня, душа души моей! Несетъ къ вамъ, милѣйшей моей Настенки, сія страница всѣ мои поцѣлуи, примите ихъ и не забывайте счастіе имѣюшаго быть вѣчнымъ обладателемъ вашей души, сердца и мыслей, и наконецъ всею Настенкою, вашего обожателя вѣрнѣйшаго и покорнѣйшаго до послѣдней минуты жизни моей Ваненку. Цвѣточки прежней присылки поѣлъ, а что теперъ счастіе имѣлъ получить, два въ кисетѣ стоять на томъ мѣстѣ, въ головахъ *(Безъ числа)*.

32. Прекраснѣйшій свѣтъ очей моихъ, жизнь души моей, любезнѣйшій ангелъ мой, вѣрнѣйшій другъ мой Настасія Петровна! Ежечастно, не выпуская изъ рукъ вашихъ милѣйшихъ чидолочокъ, (sic), цѣлую ихъ и какая это отрада въ горестнѣйшей здѣсь моей жизни! Скажите мнѣ, маменька, жизніоночокъ, душа души моей, примѣчаете ли вы хотя маленькой лучъ надежды?—скоро ли васъ, душечку мою, увижу? Не сумнюсь, чтобъ отъ васъ что было сокрыто, что о насъ говорятъ. Утѣште меня, наидрагоцѣннѣйшій предметъ всего моего благополучія, увѣдомленіемъ. Охъ, еще долго ли томиться духу въ стѣнной душѣ моей? Божусь вамъ, мое любезнѣйшее сердце, что примѣчаю себя, что врядъ ли я могу далѣе сносить наитягшее время разлуки безъ потерянія невозвратно силъ моихъ, нужныхъ къ продолженію жизни. Вы себѣ, charme de ma vie, представить не можете, сколько мнѣ досады причиняетъ непостоянность теперешней дороги, которая меня по сихъ поръ удерживала писать къ вамъ, да и теперь еще на отвагу пущаю, боюсь, что мои письма съ человѣкомъ не потонули; но какъ бы то ни было, терпѣнія въ себѣ болѣе не обрѣтаю. Мнѣ кажется, что я уже не живу на свѣтѣ и погребенъ! Ахъ естли что пагубнѣйшее на свѣтѣ и кто же примѣрно злымъ рокомъ наказанъ болѣе? Отнята у меня душа и покой и мню, что я васъ уже восемь годъ не видѣлъ. Надобно, чтобъ былъ зрителемъ, если можетъ быть мнѣ въ свѣтѣ злодѣй, то и тотъ, увѣренъ я совершенно, надо мною долженъ бы умилостивиться и кажется, что былъ бы убѣжденъ моею сильнѣйшею тоскою и терзаніемъ! День у меня начинается и кончится тѣмъ, что подымаю руки къ Богу, восклицаю, дабы онъ васъ, жизніоночка, укрѣпилъ въ драгоцѣннѣйшемъ вашемъ для меня здравіи, прося, дабы онъ пощадилъ вашу несравненную мнѣ съ цѣлымъ свѣтомъ жизнь, а инако можетъ онъ истребить двухъ вѣрно и свято клявшихся любить другъ друга. Наконецъ, будемъ ли мы имѣть скоро благопріятную погоду, коя насъ принесла бы къ тихому пристанищу. О Боже, Боже нашъ, укроти гонящую насъ злость!

Не забывайте меня, наидрагоцѣннѣйшій ангелъ и любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, Настасія Петровна! Цѣлую ваши сладчайшіе уста, ручки и ножки тысяча тысячу кратъ! Приймите жъ душа жизни моей сей мой знакъ нѣжнѣйшей и чистѣйшей и вѣчной любви. До послѣдняго изпущенія во мнѣ дыханія, въ чемъ, клянусь вамъ Богомъ, таково чувство къ вамъ не премѣнится во мнѣ. Въ несумнѣной надеждѣ, что вы тѣмъ же желаніемъ ко мнѣ и знаете, что я тотъ счастливой въ свѣтѣ безъ примѣрно и отъ васъ ожидаю на вѣкъ repos de mes jours.—*(Безъ числа).*

Въ то время когда женихъ велъ эту переписку съ невѣстою, въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ начато было дѣло по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу и ея брата, Г. Г. Фридрикевича, «за неотдачу» дочери, когда онъ ѣздилъ за нею въ Смячъ (стр. 65). Рѣшеніе суда по этой жалобѣ слѣдуетъ за симъ.

33. Рѣшеніе Городницкаго уѣзднаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на тещу и ея брата Г. Г. Фридрикевича, „за неотдачу“ дочери Анастасіи. 1789 г., 14 ноября.

1789 года, ноября 14-го дня. По указу ея императорскаго величества, Городницкій уѣздній судъ слушалъ экстрактъ и все подлѣнное дѣло, въ семъ судѣ произведенное по жалобѣ г. генералъ-маіора Петра Степановича Милорадовича на жену бунчуковаго товарища Анастасію Полуботкову и г. статск. сов. предсѣдателя Черниговской гражданской палаты Григорія Григорьевича Фридрикевича, за не отдачу ему зъ вѣдому Фридрикевича состоящаго въ селѣ Смячѣ дочери его дѣвици Анастасіи и за приключенное тамо ему, г. Милорадовичу, обруганія чести его. По разсмотрѣніи онаго дѣла, оказалось: г. ген.-м. Петръ Степановичъ Милорадовичъ содержаніе иска своего показалъ о безчестіи, произшедшемъ первоначально отъ поступка дочери его дѣвицы Настасіи, якая призрѣвши свой непосредственной долгъ въ повиновеніи и почитаніи родителя, надъ законы оскорбила своего отца въ семъ: когда онъ, г. Милорадовичъ, за нею уже достигшою настоящаго совершеннолѣтія, примѣтилъ нѣкоторую неблагопристойную, съ одного сожалѣнія родительскаго, дабы отвратить все вредное честности, приказывалъ ей ѣхать съ нимъ съ села Смячи, въ домъ его, въ селѣ Жукоткахъ состоящій, то она сего не

исполнила, показавъ и другія непристойности противъ отца. Между тѣмъ, послѣдовалъ изъ дальнѣйшей ему, г. Милорадовичу, обидѣ, отъ другихъ на вредъ честѣ и здоровья опасной поступокъ, по нижеписанному объясняющой съ обстоятельствъ дѣла оказавшіеся въ томъ начальнѣйшіе причины, претенсію г. Милорадовича составляющіе, на отвѣтчиковъ гг. ст. сов. палаты гражданской председателя Фридрикевича, удоствующую бунчуковаго товарища жену Анастасію Полуботкову, полковника г. Леонтовича и жену сего Софію Леонтовичеву. Оные Фридрикевичъ и Леонтовичъ между собою братья, а Полуботкова имъ сестра, союзъ ихъ родства доказываетъ дружбу, а сія объясняется г. Милорадовичемъ по какой то на него злобѣ, противоборствующею тому усердію, якое вообще всѣхъ свойственниковъ обязываетъ и такъ хотя и Милорадовичъ есть въ свойствѣ Полуботковой зять, ибо имѣлъ за собою Полуботковой дочь Софію, уже умершую, отъ которой означенная дѣвица Настасія рождена, но не полагаясь ни на кого, самъ болѣе, яко отецъ, долженъ стараться и всегда старался о дочери воспитаніемъ ей приличнымъ и отдачею въ замужье за достойнаго жениха. Напротивъ того Полуботкова, какъ доказываетъ онъ, Милорадовичъ, единственно посему, что въ домѣ своемъ имѣла оную его дочь, на время отъ него Милорадовича, по прозьбѣ ея Полуботковой, отпущенную, зъ совѣту Фридрикевича и протчихъ своихъ согласниковъ соизволяла на отдачу оной его дочери въ замужье за жениха по характеру и чести его Милорадовича да и протчихъ другихъ превосходныхъ достоинствъ къ нему объ ней адресующихся, несвойственнаго, почему онъ, Милорадовичъ, получивъ о семъ свѣдѣніе, видя непристойность и предразсуждая стремленіе Фридрикевичемъ и другими на обѣду его, особливо потому, что и дочь его ими обольщена будучи, вышедъ съ пристойности о томъ же предложенномъ ей женихѣ къ нему, Милорадовичу, писала, рѣшился самъ ѣхать въ Борови къ Полуботковой, и видѣть свою дочь. За приѣздомъ же 27-го марта сего года, тамъ дочери не засталъ, а увезена она предпоказанною полковницею Леонтовичевою въ село Смячъ, въ домѣ Фридрикевичевъ и такъ онъ, и въ Смячъ отправился, гдѣ засталъ въ показанномъ Фридрикевичевомъ домѣ оную его дочь, лежащую въ постели, подъ видомъ болѣзни, въ которой объявила она, что не можетъ якобы простудою, а примѣчательно де имъ Милорадовичемъ вымышленное притворство, единственно, чтобъ закрыть предпріятіи, клонащіеся къ дальшему ея зъ женихомъ, тамъ же въ Смячи бывшимъ Леонтовичевою обзнакомленію, а за тѣмъ положилъ было намѣреніе взять ее

къ себѣ въ домъ, но она, дочь его, покусилась первіе, обманывать его, Милорадовича, неимѣніемъ якобы шубы выѣхать на стужу, а наконецъ вышовъ съ условіемъ взять на себя теплую обувь, скрылась. Свѣдавъ же онъ, Милорадовичъ, чресъ дворовую дѣвку, что она, дочь его, заперта въ одной комнатѣ, которая, какъ ему Леонтовичъ объявилъ, что то есть кладовая и ключъ въ Фридрикевича, сквозь двери той комнаты, окошко и сквозь стѣны, гдѣ только ей можно было слышать, еколько ни старался, однакожъ все то вмѣсто склоненія къ богоугодному повиновенія внушенію, произвело въ ней всемѣрное отъ него г. Милорадовича отвращеніе и дерзкое, даже до неистовства, ослушаніе, къ горчайшему его, отца своего, оскорбленію, такъ что дерзнула она виговорить ему, что она есть не въ его, но въ волѣ бабки своей, не слушаетъ его и не поѣдетъ съ нимъ. Наконецъ увидѣлъ онъ, г. Милорадовичъ, многочисленную толпу собранныхъ Леонтовичемъ смяцкихъ мужиковъ и дворовыхъ его и Фридрикевичевыхъ людей, съ дубинами, окружавшихъ его, г. Милорадовича, которые въ глазахъ его, находившихся при немъ слугъ его уже отталкивали по зашеямъ, добираясь и къ нему, г. Милорадовичу, самому, ежели бъ онъ далѣе поступилъ на требованіе дочери его, ибо Леонтовичева съ мужемъ своимъ ругая его, выговаривали приказывать связали (sic) бы его, Милорадевича, изъ чего убѣжденнымъ онъ нашелся оттудова удалиться, оставшись обруганнымъ въ несносное поношеніе чести и характера его, оставя и дочь его, отъ него удалившуюсь презрѣнно, въ нарушеніе законовъ. Посему случаю описанной г. Милорадовича обиды, онъ поступивъ правильно, неусиловываясь далѣе, противно законамъ и не дѣлаясь самъ себѣ судіею, видя обиду и дальшое на оную стремленіе въ опасность здоровья и въ поношеніе чести произведенные, жаловался памѣстническому правленію, отъ котораго въ нижній земскій городницкій судъ послѣдовалъ указъ съ предписаніемъ, чтобы земскій исправникъ и два дворянскіе засѣдатели освѣдомлясь, гдѣ бы означенная, удалющаясь отъ повиновенія своему родителю дѣвица Настасія Милорадовичевна ни находилась, отправясь туда взявъ ее, препроводили самъ исправникъ благопристойнымъ образомъ въ Черниговъ для порученія отцу ея, г. Милорадовичу. Но когда судъ нижній земскій учинилъ выѣздъ свой въ Смячъ, гдѣ была оная дѣвица Настасія, и далъ случившимся тамъ въ домѣ Фридрикевича г. полковнику Леонтовичу, женѣ его Софіи Леонтовичевой и Апастасіи Полуботковой повѣстки съ требованіемъ оной Милорадовичевой дочери и дачи нужного къ слѣдствію показанія, то и за симъ закон-

нымъ суда требованіемъ тѣ—Леонтовичъ, жена его и Полуботкова поступили съ неправильными ихъ отговорками, клонящимись на то, чтобъ отвратить судовое оное требованіе, о чемъ доказуютъ поданные отъ нихъ сего года, апрѣля 4-го, въ нижній земскій Городницкій судъ объясненія. И Полуботкова, извиняя оную дѣвицу болѣзнію, вводила нижній судъ въ ту комнату, гдѣ сія въ постели больною оказывалась, тамо судъ ее уговаривалъ въ послушности отцу, напоминая обязанность дѣтей родителямъ и чтобы къ повиновенію волѣ его ѣхала къ нему зъ земскимъ исправникомъ, но тутъ дѣвица представляла, якобы не можетъ сего исполнить по болѣзни. За дальнѣйшимъ же суда требованіемъ о выполненіи по указу намѣстническаго правленія, Полуботкова объявила, что суду взять ея, Милорадовичевой, нынѣ не попускаетъ и ее отъ зятя судомъ защищаетъ, а при таковомъ объявленіи Полуботковою и что въ комнаты начали собираться служители въ немаломъ числѣ, не могъ нижній земскій судъ Милорадовичевой отъ туду отобрать, и таковы объявленія Полуботковой словами дѣйствіе заключающими, призналъ тотъ нижній судъ сопротивленіе закону и должности суда, бывшаго при вышеписанномъ случаѣ съ подобающимъ обрядомъ, для того по силѣ высочайшаго устава благочинія 271-й статьѣ, о поступленіи съ Полуботковой по законамъ, сему суду представилъ съ приложеніемъ всего происхожденія дѣла, которое совмѣстно съ означеннымъ суднымъ процессомъ произведеннымъ дѣломъ, разсматривая судъ, въ основаніе своего мнѣнія и во утверженіе истины, находилъ: 1-е, что г. Милорадовичъ описанную выше сего причиненную обиду ему, относя болѣе до отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой, яко они производители той, поясняетъ, какъ Фридрикевичъ Полуботковой писалъ съ Чернигова, увѣдомляя ее, что онъ, Милорадовичъ, ѣдетъ въ Боровичи, такъ же о данныхъ ей, Полуботковой, совѣтахъ скрыть отъ него дочь и о протчемъ, затѣмъ послѣдовавшемъ съ вѣдома и согласія его, но на сіе хотя Фридрикевичъ, не дѣлая признанія, объясняется, будто не былъ во время показаннаго происшествія въ своемъ домѣ и далѣе опровергаетъ искъ Милорадовича, подводя высочайшій манифестъ, состоявшійся 1787 года, апрѣля 21-го, въ коемъ де всѣ мѣры употреблены на взысканіе обиды, что она бываетъ словами, письмомъ и дѣйствіемъ, а о воображеніяхъ съ худыхъ, о комъ ни есть, мыслей происходимыхъ, ни слова не сказано, и истецъ де будто съ однихъ домысловъ своихъ заключаетъ объ немъ, отвѣтчику, худо, но судя таковъ поступокъ по мнѣнію прямому и по законамъ весьма немало-

важной, въ справедливости показаннаго происшествія слѣдуетъ увѣриться на слѣдствіи нижняго земскаго суда, какъ на урядовомъ засвидѣтельствованіи и на ономъ основываясь, нельзя прямого и опроверженія истины сдѣлать заключенія, поелику онымъ слѣдствіемъ доказывается, что дочь истца Милорадовича и за судовымъ ее увѣщаніемъ, по указу намѣстническаго правленія, съ жалобы его истца, Милорадовича, о повиновеніи своему отцу, требующему того суда, оказалась ослушною, притворивъ себѣ болѣзнь, въ самомъ же дѣлѣ оной не было, и для того то судъ о ея болѣзни ничего утвердительнаго не полагаетъ, а не возможность свою въ исполненіи намѣстническаго правленія указа, чтобъ доставить ее въ Черниговъ, къ порученію отцу, пояснилъ въ томъ, что она самовольно отказалась, несмотря на усиловное судебное требованіе, болѣе же въ томъ являются причины дѣйствій отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой, съ коихъ въ домѣ Фридрикевича собраны были собственные его люди какъ судъ пишетъ, въ немаломъ числѣ, и дѣлали видъ недопущенія суда, изъ за чего нельзя подумать чего либо по его дозволенію, ибо бывшіе тамъ г. Леонтовичъ и его жена да Полуботкова не только не были согласны въ споможеніи суду, но еще и противоборствовали судовому требованію, а Полуботкова напослѣдокъ прямо оказала ослушность въ неповиновеніи закону и должности суда, выговоривъ, что не допуститъ суда, и за то подвержена отвѣту, въ справедливости тое нижняго земскаго суда показаніе и сей уѣздный судъ признаетъ, опровергая отвѣтчиковъ въ томъ оспариваніе, на одномъ голословіи основанное законно, потому что право статутовое, розд. 7-го, арт. 1-й, узаконяетъ «о сознатьи урядовомъ, чтобъ урядъ уряду вѣрилъ. 2, Объясняемое отвѣтчиками Фридрикевичемъ и Полуботковою оправдавіе истцевой дочери поступка въ неповиновеніи отцу, что она уже есть совершенныхъ лѣтъ и во владѣніи имѣнія, такъ какъ и въ замужествѣ властна, показываетъ несходственность самихъ ихъ отвѣтчиковъ, въ невинности оправданія, и тѣмъ все оное помрачаетъ, а болѣе утверждаетъ и первоначальное происшествіе г. Милорадовичемъ объясненное, что по ихъ совѣту и наставленію, какъ тамъ объяснено, въ крайнѣйшую его, Милорадовича, обиду дочь его приведена въ неповиновеніе родителю надъ законы противное оному отвѣтчиковъ мнѣнію содержащіе, какъ то по праву разд. 3-го, арт. 4-го, дочь до выходу въ замужье должна быть подъ опекою отца, высочайшаго устава благочинія ст. 41-й, отд. 2-го, въ пунктахъ 10-мъ и 11-мъ: «родители суть властелины надъ своими дѣтьми, а дѣти имѣютъ долгъ оказывать чисто-

сердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь и служить имъ самимъ дѣломъ. По уложенью, гл. 22-й, п. 4-й, за грубыя рѣчи на отца или матерь, дѣтямъ узаконено весьма строгое наказаніе, а чтобы таковы сродники, какъ отвѣтчики, имѣли надъ дочерью истцевою волю, сего узаконенія, не только негдѣ нѣтъ, но по 8-му артикулу, раздѣла 5-го запрещается дочерямъ безъ вѣдома своихъ родителей выходить въ замужье подъ потеряніемъ наслѣдія. Итакъ что можетъ быть важнѣе сего поступка истцевой дочери, дерзнувшей презрительнымъ образомъ оскорбить и опечалить родителя всѣми достоинствами своими и честь превосходительнаго и ни въ чемъ противнаго повода на развратъ дочери не показавшаго, какъ о семъ изъ дѣла ничего не открылось. 3, По изъясненію въ первомъ пунктѣ есть причины на отвѣтчиковъ, что они отцу учинили изъясненное имъ безчестіе, списываясь одинъ съ другимъ и совѣтуясь къ произведенію того въ дѣйство по высочайшему именному указу 1787 г., апрѣля 21, состоявшемуся, въ 3-мъ пунктѣ сказано: оскорбленіе или обиды есть буди кто кого вредитъ въ правѣ или по совѣсти, какъ то порочитъ...... пренебрежетъ, уничтожитъ или задеретъ; въ 9-мъ пунктѣ, чтобъ слово, письмо или дѣйствіе почтено было за обиду или оскорбленіе надлежитъ знать—было ли намѣреніе обидить или оскорбить или вредить; въ 10-мъ: пренебреженіе къ особѣ ближняго съ намѣреніемъ обижать или оскорбить, или вредъ ему лично, (или женѣ или чаду, или служителю) или ближнимъ его, есть обида. Противу сего законоположенія сравнивая объясненную истцемъ жалобу противъ дочери поступка и самому ему безчестія и иначе можно заключить, что то есть обида, да еще тяжкая, о чемъ по 16-му пункту того жъ высочайшаго указа есть узаконеніе, а во исполненіе оного указа въ лучшое подтвержденіе предписанныхъ слѣдуетъ еще и другими законными способами дойтить истинны, что точно было отвѣтчиковъ къ обидѣ истца намѣреніе, и затѣмъ приступить къ заключенію законнаго приговора. Вслѣдствіе жъ сего, поелику съ обоихъ сторонъ были при показанномъ произшествіи посполитые люди ихъ собственные, съ коихъ нѣкоторые участвовали въ томъ, о чемъ идетъ дѣло, а затѣмъ по праву раздѣла 4-го, арт. 78-го, быть имъ свидѣтелми не можно, отвѣтчики жъ Фридривевичъ и Полуботкова въ оправданіе себя ничего законнаго не представили, и даже отвестись совѣстію, по зсылкѣ на оную отъ истца Милорадовича въ утвержденіе ихъ запирательства и въ обнаруженіе справедливости, непріемлются надъ узаконеніе въ воинскомъ процессѣ 2-й части, главы 1-й, въ 3-мъ

пунктѣ, гдѣ сказано, что отвѣтчикъ невинность свою доказать основательно долженъ; истецъ же Милорадовичъ, сверхъ оной, на присягу отвѣтчиковъ эсылки въ приносимой имъ жалобѣ взялся и самъ за присягу заповодомъ ихъ отвѣтчиковъ, Фридрикевича и Полуботковой, и они отвѣтчики его отъ присяги ничѣмъ законно не отводятъ; присягу жъ челобитчику чинить позволяетъ воинскаго процесса части 2-й, гл. 5-й, п. 2-й, да и по праву раздѣла 4-го, артикула 77-му, узаконено: въ недостатки писемъ или свидѣтелей, быть доказательствомъ и оправданіемъ и чрезъ присягу. Для того приговорили: по вышеписаннымъ обстоятельствамъ и законамъ, истцу г. генералъ-маіору Милорадовичу по добровольному его забирательству (sic) въ утвержденіе—справедливости, въ жалобѣ его дать присягу за поводомъ въ согласіе 81-го артикула, раздѣла 4-го, отвѣтчиками Фридрикевичемъ и Полуботковою въ томъ, что совершенному его Милорадовича знанію, они, отвѣтчики Фридрикевичъ и Полуботкова, по согласію между ними обидѣли его Милорадовича тѣмъ, что дочь его Настасію убѣдили призрѣть его повелѣніе и согласиться къ выходу въ замужье за отставного сукундъ-маіора Лашкевича, а когда онъ будетъ требовать ей ѣхать съ нимъ въ село Жукотки, то она отказаться должна, и такъ точно исполнилось, и онъ, Милорадовичъ, какъ ѣхалъ въ село Боровичи, то съ нихъ Фридрикевичъ встрѣтя его, Милорадовича, на дорогѣ, подъ Черниговомъ, прошлаго марта 26-го, предваряя его пріѣздъ чрезъ своего нарочнаго, далъ Полуботковой знать, а сія отправила ту его дочь въ с. Смячь, въ домъ Фридрикевича, съ полковницею Софіей Леонтовичевой, и затѣмъ и онъ, Милорадовичъ, не заставши дочери въ Боровичахъ, 28 марта пріѣхалъ туда же въ Смячь, но Полуботкова трократно посылала двороваго служителя своего Леонтія Полтавца съ письмами къ брату своему Степану Леонтовичу съ тѣмъ, чтобъ онъ дочери его, Милорадовича, брать не допустилъ и то все, что дочь его Милорадовича, первое отговаривалась болѣзнію, потомъ скрылась и издѣлала ему, Милорадовичу, оскорбленіе, выговаривая, что она есть не въ его волѣ, не слушаетъ его и не поѣдетъ съ нимъ, учинено съ поводу и наущенію ихъ, отвѣтчиковъ, да полковника Леонтовича и жены его, притомъ онъ, Леонтовичъ, выговаривалъ ему Милорадовичу сіи слова: что дочь есть не въ его волѣ, и она съ нимъ не поѣдетъ, равно тому и жена его, ругаясь, съ мужемъ своимъ выговаривала: приказать связали бы его Милорадовича! И видѣлъ уже онъ, Милорадовичъ, изъ числа собранныхъ дворовыхъ служителей, что служитель Леонтовичевъ выталкивалъ по шеи съ

комнаты двороваго его, Милорадовича, писаря, а другаго служителя, тамо съ нимъ бывшаго, ругая, выгонилъ вонъ съ комнаты; наконецъ, онъ, Милорадовичъ, оставшись посмѣяннымъ и обруганнымъ отъ дочери своей призрѣнный и обезчещенный отъ часто поминаемаго, полковника Степана Леонтовича и жены его собраніемъ толпы мужиковъ и служителей дворовыхъ Фридрикевича, окружившихъ было и самого его, Милорадовича, къ препятствію дочери его, принужденнымъ себя найшолъ отъѣхать зъ двора смяцкого Фвидрикевичевого, да и за выѣздомъ нижняго земскаго Городницкаго суда, по указу намѣстническаго правленія, для взятія и доставленія оной его дочери Милорадовича, что учинено суду ослушаніе и недопущеніе, то и сіе здѣлано звѣдома и согласія отвѣтчика Фридрикевича, и ежели онъ, г. Милорадовичъ, такову присягу учинитъ, въ чемъ здѣлается уже совершенной по законамъ доводъ, или когда его отвѣтчики Фридрикевичъ и Полуботкова къ оной присягѣ не поведутъ, доказывая тѣмъ своей винности, то и приступить къ обвиненію ихъ отвѣтчиковъ, такъ какъ законы повелѣваютъ; въ законахъ же напечатано: «воинскаго 19-го артикула, въ толкованіи,—равное наказаніе чинится надъ тѣмъ, котораго преступленіе хотя къ дѣйству и не приведено, но токмо его воля и хотѣніе къ тому было; 21-го артикула: всѣ офицеры и солдаты къ фелдмаршаламъ и генераламъ имѣютъ всякое должное почтеніе воздавать, а естли кто дерзнетъ онымъ или единаго изъ нихъ непристойными и насмѣшными словами поносить, оный имѣетъ по важности своихъ словъ и состоянію особы предъ воинскимъ судомъ публично отпущенія свое вины просить, или заключеніемъ, или какимъ инымъ наказаніемъ, по благоразсужденію, наказанъ быть; 24-го артикула, въ толкованіи, между протчимъ почтеніе генералитету всеконечно и весьма имѣетъ ненарушимо быть. Въ уложеніи, главы 10-й, статьи 83-й, «чиновнымъ людямъ безчестіе платить противъ ихъ окладовъ, что кому государеваго денежнаго жалованья». То по силѣ сихъ узаконеній взыскать съ отвѣтчиковъ Фридрикевича и Полуботковой за безчестіе истца ген.-маіора Милорадовича, по чину его генеральскому, окладное жалонанье, къ коему полагаются и подлежащіе получаемые жъ по тому чину, въ силу воинскаго устава, раціоны, именно окладного жалованья порозь съ отвѣтчиковъ по 1800 рублей, за раціоны годовые по справочнымъ, въ мартѣ мѣсяцѣ бывшимъ, цѣнамъ симъ уѣзднымъ судомъ вѣрно отъ нижняго земскаго Городницкаго суда забратымъ, за 480 раціоновъ по 702 рубли, всѣхъ же 5002 рубл., но отдать оные деньги истцу г. Милорадовичу сверхъ того по

силѣ предписаннаго 21-го воинскаго артикула предъ судомъ, Оные жъ отвѣтчики въ него, истца, публично имѣютъ просить отпущенія своей вины. Если жъ онъ, Милорадовичъ, назначенной присяги не выполнитъ, то въ искѣ его отказать; относительно жъ жалобы его, истца Милорадовича, на полковника Леонтовича и его жену Софію за безчестіе, то въ семъ претенсію безъ всякого заключенія оставить, потому, что самъ истецъ, г. Милорадовичъ, въ доводѣ его противу отвѣтчицы Полуботковой, между протчимъ, изъяснилъ, что онъ удержалъ свой искъ на тѣхъ Леонтовича и жену его, желая во первыхъ, развѣдаться съ наставниками ихъ на обиду истцеву, но въ свое время и въ подлежащемъ судѣ, въ которомъ они осѣдлость свою имѣютъ, искать не упуститъ и на оныхъ, какова воля ему, г. Милорадовичу, и предоставляется. А что принадлежитъ до просьбы повѣреннаго отвѣтчиковъ войск. тов. Калѣновскаго на екстрактѣ подписанной, чтобы ввесть копію прошеніе приложенное при отводѣ со стороны отвѣтчицы Полуботковой, подаванного въ Черниговское намѣстническое правленіе, съ изъясненіемъ оправдающимъ ее противъ обжалованія истцемъ, г. Милорадовичемъ, то сего судъ здѣлать не можетъ, затѣмъ, что то прошеніе никѣмъ не подписано и напрасно приложено, болѣе жъ всего наполнено оное разными непринадлежащими къ дѣлу выраженіями и есть въ немъ бранныя слова, съ каковыми прошенія принимать запрещаетъ правит. сената указъ, состоявшійся въ силу имяннаго ея императорскаго величества повелѣнія 1764 года, сентября 13-го. И сіе рѣшеніе, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи суда, объявить обоимъ сторонъ или отъ нихъ правно-уполномоченнымъ съ указными подписками. А когда оное дойдетъ до исполненія, то съ присужденной ко взысканію суммы 5002 р., взыскать по Уложенію, гл. 10-й, п. п. 124 и 127, пошлинъ, положенныхъ съ судныхъ дѣлъ, съ рубля по 10 копѣекъ, 502 р., съ суда пересуда 20 к. и праваго десятка 2 к., а всѣхъ 502 р. 22 коп. и о томъ взысканію, слѣдуемомъ въ казну на основаніи высочайше апробованныхъ отъ ея императорскаго величества правилъ 1784 г., марта 24-го, статьи 21-й, отослать къ уѣзному Городницкому казначею свѣдѣніе.—

Было ли приведено это рѣшеніе Городницкаго уѣзнаго суда въ исполненіе—изъ другихъ бумагъ не видно. Вмѣстѣ съ жалобою въ намѣстническое правленіе, П. С. Милорадовичъ просилъ тогдашняго

епархіальнаго архіерея сдѣлать распоряженіе, чтобы дочь его Настасью священники Новгородосѣверской епархіи съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали.

34. Прошеніе П. С. Милорадовича къ новгородсѣверскому епархіалному архіерею о томъ, чтобы дочь его Настасью мѣстные священники съ И. С. Лашкевичемъ не вѣнчали. 1789 г., мартъ.

Его ясне въ Богу преосвященству, преосвященнѣйшему Иларіону, епископу новгородъ-сѣверскому и глуховскому. Генералъ-маіора Милорадовича прошеніе. Нещастливое состояніе дѣвицы, дочери моей Анастасіи, развращенное тещею моею Анастасіею Полуботковою понуждаетъ меня прибѣгнуть къ вашему преосвященству просить, какъ збереженія бѣдственного ее, такъ равно и собственного моего жребія позоромъ и вѣчнымъ чести, характера и дома моего обруганіемъ предуготованного. Она, теща моя, съ ст. сов. Фридрикевичемъ, братовою Леонтовичевою Софіею Борковскою и съ ея мужемъ, безъ вѣдома и благоволенія (благословенія?) моего, выписали женихомъ для еѣ, дочери моей, епархіи вашего пр.—ва изъ с. Бряхлова, отст. секундъ-маіора Ивана Степанова сына Лашкевича, и удаливъ дочь мою, дѣвицу, отъ моего съ нею свиданья, обласкали и согласили до такой неблагопристойности, что она, дѣвица, дочь моя, при многократныхъ бабы своей убѣжденіяхъ, покусилась собственноручно ко мнѣ писать два письма, готово составленные ей отъ Фридрикевича [1]) издревле мнѣ и роду моему недоброхотствующаго, прося моего позволенія въ замужье за показанного Лашкевича.—Сія дочь моя, оставшаясь отъ матери въ пяти лѣтахъ, получа мое воспитаніе вперенія страха Божія, повиновенія святымъ его заповѣдемъ и познанія закона, временно прибыла въ сказанной бабы своей въ с. Боровичахъ, почему заставленъ былъ при настоящей распутицѣ, преодолѣвая, оставшимись въ старости силами, всякіе трудности, искать видѣть ея, и когда, сего мѣсяца 27 числа, пріѣхалъ я въ домъ тещи моей, тутъ противъ всякаго чаянія моего, дочери моей не засталъ. Объявилась она, на вопросъ мой, что оставшись одна говѣть, отправила еѣ въ с. Смячь, въ домъ вышесказанного ст. сов. Фридрикевича съ братовою, отставного полковника Степана Леонтовича женою, Софіею Васильевою дочерью Борковскою, какъ и въ самомъ дѣлѣ, по извѣданію моему, увезена она

---

[1]) См. выше, стр. 58 и 59.

туды скоропостижно оною Леонтовичевою, привозившею выше унамѣненнаго жениха, на простыхъ мужичьихъ саняхъ, гдѣ и нашелъ сказанную Леонтовичеву, мужа еи и дочь мою, но и тутъ еѣ скрыли отъ меня. Таковой тещи моей надъ дочерью моею поступокъ поривалъ уязвленное родителскаго сердоболія состояніе преслѣдовать еѣ въ горницахъ, гдѣ еѣ скрывали, и свѣдавъ чрезъ одну дворовую дѣвку, служанку, что она заперта въ одной комнатѣ. которая (какъ мнѣ Леонтовичъ обявилъ), что то есть кладовая и ключъ въ Фридрикевича; однако жъ толпою собранныхъ мужиковъ взять не допустили. По толь постыдному надъ дочерью моею и надъ самимъ мною съ обруганіемъ чести моей произшествію, несомнѣнно предвидить я долженъ, что сказанная теща моя предпріяла искать удобности, чтобъ дочь мою презрѣнными путями, безъ воли и благословенія моего, съ вышепомянутымъ маіоромъ Иваномъ Лашкевичемъ сочетать непозволеннымъ церковью святою бракомъ, то и призрите, ваше пр—во, надъ оскорбленнымъ бѣднаго рожденія безчестными интригами старикомъ, повелѣте предержащею паствы вашей властію, ежели гдѣ у коего либо прихода, изъ ближайшихъ епархіи вашего пр—ва, протопопіи, она, теща моя или кто другій изъ единомышленниковъ еѣ проситьмутъ о обвѣнчаніи дочери моей съ означеннымъ маіоромъ Иваномъ Лашкевичемъ, такъ какъ они скоропостижно искать сего намѣрены, особливо въ селахъ Бряхловѣ, Савинкахъ и въ Романовкѣ, принадлежащемъ Борковсковнѣ Леентовичевой, бракосочетанія ихъ не совершить и тѣмъ спасая отъ бѣдственно наносимыхъ слѣдствій, заставить дочь мою исполнить долгъ приверженности родителю своему, спасая и самого себя, и домъ мой отъ презорнаго тещею и родомъ еѣ устроеннаго съ оскорбленіемъ чести поношенія. Генералъ-маіоръ Милорадовичъ.

На семъ прошеніи его пр—ва послѣдовала резолюція такова: «Я уже далъ на примѣчаніе дикастеріи, какъ о отлагаемыхъ свадьбахъ послѣ вѣнчаній, такъ и о другихъ непорядочныхъ вѣнчаніяхъ. Поводомъ сего и болѣ подтвердить правленіямъ, чтобы недремленно наблюдали за священствомъ, дабы бѣглыхъ отъ родителей отнюдь вѣнчать не дерзали, а кто учинитъ таковая, со всякою бы строгостію такого отрѣшивъ отъ всего, въ дикастерію представленнобъ къ сужденію по законамъ. 789 года марта « » дня».

Принятыя П. С. Милорадовичемъ мѣры противъ брака дочери его съ Лашкевичемъ оказались однакожъ безуспѣшны, такъ какъ его тенца, а особенно Фридрикевичъ оказались искуснѣе въ достиженіи намѣченной цѣли, какъ видно изъ слѣдующаго документа.

35. Постановленіе Сосницкаго уѣзднаго суда о разрѣшеніи Настасѣѣ Милорадовичевнѣ выйти замужъ за И. С. Лашкевича. 1789 г., 22 мая.

1789 года, маія 22 дня. По указу ея императорскаго величества, уѣздній Сосницкій судъ слушавъ поданныхъ въ сей судъ отъ удовствующей умершаго бунчуковаго товарища Семена Полуботка жены Анастасіи г-жѣ Полуботковой и внуки еѣ, г. генералъ маіора Петра Милорадовича дочери Настасіи Милорадовичевны, чрезъ уполномоченного повѣренного ихъ, войск. товар. Терентія Сенчевского, двоихъ просбъ, которыми онѣ представляютъ: первою, Полуботкова, что показанный зять еѣ Милорадовичъ, по своому пристрастію къ дитинному имѣнію, старался всегда отказувать обзывающимся къ дочерѣ его многимъ изъ достойныхъ дворянъ женихамъ, не требуя тутъ ни выбора, ни согласія дочери, но самъ помимо знанія ея все то производилъ, привелъ еѣ безъ выдачи въ замужье въ двадцать слишкомъ лѣтъ, и ни имѣнія онъ, Милорадовичъ, наслѣдственного прописанной дочерѣ моей Настасіи не отдаетъ, и въ замужье ити запрещаетъ, стѣсняя свою дочъ, по одному желанію, далѣе либо и навсегда, владѣть еѣ имѣніемъ, ввелъ еѣ въ лѣта, полагаетъ на ея Полуботкову право обмолодить его дочь имѣніемъ, и то все удостовѣряетъ представленными при томъ прошеніи писмами отъ его, Милорадовича, къ ней, Полуботковой, и дочерѣ своей 1788 года, ноября 24, и 789 г. февраля 8 и 12 чиселъ, писанными; второю, Милорадовичевна, что повинуясь она судбѣ, жизнію всѣхъ людей располагающей, предъизбрала себѣ въ супружество маіора Ивана Степанова сына Лашкевича, и хотя всеповиннѣйше просила отца своего на то благословенія, но отецъ еѣ, Милорадовичъ, по прописаннымъ въ прошеніи бабки еѣ Полуботковой, въ сей судъ поданномъ, обстоятелствамъ, въ томъ ей отказалъ. Не надѣясь же когда получить родителское на то позволеніе, чтобы по высочайшому имянному ея императорскаго величества, 1785 года декабря 22 состоявшомусь указу, ползоватся ей, Милорадовичевнѣ, свободою совершенолѣтія, къ чему по лѣтамъ ей право давно уже еи открылось, за помощію оной бабки еѣ Полубот-

ковой, которой воли отъ отца еѣ съ дней сиротства и малолѣтства она, Милорадовичевна, ввѣрена, ею возращена, воспитана и отъ еѣ одной, какъ объ ней пекущейся, зависитъ совершеніе еѣ, Милорадовичевны, блага, прибѣгая къ законамъ, просили по силѣ помянутаго высочайшаго имяннаго указа и статутовыхъ правъ, роздѣла 3, артикула 39 и роздѣла 5, артикуловъ 8 и 9-го, въ воспользованіи свободою совершенолѣтія и въ выходѣ еѣ, Милорадовичевнѣ, въ замужье за избраннаго ею жениха, дворянина хорошихъ достоинствъ маіора Лашкевича, дать ей, Милорадовичевнѣ, урядовое позволеніе и изъ тѣхъ просбъ и учиненныхъ по онымъ судовыхъ опредѣленій выдать ей, Милорадовичевнѣ, выпись. *Опредѣлили*: какъ въ правѣ книги статутъ, роздѣла 3-го, въ артикулѣ 39, узаконено: дѣвицъ шляхтянокъ и всякого иншого стану породи женской гвалтомъ ни за кого не отдавать безъ воли ихъ, но каждой съ нихъ, за совѣтомъ приятелей ихъ, за кого похощетъ, за того въ супружество волно ити и отдаватся.—А роздѣла 5, въ артикулѣ 8: естли бы отецъ дочери своей, ради имѣній еѣ материнскихъ, или мать, ради имѣній дочери своей отческихъ, не выдавали замужъ, то такова дать можетъ по артикулу 9-му, того жъ роздѣла, а въ ономъ артикулѣ сказано: ежели бъ дѣвица имѣла совершенныя лѣта, а братья или дядьи, задерживая оную, не хотѣли замужъ видать, то должно о томъ дать знать до уряду, чрезъ кревнихъ или чрезъ сосѣдъ, либо чрезъ кого иного, а урядъ взявши о томъ совершенное свидѣніе, что тѣ, въ опекѣ коихъ есть, замужъ еѣ не хотятъ выдать, имѣетъ ей дозволить замужъ выходить. Съ представленныхъ же отъ просителки Полуботковой, при просбѣ еѣ, писемъ ген.-м. Милорадовича совершено значится: въ 1-мъ, 1788 ноября 24, что онѣ, Милорадовичъ, г. Лашкевича не охуждаетъ и ни богатимъ, ни убогимъ не почитаетъ и что онъ не можетъ къ выдачи дочери замужъ, ни за Лашкевича, ни за кого другого, не знавши ни дому, ни имѣнія, ни сохранивши на таковъ случай правного порядка относително записа жениха невѣсти не приступитъ и что дочь его немолодая невѣста, такъ же что способъ помолодѣть еи въ рукахъ еѣ, Полуботковой, состоитъ, ежели она внукѣ своей запишетъ и опредѣлитъ имѣніе село Боровичи, что тогда дочь его не только обмолодѣть можетъ, но и болше, когда дѣйствително узнаютъ—пріятнѣйшою здѣлается всякому благородному жениху; 2-мъ, 789 году, февраля 8, что де г. Лашкевичъ къ нему, Милорадовичу, приездилъ и что открылось ему, по доволному испытанію и разсужденію, что онъ вовся не можетъ приступить къ согласію во

удоволствіе требованія, какъ матушки его, Лашкевича, такъ и его самого, и что онъ, Милорадовичъ, попеченія и усердія ея Полуботковой о его дочери благороднимъ и чувствителнимъ сердцемъ пріемлетъ, однако жъ по природной своей связѣ братерства, не отобравши отъ его мнѣнія, не можетъ рѣшиться на всекрайнѣйшее расположеніе дочери своей; да 3-мъ, того жъ года, февраля 12, что онъ, Милорадовичъ, въ выборѣ жениха принужденія ей, Милорадовичевнѣ, не дѣлаетъ, кромѣ отеческого совѣта и чтобъ несумнѣнно надѣялась, что получитъ съ превосходнѣйшими дарованіями выборъ свой и его къ тому благословеніе, а о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ него ни согласія, ни волѣ, ни благословенія. Съ каковыхъ писемъ сей судъ и предвидитъ явное его, Милорадовича, въ непозволеніи къ выходу дочери его Настасіи въ замужье препятствіе, повидимому, для единственного толко владѣнія имъ имѣніемъ еѣ материнскимъ и пріобрѣтеніп съ онаго себѣ користей. И какъ по праву статутовому, роздѣла 4, въ артикулѣ 77, писменные доказателства узаконено почитать первѣйшими и основательнѣйшими, то надъ собственноручные его, Милорадовича, писма, сему суду больше и свпдѣнія совершенного забирать не слѣдуетъ. Для того, по вышеписаннымъ обстоятелствамъ и законамъ, такъ же и по соизволенію и просбѣ бабки еѣ Милорадовичевны, Полуботковой, дозволить просителки Настасіи Милорадовичевнѣ вытить въ замужье за избраннаго ею жениха маіора Лашкевича, потомъ съ поданныхъ въ сей судъ просбъ и сего опредѣленія выдать ей, Милорадовичевнѣ, урядовой выписъ и повѣренному Сенчевскому обявить, а съ приложенныхъ писемъ оставить при семъ судѣ справочние копіи. Подлѣнное подписали: Иванъ Демидовскій, Григорій Максимовичъ. 1790 года, октября 7 дня, сіе опредѣленіе я слушалъ и что онымъ вѣритель мой г. генералъ маіоръ П. С. Милорадовичъ недоволенъ и имѣетъ взнесть куда слѣдуетъ апеляційную жалобу, въ томъ я по его довѣренности подписалъ—надв. сов. Илья Бажановъ. Уѣзднаго суда секретарь Іванъ Горбачевъ.

Послѣдствіемъ приведеннаго постановленія было повѣнчаніе 23-го мая дочери П. С. Милорадовича съ И. С. Лашкевичемъ, вызвавшее жалобу отца на *засѣдателей* Сосницкаго уѣзднаго суда, разрѣшившихъ этотъ бракъ.

---

36. Рѣшеніе Новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1790 г., 5 декабря.

1790 года, декабря 5 дня. По указу ея императорскаго величества Новгородско-сѣверскій верхній земскій судъ, 2-го д—та, слушали: происхожденіи по жалобѣ г. генералъ-маіора Петра Милорадовича на засѣдателей уѣздного Сосницкого суда примеръ-маіора Демидовского и карнѣта Максимовича, за здѣланное ими, якобы въ противность законовъ, опредѣленіе отъ имени уѣздного Сосницкого суда о дозволеніи дочери его Анастасіи вступить въ супружество, по ея желанію, за секундъ-маіора Ивана Лашкевича, въ намѣстническомъ правленіи бывшимъ и при указѣ изъ оного правленія въ сей судъ къ разсмотрѣнію присланнымъ, тако жъ вступившаго въ сей судъ по апеляціи его, г. Милорадовича, на то опредѣленіе поданной изъ уѣздного Сосницкого суда объ ономъ дѣлѣ, и по разсмотреніи всего вышеписаннаго, оказалось: 1-е, когда дошла въ намѣстническое правленіе отъ г. Милорадовича о вышеписанномъ на засѣдателей Демидовскаго и Максимовича жалоба, то намѣстническое правленіе, по отысканіи противъ оной отъ уѣзднаго Сосницкаго суда рапорта, найдя, что обстоятельство дѣла сего до разбора онаго правленія не принадлежитъ, учиненнымъ прошлаго 1789 г., ноября 23 д., опредѣленіемъ заключило: по резонамъ въ немъ изясненнимъ, отослать тѣ происхожденіи въ сей судъ, съ тѣмъ, чтобы оній въ учиненіи по немъ разсмотрѣнія поступилъ по законамъ, и по разсмотрѣніи подлѣннаго дѣла и опредѣленія уѣзднаго суда, донеслъ тому правленію къ надлежащому опредѣленію о наложеніи на виновныхъ пени или къ вядшему взысканію, буди окажутся и члены уѣзднаго суда учинившими опредѣленіе о выходѣ въ замужье оной дочери г. Милорадовича, точно простирая власть свою въ противность законовъ, и какъ 2-е, за разсмотрѣніемъ въ семъ судѣ оныхъ происхожденій, не оказалось сего, чтобы въ сходство 173 статьи высочайшихъ учрежденій отъ него, Милорадовича, на прописанное уѣзднаго суда опредѣленіе подана была въ сей судъ апеляція или же какая жалоба, то отъ сего суда предоставлено было намѣстническому правленію рапортомъ, что оній безъ такой его, г. Милорадовича, апеляціи прописанного дѣла взять на разсмотрѣніе самъ собою, надъ оную 173 статью высочайшихъ учрежденій, не смѣетъ. 3-е, по сему представленію отъ намѣстническаго правленія предписано было уѣздному Сосницкому суду оное его опредѣленіе по содержанію 200 статей высочайшихъ учрежденій, кому слѣдутъ обя-

вить надлежащимъ порядкомъ и по выполненіи на переносъ дѣлъ обряда, буде пожелаетъ г. Милорадовичъ, поступить даліе по 230 статьи высочайшихъ же учрежденій, и о томъ сему суду за извѣстіе дано знать указомъ; вслѣдствіе чего, 4-е, уѣздный судъ допустя со стороны его, г. Милорадовича, подписать на такомъ опредѣленіи недовольство и выполнить о переносѣ дѣлъ обрядовъ, за выдачаю уже со стороны его жъ, Милорадовича, на оное въ указанной срокъ въ сей судъ апеляцію прислалъ въ сей судъ, въ сіе заведенное въ немъ по сему случаю дѣло; 5-е, зъ сего дѣла оказалось, что оного г. Милорадовича теща, а дочери его Настасіи родная бабка, жена бунч. товар. Настасія Полуботкова, имѣющая свое помѣстье въ уѣздѣ Сосницкомъ, при коей и та дочь его Настасія Милорадовичевна съ малолѣтства находилась (какъ и отъ него Милорадовича въ жалобахъ его изяснено) и она, Настасія Милорадовичевна, поданными въ уѣздный Сосницкій судъ прошеніями представили: съ нихъ, Полуботкова, что онъ, г. Милорадовичъ, по своему пристрастію къ дитинному имѣнію, старался всегда отказывать отзывавшимся къ дочери его многимъ изъ достойныхъ дворянъ женихамъ, не требуя тутъ ни выбора, ни согласія дочери, но самъ и мимо знанія ея, все то производилъ, привелъ еѣ, безъ выдачи въ замужье, въ двадцать слишкомъ лѣтъ и имѣнія онъ, Милорадовичъ, наслѣдственного прописанной дочери своей Настасіи не отдаетъ и въ замужье итти запрещаетъ, стѣсняя еи по одному желанію даліе либо и всегда владѣть имѣніями, ей принадлежащими, ввелъ еѣ въ лѣта, полагаетъ на ея Полуботкову право обмолодить его дочь имѣніемъ и то все удостовѣряетъ представленными при томъ прошеніи письмами отъ него, Милорадовича, къ ней Полуботковой и дочерѣ своей, 1788 г., ноября 24, и 789 г., февраля 8 и 12 числъ писанными, а дочь его Настасія Милорадовичевна, что повинуясь она судбѣ, жизнію всѣхъ людей располающей, предизбрала себѣ въ супружество маіора Ивана Степанова сына Лашкевича и хотя всеповиннѣйше просила отца своего на то благословенія, но отецъ еѣ, Милорадовичъ, по прописаннымъ въ означенномъ бабки еѣ Полуботковой прошеніи обстоятелствамъ, въ томъ ей отказалъ. Не надѣясь же когда получить родителское на то позволеніе, чтобы по высочайшему ея величества 1785 г. декабря 22, состоявшомусь указу ползоваться, ей, Милорадовичевнѣ, свободою совершеннолѣтія, къ чему по лѣтамъ еи, право давно уже ей открылось, за помощію оной бабки, которой воли отъ отца еѣ съ дней малолѣтства еи, она, Милорадовичевна, въвѣренна, ею возращена,

воспитанна и отъ еѣ одной, какъ объ ней пекущейся, зависитъ совершеніе еѣ, Милорадовичевны, блага, о чемъ всемъ изяснивъ, прибѣгая къ законамъ, просили, по силѣ помянутого высочайшаго именного указа и статутовыхъ правъ, роздѣла 3, арт. 39, и роздѣла 5, арт. 8 и 9, въ воспользованіи свободою совершеннолѣтія и въ выходѣ еѣ въ замужье за избранного ею жениха, дворянина хорошихъ достоинствъ маіора Лашкевича, дать ей, Милорадовичевнѣ, урядовое позволеніе—и изъ тѣхъ прозбъ и учиненнихъ по онымъ судовихъ опредѣленій видать ей Милорадовичевнѣ выпись. 6-е, по симъ ихъ прошеніямъ оный уѣздній судъ, усмотря изъ представленнихъ при прошеніи Полуботковой его, г. Милорадовича, писемъ къ ней, Полуботковой, и тоя дочери его Настасіи послѣдовавшихъ, что онъ, Милорадовичъ, согласія своего не полагалъ къ вступленію въ супружество за Лашкевича, не показивая въ нихъ таковому своему несогласію никакой причини и почитая достовѣрнимъ свѣдѣніемъ о нежеланіи его, Милорадовича, къ вступленію дочери его, по изъясненнимъ въ жалобахъ Полуботковой резонамъ, за кого либо въ супружество, учиненнимъ прошлого 789 г. маія 22, опредѣленіемъ заключилъ: на основаніи права книги статуть, розд. 3, арт. 39 и розд. 3 арт. 8 и 9, въ разсужденіи вышеписанныхъ обстоятелствъ, дозволить по собственному еи желанію вититъ въ замужье за показанного маіора Лашкевича и въ томъ видать ей надлежащую урядовую випись; и хотя, 7-е, онъ, г. Милорадовичъ, то уѣздного суда опредѣленіе, на которое взошла отъ сторони его (какъ вышеписанно) и апеляція, называетъ въ жалобахъ своихъ и той апеляціи незаконнымъ, однакъ же оного такимъ почесть неможно по нижеслѣдующимъ резонамъ: 8-е, онъ, г. Милорадовичъ, хотя показиваетъ, что прописанной дочери его Настасіи Лашкевичевой виходить въ замужье, за отзывавшихся до того достойныхъ жениховъ, никогда не препятствовалъ, но за кого именно и кто былъ такой женихъ не обясняетъ; зъ приложеннихъ же его писемъ и по апеляціи со сторони его поданной видно одно его неблаговоленіе къ виходу въ замужье за Лашкевича, не показивая тому никакой правилной причини, почему бы Лашкевичъ не могъ быть дочери его таковимъ женихомъ, за каковихъ не было отъ него, Милорадовича, ей препятствія, то изъ сего ничего другого заключить невозможно, какъ токмо то, что онъ, Милорадовичъ, самъ причиною тому, что дочь его, бывъ уже совершеннолѣтія (sic), не могучи испросить отъ него вступить въ супружество за избранного ею жениха соизволенія, принуждена была прибѣгнуть для того, согласно законамъ, къ уряду, ибо когда

бы онъ, какъ по апеляціи пишетъ, важную причину препятствовать къ виходу еи за Лашкевича въ замужье имѣлъ, (кромѣ владѣнія принадлежащими еи имѣніями, какъ отъ Полуботковой и дочери его уѣздному суду представлено), то бы конечно не проминулъ объ оной ей, Лашкевичевой, при испрошеніи еще позволенія, дать знать или же по крайней мѣрѣ обнаружить оную, хотя уже нинѣ по дѣлу, однакожъ имъ сего не учинено, слѣдовательно и остался въ томъ бездоказателнимъ. Что жъ лежитъ до того, что часто упоминаемое опредѣленіе подписано двумя засѣдателями Демидовскимъ и Максимовичемъ, безъ судьи, кой видѣлъ, что особи, до коихъ опредѣленіе оное относилось т. е. онъ, Милорадовичъ, и дочь его Лашкевичева, ни по имѣнію, ни по своему пребыванію, тому суду подвѣдоми не были, якоби не должни били на то поступити, а особливо въ такое время, когда по высочайшимъ учрежденіямъ присудствію быть не положено, то и сіе его, г. Милорадовича, показаніе правильнимъ почестся не можетъ, потому что тѣ засѣдатели Демидовскій и Максимовичъ, бывъ въ то время по указнимъ дѣламъ въ присудствіи, (какъ зъ репорту уѣздного суда въ намѣстническомъ правленіи на указъ оного последовавшимъ значится), не имѣли причины дочери его, Милорадовича, ищущей отъ уздного суда, яко надлежащаго уряда, въ справедливой своей прозбы удовлетворенія, отказать, а особливо, когда она и пребываніе свое въ томъ уѣздѣ при бабки еи Полуботковой, въ томъ же просившей, съ малолѣтства имѣла; постановляемой же имъ Милорадовичемъ резонъ, что ни по имѣнію, ни по настоящему его пребыванію, не могъ онъ быть тому суду подвѣдомъ, также неправилно, ибо тутъ не объ имѣніи отъ дочери его оному суду прозба простиралась, но о позволеніи, по причинамъ вышепрописаннимъ, къ виходу въ замужье за избраннаго ею жениха Лашкевича, на основаніи вышеписанныхъ правъ, по коимъ урядъ за изисваніемъ достовѣрнихъ свидѣній о причинахъ въ нихъ описаннихъ, имѣетъ право объ ономъ позволеніе дать. Большаго жъ свидѣнія о несогласіи г. Милорадовича на соизволеніе итить упомянутой дочери его въ замужье по точнымъ словамъ, изясненнимъ въ предизображженномъ 9-мъ арт. 5, не обязанъ былъ, яко въ предписаннихъ писмахъ явно онъ нежеланіе свое таковое, какое долженствовалъ забрать бы судъ, обнаружилъ въ писмѣ писанномъ имъ къ дочери, сими словами о г. Лашкевичѣ: нѣтъ отъ меня ни согласія, ни волѣ, ни благословенія моего тебѣ. Сего жъ въ томъ артикулѣ не сказанно, чтобы токмо тотъ урядъ въ дачи таковихъ позволеній, гдѣ кто положеніемъ имѣніе имѣетъ, свою силу долженъ

имѣть, а протчіе нѣтъ. Для того приказали: по всѣмъ вышеписанмымъ обстоятельствамъ предписанное уѣздного Сосницкого суда определеніе, яко не въ противность законовъ, но согласно онимъ учиненное, утвердить. Что жъ лежитъ до претенсіи его, сверхъ всего вышеписанного, въ апеляціи изясненной о дворовомъ его, Милорадовича, человѣку Якову, якобы ею, Лашкевичевою, взятомъ со всѣмъ его семейством, то какъ оная есть сверхъ дѣла и безъ надлежащихъ доказателствъ, то потому оная, такъ какъ и въ протчемъ, нынѣ до разбора сего суда принадлежать не можетъ. За употребленную жъ на сей протоколъ вомѣсто гербовой простую, три листа бумагу подлежащіе 30 коп. денги для причисленія онихъ въ казенний доходъ, взискать съ него, г. Милорадовича, и сей протоколъ ему, г. Милорадовичу, надлежащимъ порядкомъ обявить, а намѣстничеескому правленію о всемъ вышеписанномъ отрапортовать. На подлинномъ тако: Андрей Рачинскій, при своемъ мнѣніи. Андрей Дергунъ. Григорій Лишень, при своемъ мнѣніи. Григорій Великошапка. Николай Рославецъ. Василій Короткевичъ.

1796 года, декабря 16, сей протоколъ г. генерала-маіора Петра Милорадовича повѣренному кол. асс. Андрею Миллеру въ присутствіи, при откритыхъ дверяхъ, обявливанъ. Секретарь Петръ Хмелникъ. 1790 г., дек. 16, сей протоколъ повѣренний г. ген.-м. Милорадовича слушалъ и онымъ недоволенъ и имѣетъ взнесть въ палату гражданского суда сего намѣстничества апеляцію, въ чемъ и подписался кол. асс. Андрей Миллеръ.

37. Рѣшеніе Новгородсѣверской палаты гражданскаго суда по жалобѣ П. С. Милорадовича на рѣшеніе 2-го департамента Новгородсѣверскаго верхняго земскаго суда. 1791 г., 29 января.

1791 года, генваря 29 дня. По указу ея императорскаго величества, Новгородосѣверскаго намѣстничества палаты гражданскаго суда слушавъ подлинное дѣло, вступившее въ сію палату изъ здѣшняго верхняго земскаго суда, 2-го департамента, на аппеляцію со стороны г. ген.-м. П. С. Милорадовича, на приговоръ того суда о неправильно данномъ Сосницкаго уѣзднаго суда засѣдателями примеръ-маіоромъ Демидовскимъ и корнетомъ Максимовичемъ, отъ лица уѣзднаго суда, позволеніи дочери его, г. Милорадовича, Настасіи вытить въ замужье за отставного сек.-м. И. С. Лашкевича *Приказали:* какъ съ онаго значится, что г. ген.-м. Милорадовичъ,

первіе, Новгородосѣверскому намѣстническому правленію, а затѣмъ, по апелляціямъ, въ верхній земскій судъ и въ сію палату поданнымъ изъяснилъ свою жалобу въ томъ, что теща его, бунч. тов. жена Настасія Полуботкова выпросивъ у его дочь Настасію, его коштомъ и стараніемъ воспитанную и обученную всему тому, чего законъ божескій, честность и характеръ его, требовали, для пріобученія еще хозяйственныхъ управленій, но вомѣсто такова къ хозяйству приобученія, разстроивъ жизнь той дочери его до такой степени, что она отринувъ отъ себя страхъ божій, пустилася на неповиновеніе и огорченіе родителя своего, и, безъ вѣдома и согласія его, нашла женихомъ дочери его упомянутаго Лашкевича, и ознакомивъ оную въ домѣ своемъ съ Лашкевичемъ, старалась всѣми мѣрами о бракосочетаніи ихъ, требуя отъ его г. гем.-м., чрезъ письмо его, на то позволенія, и когда онъ поѣхалъ къ той тещѣ его въ Боровичи, гдѣ она жительствуетъ, а оттоль въ Смячъ гдѣ теща его укрывала дочь его отъ его, г. Милорадовича, для взятья той его дочери къ себѣ, но тамъ не токмо оная ему, ген.-м. Милорадовичу, невозвращена, но еще отъ родственниковъ тещи его обруганъ, обезчещенъ и обиженъ, а дочь его Настасія притворялась больною и выговоривъ сіи слова, что она не въ его отца своего волѣ и не слушаетъ его, наконецъ отъ его, отца своего, скрылась. Затѣмъ же подано отъ оной тещи его ген.-маіора въ уѣздный Сосницкій судъ, маія 22 дня, 1789 года, прошеніе, что будто, по пристрастію его ген.-маіора къ дитинному имѣнію, отказывалъ онъ отзывавшимся къ дочери его женихамъ; равно потому же и послѣднему Лашкевичу отказываетъ, и прилагая въ доказательство три писмы его, Милорадовича, просили на выходъ въ замужье внукѣ ея за Лашкевича позволенія, чего и оная ея внука, и дочь его Милорадовича, чрезъ особо поданное того же числа прошеніе, просила; по тѣмъ прошеніямъ того же самаго числа, какого поданы оныя, уѣзднаго Сосницкаго суда два засѣдателя Демидовскій Максимовичъ, составя изъ себя судъ, учинили опредѣленіе, какъ де уѣздный судъ съ писемъ его, Милорадовича, предвидитъ явное его Милорадовича въ непозволеніи къ выходу дочери его Нистасіи въ замужье препятствіе, повидимому для единственнаго только владѣнія имъ имѣніемъ еи материстымъ и пріобрѣтенія себѣ съ онаго користи, для того и по соизволенію и просьбѣ бабки еи, Милорадовичевны, Полуботковой, дозволить ей Милорадовичевнѣ вытить въ замужье за за взбраннаго ею жениха маіора Лашкевича и по поданной первоначально отъ гем.-м. Милорадовича въ намѣстническое правленіе жа-

лобѣ на двухъ засѣдателей, поступившихъ на таковое опредѣленіе въ противность выраженнымъ въ той его жалобѣ законамъ. Когда намѣстническое правленіе, по взятому отъ суда уѣздного объясненію и по препровожденію въ судъ верхній по сему дѣлу всего происхожденія къ подлежащему въ ономъ разсмотрѣнію и опредѣленію за полученіемъ отъ сего репорта дало знать указомъ верхнему земскому суду, что посланнымъ изъ онаго правленія въ уѣздный Сосницкій судъ указомъ предписано упоминаемое того суда рѣшительное опредѣленіе, учиненное о дозволеніи г. Милорадовича дочери вытить въ замужество, по содержанію высочайшихъ учрежденій 200 статьи, кому слѣдуетъ объявить надлежащимъ порядкомъ и по выполненіи на переносъ дѣла обряда, буде пожелаетъ г. Милорадовичъ, поступить далѣе по по 203 статьи высочайшихъ учрежденій, то судъ верхній земскій по разсмотрѣніи вшедшаго въ оный изъ суда уѣздного, по аппеляціи Милорадовича, опредѣленія и всего происхожденія по сему дѣлу, своимъ приговоромъ утвердилъ оное, (кромѣ двухъ—предсѣдателя Рачинского и засѣдателя Лишня, давшихъ по сему особыя мнѣнія), поставляя резономъ, что тѣ уѣздные засѣдатели не имѣли причины дочери его, Милорадовича, въ прозьбѣ еи отказать, когда она и пребываніе свое въ томъ уѣздѣ, при бабкѣ ея Полуботковой, въ томъ же просившей, съ малолѣтства имѣя, да и прозьба де простиралась не объ имѣніи, но о позволеніи къ выходу въ замужье, изъясняя при томъ содержаніе письма отъ Милорадовича, писаннаго сими словами: большого де свѣдѣнія о несогласіи г. Милорадовича на соизволеніе итить дочери его въ замужье по точнымъ словамъ 9-го арт. розд. 5-го, не обязанъ былъ, яко въ прописанныхъ письмахъ явно онъ нежеланіе свое, такое каковое долженствовалъ судъ забрать, обнаружилъ въ письмѣ писанномъ имъ къ дочери сими словами: о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ меня ни согласія, ни воли, ни благословенія моего тебѣ. Палата же, при ревизіи сего дѣла, находитъ: оба оные, засѣдателей Сосницкаго уѣзднаго суда Демидовскаго и Максимовича опредѣленіе и верхне-земского суда приговоръ—неправильными. Посему 1-е, въ правѣ книгѣ статутъ, розд. 5, арт. 8, въ параграфѣ 2, узаконено: гдѣ бы то случилось, что отецъ дочери своей для имѣній еѣ матерныхъ или маты для имѣній дочери своей отческихъ, подъ владѣніемъ своимъ содержа, оной выдать замужъ не хотѣли, тогда таковая дочь по силѣ арт. 9, сего же роздѣла поступить можетъ, а по оному 9-му артикулу сказано: если бы дѣвица была въ лѣтахъ своихъ, а братья или дяди ея удерживая, не похотѣли замужъ отдавать, то однако жъ сама вольно не имѣетъ ни

за кого итти, но должна дать знать уряду о томъ чрезъ пріятелей или сосѣдовъ или чрезъ кого либо можетъ, а урядъ взявъ о томъ совершенную вѣдомость, что родственники, въ которыхъ въ досмотрѣ она есть, замужъ ее выдавать не хотятъ, имѣетъ ей позволить замужъ итти, то по такому изреченію сего закона надлежало бы нынѣшней Лашкевичевой доказать первіе, сходственно законамъ, нехотѣніе ея родителя для имѣній ея матернстыхъ на выдачу въ замужье, потомъ дать знать о семъ нехотѣніи уряду тому, подъ вѣдомствомъ котораго имѣніе ея родителя и еи по матерѣ ее, ей надлежавшое положеніемъ находится, а сей могъ бы поступить въ забратіи совершеннаго извѣстія по изображенному 9 артикулу, роздѣла 5-го, но напротивъ того, 1-е, чтобъ родитель еѣ, Лашкевичевой, г. ген.-м. Милорадовичъ не видавалъ ее замужъ для имѣнія материстаго, о томъ по дѣлу сему не только нѣтъ достовѣрныхъ доказательствъ, но еще изъ писемъ его, тещею его Полуботковою представленныхъ въ уѣздный Сосницкій судъ, (которымъ верхній земскій судъ даетъ неправильно другій смыслъ), явственна горячая его и сердобольная къ дочери его любовь, отеческое попеченіе и желаніе ей жениха съ превосходнѣйшими дарованіями и что онъ, въ предупрежденіе иногда могущихъ случиться для дочери его непріятностей, не изъявляетъ согласія къ выдачѣ въ замужье за такого жениха, котораго онъ не знаетъ ни дому, ни имѣнія, а въ выборѣ жениха принужденія не дѣлаетъ кромѣ отеческаго совѣта, которымъ наконецъ заключаетъ, что о г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ его ни согласія, ни благословенія въ разсужденіи многихъ и важныхъ причинъ, о которыхъ въ послѣднемъ, отъ 22 февраля 789 года, письмѣ обѣщалъ изъяснить словесно; но по удаленію еѣ, Лашкевичевой отъ своего родителя, не могъ онъ сыскать къ тому случая, слѣдовательно и засѣдатели уѣздного Сосницкаго суда, а послѣдуя имъ и верхній земскій судъ почитаютъ его, г. Милорадовича, интересующимся къ дитинному имѣнію весьма неосновательно и, болѣе сказать, гадательно, въ противность 54 арт., розд. 4, а показанный Милорадовичъ не имѣвъ способу въ уѣздномъ Сосницкомъ судѣ, какъ въ ономъ сіе дѣло начало и конецъ возымѣло, безъ призыву и свѣдѣнія его и по односторонней жалобѣ, оправдатся въ взводимомъ на его отъ тещи и дочери къ имѣнію пристрастіи, въ поданной въ палату аппеляціи, забирается на присягу, что онъ никогда въ имѣніи дочерномъ не интересовался, а болѣе еще своими трудами пріобрѣталъ оное, имѣя двухъ дѣтей сына и ее, въ равной назначалъ подѣлъ и къ тому приглашалъ ее въ свой домъ для раздѣла съ ея братомъ, а его сы-

номъ, имѣнія, равно когда многіе достойные женихи о ней отзывались къ нему, г. Милорадовичу, то онъ въ чувствѣ родительскомъ, желая ей лучшаго блага, не только не препятствовалъ ей выйти въ замужье за достойнѣйшаго, но еще способствовалъ совѣтами и увѣщаніями своими; 2-е, вомѣсто подлежащаго суда, отозвались она, Лашкевичева и ея бабка Полуботкова, о дачи позволенія къ выходу ей въ замужье Сосницкому уѣздному суду, подъ которого судомъ ни имѣнія родителя ея, ни ей самой по матери надлежавшаго, ни она лично на жительствѣ, кромѣ временнаго у бабки ея Полуботковой пребыванія, не состоятъ, какъ удостовѣряютъ при дѣлѣ семъ имѣющіяся письменные доказательства. 3-е, засѣдатели Демидовскій и Максимовичъ, не взирая на то, что по 196 статьи высочайшихъ учрежденій, въ уѣздномъ судѣ засѣдаетъ уѣздный судья и два засѣдателя и въ между роки—безъ судьи, здѣлали отъ лица суда опредѣленіе по одному голословному отзыву бабки Лашкевичевой и ея самой, дать ей, Лашкевичевой, позволеніе выйтить въ замужье, не отобравъ въ сходство права, розд. 5, арт. 9, достовѣрнаго извѣстія о несоглашеніи отца ея для имѣнія, коего узаконеннымъ порядкомъ и получить не могла, по несостоянію отца ея, Милорадовича, въ подсудимости тому суду ни по жительству его въ томъ уѣздѣ, ни по имѣнію, и такимъ образомъ несоблюдши въ точности вышеписаннаго артикула, поступили несходственно 420 статьи высочайшихъ учрежденій, гдѣ узаконено: уѣздного суда власть далѣе того округа, гдѣ учрежденъ не распространяется; хотя же они, засѣдатели, въ опредѣленіи, такъ какъ и верхній земскій судъ въ своемъ приговорѣ, написали, что она Лашкевичева жила при бабкѣ своей Полуботковой, которая о семъ же позволеніи согласна и просила Сосницкаго уѣзднаго суда, то и сіе ихъ разсужденіе неправильно, ибо по арт. 11, роздѣла 5, въ послѣднемъ отдѣленіи, сказано: мать дочерей своихъ безъ совѣта и знанія опекуновъ своихъ въ супружество зговаривать и отдавать не должна, слѣдовательно естьли по сему праву родной матери не позволяется безъ вѣдома и согласія опекуновъ, и дочерей зговаривать и отдавать замужъ, то тѣмъ болѣе бабка не могла безъ воли и согласія родителя, въ живыхъ сущаго, ни зговаривать, ни о позволеніи просить въ уѣзномъ Сосницкомъ судѣ. Для того опредѣленіе уѣзднаго Сосницкаго суда одними засѣдателями, безъ судьи, въ лицѣ суда, и приговоръ верхняго земскаго суда, послѣдовавшіе по одному мнительному ихъ, безъ оправданія его, Милорадовича, и доказательства разсужденію, что якобы онъ для пристра-

стія къ дитинному имѣнію не хотѣлъ дочери своей выдать въ замужье, какъ не по обстоятельствамъ дѣла и не въ сходство вышеписанныхъ законовъ, уничтожить, о чемъ послать и въ верхній земскій судъ указъ, а поповоду, что сему дѣлу изъ уѣзднаго суда теченіе по апелляціямъ дало намѣстническое правленіе и требовало отъ верхняго земскаго суда донесенія, что по разсмотрѣніи окажется, то сообщить о всемъ вышеписанномъ Новгородско-сѣверскому намѣстническому правленію. За издержанную жъ по сему дѣлу въ верхнемъ земскомъ судѣ, вмѣсто гербовой, простую три листа бумагу, по указной цѣнѣ деньги, взыскавъ съ кого слѣдуетъ по законамъ, причислить ихъ въ казенный доходъ, и сіе рѣшеніе объявить обѣимъ сторонамъ за подписками. На копіи тако: Иванъ Селецкій. Иванъ Марковичъ. Иванъ Пулчевскій. Никита Баксій. (?) По листамъ скрѣпилъ секретарь тит. сов. Иванъ Балабанъ. 1791 года, генваря 31 дня, сіе рѣшеніе по извѣренію г. ген.-м. Милорадовича, кол. рег. Андрей Аксюку, при открытыхъ палаты дверяхъ, объявливано. Протоколистъ Степанъ Яценко. 1791 года, генваря 31, сіе рѣшеніе по извѣренію г. ген.-м. Милорадовича слушавъ, и что онымъ доволенъ, въ томъ подписался кол. рег. Аксюкъ. Копію скрѣпилъ по листамъ тит. сов. Иванъ Балабанъ.

Вслѣдъ за жалобой на *засѣдателей* Сосницкаго уѣзднаго суда, за незаконное разрѣшеніе Настасьѣ Петровнѣ повѣнчаться съ Лашкевичемъ, П. С. Милорадовичъ подалъ въ Городницкій уѣздный судъ прошеніе объ *отреченіи* отъ дочери и о томъ, чтобы «она затѣмъ къ материнскому ея имѣнію болѣе не интересовалась».

---

38. Прошеніе П. С. Милорадовича въ Городницкій уѣздный судъ объ отреченіи отъ дочери и о лишеніи ея права на материнское имѣніе. 1789 г., 9 августа.

По титулѣ. Приноситъ жалобу ген.-м. Петръ Степановъ сынъ Милорадовичъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты: 1). По смерти жены моей Софіи Семеновой дочери Полуботковой, осталося трое дѣтей, сынъ Григорій и двѣ дочери Анастасія и Марія; съ оныхъ Марія волею Всевышняго помре, Анастасія жъ будучи немалымъ моимъ коштомъ воспитанна и по прозбѣ мене бабы ея, а моей тещи, живучи въ домѣ ее, совратившися съ пути, закономъ божіимъ и гражданскимъ предустановленнаго дѣтямъ на повиновеніе родителемъ своимъ, пред-

почла мнѣ бабу свою удову Анастасію Степанову Леонтовичеву, дочь Полуботкову, и ближнихъ роду еѣ, оставила и удалилнся, бѣгала и отвращалася отъ меня, и когда въ преслѣдованіи моемъ самоволно, и по совѣту бабы своей и еѣ братовъ, уѣхала съ бабиного дому, изъ села Боровичъ, въ село Смячъ, куда она ѣхала скоропостижно и безстыднымъ образомъ, съ мужикомъ и на мужичихъ саняхъ, въ домъ ст. сов. Фридрикевича, по лучшей тутъ удобности неприлично дѣвичью полу, видѣться и обращаться съ женихомъ своимъ и въ ономъ мною сыскана была, то выговаривала мнѣ, что она есть не въ моей волѣ и не слушаетъ меня, подвергши въ томъ домѣ, яко недоброхотствующемъ мнѣ, по навожденію хозяина онаго и состояніе здоровья моего въ опаснѣйшія слѣдствія, ибо въ ономъ Фридрикевическомъ домѣ я былъ отъ находящойся тамо полковницѣ Софіи Василіевой дочери, съ мужемъ ея отст. полковникомъ Степаномъ Леонтовичемъ, обруганъ собранными отъ оныхъ фридрикевичевыми людми и ихъ служителями атакованъ и до безпредѣлности обезчещенъ, о семъ всемъ явствуя подаваемые отъ мене жалобы къ преосвященнымъ архіереямъ—черниговскому Іерофею и новгородо-сѣверскому Иларіону и въ намѣстническое Черниговское правленіе, а въ уѣздный Городницкій судъ и самые иски; къ томужь обжаловала меня предъ урядомъ губерніи Новгородско-сѣверской уѣзднымъ Сосницкимъ судомъ, противъ совѣсти и честности, заинтересованіемъ якобы къ удержанію материстаго имѣнія, наконецъ же дерзнула противъ волѣ моей и безъ родителскаго благословенія самовольно въ замужье за оного жъ жениха отст. маіора Ивана Степанова сына Лашкевича выйтить. 2). А сверхъ того, она жъ, дочь моя Настасія, къ найгорестнѣйшему меня удрученію, дворового слугу моего по имени Якова, съ женою и съ споженнымъ отъ его ребіонкомъ, съ малолѣтства въ домѣ моемъ воспитаннаго, въ содержаніи коего находилися сребро и всякія столовыя вещи, ключи отъ кладовой и погребъ съ питейнымъ запасомъ, подговорила уйти къ себѣ, котораго приняла и содержитъ у себя, оставивъ меня, находившагося немалое время безъ услуги, и за таковые отъ показанной дочери моей противные всѣмъ законамъ поступки, при старости лѣтъ моихъ презрѣннымъ образомъ, въ позорномъ видѣ, я, отецъ ея, несносно будучи обиженъ и призрѣнъ, оной дочери моей Настасіи, по силѣ закона малороссійскаго, книги статутъ, розд. 8, арт. 7, въ началѣ котораго гласъ повелѣваетъ: изрекаться родителямъ дѣтей своихъ таковыхъ, которые тронутъ ихъ родителей рукою, то есть на тѣлѣ, но оная дочь болѣе тѣлеснаго чувствованія поразила меня при-

чиною и посредствомъ побѣгу ее въ помянутой домъ и скрытіе своего въ ономъ, гдѣ я, какъ выше упомянуто, безъчестіемъ тронутъ и уязвленъ на чести моей, а сверхъ того подговоромъ ея къ побѣгу вышеупомянутого служителя моего къ себѣ, обидимъ нахожусь, изрекаюся оной съ тѣмъ, что она Анастасія и дочерью моею называться да не дерзаетъ. Она жъ дочь моя Настасія, такъ какъ безъ волѣ и благословенія родительскаго, упорнымъ и самовольнымъ образомъ вышедшая въ замужье, недвижимаго материстаго имѣнія, части на ней спадавшей, въ силѣ законовъ права малороссійскаго, розд. 5, арт. 8, лишается, и какъ она, дочь моя, противозаконною поступкою своею въ недвижимомъ материстомъ имѣніи право свое потеряла, то посему оному недвижимому жены моей материстому имѣнію остается одинъ законный наслѣдникъ сынъ мой, надв. сов. Григорій Милорадовичъ, и чтобъ показанная Лашкевичева до сына моего ни подъ какимъ предлогомъ за оное имѣніе дѣла и никакой претенсіи не имѣла, симъ прошу, дабы повелѣно было сію мою жалобу намѣстничества Черниговскаго въ уѣздномъ Городницкомъ судѣ принять, записать и содержать въ цѣлости; чтобы же показанная дочь моя, въ послѣдней уже разъ сіе securityваніе получающая, къ прописанному имѣнію не интересовалася, о семъ здѣлать по вышеписаннымъ и другимъ законамъ на таковый случай имѣющимся, опредѣленіе, всемилостивѣйшая государиня, прошу вашего императорскаго величества по сей моей жалобѣ рѣшеніе учинить. 1789 г. августа 9 числа. Къ подачѣ подлежитъ въ уѣздный Городницкій судъ. Къ сей жалобѣ ген.-м. Петръ Милорадовичъ руку приложилъ.

Засимъ на прошеніи значится: «1789 г., августа 17. Опредѣлили: какъ проситель, г. ген.-м. Петръ Степановичъ Милорадовичъ, жалобою своею, въ которой онъ означаетъ неблагопристойные поступки дочери его, вышедшей нынѣ въ замужье за отст. маіора Ивана Лашкевича, Настасіи Лашкевичевой подалъ въ сей судъ персонално и за тою подачею, когда оная жалоба въ присутствіи суда при битности его г. Милорадовича прочтена, онъ во всемъ написанномъ въ той жалобѣ, не отмѣняя ничего, въ точности ея утверждая, сознаъ изрекательство свое отъ оной Анастасіи дочери своей, съ тѣмъ заключеніемъ, чтобы оная за показанное ему ея отвращеніе, презрѣніе, непослушаніе, показанные грубости и потому жъ что онъ г. Милорадовичъ причиною ея Настасіи бытія въ домѣ г. ст. сов. Григорія Григоріевича Фридрикевича, въ которой она нарочито съѣхала и тамо отъ онаго укрывалася, обруганъ и до безпредѣльности обезчещенъ,

также безъ волѣ и благословенія его отческаго, выходъ въ замужье за показаннаго маіора Лашкевича, ве дерзала впредъ называтся дочерью его, а за сей послѣдній поступокъ, что самовольно поступила выйтить въ замужье, лишаетъ еи имѣнія части и въ томъ всемъ основывается онъ, г. Милорадовичъ, на правахъ статута, розд. 8, арт. 7, и розд. 5, арт. 8; въ сихъ же правахъ—въ первомъ, за обиду отъ дѣтей родителемъ причиненную, отрекаться родителемъ дозволено, а по 2-му, сказано: буде бы дѣвица безъ волѣ отца и матери пошла замужъ, таковая лишается посага и имѣнія отческаго и материстаго, такоже и спадковъ, а естли бы въ отца одна была, тогда отеческіе и материстіе имѣнія на близкихъ наслѣдниковъ, мимо таковой дѣвицѣ самой и потомковъ ея, спадаютъ. Для того показанную жалобу по силѣ вышеписанныхъ правъ учиненную и персонально по вышеписанному предъ судомъ сознанную и утвержденную, оставляя въ изображенной ея силѣ, для предбудущой надобности вписать въ крѣпостную книгу, на троичные сего года роки заведенную, въ точности, отъ слова до слова, и о семъ просителю г. генер.-маіору Милорадовичу или отъ его уполномоченному обявить.

Вѣроятно, это прошеніе П. С. Милорадовича вызвало со стороны его дочери печатаемую за симъ *улиточную запись*, которою она права свои на материнское имѣніе передала мужу.

---

39. Улиточная запись Настасьи Петровны Лашкевичъ на материнское имѣніе мужу своему И. С. Лашкевичу. 1790 г., 11 іюля.

1790 года, іюля 14 дня. Я, дочь ген. м. Петра Степановича Милорадовича, жена маіора Ивана Степановича сына Лашкевича, чрезъ сіе сознаю, что по смерти матери моей Софія Милорадовичевой осталнсь въ наслѣдіе мнѣ и родному брату моему Григорію Петровичу Милорадовичу собственныя ея матери нашей недвижимыя и движимыя имѣнія въ нынѣшнемъ Черниговскомъ намѣстничествѣ, въ уѣздѣ Черниговскомъ, д. Криничное, съ приписными къ ней руднями, въ Городницкомъ уѣздѣ, въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ, именно: Боханѣ, Веселейкахъ, Вереблевѣ, Высокинѣ, Голобурдахъ, въ Духовской слободѣ, въ Довгунахъ, въ Злѣевѣ, въ Кухарахъ, въ Коробкахъ,

въ Кротынѣ, въ Любечѣ, въ Лопатняхъ, въ Монькахъ, въ Мохначахъ, въ Мысахъ, въ Новоселкахъ, въ Пищикахъ, въ Петрикахъ, въ х. Разсудовскомъ, въ Радулѣ, въ Радьковкѣ, въ Сидоровскомъ, въ Семендѣяхъ, въ Сенькахъ, въ Степановкѣ, въ Сваричовкѣ, въ Убѣжичахъ и въ другихъ мѣстахъ, а особливо записанные матери моей за внесенье отъ ея мужа, а моего отца, реченнаго Милорадовича, со крестьяны обоего пола съ ихъ селеніями, имуществомъ, съ землями, съ хуторами, съ мельницами, съ разными угодіями, съ заводами и всѣми и всякими принадлежностьми, платами и доходами, недвижимые и движимые имѣнія, со дня смерти матери моей донынѣ остаются во владѣніи показанныхъ отца моего и брата, съ коихъ я, какъ при моемъ малолѣтствѣ, такъ и пришедши въ совершенные лѣта, надлежащаго снабдѣнія и содержанія не получала, да и по выходѣ въ замужество, надлежащей мнѣ со всего того наслѣднаго моего имѣнія и ихъ доходовъ половинной части и ничего нимало отецъ и братъ по моимъ отзывамъ, прошеніямъ и требованіямъ, не отдаютъ мнѣ и отдать наклонности не имѣютъ, чѣмъ привели меня къ необходимости сей, что я принуждена чрезъ судебныя мѣста доходить теперь въ всемъ показанномъ имѣній надлежащей мнѣ по законамъ половинной части; но, какъ по женскому состоянію моему, не въ силахъ я лично въ судебныхъ мѣстахъ производить о семъ дѣло, для того все право мое, служащее мнѣ по наслѣдію, на отысканіе помянутыхъ наслѣдственныхъ имѣній моихъ, платъ и доходовъ съ оныхъ и на вѣчный раздѣлъ оныхъ-же имѣній съ братомъ моимъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ уливаю мужу моему, маіору Ивану Лашкевичу, съ такимъ уполномочіемъ, что онъ, мужъ мой, силенъ и воленъ самъ собою лично, или чрезъ уполномоченныхъ отъ себя, о томъ наслѣдномъ имѣніи моемъ, по раздѣлѣ онаго съ братомъ, произвесть въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ искательство, и въ случаѣ споровъ учинить доказательство, доходить рѣшенія, выслушать оное, въ надобномъ случаѣ возымѣть и продолжать до высшихъ судебныхъ мѣстъ, начавъ отъ уѣзднаго суда по порядку хотя-бы и до правительствующаго сената аппеляціи; а когда настанетъ случай къ вѣчному дѣлежу съ братомъ моимъ всѣхъ наслѣдныхъ имѣній нашихъ, добровольно или по судовому рѣшенію, то и оный дѣлежъ ему-жъ, мужу моему учинить, дѣлчіе подписать, въ судѣ сознать и принадлежащую на меня часть принять въ мое владѣніе, а что мужъ мой или отъ него уполномоченные въ судебныхъ мѣстахъ и при дѣлежѣ вѣчномъ учинатъ, взыщутъ, или утратятъ,—я въ томъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LI.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 Декабря 1895 года.

Слово о полку Игоревѣ, какъ памятникъ дружинной поэзіи древней Руси.

(по поводу исполнившагося столѣтія со времени открытія его) [1].

Въ моменты сильнаго подъема національнаго самосознанія и чувства не разъ видала исторія случаи, какъ представители національной идеи, для возбужденія духа согражданъ прибѣгали къ литературнымъ воздѣйствіямъ, иногда выдвигая исподспуда давно забытыя піесы, носящія въ себѣ элементы древне-народныхъ началъ, а иногда даже прибѣгая къ литературной фальсификаціи—къ поддѣлкѣ піесъ въ духѣ старыхъ національныхъ сказаній. Мы не станемъ доказывать теперь, нужно-ли обвинять или оправдывать эти фальсификаты въ литературѣ—вопросъ это слишкомъ сложный и затрогивающій такія имена, которыя не позволяютъ относиться къ нимъ съ положительными или отрицательными сужденіями, составленными наскоро; дѣлать-же подробный анализъ мы не считаемъ теперь себя вправѣ, да къ тому же это не входитъ и въ наши задачи. Заговорили мы объ этомъ вопросѣ ввиду совсѣмъ иныхъ комбинацій нашей мысли, а особенно ввиду тѣхъ теплыхъ словъ, которыя только что были выслушаны нами объ одномъ изъ дѣятелей на нивѣ національнаго возрожденія славянства—П. Шафарикѣ [2]).

Нашъ русскій національный вопросъ, наши стремленія къ подъему національнаго сознанія въ разныхъ областяхъ Руси—

[1]) Читано въ торжественномъ засѣданіи Историческаго Общества Нестора Лѣтописца 29-го октября 1895 г.

[2]) Читанъ былъ рефератъ о. П. Шафарикѣ въ томъ-же засѣданіи.

имѣли свои, такъ сказать, интервалы, то съ большей, то съ меньшей силой выдвигавшіе эти національныя задачи; но основаніемъ для нихъ въ новое время, какъ извѣстно, служили гуманно-просвѣтительныя идеи прошлаго вѣка, тѣ идеи, которыя естественно выдвинули впередъ вопросъ о меньшей братіи, о томъ народѣ, на которомъ зиждется все ученіе о національномъ самознаніи. Тогда-то именно, въ концѣ прошлаго вѣка, дѣятельность и энергія отдѣльныхъ лицъ много сдѣлали для національнаго дѣла на Руси, выдвинувъ изъ мрака забвенія и изъ архивной пыли массу цѣнныхъ матеріаловъ, какъ свидѣтелей нашей старой національной культуры; выдвинули они и тотъ презрѣнный въ свое время матеріалъ народно-поэтическаго творчества, изученіемъ котораго такъ гордится теперь наша современная жизнь. И то, и другое сослужило свою службу дѣлу нашего національнаго возрожденія, подготовляя и науку, и литературу, и общественность къ новымъ формамъ, къ новымъ пріемамъ. Но не пришлось этимъ дѣятелямъ прибѣгать къ исключительнымъ средствамъ подъема національнаго духа, къ тѣмъ литературнымъ фальсификаціямъ, о которыхъ выше мы сказали; не пришлось прибѣгать потому, что наша долго забывавшаяся старина и безъ фальсификацій въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшнаго вѣка выдвинула изъ мрака вѣковъ такія національныя богатства, знакомство съ которыми современной публики могло сослужить свою службу естественнымъ путемъ. Въ ряду этихъ сокровищъ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ знаменитому *Слову о Полку Игоревѣ*, найденному въ 1795 году, ввиду чего наше общество, имѣющее патрономъ своимъ *лѣтописца Нестора*, не можетъ въ сегодняшнемъ засѣданіи, заканчивающемъ отчетный 1895-й годъ, не удѣлить нѣсколькихъ минутъ бесѣдѣ о томъ памятникѣ, имя котораго извѣстно теперь каждому образованному русскому человѣку, но стало наново извѣстно въ русскомъ мірѣ *ровно сто лѣтъ тому назадъ*.

Памятникъ „Слово о полку Игоревѣ“ сразу по отысканіи своемъ поставленъ былъ на значительную высоту по своему значенію; доказывается это не только тѣмъ, что сейчасъ-же всѣ

лучшія силы того времени принялись за изученіе его, но и тѣмъ, что уже первый издатель его, случайно купившій рукопись у архимандрита Іоиля и самъ мало даже принимавшій участія въ научныхъ примѣчаніяхъ къ „Слову“, не пожелалъ уступить чести изданія славному работнику въ этомъ дѣлѣ, Малиновскому, и замѣнилъ уже приготовленный было къ печати текстъ предисловія такими словами: „подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежитъ издателю сего (въ примѣч. Г. Дѣйствит. Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину), который черезъ старанія свои и просьбы къ знающимъ достаточно россійскій языкъ доводилъ черезъ нѣсколько лѣтъ приложенный переводъ до желанной ясности, и нынѣ по убѣжденію пріятелей рѣшился издать оной въ свѣтъ“. Но еще раньше изданія самаго памятника (1800 г.), два года спустя послѣ его открытія, т. е. въ 1797 году въ журналѣ „Spectateur du Nord“ появилось первое печатное извѣстіе о немъ, гдѣ „Слово“ приравнивалось къ Оссіановымъ поэмамъ, и гдѣ между прочимъ встрѣчаемъ и такую сильную и мѣткую характеристику его: „слогъ исполненный силы, чувства величайшаго героизма, разительныя изображенія, почерпнутыя изъ ужасовъ природы—составляютъ достоинства сего отрывка“. Съ такимъ пониманіемъ этого памятника началось знакомство съ нимъ, и съ такимъ толкованіемъ его, какъ произведенія въ Оссіановомъ духѣ, вступилъ онъ въ исторію русской словесности, послѣ отпечатанія его въ 1800 году. По крайней мѣрѣ, первые издатели его въ предисловіи, говоря, что „въ семъ оставшемся отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣнъ духъ Оссіановъ“, прибавляютъ: „нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей поэмѣ выраженій, могущихъ навсегда послужить образцомъ витійства“. Однимъ словомъ, вначалѣ, высоко цѣня достоинство этого памятника, хотѣли видѣть въ немъ, съ своеобразной точки зрѣнія, не то, чѣмъ стали дорожить впослѣдствіи; думалось тогда основывать величіе національной идеи на существованіи въ древней Руси какихъ-то величественныхъ пѣснопѣній своихъ бардовъ, между тѣмъ какъ впослѣдствіи всю силу и значеніе

этого памятника пришлось утвердить на началахъ народно-поэтическаго творчества нашей старинной поэзіи дружинниковъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но появленіе „Слова“ въ печати пробудило трудъ и энергію въ разработкѣ и уясненіи этого памятника, особенно при тѣхъ условіяхъ, что самая рукопись вскорѣ погибла во время пожара московскаго въ 1812 г., равно-какъ погибли безъ слѣда и первыя работы изслѣдователей ея: гр. Мусина-Пушкина и Малиновскаго, послѣ смерти которыхъ найдены лишь незначительные остатки; погибла во время наводненія въ Петербургѣ 1824 г. и первая кропотливая работа профессора Тимковскаго, который, послѣ долгаго изученія памятника, готовя свой трудъ къ печати, писалъ, что только три мѣста во всемъ „Словѣ“ затрудняютъ его въ объясненіи. И такъ, въ самомъ началѣ почти готовъ былъ исчезнуть тотъ образецъ древней нашей поэзіи, по поводу котораго знаменитый Вальтеръ Скоттъ выразилъ удивленіе, что русскіе такъ мало умѣютъ понимать и цѣнить свои лучшія произведенія. Но эта первая неудача памятника, можетъ быть, и была тѣмъ толчкомъ къ его настойчивому дальнѣйшему изученію, благодаря которому всѣ лучшія имена историковъ, литераторовъ, лингвистовъ и поэтовъ текущаго столѣтія связаны съ Словомъ о полку Игоревѣ. Особенно сильно двинулась впередъ разработка ввиду того, что наша скептическая школа сдѣлала серьезный вызовъ наукѣ, заподозривъ этотъ памятникъ въ подлинности и въ безусловной древности, для чего появились и нѣкоторыя основанія, такъ какъ, послѣ гибели отысканной рукописи, нашлись коммерсанты-фальсификаторы, доставлявшіе подложные списки „Слова“. Послѣ долгихъ споровъ и разслѣдованій, въ концѣ концовъ подлинность „Слова о полку Игоревѣ“ была установлена прочно и незыблемо; оставалось только выяснить, съ какого рода памятникомъ древне-русской письменности мы имѣемъ дѣло, да привести къ истолкованію всѣ тѣ темныя мѣста, которыми, благодаря своей замысловатой судьбѣ, переполненъ онъ отъ начала до конца. Не стану я утомлять вашего вниманія перечисленіемъ хотя бы даже только важнѣйшихъ изслѣдователей этого памятника и ихъ разнообразныхъ толкованій болѣе выдающихся мѣстъ его,

но я не считаю себя вправѣ пройти молчаніемъ указаніе тѣхъ главныхъ теорій, которыя были разновременно высказаны въ этихъ изслѣдованіяхъ.

Открытіе „Слова" произошло въ тѣ годы, когда на западѣ было полное увлеченіе Оссіановыми поэмами, и потому неудивительно, что, какъ мы видѣли, сразу это „Слово" поставлено было въ параллель съ Оссіановымъ творчествомъ; „много усилій и трудовъ—говоритъ г. Барсовъ—было потрачено на это сближеніе, но въ концѣ концовъ оказалось, что „Слово" такъ-же мало походитъ на Оссіана, какъ Арапъ на бѣлаго Европейца".

Другая теорія, благодаря которой дано было много толкованій явленіямъ старой литературы на западѣ Европы, была миѳологическая, Гриммовская; этой теоріи тоже суждено было оказаться примѣненной къ толкованію Слова о полку Игоревѣ, и она, въ трудахъ Буслаева, дѣйствительно много свѣта пролила на нашъ памятникъ, особенно въ статьѣ „Русская поэзія XI и начала XII в." [1]). Онъ выяснилъ, что „если историческіе факты дали содержаніе слову, то поэтическое преданіе было для сочинителя вдохновеніемъ и что *миѳологическія повѣрья* составляютъ душу этого произведенія".

Затѣмъ, далѣе, подъ вліяніемъ теоріи историко-сравнительнаго метода, начались у насъ изслѣдованія въ духѣ аналогій и сравненій, иногда переводившихъ вопросъ о „Словѣ" на шаткую почву. Такъ напримѣръ, кн. Вяземскій въ своемъ капитальномъ трудѣ, сближая „Слово" съ произведеніями европейскихъ народовъ, пришелъ къ убѣжденію, это авторъ „Слова" составилъ его подъ вліяніемъ Гомера и троянскихъ сказаній, а также подъ вліяніемъ знакомства своего съ разными мистическими ученіями древности. Такова же гипотеза и В. Миллера, признавшаго для „Слова" византійско-болгарскій прототипъ, не въ формѣ только общаго знакомства пѣвца „Слова" съ произведеніемъ болгарской и византійской книжности, но въ видѣ почти слѣпого, рабскаго подражанія.

Этотъ же историко-сравнительный методъ повелъ, впрочемъ изслѣдованія надъ „Словомъ" и по иному пути: признавая, что

[1]) Напечат. въ Лѣтопис. Русск. Литер. Тихонравова.

авторъ Слова былъ человѣкъ книжный, начитанный, можно допустить, что онъ не чуждъ былъ и народной стихіи, той народной поэзіи, среди которой онъ могъ выростать, мужать и не отрозниться отъ нея и во всю послѣдующую свою жизнь. Въ этомъ отношеніи громадная услуга для уразумѣнія „Слова“ была оказана покойнымъ А. Потебней, который, при своей громадной эрудиціи, далъ массу параллелей къ выраженіямъ „Слова“ изъ народной поэзіи всѣхъ славянскихъ націй. Мысль объ этой народной стихіи въ „Словѣ“ не нова; ее чувствовали, хотя не могли уловить, сбиваясь въ сторону исканія Оссіанова духа, такіе изслѣдователи, какъ Грамматинъ, Полевой, хотя послѣдній уже, правда робко, заявляетъ: „языкъ Слова русскій, *украинскій*, но возведенный въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣснѣ“. Эту же народную стихію въ Словѣ отмѣчали и Максимовичъ, и Буслаевъ, и мн. другіе; но повторяемъ—это было только предвѣстіе болѣе твердой постановки вопроса о томъ, что же такое по своему происхожденію, по своимъ первоосновамъ нашъ знаменитый памятникъ конца 12-го вѣка. Къ подведенію итоговъ по этому вопросу мы теперь и обратимся.

Кажется, теперь не можетъ уже быть споровъ о томъ, что „Слово о полку Игоревѣ“ есть произведеніе *личное* и притомъ *книжное*, т. е. переводя это на современную терминологію—это *художественная поэзія*. Но гдѣ же и въ какой средѣ зародилась, выросла и разцвѣла эта древняя художественная поэзія?

Если бы мы въ „Словѣ“ увидѣли преобладающимъ тонъ христіанской морали, религіозныхъ лирическихъ настроеній, мы бы не затруднились сразу сказать, что памятникъ этотъ есть продуктъ генія того стариннаго нашего книжника, съ которымъ мы хорошо знакомы по многимъ образцамъ древней письменности русской; но въ томъ-то и дѣло, что какъ самый сюжетъ, такъ и характеръ разработки его, а тѣмъ болѣе совершенно иной стиль—есть свидѣтели того, что иная среда породила это поэтическое сказаніе, что невѣдомый авторъ—пѣвецъ „Слова“—не новичокъ въ этомъ дѣлѣ, не прокладыватель новой дороги въ

творчествѣ, а человѣкъ уже прочно, на твердыхъ ногахъ стоящій и имѣющій не зыбкую почву подъ собою.

Эта иная среда книжниковъ нашихъ старинныхъ есть тотъ второй кругъ интеллигенціи древне-русской, который группировался не около церкви и ея интересовъ, а около князя и дѣлъ общественныхъ, политическихъ,—иными словами—это была дружина княжеская, тотъ, можно сказать, блестящій кругъ тогдашняго великосвѣтскаго общества, который, будучи христіаниномъ въ душѣ, въ то-же время на первую очередь своей жизни ставилъ вопросы своего свѣтскаго бытія. Это были люди, съ одной стороны, книжные, начитанные, вѣроятнѣе всего—византійски-образованные, но съ другой—люди, не порвавшіе связей ни съ народомъ, ни съ его обычаями, ни съ его языкомъ, ни съ его пѣсней. Эта связь съ народомъ совершенно естественна въ то время, когда сама жизнь принуждала князя и его приближенныхъ дружинниковъ быть постоянно вмѣстѣ съ простыми воинами, совершая съ ними походы, проводя ночи въ открытомъ полѣ, вмѣстѣ коротая подчасъ длинно идущее время, раздѣляя другъ съ другомъ и горе, и радость. Не говоря уже о такихъ князьяхъ, какъ Святославъ, въ туманѣ сѣдой старины мелькающій съ своими привычками простого воина,—мы вспомнимъ другого, позднѣйшаго князя, вполнѣ историческаго, Владиміра Мономаха, который дѣтямъ своимъ указываетъ тотъ же самый порядокъ отношенія князя къ простымъ воинамъ. „На войну вышедъ, не лѣнитеся"—говоритъ онъ—„ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожа сами наряживайте, и ночь отовсюду нарядивше, около вои тоже лязите". Естественно, что въ такихъ условіяхъ быта дружинникъ старый, будучи книжнымъ, культурнымъ человѣкомъ, постоянно находилъ для себя питательные, живительные соки не только въ книжности, но и въ живомъ матеріалѣ народной мудрости, народнаго слова и даже народныхъ обычаевъ. Если же среди такихъ дружинниковъ оказывались прирожденныя поэтическія натуры, люди съ порывами фантазіи, то они для своего творчества брали матеріалъ, съ одной стороны, изъ запасовъ своей книжности, а съ другой—изъ обширнаго круга народнаго пѣснотворчества, народныхъ сказаній, которыя, конечно, въ

тѣ старыя времена были гораздо сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ, постепенно выростала въ нашей Кіевской Руси та поэзія, которая корнями держалась въ своей родной, національной почвѣ и питалась своими живительными соками, а свои ростки, свои вѣтви подвергала культивированію путемъ научныхъ воздѣйствій, путемъ книжной искусственности. Нѣсколько вѣковъ могло пройти въ этой постепенной культурной работѣ, и въ результатѣ получилась та гармонія частей въ нашей пѣснѣ о полку Игоревѣ, которая до сихъ поръ заставляетъ насъ удивляться красотѣ и силѣ поэтическаго таланта, но въ то-же время до сихъ поръ составляетъ загадку въ отысканіи границъ между этими двумя стихіями, книжной и народной, такъ гармонично слившимися одна съ другой. Подобно тому, какъ въ нашей новой литературѣ мы опредѣляемъ извѣстные періоды въ развитіи литературныхъ вкусовъ и пріемовъ, въ совершенствованіи стиля и пр.,—такъ точно можно было бы, вѣроятно, указать такіе періоды въ старой нашей поэзіи, если бы мы имѣли подъ руками хотя частичку тѣхъ сказаній, тѣхъ *трудныхъ повѣстей*, тѣхъ *Бояновыхъ пѣснопѣній*, о которыхъ только мимоходомъ знаемъ мы то изъ лѣтописей, то изъ упоминаній автора „Слова". Но всесокрушающее время весь этотъ цѣнный матеріалъ нашей дружинной поэзіи уничтожило, и только счастливая случайность выбросила намъ изъ бездны забвенія одну пѣснь о походѣ Игоря, лишивъ насъ возможности работать, стоя на твердой почвѣ реальныхъ данныхъ, а принудивъ доискиваться истины, пускаясь въ безбрежный океанъ гипотезъ. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ мелькнулъ какъ-будто лучъ надежды, благодаря отысканному отрывку тоже старинной повѣсти, вѣроятно начала 13 вѣка—это Слово о погибели Русской земли, но, во 1-хъ, слишкомъ маленькій обрывокъ этой повѣсти сохранился, а во 2-хъ, это сказаніе сѣверно-русское, не имѣющее органической связи съ поэзіей дружинно-кіевской.

И такъ, если считать рѣшеннымъ уже въ наукѣ вопросъ о двухъ стихіяхъ въ древней нашей поэзіи, то изслѣдователямъ приходится опредѣлить характеръ этого смѣшаннаго стиля. Ме-

тодъ работы приблизительно слѣдующій: для опредѣленія книжной стихіи надо дѣлать кропотливое сличеніе словъ и выраженій въ пѣснѣ о походѣ Игоря съ памятниками древне-русской письменности, можетъ быть даже совсѣмъ иного характера; для опредѣленія же народной стихіи въ „Словѣ“ надо дѣлать такое-же сопоставленіе съ извѣстными намъ теперь произведеніями народнаго русскаго ума. Если въ первой области не легко разбираться, благодаря кропотливости работы, то во второй—къ этой трудности прибавляется еще и шаткость почвы подъ ногами, т. к. народныя піесы мы беремъ не современныя „Слову“, а современныя намъ, т. е. пользуемся матеріаломъ не вполнѣ соизмѣримымъ, а кромѣ того, какъ выясняетъ фольклорный методъ изученія народныхъ піесъ, никогда нельзя ручаться, что данная черта въ піесѣ есть результатъ національныхъ особенностей, а не отголосокъ общихъ законовъ народной психологіи, иногда находящейся подъ вліяніемъ и книжныхъ воздѣйствій.

Я не стану утомлять вашего вниманія перечнемъ того, что сдѣлано уже въ наукѣ для этихъ разъясненій и установленій границъ книжной и народной стихіи въ „Словѣ о полку Игоревѣ“,—да это и не составляетъ цѣли моего сегодняшняго чтенія; я только укажу, какъ на образецъ такой разработки, на капитальный трудъ г. Е. Барсова [1]), въ которомъ установлены сближенія книжныхъ элементовъ въ „Словѣ“, и на работу А. Потебни [2]), гдѣ дано много сближеній съ народной струей, сквозящей въ этомъ памятникѣ. Эта работа А. Потебни, при всей цѣнности своей, не исчерпываетъ, какъ намъ кажется, всего того матеріала, надъ которымъ еще предстоитъ потрудиться, а именно: еще не подведены итоги ни лексическому матеріалу въ „Словѣ“, при сопоставленіи его съ народнымъ, особенно южно-русскимъ, ни тѣмъ болѣе матеріалу ввидѣ поэтическихъ картинъ и образовъ, метафоръ, сравненій и проч., встрѣчающихся какъ въ нашемъ памятникѣ, такъ и въ народныхъ пѣсняхъ, особенно ма-

---

[1]) Е. В. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси. М. 1887 г. Т. 1 и 2. (въ 1 томѣ гл. 3).

[2]) А. Потебня. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ. 1878 года.

лорусскихъ. Когда эта работа будетъ закончена, тогда, вѣроятно, будетъ рѣшенъ вопросъ безповоротно и о присутствіи народной малорусской стихіи въ „Словѣ“, теперь, хотя правда изрѣдка, но все же отрицаемой.

Этимъ послѣднимъ положеніемъ нашимъ мы подошли къ тому вопросу, который наиболѣе можетъ быть названъ интереснымъ въ связи съ „Словомъ о полку Игоревѣ“. Какъ объяснить, что „Слово“, появившись въ концѣ 12-го вѣка какъ-бы для того, чтобъ доказать, какого высоко-художественнаго творчества достигла древне-русская поэзія, совершенно не оставляетъ послѣ себя наслѣдниковъ, хотя бы въ ничтожной долѣ, напомнившихъ намъ своего предка? Главную причину указываютъ обыкновенно въ фактѣ паденія послѣ татарскаго погрома *кіевской дружинной Руси.* Безусловно, нельзя не согласиться съ этой причиной; но разъ признать ее, то нужно, какъ намъ кажется, отказаться отъ мысли видѣть остатки дружинной поэзіи на сѣверѣ Россіи, въ Заокской области.—Нужно отказаться—говоримъ мы—потому, что всѣ эти сѣверныя повѣсти есть или слѣпое, рабское и притомъ въ высшей степени неискусное подражаніе „Слову“, или созданіе совсѣмъ иного духа и направленія. Можно при сличеніяхъ этихъ повѣстей со „Словомъ“ найти цѣлый рядъ сходныхъ словъ, оборотовъ, выраженій, какъ напримѣръ— въ Задонщинахъ, но не найти въ нихъ того основного тона, того духа, того стиля, которыми сразу поражается слухъ всякаго читающаго „Слово о полку Игоря“. Почему же такъ? А потому, что художественно-поэтическій стиль, поэтическіе образы и картины вырабатываются обыкновенно подъ вліяніемъ многихъ элементовъ, въ теченіе долгаго періода дѣйствующихъ на умы пишущей братіи,—сюда входятъ и народно-бытовыя черты, и условія общественной формы жизни, и книжныя вліянія; Южная Русь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ успѣла выработать этотъ стиль, основанный на близкомъ сліяніи народнаго и книжнаго началъ. Когда же нить южной письменности временно оборвалась, а культурный центръ началъ формироваться на сѣверѣ, гдѣ книжники-поэты оказались безъ традицій того поэтическаго творчества, которое такъ блистательно начато было на

югѣ,—тогда эти книжники очутились съ церковной письменностью въ рукахъ, съ религіозными идеалами въ мысли и попробовали съ этими данными создавать *новую поэзію.* Но тутъ имъ пришлось испытать отсутствіе своихъ поэтическихъ традицій, какъ по содержанію, такъ и по самому стилю, и они пустились въ подражаніе старымъ кіевскимъ образцамъ. Это неестественное положеніе сѣверныхъ поэтовъ и дало въ результатѣ тотъ *пустоцвѣтъ* въ поэзіи, который мы видимъ въ „Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ“ и въ „Задонщинѣ“, и который въ попыткахъ подражать „Слову о полку Игоревѣ“ являетъ собой жалкую гримасу. Однимъ словомъ, нашъ памятникъ есть результатъ южнорусской стихіи, отражавшейся какъ въ бытѣ дружинниковъ, такъ и въ той родной національной рѣчи, которая съ молокомъ матери воспринималась ими и при всѣхъ дальнѣйшихъ поворотахъ въ жизни не составляла для нихъ чуждаго элемента.

Теперь еще одинъ вопросъ. Исчезла-ли совершенно въ южной Руси эта традиція народнаго начала въ поэтическомъ художественномъ творчествѣ, которую мы видѣли прочно установившеюся въ дружинный княжескій вѣкъ? Извѣстно, что однородныя условія быта даютъ въ результатѣ и однородныя послѣдствія. Когда же южная Русь вторично переживала своего рода дружинный вѣкъ? Не трудно отвѣтить, что нѣчто подобное пережила затѣмъ Украина козацкая, тоже сближавшая интересы старшины козацкой съ простымъ народомъ, тоже принуждавшая ихъ совмѣстно совершать походы, жить одною трудовою жизнью. Спрашивается теперь, не было ли въ этотъ періодъ повторенія, хотя бы отчасти, того факта, какой мы видѣли въ дружинной кіевской поэзіи старой Руси? Отвѣтъ на этотъ вопросъ еще только намѣчается въ той прекрасной работѣ нашего сочлена П. И. Житецкаго [1]), которая не рискуетъ еще прямо и опредѣленно протягивать непрерывную нить между формами жизни княжеской и козацкой Руси, но почву для этого вполнѣ рас-

[1]) Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Кіевъ 1893 г.

чищаетъ, устанавливая, что козацкая дума есть тоже творчество, выросшее изъ слiянiя двухъ стихiй—народной и книжной. Вѣка промежуточные между дружинной поэзiей древней Руси и козацкой думой, различныя условiя культурныхъ воздѣйствiй—наложили, конечно, печать рѣзкую въ отличiяхъ одной пѣсни отъ другой, но общая идея народническаго начала въ южно-русской поэзiи одна и та же тамъ и здѣсь. Если прибавимъ теперь, что народное начало въ поэзiи Украины козацкой находится въ тѣсной связи съ такими же проявленiями нацiонально-народныхъ стремленiй южно-русскихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, нашедшихъ полное подтвержденiе себѣ и въ народничествѣ общерусскаго литературнаго теченiя,—то станетъ весьма понятнымъ, почему мы теперь, когда *имя народа у всѣхъ на устахъ*, рѣшили въ столѣтнюю годовщину со времени открытiя „Слова" посвятить нѣсколько страницъ размышленiямъ о томъ памятникѣ, который, какъ отдаленная звѣздочка, сiяетъ въ туманѣ вѣковъ, испуская лучъ свѣта, животворящiй насъ и въ нашей современности.

В. Науменко.

Розыскъ 1666 г. о злоупотребленіяхъ московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи.

Ратные люди московскихъ полковъ, наводнившихъ Малороссію послѣ соединенія ея съ Москвою, сослужили дурную службу своему правительству... Правда, свою прямую задачу—разить враговъ московскаго государя—они исполнили болѣе или менѣе блистательно и съ счастливымъ результатомъ: только благодаря своимъ ратнымъ силамъ Москва удержала Малороссію въ своихъ рукахъ. Но была и другая сторона медали... Населеніе Малороссіи, раньше очень мало и случайно сталкивавшееся съ своими московскими единоплеменниками, теперь воочію и непосредственно стало съ ними знакомиться, и именно въ лицѣ ратныхъ людей, т. е. элемента далеко не передового и совсѣмъ не лучшаго въ московскомъ государствѣ, какъ и вездѣ. Мы не знаемъ, съ какими мыслями шли въ Малороссію московскіе ратные люди: какъ они смотрѣли на нее? понимали-ли они свое родство съ нею, помышляли ли они о братскомъ единеніи?... Но мы знаемъ, что, придя туда, они стали дѣйствовать тамъ въ ежедневныхъ столкновеніяхъ и будничномъ общеніи съ малороссами, какъ съ населеніемъ страны завоеванной и вражеской.

Правда, нѣкоторые высшіе представители русской арміи, отлично понимавшіе всю важность перваго впечатлѣнія на малорусское населеніе, всячески старались смягчить грубые нравы своей солдатчины и упорядочить ея отношенія къ жителямъ новаго края. Но эти единичныя и слабыя попытки въ рѣдкихъ случаяхъ приводили къ добрымъ результатамъ, и масса московскаго воинства попрежнему вела себя такъ безцеремонно, грубо, а под-

часъ даже жестоко, что малороссы не могли не разочароваться въ своихъ новыхъ знакомцахъ... Кто знаетъ—какую роль съиграло это недоброе чувство къ пришельцамъ во время наступившихъ народныхъ смутъ въ Малороссіи?!...

С. М. Соловьевъ пытается объяснить разнузданность московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи какими-то тонкими политическими соображеніями рядоваго воинства... Онъ говоритъ: „московскій воевода, московскій ратный человѣкъ входилъ въ Малороссію какъ въ страну, кипящую *измѣною*, гдѣ онъ не могъ положиться ни на кого... Какихъ же дружескихъ отношеній послѣ того можно было ожидать между двумя братственными народонаселеніями? Какое уваженіе могъ чувствовать москаль къ шатающимся, мятущимся черкасамъ? Чѣмъ онъ могъ сдерживаться, особенно въ то *время солдатскаго своеволія и хищничества?* Онъ не сдерживался тѣмъ, что находился въ родной землѣ, между своими же русскими людьми: ему толковали, и толковали въ самой Малороссіи, сами малороссіяне, что онъ среди врагомъ, среди измѣнниковъ; это, разумѣется, вполнѣ могло *разнуздывать москаля*,онъ могъ легко оправдаться въ своихъ и чужихъ глазахъ: что же щадить измѣнниковъ? Но... иное было поведеніе относительно козаковъ, *иное* относительно *горожанъ* (?), болѣе вѣрныхъ“ [1]).

Но уважаемый историкъ какъ будто забылъ, что московскіе ратные люди не умѣли „сдерживаться“, даже находясь „въ родной землѣ“: сколько самыхъ вопіющихъ фактовъ возмутительнаго поведенія ратныхъ людей въ предѣлахъ самыхъ центральныхъ московскихъ уѣздовъ сохранилъ намъ, напримѣръ, архивъ Разряднаго Приказа!... Это хорошо зналъ самъ историкъ, у котораго можно найти хотя бы такія строки о московскихъ ратныхъ людяхъ разсматриваемой эпохи: „солдаты вымещали свои обиды и убытки (отъ начальныхъ людей) на мирныхъ гражданахъ“ [2]); „солдаты безнаказанно буйствовали при отсутствіи дисциплины, при потачкѣ своихъ начальныхъ людей, при томъ

---

[1]) „Исторія Россіи“ (изд. „Общ. Пользы“), кн. III, стр. 188—189.

[2]) Ibid., 692.

состояніи общества, когда всякій сильный, вооруженный, могъ позволять себѣ все съ слабымъ и невооруженнымъ" [1]) и т. д. Все это говорится относительно поведенія московскаго воинства въ городахъ „родной земли"... Но что говорить о провинціи, когда сама Москва нисколько не была застрахована отъ безчинствъ напр., стрѣльцовъ.

Съ другой стороны Соловьевъ забываетъ, что въ Малороссіи московскіе ратные люди стали безобразничать съ перваго же момента своего появленія тамъ, когда ни о какихъ „измѣнахъ" и не слышно еще было, и когда о броженіяхъ среди козацкой старшины могли знать только немногіе высшіе представители русской арміи, а рядовому большинству не могла быть извѣстна эта „великая государева тайна". Да и позже, когда начались волненія, ратные люди одинаково своевольничали и въ пунктахъ возстанія, и въ самыхъ мирныхъ и спокойныхъ уголкахъ Малороссіи...

Нѣтъ, дѣло здѣсь гораздо проще, чѣмъ думаетъ почтенный историкъ: не толки объ „измѣнѣ черкасъ" государю разнуздывали москаля", но „москаль" (т. е. ратный человѣкъ) былъ разнузданъ, такъ сказать, по природѣ своей, по обстановкѣ и правамъ своимъ—„особенно въ то время солдатскаго своевольства и хищничества", какъ справедливо проговорился Соловьевъ...

А что это такъ, и что „болѣе вѣрные горожане" (по Соловьеву) нимало не были застрахованы отъ безчинствъ московскаго воинства—убѣдительнымъ доказательствомъ послужитъ ниже излагаемое „*розыскное дѣло*" 1666 г. [2]), возникшее по жалобамъ жителей городовъ *Котелвы*, *Гадяча*, *Миргорода*, *Роменъ* и *Опошни* на злоупотребленія ратныхъ людей московскихъ полковъ—„салдатскаго строя" полковниковъ Ивана *Грана* (въ Котелвѣ) и Николая *Балка* (въ Гадячѣ, Ромнахъ, Миргородѣ и Опошнѣ), „рейтарскаго строя" полковника Якова *Тура* (въ Котелвѣ) и полполковника Василія *Непейцына* (въ Миргородѣ),

---

[1]) Ibid., 710—711.

[2]) См. Москов. Архивѣ М—са Юстиціи—*Сибирскаго Приказа* столбецъ № 777 (болѣе 400 листовъ).—„Розыскное дѣло" не имѣетъ начала и сохранилось не въ подлинникѣ, а въ современномъ „спискѣ" (копіи).

да отрядовъ *Донскихъ* казаковъ (въ Миргородѣ и Ромнахъ). Иностранныя фамиліи 3 полковниковъ не должны насъ смущать: въ ихъ полкахъ только меньшая часть начальныхъ людей была изъ иноземцовъ, а большинство офицерства и почти всѣ рядовые были прирожденные московскіе люди... И такъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ злоупотребленіями именно московскихъ ратныхъ людей, розыскъ о которыхъ производили не мѣстныя малорусскія власти, а *московскій „сыщикъ“*. Это послѣднее обстоятельство слѣдуетъ запомнить, чтобы имѣть побольше довѣрія къ даннымъ розыска... Свой своему поневолѣ братъ, и, если свой не покрываетъ своихъ, значитъ у него былъ достаточный запасъ совѣсти, не позволившей ему покрыть дѣйствительные грѣхи своихъ земляковъ...

Этимъ человѣкомъ съ совѣстью оказался стольникъ Петръ Андреевичъ *Измайловъ*—„товарищъ“ Бѣлогородскаго воеводы боярина кн. Бориса Александровича *Репнина*. Измайловъ былъ посланъ въ Малороссію Репнинымъ по распоряженію Разряднаго Приказа, который узналъ о безчинствахъ своихъ войскъ въ Малороссіи отъ „боярина и гетмана“ Ивана Мартыновича *Брюховецкаго*.

Стольникъ Измайловъ производилъ свой розыскъ на „съѣзжемъ дворѣ“ въ Гадячѣ и Котелвѣ, гдѣ московскія войска особенно отличились крупными безпорядками. Розыскъ длился полгода—съ января по іюнь 1666 г. Измайлову пришлось допросить массу лицъ—московскихъ начальныхъ и рядовыхъ ратныхъ людей, мѣстныхъ малорусскихъ властей, горожанъ, козаковъ и проч. Кромѣ того, Измайловъ собралъ разные письменные документы по дѣлу: „отписки“ московскихъ и малороссійскихъ властей въ Москву и проч.

Розыскъ раскрылъ массу злоупотребленій, совершенныхъ съ іюля по декабрь 1665 г. московскими войсками въ Гадячѣ, Котелвѣ и др. указанныхъ городахъ. Чего здѣсь не было!.. Воровство жизненныхъ и др. припасовъ, вымогательство денегъ, вина и проч., грабежи, покушенія на женщинъ, избіенія мирныхъ горожанъ, принужденіе ихъ къ даровой работѣ, разныя издѣвательства, безчинства (врывались въ дома на „веселья“

и т. д.) и проч. и проч. Столкновенія вездѣ начинались изъ-за разсчетовъ по „*стацѣйному* сбору“, т. е. по сбору съ горожанъ жизненныхъ припасовъ на кормъ ратныхъ людей. Уже въ іюлѣ и августѣ 1665 г. посыпались жалобы горожанъ на неправильности по сбору „стацѣй“. Тогда же они жаловались своимъ властямъ, а тѣ передавали московскимъ, но толку изъ этого не выходило. Московскія власти ничего не предпринимали для обузданія безчинствъ своихъ ратныхъ людей—„управы не давали“... Вѣроятно, жалобы малороссовъ такъ и канули бы въ вѣчности, если бы имъ не помогъ одинъ случай: сами „москали“ черезчуръ пересолили и учинили такой скандалъ, что замолчать его было немыслимо...

Именно: въ ночь съ 2 на 3 ноября 1665 г. пьяный рейтарскій полковникъ Яковъ *Туръ*, съ компаніей пьяныхъ вооруженныхъ товарищей, учинилъ въ Гадячѣ „пріѣздъ къ городу—*доставалъ замка* Гадяцскаго“... Штурмъ пьянаго полковника былъ отбитъ „Гадяцскимъ намѣстникомъ“ Семеномъ *Мамчичемъ*. Полетѣли донесенія гетману, отъ него въ Москву—затереть скандалъ нельзя было. Разрядный Приказъ немедленно предписалъ Бѣлогородскому воеводѣ кн. Репнину послать сыщика въ Гадячъ, для разслѣдованія о происшествіи 2 ноября и о всѣхъ вообще жалобахъ малороссовъ на московскихъ ратныхъ людей. Такъ возникла миссія стольника П. Д. Измайлова.

Данныя, собранныя розыскомъ Измайлова, не только характеризуютъ отношенія московскаго воинства къ малороссамъ, но и обратныя отношенія. Не рѣдко мелькаютъ такіе, напр., любопытные факты, какъ указаніе на то, что гадяцкій „намѣстникъ“ Семенъ Мамчичъ и „наказной обозной“ Иванъ *Кустъ* (завѣдывавшій „стацѣйнымъ сборомъ“) „ни для какихъ государевыхъ дѣлъ *не сходятся*“ съ московскимъ воеводою Өедоромъ *Протасьевымъ* и „при себѣ держатъ многихъ людей“...

Цѣнны данныя розыска и для характеристики вообще московскаго воинства, и особенно его начальныхъ людей изъ тѣхъ всесвѣтныхъ проходимцевъ, которыхъ не мало было въ полкахъ Тура, Грана и Балка. Каковы были эти проводники „европейской культуры“ въ московскіе полки—какъ курьезъ достаточно

указать на двухъ офицеровъ изъ полка Балка: поручикъ Андрей Тилликортъ и прапорщикъ Филипъ Саѳаленъ однажды въ Ромнахъ, въ компаніи 2—3 товарищей, въ теченіе дня „выпили бочку меду" и... остались живы до пріѣзда Измайлова, по приговору котораго заплатили хозяину бочки 10 тарелей...

Вообще, розыскъ очень богатъ бытовыми подробностями: цѣнами жизненныхъ и др. припасовъ, разными мелочами обыденной жизни малороссовъ того времени и проч. Въ виду этого я и позволилъ себѣ слишкомъ, можетъ быть, подробное изложеніе розыскнаго дѣла стольника П. В. Измайлова...

Изложеніе розыска начинаю съ событія въ Гадячѣ, затѣмъ перейду къ Миргороду, Котелвѣ, Ромнамъ и Опошнѣ.

I.

Гадячъ.

Въ Гадячѣ былъ расположенъ во 2-ой половинѣ 1665 года „салдатскаго строя" полкъ полковника Николая *Балка*, но временами наѣзжали туда ратные люди другихъ полковъ, расположенныхъ въ сосѣднихъ городахъ. Такъ, въ послѣднихъ числахъ октября пріѣхалъ изъ Котелвы полковникъ Яковъ *Туръ*, съ ротмистромъ Балманомъ, и здѣсь-то учинилъ тотъ свой подвигъ, который вызвалъ розыскъ Измайлова... Начинаю разсказъ съ этого событія 2 ноября, когда „забравшись купою своею нѣмцы доставали замка Гадяцкаго въ ночи, съ Яковомъ Туромъ"...

Гадяцкій воевода Ѳедоръ Протасьевъ 8 ноября отправилъ отписку боярину Репнину о происшествіи 2 ноября и объ „извѣтѣ Гадяцкаго намѣсника Семена Мамчича и наказнаго обозного (Ивана Куста) про пріѣздъ къ городу Гадячу полковника Якова Тура, и что онъ изъ тюрьмы ляховъ роспускалъ" и проч. Кн. Репнинъ 5 декабря отписалъ о томъ въ Разрядный Приказъ, приложивши присланныя Протасьевымъ „распросныя рѣчи" Тура. Кромѣ того, Разрядъ узналъ о событіи отъ гетмана И. М. Брюховецкаго, которому 17 ноября писали изъ Гадяча „войтъ

съ мещаны", что „полковникъ Як. Туръ *со многими солдаты*, пришедши ночью къ городу, нарочно для разоренья крѣпости, уже въ башнѣ городской сторожю отбилъ и ворота учалъ было сѣчь"...

20 декабря кн. Репнинъ получилъ грамоту изъ Разряда о посылкѣ въ Гадячъ для розыска стольника Измайлова, и послѣдній немедленно туда выѣхалъ. Грамота предписывала Репнину—всѣ отписки Измайлова немедленно пересылать въ Москву, къ государю... Видимо, что похожденія Тура обезпокоили Москву, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей отъ Измайлова... Розыскъ его раскрылъ слѣдующія подробности дѣла.

Яковъ Туръ нарочно пріѣхалъ изъ Котелвы, гдѣ стоялъ его полкъ, въ Гадячъ, на крестины къ своему пріятелю Гедеону *Франку*—маіору изъ полка Николая Балка. Съ Туромъ пріѣхалъ и ротмистръ его полка Мартынъ *Болманъ* (онъ же Валтманъ). На крестинномъ пиру у Франка ротмистръ пробылъ недолго и ушелъ на квартиру одинъ, и о дальнѣйшихъ событіяхъ ничего не могъ показать. Полковники Туръ и Балкъ продолжали пировать у маіора съ офицерами Балкова полка. Когда сильно захмѣлѣвшіе гости стали расходиться, вышелъ и Туръ, сѣлъ на коня и одинъ поѣхалъ домой. Онъ также былъ пьянъ. Дорогою около церкви, „что противъ рынка, съ нимъ сшолся пѣшей черкашенинъ". Неизвѣстно, изъ-за чего между ними произошла стычка, и малороссъ, видя полковника одного да еще пьянаго, смѣло набросился на Тура и „*зашибъ* его дубиною", а самъ побѣжалъ въ замокъ, куда его впустили и затворили ворота. Гнавшійся за козакомъ Туръ подлетѣлъ уже къ запертымъ воротамъ, сталъ ломиться и требовать выдачи оскорбителя, или пропуска къ намѣстнику Семену Мамчичу. Но караульные воротъ не отворили и „по немъ изъ замка стрѣляли изъ пищали дважды"...

Взбѣшенный Туръ бросился назадъ, собралъ нѣсколькихъ товарищей и солдатъ и съ ними вернулся къ замку, гдѣ снова сталъ ломиться въ ворота—„къ замку приступалъ, и по воротамъ изъ ружья *стрѣлялъ*, и шпагою ворота *рубилъ*"... Въ

замкѣ поднялась тревога: „били по литаврамъ *въ тревогу*, и въ колоколъ *всполохъ* билижъ, и изъ замкужъ изъ пищали *стрѣляли*“...

Выстрѣлы услышали стоявшіе въ караулѣ около „государевой казны“ („за рядами“, въ 200 саженяхъ отъ замка) поручикъ Григорій Волчинской и прапорщикъ Матвѣй Гетлеръ. Они послали съ караула солдата Степана Афанасьева къ замку „провѣдать“ о тревогѣ, но тотъ скоро вернулся назадъ и доложилъ офицерамъ, что ничего „провѣдать не мочно“, такъ какъ изъ замка стрѣляютъ, „и онъ де итить убоялся“... Въ тоже время на караулѣ замѣтили, что „почели *сбиратся къ замку черкасы* съ ружьемъ“... Но „присылки отъ намѣсника, чтобъ имъ помощь учинити, къ нимъ на караулъ не бывало“...

Между тѣмъ, Туръ продолжалъ ломиться въ ворота замка. Но болѣе благоразумные товарищи, видя собирающихся къ замку черкасъ, уговорили Тура отступить и бросить неравную борьбу. Туръ согласился, но отъ замка повернулъ къ тюрьмѣ, и не найдя сторожей (сторожа Андрей Смолява съ товарищи говорили потомъ, что когда у замка „учинился крикъ и стрѣльба“, они „убояся, разбѣжались“), *выпустилъ* всѣхъ содержавшихся тамъ 22 *ляховъ* и 2 нѣмцовъ.

Одинъ изъ выпущенныхъ—полякъ Янъ Лубовской былъ пойманъ около рѣки, черезъ которую не могъ вслѣдствіе болѣзни переправиться, чтобы бѣжать за товарищами. Онъ говорилъ, что „послѣ шуму, какъ замка доставали, пришелъ на сторожню мѣскую“ какой-то „нѣмчикъ въ сѣромъ платьѣ, засовъ отсунулъ“ и выпустилъ ихъ „въ двери“.

Между тѣмъ, при осмотрѣ тюрьмы воеводою Ѳедоромъ Протасьевымъ и войтомъ Иваномъ Ивановымъ оказалось, что „у тюрьмы стѣна подкопана, и подлѣ стѣны мостина взломлена, и то-де знатно, что тѣ ляхи ушли подкопався“. Но Янъ Лубовской рѣшительно увѣрялъ: „ а тюрьмы они не подкопывали и мостинъ не взламывали“, и кто сдѣлалъ подкопъ—не знаетъ, такъ какъ „при нихъ-де тюрьма была не подкопана“.

Возможно, что подкопъ сдѣланъ былъ уже послѣ побѣга тюремныхъ сидѣльцевъ и сдѣланъ именно для того, чтобы снять съ Тура вину за самовольный выпускъ ляховъ... По крайней

мѣрѣ самъ Туръ на розыскѣ упорно ссылался на досмотръ Протасьева, нашедшаго подкопъ, и голословно отвергалъ, что ляхи выпущены имъ, какъ отвергалъ и свой наѣздъ къ замку... Но свидѣтелей наѣзда и разгрома тюрьмы была такая масса, что отрицательнымъ показаніямъ Тура никто не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что улика была на лицо: Измайловъ осмотрѣлъ „въ замку рубленныя мѣста" и нашелъ что „городовыя ворота *рублены* и знатно, что рублены *саблею*, а не топоромъ"...

Во время этого розыска обнаружилось—по жалобамъ московскихъ властей, что „Гадяцкой намѣсникъ (Мамчичь, а иногда пишется—Мамчинъ) и обозной (Кустъ) *въ верхней городъ* (замокъ) великого государя ратныхъ людей *не пускаютъ*, и съ Өедоромъ Протасьевымъ ни для какихъ государевыхъ дѣлъ *не сходятся,* и при себѣ *держатъ многихъ людей*"...

На вопросъ Измайлова по этимъ обвиненіямъ Мамчичь и Кустъ подали „скаску", гдѣ увѣряютъ, что государевыхъ ратныхъ людей въ замокъ „безпрестанно пускали и воротъ у замка не замыкали", и только тогда ихъ заперли, какъ Яковъ Туръ „въ замокъ къ нимъ ломился". На другой день послѣ этого воевода Протасьевъ, полковникъ Балкъ и другіе начальные люди „досматривали знаку на воротахъ, что рубилъ Туръ". И позже ратные люди свободно ходили въ замокъ для осмотра „рубленыхъ мѣстъ"...

Что касается сношенія съ воеводою Протасьевымъ, то составители „скаски" говорятъ, что они „для всякихъ великого государя дѣлъ и для расправъ всегда схаживались (съ воеводою) и про воинскихъ людей, что какихъ вѣстей у нихъ бывало, сказывалижъ. А многихъ людей казаковъ человѣкъ по 200 и больши у себя держивали", но въ городѣ, а въ замкѣ держали для караула не больше 10 человѣкъ...

Воевода Протасьевъ съ своей стороны подалъ сыщику „скаску", гдѣ говоритъ, что знаетъ, что 3 ноября узналъ онъ отъ поручиковъ рейтарскаго строя Ивана Огарева, Григорья Тюкменева, и Харлампія Хорошева, что Мамчичь и Кустъ „въ верхній замокъ *не пускали* (ихъ) не по одинъ день", хотя они собирались идти туда по приказу воеводы „для дѣлъ великого

государя“ и именно потому, что Мамчичъ и Кустъ уже „день съ шесть *не схаживались*“ съ Протасьевымъ для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ. Всѣ офицера увѣряли, что въ это время въ замкѣ находилось около 200 казаковъ...

На очной ставкѣ Мамчича и Куста съ офицерами Хорошевъ и Тюхменевъ (Огаревъ въ это время выбылъ въ Москву) сказали: Протасьевъ посылалъ ихъ въ замокъ на 3-й день послѣ того, „какъ у нихъ былъ шумъ“ (т. е. набѣгъ Тура), чтобы узнать—почему въ замкѣ собираются „многіе люди“? „вѣсти-ли какія есть, или для какого иного дѣла? а прежъ-де сего у нихъ того не бывало“... Но караульные козаки не пустили офицеровъ въ замокъ, и они ни съ чѣмъ вернулись къ воеводѣ.—Мамчичь и Кустъ стояли на прежнихъ показаніяхъ и ничего новаго не сказали.

Въ ту же злосчастную ночь со 2 на 3 ноября случился въ Гадячѣ и другой эпизодъ, также связанный съ крестинами у маіора Гедеона Франка... Одинъ изъ гостей послѣдняго солдатскаго строя капитанъ полка Балка Вилимъ *Полсонъ* настолько захмѣлѣлъ у гостепріемнаго маіора, что, возвращаясь домой, не нашелъ своей квартиры и принялъ за нее хату „мѣскаго писаря“ Өедора *Трушенка*. Подойдя къ ней, вмѣстѣ съ своимъ также пьянымъ „деньщикомъ“, капитанъ сталъ ломиться въ запертыя двери, „мовячи: то моя господа!“... На шумъ выскочилъ писарь и сталъ урезонивать пьянаго капитана, что онъ хочетъ затесаться въ чужую „господу“. Но капитанъ стоялъ на своемъ и сталъ угрожать писарю „шпагою“. Писарь схватилъ тогда лопату и ударилъ по головѣ капитана, затѣмъ вбѣжалъ въ свою „свѣтлицу“ и заперся тамъ...

Разсвирѣпѣвшій Полсонъ сталъ рубить окна шпагою и ломиться въ свѣтлицу, а денщика послалъ за „своимъ товариствомъ“. Скоро собралась цѣлая „купа“ солдатъ, которые „во всю ночь комнаты добывали“, гдѣ спрятался писарь и гдѣ ему удалось отсидѣться отъ неожиданнаго непріятеля. Но за то послѣдній ворвался въ другое помѣщеніе хаты—въ „избу“, гдѣ солдаты безъ церемоніи „все поимали и пусто домъ учинили“: взяли 2 кожуха (впрочемъ, одинъ кожухъ на завтра вернули),

кафтанъ, 2 шапки, 2 сѣкиры, 2 оловяныхъ блюда, миски, тарелки и проч. Писарь такъ былъ напуганъ разгромомъ, что, „по се число (розыска) съ дому своего *утекъ*", прячась „отъ нѣмцовъ по чюжихъ углахъ"...

На розыскѣ капитанъ Полсонъ все голословно отвергалъ: въ хату Трушенка онъ-де не ломился, „нѣмецъ и *русскихъ* людей" не приводилъ, ничего тамъ не грабилъ и пр. Шелъ онъ будто бы спокойно отъ маіора Франка на свой дворъ, но дорогою около двора Трушенка повстрѣчался послѣдній и „учалъ его бить и шаблею рубить", снялъ будто бы съ храбраго капитана шпагу, шапку, отнялъ деньги и проч.

Понятно, сыщикъ Измайловъ не повѣрилъ капитану, и такъ какъ истецъ и отвѣтчикъ указывали свидѣтелями близкихъ имъ лицъ (писарь своихъ домашнихъ, а капитанъ своихъ подчиненныхъ), а стороннихъ свидѣтелей не было, то Измайловъ „велѣлъ имъ *учинить вѣру*, потому что про то опричь вѣры *розыскать нѣчимъ*"—обѣ стороны на свидѣтелей „слались *въ послушенство*".

8 февраля, на „съѣзжемъ дворѣ поставлены къ вѣрѣ передъ образомъ Божіимъ, по ихъ *черкасскому звычаю*", Трушенко и Полсонъ, но они „въ вѣрѣ отсрочили" до 9 февраля, когда были приглашены присутствовать при обрядѣ успенскій попъ Кириллъ и наказной обозной Иванъ Кустъ. Оба противника „къ вѣрѣ стали" и Ѳедоръ Трушенко „въ своемъ Ѳедоровѣ и въ Вилимовѣ иску Полсона, по своему черкасскому звычаю, *присягу учинилъ*—цѣловалъ образъ Божій дважды"... Полсонъ же, на основаніи 3 статьи 14 главы „Уложенія", былъ только поставленъ ко кресту, но креста не цѣловалъ.

Измайловъ повѣрилъ клятвѣ Трушенка, подтверждавшей его показаніе, и приговорилъ капитана Полсона (по московскому „звычаю"...—„бить кнутомъ на козлѣ"... Но когда капитанъ былъ „поднятъ на козелъ для наказанья",—присутствовавшіе здѣсь московскія и мѣстныя власти (полковникъ Балкъ, подполковникъ *Непейцынъ*, маіоръ Франкъ и „всѣ начальные люди" рейтарскаго и солдатскаго полковъ, затѣмъ „войсковой судья" Павелъ *Животовской* и обозной Иванъ Кустъ) и самъ истецъ Трушенко „словесно" били челомъ Измайлову, чтобы „государь

пожаловалъ для дѣтей своихъ государевыхъ... многолѣтняго здравія *не велѣлъ* тому капитану такого жестокого *наказанья чинить*—бить кнутомъ"... Измайловъ уважилъ эту просьбу, но опять таки... уважилъ по московскому обычаю: капитана „кнутомъ бить не велѣлъ, а велѣлъ... вмѣсто кнута *бить батоги* нещадно", что того же числа и исполнено, а затѣмъ капитанъ „свобоженъ". Расплатился ли онъ съ ограбленнымъ Трушенкомъ—неизвѣстно.

Перехожу къ другимъ эпизодамъ изъ столкновеній ратныхъ людей съ жителями Гадяча. Печальная лѣтопись ихъ начинается съ 20 сентября 1665 г., когда ратные люди „*добывали*" Гадяцкаго сотника (въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ войсковымъ судьею) Павла Животовскаго. Нападеніе на усадьбу Животовскаго произвелъ Балкова полка прапорщикъ Яганъ *Шпиголь*, который „съ солдаты двора его добывали—хотѣли убить" сотника. Какъ онъ отсидѣлся—неизвѣстно. На другой день онъ ходилъ „жаловаться" къ воеводѣ Протасьеву, но тотъ „никакіе управы не далъ"...—На розыскѣ Измайлова, послѣ „очныхъ ставокъ" Шпиголя съ Животовскимъ, гдѣ первый „во всемъ запирался", противники „помирились"...

Того же 20 сентября, ночью, неизвѣстные ратные люди „комнату *выкрали*", у гадяцкаго жителя Никифора Иванова: воры „скрозь оконца вытягнули крюками" разныя вещи—„курту", „кожухъ", 3 „мушкета" и проч. На другой день „ратной человѣкъ на имя *Ермакъ*, салдатъ", принесъ кожухъ Иванова къ одному „кушнеру", чтобы перешить. Узналъ это Ивановъ и отобралъ кожухъ. Ивановъ жаловался Протасьеву, но „управы никакой" не получилъ...

На розыскѣ Измайлова „солдатъ *Ермошка* Дементьевъ роспрашиванъ" и сказалъ, что не участвовалъ въ обкрадываніи Иванова, а кожухъ его купилъ „въ ряду", за 20 алтынъ, у неизвѣстнаго черкашенина. Ермакъ ссылался на свидѣтелей—солдатъ, имена которыхъ онъ сказалъ, но прозвищъ ихъ не могъ указать—„только ихъ *съ рожей* знаетъ". Благодаря этому ихъ нашли, и они подтвердили, что Ермакъ купилъ кожухъ, а не укралъ.

Но Измайловъ „по Соборному Уложенью“ велѣлъ *пытать* Ермака, какъ пойманнаго „съ поличнымъ“. Ему дали 22 удара, но онъ „ни въ чемъ не винился — сказалъ прежнія свои рѣчи.“

„У распросу и у пытки“ присутствовали „истецъ“ Н. Ивановъ, войсковой судья П. Животовской, наказной обозной И. Кустъ, сотникъ Семенъ *Остренко, войтъ* Иванъ Ивановъ и атаманъ Михаилъ *Приступа.* Послѣ первой пытки Ермака всѣ они били челомъ Измайлову, „чтобъ великій государь пожаловалъ—*не велѣлъ* того солдата Ермошка *больши тово пытать*, и велѣлъ бы его съ пытки спустить...“ Къ этому „словесному челобитью“, внесенному въ „розыскное дѣло“, вмѣсто всѣхъ челобитчиковъ „приложилъ руку Гадяцкой писарь Ѳедоръ Трушенко.“

На этотъ разъ Измайловъ смягчился, такъ какъ вѣроятно и самъ сомнѣвался въ виновности Ермака: „и солдатъ Ермошка Дементьевъ, по ихъ челобитью, свободенъ“...

Въ продолженіе розыска нерѣдко случались подобныя челобитья малороссовъ—стороны пострадавшей—о смягченіи участи виновныхъ въ томъ или другомъ преступленіи „москалей“. Иногда съ подобными челобитьями обращались къ сыщику и московскіе начальные люди, вступаясь за своихъ товарищей. Но малороссы въ этихъ случаяхъ дѣйствовали въ интересахъ не товарищей и друзей своихъ, а своихъ противниковъ и оскорбителей... Нельзя не отмѣтить эту симпатичную черту, свидѣтельствующую о мягкости и сердечности малорусскаго народа.

10 ноября „нѣмчинъ“ поручикъ Балкова полка Ганцъ *Юнканъ* „шпагою *пококолъ* немного не до смерти бабу“ Прасковью *Войникову*...

Поручикъ объяснилъ Измайлову: „какъ-де по государеву указу велѣно Гадяцкимъ жителямъ государевыхъ ратныхъ людей *кормить*, гдѣ кто стоитъ“, получилъ онъ жалобу отъ капрала своей роты Никиты Фофанова съ товарищи на бабу Войникову, завѣдывавшую дворомъ какого-то „уѣзднаго попа“, гдѣ было поставлено это капральство. Капралъ жаловался, что ихъ „на томъ дворѣ не кормятъ“. Поручикъ пошелъ туда и „зашибъ

по головѣ посохомъ" (а не шпагою) Прасковью „за то, что она салдатъ не кормила"...

Баба пожаловалась воеводѣ Протасьеву, и тотъ поручика держалъ „*на пушкѣ прикована* на чепи, 2 недѣли..."

Къ удивленію, когда Измайловъ запросилъ объ этомъ „памятью" у Протасьева, послѣдній „памятью"же отвѣтилъ сыщику, что Войникова „не била челомъ" на Юнкана, что послѣдняго не держалъ 2 недѣли прикованнымъ на цѣпи и, что вообще „такова дѣла *не бывало*"...

Очевидно, ни баба, ни поручикъ не могли такъ солгать на воеводу Протасьева, но послѣдній понялъ, что поступилъ съ поручикомъ незаконно и слишкомъ жестоко, а потому и не захотѣлъ сознаться въ томъ въ оффиціальной бумагѣ сыщику, который могъ притянуть къ розыску и самого воеводу...

Конечно, сыщикъ не повѣрилъ воеводѣ, что „такого дѣла не бывало" и велѣлъ учинить наказаніе поручику за истязаніе бабы—„*бить батоги*"... Послѣ наказанія Войникова заявила Измайлову, что она теперь „помирилась" съ поручикомъ...

29 октября разыгралась крупная исторія на дворѣ Гадяцкаго жителя Яцка *Ермашенка*: „нѣмцы салдаты ночью *набѣжавъ*, окончины посѣкли, господаря свазали и за караулъ взяли", жену его избили и „*все убожество разшарпали*"—взяли шубу, денегъ на 4 рубля слишкомъ и проч.

По разсказу Яцка дѣло происходило такъ: жившіе въ его домѣ „гончары побились" изъ-за чего-то между собою. Драка происходила на улицѣ, гдѣ собралась толпа любопытныхъ, въ томъ числѣ и нѣсколько солдатъ. Въ пылу свалки одинъ гончаръ для облегченія снялъ свой „жупанъ" и бросилъ на землю, „а москали припавшы, той жупанъ вхопывшы, втекли..." Примѣръ подѣйствовалъ заразительно: другіе москали набросились на другого гончара и его жупанъ „силою злупывшы, всего ошарпали..." Тотъ „ободранный гончаръ" бросился въ хату Ермошенки и кликнулъ на помощь товарищей. Они стали ловить москалей, одного поймали и привели въ хату Яцка. Остальные москали разбѣжались и дали знать на „караулъ", что стоялъ „у государевой казны". Къ хатѣ Яцки прибѣжалъ ка-

раулъ, подъ начальствомъ капитана Юрія Гавермона. Солдаты „напали" на домъ Яцка, избили его и жену, отняли кожухъ, деньги и проч. Кожухъ потомъ вернули, но денегъ не отдали, причемъ воевода Протасьевъ замѣтилъ: „у мужика столько грошей отнюдь не было!.. все то *мужикъ мутитъ*"!..

Капитанъ Гавермонъ сказалъ на розыскѣ, что драки гончарей не видѣлъ, такъ какъ стоялъ въ то время на караулѣ около государевой казны. Но уже послѣ драки получилъ приказъ отъ маіора Гедеона Франка идти на дворъ Яцка Ермашенка, гдѣ по словамъ маіора „били солдатъ..." Капитанъ взялъ 7 солдатъ (все это были русскіе, а не „нѣмцы": Харламній Григорьевъ, Павелъ Логвиновъ, Владиміръ Васильевъ и т. д.) и пошелъ въ хату Яцка, гдѣ увидѣлъ лежащаго на полу и связаннаго солдата, на столько *избитаго*, что онъ не могъ самъ идти и товарищи „отнесли" его на „большой караулъ" у государевой казны. Капитанъ увѣрялъ, что Яцка и жену его солдаты при немъ не били и „приходовъ не грабили"—„при немъ тово не бывало", а грабилъ-ли кто раньше его прихода—того онъ не знаетъ. Яцка же онъ взялъ за караулъ для того, чтобы дознаться объ избитомъ въ его хатѣ солдатѣ.

Яцко урѣрялъ на розыскѣ, что того солдата привели къ нему въ хату гончары Ѳ. Романовъ и Яцко Марченко уже избитымъ, а били они его за то, что онъ схватилъ жупанъ одного гончара и передалъ другимъ солдатамъ, которые и унесли жупанъ. Грабителей онъ не зналъ и не замѣтилъ въ лицо, такъ какъ дѣло происходило ночью.

Но при дальнѣйшемъ розыскѣ Яцко заявилъ сыщику, что съ капитаномъ Гавермономъ они „сопча сыскали того человѣка, кто ево Яцковы животы пограбилъ": это оказался солдатъ полка Балка Аристка Сидоровъ. Еще раньше, когда Яцко жаловался воеводѣ Протасьеву, Сидоровъ вернулъ Яцкѣ его шубу и тогда „сидѣлъ за приставомъ", по приказу воеводы, а потомъ освобожденъ. Теперь Яцко встрѣтилъ его, узналъ и потребовалъ возврата остальныхъ „пограбленныхъ животовъ". Сидоровъ отдалъ ему 3 рубля 23 алтына 2 деньги, а остальныя обѣщалъ со временемъ отдать.

Аристка Сидоровъ показалъ: ночью 29 октября пилъ онъ въ корчмѣ пиво, съ 2 солдатами, затѣмъ пошелъ домой „на стоялой дворъ" и дорогою встрѣтилъ отрядъ капитана Гавермона, шедшій ко двору Яцка Ермошенка. Капитанъ велѣлъ Сидорову съ товарищи присоединиться къ отряду. Солдатъ, лежавшій тамъ, страшно избитый („и горло де у него *передавлено*"...), былъ Кириллъ *Макѣевъ*. Сидоровъ сознался, что взялъ здѣсь баранью шубу, предполагая, что она принадлежитъ избитому Макѣеву. Но больше онъ ничего не бралъ въ хатѣ Яцка, и никого тамъ не билъ—ни Яцка, ни жену его. Шубу онъ отдалъ воеводѣ Протасьеву, тотъ передалъ ее Яцкѣ, а Сидорова за то „били батоги". Теперь Сидоровъ платитъ деньги Яцкѣ за неизвѣстно кѣмъ пограбленные остальные животы только „для того, чтобъ на него не билъ челомъ, и боясь другого наказанья"... Съ Яцкомъ онъ „помирился", свидѣтелемъ чего былъ Гадяцкой Покровской церкви попъ *Елисей*, что тотъ и подтвердилъ. Но все же и это примиреніе не спасло Сидорова отъ наказанья: сыщикъ Измайловъ велѣлъ его еще разъ „бить батоги"...

31 октября „*выкрадена лавка*" мѣщанина Трофима *Трегуба*: взято 500 „злотыхъ" въ серебряной и мѣдной монетѣ, „плахты", рубашки, скатерти и проч. Пострадавшій не могъ указать воровъ и объяснилъ, что лавка его находилась „въ ряду", гдѣ былъ „свой караулъ", на что тамъ „городскимъ сторожамъ нельзя ходить, потому что караулъ (московскій) *не пускаетъ*"... Трегубъ и сынъ его Иванъ просили Измайлова допросить поручика Кондрата *Мера*, стоявшаго въ ту ночь на караулѣ у государевой казны.

Поручикъ Меръ сказалъ, что съ нимъ были на караулѣ „разныхъ ротъ солдаты, а близко *ряду* стояли солдаты Ивашко Семеновъ съ товарищи 5 человѣкъ". Какъ и кѣмъ обокрадена лавка Трегуба—Меръ не знаетъ. Семеновъ и товарищи его также о томъ ничего не знаютъ, такъ какъ хотя они и стояли около „рядовъ", но „имъ лавокъ караулить не приказано"— „въ ряду у Гадяцкихъ мѣщанъ караулъ учиненъ свой".

По досмотру посланнаго Измайловымъ подъячаго Логина Осипова оказалось, что лавка Трегуба лежитъ въ 7 саженяхъ

отъ „большого караула, гдѣ стоитъ начальной человѣкъ“ и въ 4 саженяхъ отъ „отхожаго караула“ около рядовъ. Удивительно, какъ при такихъ малыхъ разстояніяхъ солдаты не слышали никакой возни и шума въ обкрадываемой лавкѣ. Недаромъ Трегубъ подозрѣваетъ именно солдатъ этихъ карауловъ въ разгромѣ своей лавки...

Стоявшіе около тюрьмы „мѣскіе караульщики“ (въ 18 саженяхъ отъ лавки) Максимъ Чернятенко и Панько Соломниченко ничего ночью не слышали и о покражѣ узнали только на другой день. Эти сторожа жаловались Мамчичу и Кусту, что не только въ ту ночь, а и всегда вообще караульные солдаты „ихъ мѣскихъ сторожей мимо караула ряду осматривать *не пущають*...“ Мамчичъ говорилъ объ этомъ воеводѣ Протасьеву, который обѣщалъ наказать за то караульныхъ солдатъ. Однако, на розыскѣ Протасьевъ это отвергнулъ.

2 ноября, кромѣ разсказанныхъ въ началѣ этой главы наѣздовъ полковника Тура на Гадяцкій замокъ и капитана Палсона на дворъ писаря Трушенка, произошли отдѣльно отъ этихъ двухъ наѣздовъ еще двѣ стычки ратныхъ людей съ гадячанами.

Донской атаманъ Андрей *Кутеповъ* встрѣтилъ на улицѣ *жену* Гадяцкаго жителя Семена Остраго, сталъ приставать къ ней, но, встрѣтивши отпоръ, избилъ ее... Но они „помирилися“ еще до пріѣзда сыщика Измайлова, а потому и не было розыска объ этомъ происшествіи.

Второе происшествіе этого дня: на дворъ Ѳедора *Бувайлова* „*набѣжали* нѣмцы, челядь всю разогнали, бьючи, а самъ господарь едва и съ женою въ комнатѣ отсидѣлся“... Розыска и по этому дѣлу не было, такъ какъ Бувайловъ въ генварѣ умеръ, а жена его Агафья ни на кого не могла указать.

Послѣ 2 ноября не видимъ уже никакихъ столкновеній между московскими ратными людьми и гадячанями. Очевидно, подвигъ Тура всѣхъ смутилъ, и ратные люди затихли, стали сдерживаться и мирно уживаться съ горожанами, въ ожиданіи пріѣзда сыщика Измайлова...

Какому наказанію былъ подвергнутъ полковникъ Туръ— изъ розыска не видно. Возможно, что его и не подвергали ни-

какому наказанію, такъ какъ онъ занималъ довольно видное положеніе въ арміи и имъ очень дорожили, какъ хорошимъ специалистомъ военнаго дѣла. Съ другой стороны и Туръ считалъ себя пострадавшимъ и оскорбленнымъ въ этой исторіи, когда его „зашибъ дубиною" неизвѣстный черкашенинъ...

Въ розыскѣ по Гадячу не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній о недоразумѣніяхъ по „стацѣйному сбору". Отсюда слѣдуетъ заключить. что въ Гадячѣ не производился сборъ „стацѣи": ратные люди были расквартированы по дворамъ горожанъ, которые были обязаны кармить своихъ постояльцевъ (см. выше дѣло Юнкана съ Войниковой). Притомъ, ниже мы увидимъ, что для стоявшаго въ Гадачѣ солдатскаго полка Н. Балка „стацѣйный сборъ производился въ Миргородѣ, Опошнѣ и др.

II.

Миргородъ.

Въ Миргородѣ недоразумѣнія происходили только по „*стацѣйному дѣлу*", а о личныхъ столкновеніяхъ ратныхъ людей съ мѣстнымъ населеніемъ розыскъ Измайлова не говоритъ.

Въ „опчей скаскѣ", поданной сыщику Измайлову полковникомъ Николаемъ Балкомъ, полуполковникомъ Василіемъ Непейцынымъ, начальными людьми ихъ полковъ и Донскихъ казаковъ, читаемъ, что по приказу гетмана И. М. Брюковецкаго „велѣно ему (Непейцыну) стацѣи на себя и на начальныхъ людей и на рейтаръ имать съ Миргорода", на что отъ гетмана данъ „листъ, чтобъ того города жители давали стацѣю". По этому „листу" начальные люди „стацѣю имали, а *лишніе*-де стацѣи ни у кого ничего не имали". Во избѣжаніе ожидавшихся недоразумѣній, Непейцынъ просилъ гетмана, „чтобъ онъ приказалъ въ томъ листу написать *имянно*—по скольку какой стацѣи и на сколько имать". Гетманъ очень легко отнесся къ этой благоразумной просьбѣ и замѣтилъ Непейцыну, что онъ „приказалъ о томъ" обозному Ивану Кусту, а потомъ добавилъ

подполковнику: „стацѣю имать въ городахъ, въ которыхъ указано, *что ему надобно*".

Такое неопредѣленное распоряженіе развязывало руки начальнымъ людямъ, и нужно еще удивляться, что они въ большинствѣ случаевъ видимо сдерживались при сборѣ стацѣи... Непейцынъ посылалъ въ Миргородъ за стацѣей своихъ начальныхъ людей, но обязательно съ козаками обознаго Ивана Куста, во избѣжаніе недоразумѣній при разсчетахъ. Стацѣйные припасы собирали „въ разныхъ числахъ, а не въ одно время, а что собрано и принято, и въ томъ даваны обозному И. Кусту росписи, за руками" обѣихъ сторонъ. Миргородскому войту и мѣщанамъ предписано давать начальнымъ и рядовымъ ратнымъ людямъ и „конемъ ихъ всякую стацѣю по мѣрѣ (?), *безъ отказу*, по росписи подполковника"... А между тѣмъ, никакой „мѣры" не было установлено, да еще прибавлено, что давать все „безъ отказу"!.. Понятно, какая здѣсь была благодатная почва для всякихъ недоразумѣній.

Такъ, по „московской росписи" подполковникъ Непейцынъ взялъ съ Миргорода для ратныхъ людей слѣдующую стацѣю, съ 31 іюля 1665 и до февраля 1666 г.: 185 „осмачекъ" житной муки, 2 осмачки пшеничной, 3 осмачки житныхъ крупъ, 4 пуда коровья масла, 3 „полтя" ветчины, 3 гусей, 600 „ступокъ" соли, бочку пива, 84 „кварты" вина, 50 куръ, 10 яловицъ и 41 барана.

А въ „росписи" Миргородскаго войта Евсѣя Павлова оказались другія цифры взятой стацѣи, напр.: 68 куръ (а не 50), 4 гуся (а не 3) и т. д. Кромѣ того, „въ московской росписи *не написано*"; 5 осмачекъ пшена, 15 осм. овса и 172 воза сѣна.

На очной ставкѣ во время розыска Непейцынъ сказалъ, что „не вѣдаетъ"—почему „объявилась" лишняя стацѣя... Онъ ссылался на свои „росписки", которыя давалъ войту „во всякой стацѣи". Но „росписокъ" не было на лицо: войтъ передалъ ихъ Кусту, тотъ гетману, а послѣдній отправилъ ихъ въ Москву, въ Малороссійскій приказъ. Но въ апрѣлѣ бояринъ кн. Б. А. Репнинъ прислалъ ихъ сыщику Измайлову, который сдѣлалъ свѣрку „росписокъ" съ росписью Миргородскаго войта. Послѣд-

ній оказался правъ: въ „росписи“ Непейцына не было много стацѣи, о которой „росписки“ его же говорили... Эту „лишнюю стацѣю“ Непейцынъ объяснялъ тѣмъ, что онъ—„по гетманскому указу“—продолжалъ брать стацѣю и послѣ того, какъ войтъ отправилъ его „роспись“ къ гетману. Понятно-де, что въ эту роспись не вошла позднѣйшая стацѣя...

Правъ ли былъ полуполковникъ или нѣтъ—нельзя рѣшить, такъ какъ розыскъ Измайлова по миргородскому стацѣйному дѣлу не былъ вполнѣ законченъ, вслѣдствіе того, что 25 мая 1666 г. Непейцынъ съ своимъ рейтарскимъ полкомъ „отпущенъ къ Москвѣ“. Отпустилъ его воевода О. Протасьевъ, не списавшись съ сыщикомъ Измайловымъ...

III.

Котелва.

Въ Котелвѣ стояли полки солдатскій Ивана *Грана* и рейтарскій Якова *Тура*, съ 15 іюля 1664 г., по февраль 1665 г. когда прибылъ туда сыщикъ Измайловъ. Чтобы показать составъ этихъ полковъ, привожу имена начальныхъ людей, упоминающихся въ Котелвинскомъ розыскѣ по стацѣйному дѣлу: маіоры Никита *Глазуновъ* и Яковъ *Колеръ*, ротмистры Мартынъ *Болманъ* и Иванъ *Улфъ*, капитаны Матвѣй *Гвоздовскій*, Евсей *Журавлевъ*, поручики Никифоръ *Овсяниковъ*, Андрей *Яблонской*, Илья *Боровской*, Петръ *Арентъ*, прапорщикъ Ѳедоръ *Сопуновъ* и др. Вообще, русскіе люди преобладали въ этихъ полкахъ иноземскаго строя, особенно среди начальныхъ людей низшихъ ранговъ, тѣмъ болѣе среди рядовыхъ.

Въ Котелвѣ, гдѣ московскихъ войскъ было больше, чѣмъ въ другихъ городахъ, много было недоразумѣнія между ратными и горожанами, какъ по стацѣйному дѣлу, такъ и по личнымъ столкновеніямъ. Послѣднихъ было особенно много, хотя они не были такъ крупны, какъ въ Гадячѣ.

Отъѣзжавшему въ Котелву сыщику Измайлову Мамчичъ и Кустъ сообщили полученный ими отъ котелвинскихъ властей

„листъ", въ которомъ тѣ жаловались на „*насильства* и *обиды нестерпимыя*" отъ московскихъ ратныхъ людей. Но такъ какъ это было „написано глухо" въ томъ листу, то Измайловъ, пріѣхавши изъ Гадяча въ Котелву, потребовалъ отъ мѣстныхъ властей точнаго указанія именъ обидчиковъ и подробностей самыхъ столкновеній. Котелвинскіе наказной полковникъ Ефимъ Яковлевичъ *Вечерка*, войтъ Филиппъ *Колесницкой*, „городовой атаманъ" Антонъ *Лайка* „градской писарь" Петръ Осиповъ, сотники Левъ Прокофьевъ, Мартынъ *Дорошенко*, Леско *Мантроповъ* и др. представили Измайлову обстоятельную „роспись" столкновеній съ московскими ратными людьми за время съ 1 сентября по ноябрь 1665 г. Съ декабря ратные люди затихли, очевидно подъ вліяніемъ гадячскаго скандала съ Туромъ и въ ожиданіи пріѣзда сыщика... Данныя котелвинской „росписи" Измайловъ провѣрялъ очными ставками обвиняемыхъ ратныхъ людей съ истцами.

Какъ и въ Гадячѣ, и въ Котелвѣ приходится начинать перечень съ рейтарскаго полковника Якова *Тура*, который 1 сентября 1665 г. „*стрѣлялъ на дворы*, ѣздя по рынку", въ томъ числѣ „и на *господу*, гдѣ стоялъ" котелвинскій наказный полковникъ Ефимъ *Вечерка* и гдѣ „теперь пуля есть въ столбу въ томъ дворѣ"... Очевидно, разгулявшійся полковникъ праздновалъ выстрѣлами наступившій новый годъ (по тогдашнему московскому лѣтосчисленію)...

На розыскѣ (въ мартѣ) полковникъ Туръ сознался Измайлову, что дѣйствительно 1-го сентября онъ ѣздилъ по городу и стрѣлялъ, но будто бы направлялъ выстрѣлы „въ землю", а не на дворы и, если одна пуля засѣла въ столбѣ усадьбы Вечерки, то—наивничалъ полковникъ—„развѣ-де та пулька *всплыла*"...

„И послѣ очной ставки Я. Туръ съ Е. Вечеркою помирились"—обычное окончаніе почти каждой очной ставки въ розыскѣ Измайлова. Иногда еще прибавляется, что стороны „руки приложили" къ допросу. „Очныя ставки" въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли какіе-нибудь результаты: обыкновенно, въ серьезныхъ обвиненіяхъ московскіе ратные люди упорно и голословно отказывались отъ уликъ, представленныхъ котелвинцами, и стояли

на своихъ показаніяхъ, или измѣняли ихъ въ нѣкоторыхъ несущественныхъ подробностяхъ. Но въ пустячныхъ обвиненіяхъ они очень скоро сознавались, какъ бы удивляясь, что къ нимъ предъявляютъ такія обвиненія...

Но 1 сентября полковникъ Туръ не ограничился одною стрѣльбою по дворамъ, а учинилъ еще нѣсколько подвиговъ... Понадобилась ему какая-то *Павлиха*, очевидно—мѣстная кокотка, охотно водившая знакомство съ богатыми „москалями"... Долго полковникъ искалъ ее по городу и не могъ найти. Тогда, недолго думая, онъ „взялъ насильствомъ" на улицѣ какого-то мѣстнаго жителя Ерему *Тандетника* и повелъ его, самъ сидя на конѣ, „за волосы, своими руками, *абы казалъ Павлиху*".

Но Ерема не могъ указать Павлихи, и полковникъ скоро бросилъ его. Кто-то другой сказалъ Туру, что Павлиха находится въ хатѣ Ѳедора *Гнилосыра*. Полковникъ вернулся домой оставилъ коня и поѣхалъ за Павлихой въ своей „каретѣ". Гнилосыръ не хотѣлъ отпустить Павлиху, и Туръ, „напавши на дворъ, *побилъ* въ дому всѣхъ и, Павлиху взявши въ карету", привезъ ее въ свою „господу".

Гнилосыръ жаловался Измайлову не за отнятіе Павлихи и даже не за бой, учиненный полковникомъ въ его дворѣ, но на то, что будто бы Туръ захватилъ у него „пистоликъ малой"... Однако, никакихъ уликъ Гнилосыръ не представилъ, а Туръ увѣрялъ, что „пистоля" не бралъ. Но онъ сознался, что дѣйствительно пріѣзжалъ ко двору Гнилосыра и именно за Павлихою, но что Павлиха отправилась съ нимъ „*сама, по добротѣ*" своей...

Что касается Еремы Тандетника, то полковникъ увѣрялъ, что онъ Ерему „за волосы не водилъ и Павлихи у него не спрашивалъ. И Ерема *уличалъ* его Якова *вѣрою*, отвѣтчикъ Я. Туръ вѣру далъ Еремѣ *на душу*, и послѣ очные ставки Е. Тандетникъ съ Я. Туромъ помирились" и руки приложили (за Ерему подписался „мѣсной писарь").—Эта формула очень часто встрѣчается въ розыскѣ и также свидѣтельствуетъ, что очная ставка не дала новыхъ результатовъ, и стороны остались при своихъ первыхъ показаніяхъ.

Полковникъ Туръ продолжалъ безобразничать и послѣ 1 сентября. Такъ, 17 сентября, полковникъ „ѣдучи новымъ мѣстомъ, безвинно шпагою руки Андрею *Брыцѣ порубилъ*"... Но Туръ увѣрялъ, что ударилъ Брыцу „шпагою *плазомъ*" (т. е. плашмя), но не по рукѣ, а „по спинѣ" и именно „за то, что онъ его бранилъ *матерны*"...

20 октября Туръ „*побилъ* безвинно Филипа *Бурмистра*—своими руками *синеты* забилъ"...

Туръ говорилъ на розыскѣ, что Бурмистра не билъ, и дѣло будто бы происходило такъ: пьяный Филипъ шелъ ночью мимо полковничья двора, когда „*заказъ* былъ въ Котелвѣ *ввечеру* никому *не ходить*". Туръ велѣлъ людямъ своимъ „отвесть прочь" Филипа: только-де и было всего, а откуда взялись у него „синеты"—Туръ не знаетъ...

Имя Тура встрѣчается и въ описаніи подвиговъ другихъ ратныхъ людей, напр. въ исторіи рейтара его полка Никона *Кривцова* съ котелвинцемъ Иваномъ *Передерей*. 24 октября рейтаръ „нашедъ на *веселья* до Ивана Передеря, и тамъ *сварку* вчалъ"—подрался изъ-за чего-то съ хозяевами и гостями, „*схопилъ*" 2 шапки съ сыновей Ивана и бросился съ жалобою къ Туру. Полковникъ потребовалъ къ себѣ Передеря и сталъ его „*мордовать*"...

На розыскѣ Туръ говорилъ, что Кривцова теперь нѣтъ въ полку: онъ сбѣжалъ неизвѣстно куда. Но Туръ помнитъ его исторію съ Передерей: по его словамъ—рейтаръ не насильно вломился на „веселье" къ Передерю, но былъ „званъ на свадьбу", откуда прибѣжалъ къ Туру „битъ въ крови", въ чемъ обвинялъ Передеря съ сыновьями. Привели Передеря къ Туру, и тотъ велѣлъ его „сковать въ желѣзо" на одинъ часъ, а затѣмъ отдалъ пришедшему за нимъ наказному полковнику Ефиму Вечеркѣ. О шапкахъ, отнятыхъ Кривцовымъ у сыновей Передери, полковникъ не знаетъ, какъ и не понимаетъ заявленія Передери, будто эта исторія нанесла ему „убытку 19 золотыхъ"...

Передеря объяснилъ, что онъ далъ Туру „одну *тарель* (т. е. талеръ), чтобы ево росковалъ, да рейтару Никону (Кривцову) далъ 6 золотыхъ"...

Туръ на это обидчиво замѣтилъ: „хотя его Якова того тарелью и *поклепалъ* (Передеря), и онъ де тарель ему Ивану заплатитъ"... И дѣйствительно, Туръ „далъ ему Ивану на очной ставкѣ тарель"...

Около этого же времени, въ октябрѣ, отличались „челядники" того же Тура и ротмистра Мартына *Балмана*: ночью они напали на дворъ Ѳедора *Гнилосыра* и отняли у него „семрягу и чеботы"... Подробности этого грабежа неизвѣстны. Это—тотъ самый Гнилосыръ, на котораго Туръ точилъ зубы изъ-за Павлихи...

Не отставалъ отъ Тура и его коллега солдатскаго строя полковникъ Иванъ *Гранъ*, хотя подвиговъ его занесено въ розыскное дѣло гораздо меньше. Такъ, 31 октября Гранъ послалъ своего челядника Леску, съ нѣсколькими солдатами, на дворъ козака Матюшки, у котораго шло *„веселье"—„по музыку"*. Но Матюшка „музыки" не отпустилъ и вмѣстѣ съ гостями своими избилъ „ослономъ" Леску и солдатъ. Мало того: у Лески тамъ отняли „2 ножа нѣмецкаго дѣла", „рукавицы червчатые нѣмецкіе", саблю, кафтанъ, шапку и „2 золотыхъ червонныхъ, съ платомъ". Гранъ послалъ туда поручика Илью *Боровскаго*, съ командою салдатъ, выручать Леску и взять Матюшку съ сыновьями и гостями. Всѣ они были переданы полковнику Вечеркѣ, который ихъ „сажалъ на пушки" за избіеніе Лески.

1 ноября Иванъ Гранъ, „нашедчи на дворъ до Якова *Перекреста*, въ ночи и съ челядью, и великія насильства чинилъ, *ломячись* въ комнату *до жены* Яковлевой"...

Гранъ увѣрялъ на розыскѣ, будто Перекрестъ „звалъ его къ себѣ въ гости", и онъ пошелъ къ нему съ 2 челядниками, но никакого „насильства" не чинилъ...

Повидимому, Яковъ Перекрестъ торговый человѣкъ: 2 ноября Гранъ „взялъ" у Перекреста „2 локтя червонного *кармазину*" на 20 „золотыхъ" „*бунтъ швабскаго полотна*" и желѣза на 20 алтынъ, сафьяну на 1 рубль.

Гранъ увѣрялъ, что за 1 локоть сукна отдалъ 3 „тарели", а остальное-де Перекрестъ ему „подарилъ"... Однако, „послѣ очной ставки" Гранъ „расплатился" съ Перекрестомъ...

У Кузьмы *Краморя* Гранъ взялъ 25 *шинъ* и заплатилъ за шину по 7 копѣекъ, т. е. *не доплатилъ* по 5 коп. за шину... Но на розыскѣ Гранъ „у вѣры росплатился" съ Кузьмою.

У того же Краморя и Туръ бралъ желѣзо и ничего не заплатилъ. А на розыскѣ Туръ, „не ходя въ очную ставку—расплатился" съ Краморемъ...

Вообще, оба полковника, Туръ и Гранъ, и другіе начальные люди ихъ полковъ очень щедро пользовались даровою работою котелвинцевъ, или даромъ брали въ лавкахъ разные предметы, хотя за все это обѣщали заплатить. Нѣкоторые еще коечто платили до розыска, но большинство „платы не дали" въ свое время и только у розыска вынуждены были „росплатиться"... Изъ длиннаго перечня этихъ неблаговидныхъ проступковъ ратныхъ людей привожу, для примѣра, нѣкоторые:

Полковнику Туру котелвинцы даромъ обили желѣзомъ 3 „скарбныхъ воза", дали 11 паръ „ чеботъ", 8 овчинъ, 3 воловьи шкуры, „дѣлали шубы" и другое платье, оковали на 4 ноги 14 коней, „уробили" 7 паръ пистолетовъ и пр. и пр.

Полковнику Грану Савка *Слюсарь* „робилъ" 7 паръ пистолетовъ, оковалъ 7 возовъ и пр. Онъ же Слюсарь маіору Никитѣ Глазунову „осадилъ" 2 пары пистолетовъ и пр. Маіору Якову Колеру оковали возъ, ротмистру М. Балману оковали 2 воза и подковали 4 коней, ротмистру Ивану Улеру „уробили *рыдванъ*", сани, 2 пары чоботъ, 5 паръ подковъ и проч. Поручикъ Петръ Аркытъ взялъ у Кузьмы Краморя 2 сабли и т. д. и т. д.

По всѣмъ этимъ незаконнымъ поборамъ подавали сыщику Измайлову „скаски" котелвинскіе „*цехмистры*" разныхъ цеховъ—„*шевскаго*", „*резницкаго*", „*колесницкаго*", „*кушнерскаго*" и др.

IV.

Ромны.

Съ Роменъ (или *Рамони*) собирали стацѣю всего больше *Донскіе* козаки, у которыхъ также произошли недоразумѣнія съ роменцами по стацѣйнымъ разсчетамъ. Сборъ стацѣи производился на основаніи гетманскаго „листа", предписывавшаго „Рамонскому атаману, и войту, и инымъ мѣщанамъ" давать донскимъ козакамъ „всякую стацѣю *безъ отказу*, по росписямъ" Гадячскаго воеводы Өедора Протасьева. Съ гетманской стороны и здѣсь завѣдывалъ стацѣйнымъ сборомъ наказной обозной Иванъ Кустъ, но онъ лично не присутствовалъ въ Ромнахъ и только посылалъ туда своихъ козаковъ, вмѣстѣ съ московскими ратными людьми, пріѣзжавшими въ Ромны за стацѣей. Непосредственное наблюденіе въ городѣ за стацѣйнымъ сборомъ имѣли войты Грицько Ильинъ и Пахомъ Даниловъ и другія роменскія власти.

И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, гдѣ собиралась стацѣя, сыщикъ Измайловъ нашелъ большую путаницу въ стацѣйныхъ росписяхъ: въ рѣдкихъ случаяхъ донскія и роменскія росписи стацѣй вѣрно совпадали другъ съ другомъ, но чаще встрѣчались разности—то въ роменскихъ стояли болѣе крупныя цифры, чѣмъ въ донскихъ, то наоборотъ. Иногда разница была очень большая, напр. въ одной донской росписи было показано 86 осмачекъ урожая муки, а въ роменской только 22 осмачки и т. п.

Разобраться въ этой „лишней стацѣ" было невозможно: у „стацѣйнаго пріема" въ Ромнахъ находился присланный воеводою Протасьевымъ донской козакъ Евсей Мироновъ, но самъ онъ стацѣйныхъ росписей не составлялъ, а только „сказывалъ" воеводѣ разныя стацѣйныя цифры, и уже въ воеводскомъ управленіи составлялись росписи, на основаніи словесныхъ докладовъ Миронова (очевидно, онъ былъ безграмотенъ). Эти росписи, составленныя по памяти и потому ошибочныя, Протасьевъ отдавалъ обозному Ивану Кусту.

Но и роменскія росписи также велись небрежно и составлялись по памяти. Почему-то въ Ромнахъ ихъ не составляли и роменцы, доставляя стацѣйные припасы въ Гадячъ, сдавали ихъ по принадлежности безъ росписей. Потомъ уже самъ Кустъ составлялъ росписи стацѣи, безъ участія самихъ роменцовъ.

Сыщикъ Измайловъ не могъ разобрать всю эту путаницу уже по тому одному, что не могъ дать „очныхъ ставокъ" роменцамъ съ донскимъ козакомъ Е. Мироновымъ. Во время розыска Миронова не было на лицо и его никакъ не могли найти: онъ былъ раньше отпущенъ въ Бѣлгородъ, „въ челобитчикахъ" отъ своихъ товарищей донскихъ козаковъ, къ боярину воеводѣ кн. Б. А. Репнину. Послали за нимъ въ Бѣлгородъ, но тамъ онъ не оказался—„не сысканъ". Такимъ образомъ роменское дѣло о стацѣйномъ сборѣ „не вершено" стольникомъ Измайловымъ.

Но по поводу роменскаго стацѣйнаго дѣла возникли еще слѣдующія два дѣла о личныхъ столкновеніяхъ роменцевъ съ ратными людьми.

На розыскѣ войтъ роменскій Пахомъ Даниловъ показалъ, что пріѣзжавшимъ въ Ромны для стацѣйнаго сбора донскимъ козакамъ Кондрату Бѣлому съ 4 товарищи роменцы „дали", по требованію козаковъ, 5 паръ сапоговъ, стоимостью въ 1 рубль 16 алтынъ 4 деньги. Бѣлой съ товарищи не отвергали, что получили отъ войта 5 п. сапоговъ, но увѣряли, что сапоги даны имъ „впочесть (т. е. какъ подарокъ), а силою сапогъ (они) не имывали"... Однако войтъ Даниловъ доказывалъ противное, и сыщикъ Измайловъ постановилъ: „и за тѣ сапоги на Кондраткѣ (Бѣломъ) съ товарищи *доправлены* по цѣнѣ деньги рубль 16 алтынъ 4 деньги и отданы съ роспискою войту" Данилову.

Другое дѣло—о „бочкѣ меда", выпитой въ Ромнахъ двумя нѣмцами-офицерами... Тотъ же войтъ Пахомъ Даниловъ жаловался сыщику Измайлову, что какой-то „*нѣмчинъ*", пріѣзжавшій изъ Гадяча въ Ромны для стацѣйнаго сбора, вмѣстѣ съ поручикомъ Петромъ *Мичюровымъ*, „отбилъ погребъ" у мѣстнаго жителя Ѳедора *Дьяка* и „*выпилъ бочку меду*", которая стоила 10 „тарелей"...

Этотъ фактъ видимо заинтересовалъ Измайлова, и онъ ревностно сталъ искать этого „героя", съумѣвшаго выпить цѣлую бочку меду въ одинъ присѣстъ. Оказалось однако, что войтъ ошибся: не одинъ, а 3 или 4 „нѣмчина" одолѣли бочку Ѳедора Дьяка, ничего ему не заплативши...

Поиски свои сыщикъ началъ съ допроса указаннаго войтомъ поручика П. Мичюрова, который показалъ: былъ онъ посланъ въ Ромны для стацѣйнаго сбора одинъ, но при немъ и отдѣльно отъ него присланы для того же сбора еще 2 начальныхъ человѣка—нѣмцы поручикъ Андрей *Тилликортъ* и прапорщикъ Филипъ *Саѳаленъ*. Но Мичюровъ не знаетъ—отбили-ли они погребъ у Ѳ. Дьяка и „бочку выпили-ль", а помнитъ только, что къ нему приходилъ роменскій войтъ и дѣйствительно обвинялъ тѣхъ нѣмцевъ въ разгромѣ погреба и сокрушеніи бочки.

Герои были найдены, но по скромности не сознавались сначала въ своемъ подвигѣ: и Тилликортъ, и Саѳаленъ отвергали показаніе войта—они-де „меду бочки не выпивывали"... Въ подтвержденіе они ссылались на свидѣтельство ѣздившаго съ ними въ Ромны отъ обознаго Ив. Куста гадяцкаго есаула Юски, „а чей словетъ" (т. е. какое его прозвище)—нѣмцы не знаютъ.

Но Измайловъ нашелъ и Юску—оказался есаулъ Юско *Булаенко*, который нѣсколько раскрылъ завѣсу надъ похожденіями нѣмцевъ въ Ромнахъ. Булаенко разсказалъ: о погромѣ нѣмцами погреба роменца Дьяка онъ ничего не знаетъ. Но онъ слышалъ, какъ нѣмцы „просили себѣ пива и меду" у роменскаго войта, на что войтъ имъ отвѣтилъ: „ у насъ меду нѣтъ, а пива-де гарнецъ къ вамъ принесу"...—Нѣмцы настаивали: „буде вы меду не дадите, мы и сами сыщемъ!"..—Войтъ поторопился удовлетворить ихъ—„велѣлъ *шинкаркѣ* принести 2 *коновки* меду". Скоро „той господы хозяинъ", гдѣ остановились нѣмцы, принесъ „2 *конвы* меду", который нѣмцы съ есауломъ „выпили вмѣстѣ". Но какъ разгорѣлась дальше жажда у нѣмцевъ и какъ они отъ „коновокъ" перешли къ бочкѣ меду—есаулъ умолчалъ...

Однако войтъ продолжалъ настаивать, что нѣмцы, дѣйствительно, „отбивъ погребъ, выпили бочку меду" у Өедора Яковлева Дьяка, причемъ войтъ добавилъ, что очевидцемъ нѣмецкаго дебоширства былъ поручикъ Петръ Мичюровъ. На Мичюрова слались и нѣмцы, въ подтвержденіе своихъ показаній. Тогда Мичюровъ долженъ былъ сознаться, что въ первомъ своемъ показаніи онъ умолчалъ о многомъ... Дѣло еще было такъ: когда войтъ прибѣжалъ къ нему съ жалобою на бушевавшихъ нѣмцевъ, поручикъ пошелъ съ войтомъ на дворъ Дьяка и видѣлъ еще съ улицы, какъ „Ондрей (Тилликортъ) и Филипъ (Саөаленъ) съ товарищи (вѣроятно что были 2—3 солдата, или челядники нѣмцевъ) *медъ изъ погреба носятъ и пьютъ*"... Войдя во дворъ, Мичюровъ нашелъ обоихъ офицеровъ въ „свѣтлицѣ" Дьяковой хаты и „товарищи-де Андреевы и Филиповы изъ погреба на Федохинѣ дворѣ носятъ въ свитлицу медъ конвамы и пьютъ"...

Мичюровъ „почалъ имъ говорить, что они дѣлаютъ *нехорошо*—погребъ отбили и медъ пьютъ *насильствомъ*"... Нѣмцамъ эти рѣчи не понравились, и Сафаленъ „зато ево Петра ударилъ обухомъ"... Конечно, уговоры Мичюрова нисколько не подѣйствовали на пьяную компанію, и она продолжала свое дѣло, пока не покончила бочку меду. Прекратить безчинство Мичюровъ не могъ, такъ какъ былъ въ Ромнахъ одинъ, безъ команды солдатъ.

Когда сыщикъ Измайловъ упрекнулъ Мичюрова за первое невѣрное показаніе, Мичюровъ оправдывался такъ: „въ прежнемъ роспросѣ онъ Петръ про то не сказалъ потому, что-де они (нѣмцы) въ томъ на него (сначала) не слались"...

Измайловъ не сталъ добиваться сознанія нѣмцевъ и постановилъ: „и по общей ссылкѣ (т. е. по показаніямъ обвинителя войта и свидѣтеля Мичюрова) на Андреѣ Тилликортѣ съ товарищи, за бочку меду *доправлено* 10 тарелей", кои отданы „съ роспискою" роменскому войту Пахому Данилову для передачи пострадавшему Ө. Дьяку.

V.

Опошня.

Съ Опошни стацѣю брали на полкъ Николая *Балка*, также на основаніи гетманскаго „листа“ и подъ ближайшимъ наблюденіемъ Ивана Куста, которому Балкъ отдавалъ полученныя отъ начальныхъ людей своего полка „росписки“ на взятые стацѣйные припасы.

Любопытна „скаска“ Куста, поданная на розыскѣ сыщику Измайлову. Кустъ между прочимъ пишетъ: „отъѣзжаючи приказалъ ему Ивану *гетманъ* въ Гадячѣ съ воеводою съ Ѳедоромъ Протасьевымъ быть *въ любви* и *въ совѣтѣ*, и по гетманскимъ-де листамъ, что велѣно, давать стацѣю съ Опошни, съ Ромна и съ Миргорода. И онъ обозной гетманскому указу *противенъ* ни въ чемъ *не былъ*“... Гетманъ приказалъ Кусту внимательно „досматривать“ за стацѣйнымъ дѣломъ и наблюдать, чтобы московскіе начальные люди „стацѣю *по мѣрѣ брали, а не съ досадою*“ для населенія... Однако, эта „досада“ скоро проявилась... Когда въ Опошню былъ посланъ съ „нѣмчиномъ“ *Трутманомъ* гадяцкой козакъ для наблюденій при сборѣ стацѣи—„и Трутманъ нѣмчинъ того козака билъ и *увѣчилъ* безвинно, и *что хотѣли* стацѣи, то и *брали*“... Очевидно, за то и били посланнаго козака, что онъ былъ помѣхою при незаконномъ сборѣ лишней стацѣи. Другого же Кустовскаго козака *Скидаченка* московскіе ратные люди даже „въ Гадячъ выслали“ изъ Опошни, чтобы онъ не мѣшалъ имъ своевольничать... Они взяли здѣсь „большую стацѣю“, но „*всей* стацѣи въ роспискахъ *не писали*“. Кромѣ того, они писали въ своихъ росписяхъ, „будто де брали *немощные* яловицы—одногодки и бараны *худые*“, а въ дѣйствительности брали у опошенцевъ самыхъ „добрыхъ“ яловицъ и барановъ... Подлинныя московскія „росписки“ Кустъ отправилъ черезъ гетмана въ Москву, оставя у себя „списки“, кои и представилъ на розыскѣ Измайлову.

Гадяцкаго козака, избитаго Трутманомъ, не нашли, но козакъ Романъ Скиданенокъ явился къ сыщику и заявилъ: съ

Трутманомъ онъ не ѣздилъ въ Опошню и ничего не знаетъ о его стычкѣ съ Кустовскимъ козакомъ. Онъ былъ въ Опошнѣ для стацѣйнаго сбора съ „нѣмчиномъ" Вилимомъ *Полсуномъ*, который-де „стацѣю сбиралъ по указу", а не „своевольствомъ"... Личными отношеніями Полсуна Скидаченко остался доволенъ: нѣмчинъ „не бивалъ" его и пр.

Возможно, конечно, что Полсунъ добросовѣстно собиралъ стацѣю, но за то другіе начальные люди нисколько не церемонились и „что хотѣли, то и брали"... Сыщикъ Измайловъ, провѣряя росписи Балка съ росписями Опошенскаго войта Левка *Макаренка*, нашелъ большую разницу между ними, напр.: у Балка было показано 454½ осмачки ржаной муки, 118 осмачекъ овса и т. д., а у Макаренки—531 осмачка ржаной муки (на 76½ осмачекъ больше), 180 осмачекъ овса (на 62 осмачки больше) и т. д.

Полковникъ Н. Балкъ на розыскѣ объяснялъ: отчего произошла такая большая разница—онъ „не вѣдаетъ" и „развѣ-де потому лишняя стацѣя объявилась, что онъ Николай у опошенцовъ пріималъ муку и овесъ *въ Гадяцкую мѣру, а Опошенская мѣра меньши* Гадяцкой мѣры"... Но полковникъ не указалъ точно разницы между этими двумя „мѣрами". Притомъ же, Опошенскій войтъ Макаренко утверждалъ, на очной ставкѣ что опошенцы отдавали Балку стацѣю именно „ въ Гадяцкую мѣру, а не въ Опошенскую, и ту-де (Гадяцкую) мѣру и въ росписи своей написали"...

Затѣмъ войтъ Макаренко жаловался сыщику Измайлову, что присланный въ Опошню для стацѣйнаго сбора капитанъ салдатскаго строя Симонъ *Сонъ* съ товарищи „набралъ *напоемъ* 5 *цебровъ* меду, да 7 цебровъ пива"...

Капитанъ Сонъ оправдывался такъ: былъ онъ въ Опошнѣ 2 недѣли, и войтъ Опошенскій „приносилъ на дворъ, а въ иное время присылалъ съ мѣсскими ясаулы пива по *конвѣ* на день" и именно „*вчесть*, а насильствомъ-де они и напоемъ у войта ничего не имывали"... Капитанъ ссылался въ томъ на бывшихъ съ нимъ въ посылкѣ товарищей Степана Гнѣдина и Афанасья Ѳедянинова, а также на посланнаго Кустомъ гадяцкаго козака

Алексѣя Захченка (онъ же Токченко). Показанія Сона подтверждали всѣ эти свидѣтели—Токченко и др.

Въ такомъ же проступкѣ обвинялъ войтъ маіора Балкова полка Гедеона *Франка*, пріѣзжавшаго въ Опошню 27 ноября 1665 г.: маіоръ-де выпилъ у войта „2 цебра пива"...

Франкъ подтвердилъ это: съ нимъ послано было въ Опошню 5 салдатъ и они пробыли въ городѣ 3 дня, причемъ самъ войтъ и мѣщане вполнѣ добровольно, безъ всякаго принужденія, приносили имъ по одному цебру пива „на пріѣздѣ" и „на отъѣздѣ". Мало того: по приказу обознаго Куста, опошенцы должны были „кормить и поить" салдатъ, что они дѣйствительно и дѣлали, и приносили имъ ежедневно вино—всего около $1^1/_2$ „кварты" за 3 дня. Все это подтвердилъ и гадячскій козакъ, посланный Кустомъ сопровождать маіора въ Опошню.

Но эти недоказанныя обвиненія не смущали войта Макаренка, и онъ продолжалъ выкладывать передъ Измайловымъ новыя обвиненія противъ московскихъ начальныхъ людей. Такъ Балкова полка капитана Никиту *Владиславлева* войтъ обвинялъ въ такомъ же гомерическомъ пьянствѣ, какимъ отличились въ Ромнахъ нѣмцы Тилликортъ и Сафаленъ..; русскій капитанъ однако значительно уступилъ своимъ нѣмецкимъ сотоварищамъ: капитанъ съ 5 товарищи выпили пива *2 бочки* и *22 цебра*, но въ продолженіе $5^1/_2$ недѣль...

Показаніе войта: капитанъ Владиславлевъ съ товарищи „*набралъ* 22 цебра пива, да 2 бочки пива жъ, да товарищи-де ево Микитины *отняли* горшокъ масла"... Пріѣзжали они въ Опошню для стацѣйнаго сбора.

Объясненіе Владиславлева: съ нимъ пріѣзжали въ Опошню капитанъ Вилимъ *Палсонъ* (см. о немъ выше), поручики Александръ *Хорошой* и Богданъ *Перской*, прапорщикъ Яганъ *Грилсонъ*. Прожили они здѣсь $5^1/_2$ недѣль, получая каждый день отъ войта и мѣщанъ по ведру пива, также извѣстное количество хлѣба, мяса, рыбы и проч.—„чѣмъ имъ сытымъ быть"... Сколько именно чего они выпили и съѣли—капитанъ не помнитъ, такъ какъ тѣ припасы имъ „приносили не вдругъ", не сразу, а носили ежедневно, по мѣрѣ надобности и по аппетиту офицер-

скому глядя... Капитанъ не записывалъ этихъ приношеній, такъ какъ-де это кормленіе входило въ обязанности опошенцевъ, принимавшихъ всѣ мѣры къ ублаготворенію незванныхъ гостей... Но капитанъ хорошо-де помнитъ, что онъ и товарищи его благодушно принимали все приносимое имъ, „а насильствомъ-де ничего не имывали" у опошенцовъ...

Правда, вышелъ непріятный казусъ съ „горшкомъ масла"... Но и тутъ де виноваты не то опошенцы, не то аппетитъ офицерскій... Честью увѣрялъ капитанъ, что товарищи его „у бабы горшка масла не имывали"... Дѣло же происходило гораздо проще; опошенцы должны были представить въ стацѣю и масло коровье, но „стацѣйнаго масла не достало по вѣсу въ пудъ". Опошенцы заупрямились и не захотѣли восполнить недостающее количество масла. Начальные люди исполнились жалости къ опошенцамъ и не стали ихъ принуждать къ доставкѣ масла „въ дополнку въ тотъ пудъ". Однако, дополнить его было необходимо, такъ какъ въ Гадячѣ не приняли бы отъ нихъ неполнаго пуда... Но тутъ случай помогъ горевавшимъ офицерамъ. На ихъ счастье какой-то „мужикъ" привезъ къ нимъ на дворъ свиную тушу, доставленную отъ города въ счетъ стацѣи. Стали ратные люди принимать свинью и кстати обшарили возъ мужика: и что же!... въ возу какъ нарочно оказался „горшокъ масла", привезенный мужикомъ для продажи на базарѣ... Конечно, горшокъ былъ немедленно конфискованъ для государевыхъ ратныхъ людей, а мужикъ отпущенъ на всѣ четыре стороны безъ всякаго „насильства"... Пробовалъ было мужикъ протестовать, но ему посовѣтовали съ этими претензіями обратиться къ войту и мѣщанамъ... Горшокъ же присоединили къ другимъ стацѣйнымъ припасамъ и бережно доставили въ Гадячъ, гдѣ и сдали въ свой полкъ.

Въ Гадячъ же—увѣрялъ капитанъ Владиславлевъ—онъ доставилъ и 3 бочки пива и отдалъ ихъ Балку, вмѣстѣ съ разными „стацѣйными хлѣбными запасами". Въ Опошнѣ-же капитанъ и его товарищи не истребляли 2 бочекъ пива, какъ говоритъ войтъ, а пили только то пиво, которое ежедневно доставлялось имъ на постоялой дворъ.

Но войтъ доказывалъ, что „сверхъ стацѣйныхъ 3 бочекъ пива“, увезенныхъ въ Гадячъ, капитанъ Владиславлевъ съ товарищи взяли у него еще 2 бочки пива и „выпили въ Опошнѣ, а въ Гадячъ не возили“...

Сыщикъ Измайловъ, повидимому, не убѣдился доводами войта Макаренка: по крайней мѣрѣ больше не допрашивалъ Владиславлева и его товарищей и не заставилъ ихъ заплатить за 2 бочки пива, какъ постановлено было въ аналогичномъ случаѣ относительно Тилликорта и Сафалена...

Послѣднія обвиненія войта касаются уже упомянутаго выше капитана Симона *Сона*. Войтъ говорилъ, что пріѣзжавшій вторично въ Опошню, 26 октября, Сонъ съ товарищи, дорогою въ селахъ и деревняхъ опошенскаго уѣзда „*взяли* на себя стацѣи *денегъ* рубль 24 алтына 4 деньги“...

Сонъ доказалъ, что въ указанныхъ войтомъ селахъ и деревняхъ „онъ не бывалъ и стацѣи деньгами не имывалъ“ съ крестьянъ, да и въ Опошнѣ онъ былъ всего одинъ только разъ для стацѣйнаго сбора (см. выше, гдѣ войтъ обвинялъ Сона, что онъ „набралъ напоемъ“ нѣсколько цебровъ пива и меда). Очевидно, что войтъ смѣшалъ его, Сона, съ товарищемъ его Степаномъ *Гнидинымъ*, который дѣйствительно пріѣзжалъ въ Опошню для стацѣи 26 октября, но отдѣльно и самостоятельно отъ Сона.

Степанъ Гнидинъ показалъ, что знаетъ указанныя войтомъ села и деревни, но самъ въ нихъ не бывалъ и никакихъ денегъ отъ тамошнихъ крестьянъ не получалъ. Но Гнидинъ знаетъ, что въ тѣ села ѣздили для стацѣйнаго сбора „квартерместеръ“ Ларіонъ *Хомяковъ* и поручики Андрей *Рыхортъ* и Григорій *Волченской*. Ѣздили они туда вмѣстѣ съ Опошенскимъ бурмистромъ. Но брали-ли они деньги съ крестьянъ—Гнидинъ не знаетъ.

Сыщикъ Измайловъ допросилъ Хомякова, и тотъ долженъ былъ сознаться, что дѣйствительно былъ съ Рыхортомъ и Волченскимъ въ указанныхъ селахъ и деревняхъ и „съ жителей стацѣю *деньгами имали*“, именно взяли съ крестьянъ „8 золотыхъ (т. е. злотыхъ) и 7 *шаговъ*“. Но Хомяковъ увѣрялъ, будто они не требовали денегъ съ крестьянъ, которые „давали-де тѣ деньги имъ впочесть“, добровольно.

Поручики Рыхортъ и Волченской показывали тоже самое, что и Хомяковъ, однако сыщикъ Измайловъ постановилъ взыскать со всѣхъ ихъ 1 рубль 24 алтына 4 деньги. Деньги были „доправлены" съ начальныхъ людей тутъ же, во время розыска и переданы опошенскому войту Макаренкѣ.

Наконецъ, войтъ обвинялъ пріѣзжавшихъ съ Сономъ нѣмцевъ въ томъ, что они „взяли *насильствомъ* 10 барановъ" у опошенцовъ...

Сонъ утверждалъ, что знаетъ только о 5 баранахъ, да и тѣ получены-де были отъ войта „вчесть".

Войта привели къ присягѣ, послѣ которой онъ продолжалъ настаивать, что товарищи Сона „взяли всѣ 10 барановъ у него насильствомъ"... Сыщикъ тогда „доправилъ" съ Сона и его товарищей по 20 алтынъ за барана и деньги отдалъ войту.

Этимъ приговоромъ и заканчивается „розыскное дѣло" стольника П. А. Измайлова, которое онъ велъ почти полгода— съ конца января до половины іюня 1666 г. Еще въ маѣ Бѣлогородскій воевода бояринъ кн. Б. А. Репнинъ писалъ Измайлову, чтобы онъ возвращался въ Бѣлгородъ, если „у него стацѣйныя и всякія дѣла въ довершеніе дошли". Хотя многія розыскныя дѣла далеко не были закончены, но Измайловъ не сталъ дожидаться окончанія ихъ, такъ какъ встрѣтилъ разныя препятствія и задержки и не разсчитывалъ на возможность когда либо вполнѣ закончить эти дѣла.

17 іюня Измайловъ вернулся въ Бѣлгородъ и подалъ Репнину „невершенымъ дѣломъ перечневую роспись". Изъ этой росписи между прочимъ видно, что опошенское „стацѣйное дѣло потому и не вершено" Измайловымъ, что гадячскій воевода Ѳедоръ Протасьевъ не прислалъ въ Котелву (гдѣ Измайловъ производилъ опошенскій розыскъ) полковника Микулая Балка, а гетманъ Брюховецкій съ своей стороны не высылалъ (вторично) въ Котелву опошенскихъ войтовъ и другихъ черкасскихъ властей. Гетманъ писалъ Измайлову, что „войтовъ *за тревогою* въ Котелву прислать не мочно".

Хотя, такимъ образомъ, розыскъ не былъ вполнѣ законченъ Измайловымъ, но и изъ того, что имъ было сдѣлано, мы видѣли, что московскій сыщикъ отнесся къ своей задачѣ вполнѣ добросовѣстно. Своихъ людей—московскихъ ратныхъ—онъ нисколько не щадилъ и ни разу не покрылъ ихъ грѣховъ. Если преступленія ратныхъ людей были доказаны, Измайловъ наказывалъ ихъ сейчасъ же, безъ всякаго снисхожденія, не разбирая ни чина, ни званія. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ въ высшей степени честный и справедливый и, кромѣ того, отлично понимавшій, что въ виды московскаго правительства никакъ не могло входить стремленіе раздражать своихъ новыхъ подданныхъ. Измайловъ постарался изгладить своимъ—*иногда можетъ быть и черезчуръ*—строгимъ розыскомъ то дурное впечатлѣніе, какое естественно зародилось въ малорусскомъ населеніи при первомъ знакомствѣ съ московскими ратными людьми. Измайловъ наглядно показалъ, что и Москва, если захочетъ, можетъ быть справедлива, что и въ Москвѣ можно при случаѣ найти управу на беззаконія сильныхъ надъ безсильными... Насколько удалось ему убѣдить въ этомъ черкасъ—не знаю, но полагаю, что кое-чего онъ достигъ и заронилъ среди нихъ не одно зерно довѣрія къ московскому правительству... Словомъ, миссію свою Измайловъ исполнилъ очень умно и честно, обнаруживши въ себѣ качества не зауряднаго московскаго дѣятеля XVII вѣка.

Н. Оглоблинъ.

Дядько-землякъ.

(Разсказъ).

(ОКОНЧАНІЕ)[1].

VI.

Пріѣхали на ст. Ворожбу. Красивое вокзальное зданіе стоитъ на значительномъ отлогомъ холмѣ. Съ платформы вокзала видно далеко, далеко... Въ широкомъ раздольномъ просторѣ зеленѣющихъ полей видно тутъ много селъ и деревень, тонущихъ въ садахъ; а дальше пошли лѣса, потомъ — опять поля... Вотъ тамъ за полями и лѣсами на горизонтѣ, въ синевѣ, виднѣется не то мѣстечко, не то городъ... Кто его разберетъ?

Дядько любовался картиной всё время стоянки поѣзда и разспрашивалъ меня, какъ звать то или другое село, какой это уѣздъ, и какая тутъ идетъ рѣка, и есть ли въ ней рыба? Понятно, что я далеко не на всѣ вопросы могъ дать удовлетворительный отвѣтъ; но замѣчательно, что до Ворожбы дядько совершенно почти не выходилъ изъ „машины" и не интересовался...

Онъ перемѣнился: сдѣлался сосредоточеннѣе и молчаливѣе. Близость родины дѣйствовала на него возбуждающимъ образомъ и въ тоже время набрасывала на него печать сдержанности и молчаливости. Онъ теперь болѣе наблюдалъ, думалъ и соображалъ... и даже какъ будто стыдился своей прежней болтливости

[1]) См. „Кіевск. Стар". 1895 г., № 11.

и шутливости. Онъ сталъ серьезенъ и на предлагаемые ему вопросы отвѣчалъ кратко.

Мѣсто его оставалось пустое. Онъ съ своимъ узломъ окончательно переселился къ окну для наблюденія.

— Замѣчательный старикъ, говорили въ вагонѣ, всё время стоитъ...

— Родину почуялъ и сѣсть не хочетъ... интересуется все...

Дядько слышалъ замѣчанія на свой счетъ, но не оглядывался. Ему пріятно было, что онъ своимъ исключительнымъ поведеніемъ обращаетъ общее вниманіе публики. Онъ былъ радъ и еще больше погрузился въ созерцаніе.

На одной изъ станцій сѣлъ малороссъ, съ виду не то приказчикъ, не то писарь. Узнавши, что дядько ѣдетъ изъ Сибири на Волынь, онъ принялся, по обычаю всѣхъ своихъ соотчичей, въ минуту вынужденной праздности говорить по адресу дядька разныя полушутливыя замѣчанія.

— Але ў дядька чоботы настоящои Пеньковскои роботы... Оце дыво: прожывъ чоловикъ двадцять симъ литъ, а на ему хоть бы що зминылося... и свытка, и поясъ и шапка... все таке, що сказавъ бы въ Конотопи на ярмарци купывъ.

Дядько ничего не сказалъ въ слухъ; но мнѣ было слышно, какъ онъ процѣдилъ въ полъ-голоса: „а на тоби, голодранцю, все переминылося, хочь ты и завше въ Конотопи буваешь на ярмарци“.

— А почимъ дядько тютюнъ куповавъ? не прекращалъ своихъ замѣчаній тотъ. Котикъ стоялъ у окна и курилъ. Дымъ вѣтромъ относился въ вагонъ. Може то японскій? Чи багато везете его въ Пеньково? Дядьку?

Видя, что дядько упорно молчитъ,—прикащикъ пересталъ дѣлать замѣчанія.

Въ Нѣжинѣ дядько обратилъ вниманіе на куполы церквей и колоколенъ, выглядывавшихъ невдалекѣ отъ вокзала среди садовъ и зелени.

— То Кіевъ? спросилъ онъ, тревожно указывая на церкви и держась за узлы.

— Ни, ще далеко до Кіева.

— Панычъ скажуть, колы буде Кіевъ?

— Скажу... ще не хутко.

— А я думавъ, що Кіевъ.

— А дядько въ Кіевѣ не буде останавливаться?

— А якъ-же можно?! Треба.. треба статы на дня три, або й чотыри. Треба Богу помолытыся, подзинковаты, що Господь Богъ сподобывъ... Тамъ, кажуть, святы пещеры... А якъ-же, треба... О, теперь... теперь...

И вдругъ, не выдержавши, старикъ бросился безъ всякой видимой причины обнимать перваго попавшагося ему подъ руки. Крѣпкими своими руками обхватилъ онъ сидѣвшаго ближе къ нему какого-то крестьянина тоже малоросса... и повисъ на нѣсколько секундъ. Тому видно не особенно пріятно было такое безпричинное изліяніе чувствъ, и онъ старался освободиться отъ объятій.

— Что, что такое? кинулись всѣ въ вагонѣ.

Но растроганный старикъ не могъ сказать ни слова отъ давившаго его волненія. Возбужденный, стоялъ онъ во весь свой ростъ, какъ-то кисло улыбаясь; на рѣсницахъ у него дрожала слеза... Выраженіе лица его словно говорило: „судите, какъ хотите... а я не могу... Мнѣ хочется обнять кого-нибудь... обнять крѣпко, щиро, хотя бы это и непріятно было тому, кого я обнимаю“.

— Не выдержалъ старый...

— Запевне... стильки литъ не бачивши своихъ... Плаче...

Онъ снова уткнулся въ окно и какъ бы вытиралъ слезу. Ему немножко, кажется, стыдно было, совѣстно отъ несдержанности. Онъ что-то такое шепталъ про себя и ковырялъ пальцами въ углу оконной рамы. Должно быть онъ думалъ: „крипывся, крипывся всю дорогу, а пидъ кинець таки не вытрымавъ... роскисъ, якъ дурень якій... Воно-то певне ничого... але все таки якось ніяково... Ну, тай щожъ, що я его поцилувавъ?!. Не вытримавъ“.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было „вытримать“, когда послѣ двадцатисемилѣтней разлуки съ своими, послѣ столь продолжительнаго пребыванія въ Сибири, ему опять дали

возможность видѣть родину? Предъ нимъ опять открылись *знакомыя* картины родной жизни, хотя эти картины онъ видѣлъ собственно первый разъ. Но онѣ знакомы были ему духомъ... Онъ уже изъ вагоннаго окна видѣлъ „били хаты зъ сояшныками и тютюномъ въ городи... и волы въ ярми, и обмазаннаго Богъ знае въ що воза, и хозяина коло воза, такого-жъ обдрипаннаго, якъ визъ, и бабу въ конопляхъ"... Ему такъ и хотѣлось полетѣть, выпрыгнуть изъ окня и спросить мужика, „чи багато въ его поля"? а бабу—„почимъ продавала тальку прошлу зиму?" Его приковало къ окну. Онъ уже жилъ той жизнью, которая тамъ, за окномъ, среди полей и обильныхъ урожаемъ огородовъ... и только необходимость заставила его оставаться въ душномъ вагонѣ.

Поѣздъ вошелъ въ приднѣпровскій лѣсъ... Громыхая и слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону, летѣлъ онъ по слегка наклонному, отлогому пути; и его грохоты, и свистки отдавались далеко въ густомъ лѣсу, широко раскинувшемуся по теченію Днѣпра. Онъ безпрерывно свисталъ, и эти свистки отдавались какъ-то отчетливѣе и гуще... Словно-бы раньше поѣздъ совсѣмъ такъ и не свистѣлъ. Его будто рвало, будто хотѣлось ему скорѣе вылетѣть изъ лѣсу... и онъ въ нетерпѣніи работалъ колесами сильнѣе и сильнѣе. Только мостъ на Днѣпрѣ нѣсколько сдержалъ его энергію, и, какъ-бы съ неудовольствіемъ уменьшивъ свой ходъ, поѣздъ медленно вступилъ въ желѣзную шахту днѣпровскаго моста... Громадная желѣзная рѣшетка медленно мигала передъ глазами, чередуясь время отъ времени съ крѣпкими желѣзными устоями, связывавшими рѣшетку.

— Отъ тутъ певне желиза та камня пишло не доведы Боже... певне, не една тысяча пудивъ, сказалъ дядько, глядя поверхъ головъ столпившихся у окна пассажировъ. Всѣ прильнули къ окнамъ. Широкая, оживленная рѣка плескала внизу свои волны. Впереди открывалось большое водное пространство... А влѣво, на высокихъ кіевскихъ горахъ высилась кіево-печерская лавра, горя на солнцѣ своими позолоченными главами. Множество церквей и разныхъ построекъ ютились по холмамъ и долинамъ горъ, размытыхъ кой-гдѣ оврагами, ущельями и усѣян-

ныхъ садами... А надъ всѣмъ этимъ царственно возвышалась грандіозная колокольня, представляющая лучшее сочетаніе архитектурнаго изящества и прочности.

Я слѣдилъ за впечатлѣніями дядька. Онъ давно снялъ шапку и съ слегка раскрытымъ ртомъ и болѣе обыкновеннаго раздвинутыми глазами наблюдалъ... Что онъ скажетъ? Наши взгляды встрѣтились.

— Я думаю, тутъ на Днипри рыбына бувае... сказалъ онъ, наконецъ словно угадывая, что я жду отъ него слова. Але трудно еи тута зачепыты!.. О, що трудно-то трудно... Ой, дывиться-но вы (онъ взялъ стоявшаго предъ нимъ пассажира за плечо),—яка тута выспа... Чи то що року така бувае? чи може іи зносыть?.. Скажитъ-но вы мени, якимъ способомъ тутъ рыбу можно зловыты? бо невода тутъ я думаю, не можна затягнуть... Га?

Но вопросы дядька остались безъ отвѣта.

Въ послѣднемъ пролетѣ сильно рвануло вагоны... Мостъ миновалъ и поѣздъ, пыхтя какъ-бы въ нетерпѣніи и досадѣ на встрѣчающіяся препятствія, сталъ подниматься по извилистому пути на кіевскія горы, ежеминутно оглашая окрестности свистками.

Дядько давно уже сложилъ всѣ свои узлы и приготовился къ выходу. Еще двѣ остановки на кіевскихъ второстепенныхъ вокзалахъ... Дядько порывался идти. Но его останавливали, говоря, что это еще не та станція...

Запестрѣлъ на горѣ Владимірскій Соборъ.

— Це Лавра тежъ?

— Ни, тутъ една тильки Лавра, що була... а це соборъ.

Поѣздъ остановился. Өедоръ Котикъ сошелъ на платформу съ благоговѣніемъ безъ шапки... Его то и дѣло толкали, прося идти скорѣе и не задерживать пассажировъ своими узлами. Но дядько молчалъ и медленно подвигался впередъ, не обращая вниманія на толчки и пинки, которыми угощали его сзади.

— Хвалыты Бога, теперъ мижъ своимы... сказалъ онъ, стоя какъ вчера на московскомъ вокзалѣ среди пассажировъ, на платформѣ. Какъ и тогда, онъ былъ выше головою многихъ...

Его узлы валялись въ ногахъ, но онъ на нихъ меньше теперь обращалъ вниманія. Теперь это было для него какъ-бы второстепенное. Онъ даже забылъ и про свои амурскіе гачки и глазѣлъ по сторонамъ.

— Ну, бувайте здоровы! обратился я къ Котику.

— Бувайте здоровы!

— Дай Боже счастлыво добратыся до дому... та добре життя!... Щобъ вамъ завше рыба ловылася!

— Спасыби за щире слово! И вамъ всего доброго.

— Та глядить-но свои вещи, бо щобъ часамы не вкралы... Туты часамы трапляется: чоловика зовсимъ обикрадуть.

— Ни, ни, Боже бороны... Дай Боже вамъ всего...

— Сторонись, старикъ, куда лѣзешь? крикнулъ на него багажный съ ношей на спинѣ... И, не докончивъ своихъ благожеланій, Котикъ пошелъ къ своимъ вещамъ, сторонясь „казнивъ", отъ которыхъ, по его убѣжденію, теперь нигдѣ нельзя было скрыться.

VII.

„Замѣчательный старикъ", думалъ я, оставаясь довольно продолжительное время подъ впечатлѣніемъ новаго знакомства и перебирая въ своей памяти разговоры съ Котикомъ. Главное, что поражало въ немъ—это его *надежды*... Онъ жилъ однѣми надеждами. Надежды сопровождали его въ Сибирь, поддерживали его двадцатисемилѣтнее пребываніе въ Сибири и, наконецъ, возвращали его обратно, на родину... Онъ ѣхалъ на Волынь съ цѣлымъ роемъ надеждъ, которыя питали въ немъ возможность самыхъ неосуществимыхъ предпріятій. Онъ мечталъ о рыбной ловлѣ въ такихъ размѣрахъ, которымъ вовсе не могла отвѣчать дѣйствительность... Это былъ *идеалистъ*, жившій розовымъ будущимъ, не смотря на свои семьдесятъ три года, и мечтавшій о своихъ будущихъ планахъ съ жаромъ двадцатилѣтняго юноши. Мечты отдаляли его отъ дѣйствительности, но онъ не замѣчалъ этого, и хорошо извѣстная ему Волынь представилась теперь въ его воображеніи совсѣмъ другою, чѣмъ она была на

самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Живя мечтами и надеждами, онъ создалъ *свою* Волынь и, возвращаясь на родину, онъ серьезно былъ убѣжденъ, что возвращается въ тотъ именно край, который создался въ его представленіи. Любовь къ родинѣ имѣла руководящую роль въ созданіи этого представленія.—Онъ напоминалъ дитя—по жизнерадостности и воспріимчивости впечатлѣній. Какъ дитя, онъ интересовался всѣмъ, что было близко ему... Болтая безъ умолку о своей Волыни на чужой сторонѣ, онъ разсказами замѣнялъ для себя дѣйствительность; а когда подошла сама дѣйствительность съ своими жизненными впечатлѣніями, онъ умолкъ и весь превратился въ зрѣніе, стоя у вагоннаго окна. Эта жизнерадостность и жизнь надеждами молодила старика, задерживала вліяніе на него времени, и старикъ, при своихъ 73 годахъ, казался гораздо моложе. Ему можно было дать 45—50 лѣтъ.

Старика ждали разочарованія. Это было ясно. Я мысленно старался представить себѣ, какъ разочаруется Ѳедоръ Котикъ, вернувшись на родину въ свое Пеньково и найдя многое совершенно несоотвѣтствующимъ тому, о чемъ онъ такъ возбужденно мечталъ.

Я не ошибся. Разочарованіе началось у него съ Кіева.

По обстоятельствамъ, я долженъ былъ пробыть въ Кіевѣ нѣсколько дней. Случилось мнѣ быть въ Лаврѣ. Былъ праздникъ. Въ Лаврѣ было людно. Медленно, группами ходили усталые богомольцы по лаврскимъ церквамъ, галлереямъ и пещерамъ съ тою молчаливою сосредоточенностью и какъ бы торжественностью, которая всегда характеризуетъ отношеніе простого русскаго народа къ своей національной святынѣ.

Проходя мимо лаврскихъ столовыхъ, гдѣ постоянно толпится много народа по праздникамъ, я замѣтилъ подъ деревомъ не вдалекѣ отъ будки, гдѣ монахъ продавалъ квасъ, дядька... Да, это онъ: мрачный, невеселый, видно усталый, сидитъ на лавочкѣ подъ деревомъ и о чемъ то думаетъ. Я подошелъ къ нему. Онъ улыбнулся.

— Ось такъ сыжу, спочиваю—сказалъ онъ, отодвигаясь и давая мнѣ мѣсто.

— Намолылыся?

— Эге... Маты Божая, яке тутъ мисце?! Скильки тутъ святыхъ!

— Въ пещерахъ булы?

— Бувъ, поклонявся святымъ мощамъ, молывся щиро, що Господь Богъ сподобывъ до Кіева добратыся... Онъ хотѣлъ еще что-то такое сказать, но замолкъ. Онъ былъ не въ духѣ. Нерасположеніе духа явно сказывалось у него на лицѣ, всегда подвижномъ и отражающемъ на себѣ всякія настроенія...

— Невжежъ-то тамъ въ тыхъ пещерахъ святыи жилы? спросилъ онъ, сохраняя прежнее выраженіе лица.

— Жилы.

— И на свитъ не выходылы?

— Булы таки, що и не выходылы. Або що?

— Все молылыся? всю свою жизнь?

— Эге.

Онъ покивалъ головой и задумался.

— Або що?—спросилъ я.

— Ничого, то я такъ соби, значится, миркую... Ще я хтивъ спытаты: зъ якихъ мистъ воны булы, тыи святыи? чи тутейшіи, чи може здалека?—спросилъ онъ, нѣсколько оживляясь.

— Булы и тутейшіи, а бильшъ такихъ, що здалека попрыходылы... А що дядька такъ цикавыть?

— Ничого, то я миркую все нибы такъ. Що то значыть святый чоловикъ? Ось напрыкладъ, скажемъ, я бувъ въ Сибири: то мене такъ и кортило все время додому, а въ мене все було и хата, и худобына, и кавалокъ земли... И все таки кортило... А святый чоловикъ ось въ чому живъ—въ пещери, де навѣть повернуться не можна и ничого въ его не було—ни хатыны людьскои, ни худобы... и ёго не кортило до дому, бо винъ — святый. Въ его и систы навѣть не було на чому полюдски, не то що... Святы люде!

Онъ замолкъ, свѣсилъ голову на грудь и какъ бы зажмурилъ глаза. Какія-то новыя морщины пробѣгали у него по лицу. Иногда онъ открывалъ глаза и тупо глядѣлъ въ заборъ. Казалось, вотъ-вотъ онъ заплачетъ.

— Чи дядько здоровъ, чи ни? бо щось невеселый—спросилъ я.

— Ни... зовсимъ здоровый... але... въ мене гроши вкралы, то я трошки сумный ставъ.

— Колы вкралы? де?

— Ось тутъ вже, въ Лаври. Я вамъ роскажу. Якъ я прыйшовъ сюды, то першимъ диломъ пишовъ по святымъ Богу молыться... Помолывшись, значится, треба Котыку поисты трохи. Ось я пишовъ сюды (онъ указалъ на домъ, гдѣ помѣщалась народная столовая). Тамъ спытавъ соби обидаты, то мени далы борщу и рыбыны... Отъ я смачно соби поивъ трохи тай розбалакався звычайно зъ людьмы, що обидалы зо мною, розсказувавъ имъ про свое життя въ Сибири, про китайцивъ...

— И гачки показувалы?

— А показувавъ... Але було въ мене въ шматыни завязаны рублывъ сто-пятнадцать, що зложивъ я въ Сибири, думавъ додому занесты гостынця. Лежалы воны въ торбыни недалечко отъ гачкивъ. Поки я росказувавъ та показувавъ, жулыки и пидгледилы де що лежить... Отъ я балакавъ та балакавъ, багатобагато людей було, слухалы мене... Потымъ пишовъ въ соборъ Богу молытыся, ставъ за стовпомъ тай молюся, положивши коло себе торбыну. Людей, правда, багато було: тиснота була велыка... Отъ, помолывшись, думаю, треба вже йты... Колы я до торбы—цапъ,—а вона розвязана... Такъ въ мене ось тутъ и застукало (онъ указалъ на грудь)... Я до мотузка зъ грошима, а его вже чортъ-ма. Такъ и згинулы. Я заразъ зъ церквы на цвинтарь, ставъ разглядаты свою торбу... ничого... все на свому мисти лежить: и хлибъ, и паспортъ, и гачки, и одежина—тильки грошей нема. Отъ якъ бачите... Ну, ну... Оце то взявъ! такъ, якъ нибы самъ положивъ!..

Удивлялся старикъ, вертя головой во всѣ стороны.

— Я думаю такъ, що поки я молывся Богу, воны и обикралы мене.

— Щожъ у васъ теперь зовсимъ грошей нема?

— Ни, ще е трохи, бо бачте (онъ обернулся кругомъ, не подслушиваетъ ли его кто-нибудь. Убѣдившись, что никого

по близости нѣтъ, онъ продолжалъ въ полъ-голоса, ежеминутно оборачиваясь), въ мене ще въ шапци зашиты гроши, рубливъ зъ двадцать... то ще е... але тыи то пропалы зовсимъ. Шапку я стережу теперъ добре. Але, знаете що? Оглядавъ я тоди, якъ укралы въ мене гроши, свою шапку, дывлюсь, въ ней по шви— нибы якъ ножичками розризано... Оце дывиться-но!

Онъ снялъ четыреуголку и показалъ мѣсто гдѣ было разрѣзано...

— То, якъ бачите, счастя ще мое, що винъ не зъ того кинця почавъ ризаты, тай ошпетывся, дулю зъивъ... А якъ бы не дурень бувъ да зъ другого боку помоцювавъ, то кепсько пришлося-бъ Ѳедьку Котыку; тра було-бъ теперъ пидъ викнамы ходыты, та хлиба за Бога прохаты. Эге...

Во время разговора мимо насъ по дорожкѣ проходили монахи и послушники. Старикъ съ почтеніемъ каждый разъ вставалъ, отдавалъ имъ низкій поклонъ и у нѣкоторыхъ, которые казались ему поважнѣе, цѣловалъ руку.

— Що-жъ вы никому не говорылы про свою пропажу?

— А кому тутечка скажешь? Пидійшовъ я бувъ до того монаха, що свички продае въ церкви. „Такъ и такъ, кажу, батюшка, гроши въ мене пропалы"—„А скильки?" пытае.—Сто и пятнадцять рубливъ", кажу. То щожъ винъ, думаете, сказавъ А?.. Винъ сказавъ... Перше засміявся, а потимъ сказавъ... „Туракъ ты, каже, та на що-жъ ты, туракъ, носышъ стильки грошей; подиломъ тоби, дураку, каже"... Такъ и сказавъ. Наветь не спытався,—хто я такій, звиткиль я иду; хочь бы узнавъ, що я за чоловикъ?

Дядьку было особенно обидно не столько то, что монахъ не принялъ участія въ его горѣ, сколько то, что онъ какъ бы не обратилъ на него вниманія, не разспросилъ, кто онъ, откуда идетъ?.. Вездѣ его спрашивали, въ вагонѣ проходу не давали отъ разспросовъ, такъ что Котикъ не успѣвалъ отвѣчать... а теперь на него даже не смотрятъ. Въ громадной толпѣ, сошедшейся въ Лаврѣ, онъ былъ совершенно незамѣтенъ. Это было для него обидно... Онъ былъ такъ простодушно общителенъ, готовъ былъ каждому до подробностей всё разсказывать о себѣ,

а его даже не удостоиваютъ отвѣтомъ, подтруниваютъ надъ нимъ въ горѣ, обзываютъ дуракомъ...

— Слухайте-но, може ваши гроши пропалы ще въ вагони, на машыни, якъ ихалы?

Котикъ отрицательно покачалъ головой.

— Ни, не може буты, бо ще на вокзали я дывывся въ торбу: гроши лежалы... Ни, що вже тута... тутейшіи мазурики.—Ой, дывится но, хто це йде?! чи не архіерей?

Площадь переходилъ наискось отъ столовой къ адресному столу какой-то толстый монахъ съ наперстнымъ крестомъ и огромной бородой. Дядько тотчасъ-же выправился и отвѣсилъ монаху низкій поклонъ. Онъ очень удивился, что это не архіерей.

— Я ще не бачивъ архіерея. Колыбъ Господь Богъ сподобывъ.

— Певне въ недилю тутъ буде служиты архіерей. Пождить до недили, то и зобачите...

— Ни, не можна мени до недили буты; боюсь... ще зовсимъ мене тута обикрадуть. А я ще наветь гостынцивъ хотивъ своимъ внукамъ купыты въ Кіеви... а теперь вже не можна... купывъ тильки хрестыки срибны. Ось воны (онъ не утерпѣлъ и, не смотря на мои просьбы оставить узелъ, развязалъ его и показалъ въ узелкѣ маленькіе, двадцати-копѣечные, крестики). А теперь вже все пропало, вся моя працня пропала.

Онъ минуту помолчалъ.

— Знаете, що я вамъ скажу, обратился онъ ко мнѣ: я думаю, що мене самъ Богъ покаравъ.

— За що?

— А ось за що. Я якъ выходывъ зъ Сибири, то давъ соби таке намиренье, значить: що якъ тильки прыйду въ Кіевъ, то, дякуючи Богу, поставлю свичокъ Божій Маты на пять рублывъ. А якъ прыйшовъ, то, знаете, щось мени все въ ухо говорыть: „не ставъ свичокъ, не ставъ... Ты стильки трудывся"... Що не хочу я ставыты свичокъ на пять рублывъ, такъ заразъ мени щось и говорыть на ухо: „пожды, Өедьку, пожды трохи"... Ось, я ждавъ, ждавъ, та и дождався тепереньки...

И онъ, сложивъ руки долоня къ долонѣ, положилъ ихъ межъ колѣни и самъ, склонившись головой и глядя на дорожку, кивалъ головой, медленно говоря:

— Дож-дав-ся те-пе-рень-ки... Эге... Ѳедоръ Котыкъ розумный, а Богъ (онъ поднялъ глаза по направленью собора) ще розумнійшій. По-диломъ, щобъ не бувъ такій хитрый та розумный дуже.

Я слегка протестовалъ противъ этой мысли, но Котикъ оборвалъ меня замѣчаніемъ.

— Ни, Богъ таки хтивъ мене наказать, бо въ мене гроши въ *самій церкви* вкралы... Колы-бъ ще на улыци, то друге дило, а то, бачите, въ самій церкви, та ще и въ главній... Ни...

— А чому-бъ вамъ не заявыты полиціи, що гроши у васъ пропалы?

— Що?! по-ли-ціи... (Онъ схватился съ своего мѣста и принялъ удивленную позу). Ось чи бачите оце все, що на мени... (Онъ взялъ себя за свитку и указалъ на узелъ) Оце все отдамъ—оно тильки абы зъ тымы полиціямы та казнамы дила не маты. Досыть! Вже я мавъ зъ нымы дила, нехай ще други зъ нымы маютъ.

Ударилъ колоколъ къ вечернѣ.

Старикъ напялилъ на себя узлы и перекрестился.

— Треба йты... Теперь пійду въ тыи церквы. Ще я тамъ не бувъ. Онъ указалъ на дальнія пещеры.

— Бувайте здоровы, дядьку, да глядить свою шапку, щобъ не вкралы!

Больше я не видался въ Кіевѣ съ Котикомъ.

VIII.

Прошло три года.

Я успѣлъ уже забыть о Котикѣ, но проѣждая, однажды, чрезъ деревню Пеньково, вспомнилъ о своемъ старомъ знакомомъ, и мнѣ очень захотѣлось навѣстить его.

День былъ ненастный, осенній. Падалъ непрерывный, мелкій дождь изъ сѣрыхъ, низко нависшихъ надъ землей тучъ. Деревня

Пеньково, расположенная на небольшой прогалинѣ среди лѣса, глядѣла подъ дождемъ очень неприглядно. Рядъ низенькихъ избушекъ окаймлялъ грязную дорогу съ обѣихъ сторонъ. Избы были грязныя, черныя. Хозяйственныя постройки крестьянъ глядѣли сумрачно своими дырявыми, соломенными крышами. Бродили по грязи подъ дождемъ худыя коровы, а у подворотни визжали голодныя свиньи. Кой-гдѣ раздавался рѣзкій, крикливый голосъ бабы, загонявшей гусей... А у корчмы стоялъ, зѣвая во всю глотку, на порогѣ плотный Янкель, вылѣзшій изъ своей берлоги въ нижнемъ бѣльѣ и жилеткѣ посмотрѣть, кто ѣдетъ въ такую пору съ звонкомъ. Янкель былъ любопытенъ. Отъ него не скрывался ни одинъ путешественникъ, проѣзжавшій чрезъ село. Картина была грустная, не веселая...

— Гдѣ тутъ Котикъ живетъ? спросилъ я у жида.

— А вамъ нащо Котикъ?! Ну?! Винъ живе тамъ... Друга хата зъ краю... Ну?! Нехай паничъ скажить, нащо Котикъ, може я знаю...

У воротъ указанной избы я встрѣтилъ не старую еще бабу. Высоко приткнувъ подолъ своей „спидныци“ и держа въ рукахъ корыто съ кормомъ для свиней, она кричала во все горло на все Пеньково и даже далѣе...

— Чке, чке, чке, чке-е!..

На знакомый призывъ бѣжали съ разныхъ сторонъ свиньи, еле вытаскивая ноги изъ грязи, и хрюкали... Я велѣлъ остановиться.

— Тутъ живетъ Котикъ?

— Якій? Чи Иванъ, чи... Недовольнымъ голосомъ переспросила „молодыця“.

— Ѳедоръ... Старикъ...

— Тожъ воны вже вмерлы, рѣзко замѣтила хозяйка и продолжала кричать: „чке! чке! чке!“... Этимъ она давала понять, что не желаетъ разговаривать ни съ кѣмъ, даже съ паномъ, что ей не до того.

— Колы вмеръ Ѳедоръ?

— Вмерлы... Царство имъ небесное... вже давно... Чке! чке! чке!...

Свиньи подымали свои рыла къ корыту, которое все еще держала хозяйка, и немилосердно хрюкали. Дождь шелъ не переставая и заглушалъ разговоръ.

— Ще, позаторикъ... Эге... Чке, чке, чке!!. Вмерлы.

Она поставила корыто. Свиньи ринулись туда головами.

— Скажить вы мени, зъ чого винъ вмеръ?

— Хто?! крикнула она, наставляя ухо и постепенно допуская къ корму то одну свинью, то другую.

— Котикъ Өедоръ.

— А—цю!.. Щобъ ты лопло!.. Ото, недуги на васъ нема!.. Тожъ воны вже вмерлы, я кажу, ще позаторикъ... А, щобъ ты триснула!—крикнула она вдругъ неожиданно, оттаскивая одну особенно крупную назойливую свинью и ударивъ ее такъ, что палка переломилась на-двое. Она была больше заинтересована своимъ дѣломъ и повидимому вовсе не придавала никакого значенія моимъ вопросамъ. Память покойнаго Өедька также повидимому мало ее интересовала. Это было очень огорчительно. Уѣхать изъ Пенькова, не узнавши, какъ жилъ и отъ чего умеръ Котикъ, вовсе не входило въ мои планы.

Посмотрѣвши на мой совершенно промокшій костюмъ, баба должно быть немножко сжалилась... потому что совершенно неожиданно сказала:

— Якъ хочете, то проше до хаты... обсушиться трохи, бо дощъ ще певне буде довго иты. И она безнадежно посмотрѣла вверхъ, неизвѣстно для чего прислоняя руку къ глазамъ.

Изъ маленькаго окна избы давно уже выглядывали маленькія головки дѣтей (должно быть, внучата Котика) и межь ними одна борода (должно быть, его сынъ). Я воспользовался приглашеніемъ.

Изба, въ которую я вошелъ, была наполнена такимъ удушливымъ, спертымъ воздухомъ, что человѣку непривычному недалеко было до обморока. Тутъ пахло курами, гусями, потомъ, дѣтьми... и Богъ его знаетъ чѣмъ.

— Здраствуйте!

— Здраствуйте! Просымо сидаты. Не успѣлъ я сѣсть, какъ вошла баба—хозяйка.

— Ото пытають все про дида—батька... то розскажи имъ, сказала она рѣзко, ткнувъ пальцемъ въ меня и выбѣжавъ изъ хаты. Скоро на порогѣ раздались ея энергичныя восклицанія: „А недождалы вы! А—цю—ю!.. Понаидалыся, та ще въ хату лизете?!.“ Хозяйка приступила къ продолженію своихъ хозяйственныхъ занятій.—Мужъ ея—высокій плотный мужикъ лѣтъ сорока, змѣчательно сохранившій на себѣ черты своего отца, былъ любезнѣе и разговорчивѣе. Онъ всталъ при входѣ гостя и тщательно началъ вытирать лавку для сидѣнія, приглашая сѣсть. Около него жалось трое дѣтей отъ шести до трехъ лѣтъ. Старая баба „колыхала“ четвертое въ „люлькѣ“, нижняя часть которой совершенно гноилась и издавала невозможный запахъ. Она мурлыкала что-то про себя. Крючекъ, на которомъ висѣла люлька, скрипѣлъ при движеніи и вторилъ ея мурлыканью. Сѣрый, большой котъ лежалъ на печи, вытянувъ свои лапы, и тоже мурлыкалъ. Въ хатѣ по всѣмъ направленіямъ летали мухи и, сильно жужжа, дополняли гармонію этого незатѣйливаго тихаго концерта. Въ хатѣ былъ покой и бездѣліе, неизбѣжное въ хозяйствѣ, когда дождь идетъ на дворѣ... Спокойствіе нарушалось лишь крикомъ ребенка, котораго сейчасъ же старались унять. Плакалъ, впрочемъ, только маленькій ребенокъ. Остальные молчали и, прислонившись къ отцу, тяжело сопѣли, что свидѣтельствовало о пресыщеніи ихъ желудковъ, значительно выдавшихся впередъ...

И такую картину суждено было мнѣ нарушить своимъ посѣщеніемъ въ столь неурочный часъ.

— Сидайте отъ-тутъ блыжче... тутъ чисто... хлопоталъ хозяинъ. А вы зналы мого батька?

Я разсказалъ про свое знакомство съ старикомъ.

— Вмеръ... легка ему земля! Онъ перекрестился.

Старая баба подняла свою голову, обвязанную платками, внимательно посмотрѣла на насъ и тоже перекрестилась.

То—моя маты, стара баба, отрекомендовалъ Иванъ мнѣ свою мать: вона вже дуже стара и оглохла, вже пять годъ, якъ вона ничого не чуе. Ій вже симдесятъ годъ.

— Зъ чого-жъ вашъ бадько вмеръ?

— Отъ такъ, якъ бачите, захандрувавъ щось трохи. Я вамъ розскажу все попорядку. Зъ Кіева винъ прыйшовъ... такъ якось пицъ вечеръ нибы. Винъ думавъ, бачте по машини пріихаты, але въ его гроши въ Кіеви вкралы...

-- Знаю, знаю... сто пятнадцать рубливъ.

То якъ вкралы гроши,—винъ дуже засумовавъ и тратытыся на машину не хтивъ, щобъ нибы намъ бильшъ прынесты на хозяйство грошей. Прыйшовъ старый пишки тай росплакався, старои своеи зовсимъ не пизнавъ. Мене на сылу пизнавъ... Въ велыкій жаль прыйшовъ. Все цилувався та плакавъ. Потимъ, ставъ розсказуваты про життя свое въ далекій сторони, якъ ему нибы тамъ жилося.

Баба, колыхавшая дитя, перестала убаюкивать ребенка и впялилась глазами въ своего сына. Сынъ сдѣлалъ ей жестъ рукою, и она опять принялась за свою привычную работу.

То вона, бачте, догадуется, що мы про батька балакаемо... Вона по губахъ пизнае, що мы говорымо, то нибы прислуховуется: хочется и ій знаты...

Онъ еще разъ мотнулъ ей головой и продолжалъ свой разсказъ.

— Потимъ пишовъ батько село оглядаты, по сусидахъ ходывъ... та все росказовавъ та росказовавъ... И чого, чого винъ тильки не говоривъ: и про...

Но я перебилъ Ивана. Я зналъ всѣ разсказы старика.

— Отъ старый ставъ у насъ нибы житы. Непосыдящій ставъ, страхъ якій... Старому тра отпочиты, а винъ все дмется: то до того ему треба, то до другого, то до еднои роботы, то до другои... И снопы винъ хотивъ возыты, и ныву ораты, и худобу пасты... а бильшъ всего рыбу ловыты...

— Зъ того старый и потухъ, що засумововъ за ричкою, сказала, быстро входя и перебивая рѣчь Ивана, его жена.

— Не перебывай-но я все по порядку розскажу.

— Ста-ары-й мі-й зъ са-ачкомъ ходывъ по-о ры-ыбу...— прошамкала баба еле слышно.

— Ось ще й вы свого носа тутъ вткните! Крикнула на нее хозяйка. Отъ знаете свое дило, то й колышить. Она опять выбѣжала въ сѣни.

— Баба подняла голову, посмотрѣла на свою „невистку" какимъ-то полувопросительнымъ, полутревожнымъ взглядомъ, еще что-то такое пошамкала, почесала у себя за ухомъ подъ массой платковъ, которые были наверчены у нея на головѣ, и замолкла, тихо качая ногой „поводъ колыски".

— Пишовъ разъ старый, каже: „пиду подывлюсь на ричку"... Прыйшовъ тай рукамы всплеснувъ: нема рички... обмелила зовсимъ, выспы всюды поробылыся, воды зовсимъ мало..., „Що це, каже, зъ ричкою вы зробылы? що се зъ нею подіялося таке? де въ неи вода подилася?" Горюе старый, що ричка обмелила. „Я, каже, памятаю, якъ шовъ въ Сибиръ, то рика була мое почтеніе, воды скильки було. Де вона подилася?"—А хто-жъ еи може знаты, де вона подилася? Сохне тай годи... за двадцять и симъ литъ не една ричка помильшае. Ось подывыться сами, якъ будете ихаты черезъ мостокъ; колысь то вона велыка була ричка, а теперъ схудла, бо теперъ всюды лисъ рубають, пискивъ багато, то вона худіе... Запевне, що шкода рички: але що-жъ вы зробыте? чимъ вы поможете? Вси на сели стары люде памятають, що колысь була гарна ричка...

— Ста—арый мі—й колысь гачки ма—авъ... зашамкала старуха снова, словно просыпаясь отъ глубокаго сна. Но на нее и на ея замѣчанія никто не обращалъ болѣе вниманія.

— А батько хтивъ въ тій ричци рыбу ловыты... та ще й продаваты ту рыбу жидамъ, та гроши заробляты... бо винъ дуже любывъ рыбу ловыты. Але яка въ тій ричци рыба? Якъ окунець, або плотычка яка дурна попадется, то то и занадто вже... Але проте старый ходывъ на рыбу и вечеромъ и въ досвитокъ. Часамы де що и зловыть, то въ вечери Гандзя зварыть крупничокъ. Этъ, забавка була... А въ его и гачки булы якись амурскіи...

— Знаю, знаю...

— Отъ, то, якъ бачите, засумовавъ старый надъ ричкою; седыть бувало на горбку тай все дывытся: „де вона, каже, подилась?"

— Ну, тай щожъ дальше?

— А що дальше!? Дальше и самъ ставъ худиты... „Вже, каже, якъ ричка пропала, то и моій тра пропадаты... вже я хутко вмру, бо рички нема"...

Въ хату снова вбѣжала Гандзя зъ накрытою „рядномъ" головою отъ дождя. Въ рукахъ у нея были „китяхи" и „бульба"...

— А то ще въ лиси тежъ, затараторила она своимъ рѣзкимъ голосомъ такъ, что даже мухи, казалось, по стѣнамъ пошли оживленнѣе летать—тежъ не сподобалось старому, що лисъ вже не той ставъ...

— Эге, эге, подхватилъ мужъ. Порубалы, бачте, лисъ, геть тепера вырубалы то на машину, то такъ вырубалы, вывозять его... А старый ще памятавъ, якъ лисъ цилый бувъ та буйный... То тежъ жаль его вылыкій взявъ, що лиса нема. Бувало якъ пиде въ дубыну, то сяде на пенекъ, пидложивши руки, погляне геть-геть кругомъ, де пеньки стоять, тай каже: „то-жъ то я колысь ось тута зъ своимы воламы заблудывъ"... Чуть не плаче старый, ажъ жаль на его дывытыся, дальби...

— Ста-ары-й мі-й... продолжала все шамкать старуха.

— Шкода батька... И зъ чого вмеръ, колы-бъ вы це зналы?

— Эге... пишовъ гачка доставаты... начала Гандзя.

— Не перебывай-но... Ловывъ винъ рыбу, въ ковбани, тутъ на лузи така выбоина есть, тамъ глыбоко, буде наветь зъ головою. Тамъ наветь сомы колысь водылысь. Ну, то захтилося тамъ старому сома вытягты. Мы наветь вси казалы ему: „до чого той сомъ? хиба намъ нема чого исты? чи що?" Такъ ни бо, хтивъ все на свому поставыты. „Якъ-то, каже, щобъ я та не вытягнувъ тута сома?!"... Ну, нехай... Отъ седивъ винъ тамъ зъ своимы удкамы да шнуркамы едну ничь, потимъ другую. На решти заципывъ удку обо щось тамъ такъ... Тай ставъ винъ возытыся коло теи удки, щобъ еи отципыты. И туды, и сюды торкае еи,—а ніякъ не можна... Що тутъ робыты?! А це було вже ранкомъ, передъ сходомъ сонця. Отъ взявъ винъ тай влизъ въ ковбаню гачка доставаты, порався, порався и гачка не доставъ и змерзъ дуже... Прыходыть до дому весь дрижить, зубъ

на зубъ въ его стукае.—„Що це зъ вами, батьку?"... Я заразъ ему горилки. Крипывся старый, потимъ о-пивъ дня, бачимо, лигъ въ постелю,—бо холодно... Мы его сталы ростыраты, чаю давалы...—„Э, ни вже, каже... Вже, каже, треба мени вмыраты! Буде вже зъ тебе Котыку. Нашвендався на свити... Було, каже всего було"...

— Та ще каже, дополнила тутъ Гандзя: „Николы не було того"...

— Эге, эге, подхватилъ мужъ, „ще николы, каже, того не було, щобъ Ѳедьку Котыку було холодно, якъ винъ вылизе зъ ковбани"... Що тутъ робыты? Зовсимъ заслабъ старый... Поклыкалы мы едну бабу—знахарку. Шептала вона, шептала—ничого не помогло. Поворочався винъ день, другій, похудивъ, страхъ на его дывытся... Кашляты ставъ... Цилый мисяць лежавъ, провалявся... а напослидокъ въ безпамятство впавъ: ничого не памятае... Клыче якогось Дорожиньского, та Гарбарчука, то зновъ про якіись гачки все згадуе, не висть що говорыть. Передъ самою смертью доциро въ память нибы прыйшовъ. Спытався: „де мои диты?" Мы прыйшлы, то винъ обнявъ насъ всихъ, благословывъ... Сповидався, причащався и предъ смертью, за мынутку до смерти открывъ очи и сказавъ: „живите соби здоровеньки та не свариться... та молыться Богу... Добре, що мижъ своимы вмираю". Тай бачимо, вже въ его свичка зъ руки вы пала... Тай поховалы...

Иванъ замолкъ.

— А якій бувъ крипкій та здоровый чоловикъ. Якъ прыйшовъ, то вси дывовалыся: „чи жъ то ему вже за семьдесятъ литъ?" Мы думалы, винъ проживе ще зъ десять литъ. Але Богъ не сподобывъ...

Мухи жужжали. Колыбель равномѣрно качалась, скрипя на гвоздѣ. Одинъ изъ сыновей Ивана давно храпѣлъ на лавкѣ. Остальные все еще съ любопытствомъ, не шевелясь, смотрѣли на меня. Баба все шептала, чавкала что-то своими беззубыми челюстями. Шелъ дождь на дворѣ, и его частыя капли, стуча о стѣну дома и въ маленькое оконце, навѣвали какую-то мысль о вѣчномъ, безмятежномъ снѣ. Становилось темно.

— Вичная ему память... Царство ему небесное!.. сказалъ Иванъ.

Старуха вдругъ опять встрепенулась, перекрестилась, догадываясь, что разсказъ конченъ, и быстрѣе за шевелила губами.

— Стары-ы-й мі-й... говорила всё она, воспоминая.

Казалось, я медленно засыпалъ какимъ-то летаргическимъ сномъ. Голова моя отяжелѣла.

— Вы бы хоть окно тутъ одчиныли... у васъ тутъ воздухъ такій, що дыхаты нема чимъ, сказалъ я, подымаясь...

— Окно у насъ не одчиняется... Нехай буде и такъ... Мы прывыклы...

Я вышелъ изъ хаты. На порогѣ лежали уже сытыя свиньи... Съ огорода доносился голосъ Гандзи. Она ругалась съ своей сосѣдкой изъ за какой то „гладышки“.

— Бувайте здоровы!

— Счастлыва дорога!

-- Трогай!

Когда бричка выѣхала за село, моимъ глазамъ открылось болото, поросшее зеленью и водяными травами. Нѣкогда здѣсь было большое озеро, изъ котораго вытекалъ ручей, впадавшій далѣе въ рѣчку; но теперь это было болото... Дождь рябилъ воду и окутывалъ вдали виднѣвшійся ситникъ и очеретъ на болотѣ сизой, прозрачной дымкой... Стая дикихъ утокъ выпорхнула изъ камыша на срединѣ болота и сѣла въ другомъ мѣстѣ. У берега плескались на дождѣ гуси, поднявшіе большой крикъ при нашемъ появленіи...

На самой срединѣ плотины стояла дряхлая, вся обросшая мохомъ мельница. Сильно набекренившись въ. сторону своихъ скрипучихъ колесъ, она вся колыхалась отъ сотрясенія. Два колеса, покрытые водянымъ мохомъ и тиной, тряслись какъ старцы, скрипѣли и пѣли все туже монотонно-однообразную пѣсню. „Долго-ли намъ тутъ еще дребезжать и скрипѣть на этой плотинѣ“?!—какъ бы говорила эта пѣсня.—„Еще долго, долго!“ отвѣчалъ имъ дождь, меланхолически равномѣрно падая изъ сѣрыхъ облаковъ. Мокрый песокъ тихо пересыпался межъ колесами.

— Трогай! Живѣе!

Мы выѣхали на мостикъ. Онъ тоже дрожалъ, какъ и мельница.

Доски заходили подъ колесами, какъ клавиши у рояля.

На звукъ колокольчика изъ „млына“ вышелъ Пеньковецъ въ одной рубахѣ и штанахъ, а за нимъ жидъ арендаторъ въ ермолкѣ съ засунутыми въ карманы руками. Они были покрыты мучной пылью и низко раскланялись при видѣ брички, какъ бы прося её сохранить существованіе дрожавшаго моста... Дальше за мельницей на холмѣ виднѣлось пеньковецкое кладбище,—унылое, мокрое, одинокое...

Картина была не веселая.

И какъ живой сталъ предъ моими глазами Ѳедоръ Котикъ, жизнерадостный и возбужденный, съ своими узлами и амурскими гачками, наивно спрашивавшій при видѣ царицинскаго пруда: „чи е тутъ млынъ?“—и не удостоившій прудъ вниманіемъ за отсутствіемъ млына. „Що винъ вартъ, колы на ему млына нема?“—до сихъ поръ стояло у меня въ ушахъ.

„Отчего онъ померъ? Захандровавъ“...

Мы ѣхали лѣсомъ. Кругомъ на насъ глядѣло множество пней...

— Да, дѣйствительно скучно!

Ѳ. Кудринскій.

Грановскій протопопъ Іоаннъ Строцкій, какъ поборникъ православія на Украинѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

(Окончаніе) [1].

Не смотря на скоропостижную смерть митрополита Леона Шептицкаго, вышеписанное секретное распоряженіе его о противозаконныхъ способахъ приклоненія на унію издревле православнаго украинскаго народа исполнялось съ чрезвычайнымъ фанатизмомъ и энергіею. Уніатскіе оффиціалы и разнаго рода суррогаты съ своими инстигаторами безбоязненно вторгались во всѣ украинскія протопопіи, составляли отъ имени громадъ подложныя просьбы о якобы добровольномъ желаніи ихъ принять унію, гвалтовно отнимали православныя церкви и священнослужителей ихъ, послѣ ограбленія, съ крайнимъ глумленіемъ изгоняли изъ приходовъ. Дошла наконецъ очередь и до Грановской протопопіи, которою завѣдывалъ ревностный поборникъ православія отецъ Іоаннъ Строцкій и которая находилась подъ особеннымъ покровительствомъ князя Адама Чарторыжскаго. Но на границахъ ея ревностные уніатскіе миссіонеры призадумались надъ вопросомъ, вторгаться ли имъ въ эту протопопію, или же до поры до времени оставить ее въ покоѣ?—Рѣшеніе сего вопроса уніатскими миссіонерами Грановскій протопопъ въ доношеніи своемъ, поданномъ 19 генваря 1780 года переяславскому епископу Иларіону, такъ описываетъ: „Предусматривая, что Его Сіятельство князь Адамъ Чарторыжскій въ своемъ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“. 1895 г. № 11.

владѣніи православіе истреблять не позволитъ, и что народъ грановскій въ намѣреніи уніатовъ будетъ спорный, то суррогатъ уманскій Яхимовичъ впредъ поучилъ своего инстигатора ксендза Петра Твордіевича, чтобъ только развѣдалъ въ каждомъ муселѣ, какъ зовется осадчій, ктиторъ и прочіе начальнѣйшіе мужики, и на супликахъ или доношеніяхъ, секретно сочиненныхъ, что уніи желаютъ, имена ихъ поподписывалъ, и суплики ему суррогату подалъ, а церкви бъ насильно поотбиралъ уже тогда, когда возможность укажетъ"...

То, что суррогатъ Яхимовичъ предусматривалъ касательно князя Чарторыжскаго и народа, населявшаго Грановщину, не подлежало никакому сомнѣнію, и потому уніатскіе миссіонеры до поры, до времени оставили Грановскую протопопію въ покоѣ. Между тѣмъ Іасону Смогоржевскому, преемнику Леона Шептицкаго, захотѣлось какъ можно поскорѣе подчинить себѣ и эту протопопію. Вслѣдствіе такого желанія Смогоржевскій поручилъ кіевскому оффиціалу Михаилу Примовичу придумать способъ, нельзя ли приклонить на унію самаго главнаго представителя православія въ Грановскомъ ключѣ. Исполняя такое порученіе, Примовичъ приклонялъ о. Строцкаго на унію и чрезъ его сына, бывшаго тогда субдіакономъ при радомысльской уніатской каѳедрѣ, и непосредственно самъ письмами своими. Одно изъ сихъ писемъ сохранилось между рукописями о. Строцкаго и въ переводѣ на русскій языкъ читается такъ:

„Превелебный въ Богу ксендже брате! Жизнь свою вы провели въ бурѣ всевозможныхъ вѣтровъ и вслѣдствіе разныхъ испытаній потеряли свое здоровье, истощенное разными невзгодами. Dedimus corpori annos, demus animae dies. Исполните это святое изреченіе, дабы спасти безцѣнную душу свою, искупленную дражайшею кровію Господа Спасителя. Я думаю, что вельможный панъ добродзій не сомнѣвается въ моей искренней давнишней къ нему привязанности, во имя которой я призываю его къ себѣ (т. е. уніи) и даю завѣреніе въ томъ, что все, чего достигнетъ превелебный братъ отъ нашего ясневельможнаго митрополита, пастыря своего и моего, будетъ для него полезно. Чрезъ ксендза субдіакона, сына вашего, я неоднократно пере-

давалъ, а нынѣ самъ письменно выражаю, что желаю вамъ отъ Бога для души вашей всевозможныхъ благополучій и остаюсь съ истинною рекогниціею (уваженіемъ) превелебнаго пана и брата нижайшимъ слугою М. Примовичъ". Радомысль. 15 генваря 1782 г.

На оригиналѣ сего письма о. Строцкій на польскомъ языкѣ начернилъ слѣдующій отвѣтъ.

„Я мало довѣрялъ субдіакону, наслѣднику моему, который передавалъ мнѣ, что превелебный панъ добродзій, ради давней расположенности (przychilności) къ своему слугѣ, желаетъ ему всевозможныхъ благъ. Но когда получено было писанное изъ Радомысля 15 генваря письмо, то я очень пораженъ былъ не столько соболѣзнованіемъ къ моему несчастному положенію и искреннею давнею ко мнѣ привязанностію, сколько усерднымъ изъявленіемъ заботливости о спасеніи души моей".

„Что касается спасенія души моей, то вопросъ сей разрѣшится послѣ смерти моей; въ настоящее же время я достовѣрно знаю, что нѣтъ притворства въ исповѣданіи мною восточной вѣры и я убѣжденъ sine umbra, что сія вѣра имѣетъ превосходство предъ римско-католическою вѣрою. Хотя съ дѣтства своего я ничего добраго не нахожу въ себѣ, однако мать наша святая восточная церковь повелѣваетъ мнѣ ежедневно возсылать мольбы къ Спасителю Господу Іисусу Христу въ надеждѣ на Его милосердіе ко мнѣ остатнему изъ грѣшниковъ. Я ежедневно, между прочимъ, молюсь такъ: Спасе! Спаси мя по благодати, молю Тя: аще бо отъ дѣлъ спасеши мя, нѣсть се благодать и даръ, но долгъ паче. Ей, многій въ щедротахъ, и неизреченный въ милости, вѣруяй въ Мя, реклъ еси, о Христе мой, живъ будетъ, и не узритъ смерти во вѣки. Аще убо вѣра, яже въ Тя, спасаетъ отчаянныя, се вѣрую, яко Богъ мой еси Ты и Создатель; вѣра же вмѣсто дѣлъ да вмѣнится мнѣ, Боже мой: не обрящеши бо дѣлъ отнюдъ оправдающихъ мя. Но та вѣра моя да довлѣетъ вмѣсто всѣхъ, та да отвѣщаетъ, та да оправдитъ мя, та да покажетъ мя причастника славы Твоея. Да не убо похититъ мя сатана, и похвалится, Слове, еже отторгнути мя отъ руки Твоея и ограды" [1])... (т. е. православной церкви).

[1]) Извлеченіе изъ 9-й утренней молитвы.

„Я дожилъ до глубокой старости, содержа исповѣданіе святой восточной церкви и, перенося въ семъ году посланныя Богомъ мнѣ испытанія и болѣзни, нахожу единственное утѣшеніе въ исповѣданіи своемъ восточной религіи. Сообщая о всемъ прописанномъ превелебному пану добродзію и благодаря за пожеланія мнѣ всяческихъ благъ, имѣю быть его нижайшимъ слугою".

Изъ этого отвѣта оффиціалъ Примовичъ весьма ясно увидѣлъ, что попытка его приклонить о. Строцкаго на унію обѣщаніемъ всякихъ благъ и даже спасенія души оказалась безъ ожидаемыхъ результатовъ. А потому мнимую пріязнь свою къ представителю православія въ Грановщинѣ онъ измѣнилъ въ открытую месть. По секретному требованію его, у священнослужителей Грановщины почти одновременно явились два врага. Однимъ изъ нихъ былъ Бернатовичъ, главный коммисаръ надъ Грановскими имѣніями, который въ началѣ 1683 года отнялъ у православныхъ право совершать кануны (медовареніе) на храмовые праздники, а затѣмъ по частямъ началъ отнимать тѣ фундуши и угодія, которыми содержались, какъ православныя церкви, такъ и священнослужители ихъ. Другимъ же врагомъ оказался Іерличъ, генералъ польскихъ войскъ въ брацлавскомъ воеводствѣ. По распоряженію послѣдняго, дома и службы всѣхъ священнослужителей (въ томъ числѣ и о. Строцкаго) были заняты подъ воинскій постой и разорены до крайности. Разореніе это коснулось даже хозяйства, которымъ занимались тогдашніе священнослужители, имѣвшіе свои приходы въ Грановскомъ ключѣ. И къ Бернатовичу, и къ Іерличу о. Строцкій посылалъ свои меморіалы о противозаконныхъ дѣйствіяхъ ихъ. Когда же ни тотъ, ни другой не обратили вниманія на меморіалы, тогда онъ въ 1786 лично занесъ жалобу преосвященному Виктору Садковскому, пріѣзжавшему въ этомъ году на Украину, для обозрѣнія православныхъ церквей и монастырей. Преосвященный Викторъ отослалъ эту жалобу, при своемъ письмѣ, на благоусмотрѣніе молодого князя Адама Чарторыжскаго. Чарторыжскій, разсмотрѣвши оную, отъ 20 февраля 1787 года, изъ г. Сѣдлеца, прислалъ о. Строцкому слѣдующее увѣдомленіе.

„Превелебнѣйшій въ Богу Ксендже, декане Грановскій, мой любезнѣйшій пане и брате!“

„До меня дошло письмо Ясне въ Богу вельможнаго Ксендза Бискупа Переяславскаго (Виктора Сидковскаго) съ приложеніемъ вашего дѣла и съ просьбою о моемъ содѣйствіи къ справедливому разрѣшенію его. Дѣло ваше мнѣ хорошо извѣстно и моему сердцу весьма близко, а потому я съ величайшею охотою берусь за него и уже писалъ къ Коммисару моихъ имѣній Бернатовичу, чтобъ онъ привелъ его къ желательному вами результату. Мой всегдашній принципъ, чтобы каждому была оказываема справедливость, и ущерба въ совершенно справедливомъ дѣлѣ превелебнѣйшаго декана, моего вельможнаго пана и брата, я не потерплю. Остаюсь на всегда, при глубокомъ почтеніи, доброжелательнымъ братомъ и нижайшимъ слугою Адамъ Чарторыжскій. 20 февраля 1767 года изъ Сѣдлецъ.“

Съ 29 генваря по 22 число апрѣля 1787 года Императрица Екатерина II гостила въ Кіевѣ и въ свои салоны весьма любезно приглашала украинскихъ Польскихъ Магнатовъ, съ которыми неоднократно заводила рѣчь о крайне угнетенномъ положеніи православія въ принадлежащихъ имъ имѣніяхъ. Благодаря обаятельному могуществу Государыни, магнаты эти въ своихъ отношеніяхъ къ православнымъ исповѣдникамъ стали (хотя отчасти) подражать молодому князю Чарторыжскому. Но это продолжалось весьма не долго. Къ концу 1788 года надъ Украиною стала появляться грозная, страшная туча, которая незамедлила разразиться, какъ только русскія войска, квартировавшія на Украинѣ, двинулись къ границамъ Турціи. Во всемъ юго-западномъ краѣ неизвѣстно откуда стали распространяться слухи, о затѣвавшемся якобы крестьянскомъ возстаніи. На происходившемъ тогда въ Варшавѣ сеймѣ князь Сангушко открыто утверждалъ, что на Волыни всѣ ждутъ этого бунта съ минуты на минуту. Ксендзы, мелкіе чиновники и шляхтичи потянули за магнатами и стали доносить, что крестьяне вооружаются и намѣрены повторить ужасы Коліивщины, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Это взволновало польское общество. На сеймѣ стали высказываться различные странные проекты для преду-

прежденія зла, въ родѣ поголовнаго вооруженія шляхты противъ народа и т. под. Король съ трудомъ отклонилъ эти мѣры, и въ концѣ концовъ, по рѣшенію сейма, были учреждены въ четырехъ русскихъ воеводствахъ (Волынскомъ, Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Подольскомъ) особыя военно-гражданскія коммиссіи, на которыя и было возложено производство дознаній и вообще принятіе должныхъ мѣръ для предупрежденія возстанія. Начавшіеся розыски еще болѣе усиливали панику и раздували слухи. Всѣмъ и всюду мерещились гайдамаки. Россія представлялась главной попустительницей мятежа. Священники, православные и уніатскіе, монахи, ходившіе за милостыней, особенно же великороссы-коробейники—всѣ эти лица въ глазахъ перепуганной шляхты превратились въ русскихъ агентовъ-подстрекателей и организаторовъ новой гайдамачины. По самымъ пустымъ оговорамъ ихъ схватывали, подвергали пыткамъ, приговаривали къ казнямъ...

Среди польскихъ государственныхъ людей были, правда, и лица благоразумныя, не поддавшіяся общему безумію, но такихъ было не много и они не въ состояніи были образумить помѣшанныхъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ князь А. Чарторыжскій. Лишь только на сеймѣ начались раздаваться тревожные вопли объ ожидаемыхъ ужасахъ въ русскихъ воеводствахъ, князь Чарторыжскій, желая, очевидно, провѣрить страшные слухи, письмомъ отъ 14 янв. 1789 г. звалъ въ Варшаву протопопа Строцкаго, къ которому привыкъ относиться съ большимъ довѣріемъ. На приглашеніе Его Сіятельства о. Строцкій такъ отвѣчалъ: Быть въ Варшавѣ и приклонить главу свою къ ногамъ Вашей Свѣтлости—это принесло бы мнѣ великое утѣшеніе. Но къ крайнему моему прискорбію я съ самаго начала сей зимы испытываю не только старческія немощи, но и страдаю отъ постигшей меня болѣзни и еле-еле могу ходить по комнатѣ; а потому считаю великимъ рискомъ отправляться въ далекій путь. Отложивши поѣздку въ Варшаву до своего выздоровленія и предоставляя въ руки Божіи продленіе моей семидесятилѣтней жизни, считаю долгомъ своимъ, пока живъ буду, молиться о

счастливой и по возможности долголѣтней жизни свѣтлѣйшаго благодѣтеля, покровителя и защитника православія“ [1])...

Когда же о. Строцкій узналъ, для какой цѣли Чарторыжскій вызывалъ его въ Варшаву, то въ февралѣ того же года письменно донесъ Его Сіятельству, что „Украина находится въ совершенномъ спокойствіи и среди обывателей ея нѣтъ никакихъ замысловъ къ повстанію... Разглашаемая молва не имѣетъ никакого основанія, и всѣ здѣшніе управители считаютъ ее баснію... Раньше и теперь народъ всей Грановщины къ Вашей Свѣтлости питаетъ искреннюю любовь и вѣрность... И всѣ мои старанія будутъ приложены къ сохраненію и утвержденію спокойствія и тишины“ [2])...

Отославши это письмо въ Варшаву, о. Строцкій копію съ онаго отправилъ къ Смѣлянскому протопопу Левандовскому и совѣтовалъ ему немедленно созвать всѣхъ ближайшихъ къ нему украинскихъ протопоповъ и, „составивши коллективное завѣреніе, что по всей Украинѣ народъ пребываетъ въ тишайшей спокойности... и что священство къ вѣрности, почитанію и повиновенію своимъ властямъ, какъ долгъ велитъ, прихожанъ своихъ наставляетъ, научаетъ и предостерегаетъ отъ возмущенія... отослать оное князю Чарторыжскому по почтѣ“ [3]).

Ни частное завѣреніе о. Строцкаго, ни коллективное всѣхъ украинскихъ протопоповъ не могло разсѣять быстро распространявшейся въ Польшѣ басни, что на Украинѣ замышляется страшный бунтъ. 18 апрѣля 1789 года преосвященный Викторъ Садковскій, по распоряженію Посполитной Рѣчи, былъ арестованъ и, какъ государственный преступникъ, заключенъ въ темницу. Конечно, и подвѣдомственное ему украинское духовенство не было оставлено въ покоѣ.

Въ то время, когда преосвященный Викторъ томился въ неволѣ, а подвѣдомственные ему украинскіе священнослужители изнывали подъ тяжестію самыхъ суровыхъ истязаній, отецъ Строцкій жилъ довольно спокойно и рѣшился оставить послѣ

---

[1]) Рукописи о. Строцкаго стр. 52.

[2]) Тамъ же

[3]) Тамъ же стр. 51 на оборотѣ.

себя память, во-первыхъ, постройкою въ Грановѣ, вмѣсто обветшавшей, новой Успенской церкви и во-вторыхъ — возстановленіемъ права на безспорное пользованіе тѣми матеріальными средствами, которыя, для содержанія сей церкви и ея священнослужителей, еще въ 1706 году были дарованы Адамомъ Сѣнявскимъ, краковскимъ каштеляномъ и княземъ Августомъ-Александромъ Чарторыжскимъ. Для осуществленія этого важнаго дѣла онъ обратился съ покорнѣйшею просьбою къ своему патрону молодому князю Чарторыжскому, который довольно скоро прислалъ на имя грановской успенской церкви за своею подписью слѣдующее эрекціональное право.

„Объявляемъ, кому слѣдуетъ знать, а именно коммисару, губернатору, администратору нашихъ Грановскихъ имѣній, и всякому начальству нынѣшнему и впредъ имѣющему быть, что я, для умноженія хвалы Божіей, желаю соорудить въ Грановѣ новую церковь, подъ титуломъ Успенія Пресвятой Богородицы, на счетъ моихъ собственныхъ средствъ; также желаю возстановить и возстановляю всѣ фонды, данные грановской успенской церкви ея колляторами, Адамомъ Сѣнявскимъ, каштеляномъ краковскимъ, и княземъ Августомъ-Александромъ Чарторыжскимъ, для того, чтобы она всегда имѣла свои средства для своего существованія; возстановляю также издавна существующій обычай ежегодно справлять кануны на табельный праздникъ Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи, т. е. варить къ сему празднику двѣ бочки прѣснаго меду и шинковать имъ въ теченіе трехъ дней, а собранныя отъ продажи деньги вносить въ церковную кассу и употреблять на нужды храма Божія, по усмотрѣнію церковнаго причта и братчиковъ. Воскъ, добытый при медовареніи, приказываю употреблять на освѣщеніе церкви. Мнѣ благоугодно, чтобы этотъ назначаемый для церкви даръ имѣлъ начало отъ моего имущества; и потому для кануна, имѣющаго быть въ семъ году, приказываю выдать изъ моего магазина двѣ полубочки меду, въ послѣдующіе же годы церковь на свои средства должна пріобрѣтать медъ для справленія кануновъ. Желаю также, чтобы и парохъ грановской успенской церкви, и впредъ имѣющіе быть парохи сей церкви имѣли свое содер-

жаніе отъ меня, и даю во владѣніе ихъ отъ себя: домъ съ садомъ и постройками; леваду при домѣ; пахатныя поля въ три руки— въ каждую на пятнадцать дней оранки (ежедневная мѣра оранки—шнуръ въ сорокъ локтей); сѣнокосъ на шестьдесятъ копенъ; лѣсокъ для пасѣки, называющійся Адамковъ; ниже этого лѣска прудъ, чрезъ который протекаетъ рѣчка, текущая чрезъ Грановъ; садъ съ щепами въ лѣску; для отопленія пароху назначаю на каждый мѣсяцъ по три фуры дровъ изъ моихъ лѣсовъ; на праздники Рождества Христова и на табельный Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи приказываю моей экономіи отпускать пароху по одному спусту горѣлки и по одной бочкѣ пива изъ моихъ подваловъ; пароховъ грановской успенской церкви разъ навсегда освобождаю отъ всякихъ податей и отъ всего, что подлежитъ доходности моей казны" [1]).

Между тѣмъ политическая кутерьма въ югозападномъ краѣ не прекращалась въ теченіе всего 1789 г. Слѣдственныя коммиссіи неутомимо разыскивали нити и корни предполагаемаго мятежа, хотя и не съ одинаковымъ рвеніемъ и успѣхомъ. Свирѣпѣе другихъ была волынская коммиссія, перевѣшавшая нѣсколько сотъ неповинныхъ крестьянъ и нѣсколькихъ уніатскихъ священниковъ (за отсутствіемъ въ томъ воеводствѣ православныхъ). Либеральнѣе всѣхъ оказалась коммиссія брацлавская, но и то потому лишь, что добрая половина этого воеводства принадлежала Станиславу-Феликсу Потоцкому, горячему стороннику Россіи. Тѣмъ не менѣе и здѣсь положеніе православныхъ священниковъ въ это тревожное время было не изъ легкихъ; ихъ не казнили, положимъ, но десятками сажали по тюрьмамъ во время производства слѣдствія и требовали или отречься отъ „благочестія", или подвергнуться изгнанію изъ отечества. Во время этихъ розысковъ обнаружилось между прочимъ, что православные священники повсемѣстно молились въ церквахъ за русскую императрицу, а не за польскаго короля. Это происходило отъ того, что такіе священники обыкновенно рукополагались въ Переяславѣ и тамъ приносили присягу на вѣрность

[1]) Копія сего права хранится между рукописями о. Строцкаго см. стр. 56.

русской государынѣ, а въ Украинѣ никто и не думалъ требовать отъ нихъ присяги своему государю, королю. Разумѣется, это упущеніе было тотчасъ исправлено, но это открытіе еще болѣе усилило подозрительное отношеніе властей къ православному духовенству. Не ушелъ отъ этихъ подозрѣній и престарѣлый парохъ и деканъ м. Гранова, о. Іоаннъ Строцкій. Этотъ печальный эпизодъ изъ жизни своей о. Строцкій въ письмѣ, посланномъ князю А. Чарторыжскому въ концѣ іюня 1790 года, излагаетъ такъ: „Въ февралѣ мѣсяцѣ сего 1790 года я письменно доносилъ Вашей Княжеской Свѣтлости, что вся Украина находится въ совершенномъ спокойствіи и среди обывателей ея не проявляется никакихъ замысловъ къ новому повстанію. Такое же точно, по благости Божіей, состояніе Украины и въ настоящее время. Украинское народонаселеніе всѣхъ сословій и всякаго вѣроисповѣданія наслаждается законнымъ покоемъ, кромѣ одного неуніатскаго духовенства, которое и подвергалось и теперь подвергается чрезвычайному угнетенію, всякаго рода лишеніемъ и жесточайшему преслѣдованію, по распоряженію брацлавской цивильно-войсковой коммиссіи".

„Сеймовая Коммиссія, продолжающая свои засѣданія въ Варшавѣ по сіе время, универсаломъ, послѣдовавшимъ 18 апрѣля сего 1790 года, раздѣлила все неуніатское духовенство на двѣ категоріи. Къ первой категоріи она отнесла неуніатовъ, называемыхъ чернецами, которые переходятъ съ одного мѣста на другое и нигдѣ не имѣютъ своей осѣдлости, а ко второй—неуніатовъ, составляющихъ бѣлое духовенство, которые имѣютъ свою постоянную осѣдлостъ и имѣютъ быть возвращены къ своимъ бенефиціямъ. Неуніатовъ первой категоріи конституція предписала изгнать изъ польскаго королевства въ двухнедѣльный срокъ; относительно же вторыхъ та же конституція постановила, чтобы они, по возвращеніи ихъ къ своимъ бенефиціямъ, немедленно выполнили присягу на вѣрность королю и Посполитой Рѣчи, и за тѣмъ на службахъ Божіихъ вечернихъ, полунощныхъ, утреннихъ и полуденныхъ поминали короля и шляхту и молились Богу о благоденствіи ихъ. Вотъ что коммиссія порѣшила и узаконила. Хотя мы, принадлежащіе къ бѣлому неуніатскому

духовенству, и не возвращены къ своимъ бенефиціямъ, однако уже принесли присягу на вѣрность нашему королю и Посполитой Рѣчи, одни въ брацлавскомъ воеводствѣ, а другіе въ кіевскомъ, и письменное удостовѣреніе, съ приложеніемъ городской печати, о выполненіи такой присяги каждый изъ насъ имѣетъ. Справедливое постановленіе конституціи каждый изъ насъ сердечно лобызалъ; мы надѣялись, что милосердая и справедливая конституція доставитъ намъ покой, и терпѣливо ожидали дальнѣйшей къ намъ милости короля и Посполитой Рѣчи въ возращеніи намъ бенефицій. Но ожиданія наши оказались напрасными. Въ недавное время брацлавская цивильно-войсковая коммиссія опубликовала свое постановленіе, на основаніи котораго неуніатское бѣлое духовенство, если откажется отъ принятія уніи, подлежитъ заключенію въ карцеры и немедленному изгнанію изъ польскаго края. Мандатъ съ такимъ постановленіемъ мнѣ предъявилъ брацлавскій губернаторъ, и копію съ сего мандата я прилагаю при семъ для свѣдѣнія Вашей княжеской Свѣтлости. Все бѣлое неуніатское духовенство теперь стонетъ и не знаетъ, что предпринять ему для своего спасенія".

„26 числа сего іюня, по дѣлу о взнесенной на меня клеветѣ въ моей якобы политической неблагонадежности, я былъ вытребованъ въ Брацлавскую Цивильно-войсковую Коммиссію но по милости Божіей оказался совершенно невиннымъ. Въ той-же Коммиссіи меня допрашивали: гдѣ и отъ кого я родился; гдѣ и чему учился; какъ давно я священствую, почему я неуніатъ; почему отказываюсь отъ принятія уніи?—На эти и подобные имъ вопросы я далъ надлежащіе отвѣты. Послѣ моихъ отвѣтовъ Коммиссія указала мнѣ на прошлогодиюю, опубликованную Универсаломъ Конституцію, которая якобы распространяетъ изгнаніе изъ края и заключеніе въ карцеры на всѣхъ неуніатовъ, отрекающихся отъ принятія уніи. Я доложилъ Коммиссіи, что указанная Конституція касается только бродячихъ неуніатовъ монаховъ, не имѣющихъ осѣдлости, но не относится къ бѣлому неуніатскому духовенству, имѣющему свою осѣдлость. Съ моимъ объясненіемъ Коммиссія не захотѣла согласиться и указала на трактатъ 1768 года, въ которомъ говорится, что вся-

кій, отступившій отъ римско-католической церкви, подлежитъ изгнанію изъ края, и, на основаніи сего трактата, угрожала мнѣ за отказъ отъ принятія уніи немедленнымъ изгнаніемъ изъ края. Угроза Коммиссіи поставляетъ меня въ весьма затруднительное положеніе; но я нисколько не отчаяваюсь въ надеждѣ на милость Божію и многомощное заступничество Вашей Княжеской Свѣтлости, моего всегдашняго благодѣтеля и патрона. Волею Божіею я прожилъ въ свѣтскомъ званіи болѣе 25 лѣтъ, а священствую въ Грановѣ 44 года съ лишнимъ; но въ теченіе столь долгой жизни никто не замѣчалъ за мною никакихъ неодобрительныхъ поступковъ. Когда мнѣ исполняется 70 лѣтъ отъ рожденія, когда я ежедневно долженъ ожидать смерти,—въ это время Брацлавская Цивильно-войсковая Коммиссія съ угрозами приклоняетъ меня на унію. Отче Небесный, Боже Милостивый, избави меня отъ уніи!"

„Находясь нынѣ въ весьма критическомъ положеніи, я обращаюсь къ заступничеству Вашей Княжеской Свѣтлости и, обливая ноги ваши своими старческими слезами, умоляю протянуть мнѣ руку помощи и оказать мнѣ одну изъ двухъ милостей: либо дозволить мнѣ спокойно окончить жизнь свою въ Грановѣ, или же, если это невозможно, предоставить мнѣ право вмѣстѣ съ моимъ служителемъ (у меня нѣтъ уже ни жены, ни дѣтей) безъ всякой помѣхи выѣхать за границу и взять изъ моего имущества то, что окажется возможнымъ"[1]).

Въ просимой о. Строцкимъ защитѣ князь Чарторыжскій не отказалъ, и 27 іюля 1790 года изъ с. Кржезовицъ посланъ въ Брацлавскую Цивильно-войсковую Коммиссію слѣдующій протестъ: „Пресвѣтлая Цивильно-войсковая Коммиссія Брацлавскаго воеводства! Полученная мною жалоба отъ превелебнѣйшаго Протопресвитера, Ксендза Строцкаго, моего Грановскаго пароха, достойнаго всякаго уваженія, даетъ мнѣ справедливый поводъ отнестись съ просьбою къ ясневельможнымъ панамъ Коммиссіи объ оказаніи милости этому истинно достойному человѣку и уважаемому священнослужителю, чтобы онъ впредь не подвергался

---

[1]) Рукописи О. Строцкаго стр. 57.

тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя уже испыталъ и отъ которыхъ его защищаетъ законъ, но свободно бы оставался въ Грановѣ при своей благочестивой вѣрѣ и при исполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей. Самъ я могу засвидѣтельствовать, зная на дѣлѣ, что, когда вся Украина была воспламенена огнемъ рѣзни, Грановская окрестность его стараніями и настойчивостію была спасена отъ этой шкарады и даже не обнаружила ни малѣйшаго сочувствія къ повстанію. А потому не знаю, на какомъ основаніи онъ могъ быть принуждаемъ къ уніи, ежели не существуетъ закона, на который въ этомъ случаѣ можно бы опереться, или который бы это допускалъ, а тѣмъ болѣе нѣтъ такого закона, который бы это предписывалъ. Ежели у насъ изданъ законъ о преслѣдованіи монаховъ, бунтующихъ народъ, то законъ сей не касается бѣлаго духовенства, имѣющаго свои парохіи. Всѣмъ намъ понятны тѣ чрезвычайныя лишенія и бѣдствія, какія отечество наше потерпѣло отъ насилія надъ исповѣдниками Восточной вѣры и стало жертвою невознаградимыхъ потерь. Не сомнѣваюсь въ прозорливости и свѣтломъ взглядѣ ясневельможныхъ пановъ и надѣюсь, что они поудержатъ свое рвеніе въ насильственномъ приклоненіи о. Строцкаго на унію и уважатъ мое ходатайство относительно предоставленія ему права свободно исповѣдывать свою Восточную вѣру и исправлять свои обязанности. Если же послѣдуетъ противное, то дѣло сего Протопресвитера я вынужденъ буду представить на благоусмотрѣніе высшей власти. А теперь, пользуясь настоящимъ случаемъ, ввѣряю себя доброжелательности Ясневельможныхъ пановъ и добродзѣевъ Брацлавской Цивильно-войсковой Коммиссіи и остаюсь найнизшимъ слугою Адамъ, князь Чарторыжскій.“ [1]).

На протестъ князя Чарторыжскаго Брацлавская Коммиссія не обратила вниманія и дѣло (свое) объ изгнаніи о. Строцкаго изъ края представила на усмотрѣніе Варшавской Сеймовой Коммиссіи. Послѣдняя уважила усиленное ходатайство Чарторыжскаго и предоставила о. Строцкому право оставаться въ Гра-

[1]) Тамъ же стр. 42.

новѣ, но не дала ему защиты отъ уніатскихъ насилій и преслѣдованій. Съ этими гоненіями и преслѣдованіями ревностный поборникъ православія, въ теченіе почти полувѣковаго служенія Церкви Божіей, довольно свыкся, и душа его нисколько не возмущалась продолженіемъ ихъ и беззащитностію отъ нихъ,— онъ твердо убѣжденъ былъ, что онѣ въ ближайшемъ будущемъ окончатся, и православная церковь на Украинѣ восторжествуетъ не только надъ уніею, но и надъ католицизмомъ.

Когда преосвященный Викторъ Садковскій, послѣ тридцати девятимѣсячнаго пребыванія подъ тяжкимъ арестомъ, опять вступилъ въ отправленіе своихъ архипастырскихъ обязанностей, о. Строцкій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему не только описалъ свое горестное состояніе съ 1780—1793 г., но выразилъ и свои твердыя надежды, что, послѣ бывшихъ тяжкихъ гоненій, на Украинѣ „возсіяетъ тишайшій и чистѣйшій грекороссійскаго восточнаго исповѣданія свѣтъ.“ „Утѣшаяй всякого въ скорбяхъ, Создатель“, писалъ онъ въ началѣ февраля 1794 года, „не оставилъ въ горестномъ состояніи и меня, съ 1788 года бѣдствующаго и до 1793 года претерпѣвающаго жесточайшую бурю гоненій отъ враговъ нашей Святой Восточной вѣры. Дражайшее Вашего Высокопреосвященства письмо [1]), пущенное истекшаго года декабря 21 дня изъ Слуцка протоіреемъ о. Димитріемъ, а мною января сего текущаго года полученное, я принялъ съ униженнѣйшимъ почтеніемъ и со слезами облобызалъ оное. Чрезъ Ваше архипастырское письмо Господь Богъ меня, состарѣвшагося въ гоненіяхъ и бѣдахъ, утѣшилъ и семидесятилѣтній вѣкъ мой, яко юность орлю, обновилъ. Теперь я имѣю твердое и неложное упованіе, что, послѣ тяжкихъ гоненій и волненій, возсіяетъ у насъ тишайшій и чистѣйшій грекороссійскаго восточнаго исповѣданія свѣтъ. Вашего Высокопреосвященства письмо не токмо меня, но и всѣхъ, подобно мнѣ бѣдствовавшихъ въ Уманщинѣ, Бершадщинѣ и на Побережью до ста священниковъ обрадовало извѣстіемъ, что мы съ сего года перестанемъ платить помѣщикамъ полякамъ ежегодно съ грунту

---

[1]) Письмо это не сохранилось между рукописями отца Строцкаго.

по 30 рублей чиншу и избавимся отъ всѣхъ громадскихъ повинностей, по милосердію Божію и по Высочайшей волѣ нашей Россійской монархини. Возблагодарить Ваше Высокопреосвященство, какъ подобаетъ, я невѣжа, но желаю, да въ небесныхъ обителяхъ своихъ Всеблагій Господь вознаградитъ Васъ всѣми благами, которыя не восходили на сердце человѣку. Мое же одолженіе—сіе есть: знать, что я всегда есмь и буду недостойнымъ подножіемъ Вашего Высокопреосвященства [1])".

Исходатайствованное Чарторыжскимъ о. Строцкому право оставаться въ Грановѣ и исполнять свои пастырскія обязанности не осталось безъ добрыхъ послѣдстій для того святого дѣла, которому всецѣло посвятилъ себя этотъ приснопамятный ревнитель православія на Украинѣ.

Подъ его (весьма) бдительнымъ надзоромъ, на ассигнованныя княземъ Чарторыжскимъ средства, была построена въ Грановѣ, на каменномъ фундаментѣ, новая (весьма) благолѣпная деревянная церковь во имя Успенія Пресвятой Богоматери. При постройкѣ ея между о. Строцкимъ и главнымъ коммисаромъ княжескихъ имѣній Бернатовичемъ возникали разнаго рода пререканія, которыя, хотя на нѣкоторое время пріостанавливали работу, но разрѣшались княземъ, согласно желаніямъ перваго изъ нихъ. По поводу этихъ пререканій князь 29 апрѣля 1791 года изъ Пулавъ такъ писалъ о. Строцкому: „Письмо превелебнаго господина моего, съ приложенными къ нему бумагами, касающимися постройки церкви въ Грановѣ, мною получено; относительно сей постройки я, насколько возможно, буду согласоваться съ вашими требованіями, но предварительно мнѣ слѣдуетъ объясниться съ вельможнымъ Бернатовичемъ, коммисаромъ моихъ имѣній" [2]). Постройка новой Успенской церкви въ Грановѣ окончилась въ половинѣ 1792 года, а освященіе ея послѣдовало въ концѣ того же года, по благословенію преосвященнаго Виктора Садковскаго, проживавшаго тогда въ Варшавѣ послѣ своего освобожденія изъ Ченстоховскаго каземата.

---

[1]) Копія сего письма приложена къ рукописямъ о. Строцкаго стр. 46 и 47.

[2]) Оригиналъ сего письма хранится между рукописями о. Строцкаго, стр. 17.

Часы досуга своего, во время постройки церкви въ Грановѣ, отецъ Строцкій посвятилъ составленію „Отповѣди[1]) своей тогдашнему Уніатскому Митрополиту. Поводъ къ принятію на себя этого труда онъ излагаетъ такъ: „Высшая уніатская духовная власть—Митрополитъ Іасонъ Смогоржевскій, въ добавленіе къ разнаго рода преслѣдованію неуніатовъ, еще присоединилъ разнаго рода шкаредное глумленіе надъ неуніатскою православною церковью и ея духовенствомъ. Онъ и въ публичныхъ универсалахъ своихъ, разсылаемыхъ повсюду, и въ письмахъ къ частнымъ лицамъ употребляетъ разные гнусные оскорбительные термины, чтобы еще болѣе разжечь среди враговъ благочестія вражду къ православному исповѣданію и духовенству его.

„Въ универсалѣ своемъ, выданномъ 17 марта 1781 года, онъ, между прочимъ, пишетъ: „*О какую расшатанную вѣтромъ сопротивленія отверженныхъ и бунтовническими наѣздниками наполненную церковь нашелъ я! Можетъ ли эта церковь сохранить единство при бурныхъ теченіяхъ? Она упорствуетъ въ своемъ богомерзкомъ отступничествѣ.*"

„Въ универсалѣ, выданномъ 5 марта 1782 года, тотъ же ясневельможный Смогоржевскій цитируетъ манифестъ, отъ лица Ея Величества россійской Императрицы, опубликованный въ 1768 году, и утверждаетъ, что *неуніатское духовенство само вымыслило волю касательно избіенія поляковъ и уніатовъ на Украинѣ и называетъ это духовенство злодѣями и возмутителями противъ общественнаго спокойствія.*"

„Въ письмѣ къ одной высокопоставленной особѣ ясневельможный Смогоржевскій утверждаетъ, что *неуніатское духовенство нашихъ мѣстностей получило посвященіе отъ католическихъ бискуповъ, но отступило отъ единства съ римскою столицею и теперь служитъ католичеству помѣхою и нарушаетъ спокойствіе;* что *законы Посполитой Рѣчи сеймовые и трактатовые признаютъ неуніатское духовенство за криминальныхъ преступниковъ, которыхъ слѣдуетъ наказывать строго и изгонять изъ края.*"

[1]) Отповѣдь сія написана на польскомъ языкѣ и хранится между рукописями о. Строцкаго.

Вслѣдъ за симъ о. Строцкій отъ себя и отъ всѣхъ тогдашнихъ украинцевъ дѣлаетъ такое обращеніе къ найвысшей польской власти: Мы, находившіеся въ мнимой уніи съ Римомъ, но по милости Божіей возвратившіеся въ лоно Восточной православной католической церкви, просимъ найвысшую власть о дозволеніи дать отповѣдь ясневельможному митрополиту Смогоржевскому." Послѣ такого обращенія слѣдуетъ самая отповѣдь, которую о. Строцкій раздѣлилъ на 12 отдѣловъ, примѣняясь въ семъ случаѣ къ 12 главнымъ эпитетамъ, которыми Смогоржевскій клеймилъ православную украинскую церковь и ея священнослужителей.

„1. На выраженія: *О какую расшатанную вѣтромъ сопротивленія отверженныхъ... я нашелъ церковь*—даемъ слѣдующій отвѣтъ. Ясневельможный Смогоржевскій не имѣетъ никакого уваженія къ трактату 1768 года, запрещающему выраженія оскорбительныя для ближняго. Ни во что онъ ставитъ апостольское и самого Іисуса Христа приказаніе: *не судите ближняго раньше времени*. Безъ зазрѣнія совѣсти, уніатскій митрополитъ осмѣлился назвать исповѣдниковъ православной Восточной церкви *отверженными* и таковыми опубликовалъ ихъ по всѣмъ мѣстамъ Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ. Мало того, онъ даже оплакалъ души *отверженныхъ*. Слишкомъ ретивый пастырь! Богъ, Судія справедливый, да видитъ неправоту ясневельможнаго уніатскаго митрополита! Мы отвѣтственны предъ Богомъ за всѣ наши дѣла; мы грѣшны; однако *неотвержены*. Что касается нашего исповѣданія,—мы истинно правовѣрныя чада католической, восточной греко-россійской православной церкви и неизмѣнно сохраняемъ ея ученіе во всемъ, что Духъ Святой возвѣстилъ устами святыхъ апостоловъ, пророковъ, великихъ учителей и Отцевъ церкви о таинствѣ Пресвятой Троицы, о рожденіи Сына Божія предвѣчномъ и временномъ, объ исхожденіи Святаго Духа предвѣчномъ и временномъ ниспосланіи Его, о Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, о святыхъ Таинствахъ церкви и всѣхъ вообще догматахъ христіанской вѣры. Въ исповѣдуемой нами вѣрѣ мы желаемъ умереть и несомнѣнно надѣемся, что страшный судъ Божій не признаетъ насъ за *отверженныхъ*,

если дѣла наши будутъ согласоваться съ нашею святою истинною вѣрою. Судія всѣхъ живыхъ и мертвыхъ не обратитъ никакого вниманія на приговоръ ясневельможнаго Смогоржевскаго, и ему совѣтуемъ со вниманіемъ прочитать, если имѣетъ досугъ, постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ; тамъ онъ найдетъ, когда и за что Св. Церковь признала людей отверженными и предала анаѳемѣ; причемъ считаемъ не лишнимъ посовѣтовать ему прочесть гимнъ на праздникъ Св. Духа, поемый въ этотъ день уніатами въ городскихъ и сельскихъ церквахъ. Гимнъ этотъ находится въ Тріоди, которая, послѣ корректуры уніатскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго, напечатана была 1739 года въ Львовской типографіи и читается въ переводѣ на польскій языкъ такъ: Wielbimy Cię, Zyciadawco Chryste, i czcimy Swętego Ducha Twego, Ktoregos' od Ojca i Syna posłalés błagosłowjonym swoim. Кажется, какъ будто гимнъ сей составленъ согласно ученію Римской церкви; но пусть ясневельможный Смогоржевскій посчитаетъ лицъ, поименованныхъ въ гимнѣ; онъ найдетъ четверицу, а не Тройцу,—найдетъ Христа величаемаго и затѣмъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа святаго,—въ краткихъ словахъ скажемъ, найдетъ ересь Несторія, который утверждалъ, что иной есть Христосъ, а иной Сынъ Божій. За таковое лжеученіе Вселенская церковь предала анаѳемѣ Несторія и послѣдователей его. Такъ какъ уніаты въ прописанномъ гимнѣ близки къ ереси Несторія, то не подлежатъ ли и они тому же отлученію, какое изречено на III вселенскомъ соборѣ противъ сего еретика? Пусть рѣшитъ сей вопросъ самъ ясневельможный Смогоржевскій, дерзнувшій назвать насъ *отверженными*.

2. Въ томъ же универсалѣ ясневельможный митрополитъ утверждаетъ, что наша *неуніатская церковь наполнена бунтовническими наѣздниками*. Отвѣчаемъ: не наша, а уніатская церковь наполнена *бунтовническими наѣздниками*. Для доказательства сего представимъ нѣсколько фактовъ. Янъ Яхимовичъ, бывшій уманскій суфраганъ, 1780 г. отдалъ приказъ своему инстигатору Петру Твардіевичу собрать 20 уніатовъ и столько же дьяковъ и напасть на неуніатскую церковь въ Грановѣ.

Толпа эта, довольно подпившая, въ теченіе цѣлаго дня, таранами, дрюками, клиньями, топорами и долотами выламывала церковныя двери и работу свою кончила только предъ заходомъ солнца. Не только христіане, но и невѣрующій жидовскій людъ, живущій въ Грановѣ, крайне возмущался уніатскою работою. Что же продѣлывалъ Яхимовичъ въ другихъ мѣстахъ Грановской и Уманской протопопій? Бунтовническія уніатскія нападенія на неуніатскія церкви вездѣ сопровождались отбиваніемъ замковъ, ломкою церковныхъ дверей, разбитіемъ церковныхъ окошекъ и глумленіемъ надъ неуніатскою святынею.

Ксендзъ Василій Рогаля-Левицкій, дзеканъ Браиловскій своими дѣйствіями еще нагляднѣе доказалъ, что уніатская церковь наполнена бунтовническими наѣздниками. Онъ, также собравши 20 уніатовъ и столько же пьяныхъ дьяковъ, вмѣстѣ съ ними въ день Св. Анны, 25 іюля 1781 года, поздно вечеромъ, передъ самымъ началомъ всенощнаго бдѣнія, неожиданно ворвался въ Литинскую церковь, въ которой ни дьяка, ни пономаря тогда не было,—они, боясь уніатскаго тиранства, разбѣжались; не было тамъ даже ни одного мірского человѣка, а только шесть священниковъ. Въ тотъ моментъ, когда Рогаля-Левицкій входилъ въ 40 людьми въ церковь, одинъ священникъ вышелъ изъ олтаря со свѣчей и, ставши предъ царскими вратами, возгласилъ, *востаните, владыко благослови*! Сего священника ксензъ Рогаля-Левицкій дьяку своему велѣлъ ударить дрюкомъ по головѣ, и тотъ, ошеломленный отъ удара, безъ чувствъ упалъ на землю. По приказу того же Рогаля-Левицкаго, другой дьякъ, вбѣжавъ въ олтарь, палкою ударилъ по головѣ другого священника, возглашавшаго: *Слава Святѣй, Единосущнѣй, Животворящей и Нераздѣльнѣй Троицѣ*... Отъ сильнаго удара и этотъ священникъ въ безпамятствѣ упалъ на землю, обливаясь кровью; дьякъ немедля схватилъ его за бороду и вытащилъ на средину церкви. Обоихъ прибитыхъ священниковъ уніаты терзали и дрюками били, сколько хотѣли. Между тѣмъ, по приказу Рогаля-Левицкаго, потушены были всѣ свѣчи, исключая горѣвшей на престолѣ. Стоявшіе на двухъ клиросахъ—по два—неуніатскіе священники, чтобы спастись отъ дрюковъ, припали къ полу, а уніаты дрю-

ками били иконы и разбивали ставники передъ ними. Такъ какъ въ церкви было довольно темно, то никто изъ уніатовъ не видѣлъ, кого бьетъ, и сами себя дрюками страшно били и гвалтовали. И дзеканъ Рогаля-Левицкій не оставался въ бездѣйствіи. Онъ, добывши рапиръ изъ своей палки, не одного уніата скалѣчилъ—одному дьяку своему отсѣкъ ухо, а двумъ другимъ носы. Во время такой баталіи, вбѣжалъ въ церковь вновь прибывшій уніатъ и, увидѣвши здѣсь уніата въ бѣлой капотѣ и сочтя его за священника въ ризахъ, дрюкомъ такъ сильно ударилъ его по головѣ, что онъ мгновенно повалился на землю. Омертвѣвшаго уніата другіе окровавленные уніаты выволокли на цвинтарь и едва отрезвили водою. Когда уніаты учинили свою баталію, въ то время на всѣхъ литинскихъ колокольняхъ ударили тревогу, сзывая людей на гвалтъ. Вооруженные дрюками поспѣшно собирались на городскую площадь. Сбѣжалась сюда и многолюдная толпа жидовъ, которая учинила гвалтъ, уподоблявшійся тому гвалту, который былъ при разрушеніи Іерусалима и храма его. Перепуганные крикомъ уніаты выбѣжали изъ церкви и скрылись—куда кто могъ. Да разсудитъ же здравый смыслъ, кто бунтовничіе наѣздники—неуніаты, или уніяты? Кто нарушители общественнаго спокойствія—первые, или послѣдніе.

3. Въ томъ же универсалѣ неуніаты называются *безбожными отступниками*. Отвѣчаемъ: Святая церковь называетъ безбожными только тѣхъ, которые отрекаются отъ христіанской церкви и впадаютъ въ идолопоклонство. Названіемъ безбожнаго отступника слѣдуетъ титуловать Юліана, римскаго императора, и подобныхъ ему. Но такой титулъ не можетъ быть примѣнимъ къ намъ, отказавшимся отъ уніи и принадлежащимъ къ православной греко-россійской церкви. По какому же праву ясневельможный Смогоржевскій называетъ насъ безбожными отступниками? Invidia, ira es malitia nihil recti sentiunt. Ради этихъ (ненависти, гнѣва и злости) уніатскихъ добродѣтелей, уніатскій пастыреначальникъ уклонился отъ справедливости. Оклеветаніе неуніатовъ въ отступничествѣ предоставляемъ рѣшенію исторіи и сохранившимся еще съ 1340 года монаршимъ

привилегіямъ, изъ которыхъ ясно видно, что наша вѣра въ Польшѣ признана древнею восточною вѣрою, имѣющею свое начало одновременно съ началомъ польской короны. Хотя митрополитъ Исидоръ 1439 года на Флорентинскомъ Соборѣ принялъ унію съ Римомъ, но, еще раньше чѣмъ онъ возвратился въ Россію, Промыслъ Божій чрезъ Св. Сергія, Радонежскаго Чудотворца, предувѣдомилъ, что сей митрополитъ сталъ отступникомъ. Предупрежденный русскій народъ исидоровской уніи не принялъ и пребывалъ въ древней восточной вѣрѣ. Въ 1595 году Ипатій Поцѣй, владимірскій епископъ, и Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, самовольно отступили отъ константинопольской апостольской столицы, основанной апостоломъ Андреемъ, а также и отъ власти кіевскаго митрополита и безъ вѣдома духовенства и народа устроили унію. Однако діоцезіи—Львовская, Галицкая, Каменецкая, Подолія, Волынь, Полѣсье и вся Украина, въ силу трактата 1686 года, заключеннаго съ Россіею, непрерывно пребывали въ неуніи, вплоть до Замойскаго Собора, бывшаго 1720 года. Послѣ Замойскаго Собора въ 1727 году, а главнымъ образомъ 1735 года, уніатская власть—и духовенство и народъ принудили къ уніи; съ того времени мы и находились въ уніи; но Богъ просвѣтилъ насъ, что эта унія не есть унія, а настоящая апостазія, и потому мы отъ уніатской апостазіи вернулись въ лоно православной восточной церкви и теперь состоимъ истинными исповѣдниками православной восточной греко-россійской вѣры, а не безбожными отступниками, какъ титулуетъ насъ ясневельможный Смогоржевскій.

4. Въ томъ же универсалѣ онъ пишетъ: по *діавольскому наущенію уклонились отъ уніи.* Отвѣчаемъ: фарисеи, ненавидѣвшіе Іисуса Христа и Его Божескія дѣла, злословили Его и клеветали, что *Онъ прогоняетъ бѣсовъ якобы силою веельзевула, князя бѣсовскаго.* Неудивительно поэтому, что и митрополитъ уніатскій нашу каѳолическую вѣру, Іисусомъ Христомъ и Его святыми апостолами засвидѣтельствованную посредствомъ знаменій и чудесъ, называетъ послѣдствіемъ *діавольскаго наущенія.* Пребывая въ уніи, мы не только чрезъ Богомъ дарованнаго Радонежскаго Чудотворца Сергія, но и чрезъ другихъ святыхъ ви-

димыми знаменіями и чудесами убѣждались, что оставленная нами восточная грекороссійская вѣра есть каѳолическая. Такому убѣжденію содѣйствовали: часть руки Св. Іоанна Крестителя, находящаяся въ Бржезанахъ на Подоліи въ мѣстной церкви, Св. Іоаннъ Сочавскій въ Жолквѣ и Св. Іовъ Желѣзо въ Почаевѣ; а въ Россіи за наше время прославился чудесами Святитель Димитрій, и митрополитъ Ростовскій. На основаніи сихъ и другихъ доказательствъ святости вѣры неуніатской, мы оставили унію и вернулись на лоно матери нашей восточной церкви, но отнюдь не по наущенію діавольскому.

5. Въ томъ же универсалѣ ясневельможный Смогоржевскій называетъ насъ *закоренѣлыми въ упорномъ отступничествѣ*. Отвѣчаемъ: доколѣ мы пребывали въ уніи, насъ никто не упрекалъ въ упорномъ отступничествѣ, но за то совѣсть каждую минуту мучила насъ, что въ такой отступнической уніи остаемся. Мы тогда сомнѣвались на счетъ нашего спасенія, потому что, по отступленіи отъ православія, мы не приняли обрядовъ римской церкви. Мы оплакивали свое отступничество и всегда пылали сердцами своими къ православію и молились объ избавленіи отъ навязанной намъ уніи. Когда же многомилостивый Господь услышалъ нашу молитву, когда указалъ подходящее время, мы немедленно возсоединились съ православною церковью и теперь не сомнѣваемся въ спасеніи душъ нашихъ, если человѣколюбецъ Господь Богъ будетъ милостивъ къ намъ и благостію своею покроетъ беззаконія и грѣхи наши. Предоставляемъ здравому смыслу и ясневельможному Смогоржевскому разсудить, слѣдуетъ ли насъ называть *закоренѣлыми въ упорномъ отступничествѣ?*

6. Въ универсалѣ, выданномъ 2 марта 1782 года, митрополитъ Смогоржевскій обозвалъ неунитовъ *бунтовщиками и нарушителями общественнаго спокойствія*. Отвѣчаемъ: исторія свидѣтельствуетъ, что пока въ Польшѣ не было уніи, то религія древняя восточная уживалась съ римскою, какъ душа съ тѣломъ, и всѣ подданные Польши наслаждались спокойствіемъ. Но какъ только 1596 года народилась унія, тотчасъ появились въ Польшѣ волненія, смятенія и безпорядки. Просимъ прочитать письмо ясневельможнаго Леона Сапѣги, канцлера великаго княжества

Литовскаго, къ Іосафату Кунцевичу, архіепископу полоцкому, которое написано и послано изъ Варшавы 1622 года. Мы предоставляемъ высшей власти обратить благосклонное вниманіе и на событія недавно минувшихъ лѣтъ, которыя совершались на нашихъ глазахъ. Начиная съ 1727 по 1766 годъ, уніатская духовная власть насильно начала отнимать у неуніатовъ церкви и парафіи, грабила ихъ движимое и недвижимое имущество, изгоняла ихъ изъ собственныхъ домовъ, глумилась надъ ихъ святынею,—что хотѣла, то и дѣлала съ ними; но неуніаты терпѣливо все переносили. Такимъ самоволіемъ отличался ксендзъ Михаилъ Примовичъ, кіевскій офиціалъ, за все время своего пребыванія въ этомъ званіи. Когда же покойный Володкевичъ, митрополитъ уніатскій, смѣстилъ Примовича и опредѣлилъ кіевскимъ офиціаломъ ксендза Григорія Мокрицкаго, послѣдній, изъ желанія заявить свое особенное усердіе къ распространенію уніи, задумалъ отобрать отъ неуніатскаго духовенства всѣ церкви и парафіи. Для успѣшнѣйшаго достиженія своего замысла, онъ чрезъ Володкевича, тогдашняго уніатскаго митрополита, исходатайствовалъ у региментаровъ, находившихся на Украинѣ, право брать, когда ему понадобятся, народовыя жолнерскія команды, при содѣйствіи которыхъ въ 1767 и 1768 годахъ отнялъ у неуніатовъ нѣсколько сотъ церквей и почти всѣхъ неуніатскихъ священниковъ, которыхъ успѣлъ захватить, заковалъ въ кандалы и отправилъ въ Радомысль, гдѣ ихъ содержали въ тюрьмѣ, морили голодомъ и холодомъ, ежедневно сѣкли не только розгами, но и канчуками и, употребляя на самыя тяжкія и позорныя работы, приклоняли на унію. Многіе изъ нихъ не вынесли тяжкихъ работъ и ежедневнаго сѣченія и скоро поумирали. Тѣла ихъ были лишены христіанскаго погребенія и, какъ падаль, зарыты на радомысльскихъ поляхъ. Такъ какъ благочестиваго духовенства на Украинѣ не стало и не было кому совершать христіанскихъ требъ для неуніатовъ, то офиціалы, кіевскій Мокрицкій и брацлавскій Янъ Любѣнскій, предписали дзеканамъ выслать каждому изъ своего деканата по шести уніатскихъ пароховъ, и каждому пароху поручено было въ досмотръ не менѣе шести благочестивыхъ парафій. Тогда много людей безъ испо-

вѣди, а дѣтей безъ крещенія поумирало. Украинскій народъ не подчинялся уніатскимъ парохамъ и возмущался изъ-за своего духовенства, за что официалы Мокрицкій и Любѣнскій многихъ изъ возмущавшихся мучили и даже лишали жизни посредствомъ самой лютой казни. Такъ, Млѣевскій ктиторъ Даніилъ Кушниръ, послѣ тяжкихъ мученій, живымъ былъ сожженъ и обезглавленъ, а Смѣлянскому сотнику, послѣ смертельныхъ побоевъ, была отрублена голова топоромъ. Другіе изъ возмущавшихся подвергались заключенію въ казематы, тяжкимъ работамъ и безчеловѣчному сѣченію канчуками. Неудивительно, что на Украинѣ вспыхнула тогда страшная буря, сопровождавшаяся ужаснымъ кровопролитіемъ. Когда эта буря заботливостію найяснѣйшихъ монарховъ утихла, неуніатами опять подана была жалоба на своихъ гонителей; и его величество нашъ найпресвѣтлѣйшій король опубликовалъ мандатъ, строго воспрещавшій всякаго рода преслѣдованія неуніатовъ. Но духовная уніатская власть никакого вниманія не обратила на королевскій мандатъ и еще съ большимъ ожесточеніемъ стала угнетать насъ. Ксендзъ Любѣнскій, официалъ Браславскій, и самъ, и дзеканы его съ жолнѣрскими командами объѣзжаютъ Браславщину для сбора subsidii charitativi и, не смотря не предъявляемыя неуніатами квитанціи въ уплатѣ сей подати, вторично вымогаютъ ее, употребляя при этомъ самыя жестокія насилія. Укажемъ изъ многихъ такихъ вымогательствъ, по крайней мѣрѣ, два. Въ мѣстечкѣ Красномъ жилъ викарій краснянскаго протопопа Богдановича. Въ квартиру сего викарія, для полученія subsidii charitativi, среди глубокой ночи ворвался краснянскій дзеканъ съ шестью шеренговыми и, какъ только викарій предъявилъ ему квитанцію, на голову его, по приказанію дзекана, тотчасъ надѣта была уздечка, и ему было приказано ходить на четверинкахъ,—что онъ и началъ дѣлать. На спину его тотчасъ сѣлъ одинъ шеренговый и велѣлъ возить себя по мѣстечку, а другіе шеренговые безчеловѣчно били его канчуками. Послѣдствіемъ сего возмутительнаго позора и побоевъ была смерть выкарія. Литинскій дзеканъ ту-же исторію продѣлалъ и съ неуніатомъ Молжевскимъ, хотя невполнѣ, такъ какъ русскій гусарскій поручикъ успѣлъ освободить его отъ смертельныхъ

побоевъ. Что же творилось въ Браиловѣ, Литинѣ, Летичевѣ, Широкой Греблѣ и въ другихъ мѣстахъ надъ неуніатскимъ духовенствомъ? О Боже, просвѣти духомъ справедливости сердца имѣющихъ власть; пусть они разсудятъ и скажутъ, кто нарушители покоя,—неуніяты ли, или духовныя уніатскія власти?

7. Въ томъ же универсалѣ ясневельможный Смогоржевскій неуніатское духовенство титулуетъ *злодѣями, вымыслителями Монаршей воли.* Отвѣчаемъ: Между апостолами нашелся одинъ злодѣй—Іуда. Равнымъ образомъ между множествомъ неуніатовъ и уніатовъ можетъ найтись не одинъ злодѣй. Въ дѣйствительности же между неуніатами духовными мы не знаемъ ни одного злодѣя. Хотя уніаты пробовали дѣло убіенія посессора подъ Бершадами приписать неуніату, но тотъ, котораго судилъ митрополитъ Шептицкій за это убійство и въ 1768 году растригъ,—былъ уніатъ. А мало ли было злодѣевъ уніатовъ при истязаніи и убіеніи Кирилла Зельнѣцкаго, православнаго уманскаго протопопа? Не далекъ отъ этого названія и діаконъ Консѣвичъ, опредѣленный на парафію въ деревню Юровку, корсунскаго деканата. Этотъ діаконъ вилкою выкололъ глаза женѣ православнаго іерея Павла и затѣмъ такъ жестоко билъ и мучилъ ее, что она на седьмой день Богу душу свою отдала. Пинскій уніатскій бискупъ Горбацкій за такой героическій подвигъ рукоположилъ Консѣвича въ санъ священника и допустилъ до совершенія Св. таинствъ церкви.

Ясневельможный Смогоржевскій называетъ неуніатовъ *вымыслителями монаршей воли*... Подъ монаршею волею онъ разумѣетъ ту *золотую грамоту*, которая въ 1768 году изъ Мотронинскаго монастыря была разослана по Украинѣ и здѣсь вызвала страшное кровопролитіе. Прочитавши эту грамоту, увидимъ, что вымыслители ея были названы *злодѣями.* Всероссійская императрица никогда не называла благочестивое духовенство злодѣями. И если бы неуніатское духовенство само составило упомянутую грамоту, то ужели бы оно само себя назвало злодѣями? Мы предполагаемъ, что уніатскій митрополитъ самъ выдумалъ монаршую волю, съ цѣлію между своими уніатами усилить злость къ неуніатскому духовенству.

8. Въ письмѣ къ одному высокопоставленному лицу митрополитъ Смогоржевскій неуніатовъ раздѣлилъ на два отдѣла. Къ первому отдѣлу онъ причислилъ тѣхъ изъ нашихъ предковъ, которые не приняли уніи, привезенной митрополитомъ Исидоромъ изъ Флоренціи, а ко второму—обитателей Подоліи, Волыни, Полѣсья и Брацлавщины, предки которыхъ изъ давнихъ временъ поселились въ этихъ мѣстахъ, но произошли отъ родителей католиковъ и воспитаны въ католической религіи. Отвѣчаемъ: мы не отрицаемъ, напротивъ признаемъ, что къ народу, съ давнихъ временъ поселившемуся въ Галиціи, Подоліи, Волыни, Полѣсьѣ и на Украинѣ въ воеводствахъ кіевскомъ и брацлавскомъ, заходили люди, рожденные отъ родителей католиковъ и воспитанные къ католической религіи; но считаемъ несомнѣннымъ, что древнѣйшіе обитатели сихъ мѣстъ, съ появленія между ними христіанства, содержали св. вѣру восточную, каѳолическую, неуніатскую. Для убѣжденія въ этомъ просимъ ясневельможнаго Смогоржевскаго прочитать сеймовыя и трактатовыя конституціи, изданныя 1659 года польскими монархами, а въ особенности трактатъ, заключенный Польшею съ Россіею 1686 г. Здѣсь написано, что епископства—львовское и луцкое съ всѣми діецезіями своими на Подоліи, Волыни, Полѣсьѣ и въ воеводствахъ кіевскомъ и брацлавскомъ, а также кіевская митрополія—должны на вѣчныя времена оставаться въ неуніи, а обиватели грекороссійскаго исповѣданія съ своимъ духовенствомъ навсегда должны пребывать въ неуніи. Затѣмъ просимъ прочитать данный 21 августа 1717 г. епископомъ львовскимъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ универсалъ, который въ благочестивыхъ церквахъ, при собраніи народа, въ неуніи бывшаго, опубликованъ и заключаетъ въ себѣ протестъ противъ совращенія неуніатовъ. Далѣе, о существованіи благочестія, въ показанныхъ мѣстахъ до Замойскаго собора, свидѣтельствуютъ св. антиминсы, выданные въ неуніатскія церкви раньше 1720 года, и богослужебныя книги, напечатанныя около сего года въ львовской типографіи. На Замойскомъ Соборѣ Аѳанасій Шептицкій, во время спора съ Леономъ Кишкою, доказывалъ, что всѣ антецессоры его, отъ самаго начала львовскаго епископства, были въ неуніи. 1727 года,

послѣ публикаціи дѣяній Замойскаго собора, Леонъ Кишка въ Житомірѣ, а Аѳанасій Шептицкій въ Барѣ сзывали неуніатское духовенство и принуждали къ уніи подъ страшными угрозами. На этомъ съѣздѣ одни изъ протопоповъ явно пристали на унію, другіе же, возвратясь въ дома свои, содержали древнюю вѣру свою, воспользовавшись послѣдовавшей вслѣдъ за съѣздомъ смертію короля Августа II и наступившимъ безкоролевьемъ. Такъ было до 1735 года. Въ послѣдующіе годы страшные насилія, грабежи, сѣченія и убійства вынудили весьма многихъ священниковъ и мірянъ приклониться на унію. Но принявшіе ее только по виду казались уніатами, внутренно же всѣмъ сердцемъ своимъ пылали къ греческой православной церкви и въ душѣ были исповѣдниками ея. Всякій годъ, а въ особенности въ началѣ лѣта, множество священниковъ и, по преимуществу мірянъ изъ Подоліи, Волыни, Полѣсья и со всей Украины, ходили въ Кіевъ для исповѣди и причастія св. таинъ Христовыхъ. Замѣтили это уніатскія духовныя власти, завидовавшія спасенію душъ человѣческихъ, и всякими способами противодѣйствовали спасительному странствованію въ Кіевѣ; ходившимъ на богомоліе въ Кіевъ грозили и проклятіемъ, и отлученіемъ отъ церкви, глумились надъ святыми мощами, называя ихъ засушенными тѣлами, утверждали, что въ Кіевѣ вѣра схизматическая, и кто туда ходитъ, тотъ даже за одно хожденіе впадаетъ въ проклятіе. Когда же угрозы, проклятія, глумленія и кощунство ничего не могли сдѣлать, тогда уніатская власть изобрѣла новый, еще небывалый способъ противодѣйствія,—предписала коменданту польской пограничной стражи, находящемуся въ Мытыщѣ подъ г. Васильковомъ, чтобы онъ бралъ подать отъ всякаго мірянина за переходъ границы по три золотыхъ и, кромѣ того, отъ ножа и свѣчи, находящихся при каждой особѣ, по одному рублю. Духовныя же особы за переходъ границы уплачивали по три и даже по шести рублей. Но это богопротивное, выдуманное уніатами средство не въ силахъ было отклонить народъ, пылавшій любовію къ благочестію и желавшій святаго причастія въ православной грекороссійской церкви,—отъ хожденія въ Кіевъ. О какое доброе дѣло совершила бы

высшая власть, еслибы воспретила уніатамъ упомянутое грабительство съ многочисленнаго Подольскаго, Волынскаго, Холмскаго, Полѣсскаго и Украинскаго народа, ежегодно идущаго въ Кіевъ на богомоліе!

9. На выраженія въ указанномъ письмѣ—*духовенство самовольно отступило отъ католическихъ пастырей, которымъ дало присягу въ послушаніи*—отвѣчаемъ: A majori bove discit arare minor. Слѣдовало ли Ипатію Поцѣю, владимірскому, и Кириллу Терлецкому, луцкому епископамъ, давать присягу въ послушаніи, самоправно отступать отъ послушанія отъ константинопольской апостольской столицы, отъ митрополита кіевскаго и отъ истинной католической греческой вѣры? Нѣтъ! Что же касается насъ,—мы имѣли полное право оставить навязанную намъ епископами владимірскимъ и луцкимъ унію, когда она оказалась апостазіею. Уніаты признаютъ евхаристію, совершаемую католиками на прѣсномъ хлѣбѣ, но не хотятъ принимать причастія на прѣсномъ хлѣбѣ. Мало того, уніатовъ, священнодѣйствующихъ на прѣсномъ хлѣбѣ, отлучаютъ отъ себя и проклинаютъ. Какая же это унія? Неуніаты крестятъ чрезъ троекратное погруженіе въ воду или троекратное обливаніе водою, по правиламъ апостольскимъ. Тѣхъ же правилъ строго придерживается и римско-котолическая церковь (ter fundit aquam sacerdos). Уніаты же, вопреки апостольскимъ правиламъ, вопреки древнимъ обычаямъ восточной и западной церкви, только разъ обливаютъ крещаемаго, какъ это дѣлаютъ Евноміане и Монтанисты. Всякій католикъ легко убѣдится въ уніатской апостазіи, какъ только прочитаетъ корректуру, а въ самомъ дѣлѣ порчу обрядовъ неуніатской греческой церкви, которая опубликована 3 мая 1738 года уніатскимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ. Не своевольно мы отступили отъ уніи, но на основаніи привилегій и конституціонныхъ сеймовыхъ и трактатовыхъ постановленій, милостиво дозволяющихъ переходъ изъ уніи въ неунію.

10. *Католичеству, пастырству и Посполитой Рѣчи неуніатское духовенство помѣха* (przeszkoda), *неспокойность* и проч. Отвѣчаемъ и на сіи выраженія. Чтобы ясневельможный митро-

политъ Смогоржевскій убѣдился въ ошибочности этихъ выраженій, просимъ его вторично прочитать цитованное подъ № 6 нашей отповѣди письмо ясневельможнаго Сапѣги, канцлера Великаго княжества Литовскаго, къ Іосафату Кунцевичу. Это письмо скажетъ ему, кто помѣха католичеству и пастырству, кто причиняетъ безпокойство Посполитой Рѣчи, кто причиною общественныхъ смятеній. И еще просимъ ясневельможнаго Смогоржевскаго обратить свое вниманіе на дѣла уніатовъ и неуніатовъ, совершившіяся на нашихъ глазахъ. Дѣла эти ясно засвидѣтельствуютъ, что между нарушителями королевскихъ мандатовъ и постановленій Посполитой Рѣчи, а также между виновниками общественныхъ смятеній не было ни одного изъ среды неуніатовъ, а только одни уніаты.

11. *Таковыхъ* (неуніатскихъ священниковъ) *сеймовыя и трактатовыя постановленія признали криминальными отступниками и предписали строго карать ихъ и изгонять изъ края.* Отвѣчаемъ. Постановленій таковыхъ мы не только не читали, но даже о существованіи ихъ не слышали; напротивъ, всѣмъ и ясневельможному уніатскому митрополиту извѣстны законы, дозволяющіе переходъ, или вѣрнѣе возвращеніе изъ уніи въ неунію. Постолитая Рѣчь своими давними привилегіями и конституціями признала нашу вѣру истинною восточною грекороссійскою вѣрою; и затѣмъ, когда народилась унія, та же Посполитая Рѣчь назвала нашу вѣру раздвоенною и по своимъ соображеніямъ и небезуважительнымъ причинамъ дала милостивое разрѣшеніе на свободное возвращеніе изъ уніи въ неунію. Если же она дала такое разрѣшеніе, и дала непринужденно, то могла ли возвращающихся въ лоно православной восточной церкви признать криминальными отступниками и дать приказъ строго карать ихъ и изгонять изъ края? Пресвѣтлая постоянная рада не могла издавать такихъ законовъ, которые находились бы между собою въ противорѣчіи. Въ трактатѣ 1768 года есть, между прочимъ, строгое запрещеніе переходить изъ римско-католической вѣры въ какую-либо другую вѣру. Это запрещеніе ясневельможный Смогоржевскій отнесъ и къ уніатамъ, которые возвращаются въ неунію. Но справедливо ли онъ поступилъ?

Уніаты сами о себѣ засвидѣтельствовали, что они чада восточной церкви, а не западной, поелику во всѣхъ своихъ книгахъ пишутъ: *мы сынове Восточной церкви.* Если же уніаты *сынове Восточной церкви,* но въ сущности отступили отъ нея и не только не вошли въ составъ Римской церкви, напротивъ сформировали изъ себя новую вѣру, то ясневельможный митрополитъ уніатскій поступилъ бы логично, если бы и себя, и всѣхъ, принадлежащихъ къ этой новой вѣрѣ, назвалъ отступниками отъ древней восточной церкви и къ себѣ и къ паствѣ своей уніатской отнесъ упомянутое нами запрещеніе.

12. Въ томъ же письмѣ ясневельможный Смогоржевскій, хвалясь своею митрополитанскою дѣятельностію, пишетъ: *для уничтоженія богомерзкой апостазіи я весьма много старанія приложилъ и прибѣгалъ къ всѣмъ моимъ средствамъ для изгнанія неуніатовъ изъ края.* Отвѣчаемъ. Результаты такой усиленной работы уніатскаго митрополита извѣстны всѣмъ, а особенно намъ, которые изъ-за нея потерпѣли и тяжкія гоненія, и лишенія, и смертельныя мученія. Пусть исторія скажетъ слово правды о заслугахъ ясневельможнаго Смогоржевскаго; что же касается насъ, мы считаемъ неизлишнимъ противопоставить самохвальству его слѣдующій фактъ. Въ началѣ 1782 года митрополиту Смогоржевскому очевиднымъ стало, что дни уніи сочтены и конецъ ея довольно близокъ; и потому онъ, чтобы отдалить сей конецъ, назначилъ въ своей резиденціи въ г. Радомыслѣ конгрегацію, на которую съ Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ съѣхались и официалы, и всѣ дзеканы уніатскіе. Послѣ долгихъ совѣщаній, они не придумали другого способа къ сохраненію уніи, какъ установленіе ежегодной присяги на вѣрность уніи съ обязательствомъ, если понадобится, пролить свою кровь за уніатскую вѣру. Установленную на конгрегаціи ежегодную присягу выполняли не только всѣ міряне, не только дьяки и пономари, но даже всѣ уніатскіе парохи. Что же это за вѣра, которая, для сохраненія своего, нуждается въ ежегодной присягѣ отъ исповѣдниковъ ея? Надѣемся, что вѣрѣ сей существовать не долго, и таковая надежда наша не посрамитъ насъ,—она скоро сбудется?

Одинъ экземпляръ этой отповѣди о. Строцкій въ половинѣ 1792 года, при письмѣ своемъ, отослалъ въ Варшаву князю Чарторыжскому для передачи въ Пресвѣтлую постоянную польскую раду [1]), куда она главнымъ образомъ и предназначалась, съ тою цѣлію, чтобы между членами ея, съ одной стороны, установить правильный взглядъ на уніатское и неуніатское исповѣданіе и на священнослужителей сихъ исповѣданій, а съ другой—разоблачить тѣ лукавыя іезуитскія цѣли, которыя имѣлъ въ виду митрополитъ Смогоржевскій, разсылая по Украинѣ свои (вышеупомянутые нами) универсалы и письма къ частнымъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Отсылкою своей отповѣди въ Варшаву о. Строцкій не ограничился. Такъ какъ съ половины 1792 года Императрица Екатерина II войсками своими уже заняла Украину и Литву, для окончательнаго присоединенія ихъ къ своей Имперіи, то онъ счелъ весьма благовременнымъ и весьма полезнымъ для православія распространять, предъ кѣмъ считалъ необходимымъ, все, что содержалось въ его отповѣди. Устныя, воодушевленныя рѣчи его, которыя онъ теперь безбоязненно произносилъ и въ храмахъ Божіихъ Грановскаго ключа, и вездѣ, гдѣ находилъ удобнымъ, были подготовленіемъ къ успѣшному и весьма быстрому ходу того великаго дѣла, которое, по соизволенію русской Императрицы и по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Россійскаго Синода, совершилось въ послѣднюю четверть 1794 года.

Въ число украинскихъ священнослужителей, на которыхъ былъ возложенъ апостольскій трудъ возсоединенія уніатовъ, преосвященный Викторъ Садковскій включилъ и о. Строцкаго. Общій съѣздъ этихъ священнослужителей, „для совѣщанія относительно мѣръ для болѣе успѣшнаго возсоединенія уніатовъ“, состоялся 18 августа 1794 года въ Лебединскомъ Георгіевскомъ монастырѣ чигиринскгго уѣзда кіевской губерніи. Отъ присутствованія на Лебединскомъ съѣздѣ были освобождены протоіереи—Грановскій Іоаннъ Строцкій, Кальницкій Григорій Лѣне-

---

[1]) Рукописи о. Строцкаго стр. 47.

вичъ и Брацлавскій Василій Мокрицкій. Касательно сихъ протоіереевъ въ указѣ Минской духовной консисторіи, данномъ 30 іюня 1794 года на имя звенигородскаго протоіерея Радзимовскаго, сказано такъ: „поелику имъ въ разсужденіи далекаго разстоянія въ Лебединѣ въ общемъ собраніи быть не можно, то онымъ указы съ инструкціями, также соразмѣрное количество антиминсовъ и святаго мvра съ служебниками... препроводить безъ потерянія времени, съ надлежащимъ при томъ увѣдомленіемъ о всѣхъ въ общемъ собраніи учиненныхъ мѣропріятіяхъ, къ успѣянію въ предлежащемъ дѣлѣ относящихся, и съ тѣмъ, чтобы оные протоіереи возимѣли съ протоіереемъ Лукою Романовскимъ [1]) и персональную, гдѣ удобнѣе изъ тамошнихъ мѣстъ, конференцію, для возможнѣйшаго въ дѣлѣ спѣха служащую; чего ради съ общаго того собранія сообщить онымъ копіи протокола и архипастырскаго въ собраніе посланія [2])".

Протоіереи—Строцкій, Лѣневичъ, Мокрицкій и Романовскій, по полученіи указовъ съ инструкціями и потребнаго количества антиминсовъ, св. мvра и служебниковъ, а также копій съ протоколовъ общаго собранія и архипастырскаго посланія, имѣли предписанную имъ конференцію въ м. Грановѣ и вслѣдъ затѣмъ около половины сентября разъѣхались каждый въ назначенный ему округъ. Миссія сихъ протоіереевъ, а равно и тѣхъ священнослужителей, которые присутствовали на Лебединскомъ съѣздѣ, совершалась такъ успѣшно, что предъ 20 числомъ октября 1794 года кіевскій митрополитъ Самуилъ выслалъ изъ Кіева для уже возсоединенныхъ церквей, чрезъ корсунскаго игумена Самуила, 1617 антиминсовъ, а 1000 заготовлялъ къ отсылкѣ [3]). Въ генварѣ 1795 года отцы миссіонеры,

---

[1]) Протоіерей Романовскій, когда въ концѣ 1779 г. всѣ церкви его Чечельницкой протопопіи были отняты уніатами, бѣжалъ въ м. Смѣлу и тамъ исправлялъ должность Смѣлянскаго протопопа до начала возсоединенія уніатовъ.

[2]) Архипастырское посланіе и одна изъ инструкцій преосвящ. Виктора помѣщены нами въ біографіи сего святителя, напечатанной въ Холмско-Варшав. Епархіал. Вѣстникѣ за 1892 г.

[3]) Архивъ Кіев. Консисторіи; дѣло 1794 г. „О высылкѣ антиминсовъ, міра и служебниковъ".

при помощи Божіей, почти окончили возсоединеніе уніатовъ и возвратились на свои мѣста.

Не имѣя подъ руками источниковъ, я опускаю описаніе миссіонерскаго труда о. Строцкаго. Этотъ приснопамятный священнослужитель, окончивши въ своемъ округѣ возсоединеніе уніатовъ и возвратившись въ Грановъ, первымъ долгомъ своимъ счелъ отправиться въ храмъ Божій, гдѣ совершилъ благодарственное молебствіе Господу Богу, продлившему жизнь его до того времени, въ которое, согласно его твердому упованію, изложенному въ письмѣ къ преосвященному Виктору Садковскому, „на Украинѣ имѣлъ возсіять и дѣйствительно возсіялъ тишайшій и чистѣйшій грекороссійскаго исповѣданія свѣтъ". Молебствіе свое онъ закончилъ пѣснею св. Симеона Богопріимца: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ...*

Отецъ Строцкій, послѣ пятидесятилѣтнихъ самыхъ усиленныхъ трудовъ на пользу православія, мирно почилъ о Господѣ на погостѣ того храма, который онъ построилъ на средства, ассигнованныя княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.

Прот. П. Орловскій.

МАРЬЯ ВЪ ЖИДОВСТВѢ МАРІЯНА.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

Въ сентябрѣ 1773 года въ кіевскій магистратъ представлена была интересная особа: красивой наружности, дородная, черноокая дѣвка. Ту дѣвку спросили, какого она рода и каково ея имя? Она сказала: „Я еврейка, а зовутъ меня Маріяна".

Но черты лица Маріяны, ея рѣчь и манеры обличали въ ней малороссіянку. Маріяну стали допрашивать, пригрозили ей пыткой,—и она созналась.

Прежде она состояла въ православномъ законѣ, и звали ее Марьею, родилась въ польскомъ мѣстечкѣ Барахтахъ, дочь тамошняго посполитаго Ивана Бѣлявскаго. Теперь ей 20 лѣтъ отъ роду.

Отецъ и мать баловали Марусю—единственное дитя свое; но не довелось имъ видѣть ее взрослой дѣвушкой.

Иванъ Бѣлявскій и жена его Ефросинія баловали Марусю, единственное дитя свое. Они любовались хорошенькой, привѣтливой и бойкой дочкой. Ей пошелъ уже 14-й годъ; она цвѣла, какъ майская роза. Родители стали мечтать о хорошемъ женихѣ. Но вотъ случилась бѣда: отъ тяжкой и недолгой болѣзни умеръ отецъ; вскорѣ послѣ него умерла Ефросинія. Осталась Маруся сиротой. Сиротку приняла для воспитанія Констанція Брижицкая—жена Бѣлоцерковскаго губернатора. Неладно жилось Марысѣ у пани Брижицкой: паня превратила Марысю въ служанку, не давала ей отдыху отъ разныхъ работъ, а подъ часъ

и колачивала ее. Такое житье длится вотъ уже третій годъ; стала Марыся подумывать о томъ, какъ бы ей освободиться отъ Констанціи. Удобный случай скоро представился.

Нагрянули на Бѣлую Церковь гайдамаки, разгромили жидовъ, разорили губернаторскій домъ Констанціи Брижицкой.

Во время суматохи Марья Бѣлявская удрала изъ этого дома; но не съ пустыми руками. Она воровски захватила большой узелъ голландскихъ червонцевъ, глиняный горшокъ величиною въ три ведра, наполненный серебромъ изъ тарелокъ, ложекъ и прочихъ вещей; захватила 4 нитки мониста краснаго добраго, серьги серебряные, четыре золотыхъ дуката величиною болѣе рублевика, фартуковъ швабскаго полотна три, да рубашекъ такого же полотна три, кунтушъ гранитурный на лисьемъ мѣху, юпку шелковую зеленую, чулки бумажные, башмаки шелковые, перчатки замшевыя, нагрудникъ китайчетой, платокъ шелковой красный, позументу золотаго для убору головы три конца. Такъ вознаградила себя Марыся за долговременное услуженіе пани Констанціи.

Эти вещи Марыся отдала подъ сохраненіе жонкѣ Марьѣ, находившейся у жида Лейбы Меншеля, арендаря бѣлоцерковскаго; а сама пристала въ услуженіе къ бѣлоцерковскому жителю Францишку. Побывъ у него съ недѣлю, бѣжала.

Вскорѣ послѣ этого Марья очутилась у бѣлоцерковскаго жида Аврума Носеля. По подговору Аврума, Марья и въ жидовство приведена въ школѣ, и наречено ей имя Маріяна. И съ того времени, будучи въ Польшѣ, и обряды жидовскіе содержала. Случилось это такъ.

Прельстившись красотою молоденькой дѣвушки, Аврумъ склонялъ ее на сожительство съ собою; но дѣвушка не соглашалась, говоря „какъ я буду жить съ тобою, когда мнѣ нельзя быть женой твоею“?

— Для чего тябѣ быть женою моею, ты и такъ можешь жить со мною. Все равно тебя никто не возьметъ замужъ: у тебя ни батька, ни матери нѣтъ, у тебя грошей нѣтъ, ты сирота,—говорилъ Аврумъ.

— Батька и матери у меня нѣтъ; а состояніе у меня есть, да такое, что любой козакъ женится на мнѣ!—отвѣчала черноокая.

— Пфу на твое состояніе! на что тебѣ состояніе? Я тебѣ дамъ все свое состояніе; а у меня смотри, сколько его!—сказалъ Аврумъ и открылъ комодъ.

Въ комодѣ красовались кучи червонцевъ и серебряныхъ монетъ, блистали всевозможныя украшенія женскія.

Разгорѣлись глаза дѣвушки, когда она узрѣла яхонты, изумруды и алмазы.

— То все твое будетъ! Ца-ца! какъ хорошо!—говорилъ Аврумъ, насунувъ на дѣвичьи пальчики брилліантовыя кольца, а въ ушки заложивъ такія же серьги.

— Ты посмотри, чего только у меня нѣтъ!—воскликнулъ Аврумъ, открывъ сундукъ.

Сундукъ былъ наполненъ разнообразными вещами: тонкими полотнами, серебряными и золотыми чарками.

— Глянь сюды, Марысю! воскликнулъ Аврумъ, открывъ шкафъ.

Въ шкафу висѣло множество женскихъ одеждъ—гранитуровыхъ, шелковыхъ и бархатныхъ.

Жидъ быстро снялъ бархатный корсетъ и надѣлъ его на черноокую.

— Фа, какъ хорошо! сказалъ онъ, всплеснувъ руками.

Черноокая красавица посмотрѣла въ зеркало—и отъ удовольствія засмѣялась. Корсетъ ловко обрамлялъ ея изящныя формы.

— Ты, какъ пава, будешь у меня ходить. Будешь хорошо пить и ѣсть, въ пуховыхъ подушкахъ будешь лежать, а наймички будутъ тебѣ подавать. Живи со мною, Марысю! Я безъ тебя дохнуть не могу!—изъяснялся Аврумъ и обнялъ дѣвушку за талію, крѣпко прижавъ къ себѣ и напечатлѣвъ поцѣлуй.

Дѣвушка не сопротивлялась.

Съ той поры жидъ блаженствовалъ, а дѣвушка грустила. Часто Аврумъ заставалъ ее въ слезахъ.

— Чего ты плачешь? спрашивалъ Аврумъ.

— Того я плачу, что я сирота, а ты возьмешь да и прогонишь меня!

— А зачѣмъ мнѣ прогонять тебя? Ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

— Такъ ты теперь говоришь, а потомъ скажешь: иди себѣ, куда хочешь, ты не жена моя. Ты обѣщалъ, что я, какъ пава, буду ходить и буду всѣмъ командовать; а вотъ до сихъ поръ я въ наймичкахъ у тебя состою, и твоя Хайка мною помыкаетъ. А также я провѣдала, что Хайка твоя хочетъ на тебя и на меня жалобу подавать.

— Что мнѣ Хайка, къ чорту Хайку! какъ хочешь быть женою моею, пойдемъ до школы—до рабина. Пріими нашъ еврейскій законъ, то будешь женою моею.

— Ты жъ не обманешь меня?

— Вотъ тебѣ клянусь! сказалъ Аврумъ и поцѣловалъ книжку закона своего.

По вступленіи Марьи въ жидовство, Аврумъ медлилъ бракосочетаніемъ. Надо было развестись съ Хайкой; но разводъ этотъ былъ немыслимъ для Аврума, ибо все то богатство, которымъ онъ хвастался, принадлежало Хайкѣ. А Хайка поняла, зачѣмъ это наймичка Марья еврейскій законъ приняла. Она начала ссорится съ Марьяной; наконецъ, произошла драка. Хайка осилила черноокую соперницу и клокъ волосъ вырвала изъ головы ея. Марьяна должна была бѣжать изъ дому Аврума Носеля.

Теперь обладателемъ Марьяны сталъ бѣлоцерковскій арендаторъ жидъ Лейба Меншель. Въ услуженіи у Лейбы она находилась съ полгода.

Въ маѣ 1773 года проходила черезъ мѣстечко Бѣлую Церковь россійская армія; она держала путь на Очаковъ и Бендеры. Многіе военные чины временно останавливались въ мѣстечкѣ для отдыха и покупки припасовъ. Арендарь Меншель имѣлъ много такихъ квартирантовъ.

Марьяна тутъ *познакомилась* съ поручикомъ Иваномъ Ивановичемъ; онъ объявилъ ей, что онъ находится въ Кіевѣ при гарнизонѣ, завѣдываетъ тамъ на Подолѣ „принятіемъ амуничныхъ вещей“.

Иванъ Ивановичъ увѣрялъ Марьяну, что „возьметъ ее себѣ въ жену“; а она, дура, и повѣрила этимъ увѣреніямъ, не уз-

навъ ни фамиліи *офицера*, ни того, въ какомъ полку онъ служитъ.

Довѣрившись незнакомому человѣку, поручику Ив. Ив—чу, Марьяна забрала всѣ упомянутыя вещи, украденныя ею у Брижицкой, и выѣхала съ нимъ изъ Бѣлой Церкви. Въ Васильковскомъ форпостѣ молодая чета выдержала трехнедѣльный карантинъ; а потомъ благополучно прибыла въ Кіевъ. Иванъ Ивановичъ водворилъ Марьяну на Подолѣ—въ квартирѣ, отведенной ему кіевскимъ магистратомъ.

Въ теченіе недѣли Иванъ Ивановичъ наслаждался Марьяною. Она все допрашивала его, когда они повѣнчаются; а онъ увѣрялъ ее, что черезъ недѣлю поведетъ ее въ церковь, что онъ хлопочетъ объ этомъ, но что такъ вдругъ сдѣлать этого нельзя.

— Голубчикъ мой, коханый мой! ты сдѣлаешь меня своею женою, а? Ты не обманешь меня, Ивасю?

— Ахъ, Маруся, душечка моя! съ чего ты это взяла, что я могу тебя обмануть! Вѣдь ты видишь, что я безъ тебя жить не могу, черноокая ты моя красавица!.. говорилъ Ивась и заключилъ черноокую въ объятія.

— Мое сердце чуетъ, что вотъ такъ возьмешь и бросишь меня!.. И заплакала Маруся.

— И кто это тебѣ въ голову вбилъ? И съ чего ты, душечка, это взяла? Вѣдь вотъ у многихъ поповъ я былъ,—ни одинъ не соглашается вѣнчать насъ; а сегодня я нашелъ одного, который уже начинаетъ соглашаться. Нужно къ нему еще пойти.

— Поведи жъ и меня къ нему, коханчикъ мой! Я ему въ ножки поклонюсь.

— Поведу, поведу,—вотъ потерпи немного!

Утѣшивъ Марусю, поручикъ пошелъ къ своей командѣ. Вскорѣ послѣ этого явился къ Марусѣ магистратскій чиновникъ.

Онъ спросилъ, кто она и съ кѣмъ здѣсь живетъ, затѣмъ потребовалъ у нея письменнаго вида. У Маруси не было такого вида,—и она немедленно взята была въ магистратъ.

А поручикъ, захвативъ всѣ ея вещи, ночью удралъ изъ квартиры и скрылся невѣдомо гдѣ: магистратская полиція не могла разыскать его въ Кіевѣ.

Обманутая и обворованная офицеромъ дѣвушка залилась слезами; магистратскіе чины приставали къ ней съ разспросами,—и долго она не могла отвѣчать имъ.

Успокоившись, Маруся заявила, что желаетъ *обратиться къ православной вѣрѣ* и жить въ Россіи вѣчно. Изъ магистрата отправили ее въ кіевскую духовную консисторію.

А. Полницкій.

О вліяніи малорусской схоластической литературы XVII в. на великорусскую раскольническую литературу XVIII в. и объ отраженіи въ раскольнической литературѣ массонства.

Недавно я ознакомился съ одной раскольнической рукописью, заключающей въ себѣ Мечъ Духовный и толкованія на Апокалипсисъ. Объемъ рукописи 259 л. Письмо красивое, четкое, характера поморскихъ рукописей. На первомъ заглавномъ листѣ находится полное заглавіе Меча Духовнаго Лазаря Барановича и затѣмъ на 22 послѣдующихъ листахъ помѣщены точные списки предисловій *Лазаря Барановича* къ ц. Алексѣю Михайловичу и къ читателю. Далѣе вырѣзанъ одинъ листикъ, и нельзя сказать, былъ ли этотъ листъ пустой, или на немъ находилось подробное заглавіе непосредственно слѣдующаго за предисловіями Лазаря Барановича къ Мечу раскольническаго толкованія Апокалипсиса. При первомъ взглядѣ на рукопись возникаетъ мысль, что авторъ Толковаго Апокалипсиса воспользовался именемъ Лазаря Барановича и его предисловіями къ Мечу Духовному, чтобы поднять достоинство своихъ религіозно-мистическихъ толкованій Апокалипсиса въ глазахъ читателей. Слѣпо слѣдуя преданіямъ и обычаямъ старины, авторъ, между прочимъ, могъ усвоить старинный литературный обычай не обозначать на рукописи своего авторскаго имени и самое сочиненіе приписать знаменитому старинному церковному писателю. Въ такомъ видѣ рукопись могла получить широкое распространеніе, даже среди православныхъ. Болѣе вѣроятно, что „Мечъ Духовный“ и „Толкованія на Апокалипсисъ“ случайно попали въ сосѣдство, и мы имѣемъ

передъ собой сборникъ, состоящій изъ двухъ произведеній, Меча Духовнаго, или точнѣе, предисловій къ Мечу Духовному, и Толковаго Апокалипсиса. Трудно сказать, что могло понравиться составителю сборника въ предисловіяхъ Лазаря Барановича, одно ли заглавіе, указывающее на духовную борьбу, на религіозную полемику, или литературный стиль Лазаря Барановича. Въ старинное время названіе „Мечъ Духовный“ было излюбленнымъ названіемъ для религіозно - полемическихъ сочиненій и отъ православныхъ перешло къ раскольникамъ. Древнѣйшимъ Мечемъ Духовнымъ представляется носящій такое названіе сборникъ проповѣдей Лазаря Барановича, напеч. въ Кіевѣ въ 1666 и 1686 гг. Немного позднѣе, въ 1690 г., вышелъ Мечецъ Духовный братьевъ Лихудовъ, направленный противъ католиковъ. Въ „Исторіи рус. раскола“ митроп. *Макарія*, на стр. 261, въ примѣчаніи, упоминается „Книга, глаголемая Мечъ Духовный“, обширное сочиненіе, составленное неизвѣстнымъ въ 1761 г. „Книга“ эта находилась въ одномъ сборникѣ библіотеки митр. Макарія. „Пространная книга, именуемая Мечъ Духовный, говорится въ „Раскольнической Библіографіи *Павла Любопытнаго*, стр. 48, изражаетъ, что церковь старовѣрческая въ существуемомъ своемъ образѣ вѣры есть святая и Христова, увѣнчивающая навсегда отъ небесъ вѣчнымъ блаженствомъ и, кромѣ хиротоніи, посредствомъ необходимыхъ церковныхъ таинствъ, а Никона патріарха догматизмъ и обряды всѣ есть чужды Бога, чужды и духа Христовой Церкви, слѣдственно есть пагубны и удалены вѣчныхъ благъ“. Павелъ Любопытный составителемъ Меча называетъ Алексѣя Самойлова, ѳедосѣевскаго учителя въ Новгородѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1772 г. Вообще, Мечей Духовныхъ было много, но между ними, кромѣ названія, не было ничего общаго.

Помѣщеніе въ началѣ рукописи предисловій архіеп. Лазаря къ Мечу Духовному и многія ссылки и цитаты въ самомъ Апокалипсисѣ указываютъ значительное вліяніе южнорусской религіозно-полемической литературы семнадцатаго столѣтія на русскую раскольническую литературу восемнадцатаго вѣка. Въ концѣ XVII и въ XVIII ст. произошелъ большой наплывъ южно-

русскихъ изданій въ среднюю и сѣверную Россію. Во второй половинѣ XVII ст. южнорусскіе писатели посылали свои новыя сочиненія въ даръ царю, царицѣ, патріарху, нѣкоторымъ боярамъ [1]). Лазарь Барановичъ отправлялъ свои сочиненія въ Москву въ большомъ количествѣ экземпляровъ и потомъ просилъ царя, чтобы книги его были куплены казной. Уплативъ однажды большую сумму за непроданные экземпляры „Трубъ словесъ проповѣдныхъ", царь Алексѣй Михайловичъ писалъ Лазарю Барановичу, чтобы онъ „впредь никакихъ книгъ въ царствующій градъ Москву на продажу не присылалъ, потому что въ царскомъ великомъ градѣ Москвѣ устроенъ на то печатный дворъ и книгами изобильно: а буде впредь на продажу какія книги присланы будутъ и великій государь принимать не указалъ, а отосланы будутъ назадъ" (Акты Ю. и З. Рос. XII, № 13). Особенно сильно стали распространяться южнорусскія изданія въ средней и сѣверной Россіи въ первой половинѣ XVIII ст., когда высшія іерархическія мѣста заняли духовныя лица южнорусскаго происхожденія, питомцы кіевской коллегіи. Они перенесли на сѣверъ Россіи почти всѣ южнорусскія изданія XVII ст. Вскорѣ свѣтская интеллигенція отвернулась отъ схоластической, сухой и витіеватой южнорусской литературы XVII ст. И духовенство съ половины восемнадцатаго столѣтія мало-по-малу переросло эту литературу и представило новые образцы религіозной полемики и духовнаго краснорѣчія, образцы, сравнительно съ южнорусскими, высшаго литературнаго достоинства. Косная и односторонняя раскольническая литература и въ концѣ восемнадцатаго вѣка еще опирается на южнорусскую литературу XVII ст. и отчасти черпаетъ изъ нея фактическое содержаніе.

Въ числѣ источниковъ и пособій, которыми пользовался составитель Толковаго Апокалипсиса, главное мѣсто занимаютъ южнорусскія религіозно-полемическія сочиненія XVII вѣка славянской печати. Православныя религіозно-полемическія сочиненія на польскомъ языкѣ не вошли въ Толковый Апокалип-

---

[1]) Интересныя статьи г. *Эйнгорна* о такихъ приношеніяхъ были напечатаны въ „Книговѣдѣніи" и въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн." 1894 г.

сисъ, нужно думать, по причинѣ незнанія авторомъ раскольникомъ польскаго языка.

На 156 л. Толковаго Апокалипсиса находится цитата изъ *Стефана Зизанія*, именно, его сочиненія: „Казанье св. Кирилла объ антихристѣ и знакахъ его, съ расширеніемъ науки противъ ересей разныхъ", изд. въ Вильнѣ въ 1590 г. на русскомъ и польскомъ языкахъ, съ посвященіемъ князю Острожскому. Въ Апокалипсисѣ сочиненіе Ст. Зизанія озаглавлено: „Краткое объявленіе всѣхъ знаковъ объ антихристѣ".

Замѣчая, что „благочестивые греки папу обличали и увѣщевали, съ россіяны, множество кратъ", составитель толкованій ссылается при этомъ на 104 л. на „Книгу о вѣрѣ". Кромѣ того, ссылки на „Книгу о вѣрѣ" мы находимъ на л.л. 98, 108 и 178. Изъ этой „Книги" извлечены преимущественно мѣста, гдѣ говорится объ антихристѣ. „Книга о вѣрѣ единой апостольской церкви" составлена была *Захаріемъ Копыстенскимъ* въ 1615 г. и издана въ 1619 г. (Филар., Обзоръ I 250). Копыстенскій, скрываясь отъ злости папистовъ, издалъ „Книгу о вѣрѣ" подъ псевдонимомъ Азаріасъ X, и не показалъ при этомъ ни года, ни мѣста изданія.

Составителю толкованій на Апокалипсисъ извѣстно было и другое сочиненіе Захарія Копыстенскаго „Палинодія, или Оборона святой каѳолической церкви", составленная въ 1621 г. и расходившаяся въ рукописяхъ. На 96 л. находится неопредѣленная ссылка „Книга Копитенская Захарія". На л. 176 болѣе ясно говорится: „Захарія Капестинскій въ книгѣ Оборона" и пр.

На л. 155 находится ссылка на „Триквиліона", т. е. *Кирилла Транквилліона Ставровецкаго*, знаменитаго проповѣдника начала XVII ст., автора „Евангелія Учительнаго", „Зерцала Богословія" и „Перла многоцѣннаго". Составитель толкованій воспользовался словомъ Транквилліона въ недѣлю Господню и его разсужденіями о пришествіи Иліи и Эноха при концѣ міра.

На 98 л. находимъ ссылку на „Мессію Правдиваго" бѣлорусской печати, сочиненіе *Іоанникія Галятовскаго*, направленное противъ евреевъ.

На л. 211—213 толковаго Апокалипсиса находится большое извлеченіе изъ первыхъ страницъ Синопсиса *Иннокентія Гизеля*, тѣхъ страницъ, гдѣ говорится о славянахъ, крещеніи кн. Владиміра, Мосохѣ и Москвѣ.

На 179 л. упоминается „Вѣнецъ Вѣры" *Симеона Полоцкаго*. Изъ этой книги заимствованы разсужденія Полоцкаго объ антихристѣ.

На 182 и 201 л.л. приводятся извлеченія изъ сочиненія *Стефана Яворскаго* „знаменіе пришествія антихристова", изд. въ Москвѣ въ 1703 г.; а на 101 л. упоминается „Камень Вѣры" Стефана Яворскаго.

На л.л. 39, 144, 150, 195 и 222 находимъ ссылки на *Ѳеофана Прокоповича*, преимущественно на его „Показаніе великаго антихриста" 1735 и 1736 г.г.

Вообще, составитель толкованій на Апокалипсисъ выбиралъ изъ южнорусскихъ писателей почти исключительно мѣста объ антихристахъ, и въ этомъ отношеніи даже не довольствовался южнорусской литературой объ антихристѣ, а заимствовалъ также изъ книги *Мальвенды* объ антихристѣ. „Antichristus" Мальвенды былъ изданъ въ 1604, 1612, 1647 г.г., и изъ этого источника черпали южнорусскіе писатели.

Значительная зависимость составителя толкованій отъ южнорусской схоластической литературы XVII ст. обнаруживается въ самомъ языкѣ толкованій, страдающемъ полонизмами, заимствованными изъ южнорусскихъ изданій, напримѣръ, на 116 л. „конь червонофарбованный", „конь червонный", „гды Богъ досвенчалъ", „зепсованный" на 96 л.

Время составленія и имя составителя толкованій на Апокалипсисъ въ рукописи не обозначены. Принимая во вниманіе содержаніе толкованій и въ особенности нѣкоторыя выдержки изъ масонскихъ пѣсенъ, можно думать, что толкованія написаны во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, въ концѣ семиде-

сятыхъ или въ восьмидесятыхъ годахъ, вскорѣ послѣ славнаго для Россіи мира въ Кучукъ-Кайнарджи 1774 г.[1]).

Толковый Апокалипсисъ произведеніе темное, мистическое, проникнутое духомъ раскольническаго обскурантизма и религі-

---

[1]) Хотя имя составителя въ рукописи не обозначено, тѣмъ не менѣе съ нѣкоторой вѣроятностію составителемъ Толковаго Апокалипсиса можно считать основателя страннической секты Евфимія. Біографическія данныя о Евфиміи находятся въ любопытной статьѣ г. *Трефолева* „Странники"; напечатанной въ I выпускѣ Трудовъ Ярославскаго Статистич. Комитета" 1866 г., стр. 177—179. *Евфимій*, сынъ бѣднаго переславскаго мѣщанина, родился въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ выучился грамотѣ, въ молодыхъ лѣтахъ сошелся съ дѣвицей Ириной Ѳедоровой, игравшей впослѣдствіи послѣ смерти Евфимія, важную роль въ дѣлахъ страннической секты, и двадцати лѣтъ бѣжалъ изъ родительскаго дома въ Москву къ филипповцамъ, которые, перекрестивъ его, назвали Евстафіемъ. Московская полиція препроводила бѣглеца въ Переславль, и мѣстное мѣщанское общество рѣшило отдать его въ рекруты. Евфимій опять убѣжалъ въ Москву, гдѣ нашелъ новыхъ покровителей на Преображенскомъ кладбищѣ. Они отправили его въ Поморскій скитъ въ званіи наставника. Къ неудовольствію московскихъ ѳедосѣевцевъ, Евфимій поссорился съ настоятелемъ скита старцемъ Адріаномъ и былъ выгнанъ Адріаномъ изъ скита. Неудовольствіе ѳедосѣевцевъ на Евфимія еще болѣе усилилось, когда Евфимій, задумавъ основать новую секту, упрекалъ ѳедосѣевцевъ въ слишкомъ вольной жизни. „Антихристъ не страшитъ васъ, говорилъ Евфимій московскимъ ѳедосѣевцамъ; вы отъ него не бѣгаете, а надо, братіе, бѣгать и бѣгать; скрываться надо!" Оправдывая слово дѣломъ, Евфимій ушелъ въ ярославскую губернію и здѣсь совершилъ надъ собою перекрещеніе. Въ ярославской губ. онъ вмѣстѣ съ Ириной переходилъ изъ одного мѣста въ другое, совращая православныхъ въ странническую секту. Евфимій умеръ въ 1792 г. на сорокъ третьемъ или сорокъ четвертомъ году отъ рожденія въ г. Ярославлѣ.

Евфимій былъ большой начетчикъ раскольническаго типа, — человѣкъ, съ умомъ довольно сильнымъ, но крайне односторонно развитымъ, сухимъ и обряднымъ. Въ нравственномъ отношеніи Евфимій былъ человѣкъ страстный и увлекающійся, въ особенности относительно женщинъ. Его страстная натура, между прочимъ, выражалась въ наклонности къ полемическому задору и словопреніямъ. Вездѣ, и въ житейскихъ разговорахъ, и въ сочиненіяхъ Евфимія, выступаетъ мрачная фигура антихриста. Только въ сумрачныхъ пошехонскихъ лѣсахъ, гдѣ Евфимій провелъ много лѣтъ, могла выработаться столь дикая и мрачная секта, какъ странничество, и ея основатель Евфимій, особенно любившій трактовать объ антихристѣ Евфимій написалъ нѣсколько посланій къ раскольникамъ и слѣдующія сочиненія: 1) Разглагольствіе о настоящихъ въ древлецерковномъ послѣдованіи несогласіяхъ между собою (1784 г.; 2) Изысканіе о состоящихъ подъ властью антихристовыхъ жрецовъ (1786) 3) Цвѣтникъ,—большое сочиненіе, особенно уважаемое раскольниками; 4) О злополучныхъ послѣднихъ временахъ и о знаменіяхъ антихриста и 5) Толкованіе на слово Ипполита папы римскаго объ апокалипсисѣ.

озной нетерпимости. На первыхъ странницахъ и далѣе чуть не до конца рукописи мысль читателя тонетъ въ пучинѣ темныхъ разглагольствованій объ антихристѣ. Авторъ на 96 л. дѣлаетъ впервые полемическую вылазку противъ „нѣкоторыхъ", не указывая точно, противъ кого именно, въ данномъ случаѣ, нужно думать, противъ православныхъ: „Нѣкоторые бо всѣмъ отъ русскаго рода себе самихъ и славу любячи а зепсованныи и попаленныи отъ беззаконій и скверности маючи свои сумнѣня отъ святой апостольской католической церкви и отъ святыхъ четырехъ патріарховъ отступили". Далѣе, на 101 л.: „Оуже бо и многихъ нынѣ видимъ, иже не пріемлютъ на себе Христова крестнаго знаменія, сирѣчь десницею своею узаконеннаго воображенія не возноситъ на чело главы своея и на животъ, та же на правое плечо и на лѣвое; аще оубо реченнаго сего Хистова крестнаго знаменія не пріемлютъ, то оуже явѣ есть, еже имать пріяти на чело и на десную руку антихристову печать". На 102 л. находится замѣчаніе, что въ послѣднее время будутъ знаменатися троицею, крестъ воображающе безъ воплощенія Христова и за сіе осуждени будутъ въ геенну муку... „Троицею бо... знаменати крестъ Христовъ хулно есть и нечестиво; развѣ аще кто продастъ вѣру за тридесятъ сребренниковъ".

Толкованія на Апокалипсисъ представляютъ много выходокъ противъ масонства; вообще это произведеніе представляетъ любопытный опытъ обличенія масонства со стороны раскольниковъ. Фактъ появленія раскольническаго сочиненія, направленнаго противъ масоновъ, объясняется сильнымъ распространеніемъ масонства въ высшихъ, интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества.

На л. 242 авторъ толкованій Апокалипсиса возводитъ на масоновъ слѣдующія обвиненія: „Масоны начало свѣта въ неизвѣстности лѣтъ почитаютъ, а конца оному не исповѣдаютъ, ангеловъ благихъ и злыхъ отрицаютъ, на библію и на все священное писаніе плюютъ и зломъ почитаютъ".

На 243 л. находится обвиненіе масоновъ въ соблюденіи странной обрядности въ собраніяхъ членовъ: „держатъ въ ру-

кахъ своихъ молотки, кикиль, лопатки, циркули и линейки... имутъ содержати мастеровъ, учениковъ, работниковъ, архитекторовъ.

Разсуждая на 67 л. объ именахъ антихриста и его матери, составитель толкованій говоритъ: „О сихъ предложенныхъ неудобь есть познавати, яко о имени антихристовѣ, такъ и матери его и о мѣстѣ рожденія подленно,—и аще неудобь сихъ познати, оубоинѣсть существа тѣлеснаго тои ибо вси тѣлесно рождени имутъ собственное имя свое и матери и мѣста; обаче же оная словеса антихристу и матери его и мѣсту нѣсть существительная, но иносказательная и уподобительная имена“ (далѣе слѣдуетъ обращеніе къ масонству, какъ то:)“ и во храмѣ музъ чистыхъ священномъ (фраза эта взята изъ масонскаго стихотворенія) негли убо оная и есть въ ложѣ сыновей масонскихъ. Кую имѣя матерь на престолѣ, и глаголютъ они: „Пой согласно въ честь ей хоръ“ (опять фраза взята изъ масонскаго стихотворенія); мы не ея закономъ другъ другъ братья. Сице глаголютъ масоны. Вотъ здѣсь и прямая антихристова матка, жидовка сущая, о которой мнози святіи предсказаша. Обаче и здѣ все иномысленное и легорическое и тропологическое дѣйствіе производитъ въ ложѣ вольные каменщики, зиждители новаго храма“.

Замѣтивъ на 160 и 161 л.л., что антихристъ присвоитъ себѣ названіе бога Маозь,—(крѣпкій защитникъ, въ смыслѣ идола брани и врага Христова и что этому названію соотвѣтствуетъ имя латинскаго бога войны Марсъ), авторъ проводитъ одно масонское стихотвореніе, какъ доказательство появленія на землѣ антихриста и въ подтвержденіе мысли, что масоны— его слуги: „Моазимъ слухъ оттолѣ къ намъ несется, двигнувъ мой спокойный умъ, гдѣ въ долинахъ раздается завсегда военный шумъ. Межъ свирѣпыми врагами, за дунайскими струями, гдѣ брега давали стонъ, поразясь ужаснымъ слухомъ, на горахъ спокоенъ духомъ, тамъ возсіялъ масонъ. Отъ вѣры братія всѣхъ племенъ, воспоемъ творцу хваленіе, воздадимъ благодареніе за источникъ къ намъ щедротъ, что вѣнчалъ конецъ работъ, на путь насъ истинный наставя, златыя дни музамъ воставя. Насталъ желанный часъ, любезные масоны; онъ соединяетъ насъ

всѣхъ подъ одни законы. Вольность златая, истинность святая царствуетъ теперь въ нашихъ сердцахъ. Исполняйтеся честности законы; торжествуйте вѣрные масоны; руки въ цѣпь устройте, радостно воспойте пѣсни священныя ложѣ въ честь; стройтесь стѣны отъ согласія звона пѣснь. Поемъ мы лучше амфіона; оуже фивейска града рушилась ограда. Вѣкъ нерушимъ будетъ нашъ храмъ". Далѣе авторъ толковаго Апокалипсиса говоритъ: „А отъ оныя турецкія войны задунайской (рѣкой) восіялъ оной пророческой Моазимъ, то есть по французски масонъ. Какъ еврейски моазинъ значитъ: крѣпости замка гарнизонъ симъ прославился, сирѣчь тамъ восіялъ масонъ отъ войны, понеже оной антихристъ, хотя презритъ прочихъ боговъ разныхъ племенъ, то есть, унизитъ сихъ; ибо какія бы въ свѣтѣ вѣры не были, онъ всѣмъ поругается и никакую въ дѣло не поставитъ но вси почтетъ за едину комедію или забавке, игрище, и черезъ сіе всѣхъ вѣръ основателей потопчетъ, надъ всѣми же оными особливо сущую вѣру христіанскую возненавидитъ... и учинитъ свой беззаконный и всепагубный законъ масонскій; въ немъ, вселенскій прославится аки богъ антихристъ, дьявола онаго друга себѣ особливо почтитъ именемъ маозина, то есть, масона, какъ крѣпкаго и сильнаго бога".

На л. 169 говорится, что антихристъ соединитъ людей разныхъ націй, языковъ и племенъ подъ своими масонскими законами. „Уже языцы, колѣна и племена людей глаголютъ своихъ пѣсней отъ братія общества почтенна, въ которомъ члены здѣсь всѣ мы; отъ него гремитъ вселенная и въ коемъ дѣлъ похвальныхъ тьмы (взято изъ масонской пѣсни); вотъ сіи языцы и племена поклонятся антихристу вси". Въ данномъ случаѣ обнаруживается стремленіе составителя толковаго Апокалипсиса подделаться подъ тонъ и риѳму масонскихъ стихотворцевъ и опровергать масоновъ въ формѣ иронической передѣлки и пародіи ихъ сочиненій. Всѣ попытки раскольника, автора толковаго Апокалипсиса, на стихотворное пародированіе масонскихъ пѣсенъ, отличаются полемическимъ задоромъ и грубостью.

На 198—199 л. л. приводится одно стихотвореніе масоновъ съ злобными комментаріями со стороны автора раскольника:

„Фонарь взялъ засвѣщенъ мужъ строгій древняго вѣка; въ Аѳинахъ Діогенъ искалъ днемъ человѣка; но и нынѣ для чего межъ насъ не ищетъ онъ: найдешь не одного; таковъ всякъ франкъ-масонъ". Здѣсь авторъ толкованія Апокалипсиса приписалъ на поляхъ рукописи: „Найдешь не одного звѣря числомъ 666. „Далѣе опять слѣдуетъ масонское стихотвореніе: „Счастлива вольность здѣсь въ собраніи обитаетъ; умѣренная днесь насъ роскошь утѣшаетъ; натура соединить могла межъ франкъ-масонъ, чтобы со Епикуромъ жить божественный могъ Платонъ. За этимъ стихотвореніемъ слѣдуетъ другая масонская пѣсня: „Наста намъ время златое; ликуй днесь братство драгое... о истина святая на путь настави: станемъ научаться, станемъ златой мы вѣкъ искать". Авторъ по поводу этого стихотворенія замѣчаетъ на л. 199, что царство вавилонское называется златымъ. Далѣе слѣдуетъ масонская пѣсня: „Намъ сердце лишь прелестно и нѣжная любовь; сіе намъ льститъ одно; вкушайте вы вино; природой возгорится любовь побужденна... Вы, братья и друзья, участники собранья, не вкусимъ въ нашу жизнь печали страданья, и рюмками вина, дадимъ другъ другу, дадимъ троекратно, и выпьемъ ихъ потомъ до дна за то, что намъ пріятно". Здѣсь на поляхъ авторъ замѣтилъ: „Вино пить велятъ страсти ради блудныя".

Самой любопытной частью толкованія Апокалипсиса представляются 200—201 листы. Здѣсь авторъ толкованій бранитъ масоновъ въ формѣ стихотворенія, написаннаго въ подражаніе масонамъ: „Проявились недавно въ Русіи франкъ-масоны и творятъ почти явно демонскіе законы. Князю тьмы они тайно угождаютъ; но многіе со стороны люди про то знаютъ; любодѣйства вавилонъ градъ всякіе скверны, въ коемъ антихристу тронъ, яко рабы вѣрны.

Полны лжи ваши законы оказались, франкъ-масоны; токмо ваша и честь, что шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Роскошей пути широки въ васъ рождаетъ пороки. Тамъ собраніе ваше есть, гдѣ шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Правда вами позабыта; затѣмъ секта ваша скрыта. Оказалась одна лесть, шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Масонъ названъ по французски тотъ, кто каменьщикъ по русски, имя подлое то есть,—шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Въ комъ прямая добродѣтель, весь народъ тому свидѣтель; будетъ похвалъ вѣнецъ плесть, на шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Кто своихъ дѣлъ стыдится, тотъ отвѣта все таится, пока судьба воздастъ месть за шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Толковый Апокалипсисъ увеличиваетъ собою довольно обширную противо-масонскую литературу. Съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія къ масонству враждебно стали относиться правительство и общество. Императрицѣ *Екатеринѣ II* не понравились мистицизмъ и обрядность масонскія, и она сначала выступила противъ масоновъ литературнымъ путемъ, а впослѣдствіи стала тѣснить ихъ административнымъ образомъ. Екатерина II написала противъ масоновъ статью „Тайна противо-нелѣпаго общества“ (1780 г.) и три комедіи „Обманщикъ“, „Обольщенный“ (1785 г.) и „Шаманъ Сибирскій“ (1786 г.). Императрица въ комедіяхъ своихъ называетъ масоновъ фиглярами, шаманами, мартышками (отъ сл. мартинистъ). На московской и петербургской сценахъ комедіи Екатерины II имѣли большой успѣхъ. *Державинъ* въ „Одѣ на Счастье“, подражая Екатеринѣ II, укололъ масоновъ стихомъ:

Весь міръ сталъ полосатый шутъ;
Мартышки въ воздухѣ явились.

Въ „Фелицѣ“ (1782 г.) находимъ, между прочимъ, такую похвалу Екатеринѣ II:

Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь.

Масса общества относилась къ масонству враждебно. Люди религіозные видѣли въ масонахъ еретиковъ и богоотступниковъ. Вольтеріанецъ и фреймазонъ сливались и отождествлялись во мнѣніи многихъ. Люди свободномыслящіе, воспитанные на раціоналистическихъ началахъ французской философіи прошлаго столѣтія, небрежно и презрительно относились къ религіозно-

нравственному ученію масоновъ, мистическому и туманному, и къ ихъ странной символической обрядности.

Толковый Апокалипсисъ представляется раскольническимъ отзвукомъ общаго недовольства масонствомъ и, главное, общаго къ нему недовѣрія. Ходившіе въ обществѣ темные и преувеличенные слухи о символической обрядности и невѣріи масоновъ были приняты на вѣру составителемъ толкованій на Апокалипсисъ, и масоны подверглись рѣзкому и злобному обличенію въ ереси. Раскольники и масоны могли враждебно сталкиваться въ сужденіяхъ о религіозныхъ и церковныхъ предметахъ, и въ частности въ сужденіяхъ объ Апокалипсисѣ. Что русскіе масоны интересовались, между прочимъ, толкованіями Апокалипсиса, видно изъ того, что на ряду съ раскольническими толкованіями Апокалипсиса ходили толкованія масонскія. Такъ, въ началѣ настоящаго столѣтія изданы были въ русскомъ переводѣ толкованія *Де-ля-Моттъ-Гіонъ* на Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова. Гіонъ (род. 1646 † 1717)—мистико-религіозная писательница, и ея сочиненія пользовались большимъ распространеніемъ среди масоновъ (Россійск. Библіогр., 1881. № 90). Въ 1815 г. *Лабзинъ* перевелъ „Побѣдную повѣсть или торжество вѣры христіанской",—твореніе знаменитаго нѣмецкаго мистика *Юнга Штиллинга* (1740 † 1817). Книга эта содержитъ въ себѣ толкованіе Апокалипсиса (Рос. Библ. 1881 г., стр. 322). Раскольники сходились съ масонами на почвѣ религіознаго мистицизма, и въ этой темной области между ними происходило литературное общеніе. Раскольники интересовались масонскими сочиненіями и, браня масоновъ, иногда пользовались ихъ научными трудами. Такъ, „Побѣдная повѣсть" Юнга Штиллинга съ особеннымъ интересомъ читалась въ средѣ раскольниковъ, которые, принимая апокалипсическаго звѣря за антихриста, ожидали пришествія его и кончины свѣта въ 1836 г. (Ib. 323). Толковый Апокалипсисъ представляется полемической вылазкой раскольниковъ противъ масонства, причемъ составитель толкованій удачно воспользовался аллегоріей, мистицизмомъ и символикой масоновъ, какъ орудіемъ для насмѣшки надъ масонами.

Раскольникъ начетчикъ, повидимому, не зналъ о филантропической сторонѣ масонства, и весьма сомнительно, чтобы онъ, при всей схоластической начитанности, могъ понять и усвоить эту свѣтлую сторону масонства, выражавшую въ жизни, въ практической дѣятельности, слова Вольтера: „Aimez Dieu, mais aimez aussi les mortels“.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.).

(Окончаніе) [1]).

Такъ протекало время нашей жизни въ пастырскомъ моемъ служеніи и семейномъ быту до 1845 года. Въ этомъ году умеръ благочинный Миславскій, съ которымъ я при жизни былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. И вотъ онъ, будучи съ іюля мѣсяца боленъ послѣ апоплексическаго удара, постоянно обращался ко мнѣ для исправленія его должности и отписки нужныхъ бумагъ. Затѣмъ, когда въ декабрѣ мѣсяцѣ предстояла годовая отчетность и пріемъ свѣчной и прочихъ суммъ отъ подвѣдомственныхъ ему церквей и причтовъ, то при явкѣ моей къ нему въ половинѣ декабря, онъ просилъ меня написать рапортъ въ Сосницкое Духовное Правленіе, тогда еще существовавшее, отъ котораго зависѣли всѣ церкви и ихъ причты и всѣ дѣла по нимъ. Рапортъ содержалъ въ себѣ порученіе мнѣ должности благочиннаго для исправленія и сдачи годовыхъ отчетовъ въ оное Правленіе, а послѣднимъ въ Черниговскую Духовную Консисторію. По заведенному порядку я написалъ рапортъ, ввелъ его въ реестръ исходящихъ бумагъ. Послѣ подписанія его благочиннымъ я проставилъ нумеръ и число отправки, законвертовалъ его и запечаталъ, а самъ выѣхалъ въ Городище. На другой день къ Миславскому прибылъ священникъ Георгій Базилевичъ

[1]) См. „Кіевск. Стар". 1895 г., № 11.

и, увидѣвъ мой рапортъ, сталъ разспрашивать, что это за бумага? Миславскій долго не хотѣлъ ему разсказать содержанія рапорта, и это Базилевича всполошило, хотя ему должности благочиннаго нельзя было поручить вслѣдствіе нахожденія подъ судомъ и строгимъ надзоромъ благочиннаго. И вотъ онъ разорвалъ конвертъ и сказалъ: „позвольте написать рапортъ въ болѣе обширномъ смыслѣ"; при написаніи онаго онъ употребилъ терминъ: „поручить исправленіе должности свящ. Кистяковскому или кому-нибудь изъ достойнѣйшихъ". Я было отказался отъ пріема отчета и сдачи онаго, но, видя, что этимъ я еще болѣе потревожу больнаго, принялъ всѣ годовые отчеты частію въ его домѣ, а частію въ Городищѣ. Доставивши таковые въ Сосницкое Духовное Правленіе и сдавши при оныхъ свѣчную сумму и проч., я по предложенію членовъ остался въ Сосницѣ, съ тѣмъ, что члены соберутся въ послѣобѣденное время въ Правленіи и выдадутъ мнѣ указъ на исправленіе должности.

Однако узнавши объ интригахъ противъ меня нѣкоторыхъ чиновъ, я поспѣшилъ выѣхать, все время находясь въ ожиданіи, чѣмъ кончится ихъ затѣя. Прошелъ весь январь мѣсяцъ, а въ февралѣ я получилъ отъ Базилевича такого рода предложеніе: Богу, дескать, было угодно посѣтить болѣзнію нашего добраго начальника, а начальству поручить исправленіе его должности мнѣ, Базилевичу. Объ этомъ велѣно посылаемому дьячку первому передать мнѣ. Я тутъ же написалъ такого рода отвѣтъ, что не Богу и не начальству угодно было поручить исправленіе должности свящ. Базилевичу, а члену правленія и письмоводителю, которые интриговали противъ меня, а потому я не обязанъ исполнять никакихъ распоряженій свящ. Базилевича. Дьячокъ мой ахнулъ: „Что вы это написали?"—„То, что знаю... Неси по вѣдомству." Онъ поспѣшилъ обратно, а я поѣхалъ въ Черниговъ заявить Преосвященному Павлу. Онъ давно уже былъ недоволенъ дѣйствіями Правленій, особенно Сосницкаго, и сдѣлалъ уже представленія въ Св. Синодъ. Между тѣмъ онъ, не желая вести оффиціальной переписки чрезъ Консисторію, велѣлъ докладчику написать письмо письмоводителю Пономареву, что за противозаконныя дѣйствія онъ предастъ ихъ суду. Вскорѣ членъ

Чернявскій прислалъ мнѣ письмо, прося пріѣхать въ Сосницу. Я поѣхалъ туда. Встрѣтившій меня на рынкѣ Первоприсутствующій Бѣловскій сталъ сначала меня упрекать, что я надѣлалъ имъ бѣды. Я отвѣтилъ: „Вы сами виноваты, потому что дѣйствуете, какъ вамъ захочется". Тутъ онъ почти съ просьбой обратился ко мнѣ, чтобы я былъ въ 10 часовъ въ правленіи, чтобы принять книги для разсылки по вѣдомству, листы печатные для книгъ и указъ на исправленіе должности. Въ полученіи всего этого мнѣ надо было росписаться, что имъ всего болѣе и нужно было для скорѣйшей отсылки Его Преосвященству при рапортѣ. Базилевичъ же поспѣшилъ извѣстить рапортомъ, что онъ по болѣзни не можетъ исправлять должности. Этого ему совсѣмъ не надо было дѣлать, но ему хотѣлось, чтобы хоть въ послужномъ спискѣ значилось, что ему поручаемо было исправленіе должности благочиннаго. Впослѣдствіи возникло много непріятныхъ дѣлъ вслѣдствіе неспокойнаго и ябедническаго характера Базилевича: онъ не только самъ постоянно мнѣ противодѣйствовалъ, но побуждалъ къ этому и другихъ священниковъ. Онъ своимъ орудіемъ избралъ священника Ермолая Чикилевскаго, но всѣ ихъ козни никогда не имѣли желаннаго успѣха. Между тѣмъ я продолжалъ исполнять должность благочиннаго съ ревніемъ и охотою и вскорѣ увидѣлъ, что всѣ мои недоброжелатели стали склоняться на мою сторону, исключая только двухъ священниковъ Базилевича и Чикилевскаго. Впрочемъ, послѣдній скоро сдѣлался даже моимъ пріятелемъ, но только по наружному виду.

Съ утвержденія меня благочиннымъ вскорѣ послѣдовало назначеніе жалованья причтамъ, и мое благосостояніе начало устраиваться къ лучшему. Въ 1845 году я задумалъ строить вновь домъ, а такъ какъ лѣсъ находился у меня въ запасѣ, то я договорилъ подрядчика за 150 р. серебромъ и съ помощью Божіею выстроилъ домъ, въ которомъ и нынѣ проживаю. Мнѣ помогло то, что я получалъ жалованье по книгѣ и раздавалъ причтамъ по третямъ ихъ жалованье. Каждая треть доставляла мнѣ дохода до 70 рублей, что, при трудахъ моихъ хозяйственныхъ и при жалованіи въ 92 р., являлось достаточнымъ обезпеченіемъ для меня съ семействомъ. У меня въ церковной риз-

ницѣ всегда хранилось остаточныхъ денегъ до конца года около тысячи рублей отъ некомплекта причтовъ и отъ вычетовъ по 2 коп. сер. съ рубля отъ каждаго причта; сдавались эти деньги въ началѣ слѣдующаго года вмѣстѣ со сдачею книги и приложеннаго при ней отчета. Это дѣлать по установленной формѣ было затруднительно, но я всегда сдавалъ удачно, пользуясь добрыми помощниками и въ консисторіи расположеннымъ ко мнѣ помощникомъ секретаря, Алексѣемъ Сильвестровичемъ Митькевичемъ, и донынѣ занимающимъ эту должность. Такимъ образомъ, я, оставшись на ночь, переписывалъ исправленный отчетъ. Кромѣ того, мнѣ помогали собственныя дѣти, сначала Александръ, потомъ и Федоръ, а къ концу моего благочинія— Василій и Николай съ Павломъ. Одинъ разъ только мнѣ случилось со сдачею затрудненіе. Кажется, въ 1850 году я принялъ отъ церквей болѣе, нежели на 40 руб. платины, ходившей тогда по 3 рубля серебромъ; отчетъ же мнѣ пришлось сдать гораздо позднѣе, чѣмъ въ прежніе годы, когда я сдавалъ его обыкновенно въ послѣднихъ числахъ января. Медленность моя произошла вслѣдствіе того, что Преосвященный уничтожилъ благочиніе Феськовское и прибавилъ мнѣ 10 церквей; вслѣдствіе этого мнѣ пришлось имѣть дѣло съ 26 церквями. Казначей, принимая деньги, отложилъ платину, сказавъ, что еще вчера ее можно было принимать, съ сегодняшняго же дня обращеніе ея прекращено: даже купцы теперь не примутъ. На мое счастье, у меня въ запасѣ были серебро и билеты, и я пополнилъ недостающую сумму. Получивъ квитанцію, я бросился въ Казенную Палату, Казначейство, но тамъ вездѣ прибиты объявленія о томъ, что пріемъ платины прекращенъ. Я бросился къ Цвѣту [1]), и онъ меня утѣшилъ, сказавъ, что теперь платины за товаръ онъ принять не можетъ, т. к. за это долженъ отвѣтствовать. „Вотъ вы продержите—сказалъ онъ—эти деньги не болѣе мѣсяца: я спишусь съ москвичами и приму ваши деньги, можетъ быть, въ вашемъ домѣ, потому что мнѣ необходимо быть въ Стольномъ и Синявкѣ". Такъ и случилось. Петръ Николаевичъ Цвѣтъ былъ женатъ на Даниловичевой изъ Стольнаго, а по ея смерти ему посовѣтовали посватать дѣвицу Оришкевичеву изъ Синявки. Съ

[1]) Извѣстный торговецъ въ Черниговѣ.

этой цѣлью онъ и отправился въ наши мѣста и, заѣхавъ ко мнѣ въ домъ, забралъ платину, уплативъ за нее серебромъ по стоимости.

Послѣ сдачи отчетовъ я отправился провѣдать дѣтей, которыя, къ моему удовольствію и счастію, успѣвали въ наукахъ и уже уменьшали мои расходы, сами имѣя учениковъ. По пріѣздѣ изъ Чернигова я отдыхалъ, пока не начнутся дѣла. Меня болѣе всего затрудняли указы о назначеніи слѣдствій: волей-неволей приходится ѣхать въ другое благочиніе и тамъ просиживать иногда цѣлую недѣлю, пока дождешься депутата, пристава и покончишь дѣло. Такихъ случаевъ бываетъ до десяти въ годъ. Помимо того, что они непріятно дѣйствовали на здоровье, и домашнее хозяйство отъ того терпѣло большой ущербъ. Въ настоящее время эти слѣдствія бываютъ рѣже, да къ тому же они чаще всего поручаются помощнику благочиннаго или депутату духовному; такихъ депутатовъ въ каждомъ благочиніи по одному, а въ болѣе обширныхъ и по два; въ мое же время они служили только сотрудниками и помощниками благочинныхъ при производствѣ слѣдствій. Кромѣ того, еще каждый мѣсяцъ была подаваема при рапортѣ вѣдомость объ исполненныхъ указахъ и о неисполненныхъ съ объясненіемъ причинъ неисполненія. Большею частью въ отвѣтъ приходилось писать: „за неявкою депутата съ гражданской стороны“.—Между тѣмъ каждый годъ съ наступленіемъ лѣта нужно было ожидать проѣзда Преосвященнаго для обозрѣнія церквей, и въ каждый проѣздъ непремѣнно посѣщенія нашего дома въ Городищѣ. Однажды при выѣздѣ изъ Чернигова онъ обѣдалъ и ночевалъ въ Седневѣ въ домѣ Лизогубовъ. Выѣзжая по утру оттуда, онъ избралъ совсѣмъ непроѣздный путь чрезъ Бегачь вмѣсто Березнаго на Сахновку, а оттоль въ Городище на обѣдъ и ночлегъ. Когда Андрей Ивановичъ Лизогубъ спросилъ Преосвященнаго, отчего это онъ никогда не минаетъ Городища, онъ отвѣтилъ: „тамъ радушный хозяинъ священникъ; у него сухой домъ, и я всегда тамъ съ удольствіемъ провожу назначенные мною часы и даже ночлегъ“. Я долженъ былъ провожать его чрезъ все благочиніе, чрезъ Мѣну или Осьмаки, въ Максаковскій Дѣвичій Единовѣрческій старообрядческій монастырь, гдѣ случалось проживать дня

по два. Онъ тамъ постоянно служилъ съ приглашенными изъ другихъ монастырей старообрядческими священниками и благочиннымъ Арсеньевымъ, высланнымъ изъ московскаго кладбища и судившимся, но по ходатайству брата поселеннымъ въ Новозыбковѣ. Здѣсь онъ принялъ наружное единовѣріе, сдѣлался благочиннымъ и протоіереемъ и былъ уважаемъ раскольниками въ высшей степени. — Здѣсь перемывалось и сушилось бѣлье Преосвященнаго, гладилось и прибавлялось новое. Обѣды были великолѣпные. Винъ за столомъ было довольно, но пились они украдкою; непремѣнно шампанское за здоровье его Преосвященства. Послѣ обѣда и непродолжительнаго отдыха непремѣнно совершалась проходка кругомъ монастыря за оградою, т. к. монастырь построенъ на высокой земляной насыпи среди луговъ и озеръ. Строителемъ его былъ каштелянъ воевода Носовскій. Въ монастырѣ есть его портретъ во весь ростъ въ малороссійскомъ кунтушѣ при саблюкѣ. Мы обходимъ одинъ разъ, и я непремѣнно долженъ былъ сопровождать его и закрывать отъ вѣтра воротникомъ рясы его уши. Возвратясь въ монастырь, мы заходили въ келію проживающаго тамъ петербургскаго купца Вялова, гдѣ насъ угощали уже приготовленнымъ чаемъ. Преосвященный, выпивши чашку, тотчасъ отправлялся со своимъ келейникомъ въ свою келію и, уходя, говорилъ: „архимандритъ, благочинный и г. приставъ у васъ выпьютъ по пуншу“. Купецъ кланялся въ поясъ, говоря: „очень рады, святый владыко! Только пріятно бы было, если бы вы выпили рюмочку винца“. Владыка соглашался и выпивалъ рюмочку малаги. Тогда мы были угощаемы пуншемъ съ петербургскимъ ромомъ и хорошимъ виномъ, доставленными на сей случай изъ Петербурга съ разными другими пожертвованіями для монастыря. Впослѣдствіи Вяловъ былъ переведенъ въ Покровскій мужской единовѣрческій монастырь, гдѣ и постриженъ въ монахи. Онъ былъ, должно быть, скопецъ или другой касты, такъ какъ его болѣзненное лицо доказывало это. Послѣ пребыванія въ монастырѣ я долженъ былъ проводить благочиннаго до первой церкви въ борзенскомъ уѣздѣ, гдѣ его встрѣчалъ тамошній благочинный, а я, получивъ благословеніе, возвращался въ свое благочиніе. Проѣхавши чрезъ Мѣну я,

останавливался въ своей обычной резиденціи, гдѣ случалось день или два вести разгульную жизнь; но все же я чуждъ былъ траты денегъ или карточной игры, чего я боялся какъ огня. Послѣ этого я возвращался въ Городище и отдыхалъ, занимаясь хозяйствомъ, пока не случится какого-либо слѣдствія или залежавшагося дѣла по благочинію. А тутъ скоро предстояло время отправки дѣтей послѣ каникулъ въ Черниговъ, потому что проѣздъ Преосвященнаго приходился чаще всего въ началѣ іюля или въ началѣ Августа.

Для отправки дѣтей нужно было заготовлять харчи, муку и проч. Все это въ рабочее время расходовалось быстро, и, хотя и была своя мельница, но по безвѣтрію часто случался недостатокъ. Прежде я всегда самъ отправлялся съ дѣтьми въ Черниговъ, но теперь, когда Александръ и Федоръ находились въ высшихъ классахъ и сами стали заниматься репетиціями, мнѣ нерѣдко не было никакой надобности самому ѣхать въ Черниговъ. Однако спустя полъ-мѣсяца я отправлялся въ Черниговъ, такъ какъ нерѣдко нужно было явиться къ Преосвященному или похлопотать къ Консисторіи по случавшимся дѣламъ, а также снабдить меньшихъ дѣтей сапогами и повезти гостинцы, приготовленные матерью и сестрою, всегда уже заботящимися объ этомъ при моемъ выѣздѣ.

Въ это время я началъ затрудняться должностью благочиннаго вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Чрезъ годъ я лѣтомъ заболѣлъ лихорадкой, впослѣдствіи превратившейся въ горячку. Въ это время мой сынъ Александръ окончилъ университетъ и, прибывъ домой, спасъ меня отъ болѣзни. Онъ сейчасъ же поѣхалъ въ Березное и привезъ тамошняго доктора Васильевскаго, который, осмотрѣвши меня, сейчасъ же приказалъ поставить пьявки къ вискамъ и къ затылку, приставилъ ко мнѣ фельдшера и прислалъ лѣкарства. Его за все это благодарилъ Александръ. Послѣ того я проболѣлъ еще съ недѣлю, а затѣмъ всталъ съ постели. Въ это время Александръ уѣхалъ въ полтавскую губернію къ помѣщику Маркевичу для занятій съ его сыномъ, желавшимъ поступить на юридическій факультетъ.

Въ 1852 году заболѣлъ священникъ Архангело-Михайловской церкви о. Іоаннъ Антоновичъ. Это былъ строгій исполнитель своихъ священническихъ обязанностей, суровый, трезвый и безкорыстный, требовавшій отъ прихожанъ также нравственной жизни. По своему суровому характеру онъ не сумѣлъ повесть дѣлъ, однако сдѣлалъ много хорошаго по приходу. У него съ 7 лѣтъ и мальчики, и дѣвочки непремѣнно изучивали всѣ первоначальныя молитвы и Символъ вѣры, безъ каковыхъ познаній никто не могъ свободно приступить къ исповѣди, а также быть воспріемникомъ. Вслѣдствіе этого многіе прихожане его не любили; особенно нелюбовью онъ пользовался среди любившихъ разгульную жизнь, а такихъ въ то время было очень много; люди же доброй жизни и хорошіе хозяева любили и уважали его и пользовались его симпатіями. О. Іоаннъ по природѣ былъ и плотникъ, и столяръ, и мельникъ, и птицеловъ, рыболовъ и охотникъ играть въ карты, хоть по цѣлымъ ночамъ, но не на деньги. Онъ любилъ у себя принимать только пріятныхъ ему людей, роскоши не любилъ, но жилъ въ достаткѣ и готовъ былъ всѣмъ подѣлиться съ тѣмъ, кто ему прійдется по сердцу; а если кого не взлюбитъ, хотя бы изъ прихожанъ, то старается не имѣть съ тѣмъ никакихъ сношеній, вслѣдствіе чего ему часто приходилось терпѣть неудовольствіе и даже обиды. Ко мнѣ онъ былъ очень расположенъ, особенно послѣ назначенія меня благочиннымъ. Онъ готовъ былъ мнѣ помочь во всемъ: придетъ, бывало, ко мнѣ, увидитъ какую-нибудъ неисправность,— и сейчасъ же исправитъ или возьметъ на домъ къ себѣ. Или, увидѣвъ у меня на диванѣ старую обивку, смѣряетъ, поѣдетъ въ Березное, купитъ новаго ситцу и въ мое отсутствіе сдеретъ съ дивана старую матерію и обтянетъ новой, сказавъ моей женѣ, что пану благочинному не подобаетъ такой диванъ старый держать. Точно также онъ исправитъ остановившіеся часы, поломанный стулъ, самоваръ, вообще все, что увидитъ неисправнымъ, при томъ безъ всякаго вознагражденія, о чемъ и слышать не хотѣлъ. Въ вышеозначенномъ году, когда онъ заболѣлъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, я увидѣлъ, что болѣзнь его серіозная. Онъ простудился, выѣзжая лодкою рано на рѣку за ловлею рыбы, вытрушивая

снаряды, поставленные съ вечера, часто получая по полпуда карасей, хотя и небольшихъ, но чрезвычайно вкусныхъ. Посѣщая его, я замѣтилъ, что болѣзнь его сильно развивается и притомъ съ опасностью для жизни. Я ему совѣтовалъ обратиться къ доктору, но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Узналъ я случайно, что въ Низковку прибылъ изъ Кіева докторъ, кажется, Слободзинскій. Я нарочно поѣхалъ къ нему, разсказалъ ему свойства болѣзни о. Антоновича со всѣми подробностями. Онъ сказалъ, что у больного воспаленіе, при которомъ вслѣдствіе преклоннаго возраста онъ не долго проживетъ. Впрочемъ онъ далъ пилюль, сказавъ, какъ ихъ принимать, и обѣщалъ проѣздомъ изъ Низковки чрезъ Городище заѣхать посмотрѣть; но онъ не заѣхалъ, а оставилъ еще коробку пилюль въ расправѣ. Между тѣмъ многіе изъ священниковъ, узнавши о безнадежномъ положеніи о. Антоновича, пожелали занять его мѣсто, и, когда Преосвященный чрезъ городницкій уѣздъ возвращался послѣ обозрѣнія епархіи и остановился въ селѣ Бегачѣ на обѣдъ у князя Кекуатова, они подали прошенія о предоставленіи за смертію свящ. Антоновича занимаемаго имъ прихода. Въ числѣ подавшихъ былъ и Дмитрій Прокоповичъ. Преосвященный, хотя и принялъ прошенія, но объявилъ, что до полученія рапорта о смерти резолюціи не положитъ. Когда же Преосвященный возвратился, то родственникъ Антоновича Іоаннъ Миславскій, священникъ села Степановки, по вызову родной тетки жены Антоновича явился въ Городище, въ домъ его, гдѣ по обоюдному соглашенію составили условіе и прошеніе къ Преосвященному объ уступкѣ прихода и о желаніи Миславскаго перемѣститься на Городисскій приходъ. Это все дѣлалось въ тайнѣ отъ меня, однако я все это зналъ, но мѣшать не хотѣлъ, зная, что это все поведетъ къ большому раздору, а потому предоставилъ все это дѣло времени, надѣясь на Бога и Преосвященнаго, при моемъ большемъ семействѣ и небогатомъ приходѣ и состояніи. Послѣ выѣзда изъ Городища Миславскаго, я на другой день отправился въ Черниговъ. Прибывши туда и переночевавши, я поспѣшилъ въ Троицу, гдѣ узналъ отъ докладчика, что Миславскій уже подалъ прошеніе и за него лично ходатайствовалъ архимандритъ,

но Преосвященный оставилъ его прошеніе на столѣ безъ резолюціи. Тотчасъ же было доложено о прибытіи благочиннаго Кистяковскаго. Онъ велѣлъ лично явиться. Когда я вошелъ въ пріемную залу, онъ долго не обращалъ на меня вниманія, стоя лицомъ къ столу, на которомъ лежали бумаги. Все это время я стоялъ у порога. Когда онъ обернулся, я поклонился, а затѣмъ приступилъ получить благословеніе и подалъ прошеніе. Онъ долго смотрѣлъ на меня. У меня сильно катились по лицу слезы. Тогда онъ сказалъ: „опоздалъ! Я уже отдалъ приходъ Миславскому“. Я заплакалъ почти навзрыдъ. Онъ улыбнулся, потому что я почти ничего не могъ говорить и тутъ же мнѣ сказалъ: „Поѣзжай въ домъ, никого здѣсь ни о чемъ не проси и не заходи къ архимандриту“. Я поклонился въ ноги, получилъ благословеніе и вышелъ. Я отправился на квартиру. Дѣти уже вышли изъ класса. Пообѣдавши, я тотчасъ же выѣхалъ изъ Чернигова, поручивъ сыну Александру на другой день узнать резолюцію и извѣстить меня письмомъ.

Вечеромъ я уже былъ дома въ семействѣ. Помню, покойница няньчилась въ Владиміромъ, мальчикомъ одного года, слабенькимъ, но быстрымъ и уже много понимавшимъ. Поговоря съ покойницей о всемъ случившемся и не отчаиваясь въ полученіи прихода, мы улеглись спать. На утро, когда мы еще спали, явился пономарь, съ крикомъ: „уже благочинный Михайловскій священникъ. Попадья плачетъ. Миславскій за полночь заѣхалъ сказать и скоро опять уѣхалъ въ Степановку“. Поутру я отправился навѣстить о. Іоанна, взявъ 5 хлѣбовъ булокъ и 5 лимоновъ. Когда я вошелъ въ его комнату, гдѣ больной лежалъ, онъ обернулся и, увидѣвши меня, едва слышнымъ голосомъ началъ упрекать меня, что я помѣшалъ его родичу въ полученіи прихода. Тогда я въ свою очередь высказалъ ему, что Миславскій человѣкъ богатый, землевладѣлецъ, къ тому же имѣетъ въ пользованіи болѣе 40 десятинъ земли церковной; у него только двое сыновей, а у меня семь, при томъ и приходъ мой хуже Степановскаго, а состоянія и пятой части его нѣтъ. Къ тому же—говорилъ я—я человѣкъ здѣсь мѣстный, а онъ долженъ перемѣщаться. Такимъ образомъ я ни въ чемъ вамъ

не повредилъ. Миславскій искалъ не столько мѣста, сколько вашего состоянія, и онъ бы былъ не въ пользу, а въ тягость вашему семейству, тогда какъ они, управляя сами своимъ состояніемъ, вдвоемъ могутъ прожить безбѣдно, ни отъ кого не завися". Видя, что онъ замолчалъ, я вышелъ изъ комнаты. Хотя онъ и просилъ забрать свой хлѣбъ, но я сказалъ, что хлѣба никто не цурается. Такъ прошло дней пять. Я служилъ 20-го іюля, въ торжественный день, обѣдню. Послѣ утрени я вышелъ на цвинтарь подышать хорошимъ воздухомъ, какъ вдругъ со двора о. Іоанна прибѣгаетъ его жена Ксенія и проситъ меня посѣтить ея мужа по его желанію. Я сказалъ: „я сейчасъ начинаю обѣдню, а потому по окончаніи ея и зайду къ вамъ. А у васъ, вѣрно,—замѣтилъ я смѣясь,—будетъ готовъ самоваръ?" Она отвѣтила: „Непремѣнно приходите, т. к. отецъ Іоаннъ скучаетъ безъ васъ, и ему все хуже и хуже". Когда я пришелъ и положилъ просфору, онъ немного приподнялся, велѣлъ подложить подушки и съ довольно радушнымъ видомъ сказалъ: „я теперь доволенъ, что вы получили приходъ, послѣ того, какъ обдумалъ всѣ обстоятельства родства. Трудитесь и не забывайте меня въ вашихъ молитвахъ. Ксенія,—обратился онъ къ женѣ—внеси мою лисью шубу. Вы возьмите ее навсегда себѣ, а женѣ и дочери дайте за нее 20 рублей. Кромѣ того, такъ какъ я чувствую себя плохо, то завтра пригласите священника духовника о. Петра Прокоповича и совершите таинство Елеосвященія." Тогда же я взялъ шубу, заплативъ за нее двадцать рублей серебромъ. На другой день мы съ Прокоповичемъ совершили Елеосвященіе, и о. Іоаннъ исповѣдывался у своего духовника и принялъ Святыя тайны, а 22-го іюля рано поутру онъ отошелъ въ вѣчность. Онъ не желалъ быть погребеннымъ на церковномъ цвинтарѣ близъ церкви, а просилъ похоронить его на общемъ кладбищѣ, близъ часовеньки, гдѣ похоронена моя дочка Марія. Такимъ образомъ я, послѣ двадцати-трехлѣтняго служенія въ Николаевскомъ Городисскомъ приходѣ, поступилъ въ Михайловскій, гдѣ находилась чудотворная икона Божьей Матери. Этотъ приходъ моголюднѣе душъ на 400, въ немъ и окладъ выше, и доходы значительно большіе, чѣмъ въ Николаевскомъ.

Однако всѣ мои дѣти родились въ бытность мою въ Николаевскомъ приходѣ, а именно послѣдній, Владиміръ, родился въ 1851 году. Онъ подавалъ большія надежды. Въ 10 лѣтъ онъ былъ уже въ Кіевѣ на иждивеніи и воспитаніи брата, доктора Федора, выѣхавшаго въ шестидесятыхъ годахъ за границу на два года съ помѣщицей Чернолузской. Въ сіе время прибылъ изъ С.-Петербурга въ Кіевъ старшій сынъ Александръ для поступленія доцентомъ въ кіевскій Университетъ. Онъ засталъ Владиміра больнымъ тифомъ, и никакія усилія докторовъ не спасли бѣднаго юношу отъ смерти. Онъ похороненъ на кіевскомъ кладбищѣ недалеко отъ кладбищенской церкви, въ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями. Всегда, когда я ѣду по желѣзной дорогѣ, то, подъѣзжая къ Кіеву, съ благоговѣніемъ смотрю въ окошко на кладбище, гдѣ почиваетъ непробуднымъ сномъ дорогой много надеждъ подававшій юноша, такъ рано развившійся въ умственныхъ способностяхъ и познаніяхъ. Да будетъ ему вѣчная память со святыми!

Приходъ Михайловскій далъ мнѣ много больше средствъ къ улучшенію нашего семейнаго быта. Между тѣмъ скоро послѣ того Александръ окончилъ Богословіе и поступилъ въ кіевскій Университеръ при самыхъ скудныхъ средствахъ отъ меня, но, благодаря старанію своему и успѣхамъ, онъ мѣсяца черезъ два поступилъ на профессорское содержаніе, а затѣмъ и на полное содержаніе, уговаривая и брата Федора также поступить въ Университетъ. Тотъ, перешедши въ Богословскій классъ, подалъ прошеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ представленіемъ аттестата объ успѣхахъ (онъ былъ въ числѣ первыхъ учениковъ) и прочихъ документовъ, о принятіи его въ число студентовъ кіевскаго Университета на приказъ общественнаго призрѣнія. Однако ему было отказано до будущаго года по множеству кандидатовъ, съ правомъ поступить. Тогда бумаги присланы были въ Черниговъ къ губернатору изъ министерства. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Александръ написалъ изъ Кіева, требуя немедленно въ Кіевъ брата Федора. Это было передъ праздникомъ Рождества Христова, и я, собравши нужное количество денегъ, 25 рублей сер., тотчасъ же отдалъ Федору. Бумаги изъ Черни-

гова были отосланы уже въ Сосницкій Земскій Судъ для врученія мнѣ, а потому онъ безъ нихъ отправился въ Кіевъ, съ тѣмъ, что я съ Крещенія пріѣду самъ въ Кіевъ и привезу присланные его документы. Мы предположили ѣхать совмѣстно съ о. Василіемъ Кизиловскимъ на моихъ лошадяхъ и въ моемъ экипажѣ, такъ какъ у меня были крытыя барскія сани съ открывающимъ верхомъ и фартухомъ. У меня была тройка добрыхъ лошадей. Когда я прибылъ, Казиловскій уже выѣхалъ на нанятыхъ у еврея лошадяхъ, а потому я немедленно тоже отправился на Кіевъ и, доѣхавши до Краснаго, здѣсь ночевалъ, а на другой день, выѣхавъ пораньше, ночевалъ за Козельцемъ въ такъ называемыхъ тогда Калитинскихъ хуторахъ. Ихъ тогда было много, и они были прекрасно устроены по случаю тогдашней трактовой дороги Московской на Кіевъ. Теперь съ постройкой желѣзныхъ дорогъ всѣ постоялые дворы уничтожились и опустѣли, кромѣ изрѣдка встрѣчающихся еврейскихъ, но не въ томъ благоустроенномъ видѣ по случаю проѣзда дилижансовъ изъ Кіева на Черниговъ отъ частныхъ содержателей, да еврейскихъ халабудъ, привозящихъ изъ Кіева въ Черниговъ и обратно. По прибытіи въ Кіевъ, при въѣздѣ въ оный, меня много заинтересовалъ Цѣпной мостъ. Заплативши за проѣздъ предъ мостомъ, я всталъ изъ саней и пѣшкомъ прошелъ черезъ весь мостъ, удивляясь его великолѣпію, т. к. подобной постройки я никогда не видалъ. Онъ изумилъ меня своими каменными быками и желѣзными громадными цѣпями. Проѣхавши мостъ, мы увидали часовню, отъ которой вдоль Днѣпра, подъ кіевскими горами, шла дорога. Мы подъѣхали къ Андреевской церкви, гдѣ насъ остановилъ жандармъ, заставляя ѣхать на Подолъ. Однако, когда я ему далъ гривенникъ и спросилъ, какъ проѣхать къ Университету, онъ охотно указалъ намъ дорогу, мимо Десятинной церкви и Софіевскаго Собора. Проѣхавъ указаннымъ путемъ при разспросахъ, я наконецъ увидѣлъ громаднѣйшее зданіе Университета и, встрѣчая студентовъ онаго, сталъ нѣсколькихъ разспрашивать, и одинъ взялся меня проводить до самой комнаты, гдѣ я встрѣтилъ съ величайшей радостью сына моего любезнѣйшаго Александра. Послѣ радостнаго привѣтствія мы отпра-

вились на квартиру, гдѣ остановился о. Василій Кизиловскій, насколько помню, кажется у профессора Иванова, гдѣ и я остановился совмѣстно съ нимъ въ двухъ комнатахъ, а для лошадей была отведена конюшня. Такъ какъ я еще не видѣлъ сына Федора, и Александръ объявилъ мнѣ, что его раньше вечера увидѣть нельзя, такъ какъ онъ теперь готовится къ экзамену по нѣкоторымъ предметамъ, то мы остались побесѣдовать съ Василіемъ и его сыновьями, Михаиломъ и Петромъ, заказавъ съ дороги самоваръ и закусивъ провизіей, привезенной изъ деревни. Напившись чаю, Александръ вмѣстѣ съ Кизиловскими ушелъ въ Университетъ, обѣщая прійти вечеромъ, чтобы совмѣстно отправиться на квартиру къ брату Федору. Въ назначенное время онъ пришелъ, и я велѣлъ запречь лошадей. Поѣхавши на квартиру, мы застали Федора занимающимся приготовленіемъ къ послѣднему экзамену по математикѣ, назначенному на дому у профессора. Привѣтствуя радостно свиданіе и поговоривъ въ охоту, такъ какъ это былъ результатъ ихъ будущаго благоустройства, я передалъ имъ деньги въ количествѣ 50 рублей, вырученныя мною за проданную Архимандриту Иларіону Дудѣ всего за 90 рублей лисью шубу, доставшуюся мнѣ отъ священника Антоновича. Въ это время стояла контрактовая ярмарка, конечно, много удивившая меня обиліемъ купечества и товаровъ, особенно въ контрактовомъ домѣ. Мы прожили въ Кіевѣ дня четыре. Въ послѣдній день передъ отъѣздомъ мы осмотрѣли при университетѣ кабинеты древностей, что также доставило мнѣ величайшее удовольствіе.—Федоръ былъ принятъ въ число студентовъ Кіевскаго Университета. Все это споспѣшествовало моей радости. Мы выѣхали въ 3 часа и, проѣхавши верстъ тридцать, за Броварами въ довольно порядочномъ постояломъ дворѣ имѣли ночлегъ. Здѣсь я, подгулявши на радостяхъ, распекъ о. Василія за его ухаживаніе за барынями, ѣхавшими въ Кіевъ къ инспектору Университета Вербицкому, къ зятю съ дѣвицею и тоже

барынею, матерью одного изъ Университетскихъ студентовъ. Онѣ ѣхали четверкою въ зимнемъ экипажѣ. На утро мы раньше выѣхали и ночевали за Козельцемъ верстахъ въ 30, а къ обѣду уже были въ Черниговѣ. Но о. Василій дулся и раньше пріѣхалъ въ Черниговъ. Я, отдохнувши въ квартирѣ дѣтей, поѣхалъ подъ вечеръ къ нему, предполагая ночевать въ Черниговѣ на постояломъ дворѣ, куда отправился сынъ мой Василій уже въ договоренный номеръ. Я велѣлъ ему заказать самоваръ и отправиться за братьями въ квартиру и привести ихъ на постоялый дворъ, чтобы вмѣстѣ напиться чаю и закусить. Но о. Василій удержалъ меня къ чаю, и мы помирились, съ нѣкоторымъ все же охлажденіемъ. Но къ выѣзду онъ сдѣлался до того добрымъ, что проводилъ меня до постоялаго двора, и мы сдѣлались по прежнему хорошими пріятелями. Прибывши въ номеръ, я послалъ взять кварту вина и полъ-штофа водки. Вино выпили дѣти съ двумя товарищами, а водку я съ хозяиномъ Степаномъ Калинычемъ и кучеромъ Киселемъ, почтеннымъ прихожаниномъ. Тогда я велѣлъ запречь лошадей, чтобы прокатать дѣтей по городу и отправить ихъ на квартиру. Я отдалъ послѣднія нужныя имъ деньги, сказавъ, что на слѣдующій день я рано выѣду изъ Чернигова и не заѣду на квартиру, т. к. соскучился по семьѣ. Утромъ я рано выѣхалъ изъ Чернигова и часу въ первомъ дня былъ уже дома. Первый услышанный домашними отъ меня вопросъ былъ: „есть ли свадьбы?“, потому что мой кошелекъ совсѣмъ истощился. Мнѣ отвѣтили, что уже приходило паръ пять. Это значило, что я получу рублей 20, когда теперь въ томъ же приходѣ получается за таковое количество 150 рублей серебромъ, да и всѣ вообще требы возвысились втрое, а въ общемъ итогѣ впятеро. Изъ этого видно, что я всегда крайне нуждался въ деньгахъ, не покидая хозяйства и самостоятельно обрабатывая свои поля, а иногда беря въ аренду еще и чужіе участки. Правда, жизнь нашего двора такъ сложилась, что посѣтители были очень нерѣдки, и мы всегда съ

радушіемъ ихъ угощали, въ сравненіи съ другими городищенскими домами, такъ что одинъ изъ небогатыхъ дворянъ Степанъ Ивановичъ Бородуха, тогда уже пятидесятилѣтній старикъ, говорилъ: „такъ, какъ Вы, только одинъ герералъ Бобиръ въ Стольномъ жилъ и принималъ гостей.“ Эти слова мнѣ врѣзались память. Приходъ мой изъ хозяйства наиболѣе способствовалъ моему расходу изъ хозяйства, и я имѣлъ свою вѣтряную мельницу, по тогдашнему времени изъ лучшихъ, имѣлъ такого же и мѣрошника, получавшаго третью мѣрку изъ помола, большого пьяницу; однако свое дѣло онъ зналъ лучше другихъ мѣрошниковъ, никому не испортилъ въ помолѣ зерна, а себѣ бралъ только слѣдуемое. За то заводу у него всегда было полно. Впрочемъ и мельницъ въ то время было вдвое меньше, да и то большею частью плохихъ. Мука преимущественно покупалась обильно на винокурни, коихъ до 45-го года было много, а лучшая мука покупалась полѣскими жителями, привозящими въ Синявку на торгъ по субботамъ свои деревянныя издѣлья: ведра, бочки, боченка и, лопаты, дежки, кодовбы, лубы, ящики и прочую древесную рухлядь. Тогда я почти каждую субботу или черезъ двѣ, не болѣе, вывозилъ возъ мѣшковъ съ мукою продавать, большею частью мѣшками пудовъ въ пять, тѣмъ же полѣсчукамъ и тогда на вырученныя деньги покупалъ бакалею для домашняго расхода, сахаръ, чай, кофе и нѣкоторыя закуски. Купивъ все нужное, я возвращался домой, завозя съ собой нерѣдко гостей по приглашенію, чаще всего Столинцовъ. Посѣщеніе оканчивалось попойкой и закуской, а затѣмъ я отдыхалъ, приготовляясь къ предстоящему воскресному служенію. Денегъ за расходомъ въ торгу почти не оставалось, а иногда еще въ лавочкахъ забиралось въ долгъ до слѣдующихъ торговъ; если же надо что купить среди недѣли, то жена отправлялась къ краснорядцамъ. Я нерѣдко по субботамъ служилъ заупокойную литургію, такъ называемую сорокоустную. При большомъ сборѣ денегъ я отправлялся по

должности благочиннаго въ Черниговъ для удовлетворенія воспитывавшихся тамъ дѣтей, а также для закупки тамъ лучшихъ и болѣе дешевыхъ товаровъ, такъ что изъ года въ годъ я никогда не имѣлъ денегъ въ остаткѣ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Фастовская типографія. Читателямъ «Кіевской Старины» извѣстно изъ моихъ предыдущихъ статей («Кіев. Стар.» 1894, № 2, и 1895, № 3), что кіевскимъ католическимъ бискупомъ въ концѣ XVI-го вѣка (1589—1598) былъ ксендзъ Іосифъ Верещинскій, уроженецъ села Верещина въ Холмск. землѣ (нынѣ сѣдлецкой губ. влодавскаго у.). Кіевскимъ бискупамъ, начиная съ 1560 года, принадлежало имѣніе Фастовъ на р. Унавѣ. Когда Верещинскій пріѣхалъ въ Кіевъ и убѣдился, что ему негдѣ жить въ каѳедральномъ городѣ, что въ немъ нѣтъ и приличнаго храма для бискупскаго богослуженія, то онъ обратилъ вниманіе на фастовское имѣніе и рѣшилъ поселиться здѣсь. Обѣщаніемъ свободы отъ податей и другихъ вольностей онъ собралъ въ свое имѣніе значительное населеніе, которое и «осадилъ» на бискупскихъ земляхъ въ селеніяхъ Фастовѣ, Черногородкѣ, Плисецкомъ и Дорогинкѣ. Для защиты новыхъ поселеній отъ татарскихъ набѣговъ и наѣздовъ сосѣдей онъ построилъ въ Фастовѣ на берегу р. Унавы укрѣпленный замокъ съ домомъ для себя и съ костеломъ.

Свой замокъ онъ назвалъ въ воспоминаніе о мѣстѣ родины «Новымъ Верещиномъ». Какъ человѣкъ очень образованный, прекрасно владѣвшій перомъ и привыкшій издавать свои сочиненія, Верещинскій стѣснялся, конечно, тѣмъ, что ему приходилось печатать свои книги въ Краковѣ, хотя въ прекрасной типографіи Андрея Піотроковчика, но вдали отъ мѣста жительства и, поэтому, внѣ возможности самому выбирать шрифты, исправлять корректуры и вообще слѣдить за ходомъ печатанія. Вслѣдствіе этого онъ завелъ типографію у себя въ фастовскомъ замкѣ «Новый Верещинъ» и въ 1597 году напечаталъ въ ней брошюру «О войнѣ съ турецкимъ султаномъ безъ созыва посполитаго рушенья». Чтобы читатели «Кіевской Старины» могли составить себѣ понятіе о внѣшнемъ видѣ фастовскаго печатнаго изданія, мы прилагаемъ здѣсь фототипическій снимокъ съ заглавнаго листа и первой сраницы брошюры Верещинскаго, изготовленный по экземпляру ея, принадлежащему библіотекѣ графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ.

Бискупъ Головинскій, переиздавшій въ 1854 г. нѣкоторыя проповѣди Верещинскаго, помѣстилъ въ списокъ сочиненій Верещинскаго брошюру, будто-бы напечатанную въ «Новомъ Верещинѣ» въ 1598 году подъ заглавіемъ: «Pobudka z strony podniesienia wojny potężnej przeciw Cesarzowi Tureckiemu, bez ruszenia pospolitego, a iżby każdy gospodarz, zostawszy u domu, mógł zażywać bezpiecznie gospodarstwa swego. Posłom na Sejmie Warszawskim podane». (См. Kazania, стр. XVIII). Это ошибка. Такая брошюра вовсе не появлялась въ свѣтъ, тѣмъ болѣе въ 1598 г., когда Верещинскій въ первой половинѣ этого года уже умеръ (по преданію, 1—10 февраля). Единственное достовѣрное изданіе фастовской типографіи — брошюра «Votum» и проч., снимокъ части которой прилагается. Головинскій совсѣмъ пропустилъ ее въ своемъ спискѣ. Изъ этого обстоятельства объясняется и его ошибка: вмѣсто полнаго экземпляра брошюры «Votum» и проч. онъ имѣлъ подъ руками экземпляръ дефектный, безъ заглавнаго листа, и, руководствуясь содержаніемъ брошюры, подсочинилъ къ ней заглавіе, причемъ невѣрно отнесъ ея появленіе на годъ позже. Историческіе источники молчатъ о дальнѣшей судьбѣ принадлежностей фастовской типографіи послѣ смерти ея владѣльца.

А. Стороженко.

VOTVM

X. Jozefá Wereszczyńskiego / z łáski
Bożey Biskupá Kijowskie° / á Opátá Sieciechow=
skiego / z strony podniesienia Woyny potężney prze=
ciwko Cesárzowi Tureckiemu bez ruszenia pospo=
litego: á izby káżdy Gospodarz zostawszy w domu
swoim / mogł bespiecznie zażywáć gospodár=
stwá swego. Jch M. Pánom Posłom ná
Seymie Wárszáwskim / w roku 1597.
ná pismie podáne.

Drukowano w nowym Wereszczynie /
Roku 1597.

Miłościwi Pánowie bráćia/

Vniżona powolność służb moich z vprzeymą wszego dobrá życzliwośćia/ w miłośćiwą łáskę W. M. mych Miłośćiwych Pánów bráciey pilnie zálecam/ ⁊c.

NIádoma to iest rzecz wszytkiem świátu łáskáwi á Miłośćiwi Pánowie bráćia / iż Pan Bóg nigdy niechćiał mieć świátá bez biczá swego nád nim/ bo iesżcze y z początku świátá był Nicmu ot / o ktorym pisze Moyzesz w te słowá: Ipse cæpit esse potens in terra. Iustinus zowie go Ninum. Potym był Xerxes Persarum Rex, terror gentium. Po nim był Alexander Magnus, victor totius orbis. Potym był Iulius Cæsar, triumphator orbis. Po nim nástąpił Augustus pacificus mundi domitor, sub quo triumphantium triumphator CHRISTVS natus. Był potym Támerlan Cesarz Tátárski zwyćięzcá sławny/ ktory Turká w klatce woził. Był po nim Attila/ co się zwał flagelum DEI. A teraz zás Turck nas wszytkich chłośći / bá y wszyscy się go zgołá boim. A tá boiaźn Miłośćiwi Pánowie bráćia z nikąd inąd nam nie przychodźi/ iedno z niełutośćiwey niesworności Monárchow wszytkich Chrześćiáńskich: ktorzy wolą sámi sobie zá ládá przyczynką oczy łupić / y ieden przećiw drugiemu się gorgolić/ niżeliby iedno-

A 2 słáyno

Богуславскій полковникъ Кондратъ Шелестъ. Въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1893 г. въ статьѣ «Три Шелеста» сообщено было мною, на основаніи современныхъ документовъ, нѣсколько подробностей изъ біографіи «Богуславскаго полковника» Кондрата Шелеста, выдвинувшагося въ эпоху колеивщины борьбою съ гайдамаками и пользовавшагося за свою службу особыми милостями отъ богуславскаго старосты, великаго короннаго гетмана Я. К. Браницкаго. Въ послѣдней (1789 г.) люстраціи богуславскаго староства мнѣ встрѣтилось нѣсколько новыхъ данныхъ, могущихъ дополнить сообщенныя раньше свѣдѣнія объ этой личности.

Шелесту еще въ 70-хъ годахъ XVIII ст. пожаловано было въ наслѣдственное владѣніе с. Юхны. По предыдущей люстраціи (1765 г.) это было жалкая деревушка изъ 10 дворовъ, приносившая въ годъ 140 золотыхъ дохода. Совершенно инымъ представляется это село въ люстраціи 1789 г.: число дворовъ увеличилось до 87, годовой доходъ составляетъ 2820 зл. 22 гроша—т. е. населеніе увеличилось въ $8,_7$ раза, доходъ—болѣе чѣмъ въ 20 разъ. Между тѣмъ сравнивая показанія обѣихъ люстрацій относительно другихъ селъ, мы замѣчаемъ сравнительно небольшое увеличеніе населенія и доходовъ: такъ, общая сумма доходовъ со всего староства увеличилась меньше чѣмъ въ два раза, Такіе блестящіе результаты, достигнутые въ сравнительно небольшой срокъ (не болѣе 15 лѣтъ), показываютъ необыкновенное умѣніе Шелеста устраивать свои хозяйственныя дѣла. Люстрація заключаетъ нѣкоторыя указанія и на тѣ средства, какими достигнуты были указанные результаты: въ 1-хъ, одинъ изъ подданныхъ (Иско Коваленко) названъ «осадчимъ»—слѣдовательно заселеніе производилось обычнымъ способомъ, посредствомъ слободы; во 2-хъ, нѣкоторые поселенцы пользуются особенно льготными условіями: изъ 87 господарей 27 плотятъ только небольшой чиншъ (4 злотыхъ) и не несутъ никакихъ повинностей; льготы эти по всей вѣроятности имѣли временный характеръ: по крайней мѣрѣ осадчій Коваленко несетъ уже всѣ повинности, не исключая и различныхъ работъ.

Другой характерный фактъ хозяйственной дѣятельности Шелеста заключается въ слѣдующемъ. Въ отдѣлѣ люстраціи, озаглавленномъ «Osiadłość żydow miasta Bohusławia», перечисляются каменныя лавки (kramnice) съ именами ихъ владѣльцевъ. Изъ приложенныхъ документовъ видно, что лавки эти и земля, на которой онѣ были построены, составляли собственность мѣщанъ богуславскихъ; но послѣ случившагося въ 1784 г. пожара лавки были вновь отстроены на

счетъ старосты и отданы имъ евреямъ; мѣщане считали себя обиженными и во время люстраціи энергично, но безуспѣшно защищали свои права. И вотъ, въ спискѣ владѣльцевъ этихъ лавокъ первое мѣсто занимаетъ *Szelest pułkownik*. Изъ люстраціи не видно, какимъ образомъ одна изъ лавокъ досталась Шелесту; но зная его біографію, можно съ увѣренностью сказать, что это была тоже одна изъ милостей, которыми осыпало его старостинское управленіе. Не разъясняютъ документы и того, какимъ образомъ пользовался Шелестъ этою милостью—самъ велъ торговлю или отдавалъ крамницу въ аренду евреямъ.

Приведенные факты, по нашему мнѣнію, не только дополняютъ біографію Кондрата Шелеста, но и показываютъ, что и на правомъ берегу Днѣпра, mutatis mutandis, обозначались тѣ явленія, которыя нашли себѣ болѣе полное и опредѣленное выраженіе въ дѣятельности козацкой старшины украины лѣвобережной.

В. Щербина.

Помянникъ кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря.

Изслѣдователи мѣстной старины въ послѣднее время обратили вниманіе на старинные монастырскіе помянники, какъ на историческіе памятники, заключающіе отрывочныя, но иногда очень любопытныя указанія — историческія, генеалогическія, филологическія, бытовыя. Такъ, проф. Голубевъ издалъ помянникъ Кіево-Печерской Лавры [1] конца XV и началѣ XVI ст.; И. М. Каманинъ сообщилъ свѣдѣнія о помянникѣ Кіево-Софійскаго собора [2]). Мнѣ удалось ознакомиться съ помянникомъ Николаевскаго монастыря, относящимся къ болѣе позднему времени, но представляющимъ не меньшій интересъ для мѣстной исторіи. Не задаваясь цѣлью изслѣдовать подробно содержаніе помянника, ограничусь описаніемъ его и нѣсколькими замѣчаніями о его историческомъ значеніи.

Помянникъ представляетъ обширный фоліантъ, наполненный разновременными записями: начало рукописи относится къ первой половинѣ XVIII ст., послѣднія записи къ 80 годамъ настоящаго столѣтія. Первые листы (приблизительно 40) писаны прекраснымъ уставомъ, частью тушью, частью киноварью; чѣмъ дальше, тѣмъ письмо

---

[1]) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца кн. VI, приложеніе.

[2]) „Кіевск. Старина" 1895, № 9.

небрежнѣе, чернило блѣднѣе; послѣдніе листы написаны уже обыкновеннымъ современнымъ почеркомъ. Полное заглавіе рукописи (на выходномъ листѣ) слѣдующее: „Синодик Мнтрѧ Стлѧ Хртова Николаѧ Пустынnаго Кіевского за благословеніемъ Его Млти Гдна Оца Архімандрита Іосифа Волчанскаго списасѧ року ҂аѱлд іюлѧ зі днѧ“.

Особенный интересъ представляетъ первая, древнѣйшая, часть помянника. Содержаніе ея слѣдующее: молитвы за умершихъ, поминаніе русскихъ царей (начиная съ Ѳедора Іоанновича) и ихъ семействъ; патріарховъ; митрополитовъ кіевскихъ; архіепископовъ—новогородскихъ, переяславскихъ, смоленскихъ, владимірскихъ, юрьевскихъ, бѣлгородскихъ; княжескихъ и боярскихъ родовъ; игуменовъ и братіи Никольскаго монастыря. Хотя рукопись относится къ 1734 г., но содержаніе ея показываетъ, что составитель пользовался болѣе древними помянниками: между епископами названы такіе, епархіи которыхъ существовали только въ удѣльный періодъ (юрьевскіе, бѣлгородскіе); между княжескими и боярскими родами встрѣчаются неизвѣстныя, вѣроятно прекратившіяся фамиліи (родъ кн. Іоанна Корнодиловъ, родъ кн. Василія Домонтовъ Рятовъ [1]), а также фамиліи отпавшія отъ православія (князья Острожскіе, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе и др.); встрѣчаются даже роды удѣльныхъ князей (родъ великихъ князей черниговскихъ). Замѣчательно, что списки нѣкоторыхъ родовъ представляютъ почти буквальное повтореніе соотвѣтствующихъ списковъ Лаврскаго помянника (родъ кн. Острожскаго, кн. Константина Крощинскаго, кн. Ивана Вишневскаго, кн. Василія Мамая Львовича).

Во второй, позднѣйшей части помянника записаны нѣкоторыя знатныя фамиліи—малорусскія (Галаганы, Горленки, Лизогубы) и великорусскія, имѣющія отношеніе къ краю (гр. Румянцевъ, кн. Трубецкіе), старые мѣщанскіе роды (родъ Артема Могилевца съ Подолу, мѣщанина кіевскаго, родъ кіевскаго мѣщанина Іоанна Іоанновича Коробкина), козаки; встрѣчается даже особый отдѣлъ «Уписъ коша сѣчевого запорожскихъ козаковъ 1755 года», въ который внесенъ родъ Василія Сича кошового запорожскаго и 11 козаковъ различныхъ

[1]) Въ древнемъ Евангеліи Пустынно-Николаевскаго монастыря, относящемся къ 1411 г., помѣщена отказная запись какого-то князя, данная въ 1427; имя этого князя читали такъ: „Долгалд... датовичъ“ (Фундукл. Обозрѣніе Кіева 106). Закревскій II, 745). Не былъ ли это Домонтъ Рятовичъ?

куреней; отдѣльныя имена запорожцевъ встрѣчаются и впослѣдствіи, даже послѣ упраздненія Сѣчи (послѣдняя запись «родъ войска запорожскаго старшины Исидора Игнатьевича Бѣлого 1776 года»). При нѣкоторыхъ именахъ отмѣчены пожертвованія на монастырь: это церковные предметы (Евангеліе, ризы, мѣдная крестильница), разнообразные денежные вклады (отъ 7 рублей до 1000 золотыхъ); наконецъ, пожертвованія натурою (волы, кони, даже возы соли; въ упомянутомъ «Уписѣ козаковъ», напр., встрѣчаются такія пожертвованія: «30 рублей, воловъ 4, коней 5, солѣ кримки возъ одинъ» или «коня одного, коровъ двѣ»). Подобныя бытовыя подробности придаютъ особенный интересъ второй части помянника.

Наконецъ, представляетъ интересъ чрезвычайно изящная внѣшность рукописи (собственно первой ея части). Особенно изящно выполненъ выходной листъ, украшенный роскошною виньеткою во всю страницу, обрамляющею заглавную надпись, на буквахъ которой сохранились еще слѣды позолоты, и первая страница съ художественно исполненнымъ изображеніемъ Св. Николая, также окруженнымъ богатымъ орнаментомъ. Рукопись эта показываетъ, что въ Кіевѣ еще въ XVIII в. сохранилось средневѣковое искусство письма и были замѣчательные списыватели книгъ и миніатюристы.

В. Щербина.

Собраніе рѣдкихъ церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ за границей. Считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на интересныя книги, изданныя на югѣ и западѣ Россіи и собранныя въ настоящее время въ Германіи, у антиквара K. W. Hirsemann' а, какъ видно изъ его послѣдняго каталога «Россія» (№ 150), Leipzig. 1895. Вотъ, что находимъ мы въ этомъ каталогѣ.

Барановичъ Лазарь: Трубы словесъ проповѣдныхъ на нарочитые дни праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ, Ангельскихъ, Пророческихъ, Апостольскихъ, Мученическихъ, Преподобныхъ, Дѣвъ, Трехъ Святителей, Чудотворцевъ, Благовѣрныхъ царей и князей и проч. Яже Лазарь Барановичъ, Архіепископъ Чернѣговскій, Новгородскій и проч. силою Божіею вострубы. Въ Святой Велико-Чудотворной лаврѣ Кіево-Печерской. 1674 г. Съ тремя гравированными заглавными листами и многими гравюрами. Въ листъ». (Это первое изданіе проповѣдей Лазаря Барановича).

Полууставъ, содержащій въ себѣ дневную и научную службу по преданію и чину церковному, изображенъ типомъ въ Святой, Великой, Чудотворной лаврѣ Кіево-Печерской. При державѣ благочестивыхъ Государей нашихъ царей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича.» Съ гравированнымъ заглавіемъ; на оборотѣ изображеніе Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ листъ. Кіевъ. 1682 г.

Синопсисъ, или краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцевъ князей богоспасаемаго Града - Кіева и проч. Сочин. Кіевопечерскаго Архимандрита Іннокентія Гізіеля. Съ тремя политипажами. Кіевъ. 1680 г. Напечат. церковными буквами.

Требникъ За благополучнаго Царствованія, Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича Всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. *За щасливаго Владѣнія его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Войска Запорожскаго, обоихъ сторонъ Днепра Гетмана, и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалера, Велможнаго его Милости Ивана Стефановича Мазепы.* Кіевъ. Безъ числа. Рѣдчайшій выходной листъ, который вырванъ почти изъ всѣхъ экземпляровъ. И въ этомъ экземплярѣ попытались уничтожить имя Ивана Стефановича Мазепы.

Службы, житіе и чюдеса, иже во святыхъ отца нашего Николы архіепископа Муръ Ликійскихъ чюдотворца. Напечатася съ вышеозначеннаго изданія древняго, въ типографіи Почаевской 1643 г.

Кіевъ. Планъ Кіево-Печерской Лавры и при ней обрѣтающимся пещерамъ, начаты при Благовѣрномъ Князѣ Владимірѣ Святославичѣ въ 1013 г. (?) Большая гравюра (размѣръ 67╳94 см.). Съ оглавленіемъ 190 статей. Изъ прошлаго вѣка.

Козачинскій, М. Філософія Аристотелева по умствованію перипатетиковъ. *Графскому Сіятельству Алексію Григориевичу Розумовскому. Приписанная на щиговѣрнои (?) выписъ и з печатныхъ латинскихъ и полскихъ книгъ о шляхетной енеалогіи благородныхъ господъ Разумовскихъ утвержденная.* Отвѣтствовалъ філософіи слышатель Григорій Щербатскій. Съ большой родословной гравюрой рода Разумовскихъ въ формѣ розана. Кіевъ 1745 г. На русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ.

Андреа Архіепископа Кесаріа Каппадокійскіа Толкованіе на Апокалипсіи... Отъ Еллінскаго на Діалектъ Славенскій переведенное и чинно расположенное. Волею, тщаніемъ и Благословеніемъ Преподобнѣйшаго и въ Православіи Сіающаго *Отца Кѵзакаріи* (чит. Кѵръ

Захаріи) *Копистенскаго* Архимандріта Св. Лавры Печерскіа Кіевскіа. Түпомъ прѣвое издася въ Лаврѣ Печерской Кіевской. 1625 г. Съ гравированнымъ фронтисписомъ.

Святцы съ краткимъ описаніемъ житія, и съ нужными христіанину потребами, съ переводу святѣйшаго патріарха Іосифа. Въ лѣто (7197) 1689 напечатася *въ типографіи Виленской*.

Преподобнаго отца нашего аввы Дороѳеа поученія душеполезна различна, къ своимъ его оученикомъ; переводъ съ греческаго, исправленный Архимандритомъ *Памвою Берындою*. Кіевъ. 1628 г.

Кніга иже во святыхъ отца нашего Васілія Велікаго, архиепископа Кесаріи Каппадокійскія (о постничествѣ); переведена съ греческаго. 3 части въ одномъ томѣ съ гравюрой. Въ листъ. *Острогъ*. 1594 г. (1594 г.)

Бродячій анекдотъ въ малорусской народной словесности.

Въ «Мессіи» Галятовскаго мы находимъ слѣдующій интересный анекдотъ: «Въ мѣстѣ Вормаціа назваломъ еденъ жидъ мѣлъ цорку надобную, которая отъ едного младенца христіанина зачала въ животѣ своемъ дитя и ознаймила ему тое. Отповидѣлъ ей христіанинъ младенецъ: небойся родичовъ своихъ, я тебе уволню отъ небезпеченства. И учинивши оный младенецъ зъ трости цѣвку пришолъ въ ночи и сталъ близко коморы, въ которой оной жидовки беременнои родичи спали, и презъ окно вложивши цѣвку, мовилъ презъ тую цѣвку потиху такіи слова: о справедливыи и богу милыи, веселѣтися, ото цорка ваша панна зачала сына, который естъ збавитель вашого народу Израилскаго. Жидъ почувши тыи слова пыталъ жены своей: чи чула еси голосъ зъ неба до насъ мовячій? Отповѣдила она: не чуламъ. И знову оный христіанинъ младенецъ презъ цѣвку мовилъ до нихъ: великую повинністе цорцѣ вашой честь чинити, великое старане о ней мѣти изъ великою пилностю дитя ховати, которое отъ ней уродится, бо той естъ мессія, которого вы очекиваете. На той часъ родичи онои жидовки, радуючися встали и видячи беременную свою цорку, пытали еи: отъ кого зачала? Отповидѣла она такъ, якъ отъ оного младенца христіанина была научена: еслимъ зачала не вѣдаю, тое вѣдаю же панна естемъ, и еще мужа не позналамъ. Родичи еи тое пріятелямъ своимъ и всѣмъ жидамъ разголосили, же голосъ небесный чули отъ ангела, которій мовилъ имъ, же цорка ихъ мессію породитъ, а гды пришелъ часъ родити ей, многіи жиды

въ домъ оного жида зобралися, хотячи видѣти новое нароҗене мессіи своего и онымъ утѣшитися, але оная жидовка утрапленая, мѣсто утѣхи (вашимъ) жидомъ фрасунокъ принесла, бо ведлугъ звычаю инишихъ невѣстъ, зъ болемъ, зъ вздыханемъ и зъ крыкомъ породила не мессію, але царку, которую (ваши) жиды обачивши барзося завстыдили и разгнѣвалися. (Мессія, 1669 года, листъ 62—63). Галятовскій указываетъ и источникъ, откуда онъ взялъ этотъ анекдотъ: Цезарый въ книгѣ 2, Діалоговъ своихъ о скрусѣ, въ главѣ 25 до Аполлонія (Цезарій Гейстербахскій, Dialogus miraculorum).

Подобный же анекдотъ мы находимъ въ малорусской народной словесности. «Живъ соби на сели чоловикъ, на прозвыще Иванъ Швець, зъ жинкою, та такій бидный, такій бидный, що зовсимъ ничого було у ихъ исты. Отъ винъ и выгадавъ, якъ розжитысь. Пійшла жинка по наймахъ, а винъ доставъ велыку таку дудку, въ яку паны зклыкають собакъ на полюванье, взявъ іи зъ собою, та й подавсь до богатого жида Соломона. Отъ улизъ до его въ дымаръ,— а Соломонъ шинокъ державъ,—улизъ саме у ночи, якъ поснулы уси, видкрывъ верхъ, та якъ загуде у дуду. Жидивка й прокинулась, та слуха. А Иванъ опъять якъ загуде у дуду, а дали и каже: Соломоне! Чуєшъ, Соломоне? Буде въ тебе сынъ Мессіяшъ.—Отъ жидивка почула и пыта: А хто ему буде отець?—Иванъ Швець.—Та якъ загуде знову у трубу, а жидивка тоди до чоловика свого: цуесъ, Соломоне, цуесъ?—А сцо тамъ таке?—А Иванъ якъ загуде, якъ погукае: Соломоне! Буде въ тебе сынъ Мессіяшъ!—А кто зъ ему буде отець!—Иванъ швець.—Сказавши цее, потягъ Иванъ соби до дому. Отъ на другый чи тамъ на третій день иде Иванъ мимо шинку, похитуется мовъ пъяный, а Соломонъ до его: Чуесъ, Иване, иды сюды.— А що тамъ таке?—Ци не вп зме сь ты посыты моій доцци церевыцки?— Чомъ не взяты,—давай. Зайды до насъ, та на лысень выпій трохи горилоцки.—Давай.—Выпывъ Иванъ горилку, знявъ мирку на черевыки пошивъ, прынисъ,—та й зъ дочкою Соломона спизнавсь, а дали ставъ у его й житы замисть зятя. Отъ живе та й живе, вже й дочка Соломона заважнила, а Иванъ соби живе,—кохается у жидивскимъ добри и гадки нема ни про-вищо. Отъ наблыжуется родыво, а Иванови й нуждушки мало. Насталы родыны. Прывела жидивка дочку, а не сына. Бида Иванови—не Мессіяшъ родывсь! Збираются жиды повернуты его у свою виру. Утикъ Иванъ, а воны таки его поймали, ожидовыты его хотять, та на жидивци оженыты». (Чубинскій, т. II, стр. 563—564, № 53, Иванъ швець та жиды). Далѣе идетъ разсказъ

о другихъ хитрыхъ продѣлкахъ Ивана съ жидами: они хотѣли его бросить въ рѣку, но Ивану удалось вылѣзть изъ мѣшка, въ который они его завязали, посадивъ на свое мѣсто проѣзжаго пана, и забравъ его карету и лошадей. Когда же жиды снова собрались убить Ивана, то онъ, привязавъ заранѣе подъ платьемъ у жены пузырь съ подкрашенным «росоломъ», велѣлъ ей, когда придутъ жиды, зевести съ нимъ ссору. Она такъ и сдѣлала. Иванъ ударилъ въ пузырь ножемъ, потекла кровь, и жена упала мертвою. Иванъ схватилъ палочку—«пужку», тоже заранѣе приготовленную, ударилъ ею нѣсколько разъ жену, и она ожила. Жиды пристали къ Ивану, чтобы онъ продалъ имъ эту чудесную палочку и, наконецъ, послѣ долгихъ торговъ, купили ее у него за три тысячи. Придя домой, жиды поубивали всѣхъ своихъ женъ, и ихъ забрала полиція.

Сказка эта принадлежитъ къ очень распространеннымъ разсказамъ о похожденіяхъ хитраго обманщика. Параллели къ ней въ литературахъ востока и запада см. въ примѣчаніяхъ Cosquin'а къ №№ 10, 20, 49 и 71 его Contes populaires de Loraine и въ примѣчаніяхъ Koehler'а (Orient und Occident, t. II, 1863 г., p. 486 seq. и Gonzenbach. Sicilianische Märchen, Leipzig, 1870, примѣчанія къ №№ 70 71). Изъ русскихъ сборниковъ у Сумцова (Разборъ этнографическихъ трудовъ Романова, СПБ. 1884 г.) параллели указаны у Манджуры 74, Рудченка II, 31, Садовникова § 30, Добровольскаго 693; изъ польскихъ у Zawilińskiego, № 1, стр. 53, 54, 67—74 и Chelchowskiego № 21 и 38 (стр. 65). Къ этимъ параллелямъ мы можемъ еще присоединить у Аѳанасьева т. V, №№ 7, 8, т. VI, стр. 29, и, №№ 5, 7, 8 и Чубинскаго т. II, стр. 514, № 12, 521, № 17, 563, № 53 (вторая половина сказки), № 56, № 61· Но нигдѣ мы не встрѣчали этой сказки, осложненной такимъ эпизодомъ, какой мы привели въ подлинникѣ по сборнику Чубинскаго. Очевидно, этотъ эпизодъ проникъ сначала самостоятельно въ малорусскій народъ изъ произведенія Галятовскаго и потомъ уже присоединился къ сказкамъ о хитромъ обманщикѣ. Свои продѣлки хитрый обманщикъ въ малорусскихъ сказкахъ очень часто совершаетъ надъ евреями, и вотъ неудивительно, что и эпизодъ съ дочерью еврея, совершенно подходящій по своей концепціи, былъ вставленъ народомъ въ рамку похожденій плута.

М. Марковскій.

Нѣсколько словъ о Каменецъ-Подольской гимназіи пятидесятыхъ годовъ. Въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1895 г. помѣщена статья г. Н. Г., содержаніе которой посвящено опроверженію нѣкоторыхъ ложныхъ фактовъ и основанныхъ на нихъ невѣрныхъ характеристикъ, даваемыхъ г. Солтановскимъ въ его запискахъ, печатавшихся тоже въ «Кіевской Старинѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Н. Г. приглашаетъ всѣхъ знавшихъ выводимыхъ г. Солтановскимъ лицъ, изъ бывшихъ дѣятелей Каменецъ-Подольской гимназіи, не отказать въ сообщеніи истинныхъ фактовъ, которые могли бы содѣйствовать возстановленію добраго имени почтенныхъ тружениковъ, столь безцеремонно и съ легкимъ сердцемъ загрязненныхъ г. Солтановскимъ. Въ особенности г. Н. Г. останавливается на характеристикѣ почтеннаго преподавателя исторіи Малиношевскаго. Мои воспоминанія о Каменецъ-Подольской гимназіи относятся къ болѣе раннему времени, нежели записки г. Солтановскаго. Я обучался тамъ съ 1853 по 1858 г. и, будучи уже въ 5 классѣ, долженъ былъ въ серединѣ учебнаго года отправиться въ Петербургъ для поступленія въ кадетскій корпусъ. Съ тѣхъ поръ мнѣ ни разу не пришлось побывать въ Каменцѣ и повидать свою alta mater, а потому понятно, съ какимъ любопытствомъ я читалъ записки г. Солтановскаго, который хотя и говоритъ о гимназіи половины шестидесятыхъ годовъ, но называетъ многихъ лицъ изъ тѣхъ, которыя принадлежали къ составу административнаго или учебнаго персонала моего времени. Однако въ его очеркахъ я не узнавалъ ни порядковъ, ни лицъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ по личному опыту. Распущенность, о которой говоритъ г. Солтановскій, въ мое время не существовала и въ зародышѣ. Отношеніе къ намъ, гимназистамъ, начальствующихъ лицъ было суровое, подчасъ даже жестокое. Право тѣлеснаго наказанія принадлежало не только директору и инспектору, но и надзирателямъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ Соколовскій) широко пользовались этимъ правомъ. Постановка на колѣни, битье линейкой по рукамъ (какъ говорилось: «дать въ лапу»), наконецъ розги—всѣ эти виды позорящихъ взысканій практиковались ежедневно. Всѣ мои сотоварищи того времени, конечно, не забыли полуумнаго инспектора классовъ Шульгина (покончившаго, кажется, полнымъ помѣшательствомъ), для котораго порка была, можно сказать, потребностью и составнымъ элементомъ его ежедневной гимназической дѣятельности. Въ корпусѣ, куда я поступилъ, я засталъ еще тоже суровые нравы, но тамъ далеко уже не было того произ-

вола въ наложеніи тѣлесныхъ наказаній, который царилъ въ нашей гимназіи. Трудно думать, чтобы въ 4—5 лѣтъ такъ рѣзко измѣнились порядки, какъ это выходитъ по запискамъ г. Солтановскаго. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ младшихъ моихъ товарищей никогда ничего подобнаго мнѣ не сообщали, хотя сѣченіе и битье могли уже и не такъ щедро практиковаться.

Постановка учебнаго дѣла въ мое время была въ гимназіи неудовлетворительна; но это объясняется не плохимъ составомъ преподавателей, а причинами совершенно иного рода. Матеріальное обезпеченіе учителей было, можно сказать, жалкое; трудно даже понять, какъ они, часто люди семейные, могли существовать (не смотря на тогдашнюю дешевизну), получая нѣсколько сотъ рублей въ годъ за свой нелегкій трудъ. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ нѣкоторые изъ нихъ вынуждены были переходить съ одного предмета преподаванія на другой, лишь бы изъ младшихъ учителей попасть въ старшіе, съ нѣсколько повышеннымъ содержаніемъ. Я помню, напримѣръ, весьма недурнаго учителя русскаго языка М., сдѣлавшагося вдругъ совершенно невозможнымъ преподавателемъ математики. Трудно забыть его безсильную борьбу съ простыми уравненіями, когда онъ, не умѣя справиться съ вычисленіемъ X, переходилъ къ У, но, увы, съ такимъ-же успѣхомъ.—Далѣе не смотря на многочисленный составъ обучавшихся, въ классахъ не существовало параллельныхъ отдѣленій. Особенно многолюдный былъ 3-й классъ, составъ котораго, кажется, никогда не спускался ниже 100 человѣкъ. Возможно ли было успѣшное преподаваніе при такой массѣ собранныхъ въ одной комнатѣ дѣтей?

Что касается учителей, то, само собою разумѣется, между ними были и плохіе, и хорошіе, но того нравственнаго уродства, о которомъ говоритъ г. Солтатовскій, мы въ нихъ не замѣчали, за однимъ исключеніемъ—учителя нѣмецкаго языка Б-на. Его нелѣпые способы обученія, его странные внѣшніе пріемы и поступки въ классѣ заставляли насъ думать, что онъ являлся на уроки не всегда въ нормальномъ видѣ. За то нельзя не вспомнить съ чувствомъ благодарности именъ Берга, Петре, Кривоносова, Рѣдчица, Малиношевскаго и др. Особенно Малиношевскій памятенъ мнѣ, какъ превосходнѣйшій человѣкъ и преподаватель. Всегда мягкій, ровный, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгій и справедливый, онъ пользовался всеобщей нашей любовью и высокимъ авторитетомъ. Мы считали его знатокомъ не только своего предмета преподаванія, но и латинскаго языка,

причемъ почему то были убѣждены, что онъ помогалъ готовиться къ урокамъ преподавателю послѣдняго предмета, плохому латинисту, спрашивавшему насъ не иначе, какъ слѣдя за отвѣтомъ по грамматикѣ Кюнера, дальше который онъ не рисковалъ пускаться.

Прійдя на урокъ, Малиношевскій, обыкновенно, приказывалъ кому либо изъ учениковъ прочитать по учебнику предположенное къ заданію на слѣдующій урокъ. Послѣ этого онъ пересказывалъ, въ популярной, чрезвычайно изящной формѣ, прочитанное, съ обширными поясненіями и дополненіями. Такая популяризація учебника была совершенно необходима, вслѣдствіе крайней неудовлетворительности принятаго тогда и обязательнаго руководства (Устрялова). Хотя я не заглядывалъ въ него уже около 40 лѣтъ, но едва-ли ошибусь, цитируя наизусть нѣкогда выдолбленное опредѣленіе (по краткому учебнику, для 11-лѣтнихъ мальчиковъ): «русская исторія есть наука, объясняющая намъ постепенное развитіе государственной жизни русскаго народа отъ перваго начала ея до настоящаго времени». Не говоря уже объ односторонности и даже нелѣпости такого опредѣленія русской исторіи, какъ науки, что бѣдный молокосось могъ понять въ этихъ выраженіяхъ: «государственная жизнь» и «постепенное ея развитіе»? Вотъ почему способъ чтенія Малиношевскаго былъ необходимъ и казался намъ чрезвычайно полезнымъ. Покончивъ съ поясненіями, нашъ уважаемый и любимый учитель подходилъ къ какой либо скамейкѣ и начиналъ спрашивать урокъ. Отвѣты онъ выслушивалъ спокойно, безъ раздраженія и каверзныхъ придирокъ, пользовался ими для дальнѣйшихъ разъясненій и затѣмъ выставлялъ балы, всегда справедливо, соразмѣрно достоинству отвѣта, безъ предвзятой наклонности къ единицамъ, но и безъ поблажекъ. Получить пятерку у Малиношевскаго было не легко и составляло предметъ ученической гордости, совсѣмъ не то, что, напримѣръ, у добрѣйшаго батюшки о. Троицкаго, который подчасъ не отказывалъ себѣ въ удовольствіи поставить полный баллъ услужливому ученику, съумѣвшему очинить ему хорошо гусиное перо. Что касается крайности убѣжденій Малиношевскаго и его будто-бы тенденціознаго вліянія на учениковъ, то въ мое время ничего подобнаго не было. Никакихъ приватныхъ отношеній Малиношевскій къ намъ не имѣлъ; все ограничивалось исключительно его преподавательской дѣятельностью въ классахъ, которая была безупречна какъ съ педагогической, такъ и съ правительственной точки зрѣнія. Судя по заявленію г. Н. Г., она такой же осталась и до конца.—

Однимъ словомъ, вызванный статьею г. Н. Г. къ провѣркѣ своихъ воспоминаній, я долженъ сказать, что самыя свѣтлыя изъ нихъ связаны съ почтенной, симпатичной личностью Малиношевскаго.

А. Пузыревскій.

Варшава, 22-го ноября 1895 г.

Дѣвичій праздникъ св. Андрея. Къ цѣлому ряду замѣтокъ и статей Хр. П. Ящуржинскаго, Сумцова и др., о народномъ праздникѣ св. Андрея, напечатанныхъ на страницахъ «Кіевской Старины» въ разное время, считаю не лишнимъ прибавить еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ характерныхъ особенностяхъ въ празднованіи народомъ, правильнѣе молодежью, этого праздника, опущенныхъ во всѣхъ этихъ замѣткахъ;—въ особенности хочу сказать объ одномъ обычаѣ, правильнѣе обрядѣ, соблюдаемомъ на Андрея. Описанія этого обряда мнѣ не приходилось встрѣчать нигдѣ, ни въ одной изъ замѣтокъ о праздновавіи этого дня.

Не буду описывать ни самыхъ приготовленій къ Андрею, ни празднованія, ни пресловутыхъ обрядовъ: «кусанія калыты» и кормленія собакъ «балабушками», чтобы не повторяться, такъ какъ все это мной уже описано въ статьѣ «Дѣвичій праздникъ св. Андрея», напечатанной въ 1885 или 86 г. въ «Кіевлянинѣ», а также на стр. «Кіевской Старины» г. Ящуржинскимъ. Я хочу лишь описать многіе весьма своеобразные и характерные способы гаданія о будущемъ, практикуемые только на Андрея.

Въ волынской губерніи (староконст. у.) въ обычаѣ, что дѣвушки на Андрея постятъ весь день; вечеромъ «по заходи сонця» постящаяся дѣвушка идетъ къ колодцу и набираетъ полный ротъ воды и во рту приноситъ домой, затѣмъ беретъ немножко просѣянной муки и водой изъ рта разводитъ ее, дѣлаетъ тѣсто, изъ котораго лѣпитъ маленькій коржикъ, сильно солитъ его нарочно для того, чтобы потомъ явилась жажда. Этотъ коржикъ дѣвушка печетъ и затѣмъ съѣдаетъ его на «що сердце», т. е. натощакъ послѣ поста. Впрочемъ, обычай носить во рту для коржика изъ колодца воду мало распространенъ; большинство дѣвушекъ дѣлаетъ коржикъ, разводя муку обыкновенной водой. Затѣмъ не вездѣ этотъ коржикъ дѣвушки ѣдятъ «на що сердце»,—во многихъ селахъ дѣвушки его съѣдаютъ передъ сномъ, ложась спать. Съѣвши этотъ коржикъ, дѣвушка воды не пьетъ—нельзя, какъ бы

жажда ни мучила. Если все это дѣвушка продѣлаетъ,—то ночью во снѣ увидитъ своего суженаго, дающаго ей пить воду. Этотъ обычай или обрядъ сильно распространенъ въ волынской губерніи.

Другой обрядъ, свято исполняемый на Андрея, еще оригинальнѣе, своеобразнѣе и замѣчательнѣе.

Почти всякая дѣвушка, вставши утромъ на Андрея, прежде всего выходитъ на дворъ и продѣлываетъ слѣдующее: копаетъ землю (или дѣлаетъ видъ, что копаетъ), беретъ горсть конопляныхъ сѣмянъ и засѣваетъ вскопанное пространство; посѣявши коноплю, дѣвушка сгибается такъ, чтобы при ходьбѣ подолъ юбки или передника волокся по землѣ, и такимъ образомъ проходитъ нѣсколько разъ по засѣянному коноплей клочку и подоломъ юбки или передника «волочитъ коноплю», при этомъ она приговариваетъ:

Андрію, Андрію!
Я на тебе коноплю сію;
Дымкою (или спидныцею) волочу,—
Бо дуже замижъ хочу.—

Иногда случается, что на Андрея бываетъ уже снѣгъ, тогда всю эту процедуру дѣвушка продѣлываетъ по снѣгу; снѣгъ копаетъ, какъ землю, сѣетъ по снѣгу коноплю и «волочитъ спидныцею».

Значеніе этого обряда то, что всякая дѣвушка продѣлавшая его, скоро выйдетъ замужъ; поэтому этотъ обрядъ свято исполняется на Андрея всѣми дѣвушками. Всякая дѣвушка, желающая выйти замужъ, считаетъ священной своей обязанностью, по секрету ото всѣхъ на Андрея «посіяты коноплі» и «спидныцею заволочыты».

Способовъ гаданія на Андрея о будущемъ—есть безчисленное множество; всѣ эти способы очень интересны, но изъ массы ихъ опишу лишь самые характерные и замѣчательные.

Дѣвушка вечеромъ на Андрея идетъ «на смитныкъ» и наугадъ въ темнотѣ, беретъ въ руку первое, что попадется, и приноситъ въ хату и смотритъ: если попался подъ руку «реминецъ»—суженый будетъ сапожникомъ, деревяшка попалась,—столяромъ, тряпку принесла,—портнымъ и т. д.

Вынимаютъ изъ «стрихи» пучокъ соломы и ищутъ въ немъ колосьевъ съ зернами; если колосья съ зернами находятся, то вытянувшая пучекъ дѣвушка замужемъ будетъ богата и будетъ имѣть столько скирдъ хлѣба, сколько оказывается зеренъ въ колоскѣ.

Приносятъ съ насѣста въ хату курицу; ставятъ на землѣ ей ѣсть, пить, пускаютъ ее на землю и наблюдаютъ: если курица прежде

всего бросается къ водѣ и жадно пьетъ ее—суженый будетъ горькимъ пьяницей; если курица прежде всего ѣстъ—суженый будетъ обжора, если курица спокойно и весело ходитъ—суженый будетъ спокойный, тихій человѣкъ; если курица кричитъ, летаетъ, бьется—суженый будетъ буянъ, драчунъ, и т. д.

Идутъ подъ окна чужихъ домовъ и подслушиваютъ—и по услышанному разговору дѣлаютъ заключенія о будущемъ.

Дѣвушки связываютъ каждая свой платокъ узелкомъ и бросаютъ въ ночвы, одна изъ нихъ «палаетъ», т. е. слегка подбрасываетъ платки въ ночвахъ; чей платокъ прежде выпадаетъ на землю,—та дѣвушка скорѣе всѣхъ выйдетъ замужъ; въ какомъ порядкѣ платки вылетаютъ изъ ночовъ на землю,—въ такомъ порядкѣ хозяйки ихъ одна послѣ другой выйдутъ замужъ.

Берутъ въ охапку, не считая, дровъ и затѣмъ въ хатѣ считаютъ: если число полѣнъ «до пары», быть гадающей «въ парѣ», т. е. замужемъ, и наоборотъ. Точно такъ же гадаютъ, выдернувъ изъ «стрихи» пучокъ соломы и сосчитавъ число соломинокъ: четное ли оно, или нечетное.

Идутъ къ «частоколу» (забору) и считаютъ частоколины словами: «вдовець, молодець». Если на послѣдней частоколинѣ выйдетъ слово «вдовець», быть гадающей дѣвушкѣ замужемъ за вдовцомъ, а выйдетъ слово «молодець»—быть дѣвушкѣ за холостякомъ.

На ночь, ложась спать, дѣвушка подъ постелью дѣлаетъ мостъ, т. е. ставитъ воду въ миску и кладетъ на миску дощечку. Сдѣлавшая это дѣвушка увидитъ во снѣ своего суженаго, что ведетъ ее чрезъ мостъ.

Равнымъ образомъ, если дѣвушка на ночь, на Андрея, распуститъ, расплететъ «косы», то во снѣ увидитъ суженаго, заплетающаго ей косы.

Если, ложась спать на Андрея, положить подъ подушку изъ колоды картъ четыре короля—то тоже приснится суженый.

Такъ же берутъ въ миску воды и осторожно, слегка пускаютъ на воду двѣ иголки такъ, чтобы онѣ не потонули, а плавали; одну иголку называютъ именемъ извѣстнаго парня, другую—дѣвушки, и наблюдаютъ: если иголки сойдутся вмѣстѣ,—значитъ парень съ дѣвушкой сочетаются бракомъ; не сойдутся иголки—задуманная парочка не поженится.

Но особенно серьезное значеніе дѣвушки придаютъ кормленію собаки «балабушками». Чтобы собака хорошо и быстро, не перебирая,

ѣла «балабушки», ее весь этотъ день до вечера (когда гадаютъ) нарочно не кормятъ. Этому способу гаданія дѣвушки слѣпо вѣрятъ.

Всѣ эти способы гаданія практикуются дѣвушками только и исключительно на Андрея; ни подъ Новый годъ, ни подъ Крещенскій вечеръ здѣсь дѣвушки не гадаютъ. На другой вечеръ послѣ Андрея, на такъ называемаго «Поандрейчика» парни и дѣвушки лишь пьютъ, ѣдятъ, веселятся, «кусаютъ калыту», но больше не гадаютъ.

День св. Андрея не народный праздникъ, такъ какъ народъ въ этотъ день работаетъ и не празднуетъ его,—а праздникъ молодежи, строго говоря—дѣвичій праздникъ.

И. Бѣньковскій.

Мелкія извѣстія.

Изъ Кубанской старины. Въ «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» разсказана г. Короленкомъ, по документамъ Кубанскаго войсковаго архива, слѣдующая любопытная быль: въ 1801 году императоръ Александръ I пожаловалъ черноморскому козачьему войску за усердную службу знамя, для принятія котораго въ Екатеринодарѣ былъ устроенъ большой церемоніалъ съ первоприсутствующимъ въ войсковой канцеляріи генералъ-лейтенантомъ Киряевымъ во главѣ. Желая выказать свое усердіе къ службѣ, Киряевъ задумалъ при этомъ торжественномъ случаѣ осуществить желаніе императрицы Екатерины II «объ умноженіи семейнаго житія въ Черноморіи.» Съ этой цѣлью Киряевъ 1 апрѣля 1801 года издалъ приказъ Черноморскому войсковому правленію такого содержанія: «Въ ознаменованіе вѣрноподданнической радости и попеченія, дѣятельно изъявленныхъ ко внутреннему благоустройству войска и распространенію семейственнаго житія, требуемыхъ послѣднимъ высочайшей грамоты пунктомъ, въ знакъ вседолжныя предъ Богомъ благодарности Его Императорскому Величеству Александру Павловичу и въ доказательство всеобщей войска о томъ радости и старанія о трудолюбіи и размноженіи семейственнаго житія, выбрать отъ каждаго куреня по одному добраго поведенія здоровому изъ холостыхъ козаку и по одной дѣвкѣ изъ самобѣднѣйшаго или сиротскаго состоянія и женить, что и составитъ вдругъ 40 паръ (по числу куреней въ войскѣ). На необходимо-же нужное

обзаведеніе ихъ хозяйственнымъ бытіемъ каждой паръ выдать по 100 руб.»

Предложеніе Киряева было утверждено войсковымъ правленіемъ и принято къ исполненію указами, разосланными куреннымъ управленіямъ войска, а для общаго свѣдѣнія объявлено войсковымъ жителямъ Черноморіи во всеуслышаніе, при торжественномъ освященіи Высочайше пожалованныхъ знаменъ, 5 апрѣля 1801 года.

По этому распоряженію въ куренныхъ селеніяхъ Черноморскаго войска, на общественныхъ сходкахъ, начались выборы бѣдныхъ, но здоровыхъ паръ для женитьбы по киряевскому приказу; преимущественно выбирались сироты. Вотъ одинъ изъ приговоровъ о производствѣ такихъ выборовъ:

«1801 года, апрѣля 27 дня мы, нижеподписавшіеся, куреня Березанскаго козаки, въ сходство состоявшагося изъ Черноморской войсковой канцеляріи Его Императорскаго Величества указа сего апрѣля отъ 12 числа, общаго нашего согласія и по обоюдному желанію сего куреня козака Сидора Перебійноса съ дѣвицею Еленою Матвѣевною дочерью Кожуховою, добропорядочнаго и честнаго житія, избрали къ соединенію законнымъ бракомъ. Во увѣреніе чего на семъ подписуемся къ сему выбору куреня Березанскаго атаманъ Павелъ Лелітка, козаки—такіе-то.»

Браки по приказу совершались въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; всего было обвѣнчано 24 пары, по одной парѣ въ каждомъ куренномъ селеніи, причемъ имъ было выдано по 100 руб. на первоначальное обзаведеніе изъ войсковыхъ суммъ. Потомъ до войсковаго начальства дошли свѣдѣнія, что нѣкоторые пары во зло употребляли данную имъ войсковую субсидію и полученныя за бракъ деньги проживали «празднымъ образомъ». Вслѣдствіе этого въ войсковой канцеляріи 2 іюля 1801 года состоялось опредѣленіе: «дальнѣйшую выдачу сторублеваго вознагражденія за выборный бракъ прекратить и ассигнованную для этого войсковую сумму употребить на другіе благоугодные предметы». Такъ закончились въ Черноморіи свадьбы по киряевскому приказу.

Описанныя мѣры «къ распространенію семейственнаго житія», съ выдачею субсидій «за бракъ», показываютъ, что въ то время, къ которому относится разсказъ, бывшіе запорожцы на новыхъ мѣстахъ своего жительства не особенно охотно вступали въ браки. Должно быть, въ нихъ тогда еще въ значительной степени сохранялись тѣ

особенности и наклонности, которыя когда-то побуждали козака пѣть: «Мени съ жинкой не возытьсл...»

Открытіе новаго памятника на Шведской могилѣ. 11 минувшаго сентября въ Полтавѣ происходило торжество открытія новаго памятника на могилѣ павшихъ въ битвѣ съ шведами 27 іюня 1709 г. русскихъ воиновъ, находящейся въ пяти верстахъ отъ Полтавы и получившей названіе «Шведской могилы». Устройство новаго памятника состоялось изъ суммъ капитала, который въ 1820 году тайнымъ совѣтникомъ Осипомъ Степановичемъ Судіенкомъ, въ количествѣ 100 тыс. руб. ассигн., былъ завѣщанъ на увѣковѣченіе событія Полтавской побѣды и часть котораго, за устройствомъ близъ могилы церкви во имя преп. Сампсонія, оставалась неизрасходованною. Основаніемъ памятника послужила старая могильная насыпь, имѣющая видъ усѣченнаго конуса высотою около 4-хъ саженей и шириною въ верхней площади около 5 саженей въ діаметрѣ. На эту верхнюю площадь, обнесенную желѣзной рѣшеткой, ведетъ сдѣланная изъ свѣтло-сѣраго гранита лѣстница, надъ которою возвышается гранитный крестъ въ 10 аршинъ высоты. На памятникѣ сдѣланы слѣдующія надписи: на передней сторонѣ креста: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня»; на пьедесталѣ креста: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бъ жила Россія»; на задней сторонѣ пьедестала названы погребенные штабъ-офицеры и указано число погребенныхъ оберъ-офицеровъ и рядовыхъ (всего 1345 человѣкъ); наконецъ, на каменной доскѣ, вставленной въ насыпь, высѣчена слѣдующая подпись: «Сооруженъ въ 1894 году при державѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III, распоряженіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, при святительствѣ Преосвященнаго Илларіона, епископа Полтавскаго и Переяславскаго, иждивеніемъ Тайнаго Совѣтника Іосифа Степановича Судіенко, оставившаго денежный капиталъ на увѣковѣченіе великаго событія спасительной Полтавской побѣды. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ памятника и торжествѣ открытія его читатели могутъ найти въ слѣдующихъ статьяхъ въ журналахъ этого года: 1) «Шведская могила» И. Ф. Павловскаго (съ 2 снимками), Историч. Вѣстникъ № 10,— 2) «Полтавскій бой» М. Н. Дубецкаго (съ 20 снимками), Новь № 23,— 3) «Памятникъ Полтавскаго боя (съ 3 снимками), Нива № 40,—и) «Памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ въ Полтавской битвѣ», По морю и сушѣ № 37.

Трехсотлѣтіе Брестской уніи. 23 декабря 1595 года епископами Владиміръ—Волынскимъ Ипатіемъ Поцѣемъ и Луцкимъ Кирилломъ Терлецкимъ, отъ имени всего русскаго епископата, была принята въ Римѣ унія греческой церкви съ римскою, торжественно провозглашенная потомъ на Брестскомъ соборѣ 9 октября 1596 г. По этому поводу въ Галиціи предполагается къ концу текущаго года устроить рядъ торжествъ церковно-общественнаго характера, для завѣдыванія которыми въ Львовѣ организовался комитетъ изъ 23 духовныхъ и 10 свѣтскихъ лицъ подъ предсѣдательствомъ о. Андрея Бѣлецкаго. Чтобъ разъяснить значеніе предстоящаго юбилея и расположить русиновъ къ участію въ празднованіи его, этотъ комитетъ издалъ двѣ «Одозвы» (воззванія) къ русинамъ, содержаніе которыхъ изложено въ статьѣ И. И. Малышевскаго: «Замѣтка по поводу празднованія въ Галицкой Руси 300-лѣтней годовщины Брестской уніи,» напечатанной въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» 1895 г. № 8. По сообщенію «Кіевлянина (№ 296), болѣе дѣятельное и ревностное участіе въ организаціи предстоящихъ торжествъ и въ пропагандѣ ихъ среди населенія принимаетъ не столько уніатское, сколько католическое духовенство; большинство же уніатскаго населенія относится съ полнымъ равнодушіемъ къ предстоящему юбилею, а нѣкоторые изъ представителей уніатскаго духовенства даже высказываютъ въ печати, что для галицкихъ уніатовъ нѣтъ особенныхъ поводовъ ликовать по случаю трехсотлѣтняго юбилея брестской уніи.

Столѣтній юбилей г. Радомысля. 6 іюля текущаго года минуло 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Радомысль, время основанія котораго точно неизвѣстно и который въ 1693 году держалъ сторону Палія, а съ 1746 сдѣлался резиденціей уніатскихъ митрополитовъ,—былъ преобразованъ изъ мѣстечка въ уѣздный городъ, а 13 минувшаго октября истекло столѣтіе со времени возстановленія въ этомъ городѣ православія. Воспоминаніе объ этихъ двухъ историческихъ событіяхъ мѣстная городская дума опредѣлила соединить въ одно торжество, днемъ котораго было назначено 13-е октября. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ въ Галиціи будутъ праздновать юбилей возникновенія церковной уніи, граждане Радомысля отпраздновали юбилей уничтоженія въ своемъ городѣ этой уніи, вмѣстѣ съ юбилеемъ преобразованія мѣстечка въ городъ.

Столѣтіе г. Луганска. 14 минувшаго сентября городъ Луганскъ, харьковской губерніи, отпраздновалъ столѣтіе своего существованія. 14 сентября 1795 года, по распоряженію тогдашняго генералъ-губер-

натора Екатеринославско-Вознесенскаго намѣстничества графа Зубова, основанъ былъ Луганскій казенный заводъ для приготовленія снарядовъ и орудій для крѣпостей Новороссійскаго края и черноморскаго флота. При заводѣ образовано было особое заводское поселеніе, которое подъ названіемъ Луганскаго Завода существовало до 1882 года, когда было переименовано въ городъ Луганскъ, съ перенесеніемъ въ него административныхъ и земскихъ угрежденій изъ бывшаго уѣзднаго города, превращеннаго въ заштатный, изъ Славяносербска.

Къ исторіи лаврской рисовальной школы. По сообщенію «Кіевлянина», М. И. Истоминымъ, во время лѣтнихъ работъ въ библіотекѣ Кіево-печерской лавры, были найдены ученическія тетради учениковъ лаврской рисовальной школы, преимущественно половины XVIII-го вѣка, числомъ до 200, по которымъ можно прослѣдить, каково было общее направленіе живописи въ этой школѣ и какимъ образцамъ слѣдовали ученики. Общій выводъ тотъ, что направленіе это носило нѣмецкій характеръ. Въ тетрадяхъ находятся рисунки, сдѣланные тушью и акварелью. Тутъ есть портреты иностранныхъ государей и папъ, а также мифологическія фигуры, сдѣланныя съ западныхъ образцовъ. Не мало имѣется портретовъ русскихъ государей, малороссійскихъ гетмановъ, старшинъ, разныя жанровыя картинки, какъ напримѣръ—козакъ съ бандурою и т. п. Религіозныхъ рисунковъ сравнительно мало. Въ общемъ лаврская школа живописи, повидимому, не имѣла спеціально церковнаго характера, а была своего рода академіею художествъ съ сильнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго направленія. Особаго процвѣтанія она достигла при намѣстникѣ лавры Тарасевичѣ (1750 г.).

Новое пріобрѣтеніе Кіевскаго центральнаго архива. Въ концѣ октября находящійся при университетѣ св. Владиміра Кіевскій центральный архивъ обогатился новымъ и цѣннымъ собраніемъ рукописей: черниговская казенная палата передала въ этотъ архивъ хранившіеся въ ней документы, которые въ 1764 году, при отобраніи монастырскихъ поземельныхъ имѣній въ казну, были отобраны отъ всѣхъ монастырей, существовавшихъ въ то время въ предѣлахъ нынѣшней черниговской губерніи, и на основаніи которыхъ монастыри владѣли имѣніями. Собраніе это заключаетъ въ себѣ гетманскіе универсалы, распоряженія русскаго правительства, судебныя рѣшенія и разнаго рода частные акты (духовныя завѣщанія, дарственныя записи и т. п.), касающіеся монастырей; особенно же интересны между этими актами выписки изъ слѣдствій по поземельнымъ спорамъ, которые

монастыри часто вели въ судахъ со своими сосѣдями, при чемъ допрашивалось иногда много свидѣтелей, показанія которыхъ часто заключаютъ въ себѣ интересныя данныя изъ исторіи мѣстнаго землевладѣнія. Вообще это собраніе актовъ, переданныхъ въ архивъ черниговскою казенною палатою, представляетъ собою драгоцѣнный матеріалъ для исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи.

О памятникѣ И. П. Котляревскому и о предполагаемомъ изданіи его сочиненій. Въ іюльско-августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за этотъ годъ мы сообщали свѣдѣнія о положеніи обветшавшаго и приходящаго въ разрушеніе памятника на могилѣ И. П. Котляревскаго и о приготовленіяхъ къ исправленію этого памятника на средства полтавскаго губернскаго земства. Теперь, какъ видно изъ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», возникъ вопросъ о томъ, чтобъ, независимо отъ возобновленія упомянутаго памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго на старомъ закрытомъ кладбищѣ, воздвигнуть памятникъ Котляревскому въ самомъ городѣ Полтавѣ, каковая мысль является какъ нельзя больше своевременной въ виду приближающагося истеченія столѣтія со времени изданія «Энеиды на украинску мову перелицеваной» (1798—1898 г.). По этому поводу полтавскій городской голова В. П. Трегубовъ, какъ сообщаютъ «Полт. Губ. Вѣдом.», обратился ко всѣмъ чтущимъ память И. П. Котляревскаго съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «М. Г.! Авторъ пріобрѣвшихъ широкую извѣстность «Виргиліевой Энеиды», «Наталки Полтавки» и «Москаля—чаривника» Иванъ Петровичъ Котляревскій принадлежалъ къ числу коренныхъ жителей г. Полтавы. Здѣсь онъ родился 29 августа 1768 г., былъ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ и скончался 29 октября 1838 г. Мѣстомъ его успокоенія служитъ уголъ стараго закрытаго кладбища, и на могилѣ его сооруженъ памятникъ, который отъ времени, не смотря на поддержаніе его, приходитъ въ разрушеніе и въ настоящее время исправляется на средства губернскаго земства. Въ исторіи славянской литературы Котляревскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Котляревскій былъ первый писатель, заговорившій настоящимъ малороссійскимъ языкомъ. Переводъ «Энеиды» и самостоятельно созданная имъ оперетка «Наталка Полтавка» имѣютъ несомнѣнно историческое значеніе для малороссійскаго края; пѣсни его пріобрѣли извѣстность, какъ народныя пѣсни, и вліяніе произведеній Котляревскаго отразилось на послѣдующихъ представителяхъ украинской литературы. Относясь съ участіемъ и внимательностью къ памяти своего согражданина, общественнаго дѣятеля

и родоначальника малорусской сцены и народной литературы И. П. Котляревскаго, городская управа обратилась къ полтавской городской думѣ съ предложеніемъ положить начало сооруженія памятника Котляревскому въ самомъ городѣ Полтавѣ. Городская дума въ засѣданіи 31 марта 1894 г. единогласно постановила: «ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи устроить памятникъ Котляревскому въ г. Полтавѣ и о разрѣшеніи открыть подписку для сбора пожертвованій на этотъ предметъ; мѣстомъ для устройства памятника избрать Петровскую площадь, противъ дома губернскаго земства, предположенную къ обращенію въ городской скверъ». На сдѣланное городскою управою, согласно означенному постановленію, представленіе, г. полтавскій губернаторъ 2-го истекшаго августа поставилъ городскую управу въ извѣстность, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 20 минувшаго іюля увѣдомилъ, что къ разрѣшенію полтавской городской думѣ открыть въ предѣлахъ полтавской губерніи подписку для сбора пожертвованій на устройство въ г. Полтавѣ памятника малороссійскому поэту Котляревскому препятствій не встрѣчается. Извѣщая о вышеизложенномъ васъ, М. Г., имѣю честь покорнѣйше просить, не найдете ли возможнымъ принять участіе въ сооруженіи памятника незабвенному малороссійскому поэту И. П. Котляревскому, и посильное съ своей стороны пожертвованіе не оставьте прислать въ городскую управу, при своемъ заявленіи.»

На этотъ призывъ полтавскаго городскаго головы, какъ видно изъ газетныхъ извѣстій, однимъ изъ первыхъ откликнулось бывшее недавно въ Кіевѣ, а теперь гостящее въ Полтавѣ товарищество малороссійскихъ артистовъ подъ управленіемъ А К. Саксаганскаго, устроившее спектакль (была поставлена «Наталка Полтавка»), сборъ съ котораго былъ предназначенъ въ фондъ на устройство памятника Котляревскому, а полтавское дворянство въ очередномъ губернскомъ собраніи постановило ассигновать на этотъ предметъ изъ дворянскихъ суммъ 200 рублей.

Къ упомянутому истеченію столѣтія со времени выхода въ свѣтъ «Энеиды И. П. Котляревскаго въ Львовѣ предпринято научное изданіе всѣхъ сочиненій Котляревскаго съ біографіей и нѣсколькими статьями о немъ.

Иллюстрированное изданіе «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. Въ статьѣ, напечатанной безъ обозначенія имени автора въ журналѣ «Петербургская Жизнь» (1894 г. № 29) подъ заглавіемъ: «Иллюстраціи къ стихотвореніямъ Т. Г. Шевченка», было сообщено, что М. О.

Микѣшинъ готовитъ иллюстраціи къ стихотвореніямъ Т. Г. Шевченка и что это предпріятіе было имъ задумано больше 30-ти лѣтъ тому назадъ, о чемъ ему случалось говорить съ самимъ Тарасомъ Григорьевичемъ, предлагая ему издать что-нибудь съ его стихами и рисунками, причемъ однако они не могли сговориться относительно сюжетовъ. Теперь, какъ видно изъ появившихся въ нѣкоторыхъ газетахъ объявленій, М. О. Микѣшинъ приступилъ наконецъ къ исполненію давно задуманнаго предпріятія: въ Петербургѣ, какъ оповѣщаютъ эти объявленія, предпринято иллюстрированное изданіе «Кобзаря» Т. Г. Шевченка съ рисунками М. О. Микѣшина и съ прибавленіемъ снимковъ съ нѣкоторыхъ рисунковъ Т. Г. Шевченка. Изданіе будетъ выходить отдѣльными выпусками въ форматѣ in—4°, причемъ каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ около трехъ листовъ печатнаго текста на малорусскомъ и русскомъ языкахъ и десять рисунковъ, воспроизведенныхъ фототипіей. Въ первый выпускъ, на который подписка уже объявлена (въ типографіи и литографіи П. И. Бабкина, по цѣнѣ 1 рубль), войдутъ: а) «Думы мои, думы» съ рисункомъ Микѣшина, б) «Катерина» съ девятью рисунками Микѣшина и в) снимокъ съ рисунка Т. Г. Шевченка, портретъ его бывшей невѣсты. Всѣхъ выпусковъ предполагается издать до двадцати.

ПОПРАВКА.

Въ ноябрьской кн. „Кіевской Старины“ отд. II, стр. 57 (въ статьѣ „Нѣсколько словъ о валѣ въ кудрявскомъ переулкѣ“) примѣчаніе 3-е должно быть отнесено къ концу статьи (послѣ словъ „выстроилъ замокъ“), а на стр. 57 должно быть слѣдующее примѣчаніе: „Всесвятцкой раскатъ противъ пробитого валу“ (Чт. въ общ. Нестора Лѣт. VI, Ш, 47).

Библіографія.

Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулѣшъ. Книжка первая Москва. 1847 8°. 90 стр.

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Гринченка. Черниговъ. 1895. 8°. 308 стр.

Первая книжка появилась на свѣтъ Божій года два назадъ, *вклеенною* въ одну изъ книгъ Чтеній въ Моск. Общ. Исторіи и Древностей, безъ всякаго объясненія—кѣмъ была она напечатана и почему находилась она подъ спудомъ болѣе сорока пяти лѣтъ?... Нѣкоторое разъясненіе этихъ вопросовъ можетъ быть добыто путемъ розысканій и догадокъ. Еще въ 1843 г. г. Кулишъ писалъ Погодину, что онъ хочетъ издать «народныя преданія, легенды, мифологію, пословицы и всякую мелочь» (Кіев. Стар., 1893 г., ноябрь, 345). Затѣмъ въ сентябрѣ 1846 г. г. Кулишъ пишетъ Бодянскому: «я не зналъ, что общество ваше пользуется благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры. Прошу же *освободить изъ подъ лапы Никитенка:* 1) заглавіе разсказа объ уніи, замѣненное поневолѣ другимъ; 2) въ разсказѣ о Степанѣ Плахѣ и царѣ Петрѣ освободить все зачеркнутое имъ, а потомъ уже, для складу, и мною... 3) Въ Очаковской Бесѣдѣ (Бѣдѣ) не упустите поставить рядъ точекъ на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ восклицанія: «О, якъ-же негарно лается! или «такъ и ляпнувъ на всю губу» и т. п. Да нельзя ли поневолѣ вымышленнаго Верходумова напечатать вездѣ Потемкинъ? (ибо этотъ разсказъ къ нему относится...) Прочія преданія зачеркнуты мною по особымъ причинамъ и ихъ печатать ненадо. Я думаю, цензура ваша дозволитъ

напечатать и «*Путешествіе по другому свѣту*»... (Русск. Арх., 1892 г. ноябрь, 297.) Несомнѣнно, что въ письмѣ этомъ рѣчь идетъ о печатаніи «Украинскихъ Преданій», при чемъ видно, что первоначально рукопись ихъ прошла чрезъ руки петербургскаго цензора, который кое-что «зачеркнулъ». Это ли обстоятельство или что другое заставило г. Кулиша рукопись «Преданій» передать Бодянскому для напечатанія, повидимому въ «Чтеніяхъ»,—неизвѣстно.— «Преданія» Бодянскимъ были напечатаны, но появиться въ свѣтъ не могли—слѣдуетъ думать—по случаю произшедшихъ въ это время съ ихъ собирателемъ пертурбацій, о которыхъ точныя свѣдѣнія можно найти въ іюньской книжкѣ Русск. Арх. 1892 г. (стр. 336.) Послѣдовавшія засимъ ограниченія въ писательской дѣятельности собирателя «преданій» конечно и были причиною, что напечатанная книжка этихъ «преданій» не могла появиться въ свѣтъ ни въ «Чтеніяхъ», ни въ тѣхъ отдѣльныхъ оттискахъ, въ видѣ которыхъ они затѣмъ, видимо, былы сложены въ какой нибудь кладовой Московскаго Общества Исторіи и Древностей...

Затѣмъ прошло девять лѣтъ, и въ 1856 году появился, въ Петербургѣ, первый томъ «Записокъ о Южной Руси», въ который и вошелъ первый отдѣлъ «Преданій»,—«преданія историческія». Черезъ годъ, въ 1857 году, появился второй томъ Записокъ о Южной Руси, и въ немъ были напечатаны «Преданія» второго отдѣла— «фантастическія».

При поверхностномъ сравненіи текстовъ «преданій» въ обоихъ изданіяхъ, видно, что тѣ изъ нихъ, которыя были напечатаны въ 1847 году, въ томъ же почти самомъ видѣ явились и въ изданіи 1856—57 г.г., но любопытно, что въ Зап. о Южной Руси издатель ихъ ни единымъ словомъ не обмолвился о своей книжкѣ 1847 года. Произошло ли это умолчаніе по цензурнымъ или по инымъ условіямъ— неизвѣстно. Такимъ образомъ освобожденная нынѣ изъ-подъ замка книжка г. Кулиша по содержанію своему не представляетъ ничего новаго и о ней можно лишь сказать, что habent libelli sua fata...

Другая книжка,—сборникъ преданій и проч. г. Гринченка,— появилась на свѣтъ почему то также *вклеенною* въ одну изъ книжекъ «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» сего года. Происхожденіе этой книжки въ предисловіи объясняется такъ: «печатаемые здѣсь этнографическіе матеріалы представляютъ собою изложенные прозою народные разсказы, легенды, преданія, сказки и проч. Часть ихъ записана въ разное время (отъ 1878 до 1893 г. включительно) лично

нами или по нашимъ указаніямъ и подъ нашимъ руководствомъ, нѣкоторыми учениками тѣхъ школъ, гдѣ намъ приходилось быть учителемъ». Тутъ же, въ предисловіи, сообщается и коротенькая литература однороднаго этнографическаго матеріала собраннаго въ Малороссіи, при чемъ не упомянуты сборники В. Ястребова (Одесса, 1894 г.), Я. Новицкаго и И. Манжуры (оба послѣдніе въ 6-мъ томѣ Сборн. Харьк. Истор.-Фил. Общ.) Въ собранномъ г. Гринченкомъ матеріалѣ новаго и важнаго—немного; въ большинствѣ случаевъ преданія составляютъ варіанты прежде напечатанныхъ, при чемъ при каждомъ разсказѣ сдѣлано точное указаніе на книгу, въ которой онъ былъ изданъ раньше. Во всякомъ случаѣ собиратель заслуживаетъ полной благодарности за изданную имъ книгу, дополняющую и поясняющую прежде собранный матеріалъ. Жалко только, что наряду съ матеріаломъ, добытымъ «изъ устъ народа», собиратель напечаталъ и *сочиненія* въ рифмахъ какого то г. Журавскаго (стр. 133 и слѣд.) Очень можетъ быть, что основою этихъ рифмосплетеній и были народные разсказы, но какъ же теперь отдѣлить эти разсказы отъ *поэтическихъ вольностей* г. Журавскаго?...

А. Л.

Историко-статистическое описаніе Кіево-Флоровскаго Вознесенскаго женскаго монастыря. Составилъ священникъ Θеодоръ Маниковскій. Съ фототипическими рисунками. Кіевъ. 1894. 8°. 59 стр. Кіевскій женскій Флоровскій (Вознесенскій) монастырь. Н. Маліженовскаго. Кіевск. Епарх. Вѣд. 1895 г., №№ 6, 7, 9 и 11.

Первая книжка, какъ видно и по заглавію, состоитъ изъ частей исторической и статистической; послѣдняя часть составляетъ главное содержаніе книжки, такъ какъ въ первой ничего новаго мы не встрѣчаемъ. Повидимому, она составлена на основаніи извѣстной книги о Кіевѣ—Закревскаго. Съ внѣшней стороны книжка свящ. Маниковскаго издана очень чистенько, при чемъ снабжена 14-ю недурными фототипическими рисунками, изъ которыхъ 10 изображаютъ различныя части монастыря и видъ съ монастыря на Заднѣпровье, а остальные—иконы и другіе священные предметы; между послѣдними обращаютъ на себя вниманіе «сооруженное» игуменіей Маріей-Магдалиной Мазепиной (матерью гетмана) блюдо и епитрахиль «исправленный» ею жэ.

Монографія г. Н. Малиженовскаго, представляя обстоятельный историко-археологическій очеркъ того же Флоровскаго монастыря, обработана на основаніи архивнаго матеріала и въ этой работѣ мы встрѣчаемъ немало свѣдѣній, которыхъ нѣтъ у Закревскаго. Монографія состоитъ изъ четырехъ частей: 1) періодъ зависимости монастыря отъ его первыхъ владѣльцевъ—Гулькевичей, 2) самостоятельность монастыря до соединенія его съ Вознесенскимъ, 3) время отъ соединенія съ послѣднимъ до 1786 г., когда отобраны были у монастырей ихъ недвижимыя имѣнія и 4) отъ 1786 года до нашего времени. Въ монографіи г. Н. Малиженовскаго приводятся гетманскіе универсалы, которые Закревскому были неизвѣстны, напр.—универсалъ Хмельницкого 1648 года, въ которомъ «строгкостію войсковою» подтверждается неприкосновенность монастырскихъ владѣній, и универсалъ Дорошенка 1668 г, къ жителямъ монастырскихъ селъ, о повиновеніи игуменьѣ, «и иначей, жебы не было подъ горломъ пригрожуемъ». Изъ историческаго очерка монастыря видно, что игуменьи его были большею частью женщины энергическія, которыя для увеличенія матеріальныхъ средствъ монастыря неустанно хлопотали и предпринимали далекія поѣздки. Такъ, игуменья Серафима два раза (въ 1665 и 1668 г.г.). ѣздила въ Москву за «государевой милостью» и въ оба раза получила тамъ по «40 соболей и 30 рублевъ.» Игуменья Ангелина лично исходатайствовала у царей Іоанна и Петра грамоту, подтверждавшую права монастыря, и выпросила тѣ же «40 соболей и 30 рублевъ.» Прежніе изслѣдователи (Берлинскій Закревскій и друг.) писали, что соединеніе Вознесенскаго монастыря съ Флоровскимъ произошло въ 1712 году, но г. Н. Малиженовскій соединеніе это относитъ къ 1711 г., имѣя въ виду донесеніе кіевскаго генералъ-губернатора Вейзбаха по поводу ходатайства Флоровскаго монастыря о выдачѣ ему пособія,—гдѣ сказано: «Кіево-печерскій Вознесенскій монастырь, изъ котораго въ 1711 году черницы выведены въ нижній городъ Кіевъ, въ Флоровскій монастырь.»

Флоровскій монастырь былъ однимъ изъ богатыхъ монастырей, а это богатство обусловливало и многочисленность его «сестеръ». Намъ случилось видѣть рукописную «вѣдомость» его монахинь за 1776 г., ихъ было 123, кромѣ «бѣлицъ», которыхъ было всего восемь. Какимъ значеніемъ пользовался въ то время Флоровскій монастырь, видно изъ того, что игуменьей въ это время была— «дочь князя Сергѣя Милославскаго», «эклесіаршей»—дочь графа Федора Головина, «казначеей» — вдова графа Петра Апраксина... Впрочемъ, главный контингентъ мо-

нахинь происходилъ изъ народа, изъ козачьихъ и посполитскихъ семействъ Малороссіи праваго и лѣваго береговъ.

Гл.

„Изъ Юго-Западнаго края. Современное положеніе и назрѣвающіе вопросы". Н. Ю. Шильдеръ-Шульднера. Кіевъ, 1896 г.

Авторъ, прожившій въ волынской и подольской губерніяхъ «всего въ теченіи пяти лѣтъ», но за это время стоявшій «близко къ жизни народа», имѣетъ своею цѣлью, какъ говорится въ предисловіи къ брошюрѣ, «подѣлиться тѣмъ, что онъ видѣлъ и знаетъ, надѣясь, что, можетъ быть, это представитъ публикѣ нѣкоторый интересъ» тѣмъ болѣе, что «до сихъ поръ даже читающая публика мало знакома съ условіями быта населенія этого обширнаго и богатаго края».

Имѣя въ виду, что дѣйствительно юго-западный край далеко не богатъ изслѣдованіями современнаго быта крестьянскаго его населенія, мы, съ своей стороны, считаемъ своимъ долгомъ отмѣчать появленіе въ печати всѣхъ изданій, относящихся къ этому вопросу, хотя бы они и страдали недостаткомъ фактическихъ данныхъ и значительною голословностью выводовъ и утвержденій, какъ въ данномъ случаѣ.

Начать съ того, что авторъ, имѣвшій, какъ онъ самъ утверждаетъ, возможность познакомиться съ жизнью народа только въ подольской и волынской губерніи, посвящаетъ свою брошюру разъясненію современнаго положенія крестьянства *всего* юго-западнаго края, въ который, какъ небезъизвѣстно, входитъ еще и губернія кіевская, имъ не «изслѣдованная». Уже благодаря одному этому, многіе изъ его выводовъ *обо всемъ* юго-западномъ краѣ представляются нѣсколько какъ будто сомнительными. Кромѣ того, они страдаютъ еще положительнымъ отсутствіемъ фактической подкладки и чрезмѣрною склонностью къ широкому обобщенію. Таковъ, напр., вопросъ о цѣнахъ на рабочія руки. Авторъ считаетъ, что «поденная плата колеблется въ трехъ губерніяхъ незначительно», и приводитъ *однородныя* для *всѣхъ* уѣздовъ *всѣхъ* трехъ губерній указанія цѣны рабочаго дня мужчины и женщины въ зимнее время, весною, въ косовицу и въ періодъ жатвы, такимъ образомъ увѣряя, напр., что на всемъ пространствѣ края рабочая плата мужчинѣ 20 копѣекъ зимою,

а весенній рабочій день женщины повсюду оплачивается не болѣе, какъ 15—20 копѣекъ, и т. п. Между тѣмъ одновременно съ этимъ онъ же указываетъ на значительную *дороговизну* рабочихъ рукъ *въ мѣстностяхъ съ сахарными заводами*, «привлекающими дороговизною платы *всѣ* свободныя рабочія руки», т. е. приводитъ факты, свидѣтельствующіе о неизбѣжномъ *разнообразіи* цѣнъ по мѣстностямъ. Таково также и его указаніе на то, что «зимою крестьяне вообще работаютъ мало и *занимаются на мѣстѣ (?) извозомъ* [1])» —(очевидно, по мнѣнію автора, *всѣ* безъ исключенія, или по крайней мѣрѣ *за рѣдкими* исключеніями!). По увѣренію автора, «ярмарки *повсемѣстны* (?!) и очень часты; главный предметъ обмѣна (вездѣ ли?)—скотъ, который одни продаютъ, а другіе покупаютъ [2]). Это своего рода *биржевая игра* (?) крестьянскаго (всего ?) населенія, *и* есть такіе крестьяне, которые въ годъ перемѣняютъ по три и болѣе паръ воловъ». Приблизительно въ томъ же духѣ и увѣреніе автора, что крестьяне «*всю весну* поютъ *одну* пѣсню, во время сѣнокоса другую, во время жатвы третью» и что единственное отличіе между замужней женщиной и дѣвушкой въ двухъ губерніяхъ—подольской и волынской—заключается лишь въ томъ, что женщина «особеннымъ образомъ обстригаетъ себѣ волосы, а дѣвушки носятъ косы»... Мы очень сожалѣемъ по этому поводу, что благодаря отсутствію у автора наблюденій и по кіевской губерніи, читатели должны и на будущее время остаться въ невѣдѣніи, чѣмъ же отличается замужняя женщина отъ дѣвицы въ этой неизслѣдованной еще авторомъ губерніи? Одновременно съ этимъ, вопреки фактамъ, извѣстнымъ *даже* намъ, живущимъ въ Кіевѣ (хотя бы по газетнымъ сообщеніямъ и по свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и т. п.), авторъ увѣряетъ, что «не смотря на сосѣдство нѣмцевъ и чеховъ, крестьяне (всѣхъ мѣстностей края?) не рискуютъ сажать хмѣль и сѣять травы и живутъ по старинѣ». Столь же необоснованно и заключеніе автора, что число огородниковъ, получившихъ въ надѣлъ однѣ лишь усадьбы, незначительно, а число бобылей (безземельныхъ) совершенно ничтожно». Мы не знаемъ, какими данными руководствовался въ настоящемъ случаѣ авторъ и имѣлъ ли онъ вообще какіе либо матеріалы

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

[2]) Надо думать, что, врядъ ли бы могъ состояться и самый „обмѣнъ“, если бы, съ одной стороны, кто нибудь не продавалъ, а съ другой, кто нибудь не покупалъ.

для такого вывода, но позволяемъ себѣ утверждать, что этотъ выводъ не вѣренъ и голословенъ, такъ какъ въ дѣйствительности обезземеленіе и малоземеліе достигло значительно большихъ предѣловъ, что онъ могъ бы узнать, напр., изъ тѣхъ собранныхъ мировыми посредниками данныхъ, на которые онъ самъ же ссылается, въ своей брошюрѣ. Намъ лично удалось прочесть въ мѣстныхъ газетахъ [1]) выдержки и ссылки на эти самые матеріалы, свидѣтельствующіе о гораздо большемъ развитіи обезземеленія. Впрочемъ и самъ авторъ имѣетъ, повидимому, и нѣкоторыя возраженія противъ своихъ выводовъ по этому вопросу, потому что, въ той же брошюрѣ не можетъ удержаться отъ констатированія факта, что «фактически дробленіе (надѣльныхъ) участковъ достигло уже теперь *угрожающихъ* размѣровъ» и «пройдетъ еще *десять* (!)—двадцать лѣтъ, и участки раздробятся до *невозможныхъ предѣловъ*»!.. Отсюда и основной выводъ автора о томъ, что «крестьяне края *матеріально обезпечены*» и что положеніе мѣстныхъ крестьянъ «сравнительно съ крестьянами внутреннихъ губерній Россіи слѣдуетъ признать *безусловно обезпеченнымъ*», долженъ быть подвергнуть большому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что онъ не подкрѣпилъ его рѣшительно никакими цифровыми данными, которыя могли бы характеризовать экономическое положеніе мѣстнаго крестьянства. При сомнительности же этого основного вывода, несостоятельнымъ является и взглядъ автора на то, что «многіе вопросы, которые при платежной несостоятельности населенія нѣкоторыхъ изъ внутреннихъ губерній не могутъ быть проведены въ жизнь безъ серьезныхъ матеріальныхъ затратъ казны, въ Юго-западномъ краѣ осуществляются и *могутъ быть осуществлены на собственныя средства населенія*» (!!) А такъ какъ изъ убѣжденія автора о «безусловной обезпеченности» крестьянскаго населенія края, «гдѣ *многія* общества *и отдѣльныя лица* имѣютъ серіозныя (?) сбереженія» и въ рукахъ населенія находится, благодаря этому, «огромное (?) имущество»,—вытекаетъ его выводъ о томъ, что введеніе института земскихъ начальниковъ имѣетъ здѣсь больше смысла и основаній, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, то и этотъ выводъ тоже долженъ быть признанъ необыкновеннымъ. И это тѣмъ болѣе, что необходимость опеки надъ мѣстнымъ крестьянствомъ въ лицѣ земскихъ начальниковъ авторъ подкрѣпляетъ

---

[1]) „Кіевскомъ Словѣ“ и „Кіевлянинѣ“; къ сожалѣнію не можемъ указать, въ какихъ именно №№.

соображеніемъ о томъ, что эти «многія отдѣльныя лица,» т. е. крестьяне, «должны быть разсматриваемы, какъ *безусловно неопытныя въ распоряженія капиталами* и потому подлежащія»... «опекѣ»! Выводъ этотъ, какъ само собою понятно, не только противорѣчитъ общему смыслу россійскихъ законовъ, признающему лицъ всѣхъ безъ различія сословій правоспособными въ распоряженіи своимъ имуществомъ по достиженіи ими совершеннолѣтія, но и тому установленному самимъ авторомъ факту, что эти самыя «многія отдѣльныя лица» были на столько *не* неопытны, что сумѣли, при «угрожающихъ размѣрахъ» фактическаго дробленія надѣловъ, сдѣлать «серіозныя сбереженія «и накопить «огромное имущество». При такомъ стремленіи автора къ широкимъ выводамъ, мы не сомнѣваемся, что въ обѣщанномъ (въ его предисловіи) очеркѣ частновладѣльческаго хозяйства, онъ, слѣдуя только что высказанному взгляду объ опекѣ надъ «неопытными въ распоряженіи капиталами», отдастъ подъ опеку и всѣхъ землевладѣльцевъ края, какъ только коснется вопроса о значительной задолженности мѣстнаго землевладѣнія и о нераціональномъ веденіи частновладѣльческаго хззяйства.

Къ большинству мѣстныхъ землевладѣльцевъ онъ вообще относится не особенно доброжелательно, упрекая ихъ въ томъ, что «многіе русскіе пріобрѣтатели имѣній смотрятъ на эти имѣнія *не болѣе* (?) *какъ на доходныя статьи*, выгодно пріобрѣтенныя, и ни мало не думаютъ о проведеніи *какой либо* (?) *идеи*, а тѣмъ болѣе не считаютъ нужнымъ жертвовать малѣйшей выгодой для достиженія *какихъ-то* (?) *общихъ* (?) благъ». Мы вполнѣ понимаемъ негодованіе автора на слишкомъ сильный у насъ индифферентизмъ къ общественнымъ вопросамъ, на преобладающее стремленіе къ предпочтенію личныхъ интересовъ общественнымъ, но не совсѣмъ все-таки понимаемъ, о проведеніи *какой* именно идеи и о какихъ *«общихъ»* благахъ (мѣстныхъ землевладѣльцевъ *съ кѣмъ*?) говоритъ съ *данномъ* случаѣ авторъ. Столь же не ясна для насъ, не смотря на разъясненія предисловія, и основная идея автора, побудившая его издать цитируемую брошюру, такъ какъ, по тщательному ея разсмотрѣнію, оказываетси, что у автора совсѣмъ не было того матеріала, при посредствѣ котораго онъ могъ бы, хотя до извѣстной степени, ознакомить «читающую публику» съ «условіями быта населенія этого обширнаго и богатаго края». Помимо недостатка матеріала, и самая брошюра его построена такъ, что большая ея часть заполнена не свѣдѣніями, или, точнѣе говоря, даже не попытками сообщить свѣдѣнія о «бытѣ» мѣст-

наго населенія, а разсужденіями самого автора. Мы ничего, конечно, не имѣемъ противъ «невольнаго увлеченія» автора стремленіемъ къ «критикѣ существующаго» и къ нахожденію пути къ исправленію отмѣченныхъ недостатковъ», но думаемъ, что для этого надобно выходить съ гораздо большимъ запасомъ свѣдѣній, въ гораздо лучшемъ вооруженіи, чѣмъ въ данномъ случаѣ. При внѣшней систематичности изложенія, брошюра, въ сущности, изложена достаточно безсистемно,—свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи населенія то и дѣло перемежаются съ разсужденіями и свѣдѣніями по части административнаго устройства, съ случайными сообщеніями по части обычаевъ мѣстнаго населенія, по части попытокъ къ характеристикѣ его внутренняго міросозерцанія и пр. и пр. Въ общемъ, всѣ эти свѣдѣнія, о «бытѣ» населенія, о его матеріальномъ положеніи, буквально тонутъ въ разсужденіяхъ характера административнаго; видно, что авторъ гораздо болѣе компетентенъ въ вопросахъ этого сорта, чѣмъ въ вопросахъ экономическаго и бытового характера, въ области которыхъ онъ при томъ же особенно склоненъ къ огульнымъ и безпочвеннымъ сообщеніямъ и выводамъ, въ родѣ того, что «пьянство повсемѣстно», «воровство сильно развито» и т. п.—Надо надѣяться только, что внимательное чтеніе брошюры на первыхъ же страницахъ легко убѣдитъ маломальски просвѣщеннаго читателя въ ея полной несостоятельности и безпочвенности и побудитъ его такимъ образомъ критически отнестись и къ излюбленнымъ измышленіямъ автора.

X. Y. Z.

Записки наукового товариства імени Шевченка. Видавництво присьвячене науці і письменству украинско-русского народу. Впорядкувавъ Михайло Грушевскій. Том VII (1895, кн. 3) у Львові, 1895.—Стр. 190.

Въ ноябрьской книжкѣ «Кіев. Старины» данъ обзоръ содержанія первыхъ шести томовъ «Записокъ» и указана въ общихъ чертахъ исторія этого научнаго предпріятія. Въ вышедшемъ недавно седьмомъ томѣ находимъ три оригинальныя статьи, отдѣлъ miscellanea,

научную хронику, посвященную обозрѣнію русскихъ журналовъ и газетъ за 1894 г., и библіографію.

Въ статьѣ д-ра Кирилла Студинскаго: «Адельфотесъ», грамматика, изданная въ Львовѣ въ 1591 г. (стр. 1—40), послѣ предварительныхъ замѣчаній о характерѣ и значеніи этого важнаго памятника для исторіи изученія греческаго и славянскаго языковъ въ славяно-греческихъ школахъ на Руси XVI в., самымъ детальнымъ образомъ изслѣдуются источники грамматики (труды Лоскароса, Меланхтона, Крузія и Кленарда) и указаны слѣды самостоятельной обработки разныхъ грамматическихъ вопросовъ составителями—учениками львовской школы, работавшими подъ руководствомъ грека Арсенія; далѣе, характеризуется языкъ славянской части «Адельфотеса» и наконецъ сведены доказательства вліянія послѣдняго на труды Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго. Основательное знакомство автора съ литературой вопроса даетъ ему возможность значительно ограничить или видоизмѣнить установившіяся мнѣнія о значеніи и характерѣ «Адельфотеса». Сравненіе кіевскаго и львовскаго (неполнаго) экземпляровъ грамматики приводитъ автора къ заключенію, что было два изданія ея, но когда и гдѣ именно вышло второе изданіе—остается нерѣшеннымъ до дальнѣйшихъ изысканій.

Статья г. Студинскаго заслуживаетъ серьезнаго вниманія любителей нашей старой письменности.

Не менѣе интересны для историковъ описи подольскихъ замковъ Скалы, Каменца, Смотрича и Летичева 1494 г., извлеченныя г. Грушевскимъ изъ архива Варшавской казенной палаты (стр. 1—18). Любопытными документами этими пользовался уже въ 1880 г. г. Ал. Яблоновскій, но напечатаны они теперь впервые. Извѣстно, что оффиціальныя люстраціи замковъ представляютъ одинъ изъ основныхъ и самыхъ достовѣрныхъ матеріаловъ для внутренней исторіи русскихъ областей; въ литературѣ имѣется рядъ весьма цѣнныхъ монографій, основанныхъ преимущественно на матеріалахъ этого рода. Исторія зап. Подоліи XV в. такъ мало еще разработана документально, что нельзя не поблагодарить г. Грушевскаго за опубликованіе упомянутыхъ описей. Документамъ предпослана издателемъ краткая характеристика ихъ содержанія.

Г. Вл. Левицкому принадлежитъ статья: «Эллиптическія модульныя функціи» (стр. 1—30).

Въ отдѣлѣ miscellanea г. Щуровскій, коснувшись вопроса о времени основанія почаевской типографіи (по поводу статей г. Ти-

ховскаго въ «Кіев. Стар.» наст. года), приводитъ привилегію кор. Августа II отъ 18 октября 1732 г. изъ луцкой гродской записовой книги кіевскаго центральнаго архива № 2282, данную почаевскому базиліанскому монастырю на право возобновленія существовавшей ранѣе, но пришедшей въ упадокъ типографіи для печатанія книгъ на русскомъ языкѣ.—Д-ръ Ив. Франко опубликовалъ любопытный стихотворный разговоръ католика съ диссидентомъ о барской конфедераціи (изъ рукописей библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ); вирши не лишены интереса, но г. Франко даетъ имъ преувеличенное значеніе въ смыслѣ объясненія характера коліившины. Г. Ив. Белей, ссылаясь на экземпляръ «Исторіи Руссовъ», принадлежащій библіотекѣ общества «Просвіта» во Львовѣ, доказываетъ, что этотъ знаменитый историческій памфлетъ, приписанный Георгію Конисскому, былъ оконченъ уже ранѣе 1819 г.

Научная хроника (стр. 1—28) обозрѣваетъ содержаніе болѣе 30 русскихъ историческихъ и литературныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей за 1894 г. Обзоры составлены очень обстоятельно и иногда сопровождаются цѣнными критическими замѣчаніями.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр, 1—60) даны критическіе отзывы о 25 книгахъ, преимущественно русскихъ. Встрѣчаются рецензіи весьма обстоятельныя и цѣнныя. Этотъ отдѣлъ «Записокъ» совершенствуется съ каждымъ новымъ томомъ.

Въ концѣ книги приведенъ отчетъ о занатіяхъ секцій «общества» за майскую треть настоящаго года.

Отъ души желаемъ «Обществу» дальнѣйшаго развитія его полезной дѣятельности, результаты которой, выразившіеся между прочимъ въ семи томахъ «Записокъ», говорятъ сами за себя.

Н. М.

(П. Викулъ и В. Якубовичъ) Подольскіе архипастыри съ 15 фототипическими портретами (изъ VIII выпуска „Трудовъ Под. Епарх. историко-стат. комитета“). Каменецъ-Подольскъ, 1895.— Стр. 194.

Настоящій сборникъ біографій изданъ къ столѣтію учрежденія подольской епархіи. Біографіи 15-ти архипастырей составлены свящ. П. Викуломъ (стр. 7—160), 14-ти викарныхъ епископовъ (винницкихъ,

а съ 1866 г. балтскихъ)—свящ. В. Якубовичемъ. Задача авторовъ—показать, какъ подъ руководствомъ архипастырей протекла религіозная жизнь подольской епархіи съ 1795 по 1895 г.

Намъ кажется, что біографическая форма невполнѣ удобна для характеристики религіозной жизни епархіи въ теченіе столѣтія. Въ біографіяхъ приводится, напр., рядъ распоряженій по всевозможнымъ вопросамъ, церковной жизни, но каковы были послѣдствія сихъ распоряженій, какъ они образовались въ жизни, чѣмъ были вызваны—остается большею частью неяснымъ. Говоримъ это не въ упрекъ авторамъ, которые весьма добросовѣстно свели бывшій въ ихъ распоряженіи матеріалъ, почерпнутый частью изъ консисторскаго архива. Въ книгѣ можно встрѣтить нѣсколько характерныхъ бытовыхъ подробностей, нѣсколько живыхъ чертъ мѣстной исторіи, но составить на основаніи книги картину, которую задумали дать читателю авторы, отнюдь невозможно. Кромѣ того, біографическая форма повѣствованія имѣетъ въ данномъ случаѣ и свои спеціальныя неудобства, устраняющія возможность яснаго и связнаго представленія о предметѣ рѣчи. Тѣмъ не менѣе для справокъ настоящая книга небезполезна.

Портреты архипастырей подольскихъ исполнены весьма удовлетворительно.

Н. М.

М. Грушевській. Виімки з жерел до істориі Украіни—Руси. До половини XI віка. У Львові, 1895. Накладомъ автора. (Стр. 122).

Настоящій сборникъ представляетъ дополненіе курса объ источникахъ древне-русской исторіи, читаннаго проф. Грушевскимъ въ зимнемъ семестрѣ 1894/5 г. въ Львовскомъ университетѣ. Авторъ исходитъ изъ того безспорнаго положенія, что только непосредственное знакомство съ источниками можетъ дать прочную основу для историческаго изученія. Знакомство это нынѣ довольно затруднительно, вслѣдствіе рѣдкости и разбросанности относящихся сюда изданій текстовъ. Авторъ пользовался главнымъ образомъ изданіями Гаркави и Латышева, боннскимъ изданіемъ византійскихъ писателей, изданіями Пертца, Розена и др. и обширной монографической литературой. Выдержкамъ изъ писателей предпосланы краткія біографическія и библіографичесяія указанія, тексты снабжены многочислеными историко-географическими комментаріями. Въ сборникѣ находимъ пере-

воды на малорусскій языкъ изъ Геродота, Страбона, Гиппократа, Птоломея, Іордана, Прокопія, житій Георгія Амастрадскаго и Стефана Сурожскаго, Пруденція, Ибнъ-Хардадбега, Аль-Баладури, патр. Фотія, Аль-Джайгани, Ибнъ-Фодлана, Ибнъ-Дусте Масуди, Константина Порфиророднаго, Симеона Логоѳета, житія Василія Новаго, Ліутпранда, продолженія хроники Регинона, Кагана Іосифа, Ибрагима Ибнъ-Якуба, Ибнъ Хаукаля, Льва Діакона, Брунона изъ Кверфурта, Титмара мерзебургскаго, Яхьи Антіохійскаго и Георгія Кедрина; кромѣ того, даны въ подлинникѣ договоры Олега, Игоря и Святослава съ Византіею и въ переводѣ сага объ Олафѣ Тригвасонѣ и Эймундова сага. Для текстовъ арабскихъ, еврейскихъ и исландскихъ издатель «Выдержекъ» обращался къ лучшимъ переводамъ, для прочихъ — къ надежнѣйшимъ рецензіямъ. Болѣе важныя разночтенія указаны въ своихъ мѣстахъ.

Какъ руководство при университетскихъ занятіяхъ и какъ полезное пособіе для занимающихся русскою исторіею, вообще, настоящій сборникъ, безъ сомнѣнія, займетъ почетное мѣсто. «Выдержки» печатались частью въ львовскомъ педагогическомъ журналѣ «Учитель», вотъ почему авторъ лишенъ былъ возможности присоединить къ своему изданію подлинные тексты, по крайней мѣрѣ латинскіе и греческіе, и вообще долженъ былъ значительно сократить объемъ сборника, ограничиваясь текстами наиболѣе важными. Нѣтъ сомнѣнія, что трудолюбивому автору удастся въ слѣдующемъ изданіи восполнить эти невольные пробѣлы.

Языкъ перевода ясный, образный и вразумительный для всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ литературною малорусскою рѣчью. Нельзя не поблагодарить автора за исполненный имъ нелегкій трудъ.

Н. М.

Т. Рафальскій. „Сборникъ узаконеній и распоряженій по землевладѣнію въ западныхъ губерніяхъ съ рѣшеніями правительствующаго сената“. Кіевъ, 1895 г.

Подъ этимъ заглавіемъ вышелъ на дняхъ въ свѣтъ (и поступилъ въ продажу) составленный чиновникомъ особыхъ порученій по крестьянскимъ дѣламъ при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ, Т. Рафальскимъ, и напечатанный по распоряженію г. Начальника края сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній и

распоряженій по вопросамъ землевладѣнія въ юго и сѣверо-западномъ краѣ. При исключительномъ положеніи, въ какое поставлено землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ, въ изданіи такого рода сборника давно уже чувствовалась потребность, въ виду того, что узаконенія и распоряженія по вопросамъ землевладѣнія въ тѣхъ губерніяхъ издавались разновременно и постепенно, начиная съ 1861 и кончая 1895 годомъ, и потому оказывались разъединенными, разбросанными по разнымъ изданіямъ. Этимъ затруднялась возможность справокъ и вообще пользованія означенными узаконеніями и распоряженіями; и этотъ-то недостатокъ восполняется въ настоящее время названнымъ изданіемъ, въ которое вошли также и всѣ рѣшенія Сената (по Общему собранію и Кассаціонному Департаменту), послужившія къ разъясненію приведенныхъ узаконеній.

Содержаніе сборника составляютъ: I, узаконенія о льготахъ, преимуществахъ и денежныхъ ссудахъ, при покупкѣ имѣній въ западныхъ губерніяхъ; II, узаконенія о порядкѣ продажи казенныхъ земель въ западныхъ губерніяхъ лицамъ русскаго происхожденія, служащимъ въ этомъ краѣ или желающимъ тамъ водвориться на постоянное жительство; III, узаконенія о воспрещеніи лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать имѣнія въ западныхъ губерніяхъ; IV, узаконенія о воспрещеніи евреямъ пріобрѣтать поземельную собственность въ западныхъ губерніяхъ, а также владѣть ею на правѣ залогопринимателей, арендаторовъ и управляющихъ; V, общія узаконенія о земельныхъ имуществахъ въ западныхъ губерніяхъ, относящіяся какъ къ евреямъ, такъ и къ лицамъ польскаго происхожденія; VI, узаконенія о воспрещеніи иностраннымъ поселенцамъ пріобрѣтать въ собственность, или въ срочное владѣніе и пользованіе, недвижимыя имущества въ нѣкоторыхъ губерніяхъ западной полосы Россіи, и VII, узаконенія, относящіяся къ имѣніямъ поіезуитскимъ, эдукаціонный фундушъ составляющимъ, и къ имѣніямъ леннымъ. Къ сборнику приложенъ хронологическій указатель всѣхъ этихъ указаній и распоряженій. Съ внѣшней стороны сборникъ изданъ весьма удовлетворительно, и цѣна—2 рубля—представляется недорогою.

Новгородѣ «Всероссійской художественно-промышленной выставки», журналъ «Живописное Обозрѣніе» дастъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этимъ событіямъ.

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года будетъ выдано:

1) 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю»—2) 12) нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3) 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ (новость).—4) 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5) рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7) 12 Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.)—8) стенной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ВМѢСТО БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ ВЪ 1896 ГОДУ БУДЕТЪ ВЫДАНО:

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

12 Въ составъ которыхъ входятъ новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч. **12**

Томы эти будутъ выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанными, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Каждый томъ будетъ состоять изъ новыхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ каждомъ томѣ, между прочимъ, обязательно будетъ помѣщенъ одинъ вполнѣ законченный романъ или повѣсть, изъ коихъ нѣкоторыя будутъ иллюстрированы извѣстными художниками и дополнены портретами писателей и выдающихъ личностей.

Не смотря на новыя весьма цѣнныя улучшенія въ нашемъ изданіи, ставящія его, по богатству и разнообразію литературнаго и художественнаго матеріала, внѣ всякихъ сравненій съ существующими однородными изданіями.

Подписная годовая цѣна остается прежняя:

На годъ съ доставкою въ Спб. и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р—Въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою)—**4** р. **50** к.—На три мѣсяца—**2** р. **50** к.—За границу на годъ—**16** р.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ С. С. Татищевъ обѣщаетъ намъ свой новый трудъ «Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонапартъ» и др., которыми онъ въ настоящее время занятъ, и его «Политич. обозрѣніе» будетъ появляться по-прежнему ежемѣс. Д. В. Григоровичемъ обѣщано его новое произвед., И. П. Гнѣдичемъ—новая повѣсть; будетъ законченъ романъ Вс. С. Соловьева «Цвѣты бездны», пріостановившійся за болѣзнію автора, причемъ новымъ подписч. будутъ высланы оттиски первыхъ главъ романа. Вс. С. Соловьевъ также предоставилъ намъ записки своего покойнаго отца, извѣстнаго истор. С. М. Соловьева. Кромѣ того, появятся: новый ром. Дм. И. Стахѣева «Духа не угашайте»; разск. Н. И. Мердеръ «Изъ деревенск. впечатлѣній»; ром. К. Ѳ. Орловскаго «Медовый мѣсяцъ»; ром. Д. И. Пронскаго «Свѣтъ жизни»; повѣсть И. И. Данилова (автора повѣсти «Въ тихой пристани») «По новому пути»; разсказы (изъ таежн. воспомин.) Н. В. Латкина; «Письма деревенск. хозяина» А. П. Мещерскаго; «Деревенск. очерки» Д. И. Тихѣева; разск. И. И. Чеха; «Въ сѣверо-запад. краѣ», очерки Н. И. Березина.

Въ 1896 г. будутъ также продолжаться «Письма о литературѣ» П. А. Ачкасова.

Съ сентябр. книги 1895 г. возстановл. нами отдѣлъ «Современная лѣтопись», получившій такую извѣстн. при М. Н. Катковѣ, гдѣ будутъ помѣщаться постоянно письма, статьи и замѣтки по поводу текущ. событій; причемъ мы обращаемся съ просьбою къ нашимъ читател. сообщать намъ свои замѣч. и краткія письма объ обстоятельств. современ. или объ важн. историческ. документахъ, если у кого они сохранились.

Отъ С. П. Катковой мы получили переп. покойн. М. Н. Каткова. Будутъ помѣщ. письма къ нему Ѳ. М. Достоевскаго, И. А. Гончарова, П. И. Мельникова, И. С. Тургенева и друг. Будутъ приняты всѣ мѣры къ своевременному выходу книгъ журнала.

Въ «Русск. Вѣстн.» по-прежнему принимаютъ участіе всѣ бывшіе сотрудники.

Редакція и конт. жур. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. «Обществ. Польза» (СПБ., Подъяч., 39), куда и просятъ обращаться г.г. автор., имѣющ. надобн. до редактора, который приним. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. 1 числа, стоитъ въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. **15** р. **50** к., съ доставк. **16** р., съ перес. во всѣ города Россіи **17** р. Допускается разср. взносовъ только чрезъ Главн. Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Б. Подъяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять р., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взнос. по **1** р. **50** к. въ мѣс., впредь до уплаты всей подписн. суммы. 3) Для учащихся допуск. уступка

Неделя. 14. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ свѣтла холодновата. Сегодня банкетъ былъ у гетманскомъ дворѣ, где енералъ и многіе, и я, были, и подпіяхомъ, для того, что виправляли Павла Ломиковского, унука гетманского, на веселний актъ ему, имѣючій въ Сосницѣ чинитись, зъ дочерю протопопи бившого нѣжинского Яворского.

Понедел. 15. Сей день былъ свѣтлій, теплій, тихій сперва, а потомъ вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и къ свѣту отчасти хмарна. Сегодня рано ездилъ я въ Сварковъ, гдѣ при мнѣ закладани станѣ (конюшни) и имбара поправить приказавши, повернулся на обѣдъ позднїй въ домъ. Купили сегодня брусовъ 4, овса четвериковъ 4, и тину возовъ 10.

Вовтор. 16. День сей былъ свѣтлій, теплій и тихій, и ночъ такова жъ, теплота жаркая была въ день. Сегодня рано былъ я у генерала, а оттоль зъ п. Петромъ отехалемъ до гетмана, а обѣдалъ у себе, увечеру ездилъ до гетманского двору, где видѣвшись зъ п. Михайломъ, повернулся домой.

Середа. 17. День былъ свѣтлій, теплій, ночъ такова жъ, жаръ. Родитель поехалъ рано зъ Глухова на Кролевецъ, Шабалиновъ, Куреню, до Ромна. Староста крисковскій Шохъ посланъ въ Роменъ для викупу ножовъ срѣбнихъ 7 паръ у слуцкого жителя Саркевича, якіе ему заставилъ за 18 ефимковъ, черезъ которого писалемъ до брата п. Марка и приказъ далемъ до Янѣшевского о роздачѣ на косарѣ денегъ, мѣючихъ взятись за проданне коней, а именно; до Перервин. 15 р., до Кривой Руд. 12 р., до Гамал. футора 15, а другій пунктъ Алексѣеви—о куплѣ 3-хъ книжокъ злота малярского. Я обѣдалъ въ дому, а жена у гетманскомъ дворѣ, а у вечеру ездилъ до Топѣлского и Воейкова и посидѣвши съ ними, повернулся. Посланъ въ Кіевъ Юско съ писмами отъ род. до Шерметьева о выдачѣ пойманного Урбана, о помоществованіи всѣмъ, до Турнавіота отъ мене.

Четвер. 18. День и ночъ были сходніе во всемъ вчорайшимъ. Сегодня на служб‍ѣ былъ я у генералской церквѣ, а по обѣднѣ, обѣдалисмо у его жъ столу генералского многіе и подпіяхомъ, а по-

томъ играли въ ліомбаръ съ нимъ и съ п. Петромъ, зъ проигрошомъ 22 к. У вечору былъ у мене Кочубей, полтав. полковникъ, швакгеръ п. Яковъ.

Пятокъ. 19. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ во всемъ. Рано былъ я у гетманскомъ дворѣ, оттоль съ п. Петромъ и съ п. Михайломъ ходилъ смотрѣть екзекуцѣи человѣка вора, которому голову отсѣчено, а обѣдалемъ въ дому зъ п. Федоромъ, дядкомъ, вновъ пріехавшимъ. При концу обѣда пріехалъ Бурковскій и посидѣвши отехалъ, а после нихъ пріехалъ Максимъ Туровскій, потомъ асаулъ енер. Мануйловичъ зъ Селецкимъ, сотнихомъ Дѣвицкимъ, а потомъ секретаръ сенатскій Топѣлскій, зъ которимъ долго просидѣлисмо, онъ отехалъ домой, а я ночью пріехалъ въ Сварковъ, где засталъ жену, Марусю Журавковну и дочерей, и тутъ ночовалисмо. Купилисмо овса четвериковъ 3 зъ четвертю, сеей мѣри, по полъ 7 зол.

Субота. 20. День былъ свѣтлій, теплій зъ вѣтрецомъ полуденнымъ, ночъ тепла, свѣтла, тиха. Сегодня обѣдалисмо у Сварковѣ, а по обѣдѣ заездили у футоръ, и пріехали позно.

Неделя. 21. День и ночъ были свѣтліе, тепліе и тихіе, жаркіе. Сегодня рано былъ я у генерала, а потомъ у гетмана, обѣдалъ у себе, и съ нами швакгеръ п. Яковъ, п. Кондзеровская, п. Федоръ дядко, п. Максимъ зъ женою. У вечеру ходилъ до енерала, где съ нимъ въ шахмати игралъ и не виигралъ. Ясманцямъ дали 14 четвертей, а имъ отъ четверти по 2 днѣ робить, а Веригинцямъ четвертей 8, а имъ за то колоди возить.

Понеделокъ. 22. День былъ свѣтлій, теплій, жаркій, по сторонамъ дождчъ. Ночь отчасти хмарна и отчасти свѣтла, съ вѣтромъ полуденнимъ, тепла, къ свѣту дощикъ. Рано ездилемъ въ склепъ, где насипали вина бутилокъ: фран. 3, фрок. 2, потерц. 2, мѣшаного зъ франц. 1, зъ потерц. 2, итого 10. Повернувшись оттоль, обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ заездилъ до п. Михайла и до Паска. Далемъ Дѣдику и козаку свар., въ Царицинъ нараженнимъ, по 3 р. Да дали тертичникамъ за вирѣзаніе 100 шнуровъ всѣ денги 5 коп., а на другое сто дали имъ же полтора

рубля впредъ. Вѣжевскій повернулся зъ Тулиг. и привезлъ вѣдомость, перегнаной гор. оковитой 5 куѳъ, въ якихъ влѣзло старихъ носатокъ 50 и квартъ 92, а простой горѣлки пойшло 9 куѳъ; 8 куѳъ зимней работи, въ нихъ носатокъ старихъ 82 и квартъ 2, да девятая лѣтней работи, въ якой новихъ носатокъ 8, квартъ 64, да зверхъ того носат. 3 и квартъ 33, итого всей горѣлки простой пойшло: старихъ носатокъ 82, а новихъ носатокъ 11 и квартъ 97; въ старую носатку входитъ квартъ 100, въ новую носатку входитъ квартъ 115. Видала простая горѣлка зверхъ половини носатокъ 2 и 85 квартъ оковитой, простой било на старіе носатки 96 и квартъ 15, а оковитой стало 50 носатокъ и квартъ 92.

Вовтор. 23. День билъ свѣтлій, теплій, тихій, дожчикъ маленкій прорывался, ночъ такъ же тепла, погодна, тиха. Сегодня насипали анталъ тотъ, что вино кримское было солодкое, твердимъ виномъ кримскимъ. Билъ я рано у гетманскомъ дворѣ, а обѣдалъ у Александра, на крестинахъ дочери его, обѣдалъ восприемникъ п. Петро, пол. луб. По обѣдѣ заездилъ я до п. Михайла и тамъ просидѣвши, повернулся домой позно. Вѣжевскій посланъ въ Сварковъ, въ футоръ, где велено ему взять подводъ воловихъ 5 и 15 четвертей жита отправить въ Криски, а оттоль взять горѣлку всю, и приказъ ему данъ на письмѣ.

Середа. 23. День былъ свѣтлій, теплій и отчасти хмарній, ночъ такъже тепла, свѣтловата, а по сторонамъ громъ и къ свѣту дожчъ. Сегодня рано былъ я у генерала, такъ же полковники наши которіе, невидѣлисмо оного за болѣзнію, а оттоль были у мене нѣжинскій, чернѣг. и полтавскій на водки, и отехали, а после нихъ писаръ печерскій, а я обѣдалъ у себе зъ швакгромъ п. Яковомъ, а у вечеру ездилемъ до гетманского двора и повидѣвшись зъ п. Михайломъ, повернулемся домой. Староста крисковскій повернулся зъ Ромна и викупилъ заставленніе ножи серебраніе и привезлъ, якіе дѣлались въ Кролевцу, 6 паръ, въ парѣ ваги 9 лотовъ безъ золотника, а въ шести парахъ 52 лота.

Четвер. 25. День былъ не самій свѣтлій, но зъ хмарами почасти, только жъ жаркій и тихій и около переходячій дощикъ зъ блискавицами и зъ громами, ночъ такъ же почасти хмарна и почасти свѣтла, и къ свѣту дощевата. Сегодня по службѣ Божой гетманъ и многіе зъ насъ при немъ ездили до криницъ Березовскихъ, за городъ, для посвященія води, а оттоль я поехалъ въ Сварковъ, гдѣ обѣдалъ и ночевалъ.

Пятокъ. 26. День былъ свѣтлій, а передъ вечеромъ хмарній зъ блискавицею, громомъ и дожчемъ силнимъ, ночъ хмарна, тепла съ силнимъ же дожчемъ, а къ свѣту випогодилось. Рано поехалисмо зъ Сваркова и были у футорѣ Калюжновскомъ зъ женою, где цегелникъ началъ цеглу дѣлать; оттоль пріехалемъ домой верхомъ. Полтора четверика съ осмухою овса, четверикъ по полъ 7 зол., да 19 брусовъ дубовыхъ по 12 к. купилъ Забара войтъ, а жена платила. Старосту крисковского калкуліовалъ въ дорозѣ его кролевецкой.

Субота. 27. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ. Сегодня былъ я у гетманскомъ дворѣ и тамъ обѣдалъ, а по обѣдѣ повернулся въ домъ и зайшолъ до енерала, где до вечора позабавился. Янѣшевскій посланъ въ Черниговъ и въ Березнее, взять вѣдомости отъ Рубана березинского и отъ Семена Лопати, почему тютюнъ и ганишъ въ Кролевцу спроданъ былъ мой и якая оному цена.

Тройца. 28. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ. Сегодня былъ я рано зъ поздравленіемъ у генерала, а службы Божей слухалъ у Михайла, а обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ. По обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ, где простился зъ дядею п. Федоромъ; оттоль повернувшись, былъ въ лавкахъ и купилъ рукавицѣ за 40 к., да 4 картъ нѣмецкихъ за 50 к., оттоль ездилемъ на Пяную Долину зъ Миклашевскимъ, а оттуду до Паска, до Борзни и до дому.

Понедел. 29. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, о полднѣ хмари зъ громомъ и зъ маленкимъ дощикомъ, такъ же и увечеру, ночъ свѣтла почасти тепла и тиха, къ свѣту дощъ. Сегодня рано

былъ я у генерала, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ въ городъ до п. Михайла, такъ же до Радищева и Воейкова. Увѣдомилея я, что генералъ присилалъ въ судъ сторони дѣла моего съ Лвовимъ, жебы скоро оное было отправлено.

Вовтор. 30. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, около полдня хмари, а передъ вечоромъ, силній дощъ, ночъ почасти хмарна, тиха и тепла. Рано былъ я у генерала, на службѣ, и обѣдалъ на Бѣлополовцѣ, у гетмана, где банкетъ былъ на новомъ пресоленіи его туда изъ города; по обѣдѣ игралисмо у сенкилѣю зъ генераломъ, п. Петромъ и женою его, и п. Михайломъ, зъ виграшомъ моимъ 2 р.

Середа. 31. День былъ свѣтлій, теплій, почасти тихъ и почасти зъ переходжими хмарами, около полдня вѣтрянъ зъ малимъ дощикомъ, къ вечеру знову свѣтелъ и тихъ, ночъ свѣтла и почасти хмарна, тиха, почасти тепла или ядрана. На службѣ Божой билъ я у ст. Тройци, обѣдалъ у себе зъ швакромъ п. Яковомъ и Григоріемъ Огіевскимъ. Пявки приставилъ хирургъ Боковъ, первей согрѣявъ надъ стуломъ отъ пари окропной. Впервое въ пасѣцѣ моей уздицкой роитись пчола почала.

Юнь м-ць. Четвер. 1. День былъ отчасти хмаренъ, а отъ болшей части свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ такова жъ. Обѣдали у мене Яковъ Денисовъ и Семенъ Шляковъ, а у вечору я ездилъ до Воейкова и ходилъ до енерала.

Пятокъ. 2. День былъ сперва хмаренъ, после випогодился и и тепелъ, потомъ вѣтрянъ и хмаренъ зъ громомъ, ночъ почасти свѣтла и почасти хмарна, и тепла, и тиха. Ездилемъ въ Сварковъ коляскою и оттоль повернувшись, обѣдалемъ, а у вечору ездилемъ на Бѣлополовку, въ гетманскій дворъ, где и вечералъ. Купилъ Деминъ гречки полтора четверика, четверикъ 3 р. и 10 к.

Субота 3. День былъ сперва хмаренъ, после випогодился, ночъ хмарна, потомъ випогодилася и тепла. Принималъ я лекарство докторомъ Бокомъ составленное по рецепту доктора Бидлова, обичное на пявицахъ, зъ которого одинъ имѣлъ вомѣтъ, а нѣсколконадцать столцовъ. Обѣдалъ въ дому самъ, а при обѣдѣ пріехалъ Пасекъ и отехалъ.

Неделя 4. День былъ свѣтлій и теплій, по сторонамъ хмари, такова жъ и ночъ. Сегодня билъ я рано на службѣ Божой на Бѣлополовцѣ, обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ, после былъ у генерала, гдѣ и вечералъ.

Постъ Петровъ. Понедел. 5. День былъ свѣтлій, теплій, тихій. Ночъ хмарна отчасти и отчасти свѣтла и тиха, къ свѣту туманъ. Обѣдалъ я въ дому, а у вечеру билъ у генерала. Купили гречки четверикъ, безъ осмухи, за 2 р. 48 к. Леску, кравцу, далъ за прежную работу 3 р.

Вовтор. 6. День былъ сперва туманній, а потомъ свѣтлій, теплій и тихій. Ночъ хмарна, тиха и тепла. Сегодня ездилемъ въ Сварковъ рано, а оттоль у футоръ Калюжновскій и пріехалъ на обѣдъ домой, где и обѣдалъ зъ дѣтьми, а у вечору ездилъ на ту сторону къ ясневел., где билъ и енер. Нарѣшкинъ. Присланъ зъ суда енер. екстрактъ къ гетману по дѣлу моемъ со Львовимъ.

Середа. 7. День былъ зперва свѣтелъ, а пополуднѣ хмаренъ, тихъ и дожчеватъ. Такъ же и ночъ била хмарна, тиха и помѣрно холодновата. Рано ездилемъ на Бѣлополовку, обѣдалемъ у себе, а у вечеру зъ п. Михайломъ у енерала были, и долго просидѣли, у карти играючи.

Четвер. 8. День былъ почасти хмарній и почасти свѣтлій, тихій, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Сегодня рано былъ я у гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе съ швакгромъ, у вечеру знову тамъ былъ. Денегъ принялъ я 15 р. за 25 шкуръ яловичихъ, якіе Тарасъ продалъ. Насипали 23 кухвы горѣлки, въ якихъ вѣдеръ государевихъ 1104 а въ томъ числѣ 189 вѣдеръ двойной.

Пятокъ. 9. День былъ отчасти хмаренъ, отчасти болшой (?), свѣтлій, теплій, у вечеру вѣтрець показался, ночь свѣтла, тиха и тепловата. Рано ездилемъ на Бѣлополовку, где зъ п. Петромъ простился, которого просилъ о козакахъ сухон. Івану Левченку, Соляниченкахъ и Загребенкахъ и Макару Якименку или Яремѣ Савенку. Рано былъ я у генерала и доносилъ о шалости Шишкина на куренскомъ степу чинячойся. Телемака позичилъ я Думитрашку. Боку размѣнялъ 25 червонихъ. Въ бунчучніе, въ кандидати, опре-

дѣлени: Андрей Миклашевскій, Семенъ Лизогубъ, я, Стороженко, Андрей Полуботокъ, Николай Ханенко.

Субота. 10. День былъ сперва свѣтлій, зъ полдня хмаренъ, зъ громомъ и дощемъ. Ночъ холодновата, свѣтла и тиха отчасти, и между тимъ вѣтряна. Родитель пріехалъ зъ гостини въ Глуховъ, зъ которимъ, тако жъ зъ п. Борзною, судею енер., и панею его и Личиною (?), обѣдалисмо вкупѣ у насъ. По обѣдѣ ездилемъ до Паска и на Бѣлополовку, и повернулся. У лазнѣ мился зъ швакгромъ моимъ п. Яковомъ Полуботкомъ.

Неделя 11. День былъ свѣтлій и теплій, и тихій; ночъ также погодна, свѣтла и тиха, къ свѣту вѣтряна. Рано былъ я у генерала, а оттоль у церквѣ Бѣлополовской и у гетмана, обѣдалъ зъ женою у судіи енер. Борзни; оттоль пріехавши домой, игралъ въ панфиля зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ, Холодовичемъ, зъ проигрошомъ 20 а.

Понедел. 12. День сперва вѣтрянъ и хмаренъ, потомъ дожчъ густій, а после погодній. Ночъ тиха, тепла и свѣтла. Зъ Медведемъ, бившимъ шинкаремъ моимъ, козакомъ сварковскимъ, сторжился за все поле его за 13 р., а купчую намъ виходить, а онъ виноватъ намъ 10 р. 80 к. Обѣдалисмо у себе зъ род., а по обѣдѣ ездилемъ до Паска и до гетманского двора. Унукъ Шереметева пріехалъ и отехалъ въ Кіевъ. Въ Крискн, на плитъ, послалъ 6 р.

Вовтор. 13. День сей былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Сегодня рано ходилъ я до генерала, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку и игралъ у карти зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ и Холодовичемъ, зъ проиграшемъ 86 копѣекъ. Володимера Петровича Шереметева человѣкъ подалъ въ судъ енер. челобите на подданного моего сварковского Шевця, что онъ крепостного его человѣка передержовалъ, для чего и Швец зисканъ въ суд. енер. для допросу и допрашиванъ.

Середа. 14, День сей былъ хмаренъ почасти и свѣтелъ после, ночъ свѣтла, тиха, сперва, а потомъ хмарна, зъ густимъ дощемъ. Сегодня обѣдалъ я дома, а у вечеру ездилъ на Красную Горку,

отголь до млина Радіоновского, а потомъ заехавши до п. Михайла, пріехалъ въ домъ свой позно. 5 червонних осталнихъ отдалъ Боку, черезъ служителя его.

Четвер. 15. День сей былъ хмаренъ и дожчеватъ, первей тихій дожчъ, а потомъ зъ громомъ, передъ вечеромъ пересталъ ити, однако жъ было почасти хмарно и тихо, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла. Рано съ п. Михайломъ и Валкевичемъ были у генерала, оттоль повернувшись, обѣдалемъ зъ родителемъ и никуда неездилемъ. Окончилемъ порахунокъ зъ старости крис., по которомъ показалось тое, что онъ повиненъ положить 4 червоних безъ тинфа, да 23 р. зъ полтиною, а особливе позиченіе Лопатѣ деньги 25 р., 3 штуки штамету или вмѣсто того сукномъ отобрать.

Пятокъ. 16. День былъ свѣтелъ, тихъ, а потомъ хмаренъ и мѣстами дожчъ съ громомъ, ночъ свѣтла, тепла и тиха. Купилъ войтъ брусовъ 11, а особливо купилъ мѣрочникъ 6 брусовъ Родіоновскій, за которіе жена поплатила шинковними. Поехалемъ рано зъ Глухова и пріехалъ въ Сварковъ, а оттоль на ночъ въ Уздицю, где и заночовалемъ. По сіе число роевъ въ Уздицѣ показалось 10, ради дощовъ частихъ.

Субота. 17. День былъ свѣтлій и теплій сперва, потомъ вѣтрянъ, хмаренъ, изъ полдня дожчеватъ зъ громомъ и хмаренъ до вечера, ночъ свѣтла, тиха, тепла. Зъ пасѣки поехалемъ чрезъ Уздицю, Дунаецъ, Некрасовъ, а ехалемъ зъ пасѣки до Глухова 3 часа съ четвертю. Пріехалъ въ Глуховъ на обѣдъ и я обѣдалъ зъ швакгромъ п. Яковомъ; по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло, зъ которимъ отъ Танского отобралемъ цукъ ворониxъ коней, зъ которихъ 3 правіе конѣ (мнѣ?), а 3 лѣвіе ему достались. У лазнѣ мился.

Неделя. 18. День былъ свѣтлій, теплій, тихій самій и ночъ такова жъ. Сегодня рано былъ у генерала, и у гетмана, и на службѣ на Бѣлополовцѣ, и обѣдалъ я зъ швакгромъ п. Яковомъ у себе, а по обѣдѣ заходилъ до енерала, зъ которимъ, также зъ протчіи, и зъ п. Михайломъ, ездили на минѣстерскій дворъ и играли тамъ въ карти, зъ проигрошомъ 2 р. 30 к.

Понедел. 19. День билъ свѣтлій, тихій, и теплій, ночъ хмарна зъ силнимъ дожчемъ и жестокимъ громомъ до свѣта, а свѣтомъ дожчъ пересталъ, толко жъ вѣтряно и холодновато. Сегодня рано ездилемъ въ Сварковъ, оттоль повернувшись домой, обѣдалемъ зъ родителемъ, а у вечору ездилемъ до Паска и на Бѣлополовку. Купилъ Забара 16 брусовъ, итого 26, да купили овса полчетверика за 7 гривенъ, жена платила денгами, отъ мене взятими

Вовтор. 20. День былъ сперва вѣтрянъ, потомъ тихъ и свѣтелъ, по полднѣ дожчъ, къ вечеру пересталъ. Шохъ отпущенъ въ Криски и данъ ему приказъ: 1) чтобъ на плитъ тертичниковъ уговорилъ рѣзать дерево пополамъ; 2) чтобъ дрань всю въ Криски отослалъ и сюда вислалъ по 600; 3) чтобъ закоръ (?) сажень 10 сюда прислалъ; 4) чтобъ за тютюномъ поехавши, оній старался спродать у Любечу или здесь; 5) чтобъ поле толоку пустовскую попахать; 6) чтобъ шибъ простихъ и сулей 10 зъ гути зискалъ; 7) чтобъ дерево торочнее отшукалъ; 8) чтобъ староста канцелярского двора осмотрѣлъ. Обѣдалъ на Бѣлополовцѣ, а по обѣдѣ ходилъ до енерала и игралъ съ нимъ и съ п. Михайломъ у ліомбаръ, зъ проиграшомъ моимъ 110 к. Алексѣецъ пріехалъ зъ подводами, въ Царичинъ наряженними.

Середа. 21. День былъ сперва зъ туманомъ, а потомъ зъ густимъ дожчемъ до вечера, а у вечори пересталъ дожчъ ити, ночъ также хмарна, вѣтряна, вѣтеръ полнощний. Рано въ Сварковъ ездилемъ, и на обѣдъ повернувшись, обѣдалемъ въ дому зъ род. У вечеру ездилъ до Радищева. Тютюну привезлъ Алексѣй 2260 папушъ. Зри апр. 19-го.

Четвер. 22. День былъ сперва хмарній и вѣтрянній, а отъ полдня сталъ весма отмѣнний, тихій, свѣтлій и теплій, ночъ также тиха, свѣтла и тепла. Сегодня рано ездилъ я въ гетманскій дворъ, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ повернувшись, игралъ въ карти у панфиля зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ и Холодовичемъ, сотникомъ воронѣжскимъ, зъ малимъ самимъ проигрошомъ. Григорій Огѣевскій потурбованъ отъ жида за удержанного у себе коня жи-

довского, которій подчасъ пожару кролевецкого убѣгъ самъ у дворъ зъ передкомъ, и окончилось дѣло, за то, что преслушалъ указъ гетманскій и не обявилъ вскорѣ коня его, долженъ заплатить жидови 100 р. [1]). Въ крисковской носаткѣ квартъ глуховскихъ 102, въ старой глуховской носатцѣ квартъ 105, въ новой носатцѣ квартъ 120, и въ ведрѣ государевомъ квартъ 24, итого вѣдеръ въ новой носаткѣ 5.

Пятокъ. 23. День былъ свѣтлій и теплій, по полуднѣ хмаренъ зъ громомъ и дожчемъ. Ночъ свѣтла, тиха и тепла. Купили жита четверикъ и осминъ 6, по 3 р. 20 к., овса четверикъ и осминъ 7 по 1 р. 40 к., за что я заплатилъ, а жена въ реестръ записала себѣ. Юско отправленъ до п. Томари зъ кобилами нѣмецкими, для припуску.

Субота. 24. День и ночъ были свѣтліе, тепліе и тихіе. Сегодня былъ я у генерала и обѣдалъ, и игралъ въ карти зъ проиграшомъ моимъ 80 к. Огіевскому Григорію позичилисмо 15 червонихъ иноземскихъ до сент. 1-го.

Неделя. 25. День былъ свѣтлій и теплій, а о полднѣ дожчъ зъ вихромъ и зъ громомъ, ночъ тепловата, свѣтла и тиха. Сегодня рано были мы въ соборной церквѣ, где по службѣ Божой, благодарственное отправлялось молебствіе за состоявшееся примиреніе Персѣи зъ Россійскимъ государствомъ, а на якихъ кондиціяхъ имѣетъ впредъ быть публиковано. По службѣ были на Бѣлополовцѣ.

Понедел. 26. День былъ свѣтлій, теплій и тихій. Ночъ такъ же свѣтла, и тиха, и тепла. Ездилемъ по вчорайшомъ шуму на Красную горку, да до млина Родіоновского, а обѣдалисмо у себе зъ род., сами. По обѣдѣ пріехалъ ко мнѣ п. Михайло и посидѣлъ, у пѣкетъ играючи; били оба у генерала для игри и не играя отойшли.

Вовтор. 27. День былъ сперва съ туманомъ, а потомъ свѣтло и тепло, а по полуднѣ хмара темная и дожчъ зъ силнимъ громомъ и вѣтромъ. Ездилемъ рано до Сваркова и повернулся через фу-

---

[1]) Поводъ къ возникновенію этого дѣла см. въ Опис. Стар. Малороссіи, II, 371.

поръ до Глухова и обѣдали сами, а по обѣдѣ ради дощу никуда не ѣздилъ. Зъ старостою розлетскимъ сторжился за будинокъ его за 29 р. и 5 р. задатку далъ ему.

Середа. 28. День былъ сперва почасти хмарній, а почасти свѣтлій, а потомъ хмаренъ и дожчеватъ до вечера, зъ чего води и грязи умножилось. Ночъ также хмарна и дощевата—обложнимъ дожчемъ ажъ до свѣта. Рано ѣздилемъ на Бѣлополовку и повернулся на обѣдъ домой. Зъ фурманами царичанскими договоръ другій здѣланъ, что они взяли кухву одну лутшей гор. за 14 р. зъ полтиною, а другую кухву подлѣйшой за 13 р., да еще моей взяли горѣлки куховъ 2, къ тимъ прежнимъ 25-ти, за одну жъ кухву за провозъ платить 4 р., а за другую кухву, зъ харчю и зъ людми, 6 р.

Ст. Петра и Павла. Четвер. 29. День былъ хмарній и дощеватъ, напримѣръ осѣнного, дощъ мало не весь день ишелъ, ночъ также хмарна и холодновата, къ свѣту стало отчасти випогожуватись. Рано былисмо у генерала зъ поздравленіемъ, а обѣдали у Воейкова и подпіяхомъ. Чаю жестянку насипалъ и сахару ліодового.

Пятокъ. 30. День сперва былъ хмаренъ, потомъ почасти свѣтелъ, тепелъ и тихъ. Ночъ... Обѣдалисмо у дому зъ родителемъ и Старжинскимъ. Виправленъ Григорій Василіевъ сынъ Гиль, Гломазда и Дѣдикъ въ Астрахань, а съ ними отправили горѣлки 27 куеъ, а въ нихъ вѣдеръ 1270, въ якомъ числѣ кухва одна самой простой, лѣтной горѣлки, ведеръ 34, да тютюну зъ бакуномъ—папушъ 5796, а въ нихъ пуд. 90, да денегъ дали имъ на фурмани сколко доводится за провозъ, а именно 145 р., да особливе 20 р. на случаи дорожніе, а по уговору дали въ зачетъ, до предбудущой награди, Григорію Гилю 6 р., да Гломаздѣ и Дѣдику по 4 р., а съ ними другіе рѣчи дани, именно: конь гнѣдій, муки пшеничной мѣрокъ 3, гречной 3, крупъ гречанихъ 2, сухарей житнихъ кулей 3, соли полпуда, сала пудовъ 2, таранѣ 50, на гостинецъ, въ запасъ, вишневой барилъ 2, аломбиковой барилъ 2, казанокъ мѣдній у 2 фунта зъ четвертю, вижигалница (?) мѣдная,

на дорогу имъ дано квартъ 30 гор. простой и приказъ съ нихъ всякому, якъ отправлятись.

М-ць іюль. Субота. 1. День былъ тихъ, свѣтелъ и тепелъ, въ день и у вечеру хмари показались по сторонамъ, ночъ также сперва хмарна, а потомъ къ свѣту випогодилась. Сегодня рано былъ я у Борзни, а зъ нимъ на Бѣлополовцѣ, а обѣдалъ у себе. Мехея, козака перервинского, пріездившого сюда зъ спросомъ о сѣнѣ, отправилемъ до старости перер. и послалемъ на сѣно 20 р., да ему старостѣ сукно тузѣнокъ и 7 р. У вечеру былъ я на Бѣлополовцѣ и пріехалъ назадъ, а получилъ письмо отъ швакгра моего Андрея Полуботка зъ С. П. Бурха. У лазнѣ милсея.

Неделя. 2. День былъ зранку очень холоденъ, а вѣтрецъ полунощний, а потомъ сталъ тепелъ, свѣтелъ, ночъ свѣтла, тиха, тепловата. Рано былъ я у генерала, на службѣ и обѣдалъ у себе зъ швакгромъ. У вечеру билъ у генерала жъ, игралъ у ломбаръ, съ проиграшомъ 70 к.

Понедел. 3. День былъ холодноватъ, вѣтрецъ полнощній, однако жъ свѣтелъ и въ день дощъ, у вечеру хмара надійшла зъ тимъ же вѣтромъ, ночъ также хмарна, вѣтряна и холодновата, къ свѣту випогодилось. Сегодня былъ я на Бѣлополовцѣ и тамъ же обѣдалъ у столу гетманского, зъ секретаремъ Топилскимъ, а у вечеру подалъ челобитте гетману объ исправки екстракта. Войтъ докупилъ брусовъ 24, а Тарасъ платилъ, итого войтовой куплѣ брус. 50.

Вовтор. 4. День былъ зранку свѣтелъ, тихъ и тепелъ, потомъ отчасти хмаренъ и велми вѣтрянъ, ночъ тиха, свѣтла, тепла. Рано ездилемъ на Бѣлополовку, где написанъ, и подписанъ, и посланъ въ судъ енер. унѣверсалъ гетманскій въ судъ по дѣлу шевця сваркобскаго Степана, чтобъ ему чорній свой допросъ, по дѣлу его за бѣглого Шереметового человѣка, исправить волно безъ принужденія. Обѣдалемъ въ дому; по обѣдѣ ездилемъ въ Сварковъ и пріехавши передъ вечоромъ, билъ у Паска и домой пріехалъ.

Середа. 5. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ хмарна, тиха, къ свѣту випогодилось. Сегодня обѣдалемъ въ дому, а по

обѣдѣ ходилъ до енерала, куда потомъ пріехалъ и гетманъ, и потомъ отехалъ, а между тимъ у шахмати игралъ.

Четвер. 6. День хмаренъ и дощеватъ, по полуднѣ пересталъ дощъ и отчасти ясно было, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Обѣдалъ я на Бѣлополовцѣ и повернулся оттоль назадъ, а тамъ Степану Воліоватому (Костенецкому) далъ рецептъ купить ессенцѣи liquor. . у Гданеску. Да ему жъ Степану далъ я сребра вижеги полфунта и полтретя золотника, да 5 червонихъ, да написалъ ему меморіяликъ—зробить тамъ зъ того сребра 12 чарокъ срѣбнихъ и на образецъ чарку гетманскую дали ему, да купить млинокъ на кофе и водки алкермессовой, цитроновой и ганишковой, по 2 штофа. Принялъ я впервое отъ ꙁрека Іопия за вино 10 р. и 80 к., а онъ принялъ отъ Клима вина, двома рази, петерцѣненъ 78 квартъ по куплѣ, а фронтиніяку 18 квартъ, по 20 а. Манжулѣ далемъ до прежнихъ 4 рублей, еще 2 р., на сѣно въ Погаричахъ готуючееся, квартъ 40 гор., 2 четверти жита, крупъ, соли фунт. „ “, сала фунтъ. „ “, муки ґречневой. Тисячу довгого гвоздя купили до Сваркова, за 1 р. и 40 к.

Пятокъ. 7. День свѣтелъ и тепелъ и отчасти, сполднѣ, вѣтрянъ, ночъ свѣтла жъ, тепла и тиха. Купили три четверика жита и 1 осмуху по 5 коп. да 5 осмухъ такого, которого четверикъ по 3 р., платилъ я деньгами черезъ Вѣжевского, у старого пана позначеними. Поехалемъ отсюду на Дунаець, у пасѣку, где старой пчоли 265, въ томъ числѣ и молодіе, которіе поскидани на готовій воскъ, а молодихъ роевъ 188. Тамъ и ночовалемъ.

Субота. 8. День былъ хмаренъ и по полуднѣ дощеватъ, ночъ свѣтла почасти и почасти хмарна, тиха и тепловата. Сегодня рано поехалемъ зъ пасѣки и заездилъ до Сѣренщини (?), где косятъ, оттоль зъ Шрамкомъ, господаремъ, и Забарою ездили въ его пасѣку, въ которой старой пчоли 28, а молодой 20, оттуду до футора Колюжновского, черезъ Хлопковскую греблю, ехалъ 2 часа, часъ до Хлопкова, а часъ до футора, а зъ футора пріехалъ въ Сварковъ, где и обѣдалъ. Тутъ, въ Сварковѣ, зъ Григоріемъ Івановичъ Шрамкомъ сторжился я за пасѣку и лѣсовъ 2, и третій борокъ, надъ Есманню,

въ Вихторовскихъ грунтахъ, за 66 р. Березнячому визичилъ Климъ моихъ денегъ 3 р., якіе онъ отдалъ.

Неделя. 9. День былъ свѣтелъ холодноватъ, въ день дощикъ маленкій и до вечора почасти хмаренъ, ночъ свѣтла, тиха, холодновата. Рано у енерала былъ я и обѣдалъ, а по обѣдѣ позабавился доволно. У Глуховъ пріехалъ капитанъ пруского короля зъ маіоромъ Лѣвиним за великгданами [1]) и указъ отъ государинѣ и за подписаніемъ руки къ гетману привезлъ. На катаръ многіе зде Глуховѣ захоровали и я въ томъ числѣ, такъ, что сію болѣзнь за общую всѣмъ мощно сихъ дней причесть.

Понедел. 10. Новолуніе зъ полноч. 1-час. День былъ сперва тихъ и свѣтелъ, а потомъ, съ полудни, хмаренъ и дощеватъ; ночъ випогодилась, а особливо зъ полночи тиха. Рано былъ я на Бѣлополовцѣ, а обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ родитель зъ Кролевца, куда еще зъ Глухова, въ суботу, поехалъ, повернулся. Унѣверсалъ, по челобиттю моемъ, посланъ въ судъ о присилки дѣла подлинного со Лвовимъ для исправки екстракта. У вечеру ездилъ я на Бѣлополовку и поговоря и повидавшись зъ братомъ (Михайломъ Скоропадскимъ), повернулся у вечеру. Купили на торгу овса четвериковъ 4 зъ осмухою, по полу зол., итого дано за овесъ 5 р. 36 к. зъ денгою. Да купили жита осмухъ 7, ценою по 13 зол. четверикъ и потомъ дано 2 р. 28 к., да особливе жита купили 5 четвериковъ и 6 осмухъ по 2 р. и 50 к., итого далъ я за другое жито 6 червоних, а Вѣжевскій доплатилъ 30 а.

Вовтор. 11. День былъ сперва свѣтелъ, тепелъ и тихъ, зъ полдня по сторонамъ хмари и дощъ, и до вечора хмарно, ночъ первей хмарна, а потомъ випогодилась и до свѣта. Сегодня для катаржной болезни (т. е. отъ катарра) ездилъ рано, долго, около города, а пріехавши на Бѣлополовку, тутъ у гетмана и обѣдалъ. Посланникъ государевъ князь Щербатой, прошлого году въ Цареградъ посланний, повернулся теперъ зъ Цареграда, и пріехалъ въ Глуховъ. Поехалемъ по обѣдѣ зъ Глухова, для разбиття катару.

---

[1]) Т. е. за великорослыми людьми.

въ Тулиголови, а ехалемъ до Обложокъ 2 часа, а до Тулигол. зъ Обложекъ два жъ часа безъ четверти, и на Вербоватицѣ дожчъ мене началъ мочить и мочилъ ажъ до самихъ Тулиголовъ. Въ Тулиголовахъ, въ імбарѣ, застали куѳъ 10 гор. в одинадцятая неновна, въ пасѣцѣ старой пчоли 18, а роевъ 14, итого 34. Зъ Григоріемъ Тихимъ, шинкаремъ, постановили: заплатить ему объ Рождествѣ 14 р. зъ чимсь, за напитокъ, старостою и Вѣжевскимъ подаванний, на что онъ и облѣкъ далъ, а чоповихъ, зверхъ показанія старостиного, приняли по его записцѣ 40 а. Молодикамъ барма дана: Пѣщанскому, Вѣжевскому, Янѣшевскому и Петру, кухару, сукно лутшее, да Тарасу, Яремѣ, Юску—подлѣйшее, Алексѣю, возницѣ, тузѣнокъ, и всѣмъ имъ и кухару Ѳедору по рублю, а Демяну и Алексѣю Полуденскому не далъ для того, что тотъ виноватъ, а сей забралъ.

Середа. 12. День былъ зранку свѣтелъ, тихъ, по полуднѣ по сторопамъ хмара, а передъ вечеромъ дожчъ и громъ. Ночъ тиха, свѣтла и тепловата. Сегодня обѣдалисмо въ Тулиг., а по обѣдѣ поехали и ехали поузъ Щебри до Некрасова миль болше 2-хъ, а оттоль до футора, изъ футора до Сваркова, где и ночовалисмо.

Четвер. 13. День былъ свѣтлій теплій, тихій, ночъ такова жъ. Сегодня рано, по службѣ Божой, зъ Сваркова поехавши, пріехали передъ обѣдомъ въ Глуховѣ, где, на Бѣлополовцѣ, у гетманского стола обѣдалемъ. Тамъ же обѣдалъ князь Іванъ Андреевичъ Щербатой и Петръ Семеновичъ Аргамаковъ, секретаръ его, по возвращеніи ихъ зъ Константинополя, куда онъ, князь, посиланъ билъ черезвычайнимъ посланникомъ. И подпіяхомъ. Оттуду съ нимъ п. Михайло и я ездили до коменданта Кишкина, Мякинина, Топѣлского, Воейкова и до его заездили, и смеркомъ розехались.

Пятокъ. 14. День былъ светлій, теплій и отчасти вѣтряній, ночъ свѣтла, тепла, тиха. Зъ Тихономъ Болботомъ да зъ Федоромъ Антоновичемъ, значковими Чернѣговского полку товаришами, раздѣлался такъ: принялъ у ихъ облѣкъ, что декавр. 1-го сего жъ году, должни они неотмѣнно отдать 117 р., да Михайлу Гав-

риленку 6 р., а если тогда не отдадутъ, то должни вдвое заплатить. По листовномъ прошенію двоюродной сестри моей Рубцевой, писалъ я до обозного полкового стар., просячи его о помоществованіе. Да имъ же Болботу, и Антоновичу, далъ я писмо до полковника чернѣговского, чтобъ имъ данъ судъ зъ ихъ должниковъ, просителное.

Субота. 15. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ свѣтла, тепла, тиха. Рано былъ у енерала, а обѣднѣ слушалъ на Бѣлополовцѣ, обѣдалъ у себе зъ родителемъ, женою и дѣтьми; у вечеру ездилъ до Паска, поздравить его пріездомъ жени его. Жена моя зъ дѣтми поехала въ Роменъ.

Неделя. 16. День и ночъ были сходніе зъ вчорайшими, свѣтліе, тепліе, тихіе. Сегодня рано былъ я у генерала, обѣдалъ и до вечера просидѣлъ.

Понедел. 17. День и ночъ были сходніе зъ вчорайшими, свѣтліе, тепліе и тихіе. Рано ездилемъ въ пасѣку Уздицкую, где засталъ роевъ всѣхъ 235, а старихъ было 265, итого всѣхъ 520, да оттуду поехалъ въ пасѣку другую, Шрамковскую, где всей пчоли 64, старой 28, а молодой 36, а оттоль отехалемъ у футоръ Калюжновскій, где и ночовалъ, а ехалъ зъ Глухова до Семеновки полтора часа, отъ Семеновки до Уздицѣ часъ, оттоль до пасѣки 20 минутъ, да зъ пасѣки Уздицкой до Шрамковой болшъ часа, на прошки, отъ пасѣки Шрамковой до греблѣ Холопковской полчаса, оттоль до футора 3 четверти.

Вовтор. 18. День и ночъ были свѣтліе, тихіе и тепліе велми. Сегодня рано зъ футора Колюжновского поехалъ въ Сварковъ, а оттоль въ Глуховъ, где у судъ енер. заходилъ и переговаривалея со Львовимъ, который, когда я объ мужику, шевцю сварковскомъ сталъ судей просить, сталъ переговаривать. Оттоль пріехавши, засталъ брата Марка, пріехавшого съ Куренѣ въ Глуховъ, и Желяза, которій пріехалъ зъ Ромна зъ вѣдомостю, что сестрѣ моей Олесѣ дочъ Анна родилась. У вечеру билъ у мене повѣренний Шереметева и отойшолъ, обѣщавшись до Шереметева писать.

спорить и прекословить не буду и права себѣ къ тому не оставляю, во утвержденіе чего сіе право рукою моею подписую и печать герба моего прилагаю, при упрошенныхъ отъ меня самолично, нижеподписавшихся стороннихъ свидѣтеляхъ году, мѣсяча и числа вышеписанныхъ. Къ сему улитому праву руку и печать приложила маіора Ивана Лашкевича жена Настасіи Лашкевичева.

По персональному прошенію ея в. бл-дія Настасьи Петровны Лашкевичевой, къ сему улиточному праву во свидѣтельство, при печати, подписался кол. ас. Федоръ Сплевичъ.—По самоличному прошенію г-жи майорши Настасьи Петровны Лашкевичевой въ свидѣтельство на семъ улитомъ правѣ подписался и печать приложилъ тит. сов. Максимъ Яковлевъ.

Сіе улиточное право женѣ майора Ивана Степановича Лашкевича, Настасьѣ Петровнѣ г-жѣ Лашкевичевой, Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, въ Стародубскомъ судѣ, при поданномъ отъ нея прошеніи персонально, 16-го числа сего іюля, сознато и въ книгу въ чистую сего суда подъ № 13, отъ слова до слова точностію вписано, и что оное дѣйствительно рукою ея, г-жи Лашкевичевой, при ея печати и руками, подписавшихся свидѣтелей, при ихъ печатяхъ, подписано и въ судѣ семъ персональчо сознато, въ томъ уѣздный Стародубскій судъ надлежащимъ подписомъ, съ приложеніемъ судовой печати, завѣряетъ, а затѣмъ и возвращено оное съ сею судовою подписью г. секундъ-маіору Ивану Степановичу Лашкевичу, 1790 года іюля 17.

Въ 1791 г., какъ видно, изъ слѣдующихъ документовъ, П. С. Милорадовичъ помирился съ тещею и ея братомъ Фридрикевичемъ и простилъ дочь. Повидимому, слѣдствіемъ этаго мира была уступка Настасьей Степановной Полуботковой своихъ имѣній ея внукамъ, дѣтямъ ея дочерей Софіи и Федосьи, т. е. Г. П. Милорадовичу, Н. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку.

---

40. Мировое прошеніе П. С. Милорадовича, Г. Г. Фридрикевича и Н. С. Полуботковой. 1791 г., октябрь.

1791 года, октября ‹ ›. Мы нижеподписавшіеся: съ одной стороны, уполномоченный отъ брата моего родного ген.-м. Петра Сте-

пановича Милорадовича ген.-пор. Черниговскаго намѣстничества губернаторъ и кавалеръ Андрей Милорадовичъ, а съ другой, собственно за себя, ст. сов., Черниговскаго намѣстничества палаты гражданскяго суда предсѣдатель Григорій Фридрикевичъ и вдовствующая бунч. товарища жена Анастасія Полуботкова, симъ нашимъ мировымъ, согласно праву статутовому, розд. 4-го, арт. 25, постановленіемъ всякому суду и праву и всѣмъ, кому и гдѣ только вѣдать надлежитъ объявляемъ:

1) Ген.-м. Петръ Милорадовичъ взнеслъ въ уѣздный Городницкій судъ искъ съ насъ на Григорія Фридрикевича и Анастасію Полуботкову, вмѣняя, что будто по поводу нашему дочь его Настасья Милорадовичева Лашкевичева изъ дому съ насъ, Фридрикевича, въ селѣ Смячѣ состоящаго, съ нимъ, Милорадовичемъ, не поѣхала, и выводя для себя онъ, Милорадовичъ, отъ насъ въ томъ безчестіе и тяжкую обиду, сіе дѣло перешедъ—уѣздный Городницкій и верхній земскій Черниговскій суды,—дошло, по апелляціямъ, до палаты гражданскаго суда и нынѣ оно по препорученію его в. пр—ва, г. ген.-анш., сенатора, генералъ губернатора и разн. орд. кавалера Михайла Никитича Кречетникова, находится подъ разсмотреніемъ въ Кіевской гражданской палатѣ.

2) Сіе дѣло я, Андрей Милорадовичъ, по уполномочію брата моего Петра Степановича—оставляю, уничтожаю и предаю вѣчному забвенію, равнымъ образомъ и мы, отвѣтчики, Фридеркевичъ и Полуботкова, взаимно и отъ себя оное дѣло оставляемъ, уничтожаемъ и предаемъ его вѣчному забвенію, обязываясь, какъ съ одной такъ и съ другой стороны, ни въ какія по оному дѣлу претензія и требованія не входить и не отзываться.

3) Напослѣдокъ, всѣ мы нижеподписавшіеся совокупно просимъ всѣ тѣ правительства и судебныя мѣста, до коихъ сіе дѣло доходило, дабы уже объ немъ и самое на предбудущіи времена вспоминаніе загладить, вынуть изъ дѣла всѣ бумаги отъ обѣихъ стороoъ по сему предмету подаванныя, а журналы и опредѣленія, коихъ по причинѣ оправки оныхъ въ книгахъ, вынуть невозможно, уничтожить и умории отмѣтками въ правѣ статутовомъ, розд. 7-го, въ арт. 6, въ параг. 3 узаконенными, все вышеписанное утверждаемъ мы собственоручными нашими и свидѣтельскими подписями, съ приложеніемъ печатей. *(Съ черновика)*.

41. Прошеніе П. С. Милорадовича въ сенатъ о прекращеніи дѣла, возникшаго по жалобѣ на засѣдателей Сосницкаго уѣзднаго суда. 1791 г.

Приноситъ прощеніе генералъ маіоръ Петръ Степановичъ Милорадовичъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

(По титулѣ). Огорченъ будучи дочерью моею, съ женою моею Софіею Семеновою, урожденною Полуботковою, сположенною, Анастасіею Милорадовичевою, за выходъ ея въ замужіе безъ моего вѣдома за сек.-маіора Лашкевича, учинилъ было изреченіе оной дочери моей черезъ поданное Черниговской губерніи въ уѣздный Городницкій судъ прошеніе 1789 г., августа 9 дня, а въ Новгородское-сѣверское намѣстническое правленіе, того же году, сентября 3-го, жаловался я на засѣдателей уѣзднаго Сосницкаго суда за то, что они на таковое супружество дали дочери моей позволеніе, по которой жалобѣ дѣло перешедъ въ верхній земскій Новгородскій-сѣверскій судъ и тамошнюю палату гражданскаго суда, напослѣдокъ дошло въ правительствующій сенатъ, по апелляціи уже дочери моей, гдѣ и нынѣ подъ разсмотрѣніемъ находится.

Но какъ я нынѣ, преклонясь жалостію и милосердіемъ къ дочери моей и ея мужу, а моему зятю, въ той нанесенной мнѣ досадѣ, отчески ихъ простилъ, возвратилъ имъ званіе моихъ дѣтей, позволилъ ей, дочери моей, учинить съ братомъ ея малороссійскимъ почтъ-директоромъ надв. сов. Григоріемъ Милорадовичемъ раздѣлъ въ материнскомъ ихъ имѣніи, благословилъ ихъ бракъ и принялъ ихъ въ совершенную родительскую милость, любовь и благопризрѣніе; изреченіе жъ оное въ уѣздномъ Городницкомъ судѣ совсѣмъ уничтожилъ и изъ уничтоженія сего взялъ урядовую выпись, то посему уже слѣдуетъ уничтожить и предать вѣчному забвенію и оное въ правительствующимъ сенатѣ дѣло, равно къ уѣзднымъ Сосницкаго суда засѣдателямъ и никакого уже дѣла имѣть не долженъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе и прилагаемую съ уничтоженія моего изреченія выпись уѣзднаго Городницкаго суда принять, записать, а оное въ правительствующемъ сенатѣ, 3-го департамента подъ разсмотрѣніемъ находящееся дѣло, по жалобѣ на засѣдателей уѣзднаго Сосницкаго суда за позволеніе, данное ими выйдти моей дочери въ замужье оставить безъ разсмотрѣнія прошенія и предать его вѣчному забвенію. *(Съ черновика)*.

42. Уступочная запись Н. С. Полуботковой своихъ имѣній ея внукамъ, Г. П. Милорадовичу, Н. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. 1791 г., 16 октября.

По указу ея императорскаго величества, изъ Черниговскаго уѣзднаго суда, дана сія выпись высококоблагородной г-жѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Настасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, съ представленнаго въ сей судъ, 1792 года, февраля 23, при прошеніи отъ провинц. секр. Василія Триполскаго, по извѣренію онаго ея мужа Лашкевича и гг. малороссійскаго почтъ-директора и надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича и поручика Николая Михайловича Стороженка, уступнаго записа, совершеннаго Черниговскаго н—ства въ палатѣ гражданскаго суда и явливаннаго въ уѣздномъ Сосницкомъ и Городницкомъ судахъ, даннаго имъ, г-мъ Милорадовичемъ, женѣ Лашкевича, Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичъ, и Стороженку, отъ бабки ихъ, вдовствующей бунч. тов. жены Анастасіи Степановны Полуботковой, на уступленіе ею имъ свое недвижимое имѣніе и люди Черниговскаго и Новгородсѣверскаго намѣстничествъ, въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ и Сосницкомъ, состоящее. которой уступной записи отъ слова до слова содержаніе таково:

1791 г., октября въ 16-й день. Умершаго бунч. тов. Семена Яковлева сына Полуботка жена Анастасія Степанова, дочь Полуботкова, въ родѣ своемъ непослѣдняя, я, Настасія, имѣя въ Черниговскомъ и Новгородско-сѣверскомъ намѣстничествахъ, уѣздовъ Городницкаго, Черниговскаго и Сосницкаго, въ владѣніи, моемъ доставшіеся мнѣ отъ упомянутаго мужа моего на правному вѣчному запису 1752 года, маія 8 дня данному, разныя недвижимыя имѣнія въ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ, съ принадлежащими къ нимъ землями, мельницами и разнаго званія угодіями съ крестьянами, которыхъ по послѣдней ревизіи состоитъ мужескаго пола 2537 душъ.

Приняла добровольное и отнюдь непринужденное намѣреніе, пользуясь свободою по правамъ малороссійскимъ, книги статутъ розд. I, въ арт. 1-мъ, и именномъ высочайшемъ указѣ въ 3-й день маія 1783 года, изданномъ дворянству въ малороссійскихъ губерніяхъ предоставленномъ, оныя села, деревни, слободы и хутора съ крестьянами, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями, лѣсами, мельницами и разнаго званія угодіями, наличными и кои впредь законнымъ оаразомъ отысканы и присовокуплены быть могутъ, дать и за-

испать въ спокойне, вѣчное и наслѣдственное владѣніе внукамъ моимъ, дѣтямъ дочерей моихъ уже умершихъ, старшей жены ген.-м. Петра Степановича Милорадовича Софьи Семеновны Милорадовичевой, сыну малороссійскому почтъ-директору надв. сов. Григорію Петровичу Милорадовичу, дочери секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича, женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, меншой дочерѣ жены умершаго надв. сов. Михайла Михайловича Стороженка Феодосіи Семеновны Стороженкоиой, сыну лейбъ-кирасирскаго полка третьей бригады поручику Николаю Михайловичу Стороженку, по истинному моему къ нимъ, внукамъ, моимъ расположенію и любви, по нижеслѣдующему: *Первое*, внукамъ моимъ, старшей дочери Софіи Милорадовичевой дѣтямъ: сыну, малороссійскому почтъ-директору Григорію Петровичу Милорадовичу и дочерѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, Черниговскаго намѣстничеств и уѣзда онаго села: Жукотки, слободу Черничую, Полуботки, Халявинъ, деревни: Пѣвцы, Коты, Павловку, съ мельницею тамо имѣющеюся, Песски и Подгорное, съ сѣнными покосами, именуемыми Пчелскъ и подъ дубомъ, да Новгородско-Сѣверской губерніи, уѣзда Сосницкаго, село Савинки съ хуторомъ тамошнимъ, деревни: Тѣлное и Габриліовку и къ сей деревни Габриліовкѣ раздѣля пущу и всѣ земли, яко совмѣстныя и нераздѣльныя къ Габриліовкѣ съ Каруковкою, къ первой со всей окружности отдѣлить третую часть, а ко второй, т. е. къ Каруковкѣ, двѣ части, въ оной же окружности; всѣ сіи имѣнія со всѣми крестьянскими дворами, крестьянами обоего пола, мужеска и женска, по послѣдней ревизіи за мною записанными, исключая отданныхъ мною въ даръ, изъ Жукотокъ, внуку моему Григорію Милорадовичу, двухъ—Печернаго и Федоренка, да изъ Павловки племяннику моему Силичу—удовъ умершаго Афанасія Слѣкара жену съ дѣтми и другую—Марфу Губову съ дѣтми, да сироту Евдокима Бирулю, равно и двоюродному брату моему г. Кондратьеву мальчика Ивана Коржа, со всѣми землями пахотными, сѣнокосными, лѣсными, пущами, прудами, мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями и все къ нимъ принадлежащее и въ владѣніи моемъ находящееся, даю онымъ внукамъ моимъ, Милорадовичу и Лашкевичевой, въ вѣчное и потомственное, безповоротное ихъ владѣніе, къ раздѣлу между собою на равныя части. *Второе.* Внуку моему, меньшой дочери моей сыну лейбъ-кирасирскаго полка, 3-й бриг., поручику Николаю

Михайловичу Стороженку, Черниговскаго намѣстничества, уѣзда Городницкаго, село Новыя Боровичи, съ плотиною и всѣми мельницами на рѣкѣ Сновѣ состоящими, деревни: Старые Боровичи, Здряговку, х. Андруши, и въ городѣ Городни шинковой дворъ, да Черниговскаго уѣзда, слободу Мохнатинскую, с. Выбли и х. Уборковскій, Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества, уѣзда Сосницкаго, деревни: За-гребелкою слободу, Илькучу, Каруковку съ х. Каруковскимъ, къ которымъ изъ всей, яко неограниченной окружности, пущи и земель между Каруковскою и Габриліовскою, какъ выше сего, въ первомъ пунктѣ, сказано, за выдѣлкою третей части въ Габриліовкѣ присоединить двѣ части къ Каруковкѣ, все сіе имѣніе съ крестянскими дворами и крестьянами, изъ коихъ исключая отданныхъ въ даръ мною изъ Боровичъ, внучкѣ моей Анастасіи Лашкевичевой, Василія Кіенца, Кирилла Лисиченка, Федора Кислаго и Семена Сницаренка, обоего мужеска и женска, по послѣдней ревизіи за мною записанными, со всѣми землями пахатными, сѣнокосными, лѣсными, прудовыми мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями, отдавая въ вѣчное, потомственное и безповоротное владѣніе оному внуку моему Николаю Михайловичу Стороженку, препоручаю нынѣ же въ его полное владѣніе и собственное распоряженіе сіе только имѣніе, именно: село Вибли и хуторъ Уборковскій и слободу Мохнатинскую со всѣми крестьянами, землями пахотными, сѣнокосными, лѣсными и со всѣми имѣющимися въ тѣхъ селеніяхъ и къ онымъ принадлежащими угодіями, а прочее имѣніе выше сего прописанное, въ часть ему внуку моему Стороженку отъ меня отдаваемое, оставляю я по смерть мою въ единственномъ моемъ владѣніи съ тѣмъ, чтобы онъ, внукъ мой, Николай Стороженко по смерти моей все сіе имѣніе, какъ уже собственное свое, принять имѣетъ и онымъ владѣть и располагать по волѣ своей властенъ будетъ. *Третье*, всѣ крѣпости и бумаги, служащія на каждую часть отдаваемаго мною имѣнія внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, Настасьѣ Петровнѣ Лашкевичевой, имѣю вручить по совершеніи на оное имѣніе законной крѣпости, а принадлежащія на часть внука Николая Михайловича Стороженка дожны остаться при мнѣ состоящимся по смерть мою его имѣніемъ. *Четвертое*, движимое мое имѣніе, находящееся только въ части опредѣленной внуку моему Николаю Стороженку, оставляю въ полной моей свободѣ и власти, а по смерти моей остаться оному навсегда безъ раздѣла ему же, внуку моему, Стороженку.

Вышеписаное жъ все имѣніе стоитъ суммы сто тысячъ рублей, а на предъ сего оное отъ меня иному никому не продано и не заложено, и ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплено и ни за что не отписано; за крестьянъ же въ вышеписанныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ по послѣдней ревизіи за мною записанныхъ, изъ сей уступки подушныя деньги и всякія государственныя подати платить онымъ внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, сестрѣ его Анастасіи Петровнѣ Лашковичевой и Николаю Михайловичу Стороженку, каждому за свою часть, а мнѣ до того дѣла нѣтъ. Что же принадлежитъ до оставленныхъ мною при себѣ по смерть мою изъ части внука моего Николая Михайловича Стороженка крестьянъ, за оныхъ платежъ всякихъ податей производить должна я, а въ написаніи всей уступки сему имѣнію цѣны безъ утайки состоявшійся и публикованный изъ правительствующаго сената въ 1752 г., іюля въ 29 д., указъ при семъ объявленъ.

Къ оной уступкѣ подписались:

Къ сей уступки, по извѣренію сестры моей умершаго бунч. тов. Семена Яковлева сына Полуботка жены Анастасіи Степановны дочери Полуботковой, въ томъ, что она вышеписанное имѣніе свое внукамъ ея малороссійскому почтъ-директору надв. тов. Григорію Петровичу Милорадовичу, секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, и лейбъ-кирасирскаго полка поручику Николаю Михайловичу Стороженку отдала, руку приложилъ статскій совѣтникъ, предсѣдатель гражданской Черниговской палаты, Григорій Григорьевъ сынъ Фридрикевичъ.

У сей уступки свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ генералъ-поручикъ и Черниговскаго намѣстничества губернаторъ и кавалеръ Андрей Милорадовичъ. У сей уступки свидѣтелемъ.,. генералъ поручикъ Петръ Өедоровъ сынъ Талызинъ. У сей уступки... товарищъ правителя кол. сов. и кавалеръ Яковъ Леонтьевъ сынъ Бакуринскій. У сей уступки... ст. сов. и Черниговскаго уголовнаго суда палаты предсѣдатель Афанасій Филимоновъ сынъ Шафонскій. У сей уступки... верхняго земскаго суда предсѣдатель кол. сов. Якимъ Ивановъ сынъ Оболяниновъ. У сей уступки... надв. сов. Николай Антоновичъ Милорадовичъ. У сей уступки... кол. ас. Яковъ Петровъ сынъ Волватьевъ. У сей уступки... кол. асессоръ Василій Яковлевъ сынъ Дунинъ-Борковскій. У сей уступки... кол. ас. Дмитрій Михайловъ сынъ Енько. У сей уступки... маіоръ Григорій Яковлевъ сынъ Почека. У сей ус-

тупки... примеръ-маіоръ Иванъ Михайловъ сынъ Лисаневичъ. У сей уступки... тит. сов. Иванъ Григоровскій. У сей уступки... поручикъ Степанъ Ѳедоровъ сынъ Геевскій. У сей уступки... кол. ас. Григорій Семеновъ сынъ Гуляницкій. У сей уступки... надв. сов. Степанъ Андреевъ сынъ Прежевскій. У сей уступки... кол. ас. Василій Леонтьевъ сынъ Булавкинъ. У сей уступки... тит. сов. Степанъ Григорьевъ Енько. У сей уступки... войсковой товарищъ Иванъ Андреевъ сынъ Шрамченко. У сей... кол. ас. Романъ Ивановъ сынъ Марковичъ. У сей... надв. сов. Иванъ Андреевъ сынъ Войцеховичъ. У сей... надв. сов. Василій Яковлевъ сынъ Тарновскій. У сей... кол. ас. Василій Ивановъ сынъ Чернышъ. У сей... надв. сов. Иванъ Енко. У сей... прапорщикъ Андрей Ивановъ сынъ Савичъ. Сію уступку писалъ кол. канцеляристъ Семенъ Козачинскій. Запрещенія нѣтъ. 1791 г., октября 16 дня. Совершить по указу. Секретарь Василій Оболонскій. 1791 г., октября 16.

Сія уступка Черниговскаго н—ства въ палатѣ Гражданскаго суда крѣпостныхъ дѣлъ писанная и въ книгу подлинникомъ записана. Пошлинъ 5000 р., отъ письма 100 р., отъ записки 20 коп. и на расходъ 25 р. 50¹/₂ коп., всего 5125 р. 70²/₃ к. взято. Совершилъ надсмотрщикъ Черниговской гражданской палаты регистраторъ Михаилъ Лопатинъ. На оной уступкѣ учинены судовыя засвидѣтельствованія таковы: 1791 г., октября 25. Какъ сія уступка писана Черниговскаго намѣстничества и совершена крѣпостныхъ дѣлъ въ палатѣ гражданскаго суда, и въ книгу подъ № 14 записана, изъ показанной въ оной уступкѣ сто тысячъ рублей цѣны подлежащіе пошлины взнесены. Въ сей же уѣздный Сосницкій судъ, яко представленаа единственно для вписанія оной въ книгу крѣпостей по положенію съ означенныхъ въ той уступкѣ имѣній, яко то села Савинокъ съ х. Каруковскимъ и въ семъ уѣздѣ которые, какъ и по справкѣ оказалось, дѣйствительно такъ и состоятъ, то оная уступная запись за силой учиненнаго сего октября 24 опредѣленія съ представленіемъ въ прочемъ выполненіе объ оной обрядъ въ высочайшихъ учрежденіяхъ подписаннаго тому мѣсту, въ которомъ она совершена въ крѣпостную сего суда книгу, на сей 1791 годъ заведеную, подъ № 14, вписана для вида изъ сею помѣтою въ сторону пріобрѣтателей имѣнія гг. почтъ-директора надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича, секундъ-маіора Ивана Лашкевича, женѣ Анастасіи Петровнѣ Милорадовичевнѣ Лашкевичевой и поручика Николая Михайловича Стороженка возвращена. Оное подписали: Судья уѣздный, тит. сов. Алексѣй Павловскій.

Засѣдатель сек.-м. Павелъ Полторацкій. Засѣдатель Андрей Лисянскій. Въ докладѣ дѣлъ регистраторъ Семенъ Юзефовичъ. 1792 года, генваря 29, по сей крѣпости, въ силу полученнаго изъ гражданской Новгородско-Сѣверской палаты указа положенію, значилось въ ней имѣнія въ Сосницкомъ уѣздѣ. На основаніи высочайшаго учрежденія статьи 205, въ уѣздномъ Сосницкомъ судѣ къ судейскимъ дверямъ листъ выставленъ, потомъ въ правительствующій сенатъ, въ оба департамента и въ верхній судъ отрапортовано, для того и сія крѣпость въ сторону пріобрѣтателей возвращена. Судья Алексѣй Павловскій. Засѣдатель Павелъ Полторацкій. Засѣдатель Андрей Лисянскій

Сія вѣчистая крѣпость, написанная въ Черниговской палатѣ гражданскаго суда, въ Городницкій уѣздный судъ, по силѣ высочайшихъ о губерніяхъ учрежденій главы 15, статьи 205, для выполненія обряда по положенію значащагося въ ней имѣнія, въ семъ Городницкомъ уѣздѣ состоящаго, со стороны пріобрѣтателей онаго имѣнія, при прошеніи сего февраля 3 числа, была представлена и по опредѣленію сего суда оная крѣпость съ прошеніемъ и вѣрующіе два листа, приложенныи при ономъ, вписаны въ крѣпостную сего суда книгу на 1792 годъ заведенную, подъ № 1, на листахъ 1, 2, 3, 4, 5 и въ сторону пріобрѣтателей гг. почтъ директора надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича, секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича жены, Анастасіи Петровны Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой и поручика Николая Михайловича Стороженка, повѣренному ихъ провинціальному секретарю Василію Трипольскому съ надлежащею помѣтою сія крѣпосcь возвращена, а въ силу вышеписанной высочайшихъ учрежденій статьи 205, опредѣлено въ правительствующій сенатъ при рапортѣ, за скрѣпою секретарскою объявленіи послать, въ верхніи земскій судъ отрапортовать, для объявленія споровъ на двугодичное время прибить къ судейскимъ дверямъ листъ. 1792 г., февраля 5 дня. Судья Яковъ Лизогубъ. Засѣдатель Иванъ Лысенко. Секретарь Андрей Елинскій. Коллежскій канцеляристъ Антонъ Бороздна.

По учиненному въ уѣздномъ Черниговкомъ судѣ 1792 года, февраля 24, опредѣленію, вышеписанной уступкой запись въ книгу земскихъ крѣпостей подъ № 1 вписанъ, по силѣ высочайшихъ учрежденій главы 15, статьи 205, листъ къ судейскимъ уѣзднаго Черниговскаго суда дверямъ, касательно имѣній въ Черниговскомъ уѣздѣ положеніе имѣющимъ, два года прибить, тако-жъ въ правительствующій сенатъ и въ верхній земскій судъ, съ приложеніемъ объявленій,

отрапортовано, въ засвидѣтельствованіе чего и сія выпись г-жѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Настасьи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, изъ уѣзднаго Черниговскаго суда, за подписомъ присутствующихъ и при судовой печати, выдана, а таковыя же выписи и гг. малороссійскому почтъ-директору надв. сов. Григорію Петровичу Милорадовичу и поручику Николаю Михайловичу Стороженку, съ возвращеніемъ съ нихъ г. Милорадовичу и подлиннаго уступнаго записа, для поступленія за прошествіемъ двухъ лѣтъ по прописанной 205 статьи учрежденія. 1792 года, марта 3 дня. Судья Федоръ Якубинскій. Засѣдатель Павелъ Шуба. Засѣдатель Петръ Каменецкій. Секретарь кол. протокол. Иванъ Скорина.

Засимъ, слѣдуютъ письма И. С. Лашкевича къ женѣ, писанныя послѣ того, какъ онъ началъ въ Черниговскомъ уѣздномъ судѣ процессъ противъ П. С. Милорадовича и сына его Григорія Петровича за то, что они «удерживаютъ материстыя жены его недвижимыя имѣнія, принадлежащія ей въ равный подѣлъ съ бравомъ».

---

44. Душа жизни моей, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасія Петровна! День се изходитъ третій по твоемъ отъѣздѣ, ангелъ мой Настенька! которой меня влечетъ съ одной скуки въ другую наибольшую, кою долженствую преодолѣвать. Итакъ, я сегодня выѣжаю въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ, по крайнему несчастію, недѣлю предполагаю прожить, и въ сіе время весьма могу примѣтить, куда будетъ дѣло клонится, когда моя прозьба не успѣетъ, а отъ туда буду наискорѣе спѣшить въ твои дражайшіе, душечка моя, обятія, пристанище покоя моего, цѣлую тебя, жизнь мою, миліонъ разъ. Dememe, je benice mon aimable petite enfen. Не скучай же, маменька моя, вѣрь мнѣ, что ни минуты не медлю къ тебѣ летѣтъ! Будь, ангельчикъ мой, здорова и береги себѣ выпускать изъ памяти, что съ твоимъ здоровьемъ сопряжена моя жизнь; не забывай, душа души моей, твоего вѣрнѣйшаго друга и послушнаго вовѣкъ мужа Ивана Лашковича. Матушка вамъ кланяется. Улянѣ Семеновнѣ мой поклонъ и Григорію Гер. также. Наши въ Москву уже приехали и каково получилъ я письмо отъ Гаврила Г., оное посилаю въ достоверность

отцу протопопу и супругѣ его, которое имъ вручите. И вамъ братъ мой пишетъ изъ Москви его почтеніе, равно и Федотъ Гер. и Анна С. *(1789 г., 2 окт. Брахловъ)*.

45. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, жизнь души моей Настасія Петровна! Сей день получилъ я твое письмо, которое меня привело въ великой восторгъ и причинило наивеличайшее удовольствіе въ душѣ моей. Но жаль мнѣ до крайности, что я не могу еще ничего сказать рѣшительного о моей здѣсь прескучнѣйшей жизни, ибо ничего не знаю, какъ наше дѣло пойдетъ, которое я уже началъ, а примѣчаю, что судьи на его глядятъ съ великимъ негодованіемъ и боятся оного, потому что оное противъ Милорадовича, то чтобъ того не было, что исправнику Городницкому, и жалѣютъ почему мы его не начали въ Городнѣ, но какой конецъ они мнѣ здѣлаютъ—повижу. Но сколько примѣтить я могу, съ разговоровъ ихъ, къ нашей сторонѣ нехорошо они расположены, и чтобы не довелось на ихъ жаловаться намѣстнику. Коровъ твоихъ проведено въ Жукотки, а тамошнюю отправлю въ Савинки, по твоему желанію; о ключникѣ, ко мнѣ писанному, не видѣвшисъ съ тобою, я ни слова не могу сказать. Жнива здѣшніи не слишкомъ хороши, по сказкамъ тутешнихъ стариковъ, противъ прежнихъ временъ. Теперь нажато, на гумно свожено въ Жукоткахъ 469 копъ, въ Полуботкахъ 170 копъ, итого всѣхъ 639 копъ. Ярь не вся сжата, но въ Полуботкахъ копа даетъ овса 6 четвериковъ и 4 гарца, но его мало весьма такъ хорошаго, только въ семъ селеніи, а въ Жукоткахъ пропалъ. Не думаю, чтобъ сее письмо застало васъ въ Боровичахъ, но какъ вы скоро ѣдете въ Карюковку, то надѣюсь, что будете и въ Савинкахъ. Развѣдай тамъ и въ Сосницѣ, почему можно купить четверть жита, и о семъ меня увѣдоми не въ продолжительномъ времени, а я бы къ тебѣ отъсюда подослалъ мѣди 200 р. на покупку хлѣба, а ты, душа моя, постарайся и прикажи Гурію, чтобъ винокурня исправна была, чтобъ начать винокуреніе неотмѣнно съ 15-го сентября. Наконецъ, мисленно разцѣловавъ тебя сто тисячъ кратъ и предаясь въ вѣчную твою любовь и дружбу, остаюсъ къ тебѣ наполненъ таковыми же чувствами, вашъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ *(1790 г., 7 авг. Черниговъ.)*

46. Любезнѣйшій другъ мой, душа души моей, ангелъ дражайшій Настенька! Спѣшу тебя увѣдомить, что я слава Богу уже въ судѣ управился и позовъ взялъ, теперь остается черезъ засѣдателя нижняго земскаго суда тотъ позовъ положить въ Криничномъ, а по-

тому я рѣшился для сего оставить тутъ повѣреннаго, какъ для сего случая, равно и другіе двѣ маленькіе выправки здѣлать, а самъ я положилъ отсюда выѣхать въ слѣдующій понедѣлникъ или во вторникъ къ вамъ, для того и отправляю сего нарочнаго во первыхъ, что онъ нездоровъ, а другое, чтобъ тебя увѣдомить о моемъ скоромъ къ тебѣ пріездѣ; сіе потому дѣлаю, чтобъ намъ не разѣхатся, какъ о томъ прежде ты, душечка, ко мнѣ писала. Теперъ уже не безпокойся, я къ тебѣ лечу. Намѣстникъ на сихъ дняхъ сюда уже будетъ конечно, естъ о томъ вѣрнѣйшее извѣстіе, и для сего случая надобно домой спѣшить намъ. Я теперъ въ неизвѣстности, гдѣ вы, но моя мысль такова, когда сіе мое письмо получите въ Карюковкѣ, то остается въ вашей волѣ тамъ оставаться или пріѣхать въ Боровичи, какъ бабушкѣ угодно, но я прошу покорно увѣдомитъ меня, гдѣ мнѣ васъ искатъ и чтобъ ясное увѣдомленіе въ Боровичахъ засталъ, ибо я буду можетъ почтою. Буду къ вамъ зъ Николаемъ Михайловичемъ (Стороженкомъ) въ понедѣлникъ на ночъ или во вторникъ на обѣдъ или на ночъ, такъ я думаю, что когда застану васъ въ Карюковкѣ, то оттуда поѣдемъ въ Савинки, а изъ Савинокъ въ Брахловъ. Сегодня я ѣду въ Жукотки, а завтра сюда возвращусъ, кое што тамъ учредивши. Надобно мнѣ и о семъ тебя увѣдомитъ, что по взятіи позва, Григорій Петровичъ и я всякой день видимся и идутъ прежаркіе переговоры о дѣлѣ и раздѣлкѣ, и положили было (на?) сторонихъ посредниковъ, онъ—Бакуринскаго, а я—дѣдушку Григорія Григріевича; они между собою не видались, потому не можемъ сами съ собою ни до чего рѣшительно доитить ибо какъ только слово о раздѣлѣ, то вдругъ и возметъ кашлять и показуетъ мнѣ, что у его кровъ будто изъ горла идетъ, но какъ есть изъ зубовъ; я его здоровья жалѣвши, перестаю говорить. Такъ суди, другъ мой, какъ можно съ такимъ человѣкомъ выиграть терпѣніемъ. Однакъ я былъ съ нимъ у г. Бакуринскаго, а онъ со мною у дѣдушки, гдѣ кажется довольно ему дѣдушка уличалъ о всѣхъ его несправедливостяхъ къ нашей обидѣ. Бога ради, извини меня передъ бабушкой, что не могу теперь ничего къ ней писать, а засвидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе и поцѣлуй бабушку за меня дражайшіе ея руки матерные. Възаключеніе, цѣлую тебя, друга моего найдрагоцѣннѣйшаго, сто тысячъ кратъ и горю желаніемъ наискорѣе съ тобою видѣтся. Прощай, душа моя, до свиданья, имѣя въ памяти твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Здѣсъ въ домѣ такъ много больнихъ обложною болѣзнью, что дѣйствительно надобно утѣкать да

и во всемъ городѣ безъ изятія. На сихъ дняхъ жена Долинскаго родила дочь, коя во святомъ крещеніи наречена Пелагія. *(1790 г., 10 авг. Черниговъ.)*

47. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька! душа жизни моей. Въ господствующей здѣсь скукѣ и трудахъ, до крайности мнѣ пріятно было получа твое дражайшее письмо. Я съ мой стороны наготовилъ уже человѣка къ тебѣ и завтра отправлю съ увѣдомленіемъ, что у насъ сегодня будетъ въ судѣ съ Григоріемъ Петровичемъ. Я конечно приемлю съ удовольствіемъ твое обо мнѣ сѣтованіе, но съ другой стороны жестоко мнѣ тебя жаль, что напрасно, душечка, смущаеся. Божусь тебѣ, что я совсѣмъ здоровъ и воздухъ здешній) мнѣ поблагопріятствовалъ. Четужи, жизнь моя, обо мнѣ, а инако ты мнѣ новую болѣзнь причинишъ. Письмо къ матушкѣ здѣсь влагаю незапечатаннимъ, но въ конвертѣ и за моею надписью, въ которомъ когда хочешъ припишешъ, а когда не захочешъ въ ономъ приписивать, то запечатай моею именною печаткою и отправъ; да не худо и тебѣ, ангелъ мой, что нибудь къ матушкѣ написать. Боюсъ я когда бъ вы въ Карюковкѣ не замѣшкались. Алексашеньку поцѣлуй за меня и когда ѣхать будете въ Карюковку, Уляну Семеновну проси и отъ себя и отъ меня о соблюденіи дитяти, и Боже сохрани Санечкѣ здѣлается что худое, то развѣ вѣкъ не видатся, да чтобъ ея баба хлѣбомъ жеваннимъ не кормила. Когда застанешъ въ Савинкахъ уже бочку горѣлки, то присилай пожалуй къ Жукотки съ надежнимъ приставомъ, здѣлавши выпалки [1]), и вели Гурію, чтобъ обстоятельно написалъ какой доброты и сколько вѣдеръ. Въ Жукоткахъ остается полтори бочки самой той лутчей, то можно будетъ, когда привезенная будетъ недобротна, то здѣшнею подправится, а въ Жукоткахъ такъ управился, что и горѣлка вся скоро выйдетъ и денегъ въ недоимкѣ болѣе 100 р., которая когда не будетъ взискана, то мы будемъ въ накладѣ. Полсервиза куплено за 12 р., въ цѣлости довезенъ до Жукотокъ. Наконецъ цѣлую тебя мисленно тисяча тисячъ разъ, желаю тебѣ найлутчего здравія, остаюсь твой вѣрнѣйшелюбящій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. М. г-ню бабушку цѣлуй за меня ручки. *(1790 г., 1 окт. Черниговъ.*

48. Душа моя Настенька, вѣрнѣйшій и любезнѣйшій другъ! Неожидаемо скоро получилъ я отъ тебя, ангелъ, увѣдомленіе, кое со-

---

[1]) Т. е. измѣривъ крѣпость водки посредствомъ ея горѣнія; чѣмъ больше останется послѣ горѣнія, воды, тѣмъ водка окажется хуже.

вершено привело въ крайнѣйшее восхищеніе духъ мой. Благодарю Бога, что ты и Саша здоровы, и дай Господь непреривно намъ симъ наслаждатся. Душечка, когда ваша дорога въ Карюковку и въ Савинки подъ сумнѣніемъ, то Бога ради посилай нарочного въ Савинки и напиши приказъ къ Гурію, чтобъ присилалъ немедленно въ Жукотки бочку горѣлки съ надежнимъ приставомъ и чтобъ здѣлалъ выпалку, о всемъ чтобы писалъ къ Грозенку, и сколько будетъ въ бочкѣ вѣдеръ. Вчерась я видѣлся въ домѣ Якова Леотьевича Бакуринского съ нашимъ любезнимъ дядюшкомъ Иваномъ Степановичемъ и я сколько можно старался вѣжливо ему себа редомендоватся и просилъ его любвы и милости, но онъ мнѣ ни одного слова на сіе не отвѣчалъ, а потомъ мы повели стороннюю матерію. Сколько времени я долженъ буду тутъ пробыть и самъ не знаю, а скажу тебѣ, жизнь моя, что сегодня иду на горесть въ судъ противъ батюшки и братца почтеннѣйшихъ, которые въ свое оправданіе говорятъ, ни Бога не боясь, ни совѣсти и публики не стидясь, имѣютъ помощниковъ плутовъ дюжину, а мы съ тобою, за наши деньги, не можемъ имѣтъ и одного человѣка. Посуди, душа моя, какой совѣсти Яковлевъ, взявши жалованье и прогоны и нѣту его! Вотъ сколь мы несчастливы. Я не понимаю, чтобъ съ меня было, когда бъ Марковичъ Романъ Ивановичъ не обѣщался, по дѣдушкиной прозьбѣ и моей, пособлять намъ; да то бѣда, что много разъ бывъ напуганъ отъ мошенниковъ, иногда уже сумнюсь и чесному человѣку вѣрить и не смѣю, а больше всѣхъ на Господа положилъ надежду. Въ Нѣжинъ пошла подвода и все по твоему, душечка, приказанію исполненно, выключая лену въ Вересожъ, куда также при оказіи въ Жукотки, велю къ себѣ Печерному явится и отправлю его. Хвалюсь тебѣ, что съ самого моего пріезду ни разу не ужиналъ. Слухъ промчался, что братъ нашъ Галаганъ [1]) сговорилъ Марію Андреевну и что Андрей Степановичъ, ѣдучи изъ Вороньковъ съ Маріею А., были у его въ Сѣкеренцахъ. Посилаю Санечкѣ моей разнихъ сортовъ игрушковъ и желаю, чтобъ оны ея тѣшили, только ради Христа береги, чтобъ она себѣ глаза не спортила. Больше времени не имѣю говорить и любоватся на бумагѣ съ тобою, какъ бы мнѣ сіе не пріятно было; спѣшу и ѣду въ судъ, сегодня мы

---

[1]) Григорій Ивановичъ, родной племянникъ матери И. С. Лашкевича Прасковьи Григорьевны, рожд. Галаганъ. Марья Андреевна—дочь Андрея Степановича Милорадовича. Упоминаемый здѣсь „сговоръ“ однакожъ не состоялся, такъ какъ Гр. Ив. былъ женатъ на Иринѣ Антоновнѣ Милорадовичъ.

будемъ съ нашими благодѣтелями документами размѣнѣватся; при первой оказіи увѣдомлю тебя, смотря по обстоятельствахъ, когда тебѣ, жизніоночекъ мой, приездить въ Жукотки; я безъ тебя до смерти скучилъ, когда бъ только Богъ далъ, чтобъ вы скорѣе изъ Карюковки воротились. Цѣлую тебя тисячу кратъ, обладательницу души моей, а ты отъ меня дочку поцѣлуй въ щечку и имѣй въ непреложной любвѣ и памяти твоего во вѣкъ вѣрнѣйшего мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Любезный нашъ братецъ Григорій Петровичъ изъ Любецкаго владѣнія послалъ вчерась въ деревни жени своей двѣстѣ подводъ за овсомъ; были такіе мужики изъ посилаемыхъ, что давали ему здѣсъ по 5 чвертокъ овса, чтобъ только не ѣхатъ, видя свою гибель, но таковыхъ выталкать онъ велѣлъ. (*1790 г., 7 окт. Черниговъ.*)

49. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, ангелъ жизни моей Настенька! Разставшись съ тобою, приехалъ я сюда на день св. Николая, въ 3-мъ часу по полудны, не притерпѣвъ въ дорогѣ черезъвычайной нужды, кромѣ той, что въ 20 верстахъ отъ Боровичъ колесо кибитки Томариной вънрахъ разсыпалось, а за пріѣздомъ моимъ сюда, спина моя не хотѣла мнѣ служить, не давъ о себѣ почувствовать черезъ сутки, сколько она оскорблена отъ дурной дороги, но послѣ того и теперь, по сіе время, благодаря провидѣнія, я такъ здоровъ, что подобнаго здоровья тебѣ, душа моя, и Сашенькѣ желаю! Засталъ я здѣсь дѣло внѣ всякой опасности, но какъ уже подписанъ нашимъ повѣреннимъ экстрактъ, то потому и захотѣлось заглянутъ въ дѣло мнѣ самому окомъ хозяина, а не наемника, помня тую пословицу, *что наемникъ, яко наемникъ*, и перебырая оное по листамъ, какъ уже извѣстную мнѣ матерію, удивился наижесточайше, что не нашелъ я двухъ документовъ отъ стороны батюшки и братца любезнѣйшего, мнѣ на судѣ данныхъ, при размѣнѣ крѣпостей; таково бездѣлство мнѣ не понравилось, то я тотъчасъ суду о такой фальшѣ опротестовалъ, а между тѣмъ, какъ я имѣлъ изъ суда мнѣ данныхъ два документа за скрѣпою секретаря, подобные украденнымъ, то я въ точности при челобытной и представивъ, просючи, чтобъ сняти были съ оныхъ копіи и сообщены къ дѣлу, а подленные возвращени бы были мнѣ обратно, но еще на сіе резолюціи нѣту. Ты же, ангелъ мой, о семъ ничего не думай, Богъ намъ помощникъ. Всякой день я въ судъ таскаюсь и прошу неотступно о рѣшеніи дѣла и мнѣ обѣщенно, что завтре будетъ обявлено рѣшеніе, но я на обѣщаніе недовѣрчивъ, пока не увижу того своими глазамы; но

со всего примѣчаю, что насъ хотятъ обидить судящіе и сего удара силъ моихъ нѣтъ отвратить, щадя человѣколюбіе, потому что чуть присудствующіе не приклонились бы къ сторонѣ неправотѣ, во угодность нашимъ благодѣтелямъ, то развѣ имъ и на свѣтѣ не быть, не только чтобъ при сихъ выборахъ остатся судящими, чего крайне имъ хочется. И такъ *не надѣйтеся на князи, ни на сини человѣчестые, въ нихъ же нѣтъ спасенія*, а потому *всуе бысть страхъ, аще не Господь сохранитъ градъ*. Теперъ скажу на твое въ отвѣтъ любезнѣйшее письмо, жизнь души моей Настенька! О говоренномъ тобою котлѣ съ Уляною С., оной намъ ненуженъ, посему что и безъ оного на имѣющіеся теперъ въ Савинкахъ будемъ имѣть всякіе сутки 10 вѣдеръ, а потому купивши еще казанъ, спалимъ его попустому, когда средство есть и безъ его обойтись, а изъ того могъ бы быть лишній убытокъ. Касательно договоренныхъ тебѣ грекомъ свиней, я жду Грозенка сегодня и пошлю его скупать тамъ для Савинокъ 20. Ты же, сердце мое, поудержися и не скупляй свиней въ Боровичахъ, покуда я тебя увѣдомлю, какая здѣсъ будетъ удача, и о семъ скажи Алексѣю, боярину, чтобъ по тѣхъ поръ и онъ не купялъ и не приисковалъ. Курей по твоей волѣ запретилъ уже выбирать. О пряжѣ не упущу приказать, какъ ты писала ко мнѣ. Какъ скоро дорога будетъ, то пришлется Улянѣ Семеновнѣ по чверткѣ гороху и ячменю. Какъ скоро дѣло рѣшится, то я тебѣ, свѣтикъ мой, нарочнимъ бояриномъ дамъ знать, равно и о томъ, какъ скоро буду къ вамъ, а теперъ въ мисляхъ цалую тебя миліонъ разъ, поруча тебя, душу мою, промыслу и любезную мою Санечку. Будьте здоровы.., слава и горящая любовь, ангелъ жизни моей Настенька, обожающаго навѣкъ тебя друга, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго мужа Ив. Лашкевича. Мил. г-ню бабушку и мил. г-ню Софію Васильевну (?), бабушку же поцѣлуй за меня въ ручки по 10 разъ. Сестрицѣ Аннѣ Артемовнѣ кланяюсь усердно. (*1790 г. 12 дек. Черниговъ.*)

50. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Отвѣтъ на мое письмо къ тебѣ писанное, я получилъ и при ономъ письма Рубца и брата, тамъ же и копію рѣшенію верхнего земскаго суда [1]), которое въ нашу пользу здѣланно но, думаю, что недешево оно намъ будетъ стоятъ; жаль что о томъ насъ не увѣдомили. Что же ты, ангелъ мой, спрашиваешь у меня, что значитъ, что два члена остались при ихъ мнѣніяхъ, то въ семъ

[1]) См. выше, № 36, стр. 99.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LI, 1895 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

ОТДѢЛЪ II-й.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозврѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.